Уилбур Смит

БОЖЕСТВО РЕКИ
◆
ЧАРОДЕЙ
◆
МИССИЯ

Тайный советник фараонов

Уилбур Смит

БОЖЕСТВО РЕКИ ◆ ЧАРОДЕЙ ◆ МИССИЯ

Тайный советник фараонов

Уилбур Смит

Уилбур Смит

Тайный советник фараонов

Божество реки
Чародей
Миссия

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
С50

Wilbur Smith
RIVER GOD

First published in 1993 by Macmillan an imprint of Pan Macmillan Ltd.

WARLOCK

First published in 2001 by Macmillan an imprint of Pan Macmillan Ltd.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Charles Pick Consultancy и Nova Littera Ltd.

THE QUEST

First published in 2007 by Macmillan an imprint of Pan Macmillan Ltd.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Charles Pick Consultancy Limited и Permissions & Rights Ltd.

Перевод с английского А. Патрикеева («Божество реки»), О. Колесникова («Чародей»), Д. Арсеньева («Миссия»)

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Подписано в печать 26.03.10. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 85,14. Тираж 4000 экз. Заказ № 2261.

Смит, У.
С50 Тайный советник фараонов: Божество реки. Чародей. Миссия : [романы; пер. с англ.] / Уилбур Смит. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 1053, [3] с.

ISBN 978-5-17-064462-9 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-403-03396-1 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Смутные времена Древнего Египта.

Землю великого Ра постигают все новые и новые бедствия. Варвары, подступающие к границам, и интриги царедворцев, засухи и заговоры, магические проклятия и происки лазутчиков соседних государств...

Фараонов убивают — и на престол восходят новые цари, которым тоже суждено стать жертвами наемных убийц.

В такое время Египтом могут править только мудрецы, стремящиеся не к публичной, но к подлинной, тайной власти. И мудрейший из них — Таита, чародей, обладающий умом и хитростью прирожденного царедворца и поразительным даром общения с богами...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Wilbur Smith, 1993, 2001, 2007
© Перевод. А. Патрикеев, 2007
© Перевод. О. Колесников, 2008
© Перевод. Д. Арсеньев, 2008
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Божество реки

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо, бесценному сокровищу моей жизни, с бесконечной любовью и искренней признательностью за благословенные годы нашей совместной жизни.

Река лежала посреди пустыни тяжелой и блестящей полосой расплавленного металла, вытекающей из горна. Небо было затянуто жаркой дымкой, и солнечные лучи опускались на землю как удары кузнечного молота. Высокие холмы по краям долины Нила, казалось, дрожали под этими ударами.

Наша ладья быстро скользила у островков папируса. Берег находился так близко, что слышался скрип «журавлей», подававших воду на поля. Их мелодичное поскрипывание гармонично сливалось с пением девушки на носу ладьи.

Лостре было четырнадцать. Последнее половодье Нила началось в тот самый день, когда ее первые месячные расцвели красным цветком, и жрецы Хапи сочли это совпадение крайне знаменательным. Имя это – Лостра – имя женщины, которое заменило ее детское имя, означавшее «Дочь воды».

Память об этом дне жива во мне. С годами Лостра станет еще более красивой, еще более гордой и величественной, но никогда больше не будет сиять тем ошеломляющим светом девственности, который излучала в тот день. Каждый мужчина на борту ладьи, даже воины на скамейках гребцов, ощущал это сияние. Ни я, ни кто-либо другой не могли отвести от нее глаз. Ее вид наполнял мое сердце чувством собственного убожества и глубокой острой тоской. Хоть я и евнух, но оскопили меня после того, как я познал радость женского тела.

– Таита, – позвала она меня, – пой со мной!

Я повиновался, и она заулыбалась от удовольствия. Мой голос был одной из причин, по которой она всегда, когда это было возможно, старалась держать меня поблизости: мой тенор великолепно, до совершенства дополнял ее нежное сопрано. Мы пели одну из старых крестьянских песен о любви. Она выучила ее в детстве и до сих пор любила.

Встречу я милого, раненой птицей
Сердце трепещет, к небу взлетая.
Он улыбнется – щеки зардятся,
Словно согретые утренним солнцем.

С кормы ладьи послышался другой голос и присоединился к нам. Это был голос мужчины, глубокий и сильный, хотя и не столь чистый и звонкий, как мой. Если мой голос можно было бы сравнить с песней дрозда на рассвете, то этот голос походил на рык молодого льва.

Лостра обернулась, и улыбка заиграла на ее лице, как лучи солнца на поверхности Нила. Мне пришлось проглотить жгучий комок зависти, когда я увидел эту улыбку, хотя предназначалась она моему другу. Я заставил себя с любовью улыбнуться Тану, так же как и Лостра.

Отец Тана, Пианки, вельможа Харраб, был одним из величайших и знатнейших людей Египта, но матерью его стала дочь вольноотпущенного раба из племени техену. Как и у многих из ее народа, у нее были светлые волосы и голубые глаза. Она умерла от болотной лихорадки, когда Тан был еще ребенком, и поэтому я плохо помню ее. Однако старые женщины говорят, что такая красота редко встречается в обоих царствах на берегах Нила.

Однако отца Тана я знал хорошо и задолго до того, как он потерял свое огромное состояние и обширные владения, которые одно время могли сравниться с владениями самого фараона. Это был смуглый человек с большими египетскими глазами полированного обсидиана. Его можно было назвать скорее сильным, чем красивым человеком, с сердцем щедрым и благородным. Некоторые даже считали, что у него было слишком щедрое и доверчивое сердце, поэтому он и умер в нищете, а сердце его разбили те самые люди, кого он считал своими друзьями. Он умер в забвении, вдали от ярких лучей благосклонности фараона.

Казалось, что Тан унаследовал все самые лучшие черты своих родителей, за исключением несметного богатства. По характеру и по силе своей он пошел в отца, по красоте – в мать. Так почему же любовь моей госпожи должна меня огорчать?

Я тоже любил его, а кроме того, я, бедное бесполое существо, никогда не мог бы обладать ею, даже если бы боги смогли поднять меня над моим теперешним положением раба. Однако такова ненормальность человеческой природы: я жаждал иметь то, что не мог иметь, и мечтал о невозможном.

Лостра сидела на подушке на носу ладьи, а у ее ног лежали ее рабыни, две маленькие черные девушки из Куша, гибкие, как пантеры, и совершенно нагие, если не считать золотых колец на шее. Сегодня Лостра надела только юбку из белого льна, белую и сверкающую, как крыло цапли. Обласканная солнцем кожа ее напоминала смазанную маслом древесину кедра с гор Ливана. Груди, увенчанные гранатовыми остриями сосков, были размером со спелый инжир.

Она сняла парадный парик и заплела волосы в одну большую косу, которая толстой веревкой висела у нее на груди. Очертания раскосых глаз подчеркивали легкие мазки серебристо-зеленой малахитовой пудры, искусно нанесенной на веки. Глаза тоже были зеленые – того самого ярко-зеленого цвета нильской воды, когда половодье кончается и река снова возвращается в свое русло, оставив на берегах драгоценный ил. На золотой цепочке между ее грудей висела фигурка Хапи, богини Нила, сделанная из золота и драгоценного лазурита. Разумеется, фигурка была великолепна, так как я собственными руками создал ее.

Внезапно Тан поднял правую руку со сжатым кулаком. Гребцы как один перестали грести и подняли весла, концы которых заблестели на солнце. Затем Тан налег на рулевое весло, и одновременно гребцы по левому борту стали грести назад, глубоко опуская весла в воду и оставляя цепочку маленьких водоворотов на зеленой воде реки. Гребцы по правому борту начали быстро грести вперед. Ладья повернулась так резко, что палуба угрожающе накренилась. Затем гребцы с обоих бортов налегли на весла, и ладья рванулась вперед. Острый нос, украшенный синими глазами Гора, раздвинул густые заросли папируса, и она выскользнула со стремнины реки и пошла по спокойным водам лагуны за зарослями тростника.

Лостра перестала петь и, прикрыв глаза от солнца, посмотрела вперед.

– Вон они! – закричала она и протянула вперед изящную маленькую ручку. Остальные ладьи флотилии Тана перегородили южный край лагуны, словно огромной сетью закрыв выход из залива в реку.

Разумеется, Тан выбрал себе место на северном фланге. Он знал, что охота там будет самая яростная. Я пожалел об этом. Не потому, что я трус, а потому, что мне нужно было позаботиться о безопасности моей госпожи. Она всеми правдами и неправдами старалась попасть на охоту на борту ладьи «Дыхание Гора» и, конечно, заставила меня помогать ей. Когда отец

узнает, а узнает он непременно, о ее присутствии в самом горячем месте охоты на гиппопотамов, мне не поздоровится. Но если ему также доложат, что она оставалась с Таном целый день, даже мое привилегированное положение не сможет защитить меня от его гнева. Указания относительно этого молодого человека были однозначны.

Однако, судя по всему, волновало это только меня. На борту «Дыхания Гора» все были охвачены возбуждением. Тан властным жестом остановил гребцов, и ладья медленно заскользила по поверхности реки и тихо остановилась, покачиваясь. Зеленая вода была спокойна, и когда я поглядел за борт, на меня уставилось мое собственное отражение. В который раз меня поразило, как хорошо сохранилась моя красота, несмотря на минувшие годы. Мне казалось, будто лицо мое было красивее ожерелья небесно-голубых лотосов, которое обрамляло его. Однако времени любоваться собственным отражением не было. На борту поднялась суета.

Один из ближайших помощников Тана поднял на мачте его личный вымпел. На нем красовалось изображение Синего Крокодила с большим застывшим хвостом и разинутой пастью. Только военачальник такого ранга, как лучший из десяти тысяч, имел право на собственный вымпел. Тан достиг столь высокого ранга и стал командиром отряда Синего Крокодила, личной, отборной охраны фараона, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Вымпел на верху мачты стал сигналом к началу охоты. Далеко, почти на горизонте, суда флотилии пришли в движение. Крошечные на расстоянии, блестевшие на солнце весла стали ритмично бить по воде, поднимаясь и опускаясь, как крылья летящих гусей. За кормой судов оставались многочисленные ряды неподвижных волн, которые возникали на поверхности спокойных вод и долго не исчезали, будто вылепленные из плотной глины.

Тан опустил за корму гонг. Он представлял собой длинную бронзовую трубу. Ее конец находился под водой. Если ударить бронзовым молоточком по этой трубе, пронзительные вибрирующие звуки разнесутся по воде, заставляя нашу добычу замирать от страха. К несчастью, я знал, как легко этот страх переходит в смертельную злобу и ярость.

Тан рассмеялся, глядя на меня. Несмотря на возбуждение, почувствовал мое беспокойство. Для грубого солдата он был необычайно чутким человеком.

– Иди сюда, Таита. Поднимись на кормовой мостик! Ты будешь бить в гонг. Это отвлечет тебя от забот о твоей прекрасной шкуре.

Его легкомыслие оскорбило меня. Однако предложение подняться на мостик принял с облегчением, так как тот находился высоко над водой.

Я выполнил его приказ не спеша, с достоинством. Проходя мимо Тана, задержался на мгновение и упрекнул его:

– Позаботься хоть немного о безопасности моей госпожи. Слышишь, парень? Не толкай ее на безрассудство, она такая же сумасшедшая, как и ты. – Я мог говорить так со знаменитым начальником десяти тысяч, потому что он был моим учеником и не раз моя трость гуляла по его воинственным ягодицам. И теперь он усмехнулся в ответ, как и тогда, с таким же вызывающим и дерзким выражением лица.

– Предоставь даму мне, умоляю тебя, дружище. Поверь, ничто не доставит мне большего удовольствия.

Я не стал упрекать его за подобные слова и невежливый тон, потому что спешил на свое место на корме. Оттуда я видел, как он поднял свой лук.

Его лук был известен во всем войске, и не только в войске, но и на всем протяжении реки от моря до порогов. Я сам сделал для него этот лук, когда ему перестали нравиться те маленькие луки и стрелы, с которыми ему приходилось иметь дело. Я предложил тогда сделать лук не из тонких деревьев, растущих по берегам реки, а из какого-либо другого материала, хотя бы из такого редкого, как сердцевина оливы, растущей на земле хеттов, или черного дерева, растущего в Куше, или таких необычных материалов, как рог носорога или бивень слона.

Однако первая попытка поставила перед нами множество проблем. Главной из них оказалась хрупкость всех этих экзотических материалов. В первозданном состоянии слоновая кость трескалась при сгибании, и только из самого большого и дорогого бивня мог получиться лук. Я решил эту проблему, расщепив бивень меньшего размера на длинные полосы и склеив из них прут достаточной длины и толщины, чтобы сделать большой лук. К сожалению, он оказался слишком тугим – никто не мог его натянуть.

Следующим естественным шагом было склеить в одном пруте все четыре названных материала – дерево оливы, черное дерево, рог носорога и слоновую кость. На пробы различных сочетаний этих материалов и различных типов клея ушли многие месяцы. И все же нам так и не удалось приготовить достаточно хороший клей. В конце концов я решил и эту проблему, надумав обмотать прут тонкой проволокой из сплава золота и серебра, чтобы отдельные полосы различного материала не расходились. Я приказал двум крепким мужчинам помочь Тану, и только совместными усилиями они смогли согнуть и обмотать прут лука, пока клей еще был горячий. Клей остыл, и мы получили почти совершенное сочетание силы и упругости.

Затем я разрезал на полосы кишку огромного черногривого льва, которого Тан убил боевым копьем с бронзовым наконечником во время охоты в пустыне, продубил эти полосы и скрутил из них тетиву. В результате у меня получился сверкающий лук такой мощи, что только один человек из всех, кто пробовал его натянуть, смог сделать это.

Обычно в войске учат стрелять так: воин встает лицом к мишени и натягивает лук, пока стрела с тетивой не упрется в середину груди; лучник держит ее, целясь, и выпускает стрелу по команде. Однако даже у Тана не хватало силы удерживать стрелу у груди. Ему пришлось разработать совершенно новый стиль стрельбы: встав боком к мишени и глядя на нее через левое плечо, он резко вскидывал левую руку и одним движением правой натягивал тетиву со стрелой, пока оперение не касалось его губ. Мышцы груди и рук гордо вздувались. В тот самый момент, когда лук был натянут полностью, он выпускал стрелу, казалось, почти не целясь.

Сначала стрелы летели наобум, как дикие пчелы из улья, но он тренировался изо дня в день, из месяца в месяц. Стер пальцы правой руки в кровь о тетиву лука, но потом они зажили и загрубели. Внутренняя часть левого предплечья покрылась синяками и ссадинами там, где тетива билась о руку. Чтобы защитить ее, я сделал кожаный щиток, а Тан непрестанно тренировался стрелять из этого лука по мишеням.

Даже я успел разувериться в способности стрелка овладеть таким оружием, но Тан не сдавался. Медленно, мучительно медленно, он все-таки овладел оружием и даже научился выпускать подряд три стрелы быстрее, чем первая долетит до цели. И по крайней мере две из трех попадали в мишень – медный диск размером с голову человека, стоящий в пятидесяти шагах от Тана, – а летели они с такой силой, что легко пробивали диск толщиной с мой мизинец.

Тан назвал свое мощное оружие Ланатой, и имя это не случайно совпало с детским именем моей госпожи. Теперь он стоял на носу корабля с самой женщиной и держал ее тезку в руке. Парочка получалась чудесная, но вели они себя слишком открыто, и я не мог не беспокоиться.

– Госпожа, немедленно идите сюда, на корму! – резко позвал я. – Там находиться небезопасно.

Она даже не обернулась в мою сторону и только молча показала мне кукиш. Вся команда видела это, и самые смелые заржали. Наверное, черная служанка научила Лостру этому жесту, который больше подходит «дамам» из портовых таверн, чем дочери дома Интефа. Я собирался было упрекнуть ее, но тут же оставил мысль об этом – госпожа моя воспринимает укоры только в определенном настроении. Вместо этого я начал достаточно энергично бить в бронзовый гонг, скрывая огорчение и тревогу.

Пронзительный вибрирующий звук разнесся над зеркальными водами лагуны, и в то же мгновение воздух наполнил шелест крыльев. Тень закрыла солнце, когда с островов папируса,

небольших озер и открытой воды между зарослями тростника в воздух поднялась туча водоплавающих птиц самых различных пород: черно-белые ибисы с хищными клювами, священные птицы долины реки; стаи издающих гортанные звуки гусей в живописном плюмаже, каждый с рубиновой капелькой в середине шеи; зеленовато-голубые или черно-белые цапли с мечеобразными клювами и огромными крыльями; уток было столько, что рябило в глазах.

Охота на диких птиц – одно из страстных увлечений египетской знати, но сегодня мы охотились на другую дичь. В тот же момент я заметил далеко впереди волнение на зеркальной поверхности воды. Оно было сильным, и сердце мое тревожно забилось: я знал, какой ужасный зверь движется под водой. Тан тоже заметил его, но реакция была противоположной. Он издал вопль гончей, почуявшей след, и команда ладьи заорала вместе с ним, налегая на весла. «Дыхание Гора» понеслась вперед, подобно одной из птиц, которые закрыли солнце над нашими головами, а госпожа моя завизжала от возбуждения и ударила кулачком по мускулистому плечу Тана.

Впереди снова появилась мутная волна, и Тан дал сигнал рулевому следовать за ней. Я продолжал колотить в гонг, чтобы укрепить свой дух и поддержать в себе храбрость. Когда мы достигли места, где видели движение под водой в последний раз, корабль медленно заскользил по воде и остановился. Все люди на борту стали внимательно глядеть в воду вокруг ладьи.

Так уж случилось, что я один посмотрел под корму. Здесь было мелко, и вода была почти прозрачной, как воздух. Я издал пронзительный звук почти так же громко и резко, как и моя госпожа, и отскочил от поручней, потому что чудовище находилось прямо под нами.

Гиппопотам – ближайший друг Хапи, богини Нила. Мы могли охотиться на него только с ее позволения. Ради этого Тан молился и приносил жертвы в храме в то утро, а моя госпожа стояла рядом с ним. Правда, Хапи ее покровитель, но я сомневаюсь, что она стала бы с таким желанием участвовать в церемонии только по этой причине.

Животное, которое я увидел под нами, оказалось огромным старым самцом. Мне почудилось, что величиной он был с нашу ладью. Гигантское тело грузно перемещалось по дну лагуны. Вода замедляла его движения, и он казался чудовищем из кошмарного сна. Копыта его поднимали ил со дна, похожий на облачка пыли от копыт диких антилоп, несущихся по пустыне.

С помощью рулевого весла Тан развернул ладью, и мы помчались за ним. Хотя его галоп казался медленным и церемонным, гиппопотам быстро удалялся от нас. Темный силуэт исчез в зеленых глубинах лагуны впереди.

– Навались! Вонючее дыхание Сета на ваши головы! Навались! – зарычал Тан на своих людей, но стоило только одному из его подчиненных тряхнуть узловатым кнутом, как он нахмурился и покачал головой. Я ни разу не видел, чтобы Тан пустил в ход кнут без особой необходимости.

Внезапно животное выскочило на поверхность и выпустило из легких облако зловонного пара. Вонь окутала нас, хотя мы находились на расстоянии более полета стрелы. На какое-то мгновение спина гиппопотама образовала блестящий гранитный остров посреди лагуны, затем он быстро вдохнул и опять исчез под водой.

– За ним! – зарычал Тан.

– Вот он! – закричал я и, повернувшись, показал за борт: – Он возвращается!

– Отлично, дружище, – со смехом похвалил меня Тан. – Из тебя еще можно сделать воина.

Предложение было смехотворным, потому что я писец, мудрец и художник. Мой героизм – героизм ума. Однако похвала Тана наполнила меня радостью. На мгновение мои страхи растворились в азарте погони.

К югу от нас остальные ладьи тоже присоединились к охоте. Жрецы Хапи вели строгий учет количества животных в лагуне и разрешили убить пятьдесят гиппопотамов для приближающегося праздника Осириса.

После этого в лагуне останется стадо в триста голов священных животных. Именно такое количество жрецы считали идеальным для того, чтобы водные пути к храму не зарастали, заросли папируса не наступали на орошаемые поля, а храм, в свою очередь, получал необходимое количество мяса. Жрецы храма имели право есть мясо гиппопотама круглый год, а не только в течение десяти дней праздника Осириса.

Тем временем охота распространилась по водам лагуны. Словно в изящном танце, суда флотилии вертелись и делали пируэты, преследуя перепуганных животных, которые ныряли, выпускали воздух и хрипели, выныривали снова за воздухом, скрывались под водой. Каждое следующее погружение становилось короче предыдущего, а водовороты на поверхности воды появлялись все чаще и чаще, поскольку легкие не успевали наполниться до того, как преследующая ладья заставляла нырнуть. Бронзовые гонги на кормовых мостиках непрерывно звенели, и звон смешивался с возбужденными криками гребцов и командами кормчих. В этом диком шуме я тоже начал кричать и подбадривать гребцов вместе с самыми кровожадными охотниками.

Тан гнался за самым первым и самым большим животным. Он не обращал внимания на самок и молодняк, которые появлялись на расстоянии полета стрелы, и преследовал огромного самца, несмотря на все его хитрости и резкие повороты. Постепенно ладья настигала гиппопотама. Даже в азарте охоты я не мог не восхититься той ловкостью, с какой Тан управлял «Дыханием Гора», а остальные подчинялись его командам-сигналам. Ему всегда удавалось без кнута добиваться наилучших результатов от своих подчиненных. А что еще помогло бы так стремительно подняться до столь высокого звания, не имея состояния, без поддержки богатого покровителя? Он добился всего только благодаря собственным заслугам, несмотря на козни тайных врагов, создававших препятствия на его пути.

Внезапно гиппопотам вынырнул в тридцати шагах от носа корабля. Огромная черная спина заблестела на солнце, и тучи пара вырвались из ноздрей, словно это было существо подземного мира, пожирающее тех, на кого обращается гнев богов.

Тан поставил на тетиву стрелу, вскинул лук и почти мгновенно пустил стрелу. Ланата пропела свою звонкую смертоносную песню, и стрела обманчивой искрой исчезла с глаз. Еще не затих свист первой, а за ней одна за другой последовали еще две.

Тетива пела, как лютня, и стрелы впивались в гиппопотама, погружаясь в его тело на всю длину. Он заревел и скрылся под водой.

Эти стрелы я специально приготовил для такой охоты. Вместо оперения на древках были маленькие поплавки из древесины баобаба, какие рыбаки ставят на сети для того, чтобы держать их на плаву. Поплавки удерживались на стрелах во время полета и срывались с древка, как только животное начинало тащить их в толще воды. Тонкая льняная нить прикреплялась к бронзовым наконечникам. Намотанная на древко, она освобождалась, как только поплавок отделялся. Теперь, когда гиппопотам помчался от нас под водой, три маленьких поплавка выскочили на поверхность и запрыгали за ним следом. Я покрасил их в бросающийся в глаза ярко-желтый цвет. Мы видели, где находится гиппопотам, даже если он уходил в глубину лагуны.

Теперь Тан контролировал каждое движение мечущегося гиппопотама и мог либо загородить ему дорогу ладьей, либо всадить в него еще несколько стрел, как только блестящая спина показывалась на поверхности. Скоро гиппопотам тащил за собой целую гирлянду красивых желтых пробок, а в воде за его спиной растекалось кровяное пятно. Даже в горячке погони я не мог не пожалеть раненое животное. Всякий раз, когда оно выскакивало на поверхность, град свистящих смертоносных стрел обрушивался на него. Молодая госпожа не разделяла моих чувств. Она была возбуждена до предела и верещала от захватывающего ужаса и восторга погони.

Гиппопотам снова появился впереди ладьи. В этот раз он повернулся мордой к «Дыханию Гора» и бросился прямо на нас. Пасть его распахнулась, и горло открылось, словно туннель

ярко-красной плоти, который без труда поглотил бы человека целиком. По бокам челюстей торчали такие страшные зубы, что у меня перехватило дыхание и по коже побежали мурашки. Из нижней челюсти торчали огромные серпообразные клыки, которыми зверь расправлялся с тугими стволами папируса, а в верхней – белели мощные прямоугольные зубы, каждый размером с мой кулак, способные прокусить корпус «Дыхания Гора», как пшеничную лепешку. Недавно мне представилась возможность осмотреть труп крестьянки. Она потревожила самку гиппопотама с новорожденным детенышем, когда резала папирус на берегу реки. Женщину рассекло пополам так чисто, как будто ее ударили острейшим бронзовым клинком.

И вот теперь рассвирепевшее чудовище, разинув пасть с торчащими клыками, надвигалось прямо на нас. Хотя я стоял высоко на кормовом мостике, но онемел от ужаса и не мог ни двинуться с места, ни произнести слово. Я застыл, как храмовая статуя.

Тан пустил стрелу прямо в разинутую пасть. Но агония животного была столь ужасна, что оно, казалось, не почувствовало боли от новой раны, хотя та, возможно, и оказалась смертельной. Гиппопотам несся на «Дыхание Гора». Он издал страшный рев злобы и смертельной боли, где-то в глубине изуродованного горла лопнула артерия, и теперь сгустки крови разлетались из его открытой пасти. В ярких лучах солнца кровь падала в воду и превращалась в облачка красного тумана, одновременно красивого и ужасного. Затем гиппопотам врезался в ладью.

«Дыхание Гора» рассекала воду со скоростью бегущей газели, а разъяренный гиппопотам мчался еще стремительнее. Туша его была столь велика, что в момент столкновения показалось, будто мы налетели на скалу. Гребцы попадали со скамеек, а меня с такой силой бросило вперед, на поручни мостика, что выбило воздух из легких и грудь охватила тяжелая, как скала, боль.

И все же, несмотря на страдания, я тревожился только о моей госпоже. Сквозь слезы я видел, как ее от толчка швырнуло вперед. Тан протянул было руки, чтобы спасти ее, но тоже потерял равновесие, и лук помешал. Ему удалось лишь на мгновение задержать ее. Потом она наткнулась на поручни и, изогнувшись над водой, отчаянно замахала руками в воздухе.

– Тан! – закричала она и протянула к нему руку. С ловкостью акробата он удержался на ногах и попытался поймать ее. На какое-то мгновение их пальцы коснулись, а потом ее руку будто вырвало из его ладони, и она упала за борт.

С высоты мостика я видел, как она падала. Перевернулась в воздухе, как кошка, и белая юбка поднялась вверх, обнажив длинные изящные бедра. Мне почудилось, будто падение продолжалось вечность, и мой крик боли слился с ее отчаянным воплем.

– Девочка моя! – закричал я. – Маленькая моя! – Я был уверен, что потерял Лострy. Вся ее жизнь пронеслась перед моими глазами: я снова увидел младенца, едва научившегося ходить; услышал ласковые ребячьи прозвища, которыми она награждала меня, свою любящую няньку. Увидел, как она росла и превратилась в женщину, и вспомнил каждую нашу радость и каждое огорчение. В тот момент я любил ее больше, чем когда бы то ни было за все предшествующие четырнадцать лет.

Она упала на широкую, забрызганную кровью спину разъяренного гиппопотама и на какое-то мгновение застыла на ней, словно жертва на алтаре какого-то чудовищного бога. Гиппопотам поднялся высоко над водой и повернул свою огромную, бесформенную голову назад, пытаясь дотянуться до нее. Его налитые кровью поросячьи глазки горели безумной яростью, а огромные челюсти щелкали рядом с ней.

Каким-то чудом Лостра сумела удержаться на его спине и вцепилась в пару стрел, торчавших, как ручки. Она лежала, широко раскинув руки и ноги, и больше не кричала – все силы и вся ловкость понадобились ей, чтобы выжить. Огромные клыки со звоном щелкали в воздухе, как мечи сражающихся, когда гиппопотам пытался схватить ее, и всякий раз мне казалось, будто челюсти не дотягивались на какой-то палец до плоти. Каждое мгновение я ждал, что ее милые

руки и ноги будут отхвачены, как побеги виноградной лозы, а молодая алая кровь смешается с багровой кровью гиппопотама.

Тан быстро пришел в себя. Я успел заметить его лицо. Оно было ужасно. Он отбросил в сторону уже бесполезный лук и выхватил меч из ножен, сделанных из крокодиловой кожи. Блестящий бронзовый клинок был так остр, что им можно сбривать волосы на руке.

Он вскочил на борт и замер, наблюдая за бешеными прыжками смертельно раненного зверя. Потом ринулся вперед и упал, как атакующий сокол, сжимая в руках направленный вниз меч.

Тан упал прямо на толстую шею гиппопотама, оседлав его, будто собирался въехать на нем в подземное царство. Весь вес своего тела и всю энергию прыжка он вложил в один удар меча. Клинок наполовину вошел в шею чудовища у основания черепа, и Тан, сидя, как наездник, начал ворочать им, стараясь вогнать поглубже. Гиппопотам обезумел. Новая вспышка ярости превзошла все, что было до этого. Он встал на дыбы и почти полностью высунулся из воды, мотал головой из стороны в сторону, поднимая столбы брызг, которые обрушивались на палубу и то и дело, как занавес, скрывали происходящее от моего объятого ужасом взора.

Все это время пару на спине раненого чудовища немилосердно швыряло из стороны в сторону. Сломалась одна из стрел, за которую держалась Лостра, и ее чуть было не сбросило в воду. Если бы она упала, клыки гиппопотама мгновенно превратили бы ее в окровавленные лохмотья. Тан протянул руку и помог удержаться, не переставая другой загонять меч все глубже и глубже в шею чудовища.

Гиппопотам не мог дотянуться до них и начал наносить раны в собственные бока. Вода стала красно-кровавой на пятьдесят шагов вокруг. Лостра и Тан с ног до головы были забрызганы темной кровью гиппопотама. Их лица превратились в чудовищные маски, на которых сверкали белые зрачки.

Бьющийся в смертельной схватке зверь удалялся от ладьи. Я опомнился первым и заорал гребцам:

– За ними, вперед! Не упустите их!

Гребцы бросились на свои места, и «Дыхание Гора» рванулась в погоню.

В тот самый момент меч Тана вошел между позвонками животного. Огромная туша замерла и словно окоченела. Гиппопотам перевернулся на спину и вытянул все четыре ноги. Не сгибая их, погрузился в воду и унес в глубину лагуны Лостру и Тана.

Я сдержал вопль отчаяния, застрявший у меня в горле, и заорал:

– Табань! Не раздавите их! Пловцы, на нос!

Меня самого испугало, какая сила и власть прозвучали в моем голосе. Ладья остановилась. И прежде чем я успел подумать о благопристойности своего поступка, я увидел себя во главе толпы встревоженных воинов, прибежавших на нос. Они порадовались бы смерти любого из своих начальников, но только не Тана.

Я уже сбросил юбку и был абсолютно голым, хотя в других обстоятельствах даже угроза получить сотню ударов кнутом не заставила бы меня сделать это. Я позволял смотреть на следы ран, нанесенных мне палачом много лет назад, только одному человеку – тому самому, между прочим, который приказал кастрировать меня. Но теперь, единственный раз в жизни, я забыл о своем отвратительном увечье.

Пловец я хороший и все же, вспоминая те мгновения, не могу не ужаснуться глупости своего поступка: я искренне верю, что прыгнул бы за борт в красную от крови воду ради спасения моей госпожи. Однако как только я собрался прыгнуть за борт, вода подо мной разошлась и из нее, словно совокупляющиеся выдры, появились две головы. Одна была черноволосой, другая – светлой. И тут я услышал нечто совершенно невероятное: они смеялись. Они пронзительно кричали, выли, захлебывались от смеха, барахтаясь у борта и вцепившись друг в друга так, что вполне могли бы утопить друг друга.

Вся моя тревога мгновенно сменилась негодованием. Ведь благодаря своему легкомыслию я чуть было не совершил такой грех! Как матери инстинктивно хочется выпороть потерявшегося ребенка, когда она находит его, так и я вдруг услышал, что мой голос потерял властность и стал визгливым и бранчливым. Со всем свойственным мне красноречием я уже укорял госпожу и Тана, пока десятки добровольных помощников вытаскивали их на палубу.

– Безрассудная, необузданная дикарка, – бушевал я, – бездумная, эгоистичная, непослушная девчонка! Ты же обещала мне! Ты поклялась девственностью богини...

Лостра подбежала ко мне и повисла у меня на шее.

– О, Таита! – закричала она, все еще захлебываясь от смеха. – Ты видел его? Ты видел, как Тан бросился спасать меня? Видел ты когда-нибудь более благородный поступок? Он похож на героя твоих лучших сказок!

То, что я сам собирался совершить такой же героический поступок, прошло мимо ее внимания. Это только усилило мое раздражение. К тому же я вдруг осознал, что Лостра потеряла юбку и ее холодное, мокрое тело, прижавшееся ко мне, совершенно голое. Она продемонстрировала грубым взорам воинов и их начальников самую упругую пару ягодиц в Египте.

Я схватил ближайший щит и закрыл им наши тела, одновременно приказав рабыням раздобыть юбку. Смешки рабынь только усилили мою ярость. И когда Лостра и я подобающим образом прикрыли свои тела, я обрушился на Тана:

– А ты, беззаботный негодяй! Я доложу о твоем поступке моему хозяину Интефу! Он прикажет спустить с тебя шкуру.

– Ничего подобного ты не сделаешь, – засмеялся в ответ Тан и, обхватив мокрой мускулистой рукой мои плечи, сжал меня так сильно, что ноги мои оторвались от палубы. – Потому что он с не меньшей радостью прикажет выпороть тебя. Однако я благодарен тебе за заботу, старый друг.

Он быстро огляделся, не снимая руки с моих плеч, и нахмурился. «Дыхание Гора» стояла в стороне от остальных кораблей флотилии. Охота уже закончилась. Каждая ладья, за исключением нашей, получила свою долю добычи, разрешенной жрецами.

Тан покачал головой.

– Мы, по-моему, не слишком хорошо поохотились, правда? – пробурчал он и приказал одному из своих подчиненных поднять сигнал сбора флотилии. Потом натянуто улыбнулся: – Давайте разопьем кувшин с пивом. Теперь нам придется подождать, а денек был жарким.

Он пошел на нос, где рабыни хлопотали вокруг Лостры. Сначала я был еще так зол, что решил не участвовать в их импровизированной пирушке. Вместо этого я с достоинством поглядывал на них с высоты кормового мостика.

– Ах, пусть немного подуется, – театральным шепотом сказала Лостра Тану, снова наполняя его чашу пенящимся пивом. – Милый старик сильно перепугался, но он оправится от страха, как только проголодается. Он так любит покушать.

Моя госпожа была воплощением несправедливости. Я никогда не дуюсь. Я не обжора, а в то время мне только что исполнилось тридцать лет. Хотя, конечно, для четырнадцатилетней девушки каждый, кто старше двадцати, кажется стариком. И, должен признаться, во всем, что касается еды, у меня утонченный вкус знатока. А жареный дикий гусь с инжиром, которого она поставила на самое видное место, как нарочно, был одним из моих любимых блюд, и Лостра очень хорошо знала об этом.

Я заставил их еще немного помучиться. Только когда Тан сам принес мне чашу пива и стал со свойственной ему обходительностью уговаривать меня, я счел возможным присоединиться к ним и позволил ему отвести меня на нос ладьи. И все же я вел себя немного напыщенно до тех пор, пока Лостра не поцеловала меня в щеку и не сказала:

– Мои девочки говорят, что ты взял командование кораблем на себя, как настоящий ветеран, и уже собирался броситься в воду спасать меня. Ах, Таита, что бы я делала без тебя! – Она произнесла свою похвалу достаточно громко, чтобы все услышали. Только после этого я улыбнулся ей и принял ломтик жареного гуся, который она настойчиво мне предлагала. Гусь был великолепен, и пиво тоже было превосходное. И все же я ел мало: нужно следить за своей фигурой, да и шутка по поводу аппетита слегка задела меня.

Во время охоты корабли флотилии Тана разбросало по всей лагуне, и теперь они стали перестраиваться. Я увидел, что некоторые ладьи пострадали так же, как и мы. Две из них столкнулись в горячке охоты, а четыре подверглись нападению раненых животных. Тем не менее они быстро заняли места в боевом строю. Затем ладьи пронеслись мимо нас с весело развевающимися вымпелами на мачтах по количеству убитых ими животных. Поравнявшись с «Дыханием Гора», команды выкрикивали приветствия, а Тан отвечал им, подняв сжатый кулак, и его вымпел с изображением Синего Крокодила приспускали на мачте, как будто наша флотилия только что одержала великую победу над превосходящими силами противника. Пожалуй, это ребячество, но я могу, как мальчишка, наслаждаться военным церемониалом.

Как только парад закончился, ладьи флотилии заняли места в боевом порядке и удерживали его умелыми действиями гребцов, несмотря на легкий ветерок. Убитых гиппопотамов, конечно, не было видно. Хотя каждая ладья убила хотя бы одно животное, а некоторые – по два и три, – туши их утонули в зеленой глубине лагуны. Я знал: Тан втайне переживает о том, что «Дыхание Гора» была не столь удачлива в этой охоте. Затянувшаяся схватка с огромным гиппопотамом ограничила нашу добычу одним животным. Он уже привык во всем быть первым. Во всяком случае, он был не так весел, как обычно, и скоро оставил нас и пошел наблюдать за починкой корпуса.

Удар гиппопотама проломил подводную часть обшивки, и теперь со дна ладьи приходилось постоянно вычерпывать воду кожаными ведрами. Это требовало усилий множества людей и отрывало гребцов и воинов от своих обязанностей. Разумеется, можно придумать что-нибудь более подходящее, решил я про себя.

И вот, ожидая, пока всплывут туши убитых животных, я послал рабыню за корзиной с письменными принадлежностями. Затем, немного поразмыслив, начал набрасывать проект устройства механического удаления воды из трюма боевой ладьи. Такое устройство не требовало усилий половины команды. Оно действовало по тому же принципу, что и оросительный «журавль». С ним вполне могли справиться два человека вместо той дюжины, которая вычерпывала воду кожаными ведрами.

Когда я закончил набросок, то задумался о столкновении с гиппопотамом, что явилось главной причиной повреждения. Исторически тактика боя речных флотилий была той же, что и тактика сухопутного боя. Ладьи располагались бортами друг к другу, обменивались залпами стрел, а затем сближались, сцеплялись, и во время абордажа меч решал исход боя. Кормчие всегда действовали осторожно, стараясь избежать столкновения, так как это считалось признаком недостаточного мастерства.

«А что, если...» – внезапно подумал я и начал делать набросок ладьи с усиленным носом. Когда мысль укрепилась в моем сознании, добавил к чертежу носа рог, подобный рогу носорога, расположенный у ватерлинии. Этот рог можно вырезать из твердого дерева и обить бронзой. Если наклонить его чуть вниз, он пронзит корпус ладьи противника и вспорет ей брюхо. Я был настолько поглощен своим занятием, что не услышал, как Тан подошел и встал у меня за спиной. Он выхватил свиток папируса из моих рук и стал жадно изучать его.

Конечно, он сразу понял, что к чему. Когда его отец разорился, я попытался найти ему богатого покровителя, который помог бы поступить в какой-нибудь храм и продолжить там свое обучение. Я искренне верил, что в будущем под моим руководством он стал бы одним из

величайших умов Египта. Возможно, со временем его имя оказалось бы в одном ряду с Имхотепом, который тысячу лет назад задумал и построил первые великолепные пирамиды в Саккаре.

Но я, естественно, потерпел неудачу, так как тот же враг, чьи ненависть и хитрость погубили отца, теперь стоял на дороге у самого Тана. Никто в нашей стране не мог противостоять его злой силе. Тогда я помог Тану поступить в войско. Несмотря на мое разочарование и дурные предчувствия, оказалось, что именно этот путь он сам избрал для себя с тех пор, как научился твердо держаться на ногах и впервые скрестил деревянный меч с другими детишками во дворе.

– Клянусь чирьями на заду Сета! – воскликнул он, изучив мои чертежи. – Ты и твоя кисть стоят десяти флотилий!

Тан постоянно богохульствует, упоминая великого Сета, и это всегда тревожит меня. Хотя и я, и Тан – люди Гора, никто не может безнаказанно оскорблять члена египетского пантеона богов. Лично я не могу пройти мимо святилища без молитвы или небольшого пожертвования, как бы скромен и незначителен ни был бог, которому оно посвящено. По-моему, этого требует здравый смысл, да и вообще неплохо подстраховаться на всякий случай. Врагов хватает и среди людей, так что не стоит искать себе недругов среди богов. Я подозреваю, что Тан знает об этом и намеренно дразнит меня своими богохульствами. Однако страхи мои растаяли в теплых лучах его похвал.

– Как тебе это удается? Сегодня я видел то же, что и ты. Почему те же мысли не пришли мне в голову?

Мы тут же погрузились в обсуждение моих чертежей. Разумеется, Лостра не могла долго находиться одна и присоединилась к нам. Служанки просушили и причесали ее волосы и подправили грим. Ее красота отвлекала меня, особенно после того, как она встала рядом со мной и небрежно положила руку на мое плечо. Она бы не прикоснулась к мужчине при посторонних, потому что это было бы нарушением обычаев и оскорблением скромности. Но я не мужчина, и, даже прислонившись ко мне, она не сводила глаз с лица Тана.

Лостра обожала Тана с тех самых пор, как научилась ходить. Спотыкаясь, она повсюду топала за ним и повторяла каждые слово и жест величественного десятилетнего Тана. Когда он плевался, она тоже плевалась, когда он ругался, она лепетала то же самое ругательство, пока Тан не взмолился однажды:

– Сделай так, чтобы она оставила меня в покое, Таита! Она же еще ребенок! – Он больше не жаловался на ее присутствие, как я заметил.

Наконец наш разговор прервал крик наблюдателя с носа ладьи. Мы все поспешили туда и уставились в даль. Первая туша гиппопотама поднялась на поверхность. Она всплыла брюхом кверху, так как газы в кишках расширились и брюхо раздулось, как детский шарик из козьего мочевого пузыря. Гиппопотам качался на поверхности, задрав кверху ноги. Одна из ладей поспешила к туше. Матрос забрался на нее и закрепил конец на ноге гиппопотама. После этого ладья начала буксировать добычу к далекому берегу.

Затем огромные туши стали повсюду всплывать на поверхность. Ладьи собирали их и тащили к берегу. Тан подцепил двух мертвых гиппопотамов к нашим кормовым буксирам, и гребцы, тяжело налегая на весла, потащили их по воде.

Когда мы приблизились к берегу, я прикрыл глаза от косых лучей заходящего солнца и посмотрел вперед. Казалось, все население Верхнего Египта, все мужчины, женщины и дети ждали нас на берегу. Их было великое множество. Они плясали, пели и махали пальмовыми ветвями, приветствуя приближающуюся флотилию. Движение белых одежд напоминало пену прибоя на коралловом рифе по краю спокойной лагуны.

Как только ладьи подходили к берегу, группы мужчин в коротких набедренных повязках заходили по плечи в воду и закрепляли веревки на раздутых тушах. От восторга они забывали о

На берегу приказчики моего господина, правителя и великого визиря всех двадцати двух номов Верхнего Египта, требовали положенной ему доли. С привычной ловкостью они размахивали кнутами, охаживая голые спины и задницы, и выкрикивали свои приказы.

Зубы зверя, похожие на чистую слоновую кость, также принадлежат визирю, и приказчики собирают каждый зуб. Они ценятся так же высоко, как и бивни слонов, которые торговцы привозят из Куша – страны за порогами Нила. Последний слон был убит в Египте почти тысячу лет назад, во время правления одного из фараонов четвертой династии, – по крайней мере так гласит надпись на стелле в его храме. Разумеется, мой господин обязан десятую долю всех доходов отдавать жрецам Хапи, которые по обычаю называют себя пастухами стада речных коров, принадлежащих богине. Однако величина этой десятой доли устанавливается по воле моего господина. И я, как человек, который приводит в порядок счета дворца, знаю, куда попадает львиная доля сокровищ. Мой господин Интеф не проявляет ненужной щедрости даже по отношению к богине.

Что же касается шкуры гиппопотама, она принадлежит войску: из нее сделают щиты для начальников стражи. Квартирмейстеры войска наблюдают за снятием и укладкой шкур, каждая из которых размером с шатер бедуина.

Мясо, которое не будет съедено на берегу, заготовят впрок – его либо засолят, либо закоптят, либо высушат. Все считают, что оно пойдет на прокорм войска, членов суда и обитателей храмов, а также других государственных чиновников. Однако на самом деле большая его часть будет тайно продана, а средства от продажи окажутся в сундуках моего господина. Как я уже говорил, мой господин – самый богатый человек Верхнего Царства после фараона, и состояние его растет с каждым годом.

За моей спиной раздался шум, и я быстро обернулся. Флотилия Тана все еще действовала. Ладьи выстроились в одну линию, нос к корме, параллельно берегу, в пятидесяти шагах от кромки воды. На каждой ладье со стороны берега у борта с копьями наготове стояли копейщики.

Запах крови и отбросов в воде привлек крокодилов. Они собрались сюда не только со всей лагуны, но даже из основного русла Нила. Копейщики ждали их. У каждого из них на длинном древке был насажен сравнительно небольшой бронзовый наконечник со страшными шипами по краям. К ушку наконечника прикреплялся крепкий и тонкий пеньковый канат.

Ловкость копейщиков поражала воображение. Стоило одному из крокодилов выскользнуть из зеленой глубины лагуны и, ударяя гребенчатым хвостом, длинной черной тенью двинуться под водой к берегу, они тут же замечали его. Крокодила пропускали под днищем, а затем, когда он появится с другой стороны и движения копейщиков будут скрыты от него корпусом ладьи, воин наклонится и ударит зверя копьем сверху.

Удар этот несильный и скорее похож на легкое касание длинного шеста. Бронзовый наконечник, острый, как игла хирурга, на всю длину входит в толстую чешуйчатую кожу и застревает там. Копейщики целились в затылок, и удары их были настолько точны, что многие из них попадали в позвоночник и мгновенно убивали животное.

Если же удар проходил мимо цели, вода у борта взрывалась от метаний бьющегося в судорогах крокодила. Тогда копейщик поворотом древка высвобождал наконечник, и тот оставался в спине под бронированной кожей чудовища. Затем четверо воинов хватались за канат, привязанный к наконечнику, чтобы не упустить крокодила. Если зверь оказывался крупным, а некоторые из них достигали длины в четыре человеческих роста, мотки каната уносились за борт, обжигая дерево и руки людей, пытающихся задержать его.

Когда начиналась борьба с раненым хищником, даже голодная толпа на пляже замирала и криками подбадривала охотников, борющихся с крокодилом, который в конце концов либо сдавался, либо обрывал канат. С резким щелчком ударив по воде, канат уходил в глубину лагуны, а

вездесущих крокодилах, скрывающихся в мутно-зеленых водах лагуны. Каждый год эти свирепые драконы пожирали сотни людей. Иногда они наглели настолько, что хватали детей, играющих у воды, или женщин-крестьянок, пришедших за водой или постирать одежду.

Теперь, изголодавшись по мясу, люди обо всем забыли. Они хватали веревки и тащили туши на берег. Когда туши вползали на скользкий пляж, десятки серебристых рыбок, вцепившись в раны на теле животных, не успевали отпустить свою добычу и оказывались на суше. Они прыгали по берегу, сверкая, как упавшие звезды.

Мужчины и женщины, вооружившись ножами и топорами, набрасывались на туши, как муравьи. Обезумев от жадности, они выли и рычали друг на друга, словно грифы или гиены над добычей льва, ругались из-за каждого кусочка мяса гигантского зверя. Кровь и осколки костей полотнищами взлетали в воздух от ударов клинков. Вечером у ворот храма выстроятся длинные очереди людей с глубокими ранами и отрезанными пальцами и будут просить помощи у жрецов.

И мне тоже хватит работы на половину ночи, потому что моя слава врача превосходит даже славу жрецов Осириса. При всей своей скромности я должен признаться, что заслужил ее, и Гор знает: за свои услуги я прошу более разумное вознаграждение, чем эти святоши. Мой господин Интеф позволяет мне оставлять треть всего заработка себе. Так что я человек довольно состоятельный, несмотря на положение раба.

Стоя на кормовом мостике «Дыхания Гора», я смотрел, как передо мной разворачивается пантомима человеческого ничтожества. По обычаю населению разрешалось наедаться мясом до отвала на берегу, но уносить добычу не позволялось. Мы живем в плодородной стране, земли которой удобрены и орошены Великой рекой, и народ наш хорошо питается. Однако основной продукт питания многочисленных бедняков – зерно, и они иногда месяцами не пробуют мяса. Кроме того, во время праздника отменялись обычные ограничения повседневной жизни. Излишества разрешались во всем телесном: пище, питье и плотских страстях. Завтра у многих будут болеть животы и головы, и многие супруги станут обвинять друг друга в измене. Но это будет завтра, а сейчас первый день праздника, и аппетиты ничто не сдерживает.

Я улыбнулся, увидев, как мать многочисленных детей, обнаженная до пояса и вся измазанная кровью и жиром, вынырнула из брюшной полости гиппопотама, сжимая в руках огромную печень животного, и бросила ее мальчишке из своего выводка в толкавшейся, визжавшей толпе детишек вокруг туши. Женщина снова нырнула внутрь зверя, а ребенок, схватив добычу, помчался к одному из сотен костров, разложенных вдоль берега. Там его старший брат выхватил у него печень и бросил ее на угли, а стайка детишек помладше нетерпеливо столпилась вокруг огня, пуская слюни, как щенки.

Старший подцепил зеленым прутиком едва обжаренную печень, а его братья и сестра набросились на нее и сожрали. Как только печень была съедена, они тут же с воплем потребовали еще. Жир и сок полупрожаренного мяса текли по их лицам и капали с подбородков. Многие из детишек поменьше первый раз пробовали мясо речной коровы. Мясо это нежное и сладкое, с мелкими волокнами, но, главное, в нем много жира, так как оно жирнее говядины или мяса полосатого дикого осла. А мозговые кости гиппопотама – настоящий деликатес, которым не побрезговал бы сам Осирис. Народ Египта изголодался по животному жиру, и вкус его сводит всех с ума. Все набивают животы, на что имеют полное право в этот день.

Я мог себе позволить смотреть свысока на буйствующую толпу, зная, что приказчики моего господина Интефа добудут лучшие куски туши и мозговые кости для кухни дворца, где повара доведут мой ужин до совершенства. Мое влияние в доме вельможи превосходит влияние всех его слуг, даже управляющего домом или начальника охраны, хотя они свободнорожденные. Конечно, об этом никогда не говорится открыто, но все молча признают мое привилегированное положение, и мало кто осмеливается оспаривать его.

моряки валились на палубу. Однако такое случалось редко. Как только команде удавалось повернуть голову зверя к ладье, он уже не мог уплыть в глубину, и тогда судорожно бьющегося в белой пене крокодила подтаскивали к борту, где другие моряки ожидали его с дубинками, чтобы проломить крепчайший череп.

Туши крокодилов вытащили на берег, и я пошел осмотреть их. Кожевники из отряда Тана уже начали работу.

Дед теперешнего фараона наградил его отряд именем «Стражи Синего Крокодила» и подарил флаг с изображением Синего Крокодила. Боевые доспехи этого отряда изготовлены из крепкой кожи речных драконов. Если шкуру обработать и продубить соответствующим образом, она становится достаточно прочной и может выдержать удар стрелы или остановить клинок. Крокодиловая кожа гораздо легче металла, и под солнцем пустыни в этих доспехах гораздо прохладнее. Когда Тан надевал свой шлем из крокодиловой кожи, украшенный бронзовыми бляхами, его вид вселял ужас в сердца врагов и рождал сладостные смерчи в животах девушек, попадавшихся у него на пути.

Измеряя длину и обхват каждой туши, я наблюдал за работой кожевников. В отличие от речных коров, я не испытывал ни малейшего сочувствия к этим ужасным чудовищам. На мой взгляд, в природе нет более отвратительного зверя, чем крокодил, за исключением, пожалуй, ядовитой гадюки.

Мое отвращение усилилось в сотни раз, когда кожевник распорол брюхо одной из мерзких тварей и на прибрежную грязь выскользнули останки маленькой девочки. Крокодил проглотил целиком часть ее тела выше пояса. Хотя кожа выцвела и размякла до тестообразного состояния под действием пищеварительных соков и уже начала слезать с черепа, узел волос на макушке девочки сохранился, и аккуратно уложенные косички, как змеи, вились над полупереваренным лицом. И, что еще страшнее, шею девочки и переваренные до костей запястья украшали красивые браслеты из красных и синих бус.

Как только останки несчастной оказались на берегу, в толпе раздался вопль, такой громкий и душераздирающий, что он перекрыл даже гомон веселящейся толпы. Женщина растолкала воинов и, подбежав к крокодилу, упала на колени перед жалким тельцем ребенка. Она рвала на себе одежду и причитала.

– Моя дочь! Моя маленькая девочка! – Это была та самая женщина, которая приходила вчера во дворец, чтобы заявить о пропаже дочери. Чиновники заявили ей, что ребенка скорее всего похитили и продали в рабство разбойники одной из шаек, наводивших ужас на всю округу. Эти шайки стали очень сильны в нашей стране и средь бела дня нагло взимали свою беззаконную дань у самых ворот города. Чиновники дворца предупредили женщину, что они ничем не могут помочь. Шайки разбойников находились вне зоны действия законов государства, и оно не могло справиться с ними.

Однако на этот раз ужасное предсказание не сбылось. Женщина узнала украшения на маленьком трупике. Сердце мое наполнилось жалостью к охваченной горем женщине, и я послал раба за пустым кувшином из-под вина. Хотя женщина и ребенок были мне совершенно чужими, я едва сдерживал слезы, помогая собирать останки ребенка в кувшин для последующего обряда захоронения.

Когда женщина, спотыкаясь и прижимая к груди кувшин с останками дочери, пошла прочь через равнодушную к ее несчастью, веселящуюся толпу, я подумал, что никакие обряды и молитвы не смогут помочь бедной матери. Даже если она сможет оплатить хотя бы малую часть обряда бальзамирования, тень ее ребенка никогда не обретет бессмертия в потусторонней жизни. Чтобы это было возможно, труп должен быть целым и неповрежденным до начала бальзамирования. Мне было очень жаль несчастную мать. Это моя слабость, я часто сожалею о ней: я

принимаю близко к сердцу заботы и печали каждого встречного. Мне было бы легче жить, будь мое сердце тверже, а ум – циничнее.

Как всегда, когда печаль или горе овладевают мной, я достал свиток папируса и начал записывать все то, что происходило вокруг меня: от действий копейщиков, матери, оплакивающей ребенка, труда кожевников, снимавших шкуры и разделывающих гиппопотамов и крокодилов на прибрежном пляже, до безумного поведения пирующего и веселящегося народа.

Кто успел набить живот мясом и пивом, уже храпел там, где упал, не чувствуя, как на него наступают те, кто еще может держаться на ногах. В сгущающейся темноте люди помоложе и побесстыднее танцевали и обнимались вокруг костров и совокуплялись, не обращая внимания на окружающих, под прикрытием редких кустов и истоптанных зарослей папируса. Такое распутное поведение является симптомом болезни, поразившей всю страну. Все было бы иначе, будь у нас сильный фараон, а честные высоконравственные чиновники управляли бы номом великих Фив. Простые люди всегда берут пример с тех, кто выше их.

Хотя относился я к происходящему неодобрительно, моя кисть запечатлевала все. Так просидел я около часа на полуюте «Дыхания Гора», скрестив ноги и целиком отдавшись рисованию. Солнце опустилось и погасло в Великой реке, словно факел. Лишь на воде остался медный отблеск заката да на западе виднелось багровое сияние, как будто загорелись заросли папируса.

Поведение людей на пляже становилось все более необузданным. Блудницы быстро срывали куш. Я увидел, как пухлая и основательная жрица любви с ярко-синим значком своей профессии на лбу повела от костра худого моряка, вдвое меньше ее ростом. Там, в темноте, она сбросила юбки и опустилась в пыли на колени, подставив ему монументальные дрожащие ягодицы. С веселым воплем он набросился на нее, как кобель на суку, и скоро она тоже завопила, как он. Я начал зарисовывать их игры, но света уже не хватало, и мне пришлось оставить рисование.

Отложив в сторону свиток, я вдруг с испугом вспомнил, что не видел госпожу с тех пор, как был найден мертвый ребенок. Я вскочил на ноги. Как я мог допустить такую оплошность? Моя госпожа воспитывалась в строгих правилах, об этом я позаботился. Она была хорошим и воспитанным ребенком и полностью сознавала обязанности, налагаемые на нее законом и обычаем. Она высоко ставила честь своей знатной семьи и свое место в обществе. Более того, она, как и я, боялась рассердить своего всесильного отца. Разумеется, я доверял ей.

Я доверял ей ровно настолько, насколько доверился бы в такую ночь любой упрямой молодой девушке, оставшейся в темноте наедине с красивым и столь же страстным молодым воином, от которого она к тому же была без ума.

Я боялся не столько за хрупкое девичество моей госпожи – этот эфемерный талисман, потерю которого недолго оплакивают, сколько за собственную шкуру: ей угрожала серьезная опасность. Утром мы вернемся в Карнак, а во дворце моего господина Интефа достаточно болтливых языков. Ему передадут и приукрасят любой мой проступок или просто необдуманное слово.

Шпионы моего господина проникли во все слои общества и в каждый уголок нашей страны, от верфей и полей до дворца самого фараона. Они были более многочисленными, чем мои собственные шпионы, поскольку у него было больше денег на оплату их услуг. Правда, многие из них служили нам обоим, и наши шпионские сети пересекались на многих уровнях. Если Лостра опозорила отца, семью и меня, ее учителя и попечителя, вельможа Интеф узнает об этом к утру. Впрочем, как и я.

Я обежал ладью с носа до кормы в поисках Лостры. Потом забрался на кормовой мостик и стал осматривать пляж. Там не было ни Лостры, ни Тана. Похоже, подтверждались худшие из моих опасений.

Мой ум отказывался служить мне. Я не знал, где искать их в такую сумасшедшую ночь. Я вдруг заметил, что ломаю руки в отчаянии, и тут же заставил себя остановиться. Я всегда стараюсь избегать малейших признаков женоподобия. Мне внушали глубочайшее отвращение толстые фигуры и мелкие, наигранные жесты людей, которым нанесли такое же увечье, как и мне. Я стараюсь вести себя как мужчина, а не как евнух.

С усилием я взял себя в руки и постарался придать своему лицу упрямое выражение, какое видел у Тана в горячке боя. Мысли мои наконец пришли в порядок, и я снова стал разумным человеком. Подумал о том, как бы повела себя моя госпожа. Я, разумеется, хорошо знал ее. Изучал ее четырнадцать лет. И понимал, что она слишком привередлива и слишком глубоко сознает свое знатное происхождение и не позволит себе открыто смешаться с пьяной толпой на пляже или заползти в кусты и изображать там зверя с двумя спинами, как моряк и старая блудница. Я знал также, что не могу обратиться к кому-нибудь за помощью. Вельможа Интеф наверняка узнает об этом. Мне придется все делать самому.

В какое же тайное место Лострa позволила бы себя отвести? Как и большинство девушек ее возраста, она восторженно мечтала о романтической любви. Я сомневаюсь, что она всерьез задумывалась о земных аспектах физического акта любви, несмотря на все старания черных шлюшек просветить ее. Она даже не проявила никакого интереса к механике этого акта, когда я попытался, как того требовал мой долг, предупредить и защитить от нее самой.

Я понял: мне нужно найти такое место, которое соответствовало бы сентиментальным представлениям о любви. Если бы на борту «Дыхания Гора» была каюта, мне следовало бы отправиться туда. Но наши речные ладьи – маленькие боевые суда, с которых ради скорости и маневренности снято все лишнее. Команда спит на голой палубе. Только ближайшие помощники командира могут спрятаться на ночь под плетеный навес. Этот навес еще не поставили, и на борту не было места, куда влюбленные могли бы скрыться.

До Карнака и дворца было полдня пути. Рабы только начали ставить наши шатры на небольшом островке неподалеку от берега. Мы специально выбрали место подальше от простого люда. Разумеется, это оплошность – так опоздать с постановкой палаток, но рабов тоже захватило празднество. В свете факелов я увидел, что многие из них едва держатся на ногах, пытаясь натянуть веревки палаток. Личную палатку Лостры с удобными коврами, вышитыми занавесками, пуховыми перинами и полотняными простынями еще не поставили. Где же они?

Желтый огонек факела над водой далеко от берега привлек мое внимание, и чутье мое тут же пробудилось ото сна. Госпожа моя связана с богиней Хапи, и храм этой богини на маленьком пустынном островке посреди лагуны будет притягивать Лострy. Я оглядел пляж в поисках какого-нибудь средства переправы. Хотя на берегу валялось множество маленьких лодок, перевозчики были большей частью пьяны и валились с ног.

Я заметил на берегу Крата. Страусовые перья шлема высоко торчали над веселящимися, и гордая осанка выделяла его в толпе.

– Крат! – заорал я.

Он взглянул на меня через головы пирующих и махнул рукой. Крат был старшим помощником Тана и, не считая меня, самым верным его другом. Я мог довериться Крату, как никому.

– Достань мне лодку! – крикнул я ему. – Любую лодку! – Голос мой стал резким и высоким, и он быстро понял, как я расстроен. Как обычно, этот человек не тратил времени даром. Он подошел к ближайшему челноку. Пьяный перевозчик лежал как бревно на дне лодки. Крат схватил его за загривок и поднял. Потом бросил на песок рядом с лодкой, и перевозчик, перебравший дешевого вина, остался лежать в той же позе. Крат столкнул лодку в воду и несколькими ударами шеста подогнал ее к борту «Дыхания Гора». В спешке я потерял равновесие и свалился с мостика прямо на нос маленького суденышка.

– К храму, Крат, – взмолился я, кое-как усевшись на дне, – и пусть добрая богиня Хапи не даст нам опоздать!

Мы поставили косой парус, и легкий речной бриз быстро погнал нас по темной воде к каменной пристани у храма. Крат закрепил конец на швартовочном кольце и хотел было последовать за мной на берег, но я остановил его.

– Ради Тана, не ради меня, – сказал я ему, – пожалуйста, не ходи за мной.

Он заколебался, потом кивнул.

– Я буду ждать. Позовешь, если что. – Он вынул свой меч и протянул его мне рукояткой: – Тебе это понадобится?

Я покачал головой:

– Нет, до схватки не дойдет. Кроме того, со мной мой кинжал. Но все равно спасибо тебе за доверие.

Я оставил его в лодке и поспешил вверх по гранитным ступеням к входу в храм богини Хапи.

Камышовые факелы, закрепленные в отверстиях на высоких колоннах ворот, отбрасывали багровый мерцающий свет на резной рельеф стен, и фигуры на них, казалось, начинали танцевать. Богиня Хапи – одна из моих любимых богинь. Строго говоря, она не бог и не богиня, а странное бородатое двуполое существо, которое одновременно имеет и громадный мужской член, и столь же внушительное пещерообразное влагалище, и щедрые груди, чье молоко кормит всех. Хапи – это обожествленный образ мира и богиня урожая. Жизнь обоих царств Египта и всего их народа зависит от нее и от сезонного половодья Великой реки – ее второго «я». Она способна менять свой пол и, как многие другие боги Египта, может принимать обличье любого животного. Ее любимый наряд – образ гиппопотама. Несмотря на двусмысленную половую принадлежность божества, моя госпожа Лостра всегда считала ее женщиной, и я также считаю ее таковой. Хотя жрецы Хапи имеют на этот счет свое мнение.

Изображения Хапи на каменных стенах храма – огромные воплощения материнства. Они раскрашены в яркие, кричащие тона красного, желтого и синего. Богиня смотрит на людей сверху вниз с добродушием речной коровы и, кажется, призывает всю природу плодоносить и размножаться. Призыв этот никак не мог унять мои тревоги. Я боялся, что именно сейчас моя драгоценная подопечная пользуется добродушием богини Хапи.

У бокового алтаря на коленях сидела жрица. Я подбежал к ней и тревожно потянул ее за край капюшона:

– Святая сестра, скажи мне, не видела ли ты госпожу Лостру, дочь великого визиря?

Очень немногие жители Верхнего Египта не знали мою госпожу. Ее все любили за красоту, веселый и добродушный нрав. На улицах и базарных площадях вокруг нее всегда собирались толпы людей и приветствовали криками.

Жрица ухмыльнулась мне сморщенным беззубым ртом и с таким хитрым и понимающим выражением лица приложила палец к носу, что худшие из моих страхов оправдались.

Я снова потряс ее, но на этот раз грубее.

– Где она, почтенная мать? Умоляю тебя, скажи мне!

Вместо ответа она помотала головой и показала глазами на ворота внутреннего святилища.

Я помчался к ним по гранитным плитам дворика, а сердце мое бежало впереди меня. Даже в горе я удивился смелости моей госпожи. Хотя она, как член знатной семьи, имела доступ в святая святых всей страны, кто еще в Египте осмелился бы назначить свидание любовнику в таком месте?

У входа в святилище я остановился. Чутье не обмануло меня: они были здесь оба, как я и опасался. Страх овладел мною; я не сомневался, чем они занимаются, и хотел было ворваться и криком остановить их, но потом сдержался.

Моя госпожа была одета, и даже более полно, чем обычно, так как груди ее были прикрыты, а голову она покрыла синей шерстяной шалью. Она стояла на коленях перед гигантской статуей Хапи. Богиня добродушно взирала на нее сверху вниз из-под венков голубых водяных лилий.

Тан стоял на коленях рядом с ней. Он снял оружие и доспехи – они лежали у дверей святилища. На нем были только льняная рубашка и короткая туника, на ногах – сандалии. Молодая парочка держалась за руки и шепталась, и их лица почти касались друг друга.

Мои грязные подозрения оказались неверными, и меня тут же охватил приступ раскаяния и стыда. Как мог я сомневаться в своей госпоже? Я начал медленно отступать назад, чтобы не помешать им, хотя вряд ли отправился бы дальше бокового алтаря, где можно было вознести благодарение богине за защиту моей подопечной, а потом потихоньку следить за всем происходящим.

Однако в тот самый момент Лостра поднялась на ноги и робко приблизилась к статуе богини. Ее девичья грация настолько очаровала меня, что я задержался на мгновение.

Лостра сняла с шеи изображение богини, вырезанное из лазурита, которое я сам сделал для нее. Мне стало больно: она собиралась принести фигурку в жертву. Я вложил в драгоценную статуэтку всю свою любовь к госпоже, и теперь мне было невыносимо смотреть, как она снимает ее. Лостра встала на цыпочки и повесила фигурку на шею кумира. Затем она опустилась на колени и поцеловала каменную ступню богини. Тан смотрел на нее, не поднимаясь со своего места.

Потом Лостра встала и повернулась к Тану, но тут она увидела у входа меня. Я растерянно попытался спрятаться в тени, чтобы не помешать им в столь интимный момент. Однако ее лицо засияло от радости, и, прежде чем я успел скрыться, она подбежала ко мне и схватила за руку.

– Ах, Таита, я так рада, что ты здесь! Именно ты. Так и должно быть. Это прекрасно. – Она повела меня в святилище, а Тан поднялся и с улыбкой взял меня за другую руку:

– Спасибо тебе за то, что пришел. Я знаю: мы во всем можем рассчитывать на тебя.

Мне хотелось скрыть от двух чистых сердец истинную причину своего появления, и любящая улыбка на моем лице скрыла чувство вины.

– Встань на колени с нами рядом! – приказала Лостра. – Здесь ты услышишь каждое слово, которое мы скажем друг другу. Ты будешь нашим свидетелем перед Хапи и всеми богами Египта! – Она заставила меня опуститься на пол, а затем они с Таном снова встали на колени перед богиней и взялись за руки, глядя друг другу в глаза.

Лостра заговорила первой.

– Ты мое солнце, – прошептала она. – Мир мой темен без тебя.

– Ты – Нил моего сердца, – тихо произнес Тан. – Воды твоей любви питают мою душу.

– Ты муж мой в этом мире и во всех последующих мирах.

– Ты жена моя, и я обещаю тебе свою любовь. Я клянусь тебе в этом дыханием Гора, – четко и ясно проговорил Тан. Его голос эхом прокатился по каменному залу.

– Я принимаю твое обещание и возвращаю его тебе стократно! – воскликнула Лостра. – Никто не сможет встать между нами, ничто не сможет разлучить нас. Мы соединились навеки.

Она подставила ему свое лицо, и он поцеловал ее долгим и глубоким поцелуем. Как я понял, это был первый поцелуй влюбленной парочки. Они оказали мне честь, позволив присутствовать при столь сокровенном событии.

Когда они обнялись, легкий порыв ветра с лагуны промчался по залу храма, и огоньки пламени замигали на факелах. На мгновение лица двух влюбленных расплылись перед моими глазами, а изображение богини задрожало и зашевелилось. Ветер прекратился так же быстро, как и возник, и только шорох между огромными каменными колоннами прозвучал далеким язвительным смехом богов, и я содрогнулся в суеверном страхе.

Опасно дразнить богов чрезмерными просьбами, а Лострa просила о невозможном. Многие годы я ожидал этого момента. Я боялся его, как дня своей смерти. Обет, данный Таном и Лострой, нельзя будет выполнить. Как бы серьезно они ни отнеслись к нему, они не смогут выполнить его. Сердце мое разрывалось от боли, когда они наконец прервали поцелуй и повернулись ко мне.

– Почему ты так печален, Таита? – спросила Лострa с сияющим от счастья лицом. – Радуйся вместе со мной, ведь это самый счастливый день в моей жизни!

Я заставил себя улыбнуться, но не смог произнести ни слова сочувствия или радости, хотя любил этих двух людей больше всего на свете. Я застыл на коленях с идиотской улыбкой на лице и отчаянием в сердце.

Потом Тан поднял меня на ноги и обнял.

– Ты поговоришь с вельможей Интефом от моего имени, правда? – спросил он, сжимая меня в объятиях.

– Поговоришь, Таита? – присоединилась к его просьбе Лострa. – Отец послушает тебя. Только ты можешь сделать это для нас. Ты ведь не подведешь нас, Таита? Ты еще ни разу не подвел меня. Ты сделаешь это, правда?

Что я мог сказать им? Правду я сказать не мог – это было бы слишком жестоко. Я был не в силах произнести слова, которые отравили бы эту милую, только что расцветшую любовь. Они ждали ответа, думали, что я порадуюсь за них и пообещаю им помощь и поддержку, но я онемел, и рот мой скривился, будто я попробовал незрелого граната.

– Что с тобой, Таита? – Счастье погасло на лице моей госпожи. – Почему ты не радуешься вместе с нами?

– Вы знаете, как я люблю вас обоих, но...

– «Но»?.. Какое «но», Таита? – Лострa потребовала объяснений. – Почему ты говоришь мне «но» и делаешь ужасное лицо в самый счастливый день моей жизни? – Она начинала злиться, губки ее надулись, и слезы появились в уголках ее глаз. – Разве ты не хочешь помочь нам? Так вот чего стоят обещания, которыми ты осыпал меня все эти годы? – Она подошла и посмотрела на меня снизу вверх.

– Госпожа, пожалуйста, не говори так, я не заслуживаю такого обращения. Послушайте меня! – Я положил палец на ее ротик, чтобы остановить новый взрыв возмущения. – Я тут ни при чем, это твой отец, вельможа Интеф...

– Вот именно! – Лострa нетерпеливо отбросила мою руку. – Мой отец! Ты пойдешь и поговоришь с ним, и все, как обычно, будет в порядке.

– Лострa, – начал я, и мое фамильярное обращение выдавало, как я расстроен. – Ты уже не ребенок, ты не должна обольщать себя детскими фантазиями. Ты же знаешь, твой отец не согласится. Он даже не станет слушать меня.

Она не желала слышать правду, и поток ее слов утопил мои предостережения.

– Да, я знаю, у Тана нет состояния. Но у него блестящее будущее. В один прекрасный день он будет командовать всеми войсками Египта. Однажды победит в сражении, которое объединит оба царства, и я буду с ним рядом.

– Госпожа, пожалуйста, выслушай меня. Дело не в состоянии. Все гораздо серьезнее.

– Ты имеешь в виду происхождение и воспитание, так? Это тебя беспокоит? Ты прекрасно знаешь, что его семья так же знатна, как и наша. Пианки, вельможа Харраб, был ровней моему отцу и лучшим его другом! – Ее уши закрылись для моих слов. Она не сознавала глубины трагедии. Ни Лострa, ни Тан ничего не знали. Впрочем, во всем нашем царстве только я понимал это.

Долгие годы я защищал ее от правды и, разумеется, ничего не говорил Тану. Как мог я объяснить ей все теперь! Как мог открыть всю глубину ненависти, которую отец питал к ее

возлюбленному? Ненависть его была рождена чувством вины и зависти и стала от этого еще безжалостнее.

Мой господин Интеф был ловким и хитрым человеком. Он умел скрывать свои чувства от окружающих. Мог спрятать свою ненависть и злобу, целуя того, кого хотел погубить, давая ему богатейшие подарки и осыпая его лестью. Вельможа Интеф обладал терпением крокодила, затаившегося у водопоя и поджидающего ничего не подозревающую газель. Он мог ждать годы и даже десятилетия, пока не представится возможность нанести удар, и расправлялся с добычей так же быстро, как и этот речной хищник.

Лостра находилась в благословенном неведении относительно ненависти отца. Она даже верила, что тот любил Пианки, вельможу Харраба, так же, как и Пианки любил ее отца. Но откуда Лостре было знать правду, если я скрывал ее? В своей нежной невинности она верила, что у отца могут вызвать возражения только состояние и происхождение ее возлюбленного.

– Ты же знаешь это, Таита? Тан мне ровня по спискам знати. Так гласят храмовые записи, и все могут убедиться в этом. Как может мой отец отрицать это? Как можешь ты отрицать это?

– Не мне отрицать или утверждать что-либо, госпожа...

– Тогда ты пойдешь к отцу и вступишься за нас. Правда, милый Таита? Скажи, что пойдешь, пожалуйста, скажи.

Мне оставалось лишь склонить голову и скрыть безнадежное выражение глаз.

Флотилия возвращалась в Карнак. Ладьи сидели низко под грузом шкур и солонины. Путешествие вверх по течению Нила занимало больше времени, однако, на мой взгляд, ладьи шли слишком быстро, с каждой минутой на сердце у меня становилось все тяжелее, и страхи мои росли. Влюбленные веселились, опьяненные недавним объяснением в любви, они верили в мою способность убрать все препятствия с пути. Я не мог лишить их целого дня счастья, ведь этот день будет последним перед разлукой. Если бы у меня хватило мужества и красноречия, я бы тогда же заставил их скрепить клятву естественным союзом и сделать то, что так пугало меня прошлой ночью. Другого случая им уже не представится. Моя попытка вступиться за них перед вельможей Интефом обречена – она только предостережет его. Как только он узнает все, тут же встанет между ними и разлучит навеки.

А тем временем я смеялся вместе с ними и пытался скрыть свои опасения. Любовь настолько ослепила их, что мне это удалось, иначе госпожа моя наверняка бы заметила фальшь. Она ведь знает меня так же хорошо, как и я ее.

Втроем мы сидели на носу ладьи и обсуждали мистерию Осириса, которая станет кульминацией празднества. Мой господин Интеф поручил мне постановку спектакля, и я отдал Тану и Лостре главные роли.

Праздник этот проводился раз в два года на восходе полной луны Осириса. В былые времена – ежегодно. Однако расходы и хлопоты, связанные с переездом царского двора из Элефантины в Фивы, стали слишком обременительными, поэтому фараон издал указ об увеличении промежутка между праздниками. Наш правитель всегда осторожно тратил свое золотишко.

Разговоры о мистерии отвлекли меня от мыслей о скорой беседе с вельможей Интефом, и я начал репетировать роли с двумя влюбленными. Лостра должна была играть Исиду, жену Осириса, а Тан играл главную роль – роль Гора. Тан будет играть сына Лостры, и мне пришлось объяснить им, что у богов нет возраста и богиня может выглядеть моложе своего отпрыска. Их это очень позабавило.

Я написал новый сценарий мистерии, который должен сменить старый, остававшийся без изменений почти тысячу лет. Архаичный язык древнего сценария непонятен нашим современникам, и они не осознают величия происходящего на сцене. Фараон будет почетным гостем на представлении в храме Осириса в последний вечер праздника, поэтому мне очень хотелось,

чтобы спектакль удался. Консервативные знать и жрецы выступили против моей версии, и только вмешательство вельможи Интефа позволило мне преодолеть их сопротивление и поставить мистерию по новому сценарию.

Вельможа – не слишком религиозный человек, и обычно он не интересуется теологическими спорами. Однако я решил позабавить его и включил в текст мистерии несколько лестных для него строчек. Я прочел ему эти строчки отдельно, а потом тактично напомнил, что главное противодействие моей версии исходило от верховного жреца Осириса, сварливого старика, который однажды не дал вельможе Интефу поиграть с симпатичным молодым послушником. Этого проступка мой господин верховному жрецу простить не мог.

В результате мой вариант мистерии был принят и должен был исполняться впервые. Теперь для меня особенно важно, чтобы актеры представили мои стихи во всем великолепии, – в противном случае их никто больше не услышит.

И Тан, и Лостра обладали прекрасными сценическими голосами и решили вознаградить меня за помощь. Они старались изо всех сил и декламировали настолько выразительно, что репетиция увлекла меня и я смог забыться на некоторое время.

Потом возглас впередсмотрящего оторвал меня от страстей богов и вернул к земным заботам. Флотилия прошла последний поворот реки, и впереди, на обоих берегах Нила, как два жемчужных ожерелья, блистали города-близнецы Луксор и Карнак, составлявшие великие Фивы. Сказочное путешествие закончилось, пора было возвращаться к реальности. Веселье покинуло меня. Я поднялся.

– Тан, ты должен перевести Лостру и меня на ладью Крата прежде, чем мы подойдем к городу. Люди вельможи будут следить за нами с берега. Они не должны видеть нас в твоем обществе.

– Не поздно ли? – улыбнулся Тан в ответ. – Раньше надо было об этом думать.

– Отец довольно скоро все узнает, – поддержала его Лостра. – Если наше поведение предупредит его, тебе наверняка будет легче уговорить.

– Если вы лучше меня разбираетесь в этом, делайте как знаете, а я в ваших безумствах участвовать не буду, – сказал я с видом оскорбленного достоинства, и они мгновенно сдались.

Тан сигналом подозвал к борту ладью Крата, и влюбленные быстро попрощались. Они не смели обниматься на глазах половины флотилии, но взгляды и теплые слова говорили не менее красноречиво.

С кормового мостика ладьи Крата мы помахали рукой «Дыханию Гора». Ладья Тана повернула, сверкая веслами на солнце, как летящая стрекоза, и направилась к пристани у города Луксор. А мы пошли дальше вверх по реке к дворцу великого визиря.

Как только мы причалили к дворцовой пристани, я навел справки о местонахождении моего господина и с облегчением узнал, что он отправился на западный берег реки в последний раз проверить состояние гробницы фараона и погребального храма. Храм царя и его гробница строились двенадцать лет, с того самого дня, когда он надел двухцветную бело-красную корону двух царств. Теперь строительство приближалось к завершению, и царю наверняка захочется посетить его, как только праздник закончится и появится свободное время. Вельможа Интеф всячески старался не огорчать царя и не подрывать доверия к себе. Помимо множества званий и титулов, вельможа занимал также должность Стража царских гробниц, а она возлагала на него серьезные обязательства.

Отсутствие господина дарило мне целый день на подготовку к разговору и планирование своих действий. Влюбленные вырвали у меня торжественное обещание поговорить с отцом Лостры при первой же возможности, а таковая, как я понимал, представится утром, когда вельможа будет проводить аудиенцию.

Убедившись, что моя госпожа благополучно добралась до гарема и устроилась в своих покоях, я поспешил к себе, в комнаты близких друзей великого визиря.

В жизни дома моего господина Интефа было столько же обмана, сколько во всем остальном. У него было восемь жен, и все они принесли ему либо богатое приданое, либо политическое влияние. Но только три жены родили ему детей: не считая Лостры, у него было два сына.

Насколько мне было известно – а мне было известно все, что творилось во дворце, и почти все происходившее за его стенами, – мой господин не посещал гарема в течение 15 лет. Зачатие Лостры стало последним случаем, когда он выполнил свои брачные обязательства. Его вкусы в этой области были несколько иными. Близкими друзьями великого визиря, которые жили в другом крыле дворца, были самые красивые мальчики-рабы во всем Верхнем царстве. Мальчики пришли на смену охоте на птиц и диких зверей пустыни – излюбленным забавам египетской знати. Это еще один симптом болезни, поразившей нашу прекрасную страну.

Я был старшим в этой избранной компании рабов. Я остался здесь, в отличие от других мальчиков, чья красота за многие годы увяла или поблекла и кого вельможа послал на невольничий рынок. Он научился ценить во мне другие достоинства помимо красоты. Хотя и она не увяла: наоборот, с годами она стала еще более поразительной. Не считайте меня тщеславным только потому, что я так говорю. Я решил записывать здесь только правду, и даже ложная скромность не может сделать эти записи более интересными.

Да, теперь мой господин редко развлекался со мной, и я был поистине благодарен ему за такую забывчивость. Когда вельможа Интеф звал меня, то наказывал меня близостью с собой. Он прекрасно знал о физической боли и унижении, которые я испытываю. Хотя еще ребенком я научился скрывать свое отвращение и изображать радость в моменты извращенной любви, мне не удавалось обмануть его.

Как это ни странно, мое чувство отвращения и ненависти не могло лишить его самого наслаждения, скорее даже усиливало его. Вельможу Интефа нельзя назвать ни добрым, ни чутким человеком. За все эти годы сотни мальчиков-рабов попали ко мне избитыми и в слезах после первой ночи с моим господином. Я лечил их и всячески старался успокоить. Вот почему мальчики-рабы прозвали меня Ак-Кер, что означает «старший брат».

Хотя я больше не мог назвать себя любимой игрушкой моего господина, он стал ценить меня гораздо выше игрушки. Я стал очень многим для него: врачом и художником, музыкантом и писцом, архитектором и счетоводом, советником и доверенным лицом, инженером и нянькой его дочери. Я не настолько наивен, чтобы поверить, будто он любил меня или доверял мне, но иногда его отношение настолько походило на любовь и доверие, насколько он вообще мог любить и доверять. Вот почему Лостра заставила меня вступиться за Тана.

Моего господина Интефа мало интересовала дочь. Он видел в ней лишь товар, который нужно содержать в наилучшем состоянии и который можно продать, то есть выдать замуж. Иногда он целый год, от одного половодья до другого, не обменивался с ней ни единым словом. Я не мог различить какого-либо интереса в его глазах, когда докладывал ему о воспитании и обучении дочери.

Разумеется, я старался скрыть от него свои истинные чувства к Лостре, так как он наверняка при первой же возможности использовал бы их против меня самого. Я пытался создать впечатление, будто считаю ее воспитание нудной и досадной обузой, и старался убедить его, что разделяю презрение и отвращение к женщинам. По-моему, он так и не понял, что, несмотря на кастрацию, мои чувства по отношению к противоположному полу были такими же, как и у обычных мужчин.

Именно из-за равнодушия моего господина к своей дочери я периодически поддавался соблазну и после долгих просьб Лостры шел на безумный риск, устраивая что-нибудь вроде

последней проделки с поездкой на охоту на борту «Дыхания Гора». Обычно у нас был шанс выйти сухими из воды.

В тот вечер я рано ушел к себе и прежде всего накормил и приласкал моих любимцев. Я очень люблю птиц и животных и так хорошо лажу с ними, что даже сам удивляюсь этому. Я дружил почти с дюжиной кошек, поскольку подчинить кошку не может никто. Кроме того, мне принадлежала стая прекрасных собак. Мы с Таном охотились с ними на антилоп и львов в пустыне.

Дикие птицы слетались на мою террасу и наслаждались моим гостеприимством. Они зло дрались между собой за право посидеть на моей руке или плече. Самые храбрые брали пищу из моих губ. Ручная газель терлась о мои колени, как кошка, а два сокола клекотом звали меня со своих насестов на террасе. Они были редкой породы, красивой и злобной. Как только у нас с Таном появлялась возможность, мы брали их в пустыню и выпускали на гигантских дроф. Я с истинным восхищением смотрел, как быстро и грациозно они пикировали на добычу. Всякий, кто попытался бы приласкать их, познакомился бы с их острыми загнутыми клювами, но со мной они были нежными, как ласточки.

Только позаботившись о своем домашнем хозяйстве, я позвал мальчика-раба и потребовал ужин. Я уселся на террасе с видом на широкую долину Нила и наслаждался тонким вкусом дикой куропатки, сваренной в меде с козьим молоком, которую повар дворца приготовил специально в честь моего возвращения. Со своего места на террасе я следил за баркой моего господина, возвращающейся с противоположного берега. Она медленно шла под квадратным парусом в алых лучах заходящего солнца, и я почувствовал, как сердце мое уходит в пятки. Вельможа Интеф мог послать за мной уже вечером, а я не был готов к разговору с ним.

Потом я с облегчением услышал, как Расфер, начальник дворцовой стражи, зовет мальчика, сегодняшнего любимчика вельможи, бедуина с миндалевидными глазами, которому едва исполнилось десять лет. Немного позже я услышал жалобные крики ребенка, когда Расфер протащил его мимо моей двери к занавешенному входу в покои великого визиря. Хотя за много лет я привык к подобным крикам, но не мог без содрогания слышать плач детей, и жалость снова охватила меня. И все же я с облегчением подумал, что сегодня вечером за мной не пошлют. Нужно было выспаться как следует, чтобы прекрасно выглядеть утром.

Я проснулся до рассвета, но чувство страха еще сжимало мое сердце. Привычное купание в холодных водах Нила не смогло прогнать его. Я поспешил обратно в свою комнату, где два мальчика-раба смазали мое тело маслом и расчесали волосы. Я терпеть не мог новомодного обычая наносить грим на лицо, который распространился среди знати. Моя кожа была достаточно чиста, а цвет ее достаточно красив и без грима, но мой господин любил, когда его мальчики пользуются гримом, а сегодня мне больше, чем когда бы то ни было, хотелось доставить ему удовольствие.

Хотя отражение в бронзовом зеркале вселяло уверенность, позавтракал я без всякого аппетита. Первым из окружения вельможи пришел в водный сад, где он каждое утро проводил аудиенции.

Ожидая, пока соберутся все, я смотрел, как охотятся зимородки. Я сам распланировал водный сад и наблюдал за его строительством. Он представлял собой сеть каналов и маленьких прудочков с проточной водой. Здесь были собраны цветущие растения со всего Египетского царства и из-за его пределов. От разнообразия цветов слепило в глазах и кружилась голова. В прудах жили сотни разнообразнейших рыб, какие только попадаются в сети рыбаков на Ниле, но из-за зимородков запасы рыб в прудах приходилось пополнять каждый день.

Вельможа Интеф любил наблюдать, как эти птицы зависали в воздухе, словно маленькие кусочки лазурита, а потом бросались вниз и, поднимая фонтанчики брызг, взлетали с серебря-

ной искоркой в клюве. Мне кажется, он видел себя таким же хищником, ловцом людей, и ощущал себя их сородичем. Он не разрешал садовникам пугать их.

Постепенно в саду собрался весь двор великого визиря. Многие еще зевали и не успели расчесать свои волосы. Вельможа Интеф вставал рано и любил заканчивать дневную работу до наступления жары. Освещенные первыми лучами солнца, мы ожидали его появления.

– Он сегодня в хорошем настроении, – прошептал постельничий, усаживаясь рядом со мной. Может быть, мне еще удастся избежать серьезных последствий глупого обещания помочь Лостре.

Среди присутствующих вдруг пронесся шорох, и все пришли в движение, как папирус на ветру. Вельможа Интеф вышел к нам.

Походка у него была величественная, выглядел он внушительно, так как почести и звания давали ему великую власть над людьми. На шее у него висело «Золото похвалы». Это ожерелье из красного золота, добытого в рудниках Лота, фараон возложил на него своей собственной рукой. Глашатай великого визиря шествовал впереди. Этого коротконогого карлика назначили глашатаем благодаря зычному голосу и уродливому телу. Вельможе нравилось окружать себя редкостями всякого рода. Гордо подскакивая впереди вельможи на своих коротеньких ножках, карлик провозглашал почести и звания своего господина.

– Смотрите на Опору Египта! Приветствуйте Стража Вод Нила! Кланяйтесь Товарищу Фараона! – Этими титулами вельможу наградил сам фараон, и многие из них предполагали вполне конкретные обязанности. Как Страж Вод, он отвечал за наблюдения над уровнем реки во время сезонного половодья, и работа эта, естественно, ложилась на плечи верного и неутомимого раба Таиты.

Я проработал полгода с отрядом строителей и математиков. Мы проводили измерения и делали зарубки на скалах Асуана, которые позволяли точно определять высоту подъема воды и объем потока во время половодья. Благодаря этим измерениям можно было вычислить размеры урожая на несколько месяцев вперед. Чиновники фараона могли предвидеть голод и изобилие и предпринимать соответствующие шаги. Фараону понравилась моя работа, и он осыпал вельможу Интефа новыми почестями и наградами.

– Преклоните колена пред номархом Карнака и правителем всех двадцати двух номов Верхнего Египта! Приветствуйте Владыку Города Мертвых и Хранителя Царских Могил!

Эти звания возлагали на вельможу Интефа ответственность за проектирование, строительство и содержание гробниц всех фараонов, как умерших, так и ныне здравствующего, и снова рабу приходилось подставлять свои выносливые плечи. Вчера вельможа посетил строительство гробницы фараона в первый раз после предыдущего праздника Осириса. Мне, а не ему приходилось отправляться туда, несмотря на жару и пыль, чтобы уговаривать лживых подрядчиков и ругаться с мошенниками каменщиками. Я часто сожалею о том, что не скрыл от своего господина, насколько широки мои познания.

И теперь он выделил меня из толпы людей. Его желтые глаза безжалостно, как глаза леопарда, скользнули по моим, и он чуть наклонил голову. Я вышел из толпы и шагнул вслед за ним, когда он проходил мимо, и, как обычно, меня поразила ширина его мощных плеч. Он был невероятно красивым и стройным мужчиной. Голова его, с густой и блестящей шевелюрой, походила на голову льва. В то время ему было сорок, и я был его рабом уже почти двадцать лет.

Вельможа Интеф повел нас к беседке в центре сада. Там, под соломенной крышей, прохладный ветер с реки смягчал жару. Скрестив ноги, он уселся на каменном полу перед маленьким столиком со свитками государственных законов, а я занял свое обычное место за его спиной. Началась каждодневная работа.

Дважды на протяжении заседания вельможа едва заметно склонялся ко мне. Он не поворачивал головы и не произносил ни слова, но я понимал, что он просит моего совета. Едва шевеля губами, я говорил почти неслышным шепотом, и немногие замечали, как мы обмениваемся мнениями.

В первый раз я прошептал: «Он лжет», а во второй: «Ретик больше подходит для этой должности. И он предложил пожертвовать пять золотых колец в личную казну моего господина». Ретик и мне обещал золотое кольцо, если получит этот пост, хотя об этом я не упомянул.

В полдень вельможа отпустил сановников и просителей и приказал принести обед. В первый раз за это время мы остались с ним наедине, если не считать Расфера, который был одновременно начальником дворцовой стражи и палачом. Теперь он встал у ворот сада, чтобы видеть, что происходит в беседке, но не слышать слов.

Вельможа жестом подозвал меня к себе и предложил попробовать нежные сласти и плоды, разложенные перед ним. Пока мы оба ждали, не почувствую ли я действия яда, подробно обсудили утреннюю аудиенцию.

Затем он расспросил меня о походе в лагуну Хапи и большой охоте на гиппопотамов. Я описал ему охоту и назвал примерные размеры прибыли, которую он получит от продажи мяса, шкур и зубов речных коров. Я чуть преувеличил ее размеры, и он улыбнулся. Улыбка его была искренней и чарующей. Кому довелось увидеть эту улыбку, тот понимал, почему вельможа Интеф так легко водит людей за нос. Даже меня эта улыбка успокоила, хотя мне следовало бы знать ей цену.

Когда он откусил от сочного куска холодного филе гиппопотама, я перевел дыхание и начал свою речь:

– Я должен сообщить моему господину, что разрешил его дочери сопровождать меня на охоту. – Он уже все знал и ждал, попытаюсь ли я скрыть это от него. Я видел это по глазам.

– Тебе не пришло в голову, что на это нужно получить мое разрешение? – мягко спросил он.

Я отвел глаза и начал сосредоточенно очищать для него виноградину, а потом ответил:

– Лострa попросила меня об этом перед самым отплытием. Как вы знаете, богиня Хапи – ее покровительница, и вашей дочери хотелось поклониться богине и принести ей жертву в храме Лагуны.

– Однако ты не спросил моего разрешения? – повторил он, и я протянул ему виноградину. Он раздвинул губы и разрешил мне положить ее себе в рот. Это могло означать только одно: он еще благосклонен ко мне и еще не знает всей правды о Тане и Лострe.

– Мой господин держал совет с номархом Асуана. Я бы не посмел беспокоить его. Кроме того, я не видел в этом особого вреда. Как мне показалось, моего господина не стоит беспокоить ради такого обычного домашнего решения.

– У тебя сегодня на все есть ответ, не так ли, мой дорогой? – усмехнулся он. – А ты сегодня красив. Мне нравится, как ты покрасил веки. Какими благовониями ты пользуешься?

– Они добываются из лепестков дикой фиалки, – ответил я. – Я счастлив доставить вам радость. Я приготовил маленький флакончик и хочу подарить его вам, мой господин. – Я достал благовония из кошелька и встал на колени, протянув его вельможе. Он взял меня пальцем за подбородок, поднял мое лицо и поцеловал в губы. Я послушно отвечал на поцелуй, пока он сам не остановил меня, погладив по щеке.

– Что бы ты ни замышлял, Таита, ты все еще очень красив. После стольких лет жизни во дворце ты по-прежнему можешь заставить меня улыбнуться. Скажи, ты хорошо следил за госпожой Лострой, не так ли? Ты ведь не выпускал ее из виду ни на мгновение?

– Как обычно, мой господин, – горячо подтвердил я.

– И ты не хочешь сообщить мне ничего необычного?

Я все еще стоял перед ним на коленях. Слова вдруг застряли у меня в горле, а язык присох к небу.

– Не квакай, старина, – засмеялся он. – Говори как мужчина, хотя ты таковым и не являешься.

Жестокая шутка помогла мне взять себя в руки.

– Действительно, я хотел бы смиренно привлечь внимание моего господина к одному событию, – сказал я. – И оно действительно касается госпожи Лостры. Как я уже сообщал вам, красный цветок месячных вашей дочери расцвел первый раз во время последнего половодья Великой реки. С тех пор ее месячные расцветают с той же силой каждую луну.

Вельможа скорчил гримасу, так как физиология женского организма внушала ему отвращение. Мне это казалось забавным, ведь подобные подробности мужской физиологии вызывали у него глубочайший интерес.

Я торопливо продолжил:

– Госпожа Лостра достигла брачного возраста. Она женщина страстная и любвеобильная. Разумно было бы поскорее подыскать ей мужа.

– Без сомнения. Ты можешь предложить кого-нибудь? – сухо спросил он.

Я кивнул:

– Да, один человек действительно добивается ее руки.

– Человек, Таита? Ты, наверное, хотел сказать «еще один человек», не так ли? Я знаю по крайней мере шестерых, включая номарха Асуана и правителя Лота, которые также обращались ко мне с подобными предложениями.

– Я действительно хотел сказать: «еще один». Но на этот раз он нравится госпоже Лостре. Если помните, номарха Асуана она обозвала жирной жабой, а правителя Лота – старым сварливым козлом.

– Мне все равно, понравится он моей дочери или нет. – Вельможа Интеф потряс головой, улыбнулся и погладил меня по щеке, чтобы подбодрить. – Ну, продолжай, Таита, каково же имя сохнущего от любви молодца, который окажет мне честь, став моим зятем, и получит самое богатое приданое в Египте? – Я уже собрался с духом, чтобы назвать его, но вельможа Интеф остановил меня: – Нет, подожди, я сам отгадаю.

Его улыбка превратилась в хитрую лисью усмешку, которую я знал слишком хорошо. Я понял, что он просто играет со мной.

– Чтобы понравиться Лостре, он должен быть молодым и красивым. – Он притворился, будто раздумывает, кто бы это мог быть. – А чтобы ты вступился за него, он должен быть твоим другом или подопечным. Кроме того, этому страстному влюбленному, наверное, представилась возможность признаться Лостре в своей любви и уговорить тебя вступиться за него. У кого нашлось для этого место и время, как ты думаешь? А может, это произошло в полночь, в храме Хапи?! Я на правильном пути, а, Таита?

Я почувствовал, что бледнею. Откуда ему известно так много? Его рука скользнула вокруг моей шеи и погладила затылок – так часто начинались любовные ласки, и он снова поцеловал меня.

– Я вижу по твоему лицу, что мои догадки близки к цели. – Он взял локон моих волос и слегка потянул. – Теперь остается только отгадать имя смелого влюбленного. Может, это Дакка? Нет, нет. Нет, Дакка не настолько глуп. Он не станет будить мой гнев. – Потянул за волосы сильнее, пока не увидел слезы в моих глазах. – Может, это Крат? Он красив и глуп и способен на риск. – Потянул еще сильнее, и я почувствовал, как локон с треском оторвался и остался в его руке. Я проглотил стон. – Отвечай, мой дорогой, это Крат? – Он сунул мое лицо в колени.

– Нет, мой господин, – с болью прошептал я. Без всякого удивления я увидел, что он готов к любви. Он прижал мое лицо сильнее, не выпуская волос.

– Это не Крат? – Он прикинулся озадаченным. – Если это не Крат, тогда я ума не приложу, у кого хватило наглости так оскорбить меня. Какой глупец посмел приставать к девственной дочери великого визиря Верхнего Египта? – Вдруг он резко повысил голос: – Расфер!

Голова моя лежала у него на коленях, и сквозь слезы я увидел, как Расфер приближается к нам. В зверинце фараона на острове Элефантина у Асуана есть огромный черный медведь, который был доставлен торговым караваном с Востока много лет назад. Этот злобный, покрытый шрамами зверь напоминал мне начальника охраны вельможи Интефа. Оба имели одинаковые огромные бесформенные тела и могли раздавить человека в своих лапах. Однако морда у зверя была намного приятнее, и вел он себя гораздо дружелюбнее Расфера.

Я увидел, как Расфер рысью приближается к нам с удивительной для такого грузного человека быстротой. Его огромный живот мерно раскачивался над толстыми ногами. Мне почудилось, будто я перенесся в те далекие года, когда меня лишили мужского достоинства.

Все казалось настолько знакомым, словно мне опять нужно было пережить тот ужасный день. Каждая мелочь происшедшего до сих пор настолько ясно стояла в моей памяти, что я чуть не закричал. Действующие лица той давнишней трагедии были те же: вельможа Интеф, это животное, Расфер, и я. Только девушки не было.

Ее звали Алида. Ей было столько же лет, сколько и мне. Шестнадцать – нежный возраст невинности. Она была рабыней, как и я. Теперь я вспоминаю ее красавицей, но, вероятно, память обманывает меня. Если бы она действительно была красива, ее не послали бы работать на кухню – она оказалась бы в гареме какого-нибудь вельможи. Одно я помню точно: кожа ее, теплая и мягкая, напоминала полированный янтарь. Я никогда не смогу испытать что-либо подобное. В нашем несчастье мы нашли покой и глубокое умиротворение друг в друге. Я так и не узнал, кто предал нас. Обычно я не мстителен, но до сих пор мне снится иногда, как я нахожу того, кто выдал нас вельможе Интефу.

В то время я был фаворитом вельможи Интефа, его любимчиком. Когда моя неверность обнаружилась, это нанесло такой удар его самолюбию, что он был на грани безумия.

Расфер пришел за нами. Он приволок нас в покои вельможи за шиворот, как котят. Он раздел нас донага перед вельможей Интефом, который, как и сейчас, сидел, скрестив ноги, на полу. Расфер связал руки и ноги Алиды грубым ремнем. Она побледнела и вся дрожала, но еще не плакала. В тот момент я любил ее и восхищался ее мужеством сильнее, чем когда бы то ни было.

Вельможа Интеф кивком подозвал меня и приказал сесть перед ним на колени. Потом взял меня за волосы и влюбленно спросил:

– Ты любишь меня, Таита?

И я ответил ему то ли от страха, то ли пытаясь спасти Алиду от мучений:

– Да, мой господин, я люблю вас.

– А ты еще кого-нибудь любишь, Таита? – спросил он мягким, шелковым голосом.

И я – трус и предатель – сказал:

– Нет, мой господин, я люблю только вас.

И тогда Алида заплакала.

Это были самые страшные звуки, какие мне когда-либо доводилось слышать. Вельможа Интеф приказал Расферу:

– Тащи шлюху сюда. Положи ее так, чтобы они хорошо видели друг друга. Таита должен увидеть все, что ты с ней сделаешь.

Расфер, ухмыляясь, бросил девушку передо мной. Господин чуть повысил голос:

– Хорошо, Расфер, можешь начинать.

Расфер набросил петлю из плетеного ремня на лоб Алиды. Петля легла на ее волосы подобно головной повязке женщин бедуинов. Встав позади девушки, Расфер просунул в петлю

толстую дубинку из древесины оливы и повернул ее. Ремень крепко прижался к гладкой, чистой коже. Потом узелки грубого ремня впились в кожу Алиды, и лицо ее скривилось от боли.

– Помедленнее, Расфер, – попросил вельможа. – У нас еще все впереди.

Дубинка казалась детской игрушкой в огромных волосатых лапах Расфера. Он медленно и осторожно, по четверти оборота, поворачивал ее. Узелки впивались все глубже. Рот Алиды открылся, и она вдруг резко выдохнула из себя воздух. Она посерела, кожа стала цвета золы. Судорожно наполнила легкие воздухом и выдохнула его в долгом пронзительном вопле.

По-прежнему ухмыляясь, Расфер поворачивал дубинку, и цепочка кожаных узелков погружалась в лоб Алиды. Череп начал менять форму. Сначала мне показалось, что зрение сыграло со мной злую шутку от напряжения, а потом я понял: ее голова действительно сжимается и вытягивается в петле. Крики уже не прекращались, бронзовым клинком пронзая мое сердце. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Потом череп раскололся. Я слышал, как кости его затрещали, будто раздавили орех, и ужасный вопль оборвался. Тело Алиды обмякло в руках Расфера, и сердце мое переполнилось горем и отчаянием.

После паузы, которая показалась мне вечной, вельможа поднял мою голову и посмотрел в глаза. С печалью и сожалением он сказал:

– Ее больше нет, Таита. Она была дурной девочкой и сбила тебя с пути истинного. Мы должны сделать так, чтобы это никогда больше не повторилось. Нужно защитить тебя от будущих соблазнов.

Он снова дал знак Расферу, и тот, схватив обнаженное тело Алиды за ноги, потащил его на прибрежную террасу. Ее раздавленный череп со стуком бился о каменные ступени, а волосы потоком текли за ней. Одним движением мощных плеч Расфер выбросил ее далеко в реку. Бессильные конечности взметнулись в воздухе, и она, перекувырнувшись, упала в воду и быстро утонула. Веер волос ушел в глубину, словно опускающиеся под воду плети водорослей.

Расфер отвернулся и пошел в противоположный конец террасы, где двое его людей раздували огонь под жаровней с раскаленными углями. Рядом с жаровней на деревянном подносе лежал полный набор хирургических инструментов. Он осмотрел их и удовлетворенно кивнул. Затем вернулся и сказал, поклонившись, вельможе:

– Все готово.

Господин отер слезы с моего лица, а потом поднес палец к губам, словно хотел вкусить мою печаль.

– Пойдем, милый красавчик, – прошептал он, поднимая меня на ноги и выводя на террасу. Я был настолько убит горем и ослеплен слезами, что не почуял опасности до тех пор, пока стражи не схватили меня. Они бросили меня на землю и прижали мои руки и ноги, расставив их в стороны. Только голова оставалась свободной.

Господин встал на колени у моей головы, а Расфер опустился между раздвинутых ног.

– Ты больше никогда не сможешь совершать дурных поступков, Таита, – сказал мой господин. Только тогда я заметил крошечный бронзовый скальпель в огромной лапе Расфера. Вельможа Интеф кивнул ему, и он схватил меня и тянул до тех пор, пока мне не почудилось, что он вытаскивает из меня внутренности через пах.

– Какая хорошенькая парочка яичек! – ухмыльнулся Расфер и показал мне скальпель, поднеся его к моим глазам. – Скоро я скормлю их крокодилам, так же как и твою подружку. – И поцеловал лезвие.

– Пожалуйста, мой господин, смилуйтесь... – Мои мольбы перешли в резкий вопль, когда Расфер резанул клинком. Мне почудилось, будто раскаленный вертел вонзился в живот.

– Попрощайся с ними, красавчик. – Расфер поднял мешочек бледной сморщенной кожи с жалким содержимым. Он уже собирался встать и выбросить его в реку, но вельможа остановил.

– Ты не закончил, – тихо сказал он Расферу. – Я хочу, чтобы ты сделал все.

Расфер уставился на него, не понимая приказа, а затем начал смеяться, да так, что его огромное брюхо затряслось.

– Клянусь кровью Гора, – орал он сквозь смех, – теперь нашему красавчику придется писать на корточках, как девчонке! – Снова резанул скальпелем и заржал, поднимая в руке маленький гибкий пальчик, который когда-то был самой интимной частью моего тела. – Брось, парень, тебе будет легче ходить без такой тяжести промеж ног. – Спотыкаясь от смеха, он отправился было к террасе, чтобы выбросить в реку, но вельможа снова резко остановил его.

– Отдай мне, – потребовал он, и Расфер послушно положил кровавые останки моего мужского достоинства в его ладони. Несколько мгновений тот с любопытством разглядывал их, а потом обратился ко мне: – Я не настолько жесток, чтобы лишить тебя столь прекрасных украшений, мой милый. Я прикажу забальзамировать их, и, когда они будут готовы, их прикрепят на ожерелье из жемчуга и лазурита. Это будет мой подарок тебе к празднику Осириса. В день твоих похорон можно будет положить их в могилу вместе с тобой, и, если боги будут добры к тебе, ты сможешь воспользоваться ими в загробной жизни.

Ужасные воспоминания прекратились в тот момент, когда Расфер остановил кровотечение, облив рану кипящим лаком для бальзамирования, и от невыносимой боли я погрузился в благословенное забытье. Но теперь Алиды не было, и вместо кастрационного ножа Расфер размахивал кнутом из гиппопотамовой кожи.

Бич этот, длиной в сажень, у основания был шириной с руку Расфера, а на конце сужался до толщины мизинца. Я сам видел, как он плел его, срезая грубую подложку с внутренней стороны, пока кожа не заблестела. Время от времени взмахивал им в воздухе, чтобы проверить ухватистость и гибкость, и не остановился до тех пор, пока кнут не начал разрезать воздух с визгом и воем ветра пустыни, зажатого холмами Лота. Кнут этот был цвета янтаря – Расфер любовно отполировал кожу так, чтобы она блестела, как стекло. Гибок он был настолько, что сгибался в круг в медведеподобных лапах палача. Он специально позволил крови сотен жертв высохнуть на его кончике, чтобы тот покрылся матовым блеском, не лишенным определенной красоты.

Расфер владел этим инструментом, как художник. Резким и легким ударом оставлял яркую красную полосу на нежной молоденькой коже, не повреждая ее, но удар этот обжигал, как укус скорпиона, и жертва начинала выть и извиваться от боли. Но мог также дюжиной свистящих ударов содрать кожу и мясо со спины человека, обнажив его ребра и хребет.

И вот теперь он стоял надо мной и, ухмыляясь, гнул в руках длинный бич. Расфер любил свою работу и ненавидел меня со всей силой, какую только могли породить зависть и ощущение моего превосходства, основанного на уме и красоте.

Вельможа Интеф погладил мою обнаженную спину и вздохнул:

– Ты иногда так коварен, мой милый. Пытаешься обмануть того, кому обязан быть верным до гроба. Кому ты обязан самим своим существованием. – Он снова вздохнул. – Почему ты заставляешь меня заниматься такими неприятными вещами? Тебе следовало бы знать, что бесполезно обращаться ко мне с такой просьбой и вступаться за двух молодых глупцов. Это смехотворная попытка, но, мне кажется, я понимаю, почему ты сделал это. Ребяческое сочувствие – одна из многих твоих слабостей, и в один прекрасный день оно может стать причиной твоей гибели. Однако временами это несколько забавляет и даже умиляет меня, и я был бы готов простить тебя, если бы мог посмотреть сквозь пальцы на то, что ты чуть было не обесценил порученный тебе товар. – Он повернул мою голову так, чтобы я мог ответить ему. – За это ты будешь наказан. Ты понимаешь меня?

– Да, мой господин, – прошептал я и попытался разглядеть кнут в руках Расфера.

Однако вельможа Интеф снова повернул меня к себе и обратился к палачу:

– Половчее, Расфер, не порань кожу. Я не хочу испортить такую великолепную чистую спину. Для начала хватит и десяти ударов. Считай вслух.

Я был свидетелем того, как сотни несчастных подвергались такому наказанию, и некоторые из них были воинами и даже прославились героизмом в сражениях. Никто из них не мог сдержать крика под кнутом Расфера. Во всяком случае, лучше было и не пытаться. По его мнению, молчание жертвы бросало вызов его ловкости. Я хорошо знал это, потому что не раз проходил этой дорогой горя. Нужно было проглотить свою гордость и как можно громче воздать должное искусству Расфера. Я набрал в легкие воздуха и приготовился.

– Один, – прохрипел Расфер, и бич просвистел в воздухе. Как женщина со временем забывает о родовых болях, так и я забыл острую боль от удара кнута и закричал даже громче, чем рассчитывал.

– Тебе повезло, Таита, – прошептал Интеф мне в ухо. – Я приказал жрецам Осириса осмотреть товар прошлой ночью. Все в порядке.

Мое лицо скривилось, но дело было не только в боли – я с отвращением подумал о том, как эти похотливые козлы щупали своими пальцами мою маленькую девочку.

Расфер придумал свой собственный ритуал наказания для того, чтобы и он, и его жертва могли полностью насладиться происходящим. После каждого удара он неторопливо обегал вокруг беседки и хриплым голосом выкрикивал приветствия и похвалы самому себе, высоко подняв бич, как во время военной церемонии. Описав круг, снова вставал возле жертвы и заносил кнут.

– Два! – И я снова завопил.

Одна из служанок Лостры ждала меня на террасе перед моим жилищем, когда я, выйдя из сада и хромая от боли, поднялся по лестнице.

– Моя госпожа требует тебя к себе немедленно, – сказала она вместо приветствия.

– Передай ей, что я не расположен к беседе. – Я попытался избежать разговора с ней, крикнул мальчику-рабу, чтобы тот перевязал мне раны, и поспешил к себе. Я был не в состоянии предстать перед Лострой. Меня приводила в ужас мысль о провале моей миссии: теперь мне придется заставить ее посмотреть в лицо реальности и убедить в невозможности любви с Таном.

Черная рабыня последовала за мной и наслаждалась собственным ужасом, разглядывая алые рубцы.

– Иди и скажи госпоже, что я изранен и не могу прийти к ней сейчас, – резко бросил я через плечо.

– Она предупреждала, что ты постараешься увильнуть, и приказала оставаться с тобой, пока ты не придешь.

– Ты – наглая рабыня, – строго укорил я ее, пока мальчик обрабатывал мне спину мазью моего собственного изобретения.

– Да, – с усмешкой согласилась нахальная девчонка. – Но и ты такой же. – Она легко увернулась, когда я вяло попытался шлепнуть ее. Лостра слишком мягко обращается со своими служанками.

– Иди, скажи госпоже, что я приду к ней, – сдался я.

– Она приказала мне подождать и убедиться в этом.

И вот через некоторое время мы с ней прошли мимо охранников внутрь гарема. Охранники были евнухами, как и я, но, в отличие от меня, эти крупные бесполые существа прославились своей силой и свирепостью, несмотря на большой вес, а может быть, именно из-за него. Однажды я воспользовался своим влиянием на господина, чтобы обеспечить им тепленькое местечко, поэтому они уважительно приветствовали меня.

Женская половина дворца была далеко не так роскошна и удобна, как покои мальчиков-рабов, и всякому, кто оказывался там, становилось ясно, что в действительности интересовало вельможу Интефа. Гарем представлял собой группу зданий из саманного кирпича, окруженную высокой глинобитной стеной. Единственным украшением его служили сады и росписи, сделанные Лострой и ее служанками с моей помощью. Жены визиря были слишком толсты и ленивы и слишком увлечены скандалами и интригами между собой, чтобы тратить силы на другие занятия.

Покои Лостры располагались у главных ворот. Их окружал небольшой красивый садик, где в пруду плавали лилии, а в клетках, сплетенных из расщепленного бамбука, пересвистывались певчие птицы. Глинобитные стены домика украшали яркие росписи с видами Нила, изображениями птиц, рыб и богинь, которые она сделала с моей помощью.

Ее рабыни молча толпились в дверях домика. Многие из них перед этим плакали. На лицах виднелись следы слез. Я протолкался через толпу в сумрачную прохладу передней и услышал всхлипывания госпожи во внутренней комнате. Я поспешил к ней, устыдившись своей низости: ведь я пытался избежать того, чего требовал мой долг.

Она лежала на кровати лицом вниз, и все ее тело содрогалось от горестных рыданий. Она услышала, как я вошел, скатилась с кровати и бросилась ко мне.

– О, Таита! Тана отсылают прочь из города. Фараон прибывает к нам завтра, и отец добьется, чтобы он приказал Тану отправить свою флотилию вверх по реке к Элефантине и порогам. Я больше никогда не увижу его. Лучше умереть. Брошусь в Нил, пусть крокодилы сожрут меня. Я не хочу жить без Тана... – выпалила она в одном долгом вопле отчаяния.

– Тише, тише, малютка, – говорил я, словно укачивая ее. – Откуда тебе известны такие страсти? Может, ничего страшного не случится.

– О, случится, Тан прислал мне письмо. Брат Крата служит в личной охране отца. Отец каким-то образом узнал обо мне и Тане. Он знает, что мы были в храме Хапи одни. О, Таита, отец присылал жрецов осмотреть меня. Эти грязные старики делали со мной ужасные вещи. Мне было так больно, Таита...

Я нежно обнял ее. Мне не часто представляется такая возможность. Она забыла о своих ранах, и ее мысли снова обратились к любимому.

– Я больше никогда не увижу Тана, – заплакала она. Я снова вспомнил, как она молода. Еще почти ребенок, такой ранимый и совершенно раздавленный собственным горем. – Отец погубит его.

– Даже твой отец не может повредить Тану. – Я попытался успокоить ее. – Тан командует отрядом личной, избранной стражи фараона. Он человек царя. Тан подчиняется только приказам самого фараона, он под защитой двойной короны Египта. – Я не стал говорить, что, возможно, только по этой причине ее отец еще не погубил Тана. Вместо этого мягко продолжил: – Почему ты говоришь, что никогда не увидишь Тана? Ты будешь играть с ним в моем спектакле. Я постараюсь дать вам возможность поговорить наедине в перерыве.

– Теперь отец не допустит, чтобы спектакль состоялся.

– У него нет выбора. Если сорвет представление, то может вызвать неудовольствие фараона, а этим наверняка рисковать не будет.

– Он отошлет Тана из города и прикажет другому актеру сыграть роль Гора, – всхлипывала она.

– Уже нет времени на репетиции с другим актером. Роль Гора будет играть Тан. Я доведу это до сведения вельможи Интефа. У тебя с Таном будет возможность поговорить. Мы найдем выход.

Она проглотила слезы и доверчиво посмотрела мне в глаза:

– О, Таита, я знаю, ты выручишь нас. Ты всегда выручаешь... – Она вдруг замолчала, и выражение лица изменилось. Ее руки тихо прошли по моей спине, ощупывая вздувшиеся рубцы от кнута Расфера.

– Простите меня, госпожа. Я попытался вступиться за Тана, как и обещал, и вот последствия моей глупости.

Она обошла меня, встала со спины и вскрикнула от ужаса, подняв легкий льняной плащ, которым я прикрыл раны.

– Это работа Расфера! О, мой бедный, милый Таита, почему ты не предупредил меня? Почему ты не сказал мне, что отец так ненавидит саму мысль о браке Тана со мной?

Я чудом сдержался – какое безыскусное нахальство! Я просил и умолял их не делать этого, и вот теперь меня же обвиняют в неверности. Однако я все же сдержался, хотя спина моя ужасно болела.

Слава богу, госпожа моя забыла о своих несчастьях и решила позаботиться о моих поверхностных ранах. Она приказала мне сесть на кровать, снять плащ и принялась обрабатывать мои раны. Искренние любовь и сочувствие восполняли недостатки врачебного искусства. Это развлечение вывело ее из отчаяния. Скоро она уже весело и страстно болтала и строила планы, как умиротворить отца и вновь соединиться с Таном.

Некоторые из ее рассуждений показывали, что она способна здраво мыслить, другие же были надуманны и говорили о том, как доверчива она и молода и как недостает ей знаний о низости земного мира.

– Я прекрасно сыграю свою роль в спектакле, – заявила она вдруг. – Я понравлюсь фараону, и он пообещает исполнить любое мое желание. Тогда я попрошу его выдать меня за Тана, и он скажет... – Она так ловко передразнила напыщенный и церемонный тон царя, что я не смог удержаться от улыбки. – «Я объявляю помолвку Тана, вельможи Харраба, сына Пианки, и госпожи Лостры, дочери Интефа, и дарю моему доброму слуге Тану звание Великого Льва Египта и отдаю под его командование все мои войска. Я также приказываю вернуть ему все владения его отца, благородного Пианки, вельможи Харраба!» – Тут она вдруг обвила мою шею руками. – Ведь может же такое случиться, может, милый Таита? Ну скажи, что такое может случиться!

– Никакой мужчина не устоит перед вашим очарованием, госпожа, – улыбнулся я ее глупым выдумкам. – Даже сам великий фараон.

Если бы я только знал, насколько мои слова окажутся близки к истине. Я бы скорее проглотил раскаленные угли, чем согласился произнести их.

На ее лице снова засияла надежда. Одно это уже было наградой для меня. Я снова накинул плащ, чтобы остановить ее слишком энергичные попытки вылечить мои раны.

– Но теперь, госпожа, если вы хотите сыграть роль красивой и неотразимой Исиды, вам нужно отдохнуть. – Я принес с собой порошок, сделанный из высушенного и толченого сока сонного цветка, который называется красный шепен. Семена этого драгоценного цветка были завезены к нам в Египет торговыми караванами с гор, расположенных где-то на востоке. Я выращивал красный цветок в своем саду. Когда лепестки опадали, я царапал семенную коробочку золотой вилкой с тремя зубчиками, и густой молокообразный сок тек из надрезов. Я собирал его, сушил и затем обрабатывал по формуле собственного изобретения. Этот порошок мог вызвать сон, странные видения или ослабить боль.

– Побудь со мной немного, Таита, – пробормотала она, укладываясь на кровати и потягиваясь, как сонный котенок. – Укачай меня, как раньше, когда я была еще совсем ребенком.

«А ты и теперь еще совсем ребенок», – подумал я, поднимая ее на руки.

– Все кончится хорошо, правда? И мы заживем счастливо, как герои твоих сказок. Правда, Таита?

Она уснула. Перед тем как выйти из комнаты, я нежно поцеловал ее в лоб и накрыл меховым одеялом.

На пятый день праздника Осириса фараон спустился вниз по течению из своего дворца на острове Элефантина, который находился в десяти днях пути на быстрой ладье. Он прибыл в Карнак со всей своей свитой, чтобы участвовать в празднике.

Флотилия Тана покинула Карнак за три дня до этого, поспешив вверх по течению навстречу большому флоту. Она будет сопровождать его в конце путешествия. Ни Лостра, ни я не видели нашего воина с тех пор, как вернулись с большой охоты на гиппопотамов, поэтому оба с особой радостью увидели, как ладья Тана стремительно вылетела из-за поворота реки на сильном попутном ветре. «Дыхание Гора» возглавляла флот фараона, спускавшийся с юга вниз по реке.

Лостра находилась в свите великого визиря и стояла позади своих братьев Менсета и Собека. Оба мальчика были приятной наружности и очень ухожены. Но они унаследовали слишком много от своего отца. Менсету, старшему из них, я особенно не был расположен доверять, а младший брат полностью следовал его примеру.

Я стоял позади них в толпе приближенных визиря и младших чиновников, откуда мог следить и за Лострой, и за вельможей Интефом. Я видел, как раскраснелась ее шея от удовольствия и волнения, когда она заметила высокую фигуру Тана на кормовом мостике «Дыхания Гора». Чешуя его нагрудника из крокодиловой кожи сияла на солнце, а страусовые перья развевались по ветру.

Лостра прыгала от возбуждения и махала стройными руками над головой, но ее визг и прыжки терялись в реве огромной толпы – по моим оценкам, около четверти миллиона египтян собралось по обоим берегам Нила приветствовать своего фараона. Фивы – самый населенный город мира.

Тан стоял на мостике неподвижно, глядя прямо вперед. Он держал перед собой обнаженный меч – жест воинского приветствия. Остальные ладьи флотилии следовали за «Дыханием Гора» клином, как цапли летят на ночлег перед закатом солнца. Их вымпелы и знаки отличия развевались по ветру, сверкая всеми цветами радуги. При виде такого благородного зрелища толпа восторженно закричала и стала бешено размахивать пальмовыми ветками.

Прошло некоторое время, прежде чем первое судно большого каравана тяжело вышло из-за поворота реки. На нем плыли знатные дамы и вельможи из окружения царя. За ним шло еще одно большое судно, за которым следовало огромное беспорядочное стадо больших и малых лодок. Они шли по течению гигантским роем. Там были транспортные ладьи, переполненные слугами и рабами, всевозможными дворцовыми принадлежностями и регалиями; громадные барки, груженные быками, козами и курами для кухонь фараона. Позолоченные и ярко раскрашенные суда везли мебель, сокровищницу, знатных вельмож и менее значительных персон. Ладьи беспорядочно сновали в этом рое, как будто их кормчие впервые взялись за рулевые весла. Какой контраст прохождению флотилии Тана, которая спустилась ниже по реке и развернулась, сохраняя свой строй, несмотря на течение Нила!

Наконец огромная барка фараона грузно обогнула отмель и вышла из-за поворота. Приветственные крики толпы достигли предела. Громадное судно, величайшее из всех когда-либо построенных человеком, тяжело шло по реке к пристани, где у дворца великого визиря знать города собиралась, чтобы встретить фараона.

Пока флот шел по реке, я успел хорошо разглядеть судно государства. Меня изумило, насколько точно размеры и конструкция и то, как оно управлялось, отражали современное положение нашей страны, Египта, на двенадцатом году правления фараона Мамоса, восьмого фараона восьмой династии, самого слабого представителя вечно колеблющегося и сомневающегося рода. Судно государства было длиной в пять боевых лодок, поставленных носом к корме, но

высота и ширина его соотносились настолько непропорционально, что это оскорбляло мое художественное чутье. Тяжелый корпус раскрасили в кричащие цвета по моде того времени, а фигуру Осириса на носу покрыли настоящим золотым листом. Однако когда судно приблизилось к пристани, на которой мы ожидали фараона, я увидел, что яркие краски кое-где выцвели, а борта, как бока зебры, покрывали темные полоски засохшего кала там, где команда испражнялась за борт.

Посредине корабля стояла высокая палубная надстройка – личные покои фараона. Их построили из тяжелых досок драгоценного кедра и так перегрузили обстановкой, что это серьезно ухудшило управляемость барки. На верхней площадке аляповатой надстройки, под навесом из тщательно обработанных мягких шкур газелей, аккуратно сшитых и украшенных изображениями старших богов и богинь, за витиеватой загородкой из живых лилий в величественном одиночестве сидел фараон. Ноги его украшали золотые сандалии филигранной работы, а одежда была из такого белого полотна, что оно сияло, как высокие кучевые облака летом. На голове у фараона возвышалась двойная корона, сочетавшая белую корону Верхнего Египта с головой ястреба, символом богини Нехбет, и красную корону Нижнего Египта с головой кобры, символом богини Буто, божества Дельты.

Хотя корона и была двойной, по иронии судьбы наш возлюбленный государь потерял Дельту около десяти лет назад. В наши смутные времена другой фараон правил Нижним Египтом, и он тоже носил двойную корону или по крайней мере свой собственный вариант двойной короны Египта. Этот самозванец был смертельным врагом нашего государя, и постоянные войны между двумя царствами истощили казну обоих государств и пролили много крови молодых мужчин. Египет был разорен и измучен. Истории нашей страны более тысячи лет, и такое случалось всякий раз, когда слабый правитель надевал мантию фараона. Только сильный, смелый, умный человек мог удержать в своих руках оба царства.

Чтобы развернуть тяжелое судно против течения и подвести к пристани дворца, его кормчий должен был отойти к противоположному берегу реки. Если бы он шел так, ему хватило бы ширины Нила на завершение поворота. Очевидно, он недооценил силы ветра и течения и начал разворачивать судно с середины реки. Сначала барка, сильно накренившись, повернулась поперек течения, и высокая надстройка, как парус, приняла на себя удар ветра пустыни. С полдюжины надсмотрщиков свирепо захлестали кнутами по спинам гребцов, и звуки ударов отчетливо донеслись до нас по воде.

Под ударами кнутов гребцы лихорадочно налегли на весла, вода у борта корабля вспенилась: по сотне весел с каждой стороны забили по воде, и никто не попытался хоть как-то заставить их работать в лад. Тем временем на палубе корабля Нембет, престарелый флотоводец и командир барки фараона, то отчаянно чесал длинную всклокоченную бороду, то беспомощно всплескивал руками.

И над всем этим адом неподвижно и отрешенно, как статуя, сидел фараон. Да, действительно, вот он, Египет.

Затем скорость разворота барки упала, она перестала поворачивать и направилась прямо к пристани в тисках течения и ветра. И кормчий судна, и команда, несмотря на бешеные и беспорядочные усилия, были, казалось, бессильны завершить маневр и либо развернуть корабль против течения, либо остановить его и не разбить золоченый нос о гранитные глыбы пристани.

Когда все присутствующие поняли, что сейчас произойдет, крики приветствий замерли. На берегу и на воде установилась страшная тишина. Народ на обоих берегах Нила молчал, крики и беспорядочный шум с палубы корабля еще отчетливее доносились до нас.

Внезапно глаза собравшихся обратились к «Дыханию Гора». Ладья покинула свое место в строю флотилии и понеслась вверх по реке на быстрых, как крылья, веслах. Весла «Дыхания Гора» ритмично опускались и поднимались. Ладья подошла так близко к носу барки фараона,

что толпа затаила дыхание от ужаса. По ней пронесся шорох, похожий на шум ветра в камышах. Столкновение казалось неизбежным, но в самый последний момент Тан поднял над головой сжатый кулак. Одновременно гребцы по обоим бортам ладьи затабанили и рулевой резко повернул весло.

«Дыхание Гора» замедлила движение и остановилась перед грузным судном фараона. Два корабля нежно коснулись друг друга, и прикосновение это походило на поцелуй девственницы. На какое-то мгновение кормовой мостик «Дыхания Гора» почти сравнялся с основной палубой большого корабля.

В тот же момент Тан встал на борт мостика. Он успел сбросить с себя сандалии, снял оружие и доспехи. Вокруг пояса завязал легкий пеньковый канат. Затем прыгнул с одного корабля на другой, и легкий канат полетел за ним в воздухе.

Как будто очнувшись от оцепенения, толпа на берегу пришла в движение. Если кто-то из присутствующих еще не знал Тана, то к концу дня точно узнает его имя. Правда, Тан уже прославился в войнах с войсками узурпатора из Нижнего царства. Однако в деле его видели только собственные войска, а рассказы о подвигах всегда действуют слабее, чем увиденное своими глазами.

И вот перед глазами фараона, всего царского флота и населения Карнака Тан перескочил с одного корабля на другой и с ловкостью леопарда опустился на палубу барки.

– Тан! – Я уверен, что моя госпожа Лостра первая выкрикнула это имя. Вторым был я.

– Тан! – заорал я, и все люди вокруг меня подхватили имя. – Тан! Тан! Тан! – Они скандировали его, как хвалебный гимн только что явившемуся богу.

Очутившись на палубе огромного судна, Тан быстро повернулся и побежал на нос корабля, таща за собой тонкий длинный канат. Команда «Дыхания Гора» привязала к его канату тяжелый трос толщиной с руку. Теперь они спустили его за борт, и Тан, наклонившись назад, потянул трос на себя. Его руки и спина покрылись потом, но он втянул трос на палубу.

К этому времени горстка людей из команды царского судна поняла, что происходит, и бросилась помогать. Под руководством Тана они три раза обернули трос вокруг бушприта царского судна, и, как только трос был закреплен, Тан дал знак своей ладье отойти.

«Дыхание Гора» рванулась вверх по течению, быстро набирая скорость. Затем канат вдруг кончился, и огромный вес царского судна потянул ладью назад. В какой-то момент я подумал, что ладья перевернется и утонет, но Тан предвидел силу удара и жестом приказал команде смягчить его, затормозив веслами.

Хотя ладья сильно накренилась и зачерпнула зеленой нильской воды, она все-таки устояла и туго натянула канат. Довольно долго все оставалось по-прежнему. Легкая ладья не могла повлиять на движение грузного судна. Два корабля сцепились, как крокодил и старый бык: бык не может вырваться, а крокодил не в силах затащить его в воду. Тогда Тан, стоя на носу царской барки, повернулся лицом к ее команде. Одним властным жестом он привлек к себе внимание, и тут же положение на борту резко изменилось. Гребцы были готовы подчиниться ему.

Флотоводец Нембет командовал всеми флотами фараона и имел звание Великого Льва Египта. Многие годы назад он был одним из сильнейших бойцов, но теперь стал старым и дряхлым. Тан принял командование из его рук без всякого усилия, так же естественно, как течение реки подхватывает щепку. Команда барки ждала его приказов.

– Вперед! – знаком приказал он гребцам по левому борту, и они с силой налегли на весла. – Назад! – Он выбросил вперед сжатый кулак, скомандовав гребцам по правому борту, и те глубоко погрузили заостренные весла в воду. Тан отступил к левому борту и знаками отдавал приказы рулевому «Дыхания Гора», умело сочетая действия обеих команд. Однако барка продолжала двигаться к пристани, и теперь только узкая полоска воды отделяла корабль от гранитных глыб.

Наконец медленно, слишком медленно, судно начало поворачиваться против течения, поддаваясь усилиям легкой гребной ладьи. Однако крики на берегу снова замерли, когда люди увидели, что полоска воды становится все уже и уже и вот-вот произойдет роковое несчастье: огромное судно врежется в камни пристани и распорет себе брюхо. Случись это – нет сомнений, каковы были бы последствия для Тана. Он захватил командование, отстранив престарелого флотоводца, и теперь должен нести полную ответственность за ошибки старика. Если фараона силой толчка выбросит с трона и двойная корона, а с ней и его достоинство покатятся по палубе, как глиняный горшок, если судно государства под его ногами пойдет ко дну и на глазах у подданных царя придется вытаскивать из реки, как мокрого щенка, у флотоводца Нембета и у вельможи Интефа будет повод обратить все недовольство фараона на нахального выскочку.

Я беспомощно стоял на берегу и дрожал от страха за своего друга. И тогда случилось чудо. Огромное судно уже почти налетело на мель, и Тан стоял так близко к берегу, что голос его ясно донесся до меня.

– Помоги мне, великий Гор! – воскликнул он.

Я никогда не сомневался, что боги часто принимают участие в делах людей. Тан – человек Гора, а Гор – бог ветра.

Ветер дул три дня и три ночи из бескрайних просторов Сахары. Сила его достигала половины силы урагана, и все это время он дул ровно, но теперь вдруг прекратился. Он не затих постепенно, как это часто бывает, а просто перестал дуть. Рябь, которая пестрила поверхность реки, исчезла, вода стала гладкой, и ветви пальм на берегу, мелко дрожавшие на ветру, вдруг затихли, словно скованные внезапным морозом.

Освободившись из когтей ветра, царская барка выпрямилась и поддалась усилиям «Дыхания Гора». Ее слоноподобный корпус повернулся против течения, и она встала параллельно пристани в тот самый момент, когда борт ее коснулся причала. Течение Нила остановило движение судна и поставило его неподвижно у берега.

Прежде чем судно понесло назад, Тан отдал последнюю команду. На берег полетели швартовочные канаты, руки людей быстро подобрали их и закрепили на швартовочных глыбах. Легко, как гусиное перышко, гигантская царская барка надежно встала у пристани, и ни трон, на котором сидел фараон, ни высокая корона на его голове не были побеспокоены швартовкой.

Мы, свидетели этого подвига, взорвались ревом похвал, выкрикивая скорее имя Тана, чем фараона. Скромно, как и следовало, Тан даже не попытался ответить на наши крики. Если бы внимание людей, собравшихся приветствовать царя, снова обратилось на него, это было бы серьезным грехом, и, разумеется, после этого ни на какую благосклонность фараона он бы рассчитывать не мог. Фараон очень ревниво относился к собственной особе. Поэтому Тан тайком приказал «Дыханию Гора» подойти к борту царского судна. Когда огромный парус барки скрыл ее, он спрыгнул за борт на палубу своей ладьи, предоставив сцену, на которой завоевал признание, царю, прибывшему на праздник Осириса.

Однако я успел заметить злобу и недовольство на лице Нембета, нашего древнего флотоводца, Великого Льва Египта, когда тот сходил на берег позади фараона. Я понял, что Тан заработал себе еще одного влиятельного врага.

Я сдержал слово и выполнил обещание, данное Лостре, в тот же день, когда проводил генеральную репетицию. Перед началом представления мне удалось на целый час оставить влюбленных наедине.

На территории храма Осириса, где и должен был состояться спектакль, в палатках переодевались актеры, занятые в главных ролях. Я намеренно поставил шатер Лостры в некото-

ром отдалении от других, за одной из огромных колонн, поддерживающих крышу храма. Я стоял на страже у входа в шатер, а Тан приподнял противоположную стенку и проскользнул внутрь.

Я старался не подслушивать и не обращать внимания на восторженный вскрик, когда они обнялись, на их тихое воркование и приглушенный смех, нежные стоны и вздохи, сопровождавшие благопристойные ласки. В тот момент я уже не стал бы им мешать. Я был уверен: их страсть не найдет своего логического завершения. Спустя много лет и Лостра, и Тан подтвердили мне это. Моя госпожа была девственницей в день своей свадьбы. Если бы кто-нибудь из нас троих знал, как близок этот день, мы вели бы себя совсем по-другому.

Хотя я остро ощущал опасность, угрожавшую нам, пока влюбленные оставались наедине, не мог ни словом, ни действием разлучить их. Рубцы от кнута Расфера еще жгли мне спину, а в глубине души, где прячутся грехи, недостойные мысли и влечения, таилась жгучая зависть к влюбленным, но я все равно позволил им оставаться наедине гораздо дольше, чем следовало.

Я не слышал приближения вельможи Интефа. Он подбивал свои сандалии мягкой лайковой кожей, чтобы заглушить шаги, и двигался бесшумно, как призрак. Многие придворные и рабы испытали на себе кнут или удавку Расфера, обронив неосторожное слово, случайно подслушанное вельможей во время его беззвучных странствий по залам и коридорам дворца. Однако за многие годы жизни во дворце у меня развилось чувство, позволявшее ощутить его присутствие прежде, чем он появится откуда-нибудь из темного угла. Это чутье иногда подводит меня, но в тот вечер оно сослужило хорошую службу. Подняв глаза, я вдруг увидел его прямо перед собой: он выскользнул между колоннами гипостильного зала и пошел прямо ко мне, высокий и стройный, как поднявшаяся кобра.

– Вельможа Интеф! – воскликнул я так громко, что даже сам испугался. – Какая честь для меня видеть вас на репетиции! Я буду благодарен вам за любой совет или предложение... – Слова струей хлынули из моих уст. Я изо всех сил старался скрыть смущение и предупредить влюбленных об опасности.

Я преуспел в этом даже больше, чем ожидал. Я услышал испуганный шорох в шатре, где одевалась Лостра. Затем раздался легкий шелест задней стенки шатра, и Тан ушел той же дорогой, какой пришел.

В другое время мне бы не удалось так легко обмануть вельможу Интефа. Он сумел бы прочесть вину на моем лице так же легко, как иероглифы на стенах храма или мои собственные письмена на свитках. Однако в тот вечер он был ослеплен собственной яростью и намеревался наказать меня за мой последний проступок. Он не буйствовал, не кричал. Вельможа наиболее опасен тогда, когда говорит мягким, шелковым голосом и ласково улыбается.

– Милый Таита, – произнес он почти шепотом, – я узнал, что ты внес кое-какие изменения в начальное действие спектакля, хотя я лично утвердил сценарий. Я не могу поверить в подобное своеволие с твоей стороны. Я пришел сюда по такой жаре, дабы самому убедиться в этом.

Разыгрывать невинность или неведение было уже бесполезно, поэтому я склонил голову и постарался придать своему лицу огорченное выражение.

– О, мой господин, это не я приказал внести изменения. Это его святейшество, настоятель храма Осириса...

Однако вельможа нетерпеливо оборвал меня:

– Разумеется, он, но только после твоих уговоров. Мы же оба прекрасно знаем старика. В его голове с рождения не появлялось ни одной собственной мысли, а в твоей их более чем достаточно.

– Но, мой господин! – возразил я.

– Что ты придумал на этот раз? Опять сон, ниспосланный тебе богами? – спросил вельможа Интеф, и голос его зазвучал тихо и ласково, как шипение священных кобр, которые кишели на каменном полу храма.

– Но, мой господин! – Я изо всех сил старался изобразить благородное негодование. Я в самом деле красочно описал настоятелю, как Осирис явился мне во сне в образе черного барана и пожаловался, что на его празднике в храме должна пролиться кровь.

До этого жрец не возражал против реалистического представления, которым вельможа Интеф собирался развлечь фараона. Я прибегал к помощи снов, только когда был не в силах убедить вельможу иными способами. Сама мысль об участии в столь низком зрелище, запланированном вельможей на первое действие спектакля, внушала мне глубокое отвращение. Конечно, мне известно, что некоторые дикие народы Востока приносят людей в жертву своим богам. Касситы, живущие на востоке за реками-близнецами Тигром и Евфратом, бросают новорожденных в горящую печь. Караванщики, которые бывали в тех далеких странах, рассказывают и о других жестокостях, творящихся там во имя религии, например, об убийствах девственниц ради хорошего урожая или обезглавливании пленных перед статуей трехголового бога.

Мы же, египтяне, люди цивилизованные, поклоняемся мудрым и справедливым богам, а не кровожадным чудовищам. Я попытался убедить своего господина в этом. Я объяснял ему, что только один раз за всю историю Египта фараон принес в жертву людей в храме Сета, а затем четвертовал их трупы и разослал забальзамированные части тел правителям каждого нома вместо предупреждения. В истории это и сегодня вспоминают с отвращением. Менотепа и по сей день называют кровавым царем.

– Это не человеческое жертвоприношение, – возражал вельможа. – Это заслуженная кара, которая будет приведена в исполнение новым способом. Ты же не будешь отрицать, милый Таита, что смертный приговор всегда был важной частью нашей системы законодательства? Тод – вор, он крал царские сокровища и должен умереть, хотя бы и для того, чтобы другим неповадно было.

Рассуждение казалось разумным, но я-то знал, что справедливость его нисколько не волнует, – он просто защищал свои сокровища и хотел произвести благоприятное впечатление на фараона, который так любил пышные зрелища. Так что выбора у меня не было. Пришлось отправиться спать, а утром рассказать свой сон настоятелю храма. А теперь вельможа Интеф улыбался мне, обнажая ряд безупречно белых зубов, и от этой улыбки кровь стыла у меня в жилах и волосы вставали дыбом.

– Послушайся моего совета, – прошептал он мне прямо в лицо. – Пусть тебе сегодня приснится другой сон. И какой бы бог ни явился тебе в прошлый раз, пусть сегодняшний отменит предыдущее повеление настоятеля и одобрит мой сценарий. Если этого не произойдет, у Расфера снова найдется работа. Это я тебе обещаю. – Он повернулся и пошел прочь, оставив меня у шатра. Меня переполняло двойственное чувство: с одной стороны, он не обнаружил влюбленных, а с другой стороны, к моему огорчению, мне теперь придется выполнить его ужасное повеление.

Однако после ухода вельможи репетиция прошла с таким успехом, что настроение мое снова улучшилось. Лостра сияла от счастья после свидания с Таном, и ее красота казалась божественной, а молодой и могучий Тан походил на воплощение молодого Гора.

Разумеется, меня не могло не расстроить появление на сцене моего Осириса, потому что теперь я знал, какую судьбу уготовил ему вельможа Интеф. Осириса играл красивый мужчина средних лет по имени Тод, который был судебным приставом, пока его не поймали на воровстве сокровищ из казны вельможи Интефа: ему понадобились деньги на содержание молодой и дорогостоящей куртизанки. Я не чувствовал особого удовлетворения от того, что мой анализ счетов выявил несоответствие доходов и расходов.

Вельможа освободил Тода из-под стражи до вынесения приговора, чтобы он сыграл роль бога подземного царства в моей мистерии. Вельможа обещал не судить его, если он хорошо сыграет роль Осириса. Несчастный Тод не подозревал, какая опасность скрывается за словами Интефа, и с рвением, достойным сочувствия, принялся играть бога, поверив, будто сможет заработать себе прощение. Он не знал, что вельможа тайно подписал смертный приговор и вручил свиток Расферу, который был не только государственным палачом, но и по моему выбору должен был сыграть Сета в нашем маленьком спектакле. Мой господин решил, что Расфер может совместить обе обязанности в тот вечер, когда мистерия будет представлена фараону. Хотя Расфер был единственным кандидатом на роль Сета, теперь, глядя, как он репетирует первое действие спектакля с Тодом, я сожалел о своем выборе. Я содрогнулся при одной мысли о том, насколько настоящее представление будет отличаться от репетиции.

После репетиции я исполнил свой приятный долг, проводив госпожу обратно на женскую половину дворца. Она не позволила мне уйти, оставив сидеть с ней и слушать восторженный пересказ событий дня и той роли, которую Тан в них сыграл.

– Ты видел, как он воззвал к великому богу Гору и как бог немедленно пришел к нему на помощь. Конечно же, он пользуется полным покровительством и защитой Гора, правда? Гор не позволит никакому злу случиться с ним – в этом я совершенно уверена.

Мне пришлось выслушать множество подобных мыслей, и она ни разу не вспомнила о разлуке и самоубийстве. Как легко меняется ветер молодой любви!

– После сегодняшнего подвига Тана – спасения барки государства от крушения – он, конечно же, должен завоевать высокое расположение фараона, правда, Таита? Пользуясь благосклонностью и бога, и фараона, он сможет остаться здесь, а мой отец не посмеет послать его прочь. Ты согласен, Таита?

Лостра как будто предлагала мне подтвердить и одобрить каждую счастливую мысль, которая приходила ей в голову, и она не разрешила мне покинуть женскую половину, пока я не запомнил по меньшей мере дюжину посланий бессмертной любви и не поклялся лично передать их Тану.

Когда же, измученный, я наконец добрался до своих комнат, мне не пришлось отдохнуть и там. Почти все мальчики-рабы ждали меня, такие же веселые и возбужденные, как и госпожа. Им не терпелось узнать мое мнение о событиях того дня, и особенно о том, как Тан спас барку фараона, и о значении этого происшествия. Они толпились вокруг меня на террасе у реки, пока я кормил своих зверюшек, и изо всех сил старались привлечь мое внимание.

– Старший брат, правда, что Тан воззвал к богу о помощи и бог немедленно вмешался? Ты видел, как это случилось? Говорят, что бог повис над головой Тана в образе сокола, простирая крылья над его головой. Это правда?

– А правда, что фараон наградил Тана титулом Товарища Фараона и подарил ему поместье в пятьсот федданов* плодородной земли на берегу реки?

– Старший брат, говорят, что оракул святилища Тота, бога мудрости, в пустыне составил гороскоп Тана. Оракул предсказывает, что Тан будет величайшим воином в истории Египта и фараон будет почитать его выше всех своих людей.

Сейчас забавно вспоминать их детские возгласы и вопросы, понимая, сколько истины прозвучало в них. Однако в то время я отогнал от себя эти мысли, а заодно и мальчишек, придав своему лицу суровое выражение.

Я укладывался спать с мыслью о том, что население городов-близнецов Луксора и Карнака полюбило Тана всей душой, а это обременительная, если не сомнительная, честь. Слава в наро-

---

* Феддан – земельная мера в Египте, равная 0,42 га. – *Примеч. ред.*

де возбуждает зависть высоких сановников, а восхищение толпы переменчиво. Люди с равным удовольствием и разрушают кумиров, от которых устают, и ставят себе новых.

Гораздо безопаснее жить невидимым и незаметным, к чему я всегда и стремился.

После полудня шестого дня праздника торжественная процессия оставила виллу фараона в середине царских владений между Карнаком и Луксором и отправилась к храму Осириса по церемониальной аллее, окаймленной двумя рядами гранитных львов.

Огромная волокуша, на которой возвышался золоченый трон фараона, была столь велика, что людям, тесной толпой стоявшим по краям аллеи, приходилось высоко задирать головы, чтобы разглядеть царя. Волокуша двигалась по аллее, влекомая упряжкой из двадцати могучих быков с венками цветов на рогатых головах. Ее полозья с громким скрежетом царапали каменные плиты аллеи.

Во главе процессии шли сто музыкантов, которые играли на лирах и арфах, били в бубны и барабаны, гремели трещотками и систрами, дули в длинные прямые трубы из рогов сернобыков или витых рогов диких баранов. За ними следовал хор из ста лучших певцов Египта, исполнявший хвалебные гимны фараону и богу праздника Осирису. Хором, разумеется, управлял я. За нами следовала почетная стража из отряда Синего Крокодила с Таном во главе. Толпа приветствовала его криками. Когда он проходил мимо в своих блестящих доспехах и шлеме, украшенном страусовыми перьями, многие девушки визжали от восторга и падали в обморок, не выдерживая прилива чувств, которые охватывали их при виде нового героя.

За почетной стражей шел великий визирь со своими знаменосцами, потом шествовала знать, а также часть отряда Сокола, и только за ними следовала огромная волокуша фараона. Всего же здесь собралось несколько тысяч самых богатых и влиятельных людей Верхнего царства.

Когда мы приблизились к храму Осириса, настоятель и все жрецы выстроились на лестнице, заняв места между высокими пилонами, чтобы встретить фараона Мамоса. Храм блестел свежей краской, и в теплых, светло-желтых лучах заходящего солнца барельефы на внешних стенах сверкали разнообразием цветов. Веселое облако знамен и флагов колыхалось на шестах, закрепленных в отверстиях стен.

У основания лестницы фараон спустился со своего трона и стал величественно подниматься по лестнице из ста одной ступени. Хор занял места по обеим сторонам лестницы. Я стоял на пятидесятой ступени и успел разглядеть царя за те несколько секунд, пока он поднимался по лестнице мимо меня.

Я уже видел фараона, поскольку он был моим пациентом, но забыл, как мал его рост для бога. Он едва доставал мне до плеча, однако высокая корона Египта придавала ему величие. В руках, сложенных по обычаю на груди, он держал плеть и посох – знаки царской власти и божественного происхождения. Я вновь отметил, как гладки и безволосы, почти женственны, его руки и как малы и стройны ноги. Пальцы рук и ног украшали кольца. На предплечьях были амулеты, а на запястьях – браслеты. Грудь украшала пластина красного золота, инкрустированная многоцветным фаянсом с изображением бога Тота, несущего перо истины. Эта драгоценность была настоящим сокровищем, и за пятьсот лет своего существования она украшала грудь семидесяти царей до нашего фараона.

Лицо его под высокой двойной короной покрывала пудра белого, как у покойника, цвета. Глаза были очерчены угольно-черной краской, а губы – ярко-алой. И все же, несмотря на толстый слой грима, лицо казалось вздорным, губы, тонкие и прямые, выглядели бессильными. Глаза, как и следовало ожидать, беспокойно скользили по окружающим.

Фундамент великого дома Египта дал трещину, и царство раздирали междуусобицы. Даже у бога есть свои тревоги. Когда-то царство простиралось от моря за семью рукавами дельты на севере до первых порогов к югу от Асуана и было величайшей империей на Земле. Но он и его

предки выпустили из рук царство, и теперь враги стаями кружили вокруг границ и поднимали вой, как гиены, шакалы и стервятники, пирующие на трупе Египта.

На юге угрожали черные племена Африки, на севере, по берегам великого моря, свирепствовали морские пираты, а в дельте Нила засели войска лжефараона. На западе, в пустыне, жили коварные бедуины и хитрые ливийцы, а на востоке, что ни день, появлялись новые огромные племена, и все они наводили ужас на нашу страну, которую многочисленные поражения научили робости и лишили уверенности в своих силах. Ассирийцы и мидийцы, касситы, хурриты, хетты – им, казалось, не было числа.

Каково же преимущество нашей древней цивилизации, если она дряхлеет и слабеет с течением времени? Как сможем мы сопротивляться варварам с их дикой яростью, жестокостью, наглостью и страстью к насилию и грабежу? Я был убежден, что этот фараон, как и те, которые предшествовали ему, не способен вернуть стране былую славу. Он даже не мог родить себе наследника. Отсутствие наследника короны Египта, казалось, беспокоило его даже больше возможной потери трона. Он уже возвел на брачное ложе двадцать жен. Все они рожали ему дочерей. У него было целое племя дочерей и ни одного сына. Фараон не желал признавать, что в этом виноват скорее всего он, их отец. Он советовался с каждым известным врачом Верхнего царства и посетил каждого предсказателя и каждое важное святилище.

Я знал об этом, потому что сам был одним из тех ученых лекарей, к которым он обращался. Признаться, не без трепета думал я, какой рецепт выписать богу, и даже удивлялся, зачем ему советоваться с простым смертным по такому деликатному вопросу. Тем не менее я прописал ему бычьи яйца, жаренные в меду, и посоветовал найти самую красивую девственницу в Египте и возвести ее на брачное ложе не позже чем через год после ее первых месячных.

Я не очень доверял своему собственному средству, однако яйца быка, приготовленные по моему рецепту, – блюдо вкуснейшее, а поиск самой красивой девственницы в стране развлечет фараона и позволит сочетать приятное с полезным. Да и с чисто практической точки зрения, если фараон будет спать с достаточно большим количеством молодых женщин, какая-нибудь из них наверняка родит ему сына.

Во всяком случае, я утешал себя тем, что мои лекарства не были столь суровыми, как средства, предлагаемые моими старшими собратьями. В особенности это касается отвратительных снадобий, выдуманных сумасшедшими знахарями из храма Осириса, которые называют себя врачами. Если мое лекарство не принесет никакой пользы, оно наверняка не повредит – в этом я был абсолютно уверен. Если бы я только знал, каковы будут последствия моего легкомысленного совета и как судьба накажет меня за него! Я бы скорее сам сыграл роль Тода в своей мистерии, чем вымолвил хоть слово фараону.

Я был польщен и несколько удивлен, когда услышал, что фараон принял мой совет всерьез и приказал своим номархам и правителям прочесать всю страну от Эль-Амарны до порогов в поисках быков с сочными яйцами и девственниц, которые могли соответствовать требованиям моего рецепта. Мои осведомители при царском дворе сообщали мне, что он уже отверг сотни претенденток на титул самой красивой девственницы в стране.

Но вот царь быстро прошел мимо меня и вошел в храм под подобострастные завывания жрецов и раболепные поклоны настоятеля. Великий визирь и его свита последовали за фараоном, а за ними беспорядочной толпой ринулись менее знатные подданные, которым хотелось занять места перед сценой. Места в храме было мало. Только могущественные и очень знатные люди могли купить себе место у вороватых жрецов и пройти во внутренний двор. Остальным пришлось смотреть мистерию через ворота во внешнем дворе. Многие тысячи придворных будут разочарованы, так как им придется довольствоваться чужими рассказами о представлении. Даже мне, устроителю спектакля, удалось пробиться через толпу только после того, как Тан

увидел, в какую переделку я попал, и послал мне на помощь двух своих людей, которые проложили мне дорогу в помещение, отведенное актерам.

Перед началом спектакля нам пришлось вытерпеть несколько витиеватых речей. Их произносили все, начиная с местных чиновников и правителей и кончая самим великим визирем. Во время прелюдии я проверил еще раз, все ли готово к представлению. Я переходил от шатра к шатру, проверял костюмы и грим актеров, успокаивал некоторых из них, помогая преодолеть приступы страха перед сценой, или удовлетворял простые капризы.

Несчастный Тод с испугом думал, что его игра может не понравиться Интефу. Мне удалось успокоить его. Я заставил его выпить немного порошка красного шепена, чтобы ослабить боль, которую ему предстояло испытать.

Когда я подошел к шатру Расфера, тот пил вино с двумя дружками из дворцовой стражи и точил камнем клинок короткого бронзового меча. Я сам придумал для него грим, чтобы сделать его еще более отвратительным, чем в жизни, а это было совсем нелегкой задачей. И сразу понял, насколько удачен мой грим, когда он осклабился, обнажив свои черные страшные зубы, и предложил мне вина.

– Как твоя спина, красавчик? На, попробуй мужского питья! Может, оно вернет тебе яйца.

Я уже привык к его издевкам и сумел сохранить достоинство, сказав ему, что вельможа Интеф отменил приказ настоятеля и что первое действие будет разыгрываться в своем первоначальном виде.

– Я уже говорил с вельможей Интефом. – Он поднял меч. – Потрогай клинок, евнух. Я хочу, чтобы ты был доволен его работой.

Меня подташнивало, когда я выходил из его шатра.

Хотя Тан не появится на сцене до второго действия, он уже надел свой костюм. Спокойно улыбаясь, взял меня за плечо:

– Ну, дружище, сегодня твой день. После сегодняшнего представления твоя слава драматурга разнесется по всему Египту.

– Как и твоя. Впрочем, она уже успела разнестись. Твое имя у всех на устах, – сказал я ему. Но он отмахнулся от моих слов со скромным и беззаботным смешком, а я продолжил: – Ты приготовил свою заключительную речь, Тан? Ты не хочешь прочесть ее сейчас?

По традиции актер, игравший Гора, в заключительной сцене спектакля обращался к фараону с посланием, которое якобы исходило от богов, а на деле – от его подданных. В старые времена это давало населению страны единственную возможность устами актера привлечь внимание царя к тому, что тревожило и о чем невозможно было говорить ему в другой ситуации. Однако в период правления последней династии эта традиция стала отмирать, и заключительная речь превратилась в простое восхваление божественного фараона.

Вот уже несколько дней я просил Тана отрепетировать его речь со мной, но каждый раз он увиливал от этого под такими пустяковыми предлогами, что теперь я даже начал подозревать, что он задумал глупость.

– Больше такой возможности не представится, – настаивал я, а он только смеялся в ответ.

– Я решил устроить сюрприз и тебе, и фараону. Я думаю, так будет интереснее вам обоим.

Я не смог убедить его отрепетировать речь. Временами он превращался в такого своевольного мальчишку, какого во всем Египте не сыщешь. Я ушел от него с обидой на сердце и отправился искать утешения в другом месте.

Я наклонился и вошел в шатер Лостры, и тут же застыл от изумления. Хотя я сам придумал ее костюм и давал указания служанкам, как именно наносить пудру, румяна и глазную тушь, но не был готов к такому неземному эффекту. На мгновение мне даже показалось, что свершилось чудо и богиня сама поднялась из подземного мира, чтобы занять место моей госпожи. У меня

перехватило дыхание, а ноги сами начали сгибаться в коленях от суеверного ужаса, но хихиканье госпожи вывело меня из оцепенения.

– Весело, правда? Мне не терпится посмотреть на Тана в полном костюме Гора. Он будет выглядеть настоящим богом.

Она медленно повернулась, чтобы я смог оценить ее костюм, и улыбнулась мне через плечо.

– Вы, госпожа моя, не меньше похожи на богиню, – прошептал я.

– Когда же начнется представление? – нетерпеливо спросила она. – Я так взволнована, что не могу больше ждать.

Я прижался ухом к стенке шатра и прислушался к гудению голосов в огромном зале. Понял, что подошел черед последней речи и в любой момент вельможа Интеф может вызвать на сцену актеров.

Я схватил руку Лостры и сжал ее.

– Не забудь сделать долгую паузу и принять надменный вид перед тем, как произнести первые слова, – предупредил я ее.

Она игриво хлопнула меня по плечу:

– Ступай прочь, старый ворчун, все будет великолепно, вот увидишь.

В тот самый момент вельможа Интеф заговорил громче.

– Божественный фараон Мамос, Великий дом Египта, Опора царства, справедливый, великий, всевидящий, всемилостивейший... – читал он титулы и почетные звания, а я заторопился из шатра Лостры и отправился к месту на сцене, где должен был начинать представление. Я спрятался за центральной колонной. Выглянув из-за нее, увидел, что весь внутренний двор храма забит битком; фараон и старшие из его жен сидели в переднем ряду на низких кедровых скамейках и потягивали из чаш прохладный шербет или вкушали финики и другие сласти.

Вельможа Интеф говорил с передней части алтарного возвышения, которое служило сценой. Большую ее часть от зрителей скрывал полотняный занавес. Я осмотрел все в последний раз, хотя исправлять что-либо было поздно.

Сцену позади занавеса украшали пальмы и акации, посаженные по моему указанию дворцовыми садовниками в кадки. Мои каменщики оторвались от работ в Городе Мертвых, чтобы построить каменную емкость в задней части храма, откуда поток воды потечет через сцену, изображая реку Нил.

Позади сцены от пола до потолка были натянуты полосы холста, на которых художники из Некрополя изобразили чудесные пейзажи. В вечерних сумерках при свете факелов, закрепленных в специальных отверстиях по краям сцены, декорации производили настолько реалистическое впечатление, что, казалось, переносили в другой мир и в другое время.

Кроме того, я решил позабавить фараона разными развлечениями и с этой целью поставил за сценой клетки с животными, птицами и бабочками. Их выпустят на волю, чтобы изобразить сотворение мира великим богом Амоном-Ра. В горючий состав факелов я внес специальные добавки, от которых пламя будет ярко вспыхивать малиновым и зеленым, заливая сцену потусторонним светом и испуская клубы дыма, будто перед нами подземное царство, где живут боги.

– Мамос, сын Ра, да живешь ты вечно! Мы, твои верные подданные, граждане Фив, просим тебя уделить свое высокое внимание низкому зрелищу, которое мы посвящаем твоему величеству.

Вельможа Интеф закончил приветственную речь и вернулся на место. Под звуки рога, раздавшиеся за сценой, я вышел из-за колонны и встал лицом к зрителям. Им пришлось долго скучать, сидя в неудобных позах на каменном полу, и теперь они жаждали развлечений. Публика хриплыми возгласами приветствовала мое появление, даже фараон улыбнулся в предвкушении.

Я поднял обе руки, призывая к тишине, и заговорил только тогда, когда наступила полная тишина.

– Я гулял по берегу реки под яркими лучами солнца. Я был молод, и силы молодости переполняли меня. Потом я услышал необычную, можно сказать – роковую, губительную музыку в камышах на берегу Нила. Я не узнал звуков арфы, и во мне не было страха, так как находился в расцвете мужских сил и любовь близких поддерживала меня. Музыка эта была непревзойденной красоты. Весело отправился я на поиски музыканта, не подозревая о том, что играла сама смерть и музыкой этой она хотела привлечь меня одного.

Мы, египтяне, зачарованы мыслями о смерти, поэтому я сразу глубоко взволновал своих зрителей. Послышались вздохи, некоторые из присутствующих содрогнулись.

– Смерть схватила меня и потащила в своих костлявых руках к Амону-Ра, богу солнца. Я слился с белым сиянием его плоти. Где-то далеко внизу рыдали любимые мной, но я не мог разглядеть их, и дни моей жизни, казалось, перестали существовать для меня.

Я впервые прочел свою прозу на публике и сразу понял, что мне удалось увлечь всех. Они слушали меня как зачарованные, затаив дыхание. В храме стояла полная тишина.

– Потом смерть отнесла меня высоко, откуда весь мир открывался моим взорам, словно круглый щит, сверкающий в синем море небес. Я видел всех людей из всех стран, которые когда-либо жили на Земле. Могучей рекой время потекло вспять передо мной. Люди вставали со смертного одра, молодели, уменьшались и исчезали в утробе матери. Время уходило все дальше назад, пока не появились первые мужчина и женщина. Я увидел их рождение и то, что было до него. Наконец на Земле не осталось больше людей. На ней жили только боги.

Но река времен по-прежнему текла вспять: через эпоху богов к темноте и первобытному хаосу. Затем ей некуда стало течь, и она повернула обратно. Время опять пошло в направлении, к которому я привык в дни моей жизни на Земле. Я увидел, как страсти богов и их мучения разворачиваются перед моими взорами.

Мои слушатели прекрасно знали богов нашего пантеона, но никто из них не слышал, чтобы их жития представлялись таким новомодным образом. Они сидели молча, как околдованные.

– Из хаоса и тьмы поднялся Амон-Ра, тот, кто создал себя сам. Я увидел, как Амон-Ра погладил свой детородный член, и тот испустил струю семени, которая могучей волной прокатилась по небу и оставила серебряный след, известный нам под названием Млечного Пути, пересекающего небо от края до края. Из его семени родились Геб и Нут, земля и небо.

– Бак-кер! – Чей-то дрожащий голос прервал тишину во дворе храма. – Бак-кер! – Старик настоятель не выдержал и благословил мое видение сотворения мира. Я был настолько поражен этим, что чуть не забыл следующую строчку. Ведь это самый суровый критик моего спектакля. Теперь он целиком встал на мою сторону, и голос мой торжественно зазвенел.

– Геб и Нут сошлись как мужчина и женщина, и от их соития, их страшного брака появились боги Осирис и Сет и богини Исида и Нефтида.

Я широко повел рукой в сторону сцены, и полотняный занавес медленно разошелся, открывая фантастический мир, сотворенный моим воображением. В Египте еще никто ничего подобного не видел, у зрителей захватило дух от удивления. Медленным торжественным шагом я ушел со сцены, и мое место занял бог Осирис. Зрители сразу узнали его по высокому бутылкообразному головному убору и по тому, как он скрестил на груди руки с посохом и плетью. В каждом семейном святилище стояла его статуэтка.

Монотонный почтительный гул исторгся из каждого горла. Успокоительное, которое я дал Тоду, придавало странный блеск его глазам, он убедительно играл божество из потустороннего мира. Он сделал магические движения посохом и плетью Осириса и объявил звучным голосом:

– Да будет река Атур!

И снова по рядам собравшихся прошел шорох, когда все поняли, что речь идет о Ниле, а Нил – это Египет и центр мира.

– Бак-кер! – воскликнул другой голос, и теперь, выглянув из своего укрытия за колонной, я удивился и обрадовался: это был сам фараон. Теперь моя мистерия получила благословение и духовных, и мирских властей. Я был уверен, что она будет признана официальной и заменит старую, просуществовавшую тысячу лет. Мне нашлось место среди бессмертных. Мое имя проживет тысячелетия.

Я весело приказал рабам открыть емкость с водой. Сначала зрители ничего не поняли. Когда они осознали, что стали свидетелями рождения Великой реки, тысячи глоток подхватили:

– Бак-кер! Бак-кер!

– Да поднимутся воды! – воскликнул Осирис.

И воды Нила послушно поднялись.

– Да опустятся воды! – вскричал бог, и по его приказу воды снова вернулись в русло. – А теперь да поднимутся воды снова!

Я приказал ведрами лить краску в воду, вытекающую из емкости в задней части храма. Сначала лили зеленую краску, чтобы имитировать цвет воды перед половодьем, а затем, когда вода поднялась, добавили темную, которая хорошо передавала цвет Нила во время сезонного наводнения.

– Да будут насекомые и птицы на Земле! – приказал Осирис, и в задней части храма открыли клетки, откуда с визгом, чириканьем, писком вылетело облако диких птиц и ярко окрашенных бабочек и заполнило весь храм.

Зрители, как маленькие дети, зачарованно протягивали руки к бабочкам, хватая и снова выпуская их в воздух в пространстве между высокими колоннами. Одна дикая птица – длинноклювый удод с яркими белыми, коричневыми и черными узорами на крыльях – бесстрашно подлетела к фараону и уселась прямо на его короне.

Толпа пришла в восторг.

– Знамение! – закричали все. – Благословен наш царь! Да живет он вечно!

И фараон улыбнулся.

Это, конечно, низко с моей стороны, но позже я намекнул вельможе Интефу, что специально обучил птицу выбрать из всех людей фараона, хотя, разумеется, это было невозможно. Но он поверил мне. Такая уж слава идет о моем умении обращаться с животными и птицами.

Осирис бродил в созданном им раю, и настроение зрителей было самым подходящим для начала трагедии, когда на сцену с воплем, от которого стынет в жилах кровь, выскочил Сет. Хотя все ждали этого появления, его мощь и отвратительный вид потрясли присутствующих. Женщины завизжали и закрыли лица руками, выглядывая на сцену из-за дрожащих пальцев.

– Что же ты наделал, брат? – зарычал Сет, придя в ярость от зависти. – Ты поставил себя надо мной? Разве я не бог, как ты? Что же ты, сотворил мир только для себя? Как же мне, твоему брату, разделить его с тобой?

Осирис ответил ему с достоинством – красный шепен держал его в своих оковах, и голос бога звучал холодно и отрешенно.

– Наш отец, Амон-Ра, отдал мир нам обоим. Однако он также дал нам право выбирать, как распорядиться им: во зло или в добро...

Я вложил эти слова в уста Осириса, и они зазвенели в храме. Это лучшее из когда-либо написанного мною, и зрители замерли от восхищения. Я один знал, что произойдет через мгновение, красота и сила моих слов не радовали меня. Я взял себя в руки и стал ждать.

Осирис заканчивал свою речь:

– Вот мир, каким я сотворил его. Если хочешь разделить его со мной в покое и братской любви, добро пожаловать, брат мой. Но если ты пришел с войной и гневом в душе, если зло и ненависть сжигают твое сердце, я приказываю тебе уйти.

Он поднял правую руку в блестящих прозрачных одеждах и указал путь Сету, по которому тот должен был покинуть рай земной.

Сет повел огромными и волосатыми, как у быка, плечами и зарычал так, что брызги слюны облаком вылетели из его рта, распространяя вокруг вонь гниющих зубов. Я почувствовал запах из-за своего укрытия. Сет высоко поднял широкий бронзовый меч и бросился на брата. Этой сцены мы не репетировали, и Осирис был застигнут врасплох. Он стоял, вытянув вперед правую руку. Клинок со свистом опустился вниз. Сет отрубил его кисть у сустава так же легко, как я бы обрезал побег виноградной лозы в саду. Она упала к ногам Осириса. Пальцы отрубленной кисти чуть дрожали.

Бронза была острой, а Осирис настолько не ожидал нападения, что какое-то время оставался без движения. Он только чуть качнулся. Зрители решили, что отрубленная рука – очередная театральная уловка, и быстро успокоились. Кисть, наверное, бутафорская, подумали они. Крови не было. Им стало очень интересно, но бояться пока было нечего. Вдруг Осирис с ужасным воплем отскочил в сторону и ухватился за обрубок. В этот момент кровь хлынула красной винной струей и забрызгала его белые одежды. Держась за обрубок и шатаясь, Осирис заковылял со сцены. Его крик, высокий непрерывный крик смертельной боли, взорвал самодовольство зрителей. Только сейчас они поняли, что стали свидетелями настоящего убийства. Страшная тишина сковала их своими цепями.

Не успел Осирис дойти до края сцены, как Сет поскакал за ним следом на своих коротких ножищах и догнал его. Он схватил Осириса за обрубок руки и потащил, как за рукоять, на середину сцены, где бросил несчастного на каменные плиты. Разукрашенная мишурой корона свалилась с головы Осириса, и косички черных волос рассыпались по плечам. Он лежал на каменном полу в увеличивающейся луже собственной крови.

– Пожалуйста, пощади меня! – завопил Осирис, но Сет вдруг расхохотался, стоя над ним. Он издал оглушительный гогот веселящегося мужчины. Расфер стал Сетом, и Сету было очень весело.

Этот дикий хохот вывел зрителей из оцепенения. Однако иллюзия была полной – они позабыли о том, что смотрят спектакль. Это ужасное зрелище стало для них реальностью. Женщины завизжали, а мужчины заорали в возмущении: ведь у них на глазах убивали их бога.

– Пощади его! Пощади великого бога Осириса! – завопили они, но никто не встал со своего места и не попытался выскочить на сцену и предотвратить трагедию. Они знали, что борьба и страсти богов не поддаются влиянию смертных.

Осирис шарил уцелевшей рукой по ноге Сета. Все еще смеясь, Сет схватил кисть этой руки, поднял ее и оглядел, как мясник осматривает ногу барана перед тем, как расчленить ее.

– Отруби ее! – раздался вопль, хриплый от жажды крови. Настроение толпы опять переменилось.

– Убей его! – закричал другой. Меня всегда тревожило, как вид крови и насильственная смерть действуют на самых тихих людей. Даже меня взволновала эта ужасная сцена. Подташнивало от ужаса, это правда, но тем не менее где-то в глубине моего существа возник какой-то отвратительный восторг.

Одним небрежным взмахом клинка Сет отрубил руку, и Осирис упал. Рука осталась в окровавленных лапах Сета. Осирис пытался подняться, но не мог опереться на руки, и ноги его судорожно били по земле, а голова моталась из стороны в сторону. Он продолжал кричать. Я попытался заставить себя отвернуться, но, хотя желчь обожгла мне горло, не мог отвести глаз.

Сет разрубил руку на три части там, где она соединялась в суставах, и по очереди бросил ее куски в зал. В полете они роняли на зрителей рубиновые брызги крови. Зрители рычали, как львы во время кормежки в зоопарке фараона, и тянули руки, чтобы поймать священные мощи своего бога.

Работал Сет с религиозным рвением. Он отрубил ступни Осирису, затем икры и бедренный сустав. И бросал их кусок за куском, а толпа криками просила еще и еще.

– Талисман Сета! – взвыл вдруг какой-то голос. – Дай нам талисман Сета!

И зрители подхватили этот крик. Как гласит миф о смерти Осириса, талисман этот – самое мощное из колдовских средств. Человек, который владеет им, управляет всеми темными силами подземного царства. Это единственный из четырнадцати кусков тела Осириса, который не смогли обнаружить Исида и ее сестра Нефтида, когда разыскивали части его тела по дальним уголкам Земли, куда Сет разбросал их. Талисман Сета – это та самая часть тела, которой Расфер лишил меня и которая сейчас лежит в середине ожерелья, украшающего мою шею, циничного подарка моего господина Интефа.

– Дай нам талисман Сета! – выла толпа. Сет протянул руку и поднял нижний край одежды безногого существа. Он по-прежнему хохотал. Я содрогнулся, узнав безжалостные нотки, такие знакомые мне по наказаниям, которые я терпел от его рук. В какое-то мгновение я снова испытал жгучую боль в паху, когда короткий меч блеснул в окровавленных руках Сета, и он поднял над сценой жалкие останки.

– Отдай нам, – молила толпа. – Отдай нам силу талисмана. – Спектакль превратил зрителей в стадо буйных зверей.

Сет будто не слышал их мольбы.

– Подарок! – закричал он. – Подарок одного бога другому богу. Я, Сет, бог Тьмы, посвящаю этот талисман божественному фараону Мамосу.

Он поскакал на кривых мощных ногах со сцены и положил свой сувенир у ног фараона. К моему удивлению, царь нагнулся и поднял. Несмотря на толстый слой пудры и грима, казалось, будто он потерял дар речи, будто эти жалкие останки действительно были реликвией бога. Я уверен: тогда он верил в это. Фараон держал их в правой руке в течение всего представления.

Увидев, что подарок принят, Сет поспешил на сцену, чтобы закончить бойню. Меня до сих пор преследует мысль о том, что это бедное существо с отрубленными руками и ногами было живо и чувствовало все до последней минуты. Я понял, что лекарство, которое дал, не смягчило боли. Я видел страшное мучение в его глазах, когда он лежал на сцене в озере собственной крови и мотал головой из стороны в сторону. Это была единственная часть тела, сохранившая способность двигаться.

Я испытал огромное облегчение, когда Сет наконец отрубил голову и поднял ее над толпой за черные косицы. Даже тогда это существо еще в ужасе смотрело вокруг себя, вращая глазами. Потом зрачки погасли и остекленели, и Сет бросил голову зрителям.

Так закончилось первое действие спектакля, и публика взорвалась такими оглушительными и восторженными аплодисментами, что чуть не расшатала колонны храма.

Во время перерыва рабы, мои помощники, убрали со сцены следы ужасной бойни. Меня больше всего беспокоило, как бы госпожа Лостра не узнала того, что в действительности произошло во время первого действия. Я хотел, чтобы она верила, будто все шло так же, как и на репетиции. Поэтому она все это время оставалась в палатке, а один из воинов Тана сторожил вход. Я позаботился также, чтобы ее черные служанки не смогли выскочить и подсмотреть бойню, а позже вернуться и доложить Лостре. Уверен, знай она истину, это слишком расстроило бы ее, и она не смогла бы сыграть свою роль. Пока мои помощники ведрами черпали воду из нашего Нила и смывали следы убийства, я поспешил подбодрить мою госпожу и убедиться в том, что мои предосторожности не оказались тщетными. Мне удалось скрыть от нее трагедию.

– О, Таита, я слышала аплодисменты, – радостно приветствовала она меня. – Все без ума от твоей мистерии. Я так рада за тебя! Ты заслужил этот успех. – Она заговорщицки усмехну-

лась. – Они, кажется, поверили, что Осириса убили по-настоящему, а бычья кровь, которую ты ведрами лил на Тода, была кровью бога.

– В самом деле, госпожа, их, по-моему, обманули наши маленькие хитрости, – согласился я с ней. Правда, меня все еще подташнивало и голова шла кругом от того, что я видел.

Госпожа Лостра ничего не подозревала, когда мы прошли на сцену, и только скользнула взглядом по темным пятнам на камнях. Я подвел ее к нужному месту и подсказал, как лучше встать, поправил факелы, чтобы они выгодно освещали героиню. Несмотря на привычку, от этой красоты у меня перехватило дыхание, и слезы потекли из глаз.

Я оставил Лостру за полотняным занавесом и вышел на середину сцены, чтобы снова обратиться к зрителям. На этот раз публика приветствовала меня без смеха. Каждый зритель, от фараона до самого низкого вассала, упивался моим голосом, пока я блистательной прозой описывал плач Исиды и ее сестры Нефтиды по умершему брату.

Когда я сошел со сцены, невидимые рабы раздвинули занавес, открыв печальную фигуру Исиды, и у публики захватило дух от красоты богини. После кровавого зрелища, завершившего первое действие, ее очарование казалось еще более волнующим.

Исида начала печальную песню об умершем, и голос ее зазвенел по темным залам храма. Она покачивала головой в такт песне, и маленькое изображение луны, увенчивавшее ее головной убор, украшенный рогами, бросало в публику яркие стрелы в отраженном свете факелов.

Я внимательно следил за лицом фараона. Он не отрываясь смотрел на Лостру, и губы его беззвучно шевелились, сочувственно повторяя слова, исполненные горем:

Сердце мое – газель
В львиных когтях печали...

Она оплакивала брата, и царь со всей своей свитой горевал вместе с ней.

Мед мне больше не сладок,
Цветы пустыни не пахнут.
Душа – опустевший храм,
Покинутый богом любви.

В переднем ряду несколько царских жен начали всхлипывать и что-то жалобно бормотать, но никто даже не взглянул на них.

С улыбкой я встречу смерть.
Я с радостью дам ей руку,
Если она отведет
Меня к моему властелину.

Теперь уже не только царские жены, а все женщины и большая часть мужчин плакали. Слова Исиды и ее красота были неотразимы. Казалось невозможным, что боги могут испытывать такие же чувства, как и смертные, но слезы медленно стекали по щекам фараона, оставляя следы черной туши, и он, моргая, как сова, смотрел на госпожу Лостру.

Нефтида вышла на сцену и спела дуэтом с сестрой, а затем они, взявшись за руки, пошли искать разбросанные куски тела Осириса.

Конечно же, я не стал подкладывать им настоящие куски тела Тода. Во время перерыва я приказал моим помощникам собрать его тело и отнести бальзамировщикам. Я сам оплатил расходы на похороны Тода. Мне хотелось как-то искупить свою вину за участие в убийстве не-

счастного. Там не было той части тела, которую фараон все еще держал в руке, но я надеялся, что боги сделают исключение и позволят Тоду войти в подземное царство и он не будет думать обо мне слишком плохо. Я считаю, что мудро иметь друзей везде, где только возможно, – и в этом мире, и в том, где мы можем оказаться после смерти.

Чтобы предоставить зрителям тело бога, я приказал художникам Некрополя изготовить великолепную картонную мумию, изображавшую Осириса в гробу в торжественном одеянии, со скрещенными на груди руками. Я разделил эту мумию на тринадцать частей, которые собирались как детские кирпичики.

Когда сестры находили каждую часть тела бога, то пели ей хвалебный гимн. Воспевали его руки, ноги, тело, божественную голову.

Такие глаза, как звезды в ночи,
Вечно должны светить.
Смерти туману их красоты
Саваном не укрыть.

Потом, когда они собрали тело Осириса, не считая недостающего талисмана, стали вслух рассуждать о том, как вернуть его к жизни.

Вот здесь-то мне и представилась возможность ввести в спектакль один существенный элемент, чтобы удовлетворить вкусы простого народа. В каждом из нас живет сильная склонность к похоти, и драматург или поэт всегда должен помнить об этом, если он хочет нравиться зрителю.

– Есть только один верный способ вернуть к жизни нашего дорогого господина и брата. – Я вложил эти слова в уста богини Нефтиды. – Одна из нас должна совершить акт деторождения с его разрушенным телом, чтобы оно соединилось воедино и в нем опять загорелась искра жизни.

Зрители заволновались и наклонились вперед в предвкушении нового зрелища. Это предложение пришлось по вкусу даже самым похотливым из них, склонным к кровосмесительству и некрофилии.

Меня долго мучило, как представить этот эпизод из мифа о воскресении Осириса. Госпожа моя потрясла меня, когда заявила однажды, будто сама хочет сыграть роль до конца. У нее даже хватило наглости указать мне с обычной дерзкой улыбочкой, что она приобретет ценные знания и опыт, исполняя эту роль. Я не уверен, шутила она или действительно хотела сыграть все сама, но не согласился, и у нее не было возможности доказать свою верность роли или отсутствие таковой. С ее репутацией и честью семьи шутить нельзя, это слишком ценный товар.

И вот по моему сигналу, когда полотняный занавес снова задернули и госпожа Лостра быстро покинула сцену, на ее место пришла одна из дорогих куртизанок, которая занималась своим ремеслом во дворце любви около порта. Я нанял эту девку, переговорив с несколькими представительницами ее профессии, отчасти из-за того, что ее красивое молодое тело очень походило на тело моей госпожи. Конечно, лицом своим она никак не могла сравниться с госпожой Лострой. Да я и не знаю, кто мог бы с ней сравниться.

Как только двойник богини занял свое место, позади сцены зажглись факелы, и ее тень появилась на занавесе. Она начала раздеваться самым соблазнительным образом.

Мужчины приветствовали ее телодвижения веселыми воплями, решив, что раздевается Лостра. Под их скабрезные шутки блудница двигалась все похотливее, и публика приняла это зрелище еще более одобрительно, чем убийство Осириса в первом действии.

Это место в спектакле долго мучило меня: как изобразить акт оплодотворения, если его просто некуда повесить? Мы только что видели, как Осириса насильственным путем лишили

нужного штырька. В конце концов пришлось прибегнуть к старому театральному фокусу, который так раздражает меня в работах других драматургов. Я имею в виду вмешательство богов и их сверхъестественную власть.

Госпожа Лостра говорила из-за кулис, а ее второе «я», представленное в виде тени на занавесе, встало над мумией Осириса и выполнило магические движения.

– Мой дорогой брат, редчайшей и чудеснейшей властью, данной мне нашим прародителем Амоном-Ра, я возвращаю тебе те мужские части твоего тела, которых жестокий Сет лишил тебя, – пропела госпожа.

Я снабдил мумию небольшим устройством, благодаря которому за веревочку, протянутую через блок под крышей храма над самим Осирисом, можно было поднять необходимый предмет. При последних словах Исиды деревянный фаллос почти с руку длиной, прикрепленный к паху бога, поднялся во всем своем царственном великолепии. Зрители ахнули от восхищения.

Когда Исида ласкала его, я дергал за веревочку, и он тоже дергался и как бы изгибался. Зрителям это нравилось, но больше всего им понравилось, когда богиня оседлала простертую мумию божества. Судя по тому, насколько умело изображала она экстатические движения гибкого тела, блудница, которую я выбрал, действительно была одной из величайших представительниц своей профессии. Зрители признали великолепие игры и все время подбадривали ее неистовыми воплями и похабными советами.

Во время кульминации этого эпизода факелы погасли, и храм погрузился в темноту. В темноте произвели замену актеров, и когда факелы зажглись снова, госпожа Лостра стояла посреди сцены с новорожденным младенцем на руках. Одна из рабынь на кухне предусмотрительно родила за несколько дней до этого, и я одолжил у нее ребенка на спектакль.

– Я дарю вам новорожденного сына Осириса, бога подземного царства, и Исиды, богини луны и звезд.

Госпожа Лостра подняла младенца над своей головой, и он, пораженный видом толпы чужих людей, скорчился, покраснел и заорал.

Исида заговорила громче, перекрывая его крик:

– Приветствуйте молодого владыку Гора, бога ветра и неба, сокола небес! – Люди Гора составляли половину аудитории, и их восторгам по поводу рождения покровителя не было границ. С громкими криками они вскочили на ноги, и второе действие закончилось таким же триумфом, как и первое, а позже выяснилось, что наш новорожденный бог смертельно опозорился – с перепугу он основательно испачкал свои пеленки.

Я начал последнее действие декламацией, описывающей детство и взросление Гора. Я говорил о священном долге, возложенном на него Исидой, и едва произнес эти слова, как занавес раздвинулся и посередине сцены зрителям предстала богиня.

Исида купалась в Ниле в сопровождении своих служанок. Влажная одежда липла к телу, и великолепная бледная кожа просвечивала через мокрое полотно. Неясные очертания груди увенчивали розовые бутончики девственных сосков.

Тан в наряде Гора вышел из-за кулис, и его фигура тут же заполнила всю сцену. Блестящие доспехи и гордая осанка воина прекрасно оттеняли красоту богини. Многочисленные победы в сражениях на реке и его последний подвиг – спасение царской барки – привлекли к нему внимание зрителей. Тан стал любимцем толпы. Не успел он начать свою речь, как все стали приветствовать его, и аплодисменты продолжались так долго, что актеры, казалось, окаменели на своих местах.

Пока бушевала буря приветствий, я нашел в толпе несколько лиц и проследил за их выражением. Нембет, Великий Лев Египта, зло осклабился и что-то бормотал себе в бороду, не

скрывая раздражения. Фараон великодушно улыбнулся и кивнул, чтобы сидевшие за ним заметили его расположение и их восторги разгорелись еще жарче. Вельможа Интеф, который никогда не плыл против течения, улыбнулся самой своей шелковой улыбкой и кивнул вместе с царем. В глазах же его, как я успел разглядеть из своего укрытия, сверкнула смертельная ненависть.

Наконец аплодисменты затихли, и Тан мог начинать, хотя и не без труда: стоило ему остановиться, чтобы перевести дух, как зрители снова принимались радостно приветствовать его. Только когда Исида запела свою песню, зрители смолкли.

Страдания отца взывают к мщенью;
Влиянье злой судьбы, преследующей нас,
Ты должен изменить.

Стихами Исида предупредила своего благородного сына об опасности и протянула к нему руки, одновременно и умоляя, и приказывая.

Проклятье Сета на твоей семье,
И снять его один лишь ты сумеешь.
Найди родного дядю, бога тьмы.
Свирепый вид и дерзкие манеры
Надменное чудовище покажут.
Когда найдешь его, начните бой.
Ты повали врага и крепкой цепью
Заставь его твоей отдаться воле.
Чтоб смертные и боги навсегда
Забыли о его поганой власти.

Не переставая петь, богиня ушла со сцены и оставила сына выполнять свой наказ. Зрители не отрываясь следили за всем происходящим, как дети слушают любимую, хорошо знакомую песенку, и уже начинали волноваться, так как знали, что сейчас произойдет.

Когда Сет наконец выскочил на сцену для решительного боя, вечного боя между добром и злом, красотой и уродством, долгом и бесчестьем, зрители уже были готовы к этому. Они приветствовали его криками неподдельной ненависти. Расфер вызывающе осклабился и стал плевать в публику, гордо расхаживая по сцене. Потом он сложил руки на половых органах и стал двигать бедрами взад и вперед, чтобы похабным жестом привести зрителей в ярость.

– Убей его, Гор! – завопили они. – Размозжи его уродливую морду! – Сет расхаживал перед ними, разжигая в них злобу.

– Размозжи ему морду!

– Убей убийцу великого бога Осириса! – ревела публика.

– Вырви ему потроха!

В глубине души зрители знали: это Расфер, а не Сет, но ненависть их от этого нисколько не слабела.

– Отруби ему голову! – орали они.

– Убей его, убей!

Наконец Сет сделал вид, будто в первый раз заметил своего племянника, и нахально заковылял к нему, показывая язык; он пускал слюну, как слабоумный, и она серебристой пленкой ложилась на его грудь. Мне трудно было поверить, что Расфер может заставить себя выглядеть еще более уродливо, чем обычно, но теперь он доказал, что это так.

– Кто это дитя? – спросил он и рыгнул прямо в лицо Гору. Тан не ожидал этого и невольно отступил назад с неподдельным выражением отвращения на лице, когда в нос ему ударил смрад прокисшего вина, все еще бродившего у Расфера в желудке.

Тан быстро пришел в себя и произнес свою реплику:

– Я Гор, сын Осириса.

Сет издевательски захохотал:

– Что ты ищешь, маленький сынок мертвого бога?

– Я ищу отмщения за убийство своего благородного отца. Я ищу убийцу Осириса.

– Тогда тебе больше не нужно его искать, – выкрикнул Сет, – потому что это я, Сет, победитель слабых богов. Я, Сет, пожиратель звезд и разрушитель миров.

Боги обнажили мечи и бросились друг на друга, столкнувшись посередине сцены. Клинок ударился о клинок, и бронза зазвенела. Чтобы уменьшить опасность случайного ранения, я попытался заставить их сменить бронзовые мечи на деревянные, но мои актеры не потерпели этого. Расфер обратился к вельможе Интефу, и тот приказал им пользоваться боевым оружием – мне пришлось подчиниться его власти. По крайней мере это придаст сцене более реалистический характер, решил я. И вот теперь они стояли друг перед другом, грудь в грудь, скрестив клинки, и свирепо смотрели друг другу в лицо.

Эта необычная пара совершенно несхожих людей, казалось, воплощала вековечный конфликт между добром и злом – основную мысль мистерии. Красавец Тан был высок и светловолос. Сет был черен и кряжист, с кривыми ногами и омерзительным лицом. Контраст их внешности буквально вызывал тошноту. Зрители пылали яростью, как и главные герои, сражавшиеся на сцене.

Они одновременно толкнули друг друга и отступили назад, а затем снова бросились вперед, нанося колющие и режущие удары, парируя удары и уклоняясь от них. Оба были прекрасно тренированными и умелыми фехтовальщиками, одними из лучших в войсках фараона. Клинки их мелькали, кружились и сверкали в лучах факелов так, что казались совершенно невесомыми, как солнечные лучи, отраженные рекой. Шум поединка походил на хлопки и шелест крыльев птиц, поднятых со своих гнезд. Когда мечи сходились, они гремели, как кузнечные молоты по меди.

То, что сторонний наблюдатель принял бы за хаос реального сражения, было на самом деле тщательно отрепетированным танцем. Оба прекрасно знали, как наносить каждый удар и как отражать удар противника. Два превосходных бойца занимались тем, к чему готовились всю свою воинскую жизнь, и движения их, казалось, не требовали никаких усилий.

Когда Сет наносил удар, Гор отражал его с таким опозданием, что конец клинка задевал его нагрудник и оставлял на нем яркий след. Затем Гор наносил ответный удар, и его меч проносился так близко к голове Сета, что срезал локон спутанных жестких волос, будто бритва цирюльника. Ноги их переступали грациозно и точно, как у храмовых танцоров, а движения были стремительны, как полет сокола или бег гепарда.

Толпа была загипнотизирована зрелищем. Потом какое-то внутреннее чутье предостерегло меня. Может быть, какой-нибудь бог тронул за локоть, кто знает? Во всяком случае, что-то находящееся вне меня заставило оторваться от созерцания боя и взглянуть на вельможу Интефа, который сидел в переднем ряду.

То ли глубокое знание вельможи Интефа, то ли чутье, то ли вмешательство богов, покровительствовавших Тану, вложили мне в голову страшную мысль. А может быть, действовали все три из вышеназванных сил. Однако я вдруг понял, почему на лице вельможи Интефа застыла уродливая волчья усмешка. Я понял, почему он выбрал Расфера на роль Сета. Я понял, почему он не пытался лишить Тана роли Гора в спектакле даже после того, как обнаружил его связь с госпожой Лострой. Я понял, почему он приказал воспользоваться настоящими мечами на сцене

и почему сейчас ухмыляется. Убийство Осириса не было последним кровопролитием. Расфер снова найдет применение своим талантам.

– Тан! – закричал я и бросился вперед. – Осторожно! Это ловушка, он хочет... – Мой крик утонул в реве толпы. Не успел я сделать второй шаг в сторону сцены, как сзади меня схватили за руки. Я попытался вырваться, но два негодяя, дружки Расфера, держали меня крепко и потащили со сцены. Их поставили специально на тот случай, если я попытаюсь вмешаться и предупредить друга.

– Гор, дай мне силы! – вознес я краткую молчаливую мольбу и вместо того, чтобы сопротивляться, бросился в ту же сторону, куда меня тащили. На какое-то мгновение люди Расфера потеряли равновесие, и мне удалось вырваться из их рук. Я сумел добраться до края сцены прежде, чем они снова схватили меня.

– Гор, дай мне голос! – взмолился я и завопил изо всех сил: – Тан, осторожно! Он хочет убить тебя!

На этот раз мой голос перекрыл рев толпы, и Тан услышал. Я видел, как его голова дрогнула и глаза прищурились. Однако Расфер тоже услышал меня. Он отреагировал мгновенно, нарушив отрепетированный бой. Вместо того чтобы отступить назад под градом ударов Тана, нацеленных на его голову, он ступил вперед и быстрым ударом снизу отбил меч Тана вверх.

Если бы не неожиданность, ему не удалось бы пробить оборону Тана, он не смог бы нанести тот удар, в который вложил всю мощь своих плеч и тела. Острие его клинка нацелилось на два пальца ниже края шлема, прямо в правый глаз Тану. Он мог проткнуть глаз и череп насквозь.

Однако своим криком я предупредил Тана, и это дало ему время собраться. Он сумел вовремя закрыться. Рукояткой меча нанес косой удар по кисти Расфера. Это отклонило острие меча на один палец. Одновременно Тан втянул подбородок и мотнул головой в сторону. Однако отклонился поздно и не смог полностью уйти от удара, и теперь клинок, который должен был проткнуть его глаз и череп насквозь, как гнилую дыню, рассек бровь до крови и скользнул по плечу.

Тут же полоска крови брызнула из мелкой раны и залила лицо, ослепив правый глаз Тана. Он вынужден был отступить перед бешеной атакой Расфера. Отступал, отчаянно отбиваясь и моргая, пытаясь смахнуть кровь с правого глаза. Казалось, он больше не сможет защищаться, и если бы меня не держали стражи дворца, я бы выхватил свой маленький, украшенный драгоценными камнями кинжал и бросился к нему на помощь.

Однако и без моей помощи Тан выдержал первую смертоносную атаку. Хотя Расфер нанес ему еще две раны – неглубокие порезы на левом бедре и на бицепсах правой руки, он продолжал уворачиваться, отбивать удары и уклоняться от них. Расфер продолжал наступать на него, не давая ему отдохнуть, собраться с силами и протереть глаза. Через несколько минут Расфер начал пыхтеть и хрипеть, как огромный лесной вепрь, и весь покрылся потом. Его бесформенный торс заблестел в свете факелов. Но от этого удары его не стали слабее или медлительнее.

Хотя сам я и не великий фехтовальщик, я занимался этим искусством. Поэтому часто смотрел, как Расфер тренируется на оружейном дворе, и очень хорошо знал его стиль фехтования. Он великолепно владеет атакой самум («подобно ветру пустыни»). Этот прием прекрасно соответствовал звериной мощи его тела. Я сотни раз видел, как он отрабатывал этот удар, и теперь по положению его ног понял, что он готовится к нему. Это последнее усилие, которое завершит бой.

Вырываясь из рук стражников, я снова заорал Тану:

– Самум! Приготовься! – Мне показалось, что мои слова утонули в реве толпы, переполнявшей храм, потому что Тан никак не отреагировал на них. Позже он сказал мне, что слышал меня и что второе мое предупреждение действительно спасло ему жизнь – ведь его правый глаз был залит кровью.

Расфер отступил назад на полшага – классическое начало самума, на мгновение ослабив давление на противника, чтобы тот занял нужную позицию. Потом он перенес вес на правую ногу, выставил вперед левую и после этого, оттолкнувшись правой ногой, оторвавшись от пола и выставив клинок перед собой, прыгнул вперед и понесся на врага, как чудовищный стервятник, взлетающий с трупа. Когда ноги его оторвались, а конец клинка нацелился на горло Тана, мне показалось, что удар неотразим. Ничто не сможет остановить смертоносный клинок. Он найдет свою цель. Существует только одна классическая защита от самума – это удар с остановкой.

В тот самый момент, когда Расфер уже не мог остановиться, Тан тоже бросился вперед с равной силой, но превосходящей грацией. Как стрела, выпущенная из лука, он рванулся на своего врага. Когда противники столкнулись в воздухе, меч Тана встретил клинок Расфера и скользнул вдоль него до самой рукоятки, жестко остановив его полет. Тан великолепно выполнил удар с остановкой.

Вся мощь и скорость столкнувшихся мужчин пришлась на клинок Расфера, тот не выдержал и треснул, оставив Расферу рукоять с коротким обломком. Затем противники сцепились, обхватив друг друга руками. Хотя клинок Тана остался целым, Расфер сумел зажать его руку, и Тан не мог воспользоваться им. Обе руки Тана и его меч оказались за спиной Расфера. Бойцы начали бороться, обхватив друг друга.

Борьба – одна из обязательных военных дисциплин, которой обязан владеть каждый воин египетского войска. И вот теперь, сжимая друг друга в сокрушительных объятиях, противники кружили по сцене и старались повалить друг друга. Они рычали, пытались сделать подножку, ударить друг друга забралами шлемов, но силы и решимость были равны.

Зрители давно уже поняли, что перед их глазами разыгрывается настоящий поединок не на жизнь, а на смерть. Я подумал было, что их аппетиты поугасли после первого акта мистерии, но ошибся. Они были неутолимы и снова и снова жаждали крови...

Наконец Расфер вырвал правую руку из объятий Тана. Он все еще сжимал в кулаке рукоять с коротким обломком клинка. И начал махать обломком, стараясь ударить в лицо Тана и попасть ему по глазам и по ране на лбу, чтобы усилить кровотечение и ослепить врага. Тан уклонялся от ударов, принимая их краем бронзового шлема. Как питон, извивающийся вокруг своей жертвы, он воспользовался моментом и обхватил покрепче грудь Расфера. И так сильно сжал своего противника, что лицо Расфера стало распухать и наливаться кровью. Тан выжимал из него воздух, и тому приходилось бороться с удушьем. Он начинал слабеть. Тан сжимал до тех пор, пока фурункул на спине Расфера не лопнул и желтый гной не потек до самого пояса.

Расфер задыхался, лицо его скривилось от боли, когда нарыв прорвался, и на какое-то мгновение он дрогнул. Тан заметил это, собравшись с силами, и начал теснить противника, опустив плечи и чуть поднимая его назад и вверх. Расфер терял равновесие, а Тан жал сильнее и сильнее, заставляя сделать шаг назад. Как только Расфер поддался, он пошел назад не останавливаясь, а Тан толкал его все дальше и дальше через сцену, направляясь к одной из гигантских каменных колонн. Сначала никто из присутствующих не понимал, что Тан задумал, а затем мы увидели, как он опустил меч горизонтально и прижал рукоять к хребту Расфера.

Клинок Тана с разгона ударился о каменную колонну. Металл заскрежетал по граниту, и вся сила удара пришлась на рукоять меча. Она остановила обоих мужчин, и вся мощь двух тяжелых тел загнала рукоять меча в хребет Расфера. Человека послабее это могло бы убить, и даже Расфера удар парализовал. Он вскрикнул от острой боли, выдохнув остатки вонючего воздуха из легких, и вскинул руки. Сломанная рукоять меча вылетела из его пальцев и покатилась по каменному полу.

Колени Расфера подогнулись, он повис в руках Тана. Тан подставил под его тело бедро, а затем мощным движением корпуса бросил Расфера через себя. Тот рухнул на каменные плиты

с такой силой, что я услышал, как ребра его затрещали, словно прутья в костре. Затылок запрыгал по каменным плитам, как тыква, сброшенная со скалы, и воздух со свистом вырвался из глотки.

Он застонал от боли. У него едва хватило сил, чтобы поднять руки и признать свое поражение. Однако Тан был настолько захвачен яростью боя и разгорячен ревом толпы, что просто обезумел. Он встал над телом Расфера и высоко поднял меч клинком вниз, схватившись за рукоять двумя руками. Зрелище это было ужасное. Кровь из раны на лбу превратила его лицо в блестящую дьявольскую маску, волосы на груди пропитались потом и кровью, и красные полосы проступили на одежде.

– Убей его! – ревела толпа. – Убей негодяя!

Острие меча Тана нацелилось в середину груди Расфера, и я приготовился увидеть, как его удар пронзит насквозь огромное тело. Я хотел, чтобы Тан сделал это, поскольку ненавидел Расфера больше, чем кого бы то ни было. Боги знают, у меня были на то причины: именно он оскопил меня, и я жаждал отомстить этому чудовищу.

Но желание мое было тщетным. Мне следовало бы лучше знать Тана: он никогда не убьет сдавшегося врага. Я увидел, как безумный огонь начал гаснуть в его глазах. Он чуть тряхнул головой, словно беря себя в руки, а затем, вместо того чтобы проткнуть поверженного врага, медленно опустил клинок, пока острие не укололо грудь Расфера, где среди спутанных грубых волос появилась гранатовая капелька крови. И Тан снова принялся играть свою роль.

– Так я подчиняю тебя своей воле и изгоняю тебя со света. Да будешь ты отныне властвовать мраком, и да не будет у тебя власти над благородными и добрыми людьми. Я даю тебе власть только над вором и трусом, наглецом и обманщиком, лжецом и убийцей, над грабителем могил и соблазнителем добродетельных женщин, над богохульником и предателем. Отныне ты становишься богом зла. Убирайся, и да скроется с тобой проклятие, нависшее над Гором и его воскресшим отцом Осирисом.

Тан поднял клинок меча над грудью Расфера и отбросил его в сторону, намеренно обезоружив себя перед противником, чтобы показать всю мощь своего презрения. Клинок загремел по каменным плитам, Тан отошел к нашему театральному Нилу и, опустившись на колени, набрал воды в ладони и плеснул на лицо, чтобы смыть кровь. Затем оторвал полоску материи от своего плаща и быстро завязал рану на лбу.

Две гориллы, дружки Расфера, отпустили меня и бросились на сцену спасать своего побежденного командира. Они подняли его на ноги, и он, шатаясь и спотыкаясь, хрипя и пыхтя, как чудовищная, поганая жаба, пошел со сцены. Я видел, что он серьезно ранен. Его потащили со сцены, а толпа кричала вслед издевательства и грубые шутки.

Я посмотрел на вельможу Интефа и на какое-то мгновение застал его врасплох. Все мои подозрения подтвердились. Именно так он хотел отомстить Тану. Хотел убить его на глазах у всего населения города, убить любимого на глазах собственной дочери, которой тоже хотел отомстить. Это было бы наказанием за то, что Лостра пренебрегла волей отца.

Злоба и разочарование, отразившиеся на лице моего господина Интефа, заставили меня самодовольно ухмыльнуться. Представить только, чем это грозит Расферу! Он наверняка скорее предпочел бы еще раз сразиться с Таном, чем подвергаться тому наказанию, которое выберет вельможа Интеф. Господин мой сурово обходился с теми, кто не оправдывал его доверия.

Тан еще тяжело дышал после поединка. Теперь, быстро переводя дыхание, он вышел на переднюю часть сцены и стал готовиться к декламации, которая завершит представление. Как только он встал лицом к собравшимся, все замолчали. Его гневное окровавленное лицо вызывало благоговейный страх.

Тан поднял обе руки к крыше храма и громко воскликнул:

– Амон-Ра, дай мне голос! Осирис, дай мне красноречие! – Это было традиционной мольбой оратора.

– Дай ему голос! Дай ему красноречие! – подхватила толпа. И хотя по лицам зрителей было видно, что они еще не опомнились от кровавой бойни, развернувшейся на их глазах, но уже жаждали новых развлечений.

Тан – существо необычное. Это человек действия, но также человек слов и мыслей. Я уверен, он был достаточно великодушен и мог бы признаться, что многие мысли, появившиеся в его голове, попали туда усилиями нижайшего раба Таиты. Однако там они находили плодородную почву.

Что же касается его ораторских способностей, речи Тана, обращенные к войскам перед боем, прославились на всю страну. Естественно, я участвовал не во всех сражениях, но речи были переданы мне Кратом, его верным другом и помощником. Я записывал многие из них на свитках папируса, поскольку они стоили того, чтобы их сохранить.

Тан говорил просто и умел увлечь народ. Я часто думаю, что именно честность и прямодушие придавали особую силу его красноречию. Люди доверяли ему и охотно шли за ним, куда бы он ни вел их, даже на смерть.

Я все еще переживал предшествующую сцену. Меня мучила мысль о том, насколько близок был Тан к гибели в ловушке, подстроенной ему вельможей Интефом. И очень интересовала речь, которую он приготовил без моего совета. Признаться, меня обидел отказ от помощи, да и последствия немало беспокоили. Тан не мог похвастаться такими добродетелями, как такт и вежливость.

Теперь фараон жестом предложил ему начинать. Он развел и снова скрестил руки с посохом и плетью на своей груди и милостиво кивнул. Собравшиеся молчали, напряженно вслушиваясь в то, что скажет им этот человек, и боялись пропустить слово.

– Это я, Гор, сокологоловый, говорю вам, – начал Тан, и они подбодрили криками:

– И правда – сокологоловый, слушайте его!

– Ха-Ка Птах! – Тан произнес архаичное слово, от которого произошло современное название Египта. Очень немногие осознавали, что начальное значение этого слова было «храм бога Птаха». – Я говорю с вами о древней земле, данной нам десять тысяч лет назад в те времена, когда боги были молоды. Я говорю вам о двух царствах, которые по природе своей едины и неделимы.

Фараон кивнул. Тан произносил обычные догмы, одобренные и светскими, и духовными властями, так как ни те ни другие не признавали лжефараона Нижнего царства и не желали слышать о его существовании.

– О, Кемет! – Тан воспользовался еще одним названием Египта, которое означает «черная почва» – по цвету ила, приносимого ежегодно половодьем Нила. – Я говорю вам о нашей земле, разоренной и разделенной, разрушенной войной, обескровленной и лишенной сокровищ.

Мое собственное потрясение отразилось на лицах всех, кто слушал его. Тан заговорил о том, о чем никто не смел говорить. Мне захотелось выскочить на сцену и зажать ему рот, чтобы он не мог продолжать свою речь, но я словно прирос к полу.

– О, Та-Мери! – Это было еще одно древнее название – «любимая земля». Тан хорошо усвоил историю, которой я учил его. – Я говорю вам о старых и дряхлых военачальниках и флотоводцах, которые слишком слабы и нерешительны, чтобы в бою отобрать царство у узурпатора короны. Я говорю вам о выживших из ума стариках, которые тратят наши сокровища и проливают кровь лучших молодых воинов, словно кислое вино.

Я увидел, как во втором ряду Нембет, Великий Лев Египта, покраснел от злости и свирепо запустил руку в бороду. Остальные старые военачальники, сидевшие за ним, нахмурились и беспокойно задвигались на своих скамейках, неодобрительно гремя мечами в ножнах. Только

вельможа Интеф улыбался, увидев, как Тан, избежав одной смертельной ловушки, сам полез в другую.

– Нашу любимую землю окружает стая врагов. Однако сыновья знати предпочитают отрубать большие пальцы рук, чтобы не защищать ее с мечом в руках. – Сказав это, Тан прямо уставился на Менсета и Собека, старших братьев Лостры, которые сидели за своим отцом во втором ряду. По царскому указу от военной службы освобождались те, кто из-за какого-либо физического недостатка не мог держать в руках оружие. Жрецы Осириса довели до совершенства искусство удаления первой фаланги большого пальца. Они делали это почти безболезненно, и опасности заражения не было. После операции человек уже не мог держать в руке меч или натягивать тетиву лука. Два лжеца хвастливо демонстрировали изуродованные кисти левых рук, когда играли в кости и веселились в прибрежном кабаке. Они считали, что отсутствие большого пальца свидетельствовало об особом уме и независимости духа, а не о трусости.

– Война – это игра, в которой старики играют жизнями молодых, – доказывали братья Лостры. – Патриотизм – это сказка, выдуманная старыми мошенниками, чтобы втянуть нас в адскую игру. Пусть они сами дерутся, если им хочется, а мы в этом не будем участвовать.

Я тщетно упрекал их, говоря о высокой чести быть подданным Египта. Чести, которая подразумевает определенные долг и обязанности. Они отмахивались от меня со всем высокомерием юности и невежества.

Теперь под пристальным взглядом Тана они заерзали на скамейках и спрятали кисти левых рук в складках одежд. Они были правшами, однако употребили все свое красноречие и даже золото, чтобы убедить чиновников, набирающих людей на военную службу, будто они левши.

Простой народ в конце огромного зала загудел и затопал ногами, выражая согласие с Таном. Это их сыновья заполняли скамейки гребцов на боевых ладьях или ходили в доспехах с оружием в руках по пескам пустыни.

Я в отчаянии ломал руки за кулисами. Короткой речью Тан сделал своими врагами по крайней мере пятьдесят молодых людей из знатных семей. А именно они однажды унаследуют власть и богатства Верхнего царства. Их вражда в сотни раз сильнее поклонения толпы. Я молил богов остановить Тана. За несколько минут он так навредил себе, что и за сто лет не исправишь. Но он продолжал:

– О, Та-Нутри! – Тан воспользовался еще одним древним названием нашей страны – «земля богов». – Я говорю о преступниках и грабителях, которые засели за каждым холмом и за каждым кустом. Крестьянин вынужден пахать со щитом на плече, а путешественник отправляться в путь с обнаженным мечом.

И снова простой народ зааплодировал ему. Шайки грабителей обложили всех тяжелой данью. Никто не мог чувствовать себя в безопасности за пределами глинобитных стен городов. А вожди грабителей, называвших себя сорокопутами, стали наглыми и бесстрашными. Они не уважали никаких законов, кроме своих собственных, и ни один человек не мог найти защиты от них.

Тан очень точно угадал настроение людей, и у меня вдруг появилось ощущение, что он метит гораздо дальше, чем кажется на первый взгляд. С подобных обращений к народу часто начинались перевороты, в которых свергались целые династии фараонов. Следующие слова Тана укрепили мои подозрения.

– Пока бедняк кричит от боли под кнутом сборщика податей, знать мажет ягодицы своих мальчиков-красавчиков самыми драгоценными маслами Востока... – В задних рядах поднялся рев, и мои страхи сменились трепетным волнением. Неужели все это тщательно продумано? Неужели Тан более хитер и скрытен, чем я думал?

«Клянусь Гором! – воскликнул я про себя. – Наша страна созрела для переворота, и кому, как не Тану, возглавить его!» Меня огорчало только, что он не доверился мне и не дал мне

возможности участвовать в его замыслах. Я бы задумал и провел переворот так же умело и ловко, как устраивал сады или писал мистерии.

Я вытянул шею, изо всех сил пытаясь заглянуть за головы зрителей и ожидая каждое мгновение увидеть Крата, врывающегося в храм во главе отряда воинов флотилии. Волосы у меня на голове и на руках встали дыбом от возбуждения, когда я представил себе, как они сорвут двойную корону Египта с головы фараона и поставят ее над окровавленным лбом Тана. С какой радостью закричал бы я вместе с ними: «Да здравствует фараон! Да здравствует фараон Тан!»

Тан продолжал, а перед глазами у меня понеслись странные, фантастические образы. Я увидел, как сбывается пророчество оракула из пустыни. Я представил себе Тана с госпожой Лострой рядом на белом троне Египта и себя самого за их спинами, в блистающем наряде великого визиря Верхнего царства. Но почему он не посоветовался со мной, перед тем как пуститься на такое опасное предприятие?

Следующая фраза все объяснила. Я неправильно понял Тана, моего честного, простого и доброго Тана, моего благородного, прямодушного и надежного Тана, которому не хватало только одного: хитрости, умения скрывать свои мысли и обманывать.

Заговора не было. Просто Тан решил сказать все, что было у него на уме, никого не страшась и не ожидая похвалы. Простой народ, который за несколько мгновений до этого в восторге ловил каждое его слово, теперь почувствовал, насколько острым может быть клинок его языка, когда он обрушился на них.

– Выслушай меня, о Египет! Что будет со страной, где злобные и низкие люди губят тех, кто сильнее их, где патриотов поливают грязью, где ни одного человека из прошлого не почитают за мудрость и где мелкие и завистливые душонки стараются повалить достойных людей и сровнять их с землей!

Приветственные крики в задних рядах смолкли, когда простой народ начал узнавать себя в этих негодяях. Без всякого усилия Тану удалось восстановить против себя каждого из них – великого и малого, богатого и бедного. «О, почему же он не посоветовался со мной?» – горевал я, а ответ был прост. Он не стал советоваться со мной, потому что знал: я бы постарался переубедить его.

– Разве можно говорить, что в обществе царит порядок, если раб свободно поносит и считает равным себе человека благородного происхождения? – обрушился он на них. – Разве должен сын поливать грязью отца и презирать мудрость, за которую тот заплатил сединой и морщинами? Как может прибрежная блудница носить кольца из драгоценного лазурита и считать себя выше добродетельной жены?

«Клянусь Гором, он никого из них не хочет пощадить, он будет бичевать всех», – горько подумал я. Как обычно, он совершенно забыл о собственной безопасности и стремился достичь цели самым простым и открытым путем.

Только один человек во всем храме был в восторге от его речи. Лостра появилась рядом со мной и схватила меня за руку.

– Разве он не прекрасен, Таита? – Она задыхалась от восхищения. – Каждое его слово – правда! Сегодня он в самом деле стал молодым богом.

У меня не хватило мужества даже согласиться с ней, и я печально склонил голову. Тан безжалостно продолжал:

– Фараон, ты – отец народа. Мы вопием к тебе о защите и спасении. Отдай дела государства и войны в руки честных и умных людей. Пусть негодяи и глупцы гниют в своих поместьях. Отзови неверных жрецов и скупых слуг царских, паразитирующих на теле нашей Та-Мери.

Гор ведает, что я ненавижу жрецов не меньше любого из присутствующих, однако только дурак или очень храбрый человек осмелится обратить на свою голову злобу каждого из этих

болтающих с богом в Египте, так как власть их беспредельна, а ненависть безжалостна. Что же касается царских чиновников, то их влияние и продажность воспитывались сотни лет, а возглавлял их вельможа Интеф. Я содрогнулся от жалости к своему дорогому глупому другу, а тот продолжал учить фараона, как перестроить египетское общество.

– Прислушивайся к словам мудреца! О царь, почитай художника и писца. Вознаграждай храброго воина и верного слугу. Искорени разбойников и грабителей, засевших в своих крепостях в пустыне. Дай народу пример правильной жизни, и тогда наша страна, наш Египет, снова расцветет и обретет величие.

Тан упал на колени в середине сцены и широко простер руки.

– О фараон, ты отец наш, мы вопием о любви нашей к тебе и просим только ответить нам отеческой любовью. Выслушай наши мольбы, просим тебя мы.

До этого момента я стоял в оцепенении, сознавая всю серьезность проступка моего друга, но теперь, хотя и поздно, я наконец очнулся и, словно в лихорадке, отдал приказ своим помощникам опустить занавес до того, как Тан навредит себе еще больше. Сияющие складки полотна слетели с потолка храма и скрыли Тана от зрителей, которые ошеломленно молчали, будто не могли поверить в то, что они увидели и услышали.

Фараон первым пришел в себя. Он встал на ноги, и лицо его под толстым слоем грима казалось абсолютно равнодушным. Когда он быстро пошел прочь из храма, собравшиеся простерлись перед ним. Перед тем как раболепно пасть ниц, я успел заметить выражение лица вельможи Интефа. Он торжествовал.

Я проводил Тана от храма к его скудно обставленному дому у пристани, где пришвартовались корабли флотилии. Я шел рядом с ним, не убирая руки с кинжала, в ожидании последствий его глупой честности, но Тан нисколько не раскаивался в своих действиях. Он, казалось, не замечал всей глубины своего грехопадения и был необычайно доволен собой. Я часто наблюдал, как человек, только что переживший страшное напряжение и смертельную опасность, становится болтливым и восторженным. Даже Тан, суровый воин, не был исключением.

– Давно пора было кому-нибудь подняться и сказать все это, ты согласен со мной, Таита? – Его громкий голос далеко разносился по темному переулку, как будто он специально зазывал наемного убийцу к себе. Я предпочитал молчать и не спорить с ним. – Ты не ожидал от меня такого, верно? Будь честным, Таита. Это было для тебя неожиданностью, не так ли?

– Это было неожиданностью для всех. – На этот раз я мог согласиться с ним, хотя и не без некоторого раздражения. – Даже фараона это ошеломило. Как и следовало ожидать.

– Но он слушал, Таита. Он выслушал все, я видел это. Я хорошо поработал сегодня вечером. Разве ты со мной не согласен?

Когда я попытался заговорить с ним о предательском нападении Расфера и намекнул на возможность подстрекательства со стороны вельможи Интефа, Тан даже слушать меня не хотел.

– Это невозможно, Таита, тебе это приснилось. Вельможа Интеф – лучший друг моего отца. Как может он желать мне зла? Кроме того, я скоро стану его зятем, правда? – И, не обращая внимания на свои раны, так громко захохотал, что разбудил людей в темных хижинах у дороги, и они начали ворчливо ругать его, требуя, чтобы он замолчал. Тан не обращал на них внимания. – Нет, нет, я уверен, ты ошибаешься! – воскликнул он. – Просто наш очаровательный Расфер решил сорвать на мне злобу. Но в следующий раз этого уже делать не будет. – Он обнял меня за плечи и сжал так сильно, что мне стало больно. – Ты дважды спас меня сегодня. Без твоего предостережения Расфер оба раза мог меня убить. Как тебе это удается, Таита? Клянусь, ты – тайный колдун и обладаешь даром видеть всех насквозь. – Он снова рассмеялся.

Как я мог погасить его радость? Тан торжествовал, как мальчишка. От этого я любил его еще больше. Не время было указывать ему на опасность, которую он сам навлек и на себя, и на всех нас, его друзей.

Ладно, пусть порадуется, а завтра я заставлю его услышать голос разума и осторожности. Поэтому я отвел его домой, заштопал раны на лбу, промыл порезы своей собственной смесью травяных настоев, чтобы предотвратить заражение. Затем заставил выпить настоя порошка красного шепена и оставил доброго Крата охранять его сон.

Когда я вернулся к себе, было уже за полночь, но меня ждали посланцы из двух мест: один был от госпожи Лостры, а двое других от побежденного Расфера. Нет сомнения, куда бы я предпочел пойти в первую очередь, если бы мог выбирать. Но выбора не было. Два разбойника Расфера схватили меня и потащили туда, где он лежал на пропотевшем матраце, изрыгая проклятия и стоны и взывая к Сету и всем богам засвидетельствовать его боль и его терпение.

– Добрый Таита! – прорычал он, с болезненным стоном приподнявшись на локте. – Ты не можешь себе представить, как мне больно. Грудь у меня горит. Клянусь, каждая косточка в ней раздроблена, и голова болит так, словно сжата ременной петлей.

Без особых усилий я подавил приступ жалости. Странное дело, но мы, врачи и лекари, не можем отказать в своих услугах даже самым отвратительным существам. Я смиренно вздохнул, раскрыл свою сумку и начал раскладывать хирургические инструменты и перевязочные материалы.

Меня очень обрадовало, что самодиагноз Расфера был абсолютно правильным. Помимо множества мелких царапин и синяков, по крайней мере три ребра у него были сломаны, а на затылке торчала шишка размером с кулак. Так что у меня был законный повод усугубить его страдания. Одно из сломанных ребер сместилось и грозило проткнуть легкое. Пока два здоровяка держали Расфера, а тот визжал и выл самым приятным образом, я вставил ребро на место и завязал ему грудь полотняными бинтами, пропитанными уксусом. Бинты сядут и сожмут грудь, когда уксус высохнет.

Затем занялся шишкой на затылке, на том месте, где он ударился головой о каменный пол. Боги часто проявляют щедрость. Когда я поднес к глазам Расфера светильник, зрачки его не расширились. У меня не было ни малейшего сомнения по поводу того, как нужно лечить. Кровавая жидкость накапливалась внутри уродливого черепа. Без моей помощи Расфер наверняка умрет до следующего заката. Я отбросил в сторону очевидное искушение и напомнил себе о долге хирурга перед своим пациентом.

В Египте, наверное, найдутся только три хирурга, способных трепанировать череп и при этом надеяться на успех, и лично я, пожалуй, не стал бы доверять двум другим. Я снова приказал двум здоровякам Расфера подержать его как следует лицом вниз, чтобы он не дергался на матраце. Судя по тому, как грубо они с ним обращались, забыв о его поврежденных ребрах, я решил, что особой любви к хозяину они не испытывают.

И снова вопли и визг наполнили ночь, делая мою работу радостнее. Я сделал полукруглый надрез вокруг шишки, а затем снял с кости широкий полукруг кожи. Теперь даже два крепких негодяя не могли удержать его на матраце. Он бился в их руках и брызгал кровью во все стороны до самого потолка. Брызги эти покрыли нас красными пятнами, будто мы заболели красной оспой. В конце концов, отчаявшись справиться с ним, я приказал кожаными ремнями привязать его за ноги и за руки к углам кровати.

– О, милый, добрый Таита, ты не представляешь, как мне больно! Дай мне хоть капельку сока твоего цветка. Умоляю тебя, друг мой, – скулил он.

Теперь, когда его надежно привязали к кровати, я мог откровенно разговаривать с ним.

– Я понимаю, мой добрый Расфер, как тебе плохо и какую боль ты испытываешь. Я тоже с благодарностью принял бы порошок этого цветка, когда ты резал меня. Но, старый друг мой,

запас порошка иссяк, а следующий караван с Востока, который доставит этот порошок, прибудет не раньше чем через месяц. – Я весело лгал ему, так как очень немногие знали, что я выращивал красный шепен в своем саду. Зная, что наибольшая радость еще впереди, я достал свое сверло.

Голова человека – это единственная часть тела, которая озадачивала меня как врача. По приказу вельможи Интефа все трупы казненных преступников передаются мне. Вдобавок Тан смог привести множество превосходных образцов с поля боя в кадках с рассолом. Я рассек на части все эти трупы и образцы и теперь знаю каждую косточку в теле человека и ее место в скелете. Я проследил путь, по которому пища входит в рот и проходит через тело. Я обнаружил огромный чудесный орган – наше сердце, укоренившееся между бледными пузырьками легких. Я изучал реки тела, по которым течет кровь, и обнаружил два вида крови, определяющие настроение и чувства человека.

Первая, разумеется, это яркая и веселая кровь, которая, если разрезать сосуд ножом хирурга или топором палача, бьет через правильные промежутки времени. Это кровь счастливых мыслей и красивых чувств. Это кровь любви и доброты. Кроме того, есть также темная, угрюмая кровь, которая течет слабо и не скачет от радости, как первая. Это кровь злобы и печали, горестных мыслей и дурных дел.

Я изучил все это и заполнил сотни папирусных свитков своими наблюдениями. Я еще не знаю человека, жившего в этом мире, кто знал бы столько, сколько знаю я, а об этих лекаришках из храмов с их амулетами и заклинаниями и не говорю. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них был в состоянии отличить печень от заднепроходного отверстия, не обратившись предварительно с мольбой к Осирису, не бросив кости и не получив, разумеется, кругленькую сумму за свои услуги.

При всей своей скромности могу сказать, что ни разу не встречал человека, который бы понимал человеческое тело лучше меня, и все же голова до сих пор остается для меня загадкой. Разумеется, я понимал, что глаза видят, нос чует запахи, рот ощущает вкус, а уши слышат, но для чего существует бледная каша, заполняющая костяную тыкву черепа?

Я не в состоянии понять это, и никто из живших на Земле людей не смог предложить мне удовлетворительное объяснение, кроме, пожалуй, Тана, который подошел к нему очень близко. Однажды мы провели с ним ночь, пробуя красное вино нового урожая, а на рассвете он проснулся и со стоном сказал:

– Сет специально поместил эту штуку в наши головы, чтобы отомстить человечеству.

Однажды я встретил человека, путешествовавшего с караваном, пришедшим из-за легендарных рек Тигр и Евфрат. Он тоже заявил, что исследовал человеческое тело. Он был мудрецом, и мы обсудили множество тайн природы за полгода, проведенные вместе. Однажды он предположил, что человеческие чувства и мысли происходят не из сердца, а из этой мягкой, аморфной сыворотки – нашего мозга. Я специально упомянул это предположение, чтобы показать, как глубоко может заблуждаться мудрый и ученый человек.

Никто из тех, кому приходилось изучать сердце, этот могучий орган, бьющийся собственной жизнью в середине нашего тела и питаемый двумя великими реками крови под защитой крепких костяных стен, не усомнится, что это и есть источник всех наших мыслей и чувств. С помощью крови сердце распространяет чувства по телу. Вы же наверняка чувствовали, как сердце ваше начинало волноваться и билось быстрее при звуках удивительной музыки, при виде красивого лица или от прекрасных слов тонкой речи? А разве в голове у вас когда-нибудь что-нибудь билось? Даже мудрец Востока вынужден был сдаться перед моей неумолимой логикой.

Ни один разумный человек не сможет поверить, что эта бескровная куча свернувшегося молока, неподвижно лежащая в костяном кувшине, может породить стихи или построить пира-

миду, заставить человека полюбить или пойти войной. Даже те, кто бальзамирует трупы, вычерпывают ее, когда готовят труп для долгого путешествия в мир иной.

Однако существует один парадокс: если эту клейкую массу повредить или задеть и если жидкость, скопившаяся в теле, начинает давить на нее, пациент обречен на смерть. Требуется очень хорошее знание строения головы человека и удивительная ловкость, чтобы суметь просверлить череп и не повредить мешочек с этой кашей. Я обладаю обоими этими качествами.

Я начал неторопливо сверлить кость черепа под непрерывные вопли Расфера, то и дело брызгая на рану уксуса, чтобы смыть осколки кости и свернувшуюся кровь. Эта едкая жидкость не улучшала состояния пациента, но усиливала громкость его голоса.

Внезапно острое бронзовое сверло прошло через череп, маленький точеный кружочек кости начал вылезать из раны под давлением крови внутри головы. Затем прямо мне в лицо ударила струя свернувшейся темной крови. Расфер обмяк. Я понял, не без тайной искорки сожаления, что он выживет. Когда же пришил кожу обратно, накрыв грозно пульсирующее отверстие, то подумал: не сослужил ли я дурную службу человечеству, сохранив жизнь этому его представителю?

Когда я уходил от Расфера, забинтовав ему голову, он уже храпел и бормотал что-то во сне в свиноподобной жалости к самому себе. Я вдруг почувствовал, что силы мои на исходе. Волнение и тревоги этого дня израсходовали даже мой огромный запас сил.

Однако отдохнуть мне не пришлось, так как посланец госпожи Лостры все еще торчал у меня на террасе и набросился на меня, стоило мне появиться там. Мне только позволили смыть кровь Расфера и сменить испачканную одежду.

Потом я заковылял к ней в комнаты, с трудом переставляя ноги, Лостра встретила меня гневным взглядом горящих глаз и грозно топнула ножкой.

– Ну и где же ты прятался, господин Таита? – тут же набросилась она на меня. – Я послала за тобой перед второй стражей, а теперь уже скоро восход. Как смеешь ты заставлять меня ждать?! Ты иногда забываешь о своем положении. Ты прекрасно знаешь, как наказывают наглых рабов... – Она разошлась вовсю, так как яд нетерпения не находил выхода уже несколько часов. Ее гневная красота поражала, а когда она столь восхитительно топнула ножкой, я почувствовал, что сердце мое готово разорваться от любви. – Что ты стоишь ухмыляясь? – бушевала она. – Я и в самом деле так разгневана, что готова выпороть тебя. – И снова топнула ногой. Я почувствовал, как усталость пала с моих плеч, словно тяжелая ноша. Одно ее присутствие могло вернуть меня к жизни.

– Госпожа моя, как прекрасно сыграла ты свою роль сегодня вечером. По-моему, все, кто видел тебя, решили, что настоящая богиня ходила среди нас...

– И не пытайся увиливать. – Она топнула ногой в третий раз, но уже не так уверенно. – На этот раз тебе так просто не отделаться.

– Правда, госпожа. Когда я шел из храма через толпу людей, твое имя звучало у всех на устах. Все говорили, что пела ты прекрасно и голос у тебя чистейший из тех, которые они когда-либо слышали. Ты похитила сердца всех зрителей.

– Я не верю ни одному твоему слову, – заявила она, но я заметил, что ей уже трудно сердиться. – По-моему, голос у меня сегодня был ужасным. Один раз по крайней мере я дала петуха и много раз спела не ту ноту.

– Мне придется возразить тебе, госпожа. Ты никогда не пела лучше, чем сегодня, а как ты прекрасна! Твоя красота освещала храм. – Моя госпожа Лостра совсем не тщеславна, но она женщина.

– Ты ужасный человек. Я в самом деле собиралась выпороть тебя. Правда собиралась. Ну ладно, иди сюда, садись рядом со мной на кровать и рассказывай. Я так взволнована, что, наверное, не буду спать целую неделю.

Она взяла меня за руку и подвела к постели, ласково щебеча о Тане и о том, как он своей прекрасной игрой и бесстрашной речью завоевал сердца всех зрителей, включая фараона; о том, как младенец Гор испачкал ее платье. Да неужели я в самом деле считаю, что пела она сегодня не так уж плохо? Может, я просто успокаивал ее?

Наконец мне пришлось остановить Лострy.

– Госпожа, скоро рассвет, а нам нужно успеть присоединиться ко двору и царю, когда он отправится за реку осматривать свой погребальный храм и усыпальницу. Тебе нужно немножко поспать, чтобы хорошо выглядеть на таком важном государственном празднике.

– Я не хочу спать, Таита, – возразила она и продолжала щебетать, а через несколько минут тихонько привалилась к моему плечу и уснула, не закончив предложения.

Я нежно опустил головку на подголовник резного дерева и накрыл ее одеялом из обезьяньего меха. Не смог заставить себя уйти сразу и на некоторое время застыл над постелью. Наконец нежно поцеловал ее в щеку. Не открывая глаз, она сонно прошептала:

– Как ты думаешь, у меня завтра будет возможность поговорить с царем о Тане? Только он может помешать отцу отослать Тана прочь.

Я не нашелся сразу и не смог ответить ей, а пока колебался, она снова уснула.

На рассвете я с трудом оторвал голову от постели – казалось, едва успел закрыть глаза, как уже снова пора было их открывать. Лицо мое в бронзовом зеркале выглядело осунувшимся, глаза были красными. Я быстро наложил немного грима, чтобы скрыть следы бессонной ночи, подчеркнул контуры глаз углем и насурьмил брови. Два мальчика-раба расчесали мои волосы, и мне так понравилось, как они это сделали, что я почти радостно поспешил на личную пристань великого визиря, где пришвартовалась огромная барка царя.

Я присоединился к толпе на пристани одним из последних, но никто, казалось, не заметил моего опоздания, даже госпожа Лостра, которая уже успела подняться на палубу корабля. Я понаблюдал за ней некоторое время.

Ее пригласили присоединиться к женщинам двора. Среди них находились не только жены царя, но и его многочисленные наложницы и дочери. Именно последние досаждали фараону больше всего, так как было их очень много, целое племя, самого разного возраста – от маленьких, еще не научившихся ходить девочек до девушек, приготовившихся вступать в брак. Но сына среди них не было. Как же мог фараон передать свое бессмертие в будущее, если у него не было наследника мужского пола?

В это трудно поверить, но Лостра выглядела свежей и отдохнувшей, как роза пустыни в моем саду, хотя спала она, как и я, не больше часа или двух. Даже в столь блистательном собрании красивых женщин, которые тщательно отбирались слугами фараона или присылались ему в виде дани соседями нашего царства, Лостра казалась ласточкой в серой стайке жаворонков.

Я поискал Тана глазами, но его флотилия уже выстроилась выше по течению, готовая сопровождать фараона на другую сторону реки. Лучи восходящего солнца превратили поверхность воды в ослепительно сияющий лист серебра. Я не мог смотреть на него.

В этот момент послышался ровный гул барабана, и все население вытянуло шеи, чтобы разглядеть торжественное шествие фараона от дворца к царской барке.

Этим утром фараон надел легкую корону Немес, сделанную из накрахмаленного полотна и закрепленную золотым ремнем уреи. Стоящая золотая кобра с раскрытым капюшоном и гранатовыми глазами, сверкавшими на солнце, поднималась надо лбом. Эта кобра была символом власти царя над жизнью и смертью его подданных. Сегодня у фараона не было посоха и плети, он нес только золотой скипетр: если не считать двойной короны, этот скипетр был одним из величайших и священнейших сокровищ царской казны. Считалось, что ему более тысячи лет.

Несмотря на наличие всех атрибутов царской власти и необходимость соблюдения церемониала, на фараоне не было грима. Мамос выглядел совершенно незначительным человеком под прямыми лучами раннего солнца, и отсутствие грима только усиливало это впечатление. Он казался маленьким слабым божеством, чуть старше среднего возраста, с небольшим круглым животиком над поясом и лицом, изборожденным тревожными морщинками.

Когда он проходил мимо того места, где я стоял, то, казалось, узнал меня. Кивнул мне, и я простерся перед ним на каменном полу. Остановился и дал мне знак приблизиться. Я подполз к нему на четвереньках и трижды ударился лбом о землю перед его ногами.

– Ты ведь, Таита, поэт? – спросил он своим тонким и сварливым голосом.

– Да, я раб Таита, ваше величество. – Иногда требуется проявить некоторое смирение. – Я царапаю разные истории на папирусе.

– Хорошо, раб Таита, ты нацарапал приятную мистерию ко вчерашнему вечеру. Никакое другое представление еще не развлекало меня так, как это. Я издам царский указ, и твои каракули станут государственным вариантом мистерии.

Он объявил об этом громче, чтобы весь двор услышал его слова, и даже вельможа Интеф, следовавший за ним по пятам, засиял от удовольствия. Я был его рабом, и честь эта принадлежала скорее ему, чем мне. Однако фараон еще не закончил.

– Скажи мне, раб Таита, не ты ли тот самый хирург, который недавно выписал мне рецепт?

– Ваше величество, я тот самый смиренный раб, который робко пытается лечить людей лекарствами.

– Когда же подействует твое средство? – Он понизил голос так, чтобы я один услышал его вопрос.

– Ваше величество, это случится через девять месяцев после того, как вы выполните все те условия, которые я вам перечислил. – Поскольку теперь мы разговаривали как врач и пациент, у меня хватило смелости спросить: – А вы полностью следовали моей диете?

– Клянусь щедрой грудью Исиды! – воскликнул он, и в глазах у него неожиданно мелькнула веселая искорка. – Я так полон бычьими яйцами, что скоро буду мычать, когда мимо дворца проходит стадо коров.

У него было очень хорошее настроение, и я тоже решился пошутить:

– А фараон уже нашел телушку, о которой я говорил?

– Увы, лекарь, все не так просто, как кажется. Самые красивые цветы уже успели посетить пчелы. Ты ведь сказал, что она должна быть совершенно нетронутой?

– Да, девственной и нетронутой, и не старше года после первых красных цветков месячных, – быстро добавил я, усложнив свой рецепт. – Нашли ли вы кого-нибудь, кто соответствовал бы этому описанию, ваше величество?

Выражение его лица снова изменилось, и он задумчиво улыбнулся. На его печальном лице улыбка казалась неуместной.

– Посмотрим, – прошептал, – посмотрим.

Он повернулся и пошел по сходням на корабль. Когда вельможа Интеф поравнялся со мной, он легким жестом приказал мне следовать за собой, и я прошел на палубу царской барки.

Ночью ветер стих, темные воды реки текли тяжело и спокойно, как масло, только небольшие полосы и водовороты нарушали покой стремнины там, где вечная река была особенно глубока. Даже Нембет смог бы пересечь ее при такой погоде. Однако флотилия Тана стояла поблизости, словно напоминая о вчерашней неудаче, будто Тан готовился снова исправить ошибку старого флотоводца.

На борту корабля вельможа Интеф отвел меня в сторону.

– Ты все еще можешь удивлять меня, мой милый, – прошептал он и пожал мне руку. – Причем именно тогда, когда у меня появились серьезные сомнения в твоей верности.

Я был совершенно ошеломлен неожиданным всплеском добродушия – ведь рубцы, оставленные кнутом Расфера, еще жгли мне спину. Тем не менее я склонил голову, чтобы скрыть выражение своего лица, и подождал, пока он скажет, чем это я его обрадовал. Он не заставил меня ждать.

– Я сам не смог бы написать более подходящей речи для Тана, даже если бы постарался. Этот безумец Расфер так отвратительно подвел меня, а ты, как обычно, спас.

Только после этого все встало на свои места. Он решил, что это я сочинил глупейшую речь Тана и сделал это ради него. В реве, который заполнил храм во время представления, он не мог расслышать, как я предостерег Тана, иначе был бы другого мнения.

– Я рад доставить вам удовольствие, – шепнул я в ответ. Я почувствовал огромное облегчение. Мое положение при дворе великого визиря не было скомпрометировано. И думал я сейчас не о своей шкуре, точнее говоря, не только о своей – я думал о Тане и Лостре. В последующие годы им обоим понадобится моя помощь и защита, которую я смогу предоставить им. Я был благодарен судьбе за то, что все еще мог быть им в чем-то полезен. – Это мой долг. – Нужно было воспользоваться сменой ветра.

– Ты увидишь, я отблагодарю тебя, – ответил вельможа Интеф. – Помнишь участок земли у канала за храмом Тота, о котором мы говорили некоторое время назад?

– Конечно, мой господин. – Мы оба знали, как я жаждал приобрести участок уже почти десять лет. Это уединенное место даст мне прекрасное убежище, куда я смогу удалиться в старости.

– Он твой. На следующей аудиенции принеси мне дарственную, и я поставлю свою подпись.

Меня до глубины души потрясла невероятная хитрость, которая доставила мне желаемое. Ведь, по сути, мне оплатили воображаемое предательство. В какое-то мгновение я решил было отказаться от подарка, но потом передумал. Когда опомнился, мы уже пересекли реку и входили в устье канала, проложенного через равнину к громадному погребальному храму фараона Мамоса.

Я сам наблюдал за строительством канала практически без помощи дворцовых архитекторов и сам разработал сложный процесс транспортировки тела фараона от места смерти к погребальному храму, где произойдет мумификация тела.

Я предполагал, что фараон умрет в своем дворце на прекрасном маленьком островке Элефантина. Оттуда барка государства доставит его тело вниз по реке к устью канала, который был спланирован мною так, чтобы огромный корабль входил в него, словно меч в ножны.

Прямой, как клинок кинжала, канал пересекал черные земли прибрежной равнины на расстоянии двух тысяч шагов и кончался у подножия скалистых холмов Сахары. Десятки тысяч рабов несколько лет прокладывали его и укрепляли берега каменными плитами. Как только корабль вошел в канал, две сотни крепких рабов подхватили буксирные канаты с носа корабля и начали плавно тянуть его через равнину. Они запели печальную и мелодичную рабочую песню и пошли в несколько рядов по тропе бурлаков. Крестьяне, работавшие на полях возле канала, побежали к берегу, чтобы приветствовать нас. Они толпой собрались на берегу, призывая богов благословить царя и размахивая пальмовыми ветками, когда величественный корабль проплывал мимо них.

Когда мы наконец скользнули к каменной пристани у внешних стен незаконченного храма, рабы закрепили буксировочные канаты на швартовочных кольцах. Я так точно рассчитал размеры пристани, что башня посередине корабля оказалась на уровне ворот главного входа в храм. Как только огромная барка остановилась, трубач торжественно затрубил в рог газели. Медленно поднялась решетка ворот, и мы увидели царский катафалк, который ожидал прибытия фараона в воротах храма, окруженный бальзамировщиками в алых одеждах и пятьюдесятью жрецами Осириса, стоявшими в один ряд позади них.

Жрецы запели и со стуком начали толкать катафалк к барке по деревянным каткам, пока не вкатили его на палубу. Фараон захлопал в ладоши от удовольствия и поспешил осмотреть это чудовищное строение.

Я не принимал участия в этом празднике дурного вкуса. Всю церемонию и все украшения выдумали жрецы. Достаточно сказать, что в ярком солнечном свете излишки золота на катафалке сияли так ярко, что резали глаз почти так же, как и грубый аляповатый рисунок барельефа. Золотой экипаж весил много, жрецы запыхались и вспотели, пока втаскивали неуклюжий ковчег на палубу. Даже наша огромная барка угрожающе накренилась. Такого количества золота хватило бы, чтобы заполнить зерном все хранилища Верхнего царства или чтобы построить и снарядить пятьдесят флотилий боевых лодок и выплатить жалованье их командам на десять лет вперед. Так неумелый ремесленник пытается скрыть бедность вдохновения ослепительной роскошью материалов. Если бы мне только дали возможность поработать с таким количеством драгоценностей, результаты были бы иными.

Теперь же чудовищный ковчег должен был уйти в могилу вместе с мертвым телом фараона. Его сооружение стало основной причиной разорения царства. Однако фараон был в восторге.

По предложению вельможи Интефа царь взобрался на ковчег и уселся на подиуме, который будет нести его саркофаг. Оттуда он обвел всех сияющим взглядом, забыв о царственной сдержанности и достоинстве. Казалось, он еще никогда так не радовался в своей печальной жизни, горько подумал я. Его смерть должна была стать той высотой, к достижению которой он и направлял всю свою жизненную энергию и которую предвкушал.

Внезапно, по какому-то побуждению, фараон кивком предложил вельможе Интефу присоединиться к нему, а потом оглядел толпу, будто искал в ней кого-то. Казалось, он нашел то, что искал, слегка наклонился и сказал что-то великому визирю.

Вельможа Интеф улыбнулся и, посмотрев в ту же сторону, позвал из толпы госпожу Лостру, жестом приказав ей подняться на вершину ковчега. Приглашение смутило ее, и даже из-под грима было видно, что она покраснела, а такое с ней случается очень редко. Ее трудно вывести из себя. Однако она быстро опомнилась и взобралась на ковчег с девичьей грацией, которая сразу привлекла к ней внимание всех присутствующих.

Она встала на колени перед царем и трижды коснулась лбом пола подиума. Затем перед лицом всех жрецов и своего двора фараон совершил невероятный поступок. Он наклонился и, взяв Лостру за руку, поднял на ноги и посадил рядом с собой. Это было нарушением церемониала, и история не знала такого прецедента. Я увидел, как министры обменялись изумленными взглядами.

А затем случилось такое, чего даже они не могли предполагать – они просто не заметили этого. Когда я был еще очень молод, на половине мальчиков жил старый глухой раб. Он подружился со мной и научил читать по губам людей их речи, не довольствуясь только звуками, которые покидают уста. Это оказалось очень удачным приобретением. С его помощью я мог следить за разговором, происходившим в дальнем конце переполненного зала, где играли музыканты, а сотни людей смеялись и кричали что-то друг другу.

И вот я собственными глазами увидел, как фараон мягко сказал госпоже Лостре:

– Даже при дневном свете вы не менее божественны, чем богиня Исида в свете факелов.

Его слова ударили меня, как кулак в солнечное сплетение. «Неужели я ослеп? – отчаянно ругал я себя. – Неужели я стал настолько глуп?» Даже слабоумный мог бы предвидеть, в каком направлении мое легкомысленное вмешательство направит судьбу, кости которой были брошены вчера вечером.

Мой веселый совет царю по поводу матери его будущего ребенка наверняка привлек его внимание к госпоже Лостре. Казалось, будто какое-то злое наваждение специально заставило меня описать ему Лостру в качестве матери его первого сына. Да, разумеется, именно она са-

мая красивая девственница страны, и ее нужно взять в жены не позже чем через год после ее первых месячных. Я описал ее точно, а потом дал ей главную роль в мистерии и показал царю в самом выгодном свете.

Когда я внезапно осознал, что должно было произойти по моей вине, меня словно ударили чем-то тяжелым по голове. Казалось, я намеренно подстроил все это. Более того, теперь я уже ничего не мог исправить. Я стоял под яркими лучами солнца. Ужас и раскаяние сковали меня, лишив дара речи.

Вспотевшие жрецы столкнули наконец ковчег с палубы и потащили его через ворота, толпа придворных направилась вслед за ними, и меня волей-неволей понесло вместе с ней, словно лист, попавший в струю реки. Прежде чем я пришел в себя, я оказался во внутреннем дворике погребального храма. Мне пришлось проталкиваться через толпу, чтобы догнать ковчег, прежде чем он окажется у главного входа в царскую усыпальницу.

Одни жрецы толкали ковчег вперед, другие поднимали освободившиеся катки и бежали с ними вперед, чтобы подложить их под чудовищный золотой экипаж. Когда ковчег достиг участка двора, который еще не был выложен каменными плитами, произошла задержка. Пока жрецы разбрасывали солому, чтобы смягчить движение ковчега по неровной земле, я быстро проскользнул вокруг ряда каменных львов и по свободному пространству побежал вперед. Один из жрецов попытался загородить мне дорогу, но я одарил его таким взглядом, под которым даже каменный лев задрожал бы, и выплюнул ему в лицо одно слово из тех, что редко услышишь в храмах. Он поспешно отступил в сторону и дал мне пройти.

Когда я добрался до борта ковчега, то оказался прямо под Лострой, так близко от нее, что мог протянуть руку и коснуться ее пальцев. Я слышал каждое слово. И сразу же понял, что она полностью овладела собой и преодолела смятение, вызванное неожиданным интересом к ее особе со стороны фараона. Теперь она старалась вести себя самым приятным образом. С отчаянием в сердце я вспомнил, что именно это она и собиралась сделать, чтобы воспользоваться благосклонностью царя и получить согласие на замужество с Таном. Не далее вчерашнего вечера я отбросил ее предположение, как девичью болтовню, но теперь она пыталась осуществить его перед моими глазами, и я был не в силах это предотвратить или предупредить об опасности.

Если в начале своей хроники я создал впечатление, будто госпожа Лостра – просто беззаботный ребенок, у которого нет ни одной мыслишки в головке, а одна только романтическая чепуха и легкомысленное желание наслаждаться жизнью, это было очень неудачным приложением сил историка, описывающего столь необычайные события. Хотя она и была еще очень молода, но временами казалась намного старше своих лет. Наши египетские девушки расцветают рано под горячим солнцем Нила. Кроме того, она была усердной ученицей, умной, вдумчивой и пытливой по своей природе, а я приложил все усилия, чтобы развить ее положительные качества за прошедшие годы.

Под моим руководством она достигла таких высот, что могла говорить со жрецами о самых трудных вопросах религии. Могла беседовать с законниками о таких вещах, как закон о владении землей или чрезвычайно запутанный закон об орошении, который регулировал использование воды Нила. Я уже не говорю о том, что она прочла и усвоила каждый свиток дворцовой библиотеки. А среди них было несколько сотен свитков, написанных мною, которые посвящены таким разным проблемам, как медицина и тактика морского боя, астрология, имена и природа небесных тел, а также руководства по стрельбе из лука и фехтованию, сельскому хозяйству и соколиной охоте. Она даже могла вести со мной спор об основах архитектуры, сравнивая мои принципы с принципами великого Имхотепа.

Таким образом, ее знаний было достаточно, чтобы говорить о чем угодно: от астрологии до военных действий и политики, строительстве храмов, измерении уровня воды Нила или регули-

ровании полива, то есть о всех тех предметах, которые интересовали фараона. Кроме того, она легко сочиняла веселые стишки и загадки, часто шутила, язык ее был почти столь же богат, как и мой. Короче говоря, была прекрасным собеседником, стремительным и с хорошим чувством юмора. Говорила ясно, голос ее был очаровательен, а когда смеялась, заражала весельем всех окружающих. В самом деле, ни человек, ни бог не смогли бы устоять перед ней, особенно если бы она обещала ему наследника.

Мне нужно было предупредить ее. Однако как мог я, раб, вмешиваться в беседу особ, стоящих так высоко надо мной? Я беспокойно скакал рядом с ковчегом, прислушиваясь к голосу госпожи Лостры, который звучал особенно очаровательно, так как она решила увлечь царя, понравиться ему.

Теперь она описывала ему, как строился погребальный храм и как его разместили на местности, чтобы он наилучшим образом соответствовал астрономическим наблюдениям за положением Луны и зодиакальных созвездий в момент рождения фараона. Разумеется, она всего лишь пересказывала знания, полученные от меня. Однако голос звучал очень убедительно, и я вдруг поймал себя на мысли, что вслушиваюсь в объяснения, как будто слышу их в первый раз.

Погребальный ковчег прошел мимо пилонов внутреннего дворика храма и покатился вдоль длинного атрия с колоннадой по бокам, мимо закрытых решетчатых дверей охраняемых стражей сокровищниц, где изготовлялись и хранились погребальные дары, которые отправятся в могилу вместе с фараоном. В дальней части атрия находились двери, выполненные из древесины акации, украшенные резными фигурками богов нашего пантеона. Они распахнулись, и мы оказались в погребальном зале, где в один прекрасный день будет мумифицировано тело фараона.

Здесь, в этом мрачном зале, фараон спустился с ковчега и прошел вперед, чтобы осмотреть погребальный стол, на котором будет лежать его тело во время обряда мумификации. Стол этот вырезали из цельной глыбы диорита, длиной он был три сажени и шириной две. В темной поверхности пятнистой каменной плиты выбили ямку для затылка царя и небольшие канавки, по которым будут стекать кровь и иные телесные жидкости, выпущенные скальпелем и другими инструментами бальзамировщиков.

Главный мастер бальзамировщиков стоял около стола, приготовившись описывать процедуру мумификации, и фараон стал очень внимательно слушать, так как его чрезвычайно интересовала каждая отвратительная подробность этого ритуала. В какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот забудет о достоинстве царя, вскарабкается на диоритовую плиту и посмотрит, как на ней лежится. Как будто это новый полотняный наряд, принесенный портным на примерку!

Он с видимым усилием взял себя в руки и стал слушать рассказ бальзамировщика о том, как будет сделан первый надрез от пищевода до паха, через который затем вынут его внутренности и разделят их на разные части: печень, легкие, желудок и кишки. Сердце как источник божественной искры будет оставлено на своем месте, как и почки, которые связаны с водой и Нилом, источником жизни.

После столь бодрящего рассказа фараон тщательно осмотрел четыре канопы, приготовленные для его внутренностей. Они стояли неподалеку на небольшом гранитном столике. Это были вазы, вырезанные из светящегося полупрозрачного алебастра молочного цвета. Их пробки выполнены в форме звериных голов наших богов: шакала – Анубиса, крокодила – Собета, ибиса – Тота и львицы – Сехмет. Они будут охранять божественные части тела фараона, пока тот не проснется для вечной жизни.

На том же гранитном столике, где стояли канопы, бальзамировщики разложили полный набор своих инструментов, горшочков и амфор с селитрами, лаками и другими веществами, используемыми в процессе мумификации. Фараона очаровали сияющие бронзовые скальпели,

которыми его будут потрошить, а когда ему показали длинную заостренную ложку для вычерпывания через ноздри содержимого черепа, той самой сыворотки, о назначении которой я долго и тщетно размышлял, его это так увлекло, что он долго с благоговейным страхом рассматривал мрачный инструмент.

Как только царь удовлетворил свое любопытство у столика бальзамировщиков, госпожа Лостра привлекла его внимание к раскрашенным барельефам, которые покрывали стены храма от пола до потолка. Они еще не были закончены, но многие из них потрясали мастерством исполнения и широтой замысла. Большую часть эскизов я нарисовал своей собственной рукой и внимательно следил за тем, как дворцовые художники делали остальные эскизы. Их контуры наносились на стены угольными палочками. Когда контуры были готовы, я проверял и исправлял их. Потом бригада мастеров-скульпторов вырезала барельефы в глыбах песчаника, а бригада художников раскрашивала их.

На стенах главенствовал синий цвет во всех возможных его оттенках: темно-синий – крыла скворца, голубой – неба и вод Нила под солнцем, синий – лепестков орхидеи пустыни и мерцающая голубизна окуня, бьющегося в сети у рыбака. Были там, однако, и другие цвета: различные оттенки красного и желтого, которые так нравятся нам, египтянам.

В сопровождении вельможи Интефа, хранителя царских гробниц, фараон медленно обошел стены зала, тщательно осматривая каждую деталь рисунка и часто выражая свое впечатление. Конечно, для этого зала я избрал сюжеты из Книги Мертвых, которая дает точную карту пути в подземное царство и описание испытаний, что ожидают души умерших на пути к вечной жизни. По этому пути пройдет и душа фараона.

Он надолго остановился перед моим рисунком, изображавшим бога Тота с птичьей головой и длинным клювом ибиса, который взвешивал на весах сердце фараона. На второй чаше лежало перо истины. Если сердце фараона нечисто, оно перетянет перо, и тогда бог бросит его чудищу с головой крокодила, стоящему рядом, и тот сожрет сердце. Царь тихо произнес защитное заклинание из Книги Мертвых, чтобы оградить себя от такой напасти, а затем прошел к следующему рисунку.

Был уже почти полдень, когда фараон закончил осмотр погребального храма и во главе своей свиты отправился в передний двор, где дворцовые повара подали роскошный обед на открытом воздухе.

– Иди сюда, сядь рядом со мной. Здесь я смогу поговорить с тобой о звездах! – Царь опять пренебрег традициями старшинства и поместил госпожу Лостру рядом с собой за обеденным столом, заставив подвинуться одну из старших жен. Во время приема пищи он постоянно беседовал с моей госпожой. Теперь она чувствовала себя очень уверенно и очаровала царя и всех сидевших рядом с ним своим остроумием и красотой.

Разумеется, я, раб, не мог сидеть за их столом, как не мог и пробраться поближе к своей госпоже, чтобы уговорить ее вести себя скромнее в присутствии царя. Вместо этого я нашел себе место на пьедестале у ног гранитных львов, откуда мог наблюдать все, что происходит за обеденным столом, и видеть всех, сидящих за ним. Не я один наблюдал за своей госпожой. Вельможа Интеф тоже сидел рядом с царем и словно со стороны наблюдал за ними своими блестящими безжалостными глазами, как красивый, но смертоносный паук, сидящий в своей сети.

Во время обеда желтоклювый ястреб вдруг пронесся над столом и издал резкий, насмешливый и издевательский крик. Я поспешно сделал знак, защищающий от сглаза. Кто знает, какой бог принял образ птицы, чтобы вмешаться и спутать планы людей?

После обеда двор обычно отдыхал около часа, особенно в такое жаркое время года. Тем не менее фараон сегодня был так взволнован, что не пожелал отдыхать.

– А теперь мы осмотрим сокровищницы, – объявил он. Стражи, охранявшие вход в первую сокровищницу, встали по сторонам от двери и приветствовали царскую свиту. Двери распахнулись навстречу царю.

Я построил шесть сокровищниц не только как хранилища огромных погребальных даров, которые фараон собирал последние двенадцать лет с самого своего восхождения на трон. Обширные мастерские и целое войско ремесленников постоянно работали, умножая его богатства.

Мы вошли в зал, где помещалась оружейная. Здесь находилось собрание оружия и принадлежностей войны и охоты как реальных, так и обрядовых, которые царь возьмет с собой в загробный мир. С согласия вельможи Интефа я приказал ремесленникам оставаться у своих верстаков, чтобы царь имел возможность понаблюдать за их работой.

Когда фараон медленно проходил вдоль ряда верстаков, он часто задавал знати и жрецам из своего окружения такие сложные и детальные вопросы, что те не могли ответить ему и стали искать кого-нибудь, кто пояснял бы царю действия мастеров. Меня поспешно вытащили из задних рядов свиты и вытолкали вперед к фараону.

– Ах да, – скривился фараон, узнав меня. – Это не кто иной, как наш смиренный раб, который пишет мистерии и лечит больных. Никто из присутствующих здесь, кажется, не знает составных частей сплава проволоки, обернутой вокруг древка боевого лука, который делает для меня этот человек.

– Великодушный фараон, этот металл получен из сплава одной части меди, пяти частей серебра и четырех частей золота. Золото здесь использовано красное, которое добывается только в шахтах Лота в западной пустыне. Никакое другое золото не придает проволоке необходимой гибкости и упругости, как вы можете убедиться.

– Да, могу, – кисло согласился царь. – А как вам удается делать нити столь тонкими? Они не толще волос на моей голове.

– Ваше величество, мы вытягиваем горячий металл, раскачивая его маятником, который я изобрел для этой цели. Позже мы сможем увидеть этот процесс у златокузнецов, если ваше величество пожелает.

Все оставшееся время я провел рядом с царем, и мне удалось отвлечь его внимание от Лостры. Однако мне не представилось возможности поговорить с ней с глазу на глаз.

Фараон обошел оружейную и осмотрел огромное собрание хранившихся там оружия и доспехов. Некоторые из них принадлежали его предкам и использовались в битвах. Другие же изготовили недавно, и сражений они никогда не узнают. Все они были великолепны. Каждое являлось вершиной оружейного мастерства. Среди них были шлемы и нагрудники из бронзы, серебра и золота, боевые мечи с рукоятками из слоновой кости, украшенными драгоценными камнями, полные торжественные облачения командующих лучшими частями войск царя, большие и маленькие щиты из кожи гиппопотама и крокодила, покрытые розетками из золота. Собрание это было великолепное.

Из оружейной мы проследовали через атрий к хранилищу мебели, где сотни краснодеревщиков обрабатывали кедр и драгоценное черное дерево, изготовляя обстановку усыпальницы, которая будет сопровождать царя в путешествии в мир иной. В нашей прибрежной долине растет мало крупных деревьев, и древесина – такой редкий и ценный материал, что стоит она почти столько же, сколько серебро. Каждую палочку приходится везти за сотни миль, либо из-за пустыни, либо с юга, с верховий Нила, из тех таинственных земель Куша. Здесь же древесина лежала громадными кучами, как будто это был самый обычный товар. Аромат свежих опилок наполнял жаркий воздух.

Мы посмотрели, как ремесленники делают инкрустацию на изголовье кровати фараона, покрывая рисунок листовым серебром и пластинками древесины разного цвета. Другие красно-

деревщики украшали подлокотники кресел золотыми соколами, а спинки обитых кожей диванов – серебряными головами львов. Даже в дворцовых залах острова Элефантина не было столь изящных предметов, которые украсят погребальную камеру царя, вырубленную в скале.

Из сокровищницы мебели мы прошли в зал скульпторов. Там хранятся мрамор, песчаник и гранит сотен различных оттенков. Скульпторы вырезали, вырубали и вытесывали свои произведения. Тонкая белая пыль висела в воздухе. Каменных дел мастера закрывали носы и рты полотняными повязками, и пыль покрывала их лица и одежду белой пудрой. Пудра эта вредоносна. Некоторые мастера кашляли, не снимая масок, и этот сухой и долгий кашель характерен для их профессии. Я вскрыл множество трупов старых скульпторов, которые проработали тридцать лет и умерли за своей работой. Я обнаружил, что легкие их затвердели и превратились в камень, поэтому старался проводить как можно меньше времени в мастерских каменотесов, чтобы не подхватить ту же болезнь.

Произведения поражали глаз, а статуи богов и самого фараона, сделанные их руками, казалось, наполняла трепетная жизнь. В мастерской стояли фигуры фараона реального размера, где он изображался сидящим на троне или гуляющим, живым или мертвым, в образе бога или смертного. Эти статуи встанут в два ряда вдоль длинной насыпи, которая протянется от погребального храма в речной долине к стене черных холмов, где будет выкопана усыпальница. После его смерти катафалк будет запряжен сотней белых буйволов, и они потащат тяжелый саркофаг по насыпи к месту последнего упокоения фараона.

Монолитный саркофаг из гранита, еще не законченный, лежал в центре зала. Когда-то цельную глыбу розового гранита привезли к берегу реки из шахт Асуана и оттуда на корабле переправили сюда. Корабль был построен специально для этой цели. Понадобилось пятьсот рабов, чтобы вытащить ее на берег и по деревянным каткам доставить в мастерскую, где она и лежала сейчас. Длиной глыба была пять саженей, а шириной и высотой – три.

Сначала каменщики срезали толстую плиту с вершины. На гранитной крышке главный каменщик вырезал лицо мумии фараона, тело и руки, скрещенные на груди с посохом и плетью. Другая бригада камнерезов выдалбливала сердцевину гранитной глыбы, чтобы сделать гнездо, куда поместится множество внутренних гробов. Включая огромный внешний саркофаг, всего их будет семь штук, и они войдут один в другой, как детская головоломка. Семь, разумеется, число магическое. Внутренний гроб будет сделан из чистого золота. Чуть позже мы наблюдали, как златокузнецы выковывали из бесформенной массы металла его красивые очертания.

Весь этот многослойный саркофаг, эта гора камня и золота, куда будет помещено забинтованное тело царя, поедет на колоссальном золотом катафалке по насыпи к черным холмам, и его неторопливое путешествие займет семь дней. Катафалк будет останавливаться на ночь у одного из небольших святилищ, которые строятся вдоль насыпи.

Интереснейшие статуэтки делались в мастерской ушебти, расположенной в пристройке к залу камнерезов. Там, в конце зала, вырезали фигурки слуг и придворных, которые будут сопровождать царя в загробном мире. Это были совсем маленькие статуэтки, представляющие все слои египетского общества, тех людей, кто будет обслуживать фараона по ту сторону жизни. Они помогут ему содержать дом подобающим царю образом.

Каждая ушебти – великолепно вырезанная из дерева кукла, одетая в настоящую одежду человека определенной профессии, и их всегда изображали с соответствующими инструментами. Были тут крестьяне и садовники, рыбаки и пекари, пивовары и служанки, воины и сборщики податей, певцы и цирюльники, и сотни простых работников, которые будут выполнять тяжелую работу всякий раз, когда боги прикажут царю сделать что-либо в подземном царстве.

А во главе всего собрания маленьких статуэток стоял великий визирь, чьи черты очень походили на черты вельможи Интефа. Фараон взял эту фигурку и внимательно осмотрел ее. Перевернув статуэтку, он прочел надпись на спине: «Мое имя – вельможа Интеф, великий ви-

зирь Верхнего царства. Единственный Товарищ Фараона, трижды удостоенный «Золота похвалы». Я всегда готов ответить за своего царя».

Фараон передал куклу вельможе Интефу.

– А что, вельможа Интеф, у тебя действительно такое сильное тело? – спросил он, и улыбка чуть было не появилась на его хмуром лице. Великий визирь слегка поклонился:

– Скульптору не удалось верно передать мой облик, ваше величество.

Последней сокровищницей, которую посетил царь, стала мастерская златокузнецов. Адское пламя горнов отбрасывало потусторонний свет на лица ювелиров, которые сосредоточенно работали за своими верстаками. Я научил их, как себя вести. Когда вошла царская свита, златокузнецы дружно преклонили колена и трижды коснулись лбами пола перед фараоном, а затем встали и снова принялись за работу.

Несмотря на размеры зала, пламя горнов так раскалило воздух, что у всех перехватило дыхание и скоро свита стала обливаться потом. Однако царя настолько увлекли выставленные здесь сокровища, что он, казалось, не замечал духоты. Сразу же прошел к небольшой площадке в конце зала, где работали самые опытные и умелые ювелиры. Они делали золотые внутренние гробы. Им удалось великолепно передать черты лица фараона, воплотив его в мерцающем металле. Погребальная маска точно ляжет на забинтованную голову. Лицо его в образе бога украшали глаза из обсидиана и горного хрусталя, на лбу поднимала голову кобра. Я искренне верю, что за всю тысячелетнюю историю нашей цивилизации не сделано более тонкого ювелирного изделия. Это было вершиной, зенитом ювелирного мастерства. Еще не рожденные поколения через множество веков будут восхищаться великолепием этой маски.

Даже рассмотрев маску со всех сторон, фараон, казалось, не мог расстаться с ней надолго. Он провел остаток дня либо на этой площадке, либо около нее, сидя на низенькой табуретке, пока слуги подносили ему одну за другой кедровые шкатулки, наполненные редчайшими драгоценностями. Шкатулки ставили у его ног и читали список находившихся там сокровищ.

Невозможно представить себе, что такие сокровища когда-либо удавалось собрать в одном месте и в одно время. Перечисление находившихся там предметов не может дать представления о богатстве и разнообразии драгоценностей. Тем не менее для начала я могу сказать, что в кедровых шкатулках лежало шесть тысяч четыреста пятьдесят пять отдельных ювелирных изделий. Неутомимый труд ювелиров непрерывно увеличивал количество драгоценных украшений.

Были там кольца как для рук, так и для ног фараона, амулеты и талисманы, золотые фигурки богов и богинь, золотые ожерелья, браслеты, нагрудные медальоны и пояса с инкрустированными изображениями сокола, стервятника и других существ, населяющих землю, воздух и реку. Были там короны и диадемы, украшенные лазуритом, гранатом, агатом, сердоликом, яшмой и прочими драгоценными камнями, столь дорогими сердцу цивилизованного человека.

Мастерство, с которым были задуманы и изготовлены украшения, стало кульминацией тысячелетней истории ювелирного искусства. Часто народы создают прекраснейшие произведения именно в период упадка. Когда империи растут, народы заняты войной и накоплением богатства. Только достигнув вершины, они находят время и желание развивать искусство, и, что, пожалуй, еще важнее, в них появляются богатые и влиятельные люди, готовые покровительствовать художникам.

Вес золота и серебра, уже использованного для изготовления катафалка и погребальной маски, а также всего умопомрачительного собрания сокровищ, превосходил пятьсот тахов. Потребовалось бы пятьсот крепких мужчин, чтобы поднять его. Я подсчитал, что это составляло одну десятую веса всех драгоценных металлов, когда-либо добытых в нашей стране за ее тысячелетнюю историю. И царь намеревался забрать эти сокровища с собой в могилу.

Как могу я, смиренный раб, сомневаться в цене, которую каждый готов заплатить за право вечной жизни? Собирая сокровища, царь одновременно не прекращал войны с самозванцем Севера. Одного этого было достаточно, чтобы повергнуть Египет в нищету.

Нет ничего удивительного в том, что Тан назвал поборы сборщиков податей в числе ужаснейших бед народных. Ведь все мы словно зажаты в тисках между бандами разбойников, безнаказанно рыщущих по нашей стране за пределами городов, и сборщиками податей внутри городских стен. Бремя это столь тяжело, что никто не способен его вынести. Если хочешь выжить, постарайся избежать сетей сборщика податей. Вот так, повергая нас в нищету ради собственного величия, царь одновременно обращал нас в преступников. Очень немногие из нас, великих и малых, богатых и бедных, могли спать спокойно. Все мы просыпались в ужасе, когда во сне нам чудился стук колотушки сборщика податей.

О горестная и обездоленная земля, как стонешь ты под тяжким бременем!

В Некрополе на западном берегу Нила приготовили роскошные покои, где царь проведет ночь неподалеку от места своего последнего упокоения в черных холмах Сахары.

Некрополь – Город Мертвых – был почти столь же обширен, как и Карнак. Он стал домом для всех, кто строил и содержал в порядке погребальный храм и царскую усыпальницу. Здесь находился целый отряд личной стражи фараона, который должен был охранять священные места, так как и узурпатор Севера, и князья разбойников пустыни, наглевшие с каждым днем, жаждали сокровищ нашего скупого царя. Сокровищницы погребального храма притягивали разбойников в обоих царствах, да и за их пределами.

Кроме стражи, здесь находились бригады ремесленников и художников с их учениками, а им тоже нужно было где-то жить. Я отвечал за учет выдачи жалованья и довольствия, поэтому точно знал, сколько их было в городе. Последний раз жалованье выплатили четырем тысячам восьмистам одиннадцати ремесленникам. Помимо них в городе находилось более десяти тысяч рабов, занятых на различных работах.

Я не стану утомлять себя перечислением быков, овец, которых приходилось забивать каждый день на прокорм населения Некрополя. Я не буду говорить, сколько корзин с рыбой доставлялось с Нила и сколько тысяч кувшинов вина каждый день утоляли жажду работников, не покладая рук трудившихся под зоркими взглядами и быстрыми кнутами надсмотрщиков.

Некрополь был настоящим городом, и в этом городе стоял дворец для царя. С чувством облегчения отправились мы в тот дворец на ночь, поскольку день утомил нас, но для меня отдыха по-прежнему не предвиделось.

Я попытался пройти к госпоже Лостре, но казалось, будто все сговорились не пускать меня к ней. Сначала она была занята туалетом, по словам маленьких черных служанок, затем принимала ванну, потом отдыхала, и ее нельзя было беспокоить. В конце концов я не дождался. Меня вызвали к ее отцу, я не мог больше оставаться в прихожей и поспешил к своему господину.

Когда я вошел в спальню, вельможа Интеф отпустил всех присутствующих. Как только мы остались одни, он поцеловал меня, и я снова был поражен его добродушием и обеспокоен торжествующим видом. Я редко заставал его в таком настроении, и это всегда предвещало беду.

– Как часто дорога к власти и богатству пролегает в самом неожиданном месте! – со смехом сказал он мне и погладил по лицу. – На этот раз она пролегает между ног женщины. Не надо, мой милый, не надо разыгрывать невинность. Я знаю, с какой хитростью ты провернул это. Фараон сам мне рассказал, как ты соблазнил его, пообещав наследника. Клянусь Сетом, ну и хитер же ты! И ты не проронил ни слова о своих планах. Сам решил осуществить заговор?

Он снова рассмеялся и потянул локон моих волос, намотав его на палец.

– Ты, наверное, давно догадался о самом заветном моем желании, хотя мы никогда открыто о нем не говорили. И решился помочь мне. Разумеется, мне следовало бы наказать тебя за такую самонадеянность. – Вельможа потянул за волосы, и слезы потекли у меня из глаз. – Но как могу я гневаться на тебя за то, что ты положил мне в руки двойную корону Египта? – Он отпустил мои волосы и снова поцеловал меня. – Я только что вернулся от царя. Через два дня на завершающей церемонии праздника Осириса он объявит об обручении моей дочери Лостры с ним.

Я почувствовал, как у меня потемнело в глазах и холодный пот выступил на коже.

– Свадьба состоится в тот же день, после окончания праздника, я об этом уже позаботился. Мы ведь не хотим, чтобы задержка помешала нам, правда?

Такое стремительное бракосочетание фараона случалось редко. Однако бывало это и раньше, когда невест выбирали, чтобы заключить политический союз или упрочить захват новых территорий. Свадьба часто проходила в тот же день, когда принималось решение о ней. Фараон Мамос I, предок нашего теперешнего фараона, женился на дочери побежденного вождя хурритов прямо на поле боя. Однако исторические прецеденты не могли утешить меня, и я понял, что худшие из моих опасений сбываются.

Вельможа Интеф, казалось, не заметил моего горя. Он был слишком поглощен собственными мыслями.

– Прежде чем дать согласие на этот союз, я добился, чтобы царь возвел мою дочь в ранг главной жены и супруги, если она подарит ему сына. – И захлопал в ладоши, не скрывая восторга. – Разумеется, ты понимаешь, что это значит. Если фараон умрет раньше, чем мой внук достигнет совершеннолетия, я, как его дед и ближайший родственник по мужской линии, стану правителем... – Он вдруг остановился и посмотрел на меня. Я хорошо знал его и сразу понял, какие мысли роились у него в голове. Он горько сожалел о своей болтливости, так как никто не должен слышать о подобных желаниях. Это чистейшей воды измена. Если Лостра родит фараону сына, отец его проживет недолго. Мы оба поняли это. Вельможа Интеф проговорился: он задумал цареубийство и теперь размышлял, как убрать того, кто подслушал его. Мы оба прекрасно поняли это: речь шла о смиренном рабе Таите.

– Мой господин, я благодарю судьбу за то, что все произошло именно так, как я задумал. Признаюсь, я тайно хотел подставить вашу дочь царю и описал как мать его будущего сына. Я воспользовался мистерией, чтобы показать ее фараону в наивыгоднейшем свете и привлечь к ней внимание. Однако я не осмеливался заговорить с вами о таких ничтожных пустяках до тех пор, пока они не увенчаются успехом. Теперь нам нужно сделать очень многое, прежде чем мы почувствуем себя в безопасности... – Я начал быстро перечислять все, что может сорвать наши планы и помешать завладеть короной и золотым скипетром Египта. Я тактично дал ему понять, насколько он нуждается во мне, если хочет добиться своего. Я заметил, как он расслабился, выслушав мои доводы, и понял: в ближайшее время моей жизни ничто не угрожает.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог уйти от вельможи Интефа и отправиться к госпоже Лостре, чтобы предупредить о несчастье, ожидающем ее по моей вине. Однако не успел я дойти до дверей, как понял, что мои слова только расстроят ее и могут довести до безумия и даже самоубийства. Я не мог больше терять ни минуты, если не хотел ускорить трагическую развязку.

Оставался только один человек, к кому я мог обратиться за помощью.

Я покинул Некрополь и пошел по бурлацкой тропе к берегу Нила, туда, где встала лагерем флотилия Тана. До полнолуния оставалось только три дня, луна освещала холодным желтым светом скалистые холмы на западном горизонте, и они отбрасывали черные тени на прибрежную равнину. Спеша по тропе вдоль канала, я перечислял про себя все те беды и несчастья,

которые могут обрушиться на Тана, госпожу Лострy и меня в ближайшие дни. Я злил себя, как черногривый лев пустыни, когда тот разжигает в себе ярость острым шипом на кончике хвоста, прежде чем наброситься на охотника. Ярость запылала во мне задолго до того, как я добрался до берега Нила.

Я без труда нашел лагерь Тана на берегу реки в устье канала. Ладьи его флотилии стояли на якоре чуть ниже лагеря. Часовые окликнули меня, а затем, узнав, отвели к шатру Тана.

Он засиделся поздно за ужином с Кратом и четырьмя другими подчиненными. С улыбкой поднялся на ноги и предложил мне кувшин пива.

– Вот неожиданная радость, дружище. Садись рядом и оцени мое пиво, пока раб принесет тебе чашу и тарелку. Ты выглядишь совсем разгоряченным и расстроенным...

Я оборвал любезные речи, обрушив на него поток укоров:

– Пошел ты к Сету, большой бесчувственный дурак. Как ты не можешь понять, в какое опасное дело ты нас втянул? И все из-за твоего бабьего языка... Хоть бы раз ты подумал о безопасности и благополучии моей госпожи! – По правде говоря, я не хотел начинать так грубо, но, открыв рот, почувствовал, что больше не могу управлять своими чувствами, и весь страх и беспокойство, накопившиеся во мне, излились в потоке оскорблений. Не то чтобы слова мои были справедливы, но мне стало легче, когда я выговорился.

Лицо Тана переменилось, и он поднял руки, как будто стараясь загородиться от меня.

– Ну вот, ты застал меня врасплох. Я безоружен и не могу защититься от такого смертоносного нападения. – Он пытался шутить в присутствии своих подчиненных и с натянутой улыбкой схватил меня за руку и вывел из палатки в темноту, а потом потащил за пределы лагеря в открытое пшеничное поле. Я бежал за ним, как ребенок, не в силах вырваться из могучих пальцев, которые привыкли держать меч и огромный боевой лук, его Ланату. – Ладно, давай выкладывай! Рассказывай, что могло так испортить тебе настроение.

Я все еще злился, но теперь страх пересиливал злость, и язык мой снова заговорил без всякого стеснения.

– Я полжизни потратил на то, чтобы защитить тебя от твоей же собственной глупости, и мне это надоело. Ты хоть что-нибудь понимаешь в жизни? Неужели ты в самом деле поверил, что тебе разрешат безнаказанно уйти после вчерашнего проступка?

– Ты говоришь о моей речи? – Он казался озадаченным и отпустил мою руку. – Как ты можешь называть это проступком? Все мои подчиненные, с кем бы я ни разговаривал, считают, что я все сказал правильно, и все мною восхищаются.

– Дурак, разве ты не понимаешь, что мнение твоих подчиненных и друзей гнилой рыбы не стоит в этом мире? Будь у нас более сильный фараон, ты уже был бы мертв, но даже и этот слабый и колеблющийся старик не может позволить тебе остаться безнаказанным после твоей наглой речи. Трон стоит гораздо больше твоей жизни. Тебе придется платить по счетам, Тан, вельможа Харраб! И Гор знает: счет этот будет велик.

– Ты говоришь загадками. Я оказал царю большую услугу. Он окружен льстивыми жабами, которые кормят его ложью, думая, что именно это фараон хочет слышать. Правда должна порадовать его. В глубине души я знаю: когда он подумает как следует, то будет мне благодарен.

Мой гнев начал улетучиваться перед простой и крепкой верой в торжество добра.

– Тан, милый друг мой, как же ты невинен! Никто из живущих на Земле людей не будет благодарен за нелицеприятную правду, которую вколачивают ему в уши. Но ты и без этого сыграл на руку вельможе Интефу.

– Вельможе Интефу? – Тан уставился на меня. – А что в этом плохого? Ты говоришь так, как будто он мой враг. Великий визирь был лучшим другом моего отца. Я знаю, что могу довериться ему и он защитит меня. Он поклялся моему отцу, когда тот лежал на смертном одре...

Я увидел, что, несмотря на хорошее настроение и нашу дружбу, он начал сердиться на меня, может, даже первый раз в своей жизни. Я знал также: в гневе Тан страшен, хотя разозлить его довольно трудно.

– О, Тан! – Я наконец обуздал свой гнев. – Я был несправедлив к тебе, я должен был столько тебе рассказать, но не сделал этого. Все совсем не так, как ты думаешь: я, трус, не мог рассказать, что Интеф был смертельным врагом твоего отца.

– Как может это быть правдой? – Тан покачал головой. – Они же были друзьями, лучшими друзьями. В самых первых моих воспоминаниях отец и Интеф смеются рядом друг с другом. Отец говорил мне, что я могу доверить свою жизнь вельможе Интефу.

– Благородный Пианки, вельможа Харраб, правда верил в это. Но это стоило ему состояния и даже самой жизни, которую он доверил Интефу.

– Нет, нет, ты глубоко ошибаешься. Мой отец стал жертвой цепи несчастий...

– И каждое из этих несчастий было подготовлено вельможей Интефом. Он завидовал твоему отцу, его добродетелям и любви народа к нему, завидовал его богатству и влиянию на фараона. Понимал, что вельможа Харраб будет назначен великим визирем гораздо раньше его самого, и ненавидел за это.

– Я не могу поверить тебе, я не могу заставить себя поверить. – Тан покачал головой. Последние остатки моего гнева улетучились.

– Я все тебе объясню. Как давно я должен был сделать это! Я предоставлю все необходимые доказательства. Но сейчас у нас нет времени. Ты должен довериться мне. Вельможа Интеф ненавидит тебя так же, как он ненавидел твоего отца. И ты, и госпожа Лострa в опасности. Вам грозит не просто смерть – вы можете потерять друг друга навеки.

– Но разве это возможно? – спросил Тан в смятении. Его потрясли мои слова. – Я думал, вельможа Интеф согласился на наш союз. Разве ты не говорил с ним?

– Да, говорил! – вскричал я и схватил Тана за руку и засунул ее себе под плащ. – Вот его ответ. Пощупай рубцы, оставленные кнутом! Он выпорол меня только за то, что я попытался заговорить о браке между тобой и госпожой Лострой. Вот как он ненавидит тебя и твою семью.

Тан уставился на меня, потеряв дар речи, и я понял, что он наконец поверил мне и теперь я могу обратиться к тому предмету, который владел моими мыслями гораздо больше его несвоевременной речи или кровной вражды великого визиря, которая продолжалась на протяжении стольких лет.

– Выслушай меня, дорогой друг, и соберись с духом. Самое трудное впереди. – С ним нельзя говорить иначе, и мне пришлось прямо сказать ему все. – Вельможа Интеф не только не согласился на ваш брак, но этой же ночью он дал клятву отдать руку своей дочери другому. Она должна немедленно выйти замуж за фараона Мамоса и, после того как подарит ему сына, станет его главной женой и супругой царя. Царь сам объявит об этом в конце праздника Осириса. Бракосочетание состоится в тот же вечер.

Тана закачало, и в лунном свете его лицо побледнело, как у покойника. Долгое время мы оба были не в силах произнести хоть слово, а потом Тан повернулся и пошел от меня по полю. Я следовал за ним, не выпуская его из виду, пока он не нашел кучу черных камней и не уселся на нее с усталым видом старика. Я тихо подошел к нему и сел рядом, чуть пониже. Я намеренно молчал, пока он не вздохнул и не спросил:

– А Лострa согласилась на этот брак?

– Конечно, нет. Она наверняка ничего еще не знает. Неужели ты можешь хоть на мгновение поверить, что ее возражения будут чего-то стоить против воли отца и желания фараона? Сейчас ее слова ничего не значат.

– Что же нам делать, старина?

Несмотря на свое горе, я был благодарен ему за это «нам», так как оно включало меня в число его друзей.

– У нас есть только одна возможность, – предупредил я его. – В тот же вечер, когда фараон объявит о бракосочетании с госпожой Лострой, он прикажет заключить тебя под стражу или, что еще хуже, подпишет приговор о смертной казни. Царь слушает вельможу Интефа, и тот убедит его. А повод у него для этого найдется. Тебя обвинят в попытке мятежа.

– Я не хочу жить без Лостры и не хочу другой жены. Если царь отнимет ее у меня, пусть забирает мою голову как свадебный подарок. – Он сказал это без всякой театральности, и мне с трудом удалось разыграть гнев и презрение.

– Ты говоришь как старая жалкая старуха, которая отдает себя в руки судьбы и даже не пытается бороться. Как ты можешь говорить о прекрасной и бессмертной любви, если ты не хочешь бороться за нее?

– Как можно бороться с царем и богом? – тихо спросил Тан. – С царем, которому ты дал клятву верности, и богом, который так же далек и недоступен для смертного, как солнце.

– Как царь он недостоин твоей верности. Ты же ясно показал это в своей речи. Он слабый, сомневающийся старик, который разделил два царства и заставил нашу родину обливаться кровью, стоя на коленях.

– А как быть с богом? – тихо переспросил Тан, как будто его не интересовал мой ответ, хотя я знал, что он был очень религиозным человеком, как и многие великие воины.

– С богом? – Я постарался говорить издевательски. – В твоей руке с мечом гораздо больше божественной силы, чем во всем его маленьком слабом теле.

– Так что же ты предлагаешь? – спросил он обманчиво тихо. – Чего же ты от меня хочешь?

Я перевел дыхание и выпалил:

– Твои подчиненные, твои воины пойдут за тобой в подземное царство. Народ обожает тебя за смелость и честность... – Я остановился, потому что лицо его в лунном свете не предвещало ничего хорошего.

Тан молчал. Я успел насчитать по крайней мере двадцать ударов собственного сердца, прежде чем он мягко приказал мне продолжать:

– Говори, говори все.

– Тан, ты станешь благороднейшим фараоном нашей родины, нашей Та-Мери за последнюю тысячу лет. Вместе с госпожой Лострой ты сможешь повести страну и весь народ к былому величию. Призови свои отряды и иди со своими людьми по насыпи туда, где находится этот фараон, беззащитный и легкоуязвимый. К восходу солнца ты станешь правителем Верхнего царства. Через год ты победишь узурпатора, и оба царства воссоединятся. – Я вскочил на ноги и встал к нему лицом. – Тан, вельможа Харраб, твоя судьба и любимая женщина ждут тебя. Бери же их в свои руки, могучие руки воина!

– Да, у меня руки воина. – Он поднял руки и посмотрел на них. – Эти руки воевали за отчизну и защищали ее законного царя. Ты оказываешь мне плохую услугу, старина. Это не руки предателя, а душа моя – не душа богохульника, который попытается сбросить с трона бога и погубить его, чтобы занять его место в пантеоне.

Я застонал в отчаянии.

– Ты станешь величайшим фараоном за последние пятьсот лет. Тебе не придется объявлять себя богом, если сама мысль об этом оскорбляет тебя. Сделай же это, умоляю тебя, ради Египта и ради женщины, которую мы оба любим!

– А сможет ли Лостра любить предателя так, как она любила воина и патриота? Не думаю. – Он покачал головой.

– Она будет любить тебя, несмотря ни на что...

Но Тан оборвал меня:

– Тебе не убедить меня. Лостра – женщина чести и добродетели. Стань я предателем и вором, я потеряю право на ее уважение. А кроме того, не смогу уважать себя или считать достойным ее нежной любви, если сделаю то, к чему ты меня побуждаешь. А это для меня не менее важно. Не говори больше об этом, если ценишь нашу дружбу. Я не требую себе двойной короны и никогда не посягну на нее. Да услышит меня Гор, и да отвернется он от меня, если я когда-нибудь нарушу эту клятву.

Дело было кончено. Я так хорошо знал его, этого большого дикого осла, которого я тем не менее любил всем своим сердцем. И он действительно сказал то, что думал, и сдержит свое слово любой ценой.

– Так что же ты будешь делать, упрямец? – в ярости спросил я. – Что бы я ни говорил, ты не желаешь меня слушать. Все хочешь сделать сам? Или ты стал настолько мудрым, что можешь обойтись без моего совета?

– Я охотно приму твой совет, если он будет разумным. – Он протянул руку и посадил меня рядом с собой. – Подожди, Таита, нам нужна твоя помощь. Она нужна и мне, и Лостре как никогда раньше. Не бросай нас! Помоги нам найти честный выход из создавшегося положения.

– Боюсь, такого нет, – вздохнул я. Мысли мои метались, как щепки в быстрых водах Нила. – Если ты не желаешь надевать на свою голову корону, тебе нельзя оставаться здесь. Ты должен взять Лостру на руки и унести ее прочь.

Он уставился на меня:

– Покинуть Египет! Ты не можешь говорить об этом серьезно. Это же мой мир. И мир Лостры.

– Нет! – заверил я его. – Я имел в виду другое. В Египте есть еще один фараон. Тому фараону тоже нужны воины и честные люди. Ты можешь многое предложить такому царю. Твоя слава в Нижнем царстве нисколько не меньше, чем здесь, в Карнаке. Возьми Лостру на палубу «Дыхания Гора», и пусть твоя ладья полетит вниз по течению. Ни один корабль не догонит тебя. Через десять дней при попутном ветре ты будешь при дворе красного фараона в Мемфисе и дашь ему клятву верности...

– Клянусь Гором, ты все равно хочешь сделать меня предателем, – резко оборвал он меня. – Дать клятву верности узурпатору, так ведь? Тогда как же быть с клятвой, которую я дал фараону Мамосу? Разве она ничего не значит для меня? Что я за человек такой, если могу давать клятвы верности каждому царю или отщепенцу, который попадется у меня на пути? Клятвами нельзя торговать или брать их назад, их дают на всю жизнь. Я дал клятву верности только настоящему фараону Мамосу.

– Тому самому настоящему фараону, который хочет жениться на твоей любимой и прикажет удавить тебя веревкой, – угрюмо подсказал я ему, и это наконец его поколебало.

– Ты прав, конечно, нам не следует оставаться в Карнаке. Но я не могу стать предателем и нарушить клятву верности, подняв меч против своего царя.

– Твое чувство чести слишком сложно для меня. – Я не смог удержаться от издевки. – Насколько я понимаю, оно готово убить нас всех. Ты сказал мне, что не хочешь делать. А теперь скажи мне, что ты хочешь и как спасти госпожу Лостру от ее ужасной судьбы.

– Да, старина, у тебя есть полное право сердиться на меня. Я просил тебя о помощи и совете, ты дал мне их, но я их презрел. Прошу тебя, побудь со мной еще немного. – Тан вскочил на ноги и начал ходить вокруг кучи камней, как леопард в зверинце фараона, и бормотать что-то себе под нос, качая головой и сжимая и разжимая кулаки, будто готовился напасть на врага.

Наконец он остановился передо мной:

– Я не готов к предательству, но с тяжелым сердцем я могу представить себя трусом. Если Лостра согласится бежать со мной, я повторяю, если только она согласится, я готов. Я увезу ее с этой земли, которую мы оба так любим.

– Куда ты отправишься?

– Я знаю, Лостра не сможет покинуть нашу реку. Эта река – не только ее жизнь, но и моя. У нас остается одно место, куда можно бежать. – Он поднял правую руку, и мышцы его заблестели в лунном свете. И показал на юг. – Мы отправимся вверх по Нилу, в глубь Африки, в земли Куша и дальше. Мы пойдем за пороги, в неисследованные земли, где еще не ступала нога цивилизованного человека. Возможно, там, если боги будут добры к нам, мы построим себе новую Та-Мери.

– Кто отправится с тобой?

– Крат, разумеется, и те из военачальников и воинов, кто жаждет приключений. Я обращусь к ним с речью сегодня ночью и позволю им сделать выбор. Мне, наверное, понадобится ладей пять с командами. Мы должны быть готовы отправиться на рассвете. Ты вернешься в Некрополь и приведешь сюда Лостру.

– А я? – тихо спросил я. – Меня вы с собой возьмете?

– Тебя? – Он засмеялся. Теперь, когда решение принято, его настроение снова поднялось, как сокол взлетает с перчатки охотника. – А ты и правда сможешь бросить свой сад и книги, свои мистерии и строительство храмов? Путешествие будет трудным и опасным. Ты действительно хочешь этого, Таита?

– Я не могу отпустить вас одних. Кто же будет удерживать тебя от глупостей? А какие опасности будут угрожать моей госпоже? Если меня не окажется рядом, я не смогу направлять вас.

– Ладно! – Он хлопнул меня по спине. – Пошли. Я не сомневался, что ты пойдешь с нами. Знаю, Лостра, во всяком случае, без тебя никуда не отправится. Хватит болтать. Нам есть чем заняться. Прежде всего скажем Крату и другим о наших намерениях и позволим им сделать выбор. Затем тебе нужно будет отправиться в Некрополь и привести Лостру, пока я занимаюсь приготовлениями к путешествию. Я пошлю с тобой дюжину своих лучших воинов, но вы должны поторопиться – уже за полночь, и третья стража началась.

Я, конечно, глупый романтик. Когда мы за этими разговорами спешили обратно в лагерь у устья канала, я пришел в такое восторженное состояние, что мое чувство опасности притупилось. Тан первым заметил угрожающее движение в лунном свете впереди нас. Он схватил меня за руку и потянул за суковатое дерево.

– Вооруженный отряд, – прошептал он, и я заметил блеск бронзовых наконечников. Отряд большой, человек тридцать или сорок, наверное. – Видимо, это разбойники или разведчики из Нижнего царства, – пробурчал Тан, который, как и я, был встревожен поведением этих людей. Они не шли по бурлацкой тропе вдоль канала, а осторожно крались по полю, разворачиваясь так, чтобы окружить лагерь Тана на берегу реки. – Сюда! – Опытный глаз воина быстро нашел мелкий овражек, который вел к реке, и Тан потащил меня туда. Мы спрыгнули в него и бегом направились к лагерю. Тан выскочил из оврага и громким воплем поднял на ноги лагерь: – К оружию! Синие, ко мне! Стройся вокруг меня!

Это был боевой клич стражи Синего Крокодила, и его немедленно подхватили сотники и десятники отряда. Лагерь закипел. Люди, спавшие у огня, вскочили на ноги и расхватали сложенное оружие, а шатры их начальников, казалось, взорвались, будто те не спали, а напряженно ждали зова Тана. С мечами в руках они заняли места в строю, и я увидел Крата впереди всех.

Я был изумлен быстротой их действий, хотя и знал, что это испытанные в бою ветераны. Не успел я толком перевести дух, как они уже построились в колонны, прикрылись щитами, как гигантская черепаха, и выставили длинные копья в темноту. Неизвестный отряд наверняка был перепуган шумом и приготовлениями к бою. И хотя я по-прежнему мог разглядеть блеск оружия и силуэты людей во мраке ночи, смертоносная атака, которой мы боялись, так и не началась.

Как только воины Тана построились, он приказал выступать. Мы часто спорили с ним о превосходстве атаки над обороной, и теперь его войско плотным строем двинулось вперед,

готовое броситься в атаку по команде Тана. Зрелище это, наверное, было ужасающим, так как скоро из темноты раздался голос. В нем слышались панические нотки.

– Мы воины фараона и идем по его приказу. Остановитесь!

– Стойте! Но будьте начеку! – Тан остановил продвижение и спросил: – Какому фараону служите? Красному узурпатору или истинному фараону Мамосу?

– Мы служим истинному царю, божественному Мамосу, правителю Верхнего и Нижнего царств. Я посланец царя.

– Выйди вперед, посланец царя, который крадется в ночи как вор! Выйди вперед и скажи, зачем ты послан! – предложил Тан и вполголоса сказал Крату: – Будь готов к предательству. Воздух полон лжи. Зажги костры, нам нужен свет.

Крат отдал приказ, и тут же на пылающие угли бросили связки сухого хвороста. Пламя взметнулось вверх, и темнота отступила. В красноватом сиянии костров из темноты выступил вожак неизвестного отряда и прокричал:

– Мое имя Нетер, лучший из десяти тысяч! Я начальник личной стражи фараона. Я держу ястребиную печать, и мне приказано задержать и поместить под стражу Тана, вельможу Харраба.

– Клянусь Гором, он лжет и не краснеет! – прорычал Крат. – Ты же не мошенник, за которым охотятся стражники. Он оскорбляет и тебя, и весь отряд. Дай нам разделаться с ними, и я суну эту печать ему в задницу.

– Стой! – Тан сдержал его. – Пусть скажет все. – Он снова заговорил громко: – Командир Нетер, покажи печать.

Нетер поднял над головой печать. Это была маленькая статуэтка царственного ястреба из блестящего голубого фарфора. Печать со знаком ястреба была личным знаком фараона. Ее обладатель имел право приказывать, эти действия и приказы имели силу указов самого фараона. Под страхом смерти никто не должен был сомневаться в его правоте или мешать ему. Обладатель печати нес ответственность только перед самим фараоном.

– Я Тан, вельможа Харраб, – произнес Тан. – Я признаю печать.

– Господин, господин, – горячо зашептал Крат, – не отправляйся к фараону. Ты идешь на верную смерть. Я говорил с другими командирами. Весь отряд встанет за тебя, да что я говорю, все войско фараона встанет за тебя. Скажи только слово, мы сделаем тебя царем раньше, чем взойдет солнце.

– Мои уши глухи к твоим словам, – мягко сказал Тан, но таким угрожающим тоном, что его слова значили больше, чем вопль или рык. – Но только сейчас, Крат, сын Майдума. Если ты еще раз заговоришь со мной о предательстве и измене, я сам доставлю тебя слугам фараона, и пусть его гнев обрушится на тебя.

Он отвернулся от Крата, взял меня за руку и отвел в сторону.

– Поздно, старина. Боги воспротивились нашему предприятию. Я должен довериться здравому смыслу царя. Если он действительно бог, то сможет заглянуть в мое сердце и увидеть, что в нем нет зла. – Он еще раз коснулся моей руки, и этот легкий жест значил больше, чем теплые объятия. – Отправляйся к Лостре и расскажи, что случилось и почему это случилось. Скажи ей, что я люблю ее и, что бы ни случилось, буду любить и в этой, и в следующей жизни. Скажи ей, что я буду ждать ее до конца жизни и до конца вечности, если понадобится.

Затем Тан сунул свой меч в ножны и с пустыми руками направился к обладателю ястребиной печати.

– Я готов выполнить приказ царя, – просто сказал он.

Воины за его спиной засвистели и заворчали, загремели мечами по щитам, но Тан обернулся и взглядом успокоил их, а потом вышел вперед. Охрана царя окружила его, и они трусцой поспешили в Некрополь по бурлацкой тропинке вдоль канала.

* * *

Лагерь был переполнен разгневанными, озлобленными молодыми воинами, когда я покинул его и последовал за Таном и сопровождавшими его стражниками. Вернувшись в Некрополь, я направился прямо в покои госпожи Лостры. К своему огорчению, обнаружил, что они уже пусты, и только три маленькие служанки с обычной томной ленью собирали остатки вещей в большой сундук кедрового дерева.

– Где ваша госпожа? – строго спросил я.

Старшая и самая дерзкая из них поковыряла в носу и уклончиво ответила:

– Там, где тебе не достать ее, евнух. – Остальные захихикали. Все они ревновали меня к госпоже Лостре.

– Отвечай прямо, или я выпорю твою наглую задницу, маленькая плутовка. – Я уже несколько раз делал это, поэтому она сдалась и угрюмо пробормотала:

– Ее забрали в гарем фараона, там твое влияние бессильно. Хоть у тебя и нет яиц, стража не пустит тебя к женщинам царя.

Конечно, она была права, но все же следовало попытаться. Теперь я буду нужен госпоже как никогда.

Как я и опасался, стража у входа на женскую половину царя была неумолима. Они знали, кто я, но им был дан приказ никого не допускать к Лостре, даже самых близких членов ее свиты.

Я отдал золотое кольцо и такой дорогой ценой смог добиться только одного: один из стражников обещал передать мою записку. Я написал ее на небольшом клочке папируса, легкомысленно пытаясь подбодрить госпожу. Я не осмелился рассказать ей все и тем более о том, какая опасность грозила Тану. Не мог даже называть его имени, но мне нужно было как-то заверить ее, что он любит и защитит. Однако эта вынужденная трата золота оказалась напрасной. Как я узнал позже, Лостра не получила записки. Неужели в нашем предательском мире и в самом деле никому нельзя доверять?

Я больше не видел ни Тана, ни госпожу Лостру до самого вечера последнего дня праздника Осириса.

Праздник заканчивался в храме Осириса. И снова, казалось, все население Фив собралось во дворе храма. Народ стоял так плотно, что от жары трудно было дышать. Я чувствовал себя отвратительно, так как мало спал в последние две ночи из-за множества тревог и хлопот, свалившихся на мою голову. Не считая неопределенности в судьбе Тана, вельможа Интеф возложил на меня тяжелое бремя организации бракосочетания царя и его дочери, а здесь мои обязанности противоречили моим желаниям. Вдобавок ко всему я был разлучен со своей госпожой и с трудом переносил разлуку. Не знаю, как пережил эти два дня. Даже мальчики-рабы начали беспокоиться за меня. Они заявляли, что я никогда не выглядел так плохо, да и настроение мое никогда не было таким скверным.

Дважды во время речи фараона, которая показалась мне бесконечной, я чувствовал, что теряю равновесие и вот-вот упаду в обморок. Однако заставлял себя держаться, пока царь монотонным голосом произносил прописные истины и полуправды, пытаясь скрыть настоящее положение дел в царстве и умиротворить народ.

Как и следовало ожидать, он ни разу не упомянул красного фараона Севера или гражданскую войну, развязанную в стране, если не считать таких туманных выражений, как «наши смутные времена» или «дезертирство» и «мятеж». Однако, прислушавшись, я внезапно понял, что он говорит о том же, о чем упоминал Тан в своей речи, и даже пытается найти средство против каждого из упоминаемых зол.

Правда, делал это, как обычно, неумело и неуверенно. И все же он запомнил то, что говорил Тан, и это придало мне силы и заставило сосредоточиться на словах фараона. Я постарался

протиснуться через толпу, чтобы получше разглядеть трон и его самого. К тому времени, когда мне это удалось, царь говорил о наглости и дерзости рабов и о непорядочности низших слоев общества. Тан упоминал об этом в своей речи. Решение фараона меня изумило.

– Отныне владелец раба может наказывать его за дерзость пятьюдесятью ударами кнута, не обращаясь к властям за разрешением.

Я улыбнулся, вспомнив, как этот же фараон чуть было не разрушил само государство двенадцать лет назад, объявив нечто прямо противоположное сразу после восшествия на трон. Он еще был полон добрых идей и решился полностью уничтожить древний, честный и благородный институт рабства. Хотел выпустить на свободу всех рабов в Египте и сделать каждого раба свободным человеком.

Даже теперь, через столько лет, я не могу понять, что заставило его пойти на такой неразумный шаг. Я считал рабство и крепостное право институтами, на которых основано величие наций. Отбросы общества не могут править. Управление страной можно доверить только тем, кто был рожден и воспитан в готовности управлять другими. Свобода – это привилегия, а не право. Толпе нужен сильный властелин. Если его не будет, в стране воцарится анархия. Абсолютный монарх, рабство и крепостное право – вот три опоры, на которых держится наше государство и которые позволили нам стать цивилизованными людьми.

Было очень поучительно наблюдать, как рабы сами взбунтовались, почуяв перспективу насильно стать свободными. Я был еще молод в то время, но и меня это очень встревожило: кому хочется быть выброшенным из своего теплого и безопасного убежища на половине мальчиков, чтобы добывать крохи на пропитание в мусорных кучах с толпой других освобожденных рабов? Плохой господин лучше, чем никакой.

Конечно, такой глупый поступок поверг все царство в хаос. Войско было на грани мятежа. Если бы красный фараон Севера воспользовался тогда беспорядком, история страны была бы совершенно иной. В конце концов наш фараон поспешно отменил ошибочный указ об освобождении рабов и сумел удержаться на троне. Теперь же, чуть более десяти лет спустя, он вводил усиленные наказания рабов за дерзость. Это было так характерно для нашего вечно колеблющегося и вечно ошибающегося фараона! Я сделал вид, будто вытираю пот со лба, чтобы скрыть улыбку. Это была первая улыбка, появившаяся на моем лице за последние два дня.

– С этого дня нанесение увечья самому себе с целью избежать военной службы будет строго наказываться, – монотонно продолжал царь. – Всякий молодой человек, который требует освобождения от военной службы, должен будет предстать перед судом из трех военачальников, из коих хотя бы один должен быть в ранге не ниже начальника сотни.

На этот раз на моем лице появилась улыбка одобрения, неохотного, но одобрения. Хоть раз фараон пошел по правильному пути. Я с наслаждением погляжу, как Менсет и Собек покажут свои кисти рук с отрезанными большими пальцами какому-нибудь ветерану речных войн. С каким нежным сочувствием он их выслушает!

– Штраф за этот проступок составит тысячу золотых колец. – Клянусь круглым пузом Сета, это заставит молодых красавчиков вздрогнуть, а вельможе Интефу придется заплатить штраф от их имени!

Несмотря на все тревоги, я почувствовал, что настроение мое улучшается. Фараон продолжал:

– С нынешнего дня каждая блудница, занимающаяся своим ремеслом в общественном месте, если это место не отведено для таких занятий властями, будет наказываться штрафом в десять золотых колец. – На этот раз я едва сумел сдержать смех. Вот так благочестивый Тан постарался превратить всех мужчин Фив в честных и аскетичных граждан. Мне стало интересно, как солдаты и моряки, отправляющиеся в увольнение, отнесутся к подобному вмешательству в их развлечения. Ясность ума фараона, как обычно, продолжалась недолго. Каждый дурак знает, что бессмысленно законодательным путем управлять половыми потребностями людей.

Несмотря на сомнения в мудрости нашего царя, я почувствовал, что мной овладевает какой-то восторженный трепет. Очевидно, царь очень серьезно отнесся ко всему, о чем говорил Тан в своей речи. Сможет ли он теперь обвинить Тана в подстрекательстве к мятежу? Однако фараон еще не закончил.

– До моего сведения было доведено, что некоторые чиновники нашего государства злоупотребляют моим расположением и постами, которые я доверил им. Эти чиновники, занимающиеся сбором податей и управлением имуществом, обязаны будут представить отчет о своей деятельности. Если их признают виновными в расхищении имущества и взяточничестве, они будут немедленно осуждены на смерть через удушение.

Народ заволновался, люди недоверчиво зашептались: неужели царь действительно хочет обуздать своих сборщиков податей?

Затем в задних рядах раздался крик:

– Велик наш фараон! Да здравствует фараон! – Крик был подхвачен толпой, и храм зазвенел от восторженных криков. Царь совершенно не ожидал таких восторгов со стороны присутствующих, по крайней мере так скоро. Даже мне со своего места вдали от трона было видно, что ему это понравилось. Хмурое лицо, казалось, чуть-чуть просветлело, словно двойная корона перестала давить лоб. Теперь я был уверен, что у Тана есть шанс избежать удавки палача.

Когда крики восторга наконец смолкли, царь продолжил. И, как обычно, свел на нет все, чего смог добиться.

– Моему доверенному лицу, великому визирю, вельможе Интефу поручается лично провести расследование деятельности всех государственных чиновников. Ему будут даны полномочия обыскивать жилища и заключать под стражу их самих. Он будет дарить жизнь или смерть.

На этот раз одобрительные крики были лишь слабым эхом предыдущих восторгов. Я воспользовался ими, чтобы скрыть издевательскую усмешку. Фараон посылал голодного леопарда в курятник считать цыплят. То-то вельможа Интеф позабавится в царской сокровищнице! А какое перераспределение доходов произойдет, когда мой господин начнет разбирать дела и доить сборщиков податей, вытягивая из них тайные сбережения!

У нашего фараона был редкий дар уничтожать или разрушать самые благородные чувства и намерения своим неумелым правлением. Мне стало интересно, какую еще глупость он совершит, и не пришлось долго ждать.

– Довольно долгое время меня беспокоили беззакония, творящиеся в Верхнем царстве и угрожающие жизни и имуществу честных подданных. Я решил заняться этими вопросами, когда придет срок. Однако недавно мне напомнили о них столь несвоевременно и вредоносно, что это походило на подстрекательство к мятежу. И произошло это под прикрытием праздника Осириса. Однако праздник божества не может защитить изменника и богохульника, который осмелился оскорбить своими нападками личность и божественную природу царя. – Фараон сделал многозначительную паузу.

Было ясно, что он говорит о Тане, и я снова критически отнесся к его суждениям. Сильный фараон не стал бы объяснять причины своих поступков народу или пытаться завоевать его одобрение. Он бы просто произнес приговор, и дело было бы кончено.

– Я, разумеется, имею в виду Тана, вельможу Харраба, который исполнял роль великого бога Гора в мистерии Осириса. Тан был заключен под стражу по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Мнения моих советников по поводу его вины разделились. Есть среди них люди, которые хотят, чтобы он понес высшую меру наказания... – Я увидел, как вельможа Интеф, стоявший рядом с троном, на какое-то мгновение отвел глаза. Я укрепился в мысли, что он возглавлял тех, кто хотел казнить Тана. – Но есть среди них и те, кто считает, что речь на празднике была вдохновлена божественными силами и говорил не Тан, вельможа Харраб, а истинный голос великого бога Гора, который решил указать нам на эти недостатки. Если это действитель-

но так, то смертный, чьим голосом бог решил говорить, не может нести ответственности за свои поступки.

Доводы его были справедливы. Однако фараон, достойный двойной короны Египта, не должен объяснять свои действия толпе простых воинов, моряков, крестьян, торговцев и рабов, большинство которых еще не оправилось от чересчур обильных возлияний и ночного веселья. Пока я размышлял над этим, царь дал приказ начальнику личной стражи, стоявшему под троном. Я узнал в нем Нетера, человека, которого посылали за Таном. Нетер красивым шагом отошел от трона и через мгновение вернулся с Таном из святилища в задней части зала.

Сердце мое забилось при виде друга, а затем радость и надежда проснулись в моей душе, когда я заметил, что он не связан, а на ногах нет цепей. У Тана не было оружия и знаков отличия, а одет он был в белую полотняную одежду. Он шел обычной упругой походкой, легко и грациозно, и если не считать заживающей раны на лбу, оставленной мечом Расфера, на нем не было никаких отметин. Его не били и не пытали. С ним не обращались как с осужденным.

Но скоро мои надежды разлетелись на мелкие кусочки. Тан простерся ниц перед троном, а когда поднялся, фараон строго взглянул на него и заговорил безжалостным голосом:

– Тан, вельможа Харраб, тебя обвиняют в измене и подстрекательстве к мятежу. Я нахожу, что ты виновен в обоих преступлениях, и приговариваю тебя к смерти через удушение – обычному наказанию изменника.

Когда Нетер набросил на шею Тана пеньковую веревку, чтобы пометить его как осужденного на смерть, люди, увидевшие это, застонали, какая-то женщина зарыдала, и очень скоро храм наполнился воплями и плачем. Никогда еще объявление смертного приговора не сопровождалось такими горестными криками. Ничто не могло более ясно показать ту любовь, которую люди испытывали к Тану. Я рыдал вместе с ними, слезы лились из моих глаз и водопадом струились на грудь.

Телохранители царя набросились на толпу, избивая людей древками длинных копий, пытаясь заставить плачущих замолчать. Но все было тщетно. Я заорал через головы людей:

– Смилуйся, великодушный фараон! Смилуйся над благородным Таном!

Какой-то стражник ударил меня копьем по голове, и я, полуоглушенный, упал на землю, но крик мой подхватили.

– Смилуйся, умоляем тебя, о божественный фараон!

Страже пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить хоть какое-то подобие порядка. Многие женщины по-прежнему всхлипывали.

Только когда фараон заговорил снова, все замолчали, и каждый четко расслышал его слова:

– Осужденный на смерть жаловался на беззакония в моем царстве. Он призывал трон искоренить шайки разбойников, разоряющих нашу страну. Осужденного называли героем, многие считают его могучим воином. Если это правда, он, как никто другой, подходит для выполнения задачи, о которой говорил сам.

Народ в смущении замолчал, а я быстро смахнул слезы с лица и стал внимательно вслушиваться в каждое слово фараона.

– Смертный приговор откладывается на два года. Если осужденный действительно был вдохновлен Гором, когда говорил свою подстрекательскую речь, бог поможет ему справиться с задачей, которую я поручаю ему.

Воцарилась гробовая тишина. Никто из нас, казалось, не был в состоянии понять, что сказал фараон, надежда и отчаяние в равной мере наполняли мою душу.

По знаку царя один из его министров выступил вперед и подал ему на подносе маленькую голубую статуэтку. Фараон поднял ее и объявил:

– Я вручаю вельможе Харрабу ястребиную печать фараона. Власть этой печати разрешает ему вербовать любого человека и брать любой военный материал, который сочтет нужным. Он

может использовать все, что захочет, и никто не вправе мешать. На два года он становится человеком царя и будет отвечать только перед царем. В конце этого периода, в последний день праздника Осириса, снова предстанет перед троном с петлей смертника на шее. Если не сможет выполнить мое поручение, петля эта затянется и он будет удушен на том самом месте, где сейчас стоит. Если справится с ним, я, фараон Мамос, собственной рукой сниму петлю с его шеи и заменю ее золотой цепью.

По-прежнему никто из присутствующих не осмелился ни шевельнуться, ни произнести слово. Все смотрели на фараона, который сделал традиционное движение плетью и посохом.

– Тан, вельможа Харраб, я поручаю тебе стереть с лица Земли шайки разбойников и грабителей, которые наводят ужас на все Верхнее царство Египта. За два года ты должен восстановить мир и порядок в моем царстве. Не оправдаешь доверия – пеняй на себя.

Все собравшиеся взревели, и звук этот был похож на удары волн о скалистый берег моря. Пока толпа бездумно ликовала, я оплакивал свою судьбу. Подвиг, которого требовал фараон от Тана, был слишком велик для смертного. Никто не выполнил бы его. Тень смерти по-прежнему висела над Таном; я понял, что через два года в этот день он умрет там, где стоит сейчас, молодой, сильный и гордый.

Как потерявшийся ребенок стояла она посреди огромной толпы. Позади нее была река, ее божество и покровитель, а впереди – море человеческих лиц.

Длинные полотняные одеяния, ниспадавшие до лодыжек, были окрашены в цвет лучшего вина краской, полученной из моллюсков, и цвет этот обозначал ее девственность. Распущенные волосы опускались на плечи мягкой темной волной, словно сиявшей собственным светом в лучах солнца. Поверх светящихся локонов она надела свадебный венок из белых речных лилий с лепестками неземного голубоватого цвета и золотой сердцевиной.

Лицо было бледным, как свежесмолотая пшеничная мука. Когда я увидел огромные темные глаза, мое сердце чуть не разорвалось от боли: я вспомнил ту самую маленькую девочку, которая много лет назад просыпалась в моих объятиях, дрожа от страха после приснившегося кошмара; мне приходилось зажигать лампу и сидеть рядом на кровати, пока она не засыпала снова. Однако сейчас я не мог помочь ей, так как этот кошмар происходил на самом деле.

Я не мог подойти к ней – жрецы и стража фараона окружали ее и, как и во все эти дни, не разрешали мне приблизиться. Она была навсегда потеряна для меня, моя маленькая девочка, и мысль об этом была невыносима.

Жрецы построили свадебный навес из речного тростника на берегу Нила, и госпожа Лострa ждала там прихода своего жениха, который должен был забрать ее в свой дом. Рядом с ней стоял отец. На шее у него висело «Золото похвалы», и улыбка кобры играла на его лице.

Наконец под торжественный бой барабанов и блеяние рогов появился царственный жених. Свадебный марш показался мне самой печальной мелодией на земле.

На фараоне была корона Немес. В руках он держал скипетр. Однако несмотря на торжественность и знаки царского отличия, он по-прежнему оставался маленьким старым человеком с круглым животиком и скучным лицом. Я не мог не сравнивать его с другим женихом, который мог бы встать под навесом рядом с моей госпожой, если бы боги были добрее к ним обоим.

Приближенные фараона и высшие чиновники государства такой плотной толпой шли за ним, что я потерял из виду мою госпожу. Хотя именно я организовал каждый шаг свадебной церемонии, мне было запрещено в ней участвовать, и я только мельком видел госпожу Лостру во время бракосочетания.

Верховный жрец храма Осириса вымыл руки и ноги невесты и жениха водой, только что зачерпнутой из Нила, – это символизировало чистоту их союза. Затем царь отломил кусочек от ритуальной пшеничной лепешки и отдал его молодой невесте как клятву верности. Я мельком

увидел лицо госпожи, когда он положил ей в рот хрустящую корочку. Она не могла ни прожевать, ни проглотить ее, а стояла так, словно в рот положили камень.

Потом ее снова загородили, и только когда я услышал треск разбитого кувшина, в котором было свадебное вино – жених, выпив вино, разбил кувшин мечом, – понял, что дело сделано и Лостра навсегда разлучена с Таном.

Толпа под навесом раздалась, и фараон вывел свою новую невесту на край помоста, чтобы представить народу. Народ показал свою любовь к госпоже Лостре восторженным хором приветствий, который гремел и гремел, пока в ушах у меня не зазвенело, а голова не закружилась.

Мне хотелось уйти из этой давки, выбраться из толпы и отправиться к Тану. Я знал, что его выпустили из-под стражи и он снова на свободе, однако на церемонии его не было. Наверное, это был единственный человек в Фивах, который не пришел на берег Нила. Я знал: где бы он ни был сейчас, я очень нужен ему. Так же как и он нужен мне. Только вдвоем мы могли бы утешить друг друга в этот трагический день. Но я не мог оторваться от тяжелого зрелища. Мне нужно было досмотреть его до самого конца.

Наконец вельможа Интеф вышел вперед, чтобы попрощаться со своей дочерью. Крики постепенно смолкли. Он обнял Лостру.

Словно живой труп стояла она в его объятиях. Руки бессильно висели по бокам, а лицо было бледным как смерть. Отец выпустил ее из своих объятий и, взяв за руку, повернулся лицом к собравшимся, чтобы предложить дочери последний, положенный по обычаю дар. Дар этот не входил в приданое, которое целиком доставалось жениху. Только знать соблюдала этот обычай, так как его назначением было дать невесте независимые средства к существованию и доход.

– Теперь, когда ты покидаешь мой дом и лишаешься моей защиты, отправляясь в дом своего мужа, я хочу дать тебе последний подарок, дар разлуки, по которому ты навсегда запомнишь меня, своего любящего отца.

Я с горечью подумал, что нельзя было придумать слов, меньше всего соответствующих истине, так как вельможа Интеф никогда и никого не любил. Однако он произносил древние слова, как будто действительно испытывал эти чувства.

– Проси у меня все, чего ни пожелаешь, любимое дитя. Я ни в чем не могу отказать тебе в этот радостный день.

Обычно отец и дочь тайно договариваются о размере подарка до церемонии бракосочетания. В нашем же случае вельможа Интеф однозначно сказал дочери, на что она может рассчитывать. Он оказал мне честь, обсудив этот вопрос со мной за день до свадьбы, прежде чем сообщить Лостре о своем решении.

– Я не хочу выглядеть мотом, но, с другой стороны, мне нельзя показывать фараону, будто я скупец, – вслух размышлял он. – Дам ей, скажем, две тысячи золотых колец и пятьдесят федданов земли, но только не на самом берегу Нила.

С моей подсказки он в конце концов решил дать ей пять тысяч золотых колец и сто федданов превосходной орошаемой земли, так как это был более подходящий подарок царской невесте. По его указанию я уже написал дарственную на эти земли и отложил золото из тайного хранилища, где мой господин держал его подальше от глаз сборщиков податей.

Дело было решенное. Лостре оставалось только произнести просьбу перед женихом и гостями свадьбы. Но она стояла отрешенная, бледная и молчаливая и, казалось, ничего не видела и не слышала.

– Говори же, дитя мое. Чего ты хочешь? – Нотки отеческой любви зазвучали несколько натянуто, и вельможа Интеф подергал дочь за руку, чтобы привести ее в чувство. – Ну же, скажи отцу, что он может сделать для того, чтобы счастье этого дня стало полным.

Госпожа Лостра вздрогнула, словно пробуждаясь от ужасного сна. Она повела глазами вокруг себя, и слезы показались у нее на глазах, готовые заструиться по щекам. Открыла рот, чтобы заговорить, но вместо слов из горла послышался тонкий писк раненой птички. Она закрыла рот и помотала головой, не в силах произнести ни слова.

– Ну же, дитя, говори. – Вельможа Интеф уже с трудом сдерживался, но по-прежнему сохранял на лице выражение отеческой любви. – Назови же мой свадебный дар, и я дам его тебе, чего бы ты ни пожелала.

С усилием, которое было заметно даже мне, несмотря на расстояние, разделявшее нас, Лостра взяла себя в руки, и, когда она открыла рот, ее голос зазвенел над нашими головами, как струны лиры. В толпе не осталось ни одного человека, кто не расслышал бы каждого слова.

– В качестве свадебного дара отдай мне раба Таиту!

Вельможа Интеф отшатнулся от нее, как будто она вонзила ему в живот кинжал. В ужасе смотрел он на нее. Его рот открывался и закрывался, не произнося ни звука. Только он и я знали настоящую цену подарка, которого требовала Лостра. Даже он, со всеми его имениями и сокровищами, собранными за длинную жизнь, не мог себе позволить заплатить за бракосочетание с царем такую цену.

Он быстро пришел в себя. Выражение лица снова стало спокойным и благодушным, но губы были поджаты.

– Ты слишком скромна, милая дочь. Один-единственный раб – неподходящий подарок для невесты фараона. Такая скупость претит моей природе. Я бы предпочел, чтобы ты приняла в дар что-нибудь стоящее, скажем, две тысячи золотых колец и...

– Отец, ты всегда был слишком щедр ко мне. Но сегодня я хочу только Таиту.

Вельможа Интеф обнажил зубы в улыбке, и губы побелели от ярости и стали почти такого же цвета, как и безупречные зубы. Он смотрел на Лостру не отрываясь, и я увидел, какие мысли проносятся в его голове.

Я был самым ценным его владением. Дело не только в широте моих необычайных талантов. Моя цена не только в них. Что гораздо важнее, я знал в подробностях каждую ниточку сложнейших узоров ковра его дел. Я знал каждого осведомителя и шпиона, каждого человека, которого он когда-либо пытался подкупить, и тех, кто давал взятки ему. Я знал, какие долги не оплачены, по каким счетам следуют проценты, кому следует вернуть долг и по каким счетам ему должны.

Я знал всех его врагов, и список этот был велик. Я знал всех, кого он считал своими друзьями и союзниками. Их было намного меньше. Я знал каждый слиток золота в огромных сокровищницах и знал, кто распоряжался его деньгами, кто вел дела и защищал его интересы и как он скрыл от царя, что владел громадными имениями и чудовищными запасами драгоценных металлов и камней, пряча свои богатства в лабиринте долговых актов, актов передачи прав на собственность и долговых обязательств. Все эти сведения привели бы в восторг царских сборщиков податей и могли заставить фараона изменить мнение о великом визире.

Я сомневался в том, что вельможа Интеф может сам удержать каждую ниточку своего обширного хозяйства без моей помощи. Он не мог как следует распоряжаться своими имениями и управлять разветвленной тайной империей без меня, потому что смотрел на все свысока и старался отгородиться от самых неприятных проблем. Он предпочитал, чтобы я занимался делами, за которые, если бы они всплыли, его могли привлечь к суду.

Таким образом, я знал о тысячах темных тайн, о тысячах темных дел, о казнокрадстве и вымогательстве, о грабежах, кражах, убийствах, и все эти сведения, вместе взятые, могли погубить даже такого влиятельного человека, как великий визирь.

Я был незаменим. Он не мог отпустить меня. Однако теперь перед лицом фараона и всего населения Фив он не мог отказать Лостре в ее просьбе.

Вельможа Интеф всегда полон злобы и ненависти, но сейчас я увидел в этих глазах такую ярость, что даже Сет, бог гнева, вздрогнул бы и уступил ему дорогу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть в его глазах такую ярость, какую я увидел, когда его собственная дочь загнала его в угол.

– Позовите раба Таиту, пусть выйдет, – позвал он. Я понял, что это всего лишь уловка. Он хотел выиграть время. Я протолкался вперед через толпу и как можно быстрее выбрался к подножию помоста, чтобы оставить ему поменьше времени на обдумывание очередной хитрости.

– Я здесь, господин! – прокричал я, и он уставился на меня своими смертоносными глазами. Мы так долго прожили вместе, что он мог говорить со мной взглядом почти так же ясно, как и словом. Молча смотрел он на меня, пока сердце мое не забилось от страха, а пальцы не задрожали. Затем сказал мягким, почти любящим тоном:

– Таита, ты живешь со мной почти с самого детства. Ты для меня скорее брат, чем раб. Но ты слышал просьбу моей дочери. По природе своей я человек добрый и справедливый. После стольких лет жизни в моем доме было бы бесчеловечно с моей стороны избавиться от тебя против твоей воли. Я знаю, что у нас не в обычае спрашивать раба, как им распорядиться, но и обстоятельства у нас сейчас необычные. Выбирай, Таита: хочешь ли ты остаться в моем доме, доме, который стал твоим, так как другого ты не знал? Если да, я не смогу отдать тебя. Даже в ответ на просьбу моей собственной дочери. – Он не сводил с меня своих ужасных желтых глаз. Я не трус, но очень беспокоюсь за свою жизнь. Я понял, что гляжу в глаза смерти, и не мог произнести ни слова.

Я с усилием отвел глаза от него и посмотрел на госпожу Лостру. В ее глазах увидел такую мольбу, такое одиночество и ужас, что мысли о собственной безопасности вылетели из моей головы. Я не мог бросить ее сейчас, чем бы мне это ни грозило.

– Как может бедный раб отказать жене фараона? Я готов подчиниться приказу моей новой госпожи! – заорал я во всю силу своих легких. Я надеялся, что голос мой прозвучал мужественно, а не визгливо, как мне самому показалось.

– Иди сюда, раб! – приказала моя новая госпожа. – Займи место позади меня.

Когда я взобрался на помост, мне пришлось пройти рядом с вельможей Интефом. Его белые поджатые губы едва шевельнулись, и он произнес так, что я один услышал:

– Прощай, мой милый, ты уже мертвец.

Я содрогнулся, словно ядовитая кобра пересекла мою тропу, и поспешил занять место в свите своей госпожи, как будто и в самом деле верил, что под ее защитой я буду в безопасности.

Я оставался рядом с Лострой в течение всей свадебной церемонии и прислуживал ей на пиру, постоянно витая у ее плеча и стараясь заставить съесть хоть немного мяса или лакомств, разложенных перед ней. Она была так худа и бледна, что я понял: ничего не ела за последние два дня – с самой помолвки и осуждения Тана.

В конце концов я уговорил ее выпить немного разбавленного вина, но это было все, что она согласилась принять. Фараон увидел, как она пьет, и решил, что за его здоровье. Он поднял свою золотую чашу и улыбнулся ей, возвращая здравицу. Гости свадьбы приветствовали новобрачных веселыми криками.

– Таита, – прошептала она, как только великий визирь отвлек на мгновение внимание царя, – боюсь, меня сейчас вырвет. Я больше не могу здесь оставаться. Пожалуйста, отведи меня в мои покои.

Это было дерзостью и пахло скандалом, и если бы мне не пришло в голову взять на себя роль врача, я бы не смог сделать этого. Однако мне удалось проползти на коленях к царю и шепнуть ему о просьбе госпожи, не привлекая излишнего внимания гостей, большая часть которых уже успела изрядно хлебнуть вина.

Когда я узнал фараона получше, то понял, что он человек добрый и тогда в первый раз доказал это. Выслушал мои объяснения, хлопнул в ладоши и обратился к гостям.

– А теперь моя невеста отправится к себе, чтобы приготовиться к предстоящей ночи, – сказал он, и гости, осклабясь, приветствовали это объявление веселыми замечаниями и криками.

Я помог госпоже подняться, но она сама поклонилась царю и покинула трапезную. В своей спальне вытошнила вино в чашу, которую я подержал для нее, и упала на кровать. Кроме вина, в желудке у нее ничего не было, и это подтвердило мои подозрения. Она действительно голодала последние два дня.

– Я не хочу жить без Тана. – Голос был слаб, но я хорошо знал ее и понял, что воля госпожи, как обычно, сильна.

– Тан жив, – попытался я утешить Лострy. – Он силен и молод и проживет еще лет пятьдесят. Он любит тебя и обещает ждать тебя до скончания века. Царь – человек немолодой. Не будет жить вечно.

Она села на мягком покрывале из меха, и в ее голосе зазвучала суровая решимость.

– Я женщина Тана, и никакой другой мужчина не получит меня. Я скорее умру.

– Все мы в конце концов умрем, госпожа. – Если бы мне удалось отвлечь ее от этих мыслей в первые дни замужества, я бы вывел ее из этого состояния. Но она слишком хорошо понимала меня.

– Я знаю, что ты задумал, но все твое красноречие не поможет тебе сейчас. Я собираюсь убить себя. Я приказываю тебе приготовить мне яд. Я выпью его сегодня.

– Госпожа, я не знаю, как готовить яды. – Попытка эта была бессмысленной, и она без всяких усилий сломила мое сопротивление.

– Я много раз видела, как ты давал яд страдающим животным. Разве не помнишь свою старую собаку, которая мучилась от нарывов в ушах, или свою любимую газель, искалеченную леопардом? Ты говорил мне, что яд этот действует без боли и смерть будет подобна сну. А теперь я хочу уснуть. Я хочу, чтобы меня забальзамировали, тогда я отправлюсь в иной мир и буду ждать Тана.

Я попытался переубедить ее:

– А как же я, госпожа? Ты только сегодня стала моей госпожой. Как можешь бросить меня? Что со мной станет? Пожалей меня! – Я видел, что она колеблется, и решил, что убедил ее, но она упрямо выдвинула челюсть вперед.

– С тобой все будет в порядке, с тобой всегда все будет в порядке. Отец с удовольствием возьмет тебя к себе после моей смерти.

– Пожалуйста, маленькая моя. – Я заговорил с ней как с ребенком, пытаясь в последний раз уговорить. – Давай поговорим об этом утром. При солнечном свете все будет выглядеть иначе.

– Все будет так же, – возразила она. – Я буду разлучена с Таном, и этот сморщенный старик захочет, чтобы я легла с ним в постель и занималась ужасными вещами. – Лостра заговорила громко, и теперь остальные жители царского гарема могли услышать каждое слово. К счастью, большая их половина еще не вернулась со свадебного пира, но я задрожал от страха, подумав, как отнесется к этим словам фараон, если ему передадут их.

В ее голосе появились резкие истерические нотки.

– Смешай мне яд сейчас же, на моих глазах, я приказываю тебе. Как смеешь ты ослушаться меня?! – Голос прозвучал так громко, что стража у ворот женской половины могла услышать его, и я не осмелился спорить с ней дальше.

– Хорошо, моя госпожа. Я сделаю это. Я должен принести сундучок с лекарствами из своих покоев.

Когда я вернулся с сундучком под мышкой, она ходила по комнате взад и вперед, а глаза горели на бледном горестном лице.

– Я слежу за тобой. Не пытайся перехитрить меня, – сказала она и стала смотреть, как я готовлю зелье. Я насыпал порошка из алой стеклянной бутылочки. Я предупреждал раньше, что содержимое ее смертельно.

Когда я вручил ей чашу с ядом, в глазах у нее не было страха, и она задержалась, только чтобы поцеловать меня в щеку.

– Ты был мне одновременно и отцом, и любящим братом. Я благодарю тебя за твою последнюю услугу. Я люблю тебя, Таита, мне будет не хватать тебя.

Подняла чашу обеими руками, как будто пила за мое здоровье, а не принимала смертельный яд.

– Тан, милый, – заговорила, подняв чашу, – они никогда не заберут меня у тебя. Мы снова встретимся с тобой на дальнем берегу. – Осушила чашу одним глотком и бросила на пол, где та разлетелась на кусочки. Наконец со вздохом опустилась на кровать. – Подойди, сядь рядом со мной. Я боюсь остаться одна в момент смерти.

Желудок ее был пуст, и зелье подействовало очень быстро. Лостра успела только повернуть ко мне свое лицо и прошептать:

– Скажи Тану еще раз, как я любила его. До самых ворот смерти и за ними. – Потом глаза закрылись.

Она лежала неподвижно, и кожа была так бледна, что на какое-то мгновение я встревожился, испугавшись, что не рассчитал дозу порошка красного шепена, которым заменил смертельный порошок стручков датуры. Поднес ко рту бронзовое зеркальце, и оно затуманилось. Она дышала. Я нежно накрыл ее и постарался убедить себя, что утром она смирится со своей участью и сможет простить меня.

В тот же самый момент послышался властный стук в дверь. Я услышал голос Атона, царского постельничего, который просил впустить его. Он тоже был евнухом и принадлежал к особому братству – я мог считать его своим другом. Я поспешил ему навстречу.

– Я пришел, чтобы доставить твою госпожу на радость царю, Таита. – Высокий девичий голос казался совершенно неуместным в таком мощном теле. Его кастрировали еще в ранней юности. – Она готова?

– Случилось маленькое несчастье, – пояснил я и провел его в комнату Лостры, чтобы он сам посмотрел на нее.

Атон испуганно надул свои нарумяненные щеки, когда увидел, в каком она состоянии.

– Как я скажу фараону? Он прикажет меня побить. Я не могу сделать этого. Ты отвечаешь за эту женщину. Ты должен сам обо всем рассказать царю, и пусть его гнев обратится на тебя.

Обязанность эта меня не очень обрадовала, но Атон был искренне расстроен, а положение врача давало мне какую-то защиту от гнева фараона, который не получит невесту в первую ночь. Я неохотно согласился пойти с ним в царскую спальню. Однако до ухода позаботился о том, чтобы одна из рабынь, понадежнее и постарше, осталась в передней у двери моей госпожи.

Фараон снял корону и парик. Его бритая голова была гладкой и белой, как страусиное яйцо. Вид ее поразил даже меня, и я подумал: а как бы госпожа моя восприняла такое зрелище? Я сомневаюсь, что это прибавило бы любовного жара или улучшило ее мнение о царе. Царь был поражен моим приходом не меньше, чем я его видом. Какое-то мгновение мы просто смотрели друг на друга. Потом я упал на колени и приветствовал его.

– В чем дело, раб Таита? Я посылал не за тобой.

– Милостивый фараон! От имени госпожи своей Лостры пришел молить тебя о понимании и снисхождении. – Я начал ужасающее описание здоровья моей госпожи Лостры, украсив его

темными медицинскими терминами и объяснениями, которые должны были ослабить царский аппетит. Атон стоял рядом со мной и горячо кивал, подтверждая все, что я говорил.

Я уверен, будь жених помоложе и поретивее, ему не терпелось бы заняться делом, ради которого он женился, и мои слова не подействовали бы. Но Мамос был старым быком. Трудно даже сосчитать всех красивых женщин, которые за последние тридцать лет пользовались его услугами. Если поставить их в один ряд, они бы, наверное, окружили стовратные Фивы, и не один раз.

– Ваше величество, – Атон наконец прервал мои объяснения, – с вашего позволения я приведу другую спутницу на ночь. Может быть, мне привести маленькую хурритку с ее необычайной властью над...

– Нет, нет, – остановил его царь. – У меня будет достаточно времени на эти радости, когда дитя оправится от своей болезни. Оставь нас, постельничий. Мне нужно обсудить кое-что с лекарем. Я хотел сказать, с этим рабом.

Как только мы остались наедине, царь поднял свою одежду и показал живот:

– Как ты думаешь, лекарь, чем это вызвано?

Я осмотрел сыпь, украсившую его объемистое брюхо, и обнаружил, что оно поражено обыкновенным стригущим лишаем. Некоторые из царских женщин мылись не так часто, как того требует наш жаркий климат. Я давно заметил, что грязь и заразная чесотка ходят рука об руку. Царь скорее всего подхватил заразу от какой-нибудь из своих жен.

– Это опасно? Ты можешь это вылечить? – Страх делает нас всех простыми людьми. Он уже относился ко мне так же почтительно, как и любой другой пациент.

С его позволения я отправился в свою комнату и принес врачебный сундучок. Вернувшись, приказал ему лечь на роскошную кровать, украшенную золотой инкрустацией и слоновой костью, и стал втирать мазь в воспаленные красные кружочки на коже. Мазь эту я составил сам и заверил, что она вылечит лишай за три дня.

– В значительной степени именно ты, лекарь, виноват в том, что я женился на этом ребенке, твоей новой госпоже, – сказал фараон, пока я втирал мазь. – Твоя мазь может излечить сыпь, но сможет ли другое твое лекарство дать мне сына? – спросил он. – Времена сейчас смутные, и мне нужен наследник не позже чем через год. Династия в опасности.

Мы, врачи, всегда неохотно даем гарантии своим пациентам, так же как адвокаты и астрологи. Я задержался с ответом, и он сам подсказал мне его:

– Я уже немолод, Таита. Ты лекарь, и я могу сказать тебе это. Мой клинок повидал множество свирепых битв. Его острие совсем не то, что было раньше, и в последнее время он часто подводит меня именно тогда, когда я больше всего в нем нуждаюсь. Нет ли у тебя в этом сундучке чего-нибудь такого, что укрепило бы увядающий стебель лилии?

– Фараон, я рад, что вы решились поговорить со мной об этом. Иногда пути богов столь таинственны... – Мы оба сделали знак, защищающий от сглаза, прежде чем я продолжил: – И ваша первая ночь с моей девственной госпожой должна стать совершенной. Малейшая осечка, малейшее отклонение от нашей цели, малейшая неудача в попытке высоко поднять царский скипетр вашего мужества может сорвать наши усилия. У вас будет только одна возможность, и ваше первое воссоединение должно быть успешным. Если нам потребуется еще одна попытка, вам угрожает опасность родить еще одну девочку. – Я бы не сказал, что медицина подтверждает мои слова, тем не менее мы оба приняли очень серьезный вид, и фараон выглядел гораздо серьезнее, чем я.

Я поднял указательный палец.

– Если бы мы сделали попытку сегодня ночью, и... – Я замолчал, красноречиво согнув указательный палец, и покачал головой: – Нет, удача преградила нам дорогу, и теперь нам предоставляется другая возможность. Боги не оставят нас.

– Что же нам делать? – беспокойно спросил он. Я замолчал и довольно долго стоял на коленях у его кровати, погрузившись в размышления.

Мне было очень трудно скрыть чувство облегчения и удовлетворения, переполнявшее меня. В первый же день замужества госпожи я уже получил влияние на царя, и у меня появился прекрасный повод сохранять ее девственность еще некоторое время, может быть, даже достаточно долгое для того, чтобы приготовить к жестокому потрясению – первому детородному акту с мужчиной, которого она не любила и к которому испытывала физическое отвращение. Я сказал себе, что умелыми действиями я смогу продлить этот период.

– И правда, ваше величество, я могу помочь вам, но на это потребуется много времени. Сыпь вылечить гораздо легче. – Мысли бурей проносились у меня в голове. Мне нужно было выжать каждую капельку из этой губки. – Но вам придется перейти на очень строгую диету.

– Только умоляю, лекарь, никаких бычьих яиц.

– Я думаю, этого достаточно. Однако нам потребуется согреть вашу кровь и смягчить детородную жидкость для судьбоносной попытки. Для этого понадобится теплое козье молоко с медом три раза в день. И разумеется, особые лекарства, которые я приготовлю для вас из рога носорога и корня мандрагоры.

Он вздохнул с облегчением.

– Ты уверен, что оно подействует?

– Оно всегда действует, но есть одно необходимое условие.

– Какое же? – Облегчение его улетучилось. Он сел на постели и беспокойно посмотрел на меня.

– Полное воздержание. Нужно дать царственному члену отдохнуть, чтобы он полностью восстановил прежние силу и мощь. Вам придется оставить ваших женщин и все радости, с ними связанные. – Я произнес эти слова с самоуверенным видом врача, которому нельзя возражать, потому что только таким образом я мог обеспечить неприкосновенность госпожи Лостры. Однако меня беспокоила ответная реакция царя. По вполне понятным причинам его могла рассердить сама мысль о лишении супружеских наслаждений. Он мог отказаться от моих средств, и тогда я потерял бы то преимущество, которое только что получил. Но приходилось рисковать ради благополучия своей госпожи. Мне нужно было защищать ее как можно дольше.

Реакция царя поразила меня. Он просто откинулся на подголовник и самодовольно улыбнулся.

– На какое время? – спросил он довольно веселым голосом, и меня поразила одна мысль: строгое ограничение было приятным для него. Я, как человек, для которого акт любви с красивой женщиной навсегда стал недосягаемой мечтой, мог лишь с огромным усилием понять, что фараона удовлетворил мой совет, так как давал ему повод освободить себя от выполнения обязанностей, когда-то приносивших радость, но сейчас, после стольких лет повторений, ставших обузой.

В то время во дворце находилось по крайней мере три сотни жен и наложниц, а некоторые из азиатских женщин славятся своим неутолимым аппетитом. Я даже не мог без сочувствия подумать о том, каких усилий стоило ему год за годом каждую ночь изображать бога в постели. И теперь перспектива ограничить его страсти уже не пугала меня, так как он, похоже, просто устал от них.

– Девяносто дней, – сказал я.

– Девяносто дней? – задумчиво переспросил он. – Девять египетских недель по десять дней каждая?

– По меньшей мере столько, – твердо подтвердил я.

– Хорошо, – кивнул он без всякого неудовольствия и легко переменил тему разговора: – Постельничий сказал мне, что ты умеешь не только лечить людей, но и являешься также одним из трех самых выдающихся астрологов нашего Египта. Так ли это?

Я с удивлением спросил себя: почему мой друг постельничий так меня охарактеризовал? Что касается меня, то я просто не слышал о двух других астрологах. Однако скромно склонил голову:

– Он льстит мне, ваше величество, хотя, возможно, я и обладаю некоторыми знаниями о небесных телах.

– Составь мой гороскоп! – приказал он и быстро сел в постели.

– Теперь? – с удивлением спросил я.

– Да, теперь! Почему бы и нет? По твоему приказу мне все равно сейчас делать нечего. – Улыбка, неожиданно появившаяся на его лице, была настолько любезной, что я неожиданно почувствовал симпатию к нему, несмотря на вред, который он нанес Тану и моей госпоже.

– Мне придется принести кое-какие свитки из дворцовой библиотеки.

– В нашем распоряжении вся ночь. Неси все, что нужно.

Время и день рождения царя были задокументированы очень точно, а в свитках я нашел все необходимые наблюдения небесных тел, сделанные пятьюдесятью поколениями астрологов до моего рождения. Пока царь жадно следил за моими действиями, я сделал первый набросок гороскопа, но не успел закончить его и наполовину, как увидел характер человека таким, каким сам узнал, – звезды предопределяли его до мельчайших подробностей. Великая красная блуждающая звезда, которую мы называем глазом Сета, господствовала над его судьбой. Это была звезда столкновений и неопределенности, смятения и войны, печали и несчастья, а в конце она обещала насильственную смерть.

Но как мог я сказать ему такое?

Я быстро составил по порядку список слегка затуманенных событий его жизни и вставил среди множества широко известных сведений несколько мало известных, которые узнал от своих осведомителей, – царский постельничий был одним из них. Затем закончил гороскоп обычными уверениями в его добром здравии на будущее и долгой жизни, ожидающей его. Посетители астрологов всегда рады слышать их.

Описание собственной жизни произвело на царя глубокое впечатление.

– Ты действительно обладаешь всеми талантами, о которых говорит твоя репутация.

– Благодарю вас, ваше величество. Я рад, что смог услужить вам. – Я начал собирать свитки и письменные принадлежности перед тем, как попрощаться и уйти. Было уже очень поздно. В темноте за стенами дворца кричали первые петухи.

– Подожди, Таита, я еще не отпустил тебя. Ты не сказал мне то, что я действительно хочу узнать. Будет ли у меня сын и продлится ли моя династия?

– Увы, фараон, звезды не могут предсказывать такое. Они могут только указывать общее направление своего влияния или общее течение вашей жизни, но не проясняют подобных деталей...

– Да, – оборвал он меня, – но есть другие способы заглянуть в будущее, не так ли? – Меня встревожила новая тема разговора, и я попытался отвлечь его, но Мамос упрямо стоял на своем. – Ты заинтересовал меня, Таита, и я навел о тебе справки. Ты ведь один из адептов лабиринтов Амона-Ра.

Меня расстроили его слова. Как он узнал об этом? Очень немногие знали об эзотерическом даре, которым я обладал, и я не хотел, чтобы весть о нем распространялась. Однако не мог открыто отрицать и промолчал.

– Я видел лабиринты на дне твоего сундучка с лекарскими принадлежностями, – сказал фараон, и я почувствовал облегчение. Хорошо, что не попытался отрицать свой дар и не был

пойман на открытой лжи. Я смиренно пожал плечами, потому что знал, что сейчас произойдет. – Обратись к лабиринтам и скажи, будет ли у меня наследник и не оборвется ли моя династия, – приказал он.

Гороскоп – это одно, тут требуется только знание расположения звезд и их свойств. Немного терпения, и правильная процедура поможет получить довольно точное предсказание. Однако ясновидение в лабиринтах Амона-Ра – совершенно иное дело. Оно требует расхода жизненных сил, при этом сжигается нечто находящееся глубоко в существе видящего, и истощение и усталость долго не покидают его после путешествия в мир видений.

Уже в те дни я всячески старался избегать обращения к этому дару. Правда, в редких случаях меня еще можно было уговорить обратиться к лабиринтам, но затем многие дни после этого я чувствовал себя истощенным и духовно, и физически. Госпожа Лостра, которая знала об этих странных силах моей души и о том, как они действуют на меня, запретила, ради моего же блага, обращаться к ним, за исключением тех случаев, когда она сама просит об этом.

Однако раб не может отказать царю, и я со вздохом достал со дна сундучка кожаный мешочек с лабиринтами. Я отложил его в сторону и приготовил смесь сушеных трав, которые открывают глаза души, чтобы она могла заглянуть в будущее. Выпил смесь этих трав и подождал, пока знакомое ужасное ощущение, будто я поднимаюсь из собственного тела, не охватило меня. Я чувствовал сонливость, реальность казалась далекой, когда наконец достал из кожаного мешочка лабиринты.

Лабиринты Амона-Ра состояли из десяти кружков слоновой кости. Десять – таинственное число величайшей силы. Каждый кружок представляет одну из сторон человеческой жизни от рождения до смерти и после нее. Собственными руками я вырезал знаки на плоской стороне каждого лабиринта. Каждый из них был маленьким шедевром. Постоянными обращениями к ним, прикосновениями и своим дыханием за многие годы я сумел вдохнуть в них часть собственной жизненной силы.

Я высыпал их из мешочка и начал ласкать, сконцентрировав на них всю свою энергию. Очень скоро они стали теплыми на ощупь, как живая плоть, и я почувствовал знакомое состояние опустошения, когда моя собственная сила стала перетекать в кружки слоновой кости. Я расставил лабиринты лицевой стороной вниз двумя стопками и предложил фараону взять по очереди каждую стопку и тереть диски пальцами, сосредоточив на них все свое внимание и повторяя одновременно вслух свои вопросы: «Будет ли у меня сын?», «Выживет ли моя династия?».

Я полностью расслабился и раскрыл свою душу, чтобы духи пророчества вошли в нее. Звук голоса фараона начал проникать в мою душу все глубже и глубже, как камни, выпущенные из пращи, когда они бьют в одну и ту же точку.

Я начал раскачиваться, сидя на полу, как кобра качается под флейту факира. Зелье подействовало всей своей силой. Я почувствовал, будто тело мое не имеет веса, а сам я парю в воздухе. Заговорил, и голос мой раздался где-то далеко и странным эхом откликнулся в моей собственной голове, как будто я сидел в пещере глубоко под землей.

Я приказал царю подышать на каждую стопку, а потом поделить их на две половины, отставив в сторону одну часть и взяв себе другую. Я снова и снова заставлял его делить стопки пополам и снова складывать остатки до тех пор, пока у него в руках не осталось два кружка лабиринтов.

Он последний раз подышал на них, а затем по моему указанию вложил кружки в мои ладони. Я сжал пальцы и прижал кулаки с лабиринтами к груди. Почувствовал, как сердце мое забилось, ударяясь о сжатые кулаки и поглощая влияние лабиринта.

Я закрыл глаза, и в темноте начали появляться тени, странные звуки наполняли мои уши. Ни в звуках, ни в тенях не было ни формы, ни связности – только смятение. Голова моя кружи-

лась, чувства притупились. Я почувствовал, что стал еще легче и поплыл в пространстве. Позволил себе улететь вверх, словно превратился в стебелек сухой травы, подхваченный смерчем, песчаным демоном летней Сахары.

Звуки в моей голове прояснились, и темные образы стали приобретать формы.

– Я слышу крик новорожденного. – Голос мой звучал искаженно, словно нёбо мое было разодрано при рождении.

– Это мальчик? – Вопрос фараона забился, запульсировал у меня в голове так, что я скорее почувствовал, чем услышал его.

Затем видение начало укрепляться и твердеть, и я увидел себя в длинном черном тоннеле, в конце которого сиял свет. Кружки из слоновой кости, сжатые в моих руках, обжигали кожу, как головешки.

И вот в конце туннеля в нимбе света я увидел ребенка, лежащего в кровавой луже родовых вод, а на животе у него свернулся питон плаценты.

– Я вижу ребенка, – прохрипел я.

– Это мальчик? – спросил фараон из окружающей меня темноты.

Ребенок заорал и вскинул ножки вверх, и я увидел между пухлыми бедрами маленький пальчик плоти, увенчанный колпачком из сморщенной кожи.

– Мальчик, – подтвердил я и почувствовал вдруг неожиданную нежность к этому призраку, рожденному в моем сознании, как будто он был реальным существом из плоти и крови. Сердце мое потянулось к нему, но образ уже угас, и крик новорожденного затих в темноте.

– А династия? Что станет с моей породой? Выдержит ли она испытания?

Голос царя достиг меня и снова затерялся в какофонии других звуков, заполнивших голову, – он затерялся в звуках боевых рогов, криках людей в смертельном бою и звоне бронзовых клинков. Я увидел небо над своей головой: оно было темным от стрел, пролетавших надо мной.

– Война! Я вижу огромную битву, которая изменит этот мир! – прокричал я, чтобы перекрыть звуки сражения, заполнявшие мое сознание.

– Выживет ли моя династия?

В голосе царя слышалась лихорадочная тревога, но я не обращал на него внимания, потому что в ушах у меня стоял могучий рев, подобный самуму пустыни или же водам Нила, прорывающимся через скалистые пороги. Я увидел странную желтую тучу, которая закрыла горизонт, в туче то и дело вспыхивали огоньки, и я понял, что это солнце отражается на доспехах и оружии.

– Как же моя династия? – Голос фараона снова притягивал меня, и видение это угасло. В голове наступила тишина, и я увидел дерево на берегу реки. Это была огромная акация в полном расцвете сил, ветви ее клонились под тяжестью плодов. На самой верхней ветке сидел царственный ястреб. На моих глазах ястреб изменился, превратился в двойную красно-белую корону обоих царств Египта, в которой сплелись папирус и лотос – символы Верхнего и Нижнего царств. Затем перед моими глазами воды Нила поднялись и спали. И так пять раз наступало половодье Нила.

Я смотрел до боли в глазах. Вдруг небо над деревом потемнело, и плотная туча саранчи опустилась на него. Саранча полностью скрыла дерево. Когда стая поднялась, оно было объедено, не осталось ни следа зелени. Ни листочка не было на сухих коричневых прутьях. Затем мертвое дерево наклонилось и тяжело рухнуло на землю. Падение раздробило ствол, и корона разлетелась на кусочки. Осколки ее превратились в пыль, и ветер пустыни унес их. Ничего не осталось на том месте, кроме ветра и сыпучих песков.

– Что ты видишь? – спросил фараон. Видение угасло, и я снова ощутил себя на полу царской спальни. Я задыхался, словно пробежал огромное расстояние, соленый пот жег глаза и ручьями тек по моему телу, на полу подо мной образовалась лужа. Меня трясла лихорадка, я

чувствовал знакомое подташнивание и тяжесть в животе. Знал, что буду испытывать их еще много дней.

Фараон смотрел, широко раскрыв глаза, и я понял, какой страшный и осунувшийся у меня вид.

– Что ты видел? – прошептал он. – Выживет ли моя династия?

Я не мог правдиво рассказать ему свое видение, поэтому придумал другое, чтобы удовлетворить его.

– Я видел лес могучих деревьев, который простирался до самого горизонта. Деревьям этим не было числа, и на вершине каждого из них сияла корона. Красно-белая корона обоих царств.

Фараон вздохнул и на некоторое время закрыл ладонями глаза. Мы сидели молча, и я понимал, что моя ложь принесла ему облегчение. Я даже исполнился сочувствием к нему.

Потом я снова солгал.

– Лес, который я видел, представлял ваших потомков, – прошептал я, пожалев его. – Он простирался до конца веков, и на каждом из них была корона Египта.

Он убрал ладони с глаз, и на лице засияла такая благодарность, что сердце мое наполнилось жалостью.

– Благодарю тебя, Таита. Я вижу теперь, как ясновидение сказалось на твоих силах. Ты можешь пойти отдохнуть. Завтра двор отплывает в мой дворец на острове Элефантина. Я отведу тебе и твоей госпоже отдельную ладью, чтобы вы путешествовали в полной безопасности. Храни ее! Ты отвечаешь за нее жизнью, потому что она – тот самый сосуд, в котором зреют семена моего бессмертия.

Я так ослаб, что мне пришлось опереться на спинку кровати, когда вставал на ноги. Доковылял до двери и оперся о косяк. Однако я не настолько ослаб, чтобы забыть свои обязанности по отношению к госпоже.

– Нужно позаботиться о брачной простыне. Жители города будут ждать ее, – напомнил я ему. – И ваша репутация, и репутация моей госпожи зависят от этого.

– Что ты предлагаешь, Таита? – Он уже целиком полагался на меня.

Я сказал, что нужно сделать, и он кивнул:

– Позаботься об этом!

Я осторожно свернул простыню, покрывавшую царскую кровать. Она была сделана из тончайшего полотна, белого, как кучевые облака летом, и вышита тончайшей шелковой нитью, которую лишь изредка доставляют караваны с Востока. Унося с собой сложенную простыню, я покинул спальню царя и отправился по спящему дворцу на женскую половину.

Госпожа моя спала как мертвая. Я дал ей столько отвара красного шепена, что она проспит целый день и проснется скорее всего только к вечеру. Я посидел немного рядом с ней на кровати. Чувствовал себя усталым и подавленным, потому что лабиринты истощили мои силы. Образы, рожденные ими, еще тревожили меня. Я был уверен в том, что ребенок этот был рожден моей госпожой, но как объяснить остальную часть видения? У этой загадки, казалось, не было ответа, и я отложил ее в сторону, потому что у меня была другая, более срочная работа.

Усевшись на корточки перед кроватью Лостры, я расправил вышитую простыню. Кинжал у меня был такой острый, что мог сбрить волосы с руки. Я выбрал одну из голубых рек крови на запястье и проткнул ее кончиком кинжала, а затем посмотрел, как тоненькая струйка крови потекла на простыню. Когда размеры пятна удовлетворили меня, я обмотал запястье полоской полотна, чтобы остановить кровь, и связал запачканную простыню в узел.

Рабыня все еще оставалась в прихожей. Я приказал, чтобы никто не смел беспокоить сон Лостры. Зная, что о ней хорошо позаботятся, я мог оставить ее здесь и забраться по лестнице на внешнюю стену гарема.

День только начинался, но толпа любопытных, в основном состоявшая из старух и зевак, уже собралась под стенами дворца. Они все с любопытством посмотрели вверх, когда я появился на стене.

Я картинно встряхнул простыню перед тем, как разложить ее по краю стены. Пятно крови в середине имело форму цветка, и толпа тут же загудела, обсуждая этот знак девственности моей госпожи и мужской силы жениха.

Позади толпы я заметил человека, который был намного выше остальных. Голову его скрывал полосатый шерстяной платок. Только когда он откинул его и открыл лицо и голову с копной горящих красно-золотых полос, я узнал его.

– Тан! – закричал я. – Мне нужно поговорить с тобой.

Он посмотрел вверх, и в глазах его я увидел такую боль, какую не хотел бы увидеть еще раз. Это пятно крови на простыне разбило его жизнь. Я знал муки потерянной любви и до сих пор помнил их во всех подробностях, хотя прошло столько лет. Рана в сердце Тана была свежей, она кровоточила и мучила его гораздо сильнее, чем любая другая, нанесенная бронзовым клинком на поле брани.

Ему не выжить без моей помощи.

– Тан! Подожди меня.

Он снова набросил платок на голову, скрыв лицо, и отвернулся. Шатаясь как пьяный, пошел прочь.

– Тан! Вернись! Мне нужно поговорить с тобой.

Он не оглянулся, но ускорил шаг.

К тому времени, когда я слез со стены и выбежал из главных ворот дворца, он уже исчез в лабиринте узких улочек и глинобитных хижин города.

Почти все утро я потратил на поиски Тана, но в отряде и дома его не было, как не было и в других обычных местах.

В конце концов мне пришлось оставить поиски и отправиться к себе на половину мальчиков-рабов. Царская флотилия готовилась отбыть на юг. Мне надо было собрать вещи и упаковать их, чтобы быть готовым к отплытию вместе с госпожой. Я отбросил тяжелые мысли, навеянные образами лабиринтов, и воспоминания о Тане и занялся увязыванием своих вещей. Я покидал единственный дом, который мог назвать своим на этом свете.

Мои зверюшки, казалось, почувствовали, что происходит что-то неладное. Они волновались, чирикали и скулили, и каждый из них старался по-своему привлечь мое внимание. Дикие птицы прыгали и порхали на мощенной каменными плитами террасе, а в углу, около моей кровати, сидели два моих любимых сокола сапсана; они расправляли крылья, ерошили перья на спинах, кричали на меня со своих насестов. Собаки, кошки и ручные газели толпились вокруг, стараясь потереться об меня, и мешали увязывать вещи. В отчаянии я обвел глазами комнату, пытаясь чем-нибудь отвлечь их внимание.

Мой взгляд упал на кувшин с кислым козьим молоком у кровати. Кислое молоко – один из любимейших моих напитков, и мальчики всегда стараются проследить, чтобы кувшин этот никогда не был пуст. Зверюшки тоже обожают свернувшееся молоко. Поэтому, чтобы отвлечь их, я вынес кувшин на террасу и наполнил их глиняные чашки кислым козьим молоком. Они столпились возле чашек, стараясь отпихнуть друг друга. Там я их и оставил и вернулся к своим занятиям, загородив вход в комнату плетеным щитом.

Удивительно, сколько может накопиться вещей даже у обыкновенного раба. Задолго до того, как я кончил увязывать свои вещи, у стены выросла высокая гора сундучков и узлов. К этому времени от усталости и подавленного настроения я едва держался на ногах. Однако не настолько потерял бдительность, чтобы не обратить внимания на странную тишину. Остано-

вился на мгновение посередине комнаты и беспокойно прислушался. Тишину нарушал только звон бубенчиков на лапах самки сокола, сидевшей в заднем углу комнаты и смотревшей на меня безжалостным взором хищника. Самец, который был меньше ростом, но красивее ее, спал на своем месте в противоположном углу комнаты, так как голова его была накрыта мягким колпачком. Никто из моих любимчиков не издавал ни звука. Кошки не мяукали и не шипели на собак, дикие птицы не чирикали и не пели, щенки не рычали и не прыгали по полу, играя друг с другом.

Я подошел к плетеному щиту, закрывавшему вход, и отодвинул его. Солнечный свет хлынул в комнату и на мгновение ослепил меня. Потом зрение вернулось, и я закричал от ужаса. Тела моих зверюшек усеяли террасу и сад.

Они лежали, скрючившись, повсюду, там, где смерть застала их. Я выбежал к ним, звал моих любимчиков, становился на колени, брал их на руки и прижимал к себе бессильные теплые тела в поисках признаков жизни, но не мог найти даже искорки, хотя потрогал каждого. Птицы лежали у меня в руках маленькими комочками, смерть еще не успела лишить их оперение ярких красок.

Мне показалось, что сердце мое, и так перегруженное горем, вот-вот сломается под тяжестью новой беды. Я опустился на колени посередине террасы. Мое семейство лежало вокруг меня.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог заставить себя подумать о причине этой трагедии. Тогда встал и подошел к пустым чашкам, лежавшим на каменных плитах. Они чисто вылизали их, но я понюхал каждую, стараясь уловить запах, по которому можно узнать яд, предназначенный для меня. Запах кислого молока перебивал все. Я узнал только, что этот смертоносный яд действует быстро.

Я задумался было о том, кто же поставил кувшин у моей кровати, но разыскивать этого человека не имело смысла, так как я знал наверняка, кто приказал сделать это. «Прощай, мой милый. Ты уже мертв», – сказал мне вельможа Интеф. И он не стал долго ждать.

Гнев, который охватил меня, походил на безумие. Последствия обращения к лабиринтам и переживания предыдущей ночи только усилили мою ярость. Меня вдруг затрясло от такой злобы, какой я еще никогда не испытывал. Я вытащил из-за пояса свой кинжал и, не понимая, что делаю, бросился по ступенькам террасы с обнаженным клинком в руке. Знал, что Интеф сейчас находится в своем водном саду. Я не мог больше думать о нем как о своем господине. В памяти возникли все те оскорбления, которые он нанес мне, вся боль и унижения, которые он заставил меня испытать. Я собирался убить его, вонзив стократно свой маленький кинжал, и поразить это жестокое, злобное сердце.

Я уже почти добежал до ворот водного сада, но вовремя опомнился. У входа в сад стояло полдюжины стражников, а внутри их будет гораздо больше. Мне даже не удастся приблизиться к великому визирю. Они разрубят меня на куски. Я заставил свои ноги остановиться и повернуть назад. Сунул кинжал, украшенный драгоценными камнями, в ножны и перевел дыхание. Затем медленно вернулся на террасу и собрал маленькие жалкие тела своих любимцев.

Я собирался посадить по краю своего участка ряд смоковниц. Ямы для них были вырыты. Теперь никто не посадит эти деревья, так как я покидаю Карнак, и ямы послужат могилами для моих любимых зверюшек. Было уже за полдень, когда я засыпал последнюю могилу, но ярость моя не утихала. Если я не мог отомстить за все, то мог по крайней мере отомстить частично, в предвкушении будущей мести.

В кувшине возле моей кровати еще осталось немного кислого молока. Я взял его в руки и подумал, нельзя ли каким-нибудь образом доставить его на кухню великого визиря. Стоило отплатить ему его же монетой. Но в душе я подумал, что мысль эта бесполезна. Вельможа Интеф слишком хитер, чтобы его застали врасплох. Я сам помог ему разработать меры предо-

сторожности, которые обезопасили его от яда наемного убийцы. Без тщательной подготовки к нему не подобраться, а сейчас он будет настороже. Нужно проявить терпение, но это было невозможно. Если я не мог убить его самого, то мог отплатить ему частично, как бы уверив в том, что полная расплата неумолимо последует за первым взносом.

Держа в руках смертоносный кувшин, я выскользнул через задний ход половины мальчиков на кухню и на улицу. Мне не пришлось долго разыскивать молочника, окруженного стадом коз. Я подождал, пока он наполнил мой кувшин до краев жирным молоком, выдоенным при мне из раздувшегося вымени, и отдал его мне. Кто бы ни приготовил этот яд, он положил в кувшин столько, что отравил бы половину жителей Карнака. В кувшине наверняка осталось более чем достаточно яда.

Один из стражников визиря лениво торчал у дверей в комнату Расфера. Если у дверей стоял стражник, Расфер еще сохранял ценность для вельможи Интефа, и потеря ближайшего помощника не только рассердит его, но и принесет серьезное беспокойство.

Стражник узнал меня и жестом пригласил в комнату больного, где воняло, как в свинарнике. Расфер лежал на грязной постели, обливаясь потом. Я сразу понял, что операция прошла успешно. Расфер открыл глаза и слабо выругался. Он уже был уверен в своем окончательном выздоровлении и мог со мной не цацкаться.

– Где ты был, бесполый мошенник? – прорычал он, и решимость моя окрепла. Я избавился от последних следов жалости. – Если бы ты знал, какая боль мучила меня с тех пор, как ты сделал дырку в моем черепе. Что ты за врач...

Палач продолжал в том же духе, а я, сделав вид, будто не обращаю внимания на его ругательства, разбинтовал грязную повязку на голове и осмотрел рану. С чисто профессиональным интересом рассматривал маленькую ранку, оставленную сверлом. Операция была проведена безупречно, и я даже почувствовал какое-то сожаление от того, что мои труды пропадут даром.

– Дай мне что-нибудь от боли, евнух! – Расфер попытался схватить меня за край одежды, но я увернулся от него и отступил в сторону.

Я сделал вид, будто сыплю лекарство из стеклянного флакончика в его чашу, – это была обыкновенная соль. Потом долил из своего кувшина молока и поставил чашу на пол.

– Если боль будет слишком сильной, это ослабит ее, – сказал я ему. Даже сейчас я не мог заставить себя дать в руки чашу с ядом.

Он приподнялся на локте и потянулся к ней, чтобы выпить содержимое. Но не успели его пальцы коснуться чаши, как я оттолкнул ее ногой. В тот момент мне показалось, что мной двигало простое желание продлить удовольствие. Нравилось смотреть, как он мучается, и слушать жалобный вой:

– Добрый Таита, дай мне лекарство. Дай выпить его. Боль в голове сводит меня с ума.

– Давай-ка сначала поговорим, добрый Расфер. Ты слышал о том, что госпожа Лостра попросила меня в качестве прощального подарка от вельможи Интефа?

Несмотря на боль, он ухмыльнулся:

– Ну и дурак же ты, если думаешь, что он тебя отпустит. Ты уже мертв.

– Именно это мне сказал вельможа Интеф. Будешь ли ты горевать обо мне, Расфер? Будешь ты оплакивать меня, когда меня не станет? – спросил я.

Он захихикал было, а потом остановился и посмотрел на чашу с лекарством.

– По-своему я всегда любил тебя, – прохрипел он. – А теперь дай чашу.

– А ты очень любил меня, когда кастрировал? – спросил я, и он уставился на меня, не говоря ни слова.

– Но ведь ты не можешь обижаться на меня так долго. Это было так давно, и, кроме того, я не мог не выполнить приказа вельможи Интефа. Будь умницей, Таита, дай чашу.

– Ты смеялся, когда резал меня. Почему ты смеялся? Почему это так развеселило тебя?

Он пожал плечами и поморщился от боли, которую причинило это движение.

– Я веселый человек. Я всегда смеюсь. Ну же, дружище. Скажи, что ты меня простил, и дай чашу.

Я подвинул к нему чашу ногой. Он схватил ее, и я увидел, что движения у него еще очень неуверенные. Молоко расплескалось, пока он поднимал чашу ко рту.

Я не сознавал, что делаю, до тех пор, пока не прыгнул вперед и не вышиб чашу у него из рук. Она упала на пол и, не разбившись, откатилась в угол комнаты. Молоко расплескалось по стене.

Расфер и я уставились друг на друга. Мои собственные глупость и слабость потрясли меня. Если кто-нибудь на свете и заслуживал мучительной смерти от яда, так это Расфер. Но перед глазами встали скрюченные тела моих любимчиков, разбросанные по саду и по террасе, и я понял, почему не смог дать Расферу яд. Только враг рода человеческого мог совершить нечто подобное. Я слишком высоко ценил себя, чтобы опуститься до такого позора.

Я увидел по налитым кровью глазам Расфера, что он начал понимать, в чем дело.

– Яд, – прошептал он. – В чаше был яд.

– Его прислал мне вельможа Интеф. – Не знаю, почему я рассказывал ему об этом. Наверное, просто старался оправдать свой отвратительный поступок – попытку отравить его, которую я чуть было не совершил. Не понимаю, почему я так странно вел себя. Может быть, это было последствием лабиринтов. Слегка пошатываясь, я пошел к двери.

Расфер рассмеялся за моей спиной. Сначала смеялся тихо, потом все громче и громче, пока его хохот не начал сотрясать стены.

– Ты дурак, евнух! – гоготал он. Я прибавил шагу и побежал. – Ты должен был сделать это. Ты должен был убить меня, потому что теперь, клянусь собственной задницей, я сам тебя убью.

Как я и предполагал, госпожа Лостра еще спала, когда я вернулся в ее комнату. Я устроился на полу у ее ног, собираясь подождать, пока она проснется. Однако после тяжелого дня и бессонной ночи усталость пересилила меня. Я тяжело опустился на пол и уснул, свернувшись, как щенок, на каменных плитах.

Проснулся я от того, что кто-то на меня напал. Меня ударили по голове так больно, что я вскочил на ноги, не успев толком прийти в себя. Следующий удар пришелся по плечу и обжег мне кожу, как укус шершня.

– Ты обманул меня! – кричала госпожа Лостра. – Ты не дал мне умереть! – Она снова размахнулась опахалом. Это было огромное орудие с бамбуковой ручкой длиной добрых две сажени и литым серебряным держаком для страусовых перьев на конце. К счастью, она еще не оправилась после действия снотворного и глубокого сна и целилась плохо. Я увернулся от удара, и опахало с размаху развернуло ее и повалило на постель.

Она бросила опахало и расплакалась.

– Я хотела умереть. Почему ты не дал мне умереть?

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог приблизиться к ней и обнять за плечи, чтобы как-нибудь утешить.

– Я ушибла тебя, Таита? – спросила она. – Я никогда еще не била тебя.

– Твоя первая попытка оказалась очень успешной, – горестно поздравил я ее. – В самом деле, она была настолько успешной, что не следует больше тренироваться. – Я театрально потер ушиб на голове, и Лостра улыбнулась сквозь слезы:

– Бедный Таита, я так плохо с тобой обращаюсь. Но на этот раз ты заслужил. Ты обманул меня. Я хотела умереть, а ты ослушался меня.

Я увидел, что пора сменить тему разговора.

– Госпожа, я принес чрезвычайно интересную весть. Однако ты должна обещать мне никому не рассказывать о ней, даже своим служанкам. – С того самого времени, как Лостра научилась говорить, она не могла устоять перед соблазном узнать какую-нибудь тайну. Да и какая женщина устоит перед этим?! Достаточно было пообещать раскрыть ей какой-нибудь секрет, и это всегда отвлекало ее. Теперь это снова подействовало.

Хотя сердце ее было разбито, а мысли о самоубийстве все еще роились в голове, она быстро проглотила слезы.

– Говори, – приказала она мне.

За последнее время у меня накопилось довольно много тайн, и было из чего выбирать. Я задумался на мгновение. Что же ей рассказать? Конечно, не буду ей рассказывать ни о смерти своих зверюшек, ни о том, как я видел Тана. Мне нужно было чем-то развлечь ее, а не усиливать печаль.

– Прошлой ночью я отправился в спальню фараона и говорил с ним половину ночи.

Слезы снова появились у нее на глазах.

– Таита, я терпеть его не могу. Это уродливый старик. Я не хочу, чтобы...

Я не хотел слышать ничего подобного. Еще немного, и она начала бы плакать. Поэтому я поспешно продолжил:

– Я обратился к лабиринтам для него.

Это немедленно привлекло ее внимание. Госпожа Лостра совершенно без ума от моих способностей ясновидца. Если бы не вред, который лабиринты наносят моему здоровью, она бы заставляла меня обращаться к ним каждый день.

– Говори, что ты видел! – Она уже обо всем забыла. Мыслей о самоубийстве как не бывало, печали тоже. Она была еще так молода и так безыскусна, что мне даже стыдно стало своей хитрости, хотя я и пошел на нее ради госпожи Лостры, ради ее благополучия.

– Я видел необычайнейшие картины. И никогда еще они не были такими ясными и глубокими...

– Говори! Я умру от нетерпения, если ты немедленно не расскажешь мне все.

– Сначала ты должна поклясться хранить тайну. Ни одна душа не должна узнать о том, что я видел. Это дело государственное, и последствия могут быть крайне тяжелыми.

– Клянусь, клянусь!

– К таким вещам нельзя относиться легкомысленно...

– Ну же, Таита, ты дразнишь меня. Я приказываю тебе рассказать мне сейчас же, или... – она порылась у себя в голове в поисках подходящей угрозы, – или я снова побью тебя.

– Очень хорошо. Слушай же, что я видел. Это было огромное дерево на берегу Нила. На вершине дерева я видел корону Египта.

– Фараон. Дерево это – наш царь. – Она все мгновенно поняла, и я кивнул ей. – Продолжай, Таита.

– Я видел, как Нил поднялся и опустился пять раз.

– Пять лет, пройдет пять лет! – Она восторженно захлопала в ладоши. Госпожа Лостра обожает разгадывать загадки моих снов.

– Потом дерево пожрала саранча, оно упало и обратилось в прах.

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза, не в силах произнести нужные слова, и мне пришлось говорить самому.

– Через пять лет фараон умрет, и ты станешь свободной женщиной. Будешь свободна от власти твоего отца, свободна уйти к Тану, и никто не сможет остановить тебя.

– Если ты лжешь мне сейчас, это слишком жестоко с твоей стороны, невыносимо жестоко. Пожалуйста, скажи, что это правда.

– Это правда, госпожа, но это не вся правда. В своем видении я видел новорожденного, и это был мальчик, сын. Я почувствовал, что люблю этого ребенка всем сердцем, и понял, что ты его мать.

– Но кто отец, кто отец моего ребенка? О, Таита, пожалуйста, скажи мне.

– В своем видении я был абсолютно уверен, что отцом его будет Тан. – Это было первым отклонением от истины, которое я себе позволил. Но и сейчас я утешил себя тем, что делаю это ради ее благополучия.

Она долго сидела молча, но лицо сияло внутренним светом, и сияние это было лучшей наградой для меня. Потом наконец прошептала:

– Я смогу ждать пять лет. Я была готова ждать его целую вечность... Мне будет тяжело, но я смогу ждать Тана пять лет. Ты был прав, когда не дал мне умереть, Таита. Моя смерть была бы оскорблением богов.

Я с облегчением выслушал эти слова и теперь почувствовал уверенность в том, что смогу провести ее по дороге, которая ожидала впереди.

На рассвете следующего дня царская флотилия отплыла на юг из Карнака. Как и обещал фараон, госпожа Лостра и ее свита поместились на борту маленькой быстроходной ладьи южной военной флотилии.

Я сидел со своей госпожой на корме под навесом, сооруженным специально для нее по приказу кормчего. Мы смотрели на белые стены города, удаляющиеся от нас в оранжевых лучах восходящего солнца.

– Не могу себе представить, куда он подевался. – Лостра беспокоилась за Тана и уже двадцать раз с момента отплытия успела спросить о нем. – Ты везде искал его?

– Везде, – подтвердил я. – Я все утро обыскивал внутренний город и верфи. Он исчез. Но я оставил записку у Крата. Он наверняка доставит ее Тану.

– Пять лет без Тана! Кончатся ли они когда-нибудь?

Путешествие вверх по реке проходило довольно приятно. Дни неторопливо тянулись за днями, пока мы сидели на корме и разговаривали, я и моя госпожа. Мы успели подробно обсудить наше новое положение и весьма основательно изучили все, чего нам ожидать и на что нам надеяться в будущем.

Я описал госпоже все сложности придворной жизни, важность старшинства и соблюдения церемоний. Специально проследил для нее направление тайных путей власти и влияния и перечислил тех, кого в наших интересах следует заполучить в друзья, а кого мы спокойно можем не замечать. Объяснил ей важнейшие государственные дела и то, как фараон относится к каждому из них. Потом перешел к описанию настроений и чувств наших подданных.

Этим сведениям в большой степени я обязан моему другу Атону, царскому постельничему. По-моему, за последние десять лет каждый корабль, который приходил с острова Элефантина в Карнак, привозил письмо, и письмо это сообщало увлекательнейшие подробности придворной жизни, а отправляясь в обратный путь, тот же корабль увозил немного золота в знак благодарности моему другу Атону. Я твердо вознамерился скоро поместить себя и, разумеется, свою госпожу в самую середину придворной жизни, где перекрещиваются все нити власти. Я не зря обучал госпожу эти годы и не мог позволить, чтобы оружие, которым я ее снабдил, ржавело без дела в арсенале. Сумма всех ее дарований была невероятной, и я из года в год и изо дня в день увеличивал ее. У нее был острый и пытливый ум. Как только я помог ей отбросить мрачное настроение, грозившее погубить ее, она, как обычно, была готова впитывать то, чему я учил. И теперь при каждом удобном случае я разжигал ее честолюбие и подливал масла в огонь желания играть ту роль, которую я для нее задумал.

Я скоро обнаружил самый надежный и действенный способ привлечь ее внимание и заставить слушаться. Достаточно было сказать, что все это делается для блага Тана.

– Если у тебя будет влияние при дворе, ты сможешь лучше защитить его, – подчеркивал я. – Царь поставил перед ним почти невыполнимую задачу. Мы понадобимся Тану, если он захочет выполнить ее, а в противном случае нам будет легче спасти его от приговора, который вынес фараон.

– Что нужно сделать, чтобы помочь ему выполнить свою задачу? – Стоило мне упомянуть Тана, и она тут же начинала внимательно прислушиваться к каждому моему слову. – Скажи мне правду: сможет ли кто-нибудь когда-нибудь победить сорокопутов? Разве это не слишком тяжелое поручение даже для такого человека, как Тан?

Разбойники, которые наводили страх на Верхнее царство, называли себя сорокопутами, взяв себе имя этих жестоких убийц. Наш нильский сорокопут меньше горлинки. Это очень красивая птичка с белой грудкой и горлышком и черными головкой и спинкой. Она разоряет гнезда других птиц и устраивает отвратительный спектакль, вывешивая трупики своих жертв на колючках акации. Местные жители называют ее птицей-мясником.

Вначале разбойники пользовались загадочным именем, чтобы скрыть свои имена да и само свое существование. Но с тех пор они настолько обнаглели и стали бесстрашны и сильны, что смело и открыто брали на себя преступления, совершенные под именем сорокопутов. И черно-белые перья сорокопутов – птиц-мясников – стали их знаком.

Вначале они просто оставляли перья на дверях ограбленных домов или трупах своих жертв. Но в те дни, о которых идет речь, они стали настолько дерзкими и хорошо организованными, что временами просто посылали перо своей будущей жертве в качестве предупреждения. В большинстве случаев этого было достаточно, чтобы жертва заплатила половину всего, что имела в этом мире. В противном же случае человек мог потерять все: жен, детей и дочерей насиловали и уводили в рабство, а хозяина и сыновей бросали связанными в горящие руины их собственных домов.

– Так ты считаешь это возможным при помощи ястребиной печати фараона? Тан действительно сможет выполнить порученное задание? – повторяла моя госпожа. – Я слышала, что все шайки сорокопутов в Верхнем царстве подчиняются одному человеку, которого все зовут Ак Сет или брат Сета. Это правда, Таита?

Я задумался на некоторое время, прежде чем отвечать. Было преждевременно рассказывать ей все, что я знал о сорокопутах. Да если бы и рассказал, пришлось бы раскрыть источник сведений, то, каким образом я получил их. А сейчас это не даст ей никаких преимуществ, да и мне не поможет. Еще будет время приоткрыть тайну.

– Я тоже слышал об этом, – осторожно согласился я. – Мне кажется, что, если бы Тан смог найти и победить этого единственного человека, которого зовут Ак Сет, сорокопутов перебили бы со временем. Но Тану понадобится помощь, и только я один могу ему такую помощь оказать.

Лостра проницательно посмотрела на меня.

– Как ты можешь помочь ему? – спросила она строго. – Что ты обо всем этом знаешь?

Она очень быстро все схватывает, и обмануть ее трудно. Сразу почувствовала, что я что-то скрываю. Мне пришлось быстро отступить и снова сыграть на ее любви к Тану и доверии ко мне.

– Прошу тебя, госпожа, ради Тана, не задавай больше вопросов. Позволь мне только сделать все, что в моих силах, и помочь Тану выполнить поручение, данное ему фараоном.

– Да, разумеется, мы должны сделать все возможное. Скажи мне, как ты собираешься помочь ему?

– Я останусь при дворе на острове Элефантина в течение девяноста дней, но затем ты должна позволить мне отправиться к Тану...

– Нет, нет, – прервала она меня, – если ты можешь помочь ему, отправишься к нему немедленно.

– Нет, через девяносто дней, – упрямо повторил я. Именно такую отсрочку дал нам фараон. Хотя меня и разрывала на части любовь к двум дорогим мне людям, чувство долга перед госпожой было гораздо сильнее.

Я не мог оставить ее одну при дворе без друга и учителя. Кроме того, ей понадобится моя поддержка в тот последний день, когда царь пошлет за ней ночью.

– Я не могу покинуть тебя сейчас. Не беспокойся, я оставил у Крата записку для Тана. Они будут ждать меня. Я объяснил Крату, что нужно сделать до моего прибытия в Карнак. – Больше я ей ничего не говорил, и мало кто может сравниться со мной в тупости и уклончивости, если мне это нужно.

Флотилия плыла вверх по течению только днем. Ни мореходные навыки флотоводца Нембета, ни удобства царя и его двора не позволяли плыть ночью, поэтому каждый вечер мы приставали к берегу, где вырастал город разноцветных шатров. Царские квартирмейстеры всегда выбирали самые приятные места для стоянки. Обычно это бывали пальмовые рощи или небольшие долины, укрытые со всех сторон холмами, а неподалеку стоял храм или деревушка, откуда можно было получить необходимые припасы.

Свита все еще находилась в праздничном настроении. Каждую высадку воспринимали как праздник. Многие танцевали и пировали в свете костров, а в тени пальм придворные плели интриги и флиртовали. Как много союзов, политических и плотских, было заключено в эти благоуханные ночи, пропитанные плодовыми ароматами орошаемых земель у реки и острым запахом ветра пустыни, доносившихся издалека!

Я пользовался каждым благоприятным моментом, чтобы улучшить свое положение и положение моей госпожи. Сейчас она стала одной из царских жен, но таковых было уже несколько сот, и она считалась одной из младших. Вельможа Интеф предусмотрел изменение ее статуса в будущем. Но это случится только тогда, когда она родит фараону сына, а пока дело было за мной.

Почти каждый день, когда мы высаживались на берег, фараон посылал за мной. Считалось, что я должен следить за лечением лишая. На самом же деле наблюдал за приготовлениями к рождению наследника двойной короны. С большим интересом он смотрел, как я готовил лекарство для укрепления мужской силы из толченого рога носорога и корня мандрагоры, которые смешивал с теплым молоком и медом. После того как он принимал лекарство, я осматривал царственный член и, к большой своей радости, обнаруживал, что он совсем не обладал длиной и толщиной, приписываемыми богу. С моей точки зрения, госпожа моя, несмотря на девственность, без особого труда справилась бы с предметом столь скромных размеров. Разумеется, я сделаю все, что возможно, чтобы избавить ее от страха и боли. Если мне и не удастся полностью избежать этого ужасного момента, я облегчу для нее потерю девственности.

Обнаружив, что царь здоров, хотя и не так уж крепок в этой области, я порекомендовал ему припарки из пшеничной муки, смешанной с оливковым маслом и медом, которые он должен был прикладывать к царственному члену на ночь. А затем принимался за лечение лишая. К великой радости царя, мое средство действительно вылечило чесотку за три дня, и моя репутация врача, и без того высокая, возвысилась еще больше. Царь похвалил мои способности перед своими министрами, и через несколько дней спрос на мои услуги при дворе стал огромен. Позже, когда разнесся слух, что я не только лекарь, но и астролог, с которым совещается сам фараон, моя популярность стала безграничной.

Каждый вечер к нашим палаткам начиналось шествие посланников, несущих дорогие дары для моей госпожи от какого-нибудь знатного господина или знатной госпожи, которые умоляли

ее позволить мне посетить их и дать совет. Мы уступали только просьбам тех, с кем хотели познакомиться поближе. Как только я оказывался в шатре могущественного и знатного вельможи, а он поднимал подол, чтобы я осмотрел его геморрой, было очень удобно восхвалять госпожу и привлекать внимание этого господина к ее добродетелям.

Остальные жены царя очень скоро обнаружили, что мы с госпожой Лострой прекрасно поем дуэтом, можем сочинять самые занимательнейшие загадки и рассказывать интереснейшие истории. Нас приглашали повсюду, и особенно часто звали к детям. Мне это доставляло особое удовольствие, так как больше всего я люблю маленьких детей, и только после них – животных.

Фараону, который, собственно, и был причиной нашей популярности при дворе, скоро доложили о всеобщем внимании к нам. Это еще более усилило его интерес к моей госпоже, а он и так был достаточно велик. По утрам во время отплытия ее часто вызывали на борт царской барки, и она проводила в обществе царя большую часть дня, а по вечерам обедала за его столом и веселила присутствующих своим остроумием и детской грацией. Разумеется, я всегда скромно прислуживал ей. Царь не пытался вызывать ее на ночь, чтобы насильно заставить выполнять те ужасные действия, о которых она имела весьма смутное представление. Ее чувства по отношению к нему стали смягчаться.

Несмотря на мрачную внешность, фараон Мамос был добрым и порядочным человеком. Госпожа Лостра скоро поняла это и, как и я, привязалась к нему. Еще до прибытия на остров Элефантина она обращалась с ним как с любимым дядей и довольно часто безыскусно сиживала у него на коленях, рассказывая какую-нибудь историю, или играла с ним в биту на палубе царской барки. Оба они, разрумянившись, смеялись, как дети. Атон признался мне, что никогда еще не видел царя таким веселым.

Свита заметила это, и очень скоро в моей госпоже признали любимицу царя. По вечерам в наших шатрах появлялись другие посетители. Они приносили просьбы или прошения и умоляли мою госпожу привлечь внимание царя к их заботам. Дары, которые они предлагали, стоили намного дороже, чем те, которые доставались мне за мои услуги.

Госпожа моя отказалась от прощального дара отца ради одного-единственного раба, поэтому отправилась в путешествие на юг нищей и зависела только от моих скромных сбережений. Однако еще до окончания нашего путешествия она собрала приличное состояние, не говоря уже о длинном списке богатых и влиятельных друзей, каждый из которых был ей чем-то обязан. Я вел тщательный учет всего нашего имущества.

Я не настолько самодоволен, чтобы делать вид, будто госпожа Лостра не смогла бы добиться признания без моей помощи. Ее красота, ум и мягкий, добрый характер сделали бы ее любимицей двора при любых обстоятельствах. Я только хочу сказать, что немного приблизил этот момент и сделал путь к нему короче и надежнее.

Наш успех при дворе принес нам и кое-какие неприятности. Как обычно, нам завидовали те, кто считал себя обделенным благосклонностью фараона, да и плотское влечение фараона к моей госпоже стало расти. Последнее усугублялось полным воздержанием, которого я от него требовал.

Однажды вечером в царском шатре, после того как я дал фараону питье из толченого рога носорога, он признался мне:

– Таита, твое средство действительно великолепно. Я не чувствовал себя столь мужественным, пожалуй, с ранней молодости, с того времени, когда еще не был царем и богом. Когда я проснулся этим утром, то почувствовал, сколь приятно окреп мой член, и даже послал за Атоном, чтобы тот посмотрел на него. Он был поражен и хотел тут же привести твою госпожу.

Меня очень встревожило такое известие. Я придал своему лицу строгое выражение и зацокал языком в знак неодобрения.

– Я благодарен вашему величеству за то, что здравый смысл не дал вам согласиться с Атоном. Вы могли с легкостью разрушить столькими трудами построенное здание. Если вам нужен сын, вы должны строго следовать моим указаниям.

Это еще раз напомнило мне, как быстро течет время и как скоро девяносто дней отсрочки подойдут к концу. Я стал готовить мою госпожу к брачной ночи, которой скоро потребует фараон.

В первую очередь мне нужно было подготовить ее сознание. И я начал с того, что указал на неизбежность этого. Если она хотела пережить царя и в конце концов уйти к Тану, ей нужно было подчиниться его воле. Лостра всегда была разумной девочкой.

– Тогда ты должен объяснить мне, чего он будет от меня ожидать, – со вздохом сказала она. Однако я далеко не лучший проводник в этой области. Мой личный опыт был слишком эфемерным. Я смог объяснить ей лишь самое основное и сделал свой рассказ настолько обыденным, что ни капельки не встревожил ее. – Мне будет больно? – поинтересовалась она, и я поспешил разуверить:

– Царь – добрый человек, у него большой опыт в обращении с молоденькими девушками. Я уверен, он будет нежен с тобой. А я приготовлю мазь, которая сделает все очень легким и безболезненным. Мы будем втирать эту мазь на ночь перед сном. Она откроет ворота. Думай про себя, что однажды Тан пройдет через эти двери, и ты только открываешь ему дорогу.

Я пытался относиться к этому отрешенно, как подобает врачу, и не извлекать из происходящего чувственные удовольствия. Да простят меня боги, но это мне не удалось. Ее женские части были настолько совершенны, что затмевали самые прекрасные цветы, когда-либо выраставшие в моем саду. Никакая роза пустыни не могла похвастаться такими изящными лепестками. Когда я наносил мазь, они покрывались собственной росой, столь мягкой и шелковистой на ощупь, что она не шла ни в какое сравнение с лекарством, сделанным моими руками.

Щеки ее розовели, голос становился сиплым, и она шептала:

– До сих пор я думала, что та часть моего тела предназначена только для одной цели. Почему же, Таита, когда ты делаешь это, я так невыносимо тоскую по Тану?

Она полностью доверяла мне и так мало разбиралась в незнакомых ощущениях, что мне приходилось постоянно напоминать себе о врачебной этике, и лишь огромные усилия воли помогали удержать мое влечение, чтобы оно не зашло слишком далеко и не перешло границы необходимого. Всю ночь потом я спал плохо. Меня тревожили сны о невозможном.

Мы плыли на юг вверх по реке, и пояса зеленой растительности на берегах начали сужаться. Пустыня сжимала реку в своих объятиях. Местами мрачные утесы черного гранита наступали на зеленые поля и выходили к самой реке, нависая над бурными водами Нила.

Самое чудовищное из подобных ущелий называлось Ворота Хапи. Воды в нем своевольно бились в пене между высоких скал.

Мы прошли через Ворота Хапи и достигли наконец Элефантины, крупнейшего из большой цепочки островов, протянувшейся посередине Нила там, где высокие крутые холмы обступили с обеих сторон его русло и сжали реку в узком ущелье.

Остров Элефантина напоминал чудовищных размеров акулу, преследующую стайку мелких рыбок-островков выше по течению. По обоим берегам пустыня отличалась и по цвету, и по характеру. На западном берегу барханы Сахары были оранжевыми и дикими, как и бедуины – единственные из смертных, способные жить среди них. На востоке простиралась Аравийская пустыня с ее грязно-серой землей, усеянной кое-где черными холмами, которые плясали в горячем воздухе, словно во сне. Объединяло пустыни одно: обе губили людей.

Окруженный безжизненными просторами остров радовал глаз, сверкая, как изумруд, в серебряной оправе реки. Название свое он получил от огромных гладких камней, лежащих на

берегу, как стадо слонов. Возможно также, что имя ему дала процветающая торговля слоновой костью, которую уже тысячу лет привозили на остров из далеких земель Куша за порогами Нила.

Дворец фараона занимал большую часть острова, и злые языки поговаривали, будто фараон специально выбрал этот остров как самую южную точку царства, чтобы находиться как можно дальше от красного лжефараона Севера. Широкие протоки, омывавшие остров с обеих сторон, защищали его и дворец фараона от нападения врага, а расположившиеся по обоим берегам реки западный и восточный Элефантины образовали второй по величине и по населению город в Верхнем царстве – достойный соперник Мемфиса, столицы красного фараона Нижнего царства.

Остров Элефантина покрывали деревья, как ни одно другое место в Египте. Половодье приносило их семена в течение тысяч лет, и они укоренялись в плодородных наносных почвах, также оставленных бурными водами Нила. Во время моей последней поездки в Элефантину, когда я наблюдал за изменением уровня воды в реке от имени вельможи Интефа, Стража Вод, я провел много месяцев на этом острове. С помощью старшего садовника я составил список названий и описания всех растений дворцовых садов и теперь рассказывал о них своей госпоже. Там росли фикусы, деревья, которые нельзя встретить ни в каком ином месте Египта. Их плоды зреют не на ветвях, как на других деревьях, а на стволе, а корни извиваются и переплетаются, как совокупляющиеся питоны. Были там также деревья-драконы, чья кора, если ее порезать, пускала струйку ярко-красного сока. Были там смоковницы Куша и сотни других деревьев, простиравших тенистый шатер над зеленым островком.

Царский дворец был построен на прочном материковом граните, который лежал под плодородной почвой острова, образуя его каркас. Я часто поражался тому, что все цари, все фараоны пятидесяти династий, уходящих корнями более чем на тысячу лет в глубину нашей истории, тратили столько жизненных сил и сокровищ на строительство обширных, вечных гробниц из гранита и мрамора, а жизнь проводили в дворцах с глинобитными стенами и соломенными крышами. По сравнению с великолепным погребальным храмом фараона Мамоса в Карнаке его дворец на острове был весьма скромным строением, и ему явно не хватало правильности линий и симметрии, что оскорбляло мои чувства математика и архитектора. Хотя это столпотворение зданий из красной глины и покосившихся крыш и не было лишено определенного деревенского очарования, но у меня руки сами тянулись к линейке и отвесу, когда я смотрел на них.

Как только мы сошли на берег и были доставлены в покои, отведенные Лостре на женской половине, истинная прелесть Элефантины открылась нам. Мы, конечно, поселились в окруженном стеной гареме на северной части острова. Размеры и обстановка нашего жилища подтверждали наше привилегированное положение как при царе, так и при постельничем. Атон отвел нам эти помещения, а он, как и большинство придворных, оказался совершенно беззащитным против природных чар моей госпожи и превратился в самого страстного ее обожателя.

Он предоставил в наше распоряжение около дюжины просторных комнат со своим двориком и своими кухнями. Боковая калитка в главной стене гарема вела прямо к реке и каменной пристани. В первый же день я приобрел плоскодонную лодочку, на которой можно было охотиться на водяную дичь и ловить рыбу. Я держал ее у каменной пристани.

Что касается остального, каким бы удобным ни казалось наше жилище, оно не удовлетворило ни меня, ни мою госпожу, и мы немедленно занялись его обустройством и украшением. При содействии моего старого друга, главного садовника, я разбил во дворике собственный садик и построил в нем беседку с соломенной крышей, где мы проводили время в нестерпимую жару и где я держал своих соколов сапсанов.

Около пристани я установил журавль, который постоянно качал воду. Вода эта по керамическим трубам проходила в пруды в нашем саду, где росли лилии и плавали рыбки. Излишки

воды из этих прудов вытекали в узкую сточную канавку. Я провел ее через стену в комнате моей госпожи. Она пересекала комнату в дальнем конце и уходила в другую стену, за которой вытекала прямо в реку. Из ароматной древесины кедра я сделал небольшую табуреточку: вместо сиденья там была дырка. Я поставил табуреточку над канавкой, и все, что падало через эту дырку, уносилось прочь потоком воды. Госпожа моя была в восторге от этого нововведения и стала проводить на моем стуле гораздо больше времени, чем было необходимо, чтобы справить нужду, для которой он был предназначен.

Стены нашего жилища были из красной глины, и их ничто не украшало. Мы набросали эскизы фресок для каждой комнаты. Я обвел контуры и перевел на стены, а затем моя госпожа и ее служанки раскрасили их. На фресках изображались сцены из жизни богов и чудесные пейзажи, населенные удивительными животными и птицами. Разумеется, для Исиды позировала сама госпожа Лостра, и не было ничего удивительного, что в центре каждой картины находился Гор и что у Гора, по настоянию госпожи, всегда были золотистые рыжеватые кудри и он всегда напоминал одного нашего знакомого.

Эти фрески взволновали всю женскую половину, и каждая из царских жен посетила нас. Они приходили, пили шербет и осматривали картины на стенах. Мы стали законодателями моды, и от меня стали требовать совета, как украсить комнаты гарема, за подходящий гонорар, разумеется. В результате мы получили множество новых друзей среди царских жен и значительно увеличили наше состояние.

Скоро царь услышал о наших фресках и лично пришел осмотреть их. Лостра провела его по своим комнатам. Фараон заметил табуретку над канавкой, и госпожа моя гордо, без тени сомнения согласилась показать царю, как она ею пользуется, и с хихиканьем пустила звонкую струйку.

Она была еще столь невинна, что не поняла, как эта сценка подействовала на ее мужа. Я понял по выражению его лица, что любая попытка увеличить период воздержания будет сопряжена с большими трудностями.

Потом фараон посидел немного в беседке и выпил чашу вина, громко смеясь над выходками моей госпожи.

– Таита, ты должен построить для меня такой же сад с прудами и беседку, только большего размера, и, пока ты будешь заниматься этим, сделай мне такой же водяной стул.

Уходя, он приказал мне пройтись с ним немного, для виду собираясь обсудить новый сад, но я понимал, в чем дело. Не успели мы выйти с женской половины, как он горячо заговорил:

– Прошлой ночью мне снилась твоя госпожа. Когда я проснулся, обнаружил, что семя мое выплеснулось на простыни. Со мной не случалось такого с тех пор, как я был мальчишкой. Эта маленькая быстрая девчушка не выходит у меня из головы ни во сне, ни наяву. Я наверняка смогу родить с ней сына и не думаю, что следует откладывать это надолго. Как ты думаешь, лекарь, я уже готов для попытки?

– Я советую вам строго выдержать девяносто дней, ваше величество. Если мы сделаем попытку раньше, это будет серьезной ошибкой. – Называть желание царя ошибкой было опасно, но я отчаянно пытался сохранить отсрочку. – Было бы крайне неумно испортить наши шансы на успех, когда ждать осталось так недолго.

В конце концов я настоял на своем, и он ушел от меня с очень мрачным видом.

Когда я вернулся на женскую половину, то предупредил госпожу о намерении царя, и она почти не расстроилась – так хорошо я подготовил ее к этому неизбежному событию. К этому времени она уже привыкла к роли любимицы царя, а обещание скорого и неизбежного конца ее заключению на острове Элефантина облегчало страдания. Говоря по справедливости, наше пребывание на острове нельзя было назвать пленом. Мы, египтяне, самые цивилизованные люди на Земле. Мы хорошо обращаемся с нашими женами. Я слышал, что другие народы –

кушиты, хурриты и ливийцы, например, – с чрезвычайной, противоестественной жестокостью обращаются с женами и дочерьми.

Ливийцы превращают гарем в тюрьму, где женщины проводят всю свою жизнь и где они не смеют видеть мужчин, не считая евнухов и детей. Говорят, что даже собаки и кошки мужского пола не допускаются в их гаремы – настолько велико чувство собственности!

Хурриты же обращаются со своими женщинами еще хуже. Они не только заставляют женщин оставаться дома и не разрешают им выходить, но и заставляют скрывать тела от ступней до кистей рук и носить маску на лице даже в стенах гарема. Только муж женщины видит ее лицо.

Первобытные племена Куша ведут себя хуже всех остальных. Когда женщины достигают зрелого возраста, они обрезают их самым жестоким образом: вырезают клитор и внутренние губы влагалища, удаляя источник полового возбуждения, чтобы женщина не испытывала соблазна уйти от своего мужа.

Это может показаться чудовищным, почти невероятным, но я сам видел результаты подобных хирургических операций. Три из рабынь моей госпожи были пойманы работорговцами после того, как достигли зрелости и собственный отец ножом сделал им обрезание. Когда я осматривал зияющие дыры, оставленные его рукой, меня тошнило при виде грубых шрамов, и мои чувства лекаря были глубоко оскорблены таким намеренным нанесением ущерба человеческому телу, этому шедевру богов. По моим наблюдениям, обрезание не достигает намеченной цели, так как лишает жертву наиболее приятных женских черт характера и делает ее холодной, расчетливой и жестокой. Женщина превращается в бесполое чудовище.

Мы же, египтяне, в отличие от многих народов, чтим наших женщин и обращаемся с ними с большим уважением, хотя и не считаем их равными мужчине. Ни один муж не имеет права бить жену, не обратившись за разрешением к властям, по закону он обязан одевать, кормить и содержать свою супругу в соответствии со своим положением в обществе. Жена царя или знатного египтянина не обязана проводить все время на женской половине и может в сопровождении соответствующей свиты свободно ходить по городу или за его стенами. Ее не заставляют скрывать свои прелести, но в соответствии с модой или по собственному капризу она может сидеть за столом мужа во время приема пищи, не скрывая лица и грудей, и развлекать его товарищей разговорами и песнями.

По закону она может иметь собственных рабов, землю и собственное состояние, отдельное от состояния мужа, хотя дети, которых она рожает, принадлежат только ему. Может охотиться с соколами, ловить рыбу и даже стрелять из лука, хотя такие мужские занятия, как борьба и фехтование на мечах, женщинам запрещаются. Они по справедливости не могут заниматься определенными видами деятельности, такими, например, как законодательство или архитектура, но женщина высокого рождения или жена высокородного человека – особа влиятельная и обладает законными правами и достоинством. Естественно, это не распространяется на блудниц или жен простых людей. Они имеют те же права, что и рабочий скот – быки и ослы.

Таким образом, я и моя госпожа были свободны и могли спокойно осматривать оба города на берегах Нила и то, что было за их стенами. На улицах Элефантины госпожа Лостра скоро стала любимицей народа, простые люди собирались вокруг нее, чтобы получить благословение или воспользоваться щедростью. Они восхваляли ее изящество и красоту так же, как и жители родных Фив. По ее указанию я всегда носил большую сумку с пирожными и сладостями, которыми она набивала рты всех оборванцев, какие только встречались у нас на пути и кого, по ее мнению, следовало накормить. Где бы мы ни находились, нас всегда окружала кричащая и пляшущая стайка детей.

Госпожа моя рада была посидеть на пороге бедной хижины с женой хозяина дома или под деревом на крестьянском поле и послушать рассказ простой женщины о ее заботах и невзгодах. При первой же возможности она вступалась за бедняков перед фараоном. Часто он снисходи-

тельно улыбался и соглашался исправить несправедливости, о которых она говорила. Так возникла ее слава защитницы простых людей. Даже проходя по самым мрачным и бедным улицам города, Лостра оставляла после себя улыбки и радостный смех.

Иногда мы целыми днями ловили рыбу с маленькой лодки в спокойных водах лагун, остающихся после разлива Нила, или расставляли приманки на диких уток. Я сделал маленький лук, который соответствовал силе моей госпожи. Разумеется, ему было далеко до огромного лука Ланаты, который я изготовил для Тана, но он вполне подходил для охоты на водяную дичь. Госпожа Лостра стреляла из лука намного лучше большинства воинов, которые постоянно бьют по мишеням, и если она пускала стрелу, очень редко мне не приходилось прыгать в воду за подбитой уткой или гусем.

Всякий раз, когда царь отправлялся на соколиную охоту, он приглашал мою госпожу. Я шел вместе с ней по краю зарослей папируса с соколом на руке. Как только цапля взлетала со скрытого в глубине камышей водного пространства и, тяжело ударяя крыльями, поднималась над тростниками, Лостра стаскивала за веревочку капюшон с головы сокола, целовала его и говорила:

– Лети быстро и точно к цели, красавец мой! – И великолепный маленький убийца взмывал в небо, сверкнув желтыми глазами.

Как зачарованные смотрели мы, как сокол поднимался высоко над своей добычей, а потом складывал серпообразные крылья и падал на нее с такой скоростью, что ветер пел у него в оперении. Звук удара отчетливо доносился за двести шагов. Облачко бледно-голубых перьев быстро расплывалось в синем небе и рассеивалось на ветру, а сокол, прикованный к добыче кривыми когтями, с разгона ударялся с ней о землю. Госпожа моя взвизгивала от восторга и бежала, как мальчишка, подбирать птицу, лаская сокола и осыпая его похвалами, а потом скармливала ему отрезанную голову цапли.

Я люблю всех существ, обитающих в воде, на суше и в воздухе, и госпожа моя разделяет мои чувства. Я часто поражаюсь, почему мы оба так увлекаемся преследованием дичи. Я долго ломал голову над этой загадкой и не мог найти ответа. Может быть, люди – и мужчины, и женщины – самые свирепые хищники Земли? Поэтому мы чувствуем родство с соколом и его стремительной красотой. Цапли и гуси были отданы соколу богами как его добыча. Точно так же теми же богами человеку было дано господствовать над всеми существами, живущими на Земле. Мы не можем бросать вызов чувствам, которыми нас наделили боги.

С самого раннего возраста, с того самого времени, когда госпожа Лостра стала достаточно сильной и выносливой, чтобы ходить на охоту, я разрешал ей сопровождать меня с Таном в охотничьих и рыбацких походах. Чтобы скрыть свою ненависть к сопернику, вельможе Харрабу, господин Интеф отпускал меня на охоту с молодым Таном.

Много лет назад мы с Таном приобрели заброшенную хижину рыбака, которую обнаружили на краю болота ниже Карнака. Мы превратили эту хижину в тайное охотничье логово. Край пустыни был совсем недалеко. Таким образом, мы без труда могли отправляться на рыбалку в лагуны или охотиться с соколом на гигантских дроф в пустыне.

Вначале Тану не нравилось вторжение нескладной девятилетней девочки с худой мальчишеской грудью в его мир охотника. Однако очень скоро он привык к ее присутствию и даже находил его удобным, так как теперь было кого послать в лагерь за какой-нибудь мелочью или заставить сделать нудную работу в хижине.

Так мало-помалу Лостра усвоила все традиции и премудрости жизни под открытым небом. Она выучила истинные названия каждой рыбы и птицы и могла пользоваться гарпуном и охотничьим луком с одинаковой ловкостью. Под конец Тан даже стал гордиться ею, как будто это он, а не я позволял ей участвовать в наших походах.

Она была с нами в черных скалистых холмах над долиной реки, когда Тан убил льва, нападавшего на крестьянский скот. Лев этот оказался старым и мощным самцом, тело его покрывали шрамы. Его черная грива волновалась с каждым шагом, как пшеница на ветру, а голос походил на гром небесный. Мы спустили на него мою свору гончих и преследовали льва от самого загона, где он задрал буйвола, пока собаки не загнали его в тупик у вершины узкого оврага. Когда мы подошли, лев сразу узнал в нас своих врагов и бросился вперед, отмахнувшись от собак.

Он несся на нас с ревом и рыком, а госпожа моя стояла бесстрашно у левого плеча Тана, нацелив на зверя свой маленький лук. Разумеется, льва убил Тан из мощной Ланаты – стрела со свистом вошла в разинутую пасть зверя. В тот день мы оба видели мужество госпожи Лостры.

Мне кажется, именно тогда Тан впервые осознал свои чувства к ней, а для моей госпожи охота и преследование зверя навсегда были связаны с образом любимого. С тех самых времен она стала ярой охотницей. Научилась от Тана и от меня уважать и любить дичь, но не обременяла себя чувством вины, когда приходилось пользоваться богоданным правом господства над всеми существами, живущими на Земле, которые служат нам вьючными животными, источником пищи или дичью на охоте.

У нас, у людей, есть право господствовать над зверями, но точно так же, как мы господствуем над ними, фараон господствует над всеми мужчинами и женщинами, и никто не может перечить ему. На девяностую ночь царь послал Атона за моей госпожой.

Благодаря нашей дружбе и доброму отношению Атона к моей госпоже мы узнали об этом задолго до его появления. Я успел закончить последние приготовления раньше, чем он вошел в комнату.

Я еще раз отрепетировал с госпожой, что ей нужно говорить царю и как она должна себя вести. Затем наложил мазь, которую изготовил специально для этого случая. Она обладала не только смягчающими и смазывающими свойствами, но содержала также вытяжку особой травы, с помощью которой я в некоторых случаях смягчал боль, когда лечил зубы или другие незначительные раны. Эта мазь лишала чувствительности слизистые покровы тела.

Лостра держалась смело, пока в дверях комнаты не появился Атон, а потом мужество оставило ее. Она повернулась ко мне, и я увидел у нее в глазах слезы.

– Я не могу идти одна. Я боюсь. Пожалуйста, пойдем со мной, Таита. – Она побледнела под гримом, который я столь тщательно наложил, и задрожала так, что маленькие белые зубки застучали во рту.

– Госпожа, это же невозможно, пойми. Фараон послал за тобой. Сейчас я не могу помочь тебе.

И тут Атон пришел к ней на помощь.

– Может быть, Таите стоит пойти со мной и подождать в прихожей перед спальней царя. В конце концов, он царский лекарь, его услуги могут понадобиться, – предложил постельничий тонким голосом, и госпожа моя, встав на цыпочки, поцеловала его в толстую щеку.

– Ты так добр, Атон, – прошептала она, а он покраснел.

Госпожа Лостра крепко держала меня за руку, пока мы шли за Атоном в спальню царя по лабиринту дворцовых переходов. В прихожей перед спальней крепко сжала мои пальцы, потом отпустила их и подошла к двери. Там остановилась и оглянулась. Никогда еще не казалась она мне столь прелестной, юной и ранимой. Сердце мое разрывалось, но я улыбнулся, чтобы подбодрить ее. Она улыбнулась в ответ и прошла в комнату, отодвинув занавеску. Я услышал приглушенное приветствие царя и ее тихий ответ.

Атон посадил меня на табурет у низкого столика и, не говоря ни слова, поставил доску для игры в бао. Я играл безразлично, едва вспоминая, что нужно перекладывать полированные круглые камешки из чашечки в чашечку. Атон выиграл подряд три партии. Ему очень редко удавалось победить меня в этой игре, но отвлекали голоса из комнаты за занавеской, хотя говорили там слишком тихо и я не мог ничего разобрать.

Затем я внезапно услышал слова, произнесенные моей госпожой так, как учил ее:

– Пожалуйста, ваше величество, будьте нежны со мной, умоляю вас, не причиняйте мне боль. – Просьба прозвучала так трогательно, что даже Атон чуть закашлялся и вытер нос полой одежды. С усилием я взял себя в руки. Мне так хотелось вскочить на ноги, ворваться в спальню и унести прочь мою девочку!

Некоторое время в комнате было тихо, потом послышался один-единственный всхлипывающий вскрик, который пронзил мою душу, и снова воцарилась тишина.

Мы с Атоном сидели, согнувшись над доской бао, и больше не пытались делать вид, будто играем. Не знаю, как долго нам пришлось ждать. Наверное, уже началась последняя ночная стража, когда я услышал в комнате храп старика. Атон посмотрел на меня и кивнул, грузно поднявшись на ноги.

Не успел он подойти к двери, как занавески раздвинулись и моя госпожа вышла к нам навстречу.

– Возьми меня домой, Таита, – прошептала она.

Не долго думая я поднял ее на руки, Лостра обняла меня за шею и, прислонившись головой к плечу, затихла, как маленькая девочка.

Атон поднял масляный светильник и пошел впереди, освещая нам дорогу на женскую половину. Он оставил нас у дверей в спальню моей госпожи. Я положил ее на кровать и, пока она тихо дремала, осторожно осмотрел. Крови было мало: чуть размазанная струйка на шелковистой коже бедер. Кровотечение прекратилось само.

– Ты не чувствуешь боли, маленькая моя? – нежно спросил я. Она открыла глаза и покачала головой.

Затем неожиданно улыбнулась.

– Не знаю, почему вокруг этого столько шума, – пробормотала она. – В конце концов, это мало чем отличается от твоего деревянного стула: справил нужду, и все. И времени это заняло ненамного больше. – Потом свернулась клубочком и уснула, не издав ни звука.

Я чуть не расплакался от облегчения. Все мои приготовления и обезболивающее помогли ей переступить рубеж без телесных и душевных ран.

Утром мы как ни в чем не бывало отправились на соколиную охоту, и только однажды за весь день госпожа моя вспомнила о предыдущей ночи. Когда мы завтракали на берегу реки, она задумчиво спросила:

– Как ты думаешь, Таита, с Таном у меня будет то же самое?

– Нет, госпожа. Вы с Таном любите друг друга. Все будет иначе. Это будет самый прекрасный момент в твоей жизни, – заверил я ее.

– Да, в глубине души я знаю, что именно так и должно быть, – сказала она, и оба мы невольно посмотрели на север, где далеко за горизонтом, вниз по течению реки, находился Карнак.

Хотя я прекрасно сознавал, в чем состоял мой долг по отношению к Тану, жизнь на острове была столь прекрасна и я так наслаждался обществом моей госпожи, что мне не хотелось уезжать, и я убеждал себя, будто она еще нуждается во мне. На деле все было иначе. Хотя фараон и посылал за Лострой каждую ночь, она скоро научилась доставлять радость царю и в то же время не наносить себе ни физического, ни эмоционального ущерба. Госпожа моя – существо

крепкое и гибкое, и боги наградили ее сильным инстинктом самосохранения. Она не нуждалась во мне так, как нуждался Тан, и скоро стала напоминать, что пора оставить Элефантину и отправиться вниз по реке.

Я долго откладывал отъезд. Однажды, проведя весь день на охоте с царем, мы вернулись во дворец поздно. Я позаботился о том, чтобы госпожа приняла ванну и ей приготовили ужин, и отправился в свои комнаты.

Когда я вошел к себе, сразу почувствовал вкуснейший аромат спелых манго и гранатов. Посреди комнаты на полу стояла огромная корзина с крышкой, из которой, как я понял, исходил аромат двух любимейших моих плодов. Меня не удивило их появление, потому что каждый день и мне, и моей госпоже присылали дары те, кто искал нашей благосклонности.

Я спросил себя, кто прислал их на этот раз, но стоило снова вдохнуть аромат фруктов, рот внезапно наполнился слюной. С самого полудня во рту у меня не было ни крошки. Я поднял крышку корзинки и протянул руку к самому красному и спелому гранату. Вдруг плоды разлетелись в стороны и покатились по полу. Раздалось резкое шипение, и огромный клубок черного змеиного тела, блистая чешуей, выскочил из корзины и бросился к моим ногам.

Я отскочил назад, но немного опоздал. Челюсти змеи сомкнулись на кожаной подошве моей сандалии с такой силой, что я чуть не потерял равновесие. Облачко яда брызнуло с изогнутых клыков. Прозрачная смертоносная жидкость растеклась по моей ноге. Отскочив в сторону, я сумел увернуться от второго укуса и бросился назад к стене в дальнем конце комнаты.

Кобра и я стояли и смотрели друг на друга, разделенные комнатой. Половина тела кобры собралась в кольца на полу, но верхняя часть поднялась и качалась на уровне моего плеча. Капюшон кобры раздулся, и я увидел узор широких черных и белых полос. Как страшная черная лилия смерти, ее голова качалась на стебле, уставившись на меня бусинками глаз. Тут я понял, что она находится как раз посередине между мной и единственной дверью в этой комнате.

Правда, кобр часто содержат как домашних животных. Им позволяют ползать по всему дому, они охотятся на крыс и мышей, которых всегда полно в жилищах. Пьют молоко из кувшинов и становятся домашними, как котята. Однако есть и другие кобры, которых мучают и дразнят, чтобы превратить в смертоносное орудие убийства. У меня не было сомнения, какая кобра стояла сейчас передо мной.

Я тихо двинулся вбок вдоль стены, прижимаясь к ней и стараясь обойти врага и спастись. Она бросилась на меня, разинув бледно-желтую пасть, и я увидел тонкие ниточки яда, которые протянулись в воздухе от кончиков ее клыков. Я закричал от ужаса и отскочил назад. Змея снова быстро поднялась и встала напротив меня. Она все еще находилась между мной и дверью. Я знал, что яда в ее мешках хватит на сотню сильных мужчин. Пока я смотрел на нее, нижняя часть ее тела развернулась, и она начала медленно скользить по полу, высоко держа свою голову и не отрывая от моего лица взгляда своих ужасных маленьких глаз.

Я видел однажды, как такая змея загипнотизировала птицу, чтобы та не пыталась улететь во время ее приближения, а сидела тихо и смиренно ожидала своей участи. Меня парализовало, как ту птицу, и я почувствовал, что не могу ни пошевелиться, ни закричать. Смерть скользила ко мне по комнате.

Внезапно я заметил движение позади качающейся головы кобры. Госпожа Лостра появилась в дверях комнаты, привлеченная этим испуганным криком. Я снова обрел голос и закричал ей:

– Осторожно, не подходи близко!

Она не обратила внимания на мои слова и мгновенно оценила положение. Без всяких колебаний или раздумий начала действовать раньше, чем змея бросилась и укусила меня в третий и последний раз. Госпожа моя обедала, когда услышала мой крик, и теперь стояла в дверях с

половиной недоеденной дыни в одной руке и серебряным ножом в другой. Действовала она с быстротой природной охотницы.

Тан научил ее по-мужски ловко бросать копье или камень, что несвойственно женщинам. Она швырнула дыню с ловкостью и силой тренированного копейщика. Дыня попала кобре в шею, в середину развернутого капюшона, и от этого удара на какое-то мгновение змея растянулась на полу. Словно стрела, выпущенная из боевого лука, кобра снова поднялась и повернула свою страшную голову к моей госпоже, устремившись к ней через комнату.

Я вышел из оцепенения и бросился вперед, чтобы помочь, но немного опоздал. Опершись на хвост, кобра прыгнула на свою жертву, разинув челюсти так широко, что брызги яда летели с ее клыков, распространяя тонкую бледную дымку. Госпожа моя отскочила назад с легкостью и быстротой газели, уворачивающейся от гепарда. Кобра промахнулась и распростерлась на полу у ног Лостры, вытянувшись широкой полосой во всю длину своего тела.

Я не понимаю, что нашло на мою госпожу, но мужества ей было не занимать. Прежде чем кобра сумела снова подняться и приготовиться к нападению, Лостра прыгнула на нее, приземлившись маленькими ножками в сандалиях прямо на шею, и прижала к каменному полу всем своим весом.

Возможно, она подумала, что сломает змее хребет, но та оказалась толстой, толщиной с руку, и гибкой, как кнут Расфера. Хотя голова ее была прижата к полу, тело стало биться и извиваться вокруг ног моей госпожи. Женщина менее разумная и менее мужественная наверняка постаралась бы увернуться от этих отвратительных объятий. Если бы моя госпожа сделала это, она бы умерла в то же мгновение, так как голова кобры оказалась бы свободной для смертоносного удара.

Однако Лостра продолжала крепко стоять на голове извивающейся змеи, расставив руки в стороны, чтобы удержать равновесие. Она закричала:

– Помоги мне, Таита!

К этому моменту я успел пересечь комнату и бросился на пол к ее ногам. Запустив руки в середину извивающегося клубка, я ощупью двигался вперед по телу, пока не почувствовал, что добрался до горла. Тогда схватил змею и сжал ее обеими руками.

– Поймал! – завопил я, обезумев от ужаса и отвращения, которые вызывало во мне это холодное чешуйчатое существо, извивающееся в моих руках. – Поймал! Отойди в сторону!

Госпожа послушно отскочила. Я встал на ноги, лихорадочно сжимая змею и стараясь удержать ее разинутую пасть подальше от лица. Хвост бился вокруг меня. Затем она обвила меня за плечи и потянулась к шее, угрожая задушить, но я не выпускал голову. Обхватив мои плечи и шею, змея получила опору, и я почувствовал, насколько ужасна ее сила. Я не мог удержать ее, даже сцепив пальцы. Она постепенно высвобождала свою голову, выскальзывая из моих рук. Я понял, что, как только змея вырвется, она тут же ударит меня в незащищенное лицо.

– Я не могу удержать ее! – завопил я скорее себе, чем Лостре. Я держал змею на вытянутых руках, но она тянулась к моему лицу, приближаясь к моим глазам, и волны чудовищной силы проходили по ее телу, по сжимающемуся и извивающемуся на моих плечах и горле кольцу. Голова понемногу выскальзывала из моих рук.

Хотя пальцы мои побелели от напряжения, кобра оказалась так близко к моему лицу, что я увидел совсем рядом ее клыки, которые то опускались, то поднимались на верхней челюсти, – она могла по своей воле выставлять и убирать их. Клыки походили на маленькие белые костяные иглы, и бледные, туманные струйки яда брызгали с их кончиков. Я понимал, что, если хоть капелька яда попадет мне в глаз, я ослепну и жгучая боль доведет меня до безумия.

Я отвернул голову змеи от своего лица, чтобы брызги яда рассеивались в воздухе, и отчаянно закричал:

– Позови кого-нибудь из рабов!

– К столу! – произнесла госпожа рядом со мной. – Прижми ее голову к столу!

Я был поражен. Я думал, она послушалась моего приказа и пошла за помощью, но Лостра стояла рядом со мной, а в руке по-прежнему сжимала серебряный столовый нож.

Шатаясь, я побрел через комнату с коброй в руках и упал на колени перед низеньким столиком. С огромным усилием мне удалось прижать голову змеи к краю стола и удержать там. Теперь госпожа могла ударить ее ножом. Она нацелилась в затылок у самого основания мерзкой головы.

Змея почувствовала боль и удвоила свои усилия. Кольца упругой плоти бились на моих плечах и вились вокруг моей головы. Из ее горла вырывалось шипение, и облачка яда слетали с клыков.

Маленький нож был острым, и чешуйчатая кожа разошлась под ним. Скользкая и холодная змеиная кровь полилась мне на пальцы, и нож заскрежетал по кости. Скорчившись от усилия, госпожа моя пилила кость. Теперь, когда пальцы мои стали скользкими от крови, я почувствовал, что голова змеи выскальзывает из рук, и змея уже почти свободна. В этот самый момент нож вошел между позвонками и разъединил их.

Голова гадины повисла на лоскутке кожи и стала болтаться у меня перед глазами, когда тварь забилась в предсмертных судорогах. Хотя голова почти отделилась от тела, клыки в пасти то вставали, то опускались и сочились ядом. Малейшее их прикосновение к коже означало смерть, и я лихорадочным рывком схватил змею скользкими от крови пальцами, сорвал с себя и бросил на пол.

Мы с госпожой отскочили к двери, а кобра продолжала биться перед нами, извиваясь чудовищными кольцами, то сжимаясь в клубок, то разворачиваясь.

– Ты невредима, госпожа? – спросил я, будучи не в состоянии отвести глаз от предсмертных судорог чудовища. – Нет ли у тебя на коже или на глазах яда?

– Со мной все в порядке, – прошептала она, – а с тобой?

Ее голос настолько встревожил меня, что я забыл о собственных страхах и посмотрел ей в лицо. Опасность прошла, и теперь весь ужас происшедшего навалился на нее. Ее начало трясти. Огромные темно-зеленые глаза, казалось, не умещались на бледном лице. Нужно было как-то помочь ей оправиться от потрясения.

– Ну, – коротко сказал я, – теперь мы знаем, что у нас будет на обед. Я с удовольствием отведаю кусочек жареной кобры.

Какое-то мгновение она смотрела на меня, ничего не понимая, а потом вдруг взорвалась истерическим хохотом. Мой собственный смех звучал не менее дико и безумно. Мы беспомощно прижались друг к другу и хохотали до тех пор, пока слезы не полились из наших глаз и не потекли по щекам.

Я не мог доверить приготовление кобры повару, поэтому принялся за дело сам. Снял с нее шкуру, выпотрошил и нафаршировал диким чесноком и другими пряными травами, перемешанными с большим куском жира из курдюка превосходного барашка. Потом свернул кобру в клубок, завернул в листья банана и покрыл узел толстым слоем влажной глины. Развел над куском глины огонь и поддерживал его целый день. Вечером у нас с госпожой потекли слюни, когда я разломил спекшийся глиняный шар и оттуда разнесся аромат сочного печеного мяса. Многие из тех, кто обедал за моим столом, говорили, что не пробовали блюд вкуснее приготовленных моими руками. Как могу я опровергать слова друзей?

Я подал нежное рассыпчатое мясо госпоже с превосходным вином, которое Атон обнаружил в хранилищах фараона. По настоянию госпожи Лостры я сидел рядом с ней в беседке во дворце гарема. Я разделил с ней пир. Отведав печеной кобры, мы с ней сошлись на том, что она получилась даже лучше, чем хвост крокодила или лучший окунь, пойманный в Ниле.

Только когда мы наконец наелись и отослали остатки рабыням, смогли начать разговор о том, кто же прислал мне в дар корзину с фруктами.

Я не хотел тревожить госпожу и попытался отшутиться:

– Наверное, кому-то не понравилось мое пение.

Однако от нее не так-то просто было отделаться.

– Не разыгрывай передо мной шута, Таита. Это единственное, в чем таланты твои тебе не помогут. Мне кажется, я знаю, кто послал корзину. Впрочем, как и ты.

Я уставился на нее, широко раскрыв глаза и не зная, как начать разговор. Я подозревал, что у нее на уме. Я всегда старался защитить ее – даже от правды. И теперь терялся в догадках, что же ей известно.

– Это мой отец, – сказала она так решительно, что я не смог ни возразить, ни подтвердить ее слова. – Расскажи мне о нем, Таита. Расскажи все, что мне следует знать о нем, что ты не смел раньше рассказывать.

Сначала рассказывать было трудно. Целая жизнь молчания мешала мне, а долгую привычку сразу не преодолеть. Я все еще с трудом осознавал, что не нахожусь во власти вельможи Интефа. Как бы глубоко я ни ненавидел его, он властвовал над моими душой и телом с самого детства, и во мне жила какая-то извращенная верность, которая мешала говорить то, что могло нанести ему вред. Я сделал слабую попытку отделаться от своей госпожи общими словами о тайных делах ее отца, но она нетерпеливо оборвала меня:

– Хватит! Не считай меня дурочкой, я знаю о своем отце больше, чем ты можешь вообразить. Мне давно пора узнать остальное. И я приказываю тебе рассказать мне все.

Итак, я подчинился ей. Рассказывать пришлось так долго, что полная луна прошла полпути к зениту, прежде чем мой рассказ был закончен. Затем мы еще долго сидели в темноте. Я ничего не скрыл и не пытался оправдаться или отрицать свое участие в его делах.

– Не мудрено, что он хочет твоей смерти, – прошептала Лостра наконец. – Ты знаешь достаточно, чтобы погубить его. – Она помолчала еще немного, а затем продолжила: – Мой отец – чудовище. Как могло получиться, что я стала другой? Почему я, его дочь, не нахожусь во власти тех же противоестественных влечений?

– Нам остается только благодарить за это богов. Однако, госпожа, ты не презираешь меня за то, что я сделал?

Она протянула руку и коснулась моей ладони.

– Ты забываешь о том, что я знала тебя всю свою жизнь, с того самого дня, как моя мать умерла при родах. Я знаю, какой ты на самом деле. Что бы ты ни совершил, тебя заставили сделать это, и я легко прощаю тебе все твои проступки.

Она вскочила на ноги и стала беспокойно ходить вокруг пруда с лилиями, а потом снова вернулась в беседку, где оставался я.

– Тану угрожает большая опасность со стороны отца. До сегодняшнего вечера я не осознавала, насколько велика эта опасность. Нужно предупредить его, иначе он не сможет защитить себя. Ты должен отправиться к нему не задерживаясь.

– Но, госпожа... – начал было я. Но она резко оборвала меня:

– Я не желаю больше слушать твои оправдания, Таита. Ты отправишься в Карнак завтра же.

Итак, следующим утром еще до рассвета я отправился ловить рыбу в полном одиночестве, взяв маленькую удочку. Тем не менее я позаботился о том, чтобы по крайней мере дюжина рабов и стражников видели, как я покидал остров. Забравшись подальше от основного русла в лагуну, я открыл кожаную сумку, в которой прятал старого кота, подружившегося со мной. Это было тоскливое старое животное, измученное паршой и язвами на лапах. Некоторое время я собирался с силами, чтобы избавить его от мучений. Затем скормил ему кусочек

сырого мяса, смоченного настоем датуры. Я держал его на коленях и поглаживал, а он, съев мясо, довольно мурлыкал. Когда кот безболезненно уснул на моих руках, я перерезал ему горло.

Я обрызгал кровью всю лодку и выбросил тело кота в заросли, где крокодилы очень скоро расправятся с его останками. Затем, оставив в лодке гарпуны, лесы и остальное снаряжение, оттолкнул ее подальше от берега в слабое течение заросшего рукава реки и побрел вброд через заросли папируса.

Мы договорились с госпожой, что она подождет до вечера, прежде чем поднимет тревогу. Окровавленную лодку найдут не раньше следующего полудня, и тогда все решат, что меня сожрал крокодил или убила шайка сорокопутов.

Добравшись до берега, я быстро переоделся в наряд, который захватил с собой. Я решил изображать жреца Осириса. Мне частенько приходилось подражать их напыщенным повадкам и надменной походке, на радость госпоже. Достаточно было натянуть парик, чуть-чуть подмазать грим и надеть соответствующий наряд, и я становился одним из них. Жрецы постоянно кочуют с места на место, отправляясь вниз или вверх по реке, и путешествуют от одного храма к другому, а по дороге просят милостыню. Я не буду привлекать внимание, наряд жреца может защитить от нападения сорокопутов. Они суеверны и стараются не нападать на священнослужителей.

Я обогнул лагуну и вошел в западную часть города Элефантина через бедные кварталы. На пристани подошел к одному из хозяев барок, который загружал свое судно кожаными бурдюками и глиняными кувшинами с маслом. Изобразив достаточную надменность, я потребовал, чтобы он бесплатно отвез меня в Карнак именем бога, которому служу. Он пожал плечами и сплюнул на палубу, но разрешил подняться на борт. Жители Египта терпят вымогательства жрецов. Хотя жрецов и презирают, все боятся их власти, как духовной, так и светской. Некоторые даже считают, что жречество обладает не меньшей властью, чем сам фараон.

Было полнолуние, и хозяин барки оказался более смелым мореходом, чем флотоводец Нембет. Мы не вставали на ночь к берегу. С попутным ветром быстро, всего за пять дней, дошли до поворота реки, за которым открывался вид на Карнак.

У меня засосало под ложечкой, когда я сошел на берег, потому что в этом городе я вырос и прожил более десяти лет и каждый нищий и зевака знал меня в лицо. Если меня узнают, вельможа Интеф услышит о моем появлении раньше, чем я успею добраться до городских ворот. Однако мой наряд спасал меня, и я пробирался к нужному месту боковыми улочками, изображая целеустремленную и полную достоинства походку жреца. Я шел к дому Тана у расположения флотилии.

Дверь в доме Тана не была заперта на задвижку. Я вошел туда, как будто имел на это полное право, и плотно закрыл за собой дверь. Скудно обставленные комнаты были пусты, и, обыскав их, я не нашел ничего, что могло бы указать на теперешнее местонахождение Тана. Очевидно, его не было дома давно, возможно, даже с тех пор, как мы с госпожой покинули Карнак. Молоко в кувшине у окна загустело и высохло, как твердый сыр, а корочка просяной лепешки рядом с кувшином покрылась синей плесенью.

Насколько я мог судить, ничего не пропало, даже лук Ланата висел на стене над кроватью. Одно это было уже необычно: лук этот всегда служил как бы продолжением его тела. Я осторожно спрятал лук в тайнике под кроватью, который сам построил для него, когда мой друг поселился здесь. Я не хотел появляться в городе при дневном свете, поэтому до наступления темноты я оставался в комнатах Тана, занимаясь уборкой скопившейся пыли и грязи.

Когда стемнело, я выскользнул на улицу и направился к реке. Сразу же заметил, что «Дыхание Гора» стоит у причала. Судя по всему, она успела побывать в бою с тех пор, как я видел ее

в последний раз, и явно пострадала. Нос был проломлен, как и обшивка по левому борту, где доски обуглились.

С гордостью собственника я заметил, что Тан внес изменения в конструкцию корпуса, которые я разработал после охоты на речных коров. Золоченый металлический рог торчал перед носом чуть выше ватерлинии. Судя по вмятинам на его обшивке, он успел посвирепствовать в бою с флотилией лжефараона-самозванца.

Однако на палубе я не заметил ни Тана, ни Крата. За старшего остался младший командир. Я узнал его, но тут же отказался от мысли окликнуть. Вместо этого решил обойти притоны – любимые места развлечений моряков вокруг верфи.

Очень хорошей характеристикой нравственности жрецов Осириса может послужить то, что меня радостно встречали в притонах портовой полосы, почти как завсегдатая. В одной из более приличных таверн я узнал среди посетителей внушительную фигуру Крата. Он пил вино и играл в кости с товарищами по флотилии. Я решил не подходить к ним сейчас и стал наблюдать с другого конца переполненной таверны. Все это время мне приходилось отбиваться от приставаний веселых пташек обоего пола, которые постоянно снижали свои гонорары, пытаясь соблазнить меня последовать за ними в темный переулок, чтобы испробовать их отполированные взглядами прелести. Никого из них ни в малейшей степени не смущало ожерелье жреца из синих стеклянных бусинок на моей шее.

Когда Крат наконец сердечно попрощался со своими товарищами, пожелал им спокойной ночи и отправился прочь из таверны на темную улицу, я с облегчением последовал за его высокой фигурой.

– Ну, что тебе от меня надо, любимец богов? – прорычал он презрительно, когда я поспешно догнал его. – Тебе золотишка или, может быть, задница чешется? – Многие жрецы горячо увлекались новомодной педерастией.

– Я бы предпочел золото, – сказал я. – Его у тебя больше, а со вторым у тебя туго, Крат.

Он остановился как вкопанный и подозрительно уставился на меня. Его грубое, но приятное лицо немного искажало спиртное.

– Откуда тебе известно мое имя? – Он схватил меня за плечо и подтащил к освещенной двери дома, изучая лицо. Затем стащил с моей головы парик. – Клянусь кучей дерьма в заднице Сета, это ты, Таита! – заорал Крат.

– Я буду тебе очень обязан, если ты воздержишься от таких громких криков на улице, – сказал я, и воин тут же стал серьезным.

– Ладно! Пойдем ко мне.

Когда мы остались одни в его комнате, он налил две кружки пива.

– А тебе не хватит? – спросил я, а Крат ухмыльнулся:

– Это мы узнаем завтра утром. Ну же, Таита! Не будь так суров ко мне. Мы били флот красного самозванца целых три недели. Милостивая Хапи, как же чудесно работает носовой рог твоего изобретения! Мы разрезали пополам почти двадцать вражеских лодок и по крайней мере сотне врагов отрубили головы. Хотя дело было жаркое, мы не пили ничего крепче воды все это время. Не попрекай меня лишним глотком пива. Выпей со мной! – Он поднял кружку, а я, поскольку тоже испытывал жажду, поднял свою и приветствовал его.

Поставив кружку, я спросил:

– Где Тан?

Мой собеседник тут же протрезвел.

– Тан исчез.

Я уставился на него, ничего не понимая.

– Исчез? Как это понимать – исчез? Разве он не вел вас в бой на реке?

Крат покачал головой:

– Нет, его не было. Исчез. Я заставил своих людей прочесать каждую улицу и каждый дом Фив. Нигде не нашли даже следа Тана. Говорю тебе, Таита, я очень встревожен, правда, очень встревожен.

– Когда ты видел его в последний раз?

– Через два дня после царской свадьбы. После того, как госпожа Лостра вышла за царя. Вечером того дня, когда вы отплыли с царской флотилией в Элефантину, я попытался было уговорить его остаться и выбить из него дурь, но он не стал слушать меня.

– Что говорил?

– Передал под мое командование «Дыхание Гора» и всю флотилию.

– Но он же не мог сделать этого?

– Мог. Тан воспользовался властью ястребиной печати фараона.

Я кивнул.

– А потом, что сделал потом?

– Я уже сказал. Исчез.

Потягивая пиво, я попытался во всем разобраться. Тем временем Крат отошел к окну и помочился наружу. Струя с шумом и плеском ударила по мостовой, и я услышал, как испуганный прохожий заорал на него:

– Эй ты, поосторожней, свинья!

Крат высунулся из окна и весело предложил проломить ему голову. Прохожий с ворчанием быстро удалился. Довольный своей маленькой победой, Крат улыбнулся и сел напротив меня. Я спросил его:

– В каком настроении Тан покинул тебя?

Крат снова стал серьезным.

– Настроение у него было самое мрачное и раздражительное, какое мне когда-либо приходилось видеть. Он проклинал богов и фараона. Даже проклинал госпожу Лостру и обзывал ее царской шлюхой.

Я поморщился. Но я знал, что слова эти произнес не Тан, их произнесла отчаянная и безнадежная любовь.

– Говорил, что фараон имеет полное право выполнить свою угрозу и повесить его за призывы к мятежу, он будет только приветствовать смерть как освобождение от мук. Да, ему было страшно тяжело, и я ничем не мог утешить его.

– И это все? Он ничем не намекнул тебе, что намеревался делать? – Крат потряс головой и снова наполнил чашу пивом. – Что произошло с ястребиной печатью?

– Оставил ее мне. Сказал, что печать ему больше не нужна. Печать в целости и сохранности находится на борту «Дыхания Гора».

– А что касается того, о чем я с тобой договаривался? Сделал ли ты то, что я просил?

Воин виновато посмотрел в чашу с пивом и пробормотал:

– Я начал заниматься приготовлениями, но после того, как Тан исчез, в них, казалось, не было никакого смысла. Кроме того, мы были заняты в боях на реке.

– Крат, ты оказался таким ненадежным. Это так не похоже на тебя. – Я обнаружил, что разочарование и обида действовали на Крата гораздо сильнее злости. – Госпожа Лостра надеялась на тебя. Она говорила, что полностью доверяет тебе. «Крат надежен, как скала» – вот что она сказала.

Я быстро убедился, что старый прием по-прежнему действует, так как Крат, помимо всего прочего, был одним из обожателей госпожи. Даже малейшее неудовольствие с ее стороны могло подействовать на него.

– Проклятие, Таита. Ты превращаешь меня в слабоумного идиота... – Я промолчал, но молчание раздражало его больше слов. – Именем Гора, скажи мне, что хочет от меня госпожа Лостра?

– Только то, о чем мы говорили с тобой прежде, до того как отправиться в Элефантину, – сказал я, и он грохнул кружкой по столу.

– Я воин и не могу пренебречь своим долгом и отправиться с половиной флотилии в какое-то сумасшедшее путешествие. Одно дело, когда у Тана была ястребиная печать...

– Теперь она у тебя, – мягко напомнил я.

– Я не могу пользоваться ею без разрешения Тана...

– Ты его помощник. Тан дал тебе ястребиную печать, чтобы ты пользовался ею. Ты знаешь, что с ней делать. Так делай же! Я найду Тана и верну его, но ты должен быть готов к его возвращению. Нам предстоит отчаянная и кровавая работа, и ты будешь нужен Тану. Не предавай его, по крайней мере на этот раз.

Крат покраснел от злости.

– Я заставлю тебя проглотить эти слова, – пообещал он.

– И это будет лучшим обедом, который ты можешь приготовить для меня, – сказал я. Я люблю смелых и честных людей, ими так легко управлять.

Не зная, каким образом мне удастся выполнить свое обещание, я оставил Крата отсыпаться и отправился в город на поиски пропавшего Тана. Еще раз обошел все его любимые места и всюду спрашивал, не видели ли его там. Я прекрасно понимал, как опасно наводить справки о Тане, – наряд мой был не слишком надежным прикрытием. Достаточно встретить старого знакомого, и меня бы сразу узнали. Однако Тана необходимо было найти. Я искал всю ночь, пока самые грязные притоны и публичные дома у пристани не выкинули на улицу пьяных посетителей и не погасили лампы.

Над рекой разгорался рассвет, а я стоял усталый и безутешный на берегу Нила и пытался припомнить, не пропустил ли я какое-нибудь место, где Тан мог бы прятаться. Громкий трубный крик заставил меня посмотреть вверх. Высоко над головой я увидел неровную цепочку египетских гусей, летевших на восток на фоне бледно-золотого, с красным оттенком, неба. Вид стаи птиц напомнил мне те счастливые дни, когда Тан, госпожа Лостра и я охотились на диких птиц в болотах.

– Дурак! – обругал я себя. – Конечно, он там!

К этому времени все переулки вокруг рыночной площади уже заполнила шумная и беспокойная толпа. Фивы, пожалуй, самый занятой город мира, и никто здесь не остается без дела. Мастера выдувают стекло, обрабатывают золото и серебро, ткут полотно и лепят горшки. Торговцы торгуют и заключают сделки, законники крючкотворствуют, жрецы поют, а шлюхи заманивают своих клиентов. Это веселый шумный город, и я люблю его.

Я с трудом пробирался через толпу среди разноголосого гама торгующих купцов и крестьян, выставляющих свои товары на продажу для домохозяек и приказчиков богатых домов. Рыночная площадь отвратительно воняла пряностями и фруктами, овощами, рыбой и мясом, многие из этих товаров были далеко не первой свежести. Скот мычал, козы и бараны блеяли и добавляли свои экскременты к человеческим, которые стекали по канавам в старый добрый Нил.

Я подумал было купить осла, потому что идти далеко, а время жаркое. Да и на рынке продавались выносливые крепкие животные. Но в конце концов решил отказаться от такой роскоши, и не только ради экономии. За пределами города дорогостоящее животное наверняка привлечет внимание сорокопутов. Ради такой добычи они могут пренебречь своей верой в богов. Вместо этого я купил пару горстей фиников и буханку хлеба, а также кожаный мешок, чтобы нести свою провизию, и тыквенную бутыль для воды. Затем направился по узким улочкам к главным воротам города.

Не успел я дойти до них, как увидел впереди себя замешательство в толпе, и тут же отряд дворцовой стражи появился на улице и направился ко мне, разгоняя толпу палками. За спинами

стражников полдюжины рабов трусцой несли резные носилки с занавесками. Толпа зажала меня у глинобитной стены дома, и я, хотя и узнал носилки и начальника стражи, не мог скрыться.

Меня охватила паника. Расфер может и не заметить меня, случайно скользнув взглядом по толпе, но я был уверен, что вельможа Интеф узнает сразу в любом наряде. Рядом со мной стояла старая рабыня с грудями, похожими на огромные амфоры для оливкового масла, и спиной гиппопотама. Я бочком протиснулся за ее спину и скрылся за ней. Затем надвинул парик на глаза и осторожно выглянул из-под него.

Несмотря на страх, я почувствовал легкий укол врачебной гордости, увидев, что Расфер так скоро встал на ноги после моей операции. Он вел отряд телохранителей по улице туда, где я прятался за спиной рабыни, и только когда поравнялся со мной, я заметил, что половина его лица парализована. Казалось, уродливые черты вылепили из воска, а затем поднесли к пламени свечи. Такое часто случается даже после самых успешных операций по трепанации черепа. Другая половина лица кривилась в привычной усмешке. Если и раньше Расфер был отвратительным, теперь же дети плакали от страха, завидев его, а взрослые делали знак от сглаза.

Он прошел рядом с тем местом, где стоял я, а за ним проследовали носилки. Через щелочку между вышитыми занавесками я заметил вельможу Интефа, небрежно развалившегося на подушках из чистого шелка, привезенного с Востока. Подушки эти стоили по крайней мере пять золотых колец каждая.

Щеки его были свежевыбриты, а волосы убраны в официальную прическу. На ее вершине был закреплен конус ароматизированного пчелиного воска, который тает на жаре и стекает по волосам и по лбу, охлаждая кожу. Рука, сплошь унизанная кольцами, лениво лежала на гладком загорелом бедре красивого маленького мальчика-раба, которого скорее всего приобрели недавно, так как я не знал его. Сила моей ненависти застала меня врасплох, когда я увидел прежнего господина. Все неисчислимые оскорбления и унижения, которые я вынес в свое время, нахлынули на меня. Его последнее преступление только усилило мою ярость: посылая мне кобру, он подвергал опасности не только мою жизнь, но и жизнь моей госпожи. Если я и мог простить ему остальное, этого бы никогда не простил.

Его голова стала поворачиваться ко мне, но прежде чем глаза его встретились с моими, я нырнул за спину гороподобной женщины. Носилки двинулись дальше по узкой улочке, я посмотрел им вслед и внезапно почувствовал, что весь дрожу, как после схватки с коброй.

– О божественный Гор, услышь мою мольбу, не дай мне покоя до тех пор, пока он не умрет и не отправится к Сету, своему господину, – прошептал я и снова направился к воротам, проталкиваясь через толпу.

Половодье достигло высшей точки, и земли вокруг реки исчезли в благотворных объятиях Нила. Как и всегда с начала времен, река откладывала на полях жирный слой черного ила. Когда вода уйдет, сверкающие просторы снова расцветут той характерной зеленью, которую можно увидеть только у нас, в Египте. Солнечный свет и плодородный ил позволят вырастить три урожая до того, как Нил опять выйдет из берегов и принесет свои дары.

По краям залитых водой полей шли насыпи. Они регулировали распределение воды и служили дорогами. Я пошел по тропе, проложенной по вершине насыпи, на восток, пока не дошел до каменистой почвы у подножия холмов, где повернул на юг. По пути я время от времени нагибался и переворачивал придорожные камни, пока не нашел то, что искал. Потом прибавил шагу и решительно зашагал вперед. Я настороженно вглядывался в рваную линию холмов по правую руку, потому что в таких местах шайки сорокопутов часто устраивали засады. Я пересекал каменистый овраг, когда меня внезапно окликнули.

– Помолись за меня, любимец богов!

Нервы мои были настолько напряжены, что я вскрикнул от испуга и отпрыгнул в сторону, прежде чем успел взять себя в руки.

Мальчишка-пастушок сидел на краю оврага прямо надо мной. Ему было не более десяти лет, но с виду он казался старым, как первый грех человека. Я знал, что сорокопуты часто используют детей в качестве разведчиков и часовых. Маленький оборвыш, казалось, был создан для этой роли. Волосы у него были грязные и всклокоченные, а плохо продубленная козья шкура, из которой сшили его одежду, воняла так, что я чувствовал запах со дна оврага. Его блестящие вороньи глаза быстро и жадно осмотрели меня, оценивая наряд и поклажу.

– Куда ты направляешься и по какому делу, добрый отец? – спросил он и просвистел длинную тонкую мелодию на тростниковой дудочке, которая вполне могла оказаться сигналом для того, кто прятался выше по склону.

Прошло несколько мгновений, прежде чем сердце мое успокоилось и я снова обрел дар речи.

– Ты дерзок, дитя. Какое тебе дело, кто я и куда иду?

Его поведение по отношению ко мне тут же изменилось.

– Я голоден, милостивейший жрец, я сирота, которому приходится самому кормить себя в этом жестоком мире. Нет ли у тебя корочки хлеба в твоем таком большом мешке?

– Ты не кажешься мне голодным. – Я отвернулся и пошел дальше. Но пастушок скатился по склону оврага и заплясал передо мной.

– Покажи мне, добрый отец, что у тебя в сумке, – настаивал он. – Смилуйся, добрый господин.

– Ладно, негодник. – Я достал из сумки спелый финик. Он протянул руку, но я тут же сжал кулак. Когда снова разжал пальцы, финик превратился в багрового скорпиона. Ядовитое насекомое угрожающе подняло хвост над головой, мальчик завопил и поскорее забрался обратно на склон оврага.

Наверху он остановился и закричал:

– Ты не жрец! Ты джинн пустыни, ты дьявол, а не человек! – Он лихорадочно сделал знак от сглаза, сплюнул три раза на землю и помчался вверх по склону холма.

Я поймал скорпиона под плоским камнем у дороги. Разумеется, выдернул жало из кончика хвоста, прежде чем сунуть его в свой мешок. Скорпион был припасен именно на такой случай. Тот же старый раб, который научил меня читать по губам, показал мне еще кое-что, пока жил с нами. Этому фокусу меня тоже научил он.

У подножия следующего холма я остановился. Пастушонок стоял прямо на вершине гряды. Он был не один. Рядом с ним находились двое мужчин, а ребенок яростно жестикулировал. Увидев, что я заметил их, они тут же исчезли за линией холмов. Можно не сомневаться, они вряд ли будут приставать к дьявольскому жрецу.

Не прошел я и нескольких сот шагов, как почувствовал впереди на дороге какое-то движение. Тут же остановился и прикрыл глаза от ослепительных лучей полуденного солнца. С облегчением разглядел небольшую и совершенно невинную группу людей, приближавшуюся ко мне. Я осторожно пошел им навстречу, и, когда расстояние между нами уменьшилось, сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди: мне показалось, что я узнал Тана. Он вел на поводу ослика. Маленькое жилистое животное несло тяжелый груз. На его спине поверх огромного узла сидели женщина и ребенок, но ослик весело трусил вперед. Женщина, как я успел разглядеть, была в положении. Живот тяжело лежал на коленях. Ребенок за ее спиной оказался девочкой лет десяти-одиннадцати.

Я уже собирался окликнуть Тана и поспешить навстречу, когда понял, что ошибся и человек этот мне не знаком. Меня обманули его рост, широкие плечи и ловкость движений, когда он вел

в поводу ослика, а также сверкающая грива золотых волос. Мужчина подозрительно разглядывал меня, обнажив меч. Он отвел ослика с дороги и встал между мной и ценным грузом.

– Да благословят тебя боги, добрый путник! – Я решил играть роль жреца до конца, а он проворчал что-то и продолжал целиться кончиком меча мне в живот. В нашем любимом Египте никто не доверяет незнакомцу.

– Ты рискуешь жизнью своей семьи на этой дороге, друг мой. Тебе следовало бы искать защиты каравана. В холмах прячутся разбойники. – Я уже тревожился за них. Женщина показалась мне милой и порядочной, а ребенок за ее спиной чуть не расплакался при моих словах.

– Проходи, жрец, – приказал мужчина, – прибереги свои советы для других. Мне они не нужны.

– Вы очень добры, благородный господин, – прошептала женщина. – Мы целую неделю ждали каравана в Кене и не могли больше там оставаться. Моя мать живет в Луксоре. Она поможет мне родить ребенка.

– Молчи, женщина! – зарычал на нее муж. – Я не стану связываться с незнакомцем, даже если на нем плащ жреца.

Я заколебался, стараясь придумать, чем им помочь. Девочка оказалась красивой малюткой с черными обсидиановыми глазами. Мне понравилось ее личико. Однако в тот самый момент муж погнал ослика мимо меня, и я посмотрел им вслед, беспомощно пожав плечами.

Невозможно горевать за все человечество, сказал я себе. Так же, как нельзя заставлять слушаться твоего совета тех, кто отказывается от него. Я отправился на север не оглядываясь.

Было уже довольно поздно, когда я наконец обогнул холм и увидел у своих ног длинную каменистую косу, уходившую в зеленые болота. Даже с высоты холма нельзя было разглядеть хижину. Она скрывалась в глубине зарослей папируса – крыша у нее была из тростника, поэтому она полностью сливалась с окружающей растительностью. Я побежал вниз по тропинке, прыгая с камня на камень, пока не добрался до воды. До основного русла Нила было далеко, и течение здесь почти не чувствовалось.

У небольшого причала я нашел старую полуразвалившуюся лодку. Она была наполовину затоплена, и мне пришлось вычерпать из нее воду, прежде чем спустить на воду. Затем я стал пробираться по проходу между зарослями папируса, осторожно отталкиваясь шестом. Когда вода стояла низко, хижина была на суше, но теперь у ее опор вода доставала до плеч.

К одной из свай была привязана лодка поновее моей. Она была пуста. Я привязал свою лодку рядом и, забравшись по шаткой лесенке на помост, заглянул в старую охотничью хижину. Свет струился через дыры в соломенной крыше, но это не портило ее, так как у нас, в Верхнем Египте, дождей не бывает.

С того самого дня, как мы с Таном обнаружили эту хижину, я не видел в ней такого беспорядка. Одежда, оружие и кухонная утварь были разбросаны по полу, как обломки доспехов и трупы на поле боя. Вонь винного перегара перебивала даже запах несвежей пищи и немытых тел.

Тела же лежали на грязном матраце в дальнем углу хижины. Я осторожно пробрался по заваленному вещами полу, чтобы осмотреть их. Они были живы. Женщина застонала, заворчала во сне и перевернулась на спину. Она молода, и ее обнаженное тело достаточно соблазнительно. Груди большие, а внизу живота темнела короткая поросль жестких курчавых волос. Однако даже во сне лицо ее казалось грубым и неумным. Тан, без сомнения, нашел ее в одном из портовых притонов.

Он всегда был очень разборчив и никогда не пил много. Эта тварь и множество пустых кувшинов из-под вина, составленных вдоль стен, показывали, как низко он пал. Я посмотрел на него и едва смог узнать. Лицо распухло и заросло нечесаной и немытой бородой. Очевидно, он не брился с тех пор, как я видел его у стен гарема.

Женщина проснулась. Ее глаза остановились на мне, одним ловким кошачьим движением она соскользнула с матраца и бросилась к кинжалу, висевшему на стене рядом со мной. Я выхватил оружие из ножен прежде, чем она дотянулась до него, и выставил вперед обнаженный клинок.

– Уходи, – тихо приказал я. – Иначе ты ощутишь в брюхе нечто такое, чего там еще не бывало.

Она собрала вещи с пола и быстро натянула одежду, злобно разглядывая меня.

– Он не заплатил мне.

– Думаю, ты уже сама щедро вознаградила себя за работу. – Я махнул кинжалом в сторону двери.

– Он обещал мне пять золотых колец.

Ее тон изменился, в голосе слышалась мольба.

– Я уже двадцать дней работаю не покладая рук. Я делала для него все, что только нужно. Готовила, содержала дом в чистоте, обслуживала его и убирала рвоту, когда он напивался. Мне нужно заплатить, я не уйду, пока мне не заплатят...

Я схватил ее за длинные черные волосы и подтолкнул к двери, затем, не выпуская, помог спуститься в худшую из двух лодок, в которой сам приплыл. Как только она оттолкнулась шестом от помоста и я уже не мог ее достать, на меня обрушился такой поток ругательств, что цапли и другие водяные птицы испуганно вылетели из зарослей камыша вокруг нас.

Когда я вернулся к Тану, он даже не пошевелился. Я проверил кувшины. Большая часть из них была пуста, но в трех еще оставалось вино. Мне стало интересно, как ему удалось запасти столько выпивки. Скорее всего послал женщину в Карнак, и какой-нибудь лодочник помог ей. Судя по количеству кувшинов, здесь всему отряду Синего Крокодила хватило бы на полгода. Не мудрено, что Тан находился в таком состоянии.

Я посидел немного рядом с ним на матраце, дав волю сочувствию. Он пытался погубить себя. Я понимал это и не презирал его. Любовь к моей госпоже была столь велика, что Тан не хотел жить без нее.

Разумеется, я также злился на него за то, что он так дурно обошелся с собой и позволил непростительной жалости к самому себе овладеть им. Тем не менее даже в столь жалком состоянии в нем оставалось какое-то благородство, вызывавшее во мне восхищение. В конце концов, не он один был виноват в этом. Моя госпожа тоже пыталась принять яд и умереть. Я понял и простил ее. Разве мог я не понять и не простить Тана? Я печально вздохнул: двое молодых людей были моим единственным достоянием в этом мире. Затем я поднялся на ноги и принялся за работу. Сначала постоял немного над Таном, разжигая в себе злобу, чтобы по-настоящему грубо обойтись с ним. Потом схватил его за ноги и потащил из хижины. Он почти пришел в себя и слабо выругался, но я не обращал внимания на слабые попытки остановить меня и выбросил его через дверь хижины. Тан полетел головой вперед и с оглушительным всплеском ушел под воду. Я подождал, пока он всплыл и, толком не придя в себя, начал барахтаться около лестницы.

Я спрыгнул в воду рядом с ним, схватил обеими руками за волосы и засунул голову под воду. Какое-то время он сопротивлялся слабо и мне удавалось удерживать его под водой. Потом в нем проснулся инстинкт самосохранения, и он начал биться изо всех сил. Меня выбросило из воды и швырнуло в сторону, как веточку во время бури.

С диким рыком Тан выскочил на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, и стал яростно отбиваться от невидимого врага. Ударом кулака он мог оглушить гиппопотама, поэтому я поспешно отошел подальше и наблюдал за ним с безопасного расстояния.

Кашляя и задыхаясь, Тан кое-как добрался до лестницы и повис на ней. Мокрые волосы струились по его лицу, закрывая глаза. Видимо, он сильно наглотался, и я даже почувствовал тревогу. Мое средство могло оказаться слишком сильным. Я уже собрался прийти ему на по-

мощь, как он широко раскрыл рот, и оттуда хлынула вонючая смесь болотной воды и полупереваренного вина. Я был поражен количеством этой отвратительной жидкости.

Он по-прежнему висел на лестнице, захлебываясь от недостатка воздуха. Я подплыл к одной из свай и подождал, пока его вырвало еще раз, а потом сказал, вложив в свои слова все презрение, на которое был способен:

– Моя госпожа Лостра не могла бы не гордиться тобой сейчас.

Он огляделся залитыми водой глазами и наконец увидел меня.

– Проклятие, Таита! Так это ты пытался утопить меня? Идиот, я же мог убить тебя.

– В твоем теперешнем состоянии ты мог навредить только кувшину вина. Боже, какое отвратительное, жалкое зрелище ты собой представляешь! – Я взобрался по лестнице в хижину, оставив его в воде. Он тряс головой и бормотал что-то себе под нос. Я начал убираться в хижине.

Прошло довольно много времени, прежде чем Тан последовал за мной и пристыженно уселся у входа. Не обращая на него внимания, я продолжил уборку, пока наконец ему самому не пришлось нарушить молчание.

– Как ты живешь, дружище? Мне не хватало тебя.

– Другим тебя тоже не хватало. Крату, например. Флотилия билась с врагом в низовьях реки. Им бы пригодился еще один меч. А кроме того, моя госпожа Лостра тоже скучала по тебе. Она говорит о тебе каждый день, и любовь ее по-прежнему чиста и искренна. Интересно, что бы она подумала о той шлюхе, которую я выгнал из твоей постели.

Тан застонал и схватился за голову:

– Ох, Таита, не произноси имени своей госпожи! Мне невыносимо слышать его.

– Так открой кувшин вина и валяйся в собственном дерьме из жалости к себе, – сердито предложил я.

– Я потерял ее навсегда. Что бы ты на моем месте сделал?

– Мне потребовалась бы вера и выдержка, так же как и ей.

Он жалко взглянул на меня:

– Расскажи мне о ней, Таита. Как ее здоровье? Вспоминает ли еще обо мне?

– Это-то как раз и есть самое печальное, – с отвращением проворчал я. – Она больше ни о чем вспоминать не хочет. Готовится к тому дню, когда вы сможете соединиться.

– Этот день не придет никогда. Я потерял ее навсегда и больше не хочу жить.

– Хорошо! – коротко согласился я. – Тогда не будем больше тратить времени. Пойду и скажу госпоже, что ты даже не захотел выслушать ее послание. – Я проскользнул мимо него, скатился по лестнице, прыгнул в лодку и уже собирался оттолкнуться.

– Подожди, Таита! – окликнул он меня. – Вернись.

– Зачем? Ты хочешь умереть? Умирай. Я пришлю бальзамировщиков за трупом.

Он смущенно улыбнулся мне.

– Ладно, я веду себя глупо. Пьянка выбила меня из колеи. Вернись, умоляю тебя. Передай послание Лостры.

С показной неохотой я забрался по лестнице в хижину, и он, слегка пошатываясь, вошел следом за мной.

– Моя госпожа просила сказать тебе, что любовь ее жива и ничто, никакие тяготы не смогли поколебать ее. Она остается и навсегда останется твоей женой.

– Клянусь Гором, мне стыдно слышать это, – пробормотал он.

– Нет, – возразил я, – твой стыд – твоя же выдумка.

Он выхватил из ножен меч, висевший над кроватью, и несколькими ударами разбил кувшины, составленные у дальней стены хижины. С каждым ударом из разбитого кувшина била струя вина и тоненькими струйками сочилась вниз через щели в полу.

Он задыхался, когда снова повернулся ко мне, и я презрительно бросил ему:

– Посмотри на себя, ты опустился настолько, что стал слаб и немощен, как старый жрец...

– Хватит, Таита! Ты достаточно наговорил. Не смей больше смеяться надо мной, или пеняй на себя.

Я увидел, что он разозлился. Этого я, собственно, и добивался. Оскорбления заставили его прийти в себя.

– Госпожа моя хочет, чтобы ты принял вызов фараона и через пять лет, когда она будет свободна, живой и увенчанный почестями, соединился с ней.

– Через пять лет? О чем ты говоришь, Таита? Разве наши мучения когда-нибудь кончатся?

– Я обратился к лабиринтам по просьбе фараона. Он умрет через пять лет, – просто сказал я. Тан с благоговейным страхом уставился на меня. Я увидел, как сотни разных чувств сменялись на его лице. Его настроение было так же легко читать, как иероглифы на свитке папируса.

– Лабиринты! – прошептал он наконец. Когда-то давно он сомневался в моих способностях, но теперь верил в них даже больше, чем моя госпожа. Он слишком часто видел, как мои сны сбываются.

– Можешь ли ты ждать так долго свою возлюбленную? – спросил я. – Госпожа моя клянется, что готова ждать тебя целую вечность. Можешь ли ты прождать ее всего пять лет?

– А она обещала ждать?

– Целую вечность, – повторил я, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. Я бы не выдержал такого зрелища. По крайней мере не смог бы смотреть ему в глаза, поэтому поспешно продолжил: – Разве ты не хочешь услышать, какое видение мне послали лабиринты?

Тан проглотил слезы.

– Да, да, хочу, – горячо ответил он. И мы начали говорить. Мы беседовали до наступления темноты.

Я рассказал ему то же, что и госпоже Лостре, все те подробности о ее отце, которые раньше скрывал от них. Когда же я наконец подробно поведал о том, как был разорен и погублен его отец, Пианки, вельможа Харраб, Тан разозлился настолько, что ярость выжгла последние следы хмеля из сознания, и когда над болотами начало светать, его решимости не было предела.

– Давай же скорее примемся за выполнение твоего плана. Он кажется мне совершенно правильным.

Тан поднялся и подпоясался мечом. Хотя я считал, что ему следовало бы отдохнуть немного и оправиться от долгого кутежа, он не желал даже слышать об этом.

– Нужно немедленно отправляться в Карнак. Крат ждет нас, страстное желание отомстить за отца и увидеть возлюбленную огнем горит в моей груди.

Как только мы вышли из болот, Тан пошел впереди меня по каменистой тропе, а я бегом следовал за ним. Когда солнце появилось из-за горизонта, пот заструился у него по груди и спине, промочив пояс юбки. Казалось, тело очищается от кислого старого вина. Хотя я и слышал, как тяжело он дышит, Тан ни разу не остановился отдохнуть и не сбавил шага. Не задерживаясь ни на секунду, бежал сквозь иссушающий жаркий воздух пустыни.

Скоро я остановил его окриком, и мы встали рядом, плечом к плечу, глядя вперед. Мое внимание привлекли птицы. Я увидел движение их крыльев вдалеке.

– Стервятники, – прохрипел Тан, задыхаясь. – Они нашли какую-то мертвечину в скалах.

Он обнажил меч, и мы осторожно пошли вперед.

Первым мы обнаружили мужчину и согнали с него стервятника, который поднял целую бурю ударами крыльев. По гриве светлых волос я узнал путника, встреченного по дороге к хижине за день до этого. От лица его ничего не осталось: он лежал на спине, и птицы сожрали всю плоть до кости. Они выклевали глаза, и теперь пустые глазницы смотрели в безоблачное синее небо.

Губы исчезли, и окровавленные зубы смеялись глупой шутке нашей краткой жизни. Тан перевернул его на живот, и мы увидели колотые раны на спине, причину смерти. Их было по меньшей мере с дюжину.

– Кто бы ни убил его, он явно постарался сделать свою работу наверняка, – заметил Тан тоном привыкшего к смерти воина.

Я пошел дальше в скалы, и передо мной поднялось черное гудящее облако мух, слетевших с тела женщины. Не могу понять, откуда появляются мухи, они словно материализуются из воздуха в жгучей жаре пустыни. Я понял, что у нее случился выкидыш, пока разбойники забавлялись с ней. Они, наверное, оставили ее живой. Из последних сил она взяла ребенка на руки, прижала его к себе и умерла, прислонившись грудью к огромному камню, защищая своего мертворожденного ребенка от стервятников.

Я продолжил путь по обломкам скал, и снова гудение мух указало мне, куда разбойники оттащили девочку. Тут по крайней мере у одного из них хватило сочувствия перерезать ей горло, и она не осталась умирать на жаре от потери крови.

Муха села мне на губу. Я смахнул ее и заплакал. Когда Тан подошел, я все еще не мог успокоиться.

– Ты знал их? – спросил он.

Я кивнул и прокашлялся.

– Встретил их вчера по дороге к хижине. Пытался предупредить... – Я остановился, мне было трудно говорить. – У них был ослик. Сорокопуты, наверное, забрали его.

Тан кивнул с абсолютно пустым выражением лица, отвернулся и быстро оглядел скалы.

– Сюда! – позвал он и побежал, направляясь в каменистую пустыню.

– Тан! – закричал я ему вслед. – Крат ждет нас...

Он не обратил ни малейшего внимания, и оставалось только последовать за ним. Я скоро догнал его, когда он потерял отпечатки копыт ослика на каменистой почве и был вынужден искать продолжение следа.

– Я горюю об этой семье даже больше, чем ты, – настаивал я. – Это же глупо. У нас нет времени. Крат ждет нас.

Он оборвал меня, не взглянув в мою сторону:

– Сколько было ребенку? Не более девяти лет? У меня всегда найдется время, чтобы восстановить справедливость. – Лицо его выражало холодное желание отомстить. Прежняя, крепкая воля вернулась к нему. Я понял, что спорить бесполезно.

Образ маленькой девочки все еще стоял перед моими глазами. Я присоединился к Тану, и мы снова нашли след. Теперь, когда работали вместе, двигались вперед гораздо быстрее.

Мы с Таном преследовали газелей, антилоп и даже льва, а на охоте оба прекрасно овладели эзотерическим искусством следопыта. Работали в паре и бежали по обе стороны следов, оставленных нашей дичью, знаками показывая любой поворот или изменение следа. Очень скоро наша дичь вышла на грубую, плохо битую тропу, которая шла на восток от реки в глубину пустыни. На тропе стало гораздо легче.

Было около полудня, и наши фляги уже опустели, когда мы наконец увидели тех, кого искали, далеко впереди. Разбойников было пятеро, они вели с собой ослика. Очевидно, не ожидали, что кто-то будет преследовать в пустыне – их крепости, и шли беззаботно. Даже не подумали об охране в арьергарде.

Тан потянул меня за скалу и, пока мы переводили дыхание, прорычал:

– Обойдем их. Я хочу увидеть лица.

Он вскочил на ноги и повел меня в обход. Мы перегнали шайку сорокопутов, двигаясь вне поля их зрения. Потом резко свернули и вышли на тропу впереди. Тан опытным глазом воина нашел безупречное место для засады.

Мы издалека услышали цокот копыт ослика и певучие звуки голосов. Пока ждали, у меня впервые появилась возможность задуматься, благоразумно ли мы поступили, отправившись преследовать их. Когда же отряд сорокопутов появился перед нами, у меня выросла уверенность, что мы явно поторопились. Они казались шайкой самых отъявленных убийц, каких мне когда-либо приходилось видеть. А вооружен я был только маленьким красивым кинжальчиком.

Неподалеку от нас высокий бородатый кочевник, который явно возглавлял шайку, внезапно остановился и приказал одному из разбойников снять с ослика бурдюки с водой. Он отпил первым, а потом передал бурдюк остальным. Я невольно сглотнул, когда увидел, как он пьет драгоценную влагу.

– Клянусь Гором, я вижу следы крови женщины на их одежде. Если бы только Ланата была со мной, – прошептал Тан, прячась за скалой, – я пустил бы стрелу ему в брюхо и вылил оттуда воду, как из ведра. – Потом положил руку мне на запястье. – Не двигайся раньше меня, слышишь? Не нужно геройства. Понятно? – Я горячо закивал ему, так как не имел ни малейшего желания возражать против таких разумных указаний.

Сорокопуты пошли дальше и поравнялись с нами. Все они были хорошо вооружены. Кочевник шел впереди. Меч в ножнах висел у него за спиной, а рукоятка торчала из-за левого плеча. Он обмотал капюшон вокруг головы, чтобы защититься от палящих лучей солнца, и поэтому не заметил нас, хотя прошел совсем близко.

Двое разбойников шли за ним по пятам. Один из них вел в поводу ослика. Остальные лениво брели сзади, увлеченные бесконечным спором из-за золотого украшения, снятого с убитой женщины. Оружие их было в ножнах, если не считать коротких копий с бронзовыми наконечниками, которые замыкающие отряд несли в руках.

Тан пропустил всех разбойников вперед, а затем тихо встал и пошел за двумя последними. Казалось, что он движется небрежно, как леопард, но я не успел перевести дыхание, как он взмахнул мечом над шеей правого разбойника.

Хотя я и намеревался полностью поддержать Тана в этой схватке, каким-то образом намерения мои не перешли в реальные действия, и я продолжал прятаться за крепкой скалой. Оправдывался тем, что мог бы помешать ему, если бы шел слишком близко.

Никогда раньше не видел, как Тан убивает людей, хотя и понимал, что при его профессии за многие годы была возможность отточить омерзительную ловкость, с которой это делается. Тем не менее быстрота поразила меня. Под его ударом голова жертвы прыгнула с плеч, как заяц пустыни из своего укрытия, и обезглавленное тело успело сделать еще шаг, прежде чем ноги подогнулись и оно упало. Когда меч описал полную дугу, Тан мгновенно взмахнул им снова. Точно таким же движением он ударил с противоположной стороны по шее другого разбойника, и новая голова так же быстро повалилась на землю, а тело тихо опустилось вперед, извергая фонтан крови.

Плеск крови и звук тяжелого удара от падения двух обезглавленных тел на каменистую землю потревожил остальных. Они обернулись и на какое-то мгновение застыли, ошеломленные неожиданным кровавым нападением. Затем с диким воплем обнажили мечи и как один ринулись на Тана. Вместо того чтобы отступить, он свирепо бросился вперед и сумел разделить их. Ударил мечом одного, которого сумел отогнать от двух его товарищей, и нанес ему рубленую рану. Разбойник завизжал и повалился назад. Однако прежде чем Тан успел прикончить его, двое других набросились сзади. Тану пришлось повернуться и сражаться с ними. Бронза ударилась о бронзу, и Тан остановил разбойников. Он держал их на расстоянии протянутого клинка, отбиваясь по очереди то от одного, то от другого, пока легко раненный противник не пришел в себя и не стал приближаться к нему со спины.

– Сзади! – заорал я, и Тан вовремя обернулся, успев отбить удар меча. В то же самое мгновение двое других набросились на него, и ему пришлось отступить. Теперь Тану приходи-

лось защищаться с трех сторон. У меня захватило дыхание от того, с какой виртуозной ловкостью он орудовал мечом. Его клинок мелькал так быстро, что, казалось, он возвел вокруг себя сверкающую бронзовую стену, о которую тщетно бились клинки врагов.

Потом я вдруг понял, что Тан начинает уставать. Пот струился по его телу, а лицо искажала гримаса напряжения. Долгий кутеж и разврат сильно поубавили силы и выносливость, когда-то казавшиеся бесконечными.

Он отступил после очередной атаки, которую провел бородатый кочевник, и наконец оказался прижатым спиной к огромной скале с противоположной стороны дороги. Скала защищала спину, и теперь все трое нападавших были вынуждены атаковать спереди. Однако это не давало ему передышки. Возглавляемые кочевником, разбойники выли, как стая диких собак, и нападали непрерывно. Правая рука Тана начала уставать, и меч уже двигался медленнее.

Копье первого из разбойников, обезглавленных Таном, лежало посреди дороги. Я понял, что должен сделать что-то, если не хочу увидеть, как Тана разрубят на куски на моих глазах. Огромным усилием воли я попытался вернуть себе ускользающее мужество и выполз из своего укрытия. Сорокопуты забыли обо мне в горячке боя и смертельной ненависти к врагу, и я успел подобрать копье незамеченным. Когда схватил его, тяжесть древка в руке вернула мне уверенность в своих силах.

Кочевник был самым опасным из троих противников Тана и стоял ближе остальных. Спина была обращена ко мне, а внимание поглощал неравный бой. Я наклонил копье вперед и бросился на него.

Почки – самая уязвимая мишень на человеческой спине. С моим знанием анатомии мне ничего не стоило точно нанести удар. Копье вошло в спину в одном пальце от хребта. Широкий бронзовый наконечник образовал огромную зияющую рану, и я свирепым движением копья размозжил врагу почку, как учил меня Тан. Боль парализовала кочевника, меч выпал из его рук, и он повалился на землю с таким ужасным воплем, что его ошеломленные товарищи замерли на месте, а у Тана появился шанс.

Следующим ударом Тан поразил одного разбойника в середину груди. Несмотря на усталость, удар был настолько силен, что острие меча проткнуло туловище насквозь и вышло на ладонь из спины. Прежде чем Тан успел вытащить клинок из крепких объятий плоти и убить последнего сорокопута, тот бросился бежать.

Тан сделал несколько шагов за ним следом, а затем, задыхаясь, проговорил:

– Мне не поймать. Догони его, Таита, не дай этому грязному шакалу уйти.

Мало кто может обойти меня в беге. Тан на это способен, но только в прекрасном состоянии сил. Я уперся в спину кочевника и выдернул свое копье, а потом побежал следом за разбойником.

Я догнал его раньше, чем он успел уйти на двести шагов. Бежал я так легко, что враг даже не расслышал моего приближения. Острием копья я перерубил сухожилие над пяткой, и он повалился на землю. Меч отлетел в сторону. Разбойник лежал на спине, пинался и вопил, а я плясал вокруг него и колол кончиком копья, выбирая положение для смертоносного удара.

– Которая из женщин тебе понравилась больше? – спросил я, уколов в бедро. – Мать с огромным животом или маленькая девочка? Она была крепенькой, правда?

– Пощади меня! Я ничего не делал с ними. Это все другие. Не убивай меня.

– На твоей юбке засохла кровь, – сказал я и ударил в живот, но не сильно. – А ребенок кричал так же громко, как и ты сейчас?

Когда он свернулся клубком после удара в живот, я ударил в хребет, и по счастливой случайности наконечник вошел между позвонками. Его мгновенно парализовало ниже пояса, и я спокойно сделал шаг назад.

– Очень хорошо. Ты не хочешь, чтобы я убивал тебя? Я и не убью. Этого тебе было бы мало.

Повернулся и пошел к Тану. Искалеченный сорокопут некоторое время пытался ползти за мной, волоча парализованные ноги, как рыбаки тащат пару крупных карпов. Затем силы его иссякли, и он, хныча, растянулся на земле. Хотя было уже далеко за полдень, солнце убьет его раньше заката.

Тан с любопытством посмотрел на меня, когда я подошел.

– Никогда бы не подумал, что ты способен на жестокость. – Он застыл в изумлении. – Ты не перестаешь удивлять меня.

Тан стащил бурдюк с водой с ослика и предложил мне, но я покачал головой:

– Сначала ты. Тебе это нужно больше, чем мне.

Он начал пить, и глаза его закрылись от наслаждения. Потом резко перевел дыхание.

– Клянусь сладостным дыханием Исиды, ты прав. Я слаб, как старуха. Даже такая мелкая стычка чуть не стоила мне жизни. – Потом он посмотрел на лежащие вокруг трупы и довольно ухмыльнулся: – В общем-то это неплохое начало работы, порученной нам фараоном.

– Это худшее из возможных начал, – возразил я и, когда Тан удивленно поднял бровь, продолжил: – Нам следовало оставить в живых хотя бы одного из сорокопутов, чтобы он показал гнездо. Даже вон тот, – я жестом показал на умирающего среди камней разбойника, – слишком тяжело ранен и не может быть для нас полезным. Это моя вина. Я позволил гневу овладеть мною. Мы больше не сделаем подобных ошибок.

Уже на полпути к тому месту, где мы оставили тела убитого семейства, моя природа взяла свое, и я начал сожалеть о том, что жестоко обошелся с искалеченным разбойником.

– В конце концов, он человек, как и мы с тобой, – сказал я Тану, а тот фыркнул:

– Это тварь, мерзкая тварь, а не человек, и ты поступил правильно. Ты слишком долго горюешь о нем. Скажи лучше, зачем нам возвращаться к этим трупам? Не лучше ли отправиться прямо в лагерь Крата?

– Мне нужно тело мужчины, – произнес я, ничего не объясняя, пока мы не подошли к изуродованному трупу. Останки начали вонять. Стервятники почти не оставили мяса на костях.

– Посмотри на голову, – сказал я Тану. – У кого из твоих знакомых похожая грива? – Сначала он посмотрел на меня озадаченно, а потом вдруг усмехнулся и провел пальцами по своим густым курчавым волосам. – Помоги мне погрузить его на ослика, – приказал я. – Крат отвезет тело в Карнак гробовщикам, чтобы те забальзамировали. Мы заплатим за хорошие похороны и усыпальницу и напишем твое имя на ее стенах. На закате завтрашнего дня все Фивы будут знать, что Тан, вельможа Харраб, погиб в пустыне и был наполовину съеден птицами.

– Если Лостра узнает об этом... – Тан заволновался.

– Я предупрежу ее письмом. Преимущество, данное нам твоей смертью, намного перевесит опасность встревожить мою госпожу.

Крат со своим отрядом остановился в первом оазисе на караванной тропе к Красному морю на расстоянии одного дня пути от Карнака. В отряде было сто человек из стражи Синего Крокодила, и всех их тщательно отобрали по моим указаниям. Мы с Таном добрались до лагеря в середине ночи. Упали на рогожи у костра и проспали до рассвета. С первыми лучами солнца Тан поднялся и пошел здороваться со своими воинами. Все они не скрывали радости при виде командира. Помощники обнимали его, рядовые приветствовали криками и гордо ухмылялись, когда он каждого называл по имени.

За завтраком Тан приказал Крату доставить разлагающиеся останки в Карнак и устроить похороны так, чтобы весть о его гибели распространилась повсюду. Я отдал Крату письмо для госпожи Лостры. Он должен был найти надежного посланника, который отнесет его вверх по реке в Элефантину.

Крат отобрал десять человек, и они приготовились отправиться в путь с «ароматной» ношей на спине ослика по дороге к Нилу и Фивам.

– Постарайся догнать нас на пути к Красному морю. Если не сможешь, мы будем стоять в оазисе Гебель-Нагара. Мы подождем тебя там, – крикнул Тан ему вслед, когда отряд трусцой покинул лагерь, – и не забудь принести мой лук Ланату.

Как только Крат со своим отрядом исчез за гребнем холма на западе, Тан построил остальных воинов и повел их в противоположном направлении по караванному пути к морю.

Караванный путь от берегов Нила к берегам Красного моря тяжел, долог и труден. Большому каравану на него обычно требуется около двадцати дней. Мы прошли это расстояние за четыре, так как Тан гнал нас вперед короткими, быстрыми переходами. В начале пути только я и Тан во всем отряде не могли похвастаться особой выносливостью. Однако к тому времени, когда мы достигли Гебель-Нагара, Тан успел выжечь лишний жир и выгнал с потом остатки винного яда из своего тела. Он снова стал сухим и сильным.

Что касается меня, то я впервые в жизни совершал переход с боевым отрядом. В течение первых дней я испытал все муки ада: жажду и мышечную боль, кровавые мозоли и усталость – наверное, душа умершего испытывает их по дороге в мир иной. Однако гордость моя не позволяла отставать от воинов, а кроме того, отбиться от отряда в этих диких и суровых местах означало бы верную смерть. С удивлением и радостью через несколько дней я обнаружил, что мне становится все легче и легче держаться в рядах бегущих воинов.

По дороге к Красному морю мы встретили два больших каравана, двигавшихся к Нилу. Кривоногих осликов, нагруженных огромными тюками товаров, окружала многочисленная охрана, по числу своему превосходившая количество торговцев и погонщиков животных. Ни один караван не мог считать себя в безопасности, если его не сопровождал большой отряд наемников вроде этого, – иначе торговцам приходилось платить грабительскую дань, требуемую сорокопутами с них за проход через пустыню.

Когда мы встречались с незнакомцами, Тан натягивал платок на голову, чтобы скрыть лицо и светлые волосы. Он был слишком заметен и не хотел рисковать. Если бы его узнали, до Карнака дошла бы весть, что он жив. Мы не отвечали на приветствия и вопросы, которыми осыпали нас путешественники, и быстро в высокомерном молчании бежали мимо, даже не глядя в их сторону.

Когда до морского побережья нас отделял всего день пути, мы оставили основной путь и повернули на юг по древней заброшенной тропе, показанной мне несколько лет назад диким кочевником, с которым я подружился. Колодцы Гебель-Нагара лежали на старом караванном пути, и их редко посещали люди, если не считать бедуинов и разбойников пустыни, а их трудно назвать людьми.

К тому времени, когда мы достигли колодцев, я казался себе как никогда стройным и физически сильным и только сожалел о том, что у меня нет зеркала: новая энергия и сила, которые я чувствовал в себе, должны были отразиться на моем лице и увеличить его красоту. Я бы с удовольствием воспользовался возможностью полюбоваться собой. Однако недостатка в желающих насладиться мной не было. По вечерам у костров многие бросали на меня похотливые взгляды, и я получил немало тайных предложений от товарищей по отряду, поскольку даже эти избранные войска были поражены половыми извращениями, распространившимися в нашем обществе.

Ночью я не расставался со своим кинжалом. Когда однажды я пощекотал нежеланного гостя, его крики вызвали бурную радость всех окружающих. После этого я был избавлен от досадных приставаний.

Когда мы достигли колодцев, Тан не дал отдохнуть. Пока ждали Крата, он заставлял людей упражняться во владении оружием и соревноваться в стрельбе из лука, борьбе и беге. Я с радостью отметил, что Крат набрал людей в строгом соответствии с моими указаниями. Среди них не было ни одного крупного парня. Если не считать Тана, все они были небольшими, ловкими ребятами, прекрасно подходившими к той роли, которую я для них задумал.

Крат прибыл через два дня. Если учесть время на возвращение в Карнак и необходимые хлопоты по нашему с Таном заданию, это означало, что он сумел пройти этот путь быстрее нас.

– Что тебя задержало? – приветствовал его Тан. – Тебе попалась по дороге любезная девица?

– Нет, у меня было две тяжелые ноши, – ответил Крат, обнимая друга. – Твой лук и ястребиная печать. Я рад избавиться от обеих. – И с радостной улыбкой вручил Тану оружие и статуэтку.

Тан немедленно схватил лук Ланату и отправился в пустыню. Я пошел с ним и помог выследить стадо газелей. Эти ловкие хитрые существа стремительно неслись длинными прыжками. Я был поражен тем, как Тан подбил дюжину газелей на бегу, выпустив всего дюжину стрел. Той ночью мы устроили пир, поджарив на вертеле печень и лучшие куски мяса, и обсудили следующий этап моего плана.

Утром мы оставили Крата с отрядом в оазисе и вдвоем с Таном пошли на побережье. Отправились в маленькую рыбацкую деревушку, до которой было всего полдня пути. Днем взошли на последний холм, и перед нами открылось сверкающее пространство моря. С высоты холма виднелись очертания коралловых рифов под бирюзовой водой.

Как только мы вошли в деревушку, Тан позвал старосту. Внешность его излучала такую силу и власть, что старик быстро прибежал к нам. Когда Тан показал ему ястребиную печать, тот простерся на земле, как будто сам фараон стоял перед ним, и с такой силой ударился о глину, что я испугался, как бы он не повредил себе голову. Я помог ему подняться на ноги, и староста привел нас в лучшее жилище в деревне – собственную хижину, выгнав многочисленное семейство на улицу, чтобы освободить для нас место.

Когда мы съели котелок рыбной похлебки, которую поставил перед нами хозяин, и выпили по чаше великолепного пальмового вина, мы с Таном отправились на ослепительно белый песчаный пляж, где смыли пыль и пот пустыни в теплых водах лагуны, образованной неровной стеной кораллов, протянувшихся вдоль берега. Позади нас возвышалась изломанная гряда холмов, лишенных всякого намека на растительность. Их очертания вырисовывались в голубом небе пустыни.

Море, горы и небо ошеломляли великолепием. Однако у меня почти не осталось времени насладиться их видом, так как начали возвращаться рыбацкие лодки. Пять небольших старых посудин с парусами, сплетенными из пальмовых листьев, шли в лагуну через проход в рифах. Они были настолько нагружены рыбой, что, казалось, потонут, так и не достигнув берега.

Меня всегда восхищает щедрость, с которой боги заставляют природу снабжать нас своими дарами, поэтому я жадно осматривал каждую пойманную рыбу, когда ее бросали на берег, и расспрашивал рыбаков о сотнях различных рыб. Куча рыбы на берегу напоминала гору сокровищ, сверкающих всеми цветами радуги, и я пожалел о том, что у меня не было с собой свитков и письменных принадлежностей, чтобы запечатлеть все это.

Однако перерыв был весьма коротким. Как только улов оказался на берегу, я взошел на одну из маленьких посудин, которая ароматом выдавала свое предназначение, и, махнув рукой Тану, отправился на ней через проход в рифах. Тан должен был оставаться в деревне, пока я не вернусь со всем необходимым. Я спрятал друга здесь, чтобы его случайно не узнали в городе, куда я направлялся. Теперь ему нужно было позаботиться о том, чтобы никто из рыбаков или членов их семей не улизнул тайком в пустыню и не сообщил о присутствии в деревне вельможи со светлыми волосами, у которого в руках ястребиная печать фараона.

Маленькая посудина задрала нос на первой же морской волне, кормчий повернул бортом к ветру, и мы пошли на север параллельно страшному серому берегу. Путь нам предстоял недолгий, и еще до наступления темноты кормчий показал мне впереди группу каменных зданий порта Сафага на далеком берегу.

Тысячу лет в Сафаге сходилась вся торговля между странами Востока и Верхним царством. Стоя на носу маленькой лодки, я видел вдалеке силуэты более крупных кораблей, ходивших между Сафагой и портами на аравийском берегу неширокого моря.

К тому времени, когда я сошел на песчаный берег Сафаги, было уже темно, и никто, казалось, не заметил моего прибытия. Я хорошо знал, куда мне идти, так как часто посещал этот порт по торговым делам вельможи Интефа. В этот час улицы города были пустынны, а кабаки битком забиты. Я быстро прошел к дому торговца Тиамата. Он был богачом и владел самым большим домом в старом городе. Вооруженный раб преградил мне дорогу у дверей.

– Скажи хозяину, что здесь хирург из Карнака, спасший ему ногу, – приказал я, и скоро сам Тиамат, хромая, вышел мне навстречу. Его ошеломил мой жреческий наряд, но хватило здравого смысла не говорить о нем и не называть моего имени перед рабом. Он отвел меня во внутренний сад дворца. Как только мы остались одни, воскликнул:

– Неужели это ты, Таита? До меня дошел слух, что ты убит сорокопутами в Элефантине.

Тиамат был крупным мужчиной средних лет с открытым и умным лицом и проницательными глазами. Несколько лет назад его принесли ко мне на носилках. Небольшая группа путешественников нашла Тиамата на дороге, где его оставили умирать сорокопуты, ограбив принадлежавший ему караван. Я сшил заново изуродованное тело и даже умудрился спасти ногу, в которой уже началась гангрена. С тех пор он навсегда остался хромым.

– Я рад убедиться, что сообщение о твоей смерти оказалось преждевременным, – усмехнулся он и, хлопнув в ладоши, приказал рабам принести мне чашу холодного шербета и блюдо с инжиром и финиками в меду.

После приличествующего случаю разговора он тихо спросил меня:

– Могу ли я чем-нибудь помочь тебе? Я обязан тебе жизнью. Спрашивай. Мой дом – твой дом, мое имущество – твое имущество.

– Меня привело сюда дело царя, – сказал я и достал из складок одежды ястребиную печать.

Выражение лица его стало серьезным.

– Я признаю печать фараона, но тебе нет необходимости показывать ее. Спрашивай, что тебе нужно. Я не могу отказать тебе.

Он выслушал все, не произнося ни слова, а затем, когда я закончил, вызвал приказчика и при мне дал ему нужные указания. Перед тем как отослать его, Тиамат повернулся ко мне и спросил:

– Я ничего не забыл? Тебе нужно что-нибудь еще?

– Твоей щедрости нет предела, однако мне не хватает одного: я истосковался по письменным принадлежностям.

Тиамат повернулся к приказчику:

– Проследи, чтобы в одном из тюков были свитки, кисти и краски для рисования.

Когда приказчик ушел, мы остались в саду и разговаривали еще половину ночи. Тиамат жил в самом центре оживленного торгового пути в Верхнее царство и знал все слухи, которые появлялись в самых отдаленных краях царства, а также приходили из-за моря. За те несколько часов в саду я узнал больше, чем за целый месяц во дворце на Элефантине.

– Ты по-прежнему платишь сорокопутам за пропуск караванов? – спросил я, и он смиренно пожал плечами:

– Разве есть у меня другой выбор после того, что они сделали с моей ногой? С каждым годом их требования становятся все более нестерпимыми. Я должен платить четверть стоимости товара, как только караван выходит из Сафаги, и отдавать половину прибыли после продажи товаров в Фивах. Они скоро всех пустят по миру. Караванные пути зарастут травой, и торговля в нашем царстве завянет и умрет.

– Как вы платите им? Как вы определяете размеры дани и кто берет ее?

– У них есть шпионы в порту. Они осматривают любой груз до того, как он окажется на берегу. Знают, что везет каждый караван, еще до того, как он покинет Сафагу. Прежде чем караван пройдет первый перевал, его встретит на дороге один из вождей разбойников и потребует установленную ими дань.

Было уже за полночь, когда Тиамат позвал раба, чтобы тот посветил мне и проводил в комнату, где я проведу ночь.

– Когда ты покинешь мой дом завтра утром, я еще буду спать. – Тиамат обнял меня. – Прощай, дорогой друг. Я никогда не смогу полностью отплатить за то, что ты сделал для меня. Приходи ко мне. Я выполню все, что тебе нужно.

Тот же раб разбудил меня еще до рассвета и проводил к берегу моря. В лагуне стоял на якоре превосходный корабль, принадлежавший Тиамату. Кормчий корабля поднял якорь, как только я поднялся на борт.

Еще до полудня мы прошли по проходу через коралловые рифы и бросили якорь перед маленькой рыбацкой деревней, где Тан ожидал меня на пляже.

За время моего отсутствия Тан сумел раздобыть шесть тощих осликов. Матросы с корабля Тиамата перенесли на берег тюки, которые мы привезли из Сафаги, и погрузили на этих жалких животных. Мы с Таном оставили кормчего торгового судна в гавани со строгим приказом дожидаться нашего возвращения, а затем, ведя в поводу цепочку ослов, направились в глубь пустыни к колодцам Гебель-Нагара.

Люди Крата с трудом переносили жару и нашествие песчаных блох и скучали, а потому приветствовали нас такими громкими криками, как будто мы отсутствовали по меньшей мере год. Тан приказал Крату построить их. Воины внимательно разглядывали, как я распаковываю первый тюк. Их интерес мгновенно сменился изумленным весельем, когда я разложил перед ними наряд девушки-рабыни. Изумление, в свою очередь, сменилось гулом разговоров и споров, так как все последующие тюки содержали еще семьдесят девять роскошных женских нарядов.

Крат и два его помощника помогли мне разложить эти наряды на песке перед каждым из стражников, и Тан отдал приказ:

– Раздеться! Надеть одежду, лежащую перед вами!

В ответ раздались крики возражения и недоверчивые смешки. Воины подчинились, только когда Крат со своими помощниками прошел вдоль рядов с наигранно суровым выражением лица.

В отличие от наших женщин, которые одеваются легко и часто оставляют обнаженными грудь и ноги, женщины Ассирии носят длинные юбки до самой земли и одежду с рукавами, скрывающими их руки до самых запястий. Мужчины из ревности и неверно понятого чувства скромности заставляют женщин прятать лица, когда они выходят из дома. И в этом тоже существует различие между солнечным Египтом и суровыми странами, где вода падает с неба и твердеет белыми камнями на вершинах гор, а ветры студят плоть и кости, как смерть.

Как только воины немного оправились от первого потрясения, вызванного видом товарищей в женской одежде, они тут же приняли правила игры. Очень скоро в лагере весело прыгали восемьдесят девушек-рабынь, пряча лица под покрывалами. Они плясали и бегали мелкими

шажками в длинных юбках, щипали друг дружку за ягодицы и строили глазки Тану и его помощникам.

Помощники Тана уже не могли сохранять серьезность. Хотя, возможно, это и вызвано обстоятельствами моей жизни, но мужчины, одетые женщинами, внушают мне смутное отвращение. Мне очень странно видеть, что немногие разделяют мои чувства по этому поводу. Достаточно какому-нибудь негодяю натянуть юбку, и все присутствующие тут же начинают глупо хохотать.

Крат выбрал самых малорослых и стройных воинов флотилии. Теперь, оглядывая их, я был абсолютно уверен, что они смогут обмануть постороннего наблюдателя. Их только надо немного подучить женским повадкам. Среди всеобщего веселья я поздравил себя за находчивость.

На следующее утро наш странный караван прошел через маленькую рыбацкую деревушку и по извилистой дороге спустился к песчаному берегу, где нас ожидало торговое судно. Крат и восемнадцать его помощников составляли охрану каравана. Полное ее отсутствие при таком драгоценном грузе наверняка вызвало бы подозрения. Девяти вооруженных людей в разношерстной одежде, как и полагается наемникам, будет вполне достаточно, хотя они, конечно, не смогут отпугнуть большую шайку сорокопутов.

Во главе каравана шагал Тан, нарядившись богатым купцом из-за Евфрата. Борода его стала густой и длинной за последние несколько месяцев, а я завил ее колечками по обычаю ассирийцев. Многие люди того района Азии, особенно жители высоких гор к северу от Евфрата, имеют тот же цвет кожи, что и Тан, и его внешность точно соответствовала роли, которую я для него выбрал.

Я всюду следовал за ним. Подавив отвращение к женской одежде, надел длинные юбки, покрывала и аляповатые украшения жены ассирийца. Мне совсем не хотелось, чтобы меня узнали по возвращении в Сафагу.

Наше путешествие немного оживила морская болезнь, поразившая большинство «рабынь» и «охранников», привыкших плавать по гладким водам Великой реки. Один раз столько воинов собралось платить дань морским богам по левому борту, что корабль дал заметный крен.

Все мы с большим облегчением высадились в Сафаге, где вызвали всеобщее возбуждение. Ассирийские девушки славятся своей ловкостью в постели, говорят, что некоторые из них способны на такие штуки, что вернут к жизни и тысячелетнюю мумию. Разумеется, каждому, кто смотрел, как мы сходим на берег, казалось, будто под покрывалами прячутся настоящие жемчужины женской красоты. Ловкий азиатский купец не станет везти свои товары так далеко и тратиться на путешествие и охрану, если не рассчитывает получить кругленькую сумму на рынках рабов Египта.

Один из купцов Сафаги тут же подошел к Тану и предложил купить у него на месте всю стайку девушек и избавить его от тяжелого путешествия через пустыню с таким грузом. Тан отмахнулся от него с презрительной усмешкой.

– Тебя предупреждали об опасностях, ожидающих путников в пустыне? – настаивал купец. – Перед тем как ты достигнешь Нила, тебе придется заплатить выкуп за проход по караванному пути, поглотивший большую часть прибыли.

– Кто заставит меня платить? – спросил его Тан. – Я плачу только то, что задолжал.

– Те, кто охраняет дорогу, – предостерег его купец. – И даже если ты заплатишь столько, сколько они запросят, ты не можешь быть уверен, что целым и невредимым пройдешь через пустыню. Ведь твой товар так соблазнителен. Стервятники, живущие на караванном пути к Нилу, так разжирели на трупах упрямых купцов, что едва поднимаются в воздух. Продай девушек сейчас и получишь хорошую прибыль...

– У меня вооруженная охрана, – ответил Тан и показал на Крата и его маленький отряд, – которая справится с любыми грабителями.

Свидетели разговора захихикали и начали толкаться локтями, услышав эту похвальбу.

Купец пожал плечами:

– Ладно, мой храбрый друг. Во время своего следующего путешествия через пустыню я поищу твой скелет у дороги. Смогу узнать по сверкающей красной бороде.

Тиамат, как и обещал, приготовил сорок ослов. Двадцать из них несли бурдюки с водой, на остальных были вьючные седла для тюков и узлов, которые мы вынесли на берег с торгового судна.

Я позаботился о том, чтобы мы как можно меньше времени провели в городе под любопытными взглядами толпы. Достаточно будет хотя бы одной из наших «рабынь» выдать ее настоящий пол, и все сорвется. Крат со своим отрядом охраны погнал их по узким улочкам, отталкивая в сторону прохожих и следя за тем, чтобы «рабыни» прятали лица и не поднимали глаз и чтобы никто не ответил хриплым голосом на похабные шутки, которые преследовали нас. Наконец мы вышли из города и оказались в пустыне.

Мы встали лагерем на ночь в виду Сафаги. Хотя я и не ожидал нападения до тех пор, пока мы не преодолеем первого ущелья, был уверен, что шпионы сорокопутов уже следят за нами.

Пока было светло, я проследил, чтобы «рабыни» вели себя, как полагается женщинам, то есть скрывали свои лица и тела, а направляясь в ближайший овраг справлять нужду, они должны были садиться на корточки, а не мочиться стоя, пуская струю на целый шаг.

Только с наступлением темноты Тан приказал снять тюки с ослов, раскрыть их и раздать оружие, которое в них было спрятано. Каждая «рабыня» улеглась спать со своим луком, стрелами и мечом, спрятав их под постелью.

Мы поставили двойные дозоры вокруг лагеря. Обойдя часовых и убедившись, что они стоят на своих местах и бодрствуют, мы ускользнули в темноте и вернулись в порт Сафаги. Я провел Тана по темным улочкам к дому Тиамата. Купец ждал нашего прибытия и приготовил ужин. Я видел, что он очень взволнован встречей с Таном.

– Твоя слава опережает тебя, вельможа Харраб. Я знал твоего отца. Он был настоящим мужчиной, – приветствовал Тиамат Тана. – Хотя я слышал настойчивые утверждения о том, что ты умер в пустыне не больше недели назад и что твое тело лежит у гробовщиков на западном берегу Нила, где проходит положенные сорок дней бальзамирования, рад приветствовать тебя в моем скромном доме.

Потом мы наслаждались едой, и Тан подробно расспрашивал хозяина о сорокопутах. Тиамат открыто и без колебаний отвечал ему.

Наконец Тан взглянул на меня. Я кивнул. Он снова повернулся к Тиамату и сказал:

– Ты проявил себя щедрым другом по отношению к нам, но мы не были так же честны по отношению к тебе. Только необходимость заставила нас так поступить, поскольку нам чрезвычайно важно, чтобы никто не догадался о нашей истиной цели: разбить сорокопутов и доставить их вожаков на правый суд фараона, на его гнев.

Тиамат улыбнулся и погладил бороду.

– Это не очень удивило меня, так как я слышал о поручении, которое возложил на тебя фараон на празднике Осириса. А твой горячий интерес к разбойникам и убийцам уничтожил остатки сомнений. Я могу сказать только одно: я принесу жертву богам ради успеха вашего предприятия.

– Мне может снова понадобиться твоя помощь, – сказал Тан.

– Спрашивай.

– Как ты думаешь, сорокопуты уже знают о нашем караване?

– Вся Сафага говорит о вас, – ответил Тиамат. – За последний год ваш караван самый богатый. За восемьдесят рабынь в Карнаке можно получить по тысяче золотых колец за каждую. – Он усмехнулся и покачал головой собственной шутке. – Можете быть уверены, соро-

копуты уже знают о вас. Я видел по крайней мере трех шпионов в толпе на берегу моря. Вы можете ожидать встречи с ними еще до того, как пройдете первое ущелье.

Когда мы поднялись и стали прощаться, он проводил нас до самой двери.

– Пусть боги сопутствуют вам в ваших делах. Не только фараон, но и каждый житель царства будет перед вами в долгу, если вы сможете искоренить эту ужасную напасть, которая угрожает разрушить саму жизнь нашего царства и вернуть нас всех в век варварства.

Следующим утром наш караван тронулся в путь в темноте. Было еще прохладно. Тан, перекинув лук Ланату через плечо, шел во главе каравана рядом со мной. Я всюду следовал за ним по пятам, сияя женской красотой.

Позади нас тянулась цепочка вьючных ослов, движущихся друг за дружкой посредине наезженной тропы. «Рабыни» шли с обеих сторон от животных по краю дороги. Их оружие было спрятано в тюках на спинах ослов. Каждый мог протянуть руку и положить ее на рукоять своего меча. Крат разделил охрану на три отряда по шесть человек в каждом и поставил Аста и Ремрема командовать двумя из них, а третий оставил для себя. Аст и Ремрем были известными воинами и давно уже заслужили более высокие посты, однако оба много раз отказывались от повышения по службе, чтобы оставаться с Таном. Подобную верность Тан пробуждал во всех, кто служил под его началом. Мне снова подумалось, каким прекрасным фараоном он мог бы стать.

Охрана неторопливо брела по обеим сторонам каравана, изо всех сил стараясь скрыть воинскую выправку. Шпионы, прячущиеся за холмами, должны решить, что она следит только за тем, как бы рабыни не разбежались. На самом же деле охранники старались помешать своим подопечным перейти на строевой шаг и запеть хором грубую военную песню.

– Эй, Кермит! – услышал я окрик Ремрема. – Не делай таких длинных шагов, парень, и хоть чуть-чуть покачивай своей толстой задницей! Постарайся выглядеть соблазнительно.

– Поцелуй меня, начальник, – бросил в ответ Кермит. – Я сделаю все, что ты говоришь.

Жара усиливалась, и скалы на горизонте заплясали в смутных картинах миража. Тан повернулся ко мне:

– Скоро мы сделаем первый привал на отдых. Раздадим по чашке воды каждому...

– Мой добрый муж, – оборвал я его, – наши друзья прибыли. Посмотри вперед!

Тан обернулся и инстинктивно схватился за огромный лук, висевший на плече.

– Какие ребята, а?

Караван огибал холм в отрогах пустынного плато. По обеим сторонам дорогу окружали крутые каменистые склоны. Впереди нас стояли три человека. Возглавлял их высокий, грозного вида, мужчина, завернувшийся в шерстяную одежду путника пустыни, однако голова его оставалась обнаженной. Темную кожу покрывали глубокие оспины. Нос походил на клюв стервятника, а правый глаз был мутным от червя паразита, который селится в глазном яблоке и ослепляет свою жертву.

– Я знаю одноглазого разбойника, – сказал я тихо, так, что только Тан мог расслышать мои слова. – Его имя Шуфти. Это один из самых злобных князей сорокопутов. Будь осторожен с ним. Лев по сравнению с ним образец кротости.

Тан не подал виду, что слышал меня. Он поднял правую руку над головой, чтобы показать, что она пуста, и весело окликнул встречных:

– Пусть ваши дни украшает благовонный жасмин, благородные путники, и пусть любящие жены встретят вас у дверей ваших домов, когда закончится ваше путешествие.

– Пусть ваши бурдюки будут всегда полны воды, а прохладный ветер овевает ваш лоб, когда вы будете пересекать пески жажды, – ответил Шуфти и улыбнулся. Улыбка казалась более злобной, чем оскал леопарда, а единственный глаз свирепо сверкал на темном лице.

– Ты очень добр, благородный господин, – поблагодарил его Тан. – Я бы с радостью предложил тебе разделить со мной пищу и шатер, но умоляю тебя о снисхождении. Нам предстоит дальний путь, и мы не можем останавливаться.

– Позволь похитить у тебя немного времени, мой прекрасный ассириец. – Шуфти шагнул вперед и преградил ему дорогу. – У меня есть нечто необходимое для тебя, если ты хочешь, чтобы караван в целости и сохранности достиг Нила. – Он держал в руке какой-то небольшой предмет.

– А, талисман! – воскликнул Тан. – Наверное, ты колдун, путник? Какой талисман ты предлагаешь мне?

– Перо. – Шуфти еще улыбался. – Перо сорокопута.

Тан улыбнулся, как будто говорил с ребенком.

– Очень хорошо. Передай же мне это перо, и я больше не стану тебя задерживать.

– Я прошу ответного подарка. Ты должен дать мне кое-что взамен, – сказал Шуфти. – Дай мне двадцать рабынь, а затем, когда вернешься из Египта и я опять встречусь с тобой на дороге, отдашь мне половину прибыли, полученной от продажи остальных шестидесяти.

– За одно-единственное перо? – презрительно фыркнул Тан. – Это очень глупая сделка, на мой взгляд.

– Это необычное перо – это перо сорокопута, – указал Шуфти. – Разве тебе никто не говорил об этой птице? Ты ничего не слышал о ней?

– Позволь же мне взглянуть на это волшебное перо.

Тан подошел, протянув правую руку, и Шуфти тоже шагнул ему навстречу. В это самое время Крат, Ремрем и Аст из любопытства тоже вышли вперед, будто хотели осмотреть перо.

Однако вместо того, чтобы взять подарок из руки Шуфти, Тан внезапно схватил его за кисть и вывернул ему руку за спину. Испуганно вскрикнув, Шуфти упал на колени, и Тан легко прижал его к земле. Одновременно Крат с помощниками бросились вперед и точно так же застали врасплох двух разбойников. Они выбили из их рук оружие и подтащили к Тану.

– Так ваши маленькие пташки думают напугать Каарика-Ассирийца своими угрозами? Да, мой прекрасный продавец перьев. Я слышал о сорокопутах. Мне говорили, что это стайка болтливых трусливых пташек, которые частенько бывают шумливее стайки воробьев. – Он зло вывернул руку Шуфти, и разбойник, завопив от боли, упал на землю лицом. – Да, я слышал о сорокопутах, но слышал ли ты о Каарике Грозном? – Он кивнул Крату и его людям, они быстро раздели догола трех сорокопутов и прижали их к земле за плечи и ноги. – Я хочу, чтобы вы запомнили мое имя и бежали, как только услышите его, как и полагается добрым маленьким сорокопутам, – сказал ему Тан и снова кивнул Крату.

Тот взмахнул в воздухе кнутом погонщика рабов. Кнут был такой же, как и знаменитое орудие Расфера, сплетенное из дубленой кожи самца гиппопотама. Тан протянул руку к кнуту, и Крат неохотно отдал его командиру.

– Не печалься, погонщик рабов, – сказал ему Тан. – Придет и твой черед, Каарик-Ассириец всегда первым пробует похлебку.

Тан взмахнул кнутом в воздухе, и тот просвистел, как крыло гуся в полете. Шуфти дернулся на земле, повернул голову и зашипел Тану:

– Ты сошел с ума, ассирийский буйвол! Разве ты не понимаешь, что я – князь сорокопутов? Ты не смеешь так поступать со мной! – Его обнаженные спину и ягодицы покрывали оспины.

Тан высоко поднял кнут и с маху опустил. Он оставил на спине Шуфти красный шрам толщиной с указательный палец. Разбойник дернулся всем телом от страшной боли и со свистом выдохнул воздух из легких, не успев даже закричать. Тан снова поднял кнут, а затем тщательно наложил еще один рубец рядом с первым. Рубцы нигде не соприкасались. На этот раз Шуфти наполнил легкие воздухом и издал хриплый рев, как попавший в яму буйвол. Тан не обращал

внимания на его попытки освободиться и возмущенный рев и продолжал спокойно работать, накладывая один рубец за другим, как будто ткал ковер.

Когда закончил, ноги, ягодицы и спину жертвы покрывала ровная решетка горящих рубцов. Ни один из них не пересек соседний шрам. Кожа осталась целой, на ней не выступило ни единой капли крови. Шуфти давно уже перестал дергаться и кричать. Лежал на земле, и хриплое дыхание поднимало облачка пыли у его губ.

Когда Ремрем и Крат отпустили его, он даже не пошевельнулся.

Тан бросил кнут Крату:

– Следующий твой, погонщик рабов. Посмотрим, какой узор ты сможешь вытатуировать на его спине.

Кнут мощно гудел в руках Крата, однако ему не хватало изящества Тана. Очень скоро спина разбойника стала сочиться кровью, как худой кувшин с вином. Капли крови падали в пыль и скатывались в маленькие шарики грязи.

Удовлетворенно выругавшись, Крат закончил и передал кнут и последнюю жертву Асту.

– Пусть и этот запомнит, как себя вести.

Аст работал кнутом еще грубее, чем Крат. Когда он закончил, спина последнего разбойника походила на бок свежезарезанного быка, изрубленный сумасшедшим мясником.

Тан дал каравану знак продолжать движение по проходу через красные скалистые холмы. Мы с ним задержались ненадолго около трех обнаженных разбойников.

Наконец Шуфти пошевельнулся и поднял голову. Тан вежливо обратился к нему:

– А теперь, друг мой, мне придется попрощаться с тобой. Запомни мое лицо и будь осторожнее, когда увидишь его снова. – Тан наклонился, поднял с земли перо сорокопута и засунул за повязку на голове. – Благодарю за подарок. Пусть все ночи твои пройдут в объятиях красивых женщин. – Он коснулся рукой сердца и губ, изобразив ассирийский знак прощания, и я последовал за ним по дороге вслед за уходящим караваном.

Когда мы взошли на холм, я оглянулся. Все трое сорокопутов были на ногах, поддерживая друг друга, чтобы не упасть. Даже с такого большого расстояния я смог разглядеть выражение лица Шуфти. Оно казалось сгустком ненависти.

– Ну что же, теперь ты можешь быть уверен: все сорокопуты по эту сторону Нила соберутся и нападут на нас, как только мы перейдем через перевал, – сказал я Крату и его головорезам. Мне показалось, что эта весть развеселила их больше, чем караван пива и красивых девочек.

С вершины перевала мы оглянулись в последний раз на прохладные просторы моря и начали спускаться в раскаленную каменистую пустыню, отделявшую нас от Нила.

С каждым шагом жара усиливалась, обрушиваясь на нас, как смертельный враг. Казалось, что зной входит через рот и ноздри, и мы начинали задыхаться. Жара высасывала влагу из наших тел, словно вор. Она иссушала кожу, и губы начинали трескаться, как перезрелый инжир. Камни под ногами были горячи, будто их только что вынули из печи гончара. Они обжигали и ранили ноги даже через кожаные подошвы сандалий. В самые знойные часы продолжать движение было невозможно. Мы лежали в жидкой тени полотняных палаток, которыми снабдил нас Тиамат, и тяжело дышали, будто гончие после охоты.

Когда солнце начинало опускаться к рваной линии горизонта, мы поднимались и шли вперед. Пустыня вокруг нас излучала такую страшную безымянную угрозу, что даже видавшие виды стражи Синего Крокодила притихли. Наш караван, медленно извиваясь, как раненая гадюка, шел по древнему пути, пройденному до нас бесчисленными караванами, между полуразрушенными черными скалами и желтовато-коричневыми дюнами цвета львиной шерсти.

Когда наконец наступала ночь, небо над нашими головами оживало, сверкая невероятным количеством ослепительных звезд, и в пустыне становилось так светло, что со своего места во

главе каравана я мог узнать фигуру Крата, замыкавшего колонну, хотя между нами оставалось две сотни шагов. Мы шли половину ночи, прежде чем Тан приказывал остановиться. Потом он поднимал нас еще до рассвета, и мы шли вперед, пока горячие миражи не растворяли в своем сиянии полуразрушенные скалы вокруг тропы и линия горизонта не начинала плыть перед нашими глазами, словно расплавленная смола.

Мы не видели никаких признаков жизни, кроме небольшой стаи собакоголовых бабуинов, облаявших нас с высоких голых скал столовой горы, мимо которой мы проходили, да стервятников, круживших так высоко в знойном синем небе, что они казались пылинками, парящими в потоке горячего воздуха над нашими головами.

Когда мы отдыхали в самые жаркие часы, смерчи танцевали вокруг, покачиваясь с грацией танцующих гурий, и вода, казалось, обращалась в пар уже во рту.

– Где же они? – рычал Крат. – Клянусь потными яйцами Сета, скорее бы эти пташки набрались смелости и взобрались на насесты.

Хотя все воины прошли суровые испытания в боях и привыкли выносить трудности и неудобства походной жизни, выдержка стала им изменять, они становились все более раздражительными. Старые товарищи и добрые друзья начали переругиваться и спорить из-за водного пайка.

– Шуфти – старый хитрый пес, – сказал я Тану, – соберет своих разбойников и будет ждать нас. Он не станет спешить нам навстречу: подождет, пока мы устанем и потеряем бдительность, а потом нанесет удар.

На пятый день я понял, что мы приближаемся к оазису Галлала, когда увидел впереди черные скалы, изрытые пещерами древних могил. Много веков назад в оазисе стоял цветущий город, но затем землетрясение ударило по холмам и повредило колодец. Воды в нем почти не стало: она медленно, капля за каплей, стекала по стенам. Город умер, несмотря на то что колодцы рыли все глубже и глубже, пытаясь догнать уходящую воду. Теперь глиняные ступени спускались в глубокую прохладную шахту. Молчание пустыни царило в зданиях без крыш, и только ящерицы грелись на солнце во дворах, где когда-то богатые купцы развлекались в своих гаремах.

Больше всего мы нуждались в воде и стали поскорее наполнять бурдюки. В глубоких шахтах голоса людей, набиравших воду, искажало многоголосое эхо. Пока воины были заняты у колодцев, мы с Таном быстро обошли разрушенный город. Это было одинокое и печальное место. В самом центре стоял полуразрушенный храм бога Беса – покровителя Галлалы. Крыша храма обвалилась, стены местами начали рушиться. Войти в него можно было только через разрушающиеся ворота с западной стороны.

– Это нам подойдет. Лучше и не придумаешь, – пробормотал Тан, шагая по внутреннему помещению храма и оценивая его глазом воина с точки зрения возможной обороны или засады. Когда я спросил, что он собирается делать, улыбнулся и покачал головой: – Предоставь это мне, дружище. Бой – моя забота.

Пока мы стояли в середине храма, я заметил следы стаи бабуинов на пыльном дворе и показал их Тану.

– Они, наверное, приходят пить к колодцу, – сказал я.

Вечером, сидя у маленьких дымных костров, сложенных из высушенного ослиного помета, мы услышали крики бабуинов. Старый мощный самец громко бросал вызов сопернику в скалах вокруг разрушенного города. Скалы отразили его крик, и он громоподобным эхом прокатился по долине. Я кивнул Тану, сидевшему напротив:

– Твой друг Шуфти пришел наконец. Его лазутчики с холмов наблюдают за нами. Это они спугнули бабуинов.

– Надеюсь, ты прав. Мои мерзавцы готовы взбунтоваться. Они знают, что все это твоя выдумка, и если ты ошибешься, мне скорее всего придется отдать им либо твою голову, либо задницу, – пробурчал Тан и отошел переговорить с Астом у соседнего костра, где готовили пищу.

Настроение в лагере изменилось, как только люди поняли, что враг близко. Недовольные усмешки исчезли, теперь воины улыбались друг другу в свете костров, тайком проверяя остроту клинков, спрятанных под рогожами. Однако все они были опытными бойцами и продолжали выполнять обычные действия путешественников, чтобы не спугнуть наблюдателей в темных холмах. Все мы улеглись на рогожах, и огни потихоньку угасли. Никто не спал. Я слышал, как многие покашливали и беспокойно шевелились в темноте. Время тянулось медленно, и над моей головой в пустоте ночного неба величественно поворачивались огромные созвездия. Враг не появлялся.

Перед самым рассветом Тан обошел последний раз часовых, а затем, по пути к своему месту возле остывающего костра, остановился на мгновение у моей рогожи и прошептал:

– Это все твои друзья, бабуины. Вы стоите друг друга – лаете почем зря.

– Сорокопуты здесь. Я чую их. Все холмы переполнены ими.

– Ты чуешь только приближение завтрака! – Он знает, как меня раздражает любой намек на мою склонность к обжорству. Не отвечая на его грязную шутку, я отошел в темноту, чтобы облегчиться за ближайшей кучей обломков.

Когда я присел на корточки, бабуин снова залаял, дикий гулкий крик разбил сверхъестественную тишину предрассветного часа. Я повернул голову в его сторону и услышал слабый, далекий звон металла по камню, будто чья-то рука уронила кинжал на вершине холма или кто-то неосторожно задел щитом гранитную скалу, когда спешил занять свое место в строю.

Я самодовольно усмехнулся. Мало что доставляет мне большее удовольствие, чем возможность заставить Тана взять свои слова обратно. Возвращаясь на свою рогожу, я шептал людям, мимо которых проходил:

– Они здесь. Будьте готовы. – Я слышал, как мое предостережение передавалось из уст в уста бодрствующими воинами.

Звезды над нашими головами начали угасать, рассвет, крадучись, как лев, выслеживающий стадо антилоп, стал приближаться к нам. Затем я внезапно услышал свист часового у западной стены, веселую трель козодоя; все знали, что это знак, и воины сразу зашевелились под своими одеялами. Настойчивый шепот Крата и его помощников остановил их:

– Спокойно, синие! Помните приказ! Лежать на месте! – И никто не покинул свои постели.

Не поднимаясь, я тихо повернул голову и посмотрел из-под платка на вершины холмов, возвышающихся над стенами храма. Их очертания, похожие на зубы акулы, начали постепенно меняться. Мне пришлось напрячь глаза, чтобы рассмотреть, что происходит. Затем я медленно обвел взглядом холмы и везде увидел то же самое. Линия горизонта вокруг нас вся состояла из темных грозных силуэтов вооруженных людей. Они образовали непрерывную ограду вокруг храма, и убежать через нее было невозможно.

Теперь я понял, почему Шуфти так долго не наносил ответный удар. Все это время он собирал орду разбойников. Их было, наверное, не менее тысячи, хотя в предрассветной мгле пересчитать было невозможно. Численность врагов превосходила нашу по меньшей мере раз в десять, и сердце мое дрогнуло. Это крайне невыгодное соотношение сил даже для отряда синих.

Сорокопуты стояли неподвижно, как скалы под их ногами. Меня встревожила дисциплина, царившая в рядах. Я ожидал, что они бросятся на нас беспорядочным стадом, а они вели себя как обученные воины. Их спокойствие казалось более угрожающим, чем дикие крики и хвастливое бряцание оружием.

Светало быстро, и теперь мы могли лучше разглядеть их. Первые лучи солнца заблестели на бронзовых бляхах щитов и обнаженных мечах, отбрасывая стрелы света в наши зрачки. Головы скрывали черные шерстяные платки. Только взоры сверкали через узкие щелочки, подобно глазам свирепых голубых акул, которые наводят страх на жителей моря, оставшегося за нашей спиной.

Молчание продолжалось так долго, что мне почудилось, будто сердце мое вот-вот разорвется от напряжения и избытка горячей крови, скопившейся в нем. Затем внезапно в холмах послышался громкий голос, расколовший тишину рассвета и эхом прокатившийся по скалам:

– Каарик! Ты проснулся?

Теперь я узнал Шуфти, несмотря на скрывавший его лицо платок. Он стоял в самой середине западной гряды холмов, там, где через них проходила дорога.

– Каарик! – закричал он снова. – Пора заплатить долг. Но цены выросли. Теперь мне нужно все! Все! – повторил Шуфти и сбросил с головы платок, открыв покрытое оспинами лицо. – Мне нужно все твое имущество, включая твою глупую, надменную голову.

Тан поднялся со своей постели и отбросил в сторону овчинное одеяло.

– Тебе придется спуститься вниз, чтобы получить ее, – закричал он и обнажил меч.

Шуфти поднял правую руку, и бельмо на его слепом глазу блеснуло в лучах солнца, как серебряная монета. Потом резко опустил руку.

По его знаку в рядах разбойников, окружавших нас на вершинах холмов, раздались громкие крики. Они подняли мечи и стали потрясать ими в бледно-желтом рассветном небе. Затем взмахом руки Шуфти послал своих людей вперед, их потоки хлынули вниз по скалам в узкую долину Галлала.

Тан отбежал в середину храмового двора, где древние обитатели города возвели высокий каменный алтарь своему покровителю Бесу, богу-карлику, богу музыки и пьянства. Крат со своими людьми присоединился к нему, а «рабыни» и я остались сидеть скорчившись на своих рогожах и завопили от ужаса, накрыв головы одеялами.

Тан вскочил на алтарь, опустился на колено, согнул свой огромный лук Ланату и натянул тетиву. На это потребовалась вся его огромная сила. Когда выпрямился, лук засверкал у него в руках, как живое существо. Он достал из-за плеча стрелу – колчан был за спиной – и встал лицом к воротам, через которые должна была хлынуть орда сорокопутов.

Внизу, под алтарем, Крат построил охрану в один ряд, и они тоже натянули луки и встали лицом к воротам. Их было так мало вокруг алтаря, что комок застрял у меня в горле. Какие неустрашимые герои! Я должен сочинить в их честь стихотворение, решил я внезапно, но прежде, чем первая строка пришла мне в голову, толпа разбойников с воплями появилась в разрушенных воротах.

Только пять человек в ряд могли пройти через них, поднимаясь по крутой лестнице, и до ворот от алтаря было не более сорока шагов. Тан поднял лук и пустил стрелу. Одна только эта стрела убила троих. Первым был высокий разбойник в короткой юбке; длинные жирные волосы струились по его спине. Стрела попала в середину груди и прошла навылет, как будто он был мишенью из листа папируса. Скользкая от крови, стрела ударила следующего за ним в горло. Хотя сила удара уже начала уменьшаться, она пронзила шею и выскочила с другой стороны, но не смогла полностью покинуть тело: оперение застряло в шее, а зазубренный бронзовый наконечник погрузился в глаз третьего разбойника, который поднимался позади него. Оба сорокопута оказались нанизанными на одну стрелу. Спотыкаясь и расталкивая всех вокруг себя, они закрыли дорогу тем, кто пытался пройти мимо них во двор храма. Потом наконечник стрелы вырвал глаз из черепа человека. Оба разбойника разлетелись в разные стороны. Толпа вопящих головорезов хлынула на площадь. Небольшой отряд вокруг алтаря встретил их потоком стрел и

убил сразу столько нападавших, что трупы закрыли проход, и следующие разбойники были вынуждены взбираться на гору из своих умерших и раненых товарищей.

Это не могло продолжаться долго, так как давление сзади было слишком велико, а количество наступавших огромно. Как вода промывает земляную насыпь, не способную сдержать бурные воды Нила, так сорокопуты хлынули в ворота, и плотная толпа воинов заполнила площадь, окружив маленький отряд у алтаря бога Беса.

Теперь расстояние было слишком маленьким, и луки стали бесполезны. Тан и его люди отбросили их и взялись за мечи.

– Гор! Вооружи меня на бой! – выкрикнул Тан свой боевой клич, и воины вокруг подхватили его и принялись за работу. Зазвенела бронза. Сорокопуты бросились на них, но стражи, образовав плотное кольцо вокруг алтаря, бились с врагом. С какой бы стороны ни нападали сорокопуты, везде встречали смертоносные острия клинков. Храбрости разбойникам было не занимать, и их неровные ряды прижимали воинов к алтарю. Как только один из нападавших падал на землю, другой становился на его место.

Я увидел Шуфти в воротах. Он держался в стороне от схватки, проклятиями и точными приказами посылая своих людей в самую гущу боя. И яростно вопил. Его слепой глаз вращался в глазнице.

– Дайте мне ассирийца живым. Я хочу, чтобы он умер медленно. Я хочу слышать его визг, – кричал он, подбадривая своих воинов.

Разбойники не обращали никакого внимания на «рабынь», которые все еще лежали, скорчившись, на своих постелях и, закрыв головы, визжали и вопили от ужаса. Я тоже визжал не хуже других, но бой вокруг алтаря перестал мне нравиться. К этому времени в тесном дворе храма столпилось около тысячи человек. Задыхаясь в пыли, я лежал на постели, и меня то и дело толкали и пинали ноги дерущихся, пока я наконец не сумел отползти в угол двора.

Один из разбойников наклонился надо мной. Сорвал платок с моего лица и на мгновение уставился на меня.

– Мать Исида, какая красавица!

Он был ужасен, как дьявол. В зубах зияли дыры, шрам уродовал левую щеку. Изо рта воняло, как из отхожей ямы, когда он стал искать мои губы.

– Подожди, пока все это закончится. Ты у меня завизжишь от радости, – пообещал он и потянул мое лицо к своему. И поцеловал меня.

Первым моим побуждением было оттолкнуть его, но я подавил это желание и ответил на поцелуй. Я великолепно владею искусством любви, так как научился этому еще мальчиком у вельможи Интефа. От моих поцелуев мужчины становятся слабыми, как вода.

Я поцеловал и вложил в этот поцелуй все свое искусство. Он словно оцепенел. Пока стоял надо мной как парализованный, я вытащил кинжальчик из-под одежды, и его острие мягко скользнуло между пятым и шестым ребрами разбойника. Тот заорал, но я заглушил вопль своими губами, поворачивая клинок в сердце, пока судорога не прошла по телу и он совершенно не обмяк. Затем свалился на землю рядом со мной.

Я быстро осмотрелся. За те несколько мгновений, пока я избавлялся от своего воздыхателя, судьба маленького отряда вокруг алтаря явно ухудшилась. В ряду появились бреши. Двое воинов пали, а Амсет был ранен. Он перебросил меч в левую руку, так как правая бессильно висела, истекая кровью.

С огромным облегчением я увидел, что Тан еще невредим и даже смеется от дикой радости, орудуя мечом. Однако он слишком долго не захлопывает ловушку. Вся шайка сорокопутов уже собралась на площади, они выли и лаяли вокруг него, как гончие вокруг леопарда, взобравшегося на дерево. Несколько минут – и маленький храбрый отряд погибнет.

На моих глазах Тан убил еще одного врага прямым колющим ударом в горло, затем, выдергивая меч, отступил назад. Он вскинул голову и издал рык, который эхом прокатился по всей площади:

– Синие, ко мне!

В то же мгновение все скрючившиеся на земле «рабыни» вскочили на ноги и сбросили свои длинные одежды. С мечами наготове они напали на орду разбойников сзади. Нападение застало врага врасплох, более сотни сорокопутов пали от мечей стражи, прежде чем успели опомниться. Однако стоило им повернуться лицом к новой опасности, как за спиной оказался Тан со своим маленьким отрядом.

Разбойники дрались храбро – я должен признать это. Хотя уверен, что силы придавал им ужас, а не мужество. Однако ряды их были слишком тесны, что мешало свободно пользоваться мечом, а противником были лучшие войска Египта, а значит, и всего мира.

Некоторое время они держались. Потом Тан снова зарычал в гуще битвы. На долю секунды мне показалось, что это очередной приказ, а затем я узнал первую строчку боевого гимна стражи. Хотя я часто слышал, как люди с благоговейным ужасом рассказывали, будто синие всегда поют в разгаре битвы, не верил в это. Теперь же сотня сражающихся подхватила эту песню:

Мы – дыхание Гора,
Знойный ветер пустыни,
Наши мечи – серпы,
Жатва – кровавый бой...

Их мечи ударяли о мечи врагов в такт песне, словно молоты по наковальням подземного царства. Сорокопуты дрогнули при виде такой надменной ярости, битва вдруг превратилась в резню.

Я видел, как стая диких собак окружает и рвет на части стадо овец. Это было еще хуже. Некоторые сорокопуты бросали мечи на землю и падали на колени, прося пощады. Но пощады не было. Остальные пытались пробиться к воротам, а стражники преграждали им путь.

Я плясал вокруг дерущихся и кричал Тану, стараясь перекричать шум битвы:

– Останови их! Нам нужны пленные!

Тан не слышал меня, а может, просто не обращал внимания на мои мольбы. С веселой песней на устах, с Кратом по левую руку и Ремремом по правую он бил врага. Борода его намокла от брызг крови из ран убитых им людей, а глаза жили на окровавленной маске лица. Они сверкали безумием, которого я в них никогда раньше не видел. О, веселая Хапи, какие же силы давал ему крепкий напиток битвы!

– Прекрати, Тан! Не убивай всех!

На этот раз он услышал меня. Я увидел, как безумие угасло в его глазах. Тан снова овладел собой.

– Щадите тех, кто просит пощады! – Стражники подчинились, но под конец из тысячи сорокопутов уцелело не более двухсот. Побросав оружие на окровавленные плиты двора, они молили о милосердии.

Некоторое время я ошеломленно смотрел на побоище. Затем краем глаза заметил какое-то движение.

Шуфти понял, что не может скрыться через ворота. Он бросил свой меч и побежал к восточной стене двора неподалеку от того места, где я стоял. Здесь стена была разрушена сильнее, чем в остальных местах, и обвалилась на половину своей высоты. Обломки саманных кирпичей образовали крутой склон, и Шуфти начал карабкаться по нему, то и дело скользя и падая, но все-таки довольно быстро приближаясь к вершине стены. Казалось, я один заметил его бег-

ство. Стражники обезоруживали пленных, а Тан стоял ко мне спиной и руководил сбором разбитых врагов.

Не долго думая я наклонился и поднял половинку кирпича. Когда Шуфти взобрался на вершину стены, я изо всей силы бросил в него кирпич. Он глухо ударил в затылок с такой силой, что разбойник упал на колени, а затем предательская кучка мусора поддалась под ногами, и оглушенный Шуфти скатился вниз в облаке пыли и растянулся на земле рядом со мной.

Я набросился на него, оседлал и приставил острие кинжала к горлу. Он уставился на меня единственным глазом, который словно остекленел после удара кирпичом.

– Лежи тихо, – предупредил я его, – или я выпотрошу тебя, как рыбу.

Я потерял шарф и головной убор, и теперь волосы мои рассыпались по плечам. Шуфти узнал меня, и в этом не было ничего удивительного. Мы с ним часто встречались, но при других обстоятельствах.

– А, евнух Таита! – пробормотал он. – А вельможа Интеф знает, чем ты тут занимаешься?

– Скоро узнает, – заверил я его и кольнул в шею так, что он застонал, – но не ты сообщишь ему об этом.

Не отводя кинжала от его горла, я позвал двух ближайших стражников. Они схватили разбойника, перевернули лицом к земле, связали руки за спиной крепкой пеньковой веревкой и утащили прочь.

Тан видел, как я поймал Шуфти, и теперь шел ко мне, перешагивая через убитых и раненых.

– Хороший бросок, Таита! Ты ничего не забыл из моих уроков. – И так сильно хлопнул меня по спине, что я пошатнулся. – Тебе предстоит много работы. Четверых наших убили и по крайней мере дюжину ранили.

– А как быть с их лагерем? – спросил я, и он непонимающе уставился на меня:

– Каким лагерем?

– Тысяча сорокопутов не могут появиться из песка пустыни, как весенние цветы. У них наверняка были вьючные животные и рабы. Они должны быть где-то неподалеку. Их нельзя упускать. Никто не должен спастись и пустить слух о сегодняшней битве. Никому нельзя позволить добраться в Карнак и рассказать там, что ты жив.

– Милостивая Исида, ты прав! Но как же мы их найдем? – Очевидно, Тан еще не оправился после горячей битвы. Я иногда спрашиваю себя, что он делал бы без меня.

– Мы найдем по следу, – нетерпеливо объяснил я. – Тысяча пар ног проложила такую дорогу, по которой мы без труда сможем пройти.

Его лицо прояснилось, и он позвал Крата с другого конца двора.

– Возьми пятьдесят человек. Отправляйся с Таитой. Он выведет тебя к лагерю разбойников.

– А раненые? – возразил было я. По-моему, одной битвы в день для меня достаточно. Но Тан отмел мои возражения.

– Ты лучший следопыт среди нас. Раненые могут подождать. Мои негодяи – ребята крепкие, как недожаренная говядина. Мало кто из них помрет, не дождавшись твоего возвращения.

Как я и говорил, поиски лагеря разбойников оказались совсем несложным делом. В сопровождении Крата и пятидесяти воинов я обошел холмы вокруг города и позади первой гряды нашел широкий след, оставленный сорокопутами на пути к храму. Мы трусцой побежали по этому следу и не дальше чем через милю, поднявшись на холм, увидели перед собой лагерь в неглубокой долине. Мы застали их врасплох. Ослов и женщин охраняли не более двадцати человек, которых воины Крата перебили разом. На этот раз я не успел спасти пленных. Оставили в живых только женщин, и, как только лагерь был захвачен, Крат позволил своим людям воспользоваться традиционной наградой победителей.

Женщины показались мне довольно хорошенькими для спутниц разбойников. Лица некоторых были даже красивы. Они достаточно благородно подчинились ритуалу побежденных. Я слышал, как они смеялись и шутили, пока стражники разыгрывали их между собой на костях. Профессия маркитантки при шайке сорокопутов – не самое приятное занятие, и я сомневаюсь в том, что среди них нашлась бы нежная девственница. Одну за другой стражники брали их за руки и как новые хозяева отводили за ближайшую груду осыпавшихся скал, где без особых церемоний задирали юбки.

Новая луна появляется после смерти старой, весна следует за зимой, и никто из этих дам не проявил особой печали по бывшим мужьям. Возможно, именно тогда, в пустыне, возникли новые союзы, которые будут жить долго под солнцем.

Что касается меня, стадо вьючных ослов и их ноши показались мне более привлекательными. Животных было около ста пятидесяти, и большей частью это были крепкие и здоровые твари, за которых можно получить приличную сумму на рынках Карнака или Сафаги. Я прикинул, что мне, пожалуй, будет причитаться доля сотника при дележе добычи. В конце концов, я уже потратил довольно много средств из своих личных сбережений на это предприятие и имею полное право на определенную компенсацию. Надо будет серьезно поговорить об этом с Таном. От него можно ожидать сочувствия, у него щедрая душа.

Солнце уже село, когда мы вернулись в город Галлала, ведя в поводу захваченных животных, навьюченных добычей, и сопровождаемые толпой женщин, успевших привязаться к своим новым мужьям.

Одно из небольших разрушенных зданий у колодцев превратили в полевой лазарет. Там я и проработал всю ночь при свете факелов и масляных ламп, латая раны воинов. Как обычно, я не мог не восхищаться их стойкостью, так как многие раны были серьезными и очень болезненными. Тем не менее я потерял одного из своих пациентов до восхода солнца. Амсет погиб от потери крови – ему перерезало артерию на руке. Если бы я занялся его раной сразу после боя, а не отправился в пустыню, мог бы спасти его. Хотя ответственность лежала на Тане, меня охватило горестное чувство вины: эту смерть я был в силах предотвратить. Однако за остальных пациентов я не беспокоился: они быстро поправятся, и раны их заживут. Все были здоровыми и сильными людьми.

Раненых сорокопутов не было. Им отрубили головы прямо на поле боя. Как врача, меня всегда тревожил вековой обычай добивать раненого врага. Однако и в нем есть определенная логика: зачем победителю тратить силы на выхаживание покалеченного врага? За него вряд ли можно получить приличную сумму на рынке рабов, а если он оправится полностью, не станет ли в один прекрасный день снова бороться против вас с оружием в руках?

Я работал всю ночь, и только глоток вина и несколько горстей пищи, съеденных немытыми окровавленными руками, поддерживали мои иссякающие силы. Однако отдохнуть мне так и не пришлось. Тан послал за мной, как только рассвело.

Пленных сорокопутов держали под стражей в храме Беса. Они сидели на корточках вдоль северной стены со связанными за спиной руками, а стражи расхаживали между ними.

Когда я вошел в храм, Тан подозвал меня к себе. Он стоял в дальнем углу с группой помощников. Я еще не снял платья жены ассирийца, поэтому, приподняв подол забрызганных кровью юбок, осторожно направился к нему по усыпанному трупами и обломками оружия двору храма.

– Существует тринадцать кланов сорокопутов. Ты сам говорил мне об этом. Правда, Таита? – спросил Тан, и я кивнул ему. – В каждом клане свой князь. Шуфти мы захватили. Давай посмотрим, не узнаешь ли ты других князей среди собравшихся здесь прекрасных, благородных людей. – Он показал мне рукой на пленных и усмехнулся. Потом взял меня под руку и повел вдоль рядов разбойников.

Мое лицо скрывало покрывало, чтобы никто из пленных не узнал меня. Я оглядывал каждого, проходя мимо, и узнал двух князей. Ахекку возглавлял южный клан, свирепствовавший на землях вокруг Асуана, Элефантины и первого порога, а Сетек орудовал севернее. Он был князем Ком-Омбо.

Очевидно, Шуфти сумел собрать всех, кто только успел прийти к нему за столь короткое время. Среди пленных были члены почти всех кланов разбойников. Я указал на главарей, хлопнув по плечу, и стражники оттащили их в сторону.

– Ты уверен, что никого не пропустил? – спросил Тан, когда мы прошли вдоль ряда разбойников.

– Как могу я быть уверенным? Я же говорил тебе, что не видел всех князей.

Тан пожал плечами:

– Трудно было надеяться поймать всех пташек одним броском сети. Можно считать, что нам повезло, если поймали сразу троих. Теперь давай осмотрим головы. Может, нам повезет еще раз и мы найдем еще кого-нибудь среди убитых.

Такое отвратительное занятие повлияло бы и на менее утонченный желудок, чем мой, однако человеческая плоть, живая или мертвая, – привычный товар для меня. Мы беззаботно сидели на ступенях храма и наслаждались завтраком, а стражники приносили головы за окровавленные волосы и показывали нам. Языки болтались между бессильных губ, и пыль покрывала остекленевшие глаза, смотревшие в мир иной, куда направлялись их души.

Аппетит у меня был великолепный, так как я очень мало ел за последние два дня. Я буквально пожирал вкуснейшие пироги и фрукты, которыми снабдил нас Тиамат, и указывал Тану на головы тех, кого узнал. Среди убитых было по меньшей мере двадцать обычных грабителей, с кем я встречался по делам вельможи Интефа, но только один из покойников был князем сорокопутов. Это был Нефер-Тему из Кены, младший представитель этого подлого братства.

– Итого четыре разбойника, – удовлетворенно проворчал Тан и приказал поставить голову Нефер-Тему на вершину пирамиды черепов, сооруженной перед колодцами Галлалы. – Итак, мы уже посчитались с четырьмя сорокопутами. Нам осталось найти еще девятерых князей. Давай-ка зададим несколько вопросов нашим пленным.

Он стремительно поднялся, и я, торопливо проглотив остатки завтрака, неохотно последовал за ним обратно в храм Беса.

Хотя именно я объяснил Тану, почему необходимо получить осведомителей из всех кланов, и сам предложил ему, как следует вербовать их, теперь, когда настало время действовать, меня охватило чувство вины и раскаяния. Одно дело – предложить беспощадную расправу, а другое – участвовать в ней.

Я попытался было отговориться, сказав, что раненые в походном лазарете нуждаются в моей помощи, однако Тан весело отмахнулся:

– Брось, Таита, свои угрызения совести. Ты будешь рядом со мной во время допроса, чтобы убедиться, не пропустил ли ты кого-нибудь из своих друзей.

Допрос был скорым и безжалостным. Таким, я полагаю, он и должен был быть в соответствии с характером людей, с которыми мы имели дело.

Вначале Тан вскочил на каменный алтарь Беса и, подняв в руке ястребиную печать, с усмешкой посмотрел сверху вниз на пленных. От этой усмешки холодок прошел по их спинам, хотя они и сидели под прямыми лучами жаркого солнца пустыни.

– Я, облеченный властью ястребиной печати фараона Мамоса, говорю его голосом, – мрачно произнес Тан, высоко подняв статуэтку. – Я ваш судья и ваш палач.

Он остановился на мгновение и медленно обвел взглядом поднятые вверх лица разбойников. Они отворачивались, встретив его глаза. Никто не мог выдержать пронизывающего взгляда.

– Вас захватили на месте грабежа и убийства. Если кто-либо из вас может отрицать это, пусть встанет передо мной и объявит о своей невиновности.

Он подождал. Нетерпеливые тени стервятников пересекали двор храма.

– Говорите же, невиновные. – Тан поднял глаза на кружившихся в небе птиц с гротескными розовыми лысыми головами. – Вашим братьям не терпится начать пир. Не заставляйте их ждать.

По-прежнему никто из разбойников не издал ни звука и даже не пошевельнулся. Тан опустил ястребиную печать.

– Ваши действия, о которых свидетельствуют все присутствующие, обвиняют вас. Ваше молчание подтверждает обвинение. Вы виновны. Именем божественного фараона я выношу вам приговор. Приговариваю вас к смерти через обезглавливание. Ваши головы будут выставлены на шестах вдоль караванного пути. Увидев ваши ухмыляющиеся черепа у дороги, все законопослушные путники поймут, что сорокопут встретился с орлом. Они поймут, что век беззакония прошел на нашей земле и мир вернулся в Египет. Я все сказал. Фараон Мамос кончил.

Тан кивнул. Стражники подтащили первого пленного к алтарю и поставили на колени.

– Если ты правдиво ответишь на три вопроса, тебе сохранят жизнь. Ты поступишь в мои войска стражи и получишь довольствие и права воина. Если ты откажешься отвечать на вопросы, приговор будет приведен в исполнение. – Он сурово посмотрел сверху вниз на пленного: – Первый вопрос: к какому клану ты принадлежишь?

Осужденный не ответил. Клятва кровного родства сорокопутов заставляла его молчать.

– Второй вопрос: какой князь правит вами?

Разбойник по-прежнему молчал.

– Наконец, третий, и последний, вопрос. Отведешь ли ты меня в тайное убежище своего клана?

Человек поднял глаза и сплюнул. Желтая слюна разлетелась по камням. Тан кивнул, и стражник, стоявший над коленопреклоненным пленным, взмахнул мечом.

Удар был точным, и голова казненного покатилась к подножию алтаря.

– В пирамиде будет одной головой больше, – тихо сказал Тан и кивком приказал подвести следующего пленного.

Он задал те же три вопроса и, после того как сорокопут вызывающе выругался, снова кивнул. На этот раз палач промахнулся, и тело забилось на земле с полуперерубленной шеей. Потребовалось еще три удара мечом, прежде чем голова покатилась на камни.

Тан отрубил двадцать три головы – я начал считать их, чтобы подавить в себе приступ жалости, ослаблявшей волю, – когда наконец первый из разбойников не выдержал. Он был еще молод, совсем мальчик. Высоким и звонким голосом выпалил ответы, прежде чем Тан успел задать свои три вопроса.

– Меня зовут Гуи, я кровный брат клана Басти Жестокого. Я знаю его тайное убежище и могу отвести тебя туда.

Тан улыбнулся с мрачным удовлетворением и жестом приказал отвести паренька в сторону.

– Позаботьтесь о нем, – предупредил он тюремщиков. – Теперь он воин синих и ваш товарищ по оружию.

После первого дезертирства разбойники начали сдаваться, хотя по-прежнему многие бросали вызов Тану. Одни проклинали его, другие вызывающе смеялись ему в лицо, пока не опускался меч, и смех замолкал с последним выдохом из перерубленной шеи, с которым показная смелость покидала тело.

Я вдруг с восхищением подумал о тех, кто после низкой и презренной жизни решил принять смерть с каким-то подобием чести. Они смеялись в лицо смерти. Я знал, что не способен

на такое мужество. Если бы передо мной стоял подобный выбор, я бы поступил как слабейшие из них.

– Я член клана Ур, – признался один.

– Я из клана Маа-Эн-Тефа, князя западного берега Нила до самой Эль-Харги, – сказал другой.

Наконец у нас было достаточно осведомителей, чтобы найти дорогу в крепость каждого из оставшихся в живых разбойников. А куча непокорных голов у алтаря Беса доходила мне до плеч.

Мы с Таном долго раздумывали над тем, куда спрятать трех князей-разбойников, захваченных нами, и два десятка осведомителей, полученных из рядов осужденных сорокопутов.

Мы понимали, что влияние сорокопутов распространяется широко и глубоко в египетском обществе, и не посмели оставить пленников в Египте. Ни одну тюрьму нельзя считать безопасной, Ак Сет и его князья могли добраться до них и либо освободить подкупом или силой, либо заставить замолчать ядом или каким-нибудь другим малоприятным способом. Мы знали, что Ак Сет похож на осьминога со скрытой головой: его щупальца простираются до каждой ячейки нашего государства и пронизывают самую ткань нашей жизни.

Вот тут-то я и вспомнил о своем друге Тиамате, купце из Сафаги.

После битвы, уже не скрываясь, отряд стражи Синего Крокодила маршем прошел в порт на берегу Красного моря за половину того времени, которое понадобилось нам, чтобы добраться до Галлалы. Пленников погрузили на борт одного из торговых кораблей Тиамата, что ожидал нас в гавани, и его кормчий немедленно отплыл к Аравийскому берегу, где у купца был безопасный лагерь для рабов на маленьком островке Джез-Бакан вдали от берега. Островом этим управляли его надсмотрщики. Воды вокруг острова кишели стаями свирепых голубых акул. Тиамат заверил нас, что всякий, кто попытается сбежать с острова, либо будет пойман зоркими надсмотрщиками, либо попадет в пасть акул. Только одного из пленных не послали на остров. Это был Гуи из клана Басти Жестокого, тот самый молодой парнишка, первым не выдержавший угроз. Пока отряд шел к морю, Тан держал его при себе и сумел обратить на него всю мощь своего личного обаяния. К концу похода Гуи стал преданным рабом Тана. Я не переставал удивляться дару Тана пробуждать верность и преданность в самых разных людях. Теперь я был уверен, что Гуи, так быстро склонивший голову перед угрозой казни, охотно отдаст свою жизнь за Тана.

Сначала Гуи подробно рассказал Тану все, что только мог вспомнить о клане, которому дал клятву кровного родства. Я тихо слушал его с кисточкой для письма наготове и записывал, а Тан задавал вопросы.

От него мы узнали, что укрепленное убежище Басти Жестокого расположено в глубине ужасной пустыни Гебель-Ум-Дахари на вершине одной из столовых гор и со всех сторон его защищают отвесные склоны. Тайное неприступное убежище находилось не более чем в двух днях пути от восточного берега Нила и оживленных караванных путей, тянущихся вдоль реки. Это было великолепное гнездо хищника.

– На вершину горы идет только одна тропа, вырубленная в скале подобно лестнице. По ней можно подниматься только по одному, – сказал Гуи.

– А нет ли другого пути на вершину? – спросил Тан, и Гуи ухмыльнулся, приложив палец к носу заговорщицким жестом.

– Есть и другой путь. Я часто пользовался им, когда убегал из клана повидаться со своей семьей. Басти убил бы меня, если бы узнал, что я отсутствовал. Это опасная, крутая тропа, однако около дюжины крепких мужчин смогут пройти там и удерживать верхнюю часть главной тропы, пока основные силы будут по ней подниматься. Я проведу тебя по ней, Ак Гор.

Я впервые услышал это имя. Ак Гор – брат великого бога Гора. Оно очень шло Тану. Разумеется, Гуи и остальные пленные не могли знать его настоящего имени. Они знали только одно:

Тан – скорее всего бог. Он выглядел как бог, и сражался как бог, и взывал к Гору в разгаре битвы, потому они и решили, что он – брат Гора.

Ак Гор! Несколько месяцев спустя весь Египет узнает это имя. Оно пронесется от холма к холму. Погонщики караванов разнесут его на своих устах по всем дорогам. Оно пройдет по всей реке на устах лодочников и распространится от города к городу, от царства к царству. Легенды будут сопровождать его, а рассказы о подвигах станут приукрашиваться и разрастаться до небывалых размеров.

Ак Гор – могущественный воин, появившийся ниоткуда, посланный братом Гором, чтобы продолжить вечную схватку со злом и победить Ак Сета, владыку сорокопутов.

Ак Гор! Всякий раз, когда люди Египта повторяли это имя, сердца их наполнялись надеждой.

Однако все это было в будущем, а пока мы сидели в саду Тиамата, купца из Сафаги. Один я понимал, как Тан горит желанием расправиться с Басти, как хочется ему повести своих людей в Гебель-Ум-Дахари и затравить разбойника, как дикого зверя. И желал он этого не только потому, что Басти был самым хищным и самым безжалостным из князей сорокопутов. У Тана были личные счеты с этим разбойником.

От меня Тан узнал, что Басти был тем самым орудием, с помощью которого Ак Сет погубил состояние Пианки, вельможи Харраба, отца Тана.

– Я могу провести тебя на вершину скал Гебель-Ум-Дахари, – обещал Гуи, – и предать Басти в твои руки.

Тан молча сидел в темноте, как бы вкушая это обещание. Мы сидели и слушали песню соловья, доносившуюся из глубины сада. Песня эта казалась совершенно чуждой тем яростным и отчаянным делам, которые мы обсуждали. Спустя некоторое время Тан вздохнул и отпустил Гуи.

– Ты вел себя хорошо, парень, – сказал он, – сдержи свое обещание, и ты увидишь, что я умею быть благодарным.

Гуи простерся ниц перед ним, как перед богом, а Тан раздраженно толкнул его ногой:

– Хватит этой чепухи. Ты свободен, уходи.

Неожиданное возведение в ранг бога смущало Тана. Его нельзя было обвинить в скромности или смирении, но он был очень практичным человеком и не питал ложных иллюзий по поводу собственного положения: никогда не надеялся стать фараоном или божеством и поэтому резко обрывал всякое проявление раболепия у тех, кто его окружал.

Как только Гуи ушел, он повернулся ко мне:

– Я часто лежу ночью и не могу уснуть, раздумывая о том, что ты говорил о моем отце. Каждая жилка моего тела и душа моя жаждут отомстить тому, кто довел его до нищеты и позора и загнал в могилу. Я с трудом сдерживаю себя. Меня наполняет желание оставить этот хитроумный путь, с помощью которого мы с тобой должны заманить в капкан Ак Сета. Я хочу сразу поймать его и вырвать из поганой груди сердце голыми руками.

– Если ты сделаешь это – потеряешь все, – сказал я. – Ты прекрасно это понимаешь. Сделай так, как я тебе говорю, и мы восстановим не только твою репутацию, но и репутацию твоего благородного отца. Если ты послушаешь меня, получишь назад украденные у тебя имения и состояние. Если послушаешь меня, не только добьешься полного отмщения, но и получишь Лостру, и тогда сбудутся видения, посетившие меня в лабиринтах Амона-Ра. Верь мне, Тан. Ради себя самого и моей госпожи, верь мне.

– Если я не буду верить тебе, кому мне тогда верить? – спросил Тан и коснулся моей руки. – Я знаю, что ты прав, но у меня всегда не хватало терпения. Мне всегда было легче идти по прямой дороге.

– Забудь на время об Ак Сете. Думай только о том, каков твой следующий шаг по долгому пути, который мы должны пройти вместе. Думай о Басти Жестоком. Ведь это Басти сгубил караваны твоего отца, когда они возвращались с Востока. В течение пяти лет ни один из караванов

вельможи Харраба не вернулся в Карнак. Они подверглись нападению разбойников и были разграблены. Именно Басти разрушил медные рудники в Сестре, принадлежавшие твоему отцу, и убил горняков и их рабов. С тех самых времен богатые рудные жилы остаются неразработанными. Именно Басти постоянно грабил имения твоего отца на берегу Нила, убивал рабов в полях и сжигал урожай, пока на полях не стали расти одни сорняки, и вельможа Харраб был вынужден продать их за малую толику истинной цены.

– Все это, может, и правда, но именно Ак Сет приказал ему сделать это.

– Никто тебе не поверит. Фараон не поверит, если сам не услышит признания Басти, – нетерпеливо объяснил я. – Почему ты всегда упрямишься? Мы же говорили об этом сотни раз. Сначала нужно захватить князей, а потом уже браться за голову этой змеи, Ак Сета.

– Твой голос – голос мудрости, я понимаю это. Но как же трудно ждать! Я жажду мести. Я жажду очистить свое имя от позорного обвинения в мятеже и измене и жажду, о, как я жажду увидеть Лострy!

Он наклонился ко мне и сжал мое плечо так сильно, что я поморщился.

– Ты уже достаточно сделал для меня, дружище. Я бы не смог совершить так много без тебя. Если бы ты не пришел за мной в хижину на болоте, я бы, наверное, до сих пор валялся в объятиях вонючей шлюхи, пьяный вдребезги. Я никогда не смогу отплатить тебе свой долг, но теперь мне придется отослать тебя. Ты нужен другим. Басти – моя добыча, и я не хочу делить с тобой это пиршество. Ты не пойдешь со мной в Гебель-Ум-Дахари. Я посылаю тебя обратно, туда, где твое настоящее место, где и мое настоящее место, но где я не могу находиться. Я посылаю тебя к госпоже Лострe. Я завидую тебе, дружище, и охотно отказался бы от надежды на бессмертие, лишь бы отправиться к ней вместо тебя.

Разумеется, я очень красиво возражал ему. Я клялся в том, что хочу еще раз повоевать с этими негодяями, что стал его товарищем по оружию и буду очень огорчен, если он не даст мне возможности сопровождать его в очередном боевом походе. Однако все это время я чувствовал себя в безопасности, так как знал, что если Тан решился, он будет стоять на своем и его не так-то просто переубедить. Даже мне, другу и советнику, рабу Таите, это удавалось редко.

По правде говоря, я уже был сыт по горло героизмом и стычками, где все стараются тебя убить. Я не воин по природе и не могу оставаться бесчувственным камнем, как обычные рядовые воины. Я ненавидел лишения, связанные с войной в пустыне. Я бы не выдержал еще одну неделю жары, пота и мух. Я бы не выдержал еще неделю вдали от сладостных зеленых вод родного Нила. Я истосковался по чистой одежде и ощущению свежевымытого и смазанного благовонными маслами тела. Мне так хотелось увидеть госпожу, что нельзя выразить словами. Я истосковался по тихой цивилизованной жизни наших убранных покоев на острове Элефантина, по музыке и долгим неторопливым беседам. Я соскучился по зверюшкам, по свиткам, и все это неукротимо влекло меня к себе.

Тан был прав – я больше не нужен ему. Теперь мое место рядом с госпожой. Однако если бы я слишком легко подчинился приказу, то упал бы в его глазах, а мне этого совсем не хотелось.

В конце концов я позволил ему убедить себя и, скрыв свою радость, начал готовиться к возвращению на Элефантину.

Тан приказал Крату вернуться в Карнак, чтобы собрать подкрепление для экспедиции в Гебель-Ум-Дахари. Я должен был отправиться под его защитой. Однако расстаться с Таном было не так-то просто. Дважды я покидал дом Тиамата, и дважды Тан звал меня обратно, чтобы передать еще одно послание Лострe.

– Скажи ей, что я думаю о ней каждый день и каждый час.

– Это ты уже говорил.

– Скажи ей, что во сне ее лицо постоянно стоит перед моими глазами.

– И это тоже ты уже говорил. Я могу повторить все твои послания на память. Придумай что-нибудь новое.

– Скажи ей, что я верю в видения лабиринтов и что через несколько лет мы будем вместе.

– Крат ждет. Если ты будешь держать меня здесь, как я смогу доставить твое послание?

– Скажи ей: все, что я делаю, я делаю ради нее. Каждый вздох мой ради нее... – Он помолчал и обнял меня. – По правде говоря, я сомневаюсь, что смогу прожить еще один день без нее.

– Пять лет пройдут, как один день. Когда ты увидишь ее в следующий раз, твоя честь будет восстановлена, и ты снова будешь занимать высокое положение в стране. Она полюбит тебя за это еще больше.

Он отпустил меня.

– Заботься о ней как следует, пока я не смогу принять из твоих рук эту радостную обязанность. А теперь уходи. Поспеши к ней.

– Я намеревался сделать это еще час назад, – тихо заявил я и поторопился скрыться.

Под командой Крата наш маленький отряд дошел до Карнака всего за неделю. Боясь встречи с Расфером и вельможей Интефом, я постарался не задерживаться в своем любимом городе и отправился вверх по реке, как только нашел место на одной из барок. Крат был занят подбором бойцов среди лучших отрядов стражи, так как Тан потребовал собрать тысячу воинов.

Барка отправлялась на юг, и при попутном северном ветре мы причалили к пристани на Элефантине через двенадцать дней после отплытия из Фив. Я все еще носил парик и одежду жреца, и никто не узнал меня, когда я сошел на берег.

За небольшое медное кольцо маленькая лодка переправила меня через реку на царский остров и высадила на ступеньках, которые вели к речным воротам нашего сада в гареме. Сердце мое было готово выскочить из груди, когда я быстрыми прыжками несся вверх по ступеням. Я слишком давно не видел свою госпожу. Именно в такие моменты я сознавал, как сильно ее люблю. Я был уверен, что любовь Тана – легкий бриз по сравнению с самумом моих чувств.

Одна из черных рабынь Лострy встретила меня у ворот и попыталась остановить.

– Госпожа плохо себя чувствует, жрец. У нее сейчас другой врач. Она не может увидеться с тобой.

– Сможет, – сказал я и стянул с головы парик.

– Таита! – завизжала она и упала на колени, лихорадочно делая знак от сглаза. – Но ты же умер. Это не ты, это привидение встало из могилы.

Я отпихнул ее со своей дороги и поспешил в покои госпожи, где встретил в дверях жреца Осириса, одного из тех, кто считает себя врачом.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, придя в ужас от того, что один из этих знахарей оказался рядом с моей госпожой. Прежде чем он успел ответить, я зарычал на него: – Вон! Вон отсюда! Забирай свои талисманы и грязные снадобья и не возвращайся.

Он, казалось, собирался спорить со мной, но я толкнул его между лопаток в сторону ворот и бросился к постели госпожи.

Кислый запах болезни наполнял ее комнату, и запах этот был сильным. Отчаянная печаль охватила меня, когда я посмотрел на госпожу Лострy. Она словно стала меньше, и кожа ее посерела, как пепел старого костра. Она спала или лежала без сознания. Я не понимал, что с ней произошло. Под глазами у нее виднелись темные, похожие на синяки тени, а веки, закрывавшие глаза, были сухими и шелушились. От одного их вида ужас проник в мое сердце.

Я стянул полотняную простыню, покрывавшую тело. Плоть ее, казалось, истаяла. Конечности были сухими, как палки, а ребра и бедренные кости торчали из больной кожи, словно кости коровы во время засухи. Я нежно положил руку ей под мышку, чтобы узнать, нет ли лихорадки, но кожа была прохладной. «Что же это за болезнь такая?» – испуганно подумал я. Я не встречал еще ничего подобного.

Не покидая постели, я крикнул рабынь, но они не осмелились предстать перед призраком Таиты. В конце концов мне пришлось ворваться в их комнату и вытащить одну из-под кровати.

– Что вы сделали со своей госпожой? Как вы довели ее до такого состояния? – Я пнул ее в ягодицу, чтобы она расслышала мой вопрос. Она заскулила и закрыла лицо, прикрываясь от моего взгляда.

– Госпожа отказывается от еды уже несколько недель. Она не съела ни кусочка с того самого времени, как мумия Тана, вельможи Харраба, была положена в могилу в Долине знати. Она даже потеряла ребенка фараона, которого носила в своем чреве. Пощади меня, добрый призрак. Я не причиняла тебе зла.

Какое-то мгновение я растерянно смотрел на нее, пока до меня не дошло, что случилось. Мое послание госпоже Лостре так и не было доставлено. Посланник Крата не смог добраться из Луксора в Элефантину. Скорее всего он стал очередной жертвой сорокопутов, и вниз по реке поплыл еще один труп с пустым кошельком и перерезанным горлом. Я мог только надеяться, что письмо попало в руки какого-нибудь неграмотного вора и не было доставлено Ак Сету. Однако сейчас было не время беспокоиться об этом.

Я побежал обратно к госпоже и упал на колени у постели.

– Милая моя, – шептал я, поглаживая ее шершавый лоб. – Это я, Таита, твой раб.

Она чуть пошевелилась и пробормотала что-то, но я не мог разобрать слова. Я понял, что дело зашло слишком далеко и времени у меня почти не оставалось. Весть о смерти Тана пришла около месяца назад. Если рабыня сказала правду, Лостра не принимала пищу все это время. Удивительно, что она еще жива.

Я вскочил на ноги и побежал в свою комнату. Несмотря на мою кончину, здесь все оставалось по-прежнему, и мой сундучок врача стоял в нише, там, где я его оставил. Схватив его, я поспешил обратно к госпоже. Трясущимися руками я зажег веточку скорпионьего куста от пламени масляной лампы у постели и поднес сияющий кончик веточки к ее носу. Она тут же кашлянула, чихнула и завертела головой, чтобы увернуться от едкого дыма.

– Госпожа, это я, Таита. Поговори со мной!

Она открыла глаза, и я увидел искорку радости в них, которая быстро погасла, как только Лостра вспомнила о своей потере. Протянула ко мне худые, бледные руки, и я прижал их к своей груди.

– Таита, – тихо всхлипнула она. – Он умер. Тан умер. Я не могу жить без него.

– Нет! Нет! Он жив. Я пришел к тебе от него и принес послание любви и преданности.

– Не нужно так жестоко смеяться надо мной. Я знаю, он умер. Его могила уже запечатана...

– Это всего лишь уловка, чтобы обмануть врагов! – вскричал я. – Тан жив, клянусь тебе. Он любит тебя. Он ждет тебя.

– Ох, если бы я только могла поверить тебе. Но я так хорошо тебя знаю. Ты всегда готов солгать, чтобы спасти меня. Зачем же ты мучаешь меня лживыми обещаниями? Я так тебя ненавижу... – Она попыталась вырваться из моих объятий.

– Клянусь тебе! Тан жив.

– Поклянись честью матери, которой ты не знал. Поклянись гневом всех богов. – У нее едва хватило силы бросить мне вызов.

– Клянусь тебе всем этим, а также моей любовью и долгом по отношению к тебе, моя госпожа.

– Может ли такое быть правдой? – Я увидел, как вместе с надеждой силы начали возвращаться к ней и слабый румянец появился на щеках. – О, Таита, неужели он жив?

– Разве был бы я таким счастливым, если бы это было не так? Ты же знаешь, что я люблю его так же, как и тебя. Разве смог бы я улыбаться тебе, если бы Тан действительно умер?

Она не отрываясь смотрела мне в глаза, а я начал ей рассказывать обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я покинул ее много недель назад. Я только опустил подробности о сцене в старой хижине на болоте и сожительнице Тана.

Лостра не произнесла ни слова, но глаза следили за моими, и она упивалась каждым моим словом. Ее бледное лицо, почти прозрачное от голода, сияло, как жемчужина, когда она слушала мой рассказ о приключениях в Галлале и о том, как Тан вел в бой своих воинов, как он пел в дикой ярости сражения.

– Как видишь, это правда, Тан жив, – закончил я.

Лостра заговорила в первый раз с тех пор, как я начал свой рассказ:

– Если он жив, приведи его ко мне. Я не съем ни крошки до тех пор, пока не увижу его снова.

– Я приведу его к тебе, как только смогу найти человека, который отнесет ему письмо, если ты этого захочешь, – пообещал я, а сам протянул руку к своему сундучку и достал оттуда зеркало из полированной бронзы.

Поднес его к глазам Лостры и мягко спросил:

– Ты хочешь, чтобы он увидел тебя такой?

Она уставилась на свое осунувшееся лицо с впалыми глазами.

– Я пошлю за ним сегодня же, если ты прикажешь. Он будет здесь через неделю, если тебе действительно хочется этого.

Я увидел, как борьба противоположных желаний отразилась на ее лице.

– Какая я уродина, – прошептала она. – Я кажусь старухой.

– Твоя красота жива и прячется под кожей.

– Я не могу позволить Тану видеть меня такой. – Женское тщеславие победило все остальные чувства.

– Тогда тебе придется есть.

– Ты обещаешь... – заколебалась она. – Ты обещаешь мне, что он еще жив и что ты приведешь его ко мне, как только я снова выздоровлю? Положи руку мне на сердце и поклянись.

Я почувствовал ее ребра под своими пальцами. Сердце трепетало, как птица в клетке.

– Обещаю.

– Я поверю тебе на этот раз. Но если ты лжешь, я больше никогда не буду доверять тебе. Принеси еду!

Когда я спешил на кухню, не мог скрыть самодовольной усмешки. Хитренький Таита опять добился своего.

Я смешал в чашке теплое молоко и мед. Начать придется с малого, так как она чуть не погубила себя голодом. После первой чашки ее стошнило, но вторая все-таки осталась в желудке. Если бы я задержался хоть на один день, то опоздал бы.

Болтливые языки рабынь разнесли весть о моем чудесном возвращении из загробного мира, и слух этот распространился по острову быстрее оспы.

Перед наступлением темноты фараон прислал Атона за мной. Даже мой старый друг Атон чувствовал себя неловко и держался натянуто в моем присутствии. Он стремительно отпрыгнул в сторону, когда я хотел прикоснуться к нему, словно испугался, что рука моя пройдет сквозь его плоть, словно через клуб дыма. Когда он вел меня по дворцу, рабы и вельможи разбегались в стороны, завидев нас, любопытные глаза следили за нами из каждого окошка и укромного уголка. Фараон приветствовал меня со странной смесью уважения и нервозности, совершенно несвойственной царю и богу.

– Где ты пропадал, Таита? – спросил он, как будто ему не нужен был мой ответ.

Я простерся ниц перед фараоном:

– О божественный фараон! Ты сам часть мира богов, и я понимаю, что вопросом своим ты просто хочешь испытать меня. Ты знаешь, что на устах моих лежит печать. Это было бы святотатством говорить о подобных таинствах даже перед тобой. Прошу тебя, передай всем божествам, своим покровителям, и в особенности Анубису, богу кладбищ, что я выполнил поручения, возложенные на меня. Я исполнил данный мной обет молчания. Скажи им, что я выдержал испытание, которое ты мне устроил.

При этих словах на лице у фараона появилось ошеломленное выражение, и он начал обдумывать ответ, нервно перебирая складки одежды. Я видел, как вопрос за вопросом возникали у него в голове, а потом царь сам же отбрасывал их. У него не было выхода.

В конце концов он беспомощно выпалил:

– В самом деле, Таита, ты выдержал испытание. Добро пожаловать обратно во дворец! Нам не хватало тебя.

Я понял, что все его подозрения подтвердились и теперь он относится ко мне с уважением, подобающим человеку, разрешившему главную загадку человеческого бытия.

Я подполз к его ногам и заговорил шепотом:

– О Величие Египта, знаешь ли ты причину, по которой меня прислали обратно?

Вопрос, казалось, озадачил его, однако он неуверенно кивнул. Я поднялся на ноги и подозрительно обернулся, точно боялся, что за мной следят глаза сверхъестественных сил. Я сделал знак, защищающий от зла, а потом продолжил:

– Ради госпожи Лостры! Ее болезнь вызвана прямым вмешательством... – Я не мог произнести имя, но показал двумя пальцами рога – знак бога тьмы Сета.

Смущение на лице царя сменилось ужасом. Он невольно содрогнулся и подошел ко мне поближе, как бы ища защиты, а я продолжал:

– Прежде чем меня забрали в мир иной, госпожа моя понесла в чреве своем сокровище дома Мамоса. Вот тогда бог тьмы и вмешался. Из-за своей болезни она потеряла сына, которого носила в своем чреве.

Фараон выглядел крайне расстроенным.

– Так вот почему у нее случился выкидыш... – начал он и замолчал.

Я тут же подхватил его мысль:

– Не бойся, Величие Египта, меня прислали назад силы более могущественные, чем темные силы, навредившие тебе, и я спасу ее, чтобы свершилась судьба, открывшаяся мне в лабиринтах Амона-Ра. У тебя будет другой сын взамен потерянного. Династия будет сохранена!

– Ты должен находиться рядом с госпожой Лострой, пока она не выздоровеет. – Голос фараона задрожал от волнения. – Если ты спасешь ее и она принесет мне другого сына, ты можешь просить всего, чего ни пожелаешь. Но если она умрет... – Он задумался, чем можно испугать человека, который только что вернулся из загробного мира, и в конце концов решил многозначительно промолчать.

– С вашего разрешения, ваше величество, я немедленно отправляюсь к ней.

– Немедленно, – согласился он. – Иди же, иди!

Госпожа моя стала выздоравливать так быстро, что я начал подозревать, не пробудил ли я невольно силы, превосходящие мое понимание, и сам содрогнулся от благоговейного страха перед собственным могуществом.

Плоть нарастала на костях, тело крепло на глазах. Жалкие пустые мешочки кожи набухли, и снова появились круглые пухлые груди, настолько сладостные, что даже каменное изваяние богини Хапи, стоявшее у дверей ее комнаты, сгорало от зависти. Свежая молодая кровь смыла меловую белизну кожи, и лицо опять засияло, а смех зазвенел, как струйки фонтана в саду.

Очень скоро ее уже невозможно было удержать в постели. Через несколько недель после моего возвращения на Элефантину Лостра уже играла со служанками в саду, подпрыгивая и подбрасывая надутый кожаный пузырь с горошинами внутри, пока я не испугался, что она утомится, и не отобрал пузырь, приказав отправляться в постель. Госпожа подчинилась после того, как мы заключили еще одну сделку. Я согласился спеть ей и научить самым хитрым комбинациям игры в бао, которые позволили бы впервые в жизни выиграть у Атона, страстного поклонника этой игры.

Почти каждый день он приходил справиться о здоровье моей госпожи от имени царя и после этого оставался поиграть с нами. Судя по всему, Атон решил, что я не опасный призрак, а человек, и дружба наша пережила мою кончину, хотя обращался он ко мне по-новому, уважительно.

Каждое утро госпожа Лостра заставляла меня повторять данные ей обещания. Потом доставала зеркало и без малейшего следа тщеславия изучала свое отражение, словно взвешивая каждую черточку прекрасного лица, чтобы определить, готова ли к встрече с вельможей Таном.

– Волосы у меня как солома и на подбородке еще один прыщик выскочил, – жалобно бормотала она. – Сделай меня снова красивой, Таита. Ради Тана, сделай меня красивой!

– Ты серьезно повредила себе, а теперь взываешь к Таите и просишь все исправить, – ворчал я.

Лостра смеялась и бросалась ко мне на шею.

– А для чего же ты здесь, старый ворчун? Ты должен заботиться обо мне!

Каждый вечер я готовил ей укрепляющий настой и приносил в дымящейся чашке, а она пила его перед сном. Потом снова заставляла меня повторить обещание.

– Поклянись, что приведешь Тана ко мне, как только я буду готова к встрече с ним.

Я старался не вспоминать о трудностях и опасностях, которые ожидали нас, если захочу выполнить свое обещание.

– Клянусь тебе, – послушно повторял я, и она ложилась, укладывая голову на подголовник слоновой кости, и засыпала с улыбкой на лице. Мне не хотелось думать об опасностях раньше времени.

Атон подробно сообщал фараону о ходе выздоровления Лостры, и вскоре царь сам пришел навестить ее. Он принес в подарок золотое ожерелье с фигуркой из лазурита в форме орла и сидел с нами весь вечер, играя в слова и загадывая загадки. Уже собираясь уходить, подозвал меня и попросил проводить до своих покоев.

– Она необычайно изменилась. Это чудо, Таита! Когда я смогу снова разделить с ней постель? Как мне кажется, она опять здорова и может понести от меня сына и наследника.

– Еще не совсем, Величие Египта, – горячо заверил я его. – Малейшее утомление может вызвать у моей госпожи новую вспышку болезни.

Он больше не сомневался в моих словах, потому что теперь я мог говорить со всей категоричностью человека, испытавшего смерть. Правда, скоро благоговейный страх, с которым царь относился ко мне, стал слабеть от постоянного общения.

Рабыни тоже привыкли к тому, что я воскрес из мертвых, и могли смотреть мне в глаза, не делая знаков, защищающих от сглаза. Мое возвращение из мира иного перестало волновать придворных. У всех появилась другая тема для разговоров.

Это было появление Ак Гора, вошедшего в жизнь и сознание каждого человека, жившего в стране Великой реки.

В первый раз, когда я услышал имя Ак Гора в коридорах дворца, не сразу понял, о ком идет речь. Сад Тиамата на берегу Красного моря казался таким далеким от маленького мира Эле-

фантины, и я успел забыть имя, которое Гуи дал Тану. Когда же я услышал рассказы о необычайных подвигах, приписываемых этому полубогу, то понял, о ком все говорят.

В лихорадочном возбуждении я побежал в гарем и нашел свою госпожу в саду в окружении дюжины посетителей – жены вельмож и царя пришли навестить ее. Она выздоровела и снова могла играть роль всеобщей любимицы во дворце.

Я был так взволнован, что забыл о своем положении раба и довольно грубо выгнал царственных дам. Они выпорхнули из нашего сада, квохча, как стайка сердитых курочек, и госпожа моя тут же обрушила на меня свой гнев.

– Это совсем на тебя не похоже! Что на тебя нашло, Таита?

– Тан! – произнес я как заклинание, и она тут же забыла о своем возмущении и схватила меня за руку:

– У тебя вести от Тана? Говори! Скорее, иначе я умру от нетерпения!

– Вести? Да, у меня есть вести о нем. И какие вести! Какие необычайные вести! Какие невероятные вести!

Лостра отпустила мои руки и взяла свой огромный веер с серебряной ручкой.

– Прекрати немедленно, – пригрозила она. – Я не потерплю издевательств. Говори, или, клянусь, у тебя на голове будет больше шишек, чем у нубийца блох.

– Ладно! Пойдем куда-нибудь, где никто не сможет нас подслушать. – Я повел ее к пристани и помог спуститься в маленькую лодочку. На середине реки, где не было стен, в которых повсюду прятались уши, мы могли говорить спокойно. – По всей стране дует свежий ветер, – сказал я. – Люди зовут этот ветер Ак Гор.

– Брат Гора, – выдохнула она с благоговением. – Так теперь называют Тана?

– Никто не знает, что это Тан. Все думают, что это бог.

– Он и есть бог. Для меня он бог.

– Они тоже видят его таким. Если бы он не был богом, как мог узнать, где прячутся сорокопуты, как мог безошибочно находить их укрепленные убежища, как мог догадаться, где они сидят в засаде, ожидая караваны, и застигать врасплох в их же собственных логовах?

– Неужели он совершил все эти подвиги? – в изумлении спросила она.

– Эти подвиги и сотни других, если только верить странным слухам, носящимся по дворцу. Говорят, что каждый вор и разбойник в стране дрожит за свою жизнь, а кланы сорокопутов гибнут один за другим. Говорят, у Ак Гора выросли крылья, как у орла, он взлетел на неприступные скалы Гебель-Ум-Дахари и чудесным образом появился посреди клана Басти Жестокого. Своими собственными руками он сбросил со скалы пятьсот разбойников...

– Расскажи мне о нем! – Лостра захлопала в ладоши, чуть не перевернув лодку от восторга.

– Говорят, что на каждом перекрестке и у каждого караванного пути он построил высокие монументы, отметив те места, где побывал.

– Монументы? Какие монументы?

– Кучи человеческих черепов, высокие пирамиды черепов. Это головы убитых разбойников, которые должны служить предостережением для других.

Госпожа моя содрогнулась от сладостного ужаса, но лицо ее сияло.

– Неужели он убил так много?

– Одни говорят, что пять тысяч, другие – пятьдесят тысяч, некоторые даже заявляют, будто сто тысяч разбойников, но, думаю, последние преувеличивают.

– Еще! Рассказывай еще!

– Говорят, что он уже захватил в плен по крайней мере шестерых князей-разбойников...

– И отрубил им головы! – подхватила она мои слова с омерзительным весельем.

– Нет, говорят, что не убил, а превратил в бабуинов. Говорят, держит их в клетках для развлечения.

– Разве это возможно? – захихикала она.

– Для бога все возможно.

– Он мой бог! О, Таита, когда же ты позволишь мне встретиться с ним?

– Скоро, – пообещал я. – Ты становишься прекраснее с каждым днем, и вот-вот твоя прежняя красота вернется к тебе.

– А тем временем ты будешь приносить мне любой рассказ и слух об Ак Горе.

Каждый день она посылала меня на пристани расспрашивать команды барок, прибывающих с севера, и узнавать новости об Ак Горе.

– Говорят, никто никогда не видел лица Ак Гора, потому что он носит шлем с забралом, которое закрывает все лицо, кроме глаз. Говорят также, что в разгаре битвы голова Ак Гора вспыхивает огнем и огонь этот ослепляет его врагов, – сообщил я ей после одного из походов на пристани.

– Я видела, как в солнечном свете волосы Тана горят небесным огнем, – подтвердила госпожа.

Другим утром я рассказал ей:

– Говорят, он может двоиться так, что его земное тело делится, как отражение в зеркале, и может одновременно находиться в нескольких местах. Так, в один и тот же день его видели в Кене и в Ком-Омбо, разделенных сотней миль.

– А это возможно? – спросила она с благоговейным ужасом.

– Некоторые считают, что это неправда. Они утверждают, что он может очень быстро делать большие переходы, потому что никогда не спит. Говорят также, что ночью он скачет в темноте по пустыне на спине льва, а днем летает в небе на огромном белом орле и набрасывается на врагов, когда те меньше всего этого ожидают.

– Это вполне возможно, – серьезно сказала она. – Я не верю в раздвоение земных тел, подобно отражению в зеркале, но, что касается льва и орла, верю: Тан способен на нечто подобное.

– По-моему, всякий человек в Египте жаждет увидеть Ак Гора и желаемое выдает за действительное. Его видят за каждым кустом. К вопросу о скорости, с которой он путешествует, ну что же, я сам ходил походным маршем со стражей и могу поручиться...

Она не дала мне закончить и обиженно оборвала меня:

– В твоем сердце нет романтики, Таита. Ты можешь усомниться даже в том, что облака – это овцы Осириса и что солнце – это лицо Ра, только потому, что ты не можешь достать их и потрогать. Я же со своей стороны верю, что Тан способен свершить такое. – Это утверждение положило конец нашим спорам, и я покорно опустил голову.

Во второй половине дня мы снова вдвоем стали гулять по улицам и рыночным площадям города. Как и до болезни, госпожу мою всюду встречали приветственные крики влюбленного народа, и она останавливалась поговорить с каждым независимо от его положения или рода занятий. Никто, от жрецов до проституток, не мог устоять перед ее красотой и природным очарованием.

Всякий раз она умудрялась повернуть разговор на Ак Гора, и люди страстно обсуждали с ней нового бога. К этому времени воображение народа возвело его из полубогов в полноправного члена египетского пантеона. Граждане Элефантины даже начали собирать деньги на постройку храма Ак Гору, и моя госпожа сделала щедрый взнос на это строительство.

Место для храма выбрали на берегу реки, напротив храма Гора, его отца, и фараон официально объявил о своем намерении лично посвятить ему здание. У фараона были причины быть благодарным герою. Страну охватило новое настроение. Люди стали доверять друг другу. Как только караванные пути сделались безопасными, объем торговли между Верхним царством и

остальным миром резко возрос. Там, где прежде только один караван приходил с Востока, теперь четыре без вреда пересекали пустыню и столько же отправлялись назад. Чтобы снабжать всем необходимым погонщиков караванов, понадобились тысячи вьючных ослов, и крестьяне со скотоводами вели своих животных в города, ухмыляясь в предвкушении тех денег, которые получат за товар.

Поскольку теперь стало безопасно работать в полях, даже расположенных далеко от города, люди посадили хлеб там, где десятилетиями росли одни сорняки, и крестьяне, влачившие нищенское существование, снова стали процветать. Быки тянули волокуши, загруженные товарами, по дорогам, охраняемым войсками Ак Гора, и рынки ломились от новых товаров.

Купцы и земледельцы пускали часть прибыли на строительство новых домов за городом, где теперь их семьи могли существовать в полной безопасности. Ремесленники и художники, раньше беспомощно бродившие по улицам Фив и Элефантины в поисках хоть какой-нибудь работы, теперь вдруг все оказались занятыми и на свой заработок могли купить не только самое необходимое, но и некоторые предметы роскоши для самих себя и своих семей. Рынки процветали.

Объем торговли и перевозок вверх и вниз по течению Нила возрос, потребовались корабли, и новые суда закладывались каждый день на верфях. Кормчие и команды речных ладей и барок тратили свои прибыли в тавернах и других местах развлечений. Проститутки тоже шумно требовали новых украшений, стараясь переплюнуть друг друга в красоте одежды и побрякушек. Портные и ювелиры также процветали и строили себе новые дома, а жены их бродили по рынку и покупали себе на золото, которым были набиты их кошельки, все – от рабов до кухонных горшков.

Египет возвращался к жизни после долгих лет страданий в когтях Ак Сета и сорокопутов.

Вследствие этого поступления в казну резко увеличились, и сборщики налогов фараона кружили над всеобщим богатством с жадностью стервятников, обнаруживших трупы разбойников, которыми Ак Гор и его войска усеяли всю страну. Разумеется, фараон был благодарен.

Так же, как и мы с госпожой. По моему предложению мы вложили немного денег в торговую экспедицию, направлявшуюся на Восток, в Сирию. Когда экспедиция вернулась через шесть месяцев, мы обнаружили, что получили прибыль, в пятьдесят раз превышавшую наши вложения. Госпожа моя купила нить жемчуга и пять новых рабынь, на горе мне. Я же из чистой скромности потратил свою долю на покупку пяти участков превосходной земли на восточном берегу Нила. Один из писцов составил купчую и внес ее в храмовые книги.

Наконец настал день, которого я так боялся. Однажды утром госпожа моя изучала свое отражение в зеркале несколько дольше, чем обычно, и объявила, что готова к встрече с Таном. По справедливости говоря, мне пришлось согласиться – она никогда не выглядела прекраснее. Казалось, будто недавние страдания закалили ее и придали ей новые силы. Из облика исчезли последние черты девической внешности, неуверенность прошла, щенячий жирок исчез с тела. Она стала женщиной, зрелой и спокойной женщиной.

– Я поверила тебе, Таита. Теперь ты должен доказать мне, что я не совершила глупость. Приведи мне Тана.

Когда мы прощались с Таном в Сафаге, не смогли договориться о надежном способе передачи посланий.

– Я постоянно буду в походе, и никто не знает, куда заведут меня дороги войны. Пусть госпожа Лостра не беспокоится, если долго не будет слышать обо мне. Скажи ей, что я пошлю послание, как только задача моя будет выполнена. Однако не забудь заверить ее: я приду к ней тогда, когда плод нашей любви созреет и его можно будет сорвать.

Так что мы ничего не знали о нем, кроме невероятных слухов, распространявшихся по верфям и базарам.

И снова будто боги вмешались и спасли меня от гнева госпожи Лостры. На рынке в тот день появился новый слух. Караван, пришедший с севера, встретил свежую пирамиду человеческих голов у дороги, не далее чем в двух милях от городских стен. Головы эти были свежи и почти не воняли, вороны со стервятниками еще не успели очистить их от плоти.

– Это может означать только одно, – сказал один сплетник другому. – Ак Гор находится поблизости от Асуана и, возможно, даже в пределах видимости со стен Элефантины. Он напал на остатки клана Акеку, скрывавшиеся в пустыне с тех пор, как их князь потерял голову в Галлале. Ак Гор убил последних разбойников и сложил их головы на дороге. Благодарение новому богу! Теперь юг свободен от ужасных сорокопутов!

Это действительно было новостью, причем лучшей из тех, что я слышал за последнюю неделю, и мне не терпелось донести ее до моей госпожи. Я начал проталкиваться через толпу моряков на пристани и искать лодочника, перевезшего бы меня на остров.

Кто-то потянул меня за руку, но я раздраженно отмахнулся. Несмотря на всеобщее процветание, а может быть, и из-за него, нищие становились все наглее. Он не отставал, и я развернулся к нему, замахнувшись посохом.

– Не бей старого друга! У меня к тебе послание от бога, – заскулил нищий. Мой посох замер, а я уставился на него разинув рот.

– Гуи! – Сердце у меня чуть не выскочило из груди, когда я узнал хитренькую ухмылку бывшего разбойника. – Что ты тут делаешь? – Я не стал ждать ответа на бессмысленный вопрос и быстро продолжил: – Следуй за мной в отдалении.

Я отвел его в одно из мест развлечений в узком переулке за пристанью, где сдавали комнаты парочкам независимо от их пола. Комнаты здесь предоставляли на короткое время, измерявшееся водяными часами, висевшими у дверей, и брали за водяной час большое медное кольцо. Я заплатил за комнату неслыханную цену и, как только мы остались одни, схватил Гуи за рваный плащ.

– Какую весть ты принес о своем господине? – спросил я, а он усмехнулся с отвратительной наглостью.

– У меня так пересохло в горле, что я едва могу говорить. – Он уже успел перенять надменные замашки стражников из отряда синих. Как быстро обезьянка усваивает новые штуки! Я крикнул коридорному, чтобы принес кувшин пива. Гуи пил пиво, как осел воду после перехода через пустыню. Потом опустил кувшин и весело рыгнул. – Бог Ак Гор шлет тебе привет. Тебе и другому человеку, чье имя нельзя называть. Он просит меня сказать тебе, что поручение выполнено и все птички сидят в клетке. Напоминает тебе, что до следующего праздника Осириса осталось всего несколько месяцев. Давно пора писать новый сценарий мистерии на радость царю.

– Где он? Когда ты можешь вернуться к нему?

– Я буду с ним до того, как Амон-Ра, бог солнца, скроется за западными холмами, – объявил Гуи.

Я выглянул в окно и увидел, что солнце находится на полпути от зенита к горизонту. Тан расположился совсем близко от города. Радость охватила меня. Как же мне хотелось ощутить на себе его крепкие объятия и услышать гулкий смех!

Ухмыляясь в предвкушении встречи, я шагал взад и вперед по грязной комнате, пока не решил, какое послание отправить с Гуи для Тана.

Уже стемнело, когда я сошел на берег на маленькой пристани и поспешил по ступенькам наверх. Одна из рабынь Лостры рыдала у ворот и терла распухшее ухо.

– Она ударила меня, – прохныкала девчонка, и я увидел, что ее гордость пострадала больше, чем ухо.

– Не называй госпожу Лострy «она», – укорил я ее. – Да и вообще, как ты можешь жаловаться? Рабов нельзя не бить.

Однако хозяйка моя никогда не поднимала руку на домашних. В хорошеньком же она настроении, подумал я и замедлил шаг. Осторожно продвигаясь вперед, подошел к ее покоям в тот самый момент, когда другая рабыня, плача, выбежала оттуда. Госпожа появилась за ее спиной, раскрасневшись от гнева.

– Ты превратила мою прическу в стог сена...

Она увидела меня и тут же забыла о девчонке. Обрушилась на меня с такой яростью, что я сразу понял, кто разгневал ее.

– Где ты был? – потребовала она объяснений. – Я послала тебя на пристань до полудня. Как ты смеешь не являться ко мне так долго?! – Она приближалась ко мне с таким лицом, что я испуганно отступил назад.

– Он здесь, – торопливо сказал я, а потом понизил голос так, чтобы рабыни не могли расслышать. – Тан здесь, послезавтра я сдержу свое обещание.

Настроение ее изменилось на прямо противоположное, она бросилась ко мне на шею, а затем побежала утешать своих служанок.

В качестве обычной ежегодной дани царь аморитов, вассал фараона, прислал ему пару ученых охотничьих гепардов из своего царства на противоположном берегу Красного моря. Нашему царю не терпелось испытать этих великолепных животных в охоте на стада газелей, которые заполняли дюны на западном берегу реки. По его приказу весь двор, включая мою госпожу, должен был присутствовать на охоте.

Мы переправились на западный берег с целой флотилией маленьких лодок в белом облаке трепещущих парусов и разноцветных флажков. Повсюду раздавался смех и звучала музыка лютни и систры. Через несколько дней должно было начаться половодье великой реки, ожидание его и процветание всей страны повлияли на праздничное настроение двора.

Госпожа моя была веселее всех. Она радостно окликала друзей в других лодках, когда наша быстрая ладья разрезала зеленую летнюю воду с такой скоростью, что нос ее покрывала гирлянда пены, а позади оставался сияющий белый след.

Казалось, будто я один из всех присутствующих не разделяю всеобщего веселья и радости. Ветер был какой-то чересчур резкий, и направление его внушало мне опасения. Я постоянно поглядывал на запад. Небо там было безоблачным и ярким, но на небосклоне виднелся странный медный отблеск, совершенно неестественный в это время дня. Казалось, будто еще одно солнце восходит там, где оно должно садиться.

Я постарался отбросить дурные предчувствия и отдаться всеобщему веселью. Это мне не удалось, потому что беспокоиться приходилось не только о погоде. Если хоть в чем-то мой план сорвется, жизнь моя будет в опасности. И возможно, не только моя.

Эти чувства, наверное, отражались на моем лице, так как госпожа моя тихонько толкнула меня ногой с ярко накрашенными ногтями и сказала:

– Не будь таким угрюмым, Таита. Каждый, кто посмотрит на тебя, сразу догадается, что ты что-то замышляешь. Улыбнись! Я приказываю тебе улыбаться!

Когда мы высадились на западном берегу, нас ожидала целая орда рабов. Конюхи держали за поводья великолепных белых ослов из царских конюшен, покрытых шелковыми чепраками. Вьючные ослы несли шатры, ковры и корзины с пищей, вином и другими вещами, необходимыми для царского выезда на охоту. Целое войско рабов встречало двор, держало зонтики над

знатными дамами и прислуживало вельможам. Были там шуты, акробаты и музыканты для развлечения гостей, а также сотни егерей.

Клетку с гепардами погрузили на волокушу, запряженную белыми быками. Весь двор собрался полюбоваться этими редкими животными. В нашей стране они не встречаются в естественных условиях, так как живут в открытых травянистых саваннах, а последних нет по берегам реки. Я впервые увидел этих животных, и меня охватило такое любопытство, что на какое-то время я забыл о своих тревогах и протолкался к клеткам поближе, стараясь не наступать на ноги вспыльчивым вельможам.

Кошки эти так красивы, что и представить невозможно. Они выше и элегантнее леопардов, у них длинные стройные ноги и впалые животы; изогнутые хвосты точно выражают настроение, золотые шкуры усеяны розетками черного цвета, а из внутреннего уголка каждого глаза вниз по морде идет черная полоска, будто нарисованный след. Великолепная фигура, царственная осанка придавали этим животным трагичный и романтический вид, пленивший меня. Мне захотелось иметь гепарда, и я тут же решил подбросить мысль об этом своей госпоже. Царь ни в чем не отказывал ей.

Слишком быстро, на мой взгляд, баржа, на борту которой переправлялся царь, прибыла на западный берег, и мы со всем двором поторопились к реке приветствовать фараона.

На нем был легкий охотничий наряд, и впервые за многие дни он казался спокойным и счастливым. Мамос остановился рядом с моей госпожой, когда она по обычаю поклонилась ему, и великодушно справился о здоровье. Меня охватил ужас при мысли о том, что он может оставить ее при себе на весь день – это разрушило бы все мои планы. Однако охотничьи гепарды привлекли внимание царя, и он быстро прошел к ним, не позвав за собой госпожу.

Мы быстро затерялись в толпе и отправились туда, где слуги держали ослов для госпожи Лостры. Помогая ей сесть в седло, я тихо поговорил с конюхом. Он сообщил мне то, что нужно, и я украдкой сунул ему в руку серебряное кольцо, тут же исчезнувшее, словно по волшебству.

Один раб вел осла в поводу, другой держал над седоком зонт. Так моя госпожа и я последовали за царем и волокушей с гепардами в пустыню. Мы часто останавливались, чтобы подкрепиться, и солнце успело пройти половину пути к зениту, прежде чем мы добрались до Долины газелей. По пути на довольно большом расстоянии прошли мимо древнего кладбища Трас, заложенного во времена первых фараонов. Некоторые мудрецы считают, что гробницы эти выбиты в черных скалах три тысячи лет назад; правда, я не могу сказать, как они пришли к такому заключению. Стараясь не привлекать к себе внимания, я осмотрел входы в могильные склепы, пока мы проезжали мимо. Однако издалека я не мог различить следов пребывания человека и непонятно почему расстроился. Я не переставал оглядываться, пока гробницы не скрылись из виду.

Долина газелей – один из заказников царя, защищенный указами множества фараонов, живших до него. Отряд царских хранителей дичи постоянно жил в холмах над долиной и следил за соблюдением царских указов относительно охоты на животных. За охоту в этой долине без разрешения царя браконьеров ждала смерть через удушение.

Знать спешилась на вершине одного из холмов, возвышавшихся над широкой темной долиной. Очень скоро были поставлены шатры, где она могла укрыться от солнца, и рабы открыли кувшины с шербетом и пивом, чтобы господа промочили иссохшие глотки.

Я проследил за тем, чтобы мы с госпожой получили прекрасное место с видом на Долину газелей, откуда можно было уйти, не привлекая лишнего внимания. Вдалеке я различил стада газелей в дрожащем, словно вода, горячем воздухе. Показал их госпоже.

– Чем же они там питаются? Здесь не видно ни следа зелени. Они, наверное, едят камни – их более чем достаточно.

– Многие из них совсем не камни, а живые растения, – объяснил я. Она недоверчиво посмеялась надо мной, а я поискал глазами вокруг и собрал горсточку этих чудесных растений.

– Это камни, – настаивала Лостра, пока не взяла в руки одно из растений и не раздавила его. Густой сок закапал у нее между пальцами, и она изумилась хитрости бога, придумавшего такую обманку. – Вот этим они и питаются? Это совершенно невероятно!

Мы не могли продолжать беседу, поскольку началась охота. Двое царских охотников открыли клетку, и гепарды спрыгнули на землю. Я думал, они попытаются сбежать, но животные были ручными, как храмовые кошки, и влюбленно терлись о ноги своих хозяев. Гепарды издавали странные чирикающие звуки, больше похожие на птичий крик, чем на рык хищников.

Вдали, на противоположной стороне коричневой, выжженной солнцем долины, я разглядел цепочку загонщиков, чьи фигурки казались маленькими и расплывчатыми в горячем воздухе. Они медленно приближались, и стада антилоп стали постепенно перемещаться в нашу сторону.

Царь и его охотники, ведя на поводках гепардов, спустились по склону холма на дно долины, а мы и весь двор остались на вершине холма. Придворные уже начали заключать пари на исход охоты, и я не меньше остальных жаждал посмотреть, но госпожу мою беспокоили другие дела.

– Когда мы уйдем? – прошептала она. – Когда мы сможем скрыться в пустыне?

– Когда начнется охота, все будут следить только за ее ходом. Вот тогда нам и представится возможность уйти. – Как только я закончил, ветер, подгонявший наши лодки при переправе через реку и овевавший нас во время похода через пустыню, внезапно стих. Казалось, будто кузнец открыл дверцу горна. Воздух стал таким горячим, что невозможно было дышать.

Я снова посмотрел на запад. Небосвод над горизонтом начал светиться желтым светом. Мне почудилось, что сияние это на глазах распространяется по всему небосклону. Мне стало не по себе. Однако, похоже, я один в толпе придворных заметил это странное явление.

Хотя охотники уже спустились в долину, но еще не ушли далеко, и я мог наблюдать за крупными кошками. Те наконец увидели стадо газелей, которых медленно гнали к ним, тут же превратившись из ласковых домашних животных в свирепых хищников. Головы их поднялись, тела напряглись, уши встали, поводки натянулись. Впалые животы, казалось, приросли к хребтам, и каждый мускул тела напрягся, словно натянутая тетива.

Госпожа потянула меня за подол и повелительно шепнула:

– Пойдем, Таита.

И я неохотно начал боком отступать к скале, которая должна прикрыть наш уход и спрятать от глаз придворных. Серебряное кольцо, данное мною конюху, обеспечило нам осла, стоявшего внизу среди скал. Как только мы подошли к нему, я проверил, все ли заказанное на месте. К седлу были приторочены бурдюк с водой и кожаная сумка с припасами. Все было в порядке.

Я не смог сдержаться и взмолился:

– Подождем еще минуточку. – Не успела госпожа возразить мне, как я уже взобрался на вершину скалы и стал смотреть вниз.

Ближайшая антилопа пересекала долину всего в нескольких сотнях шагов от того места, где фараон держал на поводке гепарда. Я поднялся вовремя и успел увидеть, как животных спустили с поводков. Они бросились вперед легким галопом, как будто изучали на ходу изящно трусящих антилоп и выбирали себе жертву. Внезапно стада почуяли их приближение и бросились бежать. Как стайка ласточек понеслись над пыльной равниной.

Тела кошек вытянулись над землей, лапы их доставали землю далеко впереди, потом они складывались вдвое, отталкивались задними лапами и снова вытягивались вдоль земли. Гепарды стремительно набирали предельную скорость, и я еще не видел ни одного животного, которое бежало бы так быстро. По сравнению с ними стада газелей как будто застряли в болоте и

еле передвигали ноги. Грациозно, без всяких усилий две кошки нагнали стадо и обогнали несколько отставших животных, прежде чем настигли выбранные жертвы.

Охваченные паникой антилопы пытались уклониться от смертоносного нападения. Они подскакивали, изменяли направление полета в воздухе, изгибались и прыгали в противоположном направлении, как только их изящные копыта касались выжженной земли. Кошки с грациозной легкостью повторяли каждый их прыжок, и конец был неотвратим. Каждая из них повалила на землю по газели, тут же скрывшейся в облаке пыли. Вцепившись в шеи своих жертв, кошки душили их до тех пор, пока ноги газелей не перестали биться в воздухе и не замерли в судороге.

Зрелище это настолько потрясло меня, что даже перехватило дыхание от возбуждения. Потом снизу раздался голос моей госпожи:

– Таита! Спускайся немедленно! Тебя заметят на этой скале.

Я соскользнул вниз и присоединился к ней.

Все еще взволнованный зрелищем, я заставил ее сесть в седло и повел ослика в поводу по оврагу, где нас не было видно с вершины холма. Госпожа моя не могла долго сердиться на меня и, как только я хитро упомянул имя Тана, тут же обо всем забыла и стала подгонять животное, чтобы оно быстрее шло к месту встречи.

Только после того, как между нами и Долиной газелей оказалась еще одна гряда холмов, я направился прямо к кладбищу Трас. В горячем, неподвижном воздухе копыта ослика звенели так, будто под ногами у него были не камни, а битое стекло. Очень скоро я почувствовал, как пот струится по моей коже, настолько было душно, и в воздухе запахло грозой. Не успели мы доехать до гробниц, как я предложил госпоже:

– Воздух сух, как старые кости. Тебе нужно попить воды...

– Вперед! У нас будет время напиться. Ты не умрешь от жажды.

– Я думал только о тебе, госпожа.

– Мы не должны опаздывать. Каждое потерянное мгновение сокращает мою встречу с Таном. – Разумеется, она была права, потому что пройдет немного времени и нас хватятся. Госпожа моя была настолько любима придворными, что кто-нибудь из них обязательно попытается найти ее, как только охота закончится и все направятся к реке.

Когда мы подошли ближе к черным скалам, желание ее разгорелось настолько, что она уже не могла усидеть в седле тихого ослика. Соскочила на землю и побежала вперед на вершину холма.

– Вот оно, то место! Здесь он будет ждать меня! – И показала впереди себя рукой.

Она плясала на вершине холма на фоне неба, и тут ветер обрушился и завыл, как голодный волк в ущельях безводных холмов. Он ударил по волосам госпожи, и они забились на ветру, словно флаг, хлопая и развеваясь вокруг головы. Ветер задрал подол выше бедер. Она смеялась и плясала, заигрывая с ветром, как с любовником. Я не разделял ее веселья.

Я обернулся и увидел бурю, приближавшуюся к нам со стороны Сахары. Огромная стена желтого песка шла из пустыни, тяжелая и злобная, волной накатываясь на землю, как прибой на коралловые рифы. Песок, поднятый ветром, резал мои ноги. Я побежал, таща за собой ослика. Ветер бил в спину и валил с ног, но я догнал госпожу.

– Скорее! – закричал я, стараясь перекричать ветер. – Нам нужно укрыться в гробницах раньше, чем буря настигнет нас.

Высокие тучи песка уже закрывали солнце. Оно начало гаснуть, и на него можно было смотреть не жмурясь. Весь мир вокруг погрузился в темно-багровые сумерки, а солнце превратилось в тусклый шарик оранжевого цвета. Летящий песок впивался в голую кожу наших рук, ног и плеч, пока я не обернул свою шаль вокруг головы госпожи и не повел ее дальше.

Полосы летящего песка шли на нас, скрывая горизонт и даже ближние холмы. Я боялся, что потерял направление, когда внезапно перед моими глазами из-за песчаного занавеса возникла

темная дыра – вход в одну из гробниц. Я втащил госпожу и ослика за собой, и мы, шатаясь, вошли в пещеру. Входной канал гробницы был выбит в скале. Он вел в глубину холма, а потом резко поворачивал в сторону перед входом в усыпальницу, где когда-то покоилась древняя мумия. За много лет до нас грабители могил сумели распорядиться забальзамированным телом и сокровищами. Теперь на каменных стенах остались только потускневшие фрески с изображениями богов и чудовищ, призрачно мерцавшие в тусклом свете.

Госпожа опустилась на пол у каменной стены, и первые ее мысли были о возлюбленном.

– Теперь Тан не сможет найти нас! – отчаянно закричала она. И я, человек, который спас ее, был поражен такой неблагодарностью. Я расседлал нашего ослика и сложил поклажу на пол усыпальницы. Потом нацедил в чашу воды из бурдюка и заставил ее попить. – Что же случится с остальными, с царем и всеми нашими друзьями? – спросила Лостра, оторвавшись на мгновение от чаши. Это было так похоже на нее – она думала о благополучии других, даже когда сама попадала в беду.

– О них позаботятся охотники. Они добрые люди и знают пустыню.

Однако бурю предсказать они не смогли, угрюмо подумал я. Хотя я и пытался успокоить госпожу, но понимал, что женщинам и детям придется туго.

– А Тан? Что будет с ним?

– Ну а Тан-то точно знает, что делать в таких случаях. Он сам как бедуин. Можешь быть уверена, он видел приближение бури.

– Мы сможем вернуться к реке? Нас найдут? – Наконец-то она подумала о своей участи.

– Здесь нам ничто не угрожает. Воды хватит на много дней. Когда буря кончится, мы сами найдем дорогу к реке. – Вспомнив о драгоценной влаге, я оттащил толстый бурдюк в глубину гробницы, чтобы ослик случайно не раздавил его. Теперь в усыпальнице было совершенно темно; я ощупью зажег масляную лампу, оставленную нам рабом, и раздул фитиль. Он запылал и заполнил погребальную камеру веселым желтым светом.

Когда я возился с лампой, стоя спиной ко входу в пещеру, госпожа моя вдруг закричала. Крик этот был так громок и в нем слышался такой смертельный ужас, что меня тут же охватила паника. Кровь, казалось, загустела в моих жилах, как мед, хотя сердце стучало в груди, как копыта бегущей газели. Одним прыжком я повернулся к выходу и потянулся к кинжалу, но как только увидел чудовище, чье тело загородило собой вход, замер, даже не коснувшись оружия рукой. Я почувствовал, что маленький клинок будет совершенно бесполезен в борьбе с таким существом.

В слабом свете лампы контуры тела чудовища расплывались. Оно походило на человека, но было слишком огромным. Судя по голове, передо мной стояло то самое ужасное крокодилоголовое чудище из иного мира, которое пожирает сердца грешников после взвешивания их душ на весах Тота. Его изображения были здесь же на стенах усыпальницы. Голова блистала чешуей, как голова рептилии, а клюв походил на клюв орла или гигантской черепахи. Глаза, казавшиеся бездонными колодцами, безжалостно уставились на нас. Громадные крылья, подобные крыльям пикирующего сокола, росли у него за плечами. Я решил, что существо это вот-вот бросится на нас и разорвет мою госпожу сверкающими когтями. Ей, наверное, пришло в голову то же самое, потому что она снова завопила и упала ему в ноги.

Потом я внезапно понял, что крыльев у чудовища нет, а за спиной бьются на ветру складки длинного шерстяного плаща, какие носят бедуины. Мы стояли неподвижно, словно окаменев от ужаса, а существо подняло обе руки и сняло с головы позолоченный шлем с забралом, выполненный в форме головы орла. Затем оно потрясло головой, и поток золотых кудрей рассыпался по широким плечам.

– С вершины скалы я увидел, как вы идете сюда через бурю, – сказало оно таким знакомым и дорогим для нас голосом.

– Тан! – закричала госпожа, но на этот раз в голосе звенела радость.

Она подлетела к нему, будто на крыльях, и он поднял ее на руки, как ребенка, поднял так высоко, что голова коснулась каменного потолка. Потом опустил, прижав к своей груди. Устроившись у него на руках, как в люльке, она потянулась ртом к его губам, и казалось, они выпьют друг друга, так велика была их жажда.

Забытый, стоял я в углу усыпальницы. Хотя я устроил целый заговор и рисковал многим ради их встречи, не могу заставить себя описать чувства, нахлынувшие на меня, когда стал невольным свидетелем их счастья. Я считаю ревность самым низким из человеческих чувств. И хотя я любил госпожу Лострy так же, как и Тана, любовь эта не была любовью отца или брата. Я был евнухом, но в сердце моем жила любовь мужчины, безнадежная любовь, но от этого еще более горячая. Я не мог оставаться в пещере и смотреть на них и стал, крадучись, выбираться из усыпальницы, как выпоротый щенок. Но Тан заметил меня и прервал поцелуй, который, казалось, готов был погубить мою душу.

– Таита, не оставляй меня наедине с женой царя. Останься с нами и защити нас от ужасного искушения. Наша честь в опасности. Я не могу доверять себе. Ты должен остаться здесь и проследить за тем, чтобы я не опозорил жену фараона.

– Уходи! – закричала госпожа Лостра из его объятий. – Оставь нас одних. Я не желаю больше слушать ваши разговоры о чести и позоре. Нам так долго отказывали в нашей любви! Я не могу дожидаться, пока сбудется пророчество лабиринтов. Сейчас же оставь нас одних, милый Таита.

Я бросился из усыпальницы, как будто смерть гналась за мной. Я бы, наверное, бежал в пустыню и погиб в песчаной буре, найдя облегчение в смерти. Но я слишком большой трус, а потому позволил ветру загнать меня обратно. Спотыкаясь, дошел до поворота во входном коридоре, где ветер не бил в лицо, и опустился на каменный пол. Замотал голову платком, чтобы закрыть глаза и уши, однако даже рев бури в скалах не мог заглушить звуки, доносившиеся из усыпальницы.

Два дня буря ревела не умолкая. Часть этого времени я проспал, стараясь забыться, но всякий раз, когда я просыпался, снова слышал их, и звуки любви мучили меня. Может показаться странным, но я не испытывал подобного горя, когда моя госпожа делила постель с царем. Однако с другой стороны, ничего странного в этом не было, так как старик ничего не значил для нее.

Теперь же я погрузился в новый мир пыток. Легкие вскрики, стоны и шепот разрывали мое сердце. Ритмические всхлипывания молодой женщины, в которых не было боли, казалось, вот-вот погубят меня. Громкий крик окончательного восторга обжигал сильнее, чем удар кастрационного ножа.

Наконец ветер постепенно затих, и его рев превратился в стон. Свет снаружи усилился, и я понял, что начинается третий день моего заточения в этой могиле. Я поднялся на ноги и окликнул их, не осмеливаясь войти во внутреннее помещение усыпальницы. Сначала никто не отвечал, а потом госпожа моя заговорила хриплым изумленным голосом, словно эхо потустороннего мира, раздавшееся в пещере:

– Таита, это ты? Мне почудилось, будто я умерла во время бури и меня отнесло к западным полям рая.

Мы не могли долго оставаться в пещере, когда самум прошел. Царские охотники уже наверняка искали нас. Буря полностью оправдывала наше отсутствие: выживших участников охоты, без сомнения, разбросало по страшным безводным холмам на границе пустыни. Однако поисковый отряд не должен обнаружить нас в обществе Тана.

Мы с Таном едва успели обменяться парой слов за последние несколько дней, а нам нужно было многое обговорить. Стоя у входа в усыпальницу, мы торопливо обсуждали наши будущие действия.

Госпожа моя была тихой и спокойной. Раньше мне редко удавалось видеть ее такой. Она больше не была прежней неутомимой болтушкой и с какой-то новой значительностью стояла рядом с Таном, глядя ему в лицо. И напоминала мне жрицу, которая совершает богослужение перед статуей своего божества. Глаза не отрывались от его лица, она то и дело протягивала руку, чтобы коснуться и удостовериться, он ли стоит перед ней.

Когда Лостра касалась Тана, он замолкал, о чем бы ни говорил перед этим, и смотрел в ее темно-зеленые глаза. Мне приходилось окликать его, чтобы напомнить о незаконченных делах. Перед лицом такого обожания мои собственные чувства казались низкими и грязными. Я заставлял себя радоваться за них.

Наш разговор занял много времени, что вовсе не было благоразумным. Я обнял Тана на прощание и погнал нашего ослика из пещеры в рассеянное сияние, которое наполняло воздух, светившийся от тонкой желтой пыли. Госпожа моя задержалась внутри, и я подождал ее внизу, у подножия холма.

Оглянувшись, я увидел, как они вышли из пещеры. Остановились и долго смотрели друг на друга, не прикасаясь, потом Тан повернулся и большими шагами пошел прочь. Госпожа смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, затем спустилась ко мне. Шла, будто во сне.

Я помог ей взобраться в седло, и, когда поправлял подпругу, она наклонилась и взяла меня за руку.

– Благодарю тебя, – просто сказала Лостра.

– Я не стою твоей благодарности.

– Я – самое счастливое существо в мире. Все, что ты рассказал мне о любви, правда. Прошу тебя, порадуйся за меня, даже если... – Фраза осталась незаконченной, но я внезапно понял, что моя госпожа знает самые тайные мои чувства. И в своей великой радости печалится, что причинила мне боль. В этот миг мне казалось, что я любил ее больше, чем когда бы то ни было.

Я отвернулся и пошел вперед, ведя ослика в поводу. Мы направились к Нилу.

Один из царских охотников разглядел нас с дальнего холма и, приблизившись, весело окликнул.

– Мы разыскиваем вас по приказу царя, – сообщил он, поспешно подбегая к нам.

– Царь спасен? – спросил я.

– Цел и невредим и сейчас находится в своем дворце на острове Элефантина. Приказал привести к нему госпожу Лостру, как только ее найдут.

Когда мы сошли на пристань у дворца, Атон уже был там, пыхтя от облегчения и раздувая свои крашеные щеки. Он суетился вокруг госпожи.

– Охотники обнаружили тела двадцати трех несчастных, погибших во время бури, – сказал постельничий с каким-то отвратительным наслаждением. – Все были уверены, что и вас также найдут мертвыми. Я же, однако, молился в храме Хапи за ваше счастливое возвращение.

Атон, казалось, был очень доволен собой, и меня разозлила его попытка присвоить себе спасение моей госпожи. Он едва дал нам время помыться на скорую руку и смазать сухую кожу благовонными маслами, прежде чем потащил нас на встречу с царем.

Фараон был по-настоящему растроган, когда госпожа моя снова вернулась к нему. Я уверен, он начал любить ее не меньше других своих жен, и не только за то, что она обещала ему бессмертие в лице его сына. Слеза скатилась с ресниц и чуть смазала грим на щеке, когда госпожа встала на колени перед ним.

– Я думал, ты погибла, – сказал Мамос и уже хотел обнять ее, но дворцовый этикет помешал этому, – а вместо этого нахожу, что ты стала еще красивее и милее, чем когда бы то ни было. – Это было правдой; любовь, словно колдовство, наделила мою госпожу сиянием золота.

– Таита спас меня, – сообщила она фараону. – Он отвел меня в укрытие и охранял все эти ужасные дни. Без него я бы погибла, как и многие другие несчастные.

– Это правда, Таита? – спросил фараон, и я, придав своему лицу самое скромное выражение, пробормотал:

– Я всего лишь скромное орудие в руках богов.

Он улыбнулся мне, потому что и меня тоже полюбил в последнее время.

– Ты оказал мне множество полезных услуг, о смиренное орудие богов! Однако последняя твоя услуга самая ценная. Подойди ко мне!

И я преклонил колено перед ним.

Атон встал сзади меня с маленьким ларцом кедрового дерева в руках. Он открыл крышку и протянул ларец царю. Фараон достал золотую цепь. Она была сделана из чистейшего золота и несла на себе отметку царских ювелиров, свидетельствующую о том, что вес ее составляет двадцать дебенов*.

Царь поднял цепь у меня над головой и заговорил певучим голосом:

– Я награждаю тебя «Золотом похвалы». – Он опустил цепь на мои плечи, и тяжесть золота наполнила меня радостью. Награда эта – знак высочайшей благосклонности фараона, обычно ею награждали военачальников, послов или высокопоставленных чиновников, таких как вельможа Интеф. Сомневаюсь, чтобы за всю историю Египта эта золотая цепь когда-либо возлагалась на шею низкого раба.

Однако это не было единственной наградой, которой суждено было свалиться на меня, так как госпожа моя не могла позволить, чтобы кто-то превзошел ее. Тем вечером, когда я прислуживал ей во время купания, она вдруг отпустила рабов и сказала мне, встав передо мной совершенно обнаженной:

– Ты можешь помочь мне одеться, Таита. – Она позволяла воспользоваться этой привилегией только в минуты особого ко мне расположения. Знала, как я наслаждался теми мгновениями, когда мы оставались с ней наедине в столь интимной обстановке.

Ее прелести скрывали только блестящие локоны черных волос. Казалось, что дни, проведенные с Таном, наполнили все существо этой юной женщины новой красотой. Она сияла. Как лампа, помещенная в кувшин из алебастра, светится через его прозрачные стены, так же лучилась госпожа Лостра.

– Мне даже не снилось, что тело мое, этот жалкий сосуд, может вмещать столько радости. – С этими словами она оглядела себя и погладила по бедрам, словно приглашая меня сделать то же самое. – Все, что ты обещал мне, сбылось, пока я была с Таном. Фараон наградил тебя «Золотом похвалы», и мне тоже следует показать, как я ценю тебя. Я хочу, чтобы и ты разделил мое счастье.

– Служить тебе – единственная желанная награда.

– Помоги мне одеться, – приказала она и подняла руки над головой.

Груди изменили свою форму. В течение всего этого года я наблюдал, как они росли и из маленьких незрелых фиников превратились в округлые гранаты цвета густых сливок, более прекрасные, чем драгоценные камни или мраморные статуэтки. Я поднял над ней прозрачное ночное одеяние и медленно опустил его. Оно тихо соскользнуло на тело. Одежда закрыла, но не скрыла ее прелести, так же как утренняя дымка не может скрыть красоту вод Нила на рассвете.

– Я приказала устроить пир и разослала приглашения царским женам.

---

* Дебен – мера веса, равная 91 грамму. – *Примеч. ред.*

– Очень хорошо, госпожа. Я прослежу за этим.

– Нет, нет, Таита. Это будет пир в твою честь. Ты будешь сидеть рядом со мной как гость.

Эта мысль потрясла меня не меньше, чем та дикая выходка, которую она позволила себе недавно.

– Так не подобает, госпожа. Ты нарушишь обычаи.

– Я жена фараона. Я устанавливаю обычаи. Во время пиршества я сделаю тебе подарок и преподнесу его на виду у всех.

– Ты мне скажешь, что это за подарок? – с трепетом спросил я. Невозможно угадать, что придет ей в голову через минуту.

– Конечно, скажу, – таинственно улыбнулась она. – Это секрет, вот что это.

Хотя я и был почетным гостем, но не мог себе позволить оставить приготовление пиршества на поваров и смешливых рабынь. В конце концов, от этого зависела репутация моей госпожи как хозяйки. Еще до рассвета я отправился на рынок, чтобы купить самые свежие дары полей и реки.

Я пообещал Атону, что его тоже пригласят на этот пир, и он открыл для меня царские винные погреба и позволил выбрать вина. Я нанял лучших музыкантов и акробатов города и отрепетировал с ними представление. Послал рабов собирать гиацинты, лилии и лотосы по берегам реки, чтобы добавить букеты к цветам, уже украшавшим наш сад. Плетельщики сплели небольшие ковчеги из трав, куда я положил лампы из цветного стекла и пустил их плавать в прудах нашего сада. Для каждого гостя приготовил кожаные подушки и гирлянды цветов, кувшины с благовонными маслами, которыми они должны были охлаждать себя душной ночью, отгоняя запахом благовоний москитов.

С наступлением темноты стали прибывать царские жены в аляповатых роскошных нарядах. Отдельные даже побрили свои головы, чтобы заменить естественные волосы сложными париками из волос бедных женщин, которым приходится продавать их, чтобы прокормить детей. Я терпеть не мог эту моду и дал себе слово сделать все возможное, чтобы помешать моей госпоже следовать ей и предотвратить подобную глупость с ее стороны. Роскошные локоны Лостры всегда доставляли мне наслаждение. Однако когда речь идет о моде, даже самой разумной женщине нельзя доверять.

Когда я по настоянию своей госпожи уселся на подушки рядом с ней вместо того, чтобы занять свое обычное место за ее спиной, многие гости, как я заметил, были ошеломлены таким нарушением приличий и стали шептаться друг с другом, загородившись веерами. Я чувствовал себя так же неудобно, как и они, и, пытаясь скрыть свое смущение, дал рабам знак, чтобы чаши гостей наполнились вином, музыканты заиграли, а танцоры начинали пляски.

Вино было крепким, музыка возбуждающей, а танцоры все были мужчины. Они открыто демонстрировали свой пол, так как я приказал танцевать без одежды. Дамы были так очарованы их танцем, что скоро забыли о недавнем скандале и отдали должное вину. Я не сомневался, что многие из танцоров не оставят гарем до рассвета. У царских жен неутолимые аппетиты, и кое-кого из них царь не посещает годами.

И вот среди всеобщего веселья моя госпожа поднялась и призвала гостей к тишине. Потом стала хвалить меня перед ними в столь невероятных выражениях, что даже я покраснел. Она рассказывала забавные и трогательные эпизоды из нашей совместной жизни. Вино смягчило отношение женщин ко мне, и они смеялись и хлопали в ладоши. Некоторые даже всплакнули от избытка чувств и выпитого вина.

Наконец моя госпожа приказала мне встать перед ней на колени, и, когда я сделал это, гости зашептались. Я решил надеть простую юбку тончайшего полотна, а рабы наилучшим об-

разом убрали мои волосы. Если не считать «Золота похвалы», украшений на мне не было. Простота моей одежды поражала в окружении столь роскошных нарядов. Постоянные купания и физические упражнения позволили мне сохранить сильное и стройное тело, в свое время так привлекшее Интефа. А в те годы я был в расцвете своих сил.

Я услышал, как одна из старших жен прошептала своей соседке:

– Как жаль, что он потерял свои украшения. Он был бы такой занятной игрушкой.

В тот вечер я мог простить слова, которые в других обстоятельствах причинили бы мне острую боль.

Госпожа моя, казалось, была очень довольна собой. Ей удалось скрыть от меня, в чем состоял ее подарок. Обычно у нее не получалось перехитрить меня. Теперь же она посмотрела на меня сверху вниз и заговорила медленно и ясно, и голос зазвенел от беспредельной радости.

– Раб Таита, все эти годы ты был моим щитом, моим учителем и покровителем. Ты научил меня читать и писать. Ты открыл мне тайны звезд и высоких искусств. Ты научил меня петь и плясать. Ты научил меня находить радость и удовольствие во многих вещах. Я благодарна тебе.

Царские жены снова начали беспокойно шептаться. Они еще ни разу не слышали, чтобы раба так безудержно восхваляли.

– В день самума ты оказал мне услугу, за которую я должна тебя вознаградить. Фараон возложил на тебя «Золото похвалы». Я приготовила тебе свой подарок.

Она вынула из складок одежды свиток папируса, скрепленный цветным жгутом.

– Ты стоишь передо мной на коленях как раб, встань же и будь свободным. – Она протянула мне папирус. – Вот твоя вольная, приготовленная писцами двора. С этого дня ты свободный человек.

Я поднял голову первый раз за все это время и уставился на нее, не веря своим ушам. Она сунула свиток папируса мне в руки и с любовью улыбнулась мне:

– Ты не ожидал этого, правда? Ты так удивлен, что у тебя нет слов. Скажи мне что-нибудь, Таита. Скажи мне, как ты благодарен мне.

Каждое ее слово отравленной стрелой вонзалось в мое сердце. Язык мой тяжелым камнем лежал во рту, и я старался представить себе жизнь без моей госпожи. Мне придется навсегда покинуть Лострy. Я больше никогда не буду готовить ей пищу, прислуживать во время купания. Не буду стелить ей постель, когда она соберется спать, и будить на рассвете, не смогу быть рядом с ней, когда она открывает свои прекрасные темно-зеленые глаза навстречу каждому новому дню. Я больше не буду петь ей, держать чашу и помогать одеваться, я никогда больше не смогу наслаждаться видом ее прелестей.

Пораженный, я безнадежно смотрел на нее, как человек, чья жизнь подошла к концу.

– Будь же счастлив, Таита, – приказала она. – Будь же счастлив новой свободе, дарованной тебе мною.

– Я никогда больше не буду счастлив! – вырвалось у меня. – Ты выбрасываешь меня на улицу. Как могу я быть счастливым теперь?

Улыбка ее погасла, и она в смятении смотрела на меня.

– Я предлагаю тебе самый драгоценный подарок, который могу тебе дать. Я предлагаю тебе свободу.

Я покачал головой:

– Ты обрушиваешь на меня самое суровое наказание. Ты прогоняешь меня. Я никогда больше не узнаю счастья.

– Это не наказание, Таита, я хотела вознаградить тебя. Пожалуйста, пойми меня!

– Единственная награда, которой я бы желал, – это оставаться рядом с тобой всю жизнь. – Я почувствовал, как глаза мои наполняются слезами, и постарался не расплакаться. – Пожалуйста, госпожа моя, не прогоняй меня, если я хоть немного дорог тебе!

– Не плачь, – приказала она. – Если ты будешь плакать, я тоже расплачусь перед всеми гостями. – Я искренне верил, что до этого момента она не задумывалась о последствиях своей неразумной щедрости, так поспешно выдуманной ею. Слезы потекли у меня из глаз и заструились по щекам. – Прекрати! Я не хотела этого. – Ее слезы потекли вслед за моими. – Я только хотела оказать тебе честь подобно нашему царю.

Я протянул ей свиток:

– Пожалуйста, разреши мне разорвать эту глупость на мелкие кусочки. Возьми меня обратно к себе в услужение! Позволь мне занять подобающее место за твоей спиной!

– Прекрати же, Таита! Ты разбиваешь мое сердце. – Она громко всхлипнула, но я был безжалостен.

– Единственный дар, который я хочу получить от тебя, – это возможность и право служить тебе до конца моей жизни. Умоляю, госпожа, отмени эту вольную. Позволь мне порвать ее.

Она отчаянно закивала, захныкав, как в детстве, когда падала и разбивала коленку. Я разорвал свиток папируса пополам. Не удовлетворившись этим, поднес обрывки к пламени лампы и подождал, пока они превратились в черные кусочки золы.

– Обещай мне, что не попытаешься прогнать меня! Поклянись, что никогда больше не заставишь меня быть свободным.

Она кивнула мне сквозь слезы, но этого мне было мало.

– Скажи это, – настаивал я, – скажи это вслух, чтобы все услышали тебя.

– Я обещаю держать тебя своим рабом и никогда не продавать тебя и не давать тебе вольную, – хрипло прошептала она сквозь слезы, потом хитренькая искорка сверкнула в ее горестных темно-зеленых глазах, – если, конечно, ты не разозлишь меня чрезмерно, потому что тогда я немедленно призову писцов и напишу вольную. – Она протянула мне руку и подняла с колен. – Вставай, глупец, и займись делом. Клянусь, моя чаша пуста.

Я занял положенное место за ее спиной и наполнил чашу. Подвыпившие гости решили, что мы хотели развлечь их и устроили представление. Они хлопали в ладоши, свистели и швыряли в нас цветочные лепестки в знак одобрения. Я видел, как все с облегчением вздохнули, когда поняли, что приличия не нарушены и раб остался рабом.

Моя госпожа поднесла чашу к губам, но перед тем, как отпить немного, улыбнулась мне. Хотя глаза ее все еще были влажны от слез, улыбка ободрила меня и вернула мне счастье. Я долгие годы не чувствовал такой близости с ней, как в тот вечер.

Утром следующего дня мы увидели, что вода в реке начала подниматься и наступило ежегодное половодье. Мы и не подозревали об этом, пока не раздались веселые крики сторожей с пристаней вокруг города. С тяжелой от вина головой я оставил постель и побежал к реке. Вдоль обоих берегов уже собрались жители города. Все приветствовали половодье молитвами, пели и размахивали пальмовыми ветвями.

Низкая вода в Ниле ярко-зеленого цвета, как налет на слитках меди. Половодье уносит зелень прочь, и вода становится грязного серого цвета. За ночь она поднялась на половину высоты свай порта и очень скоро подступит к земляным дамбам набережной. Тогда она найдет дорогу в устья оросительных каналов, дно которых многие месяцы оставалось сухим и потрескалось от жары. По ним бурными потоками вода хлынет на поля и затопит хижины крестьян, смывая межи.

Наблюдение за полями и восстановление границ между ними после половодья было возложено на Стража Вод. Когда-то вельможа Интеф увеличил свое состояние, благоприятствуя запросам богатых и щедрых, когда приходил черед устанавливать межевые камни.

Вверху по течению реки раздавался отдаленный рокот порогов. Поднимающаяся вода закрыла естественные гранитные преграды и теперь неслась по ущелью, вздымая к небу тучи брызг.

Серебряный столб водяной пыли вознесся так высоко, что был виден в любом месте нома Асуана. Когда первый порыв ветра донес брызги до острова, они свежей прохладой опустились на наши лица. Мы наслаждались этим благословением богов, так как в нашей стране другого дождя не бывает.

Казалось, поднимающаяся вода на глазах покрывает пляжи вокруг острова. Очень скоро наша пристань окажется под водой, и волны реки заплещутся вокруг сада. Где вода остановится, можно будет подсчитать только после тщательного изучения уровня воды в Ниломере. От результатов этих измерений зависели процветание или голод всей страны и каждого человека в Египте. Я поспешил к своей госпоже, чтобы приготовиться к церемонии вод, где мне придется играть одну из ведущих ролей. Мы оделись в лучшие наши наряды, и я повесил себе на шею новую золотую цепь. Затем вместе со всеми домашними и всеми женщинами царского гарема мы присоединились к общему шествию в храм Хапи.

Шествие это возглавляли фараон и все великие вельможи Египта. Жрецы, пухлые и розовые от сытной жизни, ждали нас на ступеньках храма. Головы их были выбриты, и чистые, смазанные маслом черепа блестели на солнце, а глаза сверкали от жадности, потому что сегодня царь принесет щедрые дары храму.

В присутствии царя статую богини вынесли из святилища и украсили цветами и алым полотном. Затем статую смочили душистыми маслами и благовониями, а все окружающие пели гимны и благодарили богиню за ниспослание половодья.

Далеко к югу, в землях, где никогда не ступала нога цивилизованного человека, богиня Хапи сидела на вершине горы с двумя огромными кувшинами неизмеримого объема и выливала священные воды в свой Нил. Из одного кувшина струилась зеленая и сладкая вода, из другого – серая и тяжелая от ила, которая заливала поля каждый год и заряжала их новой жизнью и плодородием.

Пока все пели, царь принес в жертву зерно и мясо, вино, серебро и золото. Потом он призвал мудрецов, горняков и математиков и приказал им войти в Ниломер и приняться за свои вычисления.

Когда я принадлежал вельможе Интефу, меня назначили одним из хранителей воды. Я был единственным рабом в этом блистательном собрании, но теперь утешал себя тем, что немногие из моих коллег носили на шее «Золото похвалы», и поэтому они обращались со мной с уважением. Они и раньше работали со мной и знали мне цену. Я помогал сконструировать Ниломер, который определяет расход воды в реке, и именно я наблюдал за его строительством и придумал сложную формулу, позволявшую высчитывать высоту и объем каждого половодья.

Путь нам освещали факелы из просмоленных связок хвороста. Следом за верховным жрецом я прошел ко входу в Ниломер по темному коридору в задней части святилища. Мы спускались по наклонному стволу шахты, и каменные ступени были скользкими от слизи и речных испарений. Из-под наших ног, шурша, уползла черная водяная кобра и с яростным шипением нырнула в темную воду, которая уже поднялась на половину глубины шахты.

Мы собрались на последней, еще не покрытой водой ступени и в свете факелов изучили метки, оставленные каменщиками на стенах шахты. Каждый из символов имел свое особое значение, как практическое, так и магическое.

Мы провели первое и наиболее важное измерение вместе и сделали его с особой тщательностью. В последующие пять дней по очереди будем возвращаться сюда, записывать уровень подъема воды и сверять свои измерения с показаниями водяных часов. По образцам воды определим приблизительно, сколько в ней ила. Все это поможет сделать необходимые выводы.

Когда закончатся первые пять дней наблюдений, мы займемся вычислениями и потратим на них три дня. Они покроют множество свитков папируса. Затем, наконец, мы будем готовы представить наши вычисления царю. В этот день фараон в полном облачении возвращается в

храм со всей своей свитой. С ним приходят все вельможи страны и половина жителей Элефантины. Все ожидают результатов.

Когда верховный жрец начал читать вычисления, царь улыбнулся. По нашим заключениям, половодье должно было стать совершенным. Оно будет не слишком низким – поля покроются водой и не лишатся черного слоя ила, так необходимого для плодородия, но и не слишком высоким – не размоет каналы и дамбы, не затопит деревни и города, расположенные вдоль реки. Мы получим богатый урожай, и стада будут сыты.

Фараон улыбался, но улыбался он не столько благоденствию своих подданных, сколько тем сокровищам, которые попадут в казну через сборщиков податей. Ежегодные поступления налогов также зависели от высоты половодья, и в этом году огромные сокровища добавятся к уже имеющимся в хранилищах его погребального храма. В заключение церемонии освящения вод в храме Хапи фараон объявил дату своего ежегодного отплытия в Фивы для участия в празднике Осириса. Казалось невозможным, что два года прошло с тех пор, как моя госпожа сыграла роль богини в мистерии Осириса.

Той ночью я спал так же мало, как в те дни, когда приходилось следить за подъемом воды в шахте Ниломера, потому что госпожа моя была слишком возбуждена и не ложилась спать. Она заставляла меня сидеть с ней до рассвета. Мы пели и смеялись, повторяя друг другу рассказы о Тане, которые она не уставала слушать.

Через восемь дней царская флотилия отплывет на север с поднимающейся полой водой. Когда мы прибудем, Тан, вельможа Харраб, будет ждать нас в Фивах. Госпожа моя обезумела от счастья.

Царская флотилия, собравшаяся перед пристанями Элефантины, была так велика, что можно, казалось, пересечь реку по палубам кораблей. Госпожа моя шутливо заметила, что готова перейти Нил, не замочив ног, ступая с одной ладьи на другую, как по мосту. Над каждой ладьей и баркой развевались вымпелы и флаги, и вся флотилия выглядела очень красиво.

Мы с госпожой и двор фараона успели погрузиться на отведенные суда и с палуб приветствовали царя, когда он спустился по мраморным ступеням дворца и поднялся на борт огромной барки государства. Как только он занял свое место, сотни рогов протрубили сигнал к отплытию. Как одно судно, вся флотилия пошла вперед, взяв курс на север.

С тех пор как Ак Гор разбил сорокопутов, в стране совершенно изменилось настроение людей. Население каждой деревни, мимо которой мы проплывали, выходило на берег и приветствовало царя. Фараон сидел на высокой надстройке в своей тяжелой двойной короне, чтобы каждый мог как следует разглядеть его. Люди махали пальмовыми ветвями и кричали: «Пусть боги улыбнутся фараону!» Река несла мимо не только их царя, но и обещание нового благоденствия, и они были счастливы.

Дважды за время путешествия фараон и свита выходили на берег, чтобы осмотреть монументы, возведенные Ак Гором в знак его пребывания на перекрестках караванных путей. Местные крестьяне сохранили эти отвратительные кучи черепов как священную реликвию нового бога. Они отполировывали каждый череп, пока он не начинал сверкать, как слоновая кость, и скрепляли пирамиды строительной глиной, чтобы годы не разрушили их. Затем построили храмы вокруг пирамид и назначили жрецов служить в новых святилищах.

В обоих святилищах госпожа оставила в качестве жертвоприношения по золотому кольцу, и самозваные хранители храмов радостно приняли эти дары. Тщетно возражал я против таких излишеств. Госпоже моей часто не хватало уважения к богатству, которое я столькими трудами собирал для нее. Без моей удерживающей руки она бы наверняка отдала все жадным жрецам и ненасытным беднякам и улыбалась бы при этом.

На десятый день после отплытия из Элефантины царская свита встала лагерем на красивом мысу, возвышавшемся над поворотом реки. В тот вечер нас должен был развлекать один из самых знаменитых сказочников страны. Госпожа моя любила сказки больше всего на свете. Мы с ней с нетерпением ожидали этого вечера и горячо обсуждали его, еще отправляясь из дворца. И вдруг, к моему удивлению и разочарованию, госпожа Лостра заявила, что слишком устала, плохо себя чувствует и не пойдет слушать сказочника. Хотя она настаивала на том, чтобы я пошел туда и захватил остальных домашних, я не мог оставить ее, когда ей было плохо. Я дал ей горячего отвара и спал на полу возле кровати, чтобы оказаться поблизости, если понадоблюсь ночью.

Утром меня очень встревожило то, как она просыпалась. Обычно вскакивала со своей кровати, с улыбкой предвкушая новый день, и жадно впитывала радости жизни. Однако на этот раз снова натянула простыни на голову и пробормотала:

– Дай мне поспать еще немного. Мне тяжело, будто я старуха.

– Царь объявил, что мы отправимся рано. Мы должны быть на борту еще до восхода солнца. Я принесу тебе горячего отвара, он тебя подбодрит. – Я залил кипящей водой чашу с травами, которые собрал собственными руками в нужную фазу луны.

– Перестань суетиться, – ворчала она, но я не дал ей спать, растолкал и заставил выпить отвара. Лостра скорчила гримасу.

– Клянусь, ты хочешь меня отравить, – пожаловалась она, а потом без всякой причины ее вдруг обильно вырвало. Я ничего не успел предпринять.

Ее это поразило не меньше, чем меня. Мы оба в ужасе уставились на вонючую лужу у кровати.

– Что со мной, Таита? Такого еще никогда не бывало.

Только тогда я все понял.

– Самум! – вскричал я. – Кладбище Трас! Тан!

Некоторое время она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, ничего не понимая. Затем улыбка осветила темный шатер, как лампа.

– У меня будет ребенок!

– Не так громко, госпожа, – взмолился я.

– Ребенок Тана, во мне ребенок Тана!

Этот ребенок не мог быть от царя, потому что я не давал ему делить постель с госпожой с тех самых пор, как она чуть не уморила себя голодом и у нее случился выкидыш.

– О, Таита! – промурлыкала Лостра, поднимая ночную рубашку и с благоговейным восторгом осматривая плоский крепкий животик. – Подумать только! Малыш, совсем такой же, как Тан, растет внутри меня. – Она трогала живот, надеясь нащупать ребенка. – Я знала, что наслаждение, открывшееся мне в гробнице Трас, не могло пройти не замеченным богами. Они оставили мне памятку, которая останется на всю жизнь.

– Не будем спешить, – предупредил я. – Может быть, это колики. Нужно провести испытание, чтобы удостоверится в этом.

– Мне не нужно испытаний. Я чувствую это своим сердцем: он там, в тайной глубине моего тела.

– И тем не менее мы все равно проведем испытание, – кисло сказал я и пошел за горшком. Она уселась над ним, чтобы дать мне первую мочу после ночи. Я разделил ее на две равные части.

Первую часть я смешал пополам с нильской водой. Затем наполнил два кувшина черноземом и в каждый посадил по пять семян проса. Один кувшин я полил чистой нильской водой, а другой – жидкостью, которой снабдила меня госпожа. Это было первым испытанием.

Потом я пошел в камыши на берегу лагуны у лагеря и поймал десять лягушек. Только это были не веселые желто-зеленые лягушки с длинными ногами, а скользкие черные существа, головы которых практически не отделены шеей от тяжелых жирных тел. Глаза у них расположены на самой макушке, поэтому дети часто называют их звездочетами.

Я посадил по пять звездочетов в два кувшина с речной водой. В один из них добавил интимные испражнения госпожи, а другой оставил чистым. На следующее утро, уединившись с госпожой в ее каюте на борту ладьи, мы сняли ткань, покрывавшую кувшины, и изучили их содержимое.

Зерно, политое госпожой Лострой, пустило маленькие зеленые ростки, а в другом кувшине семена остались безжизненными. Пять звездочетов, не получивших благословения моей госпожи, так и сидели в кувшине, а другие, более удачливые, отложили по длинной серебристой нитке, усыпанной черной икрой.

– Я же говорила тебе, – самодовольно прощебетала госпожа, прежде чем я успел произнести свой диагноз. – О, благодарение богам! Ничего более прекрасного не случалось со мной.

– Мне придется немедленно поговорить с Атоном. Этой же ночью ты разделишь постель с царем, – угрюмо сказал я, и она растерянно уставилась на меня. – Даже фараон, который принимает на веру все мои сказки, не поверит, что ты понесла от семени, принесенного самумом. Нам придется обеспечить нашему маленькому ублюдку отчима. – Я уже считал этого ребенка нашим, а не только ее. Хотя я и пытался скрыть свое отношение за легкомысленными словами, зачатие наполнило меня таким же счастьем, как и Лостру.

– Не смей называть его ублюдком, – вскинулась она. – Он будет царевичем.

– Царевичем он будет, только если я найду ему царственного отца. Приготовься, я иду говорить с царем.

– Мне был сон прошлой ночью, о Величие Египта, – сказал я фараону, – и этот сон был настолько удивителен, что я снова обратился к лабиринтам Амона-Ра за подтверждением.

Фараон в нетерпении наклонился ко мне, потому что стал верить в мои сны и лабиринты, как и все остальные пациенты.

– На этот раз смысл видения однозначен. Во сне, ваше величество, богиня Исида явилась ко мне и обещала преодолеть злобное влияние брата Сета, так жестоко лишившего тебя первого сына, поразив госпожу Лостру изнурительной болезнью. Раздели постель с моей госпожой в первый день праздника Осириса, и боги благословят тебя еще одним сыном. Таково обещание богини.

– Сегодня канун праздника. – Царь был в восторге. – По правде говоря, Таита, я был готов выполнить свои обязанности все эти месяцы, если бы ты разрешил мне. Но ты не рассказал, что увидел в лабиринтах Амона-Ра. – Он снова с нетерпением наклонился ко мне, а я охотно начал свой рассказ:

– Видение было таким же, как и в прошлый раз, однако теперь оно стало более сильным и ясным. Я увидел тот же самый бесконечный лес, растущий по берегам реки, и каждое дерево несло на своей вершине корону и знаки царского величия. Твоя династия протянется через века сильной и непрерывной цепью.

Фараон удовлетворенно вздохнул.

– Пришли ко мне это дитя.

Когда я вернулся в шатер, госпожа уже ждала меня. Она приготовилась и отнеслась ко всему с должным великодушием и чувством юмора.

– Я закрою глаза и воображу себя в усыпальнице гробницы Трас с Таном, – призналась она, а потом со смехом заявила: – Хотя вообразить царя в образе Тана – это все равно что спутать хвостик мыши с хоботом слона.

Вскоре после обеда Атон пришел к нам, чтобы доставить ее в шатер царя. Она отправилась к нему твердой походкой, со спокойным лицом, мечтая, наверное, о своем маленьком царевиче и о его истинном отце, который ждал нас в Фивах.

Возлюбленные Фивы, красавец город ста ворот! С какой радостью мы увидели его впереди, украсившего широкий берег реки своими храмами и сверкающими стенами!

Моя госпожа певуче вскрикивала от восторга при виде каждого знакомого места. Затем, когда барка царя подошла к пристани чуть ниже дворца великого визиря, радость возвращения домой покинула нас и мы замолчали. Госпожа Лостра ощупью нашла мою руку и вцепилась в нее, как маленькая девочка, напуганная рассказами о гномах, – мы увидели ее отца.

Вельможа Интеф стоял с двумя сыновьями, Менсетом и Собеком, этими героями без больших пальцев на руках, и казался столь же красивым и благородным, каким я представлял его в своих кошмарах. Сердце мое дрогнуло.

– Ты должен быть настороже, – шепнула мне госпожа Лостра. – Они постараются убрать тебя со своего пути. Помни о кобре.

Чуть позади великого визиря я увидел Расфера. За время нашего отсутствия он, очевидно, продвинулся по службе. На нем был головной убор командующего десятью тысячами, а в руках золотая плеть, соответствующая рангу. Лицо у него не выздоровело. Половина отвратительно обвисла, и слюна текла с бессильного уголка рта. Как только он узнал меня, другая половина лица ухмыльнулась. Расфер поднял золотую плеть, насмешливо приветствуя меня с берега.

– Обещаю, госпожа моя, что рука моя будет лежать на кинжале, а есть я буду только фрукты, очищенные моими собственными пальцами, пока Расфер и я находимся в Фивах, – прошептал я и улыбнулся, ответив на приветствие веселым взмахом руки.

– Ты не будешь принимать дары от незнакомцев, – настаивала госпожа, – и будешь спать у подножия моей постели, где я смогу защитить тебя ночью. Днем ты будешь находиться рядом со мной и никуда не станешь ходить один.

– Мне это не будет досаждать, – заверил я ее. В последующие дни я сдержал свое обещание и оставался под ее непосредственной защитой, поскольку был уверен, что вельможа Интеф не посмеет рисковать своей связью с троном, подвергая опасности собственную дочь.

Разумеется, мы часто оказывались в обществе великого визиря, потому что в его обязанности входило сопровождать царя на всех церемониях праздника. Все это время вельможа Интеф играл роль внимательного и любящего отца госпожи Лостры и обращался к ней с почтением, подобающим царской жене. Каждое утро он присылал ей дары – золото, драгоценные камни и изящные резные статуэтки, фигурки скарабеев и божеств, выполненные в слоновой кости или вырезанные из дерева драгоценных пород. Вопреки приказам госпожи я не возвращал их ему. Не хотел тревожить врага, а кроме того, фигурки эти представляли ценность. Я тайно продавал их и вкладывал выручку в запасы зерна, хранившиеся для нас в амбарах надежных купцов города, которые были моими друзьями.

В ожидании нового урожая цены на зерно опустились ниже, чем когда бы то ни было за последние десять лет. Они могли только вырасти, хотя нам пришлось бы немного подождать, пока получим прибыль. Купцы выдавали мне расписки на имя моей госпожи, которые я помещал в архивы судов. Одну пятую часть оставлял себе и считал, что это скромные комиссионные.

С тайным наслаждением я замечал, как вельможа Интеф наблюдает за мной своими леопардовыми глазами. Взгляд этот не оставлял никаких сомнений: чувства его ко мне не смягчились. Я помнил, с каким терпением и настойчивостью он преследовал своих врагов. Ждал в середине своей сети, как красивый паук, и глаза его поблескивали, когда он смотрел на меня. Я вспоминал чашу отравленного молока и кобру, и, несмотря на все предосторожности, мне становилось не по себе.

Тем временем праздник продолжался, одна традиционная церемония сменяла другую, как и многие столетия назад. Однако на этот раз другая флотилия охотилась на речных коров в лагуне Хапи и другая труппа актеров играла мистерию в храме Осириса. По указу фараона они играли мой вариант мистерии, и слова сохранили прежнюю силу и трогательность. Только новая Исида была не так прелестна, как моя госпожа, в этой роли и Гор не поражал благородством, как Тан. В то же время Сет казался довольно привлекательным по сравнению с образом, созданным Расфером.

На следующий день после представления фараон переправился через реку, чтобы осмотреть свой храм, и старался держать меня под рукой весь день. Он советовался со мной по множеству поводов, в особенности в вопросах, связанных со строительством. Разумеется, я надевал «Золото похвалы» всякий раз, когда позволяли приличия. Вельможа Интеф не упускал ни одной мелочи; я видел, как удивляет его благосклонность царя ко мне, и надеялся, что это послужит дополнительной защитой от мести.

С тех пор как я оставил Фивы, руководить постройкой храма назначили другого архитектора. Со стороны фараона было, пожалуй, несправедливо ожидать от этого несчастного тех же результатов, каких добивался я, и той же скорости ведения работ.

– Клянусь благословенной матерью Гора! Мне очень хотелось бы поручить тебе строительство, – бормотал фараон. – Если твоя хозяйка согласится расстаться с тобой, я выкуплю тебя и поселю здесь, в Городе Мертвых, чтобы ты наблюдал за работами. Стоимость строительства почти удвоилась с тех пор, как этот глупец занял твое место.

– Он наивный молодой человек, – подтвердил я. – Каменщики и подрядчики сопрут его собственные яйца, а он даже не заметит.

– Пока что они мои яйца воруют, – мрачно ухмыльнулся царь. – Тебе нужно просмотреть вместе с ним счета за материалы и показать ему, где его обманули.

Разумеется, мне льстило такое доверие, и я уже без всякой зависти и мстительности указал на недостатки вкуса у нового архитектора, когда он переделывал задуманное мной основание фасада, и на небрежную кладку, которую мошенники каменщики уговорили его принять. От его работы веяло упадочническим сирийским стилем, вошедшим в моду в Нижнем царстве, где простонародные вкусы низкорожденного самозванца разлагали классические традиции египетского искусства.

Что же касается работы каменщиков, я показал царю, как листок папируса входит в стыки между каменными плитами в боковой стене погребального храма. Фараон приказал разобрать и основание фасада, и эту стену и оштрафовал гильдию каменщиков на пять сотен дебенов золота, которые те должны были внести в царскую казну.

Остаток дня фараон провел, осматривая сокровища в хранилищах погребального храма. Здесь по крайней мере ему трудно было к чему-нибудь придраться. За всю историю мира никому еще не удавалось собрать столько богатства в одном месте и в одно и то же время. Даже я, поклонник прекрасного, был ошеломлен изобилием красивых изделий, и глаза мои заболели от блеска золота.

Царь настаивал на том, чтобы госпожа Лостра постоянно находилась с ним. По-моему, его увлечение превращалось в настоящую любовь или в столь близкое подобие любви, на какое он был способен. Вследствие такой привязанности к возвращению на другой берег реки госпожа моя совершенно выдохлась, и я испугался за ребенка. Однако еще слишком рано было говорить царю о ее положении и просить его относиться к ней с бóльшим вниманием. Прошло меньше недели с тех пор, как она стала делить с ним постель, и столь ранний диагноз беременности, даже с моей стороны, мог возбудить у царя подозрения. Для него Лостра по-прежнему оставалась здоровой и сильной молодой женщиной, и он обращался с ней соответствующим образом.

* * *

Как и многие столетия до этого, праздник закончился собранием людей в храме Осириса, где фараон должен был прочесть свою тронную речь. На каменном подиуме перед святилищем Осириса возвышался трон фараона, чтобы все собравшиеся могли видеть царя. На голове у него была двойная корона Египта, а в руках он держал посох и плеть. На этот раз в обстановке внутреннего двора храма произошли кое-какие изменения, которые я предложил царю, а он благосклонно на них согласился. Вдоль трех стен было приказано возвести деревянные леса. Они поднимались тремя ярусами до половины высоты каменных стен, и на них нашлось место для тысяч знатных граждан Фив; оттуда открывался прекрасный вид на все происходящее. Я предложил украсить трибуны лентами и пальмовыми ветвями, чтобы скрыть уродливые деревянные конструкции. Подобные трибуны были построены впервые в нашей стране. С тех пор они стали обычными, и их начали возводить на всех общественных собраниях, вдоль пути царских процессий и вокруг полян, где проводились спортивные состязания. По сей день их называют «трибуны Таиты».

Зрители отчаянно боролись за места на трибунах, но я, как их изобретатель, смог обеспечить моей госпоже и себе лучшие места. Мы сидели напротив трона, чуть выше головы царя, поэтому прекрасно видели весь внутренний двор. Для госпожи Лостры я принес кожаную подушку, набитую овечьей шерстью, и корзину с фруктами и пирогами, а также кувшины с шербетом, вином и пивом, чтобы было чем подкрепиться во время бесконечно длинной церемонии.

Вокруг нас расположились самые знатные люди страны, мужчины и женщины, разодетые по последней моде. Военачальники и флотоводцы стояли под флагами своих отрядов и держали в руках золотые плети, гордо выставляя напоказ награды. Там же сидели старшины гильдий и богатые купцы, жрецы и послы вассальных государств империи – вся знать города собралась на трибунах.

Перед царем протянулись дворы храма, которые открывались один в другой, как помещения в детском лабиринте, но стены и ворота были расположены таким образом, чтобы через внутренние ворота паломник, стоящий на аллее Священных Баранов за основными воротами храма, видел царя на высоком троне с расстояния в четыреста шагов.

Дворы храма заполняли толпы простого люда, а те, кому не хватило места, расположились на священной аллее и в садах за храмовыми стенами. Хотя я и прожил всю свою жизнь в Фивах, но ни разу не видел такого гигантского скопления народа. Сосчитать всех было невозможно; по моим оценкам, здесь собралось около двухсот тысяч человек. От них поднимался такой гул, что даже я чувствовал себя пчелой в огромном гудящем улье.

Вокруг трона собралась маленькая группа высших сановников государства. Их головы находились на уровне ног фараона. Разумеется, верховный жрец Осириса находился среди них. За последний год старый верховный жрец покинул сей бренный мир и отправился в путь по подземному царству к западным полям вечного рая. Новый был моложе и тверже характером. Я знал, что вельможе Интефу будет не так-то просто управлять им. И в самом деле, он содействовал мне в кое-каких не совсем обычных приготовлениях к сегодняшней церемонии, которые я предпринял между делом, занимаясь строительством «трибун Таиты».

Однако внушительнее всех среди сановников выглядел великий визирь – его можно было сравнить лишь с фараоном. Глаза присутствующих невольно останавливались на вельможе Интефе. Он был высок, сказочно красив и держался величественно. Многочисленные цепи «Золота похвалы» возлежали на его плечах и груди, а сам он казался одним из богов египетского пантеона. Позади него виднелась отвратительная фигура Расфера.

По традиции вельможа Интеф открыл церемонию, выйдя вперед на открытое пространство перед троном, и начал приветственную речь от имени двух городов Фив. Когда он заговорил, я тайком бросил взгляд на госпожу. Несмотря на то что я разделял ее ненависть, меня потрясло

выражение гнева и отвращения, открыто появившееся на прекрасном лице. Я хотел было предостеречь, чтобы она прятала свои чувства от окружающих, но понимал: моя попытка только привлечет внимание к ней.

Великий визирь говорил долго, перечисляя свои собственные подвиги и услуги, оказанные им фараону за последний год. Люди в толпе шептались и переминались с ноги на ногу от неудобства. От скопления тел исходил жар, а горячие лучи солнца почти отвесно падали на заполненные людьми душные дворы храма. Время от времени я видел, как женщины падали в обморок.

Когда вельможа Интеф кончил речь, верховный жрец Осириса занял его место и начал свою. Солнце достигло зенита. Он говорил о церковных делах Фив. Жара и вонь усиливались. Душистые масла и благовония уже не могли перебить запах горячих немытых тел и свежего пота. Толпу нельзя было покинуть, чтобы справить телесные нужды. Мужчины и женщины приседали там же, где и стояли. Во дворе храма стало вонять, как в свинарнике или в общественной уборной. Я передал госпоже шелковый платок, смоченный благовониями, и она тут же прижала его к носу.

По толпе пробежал вздох облегчения, когда верховный жрец закончил наконец свою речь, благословив царя от имени Осириса, и с глубоким поклоном вернулся на свое место позади великого визиря. Впервые с раннего утра, когда начали собираться люди, в храме наступила тишина. Скука и неудобство были забыты. Все приготовились слушать фараона.

Царь поднялся на ноги. Я поразился выносливости старика, так как все это время он сидел на троне неподвижно, как статуя. Он поднял руки, благословляя собравшихся, и тут священный порядок традиций и обычаев был нарушен событием, от которого всех собравшихся – жрецов, знать и простой люд – охватил панический страх. Я был одним из немногих в толпе, кто не был удивлен, поскольку приложил немало усилий к тому, чтобы оно свершилось.

Огромные, отделанные полированной медью двери святилища распахнулись. Движение это, казалось, произошло само по себе, без всякого участия человека, словно двери открылись по своей воле.

Легкий стон, словно шорох, пронесся по дворам храма, будто люди в плотной толпе превратились в листья на дереве. Внезапно закричала женщина, и тут же стон благоговейного ужаса прокатился по толпе. Одни пали на колени, другие в ужасе подняли руки над головой, третьи закрыли лица платками, чтобы не увидеть нечто не предназначенное для глаз смертных.

Бог вышел из дверей святилища, высокий и ужасный бог. Плащ развевался за плечами. Шлем увенчивали перья цапли, а чудовищное лицо блестело, словно металл, напоминая одновременно орла и человека, так как состояло из изогнутого клюва и узких прорезей для глаз.

– Ак Гор! – закричала женщина и повалилась без чувств на каменные плиты.

– Ак Гор! – подхватила толпа. – Это бог! – Ряд за рядом люди падали на колени. На верхних трибунах тоже опустились на колени, и многие сделали знак, спасающий от беды. Даже сановники вокруг трона последовали общему примеру. Во всем храме только два человека остались на ногах. Фараон замер перед троном, как раскрашенная статуя, и великий визирь Фив гордо и надменно стоял на своем месте.

Ак Гор вышел вперед и встал перед царем, глядя на него через прорези бронзовой маски, но фараон не дрогнул. Щеки царя покрывали белила, и невозможно было сказать, побледнел ли он, но блеск в его глазах мог выражать и религиозный экстаз, и ужас.

– Кто ты? – с вызовом спросил фараон. – Призрак или человек? Почему ты нарушаешь наше торжество? – Голос его прозвучал ясно и громко. Я не различил в нем ни тени дрожи, и восхищение мое возросло. Хотя фараон и стал старым и доверчивым человеком, но сохранил былое мужество. Он мог предстать перед человеком или богом как воин.

Ак Гор ответил ему голосом, которым привык командовать войсками в отчаянном шуме сражения, и слова его эхом прокатились по дворам храма, отражаясь от каменных стен.

– Великий фараон, я человек, а не призрак. Я твой человек. Я пришел сюда по твоему приказу. Я стою перед тобой, чтобы отчитаться за поручение, возложенное тобой на меня на этом самом месте в этот же день Осириса два года назад.

Он поднял шлем над головой, и огненные кудри рассыпались по плечам. Собравшиеся сразу узнали его. Крик толпы, казалось, потряс основание храма.

– Вельможа Тан! Тан! Тан!

Мне почудилось, что госпожа моя кричала громче всех и почти оглушила меня, так как я сидел рядом с ней.

– Тан! Ак Гор! Ак Гор! – Эти два имени, смешавшись, бились между стенами храма, словно волны прибоя во время бури.

– Он восстал из могилы! Он стал богом среди нас!

Крики не умолкали до тех пор, пока Тан не вынул меч из ножен и не поднял его, требуя тишины. Толпа подчинилась, и он заговорил снова в полной тишине:

– Величие Египта, позволишь ли ты мне сказать?

Я думаю, на этот раз царь уже не стал полагаться на свой голос, он сделал ритуальный жест посохом и плетью и опустился на трон, будто ноги у него подкосились.

Тан заговорил голосом столь громким, что слова доносились до внешнего двора храма.

– Два года назад ты поручил мне уничтожить гадючьи гнезда убийц и разбойников, угрожавших жизни всего Египта. Ты доверил мне царскую ястребиную печать.

Он вынул из складок плаща голубую статуэтку и поставил ее на ступени трона. Потом отступил назад и заговорил снова:

– Чтобы облегчить выполнение царского приказа, я обманным путем распустил слухи о своей смерти и приказал запечатать в моей гробнице мумию незнакомца.

– Бак-кер! – закричал кто-то, и толпа подхватила этот крик, но Тан опять потребовал тишины.

– Я возглавил тысячу храбрецов из отряда синих, и мы отправились в пустыню и горы, нашли сорокопутов в тайных убежищах. Там мы убивали их сотнями и складывали головы у дорог.

– Бак-кер! – закричали люди. – Это правда. Ак Гор делал это!

Тан снова заставил их молчать.

– Я сломил князей-разбойников, я перебил их подручных без малейшей жалости. Во всем Египте остался только один человек, называющий себя сорокопутом.

Теперь все молчали как завороженные, упиваясь каждым его словом. Даже фараон не смог скрыть нетерпение.

– Говори, вельможа Тан, которого люди теперь знают под именем Ак Гора. Назови этого человека. Дай мне имя, чтобы и на него обрушился гнев фараона.

– Он скрывается под именем Ак Сета! – выкрикнул Тан. – И позорные дела его сравнимы лишь с делами брата, бога тьмы.

– Дай мне настоящее имя, – приказал фараон, в возбуждении снова поднимаясь на ноги. – Назови последнего сорокопута!

Тан медлил. Он не спеша обвел глазами двор храма. Когда наши взгляды встретились, я незаметно кивнул ему, чтобы только он видел это движение. Взгляд его не остановился на мне и скользнул дальше к открытым дверям святилища.

Внимание всех собравшихся было обращено на вельможу Тана, и никто не заметил, как цепочка вооруженных людей стремительно вышла из святилища и бесшумно пересекла двор. Хотя все они были при полном вооружении и несли боевые щиты, я узнал большинство из них, разглядев лица под шлемами. Там были Ремрем и Аст и пятьдесят других воинов отряда синих. Они быстро построились вокруг трона как царская охрана, а Ремрем и Аст незаметно встали позади вельможи Интефа. Как только они заняли свои места, Тан снова заговорил:

– Я назову тебе имя Ак Сета, божественный фараон. Он бесстыдно стоит в тени твоего трона. – Тан показал мечом: – Вот он! И на шее этого изменника висит «Золото похвалы». Вот он стоит, единственный Товарищ Фараона, который превратил твое царство в логово убийц и разбойников. Вот он, Ак Сет – правитель нома Фив и великий визирь Верхнего царства!

Страшная тишина установилась в храме. Среди собравшихся тысяч десять или даже больше серьезно пострадали от рук вельможи Интефа, и у них были причины ненавидеть его. Но никто не посмел поднять голос против него и выразить радость при разоблачении. Все знали, сколь ужасен его гнев и неотвратимо возмездие. Мне показалось, что я чувствую запах их страха в испарениях, поднимавшихся над толпой, как дым курений. Каждый понимал, что славы Тана и величия его подвига недостаточно для того, чтобы одними словами, без доказательств, свалить такого человека, как вельможа Интеф. Если бы они выразили в тот момент свое согласие или радость, это могло стоить им жизни. В полной тишине вдруг раздался смех вельможи Интефа. Презрение слышалось в нем, и одним небрежным движением он отмахнулся от Тана и повернулся к царю.

– Солнце пустыни выжгло его разум. Бедняга сошел с ума. Это бред, в котором нет ни единого слова истины. Мне следовало бы рассердиться, но вместо этого я печалюсь из-за того, что столь славный воин так низко пал.

Он протянул к фараону обе руки величественным, полным достоинства и доверия движением.

– Всю свою жизнь я служу фараону и моему народу. Моя честь настолько неуязвима, что я не вижу необходимости защищаться от таких бредовых обвинений. Без малейшего страха я доверяюсь мудрости и справедливости божественного царя. Пусть говорят мои дела и моя любовь к фараону, а не мой язык.

Я увидел растерянность и сомнение на разрисованном лице фараона. Губы дрожали, а лоб наморщился, поскольку боги не благословили его быстрым и острым умом. В какое-то мгновение он уже открыл рот, чтобы заговорить, но, прежде чем успел произнести ужасное и непоправимое суждение, Тан снова поднял меч и показал на открытые двери святилища позади трона.

Из этих дверей вышла столь необычная процессия, что фараон уставился на нее, забыв закрыть рот. Крат с поднятым забралом шлема и мечом в правой руке вел за собой обнаженных – на них были только набедренные повязки – и босых людей. Руки их были связаны за спиной, и они шаркали, как рабы, идущие на рынок.

Я наблюдал за лицом вельможи Интефа и видел, как растерянность и страх овладели им и заставили вздрогнуть, будто его ударили по лицу. Он узнал пленников. Очевидно, считал, что они давно мертвы, а их черепа ухмыляются путникам на перекрестках дорог. Он тайком бросил взгляд на маленькую дверцу в стене, почти скрытую занавесками. Эта дверца была единственным выходом из заполненного людьми двора храма. Ремрем сделал шаг вправо и загородил дорогу. Вельможа Интеф отвернулся и снова посмотрел на трон, задрав голову, с выражением доверия и вызова.

Шестеро связанных пленников выстроились перед троном, а затем по тихой команде Крата пали на колени и склонили головы.

– Кто эти создания? – спросил фараон. Тан подошел к первому из них, схватил за связанные руки и поднял на ноги. Кожу пленника покрывали старые шрамы от оспы, а слепой глаз сверкал на солнце, как серебряная монета.

– Божественный фараон хочет знать, кто ты, – тихо сказал Тан. – Отвечай на вопрос.

– Величие Египта, я Шуфти, – ответил тот. – Раньше я был князем сорокопутов, пока Ак Гор не разогнал и не перебил мой клан у города Галлала.

– Говори царю, кто твой повелитель, – потребовал Тан.

– Ак Сет был моим повелителем, – ответил Шуфти. – Я принес клятву кровной верности Ак Сету и платил ему четверть всего награбленного. За это Ак Сет защищал меня от сил закона и снабжал сведениями о моих следующих жертвах.

– Покажи царю, кого ты знаешь под именем Ак Сета, – приказал Тан. Шуфти, шаркая, прошел вперед и остановился перед вельможей Интефом. Он набрал полный рот слюны и плюнул на роскошный наряд визиря.

– Вот Ак Сет! – закричал он. – И пусть черви насытятся его потрохами!

Крат оттащил Шуфти в сторону, и Тан поднял следующего пленника.

– Говори царю, кто ты.

– Я Акеку, я был князем сорокопутов, но все мои люди убиты.

– Кто был твоим повелителем? Кому ты платил дань?

– Вельможа Интеф был моим повелителем. Я платил дань в казну великого визиря.

Вельможа Интеф гордо и надменно стоял у трона, спокойно принимая град обвинений. Он не пытался защищаться, когда сорокопуты один за другим вставали перед царем и называли его Ак Сетом.

– Вельможа Интеф был моим повелителем. Вельможа Интеф – Ак Сет.

Молчание народа в храме становилось таким же тяжелым, как и зной. На лицах людей застыли ужас, неверие, ненависть и растерянность. Однако никто не отваживался открыто выступить против вельможи Интефа или выразить какие-либо чувства до того, как заговорит фараон.

Последнего князя сорокопутов подвели к великому визирю. Это был высокий худой человек с упругими мускулами и выжженной солнцем кожей. В жилах его текла кровь бедуина, глаза были черные, нос загнут, как у орла. Борода у него была густой и курчавой, а лицо – надменным.

– Меня зовут Басти. – Он говорил чище остальных. – Люди называют меня Басти Жестокий, хотя я не знаю почему. – Его губы скривила усмешка висельника. – Я был князем сорокопутов, пока Ак Гор не разорил мой клан. Вельможа Интеф был моим повелителем.

После этих слов его не оттащили в сторону, как остальных. Тан снова обратился к нему:

– Скажи царю, знал ли ты Пианки, вельможу Харраба, который в давние времена был знатным гражданином Фив.

– Я хорошо знал его. У меня были с ним дела.

– Какие у тебя были с ним дела? – спросил Тан, и в голосе у него послышалась угроза.

– Я грабил его караваны. Я жег урожай на его полях. Я совершил набег на его копи в Сестре и перебил горняков таким занятным способом, что никто больше не пришел туда добывать медь. Я жег его поместья. Я посылал своих людей в города, чтобы они клеветали на него, и его честность и верность государству были запятнаны. Я помогал другим погубить его, и в конце концов он выпил яд датуры из собственной чаши.

Я увидел, что рука, в которой фараон держал царскую плеть, задрожала, когда он услышал это, и одно веко задергалось, как у него обычно бывает, когда он чем-то сильно расстроен.

– Кто приказывал тебе делать это?

– Вельможа Интеф приказывал мне и дал в награду один тах чистого золота.

– Что вельможа Интеф надеялся получить, преследуя вельможу Харраба?

Басти усмехнулся и пожал плечами:

– Вельможа Интеф стал великим визирем, а Пианки, вельможа Харраб, мертв. По-моему, вельможа Интеф добился своего.

– Признаешь ли ты, что я не предлагал тебе помилования за это признание? Понимаешь ли ты, что тебя ждет смерть?

– Смерть? – Басти засмеялся. – Я никогда не боялся ее. Это мука, из которой я пеку свой хлеб. Я накормил этим хлебом бесчисленное количество людей. Так почему же теперь я должен бояться съесть его сам?

«Был ли он глупцом или храбрецом?» – спросил я себя, услышав эту похвальбу. Как бы то ни было, я не чувствовал по отношению к нему ни сочувствия, ни восхищения. Я вспомнил, что Пианки, вельможа Харраб, был таким же человеком, как и его сын, и именно им принадлежали мои сочувствие и восхищение.

Безжалостное выражение глаз Тана давало понять, что он разделяет мои чувства. Пальцы его сжали рукоять меча с такой силой, что побелели, как пальцы утопленника.

– Уведите его! – прохрипел он. – Пусть ожидает воли царя.

Я видел, как Тан с усилием взял себя в руки, а затем повернулся к царю и опустился на колено.

– Я сделал все, что ты приказывал мне, божественный Мамос, бог и правитель родины. Я ожидаю твоих повелений.

При виде такого благородства комок встал у меня в горле. Мне пришлось подавить свои чувства.

Фараон продолжал молчать. Я услышал тяжелое дыхание моей госпожи, а затем почувствовал, что она взяла меня за руку и сжала ее с такой силой, что я испугался, как бы она не сломала мне пальцы.

Наконец фараон заговорил, и я с ужасом услышал сомнение в его голосе: он не хотел, чтобы услышанное было правдой. Он так глубоко доверял вельможе Интефу и так давно полагался на него, что это поколебало его веру в людей до самого основания.

– Вельможа Интеф, ты слышал обвинения, брошенные тебе. Чем ты ответишь на них?

– Божественный фараон, разве это обвинения? Я посчитал бы их фантазиями молодого человека, сошедшего с ума от зависти и ревности. Он сын осужденного изменника и преступника. Побудительные причины действий вельможи Тана мне совершенно ясны. Он убедил себя в том, что изменник Пианки мог стать великим визирем вместо меня. Теперь его извращенное мышление перекладывает на меня ответственность за падение его отца.

Так одним взмахом руки визирь отделался от Тана. Исполнено это было ловко, и я увидел, что царь начал сомневаться. Его сомнения усиливались. Всю жизнь он безоговорочно доверял вельможе Интефу, и теперь ему было трудно. Он хотел верить в его невиновность.

– А что ты скажешь об обвинениях князей-разбойников? – наконец спросил фараон. – Чем ты ответишь на них?

– Князей? – переспросил вельможа Интеф. – Следует ли нам льстить им, называя их так? По их собственному свидетельству, они являются преступниками худшего рода: убийцами, ворами, насильниками над женщинами и детьми. Следует ли нам искать правды в них? Разве в них больше чести и совести, чем в диких зверях? – Вельможа Интеф показал рукой. И в самом деле, они стояли перед ним полуобнаженные и связанные, как животные. – Посмотрите, ваше божественное величество. Разве людей такого рода нельзя подкупить или побоями заставить говорить что угодно ради спасения собственной шкуры? Разве вы поверите слову любого из них больше, чем слову человека, служившего вам верно всю свою жизнь?

Царь невольно кивнул, принимая доводы человека, в котором привык видеть друга, согреваемого благосклонностью и осыпаемого наградами.

– Все, что ты говоришь, правда. Ты всегда служил мне без злого умысла. Эти негодяи не знакомы с правдой и честью. И вполне возможно, их заставили говорить так. – Он колебался, и вельможа Интеф почувствовал свое преимущество.

– До сих пор против меня выдвигались только словесные обвинения. Наверное, на свете есть более существенные доказательства, подтверждающие мою смертельную вину. Есть ли в нашем Египте хоть один человек, который может по-настоящему свидетельствовать против меня, а не только произносить слова? Если такой человек есть, пусть он выйдет к нам, и тогда я отвечу

на его обвинения. Если же не найдется доказательств, о которых я говорю, мне не на что отвечать.

Его слова глубоко встревожили фараона. Он оглядел двор, как будто в поисках доказательств, требуемых вельможей Интефом, а затем, очевидно, принял решение.

– Вельможа Тан, какие доказательства ты можешь привести в свою пользу, помимо слов убийц и преступников?

– Подлец хорошо замел свои следы, – произнес Тан, – и сумел скрыться в густой чаще, где его трудно найти. У меня нет других доказательств против вельможи Интефа. Но может быть, найдется кто-нибудь, у кого они есть, кого могло вдохновить то, что он услышал здесь сегодня. Я молю царя Египта спросить людей, нет ли среди них того, кто смог бы помочь нам разрешить эту задачу.

– Фараон, он бросает тебе вызов! Мои враги могут осмелеть и выйти из тех щелей, где они выжидают удобного момента, чтобы напасть на меня! – вскричал вельможа Интеф. – Я горячо возражаю против такого предложения!

Но фараон заставил его замолчать резким движением руки.

– Они ответят за любое лжесвидетельство против тебя, – обещал он, а потом обратился к собравшимся: – Мой народ! Граждане Фив! Вы слышали обвинения, брошенные в лицо моему доверенному лицу и любимому великому визирю. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто может привести доказательства, которых не хватает вельможе Тану? Может ли кто-нибудь из вас свидетельствовать против вельможи Интефа? Если да, то я требую, чтобы он вышел к нам и сказал об этом.

Я вскочил на ноги раньше, чем успел понять, что делаю. Голос мой зазвенел у меня в ушах, и я перепугался до смерти, такой он был громкий.

– Я Таита, который был когда-то рабом вельможи Интефа! – закричал я, и фараон, взглянув на меня через двор, нахмурился. – Я хотел бы кое-что сказать вашему величеству и показать кое-какие мелочи.

– Мы знаем тебя, врач Таита. Можешь приблизиться.

Когда я спустился со своего места на трибуне и пошел к трону, то посмотрел на вельможу Интефа и споткнулся. Мне показалось, что я натолкнулся на каменную стену, столь ощутима была его ненависть.

– Божественный царь Египта, это существо – раб. – Голос вельможи Интефа звучал холодно и напряженно. – Может ли слово раба опровергнуть слово вельможи фиванского круга и верховного сановника государства? Не смешно ли это?

Я настолько привык подчиняться его голосу и слову, что решимость моя поколебалась. Затем я почувствовал руку Тана на своей. Это было легкое касание, но оно поддержало меня и придало силы. Однако вельможа Интеф заметил это движение и указал на него царю.

– Смотрите, этот раб во власти моего обвинителя. Он всего лишь одна из дрессированных обезьянок вельможи Тана. – Голос вельможи Интефа снова стал медоточивым. – Его наглость безгранична. Наши законы предусматривают наказание для рабов...

Фараон заставил его замолчать движением плети.

– Ты злоупотребил моим хорошим отношением к тебе, вельможа Интеф. Законы здесь толкую и исправляю я. А наказания в них предусмотрены как для простолюдинов, так и для высокорожденных. Тебе это должно быть известно.

Вельможа Интеф послушно поклонился фараону и замолчал, но лицо его внезапно осунулось, когда он понял, в какой переплет попал.

Царь перевел взгляд на меня:

– Обстоятельства сейчас необычные, и они позволяют применить беспрецедентные средства. Тем не менее, раб Таита, позволь мне предупредить тебя: если слова твои окажутся легковесными и бездоказательными, тебя ждет петля палача.

Эта угроза и полный яда взгляд вельможи Интефа заставили меня содрогнуться, и я начал заикаться.

– Бывши рабом великого визиря, я оказался посланцем к этим князьям. Я знаю этих людей. – Я указал на пленников, которых Крат поставил неподалеку от трона. – Это я передавал им приказания вельможи Интефа.

– Ложь, всего лишь слова, бездоказательные слова! – выкрикнул вельможа Интеф, но теперь в его голосе слышалось отчаяние. – Где же доказательства?

– Молчать! – Голос царя внезапно загремел от ярости. – Мы выслушаем до конца свидетельства раба Таиты. – Теперь он смотрел прямо на меня. Я набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Это я отнес Басти Жестокому приказ вельможи Интефа. По этому приказанию он должен был разрушить состояние и имения Пианки, вельможи Харраба. В то время я был доверенным лицом Интефа. Я знал, что он хочет занять пост великого визиря. Все, что приказал вельможа Интеф, было исполнено. Вельможа Харраб был погублен и, лишившись благосклонности и любви фараона, выпил яд датуры из собственной чаши. Я, Таита, свидетельствую об этом.

– Это так. – Басти поднял связанные руки и протянул их к трону. – Все, что Таита говорит, правда.

– Бак-кер! – закричали князья. – Это правда! Таита говорит правду!

– И все же это только слова, – с интересом протянул царь. – Вельможа Интеф требует доказательств, и я, фараон, требую доказательств.

– Половину своей жизни я был писцом и казначеем великого визиря. Я вел учет его состояния. Я записывал его прибыли и расходы на свитках. Я собирал дань, которую князья сорокопутов платили вельможе Интефу, и распоряжался всем этим богатством.

– Ты можешь показать мне эти свитки, Таита? – Лицо фараона засияло, как полная луна, при упоминании о сокровищах. Теперь он уже не отрываясь слушал меня.

– Нет, ваше величество, я не могу сделать это. Свитки всегда оставались в руках вельможи Интефа.

Фараон даже не пытался скрыть свое огорчение, и на лице его появилось жестокое выражение, но я упрямо продолжил:

– Я не могу показать вам свитки, но, может быть, смогу привести вас к сокровищам, украденным великим визирем у вас и у вашего царства. Это я построил тайную сокровищницу и прятал в ней дань, собираемую у князей сорокопутов. В тех хранилищах я поместил богатства, о которых даже не подозревали сборщики податей фараона.

Волнение царя снова разгорелось, как угли в горне кузнеца. Он наклонился вперед и внимательно слушал. Хотя присутствующие в храме смотрели на меня, а знать на трибунах старалась получше все разглядеть и не упустить ни слова, я незаметно наблюдал за вельможей Интефом. Отполированные медные двери святилища были тем зеркалом, в котором отражалось его лицо. Каждый оттенок выражения, мельчайшие движения были открыты для меня.

Я пошел на смертельный риск, предположив, что сокровища по-прежнему оставались в старом хранилище, куда я поместил их. Он мог перенести их в другое место. Однако перемещение такого количества драгоценных предметов было бы трудной задачей, и риск, сопряженный с этим, был так же велик, как и риск оставить их на прежнем месте. Ему пришлось бы доверить сокровища другим людям, а вельможе Интефу трудно было пойти на это. По природе своей он был очень подозрительным человеком и к тому же до последнего времени считал меня мертвым, а значит, тайна эта должна была умереть вместе со мной.

По моим подсчетам, шансы мои были совершенно равны, и я рискнул своей жизнью. Теперь, затаив дыхание, я наблюдал за выражением лица вельможи Интефа на медной двери. Сердце у меня радостно забилось, а душа взлетела к небу на орлиных крыльях, когда я увидел боль и панический страх на его лице. Стрела, выпущенная мной, попала в цель. Я победил!

Сокровища находились там, где я их оставил. Я знал, что теперь смогу привести фараона к награбленному богатству, которое вельможа Интеф собирал всю свою жизнь.

Но он еще не был побежден. Легкомысленно было с моей стороны поверить, что его так просто победить. Я увидел, как он сделал небольшое движение рукой, озадачившее меня, и я медлил, пока не стало слишком поздно.

В восторге своей победы я забыл о Расфере. Вельможа Интеф подал ему сигнал, чуть щелкнув пальцами, и Расфер ринулся на меня, как хорошо натасканная гончая бросается на вепря по приказу охотника. Его ярость всех застала врасплох. Нас разделяло десять шагов. Он со свистом выдернул меч из ножен и прыгнул вперед.

Между нами находились два воина Крата, но они стояли спиной к Расферу, и тот налетел на них, сшиб с ног, и один из воинов распростерся на каменных плитах двора перед Таном и помешал ему прийти мне на помощь. Я остался один, без всякой защиты, и Расфер взмахнул мечом, схватив его обеими руками, чтобы разрубить мой череп. Я поднял руки, тщетно пытаясь загородиться от клинка, но от ужаса ноги мои перестали слушаться, я не мог ни сдвинуться с места, ни увернуться от свистящей бронзы.

Я не видел, как Тан бросил меч. Я не отрываясь смотрел на лицо Расфера, а потом увидел в воздухе меч. Ужас так повлиял на мои чувства, что время, казалось, текло медленно, как тягучая капля масла, срывающаяся с носика кувшина. Я видел, как меч Тана поворачивается в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, и сверкает с каждым поворотом, как полоса летней молнии. Но меч не успел завершить вращение, и удар пришелся на рукоять, а не на конец клинка. Меч обрушился на затылок Расфера, но не убил его. Голова дернулась вперед на шее, словно веточка ивы на ветру, и глаза закатились.

Расфер не успел завершить удар. Ноги подкосились, и он грузно повалился на землю у моих ног. Меч вылетел из обессилевших пальцев, повернулся в воздухе и упал. Он воткнулся в край основания трона и задрожал. Царь смотрел на него, потрясенный, не веря своим глазам. Острый как бритва клинок коснулся его руки и порезал кожу. На наших глазах цепочка рубиновых капель покатилась на белую, словно облако, юбку фараона.

Тан нарушил ужасную тишину:

– Величие Египта, ты видел, кто подал знак этому животному. Ты знаешь, кто виноват и кто подвергал опасности жизнь царя. – Он перепрыгнул через распростертого стражника, схватил вельможу Интефа за руку, завернул ее за спину и заставил его опуститься на колени, вскрикнув от боли.

– Я не хотел верить в это. – Лицо фараона было печальным, когда он смотрел сверху вниз на великого визиря. – Я верил тебе всю свою жизнь, но ты оплевал мою веру.

– Величие Египта, выслушай меня! – умолял вельможа Интеф, но фараон отвернулся от него.

– Я слушал тебя достаточно долго, – сказал он и кивнул Тану: – Пусть твои люди охраняют его. Но они должны обращаться с ним вежливо, поскольку вина его еще не доказана. – Наконец фараон обратился к собравшимся: – Мы стали свидетелями неожиданных и странных событий. Я откладываю завершение праздника, чтобы подробно разобраться в доказательствах, которые раб Таита представит мне. Население Фив соберется здесь завтра в полдень и услышит мой приговор на этом же самом месте. Я кончил.

Мы прошли через главный вход в тронный зал великого визиря. Фараон задержался на пороге. Хотя рана, нанесенная мечом Расфера, была незначительной, я завязал ему руку полотном и подвесил ее на перевязи.

Фараон медленно оглядел зал. В дальнем его конце стоял трон великого визиря. Вырезанный из цельного куска алебастра, он выглядел не менее величественно, чем трон фараона на

Элефантине. Высокие стены гладко оштукатурены глиной, на ее основе написаны самые великолепные фрески, какие мне когда-либо приходилось выдумать. Они превратили огромное помещение в сверкающий сад наслаждений. Я написал их, еще будучи рабом вельможи Интефа, и хотя фрески эти были творением моих собственных рук, их вид до сих пор наполнял меня радостным волнением.

Без сомнения, одних этих работ, не считая прочих моих достижений, было бы достаточно, чтобы присвоить мне звание «самого значительного художника в истории нашей страны». Печально, но именно мне, творцу, предстояло уничтожить их. Это омрачало чувство торжества, наполнявшее мое сердце в тот бурный день.

Я провел фараона через зал. Мы забыли о всяких церемониях, и фараон волновался как ребенок. Он так близко следовал за мной, что почти наступал мне на ноги, а царская свита также взволнованно шла за ним по пятам.

Я подвел их к стене позади трона, и мы остановились у высокой росписи, изображавшей бога солнца в его ежедневном путешествии по небу. Несмотря на волнение, в глазах фараона появилось благоговейное чувство, когда он смотрел на эту картину.

Позади нас огромный зал заполнила свита царя, состоявшая из придворных, воинов и знати, не говоря уже о царских женах и наложницах, которые скорее отказались бы от своих румян и притираний, чем пропустили бы такое восхитительное представление, каким обещало стать мое свидетельство. Разумеется, госпожа моя стояла впереди всех. Тан отставал от царя на один шаг. Он и его отряд синих стали выполнять обязанности охраны царя.

Фараон снова повернулся к Тану:

– Прикажи своим людям привести сюда вельможу Интефа!

Крат с наигранной холодной вежливостью подвел Интефа к стене и встал между пленником и царем, держа наготове обнаженный клинок.

– Можешь начинать, Таита, – сказал царь, и я стал мерить стену, отсчитав тридцать шагов от дальнего угла и сделав мелом пометку на стене.

– За этой стеной находится тайная сокровищница великого визиря, – пояснил я царю. – Во время последнего ремонта дворца были выполнены кое-какие работы по перестройке зала. Здесь потайная дверь. Вельможа Интеф любит иметь свои богатства под рукой.

– Ты иногда становишься болтливым, Таита. – Фараона совсем не увлекла моя лекция по архитектуре дворца. – Скорее, я горю желанием узнать, что там спрятано.

– Пропустите каменщиков, – приказал я, и маленький отряд кряжистых негодяев в кожаных передниках прошел по образовавшемуся коридору. Они бросили у стены кожаные мешки и сумки с инструментами. Я вызвал их из Города Мертвых, где они работали на стройке гробницы фараона. Белая каменная пыль, осевшая на волосах, придавала им вид умудренных годами стариков, какими они редко оказывались в действительности.

Я одолжил измерительную линейку у их мастера и с ее помощью разметил на стене продолговатый прямоугольник. Затем отошел и снова обратился к мастеру каменщиков:

– Работайте потише! Постарайтесь как можно меньше повредить фрески. Это великие произведения искусства!

Каменщики взялись за деревянные молотки и кремневые резцы и стали долбить стену, не обращая внимания на мои страдания. Краска и штукатурка тучей летели в разные стороны, когда крупные куски облицовки отваливались и глухо падали на мраморный пол. Пыль стала досаждать дамам, и они прикрыли рты и носы платками.

Постепенно из-под слоя штукатурки появились контуры каменной кладки. Фараон громко вскрикнул и, не обращая внимания на летящую во все стороны пыль, подошел поближе, чтобы приглядеться к рисунку кладки, появившейся из-под штукатурки. Четкий рисунок основной сте-

ны нарушал прямоугольник другого камня, точно повторявший фигуру, нарисованную мной на стене.

– Здесь заложен проход! – воскликнул фараон. – Вскройте его немедленно!

По приказу царя каменщики принялись за запечатанную дверь и быстро разобрали ее. Как только они вынули угловой камень, остальные камни кладки быстро посыпались наружу. Перед нами оказался темный проход, и фараон, взявший теперь на себя руководство работой, возбужденно потребовал зажечь факелы.

– Все пространство за этой стеной занимает тайное помещение, – пояснил я, пока мы ожидали факелы, – которое я соорудил для вельможи Интефа по его приказу.

Когда принесли факелы, Тан взял один из них и осветил дорогу царю, шагнув впереди него в темную дверь. Царь вошел, и я последовал за ним и Таном.

Я не был здесь так давно, что стал оглядываться вокруг с не меньшим любопытством, чем остальные. Ничего не изменилось с тех пор: сундуки и бочонки из кедрового дерева и древесины акации стояли так же, как я их оставил. Я указал царю те из них, на которые ему следовало бы обратить внимание прежде всего, и он приказал:

– Вынесите их в тронный зал.

– Нам понадобятся крепкие люди, – сухо заметил я. – Они немного тяжеловаты.

Три самых высоких воина отряда синих с трудом смогли поднять сундуки и, шатаясь, через пролом в стене вынести их по одному в тронный зал.

– Я никогда прежде не видел этих сундуков, – заявил вельможа Интеф, как только первый вынесли в тронный зал и поставили на подиум рядом с троном великого визиря. – Я не знал о существовании тайного помещения за стеной. Его, наверное, построил мой предшественник, и сундуки были поставлены туда по его приказу.

– Ваше величество, взгляните на печать на этой крышке, – указал я фараону, и он посмотрел на маленький кружочек глины.

– Чья это печать?

– Взгляните на кольцо на указательном пальце левой руки великого визиря, – прошептал я. – Могу ли я с уважением предложить фараону сравнить его и печать на этом сундуке?

– Вельможа Интеф, будьте любезны, передайте мне перстень, – преувеличенно вежливо попросил царь, а великий визирь спрятал левую руку за спиной.

– Величие Египта, перстень находится у меня на пальце уже двадцать лет. Он врос, и его нельзя снять.

– Вельможа Тан. – Царь обернулся. – Возьмите меч, удалите палец вельможи Интефа и принесите мне вместе с перстнем.

С жестокой улыбкой Тан сделал шаг, чтобы выполнить приказ, и наполовину вытащил клинок из ножен.

– Наверное, я ошибся, – поспешил признать вельможа Интеф. – Дайте я посмотрю, нельзя ли снять. – Кольцо довольно легко соскользнуло с пальца, и Тан, опустившись на колено, передал его царю.

Фараон наклонился над сундуком и добросовестно сравнил печать с перстнем. Когда он снова выпрямился, лицо его потемнело от гнева.

– Они полностью совпадают. Этот сундук запечатан твоим перстнем, вельможа Интеф.

Великий визирь не стал отвечать на обвинения. Он стоял неподвижно, сложив руки на груди, и лицо его будто окаменело.

– Сломайте печать! Откройте сундук! – приказал фараон, и Тан, отрезав глиняную печать, мечом приподнял крышку.

Царь невольно вскрикнул, когда крышка открылась и он увидел содержимое сундука.

– Клянусь всеми богами! – воскликнул Мамос, и все придворные столпились вокруг него, бесцеремонно заглядывая в сундук, толкаясь и восклицая, стараясь получше разглядеть. – Золото! – Царь опустил обе ладони в сундук и поднял полную горсть блестящих желтых колец, а разжав пальцы, позволил кольцам водопадом упасть обратно. Поймал последнее и поднес к глазам, чтобы разглядеть метку монетного двора. – Два дебена чистого золота. Сколько же таких колец в этом сундуке и сколько таких сундуков в этом тайном хранилище?! – Вопрос его был риторическим, и он не ожидал получить ответ, но я тем не менее ответил:

– В этом сундуке... – Я прочел надпись на крышке, сделанную много лет назад. – Этот сундук содержит один тах и триста дебенов чистого золота. Что же касается количества сундуков с золотом, если мне память не изменяет, здесь должно быть пятьдесят три сундука золота и двадцать – серебра. Я забыл, сколько здесь сундуков с драгоценными камнями и украшениями.

– Можно ли верить людям? Вельможа Интеф, я обращался с тобой как с родным братом. Не было такой благосклонности, какой я не оказывал тебе, и вот чем ты отплатил мне.

В полночь казначей и глава царских сборщиков податей пришли к фараону, когда я менял ему повязку на раненой руке. Они представили ему окончательные подсчеты количества сокровищ из тайного хранилища визиря, и фараон со смешанным чувством восхищения и ужаса прочел доклад. И снова противоречивые эмоции наполнили его: гнев боролся в нем с радостью такой неожиданной удаче.

– Этот негодяй был богаче собственного царя. Нет такого наказания, которое было бы для него слишком жестоким. Он обманывал меня и моих сборщиков податей.

– А также погубил и ограбил вельможу Харраба и десятки тысяч подданных фараона, – напомнил я ему, закрепляя повязку. Я, пожалуй, вел себя дерзко, однако теперь он был многим обязан мне и я мог рискнуть.

– И их тоже, – с готовностью подхватил фараон, не заметив моего сарказма. – Его вина глубже моря и выше небес. Мне придется придумать подходящее наказание для него. Петля палача слишком милостива для вельможи Интефа.

– Ваше величество, как ваш врач, я должен настаивать на том, что вы должны сейчас отдохнуть. День сегодня был очень тяжелым, и даже от вас он потребовал больших усилий и выносливости.

– Где Интеф? Я не могу чувствовать себя спокойным, пока не буду уверен, что его надежно стерегут.

– Его сторожат в его собственных покоях, ваше величество. Один из старших сотников и отряд синих выполняют эту обязанность. – Я помолчал, потом осторожно сказал: – Расфера тоже сторожат.

– Расфера? Этого слюнявого урода? Того самого, кто пытался убить тебя в храме Осириса? Так он выжил после удара рукояткой меча?

– Да, он вполне здоров, хотя, может быть, не слишком весел. Знали ли вы, ваше величество, что именно Расфер много лет назад кастрировал меня? – Выпалив эти слова, я увидел в глазах царя искру жалости.

– Он получит то же, что и его хозяин, – пообещал фараон, – и будет наказан так же, как и вельможа Интеф. Это тебя удовлетворит, Таита?

– Ваше величество справедливы и всеведущи. – Пятясь, я вышел из комнаты и отправился на поиски моей госпожи.

Она ждала меня и, хотя уже было за полночь и я устал, не позволила мне уснуть. Она слишком переволновалась в тот день и настояла на том, чтобы я сидел с ней на кровати весь остаток ночи и слушал ее болтовню о Тане и других, менее значительных вещах.

Несмотря на бессонную ночь, голова у меня была ясная и свежая, когда я занял свое место в храме Осириса следующим утром. Сегодня, казалось, людей собралось больше, чем за день до этого. В Фивах не осталось ни одной живой души, которая не слышала бы о падении великого визиря и не хотела бы увидеть его последнее унижение. Даже те помощники, которые процветали под подлой властью, теперь обратились против него, как стая гиен, готовых сожрать своего вожака, когда он болен или ранен.

Князей сорокопутов вывели и поставили перед троном в лохмотьях и рабских оковах, но вельможа Интеф вошел в храм в белоснежных одеждах и серебряных сандалиях, волосы были только что завиты и лицо подкрашено, а цепи «Золота похвалы» по-прежнему висели на шее.

Князья стояли на коленях перед троном. Однако когда один из охранников ткнул вельможу Интефа мечом, тот отказался встать на колени, и царь жестом остановил стражника.

– Пусть стоит! – приказал царь. – У него будет время полежать в гробнице. – Фараон поднялся над присутствующими, исполненный величественного гнева. Теперь он выглядел настоящим царем, как один из первых фараонов династии, могущественный и сильный властелин.

Я – человек, очень близко узнавший его слабости, – ощутил вдруг благоговейный страх.

– Вельможа Интеф, тебя обвиняют в измене, убийствах, грабежах, пиратстве и сотнях других преступлений, которые заслуживают наказания. Я выслушал показания пятидесяти моих подданных из разных слоев и разных родов занятий – от вельмож и свободнорожденных до рабов, подтвержденные материальными свидетельствами. Я видел содержимое твоей тайной сокровищницы, где ты скрывал богатства, похищенные у царских сборщиков податей. Я видел твою личную печать на сундуках с сокровищами, и все это тысячу раз подтверждает твою вину. Я, Мамос Восьмой, фараон и правитель моей страны, Египта, здесь и сейчас объявляю тебя виновным во всех этих преступлениях и заявляю, что ты не заслуживаешь царской милости и не подлежишь помилованию.

– Да здравствует фараон! – закричал Тан, и это приветствие подхватили все присутствующие.

Народ Фив десять раз повторил его.

– Да живет он вечно!

Когда наступила тишина, фараон заговорил снова:

– Вельможа Интеф, я вижу на тебе «Золото похвалы». Меня оскорбляет то, что высокая награда находится на груди изменника. – Он посмотрел на Тана: – Военачальник, сними золото с пленного.

Тан поднял цепи над головой вельможи Интефа и поднес их царю. Фараон взял «Золото похвалы», а когда Тан шагнул прочь, остановил его со словами:

– Имя вельможи Харраба было запятнано клеветой. Твоего отца затравили, и он умер смертью изменника. Ты доказал невиновность своего отца. Я отменяю все приговоры, вынесенные Пианки, вельможе Харрабу, и посмертно возвращаю ему все почести и титулы, которых он был лишен. Все эти почести и титулы переходят к тебе, его сыну.

– Бак-кер! – закричали собравшиеся. – Да живет фараон вечно! Да здравствует Тан, вельможа Харраб!

– Кроме тех титулов, которые переходят к тебе по наследству, я даю тебе новую награду. Ты выполнил поручение, данное тебе. Ты погубил сорокопутов и доставил правосудию их главаря. В знак признания твоих заслуг перед фараоном я награждаю тебя «Золотом доблести». Преклони колено, вельможа Харраб, и получи награду фараона.

– Бак-кер! – закричали все, когда фараон возложил на Тана звенящие золотые цепи, только что принадлежавшие вельможе Интефу, к которым он добавил подвеску в форме звезды – знак воинской доблести. – Да здравствует вельможа Харраб!

Когда Тан отошел, фараон снова повернулся к пленникам:

– Вельможа Интеф, ты лишаешься своего титула вельможи фиванского круга. Твое имя и звание будут стерты со всех памятников и с гробницы, приготовленной тобой для себя в Долине знати. Все твои имения и все твои богатства, включая незаконно собранные сокровища, переходят короне, кроме имений, когда-то принадлежавших Пианки, вельможе Харрабу, и которые обманным путем перешли к тебе. Теперь они целиком переходят к их наследнику, моему доброму Тану, вельможе Харрабу.

– Бак-кер, фараон мудр! Да живет он вечно! – беспорядочно закричали люди вокруг. Госпожа моя, не стыдясь, рыдала рядом со мной, как и половина жен царя. Очень немногие могли устоять перед красавцем героем с золотистыми волосами, которые, казалось, затмевали даже блеск золота на его груди.

А потом царь застал меня врасплох. Он посмотрел прямо на меня, туда, где я сидел рядом с моей госпожой.

– Есть еще один верный человек, оказавший короне услугу и открывший местонахождение похищенных сокровищ. Пусть раб Таита выйдет сюда.

Я спустился вниз, встал перед троном, и царь заговорил мягким добрым голосом:

– Ты неизмеримо пострадал от рук изменника Интефа и его подручного Расфера. Они вынуждали тебя совершать низкие дела и преступления против государства, сотрудничать с разбойниками и грабителями и скрывать сокровища хозяина от царских сборщиков податей. Однако ты творил это не по своей воле. Как раб, ты должен был выполнять приказы своего господина. Поэтому я освобождаю тебя от всех обвинений и ответственности за содеянное. Я заявляю, что ты невиновен ни в одном из преступлений твоего бывшего хозяина, и награждаю тебя за твою верную службу двумя тахами чистого золота, которые будут выплачены тебе из сокровищ, конфискованных у изменника Интефа.

Люди встретили это заявление царя удивленным шепотом. Я вскрикнул от неожиданности: сколько золота! Такое состояние может посоперничать с богатствами знатнейших вельмож страны, его хватит на приобретение огромных участков плодороднейшей земли у реки и обстановку для великолепных вилл на этих участках. На него можно купить три сотни рабов для работы на этой земле, можно снарядить целую флотилию торговых судов и отправить их во все концы Земли, чтобы они привезли еще больше сокровищ. Такое богатство могло потрясти даже мое воображение, но царь еще не кончил.

– Поскольку ты раб, эти сокровища будут выданы не тебе, а твоей госпоже, младшей жене фараона. – Мне следовало бы сразу догадаться, что фараон оставит такое состояние в своей семье.

Я – человек, богатства которого несколько мгновений назад равнялись состоянию знатнейших семей Египта, – поклонился царю и вернулся на свое место рядом с госпожой. В утешение она пожала мне руку, но, по правде говоря, я не был несчастлив. Наши судьбы так крепко переплелись, что я стал ее частью. Теперь мы оба больше ни в чем не будем нуждаться. Я уже начал обдумывать, во что мы вложим состояние моей госпожи.

Наконец царь объявил приговор остальным пленникам, хотя, произнося его, он смотрел только на вельможу Интефа.

– Ваши преступления невиданны. Ни одно из привычных наказаний не подходит вам. Вот мой приговор. На рассвете дня, после окончания праздника Осириса, вас прогонят по улицам Фив связанными и обнаженными, прибьют живыми за ноги к главным воротам города головой вниз и оставят висеть до тех пор, пока вороны не вычистят ваши кости. Затем ваши кости снимут, перемелют в порошок и бросят в Нил.

Даже Интеф побледнел и зашатался, когда услышал такой приговор. Распорядившись с земными телами так, чтобы их невозможно было забальзамировать и сохранить, фараон обре-

кал пленников на небытие. Для египтянина никакое наказание не может быть более суровым. Им навеки было отказано в полях рая.

Когда госпожа моя изъявила желание пойти на казнь и посмотреть, как отца приколотят за ноги к главным воротам города, я подумал, что она не поняла, какое страшное зрелище ожидает ее. Поэтому стал решительно возражать. Я никогда не замечал в ней садистских наклонностей. Большинство царских жен собиралось присутствовать на казни, что, по-моему, и повлияло на нее. Да и Тан будет руководить церемонией казни, а она не упускала возможности посмотреть на него, даже на расстоянии.

В конце концов мне удалось переубедить ее, только употребив самый сильный довод из своего арсенала.

– Госпожа, такое жестокое зрелище наверняка повредит твоему нерожденному сыну. Ты же не хочешь калечить молодой неокрепший ум!

– Это невозможно! – Она впервые за время нашего спора заколебалась. – Мой сын ничего не узнает.

– Он увидит все твоими глазами, а вопли умирающего деда достигнут его маленьких ушек через стенки твоего живота. – Я тщательно подобрал слова и добился нужного результата. Лостра задумалась и через некоторое время вздохнула.

– Но ты пойдешь туда и очень подробно все опишешь. Ты не пропустишь ни одной мелочи. Больше всего я хочу знать, как будут одеты жены царя. – Потом коварно усмехнулась, показывая, что доводы мои ее не совсем обманули: – А расскажешь ты мне все шепотом, чтобы ребенок не проснулся и не подслушал нас.

Когда я покидал гарем на рассвете дня казни, было еще темно и саван мрака покрывал дворец. Я торопливо прошел через водный сад, где звезды отражались в черных зеркалах прудов. Когда я приблизился к крылу дворца, где содержался вельможа Интеф, то увидел свет ламп и факелов, услышал ругань и голоса, лихорадочно отдававшие приказы.

Я сразу понял, что произошло нечто серьезное, и побежал. Страж у двери личных покоев Интефа чуть не проткнул меня копьем, но, узнав, в последний момент поднял оружие и пропустил.

Тан стоял посередине прихожей, рычал, как черногривый лев в ловушке, и лупил кулаками каждого, кто попадался под руку. Хотя он всегда был вспыльчивым человеком, я ни разу не видел, чтобы гнев настолько выводил его из себя. Казалось, мой друг потерял дар членораздельной речи и способность мыслить. Воины, могучие герои отряда синих, трусливо прятались от него, и во всем крыле дворца стоял невероятный шум.

Я направился к нему, увернулся от удара и крикнул прямо в лицо:

– Тан, это я! Возьми себя в руки! Во имя всех богов, ты что, сошел с ума?

Тан чуть было не ударил меня снова, но я видел, как он борется с собой. Наконец ему удалось взять себя в руки.

– Посмотри, можешь ли ты помочь им. – И он показал на тела стражников, валявшиеся на полу прихожей, как на поле битвы. С ужасом я узнал в одном из них Хетхета, старшего сотника отряда и уважаемого мной человека, который лежал в углу, свернувшись и сжимая живот. На лице у него застыла такая гримаса боли, какую я бы не хотел увидеть еще раз. Я коснулся его щеки: кожа была холодна и безжизненна.

Я покачал головой:

– Уже ничем не могу ему помочь.

Я поднял пальцем веко и заглянул в мертвый зрачок, потом наклонился и понюхал рот. Почувствовал отвратительный слабый запах грибов, который был так знаком мне.

– Яд. – Я поднялся на ноги. – С остальными наверняка то же самое. – Пятеро стражников, скорчившись, лежали на каменных плитах.

– Как их отравили? – спросил Тан напряженным, но спокойным голосом, а я взял одну из чаш с низкого столика, где стражники, очевидно, обедали, и понюхал ее. Здесь запах грибов был сильнее.

– Спроси повара, – предложил я. Затем во внезапном приступе гнева швырнул чашу об стену. Скрюченные тела напомнили мне моих зверюшек, которые умерли такой же смертью, а Хетхет был мне другом.

Я перевел дыхание и спросил:

– Твой пленник, конечно, сбежал?

Вместо ответа Тан провел меня в спальню великого визиря. Я сразу увидел, что в дальнем конце комнаты отодвинута цветная, раскрашенная панель и открыт тайный ход.

– Ты знал, что здесь есть тайный ход? – холодно спросил Тан, и я покачал головой:

– Мне казалось, что знаю все его секреты, но я ошибался. – В моем голосе послышалось смирение. Наверное, в глубине души я понимал все это время, что нам не удастся свершить правосудие над вельможей Интефом. Он был любимцем богов тьмы и пользовался их покровительством. – Расфер сбежал вместе с ним?

Тан покачал головой:

– Я приказал запереть его в арсенале вместе с князьями, но оба сына Интефа, Менсет и Собек, исчезли. Скорее всего именно они организовали убийство стражников и побег отца.

Тан снова полностью овладел собой, но чувствовалось, что гнев его еще не угас.

– Ты так хорошо знаешь Интефа. Что он будет делать? Куда отправится? Как мне поймать его?

– Я знаю только одно: он подготовился к подобной напасти. В Нижнем царстве хранил сокровища у знакомых купцов и законников. Даже торговал с лжефараоном. По-моему, продавал ценные сведения его военачальникам. Наверняка будет встречен там с распростертыми объятиями.

– Я уже послал пять быстрых ладей на север с приказом обыскивать все суда, которые они нагонят.

– У него есть друзья за Красным морем. Он отправлял сокровища купцам в Газу, на берег Северного моря, чтобы те сохранили их. Заключал сделки с бедуинами. Многие из них служили ему. Они помогут ему пересечь пустыню.

– Клянусь Гором, у него, как у крысы, нора одна, а выходов дюжина. Как могу я перекрыть все?

– Никак. Фараон ждет нас, он хочет присутствовать при казни. Тебе придется доложить ему о бегстве.

– Царь будет разгневан, и по праву. Я не выполнил свой долг, позволил Интефу сбежать.

Но Тан ошибался. Фараон с поразительным спокойствием выслушал известие о побеге Интефа. Я не могу объяснить это. Наверное, огромные богатства, попавшие к нему в руки, смягчили его чувства, а кроме того, в глубине души еще могла таиться любовь к великому визирю. Но с другой стороны, фараон был добродушным человеком, и созерцание казни вельможи Интефа, которого должны были прибить к воротам, вряд ли доставило бы ему удовольствие.

По правде говоря, он выказал легкое раздражение и порассуждал об обмане правосудия, но пока мы находились у него, тайком поглядывал на список сокровищ Интефа. Даже когда Тан признал себя ответственным за побег пленника, фараон отмахнулся:

– Вина за это полностью лежит на начальнике стражи. Чаша с ядом, которую ему поставил Интеф, уже послужила наказанием. Ты послал ладьи и войска в погоню за беглецом. Ты сделал все, что должен был сделать, вельможа Харраб. Тебе остается только выполнить свой долг и привести в исполнение приговор, вынесенный остальным преступникам.

– Готов ли фараон присутствовать на казни? – спросил Тан, и фараон оглянулся, как будто искал повод остаться со списком сокровищ и докладом сборщика податей.

– У меня много дел, вельможа Тан. Начинайте без меня. Доложите, когда приговор будет приведен в исполнение.

Народ проявил такой интерес к казни, что отцы города решили построить «трибуны Таиты» перед главными воротами. Они брали по серебряному кольцу за место. Недостатка в желающих не было, трибуны забиты до отказа. Толпы зрителей, которые не смогли получить места на трибунах, разместились на полях за стенами города. Многие принесли с собой пива и вина, чтобы отпраздновать казнь и произносить тосты князьям сорокопутов. Мало кто из присутствующих не пострадал от набегов разбойников, многие потеряли мужей, братьев или сыновей.

Совершенно обнаженными и связанными, как и приказал фараон, осужденных провели по улицам Карнака. Толпы народа выстроились вдоль их пути и забрасывали навозом и грязью, кричали оскорбления и трясли кулаками. Дети плясали впереди шествия и пели веселую песенку, сочиненную тут же:

Гвозди в ногах, к солнышку зад:
Смерти такой князь будет рад!

Подчиняясь желанию госпожи, я занял место на трибуне и стал смотреть, как приводится в действие приговор. По правде говоря, глаза мои не глядели на наряды и украшения разодетых женщин, сидевших вокруг меня, когда пленников провели через ворота. Я смотрел на Расфера и пытался разжечь в себе ненависть к нему. Заставил себя перечислить все жестокие и коварные поступки, которые он совершил по отношению ко мне, постарался вспомнить боль, причиненную острым ножом. И все же, когда я увидел своего врага, голого, с огромным белым животом, висевшим почти до колен, с навозом в волосах и струйками грязи на лице и уродливом теле, мне было трудно ненавидеть его, как он того заслуживал.

Расфер узнал меня на трибуне и ухмыльнулся. Половина лица его была парализована, и ухмылка эта превратилась в кривую гримасу.

– Благодарю тебя за то, что ты пришел попрощаться со мной, евнух. Может быть, мы снова встретимся на полях рая, и тогда я с удовольствием опять отрежу тебе яйца.

Издевка должна была разжечь мою ненависть, но почему-то этого не произошло, хотя я и ответил ему:

– Ты отправишься не дальше грязи на дне реки, старина. Следующую зубатку, которую я зажарю на вертеле над костром, назову Расфером.

Его первым из пленников должны были поднять на ворота. Троим пришлось тянуть сверху на веревках, четверо поднимали снизу. Они держали, пока один из войсковых оружейников забирался по лестнице с каменным молотком в руке.

Расфер перестал шутить, когда первые толстые медные гвозди прошли через плоть и кости огромных мозолистых ног. Он орал и извергал проклятия, извиваясь в руках державших его мужчин, а толпа веселыми криками и смехом подбадривала оружейника.

Только когда забили все гвозди и молотобоец спустился вниз полюбоваться своей работой, стали видны недостатки нового наказания. Расфер выл и рычал, болтаясь на воротах, кровь медленно сочилась из ран. Теперь гигантское брюхо нависло над грудью, обнажив огромную волосатую гроздь половых органов, бившихся о низ живота. Он извивался и бился на воротах, а гвозди медленно рвали плоть между пальцами, пока наконец не прорвали ее. Расфер свалился на землю и начал биться, как рыба на песке. Зрителям представление понравилось, и они весело завыли.

Подбадриваемые зрителями, палачи подняли Расфера, а оружейник снова забрался с молотком на ворота и начал заколачивать гвозди. Чтобы жертва держалась покрепче, Тан приказал также прибить руки.

На этот раз Расфера закрепили более удачно: он висел головой вниз, распятый на руках и ногах, словно чудовищная морская звезда. Больше не орал: тяжелые потроха провисли и сжали легкие. Каждый вздох стоил ему огромных усилий, не хватало воздуха на крик.

Один за другим все осужденные были подняты на ворота и распяты на них; толпа визжала от радости и хлопала в ладоши. Только Басти Жестокий не издал ни звука, чем лишил зрителей удовольствия поиздеваться над собой.

Время шло. Солнце поднималось все выше, и жара усиливалась. К полудню пленники настолько ослабели от боли, жажды и потери крови, что висели тихо, как туши на крюках мясника. Зрители начинали скучать и постепенно расходились. Некоторые князья из сорокопутов продержались дольше, другие меньше. Басти продолжал дышать целый день. Только на заходе солнца он последний раз судорожно вздохнул и затих.

Расфер оказался крепче остальных. Много позже, после смерти Басти, он все еще держался. Лицо раздулось от наплыва темной крови и стало вдвое шире, чем раньше. Язык торчал изо рта, как кусок сырой печени. Время от времени он глухо стонал, и глаза судорожно раскрывались. Каждый раз, когда я видел это, ощущал его страдания. Последние остатки ненависти давно угасли, и теперь меня переполняла жалость к нему, как ко всякому измученному животному.

Толпа уже давно разошлась, и я сидел один на пустой трибуне. Не пытаясь скрывать своего отвращения к обязанности, возложенной на него фараоном, Тан оставался на посту до заката. Затем передал командование охраной одному из сотников и оставил нас сторожить покойников.

Теперь у ворот было лишь десять стражников, не считая меня да нескольких нищих, валявшихся, как кучи тряпья, у подножия стены. Факелы по обеим сторонам ворот мерцали и вспыхивали на ночном ветерке, освещая происходящее потусторонним светом.

Расфер снова застонал, и я не выдержал. Взял кувшин пива из своей корзины и спустился вниз к сотнику. Мы знали друг друга по походу в пустыне, поэтому он рассмеялся и покачал головой в ответ на мою просьбу.

– Таита, ты мягкосердечный дурак. Этот негодяй все равно не жилец. Он не стоит беспокойства. Но я могу отвернуться на время. Поторопись.

Я подошел к воротам, и голова Расфера оказалась на одном уровне с моей. Я тихо позвал его по имени, веки судорожно открылись. Не зная, понимает ли он, что ему говорят, я прошептал:

– Я принес тебе пива – промочить горло.

Расфер тихо сглотнул. Глаза смотрели на меня. Если он еще чувствовал что-нибудь, его должна была мучить адская жажда. Я плеснул несколько капель пива ему на язык, стараясь не попасть в нос. Распятый сделал слабое, но тщетное усилие проглотить. Это было невозможно: жидкость вытекла из уголков рта и потекла на слипшиеся от навоза волосы.

Он закрыл глаза, и настал наконец момент, которого я ожидал. Я тихо достал кинжал из складок платка. Осторожно приложив острие у него за ухом, быстрым и резким движением вонзил по рукоять. Его спина выгнулась в последней судороге, а потом тело обмякло и затихло. Я вынул клинок. Крови почти не было, я спрятал кинжал в платок и отвернулся.

– Пусть райские сны укачивают тебя всю ночь, Таита, – окликнул меня на прощание сотник. Я не смог совладать со своим голосом и не ответил ему. Мне бы никогда не пришло в голову, что я буду оплакивать Расфера. Но может быть, я и не его оплакивал. Может быть, себя, и только себя.

* * *

По повелению фараона возвращение двора на Элефантину сначала отложили на месяц. Царю нужно было распорядиться новыми сокровищами, и он находился в приподнятом настроении. Я никогда еще не видел его более счастливым и довольным. Я был рад за него. К этому времени я по-настоящему привязался к старику и иногда засиживался допоздна с его писцами, проверяя счета царской казны, начавшие теперь явно излучать розовое сияние.

Помимо этого меня иногда призывали к царю на совет по поводу перестройки погребального храма, которую он теперь мог себе позволить. Я подсчитал, что примерно половина недавно полученных сокровищ уйдет в могилу вместе с фараоном. Он забрал лучшие драгоценности из запасов Интефа и послал пятнадцать тахов золотых слитков златокузнецам храма, чтобы их переработали в ритуальные предметы.

Тем не менее Мамос находил время призывать к себе Тана и совещаться с ним по военным вопросам. Теперь он признавал в Тане одного из выдающихся военачальников своего войска.

Я иногда присутствовал на его встречах. Угроза со стороны лжефараона Нижнего царства нависла над нами, и мысли наши постоянно возвращались к ней. Благосклонность царя к Тану была столь велика, что последнему даже удалось рассеять большую часть его страхов и убедить фараона выделить небольшую часть сокровищ Интефа на постройку пяти новых флотилий боевых ладей и снабжение отрядов стражи новым оружием и сандалиями. Но он не сумел убедить царя выдать войску невыплаченное жалованье. Многие отряды уже полгода его не получали. Решения фараона повысили боевой дух войска, и каждый солдат знал, кому всем обязан. Они рычали, как львы, и приветствовали Тана, поднимая вверх сжатые кулаки, когда он выстраивал войска на смотр.

Почти всякий раз, когда Тана призывали на аудиенцию к царю, госпожа моя находила повод присутствовать там. Хотя ей хватало здравого смысла держаться в тени, они с Таном обменивались такими горящими взглядами, что я боялся, как бы не подпалили искусственную бороду фараона. Нам везло: никто, кроме меня, казалось, не замечал этих жарких посланий страсти.

Как только госпожа узнавала, что я должен увидеться с Таном с глазу на глаз, она передавала ему долгие и горячие послания. По возвращении от него я приносил ей ответы, не уступавшие ее собственным по длине и страстности. К счастью, излияния их сердец повторялись, и запомнить их не представляло труда.

Госпожа Лостра без устали просила меня найти для нее способ остаться с Таном наедине. Признаться, я слишком боялся за свою шкуру и безопасность моей госпожи и не слишком ревностно выполнял эти приказания, не проявляя обычной своей изобретательности. Однажды я попытался было передать Тану приглашение встретиться с моей госпожой, но он вздохнул и отказался, осыпав меня признаниями в любви к ней.

– Наша первая встреча в гробницах Траса была чистым безумием, Таита. Я совсем не собирался ставить под удар честь госпожи Лостры, и если бы не самум, этого бы не произошло. Мы не можем больше так рисковать. Скажи, что я люблю ее больше жизни. Скажи ей, что я буду ждать ее всю свою жизнь.

Получив это любовное послание, госпожа моя топнула ножкой, назвала своего верного любимого упрямым дураком, которому наплевать на нее, разбила чашку и два кувшина цветного стекла и бросила в реку украшенное драгоценностями зеркало, подарок царя, а потом и сама кинулась на постель и прорыдала до самого вечера.

Помимо чисто военных обязанностей, которые включали наблюдение за постройкой флотилии новых ладей, Тан в те дни много времени посвящал переустройству отцовских имений, доставшихся ему в наследство.

Он почти каждый день советовался со мной по этим вопросам. Нет ничего удивительного в том, что сорокопуты не трогали эти имения, пока они принадлежали вельможе Интефу. Поэтому Тан буквально за ночь стал одним из самых богатых людей Верхнего царства. Хотя я изо всех сил старался переубедить его, он потратил значительную часть состояния на выплату жалованья своим воинам и перевооружение любимого отряда синих. Разумеется, за эту щедрость люди полюбили его еще больше.

Не удовлетворившись таким мотовством, Тан отправил своих сотников, Крата, Ремрема и Аста, собирать по улицам Фив увечных ветеранов речных войн, нищенством добывавших себе пропитание. Он поселил все эти отбросы в одном из больших поместий за городом, которое получил в наследство, и, хотя объедков и помоев им было бы более чем достаточно, кормил их мясом, лепешками и пивом. Простые воины громко приветствовали Тана на улицах и пили за его здоровье в кабаках.

Когда я рассказал госпоже о безумном мотовстве Тана, ее только вдохновил его пример, и она тут же потратила сотни дебенов золота, заработанных мною для нее, на приобретение и обустройство десятка зданий, превращенных затем в больницы и приюты для бедняков Фив. Я уже отложил это золото для закупки зерна, но, как ни ломал руки, умоляя ее, она настояла на своем.

Нужно ли говорить, что долготерпеливому рабу Таите пришлось отвечать за управление всей этой глупостью госпожи, хотя и она тоже каждый день посещала свои благотворительные заведения. Теперь для каждого бездельника и пьяницы Луксора и Карнака оказалось возможным получить бесплатный обед и удобную постель за наш счет, а если этого ему было мало, он мог даже принять чашку супа из собственных прелестных ручек моей госпожи. А лечением их гнойных язв и поносов занимался один из лучших врачей страны.

Мне удалось найти несколько молодых безработных писцов и разочаровавшихся в религии жрецов, которые любили народ больше, чем богов или деньги. Моя госпожа наняла их, и во главе со мной этот маленький отряд отправлялся ночью охотиться на задворках города и в трущобах. Каждую ночь мы отлавливали уличных сирот. Они представляли собой стаи грязных, завшивевших дикарей, и редко кто из них по собственному желанию уходил с нами. Нам приходилось ловить их, как диких котов. Я получил множество укусов и царапин, пытаясь отмыть маленькие тела от засохшей грязи или сбрить толстый слой спутанных волос со вшами, в которые нельзя было даже воткнуть гребень.

Мы поселили их в одном из новых приютов. Здесь жрецы занялись нудным и долгим процессом приручения этих дикарей, а писцы направляли их по длинной дороге образования. Многие из наших пленников убегали через несколько дней и возвращались в свои сточные канавы. Однако кое-кто оставался в приюте. Медленное превращение этих животных в человеческие существа радовало мою госпожу и доставляло мне гораздо больше удовольствия, чем я мог ожидать от такого занятия.

Тщетно пытался я возражать против того, как госпожа моя тратит наше состояние. Я пообещал ей, что если бальзамировщики получат мое тело и положат его в гробницу раньше отведенного мне богами срока, вина за это будет целиком лежать на тех двух юных глупцах, которых я пригрел под своим крылом и которые постоянно награждали меня непослушанием.

Нужно ли говорить, что именно госпожу, а не меня все вдовы и калеки города благословляли и дарили ей свои жалкие дары: увядшие букетики цветов, дешевые бусы, ветхие кусочки папируса с плохо написанными текстами из Книги Мертвых. Когда Лостра ходила по городу, простой народ подносил к ней своих детенышей для благословения и люди старались прикоснуться к краю ее одежды, как будто это был религиозный талисман. Она целовала грязных детей, хотя я предупреждал, что это опасно для здоровья, и разбрасывала медь бездельникам, как дерево осенью роняет свои листья.

– Это мой город. Я люблю его и люблю каждого жителя. О, Таита, с каким ужасом думаю я о возвращении на Элефантину! Мне больно оставлять мои прекрасные Фивы.

– Так ты боишься оставить город? Или некоего грязного воина, живущего здесь?

Она ударила меня, но не сильно.

– Для тебя нет ничего святого, даже любовь, чистую и верную, ты не ценишь! В душе ты остаешься варваром, несмотря на все твои свитки и высокопарные слова.

Итак, дни летели быстро для всех нас, пока однажды утром я не посмотрел в свой календарь: уже больше двух месяцев прошло с тех пор, как госпожа Лостра снова стала выполнять свои супружеские обязанности в постели фараона. Хотя положение ее внешне еще не было заметно, уже пора было известить царя о великом подарке богов и приближающемся отцовстве.

Когда я сказал госпоже, что собираюсь сделать, ее взволновало только одно. Она заставила меня пообещать, что я скажу Тану: именно он является настоящим отцом ее ребенка – прежде чем извещу царя. В тот же день после полудня я отправился выполнять свое обещание. Я нашел Тана на верфях на западном берегу, где он ругался с корабельщиками и угрожал бросить их в реку на съедение крокодилам. Он забыл о своем гневе, как только увидел меня, и провел к ладье, которая была недавно спущена на воду; показал устройство для удаления воды из трюма, если корабль будет поврежден в бою. Тан, казалось, забыл, что именно я изобрел эту машину, и мне пришлось тактично напомнить ему об этом.

– Еще немного, и ты потребуешь денег за свои идеи. Клянусь, ты скуп, как ассирийский торгаш. – Он хлопнул меня по спине и отвел на дальний конец палубы, где никто из моряков не мог нас услышать. Там понизил голос: – Как себя чувствует твоя госпожа? Она снилась мне сегодня ночью. Скажи мне, хорошо ли ей? Как дела у маленьких сироток? Сколько любви в этом сердце, сколько красоты! Все Фивы обожают ее! Я слышу дорогое имя повсюду, когда хожу по городу, и звуки его вонзаются в мое сердце, как острие копья!

– Очень скоро тебе придется любить двоих вместо одного человека, – сказал я, и Тан уставился на меня разинув рот, как будто внезапно лишился чувств. – Ведь в гробницах Траса не только самум прикоснулся к моей госпоже.

Он вдруг обнял меня с такой силой, что перехватило дыхание.

– Что еще за загадки? Говори ясно, или я выброшу тебя в реку! Что ты несешь, старый болтун? Перестань играть словами!

– Госпожа Лостра беременна от тебя. Она послала сказать тебе об этом, чтобы ты узнал первым, раньше самого царя, – выдохнул я. – А теперь отпусти, пока не покалечил.

Тан отпустил меня настолько внезапно, что я чуть не упал за борт.

– Мой ребенок! Мой сын! – вскричал он. Поразительно, как оба одновременно решили, какого пола будет их малютка. – Это чудо, это дар самого Гора! – Очевидно, Тан в тот момент решил, что никто, кроме него, за всю историю человечества еще не становился отцом. – Мой сын! – Он затряс головой от удивления, улыбаясь как слабоумный. – Моя жена и мой сын! Я должен немедленно пойти к ней. – И тут же зашагал прочь по палубе, а мне пришлось бегом догонять его. Понадобилась вся моя изворотливость, чтобы помешать ему ворваться во дворец, а затем и в царский гарем. В конце концов я отвел его в ближайший прибрежный кабачок, чтобы обмыть головку ребенка. К счастью, там уже выпивала группа свободных от службы воинов синих. Я заказал целый бочонок лучшего вина и оставил их наедине с этим бочонком. В кабачке находились также воины из других отрядов, так что позже там будет драка. Ведь Тан был в весьма шумном настроении, а синих не нужно уговаривать, чтобы подраться с кем-нибудь.

Из кабачка я отправился прямо во дворец, и фараон был очень рад видеть меня.

– Я собирался послать за тобой, Таита. Я решил, что мы с тобой были слишком скупы, когда планировали главные ворота моего храма. Мне хочется что-нибудь более величественное...

– Фараон! – вскричал я. – О, Величие и Божество Египта! Я принес удивительную весть. Богиня Исида сдержала свое обещание. Твоя династия будет вечной! Пророчества лабиринтов Амона-Ра сбудутся. Луна моей госпожи была растоптана копытами могучего быка Египта! Госпожа Лостра беременна, у нее будет сын от тебя!

На какое-то время все мысли о похоронах и погребальном храме вылетели из головы фараона, и первым его побуждением, как и у Тана, было отправиться к Лостре. И вот все бросились по коридорам дворца следом за ним. Плотным потоком вельможи и придворные текли за фараоном, а госпожа моя ждала нас в саду гарема. С природным коварством женщины она заняла такое место, которое великолепно оттеняло ее красоту. Она сидела на низкой скамеечке между цветущими клумбами, а позади виднелся простор реки. Поначалу мне даже показалось, что царь бросится перед ней на колени, но и обещание бессмертия не могло заставить его позабыть о своем достоинстве.

Вместо этого он стал осыпать ее поздравлениями, похвалами, взволнованно расспрашивал о здоровье и все время как зачарованный смотрел на живот, из которого в положенный срок появится главное чудо жизни. Наконец спросил:

– Дитя мое, совершенно ли ты счастлива? Не могу ли я чем-нибудь осчастливить мою девочку в это трудное для нее время?

И снова восхищение госпожой переполнило меня. Из нее получился бы великий военачальник или торговец, потому что чувство момента было безупречным.

– Ваше величество, Фивы – мой родной город, я не могу быть счастлива нигде в другом месте Египта. Я умоляю вас проявить щедрость и великодушие и позволить моему сыну родиться в Фивах. Пожалуйста, не заставляйте меня возвращаться на Элефантину.

Я затаил дыхание, поскольку местонахождение двора было делом государственным. Перемещение двора из одного города в другой влияло на жизни тысяч подданных. Такое решение нельзя принимать по капризу ребенка, которому не исполнилось и шестнадцати лет. Просьба поразила фараона, он задумчиво почесал свою искусственную бороду.

– Ты хочешь жить в Фивах? Ладно. Двор переедет в Фивы! – И повернулся ко мне: – Таита, разработай для меня новый дворец. – Снова посмотрел на госпожу. – Не расположить ли нам его на западном берегу, дорогая? – Он показал рукой на другую сторону реки.

– На западном берегу прохладно и красиво, – согласилась госпожа, – я буду там очень счастлива.

– На западном берегу, Таита. И не ограничивай себя ни в чем. Этот дворец должен быть подходящим домом для сына фараона. Его назовут Мемнон, правитель восхода. И дворец этот станет дворцом Мемнона.

Вот так, без всякого труда госпожа моя взвалила на меня еще одну тяжелую ношу. Она стала постепенно приучать царя к своим просьбам во имя ребенка, растущего в ее утробе. С этого момента фараон больше не был расположен отказывать ей в чем бы то ни было, будь то почести для тех, кого она любила, или милость для тех, кого она брала под свою защиту, или, скажем, редкие и чудесные блюда, которые должны были доставлять ей со всех концов империи. По-моему, она, как капризный ребенок, наслаждалась, испытывая, насколько далеко простирается ее власть над царем.

Лостра никогда не видела снега, хотя и слышала о нем из моих отрывочных детских воспоминаний о далекой горной стране, где я родился. Она попросила принести ей немного снега, чтобы охлаждать лицо в жаре нильской долины. Фараон немедленно приказал провести состязания, во время которых были отобраны сто самых быстрых бегунов Верхнего царства. Их от-

правили в Сирию, чтобы они принесли моей госпоже снег в особой шкатулке, изобретенной мною, чтобы спасти его от таяния. Пожалуй, это единственный из капризов, который так и не был выполнен. Мы получили всего лишь мокрое пятно на донышке шкатулки, когда она прибыла к нам с высоких горных вершин.

Во всех остальных случаях желания удовлетворялись. Однажды в ее присутствии Тан говорил с фараоном о боевом порядке египетского флота. Госпожа моя тихо сидела в уголке, пока Тан не закончил и не ушел, а затем тихо заметила:

– Говорят, вельможа Тан один из лучших наших военачальников. Не покажется ли тебе мудрым, мой божественный муж, возвести его в ранг Великого Льва Египта и отдать ему под командование войска Севера?

У меня перехватило дыхание от такой дерзости, однако фараон задумчиво кивнул:

– Эта мысль уже приходила мне в голову, моя дорогая, хотя он еще, пожалуй, слишком молод для такого высокого поста.

На следующий день Тана вызвали на аудиенцию к царю, и вышел он оттуда Великим Львом Египта и командующим северным крылом войска. Престарелый военачальник, занимавший этот пост до него, получил значительное пособие и теплое местечко при царском дворе. Теперь Тан имел под своим командованием три сотни лодок и почти тридцать тысяч человек. Это назначение делало его четвертым по старшинству в войске, и только Нембет и еще пара старых перечниц были выше его.

– Вельможа Тан – гордый человек, – сообщила мне госпожа Лостра, как будто я не имел об этом ни малейшего представления. – Если ты расскажешь ему, что он получил это звание с моей помощью, я продам тебя первому попавшемуся сирийскому торговцу, – зло пригрозила она.

Все это время ее живот, когда-то такой гладкий, постепенно рос. Несмотря на все остальные заботы, мне приходилось ежедневно сообщать о течении беременности не только во дворец фараона, но и в штаб флотилии северного крыла войск.

Работы на строительстве дворца Мемнона начались через пять недель после того, как фараон повелел мне разработать план. Именно столько времени ушло на него. И госпожа моя, и царь согласились с моими предложениями, так как они превзошли все их ожидания. По красоте это здание должно было затмить все построенное в нашей стране.

В тот самый день, когда началось строительство, контрабандист прорвался через блокаду красного самозванца, подкупив моряков его флота. Он причалил в Фивах с грузом древесины кедра из Библа. Кормчий был моим старым другом и принес интересные вести для нас.

Сообщил, что вельможу Интефа видели в городе Газа. Говорили, что он путешествует с большой помпой, отправляясь на Восток с многочисленной охраной. Таким образом, ему, наверное, удалось пересечь Синайскую пустыню или найти корабль и отплыть из устья Нила на восток вдоль берега великого моря.

Кормчий принес также другие вести, которые в то время мне показались незначительными, но вскоре они должны были изменить судьбу нашей страны и всех нас, живущих вдоль Великой реки. Говорили, будто новое кочевое племя шло из неведомых стран к востоку от Сирии, сметая все на своем пути. Люди мало знали об этом воинственном народе, кроме того, что он изобрел способ ведения боя, доселе невиданный. Кочевники способны очень быстро проходить большие расстояния, и никакое войско не устоит против них.

Вести о врагах, готовившихся напасть на Египет, приходили постоянно, я уже слышал по меньшей мере пятьдесят подобных слухов и не придал этому большого значения. Однако кормчий обычно был надежным осведомителем, поэтому я упомянул Тану о его рассказе, когда мы встретились.

– Никто не может выстоять против таинственного врага? – улыбнулся Тан. – Посмотрел бы я, как они налетят на моих ребят. Мы им покажем, что значит слово «непобедимые». Как их зовут, этих могучих воинов, нападающих подобно ветру?

– Кажется, они называют себя пастушьими царями – гиксосами. – Вряд ли я смог бы так легко произнести это слово, если бы знал, что оно будет значить для нашего мира.

– Пастухи, да? Ну, мои негодяи не стадо баранов. Их не так-то просто пасти. – И он отмахнулся от этой истории, поскольку его гораздо больше заинтересовали сведения о вельможе Интефе. – Если бы мы точно знали о его местонахождении, я мог бы послать отряд, чтобы схватить и привести его сюда, на суд фараона. Всякий раз, когда я хожу по имениям, которые когда-то принадлежали моей семье, чувствую дух отца где-то рядом. Знаю, что он не успокоится до тех пор, пока я не отомщу Интефу.

– Если бы это было так просто. – Я покачал головой. – Интеф хитер, как лисица пустыни. Не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим его в Египте. – Когда я сказал это, боги тьмы, наверное, усмехнулись про себя.

С развитием беременности я скоро сумел заставить госпожу оставить множество своих занятий. Запретил посещать больницы и приюты из-за опасности заразить себя и убить нерожденного ребенка паразитами или болезнями бедняков. В жаркое время заставлял ее сидеть в беседке, построенной мной в водном саду для великого визиря. Когда она пожаловалась как-то раз на скуку от вынужденного безделья, фараон прислал музыкантов, чтобы ей было веселее, и убедил меня оставить постройку дворца Мемнона и проводить время с ней, рассказывая сказки и обсуждая последние подвиги Тана.

Я настаивал на строгой диете и не разрешал употреблять вино и пиво. Приказал дворцовым садовникам снабжать ее каждый день свежими фруктами и овощами и сам срезал жир с мяса, так как знал, что он может сделать ребенка слабым и толстым. Сам готовил ей еду и каждую ночь, провожая Лостру в спальню, смешивал особый настой трав и соков, который должен был придать силы ребенку. Разумеется, когда она внезапно заявляла, что хочет бульона, сваренного из почек и печени газели, салата с язычками жаворонка или жареной грудинки дикой дрофы, царь тут же посылал сотни охотников в пустыню, чтобы добыть для нее эти деликатесы. Я воздерживался от рассказов вельможе Тану об этих странных желаниях своей госпожи, потому что боялся услышать на следующий день, как вместо того, чтобы вести войну против лжефараона, войско севера отправилось в пустыню охотиться на газелей, жаворонков или дроф.

Приближался срок родов, и я начал тревожиться. Не спал ночами, поскольку обещал царю наследника, но тот никак не ожидал, что его сын родится так скоро. Даже бог может сосчитать дни, прошедшие с начала праздника Осириса. Если бы ребенок оказался девочкой, ничего бы страшного не произошло, по крайней мере я мог бы приготовить фараона к ее преждевременному появлению на свет.

Теперь фараона интересовало все, что связано с беременностью и родами, и на какое-то время этот интерес победил увлечение храмами и гробницами. Мне приходилось почти каждый день заверять его, что довольно узкие бедра госпожи Лостры не будут препятствием для нормальных родов. В отличие от многих суеверных повитух я считал ее ранний возраст чрезвычайно благоприятным для успешного завершения нашего предприятия.

Тут мне представилась возможность сообщить царю один занятный, но малоизвестный факт: многие великие богатыри, воины и мудрецы, прославившиеся в истории, появились на свет преждевременно.

– Я считаю, ваше величество, что это похоже на жизнь лентяя, который слишком долго нежится в постели и тем самым тратит свои силы на сон, в то время как великие люди встают рано. Я заметил, что божественный фараон всегда поднимается до рассвета, и нисколько не удивлюсь,

если и на свет он появился немного раньше срока. – Я знал, что это не так, но, естественно, сам Мамос не мог противоречить мне. – Это будет крайне благоприятным обстоятельством, если сын станет подражать своему отцу и рано покинет утробу матери. – Я надеялся, что не слишком горячо отстаиваю свою точку зрения, но фараона, казалось, убедило мое красноречие.

В конце концов ребенок сам помог мне, задержавшись позже назначенного ему времени почти на две недели, и я не пытался торопить его. Срок оказался настолько близким к обычному, что у злых языков не было повода болтать, а фараон получил благословение богов тем, что сын родился раньше положенного срока: ведь он сам теперь желал этого.

Меня нисколько не удивило, что родовые схватки моей госпожи начались в самое неподходящее время. Околоплодные воды прорвались во время третьей ночной стражи. Она никогда не пыталась облегчить мне жизнь. Однако на этот раз по крайней мере избавила меня от необходимости воспользоваться услугами повитухи, так как я не доверяю этим старым каргам с черными от засохшей крови ногтями.

Когда начались роды, госпожа Лостра действовала с обычными для нее распорядительностью и апломбом. Я едва успел стряхнуть с себя остатки сна, вымыть руки в горячем вине и благословить инструменты в пламени горящей лампы, когда она застонала и довольно весело сказала:

– Посмотри-ка получше, Таита. По-моему, уже началось.

Я знал, что еще рано, но решил ублажить ее. Мне хватило одного взгляда, и я позвал рабынь:

– Поторопитесь, лентяйки! Приведите царских жен!

– Каких? – Первая служанка, отозвавшаяся на мой крик, вбежала в комнату, спотыкаясь и не успев стряхнуть с себя сон и как следует одеться.

– Всех! Каких угодно!

Ни один царевич не может унаследовать двойную корону Египта, если во время его рождения не будет свидетелей, которые официально подтвердят, что при родах не произошло подмены.

Царские жены появились в комнате как раз в тот момент, когда ребенок первый раз показался на этом свете. По телу госпожи моей прошла мощная судорога, и показалась макушка. Я с ужасом думал о том, что вот-вот появится сноп красно-золотых кудрей, но вместо этого увидел темную густую шерсть, похожую на мех бобра или нутрии. Только через много лет цвет волос царевича изменится и красный отблеск появится в черных локонах, которые засверкают, подобно полированным гранатам, отражая лучи солнца.

– Давай! – крикнул я госпоже. – Сильнее!

И она ответила яростным усилием. Молодые кости ее таза, еще не скованные грузом лет, расширились, чтобы пропустить ребенка, и путь его был очень хорошо смазан. Ребенок застал меня врасплох. Он вылетел наружу, как камень из пращи, маленькое скользкое тельце чуть не вывалилось у меня из рук.

Не успел я толком ухватить его, как госпожа моя приподнялась на локте. Волосы ее прилипли к голове от пота, а лицо перекосилось от беспокойства.

– Мальчик? Говори! Говори!

Толпа царских жен, заполнившая комнату и стоявшая вокруг кровати, стала свидетелем первого действия, совершенного ребенком на этом свете. Из своего маленького членика, длиной меньше моего мизинца, царевич Мемнон, первый фараон этого имени, выпустил струю почти до потолка. Я оказался на пути этой теплой струи, и она промочила меня насквозь.

– Мальчик? – испуганно спросила госпожа, и десять голосов одновременно ответили ей:

– Мальчик! Да здравствует Мемнон, царственный наследник Египта!

Я потерял дар речи, и глаза мои защипало не только от царственной мочи, но и от слез радости и облегчения. А ребенок, набрав в легкие воздуха, сердито и яростно закричал в первый раз.

Он замахал ручками и стал пинаться так сильно, что я снова чуть не уронил его. Когда глаза мои прояснились, я увидел у себя в руках сильное стройное тельце, маленькую гордую головку и густые темные волосы на ней.

Я потерял счет, скольким детям помог появиться на свет, но весь опыт врача не мог подготовить меня к тому, что мне пришлось испытать. Вдруг почувствовал, как вся любовь и преданность, на которые я был способен, кристаллизовались в одном мгновении моей жизни. Пришло понимание: нечто появившееся сейчас останется со мной навсегда и будет крепнуть с каждым днем. Жизнь моя сделала еще один резкий поворот, и ничто не сможет заставить ее вернуться на прежнюю дорогу.

Когда я обрезал пуповину и купал ребенка, меня переполняло чувство почти благоговейного страха, какого я не испытывал ни в одном святилище многочисленных богов Египта. Глаза мои и сердце упивались видом этого совершенного маленького тельца и красного сморщенного личика с признаками силы, упрямства и мужества, видными так же ясно, как и на лице его настоящего отца.

Я положил младенца на руки матери. Когда он нашел набухший сосок и присосался к нему, как леопард впивается в горло газели, госпожа подняла на меня глаза. Я потерял дар речи, но никакие слова не смогли бы выразить наши чувства. Мы оба поняли это. Началось нечто удивительное и столь прекрасное, что никто из нас двоих еще не мог этого полностью осознать.

Я оставил ее одну радоваться сыну и отправился сообщить царю. Спешки не было, потому что весть о рождении давно дошла до него. Царские жены славились болтливостью. Он, наверное, уже шел в гарем.

Я помедлил в водном саду, внезапно охваченный ощущением нереальности происходящего, словно видел сон. Светало, и бог солнца Амон-Ра показал краешек своего пылающего диска над восточными холмами. Я шепотом вознес ему благодарную молитву. Пока стоял, подняв глаза к небу, стайка дворцовых голубей стала кружить над садом. Когда они поворачивали в воздухе, лучи солнца отражались на крыльях, сверкавших, как алмазы.

Затем высоко в небе, над кружащей стайкой, я увидел темную точку и даже на этом расстоянии тут же узнал ее. Это был дикий сокол, прилетевший из пустыни. Он сложил острые крылья и бросился вниз. Целился в главную птицу стайки, и полет его был смертельно точным и неумолимым. Сокол ударил голубя, перья взорвались в воздухе, как облачко бледного дыма, и бедная птица умерла. Обычно сокол, вцепившись в свою жертву, падает вместе с ней на землю.

Однако на этот раз все было иначе. Сокол убил голубя, а затем разжал когти и выпустил его. Размозженное тельце птицы упало вниз, а сокол с резким криком закружил у меня над головой. Он сделал три круга и на каждом издавал резкий воинственный крик. Три – одно из самых могущественных чисел. Это дало мне понять, что я видел нечто потустороннее. Сокол был посланцем, может быть, даже самим богом Гором в одном из его воплощений.

Тело голубя упало к моим ногам, и капельки его крови забрызгали мои сандалии. Мне было знамение от бога. Это знамение говорило о том, что Гор будет защищать и опекать новорожденного. Я понимал также, что царевича он поручает мне. Бог поручает мне заботиться о нем.

Я взял мертвого голубя и поднял его к небу:

– С радостью принимаю я поручение, данное тобой, о Гор! Каждый день своей жизни я буду верен ему.

Сокол снова закричал, потом испустил последний яростный клич, резко развернулся и мощными взмахами острых крыльев понесся через Нил и исчез в диких просторах пустыни, направляясь в западные поля рая, где живут боги.

Я выдернул у голубя маховое перо. Позже положил его в кроватку царевича на счастье.

* * *

Радости и гордости фараона не было границ. Он объявил пир в честь новорожденного. Целую ночь подданные Верхнего Египта пели и плясали на улицах, поглощая мясо и вино, предоставленные фараоном, и благословляли царевича Мемнона за каждый глоток. Он был сыном госпожи Лостры, которую все любили, и это сделало его появление на свет еще более радостным.

Госпожа моя была так молода и выносliва в те дни и чувствовала себя настолько хорошо, что смогла показаться с младенцем всему двору Египта уже через несколько дней после родов. Она сидела на малом троне, чуть ниже царского, и являла собой прекрасный образ молодой матери. Когда откинула одежду, приподняла набухшую от молока грудь и дала ребенку перед всеми придворными, они так громко приветствовали ее, что напугали малыша. Он выплюнул сосок и закричал на них, лицо его при этом стало пунцовым от ярости. Народ сразу полюбил его.

– Он лев, – заявили все. – В его жилах течет кровь царей и воинов.

Когда малыша успокоили и заткнули ему рот соском матери, фараон поднялся и обратился к нам, подданным:

– Я признаю этого ребенка своим отпрыском и прямым потомком моей крови и моей династии. Он – мой перворожденный сын и станет фараоном после меня. Я представляю вам, мои вельможи, и всем моим подданным царевича Мемнона.

Раздались приветственные крики, они долго не утихали, так как никто из присутствующих не отваживался замолчать первым и тем самым подвергнуть сомнению свою верность фараону.

Во время этой церемонии я стоял со слугами и рабами царского дома на одной из верхних галерей над залом. Вытянув шею, я смог разглядеть внизу высокий силуэт вельможи Тана. Тот стоял в третьем ряду под троном с Нембетом и другими военачальниками. Хотя и кричал вместе со всеми, чувства были написаны на открытом лице. Тан стремился скрыть их. Другой заявлял права на сына, и он был бессилен что-либо изменить. Даже я, человек, хорошо его знавший и понимавший, мог только догадываться, как велики мучения.

Потом наконец царь потребовал тишины и снова обратился к присутствующим:

– Я представляю вам также мать царевича, госпожу Лостру. Пусть знают все, что теперь она будет сидеть ближе всех к моему трону. С этого самого дня я возвожу ее в ранг царицы-правительницы и старшей жены фараона. С этого момента ее будут звать царицей Лострой, а по правам и преимуществам только царь и царевич будут превосходить ее. Кроме того, пока царевич не достигнет совершеннолетия, царица Лостра может править от моего имени и, когда я не смогу исполнять свои обязанности, будет возглавлять народ Египта вместо меня.

На мой взгляд, во всем Верхнем Египте не было ни одного человека, не любившего мою госпожу, за исключением, пожалуй, нескольких жен фараона, которые не смогли родить царю наследника, а теперь увидели, что она превзошла их по своим правам и привилегиям. Все остальные с радостью выразили свою любовь к ней и приветствовали слова царя.

В конце церемонии представления царская семья покинула зал. В главном дворе своего дворца фараон взошел на огромную волокушу государства, царица Лостра села рядом с ним с царевичем на руках, и упряжка белых буйволов потащила волокушу по аллее Баранов к храму Осириса, где они должны были принести жертву богу. По обеим сторонам священной аллеи в сто рядов стояли граждане Фив; мощными криками выражали они свою преданность царю и любовь к новой царице и новорожденному царевичу.

В тот вечер, когда я прислуживал Лостре и ее ребенку, она шепнула мне:

– О, Таита, ты видел Тана в толпе? Какой это был день! Какая путаница радости и печали! Я чуть не расплакалась от любви к нему. Он так высок, строен и смел, и все же ему пришлось стоять и смотреть, как у него отнимают его собственного сына. Мне хотелось вскочить на ноги и закричать перед всей толпой: «Это сын Тана, вельможи Харраба, и я люблю их обоих!»

– Я очень рад, ваше величество, за нас всех, так как на этот раз вы все-таки смогли сдержать свой шаловливый язычок.

Она засмеялась.

– Как странно слышать от тебя это обращение: «ваше величество». Я чувствую себя самозванкой. – Переложила царевича к другой груди, и в этот момент он с такой силой выпустил воздух из обоих концов своего маленького тела, что звук этот показался мне поистине царским.

– Сразу видно, что был зачат во время бури, – заметил я сухо.

Лостра снова захихикала и печально вздохнула:

– Мой милый Тан никогда не сможет разделить с нами эти сокровенные минуты. Разве ты не понимаешь, что он до сих пор не держал Мемнона на руках и, возможно, никогда не сможет сделать это? Я сейчас, наверное, опять расплачусь.

– Сдержи слезы, госпожа. Если ты будешь плакать, у тебя молоко скиснет. – Предостережение было лживым, но действенным. Она послушалась и быстро проглотила слезы.

– А не можем ли мы помочь Тану делить наши радости?

Я подумал немного и сделал ей небольшое предложение; услышав его, она даже вскрикнула от радости. И, как будто одобряя мои слова, маленький царевич снова гулко пустил ветры.

На следующий день, когда фараон пришел посмотреть на сына, царица воспользовалась моим предложением.

– Мой дорогой божественный супруг, думал ли ты о выборе официальных учителей для царевича Мемнона?

Фараон снисходительно рассмеялся:

– Он еще младенец, разве не следует ему сначала научиться ходить и говорить, прежде чем осваивать другие науки?

– По-моему, учителей лучше назначить сейчас, чтобы они поближе познакомились с ним, а он с ними.

– Хорошо, – улыбнулся царь и взял ребенка на колени. – Кого ты нам предлагаешь?

– Для обучения наукам нам понадобится один из величайших ученых нашей страны. Это должен быть человек, сведущий во всех таинствах и науках.

В глазах царя промелькнула лукавая искорка.

– Я что-то не припомню человека, который бы соответствовал этому описанию. – И он улыбнулся мне. Ребенок изменил душевное состояние фараона. С рождением Мемнона он стал почти веселым. В какой-то момент мне даже почудилось, что он вот-вот подмигнет мне. Однако новое отношение к жизни не заходило слишком далеко.

Царица продолжала не смущаясь:

– Затем нам нужен человек, сведущий в воинских науках и владеющий оружейными приемами, способный научить царевича всему, что следует знать воину. Он, мне кажется, должен быть молод и из знатной семьи. Разумеется, должен быть надежен и верен короне.

– А на это место ты кого предлагаешь, дорогая? Немногие из моих воинов обладают этими достоинствами. – Я не думаю, что в словах фараона таилась хитрость или злоба, однако госпожа моя совсем не глупа. Она грациозно склонила голову и сказала:

– Наш царь мудр и знает, кто среди его военачальников лучше всего соответствует этой роли.

На следующей аудиенции царь объявил учителей царевича. Раб и врач Таита должен был отвечать за обучение царевича Мемнона наукам и благородному поведению. Это почти никого не удивило, но следующие слова царя сразу вызвали шум в рядах придворных:

– За обучение царевича оружейным приемам, военной тактике и стратегии с этой минуты будет отвечать Великий Лев Египта, вельможа Харраб. – В соответствии с новыми обязанностя-

ми вельможа Харраб должен был посещать царевича в начале каждой недели, если только не находился на войне.

В ожидании постройки нового дворца на другом берегу реки моя госпожа переехала из гарема дворца фараона в отдельное крыло дворца великого визиря, выходившее на водный сад, построенный мной для ее отца. Это соответствовало статусу старшей жены и царицы, а еженедельные аудиенции, которые царевич Мемнон устраивал своим официальным учителям, проходили в беседке в присутствии царицы Лостры. Очень часто там же находился десяток придворных и других сановников, а иногда фараон сам являлся туда со всей свитой. Поэтому мы чувствовали себя очень скованно.

Однако время от времени оставались одни. В первый же раз, когда были вчетвером, царица Лостра положила царевича на руки его настоящего отца, и я видел, с какой безумной радостью смотрел Тан на лицо своего сына. Мемнон отметил этс событие – его стошнило на торжественный наряд отца, но даже это не заставило Тана передать мальчика матери.

С этого дня мы старались приберечь все важные события в жизни ребенка для Тана. Он дал ему первую ложку каши. Царевич был настолько напуган незнакомой пищей, что скорчил рожицу и выплюнул противную смесь, забрызгав себе подбородок, а потом заорал во все горло, требуя материнского молока, чтобы промыть рот. Царица Лостра взяла его на руки, а Тан зачарованно смотрел, как она дала ему грудь. Вдруг Тан протянул руку и выдернул сосок из маленького ротика. Это позабавило всех, кроме царевича и меня. Мемнон был разгневан такой грубой шуткой и не стал этого скрывать, я тоже был потрясен. Я уже представил себе, что царь входит в беседку, где Великий Лев Египта держит в ладони царскую плоть и не торопится ее отпускать.

Когда я попытался возражать, госпожа сказала мне:

– Не будь такой старой гусыней, Таита. Мы только пошутили немного. Это невинная шутка.

– Да, шутка. Однако я что-то сомневаюсь в ее невинности, – пробормотал я, так как видел, как загорелись их глаза от этого прикосновения. Я чувствовал взаимную страсть в воздухе, как приближение грозы. Я знал, что они не смогут долго сдерживаться, и даже сильнейшее чувство долга и честь Тана в конце концов будут сломлены его великой любовью и ответной страстью царицы.

В тот же вечер я посетил храм Гора и принес обильную жертву. Потом молился и просил бога:

– Пусть пророчества лабиринтов Амона-Ра сбудутся без задержки, они больше не могут терпеть. Если они не выдержат, это принесет смерть и позор нам всем.

Иногда людям лучше не вмешиваться в дела Судьбы. Наши мольбы сбываются неожиданно и совсем не так, как мы хотим.

Я был врачом царевича, но, по правде говоря, он почти не нуждался в моем искусстве. Природа наделила его крепким и обильным здоровьем отца и ранней силой. Аппетит и пищеварение были образцовыми: что бы ни оказывалось у него во рту, он все пожирал с львиной жадностью, а через положенное время извергал с противоположного конца тела с нужной периодичностью и в нужной консистенции.

Он спал не просыпаясь, а когда просыпался, громкими воплями требовал пищи. Когда я показывал ему палец, он смотрел на него и следил, как тот двигается перед его огромными темными глазами. Стоило только пальцу оказаться в пределах досягаемости, малыш тут же хватался за него и пытался сесть. Он научился этому раньше, чем любой другой ребенок, за которым мне приходилось наблюдать. Встал и пополз в таком возрасте, в каком другие дети только впервые садятся. Сделал первые неуверенные шаги тогда, когда другие только начинают ползать.

Тан был с нами в тот знаменательный день. Последние два месяца он отсутствовал со своим войском, так как отряды красного узурпатора захватили город Асют. Этот город был ключом

нашей обороны на севере, и фараон приказал Тану отправиться вниз по реке со всем флотом и вернуть город.

Много позже Крат мне рассказывал, какой жестокой была битва, но в конце концов Тан пробил стену и во главе своих синих ворвался в город. Они изгнали войска самозванца и преследовали их далеко за границами Нижнего царства по залитым кровью дорогам.

Благодарные жители Фив торжественно встретили Тана, а фараон наградил его еще одной золотой цепью – «Золотом доблести» – и приказал возместить невыплаченное жалованье войскам, добившимся этой победы.

Тан пришел в беседку после встречи с фараоном. Мы уже ждали его. Я встал у входа сторожить влюбленных, а Тан и госпожа обнялись со всей страстью, какая накопилась в сердцах за время разлуки. В конце концов мне пришлось развести их, поскольку объятия могли завести слишком далеко.

– Вельможа Тан, – резко позвал я, – царевич Мемнон в нетерпении.

Они неохотно отошли друг от друга, и Тан пошел к ребенку, лежавшему нагишом на покрывале из шкур шакала, которое я постелил для него в тени. Тан опустился перед ним на колено.

– Я приветствую вас, ваше царское высочество. Я принес вам весть о торжестве нашего оружия... – шутливо приветствовал Тан. Мемнон вскрикнул, узнав своего отца, затем его внимание привлекла блестящая золотая цепь. Мощным усилием он встал на ноги и сделал четыре широких шага, а потом схватил цепь и повис на ней.

Мы все приветствовали этот подвиг, а царевич Мемнон держался за цепь и оглядывался со счастливой улыбкой, принимая похвалы как должное.

– Клянусь крыльями Гора, у него такой же острый глаз на желтый металл, как у тебя, Таита! – рассмеялся Тан.

– Влечет не золото, а подвиг, – объявила моя госпожа. – В один прекрасный день на его груди тоже будет сверкать «Золото доблести».

– Без сомнения! – Тан схватил мальчика и высоко подкинул вверх, а Мемнон заверещал от удовольствия и стал болтать ногами, требуя еще.

Для Тана и для меня новые события в жизни ребенка означали смену времен года почти так же ясно, как и подъем воды в реке. С другой стороны, самое важное в жизни моей госпожи происходило в те часы, которые она проводила с ребенком и Таном. Каждый промежуток между посещениями Тана казался ей слишком долгим, а каждое его посещение – слишком коротким.

Половодье в то лето было столь же благоприятным, как и предыдущее, предсказанное на церемонии вод в Элефантине. Вода сошла, поля заблестели под новым слоем черной грязи, а ее, в свою очередь, скоро скрыла густая зелень зерновых и овощей. Когда царевич сделал свои первые шаги, кладовые Египта были заполнены до отказа и даже чуланы беднейших египтян ломились от припасов. На западном берегу реки уже возвышался дворец Мемнона, а война на севере приносила нам удачу за удачей. Боги улыбались фараону и его царству.

Только одно огорчало нас: двое влюбленных находились так близко, что могли касаться друг друга, но их разделяла пропасть более широкая, чем долина великого Нила. Каждый из них по очереди по разным поводам упрекал меня за пророчества лабиринтов Амона-Ра, как будто я сам нес ответственность за исполнение своих сновидений. Напрасно было говорить им, что будущее только отражается во мне, как в зеркале, а камешки на доске судьбы двигает кто-то другой, а не я.

Старый год умер, вода в реке снова стала подниматься, завершая один из бесчисленных циклов. Это было четвертое половодье, предсказанное лабиринтами. Я, как и оба влюбленных, ожидал, что видения лабиринтов сбудутся в конце года. Когда этого не произошло, моя госпожа и Тан строго корили меня.

– Когда же я буду свободна и смогу уйти к Тану? – вздыхала царица Лостра. – Ты должен что-то сделать.

– Спрашивайте богов, а не меня. Я могу только молиться об этом, не более.

Потом прошел еще один год, а в нашей жизни ничего не изменилось. Даже Тан начал злиться.

– Я поверил тебе, твои слова дали мне надежду на будущее счастье. Клянусь тебе, Таита, если ты не сделаешь чего-нибудь поскорее... – Он замолчал и уставился на меня, невысказанная угроза показалась еще более ужасной.

Но прошел еще один год, и уже я начал терять веру в собственное пророчество. Я даже начал верить, что боги передумали или моя глупая фантазия нарисовала эти картины, и только.

Царевичу Мемнону исполнилось пять лет, а его матери шел двадцать первый год, когда с севера на одной из быстрых разведывательных ладей прибыл перепуганный до смерти гонец.

– Дельта пала. Красный самозванец мертв, Нижнее царство в огне. Города Мемфис и Аварис разрушены. Храмы сожжены и снесены до основания, а статуи богов сброшены с пьедесталов! – выкрикивал он царю.

– Это невозможно, – отвечал фараон. – Я хочу поверить, но не могу. Как могло произойти такое без нашего ведома?! Узурпатор имел огромное войско, и более пятнадцати лет мы были не в состоянии сбросить его. Как же такое могло свершиться в один день, кто совершил это?

Гонца трясло от страха и усталости после трудного путешествия. Он знал, как обращаются с теми, кто приносит дурные вести.

– Красный самозванец погиб, не успев вытащить меч из ножен. Его войско было рассеяно раньше, чем затрубили боевые трубы.

– Как такое могло свершиться?!

– Божественный Египет, я не знаю. Говорят, что новый и ужасный враг пришел с востока. Он быстр, как ветер, и ни один народ не может устоять перед его гневом. Хотя наши войска еще не встречались с ним, они уже отступают от северных границ. Даже самые храбрые боятся предстать перед этим врагом.

– Кто этот враг? – спросил фараон, и мы впервые почувствовали страх в голосе.

– Его называют пастушьим царем. Гиксосом.

Мы с Таном издевались над этим именем – больше мы этого делать не будем.

Фараон созвал свой тайный военный совет. Только много времени спустя я сумел узнать от Крата, что там произошло. Тан, разумеется, никогда бы не нарушил клятву молчания даже со мной или моей госпожой, но я все вытянул из Крата, этого прелестного, шумного простака, не способного устоять перед моей хитростью.

Тан возвел Крата в ранг лучшего из десяти тысяч и отдал под его командование отряд Синего Крокодила. Дружба их по-прежнему была прочной, как гранит. Поэтому, как командир отряда стражи, Крат постоянно присутствовал на советах, хотя низкий чин не давал ему права высказывать свое мнение. Однако он верно передал все, что там говорилось, мне и моей госпоже.

Присутствующие на совете разделились на две группы. Стариков возглавил Нембет, а молодых – Тан. К сожалению, право принимать окончательное решение принадлежало старикам, и они навязали свои отсталые взгляды молодым.

Тан предлагал отвести главные силы от границы и установить несколько рядов обороны вдоль реки. Одновременно он намеревался отправить вперед разведывательные отряды, чтобы оценить силы нового загадочного врага и узнать его. У нас были свои шпионы во всех северных городах, но по какой-то таинственной причине от них пока не поступало никаких вестей. Тан хотел собрать сведения и изучить их, прежде чем разворачивать главные силы войска для решающего сражения.

– Пока мы не узнаем, кто стоит перед нами, мы не сможем разработать правильную стратегию боя, – говорил он.

Нембет со своими сторонниками отверг все доводы Тана. Старый адмирал так и не смог простить Тану своего унижения в тот день, когда последний спас барку царя от гибели. Его взгляды основывались скорее на принципах, чем на логике и здравом смысле.

– Не отдадим ни пяди священной земли Египта. Сама мысль об этом – трусость. Мы встанем перед врагом и разобьем его на месте. Не будем плясать и заигрывать с ним, как стайка деревенских девок.

– Мой господин! – закричал Тан, выйдя из себя при намеке на трусость. – Только дурак, и притом старый дурак, может принять решение до того, как узнает о неприятеле все. Нам же ничего не известно...

Но все было напрасно. В конце концов трое более высоких по званию военачальников добились своего.

Тана немедленно послали на север, чтобы остановить и собрать отступающее войско. Он должен был удерживать границу, закрепившись у пограничных вех. Ему запретили провести стратегическое отступление к линии холмов перед Асютом, представлявших собой естественную линию обороны. Второй линией обороны служили бы стены города. Флот и северное войско отдали под его командование. В распоряжении Тана было триста боевых ладей, которые обеспечивали транспортировку войск и удерживали реку.

Тем временем Нембет должен был привести остальные войска, собрав даже отряды на южной границе с Кушем. Угрозой со стороны черной Африки можно было пренебречь перед лицом нового, более опасного врага. Как только войско соберется, Нембет поспешит с подкреплением на север и присоединится к Тану. Через месяц перед стенами Асюта будет стоять непобедимое войско численностью в шестьдесят тысяч человек с четырьмястами боевыми ладьями. А до этого Тану придется любой ценой удерживать границу.

Нембет закончил речь строгим приказом:

– Далее вельможе Харрабу приказывается держать все свои силы на границе. Он не должен опускаться до разбойничьих набегов или разведывательных вылазок на север.

– Вельможа Нембет, твои приказы связывают меня по рукам и ногам. Ты лишаешь меня возможности вести войну действенно и осторожно, – напрасно возражал Тан. Нембет довольно ухмылялся, навязав свое мнение молодому сопернику и в какой-то степени отомстив за унижение. От каких же мелких человеческих чувств зависят иногда судьбы народов!

Фараон объявил о намерении занять свое место во главе войска. Тысячу лет фараоны присутствовали на поле боя всякий раз, когда проводились решающие сражения. Хотя я и восхищался мужеством царя, я бы предпочел, чтобы он выказал это в ином месте. Фараон Мамос не был воином, его присутствие слабо повлияло бы на исход битвы. Разумеется, оно повысит боевой дух наших войск, но обуза, какую будут представлять собой он и свита, перевесит это преимущество.

Царь не может отправиться на север один. Он пойдет на поле битвы со всем двором, включая старшую жену и сына, и царица возьмет с собой свою свиту и учителей царевича Мемнона. Так что и мне тоже придется переместиться на север в самую гущу сражения.

Никто ничего не знал о наших врагах. Я чувствовал, что мою госпожу и царевича без нужды подвергают опасности. Моя же безопасность, безопасность раба, никого не волновала, кроме меня самого. Я плохо спал в ночь перед отплытием, когда полые воды должны были понести нас на север.

Чем дальше на север мы плыли, тем более многочисленными и тревожными становились слухи и сведения, доходившие до нас с границы. Они пожирали нашу уверенность и самодо-

вольство, как саранча уничтожает урожай. Во время путешествия Тан часто приходил на борт нашей барки, прикрываясь желанием обсудить что-нибудь со мной. Однако каждый раз он старался побыть с царевичем и его матерью.

Я никогда не поддерживал обычая, чтобы женщины следовали за войском на поле боя. И во время мира, и во время войны они представляют собой превосходное развлечение, и даже воина столь великого, как Тан, могут отвлечь от главной цели. Все его мысли должны быть заняты решением предстоящей задачи, я так ему и сказал, но он рассмеялся и хлопнул меня по плечу:

– С ними я знаю, за что драться. Не беспокойся, старина, я буду похож на льва, защищающего своего детеныша.

Очень скоро мы встретили первые отряды отступающего войска. Это были разрозненные группки беглецов, которые грабили деревни, спасаясь бегством к югу вдоль берегов реки. Без всяких церемоний и колебаний Тан обезглавил несколько сот дезертиров, насадил их головы на копья и выставил на всеобщее обозрение вдоль берега как предостережение остальным. Потом он собрал верных воинов и назначил над ними надежных командиров. Дезертирство прекратилось, и войска, снова вернув боевой дух, встали под знамена.

Наша флотилия подошла к обнесенному стеной городу Асют, возвышавшемуся над рекой. В нарушение приказа Нембета Тан оставил здесь небольшой стратегический резерв из пяти тысяч человек под командованием Ремрема. Затем мы отправились дальше, где должны были ожидать приближения таинственного пастушьего царя.

Флот встал на якорь в боевом строю поперек реки, но на лодках остались команды минимального состава. Все воины высадились на берег с пешим войском и разместились на восточном берегу Нила.

Я добился от фараона, чтобы он разрешил моей госпоже и царевичу остаться на борту большой и удобной барки, на которой они сюда прибыли. На воде прохладнее и климат здоровее, а в случае поражения или неудачи нашего войска можно быстрее спастись бегством.

Царь сошел на берег вместе с войском и разбил лагерь на возвышенности посреди залитых половодьем полей. Здесь находилась брошенная деревня. Много лет назад крестьяне бежали из этой пограничной местности, из-за которой все время шли бои с отрядами лжефараона. Тут постоянно добывали себе пропитание войска, то и дело происходили кровавые столкновения, поэтому жители бросили всякие попытки возделать плодородные, но опасные поля. Называлась эта заброшенная деревня Абнуб.

Половодье начало спадать за несколько недель до нашего прихода, и хотя вода еще текла по оросительным каналам, поля уже превратились в болота из черной грязи, так как вода в основном вернулась в постоянное русло Нила.

В рамках ограничений, наложенных на него Нембетом, Тан занялся подготовкой к сражению. Отряды расположились лагерем в боевом порядке: Аст командовал флотом на реке; сам Тан – центром, левый фланг которого опирался на реку; а Крат – правым крылом войска.

На востоке до самого горизонта простиралась пустыня, серая и грозная. Никакое войско не выживет в этих выжженных, безводных просторах. Таким образом, наш правый фланг был безопасным и непобедимым.

Мы знали только, что гиксосы пришли по суше и собственного флота у них не было. Тан собирался встретить и победить врага в пешем бою. Он понимал, что может помешать гиксосам переправиться через реку и заставить их принять бой на более выгодном для себя поле. В идеале это должно было произойти где-нибудь в другом месте, а не у Абнуба, однако Нембет принял решение за него.

Деревня Абнуб стояла на невысокой гряде холмов, окруженная широкими полями. От нее во все стороны было видно очень далеко, поэтому мы по крайней мере заметим врага

задолго до того, как он наткнется на наши передовые части и войдет с нами в соприкосновение.

Под командованием Тана находилось тридцать тысяч лучших воинов Египта. Я никогда еще не видел такого большого войска и сомневаюсь, что подобные силы когда-либо собирались в долине Нила. Скоро придет Нембет со своими тридцатью тысячами, и тогда у нас будет величайшая армия в истории человечества.

Я отправился с Таном на смотр. Дух войска поднялся с тех пор, как он возглавил его. Возможно, что присутствие фараона в лагере также способствовало этому. Воины приветствовали Тана, когда тот шел вдоль плотных рядов, и я почувствовал, как мужество возвращается ко мне, а на душе становится легче при виде многочисленного войска и его боевого духа.

Я не мог представить себе врага, способного победить нас. Здесь находилось двенадцать тысяч лучников с полированными кожаными шлемами и подбитыми войлоком нагрудниками, которые останавливали стрелу, если только она не была выпущена в упор. Было здесь еще восемь тысяч тяжело вооруженных копейщиков с длинными щитами из кожи гиппопотама, твердой и прочной, как бронза. Десять тысяч меченосцев в шапках из шкур леопардов были также вооружены пращами. Выпущенный из пращи камень раскроит череп врагу на расстоянии пятидесяти шагов.

Дни шли, и с каждым днем я ощущал себя все увереннее, видя, как Тан занимается обучением огромного войска. И все же меня тревожило, что до сих пор мы ничего не знали о гиксосах. Я подсказал Тану, что военный совет запретил ему посылать на разведку сухопутные части, но ничего не говорил об использовании для этой цели ладей.

– Тебе следовало бы стать законником, – посмеялся Тан. – Ты можешь заставить слова плясать под твою дудку.

Однако он приказал Гуи взять отряд быстрых ладей и отправиться на север до Минича или по крайней мере до первой встречи с врагом. Это был тот Гуи, которого захватили в Галлале и который был одним из сорокопутов Басти. При благосклонной поддержке Тана молодой негодяй быстро продвигался по служебной лестнице и теперь уже командовал целой флотилией.

Гуи был дан строжайший приказ избегать стычек и вернуться назад в течение четырех дней.

Как и было приказано, он вернулся на четвертый день. Достиг Минича, не встретив по дороге ни одного корабля и никакого сопротивления. Деревни были брошены, город Минич разграблен и горел.

Однако Гуи захватил горстку дезертиров из рассеянного войска лжефараона. Это были первые свидетели нашествия гиксосов, которых мы смогли допросить. Однако никто из них не участвовал в настоящих боях с пастушьим царем. Все они сбежали при его приближении. Их рассказы были настолько надуманными и чудовищными, что показались нам совершенно невероятными.

Как могли мы поверить в армию, плывущую по пустыне на кораблях, быстрых, как ветер? А пленники утверждали даже, что облака пыли, висящие над этим странным флотом, поднимались так высоко, что скрывали количество воинов и наводили ужас на всех, к кому приближались.

– Это не люди, – говорили пленные, – это демоны подземного царства, и они едут в бой верхом на дьявольских ветрах пустыни.

Тщательно допросив пленников и убедившись, что даже горячие угли, разложенные на макушке, не заставляют изменить показания, Тан приказал их казнить. Он не хотел, чтобы чудовищные россказни распространились и вызвали робость у воинов, которые только что снова обрели боевой дух.

* * *

На десятый день ожидания у Абнуба мы наконец получили известие о том, что Нембет отправляется к нам с подкреплением и что он достигнет Асюта в течение двух недель. Это сообщение вдохновило наших воинов – словно по мановению кисти они из ласточек превратились в орлов. Тан приказал раздать дополнительный паек из пива и мяса, чтобы отпраздновать добрые вести, и костры, где жарили мясо, как звезды, горели в полях вокруг Абнуба. Сочный запах жареной баранины наполнял воздух, а звуки смеха и песен замолкли только перед последней ночной стражей.

Я оставил госпожу с сыном на борту барки и отправился на берег по зову Тана. Он хотел, чтобы я присутствовал на последнем военном совете с командирами отрядов.

– В тебе полно разных мыслей и премудростей, старый негодяй. Может, ты подскажешь нам, как потопить корабли, которые плывут по суше?

Наши разговоры затянулись за полночь, и впервые я ничем не мог помочь им. Возвращаться на корабль было поздно, и Тан предоставил мне соломенный матрац в углу своего шатра. Я по привычке проснулся еще до рассвета, но Тана уже не было. Я услышал, что лагерь за тонкой полотняной стенкой пришел в движение. Тут же раскаялся в своей лени и поспешил навстречу рассвету в пустыне.

Я взобрался на холм позади лагеря. Оттуда сначала посмотрел в сторону реки. Голубой дым костров смешивался над водой с редким туманом. Огни на носах лодок отражались в темной воде. Было еще слишком темно, и я не мог с этого расстояния увидеть барку, где находилась моя госпожа.

Потом я повернулся на восток и увидел, как свет начинает распространяться по пустыне, перламутровым сиянием заполняя небо. Свет становился все ярче и чище, и пустыня была нежной и прелестной. Ее холмы и дюны светились мягким коричневым и багровым светом. В прохладном воздухе горизонт казался таким близким, будто его можно достать рукой.

Потом я увидел облако на горизонте в безупречно лазурном сиянии неба. Оно было не больше краешка ногтя, и взгляд мой спокойно скользнул мимо, но затем снова вернулся к нему. Сначала я не почувствовал особой тревоги. Только приглядевшись к облаку, заметил, что оно движется.

– Как странно, – пробормотал я вслух. – Может, начинается самум? – Но в это время года самумов не бывало, и в воздухе не чувствовалось тяжести злых сил, предвещающих бурю в пустыне. Утро было прохладным и тихим.

Пока я размышлял об этом, далекое облако стало шире и выше. Основание его находилось на земле, а не над ней. И все же оно двигалось слишком быстро и не могло быть земного происхождения. Стая птиц летит с той же скоростью или саранча поднимается в воздух такой же тучей, но здесь чувствовалось нечто иное.

Облако было цвета желтой охры, и сначала я даже не поверил, что это пыль. Я видел, как большие стада из сотен кривороги сернобыков мчались галопом по дюнам во время ежегодных миграций, но они никогда не поднимают таких огромных туч пыли. Это могло быть дымом пожара, но в пустыне гореть нечему: наверняка была пыль, но я не верил своим глазам. Облако быстро росло и приближалось, а я стоял и смотрел на него, охваченный благоговейным страхом.

Внезапно я увидел у основания облака блик отраженного света. Мысленно вернулся к видениям в лабиринтах Амона-Ра. Это была та же сцена. Первая была в моей фантазии, вторая реальной. Я понял, что эти блики света отражаются от доспехов и полированных бронзовых клинков. Вскочил на ноги и с вершины холма закричал против ветра, но меня никто не услышал.

Потом из лагеря у подножия холма до меня донесся рев боевых труб. Передовые посты на высотах, наверное, разглядели приближение тучи пыли и подняли тревогу. Эти трубы тоже были

частью моего видения. Их тревожные звуки пронзили мои уши и чуть было не раскололи череп изнутри. Сердце у меня похолодело, а кровь быстрее понеслась в жилах. Видение подсказало мне, что в этот тяжелый день династия падет, а саранча с Востока пожрет богатства Египта. Ужас сковал меня, и в паническом страхе за свою госпожу и ее ребенка я посмотрел вниз: ведь они тоже были частью династии.

Люди в лагере вооружались, беспорядочно бегая туда-сюда. Их доспехи блестели, а наконечники копий вспыхивали на солнце. Войско походило на пчел из перевернутого улья, которые собираются вместе беспорядочным роем. Крики десятников и сотников тонули в реве труб и рогов.

Я увидел, как небольшая группа вооруженных людей вынесла фараона из шатра. Его понесли вверх по склону холма, где между скал стоял трон и откуда открывался прекрасный вид на равнину и широкий простор реки. Мамоса подняли на трон, вложили в руки посох и плеть, а на голову надели двойную корону. Фараон сидел с посеревшим лицом, как мраморная статуя, а внизу отряды строились к бою. Тан хорошо обучил их, и после первого замешательства в войске скоро восстановился порядок.

Я побежал вниз по склону холма, чтобы находиться рядом с царем. Отряды Тана настолько быстро выполнили команды, что к тому времени, когда я достиг подножия трона, войско уже расположилось на равнине, свернувшись кольцами подобно змее, готовое встретиться лицом к лицу с кипящей тучей пыли, грозно несшейся на него.

Крат со своим отрядом был на правом фланге. Я разглядел высокий силуэт со склона холма. Командиры собрались вокруг него. Их плюмажи кивали и развевались на легком утреннем ветерке с реки. Тан со своим штабом находился подо мной так близко, что я слышал их разговор. Они обсуждали приближение врага спокойными учеными голосами, как будто решали задачу в школе для командиров.

Тан построил свои отряды в классическом боевом порядке. Передние ряды образовывали тяжело вооруженные копейщики; сомкнув щиты, они опустили концы копий на землю. Бронзовые наконечники блестели в лучах восходящего солнца, люди держались спокойно и серьезно. Позади них расположились лучники, которые уже натянули луки и были готовы к стрельбе. Позади каждого из них стоял мальчик с колчаном, набитым запасными стрелами. Во время боя мальчики будут собирать стрелы врага и пополнять свои запасы. Меченосцы находились в резерве. Их легковооруженные отряды могут быстро переместиться куда угодно и остановить прорвавшегося врага или пробиться через слабое место в его рядах.

Движения войск на поле боя напоминают движение камешков на доске для игры в бао. В них также существуют классические начала и разработанные защиты, появившиеся много столетий назад. Я изучил их и написал три полноценных свитка по военной тактике, рекомендуемые при подготовке командиров в Фивах.

Теперь, оглядывая расположение воинов Тана, я не мог обнаружить в нем слабых мест и почувствовал себя увереннее. Как может враг победить такое могучее войско обученных и закаленных в боях ветеранов и его молодого одаренного командира, который еще не проиграл ни одного сражения?

Потом я еще раз посмотрел через их ряды на зловещую, катящуюся в нашу сторону желтую тучу, и уверенность моя поколебалась. Перед нами было нечто выходящее за пределы привычных традиций ведения войны: ни один военачальник за всю долгую историю Египта не сталкивался ни с чем подобным. Кто же стоял перед нами? Смертные, как и мы, или демоны, как гласили слухи?

Клубящаяся туча пыли была уже настолько близко, что в темном полумраке можно было разглядеть какие-то силуэты. По коже у меня пробежали мурашки. С суеверным ужасом я узнал в этих силуэтах ладьи, о которых предупреждали нас пленные. Но они были меньше и быстрее

тех, что когда-либо спускались на воду, быстрее любого существа, какое когда-либо двигалось по поверхности земли.

В клубах пыли трудно было проследить за каким-нибудь одним силуэтом. Они исчезали и появлялись, как мошки в свете фонаря. Катились вперед, вправо и влево, скрываясь в облаках пыли, и когда появлялись снова, невозможно было сказать, видел ли ты тот же самый или это другой, на него похожий. Сосчитать их не было никакой возможности, даже прикинуть количество трудно. Туча пыли позади них тянулась до самого горизонта.

Хотя наши ряды стояли твердо в лучах поднимающегося солнца, я ощутил удивление и робость, которые охватили воинов. Даже разговор Тана и его командиров постепенно затих; пораженные, они молча смотрели, как вражеское войско разворачивается перед нами.

Потом я понял, что туча перестала двигаться на нас. Она повисла в воздухе, пыль начала постепенно оседать. Дымка прояснялась, и теперь с трудом можно было различить неподвижные экипажи первых рядов. Но тревога и смятение настолько овладели мной, что я не мог сказать: тысяча их была или больше.

Позже мы узнали, что такая задержка – обычный прием пастушьего царя, но тогда я этого еще не понимал. Во время затишья воины перестраивались, поили лошадей и готовились для окончательного наступления. Ужасная тишина нависла над нашими рядами. Она была настолько глубокой, что стал слышен даже шорох ветра в скалах и оврагах. Только полощущиеся на ветру вымпелы и знамена отрядов нарушали неподвижность наших войск. В центре был флаг Синего Крокодила, и это успокоило меня.

Облака пыли медленно оседали, и взорам ряд за рядом стали открываться экипажи гиксосов. Они были слишком далеко, и мы не могли как следует разглядеть их, но я увидел, что задние намного больше тех, что шли впереди. Мне показалось, что у них есть крыши, вроде парусов из полотна или кожи. С них люди сгружали нечто похожее на кувшины с водой и несли их вперед. Я поразился, каким богатырям может понадобиться такое количество воды. Все, что делали эти чужеземцы, было для нас загадочным и совершенно бессмысленным.

Тишина и бездействие продолжались до тех пор, пока каждая мышца и каждый нерв в моем теле не закричали от напряжения. Затем в рядах гиксосов возникло движение.

Несколько странных экипажей отделились от общего строя и направились к нам. По нашим рядам пронесся ропот, когда люди увидели, с какой скоростью они мчатся. После короткого отдыха скорость их словно удвоилась. Расстояние между нами сокращалось, и войска наши снова закричали, когда увидели, что экипажи эти тянут пары невиданных зверей.

Ростом они были с дикого сернобыка, вдоль изогнутой шеи тянулись такие же жесткие гривы. У них не было рогов, как у сернобыков, а форма головы более грациозна. Большие глаза сверкали, ноздри раздувались, на длинных ногах виднелись копыта. Звери эти вышагивали с удивительным изяществом, как будто едва касались каменистой земли пустыни.

Даже сейчас, после стольких лет, я помню, с каким восторгом в первый раз смотрел на лошадь. Мне казалось, что красота охотящегося гепарда бледнела перед этими небесными зверями. И в то же время нас всех переполнял страх. Я услышал, как один командир недалеко от меня воскликнул:

– Эти чудовища наверняка убийцы и пожиратели человеческой плоти! Кто же наслал на нас такой ужас?

По рядам пронесся ропот, так как ожидали, что эти звери тут же набросятся на нас и пожрут всех, как голодные львы. Но передний экипаж отвернул и понесся параллельно нашим рядам. Он двигался на вращающихся кругах, и я удивленно уставился на них. Первые несколько мгновений зрелище это настолько поразило меня, что сознание отказывалось служить. Говорите что угодно, но когда я в первый раз увидел колесницу, это взволновало меня не меньше, чем бегущая лошадь. Между парой лошадей виднелась длинная оглобля, прикрепленная, как я позже

узнал, к оси. Высокий передок колесницы был украшен золотым листом, а боковые борта низкие, чтобы лучник мог пускать стрелы в обе стороны.

Я увидел все это сразу, а затем мое внимание сосредоточилось на вращающихся кругах, на которых колесница так легко и быстро неслась по неровной земле. Тысячу лет мы, египтяне, были самым культурным и цивилизованным народом мира. В науках и религии намного обогнали все страны. Тем не менее наше учение и мудрость не смогли изобрести ничего подобного. Наши волокуши обжигали землю своими деревянными полозьями, пожиравшими силу запряженных в них быков. Хотя каменные плиты мы перемещали по деревянным каткам, последнего шага так и не сделали.

Как завороженный, смотрел я на первое увиденное мной колесо, его простота и красота обрушились на меня, словно удар грома. Мгновенно понял, в чем дело, и презрительно обругал себя за то, что не смог сам изобрести. Здесь был нужен гений высшего порядка. Я понял: это чудесное изобретение победит нас так же, как оно, наверное, уничтожило красного узурпатора из Нижнего царства.

Золотая колесница неслась вдоль наших рядов за пределами полета стрелы. Когда она оказалась напротив нас, я оторвал свой взгляд от чудесных вращающихся колес и ужасных свирепых зверей и посмотрел на двух людей, правивших колесницей. Один из них, очевидно, возница. Он наклонялся над передком и, похоже, управлял бегущей упряжкой с помощью длинных плетеных ремней, прикрепленных к головам животных. Человек, стоявший позади него, был высок. Судя по властным манерам, это был царь.

Я сразу увидел, что это азиат со смуглой кожей и загнутым орлиным носом. Его густая и черная борода, заплетенная в множество косичек с цветными ленточками, широкой полосой лежала на медных пластинах нагрудника. Доспехи на нем блестели подобно бронзовой рыбьей чешуе, а голову украшала высокая прямоугольная золотая корона с рельефными изображениями неизвестных богов, усеянными драгоценными камнями. Оружие висело на борту колесницы у него под рукой. Широкий бронзовый меч лежал в кожаных, отделанных золотом ножнах, а рукоять его украшали слоновая кость и серебро. Рядом с ним стояли два больших колчана со стрелами, и древко каждой стрелы оканчивалось ярким оперением. Позже я узнал, что гиксосы обожали кричащие цвета. Лук, висевший рядом с царем на подставке, был такой необычной формы, какой я еще не видел. Наши египетские луки представляют собой простую дугу; на луке гиксосов верхний и нижний концы загнуты в противоположную от стрелка сторону.

Когда колесница понеслась вдоль наших рядов, царь нагнулся и воткнул в землю копье. На его вершине взвился алый флажок, и воины вокруг меня озадаченно заворчали:

– Что он делает? Зачем это копье? Что это, религиозный символ, или он бросает нам вызов?

Я смотрел на развевающийся флажок разинув рот, но разум мой был ошеломлен увиденным, и я ничего не понимал. Колесница понеслась дальше вне досягаемости наших стрел, а затем азиат в короне воткнул еще одно копье. Развернувшись, он покатил обратно вдоль наших рядов. Заметил фараона на троне и остановился перед ним. Его лошади вспотели, пена, как кружева, висела у них на боках. Глаза их свирепо вращались, а ноздри, раздуваясь, открывали розовую слизистую внутри. Они мотали головами на длинных изогнутых шеях, и гривы их развевались, сверкая в солнечном свете, как локоны красавицы.

Гиксос приветствовал фараона Мамоса, сына Ра, божественного правителя двух царств – да живет он вечно! – с презрением. Коротко и насмешливо махнул рукой в кольчуге и рассмеялся. Брошенный вызов прозвучал настолько ясно, как будто был произнесен на чистейшем египетском языке. Издевательский смех донесся до нас, и наши войска зарычали от гнева; звук этот напоминал раскаты летнего грома.

Уголком глаза я ощутил движение под собой. Посмотрел вниз и заметил, как Тан сделал шаг вперед, вскинул огромный лук Ланату и выпустил стрелу. Она описала высокую дугу в голу-

бом небе. Гиксос находился дальше полета стрелы, выпущенной из любого лука, кроме Ланаты. Стрела достигла высшей точки, а потом бросилась вниз, как пикирующий сокол, нацеленная прямо в грудь царя азиатов. У воинов перехватило дыхание, когда они увидели мощь выстрела и расстояние, куда улетела стрела. Она пролетела триста шагов, но в последний момент гиксос поднял свой бронзовый щит, и стрела вонзилась в его середину, как в мишень. Сделал он это с такой презрительной легкостью, что все мы были изумлены и озадачены.

Теперь гиксос схватил свой собственный лук необычной формы. Одним движением поставил стрелу на тетиву, вскинул лук и выпустил ее. Она поднялась выше стрелы Тана и пролетела у него над головой, свистя, как крыло гуся. Пронзила бы меня, если бы не прошла выше на расстоянии вытянутой руки. Вонзилась в основание трона фараона, задрожала в кедровой балке, как оскорбление, а царь гиксосов снова рассмеялся, развернул колесницу и помчался по равнине к своему войску.

Именно тогда я осознал, что мы обречены. Как могли мы устоять против стремительных колесниц и изогнутых луков, настолько превосходивших наши? Не я один почувствовал приближение беды. Когда отряды колесниц начали строиться на равнине и понеслись на нас волнами, стон отчаяния пронесся по рядам воинов Египта. Я понял, как войска красного самозванца были рассеяны без боя, а узурпатор умер, не успев обнажить меч.

Несущиеся колесницы на ходу построились в колонны по четыре в ряд и понеслись прямо на нас. Только тогда мое сознание прояснилось, и я побежал вниз по склону холма. Задыхаясь, подбежал к Тану и крикнул ему:

– Пики с флажками означают слабые места в наших рядах. Их удар будет направлен туда и вон туда.

Гиксосы каким-то образом узнали наш боевой порядок и распознали слабые места в расположении войск. Их царь расставил флажки точно на стыках между нашими отрядами. Уже в тот напряженный момент у меня появилась мысль о шпионе или предателе, но я отбросил ее и на какое-то время забыл.

Тан мгновенно отреагировал на мое предостережение и приказал передовым частям выбежать вперед и схватить пики с флажками. Я хотел, чтобы их переставили, тогда мы приняли бы удар врага самыми сильными отрядами, но на это не оставалось времени. Прежде чем наши воины успели добежать до меток, передние ряды колесниц обрушились на них. Многие погибли под стрелами, выпущенными с приближающихся экипажей: лучники наших врагов били невероятно точно.

Оставшиеся в живых повернули и побежали назад, пытаясь найти обманчивое спасение в наших рядах. Колесницы без всякого усилия догоняли их. Возницы управляли скачущими галопом упряжками легкими, ласкающими касаниями ремня. Вместо того чтобы давить свои жертвы, они чуть отворачивали в сторону и неслись мимо них на расстоянии не больше локтя – только тогда я заметил ножи. Их кривые лезвия торчали с дисков колес, как клыки чудовищных крокодилов.

Я увидел, как одного из воинов ударило вращающимися клинками. Казалось, он растворился в облаке крови. Отрезанная рука полетела в воздух, а окровавленные обрубки изуродованного тела бросило на землю, и колесница полетела дальше без малейшей задержки. Удар фаланги колесниц был по-прежнему направлен на стык между нашими отрядами. И хотя я слышал, как Крат приказал послать туда подкрепление, было слишком поздно.

Строй колесниц врезался в стену щитов и копий и прорвался сквозь нее, как сквозь полосу речного тумана. В один миг линия наших воинов, которые выдерживали атаку лучших сирийских и хурритских войск, была рассечена надвое.

Лошади топтали копытами сильнейших наших воинов. Вращающиеся колесные ножи пробивали доспехи, отрезали головы и конечности, словно тонкие побеги лозы. Со своих высоких

повозок гиксосы осыпали воинов стрелами и дротиками. В плотных рядах обороняющихся не было от них спасения. Потом колесницы хлынули в образовавшуюся брешь и прошли сквозь наш строй, веером расходясь в разные стороны, разбивая наши тылы и сея смерть.

Когда наши войска развернулись, чтобы встретить атаку с тыла, другая фаланга стремительных колесниц обрушилась на них с равнины. Первая атака разрубила наше войско надвое, отделив Тана от Крата на правом фланге. Следующий удар рассек эти половины на более мелкие изолированные группы. Войско больше не было единым целым. Только маленькие кучки по пятьдесят – сто человек стояли спиной друг к другу и сражались с мужеством обреченных.

С равнины волна за волной в клубах пыли, словно на крыльях, неслись колесницы гиксосов. Вслед за легкими двухколесными экипажами следовали тяжелые четырехколесные боевые повозки, в каждой из которых сражалось по десять человек. Борта этих повозок покрывали овчиной. Наши стрелы бессильно увязали в толстой мягкой шерсти, а мечи воинов не могли достать врагов, находившихся высоко над землей. Они в упор расстреливали нас и рассеивали строй сражающихся, превращая их в кучки перепуганных, ищущих спасения трусов. Когда один из наших сотников собрал несколько сот человек и повел их вперед, боевые повозки откатились прочь и остановились вне досягаемости наших стрел. А потом их ужасные изогнутые луки остановили смельчаков. Как только атака захлебнулась, повозки снова покатились на нас.

Я понял, что схватка перестала быть боем и превратилась в побоище. Остатки отряда Крата на правом фланге истратили последние стрелы. Гиксосы перебили почти всех сотников, выбирая их по шлемам со страусовыми перьями. Воины лишились своих командиров. Побросав оружие и доспехи, они бежали к реке, но от колесниц гиксосов убежать невозможно.

Разбитые войска правого фланга хлынули на отряд Тана, стоявший у подножия холма, и вызвали замешательство в его рядах. Перепуганные толпы смяли даже то слабое сопротивление, которое Тан еще мог оказать гиксосам. Паника заразительна, и центр нашей обороны рухнул, воины пытались бежать, но смертоносные колесницы окружили их, как волки – стадо овец.

В хаосе побоища, когда вокруг текли реки крови и войска бежали, только отряд синих твердо стоял вокруг Тана и флага Синего Крокодила. Они представляли собой маленький островок в потоке побежденных людей, и даже колесницы не сломили их, так как с чутьем великого военачальника Тан собрал свой отряд и отвел его за скалы и овраги, через которые колесницы гиксосов не могли перескочить. Синие каменной стеной окружали трон фараона.

Поскольку я находился рядом с фараоном, то был в самом центре этого острова героев. Мне было трудно удержаться на ногах, так как вокруг меня бились люди и бросались то в одну сторону, то в другую, подчиняясь приливным течениям боя, как морские водоросли на скалах у берега.

Я заметил, как Крат пробился к нам со своего разбитого правого фланга. Шлем со страусовыми перьями притягивал к себе стрелы гиксосов, и они свистели вокруг головы, как саранча, но он добрался до нас невредимым. Наши ряды открылись и пропустили его. Увидев меня, он захохотал от радости:

– Клянусь дымящимся дерьмом Сета! Это гораздо забавнее, чем строить дворцы для маленьких царевичей, правда, Таита? – Он никогда не славился остроумием, наш Крат. Мне было слишком трудно держаться на ногах, и я не стал ему отвечать.

Они с Таном встретились у трона, Крат ухмыльнулся как слабоумный.

– Я не откажусь от такой драки за все сокровища фараона. Мне бы очень хотелось заполучить волокушу этих гиксосов.

Наш Крат никогда не был великим инженером. Он до сих пор считал, что колесницы – всего лишь волокуши. Дальше воображение не шло.

Тан дружелюбно хлопнул его мечом по шлему вместо приветствия, но лицо оставалось мрачным, хотя говорил весело. Ведь он только что проиграл сражение и потерял и войско, и царство.

– На сегодня все уже кончено. Нам здесь больше нечего делать, – сказал он Крату. – Посмотрим, могут ли эти чудища гиксосов плавать так же, как и бегать. Назад, к реке! – Они вдвоем, плечом к плечу стали проталкиваться через ряды воинов к трону, где стоял я.

Я видел, что творилось за нашими рядами на равнине, где разбитое войско текло к реке под ударами отрядов колесниц.

Золотая колесница царя гиксосов оставила строй и стала прорываться к нам, давя бегущих воинов и разрубая их на части сверкающими колесными ножами. Возница резко остановил лошадей, подняв их на дыбы перед самой стеной скал, защищавших нас. Легко выпрямившись, гиксос натянул кривой лук и прицелился в меня, по крайней мере мне так показалось. Уже нагнувшись, я понял, что стрела предназначалась другому. Она просвистела у меня над головой, и я оглянулся. Стрела ударила фараона в грудь и вошла в его тело на половину длины.

Фараон хрипло вскрикнул и покачнулся на высоком троне. Крови не было, так как древко заткнуло рану, оперение из алых и зеленых перьев трепетало на ветерке. Потом Мамос соскользнул на бок и повалился на меня, а я, расставив руки, поймал его. Под тяжестью тела я упал на колени и не видел, что колесница царя гиксосов укатила, но слышал, как его издевательский смех удалялся от нас по равнине.

Тан наклонился надо мной:

– Насколько тяжело он ранен?

«Убит», – чуть было не сказал я. Угол, под которым вошла стрела, и глубина проникновения в рану могли означать только такой конец, но я проглотил эти слова раньше, чем произнес их. Наши воины потеряют боевой дух, если узнают, что Величие Египта убит. Вместо этого я сказал:

– Он серьезно ранен, но, если мы перенесем его на борт барки государства, может выздороветь.

– Принесите щит! – заорал Тан, и когда щит принесли, мы осторожно переложили фараона на него. Крови по-прежнему не было, но я знал, что грудная клетка наполняется ею, как кувшин вином. Быстро ощупал спину в поисках наконечника, но тот не вышел. Застрял глубоко в грудной клетке. Я отломал длинное древко и накрыл фараона полотняным платком.

– Таита, – прошептал он. – Увижу ли я снова своего сына?

– Да, Могущество Египта, я клянусь в этом.

– А моя династия будет жить?

– Как и предсказали лабиринты Амона-Ра.

– Десять сильных людей, ко мне! – крикнул Тан.

Воины столпились вокруг самодельных носилок и подняли царя.

– Построиться черепахой! Синие, стройся вокруг меня!

Сомкнув щиты, синие окружили нас. Тан подбежал к флагу Синего Крокодила, который все еще развевался над нами, и сорвал его с древка. Обернул флаг вокруг себя и завязал узлом на животе.

– Если гиксосы хотят заполучить эту тряпку, пусть попробуют ее у меня забрать! – крикнул он, и воины воплями приветствовали эту глупую браваду. – Все назад, к ладьям, скорым шагом!

Как только мы оставили укрытие среди скал, колесницы понеслись на нас.

– Забудьте о людях! – Тан наконец нашел ключ. – Бейте зверей!

Когда первая колесница понеслась на нас, он выпустил стрелу из лука Ланаты. Лучники стреляли вместе с ним, следуя его примеру.

Половина стрел летела мимо, так как мы бежали по неровной земле и лучники запыхались. Другие ударились в корпус передней колесницы. Их древки сломались или воткнулись в дерево. Остальные стрелы отлетели от бронзовых пластин, покрывавших грудь животных.

Только одна попала в цель. Она пропела, выпущенная из огромного лука Ланаты, и ударила в лоб правой лошади. Та рухнула, как груда камней, запуталась в упряжке, повалила вместе с собой другую лошадь и забилась на земле, подняв облако пыли. Наездников выбросило на землю, и повозка перевернулась. Другие колесницы отвернули, чтобы не столкнуться с ней. В наших рядах раздался торжествующий вопль, и мы ускорили шаг. Это была наша первая удача в тот ужасный день, и она подбодрила воинов маленького отряда синих и придала им мужество.

– Ко мне, синие! – заорал Тан и – как невероятно это ни покажется – начал петь, и воины вокруг него тоже стали выкрикивать строки боевого гимна отряда. Голоса охрипли и огрубели от напряжения боя, в воплях не чувствовалось ни мелодии, ни красоты, но от одного их звука сильнее билось сердце и кровь текла быстрее. Я вскинул голову и запел вместе с ними, и мой чистый, ясный голос разнесся вокруг.

– Да благословит тебя Гор, соловей ты наш, – засмеялся Тан, и мы побежали к реке. Колесницы кружили около нас, впервые опасаясь ответного удара. Они видели, что случилось с их товарищами. Потом три колесницы развернулись и углом понеслись прямо на нашу черепаху.

– Стреляйте по головам зверей! – закричал Тан и, выпустив стрелу первым, повалил еще одну лошадь. Колесница перевернулась и разлетелась на куски на каменистой почве, а две другие отвернули в сторону.

Когда наша черепаха проходила мимо разбитой повозки, несколько наших воинов подбежали к ней и убили запутавшихся в упряжи лошадей. Они уже ненавидели и боялись этих животных, и суеверный ужас нашел выход в мстительной жестокости. Возничих тоже убили, но с меньшей злостью.

Потеряв две колесницы, гиксосы больше не хотели нападать на наш маленький отряд, и мы быстро приближались к заболоченным полям и заполненному водой оросительному каналу, протянувшемуся вдоль берега реки. Кажется, в тот момент один я понимал, что колесницы врага не смогут последовать за нами в болото.

Хотя я и бежал в самой середине черепахи у носилок царя, в просветах видел завершающее действие битвы, развернувшейся вокруг нас.

Только наш отряд выходил с каким-то подобием порядка. Остальное египетское войско бежало по равнине бесформенной и перепуганной толпой. Большинство побросало оружие. Когда колесницы приближались к бегущим, те падали на колени и умоляюще вздымали к врагу руки. Гиксосы не щадили. Они даже не тратили стрел, а только разворачивались и разрубали жертвы на части вращающимися колесными ножами, или высовывались из колесниц и закалывали пиками, или разбивали черепа тяжелыми каменными дубинами. Затем тащили свою жертву на копье до тех пор, пока зазубрины наконечника не раздирали рану и изуродованный труп не валился на землю.

Я никогда еще не видел такого побоища, и мне не приходилось читать о чем-либо подобном в сказаниях о древних сражениях. Гиксосы убивали наших воинов тысячами и даже десятками тысяч. Равнина у Абнуба походила на пшеничное поле, после того как по нему пройдутся жнецы, оставляя за собой валики и кучи снопов.

Тысячу лет египетские войска были непобедимыми, и наши мечи торжествовали повсюду. Здесь, на поле у Абнуба, наш век подошел к концу, но в гуще побоища отряд синих пел свой гимн, и я пел с ними, хотя глаза мои жгли слезы стыда.

Первый оросительный канал был уже перед нами, когда другой строй колесниц развернулся и помчался на наш отряд колоннами по три колесницы в ряд. Наши стрелы сыпались на них, но они неслись вперед. Лошади фыркали и тяжело дышали, разинув красные рты, а возничие криками подбадривали их. Я видел, как Тан дважды пускал стрелы, но всякий раз они либо ударялись о бронзовые пластины, либо летели мимо, так как колесницы постоянно подпрыгива-

ли и поворачивали, объезжая неровности. Упряжки с грохотом врезались в наш строй и пробили черепаху из сомкнутых щитов.

Двое из воинов, несших носилки фараона, были разрублены на куски колесными ножами, и раненый царь повалился на землю. Я упал на колени рядом с ним и прикрыл его своим телом от пик гиксосов, но колесницы промчались не задерживаясь. Они всячески старались не застрять в толпе врагов и не оказаться в окружении, а потому пронеслись прежде, чем мечи воинов достали их. Потом развернулись, построились и покатились на нас снова.

Тан протянул мне руку и поднял на ноги.

– Если тебя убьют, кто сочинит о нас оду? – выбранил он меня, а потом крикнул своим людям. Они подняли носилки с царем и побежали к ближайшему каналу. Я слышал визг осей несущихся на нас колесниц, но не оглядывался. В обычных обстоятельствах я довольно хороший бегун, но теперь обогнал воинов с носилками так далеко, как будто их ноги были прикованы к земле цепями. Попытался перескочить через канаву, но она оказалась слишком широкой, и я упал в грязь по колено. Колесница, преследовавшая меня, ударилась колесом о край канавы, и колесо разлетелось, а сама повозка перевернулась и чуть не раздавила меня, но я сумел увернуться.

Синие быстро зарубили мечами лошадей и ездоков, беспомощно барахтавшихся в грязи, а я, воспользовавшись временным затишьем, вброд подошел к колеснице.

Задранное к небу колесо еще вращалось. Я положил на него руку и остановил, затем снова раскрутил и посмотрел, как оно вертится. Я стоял там не долго, не успел даже дыхание перевести, но и этого мне оказалось достаточно, чтобы узнать о конструкции колеса столько, сколько не знает никакой гиксос. И у меня появились даже первые мысли о том, как его можно улучшить.

– Клянусь музыкой в заднице Сета, Таита, нас тут всех перебьют, пока ты будешь мечтать! – заорал на меня Крат.

Я стряхнул оцепенение и схватил изогнутый лук с подставки на борту колесницы и стрелу из колчана. Мне хотелось осмотреть их на досуге. Я отправился вброд через канал с луком и стрелой в руках в тот самый момент, когда отряд колесниц с грохотом покатился назад, осыпая нас стрелами.

Воины, тащившие царя, опередили меня на сто шагов. Я был последним в нашем маленьком отряде. Возничие в бессильной злобе орали за моей спиной, так как не могли преследовать нас, и выпускали в меня стрелу за стрелой. Одна из них угодила мне в плечо, но наконечник не пробил кожи и стрела отскочила, оставив небольшой красный синяк, который я обнаружил много позже.

Хотя я намного отстал от остальных, нагнал носильщиков, когда они подошли к основному руслу Нила. На берегу реки толпились спасшиеся воины. Почти все были безоружны, и лишь немногие были целы. Всех их переполняло одно-единственное желание – вернуться как можно скорее на ладьи, привезшие их сюда из Фив.

Тан нашел меня в толпе и подозвал, когда носилки поднесли к берегу.

– Я передаю фараона тебе. Отвези на борт царской барки и сделай все возможное, чтобы спасти его жизнь.

– Когда ты вернешься на борт?

– Мой долг находиться здесь, с моими воинами. Я должен спасти всех, кого только можно, и погрузить на корабли.

Он отвернулся и пошел прочь, выбирая сотников и командиров отрядов и выкрикивая команды среди толпы, в которую превратилось разбитое войско.

Я подошел к царю и встал на колени у носилок. Мамос был еще жив. Я быстро осмотрел его и обнаружил, что он вот-вот потеряет сознание. Кожа у него была липкой и холодной, как у пресмыкающегося, а дыхание не было глубоким. Вокруг обломка древка виднелся лишь неболь-

шой ободок крови, просочившейся из раны, но когда я приложил к груди ухо, то услышал, как с каждым вздохом в легких бурлит кровь. Из уголка рта медленно сбегала красная змейка. Я понял: если хочу спасти царя, то должен действовать быстро. Крикнул лодку, чтобы отвезти его на барку. Воины, несшие носилки, подняли фараона и положили в маленькую лодку. Я сел рядом с ним, и мы погребли к огромной барке государства, стоявшей на якоре посередине реки.

Вся царская свита столпилась на палубе барки, завидев наше приближение. На борту находились стайка царских жен и придворные и жрецы, не принимавшие участия в битве. Среди остальных я узнал свою госпожу. За руку она держала сына, ее бледное лицо выражало беспокойство.

Как только люди заглянули в нашу лодку и увидели на носилках царя, а на лице у него кровь, которую я не успел стереть, раздался ужасный вопль тревоги и печали. Женщины визжали и плакали, а мужчины выли в отчаянии, как псы.

Моя госпожа стояла ближе всех жен, когда носилки с царем подняли на борт и поставили на палубу. Как старшая жена, она должна была первой подойти к нему. Остальные отступили, чтобы дать ей место. Лостра наклонилась и отерла с осунувшегося лица грязь и кровь. Мамос узнал ее – я слышал, как он слабо произнес имя и попросил привести сына. Госпожа подозвала царевича, и фараон, тихо улыбнувшись, попытался коснуться ребенка рукой, но не хватило сил, и рука снова упала на носилки.

Я приказал отнести фараона в каюту, а госпожа быстро подошла ко мне и тихо спросила с тревогой в голосе:

– Что с Таном? Жив? О, Таита, скажи мне, его не убил этот ужасный враг?

– Он цел и невредим, его ничто не берет. Я рассказывал тебе видение, посланное лабиринтами. Все это было там. Но теперь я должен идти к царю. Мне понадобится твоя помощь. Оставь Мемнона нянькам и иди со мной.

Меня все еще покрывала сохнущая корка черной грязи, как, впрочем, и фараона, поскольку мы с ним упали в одну канаву. Я попросил царицу Лостру и двух других царских жен раздеть его, помыть и положить на чистые белые простыни, а сам вернулся на палубу и велел морякам черпать ведрами воду, в которой умылся. Я никогда не провожу операций грязным, так как по собственному опыту убедился: грязь, неизвестно почему, плохо действует на пациента и способствует образованию гноя и воспаления.

Пока я умывался, смотрел на восточный берег, где наши воины столпились на небольшом пятачке под защитой канала и заболоченных полей. Эта жалкая толпа когда-то была гордым и могучим войском. Теперь меня наполняли страх и стыд. Потом я увидел, как Тан ходит широкими шагами среди этой толпы и везде, где бы он ни появлялся, воины поднимались из грязи и возникало какое-то подобие дисциплины. Один раз ветер даже донес до барки обрывки не очень-то уверенных криков приветствия.

Если теперь враг пошлет пехоту через болота и топи, разгром будет полным. Не выживет никто из нашего могучего войска, и даже Тан не сможет оказать врагу серьезного сопротивления. Однако, сколько я ни всматривался на восток, я не мог разглядеть на равнине строя пехотинцев со щитами и поднятыми копьями.

Ужасная туча пыли все еще висела над равниной Абнуба, и колесницы хозяйничали на ней, но, если не будет нападения вражеской пехоты, Тану удастся кое-что сделать сегодня. Этот урок я запомню, он пригодится нам через многие годы. Колесницы могут выиграть сражение, но только пехота способна закрепить победу.

Судьба войска на берегу реки зависела теперь исключительно от Тана. Мне же предстояло другое сражение – битва со смертью в каюте царской барки.

* * *

– Надежда еще не совсем потеряна, – прошептал я госпоже, вернувшись к царю. – Тан собирает войска, и если кто-либо из живущих на Земле может спасти Египет от гибели, так это он.

Потом я подошел к царю и на какое-то время забыл обо всем, кроме пациента.

По своему обыкновению, я бормотал мысли вслух, осматривая рану. Судя по водяным часам, прошло меньше часа с тех пор, как смертоносная стрела попала в цель, и все же плоть вокруг отломанного древка успела вспухнуть и побагроветь.

– Стрелу нужно извлечь. Если оставить наконечник в груди, он умрет до рассвета. – Я думал, что царь не слышит меня, когда говорил это, но Мамос открыл глаза и посмотрел на меня:

– Буду ли я жить?

– Надежда всегда есть. – Мои слова прозвучали легковесно и неискренне. Я понял это, царь тоже понял это.

– Благодарю тебя, Таита. Я знаю, ты постараешься спасти меня, и прощаю тебе твою вину, если тебе это не удастся. – Он поступил великодушно, так как многие врачи до меня поплатились жизнью за то, что позволили царю уйти в мир иной.

– Наконечник стрелы вошел глубоко. Будет очень больно, но я дам порошок красного шепена, сонного цветка, чтобы успокоить боль.

– Где моя старшая жена, царица Лостра? – спросил царь, и моя госпожа немедленно ответила:

– Я здесь, мой господин.

– Мне нужно кое-что сказать. Призови моих министров и писцов, чтобы мое заявление было засвидетельствовано и записано.

Писцы и министры заполнили маленькую жаркую каюту и молча встали вокруг.

Затем фараон протянул руку к госпоже.

– Возьми мою руку и слушай, – приказал он.

Она опустилась на колени рядом с ним и сделала, как ей было приказано, а царь продолжал тихим, почти бессильным шепотом:

– Если я умру, царица Лостра будет править за моего сына. За время нашего брака я узнал, что она человек сильный и здравомыслящий, если бы она не была таковой, я бы не возложил на нее эту обязанность.

– Благодарю тебя, Величие Египта, за доверие, – прошептала царица Лостра, и фараон стал говорить ей лично, хотя каждый человек в каюте слышал его слова.

– Окружи себя мудрыми и честными людьми. Учи моего сына всем добродетелям царствования, которые мы с тобой обсуждали. Ты знаешь мои мысли об этом.

– Да, ваше величество.

– Когда он станет взрослым и сможет взять в свои руки плеть и посох, не пытайся мешать ему. Он мой прямой потомок и потомок моей династии.

– Я с радостью выполню твой наказ, потому что он не только сын своего отца, но и мой сын.

– Пока ты будешь править, правь мудро и думай о моем народе. Многие будут пытаться вырвать из твоих рук знаки царской власти. Я имею в виду не только нового жестокого врага, этих гиксосов, но и других, тех, кто может оказаться гораздо ближе к твоему трону. Ты должна противостоять всем. Сохрани двойную корону для моего сына.

– Я сделаю, как ты говоришь, божественный фараон.

Царь на некоторое время замолчал, и я уже подумал, что он потерял сознание, но Мамос вдруг снова вцепился в руку моей госпожи:

– Я хочу возложить на тебя еще одну обязанность. Моя гробница и мой храм еще не закончены. Теперь им, как и всему моему царству, угрожает опасность от врагов, нанесших нам сегодня поражение. Если мои военачальники не смогут остановить их, гиксосы дойдут до Фив.

– Мы будем молить богов, чтобы этого не случилось, – прошептала госпожа.

– Я строго приказываю тебе забальзамировать мое тело и похоронить его со всеми моими сокровищами в соответствии со строжайшими обрядами Книги Мертвых.

Госпожа моя молчала. Я думаю, уже тогда она поняла, насколько обременительное поручение возлагает на нее фараон.

Он крепче сжал ее руку, и она поморщилась от боли.

– Поклянись мне своей жизнью и надеждой на бессмертие. Поклянись мне перед моими министрами и царской свитой. Поклянись мне именами Хапи, твоей покровительницы, и благословенной троицы: Осириса, Исиды и Гора.

Царица Лострa с мольбой посмотрела на меня. Я понимал: если она даст слово, то сдержит его любой ценой, чего бы это ей ни стоило. В этом она походила на своего любимого. Ее с Таном связывал один закон чести. Я понимал также, что всем ее близким тоже придется поплатиться за это. Клятва, данная сейчас царю, тяжелым бременем ляжет на всех нас, включая царевича Мемнона и раба Таиту. Однако царю, лежащему на смертном одре, противоречить невозможно. Я едва заметно кивнул. Позже я тщательно рассмотрю все детали клятвы и, как истинный законник, предложу более или менее разумное толкование.

– Я клянусь Хапи и всеми богами, – сказала царица Лострa тихо, но ясно, и в последующие годы я сотни раз буду сожалеть о том, что она произнесла эти слова.

Царь удовлетворенно вздохнул и отпустил ее руку.

– Теперь я готов, Таита, и, какую бы судьбу ни уготовили мне боги, пусть она свершится. Дайте мне еще раз поцеловать сына.

Маленького царевича подвели к нему, а я тем временем без всякой церемонии выгнал из каюты толпу вельмож. Потом приготовил сильнейший настой красного шепена, потому что знал, что боль может свести на нет все мои усилия и погубить моего пациента так же быстро, как и неверное движение скальпеля.

Когда царь выпил весь настой, я подождал, пока его зрачки не сузились до размера острия булавки, а веки опустились. Потом отослал царевича к нянькам.

Покидая Фивы, я предполагал, что мне придется извлекать из ран стрелы, поэтому я взял с собой свои ложки. Я сам придумал этот инструмент, хотя какой-то лекаришка из Газы и еще один из Мемфиса заявляли, что именно они изобрели их. Я благословил свои ложки и скальпели в огне лампы и вымыл руки горячим вином.

– По-моему, не очень разумно пользоваться ложками, когда наконечник стрелы находится так близко от сердца, – сказала госпожа, наблюдая за моими приготовлениями. Временами она ведет себя так, будто превзошла своего учителя.

– Если я оставлю стрелу на месте, начнется омертвение. Это убьет так же надежно, как если бы я отрубил ему голову. Ложки – единственный способ спасти его.

Какое-то мгновение мы смотрели друг другу в глаза, как будто разговаривали без слов. Все это было в видении лабиринтов Амона-Ра. Неужели мы не хотели, чтобы их добрые предзнаменования сбылись для нас?

– Он мой муж, он фараон. – Госпожа взяла меня за руку, чтобы придать вес своим словам. – Спаси его, Таита. Спаси его, если можешь.

– Ты же знаешь, я постараюсь сделать это.

– Тебе понадобится моя помощь? – Она часто помогала мне раньше; я кивнул и наклонился над царем.

Существует три способа, с помощью которых можно попытаться вынуть стрелу. По первому я должен был просто выдернуть ее. Я слышал об одном хирурге из Дамаска, который нагибал к земле гибкую ветку дерева и привязывал к древку. Потом он отпускал ветку и выдергивал стрелу из живой плоти упругой силой дерева. Я никогда не применял такого жестокого способа лечения, так как знал, что немногие пациенты выжили бы после подобной операции.

По второму следовало нажать на стрелу, чтобы наконечник вышел из тела с другой стороны. Стрелу можно забивать молотком, как гвоздь в доску. Потом отпиливаешь наконечник и вытаскиваешь древко. Этот метод лечения почти столь же жесток, как и предыдущий.

Я пользуюсь методом «ложек Таиты». Я сам назвал ложки своим именем, так как скромность не позволила мне дать другое, а заявления нахальных лекаришек заставили позаботиться о том, чтобы потомки узнали о моем гении.

Сначала я осмотрел стрелу гиксосов, принесенную из перевернутой колесницы. С удивлением обнаружил, что наконечник ее был сделан из кремня, а не из бронзы. Разумеется, кремень легче достать в большем количестве, чем бронзу, но я еще не слышал о военачальниках, экономящих на снаряжении, когда отправляются завоевывать царства. Кремневые наконечники красноречиво говорили об ограниченных возможностях гиксосов и подсказывали причину их жестокого нападения на Египет. Войны ведутся из-за богатства или земель; казалось, что у гиксосов не было ни того ни другого.

Оставалось только надеяться, что наконечник, застрявший в груди фараона, был той же формы и размера. Я подобрал пару ложек к острому, как лезвие бритвы, кремневому наконечнику. У меня есть ложки разного размера, и я подобрал такие, которые аккуратно закрывали наконечник, пряча страшные зазубрины под гладким, полированным металлом.

К этому времени настой подействовал полностью. Фараон лежал без сознания на белооблачных простынях, а отломанное древко стрелы торчало из груди на длину моего пальца. Я приложил ухо к груди и снова услышал, как с каждым вздохом кровь булькает в легких. Удостоверившись, что он еще жив, я смазал ложки бараньим жиром, чтобы они были готовы, и взял один из самых острых своих скальпелей.

Я подозвал кивком четырех стражников, отобранных царицей Лострой, пока готовился к операции, и они прижали фараона к столу за ноги и за руки. Царица Лостра села у головы царя и вставила ему в рот деревянную трубочку из моего врачебного сундучка. Эта трубочка доходила до самого горла. Она не даст языку заткнуть глотку, и дыхание будет свободным. Кроме того, помешает прикусить язык или проглотить его и не даст поломать зубы, когда челюсти сожмутся от жестокой боли.

– Сначала я расширю рану вокруг древка, чтобы добраться до головки стрелы, – пробормотал я себе под нос и провел скальпелем вниз вдоль древка. Тело фараона напряглось, но стражники безжалостно держали его.

Работал я быстро, так как скорость имеет важнейшее значение при операциях этого типа, если вы хотите, чтобы ваш пациент выжил. Я сделал надрез по обеим сторонам древка. Кожа человека прочная и упругая. Она может помешать введению ложек, а мне нужно было проникнуть через нее.

Бросил нож на стол и взял пару смазанных ложек. Введя их вдоль древка, вталкивал их глубже и глубже в рану, пока снаружи не остались только длинные ручки.

К этому времени фараон начал корчиться и изгибаться на столе в руках стражников. Пот лился с него градом и стекал по бритому черепу, покрытому щетиной седых волос. Его вопли пробивались через деревянную трубочку во рту и эхом разносились по барке.

Я приучил себя не обращать внимания на страшные страдания своих пациентов и вводил ложки все глубже и глубже в расширенное отверстие раны до тех пор, пока они не коснулись

кремневого наконечника. Дальше началась самая тонкая часть операции. Воспользовавшись рукоятками как щипцами, я развел ложки и надел их на наконечник. Когда почувствовал, что они сомкнулись, оставалось только надеяться, что грубый кремневый наконечник надежно прикрыт, а зазубрины спрятаны.

Осторожно ухватился за ручки ложек и камышовое древко и начал их вытаскивать. Если зазубрины наконечника не закрыты ложками, они тут же застрянут в плоти фараона и помешают мне. Я чуть было не закричал от радости и облегчения, когда почувствовал, что стрела подалась, но мягкая плоть словно засасывала ее, и мне понадобилась вся сила, чтобы вытащить древко.

Фараон страшно кричал. На него невозможно было смотреть, когда древко, кремневый наконечник и металлические ложки медленно выходили из раны. Настой красного шепена давно уже перестал действовать, и боль уже ничто не смягчало. Я понимал, что наношу ему серьезные внутренние повреждения, слыша, как рвутся волокна плоти.

Пот лился по моему лицу, обжигая глаза и ослепляя, но я продолжал тянуть, пока внезапно окровавленная стрела не оказалась у меня в руке. Я отлетел в противоположный конец каюты и ударился о борт. На миг я застыл, опершись о балку без сил. Увидел, как темная полусвернувшаяся кровь фонтанчиком бьет из раны, но не мог собраться с силами и подойти к фараону.

Я смазал рану драгоценной миррой и засахаренным медом, затем завязал чистым полотном. Работая, я читал вслух заклинания для перевязки ран.

Я свяжу тебя, творенье Сета.
Я заткну поганый рот.
Отступай предо мной, волна,
Отступай предо мной, цветок,
Смерти алый, злой бутон.
Изыди, Сета красный пес.

Это заклинание следовало произносить, обрабатывая кровоточащую рану от клинка или стрелы. Есть особые заклинания для каждого вида ран, включая ожоги и раны, нанесенные клыками или когтями льва. На выучивание заклинаний уходит большая часть времени при подготовке врача. Я никогда не мог сказать наверняка, действуют ли эти заклинания, однако считаю, что обязан пользоваться всеми доступными средствами для лечения своих пациентов.

В нашем случае фараону стало намного легче после перевязки. Он уснул, и я смог оставить его на попечении жен и выйти на палубу. Глоток свежего, прохладного воздуха вернул меня к жизни, так как операция обессилила лекаря не меньше, чем пациента.

Наступил вечер, солнце устало садилось за голыми западными холмами, отбрасывая красноватый отблеск на поле боя. Нападения пехоты гиксосов так и не последовало, и Тан все еще переводил остатки побежденной армии с берега на ладьи, стоявшие на якоре посредине реки.

Я смотрел, как переполненные лодки везли раненых и истощенных людей мимо нашей барки, и меня переполняла жалость к ним и ко всему нашему народу. Этот день навсегда останется самым тяжелым днем в истории Египта. Потом я увидел, как туча пыли над колесницами гиксосов начала перемещаться в сторону Фив. В красных лучах заходящего солнца она приобрела кровавый оттенок. Я воспринял это как знамение, и жалость моя перешла в ужас.

Уже стемнело, когда Тан поднялся на борт барки государства. При свете факелов он казался трупом, восставшим на поле боя. Побледнел от усталости и серой пыли. Его плащ затвердел

от засохших грязи и крови, а под глазами виднелись темно-синие круги. Увидев меня, сразу спросил о здоровье фараона.

– Я удалил стрелу. Но рана глубока, стрела прошла слишком близко от сердца. Если он проживет три дня, я смогу спасти его.

– Как твоя госпожа и ее сын? – Тан всегда задавал этот вопрос при встрече со мной.

– Царица Лострa устала, так как она помогала мне во время операции. Царевич, как всегда, весел; сейчас спит под присмотром нянек.

Я увидел, как Тан зашатался, и понял, что даже его огромный запас сил скоро иссякнет.

– Тебе нужно отдохнуть... – начал было я, но он стряхнул с плеча мою руку:

– Принеси сюда светильники, прикажи принести твои кисти, чернильницы и свитки. Я должен послать предостережение Нембету, чтобы он не попал в ловушку так же, как я.

Мы просидели с Таном половину ночи, и вот какое послание продиктовал он мне:

> Я приветствую тебя, вельможа Нембет, Великий Лев Египта, командующий войском Ра из войск фараона. Да живешь ты вечно!
>
> Знай же, что мы встретились с врагами по имени гиксосы на равнинах Абнуба. По своей силе и свирепости гиксосы опасны и имеют странные стремительные лодки, против которых мы не можем устоять.
>
> Знай также, что мы потерпели поражение и что наше войско разбито. Мы не можем противостоять гиксосам.
>
> Знай также, что фараон серьезно ранен и его жизни угрожает опасность.
>
> Мы просим тебя не встречаться с гиксосами в открытом бою, потому что корабли их стремительны, как ветер. Ищи спасения от них за каменными стенами или жди нас на борту своих ладей, дабы избежать удара врага. У гиксосов нет своих кораблей, и только с помощью наших ладей мы сможем победить их.
>
> Мы просим тебя ждать нашего прихода, не вводя свои войска в бой.
>
> Да защитят тебя Гор и все боги Египта!
>
> Тан, вельможа Харраб, командующий войском Пта из войск фараона, говорит это.

Я написал четыре копии послания, и как только завершал очередную, Тан подзывал гонцов и отсылал их к вельможе Нембету, Великому Льву Египта, который шел к нам с юга с подкреплением. Он отправил по реке две быстрые ладьи с двумя копиями послания. Потом высадил на западном берегу двух лучших бегунов и послал в сторону Фив на поиски Нембета.

– Один из твоих свитков наверняка дойдет до Нембета. До утра ты больше ничего не сможешь сделать, – заверил я его. – Теперь тебе нужно поспать. Если ты погубишь себя, с тобой погибнет весь Египет.

Тан не пошел к себе, он улегся на палубе, как собака, готовый к любым неожиданностям. Я же отправился в каюту, чтобы быть рядом с царем и утешать свою госпожу.

Я поднялся на палубу еще до первых проблесков рассвета. Выходя, услышал, как Тан приказывает сжечь наш флот. Я не имел права ставить под сомнение его правоту, но он увидел мой недоверчивый и пораженный взгляд и, когда гонцов отослали, коротко сказал мне:

– Я только что получил сведения о перекличке от командиров отрядов. Из тридцати тысяч человек, стоявших вчера на равнинах Абнуба перед колесницами гиксосов, осталось только семь тысяч, из них пять тысяч ранены, многие скоро умрут. Среди тех, кто невредим, мало моряков. У меня едва хватит людей, чтобы снарядить половину нашего флота. Придется бросить остальные ладьи, но я не могу отдать их в руки гиксосов.

И вот теперь, собрав связки камыша, люди начали жечь корабли. Как только загорался камыш, пламя вздымалось до небес. Это было печальное и ужасное зрелище, даже для

моей госпожи и меня, хотя мы и не были моряками. Тану было намного тяжелее. Он стоял один на носу барки государства, и каждая черточка лица и вся его фигура выражали отчаяние и горе. Он стоял и смотрел, как горят корабли. Для него все они были красивыми, живыми существами.

На глазах у всего двора госпожа моя не могла подойти к нему и занять свое настоящее место, но она тайком пожала мне руку, и мы вдвоем оплакивали Тана и весь наш Египет, глядя, как наши гордые корабли горят, словно факелы. Ревущие столбы огня поднимались над ними, смешиваясь с черным дымом, их кроваво-красный отблеск соперничал с красками рассвета.

Наконец Тан отдал приказ оставшейся сотне лодок поднять якоря, и наш маленький флот с грузом раненых и умирающих повернул на юг.

Позади нас к небу поднимался черный дым погребального костра нашего флота, а впереди в утреннем небе двигалась вдоль восточного берега Нила желтая туча пыли над отрядами колесниц гиксосов, направлявшихся в глубь Верхнего царства к беззащитным Фивам и их сокровищам.

Казалось, боги повернулись спиной к Египту и забыли о нас, так как ветер, обычно дувший в это время с севера, совершенно затих, а затем с новой силой задул с юга. Теперь нам приходилось преодолевать одновременно и течение, и ветер, а ладьи наши были перегружены ранеными. Они сидели глубоко и тяжело двигались вперед, скудные команды гребли до изнеможения. Мы не могли угнаться за войском гиксосов, и оно неумолимо уходило вперед.

Я был поглощен выполнением своих обязанностей царского врача. Однако на борту каждой ладьи нашей флотилии умирали люди, которых я мог бы спасти, и умирали десятками. Всякий раз, когда я поднимался на палубу подышать свежим воздухом и немного передохнуть после напряженного бдения у постели фараона, я видел, как с соседних ладей выбрасывали трупы. С каждым всплеском на поверхности воды появлялся водоворот от хвоста крокодила. Эти ужасные пресмыкающиеся преследовали наш флот, как вороны и стервятники.

Фараон держался хорошо, и на второй день я смог дать ему маленькую чашку бульона. В тот вечер он снова попросил привести царевича, и Мемнона доставили к нему.

Мальчик уже достиг того возраста, когда дети беспокойны, как кузнечики, и шумны, как стайка скворцов. Фараон всегда был добр к сыну, может быть, даже слишком добр, и царевич с радостью проводил с ним время. Он был красивым мальчиком со стройными длинными ногами и руками, светлой кожей и темно-зелеными глазами матери. Волосы его вились, как шерстка новорожденного черного ягненка, а в солнечном свете в них сверкали искорки пламенной гривы Тана.

В тот вечер царь острее, чем когда бы то ни было, радовался Мемнону. Этот ребенок и обещание, которое удалось вырвать у моей госпожи, давали ему надежду на бессмертие. Против моего желания он продержал мальчика при себе до самого заката. Я знал: безграничная энергия Мемнона и его требовательность утомляли царя, но я не мог вмешиваться до тех пор, пока не настало время кормить царевича ужином. Только тогда я отвел его к нянькам.

Моя госпожа и я остались у постели царя, но он почти тут же уснул, словно умер, а без обычного грима лицо фараона было белым, как простыни, на которых он лежал.

Следующий день был третьим после ранения и поэтому самым опасным. Если бы Мамос прожил этот день, то был бы спасен. Однако когда я проснулся на рассвете, каюту заполнял тяжелый душный запах разложения. Я прикоснулся к коже фараона и обжег пальцы, как о снятый с очага чайник. Я позвал госпожу, и она, спотыкаясь, вышла ко мне из-за занавески.

– Что такое, Таита?.. – И замолчала, потому что ответ был написан у меня на лице. Она стояла рядом со мной, когда я снимал повязку. Искусство перевязки – одна из вершин хирурги-

ческого искусства, а я даже зашил полотно. Теперь распорол шов и стянул повязку. – О милостивая Хапи, умоляю тебя, пощади его! – вырвалось у царицы Лостры, когда вонь разлагающейся плоти распространилась вокруг. Черная корка, закрывавшая рану, прорвалась, и густой зеленый гной медленной струйкой потек на простыню.

– Заражение! – прошептал я. Это настоящий кошмар для хирурга. Злокачественное воспаление, поражающее жертву после ранения и распространяющееся по телу, как зимний пожар по сухим зарослям папируса.

– Что будем делать? – спросила она.

Я покачал головой.

– Он умрет до наступления ночи, – сказал я, и мы стали ждать неумолимого прихода смерти у его постели. Как только по барке распространился слух, что фараон умирает, каюту заполнила толпа жрецов, царских жен и придворных. Все ждали молча.

Тан пришел последним и встал позади всех со шлемом в руке, всем своим видом выражая уважение и печаль. Но взгляд покоился не на смертном одре фараона, а на царице Лостре. Та старалась не смотреть в его сторону, но я понимал, что она каждой частицей своего тела чувствует присутствие Тана.

Царица покрыла голову шитым полотняным платком, но выше пояса до этого платка на ней ничего не было. С тех пор как она перестала кормить царевича, груди потеряли тяжелый груз молока. Лостра стала стройной, как девственница, а рождение ребенка не исчертило низ живота серебряными линиями. Кожа оставалась гладкой и безупречной, как будто ее только что смазали благовонным маслом.

Я накрывал горячее тело фараона мокрыми простынями, стараясь сбить лихорадку. Но жар испарял влагу, и мне приходилось часто менять их. Фараон беспокойно ворочался и вскрикивал в бреду, преследуемый ужасами и чудовищами потустороннего мира, ожидавшими его появления.

Время от времени он читал вслух отрывки из Книги Мертвых. С самого детства жрецы заставили его выучить книгу, которая содержала и ключ, и карту пути по подземному миру к полям западного рая:

Двадцать один поворот на хрустальной тропе,
Тонкой и острой, словно разящая бронза.
Вторые ворота на ней охраняет богиня,
Но верить нельзя коварным и хитрым повадкам
Владычицы пламени, страстной вселенской блудницы,
С прожорливой пастью младой и ненасытной львицы,
Ее влагалище жадно людей поглощает,
И тонут они в молочной трясине плоти.

Постепенно голос и движения фараона слабели, и вскоре после полудня он в последний раз судорожно вздохнул и замер. Я наклонился над ним и пощупал его шею в поисках биения жизни, но ничего не почувствовал. Кожа холодела под моими пальцами.

– Фараон умер, – тихо сказал я и закрыл его глаза. – Да живет он вечно!

Все присутствующие испустили горестный вопль, и плач моей госпожи вел за собой жалобные крики царских жен. От этих звуков мороз пробежал у меня по коже. Я поспешил покинуть каюту. Тан вышел за мной и схватил меня за руку.

– Сделал ли ты все, что было в твоих силах, чтобы спасти его? – грубо спросил он. – Или это твоя очередная хитрость?

Я понимал, что за недобрым обращением скрывались чувство вины и страх, поэтому ответил мягко:

– Его убила стрела гиксоса. Я сделал все возможное, чтобы спасти его. Такова судьба, предсказанная лабиринтами Амона-Ра, и никто из нас не виноват в этом.

Он вздохнул и крепко обнял меня за плечи.

– Я не предвидел такого. Я думал только о своей любви к царице и нашему сыну. Мне следовало бы радоваться, что она свободна, но я не могу. Слишком многое потеряно, слишком многое погибло. Все мы зерна под гремящими жерновами лабиринтов.

– Счастье еще ждет нас впереди, – заверил я, хотя ничем не мог подтвердить свои слова. – У моей госпожи остается священный долг. А поскольку это ее долг, он становится твоим и моим. – Я напомнил ему о клятве, данной Лострой царю. Она поклялась сохранить земное тело царя и похоронить его подобающим образом, чтобы Ка фараона отправилось в поля рая.

– Скажи мне, как я могу помочь ей? – просто спросил Тан. – Но помни, что гиксосы мчатся по Верхнему царству впереди нас, и я не могу обещать тебе, что гробница царя не будет осквернена.

– Если потребуется, нам придется найти ему другую. Но прежде всего мы должны сохранить тело. В этой жаре оно начнет разлагаться, черви заведутся в нем еще до заката солнца. Я не особенно опытен в искусстве бальзамирования, но знаю один способ, с помощью которого мы сможем оправдать возложенное на нас доверие.

Тан послал моряков в трюм барки, и они вытащили на палубу огромный глиняный кувшин с маринованными оливами. Затем по моим указаниям опорожнили его и наполнили кипящей водой. Пока вода не остыла, они высыпали в нее три мешка тончайшей морской соли. Затем заполнили тем же соляным раствором еще четыре винных кувшина меньшего размера и оставили их на палубе остывать.

Тем временем я отправился в каюту и стал работать один. Моя госпожа хотела помочь мне. Она считала, что это входит в обязанности перед мертвым мужем, но я отослал ее позаботиться о царевиче.

Я вскрыл тело фараона вдоль левого бока от ребер до бедренных костей. Через это отверстие вынул содержимое грудной клетки и брюшной полости, освободив их и вычистив ножом вдоль диафрагмы. Разумеется, я оставил сердце на месте, так как это орган жизни и разума. Оставил на месте и почки: эти сосуды с водой представляют священный Нил. Я наполнил образовавшуюся полость солью, а затем зашил нитками из выдубленных кишок. У меня не было специальной ложки бальзамировщика, с помощью которой через ноздри удаляется мягкая желтая каша из черепа, поэтому и ее я оставил на месте. В данном случае это было не так важно. Внутренности же я разделил на четыре части: печень, легкие, желудок и кишки. Я промыл желудок и кишки соляным раствором – занятие это отвратительное.

Когда я закончил, воспользовался возможностью внимательно осмотреть легкие царя. Правое было здоровым и розовым, однако верх левого, пронзенного стрелой, сдулся, как пробитый пузырь. Его заполняли гнилая черная кровь и гной. Поразительно – старик прожил так долго со столь тяжелой раной в груди! Я чувствовал себя оправданным. Ни один врач не мог бы спасти его. Никаких ошибок в моем лечении не было.

Наконец я приказал морякам принести остывшие кувшины с соляным раствором. Тан помог мне сложить тело фараона в позу зародыша, и в таком виде мы положили его в огромный кувшин из-под олив. Я позаботился о том, чтобы крепкий соляной раствор покрывал тело с головой. Канопов у нас не было, и мы разложили внутренности по винным кувшинам. Запечатали все кувшины смолой и воском и надежно закрепили их в прочном помещении под палубой, где царь хранил свои сокровища. Мне показалось, что фараон был бы доволен, что покоится в окружении золота и серебряных слитков.

Я сделал все, что было в моих силах, и помог госпоже сдержать клятву. В Фивах я смогу передать тело царя бальзамировщикам, если гиксосы не прибудут туда первыми и если город и его жители будут существовать к тому времени, когда мы туда приплывем.

Когда мы прибыли к обнесенному стенами городу Асют, стало ясно, что гиксосы оставили небольшой отряд для осады, а остальное их войско двинулось на юг. Хотя под стенами города стояло менее сотни колесниц, гиксосы были слишком сильны, и мы не могли победить их с нашим обескровленным войском.

Главной задачей Тана было спасти Ремрема и его пять тысяч воинов, укрывшихся за городскими стенами, а затем отправиться вверх по реке, чтобы соединиться с вельможей Нембетом и его тридцатитысячным подкреплением. Мы встали на якорь у стрежня реки, в полной безопасности. Здесь нам не грозило нападение смертоносных колесниц, и Тан флажками известил Ремрема о своих намерениях.

За несколько лет до этого я помог Тану разработать систему знаков с двумя разноцветными флажками, с их помощью можно было передать сообщение любому человеку, находящемуся в пределах видимости, скажем, с одного конца долины на другой, с одного холма на соседний или с городских стен на реку.

Теперь флажками Тан предупредил Ремрема, чтобы тот был готов этой ночью. Затем под прикрытием темноты двадцать наших ладей поспешили к пологому берегу возле городских стен. В тот же самый момент Ремрем распахнул боковые ворота и во главе своего отряда пробился через заставы гиксосов.

Ремрем со своими людьми был в полной безопасности на борту наших судов прежде, чем враги успели запрячь лошадей.

Тан в то же мгновение дал знак остальной флотилии поднять якоря. Он оставил город Асют на разграбление гиксосам, а мы понеслись на веслах против течения. До конца ночи, оглядываясь, мы видели за кормой огни горящего города на северном горизонте.

– Да простят меня эти бедняги, – очень тихо сказал Тан, – у меня не было другого выхода. Мой долг зовет в Фивы.

Тан был настоящим воином и принял суровое решение без колебаний. И все же он был человеком и горько оплакивал участь горожан. Я восхищался им не меньше, чем любил его.

Ремрем рассказал нам, что быстрые ладьи с посланием Нембету проплыли за день до этого и сейчас наши письма уже получены старым флотоводцем.

Кроме того, Ремрем сообщил нам кое-какие сведения о гиксосах и их движении на юг. Он захватил двух египетских дезертиров и изменников, которые перешли на сторону врага и пробрались в город Асют, чтобы шпионить за его защитниками. Под пыткой они выли, как и полагается шакалам, и перед смертью рассказали о гиксосах много ценного.

Царь гиксосов, который нанес нам такое сокрушительное поражение на равнинах Абнуба, звался Салит. Его племя семитской крови по образу жизни было кочевым. Они пасли скот в Загре, в горах недалеко от озера Ван. Так подтвердились мои первые впечатления об этих ужасных азиатах. Я догадался о семитском происхождении по их внешности, но меня поразило то, что пастухи смогли изобрести такое средство передвижения, как колесница. Да и где они нашли чудесное животное, которое мы, египтяне, сейчас называем лошадью и которого в то время боялись, будто это существо из подземного царства?

Во всех же остальных областях гиксосы оказались отсталым народом. Они не умели ни читать, ни писать, правил ими грубый тиран, бородатый Салит. Мы, египтяне, ненавидели его и боялись больше, чем диких зверей, таскавших колесницы.

Главного бога гиксосов звали Сутех, бог бури. Не требовалось особых теологических знаний, чтобы узнать в нем нашего страшного Сета. Выбор главного бога подходил им, а их поведение делало честь богу. Ни один цивилизованный народ не будет так жечь, грабить и убивать, как они. Мы пытаем предателей, но это не может идти ни в какое сравнение со зверствами гиксосов.

Я давно постиг одну простую истину – народ всегда выбирает себе богов по своей природе. Филистимляне поклоняются Ваалу и бросают живых младенцев в горящие печи, образ его пасти. Черные племена кушитов поклоняются чудовищам и зверям потустороннего мира в своих невероятных и странных обрядах. Мы же, египтяне, поклоняемся справедливым и приличным богам, благосклонным к людям и не требующим человеческих жертв. А у гиксосов есть их Сутех.

Оказалось, что захваченные египтяне не были единственными изменниками, перешедшими на сторону врага. Когда одному из пленников Ремрема сунули в анальное отверстие горящий уголь, он рассказал о каком-то высоком египетском вельможе из Верхнего царства, сидящем рядом с царем Салитом на военном совете. Когда я услышал об этом, то вспомнил, как меня поразили знания гиксосов о нашем боевом порядке на равнинах Абнуба. Уже тогда я догадался о шпионе среди них, которому известны наши тайны.

А если это правда, враг мог знать наши сильные и слабые стороны. Ему точно знакомы планы и способы обороны наших городов, больше всего его должны привлекать огромные сокровища фараона, собранные в погребальном храме.

– Может быть, это и объясняет поспешность, с какой царь Салит движется к Фивам, – подсказал я Тану. – Он наверняка попытается переправиться на западный берег Нила, как только ему представится возможность.

Тан громко выругался:

– Если Гор будет благосклонен к нам, то отдаст мне в руки этого предателя, египетского вельможу, – и ударил кулаком в раскрытую ладонь. – Мы должны помешать Салиту переправиться через реку. Корабли – наше единственное преимущество. Я должен использовать его полностью.

Он зашагал взад-вперед по палубе и посмотрел на небо.

– Когда же этот проклятый ветер развернется и подует с севера? С каждым часом колесницы врага оказываются все дальше впереди нас. Где же флот Нембета? Мы должны объединить наши силы и удержать западный берег Нила.

К вечеру того же дня на мостике царской барки перед высоким троном был созван государственный совет Верхнего Египта. Верховный жрец Осириса представлял духовную власть. Вельможа Меркесет, казначей, – мирскую власть государства. Тан, вельможа Харраб, – войско. Вместе трое вельмож подняли царицу Лострy на трон нашей страны и посадили ей на колени сына. Все женщины и мужчины на борту барки громко приветствовали ее, а на ладьях даже раненые воины подползали к борту и криками встречали новую правительницу и молодого наследника великого трона Египта.

Верховный жрец Осириса закрепил искусственную бороду царской власти на подбородке моей госпожи, и это ничуть не уменьшило ее красоты и женственности. Вельможа Меркесет повязал львиный хвост на ее талию и надел на голову высокую красно-белую корону. Последним на трон взошел Тан и вложил ей в руки посох и золотую плеть. Царевич Мемнон увидел блестящие игрушки, которые принес Тан, и потянулся к ним.

– Настоящий царь! Он знает, что посох по праву принадлежит ему, – с гордостью похвалил его Тан, и все придворные громкими криками одобрили дерзость мальчика.

По-моему, впервые с того самого ужасного дня на равнине Абнуба на борту барки раздался веселый смех. Мне показалось, что смех этот был катарсисом и он ознаменовал начало новой жизни для всех нас. До этого момента в сердцах наших тяжелым бременем лежали

поражение на поле брани и гибель фараона. Теперь высокие вельможи Египта подходили по одному и становились на колени перед троном, на котором сидела прелестная молодая женщина со своим царственным сыном, и все ощутили, что новое, светлое чувство охватывает нас. Апатия отчаяния прошла, и в нас снова возродилась воля к борьбе и преодолению трудностей.

Тан последним подошел к трону, встал на колени и дал клятву верности. Когда царица Лострa взглянула на него сверху вниз, обожание ее словно выплеснулось наружу: ее лицо просияло, как восходящее солнце, темно-зеленые глаза засверкали. Меня поразило, что никто из присутствующих, казалось, не заметил этого.

В тот же вечер после захода солнца моя госпожа послала меня на мостик с посланием к командующему ее войском. Она звала его на военный совет в главной каюте барки. На этот раз Тан не смог отказать ей, поскольку совсем недавно дал клятву послушания.

Я должен был стать единственным свидетелем чрезвычайного военного совета. Не успел он начаться, как новая правительница Египта властным голосом прогнала меня прочь и послала охранять вход в каюту и отсылать посетителей. Когда я задергивал тяжелую занавеску, то увидел, как они набросились друг на друга. Они настолько изголодались и так долго отказывали себе в любви, что кинулись друг на друга, как смертельные враги бросаются в схватку.

Счастливые звуки этого поединка доносились из каюты бóльшую часть ночи, и я с облегчением вспоминал, что мы не стоим на якоре, а идем поспешно вверх по реке на соединение с вельможей Нембетом. Плеск воды и скрип весел, гул барабанов, отбивающих ритм, и песни гребцов заглушали шум в царской каюте.

Когда Тан вышел на кормовую надстройку при смене ночной стражи, он удовлетворенно улыбался, как военачальник, только что выигравший великое сражение. Госпожа вскоре последовала за ним на палубу, и даже я был поражен новой сверхъестественной красотой, которую она излучала. Весь последующий день царица была очень добра ко всем окружающим и находила множество поводов, чтобы посоветоваться с командующим войском. Так что царевичу Мемнону и мне пришлось провести вместе почти весь день, чему мы были очень рады.

С несколько сомнительной помощью со стороны царевича я начал вырезать из дерева модели колесниц и деревянных лошадок. Кроме того, вырезал колесо, надел его на деревянную ось и начал испытывать.

Мемнон встал на цыпочки и смотрел, как колесо быстро вращается на маленькой оси.

– Сплошной кружок слишком тяжел, правда, Мем? Посмотри, как быстро он теряет скорость.

– Дай мне его! – потребовал он и схватил вращающийся диск. Тот выскользнул из его пухленьких пальчиков, упал на палубу и разбился на четыре почти равные части.

– Ах ты, негодный гиксос! – строго упрекнул я его, но он, казалось, воспринял мой укор как похвалу, а я опустился на колени, чтобы собрать осколки своей модели.

Разбившиеся части лежали кружочком, и не успел я дотянуться до них, как вдруг в глазах у меня помутилось. Внутренним взором я увидел, как осколки дерева превратились в пустоты, а трещины между ними стали сплошным деревом.

– О, сладкое дыхание Гора! У тебя получилось, Мем! – Я обнял мальчика. – Край колеса может опираться на крестовину, соединенную с центром! Какие еще чудеса ты совершишь, когда станешь фараоном?

Так царевич Мемнон, правитель рассвета, наследник престола и первый в династии носитель этого имени, с небольшой помощью своего друга Таиты изобрел колесо со спицами. Тогда я даже не мог мечтать о том, что в один прекрасный день мы вдвоем поедем на таких колесах навстречу славе.

* * *

Еще до полудня мы увидели первого мертвого египтянина. Он плыл по реке со вздувшимся животом, уставившись в небо бледным лицом. Ворона сидела у него на груди, выклевывала глаза и глотала их по одному, вскидывая голову.

Мы молча стояли у борта корабля и смотрели, как мертвец спокойно проплывает мимо.

– На нем юбка стражи Льва, – тихо сказал Тан. – А львы – основная часть войска Нембета. Молю Гора, чтобы больше таких трупов в реке не попадалось.

Но трупы были. Сначала десятки, потом сотни. Их становилось все больше и больше, пока всю поверхность реки от берега до берега не покрыл ковер мертвых тел. Ковер этот был густым, как заросли водного гиацинта, закрывающие оросительные каналы летом.

Наконец среди них нашелся живой. Он был сотником стражи Льва, направленным в штаб Нембета. Плыл, держась за связку стеблей папируса. Мы выловили его из воды, и я обработал раны. Тяжелая каменная палица раздробила ему плечо, и он уже никогда не сможет владеть правой рукой.

Когда раненый пришел в себя и был в состоянии говорить, Тан присел на корточки у его матраца:

– Что случилось с вельможей Нембетом?

– Вельможа Нембет убит со всем своим штабом, – прохрипел сотник.

– Получил ли Нембет мое предостережение о гиксосах?

– Получил накануне битвы и смеялся, читая его.

– Смеялся? – спросил Тан. – Как мог он смеяться?

– Сказал, что щенка наконец-то побили – прости меня, вельможа Тан, но именно так он назвал тебя, – и теперь тот пытается покрыть свою глупость и трусость подстрекательскими письмами. Сказал, что будет сражаться так, как учит его опыт.

– Надменный старый дурак, – горестно проговорил Тан. – Однако говори, что было дальше.

– Вельможа Нембет расположился на восточном берегу спиной к реке. Враг обрушился на нас, как ветер, и загнал в воду.

– Скольким удалось спастись? – тихо спросил Тан.

– По-моему, из тех, кто вышел на восточный берег с вельможей Нембетом, в живых остался я один. Других не видел. На берегу было такое побоище, что я не в силах описать его.

– Все наши славные отряды разбиты, – горевал Тан. – Мы остались беззащитными, если не считать кораблей. Что случилось с флотом Нембета? Поставил ли он его на якорь посреди реки?

– Вельможа Нембет поставил на якорь большую часть флота, однако пятьдесят лодок вытащил на берег в тылу своих войск.

– Зачем он сделал это? – возмутился Тан. – Безопасность кораблей – основа нашего боевого порядка.

– Я не знаю, что задумал вельможа Нембет, но, вполне вероятно, он оставил их под рукой, чтобы поскорее погрузить на них войска, если предостережение окажется верным.

– Какова судьба этих кораблей? Нембет потерял войско, но потерял ли он также корабли? – Тан говорил грубо от ярости и горя.

– Что касается ладей, оставленных на якоре посреди реки, большинство из них брошены и сожжены маленькими командами, которые не могли управиться с ними. Я видел пламя и дым со своего папирусного плотика. Отдельные ладьи обрубили якорные канаты и ушли к Фивам. Я пытался кричать морякам, когда они проходили мимо, но те так перепугались, что не стали останавливаться и подбирать меня из воды.

– А пятьдесят лодок на берегу, – остановился Тан и перевел дыхание, прежде чем закончить вопрос, – что случилось с флотилией, вытащенной на берег?

– Она попала в руки гиксосов. – Сотник задрожал, так как опасался гнева Тана. – Я глядел назад, когда меня уносило течением, и видел, как враги толпами ходили по палубам ладей на берегу.

Тан встал и пошел на мостик корабля. Смотрел вдаль, откуда плыли трупы и обожженные доски кораблей Нембета, ковром покрывая реку. Я подошел к нему и приготовился смягчить его гнев, когда он прорвется наружу.

– Так этот горделивый старый дурак пожертвовал своей жизнью и всем своим войском, чтобы насолить мне. Нужно поставить пирамиду его грехам, потому что Египет такого еще не видывал.

– Это не единственный его грех, – пробормотал я, и Тан мрачно кивнул:

– Нет, не единственный. Он предоставил гиксосам средство переправиться через реку. О, сладкое молоко Исиды! Как только они переправятся через Нил, нам придет конец.

Наверное, богиня услышала, как он произнес ее имя, и в то же мгновение я почувствовал, что ветер, все это время дувший нам в лицо, начал стихать. Тан тоже почувствовал это. Резко повернулся на пятках и громко выкрикнул приказ командирам, стоявшим на кормовой надстройке:

– Ветер поворачивает. Он будет попутным! Передайте общий сигнал всему флоту. Поставить все паруса! Сменять гребцов каждый час по водяным часам! Барабанщикам ускорить темп до марша! Спешить на юг!

Ветер повернул и скоро задул с севера. Паруса наши наполнились и напряглись, как животы беременных женщин. Барабаны отбивали ритм гребцам, и ладьи в боевом строю разрезали поверхность реки.

– Благодарю тебя, богиня, за ветер! – выкрикнул Тан. – Божественная Исида, позволь нам успеть вовремя и настигнуть их на воде.

Барка государства плыла медленно и неуклюже. Она стала отставать от основного флота. Казалось, судьба снова вспомнила о нас, потому что старая, любимая ладья Тана «Дыхание Гора» снова оказалась рядом с нами.

У нее теперь был новый кормчий, но она по-прежнему оставалась быстрой и грозной ладьей. Острый, обитый бронзой таран торчал на носу чуть выше ватерлинии. Тан сигналом подозвал ее к борту барки и перенес на нее флаг Синего Крокодила, приняв командование у нового кормчего.

Мое место было рядом с госпожой и царевичем. Я до сих пор не помню точно, как оказался на кормовой надстройке «Дыхания Гора» рядом с Таном, когда мы понеслись вверх по течению. Иногда я грешу не меньше, чем вышеупомянутый вельможа Нембет. Помню только, что стоило барке государства отстать от нашей ладьи, как я начал горько сожалеть о своей дерзости. Я хотел было сказать Тану, что передумал, и попроситься обратно на палубу барки. Но, бросив взгляд на его лицо, понял: лучше встретиться лицом к лицу с гиксосом, чем просить об этом.

Стоя на палубе «Дыхания Гора», Тан отдавал приказы. Голосом и флажками их передавали с корабля на корабль. Не уменьшая скорости движения, Тан начал менять строй. Он собрал вокруг себя все ладьи, а сам занял место во главе флотилии.

Раненых и тех, кто был не в состоянии сражаться, перевели на более медленные суда, которые отстали, чтобы сопровождать барку государства. Более быстрые ладьи в авангарде подготовили к бою. Команды их в большинстве своем составлял свежий отряд Ремрема, снятый с осажденного Асюта. Его воинам не терпелось отомстить за позор Абнуба. Тан поднял флаг Синего Крокодила на мачте «Дыхания Гора». Как же скоро воины смогли собраться с духом после кровавого поражения!

Признаки недавнего разгрома Нембета с каждой милей становились все более и более очевидными. Трупы, обломки ладей и другие следы сражения виднелись на зарослях папируса

по обе стороны реки. Потом наконец мы заметили в небе облако пыли от колесниц, смешавшееся с дымом костров над лагерем гиксосов.

– Все, как я и предполагал, – обрадовался Тан. – Они остановили свое продвижение на Фивы и теперь, когда Нембет предоставил им средство для переправы, пойдут на другой берег. Однако они плохие моряки, и им будет трудно погрузить на ладьи людей и колесницы. Если Гор будет добр к нам, мы придем вовремя и поможем им.

Развернутым боевым строем мы выскочили из-за последнего поворота реки и увидели впереди гиксосов. По счастливому капризу войны мы прибыли в тот самый момент, когда переправа была в разгаре.

Все пятьдесят захваченных ладей толклись посреди реки, двигаясь туда и сюда. Их снасти и паруса путались, а гребцы без всякого ритма били веслами по воде, то зарывая весла слишком глубоко, то бесполезно поднимая брызги. Ладьи виляли из стороны в сторону и совершенно не обращали внимания на движение других кораблей.

Мы увидели, что большинство гиксосов на палубах ладей стояли при полном вооружении и в бронзовых доспехах. Естественно, они еще не осознали, как трудно плавать в таком наряде. Они с паническим страхом уставились на наши ладьи, которые неслись прямо на них. Теперь роли поменялись. Мы были в своей стихии и мчались на них, как обрывки паруса во время бури.

Пока мы сближались, у меня появилось время рассмотреть врага. Основная часть войска гиксосов оставалась на восточном берегу. Они встали лагерем. Теперь их было так много, что становище их простиралось в сторону холмов пустыни насколько хватало глаз.

Царь Салит посылал через реку небольшой отряд. Очевидно, ему дали приказ поспешить вдоль западного берега и захватить погребальный храм фараона Мамоса, прежде чем мы перевезем его сокровища.

Мы стремительно неслись на корабли гиксосов, и я крикнул Тану, стараясь перекрыть грохот барабанов и кровожадные вопли наших головорезов:

– Они уже переправили лошадей. Посмотри туда!

Почти без защиты, если не считать немногочисленной вооруженной охраны, на западном берегу стояло большое стадо этих ужасных животных. По моей оценке, там было несколько сот лошадей, и даже на большом расстоянии мы могли различить, как их длинные гривы и хвосты развеваются на сильном северном ветру.

Зрелище это было очень тревожное. Несколько человек вокруг меня содрогнулись и с отвращением выругались. Я услышал, как один из них мрачно пробормотал:

– Гиксосы кормят этих чудовищ человеческим мясом, как ручных львов или шакалов. Вот почему они разбили нас. Им нужна пища для этих зверей. Представляете, сколько наших товарищей уже оказалось у них в брюхе.

Я не мог возразить ему и сам почувствовал легкую тошноту: ведь его слова могли оказаться правдой. Затем отвернулся от этих красивых, но кровожадных чудовищ и стал смотреть на ладью впереди нас.

– Мы застали их во время переправы колесниц и людей, – сообщил я Тану. На палубах ладей, захваченных у Нембета, стояло множество высоких колесниц и разного снаряжения, а между ними толпились возничие гиксосов. Когда враги поняли, в какую переделку попали, некоторые из ладей попытались развернуться и спастись, вернувшись на восточный берег. Они сталкивались с другими ладьями, которые шли за ними, и, беспомощно сцепившись снастями, дрейфовали вниз по течению.

Тан свирепо захохотал, увидев беспорядок в рядах врага, и крикнул по ветру:

– Сигнал всем! Ускорить темп до скорости атаки. Запалить зажигательные стрелы.

У гиксосов еще не было возможности узнать, что такое обстрел зажигательными стрелами, и, представив себе этот сюрприз, я расхохотался вместе с Таном. Однако в моем голосе чувствовалась тревога. Потом я вдруг замер, и смех мой захлебнулся.

– Тан! – Я схватил его за руку. – Посмотри! Посмотри на ладью прямо по носу! На кормовой надстройке! Вон наш предатель.

Тан не сразу узнал высокого властного человека у поручней мостика, потому что на нем были доспехи из бронзовой чешуи и высокий шлем гиксосов. Потом вдруг зарычал от ярости и негодования:

– Интеф! Почему мы раньше не догадались, что это он?!

– Теперь мне все ясно. Это он привел Салита в нашу страну. Отправился на Восток и намеренно соблазнил гиксосов рассказами о сокровищах Египта! – Мое негодование и ненависть не уступали ярости Тана.

Тан вскинул лук Ланату и выпустил стрелу, но расстояние было слишком велико и наконечник стрелы лишь скользнул по шлему вельможи Интефа. Я увидел, как голова его дернулась от удара и он посмотрел в нашу сторону. Разглядел нас, меня и Тана, и на какое-то мгновение мне показалось, что я заметил страх в его глазах. Потом он нырнул под высокий борт ладьи и скрылся из глаз.

Передовой отряд ладей врезался в кучу беспорядочно сновавших и кружившихся на месте кораблей противника. С ужасающим треском наш бронзовый таран ударил в середину ладьи Интефа, и меня повалило с ног. Когда я поднялся, гребцы уже сдали назад, и наш таран с душераздирающим скрежетом отцепился от корпуса пораженного корабля.

Одновременно наши лучники стали осыпать пробитую ладью дождем зажигательных стрел. Наконечники таких стрел обвязывались просмоленными стволами папируса, горевшими в полете, как кометы, оставляя за собой след искр и дыма, и вонзались в паруса и корзину на верхушке мачты. Северный ветер раздувал пламя, и скоро его языки запрыгали по снастям в дьявольской пляске.

Вода хлынула через отверстие, пробитое нашим тараном в борту ладьи, и она резко накренилась. Паруса ее загорелись и полыхали с ужасающим жаром. Даже на расстоянии он опалил мне ресницы. Тяжелый главный парус, весь в огне, опустился на палубу и накрыл команду ладьи и толпу возничих. Вопли пронзили наши уши: волосы и одежда на них загорелись. Я вспомнил равнину у Абнуба и без всякой жалости смотрел, как горящие люди прыгали в воду с борта ладьи и тонули под весом собственных доспехов. Только небольшой водоворот и легкое облачко дыма оставались над водой на месте их исчезновения.

По всей линии сражения ладьи гиксосов горели и тонули. У них не было ни опыта, ни умения, чтобы отразить нашу атаку. Они оказались столь же беспомощны, как и мы под ударами колесниц. Наши ладьи сдавали назад и били снова, разрубая корпуса кораблей и осыпая их дождем огненных стрел.

Я следил за первой ладьей, на которую мы напали, и искал вельможу Интефа. Ладья уже почти затонула, когда он появился снова. Сбросил свой шлем и доспехи и остался в одной набедренной повязке. Легко вскочил на борт тонущего судна, а затем, окруженный языками пламени, сложил руки над головой и прыгнул за борт.

Интеф был сыном Нила и в воде чувствовал себя как рыба. Почти без брызг вошел в воду, а через минуту появился в пятидесяти шагах от того места, где скрылся в глубине. Его черные волосы вытянулись вдоль спины, и он поплыл, словно гигантская нутрия.

– Вон он! – завопил я Тану. – Дави эту свинью!

Тан тут же отдал приказ развернуть «Дыхание Гора», но, как бы стремительно ни орудовал рулевой своим веслом, ладья разворачивалась медленно. А вельможа Интеф тем временем, как

рыба, скользил по воде, саженками продвигаясь к восточному берегу под защиту своих союзников-гиксосов.

– Греби! – просигналил Тан гребцам по правому борту. Нос ладьи быстро повернулся. Как только пловец оказался прямо по носу, Тан отдал приказ грести обоим бортам, и мы рванули с места. Однако вельможа Интеф был уже далеко впереди, и до берега ему оставалось совсем немного, а там ожидали пять тысяч лучников гиксосов с огромными изогнутыми луками, готовые прикрыть его своими стрелами.

– Моча Сета на их головы! – заорал Тан. – Мы схватим Интефа под самым их носом. – И он повел «Дыхание Гора» прямо вперед, приближаясь к одинокому пловцу.

Когда мы подошли к берегу на расстояние полета стрелы, гиксосы залпом выстрелили, небо потемнело вокруг нас, и свистящая туча обрушилась на ладью и реку вокруг нее. Стрелы падали так густо, что палуба словно покрылась щетиной, некоторых наших гребцов ранило. Корчась и обливаясь кровью, они повалились со скамеек.

Однако Интеф был совсем близко. Он оглянулся, и я заметил ужас на его лице, когда он понял, что не сможет уйти от острого носа ладьи. Позабыв о стрелах, я побежал на нос и закричал ему:

– Я ненавидел тебя с самого первого дня! Я ненавидел каждое твое прикосновение. Я хочу увидеть, как ты умрешь. Ты – само зло!

Он услышал меня. Я заметил это по глазам, и тут боги тьмы, его покровители, снова вмешались. Одна из полузатонувших ладей гиксосов плыла на нас по течению, разбрызгивая искры, языки пламени и клубы дыма. Если бы мы коснулись ее, наша ладья тоже заполыхала бы, превратившись в столб огня. Тану пришлось отвернуть и приказать гребцам сдать назад. Пылающая ладья поплыла между нами и берегом. Вельможа Интеф скрылся за ней. Когда горящая ладья проплыла, я увидел своего врага снова. Три смуглых возничих гиксосов вытащили его из воды и помогли ему взобраться на высокий берег.

Наверху он на мгновение остановился и оглянулся, а потом скрылся из виду. Меня трясло от бессильной злобы. На наших людей падали стрелы, поэтому Тан дал приказ развернуться и присоединиться к основным силам, которые добивали еще держащиеся на плаву ладьи гиксосов.

Последние ладьи врага переворачивались, накренившись, зеленые воды Нила заливали их и тушили пламя, с громким шипением поднимая облака пара. Наши лучники высовывались из-за борта и расстреливали в упор беспомощно барахтавшихся гиксосов.

Как только все враги утонули, Тан обратил внимание на западный берег: на небольшую группу вражеских воинов и стадо лошадей, оставшихся там. Когда ладья понеслась вперед, пастухи гиксосов разбежались, но наши воины выскочили на берег с обнаженными мечами и погнались за ними. Гиксосы были конниками и привыкли вести бой на колесницах, а наши парни были пехотинцами и превосходно бегали. Они бросились за неприятелем, как стадо гончих за шакалами. Быстро окружив гиксосов, стали крушить их острой бронзой, и скоро сотни окровавленных трупов усеяли зеленое пшеничное поле.

Я соскочил на берег с первыми воинами. Дело у меня было серьезное. Что проку делать модели и изобретать колесницы, если некому таскать те самые колеса со спицами, которые уже представляются моему воображению.

Мне потребовалось огромное мужество, чтобы направиться к стаду ужасных существ, брошенных пастухами гиксосов недалеко от реки. Каждый шаг в его сторону требовал усилия воли, потому что лошадей было несколько сотен и их явно обеспокоили и встревожили крики, бегающие люди и звон оружия. Я был уверен, что они в любой момент могут броситься на меня, как раненые львы. Я уже вообразил, как они будут рвать на части мою теплую дрожащую плоть, и мужество мое тут же испарилось, я остановился как вкопанный. Стоял и смотрел на лошадей с

расстояния в сто шагов, очарованный красотой этих диких хищных зверей, и приготовился спасаться бегством при первом же намеке на нападение.

У меня впервые появилась возможность поближе рассмотреть этих животных. Большинство из них серые, с оттенком гнедого. Две или три лошади черные, как Сет. Ростом они были с человека, а грудь у них была широкая, как бочка, шеи длинные и изящно изогнутые. Их гривы напоминали волосы красивых женщин, а шкуры блестели на солнце как отполированные.

Одна из лошадей, стоявшая поближе, вскинула голову и задрала верхнюю губу. Я отступил назад, увидев огромные прямоугольные белые зубы. Она ударила задними ногами по земле и издала такое страшное ржание, что я повернулся и довольно поспешно направился к ладье. Затем хриплый вопль одного из воинов неподалеку остановил мое трусливое отступление.

– Бей чудовищ-гиксосов!

– Бей чудовищ! – подхватили все этот крик.

– Не надо! – закричал я, и весь мой страх за собственную шкуру был забыт. – Не надо! Спасите лошадей. Они нам нужны!

Мой голос потонул в свирепом боевом кличе наших войск, бросившихся на стадо лошадей с поднятыми щитами и окровавленными мечами, с которых капала кровь пастухов. Некоторые воины останавливались и пускали стрелы по стаду лошадей.

– Не стреляйте!

Я проследил, как черный, сверкающий на солнце жеребец встал на дыбы и заревел, когда стрела впилась ему в холку.

– Не надо, пожалуйста, не надо! – вопил я, а один из моряков подбежал с легким боевым топором к молодой кобыле и ударил по суставу над копытом. Удар покалечил ее, и она не могла убежать. Вторым ударом по шее он свалил лошадь, и та забилась на земле. – Не троньте их, не троньте, – умолял я, но стрелы повалили еще дюжину животных, а мечи и топоры искалечили и убили по крайней мере еще столько же, прежде чем стадо испугалось и три сотни лошадей, вскинувшись, поскакали галопом в пыльную пустыню запада.

Прикрыв глаза от солнца, я смотрел, как они уносятся прочь. Мне почудилось, что частица моего сердца убежала вместе с ними. Когда они исчезли, я попытался защитить пораненных и искалеченных стрелами животных, скрывшихся в зарослях папируса, но воины опередили меня. Их ярость была столь велика, что они собирались вокруг поваленных трупов и свирепо пронзали их мечами, отрубали конечности и головы.

Немного в стороне, за островком папируса, вдали от глаз разъяренных воинов, стоял тот самый черный жеребец, в которого попала первая стрела. Он был тяжело ранен и, спотыкаясь, брел вперед. В холке у него торчала стрела. Не думая о собственной безопасности, я подбежал к нему и остановился, когда он повернулся ко мне.

Только тогда я понял, какая опасность мне угрожает. Зверь ранен и, как лев в подобной ситуации, наверняка бросится. Жеребец смотрел на меня, я смотрел на него и вдруг почувствовал, как страх падает с моих плеч, как ненужный в жару плащ.

Огромные глаза туманила боль. При виде этих добрых, красивых глаз сердце мое наполнилось жалостью. Он издал тихий прерывистый звук и побрел ко мне. Я протянул руку и коснулся морды, ощутив, что она теплая и гладкая, как аравийский шелк. Черный жеребец подошел ко мне и прижался лбом к моей груди таким доверчивым и умоляющим, почти человеческим движением. Он просил о помощи.

Я инстинктивно обнял жеребца за шею и в этот момент больше всего на свете жаждал спасти его. Но кровь текла из ноздрей по моей груди. Я понял, что стрела пронзила его легкие и он умирает. Я уже ничем не мог помочь ему.

– Бедняжка, что же эти глупые невежественные негодяи сделали с тобой? – прошептал я. Сквозь горе и муки я смутно осознал, что жизнь моя снова меняется и что этому умирающему

существу я обязан переменой в своей судьбе. Каким-то образом я вдруг понял, что через многие годы ноги мои оторвутся от африканской почвы, а после этого за моей спиной будут оставаться следы лошадиных копыт. В моей жизни появилась еще одна большая любовь.

Жеребец снова издал тот же трепещущий звук, его дыхание согревало мою кожу. Потом ноги подогнулись, и он тяжело упал на землю, судорожно пытаясь наполнить воздухом пробитые стрелой легкие. Розовые пузырьки лопались в ране у него на спине. Я присел рядом с ним, поднял голову, положил ее себе на колени и держал так до тех пор, пока он не умер. Потом поднялся и вернулся туда, где пристала к берегу «Дыхание Гора».

Я не видел, куда шел, горячие слезы ослепляли меня. Опять и опять я проклинал себя за то, что был таким мягкосердечным и сентиментальным дураком, но это не помогало. Я никогда не мог пройти мимо страданий живых существ или людей, в особенности красивых и благородных.

– Проклятие, Таита! Где ты пропадаешь? – обрушился на меня Тан, когда я взобрался на борт ладьи. – Идет бой, войско не может ждать, пока ты там мечтаешь!

И все-таки он не бросил меня на берегу!

Тан даже не стал слушать, когда я попросил дать людей, чтобы отправиться в пустыню за табуном сбежавших лошадей. И сразу оборвал меня:

– Я не желаю иметь дело с этими грязными, погаными тварями! Мне жаль только, что воины позволили им бежать и не перебили всех до одного. Пусть львы и шакалы исправят их ошибку! – Я понял, что он ненавидит лошадей так же, как и последний невежественнейший мужик его отряда.

– Ты ли стоял рядом со мной на равнине Абнуба? – Обычно я не вступаю в громкий спор на людях, но его упрямство разозлило меня. – Или это был какой-то тупоголовый дурак? Разве ты не видел, как будущее несется на тебя под грохот копыт и колес и рубит на части твоих воинов? Неужели ты не знаешь, что без колесниц и лошадей и тебя, и Египет ожидает гибель?

Наша дружеская перепалка проходила на кормовой надстройке «Дыхания Гора». Подчиненные Тана замерли, онемев, когда услышали, как раб называет Великого Льва Египта и командующего всеми войсками тупоголовым дураком. Однако я уже не мог сдержаться.

– Боги принесли тебе удивительный дар! Три сотни лошадей были у тебя в руках! Я построю тебе колесницы. Неужели ты настолько слеп, что не понимаешь этого?

– У меня есть корабли! – заорал в ответ Тан. – Мне не нужны эти отвратительные каннибалы. От них воротит всех приличных людей и добрых богов! Это существа Сета и Сутеха, я не желаю иметь с ними дела.

Я слишком поздно понял, что поставил Тана в такое положение, когда тот уже не мог уступить. Он был умным и рассудительным человеком до тех пор, пока не задета его гордость. Я понизил тон и заставил свой голос звучать медоточиво.

– Тан, выслушай меня, пожалуйста. Я держал на руках голову одного из этих животных. Они сильные, но поразительно нежные. В их глазах светится ум верного пса. Они не едят мяса...

– Откуда ты это знаешь? – насмешливо спросил он, скрывая оскорбленную гордость.

– По зубам. У них нет клыков и когтей хищников. Среди копытных только свиньи едят мясо, а это не свиньи. – Я увидел, что Тан колеблется, и продолжил: – Если тебе этого недостаточно, посмотри на припасы, которые гиксосы переправили через реку. Разве нужна такая гора сена, чтобы кормить стадо человекоядных тварей?

– Мясо они едят или сено, я с тобой спорить не буду. Ты слышал мое решение. Пусть эти проклятые лошади погибнут в пустыне. Таково мое последнее слово.

Он гулко зашагал прочь, а я пробормотал себе под нос:

– Последнее слово? Посмотрим.

Как правило, я могу добиться своего от моей госпожи, а ее слово в Египте теперь было последним. Я отправился к ней в тот же вечер, как только царская барка присоединилась к боевым ладьям.

Без ведома командующего всеми войсками и возлюбленного царицы я показал ей маленькую модель колесницы с вырезанными из дерева миниатюрными лошадьми, которых я специально сделал для нее. Царица Лостра была очарована. Конечно же, она не видела, как отряды колесниц на полном галопе несутся на египетские войска, и они не успели пробудить в ее сердце ненависть, как у большинства воинов. Когда я сумел увлечь ее, стал описывать смерть жеребца в таких душераздирающих подробностях, что мы оба разрыдались. Она не может устоять перед моими слезами – впрочем, как и я перед ее.

– Ты должен немедленно отправиться в пустыню и спасти этих чудесных животных. Когда ты найдешь их, я приказываю тебе снарядить отряд колесниц для моих войск!

Если бы Тану удалось опередить меня, царица вряд ли отдала бы такой приказ и история нашего мира была бы иной. Теперь Тан так разозлился на меня за мой обманный ход, что мы чуть было не рассорились с ним. Никогда еще мы не были так близки к разрыву.

По счастью, царица Лостра приказала мне как можно скорее высадиться на берег и отправиться за лошадьми, поэтому я смог избежать его гнева. У меня оставалось лишь несколько часов на сборы. Помощника себе я получил там, где никак не ожидал найти.

Мне никогда не нравился Гуи, сорокопут, захваченный в Галлале. Теперь он командовал одной из ладей, но Тан сжег ее в Абнубе, Гуи стал кормчим без ладьи и, естественно, искал повода отличиться. Он нашел меня, как только слух о моем поручении распространился по флоту.

– Что ты знаешь о лошадях?

Его вопрос застал меня врасплох.

– Ну, наверное, поменьше твоего? – насторожился я.

– Когда-то я был сайсом, – похвалился Гуи в своей обычной очаровательной манере.

– А это кто такой?

– Конюх, тот, кто заботится о лошадях.

Я в изумлении уставился на него:

– А где ты видел лошадей до кровавого побоища при Абнубе?

– Когда я был еще младенцем, моих родителей убили, а меня захватило в плен племя варваров, которое кочевало по равнинам Востока в одном годе пути от реки Евфрат. Мои хозяева были всадниками, и еще ребенком я проводил весь день с этими животными. Кобылье молоко стало моей пищей, а ночью я спал под животами лошадей, так как рабов в шатры племени не пускали. Я сбежал из рабства верхом на любимом жеребце. Он унес меня далеко от моих бывших хозяев, но умер задолго до того, как мы достигли Евфрата.

Так Гуи оказался со мной, когда ладья высадила на берег меня и отряд моих помощников. Их набралось всего шестнадцать человек. Люди с большой неохотой пошли за лошадьми, и все они оказались отбросами войска. Тан позаботился о том, чтобы никто из лучших воинов не отправился со мной. Он не мог отменить приказ правительницы Египта, но сделал все возможное, чтобы затруднить его выполнение.

По предложению Гуи я снабдил своих людей легкими веревками и сумками с молотым зерном. Все они, за исключением Гуи и меня, были напуганы до смерти одной только мыслью о том, что им придется подойти к лошади. Когда я проснулся следующим утром, никого из этих храбрецов с нами не было и никто из них больше не попадался мне на глаза.

– Нам придется вернуться, – отчаивался я. – Одни мы ничего не сделаем. Вельможа Тан будет доволен. Он знал, что нас ожидает.

– Ты не один, – весело напомнил мне Гуи, – я с тобой.

С этих пор я стал теплее относиться к молодому хвастуну. Мы разделили между собой веревки и сумки с молотым зерном и пошли вперед.

К тому времени следам лошадей было уже целых три дня, но они держались табуном и проложили тропу, по которой следовать за ними не представляло труда. Гуи заверил меня, что стадный инстинкт у лошадей очень силен, а у берега они найдут сочные пастбища и далеко не уйдут. Он был уверен, что они не отправятся в пустыню, чего я так боялся.

– Зачем им туда идти? Там нет ни воды, ни пищи.

В конце концов Гуи оказался прав.

С приближением гиксосов крестьяне бросали свои дома и поля и отправлялись искать убежища за городскими стенами. На заброшенных зеленых полях росла пшеница. Мы обнаружили стадо лошадей еще до рассвета второго дня. Они рассеялись по широкому полю и мирно паслись. Даже после смерти жеребца у меня на руках вид этих таинственных существ тревожил меня.

– Поймать несколько лошадей будет, наверное, трудно и опасно, – сообщил я Гуи, как бы спрашивая у него совета или подтверждения моим мыслям. Тогда мне и в голову не пришло, что можно поймать все триста лошадей. Я бы удовлетворился и двадцатью, а пятьдесят привели бы меня в восторг.

Я представил себе, что нам придется гоняться за каждой из них в отдельности и связывать их веревками, которые мы прихватили с собой.

– А говорят, ты очень умный раб, – с усмешкой заявил Гуи, так и раздуваясь от чувства собственного превосходства в этой области. – И явно зря говорят.

Он показал мне, как связать из веревки уздечку. Мы сделали целую дюжину, прежде чем он удовлетворился. Затем, вооружившись уздечками и сумками с молотым зерном, вдвоем пошли к пасущемуся стаду. По совету Гуи не стали приближаться к лошадям по прямой, а пошли по косой линии, как будто собирались пройти по краю пасущегося стада.

– Потише, – предупредил меня Гуи, когда лошади вскинули головы и стали смотреть на нас своими удивительными, по-детски искренними глазами, к которым я скоро привык. – Сядем.

Мы опустились на корточки в пшенице и замерли. Сидели неподвижно, пока лошади не успокоились и не стали снова пастись. Потом мы снова пошли вперед, пока они опять не забеспокоились.

– Садись, – приказал Гуи и, когда мы присели на корточки, продолжил: – Им нравятся добрые нежные голоса. Когда я был ребенком, я часто пел моим лошадям, чтобы успокоить их. Вот, послушай! – Он запел на каком-то незнакомом языке, и я предположил, что это был варварский язык племени, захватившего его в детстве.

Музыки в голосе Гуи было не больше, чем в карканье ворон, ссорящихся над трупом дохлого пса. Ближние лошади с любопытством уставились на нас. Я положил руку на пальцы Гуи, чтобы утихомирить его. Мне показалось, что стаду песня понравилась не больше, чем мне.

– Дай-ка я попробую, – прошептал я и запел колыбельную, которую сочинил для маленького царевича:

Спи, мой Мем, мой царь рассвета,
Спи, малыш, и с песней этой
Сказки пусть тебе приснятся;
Отдыхай, чтоб сил набраться,
Чтобы меч рука держала
И стрелу легко пускала.

Кобыла, стоявшая ближе всех, сделала ко мне несколько шагов, потом остановилась и издала знакомый прерывистый звук. Она с любопытством смотрела на меня, а я продолжал нежно

и соблазнительно петь. За ней шел по пятам жеребенок, прелестное рыжее создание с милой головкой и острыми ушками.

Мне всегда было свойственно особое чутье и понимание птиц и животных. Уже тогда я начал различать признаки породы у лошадей. Я быстро учился и инстинктивно постигал, как лучше обращаться с ними. Мне уже не нужно было во всем полагаться на Гуи.

Все с той же нежной песней я набрал горсть молотого зерна и протянул кобыле. Я сразу увидел, что ее кормили с рук, поэтому она поняла меня. Шумно фыркнула и сделала еще несколько шагов в мою сторону. Я до сих пор помню, что у меня сердце чуть не остановилось от восторга, когда лошадь сделала последний шаг, опустила свою морду к моей руке и попробовала муку. Поела и испачкала нос и усы, а я смеялся от радости и восторга. Она не пыталась отойти от меня, когда я обнял ее за шею и прижался щекой к морде, вдохнув странный, теплый запах кожи.

– Уздечку, – тихо напомнил мне Гуи, и я легко набросил уздечку на ее голову, как он мне показывал. – Она – твоя.

– А я – ее, – не подумав, ответил я и был прав. Мы взяли в плен друг друга.

Все стадо смотрело на нас. Как только уздечка оказалась на кобыле, лошади успокоились и доверчиво позволили Гуи и мне свободно ходить среди них. Они подходили, ели с рук и разрешали гладить себя по шее, трепать по плечу и осматривать копыта.

Тогда мне это показалось чудом, но, немного поразмыслив, я осознал, что для них это было вполне естественно. С самого рождения лошади привыкли к тому, что за ними ухаживают, их ласкают и запрягают в колесницы. Они постоянно жили рядом с человеком. Настоящее чудо произошло позже, когда я понял, что лошади знают любовь и могут отвечать на нее с не меньшей страстью. Гуи выбрал себе кобылу и надел на нее уздечку, одновременно показывая мне свою ловкость и опытность в вопросах коневодства. Я был в таком восторженном настроении, что даже его хвастовство не раздражало меня.

– Ну ладно, – сказал он наконец. – Теперь покатаемся верхом.

И к моему изумлению, оперся обеими руками о спину кобылы и, перекинув через ее хребет ногу, уселся на нее верхом. Я уставился на него, не веря своим глазам, и ждал, что лошадь вот-вот встанет на дыбы и сбросит Гуи на землю или по крайней мере схватит его за голую ногу крепкими зубами и стащит с этого насеста. Однако она не сделала ничего подобного. Тихо и послушно стояла под ним.

– Но, милая! – крикнул он и ударил кобылу пятками по бокам. Та послушно пошла вперед, когда наездник стал подгонять ее, перешла на рысь, а потом и на галоп. Я не понимал, как ему удается без всяких усилий управлять ею. Лошадь со всадником сделала несколько поворотов, описала изящную кривую по полю и вернулась ко мне. – Ну что, Таита, не хочешь попробовать галопом?

Он не ожидал от меня такой прыти, но именно это помогло мне преодолеть страх. Я не мог себе позволить, чтобы какой-то мерзкий хвастунишка насмехался надо мной.

Моя первая попытка забраться на лошадь окончилась неудачей, но кобыла стойко стояла на месте, а Гуи смеялся:

– Ей еще многому придется тебя научить! Придется назвать ее Терпение.

Я не понимал, что в этом смешного, но имя пристало к лошади, и с этого момента кобылу стали звать Терпение.

– Подтянись повыше, прежде чем поднимать ногу, и будь осторожен, не прищеми яйца, – посоветовал мне Гуи и вдруг загоготал: – Извини, я забыл, что тебе это ни к чему. Но думаю, ты был бы не прочь их иметь.

Все мои теплые чувства к нему мгновенно улетучились. Я взобрался на спину кобылы и, обхватив ее шею, с испугом прижался к ней. Упади я – наверняка сломаю ногу или разобью голову!

– Сядь прямо, – начал учить меня Гуи, и Терпение помогала мне своим добрым и всепрощающим нравом.

Я с удивлением заметил, что думаю об этих существах как о людях, а в последующие дни, по пути в Фивы, обнаружил, что они действительно бывают глупыми или умными, подозрительными или доверчивыми, скучными или шаловливыми, дружелюбными или злобными, храбрыми или трусливыми, нервными или флегматичными, терпеливыми или не очень. Их поведение можно было предсказать, но иногда они вели себя совершенно непредсказуемо: короче, по своему нраву они были настолько близки человеку, как только может быть близко существо о четырех ногах. Чем больше я узнавал о них, тем больше хотел узнать. Чем больше я работал с ними, тем больше любил их.

Я ехал верхом на Терпении, а ее жеребенок бежал следом. Табун послушно шел за нами – все триста шестнадцать лошадей. Гуи скакал сзади и подгонял отстающих. С каждой милей я чувствовал себя все более уверенным и опытным всадником, и связь между мной и Терпением становилась все крепче и крепче. Кобыла как будто стала продолжением моего тела. Однако продолжение это было стремительнее и сильнее моих собственных слабых конечностей. Я чувствовал себя настолько естественно на ее крепкой спине, что позже никак не мог избавиться от изумления, когда видел, как мало людей готово последовать моему примеру.

Наверное, ужас проник в души египтян во время побоища на равнине Абнуба. А кроме того, отношение к лошадям Тана, вельможи Харраба, не могло не передаться его войскам. Как бы то ни было, я не мог найти египтянина, который согласился бы сесть верхом на лошадь, если не считать Гуи и спустя много лет царевича Мемнона. Египтяне, разумеется, под моим руководством научились ухаживать за лошадьми и разводить их. Они стали ловкими и смелыми колесничими, но я ни разу не видел среди них человека верхом на лошади, если не считать меня, Гуи и царевича. Даже когда колесницы моего изобретения с легкими колесами на спицах стали сметать все на своем пути и Египет овладел этим творением рук человека, Тан так и не последовал моему примеру и я ни разу не слышал от него доброго слова по отношению к этим храбрым и трудолюбивым животным, которые мчали его в бой.

Даже спустя много лет, когда лошади стали обычными в нашем царстве, почему-то считалось неприличным и даже скверным садиться на них верхом. Когда наша троица скакала по дороге, простой люд часто трижды сплевывал на землю через плечо и делал знак, защищающий от сглаза, за нашей спиной.

Однако все это ждало нас в будущем, пока же я вел свой табун по западному берегу реки к Фивам, куда мы и прибыли, к радости моей госпожи и к недовольству командующего египетскими войсками.

– Держи своих проклятых зверей подальше от моих глаз, – заявил мне Тан. Он все еще не простил того, что я обратился к своей госпоже через его голову.

По справедливости говоря, у него были причины злиться. Существованию государства и всего народа угрожала опасность. В истории нашей страны еще не было такого случая, когда нашей цивилизации грозила бы гибель от рук варваров.

Асют уже пал, как и весь восточный берег реки до Дендеры. Царя Салита не испугало поражение на реке, нанесенное ему Таном. Его колесницы пронеслись по Египту и окружили Фивы, расположившись под стенами.

Город мог бы выдержать десятилетнюю осаду, если бы среди врагов не было вельможи Интефа. Еще будучи великим визирем Верхнего царства, он тайно приказал соорудить подземный ход под городскими стенами. Даже я, человек, который знал почти все тайны, не подозревал о нем. Вельможа Интеф убил строителей подземного хода и теперь один знал о его существовании. Я не имею ни малейшего представления, зачем ему вообще понадобилось строить

подземный ход. Наверное, коварный ум получал наслаждение от выполнения подобных хитроумных замыслов. Весь его дворец был насквозь пронизан тайными дверьми и проходами, как логово лисы или кроличья нора.

Когда вельможа Интеф рассказал царю Салиту о подземном ходе, тот послал в город небольшой отряд своих лучших воинов. Те проникли за крепостные стены, напали на ничего не подозревающих стражников у ворот, перебили их и распахнули главные ворота города перед гиксосами. Их войско хлынуло в Фивы, и уже через несколько часов город был захвачен, а половина его жителей погибла.

С западного берега, откуда Тан командовал теперь нашими войсками, из недостроенного дворца Мемнона мы видели обгоревшие и обуглившиеся трупы на противоположной стороне реки, когда гиксосы сожгли город. Каждый день мы следили за облаками пыли над их колесницами, проносящимися по берегу Нила, и видели блеск наконечников копий, которые они носили на плече, готовясь к неотвратимо приближающемуся сражению.

Хотя флот наш и был ослаблен, Тану пока удавалось удерживать врага на противоположном берегу реки, и за время моего отсутствия он успел отбить одну попытку гиксосов переправиться через Нил. Однако его войска были слишком растянуты, так как приходилось охранять обширные пространства, а гиксосы могли по своему усмотрению выбирать место переправы. Наши шпионы на восточном берегу сообщали, что гиксосы забрали все суда, какие смогли найти, от торговых барок до маленьких лодок. Они взяли в плен множество строителей ладей и теперь заставили их работать на верфях в Фивах. Мы, разумеется, понимали, что вельможа Интеф может дать им необходимые советы по всем вопросам, а он не меньше варвара Салита жаждал захватить сокровища фараона.

Команды боевых ладей оставались при оружии и днем, и ночью. Тану редко удавалось поспать. Ни я, ни моя госпожа почти не встречались с ним, а когда видели его, замечали, как он осунулся и насколько стал вспыльчивым.

Каждую ночь на западный берег прибывали сотни беженцев. Люди всех возрастов обоего пола пересекали Нил на первых попавшихся посудинах. Плыли на маленьких лодках и странных подобиях плотов. Люди посильнее переплывали реку сами. Все отчаянно искали спасения от гиксосов. Они рассказывали нам ужасные истории о насилии и грабежах и, разумеется, снабжали свежими и подробными сведениями о передвижениях войска варваров.

Конечно же, мы радовались им, так как они были нашими соотечественниками и родственниками, но их количество тяжким бременем ложилось на нас. Главные хранилища остались в Фивах, самые крупные стада скота и овец попали в руки врага. Царица Лостра возложила на меня ответственность за сбор всех пищевых запасов и скота, оставшихся на западном берегу. Я составил списки и расписал пайки для населения по мясу и зерну. К счастью, финиковые пальмы щедро плодоносили, запасы рыбы в реке были неистощимы. Гиксосы не смогли бы уморить нас голодом.

Моя госпожа назначила меня также главным царским конюшим. За этот пост яростного соперничества не было, поскольку он не предполагал каких-либо привилегий и жалованья. Я сделал Гуи своим помощником, а тот сумел подкупом, угрозами и шантажом набрать сотню конюхов и будущих возничих, которые должны были помогать ему ухаживать за нашим табуном. Позже мы обучим их, и они станут нашими первыми колесничими.

Я без труда находил время каждый день посещать конюшни, устроенные на скорую руку в Городе Мертвых. Кобыла Терпение всегда выбегала ко мне навстречу, и я давал ей лепешку. Мне частенько удавалось увести царевича Мемнона от матери и нянек и захватить с собой к лошадям. Я приносил его на плечах, и он верещал от восторга, как только видел лошадей.

Я сажал царевича на колени и скакал с ним на Терпении вдоль реки, а он цокал языком и подпрыгивал на попке, подражая мне, когда я подгонял лошадь, заставляя идти галопом. Я

следил за тем, чтобы не попадаться на глаза Тану во время этих прогулок. Он еще не простил меня, и, если бы увидел своего сына на спине проклятой лошади, моей жизни наверняка угрожала бы серьезная опасность.

Кроме того, я проводил много времени в оружейной мастерской погребального храма фараона, где с помощью лучших мастеров построил свою первую колесницу. Именно здесь, придумывая новые экипажи, я изобрел способ борьбы с колесницами гиксосов, который стал нашей главной защитой от их смертоносных атак. Это были простые деревянные колья, заостренные с обоих концов. Острия кольев закалялись на огне. Любой пехотинец без труда нес до десятка таких кольев. При приближении отряда колесниц колья втыкали в землю под углом так, чтобы их острия находились на уровне груди лошади. Наши воины располагались позади барьера острых кольев и стреляли из-за него по колесницам из луков.

Когда я показал колья Тану, он в первый раз после нашего спора о лошадях крепко обнял меня и сказал:

– Ну, слава богу, ты не стал злиться на меня всю жизнь, как какой-нибудь старик.

Я понял, что отчасти он уже простил меня. Однако я чуть было не потерял его доброе расположение из-за происшествия с колесницей Таиты.

Мои работники закончили наконец первую колесницу. Передок и борта мы сплели из расщепленного бамбука, как корзину. Колесную ось сделали из древесины акации. Колеса надевались на кованые шипы из бронзы, смазанные бараньим жиром, а на колесах со спицами были бронзовые ободы. Колесница получилась настолько легкой, что двое колесничих могли поднять и перенести ее через неровности почвы там, где лошади не могли протащить. Даже я понял, что мы создали шедевр, и работники назвали ее «колесницей Таиты». Я не стал возражать.

Мы с Гуи запрягли двух наших лучших лошадей – Терпение и Клинка – и отправились в первую поездку. Нам потребовалось время, чтобы научиться управлять упряжкой, но мы учились быстро, а лошади уже умели ходить в паре и многое подсказывали нам. В конце концов мы научились мчаться по ровной земле и круто разворачивать колесницу на полном галопе.

Когда мы прискакали обратно в конюшни, раскрасневшиеся от долгой езды и переполненные восторгом победы, оба были убеждены, что наша колесница гораздо быстрее и удобнее в управлении, чем экипажи гиксосов. Мы испытывали и доделывали мое творение еще десять дней, иногда даже работая при свете светильников до последней ночной стражи, пока я наконец не почувствовал себя удовлетворенным и не решился показать его Тану.

Тан крайне неохотно пришел в конюшню и долго не хотел влезать в колесницу вместе со мной.

– Я не верю ни в эту твою штуковину, ни в этих проклятых тварей, которые ее таскают, – ворчал он. Но я в конце концов убедил его, он настороженно ступил на пол колесницы, и мы поехали.

Сначала я гнал лошадей рысью, а потом, когда почувствовал, что Тан расслабился и, вопреки своему предубеждению, стал даже наслаждаться скоростью, начал подгонять лошадей, и они пошли легким галопом.

– Смотри, как быстро. Ты сможешь налететь на врага раньше, чем он заметит тебя! – с восторгом заорал я.

Тан рассмеялся в первый раз за все это время. Это подбодрило меня.

– На ладьях ты правишь на реке. На колесницах ты будешь править на суше. Если у тебя будут и ладьи, и колесницы, ты будешь править всем миром. – Я не стал унижать дорогие его сердцу ладьи и не делал невыгодных сравнений.

– И это все, на что ты способен? – закричал он, стараясь перекрыть ветер и грохот копыт. – При хорошем попутном ветре «Дыхание Гора» идет быстрее! – Тан врал и просто бросал мне вызов.

– Держись крепче за борта и дыши поглубже, – предупредил я его. – Сейчас ты узнаешь, как летают орлы. – И я отпустил поводья Терпения и Клинка.

Никто еще не мчался с такой скоростью. Ветер обжигал глаза, слезы срывались с них и летели назад.

– О, сладкое дыхание Исиды! – восторженно закричал Тан. – Да это... – Я так и не узнал, что это было. Тан не закончил свою мысль, потому что в тот самый момент правое колесо налетело на камень и разлетелось на мелкие кусочки.

Колесница перевернулась и кувырком полетела вперед, а нас с Таном выбросило высоко в воздух. Я ударился о землю с такой силой, что, наверное, долго не смог бы прийти в себя, если бы меня не тревожила реакция Тана на этот маленький несчастный случай. Ведь он мог погубить все мои планы и мечты!

Не чувствуя боли, я вскочил на ноги и увидел, как Тан, окровавленный, поднимается в двадцати шагах от меня. Его покрывал толстый слой пыли, на половине лица кожа была содрана. Пытаясь сохранить чувство собственного достоинства, он выпрямился и, шатаясь, подошел к разбитой колеснице.

Долго смотрел на обломки моего творения, а потом вдруг зарычал, как раненый бык, и пнул колесницу с такой силой, что она перевернулась, как детская игрушка. Не глядя в мою сторону, он повернулся на пятках и, хромая, пошел прочь. Я не видел его целую неделю, а когда мы снова встретились, никто из нас не упоминал о колеснице.

Я думаю, этим бы дело и кончилось и мы бы так и не снарядили наш первый отряд конницы, если бы упрямство моей госпожи не превосходило даже упрямство ее возлюбленного. Она отдала мне первоначальный приказ и теперь не желала отменять его. Когда Тан попытался склонить ее к этому, он только сделал мое положение более прочным. Мы с Гуи восстановили колесницу через три дня и сделали еще одну такую же.

К тому времени, когда бальзамировщики погребальной молельни завершили ритуальные семьдесят дней мумификации, у нас уже был готов первый отряд из пятидесяти колесниц и мы обучали своих колесничих управлять лошадьми.

После возвращения во дворец Мемнона с кровавых равнин у Абнуба госпожа моя занялась государственными делами, которые легли на ее плечи вместе со званием правительницы Египта. Много часов проводила она со своими министрами и советниками.

И вот теперь первоначальное образование, полученное от меня во дворце на Элефантине, начало приносить плоды. Я научил ее безошибочно находить путь в лабиринте власти и влияний. Ей исполнился только двадцать один год, но она стала истинной царицей и правила, как подобает царице.

Нередко ей приходилось сталкиваться с трудностями, которые беспокоили ее или сбивали с толку. Тогда царица посылала за мной, и я бросал работу в оружейной, конюшне или в комнатах писцов, где она поселила меня, в противоположном крыле дворца и спешил в зал аудиенций.

Временами я проводил несколько дней подряд у трона, помогая ей принимать сложные решения. И снова моя способность читать по губам, не слыша голоса человека, послужила мне. Какой-нибудь вельможа, стоя в задних рядах присутствующих, не понимал, что я подробно передаю его слова царице и она знает все коварные замыслы, которые он обсуждает со своим соседом. Лостра скоро прославилась мудростью и проницательностью. Никому из нас не приходилось отдыхать в те трудные и тревожные дни.

Хотя дни наши были полны забот, ночью мы также не находили покоя, поскольку военные и государственные советы продолжались далеко за полночь. Едва успевали справиться с одной бедой, как другая напасть грозила нам. С каждым днем гиксосы становились все сильнее и Тану было труднее удерживать реку.

Мало-помалу нами овладевали отчаяние и чувство обреченности. Мужчины редко улыбались и почти не смеялись. Даже играющие дети вели себя тихо. Стоило посмотреть на противоположный берег реки, и мы видели, как враг собирается с силами и становится опаснее с каждым днем.

Через семьдесят дней завершился обряд мумификации фараона. Мои усилия по сохранению тела царя оказались очень успешными, и глава гильдии бальзамировщиков похвалил меня в присутствии моей госпожи. Он не обнаружил ни малейшего признака разложения, когда вынул тело из кувшина, и даже царская печень, орган, быстрее всех подверженный гниению, хорошо сохранилась.

Тело царя положили на плиту диорита в погребальной молельне, и глава гильдии бальзамировщиков, вставив в ноздрю заостренную ложку, вычистил содержимое черепа, которое под воздействием рассола стало твердым, как сыр. Затем, пока фараон находился в позе зародыша, его положили в ванну с селитрой, только голову оставив над поверхностью раствора. Когда же вынули из ванны через тридцать дней, все слои жира растворились, а верхние слои кожи отстали от мяса по всему телу, кроме головы.

После этого его снова положили на изрытую желобками каменную плиту и распрямили тело. Затем протерли и высушили, пустую брюшную полость заполнили полотняными тампонами, смоченными в смоле и воске, а потом зашили. Тем временем внутренние органы были обезвожены и помещены в молочного цвета алебастровые канопы, где их и запечатали.

Остальные сорок дней тело царя сохло в зале. Двери в молельне были расположены таким образом, чтобы в помещении гулял сквозняк и теплый сухой ветер постоянно дул над каменной плитой. По окончании ритуального периода в семьдесят дней тело фараона стало сухим, как полено.

Ногти, удаленные с пальцев перед тем, как его посадили в ванну с селитрой, снова закрепили на своих местах тонкими золотыми проволочками. Затем первый слой чистейших белых полотняных бинтов наложили на тело, оставив непокрытыми лишь голову и шею. Бинты укладывали тонким, изящным, перекрещивающимся узором. Под бинтами заворачивали амулеты из золота и драгоценных камней. Затем повязку пропитали лаком и смолой, и она застыла, как камень.

Теперь наступило время церемонии открытия рта, которую по традиции должен совершать ближайший родственник покойного фараона. Мемнон был еще слишком мал для этого, поэтому правительница выполнила обряд вместо царевича.

Моя госпожа и я вошли в молельню в предрассветном сумраке, и на наших глазах полотняная простыня, покрывавшая царя, была снята. Голова фараона сохранилась чудесным образом. Глаза были закрыты, а лицо – спокойно. Бальзамировщики нарумянили и побелили его, и в смерти фараон выглядел лучше, чем в жизни.

Пока верховный жрец Амона-Ра и глава гильдии бальзамировщиков готовили инструменты для церемонии, все присутствующие пели заклинания против второй смерти.

Зеркало он, а не отражение.
Музыка он, а не лира.
Камень он, а не резец,
Что вырубает статую.
Да будет он жить вечно!
Да не умрет он второй раз!

Затем верховный жрец вручил госпоже золотую ложечку и подвел ее за руку к погребальному камню, на котором лежала мумия царя.

Лостра наклонилась над телом фараона и положила ложку на разрисованные губы.

Я открываю губы твои, чтобы ты заговорил снова.
Я открываю ноздри твои, чтобы ты задышал.

Она пропела эти слова, а затем коснулась ложкой век.

Я открываю глаза твои, чтобы узрели они
Славу этого мира и мира богов
По ту сторону смерти, где ты
Жить будешь отныне.

Она коснулась ложкой его завязанной груди.

Я подгоняю сердце твое, чтоб вечно билось оно.
Ты не умрешь во второй раз.
Ты будешь жить вечно!

Мы подождали, пока бальзамировщики завязывали фараону голову бинтами и смачивали их смолой. Затем они придали повязке, смоченной смолой, форму лица царя. Наконец возложили на слепое, обернутое бинтами лицо первую из четырех погребальных масок.

Это была та самая погребальная маска, которую на наших глазах изготовили из чистого золота. Пока фараон был жив, он позировал для скульптора, и маска получилась поразительно живой. Глаза, выполненные из горного хрусталя и обсидиана, казалось, смотрели живым человеческим взглядом, как частенько смотрело лицо, скрытое теперь под маской. Царственно и таинственно поднималась над его благородным лбом голова кобры.

Затем завернутую в бинты мумию поместили во внутренний золотой гроб, который был запечатан и вложен во второй золотой гроб, на крышке которого была выбита еще одна посмертная маска. Половина сокровищ из запасов вельможи Интефа пошла на изготовление этих тяжелейших саркофагов из драгоценного металла и камней.

Всего же гробов было семь, включая тяжелый каменный саркофаг, установленный на золоченой волокуше, которая уже ожидала тело фараона, чтобы отвезти его по насыпи к усыпальнице в высоких холмах. Однако моя госпожа отказалась дать приказ хоронить мужа.

– Я дала священный обет. Я не могу поместить тело мужа в гробницу, которая скоро может быть разграблена варварами. Фараон будет лежать здесь до тех пор, пока я не смогу выполнить свое обещание. Я найду для него безопасную гробницу, где он будет покоиться вечно. Я дала свое слово, что никто не нарушит его покоя.

Мудрость решения царицы Лостры отложить похороны стала очевидна через три ночи. Гиксосы сделали решительную попытку переправиться на неохраняемом участке реки в двух милях к северу от Эсны. Табун лошадей переправился вплавь, а за ним на маленьких лодках, которые по суше тайно перевезли из Фив, поплыли воины.

Им удалось закрепиться на западном берегу, прежде чем ладьи Тана подоспели на место переправы. Однако он подошел раньше, чем гиксосы выгрузили колесницы и запрягли в них лошадей. Тан разрушил лодки с колесницами на борту, и почти три тысячи гиксосов оказались в окружении на берегу реки. Их лошади разбежались, когда войска Тана пошли в атаку.

Без колесниц гиксосам пришлось сражаться с нашими воинами на равных, но бежать было некуда, поэтому дрались они с мрачной решимостью. В количественном отношении силы сто-

рон были почти одинаковы, так как Тан смог подтянуть только один полный отряд. Остальное его войско было растянуто вдоль всего западного берега Нила. Кровопролитное сражение началось в ночном мраке, освещенном лишь пламенем горящих лодок на берегу реки.

По какому-то невероятному совпадению, а может, и по воле богов мы с Гуи привели наших новичков колесничих на учения в те края. По правде говоря, мы намеренно отправились за двадцать миль от Фив, чтобы оказаться подальше от Тана и избежать его вмешательства в наши дела.

Мы встали лагерем в небольшой рощице священных тамарисков у храма Гора в Эсне. Я был утомлен днем скачек и отработки построений на колесницах. Когда мы вернулись в лагерь, Гуи где-то раздобыл кувшин весьма приличного вина, и я несколько увлекся снятием пробы. Я спал как убитый, когда Гуи, шатаясь, пришел в мою палатку и начал трясти меня.

– Вниз по течению на берегу что-то горит, – сказал он, – а когда ветер дует с той стороны, слышен боевой клич. Некоторое время назад мне показалось, что я слышу боевой гимн синих. По-моему, там идет бой.

Я так же плохо держался на ногах, как и он, но пьяная бравада ударила мне в голову, и я завопил, чтобы он поднимал колесничих и они запрягали лошадей. Мы были совсем новичками, и, пока ловили лошадей и запрягали их, уже почти рассвело. С реки плыл холодный туман, от утренней прохлады по коже бегали мурашки, когда мы наконец вышли на северную дорогу колонной по двое. Я управлял передовой колесницей, а Гуи командовал арьергардом. После вчерашних учений из пятидесяти колесниц осталось только тридцать, потому что мне так и не удалось усовершенствовать колесо со спицами. Они проявляли опасную склонность разлетаться на куски на большой скорости, поэтому почти половина моего отряда вышла из строя.

Порыв холодного ветра ударил в мою обнаженную грудь. Меня передернуло, и пьяная храбрость несколько поутихла. Я уже понадеялся, что Гуи ошибся, когда внезапно прямо перед собой услышал яростные вопли битвы, звон бронзы по бронзе, который трудно с чем-нибудь спутать. Если вы хоть раз слышали шум сражения, вряд ли сможете забыть его. Грубая крестьянская дорога, по которой мы двигались вдоль берега, повернула налево. Мы тоже свернули и скоро выехали на широкое поле.

Солнце едва поднялось над горизонтом, и в его лучах поверхность реки сверкала, как лист кованой меди, так что на нее больно было смотреть. Лодки Тана стояли у самого берега, чтобы лучникам легче было достать гиксосов и отрезать им путь к реке.

Окруженный отряд дрался в центре поля, стоя по колено в зеленой пшенице. Гиксосы встали кругом плечом к плечу, сомкнули щиты и выставили вперед копья. Когда мы выехали на поле, они только что отбили атаку отряда Тана. Египтяне отступали, чтобы перегруппироваться, оставляя убитых и раненых.

Я не воин, хотя и написал несколько свитков по ведению войны. С глубочайшей неохотой я принял звание командующего царской конницей, возложенное на меня госпожой. Мне хотелось только усовершенствовать колесницу, обучить первый отряд, а потом передать все это Гуи или кому-нибудь еще, кто больше подходит для таких воинственных занятий.

Мне было холодно, и хмель у меня еще не совсем выветрился, как вдруг я услышал, как мой собственный голос выкрикивает приказ построиться клином. За день до этого на учениях мы отрабатывали такое построение, и колесницы, следовавшие за мной, довольно умело развернулись по обе стороны от меня. С какой-то особой остротой я слышал гулкие удары копыт по мягкой земле, поскрипывание упряжи, визг колес на окованных бронзой осях, легкий стук дротиков, которые колесничие вытаскивали из колчанов. Я посмотрел налево и направо, осматривая свой маленький отряд, клином выстроившийся по обе стороны от моей колесницы. Строй я позаимствовал у гиксосов. Затем набрал в грудь воздуха.

– Отряд, вперед! – завопил я и с перепугу взял слишком высокую ноту. – Галопом!

Стоило мне отпустить левую руку, в которой я держал вожжи, как Терпение и Клинок рванулись вперед. Меня чуть не выбросило назад с колесницы, но я вовремя схватился за передок свободной рукой, и мы понеслись прямо на круг гиксосов.

Колесница подо мной прыгала из стороны в сторону по комьям вспаханного поля. Я посмотрел вперед и за прыгающим задом лошади увидел щиты гиксосов, которые непроницаемой стеной блестели в утренних лучах солнца, приближаясь с каждым прыжком лошадей.

По обеим сторонам от меня колесничие выли и орали, чтобы скрыть собственный ужас, и я выл вместе с ними, как бездомная собака на луну. Лошади фыркали и ржали, и вдруг Терпение подняла длинный хвост и начала пукать в такт своему шагу. Мне это показалось невероятно смешным. Вопли мои сменились раскатами смеха. Шлем, который я одолжил у Гуи, был, мягко выражаясь, великоват. Он соскочил с моей головы, и волосы мои стали развеваться на ветру за моей спиной.

Терпение и Клинок были самой стремительной упряжкой нашего отряда, и моя колесница начала отрываться от строя. Я попытался замедлить ход, натянув вожжи, но Терпение не желала слушаться. Ее охватил восторг, атака развеселила ее, как и остальных лошадей, и она бежала вперед что есть мочи, вытянув шею.

Мы понеслись через ряды отступающей египетской пехоты, возвращающейся после атаки на гиксосов, и они стали разбегаться с нашего пути, изумленно глядя на нас.

– Эй! Давай за мной! – орал я. – Мы покажем вам дорогу!

Воины поворачивали и бежали следом за нами на врага. Я услышал, как за моей спиной трубачи протрубили атаку, и рев рогов, казалось, только подгонял наших лошадей. Справа я увидел боевой вымпел Тана и узнал его самого по высокому шлему с перьями.

– Ну, что ты теперь думаешь о проклятых тварях? – крикнул я, проносясь мимо. Терпение опять запукала, и я нервно загоготал.

Колесница слева почти поравнялась со мной, а потом ее правое колесо не выдержало и разлетелось на куски. Она полетела кувырком, выбросив колесничего и повалив ревущих лошадей. Остальные колесницы безудержно неслись на врага.

Первый ряд гиксосов был уже настолько близко, что я видел их глаза над краем щитов. Стрелы свистели вокруг моей головы. Я ясно видел изображения чудовищ и демонов, выбитые на высоких металлических шлемах, и бусинки пота на бородах, заплетенных в косы с красными ленточками. Я услышал мелодичный боевой клич, а потом наши колесницы обрушились на них.

Мои лошади одновременно грудью ударили по барьеру щитов, и он разлетелся в стороны. Я видел, как человека подбросило на высоту его роста, и кости затрещали, как прутья в огне. Копейщик за моей спиной искусно сеял смерть. Я выбрал его, потому что он был лучшим среди моих добровольцев, и теперь он оправдал мое доверие. Крепко стоя на ногах, он метал дротики во врагов.

Одна за другой колесницы ворвались в брешь, пробитую в рядах, и почти без задержки пронеслись сквозь строй гиксосов, вырвавшись с противоположной стороны, а затем развернулись по трое и снова ринулись в бой.

Тан воспользовался представившейся возможностью и бросил пехоту в образовавшуюся брешь. Строй гиксосов развалился на небольшие группки сражающихся воинов. Группки эти, в свою очередь, разваливались на части, гиксосов охватила паника, и они побежали к реке. И как только оказались на расстоянии полета стрелы, лучники выпустили с палуб ладей тучу стрел.

Впереди я увидел довольно большую группу гиксосов, которые стояли кругом плечом к плечу и не подпускали к своим рядам наших воинов. Я развернул колесницу и понесся на них полным галопом. Не успел я домчаться до них, как правое колесо у меня разлетелось и легкий корпус колесницы перевернулся в воздухе. Я полетел вверх и вперед, а затем с ужасающей

силой рухнул на землю. Я падал головой вперед, и от удара в глазах у меня загорелись звезды и полетели метеоры. Потом наступила полная темнота.

Очнулся я под навесом на палубе флагманской ладьи Тана. Увидел, что лежу на овчине, а Тан наклонился надо мной. Как только он понял, что я пришел в сознание, попытался скрыть свое беспокойство.

– Эх ты, сумасшедший, – натянуто улыбнулся он. – Скажи мне, ради Гора, над чем это ты так смеялся?

Я попытался сесть, но адская боль вдруг сковала мою голову, и я застонал. Потом схватил его за руку, когда вспомнил, что произошло.

– Тан, вражеские лошади... те, что переправились прошлой ночью... они мне нужны.

– Не мучай свою битую голову. Я уже послал Гуи собрать их, – заверил он меня. – Если я хочу снарядить пятьсот твоих штуковин для своего нового отряда, мне понадобится тысяча проклятых тварей. Эти твои новые колеса стоят целого отряда гиксосов. Но я не сяду с тобой в колесницу, пока ты не исправишь их.

Смысл сказанного не сразу проник в мою ушибленную голову, а потом я понял, в чем дело. Тан переступил через оскорбленную гордость и сдался. Мой сиротливый отряд колесниц станет наконец частью действующего войска. Он даст мне людей и золота на постройку пятисот колесниц. Он даже прокатится со мной, если я сделаю надежные колеса.

Но больше всего меня обрадовало то, что Тан простил меня и мы снова стали друзьями.

Успех моих колесниц в Эсне и чувство уверенности, которое он породил, продержались недолго. В глубине души я с ужасом ожидал следующего хода врага. Логически это было единственным разумным шагом, и Салит с вельможей Интефом должны были сделать его гораздо раньше.

Мы знали: когда Салит пронесся по Нижнему царству, то захватил большую часть флота красного самозванца, и теперь брошенные корабли стояли у пристаней Мемфиса и Таниса в дельте. Там наверняка остались целые толпы изменников, служивших во флоте узурпатора, а если бы Салиту не удалось нанять их, он нашел бы наемников среди сирийских моряков в Газе и Яффе или в каком-нибудь другом порту на восточном побережье великого моря и снарядил сотни боевых ладей и транспортных барок.

Я понимал, что это должно случиться, но предпочитал не беспокоить Тана и мою госпожу возможностью такого развития событий, так как не хотел усиливать чувство обреченности и страха в нашем народе. В глубине души я искал способа противодействовать такому шагу Салита и вельможи Интефа, но ничего не мог придумать. Если нечем смягчить страхи, лучше держать их при себе.

Когда же наконец это произошло и наши шпионы на противоположном берегу реки у Асюта сообщили о приближении флота со стороны дельты, Тан поспешил со всеми своими ладьями на север, чтобы дать бой. Его флот во всех отношениях был сильнее, но сражение длилось почти неделю, прежде чем Тану удалось разбить врага и отогнать в дельту.

Однако Салит привел транспортные барки под прикрытием боевых ладей. Пока на реке бушевало сражение, ему удалось погрузить на них и перевезти почти два полных отряда колесниц с лошадьми. Наши боевые ладьи не смогли помешать.

Эти отряды насчитывали почти триста боевых колесниц из лучших войск Салита, и он сам возглавил их. Ему наконец удалось обойти нас с фланга. Теперь ничто не могло остановить его продвижение, и колесницы гиксосов покатились на юг по нашей стороне реки. Наши ладьи едва могли угнаться за тучей пыли, поднимаемой колесницами, спешившими к погребальному храму Мамоса и сокровищам.

* * *

Когда весть о переправе гиксосов достигла дворца Мемнона, царица Лостра созвала военный совет. Первый вопрос она задала Тану:

– Теперь, когда варвары переправились на нашу сторону, можешь ли ты остановить их?

– Мне, пожалуй, удастся задержать их наступление, – откровенно признался Тан. – Мы многое узнали о них за это время. Мы можем укрыться от атаки колесниц за каменными стенами или за рядами заостренных кольев, которыми снабдил нас Таита. Но Салиту нет нужды давать нам сражение. Его колесницы настолько быстры, что он может обойти нас, как и произошло при Асюте. Нет, я не могу остановить его.

Царица Лостра посмотрела на меня:

– Таита, а твои колесницы? Могут ли они дать бой гиксосам?

– Ваше величество, я могу послать навстречу врагу сорок колесниц. У него же три сотни экипажей. Мои колесницы быстрее, но колесничие мои не могут сравниться с гиксосами в ловкости и умении обращаться с новым оружием. А кроме того, у нас беда с колесами. Я еще не успел исправить их. Салит без труда разобьет мой отряд. Если бы у меня было время и материал, я смог бы построить новые, лучшие колесницы с колесами, которые не разлетаются на куски от удара о камень, но я не могу заменить лошадей. Мы не можем рисковать лошадьми. Они наша единственная надежда на окончательную победу.

Пока мы совещались, прибыл другой гонец, на этот раз с юга. Он плыл по течению и при попутном ветре, поэтому сведения его относились ко вчерашнему дню. Тан приказал привести гонца на совет, и он, войдя, упал на колени перед царицей Лострой.

– Говори, – приказал ему Тан. – Что ты хочешь сообщить нам?

Гонец заикался от страха за свою жизнь.

– Ваше божественное величество, пока наш флот сражался при Асюте, варвар переправился через Нил у Эсны. Лошадей они, как и раньше, переправили вплавь. У нас не было боевых ладей, чтобы остановить их. Два отряда гиксосов на нашем берегу, их колесницы запряжены, и они приближаются сюда в клубах пыли со скоростью летящей ласточки. Они будут здесь через три дня.

Никто не произнес ни слова, пока Тан не отослал гонца, приказав своим людям позаботиться о нем и накормить его. Гонец, который ожидал смерти за такую весть, целовал царице Лостре сандалии.

Когда мы остались одни, Тан тихо сказал:

– У Салита на нашем берегу четыре отряда. Это шестьсот колесниц. Все кончено.

– Нет! – Голос моей госпожи дрожал от ярости. – Боги не могут оставить Египет. Наша цивилизация не должна погибнуть. Мы слишком многое можем дать миру.

– Я, конечно, буду сражаться, – тихо произнес Тан, – но конец будет тот же. Мы не сможем устоять перед их колесницами.

Госпожа повернулась ко мне:

– Таита, я не просила тебя раньше, потому что знала, как дорого тебе приходится платить за это, но сейчас, перед принятием окончательного решения, я должна просить тебя. Я должна просить тебя обратиться к лабиринтам Амона-Ра. Мне нужно знать желания богов.

Я покорно склонил голову и прошептал:

– Я только принесу мой сундучок.

Я выбрал для обряда ясновидения святилище Гора в незавершенном дворце Мемнона. Оно еще не было посвящено богу, и статуи Гора там еще не было, но я уверен, что Гор уже простер свои крылья над всем зданием.

Госпожа села передо мной рядом с Таном и смотрела на меня как зачарованная, пока я пил колдовское зелье, чтобы открыть глаза моей души, моего Ка, маленького птицеподобного существа, живущего в сердце каждого из нас, нашего второго «я».

Разложив перед ними лабиринты – кружки из слоновой кости, – я попросил царицу Лостру с Таном погладить и потереть их, чтобы оживить своим духом и духом народа, который они представляют, духом Египта. Пока смотрел, как они раскладывают на две стопки кружки слоновой кости, я почувствовал, как зелье начало действовать, распространяясь в моей крови, биение моего сердца замедлилось и малое подобие смерти овладело мной.

Я взял два оставшихся кружка лабиринтов и прижал их к груди. Они жгли кожу, и инстинктивно мне хотелось отстраниться от них и от надвигающейся темноты. Вместо этого я отдался этой темноте и позволил ей унести меня.

Голос моей госпожи донесся будто с огромного расстояния:

– Что случится с двойной короной? Сможем ли мы противостоять варварам?

Видения начали вставать перед моими глазами. Я перенесся в те дни, которые еще не пришли, и увидел события, которые должны будут произойти в свое время.

Лучи утреннего солнца падали на алтарь Гора через отверстие в крыше, когда я возвратился из далекого путешествия по лабиринтам. Я был истощен. Меня подташнивало от остатков зелья, которое вызвало видения. Все плыло и дрожало перед глазами, а в памяти жили странные картины, увиденные мной.

Моя госпожа и Тан оставались со мной всю эту ночь. Первое, что я увидел по возвращении из лабиринтов, были их встревоженные лица. Очертания расплывались, и я сначала решил, что они часть моего видения.

– Таита, с тобой все в порядке? Говори. Скажи, что ты видел!

В голосе моей госпожи слышалась тревога. Она не могла скрыть чувства вины передо мной за то, что заставила меня снова отправиться в лабиринты Амона-Ра.

– Я видел змею. – Голос мой гулким эхом раздавался в моей голове, будто я стоял в стороне и слушал себя. – Огромная зеленая змея ползла по пустыне.

Я видел по их лицам, как они озадачены, но еще не успел обдумать смысл видения и не мог им помочь.

– Я хочу пить, – прошептал я. – У меня пересохло в горле, а язык мой как камень, покрытый мхом.

Тан принес кувшин вина и налил мне полную чашу; я жадно выпил ее.

– Расскажи нам о змее, – потребовала госпожа, как только я опустил чашу.

– Ее извивающемуся телу не было конца, и она мерцала зеленым светом в солнечных лучах. Она ползла по чудесной стране, где живут обнаженные черные люди и странные, удивительные животные.

– Видел ли ты голову или хвост змеи? – спросила госпожа, и я покачал головой. – Где был ты? Где ты стоял? – настойчиво спрашивала она.

Я уже успел забыть, как подробно она разбирала мои видения и с каким удовольствием толковала их.

– Я ехал на спине змеи, – ответил я. – Но я был не один.

– Кто был с тобой?

– Ты была со мной, госпожа, и Мемнон тоже был с нами. Тан стоял с другой стороны, и змея несла нас всех.

– Это Нил! Змея – наша река! – торжественно воскликнула Лостра. – Ты подглядел путешествие, которое мы совершим по реке.

– Но куда? – спросил Тан. Он увлекся так же, как и Лостра. – Куда текла река?

Я с усилием стал припоминать подробности.

– Я видел, как солнце вставало слева от меня.

– На юг! – воскликнул он.

– В глубь Африки, – сказала моя госпожа.

– Потом наконец я увидел впереди голову змеи. Тело ее раздвоилось, и на каждой его части было по голове.

– Разве у Нила два истока? – вслух подумала госпожа. – Или у этого видения есть более глубокий смысл?

– Давай дослушаем до конца рассказ Таиты, – остановил ее Тан. – Продолжай, старина.

– Потом я увидел богиню, – продолжил я. – Она сидела на высокой горе. Обе головы змеи склонились перед ней.

Госпожа не удержалась:

– Какую богиню ты видел? Говори быстрее, кто это был!

– У нее бородатая голова мужчины, а груди и промежность женщины. Из ее влагалища два мощных потока извергались в открытые пасти двухголовой змеи.

– Это богиня Хапи, богиня реки, – прошептала царица Лостра. – Она рождает реку внутри своего тела и пускает ее течь по миру.

– Что еще показало тебе видение? – спросил Тан.

– Богиня улыбалась нам, и лицо ее сияло любовью и добротой. Она говорила голосом, который походил на шум ветра и морского прибоя, на раскаты грома в далеких горах.

– Что же сказала она? – в благоговейном восторге спросила царица Лостра.

– Она сказала: «Пусть мое дитя придет ко мне. Я сделаю ее такой сильной, что она сможет победить, и мой народ не погибнет от руки варвара». – Я повторил эти слова, и они гулом барабанов отдались у меня в голове.

– Я – дитя богини реки, – просто сказала госпожа. – При рождении меня посвятили ей. Теперь она призывает меня, я должна отправиться туда, где у истоков Нила живет Хапи.

– Это то же самое путешествие, которое мы с Таитой обдумывали раньше, – с удивлением произнес Тан. – А теперь богиня приказывает нам совершить его. Мы не можем отказать ей.

– Да, мы должны отправиться туда и вернуться, – поклялась моя госпожа. – Здесь моя страна, мой Египет. Здесь мой город, прекрасные Фивы, город ста ворот. Я не могу оставить их навеки. Я вернусь в Фивы. Я клянусь и призываю богиню Хапи в свидетели. Мы вернемся!

Решение отправиться на юг за пороги Нила в дикие, неисследованные земли мы обсуждали с Таном довольно давно. В первый раз говорили о них как о пути спасения от гнева и мести фараона. Теперь же нам приходилось спасаться от еще более безжалостного врага. Казалось, боги решили заставить нас отправиться по этому пути, а им нельзя противиться.

Времени на сборы в дальнюю дорогу почти не оставалось. Гиксосы наступали с двух сторон, и наши передовые заставы сообщали, что их передовые отряды будут видны с крыши дворца Мемнона не позже чем через три дня.

Тан поручил Крату командование половиной своих войск и направил на север навстречу царю Салиту, спешащему от Асюта, так как именно его отряд скорее всего первым подойдет к Городу Мертвых и дворцу. Крат получил приказ вести подвижные бои. Пользуясь острыми кольями и защитой городских укреплений, он должен задерживать Салита как можно дольше, не рискуя попасть в окружение или быть наголову разбитым. Когда же будет не в состоянии сдерживать врага, ему следует перевести людей на ладьи.

Сам Тан взял другую половину войска и отправился на юг, чтобы боями сдерживать гиксосов, переправившихся у Эсны.

Пока войска заняты выполнением своих задач, госпоже моей следовало погрузить на корабли свой народ и имущество. Она поручила это вельможе Меркесету и, разумеется, сделала

меня его помощником. Вельможа Меркесет дожил не просто до старческого слабоумия, он даже успел недавно жениться на шестнадцатилетней девочке. Поэтому проку от него было мало как для меня, так и для него самого. Все планирование и сборы для погрузки на корабли легли на мои плечи.

Однако прежде чем отправляться в путь, нужно было позаботиться о лошадях. Уже тогда я совершенно ясно представлял себе, что именно они явятся основой нашего спасения и как страны, и как цивилизованного народа. С лошадьми, захваченными у Эсны, наш табун составлял несколько тысяч голов. Я разделил его на четыре части, чтобы легче было найти пастбища по пути на юг. Кроме того, табуны меньшего размера поднимают меньше пыли, им будет легче избежать столкновения с гиксосами.

Я послал Гуи, колесничих и конюхов с этими четырьмя табунами в сторону Элефантины, приказав держаться подальше от берега реки, вдоль которого наступали колесницы гиксосов, и идти по краю пустыни.

Как только лошади отправились в путь, я занялся людьми. Я понимал, что количество ладей ограничивало наши возможности и мы могли взять с собой лишь небольшое количество людей и вещей. Я был абсолютно уверен, что каждый египтянин захочет стать участником великого исхода. Жестокость и свирепость гиксосов проявлялись в каждом захваченном ими городе, который они предавали огню и где учиняли страшные зверства над населением. Все неведомые опасности Африки казались гораздо предпочтительнее кровожадных чудовищ, которые мчались на нас на своих колесницах.

По моим расчетам выходило, что мы сможем разместить на судах нашего флота только двенадцать тысяч человек, и я сообщил об этом госпоже.

– Нам придется быть безжалостными при выборе людей и многих оставить здесь.

Но она не пожелала слушать мой совет.

– Это мой народ. Я скорее сама оставлю свое место на корабле, чем отдам гиксосам одного-единственного подданного моего царства.

– Но, ваше величество, как же нам быть со стариками и калеками, больными и младенцами?

– Каждый египтянин может выбирать, идти ему с нами или оставаться здесь. Я не брошу на произвол судьбы ни белобородого старика, ни нищего, ни новорожденного младенца, ни прокаженного. Это мой народ, и если он не может отправиться со мной, тогда царевич Мемнон и я останемся с ними! – Разумеется, она упомянула царевича только для того, чтобы закрепить свою победу надо мной.

Ладьи наши будут сидеть по самые борта под таким количеством народа, но выбора у меня не было. И все же я позволил себе маленькое удовольствие. В первую очередь я разместил на ладьях полезных и способных граждан. Я выбирал их из всех слоев общества и всех родов занятий: каменщиков и ткачей, медников и горшечников, кожевников и делателей парусов, писцов и художников, кораблестроителей и плотников, и все они были лучшими в своем ремесле. Я позаботился о том, чтобы они разместились на борту ожидающих барок. А потом я с особым удовольствием отдал самые неудобные места на самых неопрятных судах жрецам и законникам, этим блохам, сосущим кровь на здоровом теле государства.

Когда они наконец погрузились на лодки, я позволил отребью хлынуть на пристань и садиться на корабли у храма.

Из-за непримиримых взглядов моей госпожи мне пришлось с большой осторожностью выбирать груз, который мы могли взять с собой. У нас не было места для безделушек. Я собрал оружие, инструменты и сырье, которые могли нам понадобиться при строительстве цивилизации в неведомых землях. Во всем же остальном грузе я всячески старался снизить вес и объем. Например, вместо зерна и плодов я предпочел взять семена всех необходимых растений, запечатав их смолой и воском в глиняных кувшинах.

Каждый дебен веса в трюме ладьи означал, что мы должны что-то оставить на берегу. Путешествие наше может занять десять лет или целую жизнь. Нас ждут трудности. Мы знали: великие пороги Нила лежали на нашем пути. Мы не смели обременять себя ничем, кроме самого важного и необходимого, но госпожа моя дала священный обет фараону. На кораблях едва хватало места для живых. Сколько же нужно было отвести мертвому?

– Я дала обет царю, когда он лежал на смертном одре, – настаивала она. – Я не могу оставить его здесь.

– Ваше величество, я могу найти надежное тайное место, где мы спрячем царя. В холмах много неизвестных могил, и никто не найдет его там. Когда мы вернемся в Фивы, сможем выкопать его, а потом устроить истинно царские похороны, которые вы ему обещали.

– Если я нарушу свой обет, боги покинут нас и наше путешествие будет обречено. Тело царя должно отправиться с нами.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять: спорить бесполезно. Мы открыли массивный гранитный саркофаг и вытащили из него шесть внутренних гробов. Однако даже они были настолько тяжелы, что для них потребовалась бы отдельная ладья.

Я принял решение, не посоветовавшись с царицей Лострой. По моему приказу вынули лишь два внутренних золотых гроба. Завернули в толстый полотняный саван и зашили. Их вес и размеры уменьшились, и теперь гробы можно было разместить по отдельности в трюме «Дыхания Гора».

Основную часть сокровищ фараона – все его золото, серебро и драгоценные камни – разложили по кедровым сундукам. Я приказал златокузнецам снять золотой лист с брошенных гробов и деревянных рам чудовищной погребальной волокуши и выплавить из него слитки. С тайным наслаждением я разрушил эту чудовищную безвкусицу. Затем сундуки с сокровищами и слитки золота отнесли на пристань и погрузили в ожидающие корабли. Я распределил их так, чтобы на каждой лодке были по крайней мере один сундук и один тюк слитков. Таким образом, мне удалось свести до минимума опасность потерять все сокровища сразу из-за несчастного случая.

Однако мы не могли взять с собой многие из сокровищ погребального храма. Это касалось прежде всего мебели и церемониальных принадлежностей, церемониального оружия и сундучков со статуэтками ушебти. И разумеется, уродливого остова катафалка, с которого я приказал содрать золото. Чтобы они не попали в руки гиксосов, мы сложили их во дворе храма и я собственной рукой бросил на огромную кучу сокровищ пылающий факел и смотрел на гигантский костер, пока все не сгорело дотла.

Делалось все это в безумной спешке, и еще до окончания погрузки последнего корабля наблюдатели на крыше дворца закричали, что видят облако пыли над колесницами гиксосов. Через час измотанные в сражениях войска Крата и Тана после долгих арьергардных боев начали входить в Город Мертвых и грузиться на ладьи.

Я встретил Тана, когда он поднялся на насыпь во главе отряда стражи. Мужество и самоотверженность его воинов помогли отыграть у врага еще несколько дней на сборы и погрузку. Большего они сделать не могли, и теперь враг шел за ними по пятам.

Когда я махнул рукой и позвал его, Тан обернулся и крикнул мне через головы воинов:

– Где царица Лостра и царевич? Они уже на борту «Дыхания Гора»?

Я пробрался к нему через толпу.

– Госпожа моя не желает покидать город, пока весь ее народ не погрузится на корабли. Она приказала мне привести тебя к ней, как только ты появишься. Она ждет тебя в своих покоях во дворце.

Ужас отразился на его лице.

– Враг наступает нам на пятки. Царица Лостра и царевич стоят гораздо больше, чем весь этот сброд. Почему ты не заставил ее?

Я рассмеялся:

– Ее не так-то просто заставить, тебе это известно не хуже, чем мне. Она не оставит ни одного подданного гиксосам.

– Проклятие Сета на гордость этой женщины! Нас всех убьют из-за нее.

Однако несмотря на грубые слова, его грязное потное лицо сияло гордостью и восхищением. Он ухмыльнулся:

– Ну что же, если она не хочет идти к нам, нам придется идти к ней.

Мы стали проталкиваться через плотную толпу горожан, которые шли на пристань с детьми на руках, обремененные тяжелыми узлами с пожитками. Они сплошным потоком вливались на палубы лодок. Пока мы спешили вверх по насыпи, Тан показал мне на зловещие тучи пыли над городскими стенами, приближающиеся к нам с обеих сторон.

– Они приближаются быстрее, чем можно было вообразить. Даже не останавливаются поить лошадей. Если мы не ускорим погрузку, половину населения застанут на берегу, – мрачно заявил он и показал на пристань под нами.

Только две ладьи могли одновременно встать на погрузку. Огромные толпы беженцев заполнили насыпь и мешали проходу через двойные ворота верфи. Плач и жалобные вопли усиливали беспорядок, и в этот самый момент кто-то завопил:

– Гиксосы пришли! Бегите! Спасайтесь! Гиксосы пришли!

Паника охватила толпу, и люди бездумно бросились вперед. Женщин давили о каменные стены ворот, детей топтали. Всякое подобие порядка исчезло, достойные граждане и дисциплинированные воины превратились в буйную толпу, забывшую обо всем, кроме спасения своей жизни.

Мне пришлось пустить в ход заостренный кол, чтобы проложить себе дорогу через толпу, и мы с Таном сумели пробиться в город. Наконец мы вырвались из толпы и побежали к воротам дворца.

Его залы и коридоры были пусты. Там никого не было, если не считать нескольких мародеров, шаривших по пустым залам. Они бежали, завидев Тана. Выглядел он страшно. Осунулся, запыленные доспехи покрывали вмятины, на щеках торчала рыжая щетина. Он ворвался впереди меня в покои царицы, и мы увидели, что они не охраняются, а двери широко распахнуты. Мы побежали вперед.

Госпожа моя сидела с царевичем Мемноном на коленях под виноградной лозой на террасе. Она показывала ему флот, усеявший поверхность Нила под террасой, и оба весело смотрели на погрузку.

– Смотри, какие красивые кораблики.

Царица Лостра с улыбкой встала нам навстречу, а царевич Мемнон соскочил с ее колен и побежал к Тану.

Тан поднял его на плечо, а потом обнял мою госпожу свободной рукой:

– Где твои рабы, где Атон и вельможа?

– Я отослала их на корабли.

– Таита говорит, что ты отказалась идти туда. Он очень зол на тебя за это, и по праву.

– Прости меня, милый Таита. – Ее улыбка могла наполнить радостью мою жизнь или разбить мое сердце.

– Моли о прощении царя Салита, – обиженно произнес я. – Он скоро будет здесь. – Я схватил ее за руку: – Ну, теперь, когда этот грубый воин с нами, можешь ты наконец подняться на борт корабля?

Мы поспешили прочь с террасы по коридорам дворца. Даже грабители и мародеры как крысы скрылись в своих норах. Только царевич Мемнон совершенно не беспокоился. Для него все происходящее было новой веселой игрой. Он сидел верхом на плечах у Тана, бил его пятками по груди и кричал: «Но!» Мемнон научился этому у меня, когда катался со мной на Терпении.

Мы пробежали через дворцовый сад к каменной лестнице, которая вела к насыпи. Здесь был кратчайший путь к храмовой пристани. Когда выскочили на насыпь, я понял, что обстоятельства резко изменились с тех пор, как мы ушли в город за госпожой и царевичем. Насыпь была пуста. Последние беженцы взошли на борт. Из-за вершины стены были видны мачты кораблей, медленно уходивших по каналу к реке.

У меня вдруг засосало под ложечкой. Я понял, что мы остались на берегу одни, а до пустой пристани еще целых полмили. Мы остановились и посмотрели вслед последней уплывающей ладье.

– Я же говорил кормчему ждать нас, – простонал я, – но гиксосы близко, и все теперь думают только о собственной шкуре.

– Что же нам делать? – выдохнула госпожа. Даже Мемнон перестал весело кричать.

– Если мы доберемся до берега реки, Ремрем и Крат увидят нас на берегу и пошлют за нами лодку, – сказал я. Тан тут же согласился со мной.

– Сюда, за мной! – крикнул он. – Таита, веди свою госпожу.

Я взял Лостру за руку и потащил за собой, но она была сильной и ловкой, как мальчишка-пастушок, и легко бежала рядом. Потом я вдруг услышал топот лошадей и скрип колес. Звук этот ни с чем нельзя было спутать, и раздавался он пугающе близко.

Наши собственные лошади ушли три дня назад и уже были на пути к Элефантине, а колесницы в разобранном виде лежали в трюмах ладей. Звуки, которые я услышал, раздавались внизу, на насыпи под стеной. Мы не видели колесниц, но я понял, кому они принадлежат.

– Гиксосы! – тихо сказал я, и мы остановились, прижавшись друг к другу. – Это, наверное, передовой отряд, разведчики.

– Колесниц всего две или три, – подтвердил Тан. – Но и этого достаточно. Мы отрезаны.

– Мы, кажется, немного опоздали, – сказала моя госпожа с деланным спокойствием, а потом посмотрела на меня и Тана с полным доверием: – Что вы предлагаете?

Ее наглость поразила меня. Именно из-за нее, из-за ее упрямства мы попали в эту переделку. Если бы она уступила моим настоятельным просьбам, мы бы уже находились на борту «Дыхания Гора» и шли вверх по реке к Элефантине.

Тан поднял руку, требуя тишины, и мы стали прислушиваться к шуму вражеских колесниц, едущих по дороге у подножия стены. Чем ближе они подходили, тем яснее становилось, что это небольшой передовой отряд.

Внезапно визг колес прекратился, и мы услышали фырканье и стук копыт переступающих на месте лошадей, а потом голоса людей, говорящих на каком-то гортанном языке. Они находились прямо под нами по ту сторону стены. Тан снова тревожным жестом потребовал тишины. Но царевич Мемнон не был приучен сдерживать свои желания или молчать, когда ему не хотелось. Он услышал знакомые звуки.

– Лошади! – звонко закричал он. – Я хочу посмотреть на лошадей!

Тут же раздался резкий выкрик. Гиксосы отдавали приказы. Мы услышали звон оружия. Потом тяжелые шаги простучали по ступенькам каменной лестницы, и небольшой отряд врага помчался вверх.

Сначала из-за каменной балюстрады впереди нас появились только высокие шлемы, а потом и воины гиксосов в чешуйчатых кольчугах встали перед нами во весь рост. Их было пятеро, и они неслись на нас с обнаженными мечами, все рослые мужчины с черными бородами, заплетенными красными ленточками. Один из них был выше остальных. Сначала я не узнал его, так как он по обычаям гиксосов отрастил бороду и украсил ее ленточками, да и забрало шлема скрывало половину его лица. Потом он вдруг воскликнул голосом, который я никогда не смогу забыть:

– Так это молодой Харраб! Я убил старого пса, а теперь прикончу и щенка.

Мне следовало бы знать, что вельможа Интеф наверняка в числе первых отправится вынюхивать пути к сокровищам фараона. Скорее всего он мчался впереди основных сил гиксосов, чтобы первым оказаться в погребальном храме. Однако несмотря на хвастливый крик, он не бросился навстречу Тану, а взмахом руки приказал отряду колесничих поработать за него.

Тан снял с плеч царевича Мемнона и бросил его мне, как куклу.

– Беги! Я куплю вам немного времени.

И он бросился вперед навстречу гиксосам, пока они не выбежали с каменной лестницы и им не хватало места для свободных действий мечом. Первого Тан убил одним ударом, тем самым резким колющим ударом в горло, который ему всегда так удавался.

– Не зевай тут! – крикнул он мне через плечо. – Беги!

Я не зевал. Однако понимал, что с ребенком на руках не выполню его приказ. С такой ношей мне не добежать до берега впереди преследователей.

Я шагнул на край насыпи и посмотрел вниз. Прямо под собой увидел две колесницы гиксосов. Лошади фыркали и переступали на месте. С колесницами остался только один человек, остальные побежали вверх по лестнице. Он стоял у голов лошадей, и все его внимание было поглощено двумя упряжками. Даже не заметил мою голову над парапетом.

Прижав к себе Мемнона, я перекинул ногу через парапет и спрыгнул вниз. Царевич испуганно вскрикнул, когда мы полетели на дорогу, где стоял колесничий гиксосов. Стена была высотой примерно четыре роста человека. Я наверняка сломал бы себе ногу, если бы не приземлился прямо на ничего не подозревающего гиксоса. Сила удара начисто сломала ему шею. Я услышал, как хрустнули позвонки, и он сложился подо мной, смягчив наше падение.

Я быстро вскочил на ноги. Царевич Мемнон орал что есть мочи от злости, страха и возмущения по поводу такого грубого обращения, но это было только начало. Я бросил его в ближайшую колесницу и посмотрел вверх на госпожу. Лостра смотрела на меня с парапета.

– Прыгай! – закричал я. – Ловлю!

Ей и в голову не пришло колебаться. Она перекинула ноги через парапет с такой скоростью, что я даже не успел собраться, чтобы схватить ее. В полете короткая юбка задралась и обнажила длинные стройные бедра. Она ударила меня прямо в грудь и выбила воздух из легких. Мы повалились на землю.

Задыхаясь, я вскочил на ноги и помог ей подняться. Потом грубо толкнул ее к колеснице и крикнул:

– Держи Мемнона!

Лостра схватила его в тот самый момент, когда мальчишка собирался спрыгнуть с колесницы. Он все еще орал от злости и страха. Мне пришлось перелезть через обоих, чтобы схватить вожжи.

– Держитесь крепче! – Пара лошадей тут же подчинилась, и я ловко развернул упряжку под стеной. Одно колесо подпрыгнуло, перекатившись через убитого. – Тан! – заорал я. – Сюда!

Тан вскочил на край парапета прямо надо мной, легко удерживая равновесие и парируя удары колесничих, которые вертелись вокруг него, как гончие вокруг леопарда, забравшегося на дерево.

– Прыгай, прыгай! – завопил я, и он шагнул с края каменной стены. Плащ волной вздулся за его плечами и головой, и Тан рухнул на спину левой лошади. Меч выпал из его руки и зазвенел на твердой земле, а сам он обхватил лошадь за шею и прижался к ней.

– Но! – закричал я лошадям и ударил их вожжами по задам. Они рванулись вперед полным галопом. Я повел их по проходу через поля, которые протянулись вдоль берега реки. Я видел паруса нашего флота на стрежне и мог даже разглядеть вымпел «Дыхания Гора» в этом лесу мачт. До берега оставалось полмили, и я бросил взгляд назад.

Вельможа Интеф и его люди сбежали вниз по лестнице. На моих глазах они взобрались на другую колесницу. Я выругал себя за то, что не сумел вывести из строя ее упряжь. Достаточно

было перерезать несколько ремней, но меня охватил такой панический страх за госпожу и царевича, что я совсем забыл об этом.

Вельможа Интеф погнался за нами. Его колесница не проехала и сотни шагов, как я понял, что она гораздо быстрее той, которой управлял я. Тан висел на спине левой лошади и мешал ей бежать. Он был тяжелым мужчиной и крепко сжимал ее шею обеими руками. Его сковал страх. Казалось, впервые в жизни он по-настоящему испугался. Я видел собственными глазами, как Тан хладнокровно пускал стрелы из лука в несущегося прямо на него льва, но лошадь напугала его до смерти.

Я старался не обращать внимания на преследующую нас колесницу и смотрел вперед, сосредоточившись на езде по пахоте и извилистым дорожкам вдоль оросительных каналов и канавок, которые отделяли нас от берега Нила. Колесница гиксосов была тяжелее и неуклюжее экипажа Таиты. Сплошные деревянные колеса с ножами на ободьях глубоко врезались во вспаханную землю, а бронзовые доспехи и украшения на бортах не убавляли вес колесницы. Лошадей, наверное, долго гнали перед тем, как я взялся за вожжи. Их покрывала пена – словно кружева, висела она на ногах и мордах.

Мы не проехали и половины расстояния до берега, когда я услышал за своей спиной приближающиеся крики колесничего гиксосов и цокот копыт. Оглянулся и увидел, что между нами оставалось лишь три длины упряжки. Гиксос погонял лошадей сплетенным из кожи кнутом и орал на них на каком-то грубом, уродливом языке. Рядом с ним из-за передка высовывался вельможа Интеф. Его борода, заплетенная разноцветными ленточками, развевалась по обе стороны от шеи, а красивое лицо горело азартом охотника.

Он крикнул мне, и голос его перекрыл шум двух колесниц.

– Таита, мой милый, ты все еще любишь меня? Я хочу, чтобы ты доказал мне это перед смертью. – И захохотал. – Ты встанешь передо мной на колени и умрешь с полным ртом.

У меня мурашки пошли по коже, когда я представил себе это.

Наш путь пересекала оросительная канава, и я свернул вдоль нее, так как края были слишком крутыми. Колесница гиксосов последовала за нами по внешнему кругу, догоняя с каждым прыжком лошадей.

– А тебя, моя милая дочь, я отдам этим воинам. Они научат тебя кое-каким штукам, которые Харраб забыл тебе показать. Ты мне будешь не нужна, когда я получу твое отродье.

Царица Лостра крепче прижала к груди царевича, лицо ее побледнело и осунулось.

Я мгновенно понял замысел вельможи Интефа. Весь народ Египта останется верен ребенку египетской царской крови, даже если он будет сатрапом гиксосов. Царевич Мемнон должен стать марионеткой, с помощью которой царь Салит и Интеф намеревались править обоими царствами. Захватчики с древнейших времен пользовались этим приемом. Я погонял лошадей что есть силы, но они устали и замедляли ход, а вельможа Интеф приближался так быстро, что ему уже не нужно было кричать, чтобы его слышали.

– А, вельможа Харраб, как давно я жаждал этой встречи! А с тобой что будем делать? Сначала мы с тобой посмотрим, как воины развлекаются с моей дочерью...

Я старался заткнуть свои уши от этих мерзостей, но его голос словно проникал сквозь кости черепа.

Я продолжал смотреть вперед, сосредоточившись на езде по неровной дороге. Однако уголком глаз видел головы лошадей в упряжке гиксосов, которые поравнялись с моей колесницей. Их гривы развевались, а глаза дико горели, они неслись мимо нас на полном галопе.

Я оглянулся. Коренастый лучник гиксосов, стоявший рядом с Интефом, поставил стрелу на тетиву и натягивал лук. Расстояние было столь малым, что даже со скачущей колесницы невозможно промахнуться.

Тан вышел из боя. Он выронил меч и все еще висел на шее лошади с дальней от врага стороны. У меня остался лишь маленький кинжал, а царица Лострa сидела на коленях, стараясь прикрыть своим телом царевича.

И тут я понял, какую ошибку совершил возница гиксосов. Он погнал свою упряжку в просвет между моей колесницей и глубокой оросительной канавой. У него не осталось места для маневра.

Лучник поднял свой лук и поднес оперение стрелы к губам. Целился в меня. Я смотрел в его глаза, сверкавшие из-за зазубренного кремневого наконечника. Брови его были черными, густыми и кустистыми, а глаза темными и безжалостными, как у ящерицы. Лошади гиксосов бежали вровень со ступицей моего колеса. Я натянул вожжи и повернул в их сторону. Сверкающие бронзовые клинки, торчащие с ободьев моего колеса, с гудением двинулись к ногам лошадей.

Возница гиксосов испуганно закричал, увидев свою ошибку. Его лошади были зажаты между канавой и смертоносными ножами. Клинки свистели всего в ладони от коленей крупного гнедого жеребца, бежавшего с моей стороны.

В этот момент лучник пустил стрелу, но внезапный поворот обманул его. Стрела медленно полетела мне в голову, но это было обманом зрения. На самом деле она пронеслась у меня над плечом, как солнечный зайчик, и только краешком кремневого наконечника задела ухо. Капля крови упала мне на грудь.

Возница попытался было увести лошадей от моих колесных ножей и отвернуть в сторону, но теперь его дальнее колесо катилось по краю оросительной канавы. Ее стенки осыпались под бронзовым ободом, и колесница прыгала по неровной земле.

Я натянул вожжи и снова повернул в сторону колесницы гиксосов. Колесные ножи ударили по ногам ближней лошади, и бедняга закричала от боли. Я видел, как обрывки шерсти и кожи полетели в воздух выше борта моей колесницы. Я постарался взять себя в руки и, не обращая внимания на жалобный крик лошади, опять повернул вправо. На этот раз брызги крови и осколки костей струей ударили в воздух, лошадь упала и забилась на земле, повалив своего напарника. Колесница гиксосов полетела в канаву. Я увидел, как людей выбросило из нее на дорогу, а возницу задавило тяжелым опрокинувшимся экипажем.

Теперь наша колесница мчалась в опасной близости от края канавы, но я сумел сдержать лошадей и отвернул в сторону.

– Тпру! – Я замедлил ход лошадей и оглянулся. Облако пыли поднялось над канавой, где только что исчезла колесница гиксосов. Я перевел упряжку на рысь. До речного берега оставалось всего двести шагов, и угроза нашей жизни миновала.

Я оглянулся последний раз. Лучник-гиксос, выпустивший в меня стрелу, лежал в неестественной позе там, куда его выкинуло из колесницы. Вельможа Интеф лежал несколько дальше на дороге. Я искренне верю, что оставил бы его, если бы не увидел, как он пошевельнулся и сел, а потом, шатаясь, поднялся на ноги.

Внезапно ненависть к нему нахлынула на меня с такой силой и ясностью, что ум мой, казалось, закипел от ярости. Будто кровеносный сосудик лопнул у меня в глазах. Все вокруг потемнело и стало багровым, будто залитым кровью. Дикий, нечленораздельный вопль вырвался из моего горла. Я круто развернул лошадей и помчался назад по насыпи.

Вельможа Интеф стоял посреди дороги. Во время падения он потерял шлем и оружие. Казалось, его оглушило, потому что он стоял, шатаясь из стороны в сторону. Я перевел лошадей на галоп, и тяжелая колесница рванулась вперед. Я правил прямо на Интефа. Борода его растрепалась, а на ленточках виднелась грязь. Глаза были мутными и словно задумчивыми, но, когда я погнал на него лошадей, они вдруг прояснились. Он резко вскинул голову.

– Нет, не надо! – вскрикнул он и начал отступать назад, выставив перед собой руки, будто хотел отгородиться ими от тяжелых колес. Мы мчались прямо на Интефа, но в последний мо-

мент боги тьмы решили защитить его еще раз. Когда я уже почти на него наехал, он вдруг отпрыгнул в сторону. Я видел собственными глазами: стоял, шатаясь, слабый и беспомощный, однако через мгновение стал быстрым и ловким, как шакал, преследуемый гончими. Колесница была тяжелой и неуклюжей, и я не успел достаточно быстро повернуть в его сторону.

Я промахнулся и промчался мимо. Что есть силы натянул вожжи, но лошади пронеслись еще сотню шагов, прежде чем я совладал с ними и развернул тяжелую повозку. К этому времени вельможа Интеф уже бежал к канаве. Если бы он укрылся в ней, то был бы спасен. Я злобно выругался и погнал на него лошадей.

И вот тут боги окончательно покинули его. Он уже почти добежал до канавы, но на бегу постоянно оглядывался на меня и не смотрел под ноги. Налетел на несколько засохших комьев глины, твердых, как камни, и подвернул ногу. Тяжело повалился на землю, но сумел перекатиться и вскочил на ноги, как акробат. Пытался бежать дальше, но боль в суставе вывернутой ноги мешала ему. Проковылял шаг или два, а потом попробовал прыгать вперед к канаве на одной ноге.

– Наконец-то ты мой! – закричал я, и он повернулся ко мне лицом, стоя на одной ноге. Я мчался прямо. Лицо его побледнело, но леопардовые глаза сверкали злобой и ненавистью, переполнявшими жестокую и коварную душу.

– Он же мой отец! – закричала госпожа, прижимая лицо царевича к груди, чтобы тот не видел. – Оставь его, Таита! Он же со мной одной крови.

Я ни разу не ослушался ее за всю свою жизнь. Такое случилось впервые. Я даже не пытался управлять лошадьми. Просто смотрел в глаза Интефу. Смотрел впервые без малейшего страха.

И все-таки он чуть было не увернулся. Прыгнул в сторону так ловко и стремительно, что выскочил из-под лошадей и колес, но не уклонился от колесных ножей. Вращающийся клинок задел чешую кольчуги. Острие пронзило доспехи и зацепилось за плоть в брюшной полости. Нож вращался, кишки намотались на клинок, и теперь нож вытаскивал их из него, как рыбачка потрошит огромного серебристого окуня на рынке.

Интефа потащило за нами на скользких канатах собственных внутренностей, но постепенно он отставал, когда все новые и новые клубки кишок выдергивались из открывшейся брюшной полости. Он цеплялся за них обеими руками, но они выскальзывали из пальцев, как чудовищная пуповина, приковавшая его к вращающемуся колесу колесницы.

Интеф страшно кричал, и я не пожелал бы еще раз услышать такой крик. Вопли до сих пор эхом отдаются в моих кошмарных снах. Ему все-таки удалось подвергнуть меня последней пытке. Я никогда не смогу забыть этого, как бы мне ни хотелось.

Когда же отвратительный канат, тащивший Интефа за нами по черной земле, оборвался, он рухнул посреди поля. Крики его наконец смолкли, и тело застыло на вспаханной земле.

Я остановил лошадей, и Тан, соскользнув со спины лошади, встал и подошел к колеснице. Помог госпоже и царевичу спуститься и прижал их к своей груди. Госпожа плакала:

– Ах, это было так ужасно! Что бы он ни сделал с нами, он был моим отцом.

– Теперь все в порядке. – Тан обнял ее. – Все кончено.

Царевич Мемнон смотрел через плечо матери на распростертую фигуру своего дедушки с тем особым выражением любопытства, с каким дети всегда смотрят на кровавые зрелища. Потом вдруг набрал в легкие воздух и звонко произнес:

– Он был плохим дядей.

– Да, – тихо согласился я. – Он был очень плохим дядей.

– А теперь плохой дядя умер?

– Да, Мем, он умер. Теперь мы можем спать спокойно.

Я погнал лошадей вдоль берега вслед за уходящей флотилией. Когда наконец поравнялся с ладьей Крата, тот узнал нас в чужеземной колеснице. Даже с такого большого расстояния было

видно, как он изумлен. Позже он рассказал, что думал, будто мы уже давно находимся на борту одной из передовых ладей.

Покидая колесницу, я распряг лошадей и отпустил их. Потом мы вошли в воду и вброд дошли до маленькой лодки, которую Крат послал за нами.

Гиксосы не могли так просто отпустить нас. День за днем их колесницы преследовали флотилию по обоим берегам Нила.

Оглядываясь назад, мы всякий раз видели за кормой «Дыхания Гора» тучи пыли над отрядами врага. Часто пыль смешивалась с черным дымом над городами и деревнями, расположенными по берегам реки и теперь разграбленными и сожженными гиксосами. Когда мы проходили мимо какого-либо египетского города, небольшая стайка лодок присоединялась к нашей флотилии. С каждым днем она увеличивалась.

Когда ветер становился неблагоприятным, отряды колесниц догоняли нас. Тогда сверкающие экипажи неслись на наших глазах по обоим берегам реки, и мы слышали грубые, но бессильные насмешливые выкрики. Вечный Нил защищал нас, как и многие столетия назад. Потом снова устанавливался северный ветер, и мы уходили вперед, а тучи пыли отставали, уплывая к северному горизонту.

– Лошади не смогут долго преследовать нас, – сказал я Тану утром двенадцатого дня.

– Не надейся на это. Салита влекут сокровища фараона Мамоса и законный наследник престола, – просто ответил Тан. – Золото и власть чудеснейшим образом придают силы и решимость человеку. Мы еще встретимся с этим варваром.

На следующий день ветер переменился, и колесницы медленно догнали и перегнали первые лодки флотилии, приближающиеся к воротам Хапи, первому из коридоров в отвесных скалах, которые сжимали реку ниже Элефантины. Между высокими стенами скал Нил сужался до ширины не более четырехсот шагов от берега до берега, и черные гранитные утесы вздымались в небо прямо из бурной воды. Течение выталкивало нас из ворот, и скорость ладей начала снижаться. Тан приказал сменить гребцов.

– По-моему, ты прав, Таита. Именно здесь они будут ждать, – мрачно сказал он и почти в тот же момент протянул руку к скалам: – Вон они.

«Дыхание Гора», возглавлявшая флот, уже входила в ворота Хапи, и нам пришлось вскинуть головы, чтоб посмотреть на вершины скал. Снизу фигурки лучников гиксосов на высоких утесах казались коротенькими толстоногими карликами.

– С такой высоты нас достанут стрелой от берега до берега, – пробормотал Тан. – Мы будем легкой добычей большую часть дня. Всем придется трудно, особенно женщинам и детям.

Проход через ворота Хапи оказался гораздо труднее, чем предполагал Тан. Первая же стрела, выпущенная с утесов, описала в воздухе темную дымную дугу и с шипением ушла в воду в какой-то пяди от носа нашей ладьи.

– Зажигательные стрелы, – кивнул Тан. – Ты снова оказался прав, Таита. Этот варвар быстро учится.

– Обезьяны легко усваивают новые штуки. – Я ненавидел гиксосов не меньше самого грубого вояки в нашем флоте.

– Сейчас посмотрим, могут ли твои насосы качать воду на корабли так же, как они выкачивают ее из трюмов, – сказал Тан.

Я ожидал атаки зажигательными стрелами, и последние четыре дня мы переделывали ладьи, которые Тан оборудовал водяными насосами моего изобретения. Теперь перед входом в ворота Хапи каждый из наших кораблей подходил к ним. Тан приказывал кормчим спустить паруса, и моряки начинали качать воду на палубу и снасти. Затем они наполняли кожаные ведра

водой и расставляли их по палубе, чтобы те были под рукой. После этого одна из ладей сопровождала корабль в гранитном коридоре реки под дождем зажигательных стрел гиксосов.

Флотилии потребовалось два дня, чтобы пройти через ворота Хапи, так как высокие скалы закрывали ветер. В ущелье было жарко, и каждой ладье приходилось идти на веслах против сильного течения. Стрелы летели в нас красивыми искрящимися дугами и со стуком впивались в мачты и палубы. Вонзившись, каждая из них вспыхивала, и нам приходилось тушить небольшой пожар, передавая ведра с водой по цепочке или качая воду насосом сопровождающей лодки. Мы ничем не могли ответить гиксосам, потому что лучники сидели на высоких утесах: выше полета стрелы из наших слабых луков. Когда Ремрем попытался высадиться на берег и скинуть их с этих насестов, они без труда остановили его воинов и заставили с большими потерями отступить на ладьи.

Корабли, преодолевшие коридор Хапи, были покрыты темными обгорелыми пятнами. Многие оказались не столь удачливыми. Пламя, вспыхивавшее на борту, побеждало ведра и насосы и пожирало корабль. Его приходилось бросать, и он начинал дрейфовать вниз по течению, причиняя адские муки остальным ладьям флотилии. В большинстве случаев нам удавалось снять команду и пассажиров до того, как пожар охватит корабль, но иногда было уже поздно. Крики женщин и детей, охваченных огнем, до сих пор раздаются в моих ушах, и кровь стынет в жилах. Я никогда не забуду один образ того ужасного дня: молодая женщина прыгнула с палубы горящей барки в воду, а волосы ее полыхали, как брачный венец.

В воротах Хапи мы потеряли пятьдесят кораблей. Черные флаги были подняты на каждой ладье, когда мы подошли к Элефантине, но теперь гиксосы, казалось, устали преследовать нас, скача за флотилией вдоль реки. Тучи пыли, стоявшие на северном горизонте, исчезли, и мы получили передышку. Теперь мы могли оплакать наших мертвых и починить корабли.

Однако никто не верил, что варвары оставят нас в покое. Сокровища фараона – слишком заманчивая добыча. Они не могли отказаться от нее.

Вынужденные проводить все время на палубе ладьи, мы с царевичем Мемноном часто сидели вместе под навесом на кормовой надстройке. Мальчуган жадно слушал мои рассказы или смотрел, как я придумывал и вырезал из дерева первую модель нового лука для нашего войска, такого же, как кривой лук гиксосов. Он уже научился старой доброй детской хитрости и постоянно задавал вопросы, чтобы я не отвлекался.

– А теперь что ты делаешь, Тата?

– Я делаю новый лук.

– Лук? А зачем?

– Ладно, сейчас я тебе расскажу. Наши простые дугообразные луки не только слабы, но и плохи. Их нельзя использовать на колесницах. – Он внимательно и серьезно слушал меня. Даже когда царевич был еще совсем ребенком, я не пытался сюсюкать и всегда обращался с ним как с равным. Если мальчик иногда и не понимал моих слов, то хотя бы привыкал к моему голосу. – Теперь я совершенно уверен, что наше будущее связано с лошадьми и колесницами. Ваше царское высочество наверняка согласны со мной. – Я посмотрел на него: – Ты ведь любишь лошадей, Мем?

Этот вопрос он прекрасно понял и горячо закивал:

– Я люблю лошадей, особенно Терпение и Клинка.

Я уже заполнил три свитка своими размышлениями и рисунками, посвященными тому, как лучше пользоваться новыми средствами ведения войны. Мне хотелось подробнее обсудить их с Таном, но Великий Лев Египта очень неохотно и поверхностно интересовался вопросами конницы.

– Строй себе эти проклятые штуки, если они тебе нужны, но не болтай о них лишнего, – говорил он.

Царевич гораздо охотнее слушал меня. Пока я работал, мы вели долгие беседы, которые принесли свои плоды много лет спустя. Мемнон всегда предпочитал общество Тана моему, но я ненамного отставал от Тана в его глазах, и поэтому мы всегда были счастливы проводить время вместе.

С самого начала Мемнон развивался чрезвычайно быстро и был очень умным ребенком, а под моим влиянием таланты его стали расти гораздо быстрее, чем у кого бы то ни было из моих прежних учеников. Даже моя госпожа в его возрасте училась не так быстро.

Я сделал Мемнону игрушечный лук новой конструкции. Он почти мгновенно овладел им и скоро научился стрелять на всю длину палубы ладьи, что приводило в замешательство рабынь и нянек, которые обычно и становились его мишенями. Никто из них не смел прятаться, когда царевич брал в руки лук, а он почти без промаха бил по соблазнительной паре ягодиц с расстояния в двадцать шагов.

После лука любимой игрушкой стали миниатюрная колесница и лошади, которых я вырезал из дерева. Я даже сделал маленькую фигурку колесничего, ее можно было поставить в колесницу и вложить ей в руки вожжи.

Царевич сразу назвал куколку Мемом, а лошадей – Терпением и Клинком. Он без устали ползал по палубе лодки, толкая впереди себя колесницу, и изображал соответствующие звуки. Цокал языком и кричал: «Но!», «Тпру!»

Для своего возраста Мемнон был очень наблюдательным. Его темные внимательные глаза ничего не упускали. Поэтому я ничуть не удивился, когда он первым из всей команды «Дыхания Гора» заметил странную фигуру на правом берегу реки.

– Лошади! – закричал мальчик, а через некоторое время добавил: – Смотри, смотри, это Гуи!

Я подбежал к нему, и сердце мое чуть не выскочило из груди. Он был прав. Гуи мчался галопом к нам навстречу верхом на Клинке по берегу реки.

– Гуи провел лошадей к Элефантине. Я прощаю ему за это все его глупости и прегрешения. Гуи спас моих лошадей, – сказал я.

– Я очень горжусь Гуи, – серьезно добавил царевич, точно изобразив мои произношение и интонацию.

Госпожа моя и все окружающие громко рассмеялись.

Добравшись до Элефантины, мы получили небольшую передышку. Вот уже много дней не было никаких признаков преследующих нас колесниц, и новая надежда поселилась на флоте и в городе. Люди даже стали говорить, что нужно отказаться от бегства на юг и, оставшись здесь, перед порогами, собрать новое войско, которое сможет противостоять захватчикам.

Я не позволил госпоже довериться соблазнительному обману, который пустил корни в столь слабой почве. Я убеждал ее, что видения лабиринтов показали нам истинный путь и что судьба наша ждала нас на юге. Тем временем ни на секунду не замедлял приготовлений к путешествию. Наверное, меня уже охватила жажда странствий и приключений, и она влекла гораздо сильнее, чем необходимость спасаться от гиксосов.

Мне хотелось увидеть, что лежит за порогами Нила. После работы на пристанях я целые ночи проводил в дворцовой библиотеке, читая рассказы людей, которые сделали первые шаги в неведомое до нас.

Они писали, что у реки нет конца и что она бежит с самого края Земли. Уверяли, что за первым порогом существует еще один, более чудовищный, который не может преодолеть ни

человек, ни корабль. Утверждали, что путь от первого порога до следующего занимает целый год, а река продолжается и за этим порогом.

Я хотел увидеть это. Больше всего на свете хотел увидеть, откуда течет великая река, основа нашей жизни.

Когда же я наконец засыпал над свитками при свете ламп, мне снился образ приветствующей нас богини, которая сидит на горе и из влагалища которой текут две струи воды. Хотя спал я мало, на рассвете просыпался бодрым и свежим и снова спешил на пристань, чтобы продолжить приготовления к путешествию.

К счастью, большая часть канатов для флота изготовлялась в мастерских Элефантины. Поэтому я мог выбирать лучшие канаты в стране. Одни были толщиной с палец, другие – с бедро, и я заполнил ими все свободное пространство в трюмах кораблей, еще не занятое припасами. Я понимал, как они нам понадобятся, когда мы пойдем через пороги.

Нет ничего удивительного в том, что на Элефантине подняли головы те из нас, кто был слаб духом и чья решимость поколебалась. Испытав лишения дальнего путешествия, многие решили, что сдаться на милость гиксосов предпочтительнее путешествия в глубь раскаленной пустыни юга, где их будут подстерегать дикари и невиданные звери.

Когда Тан узнал, что тысячи подданных хотят покинуть флот, то рассвирепел.

– Проклятые предатели и изменники, я знаю, что с ними делать! – криво усмехнулся он и предложил загнать их на корабли войсками.

Сначала моя госпожа поддержала его, но по другой причине. Беспокоилась о благополучии подданных. А кроме того, она дала обет не оставлять никого на милость гиксосов.

Я спорил с ними половину ночи, прежде чем убедил их, что лучше избавиться от тех, кто не хочет следовать за нами.

В конце концов царица Лостра издала указ, в котором говорилось, что каждый, кто хочет остаться в Элефантине, может сделать это. Однако она добавила кое-что к тексту указа от себя. Указ прочли вслух на каждой улице города и на пристанях, где стояли наши корабли.

> Я, царица Лостра, правительница Египта, мать царевича Мемнона, наследника двойной короны обоих царств, даю народу своей страны торжественное обещание.
>
> Я клянусь перед всеми богами и призываю их засвидетельствовать мою клятву: я клянусь, что по достижении царевичем совершеннолетия я вернусь с ним в город Элефантину, возведу его на трон Египта и возложу на его голову двойную корону, чтобы он изгнал поработителей и милостиво правил вами всю свою жизнь.
>
> Я, царица Лостра, правительница Египта, говорю вам это.

Этот ее указ и клятва умножили стократно любовь и верность простого народа к моей госпоже и царевичу. Я сомневаюсь, чтобы за всю тысячелетнюю историю нашей страны какой-нибудь ее правитель был так обожаем народом.

Когда составили списки тех, кто желает отправиться с нами за пороги, я без малейшего удивления заметил, что в них вошли почти все, чья верность и чьи таланты были особенно ценны.

Тех, кто пожелал остаться в Элефантине, мы могли оставить без особой печали. Прежде всего это касалось жрецов.

Однако время показало, что оставшиеся в Элефантине тоже доказали свою преданность. После долгих лет нашего исхода мы получили от них сведения о состоянии страны, и, что гораз-

до важнее, они поддерживали пламя надежды в сердцах народа, надежды на возвращение царицы Лостры и царевича Мемнона и хранили память о них.

Постепенно за долгие и горькие годы тирании гиксосов легенда о возвращении царевича распространилась по обоим царствам, и весь народ Египта от первого порога до семи устьев дельты поверил в возвращение царевича и молился в ожидании этого дня.

Гуи привел лошадей к Элефантине и держал их в полях на западном берегу под оранжевыми дюнами пустыни. Мы с царевичем ездили туда каждый день, и хотя Мемнон становился все тяжелее, он по-прежнему сидел у меня на плечах, чтобы дальше видеть.

Теперь Мемнон знал своих любимцев по имени, а Терпение и Клинок подходили к нему и брали из его рук лепешки, когда он подзывал их. Когда же мальчуган в первый раз сам прокатился на спине Терпения, кобыла обращалась с ним так бережно, как будто он был ее собственным жеребенком, а царевич, крича от радости, скакал в первый раз верхом без посторонней помощи.

За время похода Гуи узнал многое об управлении табунами в пути, и теперь пригодились новые навыки, когда мы стали планировать новый этап нашего путешествия. Я объяснил Гуи ту роль, которую лошади должны были сыграть при прохождении порога, и посадил его колесничих и конюхов за изготовление упряжи.

При первой же возможности мы с Таном отправились вверх по реке на разведку порогов. Вода стояла низко, и все скалистые островки торчали наружу. Местами протоки между ними были настолько мелкими, что их можно было перейти вброд, не окунаясь с головой.

Порог тянулся на много миль, представляя собой беспорядочное переплетение протоков, разделенных грудами гранитных скал. Протоки вились между ними, как змеи. Один вид порога лишил меня обычной бодрости и напугал сложностью стоявшей перед нами задачи.

Тан сказал с обычной грубой прямотой:

– Здесь даже маленькую лодку не провести, не пропоров брюха. А что нам делать с перегруженными кораблями? Тащить их по суше на спинах твоих проклятых лошадей? – Он рассмеялся. Однако веселья я в его смехе не услышал.

Мы отправились обратно в Элефантину, но еще до возвращения в город я решил, что у нас только один выход: придется сойти с кораблей и идти по суше. Разумеется, трудно даже вообразить те трудности, которые нас ожидают. Однако, по моим оценкам, получалось, что мы можем снова собрать флотилию за порогом.

Вернувшись во дворец на Элефантине, мы сразу отправились в покои царицы Лостры, чтобы сообщить ей о результатах разведки. Она выслушала и покачала головой.

– Богиня не могла покинуть нас так скоро, – сказала Лостра и повела нас со всем своим двором в храм Хапи на южном конце острова.

Царица принесла щедрую жертву богине. Мы молились ей всю ночь и просили научить нас.

Я не верю, что благосклонность богов можно купить, перерезав горло нескольким козам или разложив гроздья винограда на каменном алтаре, однако молился не менее ревностно, чем верховный жрец, и к рассвету ягодицы мои ужасно болели от сидения на каменном полу.

Как только лучи восходящего солнца проникли в ворота святилища и осветили алтарь, госпожа послала меня в шахту Ниломера. Не успел я дойти до нижней ступени, как вдруг почувствовал, что стою по колено в воде.

Хапи услышала наши молитвы. Хотя до обычного половодья оставалось еще несколько недель, вода в реке начала подниматься.

В тот же день, когда начался подъем воды, быстрая разведывательная ладья, посланная Таном на север следить за передвижениями гиксосов, пришла вверх по реке на крыльях северного ветра. Гиксосы снова выступили в поход. Они будут в Элефантине через неделю.

Вельможа Тан немедленно отправился с главным войском готовиться к обороне порогов, оставив вельможу Меркесета и меня наблюдать за погрузкой людей. Мне удалось оторвать вельможу Меркесета от его молодой женушки ровно настолько, чтобы он подписал приказы, тщательно подготовленные мной.

На этот раз нам удалось избежать хаоса и паники, охвативших народ в Фивах, и флот наш приготовился к отплытию и ушел из города в полном порядке.

Пятьдесят тысяч египтян стояли по обоим берегам реки, плача и распевая гимны Хапи. Они махали пальмовыми ветвями, прощаясь с нами. Царица Лострa стояла на носу «Дыхания Гора» с маленьким царевичем, и оба махали руками толпам людей на берегах, пока ладья медленно уходила вверх по реке.

В двадцать один год госпожа моя достигла вершины своей красоты, и всеми, кто смотрел на нее, овладевало благоговение. Красота ее повторялась в ребенке, стоявшем рядом с ней и державшем посох и плеть Египта в маленьких, но решительных ручках.

– Мы вернемся! – кричала госпожа.

– Мы вернемся, ждите нас! Мы вернемся, – повторял за ней царевич.

Легенда, которая будет поддерживать силы нашей несчастной и порабощенной страны в мрачные годы иноземного владычества, родилась в тот день на берегах Великой реки.

Когда мы достигли входа в порог к следующему полудню, усеянное скалами дно ущелья покрывал гладкий, стремительный поток. Местами вода бурлила и гремела под саваном белой пены, но половодье еще не достигло вершины своей ужасной мощи.

Именно этот момент в жизненном цикле реки был наиболее благоприятен для нас. Вода стояла достаточно высоко, и корабли могли пройти по протокам, не застряв на отмелях, и в то же время течение было не настолько сильным, чтобы разбить их в щепки на гранитных уступах порогов.

Тан управлял флотом, а мы с Гуи под формальным руководством вельможи Меркесета командовали береговым отрядом. Я усадил веселого старика на вершине холма над ущельем с кувшином вина в одной руке и молодой женой в другой. Там он и оставался под навесом. Я не обращал внимания на те сбивчивые и противоречивые приказы, которые благородный вельможа посылал мне время от времени все эти дни, а продолжал заниматься проводкой кораблей через бурные стремнины.

Самые толстые канаты мы протянули вдоль берега и запрягли в них наших лошадей упряжками по десять. Мы быстро обнаружили, что можем одновременно гнать вперед десять упряжек или сто лошадей, пристегнув их к главным канатам. С большим количеством лошадей трудно было бы управиться.

Помимо лошадей, почти две тысячи человек тянули дополнительные и направляющие канаты. Людей и лошадей меняли каждый час, чтобы сил у них хватило надолго. На каждом опасном повороте или изгибе реки мы разместили на берегу группы людей с длинными шестами, которыми они должны были отталкивать ладьи от скал, когда те будут проходить мимо. Такие же команды мы высадили на гранитных островках.

Наш народ был рожден на берегах реки и понимал нрав родного Нила лучше, чем собственных жен. Мы с Таном разработали систему сигналов между ладьями и берегом, которые подавались горном. Она действовала гораздо лучше, чем я ожидал.

На бортах ладей моряков также вооружили шестами, чтобы отталкиваться от скал. Во время работы они пели древние песни корабельщиков. «Дыхание Гора» первой должна была пройти через порог. Под звуки песен и крики погонщиков лошадей, смешивающиеся с гулом воды в ущелье, мы потащили корабль вперед, и его нос направился в первую протоку с гладкой стремительной водой.

Огромная зеленая волна встала под носом ладьи, однако наша решимость пересилила мощь воды, и две тысячи человек и сотня лошадей потащили ее вперед. Мы провели «Дыхание Гора» через первую стремнину, и под наши радостные крики она выскользнула на глубокий спокойный плес.

Однако впереди нас ждали еще шесть миль порогов. Мы сменили людей и лошадей и потащили корабль дальше, по бурному, кипящему потоку, где скалы торчали из воды, как головы гигантских гиппопотамов, готовых расколоть хрупкие борта гранитными клыками. Мы провели судно по шести милям адских стремнин, где каждая скала грозила смертью и разрушением. Но канаты держались, а люди и лошади, меняясь, тянули ладью вверх по течению.

Моя госпожа шла вдоль берега рядом с потными мужчинами. Даже под знойным солнцем пустыни она казалась свежей и прохладной, как цветок, а ее смех и шутки ободряли работников. Она пела вместе с ними рабочие песни, и я временами тоже вступал в этот хор. Иногда мы на ходу придумывали новые слова. Люди смеялись и тянули канаты с новой силой.

Царевич Мемнон ехал на спине Клинка, на первой, ведущей упряжке лошадей. Гуи завязал веревку вокруг груди лошади позади передних ног, чтобы царевичу было за что ухватиться, потому что ножки Мемнона были еще слишком короткими и он не мог держаться ими. Они смешно торчали по бокам широкой спины лошади. Царевич гордо махал рукой отцу, стоявшему на кормовой надстройке ладьи.

Когда же мы наконец вышли на глубокие, спокойные воды Нила выше порога, рабочая песня корабельщиков сменилась гимном Хапи, которая провела ладью через пороги.

Вернувшись на борт «Дыхания Гора», госпожа вызвала к себе старшего каменщика. Она приказала вырубить обелиск на высокой скале у выхода из порога. Пока все работали над проводкой остальных кораблей, каменщики огнем и резцом поднимали высокую и стройную колонну пятнистого камня, вырубая ее из материковой скалы. Высвободив силуэт стелы, они вырубили на колонне слова, продиктованные моей госпожой. Используя особый иероглиф фараона, объединили имя царицы и ее сына в одном рисунке.

С каждым шагом мы становились все опытнее в проводке лодок через пороги.

Нам потребовался целый день, чтобы провести «Дыхание Гора» через все стремнины. К концу следующей недели мы проводили ладьи вдвое быстрее, и одновременно через пороги шло пять или шесть кораблей. Подобно царской свите ладьи одна за другой нос к корме выходили из порогов на гладкий плес. Десять тысяч человек и почти тысяча лошадей трудились одновременно.

На гладкой воде выше порогов уже стояло на якоре больше сотни ладей, когда гиксосы снова напали на нас.

Царя Салита задержало разграбление города Элефантины. Кроме того, он не сразу понял, что мы ушли вверх по реке с основной частью сокровищ фараона в трюмах наших кораблей. Гиксос знал о реке столько, сколько ему рассказали шпионы и вельможа Интеф, а они убедили его, что пороги представляют собой непроходимый для ладей барьер. Поэтому он позволил себе задержаться в Элефантине, прежде чем снова пуститься за нами в погоню.

Разграбив город и дворец на острове, Салит обещал щедро наградить своих осведомителей и под пыткой пытался вырвать у египтян сведения о сокровищах и царевиче. Граждане Элефантины честно служили своему монарху. Они долго держались под пыткой и дали флотилии время уйти подальше и завершить проводку судов через порог.

Разумеется, это не могло продолжаться вечно. В конце концов какой-то бедняга не выдержал пыток. Царь Салит запряг своих лошадей и снова помчался за нами к ущелью первого порога.

Тан хорошо подготовился к встрече с ним. Под его руководством Крат, Ремрем и Аст тщательно оборудовали позиции наших войск. Каждый, кто не был занят на проводке кораблей, был послан на защиту ущелья.

Пересеченная местность оказалась лучшим нашим союзником. Склоны ущелья были крутыми, а дно усыпано обломками скал. Только узкая тропа вилась вдоль берега между осыпями огромных камней. На каждом повороте реки у берега вздымались высокие, изрытые пещерами обрывы, и каждый из них был превосходной природной крепостью.

В узком ущелье колесницам не хватало места для маневра, а отойти от реки и пойти в обход ущелья по пустыне они не могли – там не было ни воды, ни пищи для лошадей. Песчаные равнины коварны. Тяжелые колесницы застревают в сыпучем песке, их потеряли бы среди песчаного бездорожья. У гиксосов не было выбора: им пришлось узкой колонной идти за нами по прибрежной тропе.

У Крата было более чем достаточно времени, чтобы улучшить природные оборонительные свойства местности. Он построил множество каменных стен там, где их легче защищать. На скалах над этими укреплениями разместил лучников и установил кучи камней, которые можно было свалить на головы врага по приказу.

Когда авангард гиксосов пошел вверх по ущелью, его встретил град стрел из обнесенного каменными стенами укрепления на высокой скале. Когда они сошли с колесниц и пошли разбирать завалы, Крат крикнул своим воинам, те выбили клинья из-под кучи огромных камней на краю пропасти, и лавина понеслась вниз.

Камни с грохотом катились на гиксосов, сметая людей, колесницы и лошадей в кипящие стремнины Нила. Стоя на вершине скалы рядом с Кратом, я видел, как их головы то исчезали, то появлялись снова в бурной воде порогов, слышал далекие отчаянные вопли, которые эхо разносило по ущелью, пока тяжелые доспехи не топили несчастных.

Царь Салит был упорен. Он посылал вперед на расчистку дороги новые и новые отряды. Снова и снова карабкались они вверх по скалам, чтобы сбить наших воинов с высот. Гиксосы терпели огромные потери в лошадях и людях, мы же оставались практически неуязвимыми. Когда они под потоком наших стрел взбирались на скалы в тяжелых бронзовых доспехах, Крат приказывал своим людям перейти на другие, заранее подготовленные позиции, прежде чем гиксосы успевали добраться до них.

Конец сражения был ясен. Не пройдя и половины ущелья, царь Салит отказался от преследования.

Тан и моя госпожа стояли вместе с нами на вершине скалы, когда гиксосы начали отступать. Дорога позади них была усеяна обломками колесниц и упряжи – обычным мусором сражения.

– Пусть трубят трубы! – приказал Тан, и эхо разнесло по ущелью насмешливо-торжественные звуки труб, провожающие отряды гиксосов. Последней в жалкой цепочке конницы шла позолоченная, сверкающая колесница самого Салита. С вершины скалы я разглядел рослого варвара в высоком бронзовом шлеме, густая борода потоком спускалась на грудь. Он поднял свой меч в правой руке и потряс им. Лицо искажала бессильная злоба.

Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Затем Тан послал разведчиков проследить за ними до Элефантины. Если это отступление окажется военной хитростью, нас предупредят. В глубине души я знал, что Салит не вернется. Хапи выполнила свое обещание и снова защитила нас.

Потом мы повернулись и пошли по козьей тропе над пропастью туда, где стояла на якоре наша флотилия.

Каменщики закончили работу над обелиском. Я отметил его пропорции и форму на материковой скале до того, как они сделали первый удар резцом, поэтому линии монумента были столь изящны и приятны глазу. Он представлял собой колонну из цельного гранита в три человеческих

роста. И казался намного выше, чем был на самом деле, когда его поставили на вершине утеса над последней стремниной порога в знак нашего торжества. Весь наш народ собрался под ним, и царица Лостра посвятила этот камень богине реки. Она прочла вслух надпись, выбитую каменщиками на полированном камне.

> Я, царица Лостра, правительница Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, мать наследника короны Мемнона, который будет править обоими царствами после меня, приказала возвести этот монумент.
>
> Этот камень – моя клятва всему народу Египта в том, что я вернусь из неведомых земель в свою страну, откуда меня изгнал варвар.
>
> Обелиск этот поставлен здесь в первый год моего правления, девятисотый год после постройки великой пирамиды фараона Хеопса.
>
> Пусть же камень этот стоит здесь так же прочно и несокрушимо, как и великая пирамида, до тех пор, пока я не вернусь и не выполню свою клятву.

Затем на виду у всего народа она возложила «Золото доблести» на плечи Тана, Крата, Ремрема, Аста и всех тех героев, чьи труды помогли провести корабли через пороги.

Последним она позвала меня, и я опустился перед ней на колени. Она прошептала так, чтобы я один услышал ее:

– Как могла я позабыть тебя, мой милый, верный Таита? Мы бы вряд ли смогли преодолеть столько препятствий без твоей помощи. – И легонько коснулась моей щеки. – Я знаю, как ты обожаешь блестящие безделушки.

И она повесила мне на шею тяжелое «Золото похвалы». Позже я взвесил его – в нем оказалось тридцать дебенов золота, что на пять дебенов больше, чем в цепи, возложенной на меня фараоном.

Мы спускались вниз по склону ущелья. Я шел рядом со своей госпожой и держал опахало из страусовых перьев над ее головой, прикрывая от солнца, и она много раз улыбнулась мне. Каждая улыбка была для меня дороже самой тяжелой золотой цепи, когда-либо отягощавшей мои плечи.

На следующее утро мы взошли на борт «Дыхания Гора», и ее нос снова повернул к югу. Долгое путешествие началось.

Мы обнаружили, что вид и нрав реки изменились. Она больше не текла спокойно и широко, как тот Нил, который кормил нас. Река стала суровой и мощной. В ней было мало нежности и сочувствия. Она стала уже и глубже. Берега ее с обеих сторон стали круче. Ущелья и сухие овраги разрезали каменистые склоны. Мрачные, темные утесы хмуро смотрели на нас с высоты.

Пойма в некоторых местах сужалась настолько, что лошадям, скоту и овцам приходилось идти в один ряд по грубой козьей тропе вдоль обрывистого, скалистого берега. Кое-где тропа исчезала полностью, и крутые скалы отвесно уходили в глубокие воды Нила. Тогда пути вперед для стад больше не было. Гуи приходилось загонять животных в реку и вплавь переправляться на противоположный берег. Там скалы обычно отступали, и берег оставался проходимым.

Шли недели, а мы почти не встречали признаков человеческого присутствия. Однажды наши разведчики нашли на песчаной косе источенную червями лодку, выдолбленную из цельного ствола дерева. В пойме мы как-то обнаружили маленькое скопление брошенных хижин. Провалившиеся крыши были крыты тростником, а стен не было.

Вокруг мы нашли только остатки коптилен для рыбы и пепелища костров. Это было все. Мы не обнаружили ни осколков глиняной посуды, ни бус, по которым можно было определить, что за люди жили там.

Нам не терпелось найти племена Куша, так как мы нуждались в рабах. Наша цивилизация основана на рабовладении, а из Египта нам удалось вывести очень мало рабов. Тан посылал вперед разведчиков, чтобы заблаговременно узнать о поселениях людей и организовать охоту на рабов. Без всякой иронии я много времени уделял планированию захвата рабов, хотя сам был таковым.

Богатство измеряется в четырех видах товаров: земле, золоте, рабах и слоновой кости. Мы считали, что земли, лежащие перед нами, богаты всеми четырьмя. Только эти богатства придадут нам достаточно сил, чтобы вернуться и изгнать гиксосов с родины. Поэтому нам необходимо было найти их в неведомых землях, куда несли нас ладьи.

Царица Лостра посылала своих золотоискателей в холмы, окружающие реку. Они карабкались по сухим руслам и ущельям, скребли скалы и отбивали комья сухой глины во всех подходящих местах, откалывали кусочки камней, размалывали их в порошок и мыли в мелких глиняных блюдах, надеясь обнаружить на дне сверкающий драгоценный осадок.

Царские охотники отправлялись на поиски дичи, которой они кормили множество людей. Они искали также первые следы тех самых огромных серых зверей, в пасти которых растут драгоценные бивни слоновой кости. Я обшарил всю флотилию в поисках человека, который видел бы когда-либо слона живым или мертвым, но тщетно. Хотя зубы слона обычны во всем цивилизованном мире, я не нашел никого, кто мог бы мне помочь. Странное и необъяснимое волнение охватывало меня при мысли о первой встрече с этими сказочными животными.

В диких землях по берегам реки обитало множество живых существ. Одни были знакомы нам, другие – совершенно неизвестны и новы.

Повсюду, где по берегу реки рос камыш, паслись стада гиппопотамов, лежавших на отмелях подобно круглым гранитным скалам. После долгого и основательного теологического спора мы никак не могли прийти к единому мнению о том, принадлежат ли эти животные богине Хапи здесь, как и в нижнем течении реки, или же они являются царской дичью, принадлежащей короне. Жрецы Хапи придерживались первой точки зрения. Остальные же, кому нравилось жирное, нежное мясо этих животных, отстаивали противоположное мнение.

Так уж случилось, что именно тогда богиня Хапи изволила явиться мне в одном из знаменитых моих снов. Мне приснилось, как она поднимается из зеленых вод Нила и, благосклонно улыбаясь, кладет в руку моей госпожи маленького гиппопотама, размером не больше дикой куропатки. Как только я проснулся, тут же передал суть этого странного и волнующего сна царице. К этому времени госпожа стала безоговорочно принимать мои сны и предсказания как проявления воли богов. Все остальные наши спутники следовали ее примеру.

В тот же вечер мы устроили пир, пожарив сочные куски мяса речных коров на открытых углях костров, разложенных на берегу, у которого стали на якорь наши ладьи. Моя слава и любовь ко мне, уже достаточно высокая во всей флотилии, только увеличились после этого сна. Одни жрецы Хапи не разделяли общих теплых чувств ко мне.

Река кишела рыбой. Ниже порога народ наш ловил ее тысячу лет, а может быть, и больше. Здесь же воды реки оставались нетронутыми людьми и их снастями. Мы ловили огромных голубых окуней толще самого крупного человека и гигантских зубаток с усами длиной с руку; они были так мощны и тяжелы, что сетью их невозможно было поймать. Легким движением громадного хвоста они рвали пеньковые веревки, как паутину. Наши рыбаки охотились на них на мелководье с копьями, как на речных коров. Их жарили на вертеле, и жир капал в огонь с желтого мяса, а одна рыба могла накормить пятьдесят человек.

На высоких скалах, нависших над рекой, гнездились орлы и стервятники. Снизу гнезда казались комьями хвороста, застрявшими в расщелинах во время половодья, а испражнения огромных птиц окрашивали скалы под гнездами блестящими белыми полосами. Птицы парили над нами на широких крыльях, кружа и покачиваясь в струях горячего воздуха, поднимающегося от черных скал ущелья.

С высоких скал на нас презрительно и царственно взирали стада диких коз. Тан каждый день отправлялся в скалы охотиться на них, но прошло много недель, прежде чем ему удалось подстрелить хотя бы одну. У коз были зоркие глаза стервятника, а по скалам они карабкались с ловкостью ящериц, без труда взбираясь по вертикальной гранитной стене.

Старый баран ростом доходил до плеча человека. Борода, казалось, мела скалу у ног, а рога мощной дугой вились над головой. Тану удалось подбить его стрелой, пустив ее через глубокую пропасть с одной вершины на другую. Когда баран полетел вниз, он много раз перевернулся в воздухе, прежде чем упал на каменистое дно ущелья.

Зная мой страстный интерес к подобным вещам, Тан разделал тушу, снял шкуру и отдал мне голову и рога. Даже ему едва хватило сил, чтобы принести добычу к лодке с крутых, грозящих смертью утесов. Я вычистил и отделал череп и установил его на носу нашей ладьи, и мы поплыли вперед в неведомую даль.

Шли месяцы, и вода в реке начала спадать. Когда мы проходили мимо отвесных утесов, то видели, как отступающая вода оставляла на них свои следы, и каждое из предшествующих половодий ставило отметину.

По ночам мы с царевичем Мемноном допоздна изучали небо, освещенное молочным сиянием звезд, если, конечно, его мать разрешала нам. Я рассказывал царевичу об именах и природе каждого из этих яростных огоньков и о том, как они влияют на судьбу человека, родившегося под ними. Изучая небесные тела, я определил, что река больше не ведет нас прямо на юг, а отклоняется к западу. Мои наблюдения вызвали горячий спор среди ученых и мудрецов.

– Река ведет нас прямо к западным полям рая, – предположили жрецы Осириса и Амона-Ра.

– Это уловка Сета. Он хочет смутить и запутать нас, – возражали жрецы Хапи, которые до сего времени пользовались незаслуженно большим влиянием на наших советах. Царица Лостра – дитя Хапи, и теперь все, или по крайней мере большинство из нас, признавали в Хапи покровителя нашего похода. Ее жрецы злились на то, что их позиции ослабляются легкомысленным поведением реки. – Скоро река снова повернет на юг, – предвещали они. Меня всегда приводит в ужас то, как беспринципные люди манипулируют желаниями богов, чтобы те совпадали с их собственными.

Прежде чем смогли разрешить этот спор, мы подошли ко второму порогу.

Это было последнее место, куда ступала нога цивилизованного человека, и никто не знал, что ожидает нас дальше. Когда разведчики осмотрели пороги, мы поняли, почему никто не преодолел их. Стремнины здесь были длиннее и опаснее тех, которые мы уже прошли.

На обширном участке течение Нила разрезали несколько больших скалистых островов и множество мелких островков. Вода стояла низко, и дно ущелья было обнажено. Впереди нас на многие мили простирался лабиринт усеянных скалами проток и каналов. С благоговейным страхом взирали мы на грозное величие порога.

– Откуда нам знать, нет ли за этим порогом еще одного, а за ним еще и еще? – спрашивали те, кто слаб духом. – Мы растратим все свои силы, застрянем посредине порога и не сможем ни пойти вперед, ни вернуться назад. Нам следует повернуть назад, пока не поздно, – говорили они.

– Мы пойдем дальше! – приказала госпожа. – Кто хочет вернуться назад, может отправляться вниз по реке. Однако они не получат ни ладей, на которых смогут плыть, ни лошадей,

которые проведут ладьи через первый порог. Им придется возвращаться самим, и я уверена – гиксосы приготовят сердечную встречу.

Никто не принял великодушное предложение госпожи. Вместо этого мы высадились на плодородные земли, которые со всех сторон сжимали узкие протоки на дне ущелья.

Брызги, поднимающиеся в воздух во время половодья, и вода, просачивающаяся в почву из реки в любое время года, превратили многие острова в густые леса, которые сверкали зеленью на фоне сухой и страшной пустыни, обступившей пойму реки. Невиданные доселе деревья выросли на этих островах из семян, занесенных половодьем, а Нил тысячи лет оставлял на их гранитных берегах плодороднейший ил.

Нам не стоило даже пытаться преодолеть порог до начала следующего половодья, пока уровень воды в реке не поднимется настолько, чтобы ладьи наши смогли пройти по мелким протокам, а до половодья оставалось еще много месяцев.

Наши крестьяне сошли на берег, расчистили землю и посадили семена, которые привезли с собой. Через несколько дней появились всходы, и под горячим солнцем пустыни растения, казалось, росли на глазах. Несколько месяцев спустя настала пора сбора урожая, и мы в огромных количествах поглощали сладкие фрукты и овощи, которых нам так не хватало с тех пор, как мы покинули Египет. Ропот, возникший было в народе, постепенно угас.

Острова эти оказались настолько привлекательными, а земля – настолько плодородной, что некоторые из нас захотели поселиться тут постоянно. К царице пришла группа жрецов Амона-Ра и попросила у нее разрешения возвести храм своему богу на одном из островов. Госпожа моя ответила так:

– Здесь мы путники. Все мы в конце концов вернемся в Египет. Таков мой обет, моя клятва, данная моему народу. Мы не будем строить храмы и постоянные жилища. Пока не вернемся в Египет, мы будем жить в шатрах и хижинах, как бедуины.

К этому времени в моем распоряжении оказалась древесина деревьев, которые росли на островах. У меня появилась возможность исследовать различные ее свойства.

Древесина акации упругая и прочная. Из нее получились самые лучшие спицы для моих колес – по крайней мере из тех сортов древесины, которые я испытал. Я посадил плотников и ткачей за сборку привезенных колесниц и изготовление новых из стволов бамбука, который рос на островах.

Плоская пойма на левом берегу реки ниже порога простиралась на несколько миль. Очень скоро отряды наших колесниц стали проводить учения на этой равнине. Спицы колес по-прежнему ломались на большой скорости, но случалось это уже не так часто, как раньше. Мне опять удалось уговорить Тана забраться в колесницу. Однако он отказывался ездить с каким-либо другим возницей, кроме меня.

В то же время мне удалось изготовить первый удачный изогнутый лук, над которым я работал с тех самых пор, как мы оставили Элефантину. Как и Ланату, я изготовил его из трех различных материалов: дерева, слоновой кости и рога. Однако форма лука была иной. Со снятой тетивой он распрямлялся, и верхняя и нижняя части выгибались в противоположную от лучника сторону. Только с натянутой тетивой принимал он знакомую форму, но усилие ствола, передающееся на тетиву, было намного больше при меньших размерах дуги.

В ответ на мои мягкие, но настойчивые просьбы Тан в конце концов согласился пострелять из этого лука по мишеням, которые я установил на восточном берегу. Промолчал, выпустив из нового лука двадцать стрел, но я видел, что он поражен точностью и дальностью полета стрелы. Я так хорошо знал Тана. В душе своей это был консерватор и реакционер до мозга костей. Ланата стала его первой любовью: и как женщина, и как оружие. Я знал, как болезненно призна-

ет он новую любовь, и не пытался вытягивать из него похвалы. Я позволил ему поразмыслить на досуге.

Именно тогда наши разведчики сообщили о миграции сернобыков. Мы видели множество больших и малых стад этих великолепных животных с тех пор, как прошли первый порог. Обычно они паслись на берегах реки, но скрывались в пустыне, как только ладьи подходили к берегу. Теперь же разведчики сообщали о массовом передвижении сернобыков, которое редко случается в пустыне. Только однажды мне пришлось быть свидетелем подобного явления. По какому-то капризу погоды в глубине пустыни раз в двадцать лет может разразиться гроза и пройти дождь, и там в мокрой земле появляются ростки зеленой травы, которая привлекает разрозненные стада сернобыков с огромных пространств.

По дороге к новым пастбищам сернобыки собираются в один мощный поток, текущий по пустыне. Именно это и происходило сейчас, что давало нам возможность несколько разнообразить пищу и устроить серьезные испытания для наших колесниц.

Тан впервые проявил интерес к колесницам – ведь теперь на них можно было преследовать дичь. Когда он взбирался на колесницу, то взял с собой новый изогнутый лук, а не старую верную Ланату. Я заметил это, но промолчал. Я взбодрил лошадей и направил их вперед по узкой долине между холмами, ведущей от Нила в просторы пустыни.

В нашем отряде было пятьдесят колесниц, за которыми следовало около десятка повозок со сплошными деревянными колесами, нагруженных кормом для лошадей и водой на пять дней. Мы шли рысью в колонне по двое по три длины упряжки между рядами. Такой строй стал обычным для наших войск.

Чтобы снизить нагрузку на колесницы, мы сбросили всю одежду, оставшись в набедренных повязках. Воины наши выглядели превосходно после долгих месяцев работы на веслах. Их мускулистые тела покрывало масло, и они блестели на солнце, как тела молодых богов. Над каждой колесницей на длинном бамбуковом шесте развевался вымпел. Вид у нас был весьма бравый, когда мы катились вперед по козьей тропе между холмами. Когда я оглядывался на колонну колесниц, даже у меня, человека далеко не воинственного, возникало восторженное чувство.

Тогда я еще не сознавал, что гиксосы и исход из Египта пробудили в нашем народе новый, воинственный дух. Раньше мы были страной ученых, торговцев и жрецов, но теперь решимость царицы Лостры изгнать тирана и храбрость командующего всеми войсками фараона изменили настроение народа. Мы становились воинами.

Когда наша маленькая колонна выходила из ущелья между холмами и поднималась на гребень, из-за последней кучи камней на краю пустыни появилась маленькая фигурка, ожидавшая нас в засаде.

– Тпру! – Я остановил лошадей. – Что ты делаешь здесь, так далеко от флотилии?

Я не видел царевича со вчерашнего вечера и считал, что он находится в полной безопасности под присмотром нянек. Я был поражен, когда увидел его здесь, посреди пустыни, и в голосе у меня чувствовалось возмущение. Царевичу не исполнилось еще и шести лет, но за плечами висел маленький игрушечный лук, а лицо выражало упрямство, которое часто появлялось на лице его отца, когда тот становился неукротимым.

– Я отправляюсь на охоту с вами, – сказал Мемнон.

– Нет, – возразил я. – Я немедленно пошлю тебя назад к матери. Она знает, как поступать с маленькими мальчиками, когда они тайком убегают из лагеря, ничего не говоря своим учителям.

– Я наследник короны Египта, – объявил Мемнон, но губы у него задрожали, несмотря на столь серьезное заявление. – Никто не смеет запрещать мне. Мое священное право и обязанность – вести мой народ в трудное время.

Разговор принял опасный оборот. Царевич знал свои права и обязанности. Я сам научил его. По правде говоря, я не ожидал, что ученик так скоро воспользуется своими знаниями. Он сумел направить наш разговор в русло соблюдения придворных обычаев. Теперь спорить с ним было очень трудно, если вообще возможно. Я стал отчаянно искать выход из создавшейся ситуации.

– Почему ты не попросил меня заранее? – спросил я, чтобы выиграть время.

– Потому что ты пошел бы за разрешением к матери, – честно ответил мальчик, – а она бы поддержала тебя и, как обычно, не пустила меня на охоту.

– Я и сейчас могу отправиться с тобой к царице, – пригрозил я. Но юный охотник посмотрел назад, в долину, по которой мы прошли. Ладьи на реке казались игрушечными с такого расстояния, и он тихо улыбнулся. Мы оба понимали, что я не могу послать весь отряд назад.

– Пожалуйста, позволь мне пойти с вами, Таита. – Царевич изменил тон. Маленький чертенок старался изо всех сил. Мне было трудно устоять перед его обаянием. Потом меня вдруг осенило.

– Вельможа Тан командует отрядом – спрашивай у него разрешения.

Отношения между ними были странными. Только три человека – его родители и я – знали, кто настоящий отец Мемнона. Сам же царевич считал Тана своим учителем и командующим всеми войсками. Хотя он и любил Тана, но по-прежнему относился к нему с чувством восторженного почтения. С таким человеком, как Тан, маленькому мальчику, даже царевичу, лучше не шутить.

Теперь они смотрели друг на друга. Я видел, что Мемнон думает, с чего начать наступление, а Тан судорожно пытается сдержать смех.

– Вельможа Харраб, – наконец официально начал Мемнон, – я хочу пойти с вами. Я думаю, для меня это будет очень полезным уроком. Однажды мне, в конце концов, придется возглавлять войска. – Я научил его логике и диалектике. Таким учеником можно гордиться.

– Царевич Мемнон, ты приказываешь мне? – Тану удалось скрыть веселье под свирепой ухмылкой, и я заметил, что в глазах у царевича, жалобно покачавшего головой, появились слезы.

– Нет, мой господин. – Он снова стал маленьким мальчиком. – Но мне очень хочется поехать с вами на охоту. Пожалуйста, возьмите меня с собой.

– Царица велит удавить меня, – сказал Тан. – Ладно, становись сюда, впереди меня, маленький негодник.

Царевич обожал, когда Тан называл его негодником. Это звучало почти как «негодяй», а именно этим словом Тан называл воинов своего любимого отряда синих, и Мемнон чувствовал себя одним из них. С веселым воплем он ринулся к колеснице и второпях чуть не запутался в собственных ногах. Тан протянул руку и схватил его, поднял в колесницу и поставил между нами у передка.

– Но! – закричал Мемнон Терпению и Клинку, и мы покатили в пустыню, однако лишь после того, как я послал гонца к царице с сообщением о том, что царевич цел и невредим и находится со мной и Таном. Даже львица не защищает так свирепо своих детенышей, как моя госпожа – своего сына.

Потом мы подъехали к тропе, оставленной мигрирующим стадом сернобыков, – широкой полосе песка, перемешанного копытами. Копыта сернобыков широкие, концы их разведены в стороны, чтобы не провалиться на сыпучих песках пустыни. Они оставляют легкоузнаваемые следы, похожие на клин колесниц гиксосов. Многие тысячи крупных антилоп прошли здесь.

– Когда? – спросил Тан, и я спустился с колесницы, чтобы осмотреть следы. Я пользовался каждой возможностью научить чему-нибудь Мемнона и позвал его за собой. Показал ему, как ночной ветер разрушил края следов, а маленькие насекомые и ящерицы успели избороздить их.

– Они прошли здесь вчера вечером, на закате, – высказал я свое мнение, и царевич подтвердил его. – Но идут медленно. Если повезет, мы настигнем их до полудня.

Мы подождали, пока грузовые повозки догнали нас. Напоив лошадей, отправились дальше по широкому следу стада сернобыков.

Скоро нам попались тела ослабевших и погибших животных. Это были либо очень молодые, либо старые антилопы, и теперь вороны и стервятники шумно дрались на их останках, а мелкие рыжие шакалы бродили вокруг, пытаясь ухватить кусочек.

Мы шли по широкому следу, пока не обнаружили далеко впереди жидкое облако пыли на горизонте, а потом прибавили ходу. Поднялись на неровную гряду холмов, чьи вершины дрожали в горячем воздухе по обе стороны от нас, и увидели стадо антилоп в широкой долине. Мы подошли туда, где несколько недель назад разразилась гроза. Насколько хватало глаз, повсюду пустыня превратилась в цветущий сад.

Последний дождь выпадал здесь, наверное, лет сто назад. В это трудно поверить, однако семена теперешнего урожая спали в почве долгие годы. Обжигающие лучи солнца и сухой ветер пустыни высушили их, но они ждали дождя. Для всякого, кто сомневается в существовании вечной жизни, это чудо будет лучшим и крепчайшим доказательством. Для каждого чудесное возрождение пустыни было обещанием бессмертия. Если цветы могут выжить в такой суши, тогда и душа человека, нечто куда более удивительное и ценное, тоже должна жить вечно.

Равнина, простиравшаяся перед нами, была окрашена мягкими тонами зеленого, контуры холмов выделялись пятнами темной зелени. На фоне зелени по земле протянулась изумительная радуга цветов. Они росли небольшими группками и полосами. Цветы одного вида, казалось, стремились к обществу себе подобных, как стада антилоп или стаи птиц. Оранжевые маргаритки росли рядышком, подобно маленьким прудам или озерам, а цветы с белыми, словно иней, лепестками покрывали склоны холмов. Поля голубых гладиолусов, алых лилий и желтых эрик цвели здесь.

Даже сухие, как проволока, жесткие растения, торчащие по дну оврагов и сухих русел ручьев, теперь перестали походить на иссохшие мумии тысячелетней давности и оделись в свежие зеленые наряды, увенчанные венками желтых цветов на древних, сморщенных головках. Как бы ни были эти цветы прекрасны, я знал, что красота их мимолетна. Пройдет месяц, и пустыня восторжествует. Цветы завянут на стеблях, трава обратится в пыль и умчится с горячими порывами ветра. Ничего не останется от пышного великолепия, кроме, пожалуй, семян, маленьких, как песчинки, которые многие годы с терпением каменных статуй будут ждать дождя.

– Такую красоту нужно делить с тем, кого любишь. – У Тана перехватило дух от благоговейного чувства. – О, если бы царица была с нами сейчас!

Волнение Тана только лишний раз подтверждало красоту, открывшуюся нашим взорам. Он был воином и охотником, а здесь впервые позабыл о дичи и взирал на цветущую пустыню с восторгом паломника, очутившегося перед святыней.

Крик Крата с одной из колесниц позади нас прервал созерцание великолепия природы.

– Клянусь вонючим дыханием Сета! Их тут не меньше десяти тысяч!

Стадо сернобыков покрывало равнину до зеленых силуэтов холмов. Одинокие старые быки стояли поодаль, отгоняя остальных, но большая часть антилоп держалась группами от десяти до ста голов, а в некоторых стадах им, казалось, не было числа. Они походили на огромные коричневатые пятна, как тени облаков, покрывавшие долину. Мне почудилось, что здесь собрались все сернобыки Африки.

Перед началом охоты мы снова напоили лошадей. У меня появилась возможность пройти вперед и посмотреть на это великое скопление живых существ. Разумеется, я захватил Мемнона с собой, но, когда попытался взять его за руку, он вытащил пальцы из моей ладони.

– Не бери меня за руку перед воинами, Тата, – торжественно произнес царевич. – Они будут считать меня ребенком.

Когда колесницы появились на горизонте, ближайшие животные подняли головы и с легким любопытством посмотрели на нас. Мне вдруг пришло в голову, что они еще ни разу не видели человека и наше присутствие не говорило им об опасности.

Сернобык – великолепное существо. Ростом он с лошадь, у него такой же густой развевающийся темный хвост, который свисает до самой земли. Его морду бледно-песочной масти покрывает сложный узор переплетающихся черных полос, короткая жесткая грива тянется вдоль всей шеи, придавая антилопе еще больше сходства с лошадью. Но рога сернобыка не похожи на рога ни одного животного, сотворенного богами. Они тонкие и прямые, и каждый заканчивается острием столь же острым, что и мой кинжал. Длиной они в рост самого животного, так что оружие это опаснейшее. В то время как остальные антилопы добродушны и безвредны и предпочитают спасаться бегством, сернобык, защищаясь, бросается даже на льва.

Я рассказал Мемнону о мужестве сернобыков и их выносливости. Я объяснил, как им удается прожить всю жизнь, ни разу не попробовав воды из лужи или реки.

– Они находят воду в виде росы, а также получают ее из собирающих влагу корней и стеблей растений, живущих в пустыне.

Царевич жадно слушал меня, так как унаследовал от отца любовь к охоте, а я научил его уважать всех диких животных.

– Настоящий охотник понимает и уважает птиц и животных, на которых охотится, – сказал я ему, и он серьезно кивнул:

– Я хочу стать настоящим охотником и воином, как вельможа Тан.

– Дар этот человек не получает от рождения. Он должен научиться так же, как учатся быть великими и справедливыми правителями.

С большим сожалением оторвался я от этого разговора, когда Тан позвал меня к колеснице. Лошадей уже напоили, и колесничие занимали свои места. Я предпочел бы провести остаток дня с царевичем, разглядывая равнину. Неохотно занял место возницы и повел колесницу во главе отряда охотников.

Лучники на остальных колесницах уже натянули тетиву на луки, и лихорадка охоты охватила людей. Они вели себя как гончие на коротком поводке, когда те уже почуяли добычу и рвутся вперед.

– Эй, вельможа Тан! – крикнул Крат. – Побьемся об заклад?

Прежде чем Тан успел ответить, я шепнул ему:

– Я тоже поставлю. Старый хвастун еще ни разу не стрелял из лука с мчащейся колесницы.

– Засчитываются только животные, убитые одним лучником, – прокричал ему Тан, – если в антилопе будет стрела другого, она не засчитывается.

Каждый лучник пометил древко своей стрелы особым рисунком, чтобы потом заявить на нее права. Знаком Тана был Ваджет, раненый глаз Гора.

– Ставлю один дебен золота за каждого сернобыка с твоей стрелой.

– Поставь два, – предложил я. – Один за меня.

Я по натуре не игрок, но здесь не было риска. В руках Тана был новый изогнутый лук, а я был лучшим возницей во всем войске.

Мы по-прежнему оставались новичками в конном деле, но я изучил, как гиксосы используют колесницы. Каждое построение их отрядов в тот страшный день на равнине Абнуба навечно врезалось в мою память. Охота для меня становилась не просто забавой или добычей мяса. Это была тренировка, упражнение в большой игре под названием война. Нам нужно было научиться наилучшим образом держать строй колесниц и управлять этим строем на полном ходу в бес-

порядке сражения, где обстоятельства меняются с каждым новым передвижением врага и с каждой случайностью войны.

Когда мы рысью вышли на равнину, я дал первый сигнал, и наша колонна разделилась на три части. Они плавно развернулись, как лепестки лилии. Фланги должны были разойтись в стороны, а потом загнуться внутрь, как рога быка, и окружить стадо дичи. Колонна колесниц в центре развернулась в одну линию, грудь к груди по три ширины колесниц между колесами экипажей. Мы были грудью быка. Рога будут удерживать врага, пока мы не подойдем ближе и не раздавим его в жестоких объятиях.

Впереди антилопы в рассеянных стадах вскинули головы и посмотрели на нас, почуяв приближение опасности. Они стали медленно уходить прочь, подбирая по пути своих сородичей, и маленькие группки начали сливаться в большие стада, как камень, пущенный вниз по склону, увлекает за собой лавину. Скоро вся равнина превратилась в поток сернобыков. Они бежали от нас своей характерной покачивающейся походкой, и пыль редким облаком поднималась над их движущимися спинами. Длинными черными хвостами антилопы били себя по бокам.

Я перевел отряд на шаг. Мне не хотелось утомлять лошадей быстрым бегом перед долгой и жестокой охотой. Я следил за более густыми и высокими облаками пыли, которые поднимались над колоннами колесниц, быстро окружавших сернобыков с обеих сторон.

Когда же наконец облака пыли сошлись далеко впереди, кольцо сомкнулось. Стада сернобыков замедлили бег, обнаружив, что путь к спасению отрезан. Они стали беспорядочно метаться взад и вперед, и те, что шли впереди, повернули и побежали против потока спешащих к ним навстречу животных.

По моей команде, как только фланговые колонны закончили окружение, они перешли на легкий шаг и направились к центру стада. Мы зажали огромное скопление сернобыков в кулак, и теперь его пальцы медленно сжимались. Большая часть животных в смятении остановилась, не зная, куда бежать. Со всех сторон на них шли ряды колесниц.

Мы приближались спокойным шагом, и лошади наши были еще бодры и свежи. Они почувствовали волнение и начали вскидывать головы, тянуть поводья, фыркать и показывать белки глаз. Стадо сернобыков снова пришло в движение, но на этот раз животные просто метались туда-сюда, и стадо не перемещалось. Антилопы кружились на месте, бросались то в одну сторону, то в другую, останавливались и, повернув, бежали в противоположную сторону.

Я с наслаждением наблюдал, как дисциплинированно ведут себя наши колесницы. Они твердо держали строй, не скапливаясь в одном месте и не оставляя больших просветов в другом. Сигналы, которые я давал, передавались по линии колесниц от одной к другой и немедленно выполнялись. Мы наконец превращались в войско. Очень скоро мы сможем сразиться с любым врагом на достаточно выгодных условиях, даже если это будет опытная конница гиксосов, которые проводят всю свою жизнь в колесницах.

Я потянулся назад и взял царевича за руку. Потом поставил его между передком и собой. Я зажал мальчика своим телом, а он схватился руками за передок. Теперь руки Тана были свободны, и он мог стрелять из лука, а царевич находился в полной безопасности.

– Дай мне вожжи, Тата. Я буду править, – попросил Мемнон. Я и раньше позволял ему править лошадьми, поэтому он говорил вполне уверенно, хотя голова его едва высовывалась над передком колесницы. Я не посмел рассмеяться – мальчик очень серьезно относился к себе.

– В следующий раз, Мем. А пока смотри и учись.

Наконец до ближайшего сернобыка осталась только сотня шагов. Стадо не выдержало нашего наступления. Около сотни животных во главе со старой, покрытой шрамами самкой плотной массой двинулись на нас. По моему сигналу мы сомкнули ряды, и колесницы пошли навстречу антилопам сплошной стеной людей и лошадей. В этот момент трубачи протрубили атаку. Я хлестнул лошадей вожжами, и мы галопом помчались навстречу дичи.

Тан пускал стрелы из-за моего правого плеча. Я видел, как они летели в антилоп, которые приближались к нам. Он в первый раз стрелял из движущейся колесницы, и первые три стрелы полетели мимо. Колесница врезалась в стадо сернобыков. Тан был превосходным стрелком и быстро приспособился. Следующая его стрела попала прямо в грудь старой самки, которая возглавляла стадо. Она, наверное, пронзила ей сердце, потому что животное повалилось вперед, упало на голову и перекувырнулось. Бежавшие следом за ней антилопы ринулись в разные стороны, подставив бока Тану. Я как зачарованный смотрел, как две следующие стрелы дугой пронеслись в воздухе и воткнулись в землю позади бегущих быков.

У стрелка всегда есть искушение стрелять прямо по бегущей мишени, а не куда-то вперед, где она окажется, когда стрела до нее долетит. Точный расчет положения цели довольно сложен, особенно тогда, когда колесница тоже движется относительно дичи. Я постарался облегчить Тану задачу и развернулся в направлении бега животных. Однако меня не удивило, что еще две стрелы Тан послал мимо цели.

Затем, как и подобает настоящему мастеру, он приспособился, и следующая его стрела ушла под оперение в грудь сернобыка. Он свалил еще трех антилоп тремя стрелами, и охота вокруг нас превратилась в жестокое побоище. Пыль скрыла происходящее, и только изредка мы видели мелькающие в тучах пыли колесницы и бегущих сернобыков.

Я правил следом за парой сернобыков, медленно нагоняя их, когда из-под копыт одного вылетел острый осколок кремня размером с мой палец. Царевич Мемнон не успел увернуться, и камень попал ему в лоб. Когда он поглядел на меня, я увидел, что из мелкой раны над его глазом течет струйка крови.

– Ты ранен, Мем! – закричал я и начал сдерживать лошадей.

– Ничего страшного, – сказал он и отер кровь краем платка. – Не останавливайся, Тата, правь за ними. Крат побьет нас, если мы остановимся.

Я снова направил колесницу в облако пыли, и лук Тана по-прежнему пел за моим плечом свою ужасную песню, а царевич кричал и визжал от восторга, как щенок, впервые погнавшийся за зайцем.

Часть сернобыков прорвалась через наши ряды и спаслась в пустыне. Остальные повернули и побежали в ловушку. Воины кричали от восторга, лошади ржали, сернобыки фыркали и мычали, стрелы вонзались в них, и бьющиеся животные валились на землю. Повсюду вокруг нас раздавался грохот копыт и колес. Мы утонули в желтой тучи пыли.

Даже самая горячая и работящая лошадь не может скакать вечно. Когда я наконец остановил Терпение и Клинка и перевел на шаг, пыль лепешками покрывала их потные тела, а пена хлопьями падала на землю. От усталости они опустили головы.

Мало-помалу облака пыли отнесло ветром, и нашим глазам предстало ужасное зрелище.

Отряд наш рассеялся по всей равнине. Я насчитал пять колесниц, колеса которых разлетелись во время охоты. Перевернутые экипажи казались сломанными игрушками непослушного великана. Раненые лежали на песчаной земле у разбитых колесниц, а их товарищи стояли на коленях рядом с ними и обрабатывали раны.

Теперь даже уцелевшие колесницы остановились. Лошади у всех были измотаны. Они тяжело дышали, и белая пена капала с их морд. Лошади обливались потом, как будто переплыли реку.

Убитая дичь без какого-либо подобия порядка усеяла равнину так же, как и остановившиеся колесницы. Большинство подбитых животных было мертво, и тела их лежали на боку. Те же, которые оказались покалечены или ранены, стояли, опустив голову, или, хромая, пытались уйти в дюны.

Таков жалкий конец любой охоты, когда горячка и восторг проходят и приходится собирать раненую дичь и избавлять ее от мучений.

Неподалеку я увидел старого сернобыка, который сидел на парализованных задних ногах, опираясь на прямые передние. Стрела торчала посредине его спины, и я понял, что наконечник перебил хребет. Я взял второй лук с подставки в колеснице и спрыгнул на землю. Когда я подошел к покалеченной антилопе, она повернулась и посмотрела мне в глаза. Потом, собрав последние силы, самец пошел на меня, подтягивая за собой парализованные задние ноги. Его огромные черные рога мотались из стороны в сторону, но в глазах стояли слезы предсмертных мучений. Мне пришлось послать две стрелы ему в грудь, прежде чем он наконец застонал, повалился на землю и замер, дернув несколько раз ногами.

Когда я взбирался на колесницу, посмотрел на царевича. По щекам его текли слезы, а перемазанное кровью лицо скривилось от жалости к сернобыку. Он отвернулся от меня, чтобы скрыть слезы, но я гордился им. Тот не охотник, в ком нет жалости к дичи.

Я взял его за кудрявую головку и повернул к себе. Медленно и нежно обработал рану на лбу и повязал голову полоской полотна.

В ту ночь мы стали лагерем на равнине цветов, и их сладостный аромат наполнял темноту, перекрывая запах свежей крови.

Луны не было, но звезды усеяли все небо. Холмы купались в их серебряном свете. Мы поздно засиделись у костров, наслаждаясь жаренными на углях печенью и сердцем сернобыка. Сначала царевич сидел у костра между мной и Таном, но воины и командиры изо всех сил старались привлечь его внимание. Он покорил их сердца, они звали мальчика к себе, и по их приглашению царевич стал переходить от одной группы к другой. Охотники следили за своей речью и шутками, чтобы не оскорблять юных ушей, и Мемнон чувствовал себя свободно в их обществе.

Большой шум подняли вокруг повязки у него на голове.

– Теперь ты настоящий воин, – говорили они, – как и все мы, – и показывали ему свои шрамы.

– Ты правильно сделал, разрешив ему пойти с нами, – сказал я Тану, пока мы с ним гордо следили за малышом от своего костра. – Это лучший урок, который можно дать молодому воину.

– Люди уже полюбили его, – согласился Тан, – а военачальнику нужны только две вещи. Одна – удача, другая – преданность войск.

– Нужно будет разрешать Мемнону участвовать в каждой охотничьей экспедиции, если это будет не слишком опасно, – решил я, и Тан ухмыльнулся:

– Предоставляю тебе возможность убедить в этом его мать. Кое в чем она не слушает даже меня.

На другом конце лагеря Крат учил Мемнона новому, прилизанному, варианту маршевой песни. У царевича был нежный чистый голос. Воины стали хлопать в ладоши, отбивая ритм, и присоединились к песне. Они громко протестовали, когда я попытался отправить царевича спать под колесницу, даже Тан поддержал их:

– Позволь мальчику остаться с нами подольше.

Только далеко за полночь мне удалось наконец завернуть царевича в одеяло из овчины и уложить спать под колесницу.

– Тата, а я когда-нибудь буду стрелять так же метко, как вельможа Тан? – сонно спросил он.

– Ты станешь одним из величайших военачальников нашей страны. В один прекрасный день мой резец создаст каменные обелиски в честь твоих побед, и весь мир узнает о них.

Малыш задумался, а потом вздохнул:

– Когда ты сделаешь мне настоящий лук? Настоящий, а не игрушечный?

– Как только ты сможешь натянуть его.

– Спасибо, Тата. Мне так хочется этого. – И уснул быстро, будто задули лампу.

* * *

Мы торжественно вернулись к флотилии, и повозки наши были доверху загружены соленым и высушенным на солнце мясом сернобыков. Я ожидал, что госпожа моя будет сурово корить меня за похищение царевича. Уже приготовился защищаться и намеревался свалить все на широкие плечи вельможи Харраба.

Однако укоры были мягче, чем я ожидал. Она назвала Мемнона плохим, непослушным ребенком за то, что он заставил ее так волноваться, а потом крепко обняла его и чуть было не задушила. Когда повернулась ко мне, я начал долгую речь в свою защиту, в которой объяснял роль Тана во всем происшествии и подробно описывал, насколько полезно для царевича участие в охоте, как много он там узнает и какой полезный опыт приобретает, но она, казалось, уже забыла об этом.

– Ты не помнишь, когда мы вдвоем последний раз ловили рыбу? Принеси свои гарпуны, Таита. Мы возьмем маленькую лодочку и отправимся на реку, как в старые добрые времена.

Я понял, что рыбу мы скорее всего ловить не будем. Царица хотела остаться со мной наедине, чтобы никто не мог нас подслушать. Ее волновало нечто чрезвычайно важное. Я погреб вниз по течению. Вода стояла низко, и скоро высокий скалистый утес поднялся между нами и флотилией. Все мои попытки завязать разговор окончились неудачей, поэтому я положил весло и взял лютню. Я перебирал струны и тихо напевал ее любимые песни, ожидая, когда она заговорит сама.

Наконец Лостра подняла на меня глаза, и я увидел в них странное выражение, одновременно радостное и взволнованное.

– Таита, по-моему, у меня снова будет ребенок.

Я до сих пор не могу понять, почему ее заявление так поразило меня. Каждую ночь после нашего отплытия с Элефантины Лостра и командующий войсками запирались на тайные совещания, а я охранял двери каюты. Тем не менее новость настолько встревожила меня, что рука моя замерла на струнах лютни и песня замолкла у меня на устах. Прошло довольно много времени, прежде чем я снова обрел дар речи.

– Госпожа, пользовалась ли ты вытяжкой трав, которую я готовил для тебя? – робко спросил я.

– Временами – да, а временами я забывала о ней. – Она смущенно улыбнулась. – Вельможа Тан иногда так нетерпелив. Кроме того, это так неромантично – возиться с горшочками и кувшинчиками, когда тебя ожидают более приятные и срочные дела.

– Например, делать детишек, которым трудно найти царственного отца.

– Это довольно серьезно, правда, Таита?

Я начал перебирать струны на лютне, обдумывая ответ.

– Довольно серьезно? По-моему, это не совсем подходящее слово. Если ты родишь незаконнорожденного ребенка или возьмешь себе мужа, тебе придется сложить с себя управление государством. Этого требуют обычаи и закон. Вельможа Меркесет будет ближайшим претендентом на место правителя, но среди знати немедленно начнется тайная война за этот пост. Без твоей защиты в качестве законной царицы Мемнону будет угрожать серьезная опасность. Начнутся междуусобицы... – Я замолчал. Меня передернуло от одной только мысли об этом.

– Тан станет правителем вместо меня, и тогда я смогу выйти за него замуж, – весело предложила она.

– Неужели ты считаешь, что я об этом не подумал? – мрачно спросил я. – Конечно, это решило бы все наши проблемы. Но ты же знаешь Тана.

– Если я попрошу его, он с радостью выполнит мою просьбу, я уверена в этом, – с облегчением улыбнулась Лостра, – и тогда я стану его женой. Нам больше не придется идти на разные хитрости, чтобы остаться наедине.

– Если бы все было так просто. Тан не согласится. Он не может...

– Это еще что за глупости? – Искорки гнева зажглись в ее глазах, и я поспешно продолжил:

– Той ночью в Фивах, когда фараон послал своих людей схватить Тана по обвинению в подстрекательстве к мятежу, мы пытались заставить Тана объявить себя царем. Крат и помощники поклялись поддержать его вместе со всем войском. Они хотели маршем отправиться во дворец и посадить Тана на трон.

– Почему же Тан не согласился? Он был бы прекрасным царем, и это избавило бы нас от стольких мучений.

– Тан с презрением отверг наше предложение. Заявил, что не предатель и никогда не взойдет на трон Египта.

– Это было давно. Многое изменилось! – вскричала в отчаянии Лостра.

– Ничего не изменилось. В тот день Тан дал клятву и призвал Гора в свидетели. Поклялся, что никогда не будет претендовать на трон Египта.

– Но эта клятва больше ничего не значит. Он может отказаться от нее.

– Можешь ли ты отказаться от клятвы, данной тобой перед образом великого бога Гора? – гневно спросил я, и она отвернулась и опустила глаза. – Можешь? – настаивал я, и Лостра неохотно покачала головой:

– Нет, не могу.

– Такой же закон чести связывает руки Тану. Ты не можешь требовать от него то, что не смеешь сделать сама, – мягко пояснил я. – Разумеется, мы можем предложить ему это, но мы оба знаем, каков будет ответ.

– Но ты же наверняка можешь что-нибудь сделать? – И посмотрела на меня с таким слепым доверием, что я даже разозлился. Стоило ей по собственной глупости попасть в серьезную переделку, как она просто смотрела мне в глаза и спрашивала: «Но ты же наверняка можешь что-нибудь сделать?»

– Да, кое-что сделать можно, но ты не согласишься на это, так же как Тан не согласится надеть корону.

– Если ты хоть немного любишь меня, ты не будешь предлагать мне такое. – Лостра сразу поняла меня и отодвинулась, как будто я ударил ее по лицу. – Я скорее умру сама, чем убью это чудо любви, которое Тан вложил в мое чрево. Этот ребенок – плод его и мой, плод нашей любви. Я не могу убить его.

– Тогда, ваше величество, мне больше нечего вам предложить.

Царица улыбнулась мне с таким изощренным выражением полного доверия, что у меня даже дух захватило.

– Я знаю, ты что-нибудь придумаешь, милый Таита. Ты всегда что-нибудь придумываешь.

И вот мне снова был сон.

Я поведал свой сон всему государственному совету Египта, созванному царицей Лострой. Царица и царевич Мемнон сидели на высоком троне на кормовой надстройке «Дыхания Гора». Ладья стояла на якоре у западного берега Нила. Члены совета расположились на скамейках у подножия трона.

Вельможа Меркесет и знать представляли светскую власть. Верховные жрецы Амона-Ра, Осириса и Хапи – жречество, а вельможа Харраб и пятьдесят его старших помощников – войско.

Я стоял на палубе у подножия трона лицом к благородному собранию. О своей внешности я позаботился чуть больше обычного. Грим мой был изящен и коварен, волосы я смазал ароматными маслами и завил по собственному обычаю, который скоро стал очень популярен. На шее у меня сверкали две цепи «Золота похвалы», а управление колесницей развило мышцы груди и рук, сделав их красивыми и сильными. Я предстал перед ними воплощением необычайной кра-

соты, и многие уставились на меня разинув рты. Я даже заметил страсть в глазах тех из них, чьи наклонности позволяли им это.

– Ваши величества, – низко склонился я перед царицей и царевичем Мемноном, восседавшими на троне. Царевич хитро улыбнулся мне. Голова его еще была повязана, хотя необходимость в этом отпала. Он так гордился своей боевой раной, что я разрешил ему носить повязку. Я нахмурился, и он придал своему лицу подобающее случаю выражение. – Ваши величества, прошлой ночью мне приснился странный и чудесный сон, который я считаю своим долгом пересказать всем присутствующим. Я прошу у вас позволения сделать это.

Царица Лострa великодушно произнесла:

– Каждый из присутствующих здесь знает о священном даре, которым ты обладаешь. Царевичу и мне известно, что ты способен предвидеть будущее и предсказывать волю и желания богов в своих снах и видениях. Я повелеваю тебе поведать нам свой сон.

Я поклонился еще раз и повернулся к государственному совету:

– Прошлой ночью, как того требует мой долг, я спал у дверей каюты. Царица Лострa лежала одна на своей постели, а царевич спал в уголке за ее кроватью.

Даже вельможа Меркесет наклонился вперед и приложил ладонь к правому уху – другое у него ничего не слышало. Присутствующие обожали сказки и пророчества.

– Во время третьей ночной стражи я проснулся и увидел странный свет, который исходил от корпуса ладьи. Я почувствовал, как холодок пробежал по моей щеке, как дуновение ветра, хотя дверь каюты и окно были закрыты.

Все присутствующие пришли в движение. Я придал своему рассказу необходимую таинственность.

– Потом я услышал шаги, которые эхом отдавались в корпусе ладьи. Эти медленные и величественные шаги не могли принадлежать смертному. – Я сделал театральную паузу. – Странные потусторонние звуки раздавались из трюма ладьи. – Я снова сделал паузу, чтобы смысл сказанного дошел до слушателей. – Да, господа мои, из трюма ладьи, где стоит золотой гроб фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, ожидающего своих похорон.

Некоторые из присутствующих содрогнулись в благоговейном страхе, другие сделали знак от сглаза.

– Шаги эти приближались. Небесное сияние усиливалось, дрожь охватила меня, и передо мной появился он. По очертаниям своим походил на человека, но это был не человек, и сиял, как полная луна, а лицо было божественным олицетворением царя, которого я так хорошо знал, и все же лицо это было несколько другим, так как теперь оно излучало страшную божественную мощь.

Все молчали, захваченные рассказом. Никто не шелохнулся. Я внимательно всматривался в лица, пытаясь заметить признаки недоверия, но ничего не увидел.

Потом тишину вдруг нарушил детский голос – царевич Мемнон громко и четко произнес:

– Бак-кер! Это мой отец. Бак-кер! Это фараон!

– Бак-кер! Это фараон! Да живет он вечно! – подхватили все.

Я подождал, пока установится тишина, а потом продолжал молчать до тех пор, пока напряжение слушателей не достигло предела.

– Фараон подошел ко мне. Я не мог двинуться с места. Он прошел мимо меня и вошел в каюту ее величества, милостивой царицы Лострa. Хотя я по-прежнему был не в силах двинуться с места или произнести слово, но видел все. Царица спала, божественный фараон оседлал ее во всем своем величии и насладился ею как муж. Их тела соединились, как тела мужчины и женщины.

Ни у кого из присутствующих на лице не отразилось недоверия. Я подождал, пока смысл моих слов дойдет до них полностью, а потом продолжил:

– Фараон поднялся со спящей царицы, посмотрел на меня и заговорил.

Я умею подражать голосам людей настолько верно, что другие считают, будто слышат тех, кому я подражаю. Теперь я заговорил голосом фараона Мамоса:

– «Я одарил царицу божественной силой. Она стала одним целым со мной и богами. Она беременна от моего божественного семени. Она не знала иного мужчины, кроме меня, и понесет от меня ребенка царской крови, и ребенок этот будет знамением для всех людей. Пусть знают они, что царица пользуется моим покровительством сейчас и будет пользоваться моим покровительством в будущем».

Я снова поклонился царственной паре на троне.

– Затем царь пошел обратно по палубе ладьи, спустился в трюм и вернулся в свой золотой гроб, где и покоится сейчас. Таково видение, посланное мне этой ночью.

– Да живет фараон вечно! – закричал вельможа Тан, как я научил его, и возглас этот подхватили все.

– Да здравствует царица Лострa! Да живет она вечно! Да здравствует божественное дитя, растущее в ней! Да живут ее дети вечно!

Той ночью, когда я собирался отойти ко сну, госпожа позвала меня и прошептала:

– Твое видение было настолько ярким и рассказал ты его так хорошо, что я боюсь ложиться спать. Вдруг фараон явится ко мне снова. Сторожи как следует дверь моей каюты.

– Смею ли я предупредить госпожу, что только один человек может отважиться нарушить покой царственной спальни? Правда, я не уверен, будет ли это фараон Мамос. Что мне делать, если какой-нибудь негодяй пожелает воспользоваться твоей добротой и любовью, пока ты спишь?

– Спи крепко, милый Таита, и заткни уши. – И щеки ее расцвели, как розы, в свете лампы.

Мое предсказание опять оказалось точным. В ту ночь мою госпожу вновь посетил таинственный гость, и это не был призрак фараона. Я поступил так, как мне приказала царица Лострa. Я заткнул уши.

Воды Нила снова поднялись, напоминая о том, что прошел еще один год. Мы сжали зерно, посаженное на полях, и собрали приплод наших стад. Разобрали колесницы и уложили их на палубы ладей. Свернули шатры и убрали их в трюмы. Наконец, когда мы были готовы к отплытию, проложили канаты вдоль берега реки, все здоровые лошади и люди стали трудиться на проводке кораблей через пороги.

Нам потребовалось более месяца тяжелейшего труда на проводку ладей по опасным стремнинам. Шестнадцать человек утонуло, клыки черных скал раздробили пять ладей в щепки. Однако мы преодолели порог и поплыли вверх по реке, которая снова текла спокойно и величественно.

Время шло неделя за неделей и месяц за месяцем, и Нил стал медленно и величественно поворачивать под нашими ладьями. Я составлял карту реки с тех пор, как мы оставили Элефантину. Звезды и солнце показывали мне стороны света, но пришлось придумать способ измерения пройденного расстояния. Сначала я приказал одному из рабов идти по берегу и считать шаги, но понимал, что этот способ настолько неточен, что мои расчеты окажутся никуда не годными. В одно прекрасное утро решение этой проблемы нашлось само собой во время маневров колесниц на прибрежной равнине. Я наблюдал, как колесо экипажа плавно поворачивается на ходу, и вдруг понял, что каждый оборот колеса соответствует длине его окружности, а она дает точное расстояние, пройденное колесницей за один оборот. С того самого дня по берегу реки за флотилией следовала колесница. На одном из ее колес закрепили флажок, и надежный человек, сидя в колеснице, отмечал в свитке каждое прохождение флажка через верхнюю точку.

Вечерами я определял направление и подсчитывал пройденное за день расстояние, а затем отмечал их на карте. Мало-помалу форма излучины реки становилась все более ясной для

меня. Я понял, что мы описали огромную дугу к западу, и теперь река снова поворачивала на юг, как и предсказывали жрецы Хапи.

Я показал результаты своих вычислений Тану и царице. Много ночей сидели мы допоздна в царской каюте, обсуждая пройденный рекой путь и то, как это может сказаться на нашем возвращении в Египет. Казалось, что каждая пройденная миля не только не ослабляла решимость моей госпожи следовать своей клятве, но и усиливала ее.

– Мы не станем строить ни храмов, ни каменных дворцов в этой пустыне, – приказала она. – Мы не будем ставить ни памятников, ни обелисков. Мы находимся здесь временно. Мы не будем строить города, а жить будем на ладьях или в шатрах и хижинах, сделанных из травы и камыша. Мы караван, отправляющийся в далекий путь, и в конце концов дорога приведет нас к моему родному городу, прекрасным Фивам, городу ста ворот.

Наедине она советовала мне:

– Веди карты тщательно, Таита. Я доверяю тебе поиск самого легкого пути, по которому мы сможем вернуться домой.

Итак, наш караван шел вверх по реке. Пустыня по обоим берегам реки менялась с каждой милей и в то же время оставалась неизменной.

Все, кто отплыл с нами на ладьях, образовали тесное сообщество. У нас вырос город без стен и постоянных строений. Жизнь в нем зарождалась и угасала. Число наших спутников увеличивалось, потому что большая часть людей, покинувшая с нами Элефантину, была в расцвете сил, а женщины наши были плодовиты. Молодые парочки устраивали свадьбы на речном берегу, разбивая кувшин с нильской водой. Дети рождались и росли на наших глазах. Некоторые из наших стариков умирали, а несчастные случаи и опасности косили молодых. Мы бальзамировали тела и рыли могилы в необитаемых холмах, оставляя их покоиться там, когда отправлялись дальше.

Мы соблюдали праздники и молились нашим богам. Пировали и постились в надлежащее время, плясали, пели и изучали науки. Для детей постарше я проводил уроки на палубе ладьи, и Мемнон был лучшим из моих учеников.

Еще до конца года, следуя вверх по реке, на юг, мы подошли к третьему порогу, оседлавшему реку. Мы снова сошли на берег, расчистили землю и посеяли семена, ожидая, когда воды Нила поднимутся и позволят нам отправиться дальше.

Именно на третьем пороге в мою жизнь вошла еще одна радость и наполнила мою душу до краев счастьем.

В полотняном шатре на берегу реки я помогал госпоже при родах и принял в этот мир царевну Техути, всеми признанную дочерью давно умершего фараона Мамоса.

На мой взгляд, царевна моя была прекраснее чуда. Всякий раз, когда мне представлялась такая возможность, я садился у ее кроватки и со смешанным чувством изумления и восхищения рассматривал маленькие ножки и ручки. Когда она бывала голодна и ждала материнский сосок, я иногда совал в ротик мизинец и наслаждался тем, как сжимают мой палец голые десны.

Река наконец поднялась и пропустила нас через третий порог. Мы поплыли дальше, а Нил незаметно повернул под днищами наших ладей на восток, описывая огромную петлю.

Еще до конца этого года мне опять пришлось поведать народу Египта о чудесном сне, так как госпожа моя опять испытала чудо девственного зачатия, которое можно было объяснить только вмешательством сверхъестественных сил. Призрак покойного фараона бродил по кораблю.

Живот моей госпожи снова стал огромным, когда мы подошли к четвертому великому порогу реки. Этот узкий канал, где пенящиеся струи воды метались между зубами скал, словно в

пасти крокодила, казался еще более чудовищным, чем все пройденные ранее стремнины, и в наших рядах появилось отчаяние. Когда люди думали, что их никто не слышит, они жаловались друг другу:

– На нашем пути постоянно встают адские барьеры опаснейших скал. Боги громоздят препятствия на нашем пути. Они не хотят пускать нас на юг.

Я читал эти слова по губам, когда беседующие собирались на берегу реки и не сознавали, что кто-то может узнать их мысли, не слыша слов.

– Мы попадем в ловушку за столькими страшными порогами и никогда не вернемся домой. Нужно поворачивать назад, пока не поздно.

Даже на государственном совете я видел подобные слова на устах знатных вельмож Египта, которые сидели в задних рядах и переговаривались приглушенными голосами:

– Если мы пойдем дальше, мы погибнем в пустыне, и наши души будут вечно блуждать по земле, не зная покоя.

Среди молодых вельмож оказалось множество надменных и упрямых людей. Они разжигали недовольство и готовились к мятежу. Я понял, что действовать следует быстро и решительно, когда увидел, как вельможа Акер сказал одному из своих подручных:

– Мы все в руках бабы, в руках шлюшки покойного царя. На троне должен быть сильный мужчина. Нам нужно найти способ избавиться от нее.

Сначала с помощью моего друга Атона я узнал имена недовольных и тайных изменников. Меня нисколько не удивило, когда я увидел первым в этом списке вельможу Акера, старшего сына вельможи Меркесета, на чьих устах я и прочел недавно предательские мысли. Акер был молод и озлоблен и мнил о себе слишком много. Я подозревал, что у него хватало наглости видеть себя самого на троне обоих царств с двойной короной на голове.

Когда я объяснил Тану и госпоже, что, по моему мнению, нужно было делать, они собрали полное, торжественное заседание государственного совета на берегу Нила, и царица Лострa открыла это заседание так:

– Я понимаю, как народ мой тоскует по родине и как устал он от долгого путешествия. Я разделяю с ним все мечты о Фивах.

Я увидел, как Акер обменялся многозначительными взглядами со своими дружками, и мои подозрения подтвердились.

– Однако, подданные Египта, дела наши не так плохи, как это может показаться. Хапи благосклонно следила за нашим путешествием, как и обещала. Сейчас мы гораздо ближе к Фивам, чем представляют себе многие из нас. Когда мы вернемся в родной город, нам не придется повторять долгий и тяжелый путь. Нам не нужно будет снова преодолевать опасности и лишения на адских порогах великой реки.

Среди присутствующих началось движение и послышался недоверчивый шепот. Акер рассмеялся. Но смех его был не настолько громок, чтобы нарушать приличия. Однако госпожа моя заметила его.

– Я вижу, вельможа Акер, ты сомневаешься в моих словах?

– Нисколько, ваше величество. Я проклинаю всякую мысль о недоверии царице.

Акер поспешно отступил. Он еще не собрал достаточно сил, и поддержки друзей было недостаточно для открытого противостояния. Я застал его врасплох.

– Мой раб Таита записывал течение реки на карте все эти годы, – продолжила царица Лострa. – Все видели на берегу колесницу с флажком на колесе, которая измеряла расстояние. Таита наблюдал небесные светила и определял по ним направление. Теперь я приказываю ему предстать перед советом и поведать о своих расчетах.

Царевич Мемнон помог мне переписать от руки двадцать карт. В свои девять лет он уже стал прекрасным рисовальщиком. Я передал нарисованные им копии старшим вельможам, что-

бы им было легче следить за моим выступлением. Обратил их внимание на почти полную окружность, которую мы описали с тех пор, как покинули Элефантину.

Они не смогли скрыть своего изумления. Только жрецы имели представление о том, что я хочу рассказать, так как тоже наблюдали ночное небо и умели вести ладьи по звездам. Но даже они были потрясены размерами петли. В этом не было ничего удивительного, так как карты, показанные присутствующим, были не совсем точными. Я довольно вольно обошелся с некоторыми вычислениями для блага Акера и его сподвижников, поэтому расстояние между концами дуги оказалось намного короче, чем показывали мои вычисления.

– Благородные господа, вы можете сами убедиться, глядя на эти карты, что с тех пор, как мы прошли второй порог, мы оставили позади почти тысячу миль. Однако от точки отправления нас отделяет сейчас не более нескольких сот миль.

Крат поднялся и задал вопрос, который я сам вложил в его уста перед заседанием совета.

– Значит ли это, что теперь мы можем пройти коротким путем через пустыню и добраться до второго порога за то же время, которое занимает путешествие от Фив к Красному морю и обратно? Я проходил по этому пути несколько раз.

Я повернулся к нему:

– Один раз я был твоим спутником в таком путешествии. Мы проделали его всего за десять дней, и у нас тогда не было лошадей. Пересечь узкую полоску пустыни будет ненамного труднее. Это значит, что отсюда мы можем добраться до города Элефантина всего за несколько месяцев, и у нас не будет необходимости преодолевать все пороги Нила, за исключением первого, в Асуане.

Присутствующие зашумели, возбужденно обсуждая услышанное. Карты переходили из рук в руки, и люди жадно рассматривали их. Настроение собравшихся менялось на глазах. Во всех чувствовалось тайное желание поверить в мои вычисления. Неожиданная близость дома и родной земли обрадовала.

Только Акер со своими друзьями оказались ненужными. Они лишились лучшей кости в игре. Как я и надеялся, Акер сердито поднялся и задал следующий вопрос:

– Насколько точны писульки этого раба? – В голосе у него чувствовалось надменное презрение. – Не так уж сложно сделать несколько мазков на свитке, но в пустыне каждая миля раскаленного песка и скал значит гораздо больше. Как может этот раб доказать, что его вычисления справедливы?

– Вельможа Акер подошел к самой сути вопроса, – мягко прервала моя госпожа. – Этим он показал нам, насколько хорошо знает те трудности, которые предстоит преодолеть. Я намереваюсь отправить в поход отряд славных воинов, который пересечет пустыню и откроет нам дорогу на север в родной город, прекрасные Фивы.

Я увидел, как выражение лица вельможи внезапно изменилось, когда он понял, куда клонит царица и какую ловушку ему приготовили. Акер поспешно сел на место и попытался принять отрешенный и равнодушный вид. Но госпожа моя безжалостно продолжила:

– Я никак не могла решить, кто лучше всего подходит на пост главы этого отряда. Теперь вельможа Акер своим знанием дела и пониманием трудностей помог мне принять это важное решение, предложив себя в качестве предводителя. Разве это не так, вельможа? – ласково спросила она и быстро продолжила, не оставив ему времени на ответ: – Мы благодарны тебе, вельможа Акер. Ты можешь взять любых людей и снаряжение, которое тебе потребуется в этом путешествии. Я повелеваю тебе отправиться в путь до следующего полнолуния. Луна осветит вам дорогу в пустыне и избавит вас от необходимости идти в жаркие дневные часы. Я пошлю с тобой людей, которые умеют находить дорогу по звездам. Ты пройдешь до второго порога и вернешься назад до конца следующего месяца, и, если тебе это удастся, я возложу на твои плечи «Золото похвалы».

Вельможа Акер уставился на нее раскрыв рот. И, окаменев от потрясения, оставался на своем месте довольно долгое время после того, как совет закончился и все его спутники разошлись. Я искренне ожидал, что он попытается найти повод отказаться от поручения, возложенного на него обманным путем, но в конце концов Акер, к моему удивлению, сам пришел ко мне за помощью в подготовке разведывательного похода. Мне показалось, что я неправильно оценил его и теперь, когда появилось достойное задание, он изменится и из разжигателя мятежа превратится в полезного члена нашего сообщества.

Я отобрал для него лучших людей и лучших лошадей и передал ему пять лучших повозок, которые могли увезти воды в бурдюках на тридцать дней, если расходовать ее осторожно. К приближению полнолуния Акер снова стал бодрым и веселым, и я даже чувствовал себя виноватым в том, что преуменьшил расстояние и опасности путешествия.

Когда отряд отправился в поход, я прошел с ним немного, чтобы показать правильное направление, а потом остался один и смотрел, как повозки постепенно сливаются с залитой серебристым светом луны поверхностью пустыни, уходя по звездам туда, где Лютня, как мы называем это созвездие, указывает на север.

Пока мы стояли перед четвертым порогом, я вспоминал об Акере каждый день в течение нескольких недель, которые последовали за его уходом. Надеялся, что моя карта окажется не столь неточной, как я опасался. Однако с его уходом на север непосредственная угроза мятежа исчезла.

Ожидая возвращения разведчиков, мы посеяли зерновые на расчищенных островах и равнине по берегам реки. Но берега здесь были выше и круче, чем в местах предыдущих стоянок. На высоту воду поднять трудно, а количество и качество урожая страдают от недостаточного орошения.

Разумеется, мы поставили на полях традиционные журавли, которые на длинных уравновешенных жердях поднимали воду в кувшинах из реки. Журавлем управлял раб: он опускал кувшин в реку, а потом поднимал его и выливал в оросительный канал. Работа была медленной и невероятно тяжелой. Если берег высок, как здесь, у четвертого порога, такой способ подъема воды крайне расточителен.

Каждый вечер мы с Мемноном ездили на колеснице по берегу реки, и меня тревожило состояние полей. Кормить нужно много тысяч ртов, а мука по-прежнему оставалась главным продуктом питания. Я предвидел голод, если мы не сможем поднять на поля воду.

Не знаю, что заставило меня вспомнить о колесе. Может быть, просто наука о нем уже стала главной страстью моей жизни. Меня мучила задача укрепления колес для колесниц. Сны мои заполняли вращающиеся, поворачивающиеся и разлетающиеся на мелкие кусочки колеса с ножами на ободе или с флажками для измерения расстояний. Большие и малые колеса преследовали меня в ночных кошмарах.

Я узнал от одного из жрецов Хапи, что некоторые разновидности древесины твердеют и становятся более упругими, если их достаточно долго мочить в воде, и решил попробовать. Когда мы опускали в реку одно из колес, течение, ударив по ободу, начало поворачивать его вокруг оси. Я бездумно смотрел на него. Колесо погрузилось глубже, вращение прекратилось, и я позабыл о нем.

Через несколько дней одна из наших лодок перевернулась, переправляясь на остров, двух людей затянуло в стремнину, и они утонули. Мы с Мемноном видели эту трагедию с берега и тяжело переживали. Я воспользовался случаем, чтобы лишний раз напомнить царевичу об опасной мощи реки.

– Вода настолько сильна, что может даже поворачивать колеса колесниц.

– Я не верю тебе, Тата. Ты хочешь напугать меня. Ты же знаешь, как я люблю плавать.

И тогда я решил показать ему вращающееся колесо. Вдвоем мы поразились еще раз тому, как колесо, казалось, само по себе начало поворачиваться, когда его окунули в речную струю.

– Оно будет вращаться быстрее, Тата, если по ободу закрепить весла или лопатки, – после некоторых размышлений сказал Мемнон, и я в изумлении уставился на юного изобретателя. К тому времени ему не исполнилось и одиннадцати, но глаз у него был свежий и пытливый.

К следующему полнолунию мы построили колесо, приводимое в движение рекой. Оно поднимало воду во множестве маленьких кувшинов из обожженной глины и выливало ее в канал, выложенный керамической плиткой на высоком берегу Нила. Несмотря на беременность, госпожа моя сошла на берег, чтобы посмотреть на это чудесное сооружение. Она пришла в восторг.

– Ты так ловко обращаешься с водой, Таита, – сказала Лостра. – А помнишь водяной стул, который ты сделал для меня на Элефантине?

– Я с удовольствием сделаю для тебя еще один, если ты позволишь нам жить в приличных домах, как и подобает цивилизованным людям.

На Тана мое водяное колесо тоже произвело большое впечатление, хотя он и скрыл это. Только ухмыльнулся:

– Ловко придумал. А когда оно разлетится на куски, как твои знаменитые колеса для колесниц?

Крат и другие олухи сочли его слова очень смешными. После этого случая, если колесо колесницы ломалось, все говорили, что оно татакнулось, – от того ласкового прозвища, которое дал мне царевич.

Шутки шутками, а поля пшеницы на жирной почве по берегам Нила скоро зазеленели, и колоски золотого зерна быстро тяжелели на горячем нильском солнце. Однако зерно оказалось не единственным урожаем, снятым у четвертого порога. Царица Лостра родила еще одну царевну. Что бы там ни говорили, а эта девочка оказалась еще прекраснее, чем ее старшая сестра.

Странно только, что царевна Бекаta родилась с шапкой красно-золотых кудрей. Ее божественный отец, призрак фараона Мамоса, был смуглым, а волосы матери черны, как крыло ворона. Никто не мог найти объяснения этому чудесному явлению, но все соглашались, что волосы очень красивы.

Царевне Бекате исполнилось два месяца, когда воды Нила снова начали подниматься, и мы стали готовиться к проводке ладей через четвертый порог. К. этому времени мы приобрели столько опыта в наших ежегодных трудах, что научились множеству хитростей и приемов, которые помогали побеждать прожорливые стремнины.

Не успели мы начать проводку ладей, как в нашем лагере поднялся вдруг невероятный переполох. Я услышал крики и вопли приветствий с дальнего берега реки, где мы с царевичем осматривали лошадей и готовили все необходимое для преодоления порогов.

Мы поспешили к лодкам и переправились на восточный берег, застав лагерь в неописуемом возбуждении. Нам пришлось проталкиваться через толпу кричащих и размахивающих пальмовыми ветвями людей, которые пели приветственные и чествующие песни. В середине шумной толпы мы обнаружили маленький отряд на видавших виды экипажах, запряженных истощенными лошадьми. На повозках стояли худые, закаленные дорогами пустыни путешественники, почерневшие под горячими лучами солнца.

– Проклятие Сета на тебя и на твою карту, Таита! – крикнул мне вельможа Акер с передней повозки. – Я не знаю, кто из вас двоих лжет больше! Расстояние оказалось вдвое больше обещанного.

– А вы в самом деле достигли северного конца петли? – завопил я, прыгая на месте от восторга и пытаясь пробиться к нему через толпу.

– И вернулись обратно! – рассмеялся он, донельзя довольный собой. – Мы стояли лагерем у второго порога и ели свежепойманную рыбу. Дорога в Фивы открыта.

Госпожа моя приказала устроить пир в честь путешественников. Вельможа Акер стал героем дня. В разгар празднества царица Лострa возложила на него «Золото похвалы» и присвоила ему звание лучшего из десяти тысяч. У меня желчь поднялась при виде того, как красуется этот знатный негодяй. А Лострe и того было мало: она отдала под его командование четвертый отряд колесниц и издала указ, по которому ему причиталась сотня федданов лучшей земли на берегу реки, когда мы вернемся в Фивы.

Это мне показалось излишеством – подаренная земля, в конце концов, должна была отойти ему из личных имений госпожи. Акер был на грани мятежа, но, хотя подвиг его достоин похвалы, поход-то задумал я. По такому случаю, на мой взгляд, не мешало бы возложить еще одну золотую цепь на грудь бедного раба Таиты.

Тем не менее я не мог не одобрить государственную мудрость и хитрость госпожи. Ей удалось изменить вельможу Акера и превратить его из опасного врага в страстного и верного своего сторонника, который в последующие годы не раз сумеет доказать свою ценность царице. Лострa умела обращаться с людьми и с каждым днем правила все более опытной и твердой рукой.

Приручение вельможи Акера и открытие дороги на север через пустыню позволили нам бодро отправиться вверх по реке через четвертый порог.

Не прошло и месяца с тех пор, как мы преодолели порог, когда мы поняли, что судьба наша повернулась к лучшему и богиня исполняла свое обещание. С каждым днем становилось ясно, что худшее осталось позади. Пустыню мы прошли, и теперь река текла спокойно и широко, уводя нас в глубь неведомых доселе земель.

Именно здесь большая часть наших спутников узнала чудо дождя. Я, разумеется, видел его в Нижнем царстве, но многие из нас впервые лицезрели, как с неба падает вода. Дождь хлестал по нашим изумленным, задранным к небу лицам, тяжелые раскаты грома заполняли пространство, белые вспышки молнии ослепляли нас.

Обильные и частые дожди питали совершенно иную природу, и мы не переставали поражаться ей. Насколько хватало глаз, с палубы передней ладьи по обоим берегам Нила виднелись просторы травянистой саванны. На этой великолепной равнине с ее богатыми пастбищами ничто не останавливало наши колесницы. Мы могли править куда угодно: ни песчаные дюны, ни скалистые холмы не преграждали нам дорогу.

Однако саванна оказалась не единственным благословением богини. Здесь росли деревья. В узкой речной долине нашей родины, где все мы выросли, когда-то, кто знает, может, и были большие деревья, но многие века тому назад они пали под жадным топором человека. Дерево для нас, египтян, было редкостным, драгоценным товаром. Каждое бревно или дощечку приходилось везти морем, рекой или на спинах вьючных животных из дальних стран.

Теперь, куда бы мы ни посмотрели, повсюду стояли огромные деревья. Росли они не густыми чащобами, подобно зарослям на островах порогов, а высокими просторными рощами, где травянистые поляны разделяли высокие величественные деревья. На этих равнинах хватило бы древесины на постройку флота для всех народов и на всех морях. Более того, ее было достаточно на постройку и перестройку всех городов цивилизованного мира и изготовление мебели для каждого дома и каждой комнаты. И даже после этого здесь хватило бы дров на многие века. Мы привыкли готовить пищу, сжигая в очаге небольшие сушеные лепешки испражнений домашнего скота, и теперь в изумлении смотрели на такое изобилие.

Но древесина оказалась не единственным сокровищем, найденным нами в легендарных землях Куша, которых мы наконец достигли.

Сначала я увидел их издалека и принял за огромные гранитные памятники. Они стояли в желтой траве равнины под сенью раскидистых акаций. Потом перед нашими изумленными взорами громадные скалы пришли в движение.

– Слоны! – Я не видел их раньше, но спутать этих животных невозможно. Мой крик подхватили все, кто стоял на палубе вокруг меня.

– Слоны! Слоновая кость!

Такие богатства не снились даже фараону Мамосу с сокровищами погребального храма. Повсюду, насколько хватало глаз, паслись многочисленные стада слонов.

– Их здесь тысячи! – Тан смотрел на берег, и в глазах его разгорался огонек охотничьей страсти. – Ты только посмотри на них, Таита. Им нет числа.

На равнине паслось великое множество иных живых существ, помимо слонов. Там были антилопы и газели. Некоторых мы знали, других видели впервые и никогда даже не слышали о них. В будущем мы изучим их повадки и найдем имена для многочисленных и разнообразных животных саванны.

Сернобыки часто стояли рядом со стадами багровых водяных буйволов, чьи рога выгибались назад, как лук, который я сделал для Тана. Под акациями ходили пятнистые жирафы, их шеи доставали до верхних ветвей. Рога на мордах у носорогов достигали роста человека и были остры, как копья. В прибрежной грязи нежились буйволы. Эти огромные звери были черны, как борода Сета, и так же уродливы. Очень скоро мы узнали, какую злобу таит взгляд их задумчивых глаз и как опасны загнутые назад черные рога.

– Собрать колесницы! – нетерпеливо кричал Тан. – Запрячь лошадей! На охоту!

Если бы я знал, какая опасность ожидает нас, то не разрешил бы царевичу Мемнону занять место в колеснице, когда мы в первый раз отправлялись охотиться на слонов. Невежество еще владело нами, и слоны казались миролюбивыми и медлительными, неуклюжими и глупыми. Они наверняка были легкой добычей.

Тан не мог усидеть на месте от нетерпения, так ему хотелось поохотиться на новую дичь. Он не стал дожидаться, пока будут готовы все четыре отряда. Как только первые пятьдесят колесниц собрали и запрягли лошадей, он отдал приказ всем занять места и отправляться в путь. Мы поехали по саванне длинной колонной, перекликаясь, подбадривая друг друга и предлагая побиться об заклад на исход охоты. Наши колесницы легко катились по рощам акаций у берега реки.

– Дай мне вожжи, Тата, – потребовал царевич. – Я умею править не хуже тебя!

Хотя он был прирожденным конником и его легкие руки сами, казалось, находили общий язык с упряжкой, а тренировался в езде на колесницах каждый день, хвастовство царевича не было обоснованным. Разумеется, ему было далеко до меня, так как никто в нашем войске не мог сравниться со мной, не говоря уже о каком-то одиннадцатилетнем сорванце.

– Смотри и учись! – строго сказал я, а когда Мемнон обратился за помощью к Тану, тот впервые поддержал меня.

– Таита прав. Никто из нас еще не охотился на этих зверей. Закрой рот и открой глаза, мальчик.

Перед нами небольшое стадо странных серых зверей пировало стручками, упавшими с верхних ветвей акации. С жадным любопытством разглядывал я слонов, пока наши колесницы приближались к ним рысью. Уши у них были чудовищных размеров, и слоны, повернув к нам морды, растопырили их и высоко подняли хоботы. Я понял, что они принюхиваются. Интересно, подумал я, знают ли они запах человека или лошади?

В стаде были маленькие телята, и матери собрали их в середину, чтобы защитить от нападения. Меня тронуло такое проявление материнской заботы, и впервые появилось ощущение, что эти животные вовсе не так медлительны и глупы, как кажется на первый взгляд.

– Здесь только самки, – крикнул я Тану через плечо, – с ними детеныши. Слоновой кости в них мало, и ценится она низко.

– Ты прав. Посмотри вон туда, дальше. – Тан протянул руку. – Те двое должны быть самцами. Смотри, какие они высокие и мощные. Как их бивни сияют на солнце!

Я дал знак колесницам, которые следовали за нами, и мы отвернули от стада слоних со слонятами. Мы покатили дальше, по-прежнему двигаясь строем, к двум крупным самцам, стоявшим в стороне в роще акаций. Пока приближались к ним, нам то и дело приходилось объезжать сломанные ветви и вывернутые с корнем стволы гигантских акаций. Мы еще не имели ни малейшего представления о чудовищной силе этих существ.

– Здесь, наверное, была большая буря, – крикнул я Тану, – вон как деревья поломало!

Мне и в голову не пришло, что такие разрушения могло оставить после себя стадо слонов. Они казались такими кроткими и беззащитными.

Двое старых самцов заметили нас и повернулись в нашу сторону. Только тогда я осознал их истинные размеры. Когда они растопырили свои уши, то, казалось, закрыли небо, как черная грозовая туча.

– Ты только посмотри, сколько слоновой кости! – вскричал Тан. Его ничто не тревожило, волновали только трофеи. Лошади наши занервничали – почуяли запах странной дичи. Вскидывали головы и начали сдавать назад. Управлять ими стало трудно, они не хотели бежать вперед.

– Тот, что справа, самый большой! – заверещал Мемнон. – Давай возьмем его. – Щенок разгорячился не меньше папаши.

– Ты слышал царский приказ? – засмеялся Тан. – Займемся тем, что справа. Пусть Крат берет другого, с него хватит.

Я поднял левый кулак и дал команду колонне разделиться надвое. Крат поехал влево со своими двадцатью пятью колесницами, которые последовали за ним гуськом, а мы продолжали нестись прямо на огромного серого зверя, ожидавшего нас, выставив вперед бивни, огромные, точно колонны в храме Гора.

– Правь прямо на него! – закричал Тан. – Вперед, пока он не пустился наутек!

– Но! – крикнул я Терпению и Клинку, и они перешли на галоп. Мы оба ожидали, что гигантский зверь побежит от нас, как только почувствует угрозу, – никакая дичь, на которую нам приходилось охотиться, не выдерживала прямого нападения. Даже лев бежит от охотника, пока его не ранят или не загонят в тупик. Как могут эти грузные животные вести себя иначе?

– У него такая огромная голова. Прекрасная мишень! – с восторгом заявил Тан, поставив стрелу на тетиву. – Я убью его одной стрелой, прежде чем он пустится наутек. Правь поближе к его смешному носу.

Позади нас вытянулась цепочкой колонна колесниц. Мы рассчитывали налететь на зверя, разделиться надвое и пройти по обе стороны от него, осыпая стрелами. Затем собирались развернуться и повторить атаку по классическим правилам тактики колесниц.

Мы неслись прямо на самца, но он и не думал отступать. Неужели они действительно такие тугодумы? Охота будет легкой, и я услышал разочарование в голосе Тана.

– Давай же, старый дурак, – презрительно крикнул он, – не стой так, защищайся!

Казалось, самец понял его слова и принял вызов. Вскинул хобот и издал такой ужасающий трубный рев, что почти оглушил и лошадей, и нас. Лошади в испуге попятились, меня бросило на передок колесницы с такой силой, что я ушиб себе ребра. На какое-то мгновение я потерял управление упряжкой, лошади потащили нас в сторону.

Потом самец снова заревел и побежал на нас.

– Клянусь Гором! Ты только посмотри на него! – в изумлении заорал Тан, поскольку зверь бежал прямо на нас, свирепо размахивая хоботом. Он мчался быстрее любой лошади, и движе-

ния его были ловкими, как у разъяренного леопарда, окруженного стаей гончих. Клубы пыли вылетали из-под ног. Он настиг нас раньше, чем я успел совладать с упряжкой.

Я поднял глаза и увидел, как он, словно гора, вырастает перед нами и тянется к нам хоботом, будто хочет вытащить из колесницы. Глаза мои отказывались воспринять его размеры. Ярость пылала в глазах, но эти глаза не были глазами животного – в них чувствовался ум и сообразительность человека. От медлительности не осталось и следа. Перед нами стоял смелый и страшный противник, которому мы в своем надменном невежестве бросили вызов.

Тан пустил стрелу. Она ударила самца в середину лба, и я ожидал, что он повалится на землю, как только бронзовый наконечник пронзит мозг. Мы еще не знали тогда, что мозг слона находится не там, где у других животных, а далеко в задней части черепа; спереди его защищает целая гора губчатой кости, сквозь которую не может проникнуть никакая стрела.

Рана не остановила самца – он даже не замедлил свой бег. Протянув кверху хобот, схватил древко стрелы его кончиком, как человек рукой. Вытащил окровавленное древко из своей плоти и, отбросив в сторону, снова протянул к нам окровавленный хобот.

Гуи, правивший второй колесницей, спас нас, поскольку мы беспомощно застряли перед разъяренным старым самцом. Он налетел сбоку, с яростными воплями хлеща лошадей. Его лучник выпустил стрелу, которая вошла в щеку слона на ладонь ниже глаза, и новое нападение отвлекло внимание от нас.

Самец развернулся вслед за Гуи, но тот мчался на полном галопе и успел проскочить мимо. Следующая колесница оказалась не столь счастливой. У возницы не хватило ловкости Гуи, он не успел вовремя отвернуть в сторону. Слон поднял вверх хобот, а затем опустил его, как палач опускает топор.

Удар пришелся по спине ближней к нему лошади, чуть сзади холки, и хребет ее сломался начисто – я даже услышал треск разлетающихся позвонков, похожий на хруст ветвей кустарника. Покалеченная лошадь повалилась на землю и увлекла за собой вторую. Колесница перевернулась, людей выбросило на землю. Слон поставил ногу на одного из колесничих и хоботом оторвал ему голову, а потом бросил вверх, как детский мяч. Она полетела, вращаясь в воздухе и разбрызгивая красные перья крови. Потом мимо слона промчался следующий экипаж и отвлек его внимание от несчастных.

Я остановил лошадей на краю рощи, и мы в ужасе оглянулись. Вокруг слонов вся роща была усеяна разбитыми колесницами – Крату на левом фланге посчастливилось не больше нашего.

Оба самца были утыканы стрелами, и блестящие красные полосы крови покрывали тела. Однако раны нисколько не убавили их силы, но, казалось, только разъярили. Они буйствовали в роще, ломая перевернутые колесницы, топча массивными ногами тела лошадей и подбрасывая в воздух вопящих людей. Когда те падали на землю, слоны топтали их, и крики прекращались.

Крат подкатил к нам.

– Клянусь вшами у Сета промеж ног! Вот это да! – крикнул он. – Мы потеряли восемь колесниц в первой же атаке.

– Охота оказалась забавнее, чем ты ожидал, сотник Крат, – звонко ответил ему царевич Мемнон. Лучше бы ему помолчать, потому что мы с Таном совсем забыли о его присутствии. Теперь же оба набросились на него.

– А ты, мой мальчик, уже повеселился сегодня, – твердо сказал я.

– Отправляйся на ладьи, и немедленно! – поддержал меня Тан, и в этот момент лошади галопом протащили мимо нас пустую колесницу. Не знаю, что случилось с возницей и лучником, – скорее всего выбросило на ухабе или разъяренные слоны вытащили их хоботами.

– Поймать лошадей! – распорядился Тан и, когда пустую колесницу подвели к нам, сказал царевичу: – Вылезай. Бери колесницу, отправляйся на берег и жди нашего возвращения.

– Вельможа Тан. – Царевич изо всех сил вытянулся перед ним, но дотянулся лишь до плеча отца. – Я возражаю...

– Оставь царские манеры и возвращайся. Возражай своей матери, если хочешь. – Тан властно поднял его одной рукой и опустил в пустую колесницу.

– Вельможа Тан, я имею полное право... – Мемнон сделал последнюю отчаянную попытку остаться.

– А я имею полное право отшлепать тебя по заднему месту ножнами, если ты еще будешь здесь, когда я оглянусь, – сказал Тан и повернулся к нему спиной. Мы оба тут же забыли о мальчике.

– Добыча слоновой кости, оказывается, потруднее сбора грибов, – заметил я. – Нужно придумать способ получше.

– Этим зверям бесполезно стрелять в голову. Так их не убьешь, – проворчал Тан. – Попробуем еще раз. Будем пускать стрелы по ребрам. Даже если у них в черепе нет мозгов, сердце и легкие у них наверняка есть.

Я натянул вожжи и взбодрил лошадей, но чувствовал, что Терпение и Клинок беспокоятся. Как и меня, их тревожила сама мысль о возвращении на место побоища – охота на слонов оказалась нам не по вкусу.

– Я буду править прямо на него, – сказал я Тану, – а потом отверну в сторону и подставлю тебе его ребра.

Я пустил лошадей рысью, а потом, когда мы въехали в рощу акаций, разогнал до галопа. Прямо перед нами огромный самец буйствовал на усеянной обломками колесниц и телами лошадей прогалине. Он увидел нас и издал свой страшный рев, от которого кровь застыла у меня в жилах, а лошади прижали уши и снова попятились. Я натянул вожжи, взбодрил их, и мы помчались дальше.

Самец бросился на нас, как лавина, несущаяся по склону холма. Зрелище это было ужасное. Ярости и мукам его не было предела, но я мужественно правил лошадьми и не спешил разгонять их. Когда мы сблизились, я начал хлестать лошадей вожжами и дикими воплями перевел их на сумасшедший галоп. Одновременно резко свернул налево и открыл Тану бок слона. С расстояния менее двадцати шагов Тан быстро выпустил три стрелы. Все они вошли в просветы между ребрами чуть позади плеча и погрузились в тело на всю длину.

Самец снова заревел, но на этот раз в его реве слышалась смертельная боль. Потянулся к нам хоботом, но мы успели проскочить и ушли от удара. Я оглянулся. Он стоял в пыли позади нас. Потом снова взревел, и облако крови вырвалось из его хобота, как пар из носика чайника.

– Легкие! – закричал я. – Отлично сработано, Тан. Ты попал ему в легкие.

– Вот мы и нашли к нему ключик, – с восторгом ответил Тан. – Поехали назад. Я хочу пустить ему стрелу в сердце.

Я развернул колесницу, лошади еще были сильны и бодры.

– Давайте, красавицы! – крикнул я. – Еще разок, но!

Смертельно раненный слон – еще не мертвый слон. В будущем я узнаю, как сражаются за свою жизнь эти великолепные звери. Сейчас же он снова величественно и храбро бросился нам навстречу, и я невольно почувствовал к нему уважение. Даже в горячке охоты, в страхе за свою жизнь мне было стыдно причинять ему такие муки.

Может быть, именно поэтому я подвел лошадей слишком близко. Из уважения к противнику мне захотелось противопоставить его мужеству мое собственное. Когда уже было почти поздно, я отвернул лошадей, собираясь проскочить мимо под самым хоботом.

В этот момент внешнее от слона колесо разлетелось на кусочки. У меня засосало под ложечкой, когда я, как акробат, полетел по воздуху. Я не первый раз падал с колесницы и научился приземляться, как кошка. Ослабил удар, прокатившись по земле. Здесь было мягко, и трава

росла густо, как матрац. Невредимый, я вскочил на ноги, ни на секунду не теряя сознания, и сразу увидел, что Тан приземлился совсем не так удачно. Он неподвижно лежал на земле.

Лошади были на ногах, но их мертвым якорем приковывала к себе разбитая колесница. Слон набросился на них. Клинок оказался ближе к нему, и он сломал шею моей любимой кобылы одним ударом хобота. Она упала на колени. Слон пронзил толстым бивнем грудь Клинка и рывком поднял бьющееся животное в воздух.

Мне следовало бежать, пока самец расправлялся со своей жертвой, но Терпение оставалась невредимой. Я не мог покинуть ее. Слон почти отвернулся, его собственные уши, растопыренные, как паруса ладьи, скрыли меня от него, и он не заметил, как я подбежал. Я выхватил меч Тана из ножен в перевернутой колеснице и подскочил к Терпению.

Громадный самец тянул ее за собой за кожаные ремни упряжи, которые связывали с Клинком, но сама кобыла не пострадала, хотя кровь второй лошади забрызгала шею и холку. Она, разумеется, обезумела от ужаса, визжала и лягалась обеими задними ногами и чуть было не раскроила мне череп, когда я подобрался к ней. Я увернулся, но она задела копытом мою щеку.

Я стал рубить ремни из сыромятной кожи, которые привязывали ее к оглобле колесницы. Меч был острым, как бритва, и кожа легко поддавалась. Тремя добрыми ударами я освободил Терпение. Потом протянул руку, пытаясь ухватиться за гриву и вскочить ей на спину, но ужас настолько овладел лошадью, что она ускакала прочь, прежде чем я успел что-то сделать. При этом ударила меня плечом, и я тяжело повалился на землю у разбитой колесницы.

Кое-как встав на четвереньки, я увидел, как Терпение легким, широким галопом мчится прочь по роще, и понял, что она невредима. Потом посмотрел на Тана. Тот лежал в десяти шагах от колесницы лицом к земле, и я даже подумал было, что он мертв, но в этот самый момент он поднял голову и повел вокруг себя глазами. Взгляд у него был бессмысленный и тяжелый. Резкое движение может привлечь внимание слона, и я горячо молил про себя Тана лежать неподвижно. Я не посмел издать ни звука, так как разъяренное животное было рядом.

Я поднял глаза на слона. Бедняжка Клинок застряла у него на бивне, а упряжь запутала хобот. Слон двинулся прочь, потащив за собой разбитую колесницу. Он пытался скинуть тяжелую тушу Клинка. Острие бивня распороло живот лошади, и вонь содержимого кишечника и запах свежей крови смешивались с характерным острым запахом слона. Однако сильнее всего мне ударил в ноздри запах моего собственного пота.

Убедившись, что слон отвернулся, я встал и, пригибаясь, быстрыми прыжками подскочил к Тану.

– Вставай! Вставай же! – хрипло шептал я, стараясь поднять его на ноги, но он был тяжел и еще не пришел в себя от удара. В отчаянии я оглянулся на слона. Тот уходил прочь, волоча за собой колесницу на перепутанной упряжи и труп лошади на бивне.

Я перекинул руку Тана через свою шею и подставил плечо под мышку. Изо всех сил уперся в землю и поднял его на ноги; он, шатаясь, грузно навалился на меня. Меня мотало под его тяжестью.

– Соберись! – горячо шепнул я. – Слон вот-вот заметит нас.

Я попытался тащить Тана за собой, но тот сделал один шаг, застонал и снова тяжело навалился на меня.

– Нога, – прохрипел он. – Не могу идти. Колено. Вывихнул проклятое колено.

В это самое мгновение я полностью осознал весь ужас нашего положения. Мой старый грех – трусость – снова овладел мною, силы оставили меня, а ноги задрожали.

– Убирайся отсюда, старый дурень, – хрипел мне Тан в ухо. – Брось меня, беги!

Слон поднял голову и замотал ею, как собаки вытряхивают воду из ушей, выбравшись на берег. Огромные уши громко хлопали по его плечам, а размозженная туша Клинка соскользнула с бивня и отлетела в сторону, как будто была не тяжелее дохлого зайца. Сила старого слона

казалась просто невероятной. Если он так легко подбрасывает лошадь и колесницу, что может сотворить с моим собственным хрупким телом?

– Беги, ради любви Гора, беги, дурак! – пробормотал Тан и попытался оттолкнуть меня, но из какого-то странного упрямства я продолжал цепляться за его плечи. Как бы мне ни было страшно, я не мог покинуть друга.

Слон услышал голос Тана и развернулся в нашу сторону, расставив уши, широкие, как главный парус ладьи. Он смотрел прямо на нас с расстояния не более пятидесяти шагов.

Тогда я еще не знал, что зрение у слонов очень слабое и они почти слепы. Слон почти полностью полагается на слух и чутье. Только движение может привлечь его, и, если бы мы стояли неподвижно, он бы нас не увидел.

– Он нас заметил, – выдохнул я и потащил Тана за собой, заставляя прыгать на одной ноге. Самец обнаружил движение и заревел. Я никогда не смогу забыть этот звук. Он оглушил и ошеломил меня, мы зашатались и чуть не упали.

Потом слон помчался прямо на нас.

Он бежал вперед длинными шагами, уши хлопали вокруг головы. Стрелы, как щетина, торчали из морщинистого лба, кровь текла по морде, как слезы. Каждый раз, когда он ревел, облачко легочной крови вырывалось из хобота. Он мчался на нас, высокий, как скала, и черный, как смерть. Я мог разглядеть каждую складочку кожи и морщинку вокруг глаз. Ресницы его были густы, как у красивой девушки, а зрачки излучали такую ярость, что сердце тяжелым камнем замирало у меня в груди, а ноги прирастали к земле.

Течение времени замедлилось, и меня вдруг охватило чувство нереальности происходящего, словно я видел все это во сне. Я стоял и смотрел, как смерть несется на меня, медленно и величественно, и не мог двинуться с места.

– Тата! – Детский голос раздался в моей голове, и я понял, что ужас обманывает мое сознание. – Тата, я иду!

Не веря своим ушам, я оторвал взгляд от приближающейся ко мне смерти. По ровной прогалине между акациями к нам на полном галопе неслась колесница. Лошади стелились по земле, головы их поднимались и опускались, как молот кузнеца на наковальню. Уши были прижаты, а ноздри раздувались, розовые и влажные. Я не видел возницы, который держал вожжи.

– Приготовься, Тата! – Только после этого я заметил маленькую головку, едва возвышавшуюся над передком. Два кулачка, побелев от напряжения, сжимали вожжи.

– Мем, – закричал я, – назад! Поворачивай назад!

Ветер раздувал волосы, и они облаком развевались за его головой; солнечный свет высекал рыжие искорки из черных кудрей. Он мчался к нам, не задерживаясь ни на мгновение.

– Выпорю негодника за непослушание! – прорычал Тан, шатаясь на одной ноге. Мы оба забыли об опасности.

– Тпру! – закричал Мемнон и остановил упряжку на полном галопе. Он так круто сманеврировал, что внутреннее колесо развернулось на ободе. Экипаж на мгновение замер прямо перед нами, загородив от слона. Справился парень великолепно.

Я подхватил Тана под руку и втолкнул в колесницу. В следующее мгновение прыгнул сверху сам. Как только я приземлился на него, Мемнон отпустил вожжи, и лошади рванули вперед так резко, что меня бы выбросило назад, не схватись я за борт.

– Давай, Мемнон! – крикнул я. – Покажи, на что ты способен!

– Но! – заорал царевич. – Ого-го!

Колесница помчалась вперед, так как перепуганные лошади неслись изо всех сил под разъяренный рев слона за нашими спинами.

Мы все втроем оглянулись назад. Голова слона нависала над экипажем и, казалось, закрывала весь горизонт. Хобот тянулся к нам и был настолько близко, что облако кровавых брызг

летело на нас с каждым выдохом и ложилось красными пятнышками на лица, как будто их поразила чудовищная болезнь.

Мы не могли оторваться от слона, а он был не в силах догнать нас. Мы мчались по прогалине, пригнувшись к колеснице, а окровавленная голова нависала над нами. Достаточно было вознице ошибиться один раз, наши колеса разбились бы на ухабе или о ствол поваленного дерева, и слон настиг бы нас в тот же момент. Однако царевич правил, как опытный возница, и хладнокровным, наметанным глазом выбирал дорогу. На поворотах колесница неслась на одном колесе на волосок от гибели, но ему удавалось уворачиваться от разъяренного слона. Он не ошибся ни разу, а потом вдруг все кончилось.

Одна из стрел в груди слона прошла глубже от тряски и пронзила сердце. Он широко раскрыл пасть, поток ярко-красной крови хлынул из горла, и великан повалился замертво. Ноги подогнулись, и бежавшее тело рухнуло с такой силой, что земля задрожала. Слон лежал на боку, задрав к небу огромный изогнутый бивень, словно последний раз бросал вызов этому миру.

Мемнон остановил лошадей, мы с Таном выкарабкались из колесницы и встали рядом, глядя на гороподобную тушу. Тан оперся на борт колесницы, чтобы снять вес с поврежденной ноги, и медленно повернулся к мальчику.

– Клянусь Гором, я знавал храбрецов, но никто из них не превзошел тебя, парень, – просто сказал он, а потом поднял Мемнона и прижал к своей груди.

Я не могу подробно описать, что произошло дальше, потому что привычные слезы залили мне глаза. Сколько я ни называл себя сентиментальным дураком, не мог остановить их. Мне так давно хотелось увидеть, как отец обнимет своего сына.

Я сумел взять себя в руки и справиться с чувствами, когда услышал далекие крики приветствий. Мы не отдавали себе отчета в том, что охота разворачивалась на виду у всей флотилии. «Дыхание Гора» стояла у берега Нила, и я заметил на кормовой надстройке стройную фигуру царицы. Даже с такого расстояния можно было разглядеть, как побледнело и окаменело ее лицо.

«Золото доблести» – награда воина, и ценится она выше, чем «Золото похвалы». Она присуждается только героям.

Мы собрались на палубе ладьи. Там присутствовали приближенные царицы и командиры всех отрядов ее войска. У мачты стояли бивни слонов, выставленные напоказ как военные трофеи, все воины надели торжественные наряды своих отрядов. Знаменосцы вытянулись по стойке «смирно» позади трона, а трубачи торжественно трубили, когда царевич преклонил колено перед царицей.

– Возлюбленные подданные! – четко произнесла Лостра. – Благородные командиры войска, мои советники и воины отрядов, я представляю вам царевича Мемнона, наследника короны Египта, который на моих глазах и на глазах у всех вас завоевал мою благосклонность. – Она улыбнулась сверху вниз одиннадцатилетнему мальчику, с которым обращались так, как будто он был военачальником, одержавшим большую победу. – За храбрость на охоте я повелеваю ввести его в состав отряда стражи Синего Крокодила в ранге воина и награждаю «Золотом доблести», дабы награда эта гордо сияла у него на груди в знак заслуг.

Золотую цепь специально для этой цели изготовили царские златокузнецы, и теперь она точно легла на шею одиннадцатилетнего воина. Однако на цепочке висела маленькая золотая фигурка слона, которую я вырезал своей рукой. Эта статуэтка была совершенством во всех отношениях: вместо глаз сияли осколки граната, а бивни были сделаны из настоящей слоновой кости. Она так красиво смотрелась на безупречной коже царевича.

Я почувствовал, что глаза мои снова наполняются слезами, когда услышал приветственные крики, которыми воины встречали царевича, но я проглотил их, сделав над собой усилие.

Не я один купался в слезах, как бородавочник в грязи, даже Крат, Ремрем и Аст – эти суровые, испытанные воины, которые всегда держались с наигранной грубостью, – стояли с глупыми улыбками на лицах, и, могу поклясться, у многих воинов на глазах блестели слезы. Так же как и его родители, мальчик умел пробуждать любовь и верность в окружающих. Под конец каждый командир отряда синих подошел к царевичу и торжественно обнял как нового товарища по оружию.

В тот вечер, когда на закате солнца мы с царевичем катились на колеснице по берегу Нила, Мемнон внезапно остановил лошадей и повернулся ко мне:

– Меня призвали в отряд. Я наконец стал воином, и теперь, Тата, ты должен сделать мне новый лук.

– Я сделаю тебе самый хороший лук, какой только приходилось натягивать лучнику, – пообещал я.

Некоторое время он серьезно смотрел на меня, а потом вздохнул:

– Спасибо, Тата. По-моему, сегодня – счастливейший день в моей жизни. – В свои одиннадцать лет мальчик произнес эти слова, как убеленный сединами старец.

На следующий день, когда флотилия встала на якорь на ночь, я отправился на поиски царевича и обнаружил его в одиночестве на берегу в таком месте, где он был укрыт от посторонних взглядов. Мемнон не заметил меня, и я мог понаблюдать за ним.

Он был совершенно обнаженным. Хотя я и предупреждал его о коварном течении и крокодилах, мальчик, очевидно, только что плавал в реке, так как волосы мокрой волной лежали на плечах. Однако его поведение озадачило меня: он подобрал на берегу два больших круглых камня и теперь, держа по одному в каждой руке, поднимал и опускал их, словно совершал какой-то странный обряд.

– Тата, ты следишь за мной, – сказал Мемнон вдруг не оборачиваясь. – Тебе что-нибудь нужно?

– Мне интересно, что ты делаешь с этими камнями. Ты поклоняешься какому-то новому богу кушитов?

– Я хочу, чтобы руки мои стали сильными и могли натягивать новый большой лук. Я хочу, чтобы лук этот был по-настоящему тугим. Тебе не удастся отделаться от меня новой игрушкой. Слышишь, Тата?

На реке нам преградил путь еще один порог – пятый и, как оказалось, последний из тех, которые пришлось преодолеть. Однако он не был столь серьезным препятствием для нас, как предыдущие четыре. Земли вокруг изменились, и мы уже не были привязаны к узкой долине реки.

Мы снова остановились, ожидая очередного половодья, засеяли поля и стали растить урожай, но теперь могли посылать отряды колесниц по широким просторам саванны в разведывательные походы. И госпожа моя отправила отряды на юг на охоту за слонами и добычу слоновой кости.

Когда мы прибыли в земли Куша, огромные стада великолепных серых зверей доверчиво встретили нас. Теперь же они бежали и рассеялись по равнине. Мы повсюду безжалостно охотились на них. Однако эти мудрые существа быстро усвоили урок.

У пятого порога мы обнаружили огромные стада слонов по обоим берегам реки. Их были тысячи, и Тан немедленно отправил на охоту колесницы. Мы разработали тактику охоты и научились избегать потерь, как в первой охоте на двух самцов. За первый же день убили сто семь слонов, а потеряли только три колесницы.

На следующий день мы не увидели поблизости ни одного слона. Хотя колесницы отправились вдогонку по широким тропам, проложенным в саванне большими стадами, они нагнали их только через пять дней.

Теперь охотничьи отряды возвращались через много недель, так и не добыв ни одного бивня. Сперва мы решили, будто нашли неисчерпаемый источник слоновой кости. Но, как заметил царевич в первый же день, охота на слонов была не столь простым занятием, как могло показаться на первый взгляд.

И все же отправившиеся на юг колесницы вернулись не с пустыми руками. Они обнаружили нечто куда более ценное, чем слоновая кость. Они обнаружили людей.

Уже несколько месяцев я не покидал лагеря, испытывая колеса для колесниц. Именно в тот день я нашел решение проблемы, которая мучила меня с первых дней работы над колесом и которая так забавляла и смешила Тана и его бравых дружков. Я имею в виду непрочность колес моей конструкции.

Решение оказалось непростым. Мне пришлось применить несколько разных материалов, начиная с материала для ступиц колес. Теперь в моем распоряжении находился практически неограниченный выбор разных сортов древесины, рога сернобыков и носорогов, на которых охотились неподалеку от нашего поселения и которые, в отличие от слонов, не спасались бегством после наших налетов.

Я обнаружил, что если замочить в воде красную сердцевину жирафьей акации, она становилась настолько твердой, что от нее отскакивало лезвие крепчайшего бронзового топора. Я переложил эту древесину слоями рога и обвязал ступицу бронзовой проволокой тем же способом, каким я изготовил Ланату. В результате мне удалось сделать колесо, которое без опаски можно было использовать в любой местности. Когда нам с Гуи удалось построить первые десять колесниц с новыми колесами, я поспорил с Кратом и Ремремом, которые прославились на все войско грубой ездой и разрушением колесниц. Я предложил им разбить новые колеса во время езды на колеснице. Мы побились об заклад на десять дебенов золота, что они не смогут разбить колеса в установленный срок.

Игра пришлась по душе двум мальчишкам-переросткам, которые принялись за нее с юношеским задором. Последующие несколько недель их дикие вопли, грохот копыт и колес разносились по рощам на берегах Нила. Когда время испытания подходило к концу, Гуи пришел ко мне с жалобой: они загнали двадцать упряжек лошадей. Правда, его немножко утешило то, что спор мы выиграли. Наши колеса выдержали самые строгие испытания.

– Если бы ты дал мне еще несколько дней, – без всякого намека на великодушие бурчал Крат, отдавая мне золото, – я бы наверняка заставил их татакнуться! – И он изобразил без слов то, что считал очень смешным, а именно: как разлетается мое колесо и возница летит по воздуху.

– Ты очень талантливый клоун, Крат, но золотишко-то твое у меня, – я позвенел у него под носом, – ты только и можешь разыгрывать старые шутки, от которых тебе самому уже тошно.

И вот разведывательный отряд, возглавляемый вельможей Акером, что отправлялся на поиски слонов, вернулся с вестью о том, что обнаружил поселение людей далеко к югу.

Мы ожидали встречи с каким-нибудь племенем после первого же порога. Земли Куша веками снабжали Египет рабами. Как правило, их захватывали в плен сородичи в междуусобной войне, а потом продавали с остальными товарами, подобно слоновой кости и страусовым перьям, на передовых заставах империи, где также покупали рог носорога и золотой песок. Язвительные черные служанки царицы Лостры тоже происходили отсюда, а к нам они поступили с рабовладельческих рынков Элефантины.

Я до сих пор не могу понять, почему мы не обнаружили людей раньше. Наверное, ушли из-за войн и набегов работорговцев, как стада слонов, когда мы начинали охотиться на них. Людей могли погубить голод или болезни – сейчас трудно сказать, что произошло. Однако до сих пор мы видели лишь скудные следы пребывания человека.

Теперь же, когда мы наконец нашли людей, возбуждение, как поветрие, овладело всеми. В рабах мы нуждались больше, чем в слоновой кости и золоте. Наша цивилизация и образ жизни основывались на рабовладении, одобренном богами и освященном древностью. Мы могли увезти с собой очень мало рабов, и теперь у нас появилась настоятельная необходимость захватить как можно больше пленных, чтобы заменить оставшихся в Египте. Иначе мы бы не выжили.

Тан немедленно приказал отправить большой отряд. Ему пришлось самому возглавить его, так как он не знал, что ожидает нас в верхнем течении Нила. Если не считать военнопленных, мы, египтяне, покупали рабов у иноземных торговцев, и, насколько мне известно, нам впервые за много веков предстояло заняться охотой на людей. В ней мы были такими же новичками, как и в охоте на слонов, но по крайней мере не предполагали, что дичь наша будет робкой и глупой.

Тан по-прежнему не желал ездить с другим возницей, и даже безуспешные попытки Крата и Ремрема разбить новые колеса не убедили его в достоинствах новых колесниц. Мы ехали во главе отряда, а следом за нами второй колесницей правил молодой командир синих, наследник короны Мемнон.

Я выбрал двух лучших колесничих в экипаж Мемнона. Его собственный вес был настолько мал, что колесница легко вмещала еще одного человека, а у царевича не хватало сил на то, чтобы вдвоем с возницей поднять повозку и перенести через препятствие, когда лошади не могли перетащить ее сами. Ему нужна была помощь еще одного человека.

Первая обнаруженная нами деревня расположилась на берегу реки в трех днях пути от порога. Она представляла собой скопление жалких навесов из травы, слишком примитивных для того, чтобы называть их хижинами. Тан выслал вперед разведчиков, чтобы узнать местность вокруг деревни, а потом мы стремительно, одним броском, окружили ее.

Люди, спотыкаясь, выскакивали из-под навесов. Они были слишком ошеломлены и потрясены и не могли оказать сопротивления. Даже не пытались убежать. Они сбились в кучу и стали болтать что-то друг другу, с изумлением разглядывая кольцо колесниц и щитов, окружившее пленных.

– Отличный улов! – Тан в восторге разглядывал их. Мужчины были рослыми и худыми, с длинными стройными руками и ногами. Ростом они превосходили большинство наших воинов, и даже Тан казался коротышкой рядом с ними, когда ходил и осматривал добычу, разделяя на отдельные группы, как крестьянин или скотовод делит свое стадо. – Некоторые просто великолепны, – восхищался он. – Посмотри на этого красавца. – И вывел вперед молодого человека с развитой мускулатурой. – За него дадут не меньше десяти золотых колец на рынке рабов в Элефантине.

Женщины были здоровыми и сильными. Спины у них прямые, а зубы белые и ровные. У каждой из женщин на руках младенец, а второго ребенка она держала за руку.

И все же более примитивного народа я еще не встречал. И мужчины, и женщины не носили никакой одежды и бесстыдно ходили, не прикрыв паха, хотя маленькие девочки носили на поясе ожерелья из бусинок, изготовленных из осколков страусиных яиц. Я сразу заметил, что зрелые женщины подверглись жесточайшему обрезанию. Позже я узнал, что для этой операции использовался кремневый нож или бамбуковая щепка. Их влагалища были покрыты шрамами и превратились в огромные открытые колодцы, которые запирались снаружи пряжками из осколков слоновой кости. Молоденькие девочки еще не были изувечены, и я принял решение в будущем запретить этот обычай. Я был абсолютно уверен в том, что госпожа моя поддержит меня.

Кожа этих людей была настолько черной, что их обнаженные тела казались багровыми в лучах восходящего солнца, словно перезрелые плоды винограда. Некоторые из них измазали себя смесью золы и белой глины, нарисовав кончиками пальцев грубые узоры на своих телах.

Волосы свои они собирали в узел на голове и скрепляли их смесью бычьей крови и глины в высокий блестящий шлем, от которого казались еще выше, чем были на самом деле.

Меня сразу поразило то, что среди них не было стариков. Позже я узнал: по обычаю старикам ломали ноги боевыми дубинами и оставляли на берегу реки в жертву крокодилам. Они считали крокодилов воплощением умерших предков и верили, будто превращают стариков в крокодилов, скармливая их речным хищникам. Круг, таким образом, замыкался.

Дикари не изготовляли никаких металлических изделий. Орудиями им служили деревянные дубины и заостренные палки. Горшечного искусства также не знали и вместо посуды пользовались высушенными плодами тыквы. Не сажали никаких растений и жили целиком на рыбе, которую ловили ловушками, или за счет своих стад низкорослого длиннорогого скота, самого ценного своего достояния. Пускали скотине кровь из вены на шее и, смешав эту кровь с только что надоенным парным молоком, пили свернувшуюся массу с невероятным наслаждением.

В последующие несколько месяцев я обнаружил, что они не умеют ни читать, ни писать. Из музыкальных инструментов пользовались только барабаном, выдолбленным из цельного ствола дерева, а песни их походили на хрип и блеяние диких животных. Танцы были грязной пародией полового акта, в которой ряды обнаженных мужчин и женщин приближались друг к другу, виляя бедрами и топая ногами. Когда сходились, подражание прекращалось и пляски кончались настоящей оргией.

Когда царевич Мемнон спросил меня, по какому праву мы захватываем этих людей и их скот, я сказал ему:

– Они – дикари, а мы – люди цивилизованные. Так же как отец обязан воспитать и вырастить своего сына, мы должны поднять их из звериного состояния и научить вере в настоящих богов. Они же со своей стороны обязаны платить нам за это своим трудом.

Мемнон – мальчик смышленый, и после такого объяснения он больше не сомневался ни в его логичности, ни в нравственной обоснованности.

По моему предложению госпожа моя позволила своим черным служанкам сопровождать наш отряд. Лично у меня отношения с этими двумя вертихвостками были далеко не безупречными, однако теперь они оказали нам бесценную услугу. У обеих девушек сохранились детские воспоминания о жизни до того, как попали в рабство. Они помнили основы языка своего племени. Этого оказалось достаточно, чтобы начать обучение наших пленников. Как и у всех музыкантов, мое ухо чутко воспринимает звуки человеческого голоса, а кроме того, у меня очень хорошие способности к языкам. Через несколько недель я уже мог говорить на языке шилуков, как называли себя эти люди.

Язык их был столь же примитивным, как обряды и образ жизни. Общее число слов в нем не превышало пяти сотен, и я, записав их на свитках, заставил погонщиков рабов и командиров войска выучить их, так как Тан назначил последних командовать пойманными рабами. Именно из этого племени он создал свой первый пеший отряд для поддержки колесниц.

Первый набег не показал нам истинной воинственной природы шилуков. Все произошло слишком быстро, поэтому мы не были готовы к тому, что ожидало нас в следующих деревнях. На этот раз шилуки заранее узнали о нашем приближении и сумели приготовиться к встрече.

Угнав свой скот и спрятав женщин и детей, обнаженные и вооруженные только деревянными дубинами, они плотной толпой побежали на наши колесницы и с невероятной стойкостью и мужеством грудью принимали удары стрел и мечей.

– Клянусь вонючей серой в ухе Сета! – весело ругался Крат после того, как мы отбили первое нападение. – Каждый из этих черных дьяволов – прирожденный воин.

– Если их обучить и дать им бронзовое оружие, эти черные ребята устоят против любой пехоты в мире, – подтвердил Тан. – Положите луки на подставки, я хочу захватить как можно больше живыми.

В конце концов Тану удалось довести их до полного изнеможения погоней за колесницами, и только тогда они попадали на колени, исчерпав свой, казалось, бесконечный запас выносливости и отчаянного геройства. Погонщики рабов связали усталых воинов.

Лучших пленников Тан отбирал в свои пехотные отряды. Он выучил язык так же быстро, как и я. Шилуки скоро стали почитать его богом вместо своих крокодилов. Тан полюбил их почти столь же сильно, как я полюбил лошадей. Под конец нам уже не приходилось ловить шилуков, как диких зверей. Великолепные рослые воины, вооруженные копьями, сами покидали свои укрытия в камышах и кустарниках в глубине оврагов, подходили к Тану и просили взять в его отряды.

Тан вооружил их длинными пиками с бронзовыми наконечниками и щитами из кожи слона, а затем нарядил в юбки из хвостов дикого кота и в головные уборы со страусовыми перьями. Его младшие командиры обучили новичков всем классическим построениям войска, и мы скоро начали сочетать тактику пехоты и действия колесниц.

Однако не все шилуки пошли в войско. Многие стали неутомимыми гребцами на наших ладьях, преданными пастухами и конюхами, потому что были рождены ухаживать за скотом.

Мы скоро узнали, что их кровными врагами были племена динка и мандари, жившие дальше к югу. Эти племена оказались еще более примитивными и не обладали воинственным духом шилуков. Ничто не доставляло шилукам большего наслаждения, чем поход на своих древних врагов под командованием египетского военачальника и при поддержке египетских колесниц. Динка и мандари они захватывали в плен тысячами. Последних мы использовали для тяжелой и нудной работы. Никто из них не пришел к нам по своей воле, как некоторые шилуки.

Когда флотилия прошла пятый порог, все земли Куша открылись нам. Теперь шилуки стали нашими проводниками. Ладьи шли вверх по реке, а отряды колесниц отправлялись в далекие походы, возвращаясь с богатой добычей слоновой кости и новыми рабами.

Скоро мы достигли широкого русла реки, которая впадала в Нил с востока. Воды в этой реке почти не было, она высохла и превратилась в цепочку мелких луж. Однако шилуки заверили нас, что в определенное время река, которую они называли Атбара, становится бурным потоком и ее воды вливаются в Нил, поднимая высоту его половодья. Царица Лостра отправила группу золотоискателей с проводниками-шилуками вверх по руслу Атбары. Они должны были пройти как можно выше по ее течению. Флотилия же отправилась дальше на юг, продолжая охотиться и ловить рабов.

Сколько бы я ни тревожился и как ни пытался помешать царевичу, в те дни колесница Мемнона часто оказывалась во главе летучих отрядов. Разумеется, его окружали хорошие воины – об этом я позаботился, но здесь, в дикой Африке, повсюду угрожали опасности, а он по-прежнему оставался мальчишкой.

Я считал, что ему нужно проводить больше времени со мной за изучением свитков. Он должен был учиться на палубе «Дыхания Гора», а не развлекаться с такими разбойниками, как Крат и Ремрем. Эта парочка заботилась о безопасности царевича не больше, чем о своей собственной. Очень скоро он стал таким же сорвиголовой.

Когда я попытался поговорить об этом с Таном, тот только рассмеялся в ответ.

– Если ты хочешь в один прекрасный день увидеть на его голове двойную корону обоих царств, ему нужно научиться презирать опасности и вести за собой людей.

Госпожа моя соглашалась с Таном во всем, что касалось обучения Мемнона, и мне оставалось только полнее использовать те немногие часы, которые я проводил в обществе царевича.

И все же у меня было утешение. Две царевны, Техути и Беката, становились очаровательнее с каждым днем, и скоро я стал их рабом не только в буквальном смысле этого слова. Из-за особых обстоятельств моей и их жизни я был для них ближе, чем родной отец. Первым словом

Бекаты стало «Тата», а Техути отказывалась ложиться спать, пока я не расскажу ей сказку. Она очень тосковала, когда мне приходилось оставлять флотилию и уезжать по какому-нибудь делу. Это было, пожалуй, самым счастливым временем моей жизни. Я чувствовал себя центром большой семьи, и любовь ее членов придавала мне силы.

Народ наш был почти столь же счастлив, как и я. Скоро один из наших золотоискателей вернулся из похода вверх по реке Атбаре. Он опустился на колени перед царицей Лострой и положил к ногам маленький кожаный мешочек. Затем по ее просьбе он развязал его, и оттуда потекла струйка блестящих камешков. Одни из них были размером с песчинку, другие – с кончик большого пальца, и все испускали характерное сияние, которое трудно с чем-либо спутать.

Царица призвала златокузнецов. Они разожгли свои горны, приготовили тигли и наконец объявили, что эти самородки – настоящее золото очень высокой чистоты. Мы с Таном снова отправились вверх по Атбаре, туда, где было найдено золото. Я помог придумать способ его добычи и разработки россыпей в русле реки, где накапливался драгоценный металл.

Мы согнали тысячи мандари и динка, и они корзинами таскали гальку и песок вверх по склонам холмов к промывочным желобам, выбитым каменщиками в скалистых склонах над рекой.

Мы оставили горняков за их работой и вернулись к флотилии, унося с собой пятьсот дебенов только что выплавленных золотых колец.

На своем пути мы встретили еще один порог – шестой. Этот порог оказался последним, и прохождение оказалось более быстрым и простым, чем всех предыдущих. Наши колесницы и повозки спокойно обошли его по равнине, и мы наконец достигли таинственного места слияния двух могучих рек, которые образуют Нил, известный нам и любимый нами с детства.

– Вот место, явленное Таите в видении лабиринтов Амона-Ра. Здесь с позволения Хапи смешиваются истекающие из нее воды. Здесь находится священное место пребывания богини, – объявила царица Лостра. – Мы завершили наше путешествие. Именно здесь богиня укрепит наши силы перед возвращением в Египет. Я называю это место Кебуи, или «Место северного ветра», потому что северный ветер привел нас сюда.

– Это благоприятное место. Богиня уже явила нам свою благосклонность, одарив нас рабами и золотом, – подтвердили вельможи верховного государственного совета. – Мы не пойдем дальше.

– Нам осталось лишь найти место упокоения моего мужа, фараона Мамоса, – повелела царица Лостра. – Как только гробница его будет построена и фараон ляжет в нее, обет мой будет выполнен, и настанет время нашего победоносного возвращения в Египет. Только после этого сможем мы выступить против тиранов-гиксосов и изгнать их с нашей родины.

По-моему, я был одним из немногих среди пришедших из Египта, кого не обрадовало решение царицы. Всеми остальными членами совета овладела тоска по дому, они устали от долгих лет скитаний. Я же, напротив, заразился болезнью куда более опасной – меня поразила страсть к перемене мест. Мне хотелось узнать, что находится за следующим поворотом реки и за следующим гребнем холма. Мне хотелось идти вперед и вперед до самого края света. Поэтому я был счастлив, когда госпожа поручила мне найти место для царской гробницы и приказала царевичу Мемнону сопровождать меня с отрядом колесниц. Это не только позволило предаться страсти к путешествиям, но и снова подарило радость общения с царевичем.

В возрасте четырнадцати лет царевича Мемнона назначили командиром нашего отряда. В этом не было ничего необычного. В истории Египта бывали фараоны, которые в его возрасте выигрывали сражения во главе своих войск. Царевич очень серьезно отнесся к своим обязанностям в первом самостоятельном походе. Когда готовили колесницы, Мемнон лично осмотрел

каждую лошадь и повозку. У нас было по две запасных упряжки для каждой колесницы, чтобы регулярно менять лошадей, не утомляя их.

Затем мы с царевичем долго и весьма подробно обсуждали, в каком направлении нам отправиться на поиски идеального места для царской гробницы. Хотелось найти необитаемую гористую местность, куда вряд ли нагрянут похитители сокровищ. Там мы выберем скалу, в которой можно будет вырубить усыпальницу и дополнительные коридоры.

Мы не встречали подобной местности с тех пор, как вошли в земли Куша. Мы обсудили все, что знали о землях, лежавших позади нас, и начали строить догадки о том, что ожидало нас впереди. Мы стояли в Кебуи, у слияния двух рек, прекраснейшем из мест, которые мы посетили за время нашего долгого путешествия.

Все птицы небесные слетались сюда: от ярких, как драгоценные камни, зимородков до голубых журавлей, от шелестящих стай уток, тучами поднимавшихся в небо, до ржанок и чибисов, которые бегают по берегу у кромки воды и останавливаются, чтобы жалобно спросить: «Чиво, чиво?» В рощах серебристых акаций в открытых просторах саванны паслись бесчисленные стада антилоп; казалось, что место пребывания богини священно для всех родов жизни.

Воды после слияния двух рек кишели рыбой, а в небе медленно кружили белоголовые речные орлы, время от времени издавая свой потусторонний резкий клич.

Характер и нрав двух рек были совершенно различными, как это часто бывает у двух детей, рожденных одной женщиной. Река, текущая справа, медленно несла свои желтые воды. Хотя она и была полноводнее левого притока, но характером мягче. Голубовато-серые воды восточной реки мчались стремительно, ее мощные струи отталкивали сестру в сторону при слиянии и не желали смешиваться с ней, прижимаясь к своему берегу и сохраняя буйный нрав многие мили, прежде чем позволяли наконец более спокойной желтой реке поглотить себя.

– По какой же реке нам пойти, Тата? – спросил Мемнон, и я послал за проводниками-шилуками.

– Желтая река течет из бескрайних болот, населенных страшными болезнями. Ни один человек не может пройти по ним. Это земли крокодилов, гиппопотамов и кусачих насекомых. Это земля лихорадки, где человеку легко заблудиться, и он будет вечно искать дорогу назад, – рассказал нам шилук.

– А другая река? – спросили мы.

– Темная река течет прямо с неба, низвергаясь со скал, вершины которых уходят в облака. Ни один человек не может взобраться по их страшным склонам и крутым ущельям.

– Мы пойдем по темной, левой, реке, – решил царевич. – В скалистой местности нам легче будет найти место, где найдет упокоение мой отец.

Итак, мы отправились на восток и шли вверх по течению реки, пока не увидели на горизонте голубые горы. Они возвышались стеной, и размеры этой крепости превосходили все, когда-либо нами виденное. Рядом с этими горами холмы в долине Нила казались следами птичьих лап на песчаном берегу. С благоговейным ужасом смотрели мы на них. Мы приближались к ним, и с каждым днем они уходили все выше и выше в небо, а мир у подножия, казалось, становился все мельче и мельче.

– Никто не может взобраться по их склонам, – с изумлением смотрел на них Мемнон. – Там, наверное, живут боги.

Мы видели, как отблески молний освещали склоны. Молнии мерцали в тяжелых тучах, скрывавших от наших взоров вершины гор. Мы слышали раскаты грома, который, подобно львиному рыку, разносился эхом по узким ущельям и долинам, и благоговейный ужас наполнял нас.

Мы не отважились идти дальше подножия этого ужасного горного хребта. Отвесные скалы и крутые ущелья встали на нашем пути и заставили колесницы повернуть назад. У подножия этих гор мы нашли укромную долину, окруженную отвесными скалистыми склонами. Двадцать

дней мы с царевичем изучали это дикое, безлюдное место, пока наконец Мемнон не остановился перед черной отвесной скалой и тихо произнес:

– Здесь тело моего отца будет покоиться вечно, – и поднял глаза на отвесную каменную стену, я увидел в них мечтательное и загадочное выражение. – Мне кажется, я слышу его голос. Он раздается у меня в голове. Отец будет счастлив здесь.

Тогда я осмотрел местность и разметил скалу, вбивая в трещины бронзовые костыли. Так я показал направление и наклон входного коридора для каменщиков, которые придут сюда работать. Покончив с этим, мы вышли из лабиринта горных долин и крутых ущелий и пошли назад, к Нилу, туда, где сливаются две реки и где оставалась наша флотилия.

На ночь мы стали лагерем на великих равнинах в нескольких днях пути от Кебуи. Ночью меня внезапно разбудил потусторонний гнусавый крик и шум движения огромной массы животных, которые, казалось, раздавались повсюду вокруг нас.

Мемнон приказал протрубить тревогу, а затем мы вооружились и встали наготове внутри кольца колесниц. Бросили хвороста в сигнальные костры и посмотрели в темноту. Перед нами в мерцающем свете волновалась темная равнина, подобная бурной поверхности Нила, и равнина эта текла мимо. Гнусавые крики и фырканье почти оглушали нас. Животные шли так плотно, что некоторые из них натолкнулись на кольцо колесниц и перевернули часть наших экипажей. Отдохнуть в этом шуме было невозможно, и мы оставались на ногах весь остаток ночи. Поток живых существ не ослабевал.

Когда рассвело, мы увидели необычайное зрелище. Повсюду, насколько хватало глаз, равнину покрывал ковер движущихся животных. Они шли в одном направлении, медленно, со странной решимостью, опустив головы и погрузившись в облака пыли, поднятые их собственными копытами. Изредка они издавали громкие потусторонние крики. Время от времени часть бесконечного стада пугалась без всякого повода, и животные вскидывали головы. Они начинали скакать, фыркать и гоняться друг за другом, бессмысленно кружа в огромном стаде, подобно водоворотам на поверхности спокойной реки. Затем они снова успокаивались и тяжелым шагом шли следом за другими животными, исчезая в утреннем тумане и пыли.

Мы стояли и в изумлении смотрели вокруг. Все животные принадлежали к одному виду, и каждое из них в точности походило на другое. Все они были темного красноватого окраса, а шерсть на шее, лохматая и спутанная, висела до самой земли. Рога смыкались над головой подобно месяцу. Головы были бесформенные, носы похожи на раздувшиеся клубни, а тела, мощные спереди, сужались к заду. Бедра были худыми и стройными.

Потом мы наконец запрягли лошадей в колесницы и отправились в путь по живому морю подобно флотилии кораблей. Животные раздвигались, чтобы пропустить нас, и проходили с обеих сторон так близко, что можно было протянуть руку и коснуться их спин. Они совершенно не боялись и смотрели на нас мутными скучными глазами.

Когда настало время обедать, Мемнон натянул тетиву на лук и убил пять антилоп пятью стрелами. Мы сняли с них шкуры и разделали туши на глазах сородичей, проходивших мимо на расстоянии вытянутой руки. Несмотря на странную внешность, мясо этих животных, зажаренное на открытых углях, было не хуже мяса любой дичи, какую мне доводилось пробовать.

– Вот еще один дар богов, – заявил Мемнон. – Как только мы соединимся с главным войском, отправим отряд за этим стадом. Наши охотники смогут накоптить столько мяса, что хватит на прокорм всех рабов и всего войска до следующего их прихода.

От проводников-шилуков мы узнали, что эта неведомая нам миграция животных происходит каждый год. Стада покидают одни пастбища и переходят на другие, отделенные от первых сотнями миль. Шилуки называли этих зверей гну, подражая их гнусавым крикам.

– У нас будет неистощимый запас мяса, пополняющийся каждый год, – сообщил я царевичу.

Никто не предвидел катастрофы, которая произойдет из-за посещения нашего лагеря уродливыми гну. Меня должно было насторожить то, как те вскидывали головы и фыркали без всякой причины, а из ноздрей текла слизь, которую я заметил, когда они проходили мимо. Однако я не задумывался о поведении гну и счел их тихими и безобидными животными, от которых нам, кроме пользы, ждать нечего.

Как только мы достигли слияния двух рек, то сообщили о миграции гну царице Лостре, и она согласилась с предложением царевича Мемнона, назначив ему в помощники Крата и Ремрема. Отдала под его командование отряд из двухсот колесниц с группой больших грузовых повозок и несколькими тысячами шилуков. Царица приказала забить столько гну, сколько они смогут разделать и закоптить на прокорм войска.

Я не отправился с отрядом, так как роль помощника мясника не приводила меня в восторг. Очень скоро дым от костров, на которых коптили мясо, поплыл по горизонту, и не прошло и нескольких дней, как начали возвращаться большие повозки, доверху груженные кучами почерневших ломтей мяса.

Ровно через двадцать дней после нашей встречи со стадами гну я сидел на берегу Нила под тенистым деревом и играл в бао со своим старым другом Атоном. Я позволил себе и Атону немного отдохнуть. Мы открыли один из драгоценных кувшинов вина высшего качества, которое оставалось в наших запасах со времен ухода из Египта. Мы с Атоном играли и переругивались, как и полагается старым друзьям, потягивая вино и наслаждаясь его букетом.

Мы не имели ни малейшего представления, какая катастрофа приближается к нам с каждой секундой. Напротив, у меня были причины быть довольным собой. За день до этого я закончил чертежи и планы строительства гробницы фараона, где придумал несколько ловушек, которые должны будут остановить похитителей сокровищ. Царица Лостра одобрила мои планы и назначила одного из главных каменщиков наблюдать за строительством. Сказала мне, что я могу требовать любых рабов и любой материал, которые понадобятся. Госпожа моя решила не скупиться на выполнение клятвы, данной покойному мужу. Она построит ему самую изысканную гробницу, какую способен создать мой гений.

Я выиграл подряд третью партию у Атона и наливал себе в чашу великолепное вино из кувшина, когда услышал топот копыт и увидел верхового, который скакал к нам от расположения колесниц на полном галопе. Еще издалека я узнал Гуи. Очень немногие рисковали ездить верхом, тем более с такой скоростью. Он мчался к нам. Когда я увидел выражение его лица, так резко вскочил на ноги, что разлил вино и перевернул доску.

– Таита! – закричал Гуи мне с расстояния в сто шагов. – Лошади! О, милостивая Исида, помоги нам! Лошади!

Он остановил лошадь. Я вскочил на ее спину позади Гуи, обхватив его за талию.

– Не трать времени на разговоры! – крикнул я ему. – Гони!

Сначала я отправился к Терпению. Половина табуна уже заболела и лежала на земле, но эта кобыла была моей первой любовью. Она лежала на боку, грудь тяжело вздымалась. Постарела, седина появилась на морде. Я не запрягал ее в колесницу с того самого дня, когда слон убил Клинка. Терпение больше не ходила в упряжке, но стала лучшей племенной кобылой в наших табунах. Ее дети унаследовали крепкое сердце и острый ум. Только что она кончила кормить маленького красивого жеребенка, который стоял сейчас рядом и тревожно смотрел на нее.

Я встал на колени.

– Что с тобой, храбрая моя? – мягко спросил я. Терпение узнала мой голос и открыла глаза.

Веки слиплись от слизи. Состояние ее привело меня в ужас. Шея и горло кобылы раздулись и стали вдвое толще обычного. Вонючий гной струился изо рта и ноздрей. Лихорадка сжигала ее, и я чувствовал, что тело пышет жаром, как костер.

Она попыталась подняться, когда я погладил шею, но была слишком слаба. Голова снова упала на землю, дыхание с бульканьем и хрипом вырывалось из груди. Густой серо-желтый гной пузырился в ноздрях. Горло сжималось, ей приходилось судорожно бороться за каждый вдох.

Она смотрела на меня почти человеческими глазами, в которых стояла доверчивая мольба. Чувство бессилия охватило меня. Мне еще не приходилось иметь дело с этой болезнью. Я стащил белоснежный платок с плеч и стер гной с ноздрей. Это была жалкая, бессмысленная попытка, потому что свежая струйка вонючего гноя тут же появилась на ее коже.

– Таита! – позвал меня Гуи. – Все лошади поражены этой болезнью.

В душе я был благодарен ему за то, что он отвлек меня. Я оставил Терпение и пошел осматривать табун. Половина лошадей уже лежала, а те, что держались на ногах, шатались, из их ноздрей и ртов на землю текли струйки желтого гноя.

– Что нам делать? – с мольбой в голосе спрашивали Гуи и колесничие. Их доверие тяжкой ношей легло на мои плечи. Они ожидали, что я могу предотвратить ужасную катастрофу, но я понимал, что ничего не в состоянии сделать. Я не знал лекарства от этой болезни и не имел представления, как ее лечить. Здесь нужно было нечто новое, ни на что не похожее.

Спотыкаясь, я побрел обратно к Терпению и снова стал стирать гной с ноздрей. Я видел, что силы ее кончаются. Каждый вздох стоил страшных мучений. Печаль лишала меня сил. Я понял, что скоро расплачусь и стану совершенно слаб и абсолютно бесполезен для кого бы то ни было, будь то лошади или люди.

Кто-то опустился на колени рядом со мной. Я поднял глаза и увидел одного из конюховшилуков, трудолюбивого и приятного человека, с которым подружился и который считал меня своим хозяином.

– Это болезнь гну, – сказал он мне на своем простом языке. – Многие умрут.

Я смотрел на него, ничего не соображая, а когда слова дошли до моего скованного горем сознания, вспомнил фыркающие, сопливые стада гну, темным ковром покрывавшие равнину, – животных, которых я счел даром благосклонных богов.

– Эта болезнь убивает наш скот, когда приходят гну. Те животные, которые выживут, будут в безопасности. Они больше никогда не заболеют.

– Что нам делать, чтобы спасти их, Хабани? – спросил я, но он покачал головой в ответ:

– Ничего нельзя сделать.

Я держал голову Терпения в руках, когда она умерла. Дыхание будто застряло у нее в горле. Судорога прошла по телу, ноги вскинулись, а потом ослабли. Я издал стон боли, стоя на краю пропасти отчаяния, а когда поднял глаза, сквозь слезы увидел, что и жеребенок Терпения тоже лежит на земле, а желтая слизь пузырится у него в горле.

В этот момент отчаяние мое перешло в жгучую ярость.

– Нет! – закричал я. – Я не позволю тебе умереть!

Я бросился к малышу и крикнул Хабани принести горячей воды в кожаных ведрах. Мочил в горячей воде полотно и прикладывал к горлу лошади, чтобы снизить опухоль, но это не помогало. Гной по-прежнему тек из ноздрей, кожа на шее натягивалась, плоть набухала, как пузырь.

– Он умирает, – покачал головой Хабани. – Многие умрут.

– Я не позволю ему умереть, – мрачно сказал я и отправил Гуи на «Дыхание Гора» за своим медицинским сундучком.

Когда он вернулся, было уже почти поздно. Силы жеребенка были на исходе. Дыхание становилось все более редким и судорожным, и я чувствовал, как жизнь покидает его. Я нащупал пальцем кольца на трахее в том месте, где шея переходит в грудь. Легким ударом скальпеля надрезал кожу и обнажил жилистую трубку, а затем вдавил острие скальпеля в трахею и проткнул ее. Воздух со свистом вошел в отверстие, и я увидел, как грудь лошади поднялась, а

легкие наполнились. Она снова задышала ровно и глубоко, но я заметил, что отверстие в трахее начинает затягиваться кровью и слизью.

В лихорадочной спешке я отрезал ножом трубочку из бамбука от корпуса ближайшей колесницы и вставил ее в отверстие. Она держала отверстие открытым, жеребенок перестал биться и задышал ровно и спокойно через бамбуковую трубочку.

– Гуи! – закричал я. – Я покажу тебе, как спасти лошадей!

Еще до наступления темноты я научил не меньше сотни конюхов и колесничих выполнять эту грубую, но действенную операцию. Мы работали всю ночь при неровном свете масляных светильников.

К этому времени в царских табунах уже было более тринадцати тысяч лошадей. Мы работали, кровь из разрезанных глоток сворачивалась у нас на руках, и они почернели до самых локтей. Когда силы покидали нас, мы падали на сено и спали около часа, а потом вставали и снова принимались за работу.

Некоторых лошадей болезнь поразила не так сильно. Я назвал эту болезнь «желтым душителем». Те из лошадей, которые перенесли ее легче, казалось, имели врожденную способность противостоять ей: истечение гноя из ноздрей у них было не более обильным, чем у гну, и они оставались на ногах и выздоровели через несколько дней.

Многие лошади умерли еще до того, как мы вскрыли им трахеи. Некоторые, которым мы успели сделать эту операцию, умерли позже от воспаления и осложнений, связанных с нанесенными ранами. Разумеется, часть лошадей оказалась в отрядах, которые ушли на равнины, и там я не мог помочь им. Царевич Мемнон потерял каждые две из трех лошадей. Ему пришлось оставить свои колесницы и вернуться в Кебуи пешком.

Когда мор прошел, мы недосчитались более половины табуна. Умерло семь тысяч голов, а те, что остались, были настолько слабыми и истощенными, что им потребовалось много месяцев, пока они восстановили силы и смогли работать в упряжке. Жеребенок Терпения выжил и заменил в моем сердце свою мать. Он занял правое место в моей упряжке и стал таким сильным и надежным, что я назвал его Утес.

– Как повлияло это поветрие на наше возвращение в Египет? – спросила меня госпожа.

– Оно отбросило нас назад на несколько лет, – сказал я и увидел боль в ее глазах. – Мы потеряли самых лучших и обученных старых лошадей, таких как Терпение. Нам придется снова разводить лошадей в царских табунах и обучать молодых работе в упряжке.

В следующем году я с ужасом ожидал миграцию гну, однако, когда они пришли снова и ковром покрыли равнину, лишь немногие из наших лошадей заболели желтым душителем; они перенесли его в легкой форме и уже через несколько недель после болезни могли работать в упряжке. Хабани оказался прав.

Меня очень удивило то, что жеребята, родившиеся сразу после первого поветрия желтого душителя и сами не перенесшие болезни, тем не менее оказались стойкими к этой болезни, как и их матери, переболевшие в свое время. Казалось, что способность противостоять болезни они получили с молоком матери. Теперь я был уверен, что это поветрие уже не ударит по нашим табунам с такой ужасной силой.

Теперь моей главной обязанностью стало сооружение гробницы фараона в горах. Мне пришлось проводить много времени в этих диких и грозных краях, и я полюбил горы и их переменчивый нрав. Горы непредсказуемы, как красавица. Иногда кажутся спокойными и отрешенными, прячась в густом покрывале облаков, где то и дело мерцают молнии и грохочет гром. Временами милы и соблазнительны, они манят, предлагая открыть свои тайны и познать опасные наслаждения.

Хотя в моем распоряжении находилось восемь тысяч рабов и лучшие наши ремесленники и художники помогали мне, работа на строительстве шла медленно. Я понимал, что нам понадобится много лет на сооружение изысканного мавзолея, который пожелала моя госпожа, и на украшение гробницы, соответствующее рангу владыки двух царств. По правде говоря, спешить не было необходимости, так как на восстановление царских табунов требовалось время, как и на обучение пеших отрядов шилуков, которые должны были по боеспособности сравняться с отрядами гиксосов, своих будущих противников.

Когда я был свободен от работы в горах, то проводил время в Кебуи, где меня ожидали мириады забот и удовольствий. Я учил двух маленьких царевен и разрабатывал новую тактику военных действий с вельможей Таном и царевичем.

К этому времени стало ясно, что в один прекрасный день именно Мемнон будет командовать всеми отрядами колесниц. Тан так и не преодолел своего недоверия к лошади. Он остался пехотинцем и моряком до мозга костей, а теперь, старея, становился все более консервативным и все чаще следовал обычаю при выучке своих новых воинов, шилуков.

Царевич был смелым и изобретательным колесничим. Каждый день он приходил поговорить со мной о десятке новых идей. Одни из них были надуманными, другие – совершенно гениальными. Мы испытали их все, даже те, которые я считал невозможными. Ему исполнилось шестнадцать лет, когда царица Лострa возвела его в ранг лучшего из десяти тысяч.

Теперь Тан редко ездил со мной на колеснице, и я мало-помалу превратился в главного возницу Мемнона. Между нами установилась почти инстинктивная связь, которая распространялась также на нашу любимую упряжку, Утеса и Цепь. Когда мы шли походом, Мемнон по-прежнему любил править лошадьми, и я стоял в колеснице позади него. Однако как только мы вступали в бой или начинали охоту, он бросал мне вожжи и хватал с подставки дротики или лук. Я же вел колесницу в самую гущу боя и правил упряжкой, участвуя в построениях колесниц, которые мы с ним придумали.

Мемнон рос и становился все сильнее, скоро мы с ним начали получать все призы на играх и военных состязаниях, которые часто разнообразили нашу жизнь в Кебуи. Сперва мы стали первыми в гонках на колесницах по прямой, где Утес и Цепь могли полностью проявить свою стремительность. Затем выигрывали соревнования по стрельбе из лука и метанию дротиков. Очень скоро мы прославились как колесница, которую нужно победить, чтобы получить ленточку чемпиона из рук царицы Лострa.

Я помню, как наша колесница под приветственные крики толпы летела к последним воротам дистанции. Я правил лошадьми, а Мемнон, стоя за моей спиной, метал налево и направо дротики по набитым соломой чучелам. Потом наша колесница неслась вперед, и царевич вопил за моей спиной, как демон, а его длинные курчавые волосы развевались на ветру, как хвост атакующего льва.

Очень скоро царевич начал преуспевать в состязаниях иного рода, и на этот раз без какой-либо помощи с моей стороны. Всякий раз, когда он проходил мимо молоденьких девушек со сверкающим «Золотом доблести» на груди и ленточкой победителя состязаний в волосах, они начинали хихикать, краснеть и искоса поглядывали на него. Однажды я слишком поспешно зашел в его шатер, так как у меня были важные вести, и тут же остановился, увидев, что мой царевич ничего вокруг себя не замечает, кроме нежного молодого тела и симпатичного личика девушки, которую оседлал. Я молча попятился назад и вышел, слегка опечаленный тем, что возраст невинности царевича уже позади.

И все же ни одна из этих радостей не могла сравниться с драгоценными часами, которые я проводил со своей госпожой. В возрасте тридцати трех лет она достигла расцвета зрелой красоты. Тонкий ум и достоинство излучала даже ее походка. Лострa стала истинной царицей – женщиной, которая правит сама.

Весь народ любил ее, но вряд ли кто-нибудь любил ее больше, чем я. Даже Тан не мог сравниться со мной по преданности. Я гордился тем, что она по-прежнему нуждалась во мне и продолжала полагаться на меня, на мои суждения и советы, доверяя мне во всем. Сколькими бы радостями ни благословила меня жизнь, госпожа моя навсегда останется величайшей любовью моей жизни.

Следовало бы наслаждаться полнотой жизни, однако беспокойство всегда было свойственно мне, а теперь его усиливала страсть к путешествиям, охватившая меня. Всякий раз, когда я отдыхал от трудов на строительстве гробницы фараона, я поднимал глаза на окружающие скалы, и горы манили меня. Я начал ходить на короткие прогулки по их величественным и пустынным ущельям. Чаще всего я отправлялся один, но иногда Гуи или кто-нибудь другой сопровождал меня.

Гуи был со мной, когда я впервые увидел стадо диких козерогов на крутых скалах высоко в горах. Этой разновидности диких коз я еще не видел. Они были вдвое выше диких коз долины Нила, а у некоторых старых баранов на голове высились такие огромные закрученные рога, что делали их чудищами из сказок.

Гуи принес весть о гигантских козерогах в Кебуи, где у слияния двух рек расположился наш народ. Через месяц вельможа Тан прибыл в долину гробницы фараона вместе с царевичем Мемноном. Царевич стал таким же ярым охотником, как и его отец, и не меньше последнего жаждал поохотиться на небывалую дичь. Что же касается меня, я обрадовался возможности исследовать высокогорье в таком обществе.

Мы собирались подняться только до первой гряды горных вершин. Но стоило нам взобраться на перевал, как перед нами открылся такой простор, что у нас захватило дух. На горизонте мы увидели огромные горы цвета шкуры льва и формы наковальни. По сравнению с ними вершина, на которой мы находились, казалась карликом. Они манили нас к себе.

Нил бежал нам навстречу по крутым долинам и темным ущельям, где воды его бились о скалы в облаках пены. Мы не могли повсюду следовать за руслом реки и временами поднимались высоко в скалы по головокружительным тропам, вьющимся вдоль крутых склонов хмурых гор.

Заманив в свою пасть, горы обрушили на нас всю ярость.

В нашем отряде было около ста человек и десять вьючных лошадей с припасами. Мы встали лагерем на дне одного из глубочайших ущелий и разложили на камнях свежие трофеи Тана и Мемнона, любуясь ими. Перед нами лежали две головы козерогов, самых крупных из тех, каких нам когда-либо приходилось видеть. Рога были настолько тяжелы, что только двое рабов могли поднять их.

Внезапно пошел дождь.

В долине Египта дождь бывает раз в двадцать лет. Никто из нас и вообразить не мог ничего похожего на тот ливень, который обрушился на нас.

Сначала густые черные тучи скрыли узкую полоску неба, видневшегося далеко вверху между узких стен ущелья, и из солнечного полдня мы мгновенно погрузились в глубокий мрак. Холодный ветер пронесся по ущелью и остудил наши тела и души. В ужасе прижались мы друг к другу, пытаясь согреться.

Затем из мрачной тучи в скалу ударила молния, и грохот прокатился по ущелью. Воздух наполнился запахом серы, искры посыпались со скал. Эхо усиливало раскаты грома, и земля задрожала у нас под ногами.

Потом пошел дождь. Он не падал с неба в виде капель. Казалось, струи Нила, срывающиеся с каменного уступа порогов во время половодья, обрушились на нас. Дышать стало нечем, рот и ноздри заливала вода, и мы почувствовали, что тонем в этих потоках. Дождь лил настолько плотно, что нельзя было разглядеть фигуру человека на расстоянии вытянутой руки. Струи с

такой яростью обрушивались на наши плечи, что мы сгибались под их тяжестью и пытались укрыться под нависшими над нашими головами скалами. Но даже под ними шум дождя оглушал нас, а брызги кололи кожу, как рой разъяренных шершней.

Стало холодно. Я никогда не испытывал такого холода. Одежда наша состояла из тонкой полотняной ткани. Холод лишал наши тела силы, и мы задрожали так, что зубы начали стучать в наших ртах, даже изо всех сил сжимая челюсти, мы не могли остановить их.

Затем я услышал иной звук, который перекрывал шум падающего дождя. Это был грохот бурного потока воды. По узкой долине, где мы пытались скрыться от дождя под нависшей скалой, шла серая стена воды. Она протянулась от одного края долины до другого и неслась, сметая все на своем пути.

Меня подхватило и понесло. Я кувыркался в воде, меня било о скалы, и я почувствовал, что жизнь покидает мое тело, а ледяная вода наполняет внутренности. Тьма опустилась на меня, и я решил, что умер.

Я смутно помню, как чьи-то руки вытащили меня из потока и поволокли на темный далекий берег. Голос царевича позвал меня. Еще не открыв глаз, я почувствовал запах дыма, и бок мой согрело тепло пламени.

– Таита, очнись! Скажи что-нибудь. – Голос зазвучал настойчивее, и я открыл глаза. Лицо расплывалось у меня перед глазами, но я заметил, что Мемнон улыбается мне. Потом царевич сказал через плечо: – Он очнулся, вельможа Тан.

Я увидел, что нахожусь в пещере, а снаружи наступила ночь. Тан вышел из-за дымного костра и сел на корточки рядом с царевичем.

– Как ты себя чувствуешь, старина? Кости, по-моему, у тебя целы.

Я судорожно сел и тщательно ощупал свое тело.

– Голова у меня раскалывается и все тело болит. А кроме того, мне холодно и хочется есть.

– Будет жить, – усмехнулся Тан. – Хотя некоторое время назад я сомневался, что мы уцелеем. Нужно выбираться из этих проклятых гор, пока не стряслось чего-нибудь похуже. Это безумие – отправляться в земли, где реки падают прямо с неба.

– Что с остальными? – спросил я.

Тан покачал головой:

– Все утонули. Только тебя удалось вытащить из воды.

– Что с лошадьми?

– Пропали. Все пропали.

– А пища?

– Тоже пропала. Я даже лук потерял в реке. У меня остались только меч на поясе да одежда, в которой был.

На рассвете мы вышли из своего убежища и отправились вниз по предательской долине. У выхода из ущелья нашли тела некоторых наших людей и трупы лошадей, застрявшие среди скал, когда вода спала.

Мы обыскали скалы и осыпи, пытаясь найти что-нибудь из припасов или снаряжения. К моей великой радости, я нашел свой сундучок, содержимое которого уцелело, хотя и намокло. Я разложил его на скале и, пока оно сохло, сделал из кожаной упряжи ременные лямки, чтобы нести сундучок на спине.

Тем временем Мемнон срезал полоски мяса с туши лошади и зажарил их на огне костра. Наевшись до отвала, мы захватили с собой остатки мяса и отправились в обратный путь.

Путешествие наше постепенно превращалось в кошмар. Мы карабкались вверх по крутым скалам и опускались в глубокие ущелья. Горам, казалось, не будет конца, и наши ноги в откры-

тых сандалиях отвечали острой болью на каждый шаг. Ночью мы дрожали от холода вокруг дымного костра, сложенного из плавника.

На следующий день мы поняли, что заблудились и бесцельно блуждаем по горам. Я даже решил, что мы обречены умереть на голых скалах. Потом услышали шум реки и, перевалив через хребет, увидели новорожденный Нил, вьющийся по ущелью под нашими ногами. Однако это было не все. На берегу реки стояли цветные шатры, между которыми двигались фигурки людей.

– Цивилизованный народ, – сразу определил я. – Шатры наверняка сделаны из тканого материала.

– И у них есть лошади, – горячо поддержал меня Мемнон, показывая на стреноженных лошадей за лагерем.

– Смотри! – показал Тан. – Вон там что-то блеснуло на солнце. Это либо клинок, либо наконечник копья. Они умеют обрабатывать металл.

– Нужно узнать, кто они. – Мне не терпелось выяснить, что за племя обитает в таком негостеприимном краю.

– Они глотки нам перережут, – пробурчал Тан. – С чего ты взял, что горцы эти не такие же дикие, как горы, в которых они живут?

Много позже мы узнали, что эти люди называют себя эфиопами.

– А лошади у них великолепные, – прошептал Мемнон. – Наши ниже и не такие крепкие. Нужно спуститься и осмотреть их.

Царевич наш прежде всего лошадник.

– Вельможа Тан прав. – Предостережение пробудило мою обычную осторожность, и я стал успокаивать царевича: – Они могут оказаться опасными дикарями, едва надевшими одежду цивилизованных людей.

Мы сидели на склоне горы и довольно долго спорили. В конце концов любопытство одержало верх, и мы спустились вниз по склону крутого ущелья, чтобы последить за незнакомцами.

Когда подошли поближе, увидели, что люди эти высокие и прекрасно сложены, может быть, даже лучше, чем мы, египтяне. Волосы у них густые, черные и курчавые, мужчины носили бороды, в отличие от нас. На них были длинные одежды до земли, сделанные скорее всего из шерсти. Одежду свою они раскрашивали ярко. Мы же обычно оставляем грудь обнаженной и носим простые белые юбки. На ногах у них были мягкие кожаные сапоги, а не сандалии, а головы они покрывали яркими платками.

Женщины, которых мы заметили, работали между шатрами. Они не носили покрывала и вели себя весело. Пели и перекликались на языке, которого я раньше не слышал, но голоса звучали мелодично; они переливали воду из кувшина в кувшин, сидели на корточках и разговаривали вокруг костров или терли зерно на зернотерках.

Группа мужчин играла в какую-то игру, которую я издалека принял за наше бао. Они делали ставки и спорили по поводу каждого положения камешков. Вдруг двое играющих вскочили на ноги и вытащили из-за поясов кривые кинжалы. Оскалившись, встали друг против друга и зашипели, как пара разъяренных котов.

Тогда третий человек, сидевший в одиночестве, встал, потянулся, как ленивый леопард, и подошел к ним с мечом в руках. Он выбил кинжалы из их рук, двое спорящих сразу успокоились и уныло разошлись.

Миротворец был, очевидно, вождем. Высокий и жилистый, как горный козел, он во многом походил на это животное. Борода была длинная и густая, как у козерога, а лицо грубое и козлиное, с тяжелым загнутым носом и широким жестоким ртом. Мне даже подумалось, что от него несет, как от старого барана, которого Тан сбил стрелой с утеса. Вдруг Тан сжал мою руку и прошептал в ухо:

– Ты только посмотри!

Вождь носил самый богатый наряд. Одежда его была раскрашена в полосы синего и алого цвета, а драгоценные камни в серьгах сверкали, как полная луна. Я не понял, что взволновало Тана.

– Меч, – прошипел он. – Посмотри на меч.

Я в первый раз пригляделся к мечу. Тот был длиннее наших мечей, а рукоять у него была из золота тонкой филигранной работы. Такой превосходной работы мне еще не приходилось встречать. Предохраняющий кисть щиток был усыпан драгоценными камнями. Какой-то безвестный мастер-ремесленник работал над этим шедевром всю свою жизнь.

Однако не рукоять привлекла внимание Тана. Он говорил о клинке. Длиной клинок был с руку вождя и сделан был из металла, который не походил ни на желтую бронзу, ни на красную медь. Это был металл странного серебристо-голубого цвета, похожего на цвет чешуи нильского окуня, только что вынутого из сети. Клинок был инкрустирован золотом, что, очевидно, подчеркивало его ценность.

– Что это? Что это за металл?

– Не знаю.

Вождь снова сел перед своим шатром, но теперь положил меч на колени и стал любовно поглаживать острие клинка осколком вулканической скалы в форме фаллоса. Металл издавал звон при каждом прикосновении камня. Никакая бронза не дает такого звука. Он походил на мурлыканье отдыхающего льва.

– Я хочу этот меч, – прошептал Тан. – Я не успокоюсь, пока не получу его.

Я испуганно взглянул на Тана. Я никогда еще не слышал в его голосе таких ноток. Он говорил серьезно. Его внезапно охватила всеподавляющая страсть.

– Мы не можем долго оставаться здесь, – мягко сказал я. – Они обнаружат нас. – Я потянул его за руку, но он сопротивлялся. И не мог оторвать глаз от этого меча. – Пойдем посмотрим лошадей, – настоял я, и Тан наконец позволил утащить себя. Другой рукой я повел за собой Мемнона. Мы обошли вокруг лагеря на безопасном расстоянии и прокрались поближе к лошадям.

Когда я рассмотрел лошадей, мною овладела страсть столь же горячая, как и страсть Тана к голубому мечу. Эти лошади были другой породы, не той, что мы получили от гиксосов. Они были выше ростом, пропорции тел изящнее. Головы их были благороднее, а ноздри шире. Я уже знал, что ноздри – это признак выносливости и сильного дыхания. Глаза у них располагались ближе к носу и казались крупнее, чем глаза наших лошадей. В них светились доброта и ум.

– Они прекрасны, – прошептал Мемнон. – Посмотри, как держат головы и как изгибают шеи.

Тан жаждал получить меч, а мы с Мемноном – лошадей, причем не менее страстно.

– Хоть бы одного-единственного жеребца заполучить и подпустить к нашим кобылам! – молил я всех богов. Я готов был обменять надежду на вечную жизнь на такого жеребца. Один из конюхов взглянул в нашем направлении, потом что-то сказал своему товарищу. Тот поднялся и пошел в нашу сторону. На этот раз мне не пришлось настаивать. Мы быстро спрятались за скалу и уползли прочь. Потом нашли надежное укрытие ниже по течению реки за кучей огромных камней, и тут у нас начался долгий спор, во время которого все говорили одновременно и никто никого не слушал.

– Я пойду и предложу ему тысячу дебенов золота, – поклялся Тан. – Я хочу этот меч.

– Он убьет тебя, а потом спросит, чего ты хотел. Разве ты не видел, как он поглаживал меч, будто это его первенец?

– А лошади, – восхищался Мемнон, – я даже не мечтал о таких красавцах. Такие звери, наверное, возят колесницу Гора.

– Видел, как те двое налетели друг на друга? – предостерег я его. – Это настоящие дикари, причем кровожадные дикари. Они выпотрошат тебя, прежде чем ты откроешь рот. Да и что вы оба можете им предложить? Вас примут за жалких нищих.

– Мы можем угнать у них трех жеребцов ночью и поехать на них на равнину, – предложил Мемнон. Хотя мысль эта мне понравилась, я строго укорил его:

– Ты же царевич Египта, а не конокрад.

Он ухмыльнулся:

– Ради такой лошади я согласен резать глотки, как последний негодяй в Фивах.

Пока мы разговаривали, со стороны неприятельского лагеря послышались голоса. Они приближались к нам по берегу реки.

Мы поискали укрытия и спрятались за камнями. Голоса стали ближе. Небольшая группа женщин появилась на берегу и остановилась прямо под нами у края воды. Женщины носили одежды неопределенного грязного цвета, а волосы замотали черными платками. Я принял их за служанок или нянек, сопровождающих дочь знатного человека. Тогда мне не пришло в голову, что это тюремщицы, поскольку они обращались с девушкой с необычайной почтительностью.

Девушка была высокой и стройной и раскачивалась на ходу, как стебель папируса на легком ветерке. На ней была короткая одежда из толстой шерсти, окрашенная желтыми и небесно-голубыми полосками. Колени оставались обнаженными. Хотя ноги скрывали короткие сапожки из мягкой кожи, не было никакого сомнения, что икры у нее стройные и гладкие.

Женщины остановились прямо под нашим укрытием, и одна из них начала раздевать девушку, пока две другие наполняли водой кувшины, которые принесли на головах. После дождя вода в реке еще стояла высоко. Войти в такой ледяной поток небезопасно. Очевидно, они собирались помыть девушку из кувшинов.

Женщина подняла одежды девушки над ее головой, и та осталась обнаженной у самой воды. Я услышал, как Мемнон судорожно перевел дыхание. Посмотрел на него и понял, что о лошадях он уже забыл.

Две женщины поливали девушку водой из кувшина, а третья терла сложенной тряпкой. Девушка подняла руки над головой и медленно поворачивалась, чтобы они смогли хорошенько помыть все ее тело. Она смеялась и визжала под струйками холодной воды, и я увидел, как гусиная кожа выступает у нее на сосках, которые, как яркие полированные гранаты, увенчивали округлые гладкие груди.

Густые, курчавые волосы были черны, а кожа – цвета сердцевины акации, когда ее смажут маслом и отполируют. Коричневая, чуть красноватая, она сверкала в отвесных лучах солнца.

Черты лица были тонкими, нос – узким и изящным, губы – мягкими и полными, но не слишком чувственными. Глаза большие и темные, чуть раскосые, ресницы настолько густые, что путались. Девушка была прекрасна. Я знал только одну женщину, которая могла бы сравниться с ней.

Внезапно девушка что-то сказала женщинам. Те отошли, а она быстро вскарабкалась по склону в нашу сторону. Не успев добраться до нашего укрытия, встала за камнем, который скрыл ее от спутниц, но осталась у нас на виду. Быстро оглянулась, но не заметила нас. Наверное, холодная вода повлияла на нее, поэтому она быстро присела, и ее собственные воды зажурчали по камням.

Мемнон тихо застонал. Он издал естественный стон мучительной тоски. Девушка вскочила на ноги и уставилась на него. Мемнон прятался немного в стороне от меня и Тана. Нас она не заметила, а он стоял перед ней во весь рост.

Мемнон и девушка стояли и смотрели друг на друга. Девушка задрожала, глаза ее расширились. Я ожидал, что красавица вот-вот закричит и побежит прочь. Вместо этого она огляну-

лась с заговорщицким видом, как будто убеждалась, что ее спутницы не последовали за ней. Потом повернулась к Мемнону и спросила его о чем-то тихим, нежным голосом, с мольбой протянув к нему руки.

– Не понимаю. – Мемнон развел руками в недоумении.

Девушка подошла к нему и нетерпеливо повторила вопрос, а когда Мемнон покачал головой, схватила его за руку и потрясла. В возбуждении она заговорила громче, как будто умоляла что-то сделать.

– Масара! – Одна из служанок услышала ее голос. – Масара! – Очевидно, так звали девушку, потому что она жестом попросила Мемнона молчать и повернулась, чтобы вернуться к слугам.

Однако все три женщины стали подниматься по склону за Масарой. Они взволнованно болтали о чем-то, когда обогнули скалу и остановились от неожиданности, увидев Мемнона.

На какое-то мгновение все застыли, а потом служанки дружно завизжали. Обнаженная девушка шагнула было в сторону Мемнона, но, как только она двинулась в его сторону, две женщины схватили ее. Теперь они кричали вчетвером, Масара билась в их руках, пытаясь освободиться.

– Нам пора домой. – Тан дернул меня за руку, и я прыжками понесся за ним.

Со стороны лагеря раздались вопли мужчин, встревоженных криками. Когда я оглянулся, то увидел, что они толпой бегут к нам через небольшую горку. Я заметил также, что Мемнон не побежал за нами, а бросился на помощь к девушке.

Женщины были рослыми и крепко держали свою пленницу, а кричали весьма громко. Хотя Масара отчаянно вырывалась, Мемнон не мог вырвать ее из рук тюремщиц.

– Тан! – закричал я. – Мемнон в беде.

Мы повернули назад, вдвоем схватили Мемнона за руки и потащили прочь. Царевич сопротивлялся.

– Я вернусь за тобой! – кричал он девушке через плечо, пока мы тащили его вверх по склону. – Будь храброй, я вернусь за тобой!

Если кто-нибудь говорит мне, что любви с первого взгляда не бывает, я тихо улыбаюсь про себя и вспоминаю тот день, когда Мемнон впервые увидел Масару.

Мы потеряли много времени, пытаясь утащить Мемнона силой, и теперь преследователи наступали нам на пятки. Мы побежали по козьей тропе к гребню холма. Стрела мелькнула над плечом Мемнона и со стуком покатилась по камням у тропинки. Это заставило нас прибавить ходу.

Мы бежали гуськом по тропе. Мемнон был впереди, за ним – Тан, а я бежал последним и, поскольку за спиной у меня висел тяжелый сундучок, начал отставать. Еще одна стрела пролетела у нас над головами, а потом третья с такой силой ударила в сундучок, что я чуть не упал. Однако он остановил стрелу, которая могла пронзить меня насквозь.

– Давай, Таита! – кричал мне Тан. – Брось этот проклятый сундук, иначе они тебя поймают.

Тан с Мемноном обогнали меня шагов на пятьдесят, но я не хотел бросать свой драгоценный сундучок. В этот самый момент пролетела четвертая стрела, и тут мне не повезло. Она попала мне в ногу, в мясистую часть бедра, и я тяжело повалился на тропинку.

Я перекатился, сел и с ужасом посмотрел на камышовое древко стрелы, торчащее из ноги. Потом оглянулся на преследователей. Бородатый вождь в полосатой одежде возглавлял их. Он опередил своих людей на сотню шагов и мчался по тропинке огромными упругими прыжками, как козерог, стремительно покрывая пространство.

– Таита! – крикнул Тан. – Что с тобой? – Он остановился на гребне и тревожно оглядывался. Мемнон уже скрылся.

– Я ранен стрелой! – закричал я. – Беги, оставь меня, я не могу идти!

Не колеблясь Тан бросился назад и прыжками помчался ко мне. Вождь эфиопов увидел его и издал громкий вызывающий вопль. Он вытащил свой сверкающий голубой меч и, размахивая им, несся вверх по склону.

Тан подбежал ко мне и попытался поднять на ноги.

– Бесполезно. Я тяжело ранен. Спасайся, – сказал я ему, но эфиоп уже почти догнал нас. Тан оставил меня и вытащил меч.

Они сошлись в смертельной схватке. Я не сомневался в исходе поединка, так как Тан был самым сильным и ловким фехтовальщиком Египта. Когда он убьет эфиопа, мы будем обречены, ибо не сможем больше рассчитывать на милость его подручных.

Эфиоп первым, широко размахнувшись, нанес удар, метя клинком в голову Тана. Это глупо – целить в голову врага, когда сражаешься с таким умелым фехтовальщиком, как Тан. Я знал, что Тан отобьет меч, а затем, слегка изменив направление удара, пронзит бороду вождя и его горло. Это был любимейший удар Тана.

Клинки сошлись, но я не услышал звона. Голубой меч начисто перерубил желтую бронзу, как ветку ивы. У Тана в руке осталась лишь рукоять да обломок клинка длиной с палец.

Тан был ошеломлен тем, с какой легкостью эфиоп обезоружил его, и едва успел уклониться от следующего молниеносного удара врага. В последний момент он отскочил назад, и острие голубого клинка оставило мелкую царапину на выпуклых мышцах груди. Потекла струйка крови.

– Беги, Тан! – закричал я. – Иначе он убьет нас обоих.

Эфиоп снова бросился на него, но я лежал посредине тропы, и ему пришлось прыгнуть через меня. Я схватил его за колени, и он повалился на меня, рыча и размахивая руками.

Эфиоп попытался ткнуть меня в живот голубым мечом, но я так резко изогнулся, что мы скатились с тропинки и покатились вниз по крутой осыпи. Мы катились все быстрее, набирая скорость. Я успел только заметить, как Тан посмотрел на нас сверху, и я отчаянно закричал ему:

– Беги, береги Мемнона!

Сланцевые осыпи так же коварны, как и трясины болот, где трудно найти опору. Меня и эфиопа бросило в разные стороны, но оба мы остановились на самом краю потока. От ударов о камни я чуть не потерял сознание и стонал, пока грубые руки не подняли меня на ноги. На мою голову обрушились проклятия и удары.

Вождь помешал своим людям убить меня и сбросить тело в реку. Меня с ног до головы покрывала пыль, как и его, и одежда наша разорвалась в лохмотья от падения. Он сжимал в правой руке голубой меч и рыча отдавал приказы. Я отчаянно огляделся и увидел свой сундучок среди скал. Кожаные ремни порвались, и он свалился у меня со спины.

– Принесите его, – приказал я эфиопам с таким яростным достоинством, на какое только был способен, и показал на сундучок. Они расхохотались от такой дерзости, но вождь послал одного из них за сундучком.

По дороге к лагерю двум эфиопам приходилось держать меня под руки, потому что стрела в бедре причиняла мне адские мучения. Каждый шаг отзывался невыносимой болью. Когда мы наконец добрались до места, меня бросили посредине круга шатров.

Затем они начали долгий и яростный спор. Очевидно, обсуждали, откуда я пришел, и пытались решить, что со мной делать. Время от времени кто-нибудь подскакивал ко мне и пинал в ребра, а потом выкрикивал какие-то вопросы. Я лежал как можно тише, стараясь не вызывать нового насилия.

Их немного отвлекло возвращение отряда, посланного за Таном и Мемноном. Он вернулся с пустыми руками. Все собравшиеся начали кричать, размахивать руками, обмениваясь оскорблениями и ругательствами. Меня подбодрило то, что двое моих друзей убежали.

Через некоторое время вспомнили обо мне и решили сорвать на пленнике бессильную злобу. На меня снова обрушились пинки и удары. В конце концов вождь отозвал своих людей и

приказал не мучить меня. После этого большинство потеряло ко мне всякий интерес. Меня оставили лежать на голой земле в пыли и грязи, а стрела по-прежнему торчала в моем бедре.

Вождь эфиопов уселся возле самого большого шатра, который, очевидно, принадлежал ему, и начал точить свой меч, не сводя с моего лица взгляда ничего не выражающих глаз. Время от времени он бросал несколько слов своим людям. Непосредственная опасность, казалось, миновала.

Я осторожно выбрал момент и обратился прямо к нему. Я показал рукой на свой сундучок, который бросили к одному из шатров, и умоляющим голосом попросил:

– Мне нужен сундучок. Мне нужно обработать рану.

Хотя слов вождь не понимал, жесты он понял. Приказал принести ему сундучок. Тот поставили перед ним, и он приказал открыть его. Тщательно развернул и осмотрел все, что в нем находилось. Ничто его особенно не заинтересовало. Иногда задавал мне вопрос, на который я пытался ответить жестами.

Наконец он убедился, что в сундучке, кроме скальпеля, не было ничего опасного. Не уверен, понял ли эфиоп, что имеет дело с инструментами лекаря, однако я знаками показал ему, что хочу сделать, показывая на свою ногу и разыгрывая сцену вытаскивания стрелы. Он встал надо мной с мечом в руке и показал, что отрубит мне голову при первом намеке на предательство, но разрешил воспользоваться инструментами.

Стрела вошла в рану под таким углом, что мне было очень неудобно до нее дотянуться. Я почти терял сознание от боли, которую сам причинял себе, пока вводил в рану ложки Таиты и накрывал ими зубцы наконечника.

Пот лился с меня ручьями, когда я наконец почувствовал, что могу вытащить наконечник. К этому времени вокруг меня собралось около половины населения лагеря. Они столпились вокруг меня и, болтая, с интересом наблюдали за операцией.

Я ухватился за ложки покрепче, сжал в зубах деревянный клин и крепко его прикусил, а потом вытащил наконечник. Зрители закричали от удивления. Очевидно, они еще не видели, чтобы наконечник вытащили так просто, без нанесения серьезных повреждений раненому. Однако искусство, с каким я зашил рану и наложил полотняную повязку, произвело на них еще большее впечатление.

У любого народа, при любом уровне развития, даже у самых примитивных племен, лекарь и врач пользуются особым почетом и уважением. Я продемонстрировал свои способности самым убедительным образом, и мое положение среди эфиопов сразу изменилось.

По приказу вождя меня перенесли в один из шатров и положили на соломенный матрац. Сундучок поставили у изголовья моей постели, а одна из женщин принесла мне крупяную похлебку, кусок жареной курицы и густую простоквашу.

В то же утро, когда сняли шатры, меня положили на носилки между двух лошадей и повезли по неровным крутым тропам. К своему ужасу, я увидел по положению солнца, что мы направляемся в глубь гор. Я со страхом подумал, что навсегда потерял свой народ и своих близких. Я был врачом, и это спасло мне жизнь, но одновременно сделало столь ценной добычей, что теперь меня никогда не отпустят на волю. Я понял, что стал рабом, и не только в буквальном смысле этого слова.

Несмотря на тряску, нога моя заживала быстро. Это произвело на эфиопов еще большее впечатление, и они стали приводить ко мне всех больных и раненых своей шайки.

Я вылечил стригущий лишай у одного и вытащил паразита из-под ногтя другого. Заштопал человека, который слишком много выиграл у своих друзей. У эфиопов есть склонность решать все споры с помощью кинжала. Когда одна из лошадей скинула седока в овраг, я вправил кости сломанной руки. Мне удалось закрепить их прямо, они срослись, и это повысило мою репута-

цию лекаря. Эфиопский вождь смотрел на меня с большим уважением. Мне предлагали брать пищу с общего блюда сразу после того, как он выберет себе лучшие куски, и только после меня к блюду допускались остальные.

Когда нога моя зажила, я снова смог ходить и мне разрешили прогуливаться по лагерю. Однако не выпускали из виду. Вооруженный воин повсюду следовал за мной, даже если я справлял нужду в скалах.

Меня держали подальше от Масары, и я видел ее только издали в начале дневного перехода и в конце, когда разбивали лагерь. Днем мы находились в разных концах каравана. Я ехал впереди, она же следовала в самом конце. Ее повсюду сопровождали тюремщицы и вооруженная стража.

Во время каждой встречи Масара бросала мне отчаянные, умоляющие взгляды, как будто я мог чем-то помочь ей. Очевидно, она была очень важным пленником. Девушка была столь красива, что я часто думал о ней и пытался понять, почему ее держат в плену. Я решил, что скорее всего она отказалась выйти замуж и теперь ее насильно везут к мужу. А может быть, она стала пешкой в какой-нибудь политической игре.

Без знания языка у меня не было никакой надежды понять, что происходит вокруг меня, или узнать побольше об эфиопах. Я начал учить язык.

У меня слух музыканта, и я решил сыграть с ними шутку. Я внимательно прислушивался к голосам окружающих и ловил ритм и интонацию их речи. Очень скоро узнал, что вождя зовут Аркоун. Однажды утром перед отправлением каравана Аркоун отдавал приказы своим людям. Все собрались перед ним и внимательно слушали. Я подождал, пока он закончил свою длинную и горячую речь, а потом повторил ее с абсолютно теми же тоном и интонацией.

Все ошеломленно дослушали меня до конца, а потом вдруг загоготали. Они хохотали и хлопали друг друга по спинам, слезы струились у них по щекам, так как все обладали простым, но добротным чувством юмора. Я не имел ни малейшего представления о том, что я сказал, но, очевидно, сказал именно то, что нужно.

Они выкрикивали друг другу отрывки из моей речи, мотали головами и подражали надменным манерам Аркоуна. Только немного спустя удалось восстановить какое-то подобие порядка, и тогда Аркоун гордо прошествовал ко мне и выкрикнул какой-то вопрос, словно обвинял меня в чем-то. Я не понял ни слова и вместо ответа выкрикнул ему слово в слово тот же самый вопрос.

На этот раз вокруг воцарился настоящий ад. Эта шутка оказалась слишком крепкой. Взрослые люди хохотали и цеплялись друг за друга, чтобы не упасть. Они визжали от смеха и вытирали слезы, а один из них даже упал в костер и опалил бороду.

Хотя пошутил я за его счет, Аркоун смеялся вместе со всеми и даже похлопал меня по спине. С этого самого момента мужчины и женщины маленького отряда стали моими учителями. Мне достаточно было указать на какой-нибудь предмет, и они тут же выкрикивали мне слово на языке гиз, которое обозначало его. Когда я начал строить предложения из этих слов, охотно поправляли меня и очень гордились моими успехами.

Мне потребовалось довольно много времени на усвоение грамматики. Глаголы спрягались совсем не похоже на египетское спряжение, а род и множественное число существительных тоже были совершенно иными. Однако через десять дней я уже мог более-менее понятно изъясняться на языке гиз и накопил приличный запас ругательств и проклятий.

Я учил их язык и лечил болезни, а также изучал нравы и обычаи. Узнал, что все они были неисправимыми игроками, и самой большой их страстью была игра, похожая на наше бао. Эту игру называли «дом», и она оказалась проще и примитивнее, чем бао. Хотя количество чашечек на доске и количество фишек или камешков было несколько иным, принципы и цели игры те же самые.

Аркоун был лучшим игроком в дом своей шайки, но когда я начал изучать стиль его игры, то понял, что он не имеет ни малейшего представления о классическом правиле семи камешков. Он также не понимал значения договора четырех быков. Без подробного знания этих двух правил ни один игрок в бао не может надеяться получить даже нижнюю степень мастера. Я долго обсуждал сам с собой риск унизить столь тщеславного и властного тирана, как Аркоун, но в конце концов решил, что это единственный способ получить влияние в шайке.

Когда он в следующий раз сел и поставил перед собой доску, с довольной ухмылкой поглаживая усы, я оттолкнул в сторону первого, кто пожелал играть с ним, и, скрестив ноги, сел напротив.

– У меня нет серебра, и мне нечего поставить, – сказал я на своем примитивном еще языке. – Я играю из любви к камешкам.

Аркоун серьезно кивнул. Он сам был ярым приверженцем игры и понимал мои чувства. Весть о том, что я сел играть с вождем, быстро облетела лагерь, и все собрались вокруг нас, смеясь и толкаясь, чтобы посмотреть, как я проиграю.

Когда я позволил Аркоуну провести три камешка в восточный замок, все начали толкаться локтями с разочарованными усмешками на лицах, решив, что игра скоро закончится. Аркоуну достаточно было провести еще один камешек на восток, и он бы выиграл. Они не понимали значения четырех быков, которых я выстроил на юге. Когда я пустил своих быков по доске, те прошли победным маршем и рассекли беззащитные камешки противника, отрезав от главных сил восточный замок. Аркоун был бессилен помешать им. Еще четыре хода, и я выиграл. Мне даже не пришлось демонстрировать правила семи камешков.

Несколько мгновений все потрясенно молчали. По-моему, Аркоун не сразу осознал свое поражение. Затем, когда проигрыш дошел до его сознания, он встал на ноги и вытащил свой ужасный голубой меч. Я решил, что ошибся в нем и сейчас мне отрубят голову или по крайней мере руку.

Он высоко поднял меч, а затем с яростным воплем обрушил его на доску. Десятком ударов раскромсал ее в щепки и разбросал камешки по лагерю. Потом ушел в скалы. Он рвал на себе бороду и выкрикивал смертельные угрозы в мой адрес, отвесные скалы отражали вопли, а затихающее эхо разносило их по горам.

Прошло три дня, прежде чем Аркоун снова сел играть в дом, и на этот раз он жестом пригласил меня занять место перед собой. Бедняга еще не знал, что его ожидало.

С каждым днем я все лучше овладевал языком гиз и начинал понимать эфиопов; скоро узнал причину, которая заставила их отправиться в дальнее путешествие по каньонам и ущельям гор. Я недооценил Аркоуна. Он был не вождем, а царем. Его полное имя звучало так: Аркоун Ганноучи Мариам, Негуса Нагхаст, царь царей и правитель эфиопского царства Аксум. Только много позже я узнал, что в этой горной стране любой разбойник, имеющий сотню лошадей и пятьдесят жен, может объявить себя царем и что по горам шатается по меньшей мере двадцать царей в поисках добычи и новых земель.

Ближайшим соседом Аркоуна был Престер Бени-Джон, который также претендовал на звание царя царей и правителя эфиопского государства Аксум. Постоянное соперничество позволило обоим соперникам накопить массу злобных чувств по отношению друг к другу. Оба монарха уже провели множество сражений, которые так и не принесли никакого результата.

Масара была любимой дочерью этого самого Престера Бени-Джона. Ее похитил один из вождей разбойников, который еще не возложил на свою голову корону царя царей. Он продал девушку Аркоуну за вьюк серебряных слитков. Аркоун намеревался с ее помощью добиться от любящего отца кое-каких политических уступок. Оказалось, что захват заложников и умение выбить выкуп были главными в искусстве управлять эфиопским государством.

Не доверив никому из своих людей столь ценный товар, Аркоун сам отправился за царевной Масарой. Наш караван возвращался с ней в крепость Аркоуна. Это я понял из рассказов рабынь, которые приносили мне еду, и из случайных разговоров, услышанных за игрой в дом. К тому времени, когда мы достигли Амбы Камары, горной крепости царя Аркоуна Ганноучи Мариама, я стал большим знатоком сложной и переменчивой политической жизни множества эфиопских государств Аксума и бесчисленных претендентов на трон этой империи.

Я почувствовал, как с приближением конца путешествия растет волнение в рядах наших спутников. Наконец мы поднялись по узкой извилистой тропе на вершину еще одной Амбы. Амбы представляют собой горные массивы в Центральной Эфиопии, каждая из них – гора с отвесными склонами и плоской вершиной. У ее подножия тянется долина, которая отделяет ее от соседней Амбы.

Стоя на краю пропасти, нетрудно понять, почему эти земли разделены на множество царств и государств. Каждая Амба представляет собой естественную неприступную твердыню. Любой человек, поселившийся на ее вершине, может спокойно называть себя царем и не бояться, что кто-то попытается отнять у него его царство.

Аркоун ехал рядом со мной. Он показал мне горы на южном горизонте.

– Вон где прячется конокрад и разбойник Престер Бени-Джон. Это человек непревзойденного коварства. – Он харкнул и сплюнул в пропасть в сторону своего соперника.

Я уже понял, что Аркоун и сам был человеком немалой жестокости и коварства. Если он признавал Престера Бени-Джона выше себя в этой области, отец Масары должен быть просто исчадием ада.

Мы пересекли столовую гору Амба Камара и по дороге прошли через несколько деревень, где крыши домов были крыты соломой, а стены сделаны из камня. В полях росли сорго и ячмень. Крестьяне, работавшие в полях, больше походили на разбойников, чем на мирных земледельцев, настолько страшно выглядели их косматые головы и мускулистые тела. Кроме того, они даже в поле не расставались с мечами и круглыми медными щитами. По свирепости и воинственности они не уступали воинам нашего каравана.

В конце Амбы тропа привела нас к самой необычайной естественной крепости, какую мне приходилось видеть. Ветер и вода отделили от материнского массива часть столовой горы, и она стояла подобно огромной башне с отвесными стенами.

Через пропасть, в которую страшно было смотреть, тянулась естественная каменная арка, соединявшая башню и столовую гору. Арка эта была настолько узкой, что две лошади не разошлись бы на ней, а, отправившись через нее, лошадь уже не могла развернуться и пойти назад, пока не дойдет до противоположной стороны.

До земли под этой аркой было не меньше тысячи локтей, и прямо под ней текла река. Переход настолько пугал лошадей, что людям приходилось спешиваться, завязывать им глаза и вести их в поводу по этому естественному мосту. Не пройдя и половины пути, я почувствовал, что у меня дрожат коленки и кружится голова. Я не смел смотреть вниз. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не упасть на скалу плашмя и не вцепиться в камни руками и ногами.

На другом конце арки на высокой скале стояла уродливая перекосившаяся крепость, построенная из каменных плит и крытая соломой. Открытые окна домов были завешены грубыми, необработанными шкурами, а помои и отбросы вытекали из крепости по канавкам и длинными полосами пачкали отвесные склоны.

Стены крепости и ее бастионы украшали чудовищные подвески, походившие на остатки какого-то отвратительного празднества. Вся крепость была увешана трупами мужчин и женщин. Некоторые из них висели давно, и стаи ворон, кружившие над пропастью или сидевшие на крышах, вычистили кости добела. Некоторые жертвы были еще живы и слабо шевелились, вися вниз головой. Однако большая их часть уже была мертвой и находилась на различных стадиях

разложения. Вонь гниющих человеческих трупов была настолько сильна, что даже ветер, вечно свистевший вокруг скалы на этой высоте, не мог ослабить ее.

Царь Аркоун называл ворон своими цыплятами. Иногда он кормил их со стен, а время от времени просто бросал им пищу в пропасть с моста. Удаляющийся вопль несчастной жертвы был привычным звуком для жителей Адбар Сегеда, или «Дома поющего ветра», как называлась эта крепость.

Казнить, выпороть кого-нибудь, отрубить своей жертве голову, руку или ногу, вырвать у нее язык раскаленными щипцами – таковы основные развлечения царя Аркоуна, когда он не был занят игрой в дом или не задумывал набег на какого-нибудь соседнего царя царей. Очень часто Аркоун сам брал в руки топор или щипцы, и его хохот раздавался наравне с воплями несчастных.

Как только наш караван пересек мост и вошел во внутренний двор Адбар Сегеда, тюремщицы утащили Масару по лабиринту каменных переходов, а меня отвели в новое жилище, расположенное поблизости от покоев Аркоуна.

Мне отвели одну маленькую каменную каморку. В ней было холодно, темно и постоянно дуло. Открытый очаг покрыл стены комнаты копотью, но не мог ее согреть. Хотя я и одевался в местные шерстяные одежды, не помню такого дня, когда мне не было холодно, пока жил в Адбар Сегеде. Как же я тосковал по яркому солнцу Нила, по сверкающему оазису Египта! Я сидел на исхлестанных ветрами бастионах и тосковал по своей семье, по Мемнону и Тану, маленьким царевнам, но больше всего тосковал по моей госпоже. Иногда просыпался ночью в слезах, лицо мое холодело, и мне приходилось накрываться овечьей шкурой, чтобы Аркоун не услышал мои всхлипы из-за каменной стены.

Я часто молил его отпустить меня.

– Но почему ты хочешь покинуть меня, Таита?

– Я хочу вернуться к своей семье.

– Теперь я твоя семья, – смеялся он. – Я твой отец.

Я побился с ним об заклад: если выиграю у него подряд сто партий в дом, он отпустит меня и даст мне проводника, который отведет меня к Нилу и дальше на великие равнины. Когда я выиграл сотую партию, он усмехнулся и покачал головой в ответ на мою наивность:

– Разве я сказал «сто партий»? По-моему, нет. Наверное, я сказал «тысячу»? – Он повернулся к своим подручным: – Мы же бились на тысячу?

– На тысячу! – хором закричали они. – Конечно, на тысячу!

Все решили, что это великолепная шутка. Когда же я в отместку отказался играть с ним в дом, Аркоун повесил меня на стене крепости без одежды, и я скоро закричал ему, чтоб он расставлял камешки.

Когда Аркоун увидел меня обнаженным, он рассмеялся и ткнул в меня пальцем:

– Может, ты и умеешь передвигать камешки по доске, египтянин, но свои-то фишки ты давно потерял.

Вот так в первый раз со дня моего пленения обнаружилось мое увечье, и люди снова стали называть меня обидным и позорным словом «евнух».

Однако в конце концов это обстоятельство оказалось благоприятным. Если бы я был полноценным мужчиной, меня бы не допустили к царевне Масаре.

За мной пришли среди ночи, и я, дрожа от холода, пошел по лабиринту каменных переходов. Мы подошли к каморке Масары. Комнату освещала слабая масляная лампа. Пахло рвотой. Девушка свернулась калачиком на соломенной подстилке посредине комнаты, и лужица рвоты виднелась на полу рядом с ней. Ее мучила ужасная боль. Она стонала и плакала, сжимая руками живот.

Я немедленно принялся за работу и тщательно осмотрел больную. Я боялся, что живот окажется твердым, как камень: таков признак воспаления брюшной полости, когда пища прорывается из внутренностей и загрязняет внутреннюю часть. Вылечить это состояние организма невозможно. Даже я, несмотря на свое искусство, не смог бы спасти ее, если бы это произошло.

К огромному моему облегчению, живот был теплый и мягкий, лихорадки не было. Я продолжал осмотр и, хотя она жалобно стонала и кричала от боли всякий раз, когда я прикасался к ней, не мог обнаружить причину боли. Это озадачило меня. Я сел и задумался. Потом заметил, что лицо Масары, искаженное страшной болью, повернуто ко мне, а глаза спокойны и доверчивы.

– Дело хуже, чем я предполагал, – сказал я двум служанкам на гизе. – Мне нужен сундучок, чтобы спасти ее. Принесите его немедленно.

Они бросились из комнаты, а я опустил к ней голову и прошептал:

– Ты умница и ловко разыгрываешь боль. Ты пощекотала горло перышком, правда?

Она улыбнулась и прошептала мне в ответ:

– Я не знала, как встретиться с тобой. Когда женщины рассказали, что ты научился говорить на гизе, я поняла, что мы можем помочь друг другу.

– Надеюсь, это так.

– Мне очень одиноко. Так хочется хотя бы время от времени поговорить с другом. – Ее доверчивая непосредственность растрогала меня. – Может быть, вдвоем мы найдем способ бежать из этого ужасного места.

Тут я услышал, что женщины возвращаются. Их голоса эхом раздавались в коридоре. Масара схватила меня за руку:

– Ты мне друг, правда? Ты придешь ко мне снова?

– Да, приду.

– Быстрее скажи мне, пока их нет, как его зовут?

– Кого?

– Того, кто был с тобой в первый день на реке. Кто похож на молодого бога!

– Его зовут Мемнон.

– Мемнон! – повторила она с каким-то особым почтением. – Это красивое имя. Оно идет ему.

Служанки ворвались в комнату, и Масара снова схватилась за живот и застонала, как будто вот-вот умрет. Я цокал языком и тряс головой, чтобы растревожить и без того перепуганных женщин, пока смешивал настой из трав, который вряд ли причинил бы ей вред, а затем пообещал вернуться утром.

Утром Масаре стало лучше, и мне удалось посидеть с ней. В комнате находилась одна из женщин, но ей скоро стало скучно, и она отошла в дальний угол. Мы с Масарой обменялись несколькими словами.

– Мемнон что-то говорил мне. Я не могла понять его. Что он сказал?

– Он сказал: «Я вернусь за тобой. Будь храброй. Я вернусь за тобой».

– Этого не может быть. Он же не знает меня. Мы встретились на какое-то мгновение. – Она покачала головой, и слезы показались на глазах. – Неужели ты думаешь, что это правда? – спросила таким умоляющим тоном, что я разволновался и не стал расстраивать ее.

– Он наследник короны Египта и человек чести. Мемнон никогда не говорит неправду.

Это единственное, что нам удалось сказать друг другу, но я пришел к ней на следующий день. Она сразу попросила меня:

– Повтори еще раз, что Мемнон сказал мне.

И мне пришлось повторить его обещание.

Аркоуну я сказал, что Масаре стало лучше, но ей надо разрешить ежедневные прогулки на стене крепости, иначе я не отвечаю за ее здоровье.

Царь размышлял об этом целый день. Масара была ценным достоянием: он заплатил за нее целый вьюк серебра. Поэтому в конце концов он дал согласие.

Наши прогулки постепенно становились все длиннее и длиннее, и стража привыкла видеть нас рядом. В конце концов нам с Масарой позволили проводить вместе каждое утро, гуляя по стенам Адбар Сегеда и разговаривая.

Масара хотела знать все о царевиче Мемноне, и я судорожно копался в своей памяти и сообщал ей разные истории. Полюбившиеся рассказы мне приходилось повторять снова и снова, пока она не заучивала их наизусть и тогда уже поправляла меня, если я ошибался. Больше всего ей понравилось повествование о том, как он спас меня и Тана от раненого слона, а потом получил за это «Золото доблести».

– Расскажи мне о его матери, о царице, – просила Масара. – Расскажи мне о Египте, о ваших богах. Расскажи мне о том времени, когда Мемнон был еще совсем маленьким. – Она всегда возвращалась к нему, а я был рад удовлетворять эти просьбы, так как тосковал о своей семье. Рассказы о ней, казалось, делали ее ближе.

Однажды утром девушка пришла ко мне расстроенная.

– Прошлой ночью мне приснился ужасный сон. Мне приснилось, что Мемнон вернулся за мной, а я не могла понять, что он говорит мне. Ты должен научить меня египетскому языку, Таита. Мы начнем сегодня же, сейчас же!

Она отчаянно хотела выучить египетский, а глупенькой ее назвать было трудно. Учение продвигалось очень быстро. Скоро мы уже могли разговаривать на египетском и получили полезную возможность говорить в присутствии стражи так, чтобы она нас не понимала.

Когда мы не говорили о Мемноне, то обсуждали план побега. Разумеется, я думал об этом с тех пор, как попал в Адбар Сегед, но ее размышления помогали мне. Всегда полезно сравнить свои планы с чужими.

– Даже если тебе удастся бежать из крепости, ты не пройдешь через горы без посторонней помощи, – предупреждала Масара. – Тропы здесь перепутаны, как плохой моток шерсти. Ты не сможешь распутать их. Каждый клан воюет со своими соседями. Незнакомцам никто не доверяет, и тебе тут же перережут горло, как шпиону.

– Что же нам делать?

– Если тебе удастся бежать, тебе нужно отправиться к моему отцу. Он защитит тебя и проводит к твоему народу. Ты скажешь Мемнону, где я, и он придет спасти меня. – Когда она произнесла эти слова, ее глаза сияли таким доверием, что я не выдержал и отвернулся.

Я понял, что Масара придумала себе образ Мемнона, который не имел ничего общего с реальностью. Влюбилась в бога, а не в молодого переменчивого человека, такого же, как она. Вина за это лежала на мне, так как именно я рассказывал ей хорошие и умные сказки о царевиче. Однако теперь я уже не мог причинить боль и разбить надежды, которые помогали ей пережить пленение.

– Если я отправлюсь к Престеру Бени-Джону, он подумает, что я шпион Аркоуна. И отрубит мне голову. – Я попытался сложить с себя те обязательства, которые девушка на меня возлагала.

– Я подскажу тебе, что ему говорить. Ты расскажешь ему нечто такое, о чем знаем только мы – он и я, и докажешь, что пришел от меня.

Она загнала меня в угол, и я попытался вывернуться другим способом.

– А как я найду дорогу в крепость твоего отца? Ты же сама мне сказала, что тропы в горах перепутаны, как в плохом мотке.

– Я расскажу тебе дорогу. Ты очень умен и хорошо все запомнишь.

Разумеется, к этому времени я полюбил ее не меньше моих маленьких царевен. И готов был пойти на любой риск, лишь бы избавить Масару от страданий. Она так напоминала мне мою госпожу в ее возрасте, что я ни в чем не мог ей отказать.

– Хорошо, говори.

Итак, мы начали думать о моем побеге. Для меня все это было игрой, в которую я играл только для того, чтобы поддержать в Масаре надежду на избавление и внушить ей бодрость. Не мог же я всерьез считать, что найду дорогу из каменной башни.

Мы обсудили множество разных способов побега, даже спуск по веревке со скалы, хотя каждый раз, когда я смотрел в пропасть, у меня начинались судороги. Масара стала собирать обрывки шерсти и тряпок и прятать их под матрацем. Она решила сплести из них веревки. Я не стал говорить ей, что веревка достаточной прочности и длины займет всю ее комнату от пола до потолка.

Два долгих года томились мы на вершине скалы в Адбар Сегеде, но так и не смогли придумать способ побега. Масара не теряла веры. Каждый день она спрашивала меня:

– Что Мемнон говорил мне? Скажи еще раз, что он мне обещал.

– Он говорил: «Я вернусь за тобой. Будь храброй».

– Я храбрая, правда, Таита?

– Ты самая храбрая девочка на свете.

– Повтори, что ты скажешь отцу, когда увидишь его.

Я повторял ее указания, а потом она обычно рассказывала мне новый план побега.

– Я поймаю воробья из тех, которых прикармливаю на террасе, а ты напишешь письмо моему отцу и расскажешь, где я. Мы привяжем письмо к ногам воробья, и он отнесет его отцу.

– Воробей скорее всего полетит прямо к Аркоуну, а он выпорет нас обоих как следует и не разрешит нам видеться.

В конце концов я все-таки бежал из Адбар Сегеда и покинул крепость верхом на прекрасной лошади. Аркоун собирался в очередной поход против царя Престера Бени-Джона. Мне было приказано сопровождать его в качестве личного игрока в дом.

Когда я провел свою лошадь с завязанными глазами по мосту и оглянулся назад, Масара стояла на стене и смотрела на меня. Она казалась такой одинокой и прекрасной. Кричала мне на египетском, и я едва мог расслышать слова в свисте ветра.

– Скажи ему, что я жду его. Скажи ему, что я была храброй. – Потом девушка заговорила тихо, и я не был уверен, что правильно разобрал ее слова. – Скажи ему, что я люблю его.

От ветра слезы на моих щеках стали холодными, как лед. Я ехал верхом по Амбе Камаре.

Накануне сражения Аркоун заставил меня сидеть с ним допоздна в шатре. Он отдавал последние приказы своим командирам и точил голубой меч. Время от времени сбривал лезвием несколько волосинок на руке и удовлетворенно кивал.

Под конец натер клинок очищенным бараньим жиром. Этот странный серебристый металл приходилось хорошо смазывать, иначе на нем появлялся красный налет, словно клинок кровоточил.

Голубой меч пленил меня так же, как и Тана. Временами, когда Аркоун находился в особенно благожелательном настроении, он разрешал мне подержать его. Металл этот был на удивление тяжелым, а в остроту клинка трудно было поверить. Представить только, какой хаос это оружие будет наводить в бою в руках такого фехтовальщика, как Тан! Если мне суждено с ним встретиться, он захочет узнать историю этого меча, поэтому я расспрашивал Аркоуна, и тот без устали хвастался передо мной.

Говорил, что клинок его был выкован в сердце вулкана одним из языческих богов Эфиопии. Прапрадед Аркоуна выиграл этот меч у бога во время партии в дом, которая продолжалась двадцать дней и двадцать ночей. Все это казалось вполне вероятным, за исключением игры в дом. Если прапрадед Аркоуна играл так же успешно, как и сам Аркоун, только очень глупый бог мог проиграть ему меч.

Аркоун спросил мое мнение о плане сражения. Он знал, что я изучал тактику военных действий. Разумеется, я сказал, что план у него гениальный. Воюют эфиопы не лучше, чем играют в дом. Разумеется, их местность не позволяет полноценно использовать лошадей, и колесниц у них нет, однако сражение они ведут самым бессмысленным и беспорядочным образом.

Великий план Аркоуна состоял в том, чтобы разделить войско на четыре отряда, которые спрячутся в скалах, а затем по очереди будут бросаться вперед, захватывать заложников, резать глотки и спасаться бегством.

– Ты один из величайших военачальников в истории Земли, – сказал я Аркоуну. – Мне хочется написать свиток и восхвалить в нем твой гений.

Мысль эта ему понравилась, и он пообещал снабдить меня всем необходимым по возвращении в Адбар Сегед.

Оказалось, что Престер Бени-Джон был военачальником столь же смелым и прозорливым. На следующий день мы встретили его войско в широкой долине, окруженной крутыми скалами. О месте сражения оба противника договорились за несколько месяцев до этого. Престер Бени-Джон занял позиции еще до нашего прибытия на поле боя. Он сам вышел вперед и начал с безопасного расстояния выкрикивать оскорбления и вызывать Аркоуна на бой.

Престер Бени-Джон был высоким, как жердь, человеком с длинными седыми волосами до пояса. С такого расстояния я не мог разглядеть черты его лица, но женщины говорили, что в молодости он был самым красивым мужчиной Эфиопии и у него было двести жен. Некоторые женщины даже убивали себя из любви к нему. Судя по всему, в гареме его таланты принесли бы больше пользы, чем на поле боя.

Когда Престер Бени-Джон закончил свою речь, Аркоун вышел вперед и произнес свою. Эхо подхватывало цветистые, витиеватые оскорбления и разносило их по долине. Я даже постарался запомнить кое-какие удачные изречения – их стоило записать.

Я ожидал, что сражение начнется, как только Аркоун закончит, но я был не прав. С обеих сторон нашлось еще несколько охотников поговорить. Я согрелся на солнышке за камнем и заснул, улыбаясь тому, как легко Тан с сотней синих разобрался бы с этими ораторами.

Проснулся я после полудня, разбуженный громом оружия. Аркоун начал первую атаку. Один из его отрядов побежал вперед к позициям Престера Бени-Джона, грохоча мечами по круглым щитам. Очень скоро он вернулся на исходные позиции, не испытав потерь и не нанеся ущерба врагу.

Снова начался обмен оскорблениями, а потом пришел черед атаковать Престеру Бени-Джону. Его войско атаковало и отступило с равной поспешностью и с такими же результатами. Так день и прошел в обмене оскорблениями и атаками. С наступлением темноты оба войска отступили. Мы разбили лагерь у входа в долину, и Аркоун послал за мной.

– Какая битва! – торжественно произнес он, когда я вошел в шатер. – Много месяцев Престер Бени-Джон не посмеет выступать против нас с оружием в руках!

– А сражение не продолжится завтра? – спросил я.

– Завтра мы вернемся в Адбар Сегед, – сказал он мне, – и ты напишешь подробную повесть о моих победах в своем свитке. После такой битвы Престер Бени-Джон скоро запросит мира.

Семь воинов Аркоуна были ранены в этом свирепом сражении, и всех их поразили стрелы, выпущенные с предельного расстояния. Я вытащил наконечники из ран и наложил повязки. На следующий день я проследил, чтобы раненых положили на носилки, и пошел вслед за ними, когда мы отправились в обратный путь.

Один из воинов был ранен в живот и очень страдал. Я понимал, что он умрет от заражения через неделю, но приложил все усилия, чтобы уменьшить его страдания и ослабить тряску на неровностях дороги.

В тот же день после полудня мы подошли к броду через реку, по которому проходили, когда шли сражаться с Престером Бени-Джоном. Масара описывала мне этот брод как приметное место по дороге к ее отцу. Здесь протекала одна из рек, впадающая в Нил с этих гор. Последние несколько дней шли дожди, и уровень воды был высок.

Я начал переправу рядом с носилками раненного в живот воина. Он уже бредил. На полпути через реку я понял, что мы недооценили высоту воды и силу течения. Поток подхватил край носилок и наклонил их. Течение развернуло лошадь и стащило беднягу на глубокое место, где она не доставала копытами до дна.

Я схватился за ремень седла и через какое-то мгновение вместе с лошадью поплыл по течению. Нас несло вниз по реке в ледяной зеленой воде. Раненый вывалился из носилок, когда я потянулся, чтобы поддержать его, а меня оторвало от лошади и понесло вниз. Мы плыли порознь.

Голова раненого скрылась под водой, но мне уже было не до него. Я перевернулся на спину и развернулся ногами вниз по течению. Так мне удавалось отталкиваться ногами от скал, когда течение бросало меня на них. Некоторое время люди Аркоуна бежали за нами по берегу, но в одном месте они не смогли быстро обогнуть утес. Мы с лошадью остались в реке одни.

За поворотом течение замедлилось, и мне удалось догнать лошадь и обнять ее за шею. На какое-то время я почувствовал себя в безопасности. Только тогда я впервые подумал о побеге и понял, что боги предоставили мне такую возможность. Я пробормотал благодарственную молитву, а потом схватил лошадь за гриву и направил ее на середину реки.

Мы проплыли вниз по течению несколько миль. Стало темнеть, когда я направил лошадь к берегу. Мы выбрались на песчаную отмель. Я решил, что до утра буду в полной безопасности и в плен меня не захватят. Люди Аркоуна не осмелятся ночью пуститься за мной в погоню по ущелью. Однако я так сильно замерз, что все мое тело сотрясала бешеная дрожь.

Я отвел лошадь за скалу, чтобы укрыться от ветра, и прижался к ее боку. В лунном свете пар поднимался с ее мокрой шкуры. Постепенно тепло лошади стало передаваться мне. Наполовину согревшись, я собрал хворост на отмели и с трудом разжег костер, как это делают шилуки. Я растянул на ветках свою одежду, чтобы просушить ее, и провел остаток ночи, сидя у костра.

Как только рассвело и можно было разглядеть дорогу, я оделся, сел верхом на лошадь и отправился прочь от реки, так как понял, что люди Аркоуна будут искать меня на берегу.

Два дня спустя, следуя указаниям Масары, я добрался до укрепленной деревни на вершине горы на краю владений Престера Бени-Джона. Старейшина деревни хотел было перерезать мне глотку и отобрать лошадь. Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить его взять лошадь, а меня отвести в крепость Бени-Джона.

Проводники, которые вели меня к Престеру Бени-Джону, говорили о нем тепло и с любовью. Попадавшиеся нам по пути деревни были чище и казались более процветающими, чем деревни Аркоуна. Стада здесь выглядели более упитанными, поля – ухоженными, а люди – сытыми. Лошади у них водились великолепные. От их красоты слезы наворачивались у меня на глазах. Когда мы наконец увидели крепость, расположенную на вершине столовой горы, она оказалась в лучшем состоянии, чем Адбар Сегед, и мрачные украшения не висели на ее стенах.

Вблизи Престер Бени-Джон был действительно чрезвычайно красив. Седая борода и длинные волосы придавали ему удивительно достойный вид. Кожа у него была светлой, а глаза – темными и умными. Сначала он крайне недоверчиво отнесся к моему рассказу, но отношение ко мне изменилось после того, как я сообщил ему сведения, о которых могли знать только он и Масара.

Его глубоко растрогали послания любви и верности, переданные дочерью, и он горячо расспрашивал о ее здоровье. Затем слуги отвели меня в покои, которые по эфиопским меркам можно было назвать роскошными. Снабдили свежими чистыми одеждами вместо моих лохмотьев.

Когда я поел и отдохнул, они отвели меня в сырую и задымленную комнату, где Престер Бени-Джон проводил аудиенции.

– Ваше величество, Масара уже два года томится в плену у Аркоуна, – поведал я ему. – Она молода и нежна. Она может умереть от тоски в вонючих темницах Адбар Сегеда. – Я немного приукрасил ее страдания, чтобы судьба дочери взволновала отца.

– Я пытался собрать выкуп, который Аркоун хочет за мою дочь, – с сожалением рассказал Престер Бени-Джон. – Но для этого мне пришлось бы расплавить каждую чашу и каждое блюдо в Аксуме – столько серебра он за нее требует. Вдобавок ко всему он хочет получить огромные участки земли и десятки важных деревень. Если я уступлю их, это ослабит царство и десятки тысяч моих подданных станут жертвами его тирании.

– Я могу провести ваше войско к крепости Адбар Сегед. Мы осадим ее и заставим Аркоуна отдать Масару.

Мое предложение перепугало Престера Бени-Джона. По-моему, это ему даже в голову не приходило. Эфиопы так не воюют.

– Я хорошо знаю Адбар Сегед. Крепость неприступна, – кратко сказал он. – У Аркоуна мощное войско. Мы бились с ним много раз. Мои воины сражались, как львы, но не могли победить его.

Я видел львов Престера Бени-Джона в бою и понял, что он правильно оценивает свои возможности. С его войском не было никакой надежды взять штурмом Адбар Сегед и освободить Масару силой оружия.

На следующий день я пришел к нему с новым предложением.

– Великий император Аксума, царь царей, как ты знаешь, я принадлежу к народу Египта. Царица Лостра, правительница Египта, находится сейчас со своим войском у слияния двух рек, где соединяются два близнеца Нила.

Он кивнул:

– Это мне известно. Египтяне без моего позволения вошли на мою территорию. Они роются в земле моей долины. Скоро я нападу на них и смету с лица Земли.

Пришел мой черед перепугаться. Престер Бени-Джон знал о строительстве гробницы фараона, и наши люди там подвергались опасности нападения. Я тут же соответствующим образом изменил свое предложение.

– Мой народ искусен в осаде крепостей и сражениях, – пояснил я. – У меня есть влияние на царицу Лостру. Если ты отошлешь меня к ней в полной безопасности, ее дружба распространится и на ваш народ. Ее войска возьмут штурмом крепость и освободят Масару.

Мое предложение понравилось Престеру Бени-Джону, хотя он и попытался скрыть это.

– Что потребует царица в уплату за свою дружбу? – осторожно спросил он. Мы торговались целых пять дней, но в конце концов договорились.

– Ты позволишь царице Лостре копаться в земле твоей долины и объявишь земли по соседству запретными для своего народа. Твоим подданным будет под страхом смерти запрещено ходить туда. – Это обещание я выторговал для своей госпожи. Оно обезопасит гробницу фараона от осквернения.

– Я согласен, – сказал Престер Бени-Джон.

– Вы доставите царице Лостре две тысячи лошадей, которых я сам выберу в ваших табунах. – Этим я удовлетворил себя.

– Одну тысячу.

– Две тысячи, – твердо повторил я.

– Я согласен, – сказал Престер Бени-Джон.

– Как только царевна Масара будет свободна, ты позволишь ей выйти замуж за того, кого она себе выберет. Ты не станешь запрещать ей это. – Это условие я припас для Мемнона и девушки.

– Это против наших обычаев, но я согласен.

– Когда мы захватим Адбар Сегед, Аркоуна и его крепость передадут вам.

Это условие ему очень понравилось, и он горячо закивал головой.

– И наконец, египтянам можно будет оставить себе все трофеи, захваченные у Аркоуна во время боевых действий, включая легендарный голубой меч. – Это условие я приберег для Тана.

– Я согласен, – сказал Престер Бени-Джон. По его лицу было видно, как царь доволен нашим соглашением.

Он дал мне в сопровождение отряд из пятидесяти человек, и на следующий день мы отправились в Кебуи. Я ехал верхом на прекрасном жеребце, которого царь на прощание подарил мне.

До Кебуи оставалось пять дней пути, когда я увидел стремительно приближающееся по равнине облако пыли. Затем разглядел колеблющиеся очертания колесниц в струях горячего воздуха. Приблизившись, колесницы выстроились боевым порядком и понеслись на нас полным галопом. Зрелище было величественное. Строй они держали превосходно, а расстояние между колесницами сохранялось настолько точно, что линия конницы казалась ниткой бус. Я спрашивал себя, кто командует отрядом.

Колесницы подошли ближе, я прикрыл глаза от солнца, пригляделся, и сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, когда я узнал упряжку первой колесницы. Это были Утес и Цепь, мои любимцы. Однако колесничего я узнал не сразу. Прошло три года с тех пор, как я видел Мемнона в последний раз. За это время семнадцатилетний юноша превратился в двадцатилетнего молодого мужчину.

Я успел привыкнуть к езде верхом с седлом и стременами и теперь привстал на стременах и замахал рукой. Колесница отвернула от основного строя, когда Мемнон узнал меня, и помчалась к нам.

– Мем! – вопил я. – Мем!

И ветер донес до меня его ответный крик:

– Тата! Клянусь молоком Исиды, это ты!

Он остановил лошадей, спрыгнул с колесницы и стащил меня с лошади. Сначала обнял меня, потом отстранился и стал разглядывать на расстоянии вытянутых рук. Мы жадно смотрели друг на друга.

– Тата, ты побледнел и похудел, из тебя кости торчат. А это что, седина? – И потянул меня за виски.

Мемнон стал выше меня, талия у него была узкой, а плечи широкими, кожа загорела и, смазанная маслом, походила на полированный янтарь; когда он смеялся, мышцы двигались на шее. На руках были защитные кольца из золота, а на голой груди сверкало «Золото доблести». Это кажется невозможным, но он стал еще красивее со времени нашей последней встречи. Напоминал леопарда, гибкого и стремительного.

Мемнон поднял меня в воздух и поставил в свою колесницу.

– Бери вожжи. Я хочу убедиться, не потерял ли ты навык.

– Куда поедем?

– На запад, в Кебуи. Мать рассердится, если я сразу не доставлю тебя к ней.

Ту ночь мы провели у костра в стороне от отряда, чтобы поговорить наедине. Долго сидели молча и смотрели на серебристое сияние звезд, а потом Мемнон сказал:

– Когда я думал, что потерял тебя, мне казалось, будто я потерял часть самого себя. С тобой связаны самые первые мои воспоминания.

И я, человек, который так ловко владеет словами, не нашел их для ответа. Мы снова замолчали, а потом он положил мне руку на плечо.

– Ты видел потом эту девушку? – спросил Мемнон, хотя вопрос прозвучал небрежно, рука его крепко держала меня за плечо.

– Какую девушку? – переспросил я, чтобы подразнить его.

– Ту девушку у реки, когда мы расстались.

– А там была девушка? – нахмурился я, как бы пытаясь припомнить. – А как она выглядела?

– Лицо походило на черную лилию, а кожа была цвета дикого меда. Ее называли Масара, и память о ней до сих пор тревожит меня по ночам.

– Девушку зовут Масара Бени-Джон, – сказал я. – Я провел с ней вместе два года в плену в крепости Адбар Сегед. И полюбил, так как нрав ее еще прекраснее, чем лицо.

Он схватил меня обеими руками и стал безжалостно трясти.

– Расскажи мне о ней, Тата! Расскажи все, все, ничего не забывай!

Вот так мы и просидели всю ночь у костра, разговаривая об этой девушке. Я рассказал ему, что она выучила египетский язык ради него и что его обещание придавало ей силы в мрачные дни одиночества, а под конец передал послание, которое она выкрикнула со стен крепости. «Скажи ему, что я была храброй. Скажи ему, что я люблю его».

Мемнон долго сидел молча, глядя на языки пламени, а потом тихо сказал:

– Как может она любить меня? Она же меня не знает...

– А ты разве знаешь ее лучше, чем она тебя? – спросил я, и он покачал головой. – А ты любишь ее?

– Да, – просто ответил он.

– Так и она любит тебя также.

– Я обещал ей, Тата. Ты поможешь мне выполнить мое обещание?

Никогда в жизни не испытывал я радости, подобной той, какая переполняла меня, когда я поднялся на борт «Дыхания Гора».

Мемнон послал вперед гонца, чтобы предупредить о моем возвращении, и все ждали меня.

– Клянусь вонючими ногами Сета! – заорал Крат. – А я-то думал, мы уже избавились от тебя, старый мошенник! – И он с такой силой прижал меня к груди, что чуть не сломал мне ребра.

Тан схватил меня за плечи и долго, долго смотрел мне в глаза, а потом усмехнулся:

– Если бы не ты, этот косматый эфиоп убил бы меня. Однако ему повезло, когда он захватил тебя в плен. Спасибо, старина.

Я увидел, как постарел Тан – в волосах тоже появилась седина. Под сухими ветрами саванны его лицо почернело, как гранитная скала.

Маленькие царевны уже были не такими уж маленькими, но по-прежнему остались очаровательными. Они смущались: воспоминания обо мне угасли. Таращили на меня глаза, когда я кланялся им. У Бекаты волосы стали цвета темной меди. Мне не терпелось снова завоевать их расположение. Техути наконец узнала меня.

– Тата! – сказала она. – Ты принес мне подарок?

– Да, ваше высочество, – ответил я. – Я принес свое сердце.

Госпожа моя улыбалась мне, пока я шел к ней по палубе ладьи. На голове у нее была легкая корона Немес с золотой головой кобры надо лбом. Я заметил, что она потеряла один зуб, и дырка портила ее улыбку. Талия у нее стала шире, а тяжесть государственных дел избороздила морщинами лоб и оставила тонкие птичьи следы в уголках глаз. Однако для меня она оставалась самой прекрасной женщиной в мире.

Лостра встала с трона, когда я опустился перед ней на колени. Это было знаком высшей благосклонности. Она возложила руку на мою склоненную голову и погладила ее.

– Тебя слишком долго не было, Таита, – сказала она так тихо, что только я услышал ее слова. – Сегодня ты снова будешь спать у моей постели.

В ту ночь, выпив чашу настоя трав, которую я приготовил для нее, царица легла, и я укрыл ее меховым одеялом. Она пробормотала, не открывая глаз:

– Разве могу я надеяться, что ты не поцелуешь меня украдкой во сне?

– Нет, – сказал я и наклонился над ней. Она улыбнулась, когда мои губы прикоснулись к ее губам.

– Никогда больше не покидай нас надолго, Таита.

Мы с Мемноном тщательно разработали план действий и выполнили его с точностью обученного отряда колесниц.

Тана убедить было легко. Он все еще переживал поражение, нанесенное ему Аркоуном. В его присутствии мы с Мемноном обсудили, с какой легкостью бронзовый меч был перебит голубым клинком и как Аркоун наверняка бы убил вельможу, если бы я не вмешался. Тан во время этого разговора униженно ерзал на месте.

Потом Мемнон поинтересовался таинственным происхождением и свойствами легендарного оружия. Тан забыл о своей обиде и, присоединившись к нашему разговору, тоже стал горячо расспрашивать меня.

– Престер Бени-Джон объявил, что голубой меч будет добычей того, кто его сумеет захватить, – сказал я.

– Если мы выступим против Аркоуна, мы не сможем воспользоваться колесницами, – размышлял Мемнон. – Нам придется ограничиться пехотой. Как ты думаешь, вельможа Тан, наши шилуки выстоят против эфиопов? – Мемнон по-прежнему обращался к Тану официально. Очевидно, за время моего отсутствия он так и не узнал, кто его настоящий отец.

Когда мы закончили беседу, Тан так же горел желанием отправиться на поиски приключений, как и мы. Он заключил с нами союз, и мы отправились убеждать царицу Лостру.

С самого начала госпожа моя, в отличие от Тана, прекрасно понимала, как нужны нам для возвращения лошади и колесницы, если мы хотим, чтобы сбылась наша мечта о победе над тираном. Я показал ей жеребца, подаренного мне Престером Бени-Джоном, и указал на признаки превосходной породы:

– Посмотрите на его ноздри, ваше величество, посмотрите, как широка его грудь и как прекрасно сочетается крепость мышц и костей. Лошади гиксосов не могут сравниться с эфиопскими.

Потом я напомнил ей об обещании, данном покойному фараону, и сказал:

– Престер Бени-Джон уступит нам долину. Его воины будут охранять ее от похитителей сокровищ. Он объявит это место запретным, а эфиопы – суеверный народ, они будут соблюдать запрет спустя много лет после нашего возвращения в Фивы.

Я предупредил Мемнона, чтобы он не упоминал при царице Лостре о своем интересе к девушке, царевне Масаре.

Это вряд ли помогло бы нам. Каждая мать – женщина, и ей не доставляет удовольствия видеть, как молодая соперница уводит ее сына.

Однако никакая женщина, даже царица, не смогла бы устоять против объединенных усилий и хитрости такой троицы, как Тан, Мемнон и я. Царица Лостра отдала приказ послать войска на Адбар Сегед.

Мы оставили грузовые повозки и колесницы в долине гробницы фараона и пошли в горы. Престер Бени-Джон выслал к нам навстречу сотню проводников. Это были лучшие его воины. Тан отобрал для похода отряд самых диких и кровожадных шилуков и пообещал им, что они захватят столько скота, сколько смогут увести. За спиной каждый из этих черных язычников нес

свернутую теплую шкуру шакала, так как все мы прекрасно помнили, какой холодный ветер дует в горах на перевалах.

Пехоту сопровождали три сотни египетских лучников, возглавляемых вельможей Кратом. Старый разбойник стал вельможей за время моего пребывания в Адбар Сегеде. Ему не терпелось ввязаться в подходящую драку. Он и все люди его отряда были вооружены новыми кривыми луками, которые стреляли на двести шагов дальше больших эфиопских луков.

Мемнон подобрал себе маленький отряд лучших фехтовальщиков среди бойцов войска. Разумеется, среди них оказались Ремрем, вельможа Акер и Аст. Я тоже вошел в этот отряд, но не благодаря моим воинским качествам, а потому что я один бывал в крепости Адбар Сегед.

Гуи тоже хотелось отправиться с нами, и он всячески старался уговорить меня. В конце концов я сдался, так как мне был нужен человек, знающий лошадей, чтобы выбрать лучших в табунах Престера Бени-Джона.

Я объяснил и Тану, и царевичу, насколько важно для нас двигаться как можно быстрее, и не только для того, чтобы застать противника врасплох. Скоро в горах начнутся дожди. Во время пребывания в Адбар Сегеде я изучал времена года и погоду в этих краях. Если бы дожди застали нас в горных ущельях, они бы могли оказаться куда более опасным врагом, чем войско эфиопов.

Мы подошли к Амбе Камаре меньше чем за месяц. Наша колонна извивалась по горным тропам, словно длинная смертоносная кобра. Бронзовые наконечники копий шилуков сверкали на солнце, как чешуйки змеи. Никто не попался нам на пути. Деревни, которые мы проходили, были брошены. Их обитатели бежали, уведя с собой скот и женщин. Хотя с каждым днем тучи над вершинами гор становились все тяжелее и мрачнее, а по ночам в них виднелись отблески молний и до нас доносились глухие раскаты грома, дождей пока не было, и уровень воды в реках оставался низким.

Через двадцать пять дней после ухода от гробницы фараона мы вошли в долину перед горным массивом Амба Камара и увидели перед собой крутую извилистую тропу, которая вела на вершину.

Во время предыдущего путешествия по этой тропе я изучил оборонительные средства, используемые здесь Аркоуном. Они состояли из искусственных обвалов и укреплений с каменными стенами. Я показал их Тану. Над стенами можно было разглядеть косматые головы защитников.

– Слабость обвала в том, что его можно спустить вниз только один раз, а шилуки мои быстры. Они могут увернуться даже от нападающего быка, – задумчиво произнес Тан.

Он посылал шилуков вверх по тропе маленькими группами, и когда защитники вышибали клинья из-под куч камней и лавины неслись вниз по склону, длинноногие копейщики отскакивали в сторону с ловкостью горных коз. Как только камнепады кончились, они полезли вверх прямо по склону горы. Скакали с камня на камень, взбираясь по почти вертикальному склону, и издавали такие ужасные вопли, что даже у меня волосы вставали дыбом. Они отогнали защитников на вершину горы.

Их задержали только лучники Аркоуна, укрывшиеся за каменными стенами. Когда это произошло, Крат повел своих лучников вперед. Дальнобойные луки египтян залпом выпустили в небо тучу стрел.

Я смотрел на это зрелище как завороженный. Рой стрел поднимался почти вертикально в небо, как стая черных птиц, а потом сверху обрушивался на каменные укрепления, и стены не могли защитить воинов. Мы слышали их вопли, а потом увидели, как они дрогнули и бросились бежать вверх по склону; шилуки тут же помчались за ними, вопя, как стая гончих. Даже у подножия горы были слышны их боевые крики: «Каян! Каян! Бей! Бей!»

Хотя ноги мои окрепли и дыхание стало ровным за время долгого марша, я с трудом держал шаг вместе с Мемноном и другими воинами нашего отряда. Годы начали брать свое.

Все мы надели длинные шерстяные эфиопские одежды и вооружились традиционными круглыми щитами наших врагов. Мы не стали надевать на головы парики из конского волоса. Было неразумно маскироваться под эфиопа, когда шилуки буйствуют на склоне горы.

Когда мы наконец поднялись на плоскую вершину Амбы, я увидел, как Тан собирает и перестраивает свою пехоту. В бою у шилуков есть один серьезный недостаток. Стоило им намочить наконечники копий кровью, как они сходили с ума и становились неуправляемыми. Тан ревел, как раненый слон, и обрушивал на плечи воинов золотую плеть лучшего из десяти тысяч. После того как их привели в чувство, шилуки построились и пошли на первую деревню, где эфиопы ждали за каменными стенами. Когда первая волна черных пехотинцев в головных уборах из страусовых перьев хлынула вперед, по ней выпустили тучу стрел из своих длинных луков. Шилуки прикрылись большими щитами.

Во время первой атаки на деревню некоторые эфиопские воины бросились вперед, размахивая мечами. В мужестве у них недостатка не было, но они не были готовы к такому бою. Их никто никогда не заставлял сражаться не на жизнь, а на смерть.

Я подождал, пока не разгорелась битва, а потом крикнул Мемнону и его отряду:

– Надеть парики!

Все натянули на головы парики из конского волоса. Я сам сделал их, подражая эфиопским прическам. Они были кудрявыми и лохматыми. Теперь, в длинных полосатых одеждах и париках, мы вполне могли сойти за сородичей Аркоуна.

– Сюда! За мной! – закричал я и издал улюлюкающий клич эфиопов. Все заулюлюкали, завопили и последовали за мной. Обойдя деревню, где еще бушевал бой, мы беспорядочной толпой побежали по полям.

Нам нужно было добраться до крепости и оказаться рядом с Масарой раньше, чем Аркоун осознает близость поражения. Он без колебаний убьет девушку, как только увидит, что она ему больше не нужна. Я почему-то представил себе, как он проткнет ее голубым мечом или сбросит с моста в пропасть. Это были его любимые развлечения.

Когда мы пересекали вершину столовой горы, повсюду царил беспорядок. Небольшие группы косматых воинов носились туда и сюда. Женщины тащили за руки детей и несли свои пожитки на головах, вопя от ужаса, как куры, почуявшие запах лисы. Стада коз блеяли, коровы мычали и поднимали пыль копытами – пастухи бросили их. Никто не обращал на нас внимания, и мы трусцой бежали по полям, стараясь обходить деревни стороной.

Вместе со всем населением Амбы Камары мы двигались к Адбар Сегеду на дальнем конце столовой горы, и по мере приближения к мосту толпы беженцев становились все гуще; в конце концов нам пришлось силой прокладывать себе дорогу. У входа на мост стояла стража. Она отгоняла беженцев дубинками и мечами. Женщины просили спрятать их в крепости, поднимали в воздух детей и молили сжалиться над ними. Некоторых в давке сбили с ног и растоптали.

– Построиться черепахой, – тихо приказал Мемнон, и наш отряд, сомкнув ряды, пошел вперед через толпу, как акула проходит через стаю сардин. Кто-то не успел увернуться и свалился в пропасть, когда мы подошли к мосту. Вопли падающих только усилили панику. Стража попыталась остановить нас, но сами стражники были настолько скованы толпой беженцев, что не могли даже взмахнуть мечом. Толпа грозила столкнуть их в пропасть.

– Мы идем по личному приказу царя Аркоуна! Отойдите! – крикнул я на языке гиз.

– Пароль! – завопил в ответ начальник стражи, пытаясь удержаться на ногах. Толпа напирала. – Ты должен сказать пароль. – И ткнул в мою сторону мечом, но Мемнон отбил клинок.

За два года жизни в плену я много раз слышал пароль, так как комната моя находилась над главными воротами, однако с тех пор он мог измениться. Я уже собирался дать приказ убить начальника стражи, но все же прокричал старый пароль:

– Гора высока!

– Проходите! – Начальник стражи отошел в сторону, и мы, выйдя из толпы и отбросив назад тех, кто пытался следовать за нами, побежали по перемычке. Я так спешил оказаться рядом с Масарой, что не заметил глубокую пропасть по обеим сторонам моста и без малейшего страха провел отряд к воротам.

– Где царь Аркоун? – закричал я стражам, загородившим нам дорогу. Они колебались, и я выкрикнул: – Гора высока! У меня срочное сообщение для царя! В сторону! Дайте пройти!

Мы прорвались через открытые ворота раньше, чем они успели сообразить, что произошло, и я помчался по лестнице на верхнюю террасу во главе двенадцати воинов.

У дверей в покои Масары стояли два стражника, и это обрадовало меня. Я беспокоился, как бы девушку не перевели в другую часть крепости. Если охрана на месте, девушка тоже здесь.

– Кто ты? – крикнул один из стражников и обнажил меч. – Кто приказал... – Он не закончил вопроса. Я отступил в сторону и пропустил вперед Мемнона и Ремрема. Они налетели на стражников и убили их раньше, чем те успели пустить в ход оружие.

Дверь в комнату Масары была заперта изнутри, и как только мы нажали на нее втроем, там раздались вопли женщин. С третьей попытки дверь поддалась, и я влетел в комнату. Внутри царили глубокие сумерки, и я с трудом разглядел кучку женщин в дальнем конце комнаты.

– Масара! – окликнул я девушку и сорвал с головы парик. Мои волосы рассыпались по плечам. Красавица сразу узнала меня.

– Таита! – Она укусила за руку женщину, которая пыталась удержать ее, и подбежала ко мне. Обхватила за шею и обняла, а потом, когда увидела, кто стоит у меня за спиной, объятия ослабли, черные глаза широко раскрылись, краска залила ее щеки.

Мемнон тоже сорвал парик. Без парика его царскую природу невозможно было скрыть. Я отступил в сторону и оставил Масару одну. Они смотрели друг на друга. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем молодые люди смогли пошевельнуться и произнести хоть слово. Масара тихо сказала по-египетски:

– Ты пришел. Ты сдержал обещание. Я знала, что так и будет.

Кажется, я в первый и единственный раз в жизни увидел Мемнона растерянным. Он только кивнул, а потом произошло нечто поразительное: кровь залила его шею и распространилась по лицу так, что в темной комнате словно посветлело. Наследник короны Египта, сын фараона, командир первого отряда колесниц, лучший из десяти тысяч, награжденный «Золотом доблести», стоял и смотрел на девушку, не в силах произнести ни слова, как последний батрак.

За моей спиной одна из женщин закудахтала, как испуганная курица, и, прежде чем я успел схватить ее, вывернулась и выскочила наружу по крутой лестнице. Вопли эхом разнеслись по каменным коридорам.

– Стража! Враги прорвались в восточное крыло! Быстрее! – И почти сразу же за ее криком по лестнице застучали тяжелые кожаные сапоги.

В одно мгновение Мемнон из краснеющего юнца превратился в сурового воина.

– Позаботься о ней, Таита. Ни один волос не должен упасть с ее головы! – приказал он и прошел мимо меня к вершине лестницы. Первого врага он убил классическим колющим ударом в горло, которому его научил Тан. Потом уперся ногой в грудь убитого, выдернул меч и пинком сбросил труп по лестнице. Падающее тело очистило ее.

Мемнон оглянулся на меня:

– Как ты думаешь, успеем мы добежать до ворот раньше, чем их закроют?

– Должны добежать, – ответил я. – Лучше пройти по внешней лестнице.

– Ремрем, вперед. Таита и царевна пойдут в середине. Я останусь в арьергарде, – коротко приказал царевич и ткнул мечом в глаз следующего воина.

Эфиоп уронил оружие и обеими руками схватился за лицо. Мемнон пронзил его грудь мечом и снова столкнул вниз, очистив лестницу от преследователей.

– Иди за Ремремом! – крикнул он мне. – Не стой здесь, беги!

Я схватил Масару за руку, и мне не пришлось тащить ее за собой. Она бежала за мной так легко и быстро, что сама тащила меня вперед.

Свет больно ударил по глазам, когда мы выбежали на террасу. После сумерек в комнате я на некоторое время ослеп. Я проморгался, а потом посмотрел на ту сторону крепости, за которой простиралась ровная вершина столовой горы. Шилуки Тана уже подходили к мосту, их перья плясали, а щиты высоко поднимались в воздух.

– Каян! Бей! Бей! – кричали они, и наконечники их копий были влажны от свежей крови. Охваченные паникой крестьяне разбегались в разные стороны. Шилуки уже подошли ко входу на мост.

Там находилось две или три сотни воинов Аркоуна. За спиной у них была пропасть, и смертельная опасность превратила их в героев. Теперь они действительно дрались, как львы, и хотя несколько десятков свалилось вниз, с воплем падая на дно долины, живые сумели отбить первую атаку шилуков.

Потом я увидел Тана именно там, где и ожидал увидеть, в самом центре. Его шлем сверкал, как маяк, в черном море шилуков. На моих глазах он вскинул голову и запел.

Дикари-шилуки подхватили слова песни, и ветер донес их через пропасть. С боевым гимном на устах они бросились вперед, и теперь ничто не могло устоять перед ними. Они кололи и рубили защитников моста, и Тан первым пробился на каменную перемычку. Не переставая петь, он побежал по ней с неожиданной для его роста легкостью. Шилуки гуськом последовали за ним по узкому проходу.

Тан уже пробежал половину пути, когда песня вдруг замерла у него на устах, и он остановился.

От ворот Адбар Сегеда, прямо из-под моих ног, навстречу ему выступил другой воин. Сверху я не мог разглядеть его лица, но оружие в правой руке ни с чем нельзя было спутать. Голубой меч молнией сверкнул на солнце.

– Аркоун! – взревел Тан. – Я искал тебя!

Эфиоп не знал слов, но смысл их трудно было не понять. Он захохотал, и борода его, как облако, окутала лицо на ветру.

– Я знаю тебя! – Аркоун взмахнул серебристым клинком над головой, и тот просвистел в воздухе. – На этот раз я тебя убью! – И длинными упругими шагами пошел вперед по узкой перемычке.

Тан перехватил бронзовый щит и спрятал за ним голову, ибо знал мощь сверкающего клинка. Я понял, что теперь он не собирается отражать его удар мягкой бронзой своего меча. Аркоун также не забыл их первую встречу и действовал более осторожно. И, судя по тому, как он держал серебристо-голубой меч, не собирался легкомысленно рубить сплеча.

Они сблизились, и я увидел, как Аркоун подобрался. Плечи его поднялись, он перенес центр тяжести вперед. Хотел с разгона ударить Тана в голову. Тан поднял щит и принял удар голубого клинка его серединой. Меч из другого материала сломался бы от такого удара, но серебряный клинок пронзил бронзовый щит, словно козью шкуру. Вошел в него на половину длины.

И тут я понял намерение Тана. Он повернул щит, и клинок застрял в нем. Аркоун пытался вытащить свой меч, он тянул и выкручивал его, налегая изо всей силы, однако Тан крепко держал голубой металл в бронзовых тисках.

Аркоун собрался с силами и еще раз рванул меч на себя. Однако на этот раз Тан не сопротивлялся. Прыгнул туда, куда тянул Аркоун, и неожиданное движение заставило эфиопа потерять равновесие. Споткнувшись, он отскочил назад и закачался на краю пропасти. Чтобы удержать равновесие, ему пришлось выпустить из рук застрявший в щите голубой меч.

Аркоун замахал руками, раскачиваясь на краю перемычки, и тогда Тан переступил, уперся в щит плечом и резко шагнул вперед. Щит ударил противника в грудь, а рукоять голубого меча попала в середину живота.

Аркоуна отбросило назад в пустоту, он медленно перевернулся в воздухе и полетел вниз. Одежды волной поднимались вокруг него, а борода развевалась, как вымпел над колесницей.

Со своего места на стене я видел, как царь царей совершил последнее путешествие, в которое собственной рукой отправил столько несчастных. От самого каменного моста до дна ущелья он кричал, и крик его медленно удалялся, пока вдруг не замолк.

Тан стоял один посредине перемычки. И по-прежнему высоко держал в руках щит с застрявшим в нем мечом.

Постепенно шум боя улегся. Эфиопы видели, как был побежден царь, и их боевой дух угас. Они побросали оружие и молили о пощаде. Египетским командирам удалось спасти некоторых из них от обезумевших при виде крови шилуков, и теперь их тащили к погонщикам рабов и связывали руки за спиной.

Я следил за Таном, не обращая внимания на происходящее. Он пошел к воротам крепости, и наши воины громкими криками приветствовали его, поднимая к небу оружие.

– Старый бык еще не забыл, как надо драться! – восхищенно рассмеялся Мемнон, но я не смеялся вместе с ним. Холодок дурного предчувствия пробежал у меня по коже, как будто в воздухе надо мной пронеслись крылья стервятников, усаживающихся в ожидании новой жертвы.

– Тан, – прошептал я. Он шел медленно, его слегка пошатывало. Опустил щит, и я увидел увеличивающееся красное пятно на нагруднике.

Я толкнул Масару в руки Мемнона и сбежал вниз по лестнице. Эфиопская стража у ворот попыталась сдаться мне в плен, но я оттолкнул их и выбежал на каменный мост.

Тан увидел меня и улыбнулся, но улыбка получилась кривой. Он остановился, и ноги медленно подогнулись. Он тяжело опустился на середину перемычки. Я сел рядом с ним на колени и увидел дыру в нагруднике крокодиловой кожи. Из нее сочилась кровь. Я понял, что голубой меч проник гораздо глубже, чем можно было ожидать. Аркоун сумел рассечь мечом и бронзовый щит, и крепкий кожаный нагрудник. Острие клинка пронзило грудь Тана.

Я осторожно развязал ремни доспехов и снял нагрудник. Мы с Таном осмотрели рану. Это был узкий глубокий порез шириной, точно соответствующей размерам клинка, похожий на маленький рот с красными губами. С каждым вздохом розовая пена появлялась на ране. Клинок пронзил легкие, но я не мог сказать это вслух. Никто не способен выжить после проникающей раны в легкие.

– Ты ранен. – Слова мои прозвучали глупо. Я сам почувствовал это и не смог поднять глаза на друга.

– Нет, старина, я не ранен, – тихо сказал он. – Я убит.

Шилуки сделали для Тана носилки из своих копий и постелили на них овчину. Они подняли командира и мягко, не спеша внесли в крепость Адбар Сегед.

Мы положили его на постель царя Аркоуна, а затем я выслал их из комнаты. Когда все вышли, я положил голубой меч на постель рядом с ним. Он улыбнулся и опустил руку на золотую, украшенную драгоценными камнями рукоять.

– Я дорого заплатил за это сокровище, – прошептал он. – Как бы мне хотелось хоть раз пойти с ним в бой.

Я не стал ни утешать, ни обнадеживать его. Как и всякий бывалый воин, Тан видел слишком много легочных ран. Я не смог бы обмануть его относительно исхода. Я завязал рану полотня-

ной полосой и заткнул прокладкой из шерсти. Пока обрабатывал ее, читал заклинания против кровотечения:

– Изыди, творенье Сета...

Тан медленно отдалялся от меня. Каждый новый вдох требовал все больших усилий, и я слышал, как кровь бурлит у него в легких, словно прячущееся в трясине чудовище.

Я смешал для него настой сонного цветка, но он не захотел выпить.

– Я хочу прожить каждую минуту своей жизни. Даже самую последнюю.

– Что еще я могу для тебя сделать?

– Ты уже слишком много сделал для нас. Но нашим просьбам, кажется, не будет конца.

Я покачал головой:

– Я все готов отдать вам.

– У меня есть к тебе последняя просьба. Во-первых, я хочу, чтобы ты никогда не говорил Мемнону, кто его настоящий отец. Он должен верить, что в его жилах течет кровь фараона. Ему предстоят великие дела, и ничто не должно мешать ему.

– Он гордился бы твоей кровью не меньше, чем кровью фараона.

– Поклянись, что никогда не расскажешь ему.

– Клянусь, – сказал я, и Тан замолчал на некоторое время, собираясь с силами.

– У меня есть еще одна просьба.

– Я заранее обещаю выполнить ее.

– Береги мою женщину, ту, которая никогда не сможет стать моей женой. Береги и храни так, как делал ты все эти годы.

– Ты же знаешь, я буду беречь ее.

– Да, я знаю, потому что ты всегда любил ее так же сильно, как и я. Береги Лострy и детей. Я отдаю их в твои руки.

Он закрыл глаза, и я подумал, что конец близок, но силы его превосходили силы обычных людей.

Через некоторое время Тан открыл глаза:

– Я хочу видеть царевича.

– Он ждет тебя на террасе, – ответил я и вышел из-за занавески наружу.

Я увидел Мемнона у дальнего конца террасы. Масара была рядом с ним, они стояли, не касаясь друг друга. Лица их были серьезны, они говорили приглушенными голосами. Оба обернулись, когда я вышел.

Мемнон сразу направился ко мне, оставив девушку одну. Он прошел прямо к постели Тана и остановился над ним. Тан улыбнулся, но улыбка получилась неуверенной. Я знал, каких усилий она ему стоила.

– Ваше высочество, я научил вас всему, что знаю о войне, но я не могу научить вас жизни. Каждый человек должен учиться сам. Больше мне нечего сказать вам перед тем, как я отправлюсь в свое последнее путешествие. Я должен сказать только одно: я благодарен вам за счастье жить с вами рядом, знать вас все эти годы и верно служить вам.

– Вы всегда были для меня больше чем учителем, – тихо ответил Мемнон. – Вы были для меня отцом, которого я не знал.

Тан закрыл глаза, и по его лицу прошла гримаса боли.

Мемнон наклонился и пожал его руку.

– Боль такой же враг, как и все остальные, и ей нужно противостоять. Ты сам учил меня этому, вельможа Тан.

Царевич решил, что гримаса боли вызвана раной, но я понимал, какие муки испытывает Тан, когда слышит слово «отец» в устах Мемнона.

Тан открыл глаза:

– Спасибо, ваше высочество. В вашем присутствии мне легче переносить последние страдания.

– Называй меня другом, а не высочеством. – Мемнон опустился перед ним на колени, не выпуская руки.

– Я хочу сделать тебе подарок, друг. – От сворачивающейся в легких крови голос Тана начал слабеть. Он нащупал рукоять голубого меча на постели, но не хватило сил поднять его.

Тан поднял руку Мемнона со своей руки и положил ее на рукоять меча.

– Он теперь твой.

– Я буду вспоминать о тебе всякий раз, когда вытащу его из ножен. Всякий раз, когда мне придется обнажить его в бою, я буду произносить твое имя. – Мемнон взял меч в руки. – Ты оказываешь мне великую честь.

Мемнон поднялся, отошел на середину комнаты с мечом в руке и встал в классическую позу фехтовальщика. Прикоснулся клинком к губам, приветствуя человека, лежащего на постели.

– Так ты учил меня.

Потом начал выполнять упражнения с мечом, которым Тан научил его с раннего детства. Он показал двенадцать оборонительных движений, а потом перешел к колющим и рубящим ударам, безупречно выполняя их. Серебристый клинок кружился в воздухе, как атакующий орел, пел и свистел в руках, и пляшущие лучи света освещали сумерки комнаты.

Мемнон закончил упражнения прямым колющим ударом в горло воображаемого врага. Потом опустил меч вниз и оперся на клинок, поставив обе руки на рукоять.

– Ты хорошо научился владеть клинком, – кивнул ему Тан. – Мне больше нечему учить тебя. Скоро настанет время моего ухода.

– Я побуду с тобой.

– Нет. – Тан усталым жестом остановил его. – Судьба ждет тебя под открытым небом, а не в этой темной комнате. Ты должен выйти к ней навстречу не оглядываясь. Таита побудет со мной. Бери девушку, отправляйся к царице Лостре и приготовь ее к вести о моей смерти.

– Уходи с миром, вельможа Тан. – Мемнон не стал нарушать торжественность момента бессмысленными спорами. Он подошел к постели и поцеловал отца в губы. Потом повернулся и не оглядываясь вышел из комнаты с голубым мечом в руках.

– Иди навстречу славе, сын мой, – прошептал Тан и отвернулся к стене. Я сидел у его ног и смотрел на грязный каменный пол. Мне не хотелось видеть слезы человека такой породы, как Тан.

Ночью меня разбудил бой грубых деревянных барабанов шилуков, раздававшийся в темноте. Их печальные голоса пели похоронную песню, от которой дрожь прошла по моему телу.

Светильник у постели Тана почти погас и начал шипеть. По стенам двигались чудовищные тени, словно стервятники, хлопая крыльями, усаживались вокруг трупа. Я медленно, нехотя подошел к Тану. Я знал, что шилуки не ошиблись: чутье редко обманывает их в подобных делах.

Тан лежал в той же позе, лицом к стене, но когда я прикоснулся к плечу, оно уже было холодным. Непреклонный дух покинул тело.

Я сидел рядом с ним весь остаток ночи и оплакивал его вместе с шилуками.

На рассвете я послал за бальзамировщиками.

Я не мог позволить грубым рукам низких мясников потрошить моего друга. Я сам сделал разрез в левом боку, и разрез этот, выполненный рукой хирурга, был ровным и аккуратным, не то что огромная рваная рана, нанесенная рукой гробовщика.

Через этот надрез я вынул внутренности. Трепет охватил меня, когда великое сердце Тана легло в мои ладони. Мне казалось, будто я чувствую мощное биение души в этом телесном

сосуде. С любовью и почтением поместил я его обратно в грудную клетку и со всем искусством, на какое способен, зашил надрез в боку и рану на груди, оставленную голубым клинком.

Я взял бронзовую ложечку и вводил ее в ноздри до тех пор, пока она не уперлась в тонкую перегородку. Затем одним сильным толчком я пронзил тонкую кость и вычерпал мякоть из полости черепа. Только после этого смог передать тело бальзамировщикам.

Хотя делать мне больше было нечего, я оставался с телом Тана все последующие сорок дней мумификации, которые прошли в холодном и сумрачном Адбар Сегеде. Сейчас, вспоминая об этом, я считаю, что проявил слабость. Я не мог вынести горя своей госпожи, когда до нее дойдет весть о смерти Тана. Я позволил Мемнону выполнить долг, который по праву был моим. Я прятался с мертвым телом тогда, когда мне следовало быть с живыми, которым я обязан гораздо больше. Я всегда был трусом.

Гроба для мумифицированного тела Тана не было. Я собирался сделать его, когда мы достигнем Кебуи. Пока же приказал эфиопским женщинам сплести для него длинную корзину. Плетение было настолько плотным, что напоминало полотно. Такая корзина держит воду, как горшок из обожженной глины.

Мы спускались с горных вершин. Шилуки без труда несли высохшее тело. Они готовы были драться друг с другом за эту честь. Иногда принимались петь свои дикие похоронные песни, когда наша колонна шла по извилистым тропам через ущелья и исхлестанные ветром горные перевалы. Чаще всего пели боевые песни, которым научил их Тан.

Все это время я устало шел за носилками. Дожди обрушивались на нас с горных пиков, и мы промокали до нитки. Реки взбухли, и нам приходилось вплавь переправляться через них, чтобы натянуть канаты и перетащить по ним свой груз. Ночью камышовый гроб стоял рядом с моей постелью. Я говорил с Таном вслух в темноте, будто он мог слышать меня и отвечать мне, как это бывало в старые добрые времена.

Наконец мы прошли последний перевал, и нашим взорам открылись великие равнины. Когда мы подходили к Кебуи, госпожа моя вышла навстречу печальному каравану. Она ехала в колеснице позади царевича Мемнона.

Когда они приблизились к нам по травянистой равнине, я приказал шилукам поставить камышовый гроб с телом Тана под раскидистыми ветвями гигантской акации. Госпожа моя сошла с колесницы и подошла к гробу. Положила на него руку и молча склонила голову.

Я был потрясен тем, как горе состарило ее. В волосах появились серебристые пряди, блеск в глазах пропал. Я понял: дни молодости и великой красоты прошли навсегда. Одинокая и горестная, сидела она у гроба. Царица Лострa настолько явно переживала потерю, что теперь любой без колебаний назвал бы ее вдовой.

Я решил предупредить ее, чтобы она не выдавала своих чувств.

– Госпожа, тебе нужно скрыть свою печаль от окружающих. Никто не должен знать, что он был для тебя не только другом и командующим твоими войсками. Ради памяти о нем, ради его чести, которой он так дорожил, спрячь слезы.

– У меня больше нет слез, – тихо ответила она. – Горе иссушило мои глаза. Только я и ты будем знать правду.

Мы поместили скромный камышовый гроб с телом Тана в трюм «Дыхания Гора», рядом с роскошным гробом фараона. Я оставался с моей госпожой, как и обещал Тану, пока горе не начало затихать и не превратилось в тупую, непроходящую боль, которая навсегда поселилась в сердце. Затем по ее приказу я отправился в долину гробницы, чтобы наблюдать за завершением строительства усыпальницы фараона.

Послушный приказу госпожи, в той же долине я выбрал место для гробницы Тана. Как ни старался я использовать все доступные мне материалы и труд ремесленников, место упокоения

Тана казалось хижиной крестьянина рядом с роскошным дворцом – посмертным жилищем фараона Мамоса.

Целое войско ремесленников и художников строило этот дворец и украшало великолепными фресками подземные коридоры и камеры царской усыпальницы. Хранилище усыпальницы было заполнено сокровищами, вывезенными нами из Фив.

Гробницу Тана строили в спешке. Он не сумел накопить сокровищ за всю свою жизнь, отданную службе государству и короне. Я нарисовал на стенах усыпальницы события его земной жизни: охоты на могучих зверей, сражения с войсками красного самозванца и гиксосов и даже последний бой у крепости Адбар Сегед. Однако я не посмел изобразить на фресках подвиги его благородной души, такие, как любовь к моей госпоже и крепкая дружба со мной. Они должны были остаться в тайне. Любовь к царице – измена, а крепкая дружба с рабом – позор для благородного человека.

Когда наконец усыпальница была построена, я остался один в скромном помещении, где Тан должен будет провести вечность, и внезапно меня охватила ярость при мысли о том, что я уже больше ничего не смогу для него сделать. В моих глазах он был куда более достойным человеком, чем фараон, носивший двойную корону. Корона вполне могла бы увенчать его голову, если бы Тан с презрением не отверг ее. Для меня он был царем больше, чем сам фараон.

И вот тогда в мою голову впервые пришла одна мысль. Она показалась мне настолько позорной и неприличной, что я тут же отбросил ее, поскольку даже размышления по этому поводу были бы страшной изменой и оскорблением людей и богов.

Однако в последующие недели мысль эта то и дело снова появлялась у меня в голове. Я столь многим был обязан Тану, а фараону – столь малым. Даже если боги осудят меня на вечную погибель, плата будет справедливой. Тан за всю мою жизнь дал мне гораздо больше.

Один я не в силах совершить такое. Мне нужна была помощь. Но к кому мне обратиться? Нельзя было просить об этом ни царицу Лостру, ни царевича. Госпожу мою связывала клятва, данная фараону, а Мемнон не знал, кто был его настоящим отцом. Я не мог сказать ему об этом, не нарушив своей клятвы Тану.

В конце концов я вспомнил об одном человеке, который любил Тана почти так же сильно, как и я, и не боялся ни богов, ни людей и у которого хватило бы звериной силы, необходимой мне для задуманного предприятия.

– Клянусь сраной задницей Сета! – загоготал вельможа Крат, когда я поделился с ним своими мыслями. – Такое никому бы в голову не пришло! Ты самый большой мошенник на свете, Таита. Но я благодарен тебе за то, что ты даешь мне последнюю возможность оказать честь Тану.

Мы тщательно обдумали наши действия. Я даже послал страже у входа в трюм «Дыхания Гора» кувшин с вином, крепко приправленным настоем сонного цветка.

Когда мы с Кратом вошли в трюм корабля, где покоились два гроба, моя решимость поколебалась. Я почувствовал, что Ка фараона Мамоса наблюдает за мной из потустороннего мира и что его оскорбленный дух будет преследовать меня всю жизнь и искать возможности отомстить мне за это святотатство.

Могучего добродушного Крата совесть не мучила, и он принялся за работу с таким усердием, что мне несколько раз пришлось предостерегать его, чтобы он не шумел слишком сильно, когда мы открывали золотые крышки царского гроба и вынимали оттуда мумию царя.

Тан был крупнее фараона, но, к счастью, изготовители гробов сделали их с запасом, да и тело Тана усохло во время бальзамирования. Несмотря на это, нам пришлось снять с него несколько слоев бинтов, прежде чем он поместился в огромном золотом гробу.

Я пробормотал извинения фараону Мамосу, когда мы переложили его в скромный деревянный гроб, раскрашенный изнутри и снаружи изображениями Великого Льва Египта. Места в

гробу осталось более чем достаточно, и прежде чем запечатывать его, нам пришлось забить пустоты бинтами, снятыми с Тана.

Дожди прошли, наступило прохладное время года. Госпожа моя приказала погребальной процессии отправиться из Кебуи в Долину гробницы.

Во главе шествия шел первый отряд колесниц, под командованием царевича Мемнона. За ним следовали пятьдесят повозок, нагруженных погребальным сокровищем фараона Мамоса. Царственная вдова, правительница Лостра, ехала на повозке рядом с золотым гробом. Я с радостью наблюдал, как она проделывает это путешествие в обществе того, кого любила, хотя сама об этом не подозревала. Я видел, как часто Лостра оглядывалась назад, в конец длинного каравана, печально протянувшегося по равнине на целых пять миль.

Там повозка везла легкий, деревянный гроб в сопровождении отряда шилуков. Они пели прощальные песни, и их великолепные мелодичные голоса ясно доносились до середины каравана. Я знал, что Тан услышит их и поймет, для кого его воины поют свои песни.

Когда мы достигли наконец Долины гробницы, золотой саркофаг поместили в шатер перед входом в царский мавзолей. Полотняную крышу шатра украшали тексты и сцены из Книги Мертвых.

В долине провели два обряда похорон. Первый, менее торжественный, был похоронами Великого Льва Египта. Вторым должно было стать роскошное и церемонное погребение царя. И вот через три дня после нашего прибытия в долину деревянный гроб был помещен в гробницу, которую я приготовил для Тана. Жрецы Гора, покровителя Тана, освятили его могилу и запечатали ее.

Во время этого обряда и после него госпожа моя сумела скрыть свое горе. Казалось, она испытывает лишь приличествующую царице печаль по поводу кончины верного слуги, хотя я понимал, что в душе ее умирает нечто такое, чему уже никогда не возродиться.

Всю ночь в долине раздавались песни отряда шилуков, оплакивавших человека, который скоро станет для них богом. По сей день они кричат его имя в бою.

Через десять дней после первых похорон золотой саркофаг фараона поставили на деревянную волокушу и втащили в огромную царскую гробницу. Потребовались усилия трех сотен рабов, чтобы протащить саркофаг по многочисленным коридорам. Я так точно рассчитал все проходы, что повсюду между стенками коридоров и стенками гроба оставалось пространство не шире одной ладони. Чтобы сорвать попытки похитить сокровища фараона и осквернить его прах, в царской усыпальнице построили лабиринт туннелей, пронизывающих все подножие горы. От входа в усыпальницу в отвесном склоне скалы шел широкий коридор прямо в роскошную погребальную камеру, украшенную чудесными фресками. Посредине погребальной камеры стоял пустой гранитный саркофаг со сдвинутой в сторону крышкой. Первый вошедший сюда грабитель сразу поймет, что он опоздал и кто-то другой успел обчистить усыпальницу до него.

На самом же деле от этого коридора под прямым углом шел другой проход. Его начало было замаскировано под хранилище погребальных сокровищ. Здесь саркофаг надо было развернуть и внести в другой коридор. Оттуда гроб начинал движение по целому лабиринту разветвленных ложных проходов и пустых усыпальниц. Чем дальше уходили они в глубь горы, тем более извилистыми и коварными становились.

Всего под горой было выбито четыре погребальных камеры, и во всех должны были остаться пустые гробы. Кроме них, там было три скрытых двери и два вертикальных ствола. По одному из них саркофаг нужно было поднять, по второму – опустить.

Прошло пятнадцать дней, пока саркофаг, пядь за пядью продвигаясь по этому лабиринту, занял наконец место последнего упокоения. Крыша и стены усыпальницы были расписаны мною

со всем искусством и изобретательностью, какими боги наградили меня. На стенах вокруг царского гроба не было ни кусочка, который бы не сверкал красками и движением.

В разные стороны от усыпальницы уходили коридоры к пяти хранилищам сокровищ. Именно в этих хранилищах разместили мы погребальные сокровища, накопленные фараоном Мамосом за всю его жизнь и чуть было не разорившие Египет. Я часто спорил со своей госпожой и просил ее не зарывать эти богатства в землю, а пустить их на оплату расходов на войско, которое понадобится нам, чтобы изгнать тирана-гиксоса и освободить народ нашей страны.

– Эти сокровища принадлежат фараону, – отвечала она. – Мы накопили здесь, в землях Куша, другие богатства. У нас много золота, рабов и слоновой кости. Этого будет достаточно. Пусть божественный Мамос получит свои драгоценности и золото. Я дала ему клятву.

Итак, на пятнадцатый день золотой саркофаг поместили в каменный, выбитый из цельного куска той же скалы. С помощью канатов и блоков мы подняли тяжелую крышку саркофага и опустили ее на место.

Царская семья, жрецы и вельможи вошли в усыпальницу, чтобы выполнить последние обряды.

Моя госпожа и царевич стояли во главе свиты у изголовья саркофага, а жрецы монотонно читали молитвы, заклинания и стихи из Книги Мертвых. От коптящего дыма светильников и дыхания множества людей в гробнице стало душно.

Затем я увидел в желтом свете светильников, как госпожа моя побледнела и пот выступил у нее на лбу. Я протолкался через толпу придворных и подошел к ней в тот самый момент, когда она покачнулась и упала. Мне удалось поймать ее, и голова не ударилась о гранитную крышку саркофага.

Мы вынесли царицу из усыпальницы на носилках. На свежем горном воздухе она быстро пришла в себя, но я заставил ее провести остаток дня в постели.

В тот вечер, когда я готовил ей укрепляющий настой трав, Лостра тихо, задумчиво лежала в постели. Потом, выпив настой, шепнула мне:

– У меня было совершенно невероятное ощущение. Когда я стояла в усыпальнице фараона, я вдруг почувствовала, будто Тан находится где-то совсем рядом. Его рука, казалось, коснулась моего лица, а голос прошептал что-то. Тогда я и упала в обморок.

– Он навсегда останется рядом с тобой.

– Да, я верю в это, – просто ответила она.

Хотя тогда я и не заметил этого, теперь понимаю, что именно в тот день, когда мы положили Тана в гроб, жизнь начала угасать в Лостре; радость словно покинула ее, ей больше не хотелось жить.

На следующий день я вернулся в царскую усыпальницу с каменщиками и отрядом рабов для того, чтобы запечатать двери и проходы и поставить ловушки, которые будут охранять погребальную камеру.

Удаляясь от усыпальницы по лабиринту коридоров, мы хитроумно замуровывали тайные двери каменной кладкой и штукатуркой и рисовали фрески на свежих стенах. Мы запечатали отверстия вертикальных стволов, чтобы они не отличались от пола или потолка.

Я наладил камнепады, которые приводились в действие качающейся каменной плитой, и забил вертикальные стволы древесиной. За столетия дерево сгниет, плесень пожрет его, распространяя ядовитые испарения, которые удушат всякого, кто вторгнется в лабиринт и станет приближаться к потайной двери.

Однако прежде чем приступить к этой работе, я вошел в погребальную камеру, чтобы попрощаться с Таном. В руках я нес длинный сверток. В последний раз пришел я к царскому

саркофагу; отослав рабочих, я должен был последним оставить гробницу. После меня вход в погребальную камеру будет запечатан.

Когда я остался один, развернул сверток. Из него достал длинный лук, Ланату. Тан назвал его в честь моей госпожи, и я сам сделал для него этот лук. Это будет последний подарок от нас обоих. Я положил его на запечатанную крышку гроба.

В свертке остался еще один небольшой предмет. Это была деревянная статуэтка ушебти, которую я вырезал своими руками. Я поставил ее у подножия саркофага. Когда я работал над ней, то расставил вокруг себя три медных зеркала, чтобы как следует изучить свою внешность и верно ее изобразить. Эта миниатюрная кукла была маленьким Таитой.

На ее основании я написал: «Мое имя Таита, я врач и поэт. Я архитектор и философ. Я твой друг. Я отвечу за твои проступки».

Покидая усыпальницу, я остановился в последний раз у входа и оглянулся на саркофаг.

– Прощай, старина. Я стал богаче благодаря тому, что знал тебя. Жди нас по ту сторону мира.

На завершение работ в царской гробнице потребовалось много месяцев. Мы постепенно отступали по лабиринту каменных коридоров, и я лично осматривал каждую запечатанную дверь и каждую ловушку, установленную позади нас.

Я остался один, так как госпожа моя и царевич отправились в горы, в крепость Престера Бени-Джона. Они пошли туда со всем двором, чтобы подготовиться к свадьбе Мемнона и Масары. Гуи тоже отправился с ними выбирать лошадей в эфиопских табунах, которые причитались нам за взятие Адбар Сегеда и освобождение Масары.

Когда же работы в гробнице завершились и работники мои запечатали внешний вход в склоне скалы, я тоже отправился в горы по холодным и ветреным перевалам. Мне не хотелось пропустить свадебный пир, а в путь я пустился с опозданием. Работы потребовали больше времени, чем я ожидал. Я ехал верхом по тропам и гнал лошадей так быстро, как только позволяли горы.

Я прибыл во дворец Престера Бени-Джона за пять дней до свадьбы и направился прямо в ту часть крепости, где остановились моя госпожа и ее свита.

– Я не улыбалась с тех пор, как видела тебя в последний раз, Таита, – вместо приветствия сказала она. – Спой мне. Расскажи мне сказку. Рассмеши меня.

Задача оказалась не из легких, так как печаль глубоко проникла в ее душу. Да и я, по правде говоря, не мог похвастаться весельем и беззаботностью. Я почувствовал, что не только горе мучает ее. Очень скоро мы оставили попытки развеселиться и стали обсуждать государственные дела.

Брак этот, возможно, и был браком по любви, встречей двух душ, благословленной богами, однако для всех союз Мемнона и Масары был царской свадьбой и, соответственно, союзом двух народов. Нужно было подготовить и подписать подходящие соглашения, принять решения о размерах приданого и торговле между царем царей и правителем Аксума и царем Египта, увенчанным двойной короной обоих царств.

Как я и предвидел, госпожу мою не радовало то, что сын берет в жены женщину другого народа, другой расы.

– Они во всем отличаются от нас, Таита! Каким богам поклоняются? На каком языке говорят? А какой у них цвет кожи, ох! Как бы мне хотелось, чтобы он выбрал невесту из наших девушек.

– Еще выберет, – заверил я ее. – У него будет, пожалуй, пятьдесят или сто египтянок. Кроме того, он возьмет в жены ливиек, хурриток и гиксосок. Женщины всех народов и рас, которые он покорит в будущем, дадут ему жен, и среди них будут кушиты, хетты, ассирийки...

– Перестань меня дразнить! – Лостра топнула ножкой с подобием прежней ярости. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Все последующие браки будут союзами между государствами. Этот же брак – первый. Это соединение двух сердец.

Она была права. Обещание любви, которым Мемнон и Масара обменялись во время короткой встречи на берегу реки, расцветало теперь великолепным бутоном.

Я был удостоен чести находиться с ними в те бурные времена. Оба признавали это и были благодарны мне за помощь в соединении их сердец и рук. Для обоих я остался лучшим другом, человеком, которому они безоговорочно доверяли.

Я не разделял дурных предчувствий моей госпожи. Хотя жених и невеста действительно отличались друг от друга, сердца их словно вышли из одной формы. Оба были преданы своим устремлениям. В обоих жили яростный дух и безжалостная жестокость, свойственные правителям. Они стали превосходной парой, как сокол и соколица. Я знал: Масара не будет отвлекать Мемнона от дел, предписанных ему судьбой, она скорее придаст ему новые силы и вдохновит его на свершение великих подвигов. Я был очень доволен своим сводничеством.

И вот в один прекрасный солнечный день в горах Эфиопии на глазах двадцати тысяч мужчин и женщин Эфиопии и Египта, стоявших на склонах, Мемнон и Масара встали рядом на берегу реки и разбили кувшин с водой, который верховный жрец Осириса зачерпнул из новорожденного Нила.

Жених и невеста ехали во главе каравана, спускавшегося с гор. Кроме новобрачных, он вез тяжелый груз – приданое царевны и множество договоров и соглашений, заключенных между двумя народами.

Гуи со своими конюхами гнал позади нас табун в пять тысяч голов. Часть этих лошадей причиталась нам за военные победы, а остальные составляли приданое Масары. Однако не успели мы достигнуть слияния двух рек, как равнины потемнели, будто тень огромной тучи легла на саванну, хотя небо оставалось безоблачным.

Начиналась ежегодная миграция гну.

Через несколько недель после прихода гну желтый душитель поразил табун эфиопских лошадей, и волна смерти прокатилась по нему, как половодье в долине горной реки.

Разумеется, мы с Гуи ожидали этого поветрия, когда появятся гну. Мы научили каждого конюха и колесничего делать надрез на трахее и обрабатывать рану горячей смолой, чтобы предотвратить омертвение ткани, которое может погубить животное, даже если оно выживет после желтого душителя.

Много недель мы не высыпались, но в конце концов болезнь унесла менее двух тысяч новых лошадей, и еще до следующего половодья Нила оправившиеся лошади окрепли и стали учиться работать в упряжке.

Когда начиналось половодье, жрецы совершали жертвоприношение своим богам на берегу Нила и советовались с пророками о том, что ожидает нас в будущем году. Одни изучали внутренности жертвенных овец, другие наблюдали за полетом диких птиц, а третьи смотрели в сосуды, наполненные водой из Нила. И все они, каждый по-своему, предсказывали будущее. Царица Лостра принесла жертву Хапи. Хотя я и присутствовал с ней на богослужении и участвовал в пении молитв со всеми собравшимися, сердце мое витало в другом месте. Я – человек Гора, как вельможа Крат и царевич Мемнон. Мы принесли в жертву богу золото и слоновую кость и молили его о покровительстве.

Боги соглашаются друг с другом не чаще, чем люди. Однако этот год отличался от всех прочих. За исключением богов Анубиса, Тота и богини Нут, все небесное воинство говорило будто одним голосом. Последние же три божества – Анубис, Тот и Нут – божества незначитель-

ные, и их советами можно без всякой опаски пренебречь. Однако великие боги: Амон-Ра, Осирис, Гор, Хапи, Исида – и две сотни других больших и малых божеств сказали одно и то же: «Пора возвращаться на священную черную землю Кемета».

Вельможа Крат всегда в душе оставался циничным язычником – он предположил, что жрецы сговорились и вложили эти слова в уста своих богов. Хотя я шумно выразил негодование по поводу такого богохульства, втайне был склонен согласиться с ним.

Жрецы – люди изнеженные и привыкшие к роскоши, а последние двадцать лет нам приходилось вести суровую жизнь путешественников и воинов в диких землях Куша. Они, по-моему, тосковали о прекрасных Фивах даже больше моей госпожи. Так что, наверное, люди, а не боги дали совет возвращаться на север.

Царица Лострa созвала верховный совет государства, где она объявила, что принимает совет богов, и все присутствующие – знать, жрецы и воины – как один приветствовали ее решение. Я кричал вместе со всеми, и, как и у всех остальных, мои сны в ту ночь заполонили видения Фив и тех далеких дней, когда Тан, Лострa и я были молоды и счастливы.

Со времени смерти Тана верховного командующего всеми войсками не было, и военный совет собрался на тайное совещание. Разумеется, я не был допущен на него, однако госпожа моя повторила мне каждое слово.

После долгих и горячих споров командовать войсками предложили Крату. Он встал перед присутствующими, наш седовласый и покрытый шрамами ветеран, и громко рассмеялся, сказав:

– Я простой воин, я привык следовать, а не вести за собой. Отдайте мне под командование шилуков, и я назову вам человека, за которым пойду и на жизнь, и на смерть. – Он обнажил меч и показал на царевича: – Вот человек, за которым я пойду. Да здравствует Мемнон! Да живет он вечно!

– Да живет он вечно! – закричали все, и госпожа моя улыбнулась. Мы с ней заранее организовали заседание совета так, чтобы оно дало нужный результат.

В возрасте двадцати двух лет царевича Мемнона возвели в звание Великого Льва Египта и командующего всеми войсками. Он сразу принялся за подготовку Возвращения.

Хотя по званию я был всего лишь царским конюшим, царевич назначил меня в свой военный совет. Он часто обращался ко мне за помощью в разрешении сложных проблем, которые вставали перед нами. Днем я правил его колесницей. Синие вымпелы развевались над нами, когда мы катились вдоль построившихся отрядов и выполняли с ними различные боевые построения.

Много ночей мы с царевичем и Кратом засиживались за кувшином вина, обсуждая Возвращение. Иногда в эти ночи царевна Масара прислуживала нам; она наливала в чаши вино своей грациозной темной ручкой. Потом садилась у ног Мемнона и слушала каждое слово, а когда наши глаза встречались, улыбалась мне.

Нашей главной заботой было избежать опасной и трудной проводки судов через пороги Нила. Преодолеть их можно было только во время половодья, а это затягивало наше путешествие.

Я предложил построить за пятым порогом новую флотилию барок. С их помощью мы перевезем войско на то место, откуда оно отправится по короткому пути в обход великой излучины реки. Когда мы придем на берег выше первого порога, построим новый отряд быстрых боевых ладей и барок, которые отвезут нас к Элефантине.

Я был уверен, что, точно рассчитав время, мы сможем быстро пройти порог и застанем гиксосов врасплох на якорных стоянках у Элефантины. Мы нанесем врагу серьезный удар и захватим корабли, усилив наш собственный боевой флот. Как только мы закрепимся на реке

ниже первого порога, проведем через порог пехоту и колесницы и сразимся с гиксосами на освободившихся от воды полях.

Первый этап Возвращения начался в первый день половодья. В Кебуи, который был нашей столицей уже много лет, мы решили оставить небольшой отряд. Кебуи становился пограничным торговым городком империи. Богатства Куша и Эфиопии потекут на север через его ворота.

Когда основная часть флота отправилась на север, мы с Гуи и пятьюстами конюхами и отрядом в сотню колесниц остались, чтобы дождаться возвращения гну. Они, как обычно, появились совершенно неожиданно, словно большая черная туча накрыла золотую травянистую саванну. Мы выехали к ним навстречу на колесницах.

Поймать этих некрасивых животных – дело простое. Мы догоняли их на колесницах и набрасывали петли на уродливые головы. Гну не могут сравниться с лошадьми в беге, и нрав у них не столь непокорный. Они недолго бьются на веревке и быстро смиряются со своей участью. За десять дней мы загнали в ограды на берегу Нила более шести тысяч гну.

Именно тогда мы убедились, насколько слабы эти животные. Они умирали сотнями без всякой причины. Обращались мы с ними ласково. Кормили и поили, и все же казалось, будто их бродячий нрав не выдерживал пленения, и они медленно угасали в наших загонах.

Мы потеряли более половины пойманных животных еще до начала путешествия, и многие из них умерли в пути.

Ровно через два года после того, как Лострa приказала начинать Возвращение, наш народ собрался на восточном берегу Нила выше четвертого порога. Перед нами лежали пустыня и путь через великую излучину реки.

В течение всего предшествующего года караваны повозок отправлялись в пустыню. Каждая из них везла глиняные кувшины, по горлышко заполненные нильской водой и запечатанные наглухо пробками, залитыми горячей смолой. Через каждые десять миль мы устраивали место водопоя на тропе. На каждом из них зарыли в песок тридцать тысяч кувшинов с водой, чтобы они не потрескались и не лопнули под горячими лучами солнца.

Нас было пятьдесят тысяч человек, и почти столько же животных, включая уменьшающееся стадо гну. Повозки с водой покидали берег реки каждый вечер, и трудам их, казалось, не будет конца.

На берегу реки мы дождались новолуния, чтобы растущая луна освещала нам путь в пустыне. Хотя мы и решили отправиться в путь в самое холодное время года, жара и горячее солнце будут нести смерть и людям, и животным. Мы сможем идти только по ночам.

За два дня до начала похода госпожа моя сказала:

– Таита, когда мы с тобой в последний раз ловили рыбу? Приготовь свои гарпуны.

Я понял, что она хочет обсудить со мной нечто важное. Мы спустились вниз по течению, и я привязал лодку к склонившейся над водой иве у противоположного берега реки, где любопытные не могли подслушать нас.

Сначала мы говорили о приближающемся переходе через пустыню и о возвращении в Фивы.

– Когда я снова увижу сверкающие стены родного города, Таита? – вздохнула моя госпожа. Я не мог точно сказать ей, когда это произойдет.

– Если боги будут добры к нам, мы достигнем Фив ровно через год, когда половодье Нила пронесет наши ладьи через порог. После этого судьба начнет играть нами, как шаловливые струйки реки играют легкой щепкой.

Однако, судя по всему, Лострa пригласила меня на реку не для этого разговора. Глаза ее наполнились слезами, и она спросила меня:

– Как давно Тана нет с нами, Таита?

– Он отправился в путешествие к западным полям рая более трех лет назад, госпожа моя. – Голос мой прервался, когда я ответил ей.

– А в объятиях его я не лежала на много месяцев больше, – удивленно и задумчиво произнесла она.

Я кивнул, не понимая, куда госпожа клонит.

– Он снился мне почти каждую ночь с тех пор, Таита. Мог ли он вернуться и оставить свое семя в моем чреве, пока я спала?

– Все возможно под небесами, – осторожно ответил я. – Мы же рассказали народу, каким образом были зачаты Техути и Беката. Однако, по правде говоря, мне о таком слышать не приходилось.

Некоторое время мы сидели молча. Лостра подставила руку под струю воды. Потом подняла ее и смотрела, как капли срываются с кончиков пальцев. И вдруг заговорила, отвернувшись:

– По-моему, у меня опять будет ребенок. Красный цветок моих месячных увял и засох.

– Госпожа, – тихо и мягко ответил я, – ты приближаешься к тому времени в своей жизни, когда воды твоего чрева начнут пересыхать. Наши египетские женщины расцветают быстро, как цветы пустыни, и так же быстро увядают.

Она покачала головой:

– Нет, Таита, я говорю о другом. Я чувствую, как ребенок растет во мне.

Я молча посмотрел на нее и вдруг снова почувствовал, как крылья несчастья скользнули надо мной, и холодок от их взмаха коснулся моих рук.

– Ты можешь не спрашивать меня, знала ли я другого мужчину после того. – На этот раз Лостра смотрела мне в глаза. – Тебе известно, что другого мужчины у меня не было.

– Да, мне это хорошо известно. И все же я не могу поверить в зачатие от призрака. Каким бы желанным и любимым ни было это привидение, желание иметь еще одного ребенка могло подействовать на твое воображение.

– Пощупай мое чрево, Таита. Там живое существо. Оно растет с каждым днем.

– Я сделаю это сегодня вечером в твоей каюте. Здесь, на реке, чужие глаза могут заметить нас.

Моя госпожа лежала обнаженной на простынях. Я сначала осмотрел ее лицо, а потом перешел к телу. Пока я смотрел на нее глазами мужчины, она по-прежнему оставалась для меня красавицей, но стоило мне взглянуть глазами врача, и я увидел, как годы и испытания в чужих краях состарили ее. В волосах было больше серебра, чем черноты, а годы и заботы царствования глубокими морщинами избороздили ее лоб.

Сосуд ее тела дал жизнь трем другим жизням. Однако груди теперь были пусты, их не наполняло молоко новой беременности. Лостра была худа. Мне следовало бы раньше заметить эту худобу, эту неестественную худобу, граничащую с истощением. Но живот ее торчал, словно бледный шар слоновой кости, такой большой по сравнению с худыми и стройными руками и ногами.

Я нежно положил руки на живот, на серебряные линии, оставшиеся на коже, когда она освободилась от радостной ноши. Я ощупал существо, поселившееся в ней, и понял, что это была не жизнь. Это была смерть.

Я не мог найти подходящих слов. Отвернулся и вышел на палубу ладьи. Я поднял глаза к небу и посмотрел на звезды. Их холодный свет лился с далекого неба. Как и богам, им не было до нас дела. Молить их было бесполезно, как и богов.

Я знал, что росло в чреве моей госпожи. Я ощупывал это в телах других женщин, а когда они умирали, вскрывал мертвые матки и видел, что убило их. Это было страшное бесформенное

существо, не имеющее ничего общего ни с человеком, ни с животным. Это бесформенный шар красной и свирепой плоти. Это творение Сета.

Прошло много времени, прежде чем я набрался мужества и вернулся в каюту.

Госпожа моя успела одеться. Она сидела на постели и смотрела на меня огромными темно-зелеными глазами, которые совсем не постарели. Смотрела на меня, как маленькая девочка, которую я знал много лет назад.

– Госпожа, почему ты не говорила мне о боли? – нежно спросил я.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она. – Я пыталась скрыть ее от тебя.

Наш караван отправился в пустыню при свете луны. Мы шли по серебряным пескам. Иногда госпожа моя шла рядом со мной, а обе принцессы играли вокруг нас и смеялись, радуясь новым приключениям. Временами, когда боли оказывались слишком сильными, госпожа моя ехала в повозке, которую я снабдил всем необходимым. Тогда я садился с ней рядом и держал ее за руку, пока порошок сонного цветка не начинал действовать и не приносил облегчения.

Каждую ночь мы переходили к следующему месту водопоя по дороге, пробитой тысячами повозок. В дневное время пережидали жару, дремля под навесами в иссушающем зное пустыни.

Мы шли тридцать дней и ночей, когда увидели на рассвете необычайное зрелище. Бестелесный парус плыл над пустыней, тихо перемещаясь к югу. Только пройдя много миль, мы поняли, в чем состоял обман зрения. Корпус ладьи скрывали берега Нила, а за песчаными дюнами река продолжала свой бесконечный бег. Мы пересекли излучину.

Царевич Мемнон со своими приближенными вышел к нам навстречу. Заканчивалось оснащение первой флотилии ладей. По дороге к реке мы видели парус одной из них. Каждую доску и каждую мачту для нашей флотилии изготовили на великих равнинах Куша и привезли сюда на повозках. Все колесницы были собраны. Гуи перегнал лошадей через пустыню и привез на повозках фураж. Даже мои гну ожидали меня в загонах на берегу. Хотя повозки и караваны с женщинами и детьми еще долго прибывали из пустыни, основная часть нашего народа уже завершила переход. Предприятие это казалось невероятным, а необходимые труды были поистине божественными по размерам. Только люди, подобные Крату, Ремрему и Мемнону, могли совершить их за столь короткое время.

Теперь только первый порог отделял нас от священной земли нашей родины.

Мы снова отправились на север. Госпожа моя плыла в новой барке, построенной специально для нее и царевен. Для Лостры сделали просторную каюту, которую я обставил со всей доступной для нас роскошью. Стены покрывало расшитое шерстяное полотно из Эфиопии, а мебель была изготовлена из черной древесины акации, инкрустированной слоновой костью. Выступающие части я украсил изображениями цветов, птиц и прочих прекрасных вещей.

Как обычно, я спал у подножия постели моей госпожи. Через три ночи после отплытия я вдруг проснулся. Она молча плакала. Хотя подушка заглушала всхлипы, меня разбудило движение в постели. Я сразу проснулся и подошел к ней:

– Боли вернулись?

– Я не хотела будить тебя, но боль, словно меч, пронзает мой живот.

Я сделал для нее настой сонного цветка крепче, чем когда бы то ни было. Боль начинала побеждать цветок.

Она полежала немного, а потом вдруг сказала:

– Ты мог бы вырезать эту штуку из моего тела?

– Нет, госпожа. Не могу.

– Тогда возьми меня на руки. Возьми меня на руки, как тогда, когда я была совсем маленькой.

Я взобрался на постель и взял Лострy на руки. Прижал к себе – худую и легкую, как ребенок. Я нежно укачивал ее, и через некоторое время она уснула.

Флотилия подошла ко входу в первый порог над Элефантиной и встала на якорь на широком плесе, где спокойные воды Нила еще не знали свирепой мощи стремнин и перепадов высот.

Мы подождали, пока все войско не нагонит нас с лошадьми, колесницами и языческими отрядами шилуков под командованием вельможи Крата. Мы ожидали также, когда поднимется вода и откроет нам путь через порог.

В ожидании половодья мы решили послать шпионов вниз по течению реки. Они нарядились крестьянами, жрецами, торговцами товаром и ушли в Египет. Вместе с Кратом я обошел ущелье порога и разметил пути через стремнины. Теперь, когда вода стояла низко, каждый камень был на виду. Мы разметили скалы намного выше уровня подъема воды, чтобы потом по этим знакам видеть, где прячутся опасные камни.

На эти труды ушло много недель. Когда мы вернулись на стоянку флотилии, там уже собралось все наше войско. Мы послали несколько разведывательных отрядов, чтобы найти путь для колесниц через каменистую пустыню. Нам не хотелось рисковать столь ценным грузом в бурных водах порогов.

Наши шпионы стали возвращаться из Элефантины. Приходили тайно, как правило, по одному, ночью. Они принесли нам первые вести с родины за многие годы изгнания.

Царь Салит по-прежнему правил страной, но он сильно постарел, борода стала совсем седой. Два его сына были самыми влиятельными людьми среди воинов гиксосов. Царевич Беон командовал пехотой, а царевич Апачан возглавлял отряды колесниц.

Могущество гиксосов превосходило наши предположения. Шпионы сообщали, что Апачан имеет в своем распоряжении двенадцать тысяч колесниц. Мы же смогли вывести из Куша только четыре тысячи. У Беона было сорок тысяч лучников и пехоты. Даже с шилуками Крата у нас набиралось не более пятнадцати тысяч. Количественно враг намного превосходил нас.

Были, правда, и хорошие вести. Большая часть войска гиксосов находилась в дельте, где Салит устроил в Мемфисе свою столицу. На перемещение войск к югу, к Элефантине и Фивам, потребуется много месяцев. Он не сможет провести колесницы вверх по течению, пока не спадет вода и не просохнет прибрежная равнина. Город Элефантину охранял небольшой отряд из ста колесниц. Все они были старого типа, со сплошными колесами. Оказалось, что гиксосы еще не успели усовершенствовать конструкцию колеса.

Царевич Мемнон изложил нам свой план действий. Мы пройдем через порог и захватим Элефантину, а затем, когда Салит выйдет к нам навстречу, пойдем на Фивы и поднимем народ Египта на восстание против захватчиков.

Следовало ожидать, что Салит со всем своим войском даст нам сражение на равнине у Фив, когда спадут воды Нила. К тому времени у нас будет возможность снизить превосходство врага за счет египетских войск, которые соберутся под наши флаги.

Мы узнали от шпионов, что гиксосы не подозревают о присутствии нашего освободительного войска в непосредственной близости от границы и что нам удастся застать врага врасплох. Мы узнали также, что Салит принял египетский образ жизни. Сегодня гиксосы жили в наших дворцах и поклонялись нашим богам. Даже их старый бог Сутех изменил свою внешность и имя и теперь звался Сетом, но оставался, как и прежде, главным богом.

Хотя все старшие командиры войска были гиксосами, многие сотники и десятники были набраны из египтян, половина простых воинов также были нашими соотечественниками. Большинство из них либо не успели родиться ко времени нашего ухода, либо были еще совсем младенцами. Интересно, кому будут верны они, когда царевич Мемнон поведет свое войско в Египет?

Теперь все было готово. Разведчики наметили дорогу по западному берегу, и повозки оставили воду в кувшинах и фураж по всей дороге для наших колесниц, чтобы они без труда прошли в плодородные земли Египта. Ладьи наши были оснащены, снабжены командами и готовы к бою. Когда поднимется вода в Ниле, мы пойдем вниз по течению, а пока нам оставалось совершить последний обряд.

Мы поднялись на вершину утеса, где высился обелиск, возведенный моей госпожой более двадцати лет назад. Стройный каменный палец, казалось, устремлялся в безоблачное голубое небо Африки.

Госпожа моя была слишком слаба и не могла сама взойти на вершину. Десять рабов несли ее в носилках, которые поставили перед обелиском. Тяжело опираясь на руку царевича Мемнона, она медленно подошла к колонне и подняла глаза на надпись, высеченную в граните. Весь наш народ смотрел на нее, все, кто пришел обратно, туда, откуда мы начали свое путешествие столько лет назад.

Госпожа прочла надпись вслух. Голос ее звучал тихо, но настолько мелодично, что я отчетливо слышал его со своего места за спинами знатных вельмож и военачальников.

> Я, царица Лостра, правительница Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона этого имени, и мать наследника короны, царевича Мемнона, который будет править обоими царствами после меня, приказала возвести этот монумент...

Когда она закончила чтение, то повернулась к своему народу и простерла к нему руки.

– Я сделала то, что требовал от меня долг, – сказала царица, и в голосе ее зазвучало подобие былой силы. – Я снова привела вас на границу вашей земли. Мой долг выполнен, и я слагаю с себя бразды правления. – Она сделала паузу, и на какое-то мгновение ее глаза встретились с моими над головами вельмож. Я подбодрил ее кивком, и царица продолжила: – Народ Египта! Тебе нужен истинный фараон, который возглавит египтян на пороге родного дома. Я даю вам божественного фараона Тамоса, того, кто был когда-то наследником короны Мемноном. Да живет он вечно!

– Да живет он вечно! – закричал народ, как один человек. – Да живет он вечно!

Фараон Тамос вышел вперед и повернулся к своему народу.

– Да живет он вечно! – крикнули все в третий раз. Фараон вынул из ножен голубой меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью и приветствовал им свой народ.

В последовавшей тишине голос Мемнона зазвенел, как металл, эхо подхватило его и понесло по ущелью, отражаясь от безводных красных скал.

– Я принимаю на себя этот священный долг. Я клянусь надеждой на вечную жизнь, что буду служить Египту и его народу до дня моей смерти. Я не пренебрегу своими обязанностями и призываю всех богов стать свидетелями моей клятвы.

Пришло половодье. Вода стала покрывать скалы, охранявшие вход в ущелье, и цвет воды в Ниле из зеленого стал серым. Порог зарычал, как потревоженный в берлоге зверь, туча брызг поднялась в небо над холмами.

Я поднялся на борт передовой ладьи с вельможей Кратом. Мы снялись с якоря и пошли по течению. Гребцы на скамейках разделись до набедренных повязок и не отрываясь смотрели на Крата, стоявшего на высокой кормовой надстройке и сжимавшего в огромных медведеподобных лапах рулевое весло.

На носу ладьи две команды моряков стояли с тяжелыми веслами наготове, чтобы под руководством царя отталкиваться от скал. Я разложил рядом с Кратом на палубе карту порога и

приготовился показывать повороты и изгибы фарватера. В этой карте не было необходимости, потому что я прекрасно помнил каждую линию на ней. Кроме того, я поставил надежных людей по краям ущелья и на островках посреди реки. Они будут показывать флажками, когда нужно поворачивать.

Течение ускорялось, я оглянулся в последний раз и увидел, как остальные ладьи нашей флотилии выстроились в кильватерную колонну и приготовились последовать за нами в порог. Когда я снова посмотрел вперед, то вдруг почувствовал, что живот у меня скрутило, как будто кто-то схватил мои кишки в кулак, и мне пришлось с усилием сжать ягодицы. Ущелье впереди нас дымилось на солнце, как врата ада.

С обманчивой медлительностью мы набирали ход вместе со струей воды. Гребцы едва касались воды веслами, чтобы направлять нос ладьи по течению. Мы шли ровно и мягко, словно стояли на месте. Только взглянув на берега, несущиеся мимо нас, я понял, с какой скоростью мы мчимся вперед. Прямо по носу поднимались скалистые врата ущелья. Тем не менее, только взглянув на ухмыляющуюся рожу Крата, я понял, насколько опасно наше предприятие. Такая ухмылка появлялась у него на лице тогда, когда смерть костлявым пальцем манила его за собой.

– Давайте, разбойники! – крикнул он гребцам. – Сегодня ваши матери будут гордиться вами. А если нет, у бальзамировщиков прибавится работы.

Три острова разрезали течение реки на узкие протоки.

– Возьми левее и правь на синий крест, – объяснил я Крату, стараясь говорить спокойно, и тут же почувствовал, как палуба наклонилась под моими ногами. Я вцепился в борт ладьи.

Мы понеслись вниз по стремительной струе, и нос ладьи тошнотворно накренился. Мне почудилось, будто мы уже потеряли управление, и я стал ждать страшного треска ломающейся палубы. Казалось, доски вот-вот разойдутся под моими ногами. Потом нос выпрямился, и синий крест возник перед нами на отвесной каменной скале.

– Круто бери вправо, как только поравняешься с флагом! – заверещал я и заметил человека на острове посредине реки, который сигналил нам флажками. Крат круто повернул рулевое колесо и закричал гребцам:

– Правая сторона – назад, левая – вперед!

Палуба резко накренилась, и мы вошли в поворот. Отвесная скала пронеслась мимо. Теперь мы мчались со скоростью галопирующей лошади. Еще один поворот, и мы увидели первую стремнину. Черные скалы встали впереди, вода горбом поднималась между ними. Поверхность воды повторяла форму каменистого дна, огромные стоячие волны пенились на нашем пути. За подводными камнями неожиданно открывались гладкие ровные протоки. Здесь воду закручивало вокруг подводных камней, и она взрывалась, поднимая в воздух белый шлейф пены, сквозь который скалы рычали на нас, обнажив черные клыки. У меня засосало под ложечкой, когда мы перепрыгнули через уступ и понеслись вниз по наклонному потоку. В конце перепада мы закружились, как стебелек травы в водовороте.

– Левая – вперед! – рычал Крат. – Вперед, пока яйца не лопнут!

Ладья выровнялась и вошла в следующий просвет между скалами. Белая пена брызнула на палубу и залила мне глаза. Вода шипела за бортом, устремляясь вместе с нами вниз по узкой стремнине, а стоячие волны у берега поднимались выше кормовой надстройки.

– Клянусь запаршивевшим брюхом Сета! Я не веселился так с тех пор, как впервые опрокинул чашу пива! – хохотал Крат. Скала бросилась на нас, как раненый слон.

Мы коснулись ее, и камни заскрипели по нашему днищу. Палуба задрожала под нашими ногами. От страха я потерял дар речи. Потом моряки Мемнона оттолкнули ладью от скалы, и мы помчались дальше.

Сзади я услышал оглушительный треск: одна из ладей налетела на скалу. Я не посмел оглядываться, выбирая путь по следующему проходу, но скоро обломки ладьи и головы тонущих усеяли поверхность воды. Они кричали нам что-то, но вода уносила их и била о скалы, а мы не могли спасти их. Смерть наступала нам на пятки, и мы мчались вперед, вдыхая ее запах.

За этот час я прожил сотню жизней и умер в каждой из них. Наконец нас выбросило из порога в главное русло. Из двадцати трех боевых ладей, вошедших в ущелье, только восемнадцать вышло вслед за нами. Остальные разбило в щепки, и трупы утонувших моряков плыли рядом с нами в серой воде Нила.

У нас не было времени праздновать спасение. Прямо перед нами лежал остров Элефантина, а на обоих берегах реки сверкали знакомые стены дворцов и храмов родного города.

– Лучникам натянуть тетиву! – приказал фараон Тамос с носа ладьи. – Поднять синий вымпел! Барабанщик, увеличить ритм до скорости атаки!

Наша маленькая флотилия врезалась в стаю кораблей, забивших реку вокруг Элефантины. Большинство из них были торговыми барками или транспортными ладьями. Мы миновали их, направляясь к боевым ладьям гиксосов. Захватчики набрали команды своих судов из египетских моряков, так как никто лучше их не знал реки. Только командиры ладей были гиксосами. Большинство из них сейчас находилось на берегу, они кутили в притонах у пристаней.

Шпионы сообщили нам, что флаг командующего флотилией – ало-золотой ласточкин хвост, такой длинный, что концы его свисают до воды. Мы направились прямо к ладье под этим флагом, и Мемнон ворвался на ее борт с двадцатью воинами.

– Долой тирана-гиксоса! – орали они. – Вставай за Египет!

Команда ладьи глазела на них, разинув рот от удивления. Мы застали их врасплох, и большая часть моряков оставалась без оружия. Оружие было заперто в помещении под палубой, потому что командиры-гиксосы не доверяли своей команде.

Каждая ладья нашей флотилии атаковала вражеское судно и захватила его. На всех реакция команд была одинаковой. Оправившись от изумления, они спрашивали, кто мы такие.

– Египтяне! – отвечали мы. – Мы войско истинного фараона Тамоса! Присоединяйтесь к нам, соотечественники. Долой тирана!

Они набросились на своих командиров-гиксосов и перерезали их раньше, чем мы успели опомниться. Потом кинулись обниматься с нашими моряками.

– За Египет! – кричали они. – За Тамоса! За Тамоса и за Египет!

Приветственные крики перекидывались с ладьи на ладью. Матросы плясали на бортах кораблей и лезли на мачты срывать вымпелы гиксосов. Сломали запоры на трюмах и раздавали друг другу луки и мечи.

Потом хлынули на берег. Вытаскивали гиксосов из кабаков и рубили их на мелкие кусочки так, что из придорожных канав в Нил потекла красная жижа. Побежали по улицам города к казармам и там напали на городскую стражу.

– За Египет и Тамоса! – кричали они. Некоторые командиры гиксосов сумели собрать своих людей и некоторое время держались в окружении этого сброда. Потом Крат и Мемнон вышли на берег со своими бывалыми воинами, и через два часа город был у нас в руках.

Гиксосы бросили большую часть своих колесниц, но около половины отряда спаслось через восточные ворота, и теперь они скакали по насыпи, соединявшей город с сухой каменистой пустыней.

Я сошел на берег и побежал по знакомым переулкам к северной башне на стенах города. Я знал, что оттуда лучше всего виден город и окружающие равнины. С горечью смотрел я на бегство отряда колесниц. С каждым из убежавших придется сражаться, а мне были нужны ло-

шади. Я уже хотел отвернуться и посмотреть на город, когда увидел маленький столбик пыли у южных холмов.

Я загородил глаза от солнца и пригляделся. Сердце мое забилось быстрее от радости. Столбик пыли быстро приближался. Я разглядел темные силуэты под ним.

– Клянусь Гором! Это Ремрем! – с восхищением прошептал я. Старый воин сумел невероятно быстро провести отряд колесниц по тяжелой дороге через каменистую пустыню. Мы расстались с ним всего два дня назад.

С профессиональной гордостью я увидел, как первый отряд, двигавшийся колонной по четыре колесницы, начал выстраиваться в боевой порядок. Мы с Гуи хорошо обучили их. Они превосходно выполнили построение, и теперь Ремрем мчался во фланг гиксосов. Половина вражеских колесниц еще не спустилась с насыпи. Командир отряда врага, казалось, не заметил атаки боевых колесниц, и фланг его остался без защиты. Похоже, все время оглядывался назад.

В последний момент он попытался развернуть отряд и грудь к груди встретить Ремрема, но было поздно. Лучше бы попытался бежать. Колесницы Ремрема могучей волной хлынули на гиксосов и смели отряд врага, как половодье Нила смывает мусор с его берегов. Я наблюдал за боем, пока не убедился, что Ремрем поймал большую часть лошадей гиксосов, и только тогда вздохнул с облегчением и повернулся к городу.

Горожане обезумели от радости. Люди плясали на улицах и размахивали первыми попавшимися тряпками синего цвета. Синий цвет – цвет фараона Тамоса. Женщины вплетали в волосы синие ленты, а мужчины надевали синие пояса и повязывали синие браслеты на запястья.

Кое-где еще продолжался бой, но постепенно последних гиксосов перерезали или стащили со зданий, которые они пытались защищать. Только в казарме несколько сот воинов заперлось изнутри. Их пришлось поджечь. Я слышал вопли горящих людей, и скоро запах жженого мяса донесся до меня. Казалось, где-то жарят свинину.

Разумеется, в городе начались грабежи, и некоторые еще державшиеся на ногах горожане стали врываться в кабаки и винные лавки и вытаскивать прямо на улицы кувшины с вином. Когда случайно кувшин с вином проливали, люди становились на четвереньки и лакали из луж, как собаки.

Внизу трое мужчин погнались за девушкой по переулку. Когда они поймали ее, бросили на землю и сорвали юбку. Двое прижали к земле плечи, а третий оседлал. Я не стал смотреть, чем это кончится.

Как только Мемнон и Крат уничтожили последние очаги сопротивления гиксосов, они стали наводить порядок в городе. Отряды дисциплинированных войск трусцой бегали по улицам и древками боевых копий, как дубинами, приводили в чувство пьяных и бредящих горожан.

Мемнон приказал повесить на месте преступления горстку пойманных мародеров, грабивших дома и насиловавших женщин, а затем их трупы прибили ногами кверху у городских ворот. К наступлению ночи в городе восстановился порядок, и приличные люди снова могли без опаски ходить по улицам.

Мемнон разместился во дворце фараона Мамоса, который был когда-то нашим домом на Элефантине. Как только я ступил на берег острова, то поспешил в наши старые покои в гареме.

Комнаты были по-прежнему роскошно обставлены и избежали разграбления. Человек, который занимал их, с уважением отнесся к моим фрескам. Водный садик весь зарос великолепными растениями, а пруды были полны рыбы и лотосов. Египетский садовник сказал, что здесь жил командир отряда стражи гиксосов. Он восхищался образом жизни египтян и пытался подражать нам. Я благодарен ему за это.

За несколько дней я привел покои и сад в необходимое состояние, и теперь они снова могли принять мою госпожу. После этого я отправился к Мемнону за разрешением привезти царицу домой.

Царь был поглощен заботами по управлению царством. Тысячи разных проблем требовали решения, но он оставил их на некоторое время и обнял меня.

– Все идет хорошо, Тата.

– Со счастливым возвращением, ваше величество, – ответил я. – Но у нас еще столько дел.

– По моему царскому повелению, когда мы с тобой будем оставаться наедине, как сейчас, ты будешь по-прежнему называть меня Мем, – улыбнулся он мне. – Однако ты прав, дел у нас очень много, а времени – мало. Скоро Салит со своим войском направится сюда из дельты. Мы победили в первой маленькой стычке. Нас еще ожидают великие сражения.

– Мем, мне хотелось бы выполнить одну обязанность, которая доставит мне огромную радость. Я приготовил покои для царицы-матери. Могу ли я отправиться вверх по реке и привезти ее домой, в Элефантину? Царица так давно ожидала мгновения, когда она снова ступит на землю Египта!

– Отправляйся немедленно, Тата. И привези с собой царицу Масару.

Вода в реке еще стояла высоко, а дорога по пустыне была слишком трудна. Около сотни рабов несли носилки двух цариц по узким тропам вдоль берега Нила через ущелье порога и дальше по долине.

Это не было совпадением, когда первым египетским зданием, встретившимся нам на пути, оказался маленький храм. Я специально выбрал эту дорогу.

– Что это за святилище, Таита? – спросила госпожа, отодвинув занавеску на носилках.

– Это храм бога Ак Гора, госпожа. Не желаешь ли ты помолиться здесь?

– Благодарю тебя, – прошептала Лострa. Она поняла, что я задумал. Я помог ей сойти с носилок, и, тяжело опираясь на мою руку, госпожа вошла со мной в прохладные сумерки каменного храма.

Мы молились вместе, и я был уверен, что Тан слышит голоса двух людей, которые любили его больше всех на этом свете. Прежде чем покинуть храм, госпожа приказала отдать жрецам все золото, которое было у нас с собой, и обещала прислать еще на содержание и украшение святилища.

Силы ее иссякли, когда мы наконец добрались до дворца на Элефантине. С каждым днем существо в утробе становилось все больше, высасывая силы из тела. Я уложил госпожу на ложе в беседке в водяном садике. Она закрыла глаза и некоторое время лежала молча. Потом открыла их и нежно улыбнулась мне.

– Когда-то мы были здесь счастливы. Но увижу ли я Фивы до своей смерти?

Я не смог ответить ей. Что толку давать обещания, которые не мне придется выполнять.

– Если я умру раньше, обещаешь ли ты отвезти меня туда и построить мне гробницу в холмах, откуда мне будут видны прекрасные Фивы?

– От всей души обещаю тебе выполнить это.

В последующие дни мы с Атоном восстановили старую сеть шпионов и осведомителей в Верхнем царстве. Многие из тех, кто работал на нас раньше, умерли, но многие остались живы. Обещанием золота и патриотическими речами мы смогли завербовать более молодых осведомителей в каждом городе и в каждой деревушке Египта.

Очень скоро у нас появились шпионы во дворце сатрапа-гиксоса в Фивах и в других городах к северу до самой дельты и Нижнего царства. От них мы узнали, где размещаются отряды гиксосов и каково их боевое снаряжение, куда и каким образом они отправляются.

Мы узнали о численности врага, об именах и грешках его командиров. Получили точные сведения о количестве боевых ладей и колесниц. Как только воды Нила начнут спадать, мы сможем проследить за продвижением на юг и на Фивы огромного войска и армады боевых колесниц царя Салита.

Я отправлял тайные послания от имени фараона Тамоса египтянам, завербованным в войско врага, и подстрекал их к мятежу. Они начали тоненькими струйками просачиваться по тропкам вдоль реки и приносили с собой более свежие и ценные сведения. Скоро тоненькая струйка дезертирства из войска гиксосов превратилась в полноводную реку. Два отряда лучников пришли под синими знаменами при полном вооружении. Они кричали:

– За Египет и Тамоса!

Команды сотни боевых ладей подняли мятеж и перебили своих командиров-гиксосов. А когда пошли вверх по реке, чтобы соединиться с нами, то пригнали с собой целый флот торговых барок, захваченных в портах Фив. Барки эти были доверху нагружены зерном, маслом, солью, вином и деревом – товарами, которые кормят войну. К этому времени все наши войска преодолели пороги и разместились в городе, за исключением маленького стада домашних гну. Их я оставил напоследок. Со своего наблюдательного поста на вершине северной башни я видел лагеря наших конных отрядов, протянувшиеся на многие мили по обоим берегам реки. Дым, поднимавшийся от костров, на которых готовили пищу, окрашивал воздух в голубой цвет.

С каждым днем силы наши росли, а по всему Египту распространялось бурное брожение. Пьяный аромат свободы наполнял грудь египтян. Кемет как страна словно переживала второе рождение. На улицах и в кабаках пели патриотические песни, а блудницы и виноторговцы жирели.

Мы с Атоном разглядывали карты и читали тайные донесения, и постепенно перед нашими глазами начала появляться несколько иная картина. Гигант гиксос стряхнул с себя дремоту и протянул в нашу сторону вооруженный кулак. Его отряды двигались на нас из Мемфиса и каждого города Нижнего царства. Дороги были запружены колесницами Салита, а река заполнена ладьями, и все это гигантское войско шло на юг, к Фивам.

Я дождался, пока вельможа Апачан, командующий колесницами гиксосов, дошел до Фив и встал лагерем за городскими стенами со всеми своими колесницами и лошадьми. Потом отправился на заседание верховного совета к фараону Тамосу.

– Ваше величество, я пришел сообщить вам, что враг собрал у Фив сто двадцать тысяч лошадей и двенадцать тысяч колесниц. Через два месяца вода в реке спадет, и Апачан отправится в поход против нас.

Даже у Крата лицо стало серьезным.

– Попадали мы и в худшие переделки... – начал было он, но царь оборвал его:

– Я вижу по лицу царского конюшего, что он еще не все поведал нам. Я прав, Таита?

– Фараон всегда прав, – подтвердил я. – Я прошу вашего позволения привести своих гну из-за порога.

Крат рассмеялся:

– Клянусь лысиной Сета, Таита, не собираешься ли ты запрячь своих забавных зверюшек в колесницы и пойти воевать с гиксосами?

Я вежливо посмеялся вместе с ним – его чувство юмора недалеко ушло от чувства юмора шилуков, которыми он командовал.

Следующим утром мы с Гуи отправились вверх по реке за нашими гну. К этому времени из стада в шесть тысяч голов осталось только три сотни несчастных животных, и они стали совсем ручными. Их можно было кормить с рук. Мы неторопливо погнали их на север, чтобы не загнать до смерти.

Лошади, которых Ремрем захватил в первом коротком бою с колесницами гиксосов, содержались по моему приказу отдельно от других лошадей, пригнанных нами из Куша. Мы с Гуи привели гну на одно пастбище с этими лошадьми, и после первых беспокойных минут животные стали мирно пастись рядом. Той же ночью мы загнали лошадей гиксосов и гну в один загон. Я оставил Гуи наблюдать за ними, а сам отправился во дворец на острове Элефантина.

Должен признаться, что все последующие дни чувство неуверенности и беспокойства не оставляло меня. Я верил в успех своей хитрости, но зависела-то она от природного явления, которое я до конца не понимал. Если бы хитрость нам удалась, мы могли бы не бояться мощного удара конницы врага, которая вчетверо превосходила нашу.

Я засиделся допоздна с Атоном и уснул за своими свитками в библиотеке, когда вдруг почувствовал, что чьи-то руки трясут меня, и голос Гуи раздался в ушах:

– Просыпайся, ленивый мошенник! Просыпайся, у меня есть новости для тебя.

Лошади ждали нас у пристани. Мы поспешили к ним и вскочили в седла, как только ступили на берег. Мы мчались галопом по освещенной луной дороге, и лошади в пене принесли нас в лагерь. Конюхи зажгли светильники и работали в загонах при их слабом свете.

Семь лошадей гиксосов уже лежали на земле, и густой гной тек у них изо рта и ноздрей. Конюхи делали надрезы и вставляли камышовые трубки, чтобы спасти лошадей от удушья.

– Сработало! – закричал Гуи, грубо обнял меня и начал плясать вместе со мной. – Желтый душитель! Сработало! Сработало!

– Я же говорил, что так и будет! – со всем достоинством, на какое был способен в такой дикой пляске, ответил я. – Разумеется, сработало!

Много недель назад мы приготовили барки и поставили их у берега. Сразу погрузили на них лошадей, тех, что еще держались на ногах. Гну мы оставили в загоне. Было бы трудно объяснить их присутствие там, куда мы направлялись.

Захваченные у гиксосов боевые ладьи тащили на буксире наши барки. Мы вышли на стрежень и повернули на север. С каждого борта ладьи пятьдесят весел пенили воду – мы спешили в Фивы с подарком для вельможи Апачана.

Как только мы прошли Ком-Омбо, спустили синий флаг и подняли знамена, захваченные у гиксосов. Большинство моряков ладей, которые буксировали барки, родились уже в правление гиксосов, а некоторые даже происходили из смешанных семей и бегло говорили на языке чужеземцев.

Через две ночи к северу от Ком-Омбо нас остановила ладья гиксосов. Они подошли к борту и послали небольшой отряд для осмотра груза.

– Лошади для колесниц вельможи Апачана, – объяснил им кормчий. Его отец был гиксосом, а мать – знатной египтянкой. Вел он себя естественно и убедительно. После беглого осмотра нас пропустили. Прежде чем мы достигли Фив, нас еще два раза останавливали и осматривали, но каждый раз кормчему удавалось обмануть гиксосов.

Больше всего меня тревожило состояние наших лошадей. Несмотря на наши отчаянные усилия, они начали умирать, а половина живых были в плачевном состоянии. Трупы лошадей мы выбрасывали за борт и спешили на север.

Первоначально я собирался продать лошадей гиксосам в порту, но ни один человек, разбирающийся в лошадях, не станет даже смотреть на таких жалких тварей. Мы с Гуи решили действовать иначе.

Мы так подгадали время прибытия в Фивы, что солнце уже садилось. Сердце мое отзывалось болью всякий раз, когда я узнавал знакомые места. Стены цитадели светились розовым светом в последних лучах солнца. Три стройные башни, построенные мною для вельможи Интефа, по-прежнему указывали в небо – недаром их прозвали «Пальцы Гора».

Дворец Мемнона стоял на западном берегу. Он не был достроен, и гиксосы переделали его. Даже мне пришлось признать, что азиатское влияние может быть благотворным. В закатном свете шпили и дозорные башни придавали дворцу таинственное и экзотическое настроение. Как бы мне хотелось, чтобы госпожа моя могла разделить со мной этот момент возвращения домой. Мы оба так давно мечтали об этом – больше половины ее жизни.

Темнело быстро, но в сгущающихся сумерках мы разглядели огромное скопление лошадей, колесниц и повозок за стенами города. Хотя я и получил точные сведения о количестве гиксосов, глаза мои отказывались верить тому, что было перед нами. Сердце мое дрогнуло при виде гигантского стана – я вспомнил маленькое храброе войско, оставшееся в Элефантине.

Да, нам потребуется благосклонность богов и большая удача, чтобы одержать победу над такой армадой. Когда последние лучи солнца затерялись в ночи, костры гиксосов расцвели и замерцали на равнине, как огромное поле звезд. Им не было конца. Они простирались насколько хватало глаз.

Когда мы подплыли поближе, почувствовали их запах. Стоящее войско распространяет вокруг себя специфический аромат. Он состоит из множества отдельных запахов: от дыма костров, на которых готовится пища, до свежего запаха сена, аммиачного запаха лошадей, вони человеческих отбросов и испражнений, кожи, смолы, лошадиного пота, древесных опилок и прокисшего пива, и над всем этим витает запах десятков тысяч людей, которые живут бок о бок в хижинах или землянках.

Мы плыли дальше, и звуки доносились до нас с берега по гладкой, отражающей звезды воде. Мы молчали и слушали фырканье и ржание лошадей, звон кузнечных молотов, оклики часовых, пение, ругань и смех множества людей.

Я стоял рядом с кормчим передней ладьи и показал ему небольшой причал на восточном берегу, где когда-то торговали деревом у самых городских стен. Если пристань была на месте, там удобнее всего выгрузить на берег наш табун.

Я нашел проход к пристани, и мы на веслах подошли к ней. Здесь все осталось по-прежнему. Как только мы причалили, начальник пристани суетливо взобрался на борт ладьи и потребовал разрешения на торговлю.

Я завертелся вокруг него с льстивой, раболепной улыбкой.

– Ваше высокопревосходительство, случилось нечто ужасное. Мое разрешение на торговлю унес ветер. Это все проделки Сета, без всякого сомнения.

Начальник надулся, как рассвирепевшая жаба, и снова сдулся, когда ощутил тяжесть золотого кольца в своей ладони. Он попробовал металл на зуб и с улыбкой ушел.

Я послал одного из конюхов на берег пригасить факелы, освещавшие пристань. Мне не хотелось, чтобы любопытные зеваки разглядели, в каком состоянии наши лошади. Некоторые из них оказались настолько слабы, что не могли встать, другие спотыкались и хрипели, а вонючий гной и слизь текли из их ртов и ноздрей. Нам пришлось надеть уздечки на всех лошадей и долго уговаривать их сойти с барки на пристань. В конце концов лишь сотня лошадей отправилась на берег вместе с нами.

Мы повели их по выбитой повозками дороге высоко над рекой, где, по сообщениям наших шпионов, располагались основные силы конницы гиксосов. Шпионы снабдили нас также паролем первого отряда колесниц, а знатоки языка среди наших отвечали на оклики стражи.

Мы провели лошадей вдоль всего лагеря врага. По дороге начали отпускать животных по одному или маленькими группами, и они уходили к лошадям каждого из двадцати отрядов гиксосов. Мы шли так спокойно и естественно, что никто не заподозрил дурного: даже болтали и шутили с конюхами и погонщиками гиксосов.

Когда небо на востоке загорелось первыми лучами рассвета, мы, усталые, вернулись к пристани, где сошли на берег. Только одна ладья ожидала нас, так как остальные ушли обратно на юг, как только избавились от своего груза.

Мы поднялись на борт ладьи. Гуи и остальные конюхи повалились спать прямо на палубе, а я остался стоять на корме и смотрел, как стены прекрасных Фив удаляются от меня, омытые чистым утренним светом.

Десять дней спустя мы вошли в порт Элефантины. Сообщив обо всем фараону Тамосу, я поспешил в водяной сад гарема. Госпожа моя лежала в тени беседки. Она была так бледна и худа, что руки мои едва не задрожали, когда я кланялся ей. Лостра заплакала, когда увидела меня.

– Мне не хватало тебя, Таита. У нас осталось так мало времени.

Вода начала спадать, и Нил постепенно возвращался в русло. Поля освобождались от воды, покрывшись свежей черной грязью. Дороги начали просыхать, открывая путь на север. Скоро настанет пора пахоты и войны.

Мы с Атоном беспокойно ждали сообщений из стана врага, тщательно изучая послания наших шпионов. Наконец получили нужные вести, которых так ждали и о которых молили богов. Быстрая ладья принесла их на крыльях северного ветра. Она причалила к пристани в третью ночную стражу, но мы с Атоном засиделись при свете светильников, и гонец застал нас в его покоях.

Я поспешил к царю с грязным кусочком папируса в руках. Стража получила приказ пропускать меня в любое время, но царица Масара остановила меня у занавешенной двери в спальню царя.

– Я не позволю тебе разбудить его. Царь устал. Он впервые за весь месяц лег поспать.

– Ваше величество, я должен видеть его. У меня строжайший приказ...

Пока мы спорили, низкий молодой голос позвал меня из-за занавески:

– Это ты, Таита?

Занавеска отодвинулась, и царь встал передо мной во всей своей величественной наготе. Мужчина он был красивее многих, стройный и крепкий, как клинок голубого меча, и все части его мужского тела были настолько величественны, что я в его присутствии еще больнее чувствовал свое убожество.

– Что случилось, Тата?

– Сообщение с севера, из лагеря гиксосов. Ужасное поветрие обрушилось на ряды конницы гиксосов. Половина лошадей уже пала, тысячи других заболели страшной болезнью и умирают каждый день.

– Ты колдун, Тата. Как могли мы смеяться над тобой и твоими гну! – Он схватил меня за плечи и посмотрел мне в глаза: – Ты готов ехать со мной навстречу славе?

– Готов, фараон!

– Так запрягай Утеса и Цепь и поднимай синий вымпел над нашей колесницей. Мы возвращаемся домой, в Фивы.

И вот мы встали перед городом ста ворот с четырьмя отрядами колесниц и тридцатью тысячами пехоты. Орда царя Салита расположилась перед нами, однако из-за спин множества врагов «Пальцы Гора» манили нас, и стены Фив сияли перламутром в лучах рассвета.

Огромное войско гиксосов лежало перед нами, как чудовищная свернувшаяся змея, где колонна стояла за колонной, ряд за рядом. Наконечники копий блестели на солнце, золотые шлемы командиров сверкали в утренних лучах.

– Где же Алачан и его колесницы? – спросил фараон, и я посмотрел на тот «палец Гора», который стоял ближе к реке. Мне пришлось напрячь зрение, чтобы различить маленькие цветные лоскутки, двигавшиеся на башне.

– Апачан разместил пять отрядов в центре и шесть в резерве. Они прячутся за стенами города.

Я прочел сигналы шпиона, которого поставил на самую высокую из трех башен. Оттуда он сможет наблюдать за ходом сражения с высоты птичьего полета.

– Пять отрядов и шесть отрядов. Получается одиннадцать, Тата, – проворчал царь.

– А желтый душитель? – откликнулся я. – Он вывел на поле боя всех лошадей, какие еще держатся на ногах.

– Клянусь Гором, было бы хорошо, если бы ты оказался прав. Надеюсь, Апачан не приготовил нам какой-нибудь сюрприз. – Он коснулся моего плеча. – Однако кости брошены, их уже поздно менять. Мы должны сыграть эту партию так, как позволили боги. Поехали на смотр.

Я взял вожжи и выкатил свою колесницу перед войском. Царь показывал себя воинам. Его присутствие придаст им силы и бодрость. Я быстрой рысью вел колесницу вдоль передних рядов. Утеса и Цепь вычистили и расчесали им гривы, их шкуры блестели при солнечном свете, как полированная медь. Царскую колесницу украсили тонким золотым листом. Это была единственная уступка, на которую я согласился в своем стремлении к легкости.

Кузнецы молотками выковали лист тоньше папируса, и колесница потяжелела всего на сотню дебенов, однако вид у нее был ошеломляющий. Враг ли, друг ли смотрел на нее, у него не возникало сомнений, что перед ним колесница фараона, и в одних это вселяло мужество, а на других наводило страх. На высоком и гибком бамбуковом древке развевался синий вымпел, и воины приветствовали нас, когда мы проезжали мимо них.

В тот день, когда мы оставили Кебуи и началось Возвращение, я дал обет не стричь волос до тех пор, пока не принесу жертву в храме Гора в центре Фив. Теперь волосы мои отросли до пояса, седые пряди я закрасил хной, завезенной из земель, расположенных за рекой Инд. Огненно-золотая грива оттеняла мою красоту до совершенства. Я надел простую накрахмаленную юбку из белейшего полотна, а на груди у меня сверкало «Золото похвалы». Я не хотел отвлекать внимание от молодого фараона, поэтому не использовал грим и другие украшения.

Мы проехали мимо отряда шилуков-копейщиков. Великолепные кровожадные язычники, как скала, держали центр нашего войска. Они приветствовали нас криками: «Каян! Тан! Каян! Тамос!» Страусовые перья их головных уборов волновались, как буруны порогов, когда они поднимали к небу копья, приветствуя нас. В самой гуще черных воинов я увидел Крата, он что-то кричал. Его слова потонули в реве десятков тысяч голосов, но я прочел по губам: «Мы с тобой еще напьемся до рвоты в Фивах, старый хулиган».

Шилуки расположились в глубину ряд за рядом и отряд за отрядом. Крат неустанно обучал их борьбе с колесницами – я помог ему разработать приемы. Помимо длинных пик, у каждого черного воина была связка дротиков и палка с кожаной петлей для их метания. Перед собой они вставили в землю заостренные деревянные колья, которыми ощетинились передние ряды. Колесницам гиксосов придется прорываться через этот колючий барьер, чтобы добраться до них.

Египетские лучники расположились позади, готовые пробежать вперед между их рядами или отступить назад, как того потребует ход сражения. Они высоко подняли свои изогнутые луки и закричали фараону:

– Тамос! За Египет и Тамоса!

Фараон надел синюю военную корону с золотым кольцом уреи надо лбом и золотыми головами стервятника и кобры, знаками союза двух царств, глаза которых были выполнены из драгоценных камней. Он отвечал на приветствия, поднимая голубой меч.

Мы развернулись перед левым флангом, но, прежде чем отправиться обратно, Мемнон остановил меня, положив руку на плечо. Некоторое время мы вместе осматривали поле боя. Гиксосы уже двинулись вперед. Их передние ряды были вдвое длиннее наших.

– Как гласит твой трактат, Тата, – сказал он, – «осторожно обороняйся, пока враг не увязнет в сражении, а затем стремительно и смело атакуй».

– Ты хорошо запомнил урок, господин.

– Без всякого сомнения, нас охватят с флангов, и Апачан сразу бросит в бой пять отрядов колесниц.

– Я согласен с тобой, Мем.

– Но мы знаем, что нужно делать, правда, Тата? – Он хлопнул меня по плечу, и мы отправились назад, туда, где позади пехоты стояли наши отряды колесниц.

Ремрем возглавлял первый отряд, Аст – второй, а вельможа Акер – третий. Гуи только что присвоили звание лучшего из десяти тысяч, и теперь бывший сотник командовал четвертым. Два отряда шилуков охраняли наш обоз и запасных лошадей.

– Посмотри-ка на этого старого гончего пса. – Мемнон кивнул в сторону Ремрема. – Так и рвется вперед. Клянусь Гором, еще до заката я научу его терпению.

Мы услышали звуки труб в центре наших войск.

– Начинается. – Мемнон протянул руку вперед, и мы увидели темные ряды колесниц гиксосов, приближающиеся к нам в туче пыли. – Да, Апачан пустил на нас свои колесницы.

Он посмотрел на наши отряды. Ремрем поднял меч.

– Я готов, ваше величество! – горячо воскликнул заслуженный воин, но Мемнон словно не заметил его и дал знак вельможе Акеру. Третий отряд пошел следом за нами колонной по четыре колесницы. Сам фараон вел его.

Колесницы гиксосов тяжело и величественно катились на нас, нацеленные на центр наших войск. Мемнон повел отряд наперерез врагу, и тонкая колонна протянулась между ордой и нашей пехотой. Потом по его знаку все развернулись грудью к врагу и понеслись вперед. Маневр казался самоубийственным и бессмысленным, как нападение хрупкой деревянной лодки на скалу в порогах Нила.

Когда мы сошлись, лучники стали пускать стрелы в лошадей гиксосов. В их рядах образовывались просветы, когда подбитые животные валились на землю, опрокидывая колесницы. В самый последний момент линия наших колесниц рассеялась, как дымок. Наши возницы воспользовались превосходством в маневренности и скорости и, избежав столкновения с гиксосами, свернули в появившиеся бреши. Они пронеслись сквозь строй врага. Однако не все наши колесницы спаслись, некоторые были разбиты и перевернулись. Вельможа Акер вывел из боя четыре колесницы из каждых пяти.

Наш отряд прошел сквозь строй гиксосов, развернулся, снова построился в одну линию и галопом понесся за врагом, догоняя его сзади и пуская стрелы с сокращающегося расстояния.

Колесницы гиксосов защищали воинов только спереди, а наши лучники пускали в них стрелы сзади. В рядах врага воцарился хаос, когда его колесничие попытались отбить нападение с тыла. Пытаясь развернуться, в плотном строю некоторые возницы сталкивались с соседями. Ужасные колесные ножи рубили ноги упряжек, и те с криком и визгом валились на землю.

Гиксосов охватила паника, и именно в этот момент египетские лучники в первый раз выпустили стрелы из-за спин шилуков; они тучей поднялись в небо и обрушились на врагов. Как только это произошло, мы отвернули в сторону по приказу Мемнона, не дожидаясь, пока налетим вместе с гиксосами на заостренные колья. Половина вражеских лошадей была покалечена их страшными остриями. Тех же, кто сумел пробиться через ограду из заостренных кольев, встретил рой дротиков из рядов шилуков. Напарываясь на колья под градом стрел и дротиков, лошади пугались, начинали биться в упряжках и вставать на дыбы.

Сохранившие управление колесницы ринулись на ряды шилуков, но не встретили никакого сопротивления. Черные воины разошлись, пропуская их, и снова сомкнули ряды.

Черные стройные дьяволы были прирожденными акробатами. Они прыгали на подножки несущихся колесниц сзади и убивали колесничих кинжалами и копьями. Их ряды проглотили первую атаку колесниц, как медуза поглощает серебристую сардинку тысячей рук своего аморфного тела.

Копейщики гиксосов двинулись было вслед за колесницами, однако теперь остались без защиты. Вырвавшиеся из упряжек лошади и уцелевшие колесницы отступали через их ряды, и им приходилось расступаться, чтобы пропустить своих. На какое-то время они беспорядочно столпились в середине поля, и Мемнон умело воспользовался моментом.

Лошади вельможи Акера устали, и Мемнон отвел его отряд в резерв. Мы с ним сменили упряжку. Конюхи за несколько мгновений высвободили из упряжи Утеса и Цепь и привели запасных лошадей. В тылу у нас оставалось еще шесть тысяч свежих лошадей. «Интересно, сколько лошадей гиксосов уцелело от желтого душителя, сколько свежих упряжек сохранили они?» – подумал я.

Когда мы снова выкатились к передним рядам, Ремрем отчаянно заорал:

– Ваше величество! Первый! Пустите первый отряд!

Фараон не обратил на него внимания и дал знак Асту. Второй отряд на рысях пошел в бой за нашей колесницей.

Пехота гиксосов все еще в беспорядке толпилась посредине поля. Ряды растянулись широко, чтобы охватить наши войска, но строй их теперь уже не был плотным и ровным. Они изогнулись и кое-где разошлись. Опытным глазом воина Мемнон выбрал самое слабое место в расположении: выступ на левом фланге.

– Второй отряд! Рысью, вперед! Колоннами по восемь! Марш!

Мы обрушились на выступ в расположении гиксосов. Колонна за колонной по восемь колесниц в ряд налетали на пехоту, сметая ее на своем пути. Левый фланг врага изогнулся, отступая, а правый по-прежнему двигался вперед. Ряды растягивались. Центр грозил разорваться надвое в любую минуту, и Мемнон, перегруппировав третий отряд на полном галопе, послал его на центр.

Когда мы приближались к рядам врага, я посмотрел на город. Облако пыли почти скрывало «Пальцы Гора», но я успел разглядеть два белых флажка на вершине башни. Это был предупредительный сигнал – я обернулся и посмотрел на восточные ворота города.

– Господин! – крикнул я и показал рукой назад. Царь посмотрел, куда я показывал, и увидел, как первый отряд колесниц гиксосов выходит из-за городских стен. Остальные последовали за ним, как колонна черных муравьев.

– Апачан бросает в бой резервы, чтобы спасти пехоту! – крикнул Мемнон, стараясь перекричать шум боя. – Еще мгновение, и он ударил бы нам во фланг. Отлично, Таита.

Нам пришлось оставить в покое пехоту, и мы, развернувшись грудью к врагу, понеслись на колесницы Апачана. Мы мчались на них по полю боя, усеянному разбитыми и перевернутыми колесницами, брошенными стрелами и дротиками, мертвыми и умирающими людьми и лошадьми. Когда мы начали сходиться, я привстал на подножке и посмотрел вперед. В движении вражеских колесниц было что-то необычное, и я не сразу понял, в чем дело.

– Господин! – закричал я. – Посмотри на лошадей! Они запрягли больных животных!

Грудь передних упряжек покрывал блестящий слой желтого гноя, струившегося изо рта и ноздрей. На моих глазах одна лошадь споткнулась и повалилась на землю, потянув за собой вторую.

– Сладчайшая Исида! Ты прав. Их лошади падут, так и не доскакав до нас, – ответил Мемнон. Он сразу увидел, что нужно делать, и с природной проницательностью воина и умением управлять войском развернул атакующие колесницы и в последний момент ушел от прямого столкновения с врагом.

Наш строй развернулся, подобно лепесткам распускающегося цветка, и помчался назад, к своей пехоте, уводя за собой колесницы врага и заставляя больных, задыхающихся лошадей скакать за нами из последних сил.

Мы неслись перед ними плотным строем. Их же ряды начали извиваться и распадаться на части. Более слабые лошади падали на землю, словно сраженные стрелами. Некоторые упряжки просто замедляли бег и останавливались, опустив головы, и гной тек на землю из лошадиных ртов блестящими желтыми жгутами.

К этому времени лошади отряда вельможи Акера уже выдохлись. Они выдержали две атаки подряд. Все еще преследуемый остатками отряда Апачана, Мемнон отвел их к расположению четвертого отряда Гуи, который стоял рядом с первым.

– Фараон! Первый отряд готов! Веди нас в бой! Во имя всех богов, веди нас в бой! – бессильно буйствовал Ремрем.

Мемнон даже не взглянул в его сторону. Я развернул колесницу рядом с Гуи. Несколько конюхов освободили из упряжи обливающихся потом лошадей и привели свежую пару. Пока уставший отряд вельможи Акера проходил мимо нас, мы развернулись в сторону приближающихся гиксосов.

– Ты готов, сотник Гуи? – крикнул ему Мемнон, и Гуи вместо ответа поднял лук.

– За Египет и Тамоса! – закричал он.

– Вперед, в атаку! – смеясь, крикнул Мемнон, и наши лошади рванулись с места.

Все шесть отрядов колесниц Апачана рассеялись по широкому полю. Половина колесниц вышла из строя, лошади либо пали, либо бессильно стояли, задыхаясь от гноя. Большинство упряжек едва передвигало ноги, спотыкаясь и хрипя. Однако многие колесницы еще могли вести бой.

Мы встретили их грудь к груди. В центре строя гиксосов мчалась высокая колесница, украшенная сверкающей бронзой. В колеснице стоял мужчина такого роста, что он, словно башня, возвышался за спиной возницы. На голове у него был высокий золотой шлем царского рода гиксосов, а черная борода, заплетенная цветными ленточками, развевалась по ветру, как стая красивых бабочек над цветущим кустом.

– Апачан! – окликнул его Мемнон. – Ты покойник.

Апачан услышал его и нашел глазами золотую колесницу в строю египтян. Он повернул в нашу сторону и понесся навстречу. Мемнон коснулся моего плеча:

– Подвези меня к этому бородатому борову. Пора поработать мечом.

Пока мы сближались, Апачан выпустил в нас две стрелы. Одну Мемнон отбил щитом, а от другой я увернулся, ни на секунду не отвлекаясь от управления упряжкой. Я внимательно следил за ужасными вращающимися ножами на колесах Апачана. Они могли перерубить ноги моим лошадям.

Мемнон с легким скрежетом вынул голубой меч из ножен у меня за спиной, и уголком глаза я заметил блеск клинка, когда он приготовился к бою.

Я повернул головы лошадей направо, чтобы сбить с толку возницу-гиксоса, но как только они начали поворачивать, мгновенно рванул их в другую сторону. Я сумел объехать колесные косы совсем близко, а затем резко свернул к колеснице врага. Свободной рукой схватил абордажный крюк и перебросил его через борт вражеской колесницы. Теперь наши колесницы сцепились в одно целое, но я добился преимущества, так как мы стояли сзади гиксоса.

Апачан развернулся и попытался рубануть меня мечом, но я упал на колени и уклонился от удара, а Мемнон отбил удар своим щитом и взмахнул голубым клинком. Бронзовая стружка полетела от клинка Апачана, он, не веря своим глазам, сердито заорал и закрылся щитом от следующего удара голубого клинка.

Апачан был превосходным фехтовальщиком, но и ему было далеко до моего царя и голубого меча. Мемнон разрубил его щит на мелкие кусочки, а потом сильно рубанул по бронзовому клинку, когда Апачан попытался прикрыть им голову. Голубой клинок перерубил бронзу начисто, и у Апачана в руке осталась одна рукоять.

Он широко раскрыл рот и заревел. Задние зубы его были черными и гнилыми, слюна облаком полетела мне в лицо. Мемнон классическим колющим ударом закончил бой. Он вонзил острие голубого меча в открытый рот Апачана. Сердитый рев врага захлебнулся в потоке алой крови, хлынувшей из заросшей пасти.

Я обрубил веревку на абордажном крюке, и колесница гиксоса рванулась прочь. Лошадьми никто не правил, они понеслись, виляя из стороны в сторону, вдоль рядов бьющихся колесниц. Апачан вцепился в передок колесницы и продолжал стоять, умирая. Поток крови лился у него изо рта, заливая доспехи на груди.

Это зрелище вселило ужас в сердца вражеской конницы. Она попыталась выйти из боя на своих больных, спотыкающихся лошадях, но наши воины ехали рядом на своих колесницах и швыряли дротики. Мы преследовали врагов по всему полю, пока они не подошли на расстояние полета стрелы к своим лучникам, град стрел вынудил нас отвернуть.

– Битва еще не окончена, – предупредил я Мемнона, когда мы шагом поехали назад. – Мы разгромили колесницы Апачана, но пехота Беона еще цела.

– Отвези меня к Крату, – приказал фараон.

Я остановил колесницу перед плотным строем отряда шилуков, и Мемнон окликнул Крата:

– Бодр ли ты, вельможа?

– Боюсь, мой господин, что ребятки мои уснут на поле боя, если для них скоро не найдется работы.

– Так пусть же споют нам песню и пойдут поищут себе забаву.

Шилуки двинулись вперед. Шли строенным шаркающим шагом и через каждый третий шаг с такой силой одновременно ударяли мозолистыми пятками по земле, что она дрожала. Запели своими глубокими и мелодичными голосами, и песня их напоминала гул разозленного роя черных пчел. Приближаясь к врагу, стучали копьями по кожаным щитам.

Пехота у гиксосов была дисциплинированной и храброй – они не смогли бы захватить полмира, если бы у них не было таких войск. Мы разгромили колесницы, но пехота стойко ждала отряд Крата за стеной бронзовых щитов.

Два войска сошлись, как бойцовые быки в храме. Черные и белые быки сцепились рогами и начали сражение грудь к груди, копье к копью.

Пока два войска пехоты дубасили друг друга, фараон отвел свои колесницы в сторону и время от времени, выбрав момент, смело бросал их в бой, как только видел слабое место в расположении врага. Едва справа от нас образовался отсеченный от основного войска очаг сопротивления гиксосов, он послал на него отряд Акера, который уничтожил пехоту двумя стремительными атаками. Когда вельможа Беон попытался подвести подкрепление своему войску, фараон направил Аста с пятьюстами колесницами, чтобы остановить его.

Гиксосы собрали все уцелевшие колесницы и всех держащихся на ногах лошадей и бросили их против нашего правого фланга. Мемнон отправил им навстречу отряды Гуи и Аста, и атака захлебнулась. Ремрем по-прежнему стоял на месте, проклиная все на свете, умолял фараона и топал ногами около колесницы, но Мемнон не обращал на него никакого внимания.

Мы с фараоном кружили по полю боя и следили за каждым изменением в ходе сражения. Он вводил запасные части именно туда, где они были больше всего нужны, и настолько точно угадывал момент, что было видно: такому искусству нельзя научиться. Казалось, кровь сражения пульсировала в его жилах и жизнь его текла с ней.

В самые горячие моменты сражения я пытался отыскать Крата глазами. Много раз терял его и боялся, что он пал в бою, но потом шлем его снова появлялся, правда, страусовых перьев на нем поубавилось, а на бронзе появились брызги крови.

Именно там, в центре, где Крат бился с гиксосами, враги начали поддаваться. Сначала их отступление походило на тоненькую струйку воды, прорывающуюся сквозь земляную плотину, потом строй растянулся и стал выпячиваться в сторону Фив. Задние ряды воинов валились с ног под давлением передних.

– Клянусь любовью Гора и сочувствием всех богов, Тата. Вот мгновение нашей победы! – Мемнон увидел это раньше меня.

Мы помчались туда, где все еще ждал своего часа Ремрем, и фараон окликнул его:

– Ты готов, вельможа Ремрем?

– Я готов с самого утра, но я не вельможа.

– Ты смеешь спорить со своим царем? Теперь ты вельможа. Центр врага сломлен, бери колесницы и гони его до самого Мемфиса!

– Да живешь ты вечно, фараон! – взревел вельможа Ремрем и прыгнул в свою колесницу. Он повел за собой отряд. Лошади у них были свежие и сильные, а от долгого ожидания боевой дух бил через край.

Они обрушились на правый фланг гиксосов. Колесницы разрезали строй пехоты без малейшей задержки, развернулись и понеслись на центр врага с тыла. Именно в этот момент наша чаша весов окончательно перевесила, и гиксосы были сломлены. Еще несколько мгновений, и они побежали.

Они потекли к воротам города, но даже шилуки Крата слишком устали и не могли преследовать их. Стояли по колено в грудах убитых и смертельно раненных, опершись на копья, и смотрели вслед гиксосам. Вот тогда и проявился гений Мемнона. Он специально держал в запасе первый отряд колесниц. Свежий отряд помчался за бегущими врагами, и я увидел, как меч Ремрема поднимается и опускается с ужасающей ритмичностью.

Когда первые гиксосы достигли ворот города, те захлопнулись перед их носом. Мои шпионы и агенты сделали свое дело. Население Фив подняло мятеж, и город был наш. Его население закрыло ворота перед разбитыми войсками гиксосов.

Ремрем преследовал отступающих до самой ночи, пока не устали его лошади. Он гнал их тридцать миль, и каждая пядь дороги на север была усеяна брошенным оружием, обломками доспехов и телами убитых врагов.

Я направил золотую колесницу фараона к главным воротам города, и он, привстав, крикнул часовым на башне:

– Открывайте ворота, пропустите меня!

– Кто требует пропустить его в Фивы?

– Я, Тамос, правитель обоих царств Египта.

– Да здравствует фараон! Да живешь ты вечно!

Ворота распахнулись, и Мемнон сказал мне:

– Правь в город, Таита.

Я повернулся к нему:

– Простите, ваше величество. Я дал обет, что не вступлю в город без своей госпожи, царицы Лостры. Я должен отдать вам вожжи.

– Сойди с колесницы, – мягко приказал он. – Иди! Привези свою госпожу и выполни свой обет.

Он взял вожжи из моих рук, и я спустился на пыльную дорогу. Я видел, как он въехал на колеснице в ворота, и приветственные крики толпы зарокотали по ту сторону стены, как бур-

ные воды Нила, прорывающиеся через пороги в половодье. Народ Фив приветствовал своего царя.

Я стоял у дороги и смотрел, как наше войско, изможденное и обескровленное битвой, входило в город вслед за фараоном. Я увидел, какой дорогой ценой мы заплатили за нашу победу. Мы не сможем преследовать гиксосов до тех пор, пока не восстановим войско. К этому времени царь Салит снова соберется с силами, а его лошади оправятся от желтого душителя. Мы выиграли первый бой, и я понимал, что нам предстоит множество кровопролитных сражений перед тем, как тиран будет изгнан с нашей земли.

Я поискал Крата в рядах шилуков, но его там не было.

Гуи приготовил мне свежих лошадей и колесницу.

– Я поеду с тобой, – предложил он, но я покачал головой.

– Один я поеду быстрее, – сказал я. – Отправляйся в Фивы и празднуй наше торжество. Тысяча хорошеньких девушек ждет тебя в родном городе.

Прежде чем отправиться на юг, я поехал на поле битвы. Шакалы и гиены уже начали свой пир, приготовленный нашими руками, и их рычание и вой сливались со стонами умирающих. Мертвые тела лежали грудами, как мусор, остающийся на берегу реки после спада воды.

Я повел колесницу туда, где видел Крата в последний раз. Эта часть поля ужасала больше всех остальных. Груды трупов поднимались до высоты колеса. Я увидел его шлем на размокшей от крови земле. Я сошел с колесницы и поднял его. Гребень с него сбило, а медь была измята и продырявлена тяжелыми ударами.

Я отбросил шлем и начал искать тело Крата. Увидел его ногу, которая торчала, как ветвь гигантской акации, в куче мертвых тел. Шилуки и гиксосы лежали здесь вместе, заключив перемирие смерти. Я растащил трупы и увидел наконец Крата. Он лежал на спине. Черная свернувшаяся кровь пропитала одежду и доспехи, волосы слиплись, а лицо походило на черную засохшую маску. Я встал с ним рядом на колени и тихо прошептал:

– Неужели им всем суждено умереть? Неужели всем, кого я по-настоящему люблю, суждено умереть? – Я наклонился и поцеловал окровавленные губы.

Он вдруг сел и уставился на меня. Потом губы растянулись в широкой мальчишеской ухмылке.

– Клянусь козявкой в ноздре Сета! Вот была драка! – заявил старый воин вместо приветствия.

– Крат! – обрадовался я. – Ты и правда будешь жить вечно.

– И не сомневайся в этом, парень. А сейчас мне нужно смочить горло.

Я побежал к колеснице и принес фляжку с вином. Он поднял ее на расстоянии вытянутой руки и вылил красное вино прямо себе в глотку. Когда фляжка опустела, отбросил ее в сторону и рыгнул.

– Ну вот, для начала хватит. – И подмигнул мне. – А теперь покажи мне, где тут ближайший кабачок, старый развратник!

Я нес весть о победе на Элефантину быстрее любой ладьи, идущей против течения. Я ехал в колеснице один, и лошади легко мчали меня. На каждой станции менял лошадей и скакал вперед без малейшей задержки. Пока конюхи меняли упряжку, я брал у них фляжку вина, корку хлеба и кусок сыра и ни разу не остановился поспать или передохнуть.

Ночью звезды и луна освещали дорогу, и Гор держал вожжи в моих усталых руках, поэтому со мной ничего не случилось, хотя все тело болело и меня шатало от усталости.

У каждой деревни по дороге я кричал радостную весть:

– Победа! Большая победа! Фараон восторжествовал у Фив! Гиксосы побеждены!

– Хвала всем богам! – кричали мне в ответ. – За Египет!

Так я мчался вперед. До сих пор на дороге рассказывают о моей поездке. Люди говорят о худом ездоке с налитыми кровью глазами, в запыленной одежде, покрытой пятнами засохшей крови, и длинными волосами, развевающимися по ветру. Это был вестник победы, который мчался к Элефантине. Битва у Фив была первой на пути Египта к свободе.

Я проехал из Фив до Элефантины за два дня и две ночи, и, когда добрался до дворца, у меня едва хватило сил добрести до беседки в водном саду, где возлежала моя госпожа. Я бросился на землю у ее ложа и прохрипел:

– Госпожа, – губы мои растрескались от жажды и пыли, – фараон одержал большую победу. Я вернулся, чтобы отвезти тебя домой.

Мы плыли вниз по течению к Фивам. Царевны плыли с нами, чтобы матери было веселее. Они сидели на палубе, сочиняли стишки, загадки и смеялись, но в смехе их слышалась печаль, а в глазах появлялась глубокая тревога, когда они смотрели на госпожу.

Царица Лострa была слабой, как раненая птица. На костях ее, казалось, не осталось плоти, а кожа стала прозрачной, как перламутр. Я мог поднять ее на руки и носить так же легко, как носил когда-то десятилетнюю девочку. Порошок сонного цветка больше не успокаивал боль, которая, будто клещами гигантского краба, разрывала живот.

Я отнес ее на нос ладьи, когда из-за поворота появились наконец прекрасные Фивы. Придерживал рукой за плечи. Мы стояли и смотрели на знакомые места, с радостью вспоминая тысячи веселых случаев из нашей юности.

Однако это скоро утомило ее. Когда мы причалили у пристани дворца Мемнона, добрая половина жителей Фив пришла встретить царицу. Во главе огромной толпы стоял фараон Тамос.

Когда рабы вынесли ее на берег на носилках, люди приветствовали ее криками. Хотя большинство присутствующих не видело Лострy раньше, легенда о доброй царице жила в их сердцах долгие годы изгнания. Матери поднимали детей на руках и тянулись за благословением к бледной руке, бессильно свисавшей с носилок.

– Помолись за нас Хапи, – умоляли они. – Помолись за нас, Мать Египта.

Фараон Тамос шел рядом с носилками, как сын простолюдина, а Техути и Бекатa шли следом за ним. Обе царевны радостно улыбались, но слезы алмазами блестели на их ресницах.

Атон приготовил царице покои. У дверей я отослал всех прочь, даже царя. Я положил госпожу на ложе под густой виноградной лозой, откуда она могла смотреть через реку на сверкающие стены ее возлюбленных Фив. Когда опустилась темнота, я отнес Лострy в спальню. Лежа на полотняных простынях, она посмотрела на меня:

– Таита, можешь ли ты в последний раз обратиться к лабиринтам Амона-Ра ради меня?

– Госпожа, я ни в чем не могу отказать тебе.

Я почтительно склонил голову и вышел, чтобы принести сундучок.

Я примостился на каменном полу у ее кровати, скрестив ноги. Она смотрела, как я готовил травы. Я размолол их в алебастровой ступке и подогрел воду в медном кувшине.

Я поднял дымящуюся чашу с настоем и выпил в честь госпожи.

– Благодарю тебя, – прошептала она. Я осушил чашу и закрыл глаза, ожидая появления такого знакомого ужасного ощущения, будто я падаю в нереальный мир снов и видений.

Когда я вернулся, лампы шипели и дымились, а во дворце стояла тишина. Ни звука не доносилось с реки и из спящего города на том берегу. Только сладкая трель соловья в саду да легкое дыхание госпожи, возлежавшей на шелковых подушках, слышались в комнате.

Мне почудилось, что она спит, но как только я поднял дрожащую руку и вытер отвратительный холодный пот со своего лица, Лострa открыла глаза.

– Бедный Таита, неужели тебе было так плохо?

Мне было хуже, чем когда бы то ни было. Голова раскалывалась, а окружающие предметы плыли перед глазами. Я понял, что больше никогда не смогу обратиться к лабиринтам. Это случилось в последний раз, и сделал я это только для нее.

– Я видел, как стервятник и кобра стояли по разные стороны реки, разделенные ее водами. Я видел, как вода поднялась и опустилась сто раз. Я видел сто снопов хлеба, и сто раз птицы пролетели над рекой. Под ними я видел пыль сражений и блеск мечей. Я видел, как дым горящих городов смешивался с пылью, поднимаемой колесницами.

Я видел, как кобра и стервятник сошлись на совет. Они совокупились и свернулись в одно целое на полотне чистейшего синего шелка. Над городскими стенами развевались синие знамена.

Я видел синие знамена над колесницами, которые мчались по всему миру. Я видел памятники, такие высокие и могучие, что они будут стоять десять тысяч лет. Я видел, как народы пятидесяти стран склонялись перед ними. – Я вздохнул и потер виски, чтобы успокоить бьющуюся в них боль. – Таково было мое видение.

Мы оба довольно долго молчали, а потом госпожа моя сказала:

– Сто лет пройдет, прежде чем оба царства объединятся. Сто лет войн и трудов ожидают страну, прежде чем гиксосы будут изгнаны с ее священной земли. Это будет тяжелое время для моего народа.

– Но народ наш объединится под синим знаменем, и цари твоей династии завоюют весь мир. Все страны земли будут поклоняться им, – истолковал я для нее вторую часть видения.

– Я рада этому, – вздохнула она и уснула.

Я не спал, потому что знал: я еще нужен ей.

Лостра проснулась снова за час до рассвета, в самое темное время ночи.

– Какая боль! Милостивая Исида, какая боль!

Я приготовил чашу настоя сонного цветка. Через некоторое время она сказала:

– Боль ушла, но теперь мне холодно. Возьми меня на руки, согрей меня.

Я взял ее на руки и прижал к себе. Она уснула. Проснулась еще раз, когда первые робкие лучи рассвета проникли в спальню с террасы.

– Я любила только двух человек в своей жизни, – прошептала Лостра, – и ты был одним из них. Может быть, в следующей жизни боги будут добрее к нашей любви.

Я не нашелся что ответить ей. Она закрыла глаза в последний раз. Ушла тихо, оставив меня одного. Последний вздох был не громче предыдущего, но я почувствовал, как губы моей госпожи похолодели, когда я поцеловал их.

– Прощай, госпожа моя, – прошептал я. – Прощай, душа моя.

Я написал эти свитки за семьдесят дней и ночей обряда бальзамирования царицы. Это моя последняя дань госпоже.

Прежде чем гробовщики забрали Лостру у меня, я сам сделал ей надрез в левом боку, как и Тану. Я вскрыл чрево и вынул из него того страшного демона, который убил ее. Это была тварь из плоти и крови, но в ней не было ничего человеческого. Когда я бросил ее в огонь, я проклял эту тварь и поганого бога Сета, который вложил смерть в чрево моей госпожи.

Я приготовил десять кувшинов из алебастра для этих свитков. Я оставлю их с ней. Я сам, своей собственной рукой пишу фрески в ее гробнице. Это лучшее из всего, что когда-либо выходило из-под моей кисти. Каждый мазок исполнен любви.

Как бы мне хотелось остаться с Лострой навеки в этой гробнице. Я устал и от горя не хочу больше жить. Но у меня остались две царевны и царь.

Я нужен им.

От автора

Пятого января 1988 года Дураид ибн Аль-Симма из департамента древностей Египта вскрыл гробницу на западном берегу Нила в Долине знати. Ранее в этой гробнице раскопки не проводились по той причине, что в седьмом веке над ней была построена мусульманская мечеть. Только после долгих и сложных переговоров религиозные власти разрешили провести раскопки.

Уже войдя в коридор, который вел к погребальной камере, доктор Аль-Симма увидел чуднейшие фрески, покрывавшие стены и потолок. Фрески эти оказались самыми изысканными и красочными из всех, какие ему приходилось встречать за долгие годы исследования древних памятников.

По его словам, он сразу понял, что сделал значительную находку, так как среди иероглифов на стенах выделялось имя египетской царицы, еще не зафиксированное в истории Египта.

Волнение и острое чувство предвкушения удачи усиливались по мере приближения к погребальной камере. Однако надежды рассыпались в прах, как только он увидел, что печати на входе повреждены и кто-то уже взламывал его. В древние времена могилу ограбили, саркофаг и все сокровища исчезли.

Тем не менее доктору Аль-Симме удалось достаточно точно датировать гробницу. Ее запечатали в смутные для Египта времена, когда вся страна примерно в 1780 году до н.э. попала под власть кочевников. В последующие сто лет оба царства постоянно воевали друг с другом. Документов этого периода почти не сохранилось, но в конце столетнего хаоса появилась династия царевичей и фараонов, которые в конце концов изгнали гиксосов и правили Египтом в период величайшей его славы. Мне доставляет радость мысль о том, что кровь Лостры, Тана и Мемнона текла в их жилах.

Почти через год после вскрытия гробницы, когда помощники доктора Аль-Симмы копировали и фотографировали фрески на стенах, отвалился кусок штукатурки, и их взглядам открылась тайная ниша, в которой стояли десять запечатанных алебастровых ваз.

Когда доктор Аль-Симма обратился ко мне за помощью в обработке свитков, содержащихся в вазах, меня охватило смешанное чувство. С одной стороны, я был польщен, с другой – его просьба вызывала у меня некоторые опасения. Я, разумеется, не обладаю достаточными профессиональными знаниями для чтения подлинных манускриптов, написанных иератическим письмом. Эту работу в каирском музее проделала международная группа египтологов.

Доктор Аль-Симма попросил меня переписать манускрипт так, чтобы он был доступен для современного читателя. Именно с этой целью я включил в книгу некоторые анахронизмы. Местами, например, я использовал сравнительно современные меры длины и веса – мили и унции, а также воинские звания. Я позволил своим героям употреблять такие слова, как «джинн», «гурия», «хулиган», которых Таита не мог знать, но которые, по моему убеждению, могли бы появиться в речи, если бы были частью его словарного запаса.

Вскоре после начала работы над текстами опасения мои улетучились, и я с увлечением начал следить за судьбами людей, описанных древним автором. Хотя нас и разделяют тысячелетия, я очень привязался к рабу Таите, несмотря на все его хвастовство и тщеславие.

Меня до сих пор не оставляет мысль о том, насколько постоянны оказались чувства и надежды людей, так мало изменившиеся за прошедшие века. В глубине души у меня горит искорка страсти кладоискателя, потому что где-то в горах Абиссинии у истоков Голубого Нила скрывается неизвестная и не вскрытая еще гробница египетского фараона.

Чародей

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо, бесценному сокровищу моей жизни, с бесконечной любовью и искренней признательностью за благословенные годы нашей совместной жизни.

Я прошу читателей помнить, что «Чародей» – художественное произведение. Многие места, описанные мной, действительно существуют, но некоторых никогда не было, или, по крайней мере отдельные, например Аварис, давно потеряны и забыты. Галлала – именно такой случай. Источник Таиты тысячу лет назад высох, а затем землетрясение разрушило город до основания.

Точно так же большинство персонажей в книге вымышлены – даже Таита жил только в моем воображении.

Уилбур Смит

Подобно развертывающей кольца змее, цепь боевых колесниц стремительно вилась по дну глубокой долины. Держась за передний щит ведущей колесницы, мальчик смотрел вверх на обступившие их утесы. Отвесная скала, будто сотами, была пронизана зияющими входами в могилы древних. Темные отверстия глядели на него как беспощадные глаза легиона джиннов. Принц Нефер Мемнон содрогнулся и стал смотреть вдаль, украдкой сложив пальцами левой руки знак, отвращающий зло.

Он оглянулся на колонну и увидел, что со следующей колесницы сквозь клубящиеся облака пыли на него смотрит Таита. Пыль тонким слоем покрыла старика и его колесницу, и луч солнечного света, проникший до дна этой глубокой долины, блестел на частицах слюды так, что Таита, казалось, светился, будто воплощение одного из богов. Нефер виновато склонил голову, устыдившись того, что старик заметил его мимолетный суеверный страх. Никому из принцев крови Дома Тамоса не пристало выказывать подобную слабость, особенно ему, сейчас, когда он стоит на пороге зрелости. Однако Таита знал его как никто другой, ведь, наставник Нефера с самого младенчества, он был ближе к принцу, чем родители или кровные братья. Выражение лица Таиты никогда не менялось, но даже издалека взгляд его стариковских глаз, проникал Неферу в самую душу. Видящий все, понимающий все.

Нефер опять отвернулся и встал в полный рост рядом с отцом, который щелкал вожжами и подгонял лошадей длинным кнутом. Внезапно долина впереди открылась в большой амфитеатр, где лежали холодные развалины города Галлала. При первом же взгляде на знаменитое поле битвы Нефер затрепетал. Таита еще молодым человеком сражался здесь, когда полубог Тан, господин Харраб, уничтожил темные силы, угрожавшие Египту. Это случилось более шестидесяти лет назад, но Таита поведал принцу о битве во всех подробностях и столь живо, что Нефер будто сам присутствовал там в тот роковой день.

Отец Нефера, бог и фараон Тамос, подвел колесницу к россыпи камней от разрушенных ворот и остановил лошадей. Позади сто колесниц одна за другой в точности повторили маневр, и колесничие спустились с площадок, чтобы напоить лошадей. Когда фараон открыл рот, намереваясь заговорить, пыль, покрывавшая его лицо, стала крошиться на щеках и осыпаться по груди.

– Мой господин!

В ответ фараон приветствовал Великого Льва Египта, господина Нага, командующего его войском и любимого друга.

– Прежде чем солнце коснется вершин, мы должны оказаться далеко отсюда. Я хочу совершить ночной переход к Эль-Габару.

Синяя военная корона на голове Тамоса мерцала от слюдяной пыли, а глаза с крошечными влажными комочками грязи в уголках были налиты кровью, когда он взглянул на Нефера.

– Вас с Таитой я оставлю здесь.

Хотя Нефер знал, что возражать бесполезно, он все-таки решил: попытка не пытка. Войско шло на врага. Замысел фараона Тамоса был таков: двинуться в обход к югу через Большие Барханы и найти путь между горькими натровыми озерами, чтобы напасть на врага с тыла и пробить в центре его войска брешь, в которую могли бы хлынуть египетские легионы, собранные и ожидающие на берегу Нила напротив Абнуба. Тамос объединил бы два войска и, прежде чем враг оправится, погнал бы его мимо Тель эль-Даба и захватил вражескую цитадель Аварис.

Это был смелый, блестящий план; его осуществление позволило бы одним ударом завершить войну с гиксосами, бушевавшую на протяжении жизни двух поколений.

Нефера учили, что смысл его существования на этой земле – сражение и слава. Но даже в его нынешнем возрасте, четырнадцати лет, и то и другое пока ускользало от него. Он же всей душой стремился мчаться рядом с отцом к победе и бессмертию.

Протест не успел сорваться с губ принца: фараон опередил его.

– Что есть первая обязанность воина? – спросил он мальчика.

Нефер опустил глаза.

– Повиновение, великий, – тихо и неохотно ответил он.

– Всегда помни об этом. – Фараон кивнул и отвернулся.

Нефер чувствовал себя отвергнутым и брошенным. В его глазах была боль, верхняя губа дрожала, но пристальный взгляд Таиты заставил принца взять себя в руки. Мальчик поморгал, прогоняя слезы, глотнул воды из меха, висевшего на поручне сбоку колесницы, и повернулся к старому Магу, бойко тряхнув густыми, покрытыми спекшейся пылью кудрями.

– Покажи мне памятник, Тата, – приказал он.

Странная пара зашагала через скопление колесниц, мужчин и лошадей, запрудивших узкую улицу разрушенного города. Раздетые донага из-за сильной жары, два десятка солдат спустились по глубоким шахтам к древним колодцам и по цепочке передавали на поверхность ведра со скудными остатками горьковатой влаги. Когда-то эти колодцы вдосталь снабжали водой богатый густонаселенный город, безраздельно господствовавший на торговом пути от Нила к Красному морю. Затем, столетия назад, землетрясение разрушило водоносный слой и перекрыло подземный поток. Город Галлала обезлюдел от недостатка воды. Теперь ее едва хватало, чтобы утолить жажду двухсот лошадей и наполнить мехи, прежде чем колодцы иссякнут.

Таита вел Нефера по узким переулкам мимо храмов и дворцов, ныне населенных только ящерицами и скорпионами, пока они не достигли пустынной центральной площади. Посреди этой площади стоял памятник господину Тану и его победе над полчищами разбойников, которые едва не истребили самую богатую и могущественную нацию на земле. Памятник представлял собой внушающую ужас пирамиду из человеческих черепов, скрепленных вместе; перед ней стоял маленький храм из красных каменных плит. Более тысячи черепов, оскалив зубы, глядели на мальчика, когда он читал вслух надпись на каменном портике: «Наши отрубленные головы свидетельствуют о битве, в которой мы пали здесь от меча Тана, господина Харраба. Да прославят деяния этого могущественного повелителя мощь богов и праведных в грядущих поколениях. Так провозглашено в четырнадцатом году правления бога фараона Мамоса».

Сидя на корточках в тени памятника, Таита наблюдал за принцем. Тот двинулся в обход пирамиды и через каждые несколько шагов останавливался, уперев руки в бедра, желая изучить ее со всех сторон. Хотя лицо Таиты оставалось невозмутимым, в его глазах читалась любовь к этому мальчику. Она брала начало в жизнях двух других людей. Первой была Лостра, царица Египта. Таита, евнух, был оскоплен после возмужания и когда-то любил женщину. Из-за увечья любовь Таиты была чиста, и он щедро изливал ее на царицу Лостру, бабушку Нефера. Это была любовь столь всепоглощающая, что и теперь, спустя двадцать лет после смерти Лостры, она составляла основу его существования.

Другим источником любви Таиты к Неферу был Тан, господин Харраб, в честь которого воздвигли этот памятник. Таите он был дороже брата. Лостра и Тан давно умерли, но их кровь щедро смешалась в жилах этого мальчика. От их незаконного союза родился ребенок, который ныне вырос, стал отцом принца Нефера и фараоном Тамосом и теперь вел войско на колесницах, доставивших их сюда.

– Тата, покажи, где вы захватили главаря грабителей. – Голос Нефера срывался от волнения – и оттого, что принц вступил в пору взросления. – Здесь? – Он побежал к разбитой стене на южной стороне площади. – Расскажи мне эту историю еще раз.

– Нет, не здесь. На той стороне. – Таита поднялся и на длинных и тонких, как у аиста, ногах зашагал к восточной стене. Он посмотрел на рассыпающуюся вершину пирамиды. – Негодяя звали Шуфти, и был он одноглазым и уродливым, как бог Сет. Он попытался сбежать с поля боя и полез через стену вон там. – Таита наклонился, поднял из обломков половинку кирпича и внезапно швырнул ее вперед. Она перелетела через высокую стену. – Я раскроил ему череп, убил одним ударом.

Хотя Нефер знал силу старика не понаслышке, а о мощи и выносливости Таиты ходили легенды, принц дивился тому удару. «Он стар, как горы, старше моей бабушки – ведь он и ее растил, – изумился Нефер. – Говорят, он видел двести разливов Нила и лично участвовал в постройке пирамиды». Он громко спросил:

– Ты отрубил ему голову, Тата, и положил ее на ту груду? – Он указал на зловещий памятник.

– Вы знаете эту историю не хуже меня, ведь я рассказывал ее вам сто раз. – Таита притворялся, будто из скромности не хочет расхваливать собственные подвиги.

– Расскажи опять! – потребовал Нефер.

Таита сел на каменный блок, а Нефер в счастливом ожидании устроился у его ног и жадно слушал, пока войска не протрубили в бараньи рога отход и отголоски не затихли в черных утесах.

– Фараон зовет нас, – сказал Таита и встал, чтобы первым идти назад через ворота.

За стенами царили великие суматоха и суета: войско готовилось к отправке в земли барханов. Мехи вновь распирало, солдаты, прежде чем подняться на колесницы, проверяли и подтягивали упряжь.

Когда старик и мальчик появились из ворот, фараон Тамос посмотрел поверх голов советников и кивком подозвал к себе Таиту. Вместе они отошли туда, где их не могли слышать военачальники. Господин Наг хотел было присоединиться к ним, но Таита что-то шепнул фараону, и Тамос повернулся и коротко отослал Нага. Оскорбленный господин Наг вспыхнул от унижения и бросил на Таиту яростный взгляд, разящий, как боевая стрела.

– Ты оскорбил Нага. Однажды меня может не оказаться рядом. Кто тогда защитит тебя?

– Никому нельзя доверять, – возразил Таита. – По крайней мере пока мы не раздавим голову змее предательства, которая сжимает кольца вокруг опор вашего дворца. До вашего возвращения из северной кампании только мы двое должны знать, куда я беру принца.

– Но Наг! – Фараон протестующе засмеялся. Наг был ему как брат. Они вместе проехали по Красной Дороге.

– Даже Наг. – Таита не сказал больше ни слова. Его подозрения наконец превращались в уверенность, но он еще не собрал все нужные свидетельства, чтобы убедить фараона.

– Принцу известно, зачем вы едете в бесплодную пустыню? – спросил фараон.

– Ему известно только, что мы продолжим изучение тайных знаний и постараемся поймать его божественную птицу.

– Хорошо, Таита, – кивнул фараон. – Ты всегда был скрытен, но верен. Мне нечего больше сказать, ибо все сказано. Теперь ступай, и пусть Гор раскинет крылья над тобой и Нефером.

– Будьте осторожны и вы, великий, в эти дни враги стоят позади вас, не только впереди.

Фараон крепко сжал локоть Мага. Рука под его пальцами была тонкой, но твердой, как высохшая ветвь акации. Затем он вернулся туда, где возле царской колесницы его ждал Нефер – с оскорбленным видом щенка, которому приказали вернуться в конуру.

– Божественно великий, в войске есть солдаты моложе меня. – Принц предпринял последнее отчаянное усилие убедить отца, что его место – на колесницах. Конечно, фараон знал: мальчик прав. Мерен, внук прославленного полководца Кратаса, был моложе Нефера на три дня, но сегодня ехал с отцом как копьеносец в одной из замыкающих колесниц. – Когда вы позволите мне отправиться с вами на битву, отец?

– Возможно, когда ты проедешь по Красной Дороге. Тогда даже я не стану противиться.

Пустое обещание, они оба знали это. Красная Дорога была тяжелым испытанием в искусстве верховой езды и владении оружием, и немногие воины решались проехать по ней. Дорога доводила до изнурения и часто убивала даже крепкого мужчину в расцвете сил, но доводила его обучение почти до совершенства. Для Нефера этот день должен был наступить не скоро.

Затем строгое лицо фараона смягчилось, и он сжал плечо сына – единственное проявление любви, которое он мог позволить себе перед войсками.

– А сейчас я повелеваю тебе отправиться с Таитой в пустыню, чтобы поймать божественную птицу и таким образом доказать, что в твоих жилах течет царская кровь и у тебя есть право однажды надеть двойную корону атев.

Нефер и старик бок о бок стояли под разрушенными стенами Галлалы и наблюдали, как колонна проносится мимо. Ее, обернув поводья вокруг запястий и откинувшись назад, сдерживая рвущихся лошадей, вел фараон с обнаженным торсом и в льняном набедреннике, хлеставшем по мускулистым ногам; синяя военная корона на голове делала его высоким и подобным богу.

За ним следовал господин Наг, почти такой же высокий, почти такой же красивый, с надменным и гордым лицом, с большим изогнутым луком через плечо. Наг, один из самых могучих воинов Египта, получил свое имя как почетное прозвище: Нагом звалась священная кобра в урее, царской короне. Фараон Тамос даровал ему это прозвание в тот день, когда они вместе прошли испытание Красной Дорогой.

Наг не соизволил взглянуть в сторону Нефера. Колесница фараона въехала в устье темного ущелья прежде, чем последняя колесница в колонне промчалась мимо того места, где стоял Нефер. Мерен, друг и товарищ принца во многих запретных детских забавах, рассмеялся ему в лицо, сделал непристойный жест и насмешливо крикнул, стараясь перекрыть скрип и скрежет колес:

– Я принесу тебе голову Апепи поиграть, – пообещал он, и в этот миг, когда Мерен уносился прочь, Нефер возненавидел приятеля. Апепи был царем гиксосов, а Нефер не нуждался в игрушках: он уже стал мужчиной, пусть даже отец отказывался признать это.

После того как колесница Мерена исчезла и пыль улеглась, старик и мальчик долго молчали. Затем Таита повернулся и без единого слова пошел туда, где были привязаны их лошади. Он поправил удила, поднял набедренник и не по годам проворно вскочил в седло. Оказавшись верхом на голой спине животного, он, казалось, слился с ним воедино. Нефер вспомнил: если верить легенде, Таита первый в Египте освоил искусство верховой езды. Он по-прежнему носил титул «Повелитель десяти тысяч колесниц», дважды дарованный ему вместе с Золотой Похвалой двумя фараонами, правившими раздельно.

И без сомнения, он был один из тех немногих, кто осмеливался ездить верхом. Большинство египтян чурались этого занятия, считая его так или иначе непристойным и недостойным, а главное, опасным. Нефер не питал таких предубеждений, и стоило ему вскочить на спину люби-

мого жеребца, Звездочета, как его дурное настроение начало таять. Когда они достигли гребня холмов над разрушенным городом, к принцу почти вернулось обычное воодушевление. Он бросил последний завистливый взгляд на клубы пыли, поднятые войском вдали, у северного горизонта, и решительно повернулся к ним спиной.

– Куда мы едем, Тата? – спросил он. – Ты обещал сказать, как только мы отправимся в путь.

Таита был неизменно сдержан и скрытен, но редко до такой степени, как в том, что касалось конечной цели этой их поездки.

– Мы едем в Гебель-Нагару, – ответил Таита.

Нефер впервые слышал это название, но тихо повторил его. Оно звучало романтично и завораживающе. От волнения и предчувствия затылок принца будто заколодо, и мальчик поглядел вперед, в простор пустыни. Бесконечность зазубренных крутых холмов уходила далеко к голубому горизонту в знойном мареве. Окраска скал изумляла: то темно-синие, как грозовые тучи, то желтые, как оперение ткачика, или красные, как раненая плоть, и блестящие, как хрусталь. В жаркой дымке их очертания колебались и дрожали.

Таита оглядывал эти жуткие места с грустью и ощущением, что возвращается домой. Именно в эту дикую местность он удалился после смерти своей возлюбленной царицы Лостры. Сначала он уполз сюда подобно раненому животному. Затем, когда прошли годы и боль притупилась, его вновь привело к тайнам и пути великого бога Гора. Он удалился в эту пустыню лекарем и хирургом, сведущим в известных науках. Один в бесплодных песках, он обнаружил ключ к вратам духа, за которые проникали лишь немногие. Он вошел в них человеком, а вышел знакомцем великого бога Гора, посвященным в диковинные тайны, малодоступные человеческому воображению.

Таита вернулся в мир людей лишь тогда, когда царица Лостра посетила его во сне, покуда он спал в своей пещере отшельника в Гебель-Нагаре. Она снова была пятнадцатилетней девушкой, свежей, едва достигшей брачного возраста, розой в первом цветении, с росой на лепестках. Даже во сне его сердце переполнилось любовью и грозило разорвать грудь.

– Дорогой Таита, – прошептала Лостра, коснувшись его щеки и разбудив, – ты был одним из двух мужчин, которых я любила при жизни. Тан теперь со мной, но прежде чем и ты сможешь прийти ко мне, я дам тебе еще одно поручение. Ты никогда не подводил меня. Знаю, не подведешь и теперь, верно, Таита?

– Я к вашим услугам, госпожа. – Собственный голос странно отдавался в его ушах.

– В Фивах, моем городе ста ворот, в эту ночь был рожден ребенок. Он – сын моего сына. Это дитя назовут Нефером, что означает «чистый и совершенный телом и духом». И – увы – он несет мою кровь и кровь Тана к трону Верхнего Египта. Ибо великие и разнообразные опасности уже сгущаются вокруг малыша. Ему не преуспеть без твоей помощи. Только ты в силах защитить и направить его. Последние годы ты провел отшельником в бесплодной пустыне; те навыки и знания, что ты приобрел здесь, предназначены только для одной цели: отправляйся к Неферу. Отправляйся быстро, тотчас, и оставайся с ним, пока твоя служба не будет исполнена. Затем приходи ко мне, возлюбленный Таита. Я буду ждать, а твоя бедная искалеченная мужественность восстановится. Ты будешь здоров и невредим, когда встанешь рядом со мной, рука в моей руке. Не подведи меня, Таита.

– Никогда! – вскричал во сне Таита. – За всю жизнь я ни разу не подвел вас. Не подведу и теперь, после вашей смерти.

– Знаю, что не подведешь. – Лостра улыбнулась милой призрачной улыбкой, и ее образ растаял в ночи пустыни. Таита пробудился с лицом, влажным от слез, и собрал свое скудное имущество. Только у входа в пещеру он задержался, чтобы взглянуть на звезды. Он подсознательно искал яркую, совершенно определенную звезду богини. В семидесятый день после смерти царицы, в ту ночь, когда долгий ритуал ее бальзамирования завершился, эта звезда внезапно

появилась в небесах, большая, красная, пылавшая там, где прежде было пусто. Сейчас Таита нашел ее и почтительно ей поклонился. Затем он зашагал на запад, к Нилу и к городу Фивам, прекрасным стовратным Фивам.

Это случилось более четырнадцати лет назад, и теперь Таита жаждал добраться до тихого места в пустыне, ведь только там он мог вновь набрать полную силу, и тогда выполнить поручение Лостры. Только там он мог поделиться этой силой с принцем. Ибо Маг знал, что темные силы, о которых предупреждала царица, уже собираются вокруг.

– Вперед! – сказал он мальчику. – Давай поедем и поймаем твою божественную птицу.

На третью ночь после отъезда из Галлалы, когда созвездие Диких Ослов стояло в зените в северной части ночного неба, фараон остановил войско, чтобы напоить лошадей и наспех перекусить высушенным на солнце мясом, финиками и холодными лепешками из проса дурра. Затем он приказал подняться на колесницы. Сейчас бараньи рога не гудели сигнал: войско было на территории, где часто проезжали дозорные колесницы гиксосов.

Колонна снова понеслась вперед рысью. По мере их продвижения пейзаж заметно менялся. Наконец египтяне выехали из плохих земель, вернувшись в предгорья над речной долиной. Внизу виднелась полоса густой растительности, далекая и темная в лунном свете; она отмечала русло великой Матери-реки Нила. Далеко обойдя Абнуб, войско вышло в тыл главного войска гиксосов на реке. Хотя для такого врага, как Апепи, это был крошечный отряд, здесь были собраны искуснейшие колесничие войск Тамоса – он-то и сделал их лучшими в мире. Кроме того, на их стороне была внезапность.

Когда фараон впервые предложил эту стратегию и объявил, что лично возглавит поход, члены военного совета возражали ему со всей страстностью, какую могли себе позволить, переча богу. Даже старый Кратас, когда-то самый безрассудный и свирепый воин во всех войсках Египта, рвал густую белую бороду и ревел:

– Клянусь истрепанной и гноящейся крайней плотью Сета, я бы и измаранной пеленки вам не сменил, если бы тем самым посылал вас прямо в любящие руки Апепи. – Он, вероятно, единственный смел так говорить с богом-царем. – Пошлите другого на эту черную работу. Ведите колонну прорыва, если вам так угодно, но не удаляйтесь в пустыню, на съедение упырям и джиннам. Вы – Египет. Если Апепи захватит вас, он захватит нас всех.

Из всего совета только Наг поддержал фараона, но Наг всегда был преданным и верным. Теперь они перешли через пустыню и оказались во вражеском тылу. Завтра на рассвете они предпримут отчаянную атаку, которая расколет войско Апепи и позволит еще пяти отрядам фараона, тысяче колесниц, с боем прорваться к ним. Тамос уже чувствовал на языке медовый вкус победы. Еще до следующего полнолуния он будет пировать в залах дворца Апепи в Аварисе.

Вот уже почти два столетия Верхнее и Нижнее Царства Египта были разделены. С тех пор в Северном Царстве правили то египетский узурпатор, то захватчик-чужеземец. Предназначением Тамоса было изгнать гиксосов и объединить обе части страны. Только тогда он мог бы носить атев, двойную корону, по праву и с одобрения всех древних богов.

В лицо ему дохнул ночной ветер, довольно холодный – у Тамоса онемели щеки, а его копьеносец поспешил укрыться за передним щитом колесницы. Были слышны только хруст грубого щебня под колесами, тихий стук копий в ножнах да изредка негромкий предупреждающий окрик: «Берегись! Яма!» – передающийся вдоль колонны.

Внезапно перед ним открылась широкая вади Гебель-Вадун, и фараон Тамос остановил колесницу.

Вади была гладкой как дорога. Она приведет их к плоской береговой равнине у реки. Фараон бросил поводья копьеносцу и спрыгнул на землю. Он потянулся, разминая затекшие и ноющие члены, и, не оборачиваясь, услышал, как сзади подъехала колесница Нага. Раздалась тихая команда – скрип колес замер в тишине, – затем легкие, уверенные шаги: Наг направился в сторону Тамоса.

– Теперь мы здесь, и опасность, что нас обнаружат, велика как никогда, – сказал Наг. – Посмотрите туда. – Он показал длинной мускулистой рукой за плечо фараона. Там, где вади ниже их выходила на равнину, горел огонек, мягкий желтый свет масляной лампы. – Это – деревня Эль-Вадун. Там ждут наши лазутчики; они проведут нас через заставы гиксосов. Я поеду вперед и встречусь с ними, чтобы обезопасить путь. Прошу вас подождать здесь, великий, я скоро вернусь.

– Я поеду с тобой.

– Я прошу вас. Там может быть предательство, Мем. – Он назвал царя детским именем. – Вы – Египет. Вы слишком драгоценны, чтобы рисковать вами.

Фараон обернулся, чтобы взглянуть в любимое лицо, худощавое и красивое. Белые зубы Нага блеснули в звездном свете – он улыбнулся, – и фараон легко коснулся его плеча, с доверием и любовью.

– Иди скорее и скорее возвращайся, – разрешил он.

Наг коснулся рукой груди возле сердца и побежал к своей колеснице. Проезжая мимо того места, где стоял царь, он вновь салютовал. Тамос улыбнулся, салютовал в ответ и стал смотреть, как Наг съезжает по склону вади. Доехав до ровного, твердого песка сухого русла вади, Наг хлестнул лошадей, и те помчались к деревне Эль-Вадун. Колесница, оставляя на серебристом песке колеи, в которых залегли черные тени, исчезла за первым изгибом вади. Когда она уехала, фараон пошел вдоль ожидающей колонны и стал тихо говорить с воинами, называя многих по имени, негромко смеясь, подбадривая и приветствуя их. Неудивительно, что они любили его и с радостью следовали за ним, куда бы он их ни повел.

Господин Наг ехал осторожно, держась южного берега сухого русла. Время от времени он глядел на гребень холмов и наконец узнал на горизонте скалу, превращенную ветром в чуть скособоченную башню, и, довольный, крякнул. Вскоре он достиг места, где едва заметная тропинка, начинаясь на дне вади, вилась по крутому склону к древней смотровой башне.

Коротко отдав приказ копьеносцу, Наг спрыгнул с подножки и поправил на плече кавалерийский лук. Затем снял привязанный ремнем к поручню колесницы глиняный горшок с огнем и зашагал вверх по тропе. Она была еле видна, так что если бы Наг не запомнил каждый ее изгиб и поворот, то дюжину раз потерял бы ее, прежде чем достичь вершины.

Наконец он вышел к верхнему валу башни. Построенная много столетий назад, сейчас она была разрушена. Наг не приближался к краю, где был крутой обрыв в долину. Вместо этого он нашел спрятанную им заранее в нише стены вязанку сухого хвороста и вытащил ее на открытое место. Он быстро составил небольшую пирамиду для розжига, подул на крупные древесные угли в горшке для огня и, когда они запылали, высыпал на них горсть сухой травы. Угли вспыхнули, и он развел маленький сигнальный костер. Спрятаться он не пытался, наоборот, встал там, где наблюдатель внизу увидел бы его освещенным на башне. Пламя погасло, едва хворост сгорел. Наг сел и стал ждать в темноте.

Некоторое время спустя он услышал скрип камешков на каменистой тропинке под стенами и резко свистнул. Послышался ответный свист, и Наг встал. Он ослабил в ножнах бронзовое лезвие своего изогнутого меча, положил стрелу на тетиву и встал, готовый мигом натянуть лук. Немного погодя резкий голос позвал его на гиксосском языке. Он бегло и правильно ответил на том же наречии, и на каменном валу раздались шаги по меньшей мере двух человек.

Даже фараон не знал, что мать Нага была из народа гиксосов. За десятилетия оккупации захватчики переняли многие египетские обычаи и, поскольку соплеменниц не хватало, нередко брали египетских жен. Через поколения родовые связи размылись.

На вал ступил высокий мужчина в облегающем бронзовом шлеме; в его большую бороду были вплетены разноцветные ленты. Гиксосы очень любили яркие цвета.

Он раскрыл объятия.

– Да благословит тебя Сеует, родич, – проревел он. Наг обнялся с ним.

– Пусть он улыбнется и тебе, родич Трок, однако у нас мало времени, – предупредил Наг, указывая на восточную часть неба: ее уже ласкал легкими перстами рассвет.

– Ты прав, брат. – Гиксосский полководец разомкнул объятие и повернулся, чтобы взять полотняный сверток у своего помощника, стоявшего рядом и чуть позади него. Он передал сверток Нагу. Тот развернул его, предварительно подложив хвороста в костер. При свете пламени Наг осмотрел оказавшийся в свертке колчан со стрелами, вырезанный из легкого твердого дерева и покрытый тонко выделанной и сшитой кожей. Работа была превосходной. Это было снаряжение высокопоставленного военачальника. Наг легко отвернул крышку и вытянул из колчана стрелу. Он быстро осмотрел ее и покрутил древко между пальцами, проверяя баланс и устойчивость.

Гиксосские стрелы были безупречны. Оперение окрашено в яркие цвета отряда лучников, на древке стояло клеймо с его личной печатью. На случай если выстрел оказывался не смертельным, кремневый наконечник был зазубрен и привязан к древку так, что, попытайся врач вытянуть стрелу из плоти жертвы, наконечник отделился бы от древка и засел глубоко в канале раны, вызывая гниение и приводя к мучительной, нескорой болезненной смерти. Кремень был намного тверже бронзы и не мог погнуться или сплющиться, если ударял в кость.

Наг вложил стрелу обратно в колчан и закрыл крышку. Он опасался приносить эти стрелы-обличители в свою колесницу. Если возница или копьеносец обнаружат их среди его оружия, это запомнится и трудно будет объяснить.

– Есть еще много такого, что нужно обсудить. – Наг сел на корточки и показал Троку, чтобы тот последовал его примеру. Они тихо говорили, пока Наг наконец не поднялся. – Достаточно! Теперь мы оба знаем, что делать. Время действовать настало.

– Пусть боги улыбнутся нашему предприятию. – Трок и Наг снова обнялись, а затем, не сказав больше ни слова, Наг покинул родича, легко сбежал вниз с вала башни и зашагал по узкой тропинке с холма.

Спускаясь, он по дороге нашел, где спрятать колчан. Это была ниша, где скалу широко раскололи корни тернового дерева. Наг положил на колчан камень, размером и формой напоминающий голову лошади. Искривленные верхние ветви дерева образовали легко заметный на фоне ночного неба крест. Он без труда узнал бы это место снова.

Затем он продолжил спуск по тропинке туда, где на дне вади стояла его колесница.

Фараон Тамос увидел, как колесница вернулась, и по порывистости, с которой Наг правил ей, догадался: что-то случилось. Он спокойно приказал воинам своего отряда подняться на колесницы и стоять, обнажив оружие, готовыми встретить любую неожиданность.

Колесница Нага прогрохотала по склону от дна вади. В тот миг, когда она поравнялась с местом, где ждал фараон, Наг спрыгнул.

– Что случилось? – спросил Тамос.

– Благословение богов, – ответил Наг, не способный подавить дрожь волнения в голосе. – Они оставили Апепи беззащитным перед нашей мощью.

– Как это возможно?

– Мои шпионы провели меня туда, где расположился лагерем вражеский царь, это недалеко от места, где мы сейчас стоим. Его палатки разбиты прямо за первой грядой холмов, вон там. – Он указал назад обнаженным мечом.

– Ты уверен, что это Апепи? – Тамосу едва удалось справиться с волнением.

– Я отчетливо разглядел его в свете походного костра. Каждую черту. Большой крючковатый нос и седоватую бороду, освещенную пламенем. Невозможно ошибиться и в росте. Он возвышается над всеми остальными и на голове носит корону с грифом.

– Какие с ним силы? – спросил фараон.

– По его обычному высокомерию при нем нет и пятидесяти охранников. Я посчитал их; половина спит, копья сложены. Он ничего не подозревает, а его костры горят ярко. Быстрое нападение из темноты, и он в наших руках.

– Веди меня туда, где стоит Апепи, – приказал фараон и вскочил на колесницу.

Наг поехал впереди; мягкий серебристый песок вади глушил звуки колес. Когда в призрачной тишине отряд промчался за последний изгиб, Наг высоко поднял сжатый кулак, приказывая остановиться. Фараон подъехал к его колеснице и наклонился к нему.

– Где же лагерь Апепи?

– За этой горой. Я оставил шпионов наблюдать за ним. – Наг указал на тропу к смотровой башне на гребне. – С другой стороны скрытый оазис. Там есть пресноводный источник и финиковые пальмы. Его палатки стоят среди деревьев.

– Мы возьмем небольшой отряд, чтобы разведать лагерь. Только после этого мы сможем спланировать нападение.

Наг предвидел, какой будет отдан приказ, и несколькими короткими фразами назначил разведывательную партию из пяти солдат. Каждого из них связывала с ним клятва на крови. Они были преданы Нагу телом и душой.

– Обвяжите ножны, – приказал Наг. – Не должно быть слышно ни звука. – Затем, с натянутым луком в левой руке, он ступил на тропу. Фараон шел за ним, почти вплотную. Они быстро поднимались, пока Наг не увидел на предрассветном небе скрещенные ветви тернового дерева. Он резко остановился, поднял правую руку, требуя тишины, и прислушался.

– Что там? – прошептал фараон за его спиной.

– Мне показалось, я услышал на вершине голоса, – ответил Наг. – Говорили на гиксосском. Ждите здесь, великий, а я схожу на разведку. – Фараон и пятеро солдат присели на корточки около тропинки, а Наг бесшумно продолжил подъем. Он обошел большой валун, и его едва заметная фигура исчезла из виду. Минуты тянулись медленно, и фараон начал сердиться. Стремительно надвигался рассвет. Царь гиксосов скоро свернет лагерь и отправится дальше, туда, где его не схватишь. Когда послышался тихий свист, искусное подражание рассветной песне соловья, Тамос нетерпеливо вскочил.

Фараон воздел свой легендарный синий меч.

– Путь свободен, – проговорил он. – Вперед, за мной!

Они продолжили подъем, и наконец фараон дошел до высокого камня, перекрывавшего тропу. Он обошел его и вдруг остановился. Господин Наг стоял лицом к нему на расстоянии двадцати шагов. Они были одни, скрытые камнем от идущих следом солдат. Лук Нага был натянут, стрела нацелена в голую грудь фараона. На замершего Тамоса мгновенно обрушилось полное осознание того, с чем он столкнулся. Именно эту мерзость Таита учуял благодаря своим способностям ясновидца.

Света было довольно, чтобы рассмотреть каждую черточку врага, которого Тамос любил как друга. Тетива лука, до отказа натянутая перед губами Нага, рассекала игравшую на них страшную улыбку, а его глаза цвета золотистого меда, когда он впился взглядом в фараона, смотрели беспощадно, как у охотящегося леопарда. Оперение стрелы было темно-красное,

желтое и зеленое, наконечник тоже гиксосский, из острого как бритва кремня, изготовленный так, чтобы пробивать бронзовые шлемы и панцири врагов.

– Желаю вам жить вечно! – тихо вымолвил Наг, словно проклял, и пустил стрелу. Та со звоном отделилась от тетивы и загудела в воздухе. Казалось, она летела грузно, медлительно, точно ядовитое насекомое. Перья вращали древко, и за разделявшие мужчин двадцать шагов стрела сделала один полный оборот. Хотя из-за смертельной опасности, в которой оказался фараон, его зрение и прочие чувства обострились, двигаться он мог только медленно, как в кошмарном сне, чересчур медленно, чтобы уклониться от стрелы. Стрела вонзилась в грудь, туда, где билось в клетке из ребер его царское сердце. Она глухо тукнула, как камешек, упавший с высоты в толстый слой нильского ила, и древко до половины вошло в тело царя. Силой удара фараона развернуло и бросило на красный валун. Мгновение он цеплялся за грубую поверхность скрюченными пальцами. Кремневый наконечник пробил грудь насквозь. Окровавленный зубец высунулся из рассеченных мышц на правом боку царя.

Синий меч выпал из ладони фараона, и тихий крик вырвался из открытого рта. Его приглушил поток ярко-красной крови, хлынувшей из легкого. Ноги Тамоса подогнулись, и он стал оседать на колени, царапая ногтями красный камень.

Наг прыгнул вперед с громким криком:

– Засада! Берегитесь! – и одной рукой обхватил торс фараона ниже торчащей стрелы.

Поддерживая умирающего царя, он рявкнул:

– Охрана, ко мне! – и в ответ на его крик о помощи из-за камня почти мгновенно появились два крепких воина. Они сразу увидели, что фараон ранен, и заметили яркие перья на хвосте стрелы.

– Гиксосы! – завопил один. Они подхватили фараона из рук Нага и понесли в убежище за камнем.

– Несите фараона к его колеснице, а я постараюсь задержать врага, – приказал Наг и, повернувшись, вытянул из колчана другую стрелу и пустил ее вверх по тропинке к пустой вершине, проревев вызов врагу, а затем сам приглушенно ответил себе вызовом на гиксосском языке.

Подобрав синий меч, который выронил Тамос, он отступил по тропинке вниз и догнал маленький отряд, уносящий царя туда, где в вади их ждали колесницы.

– Это была засада, – быстро сказал им Наг. – Вершина кишит врагами. Нужно вынести фараона в безопасное место. – Но по тому, как слабо покачивалась на плечах голова царя, Наг видел, что помочь ему невозможно, и его распирало от торжества. Синяя военная корона свалилась с головы фараона и ударилась о тропинку. Наг, пробегая мимо, подобрал ее и с трудом подавил искушение надеть на собственную голову.

– Терпение. Еще не время, – тихо успокоил он себя, – но Египет уже мой, со всеми его коронами, богатством и мощью. Я становлюсь Египтом. Становлюсь одним из богов.

Он осторожно держал тяжелую корону под мышкой и громко кричал:

– Быстрее, враг на тропинке сразу за нами. Быстрее! Царь не должен попасть им в руки.

Солдаты внизу услышали громкие крики на склоне, и отрядный хирург уже ждал у колесницы фараона. Его обучил Таита, и, хотя ему недоставало особой магии старика, он был опытным лекарем, способным остановить кровотечение даже из такой страшной раны, как та, что зияла в груди фараона. Однако господин Наг не мог рисковать тем, что его жертва вернется к нему из подземного царства. Он грубо приказал хирургу отойти.

– Враг рядом! Сейчас не до твоего шарлатанства. Необходимо вернуть царя в безопасность, к нашим границам, иначе потеряем последний шанс.

Он осторожно принял царя из рук несших его солдат и уложил на дно своей колесницы. Затем вырвал древко стрелы, торчавшей из груди фараона, и высоко поднял, чтобы увидели все воины.

– Это проклятое оружие сразило фараона. Нашего бога и царя. Да проклянет Сет гиксосскую свинью, пустившую ее, и да горит негодяй в вечном огне тысячи лет.

Солдаты в один голос воинственно взревели. Наг тщательно обернул стрелу льняной тканью и убрал в ящик у боковой стенки колесницы. Ему следует доставить ее совету в Фивах, чтобы подтвердить весть о смерти фараона.

– Толкового воина сюда, поддерживать фараона, – приказал Наг. – Обращайтесь с богоравным осторожно.

Когда вперед вышел копьеносец царя, Наг расстегнул пояс фараона и снял его, вложил синий меч в ножны и осторожно убрал в собственный ящик для оружия.

Копьеносец вскочил на колесницу и приподнял голову Тамоса. Свежая алая кровь пузырилась в уголках царского рта, когда колесница, сделав круг, устремилась обратно вверх по сухой вади вместе со всем отрядом, который с трудом поспевал за ней. Хотя фараона поддерживали сильные руки копьеносца, его немилосердно трясло.

Глядя вперед, так, чтобы никто не видел его лица, Наг тихо смеялся. Смех заглушали скрип колес и удары по мелким валунам, объехать которые он и не пытался. Отряд выехал из вади и мчался к барханам и натровым озерам.

Была середина утра и слепящее белое солнце уже прошло половину пути к зениту, когда Наг позволил колонне остановиться и позвал хирурга обследовать царя. Тому не потребовались специальные навыки, чтобы объявить: дух фараона давно покинул тело и начал путешествие в подземный мир.

– Фараон мертв, – тихо сказал хирург, чьи руки до запястий покрывала царская кровь. Ужасный крик скорби раздался в голове колонны и прокатился до ее последних рядов. Наг позволил воинам показать их горе и послал за старшими военачальниками.

– Государство осталось без головы, – сказал он им. – Египет в страшной опасности. Десять самых быстрых колесниц должны со всей поспешностью доставить тело фараона в Фивы. Я поведу их – возможно, совет пожелает, чтобы я принял обязанности регента при принце Нефере.

Он посеял первые семена и по испуганным лицам воинов понял, что эти семена почти сразу пустили корни. Он продолжал, мрачным и деловитым тоном, уместным в постигших их трагических обстоятельствах:

– Пусть хирург обернет царское тело, прежде чем я отвезу его на родину в погребальный храм. Но сейчас необходимо найти принца Нефера. Он должен узнать о смерти отца и о том, что он – наследник. Это единственное самое срочное дело государства и моего регентства. – Наг преспокойно принял упомянутую должность, и никто не задал ему вопроса, не посмотрел искоса. Он развернул свиток папируса с картой земель от Фив до Мемфиса, расправил его на переднем щите своей колесницы и подробно изучил. – Вы разделитесь на отряды, обыщете местность и найдете принца. Полагаю, фараон услал его в пустыню с евнухом, чтобы принц прошел обряд возмужания, поэтому мы сосредоточим поиски здесь, от Галлалы, где его последний раз видели, к югу и востоку. – Глазом опытного полководца Наг выбрал район поиска и приказал раскинуть в нем сеть из колесниц, чтобы отыскать принца.

Отряд, возглавляемый господином Нагом, вернулся к Галлале. Следом прибыла колесница с частично забальзамированным телом фараона. На берегу натрового озера Ваифра хирург вынул царский труп и сделал в его левом боку традиционный разрез. Через него он удалил кишки и внутренние органы. Содержимое желудка и кишечника промыли в густой соленой воде озера. Затем все органы обсыпали белыми кристаллами природной соды, взятыми здесь же, на берегу, и сложили в глиняные фляги для вина. Полость тела царя набили природной содой, затем

обернули льняными полосами, намоченными в крепком соляном растворе. Когда отряд достигнет Фив, фараона поместят в собственный погребальный храм и передадут жрецам и бальзамировщикам, чтобы провести ритуал семидесяти дней для подготовки к похоронам. Наг жалел о каждой минуте, потраченной в дороге, поскольку отчаянно торопился вернуться в Фивы, чтобы весть о смерти царя не опередила его. Однако у ворот разрушенного города он вновь потратил драгоценное время, чтобы дать указания старшим командирам отрядов, которым предстояло искать принца.

– Обыщите все дороги на восток. Евнух – хитрый старый лис и заметет следы, но вы должны разнюхать, где он, – приказывал Наг. – В оазисах Сатам и Лакара есть деревни. Расспросите людей. Можете использовать кнут и раскаленное железо, лишь бы убедиться, что они ничего не скрывают. Обыщите все укромные уголки пустыни. Найдите принца и евнуха. Не подведите меня, не рискуйте.

Когда наконец старшие командиры вновь наполнили мехи и были готовы вести своих людей в пустыню, он задержал их заключительным приказом, и по его голосу и свирепым желтым глазам они поняли: это самый роковой приказ из всех и невыполнение будет означать смерть.

– Когда найдете принца Нефера, привезите его ко мне. Не передавайте его ни в чьи другие руки.

В отрядах были нубийские разведчики, черные рабы из диких южных земель, ловкие в искусстве выслеживания людей и животных. Они бежали перед колесницами, покуда те веером развертывались в пустыне, и господин Наг потратил еще несколько драгоценных минут, наблюдая за ними. Его ликование умеривалось чувством тревоги. Он знал, что старый евнух Таита сведущ в тайных знаниях и наделен странными и чудесными силами. «Если и существует тот единственный, кто может остановить меня теперь, это он. Хотел бы я сам найти их, евнуха и отродье, вместо того чтобы посылать подчиненных бороться с хитростью Чародея. Но судьба зовет меня в Фивы, и мешкать нельзя».

Наг подбежал к своей колеснице и схватил поводья.

– Вперед! – Он сжатым кулаком дал команду двигаться. – Вперед, в Фивы!

Они гнали во весь опор, так что, когда съезжали с откоса восточных холмов на широкую равнину около реки, на вздувающихся лошадиных боках сохла пена, а глаза коней налились кровью и были дикими.

Из войска, стоящего около Абнуба, Наг вывел полный легион Стражи Пта. Он объяснил фараону, что это стратегический резерв, который следует бросить в брешь и предотвратить прорыв гиксосов, если наступление окажется неудачным. Однако Стража Пта была его личным особым отрядом. Командиров связывала с господином Нагом клятва. Следуя тайным приказам Нага, они отступили от Абнуба и теперь ждали его в оазисе Босс, всего в двух лигах от Фив.

Сторожевые заставы Стражи увидели пыль, поднятую приближающимися колесницами, и стояли с оружием, готовые к бою. Командир отряда Асмор и его военачальники вышли встретить господина Нага в полном боевом снаряжении. Легион с оружием на изготовку был выстроен позади них.

– Господин Асмор! – приветствовал его с колесницы Наг. – Я принес ужасную весть и должен сообщить ее совету в Фивах. Фараон убит гиксосской стрелой.

– Господин Наг, я готов повиноваться вашим приказам.

– Египет – ребенок без отца. – Наг остановил колесницу перед рядами украшенных перьями воинов в сверкающих доспехах. Сейчас его голос звучал громко и хорошо был слышен в задних рядах. – Принц Нефер – еще дитя и не готов править. Египет стоит перед срочной необходимостью назначить регента, который держал бы бразды правления, чтобы гиксосы не использовали наше замешательство в своих интересах. – Он умолк и со значением посмотрел

на начальника отряда Асмора. Тот слегка приподнял подбородок в знак признательности за оказанное Нагом доверие. Ему была обещана такая награда, о какой он никогда и не мечтал.

Наг возвысил голос до крика:

– Если фараон пал в битве, войско имеет право назначить регента на поле боя. – Он замолчал и стоял, прижав кулак к груди, с копьем в другой руке.

Асмор шагнул вперед и повернулся к рядам тяжеловооруженных стражей. Театральным жестом он снял шлем. Его лицо было мрачным и суровым. Бледный шрам от меча наискось рассекал с одной стороны нос, бритую голову закрывал заплетенный в косы парик из конского волоса. Асмор нацелил обнаженный меч в небо и закричал голосом, привыкшим перекрывать шум сражения:

– Господин Наг! Да здравствует регент Египта! Да здравствует господин Наг!

Последовало долгое мгновение ошеломленной тишины, а потом легион взревел, словно охотящиеся львы:

– Да здравствует господин Наг, регент Египта.

Приветствия и рев продолжались, пока господин Наг снова не поднял кулак. В наступившей тишине он четко проговорил:

– Вы оказываете мне большую честь! Я принимаю ту ответственность, что вы возлагаете на меня.

– Бак-кер! – кричали солдаты и били мечами и копьями о щиты, так что от прибрежных холмов подобно далекому грому отразилось эхо.

В шуме Наг подозвал Асмора.

– Поставь на всех дорогах заставы. Никто не должен уйти отсюда до моего отъезда. Ни одно из сказанных слов не должно достигнуть Фив прежде меня.

Путь от Галлалы занял три дня быстрой езды. Лошади выбивались из сил, и даже Наг утомился. Однако он позволил себе всего час отдыха, чтобы смыть дорожную пыль и переодеться. Затем, выбрив подбородок и причесав и умастив волосы, поднялся на церемониальную колесницу, приготовленную Асмором и ожидавшую у входа в палатку. Золотой лист, украшавший передний щит колесницы, сиял в солнечном свете.

На Наге был белый льняной набедренник, а на обнаженной мускулистой груди сверкало золотое украшение, покрытое полудрагоценными камнями. На бедре висел легендарный синий меч в золотых ножнах – их Наг снял с мертвого фараона. Лезвие было выковано из какого-то чудесного металла тяжелее, тверже и острее любой бронзы. Во всем Египте не было подобного. Когда-то клинок принадлежал Тану, господину Харрабу, и достался фараону по наследству.

Но самое важное в одеянии Нага меньше всего бросалось в глаза. На правой руке выше локтя простой золотой обруч удерживал синюю печать с соколом. Как и меч, Наг снял ее с тела царя. Регент Египта, Наг теперь имел право носить этот могущественный знак царской власти.

Его личная стража встала вокруг него, а весь легион построился позади. С пятью тысячами солдат за спиной новый регент Египта начал свой поход на Фивы.

Асмор ехал рядом в качестве его копьеносца. Он был чересчур молод, чтобы командовать целым легионом, но хорошо проявил себя в сражениях с гиксосами и был близким другом Нага. В его жилах текла гиксосская кровь. Когда-то Асмор считал пределом своих притязаний командование легионом, но теперь он познал высоту предгорья, и вдруг перед ним возникли великолепные вершины: высокая должность, огромная власть и – смел ли Асмор хотя бы думать об этом? – дорога в высшие круги знати. Он сделал бы что угодно, охотно пошел бы на любой поступок, сколь угодно подлый или низкий, лишь бы ускорить продвижение своего покровителя господина Нага к трону Египта.

– Что нам предстоит сделать, старый друг? – Наг словно прочитал его мысли, до того уместным был вопрос.

– Желтые Цветы смели с вашего пути всех, кроме одного принца Дома Тамоса, – ответил Асмор и указал копьем за серые илистые воды Нила, на далекие западные холмы. – Они лежат в своих могилах в Долине Знати.

Тремя годами раньше через оба царства пронеслось поветрие Желтых Цветов, названное так из-за ужасной желтой сыпи, покрывавшей лица и тела заразившихся, после чего больные сгорали в лихорадке. Недуг не знал уважения к людям, выбирая себе жертвы во всех слоях и на всех уровнях общества, не щадя ни египтянина, ни гиксоса, ни мужчину, ни женщину, ни ребенка, ни крестьянина и ни принца: болезнь косила всех, как косят серпом просо дурра.

Восемь принцесс и шесть принцев Дома Тамоса умерли. Из всех детей фараона выжили только две девочки и принц Нефер Мемнон. Похоже, боги нарочно расчистили господину Нагу путь к трону Египта.

Были такие, кто клялся, что Нефер и его сестры также умрут, однако старый Маг Таита призвал свое волшебство, чтобы спасти детей. Эти трое по сей день ходили с крошечными шрамами на левой руке выше локтя, где он, надрезав кожу, поместил в их кровь волшебное заклятие против Желтых Цветов.

Наг нахмурился. Даже в этот миг своего торжества он продолжал думать о странных силах, которыми владел Маг. Никто не мог отрицать, что тот открыл тайну жизни. Он жил уже так долго, что никто не знал, сколько ему лет; одни говорили сто, другие – двести. Однако он по-прежнему ходил, бегал и управлял колесницей как мужчина в расцвете сил. Никто не мог одолеть его в спорах, никто не мог превзойти его в учении. Несомненно, боги любили его и даровали ему тайну вечной жизни.

Когда он станет фараоном, ему будет недоставать лишь ее. Сможет ли он вырвать эту тайну у Чародея Таиты? Для начала его следует схватить и привезти вместе с принцем Нефером, но вредить ему нельзя. Он слишком ценен. Колесницы, посланные Нагом обыскивать восточные пустыни, доставят ему трон в лице принца Нефера и вечную жизнь в обличье евнуха Таиты.

Асмор прервал его размышления:

– Наша верная Стража Пта – единственный отряд к югу от Абнуба. Остальное войско развернуто против гиксосов на севере. Фивы защищают горстка мальчишек, калеки и старики. Никто не стоит на вашем пути, регент.

Любые опасения, что вооруженный легион не пустят в город, оказались беспочвенными. Главные ворота открылись настежь, едва часовые узнали синий штандарт, и навстречу воинам выбежали горожане. Они несли пальмовые ветви и гирлянды водяных лилий, поскольку по городу пролетел слух, что господин Наг принес весть о великой победе над царем гиксосов Апепи.

Но приветственные крики и смех вскоре уступили место исступленным воплям скорби: горожане увидели на полу второй колесницы обернутое тканью тело царя и услышали с подъезжающих колесниц крики: «Фараон мертв! Он убит гиксосами. Да живет он вечно».

Стенающие толпы, запрудив улицы, следовали за колесницей, которая везла царское тело к погребальному храму, и в замешательстве никто как будто бы не заметил, что отряды солдат Асмора сменили охрану на главных воротах и живо выставили караульных на каждом углу и на каждой площади.

Колесницу с телом Тамоса сопровождали толпы народа. Остальная часть обычно кишащего людьми города почти опустела, и Наг в своей колеснице галопом промчался по узким кривым улицам к дворцу на берегу реки. Он знал, что, услышав ужасную весть, все члены совета поспешат в палату собрания. Оставив колесницы у входа в сады, Асмор и пятьдесят телохранителей построились вокруг Нага. Они тесным строем прошли через внутренний двор, мимо прудов

водного сада, полных гиацинтов и речной рыбы, сверкавшей подобно самоцветам под поверхностью прозрачных водоемов.

Прибытие такого отряда вооруженных воинов застало совет врасплох. Двери в палату не охранялись, и в ней собралось только четверо из членов совета. Наг остановился в дверном проеме и быстро взглянул на них. Менсет и Талла состарились и уже не обладали, как прежде, большими полномочиями; Синка всегда был слаб и нерешителен. Оставался лишь один сильный человек, с которым приходилось считаться.

Кратас был старше любого из них, но походил на дремлющий вулкан. В его одежде царил беспорядок – он, несомненно, прибыл на совет прямо с ложа, но не поднятый от сна. Поговаривали, будто он до сих пор способен развлекаться с двумя своими молодыми женами и всеми пятью наложницами, в чем Наг не сомневался, ибо рассказов о подвигах Кратаса на поле боя и в любви ходило множество. Свежие влажные пятна на белом льняном набедреннике и сладкий природный аромат женского сладострастия, окутывавший старика, нельзя было не заметить даже с того места, где стоял Наг. Шрамы на руках и обнаженной груди Кратаса напоминали о сотнях битв, в которых он сражался и побеждал на протяжении многих лет. Старик больше не желал носить многочисленные цепи полученных по праву Золотой Доблести и Золотой Похвалы – такая груда драгоценного металла могла бы придавить и вола.

– Благородные господа! – приветствовал Наг членов совета. – Я прибыл, чтобы сообщить вам страшную весть. – Он шагнул в палату, и Менсет с Таллой отпрянули, будто кролики при виде змеящегося тела приближающейся кобры. – Фараон мертв. Сражен гиксосской стрелой при штурме вражеской крепости близ Эль-Вадуна.

Члены совета оторопело глядели на него в тишине, все, кроме Кратаса. Он первый оправился от потрясения. Его горе могло сравниться только с его гневом. Тяжело поднявшись на ноги, он с негодованием смотрел на Нага и его телохранителя: так старый буйвол с удивлением глядит из грязной лужи на львят-подростков.

– Сколь велика твоя наглость, изменник, что ты посмел носить печать сокола на своей руке? Наг, сын Тимлата, рожденный из чрева гиксосской потаскухи, ты не достоин пресмыкаться в грязи под ногами мужа, у которого украл этот талисман. Мечом, что висит сейчас на твоем поясе, владели руки куда более благородные, чем твои лапы. – Лысое темя Кратаса побагровело, а худое лицо вздрагивало от ярости.

Наг на мгновение удивленно замер. Откуда это старое пугало узнало, что его мать была гиксосской крови? Это держали в глубокой тайне. Он понял, что перед ним единственный человек, помимо Таиты, в чьих силах и власти вырвать из его рук двойную корону.

Он невольно сделал шаг назад.

– Я – регент царственного принца Нефера. Я ношу синюю печать сокола по праву, – ответил он.

– Нет! – прогремел Кратас. – Ты – нет! Лишь великие и благородные мужи вправе носить печать сокола. Фараон Тамос имел на это право, Тан, господин Харраб, имел на это право, и их предки, могущественные цари до них. А тебе, сучье отродье, оно не принадлежит.

– Меня провозгласили регентом легионы на поле боя. Я – регент принца Нефера.

Кратас направился к нему через палату.

– Ты не воин. У Лостры и Сивы гиксосские родственники-шакалы разгромили тебя. Ты не государственный муж, не философ. Тобой в меру восхищался лишь фараон – и заблуждался. Я предупреждал его о тебе сто раз.

– Назад, старый дурак! – предостерег Наг. – Я теперь вместо фараона. Тронув меня, ты оскорбишь корону и достоинство Египта.

– Я сорву с тебя печать и этот меч. – Кратас не остановился. – А потом доставлю себе удовольствие, задам тебе трепку.

Асмор справа от Нага прошептал:

– Оскорбление правителя карается смертью.

Наг мгновенно осознал, какая удача идет ему в руки. Он вскинул голову и взглянул во все еще яркие глаза старика.

– Старый хвастун, мешок дерьма, – дерзко сказал он. – Твое время прошло, Кратас, трясущийся старый осел. Ты не осмелишься и пальцем тронуть регента Египта.

Он рассчитал верно – такого оскорбления Кратас не стерпел. Он взревел и последние несколько шагов пробежал. Удивительно проворный для своих лет и сложения, он схватил Нага, приподнял и попытался сорвать печать сокола с его руки.

– Нет у тебя такого права!

Не оглядываясь, Наг негромко велел Асмору, стоявшему в шаге позади с обнаженным серповидным мечом в правой руке:

– Бей! И бей сильнее!

Асмор шагнул в сторону, и бок Кратаса выше набедренника открылся ему для удара в поясницу, в область почки. Удар умелой руки Асмора был силен и точен. Бронзовый клинок легко и бесшумно, как игла в шелк, вонзился в плоть и вошел по самую рукоятку, после чего Асмор прокрутил его, чтобы расширить канал раны.

Все тело Кратаса напряглось, глаза широко открылись. Его руки ослабли, и ступни Нага коснулись земли. Асмор потянул клинок на себя. Лезвие с трудом выходило из сжимавшей его плоти. Блестящую бронзу покрывала темная кровь, медленная струйка бежала вниз, впитываясь в белый льняной набедренник Кратаса. Асмор ударил снова, на сей раз выше, целясь клинком под самое нижнее ребро. Кратас нахмурился и покачал большой, похожей на львиную, головой, словно был раздражен какой-то ребяческой чепухой. Он повернулся и пошел к двери палаты. Асмор побежал за ним и нанес ему третий удар, в спину. Кратас не остановился.

– Мой господин, помогите убить собаку, – пропыхтел Асмор; Наг вынул синий меч и подбежал. Когда Наг рубил и колол, лезвие меча вонзалось глубже, чем любая бронза. Кратас, покачиваясь, вышел через двери палаты во внутренний двор, кровь толчками выплескивалась из дюжины ран. Позади них другие члены совета кричали:

– Убийство! Оставьте благородного Кратаса!

Асмор не менее громко орал:

– Предатель! Он поднял руку на регента Египта! – Он ударил снова, целясь в сердце, но Кратас привалился к стене, которой был обнесен рыбный пруд, и попытался выпрямиться. Однако его ладони, красные и скользкие от его собственной крови, соскользнули с полированного мрамора. Кратас рухнул на низкую плиту парапета и с тяжелым всплеском исчез под поверхностью.

Оба нападавших остановились, прислонясь к стене, чтобы отдышаться, и глядели на розовую от крови старика воду. Вдруг из нее поднялась лысая голова, и Кратас шумно вдохнул.

– Во имя всех богов, когда старый ублюдок умрет? – Голос Асмора был полон удивления и расстройства.

Наг перепрыгнул через стену, окаймлявшую водоем, и по пояс в воде встал над огромным барахтающимся телом. Он поставил ногу Кратасу на горло и глубоко утопил голову старика. Кратас ворочался, пытаясь подняться в розовой от его крови и грязной от взбаламученного ила воде. Наг давил всей тяжестью, удерживая старика под поверхностью.

– Похоже на езду на бегемоте. – Он, задыхаясь, засмеялся, и тотчас Асмор и солдаты, сгрудившиеся у края бассейна, подхватили. Они ревели от смеха и гикали:

– Выпей в последний раз, Кратас, старый пьяница.

– Ты отправишься к Сету чистеньким и пахнущим сладко, как женщина. Бог не узнает тебя.

Движения старика становились все слабее; наконец последний большой выдох вырвался пузырями на поверхность, и Кратас замер. Наг прошел к краю пруда и выбрался из него. Тело Кратаса медленно поднялось к поверхности и поплыло лицом вниз.

– Достаньте его оттуда! – приказал Наг. – Бальзамировать не отдавайте, а разрубите на части и похороните вместе с другими разбойниками, насильниками и предателями в Долине Шакала. Могилу не отмечайте.

Тем самым Кратаса лишили возможности попасть в рай. Обрекли вечно блуждать в темноте.

Мокрый до пояса Наг вернулся в палату. К этому времени там собрались остальные члены совета. Свидетели участи Кратаса, они сидели сжавшись, бледные и потрясенные, на своих скамьях и ошеломленно глядели на Нага, стоявшего перед ними с окровавленным синим мечом в руке.

– Благородные господа, измену всегда карали смертью. Есть ли среди вас тот, кто подвергнет сомнению справедливость такого наказания? – Он посмотрел на каждого из них по очереди, и каждый отвел глаза: вдоль стен палаты плечом к плечу стояли Стражи Пта, а после смерти Кратаса не осталось никого, кто дал бы совет членам совета.

– Господин Менсет, – Наг отыскал глазами председателя, – вы подтверждаете справедливость казни предателя Кратаса?

Долгое мгновение казалось, что Менсет возмутится, однако же он вздохнул и уставился на свои руки, лежащие на коленях.

– Кара была справедливой, – прошептал он. – Совет утверждает действия господина Нага.

– Утверждает ли совет также назначение господина Нага регентом Египта? – спросил Наг тихо, но его голос ясно прозвучал в устрашенной притихшей палате.

Менсет поднял голову и посмотрел на других членов совета, но все отводили глаза.

– Председатель и все члены этого собрания признают нового регента Египта. – Наконец Менсет посмотрел прямо на Нага, но лицо его было столь угрюмым и презрительным, что не оставалось сомнений: еще до следующего полнолуния Менсета найдут мертвым в постели. Однако сейчас Наг просто кивнул.

– Я принимаю долг и тяжелую ответственность, возлагаемую вами на меня. – Он вложил меч в ножны и поднялся на возвышение трона. – Моим первым официальным заявлением в должности регента в совете станет описание доблестной смерти божественного фараона Тамоса. – Он выдержал значительную паузу и в течение следующего часа подробно изложил свою версию роковой кампании и штурма высоты у Эль-Вадуна. – Так погиб один из самых доблестных царей Египта. Его последними словами мне, несущему его вниз с холма, были: «Побеспокойся о моем единственном оставшемся сыне. Охраняй моего сына Нефера, пока он не возмужает настолько, чтобы носить двойную корону. Возьми под свое крыло моих двух маленьких дочерей и следи, чтобы с ними ничего не случилось».

Правитель Наг мало старался скрыть свое ужасное горе, и ему потребовалось некоторое время, чтобы справиться с чувствами. Потом он твердо продолжил:

– Я не подведу бога, что был моим другом и фараоном. Я уже послал колесницы в пустыню, найти принца Нефера и вернуть его в Фивы. Как только он прибудет, мы посадим его на трон и дадим в руки плеть и скипетр.

Среди членов совета раздался первый ропот одобрения, и Наг продолжил:

– А теперь пошлите за принцессами. Доставьте их в палату немедленно.

Когда девочки нерешительно вошли через главные двери, Гесерет, старшая, вела за руку младшую сестру, Меркару. Меркару оторвали от игры в подачу и бросок с подругами, и ее худенькое тело было в поту. Девочку еще отделяло от зрелости несколько лет, и поэтому ноги у нее были длинными и тонкими, а обнаженная грудь – плоской, как у мальчишки. Длинные черные волосы были уложены локонами, ниспадающими к левому плечу, а чрезвычайно короткая

набедренная повязка открывала нижнюю часть маленьких круглых ягодиц. Меркара застенчиво улыбнулась этому огромному собранию знаменитых мужей и сильнее сжала руку старшей сестры.

Гесерет уже увидела свою первую красную луну, и на ней были льняной набедренник и парик достигшей брачного возраста женщины. Даже старики смотрели на нее с вожделением, ведь она в полной мере унаследовала прославленную красоту своей бабушки, царицы Лостры, – молочно-белую кожу, гладкие и красивые руки и ноги, а ее обнаженные груди были подобны полным лунам. Лицо девушки хранило безмятежное выражение, но уголки рта приподнимала таинственная озорная улыбка, а в огромных темно-зеленых глазах горели загадочные огоньки.

– Подойдите сюда, милые, – позвал Наг, и лишь тогда они узнали того, кто был близким и любимым другом их отца. Они улыбнулись и доверчиво подошли. Наг поднялся с трона, приблизился к ним и положил руки им на плечи; его голос и лицо были печальны. – Крепитесь и помните, что вы – принцессы царского дома, ведь у меня для вас печальная весть. Фараон, ваш отец, умер. – С минуту они, казалось, не понимали, затем Гесерет испустила высокий пронзительный вопль скорби, к которому тут же присоединилась Меркара.

Наг нежно обнял девочек и повел, чтобы усадить у трона, где они опустились на колени и прильнули друг к другу, безутешно плача.

– Горе царственных принцесс видят все, – сказал Наг собранию. – Доверие и долг, возложенные на меня фараоном, столь же очевидны. Как я взял под свою опеку принца Нефера Мемнона, так я теперь беру под свою опеку этих двух принцесс, Гесерет и Меркару.

– Теперь в его руках все царское потомство. Думаю, что независимо от того, где сейчас в пустыне принц Нефер и каким бы здоровым и сильным он ни казался, он уже смертельно болен, – прошептал Талла своему соседу. – Новый регент Египта совершенно недвусмысленно показал свою манеру править.

Нефер сидел в тени утеса, возвышавшегося над Гебель-Нагарой. Он не двигался с места с тех пор, как солнце едва высунуло краешек из-за гор за долиной. Вначале старания сохранять неподвижность жгли его нервные окончания, отчего кожа зудела, как если бы по ней ползали ядовитые насекомые. Но он знал, что Таита наблюдает за ним, поэтому постепенно подчинил воле своенравное тело и поднялся над его мелким диктатом. Теперь наконец он достиг сосредоточенного осознания, и все его чувства были настроены на восприятие окрестной пустыни.

Он чуял запах воды, пробивающейся из источника, скрытого в расселине утеса. Она вытекала медленными каплями, падала в углубление в скале, ненамного больше его сложенных вместе ладоней, перетекала через край и сочилась в следующее углубление, выстланное скользкими зелеными водорослями. Оттуда вода устремлялась вниз, чтобы навсегда исчезнуть в красноватых песках дна долины. Однако эта пресная струйка поддерживала много жизней: бабочка и жук, змея и ящерица, изящная небольшая газель, танцующая подобно дуновениям шафранной пыли на дрожащих в жарком мареве равнинах, пестрые голуби с воротниками из перьев винного цвета, гнездившиеся на высоких уступах, – все пили здесь. Именно из-за этих драгоценных углублений Таита привел его сюда ждать божественную птицу.

Сеть они начали плести в день прибытия в Гебель-Нагару. У торговца в Фивах Таита купил шелк. Моток нити стоил столько же, сколько прекрасный жеребец, ведь его привезли из страны, лежащей далеко на восток от реки Инд, за много лет езды от нее. Таита показал Неферу, как плести сеть из тонких нитей. Ячейки сети были крепче, чем из толстых нитей льна или кожаных ремней, но почти невидимы для глаз.

Когда сеть была готова, Таита настоял на том, чтобы мальчик сам добыл приманку.

– Это ваша божественная птица. Вы должны поймать ее без посторонней помощи, – объяснил он. – Тогда ваши притязания на трон получат лучшее подкрепление в глазах великого бога Гора.

Затем в палящем свете дня Нефер и Таита изучили на дне долины путь к вершине утеса. Когда стемнело, Таита сел возле маленького костра у подножия утеса и тихо запел заклинания, время от времени бросая в огонь пучки трав. Когда месяц поднялся и рассеял мрак полуночи, Нефер начал рискованный подъем к выступу, где гнездились голуби. Он схватил двух больших трепещущих птиц, пока те еще были сбиты с толку темнотой и заклятием, наложенным на них Таитой, и унес вниз в кожаной переметной суме, закинутой за спину.

Под руководством Таиты Нефер ощипал одно крыло у каждой птицы, так чтобы голуби не могли улететь. Затем выбрали место близ подножия утеса и источника, достаточно открытое, чтобы птиц было ясно видно с неба. Нитью, сплетенной из конского волоса, они привязали голубей за лапки к деревянному колышку, вбитому в твердую землю, растянули паутинно-тонкую сеть и подвесили ее над приманкой на стеблях сухой слоновой травы, которая должна была треснуть и сломаться при падении божественной птицы.

– Немного натяни сеть, – Таита показал, как это сделать, – не слишком сильно и не слишком слабо. Клюв и когти птицы должны пройти сквозь тенета и запутаться в них так, чтобы она не могла двигаться и не поранилась, прежде чем мы освободим ее.

Когда все было устроено, как хотел Таита, началось долгое ожидание. Скоро голуби привыкли к плену и жадно склевали просо дурра, рассыпанное для них Нефером. Затем они искупались в пыли и, довольные, устроились под шелковой сетью. Но кому могло повезти в этот жаркий, пронизанный солнцем день? И тем не менее старик и мальчик ждали.

В прохладе вечера они забрали голубей, свернули сеть и отправились на охоту, чтобы добыть себе пропитание. Таита поднялся на вершину утеса и сел, скрестив ноги, на краю, оглядывая длинную долину. Нефер ждал в засаде ниже, но никогда в одном и том же месте, так чтобы добычу можно было застать врасплох, когда та приходила напиться из источника. Таита на своем наблюдательном пункте творил заклятие притяжения, которым редко не удавалось подманить изящную газель на верный выстрел от места, где лежал Нефер с наложенной на натянутую тетиву стрелой. Каждый вечер они жарили над огнем у входа в пещеру мясо газели.

Эта пещера была убежищем Таиты на протяжении всех лет после смерти царицы Лостры, когда он жил здесь отшельником. Это было для него место обретения силы. Хотя Нефер, новичок, плохо понимал тайное искусство старика, он не сомневался – оно есть, потому что каждый день видел его проявления.

Они провели в Гебель-Нагаре много дней, прежде чем Нефер начал сознавать, что они прибыли сюда не только найти божественную птицу: их отлучка не стала перерывом в уроках и упражнениях, которые Таита постоянно проводил с ним сколько себя помнил юный Нефер. Даже долгие часы ожидания около приманок были уроком. Таита учил принца владеть своим телом и существом, учил открывать двери в своем сознании, учил заглядывать внутрь себя, слушать тишину и слышать шепот, к которому другие были глухи.

Привыкнув к тишине, Нефер стал более восприимчив к глубокой мудрости и знаниям, которые Таита намеревался ему передать. По ночам они сидели вместе в пустыне, под вращающимися узорами звезд, вечными, но в то же время эфемерными, как ветры и океанские течения, и Таита рассказывал принцу о чудесах, которые, казалось, ничем нельзя объяснить, но лишь постичь, раскрыв и расширив сознание. Нефер ощущал, что стоит всего-навсего на темной окраине страны этого мистического знания, но чувствовал, как в нем растет великая жажда узнать больше.

Однажды утром, выйдя в сером сумраке рассвета из пещеры, Нефер увидел, что в пустыне за источником Гебель-Нагары сидят несколько темных молчаливых фигур. Он пошел сказать Таите, и старик кивнул.

– Они ждали всю ночь. – Он набросил на плечи шерстяную накидку и вышел к гостям.

Когда сухую фигуру Таиты узнали в полутьме, раздались вопли мольбы. Это были люди племен пустыни, которые принесли ему детей, пораженных Желтыми Цветами, горящих в лихорадке и покрытых из-за болезни ужасными язвами. Таита лечил их; пустынники стояли лагерем за источником. Никто из детей не умер, и десять дней спустя племя принесло ему дары – просо, соль и высушенные шкуры, – которые оставило у входа в пещеру. Затем эти люди ушли в пустыню. После пришли другие, страдающие от болезней и ран, нанесенных людьми и животными. Таита выходил ко всем и не прогонял никого.

Нефер работал вместе с ним, и то, что мальчик увидел и услышал, многому его научило.

Однако что бы Таита с принцем ни делали – обихаживали больных и страждущих кочевников, или добывали пищу, или занимались обучением и упражнениями, каждое утро они помещали под шелковую сеть приманки и ждали около них.

Вероятно, дикие голуби оказались под успокаивающим влиянием Таиты, поскольку стали спокойными и послушными, как цыплята. Они позволяли брать себя в руки, не выказывая ни малейших признаков страха, и тихо хрипло ворковали, хотя были привязаны за лапки к колышкам, а затем садились, распушив перья.

На двадцатое утро пребывания в пустыне Нефер занял свое место около приманок. Как всегда, и не глядя на Таиту, Нефер остро ощущал его присутствие. Глаза старика были закрыты, и он, казалось, дремал на солнце, как голуби. Его кожа была исчерчена неисчислимыми тонкими морщинками и усыпана возрастными пятнами. Она казалась столь тонкой, что грозила порваться легко, как тонкий лист папируса. На лице Таиты не было волос, ни следа бороды или бровей; лишь тонкие ресницы, бесцветные, как стекло, окаймляли глаза. Нефер однажды слышал, как отец сказал: у Таиты не растет борода, а ход времени мало отражается на лице Мага из-за того, что он скопец, – но он был уверен, существуют более тайные причины долголетия наставника и стойкости его физической и жизненной силы. Резкий контраст с другими чертами Таиты составляли волосы – волосы густые и сильные, как у здоровой молодой женщины, но цвета яркого блестящего серебра. Таита гордился ими и содержал в чистоте, но заплетал в толстую косу на затылке. Несмотря на ученость и годы, старый Маг не грешил тщеславием.

Эта небольшая человеческая слабость усиливала любовь Нефера к Таите до боли в груди. Принцу хотелось бы придумать, как выразить ее, однако он знал, что Таита и так все понял, ведь Таита знал все.

Он тайком протянул руку, чтобы коснуться руки спящего старика, но внезапно глаза Таиты открылись, внимательные и понимающие. Нефер понял, что Маг вовсе не спал и что все его силы были сосредоточены на подведении божественной птицы к приманкам. Мальчику стало ясно, что каким-то образом блуждание его мысли и его движение повлияли на результат усилий старика, поскольку он ощутил неодобрение Таиты, да так ясно, будто Маг выразил его вслух.

Получив порицание, он усилием воли успокоился и снова стал контролировать свои ум и тело так, как научил его Таита. Словно проскользнул сквозь потайную дверь туда, где обитала сила. Время шло стремительно, и нельзя было измерить его или сожалеть о нем. Солнце поднялось в зенит и, казалось, надолго замерло там. Внезапно Нефер пережил благословенное, чудесное чувство провидения. Ему мнилось, будто он парил над миром и видел все, что происходило внизу. Он видел Таиту и себя возле источника Гебель-Нагары и пустыню, расстилающуюся далеко окрест. Он видел реку, сдерживающую пустыню подобно крепчайшему барьеру, – она отмечала границы Египта. Он видел города и царства, разъединенные страны двойной короны, огромные войска, стоящие в боевом порядке, козни злодеев и самоотверженную борьбу людей справедливых и хороших. В этот миг он так глубоко осознал свое предназначение, что это ошеломило

его и едва не сокрушило его храбрость. В тот же миг принц понял, что его божественная птица прилетит сегодня, поскольку он наконец готов взять ее.

– Птица – здесь!

Нефер так ясно услышал эти слова, что на мгновение подумал, будто Таита их сказал, но затем понял, что губы старика не шелохнулись. Таита каким-то таинственным образом поместил эту мысль в мозг Нефера, чего Нефер не мог ни понять, ни объяснить. Он не усомнился в справедливости этой мысли, а в следующий миг ее истинность подтвердило неистовое хлопанье крыльев подсадных голубей, почуявших в воздухе над собой угрозу.

Нефер ни малейшим движением не показал, что услышал и понял. Он не повернул головы и не поднял к небу глаза. Он не смел поглядеть вверх, чтобы не встревожить птицу или не навлечь на себя гнев Таиты. Но он ощущал присутствие сокола всеми фибрами.

Царский сокол был столь редкой птицей, что немногим довелось видеть его на воле. На протяжении минувшей тысячи лет ловчие каждого фараона искали птиц, заманивали их в западни и сети, чтобы заполнить царские клетки, и даже брали из гнезд птенцов прежде, чем они оперятся. Владеть птицами означало доказать, что фараон правит Египтом с божественного одобрения бога Гора.

Сокол был символом этого бога: Гора изображали с соколиной головой. Фараон сам был богом и потому мог ловить и содержать этих птиц и охотиться на них, но всем прочим это запрещалось под страхом смерти. И вот птица прилетела. Его, Нефера, птица. Казалось, Таита колдовством сотворил ее прямо из неба. Нефер почувствовал, как от волнения сжалось сердце и замерло дыхание, так что грудь грозила разорваться. Но однако, он не осмеливался поднять голову к небу.

Затем он услышал сокола. Его крик был тихой жалобой, почти затерянной в необъятности неба и пустыни, но он взволновал Нефера до мозга костей, как если бы с ним говорил бог. Мгновение спустя сокол крикнул снова, прямо над ними, более пронзительно и гневно.

Теперь голуби, охваченные ужасом, подпрыгивали, силясь вырваться из удерживавших их возле колышков пут, и били крыльями так, что летели перья; от этого в воздухе вокруг них поднялось бледное облако пыли.

Нефер слышал, как в вышине сокол начал падать на приманку, и ветер, повышая тон, запел под его крыльями. Он понял, что наконец можно без опаски поднять голову, поскольку все внимание сокола сосредоточено на добыче.

Нефер посмотрел вверх и на яркой синеве неба пустыни увидел падающую птицу, птицу божественной красоты. Ее крылья были сложены за спиной подобно до половины убранным в ножны клинкам, голова выставлена вперед. Сила и мощь птицы заставили Нефера громко вздохнуть. Он видел в клетках отца других соколов этой породы, но никогда прежде – подобного этому во всем его диком изяществе и величии. Пока сокол падал туда, где сидел Нефер, он словно бы чудесным образом вырастал, а его оперение становилось более ярким.

Изогнутый клюв был приятного темно-желтого цвета, с черным как обсидиан острым кончиком. Глаза – золотые и жестокие, с похожими на слезу отметинками во внутренних уголках, горло кремовое, в пестринках, точно мех горностая, крылья красновато-коричневые, с черным, да и в целом это создание было столь изящным в каждой мелочи, что принц ни на миг не усомнился в том, что перед ним воплощение бога. Он так хотел заполучить этого сокола, что отметал всякие сомнения.

Он приготовился к моменту столкновения, когда сокол ударится о шелковую сеть и запутается в многочисленных складках, и почувствовал, как рядом с ним Таита сделал то же самое. Они были готовы броситься вперед вместе.

Затем случилось нечто невообразимое. Сокол полностью отдался падению; он летел так стремительно, что остановить его мог лишь удар в покрытое мягкими перьями тело голубя. Но

вопреки всему сокол совершил невозможное и взлетел снова. Его крылья изменили форму, и мгновение сила ветра грозила оторвать их в местах сочленения с телом. Воздух засвистел в распахнутых крыльях, сокол изменил направление полета, поднялся еще выше, используя собственную скорость, чтобы дугой взмыть в небо, и через секунду превратился в черное пятнышко на синем небе. Его крик еще раз жалобно прозвучал вдалеке, и он исчез.

– Он передумал! – прошептал Нефер. – Почему, Таита, почему?

– Пути богов для нас неисповедимы. – Хотя Таита все эти часы провел в неподвижности, он поднялся гибким движением тренированного атлета.

– Он не вернется? – спросил Нефер. – Это была моя птица. Я чувствовал это сердцем. Это была моя птица. Он должен вернуться.

– Он – часть божества, – сказал Таита тихо. – Он не принадлежит естественному порядку вещей.

– Но почему он передумал? Должна быть причина, – настаивал Нефер.

Таита не ответил сразу, а пошел выпустить голубей. Прошло столько времени, что перья на крыльях снова отросли, но, когда он освободил лапки птиц от пут из конского волоса, голуби и не подумали улететь. Один из них захлопал крыльями, взлетел и уселся на плечо Мага. Таита осторожно взял его обеими руками и подбросил. Только после этого голубь полетел к утесу, к своему гнездовью на высоком уступе.

Старик проводил его глазами, повернулся и пошел назад к входу в пещеру. Нефер медленно поплелся следом, на его сердце давил тяжкий груз разочарования, ноги казались свинцовыми. В сумраке пещеры Таита сел на каменный выступ у задней стены, наклонился вперед и стал разводить дымный костер из терновых веток и конского навоза. Вспыхнуло пламя. С тяжелым сердцем, с растущим предчувствием беды Нефер занял свое привычное место напротив.

Оба долго молчали. Нефер старательно сдерживался, хотя переживал мучительное разочарование из-за потери сокола, словно сунул руку в огонь. Он знал, что Таита заговорит снова только когда будет готов. Наконец Таита вздохнул и сказал тихо, почти печально:

– Мне нужно поработать с Лабиринтами Амона Ра.

Нефер поразился. Такого он не ожидал. За все время, что они провели вместе, Нефер всего дважды видел, как Таита работал с Лабиринтами. Он знал, что самовведение в прорицательский транс равносильно маленькой смерти, иссушающей и изнуряющей старика. Маг решался на страшное путешествие в потустороннее только когда не было иного пути.

Нефер хранил молчание, в страхе наблюдая, как Таита проходил ритуал подготовки к работе с Лабиринтами. Сначала Маг растолок в ступке, вырезанной из алебастра, пестиком травы и отмерил смесь в глиняный горшок. Затем налил туда кипящей воды из медной посудины. Пар, поднявшийся облаком, был настолько едким, что на глазах Нефера выступили слезы.

Пока настой охлаждался, Таита принес из тайника в глубине пещеры мешок из дубленой кожи, в котором хранились Лабиринты. Сидя у огня, он высыпал в ладонь диски из слоновой кости, осторожно потер их пальцами и тотчас запел заклинание Амона Ра.

Лабиринты состояли из десяти дисков слоновой кости, которые Таита вырезал собственноручно. Десять было мистическим числом величайшей силы. На каждом диске с величайшим искусством было вырезано миниатюрное изображение одного из десяти символов силы. Таита пел обращение к богу и тихо поглаживал диски так, чтобы они щелкали между его пальцами. После каждого стиха он дул на диски, наделяя их жизненной силой. Когда они вобрали тепло его тела, он передал их Неферу.

– Возьми и подыши на них, – приказал он, и когда Нефер повиновался, закачался в ритме магических стихов, которые читал. Его глаза стали словно бы медленно стекленеть: маг вступал в потаенные уголки своего сознания. Он уже был в трансе, когда Нефер сложил Лабиринты двумя горстками перед собой.

Затем одним пальцем Нефер, как научил его Таита, проверил температуру настоя в глиняном горшке. Когда тот остыл достаточно, чтобы не обжечь рот, Нефер встал на колени перед стариком и обеими руками поднес ему горшок.

Таита выпил настой до последней капли, и его освещенное огнем лицо побелело как строительный известняк из карьера в Асуане. Некоторое время старик продолжал читать стихи, но постепенно его голос упал до шепота, а затем наступила тишина. Единственным звуком оставалось хриплое дыхание мага, поскольку зелье подействовало и он впал в транс. Он опустился на пол пещеры и лег, свернувшись будто кот у огня.

Нефер накрыл его шерстяной накидкой и оставался подле, пока Таита не начал подергиваться и стонать и пот не заструился по его лицу. Глаза Мага открылись и закатились в орбитах так, что только белки слепо смотрели в темную тень пещеры.

Нефер знал, что теперь ничем не поможет старику. Тот странствовал далеко, в мрачных местах, куда у Нефера не было доступа. Не в силах дольше терпеть ужасные боль и страдание, которые Лабиринты причиняли Магу, принц тихо поднялся, взял в глубине пещеры свой лук и колчан и, пригнувшись, выглянул наружу. Низко над холмами стояло желтое солнце в пыльной дымке. Нефер стал подниматься на западный бархан, и, когда достиг вершины и оглянулся на долину, на него с такой силой обрушилось разочарование из-за потери птицы, беспокойство о Таите в его муке прорицания и предчувствие того, что Таита узнает в своем трансе, что мальчика обуяло стремление сбежать, удрать, будто от странного хищника. Он спустился с бархана; под ногами шуршал и осыпался песок. Нефер почувствовал, как слезы страха навернулись на его глаза и струйками потекли по щекам, и бросился бежать, и мчался до тех пор, пока по его бокам не заструился пот, а грудь не заходила ходуном и солнце не скатилось к горизонту. Тогда наконец он повернул в сторону Гебель-Нагары, а последнюю милю прошел уже в темноте.

Таита все еще лежал, свернувшись под накидкой у огня, но сейчас его сон был не столь тяжким. Нефер лег рядом и через некоторое время тоже заснул, и его сон тревожили видения и частые кошмары.

Когда он пробудился, за входом в пещеру мерцал рассвет. Таита, сидя у огня, поджаривал на углях куски газельего мяса. Он все еще выглядел бледным и больным, однако наколол один кусок на кончик бронзового кинжала и предложил его Неферу. Мальчик внезапно ощутил сильный голод, сел и вгрызся в сладкое, нежное мясо. Только проглотив третью порцию, он заговорил.

– Что ты видел, Тата? – спросил он. – Почему божественная птица улетела?

– Это было скрыто во мраке, – ответил Таита, и Нефер понял: предзнаменование неблагоприятно и Таита оберегает его.

Некоторое время они ели в тишине, но теперь Нефер едва ощущал вкус пищи и наконец тихо сказал:

– Ты освободил подсадных голубей. Как же мы поставим сеть завтра?

– Божественная птица больше не прилетит в Гебель-Нагару, – просто ответил Таита.

– Значит, я никогда не стану фараоном вместо отца? – спросил Нефер.

В его голосе звучало глубокое страдание, и Таита смягчил свой ответ.

– Нам необходимо забрать твою птицу из гнезда.

– Мы не знаем, где найти божественную птицу. – Нефер прекратил есть и жалкими глазами уставился на Таиту.

Старик утвердительно склонил голову.

– Я знаю, где гнездо. Это было явлено в Лабиринтах. Но тебе нужно есть, чтобы подкрепить свои силы. Мы уедем завтра до рассвета. Это будет долгая поездка.

– В гнезде неоперившиеся птенцы?

– Да, – ответил Таита. – Соколы вывели потомство. Молодняк почти готов стать на крыло. Мы найдем твою птицу там. – «Или бог откроет нам другие тайны», – добавил он про себя.

В предрассветной тьме они погрузили мехи с водой и переметные сумы на лошадей и вскочили коням на спины. Таита поехал первым, мимо края утеса и затем по легкому пути на холмы. К тому времени как солнце встало над горизонтом, Гебель-Нагара осталась далеко внизу. Поглядев вперед, Нефер вздрогнул от удивления: там проступал неясный силуэт горы, синей на синем небе, такой далекой, что она казалась иллюзорной и эфемерной, чем-то созданным скорее из тумана и воздуха, чем из земли и камня. У Нефера возникло такое чувство, будто он видел эту гору прежде, и некоторое время он растерянно старался объяснить это себе. Затем он вдруг понял и сказал:

– Вон та гора. – Он указал на нее. – Мы идем туда, верно, Тата? – Мальчик говорил с такой уверенностью, что Таита оглянулся и посмотрел на него.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел ее во сне прошлой ночью, – ответил Нефер.

Таита отвернулся, чтобы мальчик не увидел его лица. Наконец глаза разума Нефера начали открываться подобно пустынному цветку на рассвете. Он учился проникать за темную завесу, скрывающую от нас будущее. Таита ощутил глубокий смысл своего достижения. Хвала сотне имен Гора, его великие труды были не напрасны.

– Мы идем туда, я знаю, – повторил Нефер с твердой уверенностью.

– Да, – подтвердил наконец Таита. – Мы идем к Бир-Умм-Масаре.

Перед наступлением самой жаркой части дня Таита привел их туда, где в глубокой лощине стояла рощица кривых акаций и терновых деревьев, их корни тянули воду из неведомого источника, залегающего гораздо ниже поверхности. Когда они освободили лошадей от поклажи и напоили их, Нефер быстро обошел вокруг рощи и через несколько минут обнаружил признаки других людей, прошедших этой дорогой. Он взволнованно позвал Таиту и показал ему следы колес, оставленных маленьким отрядом колесниц (по его подсчету, их было десять), пепел на месте костра, на котором готовили пищу, и примятую траву там, где воины легли спать поблизости от привязанных к стволам акаций лошадей.

– Гиксосы? – тревожно предположил он, потому что лошадиный навоз в следах колесниц лежал совсем свежий, ему было не больше нескольких дней – сухой снаружи, он оказался все еще влажным, когда Нефер наступил на него.

– Наши. – Таита узнал следы колесниц. В конце концов, много десятилетий назад он сам изготовил первые образцы этих колес со спицами. Он вдруг наклонился и подобрал крошечное бронзовое украшение в виде розетки, упавшее с передней части колесницы и наполовину вдавленное в рыхлую землю. – Один из наших отрядов легкой конницы, вероятно из отряда Пта. Часть под командой господина Нага.

– Что они делают здесь, так далеко от позиций? – озадаченно спросил Нефер, но Таита пожал плечами и отвернулся, чтобы скрыть тревогу.

Старик резко сократил время их отдыха, и они поехали дальше, когда солнце стояло еще высоко. Очертания Бир-Умм-Масары становились все четче и, казалось, заняли полнеба впереди. Скоро стало можно различить неровности и расселины, обрывы и утесы. Едва путники достигли гребней первой линии предгорий, Таита придержал лошадь и оглянулся. Его внимание привлекло движение вдалеке, и он поднял руку, защищая глаза от солнца. Далеко внизу в пустыне он различил крошечный мазок бледной пыли. Маг некоторое время наблюдал за ним и увидел, что облачко двигалось в восточном направлении, к Красному морю. Эту пыль могло

поднять стадо ориксов – или колонна боевых колесниц. Он не сказал об этом Неферу, который был так поглощен охотой на царского сокола, что не мог оторвать глаз от горы впереди. Таита ударил пятками в бока лошади и проехал вверх, обогнав мальчика.

Ночью, когда они разбили лагерь на середине склона Бир-Умм-Масары, Таита спокойно сказал:

– Разводить костер не будем.

– Но ведь холодно, – возразил Нефер.

– А мы здесь так открыты, что огонь будет видно на десятки лиг в пустыне.

– Там враги? – Выражение лица Нефера изменилось, и он пристально и с беспокойством поглядел вниз, на темнеющий пейзаж. – Бандиты? Набег кочевников?

– Враги есть всегда, – ответил Таита. – Лучше замерзнуть, чем умереть.

После полуночи ледяной ветер разбудил Нефера и его жеребца Звездочета, который топал ногами и ржал. Принц раскутался из овчинного одеяла и пошел успокоить коня. И увидел, что Таита уже проснулся и сидит чуть в стороне.

– Посмотри! – сказал старик, указывая на равнину. Вдалеке мерцал и вспыхивал свет. – Походный костер, – сказал Таита.

– Может, это один из наших отрядов. Те, кто оставил следы, которые мы видели вчера.

– Действительно, – согласился Таита, – но опять же это могут быть и другие.

После долгой, задумчивой паузы Нефер сказал:

– Я уже выспался. И вообще сейчас слишком холодно. Нужно ехать дальше. Рассвет не должен застать нас здесь, на голом отроге горы.

Они навьючили лошадей и в лунном свете нашли протоптанную дикими козами каменистую тропинку, которая повела их вокруг восточного отрога Бир-Умм-Масары, так что, когда начало светать, они оказались вне поля зрения любых наблюдателей на далекой лагерной стоянке.

Колесница Амона Ра, бога солнца, стремительно ворвалась с востока, и гору залил золотой свет. Ущелья окутывала темная тень, еще более мрачная из-за контраста, а далеко внизу расстилались просторы великой пустыни.

Нефер запрокинул голову, крича от радости: «Посмотри! О, посмотри!» – и указал куда-то за вершину скалы. Таита последил за его пристальным взглядом и увидел два темных пятнышка, описывающих в небе широкие круги. Солнечный свет на миг озарил одно из них, и оно сверкнуло подобно падающей звезде.

– Царские соколы, – улыбнулся Таита. – Родительская пара.

Они сняли поклажу с лошадей и нашли точку, откуда могли наблюдать за кружащими птицами. Даже на этом расстоянии они были так царственны и красивы, что Нефер не находил слов. Затем одна из птиц, та, что поменьше, самец, вдруг нарушила рисунок полета и повернула против ветра, неторопливо машущие крылья сокола неожиданно забили изо всех сил.

– Он что-то заметил! – воскликнул Нефер с волнением и радостью истинного сокольничего. – Теперь следи за ним.

Сокол начал падать, да так быстро, что оторвать от него взгляд хоть на мгновение означало потерять его. Самец падал с неба подобно брошенному копью. Одинокий голубь, ничего не подозревая, летел у подножия утеса. Нефер заметил, в какой миг пухлая птица внезапно осознала опасность и попробовала ускользнуть от сокола. Голубь так быстро свернул к убежищу в скалах, что гонимый ужасом, перевернулся в воздухе. На мгновение его живот открылся. Сокол разорвал его всеми когтями, и большая птица, казалось, рассыпалась взрывом красновато-коричневого и синего дыма. Перья полетели длинным облаком, подхваченные утренним ветром, а сокол, удерживая добычу глубоко вонзенными в ее живот когтями, снижался в ущелье. Убийца и его жертва упали на покрытый каменной осыпью склон совсем рядом с тем местом, где стоял Нефер. Тяжелый глухой звук их падения эхом отразился от утеса и полетел в ущелье.

К этому времени Нефер пританцовывал от волнения, и даже Таита, который всегда был любителем ловчих соколов, издал довольный возглас.

– Бак-кер! – воскликнул он, когда сокол закончил ритуал убийства укрытием жертвы: расправил над мертвым голубем великолепно очерченные крылья, закрывая его и объявляя своей добычей.

Самка сокола спустилась по спирали, чтобы присоединиться к нему, и села на скалу около самца. Он сложил крылья, позволяя ей разделить с ним добычу, и вместе они пожрали тело голубя, разрывая и распарывая его острыми как бритвы клювами и делая паузы после каждого удара, чтобы поднять головы и впиться в Нефера взглядом свирепых желтых глаз, глотая кровавые куски мяса с костями и перьями. Они полностью осознавали присутствие людей и лошадей, но терпели их, пока те держались на расстоянии.

Затем, когда от голубя осталось только пятно крови на скале и несколько летающих перьев, а обычно поджарые животы соколов переполнились пищей, пара взлетела. Захлопали крылья, и птицы поднялись к отвесному склону утеса.

– За ними! – Таита поддернул набедренник и побежал по ненадежной опоре, крутой каменной осыпи. – Не потеряй их.

Нефер был проворнее; держа в поле зрения поднимающихся птиц, он бежал по отрогу горы. Ниже вершины от горы отделялись два острых, совершенно одинаковых пика; эти мощные башни из темного камня внушали ужас даже при взгляде снизу. Таита с Нефером наблюдали, как соколы поднимались к вершине этого величественного природного монумента, пока Нефер не догадался, куда они направлялись. Там, где скала нависала, на половине высоты восточной башни, в каменном склоне темнела треугольная расселина. В нее была втиснута площадка из сухих веток и прутьев.

– Гнездо! – закричал Нефер. – Там гнездо!

Они стояли рядом, запрокинув головы. Соколы один за другим сели на край гнезда и теперь приподнимались на лапках, напрягаясь, чтобы отрыгнуть из зобов мясо голубя. Ветер донес до Нефера другой слабый звук, летевший вдоль склона утеса. Это был назойливый хор крикливых молодых птиц, требующих пищи. Со своего места Нефер с Таитой не могли увидеть птенцов сокола, и Нефер подпрыгивал от разочарования.

– Если подняться на западный пик, вон там, – указал он рукой, – то можно посмотреть вниз на гнездо.

– Сначала помоги мне с лошадьми, – велел Таита, и они стреножили коней и оставили пастись среди редких кустиков горной травы, питаемой росами, которые бриз приносит с далекого Красного моря.

Подъем на западный пик занял остаток утра, но даже при том, что Таита безошибочно выбрал самый легкий маршрут в обход дальней стороны пика, обрывы под ними кое-где заставляли Нефера судорожно втягивать воздух и отводить взгляд. Наконец Маг и мальчик вышли на узкий карниз прямо под вершиной и присели там на некоторое время, чтобы прийти в себя и полюбоваться великолепием земель и далекого моря. Казалось, все мироздание простерлось под ними. Ветер стонал вокруг, цепляясь за складки набедренника Нефера и ероша завитки волос принца.

– Где гнездо? – спросил принц. Даже в этом опасном месте, высоко над миром, его ум целиком занимала единственная вещь.

– Пойдем! – Таита поднялся и стал боком продвигаться по выступу, носки его сандалий нависали над бездной. Двое обошли выступ, и перед ними медленно появился восточный пик. Они смотрели прямо на вертикальную скалу, находившуюся всего в ста локтях, но отделенную от путников такой пропастью, что у Нефера закружилась голова и он покачнулся.

Они на своей стороне ущелья стояли немного выше гнезда и могли посмотреть на него. Самка сокола сидела на краю, отбрасывая на гнездо тень. Она повернула голову, и как только

они обошли выступ пика, безжалостно уставилась на них, взъерошив перья на спине, как рассерженный лев угрожающе поднимает гриву. Затем она испустила пронзительный крик и, бросившись в пропасть, почти неподвижно зависла в потоке ветра, пристально наблюдая за незваными гостями. Она была до того близко, что можно было ясно различить каждое перо в ее крыльях. Улетев, она открыла внутренность расселины, в которой находилось гнездо. Пара молодых птиц сидела в чаше из прутьев и веток, выстланной перьями и шерстью диких коз. Они уже полностью оперились и были почти такого же размера, как их мать. Покуда Нефер с благоговением смотрел на них через пропасть, один из соколят поднялся, расправил широкие крылья и отчаянно забил ими.

– Он прекрасен, – жадно простонал Нефер. – Самая красивая птица, какую я когда-либо видел.

– Он готовится взлететь, – тихо сообщил ему Таита. – Смотри, каким сильным он вырос. Через несколько дней он покинет гнездо.

– Я поднимусь за ними сегодня же, – поклялся Нефер и сделал движение, собираясь вернуться обратно по выступу, но Таита остановил его, положив руку ему на плечо.

– Это не то занятие, за которое можно так легко браться. Следует потратить немного драгоценного времени и тщательно все спланировать. Ну-ка садись рядом со мной.

Когда Нефер прислонился к его плечу, Таита указал на особенности скалы напротив них.

– Ниже гнезда скала гладкая как стекло. На пятьдесят локтей нет никакой опоры для захвата, никакого выступа, чтобы поставить ногу.

Нефер оторвал взгляд от молодой птицы и посмотрел вниз. У него засосало под ложечкой, но он заставил себя не обращать на это внимания. Таита сказал чистую правду: даже горные барсуки, пушистые, похожие на кролика создания с цепкими лапами, которые сделали эти высоты своим домом, не сумели бы найти опору на том участке отвесной скалы.

– Как мне добраться до гнезда, Тата? Я хочу добыть тех птенцов – хочу очень сильно.

– Посмотри над гнездом, – указал Таита. – Видишь? Расселина продолжается вверх, к самой вершине утеса.

Нефер кивнул – он не мог говорить, разглядывая опасную дорогу, которую Таита показывал ему.

– Мы найдем способ забраться на вершину выше гнезда. Возьмем с собой веревки упряжи. С вершины я спущу тебя вниз по расселине. Если в расселине ты расставишь босые ноги и сжатые кулаки, они будут держать тебя, а я буду поддерживать тебя веревкой.

И все-таки Нефер не мог говорить. Он чувствовал тошноту, думая о том, что предложил Таита. Было совершенно ясно, что ни один смертный не мог спуститься туда и уцелеть. Таита понял, что чувствует мальчик, и не настаивал на ответе.

– Я думаю... – Нефер колеблясь хотел отказаться, замолчал и посмотрел на пару молодых птиц в гнезде. Он знал, что это его судьба. Одна из них была его божественной птицей, и это был единственный способ получить отцовскую корону. Отказавшись сейчас, он отказался бы от всего, для чего его избрали боги. Он должен пойти.

Таита почувствовал, когда мальчик рядом с ним согласился выполнить задачу и таким образом стал мужчиной. В глубине души он обрадовался этому, потому что это решало и его судьбу.

– Я попробую, – просто сказал Нефер и поднялся. – Давай спустимся и подготовимся.

На следующее утро они еще затемно покинули свой импровизированный лагерь и начали подъем. Каким-то образом Таите удавалось ступать по тропинке, которую не могли различить даже зоркие глаза Нефера. Оба несли по тяжелому мотку веревки, сплетенной из льна и конского

волоса и используемой, чтобы привязывать лошадей. Они несли и один из маленьких водяных мехов: Таита предупредил, что, как только солнце поднимется высоко, на башне станет жарко.

К тому времени как они обошли вокруг дальнего склона восточной башни, начало светать и они стали различать поверхность скалы над ними. Таита потратил целый час, высматривая путь наверх. Наконец он остался доволен.

– Во имя великого Гора, всемогущего, давай начнем, – сказал он и изобразил в воздухе знак раненого глаза бога. Затем он повел Нефера назад к месту, которое выбрал для подъема.

– Я пойду вперед, – сказал он мальчику, обвязывая веревку вокруг пояса. – Вытравливай веревку, пока я буду подниматься. Смотри, что я делаю, и когда крикну тебе, обвяжись веревкой и следуй за мной. Если поскользнешься, я поддержу тебя.

Сначала Нефер поднимался осторожно, следуя маршруту, выбранному Таитой; его лицо и костяшки пальцев белели от напряжения, когда он цеплялся за очередную опору. Таита ободрял его сверху, и уверенность мальчика росла с каждым движением вверх. Он поравнялся с Таитой и усмехнулся:

– Это было легко.

– Дальше будет труднее, – сухо заверил его Таита и повел на следующий уровень скалы. Сейчас Нефер карабкался за ним, будто обезьяна, говорливый от волнения и удовольствия. Они стояли ниже расселины в сходящейся около вершины скалы в узкую трещину.

– Эта расселина походит на ту, по которой тебе нужно спуститься к гнезду, когда мы достигнем вершины. Смотри, как я растопыриваю руки и ноги в расселине. – Таита нырнул в расселину и стал подниматься, медленно, но без остановки. Когда расселина сузилась, он продолжал лезть, как человек, поднимающийся по лестнице. Набедренник хлопал по тощим старым ногам, и Неферу был виден под полотном ужасный шрам там, где отсекли его мужественность. Нефер видел его и прежде и настолько привык, что это страшное увечье больше не ужасало его.

Таита позвал его сверху, и на сей раз Нефер взлетел вверх по скале, естественно войдя в ритм подъема.

Почему должно быть иначе? Таита старался удержать свою гордость в разумных границах. В жилах мальчика течет кровь воинов и великих атлетов! Затем он улыбнулся, и его глаза заискрились, как если бы он снова помолодел. «И у него был я, чтобы научить его, – конечно, он превосходит других».

Солнце было лишь на полпути к зениту, когда они наконец встали рядом на вершине восточного пика.

– Здесь мы немного отдохнем. – Таита снял водяной мех с плеча и сел.

– Я не устал, Тата.

– Тем не менее мы отдохнем. – Таита передал мех принцу и смотрел, как тот делает дюжину больших глотков. – Спуск к гнезду будет более трудным, – сказал он, когда Нефер остановился, чтобы вдохнуть. – Там не будет никого, чтобы показать тебе путь, и есть одно место, где ты не сможешь видеть свои ноги, спускаясь по склону.

– Со мной ничего не случится, Тата.

– Если позволят боги, – согласился Таита и повернул голову, как будто восхищаясь величественной горой, морем и расстилающейся под ними пустыней, но на самом деле для того, чтобы мальчик не увидел движения его губ, потому что он молился. – Раскинь крылья над ним, могущественный Гор, потому что это тот, кого ты избрал. Позаботься о нем, моя госпожа Лостра, ставшая богиней, потому что он плод твоего лона и кровь от твоей крови. Отведи свою руку от него, нечестивый Сет, и не тронь его, потому что тебе не превзойти тех, кто защищает этого ребенка. – Он вздохнул, вспоминая заклинание вызова богу темноты и хаоса, и смягчил свою угрозу маленькой взяткой: – Пройди мимо него, добрый Сет, и я пожертвую тебе быка в твоем храме в Абидосе, когда после поеду той дорогой.

Он поднялся.

– Пришло время рискнуть.

Он первым перешел через вершину горы и встал на дальнем краю, глядя вниз на лагерь и пасущихся лошадей, которые в пропасти казались крошечными, как новорожденные мыши. Самка сокола кружила над ущельем. Ему почудилось в ее поведении что-то необычное, особенно когда она испустила странный, безнадежный крик, какого он прежде никогда не слышал от царского сокола. Поблизости не было видно самца, хотя он искал его взглядом.

Затем он посмотрел через пропасть на главный пик горы и выступ, где они стояли накануне. Это позволило ему сориентироваться, потому что выпуклость скалы под ним скрывала гнездо. Он медленно двигался по краю, пока не нашел начало трещины, которую опознал как ту, что шла вниз и открывалась в расселину, где свили гнездо соколы.

Он подобрал камень и бросил его через край. Тот загремел, скатываясь вниз по стене вне поля зрения. Таита надеялся, что камень вспугнет сокола и таким образом подтвердит точное положение гнезда, но сокол так и не появился. Только самка продолжала бесцельно кружить и издавать странные, печальные крики.

Таита подозвал к себе Нефера и обвязал веревку вокруг его талии. Он тщательно проверил узел и затем, сантиметр за сантиметром, протянул всю веревку сквозь пальцы, ища любое перетертое или ослабленное место.

– Тебе следует взять переметную суму, чтобы нести птенца. – Старик проверил узел, которым Нефер привязал ее к своему плечу так, чтобы она не стесняла его движений при лазании.

– Прекрати суетиться, Тата. Мой отец говорит, что иногда ты похож на старуху.

– Твоему отцу следовало бы выказывать больше уважения. Я вытирал ему задницу, когда он был грудным младенцем, так же как и тебе. – Таита фыркнул и снова проверил узел на талии мальчика, оттягивая роковой момент. Но Нефер подошел к краю и выпрямившись стоял над пропастью без какого-либо признака колебаний.

– Ты готов? – Он оглянулся через плечо и улыбнулся, мелькнули белые зубы и искорки в темно-зеленых глазах. Эти глаза очень живо напомнили Таите царицу Лостру. С острой болью он подумал, что Нефер еще миловиднее, чем его отец в том же возрасте.

– Мы не можем бездельничать здесь весь день, – обронил Нефер барственным тоном одно из любимых выражений отца, старательно копируя царскую манеру говорить.

Таита сел и согнулся так, что мог упереться в трещине пятками, и отклонился назад, чтобы противодействовать натяжению веревки, проходящей через его плечо. Он кивнул Неферу и увидел, что дерзкая ухмылка ушла с лица мальчика, как только тот шагнул за край обрыва. Он вытравливал веревку, пока Нефер спускался.

Нефер достиг выпуклости в стене и, изо всех сил держась обеими руками, опустил ноги, чтобы нащупать точку опоры ниже выступа. Он нашел пальцами ноги трещину, втолкнул в нее босую ступню, повернув лодыжку, чтобы закрепиться, и легко полез ниже. Он последний раз поглядел на Таиту, попробовал улыбнуться, но только скорчил болезненную гримасу и нырнул под нависающую скалу. Не успев найти другую трещину, он почувствовал, как его нога выскользнула из трещины, и его завертело на веревке. Если он потерял опору, то будет беспомощно крутиться и раскачиваться над пропастью. И вряд ли у старика наверху хватит сил вытащить его.

Он отчаянно вцепился в трещину, и вращение остановилось. Нефер протянул другую руку и схватился за следующую опору. Теперь он был с другой стороны выпуклости, но его сердце стучало, как молот, и он шумно дышал.

– У тебя все в порядке? – донесся до него голос Таиты.

– Все в порядке! – выдохнул Нефер. Он посмотрел вниз между коленями и увидел, что трещина в скале расширяется и переходит в вершину расселины выше гнезда. Его руки устали и начинали дрожать. Он вытянул правую ногу вниз и нашел другую точку опоры.

Таита был прав: спускаться оказалось труднее, чем подниматься. Когда принц опустил правую руку, то увидел, что костяшки пальцев уже сбиты и на скале остался маленький кровавый след. Медленно спускаясь, он достиг точки, где трещина расширялась в расселину. Ему снова пришлось протянуть руку через край и искать невидимую опору.

Вчера, когда они с Таитой обсуждали это, сидя бок о бок на другой стороне пропасти, эта точка перехода казалась совсем легкой, но теперь его ноги свободно качались над краем расселины, и пропасть, казалось, всасывала его подобно чудовищному рту. Он застонал и повис на обеих руках, крепко вцепившись в поверхность скалы. Теперь он боялся, как бы порывы горячего ветра, который толкал его, угрожая сорвать с утеса, не сдули последний остаток храбрости. Он посмотрел вниз, и слезы смешались с потом на его щеках. Пропасть тянула его когтями ужаса, вызывая тошноту.

– Лезь! – донесся до него голос Таиты, слабый, но настойчивый. – Нельзя останавливаться.

Нефер с огромным усилием собрался для следующего шага. Пальцы его босых ног нащупали выступ, казавшийся достаточно широким, чтобы дать ему точку опоры. Он опустился на ноющих, дрожащих руках. Вдруг его нога соскользнула с выступа, и уставшие руки не удержали его. Он, вскрикнув, полетел вниз.

Принц сорвался всего лишь на длину своих вытянутых рук, а затем веревка безжалостно впилась в его тело, стиснув ребра и выдавливая из груди воздух. Он повис в воздухе; его держала только веревка и старик наверху.

– Нефер, ты слышишь меня? – Голос Таиты звучал хрипло от натуги. Мальчик заскулил как щенок. – Нужно нащупать опору. Не следует висеть там. – Голос Таиты успокоил Нефера. Он, поморгав, согнал слезы с глаз и увидел перед своим лицом скалу, на расстоянии всего лишь вытянутой руки.

– Цепляйся! – подгонял Таита, и Нефер увидел, что висит напротив расселины. Она была достаточно глубокой, чтобы он в ней поместился, а наклонный выступ достаточно широким, чтобы встать на него, если бы только удалось до него достать. Нефер протянул дрожащую руку и коснулся стены кончиками пальцев. Затем начал раскачиваться, чтобы приблизиться к скале.

Казалось, прошла вечность борьбы и огромных усилий, но наконец он качнулся в проем, сумел поставить босые ноги на выступ и согнувшись присел в проеме. Он втиснулся туда, тяжело дыша и хватая ртом воздух.

Таита над ним почувствовал, что натяжение веревки ослабло, и ободряюще крикнул вниз.

– Бак-кер, Нефер, Бак-кер! Где ты?

– В расселине, выше гнезда.

– Что ты видишь? – Таита хотел сосредоточить мысли мальчика на других вещах, чтобы он не думал о пустоте у себя под ногами.

Нефер тыльной стороной ладони вытер пот с глаз и поглядел вниз.

– Я вижу край гнезда.

– Далеко?

– Близко.

– Ты сможешь достать до него?

– Попробую. – Нефер уперся согнутой спиной в свод узкой расселины и медленно двинулся вниз по наклонному полу. Под собой ему удалось различить только сухие прутья, торчащие из того места, где находилось гнездо. Он сдвигался ниже, и гнездо медленно, сантиметр за сантиметром, открывалось его взгляду.

Когда он крикнул в следующий раз, его голос был громким и взволнованным.

– Я вижу сокола. Он все еще в гнезде.

– Что он делает? – крикнул Таита в ответ.

– Сидит. Кажется, спит. – Голос Нефера звучал озадаченно. – Я вижу только его спину.

Самец неподвижно лежал на высоком крае неопрятного гнезда. Но как он мог спать и так долго не чувствовать возню над собой, удивился Нефер. Его собственные страхи были теперь забыты от волнения при виде таких близких сокола и гнезда, которое было совсем рядом – кажется, только руку протяни.

Принц двинулся дальше быстрее и более уверенно, так как пол расселины под его ногами выровнялся, а потолок позволял подняться во весь рост.

– Вижу его голову. – Сокол лежал распростершись, развернув крылья, как если бы закрывал добычу. «Он прекрасен, – подумал Нефер, – я почти могу коснуться его, и, однако, он все еще не выказывает никакой опаски».

Внезапно он понял, что может схватить спящую птицу. Он собрался с силами для броска, вжавшись плечом в расселину, чувствуя босыми ногами надежную опору. Он медленно наклонился к соколу, но его рука замерла над птицей.

На красновато-коричневых перьях спины алели крошечные капельки крови. Яркие, как полированные рубины, они мерцали в солнечном свете, и у Нефера внезапно екнуло сердце – он понял, что сокол мертв. Его переполнило ужасное чувство потери, как если бы что-то очень ценное было утрачено навсегда. Казалось, это была не просто смерть сокола. Царская птица представляла нечто большее: символ бога и царя. Пока принц смотрел на нее, тело сокола казалось, преобразилось в мертвое тело самого фараона. Рыдание сотрясло Нефера, и он отдернул руку.

Он отодвинулся как раз вовремя, потому что сразу же услышал сухой шуршащий звук и взрывное шипение воздуха. Что-то огромное, черное и блестящее выскочило оттуда, где мгновение назад была его рука, и ударилось в слой сухих прутьев с такой силой, что все гнездо содрогнулось.

Нефер отпрянул, насколько позволяла тесная расселина, и вгляделся в ужасное существо, которое теперь покачивалось перед его лицом. Его зрение, казалось, обострилось и увеличивало предметы, время текло медленно, как в кошмаре. Он увидел мертвых птенцов, сгрудившихся в чаше гнезда за телом сокола, и толстые блестящие кольца гигантской черной кобры, обвившейся вокруг них. Голова змеи была поднята, капюшон с кричащим черно-белым рисунком распущен.

Между тонкими, усмехающимися губами мелькал скользкий черный язык. Ее глаза были бездонно черны, каждый с пятнышком отраженного света в центре, и они смотрели на Нефера гипнотизирующим взглядом.

Нефер попробовал крикнуть, чтобы предупредить Таиту, но из его горла не вылетело ни звука. Он не мог оторвать взгляд от ужасных глаз кобры. Ее голова тихо покачивалась, а массивные витки, окружавшие гнездо сокола, пульсировали и сжимались. Все полированные чешуйки блестели подобно драгоценным камням и шуршали по прутьям гнезда. Каждый виток был толстым, как рука Нефера, и они медленно двигались по отношению друг к другу.

Голова змеи отклонилась назад, рот открылся, и Нефер увидел бледную внутренность горла. Почти прозрачные клыки торчали вертикально из складок мягкой мембраны: на каждой костяной игле висела крошечная бусинка бесцветного яда.

Затем ужасная голова метнулась вперед: кобра бросилась в лицо Неферу.

Нефер с криком шарахнулся в сторону, потерял равновесие и вывалился из расселины.

Хотя Таита крепко упирался, чтобы в любой момент принять тяжесть мальчика на веревку, его чуть не сдернуло с позиции на вершине утеса, когда вес Нефера обрушился на веревку. Виток веревки из конского волоса проскользнул сквозь пальцы старика, обжигая кожу, но он держал крепко. Он услышал внизу бессвязный крик мальчика и почувствовал, что тот качается на конце веревки.

Нефер откачнулся от расселины как маятник, а затем его снова качнуло к гнезду сокола. Кобра быстро оправилась после неудавшегося нападения и снова приняла вертикальную стойку. Она пристально уставилась на мальчика и поворачивала голову, чтобы встретить его. В то же самое время из ее горла вырвалось резкое шипение.

Нефер, летя прямо на змею, изо всех сил забил ногами в ее сторону и закричал снова. Таита услышал в этом крике ужас и бросился вытягивать веревку. Он тянул, пока не почувствовал, что его старые мышцы вот-вот лопнут от напряжения.

Кобра инстинктивно ударила Неферу в глаза, как только он оказался в пределах броска, но в этот миг Таита рванул веревку и выдернул Нефера с линии броска. Зияющая пасть змеи пронеслась в сантиметре от его уха, и затем, подобно кнуту с колесницы, тяжелое тело ударило в его плечо. Нефер закричал снова, зная, что получил смертельный укус.

Еще раз откачнувшись над пропастью, он поглядел на то место на своем плече, куда змея вонзила зубы, и увидел бледно-желтый яд, расплескавшийся по толстой кожаной складке переметной сумы. С огромным облегчением Нефер сорвал мешок и, когда опять полетел к тому месту, где все еще угрожающе стояла кобра, держал мешок перед собой, как щит.

В тот миг, когда он снова оказался в пределах броска, кобра опять ударила, но Нефер подставил под удар толстые кожаные складки мешка. Зубы бестии вонзились в кожу и прочно застряли. Когда Нефер качнулся назад, змею потянуло за ним. Ее полностью вытянуло из гнезда, яростно извивающийся клубок колец и блестящих чешуек. Ужасно шипя, она ударилась о ноги Нефера, тяжелый хвост стегал его, из зияющей пасти кобры вылетело облако ядовитых брызг, и яд потек вниз по кожаному мешку. Вес змеи был так велик, что все тело Нефера сотрясло.

Почти не думая, Нефер отшвырнул кожаный мешок как можно дальше. Зубы кобры все еще цеплялись за кожу. Мешок и змея падали вниз вместе, длинное тело продолжало свиваться, извиваться и яростно хлестать. Пронзительное шипение становилось все слабее. Кажется, кобра падала целую вечность, пока наконец не ударилась о камни далеко внизу. Удар не убил и не оглушил ее, и она яростно хлестала хвостом, когда покатилась по склону каменной осыпи, подпрыгивая на камнях подобно огромному черному шару. Наконец Нефер потерял ее из виду среди серых валунов.

Сквозь туман ужаса, окутавший его мозг, пробился голос Таиты, хриплый от напряжения и беспокойства.

– Говори со мной. Ты слышишь меня?

– Я здесь, Тата, – отозвался Нефер слабым и дрожащим голосом.

– Я вытяну тебя.

Медленно, рывок за рывком, Нефер поднимался наверх. Даже переживая потрясение, Нефер поразился силе старика. Когда стало возможно дотянуться до скалы, он смог уменьшить давление своего веса на веревку, и дело пошло быстрее. Наконец он обогнул нависающий выступ и с огромным облегчением увидел Таиту, смотревшего на него с вершины, его старое лицо, подобно лицу сфинкса изборожденное глубокими морщинами, покраснело от напряжения при вытягивании веревки.

С последним рывком вверх Нефер перекатился на вершину и упал на руки старику. Он лежал, задыхаясь от рыданий, неспособный говорить членораздельно. Таита обнял его. Он тоже дрожал от переживаний и усталости. Постепенно они успокоились и задышали ровнее. Таита поднес к губам Нефера мех с водой, и принц стал пить, кашляя и задыхаясь, пил и не мог напиться. Потом он посмотрел в лицо Таите так жалобно, что старик обнял его покрепче.

– Это было ужасно. – Слова Нефера едва можно было понять. – Она была в гнезде. Она убила соколов, всех. О, Тата, это было ужасно.

– Что случилось, Нефер? – спросил тихо Таита.

– Она убила мою божественную птицу, самца сокола.

– Успокойся. Попей еще. – Он поднес мальчику мех.

Нефер поперхнулся снова и сильно закашлялся. Когда он опять смог говорить, он прохрипел:

– Она попыталась убить и меня. Она была огромная и очень черная.

– Что это было, мальчик? Объясни толком.

– Кобра, огромная черная кобра. Ждала меня в гнезде. Она убила птенцов и сокола и кинулась на меня, как только увидела. Я никогда не думал, что бывают такие большие кобры.

– Ты укушен? – спросил Таита со страхом и поставил Нефера на ноги, чтобы обследовать.

– Нет, Тата. Я использовал мешок как щит. Она не коснулась меня. – Нефер протестовал, но Таита снял с него набедренник и заставил стоять голым, пока осматривал его тело в поисках укусов. Одна из его костяшек на руке и оба колена были сбиты, но в остальном сильное молодое тело было отмечено только картушем фараона на гладкой внутренней поверхности бедра. Таита лично нанес эту татуировку, миниатюрный шедевр, навсегда подтверждавший право Нефера на двойную корону.

– Хвала великому богу, который защитил тебя, – пробормотал Таита. – Этим появлением кобры Гор послал тебе предзнаменование ужасных событий и опасностей. – Его лицо было серьезным и скорбным. – Это была не настоящая змея.

– Нет, Тата. Я видел ее близко. Она была огромна, но это была настоящая змея.

– Тогда как она добралась до гнезда? Кобры не умеют летать, а другого способа подняться на утес нет.

Нефер ошеломленно уставился на него.

– Она убила мою божественную птицу, – прошептал он громко.

– Она убила царского сокола, другую ипостась фараона, – мрачно согласился Таита с печалью в глазах. – Вот что за тайны были открыты нам здесь. Я видел их тени в моем видении, и то, что случилось с тобой сегодня, тому подтверждение. Естественный ход событий нарушен.

– Объясни мне это, Тата, – настаивал Нефер.

Таита вернул ему набедренник.

– Сначала нам нужно спуститься от этой горы и избежать великих опасностей, окружающих нас. Лишь тогда я смогу растолковать предзнаменования.

Он умолк и взглянул в небо, как будто глубоко задумавшись. Затем опустил глаза и посмотрел в лицо Нефера.

– Оденься, – вот все, что он сказал.

Как только Нефер был готов, Таита повел его назад к дальнему краю вершины и они начали спуск. Он завершился быстро, поскольку они знали дорогу, а также из-за заразительной поспешности, сквозившей в каждом движении Таиты. Лошади были там, где их оставили, но прежде чем они сели на них, Нефер сказал:

– Место, где кобра ударилась о камни, недалеко отсюда. – Он указал на начало каменной осыпи ниже утеса, на котором все еще виднелось гнездо соколов. – Давай поищем тело. Возможно, если мы найдем ее останки, ты сумеешь придумать какое-нибудь колдовство, чтобы уничтожить ее силу.

– Мы впустую потратим драгоценное время. Там не будет никакого тела. – Таита вскочил на спину кобылы. – Садись на лошадь, Нефер. Кобра вернулась в те темные места, откуда появилась.

Нефер поежился от суеверного страха и взобрался на спину своего жеребца.

Ни один из них не проронил больше ни слова, пока они не спустились с верхней части склона и не выехали на изрезанные лощинами восточные предгорья. Нефер хорошо знал, что когда Таита в таком настроении, бессмысленно говорить с ним, однако подстегнул свою лошадь и поехал рядом с наставником, тактично заметив:

– Тата, это путь не к Гебель-Нагаре.

– Мы не вернемся туда.

– Почему?

– Кочевники знают, что мы были у источника. Они скажут тем, кто нас ищет, – объяснил Таита.

Нефер был озадачен.

– Кто нас ищет?

Таита повернул голову и посмотрел на мальчика с такой жалостью, что тот замолчал.

– Я объясню, когда мы уедем от этой проклятой горы в безопасное место.

Таита избегал гребней холмов, где их силуэты могли быть заметны на горизонте, и держал путь по ущельям и долинам. Он все время двигался на восток, прочь из Египта и от Нила, к морю.

Солнце стало садиться, когда он вновь натянул поводья и заговорил:

– Главная караванная дорога проходит прямо за следующей грядой холмов. Нам нужно пересечь ее, но там нас могут поджидать враги.

Они оставили лошадей привязанными в скрытом вади, бросив по несколько горстей дробленого проса дурра в их кожаные торбы, чтобы не было голодно, осторожно поднялись на гребень холмов и за грудой красноватого сланца нашли выгодную для наблюдения точку, откуда могли смотреть сверху на караванную дорогу.

– Мы будем лежать здесь до темноты, – объяснил Таита. – Затем перейдем дорогу.

– Я не понимаю, что ты делаешь, Тата. Почему мы едем на восток? Почему мы не возвращаемся в Фивы, под защиту фараона, моего отца?

Таита тихо вздохнул и закрыл глаза. «Как сказать ему это? Я больше не могу скрывать. Ведь он все еще ребенок, и я должен защитить его».

Казалось, Нефер прочитал его мысли – он положил руку на руку Таиты и спокойно сказал:

– Сегодня, на горе, я доказал, что я мужчина. Относись ко мне как к мужчине.

Таита кивнул:

– Действительно, ты доказал это. – Прежде чем продолжить, он бросил еще один взгляд на хорошо укатанную дорогу под ними и немедленно спрятал голову. – Кто-то едет! – предупредил он.

Нефер распластался за низкой кучей сланца, и они увидели столб пыли, стремительно приближавшийся по караванной дороге с запада. К этому времени долину окутала глубокая тень, а небо было заполнено всеми великолепными оттенками заката.

– Едут быстро. Это не торговцы, это боевые колесницы, – сказал Нефер. – Да, теперь я вижу их. – Его зоркие молодые глаза различили очертания ведущей колесницы. – Это не гиксосы, – продолжил он, когда колесницы приблизились и стали лучше различимы. – Это наши. Отряд из десяти колесниц. Да! Видишь флаг на головной колеснице. – Трепещущий флаг на длинном, гибком бамбуковом пруте двигался выше крутящегося пыльного облака. – Отряд Стражей Пта! Мы в безопасности, Тата!

Нефер вскочил на ноги и замахал над головой обеими руками.

– Сюда! – завопил он. – Сюда, Синие. Я здесь. Я – принц Нефер!

Таита протянул костлявую руку и быстро стащил его вниз.

– Лежи, дуралей. Это прислужники кобры.

Он опять бросил быстрый взгляд поверх кучи и увидел, что ведущий колесничий, должно быть, заметил на горизонте Нефера, потому что перевел упряжку в легкий галоп и помчался по дороге к ним.

– Пойдем! – сказал он Неферу. – Поспеши! Они не должны поймать нас.

Он потянул мальчика с гребня холма и побежал вниз по склону. Несмотря на первоначальное нежелание Нефера, поспешность Таиты стала его подгонять. Он побежал по-настоящему, прыгая с камня на камень, но не мог догнать старика. Длинные тощие ноги Таиты летели, летела за спиной серебристая грива волос. Он добежал до лошадей первым и одним прыжком взлетел на голую спину кобылы.

– Не понимаю, почему мы бежим от наших собственных солдат. – Нефер задыхался. – Что случилось, Тата?

– Садись на лошадь! Сейчас не время говорить. Нужно уносить ноги.

Когда они галопом выехали из устья вади на открытое место, Нефер бросил тоскливый взгляд через плечо. Ведущая колесница быстро въехала на вершину холма, и возница испустил крик, но расстояние и грохот колес заглушили его голос.

Ранее они с Таитой прошли через участок разрушенной вулканической скалы, где не пройти никакой колеснице. Теперь они ехали туда, лошади скакали бок о бок и шаг в шаг.

– Если мы сможем добраться до камней, то за ночь нам удастся оторваться от погони. Осталось совсем немного светлого времени. – Таита взглянул на последний отсвет солнца, уже скрывавшегося за холмами на западе.

– Один всадник всегда может противостоять колеснице, – заявил Нефер с уверенностью, которой в действительности не чувствовал. Но когда он оглянулся через плечо, то увидел, что они поступили верно. Они убегали от отряда подпрыгивающих и трясущихся колесниц.

Прежде чем Нефер и Таита достигли участка разрушенной скалы, колесницы так отстали, что их почти скрыли поднятое ими же облако пыли и густеющий синий сумрак. Как только они достигли края камней, им пришлось перевести лошадей на осторожную рысь, но ехать так опасно, а света было так мало, что они быстро перешли на шаг. В последнем отблеске заката Таита оглянулся и увидел, что темный силуэт ведущей колесницы отряда остановился на краю неудобья. Он узнал голос возницы, кричавшего им, хотя слышно было слабо.

– Принц Нефер, почему вы бежите? Вам не следует бояться нас. Мы – Стража Пта; вернитесь, и мы проводим вас домой в Фивы.

Нефер сделал движение, будто собираясь повернуть лошадь.

– Это Хилто. Я очень хорошо знаю его голос. Он – хороший человек. Он зовет меня по имени.

Хилто был известным воином, носящим Золото Доблести, но Таита сурово приказал Неферу ехать вперед.

– Не позволяй себя обмануть. Не доверяй никому.

Нефер покорно поехал по разрушенной скале. Слабые крики позади затихли, заглохли в вечной тишине пустыни. Прежде чем беглецы продвинулись дальше, темнота вынудила их спешиться и пешком пробираться по трудным местам, где извилистая тропинка суживалась и острые столбы черного камня могли бы покалечить неосторожную лошадь или поломать колеса любой колесницы, которая попробовала бы последовать за ними. Наконец им пришлось остановиться, чтобы напоить лошадей и дать им отдых. Они сели близко друг к другу, Таита кинжалом разрезал хлеб из дурры. Они жевали его и тихо переговаривались.

– Расскажи мне о своем видении, Тата. Что ты действительно увидел в Лабиринтах Амона Ра?

– Я говорил тебе. Ничего определенного.

– Я знаю, что это неправда. – Нефер покачал головой. – Ты сказал, что защищаешь меня. – Он дрожал от ночного холода и от страха, который после встречи со злом в гнезде соколов стал его постоянным спутником. – Ты видел какое-то ужасное предзнаменование, я знаю. Вот почему мы теперь бежим. Тебе следует рассказать мне все о своем видении. Мне нужно понять, что происходит.

– Да, ты прав, – согласился наконец Таита. – Пора тебе узнать. – Он тонкой рукой потянул Нефера под свою накидку – мальчика удивила теплота тощего тела старика. Таита, казалось, собирался с мыслями и наконец заговорил:

– В моем видении я видел огромное дерево, растущее на берегу Матери Нила. Это было могучее дерево, с цветами синими, как гиацинты, и на его вершине висела двойная корона Верхнего и Нижнего Царств. В его тени собрались все люди Египта, мужчины и женщины, дети и седовласые старцы, торговцы и крестьяне, писцы, жрецы и воины. Дерево давало им всем защиту, и они процветали и были довольны.

– Хорошее видение. – Нефер нетерпеливо истолковал его, как учил Таита: – Деревом, должно быть, был фараон, мой отец. Цвет Дома Тамоса синий, и мой отец носит двойную корону.

– Я усматриваю это же значение.

– Что ты увидел затем, Тата?

– Увидел в мутных водах реки змею, плывущую туда, где стояло дерево. Это была могучая змея.

– Кобра? – предположил Нефер тихим и испуганным голосом.

– Да, – подтвердил Таита, – большая кобра. Она выползла из вод Нила, влезла на дерево и обвилась вокруг ствола и ветвей, так что стала казаться частью дерева, поддерживая его и давая ему силу.

– Этого я не понимаю, – прошептал Нефер.

– Затем кобра поднялась на верхние ветви дерева, бросилась и вонзила зубы в ствол.

– Милосердный Гор. – Нефер задрожал. – Была ли это та же самая змея, что пыталась укусить меня, как ты думаешь? – Не дожидаясь ответа, он быстро продолжил: – Что ты увидел затем, Тата?

– Увидел, что дерево засохло, упало и разрушилось. Увидел кобру, поднявшуюся торжествующе высоко, но теперь на ее злобной голове была двойная корона. Мертвое дерево начало выбрасывать зеленые побеги, но, едва они появлялись, змея жалила их, и они, отравленные, умирали.

Нефер молчал. Хотя смысл казался очевидным, он был не в состоянии высказать свое толкование видения.

– Были уничтожены все зеленые побеги разрушенного дерева? – спросил он наконец.

– Остался один побег, который рос в тайне, под поверхностью земли, пока не набрал силу. Затем он пробился из-под земли подобно могучей виноградной лозе и сошелся в схватке с коброй. Хотя кобра напала на него, не щадя ни сил, ни яда, он выжил и продолжил расти.

– Чем завершилась борьба, Тата? Кто одержал победу? Кто получил двойную корону?

– Я не видел окончания схватки за дымом и пылью войны.

Нефер молчал так долго, что Таита подумал, будто принц заснул, но мальчик начал сотрясаться, и старик понял, что тот плакал. Наконец Нефер заговорил, с ужасающей определенностью и уверенностью.

– Фараон мертв. Мой отец мертв. Вот что означало твое видение. Отравленное дерево было фараоном. То же знамение было явлено в гнезде соколов. Мертвый сокол – фараон. Мой отец мертв, убит коброй.

Таита ничего не мог ему ответить. Он мог только крепче обнять Нефера за плечи и постараться придать ему сил и утешить.

– А я зеленый побег дерева, – продолжил Нефер. – Ты видел это. Ты знаешь, что кобра ждет, желая уничтожить меня, как моего отца. Именно поэтому ты не позволил солдатам забрать меня в Фивы. Ты знаешь, что кобра ждет меня там.

– Ты прав, Нефер. Мы не можем возвратиться в Фивы, пока ты не будешь достаточно силен, чтобы защититься. Мы должны бежать из Египта. На востоке есть другие страны и могущественные цари. Моя цель – идти к ним и искать союзника, который поможет уничтожить кобру.

– Но кто – кобра? Разве ты не узнал его в видении?

– Мы знаем, что он стоял близко к трону твоего отца, ибо в видении был переплетен с деревом и поддерживал его. – Он помолчал, а затем, будто бы решившись, продолжил: – Имя кобры – Наг.

Нефер уставился на него.

– Наг! – прошептал он. – Наг! Теперь я понимаю, почему нам нельзя вернуться в Фивы. – Он помолчал немного и добавил: – Скитаясь в восточных странах, мы станем изгоями, нищими.

– Видение показало, что ты станешь сильным. Нужно довериться Лабиринтам Амона Ра.

Несмотря на горе из-за смерти отца, Нефер наконец заснул, но Таита разбудил его затемно, перед рассветом. Они снова сели на лошадей и ехали на восток, пока неудобье не осталось позади. Неферу показалось, что он уловил в предрассветном ветре соленый запах моря.

– В порту Сегед мы найдем судно, которое доставит нас в землю гурриев. – Таита, казалось, читал мысли принца. – Саргон, царь Вавилона и Ассирии – это могущественные царства между Тигром и Евфратом, – сатрап твоего отца. Он связан с твоим отцом договором против гиксосов и всех наших общих врагов. Думаю, Саргон будет придерживаться этого договора, поскольку он – благородный человек. Нам следует верить, что он примет нас и поддержит твои притязания на трон объединенного Египта.

Впереди встало пылающее печным жаром солнце, и, одолев следующую высоту, они увидели внизу море, сверкавшее подобно только что выкованному бронзовому военному щиту. Таита оценил расстояние.

– Мы дойдем до берега сегодня до захода солнца. – Потом, прищурившись, он оглянулся. И похолодел, увидев позади на равнине не одно, а четыре пера желтой пыли. – Опять Хилто, – воскликнул он. – Мне следовало догадаться, что старый негодяй не откажется от преследования так просто. – Он подпрыгнул и встал выпрямившись на спине лошади, чтобы лучше видеть: уловка старого наездника. – Он, должно быть, объехал скалистый участок ночью. А теперь бросил кольцо колесниц широким фронтом, чтобы найти наш след. Ему не нужен был прорицатель, чтобы понять, что мы направимся на восток, к побережью.

Таита быстро поглядел по сторонам в поисках укрытия. Хотя открытая каменистая равнина, по которой они ехали, казалось, была лишена неровностей, он выбрал небольшую котловину, которая даст им укрытие, если удастся добраться до нее вовремя.

– Слезай с лошади! – приказал он Неферу. – Нам следует пригнуться как можно ниже и не поднимать пыли, чтобы они не заметили нас. – Он молча упрекал себя за то, что ночью не потрудился скрыть их следы. Теперь, когда они повернули в сторону и повели лошадей к котловине, он проследил, чтобы они не проходили по участкам мягкой земли, а шли по естественной каменной мостовой, на которой не оставалось никаких следов. Достигнув убежища, они обнаружили, что оно слишком мелкое, чтобы скрыть стоящую лошадь.

Нефер с тревогой оглядывался назад. Самая близкая колонна двигающейся пыли была меньше чем в половине лиги позади и продвигалась быстро. Другие двигались широким полукругом.

– Здесь нет места, чтобы спрятаться, а бежать теперь поздно. Они уже окружили нас. – Таита соскользнул со спины своей кобылы и, тихо говоря с нею, наклонился, чтобы погладить ее передние ноги. Кобыла затопталась и фыркнула, но он настаивал, и она неохотно легла на бок, продолжая протестующе фыркать. Таита снял набедренник и завязал им кобыле глаза, чтобы та не пыталась встать.

Затем он быстро подошел к жеребцу Нефера и проделал то же самое. Когда обе лошади легли, он быстро сказал Неферу:

– Ляг у головы Звездочета и удерживай его, если он попробует встать.

Нефер засмеялся впервые с тех пор, как узнал о смерти отца. То, как Таита обращался с животными, никогда не переставало удивлять его.

– Как ты заставил их сделать это, Тата?

– Если говорить с ними так, чтобы они поняли, они делают то, о чем их просят. Теперь ложись рядом с ним и следи, чтобы он лежал спокойно.

Они лежали позади лошадей и наблюдали за колоннами пыли, двигающимися полукольцом по равнине.

– Они не смогут заметить наши следы на каменистой земле, правда, Тата? – спросил Нефер с надеждой. Таита хмыкнул. Он наблюдал за ближайшей колесницей. В дрожащем мареве та казалась невещественной, дрожала и искажалась, как отражение на воде. Двигалась она довольно медленно, рыская из стороны в сторону, будто выслеживая. Внезапно она покатила вперед более решительно и целеустремленно, и Таита понял, что колесничий заметил их следы и двинулся по ним.

Колесница надвигалась, и они уже более ясно различали солдат в ней. Те перегибались через передний щит, оглядывая землю, по которой ехали. Вдруг Таита расстроенно пробормотал:

– Будь проклято вонючее дыхание Сета, они взяли с собой нубийского следопыта.

Высокий черный человек казался еще выше из-за головного убора из перьев цапли. В пятистах локтей от того места, где они лежали в укрытии, нубиец на ходу спрыгнул с колесницы и побежал перед лошадьми.

– Они в том месте, где мы повернули в сторону, – прошептал Таита. – Горы скрывают наши следы от того черного дикаря. – Говорили, будто нубийские разведчики могут идти по следу, оставленному ласточкой в воздухе.

Нубиец остановил колесницу повелительным взмахом руки. Там, где беглецы повернули на каменистую землю, он потерял след. Согнувшись почти вдвое, он кружил по голой земле. С такого расстояния он напоминал птицу-секретаря, охотящуюся на змей и грызунов.

– Разве ты не можешь прочесть заклинание, чтобы укрыть нас, Тата? – тревожно прошептал Нефер. Таита часто читал для них заклинания во время охоты на газелей на открытых равнинах и в большинстве случаев заманивал изящных небольших животных в пределы досягаемости стрел, так что газели не замечали охотников. Таита не ответил, но, глянув туда, где тот лежал, Нефер увидел, что старик уже держит в руке свой самый мощный амулет – золотую пятиконечную звезду изящной работы, амулет Лостры. Нефер знал, что запечатано внутри его. Это был локон волос, который Таита срезал с головы царицы Лостры, когда та лежала на столе бальзамировщика перед ее обожествлением. Таита коснулся его губами, безмолвно читая молитву об Укрытии от Глаз Врага.

А на равнине нубиец выпрямился с таким выражением, будто вновь нашел цель, и пристально поглядел прямо в их сторону.

– Он нашел поворот наших следов, – сказал Нефер, и они увидели, как колесница поехала вслед за нубийцем, который направился к ним по каменистой земле.

Таита тихо проговорил:

– Я хорошо знаю этого дьявола. Его зовут Бэй, и он – шаман племени усбак.

Нефер с трепетом наблюдал за продвижением колесницы и человека перед ней. Колесничий стоял высоко на колеснице. Конечно, он мог увидеть их оттуда, с высоты. Но ничто не говорило о том, что он заметил их. Преследователи подъехали еще ближе, и Нефер узнал в колесничем Хилто, разглядев даже белый боевой шрам на его правой щеке. На мгновение показалось, что он смотрит прямо на Нефера острыми, как у сокола, глазами, но затем его пристальный взгляд скользнул мимо.

– Не шевелись. – Голос Таиты был тих, как легкий ветерок над спокойной равниной.

Теперь Бэй, нубиец, был так близко, что Нефер мог разглядеть каждый амулет в ожерелье на его широкой голой груди. Бэй резко остановился, и его испещренное шрамами лицо на-

хмурилось, когда он принялся поворачивать голову, медленно оглядывая все вокруг, будто охотничья собака, чующая запах добычи.

– И все-таки он чувствует нас! – прошептал Таита.

Бэй сделал еще несколько медленных шагов, затем снова остановился и поднял руку. Колесница подъехала. Лошади были беспокойны и волновались. Хилто коснулся переднего щита колесницы древком копья. Тихий скребущий звук будто прогремел в тишине.

Теперь Бэй смотрел прямо в лицо Неферу. Нефер попытался выдержать этот темный жестокий взгляд и не моргнуть, но на его глазах от напряжения выступили слезы. Бэй протянул руку и сжал один из амулетов в своем ожерелье. Нефер понял, что это ключичная кость льва-людоеда. У Таиты была такая среди запаса оружия, талисманов и магических амулетов.

Бэй тихо запел мелодичным низким голосом типичного африканца. Затем топнул босой ногой по твердой земле и плюнул в сторону Нефера.

– Он проникает сквозь мою завесу, – расстроенно произнес Таита. Вдруг Бэй усмехнулся и указал прямо на них зажатым в кулаке львиным амулетом. Позади него Хилто вскрикнул от удивления и уставился туда, где внезапно появились Таита и Нефер, лежащие на открытой земле всего в ста локтях от них.

– Принц Нефер! Мы искали вас эти тридцать дней. Хвала великим Гору и Осирису, мы наконец нашли вас.

Нефер вздохнул и поднялся на ноги. Хилто подъехал к нему, спрыгнул с колесницы и встал на одно колено. Он снял с головы бронзовый шлем и закричал голосом, привыкшим подавать команды на поле боя:

– Фараон Тамос мертв! Да здравствует фараон Нефер Сети. Да живете вы вечно.

Сети было божественным именем принца, одним из пяти имен власти, данных ему при рождении, задолго до того, как было обеспечено его вступление на трон. Никому не позволялось использовать божественное имя до момента провозглашения Нефера фараоном.

– Фараон! Могучий бык! Мы прибыли отвезти вас в Священный Город, дабы вы могли возвыситься в Фивах в своем личной божественном образе как Золотой Гор.

– Что, если я решу не ехать с вами, командир отряда Хилто? – спросил Нефер.

Хилто явно обеспокоился.

– При всей моей любви и преданности, фараон, есть строжайший приказ регента Египта доставить вас в Фивы. Я должен повиноваться этому приказу, даже рискуя навлечь на себя ваше недовольство.

Нефер искоса поглядел на Таиту и проговорил уголком рта:

– Что сделать?

– Придется поехать с ними.

Они двинулись обратно в Фивы в сопровождении пятидесяти боевых колесниц, которыми командовал Хилто. Согласно строгому указанию, колонна направилась сначала в оазис Босс. Несколько быстрых всадников выслали вперед, в Фивы, и господин Наг, регент Египта, выехал из города в оазис, чтобы встретить молодого фараона Нефера Сети.

На пятый день отряд на колесницах, запыленных и потрепанных за месяцы, проведенные в пустыне, въехал в оазис. Стоило им въехать в тень полога пальмовых рощ, полный отряд Стражи Пта выстроился как на парад, чтобы приветствовать их. Солдаты вложили оружие в ножны, а в руках несли пальмовые листья, которыми махали, распевая гимн своему монарху.

Сети, могучий бык,
Он истинный возлюбленный
Двух богинь, Нехбет и Ваджет,

Огненная змея великой силы,
Золотой Гор, оживляющий сердца,
Он как осока и как пчела,
Сети, сын Ра, бога солнца, живущий всегда и вечно.

Нефер стоял между Хилто и Таитой на площадке головной колесницы. Его одежда была рваной и грязной, а густые локоны покрывала пыль. Солнце поджарило его лицо и руки до цвета зрелого миндаля. Хилто повел колесницу по длинному проходу, образованному солдатами, и Нефер застенчиво улыбался тем в рядах, кого узнавал, а они приветствовали его в ответ. Они любили его отца и теперь любили его. В центре оазиса около источника были поставлены разноцветные шатры. Перед царским шатром, окруженным скопищем придворных, знати и жрецов, стоял господин Наг, ожидающий, чтобы приветствовать царя. Могущественный, благодаря власти и полномочиям регентства, блестящий и прекрасный в золоте и драгоценных камнях, благоухающий сладкими притираниями и ароматными лосьонами.

Слева и справа от него стояли Гесерет и Мерикара, принцессы царского Дома Тамоса. Их лица были жемчужно-белыми от косметики, глаза огромными и темными от краски для век. Даже соски их обнаженных грудей были ало нарумянены и походили на зрелые вишни. Парики из конского волоса были слишком велики для их хорошеньких головок, а набедренники столь тяжелы от жемчуга и золотых нитей, что девочки стояли одеревенело, как резные куклы.

Едва Хилто остановил колесницу перед господином Нагом, как тот выступил вперед и снял с нее грязного мальчика. Нефер не имел возможности купаться начиная с отъезда из Гебель-Нагары, и от него пахло как от козла.

– Как ваш регент я приветствую вас, фараон. Я – ваш слуга и преданный друг. Да живете вы тысячу лет, – громко сказал он, так чтобы в ближайших рядах все могли слышать каждое слово. Господин Наг повел Нефера за руку к помосту совета, вырезанному из драгоценного черного дерева, привезенного из глубины африканского континента и инкрустированному слоновой костью и перламутром. Он усадил мальчика на помост, опустился на колени и без всяких признаков отвращения поцеловал сбитые и грязные ноги Нефера. Ногти на пальцах этих ног были сорваны и покрыты затвердевшей черной грязью.

Наг встал и поднял Нефера на ноги, снял с него порванный набедренник, так что открылась татуировка фараона на его бедре, и медленно повернул мальчика так, чтобы каждый из присутствующих мог ясно видеть ее.

– Приветствую вас, фараон Сети, бог и сын богов. Посмотрите на ваш знак. Рассмотрите эту отметку, все народы земли, и дрожите перед могуществом царя. Склонитесь перед всесилием фараона.

Среди солдат и придворных, столпившихся вокруг помоста, поднялся громкий крик.

– Да здравствует фараон! Да живет он вечно в своей мощи и величии.

Наг вывел вперед принцесс, и они встали на колени перед братом, чтобы принести клятву верности. Их голоса были едва слышны до тех пор, пока Мерикара, младшая, не в силах дольше сдерживаться, прыгнула на помост в вихре украшенных драгоценными камнями юбок. Она бросилась к брату.

– Нефер! – пронзительно закричала она. – Я так тосковала о тебе. Я думала, что ты умер. – В ответ Нефер неловко обнял и прижал ее к себе. Наконец она отодвинулась и прошептала: – Ты ужасно пахнешь, – и захихикала.

Господин Наг дал знак одной из царских нянь забрать ребенка, а затем, один за другим, могущественные господа Египта, с членами совета во главе вышли вперед, чтобы дать клятву верности. Был один неловкий миг, когда фараон осмотрел собрание и спросил ясным, громким голосом:

– Где мой добрый дядя Кратас? Из всех моих людей ему следовало здесь приветствовать меня первым.

Талла пробормотал умиротворяющее объяснение.

– Господин Кратас не смог присутствовать. Мы объясним это великому позже. – Талла, старый и слабый, был теперь председателем государственного совета. В качестве креатуры Нага.

Церемония закончилась, когда господин Наг хлопнул в ладоши.

– Фараон прибыл из долгой поездки. Ему нужно отдохнуть, прежде чем он поведет процессию в город.

Он жестом собственника взял Нефера за руку и повел его в царский шатер, где в просторных галереях и залах мог бы разместиться целый отряд охраны. Там служитель гардероба, парфюмеры и цирюльники, хранитель царских драгоценностей, слуги, маникюрши, массажисты и банщицы ждали, чтобы заняться им.

Таита решил оставаться рядом с мальчиком там, где мог защитить его. Он попытался ненавязчиво войти в его окружение, но долговязая фигура и серебряная голова выдавали его; в то же время его слава была такова, что нигде на земле он не мог пройти неприметно. Начальник караула почти немедленно заступил ему дорогу.

– Приветствую, господин Таита. Пусть боги вечно улыбаются вам. – Хотя фараон Тамос возвел его в благородное сословие в тот же день, когда поставил печать на документ о его освобождении от рабства, Таита по сию пору чувствовал себя неловко, когда к нему обращались, используя титул.

– Регент Египта послал за вами. – Он посмотрел на грязную одежду и пыльные старые сандалии Мага. – Было бы неплохо, если бы вы явились к нему в ином платье. Господин Наг терпеть не может неприятные запахи и грязную одежду.

Шатер господина Нага был больше, чем шатер фараона, и более роскошно обставлен. Он сидел на троне, вырезанном из черного дерева и слоновой кости, украшенном золотом и еще более редким и драгоценным серебром с изображениями всех главных богов Египта. Песчаный пол был устлан гуррийскими шерстяными коврами замечательных расцветок, в том числе яркозелеными, символизирующими зеленые поля, простирающиеся на обоих берегах Нила. Возвысившись до регента, Наг принял этот зеленый цвет как цвет своего Дома.

Он полагал, что приятные ароматы притягивают внимание богов, и в серебряных горшках, подвешенных на цепи к распоркам шатра, курился ладан. На низком столе перед троном стояли открытые стеклянные вазы, наполненные духами. Регент снял парик, и раб удерживал на его бритой макушке конус ароматного воска. Воск таял и стекал по щекам и шее, охлаждая и успокаивая.

В шатре пахло как в саду. Даже высшая знать, послы и просители, которые садились перед троном, были вынуждены купаться и брызгаться духами, прежде чем войти в приемную регента. Таита также последовал совету начальника караула. Его волосы, вымытые и расчесанные, ниспадали серебряным каскадом по плечам, а полотняный набедренник был выстиран и доведен до чистейшей белизны. У входа в шатер он встал на колени, выражая почтение к трону. Как только он поднялся на ноги, раздался гул замечаний и предположений. Иностранные послы с любопытством разглядывали его, и он слышал, как шептали его имя. Даже воины и жрецы кивали и говорили друг другу на ухо:

– Это – Маг.

– Любимец богов Таита, знаток Лабиринтов.

– Таита, Раненый Глаз Гора.

Господин Наг оторвался от папируса, который просматривал, и улыбнулся. Он был действительно красив, с хорошо вылепленными чертами лица и чувственными губами. Прямой и

узкий нос, глаза цвета золотого агата, живые и умные. Обнаженная грудь демонстрировала только мышцы, ни капли жира, а на худых руках играли крепкие мускулы.

Таита быстро осмотрел ряды мужчин, которые теперь сидели ближе всего к трону. За недолгое время, прошедшее после смерти фараона Тамоса, среди придворных и знати произошло перераспределение власти и благоволения. Не было видно многих знакомых лиц, зато много других явились из мрака на свет расположения регента. Не последним из них был Асмор, командир Стражи Пта.

– Пройдите вперед, господин Таита. – Голос у Нага был приятный и низкий. Таита направился к трону, и ряды придворных расступились, освобождая ему проход. Регент улыбнулся. – Знайте, что вы заслуживаете нашей высокой милости. Вы отлично выполнили обязанность, возложенную на вас фараоном Тамосом. Вы обеспечили принца Нефера Мемнона неоценимым обучением и общей подготовкой. – Таита был удивлен теплотой приветствия, но не позволил себе показать это. – Теперь, когда принц стал фараоном Сети, ему еще больше потребуется ваша направляющая рука.

– Пусть он живет вечно, – ответил Таита, и присутствующие повторили за ним:

– Пусть он живет вечно.

Господин Наг жестом показал:

– Сядьте здесь, в тени моего трона. Даже мне будут очень нужны ваши опыт и мудрость, когда потребуется распорядиться делами фараона.

– Царский регент оказывает мне больше чести, чем я заслуживаю. – Таита повернул к господину Нагу кроткое лицо. Самое благоразумное – никогда не позволять вашим тайным врагам проведать о вашей враждебности. Он занял предложенное ему место, но отказался от шелковой подушки и сел на шерстяной коврик, держа спину и плечи очень прямо.

Регент вернулся к своим делам. Делили имущество полководца Кратаса: поскольку его объявили предателем, все, чем он владел, перешло к Короне.

– От предателя Кратаса переходят к храму Хапи и жрецам таинств, – читал Наг с папируса, – все его земли и постройки на восточном берегу реки между Дендерой и Абнубом.

Слушая это, Таита оплакивал своего старейшего друга, но не допустил и тени печали на свое лицо. Во время долгого возвращения из пустыни Хилто поведал ему, как умер Кратас, и добавил:

– Все люди, даже благородные и значительные, ведут себя смиренно при новом регенте Египта. Менсет, председатель государственного совета, мертв. Он умер во сне, но поговаривают, будто ему помогли отправиться в последний путь. Синка мертв, казнен за измену, хотя у него уже не хватало сообразительности даже обманывать свою старую жену. Его имущество конфисковано регентом. Еще пять десятков человек составили компанию славному Кратасу в путешествии в подземный мир. А все члены совета – подпевалы Нага.

Кратас для Таиты был последним осколком тех золотых дней, когда Тан, Лостра и он были молоды. Таита очень любил его.

– От предателя Кратаса к регенту Египта – весь запас проса, записанный на его имя в зернохранилище Атрибиса, – читал господин Наг с папируса.

Пятьдесят полных барж, прикинул Таита, поскольку практичный Кратас свои средства вкладывал в торговлю просом. Господин Наг щедро заплатил себе за тяжелую работу – убийство.

– Эти запасы будут использованы на общее благо. – Именно так определялась конфискация, но Таита задал себе вопрос: кто определяет общественное благо?

Жрецы и писцы деловито записывали итоги раздела на глиняных табличках, которые будут храниться в архивах храма. Наблюдая и слушая, Таита сдерживал гнев и горе, заперев их в своем сердце.

– А сейчас перейдем к другому важному государственному делу, – сказал господин Наг, когда наследников Кратаса лишили всего их наследства, а сам он стал богаче на три лакха золота. – Я приступаю к рассмотрению благосостояния и статуса принцесс Гесерет и Мерикары. Я тщательно совещался с членами государственного совета. Все согласны, что для их собственного блага я должен взять в жены как принцессу Гесерет, так и принцессу Мерикару. Как мои жены, они окажутся под моей полной защитой. Богиня Исида – покровительница обеих царственных дев. Я приказал жрицам богини истолковать предзнаменования, и они пришли к заключению, что упомянутые браки угодны богине. Церемония пройдет в храме Исиды в Луксоре в день первого полнолуния после похорон фараона Тамоса и коронации его наследника, принца Нефера Сети.

Таита оставался недвижим, бледен, но вокруг после этого заявления послышались шорохи и шепот. Политические последствия такого двойного брака были монументальны. Все присутствующие понимали, что господин Наг намеревался посредством этого брака войти в царский Дом Тамоса и таким образом стать следующим в череде наследования.

Таита почувствовал, что его до самых костей пробрал холод, будто только что с Белой Башни в центре Фив громко прокричали смертный приговор фараону Неферу Сети. Оставалось всего двенадцать дней из требующихся семидесяти для царского бальзамирования мертвого фараона. Немедленно после погребения Тамоса в его могиле в Долине Царей на западном берегу Нила должны состояться коронация его преемника и свадьба его выживших дочерей.

Затем кобра ударит снова. Таита не сомневался в этом. Его пробудило от раздумий об опасностях, окружающих принца, общее движение среди присутствующих, и он догадался, хотя сам не слышал этого, что регент объявил совещание законченным. Он поднялся и вышел за полог в шатре позади трона. Таита поднялся вместе с прочими, чтобы покинуть шатер.

Командир отряда Асмор с улыбкой и учтивым поклоном шагнул вперед, чтобы остановить его.

– Господин Наг, регент Египта, просит вас не уезжать. Он приглашает вас на частную аудиенцию. – Асмор был теперь начальником личной стражи регента и имел почетное звание Лучшего из десяти тысяч. За короткое время он стал сильным и влиятельным человеком. Не было никакого смысла и возможности отказаться от приглашения, и Таита кивнул.

– Я – слуга фараона и его регента. Да живут оба тысячу лет.

Асмор повел его к задней стене шатра и держал занавеску поднятой, пока он не прошел. Таита оказался в пальмовой роще, и Асмор повел его сквозь деревья туда, где одиноко стоял меньший, однокомнатный шатер. Дюжина охранников стояла на страже вокруг шатра, поскольку тот был местом проведения тайного совета, куда без вызова регента не разрешалось приближаться никому. По команде Асмора охранники отступили в сторону, и командир отряда провел Таиту в затененный шатер.

Наг взглянул на него, моя руки в бронзовой чаше.

– Входите, Маг. – Он приветливо улыбнулся и взмахом руки указал на груду подушек в центре покрытого коврами пола. Когда Таита садился, Наг кивнул Асмору, и тот вышел и встал на страже у выхода из шатра, обнажив серповидный меч. Их было только трое в шатре, и беседу никто не мог подслушать.

Наг снял драгоценности и знаки должности. Он держался приветливо и дружелюбно: подошел, чтобы сесть на одну из подушек напротив Таиты; указал на поднос с засахаренными фруктами и шербетом в золотых кубках, который стоял между ними.

– Пожалуйста, угощайтесь.

Чутье подсказывало Таите, что следует отказаться, но он понимал, отказ от регентского гостеприимства объявит о его враждебности и приведет к смертельно опасным действиям Нага.

Пока господину Нагу не следовало знать, что Таита догадался о его намерениях в отношении нового фараона или что он знал о преступлениях Нага и его дальнейших притязаниях.

Он склонил голову в знак благодарности и выбрал золотой кубок, стоявший от него дальше прочих. Он ждал, чтобы Наг взял другой кубок шербета. Регент взял его, поднял и выпил без колебаний.

Таита поднес кубок к губам и от души отхлебнул. Он попробовал шербет на языке. Кое-кто бахвалился, что располагает безвкусными, необнаружимыми ядами, но Таита изучил все разъедающие вещества, и даже терпкий плод не мог скрыть от него их вкуса. Напиток не был отравлен, и он проглотил его с удовольствием.

– Спасибо за доверие, – серьезно сказал Наг, и Таита понял, что он имел в виду нечто большее, чем его согласие отведать угощение.

– Я – слуга царя и, значит, его регента.

– Вы для Короны – человек неоценимой важности, – ответил Наг. – Вы верно служили трем фараонам, и все они без сомнений полагались на ваши советы.

– Вы переоцениваете мою важность, господин регент. Я старый и слабый человек.

Наг улыбнулся:

– Старый? Да, вы стары. Я слышал, вам более двухсот лет. – Таита наклонил голову, не подтверждая и не отрицая. – Но не слабый, нет! Вы стары и могучи, как гора. Все знают, что ваша мудрость безгранична. Вам ведомы даже тайны вечной жизни.

Лесть была явной и бессовестной, и Таита искал в ней скрытый смысл. Наг молчал, выжидательно глядя на него. Что он ожидал услышать? Таита посмотрел ему в глаза и настроил свой мозг так, чтобы уловить чужие мысли. Они оказались быстрыми и мимолетными, как стремительные силуэты летучих мышей в пещере на фоне темнеющего закатного неба.

Он поймал целиком одну мысль и вдруг понял, чего хотел от него Наг. Знание дало ему силу, и линия поведения открылась перед ним подобно воротам взятого города.

– На протяжении тысячи лет каждый царь и каждый ученый искали тайну вечной жизни, – сказал он тихо.

– Возможно, только один человек нашел ее. – Наг нетерпеливо подался вперед, уперев локти в колени.

– Мой господин, ваши вопросы слишком трудны для такого старика, как я. Двести лет – это не вечная жизнь. – Таита протестующе развел руками, но опустил глаза, разрешая Нагу читать в нерешительном опровержении то, что тот хотел услышать. «Двойная корона Египта и вечная жизнь», – подумал он и внутренне улыбнулся, сохраняя серьезное выражение лица. Желания регента были простыми, и их было немного.

Наг выпрямился.

– Мы обсудим эти трудные вопросы в другой раз. – Его желтые глаза торжествующе светились. – Но есть кое-что еще, о чем я хотел бы попросить вас. Это даст вам возможность подтвердить, что мое хорошее мнение о вас совершенно справедливо. Моя благодарность не знала бы границ.

«Он юлит и извивается как угорь, – подумал Таита, – а я считал его тупым солдафоном. Он смог скрыть свет своего фонаря от всех нас». Вслух он сказал только:

– Если это в моих силах, я ни в чем не откажу регенту фараона.

– Вы – знаток Лабиринтов Амона Ра, – сказал Наг с уверенностью, не терпящей никакого опровержения.

Таита еще раз бросил взгляд в темные глубины притязаний этого человека. Не только корона и вечная жизнь! Он также желает, чтобы ему открылось будущее, изумился Таита, но кротко кивнул и ответил:

– Мой господин Наг, всю жизнь я изучал тайны и, возможно, узнал кое-что.

– Да, всю вашу очень долгую жизнь. – Наг поставил особенное ударение в этой фразе. – И узнали очень много.

Таита поклонился и промолчал. «Почему я прежде думал, что он убьет меня? – спросил он себя. – Он будет защищать меня ценой собственной жизни, потому что верит, что я держу в руках ключ к его бессмертию».

– Таита, возлюбленный царями и богами, мне угодно, чтобы вы поработали с Лабиринтами Амона Ра для меня.

– Мой господин, я никогда не работал с Лабиринтами ни для кого, кроме цариц и фараонов или тех, кто был предназначен воссесть на трон Египта.

– Вполне возможно, что как раз один такой человек просит вас об этом сейчас, – сказал господин Наг с глубоким значением в голосе.

«Великий Гор привел его ко мне. Он в моих руках», – подумал Таита и сказал:

– Я склоняюсь перед желанием регента фараона.

– Вы будете работать с Лабиринтами для меня сегодня же? Больше всего я стремлюсь узнать пожелания богов. – Красивое лицо Нага оживилось от волнения и алчности.

– Никто не должен просто входить в Лабиринты, – возразил Таита. – Есть большие опасности, не только для меня, но и для повелителя, запрашивающего предсказание. Потребуется время, чтобы подготовиться к путешествию в будущее.

– Сколько? – Разочарование Нага было очевидно.

Таита прижал руку ко лбу, изображая глубокую задумчивость. «Пусть некоторое время чует приманку, – подумал он. – Нетерпение заставит его побыстрее проглотить крючок». Наконец он сказал:

– В первый день праздника Быка Аписа.

На следующее утро, когда фараон Сети появился из своего большого шатра, это был уже не пыльный и дурно пахнущий маленький бродяга, каким он въехал в оазис Босс накануне.

С царским гневом и пылом, напугав окружающих, он воспротивился попыткам парикмахеров обрить ему голову. Вместо этого его темные кудри были вымыты и расчесаны и светились в свете раннего утра красновато-коричневым оттенком. На голове красовался урей, золотой обруч, изображающий Нехбет, богиню-стервятника, и Наг, кобру. Их изображения с глазами из красного и синего стекла были переплетены на лбу принца. На подбородке у него была подвязана фальшивая борода царского сана. Его косметика была наложена так умело, что сделала его еще красивее, и густые толпы людей, ждущих перед шатром, со вздохом восхищения и благоговения пали ниц, поклоняясь Сети. Его накладные ногти были из кованого золота, а на ногах золотые сандалии.

На груди Нефера висела одна из самых больших ценностей Короны Египта: грудная пластина Тамоса – украшенное драгоценными камнями изображение бога Гора в виде Сокола. Юный фараон шел слишком величественной для такого молодого человека поступью, неся плеть и скипетр скрещенными над сердцем. Он серьезно смотрел вперед до тех пор, пока краем глаза в переднем ряду толпы не заметил Таиту: он скосил глаза на старика и скорчил озорную гримасу, выражавшую покорность.

На шаг позади шел в облаке духов и в роскошных драгоценностях господин Наг, устрашающий в своей власти. На его бедре висел синий меч, а на правой руке была печать сокола.

За ним шли принцессы, с золотыми перьями богини Исиды на головах и с золотыми кольцами на пальцах рук и ног. Вчерашние жесткие от драгоценностей набедренники они сменили на платья, закрывавшие их от горла до лодыжек, но ткань была настолько тонка и прозрачна, что солнечный свет проникал сквозь нее, как сквозь речной туман на рассвете. Руки и ноги у Мерикары были тонкие, а грудь как у мальчика. Очертания тела Гесерет уже приняли соблазнитель-

ные изгибы, и сквозь прозрачные складки виднелись ее груди с розовыми сосками, а ниже живота, там, где сходились бедра, – темный треугольник женственности.

Фараон поднялся на торжественную колесницу и сел на приподнятый трон. Господин Наг встал справа от него, а принцессы сели у его ног.

Группы жрецов от каждого из пятидесяти фиванских храмов пошли вперед, играя на лирах, барабанах и потрясая систрумами, гудя в рога, распевая и выкрикивая хвалу богам и мольбы к ним.

Затем телохранители Асмора заняли свое место в процессии, и за ними двинулись колесницы отряда Хилто, все недавно отполированные и украшенные флагами и цветами. Лошадей вычистили скребницами так, что их шкуры блестели подобно драгоценному металлу, а в гривы были вплетены ленты. Царскую колесницу тянули безупречно белые волы; их массивные горбы украшали букеты лилий и водяных гиацинтов. Их широко расставленные рога и даже копыта были покрыты золотым листом.

Погонщиками были абсолютно нагие рабы-нубийцы. С тел и голов были выщипаны все волосы, что внешне очень подчеркивало размер их гениталий. Нубийцы были с головы до пят обильно натерты маслом, так что блестели на солнце, черные как глаза Сета, в великолепном контрасте со снежно-белыми шкурами волов. Они погнали упряжку вперед, и волы двинулись по пыли. Тысяча воинов Стражи Пта двинулись вслед за ними и грянули единым голосом гимн восхваления. Народ Фив открыл главные ворота города для входа; множество людей сидели на гребнях стен. На милю перед воротами они выстлали пыльную поверхность дороги ветвями пальмы, соломой и цветами.

Все стены, башни и здания Фив были построены из высушенных на солнце земляных кирпичей – каменные блоки предназначались для строительства гробниц и храмов. Дождь в Нильской долине шел редко, оттого эти строения никогда не разрушались; все их недавно побелили и украсили небесно-синими знаменами Дома Тамоса. Процессия прошла через ворота, и толпы танцевали, пели и плакали от радости, заполняя узкие улицы так, что царская колесница ползла как гигантская черепаха. По пути царская колесница надолго останавливалась у каждого храма, и фараон с важным достоинством сходил с нее, чтобы принести жертву богу, обитающему внутри.

На исходе дня они достигли стоянки судов, где фараона и сопровождавших его ожидала царская барка, чтобы перевезти на западный берег к дворцу Мемнона. Как только они взошли на борт, двести гребцов на множестве скамей усердно заработали веслами. Под бой барабана они одновременно разгибались и сгибались, мокрые и блестящие, будто крылья гигантской цапли.

Окруженные флотом галер, фелюг и других мелких судов, они переплыли реку в последних лучах заходящего солнца. Но и когда они достигли западного берега, царские обязанности первого дня юного фараона не были закончены. Другая царская колесница повезла его через толпы народа к погребальному храму его отца, фараона Тамоса.

На мощеную дорогу, освещенную с обеих сторон кострами, они въехали затемно. Народ весь день баловал себя пивом и вином, выданными царским казначейством; поднялся оглушительный рев, когда фараон сошел с колесницы у храма Тамоса и стал подниматься по лестнице между рядами гранитных статуй, изображавших его отца и его покровителя бога Гора, во всей сотне его божественных обликов – Гор – кучерявый ребенок Гарпократ с пальцем во рту, сосущий грудь Исиды, или сидящий на корточках на цветке лотоса, или сокологоловый, или крылатый солнечный диск. Казалось, что царь и бог были едины.

Господин Наг и жрецы повели мальчика-фараона через высокие деревянные ворота в Зал Скорби, святое место, где на плите для бальзамирования из черного диорита лежала мумия Тамоса. В отдельном святилище в боковой стене, охраняемые черной статуей Анубиса, бога

кладбищ, стояли жемчужные алебастровые канопы, в которых лежали сердце, легкие и внутренности царя.

Во втором святилище, у противоположной стены, стоял покрытый золотом саркофаг, готовый принять тело царя. На крышке гроба была золотая маска фараона, настолько живая, что сердце Нефера дрогнуло, пронзенное печалью, и на глазах появились слезы. Он сморгнул их и последовал за жрецами туда, где в центре зала лежало тело его отца.

Господин Наг занял свое место напротив него у дальнего конца диоритовой плиты, лицом к Неферу, верховный жрец встал в головах у мертвого царя. Когда все было готово для церемонии Открытия Уст мертвого царя, два жреца совлекли льняное полотно, покрывавшее тело, и, взглянув на отца, Нефер невольно отшатнулся.

В течение всех недель после его смерти, пока Нефер и Таита были в пустыне, бальзамировщики работали над телом царя. Сначала они ввели в ноздрю длинную серебряную ложку и, не повредив головы, вычерпали мягкое вещество его мозга. Они удалили глазные яблоки, которые быстро сгнивали, и заполнили полость черепа и глазные впадины натриевыми солями и ароматическими травами. Затем они поместили тело в ванну с высокой концентрацией солей, оставив голову снаружи, и оставили вымачиваться на тридцать дней, ежедневно меняя едкие щелочные жидкости. Жиры выщелачивались, и кожа сходила с тела. Только волосы и кожа головы оставались нетронутыми.

Когда тело наконец достали из натриевой ванны, его положили на диоритовую плиту и натерли маслами и травяными настоями. Пустую полость живота заполнили льняной набивкой, пропитанной смолами и воском. Рану от стрелы в груди зашили и поверх положили амулеты из золота и драгоценных камней. Зазубренный наконечник, убивший царя, бальзамировщики удалили из тела фараона. После того как государственный совет осмотрел его, он был запечатан в золотой шкатулке, чтобы лечь в гробницу вместе с телом как могущественный амулет от любого другого зла, что могло встретиться фараону в путешествии в подземный мир.

Затем на оставшиеся сорок дней бальзамирования тело оставили окончательно высохнуть под горячим ветром пустыни, влетающим через открытые двери.

Как только оно стало сухим, как дерево, его можно было бинтовать. На него в сложном порядке наложили льняные полосы, пока хор жрецов пел заклинания богам. Под пелены поместили самые драгоценные талисманы и амулеты, и на каждый слой наносили смолу, высыхающую до металлических твердости и блеска. Лишь голова оставалась открытой, и в течение недели перед церемонией Открытия Уст четверо самых опытных художников из гильдии бальзамировщиков, используя воск и косметику, восстановили черты лица царя до жизнеподобной красоты.

Они заменили отсутствующие глаза их идеально точными копиями из горного хрусталя и обсидиана. Белки были прозрачны, радужная оболочка и зрачки в точности соответствовали естественному цвету глаз царя. Казалось, будто стеклянные шары наделены жизнью и умом, так что теперь Нефер пристально, с трепетом глядел в них, ожидая увидеть, как веки мигнут и зрачки отца расширятся в узнавании. Губы были вылеплены и накрашены так, что в любой момент могли бы улыбнуться, а нарисованная кожа выглядела шелковистой и теплой, как если бы под ней все еще бежала яркая кровь. Волосы фараона вымыли и уложили знакомыми темными локонами, которые Нефер так хорошо помнил.

Господин Наг, верховный жрец и хор во второй раз запели магические заклинания против смерти, но Нефер не мог оторвать взгляд от отца.

Он – отражение, а не зеркало,
Он – музыка, а не лира,
Он – камень, а не долото,
Он будет жить вечно.

Верховный жрец прошел на сторону Нефера и вложил в его руку золотую ложку. Нефер обучался проведению ритуала, но его рука дрожала, когда он положил ложку на губы отца и произнес:

– Я открываю твои губы, чтобы ты снова имел силу говорить. – Он коснулся ложкой носа отца. – Я открываю твои ноздри, чтобы ты снова мог дышать. – Он коснулся каждого из чудесных глаз. – Я открываю твои глаза, чтобы ты снова мог увидеть великолепие этого мира и великолепие мира грядущего.

Когда наконец все было сделано, сопровождавшие царя дождались, пока бальзамировщики обернут голову и покроют ее ароматическими смолами. Когда они возложили золотую маску на слепое лицо, оно вновь засветилось как живое. Вопреки традиции и обычаям для фараона Тамоса изготовили только одну посмертную маску и один золотой саркофаг. Его отец отправился в свою гробницу, закрытый семью масками, в семи саркофагах, один в другом, и каждый следующий был украшен больше, чем предыдущий.

Остаток той ночи Нефер провел около золотого саркофага, молясь и кадя ладаном, упрашивая богов взять его отца к себе и поместить среди пантеона. На рассвете он вышел со жрецами на террасу храма, где ждал главный сокольничий его отца. На руке в перчатке он нес царского сокола.

– Нефертем! – прошептал Нефер имя птицы. – Цветок лотоса. – Он взял у сокольничего величественную птицу и высоко поднял ее на руке, чтобы народ, собравшийся под террасой, мог ясно видеть ее. На правой ноге сокола была крошечная золотая бирка на золотой цепочке. На ней был выгравирован царский картуш его отца.

– Это – божественная птица фараона Тамоса Мамоса. Это – дух моего отца. – Он сделал паузу, чтобы восстановить самообладание, потому что был близок к слезам. Затем продолжил: – Я освобождаю божественную птицу моего отца. – Он стянул кожаный клобучок с головы сокола. Жестокие глаза заморгали в свете зари, и птица распушила перья. Нефер развязывал узел на путах у нее на лапках, и птица расправила крылья. – Лети, божественный дух! – закричал Нефер. – Лети высоко для меня и моего отца! – Он подбросил птицу, она поймала рассветный ветер и поднялась ввысь. Затем она сделала два круга в вышине и с частыми неистовыми криками устремилась за Нил.

– Божественная птица летит на запад! – воскликнул верховный жрец.

Каждый член собрания на ступенях храма знал, что это неблагоприятнейшее предзнаменование.

Нефер был так физически и эмоционально истощен, что, увидев, как птица улетела, пошатнулся. Таита успел поддержать его, не дал упасть и увел.

Проводив Нефера в спальню во дворце Мемнона, Таита смешал лекарство и встал на колени около его ложа, чтобы напоить мальчика. Нефер сделал один большой глоток, опустил чашу и спросил:

– Почему у моего отца только один маленький гроб, когда ты говорил мне, что мой дедушка погребен в семи тяжелых золотых саркофагах и что потребовалось двадцать сильных волов, чтобы тянуть его погребальную повозку?

– Твоему деду устроили самые богатые похороны во всей истории нашей земли, и он взял с собой в подземный мир множество погребальных вещей, Нефер, – согласился Таита. – Но на те семь гробов ушло тридцать лакхов чистого золота, что почти разорило страну.

Нефер задумчиво посмотрел в чашу и выпил последние несколько капель лекарства.

– Мой отец заслужил такие же богатые похороны, потому что был могущественным человеком.

– Твой дедушка много думал о своей загробной жизни, – терпеливо объяснил Таита. – Твой отец думал по большей части о своем народе и о благосостоянии Египта.

Нефер некоторое время обдумывал это, вздохнул, устроился на овчинном матраце и закрыл глаза. И открыл их снова.

– Я горжусь отцом, – сказал он просто.

Таита положил руку ему на лоб, благословляя, и прошептал:

– А я знаю, что однажды у твоего отца появится причина гордиться тобой.

Не требовалось плохого предзнаменования в виде полета сокола Нефертема, чтобы предупредить Таиту, что они на пороге самого опасного и рокового периода во всей долгой истории Египта. Когда он вышел из опочивальни Нефера и отправился в пустыню, казалось, будто звезды замерли на своих путях и все древние боги отшатнулись и покинули юного фараона в самый опасный час.

– Великий Гор, мы нуждаемся теперь в твоем руководстве. Ты держишь Та-мери, эту драгоценную землю, в чаше своих рук. Не дай ей выскользнуть из твоих пальцев и разбиться подобно хрусталю. Не повернись к нам спиной сейчас, когда мы в беде. Помоги мне, могучий сокол. Наставь меня. Разъясни мне свои желания, так чтобы я мог следовать твоей воле.

Молясь на ходу, он поднялся на холмы на краю большой пустыни. Постукивание его длинного посоха о камни встревожило желтого шакала, и тот побежал вверх по залитому лунным светом склону. Когда он уверился, что его никто не видит, то повернул вдоль реки и ускорил шаги.

– Гор, ты хорошо знаешь, что мы балансируем на острие меча войны и поражения. Фараон Тамос пал в битве, и нет другого воина, чтобы повести нас. Алепи и его гиксосы на севере стали столь могущественны, что почти непобедимы. Они собираются против нас, и мы не способны противостоять им. Двойную корону двух царств точит червь предательства, и ей не пережить новую тиранию. Открой мои глаза, могущественный бог, и укажи путь, чтобы нам одержать победу над вторгшимися с севера гиксосскими ордами и над ядом, разрушающим нашу кровь.

До конца дня Таита шел по каменистым холмам и тихим местам, молясь и стараясь найти путь впереди. Поздним вечером он повернул к реке и достиг наконец цели своего путешествия. Он мог бы добраться сюда прямо на фелюге, но слишком много глаз заметили бы поездку, и к тому же ему требовалось побыть в одиночестве в пустыне.

В глубокой темноте, когда большинство людей спали, он приблизился к храму Беса на берегу реки. В нише над воротами горел трепещущий факел. Он освещал резную фигуру Беса, охраняющую вход. Бес, уродливый карлик с вываленным из открытого рта языком, был богом пьянства и веселья. В дрожащем свете факела он пьяно ухмыльнулся Таите, когда тот прошел мимо.

Один из служителей храма ожидал Мага, чтобы встретить. Он повел его к каменной келье в глубине храма, где на столе стоял кувшин козьего молока, а рядом – блюдо просяного хлеба и мед в сотах. Они знали, что одной из слабостей Мага был мед с пыльцой мимозы.

– Три человека уже ожидают вашего прибытия, мой господин, – сказал ему молодой жрец.

– Сначала приведите ко мне Бастета, – приказал Таита.

Бастет был главным писцом номарха Мемфиса и одним из наиболее ценных источников информации для Таиты. Небогатый человек, обремененный двумя симпатичными, но дорого обходящимися женами и выводком детишек. Таита спас его детей, когда Желтые Цветы опустошали землю. Хотя писец мало влиял на положение дел, зато сидел близко к средоточию власти, успешно используя слух и феноменальную память. Он мог рассказать Таите многое о том, что произошло в номе с момента вступления в должность нового регента, и принял вознаграждение с искренней благодарностью.

– Ваше благословение было бы достаточной платой, могучий Маг.

– Детей благословением не накормишь, – ответил Таита и отпустил его.

Затем пришел Обос, верховный жрец храма великого Гора в Фивах. Он был обязан своим назначением Таите, который ходатайствовал о нем перед фараоном Тамосом. Большинство знати прибыло в храм Гора, чтобы поклониться ему и принести жертву, и все они доверяли верховному жрецу. Третьим человеком, с кем следовало поговорить Таите, был Нолро, секретарь войска Севера. Он также был евнухом, а между теми, кто получил такое увечье, существовала связь.

С дней своей юности, когда Таита впервые стал управлять делами государства из тени позади трона, он знал, что для принятия решений абсолютно необходимы безупречные знания. Весь остаток ночи и большую часть следующего дня он слушал этих людей и подробно расспрашивал их, так что, когда был готов вернуться во дворец Мемнона, знал обо всех важных событиях последнего времени и значительных подводных течениях и политических водоворотах, возникших за дни, проведенные им далеко в пустыне в Гебель-Нагаре.

Вечером он отправился назад во дворец прямой дорогой по берегу реки. Крестьяне, возвращавшиеся с работы в полях, узнавали Мага, делали знак удачи и долгой жизни и просили:

– Помолись за нас Гору, Маг, – поскольку все они знали, что он человек Гора. Многие совали ему в руки маленькие подарки, а один пахарь позвал его разделить с ним обед из просяных лепешек, хрустящей жареной саранчи и теплого, только что из-под козы молока.

Когда настала ночь, Таита поблагодарил дружелюбного крестьянина, простился с ним и оставил его сидеть около очага. Всю ночь он спешил, стремясь не пропустить церемонию царского пробуждения. Дворца он достиг с рассветом и едва успел искупаться и сменить одеяние, перед тем как поспешить к царской опочивальне. В дверях путь ему преградили два стражника, скрестившие копья.

Таита удивился. Такого еще не бывало. Он был царским наставником, назначенным тринадцать лет назад фараоном Тамосом. Он впился взглядом в начальника охраны. Тот опустил глаза, но не пропустил Мага.

– Я не хочу вас оскорбить, могущественный Маг. Это особое распоряжение командира телохранителей, командира отряда Асмора и управляющего дворцом. Никакой человек не может появиться перед царем без одобрения регента.

Сержант был непреклонен, поэтому Таита оставил его и зашагал по террасе туда, где в маленьком кругу своих особых любимцев и льстецов завтракал Наг.

– Господин Наг, вы знаете, что меня назначил наставником и воспитателем фараона его родной отец. Мне было дано право доступа к нему в любое время дня и ночи.

– С тех пор прошло много лет, дорогой Маг, – негромко ответил Наг, поедая очищенный виноград из рук раба, который стоял позади его скамейки и клал виноградины ему в рот. – Тогда это было правильно, но фараон Сети – больше не ребенок. Он больше не нуждается в няньках. – Оскорбление было случайным, но это не делало его менее обидным. – Я – его регент. В будущем он будет обращаться ко мне за советом и руководством.

– Я признаю ваше право и долг в отношении царя, но держать меня вдали от Нефера не нужно и жестоко, – возразил Таита, но Наг небрежно махнул рукой, веля ему замолчать.

– Главное – безопасность царя, – сказал он и встал от стола, желая показать, что прием пищи и разговор закончены. Его телохранители сомкнулись вокруг него, и Таите пришлось отойти назад.

Он смотрел, как Наг и его окружение направились по крытой аркаде к палате совета. Он не последовал за ними немедленно, но повернулся и сел на парапет одного из бассейнов для рыбы, чтобы обдумать положение.

Наг изолировал Нефера. Мальчик стал узником в собственном дворце. Когда придет время, он окажется один в окружении врагов. Таита искал средства защитить его. Он вновь обдумал бегство из Египта: склонить Нефера бежать через пустыню под защиту иностранной власти, пока он не постарел и достаточно силен, чтобы затем вернуться и заявить о своем неотъемлемом праве. Однако Таита был уверен, что Наг не только закрыл дверь в царские покои, но и перекрыл все пути бегства из Фив и Египта.

Здесь не было легкого решения, и через час глубоких раздумий Таита поднялся на ноги. Стражники у двери в палату совета отступили перед ним в сторону, и Таита прошел по проходу и занял свое привычное место на передней скамье.

Нефер восседал на возвышении около регента. На нем была легкая корона хеджет Верхнего Египта, и он выглядел бледным и изможденным. Таита почувствовал вспыхнувшее беспокойство из-за того, стал ли уже он жертвой медленного яда, но не смог обнаружить вокруг мальчика смертельную ауру. Он сосредоточился, посылая ему поток силы и храбрости, но Нефер холодно и обвиняюще посмотрел на него, наказывая за отсутствие на церемонии царского пробуждения.

Таита перенес внимание на дела совета. Рассматривали последние сообщения с северного фронта, где царь Апепи вновь захватил Абнуб после осады, продолжавшейся три предыдущих года. Этот несчастный город переходил из рук в руки восемь раз, начиная с первого гиксосского вторжения в царствование фараона Мамоса, отца Тамоса.

Если бы фараона Тамоса не сразила гиксосская стрела, его смелая стратегия, возможно, предотвратила бы это трагическое поражение. Вместо того чтобы теперь поневоле заниматься подготовкой к отражению нового гиксосского удара на Фивы, войска Египта могли бы обрушиться на вражескую столицу Аварис.

Таита обнаружил, что в совете нет единства ни по какому вопросу этого кризиса. Все стремились найти виновного в недавнем поражении, когда любому дураку было ясно, что главная причина – безвременная смерть фараона. Он оставил свое войско без головы и сердца. Апепи немедленно воспользовался преимуществом.

Слушая их препирательства, Таита сильнее, чем когда-либо, почувствовал, что эта война – гнойный нарыв на теле Египта. Он в досаде поднялся и тихо покинул палату совета. Здесь он уже ничего не мог сделать – они все еще пререкались, кого назначить командующим северными войсками вместо усопшего фараона Тамоса.

– Теперь, когда он мертв, среди военачальников нет никого, кто мог бы сравниться с Апепи, ни Асмор, ни Терон, ни сам Наг, – пробормотал Таита, направляясь прочь. – Страна и наши войска обескровлены за шестьдесят лет войны. Нам нужно время, чтобы восстановить нашу силу и чтобы из наших рядов появился великий военный вождь. – Он подумал о Нефере, но пройдут годы, прежде чем тот сможет принять эту роль, которую, как узнал Таита после изучения Лабиринтов Амона Ра, уготовила ему судьба.

«Мне необходимо выиграть для него это время и уберечь его, пока он не будет готов».

Он отправился в женскую часть дворца. Поскольку он был евнухом, то мог пройти через ворота, закрытые для других мужчин. Прошло три дня с тех пор, как принцессы узнали, что скоро должны стать невестами, и Таита понимал, что ему следует посетить их до того. Они наверняка смущены и обеспокоены и очень нуждаются в его совете и утешении.

Меркара первая увидела его, когда он вступил во внутренний двор. Она вскочила с того места, где жрица Исиды учила ее с таблицей для письма и щеточкой, и на длинных ногах подлетела к нему, локоны подпрыгивали у нее на плечах. Она обхватила его за талию и крепко прижалась.

– О, Таита, где ты был? Я искала тебя все эти дни.

Когда принцесса взглянула на него, Таита увидел, что она недавно плакала: глаза у нее были красные, с темными тенями под ними. Теперь она начала всхлипывать снова, и ее плечи затряслись от рыданий. Таита обнял ее и держал, пока она немного не успокоилась.

– Что случилось, моя маленькая обезьянка? Отчего ты так несчастна?

– Господин Наг собирается забрать меня в тайное место и делать со мной ужасные вещи. Он собирается вставить в меня что-то огромное и острое, оно причинит мне боль, и потечет кровь.

– Кто сказал тебе это? – Таита с трудом сдерживал гнев.

– Магара и Саак. – Мерикара рыдала. – О, Таита, разве ты не можешь запретить ему делать это со мной? Пожалуйста, о, пожалуйста.

Таите следовало догадаться, что именно две нубийские девушки-рабыни перепугали принцессу. Обычно они рассказывали про африканских духов и упырей, но сейчас у них появилось кое-что новое, чтобы мучить подопечную. Таита мрачно поклялся наказать обеих потаскушек и принялся успокаивать страхи принцессы. Потребовался весь его такт и мягкость, поскольку Мерикара была сильно напугана.

Он повел ее в беседку в тихом углу сада, сел, и она взобралась ему на колени и прижалась щекой к его груди.

Разумеется, ее страхи не имели под собой оснований. Даже после свадьбы было бы против природы, закона и традиций, чтобы Наг взял ее на брачное ложе прежде, чем Мерикара увидит свою первую красную луну, а это должно было произойти лишь через несколько лет. Наконец ему удалось успокоить девочку, и он повел ее в царские конюшни, чтобы полюбоваться жеребенком, родившимся этим утром, и погладить его.

Когда она снова разулыбалась и принялась болтать, Таита отвел ее обратно на женскую половину дворца и, чтобы развлечь, показал несколько маленьких чудес. Кувшин нильской воды, опустив в него палец, он превратил в восхитительный шербет, и они выпили его вместе. Затем он подбросил в воздух камешек, и тот превратился в живую канарейку, которая полетела к верхним веткам смоковницы. Там она стала скакать и петь, а девочка внизу прыгала и визжала от восторга.

Он оставил принцессу, пошел искать двух девушек-рабынь, Магару и Саак, и устроил им на словах такой разнос, что скоро они вцепились друг в друга и страдальчески выли. Он знал, что Магара всегда была заводилой в любых подобных проделках, поэтому достал из ее уха живого скорпиона и держал его в паре сантиметров от ее лица. Это довело ее до такого пароксизма страха, что она обмочилась и по ногам потекли маленькие струйки.

Довольный, он пошел искать Гесерет. Как он и ожидал, принцесса сидела на берегу реки со своей лирой. Она взглянула на него с грустной улыбкой, но продолжала играть. Таита сел подле нее, на травянистый берег под нависающими ветвями ивы. Мелодия, которую играла Гесерет, была любимой мелодией ее бабушки. Таита сам научил ее. И вот она запела:

– Мое сердце трепещет подобно раненой перепелке, когда я вижу лицо моего возлюбленного. Мои щеки пылают подобно рассветному небу в свете его улыбки.

Ее голос звучал сладко и искренне, и Таита почувствовал, как на его глазах выступили слезы. Он словно снова услышал Лостру. Он стал подпевать, голос у него был все еще чистым и ровным, без старческого дрожания. На реке гребцы на проходящей галере прекратили грести, восхищенно заслушавшись, поток нес судно мимо того места, где сидели певцы.

Когда песня закончилась, Гесерет отложила лиру и обратилась к Магу:

– Милый Таита, я очень рада, что ты пришел.

– Извини, что заставил тебя ждать, луна всех светлых ночей. – Принцесса слабо улыбнулась, услышав свое прозвище, поскольку всегда была романтичной. – Что мне сделать для тебя?

– Ты должен пойти к господину Нагу и передать ему мои искренние извинения: я не могу выйти за него замуж.

Она была вылитая ее бабушка в те же годы! Лостра тоже обременила его невыполнимой задачей, с той же уверенностью и верой в его способность справиться с ней. Гесерет обратила к нему огромные зеленые глаза.

– Видишь ли, я уже обещала Мерену, что буду его женой. – Мерен был внуком Кратаса и закадычным другом принца Нефера.

Таита замечал, что тот смотрит на Гесерет телячьими глазами, но не подозревал, что она ответила на его чувство. Он быстро задался вопросом, как далеко они продвинулись к осуществлению своей страсти, но до поры отставил эту мысль.

– Гесерет, я объяснял тебе много раз, что ты не такая, как другие девочки. Ты – принцесса. Ты не можешь вступить в брак по легкому девичьему капризу. Твое замужество влечет за собой серьезные политические последствия.

– Ты не понимаешь, Таита, – сказала Гесерет тихо, но с примесью упрямства, которого он опасался. – Я люблю Мерена, люблю его с тех пор, как была маленькой девочкой. Я хочу выйти замуж за него, а не за господина Нага.

– Я не могу отменить постановление регента Египта, – попробовал он объяснить, но Гесерет покачала головой и улыбнулась.

– Ты такой мудрый, Таита. Ты что-нибудь придумаешь. Тебе всегда это удавалось, – сказала она, и Маг почувствовал, что его сердце вот-вот разорвется.

– Господин Таита, я отказываюсь обсуждать ваш доступ к фараону или мой предстоящий брак с царскими принцессами. И то и другое решено мной окончательно. – Чтобы подчеркнуть, что вопрос закрыт, Наг вновь полностью сосредоточился на развернутом перед ним на письменном столе свитке. После этого прошло достаточно времени для того, чтобы стая диких гусей, взлетевшая с болота на восточном берегу, тяжело размахивая крыльями, перелетела широкие серые воды Нила и села в дворцовых садах. Наконец Таита оторвал взгляд от неба и поднялся, чтобы уйти. Как только он поклонился регенту и двинулся обратно, Наг посмотрел на него. – Я не разрешал вам уйти.

– Мой господин, я подумал, что больше не нужен вам.

– Напротив, вы мне очень нужны. – Он впился взглядом в Таиту и жестом показал, чтобы тот снова сел. – Вы злоупотребляете моей добротой и моим к вам расположением. Я знаю, что вы имели обыкновение работать с Лабиринтами для фараона Тамоса всякий раз, как он призывал вас сделать это. Почему вы тянете с этим для меня? Как регент этой страны, я не потерплю никакой дальнейшей задержки. Я прошу об этом не ради собственной пользы, а ради выживания нашего народа в войне с Севером. Я нуждаюсь в руководстве пантеона богов. Вы – единственный, кто может сделать это для меня.

Наг вскочил так внезапно, что стол, стоявший перед ним, опрокинулся и на пол полетели свитки папируса, щетки и терракотовые чернильницы. Он не обратил на это никакого внимания, и его голос сорвался на крик:

– Я приказываю вам всей властью печати сокола... – он коснулся амулета на своей правой руке, – поработать для меня с Лабиринтами Амона Ра.

Таита подчеркнуто покорно наклонил голову. Много недель он ждал этого ультиматума и откладывал гадание только для того, чтобы продлить отсрочку, которая давала Неферу относительную защищенность от честолюбивых притязаний регента. Он все еще был убежден, что господин Наг не сделает в отношении Нефера никакого рокового шага, пока ему не дадут разрешения Лабиринты.

– Полнолуние – наиболее благоприятный период для Лабиринтов, – сказал Таита. – Я уже сделал приготовления.

Наг снова сел на табурет.

– Вы хотите провести обряд здесь, в моих покоях? – сказал он.

– Нет, господин регент, это было бы не идеально. – Таита знал, что если хочет получить влияние на Нага, то должен вывести его из равновесия. – Чем ближе мы будем к влиянию богов, тем точнее будут предсказания. Я договорился со жрецами в храме Осириса в Бусирисе. Там я хочу поработать с Лабиринтами в полночь полнолуния. Я проведу таинство во внутреннем святилище храма. Там хранится хребет бога, джед-столб, отрубленный его братом Сетом. Эта священная реликвия увеличит силу нашего гадания. – Голос Таиты был полон тайного значения. – В святилище будем только мы с вами. Никакой другой смертный не должен услышать то, что боги скажут вам. Один из отрядов Асмора будет охранять подходы к святилищу.

Наг был человеком Осириса, и выражение его лица стало торжественным. Таита знал, что время и место, которые он выбрал, произведут на него впечатление.

– Будь по-вашему, – согласился Наг.

Поездка в Бусирису в царской барке заняла два дня. Отряд Асмора следовал за ней на четырех военных галерах. Они высадились на желтом прибрежном песке под стенами храма, где их ждали жрецы, чтобы приветствовать регента псалмами и подношениями гуммиарабика и мирры. Любовь регента к душистым веществам была уже известна по всей стране.

Гостей провели в приготовленные для них покои. Пока Наг купался, душился и закусывал плодами и шербетом, Таита в обществе верховного жреца посетил святилище и принес жертву великому богу Осирису. Затем, после тонкого намека Таиты, верховный жрец удалился, оставив Мага одного, чтобы тот подготовил все необходимое на вечер. Господин Наг никогда не присутствовал при работе с Лабиринтами – не многие смертные видели ее. Таита мог организовать для него впечатляющую демонстрацию обряда, но не имел намерения истощать свои силы в мучениях подлинного ритуала.

После заката верховный жрец развлекал регента на небольшом празднестве. Он приказал подать в его честь знаменитое вино с виноградников, окружающих храм. Именно в Бусирисе великий бог Осирис подарил Египту виноград. Когда ароматное вино смягчило регента и остальную часть компании, жрецы разыграли перед ними несколько театральных представлений, рассказывающих историю жизни великого бога. В каждом Осириса изображали с различным цветом кожи: белым после обертывания мумии пеленами, черным для царства мертвых, красным для бога возмездия. Он всегда держал скипетр и плеть, знаки отличия правителя, а ноги плотно сомкнутыми, будто у трупа. В заключительном акте его лицо было окрашено зеленым, что символизировало его значение для природы. Как просо дурра, означавшее жизнь и хлеб насущный, Осириса похоронили в земле, что означало смерть. В темноте нижнего мира он пророс подобно семени проса и затем явился вновь в величественном круговороте вечной жизни.

Во время представления верховный жрец называл имена власти бога: «Глаз Ночи», «Вечно Доброе Существо», «Сын Геба» и «Веннефер, Совершенный в Величии».

Затем, окутанные дымом из горшков с ладаном, под удары гонга и барабана, жрецы запели эпическую поэму о борьбе между добром и злом. Легенда повествовала о том, как Сет, завидуя своему добродетельному брату, запер Осириса в сундук и бросил в Нил, желая утопить. Когда его мертвое тело выбросило на берег, Сет разрубил его на части и спрятал их. Здесь, в Бусирисе, он спрятал хребет. Исида, их сестра, отыскала все части тела и вновь соединила их. Затем она совокупилась с Осирисом. В миг соития ее крылья вновь раздули в нем дыхание жизни.

Перед полуночью регент Египта выпил бутыль ароматного крепкого вина и пришел в возбужденное и восприимчивое состояние, а жрецы пробудили в нем религиозный трепет. Когда серебряный луч полной луны проник сквозь точно размещенное в крыше храма отверстие и медленно заскользил по плитам нефа к закрытой двери святилища, верховный жрец дал сигнал, и все жрецы вышли шествием, оставив господина Нага и Таиту одних.

Когда пение отбывающих жрецов затихло вдали и в помещении повисла тяжелая тишина, Таита взял регента за руку и повел по залитому лунным светом нефу к дверям святилища. Как только они приблизились, большие, покрытые бронзой двери сами собой распахнулись. Господин Наг вздрогнул, и его рука задрожала в руке Таиты. Он хотел отойти, но Маг повел его вперед.

Святилище освещалось четырьмя жаровнями, по одной в каждом углу маленькой комнаты. В центре покрытого плиткой пола стоял низкий табурет. Таита подвел Нага к нему и жестом показал, чтобы он сел. Едва он сделал это, двери позади них захлопнулись и Наг испуганно оглянулся на них. Он снова хотел встать, но Таита положил руку ему на плечо, чтобы удержать.

– Независимо от того, что вы увидите и услышите, не двигайтесь. Не говорите ни слова. Если вам дорога ваша жизнь, ничего не делайте. И ничего не говорите.

Таита оставил его сидеть и торжественно приблизился к статуе бога. Он поднял руки, и внезапно в них оказался золотой кубок на длинной ножке. Он высоко поднял его и обратился к Осирису, чтобы тот благословил его содержимое, затем вернулся к Нагу и приказал ему выпить. Вязкая, как мед, жидкость вкусом напоминала дробленый миндаль, лепестки розы и грибы. Таита хлопнул в ладоши, и кубок исчез.

Он простер пустые руки и сделал перед лицом Нага таинственный пасс вперед и назад, и в мгновение ока его сложенные чашей руки заполнили Лабиринты Амона Ра. Эти пластинки из слоновой кости Наг узнал по причудливым рассказам о ритуале, которые он слышал. Таита попросил его взять пластинки в руки, пока сам обращался к Амону Ра и хозяину пантеона.

– Величественный в свете и пламени, яростный в божественном величии, приди и выслушай наши просьбы.

Наг заерзал на табурете, потому что Лабиринты стали жечь ему руки, и с облегчением передал их обратно Таите. Он сильно вспотел, наблюдая, как старик пронес их через святилище и положил к ногам гигантской статуи Осириса. Маг встал на колени и склонился над ними. Некоторое время в комнате не было слышно ни звука, кроме шипения огня, не было никакого движения, кроме пляски теней, отбрасываемых на каменные стены мерцающим светом жаровен.

Затем вдруг ужасный бестелесный вопль заполнил святилище. Словно злой брат вновь отрезал богу детородный орган. Наг тихо застонал и закрыл голову накидкой.

Снова наступила тишина, но внезапно пламя в жаровнях вспыхнуло, вытянулось до потолка и стало меняться от желтого до ярких оттенков зеленого и фиолетового, темно-красного и синего. Большие облака дыма поднялись от них и заполнили комнату. Наг вдохнул и закашлялся. Он почувствовал, что задыхается, и его чувства померкли. Ему казалось, что собственное дыхание отдается где-то у него в голове.

Таита медленно повернулся к нему, и Наг задрожал от ужаса, ибо Маг преобразился. Его лицо светилось зеленым подобно лицу возродившегося бога. Зеленая пена вскипала в открытом рту и лилась на грудь, а глаза были слепыми шарами, отражающими в свете жаровен серебряные лучи. Не двигая ногами, он заскользил к тому месту, где сидел Наг, и из его открытого, полного пены рта вырвались голоса дикой толпы демонов и джиннов, ужасный хор криков и стонов, шипения и хрюканья, рвоты и безумного смеха.

Господин Наг хотел подняться, но звуки и дым, казалось, заполнили его голову, и темнота сокрушила его. Ноги под ним ослабли, и он в полном беспамятстве ничком свалился с табурета на плитки пола.

* * *

Когда регент Египта очнулся, солнце стояло высоко, искрясь на водах реки. Он лежал на шелковом матраце на кормовой палубе царской барки, под желтым навесом.

Он посмотрел вокруг мутным взглядом и увидел паруса галер сопровождения, белые, как крылья белой цапли, на фоне пышной зелени речных берегов. Солнечный свет слепил, и он снова закрыл глаза. Очень хотелось пить, а в горле саднило, как если бы он проглотил горсть острых осколков камня, и в голове тяжело стучало, будто все демоны из его видений были заключены в ней. Он стонал, дрожал, и его обильно рвало в ковш, который держал перед ним раб.

Таита подошел к Нагу, приподнял его голову и дал выпить глоток какого-то чудесного прохладного зелья, вскоре ослабившего стук в голове и позволившего выйти газам, запертым в раздутом животе. Они с треском вырвались снизу порывом дурно пахнущего ветра. Оправившись достаточно, чтобы снова говорить, регент прошептал:

– Расскажите мне все, Таита. Я ничего не помню. Что открыли Лабиринты?

Прежде чем ответить, Таита отослал всю команду и рабов за пределы слышимости. Затем он встал на колени около матраца. Наг положил дрожащую ладонь на его руку и жалобно прошептал:

– Я не помню ничего после... – Он заколебался, поскольку страхи предыдущей ночи вернулись, и задрожал.

– Мы почти доплыли до Себеннитоса, великий, – сказал Таита. – Мы прибудем в Фивы до сумерек.

– Что случилось, Таита? – Наг потряс его руку. – Что открыли Лабиринты?

– Великие чудеса, великий. – Голос Таиты дрожал от волнения.

– Чудеса? – Интерес Нага усилился, и он из последних сил попытался сесть. – Почему вы называете меня «великий»? Я – не фараон.

– Это – часть того, что было явлено.

– Расскажите! Расскажите мне все!

– Разве вы не помните, как крыша храма раскрылась подобно лепесткам лотоса и широкая дорога опустилась к нам с ночного неба?

Наг покачал головой и неуверенно кивнул.

– Да, кажется, помню. Дорога была лестницей из золота?

– Вы действительно помните, – похвалил его Таита.

– Мы поднялись по золотой лестнице. – Наг посмотрел на него, ожидая подтверждения.

– Нас вознесли на спинах двух крылатых львов, – кивнул Таита.

– Да, я помню львов, но после них все смутно и неопределенно.

– Такие мистерии ошеломляют мозг и затуманивают непривычные к ним глаза. Даже меня, адепта седьмой и заключительной степени, поразило то, что мы пережили, – любезно объяснил Таита. – Но не отчаивайтесь, поскольку боги приказали, чтобы я объяснил вам увиденное.

– Говорите, добрый Маг, и не упускайте ни одной мелочи.

– На спинах крылатых львов мы полетели высоко над темным океаном и вершинами белых гор, и все царства земли и неба простирались под нами.

Наг страстно кивнул:

– Продолжайте!

– Наконец мы прибыли в твердыню, где живут боги. Ее основания достигают глубин нижнего мира, а столбы поддерживают небо и все звезды. Амон Ра ехал над нами в пламенном величии, а прочие боги пантеона сидели на тронах из серебра и золота, из огня, хрусталя и сапфира.

Наг моргал, силясь разглядеть его.

– Да. Теперь, когда вы рассказали, я вспоминаю. Троны из сапфиров и алмазов. – Отчаянная потребность верить горела внутри его огнем. – Затем бог говорил? – предположил он. – Говорил со мной, ведь так?

– Да, голосом, подобным грохоту рушащейся горы. Великий бог Осирис сказал так: «Дорогой Наг, ты всегда был тверд в своей преданности мне. За это ты будешь вознагражден».

– Что он имел в виду? Он объяснил, Таита?

Таита торжественно кивнул:

– Да, великий.

– Вы опять используете этот титул. Скажите почему.

– Как прикажете, великий. Я передам вам каждое слово. Великий Осирис поднялся во всем своем ужасном великолепии, снял вас со спины крылатого льва и поставил около своего трона из огня и золота. Он коснулся вашего рта и вашего сердца и приветствовал вас как божественного брата.

– Он назвал меня божественным братом? Что он имел в виду?

Таита подавил приступ раздражения. Наг всегда был человеком острого ума и проницательным. Обычно он не нуждался в столь подробном описании каждой детали. Действие эссенции из волшебного гриба, которую Таита дал ему прошлой ночью, и одурманивающего дыма жаровен еще не совсем прошло. Возможно, он снова начнет думать ясно лишь через несколько дней. Нужно использовать широкую кисть, решил он и продолжил:

– Я так же был озадачен его словами. Их значение не было ясно мне, но затем великий бог заговорил снова: «Приветствую тебя в небесном пантеоне, божественный брат».

Лицо Нага прояснилось и стало гордым и торжествующим.

– Разве он не обожествил меня, Таита? Конечно, не может быть никакого другого объяснения, кроме этого.

– Если и были сомнения, они немедленно рассеялись, поскольку Осирис взял двойную корону Верхнего и Нижнего Египта, надел ее на вашу голову и заговорил снова. «Приветствую тебя, божественный брат! Приветствую тебя, будущий фараон».

Теперь Наг молчал, но пристально смотрел на Таиту блестящими глазами. После долгой тишины Таита продолжил:

– С короной на голове ваша божественность стала очевидной. Я преклонил перед вами колени и поклонился вам и другим богам.

Наг и не пытался скрыть свои чувства. Он был в восторге и так уязвим, будто переживал оргазм. Таита воспользовался моментом.

– Затем Осирис заговорил снова: «В этих удивительных делах твоим проводником должен стать Маг Таита, поскольку он – знаток всех тайн и мастер Лабиринтов. Уверенно следуй его советам, и все награды, что я обещал, достанутся тебе».

Он наблюдал за реакцией Нага. «Не слишком ли резко я это сделал?» – спрашивал он себя, но у регента, похоже, услышанное не вызвало возмущения.

– Что еще, Таита? Что еще великий бог сказал мне?

– Вам, моему господину, ничего больше, но затем он заговорил прямо со мной. Его слова до глубины пронзили мою душу, ибо он поставил предо мной трудную задачу. Вот его точные слова, каждое выжжено огнем в моем сердце. «Таита, мастер Лабиринтов, отныне у тебя нет никакой иной любви, преданности, долга. Ты – слуга моего царственного и божественного брата, Нага. Твоя единственная забота – помочь ему исполнить его предназначение. Тебе не следует останавливаться, пока ты не увидишь двойную корону Верхнего и Нижнего Египта на его голове».

– Никакой иной преданности или любви, – тихо повторил Наг. Казалось, он наконец преодолел большую часть неприятных последствий своего испытания. Сила возвращалась к нему, и знакомый хитрый огонек все ярче мерцал в желтых глазах. – А вы приняли обязанность, которую великий Осирис назначил вам, Маг? Скажите честно и прямо – сейчас вы мой человек, или вы пренебрежете велением великого отца?

– Как я могу перечить великому богу? – спросил Таита просто. Он опустил голову и приник лбом к настилу палубы. Обеими руками он взял босую правую ногу Нага и поставил ее себе на голову. – Я принимаю обязанность, которую боги назначили мне. Я – ваш человек, божественно великий. Сердцем, головой и душой я принадлежу вам.

– А ваши другие обязанности? Как насчет присяги верности, которую вы принесли фараону Неферу Сети при его рождении и потом при коронации?

– Великий, бог Осирис освободил меня от всего, что было прежде. Для меня не имеет значения никакая присяга, кроме той, которую я сейчас приношу вам.

Наг поднял Мага и внимательно посмотрел ему в глаза, ища малейший след обмана или хитрости. Таита ответил ему ясным взглядом. Он ощущал, как в голове регента, как живые крысы в корзине, предназначенные на корм соколам в царских клетках, роятся сомнения, надежды и подозрения. «Желание – отец поступка», – подумал Таита. Он позволит себе поверить, потому что очень хочет, чтобы было так.

Он увидел, как сомнения покинули желтые глаза, и Наг обнял его.

– Я верю вам. Когда я надену двойную корону, вы получите награду, о какой и не мечтали.

В течение следующих дней Наг держал Таиту при себе, и старик использовал это новое доверие, чтобы изменить некоторые из необъявленных намерений регента. По требованию Нага Таита провел еще одно исследование предзнаменований. Он зарезал овцу и исследовал ее внутренности, затем выпустил сокола из царских клеток и наблюдал за его полетом. По ним он смог определить, что бог не одобряет брака Нага с принцессами по крайней мере до начала следующего разлива нильских вод – или разлива совершенно точно не будет. Это стало бы таким бедствием, что даже Наг не мог рисковать. От разливов великой реки зависела жизнь всего Египта. Этим пророчеством Таита отсрочил опасность, грозящую Неферу, и мучения обеих принцесс.

Наг возражал и спорил, но с той ужасной ночи в Бусирисе он обнаружил, что почти невозможно противиться предсказаниям Таиты. А посему стал более восприимчивым к зловещим новостям с северного фронта. Египтяне по распоряжению Нага и вопреки совету Таиты начали отчаянное контрнаступление, пытаясь вернуть Абнуб. Они потерпели неудачу, потеряв триста колесниц и почти целый отряд пехоты в ужасной битве под городом. Теперь Апепи, казалось, был готов нанести сокрушительный удар по деморализованным и ослабленным египетским отрядам и пойти на штурм Фив. Неподходящее время для свадьбы, что признал даже Наг, – и безопасность Неферу была обеспечена еще на некоторое время.

Из Фив по дорогам и по реке на юг шел уже постоянный поток беженцев. Количество торговых караванов с востока тревожно упало: торговцы выжидали, желая видеть результат неизбежного гиксосского наступления. Возникла нехватка всех предметов первой необходимости, и цены подскочили.

– Единственный способ, которым вы можете предотвратить сокрушительное поражение от рук Апепи, – переговоры о перемирии, – советовал Таита регенту.

Он собирался смягчить свой совет, добавив, что перемирие ни при каких обстоятельствах не будет поражением и что они просто используют отсрочку, чтобы усилить свои военные позиции, но Наг не дал ему возможности уточнить.

– Я тоже так считаю, Маг, – согласился он нетерпеливо. – Я часто пробовал убедить моего любимого друга, фараона Тамоса, в мудрости такой политики. Но он никогда не слушал меня.

– Нам нужно время, – объяснил Таита, но Наг махнул рукой, требуя замолчать.

– Конечно, вы правы. – Нага взволновала эта неожиданная поддержка. Он пробовал – без успеха – убедить членов совета согласиться на мир с гиксосами, но ни один, даже Синка, не

поддержал его. Даже преданный Асмор рисковал навлечь на себя его гнев, клянясь упасть на собственный меч, но не сдаться Апепи. Было утешительно вдруг обнаружить процветание чувства чести на такой неподходящей почве и узнать, что даже в качестве регента он может продавить через совет далеко не все.

Мир с гиксосами был краеугольным камнем мечты Нага, в которой эти два царства воссоединялись под управлением одного фараона. Только фараон, который был отчасти египтянином и отчасти гиксосом, мог надеяться достигнуть этого, и он нисколько не сомневался, что именно это боги обещали ему через Лабиринты.

Он искренне продолжил:

– Мне следовало знать, что вы, Таита, тот, кто не позволит предубеждению ослепить себя. Все другие кричат: «Никакой сдачи» и «Лучше смерть, чем позор». – Он покачал головой. – Мы с вами понимаем, что если нельзя достичь чего-либо силой оружия, можно достичь цели более мягким способом. Прожив шестьдесят лет в Нильской долине, гиксосы стали больше египтянами, чем азиатами. Их соблазнили наши боги, наша философия и наши женщины. Их дикую кровь смягчила и сдобрила наша. Их дикие нравы умерили наши благородные манеры.

Регент дал на его пробное предложение столь энергичный ответ, что это озадачило Таиту. Здесь крылось куда больше, чем он подозревал. Чтобы выиграть время и обдумать это, а заодно получить какой-нибудь намек на истинные намерения Нага, он пробормотал:

– Вашими устами говорит сама мудрость. Как мы можем надеяться заключить подобное, господин регент?

Наг был рад объяснить.

– Я знаю, что среди гиксосов много таких, кто согласен со мной. Требуется самая малость для того, чтобы они присоединились к нам. Тогда мы наконец принесем мир и единство двум царствам.

Завеса начала раздвигаться. Таите внезапно вспомнилось отвергнутое когда-то подозрение.

– Кто эти сочувствующие гиксосы? – спросил он. – Высокого ли они положения? Близки ли к Апепи?

– Конечно, они из знати. Один из них член военного совета Апепи. – Наг, казалось, собирался рассказать больше, но с явным усилием остановился.

Этого Таите было достаточно. Слабые слухи о гиксосских связях Нага, должно быть, имели основания, и, если так, все прочее аккуратно становилось на места. Он еще раз поразился размаху и широте амбиций Нага.

– Возможно ли встретиться с этими знатными людьми и поговорить с ними? – осторожно спросил Таита.

– Да, – подтвердил Наг. – Мы можем встретиться с ними через несколько дней.

Для Таиты значение этого спокойного утверждения было огромно. У регента Египта были тайные союзники в рядах традиционного врага. Какие его секреты следует выведать? Куда еще проникли его жадные пальцы? По спине Таиты пробежал холодок, серебристые волосы на затылке встали дыбом.

Этот любимый друг фараона был рядом с Тамосом, когда тот пал. Он – единственный свидетель гибели фараона. И это безгранично честолюбивое, волевое и жестокое существо признается в том, что он доверенное лицо знатных гиксосов, и при этом фараона убила гиксосская стрела. Как глубоко простирается этот заговор?

Он не позволил этим раздумьям отразиться на своем лице, но глубокомысленно кивнул, и Наг быстро продолжил:

– Я уверен, что мы можем достигнуть соглашения с гиксосами, и предусматриваю совместное регентство, мое и Апепи, при объединенном государственном совете. Следовательно, по-

надобится ваше влияние, чтобы убедить членов нашего совета ратифицировать его. Возможно, вы могли бы вновь посоветоваться с Лабиринтами и узнать, что угодно богам.

Наг заподозрил, что его предсказание – обман. Может быть, он заподозрил, что в действительности произошло в Бусирисе? Таита так не думал и сразу отверг эту идею. Его лицо стало строгим.

– В любом вопросе, касающемся Лабиринтов, тщетное использование слова или имени бога Амона Ра или ложное истолкование его оракула вызовет ужасное возмездие.

Наг быстро передумал.

– Я не предлагаю ничего столь непочтительного, ведь боги уже показали мне свое одобрение через Лабиринты.

– Апепи может посчитать, что его военные позиции неприступны, и отказаться встретиться с нами. Несмотря на любые наши мирные предложения, он может решить вести войну до последнего.

– Не думаю. Я дам вам имена наших союзников с другой стороны. Вам нужно отправиться к ним тайно, Таита. Вас знают и уважают даже среди гиксосов, а я дам вам талисман, который подтвердит, что вы прибыли от меня. Вы – лучший лазутчик для нашего дела. Они выслушают вас.

Таита еще немного посидел в раздумье. Он пробовал просчитать, сумеет ли добиться еще какого-либо преимущества для Нефера и принцесс в этих обстоятельствах, но на этой стадии не смог ничего придумать. Что бы ни случилось, Нефер по-прежнему останется в смертельной опасности.

Для Таиты, если он хотел обеспечить выживание Нефера, был открыт только один определенный путь. Ему следует вывезти мальчика из Египта, пока Наг еще у власти. Возможно ли сделать это сейчас? Наг предлагал ему безопасно достичь границы. Сможет ли он воспользоваться этим, чтобы взять Нефера с собой? Через несколько секунд он понял, что не сможет. Его контакты с мальчиком-фараоном все еще строго ограничивал Наг. Ему никогда не разрешали оставаться с ним наедине. Не разрешали сидеть рядом с ним на заседаниях совета или обмениваться даже самыми невинными сообщениями. За несколько минувших недель ему позволили быть рядом с мальчиком единственный раз, когда Нефер заболел мучительным воспалением горла. Тогда Таиту допустили в царскую опочивальню, чтобы лечить, но при этом присутствовали Наг и Асмор, наблюдая за всем, что происходило, слушая каждое сказанное слово. Из-за болезни Нефер мог говорить лишь шепотом, но не сводил с Таиты глаз и сильно сжал ему руку, когда им пришло время расстаться. Это было почти десять дней назад.

Таита узнал, что Наг подобрал наставников ему на замену, а Асмор предоставил преподавателей из Синей Стражи, чтобы продолжить обучение Нефера искусству верховой езды и управления колесницей, искусству фехтования и стрельбы из лука. Никому из его старых друзей не дозволялось посещать его. Даже его ближайшему другу Мерену было приказано не входить в покои фараона.

Если бы он попытался вывезти Нефера и это не удалось, он не только потерял бы доверие Нага, но и подверг Нефера страшной опасности. Нет, он мог использовать эту вылазку через линию фронта на гиксосскую территорию только для того, чтобы принять более осторожные и надежные меры для обеспечения безопасности молодого фараона.

– Мой долг, возложенный на меня богами, – помогать вам во всем. Я выполню это поручение, – проговорил Таита. – Каков для меня самый безопасный путь через гиксосские позиции? Вы говорите, что я хорошо им известен и что меня узнают.

Наг предвидел этот вопрос.

– Вам нужно воспользоваться старой дорогой для колесниц через барханы и вдоль вади у Гебель-Вадун. Мои друзья с другой стороны держат дорогу под наблюдением.

Таита кивнул:

– Это та дорога, на которой фараон Тамос встретил свою смерть. Я никогда не забирался дальше Галлалы. Мне понадобится проводник, чтобы он показал мне остаток пути.

– Я пошлю своего собственного копьеносца и отряд Синих, чтобы перевезти вас, – пообещал Наг. – Но дорога длинна и трудна. Следует отправиться тотчас же. Каждый день, каждый час могут иметь значение.

Таита вел колесницу всю дорогу от разрушенного города Галлала лишь с четырьмя остановками. Они проделали этот путь за половину дня, быстрее, чем Наг и Тамос, когда ехали тем же маршрутом, и его лошади меньше устали.

Солдаты на девяти колесницах, следующих за ним, трепетали перед славой Мага. Они знали его как отца конных войск, поскольку он был тем самым египтянином, что когда-то построил первую колесницу и запряг в нее лошадей. Его знаменитая поездка от Фив до Элефантины, чтобы принести новость о победе фараона Тамоса над гиксосами, стала легендой. Теперь, следуя за его колесницей через барханы, они узнали, что легенда имела правдивую основу. Выносливость старика поражала, а его сосредоточенность никогда не ослабевала. Его нежные, но крепкие руки, державшие поводья, никогда не уставали, пока он час за часом вынуждал лошадей показывать все, на что они способны. Он произвел впечатление на каждого в войске, и не в последнюю очередь на того, кто ехал рядом с ним в колеснице.

Гил был копьеносцем Нага. У него было грубое, потемневшее от солнца лицо, он был поджарым, что желательно для колесничего, но также крепким и обладал веселым нравом. Должно быть, он был одним из лучших, кого можно было выбрать для колесницы командующего.

В самое жаркое время года они ехали в прохладе ночи при прибывающей луне. Теперь, на рассвете, они остановились отдохнуть. Напоив лошадей, Гил подошел туда, где на валуне, оглядывая вади Гебель-Вадун, сидел Таита, и подал ему глиняный кувшин с водой. Таита, не выказывая отвращения, втянул из носика и проглотил горькую воду, которую они везли с собой из Галлалы. Со времени их последней остановки в полночь он пил воду впервые.

«Старый черт крепок, как налетчик из кочевников», – подумал Гил с восхищением и сел на корточки на почтительном расстоянии, ожидая приказов Таиты.

– Где именно был сражен фараон? – наконец спросил Таита.

Гил прикрыл ладонью глаза от яркого света восходящего солнца и указал вдоль вади туда, где сухое русло реки выходило на равнину.

– Там, мой господин. Около той дальней гряды холмов.

В первый раз Таита приступил к Гилу с расспросами перед советом, когда копьеносец дал свидетельства об обстоятельствах смерти фараона. Всех, кто мог знать об этом хоть что-то, совет вызвал свидетельствовать при расследовании. Таита помнил, что свидетельство Гила было понятным и убедительным. У него не вызвало страха великолепие совета и его прославленных членов, и он высказался честно и просто, как честный простой солдат. Он узнал показанную ему гиксосскую стрелу, сразившую фараона Тамоса. Древко было разломлено на две части. Господин Наг разломил ее, чтобы ослабить боль, причиняемую раной.

Тогда была их первая встреча. Они коротко говорили один или два раза после отъезда из Фив, но возможность для долгой беседы до сих пор не представлялась.

– Есть ли здесь кто-нибудь из тех, что были с тобой в тот день? – спросил теперь Таита.

– Только Самос, но он ждал с колесницами в вади, когда на нас напали, – ответил Гил.

– Я хочу, чтобы ты указал мне точное место, отвел туда, где был бой, – сказал ему Таита.

Гил пожал плечами:

– Там не было никакого боя, только перестрелка. Там не на что будет смотреть. Это бесплодное место. Однако я выполню приказ могущественного Мага.

Отряд поднялся на колесницы и колонной съехал по крутому склону вади. Сотни лет здесь не проливалось ни капли дождя, и ветер пустыни уже стер следы колесниц фараона, которые до сих пор были хорошо видны на равнине. Когда они достигли дна вади, Таита упорно держался этих следов, его колесница катила по глубоким колеям, которые оставили колесницы Тамоса.

Они были готовы к засаде гиксосов и наблюдали за обоими берегами вади, но видели лишь пустые скалы, дрожащие в жарком мареве, и никаких признаков врага.

– Вон сторожевая башня. – Гил указал вперед, и Таита увидел расплывшийся силуэт, пьяно склонившийся на фоне чистого бледно-синего неба.

Они пронеслись вдоль очередного изгиба речного русла, и даже с двухсот шагов Таита смог разглядеть участок дна, изъезженный колесницами войска фараона там, где они остановились и развернулись и где много людей спускались и вновь садились на колесницы на мягком песке дна вади. Таита дал сигнал своему маленькому отряду сбавить ход, и они поехали медленно.

– Здесь фараон спешился, и мы с господином Нагом пошли разведать лагерь Апепи, – указал Гил через передний щит колесницы.

Таита остановил колесницу и дал сигнал, чтобы другие тоже остановились.

– Ждите меня здесь, – приказал он сержанту следующей колесницы, затем повернулся к Гилу. – Пойдем со мной. Покажи мне поле боя.

Гил пошел впереди по неровной тропе. Сначала он шел медленно, из уважения к старику, но скоро понял, что Таита идет с ним шаг в шаг, и пошел быстрее. Чем выше они поднимались, тем больше был наклон и неровнее тропа. Даже Гил дышал тяжело, когда наконец они достигли завала из больших валунов на полпути вверх, почти перекрывавшего тропу.

– Я дошел только досюда, – объяснил Гил.

– Так где же пал фараон? – Таита оглядел крутой, но открытый склон. – Где скрывался гиксосский отряд? Откуда была пущена смертельная стрела?

– Не могу сказать, господин. – Гил покачал головой. – Мне и остальным солдатам приказали ждать здесь, в то время как господин Наг пошел вперед за завал из валунов.

– Где был фараон? Пошел вперед с Нагом?

– Нет. Не сразу. Царь ждал вместе с нами. Господин Наг услышал что-то впереди, пошел разведать и скрылся из наших глаз.

– Не понимаю. В каком месте на вас напали?

– Мы ждали здесь. Я видел, что фараон теряет терпение. Через некоторое время господин Наг свистнул из-за камней. Фараон вскочил. «Вперед, парни!» – сказал он нам и пошел вверх по тропинке.

– Ты шел сразу за ним?

– Нет, в конце колонны.

– Ты видел, что случилось потом?

– Фараон исчез за валунами. Потом раздались крики и звуки боя. Я слышал голоса гиксосов и удары стрел и копий о камни. Я побежал вперед, но тропинка была заполнена нашими солдатами, которые пытались обойти валуны, чтобы вступить в бой.

Гил побежал вперед, чтобы показать ему, как сузилась тропинка, и обогнул самый высокий валун.

– Я дошел досюда. Затем господин Наг закричал, что фараон упал. Солдаты впереди меня повернули и вдруг вытащили царя туда, где я стоял. Думаю, он был мертв уже тогда.

– Как близко были гиксосы? Сколько их было? Это была конница или пехота? Вы узнали их отряды? – спросил Таита. Все гиксосы носили пять определенных регалий, которые египетские отряды знали хорошо.

– Они были очень близко, – ответил ему Гил, – и их было много. По меньшей мере отряд.

– Какое именно войско? – настаивал Таита. – Вы подобрали их перья?

Впервые Гил растерялся и слегка смутился.

– Мой господин, я почти не видел врага. Они были там, за камнями.

– Тогда откуда ты знаешь, сколько их было? – Таита глядел на него, нахмурившись.

– Господин Наг кричал... – Гил замолчал и опустил глаза.

– Кто-нибудь, кроме Нага, видел врага?

– Не знаю, благородный Маг. Поймите, господин Наг приказал нам отступать вниз по тропе к колесницам. Мы видели, что царь смертельно ранен, вероятно, уже мертв. И пали духом.

– Должно быть, вы обсуждали это впоследствии с товарищами. Кто-нибудь из них говорил тебе, что сражался с врагом? Что поразил кого-либо из гиксосов стрелой или копьем?

Гил с сомнением покачал головой:

– Не помню. Нет, мне про такое неизвестно.

– Кроме царя, был ли кто-то еще ранен?

– Никто.

– Почему ты не сказал этого совету? Почему не сказал им, что вы не видели врага? – Теперь Таита сердился.

– Господин Наг приказал нам отвечать на вопросы просто и не занимать попусту время совета праздным хвастовством и длинными рассказами о своем участии в бое. – Гил в замешательстве ссутулился. – Я думаю, никто из нас не хотел признаться, что мы бежали без боя.

– Не вини себя, Гил. Ты выполнял приказ, – сказал ему Таита более дружелюбно. – А сейчас влезь на скалу, туда, и гляди в оба. Мы все-таки в глубине гиксосской территории. Я не задержусь надолго.

Таита медленно отправился вперед и обошел вокруг валуна, перекрывающего тропинку. Он остановился и осмотрел землю впереди. Отсюда он мог разглядеть только вершину разрушенной сторожевой башни. Тропинка, виляя, поднималась к ней. Затем она исчезала за гребнем склона, довольно открытого, где было мало места для гиксосской засады, лишь несколько каменных глыб и опаленных солнцем терновых деревьев. Затем он вспомнил, что это случилось ночью. Но что-то тревожило его. Таита ощущал неопределенное присутствие зла, как будто за ним следила мощная злая сила.

Это ощущение так усилилось, что он замер в солнечном свете и закрыл глаза. Он открыл свои ум и душу, превратившись в сухую губку, чтобы впитать любое влияние из окружающего воздуха. Почти сразу это чувство еще усилилось: здесь случилось страшное, но средоточие зла было где-то впереди, неподалеку. Он открыл глаза и медленно пошел туда. Он не замечал ничего, кроме опаленного солнцем камня и терновника, но слышал в горячем воздухе запах зла, слабый, но отвратительный, подобный дыханию питающегося падалью дикого животного.

Он остановился и принюхался, точно охотничий пес, и воздух немедленно стал сухим и пыльным, но чистым. Это доказало Таите, что неуловимое зловоние было чем-то вне законов природы. Он улавливал слабое эхо зла, совершенного в этом месте, но когда попробовал точно определить его, оно исчезло. Таита шагнул вперед, затем еще, и снова на него повеяло отвратительным зловонием. Еще шаг, и к запаху присоединилось чувство великого горя, как если бы он потерял что-то бесконечно ценное, невосполнимое.

Ему следует принудить себя сделать следующий шаг вверх по скалистой тропе... и в этот миг что-то ударило Таиту с такой силой, что дух вон. У него вырвался мучительный крик, и он упал на колени, сжимая грудь, неспособную дышать. Боль была огромной, болью смерти, и он боролся с ней, будто со змеей, обвившей его. Он сумел броситься назад по тропинке, и боль немедленно исчезла.

Гил услышал его крик и быстро взбежал по тропинке. Он подхватил Таиту и помог ему подняться на ноги.

– Что случилось? Что вас беспокоит, мой господин?

Таита оттолкнул его.

– Уйди! Оставь меня! Тебе опасно быть здесь. Это дело не людей, а богов и демонов. Иди! Жди меня у подножия холма.

Гил заколебался, но наткнулся на взгляд блестящих глаз и отскочил, будто от призрака.

– Иди! – сказал Таита таким голосом, какой Гил не хотел бы услышать снова, и Гил убежал.

После того как он ушел, Таита долго отчаянно пытался вновь обрести власть над своими телом и разумом, чтобы достойно противостоять силам, ополчившимся против него. Он дотянулся до мешочка на поясе и достал амулет Лостры. Сжав его в правой руке, снова пошел вперед.

Когда он подошел к определенному месту на тропе, боль вновь поразила его, с еще более дикой силой, будто стрела с кремневым наконечником ударила в грудь, и Таита едва удержался от крика, отшатнувшись, и боль пропала, как и раньше.

Тяжело дыша, он вгляделся в каменистую землю. Сначала казалось, что это место ничем не отличается от любой другой точки неровной тропы, по которой он прошел. Затем на земле появилась маленькая призрачная тень. Он продолжал смотреть, и она изменилась, превратилась в мерцающую темно-багровую лужу. Он медленно встал на колени.

– Кровь из сердца царя и бога, – прошептал он. – Здесь, на этом самом месте, умер фараон Тамос.

Он собрался с духом и тихим, но твердым голосом прочитал обращение к Гору, столь могучего действия, что только адепт седьмой степени смел произнести его. Повторяя его в седьмой раз, он услышал шелест невидимых крыльев, колышущих воздух пустыни вокруг него.

– Бог – здесь, – прошептал он и начал молиться. Он молился о фараоне и своем друге, умоляя Гора уменьшить его страдание и избавить от этой пытки.

– Позволь ему покинуть это ужасное место, – молил он бога. – Должно быть, это было убийство его души, попавшей здесь в ловушку.

Совершая молитву, он делал знаки для изгнания силы зла. У него на глазах лужа крови начала уменьшаться, как если бы впитывалась в сухую землю. Когда исчезла последняя капля, Таита услышал тихий бестелесный звук, подобный плачу сонного ребенка, и ужасное бремя потери и горя, давившее на него, свалилось с его плеч. Поднявшись на ноги, он ощутил огромное облегчение. Он шагнул вперед на то место, где только что была лужа крови. Даже когда его обутые в сандалии ноги твердо встали туда, он не почувствовал никакой боли и его самочувствие не изменилось.

– Иди с миром, мой друг и царь, и живи вечно, – громко сказал он и сделал знак долголетия и счастья.

Он отвернулся и собрался спуститься с холма туда, где ждали колесницы, но что-то остановило его. Он поднял голову и снова проверил воздух. И снова ощутил слабое дуновение зла, едва ощутимый след. Он осторожно поднялся по склону, прошел то место, где умер фараон, и двинулся дальше. С каждым шагом зловоние зла становилось сильнее, пока он не почувствовал отвращение. Он вновь понял, что это – нечто противное естественным законам. Таита продолжал идти, и через двадцать шагов запах начал слабеть. Он остановился и повернул назад. Зловоние немедленно стало усиливаться. Он ходил вперед и назад, пока не нашел место, где запах был сильнее всего. Здесь он сошел с тропинки, и запах сделался еще гуще, стал почти удушающим.

Таита стоял под сплетением ветвей тернового дерева, росшего у тропинки. Подняв голову, он увидел, что ветви образовали странный абрис, как если бы человеческая рука выложила из них настоящий крест, выделявшийся на синем небе. Он посмотрел вниз, и его внимание привлек камень, размером и формой напоминающий лошадиную голову. Его недавно поднимали, а

затем положили обратно. Таита поднял камень из углубления, в котором тот лежал, и увидел, что он закрывает нишу между корнями тернового дерева. Он отложил его в сторону и оглядел нишу. В ней что-то было, и он осторожно протянул руку – это было убежище, способное скрывать змею или скорпиона.

В его руках оказался великолепно вырезанный и покрытый узорами предмет. Таита мгновение разглядывал его, прежде чем понял, что это колчан. Его происхождение не вызывало сомнений, поскольку он был сделан в гиксосском геральдическом стиле, а на кожаной поверхности было вытиснено изображение Сеуета, крокодилоподобного бога войны, почитаемого гиксосскими воинами.

Таита открутил крышку и увидел в колчане пять военных стрел, оперенных зеленым и красным. Он вытянул часть древка одной из них, и его сердце отчаянно забилось, потому что он узнал его. Не могло быть никакой ошибки. Он тщательно осмотрел сломанное, покрытое запекшейся кровью древко, которое Наг представил совету. Эта стрела была в точности такой же, как та, что убила фараона.

Он повернул ее к свету и внимательно рассмотрел печать, вырезанную на окрашенном древке. Это была стилизованная голова леопарда, держащая в челюстях иератическую букву Т. Такую же он видел на роковой стреле. Они были похожи как близнецы. Таита крутил и крутил ее в руках, как будто стараясь вытянуть из нее последнее зерно сведений. Он поднес стрелу к носу и понюхал, но ощутил только запах древесины, краски и перьев. Отвратительный запах, приведший его к тайнику, исчез.

Для чего убийца фараона мог спрятать здесь свой колчан? После боя гиксосы остались на месте. У них было достаточно времени, чтобы отыскать оружие. Это – красивый и ценный предмет. Никакой воин не оставил бы его добровольно, думал Таита.

В течение следующего часа он обследовал склон, но не нашел больше ничего интересного и не почувствовал вновь сверхъестественного запаха гниения и зла. Спускаясь туда, где на песке вади его ожидали колесницы, он нес с собой колчан, пряча его под передником.

Скрытые в вади, они дождались темноты. Затем смазали бараньим жиром втулки колес, чтобы не скрипели, надели кожаные чехлы на копыта лошадей и тщательно обмотали тканью все незакрепленное оружие и другие предметы и под руководством Гила поехали в глубь гиксосской территории.

Копьеносец хорошо знал этот район, и хотя Таита не сделал никакого замечания, он задавался вопросом, как часто этот солдат путешествовал со своим хозяином по этому пути и какие еще свидания они имели с врагом.

Сейчас они находились на заливаемой иногда Нилом равнине. Дважды они были вынуждены съезжать с дороги и пережидать, пока группы неизвестных вооруженных людей проедут в темноте мимо их убежища. После полуночи они прибыли в покинутый храм какого-то забытого бога, вырытый в склоне низкого глиняного холма. Пещера была достаточно велика, чтобы приютить весь отряд – колесницы, лошадей и людей. Немедленно стало ясно, что ее и прежде использовали для этой цели: лампы и амфора с маслом были спрятаны позади разрушенного алтаря, а тюки с кормом для лошадей сложены в святилище.

После того как солдаты сняли упряжь с лошадей и накормили их, они поели сами, затем устроились на тюфяках, набитых сухой соломой, и скоро захрапели. Тем временем Гил переоделся из своей военной формы конника в типичное одеяние крестьянина.

– Я не могу ехать верхом, – объяснил он Таите. – Это привлекло бы слишком большое внимание. Мне потребуется половина дня, чтобы дойти пешком до лагеря в Бубасти. Не ждите меня назад до завтрашнего вечера. – Он выскользнул из пещеры и исчез в ночи.

«Честный Гил – не такой простой грубый солдат, каким кажется», – подумал Таита, устроившись ожидать ответа союзников господина Нага на сообщение, которое передаст им Гил.

Едва рассвело, он поставил часового наверху холма, куда выходила воздушная шахта из подземного храма. Перед самым полуднем тихий свист у верха шахты предупредил их об опасности, и Таита поднялся наверх, чтобы присоединиться к часовому. С востока прямо ко входу в храм направлялся караван тяжело груженных ослов, и Таита предположил, что именно эти торговцы использовали храм как импровизированный караван-сарай. Почти наверняка именно они оставили склад фуража в святилище. Он сполз вниз с холма, держась вне поля зрения приближающегося каравана. На середине дороги он выложил рисунок из белых кусочков кварца, одновременно прочитав три стиха из ассирийской Книги Злой Горы. И удалился, чтобы ждать прибытия каравана.

Первый осел шел в пятидесяти локтях впереди остальной колонны. Животное определенно знало о храме и удовольствиях, которые там ждали, поскольку не нуждалось ни в каком понукании со стороны погонщика, чтобы перейти на рысь. Как только осел достиг белых камней на дороге, он рванул в сторону так неистово, что груз сполз с его спины и повис под животом. Осел начал брыкаться и скакать и пустился через равнину прочь от храма, только замелькали копыта. Его хриплый рев и крики взбудоражили и остальных животных в колонне, и вскоре и они вставали на дыбы и мотали головами, сопротивляясь натянутым поводьям, лягали погонщиков и бегали кругами, как если бы на них напал рой пчел.

Половину остатка дня погонщики каравана ловили и снова собирали беглецов и успокаивали испуганных животных, после чего караван снова направился к храму. На сей раз впереди шел тучный, богато одетый главный погонщик, тянувший за собой на длинном поводе упирающегося осла. Он увидел камни посреди дороги и остановился. Колонна столпилась позади него, и другие погонщики вышли вперед. Они громкими голосами держали импровизированный совет, размахивая руками. Их голоса доносились туда, где, укрывшись среди олив на склоне, сидел Таита.

Наконец главный погонщик оставил других и пошел один. Сначала его шаг был смел и уверен, но скоро замедлился и стал робким, и наконец погонщик неловко встал, рассматривая издалека рисунок из кварца. Затем он плюнул в сторону камней и отскочил, будто ожидал, что те ответят на оскорбление. Наконец он сделал знак против сглаза, повернулся и рысцой побежал обратно, желая присоединиться к своим товарищам, крича и махая им руками. Других не понадобилось долго убеждать. Скоро весь караван отступал по дороге, по которой пришел. Таита спустился с холма и разбросал камни, что позволило рассеяться влияниям, которые они содержали, и открыть путь для других посетителей, которых он ожидал.

Те приехали, когда наступили короткие летние сумерки: двадцать вооруженных мужчин, скачущих во весь опор. Гил вел их, восседая на одолженном коне. Они пронеслись мимо разбросанных камней к входу в храм, где спешились, лязгая оружием. Вожак был высоким, широким в плечах, с тяжело нависшим лбом и мясистым крючковатым носом. Его тяжелые черные усы свисали на грудь, а в бороду были вплетены цветные ленты.

– Ты – Чародей. Да? – сказал он с сильным акцентом.

Таита не счел уместным дать им знать, что говорит по-гиксосски не хуже любого из них, поэтому скромно ответил на египетском, не подтверждая и не отрицая своих магических способностей.

– Мое имя – Таита, я слуга великого бога Гора. Да пребудет на вас его благословение. Я вижу, что вы – могущественный человек, но не знаю вашего имени.

– Мое имя – Трок, я – Главный Вождь Рода Леопарда и командующий Севера в войсках царя Апепи. У тебя есть для меня знак, Чародей?

Таита разжал правую руку и показал ему верхнюю половину крошечной дарственной статуи бога Сеуета, изготовленную из синего глазурованного фарфора. Трок бегло осмотрел ее, достал из мешочка на портупее другой фарфоровый фрагмент и соединил обе части вместе. Сломанные края точно сошлись, и он удовлетворенно проворчал:

– Пойдем со мной, Чародей.

Трок шел в сгущающейся ночи, Таита рядом с ним. Они в тишине поднялись на холм и в звездном свете сели на корточки лицом друг к другу. Трок зажал ножны между коленями и держался за рукоятку своего тяжелого серповидного меча. Скорее по привычке, чем из подозрительности, Таита подумал, что военный вождь – человек, с которым следует считаться.

– Ты принес мне новости с юга, – сказал Трок, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Мой господин, вы слышали о смерти фараона Тамоса?

– Мы узнали о смерти фиванского претендента от захваченных пленных, когда взяли город Абнуб. – Трок был осторожен, чтобы словом или предположением не признать власть египетского фараона. Для гиксосов единственным правителем в обоих этих царствах был Апепи. – Мы слышали также, что сейчас на трон Верхнего Египта претендует ребенок.

– Фараону Неферу Сети всего четырнадцать лет, – подтвердил Таита не менее осторожно, желая своим ответом подчеркнуть титул фараона. – До его совершеннолетия еще несколько лет. До тех пор господин Наг будет его регентом.

Трок внезапно с интересом наклонился вперед.

Таита про себя улыбнулся. Гиксосская разведка действительно работала скверно, если они не знали о делах Верхнего Царства даже этого. Затем ему вспомнилась кампания, которую как раз перед смертью царя они с фараоном Тамосом провели против гиксосских шпионов и информаторов в Фивах. Тогда выявили и арестовали более пятидесяти лазутчиков. После допроса под пыткой всех их казнили. Таита почувствовал самодовольство, убедившись, что они перекрыли поток сведений к врагу.

– Следовательно, вы прибыли к нам по велению регента Юга. – Таита заметил странное выражение торжества на лице у Трока, когда тот спросил: – Какое сообщение вы принесли мне от Нага?

– Господин Наг хочет, чтобы я донес его предложение непосредственно Апепи, – уклонился от ответа Таита. Он не хотел дать Троку больше информации, чем было необходимо.

Трок немедленно обиделся.

– Наг – мой двоюродный брат, – сказал он холодно. – Он не станет возражать против того, чтобы я услышал какое бы то ни было из посланных им слов.

Таита так хорошо владел собой, что не выказал ни малейшего удивления, хотя Трок допустил большую оплошность. Его подозрения по поводу происхождения регента подтвердились, но голос не дрогнул, когда он ответил:

– Да, мой господин, я знаю это. Однако есть то, что я должен сказать именно Апепи.

– Вы недооцениваете меня, Маг. Я пользуюсь полным доверием вашего регента. – Голос Трока звучал резко от досады. – Мне прекрасно известно, что вы прибыли предложить Апепи перемирие и договориться с ним о длительном мире.

– Я больше ничего не могу вам сказать, мой господин. – «Этот Трок, может, и воин, но он никакой не заговорщик», – подумал Таита, однако его голос и манера не изменились, когда он добавил: – Я могу передать мое сообщение только Вождю Пастухов, Апепи. – Так гиксосского правителя называли в Верхнем Египте. – Вы можете отвести меня к нему?

– Как пожелаете, Чародей. Держите рот на замке, если угодно, хотя в этом нет никакого смысла. – Трок сердито поднялся. – Царь Апепи – в Бубасти. Мы отправимся туда немедленно.

В напряженной тишине они возвратились к подземному храму, где Таита подозвал к себе Гила и сержанта телохранителей.

– Вы поработали на славу, – сказал он им, – но теперь вам следует вернуться в Фивы так же тайно, как вы прибыли сюда.

– Вы вернетесь с нами? – спросил Гил с тревогой. Было ясно, что он чувствовал себя ответственным за старика.

– Нет. – Таита покачал головой. – Я остаюсь. Когда будете докладывать регенту, скажите ему, что я отправился на встречу с Апепи.

В тусклом свете масляных ламп лошадей привязали к колесницам, и через короткое время они были готовы ехать. Гил принес кожаные переметные сумы Таиты и подал ему. Затем с уважением сказал:

– Это была великая честь – ехать с вами, мой господин. Когда я был ребенком, отец рассказывал мне много раз о ваших приключениях. Он ехал в вашем отряде в Асьюте. Был старшим командиром левого крыла.

– Как его звали? – спросил Таита.

– Ласо, мой господин.

– Да, – кивнул Таита. – Я хорошо его помню. Он потерял в сражении левый глаз.

Гил посмотрел на него с трепетом и удивлением.

– Это было сорок лет назад, и тем не менее вы помните.

– Тридцать семь, – поправил Таита. – Езжай, молодой Гил. Вчера вечером я составил твой гороскоп. Ты проживешь долгую жизнь и достигнешь высокого звания.

Копьеносец взял поводья и поехал в ночь, онемев от гордости и благодарности.

К тому времени отряд господина Трока также сел на лошадей и был готов ехать. Таите дали лошадь, на которой Гил возвратился к храму. Маг перебросил переметные сумы через холку лошади и вскочил на нее позади них. Гиксосы не имели предубеждений относительно езды верхом, как египтяне, и, простучав копытами у выхода из пещеры, лошади направились на запад, в сторону, противоположную движению колонны колесниц.

Таита ехал в центре группы тяжеловооруженных гиксосов. Трок вел их, но не пригласил Таиту ехать рядом с ним. С тех пор как Таита отказался передать ему слова Нага, он держался отчужденно и равнодушно. Таита был доволен этим пренебрежением, потому что ему нужно было многое обдумать. В особенности о раскрытии тайны смешанной крови Нага, что обещало множество интересных возможностей.

Они ехали сквозь ночь, направляясь на запад, к реке и главной вражеской базе в Бубасти. Хотя время было еще ночное, движение на дороге становилось все более оживленным. Они видели тяжело груженные военными запасами длинные вереницы крытых повозок и телег, которые двигались в ту же сторону, что и они. В Аварис и Мемфис возвращалось столько же пустых повозок, выгрузивших свою кладь.

Когда они подъехали ближе к реке, Таита увидел костры гиксосских отрядов, стоявших лагерем вокруг Бубасти. Это было поле мерцающего света, протянувшееся на много миль в обе стороны вдоль берега реки, огромное скопление людей и животных, невидимых в темноте.

На земле нет ничего, подобного запаху стоящего лагерем войска. По мере их приближения он становился все сильнее, пока не стал почти невыносимым. Это была смесь многих запахов: запаха конницы, навоза и дыма горящего кизяка, кожи и заплесневелого зерна. На него наслаивался запах немытого тела и гниющих ран, готовящейся пищи и бродящего пива, неубранного мусора и грязи, аммиачной вони от выгребных ям и куч экскрементов и еще более ужасное зловоние непогребенных тел.

В этой тошнотворной мешанине запахов Таита учуял еще одну отвратительную примесь. Ему показалось, что он узнал ее, но только когда один из страдальцев, пьяно покачиваясь, вышел наперерез его лошади, вынудив Таиту резко натянуть поводья, тот увидел розовые пятна на бледном лице и обрел уверенность.

Теперь он знал, почему Апепи был пока не в состоянии развить свою победу в Абнубе и почему он еще не послал колесницы прорваться на юг к Фивам, где египетское войско было изрядно потрепано. Таита подстегнул лошадь и, догнав Трока, спокойно спросил:

– Мой господин, как давно чума поразила ваши войска?

Трок так резко натянул поводья, что его лошадь затанцевала и закружилась под ним.

– Кто сказал вам это, Чародей? – спросил он. – Эта проклятая болезнь – результат вашего колдовства? Это вы наслали на нас мор? – Он сердито пришпорил коня и поскакал, не дожидаясь опровержения. Таита последовал за ним в благоразумном отдалении, но его глаза замечали каждую подробность того, что происходило вокруг.

К этому времени рассвело, но слабое солнце едва виднелось сквозь густую завесу тумана и древесного дыма, закрывающую землю и рассветное небо. Она придавала этим местам сверхъестественный, неземной вид, сходство с подземным миром. Люди и животные превратились из-за нее в темные демонические фигуры, а грязь от последнего разлива под копытами их лошадей казалась черной и клейкой.

Они миновали первую похоронную телегу, и солдаты вокруг Таиты прикрыли накидками рты и носы, спасаясь от зловония и злых духов, витающих над высокой горой голых раздутых тел, лежащих на телеге. Трок пришпорил лошадь, чтобы быстрее проехать мимо, но впереди было много повозок с таким же грузом, которые почти перекрывали дорогу.

Затем они оставили позади одно из полей кремации, где с еще большего количества телег снимали их ужасный груз. Дров в этой земле не хватало, и огонь был недостаточно сильным, чтобы поглотить груды тел. Они трещали и вспыхивали, когда жир вытапливался из гниющей плоти, и от них поднимались облака черного жирного дыма, проникающего с каждым вдохом в рот и горло живых.

«Какая часть мертвых – жертвы чумы? – задался вопросом Таита. – И какая часть – жертвы войны с нашими войсками?» Чума походила на мрачный призрак, который шел в ногу с любым войском. Войска Апепи много лет стояли здесь, в Бубасти, в лагерях, кишевших крысами, стервятниками и падальщиками-аистами марабу. Его солдаты ютились среди собственной грязи, страдали от блох и вшей, ели гнилую пищу и пили воду из оросительных каналов, куда просачивалась вода из могил и с куч фекалий. Это были те условия, при которых чума процветала.

Ближе к Бубасти лагерные стоянки стали более многочисленными, шатры, хижины и лачуги тесными рядами подступали прямо к стенам и канавам, окружающим военный лагерь. Более удачливые из жертв чумы лежали под ветхими крышами из пальмовых листьев – скудной защитой от жаркого утреннего солнца. Другие лежали на растоптанных в грязь полях, оставленные жажде и стихиям. Мертвые соседствовали с умирающими, раненные в бою лежали рядом со страдающими кровавым поносом.

Хотя Таита обладал чутьем целителя, он ничем не хотел помочь им. Они были приговорены собственным числом: как один мог помочь столь многим? Более того, они были врагами Египта, и Таита не сомневался – мор послан богами. Если бы он излечил хоть одного-единственного гиксоса, это означало бы, что еще один солдат отправится маршем на Фивы и предаст его любимый город огню и разграблению.

Они въехали в крепость, и обнаружилось, что положение в ее стенах ненамного лучше. Жертвы чумы лежали там, где их сразила болезнь; крысы с бродячими собаками грызли тела и нападали даже на тех, кто все еще был жив, но слишком слаб, чтобы защититься.

Главным зданием в Бубасти был штаб Апепи – массивный и длинный дворец из земляных кирпичей, крытый соломой, стоящий в центре города. Конюхи у ворот приняли их лошадей, и один из них понес переметные сумы Таиты. Господин Трок повел Таиту через внутренние дворы и темные, с закрытыми ставнями залы, где в бронзовых жаровнях горели ладан и сандаловое дерево, чтобы скрыть зловоние чумы, доносившееся из города и с лагерных стоянок вокруг, но

их пылающее пламя делало жаркий воздух вокруг едва выносимым. Даже здесь, в главном штабе, комнаты оглашали жуткие стоны жертв чумы и в темных углах лежали груды тел.

Часовые остановили приехавших перед запертой бронзовой дверью в самой глубине здания, но, как только узнали громадную фигуру Трока, расступились и позволили им пройти. Эта часть была личными покоями Апепи. Стены были увешаны великолепными коврами, мебель – из драгоценного дерева, слоновой кости и перламутра. Большей частью она была награблена во дворцах и храмах Египта.

Трок провел Таиту в маленькую, но роскошно обставленную комнату и оставил его там. Женщины-рабыни принесли кувшин шербета и блюдо зрелых фиников и гранатов. Таита потягивал напиток, но съел лишь несколько плодов. Он был всегда умерен в еде.

Ожидание затянулось. Солнечный луч, проникавший через единственное высокое окно, постепенно перемещался по противоположной стене, отмеряя ход времени. Лежа на одном из ковров и используя переметные сумы как подушку, он задремал, но в глубокий сон не провалился и мигом пробуждался при каждом шорохе. Время от времени он слышал далекий плач женщин и скорбные вопли – плач по покойнику – где-то за массивными стенами.

Наконец в проходе наружу послышались тяжелые шаги, и занавески на двери резко раздвинулись. В дверях стоял большой человек. Он был одет лишь в темно-красный льняной набедренник, подвязанный ниже большого живота золотой цепью. Его грудь покрывали седеющие кудри, жесткие, как медвежий мех. На ногах были тяжелые сандалии, а голени закрывали жесткие ножные латы из выделанной кожи. Но у него не было меча или другого оружия. Его руки и ноги были массивными, как столбы храма, и покрыты боевыми шрамами, одни из которых были белыми и шелковистыми, давно залеченными, другие – недавними, багровыми и воспаленными. Его борода и плотный куст волос на голове также были тронуты сединой, и в них не хватало обычных лент и кос. Они не были смазаны маслом и расчесаны, а пребывали в небрежном беспорядке. Темные глаза смотрели возбужденно и растерянно, а толстые губы под большим крючковатым носом кривились, словно от боли.

– Вы – Таита, врач, – сказал он. В его мощном голосе не чувствовалось акцента: Апепи родился в Аварисе и многое взял из египетской культуры и образа жизни.

Таита хорошо знал его: для него Апепи был захватчиком, кровожадным варваром, смертельным врагом его страны и фараона. Ему потребовалось собрать все самообладание, чтобы сохранить нейтральное выражение лица и спокойный голос, когда он ответил:

– Я – Таита.

– Наслышан о вашем искусстве, – сказал Апепи. – Сейчас я нуждаюсь в нем. Идите со мной.

Таита перебросил переметную суму через плечо и прошел за царем в крытую аркаду. Господин Трок ждал там с эскортом вооруженных солдат. Они окружили Таиту, шедшего за гиксосским царем глубже во дворец. Плач впереди становился все громче, пока Апепи не отбросил в стороны тяжелые занавеси, закрывающие другой дверной проем. Он взял Таиту за руку и втянул его внутрь.

В переполненной палате больше всего было жрецов храма Исиды в Аварисе. Таита презрительно скривил губы, как только узнал их по головным уборам из перьев белой цапли. Они пели и качали систрумами над жаровней в углу, на которой лежали раскаленные докрасна клещи для прижигания.

Профессиональная вражда Таиты с этими шарлатанами длилась уже два поколения.

Кроме целителей, вокруг постели больного в центре комнаты собрались еще два десятка людей – придворные, военачальники, писцы и другие должностные лица. Вид у всех был мрачный и похоронный. Большинство женщин стояли на коленях на полу, воя и причитая. Только одна из них пыталась ухаживать за мальчиком, лежавшим на кушетке. Она, казалось, была не

намного старше своего пациента, вероятно тринадцати или четырнадцати лет, и при помощи губки обтирала его нагретой ароматной водой из медной чаши.

С первого взгляда Таита понял, что это очень красивая девочка, с решительным и умным лицом. Ее беспокойство о пациенте было очевидно. Лицо выражало любовь, а руки двигались быстро и умело.

Таита переключил внимание на мальчика. Его голое тело было таким же ладным, но поражено болезнью. Кожу покрывали характерные пятна чумы и обильный пот. На груди виднелись свежие и воспаленные раны там, где ему пускали кровь и прижигали кожу жрецы Исиды. Таита видел, что он в заключительной стадии болезни. Густые темные волосы мальчика промокли от пота и спадали ему на глаза, открытые и блестящие от лихорадки, но не видящие и глубоко провалившиеся в темно-синие впадины.

– Это – Хиан, мой самый младший сын. – Апепи подошел к кровати и беспомощно посмотрел на ребенка. – Чума заберет его, если вы не сможете спасти его, Маг.

Хиан простонал и перекатился на бок, в муке подтянув колени к своей растерзанной груди. Смесь жидкого кала и яркой крови с громким треском вырвалась струей между его похудевшими ягодицами на грязное постельное белье. Девочка, ухаживавшая за ним, сразу очистила его заднюю часть тканью и без всякого отвращения вытерла грязь с простыней. В углу целители возобновили пение; верховный жрец поднял горячие клещи с углей жаровни и подошел к кровати.

Таита шагнул вперед, загородив путь человеку с длинным посохом.

– Уходите! – сказал он тихо. – Вы и ваши мясники уже достаточно навредили здесь.

– Мне необходимо выжечь лихорадку из его тела, – возразил жрец.

– Вон! – повторил Таита мрачно, затем приказал всем прочим, кто заполнял палату: – Вон, все вы!

– Я хорошо тебя знаю, Таита. Ты – богохульник, друг демонов и злых духов. – Жрец стоял на месте и угрожающе размахивал пылающим бронзовым инструментом. – Я не боюсь твоего волшебства. Ты не имеешь здесь власти. Я отвечаю за принца.

Таита шагнул назад и бросил свой посох к ногам жреца. Тот завизжал и отпрыгнул, поскольку прут из дерева тамбути начал извиваться, шипеть – и вот уже к жрецу по плиткам пола поползла змея. Внезапно она высоко подняла голову, ее раздвоенный язык мелькал между тонкими усмехающимися губами, черные глаза сверкали, как бусинки.

Все тотчас с воплем бросились к двери. Придворные и жрецы, солдаты и служащие в панике руками и локтями прокладывали себе путь в давке, чтобы удрать первыми. Спеша убежать, верховный жрец опрокинул жаровню и с криком прыгал босиком на рассыпавшихся углях.

Через несколько секунд в палате не осталось никого, кроме Апепи, который не двинулся с места, и девочки у постели больного. Таита наклонился и подобрал извивающуюся змею за хвост. Она мгновенно стала в его руке прямой, твердой и деревянной. Он указал восстановленным посохом на девочку у кровати.

– Кто ты? – спросил он.

– Я – Минтака. Это – мой брат. – Она покровительственным жестом положила руку на влажные от пота кудри мальчика и с вызовом выпятила подбородок. – Сделайте худшее, Маг, но я не оставлю его. – Ее губы дрожали, темные глаза стали огромными от страха. Она явно была напугана его славой и змеиным посохом, которым Таита указывал на нее. – Я не боюсь вас, – сказала она, обошла вокруг кровати и оказалась между ними.

– Хорошо, – сказал Таита быстро. – Тогда от тебя будет больше пользы. Когда мальчик пил в последний раз?

Ей потребовалась минута, чтобы сосредоточиться.

– Он не пил с самого утра.

– Разве те шарлатаны не видели, что он умирает не столько от болезни, сколько от жажды? Он потел и потерял большую часть воды из своего тела, – проворчал Таита и поднял стоявший около кровати медный кувшин, чтобы понюхать его содержимое.

– Он загрязнен ядом жрецов и духами чумы. – Он швырнул кувшин о стену. – Иди на кухню и найди другой кувшин. Удостоверься, что он чистый. Наполни его колодезной, а не речной водой. Поспеши, девочка. – Она убежала, и Таита открыл свой мешок.

Минтака почти немедленно возвратилась с кувшином, полным до краев чистой воды. Таита приготовил снадобье из трав и нагрел его на жаровне.

– Помоги мне дать ему это, – приказал он девочке, когда зелье вскипело. Он показал ей, как положить голову брата и поглаживать горло, пока он по капле будет лить воду ему в рот. Скоро Хиан глотал свободно.

– Что мне сделать, чтобы помочь вам? – спросил царь.

– Мой господин, вам здесь ничего не нужно делать. Вы более подходите для разрушения, чем для лечения. – Таита отпустил его, не отрывая взгляда от пациента. Последовала долгая тишина, затем раздались тяжелые шаги подбитых бронзовыми гвоздями сандалий Апепи, покидающего палату.

Минтака скоро потеряла страх перед Магом и в роли помощницы оказалась проворной и усердной. Она, казалось, была способна предвидеть пожелания Таиты. Она заставила брата пить, пока Таита готовил на жаровне другую чашу лекарства из содержимого своего мешка. Вместе им удалось влить лекарство ему в горло, не разлив ни капли. Она помогла Таите смазать успокаивающей мазью волдыри, покрывавшие грудь мальчика. Затем они вместе обернули Хиана льняными простынями и хорошо их смочили колодезной водой, чтобы охладить его горящее в жару тело.

Когда она подошла, чтобы сесть рядом с Таитой и немного отдохнуть, тот взял ее за руку и повернул эту руку ладонью вверх. Он осмотрел красные вздутия на внутренней части ее запястья, но Минтака попыталась вырвать руку.

– Это не чумные пятна. – Она вспыхнула от смущения. – Всего лишь укусы блох. Дворец кишит блохами.

– Где кусает блоха, туда следует чума, – сказал ей Таита. – Сними сорочку.

Она встала и без колебания сбросила сорочку. Та упала к ногам. Голое тело Минтаки, хотя и стройное и созревшее, было также атлетически сильным. Ее груди были первыми бутонами, дерзкие соски торчали подобно созревающим тутовым ягодам. Между длинными красивыми ногами укрылся треугольник мягких волос.

Блоха прыгнула с ее бледного живота. Таита ловко поймал насекомое в воздухе и раздавил между ногтями. Блоха оставила цепочку розовых пятен вокруг аккуратно сморщенного пупка принцессы.

– Повернись, – приказал Маг, и Минтака повиновалась. Еще одно отвратительное насекомое побежало вниз по ее спине к глубокой расселине между упругими круглыми ягодицами. Таита сжал блоху между пальцами и раздавил ее блестящее тело. Хрустнув, оно превратилось в кровяное пятно. – Ты станешь следующим пациентом, если мы не избавимся от этих ваших маленьких домашних животных, – сказал он ей и послал принести с кухни чашу воды. Он вскипятил на жаровне высушенные фиолетовые цветы персидской ромашки и вымыл девочку отваром с ног до головы. Он поймал на ее мокрой коже еще четыре или пять блох, пытавшихся избежать едкого душа.

После этого Минтака сидела около него, пока обсыхало ее голое тело, и беззаботно болтала. Тем временем они тщательно обыскивали ее одежду, удаляя из швов и складок последних блох и их яйца. Старик и девочка быстро становились хорошими друзьями.

Перед сумерками кишечник Хиана опорожнился еще раз, но скудно, и в стуле не было крови. Таита понюхал кал и отметил, что зловоние духов чумы умерилось. Он приготовил более сильный отвар из трав, и они вместе заставили Хиана выпить еще один полный кувшин колодезной воды. К утру лихорадка спала, и Хиан лежал более спокойно. Он наконец помочился, что Таита объявил хорошим признаком, даже при том, что моча была темно-желтая и едкая. Час спустя мальчик выпустил больше мочи, более светлой и не такой пахучей.

– Посмотрите, мой господин, – воскликнула Минтака, поглаживая щеку брата, – красные пятна исчезают, и кожа стала более прохладной!

– У тебя исцеляющее прикосновение райской нимфы, – сказал ей Таита, – но не забывай о кувшине для воды. Он пуст.

Она побежала на кухню и почти сразу вернулась с полным до краев кувшином. Когда она стала поить брата, то запела гиксосскую колыбельную, и Таита был восхищен сладостью и ясностью ее голоса:

Слушай ветер в траве, мой дорогой.
Спи, спи, спи.
Слушай звук реки, мой малыш,
Смотри сны, смотри сны, смотри сны.

Таита изучал ее лицо. Оно было гиксосское: немного широкое, скулы чересчур выдавались. Большой рот, губы полные, нос с длинной переносицей. Ни одна из этих черт не была совершенна сама по себе, но каждая пребывала в идеальном равновесии со всеми прочими. Шея была длинная и изящная. Миндалевидные глаза были действительно прекрасны под арками черных бровей, лицо – живое и смышленое. «Здесь другой вид красоты, – подумал он, – но тем не менее это красота».

– Посмотрите! – Она прервала песню и засмеялась. – Он очнулся.

Глаза Хиана были открыты, и он смотрел на нее.

– Ты вернулся к нам, страшный звереныш. – Она засмеялась; зубы у нее были ровными и очень белыми в свете ламп. – Мы так волновались. Больше так не делай, никогда. – Она обняла брата, чтобы скрыть слезы радости и облегчения, которые внезапно блеснули в ее глазах.

Таита посмотрел за спины детям на кровати и увидел в дверном проеме крупную фигуру Апепи. Таита не знал, сколько времени царь стоял там, но сейчас он без улыбки кивнул Таите, повернулся и исчез.

К вечеру Хиан сумел сесть (с небольшой помощью сестры) и выпил бульон из чашки, которую она держала у его губ. Два дня спустя сыпь на его теле исчезла.

Три или четыре раза в день Апепи заходил в палату. Хиан все еще был слишком слаб, чтобы подняться, но как только появился отец, он коснулся сердца и губ в знак уважения.

На пятый день он, шатаясь, встал с ложа и попробовал пасть ниц перед царем, но Апепи остановил его и, подняв, уложил обратно на подушки. Даже при том, что его чувства к мальчику были очевидны, Апепи был немногословен и снова почти сразу вышел, но в дверном проеме оглянулся и коротким наклоном головы приказал Таите следовать за ним.

Они стояли одни на вершине самой высокой башни дворца. Они поднялись на двести ступеней, чтобы достичь этой высоты, и отсюда оглядывали реку вверх по течению до захваченной цитадели Абнуб в десяти милях от них. От Фив ее отделяло меньше ста миль.

Апепи приказал часовым спуститься и оставить их одних на этой высоте, чтобы за ними не шпионили или не подслушали. Он стоял, пристально глядя на юг вдоль великой серой реки. Он

был в полном военном обмундировании, в жестких кожаных ножных латах и нагруднике, в портупее, усыпанной золотыми розетками, и в его бороду были вплетены темно-красные ленты под цвет его церемониального передника. С ними не вязался надетый на плотные, подернутые серебром кудри золотой урей, корона со стервятником и коброй. Таиту привело в бешенство то, что этот захватчик и грабитель считал себя фараоном всего Египта и носил священные символы власти, но его лицо осталось безмятежным. Он настроил свой мозг так, чтобы уловить мысли Апепи. Они оказались таким запутанным клубком, настолько густым и заплетенным, что даже Таита не мог различить их ясно, но он смог ощутить в них силу, которая делала Апепи столь ужасным противником.

– По крайней мере кое-какие слухи о вас оказались верными, Маг, – нарушил Апепи долгую тишину. – Вы – великий врач. – Таита молчал.

– Вы можете чарами излечить чуму в моем войске, как вы сделали это с моим сыном? – спросил Апепи. – Я заплатил бы вам лакх золота. Столько золота, сколько смогут унести десять сильных лошадей.

Таита холодно улыбнулся:

– Мой господин, если бы я мог наводить такие чары, то наколдовал бы сто лакхов из чистого воздуха, не тратя сил на лечение ваших головорезов.

Апепи повернул голову и улыбнулся в ответ, но в его улыбке не было ни веселья, ни доброжелательности.

– Сколько вам лет, Чародей? Трок говорит, больше двухсот. Это верно?

Таита не подавал виду, что слышит, и Апепи продолжил:

– Какова ваша цена, Чародей? Если не золото, то что я могу предложить вам? – Вопрос был риторический, и он не стал ждать ответа, а отошел к северному парапету башни и встал, уперев кулаки в бедра. Он смотрел вниз на лагерные стоянки своего войска и на поля кремации за ними. Костры продолжали гореть, и ветер нес дым низко над зелеными водами реки в пустыню за ней.

– Вы одержали победу, мой господин, – тихо сказал Таита, – но вы думаете о погребальных кострах, сжигающих ваших мертвых. Фараон усилит и перегруппирует свои силы прежде, чем закончится чума, и ваши солдаты должны будут воевать снова.

Апепи встряхнулся с раздражением, как лев, сгоняющий мух.

– Ваше упорство раздражает меня, Чародей.

– Нет, господин, это не я, а правда и логика раздражают вас.

– Нефер Сети – ребенок. Я победил его однажды и желаю сделать это снова.

– Что еще более невыгодно для вас, в его войске нет никакой чумы. Ваши шпионы скажут вам, что у фараона есть еще пять легионов в Асуане и еще два в Асьюте. Они уже на реке, плывут на север по течению. И будут здесь до новолуния.

Апепи тихо зарычал, но не ответил. Таита неумолимо продолжал:

– Шестьдесят лет войны вконец обескровили оба царства. Вы будете продолжать наследственное дело Салитиса, вашего отца, – шестьдесят лет кровопролития? Это вы оставите в наследство сыновьям?

Апепи повернулся к нему, нахмурившись.

– Не дави на меня слишком сильно, старик. Не оскорбляй моего отца, богоравного Салитиса. – После долгого перерыва, достаточного, чтобы выразить свое неодобрение, Апепи заговорил снова: – Сколько времени вам потребуется, чтобы устроить переговоры с этим так называемым регентом Верхнего Царства, этим Нагом?

– Если вы дадите мне охранное свидетельство для прохода через ваши позиции и быструю галеру, я могу оказаться в Фивах через три дня. Возвращение по течению пройдет еще быстрее.

– Я пошлю с вами Трока, чтобы он благополучно провел вас через позиции. Скажите Нагу, что я встречусь с ним в храме Хатор на западном берегу, в Перре у Абнуба. Вы знаете это место?

– Знаю хорошо, мой господин, – ответил Таита.

– Мы сможем поговорить там, – сказал Апепи. – Но скажите ему, чтобы он не ждал от меня слишком больших уступок. Я – победитель, а он побежденный. Теперь вы можете идти.

Таита остался на месте.

– Можете идти, Чародей. – Апепи отпустил его во второй раз.

– Фараон Нефер Сети почти одних лет с вашей дочерью, Минтакой, – сказал Таита упрямо. – Вы могли бы привезти ее с вами в Перру.

– С какой целью? – Апепи посмотрел на него подозрительно.

– Союз между вашей династией и династией фараонов Тамоса мог бы скрепить длительный мир в двух царствах.

Апепи погладил ленты в бороде, чтобы скрыть улыбку.

– Клянусь Сеуетом, вы интригуете так же ловко, как смешиваете зелья, Чародей. А теперь убирайтесь, прежде чем вы рассердите меня так, что мое терпение лопнет.

Храм Хатор был выкопан в скалистом склоне над рекой в царствование фараона Сехертави сотни лет тому назад, но с тех пор достраивался каждым фараоном. Его жрицы были богаты и влиятельны и как-то умудрялись выживать в течение долгих гражданских войн между царствами и даже процветать в трудные времена.

Одетые в желтые мантии, они собрались во внутреннем дворе храма, между двумя массивными статуями богини. Одна из них изображала Хатор в виде пегой коровы с золотыми рогами, а другая ее человеческое воплощение – высокую, красивую даму в короне из рогов и золотого солнечного диска.

Жрицы пели и гремели систрумом, когда свита фараона Нефера Сети вышла во внутренний двор из восточного крыла, а придворные царя Апепи появились из западной колоннады. Порядок прибытия на переговоры был предметом таких горячих споров, что переговоры едва не расстроились не начавшись. Прибыть первым означало бы возвыситься над соперником с позиции силы, в то время как прибыть вторым значило бы явиться просителем, умоляющим о мире. Ни одна сторона не желала отказаться от преимущества.

Именно Таита подчеркнул целесообразность одновременного прибытия. Он также тактично уладил тоже вызывающий беспокойство вопрос о символах власти, которые будут надеты двумя главными действующими лицами. Обоим следует воздержаться от двойной короны. Апепи надлежало надеть красную корону дешрет Нижнего Египта, тогда как Нефер Сети ограничился бы белой короной хеджет Верхнего Египта.

Окружение обоих правителей заполнило просторный внутренний двор, глядя друг на друга мрачно и без улыбок. Физически их разделяло лишь несколько шагов, но ожесточение и ненависть шестидесятилетней войны воздвигли между ними непреодолимую преграду.

Враждебную тишину нарушили громкие фанфары из бараньих рогов и удары бронзовых гонгов – сигнал для царей и прибывших с ними выйти из противоположных крыльев храма.

Господин Наг и фараон Нефер Сети торжественно появились и заняли свои места на тронах с высокими спинками; обе принцессы, Гесерет и Мерикара, смиренно следовали за ними и заняли места в изножье трона Нага, поскольку были обручены с регентом. На лицах обеих девочек было так много косметики, что они ничего не выражали, как лицо изваяния Хатор, в чьей тени они сидели.

Одновременно из противоположного крыла храма появилось гиксосское царское семейство. Их вел царь Апепи, внушительная, воинственная фигура в полном доспехе. Он пристально

глядел через внутренний двор на фараона-мальчика. Восемь из его сыновей следовали за ним; только Хиан, самый молодой, недостаточно оправился от чумы, чтобы совершить поездку вверх по реке.

Подобно отцу, они были вооружены и защищены доспехами, держались напыщенно и демонстративно бравировали.

«Ужасная шайка кровожадных головорезов», – подумал Таита, глядя на них с того места у трона Нефера, где он стоял.

Апепи привез с собой лишь одну из своих многочисленных дочерей, Минтаку. Она была подобна розе пустыни в чаще колючих кактусов, и ее отличие от братьев подчеркивало сияние ее красоты. Она нашла в толпе напротив высокую долговязую фигуру Таиты с серебряными волосами, и ее лицо осветила такая сияющая улыбка, что на мгновение показалось, будто сквозь навесы, натянутые над внутренним двором, пробилось солнце. Никто из египтян не видел ее прежде, и по их рядам пронеслись приглушенный шум и шепот. Они не были готовы увидеть принцессу. Согласно легендам, все гиксосские женщины были сложены так же тяжело, как и их мужчины, и вдвое уродливее. Фараон Нефер Сети наклонился чуть вперед и, несмотря на торжественность случая, потянул себя за мочку уха. С этой привычкой Таита пытался бороться, но Нефер делал так, только когда сильно заинтересовывался чем-то или был рассеян. Таита не видел Нефера более двух месяцев – Наг не давал им увидеться с момента возвращения из штаба Апепи в Бубасти, – и, однако, он так хорошо знал мальчика, был так настроен на его ум, что все еще легко мог читать его мысли. Он ощутил, что Нефер – в смятении от восторга и волнения, таком сильном, будто только что заметил газель, двигающуюся в пределах полета стрелы, или собрался сесть на необъезженного жеребца, или пустил сокола на цаплю и смотрит, как тот падает на нее.

Таита никогда не видел, чтобы принц подобным образом откликался на присутствие лица противоположного пола. Нефер всегда смотрел на всех женщин, включая сестер, с царским презрением. Однако прошло менее года с тех пор, как он вступил в беспокойные воды возраста половой зрелости, и большую часть этого времени провел с Таитой в уединении пустыни в Гебель-Нагаре, где не было никого, кто приковал бы его внимание так, как сейчас Минтака.

Таита чувствовал самодовольство – вот чего он достиг ценой столь малых усилий! Если бы Нефер ощутил к гиксосской девочке сильную неприязнь, это усложнило бы все планы Таиты и увеличило опасность, в которой они оказались. Если бы эта пара поженилась, Нефер стал бы зятем Апепи и оказался бы под его защитой. Даже Нагу следовало бы хорошенько подумать, прежде чем нанести обиду такому могущественному и опасному человеку. Минтака могла бы невольно спасти Нефера от махинаций и амбиций регента. По крайней мере именно это имел в виду Таита, поощряя этот союз.

В течение короткого времени, пока они ухаживали за ее братом, Таиту и Минтаку связала крепкая дружба. Теперь Таита почти незаметно кивнул и улыбнулся ей в ответ. Затем взгляд Минтаки переместился за него. Она с интересом смотрела на благородных египетских женщин напротив. Она много слышала о них, но увидела впервые. Очень быстро она выделила Гесерет. Уверенным женским чутьем она определила ту, что была не менее привлекательна, чем она сама, возможно, будущую соперницу. Гесерет реагировала на нее точно так же, и они обменялись короткими, но надменными и взаимно враждебными взглядами. Затем Минтака подняла глаза на внушительную фигуру господина Нага и стала завороженно его разглядывать.

Он выглядел так великолепно, так отличался от ее собственных отца и братьев! Он сверкал золотом и драгоценными камнями, а его одежда была ослепительно чиста. Несмотря на разделявшее их расстояние, она ощущала исходящий от него аромат, подобный аромату поля диких цветов. Его лицо было маской из косметики, кожа почти светилась, подведенные глаза были

увеличены краской для век. Все же она решила, что это губительная красота змеи или ядовитого насекомого. Она поежилась и обратила глаза к фигуре на троне около регента.

Фараон Нефер Сети разглядывал ее так внимательно, что она затаила дыхание. Глаза у него были невероятно зеленые – вот первое, что поразило принцессу, и ей захотелось отвести взгляд, но она обнаружила, что не может этого сделать. Вместо этого она залилась краской.

Фараон Нефер Сети в белой короне, с фальшивой узкой бородой на подбородке выглядел так величественно и божественно, что она взволновалась. Затем фараон вдруг улыбнулся ей, тепло и заговорщицки. Его лицо сразу же стало мальчишеским и привлекательным, и Минтака невольно задышала быстрее и покраснела еще сильнее. С усилием она отвела глаза и принялась очень внимательно рассматривать статую богини – коровы Хатор.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы вернуть самообладание, а затем заговорил господин Наг, регент Верхнего Египта. Взвешенными словами он приветствовал Апепи, дипломатично именуя его царем гиксосов, но избегая любого намека на его притязания на египетскую территорию. Минтака внимательно смотрела на губы Нага и, чувствуя на себе взгляд Нефера, решила не смотреть на принца.

Голос господина Нага был звучен и утомителен, и наконец она больше не могла сдерживаться. Она украдкой бросила быстрый косой взгляд на Нефера, намереваясь тотчас вновь отвести глаза, но он все так же продолжал смотреть на нее. В его глазах мелькнул беззвучный смех, и это пленило Минтаку. Она была не робкого десятка, но в этот раз улыбнулась застенчиво и нерешительно и снова почувствовала, что краснеет. Она потупилась и стала рассматривать свои руки на коленях, сжимая пальцы, пока не поняла, что играет ими, и остановила себя. Она держала руки неподвижно, но теперь сердилась на Нефера из-за того, что он нарушил ее спокойствие. «Он – всего лишь богатый египетский щеголь. Любой из моих братьев больше мужчина, чем он, и вдвое красивее. Он просто старается выставить меня дурой, так невоспитанно глазея на меня. Не буду больше смотреть на него. Как будто его тут нет», – решила она, и ее решимость тянулась до тех пор, пока господин Наг не прекратил говорить и ее отец не встал, чтобы ответить ему.

Она бросила на Нефера еще один быстрый взгляд из-под густых темных ресниц. Фараон пристально глядел на ее отца, но в тот миг, когда взгляд Минтаки коснулся его лица, его глаза обратились к ней. Она попробовала придать своему лицу серьезное и неприступное выражение, но едва Нефер улыбнулся, уголки ее губ дрогнули. Он действительно красив, как некоторые из ее братьев, признала она и еще раз быстро взглянула. Или, может быть, как любой из них. Она опять уставилась себе в колени, думая об этом. Затем взглянула снова, просто чтобы убедиться. Пожалуй, даже красивее любого из них, даже Руги. Она тотчас почувствовала, что предала самого старшего брата, и уточнила свое мнение: но по-другому, конечно.

Она покосилась на Ругу – с вплетенными в бороду лентами и хмурым лицом, тот был настоящим воином. «Руга – красавец», – подумала она преданно.

В рядах напротив, Таита, казалось, не смотрел на нее, однако не пропустил ни одного нюанса тайных обменов взглядами между Нефером и Минтакой. Он видел больше. Господин Трок, двоюродный брат Нага, стоял за самым троном Апепи – Минтака могла бы дотянуться до него. Его руки, украшенные рельефными браслетами из чистого золота, были сложены на груди. На одном плече висел тяжелый выгнутый лук, на другом колчан, покрытый золотым листом. На шее висели золотые цепи доблести и похвалы. Гиксосы приняли египетские военные почести и знаки отличия вместе с верованиями и обычаями. Трок смотрел на гиксосскую принцессу с непонятным выражением.

Последовал еще один беглый обмен взглядами между Минтакой и Нефером. За ним мрачно и задумчиво наблюдал Трок; Таита ощутил его гнев и ревность. Как если бы горячее и тяжелое облако хамсина, ужасной песчаной бури в Сахаре, вырастало на горизонте пустыни. «Я не

предвидел этого. Интерес Трока к Минтаке романтический или политический? – задался он вопросом. Он вожделеет ее или видит в ней просто лестницу к власти? В любом случае это опасно, и это еще одно, что нам следует принять во внимание».

Приветственные речи подходили к концу, но не было сказано ничего значительного: переговоры о перемирии должны были начаться на следующий день, на тайном совещании. Обе стороны встали с тронов и обменялись поклонами и приветствиями. Снова зазвенели гонги и зазвучали бараньи рога: правители покидали собрание.

Таита бросил последний взгляд на ряды гиксосов. Апепи и его сыновья вышли через ворота, охраняемые высокими гранитными колоннами с одинаковыми коровьими головами богини наверху. Оглянувшись в последний раз, Минтака последовала за отцом и братьями. Господин Трок шел вплотную за ней и, тоже оглянувшись, бросил последний взгляд на фараона Нефера Сети. Затем и он прошел между колоннами. Когда он шел, стрелы в его колчане тихо стучали, и взгляд Таиты заметил их цветное оперение. В отличие от обыденного кожаного военного колчана с крышкой, предотвращающей выпадение стрел, этот церемониальный колчан был покрыт золотым листом и не закрывался, так что оперенные концы стрел торчали над краем. Перья были красные и зеленые, и какое-то злодеяние всплыло в памяти Таиты. Трок прошел в ворота, а Таита продолжал пристально глядеть ему вслед.

Таита вернулся в каменную келью во флигеле храма, отведенном ему на время переговоров о мире. Он выпил немного шербета, поскольку во внутреннем дворе было жарко, и подошел к окну в толстой каменной стене. Стая ярких ткачиков и синиц прыгала и щебетала на подоконнике и на покрытой плитами террасе внизу. Когда он кормил их дробленым просом дурра, они садились ему на плечи и клевали из сложенных чашей рук; Таита думал о событиях утра, начиная сопоставлять все несопоставимые впечатления, полученные на церемонии открытия. Мысли о том, как его порадовало и позабавило то, что произошло между Минтакой и Нефером, забылись, едва он вспомнил о Троке. Он обдумывал отношение этого человека к гиксосской принцессе и осложнения, к которым могла бы привести его попытка ускорить осуществление своих планов относительно молодой пары.

Ход его мыслей прервался, когда он заметил крадущуюся тень, ползущую по краю террасы за окном. Это был один из храмовых котов, худой, покрытый шрамами и в лишаях. Он подкрадывался к птицам, которые прыгали по плитам за окном, подбирая рассыпанное просо.

Светлые глаза Таиты прищурились: он сосредоточился на коте. Старый ободранный кот остановился и с подозрением огляделся. Вдруг, выгнув спину дугой и взъерошив шерсть, он уставился на пустое место на каменных плитах перед собой. Издав вопль неприязни, кот развернулся и помчался по террасе прочь, к пальме. Он взлетел по высокому стволу, достиг листьев наверху и отчаянно вцепился в них когтями. Таита бросил птицам новую горстку зерна и собрался с мыслями.

В течение всей их долгой совместной поездки Трок держал свой боевой колчан крепко закрытым, и Таите не пришло в голову сравнить одну из стрел, лежащих в нем, с теми, которые он нашел на месте убийства фараона. У скольких еще гиксосских командиров были стрелы с красным и зеленым оперением, он мог только предполагать, но, вероятно, таких было много, хотя каждому из них полагалось свое отдельное оформление. Был лишь один способ связать Трока со смертью фараона Тамоса и через него вовлечь в это его брата Нага. Изучить одну из его стрел. «Как сделать это, не пробудив в нем подозрений?» – задался он вопросом.

Его снова отвлекли от раздумий. В коридоре около двери его кельи раздались голоса. Один был молодой и чистый, Таита узнал его сразу. Другие, грубые, упрашивали и протестовали.

– Господин Асмор дал особые распоряжения.

– Разве я не фараон? Разве вы не должны повиноваться мне? Я желаю посетить Мага, и не смейте мешать. Отойдите в сторону, оба. – Нефер говорил громко, повелительно. Неуверенный тембр полового созревания ушел из его голоса, теперь это был голос мужчины.

«Молодой сокол расправляет крылья и показывает когти», – подумал Таита и, стряхивая с рук просяную пыль, повернулся от окна, чтобы приветствовать своего царя.

Нефер отдернул занавес, закрывавший дверной проем, и вошел. Два вооруженных телохранителя беспомощно последовали за ним, встав в дверях позади. Нефер, не обращая на них внимания, встал перед Таитой, уперев руки в бедра.

– Таита, я очень сердит на тебя, – сказал Нефер.

– Мне безумно жаль. – Таита низко поклонился. – Каким образом я оскорбил вас?

– Ты избегал меня. Всякий раз, когда я посылал за тобой, мне заявляли, что ты отправился с секретным заданием к гиксосам, или вернулся в пустыню, или какую-нибудь другую небылицу, – хмурился Нефер, чтобы скрыть восторг от встречи со стариком. – Затем вдруг ты выскакиваешь ниоткуда, как если бы никуда не уезжал, но все равно словно не видишь меня. Ты даже не смотрел в мою сторону во время церемонии. Где ты был?

– Великий, вокруг длинные уши. – Таита поглядел на ждущих стражников.

Нефер тотчас гневно обернулся к ним.

– Я не один раз приказал, чтобы вы ушли. Если вы сейчас же не уйдете, я велю удавить вас обоих.

Они с несчастным видом ушли, но не слишком далеко. Таита все еще слышал их шепот и звон оружия: стражники ждали в проходе за занавесом. Он кивком указал на окно и прошептал:

– У меня есть лодка у причала. Великий, не угодно ли вам отправиться на рыбную ловлю? – Не дожидаясь ответа, Таита подобрал полы хитона и вспрыгнул на подоконник. Он оглянулся. Нефер забыл про гнев и, улыбаясь от удовольствия, пробежал по келье, чтобы присоединиться к нему. Таита спрыгнул на террасу снаружи, и Нефер проворно последовал за ним. Подобно прогульщикам-школьникам, они прокрались через террасу и дальше мимо финиковых пальм к реке.

У причала дежурили стражники, но у них не было приказа не пускать молодого фараона. Они приветствовали его и с уважением отошли в сторону, когда эта пара забралась в маленькую рыбацкую лодку. Каждый взял весло, и они оттолкнулись. Таита правил в один из узких проходов в зарослях колышущегося папируса, и через несколько минут они были одни на болотистой воде, скрытые от берегов в лабиринте потайных водных путей.

– Где ты был, Таита? – Нефер отбросил царственность. – Я так скучал без тебя.

– Я все тебе расскажу, – заверил его Таита, – но сначала ты должен рассказать мне обо всем, что случилось с тобой.

Они нашли спокойное место для причала в крошечной, окруженной папирусом лагуне, и Нефер поведал обо всем, что произошло с ним с тех пор, как они последний раз имели возможность поговорить наедине. По приказу Нага его содержали в позолоченной тюрьме, лишив возможности видеть старых друзей, даже Мерена или сестер. Его единственными развлечениями были изучение свитков из библиотеки дворца, упражнения в езде на колеснице и с оружием под руководством старого воина Хилто.

– Наг не позволяет мне даже охотиться с соколом или ловить рыбу без того, чтобы Асмор не следил за мной, – горько жаловался он.

Нефер не знал, что Таита будет на церемонии приветствия во внутреннем дворе храма, пока не увидел его там. Он полагал, что тот в Гебель-Нагаре. При первой возможности, когда Наг и Асмор были заняты на тайных переговорах о перемирии с Апепи, Троком и другими гиксосскими военачальниками, он запугал своих стражников и с угрозами вырвался из покоев, где был заперт, чтобы прийти к Таите.

– Жизнь так скучна без тебя, Таита. Я думал, что умру от скуки. Наг должен позволить нам снова быть вместе. Тебе надлежит наложить на него заклятие.

– Это мы можем обсудить, – Таита ловко избежал прямого ответа, – но сейчас у нас мало времени. Наг пошлет целое войско, чтобы найти нас, как только узнает, что нас нет в храме. Мне нужно поведать тебе мои собственные новости. – Быстро и схематично он описал Неферу, что с ним произошло со времени их последней встречи. Он поведал об отношениях между Нагом и Троком, описал, как посетил место смерти фараона Тамоса, и сообщил о сделанном там открытии.

Нефер слушал не перебивая, но, когда Таита заговорил о смерти отца, его глаза заполнились слезами. Он отвернулся, закашлялся и вытер глаза тыльной стороной ладони.

– Теперь ты можешь оценить грозящую тебе опасность, – сказал Таита. – Я уверен, что Наг имеет прямое отношение к убийству фараона, и чем ближе мы будем к тому, чтобы доказать это, тем больше будет опасность.

– Однажды я отомщу за отца, – поклялся Нефер, и его голос прозвучал холодно и твердо.

– А я помогу тебе сделать это, – пообещал Таита, – но сейчас нам нужно защитить тебя от преступного намерения Нага.

– Как ты полагаешь сделать это, Таита? Мы можем бежать из Египта, как собирались раньше?

– Нет. – Таита покачал головой. – Конечно, я обдумал этот путь, но Наг слишком надежно заточил нас здесь. Попытайся мы снова бежать к границе – тысяча колесниц поспешит нам вослед.

– Что же мы можем сделать? Ты тоже в опасности.

– Нет. Я убедил Нага, что ему не преуспеть без моей помощи. – Маг описал ложную церемонию предсказания в храме Осириса и упомянул, что Наг полагает, будто Таита может поделиться с ним тайной вечной жизни.

Нефер улыбнулся хитрости Мага.

– Так что ты решил?

– Нужно дождаться подходящего случая, чтобы или бежать, или избавить мир от злого присутствия Нага. А до тех пор я буду защищать тебя, как только смогу.

– Как?

– Наг послал меня к Апепи, чтобы устроить эти мирные переговоры.

– Да, я знаю, что ты ездил в Аварис. Мне сказали, когда я потребовал встречи с тобой.

– Не в Аварис, а в боевой штаб Апепи в Бубасти. Как только Апепи согласился на встречу с Нагом, мне удалось убедить его, что они должны скрепить соглашение твоим браком с дочерью Апепи. Стоит тебе оказаться под защитой гиксосского царя, и нож Нага притупится. Он не рискнет вновь погрузить страну в гражданскую войну, нарушив соглашение.

– Апепи собирается выдать за меня дочь? – Нефер удивленно глядел на него. – Ту, в красном платье, которую я утром видел на церемонии?

– Да, – подтвердил Таита. – Ее имя – Минтака.

– Я знаю это имя, – страстно заверил его Нефер. – Ее назвали в честь крошечной звезды в поясе созвездия Охотника.

– Да, ее так зовут, – кивнул Таита. – Минтака, уродливая девушка с большим носом и смешным ртом.

– Она не уродлива! – вспылил Нефер и вскочил на ноги, чуть не опрокинув лодку и не вывалив их в грязь лагуны. – Она самая красивая... – Увидев выражение лица Таиты, он замолчал. – Я имею в виду, у нее весьма приятная внешность. – Он печально усмехнулся. – Ты всегда умеешь подловить меня. Но признайся, она красива, Таита.

– Если тебе нравятся большие носы и смешные рты.

Нефер подобрал со дна лодки снулую рыбу и бросил Магу в голову. Таита увернулся.

– Когда я смогу поговорить с ней? – спросил фараон, стараясь говорить так, будто в действительности это было для него совершенно не важно. – Она говорит по-египетски, не так ли?

– Она говорит по-египетски так же, как ты, – заверил Таита.

– Когда же я могу встретиться с ней? Ты можешь устроить это для меня?

Таита ожидал этого вопроса.

– Ты мог бы пригласить принцессу и ее свиту поохотиться здесь в болотах, возможно, с последующим завтраком.

– Я сегодня же пошлю Асмора с приглашением, – решил Нефер, но Таита покачал головой.

– Сначала он пойдет к регенту, и Наг немедленно увидит опасность. Он никогда не позволит этого, а если насторожится, то сделает все, что в его власти, чтобы не позволить вам встретиться.

– Что же тогда делать? – Нефер выглядел взволнованно.

– Я пойду к ней сам, – пообещал Таита, и в этот миг с разных сторон вокруг них в папирусных болотах раздались тихие крики и всплески весел. – Асмор узнал, что тебя нет, и послал за тобой своих собак, – сказал Таита. – Это доказывает, как трудно будет ускользнуть от него. Теперь слушай внимательно, потому что очень скоро нас разделят снова.

Они быстро договорились, как обмениваться сообщениями в любом срочном случае и выполнить другие планы, а крики и плеск весел звучали все громче, приближаясь. Через несколько минут легкая боевая галера, наполненная вооруженными солдатами, прорвалась сквозь завесу папируса, толкаемая вперед двадцатью веслами. С командной палубы раздался крик:

– Фараон здесь! Правьте к лодке!

Гиксосы устроили учебное поле на заливной равнине, примыкающей к папирусному болоту у реки. Когда Таита спустился от храма, два батальона стражников Апепи упражнялись с оружием под безоблачным небом, с которого светило утреннее солнце. Двести полностью вооруженных солдат бежали кросс через болото, пробираясь по пояс в грязи, в то время как отряды колесниц выполняли сложные маневры на равнине, перестраиваясь из четырех колонн в одну и затем развертываясь в широкую линию. Пыль клубилась позади крутящихся колес, наконечники копий отражали солнечные лучи, яркие цветные флаги трепетали на ветру.

Таита остановился у стрельбища, чтобы посмотреть, как строй из пятидесяти лучников стрелял с расстояния в сто локтей. Каждый солдат быстро выпускал пять стрел, затем все бежали вперед, к соломенным мишеням в форме человека, забирали свои стрелы и снова стреляли по следующей линии мишеней в двухстах локтях дальше. Бич инструктора тяжело падал на спину всякого солдата, который не спешил бежать через открытое место или промахивался, когда стрелял. Бронзовые заклепки на кожаных плетях оставляли пятна яркой крови там, где прокусывали льняные туники.

Таита шел, и его никто не окликнул. Когда он проходил мимо стоящих парами копейщиков, которые с воинственными криками отрабатывали обычные выпады и блоки, они остановились и затихли, провожая его почтительными взглядами.

Его слава внушала страх. Только после того, как он прошел, они вновь стали сражаться друг с другом.

В дальнем конце поля, на короткой зеленой траве около болота, мимо вех и целей неслась одинокая колесница. Это была одна из разведывательных колесниц, вмещавшая двух солдат, с колесами на спицах и корпусом из плетеного бамбука, очень быстрая и достаточно легкая.

Ее везла пара великолепных гнедых кобыл из личного табуна царя Апепи. Их копыта вырывали комья дерна, когда они объезжали вехи в конце дорожки и возвращались полным галопом, с подпрыгивающей и рыскающей позади них легкой колесницей.

Ею управлял господин Трок – подавшись вперед, обернув поводья вокруг кистей. Его борода трепетала на ветру, усы и цветные ленты развевались за плечами, и он громкими криками подгонял лошадей.

Таита был вынужден отдать должное его мастерству: даже на такой скорости он удерживал пару лошадей под полным контролем, проезжая точно между вехами, давая лучнику на площадке рядом с ним наилучший шанс попасть в цель, когда они проносились мимо мишеней.

Таита оперся на посох, увидев подъезжающую на полном галопе колесницу. Не было никакой ошибки: прямая стройная фигура и царские манеры. Минтака была одета в темно-красный плиссированный набедренник, оставляющий голыми колени. Ремни ее сандалий, перекрещиваясь, высоко обнимали ее красивые икры. На ней был жесткий кожаный панцирь, пригнанный по форме ее маленьких круглых грудей, а на левом запястье – кожаный защитный щиток. Кожа защищала ее чуткие соски от удара тетивы, когда она пускала стрелы по проносившимся мимо мишеням.

Минтака узнала Таиту, прокричала приветствие и помахала луком над головой. Ее темные волосы, убранные в тонкую сетку, подпрыгивали на плечах при каждом толчке колесницы.

На ней не было никакой косметики, но ветер и упражнения разрумянили ее щеки и зажгли искорки в глазах. Таита не мог бы вообразить Гесерет в качестве копьеносца в военной колеснице, но у гиксосов было другое отношение к женщинам.

– Пусть Хатор улыбнется вам, Маг! – Она засмеялась, когда Трок остановил колесницу бортом прямо перед ним. Он знал, что Минтака приняла как покровительницу добрую богиню, а не одно из чудовищных гиксосских божеств.

– Пусть Гор всегда любит вас, принцесса Минтака, – ответил Таита на ее благословение. То, что он обратился к ней как к особе царской крови, свидетельствовало о его отношении к ней, хотя он не признавал ее отца царем.

Она спрыгнула в облаке пыли, подбежала обнять его и обхватила за шею так, что твердый край ее панциря врезался Таите в ребра. Она почувствовала, что он вздрогнул, и отстранилась.

– Я только что попала прямо в пять голов, – похвасталась она.

– Ваше воинское мастерство превосходит только ваша красота. – Он улыбнулся.

– Вы не верите, – с вызовом сказала она. – Вы думаете, если я девушка, я не умею натягивать лук. – Она не стала ждать его опровержения, а подбежала к колеснице и прыгнула на площадку. – Поехали, господин Трок, – приказала она. – Еще один круг. На вашей лучшей скорости.

Трок встряхнул поводья и повернул колесницу так резко, что внутреннее колесо осталось неподвижным. Затем, окончив разворот, он закричал: «Ха! Ха!» – и они умчались по дорожке.

Каждая мишень была установлена на вершине короткого шеста, на уровне глаз лучника – вырезанные из дерева «человеческие головы». Невозможно было ошибиться относительно их национальности. Каждая голова была карикатурой на египетского воина, дополненной шлемом и знаками отличия отрядов, а их раскрашенные лица были страшными, как у людоедов.

«Нет сомнения в том, что думает о нас художник», – скривившись, подумал Таита.

Минтака вытянула из коробки на переднем щите стрелу, положила ее на тетиву и натянула лук. Она прицелилась; ярко-желтое оперение касалось ее сжатых губ, будто в поцелуе. Трок подвел колесницу к первой мишени, стараясь обеспечить Минтаке удачный выстрел, но земля была неровная. И хотя девушка сгибала колени при толчках, она качалась вместе с колесницей.

Когда мишень промелькнула мимо и Минтака выстрелила, Таита обнаружил, что затаил дыхание. Ему не следовало волноваться: с легким луком она обращалась с совершенным изяществом. Стрела ударила в левый глаз куклы и, воткнувшись, задрожала желтым оперением в ярком солнечном свете.

– Бак-кер! – Таита захлопал в ладоши, и она засмеялась от удовольствия. Колесница продолжала мчаться. Принцесса выстрелила еще дважды. Одна стрела вонзилась глубоко в лоб, другая в рот мишени. Превосходные выстрелы даже для ветерана-колесничего, не говоря уж о худенькой девушке.

Трок повернул колесницу у дальней вехи, и они помчались обратно. Уши лошадей были прижаты, гривы развевались. Минтака выстрелила снова, попав прямо в кончик огромного носа куклы.

– Клянусь Гором! – удивленно проговорил Таита. – Она стреляет как джинн!

Последняя цель подлетала быстро; Минтака изящно удерживала равновесие, ее щеки пылали; когда она прикусила губы, чтобы сосредоточиться, засверкали белые зубы. Она выстрелила, и стрела пролетела на ладонь выше и правее головы.

– Трок, неуклюжий чурбан! Вы въехали прямо в яму, когда я выстрелила! – закричала она.

Она спрыгнула с колесницы, когда та все еще двигалась, и накинулась на Трока:

– Вы сделали это нарочно, чтобы выставить меня дурой перед Магом!

– Ваше высочество, я уязвлен своей неуклюжестью. – Перед лицом ее гнева могущественный Трок вел себя неловко, будто маленький мальчик. Таита увидел, что его чувства к ней так горячи, как он и подозревал.

– Я вас не прощу. Я навсегда лишаю вас чести возить меня. Навсегда.

Таита не видел, чтобы она демонстрировала такой характер прежде, и это вместе с ее недавней демонстрацией меткой стрельбы еще улучшило его и без того хорошее мнение о ней. Вот подходящая жена для любого, даже фараона династии Тамосов, решил он, но был осторожен, чтобы не выказать никакого признака легкомыслия, иначе Минтака могла обрушить свой гнев на него. Хотя ему не следовало волноваться: как только она обернулась к нему, ее улыбка расцвела снова.

– Четыре из пяти достаточно хорошо для воина Красной Дороги, ваше высочество, – уверил ее Таита, – и вам действительно помешала предательская яма.

– Должно быть, вы хотите пить, Таита. Я хочу. – Она взяла его за руку и повела туда, где на берегу реки ее служанки расстелили тканый шерстяной ковер и расставили блюда с засахаренными фруктами и кувшины шербета.

– Мне так много нужно спросить у вас, Таита, – сказала она, после того как устроилась на овчинном коврике подле него. – Я не видела вас с тех пор, как вы оставили Бубасти.

– Как ваш брат, Хиан? – Он опередил ее вопрос.

– Как обычно, – засмеялась она, – разве что стал еще более непослушным, чем прежде. Отец приказал, чтобы он присоединился к нам здесь, как только полностью оправится. Отец хочет, чтобы все его семейство было вокруг него, когда будет подписано перемирие. – Они еще некоторое время поболтали о разных мелочах, но Минтака была рассеянна. Таита ждал, когда она начнет разговор о том, что больше всего занимало ее ум. Она удивила его, внезапно обернувшись к Троку, стоявшему поблизости с виноватым видом.

– Вы можете оставить нас теперь, господин, – сказала она ему прохладно.

– Вы поедете со мной снова завтра утром, принцесса? – Трок почти умолял.

– Завтра я, вероятно, буду занята другими делами.

– Тогда на другой день? – Даже его усы, казалось, жалобно обвисли.

– Прежде чем уйдете, принесите мне мои лук и колчан, – приказала она, словно не услышав его вопрос. Он принес их с рабской покорностью и положил рядом с ее рукой.

– Прощайте, мой господин. – Она снова повернулась к Таите. Трок постоял еще несколько минут, затем пошел к своей колеснице.

Когда он уехал, Таита проговорил:

– Как давно Трок влюблен в вас?

Она поразилась, затем очаровательно рассмеялась.

– Трок влюблен в меня? Это же смешно! Трок старый, как пирамиды в Гизе, – ему почти тридцать! У него три жены и Хатор знает сколько любовниц!

Таита вытянул из великолепно украшенного колчана одну из ее стрел и небрежно осмотрел. Оперение было синего и желтого цвета. Он коснулся крошечной вырезанной печати на древке.

– Три звезды из пояса Охотника, – заметил он, – и самая яркая – Минтака.

– Синий и желтый – мои любимые цвета, – кивнула она. – Все мои стрелы сделал для меня Гриппа. Он самый известный мастер по изготовлению стрел в Аварисе. Все стрелы, что он делает, совершенно прямые и сбалансированные и летят точно в цель. Его украшения и печати – произведения искусства. Посмотрите, как он вырезал и раскрасил мою звезду. – Таита долго крутил стрелу в пальцах и восхищался ею, прежде чем положить обратно в колчан.

– А какая печать на стрелах Трока? – спросил он как бы между прочим.

Она досадливо пожала плечами:

– Я не знаю. Скорее всего дикий кабан или бык. С меня достаточно Трока на сегодня и на многие следующие дни. – Она налила шербета в чашу Таиты. – Я знаю, как вы любите мед. – Минтака нарочито сменила тему разговора, и Таита ждал, когда она выберет следующую.

– Теперь мне нужно обсудить с вами некоторые деликатные вещи, – призналась она застенчиво. Она сорвала в траве, на которой они сидели, дикий цветок и начала скручивать его в начало гирлянды, все еще не глядя на Таиту, но ее щеки, утратившие розовый цвет от упражнений, снова порозовели.

– Фараону Неферу Сети – четырнадцать лет и пять месяцев, он почти на год старше вас. Он был рожден под знаком Козла, который прекрасно подходит к вашему знаку Кота.

Таита предвосхитил ее вопрос, и она взглянула на него с удивлением.

– Как вы узнали, о чем я собиралась спросить? – Она хлопнула в ладоши. – Конечно, вы знали. Вы ведь Маг.

– Кстати о фараоне. Я прибыл, чтобы доставить вам сообщение от великого, – сказал ей Таита.

Все ее внимание немедленно было направлено на него.

– Сообщение? Он даже знает, что я существую?

– Очень хорошо знает. – Таита потягивал шербет. – Сюда нужно еще немного меда. – Он налил немного в чашу и размешал.

– Не дразните меня, Чародей, – прикрикнула она на него. – Передайте мне сообщение сейчас же.

– Фараон приглашает завтра на рассвете вас и вашу свиту на утиную охоту в болотах и последующий завтрак на острове Маленького Голубя.

Рассветное небо было пылающей тенью клинка, который только что достали из углей горна. Под ним вершины зарослей папируса образовали абсолютно черную стену. В этот час перед восходом ни одно дуновение воздуха не колыхало их, не было слышно ни одного звука.

Две охотничьи лодки были пришвартованы в противоположных концах маленькой лагуны, вплотную к стене тростника, окружавшего открытую воду. Их разделяло менее пятидесяти локтей. Царские охотники нагнули высокие стебли папируса, чтобы получилась крыша, закрывавшая людей.

Поверхность лагуны, спокойная и гладкая, отражала небо подобно полированному бронзовому зеркалу. Нефер без труда различал изящную фигуру Минтаки в другой лодке. Лук лежал у нее на коленях, а сама она сидела неподвижно, как изваяние богини Хатор. Любая другая де-

вушка, которую он мог вспомнить, и в особенности его собственные сестры Гесерет и Мерикара, прыгали бы вокруг подобно канарейкам на насесте и щебетали в два раза громче.

Он медленно вспоминал их краткую утреннюю встречу. Было темно, не показался еще ни один самый слабый луч рассвета, и звездное великолепие, висящее над миром, не успело потускнеть, все звезды были такие большие и яркие, что казалось, протяни руку и сорвешь их, как зрелые фиги с дерева. Минтака спустилась по тропе от храма; путь ей освещали факельщики, служанки следовали за ней по пятам. На голове у нее был шерстяной капюшон, защита от речного холода, и как бы Нефер ни вглядывался, ее лицо оставалось в темноте.

– Да живет фараон тысячу лет.

Первые слова, услышанные им от нее. Ее голос был приятнее, чем музыка любой лютни, как если бы призрачные пальцы погладили его затылок. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы заговорить.

– Пусть Хатор любит вас всю вечность. – Он посоветовался с Таитой относительно формы приветствия, которое ему следует использовать, и повторял его, пока не выучил назубок. Ему показалось, будто он увидел блеск ее зубов – она улыбнулась под капюшоном – и он решился добавить кое-что еще, чего Таита не предлагал. Оно явилось к нему во вспышке вдохновения. Нефер указал на яркое звездное небо: – Взгляните! Вон там ваша звезда. – Минтака подняла голову, чтобы посмотреть на созвездие Охотника. Звездный свет упал на ее лицо, и Нефер увидел его впервые с тех пор, как она спустилась по тропе. Он затаил дыхание. Ее лицо было серьезным, но он подумал, что никогда не видел ничего более очаровательного. – Боги поместили ее туда специально для вас, – соскользнул с его языка комплимент.

Ее лицо немедленно просветлело, и она стала еще красивее.

– Фараон столь же галантен, сколь и добр. – Она легко, чуть насмешливо поклонилась и вошла в ожидавшую лодку. И не оглянулась, когда царские охотники ударили веслами и лодка поплыла к болоту.

Сейчас он повторял про себя ее слова, как молитву:

– Фараон столь же галантен, сколь и добр.

На болоте прокричала цапля. Словно по сигналу воздух внезапно наполнился хлопаньем крыльев. Нефер почти забыл причину, по которой они оказались на воде, что говорило о мере его рассеянности, потому что охоту он любил с особенной страстью. Он оторвал глаза от изящной фигурки в лодке вдалеке и потянулся за битами.

Он решил использовать биты, а не лук, поскольку не сомневался, что у нее нет ни силы, ни навыка, чтобы обращаться с более тяжелым оружием. Это дало бы ему явное преимущество. Умело брошенная вращающаяся бита сбивает вернее, чем стрела. Ее попадание с большей вероятностью собьет птицу, чем стрела с тупым наконечником, которую может отклонить плотное оперение водоплавающей птицы. Нефер был настроен произвести на Минтаку впечатление охотничьим мастерством.

Первая стая уток стремительно вылетела из рассветных сумерек. Они летели низко – черно-белые, лоснящиеся, каждая с характерным расширением на конце клюва. Ведущая птица отклонилась в сторону, уводя других из зоны досягаемости. В этот момент призывно закричали подсадные утки. Это были пойманные и прирученные птицы, которых охотники посадили на открытую воду лагуны. Их удерживали там обмотанные вокруг лап шнуры, которые были привязаны к камням, брошенным на илистое дно.

Дикие утки развернулись широким кругом, начали снижаться и выстраиваться для посадки на открытую воду рядом с подсадными. Они складывали крылья и стремительно теряли высоту, направляясь прямо на лодку Нефера. Фараон точно вычислил этот миг и встал с поднятой битой, готовый к броску. Он ждал, когда мелькнет ведущая птица, чтобы бросить крутящуюся биту вверх. Утка увидела летящий снаряд и опустила крыло, чтобы уклониться. На мгновение показа-

лось, что это ей удалось, но затем послышался глухой стук, полетели перья, и утка упала – со сломанным крылом. Она с тяжелым всплеском ударилась о воду, но почти сразу оправилась и нырнула.

– Быстрее! За ней! – закричал Нефер. Четыре голых мальчика-раба держались в воде рядом, торчали только их головы. Они цеплялись за борта лодки занемевшими пальцами, уже стуча от холода зубами.

Двое поплыли, чтобы достать упавшую птицу, но Нефер знал, что это напрасный труд. С одним только сломанным крылом, утка могла бесконечно долго нырять и уплывать от искавших.

«Потерянная птица», – подумал он горько, но прежде чем успел бросить вторую биту, направление полета уток через лагуну изменилось, и они понеслись прямо к лодке Минтаки. Они все еще держались низко, в отличие от чирка, который тут же взлетел бы почти вертикально. Однако летели они очень быстро, и ветер свистел в их похожих на лезвия крыльях.

Нефер почти не принимал в расчет охотницу в другой лодке. На такой высоте, при такой скорости эту цель мог поразить лишь самый опытный лучник. В быстрой последовательности две стрелы взлетели и врезались в беспорядочную стаю уток. Над лагуной отчетливо послышались два удара. Затем две птицы стали падать, с особым неподвижным видом; их крылья свободно трепетали, головы болтались, они были явно сбиты в воздухе в одно и то же время и совершенно мертвы. Они шлепнулись в воду и неподвижно плавали там. Пловцы легко подобрали их и поплыли назад к лодке Минтаки, зажав тушки в зубах.

– Два удачных выстрела, – высказал свое мнение Нефер.

На носу лодки Таита добавил без улыбки:

– Две неудачливых утки.

Теперь небо заполнилось птицами: они стали подниматься темными тучами, когда первые лучи солнца ударили в воду. Стаи были такими плотными, что издали казалось, будто заросли тростника горели, извергая облака темного дыма.

Нефер приказал, чтобы двадцать легких галер и столько же меньших лодок патрулировали все открытые воды в пределах трех миль от храма Хатор и поднимали в воздух всех водоплавающих, что садились на воду. Крылатые множества не редели. В воздухе были не только дюжина разновидностей уток и гусей, но и ибисы и цапли, белые цапли и колпицы. Они летели над колышущимися верхушками папируса на всех уровнях, на самой разной высоте. Они летали кругами, темными стаями или мчались низко, клином, быстро взмахивая крыльями. Они пронзительно кричали, гоготали, крякали, пищали и вопили.

В промежутках между птичьим гамом звучали взрывы мелодичного смеха и ликующий девичий визг, когда девушки-рабыни Минтаки вдохновляли ее на новые достижения.

Ее легкий лук очень хорошо подходил для этой цели. Его можно было быстро выровнять и натянуть без чрезмерного напряжения сил. Она пускала не традиционные стрелы с тупым наконечником, а пользовалась вместо них стрелами с острыми металлическими наконечниками, специально выкованными для нее Гриппой, известным оружейником. Острые как иглы острия пробивали плотный слой оперения и проникали до костей. Она без слов поняла, что Нефер вознамерился превратить охоту в состязание, и доказывала, что ее соревновательные инстинкты так же сильны, как у него.

Нефер был донельзя смущен и своей первой неудачей, и неожиданным мастерством Минтаки в обращении с луком. Вместо того чтобы сосредоточиться на собственной задаче, он отвлекался на то, что происходило в другой лодке. Каждый раз, когда он смотрел в ту сторону, ему казалось, что мертвые птицы сыплются с неба. Это будоражило его еще сильнее. Рассудительность покинула его, и он начал швырять биты слишком рано или с опозданием. Стараясь искупить это, он напрягался и начал дергать рукой при броске, вместо того чтобы использовать все

тело, запуская дубинку. Его правая рука быстро утомилась, поэтому он невольно сокращал дугу замаха при броске и сгибал локоть и в результате почти растянул связки запястья.

Обычно он мог рассчитывать на шесть попаданий из десяти бросков, но сейчас промахивался чаще, чем в половине случаев. И огорчился еще больше. Многие из сбитых им птиц были только оглушены или ранены и ускользали от его мальчиков-рабов, ныряя под воду и уплывая в густые заросли папируса, не показываясь из-под ковра из корней и стеблей. Число мертвых птиц, сваленных на дне лодки, росло ужасно медленно. В противоположность этому радостные крики из другой лодки раздавались почти без перерыва.

Нефер в отчаянии отказался от изогнутых бит и схватил тяжелый военный лук, но было поздно. Его правая рука почти обессилела, бросая биты. Он с трудом натягивал лук и стрелял вслед более быстрым птицам и перед более медленными. Таита наблюдал, как фараон все глубже увязает в западне, которую сам себе устроил. Небольшое унижение не причинит ему никакого вреда, подумал он.

Несколькими словами совета он мог бы исправить ошибки Нефера: почти пятьдесят лет назад Таита написал руководства не только об управлении колесницей и тактике, но также и о стрельбе из лука. Однако на сей раз его симпатии были не полностью на стороне мальчика, и он скрытно улыбнулся, увидев, что Нефер вновь промахнулся, а Минтака сбила двух птиц из той же стаи, пролетавшей над ее головой.

Однако он ощутил жалость к царю, когда одна из рабынь Минтаки переплыла лагуну и ухватилась за борт лодки Нефера.

– Ее царское высочество принцесса Минтака надеется, что могучий фараон будет наслаждаться благоухающими жасмином днями и звездными ночами, наполненными песнями соловья. Однако ее лодка начинает тонуть под тяжестью ее мешка, и она желает получить завтрак, который, по ее уверениям, был обещан ей несколько часов назад.

«Несвоевременная острота!» – подумал Таита, в то время как Нефер сердито нахмурился, услышав эту дерзость.

– Благодари любого бога, которому ты поклоняешься, рабыня, хоть бога обезьян, хоть бога злых собак, за то, что я сострадательный человек. Иначе я своеручно отрубил бы твою уродливую голову и послал твоей хозяйке, чтобы ответить на эту шутку.

Пришла пора Таите вмешаться:

– Фараон приносит извинения за свою неосмотрительность, но он так наслаждался этим развлечением, что забыл про бег времени. Пожалуйста, скажите вашей хозяйке, что мы все немедленно отправляемся завтракать.

Нефер с негодованием посмотрел на наставника, но положил лук и не попытался отменить решение Таиты. Две маленькие лодки поплыли назад к острову близко друг к другу, так чтобы легко можно было сравнить груды уток на дне каждой. Командой каждой лодки не было сказано ни слова, но все понимали, каков итог утренней охоты.

– Великий, – крикнула Минтака Неферу, – не могу не поблагодарить вас за поистине увлекательное утро. Не могу припомнить, когда в последний раз так наслаждалась. – Ее голос был весел, и она ангельски улыбалась.

– Вы слишком добры и снисходительны. – Нефер без улыбки сделал царственный жест несогласия. – Я думал, что это было довольно скучно.

Он наполовину отвернулся от нее и задумчиво смотрел на горизонт из тростника и воды. Минтака не выказала ни малейшего расстройства из-за подчеркнутого пренебрежения, а повернулась к девушкам-рабыням:

– Что ж, давайте споем фараону несколько куплетов из «Обезьяны и осла». – Одна из служанок подала ей лютню, она тронула пальцами струны и запела первый куплет глупой детской

песни. Служанки дружно присоединились к ней, безудержно веселясь и имитируя хриплые крики животных.

Губы Нефера дрогнули от смеха, но он не мог отказаться от выбранной им позы холодного достоинства. Таита видел, что юноше очень хотелось присоединиться к веселью, но он снова угодил в собственную ловушку.

«Первая любовь – это такая радость», – подумал Таита с сочувственной иронией и, к восторгу всех девушек в другой лодке, с ходу придумал новую версию того, что обезьяна сказала ослу, намного забавнее любой предыдущей. В лодке снова завизжали и восхищенно захлопали в ладоши. Нефер продолжал чувствовать себя исключенным из веселья и хмурился для вида.

С песнями они подъехали к месту высадки на остров. Берег круто обрывался, грязь под ним была черная и липкая. Лодочник прыгнул через борт, уйдя по колено в жижу, и удерживал лодку, пока рабы переносили принцессу и ее служанок через ил на твердую землю на высоком берегу.

Как только их благополучно переправили на берег, подошла царская лодка, и рабы приготовились перенести Нефера к Минтаке на высокий берег. Взмахом руки он властно отстранил их. Он вытерпел достаточно оскорблений для одного утра и не собирался дольше уязвлять свое достоинство, цепляясь для поддержки за пару полуголых мокрых рабов. Он легко балансировал на плоском срезе кормы лодки, и вся компания смотрела на него с уважением, поскольку выглядел он великолепно. Минтака старалась не выдать своих чувств, но подумала, что никого красивее она никогда не видела, его стройное и гладкое мальчишечье тело только начинало обретать крепкие мужественные формы. Даже его надменное, угрюмое лицо приводило ее в восторг.

«Он из того теста, из которого слеплены герои и великие фараоны, – думала она в безудержном романтическом восторге. – Жаль, что я так рассердила его. Шутка была злая, но прежде чем закончится этот день, я заставлю его засмеяться снова, Хатор тому свидетельница».

Нефер перескочил зазор между лодкой и сушей подобно молодому леопарду, прыгающему с ветки дерева акации. Он грациозно приземлился на высоком берегу почти на расстоянии вытянутой руки от того места, где стояла Минтака, и замер, ощущающая на себе все взгляды.

Затем берег под ним рухнул. Участок сухой рыхлой глины, на которой стоял Нефер, провалился у него под ногами. Мгновение мальчик махал руками, пытаясь сохранить равновесие, – и свалился в болото.

Все смотрели на него с ужасом, потрясенные видом царя Египта, с испуганным лицом сидящего по пояс в липкой черной нильской грязи.

Долгие мгновения никто не двигался и не говорил. Затем Минтака засмеялась. Она не хотела этого, но больше не могла сдерживаться и, как только рассмеялась, уже не могла остановиться. Это был чарующий, заразительный смех, и ни одна из ее служанок не устояла. Они разразились веселым визгом и хихиканьем, оттеняющими серьезность охотников и лодочников. Даже Таита присоединился к ним, хохоча без удержу.

Мгновение казалось, что Нефер готов разрыдаться, но затем гнев, который он так долго обуздывал, вырвался наружу. Он зачерпнул горсть густой черной грязи и швырнул ее в смеющуюся принцессу. Унижение придало силу и меткость его руке, в то время как Минтака была совершенно беззащитна в своем веселье и не сумела уклониться ни вниз, ни в сторону. Вся грязь ударила ей в лицо. Смех оборвался, и она уставилась на Нефера огромными глазами из-под стекающей по лицу черной маски.

Настала очередь Нефера смеяться. Все еще сидя в болоте, он запрокинул голову и дал выход своему расстройству и обиде во взрыве насмешливого смеха. Когда фараон смеется, весь мир смеется с ним. Рабы, лодочники и охотники удвоили веселые крики.

Минтака быстро оправилась от неожиданности и внезапно бросилась в атаку с берега. Она обрушилась на Нефера всем своим весом. Нападение было столь неожиданным, что он, не успев даже вдохнуть, полностью скрылся под водой, а Минтака уселась ему на голову.

Он барахтался под поверхностью, пытаясь упереться в грязное дно, но тяжесть принцессы придавила его. Минтака обеими руками обхватила его за шею. Он пытался сбросить девочку, но она была ловкой и скользкой, как угорь, покрытый грязью. С огромным усилием он поднял ее, но успел только высунуть голову и быстро вдохнуть воздух, и она снова утопила его. Ему удалось перевернуться, и он оказался сверху, но требовались огромные усилия, чтобы удерживать ее. Минтака извивалась и пиналась с удивительной силой. Ее туника собралась складками вокруг талии, обнажив гладкие ноги. Принцесса зацепила ногой его ногу и удерживала ее. Молодые люди оказались лицом к лицу, и он почувствовал сквозь скользкую грязь тепло ее тела.

Их грязные лица разделяло всего несколько сантиметров, волосы Минтаки падали ей на глаза, и Нефер поразился, поняв, что она улыбается под маской скользкой грязи. Он улыбнулся в ответ, и оба рассмеялись. Но никто не хотел признавать поражение, и они продолжили борьбу.

Нефер был обнажен до пояса, а рубашка у принцессы настолько влажная и тонкая, будто ее вообще не было. Голые ноги Минтаки по-прежнему обхватывали его. Он протянул руку, чтобы освободиться от их цепкого захвата. Его правая рука нечаянно натолкнулась на упругую круглую ягодицу, двигавшуюся очень энергично.

Нефера охватило странное приятное чувство, заполнившее, казалось, все его тело, и решимость безотлагательно победить принцессу куда-то пропала. Он был доволен тем, что держит ее, позволяя бороться с ним, пока сам наслаждается этим новым и необычным чувством.

Она резко оборвала смех, поскольку, в свою очередь, сделала важное открытие. Между нижними частями их тел выросла выпуклость, которой чуть раньше там не было. Такая упругая и большая, что Минтака не могла не заметить ее раньше. Девочка толкнула бедра вниз, чтобы определить, что это такое, но всякий раз, как она делала это, выпуклость становилась тверже и больше. Это выходило за пределы ее опыта, и в пылу первооткрывательства Минтака повторила движение.

Она и не заметила, что Нефер прекратил отчаянные усилия сдвинуть ее с места и обвил ее левой рукой. Ладонь его правой руки обхватила ее зад, и когда она снова толкнула бедрами вниз, чтобы исследовать выпуклость, Нефер повторил ее движение, скользнув навстречу, и его ладонь подтянула ее еще ближе. Выпуклость тыкалась в Минтаку, словно какое-то маленькое животное, живущее собственной жизнью.

Чувство, охватившее принцессу, явилось для нее полной неожиданностью. Внезапно таинственное существо приобрело такую важность, о которой она до сих пор и не думала. Всю ее переполнило сонное, приятное тепло. Она невольно протянула вниз руку, чтобы схватить зверюшку, поймать, точно котенка или щенка.

Затем ее словно ударили под дых: она вспомнила жуткие рассказы девушек-рабынь об этой вещи и что мужчины ею делали. Во многих случаях ей описывали это в пугающих подробностях. Но до этой минуты она считала эти описания чистыми измышлениями, поскольку они не имели никакого сходства с маленькими отростками, висевшими у ее младших братьев под животами.

В особенности ей вспомнились слова Саак, нумидийской девушки-рабыни: «Вы перестанете попусту тратить время в молитвах Хатор, едва увидите одноглазого бога, когда он сердит».

Минтака вырвалась из объятий Нефера и села в грязи, испуганно глядя на него. Нефер перевернулся, сел и смущенно уставился на нее. Оба задыхались, как если бы закончили изнурительную гонку.

Хохот и смех на высоком берегу медленно стихли – зрители заметили, что происходит что-то не то, – и повисла неловкая тишина. Таита ловко нашел выход:

– Великий, если вы еще немного поплаваете, то сможете предложить прекрасный завтрак любому проплывающему крокодилу.

Нефер вскочил и с хлюпаньем шагнул туда, где сидела Минтака. Он поднял ее на ноги так осторожно, будто она была сделана из тончайшего стекла.

Покрытую илом и мокрую от нильской воды, с грязными спутанными волосами, свисающими на лицо и плечи, служанки увели принцессу, чтобы найти залив с чистой водой, хорошо закрытый тростниками. Некоторое время спустя она вновь появилась, начисто отмытая от малейших следов ила и тины. Служанки принесли с собой смену одежды, поэтому Минтака была великолепна в чистом сухом переднике, вышитом шелком и мелким жемчугом, на ее руках блестели золотые браслеты, а шею украшало ожерелье из бирюзы и цветного стекла. Ее волосы, все еще влажные, были расчесаны и аккуратно заплетены.

Нефер поспешил встретить ее и повел к гигантскому дереву кигелии, где в тени раскидистых ветвей был накрыт роскошный завтрак. Вначале молодая пара держалась скованно и застенчиво, все еще под впечатлением совместно сделанного важного открытия, но скоро их естественное хорошее настроение вновь заявило о себе, и они принялись шутить и болтать, хотя их глаза продолжали встречаться и почти каждое слово, произнесенное ими, было нацелено на другого.

Минтака любила загадывать загадки и вызвала его на состязание. Она усложнила его для Нефера, излагая их на гиксосском языке.

– У меня один глаз и острый нос. Я вновь и вновь прохожу сквозь свою жертву, но от меня нет крови. Что я такое?

– Это легко! – торжествующе засмеялся Нефер. – Швейная игла. – И Минтака подняла руки сдаваясь.

– Фант – закричали девушки-рабыни. – Фараон прав. Фант!

– Песню! – потребовал Нефер. – Но не про обезьяну. Мы достаточно наслушались про нее для одного дня.

– Я спою вам «Песню Нила», – согласилась принцесса, а когда закончила, Нефер потребовал еще одну. – Только если вы поможете мне, великий.

У него был сильный тенор, и всякий раз, когда принц фальшивил, Минтака скрывала его ошибку, и поэтому его голос звучал намного лучше, чем был.

Конечно, Нефер принес с собой свою доску и камни для игры в бао. Таита приучил его любить эту игру, и он стал опытным игроком. Устав от пения, он вовлек Минтаку в игру.

– Вы должны быть со мной терпеливы. Я новичок, – предупредила она, когда он установил доску. Бао была египетская игра, и на сей раз он не сомневался, что превзойдет принцессу.

– Не бойтесь, – подбодрил Нефер. – Я научу вас.

Таита улыбнулся, потому что они с Минтакой несколько часов развлекались игрой в бао во дворце в Бубасти, когда выхаживали ее младшего брата. Через восемнадцать ходов ее красные камни доминировали над западным замком и угрожали его центру.

– Я все сделала правильно? – ласково спросила она.

Нефера спасли крики с берега реки. Взглянув туда, он увидел, как по протоке стремительно двигается галера с развевающимся флагом регента.

– Как жаль. Как раз когда игра становилась интересной. – Он начал проворно упаковывать доску.

– Разве нельзя скрыться от них? – спросила Минтака, но Нефер покачал головой.

– Нас уже увидели. – Он ожидал этого приезда все утро. Рано или поздно регент должен был услышать об этой незаконной прогулке и послать Асмора, чтобы привезти назад его сбежавшего подопечного.

Галера зарылась носом в берег ниже того места, где они сидели. Асмор спрыгнул на берег и направился к ним.

– Регент очень недоволен вашим отсутствием. Он велит вам тотчас вернуться в храм, где вашего внимания ожидают государственные дела.

– А я, господин Асмор, очень недоволен вашей невоспитанностью. – Нефер пытался сохранить часть своего уязвленного достоинства. – Я – не конюх и не слуга, чтобы ко мне обращались в такой манере, а вдобавок вы не выказали уважения принцессе Минтаке. – Но с ним обращались как с ребенком, и с этим ничего нельзя было поделать.

Однако он попробовал сделать хорошую мину при плохой игре и пригласил Минтаку плыть обратно вместе с ним; ее служанки следовали за ними на втором судне. Таита тактично держался на носу, поскольку это была первая возможность молодых людей поговорить наедине. Не совсем уверенный, чего ожидать, Нефер изумился, когда вместо того, чтобы беспокоиться о вежливых любезностях, она немедленно начала обсуждение возможного успеха или провала мирных переговоров между их противостоящими сторонами. Скоро она произвела на него впечатление своей сообразительностью в политике и определенностью мнений.

– Если бы только нам, женщинам, разрешили управлять этим миром, здесь вообще никогда не было бы дурацкой войны, – подвела она итог, но он не мог не возразить. Они оживленно спорили всю обратную дорогу к храму. С точки зрения Нефера, поездка была слишком коротка, и, когда они подошли к причалу, он взял принцессу за руку.

– Я хотел бы увидеть вас снова.

– Я тоже хотела бы этого, – ответила она, не отнимая руки.

– Скоро, – настаивал он.

– Достаточно скоро. – Она улыбнулась и мягко отобрала руку. Глядя, как она идет к храму, он чувствовал себя странно, будто лишался чего-то.

– Мой господин, вы присутствовали на предсказании Лабиринтов Амона Ра. Вы знаете о тяжелой задаче, порученной мне богами. Вы знаете, что я никогда не смогу презреть их особое желание и поэтому предан вашим интересам. У меня была серьезная причина помочь мальчику в том, что, в конце концов, было только безопасным приключением.

Но Нага было не так легко успокоить. Он был все еще разъярен тем, что Нефер ускользнул от Асмора и сумел провести утро в болотах с гиксосской принцессой.

– Как я могу верить этому, когда вы помогали Неферу? Нет! Вы толкнули его на это безумие.

– Господин регент, вы должны понять, сколь важно для нашего предприятия, чтобы я сохранял полное доверие молодого фараона. Если окажется, что я противоречу вашим распоряжениям, это заставит мальчика думать, будто я все еще его человек. И трудная задача, возложенная на меня Лабиринтами, упростится.

Таита дипломатично отклонял все обвинения регента, пока тот не прекратил возмущаться и только желчно ворчал.

– Этого не должно повториться, Маг. Конечно, я верю в вашу преданность. Вы были бы истинным глупцом, выступив против точно выраженных желаний богов. Однако в будущем всякий раз, когда Нефер захочет покинуть свои палаты, его должны сопровождать Асмор и охрана. Я не могу позволить себе потерять его.

– Мой господин, как идут переговоры с Вождем Пастухов? Не мог бы я чем-нибудь помочь вам обеспечить успех в этом деле? – Таита ловко пустил собак по другому следу, и Наг последовал за ними.

– Апепи нездоров. Утром у него был столь сильный приступ кашля, что показалась кровь и ему пришлось покинуть палату переговоров. Но хотя он и не может присутствовать лично, он не позволяет никому другому говорить от его имени, даже господину Троку, которому обычно доверяет. Лишь боги знают, сколько времени пройдет, прежде чем этот огромный медведь

вернется на переговоры. Возможно, нас вынудят потратить впустую не один день или даже не одну неделю.

– Чем болен Апепи? – спросил Таита.

– Не знаю... – Наг осекся на полуслове, поскольку его осенило. – Почему я не подумал об этом прежде? С вашим искусством вы сможете вылечить его от чего угодно. Сейчас же ступайте к нему, Маг, и сделайте все, что в ваших силах.

Подходя к палатам царя, Таита услышал во внутреннем дворе голос Апепи. Он походил на рычание черногривого льва, пойманного в западню, и стал еще громче, когда Таита вошел. Когда он переступал порог, его чуть не сбили три жреца Осириса, в страхе убегающие от царя; тяжелая бронзовая чаша врезалась в пол. Ее бросил через комнату гиксосский царь, сидевший голым посреди палаты на куче мехов и скомканных простыней.

– Где вы были, Чародей? – проревел он, едва завидев Таиту. – Я перед рассветом послал Трока найти вас. Почему вы явились спасти меня от этих адских жрецов с их воняющими ядами и горячими клещами только в середине дня?

– Я не видел Трока, – объяснил Таита, – но прибыл, как только господин Наг сказал мне, что вы нездоровы.

– Нездоров? Нездоров! Чародей, я на грани смерти.

– Позвольте посмотреть, что можно сделать для вашего спасения.

Апепи перевернулся на волосатый живот, и Таита увидел у него на спине ужасную фиолетовую опухоль размером с два царских кулака. Когда Маг легонько коснулся ее кончиком пальца, Апепи снова взревел и облился потом.

– Легче, Таита. Вы так же ужасны, как все жрецы Египта, вместе взятые.

– Как она появилась? – Таита сделал шаг назад. – Какие были симптомы?

– Началось с ужасной боли в груди. – Апепи показал. – Потом я начал кашлять, и боль стала острее. Я чувствовал, как что-то двигается здесь, а потом боль, казалось, переместилась в спину и там вылезла эта шишка. – Он протянул руку через плечо, коснулся опухоли и снова застонал.

Прежде чем продолжить, Таита приготовил настой из красного шепенна, сонного цветка. Этот настой свалил бы и слоненка, но хотя взгляд Апепи поплыл, а речь стала нечленораздельной, он все еще оставался в сознании. Таита вновь ощупал опухоль, и царь застонал, но больше не сделал ничего.

– Глубоко в вашем теле находится какое-то инородное тело, мой господин, – заявил он наконец.

– Неудивительно, Чародей. Злые люди, большинство из них египтяне, втыкали инородные тела в мою плоть, с тех пор как я последний раз высосал жидкую кашу, данную мне няней.

– Я бы подумал, что это наконечник стрелы или лезвие, но нет никакой входной раны, – размышлял Таита.

– Открой глаза, парень. Я покрыт ими. – Волосатое тело царя действительно было сплошь покрыто старыми боевыми шрамами.

– Я собираюсь разрезать ее, – предупредил его Таита.

Апепи зарычал:

– Сделайте это, Чародей, и прекратите тявкать.

Пока Таита выбирал в своем ящике бронзовый скальпель, Апепи поднял с пола толстый кожаный пояс и сложил вдвое. Он сжал его зубами и приготовился к ножу.

– Сюда! – позвал Таита стражников от двери. – Подойдите и держите царя.

– Убирайтесь, ослы! – отменил Апепи приказ. – Мне пока никто не нужен, чтобы держать меня.

Таита встал над ним, вычислил угол и глубину разреза, затем сделал одно быстрое и глубокое рассечение. Апепи испустил сквозь зубы приглушенный рев, но не шелохнулся. Таита отступил: из раны вырвался фонтан темной крови и густого желтого гноя. Тошнотворное зловоние наполнило палату. Таита отложил скальпель и вставил указательный палец глубоко в рану. Кровь пузырилась вокруг него, но он почувствовал на дне разреза что-то твердое и острое. Он взял щипцы из слоновой кости, которые ранее положил под рукой, и стал опускать их в разрез, пока не почувствовал, что конец задел что-то твердое.

Апепи перестал стонать и лежал без движения, только мышцы его спины непроизвольно подрагивали. Он с громким сопением и хрипом дышал через нос. С третьей попытки Таита захватил объект щипцами и тянул, пока не почувствовал, что тот тронулся. Тогда он начал вытягивать его к поверхности. Предмет вышел наружу – последний дюйм с потоком гноя и осколков, – и Таита повернул его так, чтобы на него упал свет из окна.

– Наконечник стрелы, – объявил он, – и находился там долгое время. Поразительно, что он не убил вас много лет назад.

Апепи выплюнул пояс и сел, посмеиваясь.

– Клянусь волосатыми яичками Сеуета, я узнаю эту маленькую игрушку. Один из ваших разбойников всадил ее в меня в Абнубе десять лет назад. Тогда мои хирурги сказали, что она так близко к сердцу, что ее не достать, поэтому оставили ее внутри, и я носил ее с тех пор.

Он взял кремневый треугольник из окровавленных пальцев Таиты и собственнически улыбнулся.

– Я чувствую себя будто мать с первенцем. Я прикажу сделать из него амулет и буду носить его на шее на золотой цепи. Вы можете наложить на него заклятие? Это отведет от меня другие стрелы. Как вы думаете, Чародей?

– Я уверен, он будет очень действенным, мой господин. – Таита набрал в рот горячего вина с медом из чаши, которую приготовил, и при помощи полой медной трубки промыл рану от гноя и крови, впрыскивая вино глубоко в разрез.

– Какая трата хорошего вина, – сказал Апепи, поднял чашу обеими руками и осушил остаток содержимого. Он швырнул чашу в дальнюю стену и рыгнул. – А сейчас, в награду за услуги, я расскажу вам забавную историю, Чародей, – она вернет нас к нашей последней беседе на вершине башни в Бубасти.

– С предельным вниманием ловлю каждое ваше слово. – Таита склонился над ним, перевязывая открытую рану полосами льняной ткани, бормоча при этом заклинание на закрытие ран:

Я перевязываю тебя, творение Сета.
Я закрываю твой красный рот, творение великого зла.

Апепи вдруг перебил:

– Трок предложил мне лакх золота в качестве брачного выкупа за Минтаку.

Руки Таиты замерли. Он стоял с полосой ткани, наполовину обмотанной вокруг бочкообразной груди Апепи.

– Что вы ответили на это, великий?

Он так встревожился, что царский титул сорвался с его уст прежде, чем он сумел сдержаться. События принимали опасный и непредвиденный оборот.

– Я сказал ему, что выкуп за невесту составляет пять лакхов. – Апепи усмехнулся. – Этот пес так хочет мою маленькую сучку, что его зуб, восстав, застит ему глаза и ослепляет, но, несмотря на все, что он украл у меня за эти годы, даже ему никогда не набрать пяти лакхов. – Он снова рыгнул. – Не волнуйтесь, Чародей, Минтака слишком ценна, чтобы бросить ее впустую

кому-то вроде Трока, когда я могу с ее помощью привязать как цепью к моему царству вашего маленького фараона.

Он встал и поднял плотную мускулистую руку, пытаясь заглянуть под нее и увидеть свою перевязанную спину, будто старый петух, сунувший голову под крыло.

– Вы превратили меня в мумию прежде времени, – засмеялся он, – но это хорошая работа. Идите и скажите своему регенту, что я готов рискнуть и снова вдохнуть запах его духов и что через час я встречусь с ним в палате переговоров.

Нага смягчил успех Таиты и его сообщение от Апепи. Любое подозрение насчет вероломности Таиты, которое у него, возможно, возникло, было зачеркнуто.

– Этот старый негодяй Апепи почти созрел, – злорадствовал Наг. – Он готов сделать даже больше уступок, чем сознает, вот почему я так сердился, когда он прервал переговоры и удалился к своему ложу. – Он так восхищался собой, что не мог усидеть на месте, вскочил и начал мерить шагами каменный пол. – Как он, Маг? Вы дали ему какое-нибудь зелье, которое в силах затуманить его разум?

– Я дал ему столько, что это свалило бы с ног дикого быка, – заверил Таита.

Наг прошел к своему косметическому ящику, налил из зеленого стеклянного пузырька в ладонь духов и провел ею по затылку.

– Что ж, я использую это в полной мере. – Он пошел к двери, затем оглянулся через плечо. – Идите со мной, – приказал он. – Возможно, ваши способности мне понадобятся прежде, чем я закончу с Апепи.

Добиться от Апепи подписания договора оказалось не столь легкой задачей, как мнилось Нагу. Не было заметно никакого неблагоприятного воздействия ни раны, ни лекарства, и он разглагольствовал, крича и ударяя сжатым кулаком по столу еще долго после того, как сторож на стене храма криком возвестил полночь.

Никакой компромисс, предлагаемый Нагом, не казался ему подходящим, и наконец даже Таиту утомила его непримиримость. Наг отложил переговоры и под крики петухов во внутреннем дворе отправился спать.

На следующий день, когда в полдень они снова встретились, Апепи не стал более податливым для доводов, и переговоры пошли еще более бурно. Таита использовал все свое влияние, чтобы успокоить его, но Апепи очень медленно поддавался уговорам. Поэтому лишь на пятый день писцы смогли начать записывать условия договора на табличках из глины иератическим письмом и иероглифами, на египетском языке и в переводе на гиксосский. Они трудились до поздней ночи.

До тех пор Наг не допускал фараона Нефера Сети на тайные совещания. Он продолжал заниматься своими обычными делами: уроками с наставниками, занятиями с оружием, встречами с послами и делегациями торговцев и жрецов, которые все просили уступок или пожертвований. В конце концов Нефер взбунтовался, и тогда Наг отправил его охотиться с соколом с младшими сыновьями Апепи. Эти вылазки оказались не самыми приятными, и первый день закончился громким спором о добыче, чуть не приведшим к драке.

На второй день по предложению Таиты к группе охотников с соколом присоединилась принцесса Минтака, чтобы играть роль миротворца между двумя партиями. Даже ее старшие братья относились к ней с немалым уважением и подчинялись ей, когда в другом случае могли бы выхватить оружие и броситься громить египтян. Подобным же образом, когда Минтака ехала рядом с Нефером в его охотничьей колеснице, его воинственные инстинкты засыпали. Он обращал мало внимания на угрозы и хвастовство ее неотесанных братьев и наслаждался остроумием и эрудицией принцессы, не говоря уже о ее близком присутствии. В ограниченном простран-

стве колесницы, когда та подскакивала на неровной земле, преследуя убегающие стада газелей, их часто бросало друг на друга. Иногда Минтака хваталась и держалась за него, даже когда непосредственная опасность исчезала.

Вернувшись в храм после первой охоты, Нефер послал за Таитой, якобы желая описать ему дневное развлечение, но был рассеян и отвлечен. Даже когда Таита спросил его о работе его любимого сокола, Нефер не выказал никакого воодушевления. Пока внезапно не заметил мечтательно:

– Разве тебя не удивляет, Таита, до чего девушки мягкие и теплые?

К утру шестого дня писцы закончили работу; пятьдесят таблиц договора были готовы для подписания. Теперь Наг послал за фараоном, чтобы тот принял участие в заседании. Точно так же на церемонии должно было присутствовать все потомство Апепи, включая Минтаку.

Снова внутренний двор храма заполнило блестящее собрание царственных и благородных особ, и наконец царский герольд громоподобным голосом начал зачитывать текст договора. Нефер был тотчас поглощен его содержанием. Они с Минтакой подробно обсуждали его в течение нескольких дней, проведенных вместе, и обменивались многозначительными взглядами всякий раз, когда думали, что обнаружили недостаток или оплошность в условиях. Однако их было немного, и Нефер был уверен, что заметил во многих частях длинного документа тайное влияние Таиты.

Наконец пришло время прикреплять печати. Затрубили в бараньи рога, и Нефер прижал свой картуш к влажной глине. Апепи сделал то же самое. Нефера разозлило то, что гиксосский царь присвоил полномочия фараона, приняв священный картуш.

Наг с загадочным выражением лица под толстым слоем косметики наблюдал, как новые соправители двух царств обнялись. Апепи по-медвежьи облапил стройную фигуру Нефера, и собравшиеся разразились громкими криками: «Бак-кер! Бак-кер!» Солдаты гремели оружием о щиты или ударяли концами пик и копий о каменные плиты.

Нефер едва не задохнулся: от Апепи сильно пахло немытым телом. Одним из египетских обычаев, отвергнутых гиксосами, было поддержание личной гигиены. Нефер утешал себя мыслью, что если ему запах противен, то Нага, когда царь выразит свою любовь ему, должно ожидать потрясение. Он мягко освободился из рук своего соправителя, но Апепи, заботливо глядя на фараона сияющим взглядом, положил волосатую лапу на его плечо. Затем он повернулся к переполненному внутреннему двору.

– Подданные могущественной страны, которая вновь объединилась, я заверяю вас в моих почтении и любви к родине. В залог этого я предлагаю руку моей дочери, принцессы Минтаки, фараону Неферу Сети, моему соправителю по Египту. Фараон Нефер Сети, делящий со мной двойную корону Верхнего и Нижнего Царств, должен стать моим сыном, а его сыновья станут моими внуками!

Все присутствующие во внутреннем дворе на долгое мгновение замерли, осознавая это потрясающее заявление. Затем разразились еще более восторженными криками одобрения, грохот оружия и топот сандалий стали оглушительными.

Выражение лица фараона Нефера Сети у любого другого смертного назвали бы глупой ухмылкой. Он пристально смотрел через внутренний двор на Минтаку. Она замерла, одной рукой прикрыв рот, как если бы не дала себе вскрикнуть или завизжать, и широко открытыми от удивления глазами пристально глядела на отца. Темный румянец медленно залил ее лицо и, застенчиво глянув в сторону Нефера, она встретилась с ним глазами. Они пристально смотрели друг на друга, будто в переполненном внутреннем дворе не было никого больше.

Таита наблюдал за всем этим от подножия трона фараона. Он понял, что Апепи мастерски выбрал время для своего заявления. Теперь никто – Наг, Трок или кто-нибудь другой – никак не могли бы встать на пути брака.

Таита стоял близко к трону Нага. Под своей косметикой регент явно был в глубоком замешательстве, ясно сознавая собственное затруднительное положение. Если Нефер женится на принцессе, он окажется вне досягаемости Нага. Регент видел, как двойная корона выскальзывает у него из рук. Наг, должно быть, ощутил взгляд Таиты, поскольку поглядел в его сторону. Мгновение Таита глядел ему в душу, и это было все равно что смотреть в сухой колодец, заполненный живыми кобрами, в честь которых назвали регента. Затем Наг отвел жестокие желтые глаза, прохладно улыбнулся и кивнул в знак согласия и одобрения, но Таита знал, что тот яростно соображает. Однако мысли регента были настолько быстры и сложны, что даже он не мог следовать за ними.

Таита повернул голову и поискал в рядах гиксосов напротив крупную фигуру господина Трока. В отличие от регента Трок не старался скрыть свои чувства. Его обуревал яростный гнев. Его борода словно бы встопорщилась, а лицо налилось кровью. Он открыл рот, будто хотел выкрикнуть оскорбление или протест, затем закрыл его, положил руку на рукоять меча и сдавил ее так, что костяшки пальцев побелели. На мгновение Таите показалось, что он сейчас вытянет его и бросится через внутренний двор к стройной фигуре Нефера. С огромным усилием он вернул самообладание, пригладил бороду, затем резко повернулся и стал проталкиваться прочь из внутреннего двора. Вокруг царила такая суматоха, что почти никто не заметил его ухода. Только Апепи наблюдал за ним с циничной улыбкой.

Когда Трок скрылся за высокими гранитными столбами Хатор, Апепи убрал руку с плеча Нефера и направился к трону Нага. Он легко поднял регента с подушек и обнял даже энергичнее, чем фараона. Прижав губы к уху Нага, он тихо прошептал:

– Больше никаких египетских хитростей, мой душистый цветок, или я затолкаю их в твою задницу так глубоко, насколько достанет моя рука.

Он усадил Нага обратно на подушки, а сам сел на трон, который поставили рядом для него. Наг побледнел и поднес к носу льняную подушечку, пропитанную духами, собираясь с мыслями. Волна за волной по внутреннему двору проносились аплодисменты. Когда они замерли, Апепи хлопнул огромными лапами по подлокотникам трона, чтобы поощрить всех к новым усилиям, и приветствия зазвучали снова – без конца. Он наслаждался чрезвычайно и поддерживал их, пока все почти не обессилели.

С короной дешрет Нижнего Египта на голове его фигура была здесь главной. Рядом с ним Нефер, даже в высокой короне хеджет, казался простым подростком. В конце концов, когда затихла последняя вспышка рукоплесканий, Наг поднялся и поднял вверх обе руки. Наконец опустилась благодарная тишина.

– Пусть выйдет святая дева!

Верховная жрица вывела из-за резного алтаря процессию служительниц и направилась к двойному трону. Перед нею две жрицы несли короны пшент двойного царства. Хор храма пел восхваление богине, а почтенная старуха тем временем сняла короны с голов соправителей и заменила их двойными коронами, что означало воссоединение Египта. Затем дрожащим голосом она произнесла благословение двум фараонам и новой стране и удалилась в глубины храма. Последовало короткое колебание – ведь церемония воссоединения происходила впервые в длинной истории Египта и не было никаких установленных протоколов, чтобы им следовать.

Наг ловко воспользовался этой возможностью. Он снова поднялся и встал перед Апепи.

– В этот благоприятный и счастливый день мы радуемся не только воссоединению двух царств, но и помолвке фараона Нефера Сети и прекрасной принцессы Минтаки. Да будет известно повсюду в двух царствах, что их бракосочетание состоится в этом храме в тот день, когда фараон Нефер Сети отпразднует свое совершеннолетие или выполнит одно из условий, подтверждающих его притязания на корону и собственное единоличное правление без регента, который бы защищал его и советовал ему.

Апепи нахмурился, и лицо Нефера выразило тревогу, но было слишком поздно. Это объявление было сделано публично, и, как регент, Наг говорил от лица обеих коронованных особ. Если Нефер не поймает собственную божественную птицу или не преуспеет на Красной Дороге, таким образом подтвердив свои притязания на трон, то Наг успешно отодвинет заключение брака на много лет.

«Мастерский удар», – горько подумал Таита, одновременно восхищаясь политической сообразительностью Нага. Регент молниеносным размышлением и своевременным вмешательством отвел от себя бедствие. Сейчас, когда его противники были выведены из равновесия, он пошел еще дальше.

– Точно так же я счастлив объявить, что приглашаю фараона Апепи и фараона Нефера Сети отпраздновать мой собственный брак с принцессами Гесерет и Мерикарой. Эта радостная церемония состоится через десять дней от этого дня, в первый день праздника Исиды Восходящей в храме Исиды в городе Фивы.

«Таким образом, через десять дней господин Наг станет членом царского семейства Тамосов и следующим в порядке престолонаследия после фараона Нефера Сети, – подумал Таита мрачно. – Теперь мы точно знаем, кто был коброй в гнезде царского сокола на утесах Бир-Умм-Масары».

В соответствии с условиями договора Хатор местопребывание Апепи сохранялось в Аварисе, а Нефера Сети в Фивах. Каждый управлял своим прежним царством, но как соправитель. Дважды в год, в начале и конце разлива Нила, обоим царям следовало собирать в Мемфисе объединенное царское судебное разбирательство, где бы рассматривались все дела, касающиеся двух царств, принимались новые законы и подавались прошения.

Однако прежде чем оба фараона должны были расстаться, чтобы отправиться в соответствующие столицы, Апепи и его свите следовало проплыть вверх по реке в компании с флотом Нефера Сети к Фивам, чтобы посетить двойную свадьбу господина Нага.

Одновременная посадка обеих свит на причале ниже храма оказалась сложным и запутанным делом, занявшим большую часть утра. Таита смешался с толпой лодочников и грузчиков, рабов и важных пассажиров. Даже его поразили горы личного багажа и прочих вещей, сложенные на берегу в ожидании погрузки на легкие суда, фелюги и галеры. Вместо того чтобы ехать обратно по долгой и неровной дороге вниз по реке, солдаты и Фив, и Авариса разобрали свои колесницы на части и грузили их и лошадей на легкие суда. Это усугубляло беспорядок на берегу реки.

На этот раз Таита не был центром внимания: работа полностью занимала всех. Иногда кто-нибудь отрывался от своего занятия, узнавал его и просил благословения, или женщина приносила ему больного ребенка полечить. Однако он постепенно продвигался по берегу, незаметно высматривая колесницы и снаряжение отряда господина Трока. Он узнал их по зеленым и красным флагам и, когда приблизился, увидел среди солдат фигуру Трока, которую ни с кем нельзя было спутать. Таита подошел ближе и увидел, что тот, стоя у груды снаряжения и оружия, отчитывает своего копьеносца:

– Глупый бабуин, как ты упаковал мой набор оружия? Вон мой любимый лук, лежит там брошенный. Какой-нибудь чурбан проедет по нему на лошади. – Его настроение не улучшилось со вчерашнего дня, и он зашагал вдоль причала, хлеща кнутом любого, кому не посчастливилось попасться ему на пути. Таита видел, как Трок остановился, чтобы поговорить с одним из своих сержантов, а затем пошел по дорожке к храму.

Как только он скрылся, Таита подошел к его копьеносцу. Солдат, раздетый до набедренной повязки и сандалий, нагнулся над одним из ящиков со снаряжением Трока, поднял его и поша-

тываясь понес к ожидавшему судну. Таита четко различил на его голой спине круглую сыпь стригущего лишая. Копьеносец передал ящик лодочнику на палубе галеры и пошел обратно. Только тогда он заметил Таиту, стоявшего поблизости, и коснулся груди сжатым кулаком, с уважением приветствуя его.

– Подойди сюда, солдат, – окликнул его Таита. – Давно у тебя зудит спина?

Парень инстинктивно завел руку за спину и почесал между лопатками так энергично, что появилась кровь.

– Эта проклятая штука беспокоит меня с тех пор, как мы захватили Абнуб. Думаю, это подарок от одной из грязных египетских шлюх... – Он виновато замолчал. Таита понял, что он имеет в виду женщину, которую изнасиловал после захвата города. – Простите меня, Чародей, мы теперь – союзники и соотечественники.

– Именно поэтому я позабочусь о твоей беде, солдат. Пойди в храм, попроси на кухне кувшин сала и принеси его мне. Я смешаю для тебя мазь. – Таита сел на груду багажа и снаряжения Трока, а копьеносец поспешно ушел по песку. Среди багажа были три военных лука – Трок был несправедлив в своих обвинениях, потому что тетива с каждого лука была снята и все они были тщательно обернуты куском кожи.

Таита сидел на сложенных деревянных ящиках – не случайно, поскольку он увидел на верхнем ящике печать Гриппы, мастера по изготовлению луков и стрел из Авариса, делающего стрелы для всех высших гиксосских военачальников. Таита помнил, как обсуждал работу Гриппы с Минтакой. Он вынул из ножен под своим хитоном маленький кинжал, разрезал шнур, которым была привязана крышка, и поднял ее. Слой сухой соломы покрывал стрелы, лежавшие под ней попеременно, кремневый наконечник одной рядом с яркими красными и зелеными перьями другой. Таита взял одну из них и покрутил в пальцах.

Ему в глаза бросилась вырезанная печать – стилизованная голова леопарда с иератической буквой Т в рычащих челюстях. Стрела была идентична тем, что он нашел в колчане на месте убийства фараона. Это была последняя нить в ткани измены и предательства. Наг и Трок были неразрывно связаны кровавым заговором, о котором он пока мог еще только строить предположения.

Таита спрятал обвиняющую стрелу в складках своего хитона и закрыл крышку ящика. Затем снова ловко привязал шнур и стал ждать возвращения копьеносца.

Старый солдат многословно благодарил Таиту за лечение, а затем стал умолять о следующей милости:

– У моего друга египетская язва в тайном месте, Маг. Как ему помочь? – Таиту всегда забавляло, что гиксосы называли эту болезнь египетской язвой. Всегда оказывалось, что никто никогда не болел ею сам, но имел друга, страдающего от болезни.

Свадебная церемония и пир в честь брака господина Нага и двух принцесс дома Тамоса были невиданно щедрыми. Таита решил, что блеском они далеко превосходят любые из прежних, например фараона Тамоса или его отца, фараона Мамоса, божественных сыновей Ра, да живут они вечно.

Обычным жителям Фив господин Наг выдал пятьсот голов лучших быков, два судна проса из государственных зернохранилищ и пять тысяч больших глиняных горшков лучшего пива. Пиршество продолжалось неделю, но даже голодные рты Фив не смогли поглотить такое количество еды за столь короткое время. Остатки проса и мяса, которое они закоптили, чтобы сохранить, кормили потом город в течение многих месяцев. Пиво, однако, было другое дело: его выпили в первую неделю.

Свадьбу отпраздновали в храме Исиды в присутствии обоих фараонов, шестисот жрецов и четырех тысяч приглашенных гостей. Когда вошли в храм, каждый гость получил в подарок па-

мятный резной драгоценный камень или слоновую кость, аметист, коралл или какой-нибудь другой драгоценный камень с именем гостя, выгравированным на нем между именами регента и его невест.

Обе невесты прибыли на встречу с женихом в парадной повозке, которую тянули священные белые горбатые волы, управляемые голыми погонщиками-нубийцами. Дорога была усыпана пальмовыми листьями и цветами, а перед свадебной повозкой ехала колесница, с которой разбрасывали серебряные и медные кольца безумно счастливым толпам, стоявшим вдоль дороги. Их восторженность в немалой степени была следствием щедрости господина Нага в отношении пива.

Девочки были одеты в тончайшую белую, как облако, льняную ткань; младшая, Мерикара, почти сгибалась под грузом золота и драгоценностей, покрывавших ее маленькое тело. Слезы прорезали канавки в сурьме и краске для век. Гесерет сильно сжимала ее руку, пытаясь успокоить.

Когда они достигли храма и вышли из парадной повозки, их встретили оба фараона. Нефер прошептал Мерикаре, когда повел ее в неф храма:

– Не плачь, котенок. Никто не причинит тебе вреда. Ты вернешься в детскую раньше, чем придет пора ложиться спать.

Чтобы заявить протест против брака сестер, Нефер попробовал уклониться от обязанности вести младшую сестру в святилище, но Таита отговорил его.

– Мы тут бессильны, хотя ты знаешь, как мы старались. Наг настроен решительно. Будет жестоко с твоей стороны, если тебя не окажется там, чтобы успокоить малышку в этот самый устрашающий миг ее короткой жизни.

Нефер неохотно согласился.

Сразу за ними Апепи вел Гесерет. В своих снежно-белых одеждах и блестящих драгоценностях она была прекрасна, как райская нимфа. Месяцы назад она примирилась с участью, которую боги назначили ей, и ее первоначальная тревога и ужас медленно уступили место любопытству и тайному ожиданию. Господин Наг так великолепно выглядел, и ее няни, служанки и подружки жадно и подробно обсуждали его, бесконечно указывая на его видимые достоинства и с тихим хихиканьем рассуждая о скрытых одеждой срамных частях.

Возможно, вследствие этих обсуждений Гесерет недавно начала видеть странные сны. В одном из них она бежала нагишом через пышный сад на берегу реки, преследуемая регентом. Когда она оглянулась, то увидела, что он тоже наг, но человек только до пояса. Ниже он был лошадью, точно как любимый жеребец Нефера, Звездочет. Когда Звездочет был с кобылами, она часто видела его в таком же удивительном состоянии, какое сейчас демонстрировал регент, и ее всегда странно трогало это зрелище. Однако когда регент догнал ее и протянул покрытую драгоценностями руку, чтобы схватить, сон резко прервался, и она обнаружила, что сидит, вытянув ноги, на матраце. Неосознанно она протянула руку и коснулась себя внизу. Пальцы стали влажными и скользкими. Она так встревожилась, что не смогла снова уснуть и вернуться в сон, в то место, где он прервался, хотя изо всех сил старалась сделать это.

Она хотела узнать, чем закончится этот захватывающий сон. Наутро она была беспокойной и раздражительной и обрушила свое плохое настроение на всех вокруг. С этого времени ее девичий интерес к Мерену начал слабеть. Все равно она редко видела его в эти дни: после гибели дедушки Мерена от рук господина Нага его состояние было конфисковано и семейство попало в немилость. Она поняла, что он стал бедняком, рядовым солдатом без покровительства и перспектив. Общественное положение господина Нага почти соответствовало ее положению, а его состояние значительно превосходило ее собственное.

Сейчас, когда Апепи вел ее по длинной гипостильной галерее храма к святилищу, она держалась скромно и целомудренно. Господин Наг ждал там невесту, и хотя он был окружен при-

дворными и боевыми командирами в прекрасных нарядах и великолепных форменных костюмах, Гесерет глядела только на него одного.

На нем был головной убор из перьев страуса в подражание богу Осирису, и он был выше даже Асмора и господина Трока, стоявших по краям. Приблизившись к нему, Гесерет ощутила запах его духов. Это была смесь цветочных эссенций из страны, лежащей за Индией, также содержавшая драгоценную амбру, которую очень редко находили на побережье как знак щедрости богов океанских глубин. Аромат взволновал ее, и она взялась за руку, которую Наг без колебания предложил ей, и взглянула в его обворожительные желтые глаза.

Когда Наг предложил другую руку Мерикаре, та громко разрыдалась, Неферу больше от нее ничего не удалось добиться, несмотря на то что он успокаивал ее. В течение долгой церемонии, последовавшей затем, она время от времени тихо плакала.

Когда наконец господин Наг разбил кувшины с нильской водой, отмечая кульминацию церемонии, толпа изумленно вздохнула: вода великой реки, на берегу которой стоял храм, приобрела ярко-синий цвет. За первым изгибом реки Наг приказал поставить на якорь от берега до берега цепь барок, и по сигналу, переданному с крыши храма, с них опрокинули в воду кувшины с краской. Эффект был потрясающий, потому что синий был цветом династии Тамос. Наг объявлял миру о своей новой связи с фараонами.

Наблюдая с крыши западной части храма, Таита увидел, как река изменила цвет, и вздрогнул от предчувствия беды. Ему показалось, что на мгновение солнце в высоком египетском небе померкло, и в тот же миг синие воды реки окрасились в цвет крови. Но когда он взглянул вверх, там не оказалось ни облака, ни стаи птиц, которые могли бы затенить солнечные лучи, а когда он посмотрел вниз, вода в реке снова была лазурно-синей.

Теперь Наг породнился с царской кровью, и Нефер лишен даже этой защиты. Я – его единственный щит, но я – один и стар. Хватит ли мне сил отогнать кобру от неоперившегося сокола? Дай мне твою силу, божественный Гор. Ты был моим щитом и моим копьем все эти годы. Не оставь меня сейчас, могущественный бог.

Господин Наг и две его новые жены в царственном великолепии ехали обратно к воротам дворца по священной дороге, охраняемой рядами гранитных львов. Там они сошли с повозки и двинулись во главе процессии через сады к пиршественному залу. Большинство гостей прибыли раньше и пробовали вино из виноградников храма Осириса. Когда свадебная процессия вошла, шум стал оглушителен. Наг вел под руки обеих своих молодых жен. Трио с достоинством проследовало через толпу и бегло осмотрело соответствующие такому важному случаю груды подарков, сложенных посреди пиршественного зала. Апепи прислал колесницу, покрытую золотым листом. Она так блестела, что даже в слабо освещенном зале было трудно смотреть на нее прямо. Из Вавилона царь Саргон прислал сто рабов, и каждый из них держал ларец из сандалового дерева, наполненный ювелирными изделиями, драгоценными камнями или золотыми сосудами. Рабы преклонили колени перед регентом и сложили к его ногам свою ношу. Наг коснулся каждого ящика в знак того, что дар принят. Фараон Нефер Сети по предложению господина Нага передал своему шурину пять обширных поместий на берегу реки.

Писцы вычислили, что все эти сокровища стоили более трех лакхов чистого золота. Регент теперь был почти так же богат, как его фараон.

Когда супружеское трио заняло свои места во главе свадебного стола, дворцовые повара накрыли для них и их гостей пиршественный стол, на который тысяча рабов поставила сорок различных блюд. Там были хоботы слонов, языки буйволов и филе нубийской горной козы, мясо дикого кабана и бородавочника, газели и нубийского каменного козла, варана и питона, крокодила и гиппопотама, волов и овец. Были поданы все виды нильской рыбы, от усатого сома, чья

плоть истекала густым желтым жиром, до беломясого окуня и леща. С северного моря быстрой речной галерой из дельты были доставлены тунец, акула, групер, лангуст и краб. Птиц воздуха, среди них и лебедей-шипунов, три вида гусей, многочисленные разновидности уток, а также жаворонков, дрофы, куропаток и перепелов зажарили, испекли на решетке, замариновали в вине или диком меде или начинили травами и специями с Востока. Ароматный дым и запахи готовящейся пищи вдыхали толпы нищих и простых людей у ворот дворца и те, кто столпился на противоположном берегу реки или заполнял фелюги на середине реки, соперничая за возможность поглядеть на празднество поближе.

Для увеселения гостей позвали музыкантов и жонглеров, акробатов и дрессировщиков. Взбешенный шумом, один из огромных бурых медведей порвал цепь и убежал. Группа гиксосской знати во главе с господином Троком преследовала его через сады с пьяными криками и убила испуганное животное на берегу реки.

Царя Апепи до того возбудили гибкость и атлетизм двух ассирийских женщин-акробаток, что он схватил обеих под мышку и унес, пинающихся и визжащих, с площадки для танцев в свои палаты. Вернувшись, он поведал Таите:

– Одна из них, та симпатичная с длинными кудрями, оказалась мальчиком. Я так удивился, когда обнаружил, что на самом деле у него между ног, что чуть не позволил ему убежать. – Он громко захохотал. – К счастью, ему не удалось сбежать, поскольку он оказался аппетитнее подружки.

К вечеру большинство гостей напились или так набили живот, что немногие могли держаться на ногах, когда господин Наг и его невесты удалились. Как только они вошли в жилую часть дворца, Наг приказал, чтобы няни увели Меркару в ее палату.

– Обращайтесь с ней поласковее, – предупредил он. – Бедный ребенок спит на ходу.

Затем он взял Гесерет за руку и повел в свои роскошные палаты, окнами выходившие на реку. Темные воды Нила были усыпаны отражениями золотых звезд.

Едва они вошли в палату, служанки Гесерет увели ее за бамбуковую ширму, чтобы снять с нее свадебное платье и драгоценности.

Брачное ложе было покрыто овчиной, выбеленной до чистейшего цвета. Господин Наг тщательно осмотрел ее и, убедившись в ее чистоте, вышел на террасу и глубоко вдохнул прохладный речной воздух. Раб принес ему чашу вина с пряностями, и он благодарно потягивал его. Это была первая чаша, которую он позволил себе за весь вечер. Наг знал, что одна из самых важных тайн выживания состоит в том, чтобы в присутствии врагов держать ум ясным. Он наблюдал, как все прочие гости напивались до жалкого состояния. Даже Трок, к которому он питал такое большое доверие, уступил своей животной природе – последний раз, когда Наг видел родича, того обильно рвало в чашу, которую держала перед ним симпатичная ливийская девушка-рабыня. Закончив, Трок вытер рот набедренником девушки, затем задрал его рабыне на голову, повалил девушку на травяной газон и оседлал сзади. Утонченная натура Нага была оскорблена этим зрелищем.

Он вернулся в палату, когда в нее вошли два раба, с трудом несшие котел горячей воды, в котором плавали лепестки лотоса. Наг поставил винную чашу и пошел искупаться. Один из рабов вытер и заплел его волосы, другой принес ему чистую белую одежду. Наг отпустил их и вернулся к брачному ложу. Затем он лег на него, вытянув длинные, изящные руки и ноги, и положил голову на инкрустированный золотом подголовник из слоновой кости.

В дальнем конце палаты послышался шелест одежды и женский шепот. Он узнал хихиканье Гесерет, и это возбудило его. Приподнявшись на локте, он посмотрел на бамбуковую ширму.

Вырезы в ней были достаточно велики, так что он мог видеть дразнящие проблески бледной гладкой кожи.

Власть и политические устремления были главными причинами этого брака, но не единственными. Хотя Наг по складу характера был воином и авантюристом, он был сладострастен и чувственен по природе. В течение многих лет он тайно наблюдал за Гесерет, и его интерес к ней возрастал с каждым этапом ее движения к женственности; с раннего детства до застенчивого девичества и затем в тот дразнящий период, когда ее маленькие груди увеличились и детский жир стаял, оставив ее тело тонким и изящным. Изменился и ее запах: всякий раз, когда она была близко, он ощущал слабый сладкий мускусный запах женственности, который приводил его в восторг.

Однажды во время охоты с соколом Наг наткнулся на Гесерет и двух ее подруг, собиравших цветы лотоса, чтобы сплести из них гирлянды. Она взглянула на него, когда он стоял над ними на берегу реки; ее влажный набедренник лип к ногам, так что кожа просвечивала сквозь тонкое полотно. Гесерет отвела волосы со щек невинным жестом, который, однако, был чрезвычайно эротичным. Хотя ее лицо оставалось серьезным и целомудренным, потупленные глаза намекали на скрытое в ней сладострастие, которое очаровало его. Это длилось всего мгновение; затем она позвала подруг и побежала к берегу и дальше через травяной луг к дворцу. Он смотрел на ее мелькающие длинные мокрые ноги, на круглые ягодицы, подрагивающие и меняющие форму под льняным набедренником, и внезапно его дыхание стало неглубоким и частым.

При этом воспоминании его поясница дернулась. Он страстно желал, чтобы она вышла из-за ширмы, но извращенно хотел задержать этот момент, так чтобы до конца насладиться ожиданием. Наконец это случилось. Две служанки вывели Гесерет и тихо скрылись, оставив ее одну стоять посередине палаты.

Ее ночное платье ниспадало от горла до лодыжек. Оно было сшито из редкого драгоценного шелка из восточных стран, цвета сливок и такого тонкого, что, казалось, он плыл вокруг девушки подобно речному туману, колышущемуся с каждым ее вдохом. В углу позади Гесерет стояла масляная лампа на треноге, и мягкий желтый свет пронизывал шелк, подчеркивая округлости бедер и плеч невесты, так что они мягко светились, как полированная слоновая кость. Ее голые ступни и кисти рук были окрашены хной, а косметика начисто смыта с лица, и молодая кровь под безупречной кожей нежно румянила щеки, а губы дрожали, будто Гесерет собиралась заплакать. Она опустила голову в трогательной девичьей манере и взглянула на него из-под опущенных ресниц. У нее были зеленые глаза, и его кровь снова взволновалась, когда он заметил в них тот же озорной блеск, который когда-то так заинтересовал его.

– Повернись, – сказал он тихо, но в горле у него пересохло, будто он поел зеленой хурмы. Она повиновалась, но двигалась медленно, как во сне, покачивая бедрами; ее живот слегка просвечивал сквозь шелк. Ее ягодицы покачивались, круглые и блестящие как яйца страуса, и блестящие локоны колыхались.

– Ты красива. – У него перехватило горло.

Теперь как будто бы улыбка приподняла уголки ее губ, и девушка облизнула их кончиком языка, розовым, как у котенка.

– Я рада, что мой господин регент находит меня красивой.

Он поднялся с ложа и подошел к ней. Затем взял ее за руку – та в его руке оказалась теплой и мягкой. Он повел Гесерет к ложу, и она пошла за ним без колебания. Она встала на колени на белой овчине и свесила голову так, что волосы закрыли ей лицо. Наг встал над ней и наклонился вперед, так что его губы коснулись ее волос. Она источала неуловимый аромат здоровой молодой женщины в первом приливе физического возбуждения. Он погладил ее по волосам, и она взглянула на него сквозь темную завесу волос. Затем он развел локоны и одной рукой взял ее за подбородок. Медленно, дразня себя, он поднял ее лицо.

– У вас глаза как у Иконы, – прошептала она. Иконой звали его ручного леопарда: животное всегда пугало и завораживало ее. Сейчас она ощущала то же, поскольку Наг с его желтыми

безжалостными глазами был гладким и вальяжным, как большой кот. Чутьем женщины она угадывала в них жестокость и беспощадность, которые вызывали в ней никогда прежде не испытанные чувства. – Вы также красивы, – прошептала она, и это было верно. В этот миг она поняла, что он – самое красивое существо, какое она когда-либо знала.

Он поцеловал Гесерет, и его рот поразил ее. У него был вкус спелого плода, какого она никогда не ела прежде, и, весьма естественно, она тоже открыла рот, чтобы насладиться этим вкусом. Его язык двигался быстро, как у змеи, но это не остановило ее. Гесерет закрыла глаза и коснулась его своим языком. Затем Наг положил одну руку ей на затылок и крепче прижался ртом к ее рту. Она настолько потерялась в его поцелуе, что когда рука накрыла ее грудь, оказалась не готова к этому. Ее глаза широко открылись, она глубоко вдохнула и попыталась отстраниться, но он держал ее и теперь ласкал нежными, но умелыми движениями, и это успокоило ее опасения. Он сжимал ее сосок, и вызванное этим чувство потекло по ее телу, струясь по рукам, доходя до кончиков пальцев ног. Она почувствовала острое разочарование, когда Наг убрал руку. Он поднял Гесерет на ноги, и теперь она стояла на овчине выше его, а ее груди были на уровне его лица.

Одним движением он сорвал с нее шелковую рубашку, и та упала на пол. Затем глубоко вобрал ее набухший сосок в рот, и она громко вскрикнула. В то же самое время его рука прошла между ее бедрами и прижалась к покрытому мягкими волосами лону.

Она не имела ни малейшего намерения противиться тому, что он делал с ней. Вместо этого она полностью отдалась ему. Из-за рассказов девушек-рабынь она боялась, что он может причинить ей боль, но его руки, пусть быстрые и сильные, были нежны. Казалось, он знал ее тело лучше, чем она сама, и играл на нем с таким искусством, что девушка все глубже, быстрее погружалась и тонула в этом море новых ощущений.

Она вынырнула только один раз, когда внезапно открыла глаза и обнаружила, что на нем тоже нет одежды и он стоит перед ней голый. Она вспомнила сон, в котором у него была внизу такая же вещь, как у жеребца Звездочета. Она с трепетом посмотрела вниз, но эта вещь была не как во сне: она была гладкой и розовой и, однако, твердой как кость, совершенной и чистой по форме, точно колонна в храме. Ее опасения исчезли, и она снова отдалась его рукам и рту. Был только один острый момент жгучей боли, но это случилось намного позже, и он был мимолетен и почти сразу сменился непривычным, но замечательным чувством наполненности. Затем, еще позже, она услышала, как Наг вскрикнул над ней. Этот звук породил что-то и в ее собственном теле, превращая почти невыносимое удовольствие в особый вид боли; она изо всех сил обхватила его руками и ногами и закричала с ним вместе.

Еще два раза в течение этой чересчур короткой волшебной ночи он вынуждал ее кричать в таком же безумии удовольствия, и когда рассвет залил палату розовым и серебряным светом, она лежала неподвижно в его объятиях. Она чувствовала, что жизненные силы словно вытекли из нее, а кости стали мягкими и пластичными, как речная глина. Глубоко в животе она ощущала легкую боль и наслаждалась ею.

Он выскользнул из ее рук, и ей хватило сил только чтобы запротестовать:

– Не уходите. О! Пожалуйста, не уходите, мой господин. Мой прекрасный господин.

– Я не надолго, – прошептал он и осторожно вытянул из-под нее овчину. Она увидела на снежно-белой овечьей шерсти пятна крови, яркие, как лепестки розы. Она испытала только краткую боль, когда он пронзил ее женственность.

Наг вынес овечью шкуру на террасу; она наблюдала за ним через дверной проем, когда он вешал ее на парапет. Далеко внизу послышались тихие приветствия – ожидавшие внизу люди увидели это несомненное доказательство ее девственности. Ее совсем не заботило одобрение толпы земледельцев, но она смотрела на голую спину мужа и чувствовала, как ее грудь и чрево набухают от любви к нему. Когда он вернулся, она протянула к нему обе руки.

– Вы великолепны, – прошептала она и заснула в его объятиях. Намного позже она стала постепенно просыпаться и обнаружила, что все ее существо наполнено такой легкостью и чувством радости, каких она никогда не знала прежде. Сначала она не была уверена относительно источника своего благополучия. Затем ощутила движение его крепкого мускулистого тела в своих руках.

Когда она раскрыла глаза, он смотрел на нее странными желтыми глазами и мягко улыбался.

– Какая прекрасная царица получилась бы из тебя, – сказал он тихо. Он искренне думал так. В течение ночи он обнаружил у нее качества, о которых прежде не подозревал. Он ощутил, что нашел в ней ту, чьи желания и инстинкты находились в совершенной гармонии с его собственными.

– И каким прекрасным фараоном были бы вы для Египта, – улыбнулась она ему в ответ и чувственно потянулась. Затем тихо засмеялась, протянула руку и коснулась его щеки. – Но это невозможно. – Улыбка исчезла, и она тихо и серьезно спросила: – Или возможно?

– Есть только одно препятствие на нашем пути, – ответил он. Ему не нужно было говорить ничего больше – он увидел хитрое, жадное выражение, появившееся в ее глазах. Она была всецело с ним.

– Вы – кинжал, а я буду ножнами. Не важно, что вы попросите у меня, я никогда не подведу вас, моего прекрасного господина.

Он приложил палец к ее губам, воспаленным и распухшим от его поцелуев.

– Я ясно вижу, что нам не нужно много слов, ведь наши сердца бьются в одном ритме.

Свита царя Апепи почти месяц после свадьбы оставалась в Фивах. Они были гостями фараона Нефера Сети и его регента и развлекались по-царски. Таита поощрял эту задержку. Он был уверен, что Наг не предпримет никаких действий против Нефера, пока Апепи и его дочь будут в Фивах. Царские гости проводили дни, охотясь с соколами и без них, посещая многочисленные храмы на обоих берегах реки, посвященные всем богам Египта, или состязания между отрядами Северного и Южного Царств – гонки на колесницах, состязания в стрельбе из лука и в беге, даже состязания в плавании, на которых отобранные претенденты переплывали Нил ради приза, золотой статуэтки Гора.

В пустыне они охотились с мчащихся колесниц на газелей и сернобыков ориксов или, с быстрыми соколами, на больших дроф. В клетках дворца не осталось царских соколов – их по обычаю выпустили на волю во время похорон отца Нефера.

На берегу реки гости охотились с соколом на цапель и уток и били гарпунами усатых сомов на мелководье. Они охотились также на «водяных лошадей», могучих гиппопотамов, с флота боевых галер, и Нефер лично стоял у рулевого весла собственной галеры под названием «Глаз Гора».

Принцесса Минтака стояла около него и взвизгивала от волнения, когда огромные животные выныривали на поверхность и в их спины вонзалось множество копий, а вода розовела от крови.

В эти дни Минтака часто была рядом с Нефером. Она ехала в его колеснице, когда они охотились, и подавала ему копье, когда они подъезжали близко к мчащимся галопом сернобыкам. Она несла на руке собственного сокола, когда они обследовали тростниковые заросли в поисках цапель. Во время вылазок на охоту в пустыне она сидела рядом с ним и готовила ему вкусное угощение. Выбирала самые сладкие виноградины, очищала их длинными, заостренными пальцами и клала ему в рот.

Каждый вечер во дворце давали пиры, и там она также сидела рядом с Нефером, на традиционном женском месте, слева, – чтобы не блокировать руку с мечом своего мужа. Она застав-

ляла его смеяться своим хитроумным шуткам и изумительно подражала Гесерет, жеманничая, поводя глазами и упоминая о «моем муже, регенте Египта» точно таким тоном, каким сейчас говорила Гесерет.

Хотя они старались, но никогда не могли остаться совсем одни. Наг и Алепи следили за этим. Когда Нефер обратился за помощью к Таите, даже он не смог организовать им тайную встречу. Неферу не пришло в голову, что Таита и не старался это сделать, потому что был так же настроен сохранить их невинность, как и другие. Давным-давно Таита устроил свидание Тану и его возлюбленной Лостры, и эхо этой встречи, подобно грому, не затихало долгие годы. Когда Нефер и Минтака играли в бао, рядом всегда были девушки-рабыни, а поблизости – придворные и вездесущий господин Асмор.

Нефер изучил сильные стороны невесты и узнал некоторые слабые: она всегда чересчур тщательно защищала свой домашний замок, и если Нефер наступал в том секторе не слишком рьяно, иногда открывала свои фланги. Дважды он воспользовался этим и разбил ее защиту, но в третий раз чересчур поздно обнаружил, что Минтака предвидела его уловку и устроила западню. Едва Нефер открыл свой западный замок, она ударила фалангой в брешь и так очаровательно смеялась, вынудив его сдаться, что он почти, но не совсем, простил ее.

Их игра становилась все более состязательной, и скоро накал соперничества достиг огромной силы, так что даже Таита целыми часами наблюдал за ними и иногда кивал в знак одобрения или улыбался бледной старческой улыбкой.

Их любовь была так очевидна, что озаряла всех вокруг, и везде, где они появлялись вместе, вспыхивали улыбки и звучал смех. Когда колесница Нефера мчалась по улицам Фив с Минтакой на площадке в роли его копьеносца и ее темные волосы развевались на ветру подобно знамени, женщины выбегали из домов, а мужчины бросали работу, чтобы прокричать приветствия и добрые пожелания. Даже Наг мягко улыбался, глядя на них, и никто не замечал, как глубоко его возмущало то, что внимание народа отвлекают от его собственного бракосочетания и невест.

Только господин Трок был мрачен и на охотничьих вылазках, и на завтраках на природе, и на пирах во дворце.

Время, которое они проводили вместе, пролетало слишком быстро.

– Вокруг нас всегда столько людей, – шептал Нефер над доской для игры в бао. – Как я хочу остаться наедине с вами хотя бы на несколько минут. Всего через три дня вам пора будет вернуться в Аварис вместе с отцом. Возможно, пройдут месяцы или даже годы, прежде чем мы встретимся снова, а я столько хочу вам сказать – но без всех этих глаз и ушей, нацеленных на нас, будто стрелы на тетиве.

Она кивнула, затем протянула руку и передвинула камень, который он не заметил по рассеянности. Он поглядел вниз и придал ее ходу мало значения, пока не понял, что его западный замок сейчас – под двойной атакой. Тремя ходами позже она прорвала его фронт. Он какое-то время продолжал вести сражение, но его силы были в беспорядке, и проигрыш был неизбежен.

– Вы поймали меня, когда я отвлекся, – проворчал он. – Как все женщины.

– Великий, я и не отказываюсь от того, что я женщина. – Минтака произнесла его титул с иронией, которая колола, как украшенный драгоценными камнями кинжал, что она носила на поясе. Затем она наклонилась ближе и прошептала: – Если я останусь наедине с вами, вы обещаете уважать мое целомудрие?

– Клянусь раненым глазом великого бога Гора, что, пока жив, никогда не опозорю вас, – сказал ей искренне.

Она улыбнулась:

– Мои братья были бы не очень довольны, услышав это. Им подошел бы любой предлог, чтобы перерезать вам горло. – Она скосила на него великолепные темные глаза. – А если не горло, то подошла бы любая другая часть вашего тела.

* * *

Им повезло на следующий день. Один из царских охотников спустился с холмов над деревней Дабба и сообщил, что из восточной пустыни вышел лев и ночью совершил набег на загоны с рогатым скотом. Он перепрыгнул через частокол и убил восемь испуганных животных. На рассвете толпа сельских жителей, размахивая горящими факелами, трубя в рога, гремя в барабаны и громко крича, прогнала его.

– Когда это случилось? – спросил Наг.

– Три ночи тому назад, ваша милость. – Человек пал ниц перед троном. – Я отправился вверх по реке, сразу как смог, но течение было очень сильное, а ветер – встречный.

– А что со зверем? – нетерпеливо перебил царь Апепи.

– Он вернулся в холмы, но я послал за ним двух своих лучших нубийских следопытов.

– Кто-нибудь видел его? Большой он? Лев или львица?

– Деревенские жители говорят, что это крупный самец с большой гривой, густой и черной.

На протяжении шестидесяти последних лет в приречных землях о львах почти не слышали. Они были царской добычей, и все фараоны безжалостно охотились на них, не только из-за ущерба, причиняемого домашнему скоту крестьян, но также и потому, что львы были самым желанным трофеем царской охоты.

В ходе долгих, ожесточенных войн с гиксосами фараоны обоих царств были заняты боевыми действиями и на львов охотились редко. Кроме того, человеческие тела, оставшиеся на полях сражений, были для львиных прайдов источником легкой добычи. Несколько минувших десятилетий звери процветали, и их число увеличилось во много крат – как и их смелость.

– Я сейчас же прикажу погрузить на корабли колесницы, – решил Апепи. – Если плыть по течению реки, мы сможем прибыть в Даббу завтра рано утром. – Он усмехнулся и ударил кулаком по жесткой ладони своей удерживающей в боях меч руки. – Клянусь Сеуетом, я хотел бы воспользоваться случаем и поохотиться на этого старого льва с черной гривой. С тех пор как мне пришлось отказаться от убийства египтян, я истосковался по настоящим развлечениям.

Наг нахмурился, услышав эту остроту.

– Великий, вы послезавтра утром собирались отплыть обратно в Аварис.

– Вы правы, регент. Однако большая часть нашего багажа уже погружена, и флот готов отплыть. Кроме того, Дабба – по дороге. Я могу позволить себе потратить день или два, чтобы поучаствовать в охоте.

Наг колебался. Он не настолько увлекался охотой, чтобы пренебречь многочисленными государственными делами, ждущими его внимания. Он с нетерпением ожидал отъезда Апепи, чье необузданное, грубое поведение в Фивах давно ему надоело. Он также вынашивал и другие планы, к осуществлению которых можно было приступить, только когда Апепи оставит Фивы. И все же он не мог допустить, чтобы гиксосский фараон охотился в Верхнем Царстве один. Было бы не только невежливо, но и нецелесообразно позволить Апепи находиться в Южном Царстве, как если бы он имел на то естественное право.

– Великий, – вмешался Нефер, прежде чем Наг придумал подходящий отказ, – мы с величайшим удовольствием присоединимся к охоте. – Он увидел возможность великолепно развлечься, поскольку никогда раньше не имел случая охотиться за львом на колеснице и не проверял свою храбрость в таком деле. Но в сто раз важнее было другое: охота могла бы задержать нежелательный отъезд Минтаки. Это счастливое обстоятельство могло бы даже обеспечить им возможность, пока ускользавшую от них, провести короткое время наедине. Прежде чем Наг смог воспротивиться, Нефер обратился к охотнику, все еще лежавшему ниц, прижав лоб к покрытому плиткой полу: – Ты правильно поступил. Управляющий дворцом даст тебе за работу золотое кольцо. Возвращайся в Даббу сейчас же, на самой быстрой фелюге

нашего флота. Подготовься к нашему прибытию. Мы отправимся охотиться на этого зверя все вместе.

Нефер сожалел лишь об одном: во время его первой охоты на льва Таиты не будет с ним, чтобы поддержать советом. Старик удалился в пустыню, в очередной из своих периодических таинственных походов, и никто не знал, когда он вернется.

Ранним утром следующего дня группа охотников высадилась на берегу реки ниже деревни Дабба. Затем с небольшой группы легких судов и галер выгрузили лошадей и двадцать колесниц. Копьеносцы тем временем острили лезвия копий, заново натягивали охотничьи луки и проверяли баланс и прямизну стрел. Пока поили, кормили и чистили лошадей, охотники от души позавтракали продуктами, принесенными жителями деревни.

Настроение у всех было приподнятое, и Апепи послал за следопытом, который принес весть с холмов.

– Это очень большой лев. Самый большой, какого я видел к востоку от реки, – сказал следопыт, и их волнение усилилось.

– Ты действительно видел его? – спросил Нефер. – Или только его следы?

– Я видел его ясно, но только издалека. Он высокий, как лошадь, и ступает важно, как царь. Его грива развевается на ветру, как сноп проса дурра.

– Клянусь Сетом, этот парень – поэт, – презрительно усмехнулся Наг. – Придерживайся фактов и избегай красивых слов, плут.

Охотник коснулся кулаком сердца, чтобы показать раскаяние, и продолжил рассказ в приземленном тоне:

– Вчера он залег в лесистом вади в двух лигах отсюда, но с наступлением ночи ушел оттуда искать добычу. Прошло четыре дня, с тех пор как он кормился, и он голоден и опять охотится. Ночью он попытался напасть на сернобыка, но тот лягнул его и убежал.

– Где ты надеешься найти его сегодня? – спросил Нефер более добрым голосом, чем Наг. – Если он охотился, то хочет не только есть, но и пить. Где он будет пить?

Охотник посмотрел на него с уважением, не только из-за его царского положения, но и из-за продемонстрированного им знания повадок диких животных.

– После попытки убить сернобыка он ушел на каменистые земли, где мы не смогли найти его следы. – Апепи сделал жест досады, и охотник поспешил продолжить: – Но я думаю, этим утром он пил в маленьком оазисе. Это неприметное место знают почти одни только кочевники.

– Сколько времени займет путь туда? – спросил Нефер, и охотник описал рукой часть дуги, обозначая перемещение солнца в течение трех часов.

– Тогда не стоит попусту терять время. – Нефер улыбнулся ему и, обернувшись, крикнул командиру отряда колесниц: – Сколько еще ждать, солдат?

– Все готово, великий.

– Трубите посадку, – приказал Нефер. Взревели бараньи рога, и охотники разошлись по ждущим их колесницам. Минтака шла рядом с Нефером. В этой неофициальной обстановке всякое царское достоинство было забыто, и они стали просто юношей и девушкой на захватывающей охотничьей вылазке. Господин Трок разрушил иллюзию. Запрыгнув в колесницу и взяв поводья, он крикнул царю Апепи:

– Великий, принцессе ни к чему ехать с неопытным юношей. Сейчас мы охотимся не на газелей.

Нефер остановился и с возмущением посмотрел на Трока. Минтака положила маленькую ладонь на его обнаженное предплечье.

– Не дразните его. Он отличный боец с ужасным характером, и если вы бросите ему вызов, даже ваше положение не защитит вас.

Нефер яростно сбросил ее руку.

– Честь не позволяет мне оставить такое оскорбление безнаказанным.

– Пожалуйста, сердце мое, ради меня, не придавайте этому значения. – Она впервые использовала такое обращение, и сделала это преднамеренно, зная, какое впечатление это должно произвести на него: Минтака уже училась управлять его переменчивым настроением и характером с помощью чутья любящей женщины, далеко превосходившего ее возраст и опыт. Нефер моментально забыл Трока и свою замаранную честь.

– Как вы назвали меня? – спросил он хрипло.

– Вы не глухой, мой дорогой. – Он моргнул, во второй раз услышав проявление нежности. – Вы все хорошо слышали. – И она улыбнулась ему.

Апепи крикнул в тишине:

– Не волнуйся, Трок. Я посылаю свою дочь, чтобы она позаботилась о фараоне. Он будет в полной безопасности. – Он фыркнул от смеха и тряхнул поводьями. Когда его колесница рванулась вперед, он снова крикнул:

– Мы потеряли здесь впустую половину утра. Охотники, в погоню за зверем!

Нефер пристроил свою колесницу позади колесницы Апепи, круто подрезав повозку господина Трока. Проезжая мимо, он холодно посмотрел на Трока и сказал:

– Вы дерзки. Будьте уверены, что это не конец. Мы поговорим позже, господин Трок.

– Боюсь, теперь он ваш враг, Нефер, – проговорила Минтака. – У Трока скверная репутация и еще более скверный характер.

Во главе с царским охотником, ехавшим без седла верхом на худой, но крепкой маленькой лошади, колонна поднималась в голые каменистые холмы. Они перешли на рысь, щадя лошадей, и давали им отдышаться после каждого крутого подъема. Через час им встретился один из нубийских следопытов, ожидавший их на вершине холма; он сбежал вниз поговорить с царским охотником. Они серьезно побеседовали, после чего охотник рысью вернулся к группе царственных охотников с известием:

– Нубийцы обследовали холмы, но вновь не нашли следов. Они уверены, что лев будет пить у источника, но, не желая тревожить его, ждали нас.

– Веди нас к воде, – приказал Апепи, и они поехали дальше.

Перед полуднем охота спустилась в мелкую лощину. Они были недалеко от реки, но казалось, что далеко в пустыне, безводной и угрожающей. Охотник подскакал к колеснице Апепи и сказал:

– Источник в начале этой долины. Зверь, вероятно, лежит поблизости.

Само собой старый воин Апепи принял командование, и Нефер не оспаривал это его право.

– Разделимся на три группы и окружим оазис. Если мы обнаружим, где укрывается зверь, он окажется в кольце. Господин регент, вы возьмете левое крыло. Фараон Нефер Сети, возьмите центр. Я возьму правый фланг. – Он размахивал над головой тяжелым военным луком. – Кто прольет первую кровь, тот получит трофей.

Все они были опытными колесничими и стремительно и без задержек разделились на три отряда. Раскинули широкую сеть, чтобы окружить источник. Лук Нефера висел у него на плече, и он размотал с запястий поводья, чтобы в любой момент бросить их и освободить обе руки для лука. Минтака прижалась к его боку. Она держала наготове длинное копье, чтобы подать Неферу. За прошлые недели они отработали эту замену оружия, и он не сомневался, что она вложит копье в его ладонь именно в тот миг, когда оно понадобится.

Они приближались к оазису шагом, постепенно смыкаясь. Лошади чувствовали напряжение ездоков и, возможно, чуяли запах льва. Они подергивали головами, вращали глазами и фыркали, высоко и нервно поднимая ноги.

Линия колесниц медленно смыкалась вокруг участка пустыни, покрытого низким кустарником и густой травой, скрывавшими источник. Когда кольцо замкнулось, Апепи поднял руку над головой, веля остановиться. Царский охотник спешился и пошел вперед, ведя свою лошадь. Он осторожно приблизился к редкому коричневому кустарнику.

– Если бы лев был здесь, мы, конечно, уже увидели бы такое большое животное. – Голос Минтаки дрожал, и Нефер любил ее еще больше за это маленькое проявление страха.

– Лев может прильнуть к земле так плотно, что сольется с ней – вы пройдете рядом, едва не задев его, не подозревая, что он рядом, – сказал Нефер.

Охотник делал несколько шагов вперед и останавливался, чтобы прислушаться и осмотреть каждый куст и каждый пучок густой травы на своем пути. На краю зарослей кустарника он наклонился и поднял горстку мелких камней, после чего начал бросать их во все возможные места укрытия.

– Что он делает? – прошептала Минтака.

– Лев перед нападением рычит. Он пытается заставить его выдать себя.

Тишину нарушали лишь стук падавшей гальки, фырканье лошадей и беспокойное переступание их копыт. Все охотники положили стрелу на тетиву, готовые в мгновение ока натянуть ее. Внезапно в траве раздался пронзительный крик и топот. Все сразу подняли луки, копьеносцы тоже подняли свое оружие. Но тут же расслабились и растерянно смотрели, как темно-коричневый аист марабу поднялся в воздух и полетел по долине к реке.

Охотник постоял минуту, чтобы прийти в себя, и двинулся глубже в заросли, останавливаясь после каждого шага, пока не достиг источника. Солоноватая вода медленно сочилась, заполняя мелкое углубление в скалистой земле, едва пригодное для утоления жажды крупного хищника. Охотник опустился на одно колено, чтобы осмотреть края углубления в поисках следов, покачал головой и встал. Он быстро прошел обратно через кустарник, сел на лошадь и поскакал к колеснице Апепи. Другие охотники тоже подъехали, чтобы услышать новости, но охотник удрученно сказал Апепи:

– Великий, я ошибся в своих предположениях. Лев не приходил сюда.

– И что теперь, парень? – Апепи даже не старался скрыть разочарование и раздражение.

– Здесь мы скорее всего могли бы найти его, но есть и другие места. Он мог уйти с того места, где мы видели его последний раз, пересечь долину или, может, залечь где-нибудь неподалеку и ждать темноты, чтобы напиться. Дальше внизу есть заросли. – Он указал назад, на каменистые склоны.

– Где еще? – задал вопрос Апепи.

– Есть еще один источник в следующей долине, но там расположились кочевники. Возможно, они спугнули зверя. Другой маленький источник – под теми холмами на западе. – Он указал на низкую гряду крутых красноватых холмов на горизонте. – Лев может быть в любом из этих мест или ни в одном, – признался охотник. – Он также мог вернуться и быть сейчас на краю равнины, где много воды. Возможно, его привлек запах рогатого скота и коз, не только жажда.

– Ты не имеешь ни малейшего представления о том, где он скрывается, не так ли? – спросил господин Наг. – Нужно отменить охоту и вернуться на лодки.

– Нет! – вмешался Нефер. – Мы едва начали. Как можно так скоро отказаться?

– Парень прав, – согласился Апепи. – Следует продолжить, но нужно осмотреть большую территорию. – Он помолчал немного, затем решил: – Нужно разделиться и обыскать каждый район отдельно. – Он посмотрел на Нага: – Господин регент, отправляйтесь с вашим отрядом к стоянке кочевников. Если они видели зверя, то укажут вам, где он. Я поеду к источнику ниже холмов. – Он обратился к Троку: – Возьми три колесницы и поезжай в нижнюю часть долины. Один из следопытов поедет с тобой, чтобы искать следы. – Асмору он сказал: – Возьмите три

колесницы и вернитесь к краю равнины к Даббе, на случай если он вернулся туда, где в последний раз убил добычу. – Затем он взглянул на Нефера: – Фараон, отправляйтесь в противоположную сторону, на север, к Ахмиму.

Нефер понял, что ему дали обследовать самый малообещающий участок, но не стал возражать. Этот новый план подразумевал, что впервые они с Минтакой окажутся далеко от прямого наблюдения его опекунов. Нага, Асмора и Трока посылали в разных направлениях. Он ожидал, что кто-нибудь укажет на это, но все были до того заняты охотой, что никто, казалось, не понимал значения этого шага. Кроме Нага.

Регент твердо посмотрел на Нефера. Возможно, он прикидывал, нельзя ли отменить распоряжения Апепи, но в конце концов, должно быть, понял, что это было бы неблагоразумно, и заключил, что пустыня охраняет Нефера так же надежно, как и Асмор. Ему некуда было бежать, а если бы он втянул Минтаку в какие-нибудь дикие приключения, то войска обоих царств бросились бы преследовать его подобно роям диких пчел.

Наг отвернулся от фараона, когда Апепи стал назначать сборный пункт и давать заключительные распоряжения. Наконец бараньи рога прогудели сигнал подняться на колесницы и ехать, и пять колонн двинулись прочь из долины. На ровном дне долины они разделились на пять отдельных отрядов и отправились в противоположные стороны.

Когда последний из других отрядов исчез среди холмов, Минтака наклонилась еще ближе к Неферу и проговорила:

– Наконец Хатор сжалилась над нами.

– Я полагаю, это Гор оказал нам свое покровительство, – Нефер улыбнулся ей в ответ, – но я приму эту благосклонность, от кого бы она ни исходила.

В отряде Нефера было еще две колесницы; ими командовал полководец Хилто, старый воин, нашедший его и Таиту, когда они пытались бежать из Египта. Он служил отцу Нефера и был предан до смерти: Нефер знал, что может безоговорочно доверять ему.

Нефер вел отряд быстро, желая максимально использовать остаток светлого времени, и через час езды под ними открылась обширная перспектива речной равнины. Он остановился на несколько минут, чтобы полюбоваться. Река была изумрудом, лежащим в оправе сочной зелени полей и плантаций на обоих берегах.

– Как красиво, Нефер. – Минтака говорила почти мечтательно. – Даже когда мы поженимся, нам следует всегда помнить, что эта земля владеет нами, а не мы владеем ею.

Иногда Нефер забывал, что она рождена в Аварисе и имеет такие же большие притязания на эту землю, как и он. Он почувствовал, как его сердце наполняется гордостью от того, что она любит эту землю так же, как он, и тоже сознает свой патриотический долг.

– Я никогда не забуду этого, особенно пока вы рядом со мной. – Она повернула к нему лицо, ее губы были чуть приоткрыты. Нефер ощущал ее сладкое дыхание, и желание коснуться ее губ своими стало почти непреодолимым. Затем он почувствовал направленный на них пристальный взгляд Хилто и других солдат и краем глаза увидел его понимающую улыбку. Он отодвинулся, прохладно посмотрел на Хилто и отдал приказ, который репетировал с тех пор, как они отделились от остальных охотников. – Если лев здесь, он, вероятно, лежит где-нибудь на склоне холмов ниже нас. – Он указал направление взмахом руки. – Я хочу, чтобы мы выстроились цепью. Левый фланг должен быть на краю равнины, а нам следует быть справа отсюда, на гребне холмов. Будем двигаться на север. – Он сделал широкий жест, но Хилто смотрел с сомнением и почесывал шрам на щеке.

– Это широкий фронт, великий. До дна долины почти половина лиги. Иногда мы будем терять друг друга из виду.

Нефер видел, что растягивать свой фронт так широко – против всех его военных инстинктов, и быстро продолжил, чтобы успокоить воина:

– Если мы действительно разделимся, то вновь соберемся на третьем от нас горном хребте, вон там, под тем маленьким пригорком. Он будет для нас хорошим ориентиром. – Он указал на приметную скалу в четырех милях впереди. – Если кто-нибудь из нас опоздает на встречу, другие должны ждать, пока солнце не встанет под этим углом, и только потом вернуться на поиски отсутствующей колесницы.

Он дал себе несколько часов до того, как они начнут искать его и Минтаку. Однако Хилто по-прежнему колебался.

– Прошу прощения у великого, но господин Наг отдал мне очень строгий приказ.

Нефер резко перебил с холодным выражением на лице:

– Ты позволяешь себе спорить с фараоном?

– Никогда, великий! – Хилто был потрясен обвинением.

– Тогда выполняй свой долг.

Хилто с глубоким уважением приветствовал его и поспешил к собственной колеснице, выкрикивая на бегу срочные приказы своим солдатам. Когда отряд поехал вниз по склону, Минтака подтолкнула Нефера и улыбнулась.

– Выполняй свой долг! – Она точно воспроизвела его надменный тон и рассмеялась. – Пожалуйста, никогда не смотрите на меня так и не говорите со мной таким тоном, великий. Я уверена, что умру от испуга.

– У нас совсем мало времени, – ответил он. – Нам нужно использовать его с наибольшим толком и найти место, где мы сможем быть одни.

Он повернул колесницу назад, и вскоре их больше нельзя было видеть из речной долины или с колесниц ниже по склону. Мчась вперед, оба нетерпеливо вытягивали шеи.

– Взгляните вон туда. – Минтака указала направо. Небольшая рощица терновых деревьев была почти скрыта во впадине, виднелись только тускло-зеленые вершины. Нефер повернул к ней, и они обнаружили узкое ущелье, которое ветер и редкие ливни тысячелетиями вырезали в склоне. Там, должно быть, под землей текла вода: терновые деревья были крепкие. Их густая листва предлагала тень и уединение в этот горячий полдень. Нефер поехал вниз по склону в тень. Как только он остановился, Минтака спрыгнула с площадки.

– Ослабьте упряжь и дайте лошадям отдохнуть, – предложила она.

Нефер поколебался, затем покачал головой. Это противоречило тому, чему его обучили: на отдельной позиции вроде этой и без поддержки ему следовало иметь колесницу, готовую к езде по любой внезапной тревоге. Он спрыгнул и пошел наполнить ведро из мехов, чтобы напоить лошадей. Минтака пошла помочь ему. Они работали рядом в тишине.

Теперь, когда миг, о котором они мечтали, наступил, их одолела застенчивость, и они ничего не могли сказать друг другу. Внезапно они повернулись друг к другу и одновременно заговорили.

– Я хотел сказать вам... – произнес Нефер.

– Я думаю, мы должны... – проговорила Минтака.

Они остановились и застенчиво засмеялись, стоя близко друг к другу в тени. Минтака покраснела и смотрела вниз, на свои ноги, а Нефер гладил голову своего жеребца.

– Что вы хотели сказать?

– Ничего. Ничего важного. – Она покачала головой, и Нефер увидел, что она покраснела. Ему ужасно понравилось смотреть на ее покрасневшие щеки. Она по-прежнему не глядела на него, и ее голос звучал так тихо, что Нефер едва расслышал, когда она, в свою очередь, спросила: – А что вы хотели сказать?

– Когда я думаю о том, что уже через несколько дней вы уедете, мне кажется, будто мою правую руку отрезают, и я хочу умереть.

– О Нефер. – Она взглянула на фараона, ее глаза были огромными и влажными от замешательства и восторга первой любви. – Я люблю вас. Я действительно люблю вас.

В тот же миг они устремились друг к другу и со щелчком ударились зубами. Его нижняя губа попала между ними, и из ранки вытекла капля крови, так что их поцелуй был приправлен солью. Их объятие было неопытным и неправильным, неуклюжим и безумным. Оно разбудило в обоих дикие, безудержные чувства. Стискивая друг друга, они застонали от силы своих новых ощущений. Хотя тело принцессы было целиком прижато к его телу, Нефер пытался притянуть ее еще ближе, а Минтака прижималась все сильнее, будто хотела слиться с ним в единую плоть подобно гончарной глине. Она протянула руки, погрузила пальцы в его густые пыльные кудри и дрожащим голосом произнесла:

– О! О!

– Я не хочу потерять вас. – Он прервал поцелуй. – И никогда не захочу.

– Я не хочу покидать вас никогда – никогда! – Минтака задыхалась, и они поцеловались снова, пожалуй, даже неистовее прежнего. С этой минуты они оказались в неизведанных царствах ума и тела. Они мчались на колеснице, которой не управляли и которую несли закусившие удила лошади любви и желания.

Прижавшись друг к другу, они опустились на мягкий белый песок дна вади и вцепились друг в друга, как если бы были врагами. Их глаза смотрели дико и незряче, дыхание было судорожным и прерывистым. Полотно набедренника Минтаки разорвалось в его руках подобно папирусу, и он сунул руку в разрыв. Принцесса застонала, словно в смертельной муке, но развела бедра и стала гибкой и податливой. Никто из них не подозревал, к чему это вело. Нефер всем существом хотел чувствовать, как его голая кожа прижимается к ее гладкому телу. Потребность в этом была столь глубока, что, казалось, от этого зависела сама его жизнь. Он разорвал свой передник, и они прижались друг к другу; оба были поглощены восторженным ощущением ее теплой молодой плоти, прижатой к его крепкому телу. Затем он бессознательно начал совершать движения в ее сторону, ритмично качаясь, и она принимала его движения, как если бы мчалась в колеснице по неровной дороге.

Затем вдруг она почувствовала, как что-то твердое властно надавило на самые врата ее женственности, и испытала почти непреодолимое стремление встречать толчок толчком, чтобы помочь ему прорваться и впустить его в свои мягкие, тайные места.

Затем действительность вернулась к ней. Она стала отчаянно брыкаться, выгибая спину и сопротивляясь с вновь обретенной силой подобно газели в зубах гепарда. Она оторвала рот от его рта и закричала:

– Нет, Нефер! Вы обещали! Вы клялись раненым глазом Гора!

Он отпрянул, будто его стегнули кнутом, и уставился на нее широко открытыми испуганными глазами. Он дышал так, будто долго и быстро бежал, его голос был хриплым.

– Минтака, моя любовь, моя дорогая. Не знаю, что на меня нашло. Это было безумие. Я не хотел этого. – Он сделал отчаянный жест. – Я скорее умру, чем нарушу мою клятву и принесу вам бесчестье.

Минтака дышала так тяжело, что не смогла ответить ему сразу. Она отвела глаза от его обнаженного тела, и он жалобно продолжил:

– Пожалуйста, не презирайте меня. Не знаю, что на меня нашло.

– Я не презираю вас, Нефер. И никогда не смогу презирать вас. – Его отчаяние было невыносимо, и ей хотелось вновь броситься к нему в объятия, успокоить. Но она знала, как это опасно. Держась за колесо, она поднялась на ноги. – Я виновата, как и вы. Мне не следовало допускать такого. – Ноги у нее дрожали; она попыталась обеими руками откинуть волосы назад с лица.

Нефер виновато встал, сделал к ней шаг, но когда она отпрянула, сразу остановился.

– Я порвал ваш набедренник, – сказал он. – Я не хотел.

Минтака посмотрела вниз и увидела, что совсем не одета – она была почти такой же голой, как он. Она торопливо стянула вместе разорванные края набедренника и отступила подальше.

– Вам нужно одеться, – прошептала она и невольно посмотрела на него. Он был прекрасен; она почувствовала, как желание поднялось в ней, и заставила себя смотреть в другую сторону. Он быстро наклонился, подобрал сброшенный хитон и повязал его через пояс.

Они стояли в виноватой, неловкой тишине. Минтака отчаянно искала слова, чтобы отвлечь их обоих от этого ужасного момента. Тело помогло ей. Она ощутила давящую наполненность мочевого пузыря.

– Я должна уйти!

– Нет, – умоляюще произнес он. – Я не хотел этого. Простите. Это не повторится. Останьтесь со мной. Не оставляйте меня.

Она неуверенно улыбнулась:

– Нет. Вы не понимаете. Я лишь ненадолго отлучусь. – Она сделала понятный жест руками, придерживавшими края ее порванного набедренника. – Я ненадолго.

Его облегчение было почти трогательно.

– Ах, я понимаю. Я подготовлю колесницу. – Он повернулся к лошадям, и Минтака оставила его и углубилась в рощу терновых деревьев.

Лев наблюдал, как она идет между деревьями туда, где он лежал. Он прижал уши к голове и плотнее приник к каменистой земле. Это был старый зверь, миновавший свой расцвет. В его темной косматой гриве белели седые волосы. Спина когда-то отливала сизым, но сейчас побелела от возраста. Изношенные зубы были в пятнах, один из длинных клыков был сломан близко к десне. Хотя лев все еще мог тащить взрослого вола и убить его одним ударом огромной лапы, когти были истерты и притупились, так что ему было трудно цеплять более проворную добычу.

Прошлой ночью он упустил сернобыка, и голод тупой, настойчивой болью поселился в животе.

Он следил за человеком желтыми глазами, и его верхняя губа поднялась в немом рычании. Когда он был львенком, мать научила его питаться мертвой плотью людей, которых они находили на полях битв. У него не было того естественного отвращения, которое питает к вкусу человеческой плоти большинство других плотоядных. Многие годы он убивал людей и поедал их мясо всякий раз, когда представлялась возможность. Существо, приближавшееся к нему через низкий кустарник, он рассматривал как естественную добычу.

Минтака остановилась в пятидесяти шагах от того места, где он лежал и смотрел на кусты вокруг нее. Инстинкт льва повелевал ему во время охоты избегать прямого взгляда на добычу. Он прижал голову к самой земле и сузил глаза в щелки. Миг не подходил для нападения, и он держал хвост низко и неподвижно.

Минтака зашла за ствол одного из деревьев, присела и опорожнила мочевой пузырь. Морда льва собралась глубокими складками: он учуял острый запах ее мочи. Это подстегнуло его интерес. Минтака встала, и порванный набедренник снова укрыл ее бедра. Она отвернулась от льва и направилась назад к тому месту, где ждал Нефер.

Лев начал бить хвостом, и это было началом нападения. Он поднял голову; хвост с черной кистью хлестал его по бокам.

Минтака услышала ритмичный шум и глухой стук хвоста, остановилась и удивленно оглянулась назад. Она увидела устремленный на нее пристальный взгляд желтых глаз животного и пронзительно завизжала. Этот крик ударил по сердцу Нефера. Он обернулся и тотчас оценил положение: девушка и готовый к прыжку зверь перед ней.

– Не беги! – прокричал он. Он знал, что если она побежит, у льва сработает кошачий инстинкт преследования. – Я иду! – Он схватил лук и колчан с полки на переднем щите и побежал к Минтаке, накладывая стрелу на тетиву.

– Не беги! – повторил он в отчаянии, но тут лев зарычал. Это был ужасающий звук, который, казалось, вибрировал в костях Минтаки и сотряс землю у нее под ногами. Она не могла справиться со страхом, переполнявшим ее. Повернувшись, она, не разбирая дороги, побежала в сторону Нефера, всхлипывая с каждым шагом.

Львиная грива немедленно вздыбилась, окружив голову зверя темным облаком, и он темной, желтовато-коричневой полосой бросился за жертвой сквозь деревья. Он догнал ее, как если бы она не двинулась с места.

Нефер остановился, бросил колчан, чтобы освободить обе руки, и вскинул лук. Он дотянул оперение до своих губ и навел лук на массивную вздымающуюся грудь зверя. Хотя расстояние было невелико, это был трудный выстрел. Зверь двигался наискось, отклонение было критическое, а Минтака находилась на линии выстрела. Вдобавок ко всему он знал, что стрела не спасет Минтаку. Чтобы остановить льва и дать ей шанс спастись, ему надо нацелить стрелу в жизненно важные органы животного. Однако для точного определения нужной точки совсем не было времени: лев почти настиг принцессу.

Он бежал, рыча с каждым прыжком, комья земли и камни летели из-под его огромных лап. Желтые глаза были ужасны. Нефер сдвинул лук чуть вперед, делая поправку в ладонь на время полета стрелы, и закричал со всей настойчивостью, на какую был способен:

– Ложись, Минтака! Уйди с линии выстрела!

За те недели, в течение которых охотились вместе, они выработали такую согласованность, что Минтака привыкла безоговорочно доверять ему. Даже несмотря на охвативший ее страх, он сумел докричаться до нее. Без колебаний она на бегу плашмя бросилась на каменистую землю почти рядом с пастью бегущего льва.

Едва она упала, Нефер отпустил тетиву. Стрела вылетела из его лука. Испуганному до безумия Неферу казалось, что она преодолевает разделявшее их пространство неторопливо, точно насытившаяся хищная птица. Стрела пролетела над тем местом, где лежала Минтака, уже начиная снижаться, и казалась крошечной, медленной и слишком слабой для такого массивного животного. Затем она беззвучно ударила в цель, и Нефер замер: вот сейчас тонкое древко сломается, пренебрежительно отброшенное в сторону рычащим скачущим зверем.

В тот миг, когда пасть льва широко раскрылась, демонстрируя полный набор неровных, покрытых пятнами клыков, кремневый наконечник стрелы вошел в густую темную шерсть, покрывавшую грудь зверя. Удара не было слышно, но тонкое прямое древко стрелы вошло в тело льва, и снаружи остался торчать только конец с ярким оперением длиной в ладонь.

Нефер подумал, что попал в сердце. Лев высоко подпрыгнул в ужасной конвульсии, и его рычание сменилось непрерывным ревом, который сбросил с веток тернового дерева над его головой облако сухих листьев. Затем зверь закружился, кусая собственную грудь и разгрызая в щепки торчащий конец стрелы. Минтака лежала почти под его когтистыми, быстро переступающими лапами.

– Уходи от него! – закричал Нефер. – Беги!

Он наклонился и, выхватив вторую стрелу из колчана у своих ног, побежал вперед, накладывая ее на тетиву. Минтака вскочила. К ней вернулось достаточно сообразительности, и, чтобы не мешать прицеливанию, она не бросилась прямо к нему в поисках защиты, а спряталась за стволом ближайшего тернового дерева.

Этого движения оказалось достаточно, чтобы снова привлечь к ней внимание раненого льва. Теперь его терзали боль и ярость, а не голод, и он бросился к ней. Кривые желтые когти сорвали кусок влажной коры со ствола дерева, за которым спряталась Минтака.

– Сюда! Я здесь! Иди ко мне! – громко закричал Нефер, пробуя отвлечь от нее льва. Тот повернул огромную голову с косматой гривой к нему, и Нефер одним отчаянным движением натянул лук и выпустил следующую стрелу. Руки у него дрожали, а цель быстро двигалась. Стрела улетела слишком далеко назад, вонзилась льву глубоко в живот, и зверь закашлялся. Он оставил Минтаку и бросился к Неферу. И хотя он был смертельно ранен и уже двигался медленно, у Нефера не было никакого шанса уклониться от этой новой атаки. Он пустил последнюю стрелу, а колчан лежал на твердой земле далеко от него. Протянув руку вниз, он вытянул из ножен на поясе кинжал.

Это было слабым оружием против разъяренного животного. Тонкое бронзовое лезвие было недостаточно длинным, чтобы нанести удар в сердце, но Нефер слышал, как царский охотник рассказывал истории об удивительном спасении из точно такого же смертельно опасного положения. Когда лев бросился в предвещающем смертоносное нападение прыжке, Нефер упал назад, даже не пытаясь сопротивляться удару тяжелого животного. Он оказался между его передними лапами, и лев широко открыл пасть и нагнул голову, чтобы раздробить череп Нефера ужасными клыками. Его дыхание было так отвратительно, со зловонием гнилого мяса и разрытых могил, что Нефер почувствовал сильный позыв к рвоте. Мгновение он лежал неподвижно, затем ударил кинжалом, зажатым в правой руке, глубоко в открытую пасть. Лев инстинктивно сомкнул челюсти.

Нефер крепко держал кинжал, направляя лезвие вертикально вверх, и, когда челюсти льва сомкнулись, острие бронзового кинжала пробило ему нёбо. Нефер вытянул руку, прежде чем клыки успели сломать кости его запястья, потому что челюстям льва мешал сомкнуться кинжал, зажатый между ними, и он не мог укусить.

Лев рвал фараона обеими передними лапами с полностью выпущенными когтями. Нефер извивался и корчился под тяжелым телом, уклоняясь от некоторых ударов когтей, но его передник был разорван, и он чувствовал, как костяные крючья рвут его плоть. Он понимал, что долго не продержится. Не сознавая этого, он кричал льву над собой:

– Уйди от меня, грязное существо! Убирайся прочь!

Лев продолжал реветь, кровь из пронзенного нёба летела из пасти тучей темно-красных брызг, смешанных со зловонным дыханием и горячей слюной, в лицо Неферу.

Его крики привели в чувство Минтаку, и, когда она выглянула из-за ствола тернового дерева, Нефер лежал залитый кровью под тушей льва, истерзанный до смерти. Минтака забыла о своем страхе.

Лук Нефера лежал под его телом, а без него полный стрел колчан был бесполезен. Она выпрыгнула из-за дерева и бросилась к колеснице. Крики и рев позади подгоняли ее, и она бежала, пока ей не начало казаться, что ее сердце вот-вот разорвется.

Лошади впереди были напуганы запахом зверя и его ревом. Они вставали на дыбы, мотали головами и лягались. Они бы давно убежали, если бы Нефер не закрепил на одном колесе запирающий тормоз, так что они могли только поворачивать на месте в правую сторону, описывая узкое кольцо. Минтака пробежала мимо их мелькающих копыт и вскочила на площадку. Она схватила лежащие поводья и крикнула лошадям:

– Эй, там, Звездочет! Стой, Молот!

На их предыдущих прогулках Нефер часто позволял ей править, так что лошади помнили ее голос и узнали натяжение поводьев. Она быстро подчинила их, но ей показалось, что прошла вечность, поскольку крики Нефера и оглушительный рев льва не смолкали. В тот миг, когда ей удалось успокоить пару лошадей, она перегнулась через борт и ударом выбила тормоз. Она круто развернула колесницу влево и направила ее вперед прямо ко льву и его жертве.

Молот упирался, но Звездочет слушался поводьев. Минтака схватила кнут, которым Нефер никогда их не бил, и стегнула по блестящим бедрам Молота, оставив рубец толщиной с ее большой палец.

– Ха! – закричала она. – Тяни, проклятый Молот!

Испуганный Молот рванулся вперед, и они тяжело поскакали ко льву. Все внимание зверя было сосредоточено на кричащей, корчащейся между его передними лапами жертве, и он не взглянул на колесницу, приближавшуюся к нему.

Минтака бросила кнут и выхватила из крепления длинное копье. Она держала его для Нефера долгие часы во время охоты, и сейчас оно легко и знакомо легло в ее правую руку. Правя бегущей упряжкой поводьями, зажатыми в левой руке, она сильно перегнулась через боковой щит и высоко подняла копье. Когда они проезжали мимо лежащего льва, его голова была опущена, а шея полностью открыта. Место соединения спинного хребта и черепа на его шее покрывала плотная черная грива, но принцесса угадала это место и ударила копьем вниз, вложив в удар всю силу своего страха и любви к Неферу.

Ее копье уже приобрело скорость мчащейся колесницы. К ее изумлению, оно легко пронзило плотную шкуру и глубоко, на всю длину, вошло в шею животного. Минтака почувствовала слабый щелчок в руке, когда острие ударило в место соединения между позвонками и прошло дальше, обрубая хребет.

Когда колесница промчалась мимо, древко копья вырвалось из ее рук. Но лев обрушился на Нефера обмякшей, неподвижной горой. Он больше не шевелился, убитый в одно мгновение. Лишь через пятьдесят локтей принцесса сумела заставить перепуганных лошадей остановиться, развернула колесницу и погнала их туда, где под огромным телом лежал Нефер.

Ей хватило присутствия духа, чтобы сперва набросить тормоз на колеса и только потом спрыгнуть с колесницы.

Было очевидно, как ужасны раны Нефера. Из-за того, что он был обильно покрыт кровью, она подумала, что он, наверное, уже мертв. Она упала на колени возле него.

– Нефер, поговорите со мной. Вы слышите меня?

К ее огромному облегчению, он повернул к ней голову, его глаза были открыты и смотрели на нее.

– Вы вернулись, – выдохнул он. – Бак-кер, Минтака, бак-кер.

– Я сниму его с вас. – Она видела, что огромный вес мертвого зверя выдавливал воздух из его легких. Она поднялась и потащила зверя за голову.

– Хвост, – с болью прошептал Нефер сквозь маску струящейся крови. – Перекатите его за хвост.

Она быстро послушалась, ухватила длинный, с кистью, хвост и потащила вверх изо всех сил. Задняя часть медленно начала поворачиваться, затем перевернулось все тело, и Нефер оказался свободен.

Минтака встала на колени рядом с ним и помогла ему сесть, но он покачнулся как пьяный и протянул к ней руку в поисках поддержки.

– Помоги мне, Хатор, – взмолилась она. – Вы очень сильно ранены. Здесь так много крови.

– Она не вся моя, – пробормотал он, но из его правого бедра в том месте, где когти разорвали кровеносный сосуд, толчками бил темно-красный фонтан. Таита долго и серьезно учил его лечению боевых ран, и теперь он вставил большой палец в разорванную плоть и нажимал до тех пор, пока струя не прекратила течь.

– Принесите водяные мехи, – сказал он, и Минтака побежала к колеснице и принесла их. Она держала их перед Нефером, пока он жадно пил, а затем осторожно смыла кровь и грязь с его лица, с облегчением увидев, что оно не повреждено. Однако, осмотрев другие его раны, она едва скрыла потрясение – настолько они были серьезны.

– Моя постель в колеснице. – Его голос слабел. Когда принцесса принесла ее, он попросил развязать узел, и там она нашла сверток с принадлежностями для шитья. Она достала оттуда иглу и шелковую нить. Он показал ей, как перевязать кровеносный сосуд, из которого била

кровь. Это далось ей легко, и она не колебалась и не страшилась. Ее руки были до запястий в крови, когда ловкими пальцами она затянула нить вокруг разорванной артерии, затем закрыла самые глубокие раны в его теле. Все еще под его руководством полосами, оторванными от его изодранного хитона, она перевязала раны. Это была грубая, примитивная хирургия, но ее хватило, чтобы остановить самое сильное кровотечение.

– Это все, что мы можем сейчас. Я помогу вам сесть в колесницу и доставлю туда, где хирург сможет сделать остальное. О, если бы Таита был здесь... – Минтака побежала к Звездочету и привела лошадей туда, где лежал Нефер. Он, приподнявшись на одном локте, с тоской глядел на тело льва, лежавшее рядом с ним.

– Мой первый лев, – прошептал он горестно. – Если мы не снимем с него шкуру, трофей будет испорчен. Шерсть осыплется.

В пылу переживаний, в ужасном беспокойстве о нем она вышла из себя.

– В жизни не слышала такой дурацкой «мужской» чуши! Вы хотели бы рискнуть жизнью ради зловонного куска меха? – Она сердито подошла, чтобы помочь ему встать на ноги. Им обоим потребовались невероятные усилия, чтобы поднять его. Опираясь на нее всем своим весом, Нефер, прихрамывая, добрел до колесницы и обессиленно упал на площадку.

Минтака постелила овчину, чтобы уложить его как можно удобнее, поднялась на колесницу и встала над ним с поводьями в руках.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Остальная часть отряда сейчас должна быть высоко над долиной и ехать слишком быстро, чтобы мы могли их догнать. К тому же они едут в другую сторону, – сказал он.

– Другие охотники рассеяны по пустыне. Мы можем искать их весь день – и не найти. Нужно вернуться туда, где стоит флот, к Даббе. На кораблях есть хирург, – пришла она к единственно правильному заключению, и Нефер кивнул.

Минтака пустила лошадей шагом, и колесница покинула рощу и въехала на высоту, снова направляясь на юг.

– До Даббы три часа пути, а то и больше, – сказала Минтака.

– Меньше, если ехать поперек излучины реки, – ответил он. – Можно сократить путь по меньшей мере на четыре лиги.

Минтака заколебалась и посмотрела на восток, в сторону дикой пустыни, куда он убеждал ее направиться.

– Я могу там заблудиться, – проговорила она со страхом.

– Я буду показывать дорогу, – ответил он, уверенный в себе, потому что Таита научил его путешествовать в пустыне.

– Это наш лучший шанс. – Она повернула упряжку влево, отметив голубоватый сланцевый пригорок в той стороне, куда указал Нефер.

Когда они были сильны и здоровы, им обоим чрезвычайно нравилось ехать в колеснице по неровной земле, и они пружинили на подъемах и спусках молодыми ногами. Но сейчас, даже при том, что Минтака вела лошадей шагом или рысью, столкновение с каждым камнем или выступом, толчок от каждой ямы передавались через твердые колеса в истерзанное тело Нефера. Он морщился и обливался потом, но пытался скрыть свою боль. И все же с течением времени его раны воспалились, и боль стала невыносимой.

Он громко застонал при особенно сильном толчке и внезапно потерял сознание.

Минтака немедленно остановила лошадей и попробовала привести его в чувство. Она намочила в воде комок льняной ваты и выжала несколько капель в просвет между его губами. Затем протерла бледное, потное лицо Нефера. Но когда она попыталась повторно перевязать раны, то обнаружила, что глубокая рана в бедре вновь кровоточит. Она попыталась остановить кровь, но добилась только того, что кровь стала течь медленнее.

– С тобой все будет хорошо, мой дорогой, – сказала она ему с уверенностью, которой не чувствовала. Она нежно обняла его, поцеловала в запыленную, покрытую засохшей кровью голову, в темя, и снова взяла поводья.

Час спустя она отдала Неферу и лошадям последнюю воду и не пила сама. Затем встала вытянувшись в струнку на переднем щите колесницы и принялась оглядывать холмы из гравия и сланца, колеблющиеся и дрожащие в жарком мареве. Она поняла, что заблудилась. «Я проехала слишком далеко на восток?» – задавалась она вопросом, глядя на солнце и пробуя вычислить его угол. У ее ног шевелился и стонал Нефер, и она посмотрела вниз с храбрым выражением на лице и улыбнулась.

– Мы не поедем дальше, сердце мое. Со следующего гребня мы должны увидеть реку.

Она поправила овчину под его головой, встала, взяла поводья и постаралась успокоиться. Внезапно она поняла, как устала: каждая мышца в ее теле болела, глаза воспалились и были красные от яркого солнца и пыли. Она с усилием тронула упряжку с места.

Скоро появились признаки утомления лошадей. Они прекратили потеть, и их спины покрыл белый иней высохшей соли. Она попробовала пустить их рысью, но животные не могли бежать, поэтому она спустилась, взяла жеребца под уздцы и повела упряжку. Теперь и она пошатывалась, но наконец наткнулась на следы колесницы на песчаном дне долины и повеселела.

– Они ведут на запад, – прошептала она губами, которые начинали раздуваться и трескаться. – Они приведут нас назад к реке. – Она пошла дальше по следам колес, но через некоторое время остановилась в замешательстве, поскольку обнаружила перед собой собственные следы. Ей потребовалось время, чтобы понять, что она, должно быть, шла по кругу по своей колее.

В конце концов ее охватило отчаяние. Она опустилась на колени, беспомощная и потерянная, и прошептала Неферу, по-прежнему лежавшему без сознания:

– Прости, мой дорогой. Я подвела тебя. – Минтака сдвинула спутанные волосы с его лица, посмотрела на вершину низкого холма на востоке и заморгала. Она потрясла головой, чтобы лучше видеть, посмотрела вдаль, чтобы дать отдохнуть своим воспаленным глазам, и снова поглядела туда. Она почувствовала, как ее настроение снова улучшается, но все-таки не могла быть уверена, что увиденное не иллюзия, а действительность.

На гребне холмов над ними, на фоне неба, опершись о длинный посох, стояла худощавая фигура. Серебристые волосы сияли подобно облаку, и легкий жаркий ветер из пустыни хлопал набедренником по тонким, как у цапли, ногам. Человек глядел на них.

– О, Хатор и все богини, этого не может быть, – прошептала она.

Нефер открыл глаза.

– Таита – рядом, – пробормотал он. – Я чувствую, что он близко.

– Да. Таита – здесь. – Ее голос был еле слышен, и она схватилась за горло от потрясения.

– Но как он узнал, где нас найти?

– Он узнал. Таита знает как, – ответил Нефер, закрыл глаза и снова потерял сознание.

Старик уже шагал к ним вниз по неровному склону, и Минтака с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, пошла ему навстречу. Ее усталость стремительно убывала, и она замахала руками и закричала ему приветственные слова, почти обезумев от радости.

Таита вел колесницу вниз по откосу к реке и деревне Даббе. Лошади не артачились, чуя его руку, и двигались легко, что было хорошо для раненого мальчика на площадке колесницы. Некое глубинное чутье подсказывало Таите, какие лекарства и перевязочные материалы понадобятся Неферу, и он принес их с собой. Сменив повязки на ранах, он повел лошадей к скрытому источ-

нику поблизости, где горьковатая вода восстановила их силы. Он поднял Минтаку на площадку и безошибочно повернул лошадей к Даббе и реке.

Стоя рядом с ним, Минтака почти со слезами умоляла его объяснить, как он узнал, что они нуждаются в нем и где их найти. Таита мягко улыбнулся и крикнул лошадям:

– Потише теперь, Молот! Спокойно, Звездочет.

На площадке колесницы Нефер лежал в глубоком сне под действием красного шепенна; его раны, очищенные и перевязанные льняными полосами, больше не кровоточили. Яростный красный закат над Нилом начал бледнеть, будто затухающий лесной пожар. В меркнущем свете, будто детские игрушки, виднелись корабли, все так же стоявшие на якорях в речном потоке.

Из деревни Дабба им навстречу выехали Апепи и Наг. Господин Наг был очень взволнован, а Апепи, как только они оказались в пределах слышимости его бычьего голоса, проревел дочери:

– Где вы были, глупая девчонка? Половина войска ищет вас. – Волнение господина Нага уменьшилось, как только он подъехал достаточно близко и увидел перевязанного Нефера, лежащего без сознания на дне колесницы. Он стал почти жизнерадостным, когда Таита объяснил ему, сколь тяжки раны фараона.

Несколько лодочников вынесли бесчувственного Нефера на носилках на берег реки и осторожно подняли на борт одной из галер.

– Я хочу, чтобы фараона как можно скорее доставили в Фивы, – сказал Таита Нагу, – пусть даже это будет ночная поездка. Очень велика опасность того, что раны загноятся. Так бывает с ранами, полученными от больших кошек. Будто их клыки и когти пропитаны сильным ядом.

– Вы можете приказать, чтобы галера отплыла тотчас, – ответил Наг во всеуслышание, но затем взял Таиту за руку и отвел его чуть дальше по берегу реки туда, где их не могли подслушать.

– Помните о задаче, возложенной на вас богами, Маг. Я ясно вижу в этом чрезвычайном происшествии их божественное вмешательство. Если фараон умрет от ран, никто в обоих царствах не усомнится в том, что его смерть была естественной. – Он не сказал ничего больше, но пристально поглядел в лицо Таиты пронизывающими желтыми глазами.

– Воля богов победит все, – спокойно, но загадочно согласился Таита.

Наг усмотрел в его ответе то, что хотел услышать.

– Между нами царит согласие, Таита. Я надеюсь на вас. Идите с миром. Я последую за вами в Фивы после того, как позабочусь об Апепи. – Это последнее замечание показалось Таите необычным, но он был слишком озабочен, чтобы обдумать это. Наг загадочно улыбнулся и продолжил: – Кто знает? Может быть, когда мы встретимся снова, у нас будут важные новости друг для друга.

Когда Таита поспешил вернуться на борт галеры и вошел в маленькую каюту на палубе, где лежал Нефер, он увидел там Минтаку, в слезах стоявшую на коленях около носилок.

– Что такое, моя дорогая? – спросил он ее мягко. – Вы были храброй как львица. Боролись как воин. Как вы можете впадать в отчаяние сейчас?

– Мой отец заберет меня утром в Аварис, а я должна быть с Нефером. Я обручена с ним. Он нуждается во мне. Мы нужны друг другу. – Она жалобно глядела на него. Таита видел, что она физически и эмоционально истощена. Она схватила его за руку.

– О, Маг! Вы не можете пойти к моему отцу и попросить позволения мне вернуться в Фивы, чтобы помочь вам заботиться о Нефере? Мой отец послушает вас.

Но Апепи фыркнул от смеха, когда Таита попытался уговорить его.

– Поместить моего ягненка в загон Нага? – Он весело покачал головой. – Я доверяю Нагу не больше чем скорпиону. Кто знает, на какие хитрости он может пуститься, если заполучит ее? Что касается этого молодого щенка, Нефера, он окажется возле ее набедренника быстро, как сокол на дрофе, хотя, может быть, он уже путешествовал по той дороге. – Он снова засмеялся. –

Я не хочу снизить цену ее девственности. Нет, Чародей, Минтака до дня своей свадьбы вернется под мое крыло в Аварис. И ни одно из ваших волшебных заклинаний не заставит меня передумать.

Минтака печально отправилась прощаться с Нефером. Он был едва в сознании, слабый от потери крови и дурманящего лекарства. Но когда она поцеловала его, он открыл глаза. Она говорила тихо, заверяя его в своей любви, а он смотрел в ее глаза, пока она говорила. Прежде чем подняться, чтобы оставить его, она сняла с шеи золотой медальон.

– Здесь локон моих волос. Это – моя душа, и я отдаю ее вам. – Она вложила медальон Неферу в руку, и он сильно сжал его пальцами.

Минтака одиноко стояла на берегу Нила, когда быстрая галера, несущая Нефера и Таиту, разрезала поток. С двадцатью гребцами у каждого борта и белым буруном под носом она направилась вверх по течению к Фивам. Минтака не помахала рукой высокой фигуре Таиты на корме и лишь печально смотрела на него.

На следующее утро на борту гиксосской царской барки состоялась последняя встреча между Апепи и регентом, господином Нагом. На ней присутствовали все девять сыновей Апепи, а Минтаку посадили рядом с ее отцом. С предыдущего вечера, когда уплыл корабль, несущий фараона Нефера Сети, Апепи держал ее на коротком поводке. Он достаточно хорошо изучил свою упорную дочь, чтобы не доверять ни ее суждениям, ни ее чувству дочернего долга и повиновения, если она становилась на путь действия.

Прощальная церемония на палубе галеры Апепи началась с заявлений о взаимном доверии и преданности миру.

– Пусть он продлится тысячу лет! – произнес Наг, когда даровал Апепи Золото Вечности, награду, которую придумал для этого подходящего случая.

– Тысячу раз тысячу, – ответил Апепи так же серьезно, когда инкрустированную драгоценными и полудрагоценными камнями цепь повесили ему на плечи. Регент и царь обнялись как братья, и Нага повезли на лодке к его собственной галере. Два флота разделились: один – чтобы вернуться в Фивы, другой – чтобы плыть вниз по течению сотни лиг к Мемфису и Аварису – и команды кораблей выкрикивали приветствия друг другу, пока не скрылись из виду. Поверхность широкой реки покрывали гирлянды и венки из пальмовых листьев и цветов, брошенные с одного корабля к другому.

Путешествие царя Апепи не было срочным, и не требовалось, чтобы его флот плыл в темноте безлунной ночи, поэтому вечером он бросил якоря в Баласфура, напротив храма Хапи, полугиппопотама, двуполого бога Нила. Царь и его семейство сошли на берег и у алтаря святилища принесли в жертву вола чисто-белого цвета. Верховный жрец разрезал ревущему животному живот, и у еще живого вытащил и осмотрел внутренности, чтобы прочитать предзнаменования для царя. И испугался, обнаружив, что кишки животного наполнены зловонными белыми червями, высыпавшимися на пол храма шевелящейся массой. Он попытался скрыть от царя это отвратительное зрелище, расправив накидку и начав молоть какую-то лживую чепуху, но Апепи отодвинул его плечом в сторону и уставился на жуткое зрелище. Даже он был заметно потрясен и выглядел подавленным, когда покидали храм и спускались на берег реки, где Трок и его военачальники устроили ужин и развлечения для него.

Даже священные черные петухи храма отказались клевать нечистые внутренности жертвы. Жрецы бросили ужасное месиво в огонь храма, но вместо того, чтобы сгореть, оно погасило огонь, пылавший с древних времен. Более зловещих предзнаменований быть не могло, но верховный жрец приказал захоронить внутренности и снова зажечь огонь.

– Я никогда не видел такого трагического предзнаменования, – сказал он своим служителям. – Такой знак от бога Хапи может предвещать только ужасное событие вроде войны или смерти фараона. Нам следует молиться в течение всей этой ночи об исцелении фараона Нефера Сети от ран.

На берегу реки, чтобы принять царское семейство, господин Трок установил павильоны, увешанные яркими красными, желтыми и зелеными драпировками. Целые волы жарились над ямами с пылающими углями, амфоры отборных вин охлаждались в речной воде. Рабы пошатывались под их тяжестью, вынося их на берег по мере того, как одну за другой их осушали пирующие, и Апепи громко требовал нести все новые кувшины.

Мрачное настроение царя рассеивалось с каждой выпитой им чашей, и вскоре он поощрял своих сыновей присоединиться к нему в пении грубых военных походных песен. Некоторые были столь грубы, что Минтака, сославшись на усталость и головную боль, встала вместе со своими девушками-рабынями, чтобы удалиться на царскую барку, поставленную на якорь на некотором расстоянии от берега. Она хотела взять с собой своего самого младшего брата, Хиана, но вмешался Апепи. Хорошее вино помогло ему забыть предчувствия, навеянные предсказанием в храме.

– Оставь мальчика, где он сидит, маленькая лисица. Пусть учится ценить хорошую музыку. – От избытка нежности он прижал мальчика к себе и поднес винную чашу к его губам.

– Выпей глоток. Это позволит тебе петь слаще, мой маленький принц.

Хиан обожал отца, и такое прилюдное выражение товарищества вызвало в нем прилив гордости и благоговения. Наконец-то его отец обращался с ним как с мужчиной и воином. Даже при том, что вином он давился, он сумел осушить одну чашу, и компания под руководством господина Трока приветствовала его громкими возгласами, как если бы он убил своего первого врага в сражении.

Минтака колебалась. Она ощущала почти материнское беспокойство за младшего брата, но она поняла, что отца не убедить. Со всем достоинством она увела своих служанок вниз к берегу реки, и под иронические и пьяные выкрики компании они поднялись на борт барки.

Минтака лежала на матраце и прислушивалась к звукам кутежа. Она пробовала уснуть, но Нефер занимал все ее мысли. Чувство утраты, которое она подавляла весь день, и ее тревога из-за ранений Нефера вернулись, и хотя она пыталась сдержаться, слезы хлынули из глаз. Она глушила рыдания в подушках.

Наконец она погрузилась в черный сон без сновидений, от которого с трудом пробудилась. Она выпила совсем мало вина, но чувствовала себя одурманенной, и голова у нее болела. Минтака задалась вопросом, что ее разбудило. Затем она услышала сквозь борт хриплые голоса, и барка качнулась под ней, когда на нее вскарабкались люди. Слышались пьяный смех и голоса и тяжелые шаги по палубе над головой. Из разговоров стало понятно, что на барку принесли ее отца и братьев. Мужчины в ее семействе частенько напивались до такого состояния, но она волновалась о маленьком Хиане.

Минтака с усилием поднялась с ложа и начала одеваться, но чувствовала себя странно вялой и оглушенной. Она покачивалась, когда поднималась на палубу.

Первым человеком, кто встретился ей, был господин Трок. Он давал указания солдатам, несшим ее отца. Потребовалось шесть человек, чтобы нести его огромное неподвижное тело. Ее старшие братья были не в лучшем состоянии. Она почувствовала гнев и стыд за них.

Затем она увидела, как лодочник несет Хиана, и побежала к нему. «Теперь они добрались и до Хиана, – подумала она с горечью. – Они не остановятся, пока и его не превратят в пьяницу».

Она приказала лодочнику отнести Хиана вниз на тюфяк в каюте отца и там раздела его и влила в рот настой трав, восстанавливающих силы. Это зелье было лекарством от всех болез-

ней, которое смешал для нее Таита, и оно, кажется, подействовало. Хиан наконец пробормотал что-то и открыл глаза, а затем сразу снова погрузился в сон, глубокий, но естественный.

– Надеюсь, это будет ему уроком, – сказала она себе. Больше она ничего не могла сделать для него, только позволить выспаться. Кроме того, она все еще чувствовала себя сонной, а голова невыносимо болела. Она вернулась к себе в каюту и, не потрудившись раздеться, упала на матрац и почти сразу снова заснула.

В следующий раз, когда она пробудилась, ей показалось, что ей снится кошмар: она слышала крики и задыхалась в облаках густого дыма, обжигающего горло. Не успела Минтака окончательно проснуться, как почувствовала, что ее схватили с кровати, завернули в меховое одеяло и вынесли на палубу. Она сопротивлялась, но была беспомощна как младенец в сильных руках. На палубе безлунную ночь озаряли скачущие языки пламени. Они ревели в открытом переднем люке царской барки, поднимались на мачты и вихрились адским оранжевым потоком. Она никогда прежде не видела горящий деревянный корабль, и проворство и свирепость огня ужаснули ее.

Ей не дали долго смотреть на это, поскольку быстро понесли по палубе и через борт в ожидавшую фелюгу. Вдруг, опомнившись, она снова начала биться и кричать.

– Отец! Братья! Хиан! Где они? – Фелюга отошла от берега, и теперь она отчаянно боролась, чтобы освободиться, но руки, державшие ее, были безжалостны. Ей удалось высунуть голову и увидеть лицо человека, державшего ее.

– Трок! – Она была возмущена его дерзостью, тем, как он обращался с ней и не обращал внимания на ее крики. – Отпустите меня! Я приказываю!

Трок не отвечал. Он без труда удерживал ее и смотрел на горящую галеру со спокойным, равнодушным выражением.

– Вернитесь! – кричала она ему. – Моя семья! Вернитесь и вынесите их!

Его единственным ответом был короткий приказ гребцам:

– Весла на воду! – Они опустили весла, и фелюга закачалась посреди реки. Команда зачарованно смотрела на горящий корабль. Там слышались страшные крики попавших в ловушку в трюме под палубой.

Вдруг часть юта обрушилась, подняв столб пламени и искр. Швартовочные канаты сгорели, и галера медленно закружилась в потоке и поплыла вниз по течению.

– Пожалуйста! – Минтака сменила тон. – Пожалуйста, господин Трок, там моя семья! Вы не можете позволить им сгореть.

Теперь крики внутри корпуса затихли, и их сменил низкий гул огня. Слезы лились по щекам Минтаки и капали с подбородка, но она была все так же беспомощна в руках Трока.

Внезапно главный люк на горящей палубе откинулся, и команда фелюги вздохнула от ужаса, когда из него появилась фигура. Руки господина Трока стиснули Минтаку, и ей показалось, что он сломает ей ребра.

– Этого не может быть! – проговорил он с досадой.

Сквозь дым и пламя фигура эта походила на призрак из тени подземного мира. Голый, волосатый, пузатый, Апепи шел к борту барки. Он нес на руках тело своего самого младшего сына и широко открытым ртом хватал воздух в бушующем пламени.

– Чудовище трудно убить. – К гневу Трока примешивался страх. Даже в своем горе Минтака поняла смысл его слов.

– Вы, Трок! – прошептала она. – Это сделали с ними вы. – Трок никак не откликнулся на ее обвинение.

Волосы на теле Апепи опалило, и в дуновении пламени они сгорели, на мгновение оставив его голым и черным. Затем его кожа начала покрываться пузырями и отпадать лохмотьями. Густая борода и волосы на голове ярко вспыхнули, будто пропитанный смолой факел. Он больше не двигался вперед, а стоял, широко расставив ноги и держа Хиана высоко над головой.

Мальчик был обожжен так же, как отец, и там, где его кожа сгорела, открытая плоть была красной и влажной.

Возможно, Апепи хотел швырнуть его за борт, в реку, чтобы спасти от огня, но силы наконец оставили его, и он стоял подобно колоссу, с головой в огне, неспособный собрать последние силы, чтобы бросить сына в спасительные прохладные воды Нила.

Минтака оцепенела и онемела от ужаса. Ей казалось, что все это длилось целую вечность, но вдруг палуба под ногами Апепи провалилась. Он и его сын упали вниз и исчезли внутри в высоком фонтане пламени, искр и дыма.

– Кончено. – Голос Трока звучал безучастно и равнодушно. Он отпустил Минтаку так внезапно, что она упала на дно фелюги, и оглядел свою напуганную команду.

– Гребите к моей галере, – приказал он.

– Вы это сделали с моей семьей, – повторила Минтака, лежа у его ног. – Вы заплатите за это. Я вам в этом клянусь. Я заставлю вас заплатить.

Но она чувствовала себя оцепенелой и избитой, будто ее исхлестали узловатыми кожаными ремнями бича.

Ее отец, фигура, занимавшая в ее жизни огромное место, тот, кого она слегка ненавидела и сильно любила, погиб. Ее семейство погибло, все ее братья, даже маленький Хиан, который был для нее больше сыном, чем братом. Она видела, как он горел, и знала, что ужас этого зрелища останется с ней на всю жизнь.

Фелюга подошла к галере господина Трока, и Минтака не протестовала, когда он поднял ее, как куклу, и понес на борт, а затем вниз, в главную каюту. Он положил ее на тюфяк с неожиданной осторожностью.

– Ваши девушки-рабыни в безопасности. Я пришлю их к вам, – сказал Трок и вышел. Она услышала, как за дверью опустили засов, затем звуки его шагов – вверх по трапу и по палубе над ее головой.

– Что же, я в тюрьме? – прошептала она, но это показалось ей несущественным после только что пережитого. Она уткнулась лицом в подушки, пропахшие несвежим потом Трока, и заплакала, и продолжала плакать, пока не иссякли слезы. Тогда она уснула.

Горящий корпус царской барки Апепи прибило течением к берегу рядом с храмом Хапи. В рассветных сумерках дым высоко поднимался в неподвижный воздух. Он отвратительно пах сгоревшей плотью. Когда Минтака проснулась, омерзительная вонь проникла в каюту. Дым, казалось, послужил маяком, поскольку солнце еще едва показалось над восточными холмами, а флот господина Нага уже прибыл, выплывал из-за изгиба реки.

Девушки-рабыни принесли новости Минтаке.

– Господин Наг прибыл во всей красе, – сказали они ей взволнованно. – Вчера он оставил нас, чтобы вернуться в Фивы. Не странно ли, что он смог приплыть сюда так быстро, когда ему следовало быть в двадцати лигах вверх по реке?

– Чрезвычайно странно, – мрачно согласилась Минтака. – Мне нужно одеться и быть готовой к любому новому злодеянию, ожидающему меня теперь.

Все ее вещи сгорели в огне пожара на царской барке, но служанки позаимствовали одежду у других благородных дам, находившихся на кораблях. Они вымыли и завили ей волосы, одели в простую льняную одежду, золотой пояс и сандалии.

К полудню вооруженный эскорт прибыл на борт галеры, и Минтака поднялась с ним на палубу. Ее взгляд обратился вначале к лежавшим на далеком берегу почерневшим останкам царской барки, сгоревшей до ватерлинии. Никто не потрудился извлечь тела из обломков. Это

был погребальный костер ее семьи. Гиксосская традиция требовала кремации, а не бальзамирования и сложных процедур и церемоний погребения.

Минтака знала, что ее отец одобрил бы такой способ ухода, и немного утешилась. Затем она подумала о Хиане и отвела глаза.

Ей потребовалось усилие, чтобы сдержать слезы, когда она спустилась в ожидавшую фелюгу и была затем переправлена на берег ниже храма Хапи.

Господин Наг со всей своей свитой ждал, чтобы встретить ее. Когда он обнял Минтаку, она осталась отчужденной и бледной.

– Это тяжелое время для всех нас, принцесса, – сказал он. – Ваш отец, царь Апепи, был могучим воином и могущественным правителем. Ввиду недавнего договора между двумя царствами и объединения Египта в одно священное целое он оставил опасную пустоту. Для всеобщей пользы ее следует немедленно заполнить.

Он взял принцессу за руку и повел к павильону, что прошлым вечером был местом пира и веселья, а теперь в нем собрались для серьезного совещания большая часть знати и чиновников обоих царств.

Впереди этой толпы она увидела Трока, поразительную фигуру в полном боевом облачении. На покрытом золотыми заклепками поясе висел меч, а на плече – боевой лук. Позади него плотными рядами стояли все его военачальники, мрачные, с холодными угрожающими глазами, несмотря на яркие пестрые ленты, вплетенные в их бороды. Они глядели на Минтаку без улыбки, и она с горечью осознала, что она – последняя из потомков Апепи, покинутая и беззащитная.

Она задавалась вопросом, к кому могла бы обратиться и чьей преданностью все еще могла бы воспользоваться. Она поискала в толпе дружественные знакомые лица. Все были там, члены совета ее отца и его советники, его военачальники и боевые товарищи. Затем она увидела, что они прячут глаза. Ни один не улыбнулся ей, не ответил на ее взгляд. Никогда в жизни принцесса не чувствовала себя такой одинокой.

Наг подвел ее к стоявшему у стены павильона табурету с подушкой. Когда Минтака села, Наг и его штаб образовали вокруг нее заслон, скрыв от глаз окружающих. Она была уверена, что это устроено преднамеренно.

Господин Наг открыл совещание сожалением о трагической смерти царя Апепи и его сыновей. Затем он начал хвалебную речь в честь мертвого фараона. Он перечислял его многочисленные военные триумфы и государственные деяния, самым славным из которых стало его участие в заключении договора Хатор, принесшего мир двум царствам, раздираемым десятилетиями междуусобной войны.

Без царя Апепи или сильного фараона, который бы вел дела Нижнего Царства и правил совместно с фараоном Нефером Сети и его регентом в Фивах, договору Хатор угрожала опасность. Невозможно было думать о возвращении к ужасам войны прошедших до заключения договора шестидесяти лет.

Господин Трок ударил мечом в ножнах о бронзовый щит и закричал:

– Бак-кер! Бак-кер!

Немедленно все военачальники позади него последовали его примеру, и стук медленно распространялся по рядам, пока не превратился в оглушительный грохот.

Наг некоторое время слушал, затем поднял обе руки. Когда наступила тишина, он продолжил:

– Из-за трагических обстоятельств своей смерти царь Апепи не оставил Короне наследника мужского пола. – Он гладко избежал всякого упоминания о Минтаке. – Я безотлагательно посоветовался со старшими членами совета и номархами обоих царств. Их выбор нового фараона был единодушен. Они единогласно просили, чтобы господин Трок из Мемфиса поднял бразды

власти, надел двойную корону и стал править народом согласно благородной традиции, установленной царем Апепи.

Тишина, последовавшая за этим объявлением, была долгой и глубокой. Люди переглядывались, удивленные до крайности, и только затем замечали, что, пока они внимали речам господина Нага, два отряда северного войска, которым командовал Трок и которое было предано ему, тихо вышли из пальмовой рощи и окружили собрание. Их мечи были вложены в ножны, но руки в перчатках лежали на рукоятках. Им потребовалось бы всего мгновение, чтобы выхватить бронзовые клинки. На лицах всех присутствовавших отразились тревога и испуг. Минтака воспользовалась этим моментом. Она вскочила с табурета, на котором ее не было видно, и закричала:

– Господа, верные подданные Египта...

Ей не удалось продолжить. Четверо самых высоких гиксосских воинов обступили ее, чтобы закрыть от других. Они загремели обнаженными мечами о щиты и закричали в один голос:

– Да здравствует фараон Трок Урук. – Крик подхватила остальная часть войска. В радостном шуме, последовавшем за этим, сильные руки взяли Минтаку и потащили прочь сквозь ликующую толпу. Она безуспешно сопротивлялась, ее движения были скованны и голос не слышен в громе приветствий. На берегу реки она вывернулась в руках своих конвоиров и оглянулась. Через головы толпы она увидела господина Нага, поднимающего двойную корону над головой нового фараона.

Затем ее повели вниз с берега, к ожидавшей фелюге, и назад в запертую и охраняемую каюту на галере господина Трока.

Минтака сидела со своими девушками-рабынями в тесной маленькой каюте и ждала, чтобы узнать, какова будет ее судьба, когда новый фараон вернется на борт. Ее девушки были так же напуганы и обескуражены, как она сама. Однако она пыталась успокоить их. Когда они немного успокоились, она приказала им играть в их любимые игры. Скоро это надоело, поэтому она приказала принести лютню. Ее собственная лютня осталась на барке ее отца, но они позаимствовали другую у стражника.

Минтака устроила соревнование, заставив девушек по очереди танцевать в ограниченном пространстве маленькой каюты. Они смеялись и хлопали в ладоши, когда услышали, как новый фараон вернулся на борт. Девушки притихли, но Минтака заставила их продолжать, и скоро они шумели, как прежде.

Минтака не участвовала в веселье. Еще раньше она тщательно обследовала все вокруг. К ее главной каюте примыкала еще одна маленькая каюта, меньше кухонного шкафа, служившая уборной. В ней стояла большая глиняная туалетная чаша с крышкой и около нее – кувшин с водой для мытья. Переборка, отделявшая чулан от следующей каюты, была очень тонкой. Строители лодки старались уменьшить вес. Минтака бывала на борту этой галеры в более счастливые времена, когда они с отцом были гостями господина Трока. Она знала, что за этой переборкой – главная каюта.

Минтака скользнула в уборную. Даже сквозь шум, который подняли ее девушки, она слышала мужские голоса за перегородкой. Она узнала четкий командный голос Нага и грубый голос Трока. Принцесса осторожно приложила ухо к доскам переборки, и голоса сразу стали слышны яснее, а слова понятнее.

Наг отпустил стражников, сопровождавших его на борт. Минтака слышала, как они ушли, и наступила долгая тишина. Такая долгая, что она подумала, будто Наг остался в каюте один. Затем она услышала, как с бульканьем полилось в чашу вино, и Наг с сильным сарказмом произнес:

– Великий, разве вы еще недостаточно освежились?

Раздался хорошо знакомый смех Трока, и когда он ответил на насмешку Нага, Минтака по его нетвердой речи услышала, что он действительно уже пьян.

– Ну, брат, не будь таким строгим. Выпей со мной. Давай выпьем за успешный исход всех наших предприятий. Выпей за корону на моей голове и за другую корону, которая скоро благословит твою голову.

Тон Нага немного смягчился.

– Год назад, когда мы только замыслили это, все это казалось невозможным, невероятно далеким. Тогда нас унижали и не замечали, и мы были так же далеко от трона, как луна от солнца, и, однако, сейчас мы здесь, два фараона, вместе владеющие всем Египтом.

– И перед нами умерли два фараона, – присоединился Трок, – Тамос, получивший твою стрелу в сердце, и Апепи, огромный боров, зажаренный в собственном сале вместе со всеми его поросятами, – закричал он с торжествующим смехом.

– Умоляю, не так громко. Ты неосторожен, пусть даже мы одни, – мягко упрекнул его Наг. – Будет лучше, если мы навсегда забудем об этом. Пусть наши маленькие тайны уйдут с Тамосом в его гробницу в Долине Царей и с Апепи на дно реки.

– Ну давай! – настаивал Трок. – Выпей со мной за все, чего мы достигли.

– За все, чего мы достигли, – согласился Наг.

– И за все, чего достигнем.

– Сегодня Египет, а завтра сокровища и богатства Ассирии, Вавилона и остального мира! Ничто не может встать на нашем пути.

Минтака услышала громкие глотки Трока. Затем что-то грохнуло о переборку на уровне ее уха. Это испугало ее, и она отскочила, но затем поняла, что Трок швырнул в стену пустую чашу, разбив ее вдребезги. Он громко рыгнул и продолжил:

– И все же осталась одна мелочь. Щенок Тамоса все еще носит на голове твою корону.

Услышав это, Минтака оказалась в водовороте чувств, который увлекал ее то в одну сторону, то в другую и кружил, пока все не закружилось у нее перед глазами. Она в ужасе слушала, как они беспристрастно обсуждали убийство ее отца, братьев и фараона Тамоса, однако оказалась не готова к тому, что они сказали о Нефере.

– Это ненадолго, – сказал Наг.

– Я позабочусь об этом, как только вернусь в Фивы. Все уже подготовлено.

Минтака прижала руки к губам, чтобы не закричать. Они собирались убить Нефера, так же хладнокровно, как и всех других. Ее сердце, казалось, сжалось в груди, и она почувствовала свою беспомощность. Она была пленницей и без друзей. Она попыталась придумать какой-нибудь способ послать предупреждение Неферу, потому что лишь в этот миг поняла всю силу своей любви к нему: она бы сделала все, что было в ее власти, только бы спасти его.

– Жаль, что лев не сделал за тебя эту работу, – сказал Трок, – а только поцарапал его немного.

– Зверь хорошо подготовил почву. Нужен лишь маленький толчок – и я устрою Неферу похороны еще более роскошные, чем его отцу.

– Ты всегда был щедрым, – захохотал Трок пьяно.

– Сейчас мы говорим об отродье Тамоса, но давай поговорим и о том, что осталось от потомства Апепи, – вкрадчиво предложил Наг. – Маленькая принцесса должна была сгореть со всеми остальными, разве мы не договаривались об этом?

– Я передумал. – Голос Трока стал мрачным. Минтака услышала, как он опять наполнил чашу вином.

– Опасно оставлять любую поросль от семени Апепи, – предупредил Наг. – Минтака легко может стать номинальной главой царства на годы вперед и быть объединяющей фигурой для бунтов и восстаний. Избавься от нее, брат, и поскорее.

– Почему ты не сделал того же с девчонками Тамоса? Почему они все еще живы? – защищаясь, упрекнул Трок.

– Я женился на них, – напомнил Наг, – и Гесерет уже влюблена в меня до безумия. Она сделает все, о чем я ни попрошу. У нас одни надежды и цели. Она желает увидеть похороны ее брата Нефера не меньше, чем я. И жаждет, чтобы мне достались корона и царский скипетр.

– Едва Минтака почувствует мою медовую пчелу в своем маленьком розовом цветке лотоса, она станет такой же, – заявил Трок.

Минтака покрылась гусиной кожей. Ее снова бросило в водоворот чувств. Ее так потрясла картина, нарисованная хвастливым Троком, что она чуть не пропустила следующее замечание Нага.

– Значит, она держит тебя за яйца, брат, – проговорил Наг, но без удивления. – На мой вкус, она слишком смела и непокорна, но мне угодно, чтобы ты насладился ею. Будь осторожен с ней, Трок, в ней есть необузданность. Возможно, укрощать ее придется гораздо дольше, чем ты думаешь.

– Я женюсь на ней немедленно и очень быстро обрюхачу ее, – уверил его Трок. – С ребенком в животе она станет более послушной. Много лет она разжигала в моих чреслах огонь, который не погасить ничем, кроме ее сладкого молодого сока.

– Тебе следует больше пользоваться головой и меньше зубцом, брат, – смирившись, проговорил Наг. – Будем надеяться, что мы не пожалеем об этой своей страсти. – Минтака услышала скрип палубы под ногами Нага, когда тот встал. – Итак, пусть боги любят и защищают тебя, брат. – Наг уходил. – Нас обоих ждут серьезные дела. Завтра нам следует расстаться, но давай встретимся, как уже решили, в Мемфисе к исходу разлива Нила.

До окончании поездки вниз по реке от Баласфура Минтаку держали на галере Трока. Пока они плыли, ей позволяли выходить на палубу, но при стоянках на якоре или швартовках запирали в каюте и у двери ставили стражника.

Это случалось часто, потому что Трок выходил на берег у каждого храма, чтобы принести жертву и поблагодарить местного бога или богиню за свое возвышение к трону Египта. Хотя никто еще не знал, что Трок заодно давал понять этим богам, что скоро присоединится к ним в пантеоне на равных.

Несмотря на эти ограничения, Трок настойчиво пытался снискать расположение Минтаки, хотя ему и недоставало тонкости. Каждый день он дарил ей по меньшей мере один необыкновенный подарок. Один раз это была пара белых жеребцов, которых она отдала капитану галеры. На следующий день принцесса получила позолоченную и украшенную драгоценными камнями колесницу, захваченную ее отцом у царя Ливии. Она отдала ее командиру дворцовой стражи, стойкому приверженцу Апепи. В другой раз ей преподнесли рулон великолепного шелка с Востока, а потом – серебряную шкатулку, полную драгоценных камней, которые она раздала своим девушкам-рабыням. После того как они надели эти украшения, Минтака провела их перед Троком.

– Эти безвкусные украшения недурно выглядят на рабынях, но не на благородных дамах, – сказала она под конец.

Это не остановило нового фараона, и когда они проплывали мимо Асьюта в Нижнее Царство, он указал на процветающее и плодородное имение, простиравшееся почти на лигу вдоль восточного берега.

– Оно теперь ваше, ваше высочество, это мой подарок. Вот документ на право собственности. – Трок вручил его Минтаке, напыщенно, самодовольно ухмыляясь.

Она в тот же день послала за писцами и приказала им составить документ об освобождении всех рабов, относящихся к имению, и второй документ, передающий имение целиком жрицам храма Хатор в Мемфисе.

Когда Минтака пожелала забыть горе и скорбь и развлечься со своими девушками на юте в танцах и пении, в игре бао и разгадывании загадок, Трок вздумал принять участие в забаве. Он заставил двух девушек станцевать с ним танец «Полет трех ласточек», а затем повернулся к Минтаке.

– Загадайте мне загадку, принцесса, – попросил он.

– Что пахнет как бык, похоже на быка и, когда скачет с газелями, делает это с изяществом быка? – спросила она ласково. Девушки захихикали, а Трок нахмурился и покраснел.

– Простите меня, ваше высочество, для меня это чересчур трудная загадка, – ответил он и гордо ушел к своим военачальникам.

На следующий день он простил оскорбление, но не забыл его. Когда бросили якорь у деревни Самалут, он приказал труппе странствующих артистов, акробатов и музыкантов подняться на борт галеры, чтобы развлечь Минтаку. Один из фокусников был красивым парнем, с забавным говором. Однако набор его фокусов устарел, и он показывал их недостаточно ловко. Однако едва Минтака узнала, что труппа, используя к своей выгоде мир, наступивший по договору Хатор, продвигалась вверх по реке к Фивам, где надеялась выступать перед двором южного фараона, ее сразу увлекло их представление, особенно выступление фокусника по имени Ласо. После представления она пригласила артистов к себе, чтобы вместе попить шербета и поесть сладких фиников, и жестом приказала фокуснику сесть на подушку у ее ног. Он скоро преодолел свой страх перед принцессой и развлек ее несколькими историями, над которыми она весело смеялась.

Под прикрытием болтовни и хихиканья девушек Минтака попросила Ласо, когда он прибудет в Фивы, доставить сообщение известному Магу, Таите. Почти очарованный ее снисходительностью, Ласо с готовностью согласился. Сначала она внушила ему мысль о тайне и деликатности поручения, затем вложила в его руку маленький свиток папируса, который он спрятал под хитон.

Минтака с огромным облегчением глядела, как артисты сходят на берег. Она отчаянно искала средства предупредить Таиту и Нефера. Папирус содержал заверения в ее любви к Неферу и предостережение насчет убийственных намерений Нага и насчет того, что сестре Нефера Гесерет больше нельзя доверять, поскольку она примкнула к их врагам. Далее следовал рассказ об истинных обстоятельствах смерти ее отца и братьев. В конце она поведала о том, что Трок планирует взять ее в жены, несмотря на ее помолвку с Нефером, и просила Нефера вмешаться, использовав всю его власть, и не допустить этого.

Она прикинула, что труппе могло потребоваться дней десять или больше, чтобы достичь Фив, и пала ниц на палубе, умоляя Хатор о том, чтобы предостережение не прибыло слишком поздно. Той ночью впервые с ужасных событий в Баласфура она спала спокойно. Утром она была почти весела, и ее девушки заметили, как она красива. Трок настоял, чтобы Минтака позавтракала вместе с ним на передней палубе. Его повара приготовили щедрый стол. Было двадцать других гостей, и Трок сел рядом с Минтакой. Она решила, что не позволит даже этой неприятности испортить ей настроение. Она подчеркнуто не обращала внимания на Трока и на-

правила все свое очарование и остроумие на боевых командиров его войска, составлявших большую часть присутствовавших.

В конце завтрака Трок хлопнул в ладоши, требуя внимания, и был вознагражден подобострастной тишиной.

– У меня есть подарок для принцессы Минтаки.

– О нет! – Минтака передернула плечами. – Что мне делать с вашим подарком?

– Я полагаю, этот подарок придется вашему высочеству более по вкусу, чем мои другие бедные дары. – Трок выглядел таким довольным собой, что она почувствовала себя неловко.

– Ваша щедрость неуместна, мой господин. – Она ни за что не назвала бы его ни одним из его многочисленных новых царских титулов. – Тысячи ваших подданных, жертвы войны и чумы, голодают и находятся в большей нужде, чем я.

– Это нечто особенное, ценное только для вас, – заверил он.

Она подняла руки в знак покорности.

– Я – всего лишь одна из ваших верноподданных. – Минтака нисколько не старалась скрыть свой сарказм. – Если вы настаиваете, я далека от того, чтобы отказать вам.

Трок снова хлопнул ладонями, и с носа корабля на палубу спустились двое его стражников, неся с двух сторон большой мешок из сыромятной кожи. От него шел сильный неприятный запах. Некоторые из девушек вскрикнули от омерзения, но лицо Минтаки не изменило выражения, когда солдаты остановились перед ней.

Трок кивнул им, и они ослабили шнурок, перетягивавший горловину мешка, а затем вывалили его содержимое на палубу. Девушки пронзительно закричали от ужаса, и даже кое-кто из мужчин вздрогнул и вскрикнул от отвращения.

Отрубленная человеческая голова покатилась по доскам к ногам Минтаки и замерла, глядя на нее широко открытыми испуганными глазами. Длинные темные локоны заскорузли от засохшей черной крови.

– Ласо! – прошептала Минтака имя фокусника-неумехи, которому поручила передать сообщение в Фивы.

– Ах! Вы помните его имя. – Трок улыбнулся. – Его фокусы, должно быть, произвели на вас впечатление – так же как на меня.

В летней жаре голова начала разлагаться, и запах от нее шел сильный. Немедленно налетели мухи и стали ползать по широко открытым глазам. Минтака ощутила тошноту и с трудом сглотнула. Она увидела, что между фиолетовыми губами Ласо высовывается смятый папирус.

– Увы, кажется, его последний фокус оказался самым забавным. – Трок наклонился и достал испачканный кровью папирус. Он повернул его так, чтобы Минтака убедилась – письмо запечатано ее собственным картушем, – и бросил папирус в жаровню с древесным углем, на которой жарили нарезанную на куски ягнятину. Папирус быстро сгорел, в воздухе закружился серый пепел.

Трок знаком велел убрать голову. Один из солдат поднял ее за волосы, положил обратно в мешок и унес. Потрясенные гости долго сидели в тишине, только одна из девушек тихо всхлипывала.

– Ваше царское высочество, вашего славной памяти божественного отца, должно быть, посещали некоторые предчувствия ожидавшей его судьбы, – серьезно обратился к ней Трок. Минтака была слишком потрясена, чтобы ответить. – Перед своей трагической смертью он говорил со мной. Он отдал вас под мою защиту. Я присягнул ему и принял это как священное поручение. Вам не нужно обращаться за защитой ни к кому другому. Я, фараон Трок Урук, верен клятве. – Он положил правую руку на ее склоненную голову, а второй рукой поднял другой свиток папируса.

– Вот мой царский указ, отменяющий помолвку принцессы Минтаки из Дома Апепи с фараоном Нефером Сети из Дома Тамоса. Кроме того, он содержит указ о заключении брака принцессы Минтаки с фараоном Троком Уруком. Указ утвержден картушем господина Нага, принявшего и подтвердившего его от имени фараона Нефера Сети. – Он передал свиток своему управляющему дворцом с кратким приказом: – Снимите сто копий с этого указа, и пусть их выставят на обозрение в каждом городе и каждом номе Египта.

Затем обеими руками он поднял Минтаку на ноги.

– Вы больше не будете одна. Мы с вами станем мужем и женой еще до восхода луны Осириса.

Три дня спустя фараон Трок Урук прибыл в Аварис, свою военную столицу в Нижнем Царстве, и с неутомимой энергией сразу же погрузился в обеспечение своего влияния на все государственные дела и органы власти.

Народ очень обрадовали новость о договоре Хатор и перспектива мира и процветания в грядущие годы. Однако возникло некоторое замешательство и тревога, когда одним из первых деяний нового фараона стал очередной массовый набор в войска. Скоро стало ясно, что он намерен удвоить число пехотных отрядов и построить еще две тысячи боевых колесниц.

Задавали вопрос (но не в лицо Троку), где же он найдет нового врага теперь, когда Египет вновь объединен и в стране воцарился мир. Недостаток работников на полях проса и пастбищах, вызванный призывом в войска, привел к нехватке продовольствия и резкому росту цен на рынках. Расходы на новые колесницы, оружие и военное снаряжение потребовали увеличения налогов. Теперь шептались, что Апепи, несмотря на свою воинственность, тяжелые налоги и презрение к богам, был не таким уж плохим правителем, каким его считали.

Через несколько недель Трок приказал начать значительное расширение и ремонт дворца в Аварисе, куда он намеревался въехать со своей невестой, принцессой Минтакой. Архитекторы оценили стоимость этих работ в два с лишним лакха золота. Шепот становился все громче.

Хорошо зная о росте недовольства, Трок ответил на него указом о собственной божественности и вхождении в пантеон. Через неделю должна была начаться работа по строительству его храма на лучшем месте, рядом с великолепным храмом Сеуета в Аварисе. Трок решил, что его храм превзойдет великолепием храм его божественного брата. Архитекторы объявили, что для возведения подобного храма потребуется по меньшей мере пять тысяч работников, пять лет и еще два лакха золота.

Восстание началось в дельте, где отряд пеших воинов, которым не платили более года, убив своих военачальников, пошел на Аварис, призывая население восстать против тирана и присоединиться к ним. Трок с тремя сотнями колесниц встретил их около Манаши и в первой же атаке порубил на куски.

Он оскопил и посадил на кол пятьсот мятежников. Подобно жуткому лесу, они на пол-лиги украсили обочины дороги за деревней Манаши. Главарей восстания привязали веревками к задним щитам колесниц и притащили в Аварис, чтобы они заявили о своих обидах. К сожалению, ни один из плененных не пережил поездку: ко времени прибытия их едва можно было узнать, поскольку кожа и большая часть плоти были содраны, когда их тащили по неровной дороге. Оторванные части плоти и осколки костей были рассеяны на двадцать с лишним лиг по дороге, к радости собак, шакалов и черных ворон.

Несколько сотен мятежников избежали резни и бежали в пустыню. Трок не стал преследовать их за восточной границей, поскольку этот мелкий вопрос уже чересчур занял его внимание и на месяцы задержал его свадьбу. Он поспешил обратно в Аварис, в яростном нетерпении загнав три пары лошадей.

Пока Трок был далеко, Минтака еще дважды пыталась послать сообщение Таите в Фивы. Первым из ее посыльных стал один из евнухов гарема, толстый, добрый чернокожий, которого она знала всю жизнь. Между евнухами обоих царств существовала особая связь, которая была выше расы или страны. Даже в те годы, когда царства были разделены, Сот, так звали евнуха, поддерживал эту особую связь с Таитой и оставался его другом и доверенным лицом.

Однако шпионы Трока были бдительны и вездесущи. Сот не добрался до Асьюта и был привезен назад едва живой в кожаном мешке. Он умер, когда его голову погрузили в котел с кипящей водой. Затем с его черепа удалили сварившуюся плоть, кость обесцветили и отполировали, а в глазницы вставили шары из лазурита. В таком виде череп Сота преподнесли Минтаке в качестве особого подарка от фараона Трока.

После этого Минтака не решалась привлечь другого посыльного и таким образом обречь его или ее на ужасную смерть. Однако одна из ее ливийских девушек-рабынь, Тана, знавшая о глубине любви своей госпожи, вызвалась отнести ее сообщение. Она была не самой симпатичной из девушек – один глаз косил, нос был большой, – но была преданной, любящей и верной. По ее предложению Минтака продала ее торговцу, отправлявшемуся на следующий день в Фивы. Он взял Тану с собой, но три дня спустя она вернулась в Аварис, привязанная за запястья и лодыжки к боковой раме колесницы пограничной стражи.

Трок расправился с Таной после возвращения из Манаши: он осудил ее на смерть от любви, и ее отдали отряду, который вел бой у Манаши. Более четырехсот солдат получили с ней удовольствие, а на закате третьего дня она умерла от кровотечения. Три дня без перерыва Минтака оплакивала ее.

•

Свадьбу фараона Трока Урука и принцессы Минтаки Апепи сыграли по старой гиксосской традиции, зародившейся на тысячу лет раньше и на тысячу лиг восточнее, в обширной безлесной степи за горами Ассирии, откуда их предки отправились на завоевание Египта.

На рассвете в день свадьбы группа из двухсот родственников и членов племени принцессы Минтаки ворвалась в царские палаты, где с возвращения в Аварис ее держали пленницей. Стражники, ожидавшие этого налета, не оказали никакого сопротивления. Родичи увели Минтаку и поехали на восток плотным строем, с принцессой посередине, выкрикивая дерзости и размахивая дубинками и палками. Клинковое оружие любого вида было запрещено в связи с празднеством.

Похитителям невесты дали фору, а потом жених повел в погоню своих родичей, племя леопардов. Беглецы не выказывали никакого намерения ехать быстрее, и как только позади показались преследователи, повернули обратно и радостно кинулись в драку. Даже при том, что мечи и кинжалы были запрещены, два человека получили переломы рук и ног и было несколько треснувших черепов. Даже жених не избежал синяков и ушибов.

В конце концов Трок потребовал свою добычу. Он обхватил Минтаку рукой за талию и поставил в свою колесницу. Сопротивление Минтаки было совсем не наигранным – она глубоко расцарапала правую сторону лица Трока, чуть не задев глаз, и капающая кровь испортила красочный блеск его костюма.

– Она подарит вам много воинственных сыновей! – кричали его сторонники, восхищаясь свирепостью сопротивления Минтаки.

С довольной ухмылкой, вызванной воинственным нравом невесты, Трок торжествующе повез ее к своему храму, где недавно назначенные жрецы ждали его приказа, чтобы провести заключительные ритуалы.

Храм пока еще представлял собой всего-навсего открытые траншеи фундамента и высокие груды каменных строительных блоков, но это не умаляло ни удовольствия гостей, ни удовлетво-

рения жениха, стоявших под навесом из плетеного тростника, пока верховный жрец связывал Минтаку и Трока ремнем от лошадиной упряжи.

В завершение церемонии Трок перерезал горло своему любимому боевому коню, красивому каштановому жеребцу, в знак того, что ценит свою невесту более высоко, чем эту драгоценную собственность. Как только животное упало, дергая ногами – из разрезанной сонной артерии струей била кровь, – все одобрительно закричали, подняли новобрачных и поставили на украшенную цветами колесницу.

Трок повез невесту ко дворцу, одной рукой продолжая крепко обнимать ее, чтобы не дать ей бежать снова. Все войско выстроилось вдоль дороги; солдаты протискивались к колеснице, чтобы бросить в нее подарки – приносящие удачу амулеты. Другие, когда колесница проезжала мимо, подавали Троку чаши с вином, и он осушал их, проливая большую часть вина на тунику, где оно смешивалось с кровью из его расцарапанной щеки. К тому времени как они достигли дворца, Трок вымок в крови и красном вине, потный и покрытый пылью от езды и драки за невесту, безрассудный от вина и с полным похоти взглядом.

Он пронес Минтаку через толпу в их новые палаты, и стражники у дверей, обнажив мечи, погнали прочь свадебных гостей. Однако те не разошлись, а окружили дворец, выкрикивая слова ободрения жениху и грубые советы невесте.

В спальне Трок бросил Минтаку на белую овчину, покрывавшую матрац, и обеими руками стал снимать портупею, пытаясь ослабить ее и грязно ругаясь, потому что она не поддавалась. Минтака оттолкнулась от кровати и соскочила с нее будто кролик, выпрыгивающий из норы от хорька.

Она побежала к двери на террасу и рванула, чтобы открыть. Однако по распоряжению Трока с внешней стороны был поставлен засов. Она в отчаянии попыталась оторвать дверную панель ногтями, но дверь, твердая и толстая, даже не дрогнула от ее натиска.

Позади нее Трок наконец избавился от портупеи, и ножны с грохотом упали на мозаичные плитки пола. Он подошел к ней сзади, покачиваясь.

– Сопротивляйся сколько хочешь, красавица, – проговорил он заплетающимся языком. – Когда ты пинаешься и кричишь, мой зубец воспламеняется.

Он одной рукой обхватил ее талию, другой – одну из ее грудей.

– Клянусь Сеуетом, какой зрелый и сочный плод. – Он сильно сжал грудь пальцами, мозолистыми от рукоятки меча и поводьев колесницы. От боли Минтака закричала и извернулась в его руках, пытаясь снова дотянуться до глаз. Он перехватил ее запястье.

– Второй раз не получится. – Он поднял ее и понес на кровать.

– Бабуин! – кричала она. – Ты вонючая волосатая обезьяна. Ты грязное животное.

Он снова бросил Минтаку на кровать и на сей раз придавил ей грудь огромной мускулистой рукой. Его лицо было в нескольких сантиметрах от ее лица, его борода колола ей щеки, а дыхание пахло кислым вином. Она отвернулась. Он засмеялся, засунул палец за край ее платья у шеи и разорвал шелк до талии.

Обхватив ее груди, он принялся сжимать их по очереди так сильно, что на нежной коже оставались красные следы пальцев. Он сжимал ее соски и оттягивал их, пока они не потемнели, затем провел правой рукой по ее животу, игриво вставил толстый палец в ее пупок, а затем попробовал втиснуть руку между ее бедрами. Минтака сжала ноги, скрестив их, чтобы не пустить его.

Внезапно он поднялся и, расставив ноги, всей тяжестью уселся на нижнюю часть ее тела, так чтобы она не могла сопротивляться, и сорвал с себя тунику. Больше на нем ничего не было. Его тело было закалено войной, охотой и грубыми играми, и хотя Минтака от боли, слез и страха видела окружающее нечетко, на нее произвели впечатление его широкие плечи и выпирающие мускулы, плотные мускулистые руки и ноги, крепкие, как ветви ливанского кедра.

Продолжая придавливать ее собой, он пригнулся так, что его живот прижался к ее животу, а грубые волосы, покрывавшие грудь, – к ее груди. С растущим ужасом Минтака почувствовала, как его массивный член уперся в ее тело.

Она боролась не только за свои достоинство и честь, но будто за саму жизнь. Она попыталась укусить его за лицо, но маленькие острые зубы наткнулись на бороду. Она царапала ногтями спину Трока, и его кожа набилась ей под ногти, но он, казалось, не чувствовал этого.

Он попробовал просунуть колено между ее бедрами, но она держала их сжатыми вместе, перекинув одну ногу через другую. Все мышцы в нижней части ее тела окоченели от ужаса и отвращения и стали твердыми, точно гранит статуи богини.

Оба потели, он – сильнее. Пот лился с его тела, смазывая их кожу, так что огромный член скользил по ее животу и толкался в место соединения ее бедер.

Внезапно он приподнялся и сильно хлестнул Минтаку по лицу раскрытой ладонью. Ее стиснутые зубы разошлись от удара, губы и нос были разбиты. Она почувствовала, как кровь потекла в рот, и темнота заполнила ее голову.

– Откройся, сука! – выдохнул над ней Трок. – Открой свою горячую маленькую щелку и впусти меня. – Он сильно толкал ее бедрами, и она чувствовала, как отвратительная вещь скользит по ней. Несмотря на боль и темноту после удара, она сумела не пустить его, но понимала, что не сможет сопротивляться долго. Он был слишком тяжелым и слишком сильным.

– Хатор, помоги! – Закрыв глаза, она стала молиться. – Милая богиня, не дай этому случиться!

Она услышала, как застонал над ней Трок, и открыла глаза. Его лицо раздулось и потемнело от прилива крови. Минтака почувствовала, что он выгнул спину и застонал, будто от боли. Его выпученные глаза с кровавыми прожилками ничего не видели, а рот открылся ужасным отверстием.

Минтака не понимала, что произошло. У нее промелькнула мысль, что богиня, должно быть, услышала ее мольбу и поразила его в сердце божественной стрелой. Затем она почувствовала, как ей на живот брызнула горячая жидкость, такая горячая, что казалось, будто она ошпарит кожу. Принцесса попыталась извернуться, чтобы уклониться, но Трок был слишком тяжелый и слишком сильный. Наконец отвратительный поток иссяк. Внезапно Трок снова застонал и упал на нее сверху. Он лежал неподвижно, и Минтака не осмеливалась двинуться, чтобы не подстегнуть его к дальнейшим усилиям. Они лежали так долго, до тех пор пока не услышали в тихой палате непристойные крики толпы, ждущей за стенами дворца. Трок очнулся и посмотрел на нее.

– Ты опозорила меня, маленькая шлюха. Заставила напрасно пролить семя.

Прежде чем она сообразила, в чем дело, он схватил ее за затылок и прижал лицом к белой овчине.

– Не беспокойся, я использую кровь из твоего носа, если не смог получить ее из твоего горшочка с медом.

Он откатил ее в сторону и с мрачным удовлетворением осмотрел темно-красное пятно от ее окровавленного лица на чистой белой шерсти. Затем вскочил на ноги и совершенно голый пошел к ставням. Сильным толчком он с грохотом отворил их и исчез в ярком дневном свете.

Складкой постельного белья Минтака вытерла отвратительную слизь, которая разлилась по ее гладкому, как слоновая кость, животу. На ее грудях, руках и ногах были болезненные красные отметины. Ее страх превратился в ярость.

Портупея Трока лежала там, где он ее бросил. Она тихо соскользнула с кровати и вытянула из ножен полированный бронзовый клинок. Затем подкралась к двери, ведущей на террасу, и прильнула к косяку.

Снаружи Трок принимал рукоплескания толпы и размахивал запятнанной овчиной так, чтобы все ее видели.

– Ей понравилось! – ответил он на чей-то выкрик. – Когда я закончил, она была широкой и влажной, как болота дельты, и горячей, как пустыня Сахара.

Минтака крепче сжала рукоятку тяжелого меча и приготовилась.

– Прощайте, друзья, – кричал Трок. – Я возвращаюсь, чтобы еще раз вкусить сладких фиг.

Она услышала, как его босые ноги зашуршали по плиткам пола, когда он пошел назад, а затем на пол у двери упала его тень. Обеими руками она отвела назад меч и подняла острие на высоту живота.

Как только Трок шагнул в палату, она собралась и изо всех сил ткнула в него мечом, целясь между ямкой пупка и густыми черными волосами, из которых свисали тяжелые гениталии.

Однажды, очень давно, на охоте, она наблюдала, как отец целился в огромного самца леопарда, который не знал об их присутствии. Огромный кот был встревожен резким звуком и гулом тетивы и мгновенно отпрыгнул в сторону, так что стрела не достигла цели. Трок обладал таким же диким чутьем на опасность и чувством самосохранения.

Меч еще рассекал воздух, когда Трок быстро отклонился в сторону от бронзового острия. Меч пролетел на палец от его волосатого живота, не порезав, не пролив ни капли крови. Затем он огромной лапищей сжал оба запястья Минтаки, и продолжал сжимать, пока она не почувствовала, что ее кости вот-вот сломаются, и поневоле выпустила меч, который с грохотом упал на пол.

Он смеялся, когда тащил ее через комнату, но это был страшный смех. Он бросил ее на разбросанную и пропитанную потом постель.

– Теперь ты моя жена, – сказал он, встав над ней. – Ты принадлежишь мне, как племенная кобыла или сука. Тебе следует научиться повиноваться и уважать меня.

Минтака лежала ничком, вжавшись лицом в испачканное полотно, и отказывалась смотреть на Трока. Он поднял с пола около кровати ножны.

– Этот урок повиновения послужит к твоей же пользе. Немного боли сейчас избавит нас обоих от больших несчастий и страданий в дальнейшем.

Он взвесил в правой руке ножны, изготовленные из полированной кожи, обвязанной полосками из золота и электрума с металлическими розетками, и ударил ее по спине и голым ногам. Ножны хлопнули по белой коже Минтаки и оставили полосу с ярко-красным следом от розетки так внезапно, что она невольно вскрикнула.

Трок засмеялся над ее болью и снова занес ножны. Она попыталась откатиться, но следующий удар обрушился на ее поднятую правую руку, а потом – на плечо. Она сдержала вскрик и попыталась скрыть страдание, зло улыбаясь и шипя, будто рысь. Это привело Трока в бешенство, и он ударил еще сильнее.

Он сбросил Минтаку с кровати и шел за ней, ползущей по полу. Он бил ее по спине, а когда она свернулась в клубок, принялся стегать ее также по плечам и ягодицам. Размеренно нанося удары, он говорил с нею, перемежая слова с выдохом от усилия при ударах.

– Ты никогда больше не поднимешь на меня руку, ха! В следующий раз я приду к тебе, ха! Ты будешь вести себя как любящая жена, ха! Или я прикажу четырем моим солдатам держать тебя, ха! А потом оседлаю, ха! А после того, как закончу, ха! Побью тебя снова, ха! Как сейчас, ха!

Она сжимала зубы, когда удары сыпались на нее, но наконец больше не могла сопротивляться, однако он, к счастью, отошел, тяжело дыша.

Он надел покрытую пятнами и пылью тунику, потом портупею, вложил меч в ножны, покрытые кровью Минтаки, и направился к двери палаты. Там он остановился и оглянулся.

– Запомни одну вещь, жена. Либо я укрощаю моих кобыл, – сказал он, – либо, клянусь Сеуетом, они умирают подо мной. – Он повернулся и ушел.

Минтака медленно подняла голову и посмотрела ему вслед. Говорить она не могла. Вместо этого она собрала во рту слюну и плюнула в сторону двери. Слюна, смешанная с кровью из разбитых губ, упала на плитки пола.

Прошло много времени после убывания луны Исиды, прежде чем с ран Минтаки отпали струпья, а синяки на ее гладкой желтовато-белой коже побледнели до зеленовато-желтых пятен. Намеренно или по счастливому случаю, Трок не выбил ей ни одного зуба, не сломал ни одной кости и не оставил шрамов на лице.

После страшного дня свадьбы он оставил ее в покое. Большую часть времени он провел в кампании на Юге. Даже возвращаясь на короткое время в Аварис, он избегал ее. Возможно, его отталкивали ее неприглядные синяки, или он был пристыжен своей неспособностью осуществить на деле их брак. Минтака не слишком задумывалась о причинах, но радовалась тому, что некоторое время была свободна от его жестокого внимания.

На юге царства вспыхнуло серьезное восстание. Трок ответил жестоко. Он напал на повстанцев, вырезал тех, кто выступал против него, захватил их собственность и продал их семейства в рабство. Господин Наг прислал два отряда, чтобы помочь в этих операциях против мятежников, поддержав своего брата и фараона и в то же время разделив с ним добычу.

Минтака знала, что три дня назад Трок с триумфом вернулся в Аварис, но все еще не видела его. Она благодарила за это богиню, но, как оказалось, преждевременно. На четвертый день от него поступил вызов. Минтаке следовало посетить чрезвычайное заседание государственного совета. Дело было столь срочное, что ей дали лишь час, чтобы приготовиться. В своем сообщении он предупредил, что, если она решит проигнорировать вызов, он пошлет своих телохранителей и ее притащат на совещание. У нее не было выбора, и девушки одели ее.

Это был первый случай со дня свадьбы, когда Минтака появилась на людях. С тщательно нанесенной косметикой, такая же прекрасная, как прежде, она заняла свое место на троне царицы, который был ниже трона фараона, во вновь богато украшенном зале собрания во дворце. Она попыталась придать своему лицу отчужденное выражение и не участвовать в слушаниях, но ее сдержанность исчезла, когда она узнала царского вестника, который вошел и пал ниц перед двойным троном. Она внимательно наклонилась вперед.

Трок признал вестника и приказал ему подняться и сообщить новости совету. Когда тот поднялся на ноги, Минтака увидела, что он во власти глубокого переживания. Он был вынужден несколько раз откашляться, прежде чем сумел произнести хоть слово, а затем наконец заговорил таким дрожащим голосом, что вначале Минтака не понимала, что он говорит. Она слышала слова, но не могла заставить себя понять их.

– Священновеликий фараон Трок Урук, царица Минтака Апепи Урук, благородные члены государственного совета, жители Авариса, братья и соотечественники воссоединенного Египта, я принес с юга трагические вести. Я бы предпочел погибнуть в бою, один против ста, чем сказать вам это. – Он умолк и снова закашлялся. Затем его голос окреп и зазвучал яснее. – Я прибыл на быстрой галере по реке из Фив. Я плыл днем и ночью, останавливаясь только чтобы заменить гребцов, и потратил двенадцать дней, чтобы достичь Авариса.

Он снова умолк и развел руки в жесте отчаяния.

– В прошлом месяце, накануне праздника Хапи, молодой фараон Нефер Сети, которого все мы любили и на которого так надеялись, скончался от ужасных ран, полученных в Даббе во время охоты на льва, совершившего набег на скот.

Последовал общий вздох отчаяния. Один из членов совета закрыл глаза и тихо заплакал.

Вестник говорил в тишине:

– Регент Верхнего Царства, господин Наг, принадлежащий к царскому семейству Тамоса ввиду брачных уз и следующий по очереди наследования, возведен на трон вместо умершего фараона. Он очищает землю под именем Киафан, он стремится к вечности под именем Наг и сеет по всему миру страх перед именем фараон Наг Киафан.

Скорбные крики по мертвому фараону и выкрики одобрения его преемника наполнили зал.

Под шумок Минтака разглядывала вестника. Она под косметикой побледнела как полотно, а ее глаза без всякой краски для век сделались огромными и трагическими. Казалось, мир вокруг нее потемнел, и она покачнулась. Зная, что смерть Нефера замышлена и неминуема, она убедила себя, что этого не случится. Она заставила себя поверить, что даже без ее предупреждения Нефер с помощью Таиты как-нибудь избежит сетей зла, сплетенных Нагом и Троком.

Трок наблюдал за ней с хитрой, злорадной улыбкой, и она знала, что он упивается ее болью. Ей было уже все равно. Нефер умер, и с ним умерли ее воля и смысл сопротивляться и продолжать жить. Она встала с трона и, будто сомнамбула, вышла из зала. Она ожидала, что муж прикажет ей вернуться, но он не сделал этого. В общем испуге и сожалениях немногие из присутствующих заметили ее уход. Те, кто заметил, не усомнились в ее ужасном горе. Они вспомнили, что она была обручена с умершим фараоном, и простили ей нарушение этикета и протокола.

Три дня и три ночи Минтака провела в своих палатах, отказываясь от пищи. Она только понемногу пила вино, смешанное с водой. По ее приказу все оставили ее, даже ее девушки. Она не хотела видеть никого, даже врача, присланного Троком.

На четвертый день она попросила прийти верховную жрицу храма Хатор. Они провели наедине все утро, а когда старуха покинула дворец, Минтака покрыла свою обритую голову белым платком в знак траура.

На следующее утро жрица вернулась с двумя служительницами, принесшими большую корзину из пальмовых листьев. Поставив корзину перед Минтакой, служительницы покрыли головы и отошли.

Жрица опустилась на колени рядом с Минтакой и тихо спросила:

– Вы действительно уверены, что желаете пойти путем богини, дочь моя?

– У меня не осталось ничего, ради чего мне стоило бы жить, – просто ответила Минтака.

Накануне жрица много часов пыталась отговорить ее и сейчас сделала последнюю попытку.

– Вы еще молоды...

Минтака подняла тонкую руку.

– Мать, я прожила немного лет, но за это короткое время испытала больше боли, чем большинство в течение долгой жизни.

Жрица наклонила голову и сказала:

– Давайте помолимся богине.

Минтака закрыла глаза и начала молитву:

– Благословенная госпожа, могучая небесная корова, владычица музыки и любви, всевидящая, всесильная, услышь молитву своих любящих дочерей.

В корзине перед ними что-то зашевелилось, и послышался слабый шорох, будто речной ветерок неожиданно прошелестел в зарослях папируса. Минтака ощутила холод в животе и поняла, что это первый холод смерти. Она слушала молитву, но думала о Нефере. Она ярко вспоминала очень многое из того, что они делали вместе, и перед ней возник его образ, как если бы он все еще был жив. Она вновь увидела его улыбку и то, как красиво он держал голову на сильной, прямой шее. Она задалась вопросом, какого места он достиг в своем жутком путешествии по подземному миру, и стала молиться о его безопасности. Она молилась о том, чтобы он дос-

тиг зеленых холмов рая, и о том, чтобы вскоре воссоединиться там с ним. «Я скоро последую за тобой, сердце мое», – пообещала она ему.

– Твоя возлюбленная дочь Минтака, жена божественного фараона Трока Урука, просит помощи, которую ты обещаешь тем, кто слишком страдал в этом мире. Позволь ей встретить твоего мрачного посланца, чтобы с его помощью обрести покой на твоей груди, могущественная Хатор.

Жрица окончила молитву и стала ждать. Следующий шаг следовало сделать самой Минтаке. Девушка открыла глаза и внимательно осмотрела корзину, как если бы видела ее впервые. Она медленно протянула обе руки и подняла крышку. В корзине было темно, но внутри что-то двигалось, тяжело, медленно свиваясь и развиваясь, поблескивая в темноте черным, будто масло, пролитое на воду в глубоком колодце.

Минтака наклонилась вперед, желая лучше разглядеть, что внутри, и навстречу ей медленно поднялась чешуйчатая голова. Едва она появилась на свет, ее капюшон начал раздуваться и наконец стал широким, как женский веер, черный, украшенный узором цвета слоновой кости. Глаза змеи походили на блестящие стеклянные бусины. Тонкие губы изгибались в сардонической улыбке, между ними мелькал раздвоенный черный язык, пробуя воздух и запах девушки, сидевшей перед корзиной.

Они смотрели друг на друга, девушка и кобра, в течение ста медленных ударов сердца Минтаки. Вот змея качнулась назад, будто собираясь ударить, но снова медленно вернулась в вертикальное положение, будто смертельно опасный цветок на длинном стебле.

– Почему она не сделала свое дело? – спросила Минтака; ее губы были так близко от губ кобры, что можно было обменяться поцелуем. Она протянула руку, и змея повернула голову, глядя, как пальцы приближаются к ней. Минтака не выказала ни тени страха. Она мягко погладила сзади широко раздутый капюшон кобры. Вместо того чтобы ударить, кобра отвернулась от нее, почти как кот, подставляющий голову, чтобы ее погладили.

– Заставьте ее сделать то, что надлежит, – попросила Минтака жрицу, но старуха в замешательстве покачала головой.

– Я никогда не видела такого прежде, – прошептала она. – Вам следует ударить посланца рукой. Это точно вынудит его доставить дар богини.

Минтака отвела назад руку с открытой ладонью и раздвинутыми пальцами. Она нацелилась на голову змеи и уже собиралась ударить, но вздрогнула от неожиданности и опустила руку. Она озадаченно оглядела сумрачную палату, заглянула в темные углы и посмотрела прямо на жрицу.

– Вы что-то сказали? – спросила она.

– Не сказала ничего.

Минтака снова подняла руку, но на сей раз голос прозвучал ближе и яснее. Она узнала его в порыве суеверного страха и почувствовала, как волосы у нее на затылке поднялись.

– Таита? – прошептала она, оглянувшись. Она ожидала, что увидит его за своим плечом, но в палате не было никого, кроме нее и жрицы, стоящих на коленях перед корзиной.

– Да! – произнесла Минтака, будто отвечая на вопрос или приказ. Она слушала тишину и дважды кивнула, затем тихо сказала: – О да!

Жрица не слышала ничего, но поняла: произошло какое-то таинственное вмешательство. Она не удивилась, когда кобра медленно погрузилась в глубину корзины, вернула крышку на место и встала.

– Простите, Мать, – тихо сказала Минтака, – я не пойду по пути богини. Мне еще много нужно сделать в этом мире.

Жрица подняла корзину и сказала девушке:

– Пусть богиня благословит вас и подарит вам вечную жизнь. – Она двинулась обратно к двери палаты, оставив Минтаку сидеть в темноте. Казалось, девушка все еще слушала голос, который старуха не могла услышать.

* * *

В Фивы из Даббы Таита привез Нефера, погруженного в глубокий сон под действием красного шепенна. Как только их галера пришвартовалась к каменному причалу ниже дворца, Таита приказал вынести юношу на берег в носилках, закрытых от взглядов простых людей. Было бы неблагоразумно разгласить в городе весть о критическом состоянии фараона. Прежде смерть царя порой погружала город и все государство в полное отчаяние и вызывала разрушительную спекуляцию просом, бунты, грабежи, общее падение нравов и всех обычаев общества. Нефер был благополучно устроен в его царских палатах во дворце, и Таита получил возможность лечить его в безопасном уединении. Прежде всего требовалось заново исследовать ужасные рваные раны на ногах мальчика спереди и в нижней части живота и оценить, не произошли ли какие-либо болезненные изменения.

Больше всего Таита опасался того, что внутренности проколоты, и их содержимое просочилось в брюшную полость. Если бы это произошло, от его мастерства было бы мало толку. Он размотал полосу ткани, осторожно исследовал открытые раны, понюхал вытекающий гной, стараясь уловить запах фекалий, и ощутил большое облегчение, не обнаружив и следа этого запаха. Самые глубокие раны он промыл при помощи трубки смесью уксуса и восточных пряностей. Затем он как можно лучше зашил их и перевязал, касаясь их золотым амулетом Лостры и поручая ее внука богине с каждым оборотом льняной полосы.

В последующие дни Таита постепенно уменьшал дозу красного шепенна и был вознагражден, когда Нефер пришел в сознание и улыбнулся ему.

– Таита, я знал, что ты был со мной. – Затем он поглядел вокруг, все еще одурманенный лекарством.

– Где Минтака?

Когда Таита объяснил ее отсутствие, разочарование Нефера было почти ощутимо; он был слишком слаб, чтобы скрыть его. Таита попробовал утешить его, утверждая, что их разлука была лишь временной и что скоро он будет в силах уехать на север и посетить Аварис.

– Мы найдем для Нага подходящую причину для такой твоей поездки, – уверил его Таита.

Некоторое время Нефер шел на поправку. На следующий день он сидел и с аппетитом ел хлеб из дурры и суп из нута. Еще через день он сделал несколько шагов на костылях, которые вырезал для него Таита, и попросил мяса. Чтобы не горячить его кровь, Таита запретил ему красное мясо, но позволил есть рыбу и домашнюю птицу.

На другой день Мерикара навестила брата и провела с ним большую часть дня. Ее веселый смех и детский лепет ободрили его. Нефер спросил о Гесерет и захотел узнать, почему она не пришла. Мерикара ответила уклончиво и пригласила его сыграть еще одну партию в бао. На этот раз он преднамеренно открыл свой центральный замок, чтобы позволить ей победить.

Назавтра ужасная весть о трагедии в Баласфура достигла Фив. В первых сообщениях говорилось, что все семейство, включая Минтаку, погибло в огне. Нефер снова был сражен, на сей раз горем. Таите пришлось опять смешать для него снадобье из красного шепенна, но через несколько часов раны в ноге мальчика загноились. В следующие несколько дней его состояние ухудшалось, и скоро он очутился на грани смерти. Таита сидел рядом и смотрел, как Нефер мечется в бреду и бледно-алые щупальца болезни ползут, как огненные реки, по его рукам, ногам и животу.

Затем из Нижнего Царства пришла весть, что Минтака пережила трагедию, унесшую жизни всей ее семьи. Когда Таита шепнул эту замечательную новость на ухо Неферу, тот, казалось, понял и ответил. На следующий день он был слаб, но в ясном сознании и попробовал убедить Таиту, что достаточно силен, чтобы совершить долгую поездку и поддержать Минтаку в ее тяжелой утрате. Таита мягко отговорил его, но пообещал, что как только Нефер достаточно поправится, он использует все свое влияние, чтобы убедить господина Нага позволить ему поехать.

Обретя цель, к которой требовалось стремиться, Нефер вновь собрался с силами. Таита видел, что он явно подчинил лихорадку и злых духов в своей крови силе воли.

Господин Наг вернулся с Севера, и через несколько часов Нефера навестила Гесерет – впервые после того, как его ранил лев. Она принесла ему в подарок засахаренные фрукты, крынку дикого меда в сотах и великолепную доску для игры в бао, сделанную из цветного агата, с вставками из резной слоновой кости и черного коралла. Она была мила, очень нежна, озабочена его страданием и просила прощения за то, что пренебрегала братом.

– Мой милый муж, регент Верхнего Царства, прославленный господин Наг, все эти недели был далеко отсюда, – объяснила она, – и я так тосковала о нем, что не могла составить компанию кому-то столь тяжко больному, как вы. Я боялась, что моя печаль плохо повлияет на вас, мой бедный дорогой Нефер. – Она осталась на час, пела для него и поведала о некоторых событиях при дворе, большей частью скандальных. Наконец она извинилась:

– Мой муж, регент Верхнего Царства, не любит, когда я надолго оставляю его. Мы так любим друг друга, Нефер. Он замечательный человек, чрезвычайно добрый и преданный вам и Египту. Вы должны научиться безоговорочно доверять ему, как я. – Она поднялась и затем, как если бы это была запоздалая мысль, вскользь заметила: – Вы, должно быть, с облегчением услышали о том, что фараон Трок Урук и мой дорогой муж, регент Верхнего Египта, по государственным соображениям согласились отменить вашу помолвку с той маленькой гиксосской варваркой, Минтакой. Я так жалела вас, когда услышала, на какой позорный брак вас толкнули. Мой муж, регент Верхнего Египта, был против с самого начала, как и я.

Она ушла. Нефер обессиленно откинулся на подушку и закрыл глаза. Когда чуть позже пришел Таита, он удивился тому, что состояние юноши вновь ухудшилось. Сняв полосы ткани, он увидел, что в ранах вновь вспыхнуло воспаление, и из самой глубокой сочился зловонный гной, густой и желтый. Он оставался с Нефером всю ночь, используя все свое мастерство и силы, чтобы отогнать тени зла, окружившие молодого фараона.

На рассвете Нефер впал в бесчувствие. Таиту по-настоящему встревожило его состояние. Его нельзя было полностью объяснить только горем мальчика. Внезапно его напугала и рассердила суматоха у двери. Он собирался призвать к тишине, когда услышал повелительный голос господина Нага, приказывающий стражникам отойти в сторону. Регент шагнул в палату и, не приветствуя Таиту, наклонился к неподвижному телу Нефера и поглядел на его бледное, осунувшееся лицо. Немного погодя он выпрямился и сделал Таите знак следовать за ним на террасу.

Когда Таита вышел за регентом, тот пристально глядел за реку. На далеком другом берегу отряд на колесницах занимался перестроениями, меняя строй на полном галопе. Странно, но после подписания договора Хатор наблюдались активные приготовления к войне.

– Вы желали говорить со мной, мой господин? – спросил Таита.

Наг повернулся к нему. Его лицо было мрачным.

– Вы разочаровали меня, старик, – сказал он. Таита склонил голову, но не ответил. – Я надеялся, что моя судьба, предсказанная богами, мой путь вперед к настоящему времени будет очищен от препятствия. – Он холодно смотрел на Таиту. – Однако, кажется, вы препятствуете этому и делаете все, что в вашей власти.

– Это было притворство. Я напоказ лечил моего пациента, в действительности преследуя ваши интересы. Как вы можете убедиться лично, фараон висит у края пропасти. – Таита указал в сторону палаты, где лежал Нефер. – Вы, безусловно, можете ощутить тени, все плотнее сгущающиеся вокруг него. Мой господин, мы почти достигли цели. Через несколько дней путь вперед будет чист.

Наг испытывал сомнения.

– Предел моему терпению близок, – предупредил он и удалился с террасы. Он прошел через палату, не взглянув на неподвижное тело на кровати.

В течение дня Нефер то впадал в глубокое забытье, то мучился от непрекращающейся боли, то метался в бреду. Когда стало ясно, что его сильно мучила нога, Таита снял полосы льняной ткани и обнаружил, что бедро фараона сильно раздулось. Стежки, скреплявшие края раны, натянулись и глубоко врезались в горячую фиолетовую плоть. Таита знал, что нельзя перемещать мальчика, пока его жизнь висит на волоске. Планы, так тщательно подготавливаемые в течение прошлых недель, невозможно было осуществить, если не предпринять решительных действий. Вскрыть такую рану значило рисковать фатальным гнилокровием, но Маг не видел иного выхода. Он вынул свои инструменты и облил всю ногу разведенным уксусом. Затем влил в рот Неферу еще одну большую дозу красного шепенна и, ожидая начала действия лекарства, помолился Гору и богине Лострe о защите. Затем поднял скальпель и разрезал один из стежков, скреплявших края раны.

К его удивлению, плоть расступилась и из нее хлынула струя желтого гноя. Таита золотой ложкой очистил рану и, когда почувствовал, как металл ударился о какой-то твердый предмет в глубине раны, вставил в нее щипцы из слоновой кости и захватил ими предмет. Наконец он вытянул его и, поднеся к свету из дверного проема, увидел, что это неровный обломок львиного когтя размером в половину мизинца, отломившийся, должно быть, когда зверь рвал когтями Нефера.

Он вставил в рану золотую трубку, чтобы из нее вытекал гной, и повторно перевязал ее. К вечеру состояние Нефера поразительно улучшилось. Утром он был слаб, но жар в его крови уменьшился. Таита дал мальчику укрепляющее средство и поместил на его ногу амулет Лостры. В полдень, когда он сидел около Нефера, выбирая решение, в ставни кто-то тихо поскребся. Когда он приоткрыл их, в палату проскользнула Мерикара; обезумев от горя, она плакала. Бросившись к Таите, она обняла его ноги.

– Мне запретили приходить сюда, – прошептала она, и ей не надо было объяснять, кто это сделал, – но я знаю стражников на террасе, и они позволили мне пройти.

– Успокойся, дитя мое. – Таита погладил ее по волосам. – Не расстраивайся так.

– Таита, они собираются убить его.

– Кто – они?

– Они оба. – Мерикара опять расплакалась, и ее объяснение было едва понятно. – Они думали, я сплю или не пойму, что они обсуждают. Они не называли имя, но я знаю, что они говорили о Нефере.

– Что говорили?

– Они хотят послать за тобой. Ты оставишь Нефера одного, и тогда... они сказали, что для этого не требуется много времени. – Она всхлипнула и сдержала рыдание. – Это так ужасно, Таита! Наша родная сестра и тот ужасный человек, то чудовище.

– Когда? – Таита тихонько потряс ее, чтобы она взяла себя в руки.

– Скоро. Очень скоро. – Ее голос выровнялся.

– Они говорили – как, принцесса?

– Нум, хирург из Вавилона. Наг сказал, что он протолкнет тонкую иглу через ноздрю Нефера в его мозг. Не будет ни кровотечения, ни других признаков. – Таита хорошо знал Нума: они спорили друг с другом в библиотеке Фив, обсуждая правильное лечение переломов. Нум ушел, уязвленный глубиной знаний и ударами красноречия Таиты. Он сильно завидовал славе и силе Таиты, соперник и ожесточенный враг.

– Боги вознаградят тебя, Мерикара, за то, что ты осмелилась прийти и предупредить нас. Но сейчас тебе следует вернуться, прежде чем они узнают, что ты была здесь. Если тебя заподозрят, то обойдутся с тобой так же, как собираются поступить с Нефером.

Когда девочка ушла, Таита сел и некоторое время собирался с мыслями, обдумывая свои планы. Он не мог осуществить их один, и следовало положиться на других, но он выбрал

лучших и самых надежных. Они были готовы действовать и ждали его слова. Больше он не мог откладывать.

По его приказу рабы принесли котлы с горячей водой, и Таита тщательно вымыл Нефера с головы до ног и сменил полосы ткани на его ранах, поместив на зияющую рану на его бедре, откуда еще выходил гной, прокладку из шерсти ягненка.

Закончив перевязку, он приказал стражникам никого не пускать и закрыл все входы в палату. Некоторое время он молился, затем бросил ладан на жаровню и в синем ароматном дыме произнес древнюю, сильную магическую формулу обращения к Анубису, богу смерти и кладбищ.

Только после этого он приготовил эликсир Анубиса в новой и неиспользованной раньше масляной лампе. Он нагревал смесь на жаровне, пока она не достигла температуры крови, и отнес ее к кровати, где спокойно спал Нефер. Затем Таита осторожно повернул его голову набок и вставил носик лампы ему в ухо. Он стал лить эликсир по одной тяжелой вязкой капле. После этого тщательно вытер излишек, стараясь не коснуться снадобья. Затем вставил в ухо Неферу маленький шарик шерсти и протолкнул его в слуховой проход, так чтобы его никто не смог обнаружить, кроме как при тщательном осмотре.

Таита вылил остатки эликсира на угли жаровни, и тот вспыхнул, выпустив клуб едкого пара. Затем Маг наполнил лампу маслом, зажег фитиль и поставил ее рядом с другими лампами в углу палаты.

Вернувшись к кровати, он сел около нее на корточки. Он смотрел, как поднималась и опускалась грудь Нефера. Вдохи становились все более медленными, и интервалы между ними – все более долгими. Наконец дыхание прекратилось совсем. Он прижал два пальца к шее Нефера под ухом и почувствовал медленное, неторопливое биение жизненной силы. Постепенно оно тоже ослабло, и остался только легкий трепет, похожий на порхание крыльев крошечного насекомого. Таите потребовались все его мастерство и опыт, чтобы обнаружить его. Прижав пальцы левой руки к шее Нефера, он считал биение жизненной силы в собственной шее и сравнивал.

Наконец соотношение достигло трехсот его собственных биений к единственному едва заметному толчку в шее Нефера. Он осторожно закрыл глаза мальчика и положил на веки амулет, выполняя традиционный ритуал подготовки тела умершего. Затем он обвязал глаза полосой полотна, а другой полосой подвязал Неферу челюсть, чтобы не открылся рот. Он работал быстро, потому что для Нефера, пока он находился под влиянием эликсира, была опасна каждая минута. Наконец Маг подошел к двери и отодвинул засов.

– Пошлите весть регенту Верхнего Царства. Он немедленно должен прийти, чтобы услышать ужасную новость о фараоне.

Господин Наг прибыл на удивление быстро. Принцесса Гесерет явилась вместе с ним, их сопровождала толпа приспешников, среди них и господин Асмор, ассирийский врач Нум и большинство членов совета.

Наг приказал остальным ждать в коридоре за пределами царских палат, и они с Гесерет вошли в палату. Таита встал у ложа, чтобы приветствовать их.

Гесерет притворно плакала, закрывая глаза вышитым льняным платком. Наг поглядел на крепкое перевязанное тело, вытянутое на ложе, и взглянул на Таиту с вопросом в глазах. В ответ Таита чуть склонил голову. Наг постарался скрыть мелькнувшее в его глазах торжество и опустился на колени у ложа. Он положил руку на грудь Нефера и почувствовал, как тепло медленно уходит, чтобы смениться разливающимся холодом. Наг громко помолился Гору, богу-покровителю умершего фараона. Снова поднявшись на ноги, он крепко сжал руку Таиты выше локтя.

– Утешьтесь, Маг, вы сделали все, что от вас требовалось. Вы получите хорошую награду. – Он хлопнул в ладоши и, когда стражник поспешно появился в двери, приказал: – Позови членов совета.

Они вошли в комнату по одному, скорбной процессией, и столпились вокруг кровати в три ряда.

– Пропустите вперед доброго врача Нума, – приказал Наг. – Пусть он подтвердит заявление Мага о смерти фараона.

Ряды расступились, и ассириец приблизился к ложу. Его длинные волосы, завитые горячими клещами, свисали на плечи. Борода также была завита по вавилонскому обычаю. Одежда, украшенная вышитыми образами чужих богов и магическими рисунками, доставала до пола. Он встал на колени возле ложа с покойным и начал обследование тела. Он понюхал губы Нефера огромным крючковатым носом с торчащими из ноздрей пучками черных волос. Затем прижал ухо к груди Нефера и слушал в течение ста ударов обеспокоенного сердца Таиты. Маг очень надеялся на неумелость ассирийца.

Затем Нум вынул из кромки одежды длинную серебряную булавку и раскрыл мягкую руку Нефера. Он вонзил булавку глубоко под ноготь, чтобы проверить мышечную реакцию или увидеть появление капли крови.

Наконец он медленно встал, и Таите показалось, что в искривившихся губах Нума и мрачном выражении лица, когда он покачал головой, заметно глубокое разочарование. Таита вспомнил, что врачу, конечно, предложили определенную награду за использование серебряной булавки для другой цели.

– Фараон мертв, – объявил ассириец, и все вокруг ложа сделали знак против сглаза и гнева богов.

Господин Наг закинул голову и издал первый крик плача. Гесерет рядом с ним подхватила красивым высоким голосом.

Таита, скрывая нетерпение, ждал, пока скорбящие вереницей пройдут мимо ложа и один за другим покинут палату. Когда в палате остались только Наг, Гесерет, Нум и главы номов Верхнего Царства, Таита вновь выступил вперед.

– Господин Наг, я прошу вашей милости. Вы знаете, что я был наставником и слугой фараона Нефера Сети с его рождения. Мне следует оказывать ему уважение даже сейчас, после его смерти. Я прошу вас одарить меня. Позвольте мне быть тем, кто передаст его тело в Зал Скорби и там сделает разрез, чтобы удалить сердце и внутренние органы. Я приму это как самую великую честь, какую вы можете даровать мне.

Господин Наг подумал и кивнул.

– Вы заслужили эту честь. Я возлагаю на вас обязанность передать священное тело фараона в погребальный храм и сделать первый разрез для бальзамирования.

Старый воин Хилто быстро прибыл по вызову Таиты. Он ожидал в комнате стражи у ворот дворца. С собой он привел нубийского шамана Бэя и четырех его самых верных воинов. Одним из них был Мерен, друг детства Нефера. Сейчас это был красивый младший командир стражников, высокий, с ясными глазами. Таита специально попросил его принять участие в задуманном.

Они принесли длинную плетеную корзину, в какой бальзамировщики обычно переносили трупы в погребальный храм. Пустая корзина казалась более тяжелой, чем следовало.

Таита впустил их в покои умершего и прошептал Хилто:

– Поспешите! Дорог каждый миг.

Он уже завернул Нефера в длинное белое полотно, так что свободный конец полотна закрывал лицо. Носильщики поставили корзину около ложа и почтительно уложили в нее фараона.

Таита разместил вокруг тела подголовные валики, чтобы смягчить удары при движении, закрыл крышку и кивнул.

– В храм, – распорядился он.

– Все готово.

Таита доверил свою сумку Мерену, и они быстро пошли по коридорам и внутренним дворам дворца. Крики скорби и плач летели им вслед. Стражники опускали вниз острия оружия и преклоняли колени, когда мимо проносили мертвого фараона. Женщины закрывали лица и причитали. Все лампы были погашены, и огонь в кухнях был притушен так, чтобы дым не поднимался из труб.

В имеющем въезд внутреннем дворе ждал отряд Хилто с лошадьми, запряженными в колесницы. Носильщики поставили длинную корзину на площадку ведущей колесницы и закрепили кожаными ремнями. Мерен положил кожаную сумку с инструментами Таиты в другую колесницу, Таита поднялся на нее и взял поводья. Траурно затрубили бараньи рога, и колонна медленно выехала за ворота.

Весть о смерти фараона распространялась по городу подобно чуме. Горожане толпились вокруг ворот, вопя и причитая, когда колонна ехала мимо. Толпы стояли вдоль дороги по берегу реки. Женщины, стеная от горя, выбегали вперед и бросали на корзину цветки священного лотоса.

Таита пустил лошадей трусцой, затем легким галопом. Он старался как можно быстрее доставить корзину в святилище погребального храма. Храм отца Нефера еще не был разрушен, хотя фараона Тамоса уже несколько месяцев как поместили в гробницу в каменистых холмах на западе. Храм для Нефера еще не был построен: фараон был совсем юным, и все ожидали, что его жизнь продлится еще очень долго. Его безвременная смерть не оставляла никакого выбора, кроме как использовать здание, приготовленное для его отца.

Высокие стены из розового гранита и портик храма были возведены на небольшом возвышении, над зеленой рекой. Спешно собранные жрецы ждали, чтобы приветствовать колонну. Их головы были недавно обриты и смазаны маслом. Барабаны и систрумы забили в медленном ритме, когда Таита подъехал по широкой мощеной дороге и остановил колесницу у подножия лестницы, поднимавшейся к Залу Скорби.

Хилто и его воины подняли корзину и, неся ее на плечах, стали подниматься по лестнице. Жрецы шли следом и пели траурный гимн. Перед распахнутыми деревянными дверями Зала Скорби носильщики остановились, и Таита обернулся к жрецам.

– Милостью и волей регента Египта мне, Таите, поручено изъять внутренние органы фараона. – Он глядел на верховного жреца гипнотическим взглядом. – Пока я буду выполнять это священное поручение, всем остальным ждать снаружи.

Испуганный гул пронесся по рядам служителей Анубиса. Это было неправильно, нарушало традиции и подрывало их власть. Однако Таита стойко выдержал взгляд жреца и медленно поднял правую руку, в которой держал амулет Лостры. Жрец знал по устрашающим слухам силу этой реликвии.

– Мы повинуемся указу регента Египта, – сдался он. – Мы будем молиться снаружи, пока Маг исполняет свой долг.

Таита повел Хилто и носильщиков через дверь, и они торжественно опустили корзину на пол около черной диоритовой плиты в центре Зала Скорби. Таита поглядел на Хилто, и седеющий старый воин с большим достоинством прошел к дверям и закрыл их перед носом у собравшихся жрецов. Затем он поспешил назад к Таите. Они вместе открыли корзину, вынули завернутое тело Нефера и положили его на черную плиту.

Таита отвернул складку ткани, закрывавшей лицо Нефера. Фараон был бледен и прекрасен, как вырезанное из слоновой кости изваяние молодого бога Гора. Таита осторожно повернул его

голову набок и кивнул Бэю, который поставил возле его правой руки кожаную сумку с инструментами и открыл ее. Таита вынул щипцы из слоновой кости, вставил их в ухо Неферу и вытянул шерстяную затычку. Затем он набрал в рот темно-рубиновую жидкость из стеклянного кувшина и через золотую трубку тщательно вымыл этой жидкостью остатки эликсира Анубиса из ушей Нефера. Затем он поглядел в глубину ушного прохода и с облегчением увидел, что там нет воспаления. Затем он ввел в ушное отверстие успокаивающую мазь и вновь вставил затычку. Бэй держал наготове противоядие к эликсиру, в другой склянке. Когда он вынул пробку, разнесся резкий запах камфоры и серы. Хилто помог им посадить Нефера, и Таита влил ему в рот все содержимое склянки.

Мерен и другие наблюдали за всем этим, ничего не понимая. Внезапно Нефер резко закашлялся, и они в суеверном страхе отпрыгнули от плиты и сделали знак против зла. Таита стал растирать голую спину Нефера, тот снова закашлял, и его вырвало небольшим количеством желчи. Пока Таита продолжал работать над воскрешением фараона, Хилто приказал своим солдатам встать на колени и заставил их поклясться ужасной клятвой, что они будут держать в тайне все, что увидят. Потрясенные и бледные, они поклялись своими жизнями.

Таита прижал ухо к спине Нефера, некоторое время послушал и кивнул. Он снова принялся растирать его и опять послушал. По его указу Бэй достал из мешка пучок высушенных трав и зажег его с одной стороны от одной из ламп храма. Затем он поднес травы к носу Нефера. Мальчик чихнул и попытался отвести голову. Наконец удовлетворенный, Таита снова обернул его льняным полотном и сделал следующий знак Бэю и Хилто.

Втроем они вернулись к корзине. Остальные разинули от удивления рты, когда Таита вынул ложное дно и все увидели еще одно тело, лежавшее под ним. Это тело было также обернуто белым льняным полотном.

– Подойдите! – приказал Хилто. – Достаньте его!

Под острым взглядом Таиты и повинуясь строгим приказам Хилто, они поменяли местами эти два тела. Нефера положили в тайное отделение на дне корзины, но пока не клали обратно ложное дно. Бэй сел на корточки около корзины, чтобы наблюдать за Нефером и проверять его состояние. Остальные положили другое тело на диоритовую плиту.

Таита отбросил обертывающее полотно, и показалось тело молодого человека примерно одних с Нефером пропорций. У него были такие же густые темные волосы. Хилто отвечал за то, чтобы раздобыть такое тело. В существующем в стране климате это было не трудно. В более бедных отдаленных частях нома все еще процветала чума. Кроме того, после каждой ночи на улицах и в переулках города находили жертв разбоя, ссор и преступных убийств.

Хилто обдумал все возможные источники. Однако в конце концов, в обстоятельствах столь подходящих для поиска, что это не могло быть простым совпадением, он нашел превосходную замену молодому фараону. Городские судебные приставы арестовали этого парня, когда он разрезал кошелек одного из самых влиятельных торговцев просом в Фивах, и судьи не колеблясь приговорили его к смерти через удушение. Осужденный так походил телом и лицом на Нефера, что можно было принять его за брата фараона. Кроме того, он был хорошо сложен и здоров, не в пример жертвам чумы и голода. Хилто поговорил с начальником городской стражи, которому было поручено совершить казнь, и в результате дружеского обмена три тяжелых золотых кольца нашли дорогу в кошелек этого почтенного человека. Договорились, что удушение будет отложено до тех пор, пока Хилто не даст «добро», и что при этом жертве причинят такие незначительные повреждения, какие только сможет обеспечить навык палача. Заключенного казнили утром, и его тело еще не остыло.

Канопы стояли в маленьком святилище в конце зала. Таита приказал Мерену принести их и открыть крышки, приготовив к заполнению. Покуда он занимался этим, Таита перекатил тело и сделал широкий разрез в его левом боку. Щеголять изяществом хирургу было некогда. Он по-

грузил руку в отверстие и потащил потроха наружу. Затем, работая обеими руками, просунул скальпель глубоко внутрь тела. Сначала он разрезал диафрагму, чтобы получить доступ к грудной полости, затем прошел глубже, минуя легкие, печень и селезенку, пока не сумел обрезать трахею выше ее соединения с легкими. Наконец он перекатил тело, приказал Мерену раздвинуть его ягодицы и уверенными ударами обрезал мышцы сфинктера заднего прохода. Теперь все содержимое грудной полости и живота было не закреплено.

Он вытащил внутренности на диоритовую плиту единой массой. Мерен побледнел, покачнулся и зажал рукой рот.

– Не на пол, в слив, – резко приказал Таита. Мерен сражался с отрядами Апепи на Севере. Он убивал людей, и на него не действовала резня на поле битвы, но сейчас он побежал к каменной чаше в углу, и его шумно вырвало в нее.

В крови по локоть, Таита начал отделять печень, легкие, желудок и кишки друг от друга. Как только это было сделано, он положил кишки и желудок в слив, куда уже внес свою лепту Мерен. Таита промыл разрезанный желудок и кишки и положил их в кувшины. Затем наполнил каждый кувшин натровыми солями и запечатал крышки. После этого он вымыл руки и орудия в бронзовых чашах, наполненных водой специально для этой цели.

Таита вопросительно поглядел на Бэя, и нубиец кивнул обритой, покрытой шрамами головой, заверяя, что Нефер в нормальном состоянии. Работая с управляемой поспешностью, Таита зашил разрез в животе. Затем он стал обвязывать голову льняными полосами, пока не скрылись черты лица. Когда это было сделано, они с Хилто перенесли тело к большой натровой ванне и опустили его в едкую щелочную смесь, так что на воздухе осталась только обвязанная полосами голова. Телу с замотанной льняной тканью головой предстояло оставаться в ванне следующие шестьдесят дней. После этого жрецам надлежало снять полосы и обнаружить подмену. Однако к тому времени Таита и Нефер будут уже далеко.

Потребовалось еще немного времени, чтобы обмыть плиту водой из кожаных ведер и убрать инструменты Таиты. Теперь они были готовы уехать. Таита опустился на колени около корзины, в которой лежал Нефер, и положил руку на его голую грудь, чтобы почувствовать теплоту кожи и проверить дыхание. Оно было медленным и ровным. Маг оттянул одно веко вниз и увидел, что зрачок реагирует на свет. Удовлетворенный, он поднялся и сделал знак Хилто и Бэю закрыть потайное отделение. Когда это было сделано и они начали закрывать крышку корзины, Таита остановил их.

– Оставьте ее открытой, – приказал он. – Пусть жрецы увидят, что она пустая.

Носильщики подняли корзину за ручки, и Таита повел их к дверям. Когда они подошли, Хилто резко открыл их, и собрание жрецов вытянуло шеи. Они бросили на пустую корзину, когда ее выносили, только поверхностный взгляд, а затем с почти неприличной поспешностью ринулись в Зал Скорби, чтобы принять отнятые у них обязанности.

Незаметно для толп, собравшихся у храма, люди Таиты погрузили корзину на ведущую колесницу и колонной поехали обратно в город.

Въехав в главные ворота города, они обнаружили, что узкие улицы почти пустынны. Народ или стекался к погребальному храму, чтобы молиться о молодом фараоне, или поспешил к дворцу ждать, кого объявят его преемником, хотя мало кто сомневался, к кому теперь перейдет трон Верхнего Царства.

Хилто привел колесницу к баракам стражников около восточных ворот, и корзину через черный ход внесли в его частную квартиру. Здесь все было готово, чтобы позаботиться о Нефере. Его вынули из нижнего отделения, и Таита с Бэем, который помогал ему, занялись полным оживлением Нефера. Через несколько часов он чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы съесть немного просяного хлеба и выпить чашу теплого кобыльего молока с медом.

Наконец Таита решил, что можно оставить его на некоторое время под присмотром Бэя, и поехал по узким пустым улицам. Вдруг впереди он услышал громкий шум приветствий. Подъехав к окрестностям дворца, он угодил в густую толпу горожан, празднующих восхождение на трон нового фараона.

– Вечная жизнь священновеликому фараону Нагу Киафану! – кричали они с преданным усердием и передавали друг другу винные кувшины.

Толпа была такой густой, что Таите пришлось оставить колесницу с Мереном и пройти остаток пути пешком. Стражники в воротах дворца узнали его и древками копий расчистили ему дорогу. Оказавшись во дворце, он тотчас поспешил в большой зал и там обнаружил еще одну толпу подобострастных людей. Все военачальники, придворные и государственные сановники ждали своей очереди, чтобы принести клятву преданности и верности новому фараону, но репутация Таиты и его беспокоящий взгляд раздвигали толпу, и он продвинулся в передние ряды.

Фараон Наг Киафан и его царица находились в частном покое за дверями в конце зала, но Таите пришлось ждать совсем немного, прежде чем ему предоставили доступ к царю.

К своему удивлению, он обнаружил, что Наг уже надел двойную корону и держит плеть и скипетр скрещенными на груди. Рядом с ним царица Гесерет, казалось, цвела, будто роза пустыни под ласкающим дождем. Она была такой же красивой, какой Таита ее всегда знал, бледной и безмятежной под косметикой, с глазами, умело увеличенными краской для век.

Когда Таита вошел, Наг отослал прочь стоявших вокруг него, и скоро они остались втроем. Это само по себе было признаком высокого расположения. После этого Наг отложил в сторону плеть и скипетр и подошел, чтобы обнять Таиту.

– Маг, мне не следовало сомневаться в вас, – сказал он голосом еще более звучным и повелительным, чем прежде. – Вы заслужили мою благодарность. – Он снял с правой руки великолепное золотое кольцо с рубинами и надел его на правый указательный палец Таиты.

– Это лишь ничтожный знак моей благосклонности. – Таита удивился, что Наг дал ему в руки такой мощный талисман: только локон волос Нага или обрезки его ногтей могли быть более мощными.

Гесерет подошла и поцеловала его.

– Дражайший Таита, вы всегда были преданы моему семейству. Вы получите больше золота, земли и влияния, чем когда-либо желали.

За столько лет она так мало знала о нем...

– Ваше великодушие уступает только вашей красоте, – сказал он, и Гесерет жеманно улыбнулась. Затем он вновь повернулся к Нагу.

– Я сделал то, чего потребовали от меня боги, ваша милость. Но это дорого мне стоило. Не легко и не просто идти против чувства долга и воли собственного сердца. Вы знаете, что я любил Нефера. Теперь у меня такой же долг перед вами и такая же любовь. Но мне нужно время, чтобы оплакать Нефера и помириться с его тенью.

– Было бы действительно странно, если бы вы не сочувствовали умершему фараону, – согласился Наг. – Чего вы хотите от меня, Маг? Только скажите.

– Ваша милость, я испрашиваю разрешения уйти в пустыню и уединиться там на какое-то время.

– Надолго? – спросил Наг, и Таита увидел, как его встревожила мысль о потере ключа к вечной жизни, который, как он действительно верил, Таита держал в своих руках.

– Не слишком, великий, – заверил его Таита.

Наг обдумал это. Он никогда не принимал поспешных решений. Наконец он вздохнул и подошел к низкому столу, на котором лежали перо и папирус, быстро написал охранную грамоту и запечатал царским картушем. Было ясно, что печать вырезана давно, в ожидании его воцарения. Дожидаясь, чтобы высохли чернила, Наг сказал:

– Можете отсутствовать до начала следующего разлива Нила, но затем вы должны вернуться ко мне. Эта охранная грамота позволит вам путешествовать свободно и пользоваться любым продовольствием и снаряжением, в котором вы будете нуждаться, из царских складов в любом из моих владений.

Таита пал ниц, благодаря, но Наг поднял его на ноги в еще одном необычайном проявлении снисходительности.

– Идите, Маг! Но возвращайтесь к нам в назначенный день, чтобы получить награду, которую вы, безусловно, заслужили.

Сжимая в руке свиток папируса, Таита попятился к двери, делая знаки благословения.

Наутро ни свет ни заря, пока большая часть города все еще спала и даже стражники в восточных воротах зевали и смотрели устало, они покинули Фивы.

Нефера положили в задней части крытой повозки, которую тянула упряжка из четырех лошадей. Этих тягловых лошадей тщательно отбирал Хилто. Они были сильными и здоровыми, но не блистали ничем, что могло бы возбудить зависть или отложиться в памяти. Повозка была загружена продовольствием и снаряжением, которое могло им понадобиться, когда они покинут речную долину. Хилто оделся как богатый крестьянин, Мерен как его сын, а Бэй как их раб.

Нефер лежал на соломенном тюфяке на дне повозки, за занавеской из дубленой кожи. Сейчас он был в полном сознании и понимал все, что Таита должен был ему сказать. Несмотря на царскую охранную грамоту, сержант стражи был придирчив. Он не узнал Таиту под его капюшоном, поэтому поднялся в крытую повозку, чтобы осмотреть содержимое. Когда он отодвинул занавеску и увидел изможденное, бледное лицо Нефера, усыпанное изображенными Таитой алыми пятнами чумы, которые ни с чем нельзя было спутать, он в ужасе выругался и спрыгнул с повозки, столь энергично творя знаки против зла, что уронил лампу, и та разбилась у его ног.

– Уезжайте! – отчаянно закричал он Хилто, держащему поводья. – Увозите этого грязного чумного негодяя из города.

Еще дважды в течение дней, ушедших на то, чтобы пересечь прибрежную равнину и достичь холмов, отмечавших границу возделываемой земли и пустыни, их останавливали военные дозоры. Каждый раз царского свитка и жертвы чумы было достаточно, чтобы снова продолжить свой путь после самой короткой остановки.

По поведению дозоров было ясно, что в Фивах подмена тел не обнаружена и тревога еще не поднята. И все же Таита почувствовал облегчение, когда они поднялись на холмы в пустыню и по старому торговому пути направились на восток, в сторону Красного моря.

Теперь Нефер мог спускаться со своей постели в повозке и недолгое время хромая идти рядом с повозкой. Сразу стало ясно, что, несмотря на все его опровержения, нога у него болела, но вскоре он зашагал легче и шел дольше.

Три дня они отдыхали в древнем разрушенном городе Галлала. Они вновь наполнили мехи из скудного и горького источника и дали лошадям отдохнуть от суровой и трудной каменистой дороги. Бэй и Таита полечили их сухожилия и копыта. Когда стало возможно продолжить поездку, они отвернули в сторону от главного пути: в прохладе ночи выбрали тропу, известную только Таите, которая вела к Гебель-Нагаре. Бэй и Хилто замели следы от колесниц и скрыли все признаки того, что они там проехали.

В середине ночи, при свете ярких звезд, они достигли пещеры. В маленьком источнике недоставало воды, чтобы напоить столько людей и лошадей, и, едва повозка была разгружена, Хилто и Бэй отправились обратно, оставив в помощь Таите и Неферу только Мерена. Хилто покинул свой отряд под предлогом плохого здоровья, поэтому был свободен и мог каждое полнолуние вместе с Бэем приезжать и привозить из Фив продовольствие, лекарства и новости.

Первый месяц в Гебель-Нагаре пролетел быстро. В чистом и сухом воздухе пустыни раны Нефера закрылись без дальнейших осложнений, и скоро он хромая ходил по пустыне, охотясь вместе с Мереном. Они вспугивали пустынных зайцев и поражали их метательными дубинками, или Таита, усевшись на скалистом склоне над источником, наводил укрывающие чары, чтобы заманить стада газелей в пределы досягаемости стрел.

В конце месяца Хилто вернулся из Фив вместе с Бэем. Они принесли весть о том, что подмену Таиты еще не обнаружили и фараон Наг Киафан вместе со всем народом по-прежнему полагает, что тело Нефера просаливалось в Зале Скорби.

Они также принесли новости о восстании в Нижнем Царстве и зверствах фараона Трока в Манаши. Волнения возникли и в Верхнем Царстве, где Наг, подобно Троку, увеличил налогообложение и приказал набирать войска.

– Люди рассержены тем, что войска так увеличиваются, когда в стране мир, – сообщил Хилто.

– Думаю, что вооруженные восстания скоро распространятся и в Верхнем Царстве, где Наг ведет себя так же любезно, как Трок на Севере. Те, кто приветствовал воцарение этих двух фараонов, скоро обретут причины сожалеть об этом.

– Какие еще есть новости из Нижнего Царства? – взволнованно спросил Нефер.

Хилто пустился в долгое перечисление торговых новостей и цен на просо, сообщил о прибытии во дворец фараона Трока особого посланника из Ассирии. Нефер слушал нетерпеливо и, когда Хилто закончил, спросил:

– Какие новости о принцессе Минтаке?

Хилто поглядел озадаченно.

– Никаких, насколько я знаю. Думаю, она в Аварисе, но не уверен.

По пути сюда Хилто пересек следы большого стада сернобыков и теперь попросил у Таиты разрешения последовать за ними, чтобы поохотиться. Высушенное мясо пополнило бы их запасы, и Таита легко согласился. Но заявил, что Нефер еще недостаточно силен, чтобы присоединиться к группе охотников. Странно, но это, казалось, не расстроило Нефера: он предложил Таите отправиться с охотниками и использовать свои силы, чтобы отыскать добычу и скрыть охотников, когда те приблизятся к животным.

Стоило Неферу остаться в пещере одному, как он распаковал маленький ларец из кедра с чистыми свитками папируса и письменными принадлежностями, который принес ему Хилто, и начал составлять письмо Минтаке. Он был совершенно уверен, что к настоящему времени весть о его смерти уже получена в Аварисе. Помня собственные ужасные страдания после того, как он услышал ложное сообщение о гибели Минтаки вместе со всем ее семейством в Баласфура, он хотел избавить ее от такой же муки. Он хотел также объяснить, что именно Наг и Трок отменили их помолвку, но сам он, Нефер, все так же любит ее больше собственной надежды на вечную жизнь и ни за что не успокоится, пока она не станет его женой.

Все это следовало изложить таким языком, который, если свиток попадет не в те руки, оказался бы непонятен никому, кроме Минтаки.

В начале он приветствовал ее как «Первую Звезду». Ей следовало вспомнить, как они обсуждали происхождение ее имени и она сказала:

– Меня зовут как третью звезду в поясе небесного Охотника.

А он ответил:

– Нет, не третью. Самую первую на всем небесном своде.

Он выводил иератические знаки с великим усердием – он всегда превосходно писал. И подписался «Дурак из Даббы», уверенный, что она узнает намек на ошибку, которую он совершил, когда они были одни в пустыне.

Вечером, когда охотники вернулись и все наслаждались свежим жареным мясом сернобыка, Нефер ждал возможности поговорить с Хилто наедине. Она представилась, когда Таита вышел из круга около костра, чтобы немного походить по ночной пустыне. Вместе с грузом продовольствия Хилто привез из Фив несколько больших кувшинов пива, и Таита с наслаждением выпивал чашу или две, но одним из немногих признаков, указывавших на его возраст, была скорость, с которой жидкость выходила наружу.

Как только Маг ушел за пределы слышимости, Нефер наклонился поближе к Хилто и зашептал:

– У меня есть особое поручение, которое ты должен выполнить для меня.

– Для меня это будет великой честью, великий.

Нефер передал ему крошечный свиток папируса.

– Сохрани его ценой своей жизни, – приказал он, и когда Хилто спрятал его в свою накидку, Нефер приказал ему доставить папирус принцессе в Аварис. Закончил он предостережением:

– Не говори об этом никому. Даже Магу. Помни о священной присяге!

На другой день на закате, когда воздух начал остывать, Хилто и Бэй покинули Гебель-Нагару. Они почтительно поклонились Неферу, испросили у Таиты благословение и защитные чары и направились в освещенную звездами пустыню. Лошади поднялись на первый склон холма по россыпи серебристых в лунном свете камешков, которые потрескивали, охлаждаясь во тьме ночи.

Бэй шел впереди лошадей и вдруг отскочил назад, испуганно вскрикнув на своем диком языке, и схватился за амулет в виде кости льва на своем ожерелье. Он указал на странную фигуру, появившуюся из тени, отбрасываемой скалой.

Хилто взволновался еще более:

– Отойди в сторону, злая тень, – закричал он, щелкнул кнутом и сделал знак против зла, а затем пробормотал заклинание против всех призраков и злых духов.

– Спокойно, Хилто! – наконец проговорил призрак. Луна светила так ярко, что фигура отбрасывала на твердый сланец под ногами длинную тень, а голова ее светилась, будто расплавленное серебро в тигле.

– Это я, Маг Таита.

– Не может быть! – крикнул Хилто. – Я оставил Таиту в Гебель-Нагаре на закате. Я знаю тебя. Ты – ужасная тень из нижнего мира, притворившаяся Магом.

Таита шагнул вперед и схватил Хилто за правую руку.

– Почувствуй тепло моей плоти, – сказал он и поднес руку Хилто к своему лицу. – Пощупай мое лицо и послушай мой голос.

Однако лишь после того, как Бэй коснулся груди Таиты костью льва, понюхал, нет ли в его дыхании зловония могилы, и объявил, что он тот, кем представился, старому воину пришлось согласиться с этим.

– Но как вы попали сюда, опередив нас? – спросил он горестно.

– Это пути посвященного, – сказал ему загадочно Бэй. – Лучше никогда не задавать такой вопрос.

– Хилто, у тебя на теле есть что-то, что подвергает всех нас смертельной опасности. – Таита отбросил подробности. – Оно источает запах смятения и смерти.

– Я не знаю, что это может быть, – неловко сказал Хилто.

– Это что-то доверил тебе сам Египет, – настаивал Таита, – и ты хорошо знаешь об этом.

– Сам Египет. – Хилто почесал бороду и покачал головой.

Таита протянул руку, и Хилто, вздохнув, сдался без дальнейшего сопротивления. Он полез в кожаную сумку на своем поясе и достал папирус. Таита забрал у него свиток.

– Ничего не говори об этом, – предупредил его Таита, – никому, даже самому фараону. Слышишь, Хилто?

– Слышу, Маг.

Таита взял папирус в правую руку и стал сосредоточенно смотреть на него. Через несколько мгновений на свитке появилось крошечное горящее пятнышко, в ночной воздух поднялся легкий дымок, а затем вдруг весь папирус охватило пламя.

Таита, не отдернув пальцы от высокой температуры, держал его, пока он не сгорел, и затем растер остатки в пыль.

– Это волшебство, – выдохнул Хилто.

– Всего лишь ловкость, – пробормотал Бэй. – Такое может даже ученик.

Таита поднял правую руку в благословении.

– Пусть боги хранят вас во время вашей поездки, – сказал он и после посмотрел, как повозка отъехала и слилась с мраком.

Когда Таита снова очутился около маленького горящего очага в пещере Гебель-Нагары и стоял, отогревая старые кости от холода пустыни, он смотрел на спящего у задней стены Нефера, укрытого овчиной.

Его не рассердила жалкая попытка мальчика обмануть его. Возраст не иссушил его человеческие чувства, не затуманил воспоминания о мучениях страсти, и он сочувствовал желанию Нефера уменьшить страхи и страдания Минтаки. К этому добавлялась глубокая, граничащая с любовью привязанность, которую он испытывал к Минтаке.

Он не стал распекать Нефера из-за возможных последствий этого порыва сострадания. Он дал ему опиум веры в то, что Минтака скоро узнает – он все еще жив.

Он присел на корточки около Нефера и, не притрагиваясь к нему, осторожно проник во внутреннюю сущность мальчика. Благодаря большому опыту при работе со своим пациентом он легко достиг этого. Нефер метался, стонал и бормотал что-то бессвязное. Даже в глубоком сне сила Таиты, наброшенная на него будто сеть, затронула его и чуть не разбудила.

Его тело быстро следовало по пути к полному восстановлению. Таита опустился глубже. Дух мальчика был силен, и он ничего не потерял в испытании, через которое прошел.

«Совсем скоро мы сможем приступить к нашему следующему делу».

Он вернулся к очагу и положил в огонь еще несколько веток акации. Затем лег, но не для того, чтобы спать, поскольку в его годы нуждаются лишь в нескольких часах сна за ночь, а чтобы открыть свой ум потокам, вызванным событиями, часть которых произошла давно, а другие намного позже. Он позволил им кружиться в водовороте вокруг него, как если бы он был скалой в потоке существования.

Следующая луна прошла еще быстрее, чем предыдущая, поскольку Нефер становился все более сильным и неугомонным. С каждым днем его хромота становилась менее заметной и наконец исчезла. Скоро он бегал вместе с Мереном от дна долины до гребня холмов. Эти соревнования стали обычной частью их жизни в оазисе. Первое Мерен выиграл легко, но вскоре все изменилось.

На рассвете двадцатого дня после отъезда Хилто они начали бег от входа в пещеру и помчались через каменное дно долины плечом к плечу, но когда стали подниматься на холм, Нефер вырвался вперед. На полпути он внезапно сделал мощный рывок вперед и оставил Мерена позади. На гребне холма он обернулся и засмеялся над Мереном, торжествующим жестом по-

ложив руки на бедра. На рассветном ветру его длинные густые локоны развевались за плечами. Позади него вставало раннее солнце, и золотые лучи образовали нимб вокруг его головы.

Таита наблюдал все это снизу и уже собирался вернуться в пещеру, когда устрашающий звук, разнесшийся в тишине пустыни, остановил его. Он поднял лицо к небу и, увидев темное пятнышко, описывающее круг высоко в синеве, ощутил близкое божественное присутствие. Крик прозвучал снова, тихий и слабый, но он пронзал до сердца: незабываемый крик царского сокола.

На гребне бархана Нефер также услышал его и завертел головой, чтобы найти его источник. Он разглядел крошечную фигурку и поднял к ней обе руки. Как если бы жест был командой, сокол перешел в стремительное падение и, казалось, стал увеличиваться. Ветер шумел в его изогнутых крыльях; он падал прямо на Нефера. Если бы на такой скорости он ударил, то разорвал бы плоть мальчика и сломал кости, но Нефер не уклонился, когда птица приблизилась прямо к его запрокинутому лицу.

В самый последний миг сокол прервал падение и воспарил над головой мальчика. Нефер протянул руку и почти коснулся гладкого, красивого оперения на его груди. На мгновение Таите показалось, что птица позволит схватить себя, но она забила крыльями и взмыла ввысь. Еще раз издала свой страдальческий прекрасный крик, затем устремилась к солнцу и, как показалось, исчезла в пылающем шаре.

В свое последнее посещение Гебель-Нагары Хилто привез с собой военный лук полного размера. Под руководством Таиты Нефер занимался с ним каждый день, тренируя мускулы на спине и плечах, пока не развил достаточную силу, чтобы вскинуть оружие, натянуть тетиву до конца и удерживать цель так, чтобы руки не начинали утомляться и дрожать. Затем по команде Таиты он посылал стрелу вверх по высокой дуге, чтобы поразить цель на расстоянии в двести локтей.

В роще, спрятанной у подножия холмов, Нефер вырезал себе из акации тяжелый деревянный посох и подрезал, точил и полировал его, пока он не приобрел совершенные длину и баланс в его руках. В прохладе рассвета они с Таитой сражались традиционным способом. В начале Нефер сдерживался из уважения к возрасту Таиты, но Маг раскровенил ему голени и поставил шишку на голове. Разъяренный и оскорбленный, Нефер напал всерьез, но старик был быстр и ловок. Он прыгал как раз вне досягаемости рубящего посоха Нефера, а затем бросался вперед и наносил болезненные удары в незащищенные локоть или колено.

Таита почти не утратил навыки обращения с клинком. Хилто привез им полную стойку тяжелых серповидных мечей, и когда Таита решил, что они имеют уже достаточную практику сражения на посохах, он вынес мечи и провел Нефера и Мерена через полный набор ударов, уколов и парирований. Он заставлял их повторять каждый прием пятьдесят раз, а затем начинать снова. К тому времени как он объявил перерыв на ужин, по телам Нефера и Мерена катился пот, как если бы они погрузились в воды Нила. Кожа Таиты, однако, была сухой и прохладной. Когда Мерен с завистью упомянул об этом, он усмехнулся:

– Последняя капля пота стекла с меня еще до вашего рождения.

В другие вечера Нефер и Мерен раздевались донага, смазывали тела маслом и боролись, а Таита оценивал их броски и выкрикивал советы и указания. Хотя Мерен был выше на ширину руки и тяжелее в плечах, руках и ногах, Нефер обладал естественной устойчивостью, и Таита научил его, как использовать вес противника против него самого. Они были равны друг другу во всем.

По вечерам и поздно ночью Таита и Нефер сидели у огня и обсуждали разные темы, от медицины и политики до войны и религии. Часто Таита описывал что-нибудь, а затем просил

Нефера найти изъяны в его утверждениях и аргументах. Во время этих уроков он расставлял скрытые ловушки и противоречия, и Нефер все чаще и с растущим рвением раскрывал их и подвергал сомнению. Кроме того, рядом всегда была доска для игры в бао, чтобы поломать голову в попытке распутать законы и бесконечные возможности ходов и схем движения камней.

– Если ты сможешь понять все, что нужно знать о камнях бао, то узнаешь все, что нужно знать о самой жизни, – сказал ему Таита. – Тонкости игры настраивают и заостряют ум, готовя его к постижению тайн более великих.

Месяц пролетел так стремительно, что Нефер даже слегка удивился, когда, мчась по пустыне за смертельно раненной газелью, вдруг заметил на горизонте, искаженном миражем, крошечное облако желтой пыли и под ним далекие очертания возвращающейся из речной долины крытой повозки. Он тотчас забыл о газели, за которой гнался, и побежал, чтобы встретить Хилто. Хилто привык к выдающимся демонстрациям физического мастерства своих солдат, но и на него произвела впечатление скорость, с какой Нефер несся по земле в колеблющемся жарком мареве.

– Хилто! – прокричал Нефер еще издалека, ничуть не запыхавшись. – Пусть боги любят тебя и даруют тебе вечную жизнь! Что нового? Что нового?

Хилто притворился, что не понял вопроса, и, когда Нефер пошел рядом с повозкой, начал многословно и подробно описывать политические и общественные события в царствах.

– Еще одно восстание на Севере. В этот раз Трок подавил его с большим трудом. За три дня тяжелых боев он потерял четыреста солдат, и половина мятежников избежала его гнева.

– Хилто, ты знаешь, что я хотел бы от тебя услышать другое.

Хилто кивнул в сторону Бэя.

– Возможно, сейчас не время затрагивать некоторые вопросы, – предположил он тактично. – Великий, может быть, мы поговорим позже и наедине?

Неферу пришлось обуздать нетерпение.

Когда они сели вечером у костра в пещере, для Нефера было мукой слушать Хилто, долго и подробно рассказывавшего Таите новости, самой важной из которых была весть о том, что подмена тел обнаружилась, когда жрецы Анубиса в Зале Скорби сняли льняные полосы с головы умершего. Фараон Наг Киафан постарался на славу, чтобы утаить эту новость и предотвратить ее распространение в народе, ибо устои его трона были бы подорваны, если бы народ заподозрил, что Нефер жив. Однако невозможно было сохранить в тайне такое чрезвычайное событие, когда многие люди, жрецы и придворные были посвящены в него. Хилто сообщил, что слухи об этом распространились по улицам и рынкам Фив и отдаленных городов и деревень.

Отчасти по причине этих слухов, в обоих царствах шире распространились и стали более согласованными волнения. Мятежники называли себя Синее Движение. Синий был цветом династии Тамоса; Наг выбрал в качестве собственного царского цвета зеленый, а цвет Трока был красный.

Вдобавок неприятности назревали на востоке. Египетские фараоны отослали гуррийского посла назад к его хозяину, царю Саргону Вавилонскому, чье могущественное царство лежит между Тигром и Евфратом, с требованием увеличить ежегодную дань Саргона до двадцати лакхов золота, непосильного количества, на которое Саргон никогда не согласится.

– Итак, это объясняет наращивание войск в обоих царствах, – сказал Таита, когда Хилто окончил свой рассказ. – Наконец стало ясно, что эти два фараона жаждут богатств Месопотамии и намерены их завоевать. После Вавилона они обратятся к Ливии и Халдее. И не остановятся, пока весь мир не попадет под их пяту.

Хилто глядел с удивлением.

– Я не думал об этом, но вы, должно быть, правы.

– Они хитры, как два старых бабуина, совершающих набег на крестьянские поля на берегу реки. Они знают, что война – стимул для объединения. Если они отправятся в поход на Месопотамию, народ сплотится вокруг них в патриотическом безумии. Войскам придется по вкусу обещание добычи и славы. Торговцам – возможность расширить торговлю и увеличить прибыль. Прекрасный способ отвлечь людей от их недовольства.

– Да, – кивнул Хилто. – Сейчас я это вижу.

– Конечно, это – в наших интересах, – размышлял Таита. – Я искал нам приют. Если Саргон будет воевать с Троком и Нагом, то он примет нас у себя.

– Мы уедем из Египта? – воскликнул Хилто.

Таита объяснил:

– Теперь, когда Наг и Трок знают, что Нефер жив, они станут искать нас. Дорога на восток – единственная открытая для нас. Уехать придется ненадолго, пока мы не соберем собственные силы, не найдем поддержку в двух царствах и сами не сделаемся мощными союзниками. Затем мы вернемся, чтобы заявить о неотъемлемом праве фараона Нефера.

Они молча смотрели на Таиту, пытаясь опомниться от потрясения, вызванного этим планом. Они не заглядывали так далеко вперед, и им никогда не приходило в голову, что придется покинуть родную землю.

И тут Нефер нарушил тишину.

– Мы не можем сделать этого, – сказал он. – Я не могу оставить Египет.

Таита поглядел на остальных и кивком приказал всем выйти. Хилто, Бэй и Мерен покорно встали и гуськом вышли из пещеры.

Таита предвидел такой поворот событий. Он знал, потребуется вся его хитрость, чтобы разобраться, поскольку лицо Нефера выражало упорство и свое заявление он сделал упрямым тоном, хорошо знакомым Таите. Он знал, что трудно будет переубедить Нефера. Мальчик смотрел в огонь, и Таита понял, что нужно вынудить его нарушить тишину. Если он сделает это, позиция Таиты укрепится.

– Тебе следовало обсудить этот план со мной, – сказал наконец Нефер. – Я больше не ребенок, Таита. Я – мужчина и фараон.

– Я рассказал вам о моих намерениях, – спокойно заметил Таита.

Они снова сидели в тишине, глядя на языки пламени, и Таита ощущал, как в решимости Нефера появляются трещины.

Наконец Нефер заговорил снова:

– Видишь ли, здесь Минтака.

Таита опять ничего не сказал. Чутье подсказало ему, что они приближаются к кризису в их отношениях. Это когда-нибудь должно было случиться, и он не старался избежать его.

– Я послал письмо Минтаке, – сказал Нефер. – Я сказал ей, что люблю ее, и поклялся своей жизнью и вечным духом, что не покину ее.

Теперь Таита нарушил тишину:

– Ты уверен, что Минтака получила эту твою безрассудную клятву, которая подвергла тебя, ее и все твое окружение смертельной опасности?

– Да, конечно. Хилто... – Нефер осекся, и выражение его лица изменилось, когда он поглядел на Таиту через пламя костра. Внезапно он вскочил и направился ко входу в пещеру. Он шел не как мальчик, а как мужчина, рассерженный мужчина. За несколько этих последних коротких месяцев он полностью изменился. Таита испытал глубокое удовлетворение. Путь впереди ждал трудный, Неферу потребуется вся его новооткрытая сила и решительность.

– Хилто! – крикнул Нефер в темноту. – Подойди ко мне. – Вероятно, Хилто услышал новую властность в его голосе, потому что быстро пришел и опустился на одно колено перед Нефером.

– Великий? – спросил он.

– Ты доставил сообщение, которое я доверил тебе? – спросил Нефер.

Хилто поглядел на Таиту около огня.

– Не смотри на него, – выпалил Нефер. – Я задаю тебе вопрос. Отвечай.

– Нет, не доставил сообщение, – ответил Хилто. – Желаете знать причину?

– Я достаточно хорошо знаю эту причину, – зловеще проговорил Нефер. – Но послушай вот что. Если когда-либо впредь ты преднамеренно не повинуешься мне, то поплатишься за это в полной мере.

– Я понимаю, – бесстрастно сказал Хилто.

– Если когда-либо снова возникнет выбор между фараоном и вмешивающимся стариком, ты выберешь фараона. Ясно?

– Ясно, как полуденное солнце. – Хилто покаянно понурил голову, но улыбнулся в бороду.

– Ты уклонился от моих вопросов, Хилто. Итак, какие новости у тебя есть о принцессе?

Хилто прекратил улыбаться, затем открыл и закрыл рот, пробуя собраться с духом и сообщить ему страшную весть.

– Говори! – приказал Нефер. – Ты так быстро забыл свой долг?

– Милостивый великий, эта новость не порадует вас. Шесть недель назад принцессу Минтака выдали в Аварисе замуж за фараона Трока Урука.

Нефер замер, будто превратился в гранитную статую. Долгое время единственным звуком в пещере было потрескивание бревен акации в огне. Затем, не говоря ни слова, Нефер прошел мимо Хилто и вышел в ночную пустыню.

Когда он вернулся, в восточной части неба слабо тлел алый рассвет. Хилто и Мерен спали, завернувшись в овчины в глубине пещеры, но Таита сидел в том же положении, в каком Нефер оставил его. На мгновение ему показалось, что старик тоже спит. Но Таита поднял голову и посмотрел на него глазами, которые в свете костра смотрели ясно и бдительно.

– Я ошибался, а ты был прав. Ты нужен мне теперь как никогда, старый друг, – сказал Нефер. – Ты не оставишь меня?

– Ты мог бы не спрашивать, – ответил Таита тихо.

– Я не могу оставить ее с Троком, – сказал Нефер. «Нет».

Нефер вернулся на свое место напротив Таиты. Тот медленно и глубоко вздохнул. Буря кончилась. Они снова были вместе.

Нефер поднял обугленное полено и сунул его глубже в огонь. Затем снова поглядел на Таиту.

– Ты пытался научить меня видеть далеко, – сказал он. – Мне не удавалось получить этот дар. До этой ночи. Там, в темноте и полной тишине, я постарался увидеть Минтаку. На этот раз я что-то увидел, Таита, но смутно, и не понял, что это было.

– Любовь к ней сделала тебя чувствительным к ее ауре, – объяснил Таита. – Что ты видел?

– Лишь тени, но почувствовал страшную печаль и горе. Я ощутил такое невыносимое отчаяние, что мне самому захотелось умереть. Я знаю, что это были чувства Минтаки, а не мои собственные.

Таита с неизменившимся лицом смотрел на огонь, и Нефер продолжил:

– Ты должен посмотреть на нее ради меня. Там творится какая-то ужасная несправедливость. Только ты в силах помочь ей сейчас, Таита.

Рука Нефера поднялась к его ожерелью. Он коснулся крошечного золотого медальона, висевшего в середине цепи.

– Это – моя самая большая драгоценность.

Таита протянул руку над огнем:

– Дайте его мне.

Нефер поколебался, затем сжал амулет в кулаке.

– Кроме моих пальцев, только ее пальцы касались его. В нем лежит локон ее волос.

– Тогда этот амулет имеет очень большую силу. Он содержит ее сущность. Дай его мне, если хочешь, чтобы я помог ей.

Нефер передал ему медальон.

– Жди здесь. – Таита встал. Хотя в течение всех этих часов он сидел на корточках, согнув ноги, в его движениях не было ни следа одеревенелости, как у молодого зрелого мужчины. Он вышел в рассвет и поднялся на гребень холма, затем подобрал полы хитона вокруг тощих ног и сел на корточки на песок лицом к рассвету.

Он прижал амулет Минтаки ко лбу, закрыл глаза и начал легонько раскачиваться из стороны в сторону. Солнце поднялось из-за горизонта и ударило прямо ему в лицо.

Амулет в правой руке Таиты, казалось, жил собственной странной жизнью. Таита чувствовал, как он мягко пульсирует в ритме его собственного сердцебиения. Он открыл сознание и позволил потокам существования свободно войти в него и протекать подобно мощному речному течению. Его собственный дух вырвался на свободу из тела и взмыл вверх. Будто уносясь на крыльях какой-то гигантской птицы, он видел далеко внизу мимолетные, размытые образы стран и городов, лесов, равнин и пустынь. Он видел войска на марше, отряды колесниц, вздымающие огромные тучи желтой пыли, в которых блестели острия копий. Он видел корабли в морях, терзаемые волнами и ветром. Он видел горящие разграбляемые города, и слышал в своей голове странные голоса, и знал, что они из прошлого и из будущего. Он видел лица давно умерших и еще не рожденных.

Он уносился дальше, его дух залетал далеко, но амулет служил в качестве магнита. Он мысленно позвал: «Минтака!» – и почувствовал, как амулет начал теплеть и наконец стал обжигающе горячим в его руке.

Образы медленно обрели четкость, и он услышал, как ее милый голос ответил:

– Я здесь. Кто зовет меня?

– Минтака, это Таита, – ответил он и тут же уверился, что неведомое зло вмешалось и разрушило поток между ними. Минтака исчезла, и вместо нее он ощутил присутствие чего-то страшного. Он сосредоточил все свои силы, пытаясь развеять темные тучи. Они словно бы уплотнились и приняли форму поднявшей голову кобры, того же мрачного воздействия, с которым Таита и Нефер столкнулись в гнезде царского сокола на утесах Бир-Умм-Масары.

Он мысленно вступил в борьбу с коброй, напрягая силы, чтобы отогнать ее, но вместо того, чтобы уступить, образ змеи обрел большую четкость и стал более угрожающим. Внезапно Таита понял, что это не психическое явление, а прямая и смертельная угроза, нависшая над Минтакой. Он удвоил усилия, чтобы прорваться сквозь завесу зла и добраться до принцессы, но между ними стояло так много боли и печали, что это был непроницаемый барьер.

Затем вдруг Таита увидел руку, стройную и изящную, протянутую к зловещей чешуйчатой голове. Он понял, что это рука Минтаки: кольцо с синим лазуритом на указательном пальце было гравировано ее картушем. Он удерживал ядовитую змею под контролем, напрягая все свои жизненные силы, и не дал ей ударить в руку Минтаки, когда та погладила сзади раздутый капюшон. Кобра наполовину отвернулась от нее, почти как кот, подставляющий голову, чтобы его погладили.

– Заставьте ее сделать то, что надлежит, – услышал Таита голос Минтаки, и другой голос, который он узнал, ответил:

– Я никогда не видела такого прежде. Вы должны ударить посланца собственной рукой. Это заставит его доставить дар богини. – Это был голос верховной жрицы храма Хатор в Аварисе, и Таита понял: Минтака, сраженная горем, собиралась пойти по пути богини.

– Минтака! – Он напряг силы, чтобы дотянуться до нее, и наконец преуспел.

– Таита? – прошептала она, и из-за того, что Минтака наконец услышала его, поле зрения Таиты расширилось так, что он смог все видеть ясно.

Минтака была в спальне с каменными стенами. Она стояла на коленях перед корзиной. Рядом была жрица, а перед Минтакой подняла голову ядовитая змея.

– Ты не должна идти по этой дороге, – приказал Таита. – Она не для тебя. Боги избрали для тебя другую участь. Слышишь?

– Да! – Минтака повернула к нему голову, как если бы видела его лицо.

– Нефер жив. Нефер жив. Слышишь?

– Да! О да.

– Крепись, Минтака. Мы придем за тобой. Нефер и я придем за тобой.

Сосредоточенность Таиты была такова, что он до того глубоко вдавил ногти в ладони, что выступила кровь, – но он не мог дольше удерживать контакт с Минтакой. Она начала ускользать от него, ее образ размылся, побледнел и исчез, но прежде чем она исчезла, он увидел ее прекрасную улыбку, полную любви и возрожденной надежды.

– Крепись! – убеждал он ее. – Крепись, Минтака! – Эхо собственного голоса вернулось к нему будто издалека.

Нефер ждал его у подножия бархана. Когда Таита был еще на полпути вниз, мальчик понял, что произошло что-то важное.

– Ты видел ее! – прокричал он, и это не был вопрос. – Что с ней? – Он побежал вперед навстречу Таите.

– Мы ей нужны, – сказал Таита и положил руку Неферу на плечо. Он не мог рассказать мальчику ни о крайнем горе и отчаянии, в котором застал Минтаку, ни о судьбе, которую она выбрала. Нефер мог не перенести этого и легко решиться на какой-нибудь безумный поступок, который погубил бы обоих влюбленных.

– Ты был прав, – продолжил Таита. – С мыслью оставить эту страну и найти убежище на востоке нужно повременить. Мы должны поехать к Минтаке. Я обещал ей.

– Да! – согласился Нефер. – Когда мы можем поехать в Аварис?

Таита ответил:

– Следует очень поспешить. Мы уезжаем сейчас же.

Им потребовалось пятнадцать дней трудного путешествия, чтобы достичь крошечного военного лагеря и станции смены лошадей Тане, стоящей в дне пути к югу от Авариса. По дороге они меняли лошадей четырежды – Таита использовал данную ему Нагом охранную грамоту, чтобы заменить уставших животных и пополнять запасы продовольствия в военных лагерях, мимо которых они проезжали.

С тех пор как они покинули Гебель-Нагару, они бесконечно обсуждали свои планы, зная, что противостоят мощи фараона Трока Урука. По оценке военачальников, с которыми они говорили в военных лагерях, у Трока сейчас было в распоряжении двадцать семь полностью обученных и оснащенных отрядов и почти три тысячи колесниц. Чтобы противостоять этому множеству, они располагали потрепанной старой повозкой с задним колесом, склонным отваливаться в самое неподходящее время, и кузовом, скрепленным бечевкой и кожаными ремнями. Их было всего четверо: Нефер и Мерен, Хилто и Бэй. Зато пятым был Таита.

– Маг стоит по меньшей мере двадцати семи отрядов, – сказал Хилто, – так что у нас с Троком силы равны. – Хилто знал боевого командира, отвечающего за лагерь в Тане, покрытого шрамами, седеющего старого воина по имени Сокко. Давным-давно они вместе проехали по Красной Дороге. Они вместе сражались, гуляли и развратничали. После того как они битый час

вспоминали былое и выпили горшок кислого пива, Хилто вручил ему свиток указа. Сокко держал его вверх тормашками на расстоянии вытянутой руки, сделав умное лицо.

– Видишь картуш фараона? – Хилто коснулся печати.

– Насколько я тебя вообще знаю, Хилто – а клянусь Гором, я тебя знаю, – ты, наверное, сам нарисовал эту красивую картинку. – Сокко вернул свиток.

– Что тебе нужно, старый плут?

Они выбрали свежих лошадей из резервного табуна в несколько сотен голов, и Таита прошел вдоль рядов колесниц на стоянке лагеря, только что присланных от изготовителей в Аварисе. Он выбрал три колесницы, и они запрягли свежих лошадей.

Когда они покидали Тане, Таита вел старую крытую повозку, а Мерен, Хилто и Нефер каждый правили колесницей, в то время как Бэй в тылу вел двадцать запасных лошадей. Они направились не прямо к Аварису, а решили объехать город с востока.

На краю пустыни был маленький оазис, используемый кочевниками и торговыми караванами, идущими на восток и возвращающимися оттуда.

Пока его спутники разгружали фураж, который везли из Тане в повозке, стреноживали лошадей и смазывали жиром ступицы колес новых колесниц, Таита отправился торговаться с хозяином ассирийского каравана, стоявшего поблизости. Он купил кипу грязной, изорванной одежды и двадцать шерстяных ковров, которые ткали в земле на берегу Дальнего Моря. Ковры были скверного качества, но ему пришлось заплатить за них грабительскую цену.

– Эта ассирийская обезьяна – головорез и разбойник, – пробормотал он, когда они грузили ковры на повозку.

– Зачем они нам? – поинтересовался Нефер, но Таита притворился, будто не расслышал вопрос.

В ту ночь Таита покрасил свою серебристую гриву настойкой на коре мимозы, что поразительно изменило его внешность. В темноте раннего утра они оставили Бэя присматривать за лошадьми и колесницами, поднялись в обветшалую крытую повозку и, сидя на высокой груде пыльных ковров, направились на запад, к Аварису, одетые в обноски, которые им дал Таита. Сам Таита был в длинной мантии с поясом, а нижнюю часть лица закрыл по обычаю уроженцев Ура Халдейского. Из-за покрашенных темных волос в нем невозможно было узнать Мага.

Был вечер, когда они достигли столицы Северного Царства. У ее стен вечно устраивали себе пристанище несколько тысяч человек, главным образом нищих, странствующих актеров, иностранных торговцев и прочего сброда. Они встали лагерем среди них и на следующий день ранним утром, оставив Мерена караулить повозку, отправились, чтобы присоединиться к толпе, ждущей у городской стены восхода солнца, когда открывали ворота.

Как только они миновали городского стражника, Хилто отправился обходить таверны и бордели в узких улицах старого квартала, где он надеялся найти приятелей и товарищей по оружию и узнать у них последние новости. Таита взял Нефера с собой, и они стали пробираться по людным улицам пробуждающегося города к воротам дворца. Там они присоединились к нищим, торговцам и просителям. Таита не старался войти во дворец, и они потратили утро, слушая разговоры вокруг и болтая с другими бездельниками.

Наконец Таита завязал беседу с торговцем из Вавилона, который представился как Нинтура, одетым так же, как Маг. Сам Таита выбрал именно эту маскировку, поскольку говорил на аккадском языке как уроженец Месопотамии. Они вдвоем выпили горшок кофе, сваренный из редких и дорогих зерен, привезенных из Эфиопии, и Таита использовал все свои хитрости, чтобы очаровать Нинтуру, который прошедшие десять дней ждал у стен дворца своей очереди, чтобы показать свой товар новой жене Трока. Он уже дал управителю дворца непомерную взятку, чтобы ему разрешили войти в палаты молодой супруги, но перед ним было много других.

– Говорят, молодая жена жестоко обходится с Троком. Не пускает его на свое ложе. – Нинтура захихикал. – Он без ума от нее, как олень во время гона, но она держит ноги скрещенными, а дверь палаты закрытой. Трок пытается завоевать ее благосклонность дорогими подарками. Говорят, он не отказывает ей ни в чем. А она покупает все, что ей предлагают, а потом назло ему немедленно перепродает за ничтожную долю того, что ему пришлось заплатить, и раздает вырученные деньги городским беднякам. – Он хлопнул себя по колену и загоготал. – Говорят, она покупает одну и ту же вещь много раз, а Трок все платит.

– А где Трок? – спросил Таита.

– Ведет кампанию на Юге, – ответил Нинтура. – Он гасит огонь восстания, но едва отвернется, как тот снова вспыхивает у него за спиной.

– К кому мне следует подойти, чтобы войти в палаты этой царицы Минтаки?

– К управляющему дворцом. Его зовут Солет, это жирный безобразный скопец. – Нинтура не заметил физического состояния самого Таиты.

Таита знал Солета лишь по слухам, но тот был одним из тайного братства евнухов.

– Где найти его? – спросил Таита.

– Вам придется заплатить золотое кольцо только за то, чтобы подойти к нему, – предупредил Нинтура.

Солет сидел около пруда с лотосами в собственном окруженном стенами саду. Он не поднялся, когда один из работников женской части дворца привел к нему Таиту.

Гиксосы так далеко отошли от своих древних обычаев и приняли египетские, что больше не держали жен запертыми в женской части дома. Евнухи по-прежнему в значительной степени сохраняли свою прежнюю власть над царскими женщинами, но при надлежащем сопровождении их подопечным предоставлялась большая свобода. Они могли ходить за пределами дворца, плавать ради удовольствия на барках по реке, принимать торговцев, чтобы те показывали им свои товары, а также обедать, петь, танцевать и играть вместе с подругами.

Таита с достоинством приветствовал Солета, поскольку представился ему вымышленным именем. Затем изобразил опознавательный знак братства, согнув и сдвинув мизинцы. Солет заморгал от неожиданности и пробежал глазами по худой фигуре гостя: ни сложением, ни внешностью тот не походил на евнуха. Однако он махнул Таите, чтобы тот сел на подушки напротив него. Таита принял чашу шербета, которую поднес раб, и они некоторое время говорили, казалось бы, о пустяках, но на самом деле за это время Солет быстро удостоверился в искренности Таиты, и они вспомнили общих знакомых в пределах братства. Солет исподтишка задумчиво изучал черты Таиты, глядя под завесу окрашенных волос. В его глазах медленно появилось узнавание, и наконец он мягко спросил:

– В своих странствиях вы, возможно, встречали знаменитого Мага, известного в обоих царствах и за их пределами как Таита?

– Я хорошо знаю Таиту, – подтвердил Таита.

– Как самого себя? – спросил Солет.

– По меньшей мере, – подтвердил Таита, и полное лицо Солета сморщилось в улыбке.

– Больше ни слова. Какую услугу я вам могу оказать? Вам достаточно только попросить.

В тот вечер Нефер, Мерен и Хилто сели на стопку ковров, и Таита привел скрипящую повозку, с неисправным задним колесом, вихляющим из стороны в сторону, к одним из боковых ворот дворца, где в бедном узком переулке пряталась стайка оборванных мальчишек. Таита дал одному из них медное кольцо, чтобы они охраняли повозку, и постучал в ворота концом посоха. Те распахнулись сразу, но на пришедших смотрел ряд копий. Вход в женскую часть дворца усиленно охранялся: Трок хорошо стерег свою молодую жену.

Солет не пришел туда приветствовать его – очевидно, не хотел, чтобы у него рыльце было в пушку, – но прислал одного из своих подчиненных, старого черного раба, провести Таиту мимо стражников и служить проводником. Хотя у Таиты был свиток папируса, который дал ему Солет, начальник стражи настоял на том, чтобы обыскать их, прежде чем позволил им пройти. Он приказал Хилто развернуть ковры и проткнул каждую складку концом копья. Наконец удовлетворенный, он махнул рукой: проходите.

Старый раб хромал впереди, ведя их через лабиринт узких проходов. Они шли, и обстановка становилась все более роскошной. Наконец они остановились перед искусно вырезанной дверью из сандалового дерева, охраняемой двумя огромными евнухами. Стражники пошептались со старым рабом и отошли в стороны, и Таита повел остальных в большую просторную комнату, благоухающую цветами, духами и дразнящим ароматом молодой женственности. Комната выходила на широкую террасу, с которой доносились звуки лютни и женские голоса.

Старый раб вышел на террасу.

– Великая, – сказал он дрожащим голосом, – пришел торговец с прекрасными шелковыми коврами из Самарканда, и он ждет вашу милость.

– Я видела достаточно хлама для одного дня, – ответил женский голос, и Нефер затрепетал от этих знакомых и любимых интонаций, так что его дыхание участилось. – Отошли их прочь.

Провожатый оглянулся на Таиту и с печальным лицом беспомощно развел руками. Нефер сбросил с плеча свернутый ковер, глухо ударивший о каменные плитки пола, шагнул к выходу на террасу и остановился. Он был одет в лохмотья, шея обернута грязной тканью, закрывавшей нижнюю часть лица. Виднелись только его глаза.

Минтака сидела на стенке парапета, а у ее ног сидели две девушки-рабыни. Она не взглянула в его сторону, а снова начала петь. Это была песня об обезьяне и осле, и Нефер чувствовал, как каждое слово сжимало его сердце, а сам глядел на милую округлость щек и наполовину отвернутого от него лица и на густые темные локоны, спадающие на спину.

Минтака вдруг оборвала пение и с раздражением посмотрела на него.

– Нечего стоять и глазеть на меня, наглый чурбан, – выпалила она. – Забирайте свой товар и уходите.

– Простите меня, великая, – он развел руки в мольбе, – я – всего лишь бедный дурак из Даббы.

Минтака вскрикнула и уронила лютню, затем прикрыла рот обеими руками. На ее щеках выступили ярко-красные пятна, и она уставилась в его зеленые глаза. Черный раб вынул кинжал и, пошатываясь, пошел к Неферу, чтобы напасть, но Минтака быстро опомнилась.

– Нет, оставь его. – Она подняла правую руку, чтобы подкрепить приказ. – Оставь нас. Я хочу поговорить с этим дураком.

Было видно, что раб колеблется, обнаженный кинжал все так же неуверенно целился в живот Нефера.

– Делай, что я велю, – прорычала Минтака, будто самка леопарда. – Уходи, болван. Уходи!

Старик в замешательстве вложил кинжал в ножны и двинулся обратно. Минтака все так же смотрела на Нефера огромными темными глазами. Ее девушки не могли понять, что ее обеспокоило. Они только поняли, назревает что-то странное. Раб вышел, и занавески на входе упали на место. Нефер сбросил ткань, закрывавшую его голову, и кудри упали ему на плечи.

Минтака снова вскрикнула.

– О, милосердная Хатор, это вы. Это действительно вы! Я думала, что вы никогда не придете. – Она бросилась к нему, и он побежал навстречу, чтобы заключить ее в объятия. Они обнялись, оба говоря одновременно, бессвязно пытаясь рассказать друг другу о своей любви и о том, как скучали. Девушки-рабыни, опомнившись от удивления, танцевали вокруг них, хлопая в

ладоши и плача от радости и волнения, пока Таита не заставил их замолчать несколькими хорошо нацеленными тычками посоха.

– Прекратите бессмысленный визг. Иначе через минуту здесь появится стража. – Уняв их, он тотчас повернулся к Хилто и Мерену. По его приказу они раскатали на полу самый большой ковер.

– Минтака, послушай! Для этого будет время позже.

Она повернула к нему лицо, не выпуская шеи Нефера.

– Это вы позвали меня, правда, Таита? Я слышала ваш голос очень ясно. Не останови вы меня, я бы...

– Я думал, ты разумнее. Как можно стоять здесь и болтать, когда наш план под угрозой, – оборвал ее Таита. – Мы хотим спрятать тебя в ковре и вынести из дворца. Поспеши.

– У меня есть время, чтобы принести...

– Нет, – сказал Таита. – У тебя есть время только повиноваться мне.

Она еще раз поцеловала Нефера, обняла его, затем вбежала в палату и бросилась во весь рост на ковер. Она поглядела на девушек, которые удивленно стояли в дверях.

– Сделайте все, что велит Таита.

– Вы не можете оставить нас, госпожа, – запричитала ее любимица, Тиния. – Без вас мы ничто.

– Это не надолго, – сказала Минтака. – Обещаю, что пошлю за вами, Тиния, но до тех пор крепитесь и не подведите меня.

Нефер помог Хилто и Мерену закатать Минтаку в узорчатый красный ковер и вставил ей между губами один конец длинного полого стебля тростника. Другой конец на несколько сантиметров выставлялся из тяжелых складок, что позволяло ей дышать.

Тем временем Таита приказал плачущим девушкам-рабыням:

– Тиния, иди в спальню и запри дверь. Накройся покрывалом на постели, как если бы ты была госпожой. Все остальные останутся здесь, в передней. Не открывайте дверь ни на какие требования. Говорите любому, кто просит, что ваша госпожа больна лунной болезнью и не может никого видеть. Понятно? – Убитая горем Тиния кивнула, боясь заговорить. – Задерживайте их, сколько возможно, но когда все откроется и больше нельзя будет ничего скрывать, скажите им то, что они захотят узнать. Не старайтесь молчать под пыткой. Ваша смерть или увечья ни к чему не приведут, лишь заставят вашу хозяйку испытывать муки совести.

– Разве я не могу пойти с царицей? – выпалила Тиния. – Я не могу жить без нее.

– Ты слышала обещание твоей госпожи. Едва она окажется в безопасности, она пошлет за вами. А сейчас заприте за нами дверь.

Когда они вынесли на плечах скатанный ковер, старый раб ждал в коридоре.

– Сожалею. Я старался для вас, как приказал Солет. Царица Минтака была когда-то доброй и счастливой девушкой, – сказал он. – Но это прошло. Выйдя замуж, она стала грустной и сердитой. – Он кивком велел им следовать за ним и повел их обратно через лабиринт женской половины. Наконец они достигли маленьких боковых ворот, где снова столкнулись с начальником стражи.

– Разверните ковры! – грубо приказал он.

Таита подошел к нему поближе и посмотрел в глаза. Враждебное выражение исчезло с лица воина. Он казался немного смущенным.

– Вижу, вы довольны и счастливы, – сказал Таита мягко, и по уродливому морщинистому лицу воина медленно расплылась улыбка.

– Очень счастливы, – сказал Таита и мягко положил руку ему на плечо.

– Очень счастлив, – повторил воин.

– Вы уже обыскали ковры. Вы ведь не хотите тратить впустую свое драгоценное время. Верно?

– Я не хочу тратить впустую свое время, – заявил тот, как если бы это была его собственная мысль.

– Вы хотите, чтобы мы прошли.

– Проходите! – сказал стражник. – Я хочу, чтобы вы прошли. – И он отошел в сторону. Один из его подчиненных поднял засов и выпустил их в переулок. Перед тем как дверь закрылась, они еще раз увидели начальника караула: тот мягко улыбался им.

Их повозка стояла там, где ее оставили под охраной мальчишек. Они осторожно положили ковер на дно повозки, и Нефер тихо позвал в отверстие в середине:

– Минтака, сердце мое, с вами все в порядке?

– Здесь жарко и душно, но это ничтожная цена знания, что вы рядом. – Ее голос звучал приглушенно, и, сунув руку в трубу, образованную ковром, Нефер коснулся макушки царицы.

– Вы храбры, как львица, – сказал он и вскарабкался в крытую повозку позади Таиты, который уже трогал с места.

Таита подстегнул лошадей.

– Городские ворота скоро закроют на ночь. Когда побег Минтаки обнаружат, первым делом закроют город и обыщут каждое здание и колесницу, допросят каждого чужака внутри стен.

Они мчались галопом по широкой улице, ведущей к восточным воротам. Приблизившись, они увидели, что путь перекрыт другими повозками и колесницами, выстроившимися в ряд перед воротами. На этот день пришлись религиозный праздник и шествие, и это теперь почитатели культа и гуляки возвращались в дальние деревни в окрестностях Авариса. Они продвигались вперед мучительно медленно.

Смеркалось – солнце уже ушло за стены, – а перед ними все еще было две повозки, когда начальник стражников вышел из привратного дома и закричал:

– Хватит! Солнце село. Закройте ворота!

Послышались крики протеста всех путешественников, все еще надеющихся пройти.

– У меня больной ребенок. Мне нужно отвезти ее домой.

– Я заплатил пошлину, позвольте мне проехать. У меня груз рыбы, она протухнет.

Одна из меньших повозок нарочно выехала вперед и помешала усилиям стражников закрыть ворота. Вспыхнул маленький бунт: стражники кричали, размахивая дубинками, разъяренные люди орали на них, испуганные лошади ржали и вставали на дыбы. Внезапно за стенами тоже поднялась суматоха. Крики протестующих путешественников и стражников перекрыли более громкие голоса.

– Освободите путь для фараона! Очистите дорогу для фараона Трока Урука!

Грохот военного барабана усиливал настоятельность приказа. Стражники бросили попытки закрыть ворота и, впопыхах чуть не падая друг на друга, вновь кинулись открывать их для стоявшего за ними отряда боевых колесниц. Над ведущей колесницей развевался красный флаг с леопардом. На ее площадке стоял фараон Трок Урук в бронзовом блестящем шлеме, с переброшенной через плечо бородой со вплетенными лентами, с кнутом и вожжами в руках в перчатках.

Как только ворота широко открылись, Трок погнал четверку лошадей прямо в гущу людей и повозок на дороге, без разбора стегая кнутом всех, кто стоял на его пути. Его воины бежали перед ним, опрокидывая любую повозку, которая перекрывала дорогу, и оттаскивали ее в сторону, рассыпая груз – влажную, скользкую рыбу и овощи – в сточные канавы.

– Дорогу фараону! – ревели они, перекрывая голоса людей, попавших в неразбериху. Поравнявшись с повозкой Таиты, они взялись опрокидывать его, чтобы расчистить путь для Трока. Таита встал и принялся стегать их кнутом, но его удары приходились на шлемы и бронзовые

наплечники. Смеясь над ним, воины подняли повозку, и она опрокинулась. Ковер поехал по дну повозки и грозил упасть под опрокидывающуюся колесницу.

– Помогите мне! – закричал Нефер и прыгнул назад, чтобы удержать свернутый ковер и смягчить падение. Хилто схватил один конец, а Бэй другой. Когда крытая повозка под треск ломающегося дерева упала на бок, они унесли Минтаку, все еще лежавшую в ковре, в безопасное место под стеной ближайшего здания.

Фараон Трок проехал на своей колеснице мимо перевернутых повозок и рассыпанных грузов, щелкая кнутом над головами лошадей упряжки и выкрикивая:

– Бей! Бей!

Лошади были обучены для боя и по приказу фараона поднимались на дыбы и били подкованными бронзой копытами любого на своем пути. Нефер увидел старуху, бегущую прямо под летящие копыта. Одно копыто ударило ее прямо в лицо. Голова старухи раскололась надвое, и зубы вылетели изо рта, будто горсть белых градин. Они со стуком рассыпались по булыжникам, а старуха растянулась перед колесницей Трока.

Колеса в бронзовых ободьях подпрыгнули на ее теле, когда Трок проехал так близко к тому месту, где, согнувшись над завернутой в ковер Минтакой, присел Нефер, что на мгновение они взглянули друг другу в глаза. Трок не узнал его в лохмотьях и с повязкой вокруг головы, но с обычной жестокостью ударил кнутом Нефера по плечу. Металлические наконечники кнута пробили ткань, и на плече юноши появилась цепочка ярких кровавых пятен.

– Прочь с моего пути, простолюдин! – прорычал Трок, и Неферу очень захотелось запрыгнуть на площадку колесницы и стащить с нее Трока за бороду. Это животное осквернило Минтаку – и яростный гнев застлал Неферу глаза.

Таита схватил его за руку, чтобы остановить.

– Пусть проедет. Выноси ковер за ворота, дурак. Иначе мы окажемся в ловушке. – Нефер хотел вырвать руку, и Таита встряхнул его. – Ты хочешь так быстро потерять ее вновь?

Нефер сдержал гнев. Он наклонился, чтобы взяться за конец ковра; остальные помогли. Они побежали с ковром к воротам, но отряд на колесницах уже проехал, и стражники снова начали закрывать тяжелые деревянные ворота. Таита кинулся вперед и посохом разогнал стражников. Когда один из часовых занес над его головой дубинку, Таита повернулся к нему и посмотрел ему в лицо гипнотизирующими глазами. Стражник отскочил, будто столкнулся с людоедом.

Неся скатанный ковер, они протиснулись в узкий зазор между закрывающимися створками ворот и побежали к лагерю у городских стен. Хотя вслед им неслись сердитые крики, в наступающей темноте они скрылись у стражников из виду среди кожаных шатров и лачуг. За изгородью загона для коз они опустили свой груз на землю и развернули ковер. Растрепанная и вспотевшая Минтака села и улыбнулась, увидев Нефера, стоявшего на коленях перед ней. Они потянулись друг к другу и обнялись под взглядами остальных.

Таита вернул их к действительности.

– Неожиданно вернулся Трок, – сказал он Минтаке. – Очень скоро он обнаружит, что тебя нет. – Он поднял Минтаку на ноги. – Мы лишились повозки. Нам предстоит долгий путь пешком. Если выйти сейчас, мы достигнем оазиса, где оставили колесницы, завтра к рассвету.

Минтака тотчас опомнилась.

– Я готова, – сказала она.

Таита поглядел на ее хрупкие золотые сандалии, украшенные бирюзовыми вставками, и ушел к хижинам. Он вернулся через несколько минут, следом шла неряшливая старуха. В руках он нес пару поношенных, но крепких крестьянских сандалий.

– Я обменял их на твои, – сказал он.

Минтака не колеблясь сбросила прекрасные сандалии и отдала их старухе, которая поскорее сбежала, пока их у нее не отобрали.

Минтака встала.

– Я готова, – сказала она. – Куда идти, Маг?

Нефер взял ее за руку, и они пошли следом за Таитой, который направился в пустыню.

Трок проехал через ворота дворца и остановил покрытых пылью, взмыленных лошадей в переднем внутреннем дворе перед своими великолепными палатами. Два командира отрядов его конницы, оба из клана леопарда, и его особенно близкие друзья, вошли вслед за ним в пиршественный зал, гремя оружием и щитами. Рабы накрыли стол, чтобы отпраздновать возвращение фараона. Трок осушил чашу сладкого красного вина и схватил вареную заднюю ногу дикого кабана.

– Есть кое-что, что нужно мне больше еды и питья. – Он подмигнул товарищам, которые громко засмеялись и подтолкнули друг друга. Трок знал, что о его брачной неудаче сплетничает все войско, и то, как новая жена обращалась с ним, подрывало его репутацию. Несмотря на победы над мятежниками на Юге и суровое возмездие, которое он обрушил на них, его престиж мужчины страдал. Он решил исправить ситуацию в эту же самую ночь.

– Здесь больше еды, чем можете съесть даже вы, два быка, и достаточно вина, чтобы утопить гиппопотама. – Трок махнул на ломящийся от яств стол. – Ешьте вволю и не ждите, что я присоединюсь к вам до утра. У меня есть поле, чтобы вспахать, и норовистая кобыла, которую я должен объездить.

Он пошел из зала, обгрызая зажатую в руке кость и глотая на ходу куски жирной свинины. Два раба с горящими факелами бежали перед ним, чтобы освещать мрачные проходы на женскую половину дворца. Перед дверями в палаты Минтаки стражи-евнухи услышали его приближение. Они взмахнули оружием и крест-накрест прижали его к своим жирным грудям в приветствии.

– Откройте! – приказал Трок. Он отшвырнул кабанью кость и вытер сальные руки о подол туники.

– Великий, – один из стражников снова нервно салютовал ему, – двери закрыты.

– Кто приказал? – взбешенно спросил Трок.

– Приказ ее величества царицы Минтаки.

– Клянусь Сеуетом, я этого не потерплю! Наглая потаскушка знает, что я здесь, – проревел Трок, выхватил меч и заколотил в дверь бронзовой головкой рукояти. Не получив ответа, он постучал снова. Удары эхом отразились в тихих проходах, но за дверями все так же не подавали никаких признаков жизни. Он отошел и ударил в дверь плечом. Дверь задрожала, но не уступила. Он вырвал из рук ближайшего стражника копье и ударил им в дверь.

Брызнули щепки; еще несколько ударов – и он прорубил отверстие, достаточно широкое, чтобы просунуть в него руку и отодвинуть засов с другой стороны. Он пинком распахнул дверь и вошел. Девушки-рабыни испуганно сгрудились у противоположной стены.

– Где ваша госпожа?

Они бормотали что-то бессвязное, но их взгляды притягивала дверь спальни. Трок пошел к ней, и девушки сразу закричали:

– Она больна.

– Она не может видеть вас.

– Пришла ее луна.

Трок засмеялся.

– Она слишком часто пользовалась этим оправданием. – Он громко постучал в дверь. – Если есть кровь, то пусть будет река крови – больше, чем я пролил на поле у Манаши. Клянусь Сеуетом, я пройду по ней вброд, чтобы дойти до счастливых дверей.

Он пнул двери спальни.

– Открывай, маленькая ведьма! Твой муж пришел выполнить свой долг и выказать тебе уважение.

Следующий пинок – и дверь отлетела в сторону, сорванная с кожаных петель, и Трок важно вошел в нее. Ложе было вырезано из африканского черного дерева и украшено серебром и перламутром. Под грудой полотняных простыней лежала женщина, наружу высовывалась только маленькая ступня. Трок сбросил на пол портупею и воскликнул:

– Ты тосковала без меня, моя маленькая лилия? Ты не скучала по моим любящим рукам?

Он схватил девушку за голую ногу и вытащил из-под простыней.

– Иди ко мне, мой сладкий ягненок. У меня опять есть для тебя подарок, такой длинный и твердый, что ты не сможешь продать или отдать его... – Он осекся и уставился на испуганную хныкущую девушку.

– Тиния, грязная маленькая шлюха, что ты делаешь в кровати твоей госпожи? – Он не ждал ответа, а бросил ее на пол и в ярости заметался по комнате, срывая занавески и стенные драпировки.

– Где ты? – Он пнул дверь в туалет. – Выходи! Эта ребячливость тебе не поможет.

Ему потребовалась всего минута, чтобы удостовериться, что Минтака не прячется. Тогда он бросился назад к Тинии, схватил ее за волосы и потащил по полу.

– Где она? – Он пнул девушку в живот. Она закричала и попыталась откатиться от его подкованной металлом ноги. – Я выбью это из тебя, сниму каждый ноготь кожи с твоего убогого тела.

– Ее здесь нет! – закричала Тиния. – Она ушла!

– Куда? – Трок опять пнул ее. Его походные сандалии были подбиты бронзовыми гвоздями, врезавшимися в ее нежную плоть будто ножи.

– Куда?

– Не знаю, – рыдала девушка. – Пришли какие-то люди и забрали ее.

– Какие люди? – Он снова пнул, и Тиния свернулась в комок, воя и дрожа. – Я не знаю. – Несмотря на указание Таиты, она не предала свою любимую госпожу. – Чужие люди. Я никогда не видела их раньше. Они закатали ее в ковер и унесли.

Трок последний раз жестоко пнул ее и пошел к двери. Оттуда он крикнул евнухам-стражам:

– Найдите Солета. Немедленно приведите сюда этого жирного слизняка.

Солет пришел, съежившись от страха и ломая свои гладкие, пухлые руки.

– Божественный фараон! Величайший из богов! Мощь Египта! – Он бросился в ноги Троку.

Трок с размаха пнул его бронированной сандалией.

– Кто были те люди, которым ты позволил войти на женскую половину?

– По вашему приказу, милостивый фараон, я позволяю всем торговцам красивыми товарами показывать их царице.

– Кто был продавец ковров? Последний входивший в эти палаты.

– Продавец ковров? – Солет, казалось, обдумывал вопрос.

Трок пнул его снова.

– Да, Солет, ковров! Как его имя?

– Вспомнил! Торговец коврами был из Ура. Имя я забыл.

– Я помогу тебе вспомнить. – Трок подозвал евнухов-стражников.

– На кровать его – и держать.

Солета потащили к разоренному ложу и прижали к нему вниз лицом. Трок подобрал брошенную портупею и вытащил меч.

– Поднимите его одежду. – Один из стражников поднял набедренник Солета и оголил его полные ягодицы.

– Я знаю, что половина дворцовых стражников прошли по этому пути, – Трок коснулся его заднего прохода острием меча, – но ничего столь твердого и острого, как это, там не бывало. Теперь скажи мне, кто был торговец коврами?

– Клянусь хлебом и нильской водой, что никогда прежде не видел его.

– Очень печально, – сказал Трок и на длину указательного пальца вонзил острие меча в прямую кишку Солета. Солет завопил высоким, дрожащим от боли голосом.

– Это был только кончик, – предупредил его Трок. – Если тебе это так нравится, я могу вставить тебе еще локоть бронзы, прямо до глотки.

– Это был Таита, – завизжал Солет, и из него брызнула кровь. – Таита забрал ее.

– Таита! – воскликнул удивленный Трок и выдернул лезвие. – Таита, Маг. – В его голосе мелькнул суеверный страх. Затем он надолго замолчал. Наконец он приказал евнухам, все еще державшим Солета: – Отпустите его.

Солет со стоном сел. От этого движения газ из его кишок с долгим булькающим шумом устремился наружу через разрезанное отверстие.

– Куда он повез ее? – Трок не обратил внимания на звук и омерзительный запах кала, заполнивший палату.

– Он не сказал. – Солет с мукой на лице скомкал льняную простыню и втолкнул ее себе между ног, чтобы остановить кровотечение. Трок поднял меч и коснулся его острием одной из голых отвисших грудей евнуха.

Солет захныкал и снова выпустил газы.

– Он не сказал, но мы говорили о земле между двумя реками, Тигром и Евфратом. Возможно, он намеревался увезти царицу туда.

Трок коротко обдумал услышанное. Это было логично. Сейчас Таита мог знать о напряженных отношениях между Египтом и восточными царствами. И понимать, что найдет там убежище и защиту, если ему удастся бежать так далеко.

Но зачем он похитил Минтаку? Конечно, не ради выкупа. Таита был известен презрением к золоту и богатству. И не из-за плотского желания. Как старый евнух, Таита был чужд сладострастия. Может быть, из-за дружбы, возникшей между стариком и девушкой? Возможно, она обратилась к нему за помощью, чтобы бежать из Авариса и спастись от ненавистного брака? Конечно, скорее всего она ушла с ним охотно и с радостью. То, как девушки-рабыни пытались скрыть ее побег, ясно доказывало, что она не протестовала: это услышали бы часовые.

На время он отодвинул в сторону эти соображения. Главной заботой сейчас было организовать преследование и схватить Минтаку и Мага, прежде чем они достигнут берегов Красного моря и перейдут в земли, подвластные Саргону Вавилонскому. Он улыбнулся Солету.

– Надеюсь, твоим любовникам понравятся изменения, сделанные мной в твоих вратах радости. Я разберусь с тобой позже, когда вернусь. Надо покормить голодных гиен и стервятников.

Два командира отрядов все еще сидели в пиршественной палате, обжираясь и обпиваясь, но они пили не так долго, чтобы напиться до беспамятства.

– Сколько колесниц мы сможем снарядить и отправить на восток до полуночи? – вопросил Трок. Они удивились, но они были воинами и быстро отреагировали на его гневное настроение.

Командир отряда Толма выплюнул вино, которого набрал полный рот, собираясь проглотить, и вскочил на ноги, лишь чуть пошатнувшись.

– У меня будет на дороге пятьдесят колесниц через два часа, – выпалил он.

– Пусть будет сто, – потребовал Трок.

– Под моей командой до полуночи будет сто колесниц.

Командир отряда Зандр вскочил, стремясь, чтобы его не превзошли.

– И еще сотня будет готова выехать на восток до рассвета.

* * *

Таита вел их в ночи под почти полной луной. Его посох звонко постукивал по каменистой тропинке, его тень мелькала перед ним, будто огромная черная летучая мышь. Остальным приходилось шагать шире, чтобы держать его в поле зрения.

После полуночи Минтака начала сдавать. Она сильно хромала и постоянно отставала. Нефер умерил шаг, чтобы держаться рядом с ней. Он не ожидал от нее этого: раньше она была так же сильна, как любой парень, которого он знал, и могла обогнать большинство их. Он сказал ей слова ободрения, но не очень громко, чтобы не услышал Таита. Он не хотел, чтобы Маг заметил слабость Минтаки и пристыдил ее при всех.

– Теперь уже недалеко, – сказал он ей и взял за руку, чтобы повести быстрее. – Бэй будет держать для нас наготове лошадей. Мы проедем остаток пути до Вавилона по-царски. – Она засмеялась, но это был усталый, болезненный смех. Только тогда Нефер понял, что с ней что-то не в порядке.

– Что вас беспокоит? – спросил он.

– Ничего, – ответила Минтака, – я слишком долго была заперта во дворце. Мои ноги стали слабыми.

Он не принял это объяснение. Взяв Минтаку за руку, он заставил ее сесть на камень около тропинки, приподнял ее маленькую ногу и развязал ремни сандалии. Стянув ее, он воскликнул:

– Милосердный Гор, как вам удалось сделать хоть шаг? – Грубая не по размеру сандалия сильно натерла ей ногу. В лунном свете кровь казалась черной и блестящей. Он поднял другую ногу и осторожно снял с нее сандалию. Вместе с ней отделились кусочки кожи и плоти.

– Простите, – прошептала Минтака, – но не волнуйтесь, я смогу идти босиком.

Он гневно швырнул окровавленную обувь на камни.

– Вам следовало предупредить меня об этом раньше. – Он встал, поднял ее на ноги, повернулся к ней спиной и приготовился поднять.

– Обнимите меня за шею и подпрыгните. – После этого он отправился вслед другим, которые к тому времени стали всего лишь темными тенями, двигающимися по залитой лунным светом пустыне далеко впереди.

Ее губы оказались возле его уха, и она, пытаясь отвлечь и подбодрить, шептала ему о том, как тосковала и как не хотела жить без него, когда услышала о его смерти.

– Я хотела умереть, чтобы снова быть вместе с вами. – Затем она рассказала ему о жрице Хатор и как та принесла ей змею. Нефер был так потрясен этим, что опустил ее на землю и сердито отругал.

– Это было глупо. – В своем волнении он сильно встряхнул Минтаку. – Никогда больше не думайте об этом снова, что бы ни случилось в будущем.

– Вы не знаете, как я вас люблю, мой дорогой. Вы не можете представить то опустошение, которое я чувствовала при мысли, что вы умерли.

– Нам нужно договориться. Начиная с этого дня мы должны жить друг для друга. Мы никогда больше не должны думать о смерти, пока она нежданно не придет к нам. Поклянитесь мне в этом!

– Клянусь. Отныне я буду жить только для вас, – сказала она и поцеловала его, чтобы скрепить договор. Он снова поднял ее на плечи, и они продолжили путь.

Ее тяжесть, казалось, увеличивалась с каждым шагом Нефера. Там, где дорога была песчаной и мягкой, он опустил ее, и она, прихрамывая и опираясь на него, пошла вперед на своих стертых, кровоточащих ногах. Когда земля стала жесткой и каменистой, он снова взвалил ее на плечи и побрел вперед. Она рассказала ему о том, как Таита увидел ее и спас от решения умереть.

– Это было необычайное чувство, – сказала она, – будто он стоял рядом и говорил со мной громким ясным голосом. Он сказал мне, что вы живы. Как далеко отсюда вы были, когда он увидел меня?

– В Гебель-Нагаре на юге, это в пятнадцати днях пути от Авариса.

– Он смог достать так далеко? – спросила она недоверчиво. – Есть ли предел его силе?

Когда они остановились еще раз, чтобы отдохнуть в темноте, она прижалась к его плечу и прошептала:

– Я хочу рассказать вам еще кое-что. О брачной ночи с Троком...

– Нет! – горячо возразил он. – Не хочу слышать об этом. Вы думаете, что я не терзался каждый день мыслями об этом?

– Да выслушайте же меня, сердце мое. Я так и не стала ему женой. Хотя он пытался принудить меня, я сумела дать отпор. Моя любовь к вам дала мне силы не уступить.

– Я слышал, что он показал на стене дворца запятнанную красным овчину. – Ему было больно произносить эти слова, и он отвернулся.

– Да, это была моя кровь, – подтвердила Минтака, и он попытался вырваться из ее объятий, но она удержала его. – Но не моя девственная кровь. Это была кровь из моих носа и рта – он ударил меня, принуждая подчиниться. Клянусь богиней, что люблю вас и надеюсь выносить ваших сыновей и что я все еще девственница и останусь ею, пока вы не примете от меня мою девственность в доказательство моей любви.

Нефер обнял ее и поцеловал со слезами облегчения и радости, и она заплакала вместе с ним.

Через некоторое время он снова встал и поднял Минтаку на спину. Казалось, будто ее клятва дала ему новые силы, и они пошли более уверенно.

Только после полуночи остальные поняли, что с молодыми людьми что-то случилось, и вернулись их искать. Таита перевязал Минтаке ноги, и после этого Хилто и Мерен тоже по очереди несли ее. Они пошли быстрее, но звезды уже меркли и рассветные сумерки редели, когда они наконец достигли оазиса, где Бэй ждал их с лошадьми.

К тому времени все они устали, но Таита не позволил им отдохнуть. Они в последний раз напоили лошадей и снова наполнили мехи, чтобы те стали тугими и блестящими, с каплями влаги, просачивающимися из них.

Пока они занимались этим, Таита до половины наполнил ведро водой из источника, вымыл свои покрашенные волосы, используя какую-то пенящуюся мазь, и они снова засветились серебром.

– Почему он моет голову в такое время? – удивился Мерен.

– Возможно, это восстановит ту часть его силы, которую он потерял, когда покрасил их, – предположила Минтака, и никто не подверг это сомнению.

Когда они были готовы уезжать, Таита заставил их еще раз напиться из источника, заполнить животы таким количеством воды, какое они могли проглотить, не вызвав рвоты. Пока они пили, Таита спокойно говорил с Бэем.

– Чувствуешь?

Бэй нахмурился и кивнул.

– Это разлито в воздухе, и я чувствую его дрожь подошвами своих ног. Они приближаются.

Несмотря на спешку и опасную близость врага, Таита использовал последнюю возможность подлечить ноги Минтаки. Он смазал потертости и ушибы бальзамом и снова перевязал. Затем наконец приказал садиться на колесницы.

Таита взял Мерена на ведущую колесницу копьеносцем. Нефер следовал за ними с Минтакой, цепляющейся за передний щит, чтобы перенести на него вес с подошв. Хилто и Бэй ехали замыкающими в последней колеснице.

Ассирийский купец, продавший им ковры, приглядывал за своими слугами и рабами, которые грузили товары на его повозки и вьючных животных. Он повернулся, проводил путников взглядом и громко пожелал Таите доброго пути. Но его интерес возрос, когда во второй колеснице он увидел девушку. Даже пыльная одежда и спутанные волосы не могли скрыть ее поразительную внешность. Он продолжал смотреть им вслед, когда они перевалили через последнюю возвышенность и исчезли в пустыне, направляясь на восток по караванной дороге, которая в конечном счете вела к берегам Красного моря.

Нетерпеливо ожидая, пока его отряды соберутся перед городскими воротами, Трок приказал, чтобы командир отряда Толма послал солдат обыскать лагерь нищих и чужеземцев за стенами Авариса.

– Проверьте каждую лачугу. Удостоверьтесь, что царица Минтака не прячется ни в одной из них. Ищите Мага Таиту. Приводите ко мне любого высокого, худого старика, какого найдете. Я допрошу его сам.

Среди хижин раздались вопли и крики, звуки ломающихся дверей и разрушаемых тонких стен, когда солдаты Толмы взялись выполнять его приказ. Через короткое время двое солдат притащили туда, где стоял около своей колесницы Трок, старую грязную каргу из племени кочевников. Женщина истерично выкрикивала ругательства своим пленителям, брыкаясь и вырываясь из их рук.

– Что это, солдат? – спросил Трок, когда женщину бросили к его ногам. Солдат протянул пару блестевших в свете факела тонких золотых сандалий, украшенных бирюзовыми вставками.

– Великий, мы нашли это в ее хижине.

Лицо Трока потемнело от ярости, когда он узнал сандалии, и он пнул женщину в живот.

– Где ты украла их, старая грязная обезьяна?

– Я никогда ничего не крала, божественный фараон, – захныкала она. – Он сам их мне подарил.

– Кто это был? Отвечай – да не ври, не то я затолкаю твою голову тебе же в дыру и ты утонешь в собственном вонючем соке.

– Старик. Он дал их мне.

– Опиши мне его.

– Он был высокий и тощий.

– Какого возраста?

– Старый, как камни пустыни. Он дал их мне.

– Была ли с ним девушка?

– С ним было еще трое мужчин и хорошенькая маленькая шлюшка, прекрасно одетая, с краской на лице и с лентами в волосах.

Трок рывком поставил старуху на ноги и закричал в ее испуганное лицо:

– Куда они поехали? В какую сторону?

Трясущимся пальцем женщина указала на дорогу, ведущую в холмы и пустыню за ними.

– Когда? – не успокаивался Трок.

– Вот такую часть лунного пути тому назад, – сказала она, показывая дугу неба, соответствующую четырем или пяти часам движения луны.

– Сколько лошадей у них было? – прорычал Трок. – Колесниц? Повозок? Как они ехали?

– Не было никаких лошадей, – ответила она. – Они шли пешком, но в большой спешке.

Трок оттолкнул ее. Он усмехался Толме, стоявшему рядом.

– Пешком они далеко не уйдут. Мы догоним их сразу, как только ты поднимешь со спальных ковриков своих бездельничающих головорезов и они заберутся на колесницы.

* * *

Горячее солнце прошло половину пути в небе, когда Трок поднялся на холмы над оазисом на границе пустыни. Двести колесниц следовали за ним колонной по четыре. В пяти милях позади них – облако пыли было ясно видно в ярком солнечном свете – ехал Зандр, тоже с двумя сотнями колесниц. Каждая колесница несла двух тяжеловооруженных солдат и была загружена мехами с водой и чехлами с запасными копьями и стрелами.

Внизу они увидели ассирийского торговца, поднимающегося по склону от источника во главе своего каравана. Трок выехал вперед, чтобы встретить его, и приветствовал издалека:

– Приветствую тебя, незнакомец. Откуда ты прибыл и чем занимаешься?

Торговец с трепетом смотрел на воинственного властелина, не зная, чего ожидать. Дружелюбное приветствие Трока мало что значило. На длинной дороге из Месопотамии он уже встречал грабителей, бандитов и военачальников.

Трок остановил свою колесницу перед ним.

– Я – божественно великий фараон Трок Урук. Добро пожаловать в Нижнее Царство. Не бойся. Ты под моей защитой.

Торговец упал на колени и поклонился. В этот раз Трок проявил нетерпение в отношении почестей, воздаваемых ему, и прервал торговца:

– Встань и говори, храбрец. Если ты будешь честен со мной и расскажешь, что мне следует знать, я дам тебе дозволение торговать в моем царстве всюду без всякого налога и пошлю десять колесниц проводить тебя к воротам Авариса.

Торговец поднялся и начал изъявления глубокой благодарности, хотя по долгому опыту знал, что такая царская снисходительность обычно обходится дорого. Трок оборвал его:

– Я преследую шайку беглых преступников. Ты видел их?

– По дороге я встретил множество путешественников, – осторожно ответил ассириец. – Не может ли божественно великий описать мне этих злодеев? Я сделаю все, чтобы направить вас по их следам.

– Вероятно, их пятеро или шестеро. Они должны направляться на восток. Одна молодая женщина, остальные мужчины. Их вожак – старый жулик. Высокий и тощий. Возможно, он покрасил волосы в черный или каштановый цвет.

Троку не потребовалось продолжать описание, потому что ассириец взволнованно воскликнул:

– Великий, я хорошо их знаю. Несколько дней тому назад старик с окрашенными волосами купил у меня ковры и старую одежду. Тогда с ним не было женщины. Он оставил лошадей и три колесницы в оазисе, вон там, под охраной уродливого черного головореза. Вместе с прочими в старой крытой повозке, загруженной коврами, которые я продал ему, он поехал в сторону Авариса по дороге, на которой мы стоим.

Трок торжествующе ухмыльнулся:

– Это – то, что я хотел услышать. Ты видел его после этого? Он вернулся, чтобы забрать колесницы?

– Он и трое других вернулись сегодня рано утром, пешком, со стороны Авариса. С ними была молодая женщина, о которой вы спрашивали. Кажется, она была ранена, поскольку они несли ее.

– Куда они поехали? Какой дорогой? – нетерпеливо спросил Трок, но ассириец не спешил.

– Женщина была молода. Хотя она была ранена и шла с трудом, на ней была прекрасная одежда. Она была явно из знати и красивая, с длинными темными волосами.

– Достаточно. Я хорошо знаю эту женщину и без твоего описания. Покинув оазис, по какому пути они поехали?

– Они запрягли лошадей в эти три колесницы и сразу уехали.

– Куда же? В какую сторону?

– На восток по караванной дороге. – Ассириец указал на извилистый след, поднимавшийся на низкие холмы к покрытым барханами землям. – Но волосы старика больше не были окрашены. Когда я в последний раз видел его, они сияли, будто облако в летнем небе.

– Когда они уехали?

– Спустя час после восхода солнца, великий.

– В каком состоянии были их лошади?

– Хорошо напоенные и отдохнувшие. Они стояли в оазисе три дня и привезли с собой груз фуража. Когда они уезжали этим утром, их мехи были наполнены из источника и они, кажется, приготовились к долгой поездке к морю.

– Тогда они лишь на несколько часов опережают нас, – ликовал Трок. – Молодец! Ты заработал мою благодарность. Мои писцы выдадут тебе позволение торговать, а командир отряда Толма назначит тебе сопровождение до Авариса. Когда я вернусь в город с беглецами в оковах, ты получишь еще награду. Отличное место в переднем ряду зрителей на их казни. А до тех пор желаю тебе хорошей поездки и много прибыли в моем царстве.

Он отвернулся и начал отдавать приказы Толме, ехавшему сразу за ним во второй колеснице колонны.

– Выдайте этому молодцу позволение торговать и дайте сопровождение до Авариса. Наполните доверху мехи из источника и дайте лошадям напиться вволю. Но быстро, Толма. Будьте снова готовы ехать до полудня. А пока пришлите ко мне ваших колдунов и жрецов.

Солдаты повели лошадей к источнику партиями по двадцать. Солдаты, не занятые этой работой, растянулись в тени собственных колесниц, чтобы отдохнуть и скромно перекусить просяным хлебом и вяленым мясом – основным питанием конницы.

Трок нашел под искривленным тамариндом рядом с источником клочок тени. Колдуны и священники прибыли в ответ на его вызов и расселись вокруг на корточках. Их было четверо: два бритых жреца Сеуета в черных одеждах, нубийский шаман, увешанный ожерельями, браслетами с амулетами и костями, и колдун с востока, Иштар Мидиец. У Иштара был один закатившийся глаз, а лицо покрывала татуировка, фиолетовые и красные изгибающиеся линии и круги.

– Человек, которого мы преследуем, – знаток тайных искусств, – предупредил их Трок. – Он приложит все силы, чтобы помешать нам. Говорят, он может произнести укрывающее заклинание и наколдовать образы, способные привести в ужас наши легионы. Вам придется применить собственные заклинания, чтобы отразить его силу.

– Кто этот шарлатан? – спросил Иштар Мидиец. – Не сомневайтесь, он не превзойдет нашу объединенную силу.

– Его зовут Таита, – ответил Трок, и только Иштар не выказал никакой тревоги, узнав имя их противника.

– Я знаю Таиту только по слухам, – сказал он, – но долго искал возможность помериться с ним силой.

– Беритесь за дело, – приказал им Трок.

Жрецы Сеуета отошли чуть в сторону, разложили на песке свое снаряжение и таинственные принадлежности и начали тихо петь и трясти над ними трещотками.

Нубиец что-то искал среди камней вокруг источника, пока не нашел под одним из них ядовитую рогатую змею. Он отрубил ей голову и накапал ее крови на лицо. С бегущей по щекам и капающей с кончика носа кровью он стал прыгать по кругу, будто огромная черная жаба. В миг завершения каждого круга он обильно плевал на восток, где находился Таита.

Иштар развел рядом с источником маленький костер и сел на корточки рядом с ним, раскачиваясь на пятках и бормоча молитвы Мардуку, самому могущественному из всех двух тысяч десяти богов Месопотамии.

Отдав приказы Толме, Трок немедленно подошел понаблюдать за его работой.

– Какое волшебство ты творишь? – спросил он наконец, когда Иштар разрезал вену на запястье и уронил в костер несколько капель своей крови, которые зашипели в огне.

– Это колдовство огня и крови. Я ставлю препоны на пути Таиты. – Иштар не поднял головы. – И путаю сознание его спутников.

Трок скептически хмыкнул, однако в глубине души это произвело на него впечатление. Он видел работу Иштара прежде. Он немного прошел по дороге и впился взглядом в линию восточных холмов. Ему не терпелось пуститься в погоню, и он был недоволен задержкой. С другой стороны, будучи полководцем, он все-таки понимал настоятельную необходимость дать отдых лошадям и напоить их после долгой ночной езды.

Он хорошо знал природу земли впереди. Молодым старшим командиром колесниц он патрулировал там много раз. Он пересекал сланцевые поля, которые резали копыта и сухожилия лошадей, будто кремневые ножи, и переносил ужасную жару и жажду в барханах.

Он пошел обратно, туда, где оставил свою колесницу, но был вынужден остановиться и повернуться спиной к внезапно налетевшему смерчу, пылевому вихрю, который несся над желтой равниной, поднимаясь на несколько сотен локтей в знойный воздух. Вихрь налетел на него. Воздух был горячим, как дыхание печи для плавки бронзы, и Троку пришлось закрыть глаза и нос своей накидкой и дышать через ткань, чтобы задержать летящий песок. Он пронесся мимо и полетел над горячей землей с изяществом танцовщицы из женской половины дворца, оставив его кашлять и вытирать глаза.

Близился полдень, и они только что закончили поить лошадей, когда вторая колонна под руководством командира отряда Зандра догнала их и съехала вниз по склону к источнику. Прибывшим была нужна вода, так же как и первой колонне, и теперь возникла опасность перенаселенности оазиса. Вода была уже почти вычерпана и замутилась. Им пришлось бы обратиться к драгоценным мехам, чтобы напоить лошадей второй колонны.

Трок провел короткое совещание с Зандром и Толмой, объяснив свой план действий и как именно он хотел воспрепятствовать Таите выскользнуть из сети, развертываемой для него.

– Предупредите командиров отрядов: пусть будут готовы к любым колдовским ловушкам, которые Таита расставит, чтобы запутать нас, – закончил он. – Иштар Мидиец навел мощные чары. Я очень доверяю ему. Он никогда не подводил меня прежде. Если мы будем ясно понимать уловки Чародея, у нас все получится. В конце концов, как он может победить такое множество? – Взмахом руки он указал на огромное количество колесниц, лошадей и отборных солдат. – Нет! Клянусь дыханием Сеуета, завтра в это время я буду тащить Таиту и Минтаку позади моей колесницы назад в Аварис.

Он приказал головной колонне взойти на колесницы. Строем длиной в половину лиги по четыре колесницы в ряд они выехали в пустыню. На мягкой песчаной почве впереди были ясно видны следы колес беглецов.

Таита знаком велел двум следующим за ним колесницам остановиться. Они встали в фиолетовой тени, отбрасываемой на песок высокого осыпающегося бархана, похожего на изящную гигантскую витую морскую раковину.

Лошади уже проявляли признаки усталости. Они опускали головы и раздували бока, тяжело дыша. Пот на их пропыленных шкурах высох, превратившись в соленый белый иней.

Они тщательно отмеряли порции воды из мехов в кожаные ведра, и лошади нетерпеливо пили. Таита осмотрел ноги Минтаки и почувствовал облегчение, не найдя никаких признаков омертвления ран. Вновь обвязав ноги полосами ткани, он отвел Бэя за пределы слышимости остальных.

– На нас смотрят, – сказал он убежденно. – Нас медленно окутывает злое влияние.

– Я тоже почувствовал это, – согласился Бэй, – и начал сопротивляться. Но оно очень сильно.

– Нам быстрее удастся разрушить его, если мы объединим наши силы против него.

– Нам нужно следить за другими. Они более уязвимы.

– Я предупрежу, чтобы они были настороже.

Таита пошел назад, туда, где остальные только заканчивали поить лошадей.

– Будьте готовы продолжить поездку, – сказал он Неферу. – Мы с Бэем пойдем вперед на разведку, посмотрим землю. Мы скоро вернемся.

Два адепта пошли вперед и исчезли за изогнутой стеной осыпающегося песка. Когда колесницы скрылись из виду, они остановились.

– Ты знаешь, кто у Трока может навести такие сильные чары?

– Во всех его отрядах есть жрецы и колдуны, но самый сильный из них – Иштар Мидиец.

– Я знаю о нем, – кивнул Таита. – Он работает с огнем и кровью. Нужно попытаться обернуть его силу на него.

Набрав высохшего лошадиного навоза, Бэй развел маленький костер, и когда тот разгорелся, они укололи кончики больших пальцев и выдавили в огонь несколько красных капель. В воздухе повеяло сгоревшей кровью, и они столкнулись с врагом и почувствовали, что влияние шло с запада, с той стороны, откуда они приехали. Они напрягли свои объединенные силы и через некоторое время почувствовали, что оно начало уменьшаться и рассеялось, будто дым затухающего костра.

Когда они закончили ритуал и тушили костер песком, Бэй тихо произнес:

– Оно все еще там.

– Да, – сказал Таита. – Мы ослабили его, но оно все еще опасно, особенно для тех, кто не знает, как ему противостоять.

– Самые молодые будут более восприимчивы, – предположил Бэй. – Эти два мальчика, фараон и Мерен, и девушка.

Они вернулись туда, где ждали колесницы. Прежде чем вновь подняться на колесницы, Таита поговорил с остальными. Он знал, что они испугаются, если он назовет истинную причину своего беспокойства, поэтому сказал:

– Мы въезжаем в самую неприветливую и опасную область земли барханов. Я знаю, что все утомлены и измучены жаждой, измотаны суровыми условиями поездки, но неосторожность для любого из вас может стать гибельной. Следите за лошадьми и землей впереди. Не позволяйте себе отвлекаться на странные звуки или необычные виды, на птиц или животных. – Он остановился и посмотрел прямо на Нефера. – В особенности это относится к вам, великий. Будьте всегда настороже.

Нефер кивнул и на этот раз не спорил. Остальные также были серьезны, понимая, что у Таиты была какая-то особая причина предостерегать их.

Когда они вновь покатили вперед по долинам между высокими барханами, им показалось, что с каждым поворотом колес колесницы зной усиливается. Рыхлые песчаные стены, поднимавшиеся с обеих сторон, пестрели яркими цветами, лимонно-желтыми и золотистыми, сине-лиловыми, фиолетовыми и сизыми, как цапля, рыжими, как лиса, и желтовато-коричневыми, как шкура льва. Кое-где барханы были пронизаны полосками похожего на иней талька или разрисованы узорами из черного песка, похожего на сажу от масляной лампы.

Небо над головой стало бронзовым и страшным. Свет изменился, стал желтым и неземным и искажал расстояния. Нефер щурил глаза в ярком мерцающем свете медного неба. Оно казалось таким близким, что его можно было коснуться концом кнута. В то же самое время силуэт

колесницы Таиты, ехавшей всего в пятидесяти локтях впереди, словно бы отодвинулся к размытому далекому горизонту.

Зной опалял незащищенную кожу лица и тела. Нефер чувствовал, как его охватывает непонятный страх. Для этого не было никакой причины, но он не мог от него избавиться.

Когда Минтака рядом с ним задрожала и схватила его за правую руку, он понял, что и она ощущает тот же страх. Великое зло витало в воздухе. Он хотел позвать Таиту, чтобы попросить у него совета, чтобы тот успокоил его, но его горло, забитое пылью, пересохшее от жары, не исторгло ни звука.

Внезапно он почувствовал, что Минтака напряглась и ее пальцы больно впились в мякоть его правой руки. Он взглянул ей в лицо и увидел, что девушка напугана. Свободной рукой она отчаянно указывала на гребень бархана, который, казалось, нависал над ними.

Что-то огромное и темное отделилось от вершины и начало падать по направлению к ним. Нефер никогда не видел ничего подобного: тяжелое, бесформенное, будто огромные водяные мехи, но такой величины, что полностью закрыло склон бархана и могло бы накрыть и раздавить не только три колесницы внизу, но и целый отряд. Скатываясь по крутому склону, оно разгонялось, шло волнами, дрожало и, беззвучно подпрыгивая, надвигалось на них столь стремительно, что закрыло желтое небо пустыни. Внезапно жаркий воздух вытеснила исходящая от этого «бурдюка» холодная волна, от которой у них захватило дух, будто они погрузились в ледяную воду горной реки.

Лошади тоже увидели это: они в панике бросились от темного «мешка», свернули с песчаной дороги и помчались поперек дна долины, пытаясь убежать от ужасающего явления. Впереди расстилалось поле острых черных камней из застывшей лавы, и они мчались прямо к нему. Нефер осознал опасность и развернул их, но кони не слушались. Он боролся с поводьями, рядом кричала Минтака.

Уверенный, что темная масса скоро поглотит их, Нефер оглянулся через плечо. Он думал, что она нависла над ними, поскольку чувствовал затылком ее холодное дыхание, но позади ничего не было. Только чистый, гладкий и тихий склон бархана и желтое небо над ним, пустое и яркое. Две другие колесницы остановились под склоном, лошади были спокойны и послушны. Таита и другие удивленно глядели на Нефера с Минтакой.

– Стойте! – кричал Нефер понесшим лошадям и, налегая всем своим весом, натянул поводья, но лошади не остановились. На полном скаку они вылетели на поле лавовых камней, волоча за собой подскакивающую и рыскающую колесницу.

– Стойте! – закричал он снова. – Остановитесь, будьте вы прокляты, остановитесь!

Лошади обезумели от страха, и обуздать их не представлялось возможным. Они выгнули шеи, сопротивляясь натяжению поводьев, и хрипя бежали размашистыми шагами.

– Держитесь крепче, Минтака! – крикнул Нефер и одной рукой обхватил ее за плечи, чтобы защитить. – Сейчас мы ударимся!

Ветер с песком вырезал из черных полуразрушенных камней странные фигуры. Одни были размером с голову человека, другие – большими, как колесница. Неферу удалось отвернуть обезумевших лошадей от первого камня, но они ринулись в промежуток между двумя самыми большими валунами, слишком узкий, чтобы им проехать: правое колесо с громким треском ударилось и рассыпалось. В воздух полетели сломанные спицы и части обода. Колесница упала на ось, потянув вниз лошадь, которую бросило на следующий камень. Нефер услышал, как ее передние ноги щелкнули по лаве, будто по огниву, хотя их с Минтакой выбросило из колесницы.

Они упали на мягкий песок, едва избежав столкновения с камнем, который покалечил лошадь. Когда они замерли, Нефер продолжал держать Минтаку в объятиях. Это смягчило ее падение, и теперь он спросил, затаив дыхание:

– С вами все в порядке? Вы не ранены?

– Нет, – ответила она сразу. – А вы?

Нефер встал на колени и с ужасом посмотрел на разбитую колесницу и покалеченных лошадей.

– Милосердный Гор! – воскликнул он.

– Все кончено. – Колесница была безнадежно разбита. Одной лошади никогда уже было не встать: обе ее передние ноги были сломаны. Другая стояла, все еще в упряжи, привязанная к единственной оглобле колесницы, но одна ее нога свободно качалась, выбитая из плечевого сустава.

Он неуверенно поднялся и потянул вверх Минтаку. Они стояли, прильнув друг к другу. Таита подъехал на своей колеснице к краю лавового поля, бросил поводья Мерену и спрыгнул на землю. Он быстро подошел к ним:

– Что случилось? Почему лошади понесли?

– Разве вы не видели? – спросил Нефер, все еще потрясенный и сбитый с толку.

– Что это было? – настаивал Таита.

– Что-то... темное и огромное, как гора. Оно катилось на нас с бархана. – Нефер подбирал слова, чтобы описать увиденное.

– Большое, как храм Хатор, – поддержала его Минтака.

– Ужасное. Вы тоже должны были увидеть его.

– Нет, – ответил Таита. – Это был обман зрения. Чары наших врагов.

– Колдовство? – Нефер был ошеломлен. – Но лошади тоже видели это.

Таита отвернулся от них и крикнул Хилто, когда тот подъехал:

– Убей этих бедных животных. – Он указал на искалеченных лошадей. – Помоги ему, Нефер. – Таита хотел отвлечь его от катастрофы и ее последствий.

С тяжелым сердцем Нефер держал голову упавшей лошади. Он погладил ей лоб и закрыл ей глаза своим головным платком так, чтобы она не видела приближающуюся смерть.

Хилто, старый солдат, выполнял эту печальную работу на многих полях битв. Он приставил острие кинжала за ухо животного и одним ударом вонзил его в мозг. Лошадь напряглась, задрожала, обмякла. Они пошли ко второй лошади. Та упала сразу после удара Хилто и лежала не шевелясь.

Таита и Бэй стояли рядом, наблюдая этот ужасный акт милосердия, и Бэй тихо сказал:

– Мидиец сильнее, чем я думал. Он выбрал среди нас наиболее уязвимых и направил свою силу на них.

– Он использует других колдунов Трока, чтобы усилить свое влияние. С этого момента нам придется следить также за Хилто и Мереном, – согласился Таита. – Пока я не соберу собственную силу, чтобы противостоять Иштару, мы в большой опасности.

Он отошел от Бэя. Других могло встревожить их тайное совещание. Было очень важно не дать им упасть духом.

– Принесите меха, – приказал Таита. Один мех разорвался при крушении, а другие два были заполнены только наполовину, но они привязали их к оставшимся колесницам.

– Отсюда Мерен поедет с Хилто и Бэем. Я возьму их светлостей к себе.

Теперь с мехами и весом дополнительных пассажиров колесницы были перегружены. Ценой тяжких усилий лошадей они двинулись вперед в яростной жаре, под бледным солнцем, почти скрытым странной желтой пеленой.

Таита держал в правой руке золотой амулет Лостры и тихо пел заклинания, отражая сгущавшееся вокруг них зло. В следующей колеснице пел Бэй, монотонно повторяя слова.

Они подъехали к отрезку дороги, где ветер замел следы других караванов и путешественников. Не было никаких указаний, куда ехать, лишь через равные промежутки стояли маленькие

пирамиды из камней. В конечном счете исчезли и они, и путники покатили по песку без дороги, положившись на опыт Таиты, его знание пустыни и глубинное чутье.

Наконец они подъехали к плоскому участку между двумя грядами высоких барханов. Песок здесь был гладкий и ровный, но Таита остановился на краю участка и тщательно осмотрел его. Он спустился с колесницы и подозвал Бэя. Черный человек подошел к нему, и они вместе исследовали безопасную поверхность земли.

– Мне это совсем не нравится, – сказал Таита. – Нужно поискать объезд. Здесь что-то есть.

Бэй прошел вперед по твердому ровному песку и понюхал горячий воздух. Дважды плюнул и изучил форму своих плевков. Затем вернулся к Таите.

– Я не нахожу здесь ничего тревожного. Если искать объездной путь, это может стоить нам часов или даже дней. Погоня недалеко. Нужно решить, что более рискованно.

– Там что-то есть, – повторил Таита. – Как и ты, я тоже чувствую желание проехать здесь. Но – чересчур сильное и нелогичное. Эту мысль поместил в наши умы Мидиец.

– Могущественный Маг, – покачал головой Бэй, – в этом случае я не могу согласиться с вами. Следует рискнуть и проехать по этой долине. Иначе Трок догонит нас еще до сумерек.

Таита взял его за плечи и посмотрел в черные глаза. Он увидел, что их взгляд немного расфокусирован, как если бы Бэй курил листья дикой конопли.

– Мидиец проник сквозь твою броню, – сказал он и приставил ко лбу Бэя свой амулет. Бэй заморгал и широко открыл глаза. Таита видел, что он изо всех сил старается отразить колдовское влияние, и постарался помочь ему.

Наконец Бэй задрожал и его взгляд просветлел.

– Вы правы, – прошептал он. – Иштар глядел на меня. В этом месте скрыта большая опасность.

Они посмотрели на узкую долину. Это была река желтого песка без начала и конца. Противоположный берег виделся близко, в каких-нибудь трех сотнях локтей в самом узком месте, однако мог оказаться и в двухстах лигах от них, а отряды Трока догоняли беглецов.

– На юг или на север? – спросил Бэй. – Я не вижу объезда.

Таита закрыл глаза и напряг все силы. Вдруг в ужасающей тишине раздался звук. Слабый высокий крик. Все поглядели наверх и увидели крошечный силуэт царского сокола, кружащего высоко в яростном желтом небе. Он сделал два круга, полетел над долиной на юг и исчез в дымке.

– Юг, – решил Таита. – Последуем за соколом.

Их так увлекло это обсуждение, что никто не заметил, как Хилто подвел свою колесницу к тому месту, где они стояли. Они с Мереном перегнулись через передний щит и слушали разговор магов. Хилто нетерпеливо хмурился. Внезапно он воскликнул:

– Достаточно! Путь впереди чист. Мы не можем позволить себе ни малейшей задержки. Вы поедете следом, если Хилто поедет впереди?

Он хлестнул упряжку, и испуганные лошади рванулись вперед. Мерена, застигнутого врасплох, чуть не выбросило, но он схватился за поручень и сумел удержаться в мчащейся колеснице.

Таита закричал вслед Хилто:

– Вернись! Ты околдован! Ты не знаешь, что делаешь!

Бэй прыгнул, чтобы схватиться за упряжь лошади сбоку, но опоздал: колесница промчалась мимо к ровной земле. Она набирала скорость. До них донесся смех Хилто:

– Путь открыт. Он ровный и годится для быстрой езды.

Нефер схватил поводья стоящей колесницы и крикнул:

– Я остановлю его или верну.

– Нет! – возразил Таита, в отчаянии подняв руку. – Стой! Туда нельзя. Там опасно. Остановись, Нефер!

Но Нефер не обратил внимания на его крики. С Минтакой рядом, он хлестнул кнутом упряжку, и колеса заскрипели по гладкому твердому песку. Он быстро догнал Хилто.

– О, милосердный Гор! – простонал Таита. – Посмотри на колеса.

За крутящимися колесами колесницы Хилто начало подниматься тонкое облачко серебристого песка. Затем они с ужасом увидели, как облачко превратилось в густое облако желтого песка, из которого полетели комья грязи. Лошади замедлили бег, по колено увязая в мягкой земле, а комья грязи из-под их копыт взлетали так высоко, что летели над головой Хилто. Тот не сделал никакой попытки остановиться или повернуть назад, а гнал упряжку все глубже в топь.

– Зыбучие пески! – с горечью воскликнул Таита. – Работа Мидийца! Он скрыл от нас истинную дорогу и привел в западню.

Упряжка Хилто вдруг провалилась сквозь корку в предательское болото. Когда колеса полностью провалились, колесница остановилась так внезапно, что Хилто и Мерена выбросило через передний щит. Они покатились по якобы надежной поверхности, но, когда остановились и попытались встать, их тела были покрыты липкой желтой грязью, в которую они немедленно провалились по колени.

Лошади почти полностью утонули в трясине. Только их головы и плечи были на поверхности, но кони ржали и погружались все глубже.

Ошеломленный Нефер слишком медленно отозвался на бедствие, происходящее у него на глазах. Наконец он попытался повернуть назад, но было поздно. Через десять локтей его колеса провалились в грязь выше ступицы, а обе лошади погрузились по брюхо. Он спрыгнул, чтобы помочь им, пытаясь распрячь их и отвести назад, но мгновенно увяз в липкой грязи, провалившись сначала по колени, затем по пояс.

– Не стойте, – отчаянно предупредила Минтака. – Оно проглотит вас. Распластайтесь и плывите.

Она бросилась вперед с тонущей колесницы и распласталась на дрожащей грязи.

– Вот так, Нефер. Делайте, как я.

К нему вернулась сообразительность, и он распростерся на поверхности. Делая неуклюжие движения, будто ребенок, учащийся плавать по-собачьи, он достиг колесницы прежде, чем она ушла под поверхность. Кинжалом он разрезал кожаные ремни, скрепляющие доски пола, в отчаянной спешке вырвал их и положил рядом. Они поплыли по поверхности смертельного зыбучего песка, а тяжело груженная колесница неумолимо погружалась и тянула за собой лошадей. Через несколько минут на серовато-коричневой поверхности осталось только более светлое пятно, отмечающее их могилу.

Колесницу Хилто также утянуло вместе с лошадьми в трясину. Они с Мереном барахтались в грязи, вопя от страха. Им удавалось удерживать над поверхностью только измазанные грязью головы и плечи.

Нефер подтолкнул одну из досок к Минтаке.

– Используй ее! – приказал он, и она вползла на доску.

Сам он вполз на другую доску, которая выдержала его вес. Буксируя еще две доски за кожаные ремни, он стал продвигаться по болоту. Оказавшись достаточно близко от Хилто и Мерена, он бросил им доски. Они вылезли из клейких объятий грязи. Все четверо усердно поплыли обратно к тому месту, где Таита и Бэй в ужасе смотрели на них с твердой земли.

Таита вдруг замахал руками и закричал:

– Вы уже на полпути. Не возвращайтесь сюда. Двигайтесь дальше. На другую сторону.

Нефер сразу увидел в этом смысл. Они повернули к дальнему берегу. Это далось нелегко – грязь сильно липла к рукам, ногам и нижним поверхностям досок. Относительно малый вес Минтаки скоро сказался, и она обогнала остальных и первая достигла твердой земли, вырвав-

шись из объятий зыбучих песков. Наконец Нефер, Хилто и Мерен последовали за ней. Усталые до изнеможения, они упали у подножия восточных барханов.

Пока они пересекали топь, у Таиты было время обдумать затруднительное положение, в котором они оказались. Оно казалось безнадежным. Их разделила на две группы топь шириной в двести локтей. Они потеряли всех лошадей и колесницы, оружие и снаряжение, но хуже всего была потеря драгоценных мехов с водой.

Вдруг Бэй коснулся его руки и прошептал:

– Слушайте!

В воздухе, где-то далеко, возник легкий шорох, иногда исчезающий, потом снова становящийся громче, дальнее эхо, отражающееся от барханов. Хотя и тихий, это, несомненно, был звук колонны колесниц на марше.

Три измазанных грязью человека на другой стороне долины тоже услышали его и поднялись на ноги. Глядя в барханы, все они слушали звук быстрого продвижения Трока и его солдат.

Внезапно Минтака бросилась к краю болота, где они оставили доски, которые помогли им переправиться. Нефер глядел на нее, стараясь понять, что она задумала. Минтака собрала доски и пошла по колено в грязи, таща за собой доски за кожаные ремни.

Нефер вдруг понял, что у нее на уме, но уже не успевал остановить ее. Минтака бросилась плашмя на одну из досок и заскользила по желтой грязи. И была вне его досягаемости, когда он наконец был вынужден остановиться по пояс в грязи.

– Вернитесь, – кричал он ей вслед. – Я пойду сам.

– Я легче и быстрее вас, – крикнула она в ответ, и, несмотря на его мольбы, усиленно дыша, заскользила вперед.

Звук колесниц становился все громче и подталкивал Минтаку к большим усилиям. У глядящего на нее Нефера сердце разрывалось от страха за нее и от гнева из-за ее непреклонности, но еще сильнее он гордился ее храбростью.

– У нее сердце воина и царицы, – прошептал он, когда Минтака приближалась к далекому берегу.

Теперь они слышали голоса преследователей, стук колес и звон оружия, усиленные отражающей поверхностью барханов.

Таита заткнул посох за пояс, чтобы освободить руки, и они с Бэем побрели по грязи навстречу Минтаке. Оба взяли у нее по доске и бросились на ненадежную поверхность. Втроем они поплыли к восточному берегу.

Из-за барханов позади них показались головные колесницы преследователей. Безошибочно узнаваемая фигура Трока виднелась в ведущей колеснице, и его грубый голос торжествующе заревел, отражаясь эхом от барханов:

– Вперед! В атаку!

Ведущая четверка колесниц перешла на полный галоп и примчалась к краю зыбучих песков. Три беглеца в желтой трясине отчаянно гребли. Позади них вопли колесничих становились все громче.

Вес Трока вдавливал колеса его колесницы в рыхлый песок глубже, чем у других колесниц, и, хотя его лошади напрягли свои силы под кнутом, он отстал от первого ряда атаки.

Три другие ведущие колесницы колонны целиком въехали в зыбучие пески и были поглощены так же быстро, как и предыдущие. Таким образом, Трок получил предупреждение об опасности. Он сумел справиться со своей упряжкой и отвести ее от болота.

Выхватив из стойки короткий выгнутый лук, он спрыгнул вниз. Позади него множество других колесниц устремилось в атаку.

– Луки! – крикнул Трок. – Всем стрелять. Не дайте им уйти. Подстрелите их.

Лучники с полными колчанами на спинах выбежали вперед, встали в четыре ряда у края болота и туго натянули тетивы.

Минтака снова опередила своих спутников. Она проделала половину пути, и хотя Таита и Бэй гребли изо всех сил, они все больше отставали.

Трок расхаживал вдоль рядов солдат, отдавая приказы.

– Лучники, стрелы на тетиву! – Сто пятьдесят солдат положили стрелы на тетиву.

– Лучники, натянуть луки и прицелиться! – Они подняли луки и туго натянули их, целя в низкое желтое небо.

– Стреляйте! – крикнул Трок, и они дали общий залп. Стрелы поднялись темным облаком. Они достигли высшей точки полета и стали падать к трем маленьким фигурам на болоте.

Таита услышал их приближение и поглядел в небо. Смертоносное облако спускалось к ним, тихо свистя, будто крылья диких гусей в полете.

– В грязь! – быстро крикнул Таита, и все трое соскользнули с досок и по шею погрузились в густую грязь. Стрелы осыпали их густо как град. Одна глубоко вонзилась в доску, на которой несколько мгновений назад лежала Минтака.

– Вперед! – приказал Таита, и они взобрались обратно на доски и снова погребли вперед, но успели продвинуться всего на несколько ярдов: воздух снова наполнился гулом падающих стрел, и они опять бросились под защиту желтой грязи.

Еще трижды им пришлось нырять с досок, но с каждым разом расстояние до лучников становилось все больше, а залпы – все менее точными. Минтака продвигалась вперед быстрее прежнего и скоро оказалась вне досягаемости стрел.

Трок ревел от ярости и разочарования, подгоняя своих стрелков. Стрелы сыпались в грязь вокруг беглецов, но все менее кучно.

Таита повернул голову, чтобы посмотреть на Бэя. Огромная, покрытая шрамами голова нубийца блестела от грязи и пота. Налитые кровью глаза лезли из орбит, рот был широко открыт, так что виднелись сточенные, острые, как у акулы, зубы.

– Крепись, Бэй! – крикнул Таита.

– Мы почти у берега. – Едва сказав это, он понял, что эти слова – прямой вызов богам.

На берегу позади них Трок смотрел, как они медленно выскальзывают из его рук. Его солдаты использовали короткие и не столь мощные луки, предназначенные для стрельбы с едущей колесницы. Двести локтей были пределом дальности их стрельбы. Трок повернулся и поглядел на своего копьеносца, сдерживавшего лошадей его колесницы.

– Принеси мой боевой лук, – крикнул он. Трок единственный в отряде возил в колеснице длинный лук: он решил, что для остальных в его войске длинные боевые луки неудобны, несмотря на бóльшую силу и дальнобойность.

Однако огромная сила Трока и величина его длинных рук ставили его выше ограничений, которым были вынуждены подчиняться люди не столь богатырского сложения.

В большинстве случаев он использовал короткий выгнутый лук. Однако приказал сделать сбоку в своей колеснице особую полку, чтобы поместить туда более мощное, но более длинное и громоздкое оружие.

Копьеносец подбежал к нему и подал большой лук. Он принес также колчан, наполненный особыми, с рисунком головы леопарда, стрелами для длинного лука.

Трок протолкнулся в передний ряд лучников, и его пропустили. Он положил на тетиву длинную стрелу и прищурившись измерил расстояние.

Головы плывущих были двумя крошечными пятнами на желтой поверхности. Солдаты вокруг него продолжали быстро стрелять, но их стрелы не долетали, без пользы падая в грязь. Он мысленно рассчитал угол выстрела и встал в позицию для стрельбы, выдвинув вперед левую ногу. Глубоко вдохнув, он натянул лук до полностью выпрямленной левой руки, и тетива косну-

лась кончика его крючковатого носа. Лук был тугим даже для него. Мышцы на голых руках Трока вздулись, лицо исказилось от усилий. Мгновение он медлил, прицеливаясь еще точнее, потом отпустил тетиву. Большой лук распрямился, дернувшись в его руках будто живое существо.

Длинная стрела мелькнула в воздухе, поднявшись выше облака меньших стрел, и без труда опередила их. Она достигла высшей точки и устремилась вниз, будто сокол к добыче.

Таита в грязи услышал ее более высокий и пронзительный свист и посмотрел вверх. Он увидел, что стрела летит прямо в него, но у него не было ни секунды, чтобы упасть с примитивного судна или даже пригнуться.

Он невольно закрыл глаза. Стрела пролетела так близко от его головы, что он ощутил, как волосы пошевелил поднятый ею ветер. Затем он услышал сильный удар.

Он открыл глаза и повернул голову на звук. Длинная стрела ударила в середину голой спины Бэя. Она пробила его тело, и кремневый наконечник вонзился в доску, на которой лежал нубиец, пригвоздив его к дереву, точно блестящего черного жука.

Лицо Бэя было на расстоянии вытянутой руки от его собственного. Таита посмотрел в глубокие черные глаза и увидел в них вспышку смертельной муки. Бэй открыл рот, чтобы что-то крикнуть или сказать, но хлынувшая изо рта яркая кровь заглушила звук. Он невероятным усилием дотянулся до ожерелья, стянул его со своей шеи и протянул Таите, предлагая ему как свой последний дар бесценную реликвию, зажатую в его скрюченных пальцах.

Таита осторожно вынул ожерелье из окостеневших пальцев и надел. Он почувствовал, как сущность умирающего шамана перетекает в его тело, подкрепляя его силы.

Голова Бэя упала, но стрела не дала ему соскользнуть с доски. Таита узнал рисунок леопарда на древке стрелы и понял, кто пустил ее. Он протянул руку, поместил два пальца на горло Бэя и почувствовал: друг ушел. Бэй умер, и никакие усилия Мага не могли спасти его. Таита оставил его и поплыл вперед, туда, где на далеком берегу стояли Нефер и Минтака, выкрикивая слова поддержки. Еще четыре длинные стрелы упали рядом с ним, но ни одна не задела его, и он медленно выплыл из предела их досягаемости.

Нефер встретил его и помог встать на ноги в густой грязи. Таита, помогая себе посохом, выбрался на твердую землю и опустился на нее, ловя ртом воздух. Уже через минуту он снова сел и посмотрел через зыбучие пески туда, где на далеком берегу подбоченясь стоял Трок; каждая линия его тела, каждая его черта выдавали его ярость и недовольство. Затем Трок приложил ладони ко рту и прокричал:

– Не воображай, что сбежал от меня, колдун. Я поймаю тебя и получу обратно свою сучку. Поймаю вас обоих. Настигну. Я не потеряю след.

Минтака вышла вперед, насколько удалось пройти. Она точно знала, где его самое уязвимое место и как больнее всего унизить его в присутствии его солдат.

– Дорогой муж, ваши угрозы так же бессильны и пусты, как ваши чресла. – Ее высокий мелодичный голос прозвучал очень ясно, и двести гиксосских воинов расслышали каждое слово. Последовала потрясенная тишина, а затем в их рядах раздался оглушительный смех. Даже солдаты Трока ненавидели его так, что наслаждались его унижением.

Трок в бессильном гневе размахивал луком над головой и топал ногами. Наконец он с рычанием повернулся к солдатам, и те затихли, смущенные своим безрассудством.

В тишине Трок крикнул:

– Иштар! Иштар Мидиец, выйди вперед!

Иштар встал на краю зыбучего песка напротив маленькой группы на противоположном берегу. Его лицо покрывал узор татуировок, глаза были окружены фиолетовыми завитками; один косящий глаз сиял, будто серебряный диск. Вдоль длинного носа шел двойной ряд красных

точек. Подбородок и щеки покрывали похожие на листья папоротника линии. Его волосы при помощи красного шеллака были склеены в длинные жесткие шипы. Он развязал свою одежду, и та упала на песок.

Он стоял совершенно голый. Его спина и плечи были покрыты пятнами, как у леопарда. На животе была вытатуирована огромная красная звезда, а лобковые волосы сбриты, что подчеркивало величину огромного повисшего члена. В его крайнюю плоть были вставлены на крючках крошечные колокольчики из золота и серебра. Он уставился на Таиту, и Маг шагнул вперед, чтобы противостоять ему. Когда они стали глядеть друг на друга, расстояние между ними словно бы сжалось.

Член Иштара стал медленно раздуваться, отчего колокольчики зазвенели, напрягся и полностью выпрямился. Он двинул бедрами вперед, направив раздувшуюся красную головку на Таиту. Это был прямой вызов, подчеркивающий скопчество Таиты и превосходство мужественности Иштара над ним.

Таита поднял посох и наставил на пах Мидийца. Долгое время никто из них не двигался, бросив все силы друг против друга, будто копья.

Вдруг Иштар застонал и сильной струей в песок изверг семя. Его член съежился и стал маленьким, морщинистым и незаметным. Иштар опустился на колени и поспешно стал натягивать одежду, чтобы скрыть свое унижение. Он проиграл первую прямую схватку с Чародеем. Повернувшись спиной к Таите, он побрел туда, где сидели на корточках два жреца Сеуета и шаман-нубиец. Он присоединился к ним, они взялись за руки и запели.

– Что они делают? – спросил нервно Нефер.

– Думаю, пытаются определить путь в обход зыбучего песка, – прошептала Минтака.

– Таита остановит их, – сказал Нефер с уверенностью, которой не чувствовал.

Внезапно Иштар вскочил на ноги с новой энергией. Он испустил крик, подобный хриплому карканью ворона, и указал на юг вдоль песчаной долины.

– Он выбрал тот путь, что показал нам сокол, – сказал Таита спокойно. – Мы еще не в безопасности.

Отряды Трока садились на колесницы. С Иштаром, едущим около Трока в ведущей колеснице, они понеслись на юг вдоль извилистой реки гибельной грязи. Проезжая мимо, солдаты выкрикивали угрозы маленькой группе на противоположном берегу.

Пыль улеглась, и они увидели, что Трок, желая держать их под наблюдением, оставил маленький отряд из пяти колесниц и десяти солдат, разбивших лагерь под барханами на том берегу. Скоро последняя колесница колонны преследователей исчезла в желтом знойном мареве, скрывшись за изгибом долины.

– До сумерек Трок найдет путь через зыбучий песок на нашу сторону, – предрек Таита.

– Что мы можем сделать? – спросил Нефер.

Таита повернулся к нему.

– Вы – фараон. Вы – повелитель десяти тысяч колесниц. Приказывайте, великий.

Нефер уставился на него, онемев от такой насмешки. Разумеется, Таита насмехался! Затем он взглянул в старые выцветшие глаза и не увидел в них ни тени насмешки. Гнев подкатил к горлу вместе с горьким вкусом желчи.

Он уже хотел возразить, напомнить, что они потеряли все, и колесницы, и воду, и что впереди – раскаленная пустыня, а позади неумолимое войско преследователей, но Минтака коснулась его руки, и это успокоило его. Он посмотрел в глаза Таите, и к нему пришло вдохновение.

Он изложил им свой план и еще не успел закончить, а Хилто уже стал усмехаться и кивать, а Мерен засмеялся и стал потирать руки. Минтака, гордо выпрямившись, встала ближе к Неферу.

Когда он отдал приказы, Таита кивнул.

– Вот замысел истинного фараона, – сказал он голосом ровным, без эмоций, но в глазах горела искра одобрения. Наконец он уверился, что поручение, данное ему Лострой, скоро будет выполнено. Нефер был почти готов принять ответственность за свою судьбу.

Они проехали всего несколько лиг, как вдруг Иштар указал вперед. Трок остановил колонну и напряг глаза в странном желтом свете и мерцающей жаркой дымке. Впереди долина зыбучих песков резко сужалась.

– Что это? – спросил Трок. Казалось, какое-то извивающееся морское чудовище переплывает долину. Гребень его спинного плавника выступал из желтой грязи, черный и острый.

– Это – наш мост, – ответил Иштар, – хребет из сланца, идущий от одного берега до другого. Здесь мы перейдем.

Трок послал двух лучших солдат на сланцевый мост пешком, на разведку. Они легко перебежали по мосту на другую сторону, не замочив сандалий. Они кричали и махали руками Троку, и, хлестнув лошадей кнутом, он последовал за ними на другую сторону. Остальные одной колонной поехали за ним.

Как только все благополучно переехали на другой берег, Трок повернул на север, назад по долине, туда, где они последний раз видели беглеца Таиту с его спутниками.

Но они не проехали и половины расстояния, когда затянутое облаками небо превратилось в желтый туман, нависшие испарения, преждевременно принесшие ночь. В считанные минуты последний свет погас, и полная темнота вынудила колонну остановиться.

– Лошади устали. – Трок попытался оправдать решение остановиться на ночь, когда командиры собрались вокруг него в темноте, чтобы получить его приказы.

– Напоите их и дайте им и солдатам отдохнуть. В путь тронемся на рассвете. Пешком и без воды далеко не уйдет даже Маг. Мы догоним их завтра до полудня.

Таита разбинтовал ноги Минтаки и, довольный, кивнул. Затем он смочил их сильно соленой влагой из зыбучих песков и снова перевязал. Несмотря на протесты, Нефер обул ее в собственные сандалии. Они были ей великоваты, но из-за бинтов сидели на ногах плотно.

У них не было ничего, что нужно было нести: ни воды или продовольствия, ни оружия, ни багажа, ничего, кроме досок от днищ затонувших колесниц. Под любопытными взглядами гиксосских солдат на другом берегу Нефер повел своих спутников вверх по склону высокого бархана на восток. Гребня бархана они достигли задыхаясь. Их уже яростно мучила жажда.

Нефер бросил последний взгляд через зыбучие пески. Солдаты Трока на другом берегу распрягли лошадей, поставили колесницы по краю лагеря и развели костры. Нефер иронически отсалютовал им и последовал за остальной частью группы вниз по противоположному склону бархана. Едва скрывшись от наблюдателей, они устроили привал.

– Каждое усилие будет нам дорого стоить, – предупредил Нефер. – Еще много часов у нас не будет ни капли воды.

Пока они лежали, тяжело дыша на жаре, они с тревогой прислушивались, боясь услышать голоса людей и движение колесниц. Минтака выразила вслух общие опасения:

– Молитесь всем богам, чтобы Трок не нашел переправу и не вернулся к нам засветло.

Когда они отдохнули, Нефер повел их под прикрытием бархана, тянущегося параллельно долине зыбучих песков. Они прошли совсем немного, но на жаре и это далось им нелегко. Они снова сели, чтобы отдохнуть в обессиливающем желтом тумане. Им не пришлось долго ждать темноты.

Ночь принесла малое облегчение от зноя. Они вновь взобрались на вершину бархана и увидели внизу солдатские костры на противоположной стороне долины. Огонь горел достаточно ярко, чтобы они поняли, где лагерь гиксосов.

Вражеские колесницы стояли квадратом с пространством внутри, головы лошадей были привязаны поводьями к колесам. Двое часовых сидели около костров, а остальные солдаты лежали на спальных ковриках внутри лагеря.

– Они видели, как мы пошли на восток. Нужно надеяться, что они думают, будто мы все еще идем в том направлении и им не надо ни за кем наблюдать, – сказал Нефер и повел их, скользя и скатываясь, вниз по склону бархана. Они достигли дна долины в нескольких сотнях локтей от лагеря, достаточно далеко, чтобы скрыть их движение и приглушить любые звуки, которые они могли породить.

Используя как ориентир свет костров и взявшись за руки, чтобы никто не заблудился в темноте, они ощупью пошли к краю зыбучих песков.

Положив в грязь деревянные доски, они принялись грести через топь. Они уже привыкли к такому способу передвижения и вскоре достигли берега.

Держась близко друг к другу, они подползли к лагерю и присели вне круга света от костров. За исключением двух часовых, вражеский лагерь казался спящим. Лошади были спокойны, тишину нарушало лишь тихое потрескивание огня. Вдруг один из часовых встал и пошел туда, где сидел его товарищ. Они тихо заговорили. Нефер волновался из-за задержки и хотел уже просить помощи у Таиты, но старик опередил его. Он наставил посох на две темные фигуры. Через несколько минут их голоса зазвучали сонно, и наконец один из часовых встал, потянулся и зевнул. Он медленно вернулся к своему костру и сел около него с мечом на коленях.

Таита продолжал направлять на него посох, и голова солдата медленно опустилась, подбородок уперся в грудь. От другого костра доносился тихий храп. Оба солдата крепко спали.

Нефер тронул Хилто и Мерена. Каждый знал свое дело. Они снова поползли вперед, оставив Таиту и Минтаку на краю круга света.

Нефер подошел сзади к ближнему часовому. Меч соскользнул с его коленей и лежал рядом с ним на песке. Нефер подобрал его и, продолжая движение, ударил солдата бронзовой головкой рукояти меча в висок. Часовой без звука упал и растянулся в полный рост около костра.

С мечом в руке Нефер поглядел на другой костер. Хилто и Мерен занимались часовым, который лежал, свернувшись, будто спящая собака. Хилто подобрал его меч. Все трое побежали к самой ближней колеснице. В боковых стойках все еще оставались копья.

Нефер схватил одно. Оно тяжело и успокаивающе легло в его руку. Мерен тоже вооружился. Внезапно одна из лошадей тихо заржала и топнула копытом. Нефер замер. На мгновение он подумал, что их все-таки не обнаружат. Затем сонный голос позвал изнутри квадрата колесниц.

– Нуса, ты? Ты не спишь?

Солдат, пошатываясь, вошел в круг света от костра, еще толком не проснувшись; из одежды на нем была только набедренная повязка. В правой руке он держал меч.

Он остановился и уставился на Нефера.

– Ты кто? – Его голос прозвучал громко и тревожно.

Мерен бросил копье. Оно ударило солдата в грудь. Он вскинул руку и тяжело упал на песок. Мерен прыгнул вперед и подобрал меч, который он выронил. Воя как взбесившиеся джинны, все трое перепрыгнули через оглобли и бросились внутрь квадрата колесниц. Их вопли привели пробуждающихся солдат в полное замешательство. Некоторые даже не выхватили оружие, и отнятые у них мечи поднимались и падали в убийственном ритме. Их лезвия потемнели от крови.

Только один из врагов справился с собой и бросился на врага. Это был грубый здоровяк, он отбивался, ревя будто раненый лев. Он нацелил удар Неферу в голову, и хотя Нефер отбил его, высоко подняв меч, рука от этого онемела по плечо. Бронзовый клинок отломился у гарды.

Нефер был обезоружен, и его противник замахнулся мечом, целясь в голову, чтобы убить. Позади него из темноты вышел Таита и ударил его по голове посохом. Солдат рухнул, а Нефер выхватил меч из его обессилевших рук прежде, чем тот упал на землю.

Бой закончился. Пятеро из оставшихся в живых стояли на коленях, подняв руки над головами, а Хилто и Мерен стояли рядом с ними. Минтака и Таита подбросили дров в костры, и при свете пламени они увидели, что три солдата мертвы, а два других серьезно ранены.

Пока Таита лечил их раны, остальные при помощи запасной упряжи для колесниц связали пленников по рукам и ногам. Только после этого они смогли напиться из мехов, поесть хлеба и отрезать пласты сушеного мяса из найденного ими запаса продуктов.

К тому времени как они поели и напились, стал разгораться новый день. Пришел еще один грозный багровый рассвет, и жара уже была удушающей. Нефер выбрал три колесницы и лучших лошадей тянуть их. Они сняли с выбранных колесниц все ненужное снаряжение, например личный багаж солдат и оружие сверх необходимого им. Нефер отпустил лишних лошадей и прогнал их галопом в пустыню, махнув одеялом перед их мордами.

Красный свет этой страшной зари разгорался с каждой минутой, и они поспешно поднялись на колесницы. Когда они были готовы уехать, Нефер подошел к связанным пленникам.

– Вы – египтяне, как и мы. Мне очень больно, что мы убили и ранили нескольких ваших товарищей. Мы не хотели этого, и это не доставило нам удовольствия. Узурпатор Трок заставил нас.

Он присел на корточки рядом со здоровяком, который чуть не убил его.

– Ты храбрец. Я хотел бы, чтобы когда-нибудь мы могли сражаться вместе против общего врага.

Подол передника Нефера приподнялся, когда он сел, и взгляд пленника скользнул по гладким мускулам его правого бедра. Солдат разинул рот.

– Фараон Нефер Сети мертв. Почему вы носите царский картуш? – спросил он.

Нефер коснулся татуировки, давным-давно нанесенной Таитой.

– Я ношу его по праву, – сказал он. – Ибо я – фараон Нефер Сети.

– Нет! Нет! – Пленник был взволнован и испуган, вероятно, сильнее, чем на поле боя.

Минтака спрыгнула с колесницы, подошла к ним и дружески заговорила с солдатом:

– Вы знаете, кто я?

– Ее светлость царица Минтака. Ваш отец был моим богом и командиром. Я любил его. Поэтому люблю и уважаю вас.

Минтака достала кинжал из ножен и разрезала его путы.

– Да, – сказала она. – Я – Минтака, а это – фараон Нефер Сети, с которым я обручена. Однажды мы вернемся в Египет, чтобы заявить о нашем неотъемлемом праве и править в мире и справедливости.

Нефер и Минтака встали, и она продолжила:

– Передайте это вашим товарищам по оружию. Скажите людям, что мы живы и вернемся в Египет.

Солдат прополз вперед на коленях и поцеловал ее ноги, затем подполз к Неферу, поднял его ногу и поставил себе на голову.

– Я – ваш, – сказал он. – Я буду нести ваше сообщение людям. Возвращайтесь к нам скорее, божественный фараон.

Другие пленники присоединились к нему в выражении преданной любви.

– Да здравствует фараон! Живите и правьте тысячу лет!

Нефер и Минтака поднялись на захваченную колесницу, и освобожденные пленники закричали:

– Бак-кер! Бак-кер!

Три колесницы выехали из разрушенного лагеря. Таита ехал один, в повозке, потому что лучше других был способен противостоять уловкам Иштара Мидийца и находить истинную дорогу, скрытую от них. Нефер и Минтака ехали сразу за ним, а Хилто и Мерен замыкали колонну. Они направлялись обратно по тому пути, каким приехали сюда.

Они отъехали совсем недалеко – долина зыбучих песков и лагерь все еще были в поле зрения, – когда Таита остановился и оглянулся. Две другие колесницы остановились позади него.

– Что случилось? – спросил Нефер, и Таита поднял руку. В тишине они услышали отдаленный звук движения колонны Трока, едущей по противоположному берегу. Затем в свете тусклой красной зари они вдруг увидели, как из-за далеких барханов появилась голова колонны.

Трок резко остановил ведущую колесницу и закричал на Иштара:

– Клянусь кровью и семенем Сеуета, Маг снова перехитрил тебя. Разве ты не предвидел, что они перейдут обратно и захватят колесницы нашей заставы?

– А почему вы не предвидели это? – сердито проворчал Иштар. – Вы – великий полководец.

Трок поднял кнут, намереваясь хлестнуть его по татуированному лицу за такую дерзость, но, поглядев в темные глаза Мидийца, передумал и опустил кнут.

– Что теперь, Иштар? Ты позволишь им скрыться?

– Для них есть только одна дорога назад, и по ней движется Зандр с двумя сотнями колесниц. Вы все еще держите их между двумя жерновами, – мрачно напомнил Иштар.

Лицо Трока осветила свирепая улыбка. От ярости он чуть не забыл про Зандра.

– Солнце едва взошло. У вас впереди весь долгий день, чтобы переехать по сланцевому мосту обратно и последовать за ними, – продолжил Иштар. – Я чую их запах. Я расставлю сеть, чтобы поймать их в ловушку, и, как преданный пес, приведу вас к добыче.

Трок стегнул лошадей и по твердому песку подъехал к краю болота, прямо напротив трех колесниц на другом берегу. Ему удалось почти убедительно улыбнуться и засмеяться.

– Я наслаждаюсь этим больше, чем вы, друзья мои. Месть – это блюдо, которое лучше есть холодным! Клянусь Сеуетом, мне понравится ее вкус.

– Чтобы поджарить кролика, нужно сначала поймать его, – крикнула в ответ Минтака.

– Поймаю! Не сомневайтесь, у меня еще остались кое-какие сюрпризы, чтобы развлечь вас.

Его улыбка исчезла, когда три колесницы покатили в барханы и Минтака весело помахала гиксосам рукой. Хотя Трок знал, что она нарочно злит его, это уязвило его так сильно, что от гнева он почувствовал жжение в желудке и кислый вкус во рту.

– Назад! – крикнул он своим солдатам. – Назад через мост.

Они ехали, и Таита все чаще смотрел на небо. Его лицо было мрачным и задумчивым: облака цвета самородной серы опускались все ниже к земле.

– Я никогда не видел такого неба, – сказал Хилто, когда в середине утра они остановились напоить лошадей.

– Боги разгневаны.

Истинную дорогу они нашли до странного просто. Развилка, где они повернули не туда, была легко заметна издалека. Казалось, невозможно не заметить высокую пирамиду из камней, отмечавшую ее, а главная дорога к Красному морю, по которой проезжало великое множество торговых караванов, была сильно утоптана и более заметна, чем едва видная колея, которая увела их в долину зыбучих песков.

– Иштар ослепил нас, – пробормотал Нефер, когда они подъехали к перекрестку, – но на этот раз обмануть нас будет не так легко. – Затем он тревожно посмотрел в небо и сотворил знак против зла. – Если боги будут к нам добры.

Именно Хилто с его глазами воина заметил впереди тучу пыли. До сих пор ее затеняло низкое, затянутое облаками небо, и вот теперь она оказалась совсем близко. Хилто галопом догнал колесницу Таиты и крикнул:

– Маг! Впереди нас колесницы, их очень много.

Они остановились и стали смотреть вперед. Пыльная туча двигалась, даже когда они смотрели на нее.

– Как далеко они от нас? – спросил Таита.

– В половине лиги или меньше.

– Думаешь, у Трока есть второй отряд, который едет вслед за ним?

– Вам лучше знать, Маг, что это обычная тактика гиксосов. Помните сражение у Даммена? Как Алепи поймал нас там между двумя отрядами?

– Сможем ли мы достигнуть перекрестка раньше, чем они отрежут нас? – спросил Таита, и Хилто прищурился.

– Может быть. Но надо очень поспешить, чтобы успеть.

Таита обернулся и поглядел назад.

– Трок скоро будет на дороге позади нас. Мы не можем повернуть назад, иначе окажемся в его руках.

– Если мы оставим дорогу и поедем в пески, всему конец. Мы оставим ясные следы, и они смогут преследовать нас. Наши лошади ослабеют еще до конца дня.

– Неудивительно, что Трок смеялся над нами, – сказала Минтака горько.

– Мы снова между молотом и наковальней, – согласился Мерен.

– Следует ехать вперед, – решил Нефер.

– Следует попытаться достигнуть перекрестка и выехать на главную дорогу раньше их. Это наше единственное спасение.

– Тогда полный вперед – даже если мы загоним в гонке лошадей, – согласился Хилто.

Три колесницы шеренгой помчались вперед. Они подскакивали и рыскали, когда колеса попадали в колеи на дороге, но лошади шли хорошо. Туча пыли впереди становилась все более угрожающей: они подъезжали к ней все ближе. Пирамида из камней, казалось, не приближалась. Их все еще отделяло от поворота более пятидесяти локтей, когда показались первые колесницы приближающегося подразделения, тускло видные в пыли и жутком желтом свете.

Колесницы остановились, как если бы не были уверены, кто находится в трех мчащихся к ним колесницах, затем вдруг снова рванулись вперед, прямо к беглецам.

Таита попытался выжать из лошадей все возможное, но почувствовал, что их охватила усталость. Они продолжали гонку до последнего, но враг мчался прямо на них, и постепенно стало ясно, что им никак не достичь перекрестка первыми. Наконец Таита поднял сжатый кулак, объявляя остановку.

– Достаточно! – крикнул он. – Нам не выиграть эту гонку.

Они остановили на дороге взмыленных и тяжело дышащих лошадей. Все были бледными от пыли, покрывавшей лица, во взглядах читалось отчаяние.

– Куда ехать, фараон? – крикнул Хилто. Они уже начинали обращаться к Неферу как к повелителю.

– Есть только один свободный путь. Назад, туда, откуда мы приехали. – И он тихо добавил, так, чтобы не слышала Минтака: – В руки Трока. Но по крайней мере это даст мне последний шанс поквитаться с ним.

Таита согласно кивнул и первый круто развернул колесницу. Он повел беглецов обратно к зыбучим пескам. Остальные развернулись и последовали за ним в облаке пыли, поднятом его

колесницей. Сначала пыль закрывала преследователей, но затем порыв горячего ветра быстро унес ее в сторону, и они увидели, что преследователи догоняют.

Они рванулись вперед, но Нефер почувствовал, что его лошади слабеют. Они шли тяжело, с трудом, их ноги хлопали, копыта начало выбрасывать в стороны. Нефер понял, что все почти закончилось, и одной рукой обнял Минтаку за талию.

– Я полюбил вас с первого мгновения, как увидел. И буду любить вас вечность.

– Если вы действительно любите меня, то никогда не позволите мне снова попасть в руки Трока. Наконец вам представилась возможность доказать вашу любовь.

Нефер повернулся и озадаченно поглядел на нее.

– Не понимаю, – сказал он, и Минтака коснулась захваченного меча, висевшего у него на боку.

– Нет! – Он почти выкрикнул это и крепко прижал ее к себе.

– Вы должны сделать это для меня, сердце мое. Вы не можете отдать меня Троку. Мне не хватит храбрости сделать это самой, поэтому вам следует быть сильным – ради меня.

– Я не могу, – крикнул он.

– Это будет быстро и безболезненно. Иначе...

Он был в таком отчаянии, что чуть не врезался на полном скаку в задний борт колесницы Таиты, когда та резко вильнула и остановилась поперек дороги перед ними. Таита указал вперед.

Там был Трок. Даже издалека можно было разглядеть во главе двигающейся колонны, направляющейся прямо к ним, медведеподобную фигуру. Они оглянулись: оттуда быстро приближался другой враг.

– Один последний бой! – Хилто ослабил меч в ножнах. – Первое худшее. Второе ничем не лучше. Последнее самое плохое. – Это была одна из поговорок Красной Дороги, и он проговорил ее с искренним ожиданием.

Таита посмотрел в небо цвета желчи, когда очередной порыв горячего ветра всколыхнул его волосы, как поле серебряной травы. Минтака потянула Нефера за руку.

– Обещайте! – прошептала она, и его глаза наполнились слезами.

– Обещаю, – сказал он, и эти слова обожгли его рот и горло. – А потом убью Трока собственными руками. И тогда сразу последую за вами в темное путешествие.

Таита не повысил голоса, но его услышали все:

– Сюда. Смотрите на следы моей колесницы и следуйте по ним без сомнений.

К их удивлению, Таита повернул лошадей под прямым углом к дороге, в пески, на север, в непроходимые блуждающие барханы. Нефер ожидал, что колеса колесницы Мага сразу же провалятся по ступицы, но тот, вероятно, как-то нашел твердую корку под мягкой поверхностью и продолжал ехать уверенной трусцой. Тогда они не медля поехали за ним, хотя понимали, что это последняя, обреченная попытка.

Оглянувшись, Нефер увидел оба облака пыли, поднятые вражескими отрядами, сходящимися к ним с востока и запада. Не было ни малейшего шанса на то, что они не найдут место, где оставили след три их колесницы, когда доедут до него. Если, конечно, Таита не произнесет укрывающее заклинание, чтобы обмануть Иштара, но это было маловероятно. Иштар доказал, что не восприимчив к такому простому колдовству, а Трок, должно быть, собственными глазами видел, как они свернули с дороги.

И все же, посмотрев вперед, он увидел, что Таита держит в правой руке золотой амулет Лостры и вокруг его запястья обернуто ожерелье – дар Бэя. Он не оглядывался на преследователей – нет, его лицо было поднято к угрожающему небу и выражало сосредоточенность.

Их положение казалось безнадежным, но Нефер почувствовал, как в душе затеплился безрассудный огонек беспочвенной надежды. Он понял, что дар Бэя таинственным образом увеличил и без того могучие силы старика.

– Посмотрите на Таиту, – прошептал он Минтаке. – Возможно, это еще не конец. Возможно, до окончания игры нам остался еще один ход камнем бао.

Трок мчался галопом по дороге, пока не достиг места, где три колесницы у него на глазах свернули в барханы. Следы так глубоко отпечатались в песке, будто их оставила всего одна пара колес. В этот миг с противоположной стороны подъехал Зандр во главе второй колонны.

– Молодец! Ты повернул добычу. Теперь они наши, – крикнул ему Трок.

– Это была хорошая погоня, – проревел в ответ Зандр. – Какое место мне занять в строю?

– Встань снова замыкающим. В колонне по четыре. Следуй за мной. – Когда Трок повернул, чтобы преследовать беглецов, два отряда его колесниц последовали за ним. Он смотрел вперед. Таита и его крошечная группа уже исчезли в коридоре между высоких песчаных холмов с фиолетовыми и синими вершинами. Впадины между ними были темными и затененными под низким небом. Он не проехал и двухсот локтей: колесницы по бокам колонны завязли в мягком песке. Тогда он понял, почему Таита ехал такой узкой колонной. Земля была достаточно твердой, чтобы выдержать колесницу, только по центральной линии.

Два объединенных отряда, следуя за Троком в не отмеченную на карте пустыню, растянулись более чем на половину лиги, и солдаты с растущим трепетом смотрели на вздымающиеся стены песка и ужасное небо над ними. Трок не мог постоянно гнать лошадей на одной изматывающей скорости, и они перешли на шаг, но по следам, оставленным Таитой, он мог видеть, что тот тоже стал двигаться более медленно.

Так они ехали еще почти лигу, а потом земля впереди вдруг изменилась. Из мягких песчаных волн поднялся темный каменный остров. Он походил на маленький корабль, затерянный в океане барханов. В течение тысячелетий его склоны были испещрены отверстиями и изъедены насыщенными песком ветрами, но пик был острым, как клык сказочного чудовища.

На пике стояла очень знакомая фигура, крошечная на расстоянии, одинокая и высокая, с пышной серебряной шевелюрой, поблескивавшей, будто шлем, в странном, жутком свете.

– А вот и Маг, – злорадно сказал Трок Иштару. – Они нашли убежище в камнях. Надеюсь, они попытаются сразиться там с нами. – И приказал трубачу: – Труби сигнал к бою.

Когда Нефер и Минтака увидели, что впереди появилась скала, оба удивились.

– Таита знал, что она там? – спросила Минтака.

– Откуда он мог знать? – ответил Нефер.

– Вы сказали мне однажды, что он знает все.

И Нефер замолчал. Он оглянулся, чтобы скрыть неуверенность, и недалеко позади увидел поднятую преследователями пыль, смешивающуюся с желтым светом неба без солнца.

– Не важно. Как это может помочь нам? – спросил он. – Мы могли бы защищать ту скалу очень недолго, ведь у Трока сотни солдат. Это почти верная гибель. – Он коснулся мехов, висевших на перекладине рядом с ним. Они были почти пусты. Оставшейся воды не хватало даже на то, чтобы лошади прожили еще день.

– Нам следует верить Таите, – сказала Минтака, и он горько засмеялся.

– Кажется, боги покинули нас. Кому же еще нам верить?

Они продолжали двигаться вперед. Лошади с трудом шли шагом. Позади слышались слабые звуки преследования: крики старших командиров, приказывающих солдатам держаться центра дороги, звон незакрепленного снаряжения, стоны и скрип сухих ступиц.

Наконец они подошли к горе, сложенной из черного и охристого камня. Она была сто футов высотой, и от нее, будто от костра, веяло накопленным жаром. Ни одно растение не закрепилось на ней, лишь ветер вырезал расселины и трещины в ее утесах.

– Подведите колесницы к самой скале, – приказал Таита, и они повиновались.

– Теперь распрягите лошадей и ведите их сюда. – Таита показал на собственном примере, что делать, отведя собственную упряжку за выступ. Там в скалу врезалась глубокая расселина с крутыми краями.

– Сюда. – Он вел их, пока они могли продвигаться вперед по песчаному полу глубокой вертикальной расселины.

– Теперь заставьте лошадей лечь.

Все лошади конницы были обучены этому трюку. По приказу Таиты они опустились на колени и затем с фырканьем и ржанием легли на бок на полу расселины.

– Делайте вот так! – сказал Таита. Он прихватил из колесницы походную постельную скатку. Полосками, оторванными от нее, он завязал глаза лошадям, чтобы те были спокойными и покорными. Затем глубоко воткнул копье в рыхлый песок и использовал его для того, чтобы привязать обмотанные головы лошадей и не дать им подняться снова. Остальные последовали его примеру.

– Теперь принесите остатки воды. Жаль, ее недостаточно, чтобы в последний раз напоить лошадей, но каждая капля понадобится нам для себя.

Будто зная о его существовании, Таита повел их к низкому уступу в скале. Уступ располагался так низко, что любому, кто попытался бы пробраться под него, пришлось бы ползти на четвереньках.

– Несите камни от подножия утеса, чтобы закрыть его стеной.

– Палисад? – Нефер глядел озадаченно. – Мы не сможем защитить это место. В пещере нельзя даже встать, не то что взмахнуть мечом.

– Спорить некогда. – Таита сердито поглядел на него. – Делайте, как я вам говорю.

Нефер изводился страхом за Минтаку и был утомлен трудностями, которые они пережили за минувшие дни. Он гневно поглядел на Таиту. Другие смотрели на это с интересом: молодой бык бросал вызов старому быку. Прошло несколько секунд, прежде чем Нефер вдруг осознал собственную глупость. Только один человек мог спасти их сейчас, и он сдался. Он наклонился, подобрал большой камень из груды каменной осыпи и, пошатываясь, понес его к маленькой пещере. Он положил его на место и побежал за другим. Остальные присоединились к работе. Даже Минтака принесла свою долю грубых глыб кристаллического сланца. Когда они закрыли стеной тесное пространство под уступом, ее руки были поцарапаны и покрыты ссадинами.

– Что нам делать сейчас? – спросил натянуто Нефер, все еще страдая из-за своего столкновения с Магом.

– Пить, – сказал Таита.

Нефер налил воду из меха в кожаное ведро и передал его Минтаке. Она сделала несколько глотков и предложила воду Таите.

Он покачал головой.

– Пейте и напейтесь как следует.

Когда все выпили столько, сколько могли вместить их животы, Нефер снова обратился к Таите:

– Что теперь?

– Ждите здесь, – приказал Таита, поднял длинный посох и начал взбираться по неровному склону горы.

– Для чего этот палисад? – крикнул ему вслед Нефер. – Для чего он нужен?

Таита остановился на узком уступе в тридцати футах над ними и посмотрел вниз.

– Великий узнает, когда придет время. – И продолжил подъем.

– Убежище? Может быть, могила? – саркастически воскликнул Нефер ему вслед, но Таита не ответил и не оглянулся.

Он поднимался без отдыха и остановки, пока не достиг вершины. Там он встал, пристально глядя назад, туда, откуда должен был появиться Трок.

Маленькая группа в лощине у подножия горы смотрела на него – кто озадаченно, кто с надеждой, а один сердито.

Нефер очнулся.

– Принесите копья и остальное оружие с колесниц. Будьте готовы защищаться. – Он побежал туда, где они оставили колесницы, и вернулся с охапкой копий. Мерен и Хилто шли за ним с таким же грузом.

– Что делает Таита? – спросил он Минтаку.

Она показала на вершину.

– Он не двигался.

Они сложили оружие и сели у входа в примитивное убежище. Все взгляды вновь обратились к Таите.

Они видели его силуэт на фоне ужасного серно-желтого неба. Никто не говорил, никто не двигался, пока они снова не услышали этот ужасный звук. Они повернули головы и услышали тихий стук и визг колес колесниц, сотен колесниц, и голоса солдат, иногда приглушаемые барханами, а иногда ясные и угрожающие.

Таита медленно воздел обе руки к небу. Все наблюдали за его движениями. В правой руке он держал посох, в левой амулет Лостры, а на шее у него был дар Бэя.

– Что он делает сейчас? – спросил Хилто испуганным тоном. Никто ему не ответил.

Таита стоял неподвижно, будто высеченный из камня. Его голова была запрокинута, волосы серебром падали на плечи. Одежда была подпоясана, так что виднелись тощие голени. Он походил на старую птицу на насесте.

В небе неслись по кругу тяжелые низкие облака. Свет менялся, ослабевая, когда скрытое солнце закрывал новый слой плотных облаков, и вспыхивая, когда облачный покров становился тоньше.

Таита все еще не двигался, его посох был нацелен в беременное брюхо небес. Шум приближающейся колонны стал еще более ясным, и вдруг вдали прозвучал рев бараньего рога.

– Это сигнал к бою. Трок увидел Таиту, – спокойно сказала Минтака.

Трок крикнул своему трубачу:

– Труби атаку! – Но воинственный звук, казалось, поглотили пространство пустыни и низкое, грозное небо.

– Подождите! – сказал Иштар Мидиец. Он смотрел на крошечную фигуру Таиты на вершине скалы. – Подождите!..

– Что такое? – спросил Трок.

– Пока я не могу понять, что это, – Иштар не сводил пристального взгляда с Мага, – но оно мощное и распространяется повсюду. – Колонна не трогалась с места, каждый солдат в ней со страхом глядел на фигуру на вершине скалы. Ужасная тишина пала на пустыню, не нарушаемая никаким звуком. Даже лошади замерли, не было слышно ни стука, ни звона снаряжения.

Только небо двигалось. Над головой Мага образовался водоворот, огромное вращающееся колесо раскаленных туч. Затем центр водоворота медленно открылся подобно единственному глазу пробуждающегося чудовища. Из небесного ока вырвался столб ослепительного солнечного света.

– Глаз Гора! – выдохнул Иштар. – Он обратился к богу. – Он сделал знак защиты. Трок рядом с ним молчал, оцепенев от суеверного страха.

Блестящий столб света ударил в гору и озарил фигуру Мага, как вспышка ослепительной молнии. Вокруг головы Таиты высветился нимб серебряного сияния.

Маг сделал медленное круговое движение длинным посохом, и гиксосские колесничие съежились, как злые псы под кнутом. Облака разошлись шире; небо в вышине было ясное. Солнечный свет плясал на барханах и, отражаясь от них, бил в глаза, будто отраженный от листа полированной бронзы, ослепляя. Гиксосы подняли щиты или руки, чтобы защитить глаза от странного сияния, но не издали ни звука.

На вершине скалы Таита медленно описал посохом еще один круг, и наконец послышался звук: тихий, как вздох любовника, он, казалось, шел из самих небес. Головы людей вопросительно повернулись в поисках его источника.

Новое движение Таиты, и вздох превратился в шелест, тихий свист. Он шел с востока, и все головы медленно повернулись на звук.

В этом странном безоблачном спокойствии они увидели, что к ним приближается сплошная серовато-коричневая стена, которая начиналась от земли и уходила под высокий купол небес.

– Хамсин! – прошептал Трок страшное слово.

Стена летящего песка надвигалась с ужасающей неторопливостью. По ней шли волны, она пульсировала, будто живое существо, и ее голос изменился. Это больше не был шепот, он превращался во все более громкий вой, в голос демона.

– Хамсин! – Крик летел от одной колесницы к другой. Воины, желающие войны, перед лицом этого губителя людей, городов и цивилизаций, этого поедателя миров, вдруг превратились в маленькие испуганные существа.

Строй колесниц рассыпался на фрагменты: погонщики разворачивали упряжки и пытались убежать от него.

Едва колесницы съехали с узкой полоски твердой земли, песок поглотил их колеса. Солдаты выпрыгивали из колесниц, бросая их вместе с упряжками. Лошади, чуя опасность, вставали на дыбы, ржали, рвались убежать, лягаясь и стараясь вырваться из упряжи.

Хамсин неумолимо приближался. Его вой перешел в рев. Солдаты в бессмысленной панике бежали перед ним. Они скользили и падали в рыхлом песке, поднимались и бежали дальше. Оглядываясь назад, они видели, что огромная буря мчится, ревя, будто взбешенное чудовище, крутя и вздымая завесу песка, медно-желтого там, где солнечный свет освещал его, и серовато-коричневого, темного там, где его затеняли ее собственные похожие на горы вершины.

Таита стоял, вытянув руки и посох, и наблюдал, как войско под ним поглощает буря. Он видел Трока и Иштара, все еще недвижных, напоминающих в ярком солнечном свете изваяния, и затем, когда передний край бури настиг их, с волшебной стремительностью исчезли вместе со всеми своими солдатами, колесницами и лошадьми в кружащихся лавинах хамсина.

Таита опустил руки, повернулся спиной к чудовищу и не спеша стал спускаться со скалы. Его длинные ноги перешагивали трудные места, и, шагая с выступа на выступ, он опирался на посох.

Нефер и Минтака стояли, взявшись за руки, у подножия утеса. Они со смущенными лицами приветствовали его, и Минтака тихо, недоверчиво спросила:

– Вы вызвали бурю?

– Она назревала все прошедшие дни, – уклончиво ответил Таита с невозмутимым выражением. – Вы все заметили жару и желтый туман.

– Нет, – сказал Нефер. – Природа тут ни при чем. Это сделал ты. Ты все время знал и понимал это. Ты вызвал бурю. А я сомневался в тебе.

– Идите-ка в убежище, – велел Таита. – Она почти над нами. – Его слова заглушил громкий рев хамсина. Минтака первая вползла в низкую, узкую пещеру через отверстие в грубой стене. Другие последовали за ней, набившись в тесное пространство. Перед тем как войти, Хилто передал внутрь почти пустые водяные меха.

В конце концов только Таита остался вне убежища, словно бы буря была его творением. Когда она нависла над ним, его лицо было сосредоточено. Она ударила с такой силой, что скальная порода вокруг них, казалось, затряслась и задрожала, и высокая фигура Таита исчезла. Первый порыв длился всего несколько секунд, а когда он прошел, Таита все так же стоял у пещеры, спокойный и неподвижный. Буря усиливалась и ревела, будто неистовое чудовище, и когда она во всем своем ужасном величии обрушилась на них, Таита, наклонившись, вошел через отверстие и сел спиной к внутренней стене.

– Закройте его, – велел он, и Мерен с Хилто заложили вход камнями, которые они положили под рукой.

– Закройте ваши головы, – сказал Таита и обмотал лицо головным платком. – Держите глаза закрытыми, не то ослепнете. Дышите осторожно через рот, или задохнетесь песком.

Буря была столь сокрушительной, что ее первый порыв подхватил колесницу Трока и перевернул ее вместе с лошадьми, пронзительно заржавшими, когда удар дышла сломал им спины.

Трока подбросило в воздух. Он с трудом поднялся на ноги, но буря свалила его снова. Ему удалось, используя всю свою грубую силу, прийти в себя, но он начисто потерял чувство направления. Когда он попытался открыть глаза, его ослепил песок. Он не знал, в какую сторону смотрит или где искать спасения. Буря кружила, казалось, дует со всех сторон сразу. Трок больше не смел открывать глаза. Хамсин обдирал ему лицо, и резкие порывы ветра с песком стесывали кожу с его щек и губ, пока он не закрыл их головным платком.

В вихре песка и ветра Трок закричал:

– Спаси меня! Спаси меня, Иштар, и я награжу тебя сверх предела твоей алчности.

Казалось, никто не сможет услышать его крик в оглушительном шуме. Затем он почувствовал, что Иштар схватил его за руку и сильно сжал ее, давая Троку знак крепко держаться.

Они спотыкались, иногда по колени проваливаясь в песок, который бежал будто вода. Трок наткнулся на препятствие и потерял Иштара. Когда он в панике ощупью искал его, он коснулся какого-то предмета и понял, что это одна из брошенных колесниц, лежащая на боку.

Он закричал, призывая Иштара, кружась на одном месте, и вот рука Иштара схватила его за бороду и потянула. Обожженный песком, ослепленный песком, Трок тонул в песке.

Он упал на колени, и Иштар снова поднял его, вырвав клок волос из его бороды. Трок попробовал заговорить, но когда открыл рот, песок влетел туда и он задохнулся. Он знал, что гибнет и что никому не пережить ужасную бурю, которая держала их в своей власти.

Оно казалась бесконечным, это их мучительное путешествие в никуда. Затем Трок вдруг почувствовал, что ветер утихает. На минуту ему подумалось, что буря уже прошла мимо, но рев не уменьшился – наоборот, казалось, он нарастает. Они с трудом шли вперед, покачиваясь и натыкаясь друг на друга, будто пьяницы, пытающиеся довести друг друга домой из харчевни. Тем не менее сила ветра пошла на убыль. Троку смутно подумалось, что Иштар, наверное, прочитал защитное заклинание, но тут внезапный порыв ветра едва не сбил его с ног и вырвал руку Иштара из его бороды. Трок врезался в каменную стену с такой силой, что сломалась ключица.

Он упал на колени и вцепился в скалу, будто ребенок в материнскую грудь. Как Иштар привел их сюда, он не знал и не хотел знать. Имело значение только то, что утес над ними умерял силу бури. Трок почувствовал, как Иштар встал на колени рядом с ним и натянул тунику ему на голову. Затем Иштар толкнул Трока ничком в убежище за утесом и лег рядом с ним.

* * *

В крошечной пещере Нефер подполз к Минтаке и обнял ее. Он попробовал заговорить с ней, чтобы успокоить и ободрить, но их головы были обмотаны тканью, а ветер заглушал все звуки. Она положила голову ему на плечо, и они прильнули друг к другу. Ревущая темнота поглотила их, оглушила, ослепила и чуть не удушила. Каждый глоток горячего воздуха проходил через ткань, и им приходилось вдыхать понемногу, чтобы задержать влетающую в рот тончайшую песчаную пыль.

Время шло, и вот рев ветра оглушил их и притупил все чувства. Он дул, не утихая, без перерыва. Они не могли судить о ходе времени и только слабо различали сквозь закрытые веки свет и тьму. Приход дня знаменовал слабый розовый свет; когда наступала ночь, он сменялся полной темнотой. Нефер никогда не видел такой полной и бесконечной темноты. Если бы к нему не прижималось тело Минтаки, он бы подумал, что сошел с ума.

Время от времени она шевелилась и отвечала на пожатие его обнимающих рук своим пожатием. Возможно, он спал, но не видел снов, был только рев хамсина и темнота.

Очень нескоро он попробовал пошевелить ногами, но не смог. В слепой панике он подумал, что потерял власть над своим телом, что ослаб и умирает. Он повторил попытку, собрав все силы, и сумел пошевелить ступней и пальцами ноги. Затем он понял, что засыпан песком, который проникал в их убежище сквозь щели в палисадной стене. Песок поднялся уже до его талии. Их медленно погребало живьем. Мысль о такой коварной смерти наполнила его страхом. Руками он отгреб песок так, что смог двигать ногами, а затем сделал то же самое для Минтаки.

Он почувствовал, что другие в переполненной пещере делают то же самое, пытаясь бороться с песком, но тот сочился внутрь подобно воде, сыпался на них из плотных облаков клубящейся пыли.

Буря продолжала бушевать.

Два дня и три ночи ветер не ослабевал. За это время Неферу удалось сохранить незасыпанными только голову и руки. Всю нижнюю часть его тела поглотил песок. Начать откапываться он не мог – не было места, куда бы он мог передвинуть песок.

Он протянул руку вверх и коснулся каменного потолка в нескольких сантиметрах над своей головой. Пробежав по нему пальцами, он понял, что тот слегка куполообразной формы. Их головы оставались в этом маленьком пространстве, а ветер занес вход в пещеру, так что песок больше не мог проникать внутрь. Но Нефер продолжал слышать бесконечный рев бури.

Он ждал. Время от времени он чувствовал, как Минтака рядом с ним начинает тихо всхлипывать, и пытался успокоить ее, нежно сжимая объятия. Воздух, пойманный в ловушку вместе с ними в маленьком пространстве, где были их головы, стал зловонным и спертым. Он подумал, что такой воздух скоро не сможет поддерживать в них жизнь, но, должно быть, немного свежего воздуха проникало через песок, поскольку, хотя каждый вдох давался им с трудом, они все еще были живы.

Они выпили почти всю воду из мехов, оставив только ничтожное количество на дне. Затем пришла жажда. Даже при том, что они были неспособны шевелиться, а значит, расходовать влагу, горячий сухой песок и воздух высасывали ее из них. Нефер чувствовал, что его язык медленно прилипает к нёбу. Затем язык начал распухать, так что дышать стало не просто трудно, а почти невозможно из-за огромной «губки», заполнившей рот.

От страха и жажды он потерял счет времени, и ему казалось, что прошли годы. Нефер стряхнул оцепенение, медленно охватывавшее его. Он понял: что-то изменилось. Он попытался понять, в чем дело, но его ум оцепенел и погрузился в безразличие. Минтака рядом с ним была странно неподвижной. Он испуганно сжал ее и в ответ почувствовал легкую дрожь движения. Минтака все еще была жива. Они оба были живы, но погребены и способны двигать только небольшой частью своих тел.

Он почувствовал, что снова впадает в угрюмое оцепенение, в непрерывные мечты о воде, о прохладных зеленых водах великой реки, водопадах и прозрачных ручьях. С усилием он вынырнул из темноты и прислушался. И не услышал ничего. Именно это разбудило его. Не было слышно ни звука. Рев хамсина сменила глубокая тишина. «Тишина запечатанной гробницы», – подумал Нефер, и ужас охватил его в полную силу.

Он снова завозился, стараясь выбраться из песка, сумел наконец освободить правую руку, протянул ее и нащупал покрытую платком голову Минтаки. Он погладил ее и в тишине услышал ее плач. Нефер хотел заговорить, успокоить ее, но распухший язык не позволил ему сказать ни слова. Вместо этого он потянулся рукой дальше, проверяя, не удастся ли дотянуться до Хилто, сидевшего за Минтакой. Хилто то ли отодвинулся, то ли его было не достать рукой, поскольку пальцы Нефера ничего не коснулись.

Он немного отдохнул, затем вновь заставил себя пробудиться и попытался отодвинуть песок от входа в пещеру. Но сдвигать то, что он отгребал от входа, было почти некуда. По горстке он загребал песок и подталкивал в узкое пространство их крошечной кельи. Скоро он работал, вытянув правую руку до предела, сгребая понемногу песок. Это была отчаянная попытка, но он знал, что надо продолжать – или отказаться от надежды.

Вдруг он почувствовал, как песок посыпался под его пальцами, и даже через складки головного платка ощутил, как свежий воздух, не испорченный дыханием, стал просачиваться в пещеру. И заметил слабое мерцание света сквозь закрытые веки. Нефер с трудом потащил ткань со своего лица. Свет становился ярче, и воздух был сладок для его пересохшего рта и жаждущих легких. Когда лицо освободилось от ткани, Нефер приоткрыл один глаз и был почти ослеплен светом. Когда глаза привыкли, он увидел, что отрыл наружу отверстие не больше окружности, составленной из большого и указательного пальцев, но снаружи было тихо. Буря миновала.

Взволнованный, он с новой надеждой потянул ткань, закрывавшую голову Минтаки, и услышал, что девушка вдохнула свежий воздух. Он снова попробовал заговорить, но голос опять не повиновался ему. Он попытался двинуться, вырваться из смертельной хватки тяжелого песка, но его тело по-прежнему было засыпано до подмышек.

Собрав остаток сил, он молча пытался освободиться, но усилия скоро изнурили его, а горло горело и болело от жажды. Он подумал, как жестоко было бы умереть, так близко от воздуха и света, дразнящих его сквозь крошечную щель.

Он снова устало закрыл глаза, сдавшись. Ощутив следующее изменение света, он вновь открыл глаза. И с недоверием увидел, как через отверстие к нему тянется рука. Старая рука, с иссохшей кожей, покрытая темными возрастными пятнами.

– Нефер! – прозвучал голос, такой странный, такой хриплый и изменившийся, что на мгновение он засомневался – Маг ли это? – Нефер, ты слышишь меня?

Нефер хотел ответить, но не смог. Он протянул руку и коснулся пальцев Таиты. Немедленно пальцы старика обхватили их с удивительной силой.

– Держись. Мы раскопаем вас.

Затем Нефер услышал другие голоса, грубые и слабые от жажды и напряжения, и чьи-то руки стали отгребать заваливший его песок, пока наконец не смогли схватить Нефера и вытянуть на свободу из мягких смертельных объятий песка.

Нефер проскользнул сквозь узкую щель, как если бы скала родила его. Затем Хилто и Мерен опять протянули руки и вытащили из мягкой темной утробы на блестящий солнечный свет Минтаку.

Их подняли на ноги и поддерживали, чтобы не дать упасть снова, поскольку в ногах совсем не было силы. Нефер отбросил руки Мерена, качнулся к Минтаке и осторожно обнял ее. Она дрожала, будто в лихорадке. Вскоре он отстранился на расстояние вытянутой руки и с ужасом и жалостью посмотрел ей в лицо. Волосы у нее были белыми от песка, он плотно набился и в

брови. Глаза глубоко запали в фиолетовые глазницы, а губы распухли и почернели, а когда Минтака попыталась заговорить, треснули, и капли яркой, как рубин, крови потекли по ее подбородку.

– Воды, – сумел наконец выговорить Нефер. – Ей нужна вода.

Он встал на колени и начал отчаянно рыть песок, все еще заполнявший пещеру. Мерен и Хилто работали рядом с ним, и они вместе откопали мех. Вытащив его, они обнаружили, что большая часть воды, которая в нем оставалась, испарилась или ее выдавило. Оставалось лишь по несколько глотков на каждого, но и этого количества хватило, чтобы жизнь вернулась к ним. Нефер почувствовал, как сила возвращается в его обезвоженное тело, и впервые осмотрелся.

Была середина утра. Какого утра или сколько дней они были погребены, он не знал. В неподвижном воздухе, будто золотая пыль, еще висела дымка из мелкого песка.

Нефер прикрыл глаза ладонью, поглядел на пустыню и не узнал ее. Пейзаж полностью изменился: высокие барханы отодвинулись, их сменили другие, иной формы, расположенные иначе. На месте гор появились долины и лощины там, где стояли холмы. Даже краски изменились: мрачные фиолетовый и темно-синий сменились оттенками красного и золотисто-желтого.

Он с удивлением покачал головой и посмотрел на Таиту. Маг, облокотившись на посох, глядел на Нефера блеклыми, старыми, но нестареющими глазами.

– Трок? – сумел выговорить Нефер. – Где?

– Захоронен, – ответил Таита, и теперь Нефер заметил, что сам Маг также иссушен, будто хворост, и испытывает те же мучения, что и другие.

– Вода? – прошептал Нефер, прикоснувшись к своему распухшему и кровоточащему рту.

– Пойдем, – сказал Таита.

Нефер взял за руку Минтаку, и они медленно пошли вслед за Магом в медного цвета пески. Теперь наконец жажда и жара навалились и на Таиту, и он двигался медленно и скованно. Другие, пошатываясь, брели за ним.

Таита как будто бы бесцельно брел по новым долинам из тонкого песка, струящегося под ногами. Он держал посох перед собой и водил им из стороны в сторону. Один или два раза он опускался на колени и касался земли лбом.

– Что он делает? – прошептала Минтака. Воды, которую они выпили, было недостаточно, чтобы поддержать ее силы, и она снова слабела. – Молится?

Нефер только покачал головой: он не хотел тратить свои скудные силы на досужую болтовню. Таита продолжал медленно идти, и то, как он водил посохом, напомнило Неферу действия водоискателя.

Таита опять встал на колени и приблизил лицо к земле. На этот раз Нефер наблюдал за ним с бóльшим вниманием и увидел, что Маг не молился, а понюхал воздух у поверхности песка. Тогда он понял, что делает Таита.

– Он ищет засыпанные колесницы Трока, – прошептал он Минтаке. – Его посох – прут для поиска, и он вынюхивает под песком гниение.

Таита с трудом поднялся и кивнул Хилто.

– Ройте здесь, – приказал он.

Они все прошли вперед и принялись ладонями отгребать в стороны рыхлый песок. Им не пришлось копать глубоко. На глубине вытянутой руки они наткнулись на что-то твердое, удвоили усилия и быстро откопали обод колеса лежавшей на боку колесницы. Еще несколько минут неистового рытья, и они вытащили водяной мех. И уставились на него в отчаянии, потому что он был разорван, возможно, когда опрокинулась колесница. Хотя они отчаянно давили на него, им не удалось получить ни капли драгоценной жидкости.

– Должен быть второй, – проговорил Нефер сухими распухшими губами. – Ройте глубже.

Они стали царапать песок в последнем отчаянном приливе сил, и, чем глубже становился раскоп, тем сильнее и тошнотворнее делалась вонь, идущая от мертвых лошадей упряжки. Все эти дни лошади лежали на жаре.

Нефер сунул руку глубже в яму и вдруг нащупал что-то мягкое и податливое. Он нажал, и все услышали бульканье и плеск воды. Он еще раз отодвинул в сторону рыхлый песок, и они вместе достали раздутый водяной мех. Они бормотали и стонали от жажды, пока Таита, вытащив пробку, лил воду в кожаное ведро, лежавшее около мехов на дне раскопа.

Вода была теплая как кровь, но когда Таита поднес ведро к губам Минтаки, она закрыла глаза и с тихим наслаждением стала пить.

– Не слишком много для начала, – предупредил Таита, забрал у нее ведро и передал его Неферу. Они пили по очереди, затем Минтака снова попила, и ведро вновь прошло по кругу.

Тем временем Таита оставил своих спутников, чтобы продолжить поиски. Немного погодя он снова позвал их рыть. В этот раз им повезло: колесницу занесло меньшим количеством песка, в ней было три меха, и ни одного поврежденного.

– Теперь для лошадей, – сказал им Таита, и они виновато переглянулись. В своей отчаянной заботе они забыли о животных. Взяв мехи, они потащились по песку обратно к подножию утеса.

Узкий овраг, где они привязали лошадей, вероятно, лежал так, что избежал всей мощи хамсина. Начав копать деревянной лопатой, найденной среди снаряжения засыпанной колесницы, они почти сразу отыскали первую лошадь. Однако сильный запах предупредил их, чего ожидать. Животное было мертво, и его живот раздули газы. Они оставили его и стали откапывать следующую лошадь.

На этот раз им повезло больше. Это была кобыла, самая послушная и крепкая из тех лошадей, которых они захватили около зыбучих песков, живая – но только едва. Они обрезали повод, удерживавший ее, но кобыла была слишком слаба, чтобы подняться на ноги без посторонней помощи. Все вместе они подняли ее. Она стояла, слабая и дрожащая, покачиваясь и едва не падая, но жадно пила из ведра, которое держала перед ней Минтака, и казалось, что ей становится лучше.

Тем временем другие откапывали остальных лошадей. Еще две погибли от жажды или от удушья, но две другие были еще живы и тоже сразу ожили, когда им дали воду.

Оставив Минтаку заниматься тремя ослабевшими лошадьми, они вернулись к откопанным колесницам, чтобы найти корм для лошадей. Назад они вернулись с мешками зерна и еще одним мехом.

– Ты хорошо обращаешься с ними, – сказал Нефер Минтаке, поглаживая шею кобылы, – но, боюсь, они слишком ослабли, чтобы тянуть колесницу.

Она сердито накинулась на него:

– Я выхожу их всех, клянусь богиней. Там, под песком, должны быть еще сотни мешков корма и мехи. Нам, наверное, придется еще долго пробыть здесь, но, когда нам придет пора уезжать, эти прекрасные животные повезут нас.

Нефер засмеялся сквозь растрескавшиеся, покрытые струпьями губы.

– Меня очень пугает ваша страстность.

– Тогда больше не искушайте меня, – предупредила она, – или получите тому еще больше доказательств. – Она улыбнулась, впервые с тех пор, как прошел хамсин. – Ну, возвращайтесь, чтобы помочь другим. Вряд ли у нас слишком много воды.

Он оставил ее и отправился в пески, где Таита продолжал поиски колесниц. Не все гиксосские колесницы были засыпаны песком так же неглубоко, как те, что они нашли вначале. Многие были скрыты навсегда под высокими новыми барханами.

Продолжая поиски, они все дальше отодвигались от скалы. Под песком они нашли много раздувшихся зловонных тел.

Вскоре они оказались там, где их не было слышно оттуда, где Минтака ухаживала за лошадьми, будто конюх.

Исчезновение всех звуков пробудило Трока, и он со стоном попробовал пошевелиться. Песок удушающе давил на него. Казалось, он сокрушал ребра и выдавливал воздух из легких. Однако Трок знал, что место, которое Иштар выбрал для них, чтобы пережить бурю, случайно или по замыслу оказалось хорошим. В любом другом месте их, возможно, похоронило бы навсегда. Здесь он смог держаться близко к поверхности. В прошедшие дни, когда над ним наросли слои нанесенного песка и их вес стало невозможно выдержать, он сумел выползти повыше, оставив над собой только слой, достаточный для защиты от могучей обдирающей силы хамсина.

Теперь Трок стал пробиваться к свету и воздуху, будто ныряльщик, поднимающийся из глубин бездонной заводи. Он с трудом всплывал через песок, а его поврежденное плечо мучительно горело. Он продолжал пробиваться наверх, пока его голова, все еще обмотанная складками ткани, не вырвалась на свободу. Он размотал повязку и замигал на слепящем свету. Ветер улегся, но воздух светился от мелких частиц висящей в нем пыли. Некоторое время Трок оставался в таком положении, пока боль в плече немного не уменьшилась. Затем он отодвинул слой песка, по-прежнему покрывавший нижнюю часть его тела, и попытался позвать:

– Иштар! Где ты?

Но его голос оказался невнятным хрипом. Он медленно повернул голову и увидел Мидийца, сидящего рядом с ним спиной к утесу. Он походил на выкопанный труп человека, умершего много дней тому назад. Затем Иштар открыл здоровый глаз.

– Вода? – Голос Трока был едва слышен, но Мидиец покачал головой. «Значит, мы пережили бурю лишь для того, чтобы умереть в этой же могиле», – хотел сказать Трок, но из его пересохшего горла и рта не вырвалось ни звука.

Он полежал еще немного и почувствовал, что все инстинкты выживания исчезают под медленным наплывом истощения и смирения. Было бы намного легче просто закрыть глаза и уплыть в сон, чтобы никогда не проснуться вновь. Эта мысль подстегнула его, и он заставил себя разлепить покрытые коркой веки, оцарапав песчинками глазные яблоки.

– Воды, – сказал он. – Найди воду.

Используя утес как опору, он с трудом поднялся и стоял, покачиваясь, прижав бесполезную руку к груди.

Иштар смотрел на него, и его слепой глаз походил на глаз рептилии или трупа. Трок как пьяный пошел вперед, через каждые несколько шагов ударяясь об утес, двигаясь вдоль основания скалы, пока не смог взглянуть на пустыню. Барханы, чистые и без изъянов, были изящно изогнуты, как тело прекрасной молодой девушки.

Не было ни следа людей или колесниц. Его боевые подразделения, лучшие во всем Египте, исчезли без следа. Трок попробовал облизнуть губы, но в пересохшем рту не было слюны. Он почувствовал, как подкашиваются ноги, и понял, что если упадет, то никогда не поднимется снова. Опираясь о каменную стену, он пошел дальше, пошатываясь, не зная, куда идет, и не думая ни о чем, кроме одного: не останавливаться.

Затем он услышал человеческие голоса и понял, что у него галлюцинации. Снова наступила тишина. Он прошел еще несколько шагов, остановился и прислушался. Голоса зазвучали снова. На этот раз они были ближе и звучали более ясно. Трок неожиданно ощутил, как сила вновь

потекла в его тело, но когда попробовал крикнуть, из выжженного горла не вырвалось ни звука. Снова наступила тишина. Голоса затихли.

Он опять двинулся вперед, но внезапно остановился. Он услышал женский голос, в этом не было никакой ошибки. Мелодичный, чистый голос.

«Минтака», – тихо сорвалось с его распухших губ. Затем послышался другой голос. На этот раз мужской. Трок не смог разобрать слова или узнать говорящего, но если тот был с Минтакой, это наверняка был один из беглецов, которых преследовал Трок. Враг.

Трок посмотрел на себя. Портупея пропала вместе с мечом. Он был безоружен, одет только в тунику, в ткань которой набилось так много песка, что она терла кожу, будто власяница. Он огляделся в поисках оружия, палки или камня, но ничего не увидел. Осыпавшиеся сверху камни скрывал песок.

Он стоял в нерешительности, и голоса послышались снова. Минтака и мужчина были в овраге среди камней. Пока он продолжал колебаться, он услышал, как песок скрипит, будто кристаллы соли, под чьими-то ногами. Человек шел по оврагу туда, где стоял Трок.

Трок прижался спиной к каменной стене, и из устья оврага, в двадцати шагах от того места, где прятался Трок, появился мужчина. Незнакомец решительным шагом направился в барханы. Он явно был ему знаком, но узнавание ускользало от Трока, пока мужчина не повернулся и не крикнул в овраг:

– Не слишком утомляйтесь, Минтака. Вы прошли через суровое испытание. – Затем он продолжил путь.

Трок разинул рот, глядя на него. «Он мертв, – подумал он. – Это не может быть он. Наг недвусмысленно передал...» Наблюдая за тем, как молодой человек уходит в пустыню, он обдумал, не мог ли джинн или какой-нибудь злой дух принять обличье молодого фараона Нефера Сети? Затем, замутненными песком глазами он увидел, как тот присоединился к трем другим, среди которых была мгновенно узнаваемая фигура Мага, который, как понял Трок, и воскресил каким-то странным и удивительным способом Нефера Сети. Но сейчас он не имел ни времени, ни желания обдумывать это. В его мозгу вертелась только одна мысль – мысль о воде.

По возможности скрытно, он пополз вперед к ложбине, где слышал голос Минтаки, и выглянул из-за скалы. Сначала он не узнал жену: она была грязная, как крестьянка. Волосы и изодранная туника – жесткие от песка, и глаза ввалились и налились кровью. Она стояла на коленях перед табунчиком лошадей, держа ведро с водой для питья.

Трок не мог думать ни о чем, кроме воды. Он слышал ее запах, и жаждал ее всем своим существом. Пошатываясь, он пошел к Минтаке. Он подходил сзади, а мягкий песок глушил звук его шагов, и Минтака заметила его, только когда он схватил ее за руку. Она обернулась, увидела его и закричала. Он выхватил из ее рук ведро и сбил ее на песок. Так как его рука была бесполезна, он встал коленями ей на поясницу, чтобы придавить, пока пьет.

Он выхлебал воду большими глотками, прополоскал горло, рыгнул и стал пить снова. Минтака корчилась под ним, крича:

– Нефер! Таита! На помощь!

Трок снова рыгнул, вдавил ее лицо в песок, чтобы заглушить крики, и проглотил последние капли из ведра. Затем огляделся, все еще присев над ней, будто лев над добычей. Он увидел мех у стены оврага и копья и мечи, сложенные около него.

Он быстро встал и направился к ним. Минтака тотчас попыталась вскочить, но он сбил ее пинком.

– Не надейся, сука, – прохрипел он, схватил прядь ее густых, забитых песком волос и поволок ее за собой по песку. Когда он смог наконец дотянуться до мехов, ему пришлось отпустить Минтаку. Он опять поставил огромную, обутую в сандалию ногу ей на спину, взял мех и

зажал его между коленями, вытаскивая деревянную пробку. Затем поднял горлышко к губам, и в его горло потек теплый солоноватый поток.

Хотя Минтака лежала ничком на песке, она поняла, что Трок поглощен удовлетворением жажды. Ей следовало действовать, прежде чем он придет в себя и перенесет свое полное внимание на нее. Она знала, что он услышал больше оскорблений, чем мог перенести, и сейчас убьет ее, не позволив ей сбежать от него снова.

В отчаянии она потянулась к оружию, собранному у каменной стены. Ее пальцы сомкнулись на древке копья. Трок все еще пил, запрокинув голову, но он почувствовал ее движение и опустил мех как раз тогда, когда Минтака изогнулась, чтобы нанести удар ему в живот или в пах коротким, но смертельным оружием. Однако она целилась, распростертая под ним, и удару недоставало силы.

Трок увидел яркий короткий блеск бронзового острия и, испуганно вскрикнув, отскочил.

– Подлая предательница! – Он бросил мех и кинулся на нее, но в тот миг, когда он перестал придавливать ее, Минтака вскочила. Она попыталась проскользнуть мимо Трока и выбежать из оврага в открытую пустыню, но он преградил ей путь, протянул длинную руку и схватил за полу туники. Однако девушка отпрыгнула в сторону. Полотно в его пальцах порвалось, и она увернулась от него, но оставалась запертой в овраге как в ловушке.

Он тяжело двинулся к ней, но Минтака подбежала к стене утеса и полезла на него, гибко и быстро, как кошка. Прежде чем Трок сумел поймать ее, она оказалась вне его досягаемости. Она поднималась быстро, и нечего было надеяться догнать ее. Подобрав оброненное Минтакой копье, он швырнул его в жену, но левой рукой, поэтому в броске было мало силы.

Минтака пригнулась, и копье пролетело над ее головой и ударилось в камень перед ее лицом. Она полезла быстрее, подгоняемая страхом. Трок пошел туда, где было сложено остальное оружие, и схватил другое копье. И бросил снова. Копье ударило в скалу в ладони от нее.

Трок взревел от ярости и разочарования и схватил третье копье, но Минтака уже достигла выступа на утесе и вползла на него, скрывшись из виду. Она лежала на уступе, прижавшись к скале, и слушала, как Трок бранится. Даже в ее бедственном положении грязные слова, которые он кричал ей, вызывали у нее отвращение.

Затем над уступом, где она лежала, мелькнуло другое копье и загремело о камень над ней. Оно упало вниз, на уступ, и Минтака схватила его, прежде чем оно свалилось на землю в овраг. Она выглянула за край уступа, готовая отпрянуть.

Трок смотрел на нее нерешительно, поврежденная рука висела. Когда он увидел Минтаку, его лицо исказилось от гнева и боли, причиняемой раной, и он двинулся вперед, будто намереваясь подняться наверх, к ней.

Она показала ему острие копья.

– Да, поднимайся, – прошипела она, – и дай мне воткнуть его в твое брюхо, боров!

Он остановился. Ему предстояло подниматься и защищаться, пользуясь только одной рукой. Он видел, что ее угроза не пустая болтовня. Пока он колебался, Минтака снова начала кричать:

– Нефер! Таита! Хилто! Помогите!

Ее голос отражался от утеса и разносился по оврагу. Трок боязливо оглянулся, как будто ожидая увидеть бегущих к нему вооруженных врагов. Внезапно он принял решение и вскинул мех на плечо.

– Не думай, что всякий раз сможешь ускользать от меня. Однажды я отведаю все прелести твоего тела, а потом отдам тебя для забавы солдатам, – крикнул он. Затем он попытался сесть на кобылу, но та была все еще слишком слаба, чтобы выдержать его вес, и рухнула.

Трок поднялся на ноги и тяжело зашагал к выходу из оврага.

Минтака боялась, что его уход – уловка. Не осмеливаясь спуститься с уступа, она отчаянно кричала:

– Нефер! На помощь!

Она продолжала кричать, когда Нефер примчался к ней по скалистому оврагу с мечом в руке. Хилто и Мерен бежали следом.

– Что случилось? – спросил Нефер, когда она соскользнула с утеса в его объятия.

– Трок! – Она рыдала от облегчения, ощутив, что он крепко держит ее. – Трок жив. Он был здесь.

Она торопливо рассказала о том, что случилось, и, прежде чем она закончила, Нефер отдал приказ вооружиться и приготовиться к преследованию Трока.

Вернулся Таита. Он остался с Минтакой, а трое мужчин пошли по следам Трока в песке так осторожно, будто выслеживали раненого льва. Они шли вдоль основания утеса, пока не достигли расселины, где Трок переждал ярость хамсина. Нефер осмотрел истоптанный песок и расшифровал следы.

– Их двое, – сказал он. – Их занесла песком буря, как и нас. Затем они откопались. Один ждал здесь. – Он подобрал шерстяную нить, зацепившуюся за скалу, и посмотрел на нее на свету.

– Черный. – Одежду такого цвета египтяне носили редко. – Почти наверняка Мидиец.

Хилто соглашаясь кивнул.

– Иштар мог применить колдовство, чтобы пережить бурю. Очевидно, это он спас Трока, как Таита – нас.

– Вот. – Нефер остановился и указал на след. – Взяв мех с водой, Трок вернулся, чтобы найти Мидийца, и они пошли здесь.

Они немного прошли по следам в пустыню.

– Они ушли на запад. Назад к Аварису и Нилу. Удастся ли им дойти?

– Нет, если я догоню его, – сказал мрачно Нефер и поднял копье.

– Великий. – Хилто был почтителен, но тверд. – У них есть мех, и они вышли раньше. Сейчас они далеко отсюда. Вы не должны преследовать их без воды.

Нефер колебался. Хотя он понимал здравость сказанного Хилто, его очень сердило, что он позволит Троку спастись. Из того, что рассказала ему Минтака, он знал, что Трок ранен и не будет слишком опасным противником, пусть даже сам Нефер все еще был слаб.

Наконец он повернул в сторону и вбежал на вершину ближайшего бархана. Прикрыв глаза рукой, он стал смотреть на запад, вдоль вереницы шагов на чистом, подметенном ветром песке, пока в половине лиги или больше не разглядел две крошечные фигуры, уверенно двигающиеся на запад. Он с яростью глядел на них, пока они не исчезли в дрожащем мареве жары.

– Будет другой случай, – прошептал Нефер. – Я приду за тобой. Клянусь сотней священных имен Гора.

Они нашли и раскопали еще шестнадцать из захороненных колесниц. Благодаря такому изобилию воды и продовольствия лошади и люди стремительно поправлялись. Кроме того, они раскопали еще много погибших солдат Трока. С них они могли снять одежду. Нефер подобрал Минтаке, чьи стертые ступни почти полностью зажили, пару сандалий, почти подходящих по размеру.

На десятый день они были готовы отправиться в путь. Четыре выживших лошади не были достаточно сильны, чтобы тянуть колесницы по рыхлому песку, поэтому Нефер решил использовать их как вьючных животных, и их нагрузили таким количеством воды, какое они могли нести.

В сумерках, ведя лошадей, они вышли в барханы. Хотя кобыла не могла нести вместе с грузом еще и Минтаку, Нефер обвязал ей спину кожаным ремнем и настоял, чтобы Минтака держалась за него, помогая себе идти по мягкому песку.

Хамсин изменил пейзаж так сильно, что Таите пришлось выбирать дорогу по звездам. Они продолжали уверенно идти всю ночь и следующую тоже. На рассвете второго дня они достигли старой караванной дороги. Она была местами занесена хамсином, но свет быстро прибывал, и они увидели пирамидку из камней, отмечавшую перекресток впереди.

Они обнаружили, что после бури кто-то уже побывал на дороге. Две пары следов тянулись по ней на запад, обратно к Нильской долине и Аварису. Следы одной пары ног были больше, другой – меньше. Таита и Нефер тщательно осмотрели их.

– Это следы Трока. Ни у кого больше нет таких ног размером с нильскую барку. Минтака была права. Он ранен, в правую сторону. Он оберегает ее во время ходьбы, – читал Таита следы. – Пока я еще не могу точно сказать, кто был второй. Давайте посмотрим, не оставил ли он какую-нибудь подсказку насчет того, кто он. – Они дошли по следам до пирамиды из камней.

– А! Вот! – На песке рядом с пирамидой кто-то недавно составил сложный узор из камней. – Теперь сомнений нет, это – Иштар Мидиец. – Таита сердито разбросал камни. – Это было обращение к его грязному Мардуку – Пожирателю. – Он запустил один из меньших камней вдоль дороги, по которой ушли Трок и Иштар. – Будь у Иштара с собой младенец, он, вероятно, принес бы его в жертву. Мардук жаждет человеческой крови.

Здесь, у пирамиды из камней, Неферу следовало принять трудное решение.

– Если мы отправимся в долгое путешествие на восток, нам понадобятся припасы и золото. Нам не пристало прибывать ко двору ассирийца нищими изгоями.

Таита кивнул.

– В Египте есть много могущественных людей, которые предоставили бы нам полную поддержку, если бы только могли убедиться, что их фараон все еще жив.

– Хилто и Мерен должны возвратиться в Фивы, – сказал Нефер. – Я бы пошел сам, но весь мир будет искать Минтаку и меня. – Он снял с пальца одно из своих царских колец и вручил его Хилто.

– Это будет твоим опознавательным знаком. Покажи его нашим друзьям. Вы должны вернуться с людьми и золотом, колесницами и лошадьми. К царю Саргону нам следует прибыть с некоторой пышностью, чтобы показать ему, какой поддержкой мы все еще пользуемся в Египте.

– Я сделаю, как вы приказываете, великий.

– Почти так же жизненно необходима для нас разведка. Нужно собирать новости. Мы должны знать о каждом шаге ложных фараонов.

– Я отправлюсь, когда стемнеет, фараон, – согласился Хилто.

Они провели этот долгий жаркий день, лежа в тени шатра, взятого с одной из занесенных песком колесниц, и обсуждая свои планы. Когда солнце спустилось к горизонту и начало ослаблять свой жар, они расстались. Хилто и Мерен отправились на запад, к Фивам, а Таита, Нефер и Минтака пошли на восток.

– Мы будем ждать вас в руинах Галлалы, – на прощание сказал Нефер Хилто. Провожаемые взглядом троих остающихся, Хилто с Мереном вышли на главную дорогу и исчезли в надвигающемся сумраке.

Таита, Минтака и Нефер пошли по караванной дороге к Галлале. Двенадцать дней спустя, когда в мехах оставалось лишь несколько капель воды, они вышли к пустынным руинам.

Недели превратились в месяцы, а они продолжали ждать в Галлале. Таита проводил все дни в холмах, окружающих город. Нефер и Минтака мельком видели его вдалеке – он бродил по

долинам и крутым оврагам. Часто они видели, как он постукивал посохом по камням и тыкал в них. В другое время он сидел около почти высохших колодцев за городскими стенами, вглядываясь в их глубину.

Когда Нефер спросил, что он делает, ответ Таита дал сдержанный и уклончивый.

– Войску нужна вода, – вот все, что он сказал.

– Воды здесь едва хватит для нас, – возразил Нефер, – какое уж тут войско.

Таита кивнул, поднялся и ушел в холмы, постукивая посохом о камни.

Минтака устроила для них среди руин жилище, и Нефер поставил над ним изодранный шатер. Наследницу царского рода гиксосов, Минтаку никогда не заставляли готовить пищу или подметать в комнате, поэтому ее первые попытки на этом поприще были неудачны. Жуя подгоревшую еду, Таита заметил:

– Самым действенным способом уничтожить войско Трока было бы подослать вас в качестве повара.

– Если вы так искусны, тогда, возможно, вы могли бы удостоить нас плодов своего великого кулинарного искусства.

– Делать нечего – не то придется голодать, – согласился Таита и занял место у очага.

Нефер вернулся к своей прежней роли охотника и, проведя день в пустыне, вернулся с жирной молодой газелью и четырьмя большими яйцами дрофы, покрытыми удивительными узорами и лишь слегка испорченными. Минтака понюхала свою долю омлета, приготовленного Таитой, и отодвинула.

– Это приготовил тот самый человек, что жаловался на мои блюда? – Она посмотрела через огонь на Нефера. – Вы виноваты не меньше, чем он. В следующий раз я пойду с вами, чтобы точно знать: вы принесете что-то съедобное.

Они лежали рядом в одной из мелких вади, прорезавших холмы, и наблюдали за стадом пасущихся газелей, двигавшимся в их сторону.

– Они изящны как феи, – прошептала Минтака. – Такие красивые.

– Буду стрелять я, если вас мучает совесть, – сказал Нефер.

– Нет. – Она покачала головой. – Я не говорила, что отказываюсь стрелять. – Ее голос звучал решительно, а Нефер уже знал ее достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в ее решимости.

Стадо вел самец. Его спина была нежного оттенка корицы, низ живота – серебристо-белый, как у грозовой тучи, поднимающейся над горизонтом. Рога, повторявшие форму лиры, с внутренней стороны были отполированы стоящими, воронкообразными ушами. Он повернул голову на длинной изогнутой шее и пристально поглядел на свое маленькое стадо. Один из ягнят начал подпрыгивать на негнущихся ногах, почти касаясь носом своих копыт с пучками шерсти над ними. Это был сигнал тревоги.

– Малыш просто упражняется и хвастается, – улыбнулся Нефер.

Самец потерял интерес к этой юношеской затее и двинулся дальше, туда, где они лежали в засаде. Он выбирал дорогу на каменистой земле с обычным изяществом, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы осторожно осмотреться, нет ли опасности.

– Он не увидел нас, но скоро заметит, – прошептал Нефер. – С нами нет Таиты, чтобы обмануть его.

– Стрела не долетит, – шепнула в ответ Минтака.

– Пятьдесят шагов, не больше. Стреляйте, или он сейчас убежит.

Минтака ждала. Вот самец снова повернул голову в сторону. Минтака медленно поднялась на колени и натянула лук. Это был один из коротких выгнутых луков, которые они забрали с засыпанных колесниц. Она пустила стрелу, и та по пологой дуге взлетела в бледное небо пустыни.

Самец газели своими огромными темными глазами немедленно углядел еле заметное движение вверх. Повернув голову, он уставился на стрелу, стоя на линии полета. Услышав звон тетивы, он прыгнул вперед. Стрела все еще была в воздухе. Он убегал, крошечные клубы пыли поднимались там, где его копыта коснулись земли. Стрела звякнула о камни там, где он стоял мгновение назад. Минтака вскочила и, глядя, как самец бежит, засмеялась, не выказывая никакого огорчения из-за того, что промахнулась.

– Смотрите, как бежит, будто ласточка полетела.

Таита учил Нефера, что истинный охотник любит и почитает свою добычу, и теперь фараон еще больше восхищался Минтакой из-за ее сострадания существам, на которых она охотилась. Она повернулась к нему, продолжая смеяться:

– Мне жаль, сердце мое. Этой ночью вы ляжете спать голодным.

Они наперегонки побежали за упавшей стрелой. В самом начале Минтака вырвалась вперед и добежала до цели первой. Она наклонилась, чтобы поднять ее, и подол ее короткого изодранного набедренника взлетел вверх. Ее бедра были гладкими и коричневыми, а ягодицы – совершенно круглыми, с бледной незагорелой кожей там, где солнце никогда не касалось их, блестящими, как драгоценный восточный шелк.

Она выпрямилась и, быстро обернувшись, заметила выражение его глаз. Хотя она была девственницей и несведущей в чувственности, ее женские инстинкты уже полностью расцвели. Она увидела, какую страсть разбудило в Нефере ее невинное движение, и это взволновало и ее. Увидев, как он желает ее, она сама захотела его с такой силой, что ей стало больно. Она ощутила, как ее чресла тают от любви к нему, истекают душистым и вязким соком, будто соты, оставленные на жаре полуденного солнца.

Минтака робко качнулась к нему, но Нефер почувствовал горячий стыд от чувственного желания, вновь почти поглотившего его. Он помнил данное ей обещание.

– Я скорее умру, чем нарушу свою клятву и навлеку на вас позор, – сказал он и, вспомнив это, заставил себя отвернуться. Руки у него дрожали, а голос был хриплым, когда он сказал, отведя глаза: – Я знаю, где есть другое стадо, но нам нужно поспешить, если мы хотим найти его засветло. – Он пошел не оглядываясь, и Минтака почувствовала себя брошенной. Она больше всего на свете хотела ощутить его объятие, крепкое молодое тело, прижавшееся к ней.

Быстро успокоившись, она пошла за ним, пытаясь прогнать странные чувства, которые почти поглотили ее, но это оказалось не так легко. Догнав его, она быстро пошла в нескольких шагах позади.

Разглядывая его спину, любуясь тем, как густые темные кудри подрагивают на плечах, она задавалась вопросом, насколько шире стали его плечи с тех пор, как она встретилась с ним впервые. Затем ее взгляд скользнул ниже, и она почувствовала, как запылали ее щеки, когда она стала смотреть на его ягодицы, двигающиеся под тонким материалом короткой туники. Она наслаждалась восхитительным чувством стыда, вызванного собственной похотью.

Очень быстро они дошли до края длинной вади, рассекавшей горы. Нефер обернулся, чтобы посмотреть на Минтаку, и чуть не увидел, как она рассматривает его тело. Она подняла глаза как раз вовремя.

– Здесь в нижней части утеса есть сотни старых гробниц. Я впервые увидел их, когда мой отец привез меня по этому пути, прямо перед тем, как его... – Он замолчал, опечаленный памятью о последнем дне, проведенном с Тамосом.

– Чьи это гробницы? – спросила она, желая отвлечь его от чего-то столь болезненного.

– Таита говорит, им тысяча лет, они времен Хеопса и Хефрена, тех, кто построил великие пирамиды в Гизе.

– Тогда они, должно быть, почти ровесники самому Магу. – Она улыбнулась, и Нефер засмеялся.

– Вы когда-нибудь осматривали их? – спросила она.

Он покачал головой.

– С тех пор как мы впервые приехали сюда, я часто думал об этом, но никак не удавалось.

– Давайте посмотрим сейчас, – предложила Минтака.

Он заколебался.

– Нам понадобятся веревки и лампы. – Но она уже спускалась с утеса, и ему пришлось последовать за ней.

У подножия утеса они скоро обнаружили, что большинство гробниц – вне их досягаемости. Они помещались высоко на крутом боку утеса, а под ними зияла грозящая гибелью пропасть.

Через некоторое время Нефер заметил отверстие, до которого, похоже, они могли добраться. Они влезли на участок, где утес обрушился, и добрались до узкого выступа. Затем осторожно пошли по нему, Нефер впереди. Он достиг темного отверстия и наклонился, чтобы заглянуть внутрь.

– Конечно, ее охраняют духи мертвых. – Он хотел притвориться, что шутит, но Минтака почувствовала его тревогу, и это подействовало на нее.

– Конечно! – пошутила она в ответ, но за спиной сделала знак против зла.

– Здесь очень темно, – задумчиво проговорил Нефер. – Нужно вернуться завтра с масляной лампой.

Минтака поглядела за его плечо. Короткий коридор под небольшим углом уходил вверх в твердую скалу. Даже по прошествии столетий на стенах все еще были ясно видны гравюры.

– Посмотрите. – Минтака коснулась одной из них. – На этой картине жираф, а на этой – мужчина.

– Да, – Нефер усмехнулся, – и очень дружелюбный при этом. Тут невозможно ошибиться.

Она притворно выразила негодование, но не смогла скрыть улыбку. Древний художник снабдил фигуру огромным напряженным членом.

– Вот. – Она продвинулась дальше в проход. – Здесь письмена. Интересно, что они означают.

– Никто никогда не узнает, – сказал Нефер и шагнул мимо нее. – Ключ к этому древнему письму давно утерян. Нам пора возвращаться.

Пол был покрыт слоем нанесенного ветром мягкого песка. В двух шагах от них глубины шахты скрывались в зловещей темноте.

– Мы можем заглянуть немного дальше, – заупрямилась Минтака.

– Вряд ли это хорошая мысль.

– Вот. – Она протиснулась мимо Нефера. – Позвольте мне идти первой.

– Подождите! – Он попытался задержать ее, но она засмеялась и вырвалась. Он положил руку на рукоятку кинжала и пошел за девушкой, пристыженный ее храбростью и собственным сопротивлением.

Мрак сгущался с каждым шагом, и наконец даже Минтака остановилась и тревожно поглядела вперед. Нефер наклонился, подобрал с песчаного пола кремневый осколок и бросил его ей за плечо в темное пространство шахты. Кремень загремел о каменные стены.

– Пусто, – сказала Минтака в наступившей тишине, но прежде чем успела сделать еще шаг вперед, в темноте впереди что-то зашевелилось. Они услышали шелест, усиливающийся в узком пространстве, замерли и уставились в темноту. Послышался пронзительный визг, на который немедленно ответил целый хор, шелест превратился в стремительно надвигающийся шум, и из темноты прямо на них вылетело пищащее, трепещущее облако быстрых силуэтов, чьи крылья стегали по их испуганным лицам.

Минтака закричала, развернулась, бросилась к Неферу и обеими руками обхватила его за шею. Он обнял ее, крепко прижал к себе и потянул на песчаный пол.

– Летучие мыши, – сказал он. – Это всего лишь летучие мыши.

– Я знаю! – сказала она, чуть дыша.

– Они не могут навредить вам.

– Я знаю. – Ее голос прозвучал более спокойно, но она не сделала никакой попытки снять свои руки с его шеи. Он прижался лицом к ее густым, пружинящим волосам. От них шел сильный аромат свежескошенной травы.

У нее вырвался тихий стон; она уткнулась лицом в шею Нефера и стала нежно тереться о нее.

– Минтака, – он попытался осторожно отодвинуть ее, – я дал вам слово, что это не повторится.

– Я освобождаю вас от этого обещания. – Голос Минтаки был едва слышен. Она подняла свое лицо к лицу Нефера. Ее дыхание было теплым и душистым, а губы, нежные и полные, дрожали, как будто она собиралась заплакать. – Я хочу быть вашей женой так, как никогда ничего не хотела в жизни.

Он подался вперед и прижался губами к ее губам. Они были влажными и такими горячими, что, казалось, обжигали. Он потерялся в них. Минтака чувствовала только его объятия. Все еще целуя ее, он обследовал кончиками пальцев выступы, округлости и равнины ее спины. И прощупал линию позвоночника, будто нить жемчуга, лежащую между крепкими мускулами.

Положив руку ей на пояс, Нефер почувствовал изгиб ее талии, вызывающий в памяти драгоценную керамическую вазу. Затем он протянул руки ей за спину и обоими руками сжал ягодицы, удивляясь их симметрии и упругой крепости.

Она подалась бедрами вперед, навстречу его бедрам, и Нефер плотнее прижал ее к себе. Он почувствовал, что его чресла набухли и напряглись, и попытался выгнуть спину, чтобы скрыть это от Минтаки. Она издала слабый звук протеста, запрещая ему отодвигаться, и пошевелилась над ним, радуясь этому доказательству его возбуждения, тому, как сильно он хотел ее.

Она мимолетно вспомнила о Троке, старающемся впихнуть в нее свою чудовищную, покрытую синими жилами штуку, но этот неприятный эпизод не имел никакого отношения к тому, что происходило здесь. Без всяких усилий это воспоминание было вычеркнуто из ее памяти.

Она почувствовала, как пальцы Нефера медленно бегут вниз по расселине между ее ягодицами, и сосредоточилась на этом ощущении, изумляясь своим чувствам и тому, как это отозвалось в набухших сосках ее грудей и в ее тайных глубинах.

– Трогайте меня, – проговорила она ему в губы. – Да! Трогайте меня. Прижмите меня. Гладьте меня. Любите меня.

Ощущения смешались так, что казалось, будто они окутали каждое ее волокно, каждую частицу ее мозга и тела. Наконец Нефер прервал поцелуй, и Минтака почувствовала, как его губы прижались к ее голому плечу. Она инстинктивно поняла, что ему нужно, раскрыла переднюю часть туники и достала одну грудь. Она была тяжелой в ее руке, с набухшим болезненным соском. Она вплела пальцы другой руки в густые вьющиеся волосы на затылке Нефера и поднесла сосок к его губам. Когда он стал сосать, будто голодный младенец, она почувствовала, как глубоко в ее животе что-то сократилось и сжалось, и с удивлением поняла, что это была ее матка.

Она осторожно заменила одну грудь на другую, и чувство не только не ослабло, но стало еще сильнее.

Ошеломленная удовольствием, Минтака почувствовала, что его пальцы поднимают переднюю часть ее набедренника и возятся с завязкой. Она раздвинула ноги, чтобы ему было легче дотянуться до нее, и свободной рукой помогла развязать узел на своем бедре. Ткань упала, и воздух гробницы опахнул прохладой ее голые ягодицы и живот.

Нефер погладил жесткие кудри, покрывавшие ее лоно, нашел разбухшие губы, которые выступали из щели, и осторожно раздвинул их дрожащими пальцами. Минтака вскрикнула, будто от боли, неосознанно раздвинула полы его набедренника и протянула руку, чтобы найти его.

Пораженная его толщиной, она обхватила его большим и указательным пальцами. Он дернулся в ее руке будто живое существо, и она захотела посмотреть на него. Не отпуская, она отодвинула его назад так, чтобы увидеть внизу, между их телами.

– Он такой красивый, – выдохнула она, – такой гладкий, такой сильный.

Затем она снова поцеловала Нефера и, прижимаясь губами к его губам, упала на спину и потянула его к себе на живот, раздвинув бедра, приглашая, ощущая недостаток его опыта. Ею владело материнское чувство – и чувство обладания. Неопытная сама, она вела его, ощущая, как он скользит по ней, переполненный желанием, исследуя вход в нее саму. Она изменила наклон бедер, и он глубоко вошел в нее, животом прижавшись к ее животу, наполнил ее, и наконец она ощутила, что он может расколоть ее на части, и торжествующе закричала от сладостно-горькой боли.

Он скакал на ней, будто мчащийся жеребец, а она подгоняла, двигая бедрами навстречу ему, двигаясь вместе с ним все быстрее, пока не поняла, что достигла предела. Невероятно, но они продолжили и ушли далеко за этот предел. Они оторвались от земли, преодолев ее тяготение, и, под самым куполом небес, ощутив хлынувший в ее лоно и затопивший ее горячий поток, наполнивший ее, она откликнулась – и сравнялась с ним, и их прежде раздельные сущности слились, стали единым целым, а голоса слились в едином ликующем крике.

Много позже, когда они вместе вернулись с заоблачных высот и лежали в объятиях друг друга, а их пот и дыхание смешивались и остывали, они все еще были соединены его плотью, глубоко в ней.

– Я не хочу, чтобы это когда-нибудь кончилось, – прошептала она наконец. – Я хочу оставаться так с вами всегда.

Но по прошествии еще некоторого времени он расслабленно сел и посмотрел на выход из шахты.

– Уже начинает темнеть, – сказал он удивленным тоном. – Так быстро прошел день.

Она встала на колени, пригладила набедренник, и он коснулся свежих пятен на полотне.

– Ваша девственная кровь, – благоговейно прошептал он.

– Мой дар вам, – ответила Минтака. – Доказательство моей любви к вам одному.

Он протянул руку и оторвал от подола ее набедренника испачканный красным клочок величиной с ее маленький ноготь.

– Что вы делаете? – спросила она.

– Я сохраню его навсегда как память об этом замечательном дне. – Нефер открыл медальон, который носил на шее, и положил кусочек ткани рядом с локоном ее темных волос, который уже был внутри.

– Вы действительно любите меня, Нефер? – спросила она, глядя, как он закрывает медальон.

– Каждой каплей крови, что течет в моих жилах. Больше, чем вечную жизнь.

Когда они вошли в комнату в древнем здании, восстановленную ими и сделанную пригодной для жилья, Таита у очага помешивал что-то в горшке на углях. Он взглянул на Минтаку, стоявшую в дверном проеме на фоне гаснущего дня. Ее набедренник был все еще влажным там, где она обмыла его в скудной воде колодца, и прилипал к ее бедрам.

– Жаль, что мы так поздно вернулись, Таита, – сказала она застенчиво. – Мы преследовали газелей в пустыне.

Прежде она никогда не извинялась за их поздние возвращения, и Таита посмотрел на обоих. Нефер возвышался над Минтакой, и лицо у него было нежное, ошеломленное. Оба так силь-

но излучали любовь, что, казалось, она образовала вокруг них мерцающую ауру, и Таита почти ощущал в воздухе ее запах, подобный аромату дикого цветка.

«Итак, неизбежное наконец случилось», – размышлял он. Удивительно только, что это произошло так поздно. Он уклончиво проворчал:

– Вижу, вы не догнали их. Они бежали слишком быстро, или вы отвлеклись? – Молодые люди мялись, охваченные смущением и виной, зная, что он видит их насквозь.

Таита повернулся к горшку с пищей.

– Хорошо по крайней мере, что среди нас есть один добытчик. Мне удалось поймать в силки пару диких голубей. Мы не ляжем спать голодными.

Следующие дни прошли для обоих в золотой дымке наслаждения. Они полагали, что в присутствии Таиты держатся скрытно и осторожно, стараясь не смотреть друг на друга, и касались друг друга только когда думали, что он не видит.

Минтака устроила себе спальню в пустой комнатке рядом с главной комнатой их жилища. Каждую ночь Нефер ждал, пока Таита захрапит, тихо поднимался и полз к ее спальному коврику в этой каморке. Каждое утро она будила его перед рассветом и отсылала на его коврик в главной комнате, думая, что Таита все еще спит.

На третье утро Таита объявил загадочно:

– Кажется, в этих комнатах живут крысы или другие странные существа, поскольку мне мешает спать их беготня и шепот. – Они оба смотрели удивленно, и он продолжил: – Я нашел более спокойный уголок.

Он перенес собственный спальный коврик и имущество в маленький разрушенный дом на другой стороне площади и удалялся туда каждый вечер после того, как они вместе поужинают.

В течение дня влюбленные бродили в пустыне и коротали время в беседах, занимались любовью и составляли тысячи планов на будущее, решая, когда и как они могли бы пожениться, сколько сыновей и дочерей она ему родит, и подбирали имена для каждого.

Они были так поглощены друг другом, что забыли о мире, лежавшем за пределами безлюдных пространств пустыни. Наконец однажды утром на рассвете они вышли из разрушенного города, неся свернутую веревку и две масляные лампы, полные решимости обследовать древние гробницы более тщательно. Окольным путем они поднялись на вершину утеса и сели, чтобы отдышаться и посмотреть на великолепный рассвет, разгорающийся над дальними синими холмами.

– Посмотрите! – вдруг воскликнула Минтака, вырвавшись из его объятий и указывая на запад, вдоль старой торговой дороги, ведущей в Египет. Нефер вскочил, и они стали пристально смотреть в долину на странный караван, приближавшийся к ним. Он состоял из пяти ветхих повозок, за которыми следовала беспорядочная колонна людей.

– Там по меньшей мере сто человек! – воскликнула Минтака. – Кто это может быть?

– Не знаю, – мрачно ответил Нефер, – но хочу, чтобы вы сбегали и предупредили Таиту об их приближении. А я пойду и понаблюдаю за ними.

Она не стала спорить и немедленно побежала по противоположному склону горы в Галлалу, прыгая с камня на камень с ловкостью дикой козы. Нефер спрятал веревку и лампы, натянул на лук тетиву и проверил стрелы в колчане, а потом пополз вдоль гребня горы, держась ниже линии обзора и вне поля зрения, пока не достиг точки, откуда мог смотреть сверху на медленно двигавшийся караван.

Это было жалкое зрелище. Когда он приблизился, Нефер увидел, что первые две повозки – это побитые боевые колесницы, которые тянули худые усталые лошади. Они предназначались для того, чтобы везти двух человек, но на каждой ехало четверо или пятеро. За ними двигалась череда повозок и телег не в лучшем состоянии, чем колесницы. Нефер видел, что они загружены больными или ранеными, которые сидели, прижавшись друг к другу, или лежали на самодель-

ных носилках. За повозками шла в беспорядке длинная череда людей, некоторые из них шли прихрамывая на костылях или опирались на посох. Другие несли носилки, на которых тоже лежали больные или раненые.

– Клянусь Гором, они похожи на бежавших с поля боя, – пробормотал Нефер, напряженно вглядываясь, чтобы разобрать черты людей в ведущей колеснице.

Внезапно он встал из-за скалы, скрывавшей его, и закричал с волнением:

– Мерен! – Он наконец узнал высокого человека, державшего поводья первой колесницы. Мерен остановил лошадей и прикрыл рукой глаза, чтобы смотреть против поднимающегося солнца. Затем он тоже закричал и замахал рукой, увидев на горизонте Нефера. Нефер побежал вниз по склону, оступаясь и скользя по каменной осыпи, и наконец обнялся с Мереном. Оба смеялись и говорили одновременно:

– Где вы были?

– Где Минтака и Таита?

Затем к Неферу поспешил Хилто и сделал жест приветствия. Позади него столпилась группа истощенных и израненных солдат. Их лица были худыми и изможденными, кровь и гной сочились сквозь грязные бинты и засыхали коркой. Даже солдаты в повозках и на носилках, которые были не в силах встать, поднялись и с волнением смотрели на Нефера.

Быстрый взгляд сказал Неферу, что это воины, но воины, потерпевшие поражение в битве, с израненными телами и сломленным духом.

После того как Хилто приветствовал Нефера, он повернулся к солдатам и закричал:

– Вот, что я обещал вам! Перед вами ваш истинный фараон, Нефер Сети. Фараон не мертв! Фараон жив!

Они безразлично молчали, больные и падшие духом, и неуверенно смотрели на Нефера.

– Великий, – шепнул ему Хилто, – пожалуйста, встаньте на этот камень, чтобы они могли ясно видеть вас.

Нефер вскочил на камень и с интересом оглядел пришедших. Они смотрели на него в молчании. Большинство никогда прежде не видели своего царя. Даже те немногие, что видели его во время официальных процессий во дворце, видели его издалека. Тогда он был похожей на куклу фигурой, от шеи до пят скрытой роскошной одеждой и драгоценностями, его лицо было белой раскрашенной маской, и он неподвижно сидел на царской колеснице, которую тянули белые волы. Они не могли связать ту далекую, неестественную фигуру с этим рослым молодым человеком, зрелым и крепким, с загорелым лицом и живым выражением. Он не был ребенком-фараоном, о котором они знали только понаслышке.

Пока они продолжали смотреть на него с непониманием или обмениваясь сомневающимися взглядами, другой человек, казалось, материализовался из воздуха. Подобно джинну, он появился на камне рядом с Нефером. Этого человека они хорошо знали как по слухам, так и в лицо.

– Маг Таита, – выдохнули они с трепетом.

– Я знаю, что вы перенесли, – сказал им Таита голосом, ясно слышным каждому, даже больным и раненым в повозках. – Я знаю, какую цену вы заплатили, чтобы дать отпор тирании убийц и узурпаторов. Знаю, вы пришли сюда, чтобы узнать, жив ли ваш истинный царь.

Они бормотали слова согласия, и внезапно Нефер понял, кто это. Перед ним были те, кто уцелел после восстаний против Нага и Трока. Было загадкой, где Хилто нашел их, но эти жалкие остатки разбитого воинства были когда-то отборными колесничими и воинами.

– Это начало, – тихо сказал Таита в его сторону. – Хилто привел тебе семена твоих будущих легионов. Поговори с ними.

Нефер, стоя перед ними, величественный и высокий, смотрел на них еще некоторое время. Он выбрал в рядах солдата, который был старше других, с первой сединой в волосах, с острыми

глазами и умным лицом. Несмотря на изорванную одежду и истощенное тело, у него был властный вид командира.

– Кто ты, солдат? Каковы твое звание и отряд?

Солдат поднял голову и пожал исхудавшими плечами.

– Я – Шабако. Лучший из Десяти тысяч. Прошедший Красную Дорогу. Командир центра отряда Мут.

«Человек-лев!» – подумал Нефер, но сказал только:

– Я приветствую тебя, Шабако. – Он поднял полу хитона и обнажил татуированный картуш на своем бедре. – Я – Нефер Сети, истинный фараон Верхнего и Нижнего Египта.

Вздох и ропот пронеслись по рядам потрепанных людей, когда они узнали царский картуш. Все как один человек они почтительно пали ниц.

– Бак-кер, божественный, возлюбленный богов!

– Мы – ваши преданные подданные, фараон. Ходатайствуйте за нас перед богами.

Минтака пришла вместе с Таитой и теперь стояла ниже его. Нефер потянулся вниз, взял ее за руку и поднял на камень рядом с собой.

– Это царская принцесса Минтака из Дома Апепи. Она будет моей царицей и вашей повелительницей.

Ее приветствовали новым криком одобрения.

– Хилто и Шабако будут командовать вами, – приказал Нефер. – Галлала будет нашим оплотом, пока мы не вернемся с победой в Фивы и Аварис.

Они поднялись на ноги, и даже серьезно раненые попытались приподняться на носилках, чтобы приветствовать его. Их голоса были слабыми и едва слышными в великой тишине пустыни, но их звук наполнил Нефера гордостью и укрепил его решимость. Он поднялся на ведущую колесницу, взял у Мерена поводья и повел маленькое потрепанное войско в свою разрушенную столицу.

После того как солдаты устроили себе бараки среди руин, Нефер послал за Шабако, Хилто и другими бывшими среди пришедших военачальниками. В ту первую ночь и много следующих ночей он сидел с ними и слушал рассказы о восстании, боях и об окончательном поражении в битве против объединенных сил двух фараонов. Ему рассказали и об ужасном наказании, которое Трок и Наг обрушили на мятежников, попавших в их когти.

По распоряжению Нефера они до мелочей описали боевой порядок новых египетских войск, упомянув имена командиров, номера и названия отрядов и общее количество солдат, колесниц и лошадей, что были в распоряжении Нага и Трока. Среди беглецов было три войсковых писца, и Нефер нашел им работу: записывать на глиняных табличках все эти подробности и вести списки вражеских военных лагерей и укреплений.

Тем временем Таита с Минтакой, помогавшей ему, устроили лечебницу, куда были помещены все раненые и больные. Хилто привел с собой около дюжины женщин, жен беглецов или просто живших в военных лагерях. Таита использовал их для ухода за больными и в качестве кухарок. Таита работал все светлое время дня, скрепляя сломанные кости, вырезая из ран при помощи своих золотых инструментов зазубренные наконечники стрел, сшивая раны, нанесенные мечом, и даже один раз произвел трепанацию разбитого и вдавленного черепа солдата, получившего удар боевой дубинкой из твердого дерева.

Когда свет гас и он утрачивал возможность работать с больным, он присоединялся к Неферу и его командирам, при свете масляных ламп внимательно изучавшим карты, нарисованные на дубленых овечьих шкурах, и строившим планы. Хотя Нефер считался их главнокомандующим,

в действительности он был в искусстве войны учеником, а эти опытные старые солдаты – его учителями, и уроки, которые они давали ему, были бесценны.

Обычно лишь после полуночи Нефер мог прервать эти серьезные совещания и тайком прокрасться к Минтаке, терпеливо ждавшей его на овчинном коврике. Они занимались любовью и шептались. Хотя оба были утомлены своими трудами, часто по тихой пустыне уже полз рассвет, когда они наконец засыпали в объятиях друг друга.

В общем в Галлале собралось менее ста пятидесяти человек и пятьдесят лошадей, но за первые несколько дней стало ясно, что горькие колодцы города не могут дать воды даже этой горстке. Каждый день они вычерпывали их, и каждую ночь требовалось все больше времени, чтобы они вновь наполнились. Даже качество воды начало ухудшаться: с каждым днем она делалась все горше и солонее, пока не стала едва пригодной для питья, и ее пили, смешивая с молоком кобылиц.

Приходилось экономить даже эту воду. Лошади стали хворать, кобылицы перестали давать молоко. А струйка подземной воды продолжала оскудевать.

Наконец Нефер созвал чрезвычайный совет. После часа серьезного разговора Хилто мрачно подвел итог:

– Если Гор не совершит для нас чудо, колодцы окончательно высохнут и нам придется оставить город. Куда мы сможем бежать?

Они смотрели на Нефера. Тот с надеждой повернулся к Таите.

– Когда высохнет вода, куда мы пойдем, Маг? – спросил он.

Таита открыл глаза. В течение долгого спора он не проронил ни слова, и все думали, что он дремлет.

– Я хочу, чтобы завтра на рассвете все солдаты, способные ходить и держать лопату, собрались перед воротами города.

– Для чего? – спросил Нефер, но Таита лишь загадочно улыбнулся.

Пятьдесят шесть человек ждали перед древними воротами в прохладе рассвета, когда из них вышел Таита. На нем были все его символы власти, амулет Лостры, и дар Бэя, и другие его ожерелья, браслеты и амулеты. Он вымыл волосы, так что теперь они сверкали, и Минтака заплела их. Он нес посох с вырезанной головой змеи. Нефер шел рядом с ним, скрывая за серьезным выражением лица свою озадаченность. Таита оглядел собравшихся. Как он приказал, все они держали в руках инструменты для рытья – деревянные обычные и совковые лопаты и копательные шесты с металлическими наконечниками. Он с удовлетворением кивнул, спустился по ступеням и направился в долину.

По команде Нефера солдаты взвалили инструмент на плечи и последовали за стариком, сразу образовав военную колонну на марше.

Однако идти пришлось недалеко, поскольку Таита остановился у подножия холмов и посмотрел на вершины.

Нефер вспомнил, что именно здесь Таита проводил так много времени в прошедшие несколько месяцев. Они с Минтакой часто видели, как он сидел здесь и дремал на солнце с закрытыми глазами, будто синеголовая ящерица, или тыкал в камни и постукивал о них посохом.

Впервые Нефер оглядел скалы этой части холмов и понял, что они отличаются от других. Скала была рыхлая, и кристаллический сланец пронизывали жилы серого известняка. Глубокий разлом по диагонали пересекал поверхность голых, обожженных холмов, соединяя пласты различных цветов. Затем он заметил кое-что еще. Кто-то недавно сделал на некоторых камнях отметки, тайные иероглифы, написанные белой пастой, вероятно, из раздробленного известняка, смешанного с колодезной водой. Там также были пирамидки из камней, размещенные на земле в особом порядке.

– Нефер, людей нужно разделить на пять команд, – сказал Таита, и Нефер отдал распоряжения. Когда все было готово, Таита приказал первой команде выйти вперед.

– Начните бить штольню в склон вот здесь. – Он указал на иероглифы, отмечавшие вход в горизонтальную шахту. Он хотел, чтобы они начали рыть здесь.

Солдаты озадаченно и с сомнением переглянулись, но когда Таита, не говоря ни слова, свирепо поглядел на них, Шабако как ни в чем не бывало скомандовал:

– Вы слышали Мага. Принимайтесь за дело, сейчас же, и не ленитесь!

Это была тяжелая работа, хотя основная скала была разрушена по линии, на которую указал Таита. Им приходилось выламывать каждую глыбу, затем выкапывать рыхлую землю, лежавшую под ней. Вокруг них поднимались облака пыли, и скоро тела копавших покрылись ею. Хотя их руки заскорузли от дубинок и мечей, ладони покрылись волдырями, которые рвались и кровоточили. Они обертывали их льняными полосами и работали без жалоб. Жара нагрянула стремительно, вместе с встающим солнцем, и Шабако вывел из раскопа первую команду и отправил следующую.

Они отдыхали в течение часа в полдень, когда было жарче всего. Таита вошел в неглубокую пещеру и внимательно осмотрел поверхность скалы. Он вышел на солнечный свет, не сказав ни слова, и Шабако приказал продолжать работу. Когда стало слишком темно, чтобы видеть, что они делают, Шабако отпустил их и послал вниз с холма, на скромный ужин. Запасы проса дурра истощались почти так же быстро, как вода в колодцах.

Используя преимущество прохлады, они опять начали копать на рассвете. К сумеркам они углубили штольню в склон всего на двадцать локтей. Там они наткнулись на пласт твердой синей кристаллической скалы. Шесты с бронзовыми наконечниками не оставляли на ней следа, и солдаты начали роптать.

– Мы воины или рудокопы? – вопрошал один старый ветеран, глядя на свои покрытые синяками и волдырями ладони.

– Что мы роем? Собственные гробницы? – спросил другой, перевязывая глубокий порез на голени, полученный в результате неосторожного удара копательным шестом.

– Как можно рыть твердую скалу? – Еще один вытер с налитых кровью глаз пот, смешанный с пылью.

Таита послал их по долине туда, где как безмолвный памятник давно высохшей воде стояла густая роща мертвых акаций. Они нарезали сухих веток и принесли вязанки к раскопу. Под руководством Таиты они сложили дрова на несокрушимой скале и зажгли. Огонь поддерживали в течение ночи, время от времени подбрасывая дрова, и на следующее утро, когда скала пылала от жара, залили его из мехов, наполненных в иссякающих колодцах. В облаках шипящего пара скала затрещала и взорвалась.

Один солдат был ранен острым осколком и потерял правый глаз. Таита удалил остатки глаза и зашил закрытое веко.

– Боги дали нам два глаза как раз на случай такого несчастья, – уверил он своего пациента. – Ты будешь видеть одним глазом так же хорошо, как видел двумя.

Они подождали, пока разрушенная скала остыла, и выломали из нее большие почерневшие глыбы камня. За ними скала была такой же твердой и непроходимой. Они вновь сложили на нее связки веток, повторили трудный и опасный процесс с тем же результатом и, потратив несколько дней тяжелейшего труда, прошли несколько локтей.

Даже Нефер был обескуражен и сказал об этом Минтаке, когда ночью они лежали вместе в темноте.

– Есть многое, чего мы не понимаем, сердце мое, – шептала она, баюкая его голову.

– Мы даже не знаем, зачем он заставляет нас рыть это отверстие, а когда я спрашиваю его, он глядит на меня разъяренно, будто древняя черепаха. Солдатам это скоро надоест, и мне тоже.

Она захихикала.

– Древняя черепаха! Вам бы лучше удостовериться, что он не слышит. Он мог бы превратить вас в жабу, а мне это ничуточки не понравится.

На следующее утро ни свет ни заря команды усталых рассерженных людей приплелись к верхнему концу долины и, собравшись у входа в шахту, стали ждать прихода Мага.

Полагаясь на свое обычное артистическое чувство, Таита поднялся на склон с первыми лучами восходящего солнца, которые сияли позади него, насыщая светом его серебряные волосы. На одном плече он нес скатанную льняную ткань. Нефер и другие военачальники встали, чтобы приветствовать его, но он, не обращая внимания на их приветствия, отдал Шабако распоряжение повесить полотно над входом в шахту как занавеску. Когда это было сделано, он один вошел в занавешенную шахту, и люди снаружи замерли в тишине.

Казалось, они ждали долго, но в действительности прошло меньше часа, потому что солнце поднялось над горизонтом только на ширину ладони, когда льняной занавес был отдернут в сторону и Таита встал во входе в пещеру. Случайно или по плану Мага солнечный свет падал прямо в шахту. Чистую поверхность стен шахты заливало солнце, и ряды людей сгрудились, с надеждой заглядывая вперед. Они увидели, что на синей скале появилось изображение раненого ока великого бога Гора.

Лицо Таиты выражало волнение, когда он начал декламировать обращение к Золотому Гору. Ожидавшие люди упали на колени и хором подхватили:

Золотой Гор, могучий бык!
Непобедимый в силе!
Учитель своих врагов!
Святой в его восхождении!
Раненый глаз вселенной!
Приди к нам в наших стремлениях.

Окончив последний стих, Таита повернулся и, провожаемый взглядами всех присутствовавших, смотревших на него с надеждой, пошел назад в шахту и оказался перед сине-серой стеной недавно отрытой скалы в ее конце. Крошечные кристаллы полевого шпата, вкрапленные в нее, искрились на солнце.

– Кидаш! – прокричал Таита и ударил в стену посохом. Люди у входа пригнулись, поскольку это было одно из слов власти.

– Менсаар!

Они с трепетом вздохнули, и он ударил снова.

– Нкуб! – Он ударил в третий, и последний раз и шагнул назад.

Ничего не произошло, и Нефер почувствовал нарастающее разочарование. Таита стоял неподвижно, солнце медленно поднималось все выше, и тень закрыла скальную стену.

Вдруг Нефер почувствовал мурашки от волнения, и солдаты вокруг него задвигались и зашептались. В центре поверхности скалы, под нарисованным глазом, появилось темное влажное пятно. Оно постепенно увеличивалось, и наружу просочилась капля влаги, искрясь в солнечном свете, будто крошечный драгоценный камень.

Затем она медленно потекла вниз по стене и образовала шарик в пыли внизу.

Таита повернулся и вышел из шахты. У него за спиной раздался резкий звук, похожий на треск ломающейся сухой ветки, и тонкая трещина расколола скалу сверху донизу. Вода потекла на пол, капля за каплей, все чаще и чаще. Затем раздался новый звук, будто глиняный черепок лопнул в огне, и из стены выпала каменная глыба. Из открывшегося отверстия вытекла вялая струйка желтой грязи. Затем вся поверхность скалы с ревом обрушилась, хлынули грязь и фон-

тан кристально-чистой воды. Она натекла по колено и устремилась вдоль шахты, вырвалась из проема и потекла вниз по склону, огибая камни и бурля.

В пыльных рядах солдат раздались крики изумления, хвалы и недоверия. Внезапно Мерен выбежал вперед и упал плашмя в мчащийся поток. Он поднялся, тряся влажными волосами, прилипшими к его лицу, сложил ладони, зачерпнул воду и выпил:

– Пресная! – закричал он. – Сладкая как мед.

Солдаты стали скидывать одежду и бросаться голыми в поток, поднимая тучи брызг, швыряя друг в друга горсти грязи, уворачиваясь со смехом и крича. Нефер не мог долго сопротивляться искушению. Он позабыл всякое достоинство, прыгнул на спину Мерену и утопил его под водой.

Таита стоял на берегу потока и ласково смотрел сверху на эту суматоху. Затем он повернулся к Минтаке.

– Отринь эту мысль, – велел он.

– Какую мысль? – Она притворилась, что не понимает.

– Принцесса Египта, прыгающая в толпе грубых голых солдат, – возмутительное зрелище. – Он взял ее за руку и повел вниз с холма, но она с тоской оглядывалась на веселье.

– Как вы сделали это, Таита? – спросила она. – Как заставили источник появиться? Что за волшебство это было?

– Волшебство здравого смысла и наблюдения. Вода скрывалась там на протяжении многих столетий, ожидая, чтобы мы откопали ее.

– А как же молитвы и слова власти? Они не подействовали?

– Иногда люди нуждаются в поддержке. – Он улыбнулся и коснулся кончика своего носа. – Немного волшебства – лучшая поддержка ослабленному духу.

Много месяцев после этого все были заняты рытьем канала, чтобы провести пресную воду вниз по склону холма в старые колодцы. Они теперь стали для поселения цистернами для хранения воды. Когда они переполнились, Таита осмотрел старые поля в нижнем конце долины, которые сейчас были каменистыми пустошами. Однако очертания древних оросительных каналов все еще были видны. Их наклон был установлен старыми обитателями, и потребовалось немного усилий, чтобы очистить их русла и направить в них вытекающую воду.

Пустынная земля была плодородна; ее богатство не было вымыто сильными ливнями. Обилие солнечного света и щедрый полив привели к удивительным результатам. Они посадили семена проса, привезенные из Египта. Все египтяне по своей природе и традиции были земледельцами и садоводами и в полной мере применили свои навыки в работе с землей и растениями. Через несколько месяцев они собрали свой первый урожай дурры. Затем они посадили поля травы на корм животным, которые процветали, обеспеченные едой намного выше их действительных потребностей. Женщины присоединились к срезанию, сушке и укладке корма, и через год у них было достаточно фуража, чтобы прокормить конное войско, хотя здесь все еще испытывали недостаток в лошадях.

Почти каждый день в город приходили беглецы, осмелившиеся пересечь пустыню, чтобы бежать от тирании ложных фараонов. Они приходили поодиночке или маленькими группами, утомленные, умирающие от жажды и голода. Стражники, расставленные вдоль холмов, перехватывали их и отсылали к Хилто. Он приказывал им дать клятву верности фараону Неферу Сети, затем выдавал им питание и, в зависимости от пригодности, отсылал их в учебные отряды или отправлял на работу в поля или на восстановление полуразрушенных зданий старого города. Однако эти бродяги и найденыши не были единственными новобранцами. Когорта дезертиров с копьями из войск ложных фараонов пришла и прокричала в виду стен города хвалу Неферу

Сети. Затем приехал вооруженный отряд из двадцати колесниц, управляемых первоклассными солдатами отряда Анк, с командиром по имени Тимус во главе, и с радостью присягнул фараону Неферу Сети. Тимус принес важную новость о том, что Наг и Трок наконец были готовы начать объединенное нападение на царя Вавилона и Ассирии Саргона.

За прошедшие несколько месяцев эти два фараона собрали в Аварисе экспедиционный отряд в три тысячи колесниц и сейчас почти закончили приготовления к тому, чтобы пересечь участок земли, связывающий Египет с восточными странами к северу от Большого Горького озера и озера Тимс. Сначала они послали колонну снять вавилонские заставы вдоль границы, а затем, когда дорога была свободна, отправили в телегах и повозках десятки тысяч кувшинов с водой и поместили их на складах, стратегически расположенных на пути через безводные земли. Страна за ними была плодородна и многоводна.

Они планировали пересечь этот участок земли при полной луне, используя ее свет и прохладные ночи, чтобы проехать мимо Исмаилии и по Проходу Хатмии на Беер-шебу, собирая по пути силы подчиненных им правителей.

Нефер и Таита готовились защищать Галлалу от неизбежного нападения ложных фараонов. Они знали, что их присутствие в древнем городе к настоящему времени наверняка известно повсюду в двух царствах. Они с уверенностью ожидали, что Наг и Трок сначала выступят против них, в уж потом начнут месопотамскую авантюру. Поэтому они удивились, получив отсрочку.

– Они не приняли всерьез угрозу, которую создает наше присутствие так близко к их границам, – радовался Нефер. – Если бы они напали на нас сейчас, когда мы все еще так слабы, нам бы оставалось только бежать.

– Возможно, они учитывают эту возможность в своих расчетах, – согласился Таита. – Возможно, они намерены завоевать Месопотамию и лишить нас любой поддержки, какую мы могли бы получить на востоке. Тогда они смогут окружить нас. Думаю, они просчитались, поскольку позволяют нам копить силы в течение по меньшей мере еще одного года.

– Можем ли мы быть уверены, что это не отвлекающий маневр? – задумчиво спросил Нефер. – Возможно, восточный поход – обман? Возможно, их настоящее наступление будет направлено против нас, после того как они убаюкают нас до ощущения ложной безопасности.

– Такая возможность, конечно, есть. Трок – бык, но Наг на редкость хитер и коварен. Он может попытаться использовать такой обман.

– Нам следует держать экспедиционное войско под наблюдением, – решил Нефер. – Я отправлюсь на север с разведывательным отрядом, понаблюдать за дорогой через Исмаилию и убедиться, что они прошли там.

– Я поеду с вами, – согласился Таита.

– Нет, Маг, – возразил Нефер. – Тебе лучше всего остаться здесь, чтобы держать наготове нашу оборону и гарантировать, что если Наг приведет сюда три тысячи колесниц, народ будет готов к немедленному бегству. Есть и еще одна служба, которую я поручаю тебе... – Он заколебался. – Это забота о Минтаке. Полагаю, она может быть недовольна здесь другими женщинами и может попытаться сделать что-нибудь неблагоразумное.

Таита улыбнулся.

– Решительные действия со стороны принцессы, конечно, всегда возможны. Однако я твердо знаю, каков мой главный долг. Я поеду с вами. – И хотя Нефер спорил долго и упорно, Таита был непреклонен. В конце концов Нефер втайне ощутил облегчение, зная, что старик будет рядом с ним, как всегда.

Даже после прибытия последнего отряда в город они могли собрать только тридцать две готовые к бою колесницы и меньше сотни лошадей, способных тянуть их.

Они оставили половину колесниц под командой Шабако, чтобы защищать Галлалу. Взяв с собой Хилто и Мерена, они выехали на шестнадцати боевых колесницах, чтобы обогнуть по

восточному берегу Большое Горькое озеро и выйти на главную дорогу к северу от Исмаилии. Прошло лишь несколько дней после полнолуния, ночи были темные, но приятно прохладные, поэтому они двигались быстро и завершили поездку через не отмеченную на карте пустыню прежде, чем луна вошла во вторую четверть.

На рассвете в пятнадцатый день после отъезда из Галлалы они лежали в укрытии на холме к востоку от Исмаилии, там, откуда был виден город. Главная дорога проходила ниже их наблюдательного пункта; войско двух фараонов должно было пройти по ней. Исмаилия была пограничной египетской крепостью и естественной начальной точкой их кампании.

– Кажется, разведка удалась, – крикнул Нефер Таите. Он взобрался на один из высоких кедров на переднем склоне холма и оттуда получил прекрасный обзор на многие лиги вперед. – Город бурлит. Перед стенами крепости у коновязей стоят лошади и вырос целый город шатров. – Он прикрыл глаза рукой. – Вижу облака пыли, двигающиеся по дороге из дельты. Кажется, что все повозки и колесницы Египта – на марше.

Он кричал вниз Магу о своих наблюдениях всю остальную часть утра, пока не стало так жарко, что всякая деятельность вокруг города и на дорогах прекратилась, наступил усыпляющий полдень. Тогда он спустился и, по примеру остальной части отряда, отправился искать тень, чтобы переждать жаркие часы.

Ближе к вечеру, когда воздух охладился, они пробудились, чтобы накормить и напоить лошадей. Затем Нефер вновь поднялся на свой наблюдательный пункт.

Сразу стало очевидно, что они прибыли как раз вовремя. Дорога на восток превратилась в артерию, пульсирующую жизненной силой могущественного войска. Отряд за отрядом, по пятьдесят колесниц в каждом, выезжали из ворот Исмаилии в сопровождении крытых повозок, везущих их вещи и фураж, и устремлялись по дороге в сторону убежища Нефера и Таиты. Передовой отряд проехал так близко от того места, где на верхних ветках кедра сидел Нефер, что ему удалось разглядеть отдельных людей.

Войско текло, будто бесконечная река, сверкая бронзовым оружием, и пыль поднималась над ним густым облаком, пока чуть не закрыла солнце.

Четыре когорты составляли передовой отряд, затем следовал промежуток. Очевидно, для того чтобы пыль немного осела и царю с сопровождением было легче следовать за ним.

Дальше бок о бок ехали две колесницы, обе такие массивные, покрытые золотым листом, что каждую тянули шесть лошадей. Горькая как желчь ненависть поднялась в Нефере, подкатив к горлу, когда он узнал возниц.

Трок держал поводья ближней к Неферу колесницы. Невозможно было не узнать эти широкие плечи и темный, с вплетенными лентами куст бороды. Голову Трока украшал золотой шлем в форме пчелиного улья, украшенный гребнем из пушистых белых перьев страуса. На плече позвякивал двойной щит, каждый лист которого был толщиной с большой палец, такой тяжелый, что говорили, будто Трок единственный во всех войсках мог держать его, как и большой боевой лук в стойке справа.

В другой большой колеснице ехал фараон Наг Киафан. Подобно его тезке кобре, он отличался большей стройностью и изяществом. На нем было нагрудное украшение из золота и драгоценных камней, сверкавших в красном солнечном свете, который проникал сквозь тучи пыли. Голову венчала синяя военная корона Египта, а на боку висел вложенный в ножны из серебра и электрума, усыпанные бирюзой и лазуритом, легендарный синий меч, снятый им с тела отца Нефера.

Странно, но хотя и не столь могучий, как Трок, Наг выглядел более грозно.

Золотые колесницы проехали и скрылись в поднятых ими тучах пыли, но Нефер по-прежнему лежал вытянувшись на главной ветке кедра, так как под ним все еще двигались фаланги войска.

Солнце скользнуло за горизонт, но света еще хватало, чтобы разглядеть следующую часть бесконечной процессии. Нефер выпрямился с вновь вспыхнувшим интересом и вниманием.

Раскачиваясь и переваливаясь по дороге, уже изрытой колеями после проехавших перед ними сотен колесниц и повозок, двигались две повозки с паланкинами, запряженные волами. Они были такими просторными, с шелковыми занавесками, украшенными золотыми звездами и розетками, что Нефер понял – ехать в них должны женщины из царского дворца. Неферу и в голову не приходило, что Трок возьмет в поход своих жен или наложниц – он слышал, что Трок получал удовольствие за счет пленных, захваченных во вражеских городах, и наслаждался мальчиками и девушками в равной степени. Поэтому, если они не принадлежали Троку, это наверняка были женщины Нага. Нефер задался вопросом, не устал ли Наг от Гесерет и не взял ли других жен.

Затем занавеска второго паланкина резко отдернулась, и на пыльную дорогу спрыгнула девушка и побежала вприпрыжку рядом с волами. Хотя она заметно изменилась с тех пор, как Нефер в последний раз видел ее, он не сомневался, что этим прекрасным созданием была Меркара, его младшая сестра. Она больше не носила детскую прическу с локонами на боку, ее волосы были подстрижены так, что доходили до плеч и заканчивались густой прямой челкой на уровне бровей. Потеря боковых локонов означала, что Меркара увидела свою первую красную луну. Нефер ощутил острую боль оттого, что его забавная маленькая обезьянка больше уже не ребенок. Затем ему пришло в голову, что у Нага исчезло последнее препятствие к тому, чтобы взять Меркару на супружеское ложе. Нефер слышал, что Наг – сладострастник и развратник, и мысль о том, что он надругался над его младшей сестрой, вызвала в нем такое отвращение, что он почувствовал в горле вкус гнилой рыбы.

Он ощутил непреодолимое желание поговорить с Меркарой, узнать, счастлива ли она и не может ли он как-нибудь облегчить ее участь. Затем ему пришло в голову спасти ее и забрать в Галлалу. Он знал, что такие мысли опасны и что его товарищи попытаются отговорить его от такой пагубной затеи.

Следом за паланкином везли сундуки полевой казны ложных фараонов. Повод, который должны были понять другие! Это были повозки без украшений, выкрашенные в унылый синий цвет, но построенные прочно и с укрепленными колесами, чтобы выдерживать большой груз. Колеса с металлическими ободьями глубоко врезались в поверхность дороги. Двери в задней части кузова были обмотаны цепями и заперты на замок, а рядом шли вооруженные стражники. Это была обычная перевозка казны, без которой не выступало в поход ни одно войско. Нефер знал, что́ в сундуках: слитки золота в виде брусков и прутков, колец и бус. Ими платили солдатам и покупали преданность царьков и сатрапов, подрывали союзнические связи Вавилона и Ассирии и вознаграждали шпионов и осведомителей в рядах врага.

Нефер съехал по стволу кедра на землю. Там спокойно дремал Таита, но он открыл глаза прежде, чем Нефер коснулся его руки.

– Полевая казна ложных фараонов, – прошептал Нефер ему в ухо. – Там достаточно, чтобы заплатить войску или купить трон.

В течение многих следующих ночей Нефер и Маг при лунном свете следили за колонной из тени, двигаясь параллельно повозкам, на которых везли казну, наблюдая за распорядком и поведением стражников. Они сразу поняли, что невозможно захватить повозки и увезти столько слитков так, чтобы все войско не обрушилось на них.

– Эти волы тащатся так медленно, что колесницы Нага догонят нас сразу, мы и на лигу отъехать не успеем, – с сожалением заметил Нефер.

– Нам нужно быть немного хитрее, – согласился Таита. – Единственное время, когда мы могли бы заняться сундуками, – когда они встанут лагерем на день.

– А как же стражники?

– А! – сказала Таита. – Стражники – не велико препятствие.

Каждый день, когда солнце поднималось высоко и жара делалась невыносимой, все войско устраивало привал. Паланкины с царскими женами и повозки с казной обычно вставали отдельным лагерем поодаль от главного войска. Сначала там начиналась большая суматоха: животных распрягали, кормили и поили, расставляли часовых и устанавливали шатры для царских жен. Затем разводили костры, готовили и поедали пищу, запивая пивом. После этого Гесерет, Мерикара и их служанки удалялись в свои шатры. Солдаты, которые были не на посту, ложились во временных укрытиях отдохнуть после долгой ночной езды. Постепенно вялая тишина охватывала огромное сборище людей и животных, и лагерь засыпал.

Нефер и Таита оставили свой отряд в густых зарослях терновника в долине и подползли к лагерю. Им удалось подобраться на несколько сотен шагов к часовым, и в течение часа они лежали там незамеченными, разговаривая шепотом, и старались найти способ добраться до полевой казны так, чтобы их не обнаружили часовые.

– Нельзя ли как-нибудь отвлечь их? – спросил Нефер.

– Для этого нам понадобится помощь изнутри лагеря, – ответил Таита.

– Мерикара? – быстро взглянул на него Нефер.

– Мерикара, – согласился Таита.

– Как с ней связаться? – Нефер глядел озадаченно, но Таита с улыбкой коснулся амулета Лостры, висевшего на его ожерелье, и закрыл глаза. Через некоторое время Нефер подумал, что он заснул. Старик точно знал, как привести его в бешенство.

«Его возраст наконец настиг его», – подумал он с досадой и уже почти решил потрясти и разбудить его, когда услышал в лагере голоса и поглядел туда.

Из своего шатра вышла Мерикара. Очевидно, она спала, потому что ее лицо раскраснелось и на нем виднелись следы подушки. Она потянулась и зевнула. На ней был только синий льняной набедренник, складками спускавшийся ниже колен. Верхняя часть тела Мерикары была обнажена. Нефер невольно изумился тому, как расцвели ее груди: они стали грушевидными, а соски – розовыми и выпуклыми. Мерикара спорила со стражником у входа в ее шатер, и ее голос властно повысился, так что Нефер слышал каждое слово.

– Я не могу спать и иду прогуляться. – Часовой попробовал пойти вместе с ней, но она закачала головой так, что волосы разлетелись по плечам. – Нет, я не позволю тебе сопровождать меня. Я хочу быть одна. – Часовой настаивал, и она набросилась на него: – Отойди в сторону, наглец, или я пожалуюсь мужу. – Часовой неохотно подчинился ее приказу и опустил копье. Вслед ей он с тревогой воскликнул: – Пожалуйста, великая, не ходите слишком долго и слишком далеко. Если фараон узнает, это будет стоить мне больше, чем моя несчастная жизнь.

Мерикара, не обращая на него внимания, поднырнула под коновязи и вышла через проход в изгороди из колючего кустарника, окружавшей лагерь. Она оглянулась только раз, чтобы убедиться, что ни один часовой не видит ее. Затем, будто по договоренности, она направилась прямиком туда, где среди пустынного кустарника лежали Нефер и Таита.

Нефер видел в ее зеленых глазах волнение, а на хорошеньком личике напряженное выражение, будто она слушала музыку, звучащую только для нее.

Мерикара вздрогнула, будто пробудившаяся сомнамбула, и уставилась на него. Затем ее лицо осветилось безграничной радостью, и она прыгнула вперед, чтобы обнять брата.

– Подожди! – приказал Нефер. – Не выдай нас стражникам.

Он ощутил гордость за нее, потому что она тотчас послушно остановилась. Она всегда была умницей. Мерикара быстро поглядела вокруг, и дрожащим голосом тихо сказала:

– Я крепко спала, но вдруг проснулась и поняла, что должна пойти в пустыню. Как если бы голос в моей голове звал меня. – Она посмотрела на Таиту. – Это был ваш голос, Маг? – Затем ее взгляд вернулся к Неферу. – Дорогой брат, ты никогда не узнаешь, как я тосковала без тебя. Сначала я думала, что ты умер, и оплакивала тебя в похоронной процессии, с пеплом на голове. Смотри, вот шрамы, где я порезала руки, чтобы для тебя текла кровь.

– Я жив, Мерикара. Поверь мне, ты видишь не тень.

– Я знаю, Нефер. Весь мир теперь знает, как ты увез Минтаку из Авариса в пустыню, и в глубине души я знала, что однажды ты приедешь и за мной. – Она улыбнулась сквозь слезы радости. – Я знала, что ты приедешь.

– Да, – сказал Нефер, – мы заберем тебя с собой. Но сначала тебе нужно кое-что сделать, чтобы помочь нам.

– Все, что угодно, для тебя и Таиты, – с готовностью согласилась она.

Быстро и торопливо Таита объяснил, что ей следует сделать, и заставил ее повторить. Она повторила без ошибок.

– Ты – умная девушка, моя дорогая, – сказал Таита. – Именно это нам от тебя и нужно. – Он дал ей маленький сверток. – Вот порошок. Помни, достаточно того, что помещается на ногте, в каждый кувшин.

– Сначала ты называешь меня умной, а затем обращаешься со мной, будто я глупая, – фыркнула она.

– Простите меня, великая. – Таита сделал жест раскаяния.

– Не называй меня так. Мне нестерпима мысль, что я замужем за этой скользкой змеей, а сейчас, когда я знаю, что он собирается сделать со мной, она ненавистна мне вдвойне.

– Тебе не легко угодить, Мерикара. Теперь возвращайся в лагерь, не то стражники пойдут искать тебя.

Она быстро наклонилась и поцеловала Нефера в губы.

– Тогда до завтра, мой любимый брат.

В следующий полдень могучее войско Египта разбило лагерь под высоким плато, там, где заканчивались песчаная пустыня и сухие земли. Они почти закончили переход и завтра должны были удалиться в более прохладные земли, где оазисы отделял друг от друга всего день езды, где росли леса, были поля и виноградники и горные потоки текли весь год.

Когда охранники царских жен взялись устраивать дневной лагерь, они обнаружили, что молодая царица Мерикара стала капризной и властной, нисколько не похожей на себя прежнюю, приятную и добрую. Она хотела, чтобы ее личный шатер поставили в стороне от шатра ее сестры, царицы Гесерет, а когда это было сделано, настояла, чтобы телеги с полевой казной войска передвинули в узкую вади в двухстах шагах от главной лагерной стоянки. Напрасно командир стражников твердил, что дно вади мягкое и песчаное и колеса тяжелых колесниц глубоко провалятся в песок.

– Да пускай хоть совсем, – сказала она. – Меня тошнит от вида этих уродливых повозок и слушания мычания волов. Уберите их с моих глаз.

Командир подумал, не обратиться ли к фараону Нагу Киафану за подтверждением этого неблагоразумного приказа его самой молодой жены. Затем он подумал, что колонна растяну-

лась в пустыне больше чем на четыре лиги. Потребовался бы час тяжелой поездки, чтобы добраться до фараона в ее голове, и поездка назад была бы не менее трудна. День был даже еще жарче, чем предыдущие, и, кроме того, у него было назначено свидание с одной из рабынь Мерикары, очаровательной маленькой черной нубийкой, знающей больше штучек, чем дрессированная обезьяна. Он передвинул телеги на дно вади и для успокоения совести удвоил число стражников около них.

Добившись своего, Мерикара снова стала милой девушкой, которая всем так нравилась.

– Я так сожалею, что была груба с вами, Морам. Наверное, эта ужасная жара так действует на всех нас, – мило сказала она командиру стражников перед его солдатами. – Чтобы искупить свою вину, я пошлю Мишу принести вам пять кувшинов лучшего пива из моих личных припасов. Но прошу разделить его поровну со всеми вашими солдатами, поскольку я задала им дополнительную работу.

Миша, статная высокомерная нубийка с превосходной парой ягодиц, принесла пиво в шатер Морама. Солдаты встали в очередь за своей долей, благословляя богов и царицу Мерикару и произнося тосты за ее здоровье после того, как выпивали первый глоток пенящейся жидкости.

Пиво было такого превосходного качества, что, несмотря на данное Мерикаре обещание, Морам выпил больше своей доли. Едва они с нубийкой остались в шатре одни, он набросился на Мишу, которая стала визжать и притворно сопротивляться и наконец позволила ему задрать на ней одежду и обнажить ее огромные ягодицы. Они выпрыгнули из-под подола ее короткого льняного набедренника, черные и блестящие, как только что добытый антрацит, большие дрожащие шары, темные полные луны, которых не могли обхватить его растопыренные пальцы.

В порыве страсти он взобрался на нее, но, не сделав и дюжины мощных толчков, медленно упал, крепко заснув прежде, чем достиг пола. Миша смотрела на него с удивлением. Ничего подобного с ней не случалось за всю ее короткую, но беспокойную жизнь. Морам раскатисто захрапел, словно загремел далекий гром, и она вскочила, натянула набедренник, разъяренно пнула спящего и, выскочив из шатра, бросилась назад к хозяйке. Стражник у входа в шатер царицы тоже спал мертвецким сном.

– Все мужчины – свиньи, – сказала Миша на своем диком наречии и изо всех сил пнула его длинной и красивой ногой.

Нефер вел маленькую группу солдат вниз по сухому руслу реки. Они держались близко к берегу, и мягкий песок приглушал их шаги.

Четыре повозки с казной были поставлены в ряд, а их колеса соединены цепями, чтобы разбойники или грабители не могли их быстро увезти.

Восемь вооруженных солдат охраны лежали на мягком песке как мертвые в ожидании бальзамировщиков. Таита подошел к каждому из них, пощупал пульс на шее и поднял веко, чтобы посмотреть на зрачок. Наконец он кивнул Неферу и пошел к задней дверце первой повозки.

Он достал из своего мешочка длинный бронзовый стержень и стал сосредоточенно работать с массивным бронзовым замком. Тот открылся, дужка со щелчком отскочила. Таита распахнул тяжелую металлическую дверь, за которой четыре маленьких ящика были прикреплены болтами к днищу повозки. Крышки сундуков с казной были запечатаны глиняной табличкой с картушем фараона Нага Киафана.

Таита лезвием кинжала снял печати и опустил их в свой мешочек, чтобы те не стали свидетельством их вторжения, когда позже двери повозок откроют. Острием кинжала он отвинтил крепления, удерживавшие крышку, и поднял ее. Сундук заполняли маленькие кожаные мешоч-

ки. Таита взвесил один из них в руке и улыбнулся. Он открыл мешочек и увидел в нем блеск драгоценного металла, который ни с чем не спутать.

Пока он был занят этим, Нефер и Мерен вырыли в мягком песке под кузовом повозки неглубокую яму. Таита передал кожаный мешочек Неферу, и тот положил его на дно ямы. Всего Таита выбрал пятьдесят самых тяжелых кожаных мешочков из первого сундука. Затем он прикрутил крышку обратно и комком свежей влажной глины, принесенной с собой, вновь запечатал ее. При помощи гравированного рубинового кольца, которое Наг подарил ему перед тем как он покинул Фивы, Маг нанес на глиняную печать оттиск царского картуша. Затем он прошел к следующему сундуку из четырех.

– Мы берем мало, – роптал Мерен. – Оставляем больше половины для Нага и Трока.

– Жадность может нас погубить, – проворчал Таита, снимая крышку с последнего сундука. – А так они не узнают, что часть слитков пропала, пока казначей не откроет сундуки вновь и не посчитает их, а это произойдет, может быть, через несколько месяцев.

Из каждого сундука на четырех повозках они взяли по пятьдесят кожаных мешочков и закопали их в рыхлом песке на дне вади. Хотя они работали так быстро, как позволяла осторожность, солнце в западной части неба клонилось к горизонту, когда они вновь запечатали последний сундук и заперли задние дверцы последней повозки. Один из спящих стражников пошевелился, забормотал и попытался сесть. Таита подошел и осторожно положил руку ему на лоб. Солдат вздохнул и снова лег. Таита открыл ему рот, всыпал под язык щепотку белого порошка, и солдат затих.

– Нам теперь следует поспешить. Они начинают приходить в себя.

Они засыпали ряды мешочков на дне ямы под последней повозкой песком, сделали поверхность неровной и оставили на ней следы, так чтобы не было видно гладкого песка.

– Во сколько ты оцениваешь то, что мы взяли? – спросил Нефер.

– Невозможно сказать, пока не взвесим, – ответил Таита, – но, предполагаю, по меньшей мере три лакха.

– Достаточно, чтобы набрать и вооружить войско, – пробормотал Нефер, продолжая работать.

Они в последний раз быстро, но тщательно осмотрели повозки и землю вокруг них, желая удостовериться, что ничего не пропустили. Затем, оставив стражников лежать в тяжелом лекарственном сне, ушли вниз по вади.

Они вновь поднялись к подножию плато, где оставили Хилто с колесницами, и с этой удобной позиции продолжили наблюдение за местом, где зарыли похищенное золото. Они не заметили в вади никаких признаков необычной деятельности или криков. Возможно, стражники, очнувшись, чувствовали себя чересчур виноватыми, чтобы доложить о своем нарушении долга.

Когда уже смеркалось, они увидели, как воловьи упряжки тяжело потянули эти четыре повозки с песчаного дна реки и побрели за царскими паланкинами, поскольку воинство ложных фараонов возобновило ночной марш.

Еще пять дней и ночей огромное египетское войско текло мимо их укрытия. Друг за другом следовали отряды на колесницах, отряды пращников, лучников и копейщиков. Их сопровождали марширующие колонны рабов, которых намеревались использовать для тяжкого труда при строительстве укреплений и подрыве стен осажденных городов. За ними следовали ремесленники, строители колесниц и плотники, оружейники и изготовители стрел, а за ними – обитатели военных лагерей, жены, любовницы и шлюхи с их рабами, слугами и детьми. Дальше ехали торговцы с повозками, груженными товарами и всевозможными предметами роскоши для продажи солдатам, когда те разбогатеют за счет награбленной добычи.

Однако наблюдатели на холмах видели, что из всего этого множества никто не вошел в высохшую вади, где было захоронено золото, и хотя каждый день поблизости разбивали лагерь

группы и отряды, никто не приблизился к вади, чтобы использовать ее в качестве уборной или как место для лагеря.

Когда последняя колесница этого могущественного воинства прокатила мимо и поднялась по скалистому проходу Хатмия и последний отставший прохромал мимо, Нефер и Таита уверились, что недостаток слитков в повозках казны не был обнаружен войсковыми казначеями, и почти не сомневались, что никто случайно не наткнулся на тайник в русле реки.

Когда восточная дорога наконец опустела, они ночью спустились с холмов и оставили на высоком берегу вади колесницы, запряженные лошадьми, готовыми к мгновенному бегству. Нефер и Мерен спустились на песчаное дно; в лунном свете следы повозок с казной и волами все еще были хорошо видны. Несколько раз копнув деревянной лопатой, Мерен ликующе свистнул и достал первый мешочек золота. Поднимая мешочки из ямы, они считали их, чтобы точно знать, что не пропустили ни одного. Затем, пошатываясь под их тяжестью, они перенесли мешочки на берег вади и сложили возле ожидающих колесниц. Восемьсот кожаных мешочков, заполненных чистейшим золотом, образовали внушительную груду.

– Слишком много! Нам не увезти все это, – проговорил Нефер с сомнением.

– Вот один из естественных законов этого злого мира, – покачал головой Таита. – Золота никогда не бывает слишком много.

Легкие боевые колесницы не были предназначены для перевозок, но они загрузили их, так что оси просели и корпус заскрипел. Тем не менее они не погрузили на них и половину всего. Уговаривая лошадей и ведя их за поводья, они завели перегруженные колесницы в холмы и вернулись за следующей частью груза. Потребовалось еще две поездки, чтобы перевезти все.

Они разделили казну на пять равных частей и захоронили их в четырех отдельных тайниках на достаточном расстоянии друг от друга, очень стараясь не оставить никаких следов, чтобы, если бы один тайник был обнаружен, не потерять все. Пятую часть они погрузили на тринадцать колесниц, и Нефер отправил их под командой Хилто назад в Галлалу. Сразу по приезде в город Хилто должен был вернуться в сопровождении тяжелых крытых повозок, чтобы привезти остальное.

Нефер оставил у себя три колесницы. Их должны были вести он сам, Таита и Мерен. Два отряда разъехались, Хилто с груженными колесницами снова отправился на юг, а Нефер повел свою меньшую группу на восток, вслед за войском двух фараонов.

Нефер двигался днем, зная, что войско, за которым они следуют, отдыхает, встав лагерем, и что при дневном свете, имея обзор впереди, они вряд ли столкнутся с какими-либо неожиданностями.

Они поднялись по проходу на плато, где обнаружили обилие воды, хотя по большей части – загрязненной тысячами животных и людей, прошедших там до них. Лошади хорошо отдохнули, и они в легко груженных колесницах ехали быстро. Они проезжали мимо сотен покинутых лагерных стоянок, отмеченных кострищами и покосившимися остовами навесов, носилками и валяющимися повсюду отбросами. Там были и торопливо выкопанные могилы, потому что войско на марше всегда постоянно уменьшается. Гиены и шакалы уже разрыли часть их, вытащили из них тела и съели.

– Нам она понадобится, – сказал Нефер, сойдя с колесницы и встав над телом молодой женщины, вероятно, одной из маркитанток. Непонятно было, отчего она умерла, – стервятники почти завершили то, что начали гиены. У мертвой не было глаз и губ, и ее череп усмехался им покрытыми черной кровью зубами.

– Благие боги, – воскликнул Мерен. – Ты утратил обоняние? Она воняет до небес.

– Помогите мне завернуть ее. – Нефер не обратил внимания на его протест. Он нашел выброшенное длинное полотно, до того изорванное и грязное, что даже кочевники, рывшиеся в остающемся за войском мусоре, не нашли способа его использовать. Они вместе положили на него останки мертвой женщины и аккуратно обернули. Затем, несмотря на громко выражаемое Мереном отвращение, они привязали ее сзади к его колеснице.

Хотя с рассвета они ехали в завесе пыли, только к середине утра они догнали арьергард войска. Все экспедиционное войско уже встало лагерем на день, и дым кухонных костров отмечал места сотен отдельных лагерных стоянок на дороге впереди.

Нефер съехал с дороги, и они сделали круг, чтобы обогнуть обоз, держась вне поля зрения людей на дороге. Рассматривая местность впереди, они осторожно покатили вперед. В конце концов они догнали отряд повозок с казной и высокими паланкинами царских жен, остановившийся в роще оливковых деревьев. Было далеко за полдень, когда Нефер подполз к ним поближе и взобрался на тамаринд, откуда мог подглядывать через колючий терновник, окружавший лагерь.

Шатер царицы Мерикары стоял в стороне от шатра Гесерет, но сестры сидели рядом под льняным навесом, защищенные от солнца, и вкушали от обильных яств, принесенных от костров их девушками-служанками.

Нефер был недостаточно близко, чтобы подслушать их беседу. Гесерет сидела лицом к нему, болтая и весело смеясь, и была еще красивее, чем помнил Нефер. Даже в этих обыденных обстоятельствах она тщательно наносила косметику, предназначенную для того, чтобы сделать ее похожей на статую Хатор в Мемфисе. Она украсилась набором великолепных драгоценностей, а ее густые темные волосы были недавно умащены маслом и завиты. Миша, высокая черная девушка-рабыня с превосходным задом, наклонилась через ее плечо, чтобы вновь наполнить золотую чашу царицы. Брызнувшая капля красного вина упала на платье Гесерет. Царица вскочила и ударила Мишу по голове тяжелым веером из серебра и перьев страуса. Девушка упала на колени и закрыла голову обеими руками, но между ее пальцами выступила кровь. Мерикара попыталась остановить старшую сестру, но Гесерет обрушила на голову Миши град ударов и била до тех пор, пока крепление веера не разломилось, затем швырнула обломок в Мерикару и бросилась прочь, выкрикивая через плечо угрозы и ругательства.

Мерикара подняла девушку-рабыню и увела в свой шатер. Нефер терпеливо ждал, скрытый в верхних ветвях тамаринда. Некоторое время спустя Миша вышла из шатра с перевязанной головой. Всхлипывая, она исчезла среди деревьев. Нефер не шевелился, пока Мерикара не появилась у входа в шатер.

Когда они говорили в последний раз, Нефер велел сестре быть настороже и ждать, когда он придет к ней. Теперь она внимательно осмотрелась, болтая со стражником у входа в шатер, и начала без определенной цели прохаживаться по краю лагеря. Было ясно, что она серьезно отнеслась к наставлениям Нефера и внимательно оглядывала окрестности в поисках своих спасителей. Она была единственным деятельным человеком: большинство остальных прятались от жары и солнца, и даже часовые не выказали к ней никакого интереса.

Нефер достал из мешочка маленькое полированное серебряное зеркальце, поймал солнце и послал луч света в лицо Мерикаре. Она тотчас остановилась, прикрыла рукой глаза и поглядела в его сторону. Он послал луч еще три раза – условный знак – и даже с такого расстояния увидел, что ее улыбка стала сияющей, как солнечный зайчик, пляшущий на ее красивом лице.

Мерикара лежала в качающемся и трясущемся паланкине на подушках и матраце из лебяжьего пуха. Миша свернулась у нее в ногах, будто спящий щенок, но Мерикара не спала и была настороже. Занавески в паланкине были раздвинуты, чтобы впускать прохладный ночной воз-

дух, и царица слышала звуки войска на марше: стук копыт, скрип и грохот повозок, мычание тягловых волов, крики погонщиков и топот стражников рядом с паланкином.

Внезапно впереди поднялась суматоха, послышались свист и щелканье кнутов, стук колес по камням, журчание и плеск воды под копытами и колесами. Затем Меркара услышала раздраженный голос сестры:

– Эй там! Что случилось?

– Великая, мы пересекаем небольшой поток. Мне придется попросить вас спуститься, на случай если паланкин опрокинется. Безопасность вашей божественной особы – наша главная забота.

Меркара услышала, как Гесерет резко выражала свое недовольство этим неудобством, и использовала это время в своих интересах, чтобы прошептать Мише последние распоряжения. Затем они вышли из паланкина. Рабы с фонарями ждали Меркару, чтобы повести к берегу реки, где уже стояла Гесерет.

– Они разбудили меня, – сказала она Меркаре. – Я расскажу об этом чурбане-караванщике моему мужу, фараону Верхнего Египта.

– Уверена, для твоего здоровья будет полезно, если его выпорют так, что кожа слезет со спины, – с легкой иронией согласилась Меркара. Гесерет вскинула голову и отвернулась.

В этот миг выше по течению просвистел соловей, и Меркару взволновал этот звук. Когда они были детьми, Нефер пробовал научить ее подражать этим негромким трелям, но у нее никак не получалось. Птица пропела три раза, но только она заметила это. Другие были поглощены переправой неудобного паланкина и тяжелых повозок с казной через ненадежное русло реки. Тысячи проехавших раньше повозок разбили колесами берег у брода и превратили его в болото. Только после полуночи переправа завершилась, и под громкие крики волам: «Вперед!» и щелканье кнутов, последнюю повозку с казной вытянули на противоположный берег.

Затем караванщик приказал принести для царских жен носилки с креслами. Царицам помогли усесться, и команда рабов перенесла их. Когда они достигли противоположного берега, произошла очередная заминка и суматоха: одна из повозок с казной, потеряв колесо, преградила дорогу. В довершение этих неприятностей, рабы, которые перенесли Гесерет, допустили, чтобы вода потекла по ее ногам и намочила сандалии. Гесерет настояла, чтобы их тотчас наказали, и удары кнутов надсмотрщиков и вопли негодяев добавили шума.

Но за всем этим гамом Меркара вновь услышала свист соловья, на этот раз близко и на этой стороне реки.

– Не подведи, – сказала она Мише.

– Моя жизнь принадлежит вам, госпожа, – ответила девушка, и Меркара поцеловала ее.

– Ты это часто доказывала, и я никогда не забуду этого. – Она отвернулась от Миши и спокойно пошла в темноту.

Только Гесерет обратила на нее внимание.

– Куда ты, Меркара?

– Утопить злых духов, – ответила Меркара словами из их детства. Гесерет пожала плечами, поднялась в свой паланкин и задернула занавески.

Как только Меркара отошла от дороги, она остановилась и сама кое-как изобразила птичий свист.

Почти сразу же крепкая рука сомкнулась на ее предплечье, и брат прошептал ей на ухо:

– Умоляю, перестань, малышка, ты распугаешь всех соловьев отсюда до Беер-шебы.

Она обернулась, обхватила руками его шею и крепко обняла, слишком взволнованная, чтобы говорить. Он осторожно разжал ее объятия, взял за руку и повел по темному берегу реки. Он шел быстро и, казалось, видел в темноте не хуже леопарда, поскольку не спотыкался и шел

уверенно. Он не разговаривал, а лишь шептал предупреждения, когда впереди на тропинке была яма или препятствие. Мерикара шла с ним вслепую. Когда, как ей показалось, прошла половина ночи, Нефер остановился, чтобы дать ей отдохнуть.

– Миша знает, что делать? – спросил он.

– Она будет держать занавески в паланкине закрытыми и говорить всем, кто спросит, что я сплю и не хочу, чтобы меня тревожили. Никто не узнает, что я ушла.

– До завтрашнего привала, – сказал он. – Времени у нас ровно столько, чтобы бежать. Ты готова? Нам нужно перейти реку здесь.

Он легко поднял ее и понес, и Мерикару поразило, каким сильным он стал. Она была в его руках как кукла. Нефер поставил ее на противоположный берег, и они пошли дальше.

Через некоторое время Мерикара потянула его за руку.

– Откуда этот ужасный запах? – Она закрыла рот рукой.

– Это – ты, – сказал он. – Или по крайней мере та, что займет твое место.

Прежде чем он договорил, в звездном свете на тропинку перед ними вышли две темные фигуры, и Мерикара тихо охнула от испуга.

– Это всего лишь Таита и Мерен, – заверил Нефер. Они повели ее в рощицу, где их скрывала плотная завеса покрытых листвой веток, и Мерен открыл дверцу фонаря, который нес. Мерикара вновь охнула, увидев в слабом желтом свете нечто ужасное, растянувшееся на земле. Это был труп, но так страшно искалеченный, что было трудно сказать, мужчина это или женщина.

– Теперь быстрее! – сказал Нефер. – Отдай мне все свои драгоценности и одежду.

Мерикара разделась донага и все отдала Неферу. Таита дал ей небольшой узел запасной одежды – тунику, набедренник и сандалии – взамен ее собственных.

Нефер встал на колени рядом с трупом и надел на шею мертвой девушке нити ожерелий, а на кости ее пальцев и запястья кольца и браслеты. Он не мог надеть набедренник Мерикары на толстые ноги, поэтому разорвал его в клочья и выпачкал в грязи, затем уколол себе большой палец острием кинжала и накапал на тонкую ткань свежей крови. Совсем близко раздались визг и смех стаи голодных гиен.

Мерикара содрогнулась.

– Они почуяли труп.

– Они оставят достаточно свидетельств, чтобы убедить Нага: тебя съели дикие звери. – Он поднялся. – Теперь нам пора.

Колесницы ждали их чуть выше по течению. Нефер не хотел оставлять следы слишком близко к телу мертвой девушки. Втянув сестру на площадку рядом с собой, он посмотрел на восток.

– Утренняя звезда, – сказал он спокойно. – Через час будет светло. Нам следует наилучшим образом использовать оставшиеся часы темноты.

Когда в небе позади них забрезжил рассвет, подобный букету роз и мимозы, они уже были на полпути к краю плато и впереди внизу расстилалась пустыня.

Это был столь величественный вид, что они невольно остановили лошадей и с благоговением стали смотреть на океан золотых песков. Все, кроме Мерена. С видом паломника, прошедшего полмира, чтобы достигнуть храма богини, которой поклонялся, он глядел на Мерикару, стоявшую рядом с братом в ведущей колеснице. В течение долгой ночной поездки ее скрывала от него темнота, но теперь раннее солнце осветило царицу, и он рассмотрел ее. Большую часть своей жизни он знал ее как веселую, озорную младшую сестру своего лучшего друга, но сейчас увидел ее впервые после двухлетнего перерыва. Время произвело чудесные перемены. Теперь каждое сделанное Мерикарой движение, каждый жест и поворот ее головы были образцом изящества. Каждый изгиб и каждая плоскость ее лица, все изгибы и линии ее стройного тела были изящны. Ее кожа была цвета сливок и перламутра, глаза – зеленее и

ярче любого изумруда, голос и смех звучали самой пленительной музыкой, какую он когда-либо слышал.

Таита заметил выражение его лица и про себя улыбнулся. «Даже в самых тяжелых обстоятельствах люди находят поводы для радости», – подумал он, но вслух сказал:

– Великий, нам не следует задерживаться здесь дольше. Лошадям нужна вода.

У подножия холмов они съехали с дороги и поехали в южном направлении, к Большому Горькому озеру. Они ехали, пока не достигли первого тайника с водяными кувшинами, который приготовили к своему возвращению, и обнаружили, что Хилто побывал там до них. По его следам они могли судить, что колесницы тяжело загружены золотыми слитками: они двигались медленно и были недалеко впереди.

Они с облегчением увидели, что Хилто не израсходовал всю воду, а оставил нетронутыми четыре кувшина. Этого им было достаточно, чтобы напоить лошадей и добраться до следующего оазиса Зиналла.

Хотя Мерикара оживленно болтала и шутила с Нефером и Таитой, она почему-то не узнала Мерена и даже не глядела в его сторону, кроме тех случаев, когда знала, что этого не заметят. Хотя совсем недавно он относился к ней с высокомерным пренебрежением, сейчас Мерен был чересчур взволнован, чтобы открыто приблизиться к ней. Ведь она была царицей, хотя и женой ложного фараона, и в его глазах почти богиней.

В сотый раз с тех пор, как они остановились, он встал перед ней, отдыхавшей в скудной тени большой цветущей акации. На сей раз Мерикара подняла глаза и чуть наклонила голову. Он почтительно поклонился.

– Поздравляю вас, великая. Очень рад видеть вас в безопасности. Я ужасно беспокоился о вас.

Она долго смотрела на него, вспоминая и обдумывая, оценивая его рост и уверенный, мощный разворот плеч. Она видела, какими длинными и густыми стали его волосы, и не в первый раз за день ощутила, как в ее груди что-то странно сжимается.

– Мерен Камбизес, – сказала она серьезно, – в прошлый раз, когда я общалась с вами, вы испортили мой любимый бумажный змей. Могу ли я доверять вам сейчас?

– Даже саму вашу жизнь, – сказал он пылко.

Когда лошади были накормлены и отдохнули и пришло время снова ехать, Мерикара небрежно сказала брату:

– Твои лошади везли дополнительную тяжесть – меня – всю ночь. Я думаю, что сейчас должна облегчить их.

– Как это? – Он глядел озадаченно.

– Я поеду в другой колеснице. – И она пошла туда, где ее ждал Мерен.

На следующий день они достигли оазиса Зиналла и обнаружили там отряд Хилто. Нефер перераспределил вес людей и слитков поровну на пятнадцать колесниц, и они поехали к Галлале куда быстрее.

Минтака была на крыше храма Хатор, который она и несколько женщин и стариков делали пригодным для обитания богини, так чтобы можно было возобновить служение ей в ее присутствии. Зданию была добрая тысяча лет, сказать точно было невозможно, но многие фрески изумительно сохранились и нуждались только в небольшом подновлении. Крыша – другое дело. Однако ее опоры были целыми и такие крепкими, что огромные дыры в ней значили мало. Требовалось только убрать гнилые стропила, представлявшие смертельную опасность для молящихся внизу. Минтака следила за выполнением этой работы. Она была одета, как другие женщины, в простую поношенную одежду и, подобно им, загорела до ко-

ричневого цвета. Эта жизнь невероятно отличалась от закрытого существования на женской половине дворца в Аварисе, и она упивалась своей новой свободой, дружбой и обществом новых, простых, друзей.

Она выпрямилась и расправила ноющую спину, легко удерживая равновесие на высокой стене. Затем сощурилась и поглядела на зеленые поля молодой дурры и узоры оросительных каналов, заполненных искрящейся водой из источника Таиты. Стада рогатого скота и курдючных овец паслись в загонах с сочной травой, но лошадей было очень мало. Как каждый человек в Галлале, Минтака остро ощущала их недостаток.

Затем – она делала так каждый час в течение прошедших долгих и одиноких дней с тех пор, как Нефер покинул город, – она подняла глаза и окинула взглядом долину и голые, неприступные холмы, которые резко контрастировали с зелеными полями, раскинувшимися вокруг города. С той стороны приедет Нефер. Она глядела в синеву без особой надежды, поскольку в последнее время слишком часто разочаровывалась.

Внезапно она прищурилась от яркого света, и ее сердце застучало быстрее. Там что-то было, крошечное на фоне высокого необъятного неба, иллюзорное и эфирное, как перо, летящее на ветру. Возможно, пыльный смерч, один из вихрей, рожденных горячим воздухом пустыни.

Минтака отвела взгляд и вытерла пот с густых темных бровей, давая отдых глазам. Когда она посмотрела туда снова, облако пылило ближе, и она позволила себе надеяться. В этот миг бараний рог прогудел один длинный сигнал. Дозорные на вершине холмов также увидели кого-то. Все прекратили работу и стали вглядываться в глубь долины. На улицах под ними раздались взволнованные крики детей, конюхи побежали к конюшням, колесничие туда, где возле рынка стояли их колесницы. Воцарилась общая радостная суматоха.

Минтака не могла больше сдерживаться. С ловкостью воришки, пойманного за кражей плодов в саду, она спустилась по лесам, оплетавшим внешнюю стену храма. Шабако повел свою колесницу через площадь, мимо памятника битве Тана, к воротам.

– Шабако! – Она побежала, чтобы перехватить его. Он отклонился в сторону, чтобы встретить ее, и, как только остановил упряжку, Минтака прыгнула на площадку позади него. Они помчались через ворота и вдоль по изрытой колеями дороге. Впереди туча пыли быстро приближалась.

– Это они, Шабако? Скажи, что это они.

– Я действительно думаю, что это они, великая, – крикнул он в шуме ветра.

– Тогда почему ты едешь так медленно? – Через подъем впереди переехала одна колесница, и Минтака вцепилась в передний щит, пытаясь разглядеть колесничего, но тот все еще был слишком далеко.

– Посмотрите, госпожа! На ней синий флаг. – Шабако указал на лоскут окрашенной ткани, трепещущий на длинном бамбуковом шесте над колесницей.

«Это Нефер! О, все восхваления богине, это он!» – Она сорвала с головы платок и замахала им, а Нефер, подстегивая упряжку, мчался вперед, как в атаку.

– Дай мне сойти! – Она била Шабако по плечу, подкрепляя свой приказ, и возница перевел лошадей на рысь. Минтака спрыгнула с двигающейся колесницы и грациозно приземлилась, не потеряв равновесия. И, широко раскинув руки, побежала навстречу приближающейся колеснице.

Едущий следом Таита подумал, что Нефер в своем рвении рискует сбить ее, но в последний миг тот отвернул в сторону и, когда колесница потеряла скорость, далеко наклонился из колесницы и дотянулся до Минтаки. Она доверчиво бросилась к нему в руки. Если бы она поколебалась или уклонилась, она могла попасть под мчащуюся галопом упряжку или под обитые металлом колеса, но он поймал ее, высоко подбросил, и она засмеялась в его руках.

* * *

Нефер приказал своему совету собраться на старой городской площади и сообщил обо всем, что им было сделано. Он подробно описал, как они доставали слитки золота из повозок с казной, и все взволнованно слушали. Затем он представил Меркару и поведал о ее спасении из-под самого носа у Трока и Нага. Все закричали:

– Бак-кер! – и встали, чтобы приветствовать его.

Затем Нефер послал за писцами, и те взвесили золотые слитки перед членами совета. Последнее взвешивание показало, что привезли более половины лакха.

– Господа, это всего лишь пятая часть того, что мы добыли. Хилто возьмет повозки и поедет за остальным. Он выедет завтра, но ему нужно взять с собой людей.

Казалось, все здоровые мужчины в Галлале наперебой просятся в поездку, и когда Шабако и наиболее умелых и опытных из его воинов не взяли, те отчаянно возражали:

– Фараон желает, чтобы мы сидели здесь, в Галлале, и спали у очагов, будто старухи? – спросил Шабако.

Нефер улыбнулся.

– У меня для вас есть более серьезная работа. А сейчас солнце почти село, и для нас приготовлен пир победы. Мы скоро снова встретимся на военном совете, клянусь, – уверил он и закрыл собрание. Они разошлись ворча, но повеселели после того, как были выставлены первые кувшины свежесваренного пива.

Нефер приказал зарезать двух волов и дюжину жирных овец, и все время после его возвращения женщины готовили праздничный пир. Были приглашены все мужчины и женщины города, и даже гарнизонам фортов и сторожевых башен на вершинах гор посылали их долю. Подобно рытью источника, завоевание золота было достижением, которое еще сильнее сплотило их сообщество.

Таита сочинил в честь этого события героическую поэму, и, как все его творческие достижения, она получила мгновенный и ошеломляющий успех. Ему не позволили сесть, когда он закончил, и все кричали и ударяли по своим чашам на столах, пока он не прочитал вновь все шестьдесят строф. К тому времени они запомнили всю эпопею, и музыканты подобрали музыку. Все присутствовавшие с удовольствием исполнили поэму в третий, и заключительный раз.

Затем Нефер воззвал к своим подданным: любой, кто хочет высказаться, может встать и говорить. Некоторые речи были несвязными, но их хорошо принимали, другие – веселыми или такими острыми, что большинство женщин и многие мужчины смеялись до слез. В этой эмоциональной атмосфере Меркара наклонилась через Минтаку, чтобы поговорить с братом. Вокруг стоял такой шум, что ей пришлось повысить голос, чтобы он ее услышал.

– Царственный и божественный брат! – поддразнила она, поскольку также попробовала пива. – У меня есть к вам просьба.

– Сестрица, ты уже не маленькая, проси, чего пожелаешь, и, если это в моей власти, ты это получишь.

– Это полностью в вашей власти. – Она остановилась, посмотрела над столом на Мерена, поймала его жаждущий взгляд, потупилась и мило порозовела.

– Вы знаете, что ребенком меня выдали замуж без моего согласия и против моей воли. Тот брак не осуществился. Я хочу, чтобы вы объявили о моем разводе с Нагом. Хочу, чтобы вы освободили меня и я могла бы найти мужа по собственному выбору. Вот что было бы самым драгоценным подарком, который вы в силах мне сделать.

– Это возможно? – Нефер мгновенно протрезвел и посмотрел на Таиту. – В моей ли власти развести мужа и жену перед лицом богов?

– Вы – фараон, – отрезала Меркара, прежде чем Таита успел ответить. – Как Трок развелся с Минтакой, так вы можете развести меня с Нагом.

– Трок развелся с Минтакой? – спросил Нефер так резко, что все, кто слышал это, затихли.

– А вы не знали? – спросила Мерикара. – Простите, что сообщила вам это столь бестактно и бездумно. Я думала, такие важные новости доходят даже сюда.

Нефер взял руку Минтаки и склонил голову, слишком взволнованный, чтобы говорить. Мерикара беспечно продолжала:

– О да! В собственный священный праздник, в собственном новом храме фараон Трок принес в жертву барана и объявил три раза: «Я развожусь с ней». – Мерикара хлопнула в ладоши. – И – бах! – ужасное дело было сделано.

Нефер притянул Минтаку чуть ближе к себе и посмотрел на Таиту. Старик знал законы лучше любого храмового писца в Египте и теперь, в ответ на немой вопрос Нефера, торжественно кивнул.

Мерикара продолжала болтать:

– Конечно, сразу после развода он принес в жертву другого барана и вынес Минтаке смертный приговор за прелюбодеяние и святотатственное оскорбление бога.

Нефер повернул голову и глубоко заглянул в глаза Минтаке. Она ответила на его взгляд, и они обдумали значение откровений Мерикары. Лицо Нефера медленно приобрело странное выражение, подобное тому, какое бывает у осужденного, услышавшего об отсрочке казни.

– Вы свободны, моя единственная истинная любовь, – сказал он. – И ваша свобода освободила меня.

На следующее утро перед рассветом, покуда большая часть города все еще спала под действием хорошего крепкого пива, Нефер пришел к Таите в его жилище в одном из старых зданий. Таита поглядел на него, оторвавшись от свитка папируса, который читал в мерцающем желтом свете масляной лампы.

– Ты занят каким-то важным делом? – спросил Нефер со странной робостью.

– Ты же видишь. – Но Таита покорно начал скатывать свиток, наворачивая его на деревянную ось. Некоторое время Нефер бесцельно ходил по комнате, останавливаясь, чтобы осмотреть некоторые предметы, собранные стариком с тех пор, как они прибыли сюда, в Галлалу: сохранившееся оперение пестрых птиц, скелеты маленьких млекопитающих и рептилий, куски дерева и растения странной формы и разные бесформенные предметы в чашах, или бутылях, или мешках, сложенных грудами на скамьях и по углам. Таита терпеливо ждал, когда юноша объяснит причину своего прихода, хотя достаточно хорошо знал, какова она.

Нефер взял в руки окаменелые останки какого-то ракообразного и поднес к свету лампы.

– Минтака больше не замужем за Троком, – сказал он, не глядя на Мага.

– Может быть, я глух как пень на оба уха, но даже я услышал это.

Нефер положил на место окаменелость и взял медную статуэтку Исиды, кормящей грудью младенца Гора, сидящего у нее на коленях, которую Таита выкопал из-под городской стены. Она была покрыта толстым слоем зеленой патины.

– Какие ограничения наложены на брак царя, согласно уставам Хефрена? – спросил он небрежно.

Таита глубокомысленно поковырял в носу и исследовал то, что осталось на кончике его указательного пальца.

– Как любая другая невеста, его будущая жена должна быть свободна для вступления в брак: девственница или вдова, – сказал он.

– Или разведенная с мужем.

– Или разведенная с мужем по его желанию или по указу правящего фараона, – кивнул Таита. – Но прежде обожествления или женитьбы царь должен быть облечен своей верховной властью.

– Для этого фараон должен достичь совершеннолетия, которого я не достиг, или поймать свою божественную птицу, которую я пытался поймать, но неудачно, или проехать по Красной Дороге. – Нефер примолк, затем продолжил: – Чего я не сделал. Пока. – Он подчеркнул последнее слово, и Таита моргнул, но ничего не сказал.

Нефер поставил статуэтку на место и с решимостью посмотрел на Таиту.

– Я намерен проехать по Красной Дороге.

Таита молча смотрел на него.

– Ты еще не достиг полного роста и силы.

– Я достаточно вырос и достаточно силен.

– Кто с тобой поедет?

– Мерен, – сказал Нефер твердо.

– Есть другие, более сильные и опытные, от кого было бы больше толку. Будет много таких, кто с великим удовольствием захочет взять заплетенные в косу волосы фараона династии Тамоса.

– Я обещал Мерену, – упрямо повторил Нефер.

«Два большелапых щенка, бегущие вприпрыжку, полные восторга и невежества», – подумал Таита, но сказал совсем другое:

– В Галлале нет необъезженных лошадей, по крайней мере таких, которые подошли бы для этой цели.

– Я знаю, где их найти. Наг и Трок оставили все уцелевшие табуны Египта без охраны.

Таита не потрудился указать на ошибочность этого утверждения. Ложные фараоны оставили охранять Египет больше отрядов старых солдат, чем взяли с собой в месопотамскую авантюру, но он знал, что Нефер не склонен выслушивать доводы, противоречащие его твердому намерению.

– Если ты потерпишь неудачу, то потеряешь намного больше, чем свои волосы. Ты так осрамишься, что твое притязание на трон также может не иметь успеха.

– Я не осрамлюсь, – спокойно сказал Нефер. Таита ожидал именно такого ответа.

– Когда ты намереваешься проехать по Красной Дороге? – спросил он.

– Сначала мне нужно раздобыть лошадей.

После того как они отрыли источник и получили возможность использовать Галлалу как постоянную базу, Нефер по совету Таиты приказал устроить для города систему очистки. Человеческие отходы, навоз из загонов с рогатым скотом и лошадьми собирали на телеги и разбрасывали на полях как удобрение, в то время как все остальное вывозили на свалки в конце долины, скоро ставшие постоянным прибежищем для множества ворон и коршунов, стервятников и питающихся падалью аистов марабу с их неприлично голыми головами. С холмов спустились бабуины; сотни шакалов и бродячих собак рылись в кучах мусора.

По приказу Нефера на свалках каждый вечер ставили ловушки и на следующее утро пойманных животных увозили в клетках.

Тем временем Шабако и самых доверенных людей выслали на разведку в города и деревни нильской долины. Они пили в харчевнях и расспрашивали путешественников, которых встречали на дороге. Они разведали каждую крепость и военный лагерь и сосчитали солдат, которых видели входящими, выходящими и тренирующимися. Когда несколько недель спустя они вернулись, данные произведенной ими разведки были подробными и точными.

Они сообщили, что ложные фараоны оставили по меньшей мере половину пехоты, копейщиков, пращников и лучников, чтобы противостоять любой угрозе с тыла. Все пограничные крепости были полностью укомплектованы солдатами и охранялись, а их гарнизоны – наготове и бдительны.

– Трок взял большую часть колесниц в Месопотамию. Он оставил в Египте резерв из двух неполных отрядов. Однако все войсковые мастерские напряженно работают, продолжая строить колесницы.

– Лошади? – спросил Нефер.

– Они реквизировали в обоих царствах всех лошадей, на которых смогли наложить свои воровские лапы. Даже послали войсковых закупщиков в Ливию, чтобы скупить то, что удастся найти. Кажется, запасные части в Тане и Манаши набраны полностью. Однако большинство этих животных молодые и необученные. Побывавших в боях лошадей забрали с главным войском на восток.

– Тане, – решил Нефер. – Это намного ближе к краю пустыни, чем Манаши. – Он вспомнил, что в Тане, когда они ехали спасать Минтаку из Авариса, Таита использовал указ о реквизиции, выданный Нагом, чтобы получить свежих лошадей и колесницы от Сокко, старого товарища по оружию Хилто. Он стал вспоминать, стараясь вспомнить расположение военного лагеря и местность вокруг, но все это было давным-давно.

– Расскажи все, что можешь, о Тане. Там все еще командует Сокко?

– Мы пили пиво в местном «веселом доме» с сержантом военного лагеря. Он сказал мне, что Сокко так хорошо там поработал, что Трок провозгласил его «Лучшим из десяти тысяч».

Десять дней спустя Нефер и Таита сидели на густой зеленой траве и притворялись, что следят за стадом коз, пасущихся вокруг. Хотя земля в окрестностях военного лагеря в Тане орошалась на славу и была хороша для выпаса, местность была плоской и на ней не росли деревья. Холмов, с которых они могли бы наблюдать за лагерем, не было. Самые ближние холмы стояли на краю пустыни, в лиге на восток.

Оба, Маг и фараон, в изорванной, пыльной черной одежде кочевников. В этом облике они легко могли раствориться на местности, как пара зайцев или ворон. Время от времени они вставали, перегоняли коз чуть ближе к военному лагерю и снова садились на корточки в характерной манере пастухов-кочевников.

Недалеко от того места, где они сидели, паслись резервные табуны лошадей, охраняемые вооруженными и одетыми на один манер пастухами.

– Мне кажется, там больше двух тысяч лошадей, – предположил Нефер.

– Вероятно, поменьше, – покачал головой Таита. – Ближе к пятнадцати сотням, и столько нам не забрать.

Они наблюдали и ждали в течение долгого, пустого дня. За оградой вдоль коновязей работали конюхи, занимающиеся объездкой молодых животных для запрягания в колесницы. Туда, где сидели Нефер и Таита, слабо доносились приказы и щелканье пастушьих кнутов. Ближе к вечеру стада лошадей погнали с полей и из загонов к длинным коновязям за крепостью. Двое издалека наблюдали, как животных привязывали и устраивали на ночлег.

На закате Нефер и Таита собрали своих коз и медленно погнали назад в пустыню. В сумерках они увидели мчащийся по дороге из Авариса небольшой отряд из четырех колесниц. Поводья головной колесницы держал грузный воин с серебряным нагрудным украшением «Лучшего из десяти тысяч». Когда он подъехал, они оба узнали его.

– Будь он проклят Сетом, – пробормотал Нефер. – Это Сокко, старый сослуживец Хилто. Что, если он узнает нас?

Они наклонили головы, смиренно опустили плечи и побрели вслед за козами. Сокко съехал с дороги и направился прямо к ним.

– Вы, вонючие отбросы! – закричал он. – Сколько раз я должен говорить: держите вашу грязную больную скотину подальше от моей травы и моих лошадей? – Он наклонился и стегнул Нефера поперек спины. Кнут свистнул и ожег его тело, и яростный гнев ослепил Нефера. Однако он не успел стянуть Сокко с колесницы: Таита сделал запрещающий жест, приковавший его к

месту. Этот жест, казалось, подействовал и на Сокко, потому что его голос немного смягчился, когда он, смотав кнут, сказал: – Поймаю здесь снова, отрежу яйца и засуну в зад. – Он вывел колесницу на дорогу и умчался к крепости.

Шесть ночей спустя в темноте, слабо освещенной молодой луной, они вернулись в Тане с солдатами. С ними были все воины из Галлалы, способные ехать верхом, сорок всадников в окрашенной в черный цвет одежде и с намазанными сажей лицами. Каждый всадник вез большой мешок, привязанный позади него к спине лошади. Содержимое мешков корчилось, приглушенно тявкая и повизгивая, потому что в каждом из них было два или три живых шакала. Их лапы были связаны, а морды обмотаны бечевками из льняной пряжи, чтобы закрыть рты.

На копыта лошадей были надеты кожаные чулки, поэтому они ступали без звука, когда Нефер повел их колонной по одному далеко в обход западной стороны крепости, держась вне видимости от коновязей, чтобы не встревожить часовых.

Каждый солдат знал, что ему следует делать, потому что они выполняли этот маневр много раз, и отряд тускло освещенных луной темных всадников тихо продвигался между Тане и рекой. Они ехали так близко друг к другу, что по колонне можно было передать тихую команду. Нефер был в центре, Мерен на левом крыле и Шабако справа.

Когда Нефер остался доволен занятой ими позицией, он три раза просвистал соловьем, и увидел в темноте красную линию светящихся точек, поскольку его солдаты сняли крышки с глиняных горшков с огнем, которые были у каждого, и раздули пламя. Он сделал то же самое, затем открыл горловину одного из мешков на спине своей лошади и сунул туда руку. Наружу он вытащил за загривок жирную самку. Она извивалась в его руке.

От нее исходил резкий смолистый запах, достаточно сильный, чтобы заглушить естественный запах животных. Шерсть шакалов и хвосты покрывала черная вязкая жидкость. Таита собрал это липкое вещество в известном ему одному естественном источнике в пустыне. Оно струилось из земли, и Таита сказал, что оно поднялось с большой глубины. Это вещество легко горело, но он смешал его с другим, желтым кристаллическим порошком, сделавшим черную жидкость еще более горючей. Все пойманные шакалы были вымазаны этой смесью.

Нефер разрезал кинжалом бечевку, удерживавшую вместе четыре лапы самки. Когда шакалиха почуяла свободу, то стала лягаться и биться в его руке. Он поднес горшок с огнем к ее пушистому хвосту, и тот с треском вспыхнул дымным пламенем. Самка удвоила усилия убежать, но прежде чем освободить ее, Нефер просунул кончик кинжала между ее губами и разрезал бечевку, связывавшую ее морду. Самка широко открыла пасть и испустила ужасающий, неземной визг. Нефер бросил ее на землю, и маленькое существо бросилось прочь, оставляя за собой поток огня и искр, воя и визжа так, что даже ему стало вконец не по себе, а волосы на затылке встали дыбом. Он вытянул из мешка другого шакала. Везде вдоль колонны в темноте вспыхивали огненные шары. Они неслись через открытые поля, и ужасный отчаянный вой делал ночь страшной. Некоторые из мучающихся существ внезапно повернули назад к речной долине, но остальных инстинкт повел к их дому в пустыне, а военный лагерь в Тане был прямо у них на пути. Всей стаей они устремились к коновязям.

Как только Нефер выпустил последнего визжащего шакала, он выхватил меч и, ударив пятками лошадь, пустил ее в галоп. Он мчался вслед за горящими животными, и с обеих сторон вместе с ним скакали его солдаты. Они все вопили, будто демоны, добавляя свои голоса к шуму.

Некоторые из шакалов протащили свои пылающие хвосты по сухому корму и подстилке для лошадей, и те тоже вспыхнули. Всю местность озарял жуткий мерцающий свет, придающий темным всадникам вид чудовищ.

Нефер видел, как первые часовые побросали оружие и побежали, крича так же громко, как горящие шакалы.

– Джинны! – вопили они.

– Спасите нас! Темные легионы Сета напали на нас!

– Адские воинства! Бегите! Бегите!

Привязанные лошади вставали на дыбы и вырывались. Когда стойка была вытянута из земли или одна из длинных коновязей сломалась под напором, двадцать лошадей сразу освободились и помчались перед цепью вопящих и гикающих наездников, ворвавшихся в лагерь.

Нефер наклонился с лошади и ударил мечом одного из бегущих стражников. Меч глубоко вошел между лопатками, и обмякшее тело соскользнуло с лезвия. Затем Нефер повернул туда, где у коновязи, сопротивляющейся их объединенным усилиям вырваться на свободу, бились несколько испуганных лошадей. Одним ударом меча он разрубил веревку и заорал, чтобы кони присоединились к охваченному паникой табуну, затем повернул к другой группе бьющихся, сбитых с толку животных и прогнал их от коновязей в открытое поле. Шабако и его солдаты ехали с ним, крича и стегая кнутами лошадей, – стремительный поток людей и животных, сжатых в единую массу и освещенных лишь пламенем горящего позади них лагеря. Последний из шакалов сгорел, и их черные тлеющие тела остались на траве позади всадников, с топотом мчащихся к холмам.

Шабако появился из тьмы и поехал рядом с Нефером.

– Клянусь потом и семенем Сета! – крикнул он. – Это было здорово! – Он обернулся и посмотрел назад. – Пока никаких признаков преследования, а жаль. Хорошая рубка сейчас стала бы славным окончанием интересного вечера.

– Обещаю вам новые развлечения, – засмеялся Нефер, – но сейчас надо остановить стадо, пока лошади не вытрясли свои кишки.

Они изо всех сил погнали своих лошадей, рассекая мчащуюся галопом массу, пока не достигли первого ряда, и поехали ей наперерез, переводя бег угнанных коней с галопа на рысь и затем на шаг, после чего повернули их в направлении пустыни и Галлалы.

Рассвет застал длинный табун лошадей в длинной скалистой долине. Лошади двигались легким, но ровным шагом за Нефером и Шабако, а сзади Мерен и его погонщики подгоняли отставших.

Нефер искоса посмотрел на первые лучи солнца и крикнул Шабако:

– Веди их вперед. Я вернусь посмотреть, не едут ли за нами Сокко и его солдаты.

Скача назад, Нефер разглядел Мерена и трех других солдат; все они хорошо владели копьем и мечом. Он сделал им знак, и они галопом помчались к нему.

– Если за нами погоня, то стоит попробовать переубедить их.

Нефер повел их обратно по следу лошадей, и там, где скалистая долина сужалась, они с Мереном оставили трех солдат держать их лошадей, а сами поднялись на крутой, усыпанный камнями склон.

К тому времени как они достигли вершины, солнце поднялось над горизонтом, но еще не рассеяло прохладу ночи, а пыль и туманная дымка зноя еще не поднялись. Земля светилась особенным блеском рассвета в пустыне. Каждая черточка далеких скал и барханов, утесов и узловатых деревьев вырисовывалась так красиво, что захватывало дух.

– Там! – сказал Нефер. У Мерена были острые глаза, но у него еще острее.

– Десять всадников. – Мерен пытался скрыть огорчение от того, что не заметил их первым.

– Одиннадцать, – поправил Нефер, и он не стал спорить. Вместо этого он с удовольствием усмехнулся.

– Хорошая разница в сравнении с нашей пятеркой.

– Мы встретим их там. – Нефер указал в ущелье. – Там, где оно сужается. Нам не нужно, чтобы они принесли новость о нашем набеге в Аварис. Никто не должен уцелеть.

– Это подходит мне больше всего, – засмеялся Мерен.

Они ждали среди валунов, стоя возле голов своих лошадей, зажав им ноздри руками, чтобы не дать им заржать или фыркнуть и преждевременно выдать засаду. На середине проезда Нефер положил кожаный мешок, в котором ранее были пойманные шакалы. Теперь в нем лежали их накидки, в которых теперь не было нужды.

Услышав далеко в ущелье щелканье копыт о камни и скрежет разлетающегося щебня, они вскинули головы. Нефер посмотрел через открытое пространство туда, где на другой стороне ущелья прятались Мерен и один из солдат. Он поднял левую руку с растопыренными пальцами: «Тише! Быть начеку!» Отец учил его, что сигналы рукой всегда предпочтительнее команд голосом, особенно в пылу сражения, когда их могут не услышать в шуме, или в обстоятельствах, когда главное скрытность.

Теперь он слышал другие незначительные звуки, громко звучавшие в великой тишине песков: скрип снаряжения и постукивание стрел в колчанах. Нефер выглянул из-за валуна, скрывавшего его и двух из солдат. Скудная поросль хвоща скрывала очертания его головы.

Всадник появился в узком месте ущелья и остановил лошадь, увидев кожаный мешок, лежащий на дороге. Он внимательно огляделся. Остальная часть отряда собралась позади него. Нефер узнал Сокко даже в шлеме из крокодиловой кожи, и его спина зачесалась там, где кнут оставил кровавый след.

«Время ответить любезностью на любезность», – подумал он мрачно. Сокко, старый солдат, осторожный и подозрительный, не спешил. Затем он повел свою лошадь шагом вперед, другие последовали за ним. Они остановились тесной группой; все наклонялись и рассматривали мешок. Сокко пробурчал:

– Теперь осторожно! Прикройте меня сзади. – И спрыгнул с лошади. Он наклонился к мешку, и Нефер рубящим движением поднятой левой руки дал команду.

Вокруг их правых запястий были обернуты ремни для метания, расстояние до цели было небольшое. Они дружно метнули копья, и так как Хилто и Шабако обучили их до совершенства, никто не выбрал одну и ту же цель. Пять копий прогудели, будто рассерженные пчелы, и ударили туда, где никакие доспехи не могли отразить их: три в горло и два в затылок. Пятеро солдат свалились под копыта своих испуганных коней.

Нефер и его солдаты галопом вылетели из засады, с мечами наголо, с боевым кличем: «Гор и Сети!» Оставшиеся в живых после первого убийственного полета копий невольно повернулись, чтобы встретить их, но не успели вытащить мечи из ножен, прежде чем нападавшие врезались в них. Их лошади были обучены нападать грудь в грудь. Две из лошадей отряда Сокко потеряли равновесие и упали, сбросив наездников. Нефер выбрал самого ближнего солдата, который все еще сидел на лошади, и убил его уколом в горло. Сокко наконец выхватил меч и ткнул Нефера в живот. Нефер отбил удар, и его лошадь встала на дыбы и с силой ударила Сокко копытами, зацепив одним. Сокко сбросило с лошади, и он растянулся на песке. Прежде чем Нефер смог прикончить его, новый враг налетел на него с высоко поднятым мечом. Нефер подъехал под удар и вступил в схватку, нанося и отбивая удары. Они обменивались ударами и кричали, сражаясь на близком расстоянии.

Солдаты Сокко едва оправились от первого потрясения, когда Мерен, точно выбрав момент, яростно бросился вместе со своим солдатом в схватку. Он ударил мечом в сердце и торжествующе закричал. Затем он мгновенно выдернул клинок и убил снова, нанеся удар по шее. Его жертва осела на землю с наполовину отрезанной головой, дрожа и дергаясь всем телом.

Сокко потерял шлем и меч и отчаянно полз на коленях, пытаясь вернуть оружие. Он единственный из всех его солдат все еще был способен сопротивляться. Нефер наклонился со спины лошади и нацелился в открытое место, туда, где между лопатками крепился нагрудник из крокодиловой кожи, но в последний момент не смог заставить себя довести дело до конца. Он

плавно изменил удар, повернув запястье так, чтобы серповидное лезвие развернулось плоскостью, и ударил Сокко по седому затылку. Сокко упал лицом в песок.

Нефер поглядел вокруг, желая убедиться, что Мерену не нужна помощь, и спешился – в тот миг, когда Сокко застонал, потряс головой и попробовал сесть. Нефер ударил противника пяткой в грудь, и тот повалился на спину. Тогда Нефер приставил острие меча к его горлу.

– Сдавайся, Сокко, или я пошлю новость о твоей смерти твоей матери и всей сотне стад вонючих козлов, принявших участие в твоем зачатии.

На лице Сокко ошеломление сменилось вызовом.

– Дай мне дотянуться до меча, щенок, и я научу тебя, как задирать лапу, когда мочишься. – Он собирался добавить еще большее оскорбление, когда вдруг воинственное выражение исчезло из его глаз. Он запнулся и замолчал, уставившись на картуш на бедре Нефера.

– Великий, – выдохнул он. – Простите! Ударьте! Возьмите мою ничего не стоящую жизнь во искупление всех моих грубостей и глупостей. Я слышал, будто вы живы, но плакал на ваших похоронах и не мог поверить в такое чудо.

Нефер с облегчением улыбнулся. Он не хотел убивать этого обаятельного старого плута, о котором Хилто сказал, что он один из лучших объездчиков лошадей во всех египетских войсках. Хилто можно было верить.

– Ты принесешь клятву верности мне как фараону? – спросил он серьезно.

– С радостью, ибо вся земля трепещет перед вашим именем Нефер Сети, возлюбленный всех богов и свет Египта. Мое сердце бьется только для вас, моя душа будет петь о моем долге перед вами до моего смертного часа.

– Тогда, Сокко, я назначаю тебя Главой тысячи колесниц, а Таите следует опасаться за свой титул придворного поэта, ты говоришь красиво и складно.

– Позвольте поцеловать вашу ногу, фараон, – молил Сокко.

– Дай лучше руку, – сказал Нефер, сжал жесткий кулак старого воина и поднял его на ноги. – Мне жаль твоих людей. – Нефер поглядел на тела. – Если они разделяли твою преданность, то не должны были умереть.

– Они пали от руки бога, – сказал Сокко. – Нет большей чести. Кроме того, Маг Таита, может быть, спасет тех немногих, кто еще стонет и шевелится.

Три дня спустя, въезжая в Галлалу, они гнали почти четыреста лошадей, и Сокко в шлеме, высоко сидящем на бинтах, обмотанных вокруг его раненой головы, гордо ехал справа от своего нового фараона.

Сокко не только заведовал снабжением войска ложных фараонов (в ранге «Лучшего из десяти тысяч»), но был адептом Красной Дороги. Он мог назвать Неферу точное число боевых колесниц и крытых повозок для перевозки и сказать, где они были размещены. Он по памяти цитировал список поголовья лошадей и волов в лагерях в Дельте и последнюю опись оружия, хранящегося на оружейных складах.

– Трок и Наг взяли с собой в поход на восток почти все пригодные колесницы. В Египте, в Верхнем и Нижнем Царствах, осталось меньше пятидесяти. Военные мастерские в Аварисе, Фивах и Асуане работают день и ночь, но все колесницы, которые они выпускают, немедленно отправляются к Беер-шебе, на Месопотамию.

– Благодаря смелому удару фараона в Тане у нас появились лошади, хотя по большей части молодые и необъезженные, но мы не сможем вести кампанию без колесниц, – уныло сказал Хилто.

– Нельзя захватить то, чего не существует, а на все золото, лежащее теперь в царской казне, не купить и одного-единственного отряда на колесницах.

Пока они уезжали из Галлалы в набег за лошадьми, Хилто привез из тайников у дороги на восток остальное золото. Теперь в древних цистернах под городом Галлала хранилось более трех лакхов драгоценного металла. Он продолжил:

– Скоро Трок непременно услышит о наших успехах. И поймет, что мы стали реальной угрозой. Как только он захватит Вавилон, он отправит часть своего войска напасть на нас здесь. Даже если он пошлет всего сто колесниц, мы не сможем противостоять им в нашем нынешнем положении.

Когда все остальные высказали свое мнение, Нефер встал, чтобы обратиться к совету. Он долго молчал.

– Сокко, обучай для меня лошадей, – сказал он. – Мы с Таитой найдем колесницы.

– Это, великий, будет небольшое чудо, – уныло сказал Сокко.

– Не будь таким скупым, Глава тысячи колесниц, – улыбнулся Нефер. – Как нам подтвердить твой титул при помощи небольшого чуда? Давайте верить в большое чудо.

Таита стоял на черной скале. Вокруг до горизонта тянулись песчаные барханы. От подножия скалы на него озадаченно, но с интересом смотрели сто солдат. Слава Мага была безгранична, как пустыня, в которой они оказались. Все здесь были воинами, прибывшими в Галлалу по собственному желанию, покинув ложных фараонов, чтобы предложить свою верность Неферу Сети. Эта верность понемногу таяла, потому что они оказались без оружия и без колесниц, и каждый день приходили новые слухи о том, что либо Трок, либо Наг, либо оба вместе отправились покарать дезертиров.

Фараон Нефер Сети стоял возле Мага на вершине скалы. Они были поглощены спором. Иногда один или другой принимался жестикулировать или указывал на запад, где не было видно ничего, кроме песка и только песка.

Они терпеливо ждали в дневной жаре. Никто не выразил разочарования или недоверия, поскольку все трепетали перед Таитой. Когда тени между барханами полиловели, эта странная пара, молодой монарх и старый Маг, спустилась с вершины и вышла в пески. Маг бродил туда и обратно вдоль одного из барханов без какой-либо определенной цели. Время от времени он останавливался и делал длинным посохом странные, непонятные движения, затем продолжал идти, а фараон и его воины шли за ним.

Наконец в сгущающемся сумраке Маг воткнул посох в мягкий песок и начал спокойный разговор с фараоном Нефером Сети. Вдруг всех подстегнули грозные команды военачальников.

Двадцать человек побежали с выданными им инструментами для рытья. Под руководством Хилто и Мерена и под устрашающими взглядами царя и Мага они начали копать. Когда яма стала глубиной по плечо, рыхлый песок посыпался обратно почти с той же скоростью, с какой его выгребали, и пришлось удвоить усилия, чтобы продвигаться дальше. Головы копавших медленно опускались ниже уровня окружавшей их земли, пока вдруг со дна ямы не донесся взволнованный крик. Нефер прошел вперед и встал на краю.

– Здесь что-то есть, божественно великий. – Солдат стоял на коленях на дне ямы и глядел вверх. Его лицо и тело покрывал пот, смешанный с песком.

– Дай взгляну. – Нефер спрыгнул вниз и отстранил солдата. На дне виднелась часть шкуры, все еще покрытой шерстью, но твердой, как древесина кедра.

Нефер поглядел на Таиту.

– Это лошадь! – воскликнул он.

– Какого цвета? – спросил Таита. – Вороная?

– Как ты узнал? – Нефер искренне удивился.

– На поводе есть золотой картуш фараона Трока Урука? – ответил вопросом на вопрос Таита.

– Ройте дальше! – приказал Нефер потным солдатам. – Но теперь осторожно. Не повредите.

Они работали с большой осторожностью, отгребая песок голыми руками. Постепенно показалась голова черной лошади, на лбу которой был картуш Трока, выбитый на золотом диске, как и предсказал Таита.

Они раскопали всю тушу. Животное чудесным образом сохранилось в горячем сухом песке. Бальзамировщики в Фивах едва ли смогли бы достичь того, что сотворила пустыня. Рядом лежала его пара в упряжке, другой жеребец. Нефер вспомнил, как в последний раз видел этих великолепных животных: они везли колесницу Трока под хмурыми пыльными тучами хамсина.

Тем временем стемнело, и рабочие зажгли масляные лампы и поставили их на край раскопа.

Они продолжали работу всю ночь. С мертвых лошадей сняли упряжь и подняли их на поверхность. Их высохшие туши были такими легкими, что четверо солдат легко смогли поднять их.

Затем достали упряжь. Она была в отличной сохранности, и Нефер приказал конюхам немедленно приняться за работу: смазать кожу маслом и отполировать золотые и бронзовые части.

Теперь стали откапывать саму колесницу, и копавшие ахнули, очистив от песка передний щит: он был покрыт золотым листом и мерцал в свете ламп, отбрасывая блики, слепившие им глаза. Метательные и обычные копья по-прежнему были в стойках на бортах колесницы, под рукой колесничего. Каждый вид оружия сам по себе был произведением искусства; древки копий для крепости были изготовлены из нескольких слоев дерева, а металлические наконечники были острыми, как скальпели хирурга. У стрел, сделанных Гриппой из Авариса, древки были прямые и правильные, оперение – окрашено в темно-красный, желтый и зеленый цвет, с царским картушем, вырезанным на древках.

Большой военный лук Трока по-прежнему оставался в стойке, и только тетиву требовалось заменить. Нефер согнул лук руками и задался вопросом, хватило бы ему силы, чтобы натянуть его в бою.

Когда всю колесницу откопали, под ее основание пропустили веревки и подняли повозку из раскопа. Золотой лист был откован так тонко, что добавлял не больше двух телей к весу колесницы; чтобы выдержать этот вес, основание колесницы было вырезано из твердого черного дерева, срубленного в зловещих дождевых лесах гораздо южнее границ Египта. Эта порода дерева была более упругой, чем самая лучшая бронза, но легкой и прочной. Можно было уменьшать ее толщину, чтобы уменьшить вес, не жертвуя прочностью.

Было утро, и солнце вставало над горизонтом. Нефер и Таита ходили вокруг колесницы, блестевшей на свету, такой гладкой и изящной, что казалось, она уже была в движении. Ее единственное дышло словно бы в любовной истоме ожидало прикосновения двух гордых коней. Нефер погладил золотую пластину. Она была гладкой, как кожа прекрасной женщины, и теплой под его руками.

– Она похожа на живое существо, – выдохнул он. – Я уверен, что никогда не создавали более великолепного оружия войны.

– Пятьдесят лет назад я построил колесницу для господина Тана, – фыркнул Таита и покачал головой. – Видел бы ты ее! Но она покоится вместе с ним в гробнице в далекой Эфиопии.

Нефер скрыл улыбку – старик никогда не согласится быть вторым среди лучших.

– Тогда мне придется удовольствоваться этой скверной рабочей телегой, – сказал он серьезно. – Теперь мне нужен только синий меч, украденный Нагом у отца.

За следующие недели и месяцы Таита точно определил положение других засыпанных колесниц и их снаряжения. Рабочие откапывали их и отправляли к изготовителям колесниц, которые устроили под защитой скалы мастерскую, покрыв ее крышей из пальмовых листьев.

Пятьдесят мастеров и почти сто оружейников трудились в течение светового дня, не останавливаясь даже во время яростного полуденного зноя. Оружейники полировали и затачивали мечи, метательные и обычные копья. Они заново перевязали древки и насадили наконечники. Над слабым огнем выправили погнутые стрелы. Изготовители колесниц разбирали каждую колесницу, как только ее извлекали из-под песка, проверяли каждую деталь, красили и покрывали лаком основание и боковые щиты, проверяли балансировку и смазывали оси колес, чтобы они хорошо крутились. Затем заново собранные колесницы отсылали в Галлалу с грузом восстановленного оружия, чтобы оснастить войско, которое обучали Хилто, Шабако и Сокко.

Многие из колесниц были так глубоко захоронены под горячим желтым песком, что были утрачены навсегда или до тех пор, пока следующая великая буря не раскроет их, но в конце концов люди Нефера откопали сто пять колесниц. Достаточно, чтобы оснастить пять отрядов.

Когда Нефер въезжал в ворота Галлалы на царской колеснице, Мерен стоял на площадке рядом с ним.

Минтака и Мерикара стояли на крыше фронтона храма Хатор и сыпали на них лепестки олеандра, когда они проезжали внизу.

– Он такой красивый. – Голос Мерикары был хриплым от благоговения. – Такой высокий и красивый.

– Очень высокий, красивый и сильный, – согласилась Минтака. – Он будет самым великим фараоном в истории Египта.

– Я имела в виду не Нефера, – сказала Мерикара.

К этому времени между городом и Египтом образовался процветающий контрабандный путь, и в город регулярно приходили караваны из порта Сафага на восточном море. После захвата казны Трока и Нага Галлала превратилась в город, богатый золотом. Подобно гиенам, торговцы издалека учуяли аромат желтого металла и повезли в город товары со всех концов света. В настоящее время не было такой роскошной вещи или потребности, которую нельзя было бы купить в лавках города, поэтому Минтаке для пира в честь встречи удалось получить повозку самого лучшего красного вина с виноградников храма Осириса в Бусирисе, и она приберегла его на вечер того дня, когда вернулись колесничие.

По ее распоряжению мясники насадили на вертела и целиком зажарили десять волов и сотню кур и гусей. Быстро доставили с побережья, меняя, для скорости, колесницы, свежую рыбу и корзины омаров в морских водорослях. Длинноусые омары все еще были живы и пищали, когда их опускали в кипящие горшки. Охотники обыскали окрестную пустыню и вернулись с газелью, сернобыком и мясом и яйцами страуса.

Пир был радостным празднованием их достижений и маленьких побед над ложными фараонами. Вино текло рекой, когда Нефер поднялся, чтобы приветствовать гостей и объявить о том, что из-под песка откопано пять отрядов.

– С лошадьми, которых мы освободили от тирании Трока... – при этих словах раздались крики и громкий смех, – с оружием и колесницами, которые у нас сейчас есть, мы сможем защититься от Трока и Нага. Вы знаете, что каждый день к синему знамени приходят новые солдаты. Скоро речь пойдет не просто о защите, а о возврате того, что было у нас украдено, о воздаянии за страшные дела этих двух чудовищ. На их руках кровь истинных и благородных царей. Они – убийцы царя Апепи, отца благородной женщины, сидящей рядом со мной, и моего родного отца, фараона Тамоса.

Гости замолчали и озадаченно смотрели друг на друга в ожидании объяснения. Затем поднялся Хилто. Нефер подготовил его, попросив задать вопрос.

– Божественно великий, простите мое невежество, поскольку я – лишь простой человек, но я не понимаю. Весь мир знает, что царь Апепи погиб по несчастной случайности, когда его барка загорелась во время стоянки на якоре в Баласфура. А вы сейчас возлагаете вину за его смерть на лжефараонов. Отчего?

– Среди нас есть свидетель истинных событий той трагической ночи. – Нефер протянул руку и помог Минтаке подняться. Присутствующие приветствовали ее, поскольку все полюбили ее за красоту и добрый нрав. Когда Нефер поднял руку, они затихли и стали внимательно слушать ее рассказ об убийстве ее отца и братьев. Она подбирала простые слова и говорила с жителями Галлалы как с друзьями и товарищами, и ей удалось разделить с ними собственный ужас и горе. Когда она закончила, они рычали, как голодные львы в клетке во время кормления.

Теперь Шабако поднялся и задал заготовленный вопрос:

– Однако, божественный фараон, вы говорили и о смерти вашего отца, благословенной памяти царя Тамоса. Как он был убит и кем?

– Чтобы ответить на этот вопрос, мне следует призвать Мага, господина Таиту, от которого нельзя скрыть тайны, какими бы замысловатыми и ужасными они ни были.

Таита повернулся к ним и заговорил шепотом, приковавшим общее внимание. Каждое его слово доносилось до слуха даже сидевших с краю, и эти тихие слова так сильно контрастировали с ужасными событиями, о которых шла речь, что мужчины дрожали, а женщины плакали.

Наконец Таита поднял сломанную стрелу с темно-красными, зелеными и желтыми перьями.

– Вот причина смерти фараона Тамоса. Стрела с печатью Трока, но выпущенная Нагом, человеком, которого фараон любил и которому доверял как брату.

Они выкрикивали в звездное небо над Галлалой слова возмущения и требования справедливости. Таита бросил стрелу в ближайший костер, на котором жарился вол. Она не выдержала бы более близкого осмотра, поскольку это была не стрела, убившая фараона, а одна из тех, что он взял из засыпанной песком колесницы. Он сел и закрыл глаза, как будто успокаиваясь перед сном.

Нефер позволил гостям дать полный выход их чувствам, и когда они начали понемногу успокаиваться, дал знак принести еще кувшины с вином.

Оставалось сделать последнее заявление, и он подождал, пока настроение у всех не смягчилось, после чего встал снова. Все затихли и смотрели на него с ожиданием, усиленным хорошим вином из Бусириса. Ночь принесла уже множество чудес, и они задавались вопросом, что это могло быть теперь.

– Прежде чем царь поведет свои войска против врагов священной земли наших предков, он должен стать настоящим царем, истинным и подлинным. Я намерен повести вас против узурпаторов, но я еще не облечен властью фараона. Я могу пройти это посвящение, если дождусь совершеннолетия, но оно все-таки еще далеко, и я не хочу ждать так долго. Да и мои враги не окажут мне такой любезности. – Он примолк. На него смотрели с обожанием – он был так молод и, однако, высок и прям, в точности как его отец. Но вот Нефер поднял правую руку жестом, каким дается клятва.

– Перед людьми и богами объявляю: я проеду по Красной Дороге, дабы доказать, что я ваш царь.

Одни гости вздохнули и покачали головами, другие вскочили на ноги с криком:

– Нет! Фараон, мы не хотим увидеть вашу смерть!

Некоторые закричали:

– Бак-кер! Если он потерпит неудачу, то умрет храбрецом.

В ту ночь Минтака со слезами допрашивала его:

– Почему вы не сказали об этом первой мне?

– Потому что вы попытались бы остановить меня.

– Но зачем вам это?

– Этого требуют мои боги и мой долг.

– Даже если это убьет вас.

– Даже если это убьет меня.

Она долгим взглядом посмотрела в его зеленые глаза и поняла, каким твердым было его решение. Тогда она поцеловала его и сказала:

– Я горжусь, что буду женой такого человека.

Астрологи из числа жрецов Гора при помощи Мага заглянули в календари и установили, что испытание Красной Дорогой состоится в день новой луны бога. Поэтому, как заметил Таита, у Нефера оставалось мало времени, чтобы подготовиться. Он оставил все свои другие обязанности, передав даже ведение государственных дел Таите и совету, а сам все внимание направил на первую задачу, которую ему необходимо было решить. Новичок мог явиться на испытание, только объездив и обучив собственную упряжку, что повезет его по Красной Дороге.

Неферу следовало выбрать лошадей из табуна, захваченного ими в Тане, и приучить их к дышлу колесницы. Ему хотелось попросить Сокко помочь с выбором лошадей для упряжки: тот не только был знаменитым конником, но и знал каждое из захваченных животных. Однако Сокко был одним из пяти воинов в Галлале, проехавших по Красной Дороге, и одним из тех, кому предстояло экзаменовать Нефера. Он не мог помогать ему готовиться к испытанию.

Был другой человек, к кому Нефер мог обратиться: знания Таиты, опыт обращения с лошадьми и в тактике езды на колесницах превосходили даже опыт Сокко. Однако Таита не был воином Красной Дороги. Физический изъян исключил его из этого братства; к этому добавлялись и религиозные соображения. Он никогда не отказался бы от Гора и других богов пантеона, чтобы обратиться к таинственному Красному Богу войны, чье имя знали только его адепты.

Они вдвоем провели первый день на склоне холма над зелеными полями, где паслись необъезженные лошади. Они сидели и смотрели на животных внизу, обсуждая тех, что попадались на глаза. Нефер указал на красивого белого жеребца, но Таита покачал головой.

– Серые смотрятся хорошо в упряжке, но я всегда остерегаюсь их. Я обнаружил, что им недостает выносливости и отваги. Давай поищем черных или гнедых, одинакового цвета.

Нефер выбрал молодую кобылу с белой звездочкой на лбу, но Таита снова покачал головой.

– Кочевники говорят, что белая отметина – след прикосновения дьявола или джинна. Я хочу, чтобы на выбранных нами животных не было белого цвета.

– Ты веришь их болтовне?

Таита пожал плечами.

– Звездочка или белый носок нарушают симметрию. Тебе следует выглядеть фараоном, когда ты будешь выезжать, и твоя упряжка должна быть достойна фараона.

Таита и Нефер оставались на склоне холма до сумерек и на следующее утро, как только достаточно рассвело, чтобы разглядеть тропинку, снова пришли туда вместе с Мереном и тремя конюхами. Они начали сортировать лошадей, выводя всех животных с изъяном на смежное поле. К полудню они уменьшили поголовье до двадцати трех животных; все они были стройные и сильные, без шрамов, пятен и без видимых неправильностей в походке. Ни на одном не было ни единого белого волоска.

Они подождали, пока лошади успокоятся, и когда те стали спокойно пастись, сели на траву и стали смотреть на них.

– Мне нравится тот черный жеребец, – сказал Нефер.

– Он хромой. У него почти наверняка треснуло левое переднее копыто.

– Он не хромает, – возразил Нефер.

– Смотри на его левое ухо. Он дергает им при каждом шаге. Вели Мерену увести его.

Чуть позже Нефер отметил черную кобылу.

– У нее красивая голова и умные глаза.

– Она слишком пуглива. Глаза скорее возбужденные, чем умные. Она испугается шума сражения. Пусть Мерен уведет ее.

– А как тот черный жеребец с длинными хвостом и гривой?

– Длинный хвост скрывает то, что сзади конь ниже на половину длины пальца.

К исходу дня на поле осталось лишь шесть лошадей. По молчаливому согласию они избегали говорить об одном из жеребцов. Слишком ясно было – его им и придется выбрать. Это было изумительное животное: не слишком высокий и не слишком тяжелый, хорошо сложенный, с сильными ногами и спиной. Длинную шею венчала благородная голова. Они смотрели на него дольше, чем на прочих.

Наконец Маг заговорил:

– Я не могу найти в нем никакого изъяна. В его глазах – искры, рожденные огнем в его сердце.

– Я назову его Крус, – решил Нефер. – Кочевники называют так огонь.

– Да, имя очень важно. Я никогда не видел хорошую лошадь с плохим именем. Как будто боги слышат. Пусть Крус будет справа. Но теперь тебе нужен второй конь.

– Другой жеребец... – начал Нефер, но Таита остановил его.

– Нет, слева нам нужна кобыла. Женское влияние, чтобы обуздывать Круса и успокаивать его в пылу боя. Благородное сердце, чтобы поддержать его, когда дорога будет тяжела.

– Ты уже выбрал, не так ли? – спросил Нефер.

– Ты тоже, – кивнул Таита. – Мы оба знаем, кто это должен быть.

Их взгляды вновь обратились к кобыле, спокойно пасущейся около главного оросительного канала, чуть поодаль от Круса и остальной части табуна. Будто понимая, что говорят о ней, она подняла голову и посмотрела на них большими блестящими глазами под густыми ресницами.

– Она прекрасна, – прошептал Нефер. – Я хочу забрать ее, не накидывая веревку. – Таита промолчал, и еще через минуту Нефер решительно сказал: – Попробую. – Он встал и крикнул Мерену: – Уведи всех с поля. Оставь только гнедую кобылу.

Когда Нефер и кобыла остались на поле одни, он отошел от изгороди и спокойно двинулся в ее сторону, шагая не прямо к ней, а под углом к ее голове. Как только она выказала первые признаки волнения, Нефер сел на корточки на зеленую траву и стал ждать. Кобыла продолжала щипать траву, но то и дело косилась на него. Нефер тихо запел песню об обезьяне, и кобыла подняла голову и снова посмотрела на него. Он вынул из мешочка на поясе лепешку из дурры и, не вставая, протянул ее лошади. Та раздула ноздри и шумно втянула воздух.

– Ну, моя дорогая.

Лошадь сделала неуверенный шаг в его сторону, остановилась и вскинула голову.

– Милая, – тихо говорил он, – моя чудная красавица.

Она медленно подошла, до отказа вытянула шею и шумно понюхала лепешку. Испуганная собственной смелостью, она отскочила и умчалась прочь галопом, сделав широкий круг по полю.

– Летит как ветер, – воскликнул Мерен.

– Дов. – Нефер произнес слово, которым кочевники называли северный ветер, мягкий прохладный ветер зимней поры. – Дов, вот ее имя.

Показав свою женскую капризность, Дов кокетливо вернулась к нему по кругу и подошла с другой стороны. На этот раз она с готовностью приняла угощение, и, когда начала жевать, из ее рта потекла слюна. Она провела бархатистой мордой по открытой ладони Нефера в поисках

крошек и, не найдя ни одной, потянулась к мешочку и толкнула его так требовательно, что опрокинула Нефера на спину. Он поднялся и достал другую лепешку.

Пока кобыла ела, он коснулся ее шеи другой рукой. Ее темная коричневато-красная шкура задрожала, показывая ее страх, но она не отпрянула. В ее ухе сидел клещ, и Нефер вытащил его, раздавил между ногтями и протянул кровавые остатки ей понюхать. Она вздрогнула от отвращения и повела глазами от такого оскорбительного запаха, но позволила осмотреть и поласкать другое ухо. Когда Нефер пошел с поля, Дов последовала за ним к ограде, будто собака, перевесила голову через перекладину и заржала ему вслед.

– Меня снедает ревность. – Минтака наблюдала за их встречей с крыши храма. – Она уже любит вас почти так же, как я.

На следующее утро Нефер пришел на поле один. Таита и Мерен наблюдали за ним с крыши храма. То, что происходило, было делом Нефера и Дов, и никому не следовало вмешиваться.

Нефер свистнул, подойдя к ограде, и Дов вскинула голову и галопом поскакала через поле, ему навстречу. Она подскакала к нему и сразу толкнула мордой принесенный им мешочек.

– Ты – типичная женщина, – побранил ее Нефер. – Интересуешься только подарками, которые я приношу тебе.

Она ела лепешку, а он поглаживал ее, пока наконец не обнял одной рукой за шею. Затем он повел Дов вдоль ограды и обратно, и она опиралась на его плечо. Он скормил ей еще одну лепешку, и когда лошадь наслаждалась ею, попятился вдоль ее левого бока, поглаживая ее и рассказывая, какая она красивая. Затем одним плавным движением он подпрыгнул и сел ей на спину. Она шарахнулась под ним, и он приготовился к ее первому сильному прыжку, но Дов не двигалась с места, дрожа, чуть расставив ноги. Затем она повернула голову и посмотрела на Нефера с таким смешным удивлением, что он не удержался и захохотал:

– Все в порядке, моя дорогая. Это то, для чего ты рождена.

Она топнула передним копытом и фыркнула.

– Ну, ну, – сказал он. – Разве ты не попробуешь сбросить меня? Давай сразу решим это. – Она потянулась назад и понюхала палец его ноги, будто никак не могла поверить, что Нефер так ужасно покусился на ее достоинство. Она задрожала и опять топнула копытом, но осталась на месте.

– Ну, поехали! – сказал Нефер. – Давай попробуем легкий галоп. – Он коснулся пятками ее боков, и Дов вздрогнула от неожиданности, но затем пошла вперед. Они спокойно прошли вдоль ограды, и он снова тронул ее пятками. Она пустилась трусцой, затем перешла на спокойный легкий галоп. Мерен радостно кричал на крыше храма, а мужчины и женщины, работавшие в полях, разогнули спины и с интересом наблюдали за происходящим.

– Теперь давай посмотрим, что ты действительно умеешь. – Нефер легко хлопнул ее по шее и подстегнул толчком бедер. Она увеличила шаг и будто поплыла над землей, как легкий ветер, в честь которого ее назвали; изящные копыта, казалось, едва касались земли. Дов бежала так быстро, что ветер жег ему глаза, и слезы струились по вискам, увлажняя густые локоны.

Они мчались и мчались вокруг загона, а на крыше храма хлопала в ладоши и кричала от удивления Минтака.

Рядом с ней сдержанно улыбнулся Таита.

– Царская пара, – сказал он. – Их трудно будет догнать на Красной Дороге.

Весь город услышал о любви, мгновенно вспыхнувшей между фараоном и его кобылой. Теперь по всей Галлале быстро распространилась весть, что Нефер собирается заарканить Круса. Все конюхи знали, что жеребец – с норовом. Их волновала грядущая первая попытка Нефера объездить его. Никто не вышел на поля в то утро, и вся работа в мастерских по изготовлению

колесниц и на стройках остановилась. Даже отрядам новобранцев дали отпуск на день, чтобы посмотреть на эту попытку. Поэтому вспыхнули жесткие споры из-за лучших мест на городских стенах и крышах, откуда можно было смотреть на поле ниже источника Гора.

Нефер и Мерен вышли через ворота под иронические приветствия и непристойные советы, выкрикиваемые со стен шутниками из толпы. Крус был в центре табуна. Он выделялся среди других животных совершенной головой и тем, что был выше на целую ладонь. Все лошади ощутили настроение зрителей и были пугливыми и возбужденными, когда двое мужчин остановились у ворот и повесили на изгородь свернутые льняные веревки.

– Попробую сначала подойти к нему с лепешкой, – сказал Нефер, и Мерен засмеялся.

– Посмотри на его глаза. Думаю, он сначала съест тебя, а потом лепешку.

– Однако я попытаюсь. Жди здесь.

Нефер зашел в ворота и стал медленно подходить, как делал это с Дов. Крусу не понравилось это внимание. Он выгнул длинную шею и завращал глазами. Нефер остановился и дал ему успокоиться, так что жеребец снова принялся пастись. Нефер достал из своего мешочка лепешку из дурры и протянул коню, но когда двинулся вперед, Крус вскинул голову, лягнул задними копытами воздух и понесся галопом вдоль изгороди. Нефер с сожалением усмехнулся.

– Так он принимает мои подарки. С ним будет нелегко.

– Посмотри, как бежит! – воскликнул Мерен. – Милосердный Гор, если Дов – северный ветер, то этот – хамсин.

Крус бежал сейчас вместе с другими лошадьми, ведя их. Нефер и Мерен вошли на поле вместе и вдвоем осторожно согнали табун в угол изгороди из тяжелых жердей. Там лошади нервно кружились в пыли, когда они подошли. Затем они рванулись в другую сторону, помчавшись галопом обратно к верхнему концу поля, прежде чем Нефер смог преградить им путь. Еще два раза Крус выводил лошадей из западни, но затем Нефер послал Мерена, отсечь его от табуна на дальнем конце поля, и Крус сделал первую ошибку. Он с топотом вернулся к Неферу.

Нефер размахивал петлей на конце длинной льняной веревки, которую нес смотанной на плече, и ждал, когда жеребец пробежит по узкому промежутку между ним и деревянными перекладинами забора. Выжидая, Нефер поднял петлю в воздух, вращая ее над головой, и, когда Крус галопом промчался мимо, вытянув шею, бросил петлю. Та аккуратно упала ему на голову и опустилась до плеч. Витки веревки один за другим соскакивали с плеча Нефера – Крус уносился прочь. Нефер покрепче уперся в землю ногами, расставив их шире, и отклонился назад. Конец веревки был полдюжины раз обмотан вокруг его запястья.

Веревка, на которой бежал жеребец, сильно дернулась, Нефера сбило с ног и потащило на животе. Жеребец почувствовал охват веревки и натяжение, запаниковал и понесся. Он тащил за собой Нефера, который подскакивал и крутился на другом конце веревки, будто волокуша.

Толпы людей на крышах и стенах взорвались истеричной радостью и приветствиями. Минтака закусила пальцы, чтобы не закричать, а Мерикара закрыла глаза рукой и отвернулась.

– Не могу смотреть на это! – воскликнула она.

Жеребец достиг изгороди в конце поля и помчался вдоль нее. На миг натяжение веревки ослабло, и Нефер воспользовался этим, чтобы перекатиться на ноги. Его живот и ноги были исцарапаны и покрыты зелеными пятнами от травы, но веревка крепко держалась вокруг запястья. Она снова сильно дернулась, и его сильно рвануло вперед, но он устоял на ногах. Используя силу тяги, он устремился вслед за Крусом размашистыми шагами, держась за веревку.

Сделав круг по полю, Крус замедлил бег, и Нефер закрепил свое достижение, глубоко втыкая в землю пятки окованных бронзой сандалий. Затем, когда они затормозили, он резко потянул конец веревки, застав жеребца врасплох. При изменении направления тяги жеребец споткнулся, а как только он выправился, Нефер снова дернул веревку. Жеребец проволок Нефера по

земле еще дважды, но всякий раз тому удавалось вновь подняться на ноги и заставить жеребца считаться с ним.

Тем временем Мерен открыл ворота и вывел остальную часть табуна на смежное поле, после чего закрыл ворота, предоставив человеку и лошади пустое поле для единоборства.

Нефер для опоры втыкал в землю пятки и поворачивал голову жеребца к изгороди, вынуждая его сопротивляться тяге или врезаться в тяжелые жерди. Он выбрал слабину веревки и бросился вперед. Прежде чем Крус смог оправиться, Нефер намотал три витка веревки на тяжелый угловой столб изгороди и остановил жеребца. Крус вставал на дыбы и метался, тряся головой и кося глазами, пока не показались белки.

– Теперь попался, – выдохнул Нефер и стал, перебирая руками веревку, продвигаться к коню. Крус встал на дыбы и дернул веревку, пронзительно заржав.

– Тише, тише. Ты хочешь убить нас обоих?

Крус снова встал на дыбы и поднял в воздух Нефера. Затем он опустился, и они встали друг против друга. Жеребец сильно дрожал, по его спине и плечам тек пот. Неферу было не лучше: его грудь и живот покрывали царапины и порезы от травы, из которых сочились кровь и бледная лимфа. По его телу тоже струился пот, а лицо было перекошено от усилия удержать жеребца.

Они оба отдохнули, и Нефер снова начал медленно подбираться к Крусу, сматывая веревку. Он добрался до головы жеребца и закинул руку ему за шею. Крус снова встал на дыбы и высоко поднял Нефера, но тот держался крепко. Снова и снова Крус пытался вырваться, но Нефер не отставал.

Наконец жеребец встал дрожа, и прежде чем он мог оправиться, Нефер набросил на его заднюю ногу веревочную петлю и крепко затянул. Когда Крус снова хотел побежать, его нос почти коснулся его правого бока. Жеребец мог поворачиваться только в узком круге. Нефер завязал на веревке узлы, так чтобы они не соскользнули и не удушили Круса, и пошатываясь отошел назад.

Он так устал, что едва держался на ногах. Крус попробовал побежать, но смог только пройти еще один узкий круг. Он бежал и бежал по кругу в правую сторону, все медленнее и медленнее, пока наконец беспомощно не остановился в замешательстве, с носом, повернутым к задним ногам.

Нефер оставил его и, весь избитый, поплелся к воротам.

На следующее утро, когда Нефер вышел из ворот и направился к полю, крыши и стены снова были запружены мужчинами и женщинами. Фараон старался не хромать. Благодаря бальзамам и мазям, которые смешал Таита и нанесла Минтака, его раны к вечеру запеклись. Крус стоял в том же положении, в каком Нефер оставил его накануне вечером, нос к хвосту.

Войдя через ворота на поле, Нефер тихо запел. Крус не шелохнулся, но плотно прижал уши и злобно оскалил зубы.

Нефер медленно пошел вокруг него, напевая и тихо разговаривая с ним, и Крус заволновался и попробовал убежать, но был вынужден продолжать двигаться по кругу. Нефер схватил накинутую на шею жеребца веревку и осторожно завязал на ней узлы так, чтобы их можно было одним движением развязать и сбросить веревку.

Затем он спокойно перешел к левому боку Круса, где жеребец его не видел. Нефер гладил его спину и продолжал говорить, собираясь с духом. Затем одним легким движением подпрыгнул и сел на спину Крусу. Жеребец вздрогнул всем телом и замер от страха и оскорбления. Он хотел бежать, но его голову что-то удерживало внизу. Он с трудом сделал еще один круг и попытался встать на дыбы, но веревка сильно сдавила ему шею. Он снова остановился, но его уши были прижаты.

Нефер дернул за веревку, развязывая скользящие узлы – сначала тот, что удерживал заднюю ногу Круса, затем петлю вокруг его шеи. Веревка упала, и Крус поднял голову и выгнул шею. В следующий миг ничего не произошло. Затем жеребец понял, что свободен. Будто чайка, бросающаяся в полет, Крус, казалось, взмыл в воздух на четырех выпрямленных ногах, коснувшись носом передних копыт. Он опускался вниз и снова подпрыгивал, крутясь на месте, бросаясь из стороны в сторону. Нефер держался на его спине, будто врос в нее. Крус начал брыкаться, злобно лягая воздух задними ногами. Во время этих неистовых скачков он перебежал с одного края поля на другой.

Затем он высоко поднялся на «свечку» и упал на спину с глухим ударом, ясно донесшимся до зрителей на стенах, стараясь раздавить своего всадника между собой и землей.

Минтака вскрикнула, ожидая услышать треск ломающихся костей, но Нефер вскочил невредимый, приземлившись, будто кот, и присел рядом с жеребцом. Крус лежал на спине и бил ногами в воздухе.

– Только умная и воинственная лошадь может попытаться вот так убить человека, – хладнокровно заметил Таита.

Потерпев поражение, Крус поднялся на передние ноги, но прежде чем он смог снова встать на все четыре копыта, Нефер прыгнул ему на спину. Жеребец замер под ним, дрожа и тряся головой, затем бросился в яростный галоп. Он мчался через поле огромными скачками прямо к изгороди. Нефер лежал, прижавшись к его шее, и кричал ему:

– Да! Так быстро, как ты хочешь!

Крус летел к высокой изгороди не останавливаясь, и Нефер переместил свой вес, чтобы помочь ему. Они вместе поднялись на огромной волне силы и, перелетев точно над верхним брусом, приземлились, не потеряв равновесия.

Нефер смеялся от радости и подгонял жеребца толчками бедер.

– Вперед! Давай посмотрим, насколько ты хорош.

Крус помчался вверх по склону голых холмов, будто дикий сернобык, и исчез за горизонтом, направляясь в пустыню. Приветствия и гвалт на городских стенах замерли, и наступила глубокая тишина.

– Нам следует послать кого-нибудь за ними! – воскликнула Минтака в тишине. – Он может сбросить Нефера. Возможно, он лежит там, в пустыне, со сломанной спиной.

Таита покачал головой.

– Сейчас это дело их двоих. Никто не должен вмешиваться.

Они ждали на стенах и крышах домов, а солнце тем временем достигло зенита и начало опускаться к горизонту, но никто не покидал своих мест – они не могли пропустить кульминацию этого поединка силы и выдержки человека и животного.

– Они убили друг друга, – волновалась Минтака. – Эта лошадь – чудовище. Если она поранила Нефера, я уничтожу ее, – клялась она неистово.

Медленно, как капает мед, прошел еще час, и по гребню стены пробежало движение. Люди, вскочив, смотрели на гребень холмов, и приглушенный шум голосов медленно перерос в возбужденный хор криков и смеха.

На горизонте появилась жалкая пара. Жеребец шел, повесив голову, его шкура потемнела от пота и была покрыта высохшей на ней солью. Его чрезвычайная усталость сквозила в каждом его медленном шаге. На его спине устало согнулся Нефер, и когда Крус пошел вниз по склону, все увидели, как сильно побито и покрыто синяками тело фараона.

Крус достиг подножия холмов. Он слишком устал, чтобы снова перескочить через забор, и покорно шел по пыльной дороге к городским воротам.

Минтака закричала:

– Бак-кер! Отлично, великий!

И ее крик немедленно был подхвачен и полетел от человека к человеку, пока не отразился эхом от холмов над источником Осириса.

– Бак-кер! Бак-кер!

Нефер выпрямился на спине жеребца и высоко поднял кулак в победоносном приветствии. Радостные клики удвоились.

Под стенами он показал свою власть, заставив Круса сделать несколько поворотов, сначала в одну, затем в другую сторону. Затем он остановил его, хлопнув рукой по холке, и поднял на дыбы. Его приказы были почти незаметны: легкое нажатие коленей, или палец ноги, уперевшийся под переднее колено Круса, или малозаметный перенос веса, – но лошадь отвечала покорно.

– Я боялся, что он сломит дух жеребца, – сказал Таита Минтаке, – но Крус – из тех редких существ, что нуждаются в суровом обращении, а не в доброте. Нефер должен был установить свою власть, и, Гор свидетель, я никогда не видел, чтобы это делалось так быстро и бесповоротно.

Нефер въехал в городские ворота и помахал Минтаке, затем поехал по длинной улице к коновязям. Он привязал Круса и протянул ему кожаное ведро, чтобы напоить. Как только жеребец утолил жажду, фараон горячей водой смыл с него пыль и засохший пот и отвел в конюшню, чтобы конь мог покататься в песке. Он наполнил его торбу раздробленным просом, подслащенным медом, и, пока Крус жадно ел, вытер его, рассказывая, каким тот был храбрым, как они поскачут вместе по Красной Дороге, а Крус двигал ушами, слушая его.

Когда солнце село, Нефер толстым слоем расстелил на полу конюшни солому. Крус понюхал ее, набрал полный рот, пожевал, а затем устало опустился и растянулся на боку. Нефер лег на солому рядом и положил голову на шею Крусу. Они заснули вместе, и Минтака той ночью лежала одна.

На следующий день Нефер познакомил Круса с Дов. Лошади осторожно закружились друг перед другом, понюхали друг другу рты и закружились вновь. Когда Крус сунулся носом под хвост Дов, та притворилась оскорбленной и лягнула его задними ногами, а затем кокетливо убежала, и Крус поскакал вслед за ней. Нефер позволил им пастись вместе остаток дня, а на следующее утро показал им колесницу, не великолепную царскую, а более старую, обшарпанную. Он позволил им обнюхать дышло, гладко отполированное боками многих других лошадей. Когда обе лошади потеряли интерес к такому обычному предмету, Мерен увел Круса, а Нефер провел Дов через следующий этап.

Поглаживая и лаская лошадь, он осторожно поместил упряжь на ее плечи и закрепил ремни. Она сильно волновалась, но позволила ему надеть на себя эти непривычные узы. Он взобрался ей на спину и проехал два круга по полю. Когда он вернулся, Мерен уже приготовил дышло. Оно не было присоединено к колеснице, хотя имело кольцевое крепление на конце. Нефер нацепил на нее упряжь, и Дов нервно завращала глазами, почувствовав груз, повисший сбоку. Она повернула голову, чтобы осмотреть дышло, и как только удовлетворила свое любопытство, Нефер взял ее под уздцы и повел вперед.

Дов фыркала и раздражалась, поскольку дышло следовало за ней, но Нефер успокоил ее. После того как они сделали несколько кругов по полю, она больше не кидалась в стороны. Теперь предстоял решающий шаг. Нефер позаимствовал у Хилто спокойную старую кобылу и поставил ее в упряжке справа. Она стояла спокойно. Он запряг Дов слева. Спокойствие старой кобылы передалось Дов, и она стояла смирно. Нефер надел на них торбы и покормил раздробленной дурой. Когда кобыла насытилась и успокоилась, он обмотал задние ноги Дов льняными полосами, чтобы она не навредила себе, если бы, почувствовав позади полный вес колесницы, начала лягаться.

Ему не стоило волноваться. Он взял Дов под уздцы и повел вперед, и она легко пошла рядом со старой кобылой. Нефер коснулся ее плеча, и она, точно опытная тягловая лошадь, наклонилась в упряжи и приняла свою долю тяжести. Нефер бросился бежать, и Дов побежала рысью рядом с ним. Он вскочил в колесницу, взял поводья и провел упряжку через ряд поворотов. Каждый следующий был круче предыдущего, и хотя Дов прежде никогда не чувствовала поводьев, она преданно подражала своей партнерше справа. К концу первого дня она узнавала команды и немедленно выполняла их, не дожидаясь, пока старая кобыла покажет ей, что делать. В течение следующих пяти дней он управлял этими двумя кобылами, и Дов быстро училась.

Пришло время провести Круса через то же самое. Прошло три дня, прежде чем он прекратил убегать, едва почувствует тяжесть дышла. Нефер почти разочаровался в нем, но Таита настоял на продолжении занятий.

– Дай ему сейчас свое терпение, и после он вознаградит тебя тысячу раз, – советовал он. – У него есть ум и сердце. Ты никогда не найдешь ему замену.

В конце концов Крус покорился жерди, скользившей вслед за ним и, к его тревоге, повторявшей каждое его движение. Нефер наконец смог поставить его в упряжку с Дов. Она повернула голову и коснулась носом его шеи, будто мать беспокойного ребенка. Крус успокоился и съел свою порцию дурры. Когда Нефер повел их вперед, жеребец попробовал поворачивать в стороны и лягаться, но Нефер крепко шлепнул его по ляжке. Он выправился и пошел рядом с Дов, но не хотел тянуть. Еще шлепок, и Крус натянул постромки и принял положенную ему по справедливости долю тяги. Это ощущение, должно быть, понравилось ему, потому что вскоре он тянул с охотой. Единственная трудность состояла в том, чтобы заставить его остановиться.

Мерен распахнул ворота загона и вскочил на колесницу, когда она проезжала мимо. Они выехали на торговую дорогу и в облаке красной пыли помчались в холмы.

Той же дорогой они в течение следующих месяцев каждый день отправлялись на рассвете. Каждый вечер, когда они возвращались в Галлалу, лошади бежали быстрее и правильнее, плечом к плечу, будто единое животное о двух головах и восьми ногах. Два молодых воина на площадке колесницы становились все более крепкими и более выносливыми и загорели до черноты под солнцем пустыни.

Минтака узнала, как надлежит себя чувствовать вдове.

В городе-крепости Галлале было всего пять воинов Красной Дороги: Хилто, Шабако, Сокко, Тимус и Торан. Многие другие пробовали проехать по ней, но при попытке потеряли свои косы.

Хилто и Шабако были адептами третьей, и самой высокой ступени ордена, поклонниками безымянного бога, Быка Небес, шумерского бога войны. Только его адепты знали его истинное имя; от всех остальных оно было скрыто именем «Красный Бог». У него не было ни храмов, ни святилищ, посвященных ему. Он появлялся, когда двое или более его адептов называли его имя на любом поле, где в сражении погибли люди. Таким местом была и Галлала, поскольку здесь господин Тан победил врагов Египта и сложил их отрубленные головы на городской площади.

Тайные катакомбы пронизывали известняк под центральной площадью, что делало их самым подходящим храмом для поклонения безымянному богу.

После полуночи, когда весь город спал, Хилто повел вниз по узкому туннелю, что был входом в катакомбы, превосходного белого вола и принес его в жертву на каменном алтаре, построенном в темной глубине главной цистерны. В дрожащем свете факела кровь хлынула струей и растеклась лужей по мощеному полу. Затем пять воинов ордена погрузили мечи в кровь и стали молить тайного бога благословить их обсуждение, упрашивая помочь им выбрать мудрое решение. Затем они стали обсуждать испытание, которое будет определено для фараона Нефера Сети и его спутника.

– Для фараона не до́лжно делать никаких уступок. Пусть его испытание будет столь же безжалостным, сколь для любого другого новичка, – сказал Хилто.

– Поступить иначе значило бы нанести обиду могущественному и воинственному. – Даже в этом избранном обществе он не решался называть истинное имя бога.

– Это бы уязвило тех воинов, что проехали по Красной Дороге до Нефера Сети, – согласился Шабако.

Их тайное совещание продолжалось почти до утра. Завернувшись в шерстяные накидки, у входа в туннель, ведущий в катакомбы, ждали два новичка. Они говорили мало, поскольку отлично сознавали, что в темной пещере под тем местом, где они сидели, решались самые их судьбы этими пятью воинами. Лучи рассвета еще не смыли с восточного горизонта булавочный укол утренней звезды, когда прибыл Шабако, чтобы вызвать их на тайный совет.

Они последовали за ним по выстланному камнем туннелю. Факел, который нес их провожатый, освещал ниши, в которых лежали раскрашенные ящики с мумиями мужчин и женщин, умерших пятьсот или более лет тому назад. Воздух был сухой и прохладный. Пахло землей и грибами, гниением и древностью. Их шаги зловеще отзывались эхом, и в воздухе слышался тихий шепот – возможно, голоса мертвых или шелест крыльев летучих мышей.

Затем они услышали запах свежей крови, хлюпающей под ногами, когда прошли мимо тела жертвенного вола. В скобы на стенах гулкой пещеры, где их ждали воины, были вставлены факелы.

– Кто приближается к тайнам? – воскликнул голос Хилто, но его лицо было скрыто в складках накидки.

– Я – Нефер Сети.

– И я – Мерен Камбизес.

– Вы желаете проехать по Красной Дороге?

– Да.

– Вы оба настоящие мужчины, телом и духом?

– Да.

– Вы убили первого человека в справедливом бою?

– Да.

– Есть ли воин, что поручится за тебя, Нефер Сети?

– Я поручитель, – ответил за него Шабако.

– Есть ли воин, что поручится за тебя, Мерен Камбизес?

– Я поручитель, – ответил Сокко.

Когда с ответами на вопросы было покончено, Нефера и Мерена посвятили в первую ступень ордена.

– Кровью Быка и огнем его мощи вы приняты богом как новопосвященные. Вы еще не имеете права ни сидеть на тайном совещании вместе с посвященными воинами второй и третьей ступени, ни поклоняться Красному Богу, ни даже узнать его скрытое имя. Вам принадлежит лишь право попытки проехать по той дороге, что бог изберет для вас. Зная, что это может грозить гибелью, принимаете ли вы вызов?

– Да.

– Тогда знайте, что на дороге есть пять стадий, и первая из них...

Каждый из посвященных воинов говорил в свою очередь, объясняя, с каким испытанием столкнутся Нефер и Мерен, и излагая правила, которых им следует придерживаться. Эти пять стадий назывались копье, борец, лук, колесница и меч. Новички ощутили, что их дух поколебался.

Под конец снова заговорил Хилто.

– Вы услышали, что предопределил бог. Вы тверды в своем решении?

– Да. – Их голоса, противоестественно громкие, дрожали от напускной храбрости, потому что теперь они полностью осознали, что их ждет.

– Тогда отныне возврата нет, – сказал Хилто.

– Колесница – главная дисциплина, – сказал Таита.

– Помните, что это гонка. Вас будут преследовать десять колесниц. Скорость – это все. Научитесь выжимать лучшее из своей упряжки.

Они работали без устали. К тому времени как новая луна Осириса стала бронзовой скобкой на горизонте, Дов и Крус знали все, чему Нефер и Мерен могли научить их. Они бежали как одна лошадь, одинаковым шагом, чувствуя равновесие и устойчивость колесницы позади них, используя свои вес и силу, чтобы успешно проходить самые крутые повороты, обрывая галоп резкой остановкой, тормозя на дистанции в длину своего корпуса, немедленно откликаясь на самые тонкие команды.

Минтака в собственной колеснице привезла Меркару в пустыню, чтобы наблюдать за их упражнениями. В полдень, когда они остановились напоить лошадей и дать им отдохнуть, Минтака непроизвольно крикнула:

– Это совершенство! Вы больше ничему не можете их научить. Им нечему больше учиться.

Нефер напился воды из кувшина, вытер рот тыльной стороной ладони и взглянул на гребень черных каменистых холмов.

– Есть человек, который не согласился бы с вами.

Девушки прикрыли глаза ладонями и проследили за его пристальным взглядом. И увидели там фигуру такую неподвижную, что она казалась частью скалы.

– Таита. Долго он наблюдал?

– Иногда мне кажется, что он там всегда.

– Есть ли что-нибудь еще, что он может показать вам? – спросила Минтака. – Если есть, то почему он еще не сделал этого?

– Ждет, чтобы я попросил, – сказал Нефер.

– Идите к нему сейчас же, – приказала Минтака. – Если вы не сделаете этого, то пойду я.

Нефер поднялся на холм и сел рядом с Таитой. Некоторое время они молчали, затем Нефер сказал:

– Ты снова нужен мне, отец.

Таита ответил не сразу, только моргнул, будто сова, которую встающее солнце застало вне ее гнезда. У него никогда не было сына, и никогда еще никто не называл его отцом.

– Ты можешь помочь. Что еще мне нужно сделать?

После долгой паузы Таита тихо заговорил:

– Крус чует, когда ты собираешься бросить копье или пустить стрелу. В этот миг он высоко поднимает ноги и бьет передней правой. Дов чувствует это и вздрагивает.

Нефер подумал.

– Да! Я чувствовал сбой в их шаге в этот момент.

– Это может сместить твою цель на ширину большого пальца. Тебе следует научить их пятому аллюру.

– Есть только четыре. Шаг, рысь, легкий галоп и галоп.

– И еще один. Я называю его скольжением, но ему нужно учить. Большинство лошадей никогда не смогут ему научиться.

– Помоги мне научить их.

Они выпрягли лошадей, и Нефер сел на спину Дов. Он немного проехал на ней легким галопом, затем повернул туда, где стоял Таита. Старик заставил кобылу поднять переднее пра-

вое копыто и обвязал кожаным ремнем щетину над копытом. К ремню была привязана совершенно круглая, обкатанная водой галька, обернутая в кожу. Дов опустила голову и с любопытством понюхала ее.

– Сделай еще круг, – приказал Таита.

Нефер толкнул пальцами ноги лошадь в плечо, и та пошла вперед. Галька свисала с ее ведущей ноги, и Дов инстинктивно пыталась избавиться от помехи, легонько ударяя при каждом шаге ведущим копытом. Это изменило все ее движение. Ее спина больше не поднималась и не хлопала его по ягодицам, качающее движение, проваливание исчезли.

– Она словно бы течет подо мной рекой! – с восхищением воскликнул Нефер. – Будто сам Нил!

Через два дня он смог снять гальку, и она могла переходить с легкого галопа или галопа в скольжение по его команде. Слово команды было «Нил».

Когда в первый раз принесли гальку, Крус повел себя так, как если бы это была кобра. Он вставал на дыбы и бил копытами воздух. Увидев, как Нефер несет камень к нему, он стал вращать глазами и задрожал всем телом.

Три дня они с Нефером боролись друг с другом, а потом, на четвертый день, Крус вдруг правильно ударил правым копытом и заскользил. На следующий день он по команде переходил на скольжение с такой же готовностью, как Дов.

На десятый день Таита смотрел с вершины холма, как они скачут галопом вдоль линии мишеней. У Нефера вокруг запястья был намотан ремень для копьеметания. Крус посмотрел на раскрашенные деревянные круги на треногах и нервно наставил уши, но прежде чем он успел сбить шаг и ударить копытом, Нефер воскликнул:

– Нил!

Дов и Крус одновременно сменили шаг, колесница выровнялась и заскользила вперед, будто боевая галера под парусом. Первое копье Нефера попало точно в красное центральное кольцо мишени.

Таита смотрел, как Нефер кладет стрелу на тетиву, натягивает лук и целится. Он наблюдал за желтым флагом на древке позади ряда мишеней, установленных в двухстах шагах перед ними. Флаг трепетал и хлопал, взлетал на мгновение и медленно опадал, когда горячий легкий ветер замирал. Нефер пустил стрелу, и та поднялась по ленивой параболе полета. Она достигла высшей точки, а когда начала снижаться, ветер снова подул в щеку Таите.

Стрела также почувствовала ветер и ощутимо отклонилась в полете. Она снизилась к цели и ударила с подветренной стороны в трех ладонях от красного центра мишени.

– Сет блюет этим предательским ветром! – выругался Нефер.

– Легкая стрела чувствует его сильнее, – сказал Таита и пошел к маленькой телеге, где лежали запасные луки и колчаны. Он вернулся с длинным предметом в кожаном чехле.

– Нет! – проговорил Нефер, когда Маг достал большой боевой лук Трока. – Мне с ним не совладать!

– Когда ты пробовал натянуть его? – спросил Таита.

– В тот день, когда мы его откопали, – ответил Нефер. – Ты знаешь. Ты там был.

– Это было шесть месяцев назад, – сказал Таита и со значением поглядел на обнаженную грудь и руки Нефера. Мускулы юноши стали твердыми, как резная древесина кедра. Таита вручил ему лук.

Нефер неохотно взял его и покрутил в руках. Он увидел, что лук недавно вновь оплели тонкой проволокой из электрума и покрыли лаком. Тетива была новая – сухожилия передних лап льва, обработанные и скрученные, так что стали твердыми и неподатливыми, как бронза.

Отказ снова закрутился у него на языке, но не сорвался с него, потому что на Нефера смотрел Таита. Фараон поднял лук без стрелы, наставил его и попробовал натянуть. Тот согнулся на половину локтя, затем руки Нефера остановились. И хотя мышцы на его груди напряглись и затвердели, дальше лук не двинулся. Нефер осторожно отпустил тетиву, и лук принял исходное положение.

– Верни его мне. – Таита протянул руки, чтобы взять у него оружие. – У тебя нет ни силы, ни желания.

Нефер отдернул лук; его губы сжались и побелели, глаза сверкнули.

– Ты не знаешь всего, старик, даже если думаешь, что знаешь.

Он запустил руку в телегу и выхватил длинную тяжелую стрелу из колчана с картушем Трока, выдавленным на полированной коже. Как и лук, колчан раскопали вместе с засыпанной колесницей. Нефер большими шагами вернулся на линию стрельбы и принял стойку. Затем положил стрелу на тетиву. Полной грудью вдохнул. Стиснул губы и начал натягивать лук. Сначала тот сгибался медленно и достиг срединной линии. Нефер зарычал; его дыхание с шипением выходило через горло, мышцы рук напряглись и затвердели, и он натянул лук до отказа, поцеловав тетиву, будто влюбленный. Тем же движением он отпустил тетиву, и тяжелая стрела прыгнула вперед и запела в синеве, достигла высшей точки и стала снижаться, высоко пролетела над линией мишеней и продолжала лететь, пока не покрыла двойное расстояние. Затем кремневый наконечник выбил яркую россыпь искр из дальней скалы, и древко сломалось от ужасной силы удара.

Нефер следил за стрелой с удивлением, а Таита пробормотал:

– Возможно, ты прав.

Нефер опустил лук и обнял его.

– Ты знаешь достаточно, отец, – сказал он. – Достаточно для всех нас.

Таита повез Нефера и Мерена в пустыню. Путешествие по суровой красивой земле длилось три дня. Он привез их в скрытую долину, где на поверхность через глубокую расселину в скале просачивалась черная жидкость. Это было то самое густое, смолистое вещество, которое они использовали, чтобы поджечь мех шакалов во время ночного набега на Тане.

Они наполнили привезенные с собой глиняные горшки и вернулись в Галлалу, в мастерскую. Таита очистил черную жидкость, нагревая ее на медленном огне, пока она не стала скользкой, как тонкий шелк между пальцами.

– Она будет смазывать ступицы колес более гладко и дольше, чем очищенное свиное сало или любая другая смесь. И даст вам преимущество в пятьдесят шагов на тысячу. Возможно, это разница между успехом и неудачей или даже между жизнью и смертью.

Нефер был склонен ехать по Красной Дороге на царской колеснице, но Таита спросил:

– Вы действительно хотите ехать в золотом саркофаге?

– Золото будет весить всего два тэля. Ты сам взвешивал.

– Когда вы будете ехать там, вам покажется, что оно весит двести.

Таита изучил каждую из ста пяти колесниц, выкопанных ими из песков, выбрал десять и разобрал. Он взвесил основания колесниц и проверил крепость соединений корпуса. Он крутил колеса на их ступицах, внимательным глазом отмечая малейшие колебания во вращении. Наконец он сделал окончательный выбор.

Он изменил конструкцию ступицы на выбранной колеснице так, чтобы колеса удерживала одна бронзовая чека, которую можно было выбить ударом молотка. Вновь собирая колесницу, он отбросил передний и боковые щиты, избавляясь от последнего тэля лишнего веса. Без опоры на стойки и боковые щиты всадникам, чтобы удерживаться даже на самой неровной дороге,

приходилось полагаться на собственное чувство равновесия и единственную веревочную петлю, привязанную к площадке. Наконец Таита смазал ступицы колес черным жиром из пустынного источника.

Под наблюдением Таиты они осмотрели упряжь, сантиметр за сантиметром; Минтака, Мерикара и их служанки сидели до поздней ночи, сшивая и снова сшивая соединения и стыки.

Затем они выбирали оружие, которое повезут с собой, катая копья и стрелы, чтобы обнаружить любой недостаток, помещая их на специальную балансировочную доску, придуманную Таитой, добавляя бусинку свинца в древко или наконечник, пока оружие не становилось совершенным. Они заточили острия так, чтобы те цепко впивались в мишени. Они сменили подметки на сандалиях и заточили бронзовые гвозди так, что те превратились в шипы. Они вырезали новые кожаные нарукавники, чтобы защитить предплечья от удара тетивой или ремнем метательного копья. Каждый выбрал три меча, потому что бронзовые лезвия часто ломались в пылу битвы. Они заточили клинки и отполировали их порошком из пемзового камня, так что в конце концов могли сбривать ими волосы со своих предплечий.

Они обработали и скрутили запасные тетивы, чтобы носить их на поясе, обвязав вокруг талии. Кроме кожаных шлемов и безрукавок, в дорогу они не надели никаких других доспехов, чтобы облегчить бремя Дов и Круса. Работали за запертыми дверями мастерской, так чтобы никто не узнал об их приготовлениях.

Но прежде всего они бесконечно упражнялись, наращивая силу и выносливость и завоевывая доверие лошадей.

Для Дов и Круса худшим испытанием был бы огонь. Нефер с Мереном сами разводили костры в пустыне, складывая вязанки дров и связки сухой соломы. Они давали лошадям увидеть огонь и вдохнуть запах дыма и завязывали им глаза. Хотя поначалу Крус артачился и тихо ржал от страха, в конце концов он, доверяя человеку на своей спине, пробежал с завязанными глазами так близко от потрескивавшего пламени, что оно опалило ему гриву.

В эти дни ожидания Минтака и Мерикара проводили долгие часы в недавно отремонтированном храме Хатор, принося жертвы за своих мужчин и моля богиню о защите и поддержке.

За тридцать пять дней до полной луны Гора в Галлалу прибыл странный караван. Он пришел с побережья, из порта Сафага. Его возглавлял одноглазый и однорукий огромный человек по имени Аартла. Пять воинов Красной Дороги вышли встречать его, когда он был еще в трех лигах от городских стен, и с честью привезли его в Галлалу, поскольку он был братом, воином третьей ступени, проехавшим по Красной Дороге почти тридцать лет назад. Двадцать лет назад во время ливийской кампании фараона Тамоса стрела выбила ему глаз, а пять лет спустя нубийский воин одним ударом топора отрубил ему руку ниже локтя.

Аартла был теперь богатым человеком. Он владел бродячей труппой артистов, мужчин и женщин особенных талантов и умений. Одна артистка из его труппы считалась самой сильной женщиной в мире. Она могла поднять в воздух двух лошадей, по одной в каждой руке, и откусить от бронзового прута, а затем согнуть металлический обрубок, сжав свое влагалище. Другая из его женщин слыла первой красавицей мира, хотя немногие видели ее лицо. Она прибыла из земли, лежащей так далеко на севере, что в некоторые времена года реки там превращаются в белый камень и прекращают течь. Аартла требовал десять тэлей серебра за возможность увидеть ее лицо без вуали. Говорили, что у нее золотые волосы, достающие до земли, и глаза разного цвета, один золотой, другой синий. Цена, которую Аартла назначил за то, чтобы осмотреть остальные ее прелести, росла пропорционально, и только богатый человек мог познать всю ее сладость.

Кроме того, Аартла владел черной девушкой-рабыней, которая глотала огонь, покрывала себя с головы до пят плащом из живых скорпионов и надевала на шею огромного питона. В самом разгаре представления она соблазняла змею заползти в укромное отверстие ее тела, и та целиком исчезала в ее лоне.

Эти чудеса предназначались только для того, чтобы раздразнить публику, прежде чем показать ей главные приманки цирка Аартлы, его чемпионов: компанию бойцов, борцов и фехтовальщиков, которые могли противостоять в бою любому сопернику. Аартла предлагал кошелек с сотней тэлей чистого золота любому, кто сможет победить одного из его непобедимых. Ставки на этих состязаниях были баснословны и служили источником огромного богатства Аартлы. Хотя в настоящее время он не сражался, в сердце он все еще оставался воином и приверженцем Красного Бога.

Когда до него дошел слух, что фараон династии Тамоса решил проехать по Красной Дороге, он привез своих чемпионов за полмира, чтобы они выступили против Нефера. Ему так нравилась эта игра, что он не назначил цену за свою услугу.

Его братья-воины приготовили для Аартлы и его труппы один из древних дворцов города.

В ночь после его прибытия в его честь для него устроили большой пир, на который не были приглашены только Нефер и Мерен.

– Нас не могли пригласить, – объяснил Нефер Минтаке. – Мы – не братья ордена. Кроме того, сидеть рядом с теми, кто будут нашими соперниками, против обычаев и традиций.

На следующий после пира день непобедимые возобновили свои бесконечные упражнения и обучение под зорким оком Аартлы. Они работали во внутреннем дворе древнего дворца, куда не мог попасть никто чужой. Аартла был слишком проницателен, чтобы позволить другим игрокам оценить состояние и стиль его непобедимых, не заплатив за такую возможность хорошую цену золотом.

Однако Таита не был чужаком. Когда Аартла потерял руку, Таита подрезал и зашил культю, чем спас его от газовой гангрены, возникшей из-за раны и угрожавшей жизни Аартлы. Аартла провел его в тренировочный внутренний двор и усадил на груду подушек со стороны своего зрячего глаза. Самая красивая женщина в мире подала ему приправленный медом шербет в золотой чаше и улыбнулась из-за вуали удивительными разными глазами.

Вначале Аартла рассказал Таите последние новости о египетской кампании в Месопотамии, откуда он прибыл. Казалось, царь Саргон с его разгромленными и рассеянными войсками отступил за стены Вавилона, своей столицы. Итог не вызывал сомнения. Войска ложных фараонов скоро должны были освободиться и вернуться в Египет, чтобы заняться другой угрозой своему господству – маленьким войском Галлалы. Говоря об этом, он выразительно посмотрел на Таиту: своевременное предупреждение старому другу.

Пока они сидели на подушках и говорили о многом другом – о политике, власти и войне, медицине, магии и богах, – Таита, как будто бы увлеченный беседой, едва глядел на атлетов, борющихся и потеющих на солнце. Но его выцветшие старые глаза не пропустили ни одного броска или удара мечом.

Непобедимые жили своим убийственным мастерством. Они были приверженцами Красного Бога, и их старания были формой поклонения. Когда Таита в тот вечер вернулся в свою келью, где его ждали Нефер и Мерен, он был серьезен.

– Я видел ваших противников в деле и предупреждаю вас: нужно еще много работать, – сказал он, – а осталось всего несколько дней.

– Расскажи, отец, – попросил Нефер.

– Во-первых, там есть Полиос, борец... – начал Таита и обрисовал характер и силу каждого непобедимого, его стиль боя и особенно сильные стороны. Затем они обсудили все слабости противника, которые он заметил, и как ими лучше всего воспользоваться.

* * *

Пять воинов ордена с помощью Аартлы начали прокладывать путь, по которому нужно было проехать. Они день за днем проводили в пустыне, осматривая широкую круговую дорогу, начинавшуюся у центральной площади Галлалы, поднимались на холмы и скалистые участки, тремя лигами дальше спускались в длинную долину около источника Таиты и, въехав через городские ворота, возвращались на площадь. Как только путь был проложен, они послали рабочих воздвигнуть на пути препятствия.

За десять дней до состязания Хилто и Шабако прочитали вслух объявление для жителей города. Они подробно описали путь и правила испытания. Затем назвали непобедимых, которые должны были выступить против новичков.

– В испытании по борьбе фараон Нефер Сети выступит против Полиоса из Ура. – Толпа вздохнула – Полиос был известным борцом. Его прозвище было Спинолом. Недавно в Дамаске он убил человека, это была его семнадцатая жертва на ристалище.

– Мерен Камбизес выступит против Сигассы из Нубии. – Этого знали почти так же хорошо. Его прозвали Крокодилом из-за странной болезни, сделавшей его кожу жесткой, бугорчатой и черной, как у огромной рептилии.

– В испытании мечом фараон Нефер Сети встретится с Камой из Тавра.

– Мерен Камбизес встретится с Дроссой из Инда.

Той ночью Минтака и Мерикара принесли в жертву богине белого ягненка и плакали, моля ее защитить их возлюбленных.

В течение семи дней перед выездом на Красную Дорогу пять воинов проводили испытания, чтобы отобрать преследователей. В желающих оспорить честь принять участие недостатка не было. Любого человека, который сорвал бы косу с головы царя, могло ожидать бессмертие. Хилто пообещал, что, дабы увековечить его подвиг, в храме его бога или богини будет установлена на возвышении резная стела высотой в пять локтей. Он получил бы тысячу тэлей золота – довольно для покупки отличного имения, когда они наконец вернутся на родину. Кроме того, он получил бы в качестве трофея все оружие и снаряжение новичка, которого победит.

Пять воинов провели окончательный выбор путем отсева и объявили об этом с каменной платформы в центре площади.

– Они взяли десять лучших и самых опытных людей из всех находящихся здесь и позволили им выбрать колесницы и лошадей. Вас ожидает большая опасность и впереди, и позади, – предупредил Таита молодых людей и вновь огласил перечень.

– Возьмите вот этого, Даймиоса. Он – начальник над командирами колесниц. Он знает, как выжать все возможное из пары лошадей.

– Все будет зависеть от старта, – сказал Нефер. – И это решит только сам Красный Бог.

За семь ночей до испытания Минтака не пустила Нефера на свое ложе.

– Моя любовь ослабляет вашу решимость и иссушает силу. Но мне будет недоставать вас в сто раз больше, чем вам меня, – сказала она, когда они вместе заплетали длинную гриву Круса.

В день перед полной луной Гора Таита приказал им всем отдыхать. Дов и Крус спокойно паслись вместе на поле ниже источника. Мерикара собрала корзинку инжира, апельсинов и просяных лепешек, и они вместе с Мереном уселись близ истока ручья, глядя на лошадей на зеленой траве под ними. Когда простая пища была съедена, Мерикара опустилась на колени позади Мерена и заплела его волосы в косу, доходившую до середины спины.

– Она такая толстая и блестящая, – проговорила она и спрятала в ней лицо. – И так хорошо пахнет. Не дайте никому забрать ее у вас, принесите вашу косу мне.

– Как вы вознаградите меня, если я сделаю это? – Он повернул голову и улыбнулся.

– Вы получите такую награду, о какой никогда не мечтали. – И она покраснела.

– Мечтал, – уверил он ее пылко, – и мечтаю об этом каждую ночь.

Утром Таита пришел разбудить Нефера. Фараон спал, одной рукой закрывая лицо. Когда Таита дотронулся до него, он сел, потянулся и зевнул. Толстая коса, заплетенная Минтакой, свисала вдоль его спины. Он посмотрел на Таиту, и его взгляд прояснился и в нем появилась сосредоточенность, когда он вспомнил, что его ожидает в этот день.

Пока Нефер пил из чаши кислое молоко и ел горсть инжира, Таита подошел к окну и посмотрел поверх крыш на рощу молодых пальм, посаженных над колодцами. Он увидел, что их самые верхние листья раскачивает легкий ветер. Вся Галлала молилась о безветренном дне, а этот ветер нес с собой угрозу неудачи. Теперь Неферу следовало больше, чем когда-либо, полагаться на большой боевой лук, чтобы противостоять ему.

Таита ничего не сказал Неферу о своих предчувствиях. Вместо этого он повернулся и бросил взгляд на улицу. Солнце еще не встало, но казалось, что половина населения Галлалы устремилась за городские ворота.

– Они стремятся занять лучшие места вдоль пути и наблюдать за гонкой так долго, как только возможно, – сказал он Неферу.

Никому, кроме участников и судей, не разрешалось ехать по нему. Все остальные должны идти за преследователями пешком. Некоторые полагали, что удастся посмотреть на метание копья и борьбу, а затем перейти через холмы, чтобы вблизи посмотреть на сражение на мечах. Менее легкие на ногу поднимались на вершину Орлиной Горы, чтобы посмотреть, как испытуемые пересекут ущелье под ними, и затем бежать обратно, чтобы увидеть завершение.

Несмотря на великий исход из города, многие сотни людей хотели увидеть начало и столпились на площади. Другие сидели на стенах и балконах высоко над ней. Даже в этот ранний утренний час атмосфера была праздничная, царило общее лихорадочное возбуждение. Некоторые из сидевших на стенах принесли с собой завтрак и теперь перекусывали, а объедки сыпались на тех, кто сидел ниже. Другие выкрикивали свои ставки Аартле и его писцам. Аартла предлагал равные деньги за то, что Нефер и Мерен пересекут ущелье, два к одному за то, что они не пройдут испытание сражением на мечах, и четыре к одному, что они беспрепятственно закончат гонку.

Когда солнце поднялось над стенами города, на площадь одна за другой въехали десять колесниц преследователей. Зазвенели гонги, загремели барабаны, загрохотали систрумы, женщины завизжали и стали бросать цветы, дети запрыгали вокруг них, но колесничие были мрачны и сосредоточенны, выстраиваясь в линию вдоль стартовой черты.

Последовало напряженное ожидание, затем со стороны коновязей послышались приветствия, они становились все громче и приближались. Затем под гром криков «Бак-кер!» колесница новичков со снятыми щитами въехала между изъеденными ветром колоннами входа на площадь.

Дов и Крус были вычищены так, что их шкуры блестели в первых лучах солнца, будто полированный металл. Гривы были заплетены, украшены разноцветными лентами, а хвосты подвязаны.

На Нефере и Мерене были лишь легкие кожаные доспехи, тела молодых людей были натерты маслом для борьбы. Они спустились с площадки колесницы и опустились на колени, держа руки на рукоятях мечей. Таита вышел и встал перед ними. Он прочитал молитвы Гору и Красно-

му Богу, прося их благословения и защиты. Наконец он снял со своей шеи амулет и надел его на склоненную голову Нефера.

Нефер взглянул на предмет, повисший на его груди, и ощутил потрясение: от него струился странный поток силы. Это был золотой амулет Лостры, медальон его бабушки, которого никогда не касался никто, кроме Таиты.

Затем Хилто, на чьей голове красовалась красная шапка третьей ступени ордена, поднялся на каменную платформу в центре площади и прочитал вслух правила. Закончив, он строго спросил:

– Понимаете ли вы и будете ли соблюдать правила ордена Красной Дороги?

– Во имя Красного Бога! – подтвердил Нефер.

– Кто отрежет косы? – спросил Хилто, и сзади к стоящим на коленях воинам подошли Минтака с Мерикарой. Глаза Минтаки обвело красными кругами: накануне ночью она не спала. Обе были бледны и вне себя от беспокойства. Нефер и Мерен склонили головы, и женщины с любовью подняли косы и остригли их. Они передали их Хилто, и тот привязал их к вершинам высоких шестов, укрепленных по обеим сторонам площадки колесницы. Это были трофеи, за которыми предстояло начать охоту преследователям и которые Неферу и Мерену следовало защищать любой ценой.

– Поднимитесь на колесницу, – приказал Хилто, и Нефер с Мереном поднялись на площадку. Нефер взял поводья. Дов и Крус выгнули шеи, затопали копытами и сдвинули колесницу на один оборот колес.

– Принесите птиц! – приказал Хилто.

На покрытую песком арену поднялись два человека, каждый с бойцовым петухом под мышкой. Бородки и гребешки у обеих птиц были обрезаны, поэтому головы у них были гладкие, почти как у ящериц, без складок плоти или кожи, чтобы не подставить вражеской птице слабого места. Их перья радужно блестели в солнечных лучах, как масло, разлитое на воде.

Напряженная тишина ожидания повисла над переполненной людьми площадью. Два человека с петухами встали на колени лицом друг к другу в центре песчаной арены и поставили перед собой своих птиц. К ногам птиц не были привязаны искусственные шпоры: длинные металлические шипы привели бы к слишком быстрому и неотвратимому убийству, – но их естественные шпоры были заточены и отполированы.

– Стравливайте! – крикнул Хилто, и петухов толкнули вперед, не позволяя им коснуться друг друга. Глаза петухов угрожающе сверкали, их хохолки начали раздуваться от ярости, голая кожа на головах и шеях стала темно-красной. Они били крыльями, стараясь вырваться из рук людей и налететь друг на друга.

Обнаженным мечом Хилто указал через площадь на разрушенную крышу храма Бес, богини-покровительницы Галлалы, где горячий ветерок лениво колыхал синий флаг.

– Новички начнут гонку, когда будут отпущены птицы. Флаг опустится, когда одна из птиц будет убита, и только тогда начнется преследование. Красный Бог в его бесконечной мудрости определит, как долго будут жить птицы и какова будет фора. А теперь приготовиться.

Все взгляды, даже Нефера и Мерена, обратились к рвущимся в бой петухам. Хилто поднял меч. Птицы, взъерошенные, темно-красные от ярости, вырывались, чтобы броситься друг на друга.

– Отпускай! – крикнул Хилто, и птиц отпустили. Они устремились вперед по песку, размахивая яркими крыльями, высоко подскакивая и колотя когтями и шпорами.

– Но, Дов! Но, Крус! – крикнул Нефер, и лошади рванулись вперед, так что из-под копыт полетели гравий и пыль. В толпе раздался громкий крик, колесница объехала площадь и выехала на улицу. Когда они промчались через ворота и повернули на дорогу, ведущую в холмы,

приветствия стихли позади. Через каждые двести шагов дорога была размечена белыми льняными флагами, которые колебались и лениво хлопали на раннем ветерке, дующем из пустыни.

– Держи флаги справа! – напомнил Мерен Неферу. Если бы они миновали флаг не с той стороны, судьи вернули бы их, чтобы объехать его правильно.

Пока Нефер ехал, щадя лошадей, сдерживая их бег до рыси, когда склон круто поднялся перед ними, он оценил ветер по флагам и пыли, отметив его силу и направление. Обжигающе горячий, он дул с запада, достаточно сильный, чтобы сносить в сторону тучу пыли позади них. Это был худший ветер из возможных. Он будет иссушать лошадей и искажать расстояние до цели, когда начнется испытание в метании копья и стрельбе из лука. Он прогнал от себя эту мысль, чтобы сосредоточиться на подъеме на холмы.

Уклон резко поднялся вверх, и по команде Нефера они спрыгнули с площадки и побежали рядом с лошадьми, чтобы облегчить колесницу. Дов и Крус мчались вперед так быстро, что молодым людям пришлось схватиться за упряжь, чтобы бежать наравне с ними. Когда они достигли вершины, Нефер остановил лошадей и дал им отдохнуть в течение трехсот ударов своего сердца.

Он оглянулся на городские стены внизу и услышал то нарастающий, то стихающий рев голосов, похожий на далекий ропот прибоя на коралловом рифе, особый шум петушиного боя, когда толпа приветствует каждое нападение птиц. Но флаг на разрушенной вершине храма Бес все еще реял – знак того, что бой еще не завершен. Нефер отвернулся, посмотрел на ровную долину, простирающуюся впереди, и разглядел линию из древков копий. Их было пять, разделенных расстоянием в двести шагов. Низкие заросли терновника шли параллельно им, что должно было удерживать колесницу на расстоянии в пятьдесят шагов.

Нефер вскочил на площадку и воскликнул:

– Вперед! – и кони зашагали вперед. Он оглянулся и увидел: синий флаг все еще развевался на башне Бес.

Пока они подъезжали к линии мишеней, Нефер намотал ремень на запястье и сосредоточился, представив себе мишень и воображая, как копье летит от его руки к внутреннему красному кругу, не задевая внешний, желтый. Он глядел, как ветер колышет флаги.

Шабако уже стоял на низком холмике около середины линии. Ему полагалось показать красный флаг в случае попадания во внутренний круг и желтый в случае промаха. У них всего пять копий, и позволен только один желтый флаг. Если они потерпят неудачу в первом пробеге, им придется вернуться, поднять брошенные копья и проехать снова, пока они не получат четыре красных флага.

Нефер передал поводья Мерену, и тот повел колесницу близко к отделяющей от мишеней изгороди, чтобы обеспечить Неферу лучшее положение для броска. Первая мишень приблизилась быстро, и Нефер на подскакивающей и рыскающей площадке колесницы собрался.

– Нил! – приказал он, и тотчас Дов и Крус сменили бег на удивительное скользящее движение. Колесница под ним выровнялась, и, легко пружиня ногами, он метнул копье. И всякие сомнения исчезли с того мгновения, как копье вылетело из его руки, дополнительно разогнанное метательным ремнем, – он учел ветер. Копье пролетело пятьдесят шагов, мчась наперерез ветру в середину красного круга, и краем глаза Нефер увидел, как Шабако махнул красным флагом, признавая попадание. Он выхватил из стойки другое копье и намотал метательный ремень, чувствуя высшую, почти божественную уверенность: он знал, что следующие четыре копья будут пущены так же точно, как первое. Глядя, как приближается вторая мишень, он бросил снова. Это был еще один совершенный бросок. Неферу даже не понадобилось глядеть на флаг: Мерен рядом с ним закричал:

– Бак-кер, брат! – и повел колесницу к третьей мишени.

Они ехали вдоль самого кустарника, и пролетающий мимо правого колеса терновник казался размытым. Нефер прицелился и резко отвел правую руку для броска, и именно в этот миг колесо задело кустарник, колесница резко отскочила от него и на мгновение показалось, что она вот-вот опрокинется. Лошади своим объединенным весом тянули ее прямо вперед, но копье было уже в полете. С отчаянием в сердце Нефер увидел, что оно летит мимо, совсем не попадая в мишень. Поднялся желтый флаг.

– Это из-за меня, – посетовал Мерен. – Я ехал слишком близко.

– Теперь правь как следует, – оборвал его Нефер. – Нам нужно еще два точных попадания.

Приближалась четвертая цель, но Нефер почувствовал, как движение под ним изменилось. Крус вел другой ногой, столкновение с кустарником сбило его.

– Но, Крус, – крикнул Мерен и попытался выправить шаг жеребца, натягивая поводья. Затем Дов слегка наклонилась к Крусу, он ощутил ее ритм и перенял ее шаг как раз тогда, когда приблизилась четвертая цель.

Нефер метнул копье, и Мерен воскликнул рядом с ним:

– Красный! Точное попадание. Получилось!

– Нет, – ответил Нефер и выхватил из стойки последнее копье. – Осталось еще одно.

Они быстро приближались к последней мишени, и все жилки у обоих были натянуты, как тетива лука. Каждый мускул был крепок, каждый нерв туго натянут. Крус чувствовал это через поводья в правой руке Мерена. Правым глазом жеребец видел приближавшуюся мишень. Он точно знал, когда Нефер должен метнуть копье, и, инстинктивно уступая старой, плохой, привычке, сбил шаг. Колесница накренилась и покачнулась как раз тогда, когда Нефер метнул копье. И все же оно могло бы попасть в цель, если бы не ветер. Горячий порыв пронесся над ними, такой сильный, что тяжелые косы на шестах с флагами затрепетали. Копье уже немного отклонилось, и ветер увеличил ошибку. Оно полетело еще правее, ударило на ширине двух пальцев за красным внутренним кругом и задрожало во внешнем кольце. Шабако поднял высоко над головой черный флаг и замахал им, так что складки ткани громко хлопали, оповещая о неудаче.

Их первый пробег не был засчитан. Полагалось собрать копья и снова ехать мимо мишеней.

Мрачно, без единого слова Нефер выхватил поводья у Мерена, круто развернул колесницу у оконечности терновой изгороди, и они поехали назад. Он гнал лошадей во весь опор, не думая теперь беречь их силы. Нефер был уверен, что один из боевых петухов уже убит и десять колесниц начали преследование.

Они мчались обратно вдоль линии мишеней, проезжая около них так близко, что Мерен мог вырывать копья из набитых соломой мишеней, не останавливая колесницу. Четвертое копье, то, что пролетело мимо мишени, лежало на открытом месте, но даже издалека Нефер увидел, что от удара о каменистую землю древко раскололось надвое. У них осталось только четыре копья, чтобы выиграть четыре красных флага. Единственный промах означал бы, что им придется остаться здесь вдвоем против десяти вооруженных воинов: сдаться или биться не на жизнь, а на смерть.

Всего с четырьмя копьями в стойке они выехали к началу линии, и Нефер остановил колесницу и спрыгнул на землю. Он подбежал к Крусу и погладил его по лбу.

– Беги сейчас правильно, мой дорогой. Не подведи меня.

Издалека донеслись долгие, приглушенные крики радости. В этот раз они не стихали.

– Одна из птиц мертва! – воскликнул Мерен. – Преследование началось.

Нефер знал, что это правда. Один из петухов погиб, и преследователи пустились в погоню за ними. Они потеряли свое преимущество. Преследователи на колесницах не должны были проходить испытание метанием копий. Им предстояло промчаться мимо мишеней без остановки. Даже если на сей раз им удастся пройти мишени чисто, с четырьмя красными флагами, впереди Нефера и Мерена ждали борцы.

* * *

Минтака и Мерикара стояли, глядя на арену. Хотя для них были поставлены табуреты, им не сиделось, потому что их лихорадило от беспокойства, когда они наблюдали заключительные сцены кровавого боя внизу.

Бойцовых петухов отбирали тщательно. Это были ветераны многих эпических битв, и оба доказали храбрость и стойкость. Длинноногие, но с плотными бедрами, бугрившимися мускулами, они умели вонзать свои страшные черные шпоры глубоко в плоть, до самых костей противника. Втянув змеиные шеи, увенчанные головами с массивными крючковатыми клювами, они вырывали ими перья и плоть и, обескровив и ослабив противника, брали его смертельной хваткой, прижимая к земле, и гвоздили клювом его наиболее важные органы.

У птицы, что постарше, перья были цвета золота и меди, яркие, точно восход солнца, хвост – гордым водопадом с сапфировым блеском. Другая птица была черной, но черные перья блестели и искрились, а голая голова была багрово-красной.

Теперь они кружили друг перед другом. Они бились долго и неистово, выдранные перья, усыпавшие песок, кружили горячие порывы западного ветра. Обе птицы истекали кровью, жирные тяжелые капли искрились на оперении. Их сила иссякала, и лапы плохо держали их. Однако глаза горели так же ярко и жестоко, как в начале боя.

– Прошу, обожаемая и милостивая Хатор, дай им обоим силу жить, – шептала Мерикара, сильно сжав руку Минтаки. – Позволь им биться до захода солнца. – Но она сознавала, сколь тщетной была ее мольба.

– И защити от беды Нефера и Мерена.

Внезапно черный петух подпрыгнул на высоту своего роста, а затем, мощно взмахнув крыльями, метнулся вперед, во всю длину вытянув вперед обе лапы. Красный петух подскочил, чтобы встретить его, но сил у него почти не оставалось, и его ответный удар вышел чересчур слабым. Он слишком медленно поднял лапы, чтобы встретить нападение. Птицы сшиблись в облаке перьев, покатились клубком, а когда разделились, красный петух волочил крыло. Теперь завершение битвы было не за горами.

Мерикара громко рыдала:

– О, Хатор, не дай ему умереть! – Она схватила руку Минтаки и впилась в нее ногтями, оставив ярко-красные следы на коже, но Минтака едва ли чувствовала это. Она с ужасом смотрела, как красный петух зашатался от слабости и толпа громко заулюлюкала.

Черный петух знал, что победил, и к нему вернулась сила. Он вновь высоко подскочил на длинных, жестких лапах, широко раскрыв ярко блестящие крылья. Он опустился вниз и ударил красного петуха, прежде чем тот сумел восстановить равновесие, сбил его, ослабевшего и трепещущего. Он нанес ему смертельный клевок в глаз, схватил за складку сморщенной щеки и вцепился в нее.

Красный петух поднялся, но черный не отпускал. Красный петух мучительно побежал, таща своего противника, и девушки в общем шуме закричали:

– Отпусти его, черная тень Сета. Дай ему жить!

Красный протащил черного полный круг по арене, но каждый следующий шаг давался ему тяжелее, и наконец он упал под тем самым местом, где у барьера стояли девушки.

– Он мертв! – завопил кто-то. – Бой окончен. Отправляйте преследователей.

– Нет! Он еще живой, – отчаянно закричала Минтака.

Черный петух отцепился от головы красного и встал над ним. Собрав остатки сил и храбрости, красный с трудом поднялся. Он стоял, качаясь, свесив оба крыла на песок, и кровь лилась из глубокой раны в щеке.

Черный петух, казалось, измерил расстояние между ними, снова высоко подпрыгнул и на мгновение завис над своей жертвой. Затем он упал на красного и на всю длину вонзил шпоры в

его сердце и легкие. Красный петух рухнул под ним, опрокинулся на спину, широко разинув в тихом предсмертном крике клюв и судорожно трепеща крыльями.

Черный петух встал над телом, запрокинул голову и, торжествуя, хрипло прокукарекал. Этот звук будто расколол позвоночник Минтаки и заставил ее содрогнуться.

– Бог сказал свое слово! Бой окончен. – Хилто поднял истерзанное окровавленное тело за шею, и флаг на башне Бес опустился. Он повернулся к колесничим, сидевшим на корточках рядом со своими упряжками.

– Можете выехать на Красную Дорогу! – крикнул он.

– Вперед, к смерти или славе! – Щелкнули длинные кнуты, лошади вскинули головы, тряхнув гривами, и десять боевых колесниц описали стремительный круг по площади, а толпы зевак разбегались перед их колесами, женщины визжали, а мужчины выкрикивали приветственные возгласы. Затем колесницы выехали за городские ворота и помчались к холмам вдоль линии флагов.

Нефер потратил еще немного времени, чтобы приласкать и успокоить лошадей; он стоял, обняв их за шеи, и что-то шептал. Затем он побежал обратно и вскочил на площадку. Он пустил коней сначала шагом, затем осторожно перевел на легкий галоп. Только когда они побежали в образцовом согласии и стали тянуть одинаково, он изменил их ход командой:

– Нил!

Они плавно понеслись к мишеням для второй попытки, и он передал поводья Мерену, не сделав ему никакого замечания, поскольку знал, что Мерен все еще страдает после первой неудачи.

Обертывая метательный ремень вокруг запястья, Нефер наблюдал за ушами Круса, пытаясь заметить признаки того, что жеребец снова засбоит, но тот держал их торчком, наставив вперед, и бежал правильно. Они подъехали к первой мишени; Нефер прицелился совершенно точно и копье вонзилось прямо в красный внутренний круг. Ему показалось, что почти сразу приблизилась вторая цель, и он повторил бросок – плавно, приложив силу только в заключительной его части, – и острие копья глубоко вонзилось во внутреннее кольцо. Рядом с ним Мерен молча правил упряжкой, с великим тщанием и осторожностью.

В воздухе, будто луч солнца, сверкнуло третье копье, и Шабако махнул красным флагом, отмечая очередное попадание.

Нефер держал в руке последнее копье, метательный ремень плотно обвивал его запястье, и он напевал лошадям, делая свой голос твердым, но ободряющим:

– Еще один раз. Всего один, для меня!

Крус, казалось, сосредоточился и, нагнув голову, тянул правильно, поэтому, метнув копье, Нефер знал, что оно должно попасть в самый центр красного круга. Он крикнул лошадям, когда оно все еще было в полете:

– Но! Но! Вперед! – И они помчались вперед, перейдя со скольжения в полный галоп, да так быстро, что Неферу пришлось упереться ногами и ухватиться за веревку, чтобы не вылететь назад.

Шабако махнул над головой красным флагом, и они ясно услышали его голос:

– Бак-кер, великий! Вы выполнили все и полностью!

Но Нефер знал, что им уже не наверстать потерянного и преследователи уже быстро и неумолимо настигали их.

Линия флагов повела их широким кругом на север, вдоль края глубокой пропасти с крутыми обрывами, и вверх по ряду естественных террас, где голая земля была нежного персикового цвета, противоречившего ее жесткой и бесплодной природе.

На ступени третьей, и последней террасы стояло более пяти десятков самых выносливых зрителей, поднявшихся наверх из Галлалы. Когда колесница Нефера подъехала, они разразились приветственными возгласами и расступились, пропуская колесницу. Поверхность террасы была плоской и ровной. В центре этого открытого пространства их ждали борцы.

Каждый стоял в собственном круге из окрашенных в белый цвет камней. Нефер подъехал к ним, и толпа побежала следом, выкрикивая одобрительные возгласы и смеясь от волнения. Прямо перед каменными кольцами Нефер остановил лошадей, и два конюха, стоявшие наготове, побежали вперед, чтобы взять их под уздцы.

– Проследите, чтобы они выпили только по одному ведру каждая, – приказал Нефер, спрыгнув вниз. Здесь им впервые разрешалось напоить лошадей, но Нефер не хотел, чтобы их животы раздулись от воды.

Нефер и Мерен быстро сбросили кожаные доспехи и короткие хитоны и остались совершенно голыми в солнечном свете. Толпа загудела от восхищения, увидев их крепкие молодые тела, доведенные тренировками до атлетического совершенства, и кое-кто из женщин низкого происхождения и сомнительной нравственности заулюлюкал и непристойно заплясал от возбуждения.

С каждой прошедшей секундой колесницы преследователей приближались. Нефер даже не бросил взгляд на танцующих женщин и вместе с Мереном быстро пошел вперед. Каждый направился к тому кольцу, где его ждал назначенный противник. Нефер остановился перед кольцом из белых камней и посмотрел на Полиоса из Ура, который стоял в центре.

Он не был исключительно крупным или высоким, не больше и не тяжелее Нефера – судьи подобрали фараону соперника тщательно и справедливо. Однако на Полиосе не было ни капли жира или лишней плоти. Было видно, что он разминался, потому что его кожа блестела от пота и масла, а мышцы вздувались, наполненные кровью. Все в нем было крепким: плечи в совершенной пропорции к талии, плоский живот, длинные и гибкие руки и ноги. Он стоял, сложив руки на груди, и буравил Нефера жестким и прямым пристальным взглядом.

Нефер глубоко вздохнул и вновь услышал слова Таиты так ясно, будто тот вновь сам сказал это:

– Левое колено. Вот его единственное слабое место.

Он опустил глаза к ногам Полиоса, но левое колено борца казалось таким же крепким, как правое, твердым и непоколебимым, точно главный ствол оливы.

Нефер коснулся золотого амулета у своего горла и ступил в кольцо камней. В толпе заулюлюкали, завизжали и закричали. Полиос уперся ладонями в колени и согнул плечи, в упор глядя на противника непримиримым пристальным взглядом змеи. Нефер знал, что ему следует подойти первым, потому что Полиос не спешил. Его задача состояла в том, чтобы удерживать Нефера здесь, пока колесницы преследователей не догонят его. Нефер обошел вокруг него. Полиос медленно поворачивался к нему лицом.

– Да, – сказал Нефер сам себе, – это так. Он подволакивает левую ногу. – Но это был такой крошечный недостаток, что он никогда бы не заметил его без Таиты.

– Старая рана, – сказал ему Таита. – Здесь! – И он нажал большим пальцем на колено Нефера, чтобы указать точное место. Но затем продолжил: – И все равно нельзя недооценивать его. Он – убийца. Вот его любимый бросок, и от него почти нет спасения. – Таита продемонстрировал его.

Нефер сделал круг в обратную сторону, и Полиос повернулся вместе с ним. Теперь Нефер видел ее, небольшую неестественную ямку под выпуклостью коленной чашечки. Он не мог позволить себе потратить еще мгновение и шагнул к Полиосу.

Оба встали в классическую начальную позицию, обхватив друг друга обеими руками и пытаясь найти захват для броска, меняя захват, перемещая вес, толкая друг друга вперед и отсту-

пая, проверяя устойчивость соперника. Затем вдруг Полиос прыгнул вперед ниже защиты Нефера, и хотя Нефер ожидал этого, он не смог помешать длинной руке обхватить его за пояс. Внезапно его подняли так высоко, что лишь кончики его ног касались земли. Полиос закружился, не отпуская его, поворачивая его назад так, чтобы он не мог сохранять равновесие. Затем внезапно Полиос опустился на правое колено и потянул Нефера с собой. Его другая нога крепко упиралась в землю, левое бедро было параллельно земле, будто скамья плотника. Нефер упал на него и ударился поясницей, областью почек. Это должно было сломать ему позвоночник, но Нефер сотню раз отрабатывал противодействующий прием с Мереном. Он выгнул спину, чтобы уменьшить напряжение, и в то же время стукнул обеими пятками в землю, чтобы погасить силу удара. Однако и после этого он почувствовал, как его хребет заскрипел там, где позвонки оказались напряжены до предела.

Полиос навалился на него всей тяжестью своего торса, но Нефер просунул руки ему под спину и правой стиснул колено Полиоса. Таита заставлял его часами укреплять правый большой палец, сжимая кожаный мячик, пока он не начал оставлять на его поверхности глубокую вмятину. Но и это не удовлетворило Таиту. Он заставил Нефера продолжать эти упражнения, пока тот не смог сломать раковину каури, зажав ее между большим и указательным пальцами. Затем снова и снова Таита показывал ему точное место под коленной чашечкой, где была рана и куда надо приложить давление, чтобы разорвать ее. Нефер теперь нашел ее и вдавил большой палец в пустоту между головкой большой берцовой кости и незакрепленной коленной чашечкой.

Все мышцы правой руки Нефера напряглись от усилия, и глаза, казалось, вылезли из орбит. Затем он вдруг почувствовал, как под кончиком его большого пальца что-то подалось, и предпринял еще одно заключительное усилие. Его большой палец вошел глубже, ослабленный хрящ и сухожилия трещали и хрустели, отрываясь, и коленная чашечка в руке Нефера сдвинулась, оторванная.

Полиос закричал, и этот крик выражал такую чрезвычайную муку, что рев зрителей, столпившихся вокруг кольца, притих. Полиос отпустил Нефера и попытался оттолкнуть его от себя, но Нефер легко уклонился от его рук, не выпуская искореженной коленной чашечки, отрывая ее еще больше. Внезапно, став беспомощным, как младенец, Полиос зарыдал, задыхаясь от боли.

Нефер навалился на него сверху, вдавил его лицо в землю и начал пригибать его левую ногу к спине, и Полиос не мог сопротивляться. Нефер сгибал поврежденное колено назад, пока пятка не коснулась ягодиц Полиоса, и надавил на нее всем весом. Полиос издал ужасающий, нечеловеческий крик.

– Сдавайся! – приказал Нефер, но Полиос был оглушен и парализован страданием. Судья выбежал вперед и коснулся плеча Нефера, чтобы сообщить ему о его победе.

Нефер вскочил на ноги и оставил Полиоса корчиться и рыдать в грязи. Зрители тихо расступились перед ним, ошеломленные стремительностью и законченностью его победы.

Нефер услышал, как кто-то в толпе сказал:

– Эта нога никогда уже не будет ходить, – но не оглянулся, потому что побежал к другому кольцу, отталкивая с дороги зрителей.

Мерен и Сигасса, Крокодил, обхватили друг друга, прижавшись грудью к груди. Они катались по кольцу, по очереди оказываясь сверху. Нефер сразу увидел, что Мерен ранен. Больная кожа Сигассы была толстой и ороговевшей, непроницаемой для боли, и сейчас он использовал ее будто оружие, терся о Мерена, разрывая его плоть, так что кровь сочилась из мелких разрывов на груди и руках. Таита предупреждал их об этом, но было невозможно избежать этого отвратительного объятия, и Мерен поддавался ему. Нефер прибежал вовремя.

Правила Красной Дороги были специально направлены против новичков. Однако они позволяли одному новичку приходить на помощь другому, но только после того, как он победит

своего противника. Это была одна из немногих льгот, которые им предоставлялись. Нефер воспользовался ею сполна.

В тот миг, когда Нефер вошел в кольцо, он наклонился и подобрал белую гальку, формой и размером напоминающую голубиное яйцо. Кинувшись на помощь Мерену, он положил камень в ладонь, обхватил пальцами и сжал так крепко, что суставы побелели от напряжения. Он превратил свой кулак в оружие, действенное, как молоток плотника.

Толпа закричала, предупреждая Крокодила, и тот отпустил Мерена и одним быстрым движением вскочил. Пригнув голову, он бросился на Нефера. Таита предупредил их, что его лысый шишковатый череп был смертельным тараном. Сигасса уже сломал Мерену два ребра во время первой атаки и сейчас намеревался проделать то же самое с Нефером.

Нефер позволил ему приблизиться, выбирая момент, крепко поставил ноги и правым кулаком ударил сбоку в челюсть Сигассы, точно в то место, которое показал ему Таита. Собственные вес и скорость броска Сигассы прибавились к силе удара Нефера.

Огромная чешуйчатая голова запрокинулась, и ноги Сигассы стали под ним мягкими, как каша. Но инерция влекла его вперед, и он во весь рост растянулся поперек линии ограничивающих камней.

Никто в толпе никогда не видел, чтобы голый кулак использовали как оружие. Все открыли рты от изумления. Даже Нефер был поражен результатом: Сигасса лежал без движения. В следующее мгновение Нефер оправился и закричал судье:

– Сигасса оставил кольцо! Его следует лишить права бороться!

Судья закричал, соглашаясь:

– Нефер Сети – победитель. Сигасса утрачивает право на поединок. Вы выполнили все и полностью, Нефер Сети!

Нефер подбежал к Мерену и поднял его на ноги.

– Ты ранен?

– Мои ребра! Этот негодяй добрался, – пропыхтел тот.

– Нам надо продолжить.

– Конечно. – Мерен выпрямился и расправил плечи. От боли лицо у него было пепельно-серым. – Это ничего. – Но он держался за бок, когда они бежали к колеснице. Они торопливо надели сброшенные хитоны и привязали кожаные доспехи.

– Мы потеряли слишком много времени. Расстояние уменьшается с каждой секундой. – Взбираясь на площадку колесницы, оба огляделись на террасный склон холмов и мишени для копий на равнине внизу.

– Вот они, – проворчал Мерен, и молодые люди увидели тучу пыли, бледной и прозрачной в солнечном свете. Колесницы преследователей все еще были только темными пятнышками под летящей пылью, но, казалось, увеличивались прямо на глазах.

Сказать было нечего. Преследователей не будут проверять борьбой. Они минуют кольца из камней. Нефер и Мерен знали, сколь невелико их преимущество и как стремительно можно потерять даже его. Для этого требовался всего один неправильный шаг или просчет с их стороны.

Нефер тряхнул поводьями и прикрикнул на лошадей. Пока молодые люди боролись, Дов и Крус отдохнули. Теперь они, с новыми силами налегая полным весом на упряжь, мчались вперед. Там линия флагов, отмечающих путь, начала плавно поворачивать обратно на юг, туда, откуда они приехали.

– Мы проехали половину пути! – Мерен хотел сказать это весело, но его голос звучал сдавленно от боли в сломанных ребрах, и каждый вдох был мучителен. Они пересекли плато и достигли другой его стороны, где террасы чередой гигантских ступеней спускались к краю пропасти. Они посмотрели вниз, на загоны и пастбища, где орошаемая земля была поразительно зеле-

ной рядом с охристыми и серовато-коричневыми оттенками окружающей местности и полуразрушенными башнями и крышами Галлалы, имеющими цвет земли, так что с этого расстояния они казались не построенными человеком, а естественными образованиями пустыни.

Они посмотрели вперед, и пропасть открылась перед ними, будто утроба чудовища. Ее края, крутые и неприступные, обрывались в покрытые тенью фиолетовые глубины. На тропе, идущей к вершинам утесов, стояли кучки людей. Это зрители, наблюдавшие испытание с копьями, срезая путь, спешили посмотреть испытание в стрельбе из лука.

Нефер помчался по террасе, принуждая лошадей бежать во весь опор, пытаясь отыграть у преследователей хотя бы несколько ярдов. Здесь Крус в полной мере искупил свои ошибки у мишеней для копий: его огромная сила несла их и вдохнула новое дыхание в Дов. Они достигли края пропасти и помчались вдоль него, так близко, что мелкие камешки, подброшенные колесами, вылетали в пустоту. Хотя Крус был с краю, ближе всех к пропасти, он не сбился с шага, но, натягивая упряжь, мчался во весь дух. Нефер приободрился.

– Мы все еще успеваем проехать мост, прежде чем они догонят нас, – крикнул он на ветру.

– Вперед, Крус! Вперед, Дов.

Нефер посмотрел вперед и увидел на краю пропасти высокую, сразу узнаваемую фигуру Таиты. Он смотрел через пропасть на цели для стрельбы из лука на другой стороне и не оглянулся, когда они подъехали сзади и спрыгнули с колесницы.

Накануне вечером Таита предсказал: «Если будет дуть западный ветер, стрельба из лука и пересечение пропасти определят заключительный результат. Я буду ждать вас там».

Они взяли с полок луки и колчаны со стрелами и, оставив лошадей на попечении ожидавших конюхов, поспешили присоединиться к Таите на краю утеса.

– Мы потеряли время на метании копий, – мрачно сказал ему Нефер, натягивая тетиву на большой военный лук: уперев один конец в землю между ногами и всем весом налегая на другой, он старался согнуть его.

– Крус был слишком нетерпеливым, – сказал Таита, – и вы тоже. Но нет никакого прока оглядываться. Смотрите вперед! – Он указал через глубокую пустоту туда, где были установлены мишени на легких бамбуковых стойках.

Как и для метания копий, мишеней было пять – пять надутых свиных пузырей, привязанных к крестовинам стоек льняной бечевкой. Их разделяло достаточное расстояние, чтобы стрела, пущенная в одну мишень, не могла случайно поразить другую. Бечевка, удерживавшая их, длиной в два локтя, что позволяло им свободно двигаться. Легкие как воздух, они подскакивали на западном ветру, непредсказуемо взлетая и ныряя.

Огромное открытое пространство между испытуемыми и мишенями едва позволяло точно оценить расстояние до цели, а западный ветер кружил и вихрился по утесам. Сила и направление ветра, которые они чувствовали на этой стороне пропасти, на другой стороне были другими, и это влияло на полет стрелы не меньше, чем на мишени.

– Каково здесь расстояние, отец? – спросил Нефер, вытягивая из колчана длинную стрелу. Рано поутру Таита уже отмерил шагами на этом краю пропасти одну сторону прямоугольного треугольника. Затем при помощи странного устройства и колышков и веревочек на доске он измерил угол, противолежащий мишеням на другой стороне. Он использовал эти измерения, чтобы непостижимым для Нефера образом вычислить ширину пропасти.

– Сто двадцать семь локтей, – сказал сейчас Таита. Эти сведения Нефер добавил к собственным вычислениям скорости и направления ветра, когда занял позицию на осыпающемся краю утеса. Мерен пошел вслед за ним с более легким кавалерийским луком в руке.

– Именем Гора и богини, – помолился Нефер, – начнем! – Они выстрелили одновременно.

Стрела Нефера пролетела над крестовиной стойки, слишком высоко и далеко. Стрела Мерена взлетела против ветра под более крутым углом. Когда в верхней части своего пути она

замедлила полет, ветер подхватил ее и отклонил влево, и почти на пределе дальности она достигла зыбкой линии свиных пузырей. Она точно ударила в среднюю мишень, и они услышали хлопок, когда пузырь лопнул и исчез будто по волшебству.

Послышался радостный крик зрителей, и судья громко возвестил попадание, но Мерен пробормотал, накладывая на тетиву другую стрелу:

– Просто повезло.

– Я приму любое везение, сколько его есть в твоем колчане, – сказал ему Нефер. – Бак-кер, брат. Бак-кер.

Они натянули луки и вновь выстрелили, и на этот раз стрела Мерена упала, не долетев, и загремела о камни утеса. Нефер на половину локтя промазал по пузырю справа и проклял Сета за насланный им ветер.

В отличие от копий правила Красной Дороги не ограничивали число стрел, которые разрешалось использовать. Единственным условием было то, что испытуемым предписывалось с самого начала везти их на колеснице, поэтому возникала зависимость между весом и количеством. Они привезли по пятьдесят стрел, но каждая длинная стрела Нефера весила как полторы стрелы Мерена.

Они стреляли и промахивались, стреляли вновь и снова промахивались. Таита наблюдал за ветром и полетом каждой стрелы. Он собрал вокруг себя все свое могущество, чтобы ощутить силу и стремительность предательского ветра. Он почти видел его, его ток и силу, будто струи в чистом потоке воды.

– Целься в одну точку мишени! – приказал он Неферу. – Но жди моей команды.

Нефер до отказа натянул лук, и хотя каждый мускул его правой руки дрожал от напряжения, он удерживал его.

Таита читал ветер, стал частью его, чувствовал его в глубине своего существа.

– Сейчас! – прошептал он, и стрела высоко прыгнула через пустоту и покачнулась в капризном воздухе. Затем, будто парящий сокол, она, казалось, собралась с силами и устремилась по наклонной к цели. Пузырь хлопнул, когда она ударила, и толпа завопила.

– Следующая! – приказал Таита, и Нефер натянул лук и удерживал прицел выше и правее второго пузыря.

– Давай! – прошептал Таита. Старик, казалось, управлял полетом стрелы силой своего ума. В самый последний миг перед тем, как она ударила в мишень, западный ветер злобно попробовал отклонить ее, но она удержала направление, и пузырь с резким треском взорвался.

– Следующая. Натяни лук! – прошептал Таита. – Удерживай! – и через один удар сердца: – Ну! – В этот раз стрела почти коснулась пузыря, но в последний миг шар отпрыгнул в сторону. Нефер по команде Таиты выстрелил снова и промахнулся на полную длину стрелы выше и левее. Напряжение при работе с большим луком было чересчур велико, его правая рука болела и мышцы сами собой судорожно сжимались и подергивались.

– Отдохни! – приказал Таита. – Возьми амулет Лостры в правую руку и отдохни.

Нефер отложил лук и встал, склонив голову в позе молящегося, с золотым амулетом в правой руке. Он ощутил, как сила вновь потекла в его правую руку. Мерен все еще продолжал стрелять из меньшего лука, но боль в сломанных ребрах почти согнула его, и пот страдания бежал по его бледному лицу.

В этот миг толпа на вершине утеса задвигалась и обернулась, глядя на террасу. Кто-то закричал: «Подъезжают!» Крик подхватили, и в конце концов он превратился в оглушительный рев.

Нефер поднял голову и увидел на горизонте первую мчащуюся колесницу. Она была достаточно близко, и в вознице он узнал Даймиоса, его золотые волосы развевались на ветру. Вслед за ним, растянувшись в колонну, ехали другие колесницы преследователей. Нефер расслышал, как колесничие кричат на лошадей и колеса грохочут по неровной земле.

– Не смотри на них, – приказал Таита. – Не думай о них. Думай только о мишени.

Нефер повернулся спиной к приближающейся колонне колесниц и поднял лук.

– Натяни и удерживай! – сказал Таита. Ветер резко подул и прекратился. – Давай! – Стрела безошибочно полетела через пропасть, и четвертый пузырь лопнул.

Нефер вытащил из колчана следующую стрелу и замер, сжимая древко в руке и ощутив в сердце отчаяние. Из пустыни к линии мишеней, кружась, прилетел смерч. Серовато-коричневая завеса из пыли, песка и мусора затенила воздух, и единственный оставшийся пузырь исчез в ее глубинах.

Высоко на холме позади них колесничие-преследователи торжествующе кричали, Нефер слышал над ревом вихря голос Даймиоса:

– Теперь тебе придется встать и биться со мной, Нефер Сети.

– Еще одна мишень, и путь будет свободен, – мрачно крикнул Сокко, судья. – Займите место.

– Цели не видно, – возразил Нефер.

– Воля Неназываемого Бога, – сказал ему Сокко. – Вы должны покориться ей.

– Посмотри туда! – крикнул Таита. – Вот проявление воли более великой и могущественной богини. – Он указал через глубокое ущелье на непроницаемое облако желтой пыли.

Будто пробка, всплывающая из глубин мутного озера, пузырь с тянущейся за ним оборванной бечевкой поднялся на вершину пылевой тучи и быстро полетел в горячем воздухе.

– Сейчас, во имя богини Лостры! – убеждал Нефера Таита. – Она – единственная, кто теперь может тебе помочь.

– Именем богини! – крикнул Нефер, вскинул большой лук и выстрелил в крошечный воздушный шар в яростном объятии бури. Стрела взмыла ввысь – выше, выше, – и казалось, ей суждено пролететь мимо, левее, но вдруг пузырь дернулся в сторону и опустился ей навстречу. Острый как бритва кремневый наконечник стрелы вспорол его, он взорвался, и ветер унес его прочь, будто тряпку.

– Вы выполнили все и полностью, – криком отпустил их Сокко. Нефер бросил лук и побежал к колеснице. Мерен побежал за ним, оберегая свои сломанные ребра; толпа подгоняла Дов и Круса, вместе рванувшихся вперед. Позади раздались разочарованные сердитые крики преследователей, но Нефер не оглянулся.

В тысяче шагов впереди над ущельем между утесами был перекинут подвесной мост, а под ним ужасная пропасть, но прежде чем достичь его, им нужно было проехать по огню.

Шабако был судьей для перехода через мост. Верхом на лошади он галопом примчался со своего места у мишеней для метания копий, как только Нефер и Мерен прошли испытание. Сейчас он занял следующее место, у моста. Это был самый решающий этап Красной Дороги.

Здесь новичкам предоставляли выбор. Им было не обязательно пробиваться к мосту сквозь стену огня. Вместо этого они могли отправиться в обход и пересечь долину в другом месте, дальше, там, где утесы постепенно становились ниже. Однако это добавляло к пути почти две лиги.

Шабако стоял у моста и наблюдал, как колесница Нефера покинула стрельбище, когда преследователи уже догоняли их, и помчалась к нему вдоль края пропасти.

Шабако от души сочувствовал своему фараону. Однако его преданность Красному Богу была нерушима. Хотя он всем сердцем желал увидеть успех Нефера, он не смел оказать ему поддержку. Это было бы нарушением священной клятвы и подвергло бы опасности бессмертную душу.

Он осмотрел изгородь. По всей ее длине расселись его люди с горящими факелами. Изгородь была высотой в два человеческих роста и сделана из связок высушенной травы, которая

должна была гореть как трут на этом горячем, сухом ветру. Изгородь образовывала полукруг, так что оба ее конца доходили до края утеса, и окружала вход на мост. Не было никакой возможности миновать ее. Чтобы попасть на мост, новичкам следовало прорваться сквозь нее.

Шабако неохотно приказал зажечь огонь. Люди с факелами побежали вдоль изгороди, поджигая ее у основания. Она загорелась сразу, взметнулась высокая стена зловещего темно-красного пламени и черного дыма.

Нефер увидел, как перед ними выросла стена пламени, и хотя это не было неожиданностью, тем не менее он помрачнел, испугавшись за лошадей, потому что те перенесли уже очень много. Он посмотрел на уши Круса и заметил, как они зашевелились, когда жеребец услышал запах дыма и увидел пляшущее и трепещущее на ветру пламя.

Сзади доносились иронические насмешки Даймиоса:

– Езжай длинной дорогой, Нефер Сети. Огонь слишком горяч для твоей нежной кожи.

Нефер, не обращая на него внимания, изучал стену огня, пока они подъезжали к ней. Он не замечал в ней никаких брешей, но ближний конец зажгли раньше, и там пламя пожирало траву быстрее и яростнее. Пока он наблюдал, тяжелая связка сухой травы выпала из стены и оставила узкую брешь, через которую он разглядел размытые жаром очертания входа на мост.

Он подъехал к бреши и сказал Мерену:

– Закрой голову! – Они обмотали головы накидками и облили себя водой из меха, чтобы намочить накидки на голове и хитоны.

– Приготовь повязки на глаза, – сказал Нефер Мерену.

Они были теперь так близко от изгороди, что ощущали впереди пышущий жар, и Крус сбил шаг и начал упираться, когда перед ним выросла стена скачущего пламени.

– Верхом! – приказал Нефер, и они на полном ходу пробежали по дышлу между лошадьми и, прыгнув им на спины, поехали верхом. Нефер потянулся к шее Круса и спокойно заговорил с ним:

– Все в порядке, мой дорогой. Ты знаешь повязку на глаза. Ты знаешь, что я не причиню тебе вреда. Верь мне, Крус! Верь! – Он закрыл жеребцу глаза толстой шерстяной тканью и коленями направил в узкий промежуток в горящей стене. Жара обрушилась на них волной. Их мокрая одежда задымилась, и Нефер почувствовал, как кожа на тыльной стороне его ладоней вздулась волдырями. Кончики волос в гриве Круса почернели и стали твердыми. Но обе лошади уверенно продолжали бежать.

Они вломились в стену пылающей травы, и та взорвалась вокруг них. Нефер почувствовал, что глаза жжет, плотно закрыл их и подстегнул Круса. Они прорвались сквозь дальний конец, волоча за собой шлейф искр и пламени.

Нефер оглянулся из-под руки и увидел, что Даймиос направил колесницу в брешь, которую они пробили в горящей стене. Глаза у лошадей Даймиоса не были завязаны, и они видели пламя. Они свернули в сторону и начали вставать на дыбы и рваться вперед, стараясь избежать ужаса, который видели перед собой.

– Лошади Даймиоса отказались идти! – крикнул Нефер Мерену, сидевшему на спине Дов. – Теперь у нас есть шанс.

Они помчались к входу на мост, отпустив поводья и лишь слегка сдерживая лошадей.

– Не убирай повязку! – приказал Нефер. – Они не должны увидеть обрыв.

Мост намеренно был построен слишком узким для колесниц и не мог выдержать их вес. Им следовало разобрать колесницу и перенести ее по частям. Покуда Мерен отвязывал упряжь и стреноживал лошадей, Нефер схватил деревянный молоток и выбил бронзовую чеку из ступиц обоих колес. Затем снял колеса. Он взял одно, Мерен – другое, и побежали к мосту.

Мост легко покачивался и изгибался волнами под порывами ветра. Он был недостаточно широк, чтобы оба молодых человека перешли его плечом к плечу. Нефер не колеблясь выбежал на узкий пролет, Мерен последовал за ним. Мост раскачивался под их ногами, будто палуба, но

они шагали размеренно, упираясь взглядами в противоположный берег, не глядя в ужасную бездну и на дно ущелья, покрытое острыми камнями.

Они достигли противоположной стороны, бросили колеса и побежали назад. Пламя горящей изгороди было все еще слишком высоким и яростным, чтобы позволить Даймиосу пройти, хотя они видели, как он стегал и проклинал лошадей.

Они выбросили водяной мех, последние стрелы и прочее лишнее снаряжение, вдвоем подняли основание колесницы и понесли его к мосту, где ветер подхватил их косы, висящие на концах длинных шестов, и торжествующе захлестал ими. Каждый осторожный шаг, который делали Нефер и Мерен, казалось, длился целую жизнь, но наконец они достигли противоположной стороны, опустили на землю основание колесницы и побежали назад. Нефер поднял дышло и уравновесил его на своих плечах. Мерен взял упряжь и мечи, и они снова пошли через мост. Теперь оставалось только перевести лошадей.

Когда они отправились обратно, то увидели, что огонь затихает, но там, где изгородь обрушилась, образовался толстый слой золы, все еще пылавшей печным жаром. Растафа, один из преследователей, кнутом и угрожающими криками погнал своих лошадей вперед, но через несколько шагов шкура на их ногах сгорела до сырого мяса. Кони с ржанием повернули назад, не обращая внимания на возницу и лягаясь от боли.

Нефер и Мерен бегом бросились назад по мосту, раскачивающемуся под ними. Они подбежали к лошадям. Дов и Крус терпеливо стояли, стреноженные, с повязками на глазах. Они сняли с них путы.

– Веди сначала Дов, – приказал Нефер. – Она спокойная.

Пока Нефер ждал на этой стороне, обняв рукой шею Круса, Мерен вывел Дов на мост. Она почувствовала, что опора под ней двигается, подняла голову и встревоженно захрапела. Мерен тихо заговорил с ней. Она осторожно сделала еще шаг и опять остановилась.

– Не торопи ее, – крикнул Нефер. – Пусть пойдет сама. – Шаг за шагом Дов продвигалась по высокому мосту. Дойдя до середины, она замерла, расставив дрожащие ноги. Мерен погладил ей лоб, что-то пошептал, и кобыла пошла. Она добралась до другой стороны, сошла с моста и, ощутив под копытами твердую землю, тихо заржала и с облегчением затрясла головой.

Все еще сдерживаемый горящей преградой, Даймиос закричал:

– Они перевели через мост одну из своих лошадей. Нужно остановить их сейчас. Растафа, дай мне твоих лошадей. Они уже ранены. Я проеду на них, даже если это убьет их.

Нефер оглянулся и увидел, как Даймиос верхом въезжает в пылающую груду золы. Ноги его лошади проваливались в нее по колени, и искалеченное животное споткнулось и чуть не упало, но Даймиос гнал его вперед в потоке искр и зловонии горящих волос и плоти. Тяжело раненное животное провезло его через золу и упало, едва достигнув земли за преградой. Даймиос спрыгнул со спины лошади, вытащил меч и бросился к Неферу.

Нефер выхватил меч и крикнул Мерену через пропасть:

– Возвращайся и переведи Круса. Я задержу этого ублюдка. – Он шагнул вперед навстречу бросившемуся на него Даймиосу, задержал его удар высоко на естественной линии, и лезвия мечей задребезжали и заскрипели по всей длине. Даймиос сменил направление удара и снова рубанул фараона по голове. Нефер отразил нападение и ударил сам, вынудив противника отскочить.

У Нефера было всего мгновение, чтобы оглянуться и увидеть, что Мерен уже выводит Круса на раскачивающийся мост. Крус почувствовал его движение, вскинул голову и попятился.

– Ступай, Крус! – строго крикнул Нефер, и при звуке его голоса жеребец успокоился и осторожно ступил на настил.

Даймиос напал снова, и Неферу пришлось сосредоточить все внимание на нем. Враг нанес несколько быстрых уколов, целясь в горло и грудь Нефера, и, когда Нефер отбился, сменил

направление удара и полоснул низко, по лодыжкам. Нефер перепрыгнул через блестящий круг лезвия и направил клинок в открытое плечо Даймиоса. Он задел его – и увидел, как яркая кровь брызнула на загорелые, натертые маслом мускулы.

Но Даймиос, казалось, не почувствовал мелкую рану. Он атаковал с прежней силой. Они обменялись уколами и ударами, затем Даймиос шагнул назад и двинулся налево, пытаясь подобраться к Неферу сзади и отрезать от входа на мост, но Нефер опять атаковал и вынудил его отойти.

Это была небольшая отсрочка. Нефер увидел, что огонь погас и травяная изгородь сгорела почти дотла. Другие преследователи сошли с колесниц, перепрыгнули через груду пылающей золы и бегом кинулись в бой.

– Встаньте вокруг него кольцом и зарубите! – крикнул им Даймиос, когда они подбежали.

Нефер оглянулся и увидел Мерена с Крусом далеко на мосту. Жеребец дрожал и потел, ощущая под копытами колеблющийся настил, но не видел под собой ужасную пустоту.

Тут подбежали другие преследователи, размахивая мечами и глумясь над Нефером:

– Сейчас мы затолкаем твою косу в твою нежную царскую задницу.

Нефер быстро отступил к самому мосту. Теперь на него могли нападать только по одному, и насмешки затихли. Преследователи сгрудились у входа на мост.

– Он задел меня, – сказал Даймиос. – Займись, Растафа, пока я перевязываю рану. – Он оторвал зубами от подола туники полоску ткани и перевязал свою незначительную рану. Пока он занимался этим, Растафа побежал к мосту. Это был бородатый и смуглый здоровяк с темными, злыми пристальными глазами, быстрый, как хорек. Он легко балансировал на качающемся настиле и ткнул Нефера мечом в горло с такой силой, что Неферу снова пришлось отступить.

Крус услышал недалеко за собой звон мечей и крики и протестующе взвился на дыбы. Мост под ним вздрогнул и заколебался, и на одно ужасное мгновение Мерену показалось, что жеребец потеряет равновесие и упадет с моста, но благодаря какому-то удивительному совпадению он опустился на все четыре ноги и встал, дрожа, на ходившем ходуном мосту.

В этот миг Растафа споткнулся и зашатался на краю. Он замахал руками, пытаясь восстановить равновесие. Нефер сделал к нему один быстрый шаг и нанес укол под его поднятую руку. Бронзовое лезвие скользнуло между ребер и вошло глубоко. Растафа посмотрел на него с легким удивлением и сказал:

– Больно. Клянусь Сетом, больно!

Нефер вырвал лезвие, и из сердца Растафы струей ударила кровь. С темно-красной струей крови, бьющей из груди, он опрокинулся назад и, вращаясь, полетел в пропасть, растопырив руки и ноги, будто спицы колеса. Его громкий хриплый крик затихал по мере падения, а затем резко оборвался, когда его доспехи с грохотом ударились о камни на дне ущелья.

Его спутники у входа на мост заколебались, потрясенные ужасом этого гибельного падения, внезапно утратив желание ступить на узкий путь.

Нефер воспользовался этим, чтобы обернуться и погладить дрожащие бедра Круса.

– Спокойно, Крус. Я здесь, мой дорогой. Иди! – Крус успокоился, услышав его голос, и затем, когда сильные колебания моста прекратились, сделал шаг вперед, затем другой.

– Иди Крус, иди.

Они были почти на полпути, когда Мерен предостерегающе крикнул:

– Сзади, брат!

Нефер развернулся назад как раз вовремя, чтобы встретить другого противника, знакомого ему по описанию. Это был ливийский раб, и он сражался за свою свободу. Он бесстрашно бежал по узкому мосту прямо к Неферу и использовал для нападения весь разгон, так что Неферу удалось лишь отклонить этот первый удар. Они уперлись лезвиями и встали грудь к груди,

обхватив друг друга свободными руками в убийственном объятии, приподнимая друг друга, толкаясь и пихаясь в борьбе за преимущество.

Крус услышал позади звуки борьбы, и это подстегнуло его. Он вновь устремился вперед, преодолев последние несколько шагов до безопасного берега.

Нефер стоял лицом к лицу с противником, чьи зубы были черны и остро заточены, а дыхание смердело гнилой рыбой. Раб вознамерился вонзить грязные клыки в лицо Неферу, щелкая ими как пес, но Нефер отпрянул и боднул ливийца лбом, сбив козырек кожаного шлема ему на переносицу. Он почувствовал, как сломались кость и хрящ, и ливиец ослабил захват и отшатнулся. Он потерял равновесие и схватился за веревку-перила, чтобы выпрямиться, отчаянно цепляясь, выгибая спину над пропастью. Нефер обрубил его сжатые пальцы, и веревка выскользнула из окровавленных обрубков. Раб свалился в пропасть, пронзительно крича и крутясь в воздухе. Казалось, он падал очень долго, прежде чем с глухим стуком ударился о камни далеко внизу.

На мосту позади Нефера осталось трое во главе с Даймиосом. Он перевязал свою рану и казался невредимым. Но он видел, что случилось с двумя его товарищами, и теперь был более осторожен. Нефер вступил с ним в бой, удерживая его на расстоянии полной длины лезвия, отступая только по мере того как Крус медленно и нерешительно продвигался к противоположному краю пропасти.

Внезапно Мерен торжествующе крикнул:

– Мы перешли, Нефер. – Фараон услышал стук копыт Круса на скалистом берегу. – Крус перешел.

Нефер не мог оглянуться: меч Даймиоса мелькал и вспыхивал перед его глазами, – но он крикнул:

– Руби мост, Мерен, руби основные канаты, и пусть он упадет.

Даймиос услышал этот приказ и встревоженно отскочил назад. Он бросил взгляд через плечо и увидел, как далеко прошел по мосту и сколько оставалось до противоположного берега.

Мерен стоял над двумя толстыми веревками, которые удерживали всю тяжесть моста. Он ударил мечом по одной из них, и его первый удар разрубил ее до половины, волокна с резким хлопком разделились и начали разматываться, будто раскручивающиеся змеи.

Потное лицо Даймиоса побледнело от ужаса; он развернулся и вместе со своими товарищами побежал по узкому мосту обратно. Нефер ринулся туда, где над веревками стоял Мерен. Он добежал до конца моста и перепрыгнул в безопасное место. Мерен тотчас ударил мечом по другой веревке, рубя ее ударами сплеча. Одна из веревок разошлась, а весь мост задрожал, и затем резко накренился. Даймиос бросился вперед и вылез на твердую землю в тот миг, когда вторая веревка была обрублена и мост осел и упал в провал.

Даймиос выбрался на скалу и встал на краю, свирепо глядя на них через пропасть. Нефер вложил меч в ножны и насмешливо помахал ему:

– Перед вами долгий путь.

Затем он кинулся помогать Мерену вновь собрать колесницу. Они занимались этим десятки раз под внимательным взглядом Таиты. Мерен поднял основание колесницы за один край, а Нефер тем временем насадил колеса на оси и вбил молотком в каждую ступицу бронзовую чеку. Затем они подняли дышло и при помощи шкворня прикрепили его к площадке.

Нефер потратил несколько секунд, чтобы посмотреть назад через ущелье. Он увидел, что Даймиос и уцелевшие преследователи уже поднимались на свои колесницы, и сквозь последние струйки дыма, поднимавшиеся от тлеющей травяной изгороди, разглядел, как они колонной помчались вперед вдоль ущелья по дороге, которая в конечном счете должна была привести их туда, где утесы становились пологими, давая им возможность перевезти свои колесницы с лошадьми через ущелье и возобновить преследование.

– Мы выиграли довольно времени. – Мерен старался говорить уверенно, но на то, чтобы перевести через мост возбужденных лошадей, ушло слишком много сил, и он прижал руку к раненому боку.

Нефер опасался за него.

– Возможно, но все во власти Красного Бога. – И он коснулся амулета Лостры у себя под горлом.

Они впрягли лошадей и привязали их к длинному дышлу. Затем взобрались на площадку и поехали вдоль линии флагов, отмечающих путь. Они не боялись гнать лошадей на предельной для этого участка скорости, потому что в конце пути их ждали Кама из Тавра и Дросса из Инда. Лошади действительно могли бы долго отдыхать, ведь их возницам предстояло вступить в бой с двумя самыми умелыми фехтовальщиками из труппы Аартлы.

Нефер ускорил бег; флаги проносились мимо быстро, через равные промежутки времени. Они въехали на последний подъем и увидели впереди, в дальнем конце длинной узкой долины, город Галлалу, широко распахнувший ворота в ожидании.

Но в начале долины, между ними и городом, на участке, окруженном низкими холмами, стояла толпа из многих сотен людей. Казалось, что все до единого горожане вышли из города, чтобы посмотреть на испытание мечом.

Они быстро подъезжали, а шум толпы, будто рев штормовых волн, нарастал от приветственных криков.

Через толпу шел проход, ограниченный деревянными перилами; он привел испытуемых к двум кольцам из белых камней в гуще толпы. Когда молодые люди спрыгнули на землю и вперед выбежали конюхи, чтобы забрать лошадей, Нефер обнял Мерена.

– Ты сильно ранен, брат, – прошептал он. – Тут нечего стыдиться, поскольку ранение получено в честном бою, но оно будет мешать тебе. Не пытайся противостоять Дроссе и отвечать ударом на удар. Он проворен и силен и одет в полный доспех. Отступай от него и продолжай отступать, пока я не смогу прийти к тебе на помощь.

Затем они разошлись, каждый к кольцу, определенному ему судьями. Нефер остановился у окрашенных белой краской камней и посмотрел на воина в центре.

На Каме из Тавра был полный доспех: шлем, нагрудник и наколенники. Если бы Нефер и Мерен захотели взять с собой такие же доспехи, им пришлось бы везти их в колеснице от начала пути, но вес двух наборов мог истощить даже силы Круса.

Стоя у края каменного кольца, Нефер изучал противника. Шлем Камы был страшной маской с распростертыми над ушами крыльями, с клювом орла на месте носа. Глаза в отверстиях блестели жестоко и непримиримо. Грудь защищал бронзовый панцирь. Перчатки были покрыты золотыми пластинками в виде рыбьих чешуек. В левой руке он держал маленький круглый щит.

– Горло, запястье, подмышки, лодыжки и глаза, – учил Таита Нефера. – Все остальное закрыто.

Нефер снял с шеи амулет Лостры и намотал длинную золотую цепь на левое запястье. Затем он прижал крошечную золотую фигурку к губам и поцеловал ее, после чего перешагнул через белые камни и пошел вперед, чтобы встретиться с Камой из Тавра.

Они закружились сначала вправо, затем обратно, и внезапно Кама обрушился на него сверкающим рядом уколов и ударов, таких быстрых, что они были почти незаметны для глаз. Нефер не ожидал от противника такого проворства, учитывая вес надетых на него доспехов. Ему следовало применить все свои навыки и силу, чтобы отбиться, и тем не менее он получил порез на ребрах сквозь кожаные доспехи. Когда они разошлись и закружились снова, он почувствовал, как горячая струйка крови потекла вниз по его боку.

Толпа вокруг кричала и ревела, будто штормовое море, но во внезапной тишине, когда они разошлись, Нефер услышал крик боли, донесшийся из другого кольца, и узнал голос Мерена.

Мерен пропустил удар, и, судя по крику, серьезный. Он нуждался в помощи Нефера; вероятно, от этого зависела его жизнь. Но и собственная жизнь Нефера была в страшной опасности, поскольку он никогда прежде не сталкивался с таким противником, как Кама.

Даже Таита не нашел у Камы никаких слабостей, но когда противники снова сошлись в водовороте ударов и звоне металла о металл, Нефер заметил крошечный недостаток. Выполняя низкий удар под руку, Кама на мгновение открыл правый бок и боднул головой воздух. Это было неуклюжее движение, выбивающееся из его быстрой и изящной манеры.

Нефер знал, что долго не протянет. Кама был для него слишком умелым и сильным.

– Все на один бросок костей. – Он начал игру, открыв правое бедро, и, будто жалящая гадюка, Кама тотчас нанес низкий удар, открыв грудь и выставив голову вперед. Готовый к этому, Нефер убрал бедро из-под удара, и лезвие рассекло подол его хитона, не задев его.

Нефер размотал цепочку – блеснул золотой амулет Лостры – и метнул его, будто из пращи, используя цепь для ускорения броска, так что он сверкнул, точно летящий луч света. Он влетел в отверстие для глаза в шлеме Камы, и острый металлический край глубоко врезался в глазное яблоко.

Кама отшатнулся, и по его золотой маске потекла смесь крови и густой прозрачной жидкости из глаза. Он был ослеплен, ошеломлен болью и попытался стянуть шлем, чтобы добраться до выколотого глаза. Как только край его шлема поднялся и открылось горло, Нефер вонзил острие меча на ширину большого пальца выше его кадыка. Острие было направлено вверх и вошло в заднюю часть мозга. Кама широко раскинул руки и упал, умерев еще до того, как оказался на высушенной солнцем земле.

Нефер поставил подбитую бронзой сандалию на его горло и был вынужден приложить немалую силу, чтобы извлечь острие меча, застрявшее между металлом шлема и костью черепа.

Нефер оставил тело лежать и, снова намотав цепочку амулета на запястье, выбежал из кольца. Он рвался к другому кольцу, где находился в смертельной опасности Мерен, но толпа мешала ему. Он принялся размахивать мечом, расчищая дорогу, и зрители с криками разбегались перед ним. Он прорвался сквозь толпу и увидел, что во втором кольце Мерен потерял оружие и из ужасной глубокой раны на правом боку и разреза, наполовину отсекшего ухо, обильно течет кровь. Ухо свисало на щеку на полоске ткани. Каким-то образом Мерену удавалось оставаться вне досягаемости Дроссы, отчаянно отступая от него.

От радости убийства Дросса громко гоготал, и этот звук устрашающим эхом отдавался внутри его военного шлема с гребнем. Растягивая время, он загонял Мерена в положение для смертельного удара и наслаждался этим.

Дросса стоял к Неферу спиной. Нефер прыгнул к нему, нацелив острие меча в шнуровку панциря. Чутьем дикого животного Дросса ощутил опасность и повернулся, чтобы встретить ее. Меч Нефера ударил в металлический нагрудник и отскочил, а Дросса направил сильный удар фараону в голову. Нефер увернулся и отскочил, и они закружились друг перед другом.

Мерен увидел свой шанс и наклонился поднять меч, который уронил, но Дросса прыгнул на него. Мерен был так слаб, что споткнулся и упал. Дросса пинком выбил упавший меч из кольца, поставил ногу Мерену между лопатками и придавил его.

– Смотри, могущественный фараон, которого боится весь мир, твой прихвостень в моей власти. – Он изобразил удар палача, но остановил клинок у затылка Мерена. – Дать тебе его голову? Поистине царский дар.

Нефера захлестнул яростный гнев. Он бросился на Дроссу, желая прогнать его от распростертого тела Мерена, и почувствовал, что клинок полоснул по его бедру. Это отрезвило фараона. Он отскочил назад, и по глазам Дроссы в прорезях шлема увидел, что тот играл с ним, выцеживая из боя последнюю каплю садистского удовольствия. Дросса был актером, и зрителям нравилось его представление. Они одобрительно улюлюкали.

Внезапно Мерен бросился вперед и, схватив Дроссу за лодыжку обеими окровавленными руками, попытался опрокинуть его. Дросса покачнулся, выругался и выдрал ногу, но на мгновение потерял равновесие, и Нефер воспользовался возможностью и атаковал. Он целился в горло, в промежуток между нижним краем шлема и верхним краем нагрудника. Дросса увернулся, и острие меча Нефера звякнуло о металл.

Нефер упустил шанс убить Дроссу, но прогнал его от жертвы, и Мерен поднялся на ноги и встал, пошатываясь, позади Нефера, используя его как щит.

Они закружили снова, и Нефер почувствовал, как первый холодок отчаяния поднимает волоски на его предплечьях. Он знал, что нельзя ожидать второго шанса от такого человека, как Дросса. В отчаянии он снова попробовал метнуть амулет на длинной золотой цепочке в прорезь для глаза в шлеме Дроссы. Дросса наклонил голову, и золотой амулет отскочил от его шлема. Не будь он на цепочке, Нефер лишился бы его, но амулет вернулся, и цепочка сама намоталась вокруг левого запястья Нефера.

– Это не оружие, а детская игрушка, – засмеялся Дросса презрительно.

Они кружились и делали ложные выпады. Дросса двигался легко, Неферу мешала необходимость оберегать Мерена. Он не мог напасть и оставить Мерена без защиты.

Дросса работал с ними двумя как пастушеская собака с ягнятами, отгоняя их назад, к линии белых камней. Он хотел сделать убийство захватывающим, чтобы потешить толпу и приумножить свою славу.

– Преследователи! – крикнул кто-то в толпе, и все головы качнулись и поднялись к вершине холма в начале длинной долины.

На горизонте мчалась колесница Даймиоса. Отчаянно желая отомстить за свое унижение у входа на мост, он мчался изо всех сил и, обогнав остальную часть своего отряда, приближался к ним во весь опор.

– Ты принадлежишь мне, могущественный Египет! – дразнил Дросса Нефера. – Я не позволю выскочке вроде Даймиоса забрать у меня твою косу.

Он угрожающе приближался, и Нефер видел ледяную решимость в бледных глазах за прорезями шлема.

Нефер шепнул Мерену:

– Если я погибну, спасайся. Выйди из кольца.

– Нет, фараон, я поеду с тобой копьеносцем по дороге в рай, – сказал Мерен тихо, и силы оставили его. Ноги под ним подогнулись, и, истекая кровью, он осел на землю. Дросса воспользовался моментом и налетел на Нефера будто лавина. Его меч ударял и звенел о клинок отчаянно защищавшегося Нефера, будто молоток кузнеца по наковальне.

Каждый удар вызывал в правой руке Нефера дрожь и онемение до плеча, и он знал, что долго ему так не выдержать. Однако он смотрел Дроссе в глаза, чтобы предвидеть каждый удар, и заметил, как они сузились и заблестели, когда тот приготовился нанести смертельный удар.

Это был удар сверху, подобный удару молнии с небес, и Нефер сумел только поднять собственный меч над головой, чтобы встретить его. Он знал, что не сможет отбить или отклонить его одной рукой: тот был слишком сильным. Поэтому он укрепил правую руку, схватившись за запястье левой рукой, в которой держал золотой амулет.

Мечи сшиблись с такой силой, что бронза не выдержала. Оба клинка сломались и, вращаясь и поблескивая, вылетели за пределы круга из белых камней.

Противники, неожиданно разоруженные, мгновение смотрели друг на друга в изумлении. Нефер пришел в себя первым и швырнул рукоятку меча в голову Дроссе. Дросса инстинктивно зажмурился и увернулся, Нефер бросился на него, и они столкнулись грудь в грудь.

Будто пара храмовых танцовщиц, они кружились сначала в одну сторону, затем в другую и пытались бросить соперника наземь.

Дросса неумолимо пропихнул свои руки под мышки Неферу и сомкнул бронированные кулаки между его лопатками.

Браслетами из серебра и позолоченными перчатками он начал прижимать Нефера к своему бронзовому панцирю. Нефер ничем не мог ответить, поскольку Дросса оторвал его от земли. У него не было никакого оружия, чтобы защититься, кроме амулета Лостры.

Из последних сил он сумел набросить петлю золотой цепочки на шлем Дроссы. Он обвязал ее вокруг обоих своих запястий и оттянул вниз, пока она вдруг не нашла щель ниже шлема и прильнула к шее Дроссы. Нефер натянул цепочку и, начав двигать ею пилящими движениями, почувствовал, как золотые звенья глубоко вгрызаются в живую плоть.

Дросса, задыхаясь, разорвал захват и обеими руками попытался освободиться. Он схватил Нефера за запястья и попробовал оттянуть их от своего горла, но это увеличило режущую силу звеньев цепочки. Глядя в прорези в шлеме, Нефер увидел, как глаза Дроссы полезли из орбит и налились кровью. Он еще раз обернул цепочку вокруг правого запястья и стал двигать ею взад-вперед. Дросса издал булькающий звук, и в одном из его глаз лопнула жилка. Он выкатился из гнезда как перезрелая ягода, и, все еще сжимая запястья Нефера, Дросса упал на колени. Нефер стоял над ним и крутил запястьями, натягивая цепь, пока внезапно не почувствовал, как она прорезала хрящ. Дыхание Дроссы вырвалось из разрезанной трахеи. Нефер сделал еще один оборот цепи и потянул снова, чувствуя, как золото пилит кость. Кровь широкими струями вырвалась из-под края шлема, и Нефер собрался и напряг остаток сил. Цепь вошла в соединение между двумя позвонками в шее Дроссы и разрезала ее. Голова Дроссы отделилась от плеч и, все еще упрятанная в тяжелый шлем, покатилась по земле.

Когда Нефер, пошатнувшись, шагнул назад, он услышал крик судьи:

– Вы выполнили все и полностью, – и опять надел окровавленную золотую цепочку на шею. После этого он посмотрел поверх голов обезумевшей толпы на склон холма. Колесница Даймиоса была уже на полпути по склону и галопом мчалась прямо к нему.

Нефер наклонился к Мерену.

– Можешь стоять? – спросил он, но когда Мерен сделал усилие, его ноги подогнулись и он растянулся на утоптанной земле. Нефер за руку потянул его вверх, затем перекинул ее себе на шею. Приняв Мерена на плечи, он поднял его на ноги, затем подхватил под колени и взвалил неподвижное тело на себя, так что голова Мерена свисала ему на спину, а ноги – на грудь.

Мерен был тяжелым, а Нефер изнурен почти до предела. Он пошел пошатываясь к ожидавшей их колеснице и опустил товарища на площадку. На мгновение он прислонился к колесу, чтобы отдышаться, и оглянулся.

Даймиос доехал до конца склона и – меньше чем в четырехстах шагах от них – мчался стрелой. Он был так близко, что Нефер видел торжествующее выражение его лица. Даймиос наклонился вперед, длинным черным кнутом ударил по спинам лошадей, и те рванулись вперед и поскакали еще быстрее. Колесницы других преследователей катили по склону за ним; всего их было шесть. Если у Нефера и были какие-то мысли остаться и дать бой, он мигом выбросил их из головы. В своем нынешнем состоянии он не смог бы противостоять Даймиосу даже в честном бою. Следовало бежать.

Нефер обвязал двумя витками веревки тело Мерена, связал их у него под мышками и затянул узел, притянув Мерена к площадке. Затем вскарабкался на площадку и встал, расставив ноги, над телом Мерена.

– Отпускайте! – крикнул он конюхам, державшим лошадей, и те отпустили их и отскочили с пути.

– Вперед, Дов! Вперед, Крус! – крикнул Нефер и хлестнул поводьями по их спинам. Лошади вместе рванулись вперед, и толпа разбежалась перед ними. Он погнал их по долине к открытым воротам города и пустил бегом.

Внизу между его ногами Мерен невольно стонал, когда колесница подскакивала и тряслась, и Нефер старался по возможности объезжать неровные участки. За собой он услышал щелканье кнута и, оглянувшись, увидел, что Даймиос догоняет их. Он стегал коней и гневно кричал на них, но между ними и Дов с Крусом расстояние не сокращалось, несмотря на жестокие удары кнутом, которыми Даймиос осыпал своих лошадей. Нефер посмотрел вперед и оценил, сколько им еще осталось проехать.

До ворот Галлалы оставалось меньше половины лиги. Он уже различал венки из пальмовых листьев, украшающие стены и колонны из красного камня по краям ворот.

И тотчас был наказан за ротозейство. Их правое колесо ударилось об островок голого камня на краю дороги, отчего колесница высоко подскочила и сильно вильнула. Она чуть не опрокинулась, но, пока Нефер старался удержать колесницу, Крус налег на упряжь и помог выправить ее.

Теперь, оглянувшись, Нефер увидел, что ошибка дорого им стоила: Даймиос приблизился к ним на сто шагов. Он был от них в броске копья, и Нефер увидел, как он потянулся, достал копье из стойки и намотал метательный ремень на запястье.

Нефер не мог ответить тем же. Он израсходовал все свои копья на первом этапе, лук бросил у пропасти, а свой последний меч сломал в схватке с Дроссой. У него даже не было кнута. Его единственной защитой была скорость.

Он крикнул лошадям:

– Вперед, Дов! Вперед, Крус!

Услышав, как он выкрикнул их имена, лошади прижали уши, копыта застучали по твердой земле, а ступицы колес пронзительно заскрипели, потому что даже черное масло Таиты почти высохло.

Затем со стуком копыт упряжки Нефера смешался звук других копыт, и когда юноша оглянулся, Даймиос был еще ближе, он стегал лошадей так, что их спины и бока были покрыты кровавыми рубцами. Даймиос держал в руке поднятое копье и теперь метнул его. Нефер смотрел, как оно покинуло его руку и полетело, будто ядовитое насекомое. Он инстинктивно пригнулся, когда копье вонзилось в доски площадки рядом с его правой ногой, и выпрямился, дрожа.

– Вперед, мои дорогие. – Его голос прозвучал резко, и лошади услышали это. – Дайте мне все, что можете!

Крус нашел в своем большом сердце еще каплю сил и увлек за собой Дов. Они начали удаляться от исхлестанных в кровь лошадей Даймиоса.

– Тяните, свиньи! – кричал Даймиос. – Тяните, или я сниму шкуру с ваших спин. – И под хлопанье его длинного кнута они ехали вместе, будто невидимая веревка связала обе колесницы.

Даймиос схватил другое копье и намотал метательный ремень. Когда он отвел назад руку для броска, Нефер, мастерски рассчитав время, щелкнул поводьями. Копье было уже в воздухе, когда Дов наклонилась на плечо Круса, и они взяли чуть в сторону, ровно столько, чтобы копье пролетело мимо плеча Нефера. Но этот поворот стоил им потери дистанции, и Даймиос схватил последнее копье из стойки и намотал метательный ремень на запястье. Теперь он был близко, очень близко.

Нефер с отчаянием смотрел на него, натягивая поводья, чтобы лошади ждали его команды. Даймиос выставил правое плечо вперед в броске, и Нефер опять подал свою упряжку в другую сторону, изменив направление их бега на полном галопе. Но копье не вылетело из руки Даймиоса: выпад был ложным. Он снова поднял копье в исходное положение, выровнял его и приготовился бросить.

Неферу пришлось вернуться обратно, иначе ему не миновать было бы покинуть дорогу и выехать на неровную землю с рассеянными по ней валунами. Он изменил направление, и на сей раз Даймиос прицелился не в Нефера, а в Дов, чей бок открылся при повороте.

Копье попало ей высоко в плечо, пробило шкуру и связку мышц, ударилось в кость и не проникло к жизненно важным органам. Удар был не смертельный, а только выводящий из строя, потому что из-за наконечника с зазубринами копье повисло на боку кобылы, мешая каждому шагу.

Она старалась, старалась изо всех сил, но больше не могла идти вровень с Крусом; кровь побежала по ее боку, забрызгивая ноги Нефера. Он чувствовал, как колесница под ним замедляет ход, и хотя он кричал на Дов, копье хлопало ее по боку при каждом шаге и путалось у нее в передних ногах.

Даймиос устремился вперед, и Нефер краем глаза увидел, что головы его мчащихся лошадей поравнялись с его колесом, и голос Даймиоса, хриплый от напряжения и торжества, прозвучал над самым его ухом:

– Все кончено, Нефер Сети. Теперь ты мой.

Нефер повернул голову и посмотрел. Губы Даймиоса раздвинулись, образовав ужасное отверстие, будто у человека, умершего от вывиха челюсти. Он бросил последнее копье и отшвырнул кнут, но вытянул меч.

Как далеко до ворот, думал Нефер. Меньше пятисот шагов. Очень близко, совсем близко. И все-таки слишком далеко.

Он невольно поглядел на крышу храма. На ней вплотную стояли крошечные человеческие фигурки, и среди них, как раз там, где он ожидал ее увидеть, он различил алую тунику Минтаки: девушка махала над головой зеленой ветвью, а ее длинные темные волосы развевались на северном ветру, будто флаг.

«Награда больше всех прочих», – подумал он, и его рука наткнулась на копье Даймиоса, вонзившееся в настил возле его ноги. Наконечник глубоко впился в дерево, но он собрался с силами и, крутя и дергая, вытянул его из доски.

У него не было метательного ремня, но он взял копье в руку и посмотрел на противника. Глаза Даймиоса сузились, когда он увидел оружие в руке Нефера, и он встал в защитную стойку с мечом. Он неумолимо нагнал Нефера и атаковал. Нефер отбил удар древком копья. Колесницы разъехались в стороны, затем снова съехались и столкнулись с такой силой, что Нефера чуть не выбросило через край и ему пришлось изо всех сил вцепиться в поводья, чтобы удержаться.

Даймиос ударил мечом по длинному шесту, на котором развевалась коса Нефера, но не разрубил твердый бамбук. Нефер восстановил равновесие и ткнул в Даймиоса копьем, отгоняя его. Теперь колесницы ехали колесо к колесу, ступица к ступице.

Нефер и Даймиос наклонились вбок, нанося друг другу рубящие и колющие удары. Бронзовый меч ударил по груди Нефера, и хотя он отклонился назад, держась за поводья, лезвие прорезало кожу его нагрудника, и он почувствовал боль. Но ткнул острием копья в лицо Даймиоса и вынудил его отклониться в сторону.

Дов бежала с трудом, зубцы наконечника все еще держались в ее коже, древко било ее по ногам при каждом шаге.

Нефер слышал множество голосов, сначала тихих и почти тонущих в стуке копыт и визге и грохоте колес, но они становились громче с каждым шагом. Он поглядел вперед и сквозь пот, разъедавший глаза, прямо впереди увидел ворота. Городские стены и крыши были запружены толпами. Сквозь их приветственные крики ему почудился голос Минтаки:

– Для меня, сердце мое, сделай это для меня!

Возможно, это ему лишь показалось от усталости, но это укрепило его, и он прикрикнул на лошадей и подстегнул их поводьями. Но Дов пошатывалась и слабела.

Даймиос снова приблизился, и в этот раз, когда Нефер ткнул в него копьем, нанес сильный удар не по нему, а по древку копья. Его меч рассек древко в нескольких сантиметрах от руки Нефера, оставив в ней бесполезный обрубок. Нефер швырнул его в голову Даймиоса, но тот

увернулся и снова нанес удар Неферу, вынудив его отклониться к дальней стороне площадки, чтобы избежать блеснувшего лезвия.

Даймиос мгновенно воспользовался преимуществом и увеличил скорость, чтобы обогнать Нефера. Проезжая мимо его колесницы, он протянул руку и схватился за шест, на котором развевалась на ветру коса Нефера. Он попытался отломить шест, но тот, хотя согнулся почти вдвое, сопротивлялся его усилиям. Удерживая шест одной рукой, Даймиос протянул другую руку к толстой косе из темных волос. Она развевалась и трепетала у кончиков его пальцев, но он одновременно удерживал той рукой рукоятку меча, и ему не удавалось схватить трофей. Он бросил меч, схватился за косу и попытался сорвать ее, но бамбук был гибким и крепким, а коса надежно привязана.

Крус и одна из лошадей Даймиоса мчались галопом плечом к плечу. Даймиос был полностью поглощен попыткой сорвать трофей с бамбукового шеста. Он знал, что Нефер обезоружен и не представляет никакой опасности, и не обращал внимания на каменные ворота впереди, которые все приближались.

– Навались! – крикнул Нефер Крусу. – Толкни его плечом! – Нефер хлестнул поводьями. Этому они учили жеребца все те месяцы в пустыне. Вместе с Таитой, правившим другой упряжкой, Нефер приучил Круса любить это соревнование в силе, и теперь тот повернул большое правое плечо, толкнул им другую лошадь и вывел ее из равновесия. Сцепившиеся колесницы отклонились вправо; ворота быстро приближались. По обеим сторонам ворот стояли колонны, высеченные из красного камня, и хотя песчаные ветры в течение столетий истачивали и стирали их, они все еще оставались массивными и неприступными.

– Обгони их! – крикнул Нефер Крусу и сильно подстегнул его поводьями. Крус на локоть обогнал упряжку соперника, и теперь она мчалась прямо в крепкую красную каменную стену.

В самый последний миг Даймиос осознал, что происходит, и, с громким встревоженным криком отпустив бамбуковый шест, попытался справиться с мчащейся колесницей, но Крус бежал, обгоняя другого жеребца, и вел его прямо к каменным воротам.

Даймиос понял, что не сможет остановить мчащуюся колесницу и избежать столкновения. Он попробовал выпрыгнуть, но опоздал. Обе его лошади на полном скаку врезались в каменную колонну. Это мгновенно их убило. Нефер услышал их последнее испуганное ржание, когда они врезались в камень, удар, треск их ломающихся костей и раскалывающегося дерева. Одно колесо оторвалось и мгновение катилось, подпрыгивая, рядом с колесницей Нефера. Даймиоса швырнуло, будто одно из его собственных копий, в стену. Он ударился головой, и его череп взорвался, как перезрелая дыня. Его крепкие белые зубы вонзились в поверхность красного камня, и впоследствии их, извлеченные оттуда мальчишками, надевали на золотые цепочки и продавали на рынке.

Нефер направил Круса и Дов в ворота, и хотя ступица их колеса чиркнула по красному камню, они ворвались на главную улицу города, с обеих сторон запруженную радостными толпами. Мостовую устилали пальмовые ветви и цветы, даже платки и головные повязки и другие предметы одежды.

Больше всего Нефер беспокоился о Дов. Он остановил лошадей, спрыгнул и подбежал к раненой кобыле. Зазубренный наконечник копья глубоко вонзился в ее плечо. Удалить его он доверил бы только Таите, но отломил древко, чтобы оно больше не свисало с бока лошади. Затем он опять поднялся на площадку колесницы и взял поводья.

Люди толпились на улице и бежали рядом с колесницей, лошади двигались шагом. К победителям тянули руки, чтобы коснуться Нефера, головными платками вытирали кровь, текущую по ногам из его ран. Кровь бога, фараона и воина Красной Дороги превращала ткань в священную реликвию. Горожане взволнованно выкрикивали восхваления:

– Помолись за нас, могущественный Египет. Истинный фараон!

– Веди нас, великий фараон. Позволь нам разделить твою славу.

– Да здравствует божественный брат Красного Бога!

– Живи тысячу и тысячу лет, Нефер Сети, истинный фараон!

У входа на площадь толпа была такой плотной, что городским стражникам пришлось выбежать перед колесницей и дубинками разогнать людей, прежде чем Нефер смог проехать.

В центре площади на каменном возвышении стояли Хилто и Шабако, чтобы приветствовать новых братьев-воинов.

Нефер остановил побитую, запыленную и забрызганную кровью колесницу около возвышения, и два воина спустились и помогли ему поднять Мерена. Они вместе понесли его в храм Хатор, где ждал Таита. Они положили Мерена на подставку, которую приготовил Таита, и старый Маг немедленно занялся раненым, начав с глубокой раны на его боку, нанесенной мечом. Слезы Мерикары падали на истерзанное, окровавленное тело Мерена и омывали его раны.

Воины Красной Дороги повели Нефера назад на площадь. Затем Нефер спустился по ступеням, снял косы с колесницы и поднес их к жаровне на треноге в центре каменного возвышения, в которой горел огонь. Он опустился на колени перед жаровней и объявил:

– Никакой враг не завладел этими знаками нашей чести и доблести. – Он высоко поднял их, чтобы увидели все, и сказал, отчетливо и гордо: – Посвящаю их Красному Богу. – Затем он бросил косы в огонь. Они ярко вспыхнули. Нефер поднялся на ноги и, ослабев от ран, покачнулся. – Я проехал по Красной Дороге! Хотя мне недостает лет, я подтвердил свое право на двойную корону Египта. Объявляю себя фараоном. Я один истинный фараон. Пусть страшится любой другой притязающий на корону.

Толпа разразилась приветственными криками, а воины Красной Дороги опустились перед ним на колени, поцеловали его правую руку и ногу и поклялись в преданности до самой смерти и после нее.

Нефер поднял правую руку, требуя тишины, но ноги у него подкосились, и он упал бы, если бы Минтака, бросившись вперед, не поддержала его. Обняв ее одной рукой за плечи, он посмотрел ей в глаза и прошептал:

– Все, что я сделал, я сделал для Египта и для вас, любовь моя.

Его голос был таким хриплым и тихим, что лишь она услышала его. Она потянулась и поцеловала его в губы, и народ понял это как открытое провозглашение помолвки. Все закричали так, что эхо вспугнуло стаи голубей с утесов за стенами города.

Плывя на водах двух великих рек, город лежал перед ними, будто цветок лотоса, готовый к тому, чтобы его сорвали. Его стены, сложенные из обожженного кирпича, были двадцать семь локтей толщиной и выше, чем самые высокие пальмы этой плодородной и достаточно орошаемой земли.

– Какова их окружность? – спросил Трок Иштара Мидийца. – Сколько времени уйдет на то, чтобы объехать этот город?

– Десять лиг, великий, – ответил ему Иштар. – Полдня езды.

Трок вытянулся на площадке своей колесницы и прикрыл ладонью глаза.

– Это там легендарные Синие Ворота? – спросил он. Он знал, что Иштар жил в этом царском городе в течение пятнадцати лет и большей части своей магии научился здесь, в храме Мардука.

Даже на таком расстоянии ворота мерцали, будто огромный драгоценный камень. Они были так широки, что десять выстроившихся в ряд колесниц могли въехать в них одновременно, а резные ворота из кедра были выше десяти человек, поставленных на плечи друг другу.

– Они действительно синего цвета, – изумился Трок. – Я слышал, они покрыты лазуритом.

– Это не так, великий. – Иштар искривился в снисходительной гримасе. – Это керамические плитки. На каждой плитке изображен один из двух тысяч десяти богов Вавилона.

Трок бросил взгляд полководца вдоль стен, тянущихся на мили с обеих сторон от Синих Ворот. Через каждые двести шагов в них стояли сторожевые башни, и через равные промежутки массивную стену подпирали тяжелые контрфорсы. Иштар угадал, о чем он думает:

– По верху стены проходит дорога, достаточно широкая, чтобы по ней проехали две колесницы в ряд. В течение часа Саргон может переместить по ней пять тысяч солдат в любое место, которому будет угрожать осада.

Трок хмыкнул, показав, что это не произвело на него впечатления.

– Как бы там ни было, любую стену можно подрыть и обрушить. Нам нужна только одна брешь.

– За ней есть внутренняя стена, божественный фараон, – вкрадчиво проговорил Иштар. – Она почти так же неприступна, как первая.

– Если мы не можем пройти напрямик, то найдем обход, – пожал плечами Трок. – А это там дворцовые сады Саргона? – Он качнул бородой с вплетенными в нее лентами, указывая на огромные террасы, ярусами поднимавшиеся в небо. Они были так искусно подняты одна над другой, что напоминали парящую перевернутую пирамиду, которая, казалось, парила точно могучий орел с распростертыми крыльями, свободная от притяжения земли.

Иштар ткнул жилистой, покрытой синей татуировкой рукой.

– Есть шесть террас, построенных вокруг обширного внутреннего двора, каждая следующая шире предыдущей. Только на женской половине – пять тысяч комнат, по одной для каждой из жен Саргона. Его казна скрыта в глубокой темнице под дворцом и заполнена золотом на высоту в рост человека.

– Ты видел эти чудеса собственными глазами? – усомнился Трок.

– Кроме женской половины, – признался Иштар, – но я входил в главное хранилище казначейства и скажу вам прямо, царь и бог, что во всем вашем войске не найдется достаточно повозок, чтобы увезти столько сокровищ, сколько находится перед нами.

– А я скажу тебе прямо, Иштар Мидиец, что всегда могу построить новые повозки. – И Трок запрокинул голову и весело загоготал.

Марш к Вавилону был долгим триумфом, неразрывной вереницей побед. На берегах Бахр-аль-Мильха они встретились с Раном, старшим сыном Саргона: колесницы Трока и Нага размололи его войско будто дурру и смели мякину в озеро, так что вода стала красной от крови и вздутые тела плавали от одного берега до другого.

Они послали отрубленную голову Рана его отцу, насадив ее на копье. Обезумевший от горя Саргон угодил в западню, которую они приготовили ему. В то время как Наг отступал перед ним, заманивая, Трок обошел его с юга и напал с тыла с тысячей колесниц. Когда Саргон повернул назад, чтобы защитить свой обоз, они окружили его блестящим кольцом из бронзы.

Саргону удалось вырваться с пятьюдесятью колесницами, но он оставил за собой две тысячи колесниц и одиннадцать тысяч солдат. Трок оскопил пленных – на это потребовалось два дня. Он лично присоединился к работе и, по локоть в крови, будто мясник, грубо подшучивал над каждой из своих жертв и размахивал перед их глазами отрезанными гениталиями. Затем он оставил своих жертв истекать кровью – она была жертвой Сеуету, голодному богу, который любил такую пищу. Отрезанные трофеи Трок послал Саргону, засыпав их солью, в ста сундуках из кедра. Тонкий намек на то, что ожидает царя, когда Трок и Наг прибудут в Вавилон.

Вавилон был построен на узкой полосе земли между двумя реками, Евфратом на западе и Тигром на востоке. Во время панического отступления Саргон не уничтожил мосты. Однако в любом случае потребовалось бы целое войско, чтобы разрушить массивные быки из обожженного кирпича, на которых они покоились. У Саргона больше не было войска. Он оставил один потрепанный отряд пехоты, чтобы защищать мосты, но у солдат, чей дух был сломлен, не было колесниц для поддержки. Они не могли долго противостоять двум фараонам.

Трок приказал связать по рукам и ногам и бросить их с центрального пролета моста в широкую бурую реку, и египетские отряды выстроились вдоль парапета, чтобы полюбоваться на корчи тонущих пленных.

Теперь, через год с небольшим с тех пор, как они вышли из Авариса, Вавилон лежал перед ними.

– Ты знаешь укрепления, Иштар. Ты участвовал в проектировании некоторых из них. Сколько пройдет времени, прежде чем город падет? – нетерпеливо спросил Трок. – Сколько времени у меня уйдет, чтобы пробить брешь в стенах?

– Стены неприступны, великий, – ответил Иштар.

– Мы оба знаем, что это не так, – возразил Трок. – Если достаточно времени, людей и решимости, не существует такой возведенной стены, которую нельзя разрушить.

– Год, – задумчиво проговорил Иштар. – Или два, а возможно, и три. – Но выражение его татуированного лица было лукаво, и глаза бегали.

Трок засмеялся и шутя зажал в кулаке покрытую лаком остроконечную бороду Иштара. Он стал крутить ее, пока покрытое синими кольцами лицо колдуна не исказилось от боли, а глаза не увлажнились.

– Ты хочешь играть со мной, колдун. Ты знаешь, как я люблю хорошую игру, не так ли?

– Пощадите, могущественный Египет, – захныкал Иштар. Трок оттолкнул его с такой силой, что мидиец чуть не упал с площадки колесницы и был вынужден ухватиться за край переднего щита, чтобы удержаться.

– Ты говоришь год? Два? Три? У меня нет этого времени, чтобы сидеть здесь и рассматривать красоты и чудеса Вавилона. Я спешу, Иштар Мидиец, и ты знаешь, что это значит, верно?

– Знаю, бог, не имеющий равных. Но я всего лишь человек, бедный и склонный ошибаться.

– Бедный? – закричал Трок ему в лицо. – Клянусь Сеуетом, гнусный шарлатан, ты выдоил у меня уже лакх золота, и что я получил за это?

– Город и царство. Самое богатое в мире после Египта. Я положил его к вашим ногам. – К этому времени он хорошо знал Трока, и знал, как далеко тот мог зайти.

– Мне нужен ключ к этому городу. – Трок посмотрел ему в лицо и обрадовался тому, что там увидел. Он знал Иштара почти так же хорошо, как колдун знал его.

– Это наверняка будет ключ из золота, – размышлял Иштар. – Возможно, три лакха золота?

Трок громко захохотал и ударил колдуна в голову бронированным кулаком. Он не собирался причинить ему вред, и Иштар легко увернулся от удара.

– На три лакха я могу купить другое войско. – Трок покачал головой, и ленты в его бороде запорхали, как облако бабочек.

– Вон там, в казне Саргона, лежит сто лакхов. Три из ста – небольшая цена, чтобы заплатить.

– Дай мне город, Иштар. Дай мне его в течение трех полных лун, и ты получишь два лакха золота из казны Саргона, – пообещал он.

– А если я дам вам его до следующей полной луны? – Иштар потер руки, будто торговец коврами.

Когда Трок услышал такое предложение, его усмешка исчезла и он серьезно сказал:

– Тогда ты получишь свои три лакха и повозки, чтобы увезти их.

* * *

Войско двух фараонов встало лагерем перед Синими Воротами, и Трок отправил к Саргону посланника с требованием немедленной сдачи города – «чтобы спасти такие чудесные постройки от огня, а вас, вашу семью и народ от меча», как, забавляясь, выразился Трок. В ответ Саргон, уверенный в себе и дерзкий за своими стенами, послал Троку отрубленную голову гонца. Готовясь к штурму, Трок и Наг объехали вокруг стен города, чтобы дать вавилонянам увидеть их полную мощь и великолепие.

Они ехали на золотых колесницах. Колесницу Трока везли шесть черных жеребцов, колесницу Нага шесть белых. Гесерет, блистая драгоценностями, ехала рядом с Нагом. Ее высоко уложенные локоны украшал золотой урей. Вслед за золотыми колесницами шли пятьдесят пленных вавилонянок, захваченных в отдаленных городах и деревнях между двумя реками. Все они были беременные, некоторым почти пришел срок рожать.

Перед ними ехал авангард в пятьсот колесниц, а следом за ними арьергард из еще пятисот. Медленный, величественный объезд города занял весь день, и к Синим Воротам они возвратились на закате. Саргон и его военный совет собрались за парапетом над сверкающими воротами.

Саргон был высок и худ, с копной седых волос. В юности он был могущественным воином и, чтобы расширить свои владения, захватил земли на севере до самого Черного моря. За все свои кампании он потерпел поражение только однажды, а именно от фараона Тамоса, отца Нефера Сети. Теперь другая пара египтян стояла у его ворот, и он не обманывался в отношении того, что эти двое будут так же милосердны, как первый. Чтобы он утвердился в этом, Трок приказал раздеть беременных женщин и выводить вперед по одной. Затем, на глазах всего города, их раздутые животы вспарывали и вырывали оттуда нерожденных младенцев. Крошечные тела бросали в кучу перед Синими Воротами.

– Добавь их к своему войску, Саргон, – ревел Трок внизу. – Тебе понадобятся все люди, каких ты сможешь найти.

Для Гесерет это был долгий и захватывающий день. Она удалилась в свой шатер со всеми своими девушками-рабынями, оставив мужа и Трока внимательно изучать при свете ламп карту города. Она представляла собой произведение искусства. Карта была нарисована на тонко выделанной овечьей коже, стены, дороги и каналы нарисованы в масштабе, каждое из главных зданий изображено с расцвеченными деталями.

– Как она попала к тебе? – спросил Наг.

– Двенадцать лет назад по приказу царя Саргона я осмотрел город и нарисовал эту карту собственными руками, – ответил Иштар. – Никто другой не смог достичь такой точности и красоты.

– Если Саргон приказал сделать ее, почему ты не доставил ее царю?

– Доставил, – кивнул Иштар. – Я отдал ему худший набросок, но тайно сохранил чистовик, который вы видите перед собой. Я знал, что однажды кто-то заплатит мне более щедро, чем когда-то Саргон.

В течение следующего часа они изучали карту, время от времени бормоча замечания, но большей частью молча и сосредоточенно. Закаленные в боях полководцы с профессиональным взглядом на те или иные особенности поля битвы, они были способны восхищаться толщиной и крепостью стен, башен и укреплений, выстроенных слой за слоем в течение столетия.

Наконец Трок встал у стола.

– Здесь нет никаких слабых мест, которые я заметил бы, колдун. Впервые ты прав. Потребуется три года тяжких трудов, чтобы пробиться сквозь эти стены. Тебе придется сократить этот срок, чтобы заработать свои три лакха.

– Вода, – прошептал Иштар. – Посмотрите на воду.

– Я смотрел на воду, – улыбнулся Наг, но это была улыбка змеи, холодная, тонкогубая. – Есть каналы, снабжающие водой каждый квартал города. Воды довольно, чтобы выращивать сад Саргона на шести террасах, которые поднимаются в небо, и поить и кормить город в течение ста лет.

– Фараон всевидящ и всемудр, – поклонился Иштар, – но откуда поступает вода?

– Из двух могучих рек. После Нила это самые могучие реки в мире. Поступление воды в этом тысячелетии не прерывалось.

– Но где вода входит в город? Как она проходит, через или под этими стенами? – настаивал Иштар, и Наг с Троком обменялись взглядом растущего понимания.

В половине мили к северу от Вавилона, за городскими стенами, на восточном берегу Евфрата, там где река расширялась и замедляла течение, стоял храм Нинурты, крылатого, львиноголового бога Евфрата. Он был воздвигнут на каменном пирсе, который выдавался в реку. На фризе, обегавшем все четыре внешние стены, было вырезано множество изображений бога. На каменной балке над входом на аккадском языке было высечено предупреждение всем, кто намеревался вторгнуться в святилище, – предостережение, призывающее на них гнев божества.

Иштар Мидиец, чтобы отвести проклятие, совершил на пороге колдовской обряд, перерезав горло двум пленникам и обрызгав их кровью двери. Едва путь был очищен, Трок с двадцатью солдатами за спиной прошел во внутренний двор храма, где собрались все одетые в пурпурные мантии жрецы Нинурты. Они пели гимны и жестикулировали, махали руками в сторону вторгнувшегося, плескали водой из Евфрата на его путь, призывая Нинурту создать невидимую стену волшебной силы и прогнать Трока.

Трок не останавливаясь шагнул сквозь стену и убил старого верховного жреца одним уколом в горло. Стеная от такого кощунства, прочие жрецы пали перед ним ниц.

Трок вложил меч в ножны и кивнул начальнику стражников:

– Убейте их всех. Удостоверьтесь, чтобы никто не сбежал.

Работа была проделана стремительно, и, когда внутренний двор усыпали одетые в пурпур тела, Трок приказал:

– Не бросайте их в реку. Нельзя, чтобы городские стражники увидели, как они плывут мимо, и догадались, что мы задумали.

Затем он обернулся и посмотрел на Иштара, который, как только избавились от всех жрецов, вошел во внутренний двор, чтобы совершить еще один колдовской обряд для противодействия губительному влиянию призванного ими бога. В четырех углах он зажег пучки трав, от которых повалил густой, жирный дым, противный Нинурте и, как весело заметил Трок, всем богам и обычным смертным в равной мере. Закончив очищение, Иштар немедля направился в святилище храма. Трок и его солдаты последовали за ним с обнаженными мечами, покрытыми засохшей кровью.

Их подбитые медью сандалии звенели в пустоте высокого и мрачного, похожего на пещеру зала, и даже Трок ощутил священный трепет, когда они подошли к статуе бога на постаменте. Голова льва оскалилась в немом рычании, а каменные крылья были широко расправлены. Иштар прочитал еще одну длинную молитву богу, чтобы умиротворить его, и повел Трока в узкое пространство между задней стеной и спиной идола. Там он указал на дверь из толстой решетки, встроенную в тело Нинурты. Трок схватился за прутья решетки и зашатал их изо всех своих медвежьих сил. Она не двигалась.

– Есть более легкий путь, многомудрый фараон, – елейно сообщил Иштар. – Ключ – на теле верховного жреца.

– Принеси его! – рявкнул Трок начальнику своей стражи, который сразу убежал. Когда он вернулся, на его руках была кровь, но он нес связку тяжелых ключей, среди них – длиной с его предплечье. Трок стал вставлять их один за другим в замок на решетке, и второй ключ повернулся в древнем механизме. Дверь распахнулась на скрипящих петлях.

Трок поглядел на уходившую в темноту спиральную лестницу. Поднимающийся из глубокой шахты воздух был холодным и сырым, и фараон услышал далеко внизу журчание воды.

– Принесите факелы! – приказал он, и начальник стражи послал четверых солдат вынуть из скоб горящие факелы.

Держа факел над головой, Трок стал спускаться по узкой лестнице без перил. Он шел осторожно, потому что каменные ступеньки обросли слизью и были скользкими. Шум бегущей воды становился тем громче, чем ниже он спускался. Иштар шел следом.

– Этот храм и туннель под ним построены почти пятьсот лет назад, – сказал он Троку. Наконец под ними заблестела вода и стало слышно журчание потока, стремительно бегущего в темноте. Наконец Трок достиг дна и ступил на каменную площадку. В неверном свете факела он увидел, что они стоят в широком туннеле с вогнутым сводом, акведуке внушительных размеров. Его крыша и стены были выложены керамическими плитками, образующими геометрические узоры. Оба конца туннеля скрывались в полной темноте.

Иштар оторвал со стены кусочек гриба и бросил его в поток. Гриб понесло вдоль туннеля, и он исчез из виду.

– Глубина здесь больше, чем рост человека, – сказал колдун, и Трок задумчиво посмотрел на начальника стражи, словно обдумывая, не проверить ли это утверждение. Тот отступил в тень, пытаясь сделаться незаметным.

– Пешеходная дорожка, на которой мы стоим, идет по всей длине акведука, – объяснил Иштар. – Жрецы, которые следят за туннелем и ремонтируют его, пользуются ею.

– Где она начинается и где кончается? – спросил Трок.

– На дне реки, под пирсом храма, есть колодец, куда стекает вода. Дальний конец акведука доходит до другого храма Нинурты внутри стен Вавилона, около Синих Ворот, – объяснил Иштар. – Только жрецы знают о существовании этого туннеля. Все прочие считают, что вода – великодушный дар бога. После того как вода выливается из источника около храма, она поднимается водяными колесами-шадуфами к дворцовым садам, а также течет по каналам в каждый квартал города.

– Я действительно думаю, Иштар Мидиец, что ты близок к получению своих трех лакхов. – Трок смеялся от удовольствия. – Тебе остается только провести нас по этой кроличьей норе в город чудес и к казне, особенно к казне.

Трок рассудил, что у жрецов в главном храме Нинурты в пределах городских стен должно быть исправное сообщение со жрецами речного храма. Они почти наверняка использовали этот акведук для связи между общинами. Им не потребуется много времени, чтобы обнаружить, что с их братьями в речном храме произошло нечто неблагоприятное. Следовало быстро составить план.

Трок выбрал двести своих лучших и самых надежных солдат; все они были членами его собственного клана леопарда. Затем он разделил их на две группы. Как только они доберутся по акведуку в город, первая группа должна будет захватить Синие Ворота и держать их открытыми, пока фараон Наг Киафан не введет сквозь них главные силы. Вторая, намного меньшая, группа должна пробиться во дворец и захватить казну Саргона прежде, чем тот сумеет избавиться от золота.

– Потребуется тысяча повозок, чтобы вывезти все золото, – уверил его Иштар.

Отобранные две сотни оделись как войско Саргона, сняв вещи с пленных и погибших солдат, оставленных на поле битвы. Воины Саргона носили туники из полосатого материала длиной до лодыжек, с поясом на талии, и высокие шлемы в форме улья. Иштар научил их завивать бороды и волосы кольцами, как принято в Месопотамии. Они только надели красные пояса, чтобы отличаться от противника. Войсковые писцы спешно нарисовали и выдали начальникам обоих отрядов грубые копии городской карты, так чтобы они знали расположение улиц и зданий. К вечеру каждый солдат точно знал, что от него потребуется, когда он войдет в город.

Едва стемнело, Наг тихо выдвинул наступательный отряд на позицию около Синих Ворот, готовый ворваться в город, как только солдаты Трока распахнут их. Во внутреннем дворе речного храма Нинурты Трок собрал свой отряд. Пока было еще светло, они с Иштаром провели воинов колонной по одному вниз по спиральной лестнице в акведук. Никакой спешки не было, потому что впереди у них было много часов, чтобы совершить долгое подземное путешествие. Они надели на обитые бронзой сандалии кожаные носки, поэтому их тяжелые шаги не отзывались эхом в мрачном туннеле. Они шли в тишине, каждый десятый солдат нес факел, дающий достаточно света для идущих следом, чтобы те различали, куда ступать на слизистых камнях дорожки. Слева от них журчал в темноте бесконечный поток воды. Через каждую тысячу шагов Иштар останавливался, чтобы умиротворить божественную Нинурту дарами и заклинаниями и очистить путь впереди от магических препятствий и барьеров, расставленных мертвыми жрецами.

Однако тихий марш казался Троку бесконечным, и для него стало полной неожиданностью, когда Иштар резко остановился и указал вперед. Слабое мерцание света отражалось от блестящих керамических стен. Трок дал идущим за ним солдатам сигнал остановиться и пошел вперед с Иштаром. Поверх своей одежды они надели пурпурные мантии, снятые с тел убитых жрецов, и водрузили на головы их шапки.

Подойдя к источнику света, они увидели новую решетку поперек туннеля и искаженные тени, отбрасываемые людьми на стены в свете факелов в скобах над дверью. Подойдя ближе, они увидели за решеткой двух жрецов в мантиях; сидя на табуретах, с доской бао между ними, они были поглощены игрой. Иштар тихо позвал, и они взглянули на него. Толстый жрец встал и покачиваясь пошел к двери.

– Вы от Синны? – спросил он.

– Да! – уверил Иштар.

– Вы опоздали. Мы ждем с сумерек. Вам следовало быть здесь несколько часов назад. Верховный жрец будет недоволен.

– Простите, – в голосе Иштара звучало раскаяние, – но вы знаете Синну.

Толстый жрец хихикнул.

– Да, я знаю Синну. Он учил меня моим обязанностям тридцать лет назад.

В замке двери забренчал ключ, и она распахнулась.

– Вам следует поспешить, – сказал он.

Трок в капюшоне, закрывающем его лицо, выбежал вперед, держа меч в складке мантии. Жрец отступил к стене, чтобы дать ему пройти. Трок остановился перед ним, прошептал:

– Нинурта вознаградит тебя, брат, – и убил его уколом под подбородок и в мозг.

Второй жрец с испуганным криком вскочил, опрокинув доску бао и рассыпав камни по дорожке. Двумя большими шагами Трок подскочил к нему и обрубил половину головы. Не издав больше ни звука, жрец упал спиной в темный поток и, поддерживаемый на плаву раздувшейся мантией, был унесен по туннелю.

Трок тихо свистнул, и его солдаты с приглушенным топотом вошли с обнаженными мечами в свет факела. Иштар шел перед Троком, пока они не достигли основания другой крутой камен-

ной лестницы. Они быстро поднялись по ней и подошли к тяжелому занавесу, преграждавшему им путь. Иштар заглянул за его край и кивнул.

– Храм пуст.

Трок шагнул в проем и огляделся. Этот храм был еще больше и внушительнее, чем речной. Потолок был таким высоким, что свет пятидесяти факелов поглощала тень. Под ними над устьем шахты, из которой с огромной силой, как из гигантского источника, струей била вода и втекала в глубокий водоем с белым мраморным парапетом, находилось изваяние сидящего бога.

Тело жреца, которому Трок почти отрубил голову, плавало в бассейне, откуда вода переливалась в канал, несущий ее в город. Хотя в воздухе стоял густой запах благовоний, огромный зал храма оказался пуст.

Трок дал солдатам сигнал продвигаться вперед. Выходя из туннеля, они в тишине сразу выстраивались позади своих командиров. Трок сделал знак рукой, и они побежали вперед. Иштар повел меньший отряд через боковую дверь из зала в коридор, соединяющийся с дворцом Саргона. Трок вывел солдат в узкий переулок позади храма и, пользуясь только памятью о карте, повернул во второй переулок и вышел на широкую дорогу, ведущую, как он знал, к Синим Воротам. Все еще было темно, над спящим городом сверкали звезды.

По пути они встретили несколько человек в накидках, одного или двух пошатывающихся пьяных, но прочие убегали с их пути, пропуская темную колонну вооруженных воинов. Женщина с ребенком на руках крикнула им вслед:

– Пусть Мардук улыбнется вам, смелые воины, и спасет нас от Трока, египетского варвара. – Трок достаточно знал аккадский, чтобы понять ее, и улыбнулся в бороду.

Переодетых в чужую одежду, их никто не окликнул до самого конца дороги, но когда показались ворота, из помещения охраны прозвучал голос:

– Стой! Скажите пароль на сегодняшний вечер. – Сотник охраны ворот с пятью солдатами за спиной вышел на свет факела. Но эти шестеро были плохо подготовлены, без шлемов и доспехов, с опухшими глазами и сонными лицами.

– Благородный посланник царя Саргона к фараонам Египта, – проговорил Трок на отвратительном аккадском и махнул рукой своему отряду: атаковать. – Откройте ворота и встаньте в сторону! – Он бежал прямо на сотника.

Мгновение солдат колебался. Затем, увидев блеск мечей, он торопливо крикнул:

– К оружию! Вызвать караул! – Но было поздно. Трок уже оказался рядом с ним, и сотник опрокинулся, сраженный первым же ударом. Солдаты Трока толпой напали на других стражников, прежде чем те смогли защититься, но шум услышали часовые у парапета над воротами. Заревели тревогу бараньи рога, и в нападавших полетели копья.

– Выбейте их оттуда! – приказал Трок, и половина его солдат бросилась на стену по пандусам с обеих сторон ворот. Там они сразу же вступили в отчаянный ближний бой со стражниками. Половину своих солдат Трок оставил при себе.

Иштар описал комнату при воротах, в которой помещался сложный механизм, система тяжелых лебедок и шкивов, открывающая массивные ворота. Трок привел солдат к входу в эту комнату, прежде чем стражники смогли закрыть двери изнутри, и через несколько минут яростного боя большинство стражников были убиты или ранены. Оставшиеся в живых побросали оружие, некоторые упали на колени и тщетно молили о пощаде. Их, коленопреклоненных, закололи или убили ударами дубинок. Другие сбежали сквозь заднюю дверь, и Трок подвел своих солдат к массивным лебедкам. По два человека, тянущих свою рукоятку вертикальной лебедки, они начали открывать ворота.

Но рев бараньих рогов разбудил городских стражников, и те высыпали из своих бараков, некоторые без доспехов и толком не проснувшись, и бросились на защиту ворот.

Трок закрыл на засов тяжелую дверь в комнату с лебедкой и поставил у входа солдат, чтобы оборонять ее. У парапета над воротами его солдаты убили или сбросили со стены защитников и сейчас сражались на пандусах, сдерживая нападающих вавилонян.

Дверь в комнату с лебедкой дрожала и прогибалась под ударами вавилонян, отчаянно пытавшихся ворваться, но благодаря усилиям солдат Трока лебедки медленно вращались и массивные ворота поднялись со своей опоры, щель под ними неуклонно расширялась.

Дорогу к воротам теперь заполнили защитники Вавилона, но им мешало их собственное число. Только четыре человека в ряд могли подниматься по пандусам на стену, и солдаты Трока встречали и отбрасывали их назад. Другие все еще пытались ворваться в комнату с лебедками, но двери оказались крепкими. Когда их наконец разбили, на пороге ждал Трок со своими солдатами.

За стенами города воины Нага столпились перед воротами с ломами и рычагами. Они поднимали тяжелые ворота выше и выше, так что наконец в них мог пройти отряд колесниц. Тогда они отошли в сторону, и Наг повел колонну боевых колесниц в ожесточенную атаку через ворота. Колесницы помчались, сметая защитников города с дороги. Египетское войско двинулось вслед за ними. Трок принял командование и яростно повел ее через город к дворцу.

Разграбление Вавилона началось.

Дворец обороняли упорно, защитниками командовал сам Саргон. Однако к вечеру Трок пробил брешь во внешней стене первой террасы. Он ввел сквозь нее сильный отряд, и защита оказалась сломлена.

Когда они ворвались в опочивальню Саргона, тот стоял на коленях перед статуей Мардука, месопотамского бога-пожирателя, с окровавленным мечом в руках. Рядом с ним лежало тело его любимой жены, седовласой женщины, проведшей с ним тридцать лет.

Он даровал ей смерть, милосердную в сравнении с тем, что постигло бы ее в руках солдат Трока. Однако самому Саргону не удалось упасть на свой меч. Трок выбил оружие из его руки.

– Нам многое следует обсудить, великий, – пообещал он. – Разве не вы называли меня Черным Зверем Сеуета? Я надеюсь убедить вас, что вы раскрасили меня неправильным цветом.

Гарем выгнали из дворца. Женщин оказалось только пятьсот, а не пять тысяч, как сулил Иштар. Трок выбрал двадцать самых молодых и красивых для себя лично, а остальных отдал своим военачальникам. После того как они насладятся пленницами, тех отдадут солдатам.

Потребовалось еще два дня, чтобы пробиться к казне, скрытой глубоко в земле под дворцом, потому что ее охраняло множество хитроумных приспособлений и устройств. Без совета и знаний из первых рук Иштара Мидийца, возможно, потребовалось бы еще больше времени, чтобы проникнуть в главную палату сокровищницы.

Когда путь был очищен, Трок, Наг и вслед за ними Гесерет, спустились по лестнице и вошли в палату. Иштар осветил ее изнутри сотней масляных ламп, их лучи, отражаясь от хитроумно расставленных полированных медных зеркал, полностью освещали добычу.

Даже оба фараона и Гесерет замолчали, ошеломленные великолепием сокровищ. Серебро лежало в брусках, золото было отлито в конические слитки, которые входили друг в друга для простоты хранения. На всех были отметки ювелиров и царское имя Саргон.

Гесерет, на сей раз безмолвной, пришлось прикрыть ладонью глаза, защищая их от ослепительного блеска скоплений драгоценного металла. Наг медленно пошел вперед между штабелями, возвышавшимися над его головой, через каждые несколько шагов останавливаясь, чтобы погладить слитки. Наконец к нему вернулась способность говорить, и он прошептал:

– Они теплые и гладкие, как тело девственницы.

Трок взял по тяжелому слитку в каждую руку и засмеялся от удовольствия.

– Сколько? – спросил он Иштара.

– Увы, великолепно и божественно великий, у нас еще не было возможности пересчитать. Но мы посмотрели свитки Саргона. Его писцы обозначили полный вес серебра в пятьдесят пять лакхов, золота в тридцать три. – Он осуждающе развел татуированными руками. – Но кто поверит подсчету вавилонянина?

– Саргон – еще больший грабитель, чем я считал. – В устах Трока это прозвучало как похвала.

– По крайней мере здесь довольно, чтобы заплатить малую долю, которую вы обещали мне? – вкрадчиво спросил Иштар.

– Пожалуй, мы обсудим это позднее, – радушно улыбнулся Трок. – Я – добрый и щедрый человек, Иштар, ты отлично это знаешь. Однако сверхщедрость – своего рода глупость. А я не глуп.

На этом он закончил, ликуя, любоваться содержимым казны, потому что в городе оставалось еще очень много такого, что можно было посмотреть и на что подивиться. Трок и Наг обошли дворец и поднялись на верхнюю террасу с ее фонтанами, садами и рощами. С этой высоты их взорам открылись обе великие реки и вид на поля, болота и заросли тростника за городскими стенами.

Затем они посетили все храмы, поскольку эти величественные здания также были наполнены слитками золота, красивой мебелью, скульптурами, мозаиками и иными произведениями искусства. Забирая их, Наг и Трок говорили с божеством храма как братья и ровня. Трок объяснял, что Вавилон больше не столица, а просто часть Египта. Поэтому бог должен сменить место своего земного пребывания на Аварис, где Трок обеспечит его подходящим помещением. Изымание богатства бога следовало рассматривать как заем, который позже обязательно будет возмещен.

Самым большим из вавилонских храмов был храм Мардука Пожирателя. Трок обнаружил, что это не только источник драгоценных металлов и камней, но и место, полное безграничного очарования.

Иштар был поклонником Мардука и в молодости изучал тайные науки в этом самом храме под руководством верховного жреца. Не получив еще свою награду, он пристал к Троку, как клещ к животу льва. Он объяснил Троку, как поклоняться Мардуку, и Трок заметил:

– Вкусы Мардука очень похожи на знакомые мне вкусы Сеуета. Вполне возможно, они родные братья.

– Вы проницательны, как всегда, великий. Однако Мардук куда более охоч до человеческих жертв, чем Сеует. И требователен к тому, как ему подается жертва.

Он провел Трока по лабиринту проходов и коридоров, через сады, внутренние дворы и гулкие залы в святую святых глубоко в сердце храма, который сам по себе был маленьким городом. Наконец они пришли к помещению с печью.

Когда они встали над главной жертвенной печью, Трок зачарованно поглядел в ее жерло. Он был поражен конструкцией и постройкой.

– Опиши ее мне, – приказал он Иштару.

– Здесь две печи, а не одна, по одной за каждой из тех стен. – Иштар указал вниз, на стены из сверкающей меди. – После того как зажгут древесный уголь, огромными мехами раздувают огонь, пока металлические стены не засветятся от жара, будто встающее солнце. Эти стены можно передвигать. При помощи шкивов жрецы могут выкатывать их вперед или откатывать назад...

Когда Иштар закончил объяснение, Трок ударил бронированным кулаком в ладонь другой руки.

– Клянусь Сеуетом и Мардуком, я никогда не слышал ничего подобного. Мне надо увидеть, как она работает. Если все так, как ты описываешь, я прикажу соорудить такое же хитрое устройство в моем собственном храме в Аварисе. Прикажи, чтобы жрецы разожгли их адские печи. Мы отпразднуем мою победу жертвоприношением Мардуку.

– Потребуется несколько дней, чтобы печи раскалились как следует, – предупредил его Иштар.

– У меня есть несколько дней, – сказал Трок. – Я должен проследить за погрузкой добычи, а также позаботиться о довольстве и благополучии двадцати молодых жен Саргона. – Он закатил глаза. – Это самая трудная задача. В любом случае мои головорезы все еще заняты разграблением города. Пройдет некоторое время, прежде чем я смогу привести их в чувство.

Три дня спустя Трок устроил на верхней террасе огромного дворца пир для своих военачальников в честь победы. Гости расселись среди рощи растущих в огромных глиняных горшках апельсиновых деревьев в полном цвету, отчего воздух был напоен их сладким ароматом. Вокруг журчали и булькали фонтаны. Пиршественный стол покрывал шелк. Чаши и посуда были из серебра и золота и украшены драгоценными камнями – их взяли из комнат с пожертвованиями храму. В качестве табуретов использовались жены Саргона, стоявшие на коленях голышом, но в золотых цепях. Позднее, когда сказались осушенные кувшины пенящегося пива и сладкого вина, женщин использовали как живые подушки и матрацы.

Посреди этого пира Иштар подполз к Троку под бок и прошептал на ухо:

– Божественный фараон, поглощающий моря и поедающий звезды, печи готовы.

Трок пошатываясь поднялся на ноги и хлопнул ладонями.

– Благородные братья! – обратился он к своим военачальникам, и те заревели от смеха. – Я хочу предложить вам развлечение. Идите за мной! – И он покачиваясь направился к лестнице вместе с окружившими его воинами.

Они столпились на галерее вдоль парапета и посмотрели в жертвенную камеру. Из двух труб над их головами поднимался дым, и они взмокли от жара, пышущего от раскаленных металлических стен.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы принести жертву великому богу Мардуку, который отдал нам свой город как военный трофей, – сказал Трок, подражая распевному, неискреннему голосу верховного жреца. Все с восторгом разразились одобрительными возгласами.

– Какую лучшую жертву можем мы предложить, чем царь и его семейство? – Снова раздались одобрительные возгласы.

Трок махнул Иштару, и тот бросился вниз по лестнице в палату, где у во́ротов стояли сто рабов, готовые привести в действие механизм. По сигналу верховного жреца они запели гимн Мардуку.

Жрец вышел на выступ над открытой камерой с пышущими жаром стенами. Он поднял руки и под песнопения рабов пронзительным фальцетом запел молитву богу.

По его знаку в неподвижной каменной стене печной камеры открылась маленькая дверь, и другой жрец ввел идущих гуськом людей. Они были одеты в простые белые туники, и у каждого на шее была веревочная петля.

Это были люди обоих полов и всех возрастов – и грудные младенцы, которых несли на руках их ма́тери, и малыши, и совсем юные отроки. Самым высоким был худой седовласый человек с осанкой царя и воина.

– Приветствую тебя, Саргон, могущественный правитель небес и священной земли между двумя великими реками, – издевательски крикнул Трок. – Я сделаю для тебя то, на что у тебя самого не хватило храбрости. Я отправлю тебя посланцем в любящие руки твоего бога, Мардука Пожирателя. Поскольку я сострадателен и не хочу, чтобы твои жены, маленькие сыновья и дочери оплакивали тебя, я пошлю их с тобой, пусть составят тебе компанию в пути. – Он подождал,

пока затихнет смех его военачальников, и продолжил: – Передай Мардуку, когда встанешь с ним лицом к лицу. Скажи ему, что Трок, его божественный брат, приветствует его и требует его доброго расположения.

Саргон, собравший вокруг себя сыновей, не соизволил взглянуть на Трока или ответить на его слова.

Трок посмотрел на верховного жреца.

– Теперь, жрец, покажи, как работает этот ваш механизм.

Верховный жрец снова запел, но другую молитву, суровую и простую. В комнате позади него рабы запели вместе с ним и в такт молитве шагнули вперед, притопнув босыми ступнями по каменным плитам пола со звуком, подобным удару грома. С каждым шагом вороты проворачивались.

Сначала, казалось, ничто не изменилось, но затем Иштар прошептал:

– Посмотрите на пылающие стены, могущественный Трок, величайший из всех царей-героев. Смотрите, они начали медленно сближаться. Чрезвычайно медленно. Наконец они встретятся, и жертвы захрустят и почернеют, будто мотыльки в пламени лампы.

Трок наклонился вперед, его лицо сияло от пота и предвкушения.

– Мардук доволен, – объявил Иштар, подняв взгляд от чаши. – Жертва, которую вы принесли ему в печи, была для него самой желанной.

Трок кивнул.

– Скажи моему брату Мардуку, что я доволен тем, что он доволен.

Трок преклонил колена на груде расправленных леопардовых шкур, лежащей на каменном полу во внутреннем святилище храма перед алтарем Мардука Пожирателя. Золотая статуя бога имела вид миловидного юноши с улыбающимся лицом. Статуя была в три или четыре раза больше натуральной величины. Единственными особенностями, которые отличали бога от смертного, кроме его размера, были маленькие, похожие на козлиные рога с боков его покрытой локонами головы и раздвоенные копыта вместо ступней.

– Ты говорил, Мардук ужасный бог, более жестокий и яростный, чем любой другой в пантеоне, даже более свирепый, чем Сеует, – упрекнул Трок Иштара, когда впервые увидел статую, – а это всего лишь хорошенький мальчик.

– Божественный фараон, не обманитесь! – предупредил Иштар. – Это – лицо, которое Мардук показывает миру людей. Его истинный вид так ужасен, что любой человек, посмотревший на него, немедленно превратится в слепого и слюнявого дрожащего безумца.

Отрезвленный этим, Трок опустился на колени перед статуей и молчал. Жрецы внесли двух новорожденных младенцев и предложили их богу. Иштар перерезал им горло так умело, что они едва вскрикнули, и кровь потекла в золотую чашу предсказания, стоявшую внизу.

Когда маленькие обескровленные тела были брошены в мраморный колодец, ведущий к печи под святилищем, Иштар поставил золотую чашу перед алтарем и зажег жаровни с благовониями. Распевая и бормоча заклинания, он бросал в огонь горсти трав, пока святилище не наполнилось клубами синего дыма, а воздух не стал ароматным и расслабляющим. Через некоторое время Трок обнаружил, что ясно думать ему трудно и перед глазами все колеблется так, что тени, казалось, дрожали и плясали; он услышал где-то вдалеке издевательский смех. Он закрыл глаза и прижал пальцы к векам. Когда он вновь открыл их, то увидел, что сладкая улыбка на лице бога превратилась в хитрый взгляд, такой похотливый и пугающий, что по спине у Трока побежали мурашки, будто поползли ядовитые насекомые. Он хотел отвести взгляд, но обнаружил, что не может.

– Великий бог Мардук доволен, – повторил Иштар, читая предзнаменования, отраженные на поверхности наполненной кровью чаши. – Он изволил ответить на ваши вопросы.

– Скажи Мардуку, что я отношусь к нему как к равному. Я пошлю еще тысячу жертв в его печь.

– Мардук слышит вас. – Иштар поднял чашу и вгляделся в нее. После долгой тишины он начал медленно раскачиваться с чашей на коленях. Наконец он поднял глаза от чаши. – Смотри, Мардук, великий бог Вавилона! Говори с нами, ужасный бог, мы молим тебя!

Он раскрыл руки навстречу золотой статуе, и бог заговорил голосом ребенка, лепечущим и приятным.

– Приветствую тебя, мой брат Трок, – сказал этот странный голос. – Ты желаешь узнать о неоперившемся соколе, который расправляет крылья и острит когти в пустынном месте.

Трока изумил не только бестелесный голос, но и точность этого утверждения. Действительно, он намеревался спросить совета насчет своего замысла напасть на Нефера Сети и уничтожить его. Он хотел ответить, но его горло сжалось и пересохло, как пелены древней мумии.

Мелодичный детский голос продолжил:

– Ты получал хорошие советы от моего преданного слуги Иштара Мидийца. Хорошо, что ты следовал им. Если бы ты не слушал его, если бы пошел на Галлалу, ты столкнулся бы с бедствием еще большим, чем ветер хамсин, который уничтожил и похоронил твои легионы. – Трок с горечью вспомнил, как Иштар отговорил его отправить еще одно войско в восточную пустыню, чтобы напасть на Нефера Сети и схватить Минтаку, его сбежавшую женщину. Его лазутчики давно сообщили ему о точном местонахождении пары в Галлале. Он собрал для этой экспедиции особый отряд колесниц и пеших воинов, зная, что если не избавится от этой угрозы своему трону, если не сокрушит фараона-мальчика прежде, чем тот войдет в полную силу, то скоро бунты и восстания распространятся по всему его царству. Он знал, что тогда основанная им династия, разрушится и исчезнет. И несмотря на жажду избавиться от дерзкой угрозы со стороны Нефера Сети, куда больше он стремился снова схватить ту единственную, что оскорбила его и пренебрегла им. Его ненависть к ней заглушала любые другие его чувства.

Иштар предотвратил этот поход. Предсказаниями страшных последствий, предупреждениями о бедствии и смерти Иштар убедил его отправить его войска в совместную с Нагом кампанию, поход к легендарному городу Вавилону. Однако хотя к настоящему времени поход оказался победоносным, хотя добычу и жертв резни было не сосчитать, Трок все-таки чувствовал неудовлетворенность.

Он – обращаясь к себе и золотому богу – прорычал:

– Я должен получить Нефера Сети. Двойная корона будет шатко держаться на моей голове до тех пор, пока я не убью его и не брошу его тело в огонь, так чтобы он никогда не воскрес. Я уже приказал стереть его имя и имя его родителя со всех зданий и памятников в Египте, но мне нужно уничтожить его и память о нем навсегда.

В гневе и ненависти он вскочил и крикнул Иштару и его богу:

– Ты однажды отговорил меня от того, что мне следовало сделать, стращая дурными предзнаменованиями и мрачными предостережениями. Теперь я обращаюсь к тебе как равный, а не с мольбой. Я требую, чтобы ты предоставил мне тело и душу Нефера Сети для суда и возмездия. И не приму от тебя и твоего приспешника очередного отказа.

В ярости и разочаровании Трок собрался пнуть Иштара. Мидиец заметил это и откатился в сторону. Обитая бронзой сандалия Трока задела чашу для гадания, и кровь младенцев выплеснулась на плиты и на переднюю часть алтаря.

Даже Трок был потрясен тем, что сделал. Он застыл перед статуей, ожидая ответа бога.

– Святотатство! – завопил Иштар. – Трок Урук, теперь ваше предприятие, несомненно, обречено. – Затем он пал ниц в лужу крови, до того перепуганный, что не мог поднять глаза к статуе.

Ужасная тишина пала на святилище. Слабый шум огня в жертвенной печи под каменным полом, на котором они стояли, лишь подчеркивал ее.

Затем раздался звук, тихий, но не узнать его было нельзя. Это было дыхание, походившее вначале на дыхание спящего ребенка, но постепенно – более грубое и сильное. Теперь это было дыхание дикого животного, затем чудовища, эхом отзывавшееся в храме. Наконец оно превратилось в разъяренный рев оскорбленного бога, ревущий как все бури в небе, гремящий, будто штормовые волны в океане. Он был так ужасен, что даже Иштар Мидиец захныкал, будто ребенок.

– Бог теперь никогда не позволит вам преуспеть. Вы не осмелитесь выступить против Таиты и его подопечного, пока Маг не умрет, – прошептал Иштар.

Затем послышался ужасный голос, такой грубый и неземной, что потрясенный Трок задрожал.

– Слушай меня! Трок Урук, ты – смертный! – утверждаешь, что принадлежишь к сонму богов! – Гром гулко грохотал в темном святилище. – Тебе известно, что ты вовсе не бог. Слушай меня, богохульник! Если ты отправишься в поход против Галлалы вопреки моей воле и советам моего пророка, Иштара Мидийца, я уничтожу тебя и твое войско так же, как похоронил твое другое войско в песках пустыни. На сей раз тебе не избежать моего гнева.

Даже одурманенный ядовитым дымом жаровен с благовониями и напуганный голосом разгневанного Мардука, заполнившим храм, Трок все еще был достаточно восприимчив, чтобы ощутить что-то неправильное в интонации и заявлениях Иштара, что-то недостаточно убеждающее в силе ярости Мардука.

Собрав храбрость, поколебленную сверхъестественными проявлениями бога, он попробовал точно понять, что вызвало его замешательство, и понял, что дыхание зверя и грохочущий голос исходили из живота золотой статуи. Он стал внимательно разглядывать изваяние и увидел на месте пупка бога темную прорезь. Он шагнул к статуе, и Иштар встревоженно поднял голову и воскликнул:

– Берегитесь, фараон! Бог разгневан. Не приближайтесь к нему.

Трок, не обращая на него внимания, сделал еще шаг вперед, уставившись на пупок бога. Он увидел в глубине отверстия слабый отблеск и движение в темноте. Часто во время битвы он точно ощущал миг, когда удача поворачивалась к нему, и почувствовал это сейчас. Он ожесточенно закричал, перекрывая ужасный звук дыхания бога:

– Я вызываю тебя, Мардук Пожиратель! Порази меня, если можешь. Метни в меня свое пламя!

Подозрение превратилось в уверенность, когда в прорези в животе бога вновь блеснул слабый свет и дыхание поколебалось. Трок выхватил меч и, ударив клинком плашмя, столкнул Иштара со своего пути. Затем он бросился вперед, заглянул за золотую статую и быстро осмотрел ее сзади, постукивая о металл кончиком лезвия. Звук был полый, как у барабана, и, взглянув поближе, Трок обнаружил снимаемую пластину, почти точно пригнанную к телу статуи.

– Люк! – проревел он. – Кажется, в животе Мардука есть кое-что побольше того, что он когда-либо глотал.

Он метнулся обратно и поглядел в прорезь в животе бога. В ней он увидел глядящий на него человеческий глаз. Зрачок расширился от удивления, и Трок громко крикнул:

– Выходи оттуда, мерзкая скотина! – Он уперся плечом в идола и стал толкать его, напрягая все силы. Статуя пошатнулась на каменном постаменте, и Трок толкнул ее снова. Статуя

медленно накренилась и с грохотом упала на каменные плиты. Иштар закричал и отпрыгнул в сторону, когда она стала падать на него.

Голова бога при падении изогнулась под углом, и в тишине после грохочущего удара из нутра упавшего идола раздалось царапанье, будто там копошились испуганные крысы. Люк распахнулся, и из него вылезла маленькая фигурка. Трок схватил ее за густые локоны.

– Помилуйте, великий царь Трок, – взмолилась девочка уже знакомым медово-сладким голосом. – Я не хотела обмануть вас. Мне приказали. – Она была так прекрасна, что на мгновение гнев Трока утих. Затем он схватил девочку за лодыжки и поднял вверх тормашками одной рукой. Она рыдала и извивалась.

– Кто приказал? – спросил Трок.

– Иштар Мидиец, – прорыдала она.

Трок дважды раскрутил ее над головой, чтобы набрать скорость, и ударил о колонну храма. Ее крики мгновенно оборвались. Трок бросил ее покалеченное тело на алтарь.

Он вернулся к золотому идолу и стал тыкать мечом в люк, ища в животе бога еще кого-нибудь. Опять послышался визг, и из отверстия выскочило уродливое создание. Вначале Трок подумал, что это огромная жаба, и испуганно отскочил. Затем он разглядел, что это горбатый карлик, еще ниже и меньше, чем девочка, которую он только что убил. Карлик оглушительно ревел, точно бык, не вязавшимся с его маленьким ростом голосом. Это был самый безобразный человек, какого когда-либо видел Трок: глаза разного размера косили; из ушей, ноздрей и огромных бородавок, свисавших на его лице, торчали пучки черных волос.

– Простите, что пытался обмануть вас, могущественный бог и царь Египта! – Трок ударил его мечом, но существо пригнулось, увернулось и проворно запрыгало по святилищу, ревя от страха тем самым потусторонним голосом. Трока рассмешили его ужимки. Карлик метнулся за занавес в задней части палаты и выбежал через потайную дверь.

Трок позволил ему сбежать, вернулся к Иштару и схватился рукой за его жесткие от лака волосы как раз вовремя, когда тот пытался сбежать из палаты. Он бросил его в полный рост на каменный пол и стал пинать в ребра, в живот и спину.

– Ты солгал мне. – Трок больше не смеялся, и его лицо побагровело от гнева. – Ты преднамеренно ввел меня в заблуждение. Ты уводил меня от моей цели.

– Пожалуйста, хозяин, – вопил Иштар, катаясь по полу, чтобы уклониться от сильных пинков, – это только для вашей пользы.

– Это для моей пользы ты позволил отродью Тамоса беспрепятственно процветать в Галлале и распространять восстания и мятежи повсюду в моем царстве? – ревел Трок. – Ты думаешь, я безумен и так глуп, что поверю?

– Это правда, – зарыдал Иштар, когда носок Трока ударил его в ребра и перевернул на спину. – Как мы могли выступить против Мага, который приказывает буре, как если бы это была его любимая собака?

– Ты боишься Таиты. – Трок остановился, чтобы перевести дух. – Против Мага? – спросил он недоверчиво.

– Он видит нас. Он может обратить мои собственные заклинания против меня! Мне не одолеть его. Я лишь стремился спасти вас от него, великий фараон.

– Ты лишь стремился спасти собственную синюю татуированную шкуру, – прорычал Трок и вновь бросился пинать свернувшегося в комок Иштара.

– Прошу вас, первого из всех богов, – Иштар обеими руками закрыл голову, – отдайте мне мою награду и отпустите. Таита рассеял мои силы. Я не смогу противостоять ему снова. Не смогу больше быть вам полезным.

Трок замер с отведенной для очередного пинка ногой.

– Награду? – спросил он удивленно. – Да ведь не думаешь же ты, что я вознагражу тебя за предательство тремя лакхами золота?

Иштар поднялся на колени и попытался поцеловать ступню Трока.

– Я дал вам Вавилон, великий господин. Вы не можете отказать мне в том, что обещали.

Трок сердито засмеялся.

– Я могу отказать тебе, в чем мне заблагорассудится. Даже в самой жизни. Если желаешь дожить до завтра, веди меня в Галлалу и воспользуешься случаем для магического поединка с Чародеем.

Казалось, весь Египет прослышал о том, что Нефер Сети проехал по Красной Дороге и теперь венчан на царство. Каждый день в Галлалу прибывали гости со всей страны. Среди них были военачальники и полководцы из войск, оставленных Троком и Нагом охранять Египет в их отсутствие, и посланники старшин больших городов на Ниле – Авариса и Мемфиса, Фив и Асуана – и верховных жрецов храмов в этих городах. Уставшие от тирании, полные неприязни к ней и к крайностям Нага и Трока и ободренные отбытием тиранов в Вавилон, лежащий так далеко на востоке, они стеклись в Галлалу, чтобы принести клятву верности Неферу Сети.

– Народ Египта готов принять вас, – сказали ему посланники.

– Войска провозгласят вас фараоном, как только вы вновь ступите на священную землю и они увидят ваше лицо и убедятся, что слухи о том, что вы выжили, верны, – заверили полководцы.

Нефер и Таита тщательно расспросили их, стараясь узнать, каковы численность их войск и боеготовность. Скоро стало ясно, что Трок и Наг собрали для месопотамского похода лучшие войска и оставили только резервные отряды, состоявшие главным образом из новобранцев, очень молодых и не испытанных в бою, или пожилых солдат, приближавшихся к окончанию своего военного поприща, усталых и непригодных к службе по состоянию здоровья, уже нетерпеливо ожидавших отставки и маленького участка земли около реки, где они смогут сидеть на солнце и играть с внуками.

– Как насчет колесниц и лошадей? – задал Нефер главный вопрос.

Полководцы покачали седыми головами и помрачнели.

– Трок и Наг забрали у нас чуть ли не все. Почти все колесницы отправились вместе с ними по дороге на запад. Они оставили войско, которого едва хватит для объезда восточных границ, чтобы противостоять налетам кочевников из пустыни.

– Как насчет мастерских в Мемфисе, Аварисе и Фивах? – хотел знать Нефер. – Каждая из них может выпускать по меньшей мере пятьдесят колесниц в месяц.

– Едва лошадей обучат возить их, их посылают на восток присоединиться к войску двух фараонов в Вавилоне.

Таита оценил эту информацию.

– Ложные фараоны полностью отдают себе отчет в том, какую угрозу мы несем их тылу. Они хотят быть уверены, что если войска, оставленные в Египте, восстанут и провозгласят истинного фараона, Нефера Сети, недостаток в коннице и колесницах не позволит мятежникам стать серьезной силой.

– Вы должны вернуться в войска, – приказал Нефер военачальникам. – Нас в Галлале уже слишком много, а продовольствия и воды уже почти в обрез. Не позволяйте больше отправлять из Египта колесницы и лошадей. Продолжайте обучать солдат и снабдите лучших из них новыми колесницами, как только они появятся. Я скоро, очень скоро, приду к вам, чтобы повести вас против тиранов.

Они уехали, восхваляя его имя и беспрестанно заверяя в своей преданности.

– Тебе не следует выполнять данное им обещание до срока. Ты можешь вернуться в Египет только с мощным войском, хорошо обученным и хорошо оснащенным, – посоветовал Таита

Неферу. – Полководцы, что приехали к тебе, – хорошие, преданные люди, и я знаю, что ты можешь рассчитывать на них. Однако будет много других, по-прежнему верных Троку и Нагу – или из-за боязни последствий, когда ложные фараоны вернутся, или потому что они верят в их божественное право управлять. Будет и много тех, кто не решил, как поступить, но повернет против тебя, заметив любую слабость.

– Тогда нам нужно многое сделать. – Нефер принял совет Мага. – Мы все-таки должны объездить всех лошадей, которых взяли в Тане, и закончить ремонт откопанных колесниц. Затем надо закончить обучение солдат, так чтобы они могли противостоять ветеранам Нага и Трока. Сделав это, мы вернемся в Египет.

Поэтому маленькое войско Галлалы удвоило усилия стать способным бросить вызов мощи ложных фараонов. Воинов вдохновлял их молодой полководец, поскольку Нефер работал больше, чем любой из них. Он выезжал с первыми отрядами задолго до рассвета и вместе с другими воинами Красной Дороги и Таитой, дающим ему советы, постепенно сколачивал свои отряды в единое целое. Когда он вечером возвращался в город, то, утомленный и запыленный, шел в мастерские, где высказывал одобрение или спорил со старшинами оружейников и строителей колесниц. Затем, после ужина, сидел при свете ламп с Таитой, обсуждая планы сражений и размещение сил. Обычно после полуночи он спотыкаясь брел к своей опочивальне. Минтака пробуждалась и без ропота поднималась с ложа, чтобы помочь Неферу снять доспехи и сандалии, вымыть ему ноги и натереть его ноющие мышцы благовонными маслами. Затем она нагревала чашу вина с медом, чтобы помочь ему заснуть. Часто чаша выпадала из его руки прежде, чем он допивал ее, и его голова падала на подушку. Затем Минтака скидывала хитон, прижимала его голову к своей груди и держала, пока он не пробуждался с первым обещанием рассвета.

Каждый день Мерен все больше слабел от ран, полученных на Красной Дороге. Таита обвязал ремнями его сломанные ребра, и они достаточно быстро зажили. Он пришил отрубленное ухо так аккуратно, что теперь оно сидело только чуть криво, и Мерикара считала, что полулунный шрам вдоль щеки делал Мерена старше и привлекательнее. Однако укол мечом под его рукой волновал даже Таиту: исследовав наклон и глубину раны, он решил, что оружие, должно быть, проникло в легкое Мерена. Дважды уже казалось бы зажившая рана открывалась снова, и из нее вытекали отвратительно пахнущая жидкость и гной. Иногда Мерен был в сознании и мог садиться и есть без посторонней помощи. Затем, когда отвратительные жидкости вновь начинали вытекать, он опять впадал в горячечное полузабытье.

Мерикара оставалась у его кровати, меняя повязки и смазывая рану мазью, которую приготовил Таита. Когда Мерену становилось лучше, она пела ему и сообщала все новости города и войск. Она играла с ним в бао и составляла стишки и загадки, чтобы развлечь его. Когда рана опять открывалась, она кормила и купала его, будто ребенка, и гладила по пропитанным потом волосам, пока он не успокаивался. Ночью она спала на полу у его кровати, немедленно просыпаясь всякий раз, как он начинал метаться или говорить в бреду.

Она узнала его тело так подробно, будто он был ее ребенком. Она чистила ему зубы зелеными ветками акации, разжевывая их концы в жесткую щетку собственными маленькими белыми зубами. Она укладывала ему волосы, расчесывая их, пока они не выросли достаточно, чтобы их снова можно было заплести в косу. Она подрезала ему ногти и узнала и полюбила форму его пальцев, покрытых мозолями от рукоятки меча и поводьев колесницы. Без малейшего отвращения она вычищала серу из его ушей и засохшую слизь из ноздрей. Пользуясь своим гребешком из слоновой кости, она расчесывала мягкие темные волосы, росшие густыми кустами у него под мышками, вьющиеся на его груди и внизу его живота.

Каждое утро она обмывала все части его тела, каждую складку, плоскость и выпуклость его крепких мускулов – и горевала, когда его плоть начала стаивать с него в лихорадках и сквозь нее проступили кости.

Сначала она отводила глаза от его мужских частей, когда мыла их, но скоро это стало казаться ей ханжеством. Тогда она взяла их в ладони и рассмотрела. Их вид вызвал в ней нежность и сострадание. Они были такие мягкие и теплые, кожа на них такая гладкая и безупречная. Затем ее чувства изменились, когда она осторожно отодвинула кожу назад, как научила ее Минтака, и показался розовый кончик, шелковистый, словно лепесток олеандра. Он стал напрягаться и раздуваться в ее руке, и вот уже она едва могла обхватить его большим и указательным пальцами. Когда это произошло, она ощутила странное замирание дыхания и тепло в самых неожиданных частях собственного тела.

Однажды ночью ее разбудил лунный свет из окна, который лежал на каменном полу палаты, будто брусок серебра. На мгновение ей показалось, что она в своей спальне в речном дворце в Фивах, но затем она услышала затрудненное дыхание Мерена и несвязные крики, вызванные кошмаром, и с волной страха все вернулось к ней. Она нагишом вскочила со своего тюфяка у ложа больного и бросилась к нему.

Когда она зажгла лампу, то увидела, что глаза Мерена широко открыты, но незрячи и что лицо у него пепельно-серое и перекошенное, на губах белая пена, а тело блестит от испарины. Он так сильно метался на смятых льняных простынях, что она испугалась, не поранится ли он еще больше. Она поняла, что это кризис, о приближении которого ее предупредил Таита.

– Таита! – закричала она. – Пожалуйста, ты нам срочно нужен. – Келью Таиты отделял от них внутренний двор, и Маг всегда спал с открытой дверью, так что мог услышать ее зов.

– Таита! – снова крикнула она и бросилась Мерену на грудь, чтобы удержать его. Затем она вспомнила: Маг вместе с Нефером и отрядом колесниц уехал в пустыню с какой-то таинственной целью и маловероятно, что они быстро вернутся. Она подумала позвать Минтаку, но ее комната была в другом конце древнего дворца, и она не осмелилась оставить Мерена.

Она была одна. Она поняла, жизнь Мерена в ее руках, и при этой мысли почувствовала, что паника утихла. Ее место заняла холодная решимость. Она легла рядом с ним и крепко удерживала его, шепча слова поддержки и успокоения. Через некоторое время он успокоился, и она смогла ненадолго оставить его. Она пошла к сундуку около окна, нашла в нем пузырек, который оставил для нее Таита, смешала его жгучее содержимое с вином и нагрела на жаровне, как научил ее Маг.

Когда Мерикара поднесла кубок к губам Мерена, тот попробовал отказаться, но она заставила его пить. Когда чаша опустела, она нагрела воду и смыла пот с его лица и пену с губ и собиралась обмыть его тело, но тут внезапный приступ обрушился на него, и он начал дрожать и стонать. Ее страх вернулся с полной силой. Она бросилась к Мерену и отчаянно вцепилась в него.

– Не умирай, мой дорогой, – взмолилась она и произнесла более твердо: – Я не позволю тебе умереть. О Хатор, помоги мне. Я вытяну его назад из подземного мира собственными руками. – Она знала, что попала на поле сражения, и билась вместе с Мереном, собрав все силы и добавляя их к его силам. Когда она почувствовала, что он обмяк в ее руках и его залитое потом тело начинает остывать, она закричала: – Нет, Мерен, вернись! Вернись ко мне. Ты не можешь уйти без меня.

Она прижала рот к его губам и попыталась вдохнуть в него собственную жизнь. Внезапно он шумно выдохнул, освобождая легкие, и она подумала, что все кончилось. Она обняла обеими руками его исхудавшую грудь, а когда ослабила объятие, он сделал шумный вдох, затем другой и еще один. Трепет его сердца превратился в сильные, размеренные удары, которые Мерикара ощущала своим телом.

– Ты вернулся, – прошептала она. – Ты вернулся ко мне.

Он все еще был холоден, и, когда задрожал, она обхватила обеими руками его грудь, а обеими ногами – бедра, согревая его своим телом. Мало-помалу дыхание Мерена стало глубоким и размеренным, и она почувствовала, как теплая кровь вновь потекла в его жилы. Она лежала с ним, испытывая глубокое чувство завершенности, поскольку знала, что спасла его и что начиная с этой ночи он будет принадлежать только ей.

На рассвете произошло другое чудо. Она почувствовала, что его тело пробудилось и то, что когда-то лежало мягким и маленьким в ее ладонях, теперь вновь раздувалось, прижавшись к ней, становилось огромным, твердым как кость, давило между раздвинутыми бедрами.

Она вгляделась в его лицо и увидела, что он в сознании, его глаза были темными, провалившимися в орбиты, но в них читалось такое благоговение, такая нежность, что сердце в ее груди переполнилось и она почувствовала, что задохнется от силы собственных нахлынувших чувств.

– Да? – спросил он.

– Да, – ответила она. – Это – то, чего я хочу больше всего на свете. – Она раздвинула ноги и, полная ноющей боли внутри от потребности в нем, протянула руку, направляя его, принимая в глубины своего существа, поднимаясь с ним будто на крыльях туда, где она никогда прежде не была, и вскрикнула, когда почувствовала, что он наполнил ее горячим потоком, будто она вытянула из него в свое тело весь жар, боль и страдание, – и ощутила в Мерене глубокий покой, когда он тяжело опустился на нее и уснул.

Она тихо лежала рядом с ним, стараясь не потревожить, упиваясь звуком его дыхания и теплом худого, изможденного тела, наслаждаясь болью в том месте, где он глубоко проник в нее.

Она почувствовала, что он просыпается, и нежно поцеловала его в губы, приветствуя его возвращение. Он открыл глаза и поглядел ей в глаза, сначала с замешательством, а потом с возрастающей радостью, когда вспомнил события ночи.

– Будьте моей женой, – сказал он.

– Я уже ваша жена, – ответила она, – и хочу остаться ею до дня моей смерти.

Нефер оглянулся на колонну колесниц. Они мчались полным галопом, по четыре в ряд. Командиры звеньев ждали его сигнала. Он посмотрел вперед и увидел на равнине цепь вражеских пеших воинов, искаженную маревом от жары, так что она казалась извивающейся змеей, плывущей в мерцающем озере там, где не было никакой воды. Он правил в центр цепи. Заботами Таиты Дов полностью оправилась от раны и сейчас бежала в полную силу, поспевая за размашистым шагом Круса.

Когда они подъехали ближе, Нефер увидел изменение вражеского строя – подобно гигантскому ежу, цепь свернулась в шар, плотный круг в два ряда глубиной, солдаты внешнего ряда выставили перед собой длинные копья, а второй ряд просунул копья между воинами первого ряда, так что образовалась блестящая стена из бронзовых наконечников копий. Нефер мчался прямо в центр двойного ряда копий и, когда они были только в двухстах шагах от врага, дал знак выполнить «крылья Гора».

Строй колесниц раскрылся, будто цветок на солнце, колонны одновременно разъехались направо и налево, расправив «крылья Гора», чтобы окружить ежа из присевших пеших воинов. Колесницы закружили вокруг них, будто обод колеса вокруг ступицы, и в воинов темным облаком полетели стрелы из коротких загнутых луков конницы.

Нефер дал сигнал прервать атаку и отойти. Колесницы вновь четко выстроились в колонну по четыре и поехали прочь. Последовал новый сигнал; колонна раскололась посередине, и ко-

лесницы помчались обратно, копейщики подняли метательные копья и намотали на запястья метательные ремни.

Проносясь мимо круга пехоты, Нефер поднял правый кулак в приветствии и крикнул:

– Молодцы! Теперь намного лучше!

Пешие воины подняли копья, принимая его похвалу, и закричали:

– Нефер Сети и Гор!

Нефер замедлил бег лошадей, развернул их, рысью поехал назад и остановил свой отряд перед рядами пехоты. Таита вышел из защитного круга, чтобы приветствовать его.

– Есть ранения? – спросил Нефер. Даже при том, что наконечники учебных стрел, которыми стреляли в ежа, были обернуты кожей, они все-таки могли выбить глаз или причинить другое повреждение.

– Несколько ушибов, – пожал Таита плечами.

– Они все сделали хорошо, – сказал Нефер и крикнул сотнику, командовавшему пехотой: – Прикажи своим парням разойтись. Я хочу поговорить с ними. Потом они могут поесть и попить. Затем мы снова будем заниматься отработкой ложного отступления.

Рядом находилось скальное обнажение, представлявшее собой естественное возвышение, и Нефер поднялся на его вершину, а все солдаты, пешие воины и колесничие собрались ниже.

Таита сел на корточки у подножия скалы, наблюдая и слушая. Нефер очень напоминал ему фараона Тамоса, своего отца, в том же возрасте. Он держался свободно и говорил просто, но доходчиво на разговорном языке, который его солдаты понимали лучше всего. В случаях, подобных этому, он становился одним из них, и о теплом, уважительном отношении к нему говорило то, как они отвечали, улыбаясь и собираясь ближе, чтобы поймать каждое его слово, смеясь над его шутками, мрачнея от стыда в ответ на его упреки и расцветая от его похвал.

Нефер вспомнил утренние упражнения и дал им достойную оценку, но безжалостно отметил все изъяны и промашки.

– Я думаю, вы почти готовы очень сильно удивить Трока и Нага, – закончил он. – А сейчас перекусите. Мы на сегодня еще не закончили – по-настоящему мы только начали. – Все засмеялись и начали расходиться.

Нефер спрыгнул со скалы, и Таита тотчас вскочил на ноги и сказал спокойно, но быстро:

– Стой, Нефер! Не двигайся! – Нефер замер.

Должно быть, кобра устроила гнездо в груде камней, но шум и топот ног и копыт потревожили ее. Она выскользнула из трещины в темной скале, как раз когда Нефер спрыгнул – почти ей на голову. Змея поднялась у него за спиной, почти ему до пояса. Ее капюшон был раздут, между тонкими усмехающимися губами мелькал раздвоенный черный язык. Глаза, бусинки полированного оникса с искрами света в черных зрачках, были устремлены на длинные голые ноги Нефера, стоявшего перед ней на расстоянии короткого броска.

Стоявшие ближе солдаты услышали предупреждение Таиты и обернулись. Теперь вокруг Нефера стояло около пятисот человек, но ни один не смел двинуться. Они в ужасе смотрели на фараона, которому грозила смертельная опасность.

Кобра широко раскрыла пасть, готовясь к нападению, из бледного нёба выдвинулись тонкие клыки. Капли яда сверкали на остриях игольчатых зубов.

Таита стал раскачивать амулет Лостры на длинной цепи, как маятник, и тот заблестел в солнечном свете. Маг заставил его пролететь мимо поднятой головы кобры. Отвлеченная этим, змея отвела глаза от Нефера и поймала взглядом блестящий амулет. Таита с посохом в другой руке придвинулся ближе.

– Когда я ударю, сразу прыгай, – прошептал он, и Нефер кивнул. Таита медленно двинулся в сторону, и кобра стала поворачивать голову, привлеченная золотым амулетом.

– Вперед! – сказал Таита и ткнул в кобру посохом. В тот же миг Нефер отпрыгнул, и змея ударила в посох. Таита отдернул посох, кобра промахнулась и на мгновение растянулась на голой земле. Невероятно быстрым движением Таита придавил ее за головой изогнутым концом посоха, и у всех вырвался крик облегчения.

Кобра развертывалась и свивалась в блестящий чешуйчатый шар вокруг конца посоха. Таита потянулся вниз, пробрался рукой сквозь вздымающиеся кольца и наконец схватил змею позади головы. Затем он поднял ее, показал солдатам, и те вздохнули от ужаса. Они инстинктивно отшатнулись, когда змея обмоталась вокруг длинной тонкой руки Таиты. Они ожидали, что он убьет ее, но Таита с извивающейся змеей прошел сквозь их ряды в открытую пустыню.

Там он отбросил змею от себя. Ударившись о землю, она развернула кольца и заскользила прочь по каменистой земле. Таита сосредоточенно смотрел на нее.

Внезапно в небе над ними раздался пронзительный крик. Все были так поглощены поимкой кобры, что никто не заметил, как высоко в небе появился сокол. Теперь он кинулся к земле, падая прямо на кобру. В последний миг змея почуяла опасность и вновь подняла голову, широко расправив капюшон. Сокол с лету вонзил когти в раскрытый капюшон, в паре сантиметров позади головы, и, тяжело хлопая крыльями, взлетел с извивающейся коброй в когтях.

Таита смотрел на птицу, уносящую змею. Удаляясь, сокол уменьшался и наконец исчез в синевато-серой туманной знойной дымке, окутавшей горизонт. Таита долго стоял, глядя ему вслед. Когда он пошел обратно, туда, где стоял Нефер, его лицо было серьезно, и весь остаток того дня он был молчалив. Вечером он все так же молча ехал в Галлалу в колеснице рядом с Нефером.

– Это было предзнаменование, – сказал Нефер и поглядел на Мага. По лицу Таиты он увидел, что это действительно так. – Я слушал солдат, – продолжил Нефер спокойно. – Они встревожены. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Кобра – не естественная добыча царского сокола.

– Да, – сказал Таита. – Это было предзнаменование, предупреждение и обещание от бога.

– Что оно означает? – Нефер внимательно смотрел ему в лицо.

– Кобра угрожала тебе. Это означает большую опасность. Царская птица со змеей в когтях улетела на восток. Это означает великую опасность с востока. Но в конце сокол победил.

Оба посмотрели на восток.

– Завтра при первом свете утра мы отправим разведывательную экспедицию, – решил Нефер.

В холодной предрассветной темноте Нефер и Таита ждали на вершине горы. Разведывательный отряд расположился лагерем на склоне с другой стороны. Всего их было двадцать. Ради скрытности они оставили колесницы в Галлале и поехали верхом. Колеса поднимали больше пыли, чем копыта, и, кроме того, верхом они могли подняться на эти высокие, крутые горы, идущие вдоль берега, где невозможно проехать в повозке.

Хилто и Шабако повели другие отряды на разведку местности к югу; вместе они смогли охватить все восточные подходы к Галлале.

Нефер повел свой отряд от Гебель-Нагары вдоль западного берега Красного моря, заглядывая по пути в каждый порт и рыбацкую деревню. Они не обнаружили ничего, кроме нескольких торговых караванов и групп кочевников, никакого признака опасности, предвещаемой предзнаменованием. Сейчас они стояли лагерем над портом Сафага.

Таита и Нефер пробудились в темноте и вышли из лагеря, чтобы подняться на вершину для наблюдения. Они сидели рядом в понимающем молчании. Наконец Нефер заговорил:

– Возможно, предзнаменование было ложным?

Таита хмыкнул и сплюнул.

– Сокол с коброй в когтях? Это против природы. Без сомнения, это предзнаменование, но, возможно, ложное. Иштар Мидиец и другие способны устроить такую ловушку. Это возможно.

– Но ты не думаешь, что это так? – настаивал Нефер. – Ты бы не гнал нас изо всех сил, если бы думал, что оно ложное.

– Скоро рассветет. – Таита уклонился от ответа и посмотрел на темное небо на востоке, где низко над горизонтом, будто фонарь, висела утренняя звезда. Небо светлело и меняло цвет, как созревающий плод, от янтаря хурмы до рубина зрелого граната. На освещенном небе горы на противоположном берегу казались черными, острыми и зазубренными, как клыки старого крокодила.

Внезапно Таита встал и облокотился на посох. Нефер не уставал удивляться остроте его выцветших старых глаз. Таита что-то увидел. Нефер встал рядом с ним.

– Что там, отец?

Таита положил руку ему на предплечье.

– Предзнаменование не было ложным, – сказал он просто. – Опасность здесь.

Море было серым, как живот дикого голубя, но свет прибывал, и стало видно, что поверхность воды пестреет белыми точками.

– Ветер поднял волны с белыми бурунами, – сказал Нефер.

– Нет. – Таита покачал головой. – Это не буруны. Это – паруса. Флот под парусами.

Над вершинами далеких гор показался край солнечного диска, и осветились крошечные белые треугольники. Будто огромная стая белых цапель возвращалась к гнездовьям: множество лодок доу шли к порту Сафага.

– Если это войско Трока и Нага, то почему они плывут по морю? – спокойно спросил Нефер.

– Это самый короткий и прямой путь из Месопотамии. Переправа по морю убережет лошадей и солдат от трудной дороги по пустыне. Если бы не змея и сокол, мы не ожидали бы опасности с этой стороны, – ответил Таита. – Это хитроумный шаг. – Он с одобрением кивнул. – Кажется, они собрали торговые суда и рыбацкие лодки со всего Красного моря, чтобы организовать переправу.

Они спустились с горы к лагерю в ущелье. Солдаты не спали и были настороже. Нефер окликнул часовых и отдал распоряжение. Двое должны были во весь опор скакать обратно в Галлалу и передать его приказы Сокко, которого он оставил командовать городом. Большую часть других солдат он разбил на пары и послал на юг, чтобы найти разведывательные отряды Хилто и Шабако и привести их назад. При себе он оставил пять солдат.

Нефер и Таита посмотрели, как уехали гонцы, сели на лошадей и отправились через холмы к Сафаге вместе с пятью выбранными Нефером солдатами. К середине утра они достигли вершины холмов над портом. Таита повел их к брошенной сторожевой башне, с которой открывался вид на порт и подходы к нему. Оставив лошадей на попечение солдат, они поднялись по шаткой лестнице на верхнюю площадку башни.

– Первые лодки входят в залив. – Нефер указал на них. Лодки были тяжело нагружены, но благодаря попутному ветру они стремительно приближались, вздымая носами буруны, белые, как соль на солнце, и раздувая треугольные паруса.

Они останавливались напротив пляжа и бросали тяжелые коралловые якоря. С вершины башни Нефер и Таита отлично видели открытые палубы, переполненные солдатами и лошадьми.

Едва доу становились на якорь, солдаты снимали деревянные планширы с бортов и гнали лошадей в воду. Их крики слабо доносились до полуразрушенной сторожевой башни. Лошади ударялись о воду, высоко поднимая брызги. Солдаты, раздевшись до набедренных повязок, прыгали следом. Они хватались за гривы лошадей и плыли рядом с ними к берегу. Лошади

выходили на берег, отряхиваясь от воды, так что туман из мелких капель играл всеми цветами радуги в солнечном свете.

Через час берег был запружен солдатами и лошадьми, а вокруг сложенных из земляных кирпичей зданий маленького порта выставлены сторожевые заставы.

– Будь у нас отряд колесниц, – сетовал Нефер, – сейчас можно было напасть. Мы могли бы порубить их в клочья, когда на берегу только половина их войска и у них нет колесниц. – Таита не ответил на эти мечты вслух.

Теперь залив заполнили лодки с грузом. Лодки с колесницами и багажом бросили якоря у самого берега, и когда отлив увел от них воду, сели на дно и накренились. Скоро воды вокруг них осталось только по колено. Солдаты с берега шли к ним вброд и начинали разгрузку. Они по частям переносили на берег разобранные колесницы и вновь собирали их там.

Солнце над западными горами клонилось к закату, когда в залив вошла последняя доу. Она была больше прочих, а на вершине ее короткой мачты развевались флаг с рычащей головой леопарда и яркий флаг Дома Трока Урука.

– Он там. – Нефер указал на безошибочно узнаваемую фигуру на носу.

– А рядом с Троком – Иштар, собака и ее хозяин. – Блеклые глаза Таиты горели таким гневом, какой Нефер редко видел прежде. Они смотрели, как странная пара вброд идет к берегу.

Поперек прибрежного песка тянулся каменный причал. Трок поднялся на него, заняв возвышение, чтобы наблюдать за высадкой остального своего войска.

– Ты видишь на каком-нибудь судне флаг Нага? – спросил Нефер, и Таита покачал головой.

– Трок один ведет войско. Он, должно быть, оставил Нага удерживать Вавилон и Месопотамию. Он прибыл, чтобы позаботиться о личном деле.

– Откуда ты знаешь? – спросил Нефер.

– Вокруг него аура, похожая на багровое облако. Я вижу ее даже отсюда, – тихо сказал Таита. – Вся его ненависть сосредоточена на одном-единственном человеке. Он никогда не позволил бы Нагу или кому-нибудь другому разделить с ним жажду мести, которая привела его сюда.

– Я – предмет его ненависти? – спросил Нефер.

– Нет, не ты.

– Тогда кто?

– Прежде всего он прибыл за Минтакой.

Когда солнце село, Нефер и Таита оставили пятерых солдат наблюдать за продвижением Трока и на полной скорости всю ночь ехали в Галлалу.

Наутро после высадки Трок схватил двух кочевников, ведущих вереницу ослов по дороге к Сафаге. Ничего не подозревая, они вышли из пустыни прямо в руки его заставе. Слухи о нраве Трока проникли даже в эту пустынную местность, поэтому едва кочевники узнали, кто их схватил, они отчаянно залебезили. Они дали Троку подробный отчет о восстановлении древнего города. Они рассказали ему об источнике пресной воды, которая теперь вытекала из пещеры в холмах, и о лугах с пышной травой, окружающих Галлалу. Они также назвали ему примерное количество колесниц под командой Нефера Сети, и Трок понял, что превосходит своего врага численностью пять к одному. Но, что важнее всего, они подробно рассказали ему, как добраться от Сафаги до древнего города. До сих пор Трок лишь приблизительно знал путь подхода к Галлале, и, похоже, его сведения были неверны. Ему говорили, что даже при большой скорости поездка займет три или четыре дня, и он намеревался везти с собой от побережья запас воды и повозки с фуражом. Это было бы долгое и трудное дело. Новые

сведения изменили все. Кочевники уверили его, что он сможет достичь Галлалы за день и ночь быстрой езды.

Он взвесил риск, обдумал опасности и решил совершить бросок через пустыню к Галлале, чтобы захватить город врасплох. Конечно, это означало, что им придется въехать прямо в сражение с лошадьми, изнуренными длинным переходом и с пустыми водяными мехами. Однако, имея на своей стороне численный перевес и неожиданность, они смогут захватить источник и пастбища, которые описали кочевники. Как только они их захватят, победа будет обеспечена.

Ему потребовалось еще два дня, чтобы выгрузить все войско и собрать колесницы. На второй вечер он был готов начать ускоренный марш на Галлалу.

С заполненными водяными мехами головные отряды выехали из Сафаги, как только на закате жара опала. За каждой колесницей бежали две запасные упряжки, привязанные поводьями. Они не собирались останавливаться в течение ночи, чтобы дать отдохнуть лошадям, намеренные менять уставших лошадей. Всех загнанных лошадей следовало отвязывать и оставлять, чтобы их потом собрали в резервные стада.

Трок вел авангард, навязав всем убийственную скорость, то переходя на шаг на подъемах, то подстегивая лошадей и переходя на рысь или легкий галоп при спуске по склону и на ровной земле. Как только водяные мехи опустели, возврата назад быть не могло. К середине следующего утра жара стала невыносимой, и они использовали большинство запасных лошадей.

Проводники-кочевники продолжали уверять Трока, что Галлала недалеко впереди, но, каждый раз поднимаясь на возвышенность, они видели впереди все ту же пугающую перспективу скал и высохшей земли, дрожащую в жарком мареве.

Поздно днем проводники-кочевники сбежали. С ловкостью джиннов они растаяли в жарком мареве, и хотя Трок послал пару колесниц им вслед, больше их не видели.

– Я предупреждал вас, – самодовольно сказал Троку Иштар Мидиец. – Вам следовало послушать моего совета. Те богопротивные твари были, вероятно, на жалованье у Чародея Таиты. Он почти наверняка спрятал дорогу и сбил нас с пути. Мы не знаем, как далеко до этой мифической Галлалы, если она действительно существует. – За это непрошеное высказывание Трок ударил колдуна по татуированному лицу. Это ничуть не смягчило ощущение гибели и отчаяния, которое уже охватывало Трока. Он вновь стегнул лошадей и заставил их подняться по следующему длинному каменистому склону. Он задавал себе вопрос, сколько еще таких впереди. Лошади почти выбились из сил, и он сомневался, смогут ли они идти ночью.

Так или иначе, они продолжали кое-как плестись вперед, по крайней мере большая часть войска. Пятьдесят или шестьдесят колесниц загнали свои последние упряжки, и Трок оставил их вдоль дороги.

На второй день взошло солнце, после холода ночи теплые, как поцелуй, но это был предательский поцелуй. Скоро оно жалило и слепило их налитые кровью глаза. Впервые Трок подумал о возможности умереть здесь на этой ужасной дороге в никуда.

– Еще один холм, – крикнул он своей последней упряжке и попробовал подстегнуть их, чтобы погнать трусцой, но кони ковыляли по пологому склону с опущенными головами, давно высохший до соли пот белел на их боках. Перед самой вершиной Трок посмотрел назад на нестройную колонну своего войска. Даже не пересчитывая, он видел, что потерял половину колесниц. Сотни сошедших с колесниц солдат брели вслед за колонной, но даже пока он смотрел, он увидел, как двое или трое из них упали и лежали у дороги как мертвые. По небу вслед за ними летели стервятники, сотни темных пятнышек, кружащих высоко в синеве. Он увидел, как некоторые из них летят к земле, на пир, приготовленный им.

– Есть только один путь, – сказал он Иштару, – вперед. – Он ударил кнутом по спинам лошадей своей упряжки, и те с трудом пошли дальше.

Когда они достигли вершины холма, Трок удивленно раскрыл глаза. Долина внизу представляла собой нечто невообразимое. Перед ним поднимались руины древнего города. Их очертания, казалось, были призрачны, но вечны. Как ему и обещали, город окружали поля свежей зелени и сеть сверкающих водных каналов. Его лошади почуяли запах воды и натянули поводья с новой силой.

Даже в отчаянной спешке Трок потратил время, чтобы оценить тактическую ситуацию. Он сразу увидел, что город беспомощен и незащищен. Из распахнутых настежь ворот выливалась охваченная паникой толпа бегущих людей. Неся своих детей и жалкие узлы с пожитками, они стремились прочь вверх по узкой, но обрывистой долине на запад от Галлалы. Несколько пеших воинов смешались с беженцами, но они, несомненно, бежали и были бесполезны. Никаких следов конницы или боевых колесниц. Это было стадо овец перед волчьей стаей, только волки ослабели от иссушающей жажды.

– Сеует отдал их в наши руки! – с торжеством закричал Трок. – Сегодня до заката солнца вы получите больше золота и женщин, чем сможете употребить!

Солдаты, ехавшие следом за ним через вершину, разразились криками и быстро, насколько хватало сил у их изнуренных лошадей, поскакали вниз к первому оросительному каналу. Они рассыпались вдоль канала, и лошади стали пить благословенную жидкость, пока их животы не раздулись, как у беременных.

Солдаты плашмя бросались в прибрежную воду, погружая в нее лица или наполняя шлемы и выливая ее себе на голову и в горло.

– Надо было позволить мне отравить оросительные каналы, – категорично сказал Нефер, наблюдая за этим с другой стороны долины.

– Ты же очень многое знаешь. – Таита покачал седой головой. – Такое преступление боги никогда бы не простили. На этой скудной земле только Сет или Сеует могут задумать столь отвратительное дело.

– В этот день я был готов стать Сетом, – мрачно улыбнулся Нефер, но он сказал это просто из желания позлить Мага. – Двое твоих мошенников преуспели. – Он поглядел на оборванных кочевников, стоявших на коленях рядом с Таитой. – Заплати им и отпусти на все четыре стороны.

– Они совсем не ценят золото, – объяснил Таита. – Когда я жил в Гебель-Нагаре, они принесли ко мне своих детей и я вылечил их от болезни Желтых Цветов. – Он сделал знак благословения над припавшими к земле людьми и проговорил на их диалекте несколько слов благодарности за то, что рисковали жизнью, чтобы ввести в заблуждение Трока, и пообещал им свое покровительство в будущем. Они поцеловали его ноги и исчезли среди валунов. Таита и Нефер полностью сосредоточились на разворачивающемся внизу в долине действии. Лошади и солдаты Трока напились так, что их животы раздулись, и теперь поднимались на колесницы. Даже потеряв столько колесниц на марше, войско Трока все еще превосходило численностью войско Нефера по меньшей мере втрое.

– Мы не можем встретиться с ним в открытом поле, – размышлял Нефер, глядя на толпы беженцев, поднимающихся из долины под ними. Во-первых, в городе проживало очень мало женщин – Нефер преднамеренно сдерживал их приток, чтобы сберечь продовольствие для солдат войска – и даже их, включая Минтаку и Меркару, вместе со всеми детьми, больными и ранеными, эвакуировали из Галлалы два дня назад. Мерен уехал на одной из повозок, везущих казну – золото, отнятое у ложных фараонов. Нефер послал их всех в Гебель-Нагару, где Трок никогда не нашел бы их, а крошечный источник воды поддерживал бы их жизнь, пока не закончится сражение.

Теперь в Галлале не осталось ничего ценного: ни колесниц, ни оружия или доспехов. Нефер с удовлетворением смотрел на беженцев. Даже с такого близкого расстояния трудно было рассмотреть, что это не женщины и мирные жители, а замаскированные пешие воины. Многие из этих здоровяков шли, спотыкаясь, в платках и длинных набедренниках. Свертки, которые они несли в руках, были не спеленатыми младенцами, а луками и мечами, завернутыми в накидки. Их длинные копья были спрятаны среди камней над долиной, где скрывались главные силы.

Все лошади и колесничие Трока вволю напились и продолжили движение через пастбища плотными и правильными рядами, волна за волной боевых колесниц. Вода чудесным образом оживила их, а впереди ждал обещанный грабеж.

– Молись Гору, чтобы нам удалось вовлечь Трока в преследование и войти в долину, – прошептал Нефер. – Если он не клюнет на приманку и захватит незащищенный город, то отрежет нас от воды и пастбищ. Тогда нам придется принять битву на открытом месте, где у него будут все преимущества.

Таита промолчал. Он стоял, прижав к губам золотой амулет, возведя очи горе – эту его манеру Нефер знал очень хорошо.

Враги были теперь достаточно близко от Нефера, и он смог разглядеть среди двигающегося скопления колесниц колесницу Трока, катившую по направлению ко входу в долину, переполненному спешащими беженцами. Трок ехал в центре первого ряда, с обеих сторон от него было по десять колесниц. Их фронт был достаточно широк, чтобы перекрыть долину от края до края. Позади ехали строем остальные колесницы. Поднятая ими пыль оседала на них в зловещей тишине. Единственным звуком был слабый шум и гвалт убегающей толпы в узкой долине перед ними.

– Ну, Трок Урук! – прошептал Нефер. – Прикажи атаковать! Скачи в историю!

В переднем ряду сильного войска в ведущей колеснице рядом с массивной одетой в доспехи фигурой Трока присел Иштар Мидиец. Он был так взволнован, что потянул за ленты в бороде Трока.

– Запах Чародея висит в воздухе, будто вонь от десятидневного трупа. – Его голос звучал пронзительно, слюна пенилась на его губах и вылетала облаком брызг – так он волновался. – Он ждет вас наверху, как зверь-людоед. Я чувствую его присутствие. Берегитесь, могущественный фараон!

Трок отвлекся, чтобы поглядеть на небо. Стервятники опустились ниже.

– Да! Да! – Иштар использовал небольшую возможность. – Это – цыплята Таиты. Они ждут, когда он накормит их вашей плотью.

Трок снова посмотрел на лежавшую перед ним долину, которую предстояло захватить, но по земле перед ним мелькали тени стервятников, и он заколебался.

Скрытый среди валунов на крутом склоне долины Нефер наблюдал за ним – в такой близи, что казалось, он вот-вот различит выражение лица Трока.

– Вперед, Трок! – пробормотал Нефер. – Командуй атаку. Веди свое войско в долину. – Он уловил сомнение в том, как Трок играл поводьями, и повернул голову, чтобы посмотреть на худую фигуру Иштара рядом с ним.

Разрисованное синим лицо Мидийца было настойчиво повернуто к лжефараону, и он касался Трока и тянул его за доспехи, чтобы усилить свои мольбы.

– Это – ловушка, устроенная для вас Чародеем. Если вы не верили мне прежде, то поверьте сейчас. В воздухе веет смертью и смердит предательством. Я чувствую, как заклинания Таиты бьют по лицу, будто крылья летучих мышей.

Трок почесал бороду и оглянулся через плечо на ряды колесниц, стоявших колесо к колесу, и на своих солдат, хищно подавшихся вперед в ожидании приказа.

– Поверните назад, могущественный Трок. Захватите город и водный источник. Нефер Сети и Чародей погибнут в пустыне, как едва не погибли мы. Этот путь верен. Другой путь – безумие.

Нефер на склоне сощурился, глядя, как его замаскированные солдаты бегут вверх по долине, и понимая, что решающий миг проходит.

– Что удерживает Трока? Он не будет наступать? – воскликнул Нефер вслух. – Если он не станет наступать сейчас...

– Посмотри в верхнюю часть долины. – Таита не открыл глаз. Забыв о своем волнении, Нефер взглянул вверх по долине и застыл в смятении. Его кулак сжал рукоятку меча так, что побелели костяшки пальцев.

– Это невозможно! – простонал он.

У начала долины, в ее верхней части, полностью видной оттуда, куда подъехали колесницы Трока, лежала каменная плита. Квадратная, желто-рыжая, она лежала около дороги, будто рукотворный памятник. На ней, над потоком бегущих беженцев, появилась одинокая фигура. Это была женщина, молодая и стройная, с длинными темными волосами до пояса. Ее хитон темно-красного цвета царского Дома Апепи ярким пятном выделялся на блеклом фоне голых скал и песка.

– Минтака! – выдохнул Нефер. – Я приказал ей отправиться вместе с Мереном и Мерикарой в Гебель-Нагару.

– Мы знаем, что она никогда не нарушила бы твой приказ. – Таита открыл глаза и иронически улыбнулся. – Поэтому, кажется, она не расслышала тебя.

– Это все ты, – горько проговорил Нефер. – Ты использовал ее как приманку для Трока. Ты подверг ее смертельной опасности.

– Возможно, я могу управлять хамсином, – ответил Таита, – но даже я не могу управлять Минтакой Апепи. То, что она делает, она делает по своей воле.

Внизу под ними Трок повернулся, чтобы отдать своим колесницам приказ развернуться и, позволив толпе убежать, захватить источник и город Галлалу, как убеждал его Иштар. Но он не успел заговорить, ощутив, как Иштар рядом с ним замер и прошептал:

– Это какое-то колдовство Таиты.

Трок резко обернулся и посмотрел. Он увидел крошечную фигурку в темно-красном платье, стоящую высоко на желтой каменной плите, и мгновенно узнал предмет своей ненависти и яростного гнева.

– Минтака Апепи, – прорычал он, – я приехал за тобой, бесстыжая прелюбодейка. Я заставлю тебя молить о смерти.

– Это – иллюзия, фараон. Не дайте Чародею обмануть вас.

– Это не иллюзия, – проговорил Трок мрачно. – Я докажу это тебе, когда воткну свой зубец в ее теплую плоть и буду втыкать, пока не потечет кровь.

– Чародей ослепил вас, – простонал Иштар. – Повсюду вокруг нас – смерть.

Он хотел спрыгнуть с площадки и убежать, но Трок схватил его за покрытые лаком локоны и втащил назад.

– Нет, останься со мной, Иштар Мидиец. Я позволю тебе попробовать ее сладкую щелку, прежде чем брошу моим громилам, чтобы они покончили с ней. – Он поднял сжатый кулак высоко над головой и крикнул: – Вперед! Марш!

С обеих сторон от него колесницы разом покатились вперед, и ряды воинов последовали за Троком в долину. Солнце сверкало на наконечниках копий, пыль поднималась из-под колес, будто дым. Последние беженцы были в трехстах шагах впереди, когда Трок дал следующую команду:

– Вперед галопом! В атаку!

Лошади рванулись вперед, и под грохот копыт и колес войско ворвалось в узкую долину.

– Трок ввязался в бой, – проговорил тихо Нефер. – Но какой ценой? Если он схватит Минтаку... – Он не мог продолжать, с болью глядя на ее ясно видную высокую гибкую фигуру, стоящую на пути бури.

– Теперь тебе есть за что сражаться, – тихо сказал Таита.

Нефер почувствовал, как вся его любовь и смертельное беспокойство о Минтаке превращаются в боевую ярость. Это была холодная жестокая ярость, обострившая все его чувства и заполнившая все его существо, исключив все остальное.

Когда ряды колесниц внизу промчались мимо того места, где он стоял на краю долины, он вышел из-за камня, за которым скрывался. Все внимание Трока и его солдат было направлено на беспомощных жертв впереди. Они не увидели высокую фигуру, неожиданно появившуюся сбоку от них. Но солдаты Нефера видели врага ясно. Они прятались среди валунов внизу по обоим склонам долины. Нефер поднял меч над головой и, когда последняя колесница промчалась мимо, резко опустил его.

На крутых склонах стояли крытые повозки, их колеса были подперты клиньями и привязаны ремнями, чтобы удерживать повозки на месте. Они были скрыты из виду сухой травой, в точности подходящей по цвету к окружающей местности, и так нагружены камнями, что оси прогнулись. По сигналу Нефера возчики выбили деревянные подпорки и разрубили ремни, удерживавшие колеса. Повозки покатились вниз со склонов долины, набирая скорость, мчась прямо на скопление колесниц внизу.

Когда рядом с ним пронзительно закричал Иштар, Трок оторвал взгляд от Минтаки в дальнем конце долины и увидел тяжелые повозки, мчащиеся на его отряды.

– Назад! – закричал он. – Уезжайте, – но даже его бычий рев утонул в шуме. Начавшуюся атаку было не остановить, и на узком дне долины совсем не оставалось пространства для маневра.

Первые повозки врезались в головную часть атакующих. Раздались треск дерева, крики раздавленных солдат и лошадей, грохот переворачивающихся и опрокидывающихся повозок, из которых сыпались камни.

Внезапно дорогу Троку перекрыла одна из тяжелых телег, и его лошади шарахнулись в сторону и ударились о колесницу, едущую рядом. В мгновение ока великолепная атака превратилась в сумбур разбитых и опрокинутых колесниц и искалеченных лошадей.

Повозки перекрыли долину с обеих сторон. Даже те колесницы, что не были разбиты и опрокинуты, попали в затор из обломков и сбитых солдат. Все назначение колесницы, ее грозная сила, состоят в способности ехать и поворачивать, мчаться в атаку и быстро отступать. Теперь их остановили завалы из камня, а над ними на склонах стояли лучники Нефера. Первые залпы выкосили незащищенных колесничих. За несколько минут долина превратилась в бойню.

Некоторые из солдат Трока спрыгнули с попавших в ловушку колесниц и бросились на склоны долины. Но они были истощены изнурительным маршем и отягощены доспехами и медленно двигались по крутому неровному склону. Из-за укрытий за валунами и наспех построенных каменных палисадов появились солдаты Нефера и встретили их длинными пиками и градом копий. Большинство были сражены прежде, чем достигли первого ряда оборонявшихся.

Трок ошеломленно огляделся, ища какой-нибудь выход из западни, но одна из его лошадей была мертва, раздавленная высыпавшимся из повозки грузом камней, и путь вперед оказался перекрыт. Позади него другие колесницы были так скучены, что не было места развернуться или сдать назад. Стрелы и копья жужжали вокруг, стучали в борта его колесницы, со звоном ударялись о его шлем и нагрудник.

Прежде чем Трок сумел удержать его, Иштар воспользовался неразберихой в своих интересах, спрыгнул с площадки и быстро удрал, лавируя между разбитыми колесницами и мечущимися, пронзительно ржущими лошадьми. Затем Трок вновь посмотрел вперед и с удивлением

увидел Минтаку, все еще недвижно стоявшую на вершине охряной каменной плиты прямо перед ним. Она смотрела на него холодным взглядом, с отвращением на красивом лице, и это превратило его ярость в безумие.

Он выхватил из стойки сбоку свой боевой лук и полез за стрелой в колчан, но передумал, отбросил лук и закричал поверх голов своих встающих на дыбы мечущихся лошадей:

– Нет! Стрела слишком хороша для блудливой суки. Я приду и возьму тебя голыми руками, я хочу почувствовать, как ты будешь биться, когда я выдавлю из тебя последнее дыхание, грязная девка!

Он выхватил меч, спрыгнул на землю, пробежал под копытами вставшей на дыбы лошади и перелез через опрокинутую повозку. Два солдата Нефера выскочили из-за камней, чтобы сразиться с ним, но он зарубил их и перешагнул через дергающиеся тела. Его глаза были с жадностью нацелены на девушку в темно-красном платье, высоко и гордо стоящую впереди, и он стремился к ней, как мотылек к пламени.

Нефер увидел, что Трок вырвался из западни, и побежал вниз по склону, прыгая с камня на камень.

– Беги, Минтака! Уходи от него, – громко кричал он, но она то ли не слышала его, то ли не хотела слышать.

Его услышал Трок, остановился и обернулся.

– Ну давай, милый мальчик, клинка хватит и для тебя, и для твоей шлюхи.

Нефер на бегу швырнул копье, но Трок принял его точно в центр легкого, маленького круглого щита, который носил на плече. Копье отскочило, ударилось о камни и упало у ног Минтаки. Та не обратила на него внимания.

Бросок копья на мгновение отвлек Трока, и Нефер прыгнул на ровное место перед ним. При виде юноши Трок встал в защитную позицию, и его лицо исказила свирепая усмешка. Он пригнулся за бронзовым щитом и махнул мечом.

– Ну, щенок, – сказал он, – давай проверим твои притязания на двойную корону.

Нефер, используя разгон, набранный на склоне, наскочил на Трока. Тот отразил первый удар бронзовым щитом. Нефер отскочил: Трок ударил через край маленького круглого щита. Нефер напал снова, сменив удар на укол.

Солдаты Нефера видели, как он бросился вниз по склону. Они последовали его примеру и, оставив каменные укрытия, помчались вниз, прыгая по камням. Через несколько секунд вся долина была от края до края заполнена сражающимися, рубящими и колющими солдатами.

Нефер провел обманный удар в бедро Трока, целясь в соединение в его доспехах. Когда Трок закрылся, юноша нанес обратный удар ему в лицо. Трока удивило изменение направления и скорость удара. Хотя он дернул рукой в обратную сторону, острие клинка Нефера рассекло ему щеку, и на его бороду хлынула кровь. Рана подстегнула его, Трок взревел и бросился на Нефера. Он наносил удары под всеми углами с такой скоростью, что его меч, казалось, образовал вокруг него непроницаемую стену из сверкающей бронзы. Под его натиском Нефер был вынужден отступать, пока не почувствовал, что прижался спиной к каменной плите, на которой стояла Минтака.

Лишенный возможности отступать или маневрировать, он был вынужден выдерживать напор всей бычьей силы Трока и парировать каждый удар. Очень мало кто мог противостоять Троку в таком поединке. Казалось, он нисколько не слабеет, и он смеялся, когда Неферу удавалось отбить тот или иной его удар.

– Давай посмотрим, долго ли ты сможешь сопротивляться, мальчик. Я готов продолжать так весь день, а ты? – спросил он, не пропуская ни одного удара. Металл звенел о металл, а Трок тем временем постепенно сдвигался вправо, перекрывая единственный путь, по которому Нефер мог бы выскользнуть из его когтей.

Сила Трока походила на злую стихию. Нефер чувствовал, что подхвачен сильнейшим ураганом и так беспомощен, будто его уносило океаническое течение. Как бы ни укрепили его годы военного обучения, они не подготовили его ни к чему подобному. Он почувствовал, что его правая рука стала уставать и замедляться, когда он пытался противостоять Троку.

Трок задел мечом его шею и несколько мгновений спустя разрубил кожаные латы Нефера и оставил рану на ребрах. Нефер знал, что его единственный шанс выжить в буре в том, чтобы противопоставить свою скорость и проворство грубой силе Трока, но он был прижат к скале. Следовало вырваться.

Он принял следующий удар своим мечом высоко и отклонил его ровно настолько, чтобы открылось пространство, через которое он мог убежать, но когда он прыгнул туда, то открыл свой левый бок. Трок не пропустил этого и нанес низкий укол мечом, который рассек Неферу бедро как раз над татуированным картушем. Кровь потекла в сандалию и хлюпала при каждом шаге.

Последние силы Нефера убывали, и Трок отбил его клинок и захватил своим, поднимая его все выше. Нефер знал, что если он попытается отойти, то откроет грудь для смертельного укола. К тому же рана на бедре все больше ослабляла и замедляла его. На лице Трока сияла торжествующая ухмылка.

– Смелее, мальчик! Скоро все закончится. Тогда ты сможешь отдыхать вечно, – злорадствовал он.

Нефер слышал, как Минтака что-то кричала, но не мог разобрать что и к тому же не мог позволить себе отвлечься. Постепенно Трок отжал в сторону меч Нефера и навис над юношей, так что они встали грудь к груди, затем внезапно переместил свою тяжесть влево, на раненую ногу Нефера. Нефер попробовал сопротивляться, но его нога подогнулась. Трок поставил ногу за пятку Нефера и толкнул его назад.

Меч вылетел из ослабшей руки Нефера, и, когда он растянулся на выжженной солнцем земле, Трок обеими руками поднял свой меч над головой для смертельного удара. Но вдруг выражение его лица изменилось на удивленное и недоумевающее. Не завершив удара, он потянулся себе за шею. Потом поднес руку к своему лицу. Она была мокрой от его крови. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но из уголков его рта потекли две струи яркой крови, и он медленно отвернулся от Нефера. Трок глядел на Минтаку, стоявшую на вершине скалы над ним. С бесстрастным недоверием Нефер увидел древко копья, торчащее из затылка Трока.

Увидев, как Нефер упал, Минтака схватила копье, лежавшее у ее ног, то самое, что Нефер бросил в начале схватки, и метнула в спину Трока. Острие вошло ниже края его бронзового шлема и глубоко вонзилось чуть в стороне от позвоночника, но разрезав сонную артерию.

Стоя будто чудовищная статуя с широко открытым ртом, фонтаном изрыгая кровь, Трок бросил меч и вытянул руки вперед. Он обхватил кричащую Минтаку вокруг талии, стянул с ее места над ним и хотел что-то сказать, но кровь лилась потоком из его рта и заглушала слова.

Минтака закричала, когда он притиснул ее к своей груди, и Нефер с трудом встал на ноги. Он подобрал меч Трока, который тот уронил, и хромая подошел к нему сзади.

Крики Минтаки придали новую силу его руке. Он нанес первый укол глубоко в спину сквозь завязки доспехов Трока. Трок замер и отпустил Минтаку. Она уползла прочь, Нефер выдернул лезвие и нанес второй удар. Покачиваясь, Трок медленно повернулся к нему лицом. Он шагнул к Неферу, протянув к нему окровавленные руки. Нефер воткнул меч ему в горло, и Трок упал на колени, схватившись руками за лезвие. Нефер вырвал клинок, глубоко разрезав пальцы и ладони Трока и обрезав сухожилия и нервы.

Трок повалился ничком, и Нефер нанес ему удар сквозь шнуровку, между лопатками в сердце. Он оставил в нем клинок и повернулся к Минтаке. Та стояла, прижавшись к скале. Она бро-

силась к Неферу и обняла его, крепко-крепко. Теперь, когда опасность миновала, Минтака потеряла все свое ледяное спокойствие и, всхлипывая, невнятно проговорила:

– Я думала, он убьет вас, любовь моя.

– Убил бы, если бы не вы, – тяжело дыша, проговорил Нефер. – Я обязан вам жизнью.

– Это было ужасно. – Голос Минтаки дрожал. – Я думала, он никогда не умрет.

– Он был богом. – Нефер попробовал засмеяться, но смех прозвучал неестественно. – Их непросто убить.

Он услышал, что шум битвы в долине изменился. По-прежнему обнимая Минтаку одной рукой, он обернулся и посмотрел назад. Солдаты Трока видели, как их фараон был убит, и прекратили сражаться. Бросая на землю оружие, они кричали:

– Хватит! Хватит! Мы сдаемся. Все хвалы фараону Неферу Сети, единственному истинному царю.

С осознанием победы Нефер почувствовал, что последние остатки сил покидают его разбитое кровоточащее тело. Их хватило только чтобы громко крикнуть:

– Пощадите их. Они – наши братья египтяне. Пощадите их!

И Нефер стал тяжело оседать. Рядом с ним появился Таита и помог Минтаке опустить его на землю. Пока они вдвоем перевязывали его раны и останавливали кровотечение из глубокой раны на бедре, прибыли полководцы с докладом.

Не обращая внимания на ранения, Нефер потребовал доложить, кто уцелел в битве, а кто ранен и убит. С радостью и благодарностью Гору и Красному Богу Нефер увидел, что его верные военачальники, Хилто, Шабако и Сокко, были среди солдат, толпившихся вокруг: они торжествовали победу, гордясь собой и своими солдатами, полные радости оттого, что видят его живым.

Соорудив носилки из длинных копий, они понесли Нефера по долине к Галлале, но путешествие вышло длинное, потому что плененные полководцы и солдаты Трока сгрудились на обочине, стоя на коленях, без оружия, с непокрытой головой, моля его о пощаде, выкрикивая слова сожаления и раскаяния в том, что подняли оружие против истинного фараона.

Прежде чем они достигли ворот города, Нефер трижды командовал, чтобы его носилки опускали, и позволял пленным сотникам и более старшим командирам выходить вперед, чтобы поцеловать его ноги.

– Я не стану казнить вас как предателей, хотя вы вполне того заслуживаете, – говорил он сурово, – но вы все разжалованы до минимального командирского звания, и вам предстоит доказать свою преданность Дому Тамоса.

Они восхваляли его милосердие, но Нефер хмурился и качал головой, когда к нему обращались как к богу.

– Я – не один из пантеона, кем объявляли себя нечестивцы Трок и Наг. – Но их было не переубедить, и они возобновили хвалы и мольбы, и воины Нефера во главе с его братьями-воинами Красной Дороги присоединили свои голоса к голосам побежденных, упрашивая его объявить о своей божественности.

Чтобы отвлечь их, Нефер хмуро распорядился:

– Тело Трока Урука, незаконно притязавшего на двойную корону Египта, сжечь без церемонии здесь, на поле битвы, чтобы его душа блуждала вечность напролет и никогда не нашла дом.

Послышались приглушенные возгласы благоговейного ужаса: страшнее наказания нельзя было придумать.

– С телами других мертвых врагов следует обращаться со всем уважением, их дозволяется бальзамировать и прилично похоронить. Имя Трока Урука должно быть удалено со всех памятников и зданий в стране, а храм, построенный им для себя в Аварисе, будет посвящен крылатому Гору в память о победе, которую он даровал нам в этот день у города Галлалы.

Все одобрительно закричали, услышав этот указ, и Нефер продолжил:

– Все имущество Трока Урука, все его сокровища и поместья, его рабы и здания, его склады и товары любого рода, надлежит передать государству. Пошлите обратно к Сафаге повозки с водой, с конюхами и хирургами, чтобы собрать всех лошадей, колесницы и солдат, которых Трок Урук оставил на пути во время самонадеянного наступления на нашу столицу в Галлале. Если означенные воины отрекутся от ложных фараонов и принесут клятву верности Дому Тамоса, они будут прощены и зачислены в наше войско.

Когда в этот день Нефер отдавал последние приказы и обнародовал свой последний указ, он охрип, был бледен и едва держался. Когда его внесли в городские ворота, он тихо спросил Минтаку:

– Где Таита? Кто-нибудь видел Мага?

Но Таита исчез.

Таита со склона холма над полем битвы наблюдал, как створки западни смыкались вокруг войска Трока и как заполненные камнями повозки разбивали его колесницы, а стрелы и копья полетели, будто стаи саранчи, на оставшихся в живых, когда в хаосе ему на глаза попалась странная фигура.

Между камнями бежал Иштар Мидиец. Как улепетывавший заяц, он то исчезал из виду, то вновь появлялся выше по склону, пригибаясь и уворачиваясь. Случайно или благодаря магическому заклинанию он избежал стрел и копий солдат Нефера и наконец нырнул за гребень горы и скрылся из глаз.

Таита позволил Мидийцу уйти. Для него найдется время позже. Он наблюдал за решающим моментом сражения, напрягая все силы, чтобы создать щит вокруг Нефера во время его поединка с Троком у подножия скалы. Даже на таком расстоянии ему удалось отвести многие из ударов Трока, которые были бы смертельны, а когда Трок наносил последний укол в бедро Нефера, его меч мог задеть большую бедренную артерию, если бы Таита не использовал все свое влияние, чтобы отклонить острие.

С того раза, когда Таита (уже много времени тому назад) спас Минтаку от опасности во время встречи с коброй богини, она легко поддавалась его влиянию. Она обладала рассудком и воображением, которые открывали ему ее сознание. Невозможно влиять на глупца. Таита вызвал ее назад в Галлалу, чтобы она показалась Троку у верха долины и заманила его в западню. Затем, когда она стояла, застыв от ужаса, на скале над поединщиками, Таита вновь подчинил ее своей воле и поместил в мозг мысль поднять копье, лежавшее у ее ног. Он поддержал правую руку Минтаки, когда она прицелилась и метнула копье. Затем, когда жизнь покинула Трока, Маг бросился вниз по склону, чтобы помочь Неферу и перевязать рану, нанесенную в опасной близости от пульсирующей артерии в его бедре.

Когда его братья-воины Красной Дороги подняли молодого фараона на носилки, сооруженные из копий, исполнивший до времени свои обязанности Таита ускользнул в толпу. Никто не обратил внимания на то, что он ушел.

Он искал следы, которые оставил Иштар, убегая из узкой долины, и шел по ним, пока возможно было различать их на земле, высушенной солнцем так, что она растрескалась и стала походить на мозаику.

Таита остановился и присел. Из мешочка он вынул кусочек высушенного корня и положил его в рот. Пережевывая его, он раскрыл и простер сознание, чтобы обнаружить ауру Мидийца, след, который тот оставил. Когда корень обострил его чувства, Таита на краю поля своего видения узрел искомую ауру. Это была тень, грязно-серая, призрачная, исчезающая под прямым взглядом. Каждый человек обладал собственной аурой. Нефер Сети по причине благородной и

божественной внутренней сущности испускал розовое свечение, которое Таита легко обнаруживал. Именно по этому слабому розовому свечению Таита нашел Нефера после того, как того ранил лев, когда вместе с Минтакой фараон заблудился в пустыне около Даббы.

Аура Иштара Мидийца была темной и грязной. Таита встал и пошел дальше по этому призрачному следу, поторапливаясь и постукивая посохом по камням. Очень часто в расплывчатом отпечатке ноги на участке более мягкой земли или недавно сдвинутой с места гальке он видел подтверждения того, что на правильном пути.

Иштар повернул на юг, затем снова двинулся по направлению к Галлале. Таита встревожился и ускорил шаг. Если Иштар пытается подобраться к Неферу, чтобы снова навредить, Таита должен перехватить его. Однако преследование привело его к одной из колесниц, которые Трок бросил во время марша от побережья. Иштар что-то достал из разбитой колесницы, и Таита закрыл глаза и попытался увидеть, что это было.

– Водяной мех, – пробормотал Таита и увидел, где колдун отгреб в сторону землю, чтобы извлечь мех из-под борта опрокинутой колесницы. Еще один сухой и пустой мех все еще висел там. Иштар оставил его, вероятно, поняв, что сможет унести только один полный мех. Таита подобрал пустой мех и повесил на плечо. Он покинул колесницу с мертвыми лошадьми в упряжи, уже начавшими смердеть, и продолжил преследование.

Забрав мех, Иштар направился обратно к Галлале. Поднявшись на вершину холма над городом, он затем ползком спустился к берегу ближайшего оросительного канала. На влажной глине, где он становился на колени, чтобы напиться и наполнить мех, который принес с собой, был ясно виден их отпечаток. Таита напился сам и тоже наполнил свой мех. Затем поднялся и пошел по следам, которые Иштар оставил, направившись обратно на восток по дороге к Сафаге и побережью. Таита пошел вслед за ним.

Наступила ночь, а Таита не останавливался. Иногда аура Мидийца полностью исчезала, но Таита шел по дороге. Иногда она проступала яснее, и Таита ощущал ее запах, слабый, неприятный запах плесени. Когда она показалась отчетливо, он смог понять сущность Мидийца, понять его мстительный характер. Маг определил, что Иштар напуган и потрясен неблагоприятным поворотом своей судьбы, но его силы все еще огромны. Он представлял большую и реальную опасность не только для Нефера и Минтаки, но и для самого Таиты. Если позволить ему бежать и восстановить иссякшие силы, он станет угрозой будущему Дома Тамоса и Алепи. Иштар был одним из высших адептов, но при этом злодеем, что делало его еще более опасным. Совершенно ясно, что он мог издалека читать мысли выбранных им жертв и наколдовать какие угодно мерзости, чтобы наслать бедствие на Нефера и Минтаку. Он мог вызвать в них пресыщение и охлаждение любви друг к другу, наслать страдания, неудачи и чуму, огорчения и болезнь без причины, умственные отклонения, безумие и в конечном счете смерть.

Даже Таита не был защищен от злобного духа Мидийца. Если позволить Иштару бежать, он сможет постепенно подорвать силы Таиты и расстроить его способности. Если только Таита не станет действовать сейчас, когда у него есть возможность уничтожить колдуна.

Над голыми холмами поднялась почти полная луна и осветила путь Таиты. Он шел широким ритмичным шагом, которым мог передвигаться почти так же быстро, как всадник. Он чуял – впереди Иштар не знает о преследовании и идет намного медленнее Таиты. С каждым прошедшим часом Таита все сильнее и ближе ощущал его ауру. «Я настигну его до восхода солнца», – подумал он и в тот же миг согнулся пополам и изверг на каменистую дорогу сильную струю рвоты. Ошеломленный внезапной ужасной тошнотой, Таита чуть не упал, но восстановил равновесие и выпрямился, вытирая с губ горький вкус желчи.

– Растяпа! – сердито упрекнул он себя. – Так близко от преследуемого мне следовало быть осторожнее. Мидиец заметил меня.

Он выпил воды из меха и осторожно пошел вперед. Нацелив посох перед собой, он стал медленно водить им из стороны в сторону. Внезапно посох в его руке потяжелел. Таита пошел в том направлении и увидел перед собой блестящий в лунном свете круг бледной гальки, выложенный на обочине дороги.

– Подарок Мидийца, – сказал он вслух.

Его вновь охватила тошнота, но он подавил ее, ударил в землю посохом и выговорил одно из слов власти:

– Нкуб! – Тошнота отступила, и он смог приблизиться к кругу.

«Недостаточно будет нарушить его чары, – мрачно подумал он. – Нужно обратить их против Мидийца».

Наконечником посоха он сдвинул один камешек из круга, разрушив его силу. Теперь он мог сесть на корточки около круга, не чувствуя вреда. Не прикасаясь ни к одной гальке, он низко наклонился и понюхал их. От них исходил сильный запах Мидийца, и Таита с холодным удовлетворением улыбнулся.

– Он касался их голыми руками, – прошептал Таита. Иштар оставил на камнях следы своего пота. Таита мог использовать это слабое истечение его соков. Осторожно, чтобы не повторить прежнюю ошибку, он передвигал камешки концом посоха, создавая другой рисунок: наконечник стрелы, указывающий в ту сторону, куда ушел Иштар. Таита набрал полный рот воды из меха и выплюнул ее на гальку, которая влажно заблестела в лунном свете. Затем он нацелил посох как копье вдоль той же линии, что и наконечник стрелы из гальки.

– Кидаш! – крикнул он и почувствовал, как возросло давление на его барабанные перепонки, словно он глубоко погрузился под поверхность океана. Но давление не стало невыносимым и медленно уменьшилось. Таита ощутил облегчение и удовлетворение. Дело было сделано. Он повернул чары против Мидийца.

В лиге впереди по дороге спешил Иштар Мидиец. К этому времени он совершенно точно знал о преследовании. Он не сомневался, что преграда, установленная им на дороге, остановит большинство людей, но знал, что она не задержит надолго того, кого он боялся пуще всех прочих.

Внезапно он покачнулся на ходу и сжал уши обеими руками. Боль ослепляла, как если бы в его барабанные перепонки глубоко вонзили раскаленный докрасна кинжал. Иштар застонал и упал на колени.

– Это – Чародей. – Он всхлипнул. Боль была такой острой, что мешала думать ясно. – Он обратил заклятие против меня.

Трясущимися руками Мидиец дотянулся до мешочка на поясе и достал свой самый мощный талисман, сухую забальзамированную руку одного из детей фараона Тамоса – ребенок умер вскоре после рождения во время поветрия Желтых Цветов. Иштар ограбил гробницу маленького принца, чтобы получить ее. Рука была темная и скрюченная, будто лапа обезьяны.

Он поднес ее к голове, в которой стучало от боли, – и почувствовал, что страдание уменьшается. Пошатываясь, он поднялся и начал шаркающий танец с пением и воплями. Боль в ушах прекратилась. Он сделал заключительный прыжок и встал, глядя вдоль дороги туда, откуда пришел. Иштар чувствовал близкое присутствие Чародея, как приближение летней грозы за день до нее.

Он задумался, не устроить ли другую западню, но знал, что Таита обратит и ее действие против него. Нужно свернуть в сторону и идти тайно, решил он и побежал по дороге, выискивая, где свернуть. Он нашел место, где дорога пересекала язык серого кристаллического сланца, такого твердого, что даже войско Трока не оставило на нем никакого следа.

Указательным пальцем левой руки Мидиец легко нарисовал на камне священный символ Мардука, плюнул на него и произнес три тайных имени бога, которые должны были призвать его.

– Скрой меня от моих врагов, могущественный Мардук. Благополучно доставь меня в твой храм в Вавилоне, и я принесу тебе жертву, которую ты так любишь, – пообещал он. Больше всего Мардук любил, когда в печи сжигали маленьких девочек.

Иштар встал на одну ногу и прыгнул назад пятьдесят пять раз, тайное число Мардука, известное только адептам. Затем он резко свернул с дороги и пошел под прямым углом к ней, направляясь в северную пустыню. Он шел быстро, пытаясь увеличить расстояние между собой и человеком, который его преследовал.

Таита достиг точки, где дорогу пересекала полоса серого кристаллического сланца, и резко остановился. Аура, которую он ощущал так явственно лишь мгновение назад, растаяла, будто туман в тепле встающего солнца. Не осталось ни ощущения, ни запаха, ни следа Мидийца. Пройдя по дороге чуть дальше, Таита обнаружил, что путь холоден и пуст. Он быстро вернулся назад, к точке, где потерял след. Иштар не стал бы попусту тратить время на простое укрывающее заклинание. «Мидиец знает, что Пепел, Вода и Кровь едва ли остановят меня», – подумал он.

Он взглянул на небо и на покрытом звездами небесном своде у самого горизонта нашел красную звезду, звезду богини Лостры. Он взял амулет и запел восхваление богине, но, едва закончив первую строфу, ощутил злое чужое присутствие. Другой бог был призван в это место, и, зная Иштара, Таита достаточно точно мог предположить, кто именно. Он начал вторую строфу восхваления, и на голой скале перед ним возникло свечение, похожее на свечение медных стен печи в храме Мардука, когда горели жертвенные огни.

«Мардук оскорблен и показывает свой гнев», – подумал Таита с удовлетворением. Он подошел, встал на слабо светящемся месте и заговорил нараспев:

– Ты далеко от твоей земли и твоего храма, Мардук. Немногие поклоняются тебе в Египте. Твои силы рассеяны. Я призываю богиню Лостру, и ты не сможешь противостоять ей.

Он поднял подол хитона.

– Я потушу твой огонь, Мардук, – сказал он и, по-женски присев на корточки, помочился на скалу. Моча зашипела, поднялся пар, как если бы брусок металла из кузнечного горна опустили в корыто с водой.

– Именем богини Лостры, Мардук Пожиратель, позволь мне пройти.

Скала быстро остыла, и когда пар рассеялся, Таита снова различил едва заметные следы Мидийца там, где тот свернул с дороги и направился на север. Завеса, которую установил Иштар, была пробита и разорвана. Таита прошел сквозь нее и вновь направился вслед за ним.

Горизонт бледнел, свет усилился до золотого сияния на востоке. Таита знал, что неуклонно нагоняет колдуна, и напряг глаза, вглядываясь вперед в пребывающем свете и стараясь разглядеть фигуру Иштара. Вдруг он остановился. У его ног зияла ужасная пропасть, ее крутые края опускались в темноту далеко внизу. Никакой человек не смог бы измерить эту глубину, и не было никакого пути, чтобы обойти это препятствие.

Таита взглянул на противоположный край. Тот был по меньшей мере в тысяче шагов от него, и пропасть казалась еще более устрашающей, если смотреть на нее под этим углом. Над бездонной пропастью парили стервятники. Одна из отвратительных птиц сделала круг и села на свое неряшливое гнездо из палочек и прутьев, построенное высоко на уступе на другой стороне каменного обрыва.

Таита с восхищением покачал головой.

– Замечательно, Иштар! – пробормотал он. – Даже стервятники. Мастерский штрих. Я бы не сделал лучше... но такое старание потребовало большой траты сил. Должно быть, это дорого тебе стоило.

Таита шагнул за край утеса и вместо того, чтобы провалиться вниз, в воздух, ощутил под ногами твердую землю. Утесы, ущелье и даже кружащие стервятники задрожали и пропали, как это бывает с миражем, когда пройдешь сквозь него.

Пропасть исчезла, и на ее месте появилась ровная поверхность, каменистая земля с низкими холмами вдалеке, еще синими от теней. Посреди этой равнины, в пятидесяти шагах впереди, стоял Иштар Мидиец. Он стоял лицом к Таите, держа обе руки над головой, отчаянно пытаясь сохранить созданную им иллюзию. Увидев, что потерпел неудачу и Таита идет к нему, будто мстительный джинн, он опустил руки жестом безнадежного смирения, повернулся к известняковым холмам на противоположном конце каменистой равнины и неуклюже побежал, путаясь в своей черной мантии.

Неутомимый Таита последовал за ним размашистым шагом, и когда Иштар оглянулся, на покрытом синими кругами лице колдуна читалось отчаяние. Мгновение он со страхом смотрел на высокую седовласую фигуру, повернулся и побежал быстрее. Некоторое время он отдалялся, увеличивая расстояние между ними, затем замедлил бег. Таита неумолимо догонял его.

Иштар сбросил с плеча бурдюк, и бежать стало легче, но он обгонял Таиту всего на несколько сотен шагов, когда достиг низких холмов, в раннем свете серо-синих от обнажений известняка. Он исчез в одном из оврагов.

Достигнув спуска в овраг, Таита увидел, что следы Иштара тянутся по песчаному дну и исчезают за углом, там, где овраг резко поворачивал направо. Таита двинулся по ним, но, подойдя к повороту за бледные известняковые столбы, услышал грозное рычание и рев дикого зверя. Свернув, он увидел, что овраг впереди сужается, а прямо перед ним стоит огромный лев, бьющий хвостом.

Черная грива льва стояла дыбом, как огромный куст, дрожавший будто трава на сильном ветру при каждом рыке, вырывавшемся из разверстой пасти. Глаза зверя были золотого цвета, а зрачки – непримиримыми черными отверстиями. Отвратительный густой звериный запах стоял в горячем воздухе: зловоние гниющих тел, убитых этими длинными желтыми клыками.

Таита посмотрел вниз на песчаную землю, и увидел массивные лапы с выпущенными когтями. Он по-прежнему видел на песке следы Иштара, но лапы льва не оставили никакого следа.

Таита не замедлил шаг. Он поднял амулет на его цепочке и пошел прямо на истекающее слюной животное. Вместо того чтобы усилиться, рев притих, голова зверя стала прозрачной, и Таита увидел сквозь нее каменные стены оврага. Затем, как речной туман, лев поблек и исчез.

Таита прошел по тому месту, где он стоял, и свернул за выступ. Впереди овраг стал еще уже, его края были еще круче. Он заканчивался каменной стеной.

Иштар стоял спиной к скале, глядя на Таиту безумными глазами. Белки его глаз пожелтели и налились кровью, зрачки были черные и расширенные. Запах его страха был отвратительнее, чем зловоние призрачного льва. Он поднял правую руку и наставил длинный костлявый палец на Таиту.

– Назад, Чародей! – закричал он. – Предупреждаю!

Таита шел, и Мидиец закричал снова, на этот раз на гортанном языке, и сделал такой жест, будто бросил в голову Таиты невидимый предмет. Таита быстро поднял амулет Лостры перед глазами и почувствовал, как возле его головы что-то просвистело, точно стрела.

Иштар повернулся и юркнул в узкое отверстие в каменной стене позади него, которое закрывал от Таиты своим телом. Таита остановился перед входом и постучал по каменным краям посохом. Камень отзывался правильно, и он услышал долетающее из темного входа эхо неуве-

ренных шагов Иштара. Таита был почти уверен, что это не иллюзия, а подлинный вход в пещеру в известняковом утесе.

Таита шагнул в проем и обнаружил, что находится в низком каменном проходе, слабо освещенном солнечным светом, падавшим через вход у него за спиной. Пол пещеры впереди медленно поднимался, и Таита продолжил путь, ступая более осторожно. Теперь он был уверен, что проход настоящий, а не что-то созданное колдовством Мидийца, чтобы отвлечь его и увести в сторону.

В туннеле впереди он слышал эхо шагов Иштара, искаженное и усиленное. Таита считал шаги с тех самых пор, как шагнул в темноту. Через сто двадцать шагов свет вновь стал разгораться, исходя из какого-то яркого источника в глубине склона.

Внезапно туннель резко повернул, и, шагнув за поворот, Таита оказался в большой пещере с высоким сводом. В центре свода было отверстие, выходившее во внешний мир, на открытый воздух, и из него на пол пещеры падал луч яркого солнечного света.

С пола поднимались остроконечные сталагмиты, мерцающие кристаллами, будто клыки акулы-людоеда. С высокого свода свисали парные им сталактиты; некоторые напоминали наконечники копий, другие – сияющие крылья богов.

Иштар стоял, прижавшись к противоположной стене пещеры. Оттуда нельзя было бежать. Увидев Таиту, появившегося во входе в туннель, он пронзительно закричал, рыдая:

– Смилуйся, могущественный Маг! Между нами есть связь. Мы – братья. Пощади меня, и я открою тебе такие тайны, о которых ты и не мечтал. Я предоставлю все мои силы в твое распоряжение. Я буду твоим преданным псом. Я посвящу мою жизнь служению тебе.

Его мольбы и обещания были так жалки, что Таита невольно почувствовал, как его решимость поколебалась. Это было лишь сомнение, мелькнувшее в уме Таиты, но Иштар нашел крошечную щель в его защите и немедленно воспользовался этим. Он выбросил руку вперед, сложив большим и указательным пальцами круг, знак Мардука, и крикнул что-то на том же странном гортанном языке.

Таита ощутил, как невыносимо тяжкое бремя придавило его плечи и будто невидимые щупальца гигантского осьминога опутали его тело, придавили руки к бокам, обернулись вокруг горла удушающим захватом. Он ощутил запах горящей человеческой плоти, ауру Пожирателя, душащего его. Но не мог пошевелиться.

На другой стороне пещеры подпрыгивал и подскакивал Иштар, его татуированное лицо было страшно перекошено, язык, высунутый между синими губами, лакал воздух, как лакают кошки. Он поднял полы своей мантии и выпятил бедра в сторону Таиты. Его член был полностью выпрямлен, крайняя плоть скатилась назад с раздутой фиолетовой головки, как с непристойного плода.

– Твоя хилая богиня не защитит тебя здесь, глубоко в земле, Таита. Тебе больше не пересилить Мардука Пожирателя и его слугу Иштара, – завопил он. – Наше состязание закончено. Я победил тебя и всю твою хитрость, Чародей! Теперь ты умрешь.

Таита поднял глаза к высокому темному своду пещеры и сосредоточил все внимание на длинном поблескивающем сталактите, свисавшем с него будто огромный мерцающий кинжал. Он собрал все силы, поднял правую руку с посохом и указал им вверх. И, выдохнув остатки воздуха, прокричал слово власти:

– Кидаш!

Раздался треск, будто в глубинах ледника лопнул лед, сталактит отломился от свода и обрушился. Увлекаемый собственным огромным весом, он ударил острием в плечо Иштара возле шеи, пронзил его грудь и живот и вышел через задний проход. Длинный каменный шип приколол колдуна к полу пещеры, как выпотрошенную рыбу к сушильной полке.

Когда Иштар задергался, задрожал и стал судорожно сучить ногами в смертельных муках, Таита почувствовал, что тяжесть исчезла с его плеч и давление на его горло прекратилось. Мардук отступил, и Таита смог дышать снова. Запах горелой плоти исчез. Воздух опять был древний и чистый, прохладный и лишь слабо припахивающий грибами.

Маг подобрал посох и пошел назад по туннелю, на открытый воздух и солнечный свет. У входа в известняковый туннель он обернулся и ударил посохом по камню один, второй, третий раз.

В недрах холма раздался грохот падающего камня, и из входа в туннель пахнуло пыльным воздухом: внутри скалы рухнул свод пещеры.

– Из-за каменного шипа, прошедшего сквозь твое сердце, даже твой грязный бог не сможет освободить тебя из твоей могилы. Лежи в ней всю вечность, Иштар Мидиец, – сказал Таита и отвернулся. Постукивая посохом по камням, он направился по дороге к Галлале.

Трое посыльных достигли Вавилона весной, когда снег еще лежал толстым слоем на вершинах дальних гор на севере, откуда текли две великие реки.

Фараон Наг Киафан принял их на самой высокой террасе сада Вавилонского дворца. Царица Гесерет сидела рядом с его троном. На ней были самые великолепные драгоценности из тех, что имелись в казне царя Саргона. Ее высоко уложенные темные волосы покрывала шелковая сетка, на которой искрились драгоценные камни, будто звезды на небесном своде. Ее запястья и предплечья украшали браслеты, пальцы – кольца с изумрудами, рубинами и сапфирами, и груз этот был так тяжел, что она едва могла поднять руки. На ее шее висел камень размером с незрелый инжир, прозрачный как вода в горном источнике, и такой крепкий, что им можно было резать стекло или обсидиан. Этот изумительный драгоценный камень был привезен из земли за рекой Инд, и когда солнце падало на него, отражавшиеся от него лучи слепили глаза.

Все гонцы были военачальниками отрядов, которые фараон Трок повел на запад четыре месяца назад. Они вошли, не на шутку страшась за свою жизнь, поскольку принесли плохие вести. Ехали они так долго и так быстро, что похудели и загорели дотемна под солнцем пустыни и высоких гор. Теперь они пали ниц перед троном, на котором сидел в великолепии и блеске Наг, затмевавший даже свою жену.

– Приветствуем вас, фараон Наг, самый могущественный из богов Египта, – обратились к нему гонцы. – Мы принесли ужасные вести. Пощадите нас. Хотя наш рассказ вызовет ваше неудовольствие, будьте милосердны и отведите от нас ваш гнев.

– Говорите! – сурово приказал Наг. – Я один буду судить, достойны ли вы пощады.

– Весть, которую мы принесли, касается фараона Трока Урука, вашего божественного брата и соправителя Египта, – сказал тот, что возглавлял передовой отряд, имел звание «Лучшего из десяти тысяч» и носил на груди Золото Доблести.

– Говори! – снова приказал Наг, поскольку говоривший запнулся.

– В пустыне, окружающей древний город Галлалу, произошло большое сражение между войсками фараона Трока Урука и узурпатора Нефера Сети. – Он опять замолчал.

– Продолжай! – Наг поднялся и наставил царскую плеть в лицо говорившему – угроза пытки и смерти.

Гонец поспешно продолжил:

– Посредством трусливого обмана и злого колдовства войско вашего брата и нашего фараона Трока Урука было уничтожено. Фараон убит, его войско разгромлено. Те его солдаты, что выжили, перешли на сторону врага и сплотились под знаменами самозваного фараона Нефера Сети, пусть Сет посетит его с ужасной местью и уничтожит его имя и все его деяния. Этот злой узурпатор со всем своим войском теперь идет маршем на Аварис и оба египетских царства!

Наг вновь опустился на свой трон и глядел на гонца с изумлением. Гесерет рядом с ним улыбнулась. Когда она делала так, жестокие линии в уголках ее рта исчезали и она преображалась, вновь становясь невыразимо красивой. Она коснулась руки Нага пальцем, унизанным кольцами, и когда он наклонился к ней, прошептала ему на ухо:

– Хвала богам и приветствия единственному фараону Верхнего и Нижнего Царств, могущественному Нагу Киафану!

Наг попытался сохранить на лице суровое и невозмутимое выражение, но слабая улыбка на мгновение скользнула по его тонким и красивым чертам. Ему потребовалось мгновение, чтобы подавить ее, и он снова поднялся. Его голос звучал тихо, почти как шепот, но был страшен, как скрежет клинка о точильный камень.

– Вы принесли вести о смерти фараона и бога. Горе вам, ибо теперь вы заражены страданием и неудачей. – Он сделал знак страже, стоявшей вокруг трона. – Уведите их и передайте жрецам бога Мардука – пусть принесут их в жертву в печи для успокоения гнева бога.

Когда гонцов связали и увели, чтобы принести в жертву, Наг снова встал и объявил:

– Бог и фараон Трок Урук мертв. Мы поручаем его душу богам. Я заявляю перед всеми, что теперь есть только один правитель обоих царств, и всех земель, и всех завоеванных стран и владений Египта. Я заявляю далее, что править буду я, фараон Наг Киафан.

– Бак-кер! – закричали все придворные и военачальники, стоявшие вокруг его трона. Они выхватили мечи и забили ими о щиты. – Бак-кер! Хвалы царю-богу Нагу Киафану!

– Сообщите об этом всем моим командирам и полководцам всех моих войск. Встретимся на военном совете сегодня в полдень.

В течение следующих одиннадцати дней с рассвета до сумерек фараон Наг заседал во главе своего совета в тронном зале дворца Саргона. Поставив у дверей стражу, чтобы защититься от чужих ушей и шпионов, они составляли планы и порядок сражения. На двенадцатый день Наг назначил смотр своих войск в Месопотамии и отправил послов к подвластным царям и правителям во все завоеванные земли между Вавилоном и границами Египта с приказом подготовить все их отряды к войне и встать под его командование для похода против Нефера Сети.

В следующее полнолуние войска собрались перед Синими Воротами города Вавилона. Они насчитывали сорок тысяч человек и, будучи хорошо оснащенными лошадьми и колесницами, луками и мечами, состояли из ветеранов и опытных солдат.

Гесерет стояла рядом с мужем, единственным истинным фараоном Египта, на городской стене и осматривала их строй.

– Какой величественный вид, – сказала она мужу. – Я уверена, что вся летопись войн не знает такого смотра.

– Когда мы двинемся маршем на запад, на родину, наша численность возрастет за счет шумеров и хеттов, гурриев и войск завоеванных стран, через которые мы пройдем. Мы вернемся в Египет с двумя тысячами колесниц. Щенок не осмелится выйти против нас. – Он взглянул на нее. – Вы не чувствуете никакой жалости к вашему брату Неферу?

– Никакой! – Гесерет покачала головой, так что ее драгоценности заблестели и заискрились в солнечном свете. – Вы – мой фараон и муж. Кто бы ни выступил против вас – предатель и заслуживает смерти.

– Смерти он не минует, и предатель Чародей разделит с ним погребальный костер. Они сгорят вместе, – мрачно пообещал Наг.

Они издалека ощутили запах реки, запах прохладной пресной воды в воздухе пустыни. Лошади поднимали головы и ржали. Пешие воины ускорили шаг и пристально вглядывались впе-

ред, стремясь увидеть реку, в это время года широкую и темную от обилия ила, плоть и кровь их родины.

Нефер и Минтака ехали в колеснице во главе длинной колонны, ползущей по караванной дороге из Галлалы. Мерен и Мерикара ехали справа от них во второй по счету колеснице. Несмотря на протесты Мерикары, считавшей, что он все еще слишком слаб и болен, Мерен настоял на поездке.

– Я пропустил сражение у Галлалы, но клянусь, что не пропущу другого. Пока в моем теле есть дыхание, я буду ехать рядом с моим царем и моим самым дорогим другом. – Худой и бледный, как белая цапля, он тем не менее гордо стоял на площадке колесницы с поводьями в руках.

Ведущие колесницы въехали на возвышенность, и внизу открылась зеленая долина Нила, с могучей рекой, блестящей, как струя расплавленной меди из печи, реки, алеющей в первых лучах солнца. Нефер повернулся и улыбнулся Мерену, едущему в колеснице рядом.

– Мы возвращаемся домой!

Минтака запела, сначала тихо, а затем громче, когда Нефер присоединил к ее пению свой голос.

Храм Богов,
Родина десяти тысяч героев,
Самый зеленый на всей земле,
Наша самая дорогая любовь.
Наш самый милый дом.
Наш Египет!

Затем запели Мерен и Мерикара, а потом мало-помалу вся колонна. Отряд за отрядом радостным хором подхватывали песню, начиная съезжать вниз по склону.

Другое войско прибыло встретить их: вооруженные солдаты в колесницах, полководцы и командиры отрядов, ведущие их войска, а за ними отряды пеших воинов. За ними следовали старшины, жрецы и правители номов, все в мантиях, с цепями и знаками отличия, некоторые в повозках, другие в паланкинах, которые несли рабы. Были и всадники, и пешие. За ними, смеясь и танцуя, шла густая толпа народу. Некоторые из женщин несли своих младенцев и начинали плакать от радости, увидев своих мужей, возлюбленных, братьев и сыновей в рядах войска беглецов, возвращающегося домой.

Эти две процессии встретились и смешались. Старшины и полководцы пали ниц перед колесницей фараона. Нефер сошел с колесницы, поднял тех, кого узнал, и обнял самых могущественных и наиболее влиятельных из них, призывая расположение богов на всех своих людей.

Когда он вновь поднялся на колесницу и поехал вперед, шествие последовало за ним к берегу Нила. Там Нефер опять сошел с колесницы и полностью одетый погрузился в воду. В то время как все стояли вдоль берега, кричали приветствия и пели, он совершил ритуальное омовение и выпил илистой коричневой воды.

Вновь поднявшись на колесницу и облачившись в свежую льняную одежду, с синей военной короной на голове, Нефер повел огромную толпу людей вдоль берега реки к Аварису. В лиге от города вдоль дороги стояли толпы приветствующих. Они осаждали пыль, обрызгивая дорогу водой из Нила, и устилали путь фараона пальмовыми листьями и цветами.

Когда они достигли города, ворота оказались широко открыты и на городских стенах стояли люди. Со стен свешивались знамена, благоухающие букеты, связки плодов. Люди пели гимны преданности, восхваления и приветствия, когда Нефер с Минтакой проехали под аркой ворот.

Красивые, как юные боги, они поехали сначала к прекрасному храму на берегу реки, который Трок Урук построил, чтобы отпраздновать собственное обожествление. Нефер распорядился заранее, и каменщики работали уже много недель. Они сбили зубилами все портреты ложного фараона и удалили его имя со стен и высоких колонн, поддерживавших крышу, и все еще были заняты вырезыванием изображений и титулов крылатого Гора и фараона Нефера Сети вместе с описанием его победы в сражении у Галлалы.

Нефер приехал туда, поскольку первым его долгом было поблагодарить бога и принести в жертву перед каменным алтарем пару прекрасных черных быков. Когда обряд завершился, он объявил неделю праздника, торжества и пиров с раздачей просяного хлеба, говядины, вина и пива всем подданным и с устройством игр и театральных представлений.

– Вы – хитрец, сердце мое, – восхищенно сказала ему Минтака. – Они прежде любили вас, а теперь будут обожать.

Долго ли? – задавался вопросом Нефер. Едва весть о нашем восшествии на трон достигнет Нага в далеком Вавилоне, он пойдет на нас, если уже не пошел. Простые люди будут любить меня, пока он не постучит в ворота.

Фараон Наг Киафан поставил царем Вавилона, подвластным себе, полководца Асмора, которому доверял. Он оставил ему пятьсот колесниц, две тысячи лучников и пехоты для защиты своих завоеваний, а сам с большей частью войска начал марш на Египет, чтобы отобрать у захватчика корону и трон.

Как снежный ком, катящийся по склону горы, войско фараона Нага Киафана набирало вес и силу, продвигаясь на запад по равнине к горному перевалу и границе Египта. По мере его продвижения подвластные Нагу цари стекались под его знамя, и к тому времени, как он остановился на возвышенности у прохода Хатмия, его войско почти утроилось.

Наг смотрел на запад, через широкую песчаную пустыню в сторону Исмаилии, города, стоящего неподалеку от Большого Горького озера у границы его родины. Он ни на миг не забывал, что в этой точке марша ему будет мешать сильно возросшая численность его воинства. Перед ним лежало огромное пространство пустыни, где не было ни единого источника или оазиса, чтобы поддержать его войско на пути к Исмаилии. Ему вновь пришлось расположить вдоль всего пути запасы воды. Напрягая глаза в ярком свете, он различал колонны загруженных глиняными горшками с водой повозок, растянувшиеся вдоль изрытой колеями дороги под склоном, будто темные черви, которые ползли извиваясь по серовато-коричневой и желтой равнине. В течение многих месяцев они создали запасы воды в пустыне. Они зарывали наполненные водой горшки в песок и, оставив для их охраны отряд пехоты, возвращались за следующей партией.

Его войску потребуется на переход почти десять дней и ночей. В течение этого времени воины будут получать строго определенное количество воды, как раз достаточное, чтобы выдерживать долгие ночные переходы и пережить жаркие дни, когда все лягут отдыхать, пережидая жару, в любом клочке тени, какую дают льняные шатры или навесы из травы и веток терновника.

– Я поеду с вами в авангарде, – проговорила Гесерет рядом с ним, ворвавшись в ход его мыслей.

Наг поглядел на нее.

– Мы уже обсудили это. – Он нахмурился. За несколько лет брака ее очарование и красота начали ему надоедать, их затмевали раздражительность, ревность и требовательный характер. Теперь Наг все больше времени проводил со своими наложницами, снося ревнивые упреки, когда возвращался на ложе Гесерет.

– Вы поедете с другими женщинами в обозе, под охраной Пренна, сотника арьергарда.

Гесерет надулась. Прежде ее голос звучал просительно, теперь же был попросту недовольным.

– Чтобы вы могли наградить Лассу ребенком, как ее сестру, – пожаловалась она. Речь шла о двух принцессах, отданных Нагу в качестве заложниц правителем Шумера как свидетельство его верности короне Египта. Обе принцессы были молодыми и стройными, достигшими половой зрелости, большегрудыми. Они красили соски и по бесстыдному шумерскому обычаю везде ходили, обнажив груди и ничем их не прикрывая.

– Вы становитесь утомительны, жена. – Наг поднял верхнюю губу в улыбке, больше походившей на рычание. – Вы знаете, что это – политическая целесообразность. Мне был нужен сын хотя бы от одной из этих распутных девок, чтобы возвести его на трон, когда старик умрет.

– Поклянитесь дыханием и сердцем Сеуета, что не возьмете Лассу с собой в авангард, – настаивала Гесерет.

– Я охотно клянусь в этом. – Наг вновь улыбнулся той же убийственной улыбкой. – Я возьму Синнал из Гуррии. – Она тоже была заложницей, даже моложе, чем шумерки, всего четырнадцати лет, но с яркими волосами цвета меди, зелеными глазами и большими и округлыми ягодицами. Гесерет по опыту знала, что Наг так же охотно входит в цитадель через задние ворота, как и через передние.

– Мне нужен сын и от нее, – резонно объяснил Наг, – чтобы посадить его на трон Ассирии. – Затем он тихо насмешливо захихикал. – Царские обязанности поистине обременительны.

Гесерет разъяренно поглядела на него и крикнула, чтобы подали ее паланкин, с занавесками и шелковыми подушками – пусть увезет ее в хвост колонны, где Пренн командовал арьергардом.

По совету Таиты Нефер выставил по берегам Красного моря разведывательные заставы, чтобы они сообщали о любом вторжении на лодках доу, однако Таита был уверен, что главное войско Нага вторгнется через Большую Песчаную пустыню. Наг и Трок шли этой дорогой в свой месопотамский поход. Наг хорошо знал этот путь, а его войско было слишком велико, чтобы перевезти его через Красное море на лодках, как это сделал Трок с меньшим числом отрядов.

Благодаря удивительному новшеству Мага Нефер и его военные советники знали точную численность и состав войска Нага. Один из сотников, занимавший у Нага высокий командный пост, был старым другом Таиты и в долгу перед ним. Он известил Таиту о своей преданности фараону Неферу Сети и намерении дезертировать и присоединиться к войску Нефера. Через другого своего друга, торговца дорогими коврами, который вел караван в Беер-шебу, Таита послал сотнику ответ с приказом остаться во главе своего отряда.

«Ты ценнее для нас как источник сведений, чем как просто воин», – говорилось в нем. Торговец коврами привез Таите два необычных дара: корзину живых голубей и свиток папируса, на котором был записан секретный шифр.

Когда сотник выпускал голубей, они немедленно летели в Аварис, в клетки, где вылупились, и приносили с собой привязанное к лапке шелковой нитью зашифрованное сообщение, написанное на крошечном свитке очень тонкого и легкого папируса. Благодаря этим сообщениям Нефер знал точную численность и расположение войск Нага. Он точно знал день, когда Наг вышел из Вавилона, и количество солдат, оставленных им для Асмора. Нефер имел возможность следить за его продвижением на запад через Дамаск, Беер-шебу и все прочие города и военные лагеря на его маршруте.

Очень скоро стало очевидно, что Таита оценил ситуацию правильно и Наг не станет внезапно переплывать Красное море. Он действительно намеревался атаковать из Большой Песчаной пустыни.

Нефер снял заставы с побережья Красного моря и немедленно перевел военный совет и большую часть своего войска в военный лагерь Исмаилии на краю пустыни. Здесь были многоводные пресные колодцы и обширные пастбища для лошадей.

Пока они ждали в Исмаилии, возвращавшиеся голуби продолжали приносить сообщения. Поэтому Нефер знал не только численность войска Нага, но и имена командиров каждого из его отрядов.

Минтака сидела на военном совете в крепости Исмаилия. Ее вклад в работу был неоценим: гиксоска по рождению, она хорошо знала полководцев Нага, которые когда-то входили в военный совет ее отца. Еще ребенком она слышала, как отец оценивал каждого из них, и у нее была прекрасная память, отточенная игрой в бао. Она могла рассказать Неферу о сильных и слабых сторонах и особенностях характера каждого из этих людей. Она просмотрела полученные ими списки.

– Теперь вот этот, сотник Пренн, командующий арьергардом Нага. Он мой родственник, один из двоюродных братьев моего отца. Я хорошо знаю его. Он учил меня ездить верхом. Я обычно называла его дядя Тонка, что означает на моем языке «Медведь». – Минтака улыбнулась этим воспоминаниям. – Мой отец говорил, что Пренн предан как пес, осторожен и медлителен, но, единожды вонзив зубы в горло врага, не отпустит до самой смерти.

К этому времени Мерен почти выздоровел от ран, и к нему вернулась сила. Он попросил Нефера дать ему какое-нибудь полезное дело, и Нефер послал его вперед с отрядом колесниц следить за дальнейшим продвижением Нага, как только тот спустится с возвышенности в пустыню.

Разведчики Мерена наблюдали за водными повозками Нага, везущими вперед глиняные кувшины и создающими запасы воды в сухих землях, через которые Нагу предстояло пройти, чтобы достичь границ Египта. Мерен попросил разрешения напасть и рассеять колонны водовозок, но Нефер послал ему приказ не вмешиваться, а просто наблюдать и тщательно отмечать места, где размещались водные запасы.

Затем Нефер приказал привести последние резервы, которые он держал на реке, и когда те встали лагерем вокруг Исмаилии, созвал на совет всех своих военачальников.

– Даже с колесницами Трока, захваченными в Галлале, мы уступаем Нагу по их числу почти втрое, – сказал он. – Все его солдаты закалены в сражениях, лошади обучены и в прекрасном состоянии. Нельзя позволить ему пересечь границу и достичь реки. Мы должны встретить его и сразиться с ним здесь, в пустыне.

Всю ту ночь они сидели на совете. Нефер объяснил свой план сражения и отдал приказы. В течение пяти дней они должны были позволить Нагу продвигаться вперед, не оказывая сопротивления. Затем, когда он заметно углубится в пустыню, им предстояло совершить набег и уничтожить его водные склады как впереди, так и в тылу его колонны. Так он попадет в ловушку среди песков.

– Я знаю Нага достаточно хорошо и уверен, что он в своем высокомерии и чрезвычайной убежденности в своем боевом искусстве решится на битву. Я уверен, что даже после того, как мы лишим его запасов воды, он не повернет назад, а будет рваться вперед. Его войско достигнет Исмаилии после вынужденного многодневного сухого марша через пустыню. Пусть на поле битвы, которое мы выберем сами, его встретят хорошо отдохнувшие и не страдающие от жажды солдаты и лошади. Это отчасти компенсирует недостаток наших сил.

В ходе долгого совета Таита тихо сидел в тени позади походной скамьи Нефера. Казалось, он дремлет, но время от времени Маг открывал глаза, а затем, помигав, будто сонная сова, закрывал их снова, и его подбородок опять падал на грудь.

– Наш самый большой недостаток – число и состояние наших колесниц, – продолжил Нефер, – но мы почти сравнялись с Нагом в численности лучников, пращников и копейщиков. Я

уверен, что как только Наг узнает о нехватке воды, он со всеми своими колесницами бросится вперед, обогнав пеших воинов. Мы с Таитой разработали план, как заманить его колесницы в западню, где мы сможем воспользоваться небольшим преимуществом, которое у нас будет.

Перед городом и колодцами мы установим ряд низких каменных стен, за которыми смогут укрыться наши лучники и пехота. Этих сооружений будет достаточно, чтобы остановить продвижение колесниц. – Кусочком древесного угля Нефер нарисовал план на листе папируса, развернутом на столе перед ним. Хилто, Шабако, Сокко и остальные его советники вытянули шеи, чтобы разглядеть его.

– Стены будут построены в форме ловушки для рыбы. – Он нарисовал перевернутую воронку с вершиной, направленной в сторону крепости Исмаилия.

– Как вы заманите его в воронку? – спросил Шабако.

– Обманным отступлением после атаки наших колесниц, вы это часто отрабатывали, – объяснил Нефер. – Наши лучники и пращники будут скрыты за стенами, пока Наг не последует за нами в воронку. Чем глубже они проникнут, тем сильнее его войско будет сжато между стенами. Подъехав близко, они будут прекрасными мишенями для наших пращников и лучников.

Даже Шабако выглядел пораженным.

– Вы намереваетесь закрыть их в загоне, как коров, как сделали это с Троком.

Они с воодушевлением обсуждали этот план, выдвигая предложения и внося улучшения. В итоге Нефер назначил Шабако ответственным за постройку стен. Таита провел минувшие пять дней, осматривая местность и размечая ее, поэтому работа могла начаться с рассветом.

– У нас осталось мало времени, – предупредил Нефер. – Мы знаем, что силы Нага уже собрались на возвышенности Хатмия. Его повозки, доставляющие воду, почти закончили устройство складов. Я ожидаю, что через несколько дней он начнет спуск с возвышенности.

Совет наконец закончился, и военачальники поспешно разошлись выполнять задачи, которые поставил перед ними Нефер. Наконец в башне старой крепости Исмаилии осталось только три человека – Нефер, Таита и Минтака.

Первой нарушила молчание Минтака.

– Мы уже говорили о Пренне, моем дяде Тонке, – сказала она, и Нефер кивнул, но взглянул на нее с недоумением. – Если бы я могла встретиться с ним, если бы могла поговорить с ним лицом к лицу, уверена, я убедила бы его выступить против Нага и увести своих солдат в наше войско.

– Что ты имеешь в виду? – Голос Нефера был резким, выражение лица – суровым.

– Одетая юношей, с небольшим отрядом хороших солдат и быстрых лошадей, я смогу объехать вокруг главного войска Нага и проникнуть в тыл к дяде Тонке. Риск невелик.

Нефер побледнел от гнева.

– Безумие! – сказал он спокойно. – Совершеннейший бред вроде того, что вы продемонстрировали в Галлале, когда явились приманкой для Трока. Я не желаю больше слышать ни слова об этом. Вы представляете, что сделает с вами Наг, если вы попадете к нему в руки?

– Вы представляете, что сделает Наг, если в решающий миг сражения дядя Тонка и его отряды нападут на него с его собственного тыла? – возразила она Неферу.

– Мы больше не будем говорить об этом. – Нефер поднялся и ударил кулаками по столу. – Вы с Мерикарой останетесь здесь, в крепости, до окончания кампании. Если вы не дадите мне слово выбросить эту глупость из головы, я прикажу закрыть дверь вашей палаты и поставить к ней охрану.

– Вы не можете обращаться со мной как с вещью. – Ее голос был хриплым от гнева. – Я даже не ваша жена. Я не подчинюсь никаким вашим приказам.

– Я – ваш царь и требую от вас честного слова, что вы не поставите себя в опасное положение этим своим сумасбродством.

– Это – не сумасбродство, и я не дам вам никакого слова.

Таита невозмутимо наблюдал за молодыми людьми. Это был их первый серьезный спор, и Маг знал, что он будет очень ожесточенным из-за глубины их чувств друг к другу. Он с интересом ждал, как этот спор разрешится.

– Вы преднамеренно не повиновались моему приказу в Галлале. Я не верю, что сейчас вы не поступите так же. Вы не оставляете мне выбора, – мрачно сказал Нефер и крикнул стражнику за дверью, чтобы послали за Зуггой, главным евнухом царского гарема.

– Я не могу доверять и Меркаре. – Он снова повернулся к Минтаке. – Она полностью под вашим влиянием, и если вы расскажете ей о своих замыслах, то вовлечете ее в это безумное предприятие. Я отсылаю вас обеих в Аварис на женскую половину дворца. Вы должны оставаться там на попечении Зугги. Развлекайтесь игрой в бао до тех пор, пока не произойдет сражение и война не будет выиграна. – И Зугга увел Минтаку. В дверях она оглянулась на Нефера, и Таита улыбнулся, увидев выражение ее лица. Нефер встретил более упрямого противника, чем оба ложных фараона, вместе взятые.

В тот вечер Таита пошел навестить Минтаку в новом жилище, служившем когда-то домом начальнику крепости, которое принцесса делила теперь с Меркарой. Двое больших, спокойных евнухов стояли у двери, и еще один у зарешеченного окна.

Минтака все еще кипела от гнева. Меркара была ничуть не меньше разгневана таким обращением брата с ней и с ее дорогой Минтакой и особенно этим унизительным лишением свободы.

– По крайней мере вы узнали, что не стоит перечить царю, даже если он любит вас, – осторожно сказал Таита.

– Я не люблю его, – ответила Минтака со слезами гнева и разочарования в глазах. – Он обходится со мной как с ребенком, и я его ненавижу.

– Я ненавижу его даже больше, – объявила Меркара, стараясь не уступать. – Если бы только Мерен был здесь!

– Вам не приходило в голову, что поступки Нефера свидетельствуют о его любви и о том, что ему небезразлична ваша безопасность? – спросил Таита. – Он знает, как страшна будет ваша судьба, если вы попадете в руки Нага Киафана и Гесерет.

Они так накинулись на него, что он поднял обе руки, дабы защититься от их гнева, и вежливо удалился, но их опровержения и обвинения все еще продолжали звенеть у него в ушах.

На следующее утро Нефер и Таита увидели со стены крепости, как маленький караван в сопровождении евнухов и отряда колесниц вышел из Исмаилии и направился в Аварис. Минтака и Меркара вместе сидели за шелковыми занавесками паланкина в центре колонны. Они не показались наружу и не попрощались с Нефером и Таитой.

– Лично я предпочел бы ворошить улей короткой палкой, – проговорил Таита. – Возможно, если бы ты выказал чуть больше учтивости, обстановка была бы более спокойной.

– Они должны понять, что я – фараон и что мое слово закон даже для них. Кроме того, в настоящее время у меня есть другие заботы, помимо женских истерик, – ответил Нефер. – Переживут. – Но он оставался на стене и продолжал смотреть вслед покачивающемуся паланкину и каравану, пока те не исчезли в далекой дымке.

Таита и Нефер выехали осмотреть каменные стены, которые под руководством Шабако торопливо складывали вдоль восточных подступов к оазису Исмаилии.

– Сооружению Шабако не занять места среди великих архитектурных достижений века, – высказал свое мнение Таита, – но это к лучшему. С той стороны, откуда приедет Наг, они будут выглядеть естественными образованиями и не вызовут никакого подозрения, пока он не въедет в воронку и не обнаружит, что его фронт постоянно сужается.

– Выдающееся достоинство твоего плана состоит в том, что он позволяет нам выбрать поле битвы по нашему усмотрению, – кивнул Нефер. – С помощью Гора мы превратим это поле в бойню. – Затем он положил ладонь на тощую руку Таиты. – Я вновь оказываюсь в неоплатном долгу перед тобой, отец. Это все твоя работа.

– Нет. – Таита покачал головой. – Я дал тебе только легкий толчок. Остальное – твоя заслуга. Ты унаследовал воинский дар твоего отца, фараона Тамоса, и достигнешь величия, которого мог бы достичь он, не сразу его так безжалостно рука врага, противостоящего теперь нам.

– Пришло время отомстить за эту смерть, – сказал Нефер. – Давай сделаем все, чтобы не дать кобре ускользнуть снова.

В течение следующих дней Нефер обучал свое войско и подробно отрабатывал план и тактику обороны. Каждое утро отряды лучников и пращников выходили и занимали позиции за грубо сложенными неровными стенами. Перед стенами они поставили маленькие пирамидки из камней, чтобы отметить дальность стрельбы, так чтобы можно было точно определить миг, когда выскакивать из-за укрытия. Они положили связки запасных стрел под рукой, так чтобы не испытывать нехватку в них во время сражения. Пращники лепили глиняные шары и обжигали в огне, пока они не становились твердыми как камень. Затем они укладывали эти убийственные снаряды в груды под стенами.

Во время упражнений Нефер и его командиры играли роль отрядов Нага и выезжали из пустыни, оглядывая расположение войска критическим взглядом и стараясь убедиться, что оно полностью скрыто за стенами.

Затем, пока они ждали, Нефер отрабатывал перед стенами свою тактику, бросаясь в атаку, поворачивая назад и отступая, проезжая по полю, так чтобы его солдаты узнали каждую ямку, каждое ровное место и овраг, даже расположение звериных нор и других небольших препятствий на нем. Он тщательно выбрал за стенами безопасные места, где можно будет поить лошадей во время сражения и где будут стоять его резервы, пока не понадобятся.

– Я сомневаюсь, что кто-либо когда-либо изучал доску, на которой будет развертываться игра, так же тщательно, как я, – сказал Нефер Таите и снова приказал своим отрядам уехать, чтобы проделать те же упражнения.

Вечером он ехал обратно в крепость во главе своего войска. Пыль, смешавшись с потом, покрыла лицо и тело твердой коркой. Он был утомлен до крайности, но доволен: он сделал все, что в его власти, чтобы подготовить свои войска к тому, что ждет впереди.

Его ощущение благополучия испарилось, когда он натянул поводья, остановил Круса и Дов и, бросив поводья конюхам, спрыгнул на спекшуюся землю поля для выездки. Его ждал Зугга, главный евнух царского гарема. Он ломал жирные руки, его глаза были красны от слез, и он пронзительно выл от страха.

– Великий фараон, простите. Я старался изо всех сил, но она хитра как лиса. Она провела меня.

– Кто эта лиса? – спросил Нефер, хотя понял, о ком речь.

– Принцесса Минтака.

– Что с ней? – Голос Нефера прозвучал резко от тревоги.

– Она убежала и взяла с собой принцессу Меррикару, – рыдал Зугга, с уверенностью ожидая удушения удавкой.

Почти всю дорогу до Авариса Минтака и Меррикара провели, прижавшись друг к другу в занавешенном паланкине и шепотом планируя побег. Они быстро отвергли идею захвата одной из колесниц сопровождения. Они знали, что в том маловероятном случае, если им удастся обмануть

или победить одного из колесничих, через час за ними в погоню пустятся все египетские войска во главе с разгневанным фараоном. Постепенно в результате обсуждения сложился лучший план.

Главная задача Минтаки состояла в том, чтобы понравиться Зугге, их охраннику и тюремщику, и убедить его в смиренной покорности его власти. К тому времени, как четыре дня спустя они достигли дворца в Аварисе, она полностью его одурачила, заставив думать только лучшее о ее нежном, невинном характере. Там она самым милым и убедительным образом обратилась к Зугге – нельзя ли ей и Мерикаре посетить храм Хатор, чтобы помолиться о безопасности Нефера и его победе в грядущей битве? С некоторым нехорошим предчувствием Зугга согласился, и обе женщины получили возможность провести почти час наедине с верховной жрицей в святилище храма. Зугга в тревоге ждал у двери: ни одному мужчине, даже евнуху, не дозволялось входить в святилище.

К огромному облегчению Зугги, все его подозрения улеглись, когда Минтака и Мерикара наконец появились вновь, обе красивые, скромные и невинные, как любая из девушек храма. Несколько дней спустя, когда они снова попросили разрешения помолиться в храме и принести жертву богине, Зугга согласился на это и вперевалку пошел рядом с паланкином, беспечно болтая с девушками через занавеску и пересказывая самые занимательные подробности дворцовых скандалов.

Верховная жрица вновь ждала в переднем дворе храма, чтобы приветствовать Минтаку и Мерикару и повести их в святилище. Без всяких предчувствий Зугга уселся ждать возвращения прекрасных царственных красавиц. Верховная жрица послала двух служительниц принести ему полное блюдо жареных цыплят и рыбы и большой кувшин превосходного вина. Зугга съел все это и осушил кувшин, а затем заснул в тени статуи богини в обличье коровы. Когда он пробудился, солнце уже село и он был один. Он увидел, что носильщики ушли. Он поднял вертикально свое огромное тело и ощутил в животе боль, вызванную не расстройством желудка, а давящим чувством тревоги. Он закричал, привлекая внимание, и стал стучать в двери храма посохом. Очень не скоро к нему вышла жрица с известием:

– Обе принцессы попросили убежища в храме. Верховная удовлетворила их просьбу и взяла их под свою защиту.

Голова у Зугги пошла кругом. Войти в святилище храма нельзя. Он не мог потребовать возвращения своих подопечных, даже при поддержке фараона. Единственным возможным для него выходом было вернуться в Исмаилию и сознаться в своей промашке, но это опасно. Молодой фараон еще не показал свой истинный норов, и его гнев вполне мог оказаться гибельным для Зугги.

В тот миг, когда двери храма закрылись за ними, Минтака и Мерикара отбросили притворную покорную невинность.

– Вы сделали приготовления, верховная? – нетерпеливо спросила Минтака.

– Не беспокойся, дочь. Все готово. – Карие глаза жрицы искрились весельем. Она явно наслаждалась этим приключением, разнообразившим спокойную, размеренную жизнь храма. – Я взяла на себя смелость добавить в вино евнуху слабый снотворный настой, – хихикнула она. – Надеюсь, вы не сочтете, что я превысила свою власть, и простите меня.

Минтака поцеловала ее в гладкую бледную щеку.

– Я уверена, Хатор будет гордиться вами, как я.

Жрица повела их в келью, где их ждали все вещи, какие попросила Минтака. Они торопливо оделись в грубое крестьянское платье и покрыли головы шерстяными накидками. Затем, с кожаными мешками за плечами, они пошли за верховной жрицей через лабиринт коридоров. Храм стоял задней частью к Нилу, и они слышали, как впереди все громче становится тихий шум

реки, текущей за внешними стенами. Наконец они вышли сквозь низкую дверь на свет и увидели пришвартованную к причалу большую лодку доу.

– Кормчему заплатили золотом, которое вы мне дали, и он знает, куда плыть. Все другие вещи, о которых вы просили, сложены в вашей каюте на борту, – сказала верховная жрица.

– Вы знаете, что сказать Зугге, – сказала Минтака, и старуха снова захихикала.

– Я уверена, что Хатор простит мне такую незначительную ложь. Для этого есть очень веская причина.

Когда пара спрыгнула на палубу доу, команда, дремавшая в тени, поднялась и бросилась поднимать треугольный парус. Не ожидая приказа, кормчий вывел лодку в главный поток реки и развернул нос вниз по течению, направляясь в дельту. Остаток дня Минтака и Мерикара провели в крошечной каюте, избегая любой возможности того, что их узнают с берега или с проходящего речного судна. Ближе к вечеру доу ненадолго пристала к восточному берегу, и на борт поднялись два вооруженных человека с тяжелыми мешками. Сразу после этого кормчий доу снова приказал поднять парус, и они резво поплыли вниз по реке. Двое вновь прибывших вошли в каюту и пали ниц перед Минтакой.

– Пусть все боги любят вас, великая, – сказал более рослый и крупный из двоих, бородатый гиксос с большим носом и грубыми чертами. – Мы – ваши псы. Мы прибыли, как только получили ваш вызов.

– Лок! – Минтака улыбнулась от удовольствия, увидев его хорошо знакомое лицо, и повернулась к другому человеку. – И конечно, это твой сын, Локка. – Тот казался таким же большим и отважным, как его отец. – Добро пожаловать обоим. Ты, Лок, хорошо служил моему отцу. Будешь ли ты со своим сыном служить мне? – Она говорила на гиксосском.

– Наши жизни твои, госпожа! – сказали они ей.

– У меня для вас будет трудное поручение, когда мы причалим, но до той поры отдыхайте и готовьте свое оружие.

Кормчий доу вошел в одно из многочисленных устьев дельты, где течение замедлялось и вода текла по болотам и лагунам, над которыми летали тучи водоплавающей птицы. Стемнело прежде, чем они достигли открытого моря, но кормчий доу безошибочно вел судно сквозь лабиринт мелей и скрытых водой наносных островов, пока наконец миазмы болот не унес прочь чистый соленый воздух Средиземного моря. Девушки вышли на палубу.

– Примерно сейчас Зугга поймет, что мы сбежали. – Минтака улыбнулась Мерикаре. – Интересно, что он скажет Неферу? Что мы в безопасности заперты в храме под крылом верховной жрицы? Надеюсь.

При свете висящей в небе половинки луны они выплыли из стесненных водных путей и почувствовали, как волны открытого моря вздымают палубу под их ногами. Едва лодка вышла в глубокие воды открытого моря, кормчий повернул на восток и шел вдоль берега всю ночь.

На рассвете Минтака и Мерикара стояли на носу лодки, закутавшись для тепла в накидки. Они смотрели на юг, на низкий мрачный пустынный берег по правому борту.

– Подумать только, Нефер всего в нескольких лигах от нас, – прошептала Минтака. – Мне кажется, будто я могу протянуть руку и дотронуться до него.

– Мерен тоже там, только чуть восточнее. Как они удивились бы, узнав, что мы так близко.

– Мое сердце тоскует по Неферу. Я каждый час молюсь Гору и Хатор, чтобы они уберегли его.

– Значит, ты больше не ненавидишь его? – спросила Мерикара.

– Этого никогда не было, – горячо запротестовала Минтака, затем запнулась. – Хорошо, возможно, только мгновение и только чуть-чуть.

– Я хорошо понимаю, что ты чувствуешь, – заверила Мерикара. – Иногда они бывают такими упрямыми, и несговорчивыми, и... – Она подыскивала слово, чтобы объяснить это, – и такими мужиками.

– Да! – согласилась Минтака. – Вот именно. Будто дети. Я думаю, нужно простить их, потому что они не в силах сдержаться.

Остаток этого дня и следующую ночь они плыли на восток вдоль берега, мимо Халиг-эль-Тины, мимо вереницы островов и песчаных мелей, замыкающих обширную лагуну Сабхет-эль-Бардавиль. На следующее утро доу приблизилась к пляжу у эль-Ариша, и как только глубина стала до пояса, два телохранителя, Лок и Локка, перенесли женщин на берег и пошли назад к лодке за вещами. Маленькая группа стояла и смотрела, как команда доу отгребает от берега и, подняв парус, уходит в море, чтобы вернуться в дельту и Египет.

– Ну вот, – неуверенно сказала Меркара. Несмотря на общество Минтаки, она чувствовала себя одинокой и уязвимой. – Но что мы будем делать теперь? – В ее голосе слышались близкие слезы.

– Я пошлю Лока найти нам повозку, – сказала Минтака и, желая немного утешить ее и вселить в нее уверенность, продолжила объяснять Меркаре: – Нефер мог перехватить нас по пути на юг через пустыню, если бы мы вздумали искать моего дядю Тонку, но мы перехитрили его. – Она улыбнулась – веселее, чем требовало ее настроение, поскольку еще яснее, чем Меркара, сознавала их незавидное положение. – Только подумай, как разъярились бы Нефер и Мерен, если бы узнали! – Обе засмеялись, и Минтака продолжила: – Сейчас мы в тылу двигающегося войска Нага, и дорога от Беер-шебы к Исмаилии лежит всего в нескольких лигах к югу от нас. Когда Лок найдет для нас телегу или повозку, мы сможем затеряться в обозе Нага, спрятаться среди идущих вслед за войском, пока не достигнем штаба дяди Тонки.

Найти повозку оказалось совсем не так просто, как говорила Минтака. Отряды снабжения войска Нага прошли перед ними и забрали у местного населения повозки, лошадей, а также продовольствие. В конце концов принцессам пришлось довольствоваться вереницей из пяти дряхлых ослов, за которых пришлось заплатить дорого, двумя тяжелыми золотыми и двумя серебряными кольцами. Животные едва выдерживали даже вес женщин, не говоря уже о телохранителях, поэтому они большей частью шли пешком по неровной тропе на юг, до тех пор пока на третий день после высадки не поднялись на возвышенность и не увидели внизу в долине тыловую колонну войска фараона Нага. Огромное воинство заполняло эту главную дорогу с востока на запад в обе стороны насколько хватало глаз, и поднятая им пыль закрывала небо, будто дым от лесного пожара.

Они спустились, чтобы присоединиться к нему, и попали в обоз. Они оказались в длинном караване крытых повозок и вьючных животных. Минтака и Меркара держали головы покрытыми и закрывали лица и в своей пыльной, потрепанной одежде привлекали мало внимания. Лок и Локка следовали рядом с ними и пресекали попытки проявить внимание со стороны любых других путешественников. Шли медленнее некуда, поэтому даже на худых ослах они передвигались немного быстрее, чем остальные, и, подобно обломкам в могучей реке, дрейфовали к голове колонны. Продвигаясь вперед, они проезжали мимо людей всех сословий и состояний, нищих и сводниц, торговцев и водоносов, брадобреев, медников и плотников, артистов и жонглеров. Они видели военачальников, носящих на плечах роскошное Золото Доблести, которые ожесточенно вели свои колесницы сквозь толпу, стегая ковыляющих перед ними калек на костылях, солдатских девок с их ублюдками у груди, кормящих на ходу, и малышей, хнычущих у их набедренников.

Минтака и Меркара упрямо гнали несчастных ослов во весь опор, и в первую ночь они разбили лагерь под звездами, окруженные походными кострами, гвалтом и зловонием этого огромного скопления людей.

На рассвете, как только стало достаточно светло, чтобы видеть дорогу под ногами, они снова отправились в путь. К полудню они догнали арьергард главного войска: марширующие соединения копейщиков, ряды лучников с ненатянутыми луками и отряды пращников, поющих

походные песни на варварском языке западных островов. Затем они проехали мимо длинной колонны лошадей резервного подразделения, по двадцать в веренице, идущей вслед за повозками с фуражом и водовозками. Минтаку поразило их число: казалось невозможным, чтобы в Египте было так много лошадей.

Солдаты поглядывали на двух женщин, но даже их дешевые платья и широкие накидки, намотанные вокруг голов, не могли скрыть от таких проницательных глаз их молодость и изящество. Когда девушки проезжали мимо, им выкрикивали неприличные одобрительные возгласы и непристойные предложения, но страх перед начальством и суровый вид Лока и Локки удерживали ратников от дальнейших шагов.

В тот вечер они продолжали ехать и после того, как главное войско встало лагерем, и после заката увидели рядом с дорогой длинный палисад из шестов и терновых ветвей. Он был установлен в легко обороняемой лощине между низкими холмами. Вход тщательно охранялся, и внутри палисада было много движения: ходили навстречу друг другу часовые, бегали слуги и посыльные и подъезжали и уезжали колесницы, управляемые военачальниками Красных. Над воротами в ограде развевался флаг, который Минтака сразу узнала: с изображением головы дикого кабана, выставляющего из угла клыкастого рта язык.

– Там тот, кого мы ищем, – прошептала Минтака Мерикаре.

– Но как мы войдем, чтобы встретиться с ним? – с сомнением спросила Мерикара, глядя на часовых.

Они устроили собственный маленький лагерь чуть дальше по дороге, но так, что был виден вход в шатер, где собирается военный совет полководца Пренна, сотника Красных и командира арьергарда войска фараона. Из кожаной переметной сумы Минтака достала драгоценную масляную лампу, которая чудом пережила путешествие, и в ее свете написала на кусочке папируса короткое сообщение. Оно было адресовано «Дяде Медведю» и подписано «от твоего маленького сверчка».

Женщины смыли пыль с лиц, заплели друг другу волосы и отряхнули хитоны. Затем, взявшись за руки, чтобы придать друг другу храбрости, они приблизились к воротам в ограде. Стражник увидел, как они подходят, и вышел навстречу, чтобы прогнать прочь.

– Ну-ка, два сочных куска приманки для зубца. Идите отсюда в другое место щеголять своими щелями радости. Убирайтесь отсюда.

– Ты, кажется, добрый и хороший человек, – чопорно сказала ему Минтака. – Позволил бы ты какому-нибудь негодяю так грубо разговаривать с твоими дочерьми?

Стражник остановился и уставился на нее. Она говорила на гиксосском языке с произношением образованного человека и в манере знати. Он поднял фонарь и осветил женщин. На них была простая одежда, но, разглядев их черты лиц, он резко выдохнул. Это явно были молодые женщины высокого положения. В действительности их лица были волнующе знакомы, даже при том, что он не мог немедленно узнать их.

– Простите меня, госпожа, – пробормотал он. – Я принял вас за... – Он запнулся, и Минтака милостиво улыбнулась.

– Конечно, ты прощен. Передашь от нас весточку сотнику Пренну? – Она протянула скатанный в трубку папирус.

Сержант немного поколебался, прежде чем взял его.

– Сожалею, но должен просить вас подождать здесь, пока я не получу от него указания.

Он очень скоро прибежал назад.

– Моя госпожа! Очень жаль, что заставил вас ждать. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повел их к шатру из цветного полотна в центре лагеря, и там последовала новая короткая задержка, пока он шептал что-то младшему стражнику, отвечающему за вход. Затем их провели в шатер. Внутри он был скудно обставлен, пол покрыт шкурами животных – сернобы-

ков, зебр и леопардов. На них, скрестив ноги, сидел человек, вокруг него были рассыпаны карты и свитки папируса, а на деревянном блюде у него на коленях лежало жаренное на костре мясо на ребрах и кусок хлеба из дурры. Он взглянул на вошедших девушек. Лицо у него было худое, щеки ввалились, и даже ленты в его бороде не могли скрыть того, что она больше седая, чем черная. Кожаная повязка закрывала один глаз. Он хмуро смотрел на них.

– Дядя Тонка! – Минтака шагнула на свет лампы и скинула свою накидку. Человек медленно поднялся и уставился на нее. Затем внезапно усмехнулся, и его единственный глаз блеснул.

– Не думал, что такое возможно! – Он обнял ее и поднял в воздух. – Я слышал, ты покинула нас и перешла к врагу.

Когда он снова поставил Минтаку и она немного оправилась от этой демонстрации любви, она выдохнула:

– Я приехала, чтобы поговорить с тобой как раз об этом, дядя Тонка.

– Кто это с тобой? – Он поглядел на Мерикару, затем мигнул здоровым глазом. – Клянусь грязным дыханием Сета, я знаю вас.

– Это принцесса Мерикара, – сказала ему Минтака.

– Сбежавшая жена Нага. Он будет рад получить вас обратно. – Пренн хохотнул. – Вы обе ели? – Затем, не ожидая ответа, он крикнул своим слугам, чтобы принесли еще мяса, хлеба и вина. Обе девушки вновь закрыли лица, когда слуги подавали им пищу, но как только они ушли, Минтака подсела к Пренну со стороны его хорошо слышащего уха и понизила голос, так чтобы их нельзя было подслушать за стенами шатра.

Он слушал молча, но выражение его лица изменилось, едва она подробно описала ему события той ужасной ночи, когда ее отец и все братья погибли в горящей галере на реке у Баласфуры. Минтаке показалось, что она увидела блеск слезы в уголке его глаза, когда она продолжила, но она знала, что сотник Красных не мог проявить такую слабость. Пренн отвернулся, а когда поглядел на нее снова, слеза исчезла и она поняла, что ошиблась.

Когда наконец она закончила говорить, Пренн сказал просто:

– Я любил твоего отца, почти так же, как люблю тебя, маленький сверчок, но то, что ты предлагаешь, – измена. – Он некоторое время молчал, затем вздохнул. – Мне нужно обдумать все это. Но сейчас вы не можете вернуться туда, откуда прибыли. Это слишком опасно. Вам придется остаться под моей защитой, обеим, пока это дело не разрешится.

Когда они стали возражать, он отрубил:

– Это – не просьба. Это – приказ. – Он на мгновение задумался. – Я одену вас, как пару моих симпатичных мальчиков. Это не приведет к разговорам, потому что все мои солдаты знают, я наслаждаюсь куском огузка почти так же, как отрезком грудинки.

– Могу я по крайней мере послать весточку Неферу Сети? – попросила Минтака.

– Это тоже чересчур большой риск. Имейте терпение. Это не затянется надолго. Наг стоит на возвышенности Хатмия. Через несколько дней он начнет марш на Исмаилию. Сражение состоится до того, как начнет убывать полная луна Осириса. – Его голос понизился до рычания. – И мне придется принять решение.

Мерен издалека увидел, как огромное воинство фараона Нага начало спускаться по склону Прохода Хатмия в сухие земли, и выпустил пару голубей из тех, что дал ему Таита. Двух птиц, чтобы если одну поймает сокол или другая хищная птица, вторая все же принесла весть. На лапку каждой птице была намотана в один оборот красная нить, сигнал того, что продвижение началось.

Мерен наблюдал за величественным движением вражеских войск через пустыню, а ночью подползал ближе к лагерям, смотрел, как берут воду из запасенных кувшинов, и подслушивал все громкие разговоры вокруг походных костров.

К пятой ночи все войско Нага спустилось в пустыню и начало переход, а головные отряды прошли полпути между Хатмией и Исмаилией. Мерен смог выехать на дорогу позади арьергарда и обследовать опустевшие теперь водные склады, оставшиеся позади войска. Он обнаружил, что кувшины почти полностью опорожнены или унесены. Наг был так уверен в своей победе, что не оставил никаких запасов на случай непредвиденных обстоятельств при возможном отступлении. Из неиспользованных кувшинов, найденных Мереном, он наполнил свои мехи, которые уже опустели, и разбил несколько кувшинов, оставшихся нетронутыми.

Теперь он ехал обратно, параллельно линии марша Нага, но дальше к югу и вне поле зрения его разведчиков, затем сделал круг перед тяжело груженным, медленно движущимся воинством. Он вернулся туда, где оставил в укрытии большую часть своего отряда, состоявшего из пятидесяти колесниц, которыми управляли первоклассные солдаты и которые тянули самые лучшие лошади во всем войске Нефера. Он остановился только для того, чтобы напоить лошадей и заменить флаги на колесницах с синих на красные – флаги войска Нага, утешая себя, что это законная военная хитрость. Затем во главе своего отряда он снова выехал перед авангардом Нага и во весь опор помчался вдоль намеченной линии марша.

Солдаты, оставленные охранять водные склады, видели колесницы, приближавшиеся оттуда, откуда они ожидали прибытие своих товарищей. Когда они узнавали поддельные флаги, развевающиеся над ними, то теряли бдительность. Солдаты Мерена не давали им времени на долгие размышления, мчались на них и рубили всех, кто пробовал сопротивляться. Оставшимся в живых давали выбор: смерть или переход на сторону победивших. Большинство перешли на сторону Нефера Сети. Каждому глиняному кувшину хватало одного удара молотком, и драгоценная жидкость выливалась в песок. Отряд Мерена вновь садился на колесницы и ехал к следующему складу.

Когда наконец они подкатили к Исмаилии, Нефер выехал навстречу и обнял Мерена, когда услышал, что тот выполнил порученное: Наг был сейчас без воды в пустыне.

– Ты только что заслужил свое первое Золото Доблести, – сказал он Мерену, – а еще я присваиваю тебе звание «Лучшего из десяти тысяч». – Он с облегчением увидел, что Мерен, похоже, оправился от раны и был теперь худым, энергичным и загорел дотемна под солнцем пустыни. – В предстоящем сражении я передаю тебе командование правым крылом.

– Фараон, если тебе понравилось, как я выполнил задание, я прошу награды.

– Конечно, старый друг. Если это в моей власти, ты ее получишь.

– Мое законное место – рядом с тобой. Мы проехали вместе по Красной Дороге, давай же и битву встретим вместе. Позволь мне снова поехать с тобой копьеносцем. Вот вся награда, о которой я прошу.

Нефер схватил его за руку и сильно сжал.

– Ты опять поедешь в моей колеснице. И это будет наградой для меня. – Он отпустил Мерена. – Но у нас больше нет времени на разговоры. Наг ненамного отстает от тебя. Как только он обнаружит, что вы сделали с его водными запасами, ему придется мчаться вперед полным ходом.

Они оба инстинктивно посмотрели назад, в пустыню, откуда должен был появиться враг, но знойное марево было серым и плотным, и мало что можно было различить на этой страшной равнине. Однако ждать оставалось не долго.

Фараон Наг остановил свою колесницу и пристально поглядел на то, что осталось от его водного склада. Хотя разведчики предупредили его, он все-таки ужаснулся разрушениям. Он медленно спустился с колесницы и отправился на покрытое обломками поле. Черепки разбитых глиняных кувшинов хрустели под его сандалиями, и внезапно он утратил обычное ледяное са-

мообладание. В ярости и разочаровании он пнул один из разбитых кувшинов, выпрямился, сжав руки в кулаки, и свирепо уставился на запад. Медленно восстановив контроль над собой, он задышал ровнее. Повернувшись, он пошел назад, туда, где его ждал военный совет.

– Вы дадите приказ возвращаться? – неуверенно спросил один из старших командиров.

Наг холодно посмотрел на него.

– Следующего труса, который предложит это, я прикажу раздеть донага и привязать за ноги к моей колеснице. Именно так он отправится в Египет. – Все опустили глаза и разошлись по песку.

Наг снял с головы синюю военную корону, и когда копьеносец подал ему квадратный лоскут льняной ткани, вытер пот с обритой головы. С короной под мышкой он отдал новые приказы.

– Соберите все водяные мехи со всего войска. Отныне снабжение водой – под моим прямым надзором. Никакой человек или животное не будут пить без моего разрешения. Никакого поворота назад, никакого отступления не будет. Всем боевым колесницам передвинуться в переднюю часть колонны, даже колесницам Пренна из арьергарда. Другие повозки и пешие воины должны положиться на удачу и следовать за нами, как смогут. Я поведу конницу вперед и захвачу колодцы в Исмаилии...

Гесерет высунула голову из отверстия в своем шатре и окликнула начальника своей стражи:

– В чем дело? Это – царское священное место. Что эти негодяи делают в моем лагере? – Она указала на солдат, забиравших водяные мехи с ее личных телег с багажом, поставленных возле ее шатра. – Они понимают, что делают? Как они смеют забирать нашу воду? Я еще не искупалась. Прикажите им сейчас же положить мехи на место.

– Это приказ фараона, вашего божественного мужа, великая, – объяснил командир, хотя тоже был взволнован и встревожен мыслью о том, что они останутся без воды в этой ужасной пустыне. – Они говорят, что вся вода необходима для передовых отрядов конницы.

– Такие приказы не могут относиться ко мне, божественной царице Египта! – закричала Гесерет. – Положите мехи назад.

Солдаты заколебались, но сержант коснулся мечом верхушки своего кожаного шлема.

– Простите меня, великая. У меня приказ – взять всю воду.

– Ты смеешь возражать мне? – закричала ему в лицо Гесерет.

– Пожалуйста, простите и поймите мое затруднительное положение, великая, но у меня приказ. – Солдат стоял на своем.

– Клянусь сладким именем Исиды, я прикажу удавить тебя, а тело сжечь, если ты будешь перечить мне.

– Мой приказ...

– Чума на тебя и твои приказы! Я сейчас пойду к полководцу Пренну, а когда вернусь, у меня будут новые приказы для тебя. – Затем она обратилась к одному из своей охраны: – Приготовь мою колесницу и сопровождение в десять солдат.

Стоянка военного совета Пренна на плоской и открытой равнине была ясно видна из шатра Гесерет. Колеснице потребовалось несколько минут, чтобы доставить ее туда, но стражник у ворот в частоколе загородил ей путь.

– Божественно великая, полководца Пренна здесь нет, – сказал он.

– Не верю, – накинулась на него Гесерет. – Там висит его флаг. – Она указала на знамя с головой кабана.

– Великая, полководец час назад уехал со всей его конницей. Он получил приказ фараона присоединиться к авангарду.

– Мне нужно видеть его. Дело чрезвычайно срочное. Я знаю, что он не уехал бы, не сообщив мне. Отойди, и я сама посмотрю, здесь ли он. – Она повела колесницу прямо на стражника, и тот поспешно отскочил с ее пути. Солдаты сопровождения тяжело затопали вслед за ней.

Гесерет подъехала прямо к желто-зеленому полосатому шатру командира и бросила поводья конюху. В своем раздражении она не следовала церемониям, а просто спрыгнула и побежала ко входу в шатер. Он не охранялся, и она начала верить, что ей сказали правду и Пренн действительно уехал. Однако она наклонилась и, заглянув в дверной проем, замерла на пороге.

На грудах шкур животных в центре шатра сидели два мальчика. Они ели руками с деревянных блюд и испуганно поглядели на нее.

– Кто вы? – спросила Гесерет, хотя она знала по репутации Пренна, кто и что они были. – Где полководец?

Никто из них не ответил, и они продолжали молча смотреть на нее. Внезапно глаза Гесерет сузились, и она шагнула к ним.

– Вы! – закричала она. – Гнусные твари! Изменницы! – Она дрожащим пальцем указала на девушек. – Стража! – пронзительно крикнула Гесерет. – Стража, сюда, сейчас же!

Минтака очнулась, схватила за руку Меркару и поставила ее на ноги. Вдвоем они бросились через шатер и выскочили наружу через заднюю дверь.

– Стража! – снова завопила Гесерет. – Сюда! – Ее охранник вбежал через дверной проем позади нее.

– Беги за ними! – Она кинулась вслед за убегающей парой, охранник бежал следом. Когда они выбежали из шатра, Минтака и Меркара были на полпути к воротам в ограде.

– Остановите их! – закричала Гесерет. – Не дайте им сбежать. Они – шпионы и предатели.

Ее охранник бросился вслед за девушками, крича стражникам у ворот:

– Остановите их. Схватите. Не дайте им убежать. – Стражники выхватили мечи и выбежали, чтобы перекрыть ворота.

Минтака остановилась, как только увидела, что путь к бегству отрезан. Она испуганно осмотрелась, а затем, продолжая тянуть Меркару за руку, ринулась к ограде из терновника и попыталась перелезть через нее. Но охранник подбежал к ним, схватил за ноги и стащил со стены. Шипы разодрали им руки и ноги, из царапин текла кровь, но девушки отчаянно боролись, пинаясь, царапаясь и кусаясь. Солдаты наконец справились с ними и потащили их назад к шатру военного совета, где стояла Гесерет. Она мстительно улыбалась.

– Свяжите их крепче. Я уверена, что мой муж, единственный правитель Египта, придумает подходящую кару за их преступления, когда вернется. Я буду наслаждаться их криками, когда они будут наказаны по заслугам. А до тех пор их следует держать в клетках как диких животных, у двери моего шатра, где я смогу приглядывать за ними.

Охранник поднял Минтаку и Меркару, связанных в запястьях и лодыжках, бросил в колесницу и повез в стоянку Гесерет. На одной из телег обоза Гесерет перевозили ее запас домашней живности в клетках – цыплят, свиней и козлят для ее кухни. Клетка, в которой держали молочных поросят, пустовала – те были уже зарезаны и съедены. Сделанная из длинных бамбуковых шестов, связанных ремнями из сыромятной кожи, она воняла свиным навозом, покрывавшим пол. Стражники впихнули двух девушек в узкую дверь. Внутри клетка была недостаточно высокой, чтобы они могли встать в полный рост. Они были вынуждены сидеть, прижавшись спинами к бамбуковой стене, привязанные за запястья ремнями из сыромятной кожи к одной из стоек за спиной. У них не было никакой защиты от солнца.

– У вашей клетки день и ночь будут стоять стражники, – предупредила Гесерет. – Если вздумаете бежать, я прикажу отрубить вам одну ступню, чтобы удержать от дальнейших попыток.

Глядя ей в лицо, они поняли, что Гесерет намерена осуществить свою угрозу. Мерикара расплакалась, но Минтака стала шептать ей:

– Не надо, дорогая. Держись. Не доставляй ей удовольствия видеть, что ты сломлена.

Со сторожевой башни над крепостью Исмаилия часовой прокричал предупреждение:

– Фараон! Подъезжают сторожевые заставы!

Нефер вскочил из-за стола под навесом во внутреннем дворе, где они с Таитой обедали и вновь обсуждали предстоящую оборону. Он быстро поднялся по лестнице на площадку и, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на восток. В ярком желтом свете он различил подъезжающие колесницы своих передовых застав. Когда они съехали вниз по берегу вади, стражники распахнули ворота и впустили их в крепость.

– Враг продвигается быстро! – крикнул Неферу, стоявшему высоко на площадке, начальник застав.

– Молодец, воин, – крикнул ему Нефер и громко приказал трубачу на стене над воротами: – Труби «к оружию»!

Бараний рог зазвучал над равниной, и все войско, стоявшее лагерем на дне длинной и широкой вади, пришло в движение. Голос рога был услышан и подхвачен и полетел от отряда к отряду по всему войску. Из шатров и из-под навесов выбегали солдаты, хватали оружие и спешили присоединиться к своим отрядам. Скоро колонны солдат и колесниц двигались вперед на подготовленные позиции.

Таита взобрался на высокую площадку, и Нефер улыбнулся ему.

– Итак, даже лишенный воды, Наг не повернул назад.

– Мы и не думали, что он повернет, – тихо проговорил Таита.

Горизонт на востоке начал темнеть, как если бы преждевременно надвинулась ночь. Широкая полоса пыли, поднятой надвигающимся вражеским войском, клубилась как грозовая туча.

– До конца дня еще много времени. – Нефер поглядел на безжалостное солнце. – Хватит, чтобы решить исход битвы до ночи.

– Лошади Нага в течение трех дней пили мало, и их, должно быть, быстро гнали, если они настигли нас так скоро. Он знает, что должен победить и достичь колодцев в этот день, или следующий день для него не наступит.

– Ты поедешь, чтобы встретить его вместе со мной, отец? – спросил Нефер, повязывая портупею, поданную ему слугой.

– Нет! – Таита поднял левую руку. На втором пальце блестело золотое кольцо, украшенное огромным рубином цвета голубиной крови. Когда солнечный свет попал на камень и он заискрился, Нефер узнал в нем тот талисман, который Наг снял с собственного пальца и дал Таите в Фивах много лет назад, полагая, что Маг убил для него молодого фараона. Нефер понял, что это талисман почти такой же мощный, каким был бы локон волос Нага, кусочек его высушенного кала или обрезки ногтей. – Я буду наблюдать за сражением отсюда. Возможно, собственными слабыми силами я смогу помочь тебе больше, чем если бы поднял копье или натянул лук.

Нефер улыбнулся.

– Твое оружие острее и летит точнее, чем любое из того, что я когда-либо держал в руке. Пусть тебя любит и защитит Гор, отец.

Они смотрели, как батальоны лучников и пращников выходят из вади, чтобы занять позиции за стенами. Ряды двигались целенаправленно и стремительно, потому что каждый солдат знал, что ему следовало делать, и отработал этот маневр много раз. Когда последний из них скрылся в засаде, поле показалось опустевшим.

Туча пыли, сопровождавшая приближавшееся войско Нага, была уже меньше чем в лиге от них, когда наконец Нефер обнял Таиту и спустился по лестнице. Когда он проходил через ворота крепости, в плотно стоящих отрядах колесниц раздался рев. Когда он шел вдоль их рядов, то находил взглядом своих военачальников и сотников и кричал им:

– Смелее, Хилто! Сделай это еще раз для меня, Шабако! Сегодня вечером мы выпьем победную чашу вместе, Сокко.

Мерен держал в руке поводья Дов и Круса, когда фараон прыгнул на площадку колесницы. Нефер взял у него поводья, и Дов, узнав его руку, заржала и оглянулась на него огромными блестящими глазами с длинными темными ресницами. Крус выгнул шею и ударил в землю передним копытом.

Нефер высоко поднял правый кулак и приказал:

– Марш! Вперед!

Бараний рог дал сигнал к началу движения, и фараон повел колесницу вперед, а другие двинулись за ним, ряд за рядом. Они величественной процессией двигались между низкими стенами, из-за которых не показался ни один лучник, на открытую равнину.

Нефер дал следующий сигнал рукой, и строй развернулся. Колесо к колесу передний ряд ехал вперед, чтобы встретить огромную тучу пыли, катившуюся к ним. На месте, отмеченном камнями за недели до этого, Нефер остановил свой головной отряд и дал лошадям отдохнуть, а сам тем временем смотрел на приближающегося врага.

Теперь там, где над серой пустыней поднимались серовато-коричневые тучи пыли, он видел в горячем воздухе линию темных пятен и бесчисленные покачивающиеся вспышки отраженного от металла света. Они приближались, и колесницы в переднем ряду войска Нага в жарком мареве колыхались и меняли форму, будто головастики в глубине пруда.

Затем их очертания обрели четкость и устойчивость, и он разглядел лошадей и на колесницах – солдат в доспехах.

Мерен пробормотал:

– Хвала милосердному Гору. Кажется, он бросил в атаку все свои колесницы. Он не оставил дополнительных колесниц в запасе.

– Должно быть, они отчаянно нуждаются в воде. Его единственный шанс выжить – в том, чтобы лобовой атакой пробиться сквозь наши ряды и прорваться к колодцам.

Ближе и ближе подъезжало войско врага, и вот они уже различали лица воинов в переднем ряду, и по флагам и флажкам могли определить каждый отряд, и узнавали командиров.

В двухстах шагах от них могущественное воинство остановилось. Глубокая тишина опустилась на замершую пустыню, нарушаемая только беспокойным шепотом ветра. Пыль осела, будто упавший занавес, и стали четко видны все части обоих войск.

Из центра вражеского строя выехала одна колесница. Хотя пыль покрывала отделку колесницы, золотой лист блестел сквозь нее, и царский флаг трепетал над головой ездока. Наг остановился менее чем в ста шагах от переднего ряда колесниц, и Нефер разглядел под синей военной короной его холодное, красивое лицо.

– Приветствую тебя, Нефер Сети, щенок пса, которого я убил собственной рукой! – крикнул Наг своим звучным голосом. Нефер напрягся, услышав, как он так открыто признался в цареубийстве. – На моей голове корона, которую я снял с Тамоса, когда он умирал. В моей руке, – он поднял могучий синий меч, – меч, который я взял из его трусливой руки. Хочешь забрать его у меня, щенок?

Нефер почувствовал, как его держащие поводья руки задрожали, и гнев красным облаком застлал ему глаза.

– Спокойно! – прошептал рядом Мерен. – Не позволяй ему рассердить тебя.

Огромным усилием Нефер сдвинул в сторону занавесь гнева. Ему удалось сохранить лицо безучастным, но голос прозвенел как удар металла о камень.

– Приготовиться! – И он высоко поднял меч.

Наг беззвучно засмеялся, развернул колесницу и поехал на свое место в центре противоположного строя.

– Марш! Вперед! – Наг поднял синий меч. Его передние ряды стали набирать скорость, катясь к рядам войска Нефера. – Галопом! В атаку! – Они устремились вперед плотными рядами.

Нефер стоял на месте, позволяя им приближаться. Насмешки Нага все еще звенели в его ушах, и его так и подмывало забыть свой хорошо разработанный план и ринуться вперед, чтобы встретиться с Нагом лицом к лицу и пронзить мечом сердце предателя. Огромным усилием он отогнал это искушение и поднял меч. Он описал им над головой три блестящие дуги. Его легионы ответили немедленно. Они повернули назад, как если бы ими управлял единый разум, будто стая птиц, меняющая направление в быстром полете, или косяк рыб, уплывающих от нападающей барракуды, и помчались прочь по равнине, той же дорогой, какой приехали.

Передний ряд колесниц Нага приготовился к бою, но не встретил сопротивления и, как человек, споткнувшийся на пороге, которого не было, потерял скорость. К тому времени как они оправились, Нефер оторвался от них еще на сотню шагов. Теперь его войско постепенно меняло боевой порядок и перестраивалось из широкого строя в колонну по четыре.

Наг мчался вслед за ними, но через триста шагов его фланги натолкнулись на низкую каменную стену, которая шла наискосок перед их рядами. Теперь они не могли остановиться, поэтому поворачивали левее и правее в сторону собственного центра. Будто струи широкой реки, внезапно вошедшей в устье узкого скалистого ущелья, их прижимало друг к другу. Колесо налетало на колесо, и упряжки лошадей были вынуждены уступать друг другу дорогу. Атака дрогнула и замедлилась: колесницы и лошади сбились в плотную массу.

В этот роковой миг над полем заревели бараньи рога, и по этому сигналу из-за стен по обе стороны поднялись головы и плечи лучников и пращников. Стрелы были уже положены на тетивы, и теперь лучники натягивали короткие изогнутые луки. Они быстро прицеливались, тщательно выбирая цели. Первый залп всегда был самым впечатляющим.

Пращники закрутили пращами над головой, держа их двумя руками, чтобы удерживать вес обожженных глиняных шаров в кожаных мешочках на концах длинных ремней. Те жужжали в воздухе, набирая страшную скорость.

Передовые отряды Нага оказались глубоко в воронке между стенами, когда трубы запели снова и лучники дали единый общий залп. Им было приказано целиться в лошадей и во вражеских командиров. Стрелы полетели в воздух почти неслышно, только тихо шуршало оперение, но расстояние было небольшое, и удар наконечников в живую плоть прозвучал подобно шуму, произведенному горстью гравия, брошенного в береговую грязь. Первый ряд войска Нага был сражен, и когда лошади падали, колесницы громоздились на их телах, наезжали, неуправляемые, на каменные стены с обеих сторон или опрокидывались и перекатывались.

Затем пращники с ужасающей точностью выпустили свои снаряды. Твердые шары из обожженной глины были размером со зрелый гранат, но тяжелые, как слоновая кость. Они могли разбить череп человека или лошади, сломать ногу или ребра, будто сухие палки. С глухим стуком они ударили по следующему ряду наступающих колесниц, и произведенное ими опустошение было ужасно. Колесницы, следовавшие за ними, не могли остановиться и врезались в завалы впереди. Корпуса колесниц трещали и ломались, как трещат зеленые ветви в пылающем лесном пожаре. Некоторые длинные дышла раскалывались, и смертоносные обломки протыкали лошадей, тянувших их. Колеса ломались и срывались с осей. Солдат выбрасывало из колесниц, и их затаптывали обезумевшие, встающие на дыбы и молотящие копытами воздух лошади.

Огромным усилием Нефер сдвинул в сторону занавесь гнева. Ему удалось сохранить лицо безучастным, но голос прозвенел как удар металла о камень.

– Приготовиться! – И он высоко поднял меч.

Наг беззвучно засмеялся, развернул колесницу и поехал на свое место в центре противоположного строя.

– Марш! Вперед! – Наг поднял синий меч. Его передние ряды стали набирать скорость, катясь к рядам войска Нефера. – Галопом! В атаку! – Они устремились вперед плотными рядами.

Нефер стоял на месте, позволяя им приближаться. Насмешки Нага все еще звенели в его ушах, и его так и подмывало забыть свой хорошо разработанный план и ринуться вперед, чтобы встретиться с Нагом лицом к лицу и пронзить мечом сердце предателя. Огромным усилием он отогнал это искушение и поднял меч. Он описал им над головой три блестящие дуги. Его легионы ответили немедленно. Они повернули назад, как если бы ими управлял единый разум, будто стая птиц, меняющая направление в быстром полете, или косяк рыб, уплывающих от нападающей барракуды, и помчались прочь по равнине, той же дорогой, какой приехали.

Передний ряд колесниц Нага приготовился к бою, но не встретил сопротивления и, как человек, споткнувшийся на пороге, которого не было, потерял скорость. К тому времени как они оправились, Нефер оторвался от них еще на сотню шагов. Теперь его войско постепенно меняло боевой порядок и перестраивалось из широкого строя в колонну по четыре.

Наг мчался вслед за ними, но через триста шагов его фланги натолкнулись на низкую каменную стену, которая шла наискосок перед их рядами. Теперь они не могли остановиться, поэтому поворачивали левее и правее в сторону собственного центра. Будто струи широкой реки, внезапно вошедшей в устье узкого скалистого ущелья, их прижимало друг к другу. Колесо налетало на колесо, и упряжки лошадей были вынуждены уступать друг другу дорогу. Атака дрогнула и замедлилась: колесницы и лошади сбились в плотную массу.

В этот роковой миг над полем заревели бараньи рога, и по этому сигналу из-за стен по обе стороны поднялись головы и плечи лучников и пращников. Стрелы были уже положены на тетивы, и теперь лучники натягивали короткие изогнутые луки. Они быстро прицеливались, тщательно выбирая цели. Первый залп всегда был самым впечатляющим.

Пращники закрутили пращами над головой, держа их двумя руками, чтобы удерживать вес обожженных глиняных шаров в кожаных мешочках на концах длинных ремней. Те жужжали в воздухе, набирая страшную скорость.

Передовые отряды Нага оказались глубоко в воронке между стенами, когда трубы запели снова и лучники дали единый общий залп. Им было приказано целиться в лошадей и во вражеских командиров. Стрелы полетели в воздух почти неслышно, только тихо шуршало оперение, но расстояние было небольшое, и удар наконечников в живую плоть прозвучал подобно шуму, произведенному горстью гравия, брошенного в береговую грязь. Первый ряд войска Нага был сражен, и когда лошади падали, колесницы громоздились на их телах, наезжали, неуправляемые, на каменные стены с обеих сторон или опрокидывались и перекатывались.

Затем пращники с ужасающей точностью выпустили свои снаряды. Твердые шары из обожженной глины были размером со зрелый гранат, но тяжелые, как слоновая кость. Они могли разбить череп человека или лошади, сломать ногу или ребра, будто сухие палки. С глухим стуком они ударили по следующему ряду наступающих колесниц, и произведенное ими опустошение было ужасно. Колесницы, следовавшие за ними, не могли остановиться и врезались в завалы впереди. Корпуса колесниц трещали и ломались, как трещат зеленые ветви в пылающем лесном пожаре. Некоторые длинные дышла раскалывались, и смертоносные обломки протыкали лошадей, тянувших их. Колеса ломались и срывались с осей. Солдат выбрасывало из колесниц, и их затаптывали обезумевшие, встающие на дыбы и молотящие копытами воздух лошади.

Нефер во главе своего отряда махнул рукой, подавая сигнал, который ожидали ехавшие за ним солдаты, и толпы пеших воинов выскочили из укрытий и раздвинули колючий кустарник, скрывавший проходы, специально оставленные в каменных стенах с обеих сторон. Одна за другой колесницы Нефера быстро выехали по ним на открытое место за стенами. Больше не ограниченные стенами, они могли свободно маневрировать по равнине. Они повернули назад и, обойдя сзади пойманные в ловушку отряды Нага, напали на тыловые части его войска.

Теперь оба войска сцепились, будто боевые быки, рог с рогом. Не все колесницы Нага попали в западню между стенами. Там просто было недостаточно пространства, чтобы они могли въехать туда все сразу. Эти свободные колесницы теперь мчались вперед, чтобы напасть на Нефера, и быстро завязалось традиционное сражение колесниц. Бегущие колесницы поворачивали, атаковали и отступали, затем атаковали снова. Отряды распались на меньшие группы, и по всей равнине отдельные колесницы яростно нападали друг на друга, колесо на колесо и солдат на солдата.

Несмотря на ужасные потери, понесенные врагом в начале боя, войско Нага все еще намного превосходило численностью войско Нефера. Когда его положение становилось шатким, Нефер был вынужден вводить в бой все больше резервов, которые он держал скрытыми в вади позади крепости. Наконец он дал сигнал последнему из них. Теперь все войска оказались введены в бой. Он бросил в бой последние резервные колесницы. Но их было мало. Его лошадям и солдатам мало-помалу приходилось отступать перед явно превосходящими силами врага.

В пыли, шуме и суматохе Нефер отчаянно искал на поле боя золотую колесницу Нага и царский красный флаг. Он знал, что если бы удалось вынудить Нага принять поединок и убить его, он все еще мог бы победить. Но Нага нигде не было видно. Возможно, его убили в засаде между стенами, возможно, он лежал раненый или мертвый – где-нибудь в неразберихе сражения.

Рядом с собой Нефер увидел колесницу Хилто, окруженную двумя колесницами врага. Старый воин был ранен и сброшен на землю. Отряд Хилто увидел, что командир сражен, и в замешательстве распался. Холодная рука отчаяния сжала сердце Нефера. Они проигрывали сражение.

Он видел, как ряд колесниц Красных обошел стены и помчался с их тыльной стороны, убивая его лучников и пращников стрелами и копьями. Пешие воины рассеялись и побежали кричащей толпой; их отчаяние было заразительно. Нефер мрачно вспомнил, что Таита называл это «поведением маленькой птички» – куда летит одна, туда летят все.

Нефер понимал, что его войско скоро обратится в бегство, и кричал слова поддержки тем колесничим, которые были достаточно близко, чтобы услышать его. Пытаясь ободрить их, он напал на следующую вражескую колесницу и дюжиной ударов меча зарубил солдат на ней. Затем он отъехал прочь, преследуя другую колесницу Красных, но теперь Дов и Крус почти выдохлись, и враг бежал от них.

Вдруг рядом с ним Мерен крикнул:

– Посмотри, фараон! – и указал на восток в пустыню. Тыльной стороной ладони Нефер вытер с лица пот и брызги вражеской крови и вгляделся в яркий свет.

И тут понял, что, вне всякого сомнения, все кончилось и они проиграли сражение. Новое множество вражеских колесниц мчалось к ним. Нефер не мог понять, откуда они так внезапно появились. Он полагал, что Наг ввел в бой все свои колесницы. Хотя теперь это не имело значения: сражение было проиграно.

– Сколько их? – спросил Нефер, чувствуя, как черное отчаяние заполняет его душу.

– Двести, – предположил Мерен. – Возможно, больше. – В его голосе звучало смирение. – Все кончено, фараон. Мы погибнем в бою.

– Одна последняя атака. – Нефер крикнул ближайшим колесницам: – Ко мне, Синие! Умрем со славой.

Они приветствовали его хриплыми голосами и подъехали к нему с обеих сторон. Даже Дов и Крус, казалось, ощутили прилив новых сил, и тонкий строй колесниц Синих помчался на нового врага, намереваясь встретить его лицом к лицу. Постепенно они увидели, что над ведущей вражеской колесницей развевается флаг полководца.

– Клянусь Гором, я знаю его, – крикнул Мерен. – Это – Пренн, старый любитель мальчиков.

Они были теперь так близко, что Нефер тоже узнал худую фигуру с черной повязкой на глазу. Он видел его в штабе царя Апепи, в храме в Перре, когда они встретились для переговоров о договоре Хатор. В тот самый чудесный день, когда он впервые увидел Минтаку.

– Он прибыл не вовремя, – сказал Нефер мрачно, – но, возможно, нам удастся спасти следующее поколение мальчиков от его любовного внимания.

Он направил Дов и Крус прямо на Пренна, пытаясь вынудить его отвернуть, чтобы метнуть в него сбоку копье. Но когда они подъехали ближе, пораженный Мерен закричал:

– У него синий флаг! – Флаг Пренна относило ветром назад, в противоположную от них сторону, вот почему Нефер до этого момента не замечал его, но Мерен был прав: над колесницей Пренна и над всеми его колесницами развевались синие флаги Дома Тамоса.

Пренн замедлил бег своей упряжки и, прижав правую руку к груди в приветствии Неферу, закричал громким голосом, перекрывшим грохот колес:

– Приветствую вас, фараон! Живите десять тысяч лет, Нефер Сети.

В изумлении Нефер опустил копье, которое собирался метнуть, и остановил лошадей.

– Какие будут приказы, фараон? – крикнул Пренн.

– Как это понимать, полководец Пренн? Почему вы просите приказов? – крикнул в ответ Нефер.

– Принцесса Минтака передала мне ваше сообщение, и я прибыл, чтобы встать под ваше знамя и помочь вам отомстить за убийства царя Апепи и фараона Тамоса.

– Минтака? – Нефер пришел в замешательство, потому что она, несомненно, все еще была заперта в святилище храма в Аварисе. Но затем его инстинкт воина взял верх, и он отринул эти мысли. Время размышлять об этом наступит позже. – С прибытием, Пренн. Вы явились не слишком скоро. Подведите вашу колесницу к моей, и мы очистим это поле от края до края.

Они вместе бросились в атаку, и разбитые и рассеянные отряды Нефера, увидев приближающиеся синие флаги и услышав клич: «Гор и Нефер Сети!» – и рев бараньих рогов, вновь воспрянули духом. Красные отряды Нага Киафана были едва ли в лучшем состоянии и могли оказать только небольшое сопротивление, когда свежие войска Пренна напали на них. Некоторое время они отбивались, но их решимость сопротивляться была подорвана. Некоторые стали выбираться из колесниц и, встав на колени в пыли, поднимали руки, сдавались, прося пощады и громко восхваляя Нефера Сети. Их поведение было заразительно и распространилось по полю боя, и колесничие Красных принялись бросать мечи и преклонять колени.

Нефер рыскал по полю, разыскивая Нага. В своем сердце он сознавал, что победа не будет полной, пока он не отомстит за убийство отца. Он вернулся к каменным стенам, где последний раз видел Нага во главе его атакующего войска. Он ехал среди разрухи, разбитых и опрокинутых колесниц, раненых и умирающих людей и лошадей и разбросанных трупов. Хотя большинство вражеских солдат были убиты или сдались, оставались маленькие разрозненные отряды, продолжавшие сражаться. Солдаты Нефера были беспощадны к ним и убивали, даже когда те пытались сдаться. Нефер вмешивался где мог, чтобы остановить резню, и защищал пленных, но его солдаты обезумели от боевой ярости, и множество погибло, прежде чем он смог спасти их.

Он достиг каменных стен и остановил Круса и Дов. С высоты своей колесницы он смог заглянуть за низкую стену в узкий коридор, куда заманил в ловушку передовые отряды войска Нага. Разбитые колесницы громоздились друг на друга, как обломки кораблей, выброшенных на

скалы могучей морской бурей. Некоторые лошади поднимались на ноги и стояли, привязанные упряжью к разбитым колесницам. Он увидел державшуюся на трех копытах прекрасную гнедую кобылу с правой ногой, сломанной пущенным пращником глиняным шаром, а рядом с ней – черного жеребца со свисающими из распоротого живота внутренностями. Вокруг каждой колесницы лежали мертвые и раненые. Некоторые еще двигались и плакали, взывая к богам и своим матерям, прося воды и помощи. Другие ошеломленно сидели с раскрытыми ртами, мучимые ранами. Один из них ослабевшими руками пытался вытащить стрелу, вонзившуюся ему глубоко в живот. Нефер искал тело Нага среди мертвых, но все было перемешано, многие солдаты оказались под обломками. Затем он разглядел отблеск золотого листа и царский флаг Нага Киафана, лежащий в пыли среди луж засыхающей крови.

– Мне необходимо найти его, – сказал Нефер Мерену. – Я должен знать, что он мертв. – Он спрыгнул с колесницы.

– Я помогу тебе искать. – Мерен подошел к головам лошадей и привязал их к стене. Нефер перепрыгнул через стену и перелезал через разбитые колесницы, пока не достиг золотой колесницы. Она лежала на боку, но пустая. Одна из лошадей была все еще жива, но обе ее передние ноги сломаны, и она подняла голову и жалобно посмотрела на Нефера. Он взял из стойки в колеснице копье и убил животное ударом за ухо. Вдруг Мерен закричал и наклонился, чтобы поднять что-то из обломков. Он высоко поднял свой трофей, и Нефер увидел, что друг нашел синюю военную корону Нага.

– Тело этой свиньи должно быть неподалеку, – крикнул ему Нефер. – Он бы не бросил ее. Она слишком много значит для него.

– Поищи под колесницей, – крикнул в ответ Мерен. – Его могло придавить. Я помогу тебе поднять ее. – Он пошел к Неферу, карабкаясь через разбитые колесницы, и в этот момент Нефер краем глаза заметил движение. В то же мгновение Мерен выкрикнул срочное предупреждение:

– Берегись! Сзади!

Нефер пригнулся и повернулся. Наг встал там, где прятался, за передним щитом колесницы. Его обритая голова была бледной и блестящей, как яйцо страуса, а в глазах сверкала ярость. В его руках по-прежнему был синий меч Тамоса и, держа клинок обеими руками, он наносил удар по голове Нефера, но тот, предупрежденный Мереном, нырнул под свистнувшее лезвие. Его собственный меч все еще оставался в ножнах на бедре, но Нефер держал копье, которым нанес удар милосердия искалеченной лошади. Он инстинктивно ткнул им в горло Нага, но тот, быстрый, как кобра, его тезка, отскочил в сторону. Это дало Неферу время дотянуться до своего меча, но Наг шагнул назад и огляделся. Он увидел, что Мерен, обнажив меч, идет на помощь Неферу, и заметил привязанную к стене пустую колесницу, запряженную Дов и Крусом. Он отогнал Нефера назад очередным уколом синего лезвия, повернулся и быстро побежал прочь. Нефер метнул в него копье, но у него не был намотан метательный ремень, и он промахнулся. Наг достиг стены. Перепрыгнув через нее, он ударом синего меча обрубил привязной ремень и вскочил на колесницу. Он не взял поводья, а схватил кнут из стойки и стегнул Круса и Дов по бедрам. Испуганная пара рванулась вперед, и через полдюжины шагов обе лошади мчались галопом.

Позади них Нефер вскочил на стену и увидел, как Наг уносится прочь по равнине. Он набрал побольше воздуха и издал высокий пронзительный свист, который Дов и Крус так хорошо знали. Он увидел, как они подняли головы, и подняли и повернули к нему уши. Затем Крус сменил аллюр и сделал крутой поворот; Дов повернула вместе с ним. Колесницу сильно занесло на крутом повороте, и Нагу пришлось схватиться за передний щит, чтобы не вылететь за борт. Пара лошадей с топотом мчалась туда, где, балансируя на стене, стоял Нефер. Наг восстановил

равновесие и вытянул вперед синий меч, готовый ударить Нефера, как только тот окажется в пределах досягаемости. Нефер знал, что его собственный бронзовый меч не мог противостоять этому ужасному лезвию. Было бы верной смертью напасть на такого мастера фехтования, как Наг, когда у того в руках такое оружие.

Когда лошади пробегали мимо него, Нефер прыгнул на спину Крусу и коленями направил его в открытое поле все так же на полном скаку. Оглянувшись, он увидел, что Наг вылезает из колесницы. Он продвигался по дышлу, чтобы добраться до Нефера.

Нефер наклонился со спины Круса и мечом разрубил узел на сплетенной из кожи веревке, которой лошади были привязаны к дышлу. Колесница без лошадей повернула в сторону. Дышло под весом Нага опустилось, и его конец воткнулся в мягкую землю. Мчащаяся колесница перевернулась, и Нага выбросило. Он ударился о землю плечом, и даже сквозь шум копыт и треск кузова колесницы Нефер услышал, как сломалась его кость.

Нефер повернул Круса назад, и они поскакали к Нагу. Тот с трудом поднялся на ноги и стоял покачиваясь, прижав поврежденную правую руку к груди. Падая, он выпустил рукоятку синего меча. Тот выскочил из его руки и воткнулся в землю в десяти шагах от места, где стоял лжефараон. Меч еще колебался от удара, и удивительный синий металл отблескивал синевой, а украшенная драгоценными камнями рукоятка качалась из стороны в сторону.

Наг пошатываясь пошел к оружию, но увидел, что на него надвигается Крус, и с выражением чрезвычайного страха на лице побледнел, став серо-пепельным. Повернувшись, он бросился наутек.

Нефер свесился со спины Круса и, вырвав меч из песка, пустил Круса в погоню за Нагом. Наг услышал нарастающий частый стук копыт позади и оглянулся. Тушь потекла по его щекам, будто черные слезы, и страх исказил лицо. Он понимал, что не сможет избежать ужасной мести, которая надвигалась на него. Упав на колени, он поднял обе руки в мольбе. Ударом по холке и пронзительным свистом Нефер резко остановил Круса перед стоящей на коленях фигурой, спрыгнул вниз и встал над Нагом.

– Пощади! – рыдал Наг. – Я отдаю тебе двойную корону и все царство. – Он униженно пополз к ногам Нефера.

– У меня уже есть это. Мне не хватает только одного. Отмщения!

– Пощади, Нефер Сети, именем богов и ради твоей сестры, богини Гесерет, и младенца, которого она носит в своем чреве. – Внезапно в его правой руке оказался кинжал, и он злобно ударил им Нефера в пах. Он почти достал Нефера, но тот вовремя отклонился, и острие кинжала зацепило край его хитона. Нефер выбил оружие из руки Нага ударом синего клинка.

– Я восхищен твоим постоянством. До самого конца ты остаешься верен своей основной природе. – Нефер холодно улыбнулся. – Я дарую тебе ту же милость, какую ты оказал моему отцу, фараону Тамосу. – Он вонзил острие синего меча в центр груди Нага, и оно вышло между лопатками. Выражение отчаянного недоверия появилось на лице Нага.

– Ты осквернил это священное лезвие. Теперь я омою его в твоей крови, – сказал Нефер, выдернул клинок и вновь глубоко вонзил.

Наг сначала упал лицом в пыль, затем еще раз отрывисто вздохнул, но воздух из его легких вышел пузырчатой пеной из раны между его лопатками, он задрожал и умер.

Нефер привязал его тело за пятки к постромкам из упряжи Круса и, взобравшись жеребцу на спину, потащил тело назад через поле. Приветствия следовали за ним волна за волной, когда он подъезжал к воротам крепости. Он обрубил веревку и оставил окровавленное тело Нага лежать в пыли.

– Разрежьте узурпатора на отдельные части и пошлите их показать в каждый ном этой страны. Пусть каждый житель Египта посмотрит на плоды цареубийства и предательства.

Затем он поглядел на того, кто стоял высоко на сторожевой башне крепости, и поднял покрытый кровью синий меч, приветствуя его. Таита поднял в ответ правую руку, и на его пальце блеснула темно-красная вспышка – драгоценный рубин в кольце Нага.

«Он провел на башне весь день. Какую роль Маг сыграл в сражении? – спросил себя Нефер. Победили бы мы без его влияния?» Ответа не было, и он прогнал эту мысль. Он поднялся по лестнице на вершину башни и встал рядом с Таитой. Оттуда он стал говорить со своими солдатами. Он поблагодарил их за службу и за храбрость. Он пообещал наградить их всех долей добычи и присвоил звания, золотые цепи доблести и почетные титулы командирам отрядов и сотникам.

К тому времени как он перечислил их всех, солнце стало садиться в низкую гряду фиолетовых грозовых туч у горизонта. Нефер закончил свою речь призывом к молитве:

– Я посвящаю эту победу золотому Гору, соколу богов, – крикнул он, и когда он читал молитву, появилось странное предзнаменование. Последний мимолетный луч солнца прорвался сквозь гряду облаков и озарил башню крепости. Свет вспыхнул на синей военной короне на голове Нефера и на синем мече в его руке.

В тот же миг вверху раздался громкий крик: все подняли головы и обратили глаза к небу. Послышался громкий шепот и вздох множества людей. В воздухе над головой фараона парил царский сокол, и пока они удивленно смотрели на это, он повторил свой странный, настойчивый крик, сделал три круга в вышине и наконец устремился прочь прямиком в темнеющее восточное небо, быстро и резко взмахивая крыльями. И исчез во мраке.

– Благословение бога, – стали выкрикивать солдаты. – Приветствуем вас, фараон! Даже боги приветствуют вас.

Но как только они остались одни, Таита заговорил тихо, так чтобы никто другой за пределами комнаты не смог расслышать его слова.

– Сокол принес предупреждение, а не благословение.

– Предупреждение о чем? – спросил Нефер спокойно, но с глубоким беспокойством.

– Когда птица крикнула, я услышал крик Минтаки, – прошептал Таита.

– Минтака! – Нефер забыл о ней в пылу сражения. – Что Пренн сказал мне о ней? – Он повернулся ко входу в шатер и крикнул стражникам: – Пренн! Где сотник Пренн?

Пренн явился сразу и встал на колени перед фараоном.

– Ты заслужил нашу самую глубокую благодарность, – сказал ему Нефер. – Без тебя мы не смогли бы победить. Твоя награда превзойдет награды всех других моих военачальников.

– Фараон милостив.

– В начале сражения ты говорил о принцессе Минтаке. Я думал, она в безопасности, в храме Хатор в Аварисе. Когда и где ты видел ее в последний раз?

– Фараон, вы ошибаетесь. Принцесса Минтака не в храме. Она прибыла ко мне и доставила ваше послание. Я не мог взять ее с собой в сражение, поэтому оставил два дня тому назад в моем лагере в пустыне, на дороге отсюда в Хатмию.

Ужасное предчувствие охватило Нефера.

– Кого еще ты оставил на той же лагерной стоянке?

– Других женщин царской крови: принцессу Меркару, которая сопровождала Минтаку, и ее величество царицу Гесерет.

– Гесерет! – Нефер вскочил на ноги. – Гесерет! Если Минтака и Меркара – в ее власти, что она сделает с ними, когда услышит, что я убил ее мужа? – Он шагнул к двери шатра и крикнул Мерена. – Минтака и Меркара в ужасной опасности, – сказал он ему.

– Откуда ты знаешь? – Мерен встревожился.

– От Пренна. А Таита услышал предупреждение в крике сокола. Мы должны ехать сейчас же.

* * *

Гесерет проснулась в темноте и холоде того ужасного предрассветного часа, когда весь мир тонет в непроницаемом мраке и человек падает духом, проваливаясь в бездну уныния. Сначала она не поняла, что ее разбудило, но затем услышала слабый звук множества голосов, который был еще далеко, но становился все громче. Она села, так что меховые одеяла упали до пояса, и попыталась разобрать в отдаленном шуме слова. Теперь ей удалось различить «побежден», «убит» и «бегите прямо сейчас».

Она крикнула своих девушек, и две из них спотыкаясь пришли, полусонные и нагие, неся маленькие масляные лампы.

– Что происходит? – спросила Гесерет, и темные глаза девушек широко и непонимающе открылись.

– Мы не знаем, госпожа. Мы спали.

– Глупые девчонки! Идите и узнайте сейчас же, – сердито приказала Гесерет. – И убедитесь, что пленницы все еще в их клетке, не удрали. – Девушки убежали.

Гесерет вскочила с ложа. Она зажгла все лампы, подвязала волосы, надела хитон и набросила на плечи накидку. Тем временем шум за оградой ее лагеря становился все громче, теперь она слышала крики, и мимо по дороге проезжали повозки, но она по-прежнему не могла понять, что произошло.

Две служанки прибежали назад в шатер. Старшая из них задыхалась, и ее было почти невозможно понять:

– Говорят, была большая битва в месте под названием Исмаилия, великая. – Гесерет захлестнула волна радости. Наг одержал победу – в глубине души она была уверена в этом.

– Каков итог битвы?

– Мы не знаем, госпожа. Мы не спрашивали.

Гесерет схватила ближайшую к ней девушку за волосы и дернула так яростно, что в ее руках остались пряди.

– У вас в ваших толстых черепах есть хоть капля мозгов? – Она ударила рабыню по лицу, так что девушка упала и осталась лежать на полу шатра. Схватив лампу, Гесерет поспешила к двери.

Стражников не было, и она ощутила первый приступ страха. Она побежала к телеге и подняла лампу, вглядываясь в клетку для свиней. Ее беспокойство немного унялось, когда она увидела, что две истерзанные фигуры по-прежнему привязаны к стойкам в задней части клетки. Пленницы обратили к ней бледные, измазанные грязью лица.

Гесерет оставила их и побежала к воротам в изгороди. В свете звезд она различила темную колонну, проезжающую мимо. Она увидела очертания телег и повозок, которые тянули упряжки волов. На одних лежали высокие груды узлов и ящиков, другие были заполнены женщинами, крепко обнимающими своих детей. Сотни солдат спешили мимо пешком, и Гесерет видела, что большинство их бросили оружие.

– Куда вы идете? – крикнула она им. – Что происходит? – Никто не ответил ей, если вообще заметил ее присутствие. Гесерет выбежала на дорогу и схватила за руку одного из солдат. – Я – царица Гесерет, жена фараона всего Египта. – Она потрясла его руку. – Да слушайте же, мошенник!

Солдат издал странный лающий смех и попытался вырваться. Но Гесерет держалась за его руку с отчаянной силой, и тогда он нанес ей сильный удар и оставил лежать в пыли на дороге.

Она поднялась и выбрала в проходившей толпе другого воина, у которого был воротник сержанта. Она подбежала к нему; из носа капала кровь.

– Какие новости о битве? Скажи мне. О, пожалуйста, скажи, – взмолилась она. Он поглядел в ее лицо. Было уже достаточно светло, и он смог узнать ее.

– Самые страшные, великая. – Его голос был груб. – Была ужасная битва, и враг победил. Наше войско разбито, все колесницы поломаны. Враг продвигается быстро и скоро настигнет нас. Вы должны немедленно бежать.

– Как фараон? Что с моим мужем?

– Говорят, что битва проиграна и фараон убит.

Гесерет уставилась на него, неспособная двигаться или говорить.

– Вы уйдете, великая? – спросил воин. – Пока не поздно. Прежде чем прибудут победители и начнутся грабежи. Я буду охранять вас.

Но Гесерет покачала головой.

– Это неправда. Нага не могли убить. – Она отвернулась. Когда взошло солнце, она одиноко стояла на обочине дороги, а разбитое войско текло мимо. Эта беспорядочная толпа не имела никакого сходства с гордым воинством, собравшимся перед Синими Воротами Вавилона всего несколько месяцев назад.

Среди них было несколько военачальников, и Гесерет крикнула одному из них:

– Где фараон? Что произошло?

Боевой командир не узнал ее, с окровавленным лицом и в растерзанной одежде, покрытой пылью. Он крикнул в ответ:

– Наг Киафан убит в поединке самим Нефером Сети, и его тело разрублено на части, которые, чтобы показать всему народу, разосланы во все номы Египта. Вражеское войско продвигается быстро и придет сюда, вероятно, к полудню.

Гесерет издала пронзительный вопль. Эти подробности были слишком яркими, чтобы сомневаться дольше. Она зачерпнула ладонями пыль и высыпала себе на голову. Продолжая вопить, она расцарапала себе лицо ногтями, так что показалась кровь, которая потекла по щекам и закапала на хитон.

Ее служанки и начальник ее личной охраны вышли из-за ограды, чтобы увести царицу назад, но она, вне себя от горя, стала выкрикивать несвязные ругательства. Подняв лицо к небесам, она стала выкрикивать богохульства, обвиняя богов в том, что они не защитили ее мужа, бога намного более великого, чем любой другой в пантеоне.

Ее рыдания и крики звучали все громче, а поведение становилось все более неистовым и безумным. Она рассекла себе грудь маленьким украшенным драгоценными камнями кинжалом, который всегда носила с собой, помочилась стоя и, упав в получившуюся грязь, принялась кататься в ней. Затем она внезапно вскочила и помчалась внутрь ограды лагеря. Подбежав к клетке для свиней на телеге, она завизжала Мерикаре сквозь прутья:

– Наш муж мертв. Убит нашим родным братом. Чудовищем.

– Хвала Хатор и всем богам, – воскликнула Мерикара.

– Ты богохульствуешь! – Гесерет набросилась на нее. – Наг Киафан был богом, а ты была его женой. – Она впадала во все более глубокое безумие. – Тебе следовало быть почтительной женой, но ты бросила его. Опозорила и оскорбила.

– Мой муж – Мерен, – сказала Мерикара. – Я презираю то существо, которое ты называешь мужем. Он убил нашего отца и вполне заслужил кару, какую понес от рук Нефера.

– Мерен – простой солдат, а Наг был и есть бог.

Хотя губы Мерикары распухли от жажды и были обожжены солнцем, она заставила себя улыбнуться.

– Мерен больше бог, чем Наг когда-либо был. И я люблю его. Он приедет сюда очень скоро, и тебе лучше освободить нас с Минтакой раньше, чем он прибудет, иначе они с Нефером заставят тебя дорого заплатить за это.

– Тише, милая подруга, – прошептала Минтака. – Она безумна. Посмотри ей в глаза. Не раздражай ее. Она сейчас способна на любое злодейство.

Гесерет была далека от здравомыслия или сдержанности.

– Ты любишь рядового? – спросила она. – Ты смеешь сравнивать его с моим мужем, фараоном Египта? Тогда ты получишь много солдат!

Она обратилась к командиру стражников:

– Вытащите свинью из ее грязной клетки.

Тот заколебался. Предупреждение Меркары звучало в его ушах: Нефер и его военачальники скоро будут здесь.

Гесерет, казалось, справилась с чувствами и опомнилась.

– Приказываю тебе повиноваться, или тебе несдобровать. – Он неохотно отдал приказ своим солдатам, и те разрезали кожаные ремни, которыми запястья Меркары были привязаны к стойкам, затем открыли дверь и вытащили ее за ноги.

Руки и ноги Меркары посинели и опухли в тех местах, где ремни препятствовали току крови, и она едва держалась на ногах. Незащищенную кожу лица, рук и ног докрасна обожгло солнце, а волосы свисали на лицо спутанными прядями.

Гесерет быстро осмотрелась, и ее внимание привлекло колесо, снятое для ремонта с одной из повозок. Оно было прислонено к ограде.

– Принесите сюда то колесо! – приказала она, и два солдата прикатили его туда, куда она указала. – Привяжите к нему эту суку. Нет, не так. Распните ее! Чтобы руки и ноги были широко расставлены, приглашая солдат любить ее.

Они повиновались и за запястья и лодыжки привязали Меркару к ободу колеса, как морскую звезду. Гесерет встала перед ней и плюнула ей в лицо. Меркара засмеялась потрескавшимися губами.

– Ты сошла с ума, сестра. Горе помутило твой разум. Мне жаль тебя, но ничто не сможет вернуть Нага. Когда его грязные преступления будут взвешены на весах справедливости, чудовище у врат рая пожрет его черное сердце и он будет предан забвению.

Гесерет чиркнула по обеим щекам сестры острием кинжала, нанеся мелкие поверхностные раны, из которых тем не менее обильно потекла кровь, заливая хитон на груди Меркары. Гесерет кинжалом разрезала льняную ткань. Затем обеими руками разорвала ее от шеи до подола, обнажив Меркару.

Ее тело, нетронутое солнцем, было белым и нежным, груди – маленькими, с ярко-розовыми сосками, живот – плоским и белым, а волосы внизу живота – шелковистыми.

Гесерет шагнула назад и посмотрела на своих стражников.

– Кто из вас будет первым?

Они глазели на стройное обнаженное тело на колесе.

Минтака крикнула из клетки:

– Побеpегитесь! Нефер Сети будет здесь очень скоро, и это – его сестра.

Гесерет повернулась к ней:

– Закрой свой ядовитый рот. Ты станешь следующей. Там десять тысяч мужчин, и до исхода дня ты доставишь удовольствие многим из них. – Она снова повернулась к солдатам. – Ну, посмотрите на эту сладкую плоть. Не хотите попробовать ее? Я вижу, ваши зубцы под одеждой твердеют.

– Это безумие, – прошептал командир, но не мог оторвать глаз от бледного тела. – Она – принцесса царского Дома Тамоса.

Гесерет выхватила из руки ближайшего солдата длинное копье и ударила его по спине древком.

– Ну, воин, у тебя нет яиц? Дай нам поглядеть, как ты глубоко вонзишься в эту полную меда дырку.

Солдат попятился, потирая след удара на спине.

– Вы сошли с ума. Какую кару обрушит на мою голову Нефер Сети? – Он внезапно повернулся и выбежал из ограды, чтобы присоединиться к потоку идущих по дороге беженцев. Его товарищи колебались лишь мгновение, затем один из них пробормотал: – Она безумна! Я не стану ждать, когда Нефер Сети приедет и найдет свою сестру в таком виде. – Он помчался к воротам; его товарищи побежали следом.

Гесерет метнулась за ними.

– Вернитесь! Я приказываю! – Но они смешались с толпой и исчезли. Гесерет подбежала к высокому лучнику-нубийцу, который спешил мимо, схватила его за руку и попыталась увести в свой лагерь. – Пойдем со мной. Я знаю вас, черных скотов, зубцы у вас большие, как у слона, и вы любите ими пользоваться. У меня есть кое-что, что понравится тебе.

Лучник с силой оттолкнул ее:

– Отстань, шлюха! Сейчас не до тебя.

Она смотрела, как он шагает прочь по длинной, запруженной людьми дороге, и крикнула вслед:

– Речь не обо мне, животное. Как ты смеешь оскорблять царицу Египта?

Рыдая и бессвязно бормоча, она побежали обратно в ограду лагеря. Минтака крикнула ей из клетки:

– Все закончилось, Гесерет. Успокойся. Освободи Мерикару, и мы защитим тебя. – Она говорила тихим успокаивающим голосом, поскольку поняла, что Гесерет перешла границы разума и блуждает в пустыне безумия.

– Я – царица Египта, а мой муж – бессмертный бог, – кричала Гесерет. – Смотрите на меня и страшитесь моей красоты и моего величия. – Она была покрыта кровью и грязью и неистово размахивала копьем.

– Пожалуйста, Гесерет, – добавила свою просьбу Мерикара: – Нефер и Мерен будут здесь очень скоро. Они позаботятся о тебе и защитят тебя.

Гесерет впилась в нее взглядом.

– Я не нуждаюсь ни в какой защите. Разве ты не понимаешь, что я тебе говорю? Я – богиня, а ты – солдатская девка.

– Дорогая сестра, ты расстроена. Освободи меня, и я помогу тебе.

Лицо Гесерет приобрело коварное выражение.

– Думаешь, я не смогу найти для тебя мужской зубец? Ошибаешься. У меня найдется. – Она подняла длинное копье и перевернула так, что тупой конец древка был направлен на Мерикару. – Вот идет твой воин-любовник. – Она угрожающе надвинулась на Мерикару.

– Нет, Гесерет! – настойчиво воскликнула Минтака. – Оставь ей жизнь.

– Ты будешь следующей, подлая предательница. Я займусь тобой после того, как обслужу эту.

– Гесерет, нет! – умоляла ее Мерикара, корчась в путах. Но Гесерет, казалось, не слышала ее и вставила древко копья между ее разведенными бедрами.

– Сестра, ты не можешь! Разве ты не помнишь...

Мерикара замолчала, и ее глаза широко открылись от шока и боли.

– Вот так! – сказал Гесерет, глубоко заталкивая в нее древко. – Вот так! – кричала она. – И так! – Древко с каждым толчком входило все глубже, пока не погрузилось почти на длину руки в живот и вышло, покрытое кровью Мерикары.

Теперь обе девушки кричали:

– Прекрати! Пожалуйста, прекрати!

Но Гесерет продолжала впихивать древко в свою сестру.

– Так! Это утолило твою похоть?

Мерикара истекала кровью, но Гесерет всей своей тяжестью налегла на оружие и втолкнула его в сестру на всю длину. Мерикара пронзительно закричала в последний раз и ослабла в путах. Ее подбородок упал на голую грудь.

Гесерет оставила копье воткнутым в ее стройное бледное тело и отошла. Она ошеломленно смотрела на дело рук своих.

– Ты сама виновата. Я ни при чем. Это был мой долг. Ты вела себя как шлюха. Я обошлась с тобой как со шлюхой. – Она снова начала рыдать и ломать руки. – Это не имеет значения. Ничто больше не имеет значения. Наг мертв. Наш нежно любимый муж мертв...

В полубессознательном состоянии, как лунатик, Гесерет пошла в свой шатер, роскошно обставленный, но пустой. Сняв пропитанный кровью и мочой хитон, она уселась посреди пола, затем наугад выбрала из груды в углу другую одежду и натянула на ноги сандалии.

– Пойду искать Нага, – сказала она с внезапной решимостью. Быстро собрав кое-какие вещи, она затолкала их в кожаную заплечную сумку. Затем решительно направилась к двери.

Когда она вышла на ранний солнечный свет, Минтака крикнула ей из клетки:

– Пожалуйста, освободи меня, Гесерет. Я должна позаботиться о твоей младшей сестре. Она страшно ранена. Прошу, будь милосердна, позволь мне пойти к ней.

– Ты не понимаешь. – Гесерет резко замотала головой. – Я должна идти к мужу, фараону всего Египта. Он нуждается во мне. Он послал за мной.

Не взглянув на Минтаку, она поспешила из ограды, качая головой и что-то бессвязно бормоча себе под нос. Она повернула на запад, в направлении, противоположном течению потока испуганных людей, и побежала в сторону Исмаилии и Египта.

Минтака еще раз услышала:

– Жди меня, Наг, моя единственная истинная любовь. Я иду. Жди меня! – И безумные крики Гесерет стихли вдалеке.

Минтака боролась со своими путами, крутила и тянула руки, прижав босые ноги к стойкам клетки, чтобы лучше упереться. Она чувствовала, как кожа слезала с запястий и теплая кровь потекла по ладоням и пальцам, но кожаные ремни были завязаны туго и крепко, и она не могла ни растянуть, ни разорвать их. Ее руки стали неметь от недостатка крови. Всякий раз, когда она отдыхала от этой борьбы, ее взгляд возвращался к обмякшему телу Мерикары на колесе. Она звала ее:

– Я люблю тебя, моя дорогая. Мерен любит тебя. Не умирай. Ради нас, пожалуйста, не умирай. – Но глаза Мерикары были широко открыты, а взгляд неподвижен. Скоро ее глаза стали сохнуть и стекленеть под тонким слоем пыли, и мухи назойливо зароились над телом и стали пить из лужи крови между ее ногами.

Затем Минтака услышала звуки драки, доносившиеся от входа в шатер, и, повернув голову, увидела двух служанок Гесерет, выползающих из шатра. Каждая несла большой мешок, набитый украденными ценностями. Минтака крикнула им:

– Пожалуйста, освободите меня. Вы получите свободу и большую награду, – но они испуганно и виновато поглядели на нее и выбежали из ограды на дорогу, чтобы присоединиться к отступающему в беспорядке побежденному войску, идущему на восток.

Позднее у ворот раздались голоса, и Минтака хотела закричать, но вовремя узнала грубую речь и успела сдержаться. Четыре человека осторожно вошли в лагерь. По их лицам, одежде и разговору она поняла, что это негодяи самого низкого пошиба, вероятно, из шаек шакалов и падальщиков, следующих за любым войском, чтобы грабить и воровать. Она опустила голову и притворилась мертвой.

Негодяи остановились посмотреть на тело Мерикары. Один засмеялся и сделал такое непристойное замечание, что Минтака крепко зажмурилась и с большим трудом заставила себя смолчать.

Затем они подошли к клетке и поглядели на нее. Она лежала совершенно неподвижно и старалась не дышать. Понимая, как ужасно она выглядит, она попробовала притвориться мертвой.

– Воняет, как от свиньи, – заметил один из них. – Лучше займусь этим с Госпожой Ладонью и ее пятью дочерьми. – Они дружно загоготали над этой шуткой и разошлись по лагерю в поисках добычи. Они ушли, унося все, что могли. Минтака смотрела на удлиняющиеся на утоптанной земле лагеря тени, а тем временем снаружи звуки проезжающих повозок, телег и идущих пешком людей медленно стихли. Перед самым закатом прошли последние из них, и тишина пустыни и смерти опустилась на лагерь.

Ночью Минтака иногда погружалась в сон, побежденная истощением и охватившим ее отчаянием. Всякий раз, просыпаясь, она видела в серебряном свете луны распятое бледное тело Мерикары, и ужасное горе охватывало ее вновь.

Наступил рассвет, и взошло солнце, но единственным звуком, который она слышала, был шорох ветра пустыни в ветвях хилого тернового дерева у ворот и время от времени собственные рыдания. Но они звучали все тише и слабее – еще один день прошел без воды.

Затем Минтака услышала что-то еще, отдаленный шум, превратившийся в тихий рокот, и поняла, что это колеса, катящиеся на большой скорости. Это были колесницы, поскольку теперь она слышала топот копыт и мужские голоса, которые становились все громче и громче, – и наконец она узнала один из них.

– Нефер! – Она хотела крикнуть его имя, но ее голос прозвучал тихим шепотом. – Нефер!

Затем она услышала вопли ужаса и, медленно повернув голову, увидела вбегающего в ворота Нефера и Мерена с Таитой позади него.

Нефер увидел ее сразу и подбежал к клетке. Он голыми руками сорвал ворота с петель, а затем, вынув из ножен кинжал, обрезал кожаные ремни, удерживавшие ее запястья. Осторожно вытащив ее из зловонной клетки, он прижал ее к груди. Он плакал, неся ее в шатер.

– Мерикара! – прошептала она потрескавшимися распухшими губами.

– Таита позаботится о ней, но боюсь, что уже слишком поздно. – Минтака посмотрела назад через плечо Нефера и увидела, как Таита и Мерен вместе разрезали путы Мерикары и вытащили покрытое свернувшейся кровью копье из ее тела. Сейчас они расправляли чистую белую льняную ткань на ее теле, закрывая ужасные увечья.

Минтака закрыла глаза.

– Я изнемогаю от горя и печали, но, мой дорогой, я никогда не видела ничего красивее и долгожданнее вашего лица. Теперь я немного отдохну. – И она потеряла сознание.

Минтака просыпалась медленно, как если бы поднималась из глубин темной ужасной ямы, где обитают демоны.

Когда она открыла глаза, демоны, преследовавшие ее во сне, скрылись, и она с огромным облегчением увидела два самых любимых лица. Таита сидел с одной стороны от ее ложа, Нефер с другой.

– Сколько? – спросила она. – Сколько я лежала без чувств?

– День и ночь, – ответил Таита. – Я дал тебе цветы красного шепенна.

Она поднесла руку к лицу и увидела на ней толстый слой бальзама. Повернув голову к Неферу, она прошептала:

– Я уродлива.

– Нет! – ответил он. – Вы – самая красивая женщина, какую я видел, и я люблю вас, несмотря на это.

– Вы не сердитесь на меня из-за того, что я не повиновалась вам?

– Вы подарили мне корону и страну. – Он покачал головой, и на лицо Минтаки упала его слеза. – Кроме того, вы подарили мне любовь, которая для меня более драгоценна, чем все остальное. Как я могу сердиться на вас?

Таита тихо поднялся и вышел из шатра, и остаток дня они провели вдвоем, тихо беседуя.

Вечером Нефер послал за остальными. Когда они собрались вокруг ложа Минтаки, Нефер печально посмотрел на их лица и увидел, что все здесь: Таита и Мерен, Пренн, Сокко и Шабако, с трудом двигающийся из-за боли в ранах, полученных на поле битвы у Исмаилии.

– Вы пришли, чтобы увидеть, как свершится правосудие, – сказал он и повернулся к стражникам у двери.

– Введите женщину по имени Гесерет, – приказал он.

Минтака вздрогнула и попыталась сесть, но он мягко вернул ее назад на изголовье.

– Где? Как вы нашли ее?

– Наши заставы обнаружили ее блуждающей в пустыне на дороге в Исмаилию, – объяснил Нефер. – Сначала они не узнали ее и не поверили заявлениям, что она царица. Они сочли ее безумной.

Гесерет вошла в шатер. Нефер позволил ей искупаться и дал свежую одежду, а Таита обработал порезы и царапины на ее лице и теле. Теперь она отбросила руки стражников и поглядела вокруг, по-царски вздернув подбородок.

– Падите ниц передо мной, – приказала она собравшимся. – Я – царица.

Никто не шелохнулся, а Нефер сказал:

– Принесите ей табурет.

Когда Гесерет усадили, он посмотрел на нее так холодно, что она закрыла лицо и расплакалась.

– Вы ненавидите меня, – рыдала она. – Почему вы ненавидите меня?

– Минтака расскажет тебе почему, – ответил он и повернулся к ложу: – Пожалуйста, расскажи нам, как умерла принцесса Мерикара.

Минтака говорила почти час, и в течение всего этого времени никто в шатре не пошевелился и не было слышно ни звука, кроме вздохов и восклицаний ужаса в самых страшных частях рассказа. После Нефер посмотрел на Гесерет.

– Ты отрицаешь какую-нибудь часть этого свидетельства?

К Гесерет вернулся ее холодный взгляд.

– Она была шлюхой и навлекла позор на моего мужа, фараона Египта. Она заслужила смерть. Я довольна и горда, что смогла стать орудием справедливости.

– Даже сейчас я мог бы простить тебя, – тихо сказал Нефер, – если бы ты выказала хотя бы крупицу раскаяния.

– Я – царица. Я выше ваших жалких законов.

– Ты больше не царица, – ответил Нефер, и было видно, что Гесерет пришла в замешательство.

– Я – твоя родная сестра. Ты не причинишь мне вреда.

– Мерикара тоже была твоей сестрой. Ты пощадила ее?

– Я хорошо знаю тебя, Нефер Сети. Ты не причинишь мне вреда.

– Ты права, Гесерет. Я не причиню. Но есть тот, кто сделает это без колебаний. – Он обратился к собравшимся военачальникам: – Есть древний закон о праве понесшего самый большой ущерб. Выйди вперед, Мерен Камбизес.

Мерен поднялся и шагнул вперед.

– Фараон, я – ваш солдат.

– Ты был обручен с принцессой Мерикарой. Тебе нанесен самый большой ущерб. Я отдаю в твое распоряжение тело и жизнь Гесерет Тамос, которая была принцессой царского дома Египта.

Гесерет закричала, когда Мерен накинул золотую цепь на ее шею:

– Я – царица и богиня, вы не осмелитесь навредить мне.

Никто не обратил внимания на ее крики, и Мерен посмотрел на Нефера.

– Великий, вы ставите мне какие-нибудь условия? Настаиваете или приказываете проявить милосердие и сострадание?

– Я отдаю ее тебе без ограничений. Ее жизнь принадлежит тебе.

Мерен ослабил меч в ножнах на бедре и поднял Гесерет на ноги, потянув за цепь. Он потащил ее, воющую и рыдающую, из шатра. Никто не пошел за ними.

Они сидели в тишине и через льняные стены слышали вопли мольбы и увещевания Гесерет. Затем внезапно наступила тишина, и все замерли. Они услышали высокий, пронзительный вопль, который оборвался так же внезапно, как и возник.

Минтака спрятала лицо в ладонях, Нефер правой рукой сделал знак против зла. Другие закашляли и беспокойно задвигались.

Затем занавески на входе раскрылись, и Мерен вошел в шатер. В правой руке он нес обнаженный меч, а в другой нечто страшное.

– Великий, – сказал он, – правосудие свершилось. – Он высоко поднял за густые локоны отрубленную голову Гесерет, жены Нага Киафана, самозваного фараона.

Прошло еще пять дней, прежде чем Минтака оправилась достаточно для длинной поездки в Аварис. Но и тогда Таита и Нефер настояли на том, чтобы ее несли в носилках для ослабления тряски на неровной дороге, лежавшей впереди. Они двигались медленно, и прошло пятнадцать дней, прежде чем они достигли откоса и посмотрели с сухих просторов вниз, на широкую зеленую долину Нила. Нефер помог Минтаке встать с носилок, и они вместе отошли от дороги, чтобы полностью насладиться радостным мгновением возвращения домой. Они пробыли там недолго, и вдруг Нефер встал и приставил ладонь к глазам.

– Что там, сердце мое? – спросила Минтака.

– К нам посетители, – ответил он, но когда она с досадой посетовала на то, что им мешают, он продолжил: – Эти посетители всегда желанны.

Она улыбнулась, узнав две непохожие фигуры, приближавшиеся к ним.

– Таита. И Мерен! Но что за странная одежда?

Оба были в простой одежде и сандалиях, а на ремнях за спиной несли кожаные мешки священников, совершающих паломничество.

– Мы пришли попрощаться и попросить тебя отпустить нас, – объяснил Таита.

– Вы не оставите меня сейчас. – Нефер был встревожен. – Вы не придете на мою коронацию?

– Ты был коронован на поле у Исмаилии, – тихо ответил Таита.

– Наша свадьба! – воскликнула Минтака. – Вы должны остаться на нашу свадьбу.

– Вы уже давно женаты, – улыбнулся Таита, – возможно, со дня вашего рождения, потому что боги предназначили вас друг для друга.

– Но ты, мой брат по Красной Дороге и мой самый дорогой друг, – обратился Нефер к Мерену, – что случилось с тобой?

– Теперь, когда Мерикара ушла, для меня здесь не осталось ничего. Я должен уйти с Таитой.

Нефер понимал, что сказать больше нечего и что долгие проводы – лишние слезы. Он даже не спросил, куда они собрались. Возможно, они сами не знали.

Он обнял и поцеловал их и вместе с Минтакой стоял и смотрел, как их друзья уходят, как фигуры медленно уменьшаются вдалеке в мерцающих просторах пустыни. Молодые люди одинаково ощущали глубокую боль сожаления и тяжелой утраты.

– На самом деле они не ушли, – прошептала Минтака, когда наконец Таита с Мереном исчезли из виду.

– Нет, – согласился Нефер. – Они всегда будут с нами.

С верховной жрицей и пятьюдесятью служительницами храма Хатор впереди, принцесса Минтака Апепи прибыла для заключения брака с фараоном Нефером Сети.

Они стояли вместе на террасе дворца в Фивах, с которой открывался вид на широкий коричневый поток разлившегося Нила, в сезон, наиболее благоприятный для всех живых существ на земле Египта.

Минтака давно оправилась от своих ран и мучений. Ее красота полностью вернулась и в этот радостный час, казалось, возросла десятикратно.

Казалось, весь Египет собрался, чтобы засвидетельствовать их бракосочетание. Толпы людей протянулись по обоим берегам реки насколько хватало глаз. Когда пара обнялась и разбились кувшины с нильской водой, поднявшийся до небес крик, должно быть, испугал даже богов. Затем Нефер Сети вывел свою новую царицу за руку и показал ее красоту народу. Люди падали на колени, плакали и громко выкрикивали слова преданности и любви.

Внезапно тишина объяла это огромное собрание людей, все взгляды поднялись к крошечному пятнышку в небесном своде над дворцом.

В тишине раздался одинокий громкий крик царского сокола, и птица начала падать с синей высоты. В конце падения, когда казалось, что сокол вот-вот ударится о землю, он широко расправил крылья и взлетел над высокой фигурой фараона. Нефер поднял правую руку, вытянул ее, и мягко как перышко величественная птица села на его кулак.

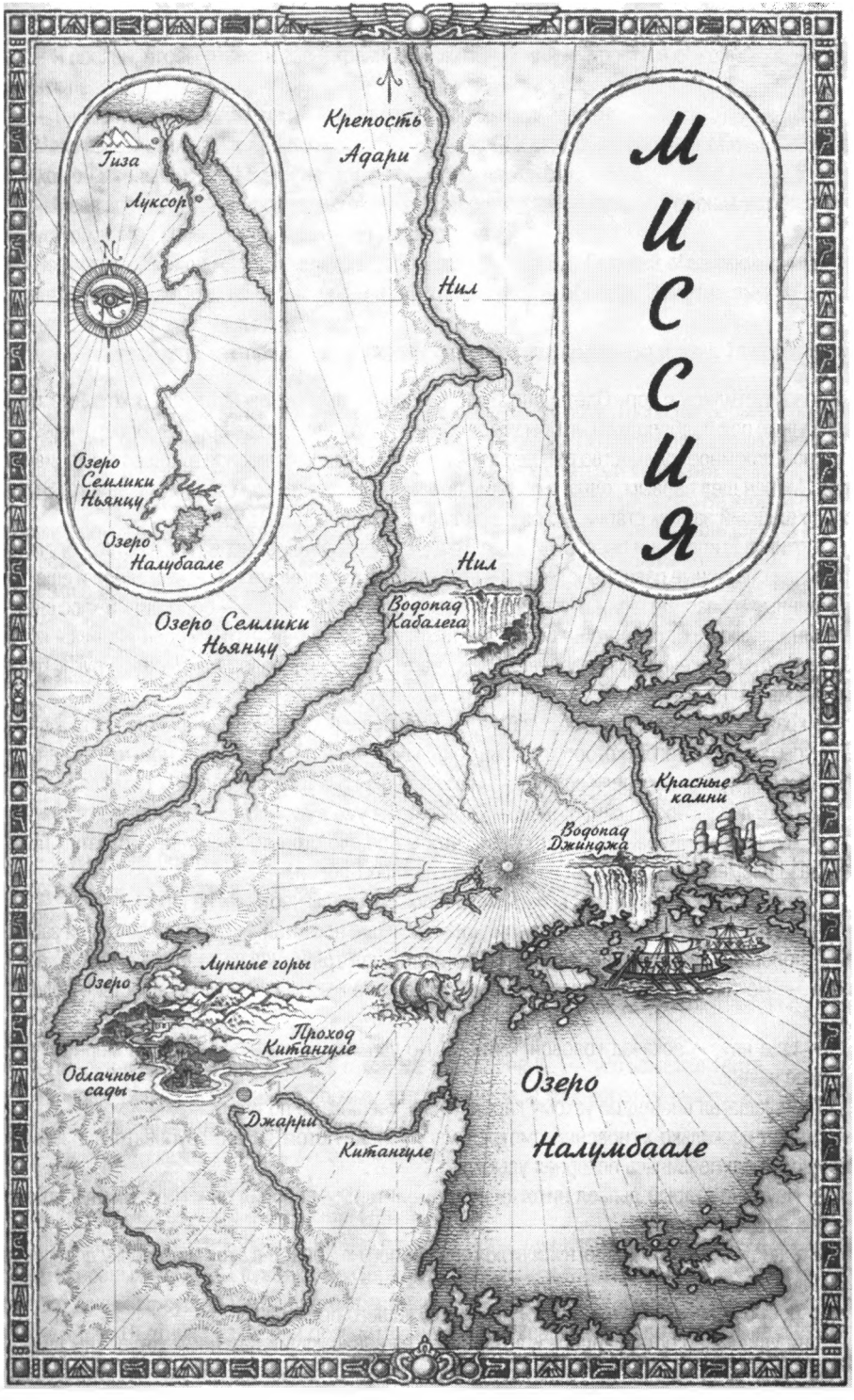
Рев, подобный шуму штормового моря, вырвался из десяти тысяч ртов, когда люди приветствовали это чудо. Но взгляд Нефера упал на тонкую полоску из чистого золота, прикрепленную на правой лапе птицы выше больших изогнутых когтей. Выгравированный на полоске из драгоценного металла символ заставил сердце Нефера забиться, когда он узнал его.

– Царский картуш! – прошептал он. – Он никогда не был дикой птицей. Это – Нефертем, сокол моего отца. Вот почему он прилетал ко мне так часто во время самой большой опасности, чтобы предупредить и вести меня. Это всегда был дух моего отца.

– И сейчас Нефертем прилетел, чтобы подтвердить перед всем миром, что вы – действительно правитель. – Минтака встала ближе и пристально поглядела ему в лицо, а в глазах ее светились гордость и любовь.

Миссия

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Миссия
Крепость Адари
Гиза
Луксор
Нил
Озеро Селлики Ньянцу
Озеро Налубаале
Нил
Водопад Кабалега
Озеро Селлики Ньянцу
Красные камни
Водопад Джинджа
Лунные горы
Озеро
Проход Китангуле
Облачные сады
Джарри
Китангуле
Озеро Налумбаале

Двое спустились с гор. Одеты они были в поношенные меховые плащи и кожаные треухи, завязанные под подбородком, чтобы уберечь лицо от холода. Густые бороды, обветренные лица. Все свое скромное имущество они несли на спинах. Трудное и опасное путешествие привело их сюда. Мерен шел первым, однако понятия не имел, где они и зачем зашли так далеко. Это знал только шедший за ним старик, но он решил пока не просвещать Мерена.

Покинув Египет, они пересекли моря и озера, переправились через множество могучих рек, миновали обширные равнины и леса. Им встречались диковинные и опасные звери и еще более диковинные и опасные люди. Путники забрели в самое сердце гор – бескрайний хаос снежных вершин и зияющих пропастей, где воздух такой, что трудно дышать. Мерен лишился кончика пальца – отмороженного, почерневшего. К счастью, это был палец не с правой руки, которой держат меч, и не тот, что спускает тетиву большого лука.

У края последнего крутого обрыва Мерен остановился. Сзади к нему подошел старик в плаще из шкуры снежного тигра, которого Мерен убил одной стрелой, когда зверь прыгнул на него. Стоя плечом к плечу, они смотрели вниз на незнакомый край рек и густых зеленых джунглей.

– Пять лет, – промолвил Мерен. – Пять лет мы уже в пути. Здесь он обрывается, маг?

– Ну, добрый Мерен, не может быть, чтобы прошло столько времени, – ответил Таита, и его глаза насмешливо блеснули из-под белоснежных бровей.

Мерен достал из-за спины ножны меча и показал ряды черточек на коже.

– Я отмечал каждый день, – заверил он. – Хочешь, посчитай. – Он сопровождал и защищал Таиту половину своей жизни, но по сей день не знал точно, когда старик серьезен, а когда шутит. – Но ты не ответил на мой вопрос, достопочтенный маг. Наше путешествие подошло к концу?

– Еще нет, – покачал головой Таита. – Но успокойся, нами по крайней мере положено хорошее начало.

И он зашагал вперед по узкому карнизу, спускавшемуся по утесу.

Мерен несколько мгновений смотрел магу вслед. Потом на его грубовато-добродушном красивом лице появилась покорная улыбка.

– Неужели старый дьявол никогда не угомонится? – спросил он у гор, закинул ножны за спину и пошел следом.

У подножия утеса они обогнули отложения белого кварца, и в этот миг сверху донесся тонкий голос:

– Добро пожаловать, путники! Я давно жду вашего прихода.

Они удивленно остановились и воззрились на нависающий над ними уступ. Там виднелся детский силуэт – мальчик не старше одиннадцати лет. Странно, как они не заметили его рань-

ше: ребенка ничто не скрывало, яркий солнечный свет озарял его, отражаясь от кварца и окружая фигуру радужным нимбом, от которого болели глаза.

– Я послан, чтобы отвести вас в храм Сарасвати, богини мудрости и обновления, – сказал паренек певуче.

– Ты говоришь по-египетски? – удивленно воскликнул Мерен.

Мальчик ответил на этот ненужный вопрос улыбкой. У него было озорное обезьянье личико, но такое обаятельное, что Мерен не мог не ответить на улыбку.

– Меня зовут Ганга. Я проводник. Идемте! Впереди долгий путь. – Ребенок встал, и прядь его густых черных волос свесилась через голое плечо.

Несмотря на холод, он был только в набедренной повязке. Гладкий обнаженный торс темно-каштанового цвета, а на спине уродливый горб, как у верблюда. Заметив выражение лиц путников, мальчик вновь улыбнулся.

– Вы привыкнете, как привык я, – сказал он, спрыгнул с карниза и взял Таиту за руку. – Сюда.

Следующие два дня Ганга вел их по густому бамбуковому лесу. Тропа непрерывно петляла и поворачивала, и без него египтяне уже сто раз заблудились бы. По мере спуска становилось теплее, и вскоре путники смогли сбросить меха и идти с непокрытыми головами. Волосы у Таиты были редкие, прямые и серебристые, у Мерена – густые, темные и курчавые. На второй день они пришли к опушке бамбукового леса и по тропе вступили в густые джунгли; шли словно по галерее, ветви над головами путников смыкались, затмевая солнце. Теплый воздух был насыщен запахами влажной земли и гниющих растений. Вверху мелькали пестрые птицы, на ветвях раскачивались, перекрикиваясь, маленькие обезьянки, а над цветами порхали яркие бабочки.

Джунгли внезапно закончились, и путники оказались на открытой местности. Вдалеке, на расстоянии около лиги, джунгли вновь обретали свою власть. Посреди поляны стояло грандиозное сооружение. Его башни, шпили и террасы были сложены из каменных глыб, желтых, как масло, и всю постройку окружала высокая стена из того же материала. Фасад здания украшали многочисленные статуи нагих мужчин и сладострастных женщин.

– То, чем заняты эти статуи, смутило бы и лошадей, – с осуждением произнес Мерен, хотя его глаза заблестели.

– Думаю, ты послужил бы отличной моделью для скульпторов, – ответил Таита. Статуи из желтого камня изображали всевозможные сплетения человеческих тел. – Конечно, все это тебе знакомо.

– Напротив, я тут многому могу научиться, – возразил Мерен. – Половина мне и не снилась.

– Это храм Знания и Обновления, – напомнил Ганга. – Здесь акт совокупления считается прекрасным и священным.

– Мерен давно придерживается такой же точки зрения, – сухо заметил Таита.

Теперь они шли по мощеной дороге, которая привела их к воротам внешней стены храма. Массивные тиковые створки были раскрыты.

– Идите, – сказал Ганга. – Апсары ждут вас.

– Что за апсары? – спросил Мерен.

– Храмовые девушки, – объяснил Ганга.

Путешественники вошли в ворота, и тут даже Таита удивился: они очутились в прекрасном саду. По ровным зеленым лужайкам разбросаны цветущие кусты и плодовые деревья, с ветвей свисают сочные фрукты. Таита, знаток растений и ученый садовод, сумел узнать не все экзотические виды. Цветники изумляли ослепительно яркими красками. У ворот на траве сидели три молодые женщины. Завидев путников, они вскочили и легко побежали им навстречу. Смеясь и

подпрыгивая от возбуждения, они обняли и поцеловали Таиту и Мерена. Первая апсара – стройная, золотоволосая и очень красивая – благодаря безупречной коже казалась девочкой, и груди у нее были девичьи.

– Здравствуйте, и добро пожаловать! – сказала она. – Меня зовут Астрата.

У второй апсары были темные волосы и раскосые глаза. Кожа прозрачная, словно восковая, и гладкая, словно отполированная мастером, работающим по слоновой кости. Она была великолепна, в полном расцвете женственности.

– Меня зовут Ву Лу. – Она восхищенно поглаживала мускулистую руку Мерена. – Ты прекрасен.

– А я Тансид, – представилась третья апсара, высокая и величественная. Поразительные глаза бирюзового цвета, волосы пылали золотом, зубы белые и ровные. Когда она целовала Таиту, тот вдохнул аромат ее груди, такой же, как аромат цветов в саду. – Добро пожаловать, – продолжала Тансид. – Мы вас ждали. Кашьяпа и Самана сообщили, что вы уже близко, и послали нас вам навстречу. Вы принесли нам радость.

Обнимая одной рукой Ву Лу, Мерен оглянулся на ворота.

– А куда делся Ганга? – спросил он.

– Никакого Ганги не было, – ответил Таита. – Ганга – лесной дух, и теперь, выполнив поручение, он вернулся в иной мир.

Мерен принял это объяснение. Долгая жизнь бок о бок с магом отучила его удивляться даже самым странным и чудесным явлениям.

Апсары отвели их в храм. После яркого горячего солнца в саду высокие залы были полны сумеречной прохлады, от курильниц, стоявших перед золотыми статуями богини Сарасвати, пахло благовониями. Тут же молились жрецы и жрицы в просторных шафранных одеяниях, а другие апсары мелькали в тени, как бабочки. Некоторые подходили, чтобы обнять и поцеловать пришельцев. Они гладили руки и грудь Мерена и теребили серебристую бороду Таиты.

Наконец Ву Лу, Тансид и Астрата взяли гостей за руки и провели по длинному коридору в жилые помещения храма. В трапезной женщины поставили перед ними блюда с тушеными овощами и чаши со сладким красным вином. Путники так долго питались более чем скудно, что даже Таита ел с аппетитом. Когда они насытились, Тансид проводила Таиту в отведенную для него комнату, помогла ему раздеться, заставила встать в медную ванну с теплой водой и принялась губкой растирать усталое тело. Словно мать, купающая ребенка, она вела себя совершенно естественно и была нежна, так что Таита не испытывал смущения, даже когда апсара промыла уродливый шрам, оставшийся после оскопления. Потом, вытерев Таиту насухо, Тансид отвела мага к ложу и посидела рядом, негромко напевая, пока он не погрузился в глубокий сон без сновидений.

Ву Лу и Астрата отвели Мерена в другую комнату. Как Тансид Таиту, они вымыли его и уложили на постель. Мерен пытался их удержать, но он очень устал и был не слишком настойчивым. Женщины со смехом ускользнули. Через несколько мгновений Мерен тоже крепко спал.

Спал он до тех пор, пока в комнату не проник дневной свет, и проснулся отдохнувшим. Грязная поношенная одежда исчезла, ее сменило чистое просторное одеяние. Не успел Мерен облачиться в него, как услышал милый женский смех, из-за двери донеслись приближающиеся голоса. Две девушки принесли фарфоровые блюда и кувшин с фруктовым соком. Они поели вместе с гостем, беседуя с ним по-египетски, но меж собой говорили на смеси языков, которые казались в их устах родными. Однако каждая предпочитала тот, что явно был языком ее матери. Астрата была ионийкой – это объясняло ее золотистые волосы, – а Ву Лу говорила с напевными интонациями далекого Катая.

Покончив с едой, они вывели Мерена на солнце, к фонтану, откуда вода стекала в глубокий бассейн. Обе девушки сбросили легкие одежды и нагими погрузились в бассейн. Видя, что

Мерен не следует их примеру, Астрата вышла; с ее волос и тела стекала вода. Она со смехом стащила с Мерена одежду и потянула за собой в воду. Ву Лу пришла ей на помощь, и вдвоем они принялись резвиться и плескаться. Вскоре Мерен забыл о скромности и повел себя столь же откровенно. Астрата сначала рассматривала его боевые шрамы на узловатых мышцах, потом вымыла ему голову.

Тела апсар соприкасались с телом Мерена, и он изумлялся их совершенству. Под поверхностью воды их руки все время гладили и трогали его. Вдвоем они привели его в возбуждение и, радостно крича, повлекли из бассейна в маленький павильон под деревьями. Здесь на каменном полу лежали груды шелковых подушек, и девушки, еще влажные после купания, легли на них.

– Теперь мы будем поклоняться богине, – сказала Ву Лу.

– Как? – спросил Мерен.

– Не бойся. Мы покажем, – заверила Астрата. Она всем телом прижалась к его спине, целуя сзади уши и шею, ее теплый живот касался его ягодиц. Руками она ласкала Ву Лу, которая целовала Мерена в губы, обхватив его руками и ногами. Девушки оказались удивительно искусными в любви. Немного погодя они втроем словно слились в единое целое, преобразились в единый организм, в шестирукое, шестиногое и трехротое существо.

Таита, как и Мерен, проснулся рано. Хотя долгое путешествие утомило его, несколько часов сна освежили тело и дух. Свет дня заполнил комнату, Таита сел и понял, что он не один.

Сидевшая рядом Тансид улыбнулась.

– Доброе утро, маг. Я принесла тебе еду и питье. Подкрепись, тебя с нетерпением ждут Кашьяпа и Самана.

– А кто они?

– Кашьяпа наш достопочтенный настоятель. Самана наша верховная жрица. Как и ты, оба известные маги.

Самана ждала его в беседке храмового сада. Это была красивая женщина неопределенного возраста в шафранном одеянии. В ее густых волосах виднелись серебристые прядки, а глаза казались бесконечно мудрыми. Обняв Таиту, она пригласила его сесть рядом на мраморную скамью. Самана расспрашивала о путешествии, которое привело к храму, и какое-то время они беседовали. Потом она сказала:

– Мы рады, что ты успел прийти, чтобы встретиться с настоятелем Кашьяпой. Скоро его с нами не будет. Это он послал за тобой.

– Я знал, что иду на зов, но не знал на чей, – кивнул Таита. – Зачем он вызвал меня сюда?

– Он сам тебе объяснит, – ответила Самана. – Мы сейчас направимся к нему.

Она встала и взяла Таиту за руку. Тансид осталась, а Самана провела гостя через множество переходов и помещений. Потом они поднялись по длинной, казавшейся бесконечной спиральной лестнице и наконец оказались в небольшой круглой комнате на вершине самой высокой храмовой башни. В комнате не было стен, и из нее, в какую сторону ни глянь, открывался вид на зеленые джунгли и далекий барьер заснеженных горных вершин на севере. В центре комнаты, на груде подушек поверх матраца, сидел человек.

– Сядь перед ним, – прошептала Самана. – Он почти совсем оглох и должен видеть твои губы, когда ты говоришь.

Таита послушался. Некоторое время они с Кашьяпой разглядывали друг друга.

Кашьяпа был очень стар. Глаза его выцвели и поблекли, зубы выпали. Сухую, как старый пергамент, кожу покрывали бурые пятна, волосы, борода и брови были светлыми и прозрачными, словно из стекла. Руки и голова неудержимо тряслись.

– Зачем ты звал меня, маг? – спросил Таита.

– У тебя добрый ум, – прошелестел Кашьяпа.

– Откуда ты обо мне знаешь?

– Своей эзотерической силой и присутствием ты создаешь в эфире колебания, которые можно уловить издалека, – объяснил Кашьяпа.

– Чего ты хочешь от меня?

– Ничего и в то же время всего, может быть, даже твою жизнь.

– Объясни.

– Увы! Я слишком долго ждал. Темный тигр смерти идет по моему следу. Я умру до захода солнца.

– Дело, которое ты поручаешь мне, важное?

– Необычайно.

– Что от меня требуется? – спросил Таита.

– Я полагал вооружить тебя для предстоящей борьбы, но от апсар узнал, что ты евнух. До твоего прихода я этого не знал. И не могу передать тебе свои знания тем способом, какой подразумевал.

– Каким способом?

– Посредством плотского сношения.

– Снова не понимаю.

– С помощью плотского сношения между нами. Но ты искалечен, и оно невозможно.

Таита молчал. Кашьяпа положил на его руку свою, высохшую, похожую на птичью лапу, и мягко сказал:

– По твоей ауре я вижу, что, напомнив об увечье, оскорбил тебя. Прости – но у меня слишком мало времени, и приходится говорить прямо.

Таита по-прежнему молчал. Кашьяпа продолжил:

– Я выбрал сношение с Саманой. У нее тоже добрый ум. Когда меня не станет, она передаст тебе то, что узнала от меня. Прости, что я тебя расстроил.

– Правда порой причиняет боль, но ты ничего такого не сделал. Я исполню все, о чем ты просишь.

– Тогда оставайся с нами, пока я буду передавать все, чем обладаю, всю мудрость и знания, накопленные за долгую жизнь, Самане. Позже она поделится с тобой, и ты получишь оружие для страшного испытания, уготованного тебе судьбой.

Таита молча склонил голову в знак согласия.

Самана резко хлопнула в ладоши, и со стороны лестницы показались две незнакомые апсары, обе молодые и красивые, одна темноволосая, другая – белокурая красавица. Вслед за Саманой они прошли к жаровне у дальней стены и помогли верховной жрице приготовить и вскипятить настой из остро пахнущих трав. Когда зелье было готово, его принесли Кашьяпе. Одна из девушек держала трясущуюся голову старца, вторая поднесла чашку к его губам. Он, шумно прихлебывая, выпил настой, пролив немного на подбородок, и устало опустился на матрац.

Две апсары нежно и уважительно раздели настоятеля и полили его промежность ароматной жидкостью из алебастровой бутылочки. Мягко, но настойчиво они принялись массировать его увядший мужской орган. Кашьяпа застонал и пробормотал что-то, вертя головой из стороны в сторону, но под искусными руками апсар и под действием жидкости его орган начал увеличиваться и подниматься.

Когда он разбух и достаточно поднялся, к матрацу подошла Самана. Подняв полы своего шафранного одеяния до самой талии, она обнажила красивые ноги и круглые сильные ягодицы. Расставив ноги, она села на Кашьяпу, взяла в руку его мужской орган и ввела в себя. Как только они слились в соитии, Самана опустила полы одеяния, скрыв от глаз происходящее, и принялась покачиваться, негромко нашептывая:

– Господин, я готова получить все, что тебе угодно дать.

– С готовностью отдаю. – Голос Кашьяпы звучал слабо. – Используй полученное мудро и во благо. – Его голова снова мотнулась из стороны в сторону, рот исказился в страшной гримасе. Но вот старец замер и застонал, его тело сотрясли конвульсии. Почти час никто не двигался. Затем из груди Кашьяпы вырвался последний вздох, и настоятель упал на матрац.

Самана сдержала крик.

– Он умер, – сказал она с печалью и сочувствием, мягко отсоединилась от тела Кашьяпы, наклонилась и закрыла ему глаза. Потом взглянула на Таиту. – Сегодня на закате мы сожжем его и развеем прах. Кашьяпа был мне наставником всю жизнь. Он для меня больше чем отец. Теперь сущность его жизни во мне, соединилась с моей душой. Прости, маг, но пройдет немало времени, прежде чем я оправлюсь после страшного испытания и смогу быть тебе полезна. Тогда я пошлю за тобой.

Вечером того же дня Таита стоял подле Тансид на маленьком неосвещенном балконе своей комнаты и смотрел в храмовый сад на погребальный костер настоятеля Кашьяпы, чрезвычайно сожалея о том, что так мало знал этого человека. Даже за время их короткого знакомства маг ощутил глубокое родство, связывавшее их.

Из темноты, оторвав его от размышлений, донесся негромкий голос. Таита повернулся и увидел, что к ним неслышно подошла Самана.

– Кашьяпа тоже чувствовал ваше родство. – Она встала по другую сторону от Таиты. – Ты тоже служишь Истине. Потому он и призвал тебя столь срочно. Он сам пришел бы к тебе, если бы был способен преодолеть столь дальнее расстояние. Во время плотской связи, свидетелем которой ты был, этой последней великой жертвы Кашьяпы Истине, он оставил мне для тебя весть. Но прежде чем я передам ее тебе, приказал испытать тебя. Скажи, Таита из Галлалы, какова твоя вера?

Таита после недолгого раздумья ответил:

– Я верю, что вселенная – это поле битвы двух могучих воинств. Первое – боги Истины. Второе – демоны Лжи.

– Какую роль мы, слабые смертные, можем играть в этой борьбе? – спросила Самана.

– Мы можем посвятить себя Истине или позволить Лжи поглотить нас.

– Если мы выберем правый путь, путь Истины, как нам сопротивляться темной силе Лжи?

– Подниматься на Вечную Гору, пока не узрим лик Истины. Достигнув этого, мы попадем в ряды Благосклонных Бессмертных, воинов Истины.

– Такова судьба всех людей?

– Нет! Только немногие, самые достойные, могут так возвыситься.

– Победит ли Истина в конце времен Ложь?

– Нет! Ложь сохранится, но Истина тоже. Их битва вечна.

– Разве Истина не бог?

– Назови его Ра или Ахура Мазда, Вишну или Зевс, Водан или как угодно иначе, бог есть бог, единый и единственный, – высказал свое кредо Таита.

– По твоей ауре я вижу, что в твоих словах нет следов Лжи, – негромко произнесла Самана и села рядом с ним. – Дух Кашьяпы во мне убедился, что ты действительно на стороне Истины. Иных доказательств не нужно, и перед нами нет никаких препон. Мы можем начать.

– Что начать, Самана? Объясни.

– В нынешние трудные времена Ложь снова обрела власть. Возникла новая страшная сила – и угрожает всему человечеству, но в особенности твоему Египту. Тебя призвали сюда, чтобы вооружить для борьбы с этим страшным противником. Я раскрою твое Внутреннее Око, дабы ты явственно увидел тропу, по коей должен следовать. – Самана встала и обняла его. Потом продолжила: – У нас мало времени. Завтра приступим. Но прежде я выберу помощницу.

– А есть выбор? – спросил Таита.

– Твоя апсара Тансид и раньше помогала мне. Она знает, что необходимо.

– Так бери ее, – предложил Таита. Самана кивнула и протянула Тансид руку. Женщины обнялись и снова посмотрели на Таиту.

– Ты тоже должен выбрать себе помощника, – сказала Самана.

– Скажи, что от него требуется.

– Сила, чтобы сохранить твердость духа и сочувствие к тебе. И ты должен ему верить.

Таита не колебался.

– Мерен!

– Конечно, – согласилась Самана.

Наутро, отправившись к подножию гор, они прошли через джунгли и поднимались до тех пор, пока не достигли бамбукового леса. Самана осмотрела множество поникших зеленых ветвей бамбука и наконец выбрала зрелую, от которой Мерен затем отрезал часть и отнес в храм.

Самана и Тансид вырезали из этой ветки множество бамбуковых игл. Они полировали иглы, пока те не стали толщиной с человеческий волос, однако были острее и прочнее лучшей бронзы.

В спокойной атмосфере храма витало напряженное ожидание. Смех апсар звучал приглушенно. Когда Тансид смотрела на Таиту, благоговение в ее взгляде смешивалось с чем-то вроде жалости. Самана почти все дни ожидания проводила с магом, готовя к предстоящему испытанию. Они говорили о многом, и уста Саманы передавали мудрость Кашьяпы.

Однажды Таита затронул предмет, который давно его занимал:

– Мне кажется, ты долгожительница, Самана.

– Как и ты, Таита.

– Почему так мало людей доживают до наших лет? – спросил он. – Это неестественно.

– Для меня и для других – для настоятеля Кашьяпы, – возможно, дело в образе жизни, в том, что мы едим и пьем, о чем думаем и во что верим. А может, существует цель, причина долгой жизни, необходимость, руководящая нами.

– А я? Хотя по сравнению с тобой и настоятелем я совсем молод, но я живу намного дольше других, – сказал Таита.

Самана улыбнулась.

– У тебя добрый ум. До сих пор сила разума побеждала хрупкость твоего тела, но в конечном счете мы все умрем, как умер Кашьяпа.

– Ты ответила на мой первый вопрос, но у меня есть еще один. Кто меня избрал? – спросил Таита, хотя знал, что ответа не получит.

Самана светло, загадочно улыбнулась и прижала палец к его губам.

– Ты был избран, – сказала она. – Этого довольно.

Таита понял, что добрался до пределов ее знания, дальше идти она не может.

Они сидели вдвоем весь день и половину следующей ночи и говорили обо всем, что произошло между ними. Потом Самана отвела его в свою опочивальню, и они спали обнявшись, как мать и дитя, пока рассвет не озарил комнату. Они встали, вместе выкупались, и Самана отвела Таиту в древнее каменное здание в укромном уголке сада, где Таита еще не бывал. Там уже ждала Тансид. Она работала за мраморным столом, стоявшим посреди большой центральной комнаты. Когда Самана с Таитой вошли, она подняла глаза.

– Готовлю последние иглы, – объяснила Тансид, – но уйду, если вы хотите побыть наедине.

– Оставайся, возлюбленная Тансид, – ответила Самана. – Ты нам не помешаешь. – Она взяла Таиту за руку и провела по комнате. – Это здание сооружено первыми настоятелями в начале времен. Им требовалось много света для операций. – Самана указала на большие открытые окна высоко в стенах: – На этом мраморном столе открывали Внутреннее Око свыше пятидесяти поколений настоятелей. Все они были учеными и мудрецами – так мы называем посвященных, способных видеть ауру людей и животных. – Она указала на резные надписи на стенах: – Вот записи наших предшественников, сделанные столетия и тысячелетия назад. Между нами не должно оставаться тайн. Не буду давать тебе ложных заверений – ты поймешь, что я пытаюсь тебя обмануть, прежде чем я вымолвлю первое слово. Поэтому скажу, что под присмотром Кашьяпы я четырежды пыталась открыть Внутреннее Око, прежде чем добилась успеха. – Она продемонстрировала самые свежие надписи. – Вот сведения о моих усилиях. Возможно, вначале мне не хватало мастерства и проворства. А может, мои адепты недалеко ушли правым путем Истины. В одном случае исход был катастрофическим. Предупреждаю, Таита: риск велик. – Самана задумчиво помолчала, затем продолжила: – Но я не первая терпела неудачу. Смотри! – Она провела его к изъеденным временем замшелым древним надписям у самого края стены. – Это трудно прочесть, но могу рассказать, о чем здесь говорится. Почти две тысячи лет назад сюда, в храм, пришла женщина, уцелевшая представительница древнего племени, некогда населявшего город Илион на берегу Эгейского моря. Верховная жрица Аполлона. И долгожительница, как ты. После разграбления и гибели родного города она много столетий странствовала по земле, копя мудрость и знания. Тогдашнего настоятеля звали Курма. Незнакомая женщина убедила его в том, что она ревнитель Истины. И уговорила открыть ее Внутреннее Око. Операция закончилась успешно, и это взбудоражило настоятеля и привело его в восторг. Но много времени спустя после ухода женщины из храма Курму начали одолевать сомнения и дурные предчувствия. Ряд ужасных происшествий заставил его заподозрить, что на самом деле женщина была самозванкой, воровкой, идущей по левому пути прислужницей Лжи. Наконец он узнал, что эта женщина, прибегнув к колдовству, извела ту, которая действительно была избрана. Притворилась убитой и сумела, искусно скрыв свою истинную природу, одурачить его.

– И что с нею стало?

– Поколение за поколением настоятели храма богини Сарасвати пытались выследить ее. Но колдунья исчезла. Может, сейчас она уже мертва. Остается только надеяться на это.

– Как ее звали? – спросил Таита.

– Вот. Здесь написано. – Самана кончиками пальцев прикоснулась к стене. – Она называла себя Эос в честь сестры бога солнца. Но теперь я знаю, что это не было ее настоящее имя. Ее духовный знак – след кошачьей лапы. Вот он.

– А многие ли терпели неудачу? – Таита старался избавиться от дурных предчувствий.

– Да, многие.

– Расскажи еще о твоем опыте.

Самана немного подумала, потом ответила:

– Я, когда была еще ученицей, особенно запомнила одного. Его звали Вотад, и он был жрецом бога Водана. Его тело украшала священная синяя татуировка. Он прибыл в храм из северных земель, переплыв Холодное море. Это был очень сильный мужчина, но он умер под бамбуковой иглой. Даже его невероятной мощи оказалось недостаточно, чтобы выдержать удар страшной силы, освобожденной в нем открытием. Его мозг разлетелся, а из ушей и носа хлынула кровь. – Самана помолчала. – Страшная, но быстрая смерть. Возможно, Вотаду повезло больше некоторых его предшественников. Внутреннее Око может обратиться против своего владельца, как ядовитая змея, которую держат за хвост. Оно способно открыть ужасы, которые невозможно пережить.

Остаток дня они молчали, а тем временем Тансид за каменным столом полировала последние бамбуковые иглы и готовила инструменты для предстоящего таинства.

Наконец Самана взглянула на Таиту и негромко произнесла:

– Теперь ты знаешь, на что идешь. Тебе не обязательно рисковать. Выбор только за тобой.

Таита покачал головой:

– У меня нет выбора. Теперь я знаю, что он был сделан в день, когда я родился.

Этой ночью Тансид и Мерен спали в комнате Таиты. Прежде чем задуть лампу, Тансид принесла Таите небольшую фарфоровую чашку, наполненную теплым травяным настоем. Выпив настой, Таита лег и сразу крепко уснул. Мерен дважды за ночь вставал, прислушиваясь к его дыханию, и укрыл Таиту, когда в комнату начал проникать предрассветный холод.

Проснувшись, Таита увидел у своего ложа троих: Саману, Тансид и Мерена.

– Маг, ты готов? – с непроницаемым лицом спросила Самана.

Таита кивнул, но Мерен выпалил:

– Не делай этого, маг. Не давайся им. Ты совершаешь ошибку.

Таита крепко пожал его мускулистую руку.

– Я выбрал для этого дела тебя. Ты мне нужен. Не подведи, Мерен. Если мне придется пойти на это в одиночку, кто знает, каковы будут последствия? Вместе мы сможем победить, как не раз бывало в прошлом.

Мерен несколько раз судорожно вздохнул.

– Ты готов? Будешь рядом со мной, как всегда?

– Прости, я проявил слабость, но сейчас я готов, – прошептал Мерен.

Самана вывела их в залитый ослепительно ярким светом сад и отвела к древнему зданию. На одном конце мраморного стола лежали инструменты для операции, на противоположном стояла жаровня с угольями; над ней дрожал нагретый воздух. На полу у стола был расстелено руно. Таите не понадобилось ничего говорить: он опустился на колени в центре руна лицом к столу. Самана кивнула Мерену: очевидно, она заранее объяснила ему, что делать. Он опустился за Таитой и крепко обхватил мага руками, так что тот не мог пошевелиться.

– Закрой глаза, Мерен, – велела Самана. – Не смотри. – Таите она протянула кожаную полоску, которую следовало зажать в зубах. Но маг отрицательно покачал головой. Тогда Самана опустилась перед ним на колени, держа в правой руке серебряную ложку; двумя пальцами

другой руки она раскрыла веки правого глаза Таиты. – Всегда через правый глаз, – прошептала она, – по правой стороне – стороне Истины. – Она широко развела веки. – Держи его крепче, Мерен.

Мерен утвердительно хмыкнул и стиснул своего господина так, что его руки превратились в кольцо из прочной бронзы. Самана протолкнула конец ложки под верхнее веко правого глаза Таиты и твердым уверенным движением поместила ложку за глазное яблоко. Затем осторожно поддела яблоко в орбите. Глаз на зрительном нерве, как яйцо, повис на щеке Таиты. Пустая глазница превратилась в глубокую розовую пещеру, сверкающую от слез. Самана передала серебряную ложку Тансид. Та отложила ее в сторону и выбрала одну из бамбуковых игл. Конец иглы она подержала над жаровней, так что он почернел и затвердел. Он все еще дымился, когда Тансид протянула иглу Самане. Держа иглу в правой руке, Самана опустила голову и теперь смотрела прямо в пустую глазницу Таиты. Она оценивала положение и угол наклона глазного прохода, ведущего в черепную коробку.

Веки Таиты под ее пальцами дергались и дрожали. Он моргал, не в силах сдерживаться. Самана, не обращая на это внимания, медленно ввела в глазницу иглу, и ее кончик достиг начала глазного прохода. Самана постепенно усиливала давление, пока игла не пронзила мембрану и не углубилась в череп рядом со зрительным нервом, не повреждая его. Она почти не встречала сопротивления. Все глубже и глубже вводила Самана иглу. Когда та погрузилась почти на длину пальца, Самана скорее почувствовала, чем услышала легкое прикосновение острия к нервному узлу там, где перекрещивались нервы, идущие от глаз. Бамбуковая игла находилась в проходе. Следующий шаг следовало сделать абсолютно точно. Лицо Саманы оставалось спокойным, но безупречная кожа женщины покрылась легкой испариной, а глаза сузились. Она сконцентрировалась и сделала последнее усилие. Никакой реакции со стороны Таиты. Самана поняла, что допустила ошибку. Она потянула иглу чуть назад, немного изменила ее положение и снова погрузила на прежнюю глубину, только нацелившись чуть выше.

Таита вздрогнул и негромко вздохнул. Потом обмяк и впал в забытье. Мерен, предупрежденный заранее, ожидал этого и сильной рукой сразу взял Таиту за подбородок, не давая седой голове упасть на грудь. Самана так же осторожно, как вводила, извлекла иглу. Наклонившись, женщина рассматривала отверстие на дне глазницы. Крови не было. У нее на глазах крошечная рана самопроизвольно закрылась.

Самана одобрительно хмыкнула. Затем ложкой вернула свисавший глаз в орбиту. Таита быстро замигал: глаз встал на место. Самана протянула руку за льняной повязкой, которую Тансид смочила целебной мазью и заблаговременно выложила на мраморный стол; этой повязкой Самана накрыла оба глаза Таиты и надежно завязала ее.

– Теперь, Мерен, как можно быстрее отнеси его назад, в его комнату, пока он не пришел в себя.

Мерен поднял старика, как спящего ребенка, и положил его голову на свое крепкое плечо. Держа Таиту на руках, он побежал в храм, в комнату мага. Самана и Тансид последовали за ним. Кода они вошли, Тансид направилась к очагу, где оставляла греться котелок. Налила в чашку травяной настой и отнесла Самане.

– Подними ему голову! – приказала та.и поднесла чашку к губам Таиты. Она понемногу переливала жидкость магу в рот и одновременно массировала Таите горло, вынуждая глотать. И помогла выпить все содержимое чашки.

Ждать долго не пришлось. Таита напрягся и схватился за повязку. Его руки задрожали, как у паралитика. Зубы застучали, и он стиснул их. На челюстях вздулись желваки, и Мерен испугался, что Таита откусит себе язык. Воин попытался разжать челюсти мага, но Таита вдруг сам раскрыл рот и закричал; все мышцы его тела стали жесткими, как древесина тика. Судорога за

судорогой сотрясали его тело. Он кричал от ужаса и стонал от отчаяния, потом разразился безумным хохотом. И столь же внезапно заплакал, словно у него разрывалось сердце. Потом опять закричал, прогнув спину так, что его голова коснулась пяток. Даже Мерен не мог удержать это хрупкое старое тело, наделенное теперь демонической силой.

– Чем он одержим? – воскликнул Мерен, обращаясь к Самане. – Останови его, иначе он убьет себя.

– Раскрылось его Внутреннее Око. Но Таита еще не владеет им. В его сознании проносятся ужасные картины, способные свести с ума обычного человека. Сейчас он переживает страдания всего человечества.

Самана, тяжело дыша, пыталась заставить Таиту проглотить еще немного горькой жидкости. Таита выплюнул отвар в потолок.

– Именно это безумие убило северянина Вотада, – сказала Самана Тансид. – Образы наводнили его мозг, как, словно бы кипящим маслом, переполняется мочевой пузырь, пока, не в силах больше вмещать, не разрывается. – Она удерживала руки Таиты: тот пытался сорвать повязку с глаз. – Маг переживает горе всех вдов, всех матерей, видевших смерть своего первенца. Он разделяет страдания каждого мужчины и каждой женщины, кого искалечили, подвергали пыткам или кого измучила болезнь. Душа его потрясена жесткостью тиранов, злом Лжи. Он горит в пламени разграбленных городов, умирает вместе с павшими на полях тысяч сражений. Чувствует отчаяние каждой пропащей души. Смотрит в глубины преисподней.

– Это убьет его! – Мерен испытывал почти такую же острую боль, как Таита.

– Да, если он не научится владеть своим Внутренним Оком, такое может произойти. Держи и не позволяй ему причинить себе вред.

Таита так отчаянно вертел головой, что ударился о каменную стену у ложа.

Самана высоким, дрожащим, каким-то чужим голосом запела заклинание на языке, которого Мерен никогда раньше не слышал. Но это не помогло.

Мерен удерживал голову Таиты. Самана и Тансид встали по обе стороны от него; своими телами они защищали неистово метавшегося Таиту, оберегая от повреждений. Тансид вдохнула ему в разинутый рот ароматный дым.

– Таита! – звала она. – Вернись! Вернись к нам!

– Он не слышит, – произнесла Самана. Она наклонилась, взяла Таиту за правое ухо – ухо Истины – и, успокаивая, зашептала на языке заклинания. Мерен узнал этот язык: он не понимал ни слова, но помнил, что Таита пользуется им в разговорах с другими магами. Этот тайный язык маги называли «тенмасс». Таита успокоился и склонил голову набок, словно внимая Самане. Та заговорила еще тише, но настойчивее. Таита что-то прошептал в ответ. Мерен догадался, что Самана дает указания, помогает закрыть Внутреннее Око, отцедить разрушительные образы и звуки, понять, что́ он переживает, и подавить бурю терзавших его чувств.

Остаток дня и всю следующую ночь они провели вместе. К рассвету Мерен не выдержал, усталость свалила его, и он уснул. Женщины не будили его, позволяя выспаться. Мерен был закален битвами и физическими трудностями, но в нем не было и крупицы их духовной силы. Рядом с ними он был дитя.

Самана и Тансид не отходили от Таиты. Иногда маг будто засыпал. В другие минуты вел себя беспокойно, снова и снова впадая в буйство. Казалось, в своей повязке он не в силах отличить фантазию от реальности. Однажды он сел и страстно прижал к себе Тансид.

– Лостра! – воскликнул он. – Ты вернулась ко мне, как обещала! О Исида и Гор, я тебя ждал. Все эти годы я молился и верил. Больше не оставляй меня снова.

Тансид не обеспокоил этот эмоциональный взрыв. Она погладила длинные серебристые волосы.

– Таита, не тревожься. Я останусь с тобой столько, сколько ты будешь во мне нуждаться. – Она нежно, как ребенка, прижала мага к груди, и Таита снова впал в забытье. Тогда Тансид вопросительно взглянула на Саману. – Кто такая Лостра?

– Когда-то – царица Египта, – ответила Самана. Используя свое Внутреннее Око и знания, которые передал ей Кашьяпа, она сумела заглянуть в сознание Таиты, в его воспоминания. Любовь Таиты к Лостре не была для нее тайной. – Таита растил ее с детства. Она была прекрасна. Их души переплелись, но они так и не смогли соединиться. Его искалеченное тело было лишено мужской силы, и он мог быть ей только другом и защитником. Тем не менее он любил Лостру всю ее жизнь и после ее смерти. А она, в свою очередь, любила его. Умирая у него на руках, Лостра сказала: «Я любила только двух человек в своей жизни, и ты был одним из них. Может быть, в следующей жизни боги будут добрее к нашей любви».

Голос Саманы дрогнул. Глаза женщин блестели от слез.

Молчание нарушила Тансид:

– Расскажи об этом, Самана. На земле нет ничего прекраснее подлинной любви.

– После смерти Лостры, – негромко заговорила Самана, поглаживая голову мага, – Таита забальзамировал ее; прежде чем уложить ее в саркофаг, он срезал с ее головы локон и спрятал в золотой медальон. – Она наклонилась и прикоснулась к амулету Лостры, который висел на шее Таиты на золотой цепи. – Видите? Он носит его до сего дня. И по-прежнему хочет, чтобы она вернулась к нему.

Тансид плакала. Самана разделяла ее печаль, но не могла смыть ее слезами. Она прошла такой путь по дороге посвященных, что оставила мелкие человеческие слабости далеко за собой. Печаль – оборотная сторона радости. Печалиться – значит быть человеком. Тансид еще способна плакать.

К окончанию муссонных дождей Таита пришел в себя после испытания и научился владеть Внутренним Оком. Все чувствовали в нем новую силу: он излучал душевное спокойствие. Мерену и Тансид было с ним хорошо; они молчали, наслаждаясь его присутствием.

Но почти все часы бодрствования Таита проводил с Саманой. День за днем сидели они у храмовых ворот. И с помощью своего Внутреннего Ока наблюдали за прохожими. Для них каждый человек был окружен собственной аурой, облаком, меняющим цвет, которое раскрывало чувства, мысли и нрав своего владельца. Самана учила Таиту истолковывать увиденное.

С приходом ночи, когда все засыпали, Самана и Таита направлялись в темный храм и проводили время среди изваяний богини Сарасвати. Всю ночь они говорили, по-прежнему на тайном языке высших посвященных, тенмасс, и ни апсары, ни Мерен, ни даже ученая Тансид не могли его понять. Как будто Самана и Таита чувствовали скорое расставание и старались использовать каждый оставшийся час.

– У тебя нет ауры, – заметил Таита во время последнего разговора.

– У тебя тоже, – ответила Самана. – У мудрецов ее не бывает. Для нас это надежный способ распознать друг друга.

– Ты гораздо мудрей меня.

– Но твое стремление к знаниям и способность обретать мудрость превосходят мои. Теперь, получив внутреннее зрение, ты поднялся на предпоследний уровень посвящения. Остался лишь один – уровень Благосклонных Бессмертных.

– С каждым днем я становлюсь сильнее. И с каждым днем все отчетливее слышу зов. Отринуть его невозможно. Я должен оставить тебя и уйти.

– Да, твое пребывание здесь подошло к концу, – подтвердила Самана. – Мы больше не встретимся, Таита. Пусть храбрость будет твоим спутником. И пусть Внутреннее Око покажет тебе путь.

Мерен вместе с Астратой и Ву Лу был в павильоне у бассейна. Увидев направляющегося к ним Таиту, они торопливо оделись. Рядом с магом шла Тансид. Только теперь стало заметно, как изменился Таита. Он больше не сгибался под грузом лет и словно стал выше и стройнее. Его волосы, по-прежнему серебристые, стали более густыми и блестящими. Глаза теперь были не покрасневшими и близорукими, но ясными и чистыми; взгляд приобрел уверенность. Даже Мерен, наименее восприимчивый, заметил разницу. Он подбежал к Таите и без слов склонился перед ним, обнимая ноги. Таита поднял его и заключил в объятия. Потом отстранил на длину руки и стал внимательно разглядывать. Аура Мерена была здорового оранжевого цвета, как пустынный рассвет, – аура честного воина, доблестного и верного.

– Прихвати свое оружие, добрый Мерен, нам пора уходить.

На мгновение Мерен в отчаянии словно прирос к земле, затем оглянулся на Астрату.

Таита изучал ее ауру. Чистая, как устойчивое пламя масляной лампы, чистая и простая. Неожиданно он увидел, как она дрогнула, словно тронутая случайным ветерком. Но тут же вновь стала ровной: девушка подавила горечь расставания. Мерен отвернулся от нее и отправился в жилые помещения храма. Несколько минут спустя он снова появился с луком и колчаном через плечо, перепоясанный ремнем с мечом. На спине он нес свернутый тигровый плащ Таиты.

Таита поцеловал женщин. Его зачаровывали пляшущие огни аур трех апсар. Ву Лу окружал серебристый нимб, пронизанный дрожащими золотыми лучами; ее аура была сложнее и насыщеннее ауры Астраты. По дороге посвященных она ушла дальше.

У Тансид аура была жемчужной, радужной, словно пленка драгоценного масла на поверхности вина в чаше; она, искрясь, непрерывно меняла тона и оттенки. Тансид – благородная душа и добрый разум. Таита задумался, призовут ли когда-нибудь Тансид отдаться ищущей бамбуковой игле Саманы. Он поцеловал девушку, и ее аура ярко вспыхнула. За недолгое время их знакомства они разделили многие душевные испытания. И Тансид полюбила пришельца.

– Желаю тебе исполнить свое предназначение, – прошептал он, когда их губы разъединились.

– Я сердцем знаю, что ты достигнешь своего, маг, – негромко ответила она. – Я тебя никогда не забуду. – И порывисто обняла его за шею. – О маг... я хочу... как я хочу...

– Я знаю, чего ты хочешь. Это было бы прекрасно, – мягко сказал он, – но не все в жизни возможно.

Он повернулся к Мерену:

– Ты готов?

– Готов, маг, – ответил Мерен. – Веди, и я пойду за тобой.

Путники возвращались прежней дорогой. Поднялись в горы, где на вершинах выл вечный ветер, подошли к началу большого горного прохода и двинулись по нему на запад. Мерен помнил все повороты, каждую тропу и опасный брод, поэтому они не тратили времени на поиски дороги и продвигались быстро. И наконец вышли к ветреным просторам степи Экбатана, где большими табунами паслись дикие лошади.

С тех пор как с вторгшимися ордами гиксосов в Египте появились первые лошади, Таита чувствовал тягу к этим благородным животным. Захватив вражеских скакунов, он создал из них первую упряжку для новой колесницы, которую построил для фараона Мамоса. За эту услугу фараон наградил его титулом Повелителя десяти тысяч колесниц. Любовь Таиты к лошадям уходила далеко в прошлое.

После тяжелого перехода по горам путники остановились отдохнуть; им хотелось побыть рядом с лошадьми. Следуя за табунами по однообразной местности, они наткнулись на ложбину, где пряталось несколько природных источников чистой воды. Незатихающий ветер, обжигавший в степи, сюда не добирался, и в этом защищенном месте росла свежая зеленая трава. Тут паслось множество лошадей, и Таита, решив насладиться соседством с ними, разбил у источника лагерь. Мерен поставил шалаш из стеблей травы, а в качестве топлива использовал сухой навоз. В ручьях водилась рыба, здесь же жили колонии водяных полевок, которых Мерен ловил, пока Таита выкапывал съедобные корни и отыскивал на влажной земле грибы. Рядом с шалашом, так, чтобы их не трогали лошади, Таита посадил саженцы, прихваченные из храма Сарасвати, и вырастил славный урожай. Путники хорошо питались и отдыхали, готовясь продолжить долгое трудное путешествие.

Лошади привыкли к их присутствию и вскоре уже позволяли Таите приблизиться на несколько шагов, прежде чем мотнуть гривой и отойти. С помощью вновь обретенного Внутреннего Ока Таита изучал их ауру.

Хотя аура высших животных не столь заметна, как у людей, Таита сумел выделить здоровых и сильных лошадей и оценить их норов и склонности. Он мог отличить своенравных, упрямых и непокорных от спокойных и послушных. За те недели, что в огороде наливались соками растения, Таита приучил к себе пять лошадей, отличавшихся умом, силой и дружелюбием, – трех зрелых кобыл, имеющих годовалых жеребят, и двух молодых, заигрывавших с жеребцами, но еще отгонявших их пинками и оскаленными зубами. Одна из этих кобылок особенно занимала Таиту.

Маленький табун влекло к нему, как его тянуло к лошадям. Теперь кони спали у изгороди, которую Мерен поставил, чтобы защитить огород. Воина это тревожило.

– Я знаю женщин и нисколько не доверяю этим самкам. Они задумали недоброе. Однажды утром мы обнаружим, что никакого урожая у нас нет.

Теперь большую часть времени он охранял огород и укреплял изгородь. И пришел в отчаяние, когда Таита, набрав мешок сладких молодых бобов, их первый урожай, вместо того чтобы положить бобы в котел, отнес их маленькому табуну, который с интересом наблюдал за ним. Кобылка, которую маг выбрал для себя, была палевой в серых яблоках. Лошадь позволила Таите подойти ближе, чем раньше, и, насторожив уши, слушала его ласковые слова. Наконец осторожность победила: кобыла махнула головой и ускакала. Таита позвал ее:

– У меня для тебя подарок, моя дорогая. Вкусный подарок для красавицы.

При звуке его голоса кобыла остановилась. Таита протянул ей горсть бобов. Палевая повернула голову и разглядывала его через плечо. Закатила глаза, так что показались розовые края век, и фыркнула, почуяв запах бобов.

– Да, прекрасное создание, ты только понюхай. Разве от них можно отказаться?

Лошадь еще раз фыркнула и нерешительно закивала.

– Что ж, ладно – если не хочешь, Мерен с радостью бросит их в котел.

Таита повернулся к изгороди, но руку не убирал. Человек и лошадь внимательно смотрели друг на друга. Кобыла сделала шаг вперед и снова остановилась. Таита поднес руку ко рту, взял в зубы боб и принялся жевать, широко открывая рот.

– Слов нет, как вкусно, – сказал он, и лошадь наконец сдалась, подошла и осторожно взяла бобы с протянутой руки. Морда у нее была бархатная, а из пасти пахло свежей травой. – Как же мы тебя назовем? – задумался Таита. – Имя должно соответствовать твоей красоте. У меня есть такое. Я назову тебя Дымка.

Через несколько недель Таита и Мерен убрали урожай. Они провеяли зрелые бобы и ссыпали их в мешки из шкур водяных полевок. Затем, высушив стебли на солнце и на ветру, связали их в пучки. Лошади стояли вдоль изгороди, свесив через нее головы, и жевали бобовые стебли, которыми кормил их Таита.

Вечером Таита дал Дымке полную пригоршню, затем обнял ее рукой за шею и погладил пальцами гриву, шепча на ухо ласковые слова. Потом неторопливо подобрал полы своего одеяния, забросил худую ноги на спину лошади и сел боком. Кобыла изумленно застыла, глядя через плечо огромными блестящими глазами. Таита большими пальцами ног подтолкнул ее, и она пошла, а Мерен радостно вскрикнул и захлопал в ладоши.

Когда путники наконец покинули лагерь, Таита ехал верхом на Дымке, а Мерен – на одной из кобыл постарше. Скарб навьючили на спины остальных лошадей.

Дорога домой оказалась куда короче, чем от дома. Тем не менее до Галлалы они добрались, когда прошло целых семь лет со дня их ухода. Едва разнеслась весть об их возвращении, горожане возрадовались. Они в душе давно похоронили ушедших. Все мужчины с семьями приходили к Таите в старый разрушенный храм, приносили небольшие дары в знак своего уважения. Большинство детей за время отсутствия мага выросли, у многих уже родились собственные дети. Таита ласкал малышей и благословлял их.

Караванщики быстро разнесли по всему Египту весть об их возвращении. Вскоре от двора в Фивах, от фараона Нефера Сети и царицы Минтаки, прибыли вестники. Новости они принесли неутешительные: Таита впервые услышал об эпидемии, поразившей царство.

– Приезжай как можно быстрей, мудрец, – приказывал фараон. – Мы нуждаемся в тебе.

– Я приду к тебе в свете новой луны Исиды, – ответил Таита вестникам. Он не проявлял сознательного непослушания – просто знал, что духовно еще не готов давать советы фараону. И чувствовал, что эпидемия – проявление гораздо большего бедствия, о котором предупреждала верховная жрица Самана. Обладая Внутренним Оком, он все еще не мог противостоять Злу. Ему следовало обдумать предзнаменования, потом собраться с духовными силами. И еще ждать указаний, которые, как подсказывало ему чутье, придут к нему в Галлале.

Однако многое отвлекало его и мешало. Скоро начали появляться многочисленные чужаки: пилигримы ждали внимания Таиты, калеки и больные молили излечить их. От царей доставляли богатые дары и просили о пророчествах и божественном руководстве. Таита внимательно разглядывал ауры гонцов, надеясь найти того, кого он ждет. Снова и снова его ждало разочарование, и он отсылал гостей вместе с их подношениями.

– Может, нам стоит оставлять себе малую толику? – ворчал Мерен. – Хоть ты и стал святым, но есть тебе по-прежнему нужно, и одежда твоя износилась. А мне нужен новый лук.

Изредка, когда Таита видел особенно сложную ауру, новый посетитель пробуждал надежду. Такие люди приходили к нему в поисках мудрости и знаний, привлеченные его славой в братстве магов. Но все они приходили брать; никто из них не мог сравниться с ним в силе или предложить

что-нибудь взамен. Тем не менее Таита внимательно слушал всех, взвешивая и оценивая каждое слово. Ничего существенного, но иногда случайное замечание или ложное умозаключение заставляли его задуматься. Благодаря ошибкам посетителей он приходил к противоположным ценным выводам. И ни на миг не забывал о предостережении Кашьяпы и Саманы: грядущая схватка потребует всех его сил, мудрости и хитрости – лишь тогда он сумеет уцелеть.

Караваны, шедшие из Египта через скалистую пустыню к порту Сагафа на Красном море, служили источником новостей. Когда приходил очередной караван, Таита посылал Мерена поговорить с хозяином; все караванщики выказывали воину глубокое уважение, зная, что он доверенное лицо Таиты, знаменитого мага. Однажды вечером Мерен вернулся из города и доложил:

– Обад Тиндали, купец, просит тебя не забыть его в молитвах великому богу Гору. Он посылает тебе щедрый дар – зерна кофе высшего качества из далекой Эфиопии, но, увы, приготовься: он принес из дельты плохие известия.

Старик опустил глаза, чтобы скрыть мелькнувший в них страх. Что может быть хуже уже полученных новостей? Он поднял голову и строго произнес:

– Не пытайся уберечь меня, Мерен. Ничего не утаивай. Пришел ли разлив Нила?

– Еще нет, – негромко и печально ответил Мерен. – Разливов не было уже семь лет.

Строгое лицо Таиты дрогнуло. Без разливов реки и без той богатой плодородной почвы, которую они приносят с юга, Египет ждут голод, мор и смерть.

– Маг, это глубоко опечалило меня, но есть худшие новости, – продолжал Мерен. – Остатки воды в Ниле превратились в кровь.

Таита удивленно взглянул на него.

– В кровь? – переспросил он. – Не понимаю.

– Маг, сузившаяся река стала темно-красной, и от нее несет, как от свернувшейся трупной крови, – сказал Мерен. – Ни люди, ни животные не могут пить эту воду. Лошади и скот, даже козы гибнут от жажды. Их кости лежат по берегам реки.

– Болезни и бедствия! В истории земли о таком не слыхивали с начала времен, – прошептал Таита.

– Не просто болезни! – воскликнул Мерен. – Из кровавых вод Нила вышли несметные полчища колючих жаб, проворных и больших, как собаки. Из бородавок, покрывающих их отвратительные тела, сочится яд. Жабы пожирают трупы погибших животных. Но и это еще не все. Люди говорят, да убережет нас от этого великий Гор, будто эти чудовища нападают на детей или на тех, кто слишком стар или слаб, чтобы защититься. Они съедают людей живьем, пока те кричат и отбиваются. – Мерен помолчал и перевел дух. – Что творится на белом свете? Какое проклятие пало на нас, маг?

Уже несколько десятилетий, со времени великой битвы с узурпатором, лжефараоном, с восшествия на двойной престол Верхнего и Нижнего Египта Нефера Сети, Мерен был рядом с Таитой. Он стал магу приемным сыном, заменив того, кого не могли породить искалеченные чресла мудреца. Нет, Мерен был больше чем сын: его любовь к старику была крепче кровного родства. Таиту тронуло его отчаяние; он и сам испытывал глубокое беспокойство.

– Почему такое творится с землей, которую мы любим, с народом, который мы любим, с царем, которого мы любим? – недоумевал Мерен.

Таита покачал головой и некоторое время молчал. Затем наклонился и коснулся плеча Мерена.

– Боги разгневались, – проговорил он.

– Но почему? – настаивал Мерен. Суеверный страх сделал могучего воина и стойкого спутника почти ребенком. – Чем мы оскорбили богов?

– С самого нашего возвращения в Египет я ищу ответ на этот вопрос. Я приносил жертвы и обшаривал небо вдаль и вширь в поисках хоть какого-то знака. Но я все еще не нашел причину божественного гнева. Ее как будто скрыло чье-то зловещее присутствие.

– Ради фараона Египта, ради всех нас ты должен найти ответ, маг, – умолял Мерен. – Но где искать его?

– Скоро узнаю, Мерен. Так говорят знамения. Ко мне явится нежданный вестник – человек или демон, животное или бог. Не исключено, что это будет небесный знак, написанный звездами. Но ответ придет ко мне сюда, в Галлалу.

– Когда, маг? Не слишком ли теперь поздно?

– Возможно, сегодня же вечером.

Таита одним гибким движением вскочил. Несмотря на преклонный возраст, он двигался как юноша. Его проворство и стойкость неизменно изумляли Мерена, хотя он и провел много лет рядом со стариком. Таита взял из угла террасы свой посох и остановился у подножия лестницы, ведущей в высокую башню. Горожане построили эту башню для него. Все семьи Галлалы принимали участие в работе. Это был осязаемый знак любви и уважения, которые они испытывали к старому магу, открывшему источники воды, поившей город, и оберегавшему всех своим невидимым, но могучим волшебством.

Таита двинулся вверх по спиральной лестнице, устроенной снаружи башни; узкие открытые ступени не защищали перила. Слегка постукивая посохом по камням, маг поднимался, как козерог, не глядя под ноги. Когда Мерен вслед за ним добрался до площадки на верху башни, Таита уже сидел на шелковом молитвенном ковре лицом к востоку. Мерен поставил рядом с ним серебряный флакон и сел сзади, готовый выполнить любую просьбу, но в то же время так, чтобы не мешать размышлениям мага.

Таита достал пробку из флакона, набрал в рот острой горькой жидкости и медленно проглотил. Тепло из живота разошлось по всем мышцам, заполнило рассудок кристальной ясностью. Маг негромко вздохнул и под действием ароматного снадобья раскрыл Внутреннее Око своей души.

Два дня назад полную луну проглотило чудовище ночи, и теперь небо принадлежало только звездам. Таита следил, как они загораются в соответствии со своим рангом: самые яркие и заметные возглавляли процессию. Вскоре звезды в бесчисленном множестве заполнили небо, окутав пустыню серебристым сиянием. Таита изучал их всю жизнь. Ему казалось, он знает и понимает все, что можно знать и понимать касательно звезд, но теперь с помощью своего Внутреннего Ока он получал новое представление об их свойствах и роли в извечном устройстве мироздания и в делах людей и богов. Особенно рьяно Таита искал одну яркую звезду. Он знал, что она совсем рядом. И как только увидел ее, все его чувства обострились: этим вечером звезда, казалось, повисла над самой башней.

Звезда эта впервые появилась на небе ровно через девяносто дней после мумификации царицы Лостры, в ту ночь, когда Таита заключил тело царицы в саркофаг. Появление звезды было чудом. Перед смертью Лостра пообещала вернуться к нему, и Таита питал глубокую уверенность в том, что звезда и есть исполнение этого обещания. С тех пор она никогда не покидала его и стала путевой. Когда он смотрел на нее, пустота, воцарившаяся в его душе после смерти Лостры, становилась чуть менее зияющей.

Теперь, глядя на звезду Внутренним Оком, Таита видел, что она окружена аурой Лостры. И хотя эта аура была скромной по сравнению с аурами звездных колоссов, ничто не могло сравниться с ее великолепием. Таита чувствовал, как его неколебимая любовь к Лостре согревает душу. Но вдруг тело мага тревожно напряглось, и холод, разлившись по жилам, достиг самого сердца.

– Маг! – Мерен почувствовал перемену его настроения. – Что тебя огорчило?

Он сжал плечо Таиты, а другую руку положил на рукоять меча. Не в состоянии выразить своего отчаяния, Таита освободился от руки помощника, продолжая смотреть вверх.

С тех пор как он в последний раз видел ее, звезда Лостры заметно разбухла. Некогда яркая и постоянная аура стала зыбкой, ее излучение трепетало, как рваное знамя побежденной армии. Облик звезды исказился, она взбугрилась по краям и сузилась в центре.

Даже Мерен заметил эту метаморфозу.

– Твоя звезда! С ней что-то случилось. Что это значит? – Он знал, как это светило важно для Таиты.

– Пока не знаю, – прошептал Таита. – Оставь меня, Мерен. Ступай спать. Меня ничто не должно отвлекать. Приходи за мной на рассвете.

Таита наблюдал, пока звезда не истаяла в лучах восходящего солнца, и к тому времени как Мерен пришел отвести его назад в башню, Таита знал, что его звезда больна.

Хотя ночное бдение утомило мага, он не мог уснуть. Перед его мысленным взором стояла умирающая звезда, и его преследовали мрачные предчувствия. Это было последнее и самое значительное проявление Зла. Вначале поветрие, убивавшее людей и животных, а теперь эта чудовищная злоба, уничтожающая звезды. На следующую ночь Таита не вернулся в башню, а в одиночестве удалился в пустыню. Хотя Мерен получил приказ не ходить за ним, он нарушил его и последовал за магом, держась поодаль. Конечно, Таита почувствовал его присутствие и в назидание окутался плащом невидимости. Тревожась за хозяина, рассерженный Мерен искал его всю ночь. На рассвете он поспешно вернулся в Галлалу, чтобы создать поисковый отряд, и обнаружил, что Таита в одиночестве сидит на террасе старого храма.

– Ты меня разочаровал, Мерен. Не похоже на тебя уйти и забыть о своих обязанностях, – насмешливо сказал Таита. – Хочешь уморить меня голодом? Позови служанку, которую ты нанял, и будем надеяться, что ее красивое лицо не повредило ее умению готовить.

Днем Таита тоже не спал, но сидел в тени в дальнем углу террасы. Сразу после ужина он снова поднялся в башню. Солнце еще виднелось на горизонте, но маг не хотел терять ни мгновения темной поры, когда можно наблюдать звезды. Ночь пришла быстро, крадучись, как вор. Таита напряженно смотрел на восток. На меркнущем ночном небе появились звезды, они разгорались. Внезапно прямо над головой зажглась звезда Лостры. Таита поразился: светило изменило свое постоянное положение. Теперь, подобно яркой лампаде, она висела над башней Галлалы.

Это больше не было звездой. За те несколько часов, что Таита его не видел, оно превратилось в огненное облако, взорвалось, разлеталось на части. Его окружали темные зловещие испарения: озаренные изнутри огнем, они поглощали этот огонь, освещавший небо над головой Таиты.

Долгие ночные часы Таита наблюдал за небом. Искалеченная звезда не двигалась со своего места над его головой. Она оставалась там же и на рассвете, там же появилась и на другую ночь. Ночь за ночью звезда была словно прикреплена к определенному месту, как яркий маяк, и ее причудливый свет должен был достигать краев неба. Облако разрушения, окутавшее ее, клубилось и вихрилось. В его глубине горел огонь, он затухал, но снова вспыхивал в другом месте.

Наутро явились горожане и в тени высоких колонн гипостильного зала попросили встречи с магом. Когда Таита спустился с башни, они обступили его и просили объяснить, что означает пламя, повисшее над городом:

– О могучий маг, предвещает ли это новый мор? Неужто Египет недостаточно страдал? Пожалуйста, объясни нам это пугающее знамение.

Но Таита не мог сказать им ничего утешительного. Столь необычное поведение звезды Лостры застало его врасплох.

Родилась новая луна, и ее свет смягчил страшную картину. Когда луна уходила, звезда Лостры вновь начинала господствовать в небе, она ярко сверкала, затмевая прочие звезды. Словно призванное этим сигнальным огнем, с юга, из пустыни, прилетело темное облако саранчи и опустилось на Галлалу. Саранча задержалась на два дня и опустошила возделанные поля, не оставив ни одного колоска дурры, ни одного листочка на оливах. Ветви гранатовых деревьев сгибались и ломались под тяжестью насекомых. На утро третьего дня насекомые поднялись и огромным шуршащим облаком полетели на запад, к Нилу, неся новые бедствия и так уже умирающим без его разливов полям.

Египет дрогнул, его народ впал в отчаяние.

В Галлалу явился новый гость. Пришел он ночью, но пламя звезды Лостры, подобно фитилю лампы, перед тем как кончится масло, горело столь ярко, что Мерен показал Таите караван, когда тот был еще далеко.

– Это вьючные животные из далекой земли, – заметил Мерен. Верблюды в Египте не водятся и по-прежнему встречаются так редко, что вызывают любопытство. – Они идут не обычным караванным путем, а из пустыни. Странно. Нужно поостеречься.

Чужеземцы не плутали; они сразу направились к храму, как будто их кто-то вел. Погонщики уложили верблюдов, и послышался обычный шум, сопровождающий устройство лагеря.

– Иди туда, – приказал Таита. – Узнай о них все, что можно.

Мерен вернулся, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом.

– Их двадцать человек, слуги и работники. Говорят, что добирались до нас много месяцев.

– Кто их хозяин? Что ты узнал о нем?

– Я его не видел. Он отдыхает в шатре. Вон в том, посреди лагеря. Шатер из самой лучшей шерсти. Все говорят о хозяине с уважением и страхом.

– Как его зовут?

– Не знаю. Погонщики называют его Хитама, что на их языке означает «превзошедший всех в учении».

– Что ему здесь нужно?

– Ты, маг. Он пришел к тебе. Караванщик спросил о тебе, назвав по имени.

Таита почти не удивился.

– У нас есть еда? Надо радушно встретить этого Хитаму.

– Саранча и засуха оставили нас почти ни с чем. У меня есть немного копченой рыбы и довольно зерна для нескольких соленых лепешек.

– А грибы, которые мы собрали вчера?

– Они почернели, и от них несет. Может, удастся что-нибудь найти в городе...

– Нет, не тревожь наших друзей. Им и так достается. Обойдемся тем, что есть.

Однако их выручила щедрость гостя. Хитама принял приглашение разделить с ними ужин, и Мерен вернулся с богатым даром – жирным молодым верблюдом. Очевидно, Хитама знал про голод в этих краях. Мерен убил верблюда и поджарил филейную часть. Остальной туши хватит, чтобы накормить слуг Хитамы и даже некоторых горожан.

Таита ждал гостя на крыше храма. Ему было интересно, кто это. Прозвище позволяло предположить, что незнакомец – маг или, возможно, глава какой-то ученой секты. Таита предчувствовал особую важность встречи.

«Может, это и есть вестник, обещанный знамениями? Тот, кого я так долго жду?» – спрашивал себя Таита. Тут он услышал, как Мерен приглашает гостя подняться по каменной лестнице.

– Несите хозяина осторожно. Ступеньки осыпаются и могут быть опасны, – наставлял Мерен носильщиков, которые наконец взошли на крышу. Он помог опустить занавешенный паланкин у ложа, на котором сидел Таита, и поставил на столик серебряную чашу с гранатовым шербетом и две чаши для питья. И вопросительно взглянул на своего господина: «Что еще понадобится, маг?»

– Ступай, Мерен. Когда мы соберемся трапезничать, я тебя позову. – Таита налил в чашу шербет и поставил у плотно задернутой занавески носилок. – Приветствую тебя, добро пожаловать. Ты оказал честь моему дому, – негромко произнес Таита, обращаясь к невидимому гостю. Ответа не было, и маг сосредоточил на паланкине всю силу своего Внутреннего Ока. И поразился, не увидев ауры живого существа. Пространство оставалось пустым и безжизненным. – Здесь есть кто-нибудь? – Он быстро встал и подошел к носилкам. – Говори! Что за дьявольщина?

Он отдернул завесу и удивленно отступил. На подушках лицом к нему сидел человек. На нем была только шафранная набедренная повязка. Человек был очень худ, его лысая голова напоминала череп, а кожа, сухая и сморщенная, – змеиную. Лицо источено временем, как древний пласт горной породы, но выражение его было строгим и даже прекрасным.

– У тебя нет ауры! – воскликнул Таита, не сдержавшись.

Хитама слегка наклонил голову.

– У тебя тоже, Таита. У вернувшихся из храма Сарасвати нет видимой ауры. Мы оставляем часть своей человеческой сущности у носителя лампы Кашьяпы. Это помогает нам узнавать друг друга.

Таита задумался. Хитама уже сказал ему больше, чем все, кто приходил в Галлалу до него.

– Кашьяпа умер, и его место перед богиней заняла женщина. Самана. Она говорила мне, что были и другие. Но ты первый из них, кого я встречаю.

– Мало кому из нас даровано Внутреннее Око. И еще меньше таких осталось. Нас все меньше. На то есть зловещая причина, и в должное время я объясню ее тебе. – Он подвинулся, освобождая место рядом с собой. – Садись поближе ко мне, Таита. Я стал хуже слышать, а нам нужно многое обсудить за то малое время, что осталось. – Гость перешел с ломаного египетского на тенмасс, тайный язык посвященных, на котором говорил безупречно. – Нас не должны видеть.

– Как ты меня нашел? – на том же языке спросил Таита, усаживаясь рядом с гостем.

– Меня вела звезда. – Дряхлый провидец поднял лицо к восточной части неба.

Пока они говорили, спустилась ночь и небо величественно засверкало звездами. Звезда Лостры по-прежнему висела прямо над головой, но еще заметнее изменилась внешне и по сути. У нее больше не было единого массивного центра. Она превратилась в облако сверкающих газов, разлетающихся на солнечном ветру во все стороны, как длинные перья.

– Я всегда знал о своей тесной связи с этой звездой, – заметил Таита.

– И по очень важной причине, – многозначительно подтвердил старик. – С ней переплетена твоя судьба.

– Но она умирает у нас на глазах.

Старик так на него посмотрел, что у Таиты закололо кончики пальцев.

– Умирает? Нет. То, что мы называем смертью, просто изменение состояния. Она всегда будет с тобой.

Таита открыл рот, собираясь назвать имя звезды – Лостра, но старик жестом остановил его.

– Не произноси вслух ее имени. Ты можешь невольно выдать его тем, кто желает тебе зла.

– Значит, имя так важно?

– Ничто не существует без имени. Имя нужно даже богу. Его не имеет только Истина.

– И Ложь, – добавил Таита, но старик покачал головой:

– У Лжи есть имя – Ариман.

– Ты знаешь мое имя, – сказал Таита, – но я не знаю твоего.

– Деметер.

– Деметер – один из полубогов. – Таита сразу узнал это имя. – Ты полубог?

– Как видишь, смертный. – Старик вытянул руки: они неудержимо тряслись. – Как и ты, Таита, я долгожитель. Я жил необычайно долго. Но скоро умру. Уже умираю. Со временем и ты последуешь за мной. Мы оба не полубоги. Мы не Благосклонные Бессмертные.

– Деметер, ты не можешь так быстро оставить меня. Мы только-только встретились, – возразил Таита. – Я так давно хотел тебя встретить. Я многому должен у тебя научиться. Ведь поэтому ты разыскал меня. Не умирать же ты сюда пришел?

Деметер согласно кивнул:

– Останусь сколько смогу, но меня утомили годы и ослабила Ложь.

– Тогда не будем тратить попусту ни часа. Учи меня, – покорно произнес Таита. – Перед тобой я как ребенок.

– Уже учу, – ответил Деметер.

– Время – это река, подобная той, что над нами. – Деметер поднял голову и подбородком указал на Океан, бесконечную звездную реку, раскинувшуюся над ними от горизонта до горизонта. – У него нет ни начала, ни конца. У меня был предшественник, а у него – свои, великое множество. Он передал свои обязанности мне. Это божественная эстафетная палочка, которую один бегун передает другому. Некоторые несут ее дольше остальных. Мой забег почти окончен: силы мои на исходе. Теперь я должен передать эстафету тебе.

– Почему мне?

– Так предопределено. Не нам сомневаться в этом решении или противиться ему. Ты должен раскрыть передо мной свое сознание, Таита, чтобы принять то, что я дам тебе. Предупреждаю, это опасный дар. Приняв его, ты навсегда утратишь душевный покой, ибо взвалишь на плечи все страдания и всю боль мира.

Некоторое время они молчали, Таита обдумывал мрачное предложение. Наконец он вздохнул.

– Я бы отказался, если бы мог. Продолжай, Деметер: я не могу противиться неизбежному.

Деметер кивнул.

– Я верю, что ты добьешься успеха там, где я потерпел поражение. Тебе предстоит хранить и защищать крепость Истины от нападений приспешников Лжи. – Деметер зашептал громче и настойчивее: – Мы говорили о богах и полубогах, о посвященных и Благосклонных Бессмертных. Из этого я заключаю, что ты уже обрел глубокое понимание таких вещей. Но я могу поведать тебе больше. С начала Великого Хаоса боги восходили и нисходили в определенной последовательности. Они боролись друг с другом и с приспешниками Лжи. Титанов, старейших богов, свергли олимпийские боги. Но и они, в свою очередь, лишатся силы. В них перестанут верить, им перестанут поклоняться. Их победят и заменят более молодые боги или – если мы оплошаем – злобные приспешники Лжи. – Он помолчал и продолжил более твердо: – Подъем и падение династий богов есть естественная и неизменная суть законов, внесших порядок в Великий Хаос. Эти законы правят космосом. Им подчинятся приливы и отливы. Они определяют смену дня и ночи. Они управляют ветрами и бурями, извержениями вулканов и приливными волнами, возвышением и па-

дением империй, сменой дней и ночей. Боги – лишь слуги Истины. В конечном счете остаются только Истина и Ложь. – Деметер неожиданно повернулся и с выражением печальным, но спокойным, посмотрел куда-то назад. – Чувствуешь, Таита? Слышишь?

Таита напрягся и в конце концов уловил в окружающем воздухе легкое шуршание, словно шелестели крылья стервятников, слетающихся на падаль. Он кивнул: слишком расчувствовался, чтобы говорить. Ощущение огромного зла едва не подавило его. Пришлось собрать все силы, чтобы устоять.

– Она уже здесь. – Деметер заговорил тише, в голосе его возник драматизм, слова рождались с трудом, как будто старца угнетало чье-то зловещее присутствие. – Чувствуешь ее запах? – спросил он.

Таита раздул ноздри и уловил легкое зловоние разложения, нездоровья, гниющей плоти, миазмы чумы и пустых желудков.

– Да, – ответил он.

– Мы в опасности, – постановил Деметер. Он протянул руку. – Держись! – приказал он. – Нам нужно объединить силы, чтобы дать отпор.

Когда пальцы магов соприкоснулись, между ними промелькнули яркие голубые искры. Таита сдержал порыв отдернуть руку и разорвать контакт. Напротив, он схватил руку Деметера и крепко сжал. Между ними переливались потоки сил. Постепенно неведомое зло отступило, и они смогли вздохнуть свободно.

– Это было неизбежно, – смиренно сказал Деметер. – Много веков, с тех пор как я спасся из ее сети заклинаний и чар, она искала меня. Сейчас, встретившись, мы с тобой вызвали такой всплеск психической энергии, что она даже на огромном удалении заметила его – так большая акула чует появление косяка рыб задолго до того, как их увидит. – Он печально взглянул на Таиту, по-прежнему не выпуская его руки. – Теперь из-за меня она узнала о тебе, Таита, но она сделала бы это и без меня. Запах, который ты оставляешь на космическом ветру, слишком силен, а она опытный хищник.

– Ты говоришь «она». Но кто это?

– Она называет себя Эос.

– Я слышал это имя. Больше пятидесяти поколений назад в храме Сарасвати побывала женщина по имени Эос.

– Это та самая женщина.

– Эос – древняя богиня зари, сестра Гелиоса, солнца, – сказал Таита. – Она была ненасытна в любви, но положила конец войне между титанами и олимпийцами. – Он покачал головой. – Это не может быть та самая Эос.

– Ты прав, Таита. Они не одно и то же. Эос – прислужница Лжи. Она самозванка, захватчица, обманщица, воровка, пожирательница младенцев. Она украла облик древней богини. Присвоила себе ее голос. Но не ее достоинства.

– Я правильно понял: эта Эос прожила больше пятидесяти поколений? Значит, ей две тысячи лет! – воскликнул Таита. – Но кто она? Смертная или бессмертная, человек или богиня?

– Вначале – обычная женщина. Много веков назад она была верховной жрицей храма Аполлона в Илионе. Когда спартанцы разрушили город, она сумела спастись и приняла имя Эос, по-прежнему оставаясь человеком, но у меня нет слова, чтобы назвать, кем она стала.

– Самана показала мне древнюю запись о посещении храма женщиной из Илиона, – сказал Таита.

– Это она. Курма одарил ее Внутренним Оком. Он поверил, что она избранная. Ее способности скрывать и обманывать так велики, что она провела даже Курму, великого мудреца и ученого.

– Если она воплощение зла, наш долг отыскать ее и уничтожить.

Деметер печально улыбнулся.

– Я всю свою долгую жизнь посвятил этой цели, но хитрость Эос не уступает ее злобе. Она неуловима, как ветер. У нее нет ауры. Она умеет защищаться заговорами и колдовством, которое намного превосходит мои оккультные познания. На тех, кто пытается ее найти, она расставляет ловушки. И с легкостью перемещается с одного континента на другой. Курма лишь увеличил ее силу. Тем не менее однажды мне удалось ее отыскать. – Деметер поправился: – Нет, не совсем верно. Не я ее нашел. Она меня.

Таита подался вперед.

– Ты знаешь это создание? Встречался с ней лицом к лицу? Расскажи, Деметер, какова она с виду.

– Если ей грозит опасность, она меняет облик, как хамелеон. Но среди ее многочисленных пороков есть и тщеславие. Она умеет быть невообразимо прекрасной. Ее красота поражает чувства и ослепляет разум. Когда она принимает такое обличье, ни один мужчина не может устоять перед ней. Даже самые благородные души она низводит на уровень животных. – Он замолчал, и глаза его затуманила печаль. – Даже я, посвященный, не смог обуздать низменные инстинкты. Я утратил способность и склонность считаться с последствиями. Для меня в тот миг существовала только она. Меня захлестнула похоть. Эос играла мной, как осенний ветер сухим листком. Мне казалось, она дает мне все – все – земные радости. Она отдала мне свое тело. – Деметер негромко застонал. – Даже теперь эти воспоминания приводят меня на грань безумия. Каждая выпуклость и каждая ложбина, каждое пленительное отверстие и каждое ароматное углубление... Я не пытался сопротивляться, да и никакой смертный не смог бы. – На его увядшем лице появилась легкая краска. – Таита, ты упомянул, что истинная Эос была ненасытна в любви, и это верно, но эта, другая Эос, превзошла ее аппетиты. Целуя, она выпивает из любовника жизненную силу, как мы с тобой сок спелого апельсина. Когда она сжимает мужчину бедрами в изысканном, но чудовищном совокуплении, она забирает у него самую суть. Забирает душу. Эта жизненная сущность – амброзия, которой она питается. Она подобна упырю, который кормится человеческой кровью. В жертвы она выбирает только высшие существа, мужчин и женщин с добрым сердцем, слуг Истины, прославленных магов и одаренных пророков. Обнаружив жертву, она преследует ее, безжалостно, как волк – оленя. Она всеядна. Ей не важны внешность и возраст, физическая хрупкость или несовершенство. Ее аппетит утоляет не плоть, но души жертв. Она пожирает молодых и старых, мужчин и женщин. Поймав их в свои сети, опутав шелковой паутиной, она отнимает у них все знания, мудрость и опыт. Высасывает все это своими проклятыми поцелуями. Извлекает гнусными объятиями. И оставляет пустую оболочку.

– Я был свидетелем обмена посредством плотского соития, – сказал Таита. – Когда Кашьяпа достиг конца земной жизни, он передал свои мудрость и знания Самане, которую избрал своей преемницей.

– Ты был свидетелем добровольного обмена. Непристойный акт, совершаемый Эос, не что иное, как насилие и покорение. Она хищница и пожирательница душ.

Таита был поражен. Немного погодя он спросил:

– Старых и больных? Здоровых и искалеченных? Мужчин и женщин? Но как она справляется с теми, кто уже не способен к совокуплению?

– Ее возможности не можем представить себе даже мы, посвященные. Она владеет искусством на короткое время оживлять хрупкую плоть своих жертв, но лишь для того, чтобы уничтожить их, отняв сознание и саму сущность.

– Но ты все же не ответил на мой вопрос, Деметер. Кто она? Смертная или бессмертная, женщина или богиня? Неужели ее редкостная красота и впрямь безусловна и беспредельна? Неужели она не подвластна действию времени, как мы с тобой?

– Ответ на твой вопрос, Таита, таков: не знаю. Возможно, Эос – старейшая женщина на земле. – Деметер беспомощно развел руками. – Но она как будто открыла силу, ранее известную только богам. Делает ли это ее богиней? Не знаю. Возможно, она смертна, но годы никак на ней не отражаются.

– Что же ты предлагаешь, Деметер? Как нам найти ее или ее логово?

– Она сама уже нашла нас. Мы пробудили ее чудовищный аппетит. Тебе не нужно ее искать. Она уже преследует тебя. И приманит.

– Деметер, я давно не знаю искушений, и даже такому существу не под силу завлечь меня в ловушку.

– Она желает тебя, ей непременно нужно овладеть тобой. Однако вдвоем мы представляем для нее угрозу. – Деметер немного подумал над собственными словами и продолжал: – У меня она взяла почти все, что я могу дать. Ей надо избавиться от меня, разъединить нас – но в то же время она постарается не причинить тебе вреда. Оставшись в одиночестве, ты не сможешь противиться ей. Но общими усилиями мы способны дать ей отпор и даже подвергнуть испытанию ее неуязвимость и бессмертие.

– Я рад, что ты рядом, – сказал Таита.

Деметер ответил не сразу. Он смотрел на Таиту со странным выражением лица. И наконец негромко спросил:

– Ты не испытываешь ужаса, не предчувствуешь поражение?

– Нет, я верю, что мы добьемся успеха, – ответил Таита.

– Ты обдумал мое предостережение. Ты понимаешь, против какого противника мы выступаем. Но не колеблешься. Не сомневаешься – ты, мудрейший из людей. Почему?

– Я знаю, что это неизбежно. И должен встретить Эос со всей смелостью и стойкостью.

– Таита, загляни в глубины своей души. Ощущаешь ли ты душевный подъем? Когда ты в последний раз ощущал такую бодрость, был так полон жизни?

Таита задумался, но ничего не ответил.

– Таита, будь предельно откровенен с собой. Чувствуешь ли ты себя воином, идущим на битву, сулящую неминуемую гибель? Или испытываешь какие-то иные, непозволительные, чувства? Не думаешь ли ты, точно молодой лебедь, летящий на любовное свидание, «будь что будет»?

Таита молчал, но его настроение изменилось: краска отхлынула со щек, глаза стали серьезными.

– Я не боюсь, – сказал он наконец.

– Открой мне правду. Твое сознание переполнено видениями похоти, жгучими желаниями?

Таита закрыл глаза и стиснул зубы.

Деметер безжалостно продолжал:

– Эос уже заразила тебя своим злом. Начала связывать своими чарами, искушать. Она лишит тебя здравомыслия. Скоро ты усомнишься в том, что Эос представляет зло. Она покажется тебе самой прекрасной, добродетельной и благородной женщиной на земле, а воплощение зла ты увидишь во мне, ведь это я восстановил тебя против нее. Когда это произойдет, она разъединит нас и я погибну. Ты добровольно покоришься ей. И злодейка восторжествует над нами обоими.

Таита встряхнулся всем телом, словно избавляясь от роя ядовитых насекомых.

– Прости меня, Деметер! – воскликнул он. – Теперь, когда ты объяснил мне, что она делает, я чувствую, как во мне поднимается слабость. Я теряю рассудительность и способность здраво мыслить. Ты говоришь правду. Меня действительно одолевают необычные стремления. Великий Гор, защити! Никогда не думал, что вновь испытаю подобное. Я считал, что муки желания меня оставили.

– Твои противоречивые чувства порождены не твоей душой. Это зараза, отравленная стрела, пущенная из лука могучей ведьмой. Я однажды тоже поддался ей. Ты видишь, до чего она меня довела. Однако я научился выживать.

– Научи и меня. Помоги сопротивляться ей, Деметер.

– Я невольно навел Эос на тебя. Я полагал, что избавился от нее, но она превратила меня в охотничьего пса, чтобы добраться до тебя, своей следующей жертвы. Теперь мы должны стоять вместе, заодно. В этом единственная надежда выдержать ее нападение. А прежде всего нам следует покинуть Галлалу. Нельзя долго оставаться на одном месте. Если она не будет точно знать, где мы, ей трудней будет сосредоточить на нас свои силы. Вдвоем мы создадим защитный экран, который скроет наши передвижения.

– Мерен! – позвал Таита. Тот немедленно оказался рядом. – Сколько потребуется времени, чтобы оставить Галлалу?

– Я мигом приведу лошадей. Но куда мы направимся, хозяин?

– В Фивы и Карнак, – ответил Таита и бросил взгляд на Деметера.

Тот одобрительно кивнул.

– Нам нужна поддержка из всех источников: и материальных, и духовных.

– Фараон – избранник богов и самый могущественный из людей, – заявил Таита.

– А ты его главный любимец, – добавил Деметер. – Нужно сегодня же ночью идти к нему.

Таита ехал верхом на Дымке, а Мерен подле него – на одной из тех лошадей, что они привели с равнин Экбатана. Деметер лежал в качающемся паланкине высоко на спине верблюда. Таита скакал рядом. Занавеси паланкина были убраны, и мудрецы могли беспрепятственно беседовать под негромкие звуки, сопровождающие движение каравана: скрип и звяканье упряжи, мягкий стук лошадиных копыт и подушечек верблюдов о песок, голоса слуг и стражников. За ночь путники дважды останавливались отдохнуть и напоить животных. На каждой остановке Таита и Деметер творили чары укрытия. Их объединенная сила была очень велика, и созданный ими экран казался непроницаемым: хотя прежде чем снова двинуться, они обыскивали тишину ночи, никто из них не мог обнаружить зловещего присутствия Эос.

– До поры она нас потеряла, но мы всегда в опасности, особенно во время сна. Нам нельзя спать одновременно, – заметил Деметер.

– Мы ни на миг не ослабим бдительность, – заверил Таита. – Я постоянно буду настороже, чтобы не оплошать. Я недооценил врага и позволил Эос застать меня врасплох. Мне стыдно за свою слабость и глупость.

– Я виновен стократ, – возразил Деметер. – Боюсь, мои силы быстро убывают, Таита. Мне следовало руководить тобой, а я вел себя как невежа. Больше нельзя допускать подобных ошибок. Надо найти слабое место врага и разить, а не подставляться под удар.

– Хоть ты рассказал мне многое, я по-прежнему очень плохо знаю и понимаю Эос. Воскреси в памяти все подробности, какие она сохранила с вашей встречи, сколь бы незначительными они тебе ни казались, – попросил Таита, – не то я буду слеп, а на ее стороне – все преимущества.

– Из нас двоих ты сильнее, – заявил Деметер, – но ты прав. Вспомни, как быстро ведьма откликнулась, когда мы встретились и она обнаружила нашу соединенную силу. Эос сумела отыскать нас через несколько часов после нашей встречи. Отныне ее нападки на меня будут все безжалостней и злей. Мы не будем отдыхать, пока я не передам тебе все, что узнал о ней.

Неизвестно, сколько времени мы проведем вместе, прежде чем она уничтожит меня или вобьет между нами клин. Каждый час теперь на вес золота.

Таита кивнул:

– Тогда начнем с главного. Я знаю, кто она и откуда явилась. Теперь я должен знать, где она может быть. Где она, Деметер? Где ее найти?

– С тех пор как давным-давно Агамемнон и его брат Менелай разрушили Илион и Эос бежала из храма Аполлона, она скрывалась во многих логовах.

– А где произошла твоя роковая встреча с ней?

– Она поселилась на острове в Среднем море, и тут же тот стал крепостью морского народа, пиратов и корсаров. В то время Эос жила на склонах большой огнедышащей горы, которую назвала Этной. Это был вулкан; он плевал пламенем и серой и посылал в небо облака ядовитого газа.

– Это было давно?

– За столетия до того, как родились мы с тобой.

Таита усмехнулся.

– Да и впрямь давно. – Его лицо снова стало серьезным. – Возможно ли, что Эос по-прежнему живет на Этне?

– Ее там больше нет, – без колебаний ответил Деметер.

– Почему ты так уверен?

– Я освободился от нее, утратив здоровье и жизненные силы; все мои силы были истрачены в этом жестоком испытании. Я был пленником Эос без малого десять лет, но состарился за эти годы на целую жизнь. Тем не менее я сумел удрать во время сильного извержения вулкана; к тому же мне помогали жрецы одного малозначительного божества, чей храм стоял в долине у восточного склона Этны. В маленькой лодке они тайно переправили меня через узкий пролив на материк и там перепоручили своим братьям. Эти добрые жрецы помогли мне собрать остаток сил, чтобы я смог отвести особенно опасное заклятие, которое Эос послала мне вслед.

– Но разве ты не мог обратить чары против нее? – спросил Таита. – Причинить ей вред ее собственным волшебством?

– Она по излишней самоуверенности недооценила оставшиеся у меня силы, поэтому защищалась недостаточно надежно. Я нацелил ответный удар в самое ее существо, которое видел Внутренним Оком. Она была совсем близко. Нас разделял лишь узкий пролив. Мой удар попал в цель и тяжело поразил Эос. Я услышал, как ее болезненный крик разнесся в эфире. Потом она пропала, и на какое-то время я поверил, что уничтожил ее. Мои друзья тайком расспросили своих братьев из храма у подножия Этны. От них мы узнали, что Эос исчезла, покинув свое прежнее логово. Я не терял времени и воспользовался своей победой. Достаточно окрепнув, я покинул убежище и отправился на край земли, к вечным льдам, как можно дальше от Эос. Вскоре я нашел место, где смог затаиться, и сидел там тихо, точно испуганная лягушка под камнем. И правильно сделал. Очень скоро, лет через пятьдесят, а то и меньше, я почуял возвращение своего врага, Эос. Казалось, ее сила необычайно возросла. Весь эфир гудел от мощных ударов, которые она наугад направляла в меня. Она не могла точно определить, где я, и хотя многие из ее ядовитых стрел пролетели совсем близко, ни одна не попала в цель. С тех пор каждый день приходилось прилагать все силы, чтобы дожить до того времени, когда я найду того, кто сменит меня. Я не допустил явной ошибки – не ответил на ее нападения. Чувствуя, что она приближается, я всякий раз незаметно перебирался в другое укрытие. Наконец я понял, что существует только одно место, где она никогда не станет меня искать. Я тайно вернулся к Этне и укрылся в пещере, которая когда-то была моим домом и темницей. Отголоски злого присутствия Эос все еще были так сильны, что скрыли мои слабые следы. Я продолжал прятаться в горе и в конце концов почувствовал, что ее интерес ко мне угасает. Поиски стали поверхностными и в итоге

вовсе прекратились. Возможно, она поверила, что я погиб или настолько ослаб, что больше не представляю для нее угрозы. Я терпеливо ждал, пока в один радостный день не ощутил твое присутствие. Когда жрицы Сарасвати раскрыли твое Внутреннее Око, я уловил возмущения, созданные им в эфире. Потом мне явилась звезда, которую ты называешь Лостра. Я набрался решимости и отправился к тебе.

Когда Деметер закончил, Таита некоторое время размышлял. Он сгорбившись сидел на Дымке, слегка покачиваясь в такт ее движениям, закутавшись в плащ, так, что виднелись только глаза.

– Значит, она не на Этне, – прервал он молчание. – Но где же, Деметер?

– Я уже сказал: не знаю.

– Ты должен знать, даже если тебе кажется, что ты не знаешь, – возразил Таита. – Сколько ты жил с ней? Десять лет?

– Да, десять лет, – подтвердил Деметер. – И каждый год был для меня вечностью.

– Тогда ты знаешь ее, как ни одно живое существо. Ты воспринял часть ее; она оставила в тебе свой след.

– Она брала у меня. Но ничего не давала, – ответил Деметер.

– Ты тоже брал у нее, хотя, возможно, и меньше, но при совокуплении мужчина и женщина получают оба. Ты знаешь ее. Быть может, это знание столь болезненно, что ты прячешь его даже от себя. Позволь помочь вывести его наружу.

Таита взял на себя роль дознавателя. Безжалостно, не считаясь ни с возрастом, ни со слабостью жертвы, он пытался вытянуть из Деметера все воспоминания о могущественной ведьме, какими бы бледными или подавленными они ни были. День за днем обыскивал он сознание старика, и при этом они не прерывали путешествия. Ехали по ночам, а перед рассветом разбивали лагерь. Едва поставив шатер, путники укрывались в нем от свирепого солнца пустыни, и Таита возобновлял расспросы. Он все больше восхищался стариком, осознавая глубину его страданий, его храбрость и стойкость, которые так долго помогали ему уходить от преследования Эос. Но он не позволял жалости мешать делу.

Наконец Таите показалось, что он больше ничего не сможет добиться, однако он не был удовлетворен. Сведения Деметера казались поверхностными и пустячными.

– У жрецов Ахура Мазды в Вавилоне существует заклинание, – сказал он Деметеру. – С его помощью можно погрузить человека в глубокий транс, подобный смерти, и тогда отправить его сознание далеко в глубь времен и пространства, до дня рождения этого человека. Тогда им становятся известны все подробности его жизни, каждое слово, которое он когда-либо произнес или услышал, каждый голос и каждое лицо.

– Да, я слышал об этом, – заявил Деметер. – Ты знаком с этим искусством, Таита?

– Ты веришь мне. Подчинишься?

Деметер устало и покорно закрыл глаза.

– Во мне ничего не осталось. Я пустая шелуха, из которой ты высосал всю суть не хуже самой ведьмы. – Костлявой рукой он провел по лицу и потер глаза. Потом снова открыл их. – Подчиняюсь тебе. Если можешь, примени ко мне заклинание.

Таита поднес к глазам старца золотой амулет и начал легко раскачивать его на цепочке.

– Сосредоточься на этой золотой звезде. Удали из сознания все другие мысли. Ты должен видеть только звезду, слышать только мой голос. Ты устал до глубины души, Деметер. Ты должен уснуть. Позволь себе уснуть. Пусть сон окутает тебя, как мягкое одеяло. Спи, Деметер, спи...

Старик постепенно расслабился. Веки его дрогнули и застыли. Он лежал на носилках, как труп, только негромко храпел. Один его глаз был еще открыт, но зрачок закатился, виднелся лишь белок, слепой и непрозрачный. Казалось, Деметер погрузился в глубокий транс, но, когда Таита задал ему вопрос, он ответил. Голос его звучал слабо, но пронзительно.

– Назад, Деметер, назад по реке времени.

– Да, – произнес Деметер, – я иду назад, в прошлые годы... назад, назад, назад... – Голос его окреп и оживился.

– Где ты теперь?

– Стою у Э-темен-ан-ки, Основания неба и земли, – ответил Деметер звонким молодым голосом.

Таита хорошо знал это здание – гигантское сооружение в центре Вавилона. Стены из глазированного кирпича всех цветов земли и неба, могучая пирамида.

– Что ты видишь, Деметер?

– Большое открытое пространство, самый центр мира, ось земли и неба.

– Ты видишь стены и высокие террасы?

– Стен нет, но я вижу рабочих и рабов. Их много, как муравьев на земле и саранчи в небе. Я слышу их голоса. – И Деметер заговорил на множестве языков, громовым голосом человечества. Некоторые языки Таита узнавал, другие были ему неизвестны. Неожиданно Деметер воскликнул на древнем шумерском: – Построим башню до самого неба.

Таита с изумлением понял, что стал свидетелем закладки Вавилонской башни. Он переместился назад к самому началу времен.

– Теперь ты держишь путь сквозь столетия. Ты видишь, как Э-темен-ан-ки достигла максимальной высоты и на ее вершине цари поклоняются богам Белу и Мардуку. Двигайся вперед во времени! – приказал Таита.

Деметер описывал события древности, канувшие в глубь времен, Таита его глазами видел возникновение великих империй и падение могучих царей. Он слышал мужчин и женщин, столетия назад обратившихся в пыль.

Наконец Деметер запнулся, и его голос утратил силу. Таита положил руку ему на лоб: тот был холодным, как могильный камень.

– Спокойно, Деметер, – прошептал маг. – Усни. Оставь прошлое в веках. Возвращайся в настоящее.

Деметер вздрогнул и расслабился. Он спал до заката, потом проснулся, естественно и спокойно, как будто ничего не произошло, и казался окрепшим и отдохнувшим. С аппетитом поел фруктов, принесенных Таитой, и выпил кислое козье молоко, а тем временем слуги собирали лагерь и грузили палатки и скарб на верблюдов. Когда караван отправился, Деметер чувствовал себя так хорошо, что смог немного пройти рядом с Таитой.

– Какие воспоминания ты извлек, пока я спал? – с улыбкой спросил он. – Я ничего не помню; наверно, ничего и не было.

– Ты видел, как закладывали основание Э-темен-ан-ки, а потом строили ее, – сказал Таита.

Деметер резко остановился и удивленно посмотрел на него:

– Я тебе это говорил?

В ответ Таита воспроизвел несколько языков, на которых изъяснялся в трансе Деметер. Деметер сразу узнавал каждое выражение; вскоре он утомился, но энтузиазм его не убывал. Он забрался в паланкин и лег на матрац. Таита ехал рядом, и долгую ночь напролет они беседовали. Наконец Деметер задал вопрос, который все время держали в уме оба:

– Я говорил об Эос? Тебе удалось извлечь какое-нибудь скрытое воспоминание?

Таита отрицательно покачал головой.

– Я старался не встревожить тебя. Не спрашивал прямо, но позволил твоим воспоминаниям течь свободно.

– Как охотник со сворой собак, – с неожиданным смешком подхватил Деметер. – Будь осторожен, Таита: загоняя кабана, можно вспугнуть львицу-людоедку.

– Твои воспоминания так богаты, что пытаться найти в них Эос все равно что искать в океане определенную акулу в целой стае. Мы можем истратить всю жизнь, но так и не наткнуться на нужное воспоминание.

– Отправь меня к ней, – без колебаний сказал Деметер.

– Я опасаюсь за твою безопасность, а то и за саму жизнь, – ответил Таита.

– Утром снова используем собак? На этот раз их нужно пустить по следу львицы.

Остаток ночи они молчали, погрузившись каждый в свои мысли и воспоминания. С первыми лучами солнца путники подошли к маленькому оазису, и Таита приказал разбить лагерь среди финиковых пальм. Слуги ставили палатки, кормили и поили животных. Как только мудрецы остались одни в главном шатре, Таита спросил:

– Хочешь немного отдохнуть, Деметер, прежде чем мы предпримем новую попытку? Или ты можешь начать немедленно?

– Я отдыхал всю ночь. Теперь я готов.

Таита внимательно посмотрел ему в лицо. Деметер казался спокойным, его светлые глаза оставались серьезными. Таита поднял амулет Лостры.

– Твои веки отяжелели. Смежи их. Ты чувствуешь себя в безопасности, ты спокоен. Твои конечности тяжелеют. Тебе очень удобно. Ты слышишь мой голос и чувствуешь, как к тебе приходит сон... благословенный сон... глубокий, целительный сон...

Деметер уснул быстрее, чем в первый раз: видимо, его восприимчивость к внушению Таиты росла.

– Вот гора, изрыгающая дым и пламя. Видишь ее?

На мгновение Деметер застыл. Губы его побледнели и задрожали. Потом он лихорадочно забормотал:

– Никакой горы нет! Я не вижу никакой горы!

Голос его звучал хрипло и тонко.

– На горе – женщина, – настаивал Таита. – Прекрасная женщина. Самая прекрасная на свете. Ты видишь ее, Деметер?

Деметер дышал часто, по-собачьи; грудь его вздымалась, точно кузнечные мехи. Таита почувствовал, что теряет его: Деметер сопротивлялся трансу, пытался вырваться. Таита знал, что для старика это последняя попытка: новую он не переживет.

– Слышишь ее голос, Деметер? Сладкую музыку ее слов. Что она говорит?

Теперь Деметер сражался с невидимым противникам, катался по матрацу. Он прижал колени и локти к груди, свернулся в клубок. Затем он распрямился, спина изогнулась. Он вел себя как безумец: бормотал, лепетал и хихикал. Стиснул зубы, так что один сломался, и выплюнул обломок со смесью слюны и крови.

– Спокойно, Деметер. – Таиту охватила паника, словно в котле закипела вода. – Успокойся. Ты в безопасности.

Дыхание Деметера выровнялось, и он вдруг заговорил на тайном языке посвященных, тенмассе. Слова были необычными, но еще более необычным стал голос. Это был голос не старика, а молодой женщины, нежный и мелодичный; Таита никогда не слышал такого певучего голоса.

– Огонь, воздух, вода и земля, но повелитель всем – огонь.

Малейшие интонации запечатлелись в памяти Таиты. Он знал, что никогда не сможет забыть их.

Деметер упал на матрац, тело его обмякло. Глаза закрылись. Дыхание успокоилось, грудь перестала вздыматься. Таита испугался, что сердце старика остановится, но когда прижался ухом к его груди, услышал смутное, но мерное биение. Со вздохом облегчения он понял, что Деметер пережил испытание.

Остаток дня Деметер проспал. А когда проснулся, казалось, перенесенное никак на нем не отразилось. Он ничего не сказал о случившемся и как будто даже ничего о нем не помнил.

За едой – приготовили молодого козленка – путники обсуждали повседневную жизнь каравана. Пытались определить, сколько прошли от Галлалы и скоро ли достигнут великолепного дворца фараона Нефера Сети. Таита послал вперед гонца, чтобы известить фараона о своем прибытии, и они гадали, как их примут.

– Молись Ахура Мазде, единственному истинному богу, чтобы несчастья перестали терзать эту бедную землю, – промолвил Деметер и замолк.

– Огонь, воздух, вода и земля... – самым обычным тоном произнес Таита.

– ...но повелитель всем – огонь, – закончил Деметр, как ученик, наизусть отвечающий урок. Он прикрыл рот и уставился на Таиту с удивлением в стариковских глазах. И наконец потрясенно спросил: – Огонь, воздух, вода и земля – это четыре элемента творения. Почему ты назвал их, Таита?

– Вначале скажи мне, Деметер, почему ты назвал огонь повелителем им всем.

– Молитва, – прошептал Деметер. – Заклинание.

– Какая молитва? Какое заклинание?

Деметер побледнел и задумался.

– Не знаю. – Губы его дрожали: он старался вспомнить. – Никогда не слышал.

– Слышал. – Таита снова превратился в дознавателя. – Подумай, Деметер. Где? От кого? – Неожиданно Таита изменил голос. Он прекрасно умел перевоплощаться и теперь заговорил поразительно красивым женским голосом, каким говорил Деметер в трансе: – Но повелитель всем – огонь.

Деметер ахнул и зажал уши руками.

– Нет! – закричал он. – Подражая этому голосу, ты кощунствуешь! Совершаешь ужасное преступление. Это голос Лжи, голос ведьмы Эос! – Он поник и всхлипнул.

Таита молча ждал, пока старик возьмет себя в руки.

Наконец Деметер поднял голову.

– Да смилуется надо мной Ахура Мазда и простит мне мою слабость. Как я мог забыть эти злые слова?

– Деметер, ты не забыл. Просто твоя память была для тебя закрыта, – мягко пояснил Таита. – Но теперь ты должен вспомнить все – и побыстрей, пока Эос не вмешается еще решительнее и не подавит твои воспоминания.

– Повелитель всем – огонь. Этим заклинанием Эос начинала свои нечестивые ритуалы, – выдохнул Деметер. – Это было на Этне. Я не встречался с ней в других местах.

– Она превозносит огонь в обители огня. – Таита задумался. – Она обрела в сердце вулкана силу, часть которой – огонь. Но ведьма ушла от ее источника. Однако мы знаем, что могущество вернулось к ней. Разве ты не понимаешь, что уже ответил на вопрос? Теперь мы знаем, где ее искать.

Деметер был явно озадачен.

– Надо искать в огне, в вулкане, – объяснил Таита.

Деметер, казалось, собрался с мыслями.

– Да, понимаю, – произнес он.

– Погоним эту лошадь дальше, – предложил Таита. – В вулкане соединены три элемента: огонь, земля и воздух. Не хватает только воды. Этна расположена у моря. Если Эос нашла себе другой вулкан, он должен стоять близ большого водного пространства.

– У моря? – спросил Деметер.

– Или у крупной реки, – предположил Таита. – Вулкан у моря или на острове, а может, у большого озера. Вот где следует ее искать. – Он положил руки Деметеру на плечи и ласково улыбнулся. – Видишь, хоть ты утверждал обратное, на самом деле ты знал, где она скрывается.

– Я тут ни при чем. Нужен был твой гений, чтобы извлечь сведения из моей отказавшей памяти. Но скажи, Таита, насколько мы сузили область поисков? Скольким вулканам подходит такое описание? – Он помолчал и сам ответил на свой вопрос: – Их легион, и они разобщены обширными пространствами суши и моря. Потребуются годы, чтобы навестить их все, и, боюсь, мне такой подвиг не по плечу.

– Столетиями братство жрецов в храме Хатор в Фивах тщательно изучало поверхность земли. У них есть подробные карты морей и океанов, гор и рек. Я тоже собирал сведения и передавал им, поэтому мы хорошо знакомы. Они дадут нам перечень вулканов, расположенных у воды. Не думаю, чтобы нам пришлось добираться к каждому из них. Мы с тобой, объединив силы, сможем на расстоянии определить, какая из этих гор излучает зло.

– Значит, придется набраться терпения и беречь силы и средства, пока мы не достигнем храма Хатор. Борьба с Эос изматывает меня, да и твои силы и стойкость не беспредельны. Ты тоже должен отдохнуть, Таита, – посоветовал Деметер. – Ты два дня не спал, а ведь мы сделали только первые шаги по долгой дороге к ее логову.

В этот миг Мерен внес в шатер связку ароматной пустынной травы и устроил из нее ложе. Поверх травы слуга расстелил тигровую шкуру. Встав на колени, он снял с хозяина сандалии и развязал пояс, но Таита рявкнул:

– Я не беспомощный младенец. Я могу раздеться сам.

Мерен снисходительно улыбнулся, помогая Таите лечь.

– Мы оба это знаем, маг. Тем более странно, что ты часто ведешь себя как малое дитя.

Таита открыл рот, собираясь возразить, но вдруг негромко всхрапнул и мгновенно погрузился в глубокий сон.

– Он смотрел за мной, пока я спал. Теперь я присмотрю за ним, добрый Мерен, – сказал Деметер.

– Это моя обязанность, – ответил Мерен, не сводя глаз с Таиты.

– Ты способен защитить его от человека и зверя – никто не сделает это лучше, – возразил Деметер, – но если нападение будет оккультным, ты – бессилен. Добрый Мерен, возьми-ка лучше лук да принеси нам на обед жирную газель.

Мерен провел еще немного времени возле Таиты, потом вздохнул и покорно вышел из шатра. Деметер сел на ложе рядом с Таитой.

Таита шел по берегу моря, белому, как снежное поле; на берег накатывались сверкающие волны. Ветер, благоухающий жасмином и лилиями, гладил его лицо и ерошил бороду. Таита остановился у воды, маленькие волны плескались у его ног. Он поглядел на море и увидел за ним темное пространство. Он понял, что стоит на самом краю земли и смотрит на хаос Вечности. Он стоял на солнце, но смотрел во тьму, где, точно светлячки, роились звезды.

Таита поискал звезду Лостры, но ее не было. От нее не осталось даже слабого свечения. Она пришла из пустоты и в пустоту вернулась. Таиту охватила глубокая печаль, он почувствовал, что тонет в одиночестве. Начал поворачиваться – и услышал тихое пение. Он сразу узнал молодой голос, хотя в последний раз слышал его много лет назад. Сердце его заколотилось в груди, словно дикий зверь, рвущийся на свободу. Звук приближался.

Сердце мое трепещет, как раненый перепел,
Когда я вижу лицо любимого,
И щеки мои алеют, как рассветное небо,
От его солнечной улыбки...

Первая песня, которой он ее научил, навсегда оставшаяся ее любимой. Таита живо повернулся, чтобы увидеть Лостру, потому что сразу понял, петь может только она. Девушка была его подопечной, и он заботился о ней, после того как от речной лихорадки умерла ее мать. И полюбил ее так, как никогда не любил ни одну женщину.

Он прикрыл глаза, спасаясь от яркого блеска моря, озаренного солнцем, и увидел на морской глади фигуру. Та приближалась, ее очертания становились все четче. Таита определил, что это большой золотой дельфин, плывущий так быстро, что вода расступается перед ним, а позади остается кипящий след. На спине у дельфина стоит девушка. Она удерживает равновесие, как искусный колесничий, а в руках у нее упряжь из морских водорослей, с помощью которой она управляет грациозным морским созданием. Продолжая петь, девушка улыбнулась.

Таита опустился на колени.

– Госпожа! – воскликнул он. – Дорогая Лостра!

Ей снова двенадцать – столько, сколько было, когда он увидел ее впервые. На ней только набедренная повязка из отбеленного полотна, жесткая и блестящая, как крыло цапли. Кожа стройного тела светится, как намасленная древесина кедра с гор за Библосом. Груди словно два только что снесенных яйца, увенчанных розовыми зернышками граната.

– Лостра, ты вернулась ко мне! О великий Гор! О милосердная Исида! Вы вернули ее мне, – всхлипывал Таита.

– Я никогда не покидала тебя, возлюбленный Таита, – прервала пение Лостра. На ее лице сверкала озорная детская улыбка. Хотя губы ее изогнулись – Лостра смеялась, – в глазах светилось мягкое сочувствие. Ее взгляд был полон женской мудрости и понимания. – Я никогда не забывала о данном тебе обещании.

Золотой дельфин остановился у берега, и Лостра грациозным движением спрыгнула на песок. Она стояла, протянув к Таите руки. Густой локон упал ей на плечо и повис между девичьих грудей. В сознании мага оживали все очертания ее тела, все черточки милого лица.

– Вернись ко мне, Таита. Вернись ко мне, моя единственная любовь!

Таита шагнул к ней. Первые шаги он делал неуклюже – старые ноги плохо слушались. Но вдруг он испытал прилив новых сил. Встал на цыпочки и без всяких усилий побежал по мягкому белому песку. Он чувствовал, что его сухожилия натянуты, словно тетива, а мышцы стали гибкими и сильными.

– О Таита, как ты прекрасен! – воскликнула Лостра. – Как ты силен и быстр, как молод, мой любимый!

Он воспрянул духом, зная, что она говорит правду. Он снова молод и влюблен.

Таита протянул к ней руки, и она крепко схватила их. Пальцы ее оказались холодными и костлявыми, исковерканными артритом, кожа – сухой и грубой.

– Помоги мне, Таита, – крикнула она, но это был не ее голос. Это был старческий голос, полный боли. – Он держит меня в своих кольцах!

Лостра в отчаянии дергала его за руки с невероятной силой. С неестественной силой – ломая ему пальцы; Таита чувствовал, как хрустят кости и рвутся сухожилия. Он попытался высвободиться.

– Пусти! Ты не Лостра!

Молодость ушла, сила, которая только что наполняла Таиту, рассеялась. Старость и отчаяние обрушились на него: он ощутил, как чудесная ткань сна разрывается в клочья, и эти клочья разносит ледяной ветер страшной яви.

Огромная тяжесть пригвоздила мага к полу шатра. Грудь Таиты под этой тяжестью с трудом вздымалась. Руки не разжимались. Резкий крик звучал у самого уха, так близко, что едва не лопались барабанные перепонки.

Таита заставил себя открыть глаза, и последние остатки сна исчезли. Совсем рядом над собой он увидел лицо Деметера. Оно было почти неузнаваемо: искажено болью, разбухло и побагровело. Беззубый рот раскрыт, оттуда свисает желтый язык. Крики Деметера звучат все слабее, старику трудно дышать.

Таита окончательно проснулся. Шатер наполняло тяжелое змеиное зловоние, Деметера сжимали массивные чешуйчатые кольца. Только голова и одна рука старца оставались на свободе. Этой свободной рукой он, точно утопающий, упрямо цеплялся за Таиту. Кольца совершенно симметрично охватили его и регулярно сжимались мускулистыми спазмами. Скрипели чешуйки, кольца все крепче сдавливали хрупкое тело Деметера. Змеиную шкуру покрывал великолепный золотой, шоколадный и кроваво-красный рисунок, но только увидев голову, Таита понял, кто на них напал.

– Питон! – воскликнул он. Голова змеи вдвое больше его обоих кулаков, прижатых один к другому. Пасть широко раскрыта, зубы впились в тощее плечо Деметера. Из углов раскрытой пасти свисают толстые нити блестящей слюны – это смазка, которой змея покрывает добычу, чтобы заглотить ее целиком. Маленькие круглые глазки, черные и непроницаемые, теперь устремлены на Таиту. Кольца продолжают сжиматься. Таита беспомощен под тяжестью человека и змеи. Последний крик Деметера стих, и Таита посмотрел ему в лицо. Деметер не мог дышать, его невидящие глаза выкатились из орбит. Таита слышал, как в безжалостном объятии хрустнуло ребро.

Наконец ему хватило воздуха, чтобы позвать Мерена. Таита знал, Деметер на краю гибели. Сам он сумел высвободить руку, но оставался в ловушке. Чтобы спасти Деметера, требовалось найти какое-нибудь оружие. В сознании Таиты все еще не поблек образ Лостры, и он поднес руку к горлу. Нащупал золотую звезду на цепочке – амулет Лостры.

– Вооружи меня, милая, – прошептал он. Тяжелое металлическое украшение удобно легло в руку. Таита ударил им питона по голове, целясь в круглый глаз, и острый металлический край разрезал прозрачную пленку, покрывавшую его. Змея громко зашипела. Ее кольца заметались, но она не выпустила плечо Деметера. Зубы ее торчали под углом, позволявшим змее заглатывать добычу, и природа создала их таким образом, что вырваться из них было очень трудно. Питон несколько раз отрыгнул, словно пытаясь высвободить челюсти.

Таита ударил снова. Он вонзил острый угол украшения в глаз питона у самого края и повернул его. Гигантские кольца змеиного тела разжались, питон выпустил Деметера и мотал головой из стороны в сторону, пока острые зубы не высвободились. Один глаз змеи был вырван, и обоих людей заливала холодная змеиная кровь. Таита с трудом, мелкими вздохами отдышался и отодвинул тело бесчувственного Деметера. Змея тем временем нацелилась ему в голову. Таита, защищаясь, поднял руку, и питон впился зубами ему в запястье, прокусил до самой кости, но боль лишь придала Таите новые силы. Он снова ударил острием в поврежденный глаз и нанес еще более глубокую рану. Питон извивался: Таита вырвал его глаз из черепа. Змея опять высвободила зубы, чтобы напасть. Удар ее головы был подобен удару кулака в металлической перчатке. Таита катался по полу шатра, уворачиваясь от этих страшных ударов, и звал Мерена. Кольца змеи, толще человеческого торса, казалось, заполнили весь шатер.

Вдруг Таита почувствовал, как острые кости впились ему в бедро, и вскрикнул от боли. Он знал, что его ранило: по обе стороны клоаки, под чешуйчатым хвостом у питона есть пара ост-

рых изогнутых когтей. Питон использует их, чтобы удерживать самку, пока сам вонзает в ее вагинальное отверстие свой спиралеобразный пенис и впрыскивает сперму в матку. Этими же когтями он удерживает добычу. Они служат точкой опоры для колец, увеличивая их силу. Таита отчаянно пытался высвободить ноги. Но когти погрузились в его плоть, и первое скользкое кольцо уже стиснуло тело мага.

– Мерен! – снова закричал Таита. Но его голос прозвучал слабо: новое кольцо сдавило ему грудь. Он снова хотел крикнуть, однако воздух с шумом вырвался у мага изо рта: змея сдавила ему ребра.

Неожиданно у входа в шатер показался Мерен. На мгновение он застыл, меряя взглядом чудовищное извивающееся пятнистое тело, и прыгнул вперед, одновременно заводя руку за спину: там в ножнах висел меч. Мерен не решался ударить питона по голове, опасаясь поранить Таиту, поэтому сделал два шага в сторону, чтобы напасть сбоку. Голова питона, метавшаяся из стороны в сторону, по-прежнему нависала над телами жертв; змей поднял хвост, глубже вонзая когти в ногу Таиты. Ударом меча Мерен отсек над когтями поднятую часть хвоста длиной в руку Таиты и толщиной в его бедро.

Питон взметнул верхнюю часть туловища до самой крыши шатра. Он разинул пасть, и острые зубы нависли над Мереном. Голова стремительно рыскала из стороны в сторону: уцелевшим глазом змея наблюдала за противником. Но меч перерубил спинной мозг, и спина питона непроизвольно изогнулась. Мерен стоял с высоко поднятым мечом. Змея нацелилась головой ему в лицо. Но Мерен был к этому готов. Меч свистнул в воздухе, и его отточенный край рассек змеиную шею. Голова отлетела. Челюсти продолжали судорожно щелкать, обезглавленное тело корчилось. Мерен с трудом пробрался через раскачивающиеся кольца и схватил Таиту за руку: из прокушенного запястья мага текла кровь. Мерен поднял Таиту над головой и вынес из шатра.

– Деметер! Спасай Деметера! – с трудом выдохнул Таита. Мерен бросился обратно; он рубил безголовое тело, пробиваясь туда, где лежал Деметер. На шум сбежались другие слуги. Самые смелые последовали за Мереном в шатер, выволокли тело змеи наружу и освободили Деметера. Он был без сознания, из раны на плече обильно шла кровь.

Забыв о собственных ранах, Таита немедленно занялся Деметером. Грудь старика была в синяках и кровоподтеках. Прощупав ребра, Таита обнаружил по меньшей мере два сломанных, но главной его заботой стало кровотечение из плеча. Боль привела Деметера в чувство, и Таита пытался отвлечь его, прижигая края раны острием кинжала Мерена; кинжал он накалил в жаровне, стоявшей в углу шатра.

– Укус змеи не ядовит. По крайней мере тут нам повезло, – сказал он Деметеру.

– Пожалуй, повезло только в этом. – Деметер говорил напряженным от боли голосом. – Это не творение природы, Таита. Тварь послана к нам из пустоты.

Таита не мог найти убедительных возражений, но не хотел еще больше огорчать старика.

– Перестань, старый друг, – сказал он. – Нет ничего такого, что напрасные опасения не сделали бы еще хуже. Мы оба живы. Змея вполне могла быть настоящей, а не уловкой Эос.

– А ты слышал о таких в Египте? – спросил Деметер.

– Я видел их в южных землях, – уклончиво ответил Таита.

– Далеко к югу?

– Да, далеко, – признался Таита. – За рекой Инд в Азии и к югу от того места, где Нил разделяется на две реки.

– И всегда в густом лесу? – настаивал Деметер. – Никогда в пустыне? Никогда такой величины?

– Ты прав, – капитулировал Таита.

– Ее послали убить меня, а не тебя. Она не хочет тебя убивать – пока не хочет, – убежденно сказал Деметер.

Таита молча продолжал осмотр. Он обрадовался, обнаружив, что ни одна крупная кость у Деметера не сломана. Промыв рану на плече разведенным вином, он смазал ее лечебной мазью и перевязал полосками льняного полотна. И только потом занялся собственными ранами.

Перевязав свое запястье, он помог Деметеру встать, и они вдвоем вышли из шатра туда, куда Мерен перетащил тело гигантской змеи. Измерили ее длину – без головы и отрубленного хвоста полных пятнадцать шагов; и даже мускулистые руки Мерена не могли обхватить туловище змеи в самой толстой части. Мышцы под великолепно раскрашенной кожей все еще дергались и дрожали, хотя змея уже какое-то время была мертва.

Таита концом посоха потрогал отсеченную голову, потом попытался разжать челюсти.

– Она способна так широко раскрыть пасть, что легко проглотит взрослого человека целиком.

На красивом лице Мерена изобразилось отвращение.

– Грязная, нечестивая тварь! Деметер говорил правду. Это чудовище из пустоты. Я сожгу его тело.

– Ничего подобного, – решительно возразил Таита. – Плоть такого сверхъестественного существа обладает магическими свойствами. Если, что самое вероятное, оно создано ведьмой, мы можем обратить змею против нее.

– Ты не знаешь, где ее найти, – возразил Мерен, – как же ты пошлешь змею назад?

– Змея – ее создание, часть ее самой. Точно голубь, она покажет нам дорогу к дому.

Мерен неловко поежился. Хотя он много лет сопровождал мага, такие тайны все еще удивляли его и приводили в отчаяние.

Таита пожалел Мерена и дружески сжал его плечо:

– Я снова у тебя в долгу. Если бы не ты, мы с Деметером могли бы сейчас быть в желудке у этой твари.

Тревога на лице Мерена сменилась благодарностью.

– В таком случае скажи, что мне с ним сделать.

Он пнул извивающееся туловище, которое медленно сворачивалось в большой шар.

– Мы ранены. Возможно, пройдет несколько дней, прежде чем мы соберемся с силами и сможем заняться колдовством. Отнеси эту падаль в такое место, чтобы ее не сожрали стервятники или шакалы, – ответил Таита. – Позже мы снимем с нее шкуру и вытопим жир.

Как ни старался, Мерен не смог взвалить питона на спину верблюда. Верблюд пришел в ужас от запаха змеи, он упирался, артачился и кричал. В конце концов Мерен и пятеро сильных погонщиков оттащили питона на край лагеря и забросали камнями, чтобы уберечь от гиен и других пожирателей падали.

Вернувшись, Мерен увидел, что маги сидят на полу шатра лицом друг к другу. Они держались за руки, объединяя силы, создавая заклинание, которое должно было защитить и спрятать лагерь. Когда сложная церемония завершилась, Таита дал Деметеру чашу красного напитка, и вскоре старик забылся наркотическим сном.

– Теперь оставь нас, добрый Мерен. Отдыхай, но будь близко, чтобы услышать мой зов, – сказал Таита, усаживаясь рядом с Деметером с намерением присматривать за ним. Но силы оставили его, и вскоре он тоже уснул. Проснулся он оттого, что Мерен настойчиво тряс его за раненую руку. Таита сел, все еще в полусне, и недовольно сказал:

– Что с тобой? Совсем ничего не понимаешь?

– Идем, маг! Быстрей!

Настойчивость Мерена и выражение его лица встревожили Таиту. Маг с беспокойством повернулся к Деметеру. И с облегчением увидел, что старик спит. Таита с трудом поднялся.

– В чем дело? – спросил он, но Мерен уже исчез. Таита вслед за ним вышел в холодный рассвет и увидел, что помощник бежит к границе лагеря. Когда он его догнал, тот молча указал

на груду камней, которыми было завалено тело питона. Таита сперва не понял, но тут же заметил, что камни разбросаны.

– Змея исчезла! – выпалил Мерен. – Исчезла ночью.

Он показал углубление в земле, оставленное тяжелым телом питона. Несколько капель крови высохли и превратились в черные шарики, но больше ничего не осталось. Таита почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом, словно от холодного ветра.

– Ты внимательно поискал вокруг?

Мерен кивнул:

– Мы обшарили все на пол-лиги от лагеря. Не нашли ни следа.

– Его сожрали собаки или дикие звери, – сказал Таита, но Мерен отрицательно покачал головой:

– Ни одна собака не подходила к нему. Чувствуя зловоние, они выли и ворчали.

– Может, гиены или стервятники?

– Нет, птицам не сдвинуть камни, а такая огромная змея накормила бы сотню гиен. Они наполнили бы ночь своими отвратительными воем и лаем. Но не было слышно ни звука, и нет ни единого следа. – Мерен провел рукой по тугим завиткам своих волос и понизил голос. – Деметер, безусловно, прав. Змея забрала свою голову и улетела, не коснувшись земли. Эта тварь пришла из пустоты.

– Не вздумай делиться своей догадкой с погонщиками и слугами, – предупредил Таита. – Не то они оставят нас и разбегутся. Скажи им, что ночью мы с Деметером заклинаниями избавились от тела.

Прошло несколько дней, прежде чем Таита решил, что Деметер может возобновить путешествие, но неловкая походка верблюда, который нес паланкин, причиняла боль сломанным ребрам, и Таите приходилось постоянно давать Деметеру одурманивающий напиток. При этом он сократил ежедневное время пути и сбавил ход, чтобы не причинять старцу дополнительных мучений.

Сам Таита быстро оправился от последствий нападения змеи. Вскоре он уже мог ехать верхом на Дымке. Иногда по ночам он поручал Мерену присмотр за Деметером, а сам обгонял караван. Ему требовалось остаться в одиночестве, чтобы понаблюдать за небом. Таита не сомневался, что происходящие с ними зловещие события непременно отразятся в новых небесных знамениях. И вскоре обнаружил множество таких знаков. Небо озаряли полоски яркого пламени, оставленные падающими звездами и кометами: за одну ночь он увидел их больше, чем за минувшие пять лет. Знамения были не только многочисленными, но и противоречивыми: если они и передавали весть, Таита никак не мог понять ее. Он видел мрачные предупреждения и обнадеживающие знаки, страшные угрозы и заверения в благополучии – все одновременно.

На десятую ночь после исчезновения змеи взошла полная луна, огромный светящийся шар, перед которым бледнели огненные хвосты падающих звезд и даже главные планеты превращались в бледные пятна. Полночь давно миновала, когда Таита выехал на безжизненную равнину, которую узнал. Менее пятидесяти лиг отделяло их от края впадины, в которой лежали некогда плодородные земли дельты Нила. Скоро придется вернуться, поэтому он остановил Дымку, спешился и отыскал каменное сиденье неподалеку от тропы. Кобыла толкнула мага мордой. Таита открыл сумку, висевшую на бедре, и рассеянно скормил Дымке горсть измельченной дурры, внимательно разглядывая небо.

Он едва различил бледное облако – все, что осталось от звезды Лостры, и испытал предчувствие тяжелой утраты: вскоре звезда исчезнет без следа. Таита снова печально посмотрел на луну. Полнолуние – предвестник поры посадки, поры роста и омоложения, но без речных разливов в дельте не высадят ни зернышка.

Неожиданно Таита распрямился. Он почувствовал холодок, всегда предшествующий какому-нибудь оккультному явлению: мурашки побежали по коже, волосы на затылке зашевелились. Очертания луны менялись у него на глазах. Вначале он счел это иллюзией, игрой света и тени, но в следующую минуту словно какое-то темное чудовище откусило большой кусок луны. С поразительной быстротой за этим куском последовала остальная часть большого шара, и на месте луны оказалась черная дыра. Появились звезды, но тусклые и чахлые по сравнению с погасшим светом.

В природе словно воцарилось смятение. Птицы умолкли. Ветер стих. Очертания окрестных холмов слились с темнотой. Даже серая кобыла встревожилась: она замахала головой и в страхе заржала. Потом встала на дыбы, вырвала повод из руки Таиты и поскакала назад по тропе. Таита не остановил ее.

Хотя он знал, что ни молитва, ни заклинание не подействуют на события космоса, он громко воззвал к Ахура Мазде и ко всем богам Египта, прося спасти луну от исчезновения. И увидел, что умирающая звезда Лостры засветилась ярче. Это было всего лишь легкое свечение, но Таита поднял амулет на цепочке и протянул к звезде. Сосредоточился и раскрыл Внутреннее Око.

– Лостра! – в отчаянии воскликнул он. – Ты всегда была светом моего сердца! Умоли богов, которым равна. Зажги луну и озари небо.

И почти тотчас на краю темного пространства, где исчезла луна, появился светлый краешек. Он рос, делаясь изогнутым и ярким, как лезвие меча, потом приобрел сходство с секирой. Таита продолжал призывать Лостру и протягивать амулет, луна же тем временем вернулась во всем своем великолепии и славе. Таита испытал огромное облегчение и радость. Однако он знал, что, хоть луна и вернулась, мрачное предзнаменование, затмение, остается в силе и перекрывает другие, более благоприятные, знаки.

Еще полчаса сидел он во тьме, собираясь с мыслями, но наконец встал, взял посох и отправился на поиски кобылы. Пройдя с лигу, он ее увидел. Дымка обрывала листья с пустынного кустарника у тропы и приветливо заржала, завидев его, и пошла навстречу, изображая раскаяние в своем непослушании. Таита сел на нее, и они отправились к каравану.

Все видели, как проглотили луну, и даже Мерен с трудом удерживал погонщиков. Увидев, что Таита возвращается, он заторопился навстречу.

– Видел, что произошло с луной, маг? Зловещее предзнаменование! Я боялся за твою жизнь! – воскликнул он. – Слава Гору: ты жив. Деметер не спит и ждет твоего появления, но, может, ты сперва поговоришь с этими трусливыми псами? Они хотели разбежаться по своим конурам.

Таите потребовалось немало времени, чтобы успокоить людей. Он объяснил им, что возрождение луны не предвещает катастрофы, напротив, сулит разлив Нила. Слава его была такова, что люди сразу успокоились – или хотя бы выразили готовность идти дальше. Таита оставил их и пошел в шатер Деметера. В последние десять дней старик быстро оправлялся от увечий, причиненных питоном, и заметно окреп. Однако Таиту он встретил с серьезным лицом. Остаток ночи маги просидели, обсуждая возможное значение лунного затмения.

– Я прожил много лет и не раз видел подобное, – негромко сказал Деметер, – но видеть полное уничтожение приходилось редко.

Таита кивнул:

– И верно – я сам видел всего два таких исчезновения. Они всегда предвещали несчастье: смерть великих царей, падение прекрасных процветающих городов, голод и поветрия.

– Мы столкнулись с очередным проявлением темных сил Лжи, – сказал Деметер. – Я думаю, Эос хвастает своей неуязвимостью. Пытается запугать нас, привести в отчаяние.

– Нельзя медлить, нужно побыстрей добраться до Фив, – подхватил Таита.

– И прежде всего не ослаблять бдительность. В любое время дня и ночи можно ждать следующего нападения. – Деметер серьезно посмотрел в лицо Таите. – Прости, что вновь заговорил об этом, но пока ты не узнаешь все зло и коварство ведьмы, как знаю их я, тебе трудно понять и оценить, насколько она изобретательна и опасна. Она способна вызывать в твоем сознании самые убедительные образы. Вернуть самые ранние детские воспоминания, даже образы твоих отца и матери, так живо, что ты не усомнишься в них.

– В моем случае это будет затруднительно, – сухо улыбнулся Таита. – Я никогда не знал своих родителей.

Погонщики непрестанно подгоняли верблюдов, и все же Таита сгорал от нетерпения. На другую ночь он вновь оставил караван и поехал вперед, надеясь достичь спуска в дельту и после стольких лет отсутствия посмотреть сверху на свой любимый Египет. Его нетерпение оказалось заразительным: Дымка перешла на галоп, лиги проносились под ее легкими копытами, и Таита наконец оказался на краю впадины. Луна заливала землю под ним серебристым сиянием, и ясно видны были пальмовые рощи вдоль берегов Нила.

Таита спешился и, стоя рядом с кобылой и поглаживая ей шею, восхищенно смотрел на город, на освещенные луной белые стены храмов и дворцов Карнака. На дальнем берегу он разглядел высокие башни дворца Мемнона, но поборол искушение спуститься по склону и проехать по аллювиальной равнине к одним из ворот Фив.

Его долг – оставаться рядом с Деметером, а не бросать его ради стремительного отъезда вперед. Присев на корточки у головы кобылы, Таита позволил себе вообразить радостное возвращение домой и встречу с близкими людьми.

Фараон и царица Минтака относились к Таите с глубоким почтением и любовью, как обычно относятся к старшим членам семьи. Он отвечал им искренней любовью, которая ничуть не ослабла со времен их отрочества. Фараон Тамос, отец Нефера, погиб, когда Нефер был еще ребенком и не мог занять трон Верхнего и Нижнего Египта, поэтому назначили регента. Таита был наставником Тамоса, поэтому сына Тамоса до совершеннолетия без колебаний отдали под его опеку. Таита присматривал за обучением будущего фараона царским обязанностям, но сам воспитывал в нем воина и всадника, которому предстоит вести войны и командовать армиями. Он учил Нефера обязанностям правителя, умению управлять государством и вести дипломатические переговоры. Он сделал из мальчика мужчину. За эти годы между ними возникла прочная связь, до сих пор не разорванная.

Холодный ветерок заставил Таиту вздрогнуть. Для этого времени года такой ветер – необычное явление. Таита мгновенно насторожился. Внезапное падение температуры часто предшествует оккультным явлениям. Вспомнилось предупреждение Деметера.

Таита сидел неподвижно, обшаривая эфир, но ничего зловещего не обнаружил. Тогда он обратил внимание на Дымку, почти такую же чувствительную к сверхъестественному, как он сам, но кобыла вела себя спокойно. Довольный Таита встал, сел верхом и поехал к каравану. К этому времени Мерен уже должен был остановить ночной переход и заняться устройством стоянки. Таите хотелось поговорить с Деметером, прежде чем старик уснет. Он еще не до конца исчерпал источник мудрости и опыта старца.

Вдруг Дымка насторожила уши и заржала негромко, с легким беспокойством. Таита заметил, что она смотрит вниз со склона, и оглянулся. Вначале маг ничего не увидел, но он доверял кобыле и поэтому внимательно прислушался. Наконец маг заметил легкое движение у самого подножия спуска. Движение тотчас прекратилось, и он решил, что ошибся, но кобыла оставалась настороже. Таита ждал, продолжая наблюдать. И вновь увидел движение, на этот раз ближе и отчетливее. Из темноты показался смутный силуэт лошади и всадника, он двигался по тропе туда, где он стоял. Незнакомая лошадь, тоже серая, но светлее Дымки. Ожило воспоминание: Таита никогда не забывал хорошую лошадь. Эта даже в лунном свете казалась знакомой. Он попробовал вспомнить, где и когда в последний раз ее видел, однако воспоминание относилось к очень далекому прошлому. С тех пор много воды утекло, но кобыла скакала как четырехлетка. Таита перенес внимание на всадника – миниатюрная фигура, не мужчина, а, может быть, мальчик. Кем бы он ни был, лошадь он вел легко и стремительно. Всадник тоже показался Таите смутно знакомым, но, как и лошадь, мальчик был слишком молод, чтобы воспоминание о нем так поблекло. «Может, это ребенок того, кого я некогда знал?» – подумал Таита.

Один из принцев Египта? Царица Минтака подарила фараону Неферу Сети много прекрасных сыновей. Все они очень похожи на отца или мать. В ребенке не было ничего необычного, но Таита не сомневался – он царской крови. Лошадь и всадник приближались. Таиту поразило еще несколько особенностей. Он увидел, что на всаднике короткий хитон, оставляющий открытыми ноги, и ноги эти стройные и, несомненно, женские. Девочка. Голова покрыта, но когда девочка подъехала ближе, Таита смог разглядеть под клафтом ее лицо.

– Я знаю ее. Я ее хорошо знаю, – прошептал он. Зашумело в ушах. Девочка приветственно подняла руку и сжала ногами бока своей лошади, посылая ее вперед. Лошадь перешла на галоп, но ее копыта не поднимали песок с тропы. Всадница поднималась по склону в необычной тишине.

Таита чересчур поздно понял, что его успокоила знакомая внешность. И быстро открыл Внутреннее Око.

– У них нет ауры, – прошептал он и ухватился рукой за плечо кобылы, чтобы не упасть. Лошадь и всадница – не создания природы, они пришли из иного мира. Несмотря на предостережения Деметера, его вновь захватили врасплох. Таита схватил висевший на груди амулет и протянул вперед. Всадница остановила лошадь и посмотрела на него из-под клафта. Она теперь была так близко, что Таита видел блеск ее глаз и мягкую округлость юной щеки. Нахлынули воспоминания.

Неудивительно, что он сразу узнал лошадь. Он сам выбрал ее, заботливо, с любовью, и подарил девочке. Заплатил талант серебра, считая покупку выгодной сделкой. Девочка назвала лошадь Галла, и та стала ее любимицей. Таита прекрасно помнил, с каким мастерством и ловкостью девочка ездила верхом. Он прирос к месту как гранитный столб, держа амулет точно щит.

Всадница медленно подняла красивую белую руку и отбросила платок с лица. Таита смотрел на знакомое любимое лицо, которое так хорошо помнил, и чувствовал, как рвется на части его душа.

«Это не она, – пытался он убедить себя. – Опять призрак из пустоты, как гигантская змея, и, может быть, такой же смертоносный».

Когда он обсуждал с Деметером свой сон о девочке на золотом берегу, тот не колебался:

– Не верь видениям, пробуждающим надежды и стремления. Обращаясь к радостным воспоминаниям, например к прежней любви, ты отворяешь двери для Эос. И она найдет способ добраться до тебя.

Таита покачал головой:

– Нет, Деметер, даже Эос не сотворить такое точное видение: ведь дело давнее. Голос Лостры, разрез ее глаз, изгиб улыбающихся губ – как Эос в точности повторить все это? Лостра

уже семь десятков лет лежит в саркофаге. Нет никаких ее живых следов, которыми могла бы воспользоваться Эос.

– Эос украла твои воспоминания о Лостре и вернула их тебе в самой убедительной, соблазнительной форме.

– Но даже я забыл многие из этих подробностей.

– Ты ведь сам сказал: мы ничего не забываем. Все подробности сохраняются. Нужно лишь тайное мастерство, каким владеет Эос, чтобы добыть их из твоего сознания, как ты добыл из моего – воспоминания об Эос, ее голос, которым она произносила заклинание огня.

– Не могу признать, что это была не Лостра, – негромко простонал Таита.

– Потому что не хочешь. Эос стремится лишить тебя способности рассуждать здраво. Задумайся хоть ненадолго, как коварно она вплела образ девочки на дельфине в свои злые планы. Завлекая тебя поддельным призраком утраченной любви, она послала питона убить меня. А сон использовала, чтобы отвлечь тебя.

И вот на границе дельты Таите снова противостоит видение – Лостра, бывшая царица Египта, чей образ вечно живет в его сердце. На этот раз она еще совершеннее. Таита чувствовал, как слабеют его решимость и здравый смысл, и отчаянно пытался справиться с собой. Но не мог не смотреть в глаза Лостре. Они были полны чарующим светом, в их глубине таились все ее улыбки и слезы.

– Отвергаю тебя! – произнес он как можно суровее и холоднее. – Ты не Лостра. Ты не женщина, которую я любил. Ты Великая Ложь. Убирайся во тьму, откуда вышла.

Искры в прекрасных глазах Лостры сменились глубокой печалью.

– Дорогой Таита, – негромко заговорила она. – Я провела без тебя много долгих одиноких лет после нашего расставания. Но теперь, когда твоим духу и плоти грозит такая страшная опасность, я пришла, чтобы вновь быть с тобой. Вместе мы прогоним зло, нависшее над тобой.

– Кощунница, – ответил он, – ты Эос, Ложь, и я отвергаю тебя. Меня защищает Истина. Ты не можешь навредить мне.

– О Таита, – Лостра перешла на шепот, – ты погубишь нас обоих. Мне тоже грозит опасность. – Казалось, она переживает горести всего человечества с начала времен. – Верь мне, милый. Ради нас обоих ты должен поверить. Я та Лостра, которую ты любил, та, которая любила тебя. Ты призвал меня, вызвал из эфира. Я услышала – и пришла.

Таита почувствовал, как земля уходит из-под ног, но постарался взять себя в руки.

– Убирайся, проклятая ведьма! – воскликнул он. – Уходи, подлая прислужница Лжи. Я отвергаю тебя и твои дела. Больше не преследуй меня.

– Нет, Таита! Не делай этого, – взмолилась она. – Нам дали возможность, единственную возможность. Не отказывайся от нее.

– Ты зло, – хрипло произнес он. – Порождение пустоты. Возвращайся в свое грязное логово.

Лостра застонала, и ее образ рассеялся. Она исчезала, как часто исчезала при свете дня ее звезда. Из тьмы в последний раз послышался шепот:

– Я уже испробовала смерть и теперь опять должна испить эту горькую чашу. Прощай, Таита, я любила тебя. Если бы только ты любил меня больше...

И она исчезла. Маг опустился на колени, и волна сожаления и утраты накрыла его с головой. А когда он набрался сил, чтобы поднять голову, солнце уже встало, поднялось над горизонтом на ширину ладони. Дымка спокойно стояла рядом. Она дремала, но, едва он зашевелился, подняла голову и посмотрела на хозяина. Он так ослабел, что ему пришлось использовать обломок скалы, чтобы сесть верхом. Лошадь пошла к лагерю, а Таита сидел на ее спине, покачиваясь и едва не падая.

Он силился разобраться в переполнявших его чувствах. Его внимание привлекло вот что: во время встречи с призрачной Лострой Дымка вела себя спокойно, не выказывая ни малейших признаков волнения. Во всех прочих случаях она обнаруживала проявления зла задолго до того, как их замечал Таита. Когда исчезла луна, Дымка встала на дыбы и ускакала, но к призрачной Лостре и ее призрачной лошади проявила очень слабый интерес.

– В них не может быть зла, – начал убеждать себя маг. – Неужели Лостра говорила правду? Неужели она пришла как союзник и друг, чтобы защитить меня? Неужели я погубил нас обоих? – Такая боль была нестерпимой. Он повернул Дымку и галопом пустил ее обратно, к дельте. И остановился, только когда они оказались на краю впадины. Таита соскочил на землю точно на том месте, где исчезла Лостра.

– Лостра! – крикнул он в небо. – Прости меня! Я ошибся! Теперь я знаю, ты говорила правду. Поистине ты Лостра. Вернись ко мне, любовь моя! Вернись!

Но она исчезла, и только эхо насмешливо подхватило:

– Вернись... вернись...

Они были так близко к священному городу, Фивам, что Таита приказал Мерену идти и после восхода солнца. Освещенный косыми солнечными лучами маленький караван спустился в углубление и по гладкой аллювиальной равнине направился к стенам города. Равнина была пустынна. Ни пятнышка зелени. Черная земля спеклась, как кирпич, и покрылась глубокими трещинами от неумолимого солнечного жара. Крестьяне бросили сгоревшие поля, и в их покинутых хижинах с балок крыш клочьями сыпалось покрытие из пальмовых листьев, небеленые стены разрушались. Кости коров, издохших от голода, усеивали поля, как заросли белых маргариток. По пустой земле бродили вихри, поднимая в безоблачное небо столбы пыли и сухих листьев дурры. Солнце било по высохшей почве, как боевой топор по медному щиту.

Люди и вьючные животные каравана казались в этой пустыне мелкими и ничтожными, точно детские игрушки. Они добрались до реки и невольно остановились, захваченные ужасным зрелищем. Деметер выбрался из паланкина и хромая присоединился к Таите и Мерену. В этом месте ширина реки достигала четырехсот ярдов. Обычно могучее течение Нила до краев заполняло русло; это был поток серой, мутной от ила воды, столь глубокий и мощный, что его поверхность постоянно покрывалась сверкающими водоворотами. Во время разлива сдержать воды Нила было невозможно. Они перехлестывали на берег и заливали поля. Ил и осадки, оставленные рекой, были так плодородны, что позволяли выращивать по три урожая за сезон.

Но разливов не случалось уже семь лет, и река представляла пугающую, страшную пародию на себя прежнюю. Она сузилась до цепочки мелких зловонных прудов, растянувшихся вдоль русла. Поверхность этих прудов бередили только судороги умирающей рыбы и неторопливое движение немногочисленных выживших крокодилов. Воду покрывала красная пена, похожая на запекшуюся кровь.

– Что заставляет реку кровоточить? – спросил Мерен. – Проклятие?

– Мне кажется, это цветут ядовитые водоросли, – сказал Таита, и Деметер подтвердил:

– Это действительно водоросли, но у меня нет сомнений: они не естественного происхождения; их наслало на Египет то же зло, что вызвало прекращение разливов.

Кроваво-красные пруды отделялись друга от друга полосками черной грязи, усеянными городским мусором, корнями, плавником, обломками брошенных речных судов и раздутыми трупами птиц и животных. Единственными живыми существами, часто встречавшимися на бе-

регах прудов, были необычные приземистые создания, которые неуклюже ползали по грязи на перепончатых лапах. Они дрались друг с другом за туши, разрывали их и глотали куски гнилого мяса. Таита не мог определить, что это за существа, пока Мерен с глубоким отвращением не заметил:

– Их мне описывали караванщики. Гигантские жабы! – Он закашлялся и выплюнул комок, застрявший в горле. – Неужели нет конца несчастьям, обрушившимся на Египет?

Таита понял: его ввел в заблуждение размер этих существ. Они были огромны. В ширину почти как кустарниковые свиньи и высотой, когда поднимались на длинных лапах в полный рост, тоже со свинью.

– В грязи лежат и человеческие трупы! – воскликнул Мерен. Он указал на маленькое тело внизу под ними. – Мертвый ребенок!

– Кажется, жителей Фив охватило такое глубокое безразличие, что мертвых больше не хоронят, а выбрасывают их в реку. – Деметер печально покачал головой.

У них на глазах одна из гигантских жаб схватила руку ребенка и несколькими энергичными движениями головы вырвала ее из плечевого сустава. Рука упала, но жаба подхватила ее и сожрала.

Это вызвало общее отвращение. Путники вновь сели верхом и по берегу реки поехали к городским воротам. Все пространство перед воротами было занято временными убежищами, где теснились обедневшие крестьяне, вдовы, дети, больные и умирающие – многочисленные жертвы катастрофы. Они ютились в тесноте под грубыми соломенными крышами хижин без стен. Все выглядели изголодавшимися и вялыми. Таита видел, как молодая мать поднесла ребенка к ссохшейся пустой груди, но младенец был слишком слаб, чтобы сосать, и в его глазах и ноздрях ползали мухи. Мать безнадежно смотрела на него.

– Позволь дать ей еды для ребенка. – Мерен хотел спешиться, но Деметер остановил его.

– Если дашь этим несчастным еду, начнутся беспорядки.

Они поехали дальше. Мерен виновато и печально оглянулся.

– Деметер прав, – негромко сказал Таита. – Нельзя спасти одного в толпе голодающих. Нужно спасти весь Египет, а не горстку его подданных.

Для стоянки Таита и Мерен выбрали место подальше от несчастных. Таита отвел караванщика в сторону и сказал ему:

– Позаботься, чтобы твоему хозяину было удобно, и хорошо охраняй его. Затем построй изгородь из высохших колючих кустов, чтобы защитить лагерь и не подпускать воров и стервятников. Оставайся здесь, пока я не найду более удобное помещение для всех нас. – Он повернулся к Мерену: – Я еду в город, во дворец фараона. Оставайся с Деметером.

Он сжал бока кобылы и двинулся к главным воротам. Когда он въезжал в них, стражник посмотрел на него сверху, но не остановил. Улицы были почти пусты. Редкие встречные казались такими же бледными и исхудалыми, как и те, что за стеной. При его приближении они торопливо уходили. Над городом висело отвратительное зловоние – запах смерти и страданий.

Начальник дворцовой охраны узнал Таиту и побежал открывать боковые ворота; когда Таита въехал, он почтительно с ним поздоровался.

– Один из моих людей отведет твою лошадь на конюшню, маг. Царские конюхи о ней позаботятся.

– Фараон во дворце? – спросил Таита, спешиваясь.

– Он здесь.

– Отведи меня к нему, – приказал Таита.

Начальник охраны торопливо повиновался и провел Таиту по лабиринту дворцовых коридоров и залов. Они миновали дворы, некогда покрытые великолепными лужайками, цветниками и

звенящими фонтанами с прохладной водой, потом залы, где прежде звучали веселый смех и пение благородных женщин и мужчин, давали представления акробаты, бродячие певцы, танцевали искусные рабыни. Теперь комнаты опустели, сады выгорели, а фонтаны иссякли. Тяжелую тишину нарушали лишь шаги Таиты и его провожатого по каменным плитам пола.

Наконец они дошли до приемной царского зала для аудиенций. В противоположной стене была закрытая дверь. Начальник постучал древком копья, и почти мгновенно раб отворил ее. Таита заглянул мимо него в зал. Там, на полу из плит розового мрамора, скрестив ноги, сидел за низким столиком тучный евнух в коротком льняном одеянии; стол был завален свитками папируса и табличками для письма. Таита сразу узнал его: старший управитель фараона. Именно по рекомендации Таиты он получил это важное назначение.

– Рамрам, старый друг! – приветствовал его Таита.

Рамрам с удивительным для такого тучного человека проворством вскочил и обнял Таиту. Всех евнухов на службе фараона связывали дружеские отношения.

– Таита, тебя слишком долго не было в Фивах. – Рамрам отвел Таиту в свой небольшой кабинет. – Фараон совещается с военачальниками, и его нельзя тревожить, но я отведу тебя к нему, как только он освободится. Таково его желание. Однако это дает нам возможность поговорить. Сколько ты отсутствовал? Должно быть, не один год?

– Семь лет. С нашей последней встречи я посетил многие диковинные земли.

– Тогда я должен рассказать тебе, что у нас произошло за время твоего отсутствия. К сожалению, мало хорошего.

Они сели на подушки лицом к лицу, и управитель приказал рабу принести чаши с шербетом, который охлаждался в глиняных кувшинах.

– Вначале скажи, как здоровье великого, – с тревогой попросил Таита.

– Боюсь, его вид тебя опечалит. Его отягощает бремя забот. Почти все время он проводит в совещаниях с министрами, командующими армиями и правителями номов. Он отправил послов во все страны, покупать зерно и продукты и кормить голодающее население. Приказывает копать новые колодцы, чтобы получать пресную воду вместо грязной речной отравы.

Рамрам вздохнул и отпил из чаши.

– Мидяне и шумеры, морской народ, ливийцы и все прочие наши враги знают о наших несчастьях, – продолжал он. – Они считают, что наше время истекло и мы больше не в силах защищаться, и поэтому собирают войска. Ты ведь знаешь, наши вассальные государства и сатрапы всегда были недовольны тем, что приходилось платить дань фараону. И многие увидели в наших бедах возможность освободиться, поэтому составляются предательские союзы. Множество врагов собирается на наших границах. Страна страшно обеднела, но фараон по-прежнему должен искать людей и припасы для пополнения своих отрядов. И он сам, и его империя напрягают последние силы и вот-вот будут сломлены.

– Более слабый монарх не выдержал бы таких испытаний, – сказал Таита.

– Нефер Сети великий монарх. Но и он, как все мы, ничтожные, в глубине души знает, что боги перестали улыбаться Египту и все его усилия будут тщетны, пока он не вернет божественную милость. Он приказал жрецам всех храмов по всей земле молиться бесконечно. Сам он трижды в день приносит жертвы. И хотя он очень устал и силы его на исходе, половину каждой ночи, вместо того чтобы отдыхать, он молится и общается с другими богами.

На глаза управителя навернулись слезы. Он вытер их куском льняной ткани.

– Такой была его жизнь все семь лет после того, как мать-река отказала нам в разливах и на нас обрушились голод и болезни. Всякого менее сильного правителя это погубило бы. Нефер Сети бог, но у него сердце и отзывчивость человека. Он изменился и постарел.

– Очень огорчительные новости. Но скажи, как живут царица и дети.

– И тут дурные вести. Болезнь не пощадила их. Царица Минтака заболела и много недель стояла на пороге смерти. Она поправляется, но еще очень слаба. Однако не всем царским детям так повезло. Принц Кааба и его младшая сестра Унас лежат в царской усыпальнице. Их унесла болезнь. Остальные дети выжили, но...

Рамрам замолчал: вошел раб, почтительно поклонился и что-то прошептал ему на ухо. Рамрам кивнул, знаком отослал его и снова повернулся к Таите.

– Совет кончился. Я пойду к фараону, скажу, что ты прибыл.

Он встал и вперевалку пошел в глубину комнаты. Там он дотронулся до резной фигуры на стене, и та под его пальцами повернулась. Часть стены отошла в сторону, и Рамрам исчез в отверстии. Едва он скрылся из виду, как из коридора за потайной дверью послышался удивленный и радостный возглас. Последовали быстрые шаги и новый возглас:

– Тата, где ты?

Фараон звал Таиту Татой.

– Я здесь, о великий.

– Ты слишком надолго забыл меня, – проговорил фараон, входя и останавливаясь, чтобы посмотреть на Таиту. – Да, это действительно ты. Я думал, ты так и не ответишь на мои многочисленные призывы.

На Нефере Сети были только открытые сандалии и льняной набедренник, прикрывавший колени. Грудь широкая и мощная, живот плоский и мускулистый. Руки своей формой обязаны долгим упражнениям с луком и мечом. У фараона торс хорошо натренированного воина.

– Фараон. Приветствую тебя. Я твой вечный верный раб.

Нефер Сети шагнул вперед и обнял Таиту.

– Никаких разговоров о рабстве и рабах, когда встречаются учитель и ученик, – заявил он. – Новая встреча с тобой переполнила мое сердце радостью. – Отстранив Таиту на расстояние вытянутой руки, он внимательно посмотрел ему в лицо. – Клянусь милостью Гора, ты не состарился ни на день.

– Ты тоже, – искренне ответил Таита, и Нефер Сети рассмеялся.

– Хотя это и ложь, принимаю лесть как знак доброго отношения старого друга.

Нефер Сети не надел предписываемый традицией парик из конского волоса, и лицо его было не накрашено, поэтому Таита отчетливо видел черты великого. Коротко подстриженные волосы фараона поседели, темя облысело. Лицо избороздили следы времени: глубокие линии возле уголков рта, паутина морщинок около усталых темных глаз. Щеки ввалились, кожа нездорово бледная. Таита моргнул, открыл Внутреннее Око и с облегчением увидел: аура фараона светится ровно и сильно, что свидетельствует о храбром сердце и недрогнувшем духе.

Сколько ему лет? – попытался вспомнить Таита. Неферу Сети было двенадцать, когда погиб его отец, значит, сейчас ему сорок девять. Это поразило Таиту. Обычный человек в сорок пять считается стариком и, как правило, умирает, не дожив до пятидесяти. Рамрам сказал правду: фараон очень изменился.

– Рамрам приготовил тебе жилье? – спросил Нефер Сети и строго посмотрел на управителя поверх плеча Таиты.

– Я отведу ему одно из помещений, предназначенных для иноземных послов, – предложил Рамрам.

– Ни в коем случае. Таита не чужеземец, – рявкнул Нефер Сети, и маг понял, что фараон, и прежде отличавшийся вспыльчивостью, теперь особенно легко выходит из себя. – Поселить его в комнате стражи у входа в мою спальню. Хочу иметь возможность призывать его для совета в любой час ночи. – Он снова повернулся к Таите. – Теперь я должен тебя покинуть. Встреча с вавилонским послом. Вавилоняне утроили цену на зерно. Рамрам расскажет тебе о самых важ-

ных государственных делах. К полуночи надеюсь освободиться и тогда пошлю за тобой. Мы поужинаем, хотя, боюсь, еда тебе не понравится. По моему приказу при дворе питаются так же, как все население.

Нефер повернулся и торопливо направился к потайному выходу.

– Великий, – настойчиво окликнул Таита. Нефер оглянулся через широкое плечо, и Таита торопливо продолжил: – Со мной прославленный ученый маг.

– Не такой, как ты, – с улыбкой ответил Нефер.

– На самом деле я рядом с ним дитя. Он прибыл в Карнак предложить свою помощь и поддержку тебе и твоему царству.

– И где же теперь это совершенство?

– В лагере у городских ворот. Он хоть и учен, но очень стар и слаб. Я должен быть рядом с ним.

– Рамрам найдет для чужеземного мага удобные покои в этом крыле дворца.

– Мерен Камбизес по-прежнему со мной, он мой спутник и защитник. Если бы он оставался рядом, был бы благодарен.

– Великий Гор, кажется, мне придется разделить дворец с половиной света. – Нефер Сети рассмеялся. – Но я рад слышать, что Мерен жив и здоров и я буду иметь удовольствие видеть его. Рамрам найдет для него местечко. А теперь мне действительно пора.

– Фараон, еще одно мгновение твоего драгоценного времени, – сказал Таита, прежде чем Нефер Сети исчез.

– Ты только появился и уже выставил мне полсотни требований. Твое умение уговаривать нисколько не ослабло. Что еще тебе нужно?

– Разрешение пересечь реку и отдать дань уважения царице Минтаке.

– Если бы я отказал, то попал бы в незавидное положение. Моя царица не утратила прежнего огня. И обошлась бы со мной немилосердно. – В смехе Нефера звучала искренняя любовь к жене. – Конечно, иди к ней, но возвращайся до полуночи.

Как только Деметер благополучно разместился во дворце, Таита вызвал к нему двух придворных врачей. Потом отвел Мерена в сторону.

– Я вернусь до полуночи, – сказал он. – Охраняй его получше.

– Я должен идти с тобой, маг. В пору голода и лишений даже честнейшие ради спасения своих семей обращаются к грабежам и разбою.

– Рамрам дает мне охрану из дворцовых стражников.

Странно было садиться не в лодку, а верхом на лошадь, чтобы пересечь Нил. Со спины Дымки Таита смотрел на дворец Мемнона на западном берегу и видел множество протоптанных троп, идущих между мутными прудами от берега к берегу. Они поехали по такой тропе. Огромная жаба выпрыгнула на дорогу перед самой лошадью Таиты.

– Убейте ее! – приказал начальник охраны. Воин взял копье и напал на жабу. Она, точно дикий кабан, загнанный в тупик, яростно оборонялась. Стражник наклонился и вогнал копье в пульсирующее желтое горло. В предсмертных судорогах отвратительная тварь стиснула челюстями древко копья, так что стражник протащил жабу за лошадью, прежде чем сумел высвободить оружие. Он подъехал к Таите и показал древко: жабьи клыки глубоко вонзились в дерево.

– Они свирепы, как волки, – сказал начальник отряда Хабари, закаленный, покрытый шрамами ветеран. – Когда они только появились, фараон приказал двум отрядам прочесать речное

русло и истребить их. Мы убивали этих тварей сотнями и тысячами. Укладывали их трупы рядами, но взамен каждой убитой из грязи вылезали две новые. Даже великий фараон понял, что дал нам невыполнимое поручение, и теперь по его приказу мы должны удерживать жаб в пределах русла. Когда они выбираются на берега, мы их бьем, – продолжал Хабари. – Они по-своему, на свой отвратительный лад, выполняют полезную задачу. Пожирают все отбросы и падаль, выброшенные в реку. Людям не хватает сил копать могилы для жертв мора, и жабы взяли на себя роль могильщиков.

Лошади прошли по грязи и розовой пене одного из мелких прудов и выбрались на западный берег. Как только их увидели из дворца, ворота распахнулись и навстречу вышел начальник караула.

– Приветствую тебя, могущественный маг! – поздоровался он с Таитой. – Великая получила весть о твоем возвращении в Фивы и шлет тебе радостное приветствие. Она с нетерпением ждет встречи с тобой. – Он показал на дворец, и Таита увидел на стене маленькие фигурки. Это были женщины и дети, но Таита не мог определить, которая из них царица, пока она ему не помахала. Он послал лошадь вперед, и та прошла в открытые ворота.

Пока он спешивался, Минтака с девичьей грацией сбежала по лестнице. Она всегда занималась спортом, хорошо водила колесницу и много охотилась. Таита с радостью заметил, что она по-прежнему гибка и стройна, но, когда царица разжала объятия, он увидел, как она похудела. Руки как палки, лицо осунувшееся и бледное. И хотя царица улыбалась, ее темные глаза оставались печальными.

– О Таита, не знаю, как мы выжили без тебя, – сказала она и зарылась лицом в его бороду. Он погладил ее по голове, и при этом прикосновении вся веселость царицы исчезла. Тело женщины сотрясали рыдания. – Я думала, ты никогда не вернешься, думала, мы с Нефером потеряли тебя, как Каабу и маленькую Унас.

– Мне рассказали о твоем горе. Скорблю вместе с тобой, – прошептал Таита.

– Я стараюсь быть мужественной. Многие матери страдают, как и я. Но горько потерять детей так рано. – Она отступила и хотела снова улыбнуться, но ее глаза по-прежнему были полны слез, а губы дрожали. – Пойдем, я хочу, чтобы ты увидел остальных детей. Большинство их ты знаешь. Не видел только двух самых младших. Они тебя ждут.

Дети выстроились в два ряда. Мальчики впереди, принцессы за ними. Все в волнении ждали встречи с уважаемым и грозным магом. На младшую девочку так подействовали рассказы братьев и сестер о великом маге, что она расплакалась, стоило ему взглянуть на нее. Таита взял ее на руки, прижал голову к плечу и что-то прошептал. Девочка сразу успокоилась, перестала плакать и обняла его за шею.

– Никогда бы не поверила, если бы не помнила, как ты умеешь привлекать детей и животных.

Минтака улыбнулась и стала по очереди вызывать ребятишек.

– Никогда не видел таких прекрасных детей, – сказал Таита, – но я не удивлен. Ведь их мать ты.

Наконец Минтака отослала детей и взяла Таиту за руку. Она отвела его в свои личные покои, где они сели у открытого окна. Дул легкий ветерок, из покоев открывался вид на западные холмы. Наливая шербет, Минтака сказала:

– Раньше я любила смотреть на реку, а теперь нет. Сердце рвется на части. Но скоро вода вернется. Так предсказано.

– Кем предсказано? – небрежно спросил Таита, но его интерес сразу обострился, когда Минтака загадочно и многозначительно улыбнулась и быстро заговорила о счастливых прошлых временах, когда она была юной невестой, а земля зеленела и плодоносила. Царица приободрилась и заговорила с оживлением. Таита ждал, когда она закончит; он знал, что Минтака не выдержит и вернется к загадочному пророчеству.

Неожиданно Минтака перестала вспоминать.

– Таита, ты знаешь, что наши старые боги утратили силу? Скоро их заменит новая богиня, наделенная абсолютной властью. Она оживит Нил и избавит нас от болезней, которые не смогли отвратить от Египта старые дряхлые божества.

Таита внимательно слушал.

– Нет, великая, не знаю.

– Да, да, это точно. – На бледном лице царицы появилась краска, Минтака словно помолодела на несколько лет, снова стала девочкой, полной надежды и радости. – И не только, Таита, не только. – Она многозначительно помолчала и вновь разразилась потоком слов. – Эта богиня может вернуть все, что так жестоко у нас отняли, но только если мы посвятим себя ей. Если отдадим ей свои сердца и души, она вернет нам молодость. Принесет счастье тем, кто горюет и печалится. Подумай, Таита, она даже может воскресить мертвых. – На глазах Минтаки снова заблестели слезы, она так разволновалась, что ее голос прерывался, как после долгого бега. – Она вернет мне детей! Я снова смогу обнять теплые, живые тела Каабы и Унас, поцеловать их милые лица.

Таита не мог лишить ее утешения, которое дала новая надежда.

– Такое диво нам не понять, – серьезно сказал он.

– Да, да! Пророк сам все тебе объяснит. И тогда тебе все станет ясно как день. Ты не сможешь усомниться.

– Кто этот пророк?

– Его зовут Соэ.

– Где его найти, Минтака? – спросил Таита.

Она возбужденно захлопала в ладоши.

– О Таита, это и есть самое лучшее. Он здесь, в моем дворце! Я дала ему убежище от жрецов старых богов: Осириса, Гора и Исиды. Они его ненавидят за то, что он говорит правду. И много раз пытались убить его. Он ежедневно учит меня и тех, кого изберет, новой вере. Это прекрасная вера, Таита, даже ты не устоишь перед ней – но ее нужно постигать втайне. Египет все еще погружен в старые бессмысленные суеверия. Их нужно уничтожить, прежде чем сможет расцвести новая вера. Простые люди еще не готовы принять новую богиню.

Таита задумчиво кивнул. Он испытывал глубокую жалость, понимая: те, кто много страдает, цепляются за соломинку.

– А как зовут эту замечательную новую богиню?

– Ее имя слишком священно, чтобы его произносили неверующие. Только те, кто принял ее в сердце и душу, вправе произнести его. Даже мне нужно закончить обучение у Соэ, прежде чем он сообщит мне это имя.

– А когда Соэ придет наставлять тебя? Мне очень хочется познакомиться с его замечательными умопостроениями.

– Нет, Таита! – воскликнула Минтака. – Пойми же, это не умопостроения. Это правда. Соэ приходит ко мне каждое утро и каждый вечер. Я никогда не встречала такого мудрого и святого человека. – Несмотря на оживленное выражение, по ее лицу снова заструились слезы. Царица смахнула их рукой. – Обещай, что придешь послушать его.

– Я благодарен тебе за доверие, моя возлюбленная царица. Когда же?

– Сегодня вечером, после ужина.

Таита на мгновение задумался.

– Ты говоришь, он учит лишь тех, кого избирает сам. А если он отвергнет меня? Тогда я приду в отчаяние.

– Он никогда не отвергнет такого известного и мудрого человека, как ты, великий маг.

– Я не хотел бы рисковать, дорогая Минтака. Нельзя ли мне вначале послушать, не открывая своего присутствия?

Минтака посмотрела с сомнением.

– Мне бы не хотелось его обманывать, – сказала она наконец.

– Я не собираюсь обманывать, Минтака. Где вы встретитесь?

– Здесь. Он сидит там, где ты сейчас. На той же подушке.

– Вы бываете только вдвоем?

– Нет, с нами три мои любимые прислужницы. Они преданы новой богине так же, как я.

Таита внимательно оглядывал комнату, продолжая задавать вопросы, чтобы отвлечь Минтаку.

– Явит ли богиня себя всему народу Египта, или ее вера лишь для тех, кого она изберет?

– Когда мы с Нефером примем ее в сердце, отвергнем прежних богов, разрушим их храмы и уничтожим жречество, богиня явится во всей славе. Она положит конец болезням и бедам, излечит все причиненные ими страдания. Прикажет водам Нила течь... – Минтака заколебалась и порывисто добавила: – И вернет мне детей.

– Дражайшая царица, как бы я хотел, чтобы это сбылось. Но скажи, знает ли Нефер?

Минтака вздохнула.

– Нефер мудрый и опытный правитель. Он могучий воин, любящий муж и отец, но далек от духовной сферы. Соэ согласился со мной, что пока рано посвящать его во все подробности – всему свое время.

Таита серьезно кивнул. И подумал: «Фараону любопытно будет узнать, что нужно отказаться от деда и бабки, от отца и матери, не говоря уже о священной троице Осириса, Исиды и Гора. Да и сам он перестанет быть богом. Думаю, я достаточно хорошо его знаю, чтобы предсказать: при жизни Нефера такого никогда не будет».

Эта мысль вызвала в сознании Таиты целый рой ужасных предвидений. Если Нефер Сети и его ближайшие помощники и советчики погибнут, некому станет сдерживать царицу. Она окажется во власти пророка Соэ и слепо, не раздумывая примется выполнять все его распоряжения. Согласится ли она на убийство своего фараона, супруга и отца ее детей, спрашивал себя Таита. Ответ не вызывал сомнений: да, согласится; ведь она верит, что Нефера почти сразу воскресит новая безымянная богиня – вместе с их мертвыми детьми. Люди в отчаянии решаются на отчаянные средства. Вслух он спросил:

– Соэ единственный пророк этой верховной богини?

– Соэ глава всех пророков, но многие меньшие посвященные также проповедуют среди населения двух царств, подготавливая ее приход.

– Твои слова пролили бальзам на мое сердце. Я всегда буду благодарен тебе за разрешение послушать пророка так, чтобы он меня не видел. Со мной еще один маг, старше и мудрее меня. – Таита, подняв руку, остановил ее возражения. – Это правда, Минтака. Его зовут Деметер. Он будет сидеть рядом со мной за окном гарема.

И он показал на сложенный резной экран, спрятавшись за которым, не открывая лица, жены и наложницы фараона в прежние времена давали аудиенцию важным иноземным посетителям.

Минтака еще колебалась, и Таита убедительно продолжал:

– Ты сможешь обратить в новую веру двух могущественных магов. Это понравится и Соэ, и новой богине. Она обратит на тебя благосклонный взор. Ты сможешь просить у нее любую награду, даже возвращения детей.

– Ну хорошо, Таита. Будь по-твоему. Однако взамен пообещай не открывать Неферу то, что узнал от меня, пока он не будет готов отвергнуть старых богов и принять новую богиню...

– Как скажешь, моя царица.

– Ты со своим Деметером должен вернуться сюда завтра рано утром. Приходите не к главным воротам, а к калитке. Одна из моих служанок встретит вас и проведет в эту комнату. Вы сможете занять место за экраном.

– Мы будем через час после восхода, – заверил ее Таита.

Выезжая за ворота дворца Мемнóна, Таита измерил высоту послеполуденного солнца. Оставалось еще несколько часов светлого времени. Повинуясь порыву, он приказал Хабари направиться не прямо к Фивам, а сделать крюк, проехав по погребальному пути к западным холмам и большому царскому некрополю, скрытому в одном из скалистых ущелий. Они миновали храм, где давным-давно Таита руководил бальзамированием земной оболочки своей возлюбленной Лостры. С тех пор минуло семьдесят лет, но время не затуманило подробностей этой церемонии. Таита поднес руку к амулету с прядью волос: он сам срезал их с любимой головы. Процессия поднялась по отрогам холмов, миновала храм Хатор, величественное здание на вершине пирамиды из каменных террас. Таита узнал жрицу, которая шла по нижней террасе в сопровождении двух послушниц, и задержался, чтобы поговорить с ней.

– Да защитит тебя божественная Хатор, матушка, – приветствовал он ее, спешиваясь. Хатор – покровительница всех женщин, поэтому в ее храме – ее верховная жрица, а не верховный жрец.

– Я слышала, что ты вернулся из своих странствий, маг. – Жрица торопливо подошла и обняла Таиту. – Мы надеемся, ты посетишь нас и расскажешь о своих приключениях.

– Поистине есть много такого, чем я надеюсь заинтересовать вас. Я привез папирусные карты Месопотамии и Экбатана, а также горной местности за Вавилоном, которую пересекает Хорасанский путь.

– Нас ждет много нового. – Жрица улыбнулась в предвкушении. – Карты у тебя с собой?

– Увы, нет! Сейчас я занят другим делом и не думал, что встречу тебя. Свитки я оставил в Фивах. Однако принесу их при первой же возможности.

– Поздно никогда не будет, – заверила жрица. – Добро пожаловать в любое время. Мы благодарны за сведения, которые ты нам уже предоставил. Я уверена, то новое, что ты видел, еще интереснее.

– Тогда я воспользуюсь твоей добротой. Могу я попросить об одолжении?

– Все, чем мы располагаем, в твоем распоряжении. Только скажи.

– Меня очень интересуют вулканы.

– Какие именно? Им нет числа, и они встречаются во многих землях.

– Те, что рядом с морем или на берегах большой реки, озера, возможно, на острове. Мне нужен их перечень, матушка.

– Просьба необременительная, – заверила жрица. – Брат Нубанк, наш старший географ, всегда особенно интересовался вулканами и прочими подземными источниками тепла – горячими ключами и гейзерами. Он с радостью составит такой перечень, но имей в виду, он очень любит мелкие подробности. Нубанк до того дотошен, что это становится недостатком. Я немедленно попрошу его приняться за работу.

– Сколько времени ему понадобится?

– Навести нас через десять дней, уважаемый маг, – ответила жрица.

Таита попрощался с ней и проехал еще лигу до ворот некрополя.

Вход в некрополь с могилами фараонов охраняла мощная военная крепость. Каждая усыпальница представляла собой подземный комплекс со множеством помещений, вырубленных в скале. В центре погребальное помещение, где разместился величественный саркофаг с мумией фараона. Вокруг – кладовые и хранилища с несметными сокровищами. Эти сокровища пробуждали алчность всех воров и грабителей могил двух царств и соседних стран. Эти грабители настойчиво и изобретательно пытались проникнуть в священную усыпальницу. И чтобы не допустить этого, требовалась неослабная бдительность небольшого войска.

Таита оставил охрану у колодца в центральном дворе крепости, чтобы воины напоили лошадей и отдохнули, и пешком углубился в город мертвых. Он хорошо знал дорогу к могиле царицы Лостры: ведь он сам выбрал место и руководил строительством. Лостра единственная царица, похороненная в этой отведенной для правящих фараонов части некрополя. Когда ее старший сын Мамос унаследовал трон, Таита уговорил его дать такое разрешение.

Он миновал место, где в предвидении ухода фараона Нефера Сети из этого мира и восхождения в следующий копали его могилу. Множество каменщиков пробивали главный проход в скале. Длинная цепь рабочих удаляла породу в корзинах, которые они ловко удерживали на головах. Рабочих толстым слоем покрывала белая мучнистая пыль; эта пыль висела и в воздухе. Наверху стояла небольшая группа архитекторов и надсмотрщиков и наблюдала за деятельностью внизу. В ущелье эхом отзывались удары кирок, топоров и зубил.

Таита незаметно двигался по погребальной тропе, пока ущелье не сузилось и не разделилось на два отдельных прохода. Он свернул налево. Через пятьдесят шагов маг завернул за угол: прямо перед ним, вырубленный в скале, был вход в усыпальницу Лостры. Окруженный массивными гранитными столбами, он был запечатан перегородкой из каменных блоков, покрытых штукатуркой с красивой росписью. Вокруг картуша Лостры размещались картины жизни царицы: счастливая семья – Лостра с мужем и детьми; она на колеснице; ловит рыбу в Ниле, охотится на газелей и водную птицу, командует армиями, отражая вторжение орд гиксосов, ведет флотилию судов по нильским порогам, уводя свой народ от захватчиков, и возвращается из изгнания после победы над гиксосами. Таита собственной рукой нарисовал эти сцены семьдесят лет назад, но краски сохранили свежесть.

У входа в усыпальницу стояла еще одна фигура, оплакивающая царицу, – одетая с ног до головы в черное жрица Исиды. Склоненная, в позе покорности и восхищения, она смотрела на фрески. Таита смирился с задержкой. Он свернул в сторону и приготовился ждать в тени у подножия утеса. Лицо Лостры на картинах вызвало у него цепь счастливых воспоминаний. В этой части долины было очень тихо: скалы заглушали шум, производимый рабочими. На какое-то время Таита забыл о жрице у могилы, но тут она выпрямилась, и его внимание вновь устремилось к ней.

По-прежнему не поворачиваясь к нему, она сунула руку в складки своего одеяния и извлекла небольшой металлический инструмент, зубило или нож. Потом встала на цыпочки и, к ужасу Таиты, принялась царапать фреску своим инструментом.

– Что ты делаешь, безумная? – закричал он. – Это царская гробница, ты святотатствуешь! Немедленно прекрати!

Он словно ничего не сказал. Женщина, не обращая на него внимания, продолжала быстро взмахивать ножом. В глубоких царапинах показался слой белой штукатурки.

Таита, продолжая кричать, вскочил:

– Перестань! Слышишь? Твоя верховная жрица узнает об этом. Я прослежу, чтобы тебя сурово наказали, наказали по заслугам. Ты призываешь на себя гнев богини...

По-прежнему не обращая на него внимания, жрица отошла от входа в могилу и неторопливо зашагала по долине вверх, в сторону от Таиты. Вне себя от ярости Таита побежал следом. Он больше не кричал, зато держал в правой руке тяжелый посох и размахивал им. Он вознамерился помешать дерзкой уйти и спастись от последствий своего кощунства; ярость туманила ему разум. В это мгновение он готов был ударить женщину по голове, расколоть череп.

Там, где ущелье резко поворачивало, жрица остановилась и оглянулась через плечо. Ее лицо и волосы ее почти полностью закрывал красный платок, виднелись только глаза.

Ярость и негодование покинули Таиту, сменившись удивлением и благоговением. Женщина смотрела спокойно, невозмутимо, у нее были глаза царицы, изображенной на фресках. Мгновение Таита не мог ни двинуться, ни заговорить. А когда заговорил, голос его звучал хрипло.

– Это ты!

Блеск ее глаз воспламенял его сердце, и хотя ее губы закрывал платок, маг знал, что женщина улыбается. Ничего не ответив на его восклицание, она кивнула и неторопливо скрылась за краем скалы.

– Нет! – отчаянно закричал он. – Ты не можешь так меня покинуть! Подожди! Подожди!

Он бросился за ней, в считанные мгновения добежал до поворота, за которым скрылась фигура в черном, остановился и уронил руки: перед ним открылся весь верхний конец ущелья. В пятидесяти ярдах от него оно заканчивалось тупиком. Серой каменной стеной, чересчур крутой даже для дикого козла. Женщина исчезла.

– Лостра, прости, что отверг тебя. Вернись ко мне, дорогая. – Таиту окружила тишина гор. Он с усилием взял себя в руки и, не теряя времени на напрасные призывы, принялся искать трещину в стене, где беглянка могла бы спрятаться, или потайной выход из долины. Но ничего не нашел. Таита посмотрел назад, туда, откуда пришел, и увидел, что дно долины усыпано тонким белым песком, нанесенным ветром со скал. Его собственные следы виднелись четко, но никаких других следов не было. Он осторожно вернулся к могиле. Встал перед входом и увидел надпись, оставленную иератическим письмом: «Шесть пальцев укажут путь».

Маг прочел надпись вслух. Бессмыслица. Что означает «путь»? Действительно, дорогу или способ действий?

Шесть пальцев? Указывают они в разных направлениях или только в одном? Таита пришел в замешательство. Снова прочел надпись вслух. И тут, у него на глазах, свежие царапины на фресках начали затягиваться и исчезать. Портрет Лостры снова оказался неповрежденным. Все его черточки восстановились. Таита удивленно провел по фреске пальцами. Поверхность гладкая, без единого углубления.

Он чуть отодвинулся и принялся изучать роспись. Та же это улыбка, которую он когда-то нарисовал, или она слегка изменилась? Нежная она или насмешливая? Искренняя и откровенная или таинственная и загадочная? Ласковая или с оттенком злобы? Он не мог определить.

– Ты Лостра или злобный призрак, посланный мучить меня? – спросил он. – Неужели Лостра способна быть такой жестокой? Ты предлагаешь помощь и руководство – или расставляешь на моем пути ловушки и западни?

Наконец он повернул обратно и пошел к крепости, где его ждала охрана. Верхом они направились назад в Фивы.

До дворца фараона Нефера Сети добрались уже затемно. Таита вначале отыскал Рамрама.

– Фараон до сих пор на совете. Он не сможет встретиться с тобой сегодня вечером, как обещал. Не жди его вызова. Он приказал тебе поужинать с ним завтра. Настоятельно советую лечь в постель. У тебя усталый вид.

Таита покинул Рамрама и заторопился в комнату Деметера; там он увидел старика и Мерена, они сидели лицом друг к другу за доской бао. Мерен с преувеличенным вздохом облегчения вскочил на ноги. Сложности игры были ему явно не по плечу.

– Добро пожаловать, маг. Ты пришел как раз вовремя, чтобы спасти меня от унижения.

Таита сел рядом с Деметером и быстро оценил состояние его и его разума.

– Кажется, ты оправился от трудностей пути. Хорошо ли о тебе заботились?

– Благодарю за заботу, мне действительно лучше, – ответил Деметер.

– Рад слышать, потому что завтра нам рано вставать. Я возьму тебя во дворец Мемнона, послушать одного из проповедников новой веры. Он предрекает приход новой богини, которой покорятся все народы земли.

Деметер улыбнулся:

– Разве нам не достаточно богов? Кажется, их хватит до конца дней.

– Ах, мой друг, нам может так казаться. Но, по словам пророка, старые боги будут уничтожены, их храмы разрушены, а их жрецы разбросаны по всей земле до самых ее краев.

– Может, он говорит об Ахура Мазде, одном и единственном? Если так, это не новая религия.

– Нет, это не Ахура Мазда, а некто гораздо более страшный и могущественный. Эта богиня примет человеческий облик и сойдет на землю, чтобы жить среди нас. У людей будет прямой доступ к ее милостям. В ее власти воскрешать мертвых, даровать бессмертие и вечное счастье тем, кто заслуживает такую награду.

– Зачем нам заниматься таким явным вздором, Таита? – раздраженно спросил Деметер. – У нас есть более важные дела.

– Этот пророк – лишь один из скрытно проповедующих в народе и, кажется, обративших в новую веру уже очень многих. Среди обращенных и Минтака, царица Египта и жена фараона Нефера Сети.

Деметер подался вперед, лицо его стало серьезным.

– У царицы Минтаки довольно здравого смысла, чтобы устоять перед таким вздором.

– Когда новая богиня придет, она первым делом избавит Египет от мора и искупит причиненные им страдания. Минтака видит в этом возможность вернуть из могилы своих детей, умерших от болезни.

– Понятно. – Деметер задумался. – Для любой матери это непреодолимый соблазн. Но о каких других причинах ты говорил?

– Пророка зовут Соэ. – Деметер не понимал. – Переставь буквы этого имени. Используй алфавит тенмасс, – предложил Таита, и замешательство Деметера тут же исчезло.

– Эос, – прошептал он. – Твои псы взяли след ведьмы, Таита.

– И мы должны идти по этому следу до самого ее логова. – Таита встал. – Ну, спи. Я пришлю за тобой Мерена еще затемно.

Рассвет лишь обозначился слабой полоской на востоке, а Хабари уже ждал во дворе с лошадьми и верблюдом Деметера. Деметер забрался в свой паланкин, Таита и Мерен поехали по сторонам от него. Охрана провела их к реке, где им встретилась всего одна чудовищная жаба, и они без помех перебрались на западный берег, обогнули дворец Мемнона и подъехали к боковой калитке, где Таита и Деметер оставили своих животных под присмотром Мерена и Хабари. Как и обещала царица Минтака, одна из служанок ждала их. Она провела магов по лабиринту переходов и туннелей и наконец остановилась в роскошно убранной комнате, где сильно пахло духами и косметикой. Пол был покрыт шелковыми коврами и грудами подушек. На стенах висели богатые гобелены. Служанка прошла к дальней стене и отвела занавес, закрывавший гаремное окно. Таита заглянул туда и увидел помещение для аудиенций, то самое, в котором накануне встречался с Минтакой. Там никого не было. Довольный Таита взял Деметера за руку и подвел к окну. Они сели на подушки. Ждать пришлось недолго. Почти сразу в комнату за экраном вошел незнакомый человек.

Он был средних лет, высокий и худой. Густые волосы, падавшие на плечи, с проседью, как и короткая острая борода. Черное жреческое одеяние, схенти, украшено оккультными символами, на груди ожерелье из амулетов. Человек обошел комнату, отводя занавеси и заглядывая за них. Перед гаремным окном он остановился и приблизил лицо к экрану. Лицо красивое и умное, но самое поразительное в нем – глаза: глаза посвященного, горящие фанатическим блеском.

Это и есть Соэ, подумал Таита. Несомненно. Он взял Деметера за руку, чтобы объединенными силами создать покров невидимости: они не были уверены, какими тайными способностями наделен этот человек. Они смотрели на него сквозь экран, напрягая силы, чтобы удержать покров невидимости. Немного погодя Соэ удовлетворенно хмыкнул и отвернулся. Он встал у окна, глядя на далекие холмы, сверкавшие в лучах восходящего солнца, как горящие угли.

Он отвлекся, а Таита тем временем открыл свое Внутреннее Око. Соэ не мудрец: его аура мгновенно вспыхнула, но такой Таита раньше не видел: непостоянная, одно мгновение ярко пылает, в следующее едва светит. Вначале краски ослепительные – пурпур и кармин, потом тусклые и мрачные. Таита узнал острый ум, развращенный безжалостностью и жестокостью. Мысли Соэ противоречивы, но нет сомнений, он обладает большой психической силой.

В комнату вошли смеющиеся женщины, и Соэ быстро отвернулся от окна. Первой шла Минтака, она подбежала к пророку и порывисто обняла. Таита был ошеломлен: такое поведение не подобает царице. Таиту она обнимала, только когда они оставались одни и поблизости не было даже служанок. Он не сознавал, как сильно влияние на нее Соэ. Пока царица обнимала пророка, ее прислужницы склонились перед ним.

– Благослови нас, святой отец, – молили они. – Заступись за нас перед одной и единственной богиней.

Он сделал благословляющий жест, и девушки задергались в экстазе.

Минтака отвела Соэ к груде подушек, так что он оказался выше всех остальных, и села сама, подобрав под себя ноги, как маленькая девочка. Она нарочно повернулась к гаремному окну и улыбнулась, глядя в ту сторону, откуда, знала она, за ней наблюдал Таита. Она ждала его одобрения, как будто Соэ был экзотической птицей, привезенной из далекой страны, или драгоценным камнем, подаренным кем-нибудь из соседей-монархов. Такая неосторожность встревожила Таиту, но Соэ довольно кивал девушкам и не заметил обмена взглядами. Но вот он снова повернулся к Минтаке.

– Великая, я много думал о тревогах, которые ты высказала при нашей последней встрече. Я молился богине, и она милостиво ответила.

И вновь Таита удивился. Не иностранец. Египтянин. Языком владеет превосходно. Выговор свидетельствует, что он из окрестностей Асуана в Верхнем Царстве.

Соэ между тем продолжал:

– Эти дела столь важны, что пока о них должна знать только ты. Отошли своих девушек.

Минтака хлопнула в ладоши. Девушки вскочили и, как испуганные мыши, выбежали из комнаты.

– Вначале о твоем супруге фараоне Нефере Сети, – заговорил Соэ, когда они с царицей остались одни. – Богиня приказала передать тебе следующее. – Он помолчал, потом наклонился к Минтаке и заговорил не своим голосом, а мелодичным женским: – Когда я приду, я приму Нефера Сети в свои любящие объятия, и он с радостью придет ко мне.

Таита удивился, но рядом взволнованно зашевелился Деметер. Таита протянул руку, успокаивая его, хотя и сам был взволнован не меньше. Деметер дрожал. Он потянул Таиту за руку. Таита повернулся к нему, и старик неслышно произнес слова, которые Таита разобрал так ясно, словно их прокричали:

– Ведьма! Это голос Эос!

Именно этим голосом говорил сам Деметер, когда впал в транс.

– Но повелитель всем огонь, – так же неслышно ответил Таита и в знак полного согласия развел руки.

Соэ продолжал говорить, и они прислушались.

– Я возвышу его, и он будет господином всех земных царств. Все цари всех народов земли станут его верными сатрапами. Моим именем он будет править в вечной славе. А ты, моя возлюбленная Минтака, будешь восседать рядом с ним.

Минтака разразилась слезами облегчения и радости. Соэ снисходительно улыбнулся и подождал, чтобы она успокоилась. Наконец она уняла слезы и улыбнулась.

– А как же мои дети, мои умершие малыши?

– Мы уже говорили о них, – мягко напомнил Соэ.

– Да. Но я хочу услышать еще раз. Пожалуйста, святой пророк, молю тебя...

– Богиня приказала возвратить их тебе, пусть живут сколько отмерено человеку.

– Что еще она приказала? Пожалуйста, скажи опять.

– Если они будут достойны ее любви, она дарует твоим детям вечную молодость. И они никогда не покинут тебя.

– Я довольна, великий пророк могущественнейшей богини, – прошептала Минтака. – Полностью отдаю ей свое тело и душу.

Она на коленях подползла к Соэ. Омыла слезами его ноги и вытерла своими локонами.

Таите никогда не приходилось видеть столь отталкивающей картины. Он с усилием сдержался, не выкрикнул: «Он прислужник Лжи! Не позволяй ему пачкать тебя своей грязью».

Минтака кликнула служанок, и весь остаток утра они провели с Соэ. Разговор свелся к банальностям – девушки не могли следовать за его мыслью, и пророку приходилось упрощать речь. Но они вскоре устали и от этого и принялись надоедать пророку трескотней:

– Даст ли мне богиня хорошего мужа?

– Даст ли она мне красивые вещи?

Соэ обращался с ними с большим терпением и снисходительностью.

Таита понял, что хотя они с Деметером узнали все необходимое, им придется и дальше неслышно сидеть за гаремным окном. Если они вздумают уйти, шум может привлечь внимание пророка. Незадолго до полудня Соэ завершил встречу долгой молитвой богине. Потом вновь благословил женщин и опять повернулся к Минтаке:

– Хочешь ли ты, чтобы я вернулся позже, о великая?

– Мне нужно обдумать откровения богини. Пожалуйста, возвращайся завтра утром, и мы продолжим их обсуждение.

Соэ поклонился и вышел.

Едва он ушел, Минтака отпустила служанок.

– Таита, ты здесь?

– Да, о великая.

Она отвернула занавес и спросила:

– Разве я не говорила тебе, какой он ученый и мудрый, какие дивные вести приносит?

– Поистине дивные, – согласился Таита.

– И как он прекрасен! Я верю ему всем сердцем. Я знаю, что его пророчества – божественная истина, что богиня откроется нам и излечит все наши горести. О Таита, веришь ли ты, что он говорит правду? Ты должен верить!

Минтака была охвачена религиозным рвением, и Таита понимал, что любое предостережение произведет противоположное действие. Ему хотелось увести Деметера туда, где они могли бы обсудить услышанное и решить, что делать, но пришлось выслушать похвалы Соэ. Когда наконец поток превосходных степеней истощился, Таита мягко сказал Минтаке:

– Мы с Деметером переволновались и устали. Я обещал встретиться с фараоном, как только он освободится от самых неотложных дел. Поэтому мне нужно вернуться в Фивы. Однако я снова приду сюда, как только смогу, и мы еще поговорим, моя царица.

Она неохотно отпустила их.

Едва они сели верхом и выехали на дорогу к реке, Таита и Мерен заняли свое обычное положение по обе стороны от паланкина. Таита и Деметер перешли с египетского на тенмасс, чтобы охрана не понимала их.

– Мы узнали очень много важного об этом Соэ, – начал Таита.

– Главное, мы знаем, что он встречался с ведьмой, – воскликнул Деметер. – Он слышал, как она говорит. И точно воспроизвел ее голос.

– Ты знаешь тембр ее голоса лучше меня, и я не сомневаюсь, что ты прав, – согласился Таита. – Но мне кажется важным еще кое-что. Соэ египтянин. У него выговор Верхнего Царства.

– Этого я не заметил. Я слишком плохо владею вашим языком. Возможно, это и впрямь указывает на ее нынешнее убежище. Если предположить, что Соэ приехал в Фивы не издалека, поиск следует начать в пределах двух царств и в землях, непосредственно примыкающих к ним.

– А какие вулканы есть в этой области?

– В пределах самого Египта нет ни вулканов, ни больших озер. Нил впадает в Среднее море. На севере это самый ближний водоем. Этна всего в десяти днях плавания. Ты по-прежнему уверен, что Эос там нет?

– Да, – кивнул Деметер.

– Ладно. А что другой большой вулкан в той стороне – Везувий, в землях по ту сторону пролива от Этны? – полюбопытствовал Таита.

Деметер с сомнением поджал нижнюю губу.

– В той стороне следа тоже нет, – сказал он наконец убежденно. – Вырвавшись из ее когтей, я много лет скрывался у жрецов храма, расположенного меньше чем в тридцати лигах к северу от Везувия. Я уверен, что почувствовал бы ее присутствие, если бы она была так близко, или она учуяла бы меня. Нет, Таита, искать нужно в другом месте.

– Пока будем руководствоваться твоим чутьем, – сказал Таита. – Нашу восточную границу омывает Красное море. Не знаю никаких вулканов в Аравии или в землях поблизости. А ты?

– Я там путешествовал, но не видел вулканов и не слышал о них.

– Я видел два вулкана в земле за Загребскими горами, но их окружают обширные плоскогорья и горные хребты. Они не подходят под описание того, что мы ищем.

– К югу и к западу от Египта лежат обширные земли, – сказал Деметер. – Но давай обдумаем другую возможность. Могут ли существовать в недрах Африки большое озеро или река и вулкан рядом с ними?

– Я ни о чем таком не слыхал – но мало кто заходил южнее Эфиопии.

– Я слышал, Таита, что во время исхода из Египта ты прошел с царицей Лострой на юг до самого Квебуи, Места Северного Ветра, где Нил разделяется на два могучих потока.

– Это правда. От Квебуи мы по левому притоку реки прошли в горы Эфиопии. Правый приток вытекает из бескрайнего болота, которое делает невозможным дальнейшее продвижение на юг. Ни одна живая душа еще не проходила туда этой дорогой. А если и проходила, то не вернулась, чтобы рассказать нам об этом. Говорят, у болота нет конца и оно, огромное и непроходимое, тянется до края земли.

– Значит, рассуждать следует, опираясь на то, что знают жрецы из храма Хатор. Когда они соберут нам сведения?

– Жрица велела мне вернуться через десять дней, – напомнил Таита.

Деметер откинул занавес паланкина и оглянулся на холмы.

– Мы сейчас неподалеку от храма. Надо завернуть туда и попроситься переночевать. А завтра поговорим с картографами и географами.

– Если фараон призовет меня к себе, его слуги не смогут меня найти, – задумчиво промолвил Таита. – Давай повидаемся с ним, прежде чем снова покидать дворец.

– Останови колонну здесь, – велел Деметер Хабари. – Останови немедленно. – Он вновь повернулся к Таите: – Не хочу тебя тревожить, однако я знаю, что время нашей с тобой встречи истекает. Меня преследуют кошмары и мрачные предчувствия. Несмотря на то что вы с Мереном защищаете меня, ведьма скоро расправится со мной. Дни мои сочтены.

Таита посмотрел на мудреца. С самого утра, с тех пор как он увидел зловещую ауру Соэ, его тоже одолевали мрачные предчувствия. Он подъехал к паланкину и принялся разглядывать морщинистое лицо старика. И с тоской понял, что Деметер прав: его смерть близка. Глаза стали почти бесцветными и прозрачными, но в их глубине Таита разглядел движущиеся тени, очертаниями подобные голодным акулам.

– Ты тоже это видишь, – спокойно сказал Деметер.

Ответ не был нужен. Таита повернулся к Хабари:

– Разворачивай колонну. Мы едем в храм Хатор.

До храма было чуть больше лиги.

Они некоторое время ехали молча, но вот Деметер снова заговорил:

– Ты выиграешь в скорости, если тебя не будет задерживать мое дряхлое изношенное тело.

– Ты слишком суров к себе, – упрекнул Таита. – Без твоей помощи и совета я бы не смог зайти так далеко.

– Я бы хотел оставаться с тобой до конца охоты и присутствовать при убийстве. Но этому не бывать. – Он помолчал и продолжил: – Как справиться с Соэ? Один способ напрашивается сам собой. Если фараон узнает, что Соэ околдовал Минтаку, узнает, какие изменнические мысли он ей внушает, он пошлет стражу схватить пророка, и ты получишь возможность допросить его под пыткой. Я слышал, в Фивах заплечных дел мастера весьма искусны. Тебе не претит мысль о пытке?

– Я не колебался бы ни мгновение, будь хоть малейшая возможность, что боль сломит Соэ. Ты, однако, видел его. Он с радостью умрет, защищая ведьму. И так настроен на нее, что она

почувствует его муки и догадается, чем они вызваны. Она смекнет, что фараону и Минтаке известно о сетях, которые она плетет вокруг них, а это было бы смертельно опасно для царской четы.

– Верно, – кивнул Деметер.

– Более того, Минтака бросится защищать Соэ, и Нефер поймет, что она участвует в заговоре против него. Это уничтожит их любовь и взаимное доверие. Я не хочу этого.

– Тогда нужно надеяться найти ответ в храме.

Жрецы увидели их издали и послали навстречу двух послушников; те провели гостей вверх по пандусу к главному входу в храм; на ступеньках ждала верховная жрица.

– Рада видеть тебя, маг. Я собиралась послать вестника в Фивы, чтобы сообщить тебе – брат Нубанк с величайшим усердием выполняет твою просьбу и готов представить свои находки. Но ты опередил меня. – Она ласково улыбнулась Таите. – Добро пожаловать. Храмовые девушки готовят тебе покои на мужской половине. Можешь оставаться с нами, сколько пожелаешь. С нетерпением жду ученых бесед с тобой.

– Ты добра и великодушна, матушка. Со мной еще один маг, человек большой учености и известный.

– И ему добро пожаловать. Твоей свите дадут кров и еду в помещениях для конюхов.

Они спешились и вошли в храм; Мерен поддерживал Деметера. В главном зале, перед изображением Хатор, богини радости, материнства и любви, они задержались. Она была изображена в виде огромной пегой коровы, чьи рога были увенчаны золотой луной. Жрица помолилась и попросила послушника показать Таите и Деметеру отведенное для них помещение. Тот провел их в маленькую каменную келью, где у стен лежали тюфяки и стояли кувшины с водой.

– Я вернусь в час обеда, отведу вас в трапезную. Там с вами встретится брат Нубанк.

Когда они вошли в трапезную, там уже обедало около пятидесяти жрецов, но один из них вскочил и заторопился им навстречу.

– Я Нубанк. Добро пожаловать.

Высокий, худой, с изможденным лицом. Но в эти трудные времена в Египте вообще мало тучных. И еда была скромной: чашка похлебки и небольшой кувшинчик пива. Все ели молча, уныло, за исключением Нубанка: тот непрерывно болтал. Голос у него был скрипучий, и держался напыщенно.

– Не знаю, дотянем ли мы до утра, – сказал Таита Деметеру, когда они вернулись в свою келью и собирались ложиться спать. – День будет долгий: придется беспрестанно слушать доброго брата Нубанка.

– Его познания в географии утомляют, – заметил Деметер.

– Ты выбрал очень верное определение, маг.

Таита отвернулся.

Солнце еще не взошло, когда послушник пригласил их завтракать. Деметер, казалось, ослабел, поэтому Мерен и Таита осторожно помогли ему встать с матраца.

– Прости, Таита. Я плохо спал.

– Сны? – спросил Таита на тенмассе.

– Да. Ведьма подбирается ко мне. У меня больше нет сил сопротивляться.

Таиту тоже преследовали сны. В них возвращался питон. Даже теперь его звериный хищный запах стоял у мага в ноздрях и гортани. Но Таита, скрывая дурные предчувствия, уверенно ответил Деметеру:

– Нам еще предстоит долгий путь, тебе и мне.

Завтрак состоял из маленькой жесткой лепешки из дурры и кувшина слабого пива. Брат Нубанк возобновил свой монолог с того места, где прервал его накануне вечером. К счастью, завтрак скоро кончился, и они с некоторым облегчением проследовали за братом Нубанком через просторные залы, мимо многочисленных келий, в храмовую библиотеку. Это была большая прохладная комната, лишенная всяких украшений, стены от пола до потолка закрывали лишь высокие каменные полки, заваленные папирусными свитками, которых здесь было несколько тысяч.

Брата Нубанка ждали трое послушников и двое старших посвященных. Они стояли в ряд, сложив руки в жесте послушания. Это были помощники Нубанка. Они не зря беспокоились: Нубанк обращался с ними бесцеремонно и выказывал свое неудовольствие без колебаний, в самых оскорбительных выражениях.

Когда Таита и Деметер сели за длинный низкий центральный стол, тонущий под грудами свитков, Нубанк начал вещать, взявшись за перечисления всех вулканов и термальных феноменов в известном мире, независимо от того, располагались ли те близ воды. Сообщая очередное название, он приказывал испуганному помощнику достать с полки нужный свиток. Во многих случаях для этого приходилось взбираться на шаткую лестницу, а Нубанк подгонял своих подручных градом язвительных слов. Когда Таита попытался тактично сократить эту утомительную процедуру и вернуть краснобая к интересующей его теме, Нубанк благожелательно кивнул и продолжил заранее подготовленную лекцию.

Излюбленной жертвой Нубанка был один несчастный послушник, необычайно уродливый: казалось, в его теле нет ни одной части без изъяна. Удлиненный бритый череп покрыли парша и яркая сыпь. Брови щетинились над маленькими, близко посаженными светлыми глазками. Из раздвоенной заячьей губы торчали большие неровные зубы, а когда он говорил, изо рта капала слюна. Впрочем, говорил он очень редко. Подбородок был скошен так, будто его вовсе не существует, на левой щеке багровело большое родимое пятно, грудь тощая, а на спине внушительный горб. Ноги тонкие, как палочки; ходил он боком.

В середине дня послушник позвал всех обедать. Голодные Нубанк и его помощники живо откликнулись на это приглашение. Во время еды Таита заметил, что горбатый послушник украдкой пытается привлечь его внимание. Едва поняв, что Таита заметил его знаки, он встал и направился к выходу. Здесь он оглянулся и кивком показал, что приглашает Таиту с собой.

Таита нашел калеку на террасе. Послушник снова поманил его и исчез в отверстии узкого прохода. Таита последовал за ним и вскоре оказался в небольшом храмовом дворе. Стены здесь покрывали барельефы с изображением Хатор; была и статуя фараона Мамоса. Послушник прятался за ней.

– Великий маг. Я хочу сообщить тебе кое-что любопытное.

Когда Таита направился к нему, он простерся на земле.

– Встань, – ласково сказал Таита. – Я не царь. Как тебя зовут?

Брат Нубанк обращался к этому человеку «эй ты, тварь».

– Меня называют Туптуп из-за того, как я хожу. Мой дед служил младшим лекарем при дворе царицы Лостры во времена исхода из Египта в Эфиопию. Он часто рассказывал о тебе. Может, ты помнишь его, маг. Его звали Ситон.

– Ситон? – Таита ненадолго задумался. – Да. Он был надежный малый и очень искусно удалял ложками наконечники стрел. Спас жизнь многим воинам. – Туптуп широко улыбнулся, продемонстрировав заячью губу. – Что стало с твоим дедом?

– Мирно умер от старости, но перед смертью рассказал много захватывающих историй о ваших приключениях в загадочных южных землях. Он описывал тамошних жителей и диких зверей. Говорил о лесах и горах, о болотах, которые тянутся бесконечно, до самого края земли.

– Да, то были волнующие времена, Туптуп. – Таита ободряюще кивнул. – Продолжай.

– Он рассказал, что, пока основная армия двинулась по левому притоку Нила в горы Эфиопии, царица Лостра отправила легион по правому притоку, велев дойти до его конца. Легион под командованием полководца Аквера углубился в большое болото, и с тех пор его никто не видел. Из всего легиона вернулся только один человек. Это верно, маг?

– Да, Туптуп. Я помню, как царица Лостра отправляла этот легион. – Таита сам рекомендовал Аквера в начальники этой обреченной экспедиции. Этот человек причинял неприятности и сеял недовольство среди людей. Но об этом Таита сейчас не стал упоминать. – Действительно, вернулся всего один человек. Но он был так измучен болезнью и пережитым, что сразу после возвращения впал в буйство.

– Да! Да! – Туптуп так разволновался, что схватил Таиту за рукав. – Мой дед лечил этого несчастного. Он рассказывал, что воин бредил землей с горами и огромными озерами, кое-где столь широкими, что не видно противоположного берега.

Таита сразу заинтересовался.

– Озера! Я раньше о них не слышал. Сам я не видел этого уцелевшего. Я был за двести миль от Квебуи в Эфиопских горах, когда он добрался до лагеря и умер. Я получил отчет. В нем говорилось, что пациент был не в себе и не мог ничего рассказать. – Он взглянул на Туптупа и открыл Внутреннее Око. По ауре этого человека Таита определил, что тот говорит искренне и правдиво, передает то, что слышал. – У тебя есть для меня еще кое-что, Туптуп? Думаю, да.

– Да, маг. Там был вулкан! – выпалил Туптуп. – Поэтому я и пришел. Умирающий воин говорил об огненной горе, какой раньше никто никогда не видел. Пройдя болота, они увидели его издалека. По словам воина, дым из жерла вулкана облаком стоял в небе и не рассеивался. Некоторые легионеры сочли это за запрет мрачных африканских богов следовать дальше, но господин Аквер объявил: это-де приветственный маяк и он намерен достичь его. И приказал продолжить марш. Но тут в виду вулкана на воина напала лихорадка. Сочтя его мертвым, его товарищи продолжили движение на юг без него. А он сумел добраться до деревни рослых голых черных людей, живших на берегу озера. Они приняли его. Один из их шаманов дал ему лекарство и лечил, пока воин не оправился настолько, что мог продолжать путешествие. – Взбудораженный Туптуп схватил Таиту за руку: – Я хотел рассказать об этом раньше, но брат Нубанк не разрешил. Он запретил приставать к тебе со слухами семидесятилетней давности. Ты ведь не скажешь брату Нубанку, что я ослушался? Он святой и хороший человек, но бывает очень строг.

– Ты поступил хорошо, – успокоил Таита и осторожно разжал стискивавшие его руку пальцы. И вдруг поднял руку Туптупа, чтобы рассмотреть внимательнее. – У тебя шесть пальцев! – воскликнул он.

Туптуп пришел в нескрываемый ужас: он попробовал спрятать свое уродство, сжимая руку в кулак.

– Боги неправильно построили все мое тело. Голова и глаза, спина, руки и ноги – во мне все изуродовано.

Глаза его наполнились слезами.

– Но у тебя доброе сердце, – утешал Таита. Он осторожно разжал кулак и расправил пальцы. Из ладони Туптупа рядом с нормальным мизинцем рос рудиментарный маленький шестой палец. – Шесть пальцев укажут путь, – прошептал Таита.

– Я не собирался показывать на тебя, маг. Я никогда сознательно не оскорбил бы тебя так, – скулил Туптуп.

– Нет, Туптуп, ты оказал мне большую услугу. Будь уверен в моей благодарности и дружбе.

– Ты не расскажешь брату Нубанку?

– Нет. Клянусь.

– Да благословит тебя Хатор, маг. А теперь мне пора, не то брат Нубанк меня хватится. – Туптуп косолапо, боком ускользнул. Таита дал ему несколько мгновений и сам направился в библиотеку. Здесь уже были Деметер и Мерен, а Нубанк распекал Туптупа:

– Где ты был?

– В уборной, брат. Прости. У меня расстроился желудок.

– И ты и меня расстроил, гнусный засранец! Лучше бы ты утопился в поганом ведре. – Он ткнул пальцем в родимое пятно Туптупа. – Принеси свиток, в котором описаны острова восточного океана.

Таита сел рядом с Деметером и сказал ему на тенмассе:

– Посмотри на правую руку этого парня.

– Шесть пальцев! – воскликнул Деметер. – Шесть пальцев укажут путь! Он ведь что-то сказал тебе?

– Нам нужно идти по правому притоку Нила до истока, к вулкану на берегу большого озера. В глубине души я уверен, что именно там логово Эос.

На следующее утро они покинули храм Хатор задолго до восхода. Нубанк очень неохотно попрощался с ними: ему оставалось описать пятьдесят вулканов. Еще затемно они добрались до переправы через Нил напротив Фив. Хабари и Мерен первыми спускались к реке, Таита и Деметер ехали следом, и между двумя группами образовался промежуток. Первые всадники миновали один из зловонных красных бассейнов и были на полпути к дальнему берегу, когда верблюд Деметера ступил в грязь. В этот миг Таита почувствовал, что на них сосредоточено чье-то злобное внимание. Его обдало холодом, кровь быстрее застучала, дыхание стало неровным. Он быстро повернулся и посмотрел поверх крупа кобылы.

На покинутом ими берегу маячила одинокая фигура. Хотя черная одежда этого человека сливалась с темнотой, Таита сразу его узнал. Он открыл Внутреннее Око, и человека, словно языки пламени, окутала аура Соэ. Гневно-красная, пронизанная оттенками пурпура и зелени. Таита никогда не видел такой угрожающей ауры.

– Осторожней! – крикнул он лежавшему в паланкине Деметеру, но опоздал: Соэ поднял руку и указал на озеро, которое вброд переходил верблюд. Словно повинуясь приказу, из воды выпрыгнула чудовищная жаба. Щелкнув челюстями, она вырвала кусок плоти из ноги верблюда над коленом. Верблюд закричал от неожиданности и боли и, вырвав у погонщика поводья, сорвался на бег, но направился не к берегу. Он повернул и помчался по речному руслу; паланкин Деметера подпрыгивал и раскачивался.

– Мерен! Хабари! – крикнул Таита, посылая кобылу галопом за убежавшим верблюдом. Мерен и Хабари повернули лошадей и присоединились к преследованию.

– Держись крепче, Деметер! – кричал Таита. – Мы сейчас!

Дымка неслась вперед, но прежде чем она догнала Деметера, верблюд достиг нового пруда и, разбрызгивая потоки пены, побежал по нему. Прямо перед ним из воды выпрыгнула еще одна жаба. Она подскочила до головы испуганного животного и мертвой хваткой вцепилась ему в нос. Должно быть, она задела нерв, потому что передние ноги верблюда подогнулись. Верблюд упал на спину и замотал головой, пытаясь избавиться от челюстей жабы. Паланкин оказался под ним, легкий бамбуковый каркас под тяжестью верблюда ушел в грязь.

– Деметер! Мы должны его спасти! – кричал Таита Мерену, подгоняя кобылу. Но прежде чем он добрался до пруда, из воды показалось лицо Деметера. Ему чудом удалось выбраться из паланкина, но он барахтался в грязи, которая облепила ему голову; Деметер кашлял и отплевывался, движения его были слабыми и неуверенными.

– Я иду! – кричал Таита. – Не отчаивайся!

И вдруг пруд закипел жабами. Они поднимались со дна и бросались на Деметера, точно стая диких собак, рвущих газель. Рот старика был открыт, Деметер пытался кричать, но мешала грязь. Жабы утащили его в глубину, а когда старик вынырнул вновь, он почти не сопротивлялся. Движения его были вызваны только тем, что жабы под поверхностью рвали его на куски.

– Я здесь, Деметер! – в отчаянии кричал Таита. Он не мог загнать кобылу в пруд, потому что знал: жабы набросятся и на нее. Натянув поводья, он соскользнул со спины лошади, держа в руках посох. И шагнул в воду, но тут же закричал от боли: под поверхностью ему в ногу впились жабьи челюсти. Напрягая все физические и духовные силы, маг ударил посохом и почувствовал, что попал: тварь выпустила его. Она показалась на поверхности, судорожно дергаясь.

– Деметер!

Таита уже не мог разглядеть старика среди жаб, пожиравших его живьем. Человек и твари были облеплены блестящей черной грязью.

Неожиданно над бурлящей поверхностью поднялись две руки, и Таита услышал голос Деметера:

– Со мной покончено. Иди один, Таита.

Голос мудреца звучал едва слышно, заглушенный грязью и ядовитой красной водой. Вдруг Деметер исчез окончательно: огромная жаба, крупнее прочих, вцепилась ему в голову и утащила под поверхность.

Таита двинулся на выручку, но подскакавший сзади Мерен обхватил его рукой за пояс, поднял и вынес на берег пруда.

– Пусти! – Таита вырывался. – Нельзя оставлять его этим тварям!

Но Мерен не отпускал.

– Маг, ты ранен. Взгляни на свою ногу, – увещевал Мерен. Кровь текла из раны и смешивалась с грязью. – Деметер погиб. Я не хочу потерять и тебя.

Мерен держал крепко; они смотрели, как движение в воде постепенно затихло и поверхность пруда снова сковала неподвижность.

– Деметер погиб, – негромко повторил Мерен и поставил Таиту на землю. Потом поймал серую кобылу и привел ее. Помогая Таите сесть верхом, он по-прежнему негромко сказал: – Нам нужно идти, маг. Здесь нам больше ничего не сделать. Тебе надо заняться своей раной. Жабьи зубы, несомненно, ядовиты, а грязь такая смрадная, что вызывает страдания.

Однако Таита задержался еще ненадолго, выжидая, не подаст ли его союзник последние признаки жизни, обыскивая эфир в поисках контакта и ничего не находя. Когда Мерен наклонился со спины своей лошади, взял повод Дымки и повел ее от пруда, Таита не возразил. Нога сильно болела, он был потрясен и опечален. Старый ученый погиб, и Таита только сейчас осознал, как привык на него надеяться и опираться. Теперь ему предстояло в одиночестве противостоять ведьме, и эта перспектива наполняла его отчаянием.

Стоило им оказаться в безопасности своих покоев во дворце в Фивах, как Рамрам прислал рабыню с ведрами горячей воды и бутылками ароматных масел, чтобы смыть грязь. Когда Таита

обмылся, пришли два царских врача, за которыми следовала свита помощников с ларцами, полными лекарств и целебных амулетов. По приказу Таиты Мерен встретил их у входа и отослал:

– Искуснейший и опытнейший хирург во всем Египте, маг сам будет лечить свою рану. Но он благодарен вам за заботу.

Таита промыл рану разведенным вином. Затем обезболил ее, погрузив себя в транс, а Мерен тем временем обеззаразил глубокий порез бронзовой ложкой, накаленной в пламени масляной лампы. Это был один из немногих навыков лекаря, которые Таита сумел ему привить. Когда это было сделано, Таита заставил себя выйти из транса и, используя длинный волос Дымки, зашил края раны. Потом смазал рану лечебными мазями собственного изобретения и перевязал льняной тканью. К тому времени как маг закончил, он был совершенно измучен болью и горем, вызванным гибелью Деметера. Опустившись на матрац, он закрыл глаза.

Открыл он их, услышав шум у дверей. Знакомый властный голос прокричал:

– Таита, где ты? Неужто я не могу выпустить тебя из поля зрения без того, чтобы ты тотчас не натворил глупостей? Стыдись! Ведь ты не ребенок.

С этими словами в комнату ворвалось земное воплощение божества, фараон Нефер Сети. За ним толпилась свита – вельможи и слуги.

Таита почувствовал, как его настроение улучшается и силы прибывают. Нет, он не одинок! Он улыбнулся фараону и попробовал приподняться на локте.

– Таита, как тебе не стыдно? Я уж думал услышать твой последний вздох. А ты валяешься в постели и глупо улыбаешься.

– Великий, это улыбка радости: я искренне рад тебя видеть.

Нефер осторожно уложил его на матрац и повернулся к свите:

– Можете оставить меня здесь с магом, моим старым другом и учителем. Когда вы понадобитесь, я вас позову. – Все попятились, вышли, и фараон, наклонившись, обнял Таиту. – Клянусь сладким молоком из грудей Исиды, я несказанно рад видеть тебя в безопасности, хотя слышал, что твой спутник, маг, погиб. Я хочу все об этом узнать, но сначала позволь мне поздороваться с Мереном Камбизесом. – Он повернулся к Мерену, стоявшему у двери на страже. Мерен опустился на колени, но фараон поднял его. – Не унижайся предо мной, старый товарищ по Красной Дороге. – Нефер Сети сердечно обнял Мерена. В молодости они вместе прошли испытание на право называться воинами – Красную Дорогу, проверку в умении вести колесницу и владеть мечом и копьем. Они вдвоем противостояли опытным и искусным ветеранам, которые имели право прибегнуть к любым средствам, даже убить, лишь бы помешать испытуемым пройти дорогу до конца. Вдвоем они пробились. Товарищи по Красной Дороге считались на всю жизнь братьями по крови. Мерен тогда был обручен с сестрой Нефера Сети принцессой Мерикарой, ныне покойной, и они с фараоном едва не стали подлинными родственниками. Мерен мог занять самую высокую должность при фараоне Нефере Сети, но предпочел стать учеником и помощником Таиты.

– Сумел Таита научить тебя таинствам? Может, ты стал не только могучим воином, но и магом? – спросил фараон.

– Нет, великий. Вопреки усилиям Таиты мне недостает мастерства. Мне ни разу не удалось успешно сплести простейшее заклинание. Некоторые даже обратились против меня, – ответил Мерен с печальным лицом.

– Хороший воин всегда лучше неопытного колдуна, дружище. Посиди с нами, как в старину, когда мы вместе освобождали Египет от тирана.

Как только они сели по обе стороны от ложа Таиты, Нефер стал серьезен.

– А теперь расскажите о столкновении с жабами.

Таита и Мерен описали смерть Деметера. Когда они закончили, Нефер долго молчал. Потом прорычал:

– Эти животные с каждым днем становятся все смелее и прожорливей. Я уверен, что это они загрязнили и отравили остатки воды в речных бассейнах. Я использовал все средства, чтобы избавиться от них, но на место каждой убитой жабы приходят две новые.

– Великий. – Таита помолчал, потом продолжил: – Ты должен отыскать ведьму, которая создала этих жаб, и уничтожить ее. И жабы, и все другие несчастья, постигшие Египет, исчезнут вместе с ней, ибо она их госпожа. Тогда Нил снова разольется и в Египет вернется процветание.

Нефер Сети в тревоге посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что болезни не природного происхождения? – спросил он. – Что они насланы колдовством и чародейством какой-то женщины?

– Так я считаю, – ответил Таита.

Нефер Сети вскочил и задумчиво заходил взад и вперед по комнате. Наконец он остановился и пристально посмотрел на Таиту.

– Кто эта ведьма? Где она? Можно ли ее убить, или она бессмертна?

– Я думаю, она смертна, фараон, но сила ее огромна. Она хорошо защищена.

– Как ее зовут?

– Эос.

– Богиня зари? – Жрецы на славу вколотили в фараона божественную иерархию: ведь он и сам бог. – Но разве ты не сказал мне, что она смертная?

– Смертная, но присвоила себе имя богини, желая скрыть свою подлинную природу.

– В таком случае у нее должно быть земное жилище. Где оно, Таита?

– Мы с Деметером искали его, но она пронюхала об этом. Вначале она наслала на Деметера гигантского питона, но мы с Мереном спасли мага, хотя он был близок к гибели. Однако там, где потерпела неудачу змея, преуспели жабы.

– Значит, ты не знаешь, где найти эту ведьму? – настаивал Нефер.

– Мы не знаем точно, но тайные сведения подсказывают, что она живет в вулкане.

– В вулкане? Разве это возможно, даже для ведьмы? – Тут фараон рассмеялся. – Я давно привык не сомневаться в твоих словах Таита. Но скажи, в каком именно вулкане? Их очень много.

– Полагаю, чтобы найти ее, мы должны подняться к истокам Нила и миновать большие болота, которые преграждают путь у Квебуи. Ее логово в вулкане у большого озера. Где-то на самом краю земли.

– Помню, когда я был мальчиком, ты рассказывал мне, что моя бабушка царица Лостра отправила на юг легион под командованием Аквера, отыскать истоки реки. Легион сгинул в страшной трясине у Квебуи.

– Верно, великий, – подтвердил Таита. – А я не рассказывал, что один легионер все-таки вернулся в Квебуи?

– Такой части рассказа я не помню.

– Тогда казалось, что это не важно, но один человек все же вернулся. Он был не в себе и бредил. Врачи решили, что его свели с ума перенесенные испытания. Он умер раньше, чем я смог с ним поговорить. Но недавно я узнал, что перед смертью он говорил странные вещи – ему тогда никто не поверил и поэтому мне о них не сообщили. Он бредил о больших озерах и горах на краю земли... и о вулкане близ этих озер. Из его слов мы с Деметером сделали вывод о местонахождении ведьмы.

И он рассказал о встрече с горбатым Туптупом.

Нефер зачарованно слушал. Когда Таита умолк, он подумал и спросил:

– Почему так важен вулкан?

В ответ Таита рассказал о жизни Деметера в плену, в логове ведьмы в Этне, и как он оттуда бежал.

– Для заклинаний ей нужен подземный огонь. Страшная жара и серные испарения увеличивают ее силы до божественных, – объяснил Таита.

– А почему ты выбрал из сотен именно этот вулкан? – спросил Нефер.

– Потому что он расположен близко к Египту и к воде.

– Вижу, твои рассуждения основательны. Все совпадает, – сказал Нефер. – Семь лет назад, когда высох Нил, я вспомнил все, что ты рассказывал мне об экспедиции бабушки, и приказал легиону двигаться на юг с той же задачей – отыскать исток Нила и установить, почему река высохла. Командовал легионом Ах-Актон.

– Этого я не знал, – сказал Таита.

– Тебя тогда не было рядом – как бы я стал с тобой советоваться? Вы с Мереном странствовали в чужих землях, – укоризненно ответил Нефер. – Нужно было остаться со мной.

Таита покаянно ответил:

– Я не знал, что ты нуждаешься во мне, о великий.

– Ты всегда мне нужен, – умиротворенно сказал фараон.

– Но что известно о второй экспедиции? – Таита воспользовался возможностью перехватить инициативу. – Она вернулась?

– Нет. Не вернулся ни один человек из восьмисот. Они исчезли еще более бесследно, чем экспедиция моей бабушки. Их тоже погубила ведьма?

– Более чем вероятно, ваше величество.

Таита видел, что фараон уже поверил в существование ведьмы и его не понадобится уговаривать ее уничтожить.

– Ты никогда не подводил меня, Таита, за исключением того случая, когда отправился на прогулку невесть куда, – улыбнулся Нефер Сети. – Теперь я знаю, кто мой враг, и могу действовать. Раньше я был бессилен и не мог избавить мой народ от обрушившихся на него несчастий. Мне оставалось копать колодцы, выпрашивать продовольствие у врагов и воевать с жабами. Но ты показал мне, как справиться с нашими затруднениями. Я должен уничтожить ведьму!

Он снова вскочил и принялся расхаживать, как лев в клетке. Фараон – человек действия, охотно прибегающий к мечу. Мысль о войне бодрила его. Таита и Мерен наблюдали, как светлело его лицо: в голову приходили новые идеи. Время от времени фараон хватался за ножны и восклицал:

– Да! Клянусь Гором и Осирисом, так и будет!

Наконец он снова повернулся к Таите.

– Я сам поведу кампанию против Эос.

– Фараон, она уже погубила две египетские армии, – напомнил Таита.

Нефер Сети чуть протрезвел. Он вновь заметался по комнате, потом снова остановился.

– Хорошо. Как Деметер на Этне, ты сотворишь против нее такое мощное заклинание, что она упадет с горы и, ударившись о землю, разобьется, как перезрелый плод. Что скажешь, Таита?

– Ваше величество, нельзя недооценивать Эос. Деметер был более могущественным магом, чем я. Он отчаянно сражался с ведьмой, но она все же уничтожила его и на первый взгляд как будто совсем без усилий, как ты раздавил бы пальцами клеща. – Таита печально покачал головой. – Мои заклинания подобны копьям. Пущенные издалека, они слабы и их легко отразить взмахом щита. Если я подойду ближе и смогу открыть, где ее логово, я точнее попаду в цель. А если увижу ее, мое копье сможет пробить ее щит. Но с такого большого расстояния я не могу ее коснуться.

– Если она так могущественна, что сумела уничтожить Деметера, почему она не тронула тебя? – Фараон сразу сам ответил на свой вопрос: – Боится, что ты сильнее.

– Хотел бы я, чтобы все обстояло так просто. Нет, фараон, она не обрушилась на меня со всей силой по иной причине.

Нефер Сети смотрел удивленно.

– Но она убила Деметера и размалывает мое царство между жерновами своей злобы. Отчего же пощадила тебя?

– Деметер был для нее бесполезен. Я рассказывал тебе, что, пока он оставался в ее клешнях, она, словно большой упырь, высосала из него все его знания и умения. И когда он бежал, преследовала его не слишком рьяно. Он уже был ей не опасен и не мог ничего дать. Так было до тех пор, пока мы не объединились. Тогда ее интерес снова пробудился. Вдвоем мы стали такой заметной силой, что ей удалось заметить меня. Однако она не хотела убивать меня, пока не высосала досуха, как Деметера; она хотела завлечь меня в свои сети и отрезать от всех. Поэтому она ударила по моему союзнику.

– Ах, так она хочет приберечь тебя для своих грязных целей? Поедешь с моей армией. Будешь приманкой. Оказавшись на расстоянии удара, ты отвлечешь ее, чтобы мы смогли напасть, – предложил Нефер.

– Неосторожно, фараон. Зачем ей подпускать тебя, если она убивает на расстоянии, как, например, Деметера?

– Судя по твоим рассказам, она стремится к господству над Египтом. Прекрасно. Я скажу ей, что пришел отдать себя и свои царства в ее распоряжение. И попрошу разрешения поцеловать ее ноги в знак покорности.

Таита сохранил серьезное лицо, хотя ему хотелось посмеяться над этим наивным планом.

– Фараон, ведьма – посвященная.

– А это что значит? – спросил Нефер.

– Своим Внутренним Оком она читает душу человека так же уверенно, как ты – план битвы. При том, каким гневом окрашена твоя аура, ты никогда не сумеешь к ней приблизиться.

– А как же ты собираешься к ней подобраться и не боишься, что тебя разоблачит это ее загадочное око?

– Я, как и она, посвященный. Мудрец. У меня нет ауры, которую она могла бы прочесть.

Нефер Сети начинал сердиться. Он слишком долго был богом, чтобы терпеть какие бы то ни было возражения. Он повысил голос:

– Я давно не ребенок, которого можно запугать эзотерической болтовней. Ты слишком быстро находишь недостатки в моих замыслах, – сказал он. – Ученый маг, изволь представить иной план, чтобы я мог обойтись с ним так же, как ты обошелся с моими.

– Ты фараон. Ты Египет. Тебе нельзя запутаться в ее паутине. Твой долг оставаться с твоим народом, с Минтакой и детьми, чтобы защитить их, если я потерплю поражение.

– Ты изобретательный и хитрый мошенник, Тата. Я понимаю, к чему ты ведешь. Ты хочешь оставить меня в Фивах воевать с жабами, пока вы с Мереном пуститесь в новое приключение. Значит, я должен прятаться в гареме точно женщина? – с горечью спросил Нефер.

– Нет, о великий, – как гордый фараон на троне, готовый ценой собственной жизни защитить два царства.

Нефер Сети упер кулаки в бока и сердито посмотрел на него.

– Мне не следовало слушать твои сладкие песни. Ты спеленал меня паутиной, такой же прочной, как сеть ведьмы. – Он покорно развел руки. – Ну пой, Таита, а я послушаю.

– Ты можешь дать Мерену под начало небольшой отряд, не больше ста отборных воинов. Они смогут быстро передвигаться, питаться тем, что найдут, и обходиться без громоздкого обоза с припасами. Для ведьмы численность войска не представляет угрозы. А на такой небольшой отряд она и вовсе не обратит внимания. У Мерена нет сложной психической ауры, и Эос примет его за простого воина. Я отправлюсь с ним. Она узнает обо мне издалека и решит, что я сам иду к ней в руки. Чтобы отнять мои знания и силу, ей придется подпустить меня к себе.

Нефер Сети, расхаживая по комнате, что-то бормотал себе под нос. Наконец он снова остановился перед Таитой:

– Мне трудно смириться с тем, что не я возглавлю экспедицию. Однако твои доводы, хоть и запутанные, заставляют меня отринуть здравый смысл. – Его мрачное лицо отчасти прояснилось. – Тебе и Мерену Камбизесу я доверяю больше, чем всем прочим в Египте. – Он повернулся к Мерену. – Ты получишь звание полководца. Отбери себе сотню, а я дам тебе царскую Печать Сокола, так что ты сможешь брать из хранилищ по всему государству любое вооружение и менять лошадей. – Печать Сокола передавала своему владельцу права фараона. – Будь готов, самое позднее, к новой луне. Во всем слушайся Таиты. Возвращайся благополучно и принеси мне голову ведьмы.

Когда стало известно, что Мерен собирает летучий отряд лучших всадников, его начали осаждать добровольцы. В старшие он выбрал трех закаленных ветеранов: Хилто-бар-Хилто, Шабако и Тонку. Во время гражданской войны они по молодости лет не воевали под его началом, зато воевали их отцы, а их деды были товарищами по Красной Дороге.

– Воинская кровь всегда сказывается у потомков, – объяснил Мерен Таите. Четвертым его помощником стал Хабари, который понравился Мерену и заслужил его доверие. Каждому из четверки он поручил по небольшому отряду.

Он собрал всех четверых, подтвердил назначение и внимательно их расспросил:

– Есть ли у вас жена или женщина? Мы поедем налегке. Обоза не будет.

Обычно египетские армии передвигались в сопровождении женщин.

– У меня есть жена, – ответил Хабари, – но я с радостью отдохну от нее лет пять – десять; могу и больше, если ты этого потребуешь, полководец.

Остальные трое поддержали такой разумный взгляд.

– Полководец, раз уж нам придется жить тем, что мы найдем в пути, то и женщин мы тоже найдем, – сказал Хилто-бар-Хилто, сын старого Хилто, давно умершего. Он был «Лучшим из десяти тысяч», и сам фараон повесил ему на шею золотую медаль после битвы у Исмаилии, где египтяне разбили армию фараона-самозванца.

– Слова истинного легионера, – рассмеялся Мерен. Он поручил четверым командирам набрать людей в отряды. В течение десяти дней те отобрали сотню лучших воинов Египта. Каждый воин получил вооружение, обмундирование и сам на конных станциях выбрал для себя двух лошадей и вьючного мула. Как и приказал фараон, к ночи новолуния экспедиция была готова отправиться в путь.

За два дня до выступления Таита пересек реку и приехал во дворец Мемнона попрощаться с царицей Минтакой. Он увидел, что она похудела и сильно расстроена. Причину она раскрыла в первые же минуты встречи.

– О Тата, дорогой Тата. Произошло ужасное. Соэ исчез. И не попрощался со мной. Исчез через три дня после того, как ты его видел в моем зале для аудиенций.

Таита не удивился. Это был день страшной смерти Деметера.

– Я повсюду разослала людей искать его. Таита, я знаю, ты расстроен так же, как я. Ты его знал и восхищался им. Мы оба видели в нем спасение Египта. Не можешь ли ты использовать свои особые силы и знания, чтобы найти его и вернуть мне? Теперь, когда он исчез, я никогда не получу обратно своих умерших детей. Египет и Нефер будут страдать. И в Нил никогда уже не вернется вода.

Таита попробовал утешить ее. Он видел, что здоровье ее пошатнулось, а гордый дух готов сломиться под грузом отчаяния. Проклиная Соэ и его влияние, он как мог успокаивал Минтаку и внушал ей надежду.

– Мы с Мереном отправляемся в экспедицию к южным границам. И я сделаю своей главнейшей обязанностью всюду первым делом искать Соэ, расспрашивать о нем. Между тем я знаю, что он жив и невредим. Неожиданные известия заставили его спешно уехать, не попрощавшись с тобой, о великая. Однако он намерен при первой же возможности вернуться в Фивы и продолжить свое служение новой безымянной богине. – «Все это достаточно разумные предположения», – говорил себе Таита. – А теперь я должен попрощаться. Ты всегда будешь в моих мыслях, и вся моя любовь – тебе.

Нил перестал быть судоходным, поэтому пришлось двинуться по проезжей дороге вдоль берега умирающей реки. Первую лигу фараон проехал рядом с Таитой, осыпая его приказами и наставлениями. Перед тем как повернуть назад, он обратился к воинам с вдохновляющим словом.

– Надеюсь, вы все выполните свой долг, – закончил он и перед всеми обнял Таиту. И пока фараон не скрылся из виду, воины громко приветствовали его.

Таита так спланировал путешествие, чтобы к исходу каждого дня оказываться у одного из множества храмов, расположенных по берегам Нила в Верхнем Царстве. И повсюду его слава опережала его. Навстречу выходил верховный жрец, предлагая Таите и его людям убежище. Приветствия были искренними, к тому же Мерен вез с собой царскую Печать Сокола, которая позволяла ему брать продовольствие у квартирмейстеров военных крепостей, охранявших каждый город. Увеличения своего скудного пайка жрецы ожидали к сбору урожая.

Каждый вечер после скромного ужина в трапезной Таита удалялся во внутреннее святилище храма. Здесь сотни, а то и тысячи лет звучали молитвы. Тысячи верующих воздвигли такое духовное укрепление, что даже Эос чрезвычайно трудно было его преодолеть. На время Таита был защищен от подслушивания. Он мог взывать к собственным богам, не опасаясь вмешательства темных призраков, посланных ведьмой обмануть его. У богов, которым был посвящен тот или иной храм, он просил сил и руководства в предстоящей схватке с ведьмой. В тишине и спокойствии храма он получал возможность собрать все свои психические и духовные силы.

Храм в любой общине был сердцем и хранилищем знаний. Хотя большинство жрецов умом не блистали, среди них попадались умные и образованные люди, знающие, что происходит в их номах, и чувствующие настроение паствы. Они были надежным источником сведений. Таита по многу часов беседовал с ними, подробно расспрашивая. Один вопрос он задавал всем:

– Вы слышали о незнакомцах, тайно проповедующих в народе новую веру?

И все отвечали, что слышали.

– Они учат, что старые боги обессилели и больше не могут защитить Египет. Они учат, что явится новая богиня и снимет проклятие с реки и земли. Когда она придет, болезни прекратятся, а Нил вновь потечет и даст Египту изобилие. Они говорят, что фараон и его семья – тайные приверженцы новой богини, что скоро Нефер Сети отречется от старых богов и объявит о своей верности ей. – И тревожно спрашивали: – Скажи нам, великий маг, правда ли это? Неужели фараон провозгласит новую богиню?

– Звезды упадут с неба, как капли дождя, прежде чем это случится. Фараон душой и сердцем верен Гору, – успокаивал Таита. – Но скажите, верят ли люди этим обманщикам?

– Они всего лишь люди. Их дети умирают, и они в отчаянии. Пойдут за всяким, кто посулит спасение от бед.

– А вы встречали этих проповедников?

Никто не встречал.

– Они скрытны и хитры, – сказал один из жрецов. – Я приглашал их, просил объяснить и мне их веру, но никто ко мне не пришел.

– Вы знаете, как их зовут?

– Кажется, у них у всех одно имя.

– Соэ? – спросил Таита.

– Да, маг. Возможно, это не имя, а титул.

– Они египтяне или чужеземцы? Говорят ли они на нашем языке, как на родном?

– Я слышал, что они так говорят и клянутся, будто они нашей крови.

На сей раз Таита разговаривал с Санепи, верховным жрецом храма Хнума в Юнипе, в третьем номе Верхнего Египта. Выслушав все, что его собеседник мог сказать на интересующую его тему, Таита перешел к более земным проблемам.

– Хорошо зная законы природы, пытался ли ты найти способ использовать красную речную воду для людских надобностей?

Но этот умный и вежливый человек пришел в ужас.

– Река проклята! Никто не только не пьет оттуда, но даже не купается в ней. Скотина, напившись этой воды, умирает через несколько дней. Река стала обителью гигантских жаб, пожирающих падаль, каких раньше никогда не было ни в Египте, ни в иных землях. Они яростно обороняют свои зловонные пруды и нападают на всякого, кто к ним приблизится. Я предпочел бы умереть от жажды, чем пить этот яд, – с отвращением ответил Санепи. – Даже храмовые послушники верят, что реку осквернило какое-то злое божество.

Пришлось Таите взять на себя ряд опытов, чтобы установить истинную природу красной воды и изыскать способ очистить ее. Мерен стремительно вел отряд на юг, и Таита знал, что, если ничего не добьется, лошади скоро начнут погибать от жажды. Вновь выкопанные по приказу фараона колодцы размещались далеко друг от друга, и их воды не хватало для трехсот измученных жаждой лошадей. А ведь это самая легкая часть пути. Выше бурного первого порога река тысячи лиг течет по непроходимой пустыне, где нет колодцев. Дождь идет там раз в сто лет, и вся местность кишит скорпионами, а тамошние дикие животные вроде сернобыка умеют выживать в этом царстве жестокого солнца без поверхностной воды. Если он не найдет надежный источник, экспедиция погибнет в этой выжженной пустыне и никогда не достигнет даже слияния двух рукавов Нила, тем более его истоков.

На каждой стоянке Таита часами экспериментировал по вечерам; ему помогали четверо молодых воинов, добровольцев. Об этом они будут рассказывать своим внукам. Под его руководством они не боялись ни демонов, ни проклятий: все слепо верили, что Таита способен их защитить. Вечер за вечером четверка безропотно трудилась, но даже гений мага не мог сделать зловонную воду пригодной к употреблению.

На семнадцатый день после выхода из Карнака они достигли грандиозного храма, посвященного богине Хатор; храм стоял на берегу реки у Ком-Обо. Верховная жрица радушно приветствовала прославленного мага. Как только Таита убедился, что его помощники поставили на огонь котлы с нильской водой, он покинул их и направился во внутреннее святилище храма.

И, не успев войти, почувствовал чье-то благожелательное присутствие. Таита подошел к статуе богини с головой коровы и сел перед ней, скрестив ноги. Предупрежденный Деметером о том, что явившаяся ему Лостра почти несомненно создана ведьмой, чтобы обмануть и смутить его, и верить ей нельзя, Таита не решался молиться возлюбленной и призывать ее. Однако здесь он чувствовал защиту Хатор, одной из самых могущественных богинь в пантеоне. Как покровительница женщин, она обязательно защитит Лостру в своем святилище.

Таита подготовился, трижды вслух прочитав ритуальное обращение к богине, затем открыл Внутреннее Око и принялся терпеливо ждать в сумрачной тишине. Постепенно тишину нарушил

мерный стук крови в его ушах – предвестник приближения духовного присутствия. Звук делался громче, и Таита приготовился ощутить холод и тотчас разорвать контакт. Но в святилище по-прежнему было тихо и приятно тепло. Ощущение мира и безопасности усилилось. Он закрыл глаза, и в его сознании возникло видение прозрачной воды. Потом он услышал, как милый детский голос окликает его: «Таита, я иду к тебе!» Он увидел, как в глубине воды что-то мелькнуло, и решил, что к поверхности поднимается серебристая рыба. И тут же понял, что ошибся: ему навстречу плыло стройное детское тело. На поверхности появилась голова, и он увидел девочку лет двенадцати. Длинные мокрые волосы золотой вуалью падали ей на лицо и на маленькие груди. «Я услышала твой призыв». Она счастливо смеялась, и он тоже засмеялся. Девочка поплыла к берегу и встала на самой границе воды. Да, девочка: хоть бедра ее еще не обрели женскую округлость и ее тело украшали лишь проступающие ребра, между ее ног виднелось безволосое углубление.

– Кто ты? – спросил он.

Мотнув головой, она отбросила волосы, открывая лицо. Сердце Таиты отчаянно забилось. Лостра.

– Стыдно тебе не узнать меня, ибо я Фенн, – сказала девочка. Это имя означало «Лунная Рыба».

– Но я сразу узнал тебя, – возразил Таита. – Ты ничуть не изменилась с тех пор, как я тебя увидел впервые. Я так и не смог забыть твои глаза. И тогда, и сейчас они самые зеленые и самые прекрасные во всем Египте.

– Ты лжешь, Таита. Ты не узнал меня.

И она высунула острый розовый язычок.

– Я учил тебя не делать так.

– Значит, плохо учил.

– Фенн – так звали тебя в детстве, – напомнил он. – Когда ты увидела свою первую красную луну, жрецы дали тебе женское имя.

– Дочь вод. – Она скорчила гримасу. – Имя Лостра мне никогда не нравилось: оно звучит ужасно глупо. Предпочитаю Фенн.

– Значит, будешь Фенн, – ответил Таита.

– Я буду ждать тебя, – пообещала она. – Я принесла тебе подарок, но сейчас мне пора. Меня зовут.

Она грациозно нырнула, прижав руки к бокам, и сразу скользнула глубоко под воду, отталкиваясь стройными ногами и уходя все глубже. Волосы летели за ней, как золотое знамя.

– Вернись! – крикнул он вслед. – Скажи, где будешь ждать меня.

Но она уже исчезла, и он услышал только далекий смех.

Проснувшись, он понял, что уже поздно: горели храмовые лампы. Таита чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим. Он понял, что что-то сжимает в правой руке, осторожно разжал кулак и увидел горстку белого порошка. Не это ли подарок Фенн? Он осторожно поднес порошок к носу и принюхался.

– Известь! – воскликнул он. В каждой деревне у реки есть примитивная печь для обжига известняка. Полученным порошком красят стены хижин и зернохранилищ: белая краска отражает солнечные лучи и способствует прохладе в помещениях. Он уже хотел выбросить порошок, но сдержался. «К подаркам богини следует относиться с уважением». Таита улыбнулся собственной глупости. Завязал порошок в край своего одеяния и вышел.

У дверей святилища ждал Мерен.

– Твои люди приготовили речную воду, но они уже давно ждут тебя. Они устали от трудного пути и нуждаются в сне. – В голосе Мерена звучал упрек. Он хорошо заботился о своих подчи-

ненных. – Надеюсь, ты не собираешься всю ночь провести над вонючими котлами. К полуночи я сам приду за тобой, потому что не позволю не спать.

Таита не обратил внимания на эту угрозу и спросил:

– Шофар приготовил средство, которое мне нужно для обработки воды?

Мерен рассмеялся.

– Он говорит, оно смердит сильней воды.

И он провел Таиту туда, где на огне, исходя паром, кипели четыре котла. Помощники Таиты, сидевшие у огня, вскочили, просунули в ручки длинные палки и сняли котлы с огня. Таита подождал, пока вода немного остынет, и добавил в каждый другого снадобья. Шофар помешал в котлах деревянной ложкой. У последнего котла Таита остановился. «Дар Фенн», – прошептал он и развязал полу своего одеяния. Потом бросил известь в последний котел. Для большего эффекта он провел над котлом амулетом Лостры и произнес слово силы: «Нкубе!»

Четверо помощников обменялись благоговейными взглядами.

– Пусть котлы до утра остывают, – приказал Таита, – а сами отдыхайте. Вы хорошо поработали. Благодарю.

Не успев лечь на свой матрац, Таита погрузился в глубокий сон без сновидений, и его не тревожил даже храп Мерена. Когда утром они проснулись, у выхода их ждал Шофар с широкой улыбкой на лице.

– Скорее, великий маг. У нас есть для тебя очень приятное известие.

Они торопливо прошли к котлам около остывшей за ночь золы. Здесь перед строем стояли Хабари и остальные командиры, как будто готовясь выслушать приказ. Они били ножнами о щиты и выкрикивали приветствия, как будто Таита – полководец, с победой возвращающийся с поля битвы.

– Тише, – попросил Таита. – Вы расколете мне череп.

Но все продолжали еще громче приветствовать его.

Первые три котла наполняло отвратительное черные варево, но в четвертом вода была чистой. Таита набрал ее в горсть и осторожно попробовал. Не очень сладкая, но пронизанная знакомым с детства вкусом земли – вкусом нильского ила.

Отныне каждый вечер они кипятили воду, засыпав в нее известь, а утром, перед выходом, заполняли водой бурдюки. Лошадей больше не мучила жажда, и к ним вернулась резвость. Через девять дней они достигли Асуана. Впереди ждал первый из шести больших порогов. Почти непреодолимое препятствие для лодок, но верхом их можно объехать по берегу.

В городе Асуан отряд по приказу Таиты провел три дня; люди и лошади отдохнули и пополнили запасы продовольствия на царских складах. Таита разрешил воинам посещать веселые дома вдоль берега реки, чтобы будущие тяготы легче воспринимались. Сам он, осознавая свои новые чин и ответственность, с деланным равнодушием встречал заигрывания и приглашения местных красоток.

Водоем под первым порогом превратился в мелкую лужу, и Таите не понадобился лодочник, чтобы добраться до маленького скалистого острова, где стоял большой храм Исиды. На его стенах были высечены изображения самой богини, ее супруга Осириса и их сына Гора. Дымка легко доставила Таиту к храму, копыта лошади звонко стучали по каменистому дну реки. Все жрецы приветствовали его, и он провел с ними все три дня.

Жрецы мало могли рассказать о том, что делается южнее, в Нубии. В счастливые времена, когда Нил был полноводным, с сильным течением, у слияния двух истоков отправляли большой торговый флот вверх по реке, до Квебуи. Корабли возвращались со слоновой костью, вяленым мясом и шкурами диких животных, строевым лесом, брусками меди и золотыми слитками из копей на реке Атбаре, главном притоке Нила. Теперь, когда течения не стало, а вода в оставших-

ся водоемах превратилась в кровь, мало кто осмеливался пускаться в опасный путь по пустыне пешком или верхом. Жрецы предупредили, что дорога на юг и холмы вдоль нее стали логовом разбойников.

Таита опять расспрашивал о проповедниках мнимой богини. Ему рассказали, что, по слухам, пророки Соэ явились из пустыни и направились к Карнаку и дельте, но сами жрецы с ними не встречались.

Когда стемнело, Таита уединился во внутреннем святилище богини-матери Исиды и под ее защитой почувствовал, что может спокойно поразмыслить и помолиться. Он призывал богиню, однако в первые две ночи своего бдения не получил никакого ответа. Тем не менее он чувствовал себя более сильным и лучше подготовленным к предстоящим испытаниям на пути в Квебуи и в не нанесенных на карту землях и болотах на дальнем юге. Неизбежное столкновение с Эос казалось не таким страшным. Таита окреп и телом, и духом, и это могло быть следствием долгих переходов в обществе молодых воинов и командиров и духовной дисциплины, которой он придерживался после выхода из Фив, но магу нравилось думать, что это связано с близостью богини Лостры, или Фенн, как она предпочитала себя называть; это она вооружала его для предстоящей схватки.

В последнее утро, проснувшись с первыми лучами рассвета, он вновь испросил благословения и покровительства у Исиды и всех иных богов, какие могли оказаться поблизости. Собираясь покинуть святилище, он бросил последний взгляд на статую Исиды, высеченную из цельной глыбы гранита. Изваяние поднималось к самой крыше, и голова богини была погружена в тень, каменные глаза смотрели непроницаемо. Таита наклонился, чтобы подобрать посох, лежавший у груды плетеного папируса, на которой маг провел ночь. Прежде чем он распрямился, биение крови в ушах участилось, но обнаженное тело не ощутило холода. Таита поднял голову и увидел, что статуя смотрит на него. Глаза ее ожили и светились зеленым. Это были глаза Фенн, и смотрели они мягко, как матерь смотрит на свое спящее дитя.

– Фенн, – прошептал Таита. – Лостра, ты здесь?

Высоко над его головой среди каменных балок послышался ее смех, но он видел только скользящие там темные тени летучих мышей.

Он снова посмотрел на статую. Теперь ожила ее голова, и это была голова Фенн.

– Помни, я жду, – прошептала она.

– Где я тебя найду? Скажи, где тебя искать? – умолял он.

– А где искать лунную рыбу? – насмехалась она. – Ты найдешь меня среди других рыб.

– Но где эти рыбы?

Однако живые черты уже каменели, яркие глаза тускнели.

– Где? – воскликнул он. – Где?

– Берегись пророка тьмы. У него с собой нож. Он тоже ждет тебя, – печально прошептала она. – А теперь мне пора. Она больше не разрешает мне оставаться.

– Кто не разрешает? Исида или кто-то другой?

Произнести имя ведьмы в этом священном месте было бы кощунством. Но губы статуи окаменели.

Кто-то тянул Таиту за руку. Таита вздрогнул и оглянулся, ожидая увидеть еще один материализовавшийся призрак, но увидел только встревоженное лицо верховного жреца. Тот спросил:

– Маг, что тебя тревожит? Почему ты кричишь?

– Это был сон, просто глупый сон.

– Сны не бывают глупыми. Ты-то должен знать. Сны – это предупреждения и послания богов.

Таита попрощался со жрецом и пошел в конюшню. Навстречу, игриво пританцовывая, выбежала Дымка, из ее пасти свисал клок сена.

– Тебя избаловали, развратница. Ты пляшешь, как жеребенок, и это с твоим-то брюхом, – ласково разбранил ее Таита.

В Карнаке конюх-разиня позволил одному из любимых жеребцов фараона покрыть Дымку.

Лошадь успокоилась, подождала, пока Таита сядет верхом, и понесла его туда, где воины под руководством Мерена сворачивали лагерь. Когда колонна была готова, воины выстроились у голов своих лошадей. За ними стояли запасные лошади и вьючные мулы, и Мерен обошел строй, проверяя оружие и обмундирование, убеждаясь, что у каждого есть медный котелок и мешочек с известью, привязанный к спине мула.

– Верхом садись! – прокричал он от головы колонны. – Вперед! Шагом! Рысью!

Колонну пешком провожали плачущие женщины; у подножия холмов они отстали, не в силах идти с такой же скоростью.

– Чем горше расставание, тем слаще воспоминания, – заметил Хилто-бар-Хилто, и воины рассмеялись.

– Нет, Хилто, – возразил от головы колонны Мерен. – Чем слаще плоть, тем слаще воспоминания!

Воины хохотали и били ножнами по щитам.

– Сейчас они смеются, – сухо заметил Таита, – но будут ли смеяться в пекле пустыни?

Они смотрели вниз, на расселину порога. Яростного потока не было. Опасные скалы, представлявшие страшную угрозу для судов, обнажились, они сухие и черные, как спины стада диких быков. Наверху, на вершине утеса, нависающего над порогом, сохранился высокий гранитный обелиск. Пока воины поили лошадей и мулов, Таита с Мереном поднялись на утес к монументу и остановились у его подножия. Таита вслух прочел надпись:

– «Я, царица Лостра, регент Египта и вдова фараона Мамоса, восьмого фараона с таким именем, мать наследного принца Мемнона, который после меня будет править Двумя Царствами, приказала воздвигнуть сей монумент.

Он – мое обещание народу Египта вернуться из дикой местности, куда меня изгнали варвары.

Камень поставлен здесь в первый год моего правления, девятисотый от строительства большой пирамиды фараона Хеопса.

Да стоит этот камень нерушимо, как пирамиды, пока я не вернусь, согласно своему обещанию».

На Таиту нахлынули воспоминания, глаза затуманились слезами. Он помнил день, когда воздвиг этот памятник: Лостре было двадцать, и она цвела красотой и величием.

– Именно здесь царица Лостра возложила мне на плечи Золотую Похвалу, – сказал Таита Мерену. – Изрядной тяжести – но для меня менее драгоценную, нежели доверие царицы.

Они спустились к отряду.

Пустыня окутала их жаром, как пламя гигантского костра. Днем двигаться было невозможно, поэтому они кипятили и очищали с помощью извести речную воду, а потом ложились в любой тени, какую удавалось найти, тяжело дыша, точно собаки после долгого бега. Когда солнце касалось западного горизонта, они снова отправлялись в путь и шли всю ночь. Местами гигантские утесы так тесно подступали к реке, что приходилось ехать по узкой тропе цепочкой по одному. Отряд миновал развалившиеся хижины, некогда дававшие приют путникам, но теперь покинутые. Ни следа человека не было видно до десятого дня с выхода из Асуана, когда они добрались до очередного скопления брошенных хижин возле того, что когда-то было глубоким водоемом. В одном из домов недавно жили: зола в очаге была еще свежая. Войдя, Таита сразу ощутил слабый, но не похожий ни на что другое запах ведьмы. Когда его глаза привыкли к полутьме, он разглядел иератическую надпись, сделанную на стене углем: «Эос могуча. Эос грядет». Совсем недавно этой дорогой прошел один из приспешников ведьмы. В пыли у стены,

где он стоял, делая эту надпись, еще виднелись его следы. Уже почти рассвело, и жара быстро усиливалась. Мерен приказал разбить лагерь. Даже полуразрушенные хижины обещали защиту от неумолимого солнца. Пока зной не стал нестерпимым, Таита поискал вокруг другие следы прислужников Эос. На участке почвы у каменной тропы, ведущей на юг, он нашел отпечатки копыт. Судя по их глубине, лошадь несла не только всадника, но и тяжелый груз. И направлялась она на юг, к Квебуи. Таита подозвал Мерена и спросил:

– Это давний след?

Мерен был опытным следопытом и разведчиком.

– Трудно сказать точно, маг. Больше трех дней, меньше десяти.

– Значит, приверженец Эос намного опередил нас.

Они вернулись под кровли хижин. Тем временем с вершины холма за их передвижениями неотрывно следила пара черных глаз. Этот мрачный взгляд принадлежал Соэ, пророку Эос. Это он сделал надпись на стене хижины. И теперь жалел, что насторожил преследователей.

Он лежал в полоске тени под нависающим утесом. Три дня назад его лошадь угодила в трещину на каменистой тропе и сломала ногу. Через час раненое животное окружила стая гиен. Лошадь пронзительно ржала и билась, а они отрывали куски ее плоти и пожирали их. Прошлой ночью Соэ допил остатки воды. Застряв в этой пустыне, он смирился со смертью, ждать которую оставалось недолго.

И тут вдруг, к своей большой радости, он услышал топот копыт: кто-то спускался в долину. Вместо того чтобы броситься к прибывшим и проситься уехать с ними, Соэ принялся осторожно наблюдать из укрытия. Он сразу узнал отряд всадников фараона. Воины прекрасно экипированы, и лошади у них превосходные. Ясно, что они выполняют особое задание, может быть, по приказу самого фараона. Возможно даже, что они посланы отыскать его и вернуть в Карнак. Он знал, что маг Таита заметил его на берегу Нила у переправы, знал, что этот маг пользуется полным доверием царицы Минтаки. Не требовалось богатое воображение, чтобы понять: царица доверилась ему и теперь маг знает о ее связи с Соэ. Соэ явно виновен в соблазнении и заговоре, и перед судом фараона ему не на что надеяться. Именно поэтому он бежал из Карнака. А теперь узнал Таиту среди расположившихся внизу воинов.

Соэ разглядывал лошадей, привязанных у хижин на берегу. Непонятно, что для него сейчас важнее: конь или бурдюк с водой, который воин как раз снимал с лошади. Если речь пойдет о выборе лошади, то кобыла, привязанная у хижины Таиты, несомненно, самая сильная и красивая. И хотя она жеребая, именно ее Соэ выбрал бы, будь у него такая возможность.

В лагере все были при деле. Воины кормили и поили лошадей, с реки принесли медные котлы с водой и поставили на костры, повара готовили еду. Когда еда была готова, воины разделились на четыре отряда и уселись вокруг огня. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, когда путники отыскали клочок тени, в которой можно было укрыться. Сонная тишина окутала лагерь. Соэ старательно запоминал расположение караульных. Четверо расставлены через равные промежутки по краю лагеря. Он сразу понял, что лучше всего подобраться по высохшему руслу, и поэтому основное внимание уделил стражнику, стоявшему в той стороне. Караульный довольно долго не шевелился, и Соэ решил, что тот задремал. Он крадучись спустился с утеса, защищенный от взглядов других, более бдительных стражей. Добрался до сухого русла на полмили ниже лагеря и стал осторожно подниматься по течению. И, оказавшись напротив лагеря, осторожно поднял голову над краем речного обрыва.

Всего в двадцати шагах от него сидел, скрестив ноги, стражник. Подбородок он опустил на грудь, глаза закрыл. Соэ снова спрятался, снял свое черное одеяние и зажал под мышкой. Кинжал он сунул за набедренную повязку и поднялся на берег. И смело направился к хижине, возле которой была привязана серая кобыла. В своей повязке и сандалиях он теперь мог сойти за легионера. Если его окликнут, он может на беглом разговорном египетском ответить, что ходил к реке по своим личным делам. Добравшись до угла хижины, он спрятался за ним.

Кобыла привязана напротив открытой двери, а у стены лежит мех, полный воды. Его можно в считанные мгновения забросить на круп кобыле. Соэ всегда ездил верхом без седла и не нуждался в стременах. Он подполз к кобыле и погладил ее по шее. Она повернула голову и принюхалась к его руке, потом тревожно переступила с ноги на ногу, но он успокоил ее ласковыми словами, трепля по плечу. Потом пошел за мехом. Мех был тяжелый, но Соэ поднял его и взгромоздил лошади на спину. Отвязал веревку и уже собирался сесть верхом, когда из открытой двери хижины послышался голос:

– Берегись ложного пророка. Меня предупредили о тебе, Соэ.

Соэ удивленно оглянулся. В дверях нагишом стоял маг. Тело у него было худым и мускулистым, как у молодого, только в паху – страшный шрам после оскопления. Волосы и борода встрепаны, но глаза ясные. Он громко крикнул:

– Ко мне, стража! Хилто, Хабари! Мерен! Сюда, Шабако!

Крики послышались по всему лагерю.

Соэ больше не колебался. Он вскочил на спину Дымки и пустил ее галопом. Таита бросился ему наперерез и ухватил болтающийся повод. Кобыла встала, и Соэ приник к ее шее.

– В сторону, старый дурак! – сердито крикнул он.

«У него с собой нож», – вспомнил Таита предостережение Фенн и увидел блеск кинжала в правой руке Соэ; пророк наклонился, готовый ударить. Если бы не предупреждение, удар пришелся бы туда, куда был нацелен, – в горло Таите, но маг успел уклониться. Острие кинжала задело его плечо. Таита пошатнулся, по его боку потекла кровь. Соэ погнал лошадь прямо на него. Зажимая рану, Таита резко свистнул, и Дымка, заржав, встала как вкопанная и сбросила Соэ в костер; котел с кипящей водой перевернулся, поднялось облако пара. Соэ пополз по горячим углям, но встать не успел, два могучих воина прижали его к земле.

– Я научил кобылу этому маленькому трюку, – спокойно сказал Таита Соэ, поднял с земли кинжал и прижал острый кончик к виску пророка возле уха. – Лежи спокойно, или я расколю тебе череп, как спелый гранат.

Из хижины с мечом в руке выбежал голый Мерен. Он мгновенно оценил положение, прижал острие меча к спине Соэ и взглянул на Таиту:

– Свинья ранила тебя. Убить его, маг?

– Нет, – ответил Таита. – Это Соэ, ложный пророк ложной богини.

– Клянусь потными яйцами Сета, теперь я узнаю его. Это он наслал жаб на Деметера у переправы.

– Он самый, – подтвердил Таита. – Крепко свяжите его. Я разберусь с порезом, а после побеседую с этим негодяем.

Когда немного погодя Таита снова вышел из хижины, Соэ, связанный, как свинья для продажи на рынке, лежал на солнце. С него сняли всю одежду, чтобы убедиться, что он не прячет еще один кинжал, и его кожа уже покраснела на солнце. Хилто и Шабако с мечами наголо стояли над ним. Мерен поставил в тени у хижины стул с сиденьем из кожаных ремней, и Таита удобно устроился на нем. Некоторое время он разглядывал Соэ Внутренним Оком: аура этого человека с прошлого раза не изменилась, она оставалась гневной и пестрой.

Наконец Таита начал задавать простые вопросы, ответы на которые уже знал: ему нужно было определить, как аура Соэ отзывается на правду и ложь.

– Тебя зовут Соэ?

Соэ смотрел на него молча и вызывающе.

– Уколи его в ногу, – приказал Таита Шабако, – но не глубоко.

Шабако нанес рассчитанный удар. Соэ дернулся, закричал и забился, натягивая путы. По его бедру потекла струйка крови.

– Начнем сначала, – сказал Таита. – Тебя зовут Соэ?

– Да, – прохрипел тот сквозь зубы. Его аура оставалась ровной и неизменной.

«Правда», – про себя сказал Таита.

– Ты египтянин?

Соэ молчал, мрачно глядя на него.

Таита кивнул Шабако:

– Вторую ногу.

– Да, – торопливо сказал Соэ. Аура не изменилась. Правда.

– Ты проповедовал царице Минтаке?

– Да.

Опять правда.

– Ты обещал ей вернуть умерших детей?

– Нет.

Ауру Соэ неожиданно пронизали зеленые отблески.

Признак лжи, подумал Таита. Теперь он получил мерило правдивости следующих ответов Соэ.

– Прости мое негостеприимство, Соэ. Хочешь пить?

Соэ облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

– Да, – прошептал он. Несомненно, правда.

– Разве тебя растили в хлеву, доблестный Мерен? Принеси нашему почетному гостю воды.

Мерен улыбнулся и подошел к бурдюку. Налил воды в деревянную чашку для питья, вернулся и наклонился к Соэ. Он держал полную чашку у растрескавшихся губ, а Соэ пил воду огромными глотками. Кашляя, тяжело дыша, он опустошил чашку. Таита дал ему несколько мгновений, чтобы отдышаться.

– Итак, ты торопишься к своей госпоже?

– Нет, – прошептал Соэ. Зеленые отблески выдали ложь.

– Ее зовут Эос?

– Да.

Правда.

– Ты веришь, что она богиня?

– Единственная богиня. Верховное божество.

Снова правда, он глубоко в это верит.

– Ты видел ее лицом к лицу?

– Нет.

Ложь.

– Она позволила тебе гижима ее?

Таита сознательно воспользовался грубым воинским словом, желая вывести Соэ из равновесия. «Гижима» означает «насиловать женщин» – то, что позволено делать победоносным воинам в захваченном вражеском городе.

– Нет!

Крик, полный ярости. Правда.

– Она пообещала, что ты гижима ее, если будешь повиноваться ее приказам и отдашь Египет ей в руки?

– Нет.

Сказано негромко. Ложь. Эос пообещала ему награду за верность.

– Знаешь ли ты, где ее логово?

– Нет.

Ложь.

– Она живет вблизи вулкана?

– Нет.

Ложь.

– Она живет у большого озера к югу от болот?

– Нет.

Ложь.

– Она пожирает людей?

– Не знаю.

Ложь.

– Пожирает ли она младенцев?

– Не знаю.

Снова ложь.

– Заманивает ли она в свое логово сильных и мудрых, чтобы забрать у них знания, а потом уничтожить?

– Ничего об этом не знаю.

Беззастенчивая и несомненная ложь.

– Со сколькими мужчинами совокуплялась эта распутница? С тысячью? С десятью тысячами?

– Твои вопросы – богохульство. Ты будешь за них наказан.

– Как она наказала Деметера, мага и ученого? По ее приказу ты наслал на Деметера жаб?

– Да! Он был вероотступник, предатель! И заслужил наказание. Я больше не стану слушать твои грязные речи. Убей меня, если хочешь, но больше я ничего не скажу.

Соэ напрягся, пытаясь разорвать путы. Дыхание стало хриплым, глаза полезли из орбит. Глаза фанатика.

– Мерен, наш гость устал. Пусть отдохнет. Привяжите его так, чтобы его согрело утреннее солнце. За лагерем, но недалеко, чтобы нам услышать, как он запоет, когда будет готов продолжить разговор или когда его отыщут гиены.

Мерен обвязал плечи Соэ веревкой и потащил пророка в сторону. Остановился и оглянулся на Таиту.

– Ты уверен, что он нам больше не нужен, маг? Он ничего не сказал.

– Он сказал все, – возразил Таита. – Излил душу.

– Возьмите его за ноги, – приказал Мерен Шабако и Тонке; втроем они унесли Соэ. Таита слышал, как они вбивают колья, чтобы удерживать пленника на пропеченной земле. В середине дня Мерен пошел к нему, чтобы попытаться поговорить еще. От солнца на животе и в паху пленника вздулись большие волдыри; лицо покраснело и распухло.

– Великий маг приглашает тебя продолжить разговор, – сказал ему Мерен.

Соэ хотел плюнуть в него, но не смог набрать слюны. Посиневший язык заполнял его рот, и его кончик торчал между передними зубами. Мерен оставил пленника лежать.

Перед закатом появилась стая гиен. Даже Мерену, закаленному ветерану, сделалось не по себе, когда их вой и хохот начали приближаться.

– Забрать его, маг? – спросил он.

Таита покачал головой:

– Оставь. Он уже рассказал нам, где найти ведьму.

– Гиены сделают его смерть мучительной, маг.

Таита вздохнул и негромко ответил:

– Жабы сделали смерть Деметера не менее мучительной. Он слуга ведьмы. Он подстрекал людей по всему царству. Он, конечно, должен умереть, но не так. Нельзя обременять свою совесть такой жестокостью. Она низведет нас до уровня зла. Иди и перережь ему горло.

Мерен встал, извлек меч, но потом остановился и наклонил голову.

– Что-то не так. Гиены затихли.

– Быстрей, Мерен. Узнай, что произошло, – резко приказал Таита.

Мерен побежал в сгущающуюся темноту. Несколько минут спустя с холмов послышался его дикий крик. Таита вскочил и побежал к нему.

– Мерен, где ты?

– Я здесь, маг.

Таита нашел Мерена на том месте, где был привязан Соэ. Но пленник исчез.

– Что случилось, Мерен? Что ты видел?

– Колдовство! – Мерен запинался. – Я видел...

Он смолк, словно не находя слов.

– Так что же? – торопил Таита. – Рассказывай быстрее.

– Я видел огромную гиену ростом с лошадь, с Соэ на спине. Должно быть, они знают друг друга. Гиена убежала в холмы и унесла его на себе. Пойти за ними?

– Ты их не поймаешь, – ответил Таита. – Напротив, подвергнешь себя смертельной опасности. Эос сильнее, чем я предполагал. Она сумела спасти Соэ в такой дали. Пусть его. Рассчитаемся с ним в другое время и в другом месте.

Они продолжали идти – день за днем, неделя за утомительной неделей, месяц за тяжелым месяцем. В горячем сухом воздухе ножевая рана на плече Таиты зажила без осложнений, но лошади болели и слабели, да и многие люди ослабли, прежде чем отряд добрался до второго порога. Когда-то Таита и царица Лостра провели здесь целый сезон, ожидая разлива Нила, чтобы глубина воды позволила галерам переплыть через пороги. Таита осмотрел поселок, который они тогда построили: каменные стены дворца, который он воздвиг для Лостры, все еще стоят. На земле, где они выращивали дурру, до сих пор заметны борозды, оставленные деревянным плугом. Вон там росли высокие деревья – они пошли на ремонт колесниц и потрепанных бортов галер... Да вот же они – их питают глубокие корни, достигающие подземных вод. А вот горн, который построили медники.

– Маг, посмотри в воду под порогами! – Мерен ехал рядом, и его взволнованный крик прервал воспоминания Таиты. Тот взглянул в направлении, указанном Мереном. Может, виноват слабый свет?

– Посмотри на цвет! Она больше не красная. Она зеленая – зеленая, как сладкая дыня.

– Возможно, новая уловка ведьмы.

Таита не верил собственным глазам, но Мерен, крича и приподнявшись в стременах, уже спускался по склону. Воины последовали за ним. Таита с Дымкой более степенным шагом спустились к краю воды, где теперь теснились люди, лошади и мулы.

Все животные опустили головы и втягивали воду, словно шадуфы – водяные колеса крестьян, а люди набирали ее горстями и лили себе на лица и в глотки.

Дымка подозрительно принюхалась к воде и начала пить. Таита распустил подпругу, чтобы ей было свободнее. И лошадь раздувалась у него на глазах. Он не стал ей мешать и сам вошел в воду и сел. Теплая вода доходила ему до подбородка, Таита с блаженной улыбкой закрыл глаза.

– Маг! – окликнул его с берега Мерен. – Это сделал ты. Ты вылечил реку. Разве не так?

Вера Мерена в него безгранична и трогательна. Не стоит его разочаровывать. Таита открыл глаза и увидел: сто человек напряженно ждут его ответа. Благоразумнее укрепить их веру в него. Таита улыбнулся Мерену и загадочно подмигнул. Мерен довольно улыбнулся, а его люди разразились веселыми криками, в сандалиях и одежде вошли в воду и принялись обливать, а потом в шутку топить друг друга. Таита, не мешая им развлекаться, вернулся на берег. К этому времени Дымка была так полна водой и жеребенком, что шла вперевалку. Он дал ей возможность покататься по чистому речному песку, а сам сел рядом. Глядя на кувырки лошади, он размышлял о переменах в их судьбе и о чуде, которое приписал ему Мерен.

Заражению воды конец, в итоге решил он. Дальше на юг реки будут чистыми. Мелкими, но чистыми.

Утром они разбили лагерь в тени деревьев.

– Маг, я останусь здесь, пока не отдохнут лошади. Если сразу пойдем дальше, начнется падеж, – сказал Мерен.

Таита кивнул.

– Мудро, – сказал он. – Я хорошо знаю эти места. Во время великого исхода я прожил здесь целый сезон. В лесах есть пальмы, листья которых съедобны для лошадей. Они питательны, и лошади за несколько дней поправятся.

А Дымка скоро родит. Здесь у жеребенка больше шансов выжить, чем в пустыне, подумал Таита, но не сказал этого вслух.

Мерен оживленно говорил:

– Я видел у воды следы сернобыков. Люди с удовольствием поохотятся и будут рады хорошему мясу. Мы сможем высушить и провялить мясо и взять его с собой.

Таита встал.

– Пойду поищу корм для животных.

– Я с тобой. Хочу получше рассмотреть этот малый рай.

Они пошли меж деревьев; Таита показывал съедобные травы и кусты. Эти растения привыкли к пустыне и не боялись засухи. Защищенные от прямых солнечных лучей кронами деревьев, они процветали. Мерен и Таита набрали полные их охапки и принесли в лагерь.

Образцы этого дикого урожая Таита предложил Дымке. После некоторого колебания лошадь пожевала приношение и протянула морду за добавкой. Таита набрал людей и повел в лес, показать, какие растения собирать. Мерен тоже взял людей и отправился за дичью. Две большие антилопы, потревоженные стуком топора, пробежали на расстоянии выстрела из лука.

Когда теплые туши принесли в лагерь, чтобы разделать, Таита внимательно их осмотрел. У самца прочные спиральные рога и темная шкура с красивыми пятнами. Самка безрогая и более деликатного сложения, с мягкой коричневой шкурой.

– Я знаю этих животных, – сказал Таита. – Самцы, загнанные в угол, агрессивны. Во время исхода один из наших охотников погиб: его забодал крупный самец. Рог порвал артерию в паху, и охотник истек кровью, прежде чем его товарищи смогли позвать меня. Однако мясо у них очень вкусное, особенно почки и печень.

Пока они стояли у водоемов, Мерен позволил людям вернуться к дневному циклу деятельности. Покормив лошадей, все занялись строительством прочной изгороди из стволов, срубленных в лесу: изгородь должна была вместить людей и лошадей. Вечером устроили пир: мясо

антилоп, жаренное на костре, дикий шпинат и травы, собранные Таитой, и лепешки из дурры, испеченные на угольях. Перед сном Таита снова сходил к воде, чтобы осмотреть ночное небо. Последние следы звезды Лостры исчезли, но новых важных небесных явлений не было. Таита помедитировал, но не ощутил никакого сверхъестественного присутствия. Как будто после побега Соэ ведьма потеряла их.

Таита вернулся в лагерь; здесь бодрствовала только стража. Шепотом, чтобы не потревожить спящих, он пожелал им спокойного дежурства и пошел к своему матрацу.

Разбудила его Дымка, толкая мордой в лицо. Он сонно отпихнул ее голову, но кобыла не унималась. Таита сел.

– Что случилось, моя хорошая? Что тебя встревожило?

Она топнула задней ногой и тихонько застонала, что его сразу насторожило. Он встал и провел руками по голове и шее лошади, потом по ее бокам. И почувствовал в глубине раздутого живота сильные сокращения матки. Дымка снова застонала, широко расставила задние ноги, задрала хвост и помочилась. Потом мордой ткнулась себе в бок. Таита обнял ее рукой за шею и отвел в дальний угол укрепления. Он знал, как важно, чтобы лошадь сохраняла спокойствие. Если она встревожится или испугается, схватки могут прекратиться и роды затянутся. Таита присел на корточки и в лунном свете следил за лошадью. Дымка нервничала и тревожно топталась, потом легла и перекатилась на спину.

– Вот умница девочка, – похвалил он. Дымка инстинктивно располагала жеребенка так, чтобы ему легче было выйти. Лошадь стояла, опустив голову. Брюхо ее напряглось, отошли воды. Дымка повернулась и стала лизать траву, облитую жидкостью. Теперь она стояла задом к Таите, и он видел появившуюся под хвостом бледную непрозрачную выпуклость плодного пузыря. Снова начались схватки, сильные и регулярные. Сквозь тонкую пленку проступали очертания двух маленьких копыт; с каждой схваткой все отчетливее становились и щетки над ними. Наконец, к облегчению Таиты, между копытами появилась маленькая черная морда. Прибегать к родовспоможению не придется.

– Бак-кер, – воскликнул он. – Молодчина, моя дорогая.

Он сдержал порыв помочь Дымке. Она прекрасно справляется сама, схватки, сильные и регулярные, продолжаются.

Появилась голова жеребенка.

– Серый, как мать, – довольно прошептал Таита. Неожиданно последовал сильный толчок, и плодный пузырь с жеребенком вылетел. При ударе о землю пуповина разорвалась. Таита изумился. Он присутствовал при тысячах ожеребов, но такого быстрого еще не видел. Жеребенок уже пытался выбраться из пленки.

– Быстрый, как вихрь, – улыбнулся Таита. – Так тебя и будем звать.

Дымка с интересом наблюдала за жеребенком. Наконец пленка разорвалась и жеребенок – это был жеребец – с трудом встал и стоял, покачиваясь. Он тяжело дышал от усилий, раздувая серебристые бока.

– Отлично, – негромко сказал Таита. – Смелый мальчик.

Дымка приветственно лизнула малыша, так что тот чуть не упал, пошатнулся, но сохранил равновесие. Тут она взялась за дело всерьез – сильными движениями длинного языка слизывала с жеребенка жидкость. А из ее разбухшего соска уже капало молоко. Жеребенок просунул голову ей под брюхо, присосался к одному соску и начал пить. Таита неслышно отошел. Его присутствие больше не было необходимо – оно нежелательно.

Утром воины пришли полюбоваться матерью и малышом. Все конники, они понимали, что приближаться не нужно. Держась поодаль, они указывали друг другу на красивую голову и длинную шею жеребенка.

– Хорошая сильная грудь, – сказал Шабако. – Будет отличный бегун на дальние расстояния. Сможет бежать весь день.

– Передние ноги не приплющенные. Бежать будет быстро, – сказал Хилто.

– Задние ноги хорошо уравновешены, не серпообразные. Да, быстрый, как ветер, – подхватил Тонка.

– Как ты назовешь его, маг? – спросил Мерен.

– Вихрь.

– Да, – сразу согласились все. – Хорошее имя.

Через десять дней Вихрь бегал за матерью и яростно теребил ее соски, если молоко лилось недостаточно быстро.

– Какой прожорливый, – заметил Таита. – Он уже достаточно силен, чтобы идти со всеми, когда мы выступим.

Мерен ждал еще несколько дней полнолуния, прежде чем двинуться дальше на юг. Таита проехал вдоль колонны, и Мерен видел, что маг осматривает бурдюки с водой и мешки с известью, привязанные к спинам мулов. Мерен торопливо сказал:

– Я уверен, что они нам больше не понадобятся, но... – Он замолчал в поисках подходящего объяснения.

– Они слишком ценны, чтобы их выбрасывать, – подсказал Таита. – Мы сможем продать их в Квебуи.

– Вот именно, – с облегчением ответил Мерен. – Я ни на миг не усомнился в действенности твоей магии. И уверен, что отныне у нас всегда будет вдоволь воды.

Так и оказалось. Следующий попавшийся на пути им водоем был полон зеленой воды, и в нем плавало множество зубаток с длинными шипами вокруг круглых ртов. В мелких бассейнах рыб собралось так много, что их без труда добывали копьем. Их мясо, ярко-красное и очень жирное, было замечательно вкусным. Теперь среди воинов слава Таиты была словно высечена в мраморе и покрыта чистым золотом. Командиры и воины готовы были следовать за ним на край света – что и приказал им фараон.

Корма для животных не всегда хватало, но Таита проходил этой дорогой раньше и знал окружающую местность. Он выводил воинов к потаенным долинам, где рос низкий пустынный кустарник, казавшийся мертвым и высохшим, но в земле под каждым кустом скрывались огромные клубни, сочные и питательные. В трудные времена это был основной корм стад сернобыков: они выкапывали эти клубни острыми копытами. Воины нарезали их на куски. Вначале лошади отказывались прикасаться к ним, но вскоре голод помог им преодолеть нерешительность. Воины сложили мехи для воды и мешки с известью в укрытие и заменили их клубнями.

Все долгие месяцы марша они выдерживали хороший темп, но теперь самые слабые лошади начали сдавать. Когда такая лошадь падала, воин добивал ее ударом меча между ушами: при этом лезвие погружалось в глубину черепа. Кости павших лошадей оставались белеть на солнце. Всего пало двадцать две лошади, прежде чем отряд достиг последнего препятствия – ущелья Шаблука, узкого прохода, через который прорывался Нил.

Выше этого ущелья Нил достигал в ширину почти мили. Но ущелье насчитывало всего сто ярдов шириной от одного крутого скалистого берега до другого. Когда отряд остановился у начала прохода, воины впервые после выхода из Карнака увидели текущую воду. По каменисто-

му дну ущелья струился узкий ручеек, падая в озерцо внизу. Не пробежав и мили, он терялся в песке и исчезал.

По козьей тропе со дна ущелья поднялись на хребет Шаблука. С вершины на юге за обширной равниной видны были далекие низкие синие холмы.

– Это холмы Керрери, – сказал Таита. – Стража над Нилом. Квебуи всего в пятидесяти лигах впереди.

Вдоль реки росли пальмовые рощи, и отряд по западному берегу двинулся к холмам. Чем ближе они подъезжали к Квебуи, тем сильнее становилось течение и тем веселее воины. Последнюю часть пути они проделали за один день и наконец увидели слияние двух истоков Нила.

Квебуи был самым дальним укреплением империи. Здесь, в небольшой крепости, обосновались наместник нома и отряд пограничников. Сам город раскинулся на южном берегу. Город торговый, но даже издали видно было, что многие здания полуразрушены и покинуты. Исчезновение воды в Ниле остановило всякую торговлю с Севером. Мало кто готов был вести караваны опасными путями, которыми прошел Таита со своим отрядом.

– Эта вода приходит с высокогорий Эфиопии. – Таита указал на широкий восточный приток Нила. Там было сильное течение, и на дальнем берегу виднелись многочисленные шадуфы, поднимающие воду в оросительные каналы. Город окружали зеленые поля дурры.

– Мы найдем здесь достаточно фуража, – довольно улыбнулся Мерен.

– Да, – согласился Таита. – Будем отдыхать, пока лошади полностью не оправятся.

Он потрепал Дымку по шее. Кобыла была нехороша: ребра торчат, шерсть тусклая. И хотя Таита делился с ней своей долей дурры, кормление жеребенка и тяготы пути сказались на лошади.

Таита снова посмотрел на восточный приток реки.

– По этому пути царица Лостра повела исход, – сказал он. – Мы доплыли на галерах до узкого ущелья, которое галеры не могли преодолеть, поставили их на якорь и дальше двинулись в колесницах и повозках. В горах мы с царицей выбрали место для могилы фараона Мамоса. Я сам спроектировал ее и очень тщательно скрыл. Не сомневаюсь, что ее не обнаружили и не осквернили. И никогда не обнаружат. – Какое-то время он с удовольствием вспоминал свои достижения, потом продолжил: – У эфиопов хорошие лошади, но они воины и отчаянно защищают свои горные крепости. Они прогнали две наши армии, пытавшиеся покорить их и подчинить империи. Боюсь, третьей попытке не бывать. – Маг повернулся и указал на южный приток реки, шире восточного, но совершенно пересохший, на дне ни струйки. – Вот куда мы должны идти. Через несколько коротких лиг река углубляется в болота, которые уже бесследно поглотили две армии. Однако если нам повезет, мы увидим, что болота усохли. Возможно, в отличие от наших предшественников нам удастся найти более легкий путь. С помощью Царского Сокола мы сумеем получить у наместника проводников. Давайте переправимся к Квебуи.

Наместник на все семь лет засухи застрял в этой пограничной крепости. Однако гарнизон этого сутулого, измученного постоянными приступами болотной лихорадки человека по имени Нара содержался на славу. Воинов досыта кормили дуррой, сыты были и их лошади. Когда Мерен показал Царского Сокола и поведал, кто такой Таита, гостеприимство наместника стало безграничным. Он проводил Мерена и Таиту в крепость и отвел им лучшие комнаты. Прислал рабов для услуг и собственного повара, открыл оружейную и конюшни.

– Выберите лучших лошадей. Скажите моему квартирмейстеру, сколько вам потребуется дурры и сена. Не экономьте. У нас хватает запасов.

Навестив воинов в их квартирах, Мерен увидел: они довольны.

– Кормежка отличная. Женщин в городе немного, но те, что есть, настроены дружески. Лошади и мулы набивают брюхо дуррой и зеленой травой. Никто не жалуется, – доложил Хилто.

Ввиду затянувшегося одиночества Нара жаждал услышать новости цивилизованного мира и изголодался по ученым собеседникам. В особенности его пленяли ученые рассуждения Таиты.

Обычно по вечерам он приглашал Таиту и Мерена поужинать. Когда Таита открыл ему свое намерение ехать на юг через болота, наместник посерьезнел.

– Никто не возвращается из земли за болотами. Я верю, что они тянутся до самого края света и те, кто пройдет через них, свалятся с этого края. – Но он тут же торопливо высказал более оптимистическое предположение: ведь у этих людей Царский Сокол, значит, он, наместник, должен поощрять их старания. – Конечно, ничто не помешает вам первыми достичь края земли и благополучно вернуться. Люди у вас опытные и сильные, и с вами маг. – Он поклонился Таите. – Чем еще я могу вам помочь? Поймите, вам нужно только сказать.

– Вы сможете найти для нас туземных проводников? – спросил Таита.

– О да, – заверил наместник. – У меня есть люди оттуда.

– Знаете, из какого они племени?

– Нет, но они рослые, очень черные и покрыты необычной татуировкой.

– Тогда это, вероятно, шиллуки, – довольно сказал Таита. – Во время исхода полководец Тан набрал несколько отрядов шиллуков. Это умные люди и с готовностью учатся. И хотя нрав у них добродушный, они грозные воины.

– Да, они именно таковы, – согласился наместник Нара. – Какого бы они ни были племени, но эту землю знают хорошо. Я имею в виду двоих, которые уже несколько лет помогают нашей армии и немного научились говорить по-египетски. Утром я пошлю за ними.

На рассвете, покидая свои комнаты, Таита и Мерен обнаружили двух чернокожих, сидящих у стены во дворе. Поднявшись, они оказались даже выше Мерена. Их стройные фигуры были покрыты сильными мышцами без капли жира, на коже сложный ритуальный рисунок из шрамов, а сама кожа блестела от жира или масла. Туземцы были одеты в короткие юбки из звериных шкур, а в руках держали длинные копья с острыми костяными наконечниками.

– Я вижу вас, мены, – поздоровался с ними Таита на беглом шиллукском. Мены – этим одобрительным словом пользовались между собой только воины, и красивые нилотские лица озарились улыбками.

– Я вижу тебя, мудрый старец, – ответил тот, что повыше. Это обращение тоже свидетельствовало об уважении. На них произвела глубокое впечатление серебристая борода Таиты. – Но как ты научился так хорошо говорить на нашем языке?

– Вы когда-нибудь слышали о Львиной Печени? – спросил Таита.

Шиллуки считают печень вместилищем мужества и храбрости.

– Хо! Хо! – изумились они. Так в их племени называли полководца Тана, которому служили шиллуки. – Наш дед рассказывал о Львиной Печени нам обоим, ведь мы двоюродные братья. Он сражался под его началом в холодных горах на востоке. Дед называл Львиную Печень отцом всех воинов.

– Львиная Печень был моим братом и другом, – сказал Таита.

– Тогда ты поистине стар, старше даже наших дедов.

Они явно были сражены.

– Давайте посидим в тени и поговорим.

Таита провел их к огромной старой смоковнице в углу двора.

Они уселись в «круг совета», лицом друг к другу, и Таита принялся подробно расспрашивать. Отвечал в основном старший из братьев. Его звали Наконто, что по-шиллукски означает «короткое копье».

– В битвах я убил многих. – Он не хвастал, а просто сообщал факт. – А моего брата зовут Нонту, потому что он малорослый.

– Все в мире относительно.

Таита про себя улыбнулся: Нонту на голову возвышался над Мереном.

– Откуда вы пришли, Наконто?

– Из-за болот.

Он подбородком указал на юг.

– Значит, вы хорошо знаете южные земли?

– Это наш дом.

На мгновение в его голосе послышались печаль и тоска.

– Ты проведешь меня в ваши родные края?

– Каждую ночь мне снится, что я стою у могил отца и деда, – негромко ответил Наконто.

– Их дух призывает тебя, – сказал Таита.

– Ты понимаешь, старик. – Наконто посмотрел на него с глубоким уважением. – Когда ты покинешь Квебуи, мы с Нонту будем показывать тебе путь.

Еще две полные луны осветили бассейны Нила, прежде чем лошади и всадники были готовы продолжать путь. В ночь накануне выступления Таите снились рыбы на отмелях, рыбы всех форм, размеров и цветов.

– Ты найдешь меня среди других рыб, – услышал он во сне милый детский голос Фенн. – Я буду ждать.

Он проснулся на рассвете с ощущением счастья и больших ожиданий.

Когда позже они пришли к наместнику попрощаться, Нара сказал Таите:

– Жаль, что ты уходишь, маг. Твое общество скрасило однообразие моей службы здесь, в Квебуи. Надеюсь, скоро я с удовольствием буду приветствовать твое возвращение. Я приготовил тебе подарок, надеюсь, он окажется полезным. – Он взял Таиту за руку и вывел на ярко освещенный солнцем двор. И показал пять навьюченных мулов. Каждый нес по два тяжелых мешка со стеклянными бусинами. – Племена на юге высоко ценят эти шарики. За горсть мужчина отдаст свою любимую жену, – наместник улыбнулся, – хотя вряд ли тебе захочется тратить красивые бусы на этих уродин.

Когда отряд выступил из Квебуи, два шиллука шли впереди, час за часом легко держась наравне с идущими быстрым шагом лошадьми. Две ночи двигались по выжженной равнине на восточном берегу широкого сухого русла. Утром третьего дня, когда колонна остановилась, чтобы разбить лагерь, Мерен приподнялся в стременах и посмотрел вперед. В косых лучах солнца он разглядел невысокую зеленую стену, которая сплошной полосой шла по всему горизонту.

Таита подозвал Наконто. Тот подошел и остановился у головы Дымки.

– Ты видишь первые заросли папируса, старик.

– Они зеленые, – сказал Таита.

– Болота Великого Сауда никогда не пересыхают. Они слишком глубоки, и вода в них защищена тростником от солнца.

– Это препятствие?

Наконто пожал плечами.

– Еще один ночной переход, и мы доберемся до зарослей. И тогда увидим, достаточно ли понизился уровень воды, чтобы лошади могли пройти; иначе нам придется сделать боль-

шой круг к холмам на востоке. – Он покачал головой. – Тогда наш путь на юг будет гораздо длинней.

Как и предсказал Наконто, на другую ночь они добрались до зарослей папируса. Воины нарезали сухих стеблей и устроили низкие шалаши, чтобы защититься от солнца. Наконто и Нонту исчезли в зарослях и не возвращались две ночи.

– Увидим ли мы их снова, – нервничал Мерен, – или они, подобно диким зверям, убежали в свои деревни? Да они и есть звери.

– Они вернутся, – заверял Таита. – Я хорошо знаю этих людей. Они отличаются верностью и достойны доверия.

На вторую ночь Таита проснулся от окрика часовых. Из глубины зарослей отозвался Наконто. Шиллуки появились из ночной тьмы, в которой ранее бесследно растворились.

– Путь через болота открыт, – сообщил Наконто.

На рассвете проводники повели отряд через заросли. Отныне даже шиллуки не могли отыскивать путь в темноте, поэтому пришлось передвигаться днем. Болота оказались чуждым и грозным миром. Даже со спины лошади за высокими стеблями папируса ничего нельзя было разглядеть. Приподнимаясь в стременах, люди видели бесконечный волнистый зеленый океан, уходящий к самому горизонту. Над ним вились стаи водной птицы, и повсюду слышались шум их крыльев и жалобные крики. Иногда, приводя в движение верхушки растений, по тропинкам невидимками пробирались крупные звери. Невозможно было догадаться, к какому виду они относятся. Шиллуки изучали их следы, и Таита переводил данные ими описания:

– Стадо больших черных быков.

Или:

– Водяной козел. Удивительное коричневое животное со спиральными рогами, которое живет в воде. Длинные копыта помогают ему плавать, как водяной крысе.

Земля под папирусом была в основном влажной, но часто вода покрывала щетки над копытами лошадей. Тем не менее жеребенку Вихрю удавалось не отставать от матери. В глубине зарослей скрывались водоемы; некоторые совсем маленькие, другие как большие озера. Шиллуки не могли видеть сквозь заросли, но безошибочно находили дорогу между водоемами. Колонне ни разу не пришлось поворачивать и искать другой маршрут. Вечером, когда приходило время устроиться на ночлег, Наконто всякий раз находил сухое место. Разводили костры из сухих стеблей, внимательно следя, чтобы огонь не перекинулся в заросли. Лошади и мулы поедали зеленую траву, росшую в стоячей воде.

Каждый вечер Наконто брал копье, забредал в один из водоемов и стоял неподвижно, как охотящаяся цапля. Когда близко проплывала крупная зубатка, он протыкал ее копьем, вытаскивал, бьющуюся, разбрызгивающую воду, и поднимал высоко над головой. Тем временем Нонту плел корзину из стеблей папируса и надевал ее себе на голову; через щели между прутьями он мог видеть. Нонту погружался в воду, так что на поверхности оставалась только голова, скрытая корзиной. Он с бесконечным терпением осторожно приближался к стае диких птиц. И когда оказывался близко, хватал птицу за лапы и тянул под воду. Она не успевала даже крикнуть, прежде чем он сворачивал ей шею. Таким образом ему удавалось добыть пять-шесть птиц, прежде чем остальные, что-то заподозрив, улетали, громко крича и хлопая крыльями. По вечерам воины ужинали свежей рыбой и жареной птицей.

Люди и лошади страдали от укусов насекомых. Как только солнце садилось, с воды поднимались гудящие тучи, и воинам приходилось сидеть в дыму костров, чтобы избежать нападений. Утром лица у всех были распухшие и усеянные укусами.

Так прошло двенадцать дней, а потом у одного из воинов появились признаки болотной лихорадки. Вскоре и его товарищи один за другим пали жертвами этой болезни. У них начиналась

сильная головная боль, их неудержимо трясло, даже во влажной духоте, а кожа на ощупь делалась горячей и сухой. Утром те, кто покрепче, помогали больным сесть верхом, а потом ехали рядом, помогая держаться в седле. Ночами многие бредили. Утром у костров находили мертвых. На двенадцатый день умер Тонка. Его похоронили в неглубокой могиле и поехали дальше.

Некоторые оправлялись от болезни, хотя лица у них оставались желтыми, а сами они – слабыми и исхудавшими. Немногих, в том числе Таиты и Мерена, болезнь вообще не коснулась.

Мерен подгонял измученных лихорадкой людей:

– Чем быстрей мы выберемся из болот с их ядовитыми испарениями, тем быстрей к вам вернется здоровье. – И шепотом признавался Таите: – Я очень боюсь потерять из-за болотной лихорадки шиллуков. Тогда все пропало. Мы никогда не выйдем из этой глуши и все здесь погибнем.

– Болота – их дом. Шиллукам не страшны местные болезни, – успокаивал Таита. – Они останутся с нами до конца.

Они продвигались все дальше на юг, впереди открывались новые обширные заросли папируса – и оставались позади. Людям казалось, что они увязли, словно насекомое в меду, и не могут высвободиться, как ни стараются. Однообразие окружающего отупляло и утомляло. Но вот на тридцать шестой день пути впереди, у границ видимости, появилось множество черных точек.

– Это деревья? – спросил Таита у шиллуков.

Наконто забрался на плечи Нонту и выпрямился во весь рост, легко удерживая равновесие. Он часто так делал, когда нужно было посмотреть поверх зарослей.

– Нет, старик, – ответил он. – Это хижины луо.

– Кто такие луо?

– Их трудно назвать людьми. Это обитатели болот, питающиеся рыбой, змеями и крокодилами. Такие лачуги, как вы видите, они строят на сваях. Тела вымарывают грязью, пеплом и другой пакостью, чтобы защититься от насекомых. Нрава они дикого и свирепого. Когда мы их находим, то убиваем, потому что они крадут наш скот. Украденный скот они загоняют в свои крепости и там поедают. Это не люди, а шакалы и гиены.

Он презрительно плюнул.

Таита знал, что шиллуки живут кочевым скотоводством. Они любят свой скот и никогда не убивают домашних животных. Вместо этого они осторожно протыкают жилу на горле животного, набирают в калебас кровь, а потом заклеивают крошечную ранку глиной. Кровь они смешивают с коровьим молоком и пьют.

– Поэтому мы такие высокие и сильные, такие могучие воины. Поэтому нас и не берет болотная лихорадка, – объясняли шиллуки.

Добравшись до поселка луо, воины обнаружили, что хижины на высоких сваях брошены. Однако повсюду видны были следы недавнего обитания. Рыбьи головы и чешуя у стоек, на которых коптилась рыба, совсем свежие пресноводные крабы, сидящие на крышах, и канюки не успели до них добраться, угли в кострах не остыли. Участок за деревней, который луо использовали как нужник, завален свежими экскрементами. Наконто внимательно изучил их.

– Они были здесь еще утром. Они и сейчас близко. Вероятно, следят за нами из зарослей.

Они покинули деревню и уехали, как казалось, бесконечно далеко. К середине дня Наконто привел отряд к небольшому возвышению, сухому острову в болоте. Здесь воины привязали лошадей к колышкам, вбитым в землю, и накормили их лепешками дурры из привешенных к мордам мешков. Таита осматривал больных, повара готовили обед. К наступлению темноты все спали у костров. Только стража оставалась начеку.

Костры прогорели, а воины крепко спали, когда их внезапно разбудили. В лагере разверзся настоящий ад. Слышались крики и вопли, топот лошадей, плеск воды вокруг острова. Таита

вскочил и бросился к Дымке. Лошадь вставала на дыбы, пытаясь вырвать кол, державший ее на месте. Точно так же вели себя остальные лошади. Таита схватил повод и успокоил Дымку. Он с облегчением увидел дрожащего от страха жеребенка по-прежнему рядом с матерью.

Вокруг с криками и воплями метались темные тени, тыкали лошадей копьями, заставляли вырываться. Одна из фигур набросилась на Таиту, угрожая копьем. Таита посохом отбросил копье и вогнал конец посоха в горло нападающего. Тот упал и замер.

Мерен и командиры собрали людей и бросились в атаку, обнажив мечи. Им удалось сразить нескольких нападающих, но остальные растворились в ночи.

– За ними! Не дайте им уйти с лошадьми! – кричал Мерен.

– Не разрешай своим людям преследовать их в темноте, – настойчиво сказал Таите Наконто. – Луо коварны. Они заведут воинов в топь, и те попадут в засаду. Надо дождаться света, и уж потом идти за ними.

Таита поспешно остановил Мерена, который в пылу сражения неохотно воспринял предупреждение и отозвал людей.

Подсчитали потери. Четверым часовым перерезали горло, еще один был ранен копьем в бедро. Три луо убиты, один тяжело ранен. Он стонал, лежа в крови и экскрементах, вытекавших из его кишок.

– Кончайте с ним! – приказал Мерен, и один из воинов ударом боевого топора отсек раненому голову. Не хватало восемнадцати лошадей.

– Мы не можем потерять столько, – сказал Таита.

– И не потеряем, – угрюмо пообещал Мерен. – Мы их вернем – клянусь сосками Исиды.

Таита при свете костра осмотрел один из трупов луо. Низкорослый крепкий мужчина с грубым обезьяньим лицом. Покатый лоб, толстые губы и маленькие, тесно посаженные глаза. Голый, только вокруг талии кожаный пояс, к которому привешена сумка. В сумке амулеты, кости пальцев и зубы, причем некоторые из них человеческие. На шее, на ремне из плетеной коры, кремневый нож, на нем кровь одного из часовых. Нож грубой работы, но когда Таита опробовал его на плече мертвеца, лезвие легко разрезало кожу. Тело луо покрывал толстый слой грязи и речного ила. На лице и груди примитивный рисунок, нанесенный белой глиной и красной охрой: точки, круги и волнистые линии. От мертвеца несло древесным дымом, гнилой рыбой и собственным звериным запахом.

– Отвратительная тварь!

Мерен плюнул.

Таита занялся раненым. Рана была глубокая и грозила загноиться. Этот человек умрет через несколько дней, но Таита постарался его успокоить.

Тем временем Мерен собрал карательный отряд из самых сильных и опытных воинов, чтобы начать преследование воров. Остальные будут охранять уцелевших лошадей, скарб и больных. Еще затемно шиллуки углубились в заросли, чтобы отыскать след похитителей. И вернулись перед самым рассветом.

– Псы-луо собрали убежавших лошадей и погнали их на юг, – доложил Таите Наконто. – Мы нашли еще два тела и одного раненого, но живого. Сейчас он уже мертв. – Наконто коснулся тяжелого бронзового ножа на поясе. – Если твои люди готовы, почтенный старец, мы выступим немедленно.

Таита не хотел брать в набег Дымку: Вихрь был еще слишком мал, чтобы следовать за матерью, а сама Дымка ранена копьем, но, к счастью, не очень серьезно. Поэтому Таита сел на запасную лошадь. Дымка заржала ему вслед, словно недовольная тем, что ее не взяли.

Копыта восемнадцати украденных лошадей проделали в тростниках широкий проход. Поверх этих следов виднелись отпечатки босых ног луо, гнавших лошадей. Шиллуки легко бежали

по следу, всадники двигались за ними быстрым шагом. След весь день вел на юг. Когда солнце село, остановились, чтобы дать отдых лошадям, но, как только взошла луна, вновь пустились в путь. Ехали всю ночь с короткими остановками. На рассвете вдали показалось нечто новое. После бесконечного однообразия папирусов взгляд отдыхал даже на неширокой темной линии.

Наконто забрался на плечи брату и посмотрел вперед. Потом улыбнулся Таите, его белые зубы сверкнули на солнце.

– Старик, ты видишь край болота. Это деревья, и они растут на сухой земле.

Таита передал новость Мерену, и воины засмеялись и принялись хлопать друг друга по спинам. Мерен снова позволил им отдохнуть после долгого перехода.

По следу луо Наконто решил, что похитители близко. Отряд двинулся дальше, полоска деревьев все приближалась и становилась темнее, но не было ни следа человеческого жилища. Отряд спешился и вел коней в поводу, чтобы головы всадников не показывались над зарослями. Давно миновал полдень, когда они снова остановились. Теперь их закрывала лишь тонкая полоска папируса, но и она неожиданно оборвалась у низкого светлого берега не больше двух локтей в высоту. За ним было пастбище с короткой зеленой травой и рощи высоких деревьев. Таита узнал колбасное дерево с его массивными висячими соцветиями и платан с желтыми плодами, растущими непосредственно на стволе. Прочие деревья в большинстве своем были ему незнакомы.

Поднимаясь на берег под прикрытием деревьев, они явственно видели след, оставленный лошадьми на лугу. Однако на пастбище животных не было и в помине. Все внимательно вглядывались в деревья.

– Что это? – Мерен указал на движение вдали, среди деревьев, и облако пыли.

Наконто покачал головой:

– Буйволы, небольшое стадо. Лошадей нет. Мы с Нонту пойдем вперед на разведку. Оставайтесь в укрытии.

Шиллуки шагнули в папирус и исчезли. Хотя Таита и Мерен внимательно наблюдали, они больше их не видели; на пастбище ничто не двигалось.

Они отошли от края зарослей, отыскали небольшой участок сухой земли, заполнили мешки травой и дали лошадям, а сами легли отдыхать. Таита завернул голову в платок, взял в руки посох и лег на спину. Он очень устал, от блужданий по грязи болели ноги. Он уснул.

– Приободрись, Таита, я рядом.

Голос Фенн прозвучал так отчетливо и близко, что Таита проснулся и рывком сел. Он быстро, с надеждой осмотрелся, но увидел только лошадей, мулов, отдыхающих воинов и вечный папирус. И снова лег.

Немного погодя он опять уснул, чувствуя себя очень усталым. Ему снилось, что в воде вокруг него двигаются рыбы, блестя чешуей на солнце. И хотя рыб было множество, он знал, среди них нет той, что ему нужна. Но вот он увидел ее. Ее чешуйки сверкали, словно драгоценные камни, хвост был длинный и гибкий; рыбу окружала тонкая аура. На глазах у Таиты рыба превратилась в человека, в молодую девушку. Девушка поплыла к нему, сомкнув длинные обнаженные ноги, отталкиваясь ими с грацией дельфина. Солнечный свет, проникающий сверху, пятнал ее бледное тело, длинные светлые волосы струились следом. Девушка перевернулась на спину и улыбнулась Таите. Из ее ноздрей поднимались мелкие серебристые пузырьки.

– Я близко, дорогой Таита. Скоро мы будем вместе. Очень скоро.

Но ответить он не успел: голос и прикосновение разрушили видение. Таита попытался удержать его, но видение ускользнуло. Он открыл глаза и сел.

Рядом на корточках сидел Наконто.

– Мы нашли лошадей и шакалов-луо, – сказал он. – Пришло время убивать.

Дождавшись ночи, они покинули убежище в папирусе и по низкому берегу поднялись на открытое пастбище. Копыта лошадей почти беззвучно ступали по мягкому песку. В темноте Наконто провел воинов к деревьям, которые силуэтами рисовались на звездном небе. Стоило отряду оказаться под прикрытием ветвей, шиллук пошел параллельно берегу болота. Отряд неслышно проехал небольшое расстояние, и Наконто снова свернул в лес; здесь всадникам приходилось низко пригибаться, чтобы не задевать ветви. Очень скоро они увидели меж деревьев розовое свечение. Наконто вел к нему. Послышался лихорадочный стук барабанов. Звук становился все громче, пока не заполнил ночь. Подъехали еще ближе – к бою барабанов присоединилось нестройное пение.

Наконто остановил отряд на краю леса. Таита рядом с Мереном проехал вперед, и они увидели на обширной поляне большую деревню – примитивные, обмазанные грязью хижины; картину освещали четыре больших костра, от которых в небо поднимались столбы искр. За последними хижинами высились ряды стоек для копчения, на них висели большие рыбины, груды чешуи блестели в свете костров серебром. Вокруг костров дергались, скакали, вертелись десятки людей. С ног до головы они были вымазаны белой глиной и расписаны странными рисунками, черным и красным. Таита понял, что здесь представлены оба пола, все голые под толстым слоем грязи и пепла. Танцуя, они пели что-то в варварском ритме. Их пение напоминало вой стаи диких зверей.

Вдруг еще одна группа прыгающих и кривляющихся луо притащила из темноты украденную лошадь. Все узнали гнедую кобылу по кличке Звездочка. Луо обвязали ей шею веревкой из коры. Пятеро тянули за эту веревку, еще с десяток пинали лошадь в бока или жестоко кололи острыми палками; из нанесенных этими палками ран текла кровь. Но вот один из луо взял в руки тяжелую дубину и ударил. Он целился в голову, и под его ударом череп лошади треснул. Лошадь упала и судорожно задергалась; ее кишечник выбросил поток зеленой жижи. Луо прыгали над тушей, размахивая ножами. Отрубая куски еще дергающейся плоти, они набивали рты. Кровь капала с их подбородков и текла по раскрашенным торсам. Это была стая диких псов, воющих и дерущихся над добычей. Всадники едва сдерживали гнев.

Мерен искоса взглянул на Таиту. Тот кивнул.

– Заходи справа и слева развернутой цепью! – отдал негромкий, но четкий приказ Мерен. С обоих флангов, как крылья, развернулись шеренги наступающих. Как только все заняли позиции, Мерен отдал новый приказ: – К оружию! – Все выхватили мечи из ножен. – Шагом вперед. Галопом! В атаку!

Тесный конный строй двинулся вперед. Луо были так захвачены своим праздником, что не замечали всадников, пока те не ворвались в деревню. Они попытались разбежаться и скрыться, но было поздно. Лошади наступали на них, топча копытами. Мечи поднимались и опускались, лезвия разрубали кости и плоть. Впереди всех неслись два шиллука, они били копьями, отпрыгивали и били снова.

Таита видел, как Наконто проткнул одного луо, так что копье вышло из спины между лопатками. Когда Наконто вытаскивал копье, словно вся кровь выплеснулась из тела фонтаном.

Раскрашенная женщина с огромными грудями, свисающими до пояса, подняла руки, закрывая голову. Мерен приподнялся в стременах и отсек ей одну руку в локте, затем повернул клинок и расколол голову, как переспелый арбуз. Изо рта женщины еще торчало сырое мясо, которое она выплюнула вместе с предсмертным криком. Воины сохраняли строй, надвигаясь на луо, их мечи вздымались и опускались в смертоносном ритме. Шиллуки перехватывали тех, кто

пытался убежать. Барабанщики, сидевшие за выдолбленными древесными стволами, были так захвачены своей игрой, что даже не подняли головы, и продолжали колотить деревянными дубинками в бешеном ритме, пока всадники не зарубили их на месте. Барабанщики, дергаясь и выпуская фонтаны крови, упали на барабаны.

На противоположном краю деревни Мерен остановил наступление. Он оглянулся и не увидел ни одного человека на ногах. Земля вокруг туши Звездочки была покрыта множеством раскрашенных обнаженных тел. Некоторые раненые пытались уползти. Другие стонали и бились в грязи. Шиллуки ходили между ними, приканчивая раненых и подвывая в убийственном экстазе.

– Помогите шиллукам их добить! – приказал Мерен. Его люди спешились и вернулись на поле битвы, расправляясь со всеми, кто еще проявлял признаки жизни.

Таита остановил лошадь рядом с Мереном. Он двигался не в первом ряду нападавших, а держался сзади.

– Я видел, как несколько луо спрятались в хижинах, – сказал он. – Вытащите их, но всех не убивайте. Наконто может разузнать у них о лежащей впереди местности.

Мерен отдал приказ своим командирам, и те принялись ходить от хижины к хижине, обыскивая их. Выбежали две или три воющие женщины луо с маленькими детьми. Их загнали в центр деревни, где шиллуки отдали им приказ на их языке. Женщин заставили сесть, держа руки на голове. Дети цеплялись за матерей, на их испуганных лицах блестели слезы.

– Теперь надо найти уцелевших лошадей! – крикнул Мерен. – Они не могли их всех убить и съесть. Сначала поищите здесь. – Он показал на темный лес, откуда луо вывели Звездочку. Хилто со своими людьми скрылся в темноте. Неожиданно послышалось ржание.

– Они здесь! – крикнул довольный Хилто. – Принести факелы!

Воины срывали с крыш тростник и делали из него грубые факелы. С зажженными факелами они вслед за Хилто углубились в лес. Оставив пятерых воинов караулить пленных женщин и детей, Мерен и Таита последовали за факельщиками. Впереди Хилто и его люди выкрикивали, куда идти, пока в слабом свете не стали видны украденные лошади.

Таита и Мерен спешились и побежали к ним.

– Сколько осталось? – нетерпеливо спросил Мерен.

– Всего одиннадцать. Из-за этих шакалов семь мы потеряли.

Луо привязали всех лошадей короткими веревками к одному дереву. Лошади даже не могли дотянуться мордой до земли.

– Им не давали еды и питья, – возмущенно крикнул Хилто. – Что за звери!

– Освободите их, – приказал Мерен. Трое воинов спешились и принялись выполнять приказ. Но лошади стояли так тесно, что приходилось протискиваться между ними.

Неожиданно один из воинов крикнул с болью и гневом:

– Осторожней! Тут луо. У него копье, и он меня ранил.

Послышалась возня, из-под лошадиных ног донесся высокий детский голос.

– Поймать его! Не дайте ему уйти!

– Что случилось? – спросил Мерен.

– Тут прятался маленький дикарь. Он меня ранил.

При этих словах между лошадьми метнулся ребенок, в руках он держал легкий ассагай. Воин попытался его схватить, но ребенок увернулся и исчез во тьме, направляясь к деревне. Таита видел его лишь мгновение, но увиденное показалось ему необычным. Луо, даже дети, все коротконогие и приземистые, а этот стройный, как стебель папируса, и ноги у него красивые, прямые. Бежал он с грацией испуганной газели. Таита понял, что под слоем белой глины и племенными рисунками скрывается девочка, и неожиданно ему почудилось, что он видит это не впервые.

«Клянусь всеми богами, я видел ее раньше!» – прошептал он про себя.

– Поймаю эту маленькую свинью, убью ее медленно! – кричал раненый, выходя вместе с лошадьми оттуда, где наткнулся на девочку. У него на предплечье зияла рана от копья, кровь капала с кончиков пальцев.

– Нет! – настойчиво крикнул Таита. – Это девочка. Возьмите ее живой. Она побежала к деревне. Окружите деревню и снова обыщите все хижины. Она спряталась в одной из них.

Оставив несколько человек присматривать за найденными лошадьми, Мерен окружил хижины кольцом воинов, а Таита тем временем расспрашивал Наконто и Нонту, карауливших женщин и детей:

– Видели бегущего ребенка? Примерно такого роста и покрытого, как все они, белой глиной?

Они покачали головами.

– Кроме этих, – Наконто показал на воющих пленниц, – мы никого не видели.

– Она не могла уйти далеко, – заверил Таиту Мерен. – Мы окружили деревню. Сбежать она не может. Найдем. – Он послал отряд Хабари обыскать одну за другой все хижины. Вернувшись к Таите, спросил: – Почему это отродье так тебя заинтересовало, маг?

– Не знаю точно, но мне кажется, она не луо. Она совсем другая. Возможно, даже египтянка.

– Сомневаюсь, маг. Она дикарка. Голая и вымазанная краской.

– Поймай ее! – рявкнул Таита.

Мерену был знаком этот тон, и он взялся руководить поисками. Воины передвигались медленно и осторожно, никому не хотелось получить копьем в живот. К тому времени как они осмотрели половину хижин, над лесом занялся рассвет. Таита тревожился и волновался. Что-то грызло его память, как затаившаяся крыса. Он должен что-то вспомнить.

Ветерок с юга донес со стоек для копчения зловоние полусгнившей рыбы. Он отошел в сторону, и тут воспоминание настигло его.

«Где искать лунную рыбу? Ты найдешь меня среди других рыб». Так говорила Фенн каменным ртом богини. Неужели ребенок, которого они ищут, это душа, застрявшая в колесе творения? Реинкарнация кого-то жившего давным-давно?

– Она обещала вернуться, – сказал Таита вслух. – Возможно ли это – или меня обманывает мое желание? – И сам себе ответил: – Существует такое, что превосходит самое буйное воображение человека. Нет ничего невозможного.

Он быстро огляделся, желая убедиться, что за ним никто не наблюдает, и осторожно двинулся к краю деревни, туда, где стояли зловонные стойки для копчения. Как только маг оказался там, где его не могли видеть, его поведение изменилось. Он стоял, как собака, принюхивающаяся к добыче. Та очень близко, ее присутствие почти осязаемо. Держа посох наготове, чтобы отразить удар ассагая, Таита осторожно двинулся вперед. Через каждые несколько шагов он опускался на колено, заглядывая под стойки, на которых толстым слоем висела рыба. Временами поле зрения заслоняли горящие груды дерева и облака дыма. Каждую груду приходилось огибать, чтобы убедиться, что девочка не прячется за ней, и это замедляло продвижение. К этому времени деревню залили лучи утреннего солнца. И вот, обходя очередную груду, Таита услышал впереди легкий звук. Он заглянул за гору углей. Там никого не было. Тогда он посмотрел на землю и увидел в серой золе маленькие следы. Она знает, что за ней охотятся, и движется перед ним, перебегая от одной груды к другой.

– Ни следа отродья. Ее здесь нет, – громко крикнул Таита воображаемому спутнику и пошел к деревне. Шел он шумно, бил по стойкам посохом, потом молча и быстро повернул, сделав круг.

Таита достиг места, откуда видны были ее следы, и в ожидании присел за грудой дров. Он настороженно вслушивался и всматривался. Теперь, потеряв его из виду, девочка занервничает

и обязательно переберется на другое место. Он окутал себя заклинанием невидимости. И из своего укрытия принялся обыскивать эфир.

– Ага! – прошептал он, ощутив ее присутствие. Очень близко, но не двигается. Он чувствовал ее страх и неуверенность: она его потеряла. Теперь он видел, что девочка прячется за одной из груд. Он сосредоточил на ней всю свою силу, заманивая, заставляя приблизиться.

– Маг! Где ты? – послышался со стороны деревни голос Мерена. Не получив ответа, он закричал еще громче и настойчивее: – Маг, ты меня слышишь?

И направился туда, где затаился Таита.

«Правильно, – молча подбадривал его Таита. – Иди сюда. Ты заставишь ее сняться с места. Ага! Вот она».

Девочка снова зашевелилась. Она выползла из-под стойки и побежала к нему, чтобы уйти от Мерена.

«Давай, малышка! – Он усилил притягивающее заклинание. – Иди ко мне».

– Маг! – снова крикнул Мерен, на этот раз гораздо ближе. Девочка появилась из-за угла стойки прямо перед Таитой. Она оглянулась на голос Мерена, и Таита увидел, что она дрожит от страха. Девочка посмотрела в его сторону. Ее лицо было отвратительной маской из глины; волосы на голове покрывала смесь глины и древесной смолы. Глаза так покраснели от вечного дыма, что не разглядеть цвет радужки. Зубы намеренно зачернены. У всех захваченных женщин луо точно так же зачернены зубы и такие же прически: очевидно, таково их примитивное представление о красоте.

Она стояла, охваченная ужасом, наклонив голову, и Таита открыл Внутреннее Око. Вокруг девочки мгновенно возникла аура, великолепный плащ живого цвета, точно такой, какой он видел в снах. Жалкое оборванное существо под уродливым покровом из глины и грязи – это Фенн. Она вернулась к нему, как обещала. Его охватило такое мощное чувство, какого он не испытывал за всю свою долгую жизнь. С ним не могло сравниться даже горе, которое терзало его, когда он извлекал из умершей Лостры внутренности, закутывал тело в льняные бинты и укладывал в каменный саркофаг.

Теперь она воскресла, и лет ей столько, сколько было, когда ее впервые отдали ему под опеку много-много долгих одиноких лет назад. За всю печаль, за все горести ему заплатили одной-единственной монетой радости, и теперь все его тело, все мышцы и нервы отозвались на это счастье.

Ощущение счастья нарушило заклинание укрытия. Девочка сразу это уловила. Она повернулась и посмотрела в его сторону огромными покрасневшими глазами с уродливой маски. Она чувствовала присутствие Таиты, но не могла его видеть. Он понял, что девочка наделена силой. Ее сверхчувственный дар неразвит, но Таита знал, что со временем под его любящим руководством этот дар сравняется с его собственным. Восходящее солнце пустило луч ей в глаза, и он увидел их истинный цвет. Зеленый. Зеленый цвет глаз Фенн.

Мерен бежал к ним, гулко топая. Для Фенн оставался только один путь к отступлению между стойками с копченой рыбой. И она побежала прямо в руки Таите. Когда эти руки сомкнулись вокруг нее, она в ужасе закричала и уронила ассагай. Девочка отчаянно вырывалась и пыталась выцарапать Таите глаза, но маг крепко держал ее, прижимая к груди. Ее длинные и обломанные ногти, под которыми запеклась черная земля, оставили на щеках и на лбу Таиты кровавые царапины. По-прежнему держа ее одной рукой за талию, другой он по очереди схватил руки девочки и зажал между ею и собой. Лишив дикарку возможности сопротивляться, Таита наклонился к ней и пристально посмотрел в глаза, подчиняя своей воле. Она инстинктивно поняла, что он делает, и рванулась к его лицу, но он разгадал ее намерение и вовремя отшатнулся. Ее острые черные зубы щелкнули совсем рядом с кончиком носа Таиты.

– Свет очей моих, мой старый нос мне еще нужен. Если ты голодна, я дам тебе что-нибудь повкуснее, – улыбнулся Таита.

В этот момент в поле зрения появился Мерен, перепуганный и встревоженный.

– Маг! – закричал он. – Не подпускай к себе эту маленькую чертовку! Она уже пыталась убить одного из моих людей и может нанести тебе серьезное увечье. – Он бежал к ним. – Позволь мне заняться ею. Я отнесу ее в болото и утоплю в ближайшей трясине.

– Назад, Мерен! – сказал Таита, не повышая голоса. – Не трогай ее.

Мерен затормозил.

– Но, маг, она будет...

– Она ничего подобного не сделает. Иди, Мерен. Оставь нас одних. Мы любим друг друга. Мне нужно только убедить ее в этом.

Мерен по-прежнему колебался.

– Уходи, я сказал. Немедленно.

Мерен ушел.

Таита посмотрел в глаза Фенн и одобрительно улыбнулся.

– Фенн, я так долго ждал тебя.

Он пользовался голосом силы, но девочка отчаянно сопротивлялась. Плюнула, и ее слюна потекла по лицу Таиты и повисла на подбородке.

– Когда мы встретились в первый раз, ты не была такой сильной. Мрачной и непокорной, да, но не такой сильной, как сейчас.

Он усмехнулся, и она заморгала: такого звука не издавал ни один луо. На мгновение в глубине ее зеленых глаз вспыхнула искра любопытства, но она снова посмотрела сердито.

– Тогда ты была прекрасна, а теперь только посмотри на себя! – В его голосе по-прежнему звучали гипнотические нотки. – Ты словно призрак из пустоты, – произнес он ласково. – У тебя грязные волосы.

Он погладил девочку, но та попыталась увернуться. Невозможно было даже догадаться о цвете ее волос под толстым слоем грязи и смолы. Но и когда из-под спутанной массы волос хлынул поток красных вшей и пополз по руке Таиты, он продолжал говорить спокойно и ласково улыбаться.

– Клянусь Ахура Маздой и Истиной, ты воняешь сильней хорька, – говорил Таита девочке. – Потребуется целый месяц, чтобы доскрестись до твоей кожи. – Она пыталась вырваться, высвободиться. – Теперь ты и меня пачкаешь своей грязью. Пока я тебя успокою, сам перемажусь. Придется заночевать подальше от Мерена и воинов. Даже закаленный воин не вынесет нашего запаха.

Он продолжал говорить, и значение слов было не важно, зато интонация постепенно действовала. Таита чувствовал, что девочка успокаивается, расслабляется, враждебный огонек в зеленых глазах гаснет. Она мигала почти сонно, и он ослабил хватку. Почувствовав это, она встряхнулась, пришла в себя, и ее озлобленность вернулась. Она возобновила попытки вырваться, и Таите пришлось снова крепко сжать ее.

– Ты неукротима. – Он произнес это восхищенно и одобрительно. – У тебя сердце воина и решимость богини, какой ты некогда была.

На этот раз она успокоилась быстрее. Перебравшиеся вши кусали Таиту под одеждой, но он не обращал на них внимания и продолжал говорить.

– Позволь рассказать тебе о тебе самой, Фенн. Некогда ты была моей подопечной – и стала ею снова. Ты была дочерью злого, равнодушного к тебе человека. Я и сегодня не могу понять, как он стал отцом такого прекрасного существа. Ты прекрасна, Фенн. Прекрасна и сегодня, под слоем грязи, блох и вшей. – Любовно перечисляя мельчайшие подробности, он

рассказывал девочке о ее детстве, вспоминал ее забавные словечки и поступки, и она постепенно успокаивалась. Теперь, когда Таита смеялся, она смотрела на него скорее с интересом, чем с гневом. Она снова заморгала. Маг ослабил хватку, и на этот раз она не пыталась убежать, но спокойно сидела у него на коленях. Солнце достигло зенита, когда он наконец встал. Девочка спокойно посмотрела на него, и Таита взял ее за руку. Она не вырывалась.

– Теперь пойдем. Если ты не хочешь есть, то я голоден.

Таита направился к деревне, и девочка пошла рядом с ним.

Мерен разбил временный лагерь на приличном расстоянии от деревни: трупы луо скоро начнут разлагаться на солнце, и местность станет непригодной для обитания. Когда Таита и девочка приблизились к лагерю, Мерен торопливо пошел им навстречу.

– Рад видеть тебя, маг. Я думал, этот чертенок тебя прикончил, – крикнул он. Фенн спряталась за Таитой и вцепилась в его ногу. Мерен подошел к ним: – Клянусь раненым глазом Гора, от нее несет. Я это чувствую даже отсюда.

– Говори потише, – приказал Таита. – Не обращай на нее внимания. Даже не смотри на нее, иначе ты уничтожишь все плоды моего труда. Иди в лагерь и предупреди всех, чтобы не смотрели на нее и не пугали. И приготовь для нее еду.

– Итак, нам предстоит укротить дикую кобылку?

Мерен печально покачал головой.

– О нет! Ты недооцениваешь нашу задачу, – ответил Таита.

Таита и Фенн сели в тени большого дерева посреди лагеря, и один из поваров принес им еду. Фенн осторожно попробовала лепешку из дурры, но после первых нескольких глотков принялась жадно есть. Потом обратила внимание на куски дикой утки. Она так быстро заталкивала их в рот, что подавилась и закашлялась.

– Вижу, тебя следует научить хорошим манерам, прежде чем сажать обедать с фараоном, – заметил Таита, глядя, как она своими черными зубами обгладывает кости. Когда тощий живот девочки так раздулся, что грозил лопнуть, Таита подозвал Наконто. Тот, подобно большинству остальных, наблюдал за ними издали, но подошел и присел на корточки. Фенн теснее прижалась к Таите и подозрительно смотрела на огромного черного человека.

– Спроси у девочки, как ее зовут. Я уверен, она говорит на луо, – приказал Таита, и Наконто, обратившись к девочке, произнес несколько слов. Ясно было, что она его поняла, но лицо ее напряглось, а губы упрямо сжимались. Наконто еще некоторое время пытался добиться от нее ответа, но Фенн не сдавалась.

– Приведи одну из пленных женщин луо, – велел Таита Наконто. Тот ушел и вскоре вернулся, таща за собой воющую старуху луо.

– Спроси, знает ли она девочку, – сказал Таита.

Наконто пришлось прикрикнуть на старуху, чтобы та перестала завывать и плакать, но наконец луо заговорила и говорила довольно долго.

– Она ее знает, – перевел Наконто. – Она говорит, что эта девочка дьявол. Ее прогнали из деревни, и она жила в лесу поблизости, и это она навлекла на племя злое колдовство. Они верят, что это она наслала тебя перебить их мужчин.

– Значит, девочка не из этого племени? – спросил Таита.

Старуха злобно отрицала такую возможность.

– Нет, она чужеземка. Одна из женщин нашла ее в болоте. Девочка плыла в маленькой лодке из папируса. – Наконто описал папирусную колыбель, какие египетские женщины плетут для младенцев. – Женщина принесла дьяволицу в деревню и назвала ее Кона Манзи, «Та, что из воды». Женщина была бездетна, и поэтому муж отказался от нее. Она взяла чужую девочку к себе. Должным образом убрала ее отвратительные волосы и покрыла белое, точно у рыбы, тело глиной и пеплом, чтобы защитить от солнца и насекомых, как велят обычай и приличия. Она кормила девочку и заботилась о ней.

Старуха с явным отвращением посмотрела на Фенн.

– А где эта женщина? – спросил Таита.

– Умерла от неведомой болезни, которую дьяволица вызвала своим колдовством.

– Поэтому вы прогнали ее из деревни?

– Не только поэтому. Она принесла много других несчастий. В тот год, когда ее принесли в деревню, не стало воды и болото, наш дом, начало сохнуть и умирать. – Женщина закашлялась от гнева. – Она наслала на нас болезнь, от которой слепли дети, сделала многих молодых женщин бесплодными, а мужчин бессильными.

– И все этот один ребенок?

Наконто перевел ответ женщины:

– Она не обычный ребенок. Она дьяволица и колдунья. Она привела наших врагов в тайное место и помогла им победить нас, как помогла вам напасть на нас.

Тут впервые заговорила Фенн. Голос ее был полон горечи и гнева.

– Что она сказала? – спросил Таита.

– Что эта женщина лжет. Она ничего подобного не делала. Она не умеет колдовать. Она любила женщину, которая стала ей матерью, и не убивала ее.

Старуха ответила на это не менее гневно, и они обе принялись кричать друг на друга.

Какое-то время Таита, забавляясь, слушал их, потом сказал Наконто:

– Отведите женщину в деревню. Она не пара девочке.

Наконто рассмеялся.

– Ты сделал своим новым любимцем львенка, старик. Нам всем следует опасаться ее.

Как только они ушли, Фенн успокоилась.

– Идем, – позвал Таита. Она поняла если не слова, то его желание и сразу встала. Когда он пошел, она побежала за ним и снова взяла его за руку. Этот жест оказался таким естественным, что Таита был тронут. Девочка заговорила – так непосредственно, что маг отвечал ей, хотя не понимал ни слова. Он сходил к своей седельной сумке и достал набор медицинских инструментов. И задержался только для того, чтобы сказать Мерену: – Отправь Нонту за остальными, пусть люди и лошади выйдут из болота и придут сюда. Оставь с нами Наконто, он наши глаза и наш язык.

И, по-прежнему ведя за собой Фенн, Таита зашагал вдоль берега болота и шел, пока не отыскал среди тростников открытый участок чистой воды. Зашел по колено и сел в теплую воду. Фенн с интересом следила за ним с берега. Когда он стал горстями плескать воду себе на голову, она впервые за все время рассмеялась.

– Иди сюда, – позвал Таита, и она без колебаний прыгнула в воду. Маг усадил ее между коленями спиной к себе и полил водой ее голову. Маска из грязи начала растворяться и потекла по шее и плечам девочки. Постепенно из-под нее начали появляться участки бледной кожи, искусанной вшами. Когда Таита попытался смыть с ее волос всю грязь, смола не поддалась его усилиям. Фенн задергалась и запротестовала, когда он принялся тянуть ее за волосы.

– Хорошо. Этим займемся позже.

Он встал и принялся растирать дикарку горстями песка, набранного со дна водоема. Она засмеялась, когда он пощекотал ей ребра, и попробовала убежать, но ее намерение было не очень серьезным: когда маг поймал ее и потянул обратно, она продолжала смеяться. Ей нравилось его внимание. Наконец, сняв поверхностный слой грязи, Таита достал из медицинской сумки бронзовую бритву и занялся головой девочки. С величайшей осторожностью он сбривал спутанные волосы.

Она переносила это стоически, даже когда бритва оцарапала ее до крови. Таите приходилось часто останавливаться и править лезвие. Волосы падали клочьями, и постепенно обнажился бледный череп.

– Какие у тебя большие уши! – воскликнул Таита. Лысая голова казалась чересчур большой для тонкой шеи, уши торчали, как у слоненка. – С какой стороны и при каком свете на тебя ни гляди, все же ты очень уродливая малышка. – Она угадала ласку в его тоне и доверчиво улыбнулась, показав зачерненные зубы. Таита почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, и сам себе удивился. – Когда ты последний раз находил хоть одну слезинку, старый дурак?

Он отвернулся и протянул руку к сосуду, в котором содержалась особая мазь – смесь масел и трав, лекарство от любых порезов, ушибов, ссадин и других напастей. Он втирал мазь девочке в кожу головы, а она притулилась к нему и зажмурилась, как котенок, которого гладят. Он продолжал негромко говорить, и девочка время от времени открывала глаза, смотрела ему в лицо и снова закрывала. Когда он закончил, они выбрались из воды и сели рядом на берегу, обсыхать на солнце и ветерке. Таита между тем взял бронзовые щипцы и дюйм за дюймом обследовал все тело Фенн. Травяная мазь убила множество вшей и иных паразитов, но многие все еще впивались в ее кожу. Таита вытаскивал их и давил. Фенн радовалась, когда насекомые негромко лопались в лужице крови. Когда он удалил последнего паразита, девочка взяла у него щипцы и занялась теми насекомыми, которые переползли от нее к магу. Зрение у нее было острее, пальцы проворнее, и, отыскивая паразитов, она порылась в его серебряной бороде и под мышками. Потом перенесла свое внимание ниже. Она была дикаркой и не проявила ни малейшего смущения, когда маг провел пальцами по шраму в нижней части живота, оставшемуся после кастрации. Таита всегда старался скрыть этот постыдный знак от других, за исключением Лостры, когда та была еще жива. Теперь она вновь вернулась к жизни, и он не испытывал никакого смущения. Но хотя действия Фенн были естественными и невинными, он отвел ее руку.

– Могу сказать, что мы опять хорошо знаем друг друга, – высказал свое мнение Таита, когда она закончила очищать его от насекомых. Он коснулся своей груди: – Таита!

Фенн серьезно смотрела на него.

– Таита! – Он повторил жест.

Девочка поняла.

– Таита! – Она ткнула его в грудь пальцем и рассмеялась. – Таита!

– Фенн! – Он прикоснулся к кончику ее носа. – Фенн!

Она решила, что это еще забавнее. Энергично покачала головой и хлопнула себя по тощей груди.

– Кона Манзи! – сказала она.

– Нет! – возразил Таита. – Фенн!

– Фенн? – неуверенно повторила она. – Фенн?

Произношение у нее было идеальное, словно она с рождения говорила по-египетски. Девочка немного подумала, улыбнулась и согласно произнесла:

– Фенн!

– Бак-кер! Умница, Фенн!

– Бак-кер, – точно повторила она и снова хлопнула себя по груди. – Умница Фенн.

Ее сообразительность вновь поразила и обрадовала Таиту.

Когда они вернулись в лагерь, все с удивлением смотрели на Фенн, хотя их предостерегали от этого.

– Сладкая Исида, да она одна из нас! – воскликнул Мерен. – Она вовсе не дикарка, хотя и ведет себя так. Она египтянка.

Он порылся в седельной сумке и достал запасную рубашку.

– Она почти чистая, – сказал он Таите, – а девочке пристало ходить одетой.

Фенн смотрела на одежду как на ядовитую змею. Она привыкла к наготе и хотела увернуться, когда Таита стал через голову надевать на нее рубаху. Потребовалось немало увещеваний, но в конце концов он ее одел. Рубашка была велика, ее край спускался до самых лодыжек, но собравшиеся вокруг воины громко выражали свое восхищение и одобрение. Фенн приободрилась.

– Женщина до глубины души, – улыбнулся Таита.

– Поистине женщина, – согласился Мерен и снова пошел к своей сумке. Достал красивую цветную ленту и отдал девочке. Мерен, любитель женщин, всегда возил с собой такие пустяки. Они способствовали установлению дружеских отношений с лицами противоположного пола, с которыми он сталкивался в своих странствиях. Мерен повязал ленту вокруг талии девочки, как пояс, чтобы полы рубашки держались выше. Фенн наклонила голову, разглядывая его работу.

– Смотри, как прихорашивается. – Они улыбнулись. – Жаль, что такая уродливая.

– Ну, это изменится, – пообещал Таита и вспомнил, как она была прекрасна в прошлой жизни.

К утру тела мертвых луо раздулись и начали разлагаться. Даже на расстоянии зловоние было столь сильным и нестерпимым, что пришлось снова менять место стоянки. Таита отправил Нонту в болота за оставшимися людьми и лошадьми. Затем вместе с Мереном стал осматривать плененных женщин луо. Те по-прежнему сидели под охраной в центре деревни, связанные, и жались друг к другу, нагие и жалкие.

– Мы не можем взять их с собой, – заметил Мерен. – От них теперь толку нет. Эти животные не годятся даже развлекать мужчин. Надо от них избавиться. Позвать воинов, чтобы помогли? Это не займет много времени.

И он вытащил меч из ножен.

– Отпусти их, – приказал Таита.

Мерен казался удивленным и недовольным.

– Это неразумно, маг. Как знать, что они не призовут из болот других дикарей красть наших лошадей и причинять другие неприятности?

– Отпусти их, – повторил Таита.

Когда веревки на руках и ногах разрубили, женщины даже не пытались бежать. Наконто пришлось произнести сердитую речь, полную самых страшных угроз, даже пригрозить им копьем и издать боевой клич, прежде чем они похватали своих младенцев и с воплями кинулись в лес.

Навьючили лошадей, переместились на две лиги дальше по берегу болота и снова разбили лагерь в тенистой роще. Стемнело; всех мучили безжалостные насекомые.

Через день вернулся Нонту с уцелевшими лошадьми и теми воинами, что оставались с ними в болоте. Шабако, старший в этом отряде, пришел к Таите и Мерену с докладом. Вести у него были дурные: с их расставания умерли еще пятеро воинов, а все остальные и сам Шабако были так больны и слабы, что без посторонней помощи не могли сесть верхом. Лошади тоже были не в лучшем состоянии. Болотная трава и водяные растения оказались малопитательными, к тому же лошади набрались из стоячей воды паразитов. Их рвало, и они выплевывали клубки извивающихся белых червей и личинок оводов.

– Если оставаться в этом гиблом месте, мы потеряем еще немало людей и лошадей, – тревожился Таита. – Здесь плохая трава, лошади на таком корме не поправятся. Запасы дурры приходят к концу, их не хватает на людей, не говоря уж о животных. Надо найти более здоровую местность и там отдохнуть. – Он подозвал к себе Наконто и спросил: – Нет ли здесь поблизости возвышенности?

Прежде чем ответить, Наконто посовещался с двоюродным братом.

– Во многих днях пути на восток есть холмы. Там очень хорошая трава, а по вечерам с гор дует прохладный ветер. Мы каждый год в жаркое время пасем там скот, – сказал он.

– Будешь показывать дорогу, – решил Таита.

Выступили они на следующий вечер. Сев на Дымку, Таита взял Фенн за руку и посадил у себя за спиной. По выражению ее лица он понял, что она в ужасе, но девочка обеими руками обхватила Таиту за пояс, прижалась лицом к его спине и прилипла, как клещ. Таита успокаивающе посмотрел на нее, и они не проехали и лиги, как ее хватка ослабла и девочка со своего насеста на спине лошади принялась разглядывать окружающую местность. Еще лига – и она защебетала, заинтересованно и с удовольствием. Если маг не отвечал, она принималась колотить его кулачками по спине и кричала: «Таита! Таита!», потом указывала на то, что привлекло ее внимание, и говорила:

– Что?

– Дерево, – отвечал он, или: – Лошади, – или: – Птица. Большая птица.

– Большая птица, – повторяла она.

Она быстро схватывала, и у нее был отличный слух. После одного или двух повторов она совершенно верно воспроизводила ударение и интонацию, а раз проделав это, никогда не забывала. На третий день она начала складывать простые предложения.

– Большая птица летит. Большая птица летит быстро.

– Да, да. Ты очень умна, Фенн, – говорил Таита. – Ты словно припоминаешь то, что некогда хорошо знала, но забыла. И теперь все это приходит, верно?

Она внимательно выслушала, уловила слова, которые уже знала, и повторила их:

– Да, да. Умная Фенн. Быстро, приходит быстро. – Она посмотрела на жеребенка, Вихря, который бежал за матерью: – Маленькая Лошадь приходит быстро!

Жеребенок очень интересовал ее. Ей было трудно произносить его кличку Вихрь, поэтому она звала его Маленькая Лошадь. Как только они остановились, чтобы разбить лагерь, она крикнула:

– Иди, Маленькая Лошадь.

Жеребенок как будто не меньше девочки радовался их общению. Он подошел к ней и позволил обнять себя; девочка прильнула к нему, словно они были близнецами в чреве матери. Она видела, как воины кормят лошадей дурой, поэтому украла лепешку, попыталась покормить Вихря и рассердилась, когда он отказался.

– Плохая лошадь, – бранила она жеребенка. – Плохая Маленькая Лошадь.

Скоро она уже знала всех по именам, прежде всего – Мерена, который подарил ей ленту и которого она поэтому высоко ценила. Воины старались привлечь ее внимание. Оставляли ей самые лакомые кусочки из своего скромного пайка и учили петь походные песни. Когда Фенн повторила самые скабрезные куплеты, Таита пресек эту забаву. Воины делали девочке небольшие подарки: яркие птичьи перья, иглы дикобраза, пестрые камешки, которые подбирали в сухих руслах, где случалось проезжать.

Но отряд продвигался медленно. Ни люди, ни лошади не выдерживали дневного перехода. Выступали поздно, заканчивали рано и часто останавливались. От болотной лихорадки умерли еще трое, и у остальных едва хватило сил их похоронить. Из лошадей лучше других себя чувствовали Дымка и ее жеребенок. Рана на ноге кобылы зажила без последствий; несмотря на трудности перехода, молоко у Дымки не пропало и она могла кормить жеребенка.

Однажды в середине дня пришлось остановиться – горизонт затянули пыль и знойное марево, но к вечеру ветерок охладил воздух, и все увидели вдалеке низкую синюю гряду холмов. По мере продвижения вперед холмы росли и манили все больше. На восьмой день с тех пор, как египтяне покинули болота, отряд достиг подножия большого массива. Склоны заросли деревьями и были изрезаны ущельями, по которым текли бурные ручьи с водопадами. Путники с трудом поднялись по руслам ручьев и наконец оказались на обширном плато.

Здесь воздух был свежим и прохладным. Люди с удовольствием дышали полной грудью и осматривались. Они увидели в травянистой саванне рощи больших деревьев. Повсюду паслось множество антилоп и полосатых диких пони. Ни следа присутствия человека. Очаровательная и привлекательная глушь.

Выбирая место для лагеря, Таита тщательно оценивал все условия: преобладающие ветры и положение солнца, близость проточной воды и пастбищ. Нарубили стволов, нарезали травы на крыши и построили удобные хижины. Воздвигли вокруг поселка зарибу – частокол из прочных кольев с заостренными верхушками, и в одном из углов разместили загон для лошадей и мулов. По вечерам животных приводили с пастбищ и закрывали на ночь, чтобы уберечь от львов и дикарей.

На берегу ручья, где почва была богатая и плодородная, расчистили и вскопали участок. Его обнесли изгородью из колючих кустов и кольев, чтобы не подпускать диких травоядных. Таита рылся в сумках с дуррой, отбирая зерно за зерном, по запаху определяя здоровые и отбрасывая мертвые и поврежденные. Зерна посадили во взрыхленную землю, и Таита соорудил шадуф, чтобы поднимать из реки воду для полива. Через несколько дней проклюнулись первые зеленые всходы; спустя несколько месяцев можно будет собирать спелое зерно. Мерен выставил на поле постоянную охрану: воины, вооруженные барабанами, отгоняли лошадей и диких обезьян. Вокруг зарибы развели большие костры и поддерживали огонь днем и ночью. По утрам лошадей и мулов выпускали на богатые пастбища. Животные охотно ели и быстро крепли.

Плато изобиловало дичью. Каждые несколько дней Мерен с отрядом воинов отправлялся на охоту и возвращался с несколькими антилопами и множеством дичи. Из тростника плели ловушки и размещали их в речных омутах. Рыбы было полно, и каждый вечер египтяне пировали, поедая свежее мясо и зубаток. Фенн изумляла всех своей страстью к мясу.

По большей части деревья, кусты и травы, росшие на плато, были знакомы Таите. Они попадались ему в годы странствий по высокогорьям Эфиопии. Он показывал воинам самые питательные, и под его руководством они собирали по берегам рек дикий шпинат. Выкапывали также корни растения, вызывающего эйфорию (это растение в изобилии росло на плато); корни вываривали в похлебке, которая здесь заменила им дурру.

Прохладным ясным утром Таита и Фенн ходили в лес и там набирали корзины листьев и ягод, корней и кусков коры – все это обладало целебными свойствами. Когда жара усилива-

лась, они возвращались в лагерь и вываривали часть своей добычи или сушили на солнце, а потом размельчали в пасту или порошок. Этими снадобьями Таита лечил людей и лошадей.

Особенно часто использовали отвар коры колючего куста, невероятно горький и вязкий на вкус – глаза от него начинали слезиться, дыхание перехватывало. Всем, у кого проявлялись симптомы болотной лихорадки, Таита давал большие порции этого средства. Фенн стояла рядом и подбадривала воинов, когда их начинало тошнить:

– Хороший Шабако. Умный Шабако.

Никто не мог устоять перед ее похвалами. Глотали горькое зелье и старались удержать в себе. Излечение было быстрым и полным.

Из размельченной коры и семян небольшого невзрачного кустика Таита приготовил слабительное – и осчастливил Наконто, у которого кишки словно окаменели. Он ежедневно приходил к Таите за дозой, и в конце концов Таита ограничил его, выдавая средство только раз в три дня.

Несмотря на свой аппетит, Фенн оставалась худой, и живот ее был по-прежнему впалым. Таита приготовил новую порцию лекарства из корней; девочка помогала. Когда он попросил ее выпить, она сделала глоток и вскочила. Фенн была проворна, но и Таита не зевал. Борьба характеров продолжалась два дня. В конце концов Таита победил, и Фенн выпила всю дозу без физического насилия, применять которое ему не хотелось. Фенн дулась до следующего дня, когда, к своему полному изумлению, извергла клубок белых переплетенных глистов размером почти с ее голову. Фенн необычайно гордилась этим своим достижением и заставляла вначале Таиту, а потом и всех остальных восхищаться им. На всех это произвело впечатление, и все громко соглашались, что Фенн поистине умная, храбрая девочка. За несколько дней ее живот приобрел более приятные очертания, а руки и ноги пополнели. Физически Фенн развивалась поразительно быстро: за месяцы она добивалась того, чего обычная девочка достигает за годы. Таите казалось, что Фенн взрослеет и расцветает у него на глазах.

– Она не обычный ребенок, – объяснял он себе. – Она реинкарнация царицы и богини.

И если у него возникали хоть малейшие сомнения в этом, достаточно было открыть Внутреннее Око и посмотреть на ее ауру, божественную в своем великолепии.

– Теперь твоя замечательная улыбка удивляет даже лошадей, – сказал Таита, и Фенн обнажила в широкой улыбке некогда черные зубы. Краска сошла, и зубы стали совершенными и ослепительно белыми. Таита показал ей, как выбирать свежую веточку и расщеплять конец, превращая в щетку; такой веточкой чистят зубы; к тому же это освежает дыхание. Церемония ей понравилась, и отныне она никогда не пропускала этот ежедневный ритуал.

Ее египетский из очень слабого стал приличным и в конце концов совершенным. Словарь непрерывно расширялся: теперь Фенн могла, выбрав нужное слово, точно описать свои чувства или какой-нибудь предмет. Вскоре она уже могла играть с Таитой в слова и восхищала его своими стихами, загадками и шутками.

Фенн жадно училась. Если ее ум не был занят полностью, она скучала и тогда делалась невыносимой. Но если Таита предлагал ей трудную задачу, девочка становилась сговорчивой и уступчивой. Однако Таите ежедневно приходилось искать для нее новые «вызовы».

Он набрал на речном берегу глины, изготовил таблички для письма и начал учить Фенн иероглифам. За дверью их хижины он выложил из твердой глины доску бао и набрал много разноцветных камешков вместо фигур. Через несколько дней Фенн усвоила принципы игры, и маг научил ее Правилу семи и умению собирать замки. В один памятный день она, к ужасу Мерена и восторгу зрителей, победила его в трех из четырех партий.

Таита пережег ветви куста солянки и с помощью этой золы превращал жир добычи, которую почти ежедневно приносили охотники, в мыло. Щедрое использование этого мыла удалило

с тела Фенн последние остатки краски и других безымянных субстанций, которыми украшала ее приемная мать-луо.

При помощи составленной Таитой мази, применяя ее постоянно и неукоснительно, удалось извести последних паразитов. Следы укусов побледнели и со временем совсем исчезли. Кожа девочки стала безупречной, светлой, отливающей янтарем там, где ее касалось солнце. Волосы отросли и наконец прикрыли уши, превратившись в сверкающую золотистую корону. Глаза, по-прежнему зеленые и огромные, больше не затмевали другие черты, но дополняли и подчеркивали их. Для ослепленного любовью Таиты она становилась такой же прекрасной, какой была в прежней жизни.

Когда он смотрел на нее или ночами слушал рядом с собой ее легкое дыхание, радость ему отравлял страх перед тем, что может принести будущее. Он остро осознавал, что через несколько лет Фенн станет женщиной и ее инстинкты потребуют того, чего он не может ей дать. Она станет искать мужчину, способного удовлетворить эти ее женские инстинкты. И опять ему придется смотреть, как она уходит в объятия другого, и переживать горькую утрату любви.

– Что будет, то и будет. Сегодня она моя, и этого довольно, – говорил он себе, прогоняя страхи.

Хотя всех вокруг зачаровывала ее расцветающая красота, сама Фенн словно не подозревала об этом. Она отвечала на восхищение с естественной грацией и дружелюбием, но никого особенно не выделяла. Вся ее любовь сосредоточилась на Таите.

Дымка была в числе тех, кто подпал под очарование Фенн. Когда Таита был занят химическими опытами или размышлениями, Фенн уходила на пастбище и отыскивала кобылу. Дымка позволяла девочке забираться ей на спину, цепляясь за гриву, а потом давала уроки верховой езды. Вначале она двигалась не спеша, словно на пешей прогулке. Как ни подгоняла ее Фенн, лошадь не переходила на рысь, пока не почувствовала, что всадница научилась удерживать равновесие и сидит устойчиво. Через несколько недель она познакомила Фенн с легкой рысью. Лошадь не обращала внимания на то, что Фенн колотит ее маленькими пятками в бока, ругает и просит бежать быстрее. Но однажды днем, когда Таита дремал в тени у входа в хижину, Фенн отправилась в зарибу и забралась на спину серой кобыле. Дымка вышла из зарибы. У выхода Фенн ткнула лошадь пальцем ноги за плечом, и Дымка перешла на ровную быструю рысь. Когда они оказались на золотистой траве саванны, Фенн повторила приказ, и та перешла на галоп. Фенн сидела сразу за холкой, наклонившись вперед, сжимая ногами бока лошади так, словно они с Дымкой превратились в одно существо. Затем, скорее в надежде, чем ожидая послушания, девочка ухватила клок гривы и закричала:

– Давай, моя дорогая, давай ускачем!

И Дымка показала все, на что способна. Вихрь следовал за ней. Они весело летели по открытой травянистой равнине.

Таиту разбудили крики:

– Вперед, Дымка, беги!

– Скачи, Фенн, скачи!

Он выбежал из ворот как раз вовремя, чтобы увидеть, как троица исчезает на горизонте. И не сразу решил, на ком сорвать свой гнев.

Именно этот миг Мерен выбрал, чтобы воскликнуть:

– Клянусь громовыми раскатами газов Сета, она скачет как воин!

И мишень была найдена.

Таита все еще бранил Мерена, когда вновь показались Дымка с кричащей от возбуждения и счастья Фенн на спине и следом за ними Вихрь. Лошадь остановилась перед Таитой, Фенн соскочила и побежала к нему.

– О Таита, ты нас видел? Правда, замечательно? Ты гордишься мной?

Он сердито посмотрел на нее.

– Ты больше никогда в жизни не сделаешь ничего столь опасного и глупого!

Фенн была ошеломлена. Плечи ее поникли, глаза наполнились слезами. Таита слегка смягчился:

– Но ты хорошо скакала. Я тобой горжусь.

– Маг говорит, ты скакала как воин, но мы все опасались за тебя, – объяснил Мерен. – Впрочем, нам не о чем было беспокоиться.

Фенн мигом повеселела и ладонью смахнула слезы.

– Ты правда так думаешь, Таита? – спросила она.

– Наверно, да, – неохотно подтвердил он.

Вечером Фенн сидела на своем ложе, подобрав под себя ноги, и при свете масляной лампы серьезно смотрела на Таиту, который расчесал бороду и теперь лежал на спине, сложив руки на груди и готовясь ко сну.

– Ты никогда не уйдешь и не оставишь меня, ты всегда будешь со мной, Таита?

– Да. – Он улыбнулся. – Я всегда буду с тобой.

– Я так рада. – Фенн наклонилась и зарылась лицом в его серебряную бороду. – Такая мягкая, как облако... – прошептала она. И мгновенно уснула, побежденная усталостью после полного переживаний дня.

Таита некоторое время прислушивался к ее дыханию. Такое счастье не может длиться долго, подумал он. Слишком оно полное.

На следующее утро встали рано. Позавтракав кашей из дурры и кобыльим молоком, отправились в лес за травами. Когда корзины заполнились, Таита повел Фенн к своему любимому месту на реке. Они сели рядом на высоком берегу. Их силуэты отражались в воде внизу.

– Посмотри на себя, Фенн, – сказал Таита. – Посмотри, какой красавицей ты стала.

Она без интереса глянула вниз, и лицо в воде сразу привлекло ее внимание. Фенн наклонилась и смотрела, смотрела. Наконец она прошептала:

– Неужели у меня такие большие уши?

– Твои уши подобны лепесткам цветка, – ответил маг.

– Один зуб у меня кривой.

– Совсем немного, и от этого твоя улыбка еще привлекательней.

– А нос?

– Самый совершенный маленький носик, какой мне приходилось видеть.

– Правда?

– Правда!

Она с улыбкой повернулась к нему, и Таита сказал:

– Твоя улыбка озаряет лес.

Фенн обняла его; ее тело было теплым, но Таита вдруг ощутил на щеке холодок, хотя нависшие над ними ветви не шелохнулись. Таита слегка вздрогнул, в ушах застучала кровь. Они были не одни.

Он крепче прижал к себе девочку и заглянул в воду.

Под поверхностью возникло движение, словно в глубине ходила большая рыба. Кровь в ушах стучала все сильнее, и Таита понял, что рыба тут ни при чем. Он сосредоточился и различил в глубине омута неясную тень, которая колыхалась, словно листья водяной лилии. Тень медленно обрела человеческие очертания, теперь это была фигура в плаще, с головой, закрытой просторным капюшоном. Таита попытался заглянуть под капюшон, но увидел лишь тень.

Фенн почувствовала, как он напрягся, и заглянула ему в лицо, потом повернула голову и проследила за его взглядом. Она посмотрела вниз и со страхом прошептала:

– Там что-то есть.

Фигура тут же начала расплываться, и вскоре поверхность пруда опять стала неподвижной и гладкой.

– Что это было, Таита? – спросила девочка.

– А что ты видела?

– Кто-то был в пруду под водой.

Таита не удивился: он уже знал, что у нее – дар. Не в первый раз она доказывала ему это.

– Ты видела это ясно?

Он хотел, чтобы Фенн ответила без его намеков или указаний.

– Я видела в воде кого-то, одетого в черное... но лица у него не было.

Значит, она видела не фрагменты, а всю картину. Ее психический дар видения силен, возможно, не уступает его собственному. Он сможет работать с ней так, как никогда не удавалось с Мереном. Разовьет ее дар, поможет подчинить ее воле.

– Что ты при этом почувствовала?

– Холод.

– А запах?

– Кошачий запах... нет, запах змеи. Не знаю. Но я уверена, что это зло. – Фенн прижалась к нему. – Что это было?

– Запах ведьмы.

Он ничего не станет от нее скрывать. У нее тело ребенка, но ум и душа сильной и упорной женщины. Ему не нужно защищать ее. Помимо дара, у нее достаточно сил и опыта, накопленных в другой жизни. Надо только помочь ей отыскать ключ к кладовой в сознании, где хранятся эти сокровища.

– Ты видела тень ведьмы. И чувствовала ее запах.

– А кто эта ведьма?

– Скоро я тебе расскажу, но сейчас нужно вернуться в лагерь. Есть срочные дела.

Ведьма отыскала их, и Таита понял, что чересчур задержался в этом прекрасном месте. Его жизненная сила поднялась волной, и ведьма почуяла это и нашла их. Нужно уходить – и быстро.

К счастью, люди отдохнули и полностью восстановили силы. Настроение у всех было хорошее. Лошади окрепли. Мешки заполнились дуррой. Мечи наточены, а все оборудование отремонтировано. Пусть ведьма нашла их, но и Таита ее нашел. Он понял, в какой стороне ее логово.

Мерен построил воинов. Болота взяли тяжелую дань. Почти полтора года назад из Квебуи выехали девяносто три командира и воина. Теперь в строю осталось всего тридцать шесть. Лошади и мулы пострадали меньше. Из трехсот лошадей и полученных в подарок пяти вьючных мулов уцелело сто восемьдесят шесть.

Когда колонна выехала из укрепления, выбралась на равнину и направилась к реке, никто не оглянулся. Фенн больше не сидела за Таитой на Дымке. Продемонстрировав свое умение ездить верхом, она потребовала собственную лошадь, и Таита выбрал для нее крепкого гнедого мерина со спокойным, ровным нравом.

Фенн обрадовалась.

– Я назову его Гусь, – объявила она.

Таита вопросительно взглянул на нее:

– Почему Гусь?

– Мне нравятся гуси. А он похож на гуся, – высокомерно объяснила она. И Таита решил, что проще не спорить, а принять эту кличку.

Как только тропа достигла подножия холмов и стала достаточно широкой, Фенн поехала рядом с Таитой; их ноги почти соприкасались, и теперь можно было разговаривать.

– Ты обещал рассказать мне о той ведьме в воде. Сейчас подходящее время.

– Да, пожалуй. Эта ведьма очень стара. Она живет с начала времен. Она очень сильна и творит зло.

– Какое зло?

– Пожирает новорожденных, – Фенн содрогнулась, – и заманивает мудрецов в свои сети, а потом пожирает их души. А пустые оболочки выбрасывает.

– Никогда не подумала бы, что такое возможно.

– Но бывает и гораздо хуже, Фенн. Своей силой она остановила течение великой реки, чья вода давала людям жизнь, еду и питье, матери нашей земли.

Фенн задумалась.

– Луо считали, что это я убила реку. Они выгнали меня из деревни, чтобы я умерла в лесу от голода или чтобы меня сожрали дикие звери.

– Они грубые и невежественные люди, – согласился Таита.

– Я рада, что вы с Мереном их убили, – спокойно сказала Фенн и какое-то время молчала. – Зачем ведьме убивать реку?

– Она хотела подорвать власть фараона и поработить народ нашего царства.

– А кто такой фараон и что значит «поработить».

Таита объяснил, Фенн посерьезнела.

– Тогда она поистине злая. А где она живет?

– На горе у большого озера в далекой южной земле. – Таита указал вперед.

– Мы едем туда?

– Да. Мы попробуем остановить ее и вернуть воду в реку.

– Если она живет далеко, как она забралась в омут, где мы ее видели?

– Мы видели не ее. Это была ее тень.

Фенн нахмурилась и наморщила хорошенький маленький носик, пытаясь вникнуть в незнакомую концепцию.

– Не понимаю.

Таита порылся в седельной сумке и достал оттуда луковицу дикого гладиолуса, которую намеренно захватил как наглядное пособие. Он протянул луковицу девочке:

– Знаешь такие луковицы?

Она бегло осмотрела ее.

– Конечно. Мы много таких собрали.

– Внутри много слоев, один поверх другого, а в центре маленькое ядрышко.

Фенн кивнула, и Таита продолжил:

– Так устроена и наша вселенная. Мы ядро в ее центре. Вокруг нас слои существования, которые нельзя видеть или чувствовать – если нет дара или силы. Понимаешь?

Она осторожно кивнула и тотчас честно созналась:

– Нет, Таита, не понимаю.

– Ты видишь сны, когда спишь, Фенн?

– О да! – оживленно воскликнула она. – Замечательные сны! Они заставляют меня смеяться и чувствовать себя счастливой. Иногда во сне я летаю, как птица. Я бываю в удивительных незнакомых местах. – Затем на ее лице появилось испуганное выражение. – Но иногда сны пугают меня, и мне становится грустно.

По ночам, когда она лежала рядом с ним, Таита прислушивался к ее кошмарам. Он никогда не будил ее, не прогонял сны, но использовал свою силу, чтобы успокоить девочку и вернуть из тьмы.

– Да, Фенн, знаю. Во сне ты покидаешь этот уровень существования и переходишь на следующий.

Она понимающе улыбнулась, и Таита продолжил:

– Хотя большинство людей не умеют управлять своими снами, некоторые наделены особым даром видеть дальше маленького ядрышка, в которое мы заключены. А ученые и маги обладают даже способностью духовно перемещаться туда, куда захотят. И видеть все со стороны.

– А ты умеешь это, Таита?

Он загадочно улыбнулся, и она выпалила:

– Как это должно быть чудесно и удивительно! Мне бы хотелось научиться этому.

– Может быть, когда-нибудь. Понимаешь, Фенн, ты увидела тень ведьмы в омуте, а это означает, что у тебя – дар. Нужно только научить тебя им пользоваться.

– Значит, ведьма пришла шпионить за нами? Она была здесь?

– Ее дух был. Она подглядывала за нами.

– Я ее боюсь.

– Это разумно. Но нельзя отступать. Надо противопоставить ей свою силу. Если удастся, мы ее уничтожим, и мир станет лучше.

– Я тебе помогу, – заявила Фенн решительно, – но сначала ты должен меня научить.

– Твои успехи до сих пор были удивительны.

Он с искренним восхищением посмотрел на девочку. У нее развиваются ум и дух царицы, какой она была в другой жизни.

– Ты готова узнать больше, – сказал Таита. – Приступим!

Ее обучение начиналось ежедневно, как только они садились верхом и выезжали бок о бок, и продолжалось все долгие дни пути. Первой задачей Таиты было привить девочке сознание долга мага – использовать свою силу ответственно и осторожно. Эту силу никогда не следует применять легкомысленно, необдуманно или пытаться с ее помощью удовлетворить свои эгоистические желания.

Как только Фенн поняла суть этого долга и по всем правилам дала клятву строго исполнять его – Таита заставил ее выучить эту клятву наизусть, – они перешли к изучению простейших форм магического искусства. Вначале Таита старался не злоупотреблять способностью девочки сосредоточиваться и продвигаться посильным для нее темпом. Но тревожиться ему не пришлось: Фенн была неутомима, и ее решимость ни разу не дрогнула.

Первым делом он научил девочку защищаться – творить заклинание невидимости, которое скроет ее от чужих глаз. В этом умении она практиковалась на исходе каждого дня, когда они оказывались в безопасности за временной изгородью. Фенн сидела рядом с Таитой и с его помощью пыталась сотворить заклинание невидимости. Потребовалось много вечеров усердных стараний, но наконец у нее начало получаться. Однажды, когда она скрыла себя, Таита подозвал Мерена:

– Ты не видел Фенн? Я хочу с ней поговорить.

Мерен осмотрелся, и взгляд его, не задерживаясь, миновал Фенн.

– Совсем недавно она была здесь. Должно быть, пошла в кусты. Поискать ее?

– Не нужно. Это не так уж важно.

Мерен повернул обратно. Фенн торжествующе захихикала.

Мерен оглянулся и удивленно посмотрел на нее.

– Да вот же она! Сидит рядом с тобой! – Он улыбнулся: – Умница, Фенн! У меня это никогда не получалось, как я ни старался.

– Теперь ты видишь сама: стоит вниманию рассеяться, и заклинание разбивается, как стекло, – упрекнул Таита Фенн.

Теперь, когда девочка научилась скрывать свою физическую оболочку, Таита начал учить ее маскировать свое сознание и ауру. Эта задача оказалась гораздо более трудной. Вначале необходимо было убедиться, что за ними не следит ведьма: пока Фенн полностью не овладеет техникой магии, пытаясь заниматься этим, она будет наиболее уязвима для злого чужого влияния. Прежде чем начинать обучение, Таита обыскивал окрестный эфир, да и потом оставался настороже.

Вначале Фенн следовало усвоить, что всякое живое существо окружено аурой жизни. Она эту ауру не видит и не увидит, пока не откроется ее Внутреннее Око. Таита намеревался при первой же возможности совершить с Фенн трудное путешествие к храму Сарасвати. А пока ему приходилось описывать ауру. Когда девочка усвоила основы концепции, он перешел к объяснению сути Внутреннего Ока и того, как им пользуются посвященные и маги.

– А у тебя есть Внутреннее Око, Таита?

– Да, но у ведьмы тоже, – ответил он.

– А как выглядит моя аура? – спросила Фенн с подлинно женским любопытством.

– Это сверкающий золотистый свет, какого я ни у кого не видел и вряд ли увижу. Она божественно прекрасна. – Фенн обрадовалась, а Таита продолжил: – И в этом трудность. Если твоя аура и дальше будет сиять, ведьма мгновенно отыщет тебя и поймет, какую серьезную угрозу ты для нее представляешь.

Фенн обдумала эти слова.

– Ты сказал, что ведьма подглядывала за нами. Но ведь, выходит, она уже увидела мою ауру? Разве не поздно скрывать ее от нее?

– Даже посвященный не в силах увидеть ауру, подглядывая издалека. Это удается, только когда смотришь на человека. Мы видели в воде призрак ведьмы, и она видела нас точно так же. Она могла смотреть за нашими физическими телами и даже подслушать разговор – даже учуять наш запах, как мы учуяли ее, – но увидеть твою ауру не могла.

– А твою? Ты скрыл от нее свою ауру?

– Как посвященные, ни я, ни ведьма не имеем ауры.

– Научи, как мне скрывать мою, – попросила она.

Он согласно кивнул:

– Научу, но бдительность прежде всего. Я должен быть уверен, что она не подглядывает за нами и не подслушивает нас.

Задача была нелегкой. Фенн приходилось на слово верить Таите в том, каковы ее успехи. Вначале она научилась чуть приглушать сияние ауры, но через короткое время аура снова начинала ярко светиться. Они работали упорно, настойчиво, и постепенно девочка училась все больше гасить свое сияние. Однако лишь много недель спустя Фенн добилась того, что ее аура ничем не отличалась от ауры Мерена или любого из воинов, и могла долго сохранять ее такой.

Через девять дней после выхода из укрепления на плато они достигли реки. Хотя в этом месте река от берега до берега была шириной в лигу, течение Нила здесь было не сильнее, чем у ручья, близ которого они выращивали дурру. Тонкая струйка почти терялась в обширных полях сухого песка и ила. Однако этой воды хватало для нужд отряда. Повернули на юг и двинулись по восточному берегу, ежедневно покрывая по многу миль. Слоны выкапывали на речных берегах глубокие ямы, чтобы добраться до чистой подземной воды. Люди и лошади пили из этих ям.

Ежедневно встречались большие стада этих древних серых великанов: слоны набирали воду из ям, переносили в хоботах и выпускали в широкое розовое горло. При появлении людей слоны поднимались на берег и, расправляя уши и топая, скрывались в лесу.

У многих самцов были массивные бивни. С огромным усилием Мерен сдерживал инстинкт охотника и позволял слонам беспрепятственно уходить. Отряд встречал и представителей племени шиллуков – те пасли по берегам свои стада. Нонту захлестнул поток сильных чувств.

– Почтенный старец, это люди из моего поселка. Они сообщили мне новости о моей семье, – сказал он Таите. – Два сезона назад одну из моих жен, когда она набирала воду в реке, утащил крокодил, но остальные три жены живы, здоровы и родили много детей.

Таита знал, что последние восемь лет Нонту провел в Квебуи, и удивился появлению детей.

– Я попросил братьев позаботиться о моих женах, – беспечно объяснил Нонту.

– Похоже, они неплохо о них позаботились, – сухо заметил Таита.

Нонту жизнерадостно продолжал:

– Моя старшая дочь увидела свою первую красную луну и достигла детородного возраста. Мне рассказали, что она стала цветущей девушкой и молодые люди предлагают за нее в качестве выкупа много скота. Я должен вернуться с этими людьми, моими родичами, чтобы выдать дочь замуж и позаботиться о скоте.

– Меня огорчит расставание, – сказал ему Таита. – А ты, Наконто? Ты тоже нас покинешь?

– Нет, старик. Твои снадобья приятны моим кишкам. К тому же рядом с тобой всегда хорошая еда и добрая охота. Это лучше, чем орава жен и писклявых детей. Я привык жить без такого бремени. Я пойду с тобой.

Три дня они провели в лагере у деревни Нонту – нескольких сотен больших конических хижин, замечательно покрытых пальмовыми листьями и расположенных кольцом вокруг больших загонов, в которых ночевал скот. Там же пастухи доили коров и пускали кровь из крупной жилы на шее каждого животного. Похоже, здесь это была единственная пища, потому что на полях ничего не выращивали. Мужчины и даже женщины были необычайно высокими, но при этом стройными и грациозными. Несмотря на многочисленные племенные татуировки, молодые женщины отличались приятной пышностью. Они собирались вокруг лагеря, хихикали и откровенно дразнили воинов.

На третий день, когда все попрощались с Нонту и готовились отправиться в дальнейший путь, к Мерену явилась делегация из пяти воинов. Каждый воин держал за руку обнаженную девушку из племени шиллуков. Девушки на голову возвышались над своими сопровождающими.

– Мы хотим взять с собой этих курочек, – заявил Шофар от имени всей пятерки.

– Они понимают ваши намерения? – спросил Мерен, чтобы выиграть время.

– Наконто им объяснил, и они согласны.

– А их отцы и братья? Мы не хотим начинать войну.

– Мы дали за каждую девушку по бронзовому кинжалу, и их родня довольна сделкой.

– Женщины умеют ездить верхом?

– Нет, но быстро научатся.

Мерен снял кожаный шлем, провел ладонью по курчавым волосам и в поисках указаний взглянул на Таиту. Таита пожал плечами, но в глазах его таилась усмешка.

– Может, удастся научить их готовить или хотя бы стирать, – предположил он.

– Если будут неприятности, если начнутся ссоры и драки из-за их ласк, я отошлю их к родителям, как бы далеко мы ни ушли, – строго сказал Мерен. – Держите их в узде. Все.

Колонна отправилась в путь. Когда вечером остановились и устроили лагерь, Наконто пришел к Таите с докладом, а также посидеть и поговорить, что вошло у них в привычку.

– Сегодня мы молодцы, далеко ушли, – сказал он. – После стольких дней пути... – он дважды показал все пальцы, имея в виду двадцать дней, – мы покинем землю моего племени и вступим в землю чаймов.

– Кто такие чаймы? Братья шиллуков?

– Враги. Малорослые и не такие красивые.

– Они пропустят нас?

– Не по доброй воле, старик. – Наконто хищно улыбнулся. – Придется биться. У меня уже много лет не было возможности убить чайма. – И небрежно добавил: – Чаймы людоеды.

Со времени выхода с плато Мерен и Таита установили такой порядок: четыре дня в пути, на пятый день отдых. В этот день чинили то, что требовало починки, люди и лошади отдыхали, охотничьи отряды пополняли запасы. Через семнадцать дней после расставания с Нонту миновали последнюю стоянку пастухов-шиллуков и вступили в местность, казавшуюся необитаемой; на глаза попадались только большие стада антилоп. В основном они относились к уже знакомым видам. На радость Таите и Фенн, попадались новые виды деревьев и трав. Девочка стала таким же страстным ботаником, как Таита. Искали следы пребывания людей или скота, но не находили.

– Это земля чаймов, – сказал Наконто Таите.

– Ты хорошо ее знаешь?

– Нет, но хорошо знаю чаймов. Они коварны и скрытны. Скот не держат – истинный признак дикарей. Едят дичь, но больше всего любят человечину. Надо быть настороже, чтобы не угодить в их котлы.

Помня предупреждение Наконто, Мерен каждый вечер особое внимание уделял сооружению зарибы и окружал пасущихся лошадей и мулов дополнительной охраной. Углубившись в земли чаймов, они нашли следы их пребывания. Попадались деревья с дуплами, из которых выкурили пчел. Хижины, в которых уже некоторое время никто не жил. Более свежими оказались человеческие следы на берегу реки там, где переправилось около тридцати человек, причем двигались они с востока на запад. Следам было несколько дней.

С самого начала Фенн совершенно пленила новых шиллукских жен, которые были ненамного старше ее. Они бесконечно обсуждали цвет ее волос и глаз и следили за каждым ее движением, но держались поодаль. Наконец Фенн сама сделала попытку подружиться с ними, и вскоре девушки уже оживленно общались на языке жестов, трогали волосы Фенн, вместе смеялись каким-то женским шуткам и каждый вечер купались голышом на мелководье. Фенн попросила Наконто поучить ее и усваивала шиллукский язык так же легко, как египетский. Во многом она оставалась ребенком, и Таита был доволен, что теперь у нее есть веселые друзья примерно

одних с ней лет: она может с ними общаться, и это развлекает ее. Однако он следил, чтобы Фенн не уходила далеко с другими женщинами. Она постоянно была поблизости, и он мог броситься к ней на помощь, откликнувшись на первый же зов или ощутив чужое присутствие. Когда возникали опасения, что их подслушает враг, они с Таитой стали разговаривать по-шиллукски.

– Возможно, это единственный язык, которого не знает ведьма, хотя едва ли, – заметил Таита. – Но для тебя это хорошая практика.

Они значительно углубились в земли чаймов, когда, завершив очередной трудный дневной переход, соорудили зарибу в роще высоких красных деревьев. Рощу окружали обширные пастбища, заросшие травой с пушистыми розовыми головками. Лошадям нравился этот корм, и на равнинах уже паслись многочисленные стада антилоп. Было очевидно, что на антилоп никогда не охотились: животные были столь доверчивы, что лучники могли подобраться на верный выстрел.

Мерен объявил следующий день днем отдыха и рано утром отправил четыре охотничьих отряда. Когда Таита и Фенн, по обыкновению, отправились в лес собирать травы, Мерен настоял, чтобы с ними пошли Шофар и еще два воина.

– Что-то заставляет меня тревожиться, – таково было его единственное объяснение.

Таита предпочел бы остаться с Фенн наедине, но он знал, что когда Мерен чует опасность, спорить с ним не следует. Мерен не обладал даром провидения, но он был воином и нутром чуял грядущие неприятности. Вернувшись в лагерь после полудня, они обнаружили, что с охоты явились только три из четырех отрядов. Вначале это не вызвало тревоги: опоздавшие могли появиться в любой момент, но через час после заката в лагерь прискакала лошадь одного из охотников. Она была в поту и ранена в плечо.

Как только достаточно рассвело, чтобы пройти по следам раненой лошади, Шабако и Хилто возглавили большой вооруженный поисковый отряд. Таита оставил Фенн под присмотром Мерена, а сам с Наконто отправился с отрядом. Через несколько лиг они въехали под нависающие ветви деревьев с серебристыми листьями и увидели страшную картину.

Наконто, опытный следопыт, отлично изучивший обычаи чаймов, точно знал, что здесь произошло. Большой отряд затаился в ветвях и в засаде ждал охотников. Наконто подобрал браслет из слоновой кости, который обронил один из нападавших.

– Браслет сделан чаймом. Посмотри, какой он грубый: шиллук сделал бы лучше, – сказал он Таите. И показал следы на деревьях, оставленные взбиравшимися чаймами. – Так сражаются эти трусливые шакалы: берут не храбростью, а коварством.

Когда четыре всадника-египтянина въехали под деревья, чаймы сверху прыгнули на них. Одновременно из укрытия выскочили их товарищи и напали на лошадей.

– Шакалы-чаймы стащили наших людей с лошадей, вероятно, раньше, чем те смогли обнажить оружие и защищаться. – Наконто показал следы борьбы. – Здесь они их убили копьями – видишь кровь на траве?

Потом с помощью сплетенных из коры веревок чаймы подвесили трупы к веткам дерева и освежевали, как туши антилоп.

– Они всегда вначале съедают печень и внутренности, – объяснил Наконто. – Вот сюда они выбросили дерьмо из кишок, а кишки потом поджарили на углях костра.

Затем они разрубили тела и привязали куски к шестам для переноски. С ветвей все еще свисали ноги, обрубленные в лодыжках. Головы и руки бросили в костер, и, когда они поджарились, чаймы сгрызли мясо с пальцев и ладоней. Черепа раскололи и пальцами извлекали оттуда мозг, потом обгрызли щеки и закончили языком – главным лакомством для чаймов. Расколотые черепа и мелкие кости были разбросаны по земле. Убитых лошадей чаймы не тронули, вероятно, потому что не могли справиться с таким тяжелым грузом мяса. Потом, забрав останки, одежду, оружие и прочее имущество убитых, они двинулись на запад – и очень быстро.

– Догоним их? – гневно спросил Шабако. – Нельзя оставить это убийство безнаказанным.

Наконто тоже готов был пуститься в погоню, глаза его горели жаждой крови. Но Таита, немного подумав, покачал головой.

– Их тридцать или сорок, а нас всего шестеро. Они опережают нас почти на целый день и ожидают преследования. Заманят нас глубже в свои земли и где-нибудь в подходящем месте устроят засаду. – Он осмотрелся. – Я уверен: они оставили кого-нибудь следить за нами. И вероятно, сейчас за нами наблюдают.

Кое-кто выхватил мечи, но Таита не дал воинам обыскать заросли:

– Если мы не пойдем за ними, они пойдут за нами, а нам того и нужно. Мы сможем привести их в удобное для нас место.

Похоронили жалкие останки и отрубленные ноги и вернулись к зарибе.

На следующее утро опять построились в колонну и продолжили бесконечное путешествие. В полдень остановились передохнуть и напоить лошадей. По приказу Таиты Наконто незаметно скользнул в лес и сделал широкий круг. Тихо, как тень, он вернулся к следу колонны. Поверх оставленных лошадьми следов виднелись отпечатки трех пар босых ног. Сделав еще один широкий круг, Наконто вернулся и доложил Таите:

– Твои глаза далеко видят, старик. Три шакала следуют за нами. Как ты и предсказывал, вся стая не очень далеко впереди.

Вечером они засиделись у костра в зарибе, строя планы на завтра.

На следующее утро двинулись быстрым шагом. На второй лиге Мерен приказал перейти на рысь. Просвет между отрядом и преследователями-чаймами должен был быстро расти. На ходу Мерен и Таита осматривали окрестности в поисках места, где у них было бы преимущество. Впереди показался стоящий наособицу лесистый холм, и они свернули к нему. На восточном склоне холма обнаружилась ровная и плотно утоптанная слоновья дорога. Пройдя по ней, увидели над собой крутой склон, густо заросший колючим кустарником. Плотно переплетенные ветви и острые шипы делали его непроходимым. По другую сторону дороги местность была ровная, и открытый лес на первый взгляд не давал возможности устроить засаду. Однако, проехав немного среди деревьев, Таита и Мерен обнаружили вади – сухое углубление, прорытое водой в период дождей. Вполне достаточное по глубине и ширине, чтобы скрыть людей и лошадей. Край углубления отделяло от слоновьей дороги всего сорок ярдов – верный выстрел из лука. Таита и Мерен тут же вернулись к колонне. Они еще немного прошли по дороге, и Мерен остановился, чтобы укрыть около нее трех своих лучших лучников.

– За нами идут три разведчика-чайма. По одному на каждого из вас, – сказал он стрелкам. – Подпустите их поближе. Получше прицельтесь. Никаких ошибок. Убейте быстро и аккуратно. Нельзя позволить кому-нибудь из них убежать и предупредить чаймов, идущих следом.

Оставив трех лучников, двинулись дальше по дороге. Через пол-лиги сошли с нее и, сделав широкий круг, вернулись к вади под склоном холма. Свели в углубление лошадей и спешились. Фенн и шиллукские женщины держали лошадей, готовые привести их по первому знаку. Таита остался с Фенн, но ему потребуется всего несколько мгновений, чтобы оказаться рядом с Меренном, когда настанет время.

Воины расположились у края вади вдоль дороги и подготовили луки. По приказу Мерена они присели, скрывшись из виду; они отдыхали перед битвой, расслабив ноги и руку, которая будет натягивать тетиву. Только Мерен и командиры продолжали наблюдать за дорогой, но, чтобы скрыть силуэты голов, стояли за кустами или зарослями травы.

Долго ждать не пришлось: вскоре на дороге показались три разведчика чаймов. Они быстро бежали, пытаясь не отстать от лошадей. Тела их блестели от пота, грудь тяжело вздымалась, а ноги до колен покрылись пылью. Мерен предостерегающе поднял руку, воины застыли. Раз-

ведчики бегом миновали засаду и исчезли на дороге в лесу. Мерен слегка расслабился. Немного погодя из леса показались три лучника, оставленные, чтобы позаботиться о разведчиках. Они скользнули в вади. Мерен вопросительно взглянул на них. Старший из лучников улыбнулся и показал на свежие пятна крови у себя на одежде – это была кровь чаймов. Все заняли места в ожидании основного отряда.

Через некоторое время справа, из леса, послышался тревожный крик попугая лори «Кии-уэй! Кии-уэй!». Затем на вершине холма вызывающе рявкнул самец-бабуин. Мерен поднял кулак, давая сигнал своим людям. Лучники наложили стрелы на тетивы.

Из-за поворота слоновьей дороги показалась передовая группа отряда чаймов. Чаймы приближались; Мерен пристально разглядывал их. Низкорослые, коренастые и кривоногие, из одежды только набедренная повязка из раскрашенной шкуры. Даже когда показался весь отряд, пересчитать дикарей было трудно: они двигались тесным строем и быстро.

– Сто человек, а то и больше. Нас ждет хорошая забава, ручаюсь, – сказал в предвкушении Мерен.

Чаймы были вооружены разнообразными дубинками и копьями с кремневыми наконечниками. На спинах у них висели маленькие примитивные луки. Мерен решил, что из такого лука убить человека можно только с тридцати шагов. Но тут глаза его сузились: на плече у одного из предводителей отряда висел египетский меч. А у того, что бежал за ним, кожаный шлем, но старинного образца. Удивительно, но обдумывать эту загадку было некогда. Голова колонны чаймов поравнялась с белым камнем, который Мерен положил на дорогу как ориентир для стрелков. Теперь весь левый фланг отряда был уязвим для египетских лучников.

Мерен поглядел направо, налево. Все воины смотрели на него. Он резко опустил поднятую руку, и лучники встали. Дружно натянули луки, на мгновение задержались, прицеливаясь, и выпустили бесшумную тучу стрел, взвившуюся высоко в небо. Прежде чем эти стрелы достигли цели, в воздух поднялась вторая волна. Стрелы летели так быстро, что чаймы не успевали даже поднять голову. И вот со звуком, похожим на стук дождевых капель по поверхности пруда, стрелы начали падать. Чаймы как будто не понимали, что с ними происходит. Один замер, удивленно глядя на торчавшую из груди стрелу. Но тут колени его подогнулись, и он упал. Другой бегал кругами, держась за стрелу, пронзившую горло. Большинство прочих, даже получившие смертельные раны, словно не понимали, что они ранены.

Когда обрушился третий залп, те, что остались на ногах, запаниковали и с криками и воплями начали разбегаться во все стороны, точно стая цесарок, на которых напал орел. Некоторые бежали прямо к вади, и лучники целились ниже. На таком близком расстоянии ни одна стрела не пролетела мимо цели: стрелы с сочным звуком погружались в живую плоть. Некоторые стрелы пробивали тело первой цели навылет и ранили того, что бежал следом. Те чаймы, что пытались взобраться по склону холма, натыкались на изгородь из колючих кустов. Им приходилось останавливаться и возвращаться под град стрел.

– Приведите лошадей! – крикнул Мерен. Фенн и женщины потащили лошадей за поводья. Таита сел на Дымку, пока Мерен и воины убирали луки и тоже садились верхом.

– Вперед! В атаку! – крикнул Мерен. – Руби!

Всадники выбрались из вади на ровную поверхность и плечом к плечу обрушились на беспорядочные ряды чаймов, которые, завидев их приближение, снова попытались подняться на склон. Их зажало между колючей изгородью и кольцом сверкающих бронзовых мечей. Некоторые даже не пробовали спастись, падая на колени и закрывая голову руками. Всадники приподнимались в стременах и наносили удары. Другие бились в колючках, как рыба в сети. Египтяне рубили их, как дрова. К тому времени как они окончили свой страшный труд, склон и земля под ним были усеяны телами. Некоторые чаймы дергались и стонали, но большинство лежали неподвижно.

– Спешиться! – приказал Мерен. – И закончить.

Воины двинулись по полю, убивая всех чаймов, проявлявших признаки жизни. Мерен заметил того, с бронзовым мечом на спине. Из груди чайма торчали три стрелы. Мерен наклонился, чтобы взять меч, но Таита крикнул:

– Мерен! Сзади!

Он использовал голос силы, и Мерен получил толчок энергии. Он прыгнул в сторону. Чайма, лежавший за ним, только притворялся мертвым: он дождался, пока Мерен потеряет бдительность, вскочил и замахнулся тяжелой дубинкой. Удар миновал голову Мерена, но задел его левое плечо. Мерен развернулся, отразил следующий удар и вонзил меч в противника, пробив его тело от грудины до позвоночника. Повернув меч, он расширил рану, и, когда выдернул оружие, кровь брызнула фонтаном.

Зажимая рваную рану на левом плече, Мерен крикнул:

– Убейте их всех! На этот раз убедитесь в их смерти.

Вспоминая товарищей, которые свисали с ветвей, словно освежеванные овцы, египтяне охотно принялись за работу, рубили и кололи. Несколько чаймов прятались в колючих кустах; их, визжащих, как свиньи, вытащили и прикончили.

Только когда Мерен убедился, что все чаймы мертвы, он позволил воинам осмотреть тела и собрать стрелы. Сам он был единственным раненым. Голый по пояс, он сидел спиной к стволу дерева, а Таита осматривал его рану. Кровотечения не было, но вокруг раны расширялся темный кровоподтек. Таита удовлетворенно хмыкнул.

– Кости не сломаны. Через шесть-семь дней будешь как новенький, старый пес.

Он смазал плечо лечебным составом и для удобства подвесил руку Мерена на перевязь. Потом сел рядом с Мереном и принялся осматривать трофеи, которые приносили воины. Грубые деревянные гребни для вычесывания вшей, примитивные резные украшения из слоновой кости, тыквы для переноски воды и брикеты вяленого мяса, из которого торчали кости; мясо было завернуто в зеленые листья и перевязано веревками из коры. Таита осмотрел его.

– Человеческое. Почти несомненно, останки наших товарищей. Похороните его с уважением.

Потом они осмотрели оружие чаймов, в основном дубинки и копья с наконечниками из кремня и обсидиана. Ножи тоже были кремневые, с рукоятями, обернутыми необработанной шкурой.

– Хлам! Не стоит тащить с собой, – сказал Мерен.

Таита согласно кивнул.

– Бросьте все это в огонь.

Наконец перешли к изучению оружия и вещей, изготовленных явно не чаймами. Кое-что было снято с тел четверых охотников, попавших в засаду: бронзовое оружие, изогнутые луки, кожаные шлемы и куртки, подбитые кожей, льняные рубашки и амулеты из бирюзы и ляпис-лазури. Но гораздо больший интерес представляло другое: поношенные старые шлемы и кожаные нагрудники, какие использовались в египетских войсках в прошлые десятилетия. И наконец, дубинка, бывший меч, который едва не стоил Мерену жизни. Лезвие сточено, его края почти загублены грубой правкой о гранит или другой камень. Однако рукоять тонкой работы и выложена серебром. И пустые ножны с углублениями, в которых когда-то сидели драгоценные камни. Выгравированные иероглифы почти стерлись. Таита поднес меч к огню и поворачивал, разглядывая, но разобрать иероглифы не смог. Он позвал Фенн:

– Посмотри, у тебя глаза острее.

Она присела рядом, всмотрелась в надпись и запинаясь прочла:

– «Я Лотти, сын Лотти, «Лучший из десяти тысяч», Товарищ по Красной Дороге, военачальник и командир личной стражи его божественного величества фараона Мамоса, да живет он вечно».

– Лотти! – воскликнул Таита. – Я хорошо знал его. Он был вторым по старшинству после властительного Аквера в экспедиции, которую царица Лостра отправила из Эфиопии на поиски истоков Нила. Отличный был воин. Похоже, он и его люди добрались по крайней мере досюда.

– Просто ли умер властительный Аквер и остальные или их сожрали чаймы? – вслух выразил свои опасения Мерен.

– Нет. По словам Туптупа, маленького шестипалого жреца из храма Хатор, Аквер видел вулкан и большое озеро. К тому же царица Лостра отдала ему под начало тысячу человек. Сомневаюсь, чтобы чаймы сумели их всех убить, – сказал Таита. – Думаю, они захватили врасплох небольшой отряд под командованием Лотти, как наших охотников. Но могли ли чаймы уничтожить всю египетскую армию? Вряд ли.

В продолжение разговора Таита украдкой поглядывал на Фенн. При упоминаниях о царице Лостре девочка хмурилась, словно пыталась поймать ускользающее воспоминание, запрятанное где-то в глубинах сознания. Однажды это к ней вернется, подумал Таита, вернутся все воспоминания о прошлой жизни, но вслух, обратившись к Мерену, он сказал:

– Мы, вероятно, никогда не узнаем, какая судьба постигла Лотти, но его меч для меня – доказательство того, что мы идем на юг той же дорогой, которой много лет назад прошел властительный Аквер. Мы здесь слишком задержались. – Он встал. – Когда можно будет двинуться дальше?

– Люди готовы, – ответил Мерен.

Действительно, воины были оживлены и веселы, как ученики, которых распустили после занятий; сидя в тени деревьев, они шутили с шиллукскими женщинами, разносившими пищу и кувшины с пивом из дурры.

– Смотри, в каком они добром расположении. Добрая схватка для воинского духа куда лучше ночи с самой красивой девкой Верхнего Царства. – Мерен засмеялся, но тут же смолк и принялся растирать плечо. – Люди готовы, но день почти на исходе. Лошадям не помешает отдохнуть.

– Твоему плечу тоже, – согласился Таита.

Короткая кровопролитная схватка, по-видимому, устранила опасность новых нападений чаймов. Хотя в последующие дни их следы неоднократно встречались, но все – давние. И даже эти признаки попадались все реже, а потом совсем исчезли. Отряд миновал земли чаймов и очутился в ненаселенной местности. Хотя Нил по-прежнему напоминал ручеек, здесь, очевидно, недавно прошли сильные дожди. Леса и саванна кишели дичью, много было сочной травы. Таита опасался, как бы к этому времени воины не затосковали по дому и не приуныли, но никто не падал духом.

Фенн и девушки забавляли мужчин шутками и розыгрышами. Две женщины забеременели, и Фенн потребовала объяснить, как они оказались в таком интересном положении; когда она принялась расспрашивать девушек, те только заливисто смеялись. Тогда Фенн обратилась к Таите. Он попытался дать как можно более короткое и туманное объяснение. Девочка подумала.

– Кажется, это очень интересное занятие, – сказала она наконец. Это выражение она усвоила от Мерена.

Таита старался сохранить серьезность, но не сумел сдержать улыбку.

– Я тоже об этом слышал, – согласился он.

– Когда стану взрослой, я бы хотела завести ребенка, чтобы играть с ним, – сказала Фенн.

– Не сомневаюсь, что он у тебя будет.

– Мы могли бы завести его с тобой. Разве это не было бы интересное занятие, Таита?

– Конечно, – согласился он, но почувствовал боль, осознав, что этого никогда не будет. – Ну а пока у нас есть дела поважнее.

Таита не помнил, чтобы с далеких дней своей молодости, когда еще была жива Лостра, он был так счастлив и полон жизни. Тело его стало легким, мысль – острой. К тому же он теперь уставал не так быстро. Он приписывал все это обществу Фенн.

Ее обучение продвигалось столь стремительно, что приходилось нарочно придумывать способы держать ее ум постоянно занятым. Если он позволял себе хоть ненадолго расслабиться, внимание девочки тут же привлекало что-нибудь другое. Она уже бегло говорила и по-египетски, и по-шиллукски.

Если ей предстоит стать посвященной, она должна изучить тенмасс – тайный язык мудрецов и магов. Никакое другое средство общения не способно охватить и передать весь объем эзотерических знаний. Однако тенмасс так сложен и многосторонен, так мало похож на все прочие языки человечества, что овладеть им могут лишь те, кто наделен могучим разумом и предельно предан науке.

Такой вызов заставил Фенн стараться изо всех сил. Вначале ей казалось, что она поднимается по гладкому стеклу, лишенному каких бы то ни было опор для рук и ног. Она с трудом одолевала небольшой подъем, но затем, к своей ярости, теряла опору и скатывалась обратно. И тут же, собравшись, пробовала подняться снова, каждый раз все более яростно и упорно. И никогда не впадала в отчаяние, даже если ей казалось, что она совсем не продвигается. Таита заставил девочку осознать всю сложность задачи: только поняв это, она сможет овладеть языком.

Такой момент наступил, но Таита дождался, пока они вечером остались наедине на матрацах для сна. Тогда он положил руку на лоб Фенн и негромко заговорил, вводя девочку в гипнотический транс. Когда ее восприимчивость обострилась до предела, маг начал сеять в ее сознании семена тенмасса. Он не пользовался египетским языком в качестве посредника и говорил сразу на тенмассе. Потребовалось множество подобных ночных уроков, прежде чем семена тенмасса пустили первые ростки. Как ребенок, который учится ходить, Фенн сделала несколько неуверенных шагов и опять упала. Но в следующий раз она уже стояла увереннее и дольше. Таита старался не слишком перегружать девочку, но в то же время заставлял непрерывно двигаться вперед. Понимая, что такое напряжение может отразиться на ее здоровье, он следил, чтобы они по-прежнему много времени проводили за доской бао, или в легких разнообразных беседах, или гуляя по лесу в поисках редких растений и иных сокровищ.

Когда попадалась подходящая береговая полоска гравия, Таита снимал со спины мула специальный сосуд, и они начинали просеивать гравий. Пока он крутил в сосуде воду с песком и камешками, Фенн, у которой были острый взгляд и проворные пальцы, выбирала красивые полудрагоценные камни. Вода отполировала их и придала им самые фантастические очертания. Набрав полный мешок, Фенн показала камни Мерену, и тот сделал для нее браслет на руку и такой же на ногу. Однажды под пересохшим водопадом она выхватила из сосуда золотой слиток размером с фалангу своего большого пальца. Самородок сверкнул на солнце и ослепил ее.

– Сделай мне из него украшение, Таита, – попросила она.

Хотя он умело скрывал это, Таита чувствовал уколы ревности, когда Фенн надевала украшения, подаренные Мереном. «В мои годы?» Он улыбнулся своему неразумию. Ишь одинокий лебедь! Тем не менее, призвав на помощь все свое мастерство и творческий гений, он принялся за порученную работу. Из серебра, снятого с рукояти меча Лотти, он сделал тонкую цепочку и оправу, в которую поместил самородок. Закончив, он сотворил заклинание, которое должно

было наделить амулет защитной силой, и повесил украшение на шею Фенн. Когда девочка посмотрела на свое отражение в реке, глаза ее наполнились слезами.

– Какое прекрасное ожерелье, – прошептала она. – И теплое, словно живое.

Тепло, которое она ощутила, было эманацией силы, вложенной в амулет Таитой. Эта подвеска стала любимым сокровищем Фенн; девочка назвала ее Талисманом Таиты.

Чем дальше они углублялись на юг, тем веселее и оживленнее вели себя воины. Таите почудилось в этом нечто неестественное. Конечно, теперь дорога не так опасна, как в больших болотах или в земле чаймов, но все же они далеко от дома, пути не видно конца, а идти нелегко. И для подобного прекраснодушия и легкомыслия нет никаких оснований.

В угасающем свете дня Таита сидел рядом с Фенн на берегу реки. Девочка разглядывала три изящных символа тенмасса, которые Таита начертил перед ней на песке. Каждый символ означал слово власти. В сочетании эти символы были столь могущественны и заряжены силой, что лишь тщательно подготовленное сознание могло их воспринять и усвоить. Таита сидел возле Фенн, готовый прийти ей на помощь, если соединение чересчур потрясет девочку. Над самой водой парил огромный черно-белый зимородок с красной грудью. Вот он нырнул, но сосредоточенность Фенн была столь велика, что девочка даже не оглянулась на громкий всплеск, с которым птица вначале ударилась о воду, а затем снова взлетела, часто взмахивая крыльями и держа в длинном черном клюве маленькую серебряную рыбешку.

Таита попытался внимательнее проанализировать собственные чувства. Ему удалось найти всего одну причину собственной эйфории: любовь к девочке и радость общения с ней. С другой стороны, у него было достаточно причин опасаться за себя и за нее. На него возложен священный долг защищать фараона и родину. Он движется навстречу столкновению с могущественной злой силой, не имея никакого плана: одинокий заяц, вздумавший обезвредить леопарда-убийцу. Все против него. Последствия почти наверняка будут ужасны. Почему же в таком случае он действует без учета этих последствий?

Потом он понял, что ему трудно следовать даже за простейшей мыслью. Похоже, кто-то сознательно нагромождает трудности у него на пути. Мага обуяло сильнейшее желание оставить все как есть и вновь погрузиться в замечательную самоуспокоенность, самодовольство, веру в свою способность преодолеть любое препятствие, вставшее на дороге – без плана и подготовки. Опасное безрассудство, подумал он и рассмеялся, словно забавной шутке.

Своим смехом он нарушил сосредоточенность Фенн: девочка подняла голову и нахмурилась.

– В чем дело, Таита? – спросила она. – Ты предупредил, что опасно отвлекаться, когда я пытаюсь объединить рациональные элементы этих символов.

Ее слова заставили мага опомниться, и Таита понял, какую серьезную ошибку совершил.

– Ты права. Прости.

Фенн снова устремила взгляд на глиняные таблички, лежавшие у нее на коленях. Таита попытался сосредоточиться на проблеме, но та ускользала и казалась несущественной. Он сильно прикусил губу и ощутил вкус крови. Острая боль привела его в чувство. Сделав над собой усилие, он сумел сосредоточиться. Да, есть нечто, что он должен запомнить. Таита попытался определить, что именно, но оно оставалось неуловимым, словно тень. Он вновь попытался ухватить его, но оно рассеялось прежде, чем он дотянулся. Фенн рядом снова зашевелилась и вздохнула. Потом подняла голову и отложила глиняные таблички.

– Не могу сосредоточиться. Я чувствую твою озабоченность. Что-то мешает тебе.

Она посмотрела на него огромными зелеными глазами и прошептала:

– Теперь я вижу. Это ведьма из пруда.

Быстро сняла с шеи самородок и положила на ладонь. Протянула руки. Таита взялся за амулет Лостры. Соединив руки, они с Фенн образовали защитный круг. И Таита сразу почув-

ствовал, как тает чужое присутствие. В его сознании возникли слова, которые он старался вспомнить, но не мог, – предупреждение Деметера: «Она уже заразила тебя своим злом. Начала связывать тебя своими чарами, искушать. Она лишит тебя здравомыслия. Скоро ты начнешь сомневаться в том, что она зло. Она покажется тебе самой прекрасной, добродетельной и благородной женщиной на земле. И вот тогда она разъединит нас и я погибну. Ты добровольно покоришься ей. И она восторжествует над нами обоими».

Они сидели в защитном круге, пока Таите не удалось окончательно избавиться от влияния Эос. Его поразила поддержка, полученная от Фенн. Он чувствовал, как из ее маленьких мягких рук в его узловатые, корявые переливается сила. Они прожили вместе не одну жизнь, и им удалось построить крепость духа, стены которой прочнее мрамора и гранита.

Быстро стемнело, над рекой замелькали летучие мыши: они ловили насекомых, поднимающихся с поверхности воды. На противоположном берегу печально завыла гиена. Не выпуская руки Фенн, Таита помог девочке встать и повел по берегу к зарибе.

Их встретил Мерен.

– Я уже собирался посылать воинов искать вас, – оживленно сказал он.

Позже Таита сидел с Мереном и командирами у костра. Они тоже были оживлены, и Таита слышал смех и шутки воинов в дальнем конце укрепления. Ему захотелось отрезвить их, предупредить об опасности, но он передумал: «Они тоже наслушались песен сирены Эос, но пусть идут радостно. Пока они мне повинуются, у меня еще будет возможность привести их в чувство».

С каждым днем отряд все дальше уходил на юг, и решимость ни разу не изменила Мерену и его людям. Однажды вечером, после того как соорудили зарибу, Таита отвел Мерена в сторону и спросил:

– Что скажешь о настроении людей? По-моему, их терпение на исходе, они готовы повернуть на север, к Асуану и своим домам. Вскоре нам может грозить мятеж.

Он сказал это, чтобы испытать Мерена, но тот рассердился.

– Это мои люди, и я хорошо их знаю! А ты, маг, кажется, нет. Ни одного мятежного волоска на их головах или вздоха в груди. Они так же стремятся вперед, как я.

– Прости, Мерен. Как я мог в тебе усомниться? – прошептал Таита, но в словах, исходивших из уст Мерена, он расслышал голос ведьмы. «Хорошо, что мне, кроме всего прочего, не приходится иметь дело с мрачными лицами, брюзжанием и унынием. Эос играет мне на руку», – утешал он себя.

Из лагеря прибежала Фенн. Она кричала:

– Маг! Таита! Идем быстрей! Из Ли-То-Лити выскакивает ребенок, и я не могу затолкать его обратно!

– Да, надо побыстрее идти и спасти от тебя малыша.

Таита вскочил и вместе с девочкой торопливо отправился в лагерь. Когда он склонился к шиллукской женщине и начал успокаивать ее, роды пошли быстро. Фенн с ужасом наблюдала за этим. Каждый раз как Ли-То-Лити принималась кричать, девочка вздрагивала. В перерывах между схватками, когда роженица лежала, тяжело дыша, вся в поту, Фенн сказала:

– Кажется, все-таки это не очень хорошее занятие. Не думаю, что мы с тобой должны до этого дойти.

Незадолго до полуночи Ли-То-Лити родила мальчика, золотисто-смуглого, с клоком черных волос на голове. Для Таиты появление ребенка стало чем-то вроде искупления расточительной траты молодых жизней в тяжелом походе. Все поздравляли отца.

– Доброе предзнаменование, – говорили друг другу воины. – Боги нам улыбаются. Отныне нам будет сопутствовать успех.

Таита посоветовался с Наконто.

– Каков обычай твоего племени? Сколько женщина должна отдыхать, прежде чем снова начнет ходить?

– Моя первая жена родила, когда мы перегоняли скот на новое пастбище. После полудня у нее отошли воды. Я оставил ее с ее матерью заниматься этим у дороги. Еще до наступления ночи они меня догнали, и хорошо сделали, потому что впереди бродили львы.

– Ваши женщины выносливы, – заметил Таита.

Наконто слегка удивился.

– Они из племени шиллуков, – ответил он.

– Да, это все объясняет, – согласился Таита.

На следующее утро, когда на рассвете колонна двинулась в путь, Ли-То-Лити сидела позади своего мужчины, держа ребенка на коленях так, что могла кормить его, не спешиваясь.

Они по-прежнему ехали по травянистой, богатой водой местности. Мягкая земля щадила копыта, легкие ушибы и повреждения Таита лечил своими мазями, и все животные оставались в хорошем состоянии. Постоянно встречались огромные стада антилоп и буйволов, так что недостатка в мясе не было. Дни проходили с такой спокойной размеренностью, что как будто сливались в один. Позади оставались лига за лигой, но впереди открывались новые просторы.

Но вот наконец в туманной дымке на горизонте показались холмы. В последующие дни они росли, пока не заполнили полнеба, и люди разглядели глубокое ущелье, через которое прорывался Нил. Отряд направился к этому ущелью: именно оно представляло самый легкий проход через горы. По мере приближения они рассмотрели и лесистые склоны, и поднимающиеся по ним слоновьи тропы. Наконец Мерен больше не мог сдерживать нетерпение. Он оставил обоз следовать своим ходом, а сам с небольшим отрядом отправился на разведку. Естественно, Фенн увязалась за ним, но держалась рядом с Таитой. Они въехали в ущелье и по слоновьей тропе начали подниматься на вершину преграды. На полпути вверх Наконто пробежал наперед и наклонился, осматривая землю.

– В чем дело? – спросил Таита. Не получив ответа, он проехал вперед и наклонился со спины Дымки, чтобы увидеть, что заинтересовало Наконто.

– Следы лошадей. – Наконто показал на отпечатки на мягкой земле. – Очень свежие. Давностью всего в день.

– Горная зебра? – предположил Таита.

Наконто помотал головой.

– Лошади с всадниками, – перевела Фенн Мерену.

Мерен встревожился.

– Странные всадники. Кто бы это мог быть так далеко от цивилизации? Возможно, это враг. Нельзя продолжать путь, пока мы не узнаем, кто они. – Он оглянулся туда, откуда они пришли. На равнине внизу виднелось облако желтой пыли, поднятое колонной. Примерно в трех лигах. – Надо подождать остальных и идти вперед всем вместе.

Таита не успел ответить, сверху донесся громкий окрик, эхом отразившийся от склонов. Все вздрогнули.

– Нас обнаружили! Но клянусь смертоносным дыханием Сета, кто бы это ни был, они говорят по-египетски! – воскликнул Мерен. Он сложил ладони у рта и крикнул в ответ: – Кто вы такие?

– Воины божественного фараона Нефера Сети!

– Приблизьтесь, чтобы мы могли вас узнать, – приказал Мерен.

Все с облегчением рассмеялись, когда сверху навстречу им начали спускаться три незнакомых всадника. Даже издалека Мерен разглядел синий флаг дома Мамоса, а когда всадники подъехали ближе, стало очевидно, что это египтяне. Мерен поехал им навстречу. Два отряда встретились, всадники спешились и обнялись.

– Я военачальник Рабат, – представился командир всадников, – помощник полководца Ах-Актона на службе у фараона Нефера Сети.

– Я полководец Мерен Камбизес, выполняю особое поручение того же божественного фараона. – Рабат признал его старшинство, приложив кулак к груди. Мерен продолжал: – А это маг Таита из Галлалы.

Взгляд Рабата выразил уважение, и он приветствовал мага. По его ауре Таита видел, что воинский командир – человек небольшого ума, но честный и не способный на вероломство.

– Твоя слава опережает тебя, маг. Позвольте отвести вас в нашу крепость, вы будете почетными гостями.

Рабат не обратил никакого внимания на Фенн, сочтя ее ребенком, и девочка обиделась.

– Мне не нравится этот Рабат, – сказала она Таите по-шиллукски. – Он высокомерный.

Таита улыбнулся. Фенн привыкла к своему положению всеобщей любимицы. И в этом она напоминает Лостру, некогда самодержавную повелительницу Египта.

– Он всего лишь грубый воин, – успокоил Таита девочку, – не стоит из-за него огорчаться.

Фенн смягчилась.

– Что прикажешь, маг? – спросил Рабат.

– За нами следует отряд и большой обоз. – Таита указал на пыльное облако на равнине. – Пожалуйста, пошли к ним провожатого.

Рабат немедленно отправил одного из своих людей, а сам повел гостей вверх по крутому склону к вершине прохода.

– А где ваш начальник Ах-Актон? – спросил Таита, подъезжая к Рабату.

– Умер от болотной лихорадки, когда мы поднимались по реке.

– Семь лет назад?

– Нет, маг. Девять лет и два месяца, – поправил Рабат, – столько времени продолжается наша разлука с любимой родиной – Египтом.

Таита понял, что забыл присчитать время, которое потребовалось им, чтобы добраться до этих мест от Карнака.

– А кто занял место Ах-Актона? – спросил он.

– Военачальник Тинат Анкут.

– Где он?

– Выполняя приказ фараона, повел армию дальше на юг. А здесь оставил женщин, которые родили детей во время похода, и двадцать воинов, больных или слишком слабых, чтобы идти дальше.

– Зачем Тинат оставил вас здесь?

– Мне было приказано выращивать зерно, держать табун лошадей и создать в тылу лагерь, куда он мог бы вернуться, если придется отступать из диких южных земель.

– У вас были вести о нем после его ухода?

– Несколько месяцев спустя он отправил обратно трех человек со всеми уцелевшими лошадьми. Кажется, они попали в лежащую к югу отсюда страну, населенную мухами, укус которых смертелен для животных, и там полководец потерял почти всех лошадей. После прихода этих троих у нас не было никаких вестей о нем. Он со всеми своими людьми сгинул в этом диком краю. Много лет назад. Вы первые цивилизованные люди, каких мы увидели за все это время.

Голос его звучал тоскливо.

– Ты не думал уйти отсюда со своими людьми в Египет? – спросил Таита, чтобы еще раз проверить воина.

– Думал, – признался Рабат, – но приказы и долг заставили меня остаться. – Он заколебался, потом продолжил: – К тому же между нами и Египтом людоеды-чаймы и большие болота.

Вероятно, это и есть главная причина, подумал Таита. Беседуя, они поднялись на верх прохода, и перед ними открылось широкое плато. Почти сразу все почувствовали, насколько воздух здесь приятнее того, что внизу.

Под ними паслись стада, а дальше Таита с удивлением увидел стены основательной военной крепости. Она казалась невероятно чуждой в этой далекой дикой земле – первый признак цивилизации, оставленной позади, когда они больше двух лет назад вышли из крепости Квебуи. Последний оплот империи, о существовании которого в Египте и не подозревают.

– Как называется это место? – спросил Таита.

– Сиятельный Тинат назвал его крепостью Адари.

Они проехали мимо пасущегося стада высоких длинноногих животных с широкими покатыми плечами и широко расставленными рогами. У каждого шкура окрашена и разрисована иначе, и двух одинаковых нет. Рыжие и белые, черные и желтые, и все пестреют многочисленными пятнами разных цветов.

– Откуда этот скот? – спросил Таита. – Я вижу такой впервые.

– Выменяли у местных племен. Они называют этих животных зебу. Стадо дает нам молоко и мясо. Без него было бы намного труднее, чем сейчас.

Мерен уже открыл рот, собираясь выговорить Рабату за малодушие, но Таита понял его намерение и пресек коротким кивком. Хотя он полностью соглашался с тем, как оценили Рабата Фенн и Мерен, неразумно было оскорблять его. Им почти наверняка еще понадобится его помощь. Поля вокруг крепости были засеяны дуррой, дынями и овощами, незнакомыми Таите. Рабат сообщил их местные названия и, спешившись, сорвал крупный блестящий черный плод и протянул Таите:

– Если сварить их с мясом, они очень вкусны и питательны.

У входа в крепость их встречали женщины и дети; они принесли чашки с кислым молоком и тарелки с лепешками из дурры. Всего их было меньше пятидесяти человек – жалких, в оборванной одежде, – но настроенных дружелюбно. Удобства крепость могла предоставить весьма ограниченные. Женщины предложили Таите и Фенн маленькую каморку без окон. Пол в каморке плотно утрамбованный земляной, по стенам из грубо отесанных стволов военными колоннами движутся муравьи, а в щелях между бревнами сидят блестящие черные тараканы. Над всем висит тяжелый запах немытых тел и сосудов с экскрементами прошлых жильцов. Рабат виновато объяснил, что Мерену и всем остальным, и командирам, и воинам, придется ночевать в одном бараке с местными жителями. Таита поблагодарил и посетовал, что приходится отказываться от гостеприимства.

Таита и Мерен выбрали удобное место в полулиге от крепости, в тенистой роще на берегу быстрого ручья. Рабат, который испытал явное облегчение, узнав, что они не останутся в крепости, признал предъявленную Мереном Печать Сокола и выделял гостям достаточно свежего молока, дурры, а время от времени и только что забитого быка.

– Надеюсь, мы не застрянем здесь надолго, – сказал на второй день Таите Хилто. – Тут все такие унылые, что того гляди заразят наших людей. Наши воины сильны духом, и я не хотел бы, чтобы это изменилось. К тому же все женщины замужем, а большинство наших людей слишком давно живут холостяками. Скоро они захотят поразвлечься с местными красотками, и начнутся неприятности.

– Заверяю тебя, добрый Хилто, что мы выступим, как только подготовимся.

Все следующие дни Мерен и Таита провели, совещаясь с Рабатом.

– Сколько человек отправилось на юг с Тинатом? – спросил Таита.

Подобно многим неграмотным, Рабат обладал замечательной памятью и ответил без запинки:

– Шестьсот двадцать три человека и сто сорок пять женщин.

– Милосердная Исида, неужели это все, что осталось от тысячи, вышедшей из Карнака?

– Болота глубоки, и в них нет дорог, – объяснил Рабат. – Нас одолевала болотная лихорадка. Проводники оказались ненадежными, и на нас нападали местные племена. Мы понесли тяжелые потери в людях и лошадях. Вы, конечно, тоже, ведь вы наверняка шли той же дорогой, раз добрались до Адари.

– Да, верно. Но уровень воды понизился, а наши проводники оказались выше всяких похвал.

– Значит, вам повезло больше.

– Ты сказал, что Тинат отправил назад людей и лошадей. Сколько лошадей они привели? – Таита сменил тему на менее опасную.

– Они привели с собой сорок шесть лошадей, больных от укусов мух. Большинство сдохли уже здесь. Выжили только восемнадцать. Доставив лошадей, люди Тината снова отправились на юг, догонять своих. И взяли с собой носильщиков, которых я набрал для них.

– Так что с вами не осталось никого из людей Тината?

– Один был болен, и я оставил его здесь. Он жив и по сей день.

– Я хотел бы расспросить его, – сказал Таита.

– Немедленно пошлю за ним.

Единственный выживший оказался рослым и необычайно худым. Таита сразу понял, что его худоба и седина – следствие не возраста, а перенесенной болезни. Тем не менее этот человек выздоровел. Он был оживлен и в отличие от тех, кто состоял под командой Рабата, охотно отвечал на вопросы.

– Я слышал о том, что ты перенес, – сказал Таита, – и благодарю тебя за храбрость и рвение.

– Ты единственный, маг, кто оценил это. Спасибо.

– Как тебя зовут?

– Толас.

– Твои обязанности?

– Командовать небольшим отрядом и лечить лошадей.

– Как далеко вы ушли на юг, прежде чем сиятельный Тинат отослал вас обратно с уцелевшими лошадьми?

– Примерно двадцать дней пути, маг; около двухсот лиг. Тинат хотел передвигаться быстро – слишком быстро. Думаю, это увеличило наши потери в лошадях.

– А почему он так торопился? – спросил Таита.

Толас осторожно улыбнулся.

– Он не поверял мне свои мысли, маг, и не советовался со мной.

Таита поразмыслил. Возможно, Тинат попал под влияние ведьмы, и та заманила его на юг.

– Тогда, добрый Толас, расскажи о болезни, обрушившейся на лошадей. Рабат упомянул о ней, но не сообщил никаких подробностей. Почему ты считаешь, что болезнь вызвана укусами мух?

– Болезнь началась через десять дней после того, как мы впервые встретились с этими насекомыми. Лошади начали сильно потеть, глаза их наливались кровью, так что они почти ослепли. Большинство сдохли через десять – пятнадцать дней после появления первых признаков.

– Ты знаток лошадей. Ты знаешь лекарство от этой болезни?

Толас замялся и не ответил. Вместо этого он сказал:

– Я видел твою серую кобылу. За свою жизнь я видел десятки тысяч лошадей и думаю, что эта – одна из лучших. Другой такой тебе больше не найти.

– Ты хорошо разбираешься в лошадях, Толас, это ясно, но зачем ты это говоришь?

– Жаль было бы принести такую лошадь в жертву мухам. Если вы намерены идти дальше – а мне кажется, так и есть, – оставь до своего возвращения кобылу с жеребенком у меня. Я буду ухаживать за ней, как за собственным ребенком.

– Я подумаю об этом, – пообещал Таита. – Но вернемся к моему вопросу: не знаешь ли ты средства от мушиной болезни?

– У местных племен есть снадобье, которое они готовят из диких ягод. И лечат им свой скот.

– Почему они не предупредили Тината об этой болезни, прежде чем он вышел из крепости Адари?

– Тогда мы не общались с племенами. Только когда я вернулся с больными лошадьми, они рассказали нам об этом средстве.

– Оно действенно?

– Но не всесильно, – ответил Толас. – Мне кажется, оно исцеляет шесть из десяти укушенных мухами лошадей. Но возможно, у тех животных, которым я его давал, болезнь зашла слишком далеко.

– А каковы были бы потери, если бы ты не пользовался этим средством?

– Точно не знаю.

– А предположительно?

– Кажется, некоторые животные от природы невосприимчивы к укусам. Очень немногие, примерно пять из сотни, вовсе не заболевают. Что касается остальных, то тридцать – сорок из сотни заболеют, но поправятся. А остальные умрут. Переболевшее животное больше никогда не заражается.

– Откуда ты знаешь?

– Это хорошо знают туземцы.

– Сколько из твоих заболевших лошадей выжили?

– У большинства болезнь была уже чересчур запущена, прежде чем мы смогли дать им средство. Но восемнадцать просолились, – сказал Толас и тут же пояснил: – Они теперь не боятся болезни.

– Что ж, Толас, нам понадобится большой запас этого туземного средства. Можешь выменять его для меня?

– Могу сделать кое-что получше. Я почти девять лет изучал его. Хотя туземцы скрытны и не выдают своих тайн, я узнал, какое растение они используют. Подсматривал за ними, когда их женщины его собирали.

– Покажешь его мне?

– Конечно, маг, – с готовностью согласился Толас. – Но опять предупреждаю: даже с этим лекарством много лошадей умрет. Твоя серая кобыла слишком хороша, чтобы подвергать ее такому риску.

Таита улыбнулся. Было ясно, что Толас влюбился в Дымку и очень хочет оставить ее у себя.

– Я тщательно обдумаю все, что ты сказал. Но главная моя забота – узнать, как готовить средство.

– С разрешения воинского командира Рабата завтра я отведу тебя в лес за ягодами. До того места, где они растут, несколько часов езды.

– Отлично. – Таита был доволен. – Теперь опиши дорогу на юг, по которой ты шел с полководцем Тинатом. – Толас рассказал все, что смог вспомнить, а Фенн делала заметки на глиняных табличках. Когда он закончил, Таита сказал: – То, что ты сообщил нам, Толас, бесценно, но сейчас объясни, как нам узнать границу земли мух.

Толас ткнул пальцем в набросок карты, который Фенн начертила на табличке.

– Примерно на двадцатый день пути отсюда вы увидите два холма, напоминающие груди девственницы. Они видны за несколько лиг. Холмы обозначают границу. Советую не вести серую кобылу дальше. В печальной земле за холмами ты ее лишишься.

Когда на другое утро они отправились за ягодами, Рабат поехал с ними; он держался рядом с Таитой. Дорога оказалась легкой, и у них была возможность поговорить.

Через несколько часов Толас привел их в рощу огромных диких смоковниц, вытянувшихся вдоль берега реки и уходящих глубоко в ущелье. Деревья были оплетены лианами, на которых росло множество мелких лилово-черных ягод. Толас и три человека, которых он взял из крепости, забрались на деревья. У каждого на шее висел мешок; в этот мешок они складывали ягоды. Когда они спустились, руки у них полиловели. Ягоды издавали острый гнилостный запах. Фенн предложила горсть ягод Вихрю, но жеребенок отказался. Дымка отнеслась к подношению столь же презрительно.

– Конечно, это им не по вкусу, но если смешать ягоды с мукой из дурры и испечь лепешки, они будут есть, – сказал Толас. Он разжег костер и положил в огонь плоские речные камни. Пока они нагревались, Толас показал, как измельчать ягоды и смешивать с мукой. – Очень важны пропорции. Одна часть ягод на пять частей муки. Если положить больше ягод, лошади откажутся есть или у них начнется сильный понос, – объяснил он. Когда камни раскалились, он испек на них твердые лепешки. Отложил, чтобы остывали, и начал новую партию. – Лепешки могут храниться много месяцев и не испортятся даже в самых плохих условиях. Лошади будут их есть, даже когда они покроются зеленой плесенью.

Фенн взяла одну лепешку и обожгла пальцы. Она перебрасывала лепешку с руки на руку, пока та не остыла, потом протянула ее Дымке. Лошадь принюхалась, раздувая ноздри. Затем взяла лепешку в зубы и покосилась на Таиту.

– Давай, глупая тварь, – строго сказал он. – Ешь. Это тебе полезно.

Дымка принялась хрустеть лепешкой. Несколько крошек выпало у нее изо рта, но остальное она проглотила. И опустила голову, чтобы подобрать упавшие на траву крошки. Вихрь с любопытством наблюдал за ней. Когда Фенн дала лепешку и ему, он съел ее с аппетитом. И подтолкнул Фенн мордой, требуя еще.

– Сколько ты им давал? – спросил Таита.

– Я это проверял на опыте, – ответил Толас. – При первых признаках заболевания давай ежедневно по пять лепешек, пока симптомы не исчезнут. Но и после этого много дней нужно кормить их лепешками.

– А как называются эти ягоды?

Толас пожал плечами:

– У оотса есть для них какое-то диковинное название, но я и не подумал назвать их по-египетски.

– Тогда я назову их ягодами Толаса, – объявила Фенн, и Толас благодарно улыбнулся.

На следующий день Таита и Фенн вернулись в рощу с Шофаром, четырьмя воинами и всем необходимым для приготовления большого количества лепешек. Посередине рощи, на поляне, выходящей на пересохшее русло Нила, разбили лагерь. В нем они провели десять дней, наполнив лепешками двадцать больших мешков. А когда вернулись с лиловыми руками и десятью вьючными мулами с грузом лепешек, обнаружили, что Мерену и воинам не терпится двинуться в путь.

Когда прощались с Рабатом, тот печально сказал Таите:

– Вероятно, мы никогда больше не встретимся в этой жизни, маг, но для меня было большой честью оказать тебе небольшую услугу.

– А я благодарен за твою помощь и общество. Об этом узнает сам фараон, – пообещал Таита.

Они снова двинулись на юг, к холмам, похожим на груди женщины, и к земле мух; их вел Толас. В крепости Адари люди и животные хорошо отдохнули и теперь передвигались быстро. Таита приказал охотникам сохранять хвосты добытой дичи. Он показал, как снимать с животных шкуру, срезать плоть, засаливать и высушивать на воздухе. А пока хвосты сушились, воины делали резные деревянные рукояти и вставляли их вместо удаленных косточек. Наконец Таита взмахнул одним из готовых хлыстов и сказал:

– Скоро вы скажете за них спасибо. Вероятно, это единственное оружие против мух.

На двенадцатый день после выхода из крепости Адари они, как обычно, выступили очень рано. Вскоре после полудня, как и предсказывал Толас, на горизонте показались два соска Нила – Груди Девственницы.

– Дальше не идем. Прикажи остановиться, – крикнул Таита Мерену. Он еще до выхода из крепости решил, что не будет рабски следовать указаниям Толаса. Дымка и Вихрь давно получали порции лепешек, и Таита надеялся, что в их крови довольно лекарства, чтобы они не заболели после первых укусов. В последний вечер перед вступлением в землю мух он вместе с Фенн отправился туда, где были привязаны лошади. Увидев их издали, Дымка заржала. Таита потер ей лоб и почесал за ушами, потом скормил лепешку Толаса. Фенн то же самое проделала с Вихрем. Теперь лепешки нравились лошадям, они ели их с аппетитом. Толас следил за ними из тени. Но вот он подошел и почтительно поклонился.

– Значит, ты берешь с собой кобылу и жеребенка? – спросил он.

– Я бы не перенес, если бы они остались, – ответил Таита.

Толас вздохнул.

– Понимаю, маг. Наверно, я поступил бы так же, потому что полюбил их. Буду молиться Гору и Исиде, чтобы они уцелели.

– Спасибо, Толас. Я уверен, мы вернемся.

На следующее утро они расстались. Толас не мог вести их дальше и вернулся в крепость Адари. Наконто пошел вперед, выбирая дорогу, Мерен с тремя небольшими отрядами двигался за ним. Дальше на Дымке и Вихре следовали Таита и Фенн. С ними табуном шли восемнадцать «просоленных» лошадей. Колонну замыкал Шабако с четвертым небольшим отрядом.

Вечером разбили у подножия холмов лагерь. За ужином слышали за холмами рев двух охотящихся львиных прайдов. Угрожающий звук. Таита и Мерен проверили, крепко ли привязаны лошади, но львы не приближались, постепенно их рев отдалился, и на лагерь опустилась спокойная ночь.

На следующее утро, пока колонна готовилась к выходу, Таита и Фенн накормили лошадей лепешками Толаса. Потом сели верхом и проехали между двумя холмами. Таита едва успел расслабиться, подладившись под шаг лошади, как вдруг выпрямился и посмотрел на шею Дымки. Над кремовой шкурой около гривы повисло крупное темное насекомое. Таита осторожно занес правую руку и ждал. Насекомое уселось, выпустило длинный черный хоботок и начало искать под шкурой кобылы кровеносный сосуд. Как только муха погрузила хоботок, Таита накрыл ее ладонью. Муха жужжала, пытаясь высвободиться, но он сильнее прижал ее и раздавил голову и жесткое тельце. Потом взял двумя пальцами и показал Фенн.

– Вот муха, которую туземцы называют цеце. Эта первая, но их будет больше, – предсказал он. И тотчас еще одна муха села ему на шею и вонзила хоботок в мягкую кожу за ухом. Таита поморщился и смахнул ее. И хотя он ударил ее сильно, муха улетела, как ни в чем не бывало.

– Достать хлысты, – приказал Мерен, и вскоре все нещадно хлестали себя и лошадей, словно бичуя, пытаясь отогнать жалящий рой. Дни превратились в пытку: мухи жалили непрерывно. Они становились наиболее назойливыми в жаркое время дня, но продолжали нападать и при свете луны и звезд, сводя с ума людей и лошадей.

Лошади непрерывно хлестали хвостами по бокам и заду. Они махали головами и морщили шкуру, пытаясь избавиться от мух, которые заползали им в глаза и уши.

Лица людей распухли, напоминая нелепые алые плоды, глаза заплыли и превратились в щелки. Укусы нестерпимо зудели. От расчесывания за ушами образовывались незаживающие раны. По ночам разводили дымовые костры из сушеного слоновьего помета и, кашляя и задыхаясь, теснились вокруг них. Но стоило отойти на свежий воздух, как мухи вновь накидывались на жертву, впиваясь жалами. У них был такой прочный панцирь, что удар ладонью не причинял им вреда. Даже сбитые на землю, они тут же поднимались и впивались в другую незащищенную часть тела. Единственным действенным оружием оказались хлысты. Удар хлыста не убивал муху, но она запутывалась лапками и крыльями в длинном волосе конского хвоста, и тогда ее можно было раздавить пальцами.

– У земли этих чудовищ есть граница, – подбадривал воинов Таита. – Наконто хорошо знает их привычки. Он говорит, что они исчезнут так же внезапно, как появились.

Мерен приказал двигаться ускоренным маршем и возглавил колонну, поддерживая темп. Ослабленные бессонницей и мушиным ядом, проникшим в кровь, люди качались в седлах. Если воин падал, товарищи клали его на спину лошади и продолжали движение.

Мухи не досаждали только Наконто. Его кожа оставалась гладкой и блестящей, без следов укусов. Он давал насекомым напиться свой крови так, что они уже не могли взлететь. А потом отрывал крылья и насмешливо говорил:

– Меня ранили люди, кусал леопард и рвал когтями лев. Кто вы такие, чтобы беспокоить меня? Убирайтесь в преисподню пешочком.

На десятый день после того, как миновали холмы, выехали из земли мух. Это произошло так внезапно, что все были захвачены врасплох. Только что их окружал рой гудящих и жалящих насекомых, а через пятьдесят шагов тишину леса уже не нарушало надоедливое жужжание. Спустя лигу отряд наткнулся на небольшое лесное озеро. Мерен пожалел воинов.

– Стой! – приказал он. – Кто последним окажется в воде, тот плаксивая девственница.

Замелькали обнаженные тела, и лес наполнился криками облегчения и радости. Когда вышли из воды, Таита и Фенн смазали всем воспаленные следы укусов одной из мазей мага. В эту ночь около лагерных костров звучал беспечный смех.

Было темно, когда Фенн разбудила Таиту.

– Пошли быстрей, Таита! Происходит что-то страшное! – Она схватила его за руку и потащила к лошадям. – Они оба. – В голосе Фенн звучало отчаяние. – И Дымка, и Вихрь.

Когда они добрались до лошадей, жеребенок уже лежал, бока его часто вздымались. Дымка стояла над ним и длинным языком лизала его голову. И покачивалась, пытаясь сохранить равновесие. Шерсть ее стояла дыбом: лошадь сильно вспотела; пот капал с живота и стекал по ногам.

– Позови Шофара и его людей. Пусть поторопятся. Потом беги к поварам и попроси нагреть воды в самом большом котле и принести мне.

Главной заботой Таиты было поставить Вихря на ноги и удержать на ногах Дымку. Упавшая лошадь теряет волю к борьбе и уступает болезни.

Шофар и его люди подняли Вихря и поставили на ноги; Таита обтер его губкой с теплой водой. Фенн держала жеребенка за голову, дула в ноздри и шептала ласковые слова, уговаривая есть одну лепешку Толаса за другой.

Протерев жеребенка, Таита занялся Дымкой.

– Будь храброй, моя дорогая, – шептал он, протирая кобылу с головы до ног влажной льняной тряпкой. Мерен помог растереть лошадь свежими тряпками досуха, и они накрыли ее тигровой шкурой Таиты. – Мы с тобой вдвоем одолеем это.

Таита продолжал негромко разговаривать с лошадью и, когда называл ее по имени, пользовался голосом силы. Дымка насторожила уши, слушая его, расставила ноги и сохраняла равновесие.

– Бак-кер, Дымка. Не сдавайся.

Он с руки кормил ее лепешками Толаса, обмакивая их в мед. Даже страдая, она не могла отказаться от такого лакомства. Потом Таита уговорил ее выпить миску особого снадобья от лихорадки, помогающего при болезнях лошадей. Они с Фенн взялись за руки и произнесли заклинание, призывая Гора, покровителя лошадей. Мерен и его люди присоединились к молитве и молились весь остаток ночи. К утру Дымка и ее жеребенок держались на ногах, но стояли, повесив головы, и отказывались брать лепешки. Однако их мучила жажда, и они сразу выпивали чистую воду, которую подносили им Таита и Фенн. Незадолго до полудня Дымка призывно заржала, потом подошла к жеребенку и толкнула его носом. Он поднял голову и посмотрел на нее.

– Он поднял голову! – взволнованно произнес один из воинов.

– Она прочнее стоит на ногах, – заметил другой. – Борется за себя и за своего жеребенка.

– Она перестала потеть. Лихорадка проходит.

Вечером Дымка съела еще пять лепешек Толаса с медом. На следующее утро она вслед за Таитой пошла на берег реки и выкаталась в белом песке. Ей всегда особенно нравилась мягкая трава с пушистыми розовыми соцветиями, росшая на берегах Нила, поэтому Таита и Фенн накосили много снопов этой травы и держали ее отдельно. На четвертый день Дымка и Вихрь досыта наелись ее.

– Опасность миновала, – объявил Таита, а Фенн обняла Вихря, а потом заплакала так, словно ее сердце навсегда разбито.

Несмотря на лепешки Толаса, многие лошади заболели. Двенадцать сдохло, но Мерен заменил их другими, из небольшого табуна «просоленных». Кое-кто из воинов также страдал от яда мух: у них сильно болела голова, а суставы так окостенели, что несчастные с трудом ходили. Прошло много дней, прежде чем люди и лошади настолько оправились, что смогли продолжить поход. Таита и Фенн решили не отягощать Дымку и Вихря своей тяжестью и ехали на запасных лошадях, а их вели в поводу. Мерен сократил дневные переходы, давая возможность всем полностью выздороветь. В последующие дни он постепенно увеличивал скорость, пока отряд снова не перешел на привычный быстрый шаг.

На протяжении двухсот лиг за землей мух не было видно никаких следов людей. Потом отряд наткнулся на небольшую деревню бродячих рыболовов. При появлении колонны жители деревни сбежали. Потрясение от встречи с этими бледнокожими людьми с бронзовым оружием и безрогими животными оказалось слишком сильным. Таита осмотрел стойки для копчения рыбы и обнаружил, что они почти пусты. Нил больше не кормил рыбаков от своих щедрот. Рыбаки явно умирали с голоду.

На заливных прибрежных равнинах паслись стада крупных сильных антилоп с кривыми рогами и белыми кольцами вокруг глаз. Самцы черные, самки темно-рыжие. Мерен отправил пять лучников верхом. Антилопы как будто заинтересовались лошадьми и пошли к ним навстречу. Первый залп свалил четырех, следующий – столько же. Туши уложили на окраине деревни как

предложение мира и спрятались, выжидая. Голодные жители деревни не устояли: они осторожно приближались, готовые убежать при первом же проявлении враждебности со стороны чужаков. Когда они освежевали туши и развели костры, чтобы пожарить мясо, к ним приблизился Наконто. От лица жителей говорил почтенный седобородый старик, ответивший на приветствие высоким голосом.

Наконто вернулся и сообщил Таите:

– Эти люди родственны оотсам. У них почти такой же язык, и мы смогли понять друг друга.

Жители деревни осмелели и подошли поближе, разглядывая воинов, их оружие и лошадей. Незамужние девушки, чьи тела прикрывали лишь нитки бус, сразу установили дружеские отношения с теми воинами, у которых не было шиллукских женщин.

Замужние принесли Таите, Мерену и командирам калебасы с кислым местным пивом, а старейшина, которого звали Пото, гордо сидел рядом с Таитой и с готовностью отвечал на вопросы – их ему переводил Наконто.

– Я хорошо знаю земли на юге, – хвастал он. – Мой отец и отец моего отца жили на берегах большого озера, полного рыбы; нужно было четыре человека, чтобы поднять такую рыбину. Толщиной она была... – он развел тощие руки, – а длиной... – он вскочил, начертил в песке линию большим пальцем ноги, сделал четыре шага и провел вторую линию, – вот отсюда досюда.

– Рыбаки везде одинаковы, – заметил Таита, но выразил должное изумление.

Пото, на которого в селении как будто не обращали внимания, приобрел внимательных слушателей. И наслаждался обществом новых друзей.

– А почему ваше племя покинуло такие рыбные места? – спросил Таита.

– С востока пришло другое племя, многочисленное и сильное, и мы не могли ему сопротивляться. Нас гнали вдоль реки до этого места. – Он приуныл, но сразу приободрился. – Когда я прошел посвящение и обрезание, отец взял меня к большому водопаду у места рождения этой реки. – Он показал на Нил, на берегу которого они сидели: – Этот водопад называется Тунгула Мадзи – Громовая Вода.

– Откуда такое необычное название?

– Грохот водопада, гром камней, которые разбиваются о дно при падении, слышны за два дня пути. Пена над водопадом стоит в небе, как серебряное облако.

– Ты сам видел это? – переспросил Таита и посмотрел на старика Внутренним Оком.

– Собственными глазами! – воскликнул старейший. Его аура ярко вспыхнула, как фитиль масляной лампы, перед тем как погаснуть от недостатка масла. Он говорил правду.

– Ты считаешь, что там рождается река? – взволнованно спросил Таита.

– Клянусь духом отца, река начинается с этого водопада.

– А что за ним и вокруг него?

– Вода, – ответил Пото. – Ничего, кроме воды. Вода до края света.

– Ты не видел за водопадом земли?

– Нет, только воду.

– Ты не видел горящей горы, которая посылает в небо облака дыма?

– Нет, – повторил Пото. – Только воду.

– Ты проведешь нас к этому водопаду? – спросил Таита.

Когда Наконто перевел вопрос, Пото встревожился.

– Я могу не вернуться оттуда. Тамошние люди мои враги, они убьют меня и съедят. Я не могу плыть по реке, потому что, сам видишь, река проклята и умирает.

– Если пойдешь с нами, я подарю тебе полный мешок стеклянных бус, – пообещал Таита. – Ты станешь самым богатым человеком в племени.

Это не поколебало решимости Пото. Кожа его приобрела пепельный цвет, он дрожал от ужаса.

– Нет! Никогда! Даже за сто мешков с бусами. Если меня съедят, моей душе не миновать огня. Она превратится в гиену и будет бродить по ночам, пожирая падаль и отбросы.

Он хотел вскочить и убежать, но Таита удержал его и использовал все свое умение, чтобы успокоить. Он позволил старику сделать два больших глотка пива, прежде чем снова заговорил с ним.

– А может кто-нибудь провести нас?

Пото энергично покачал головой:

– Все боятся, даже больше меня.

Еще немного посидели молча, и Пото начал ерзать и возить ногами. Таита терпеливо ждал, пока старик придет к трудному решению. Наконец тот закашлялся и выплюнул в пыль большой комок желтой слизи.

– Может, кто-нибудь и найдется, – сообщил он. – Но нет, он, наверно, уже умер. Когда я в последний раз его видел, а было это очень давно, он был стар. Даже старше тебя, почтенный старейший. – Он с уважением склонил голову перед Таитой. – Он жил с теми из нашего племени, кто уцелел с тех времен, когда оно было сильным и многочисленным.

– А кто он? Где его найти? – спросил Таита.

– Его зовут Калулу. Я покажу, как его найти. – Пото снова начал чертить пальцем ноги на песке. – Если пойдете вдоль большой умирающей реки, дойдете до того места, где река встречается со множеством озер. Там широкая вода. Мы называем ее Семлики Ньянца.

Он начертил приплюснутый эллипс.

– И мы найдем водопад у места рождения реки? – спросил Таита.

– Нет. Река проходит сквозь озера, как острие копья сквозь рыбу. – Он пальцем провел через эллипс черту. – Наша река – исток, а приток с южной стороны озера.

– Как его найти?

– Никак, если только не покажет кто-нибудь вроде Калулу. Калулу живет в тростниках на плавучем острове. У истока реки.

– Как мне его найти?

– Старательно искать и надеяться на удачу. – Пото пожал плечами. – А может, он сам тебя найдет. – И, словно напоследок, добавил: – Калулу шаман огромной тайной силы, но у него нет ног.

Когда отряд уходил из деревни, Таита дал старику две горсти бус, и Пото прослезился.

– Ты сделал меня богачом, и моя старость будет счастливой. Теперь я могу купить двух молодых жен, чтобы ухаживали за мной.

С продвижением по берегу реки на юг течение Нила слегка ожило, но было видно, что уровень воды гораздо ниже, чем в прежние времена.

– Он упал в двадцать раз, – подсчитал Мерен, и Таита согласился, хотя не сказал об этом. Иногда Мерену приходилось напоминать, что он не посвященный и некоторые вопросы ему следует оставлять тем, кто лучше в них разбирается.

Они ехали по западному берегу, и с каждым днем люди и лошади крепли. К тому времени как добрались до озера, все полностью оправились от укусов мух. Как и обещал Пото, озеро оказалось обширным.

– Должно быть, это море, а не просто озеро, – заявил Мерен, и Таита попросил его принести озерной воды.

– А теперь попробуй ее, мой добрый Мерен, – приказал он.

Мерен осторожно сделал глоток, потом выпил всю воду.

– Ну что, соленая? Морская? – ласково спросил Таита.

– Нет, маг, вода сладкая, как мед. Я ошибался, а ты был прав.

Озеро было столь велико, что, по-видимому, обладало собственной системой ветров. На рассвете воздух был неподвижным и холодным. А с поверхности озера поднималось нечто похожее на облако. Воины оживленно обсуждали это.

– Вулкан нагревает воду, – сказал один из них.

– Нет, – возразил другой. – Вода поднимается, как туман. И прольется дождем где-нибудь в другом месте.

– Ничего подобного, это огненное дыхание чудовища, живущего в воде, – авторитетно заявил Мерен.

И все в поисках пояснений посмотрели на Таиту.

– Пауки, – сказал Таита – и вызвал новый оживленный спор.

– Пауки не летают. Наверно, маг имел в виду стрекоз.

– Он пользуется нашей доверчивостью, – сказал Мерен. – Я его хорошо знаю. Он любит пошутить.

Два дня спустя ветер повернул, и одно из летучих облаков двинулось в сторону лагеря. Достигнув суши, оно начало снижаться. Фенн подпрыгнула и что-то схватила в воздухе.

– Пауки! – закричала она. – Таита никогда не ошибается.

Облако состояло из бесчисленных только что вылупившихся, почти прозрачных паучков. Каждый паучок висел на паутинном парусе, который по ветру переносил его в какую-нибудь новую часть озера.

Едва солнечные лучи касались поверхности, поднимался ветер, и к полудню по озеру гуляли пенные волны. Во второй половине дня ветер стихал, и к вечеру вновь воцарялись тишь да гладь. На горизонте выстраивались волнистыми розовыми линиями стаи фламинго. Из воды, как гранитные валуны, высовывались гиппопотамы, они хрюкали и ревели на отмелях, демонстрируя соперникам похожие на пещеры зевы и длинные резцы. На песчаных косах грелись на солнце большие крокодилы. Они широко раскрывали пасти, чтобы водяные птицы могли вытащить кусочки мяса, застрявшие между большими желтыми зубами. Ночи были тихие, и звезды отражались в бархатной черной воде.

На запад озеро уходило так далеко, что не было видно никакой земли, кроме нескольких островков, которые, словно лодки, плыли по волнуемой ветром воде. На юге едва просматривался дальний берег. Там не было ни высоких гор, ни вулканов, только голубая цепь низких холмов.

Пото предупреждал о свирепости местных племен, поэтому лагерь огородили забором из ветвей колючей акации – она в изобилии росла по берегам. Днем лошади и мулы паслись на сочной траве на заливных землях или забредали в воду, чтобы добраться до кувшинок и других водных растений на мелких местах.

– Когда мы начнем искать шамана Калулу? – спрашивала Фенн.

– Вечером, сразу как ты поужинаешь.

Как и пообещал, Таита взял ее с собой на берег, где они набрали плавника и разожгли небольшой костер. Сели у огня, и Таита взял Фенн за руки; вдвоем они сотворили защитный круг.

– Если Калулу посвященный, как предполагает Пото, можно поискать его в эфире, – сказал Таита девочке.

– Ты это умеешь? – спросила она почтительно.

– По словам Пото, шаман живет в зарослях недалеко отсюда, возможно, всего в нескольких милях. Он на расстоянии призыва.

– А разве расстояние важно?

Таита кивнул.

– Мы знаем его имя, знаем, как он выглядит, знаем, что у него нет ног. Конечно, было бы легче, если бы мы знали его духовное имя или располагали чем-нибудь, связанным с его личностью, – например волоском, обрезками ногтей, потом, мочой или калом. Но я научу тебя обходиться тем, что есть.

Таита достал из сумки щепотку трав и бросил в огонь. Трава вспыхнула, поднялся столб ароматного дыма.

– Это отгонит любое зло, какое могло быть поблизости, – объяснил Таита. – Смотри в огонь. Если Калулу придет, ты его там увидишь.

По-прежнему держась за руки, они закачались в такт негромкому низкому гудению Таиты. Когда Фенн очистила сознание, как учил ее маг, они сотворили три символа власти и молча соединили их.

– Менсаар!

– Кидаш!

– Нкубе!

Вокруг звенел эфир. Таита бросил клич:

– Калулу, услышь меня! О безногий, раскрой свой слух!

Он повторял это приглашение, а тем временем луна встала и поползла по небу.

Неожиданно они ощутили удар. Фенн ахнула: по ее нервам словно пробежал разряд статического электричества. Она посмотрела в огонь и увидела очертания лица. Похожего на сморщенную морду древней и бесконечно мудрой обезьяны.

– Кто меня зовет? – произнесли огненные губы на тенмассе. – Кто зовет Калулу?

– Таита из Галлалы.

– Если ты посланец Истины, яви мне свое духовное имя.

Таита позволил символу материализоваться у себя над головой; это был знак сокола со сломанным крылом. Отправлять его в эфир смертельно опасно – вдруг знак подсмотрит враг?

– Признаю тебя, брат по Истине, – сказал Калулу.

– Открой мне свое духовное имя, – в свою очередь, велел Таита.

Над огнем возникло изображение присевшего африканского зайца, изображение мифологического героя, Калулу Премудрого, чьи голова и длинные уши видны на диске полной луны.

– Признаю тебя, брат пути правой руки. Мне нужна твоя помощь, – сказал Таита.

– Я знаю, где ты. Я близко. Через три дня я приду к тебе, – ответил Калулу.

Поиск человека в эфире захватил Фенн.

– О Таита, я не верила, что это возможно. Пожалуйста, научи меня так делать.

– Вначале ты должна узнать собственное духовное имя.

– Мне кажется, я его знаю, – ответила девочка. – Ты меня назвал так однажды, Таита. Или это было во сне?

– Сон и явь нередко сливаются и становятся едины, Фенн. Какое имя ты помнишь?

– Дитя Воды, – застенчиво ответила она. – Лострa.

Таита удивленно смотрел на девочку. Она бессознательно продемонстрировала такую психическую силу, какую редко проявляла раньше. Сумела проникнуть в прошлую жизнь. Возбуждение и душевный подъем заставили его учащенно задышать.

– Ты знаешь символ своего духовного имени, Фенн?

– Нет, я никогда его не видела, – шепотом ответила она. – Или видела? А, Таита?

– Думай о нем, – приказал он. – Держи его на переднем крае сознания.

Фенн закрыла глаза и инстинктивно коснулась висевшего на шее талисмана.

– Он у тебя в сознании? – мягко спросил Таита.

– Да, – прошептала она, и маг открыл Внутреннее Око. Ослепительно яркая аура окутывала Фенн с головы до ног, а над головой повис символ ее духовного имени, словно окруженный небесным огнем.

Цветок водяной лилии, подумал Таита. Совершенный цветок. Фенн достигла расцвета, как ее духовный символ. Еще ребенком она стала посвященной первой ступени. Вслух он сказал:

– Фенн, твой рассудок и дух готовы. Ты готова постигнуть все, чему я могу тебя научить, а возможно, и гораздо больше.

– Тогда научи меня связываться в эфире, чтобы мы могли общаться, даже когда нас разделяют большие расстояния.

– Начнем немедленно, – ответил он. – У меня уже кое-что для тебя припасено.

– Что? Где? – нетерпеливо спросила она.

В ответ он коснулся амулета у себя на шее.

– Покажи! – потребовала она, и Таита открыл медальон, показав лежащий в нем локон.

– Волосы, – сказала Фенн, – но не мои. – Она коснулась локона указательным пальцем. – Это волосы старухи? Видишь? Среди золотых прядей есть седые.

– Ты была стара, когда я срезал их с твоей головы, – согласился он. – Уже мертва. Лежала на столе для бальзамирования, холодная и неподвижная.

Фенн содрогнулась от восхитительного страха.

– Это было в другой жизни? – спросила она. – Расскажи. Кем я была?

– Мне потребуется целая жизнь, чтобы рассказать тебе все, – ответил маг, – но для начала скажу: ты была женщиной, которую я любил, как люблю сейчас тебя.

Она взяла Таита за руку, ослепленная слезами.

– У тебя есть что-то мое, – прошептала она. – Теперь мне нужно что-нибудь твое. – Она протянула руку к его бороде и намотала на палец толстую прядь. – В первый день, когда мы встретились, твоя борода поразила меня. Она сверкала, как серебро.

Из сумки на поясе Фенн достала маленький острый бронзовый кинжал и срезала прядь близко к коже. Потом поднесла к носу и принюхалась, словно ощутила прекрасный аромат.

– Твой запах, Таита. Твоя суть.

– Я сделаю тебе медальон для этих волос.

Она радостно рассмеялась.

– Да, мне это нравится. Но у тебя должны быть волосы живой девочки, а не только мертвой женщины.

Она срезала с головы локон и протянула Таите. Он осторожно сложил локон и спрятал в медальон поверх волос, срезанных семьдесят лет назад.

– Я всегда смогу призвать тебя? – спросила Фенн.

– Да, и я тебя, – подтвердил Таита. – Но сначала я должен тебя научить, как это делать.

Все последующие дни они практиковались в этом искусстве. Начинали с того, что сидели на виду друг у друга, но так далеко, чтобы не было слышно. Через несколько часов Фенн могла принимать образы, которые он направлял ей в сознание, и отвечать собственными картинами.

Практикуясь, они поворачивались спиной, чтобы не видеть друг друга. Наконец Таита оставил ее в лагере и уехал в обществе Мерена за несколько лиг по берегу на запад. И оттуда попытался связаться с ней.

Всякий раз, как он посылал мысль, Фенн отвечала с большей готовностью, и образы, посланные ею, становились все полнее и отчетливее. Для него она носила на лбу свой символ и после многих попыток научилась менять цвет лилии от лилового до рубинового.

Ночью, лежа рядом с ним на матраце, она перед тем, как заснуть, прошептала:

– Теперь мы никогда не расстанемся, потому что я найду тебя, где бы ты ни был.

На рассвете, до того как поднимется ветер, они шли к озеру. Прежде чем войти в воду, Таита сотворял защитное заклинание, чтобы не подпустить крокодилов и любых других чудовищ, которые могли таиться в глубинах. Затем они окунались. Фенн плыла с гибкой грацией выдры. Ее нагое тело сверкало, словно слоновая кость, когда девочка уходила под воду. Таита не мог привыкнуть к тому, как долго она способна оставаться на глубине, и, лежа на воде и глядя в зеленый подводный мир, начинал тревожиться. Спустя, казалось, целую вечность он замечал светлые очертания ее тела: Фенн поднималась к нему из глубины, точно как в снах. И, смеясь и выжимая воду из волос, выныривала рядом с ним. Иногда он даже не видел ее возвращения. Только чувствовал, как она хватает его за лодыжку и пытается утащить вниз.

– Где ты научилась так плавать? – спрашивал он.

– Я дитя воды, – со смехом отвечала Фенн. – Разве ты не помнишь? Я рождена, чтобы плавать.

Выйдя из озера, они отыскивали местечко на утреннем солнца, чтобы обсохнуть. Таита сидел рядом с девочкой, расчесывал ей волосы и вплетал в них водяные лилии. Работая, он рассказывал Фенн о той жизни, которую она вела как царица Египта, о тех, кто любил ее тогда, о детях, которым она дала жизнь. Она часто восклицала:

– О да! Теперь я вспоминаю. У меня был сын, но я не могу увидеть его лицо.

Она закрыла глаза, и маг руками зажал ей уши; какое-то время они молчали. Наконец Фенн прошептала:

– Какой прекрасный ребенок! У него золотистые волосы. Я вижу над ним его картуш. Его зовут Мемнон.

– Это его детское имя, – сказал Таита. – Взойдя на трон и надев двойную корону Верхнего и Нижнего царств, он стал фараоном Тамосом, первым фараоном с таким именем. Вот он! Посмотри, как он могуч и величествен.

И Таита передал в ее сознание образ фараона.

Фенн долго молчала. Потом сказала:

– Такой красивый и благородный. О Таита, я хотела бы видеть своего сына.

– Ты его видела, Фенн. Ты вскормила его грудью и собственными руками возложила ему на голову корону.

Она снова помолчала, потом сказала:

– Покажи мне себя, каким ты был, когда мы впервые встретились в той жизни. Ты можешь это сделать, Таита? Можешь показать мне собственный образ?

– Я не решусь, – быстро ответил он.

– Почему?

– Это может быть опасно. Поверь. Слишком опасно.

Он знал, что, если покажет себя молодым, этот образ будет преследовать Фенн в недостижимых снах. Он заронит в ее сознание семена неудовлетворенности. Ибо, когда они впервые встретились, Таита был рабом и самым красивым юношей во всем Египте. Тогда и началось его падение. Его хозяин, властительный Интеф, был номархом Карнака и наместником всех двадцати двух номов Верхнего Египта. Он также был охоч до юношей и страшно ревновал своего любимого юного раба. Таита влюбился в доме своего хозяина в рабыню, Алиду. Когда об этом доложили господину Интефу, тот приказал своему палачу Расферу медленно раздавить Алиде череп. Таиту заставили смотреть, как она умирает. Но и после ее смерти Интеф не успокоился. Он приказал Расферу оскопить Таиту.

Во всем этом ужасе была и еще одна сторона. Господин Инфер был отцом маленькой девочки, которая годы спустя стала царицей Лострой. Отец, равнодушный к дочери, сделал евнуха Таиту ее воспитателем и учителем. И эта девочка теперь стала Фенн.

Все это было так сложно, что Таита не находил слов для объяснений, но в этот миг его избавил от такой обязанности громкий крик со стороны лагеря:

– С востока движутся лодки! К оружию!

Даже на таком расстоянии было легко узнать голос Мерена. Таита и Фенн вскочили, набросили одежду и, досыхая на бегу, кинулись к лагерю.

– Вон!

Фенн показала на зеленую воду. Таите потребовалось несколько мгновений, чтобы разглядеть черные точки на фоне белых пенных вершин, которые уже поднял усиливающийся ветер.

– Туземные каноэ. Можешь пересчитать гребцов, Фенн?

Она заслонила глаза, пристально всмотрелась и сказала:

– На переднем каноэ по двенадцать гребцов с каждого борта. Остальные лодки больше, гораздо больше. Подожди! Второе каноэ самое большое, в нем на той стороне, что обращена к нам, двадцать гребцов.

Мерен уже выстроил воинов двойным рядом перед воротами укрепления. Все были полностью вооружены и готовы к любой неожиданности. И наблюдали, как внизу каноэ причаливают к берегу. Экипажи вышли и собрались вокруг самой большой лодки. На берег выпрыгнули музыканты и затанцевали. Барабанщики забили в бешеном ритме, трубачи затрубили в длинные спиральные рога диких антилоп.

– Скрой свою ауру, – прошептал Таита. – Мы ничего не знаем об этом человеке. – Он пронаблюдал, как блекнет ее аура. – Хорошо. Достаточно.

Если Калулу посвященный, то полное отсутствие у девочки ауры лишь усилит его подозрения.

Восемь человек вынесли на берег носилки. Это были крепкие молодые женщины с мускулистыми руками и ногами, в набедренных повязках, щедро разукрашенных стеклянными бусами. Их натертые жиром груди блестели на солнце. Они направились прямо туда, где стоял Таита, и опустили перед ним носилки. И склонились в позе глубокой почтительности.

На носилках сидел карлик. Фенн узнала обезьянье древнее лицо, отвислые уши и блестящую лысину. Это лицо она видела в огне.

– Меня зовут Калулу, – сказал карлик на тенмассе, – и я вижу тебя, Таита из Галлалы.

– Добро пожаловать, – ответил Таита. Он сразу понял, что Калулу не посвященный, но обладает мощной напряженной аурой. По этой ауре Таита понял, что Калулу является последователем Истины. – Пойдем в такое место, где нам будет удобно поговорить наедине.

Калулу встал на руки, устремив обрубки ног в небо. Он соскочил с носилок и резво пошел на руках, повернув голову так, чтобы говорить с Таитой.

– Я ждал тебя, маг. Твое приближение вызвало резкие колебания в эфире. Я ощущал твое присутствие все сильней, пока ты поднимался по реке.

Женщины несли за ним пустые носилки.

– Сюда, Калулу, – пригласил Таита.

Когда подошли к хижине, женщины поставили носилки и отошли подальше, чтобы не слышать разговор. Калулу вскочил в носилки и принял нормальное положение, головой вверх. Он с любопытством осматривал лагерь, но, когда Фенн протянула ему чашку медового напитка, перенес свое внимание на нее.

– Кто ты, дитя? Я видел тебя в пламени костра, – сказал он на тенмассе.

Фенн притворилась, что не понимает, и взглянула на Таиту.

– Можешь отвечать, – сказал Таита. – Он на стороне Истины.

– Я Фенн, новичок в магии.

Колдун посмотрел на Таиту:

– Ты ручаешься за нее?

– Да, – ответил Таита, и человечек кивнул.

– Садись рядом со мной, Фенн, ибо ты прекрасна.

Девочка доверчиво села на носилки. Калулу взглянул на Таиту проницательными черными глазами.

– Зачем ты призвал меня, маг? Какая помощь нужна тебе от меня?

– Я хочу, чтобы ты отвел меня туда, где рождается Нил.

Калулу не выказал ни малейшего удивления.

– Ты тот, кого я видел в снах. Тот, кого я ждал. Я отведу тебя к Красным Камням. Мы выступим вечером, когда ветер уляжется и воды успокоятся. Сколько человек в твоем отряде?

– Тридцать восемь вместе со мной и Фенн, но у нас много багажа.

– За нами пойдут еще пять каноэ. Они будут здесь к вечеру.

– У меня много лошадей, – добавил Таита.

– Да. – Карлик кивнул. – Лошади поплывут за каноэ. Я привез пузыри из звериных шкур, они будут их поддерживать.

В коротких африканских сумерках, когда стихли последние порывы ветра, воины свели лошадей по берегу на мелководье и с обеих сторон привязали к подпругам надутые шкуры. Тем временем другие воины грузили в лодки свой скарб. Женщины – охрана Калулу – перенесли его в носилках на большое каноэ. Как только поверхность озера стала спокойной и неподвижной, оттолкнулись от берега и направились во тьму, в сторону большого звездного креста, повисшего на южном краю неба. За каждым каноэ плыли по десять привязанных лошадей. Фенн сидела на корме, откуда могла подбадривать Дымку и Вихря, плывших за лодкой. Гребцы опустили весла, и длинные узкие корпуса начали бесшумно резать воду.

Таита сидел рядом с носилками, на которых лежал Калулу, и негромко разговаривал с ним.

– Как называется это озеро?

– Семлики Ньянцу. Одно из многих.

– Что его питает?

– Прежде в него впадали две большие реки: та, что на западном берегу, называется Семлики, вторая – Нил. Обе текут с юга, но Семлики с гор, а Нил от большой воды. Туда я и веду тебя.

– Это другое озеро?

– Никто из людей не знает, озеро ли это или начало великой пустоты.

– И там рождается Нил?

– Да, – подтвердил Калулу.

– А как вы называете эту большую воду?

– Налубаале.

– Расскажи о нашем пути, Калулу.

– Когда достигнем дальнего берега Семлики Ньянцу, увидим южный рукав Нила.

– В моем представлении южный проток Нила впадает в Семлики Ньянцу. А северный берет начало в озере и течет на север через большие болота. По этому рукаву Нила мы и прошли так далеко.

– Да, Таита. Это обширная картина. Конечно, есть и другие реки, поменьше, притоки и мелкие озера, потому что в этой земле много воды, но все они впадают в Нил и текут на север.

– Но Нил умирает, – негромко сказал Таита.

Калулу помолчал, а когда ответил, одинокая слеза скатилась по его морщинистой щеке и сверкнула в лунном свете.

– Да, – согласился он. – Все реки, питавшие Нил, перегорожены. Наша мать умирает.

– Калулу, расскажи, как это случилось.

– Нет слов, чтобы объяснить причину. Доберемся до Красных Камней, увидишь своими глазами. А описать тебе это не могу. Простые слова тут бессильны.

– Я сдержу свое нетерпение.

– Нетерпение – порок молодости. – Карлик улыбнулся, его зубы сверкнули в темноте. – А сон – утешение старости.

Шорох воды под каноэ нагонял дремоту, и немного погодя они уснули.

Таиту разбудил негромкий окрик из переднего каноэ. Приподнявшись, Таита перегнулся через борт и плеснул в лицо пригоршню воды. Потом стряхнул капли с глаз и посмотрел вперед. Там темной массой возвышался берег.

Наконец каноэ коснулись днищами дна. Гребцы подняли весла и спрыгнули за борт, чтобы вытащить каноэ повыше. Лошади, обнаружив опору под ногами, выходили на сушу; с них потоками лилась вода. Женщины подняли носилки с Калулу и перенесли на берег.

– Теперь пусть твои люди позавтракают, – сказал Калулу Таите, – чтобы мы могли выступить при первом свете. Дорога до Камней долгая.

Они смотрели, как гребцы оттаскивают каноэ в воду и отчаливают. Силуэты стремительных лодок растаяли в темноте, и только белые всплески весел выдавали их положение. Но скоро и они исчезли.

Разожгли костры, позавтракали копченой озерной рыбой и лепешками из дурры и на рассвете двинулись вдоль берега озера. Через пол-лиги им попалось белое сухое русло.

– Что это была за река? – спросил Таита у Калулу, хотя заранее знал ответ.

– Была и есть Нил, – просто ответил Калулу.

– Он напрочь пересох! – воскликнул Таита, оглядывая русло. Шириной четыреста ярдов от берега до берега, но между ними не течет вода. Русло заросло слоновьей травой высотой в два человеческих роста, похожей на миниатюрный бамбук. – Мы прошли по реке от Египта до этого места две тысячи лиг. И везде было хоть немного воды, пусть даже ручеек, а здесь сухо, как в пустыне.

– Вода, которую вы видели севернее озера Семлики Ньянцу, поступает из притоков, – объяснил Калулу. – Это был Нил, величайшая река мира. Теперь это ничто.

– Но что с ним случилось? – спросил Таита. – Какая дьявольская сила могла остановить столь могучий поток?

– Это недоступно воображению, даже такому могучему и всеобъемлющему, как твое, маг. Когда достигнем Красных Камней, увидишь сам.

Фенн перевела сказанное Мерену, и у того лопнуло терпение.

– Если мы пойдем по сухому руслу, – спросил он, – где я найду воду для людей и лошадей?

– Найдешь, как находят слоны. Докопаешься, – ответил Таита.

– И сколько мы будем в дороге?

Когда вопрос Мерена перевели, Калулу лукаво улыбнулся и ответил:

– Многое зависит от выносливости ваших лошадей и силы ног.

Они двигались быстро, минуя зловонные болота с застоявшейся водой, некогда бывшие чистыми заводями, поднимаясь по сухим скалистым ущельям, где когда-то гремели водопады. Шестнадцать дней спустя путники вышли к невысокому хребту, тянувшемуся параллельно руслу Нила. Это была первая черта местности, нарушившая однообразие леса, простиравшегося на много лиг.

– На этом возвышении стоит город моего народа Тамафупа, – сказал Калулу. – От него видна большая вода Налубаале.

– Давайте пойдем туда, – сказал Таита.

Они проехали рощу растущих на сухом склоне хинных деревьев с ярко-желтой корой. Из-за недостатка воды деревья погибли, и их голые ветви свисали, как руки паралитика. Наконец поднялись на вершину хребта. Дымка раздула ноздри и замотала головой. Вихрь тоже был взбудоражен: он начал подпрыгивать и вставать на дыбы.

– Негодник! – Фенн легонько хлестнула его по шее прутиком папируса. – Угомонись! – Потом обратилась к Таите: – Что их так взбудоражило, маг?

– Разве ты не чувствуешь запах? – спросил Таита. – Холодный и сладкий, как аромат цветов кигелии.

– Теперь чувствую, – ответила Фенн, – но что это?

– Вода, – сказал он и указал вперед. На юге виднелось серебристое облако, а под ним от одного края горизонта до другого протянулся изгиб вечной голубизны. – Наконец-то Налубаале!

На гребне хребта стояла прочная ограда из толстых заостренных бревен. Ворота были открыты, и они въехали в покинутый город Тамафупа. Очевидно, когда-то он был центром процветающей многолюдной общины – пустые дома казались роскошными и великолепно крытыми, но над городом висела угрюмая тишина. Таита и Фенн повернули, выехали из ворот и позвали остальных.

В ответ на их крик вспотевшие, задыхающиеся носильщицы доставили Калулу. Собравшиеся у ворот Тамафупы были задумчивы и серьезны; все смотрели на голубое озеро вдали.

Первым нарушил молчание Таита:

– Исток нашей матери Нила.

– Край земли, – отозвался Калулу. – За этой водой нет ничего, кроме пустоты и Лжи.

Таита оглянулся на укрепления Тамафупы.

– Мы в опасной местности и окружены множеством враждебных племен. Превратим этот город в свою крепость, когда двинемся дальше, – сказал он Мерену. – Оставим здесь Хилто и Шабако с их людьми, пусть укрепят стены и приготовятся отражать нападения. А тем временем Калулу отведет нас к таинственным Красным Камням.

Утром они двинулись дальше – в последний короткий поход, завершающий путешествие, которое заняло больше двух лет. Ехали вдоль русла, часто по песчаной пересохшей его середине. Миновали очередной изгиб и за поворотом увидели обточенные водой скалы. А над ними, точно крепостная стена огромного города, возвышалась сплошная преграда из красного гранита.

– Во имя Гора, сына, и Осириса, его божественного отца! – воскликнул Мерен. – Что это за крепость? Цитадель какого-нибудь африканского императора?

– Это Красные Камни, – негромко ответил Калулу.

– Откуда они взялись? – спросил Таита, удивленный не меньше своих товарищей. – Какой человек или демон это сделал?

– Не человек, – сказал Калулу. – Это дело не человеческих рук.

– Но чьих?

– Позвольте мне сначала показать их вам. Потом мы сможем поговорить.

Они осторожно приблизились к Красным Камням, и, когда наконец оказались под самой каменной стеной, перегородившей Нил, Таита спешился и медленно пошел вдоль ее основания. Фенн и Мерен последовали за ним. Иногда они останавливались и осматривали поверхность стены. Она была обточена водой, как воск, натекший из свечи.

– Камень когда-то был расплавлен, – заметил Таита. – Он застыл в этой фантастической форме.

– Ты прав, – подтвердил Калулу. – Именно так и была создана стена.

– Это невозможно – но перед нами сплошная каменная поверхность. Никаких соединений, никаких зазоров между отдельными глыбами.

– По меньшей мере одна щель есть.

Фенн указала вперед. Своими острыми глазами она заметила в центре стены узкую полоску, от гребня до самого подножия. Когда добрались до нее, Таита достал кинжал и попытался ввести лезвие в щель, но та оказалась слишком узкой. Лезвие углубилось только на толщину первой фаланги мизинца.

– Поэтому мы называем ее Красные Камни, а не Красный Камень, – сказал Калулу. – Стена разделена на две части.

Таита опустился на одно колено, чтобы осмотреть нижнюю часть стены.

– Это не базальт древнего основания речного дна. Стена проходит через него, словно выросла из центра земли, подобно гигантскому грибу. Материал стены, похоже, отличается от всего окружающего.

– И опять ты прав, – сказал Калулу. – Его нельзя обработать или отколоть кусок, как от других камней. Если приглядишься, увидишь внутри красные кристаллы, от которых он получил свое название.

Таита наклонился поближе, и крошечные кристаллы, из которых состояла стена, отразили солнечный луч и сверкнули, как маленькие рубины.

– В этом нет ничего непристойного или неестественного, – негромко сказал Таита. Он вернулся туда, где в носилках сидел Калулу. – Как это появилось здесь?

– Точно не скажу, маг, хотя я был здесь, когда это случилось.

– Если ты очевидец, почему же не знаешь, что произошло?

– Объясню позже, – сказал Калулу. – Пока достаточно сказать, что это видели многие, однако пятьдесят легенд по-разному описывают это событие.

– Вся эта стена – нечто фантастическое, – заметил Таита. – Возможно, семена истины скрыты в какой-нибудь легенде или предании.

– Возможно. – Калулу согласно кивнул. – Но давайте сначала поднимемся на верх стены. Вы еще многое должны увидеть.

Пришлось вернуться по речному дну и найти место, где можно было бы подняться на берег. По берегу они вернулись к стене из красного камня.

– Я подожду здесь, – сказал Калулу. – Подъем слишком труден.

И он указал на гладкую, почти отвесную стену. Начали осторожно подниматься. Кое-где приходилось ползти на четвереньках, но наконец они оказались на закругленном гребне Красных Камней. И оттуда увидели озеро. Таита заслонил глаза от солнечного света, отраженного от

поверхности воды. Поблизости темнело множество мелких островков, но за ними он не видел суши. Он оглянулся туда, откуда они пришли. Далеко внизу виднелась крошечная фигурка. Калулу смотрел на них снизу.

– Кто-нибудь пытался добраться до противоположного берега озера? – крикнул ему Таита.

– Противоположного берега нет, – крикнул в ответ Калулу. – Только пустота.

Вода плескалась о стену всего в пяти локтях под ними. Таита посмотрел на сухое речное дно и прикинул разницу в высоте стены с наружной и внутренней стороны.

– Стена держит воду глубиной в сорок или пятьдесят локтей. – Он широким жестом обвел бесконечный простор озера. – Без этой стены вода водопадом обрушилась бы в Нил и дошла до Египта. Неудивительно, что река пересохла.

– Мы можем прочесать окружающую местность, набрать целое войско рабов и заставить их работать, – предложил Мерен.

– А что они будут делать? – спросил Таита.

– Мы снесем эту преграду, и Нил вернется в Египет.

Таита улыбнулся и сандалией топнул по стене.

– Калулу уже сказал, насколько тверд и неподатлив этот камень. Только посмотри, какой он огромный, Мерен. Куда больше трех великих пирамид в Гизе, поставленных одна на другую. Если даже ты возьмешь в плен всех мужчин в Африке и заставишь их работать следующие сто лет, вряд ли они разобьют хотя бы часть стены.

– Не стоит доверять словам незнакомца. Я прикажу своим людям поработать над камнем огнем и бронзой. И не забудь, маг: инженерное искусство, примененное при строительстве пирамид, можно использовать и здесь. Не вижу, почему бы нам не повторить этот подвиг: ведь мы египтяне, самый цивилизованный народ в мире.

– Твои слова не лишены смысла, – согласился Таита. Потом что-то у дальнего конца стены привлекло его внимание. Он нахмурился. – Там на утесе над нами здание? Надо спросить Калулу.

По гладкой скользкой поверхности они спустились туда, где на носилках в окружении своих стражниц сидел Калулу. Когда Таита показал на развалины, Калулу кивнул:

– Ты прав, маг. Это храм, построенный людьми.

– Но ведь твое племя не строит из камня.

– Конечно. Этот храм построен чужаками.

– Кто были эти чужаки и когда они построили храм? – спросил Таита.

– Первый камень они заложили почти ровно пятнадцать лет назад.

– А что это были за люди?

Калулу не спешил отвечать.

– Не чернокожие. Черты лица, как у тебя и у твоих людей. Они говорили на вашем языке, точно так же одевались, и у них было такое же оружие.

Таита молча удивленно смотрел на него. Наконец он сказал:

– Стало быть, египтяне? Да нет, невозможно. Ты уверен, что они пришли из Египта?

– Я не знаю, откуда они пришли. Я никогда не спускался по течению Нила, не добирался даже до больших болот. Не могу утверждать с уверенностью, но они походили на твоих соплеменников.

– Ты говорил с ними?

– Нет, – с нажимом ответил Калулу. – Они держались замкнуто и ни с кем не разговаривали.

– Сколько их было и где они теперь?

Таита как будто внимательно наблюдал за глазами карлика, но Фенн поняла, что маг разглядывает его ауру.

– Больше тридцати, но меньше пятидесяти. Они исчезли так же таинственно, как появились.

– После того как реку перегородили Красные Камни?

– Одновременно с этим, маг.

– Исключительно странно, – сказал Таита. – А кто обитает в храме сейчас?

– Храм покинут, маг, – ответил Калулу, – как и земля на сотни миль вокруг него. Мое племя и другие племена бежали в ужасе перед этими необычными происшествиями. Даже мне пришлось скрываться в зарослях. Я впервые вернулся сюда и признаюсь, что никогда не сделал бы этого без твоих уговоров.

– Надо побывать в храме, – сказал Таита. – Покажешь нам его?

– Я никогда не бывал внутри, – негромко сознался Калулу. – И не пойду. Не проси меня идти с вами.

– Почему, Калулу?

– Это область абсолютного зла. Сила, которая разрушила жизнь всех нас.

– Я уважаю твою осторожность. Дело серьезное, и легкомыслие здесь неуместно. Возвращайся с Мереном. Я пойду в храм один. – Таита повернулся к Мерену: – Не жалей сил на укрепление лагеря. Укрепи стену и выставь сильную охрану. Мы вернемся и испытаем прочность Красных Камней.

– Умоляю, возвращайся в лагерь до наступления темноты, маг. – Мерен выглядел сильно встревоженным. – Если не вернешься на закате, я пошлю за тобой отряд.

Когда охранницы подняли носилки и пошли за Мереном, Таита повернулся к Фенн:

– Ступай с Мереном. Поторопись, чтобы догнать его.

Она выпрямилась во весь рост, заложила руки за спину и упрямо сжала губы. Он уже хорошо знал это выражение.

– Никакое заклинание не заставит меня покинуть тебя, – заявила Фенн.

– Так хмуриться тебе не к лицу, – мягко укорил Таита.

– Ты даже представить себе не можешь, какой я бываю гадкой, – ответила она. – Попробуй избавиться от меня, и я тебе покажу!

– Твои угрозы лишают меня мужества. – Таита не сдержал улыбку. – Держись поближе ко мне и будь готова при первых же признаках угрозы или враждебного присутствия создать защитный круг.

Они нашли тропу, ведущую на утес. Дойдя до храма, увидели, что слагающий его камень прекрасно обработан. Здание было крыто деревянными балками, на которые уложили слой тростника. Сейчас этот тростник частично обрушился. Таита и Фенн медленно обошли здание. Храм стоял на круглом фундаменте примерно пятьдесят шагов в поперечнике. В стены на равном удалении встроены пять гранитных стел.

– Пять точек пентаграммы. Черная магия, – негромко объяснил Таита Фенн.

Они вернулись к главному входу в здание. Дверные косяки украшала резьба: эзотерические символы.

– Можешь их прочесть? – спросила Фенн.

– Нет, – признался Таита. – Они мне незнакомы. – И посмотрел в глаза девочке: нет ли в них страха. – Войдешь со мной?

Вместо ответа Фенн взяла его за руку и предложила:

– Давай образуем круг.

Вместе они прошли через главный вход в круглый внешний портик, вымощенный плоскими гранитными плитами; на эти плиты сквозь прорехи в крыше падали лучи солнца. Отверстия во внутренней стене не было. Рука об руку они обошли изгиб стен портика. У каждой стелы на полу обнаружился луч пентаграммы, выложенной белым мрамором. Возле каждого был начертан символ: змея, крест с рукоятью, летящий стервятник, еще один стервятник, на насесте, и, наконец, шакал. Наступив на груду прогнившего тростника, они услышали под ногами резкое

шипение и шорох. Таита обхватил Фенн за талию и оторвал от земли. Из груды перед ними поднялась змеиная голова в капюшоне – голова египетской кобры. Змея смотрела крошечными черными блестящими глазами, в пасти мелькал язык: она изучала запах пришельцев. Таита поставил Фенн на землю, поднял посох и показал на змеиную голову.

– Не бойся, – сказал он. – Это не привидение. Обычное животное.

Он начал ритмично перемещать конец посоха из стороны в сторону, кобра раскачивалась в такт его движениям. Постепенно она успокоилась, раздула капюшон и снова скрылась в тростнике. Таита увел Фенн по галерее. Наконец они остановились перед резной дверью.

– Противоположное отверстие, – сказал Таита. – Прямо против входа. Оно ограничивает доступ чуждого влияния во внутреннее святилище.

Дверь, перед которой они стояли, была сделана в форме цветка с лепестками. Косяки покрыты плитками из полированной слоновой кости, малахита и тигрового глаза. Закрытая дверь обита лакированной крокодиловой кожей. Таита, используя тяжесть своего тела, нажал посохом на дверь. Она раскрылась, заскрипели бронзовые петли. Внутреннее помещение освещал единственный солнечный луч, проникавший через отверстие в куполообразной крыше. Луч падал на пол святилища и дробился радугой.

Пол украшала сложная пентаграмма, выложенная из мрамора и полудрагоценных камней. Таита узнал среди них розовый кварц и горный хрусталь, берилл и рубеллит. Пентаграмма была изготовлена с удивительным мастерством. В центре рисунка находился круг из плиток, так точно пригнанных и отполированных, что стыки были совершенно незаметны. Казалось, это сплошной щит из блестящей слоновой кости.

– Пойдем отсюда, маг.

Дрожащий голос Фенн отразился от круглых стен.

– Подожди! – ответил Таита. – Внутри есть чье-то присутствие, дух этого места. Я думаю, он опасен. Именно он пугает Калулу. – Он показал на солнце в отверстии крыши. – Почти полдень. Сейчас луч коснется центра пентаграммы. Это знаменательный момент.

Они следили за ползущим по полу лучом. Он коснулся края круга из слоновой кости и, отразившись, упал на стену. Его яркость усилилась втрое. Казалось, он замедлил передвижение, и вдруг заполнил весь диск слоновой кости. Сразу же послышались звуки систра и хлопанье. Вокруг замелькали крылья летучих мышей и стервятников. Святилище заполнило белое сияние такой яркости, что пришлось руками заслонить глаза. И сквозь это сверкание они разглядели духовный знак Эос, появившийся в центре диска, – в сиянии выделялась кошачья лапа.

Воздух наполнился запахом ведьмы, похожим на запах дикого зверя. Таита и Фенн отшатнулись от двери, но в это мгновение солнечный луч сполз с диска и огненный знак исчез. Зловоние ведьмы рассеялось, остался только запах заплесневелого тростника и испражнений летучих мышей. Солнечный луч погас, святилище вновь погрузилось в полумглу. Таита и Фенн молча прошли по галерее и вышли наружу.

– Она была здесь, – прошептала Фенн и глубоко вдохнула прохладный озерный воздух, как будто очищая легкие.

– Ее влияние осталось. – Концом посоха Таита показал на Красные Камни. – Она по-прежнему здесь в дьявольском деле рук своих.

– А нельзя разрушить ее храм, – Фенн оглянулась на здание, – и тем самым уничтожить и ее?

– Нет, – уверенно ответил Таита. – В святилище этой ее крепости ее присутствие сильно. Бросать ей вызов здесь смертельно опасно. Мы найдем другое время и место, чтобы напасть на нее. – Он взял Фенн за руку и повел за собой. – Вернемся завтра, чтобы испытать прочность стены, и попробуем больше узнать у Калулу, откуда взялись эти Красные Камни, перегородившие ущелье.

Мерен показал на щель посередине стены Красных Камней:

– Это, несомненно, самое слабое место. Вероятно, линия разреза.

– Да, это лучшее место для первого опыта, – согласился Таита. – Недостатка в дровах у нас не будет. – Большинство крупных деревьев, росших на склонах ущелья, погибли, когда перегородили реку. – Приступайте.

Воины углубились в лес. Вскоре в ущелье зазвучал стук топоров, эхом отражавшийся от утесов. Когда дерево падало, лошади оттаскивали его к подножию Красной Стены. Здесь бревна разрубали вдоль и складывали у основания стены так, что образовался воздухопровод, по которому воздух будет поступать к огню. Потребовалось несколько дней, чтобы нагромоздить гигантскую груду дров. Тем временем Таита соорудил четыре колеса-шадуфа, которые подадут озерную воду на гребень; оттуда она будет литься на раскаленную стену.

Когда все было готово, Мерен поднес к груде дров огонь. Мгновенно поднялся высокий язык пламени. Через несколько минут вся груда была охвачена ревущим огнем. Никто не мог стоять ближе ста ярдов от костра, не рискуя сжечь кожу до костей.

Ожидая, пока огонь притухнет, Таита и Фенн сидели с Калулу на утесе над ущельем, глядя на храм Эос на противоположной стороне. От солнца их защищал полуразрушенный павильон, некогда построенный здесь. Охранницы Калулу починили его провалившуюся крышу.

– Когда река еще текла и мое племя жило здесь, в жаркое время года, когда земля стонет под ударами солнца, я обычно приходил на это место, – рассказывал Калулу. – Сюда долетает прохладный ветерок с озера. К тому же меня очень интересовала деятельность чужаков в храме на другом берегу. Это место служило мне наблюдательным пунктом; отсюда я мог подсматривать за ними. – Он указал на храм высоко на противоположном утесе. – Представьте, как тогда все это выглядело. На месте красной каменной стены зияло глубокое ущелье со множеством порогов и водопадов, по которым катилось столько воды, что ее рев оглушал. Над всем этим местом постоянно висело облако брызг. – Он высоко поднял руки и красноречивым грациозным жестом показал, как выглядело облако. – Когда ветер менялся, брызги долетали и сюда, холодные и благословенные, как дождь. – Он улыбнулся приятным воспоминаниям. – Отсюда на все происходящее открывался вид с высоты птичьего полета.

– Ты видел, как строили храм? – спросила Фенн. – Ты знал, что внутри там много слоновой кости и драгоценных камней?

– Истинная правда, красавица. Я видел, как чужаки доставляли их. В качестве носильщиков они использовали сотни рабов.

– С какой стороны они пришли? – спросил Таита.

– С запада. – Калулу указал на горизонт, затянутый голубоватой дымкой.

– А какая страна там лежит?

Карлик замялся. Какое-то время он молчал, а когда ответил, голос его звучал неуверенно:

– В молодости, когда у меня были сильные ноги, я побывал в той стороне. Я отправился туда в поисках знаний и мудрости, наслушавшись рассказов об удивительном мудреце, который там живет.

– И что ты там увидел?

– Горы, могучие горы, вершины которых большую часть года скрыты густыми облаками. Когда облака расходятся, видны пики, вздымающиеся к самому небу, пики с лысыми белыми макушками.

– Ты поднимался на эти вершины?

– Нет. Я видел их только издалека.

– Есть ли у этих гор название?

– Местные жители называют эти горы Лунными, ведь вершины у них сияют, как полная луна.

– Расскажи, мой почтенный ученый друг, какие еще чудеса ты видел в своих странствиях?

– Множество, – ответил Калулу. – Я видел реки, которые вырываются из-под земли и бурлят, поднимая пар, словно котел с кипятком. Я слышал, как холмы стонут и дрожат у меня под ногами, будто в глубокой пещере под ними ворочается чудовище. – Темные глаза вспыхнули от воспоминаний. – В этих горах скрыта такая сила, что одна из вершин горит и дымится, как гигантская печь.

– Горящая гора! – воскликнул Таита. – Ты видел вершину, изрыгающую огонь и дым! Ты открыл вулкан?

– Да, если ты так называешь это чудо, – согласился маленький человек. – Племена, живущие под той горой, называют ее Башней Света. Это зрелище наполнило меня благоговейным страхом.

– А нашел ли ты знаменитого мудреца, ради которого предпринял путешествие? Люди, которые построили этот храм, пришли с Лунных гор? Ты так считаешь? – Таита вернулся к отправной точке беседы.

– Кто знает? Я не знаю. Но они пришли с той стороны. И работали двадцать месяцев. Вначале их рабы переносили строительные материалы. Затем они воздвигли стены, перекрыли их балками и покрыли балки тростником. Мое племя снабжало их пищей в обмен на бусы, ткани и металлические инструменты. Мы не понимали, зачем нужно это здание, но оно казалось безвредным и не представляло никакой угрозы. – Калулу покачал головой, вспоминая свою наивность. – Меня интересовала их работа. Я пытался подружиться со строителями и больше узнать о том, что они делают, но они самым враждебным образом прогнали меня. Свой лагерь они окружили стражей, и я не мог подойти близко. И вынужден был следить за их работой отсюда.

Калулу погрузился в молчание.

Таита подтолкнул его новым вопросом:

– И когда храм был закончен?..

– Строители и рабы ушли. На запад, откуда появились. В храме остались девять жрецов.

– Только девять? – спросил Таита.

– Да. Я знал каждого из них в лицо – издали, конечно.

– А почему ты решил, что они жрецы?

– Они были в красных мантиях. Проводили обряды покорности и преданности. Приносили жертвы и сжигали приношения.

– Опиши обряды. – Таита слушал с напряженным вниманием. – Каждая подробность может оказаться важной.

– Ежедневно в полдень три жреца процессией спускались к истоку водопада. Они набирали в кувшины воду и относили в храм, при этом они танцевали и пели на необычном языке.

– На тенмассе?

– Нет, маг. Этот язык был мне незнаком.

– И все? Или ты помнишь еще что-нибудь? Ты говорил о жертвоприношениях.

– Они покупали у нас черных козлов и черных птиц. Непременно черных как смоль. Их особенно заботил цвет. Они забирали их в храм. Я слышал пение, а потом над храмом поднимался дым и пахло горелой плотью.

– Что еще? – настойчиво продолжал Таита.

Калулу немного подумал.

– Один из жрецов умер. Не знаю почему. Остальные восемь отнесли его тело к озеру. Положили его нагим на песок. Потом по склону вернулись на утес. И оттуда смотрели, как крокодилы утаскивают тело в воду. – Карлик сделал решительный жест: кончено. – Через несколько недель в храме появился новый жрец.

– Он тоже пришел с запада?

– Не знаю, я не видел, как он пришел. Вечером в храме было восемь жрецов, а на следующее утро снова девять.

– Значит, число жрецов имело значение. Девять. Обозначение Лжи. – Таита немного подумал, потом спросил: – Что дальше?

– Больше двух лет жрецы неизменно совершали одни и те же обряды. Потом я почувствовал, произойдет нечто значительное. Они разожгли вокруг храма пять сигнальных костров и много месяцев непрерывно поддерживали их пламя.

– Пять костров, – повторил Таита. – Как они их расположили?

– Там во внешнюю стену встроены пять стел. Ты заметил?

– Да. Они образуют концы большой пентаграммы, мистический рисунок, на котором стоит храм.

– Я никогда не был в храме. И ничего не знаю о пентаграмме. Знаю только, что костры размещались в этих точках внешней стены, – сказал Калулу.

– Больше ничего необычного не произошло?

– Потом к жрецам присоединился еще один человек.

– Жрец?

– Думаю, нет. Этот был одет не в красное, а в черное. Его целиком окутывала тончайшая черная ткань, поэтому я не могу сказать, мужчина это был или женщина. Однако судя по фигуре под вуалью и по грациозности движений, это была женщина. По утрам она выходила на рассвете из храма. Молилась перед каждым из костров и уходила в храм.

– Ты видел ее лицо?

– Его всегда скрывала вуаль. Двигалась женщина необычайно грациозно. Прочие жрецы обращались с ней чрезвычайно почтительно, падали перед ней ниц. Должно быть, это верховная жрица их религии.

– Ты не заметил каких-нибудь знамений в небе или в природе, когда она жила в храме?

– Действительно, было много необычных небесных знаков, маг. В тот день, когда я впервые увидел, как женщина молится перед кострами, вечерняя звезда двинулась по небу вспять. А вскоре еще одна яркая безымянная звезда разбухла и была словно охвачена пламенем. Все время, пока жрица жила в храме, в северной части ночного неба полыхали странные огни. Все это необычно до крайности.

– Ты считаешь, причина всему этому – женщина в вуали?

– Скажу только, что это началось с ее появления. Возможно, простое совпадение. Не знаю.

– Это все? – спросил Таита.

Калулу отрицательно покачал головой.

– Было и много другого. Природа словно пришла в смятение. Наши посевы в полях пожелтели и засохли. У коров начались выкидыши. Верховного вождя нашего племени ужалила змея, и он сразу умер. Его старшая жена родила мальчика с двумя головами.

– Дурные знаки.

Таита выглядел озабоченным.

– Но и это еще не все. Погода изменилась. С холмов на город подул сильный ветер, он срывал крыши. Пожар охватил дом собраний и уничтожил все реликвии и джуджу наших предков. Гиены выкопали труп верховного вождя и сожрали его.

– Это было прямое нападение на твой народ, на ваших предков и веру, – негромко сказал Таита.

– Затем прямо у нас под ногами земля зашевелилась и затряслась, как живая. Воды озера вскипели и яростно взмыли вверх. Исчезли рыбные косяки. Озерные птицы улетели на запад. Волны разбили наши каноэ, лежавшие на берегу. Изорвали рыбацкие сети. Меня просили умилостивить разгневанных богов нашего племени.

– Но что ты мог сделать перед лицом стихии? – удивился Таита. – Тебе поручили невыполнимую задачу.

– Я пришел туда, где мы сидим сейчас. Произнес заклинание. Пробудил тени наших предков и просил их умилостивить богов озера. Но они оставались глухи к моим мольбам и слепы к страданиям моего народа. Они сотрясали холмы, на которых мы сидим, как дикий слон трясет ореховое дерево. Земля дрожала так, что люди не могли устоять на ногах. В ней разверзались огромные щели, подобные пастям голодных львов, и глотали мужчин и женщин с привязанными к их спинам детьми.

Калулу плакал. Слезы капали с его подбородка на голую грудь. Одна из охранниц вытерла их льняной тканью.

– У меня на глазах воды озера начали накатываться и с громом рушиться на берег. Они достигали середины утеса под нами. Брызги заливали меня потоком. Я ослеп и оглох. Посмотрел на храм. И сквозь потоки брызг увидел в проеме входа фигуру в черном. Женщина протягивала к бушующему озеру руки, как жена приветствует возвращение любимого мужа с войны.

Калулу тяжело дышал, судороги сотрясали его тело. Руки и культи ног дергались, словно в танце, голова дрожала, как у параличного. Лицо перекосилось.

– Спокойно.

Таита положил руку ему на голову, и карлик постепенно успокоился.

– Не нужно продолжать, если это так больно.

– Я должен рассказать тебе. Только ты поймешь.

Калулу глотнул воздуха и продолжил:

– Вода расступилась, и в волнах показались какие-то темные глыбы. Вначале я принял их за чудовищ из глубин. – Он показал на ближайший остров: – Этого острова раньше не было. Гладь озера была открытой и свободной. Потом из глубин поднялись скалы. Остров, на который ты смотришь, родился из чрева озера как дитя из материнской утробы. – Рука, которой колдун показывал на остров, дрожала. – Но это было еще не все. Воды вновь расступились. Со дна поднялась еще одна глыба. Вот эта! Красные Камни! Они сверкали, как металл в кузнечном горне. Вода, которую они раздвигали, шипела и превращалась в пар. Полурасплавленный камень застывал на воздухе. От них валил такой густой пар, что вокруг ничего не было видно, но когда пар рассеялся, я увидел, что храм невредим. Все камни на месте, крыша не затронута. Однако фигура в черном одеянии исчезла. Исчезли и жрецы. Никого из них я никогда больше не видел. Красные Камни продолжали раздуваться, как гигантский живот беременной, пока не стали таковы, какими ты видишь их сейчас, и из-под воды появились скалы и песчаная полоса у их основания.

Калулу сделал знак, и одна из охранниц поддержала его голову, а вторая поднесла к губам выдолбленную тыкву. Карлик шумно глотнул. Жидкость, которую он пил, остро пахла и как будто сразу успокоила его. Он оттолкнул тыкву и снова заговорил:

– Все это так меня поразило, что я бросился наутек по склону вниз от этой хижины. – Он показал, по какой дороге бежал. – И был возле той рощицы, когда земля расступилась и я упал в разверзшуюся подо мной трещину. Я хотел вылезти, но одна моя нога была сломана. Однако я почти выбрался, и тут земля, точно пасть чудовищного людоеда, захлопнулась так же быстро, как открылась. Мои ноги зажало, кости раздробило. Два дня я лежал здесь, пока меня не нашли уцелевшие жители Тамафупы. Они попробовали освободить меня, но мои ноги были зажаты меж каменных плит. Я попросил сородичей принести нож и топор. Они держали меня, а я отрубил себе ноги и перевязал обрубки корой. Когда мое племя бежало из этих мест в болота Киоги, меня взяли с собой.

– Ты вновь пережил ужасные события того дня, – сказал Таита. – Твои силы на исходе. Я глубоко тронут тем, что услышал. Призови своих женщин. Пусть отнесут тебя в Тамафупу, тебе нужно отдохнуть.

– А что будешь делать ты, маг?

– Славный Мерен готов проверить, не расколется ли раскаленный камень, если обливать его водой. Я ему помогу.

Гора дров у подножия каменной стены перегорела, превратившись в груду золы. Камень так раскалился, что воздух вокруг него мерцал и дрожал, словно мираж в пустыне. Четыре команды собрались на верху Красных Камней у четырех шадуфов. Ни у кого не было опыта в раскалывании скал. Но Таита все им растолковал.

– Готов, маг? – послышался из глубины ущелья голос Мерена.

– Готов! – крикнул в ответ Таита.

– Качайте! – приказал Мерен.

Воины схватились за рукояти шадуфов и всей тяжестью налегли на них. Их головы поднимались и опускались в такт мерным ударам: это Хабари бил в туземный барабан. Пустые ведра одно за другим опускались в озеро, наполнялись и поднимались к верху стены. Здесь вода выливалась в деревянные желоба, по которым спускалась по горбу стены и выплескивалась на раскаленный камень с противоположной стороны. Стену и работающих на ее гребне людей мгновенно окутали густые облака шипящего пара. Но работа ни на миг не прекращалась, и вода продолжала литься на камень. Пар шипел, сжимающаяся скала дрожала и ворчала.

– Раскалывается? – крикнул Таита.

Мерена у основания стены не было видно в облаке пара. Но послышался его голос, приглушенный шипением пара и шумом воды:

– Я сам не вижу. Пусть льют дальше, маг!

Люди у шадуфов устали, и Таита сменил их свежими командами. Они продолжали лить воду на раскаленную поверхность, и постепенно пар рассеивался и шипение смолкало.

– Качайте! – кричал Мерен.

Таита снова сменил команды, потом осторожно подошел к краю и заглянул вниз, но подножие стены по-прежнему окутывал пар.

– Я спускаюсь, – сказал Таита работающим. – Не переставайте качать, пока я не прикажу.

Он направился к ведущей вниз тропе и как можно быстрее спустился. Пар поредел настолько, что Таите удалось разглядеть внизу силуэты Мерена и Фенн. Они теперь были гораздо ближе к стене и обсуждали результаты опыта.

– Не подходите слишком близко! – крикнул Таита, но они как будто не слышали его. Вода все лилась вниз и смыла уже всю золу. – Эй, Мерен! Есть толк? – крикнул Таита, продолжая торопливо спускаться.

Мерен посмотрел на него с таким комично-печальным выражением, что Таита рассмеялся:

– Почему такая тоска?

– Все впустую! – пожаловался в ответ Мерен. – Все усилия напрасны.

Он прошел сквозь облака пара и приложил ладонь к камню.

– Осторожней! – крикнул Таита. – Обожжешься!

Мерен отдернул руку и извлек меч. Коснулся камня острием.

Фенн стояла рядом с ним.

– Целехонек, – крикнула она. – Ни трещинки!

Когда Таита оказался рядом с ними, они стояли на расстоянии всего лишь вытянутой руки от стены. Маг сразу понял, что Фенн права: красный камень почернел от огня, но был невредим.

Мерен постучал по нему острием меча. Камень казался прочным. Мерен в ярости размахнулся и, вымещая свою досаду, нанес сильный удар. Хотя их окутывал теплый влажный пар, Таита неожиданно внутренне сжался, его лицо и руки охватил холод. Он мгновенно открыл Внутреннее Око. И увидел, как покрытое черной сажей место, куда пришелся удар Мерена, покраснело. Оно словно раскалилось, и на этом красном фоне проступила кошачья лапа – символ Эос Рассветной.

– Назад! – крикнул Таита и с помощью голоса силы подчеркнул свой приказ. При этом сам он прыгнул вперед, схватил Фенн за руку и оттащил. Но для Мерена предупреждение запоздало. Хотя Мерен пытался удержать меч, его клинок снова пришел в движение и ударил в прежнее место. С треском, напоминающим звон разбитого стекла, участок непосредственно под кошачьей лапой взорвался, выбросив дождь осколков прямо в лицо Мерену. Это были маленькие кусочки, но острые, как иглы. Мерен отпрянул, выронил меч и обеими руками схватился за лицо. Между пальцами показалась кровь и потекла по груди.

– Отойдите! – крикнул Таита людям, которые шли за ним и теперь пытались пробраться вперед. – Дайте место для работы. – А Фенн он сказал: – Принеси воды.

Она бегом принесла калебас. Таита отвел руки Мерена от изуродованного лица. Фенн в ужасе вскрикнула, но Таита знаком велел ей молчать.

– Я по-прежнему прекрасен?

Мерен пытался улыбнуться, но глаза его были крепко зажмурены, окровавленные веки взбухли.

– Ты стал еще красивее, – заверил его Таита и начал смывать кровь. Большинство порезов оказались поверхностными, но три были глубокими. Один проходил прямо через переносицу, второй разрезал верхнюю губу, но худший вред причинил третий – он пришелся прямо в правый глаз. Таита видел впившийся в глазное яблоко обломок камня.

– Принеси мою медицинскую сумку, – велел он Фенн, и та побежала туда, где лежали их вещи, и вернулась с кожаной сумкой.

Таита раскрыл сверток с медицинскими инструментами и выбрал серебряные щипцы со щупом.

– Можешь открыть глаза? – мягко спросил он.

– Нет, маг.

Голос Мерена звучал глухо.

– Больно? – дрожащим голосом спросила Фенн. – О, бедный Мерен.

Она взяла его за руку.

– Больно? Нисколько. Но от твоего прикосновения мне легче.

Таита велел Мерену зажать в зубах кожаную полоску.

– Прикуси.

Он сдавил щипцами обломок камня и одним быстрым решительным движением выдернул его. Мерен замычал, лицо его перекосилось. Таита отложил щипцы и пальцами осторожно развел веки. И услышал, как позади ахнула Фенн.

– Так плохо? – спросил Мерен.

Таита молчал. Глазное яблоко лопнуло, и кровавый студень тек на щеку. Таита сразу понял, что этим глазом Мерен больше никогда не будет видеть. Он осторожно развел веки второго глаза и заглянул. Увидел, что зрачок нормально расширяется и сокращается. Поднял свободную руку:

– Сколько пальцев?

– Три, – ответил Мерен.

– Значит, ты ослеп лишь наполовину, – сказал ему Таита. Мерен мужественный воин. Бесполезно и неразумно скрывать от него правду.

– Наполовину, вот как? – спросил Мерен с кривой улыбкой.

– Потому боги и дали тебе два глаза, – ответил Таита и начал перевязывать рану льняным бинтом.

– Ненавижу ведьму. Это ее работа, – сказала Фенн и негромко заплакала. – Ненавижу ее. Ненавижу.

– Приготовьте носилки для полководца, – приказал Таита ожидавшим воинам.

– Мне не нужны носилки, – возразил Мерен. – Я могу идти.

– Первый закон конницы, – напомнил ему Таита. – Никогда не иди пешком, если можешь ехать.

Как только носилки были готовы, Мерену помогли сесть в них и понесли в Тамафупу. Через некоторое время Фенн сказала Таите:

– Там какие-то чужаки. Они наблюдают за нами.

Она показала на высохшее русло реки. На фоне неба вырисовывалась небольшая группа чернокожих. Фенн быстро сосчитала их:

– Пятеро.

Все в набедренных повязках, торсы обнажены. Все вооружены копьями и дубинками. У двоих луки. Самый высокий стоит впереди. На нем головной убор из перьев розового фламинго. Держатся воины высокомерно и враждебно. Двое за вождем, похоже, ранены: их поддерживают товарищи.

– Маг, они побывали в бою, – сказал Шофар, один из тех, кто нес носилки.

– Окликни их! – приказал Таита.

Шофар закричал и замахал рукой. Воины словно не слышали. Шофар крикнул снова. Вождь в головном уборе из перьев фламинго повелительно поднял копье, и все пятеро мгновенно исчезли. Склон опустел. Молчание нарушили далекие крики.

– Кричат в городе. – Фенн быстро повернулась в ту сторону. – Там какая-то беда.

Оставив Таиту у Красных Камней, охранницы понесли Калулу вниз по течению реки к Тамафупе. Он был так расстроен, что продвижение шло очень медленно. Каждые несколько сот ярдов останавливались, чтобы напоить Калулу лекарством из калебаса и вытереть ему лицо влажной тряпкой. Судя по солнцу, прошло не менее двух часов, прежде чем они начали подниматься от русла к Тамафупе.

На выходе из густых зарослей колючего кустарника дорогу им преградила высокая фигура. Калулу и женщины сразу узнали этого человека, и не только по головному убору из перьев фламинго. Женщины опустили носилки и простерлись ниц.

– Мы видим тебя, великий вождь, – хором сказали они. Калулу приподнялся на локте и с тревогой смотрел на появившегося на дороге человека. Басма – верховный вождь всех племен басмара, обитающих между Тамафупой и Киогой. До прихода чужаков, которые построили храм и воздвигли из глубин озера Красные Камни, он был могучим правителем. Теперь его племена рассеяны, а власть ослабла.

– Приветствую тебя, могучий Басма, – почтительно сказал Калулу. – Я твой пес.

Басма был его вечным соперником и жестоким врагом. До сих пор Калулу защищали его слава и положение. Даже вождь басмара не смел тронуть столь влиятельного и сильного шамана. Однако Калулу знал, что с самого исчезновения воды в Ниле Басма ждал подходящего случая.

– Я следил за тобой, колдун, – холодно сказал Басма.

– Я польщен, что такой могучий вождь заметил мое ничтожное существование, – ответил Калулу.

Из зарослей вышли десять воинов басмара и построились за вождем.

– Ты привел врагов моего племени к Тамафупе. Они захватили мой город.

– Они не враги, – возразил Калулу. – Они друзья и союзники. Их предводитель великий шаман, гораздо мудрей и ученей меня. Он послан уничтожить Красные Камни и вернуть в Нил воду.

– Что за наглая ложь, жалкая безногая тварь? Эти люди те же колдуны, что построили храм у входа в реку, те же чародеи, что призвали гнев темных духов, заставили воду озера кипеть, а землю расступиться. Это они вызвали из глубины камни и перегородили великую реку, которые нам и мать, и отец.

– Неправда. – Калулу соскочил с носилок и теперь стоял на обрубках ног лицом к вождю. – Эти люди наши друзья.

Басма медленно поднял копье и указал острием на карлика. Это был приговор. Калулу взглянул на своих охранниц. Они принадлежали к племени, не подчинявшемуся Басме, и, в частности, по этой причине он выбрал именно их, представительниц воинственного племени с далекого Севера. Однако если придется делать выбор между ним и Басмой, кому они останутся верны, Калулу не был уверен. Словно в ответ на его невысказанный вопрос, восемь женщин сомкнулись вокруг него. Их предводительницей была Имбали, что значит «цветок», – тело, словно выточенное из антрацита, черная кожа смазана маслом, так что блестит на солнце. Руки и ноги стройные и мускулистые. Груди, высокие и твердые, украшены сложным рисунком ритуальной татуировки. Шея длинная и гордая. Глаза полны ярости. Она высвободила висевший на поясе боевой топор. Остальные последовали ее примеру.

– Твои шлюхи не спасут тебя, – презрительно сказал Басма. – Убейте колдуна, – крикнул он воинам и метнул в Калулу копье.

Имбали отразила бросок. Она прыгнула вперед, взмахнула топором и, поймав в воздухе копье, подбросила его вверх. А когда оно падало, схватила его левой рукой и направила на набегающих воинов. Первый налетел на копье, и оно пронзило его под грудью. Воин опрокинулся на того, кто бежал следом, и сбил его с ног. Упал и лежал, дергая ногами; копье торчало у него из живота. Имбали ловко перепрыгнула через труп и ударила второго воина, прежде чем тот успел опомниться. Она взмахнула топором и отрубила воину руку в локте. Потом развернулась и, используя инерцию своего движения, обезглавила третьего воина, бежавшего за первыми двумя. Безголовое тело «село», пустив фонтан крови из рассеченных артерий, потом упало, и кровь потекла на землю.

Имбали и остальные женщины отступили, по-прежнему окружая Калулу, схватили носилки за кожаные ремни и, используя их как таран, направили на набегающих воинов басмара. Их боевой клич разорвал тишину, топоры вздымались и падали, разрубая плоть и кости.

Воины быстро подготовились к схватке. Они встретили женщин стеной сомкнутых щитов и бросали им в головы свои длинные копья. Одна женщина упала: острие копья пробило ей горло и мгновенно убило. Остальные подняли носилки и ударили ими по щитам. Обе стороны давили изо всех сил. Один из басмара опустился на колени и под носилками ударил копьем одну из женщин, в самом центре шеренги, в живот. Та выпустила носилки и наклонилась вперед. Она пыталась увернуться, но воин, ударивший ее, выдернул копье и ударил вторично, целясь в почки. Копье глубоко погрузилось в тело, женщина закричала; лезвие скользнуло в сторону, перерубило позвоночник и лишило ее способности двигаться.

Охранницы Калулу отступили на несколько шагов, уничтожили брешь, образовавшуюся после падения раненой, и надежно держали носилки. Басмара снова подняли щиты и плечом к плечу напали. Наскакивая на носилки, они били копьями из-за краев щитов, целясь в живот и пах. Линия щитов качалась вперед-назад. Упали еще две девушки, одну ранили в бедро, перерезав бедренную артерию. Девушка отступила и попыталась остановить кровотечение, закрыв артерию пальцами. Она наклонилась, открыв спину, и басмара ударил. Острие копья вошло в щель между ребрами, мгновенно отнявшиеся ноги девушки подогнулись. Воин ударил еще раз, но, пока он пытался добить свою жертву, Имбали поднырнула под носилки и разрубила ему череп.

Давление на носилки стало неравномерным, и они повернулись. Калулу лишился защиты с одной стороны. Вождь Басма воспользовался этим: он выскочил из-за стены щитов, обежал носилки и напал на Калулу. Завидев его приближение, Калулу встал на руки. С поразительным проворством он метнулся под защиту ближайшей заросли колючих кустов. И был почти у цели, но Басма догнал его и дважды ударил.

– Предатель! – крикнул вождь, и копье вошло Калулу в спину. Ценой огромного усилия Калулу, стоя на руках, умудрился удержать равновесие. Он отскочил, но Басма снова ударил.

– Злой колдун! – крикнул он и глубоко вогнал острие в живот карлика. Калулу с криком опрокинулся в заросли. Вождь хотел продолжить, но краем глаза увидел замахнувшуюся топором Имбали. Он резко пригнулся и, когда топор просвистел мимо уха, увернулся от второго удара и убежал. Его люди увидели это и вслед за вождем кинулись вверх по склону.

– Колдун мертв! – крикнул Басма.

Воины подхватили его крик:

– Калулу мертв! Друг дьяволов и демонов убит!

– Пусть бегут к потаскухам, которые их выкормили. – Имбали остановила женщин, бросившихся в погоню. – Мы должны спасти хозяина.

Когда они отыскали Калулу в зарослях, тот свернулся клубком и выл от боли. Женщины осторожно выпутали его из колючих ветвей и положили на носилки. В этот миг снизу послышался окрик.

– Это голос мудрого старика.

Имбали узнала голос Таиты и крикнула в ответ.

Вскоре показались Таита и Фенн, а за ним и воины с носилками Мерена.

– Калулу, ты серьезно ранен, – мягко сказал Таита.

– Нет, маг, не ранен. – Калулу с трудом покачал головой. – Боюсь, я убит.

– Быстрей отнесите его в лагерь, – велел Таита Имбали и трем ее оставшимся в живых спутницам. – Вы тоже, – сказал он четверым воинам, следовавшим за носилками с Мереном. – Здесь нужна ваша помощь.

– Подожди! – Калулу схватил Таиту за руку, не давая ему отойти. – Это сделал Басма, верховный вождь басмара.

– Почему он напал на тебя? Ты ведь его подданный?

– Басма считает, что вы одного племени со жрецами, построившими храм. И пришли обрушить на нас новые несчастья и катастрофы. Он думает, что я присоединился к вам, чтобы уничтожить землю, реки, озера и убить всех басмара.

– Теперь он ушел. Твои женщины прогнали его. – Таита пытался успокоить раненого.

Калулу не поддавался.

– Он вернется. – Он схватил Таиту, наклонившегося над носилками, за руку. – Идите в город и приготовьтесь к обороне. Басма вернется со всем своим войском.

– Покидая Тамафупу, я возьму тебя с собой, Калулу. Наш поиск не может завершиться успехом без твоей помощи.

– Я чувствую кровотечение глубоко в животе. Я не смогу идти с тобой.

На закате Калулу умер. Оставшиеся в живых четыре охранницы выкопали в склоне большого муравейника за стеной Тамафупы горизонтальную штольню. Таита завернул тело в льняную отбеленную ткань и поместил во влажный глиняный туннель. Туннель завалили большими камнями, чтобы мертвеца не выкопали гиены.

– Боги твоих предков приветствуют тебя, шаман Калулу, ибо ты принадлежал Истине, – попрощался с мертвым Таита.

Когда он отвернулся от могилы, перед ним встали четыре охранницы, и от имени всех Имбали заговорила на шиллукском языке:

– Наш хозяин умер. Мы одиноки и далеко от своей родины. Ты могучий шаман, сильней даже Калулу. Мы пойдем с тобой.

Таита взглянул на Наконто.

– Что скажешь об этих женщинах? Если я их возьму, примешь их под свое начало? – спросил он.

Наконто серьезно обдумал вопрос.

– Я видел, как они сражаются. Да, я буду рад, если они пойдут за мной.

Царственным наклоном головы Имбали одобрила его присутствие и слова.

– Пока мы того хотим, мы будем сражаться плечом к плечу рядом с этим шиллукским петухом, но не за ним, – сказала она Таите.

Глаза ее были почти на уровне глаз Наконто. Великолепная пара смотрела друг на друга с деланным презрением. Таита открыл Внутреннее Око и улыбнулся про себя; он увидел в их ауре взаимную склонность.

– Наконто, ты согласен? – спросил он.

– Согласен.

Имбалу сделала еще один высокомерный царственный жест: подтверждаю.

– Договорились. До поры.

Фенн и шиллукские женщины вымели для Мерена одну из самых больших хижин. Затем Фенн бросила в открытый очаг травы, взятые у Таиты. Ароматный дым прогнал насекомых и пауков, населявших дом. Нарезали свежей травы и положили на нее матрац Мерена. Воин испытывал столь сильную боль, что едва сумел поднять голову, чтобы отпить из чашки, которую поднесла к его губам Фенн. Таита временно назначил на его место во главе четырех отрядов Хилто-бар-Хилто – пока Мерен не поправится.

Таита и Хилто осмотрели укрепления города. Прежде всего следовало убедиться, что есть достаточный запас воды. Посреди поселка находился глубокий колодец: узкая спиральная глиняная лестница спускалась к поверхности воды, которой всегда было вдоволь. Таита приказал отряду под командованием Шофара заполнить все свободные тыквы и бурдюки на случай нападения басмара. В разгар сражения людям, которых мучает жажда, некогда бегать к колодцу.

Следующей заботой Таиты стала внешняя ограда. Выяснилось, что она все еще в приличном состоянии, за исключением нескольких секций, где термиты изгрызли столбы. Однако сразу стало ясно, что такую протяженную линию они защищать не смогут. Тамафупа была когда-то большим городом, и в нем жило многочисленное племя. Длина внешней стены достигала половины мили.

– Придется оставить двенадцатую часть, – сказал Таита Хилто, – а остальное сжечь, чтобы расчистить подходы и дать нашим лучникам покрывать их.

– Ты ставишь перед нами трудную задачу, маг, – сказал Хилто. – Пожалуй, стоит начать немедленно.

Как только Таита наметил новый периметр, мужчины и женщины принялись за работу. Выкапывали из стены лучше всего сохранившиеся столбы и устанавливали вдоль проведенной Таитой линии. Делать постоянное укрепление было некогда, поэтому просветы заполняли ветками колючего кустарника. В четырех углах нового укрепления соорудили сторожевые вышки, с которых открывался хороший вид на долину и окрестности.

Таита приказал разместить по всему периметру заготовки для больших костров. Когда в случае ночного нападения их зажгут, они осветят стены укрепления. Как только это было сделано, он соорудил вокруг колодца внутреннее укрепление: последнюю линию обороны на случай, если отряды басмара ворвутся в город. В этой внутренней крепости он сложил оставшиеся мешки дурры, запасное оружие и другие ценные припасы. Построили конюшни для оставшихся лошадей. Дымка и ее жеребенок были в хорошей форме, но большинство болело или умирало от лишений трудного пути.

Каждый вечер, накормив Мерена и закончив помогать Таите перевязывать пустую глазницу, Фенн отправлялась на конюшню и угощала Вихря лепешкой, которая ему нравилась.

Таита дождался благоприятного ветра и поджег остатки старого города, оказавшиеся за новым укреплением. Тростник и дерево высохли и быстро сгорели, а ветер отнес огонь от новых стен. К ночи старый город превратился в ровное дымящееся пространство, покрытое пеплом.

– Теперь басмара придется нападать на открытой местности, – с удовлетворением сказал Хилто, – и мы здесь удивим их.

– Теперь можешь поставить перед стенами ориентиры, – сказал Таита.

Пирамиды из белых речных камней расставили в двадцати, пятидесяти и ста шагах от стен: теперь лучники смогут точно определить дальность полета стрел.

Таита отправил Имбали с ее спутницами и всех остальных женщин к пересохшему руслу, нарезать стеблей сухого тростника для изготовления стрел. Еще из арсенала в крепости Квебуи он прихватил несколько мешков наконечников, а когда эти наконечники кончились, обнаружил на склоне под укреплением выход кремния. Он показал женщинам, как откалывать куски для наконечников. Женщины быстро овладели этим умением; отколотые кремневые пластинки они привязывали к древкам веревками из коры; кору вымачивали, и она прочно держала острия. Груды запасных стрел уложили в удобных местах вдоль всего периметра.

Все приготовления были закончены в десять дней. Мужчины и женщины Имбали точили оружие и, возможно, в последний раз проверяли снаряжение.

Однажды вечером, когда воины собрались у костров на ужин, все вдруг зашевелились и возбужденно зашумели: в свете костров появилась странная пара. Мерен уже был на ногах, но,

направляясь туда, где сидели Таита и командиры, опирался на плечо Фенн. Все вскочили и окружили его, смеясь и поздравляя с быстрым выздоровлением. Пустую глазницу Мерена закрывала льняная повязка, он побледнел и похудел, но старался идти прежней щегольской походкой и отвечал на приветствия командиров грубоватыми шутками. Наконец он остановился перед Таитой и приветствовал его.

– Что, Мерен, наскучило лежать в постели в окружении всех женщин лагеря? – спросил Таита с улыбкой, но с трудом подавил боль, которую почувствовал, глядя на мозолистую руку Мерена на тонком плече Фенн. Он знал: по мере того как тело и красота девочки будут созревать, его ревность будет разгораться. Он уже познал это разъедающее чувство в ее прежней жизни.

На следующее утро Мерен начал упражняться с лучниками. Вначале ему трудно было сохранять равновесие, глядя одним глазом, но яростная решимость и сосредоточенность помогли справиться с непокорными чувствами и начать обучение заново. Следующей трудностью оказалось определение расстояния и натяжения тетивы. Его стрела либо не долетала до цели, либо пролетала высоко над ней. Но он мрачно продолжал упражняться. Таита, бывший некогда лучшим лучником в армиях Лостры, натаскивал его, помогал с помощью ориентиров верно рассчитывать дальность полета стрелы, используя одну стрелу для поправок при следующем выстреле. Вскоре Мерен научился выпускать вторую стрелу, пока первая была еще в полете. Фенн и шиллукские женщины изготовили для него кожаную повязку, скрывавшую незрячий глаз. Лицо Мерена приобрело здоровый цвет, а уцелевший глаз – прежний блеск.

Каждое утро Таита посылал верховой патруль, но по вечерам всадники возвращались и докладывали, что не видели ни следа отрядов басмара. Таита посоветовался с Имбали и ее женщинами.

– Мы хорошо знаем вождя Басму. Он мстительный и безжалостный человек, – сказала Имбали. – Он не забыл о нас. Его отряды разбросаны вдоль холмов Большого Речного Разрыва – речного ущелья и болот вокруг озер. Потребуется время, чтобы собрать их, но в конце концов он придет. Мы уверены.

Теперь, когда самые важные приготовления завершились, у Таиты появилось время для менее важных дел. Он показал женщинам, как делать человеческие головы из глины и травы; эти головы насаживали на длинные палки. Их раскрашивали так, что издалека они казались живыми. Это занятие нравилось женщинам больше, чем изготовление стрел. Тем не менее ожидание начинало действовать им на нервы.

– Даже учитывая расстояние, которое нужно преодолеть от Киоги, басмара уже должны были появиться, – однажды сказал Таита Мерену за ужином у костра. – Завтра мы с тобой сами поедем на разведку.

– Я с вами, – подхватила Фенн.

– Об этом поговорим, когда придет время, – ответил Таита.

– Спасибо, любимый Таита, – с солнечной улыбкой сказала девочка.

– Я вовсе не это имел в виду.

Но оба понимали, вопрос решен.

Девочка была бесконечно очаровательна, и Таита наслаждался ее присутствием. Ему казалось, что она продолжение его собственного существа.

Поэтому, когда патруль отправился в путь, между Таитой и Мереном ехала Фенн. Наконто и Имбали бежали впереди, разглядывая следы. Длинноногая Имбали без всяких усилий лига за

лигой держалась наравне с Наконто. Замыкали строй Хабари и еще два всадника. На этот раз на поясе Таиты висел меч в ножнах, но в руке он по-прежнему держал посох.

Они поднялись на вершину холма, откуда видна была вся долина. Слева тянулась пересеченная лесистая местность. Ниже по склонам паслись многочисленные стада слонов. На открытых полянах отчетливо вырисовывались крупные серые тела, и постоянно слышался треск: слоны, пользуясь своей силой, валили плодовые деревья. Если дерево не поддавалось усилиям животного, на помощь приходили другие самцы. А их объединенного напора не выдерживало ни одно дерево.

С тех пор как племена бежали отсюда, слонов никто не тревожил, и они не боялись людей. При приближении всадников они не убегали, а спокойно дожидались, пока те проедут. Иногда сварливая самка демонстрировала угрозу, но никогда не нападала. Фенн нравилось смотреть на проказы слонят, и она засыпала Таиту вопросами об этих могучих животных и их образе жизни.

Им попадались не только слоны. Повсюду паслись стада антилоп, желтые бабуины совершали набеги на поляны или ловко прыгали по макушкам самых высоких деревьев. Одно стадо бабуинов в панике бросилось наутек. Совершая огромные прыжки, матери хватали детей и цепляли их к животам. Крупные самцы составляли арьергард, они, распушив гривы, яростно лаяли.

– Что их спугнуло? – спросила Фенн.

– Вероятно, леопард или другой хищник.

Не успел Таита договорить, как прямо перед ними из травы выскочила большая черно-золотистая кошка. Леопард совершенно сливался с местностью.

– Ты снова оказался прав, Таита. Должно быть, ты знаешь все на свете, – восхищенно сказала Фенн.

Они поднялись по склону следующей гряды холмов, но не успели подняться на вершину, как на горизонте показалось большое стадо бегущих зебр. Их копыта вырывали куски сухой земли и поднимали в сверкающее небо облака светлой пыли. Зебры не обратили внимания на лошадей, по-видимому, приняв их за своих сородичей, и проскакали в нескольких ярдах от всадников.

– Что-то их встревожило, – сказал Мерен.

– Огонь или люди, – согласился Таита. – Ничто иное не могло вызвать бегство такого масштаба.

– Не вижу дыма лесного пожара, – сказал Мерен. – Должно быть, люди.

Они поехали осторожно, приближаясь к вершине шагом.

Неожиданно Фенн вскрикнула и показала налево:

– Ребенок! Маленький черный ребенок!

Действительно, голый ребенок не старше трех-четырех лет, кривоногий, он шел по склону, маленькие пухлые ягодицы подрагивали при каждом шаге.

– Я подберу его! – возбужденно сказала Фенн. Она пустила Вихря рысью, но Таита перехватил повод.

– Фенн, это похоже на ловушку.

– Но нельзя же его оставить, – возразила Фенн. Ребенок тем временем поднялся на вершину и исчез из виду. – Он заблудился, и он один.

– Мы последуем за ним, – уступил Таита, – но осторожно.

Он не выпускал повод Вихря. В ста шагах ниже вершины все остановились.

– Пошли, Мерен, – приказал Таита.

Они спешились и передали поводья Фенн.

– Оставайся здесь и держи лошадей, но будь готова быстро уехать, – наказал Таита. Они с Мереном пошли вверх пешком. И, укрывшись за небольшим кустом, заглянули за холм. Ребенок

с веселой улыбкой на круглом лице стоял прямо под ними. Он обеими руками держал свой маленький пенис и пускал желтую струю на пропеченную солнцем землю. В высшей степени мирная картина. Мерен заулыбался, но Таита схватил его за руку:

– Посмотри ниже!

Они смотрели еще несколько мгновений, и Мерен опомнился.

– Дьяволы басмара! – воскликнул он. – Чертенок был приманкой.

Пятьюдесятью шагами ниже ребенка ряд за рядом сидели воины басмара, вооруженные деревянными дубинками, длинными метательными копьями и более короткими рубящими ассагаями с кремневыми наконечниками. На спинах висели щиты из сырых шкур, а лица украшала боевая раскраска. Головные уборы из шерсти и перьев, мочки ушей и носы пронзены иглами из слоновой кости, а на ногах и руках браслеты из раковин и бусин.

Едва Таита и Мерен увидели их, по рядам воинов прокатился гул, словно загудел потревоженный улей. Единым согласованным движением воины сняли со спин щиты и забили по ним копьями. А потом запели боевой гимн. Низкие мелодичные голоса сливались с барабанным боем и перекрывали его. Затем общий гул прорезал пронзительный звук свистка из рога антилопы. По этому сигналу воины вскочили и начали подниматься по склону.

– Назад к лошадям, – велел Таита.

Фенн увидела их и поскакала навстречу, ведя в поводу лошадей. Они успели сесть верхом и повернуть лошадей, когда на вершине за ними показались первые ряды басмара. Трое египтян поскакали вниз, туда, где ждали остальные воины и лошади.

– Они уже послали людей нам наперехват, – сказала Фенн, вставая в стременах и показывая на лес. Между деревьями мелькали фигуры, бегущие им наперерез.

– Хватайся за ремень моего стремени! – крикнул Таита Наконто, вынимая левую ногу из стремени. Наконто схватился за него.

– Мерен, прихвати Имбали, она прикроет твою слепую сторону.

Мерен наклонился, и Имбали ухватилась за правое стремя. Лошади потащили их с Наконто так, что ноги едва касались земли.

– Быстрей! – кричал Таита. – Надо вырваться, прежде чем нас окружат. – Самые быстрые бегуны басмара опередили товарищей. – Фенн, держись между Мереном и мной. Не давай им отрезать себя от нас.

Четыре бегущих басмара оказались перед ними, закрывая просвет, куда стремился Таита. Они повернулись лицом к приближающимся всадникам; щиты висели у них на спинах, освобождая руки для оружия. Таита и Мерен сняли с плеча короткие изогнутые кавалерийские луки, приспособленные для стрельбы со спины коня. Они натянули поводья и, управляя лошадьми только нажатием колен, поехали прямо на воинов. Басмара метнул копье. Он целился в Мерена, но расстояние было слишком велико. У Мерена было время отреагировать. Он развернул своего гнедого коня, и копье пролетело мимо его плеча. Мерен вскинул лук и одну за другой стремительно выпустил две стрелы. Первая пролетела почти на ладонь выше головы воина и улетела еще на пятьдесят шагов: с такого расстояния лук посылал стрелу с большой скоростью – зато вторая попала басмара точно в грудь и пробила ее насквозь. Острие высунулось между лопаток, в потоке крови. Воин упал на землю уже мертвый.

Справа замахнулся второй воин. Он тоже целился в Мерена, и Мерен его не видел. Поэтому не попытался защититься. Имбали выпрыгнула из стремени и бросила топор, который, вертясь, полетел вперед. Басмара в момент броска опирался на одну ногу и не мог пригнуться или увернуться. Топор ударил его в лоб и глубоко вошел в череп. Имбали, проносясь мимо, наклонилась и подхватила топор. Таита выстрелил в третьего воина; тот выронил оружие, которое собирался метнуть, и теперь пытался вырвать стрелу из живота, но колючее острие засело глубоко.

Четвертый и последний воин остался на месте. Он готовился метнуть копье, держа древко на правом плече. Глаза его налились кровью, и Таита видел, что они устремлены на Фенн. Девочка сидела высоко на спине Вихря и была прекрасной мишенью. Басмара, сморщившись от усилий, готовился бросить тяжелое копье.

Таита наложил на тетиву новую стрелу.

– Вниз, Фенн! – приказал он голосом силы. – Прижмись к лошади!

Она легла, припав лицом к гриве Вихря. Таита натянул лук, так что тетива коснулась его носа и губ, и выпустил стрелу. Воин уже устремил тело вперед в броске, но стрела Таиты попала ему в горло и мгновенно убила. Однако копье уже покинуло его руку. Таита беспомощно смотрел, как оно летит к Фенн. Та лежала ничком и не видела копья, зато его видел Вихрь. Когда оно пролетало мимо его носа, конь шарахнулся и вскинул голову, так что Таита потерял копье из виду. Он решил, что оно пролетело мимо, и почувствовал прилив облегчения. Но тотчас услышал полный боли и удивления крик Фенн, увидел, как она дернулась на спине жеребенка.

– Ты ранена? – крикнул Таита, но девочка не ответила. И тут маг заметил, что древко копья свисает с бока Вихря и волочится за ним по земле.

Таита повернул Дымку за жеребенком и сразу увидел, что наконечник копья торчит из бедра Фенн. Девочка выпустила поводья и обеими руками держалась за шею Вихря. Она повернула голову, и Таита увидел, как она побледнела; зеленые глаза, устремленные на него, словно занимали половину ее лица. Древко копья подпрыгивало, волочась по земле, и Таита понял, что острые края наконечника режут плоть, расширяя рану и делая ее более опасной. Копье торчало поблизости от бедренной артерии. Если наконечник перережет этот крупный сосуд, Фенн умрет за несколько минут.

– Держись крепче, дорогая, – крикнул он и оглянулся. За ними через лес с криками бежало множество воинов. – Нам нельзя останавливаться. Если остановимся, нас сразу догонят. Сейчас я помогу тебе.

Он выхватил меч и подскакал к жеребенку. Тщательно прицелился. Вид страдающей девочки, казалось, вернул ему силы, которые были у него много лет назад. Таита сосредоточился на дергающемся древке. И, взмахнув тяжелым мечом, выкрикнул слово власти:

– Кидаш!

Клинок его руках словно ожил. На лезвии хорошо уравновешенного меча есть точка, в которой сосредоточены сила и энергия удара. Эта часть клинка ударила по твердой древесине ровно на палец от того места, где кожаная полоска крепила наконечник к древку. Меч разрубил древко, как тонкую ветку. Древко отлетело, и Таита сразу увидел на лице Фенн облегчение.

– Сейчас я тебя подхвачу, – сказал он, убирая меч в ножны. – Приготовься.

Он подвел Дымку совсем близко к Вихрю, и Фенн доверчиво выпустила шею жеребенка. Таита обнял девочку за талию и перетащил через зазор между лошадьми. Она обняла его за шею, и он боком посадил ее на свою лошадь.

– Пока ты не пришел, Таита, я так боялась, – прошептала Фенн. – Но теперь я знаю, что все обойдется.

– Держись крепче, – приказал он, – или не обойдется.

Зубами он оторвал край своей льняной рубашки, прижал обрубок древка к раненому бедру и надежно привязал.

– Не очень красиво и аккуратно, – сказал он, – но ты самая храбрая девочка из всех, кого я знаю, и повязка продержится до Тамафупы.

Преследователи-басмара постепенно отставали и скоро скрылись из виду между деревьями. Всадники смогли перейти на быстрый шаг и все равно добрались до ворот укрепления еще до полудня.

– Призови воинов к оружию, – приказал Таита Мерену. – Не пройдет и часа, как эти дьяволы будут здесь.

Он снял Фенн со спины Дымки, отнес в хижину и осторожно положил на матрац.

Смывая черную запекшуюся кровь вокруг торчащего из бедра острия, Таита успокаивал Фенн. Потом тщательно осмотрел ногу. Он не снимет повязку, которая прижимает обрубок древка, пока не будет готов к операции.

– Ты всегда была любимицей богов, – сказал он наконец. – Копье прошло на ширину твоего мизинца от бедренной артерии. Если бы мы не остановили острые края, они искромсали бы тебя. Теперь полежи спокойно, я смешаю питье.

Он насыпал в керамическую чашку большую дозу порошка красного шепенна и развел горячей водой из котла, стоявшего на углях очага.

– Выпей. Это тебя усыпит и притупит боль.

Поджидая, пока подействует средство, он порылся в своей сумке лекаря. В ней было отделение, где он держал серебряные ложки. Насколько ему было известно, еще лишь один хирург владел подобным набором, но тот давно был мертв. Приготовившись, Таита позвал Мерена, который ждал у входа.

– Ты знаешь, что делать, – сказал Таита.

– Конечно. Ты ведь помнишь: мне это не впервой, – ответил Мерен.

– Ты ведь мыл руки?

Выражение лица Мерена изменилось.

– Да, – с сомнением ответил он.

– Когда?

– Сегодня утром, до того как мы выехали на разведку.

– Вымой еще раз.

– Да зачем, – недовольно, как всегда, буркнул Мерен, но подошел к котлу на огне и наполнил миску водой.

– Нам понадобится еще одна пара рук, – решил Таита, держа в огне серебряные ложки. – Позови Имбали.

– Имбали? Она дикарка. Почему бы не позвать одного из наших?

– Она сильна и сообразительна, – возразил Таита. И, что гораздо важнее, женщина. Таита не хотел, чтобы еще один мужчина хватался за обнаженное тело Фенн. Достаточно скверно и то, что приходится использовать Мерена. Второй вояка – мужлан – нет! А шиллукские женщины пугливы.

– Позови Имбали, – повторил он, – и позаботься, чтобы она тоже вымыла руки.

Хотя красный шепенн подействовал, Фенн застонала и заметалась, когда Таита притронулся к острию. Он кивнул Мерену. Вдвоем они посадили Фенн, и Мерен присел перед ней, сложил руки девочки на груди и прижал.

– Готов, – сказал он.

Таита взглянул на Имбали, склонившуюся к ногам Фенн.

– Держи ее ноги прямо. Постарайся, чтобы она не шевелилась.

Имбали наклонилась еще ниже и схватила Фенн за лодыжки. Таита глубоко вдохнул и сосредоточился. Сгибая длинные костлявые пальцы, он мысленно еще раз повторял, что должен сделать. Ключ к успеху – быстрота и решительность. Чем дольше страдает пациент, тем больший ущерб будет причинен его телу и духу и тем меньше шансы на выздоровление. Таита быстро перерезал повязку и придал острию вертикальное положение. Фенн снова застонала. У Мерена был наготове кожаный кляп, и он вставил его между зубами девочки, чтобы Фенн не прикусила язык.

– Смотри: она не должна его выплюнуть, – сказал Таита. Он наклонился поближе, изучая рану. Движения кремневого острия значительно расширили ее, но все же недостаточно, чтобы вставить в разрез серебряные ложки. Таита пальцами потрогал разбухшую плоть и проследил ход артерии. Потом ввел в рану, чтобы расширить ее, большой и указательный пальцы и погружал их в теплую плоть, пока не коснулся острого края наконечника. Фенн забилась и закричала. Мерен и Имбали крепче ухватили ее. Таита еще немного расширил рану. Его движения, хотя и быстрые, оставались точными и контролируемыми: в несколько секунд он определил положение наконечника. Острые края касались плоти Фенн. Свободной рукой Таита ввел ложки, поместил их поверх обломка древка и погрузил в рану по обе стороны от острия. Теперь острые края были отделены от плоти, и он мог вытащить наконечник, не причиняя дальнейшего вреда.

– Ты убиваешь меня! – кричала Фенн.

Мерен и Имбали старательно держали ее, но удерживали с трудом, а она дергалась и рвалась. Дважды Таита вводил ложки по сторонам от наконечника, и дважды Фенн не давала ему закончить. Наконец во время следующей попытки он почувствовал, что ложки встали на место. Он сомкнул полированное серебро под наконечником и тем же движением дернул ложки вверх. Края раны сопротивлялись извлечению. Кончиками пальцев, погруженными в плоть Фенн, Таита ощущал ровное биение крови в артерии. Этот ритм словно отдавался в его душе. Он сосредоточился на том, чтобы вывести ложки, не задев сосуд. Если хоть крошечный обломок кремня высунется за пределы ложек, он может проткнуть артерию или перерезать ее. Таита осторожно увеличил усилие. Он почувствовал, как раскрывается рана, и вдруг окровавленные ложки вместе с наконечником вышли наружу. Свободной рукой Таита схватил толстый льняной тампон, протянутый Мереном, и прижал к ране, чтобы остановить кровотечение. Голова Фенн откинулась. Крики перешли в негромкие стоны, руки и ноги расслабились, выгнутая спина распрямилась.

– Твое мастерство неизменно меня поражает, – прошептал Мерен. – Наблюдая за твоей работой, я всякий раз испытываю благоговение. Ты величайший из хирургов.

– Об этом можно поговорить позже, – ответил Таита. – Помоги мне зашить рану.

Таита накладывал последний шов из конского волоса, когда с северной сторожевой вышки послышался крик. Не отрывая взгляда от работы, Таита сказал Мерену:

– Думаю, это воины басмара. Возвращайся к своим обязанностям. Можешь взять с собой Имбали. Спасибо за помощь, добрый Мерен. Если рана не загноится, девочке будет за что тебя благодарить.

Перевязав ногу Фенн, Таита подошел к выходу и позвал Лалу, самую надежную и сообразительную из шиллукских женщин. Она пришла с ребенком на руках. Фенн с ней подружилась. Они много времени проводили вместе, разговаривая и играя с младенцем. Увидев бледную окровавленную Фенн, Лала разразилась громким плачем. Таите потребовалось некоторое время, чтобы успокоить ее и объяснить обязанности. Затем он оставил ее возле Фенн, спящей под действием красного шепенна.

Таита поднялся по лестнице к Мерену, стоявшему на северной стене укрепления. Тот серьезно приветствовал его и, не говоря больше ни слова, показал вниз, на долину. Басмара наступали тремя отдельными частями. Бегом. Их колонны, словно черные змеи, выползали из леса, качались и развевались на ветру головные уборы. Воины пели, и от их пения в жилах защитников крепости стыла кровь. Таита повернулся и посмотрел вдоль парапета. Здесь собрались все способные держать оружие, и он поразился тому, как их мало.

– Нас тридцать два, – негромко сказал он, – а их по меньшей мере шесть сотен.

– В таком случае силы равны, маг, и клянусь, нас ждет славная потеха, – отозвался Мерен.

Таита с деланным неверием покачал головой: этакое хладнокровие перед лицом готовой разразиться бури!

В дальнем конце парапета стояли Наконто, Имбали и ее женщины. Таита прошел к ним. Благородные нилотские черты Имбали, как всегда, выражали спокойствие и равнодушие.

– Ты знаешь этих людей, Имбали. Как они будут нападать?

– Вначале они определят нашу численность и испытают надежность, – без колебаний ответила она.

– Как они это сделают?

– Бросятся прямо на стену, чтобы мы показались.

– Попробуют ли они поджечь стену?

– Нет, шаман. Это их город. Здесь погребены их предки. Они ни за что не сожгут их могилы.

Таита вернулся к Мерену.

– Пора выставлять на стену кукол, – сказал он, и Мерен передал приказ шиллукским женам. Те уже приготовили кукол под парапетом. Теперь они забегали вдоль стены, поднимая фальшивые головы, так чтобы они были видны воинам басмара.

– Одним махом мы удвоили силы отряда, – заметил Таита. – Теперь басмара будут действовать с бóльшим уважением к нам.

Они наблюдали, как отряды копьеносцев маршируют по пепелищу, где некогда стояли хижины. Басмара соединили все три отряда в одну колонну; ее возглавляли военные вожди.

– Они плохо обучены, а их строй неровен и сбит, – презрительно сказал Мерен. – Отбросы, а не армия.

– Но большие отбросы, а у нас очень маленькая армия, – ответил Таита. – Поэтому отложим празднование до победы.

Пение прекратилось, над полем повисла тяжелая тишина. Из рядов басмара выступил один человек и прошел полпути к стене. На нем был высокий головной убор из перьев фламинго. Он прошелся перед рядами воинов, давая им возможность восхититься его воинственной внешностью, и обратился к ним с речью; он кричал высоким голосом и подчеркивал каждое утверждение высоким прыжком и ударами копья о щит.

– Что он говорит? – удивился Мерен.

– Могу лишь догадаться, что он настроен к нам недружелюбно, – улыбнулся Таита.

– Я подбодрю его стрелой.

– Он на семьдесят шагов дальше твоего самого дальнего выстрела, – сдержал его Таита. – У нас нет лишних стрел.

Они наблюдали, как Басма, верховный вождь басмара, вернулся к своей армии. На этот раз он занял командную позицию – за первым рядом воинов. На поле снова воцарилась тишина. Никто не шевелился. Даже ветер стих. Напряжение было ощутимо, как затишье перед тропическим ураганом. Но вот вождь Басма крикнул: «Хо! Хо!» – и отряды двинулись вперед.

– Не стрелять! – предупреждал Мерен. – Пусть подойдут поближе. Берегите стрелы!

Ряды воинов миновали самые дальние ориентиры, снова зазвучал боевой марш. На каждом пятом шагу воины одновременно топали босыми ногами. Погремушки у них на щиколотках при этом гремели, и земля словно подпрыгивала. Вокруг них поднялась мелкая пыль – пепел сожженного города, – и они шли словно по пояс в воде. Вот они миновали ориентиры на удалении в сто шагов. Пение и барабанный бой смешались в безумный шум.

– Не стрелять! – взревел Мерен, так что его голос перекрыл гул. – Ждать!

Передний ряд приближался к ориентирам в пятидесяти шагах. Теперь во всех подробностях были видны дикие рисунки на лицах воинов. Вот первые воины миновали вехи и оказались так близко, что лучники со стены смотрели на них сверху вниз.

– Наложить стрелы! Прицелиться! – крикнул Мерен.

Взметнулись луки. Лучники натянули тетивы, луки согнулись. Глаза лучников сузились, воины всматривались в цель вдоль стрелы. Мерен понимал, что нельзя долго держать тетиву натянутой: задрожит рука. Его новая команда раздалась мгновение спустя. Именно в этот миг ряды воинов достигли ориентиров в тридцати шагах.

– Стреляй! – крикнул он, и лучники дружно выпустили стрелы. Расстояние было таково, что ни одна стрела не прошла мимо. Они летели сплошным неслышным облаком. Свидетельством мастерства лучников стало то, что ни в одного воина басмара не попали две стрелы. Первый ряд упал, словно подкошенный.

– Стрелять без команды! – проревел Мерен. Лучники с привычным проворством наложили вторую стрелу. Движениями, которые казались неторопливыми и свободными, натянули луки и выпустили стрелы. Упал второй ряд воинов, а несколько мгновений спустя – и третий. Шедшие за ними спотыкались о тела и падали.

– Нужны стрелы! – послышались крики с парапета, и шиллукские женщины сорвались с места, сгибаясь под связками стрел, которые несли на плечах. Басмара не останавливались, и лучники стреляли до тех пор, пока воины не оказались под самой стеной и не попытались взобраться на нее. Некоторые даже поднялись, но здесь их ждали Наконто, Имбали и остальные женщины. Боевые топоры вздымались и падали, словно рубили дрова. Наконто с воинственным криком орудовал копьем.

Наконец резкий свисток прекратил эту бойню. Отряды отступили по засыпанной пеплом земле туда, где Басма ждал, чтобы перестроить воинов.

Мерен прошел вдоль парапета.

– Есть раненые? Нет? Хорошо! Когда пойдете за стрелами, опасайтесь тех, кто притворяется мертвым. Любимая уловка этих дьяволов.

Открыли ворота и вышли собирать стрелы. Некоторые так глубоко вонзились в тела, что их приходилось вырубать мечом или топором. Работа была грязная, и все вскоре перемазались кровью, как мясники. Собрав стрелы, принялись за копья мертвых басмара. Потом вернулись в крепость и закрыли ворота.

Женщины принесли мехи с водой, корзины сушеной рыбы и лепешек дурра. Большинство воинов еще жевали, когда вновь послышалось воинственное пение, и командиры начали звать к парапету:

– К оружию!

Басмара вновь наступали тесными рядами, но передние несли шесты, вырубленные в лесу. Когда эти воины падали, сраженные стрелами, шедшие за ними подхватывали шесты и несли дальше. Свыше пятидесяти человек упало, прежде чем первый шест оказался под внешней стеной. Басмара внизу подняли его, так что он достал до гребня стены, и сразу полезли по шесту вверх, сжимая в зубах короткие колющие копья.

Шесты были такие тяжелые, что защитники не могли их оттолкнуть. Пришлось встречать воинов, достигших верха, рукопашной. Имбали и ее женщины встали в ряд с мужчинами и вновь принялись орудовать смертоносными топорами. Но басмара словно не чувствовали потерь. Они ползли по трупам товарищей и неустрашимо бросались в схватку.

Наконец небольшая группа сумела оказаться на парапете. Последовала жестокая тяжелая схватка, и лишь тогда был сброшен последний из них. Но места павших занимали новые волны. Когда казалось, что защитники падут, сметенные самой тяжестью раскрашенных тел, снова прозвучал свисток и нападающие откатились.

Воины утолили жажду, перевязали раны и сменили затупившиеся мечи на другие, наточенные, но передышка была недолгой. Вскоре опять раздался возглас:

– К оружию! Они снова идут!

До заката люди Мерена отбили еще два приступа, но обошлось это дорого. Восемь воинов и две из женщин Имбали были пронзены копьями или зарублены топорами на парапете, прежде чем удалось сбросить с него басмара.

Мало кто из защитников избежал ранений. У некоторых были лишь легкие разрезы или ушибы. Двоим удары тяжелых басмарских дубинок сломали кости. Еще двоим не дожить до утра: у одного копьем пробит живот, у другого легкие, оба умрут до рассвета. Остальные слишком устали, чтобы поесть или отползти под защиту крыши. Утолив жажду, они упали на парапет и уснули прямо в пропитанной потом одежде и окровавленных повязках.

– Еще один день нам не продержаться, – сказал Мерен Таите. – Этот поселок стал гибельной ловушкой. Не думал, что басмара проявят такое упорство. Чтобы уйти, нам нужно перебить их всех до одного.

Он выглядел усталым и подавленным. Болел глаз: Мерен постоянно приподнимал повязку и потирал пустую глазницу костяшками пальцев.

Таита редко видел его таким подавленным.

– У нас недостаточно людей, чтобы удерживать периметр, – согласился он. – Придется отступить к внутренней линии. – Они осмотрели кольцо защитников на стенах. – Это можно сделать под покровом ночи. А утром, при первом натиске врага, подожжем стену. Это задержит их на несколько часов, пока пламя не угаснет.

– А что потом?

– Будем держать лошадей оседланными, а при первой возможности вырвемся из города и уйдем.

– Куда?

– Сказал бы, если бы знал, – пообещал Таита и неловко встал. – Позаботься, чтобы у людей на стенах были горшки с огнем. Я к Фенн.

Когда он вошел в хижину, Фенн спала. Он не хотел будить ее и осматривать ногу, но когда коснулся щеки, та была прохладной, не горячей. Рана не загноилась, успокаивал он себя. Отослал Лалу и лег рядом с Фенн. И не успел трижды вздохнуть, как крепко уснул.

Проснулся он в предрассветном полумраке. Фенн тревожно ворочалась рядом.

– Я думала, ты умер! – воскликнула она, когда Таита открыл глаза.

– Я тоже.

Таита сел.

– Позволь осмотреть твою ногу.

Он размотал повязку и обнаружил, что рана лишь слегка покраснела. Наклонившись, он принюхался. Запаха гноя нет.

– Одевайся. Нам придется быстро уходить. – Помогая Фенн надеть платье-калазирис и набедренную повязку, он говорил: – Я сделаю тебе костыль, но у тебя будет мало возможности им пользоваться. Басмара обязательно нападут на рассвете.

Он быстро изготовил костыль из легкого посоха и деревянной крестовины, обвязанной веревкой из коры, и помог тяжело опиравшейся на костыль Фенн доковылять до лошадей. Вдвоем они заседлали Вихря. Со стены послышался предупредительный окрик.

– Оставайся с Вихрем, – сказал Таита. – Я вернусь за тобой.

И заторопился к стене, где его ждал Мерен.

– Как Фенн? – были его первые слова.

– Может ехать верхом и ждет возле лошадей, – ответил Таита. – А что здесь?

Мерен указал на открытую местность. В двухстах шагах от них, на краю леса, строились отряды басмара.

– Как их мало, – заметил Таита. – Вдвое меньше, чем вчера.

– Посмотри на южную стену, – сказал Мерен.

Таита повернулся и посмотрел в сторону большого озера.

– Вот оно что! Они делают то, что должны были сделать вчера, – сухо сказал он. – Готовят нападение с двух сторон. – Он немного подумал и спросил: – Сколько человек сегодня утром способно держать оружие?

– Трое умерли ночью, четверо наших воинов взяли своих шиллукских подстилок и отродье и ночью сбежали. Сомневаюсь, что они далеко уйдут от басмара. Остается шестнадцать вместе с Наконто, Имбали и ее подругами.

– У нас есть пятнадцать лошадей, достаточно сильных, чтобы нести человека и его скарб, – сказал Таита.

– Встретим нападение басмара или подожжем внешнюю стену и постараемся уйти под покровом дыма?

Таита думал недолго.

– Оставаться здесь – лишь оттягивать неизбежное, – сказал он. – Мы рискнем и попробуем уйти. Предупреди людей о наших намерениях.

Мерен прошел вдоль линии и быстро вернулся.

– Все знают, что делать, маг. Огненные горшки готовы. Кости уже в чашке – бросай.

Таита молчал, глядя на вражеские отряды. Послышался знакомый воинственный напев, копья забили в щиты, затопали сотни босых ног.

– Идут. Поджигай ограду, – приказал Мерен.

Воины, стоявшие у груд сухого дерева, поднесли к ним дымящиеся угольев из горшков и принялись раздувать их подстилками. Мгновенно поднялось пламя.

– Отходи! – крикнул Мерен, и уцелевшие защитники спрыгнули с парапета. Одни бежали, другие шли с трудом, хромая и держась за товарищей.

Глядя на них, Таита неожиданно почувствовал себя старым, утомленным и уязвимым. Неужели все кончится здесь, в этом глухом далеком уголке? Неужели все, что он вынес, все страдания и смерти – все напрасно? Мерен наблюдал за ним. Но вот Таита расправил плечи и выпрямился. Он не может подвести сейчас: у него есть долг перед Мереном и оставшимися людьми, но прежде всего – перед Фенн.

– Пора идти, маг, – мягко сказал Мерен и взял Таиту за руку, чтобы помочь сойти по лестнице. К тому времени как они добрались до лошадей, внешняя стена целиком была охвачена ревущим пламенем. Приходилось отшатываться от нестерпимого жара.

Воины повели лошадей. Мерен прошел вдоль колонны, оценивая состояние животных. Конечно, Фенн поедет на Вихре, а за ее стремя будет держаться Имбали. Таита – на Дымке, у него на стременном ремне повиснет Наконто. Мерен – на своем гнедом, одна из подруг Имбали будет прикрывать его слепую сторону. Остальные воины – на своих лошадях. Ни одного мула не осталось, скарб и провизию погрузили на двух запасных лошадей. Их поведут в поводу Хилто и Шабако.

Под прикрытием горящей стены перед воротами сели верхом. Таита высоко поднял золотой амулет Лостры и произнес заклинание укрытия, спрятав всадников от глаз врага. Он хорошо

понимал, что трудно скрыть столько лошадей и людей, но мало развитые басмара очень восприимчивы к иллюзии, которую он создает.

Басмара не пытались прорваться сквозь горящую эстакаду. Очевидно, они считали, что враг внутри как в ловушке, и ждали возможности войти и покончить с защитниками. Они кричали и пели по ту сторону пламени. Таита ждал. Ворота прогорели и рухнули на землю.

– Пора! – приказал он. Хабари и Шабако проехали вперед и накинули на упавшие ворота веревки. Прежде чем огонь их пережег, они оттащили створки ворот в стороны. Путь был открыт, и двое передовых вернулись к остальным.

– Держитесь вместе, чем ближе друг к другу, тем лучше, и следуйте за мной, – сказал Таита.

Как только они выедут за ворота и окажутся на открытом пространстве, станет ясно, насколько действенно его заклинание. По обе стороны от прохода вздымался огонь; придется поднажать, чтобы не изжариться живьем.

– Вперед галопом, – негромко приказал Таита, но при этом использовал голос силы, и его приказ расслышали все в строю. И бросились в пылающие ворота. Жар ударил стеной, и некоторые лошади заупрямились, но всадники использовали шпоры и хлысты. От жара загорались одежда и гривы. Лица людей были обожжены, глаза слезились, но отряд галопом миновал пламя и вырвался на открытый простор.

Вокруг прыгали и вопили басмара. И хотя некоторые смотрели прямо на всадников, они их не видели и тут же переводили взор на верх эстакады. Заклинание Таиты пока действовало.

– Теперь тихо и медленно, – предупредил Таита. – Держитесь вместе. Не делайте резких движений.

Он продолжал высоко держать амулет. Его примеру последовала Фенн. Она подняла свой золотой талисман, губы ее шевелились: девочка произносила слова, которым маг ее научил. Она помогала Таите, усиливала его заклинание. Они продолжали ехать и почти миновали ряды воинов. От края леса беглецов теперь отделяло не более двухсот шагов, и басмара по-прежнему их не замечали. Но тут Таита ощутил холодное дуновение в спину. Фенн позади ахнула и уронила талисман.

– Он жжется! – воскликнула она, глядя на красные пятна на кончиках пальцев. И с удивлением повернулась к Таите. – Что-то разрушает наше заклинание.

Она была права. Таита чувствовал, как его заклинание рвется, словно непрочный парус под сильным ветром. С них срывают покров невидимости. Действует чуждое влияние, и он не может отразить его или перенаправить.

– Вперед галопом! – крикнул он, и лошади понеслись к лесу. Среди полчищ басмара послышался громкий крик. Все раскрашенные лица повернулись в одну сторону, все глаза зажглись жаждой крови. Со всех сторон к маленькому отряду беглецов устремились толпы воинов.

– Быстрей! – понукал Дымку Таита, но та несла двух рослых мужчин. Казалось, все происходит медленно, как во сне. Отряд продолжал лететь вперед, воины – за ним, но тут справа показался новый отряд басмара.

– Вперед! Во весь опор!

Таита видел, что отряд, который перерезает им дорогу, ведет сам Басма. Он подпрыгивает в переднем ряду воинов, держа на правом плече тяжелое копье, готовый его метнуть. Его люди вели себя как псы, взявшие свежий след.

– Быстрей! – кричал Таита. Он оценивал расстояния и скорости. – Мы прорвемся!

Когда всадники проскакали в тридцати шагах от него, Басма пришел к такому же выводу. И, используя инерцию бега и силу досады, метнул им вслед копье. Оно взвилось в воздух и устремилось к гнедому Мерена.

– Мерен! – крикнул Таита, предостерегая, но копье летело со стороны слепого глаза, и Мерен его не видел. Оно ударило лошадь в спину сразу за седлом. Задние ноги гнедого подогнулись. Мерена и женщину, которую он вез, швырнуло на высохшую землю. Басмара, которые уже думали отказаться от погони, приободрились и во главе со своим вождем ринулись вперед. Мерен вскочил и увидел лица всадников: кони уносили их, а они все оглядывались назад, на него.

– Уходите! – крикнул он. – Спасайтесь: нас вам не спасти.

Басмара быстро приближались.

Фенн коснулась коленями боков Вихря и закричала:

– Эгей! Вихрь, эгей!

Жеребенок развернулся, как ласточка в полете, и, прежде чем кто-нибудь успел сообразить, что происходит, Фенн уже скакала обратно, туда, где стояли Мерен и женщина. Увидев мчащуюся к нему Фенн – за ее стремя цеплялась, размахивая топором, Имбали, – Мерен так изумился, что онемел. Он замахал и попытался отослать Фенн:

– Уходи!

Но как только повернула Фенн, тот же самоубийственный поворот проделал и Таита. Остальные в смятении остановились. Лошади ржали и вставали на дыбы, всадникам с трудом удавалось обуздать их. Потом все тоже поскакали обратно.

Теперь ближайшие басмара во главе с вождем были совсем рядом. Приближаясь, они бросали копья. Вначале лошадь Хилто, затем лошадь Шабако были ранены и тяжело упали, выбросив всадников из седел.

Таита быстро оценил изменившиеся обстоятельства: у них больше нет лошадей, которые могли бы их унести.

– Образуйте оборонительный круг! – крикнул он. – Будем сражаться здесь.

Те, кого сбросили лошади, захромали к нему. Те, у кого лошади оставались невредимыми, соскочили с них и втащили в центр круга. Лучники взяли луки, Имбали и ее подруги взвесили топоры. И посмотрели по сторонам. Увидев огромную массу приближающихся со всех сторон воинов, все поняли, какой исход неизбежен.

– Это наша последняя битва. Пусть они ее запомнят! – весело крикнул Мерен, и египтяне встретили первую шеренгу врага. Они сражались с бесшабашностью и яростью отчаяния. И отбили нападавших. Но вождь Басма, прыгая и крича, вновь построил своих воинов, и во главе с ним они снова устремились в атаку. Басма набросился на Наконто, пригнулся и ударил его в бедро.

Имбали стояла рядом. Увидев хлынувшую из раны кровь, она накинулась на Басму, как львица, защищающая своего самца. Вождь повернулся к ней и поднял копье, чтобы отразить удар. Топор Имбали разрубил древко копья, словно тростинку, и погрузился в плечо Басмы. Вождь отшатнулся, полуотрубленная рука свисала вдоль бока. Имбали выдернула топор и ударила снова, на этот раз по голове. Лезвие прошло через головной убор из перьев фламинго и раскололо череп до самых зубов. Мгновение разделенные лезвием глаза смотрели друг на друга, но тут Имбали вырвала топор. Металл заскрипел о кость, и вслед за ним показалось желтое вещество мозга.

Басмара увидели этот удар, закричали и отступили. Сражение было жестоким. Туземцы понесли тяжелые потери – по всему кругу лежали трупы. Египтян оставалось немного, но басмара не решались снова наброситься на них и прикончить. Таита воспользовался этой передышкой, чтобы укрепить свою позицию. Он заставил лошадей лечь – прием, которому обучают всех кавалеристов. Тела коней образуют заслон, защищая от копий басмара. За лошадьми Таита разместил лучников, а сам с Имбали, ее подругой и Фенн расположился в центре. Он будет рядом с Фенн до конца, как в ее прежней жизни. И на этот раз сделает ее смерть более быстрой и легкой.

Он осмотрел оборонительный круг. Хабари, Шофар и по меньшей мере еще два воина мертвы. Шабако и Хилто держатся на ногах, но оба ранены. Они не потрудились позаботиться о своих ранах, только постарались остановить кровотечение, наложив на рану землю. За ними Имбали перевязывала бедро Наконто. Закончив, она посмотрела на него – не как воин, а как женщина.

Когда лошадь сбросила Мерена, тот упал лицом вниз. Он оцарапал щеку, и пустая глазница вновь кровоточила. Из-под кожаной повязки вытекала тонкая струйка и, проходя мимо носа, попадала на верхнюю губу. Проводя точильным камнем по затупившемуся лезвию меча, Мерен слизывал кровь. Они были окружены густыми рядами врагов, изранены и ничем не напоминали героев.

«Если каким-то чудом я переживу этот день, я сложу о них поэму, от которой люди будут плакать», – мрачно пообещал себе Таита.

Тишину нарушил высокий голос:

– Мы старухи или боевые дьяволы басмара?

Воины снова запели, раскачиваясь и топая.

Другой голос ответил на вопрос:

– Мы мужчины, и мы пришли убивать!

– Убивай! Бросай копья! Убивай!

Под этот крик ряды двинулись вперед, топая и приплясывая. Имбали стояла рядом с Наконто, на ее губах играла легкая жестокая улыбка. Хилто и Шабако пригладили волосы и вновь надели шлемы. Мерен вытер кровь с губы и помигал здоровым глазом, чтобы лучше видеть. Потом сунул меч в ножны, взял лук и, опираясь на него, смотрел на приближающиеся ряды врагов. Фенн встала, оберегая больную ногу. Она взяла Таиту за руку.

– Не бойся, малышка, – сказал маг.

– Я не боюсь, – ответила она, – жалею, что ты не научил меня стрелять из лука. Тогда от меня было бы больше пользы.

Вожди засвистели в свистульки из слоновой кости, и орды нападающих бросились вперед. Кучка обороняющихся произвела залп, затем еще один, а потом воины стали лихорадочно накладывать и выпускать стрелы, как могли быстро. Но египтян было так мало, что они сумели вызвать лишь легкое замешательство в надвигающихся рядах черных тел.

Басмара ворвались в круг, и началась рукопашная. Шабако получил удар в горло и, умирая, выпустил фонтан крови, как пронзенный гарпуном кит. Непрочный круг обороны разорвался под натиском черных тел. Имбали и Наконто, стоя спиной к спине, рубили и резали. Мерен отступал, пока Фенн не оказалась между ним и Таитой. Они еще могли сражаться недолго, но Таита знал, что вскоре придется проявить милосердие к Фенн. Он быстро последует за ней, и они вновь соединятся.

Мерен убил воина, пробив ему сердце; одновременно Таита свалил своего противника.

Мерен оглянулся на него.

– Пора, маг. Я сделаю это для тебя, если хочешь, – прохрипел он: в горле у него пересохло от жажды и пыли.

Таита знал, как Мерен полюбил Фенн и чего ему будет стоить убить ее.

– Нет, добрый Мерен, хотя я и благодарен за предложение. Это мой долг. – Он ласково взглянул на Фенн. – Поцелуй Мерена, дорогая, ибо он твой друг.

Она послушалась и доверчиво повернулась к Таите. Наклонила голову и зажмурилась. Таита обрадовался: он никогда бы не смог это сделать, если бы она смотрела на него своими зелеными глазами. Поднял меч, но не успел его опустить. Воинственный клич басмара сменился воплем ужаса и отчаяния. Ряды разорвались, воины бросились врассыпную, как косяк сардин при появлении острозубой барракуды.

Маленький отряд остался удивленно стоять в круге. Все вымокли в поту и крови, своей и врагов. Ошеломленно смотрели друг на друга, не понимая, почему еще живы. Пыль, поднятая ногами и копытами, почти закрывала обзор, а от горящей эстакады долетали густые клубы дыма. Лес едва виднелся.

– Лошади! – прохрипел Мерен. – Я слышу стук копыт.

– Тебе кажется, – так же прохрипел Таита. – Этого не может быть.

– Нет, Мерен прав, – пискнула Фенн и показала в сторону деревьев. – Лошади!

Таита стер с глаз пыль, поморгал, но по-прежнему не мог видеть ясно. Картина перед глазами была тусклой и расплывалась. Он протер глаза рукавом и снова посмотрел.

– Конница? – не веря своим глазам, произнес он.

– Египетская конница, – подтвердил Мерен. – Регулярные войска! И над ними синий вымпел.

Всадники напали на ряды басмара, вначале поднимая воинов на копья, затем приканчивая их мечами. Басмара бросали оружие и разбегались в беспорядке.

– Не может быть, – сказал Таита. – Мы в трех тысячах лиг от Египта. Откуда здесь эти люди? Невероятно!

– Что ж, я верю своим глазам – или лучше сказать, единственному глазу? – весело воскликнул Мерен. – Это наши соотечественники.

Через несколько минут на поле остались только мертвые или умирающие басмара. Всадники возвращались; наклоняясь в седлах, они приканчивали раненых на месте. От основной массы отделились три военачальника и поскакали к небольшой группе уцелевших.

– Ими командует полководец Синих, – сказал Таита.

– У него высшая награда – Золотая Похвала и Крест Братства Красной Дороги, – подхватил Мерен. – Поистине воин.

Военачальник остановил коня перед Таитой и приветственно поднял руку.

– Я боялся, что мы опоздали, почтенный маг, но вижу, что ты в добром здравии, и благодарю богов за эту милость.

– Ты меня знаешь? – Таита удивился еще больше.

– Весь мир знает Таиту из Галлалы. Однако мы встречались при дворе царицы Минтаки после победы над ложным фараоном. Это было много лет назад, когда я еще был простым воином и командовал лишь горсткой людей. Неудивительно, что ты забыл меня.

– Тинат? Полководец Тинат Анкут?

Теперь Мерен узнал его.

Военачальник благодарно улыбнулся.

– Узнав меня, ты оказываешь мне честь.

Тинат Анкут был красивым мужчиной с сильным умным лицом и спокойным взглядом. Таита взглянул на него Внутренним Оком и не увидел в его ауре изъянов, хотя сумрачное голубоватое свечение в глубине свидетельствовало о глубоком беспокойстве. Таита понял, что доблестный Тинат не удовлетворен своей жизнью.

– Мы слышали о тебе в крепости Адари, – сказал Таита, – но твои посланцы считали тебя погибшим в этих диких краях много лет назад.

– Как видишь, маг, они ошибались. – Таита не улыбнулся. – Но мы должны покинуть это место. Мои разведчики доложили о многих тысячах дикарей, двигающихся сюда. Я сделал то, зачем меня послали, то есть взял тебя под защиту. Нельзя терять времени, нужно немедленно уходить.

– Куда ты отведешь нас, полководец Тинат? Откуда ты узнал, что мы здесь и нуждаемся в помощи? Кто послал тебя нам на выручку? – спрашивал Таита.

– В свое время ты получишь ответ на свои вопросы, маг, но боюсь, отвечу не я. Оставляю здесь воинского командира Онку – со всякой нуждой обращайся к нему.

Он еще раз отсалютовал и повернул лошадь.

Поставили на ноги лошадей. Большинство было ранено, причем две так серьезно, что их пришлось прикончить. Но Дымка и Вихрь не пострадали. Хотя вещей почти не осталось, медицинские инструменты Таиты были громоздкими и тяжелыми. Вьючных животных не было, поэтому Онка выделил несколько запасных лошадей. Таита занялся ранами товарищей и их животных. Онка торопил его, но Таита не мог спешить, и прошло некоторое время, прежде чем они смогли выступить.

Когда полководец Тинат вернулся, перед путниками двинулся большой отряд всадников. В центре, защищенный со всех сторон, ехал отряд Таиты. За ними большой колонной шли сотни вопящих пленных, по преимуществу женщин басмара.

– Рабы, – предположил Мерен. – Они совмещают спасение невинных путников с охотой за рабами.

Таита ничего не ответил, но задумался о своем положении и статусе. «Мы тоже пленники или почетные гости?» – гадал он. Как ни крути, положение их было двусмысленным. Он хотел расспросить Онку, но понял, что усилия будут тщетны; воинский командир оказался столь же скрытен, как и его начальник.

Оставив Тамафупу, они двинулись на юг, следуя по пересохшему руслу Нила к озеру. Вскоре показались Красные Камни и покинутый храм на вершине утеса, но здесь они удалились от реки и повернули на восток, по тропе вдоль озера. Таита попытался поговорить с Онкой о храме и камнях, но тот кратко ответил:

– Я ничего не знаю об этом, маг. Я простой воин, а не великий мудрец.

Еще через несколько лиг поднялись на новый утес и увидели перед собой защищенную гавань. Таита и Мерен поразились: в гавани стоял целый флот. Всего в нескольких локтях от белого песка на спокойной воде стояли на якорях шесть боевых галер и несколько больших транспортных барж. Корабли были необычной конструкции, такие никогда не плавали в египетских водах – с открытыми палубами и заостренными носом и кормой. Было очевидно, что единственную мачту можно снять и уложить вдоль борта. Острый нос и корма помогали таким кораблям двигаться по быстрому течению, с порогами и водопадами. Хорошая конструкция, признал Таита. Позже он узнал, что корпус такого корабля можно разделить на четыре секции и пронести по берегу мимо водопадов и других препятствий.

Стоящий на якоре флот смотрелся красиво и производил впечатление пригодного для дела. Вода была такая прозрачная, что казалось: корабли висят в воздухе; их тени четко виднелись на дне озера. Таита даже видел меж ними косяки крупных рыб, которых привлекали отходы, выбрасываемые с кораблей.

– Корабли чужой постройки, – заметил Мерен. – Не египетские.

– В своих странствиях по Востоку я видел такие за рекой Инд, – сказал Таита.

– Но как такие корабли могли оказаться на далеком, не нанесенном на карты внутреннем море?

– Одно я знаю точно, – отозвался Таита. – Спрашивать об этом Онку бесполезно.

– Потому что он простой воин, а не великий мудрец. – Мерен рассмеялся впервые с выхода из Тамафупы. Вслед за проводником они спустились к берегу и почти немедленно начали

грузиться на баржи. Пленных басмара поместили на двух баржах, лошадей и воинов Тината – на остальных.

Глядя на Дымку и Вихря, полководец Тинат оживился.

– Какая великолепная пара! Очевидно, кобыла и ее жеребенок, – сказал он Таите. – За всю жизнь я видел не больше трех-четырех, которые могли бы с ними сравниться. У них красивые ноги и крепкая грудь; такие бывают только у животных хиттитских кровей. Готов биться об заклад, что они с полей Экбатана.

– Ты совершенно прав, – похлопал в ладоши Таита. – Поздравляю. Ты знаток лошадей.

Тинат еще больше смягчился и отвел Таите, Фенн и Мерену каюту на своей галере. Как только все взошли на борт, флот отчалил и отошел подальше от берега. И почти сразу повернул на запад вдоль береговой линии. Тинат пригласил всех троих пообедать с ним на открытой палубе. По сравнению со скудной пищей, которой они довольствовались с выхода из Квебуи, блюда, приготовленные поваром, были великолепны. За только что пойманной и поджаренной озерной рыбой последовало жаркое из экзотических овощей и амфора красного вина такого качества, что украсила бы стол самого фараона.

На закате флот поравнялся с Красными Камнями и проплыл под утесом, на котором стоял покинутый храм Эос. Тинат выпил две чаши вина и превратился в любезного разговорчивого хозяина. Таита попробовал воспользоваться этим.

– Что это за здание? – указал он на берег. – Похоже на храм или дворец, но такой конструкции я никогда не видел в Египте. Интересно, что за люди его воздвигли.

Тинат нахмурился.

– Я не думал об этом, маг, потому что меня не интересует архитектура, но, вероятно, ты прав. Может, святилище или храм, а может, зернохранилище. – Он пожал плечами. – Не хочешь ли еще вина?

Очевидно, вопрос его раздосадовал, и он снова стал держаться отчужденно и холодновежливо. Более того, было похоже, что экипаж галеры получил приказ не разговаривать с гостями и не отвечать на вопросы.

День за днем флот плыл вдоль берега на запад. По просьбе Таиты капитан отгородил парусом часть палубы, чтобы дать гостям тень – и уединение. Таита добился больших успехов в обучении Фенн. В долгом походе на юг у него было мало возможностей оставаться с ней наедине. Теперь отгороженный угол палубы превратился в святилище и в класс, где он мог обострить восприимчивость девочки, способность сосредоточиваться и проницательность.

Он не знакомил ее с новыми аспектами эзотерического искусства. Напротив, ежедневно она по многу часов упражнялась в том, что уже было ей знакомо. В особенности он работал над телепатической передачей и восприятием образов и мыслей. Его не покидало предчувствие, что очень скоро им придется расстаться. И если это произойдет, такой контакт станет для них жизненно важен. Как только связь между ними стала быстрой и надежной, Таита постарался научить Фенн скрывать свою ауру. И лишь когда маг убедился, что она хорошо овладела этим умением, они смогли практиковаться в соединении сил.

Часы и дни учебы были столь напряженными и утомительными, что Фенн почувствовала себя физически и духовно выжатой: ведь у нее, новичка в тайных искусствах, были тело и силы ребенка. Однако даже когда Таита вспоминал, что она уже прожила одну жизнь, ее упорство и выносливость поражали его. Ее энергия словно питалась упражнениями, как символ Фенн – водяная лилия – черпает силы в донном иле.

Она приводила Таиту в замешательство, мгновенно переключаясь и становясь из серьезной ученицы озорной девочкой, переходя от головоломок тайных знаний к радостному созерцанию красоты пролетающих фламинго. По ночам, когда она спала рядом с Таитой под навесом, ему хотелось прижать ее к груди так крепко, чтобы даже смерть не могла их разлучить.

Капитан галеры упомянул о свирепых порывах ветра, которые внезапно проносились по озеру. Он рассказывал о множестве перевернувшихся кораблей, которые теперь лежали в неизмеримых глубинах. По вечерам, когда на озеро спускалась темнота, флотилия вставала на якорь в каком-нибудь защищенном заливе. И только когда на рассвете, как хвост павлина, на восточном горизонте разворачивался веер солнечных лучей, корабли поднимали паруса, гребцы брались за весла и галеры снова поворачивались кормой на восток. Размеры озера изумляли Таиту. Береговая линия казалась бесконечной.

Неужели оно так же велико, как Среднее море или Индийский океан? А может, у него вообще нет границ? В свободные минуты они с Фенн чертили на папирусе карты или делали записи об островах, мимо которых проплывали, или о том, что заметили на берегу.

– Нужно передать наши заметки географам, в храм Хатор. Они ничего не знают об этих тайнах и чудесах, – говорил Таита.

В зеленых глазах Фенн появилось мечтательное выражение.

– О маг, я хочу вернуться с тобой в землю своей прежней жизни. Ты помог мне вспомнить столько замечательного и интересного. Ты возьмешь меня туда когда-нибудь?

– Конечно, Фенн, – пообещал он.

Наблюдая за солнцем, планетами и другими небесными телами, Таита определил, что берег постепенно поворачивает к югу.

– Думаю, мы достигли западного края озера и скоро поплывем прямо на юг, – сказал он.

– Тогда мы со временем достигнем края земли и упадем в небо. – Фенн очень заинтересовала перспектива такой катастрофы. – Мы будем падать бесконечно или окажемся в другом мире в другом времени? Как ты думаешь, маг?

– Надеюсь, у нашего капитана хватит здравого смысла повернуть назад, как только он увидит впереди пустоту, и нам не придется падать во времени и пространстве. Меня вполне устраивают «здесь» и «сейчас», – усмехнулся Таита, радуясь ее буйному воображению.

Вечером он осмотрел рану на бедре Фенн и с радостью обнаружил, что она хорошо заживает. Плоть вокруг стежков конского волоса покраснела – верный признак того, что пора их убирать. Таита срезал узлы и вытащил волос щипцами. Из оставленных волосом отверстий вышло несколько капель желтого гноя. Таита понюхал его и улыбнулся:

– Прекрасно пахнет. Я не смел надеяться на лучший результат. Посмотри, какой красивый шрам у тебя остался – как лепесток твоего символа, водяной лилии.

Фенн наклонила голову, разглядывая шрам – не больше ногтя на ее мизинце.

– Ты такой умный, маг. Я уверена, ты нарочно так сделал. Мне он нравится больше, чем Имбали – ее татуировки. Она будет так завидовать!

Они плыли сквозь лабиринт островов, на которых росли деревья, такие толстые, что походили на столбы, поддерживающие перевернутую голубую чашу неба. На самых верхних ветках на гнездах сидели орлы, величественные птицы с блестящими белыми головами и красными маховыми перьями. В полете они издавали яростные крики, затем падали в воду озера и появлялись с большой рыбой в когтях.

На каждом берегу грелись на солнце большие крокодилы, а на отмелях собирались гиппопотамы. Их круглые серые спины были массивны, как гранитные глыбы. Корабли снова вышли на открытую воду и, как и предсказывал Таита, повернули на юг, стремясь к краю земли. Им случилось проплывать мимо бесконечного леса, населенного большими стадами черных буйволов, серых слонов и огромных свиноподобных животных, на носу у которых торчали большие острые рога. Таких Таита раньше не видел и делал зарисовки, которые Фенн объявила чудом точности.

– Мои друзья-жрецы не поверят в существование этих удивительных зверей, – заметил Таита. – Мерен, ты сможешь убить одного такого, чтобы мы смогли принести рог с его носа в дар фараону?

Все так повеселели, что люди поверили в благополучное возвращение в родную землю на далеком севере.

Как всегда, Мерен ухватился за предложение поохотиться и сказал:

– Если уговоришь Тината и капитана причалить на день-два, я возьму лук и верхом отправлюсь в лес.

Таита высказал Тинату предположение, что лошадям, которых слишком долго везли на тесной палубе баржи, полезно будет размяться, и Тинат неожиданно проявил сговорчивость:

– Ты прав, маг, к тому же нам не помешает хороший запас свежего мяса. Мне приходится наполнять множество желудков воинов и рабов.

Вечером они подошли к широкой заливной равнине на берегу озера. На открытых полянах паслось множество дичи – от серых толстокожих животных до разнообразных антилоп. Равнину пересекало устье ручья, текущего с востока и впадающего в озеро. Русло ручья оказалось судоходным на небольшое расстояние и обеспечило флотилии безопасную гавань. Выгрузили лошадей, и воины разбили лагерь на речном берегу. Все радовались ощущению прочной земли под ногами, и на следующее утро, когда выехали на охоту, настроение у всех было праздничным. Тинат приказал охотникам напасть на стадо буйволов и выбирать коров и телят, у которых мясо вкуснее, чем у быков – мясо самцов такое жесткое и прогорклое, что почти несъедобно.

К этому времени Мерен и Хилто оправились от ран, полученных при Тамафупе. Они возглавили охоту на чудовищных толстокожих с рогом на носу. Наконто и Имбали пошли за ними пешком, а Таита и Фенн должны были держаться позади в роли зрителей. В последний момент подъехал военачальник Тинат и спросил у Таиты:

– Я хотел бы поехать с вами и посмотреть на забаву. Надеюсь, вы не станете возражать против моего присутствия?

Таита удивился. Он не ожидал такого дружеского жеста со стороны сурового воина.

– Буду рад вашему обществу, доблестный Тинат. Как вы знаете, мы хотим добыть одну из этих тварей с рогом на носу.

Тем временем отряды всадников, возбужденно крича, уже гнали по равнине стада буйволов; подъехав близко, они пускали в ход копья. А когда буйволы, оказавшись в тупике, поворачивались к ним, их засыпали стрелами. Скоро трава была усеяна тушами, а стада в панике бежали по равнине, пытаясь спастись от охотников.

Чтобы не попасться на дороге стадам и всадникам и найти открытую местность, где можно поохотиться на носорогов, Мерен пересек ручей и поехал по берегу. Остальные последовали за ним, и вскоре корабли исчезли из виду. Перед охотниками расстилалось открытое поле. Впереди они видели пасущихся носорогов, разбросанных маленькими семействами, включающими самок и детенышей. Но Мерен хотел добыть рог патриарха, достойный дар фараону.

По мере удаления от кораблей Таита заметил постепенно происходившую с Тинатом перемену. Тот стал не таким мрачным и сдержанным и иногда даже улыбался лепету Фенн.

– Ваша подопечная – умная юная девушка, – сказал он, – но умеет ли она держать язык за зубами?

– Вы сами сказали – она молода и свободна от злобы и ненависти.

Тинат еще больше расслабился, а Таита открыл Внутреннее Око и оценил состояние его души. «Военачальника что-то сильно гнетет, – подумал он. – Он не хочет, чтобы его подчиненные видели, как он свободно разговаривает со мной. Он боится кого-то из своих людей. Не сомневаюсь, что это Онка, приставленный к Тинату, чтобы следить за ним и доносить по начальству. Тинат хочет что-то сказать мне, но опасается».

Таита мысленно обратился к Фенн и увидел, что та начала воспринимать его мысль. Он послал ей сообщение на тенмассе: «Присоединись к Мерену. Оставь меня наедине с Тинатом».

Фенн тотчас повернулась к нему и с любезной улыбкой сказала:

– Маг, разреши мне проехаться с Мереном. Он обещал сделать для меня лук.

Она пустила Вихря в галоп и оставила Таиту с глазу на глаз с Тинатом.

Какое-то время они ехали молча, потом Таита сказал:

– Из разговора с фараоном Нефером Сети я понял, что много лет назад вы получили приказ добраться до истоков Нила и вернуться с докладом в Карнак.

Тинат пристально взглянул на него, но ничего не ответил.

Таита вежливо помолчал и продолжил:

– Странно, что вы не вернулись доложить об успехе и получить заслуженную награду. И удивительно, что мы движемся в сторону прямо противоположную Египту.

Тинат еще немного помолчал, потом негромко ответил:

– Я больше не подчиняюсь фараону Неферу Сети. Египет для меня – не родина. У моих людей и у меня теперь есть более прекрасная, изобильная и благословенная страна. А Египет проклят.

– Никогда не поверю, что такой воин, как вы, может презреть свой долг перед родиной, – сказал Таита.

– Я не первый египетский полководец, поступивший так. Девяносто лет назад был другой. Он открыл эту удивительную страну и не вернулся в Египет. Его с таким же поручением – открыть истоки Нила – послала царица Лостра. Его звали властительный Аквер.

– Я хорошо его знал, – вмешался Таита. – Отличный был воин, но непредсказуемый.

Хотя Тинат искоса посмотрел на Таиту, вслух он не усомнился в этом утверждении. Напротив, он продолжил:

– Господин Аквер в земле Лунных гор основал поселок и государство Джарри. Его прямые потомки превратили эту страну в могучую процветающую державу. Для меня большая честь служить ему.

Таита посмотрел на него Внутренним Оком и понял, что воин лжет: он вовсе не гордится своей службой чужому государству. В душе Тината сумятица.

– Вы везете нас туда? В Джарри?

– Таков мой приказ, маг, – подтвердил Тинат.

– А кто царь этой страны? – спросил Таита.

– У нас нет царя. Нами правит олигархия благородных и мудрых людей.

– Кто их избрал?

– Их избрали за их очевидные добродетели.

И опять Таита увидел, что Тинат не верит в собственные слова.

– Вы один из олигархов?

– Нет, маг. Мне не может быть оказана такая честь – я не благородного рождения. Я недавний пришелец в Джарри, переселенец.

– Значит, общество Джарри разделено на сословия? На благородных, простых людей и рабов?

– В общем, так. Хотя мы не простые люди, а переселенцы.

– Жители Джарри по-прежнему верят в пантеон египетских богов?

– Нет, маг, у нас лишь один бог.

– Кто он?

– Не знаю. Только посвященным известно его имя. Я молюсь, чтобы когда-нибудь и мне оказали такую милость.

За этим утверждением Таита видел множество противоречивых стремлений. Тинат не мог заставить себя сказать что-то, хотя и ушел от соглядатая, Онки.

– Расскажите мне еще об этой земле. Она должна быть удивительной, если смогла поколебать верность такого человека, как вы.

Таита пытался помочь Тинату разговориться.

– У меня нет для этого подходящих слов, – ответил Тинат, – но мы скоро будем там, и вы сможете судить сами.

Он упускал возможность поговорить откровенно.

– Доблестный Тинат, когда вы спасли нас от басмара, вы заставили меня поверить, что вас послали с определенной целью. Я прав?

– Я и так сказал слишком много... потому что глубоко уважаю и высоко ценю вас. Но прошу: не настаивайте. Я знаю, что у вас великий и проницательный ум, но вы идете в землю, где существует иной свод законов, иные нравы. Сейчас вы гости, и мы все ожидаем, что вы будете уважать обычаи хозяев.

Тинат окончательно замкнулся.

– И один из этих обычаев – не совать нос не в свое дело?

– Совершенно верно, – ответил Тинат.

Это было серьезное предупреждение; очевидно, больше он ничего не может сказать.

– Я всегда считал целесообразность оправданием тирании и средством успокоения черни.

– Опасное мнение, маг; пока ты в Джарри, тебе лучше держать его при себе.

Тинат закрыл рот, как забрало своего бронзового шлема, и Таита понял, что больше ничего не узнает. Но он не был разочарован. На самом деле он дивился, что узнал так много.

Их внимание привлекли далекие крики охотников. Далеко впереди Мерен стрелами остановил добычу.

Допотопное чудовище фыркало, как огнедышащий дракон, делая короткие броски в сторону своих мучителей, поднимая пыль гигантскими копытами, поворачивая рог из стороны в сторону; маленькие свиные глазки блестели, уши были насторожены. Рог высотой с взрослого мужчину отполирован постоянным трением о стволы деревьев и термитные кучи и блестит, как меч.

Но тут Таита увидел Фенн и почувствовал, как у него перехватило горло. Она играла со зверем. Абсолютно уверенная в своем владении конем и в резвости Вихря, она сбоку подъехала к самому носу чудовища, приглашая его напасть. Таита коленями ударил Дымку и поскакал к девочке, чтобы остановить, одновременно посылая мощный телепатический импульс. Фенн с уверенностью опытного фехтовальщика отразила импульс и закрыла для него свое сознание. Таиту охватили гнев и страх.

– Ах, маленькая дьяволица! – пробормотал он.

Внимание носорога привлекла блестящая серая шкура Вихря, и он принял вызов Фенн. Фыркая, хрюкая и топая толстыми ногами, зверь бросился на коня и всадницу. Фенн коснулась шеи Вихря, и тот перешел на галоп. Девочка повернулась в седле, чтобы определять зазор между острием рога и хвостом Вихря. Когда лошадь чересчур удалялась, Фенн придерживала ее, чтобы расстояние между ними вновь сократилось.

Несмотря на страх за ее безопасность, Таита не мог не восхититься смелостью и хладнокровием Фенн. Она привела зверя к Мерену, и тот одну за другой быстро выпустил три стрелы; все стрелы на всю длину вошли в толстую серую шкуру за плечом. Носорог споткнулся, и из его пасти потекла кровавая пена. По крайней мере одна стрела Мерена пробила легкое. Фенн искусно вела зверя, заставляя его повернуться и подставить под стрелы другой бок. Мерен стрелял и стрелял, стрелы вонзались глубоко, добираясь до сердца и легких.

Легкие носорога заполнились кровью, и он замедлил бег. Оцепенение смерти превратило его мощные ноги в камень. Носорог остановился, понурив голову, кровь хлестала из его раскры-

той пасти и носа. Наконто подобрался сбоку и воткнул копье за ухом зверя, наклонив острие так, чтобы оно поразило мозг. Носорог упал, от тяжелого удара задрожала земля и поднялось облако пыли.

К тому времени как Таита добрался до охотников, все уже спешились и собрались вокруг туши. Фенн подпрыгивала от возбуждения, а все прочие смеялись и хлопали. Таита решил было наказать Фенн за непослушание, с позором отослав ее на галеру, но, когда он спешился и с каменным лицом подошел, она подскочила к нему и обняла за шею.

– Таита, ты видел? Как было здорово! Ты ведь гордишься Вихрем и мной? – И прежде чем он выговорил строгие слоги, обжигавшие губы, она прижалась губами к его уху и прошептала: – Ты так добр и ласков со мной. Я люблю тебя, милый Таита.

Он почувствовал, что его гнев рассеивается, и печально спросил себя, кто кем управляет. Этим искусством она прекрасно владела в прежней жизни. «И я снова беззащитен перед ней».

Охотники убили свыше сорока крупных животных, так что прошло несколько дней, прежде чем все туши освежевали, мясо закоптили и погрузили на баржи. Только тогда галеры смогли отойти от берега и продолжить путь на юг. Вернувшись к своим командирам, Тинат снова стал скрытен и неразговорчив. Глядя на него Внутренним Оком, Таита видел, что военачальник сожалеет об их беседе и боится ее последствий.

С севера подул сильный ветер. Весла убрали и подняли на галерах большие треугольные паруса. Белая вода клубилась за кормой, берег пролетал мимо. На пятое после охоты на носорога утро вышли к новому устью. Река текла с высот на западе и приносила в озеро огромное количество воды. Таита слышал разговор экипажа: постоянно звучало слово «Китангуле». Очевидно, название реки. Таита не удивился, когда капитан приказал убрать паруса и снова взяться за весла. Их галера первой из флотилии вошла в Китангуле и начала подъем наперекор сильному течению.

Через несколько лиг на берегу показался большой поселок. Здесь были корабельные верфи, в них на салазках лежали незаконченные корпуса двух больших кораблей. Вокруг сновали рабочие, и Таита указал Мерену на надсмотрщиков, руководивших работами:

– Вот объяснение иноземной конструкции кораблей флотилии. Все они построены здесь, а те, кто их строил, несомненно, родом из земель за Индом.

– Как они оказались здесь, так далеко от родины? – удивился Мерен.

– Что-то здесь издалека влечет достойных людей, как пчел – цветы в саду.

– А мы тоже пчелы, маг? Нас соблазняет то же самое?

Таита удивленно посмотрел на него. Удивительно проницательная мысль для Мерена.

– Мы пришли сюда, чтобы сдержать священную клятву, данную фараону, – напомнил он. – Однако теперь, оказавшись здесь, мы должны быть настороже. Нельзя допустить, чтобы нас превратили в мечтателей, в лотофагов, какими кажутся многие джарриане.

Флотилия плыла вверх по реке. Через несколько дней появился первый порог: бурная белая вода перегораживала реку от берега до берега. Это не испугало капитана и Тината – у подножия порога стояла небольшая деревня, а за ней обширные загоны для скота, в которых содержались стада горбатых быков.

Пассажиры, лошади и рабы сошли на берег. На борту остались только экипажи. Корабли прочными веревками из переплетенных лиан привязали к упряжкам быков, и те потащили корпуса по настилам над быстрой водой. А люди и лошади шли по берегу, по тропе рядом с каскадом,

пока не оказались на более высоком месте. Выше порогов река была глубокой, многоводной и спокойной, здесь на якорях покачивались галеры. Все вновь погрузились на суда и шли до следующего водопада, где переправу повторили.

Трижды встречались столь крутые и многоводные водопады, что протащить над ними корабли не представлялось возможным. В том, как преодолевались эти препятствия, заметен был египетский инженерный гений: сбоку от водопадов были прорыты зигзагообразные каналы со шлюзами и воротами, что позволяло поднимать корабль на следующий уровень. Требовалось много дней напряженной работы, чтобы поднять корабли по этим водяным лестницам, но со временем они снова оказывались на глубоком, спокойном течении реки.

Местность, открывшаяся после того, как озеро оставалось позади, поражала своим разнообразием. На протяжении ста лиг от входа в Китангуле река текла по густым джунглям. Ветви почти смыкались над головой, и, казалось, нет двух деревьев одного вида. Стволы и сучья были перевиты лианами и другими ползучими цветущими растениями. В вышине, в кронах, полных цветущих орхидей и плодов, ссорились обезьяны. Блестящие ящерицы грелись на ветвях и сверху наблюдали за рекой. При приближении кораблей они спрыгивали и с таким плеском падали в воду, что гребцов обдавало брызгами.

По ночам, когда корабли причаливали к берегу и их привязывали к толстым стволам, темнота наполнялась громкими криками и шагами невидимых животных и ревом охотившихся на них хищников. Корабельщики опускали в воду удилища, нацепив на бронзовые крюки потроха. Три человека с трудом вытащили крупную рыбу, взявшую приманку.

По мере подъема через водопады растительность медленно менялась. Жара спала, дышать стало гораздо приятнее. Преодолев последнюю водную лестницу, увидели холмистую местность, чередование травянистых полян и открытых лесов, в которых преобладали различные виды акации: безлистой и колючей, покрытой мягкой перистой листвой, с толстыми черными стволами и черными кустами. На самых высоких деревьях висели гроздья плодов, похожих на виноград.

Это была плодородная, богатая водой местность с роскошной травой на полянах и десятками ручьев, впадавших в Китангуле. Повсюду виднелись стада пасущихся животных, и не проходило дня, чтобы не встретились прайды львов, охотящихся или отдыхающих на открытом месте. По ночам львиный рев приводил в ужас. Сколько раз его ни слышать, страх все равно обжигал нервы и сердца учащенно бились.

Наконец на горизонте показалось возвышение, и все услышали нарастающий гул. Река опять повернула, и перед ними оказался могучий водопад; вода в клубах пены падала с вершины утеса в глубокий бассейн у подножия.

На берегах вокруг водопада стояли упряжки быков, готовые вытащить корабли на сушу. Снова все высадились – в последний раз. Никакое человеческое изобретение не могло поднять корабли на вершину утеса. В расположенном поблизости поселке Таите и командирам отвели помещения для гостей, лошадей и скарб разместили на берегу, а рабов басмара в бараках.

Через три дня полководец Тинат был готов продолжить путь. Все имущество погрузили в запряженные быками повозки. Рабов вывели из бараков и связали друг с другом в длинные ряды. Воины и отряд Таиты сели верхом и длинной процессией двинулись по берегу вдоль подножия утеса. На второй лиге дорога серпантином круто пошла вверх, на утес, и сузилась до тропы. Подъем был такой крутой, что пришлось спешиться и вести лошадей, тяжело груженных быков и рабов.

На полпути к вершине через глубокое ущелье был переброшен узкий подвесной мост. Переправой командовал Онка: он позволял ступать на непрочное сооружение лишь нескольким быкам и людям одновременно. Даже при ограниченной нагрузке мост раскачивался и опасно провисал, и каравану потребовалось полдня, чтобы переправиться по нему.

– Это единственная дорога на гребень хребта? – спросил Мерен у Онки.

– Есть более легкий подъем в сорока лигах к югу, но это на несколько дней удлиняет путь.

Перебравшись через пустоту, они огляделись, и перед ними словно открылась вся земля. С большой высоты видны были золотые саванны, по которым, точно темные змеи, вились реки, а вдалеке возвышались холмы и зеленели джунгли. Еще дальше, на туманном горизонте, расплавленным металлом блестели воды огромного озера Налубаале, по которому они приплыли.

Наконец они достигли пограничной крепости на вершине хребта, которая охраняла Проход Китангуле – вход в страну Джарри. Когда они разбили лагерь за пределами крепости, уже стемнело. Ночью шел дождь, но утром снова ласково светило солнце. Выглянув из своего убежища, Таита и Фенн увидели картину, которая делала все виденное ими прежде великолепие чем-то заурядным. Под ними расстилалось широкое плато, уходившее к далекому горизонту. Вдоль плато тянулась горная цепь, такая высокая, что должна была служить пристанищем богов. Три центральные вершины сверкали небесным свечением полной луны. Такие попадались Таите и Мерену, когда они путешествовали по высокогорьям Хорасана, но Фенн никогда еще не видела снега. Великолепное зрелище лишило ее дара речи. Наконец она пришла в себя.

– Смотрите! Горы в огне! – воскликнула она.

Над вершиной каждой сверкающей горы поднимался столб дыма.

– Ты искал один вулкан, маг, – негромко промолвил Мерен, – а нашел целых три. – Он повернулся и указал на далекое мерцание озера Налубаале по дальнюю сторону перехода: – Огонь, воздух, вода и земля...

– ...но повелитель всех огонь, – закончил Таита заклинание Эос. – Несомненно, здесь должна быть крепость ведьмы.

Ноги мага дрожали, он был охвачен сильным чувством. Они пришли издалека и вытерпели страшные лишения, чтобы добраться сюда. Следовало найти, где посидеть, потому что ноги внезапно отказались удерживать тяжесть тела Таиты. Он отыскал место, откуда можно было продолжать смотреть. Фенн села на скалу рядом с ним. Она разделяла его чувства.

Наконец от головы каравана к ним подъехал воинский командир Онка.

– Нельзя задерживаться. Нужно ехать.

Склон оказался не таким крутым. Снова сели верхом и спустились к подножию холмов на плато. Весь остаток дня двигались к горам по пленительной земле. Теперь они поднялись над уровнем озера, джунглей и пустынь так высоко, что климат стал мягким и благоприятным. Каждый глоток воздуха словно заряжал тела силой и прочищал сознание. С гор стекали холодные ручьи. Путники проезжали домики и хозяйственные постройки из камня, крытые золотистым тростником, окруженные садами и оливковыми рощами. Были и тщательно ухоженные виноградники с лозами, увешанными тяжелыми гроздьями. Поля засажены дуррой, огороды полны дынь, бобов, чечевицы, красного и зеленого перца, тыкв и других овощей, которые Таита не узнавал. На зеленых лугах паслись стада коров, овец и коз. В лесах рылись жирные свиньи, в речных прудах плескались утки и гуси, и в каждом хозяйстве во дворе гуляло множество кур.

– Мы в своих странствиях редко оказывались в такой богатой земле, – сказал Мерен.

Когда они проезжали мимо, крестьяне и их семьи выходили приветствовать их и предлагали чаши шербета и красного вина. Они говорили по-египетски с акцентом двух царств. Все были сыты и одеты в добрую кожу и лен. Дети казались здоровыми, но необычно тихими. Женщины были тоже здоровые на вид, розовощекие и ухоженные.

– Какие красивые, – заметил Мерен. – Ни одной уродливой.

Вскоре они поняли, почему пастбища такие зеленые. Неожиданно вершины трех вулканов затянули густые облака. Онка подъехал к Таите и сказал:

– Наденьте плащи. В течение часа будет идти дождь.

– Откуда вы знаете? – спросил Таита.

– Дождь идет ежедневно, в полдень. – Он показал вперед, на собирающиеся облака. – У трех вершин, возвышающихся над Джарри, много названий, и одно из них – Хозяева Дождя. Благодаря им земля так изобильна.

Не успел он договорить, как пошел дождь, и путники, несмотря на плащи, промокли до нитки, но через несколько часов облака расступились и снова выглянуло солнце. Промытая зелень выглядела свежей и яркой. Листва блестела, а почва пахла лепешками из дурры.

На развилке дороги колонна рабов свернула налево. Таита слышал слова командира охраны: «На новых шахтах в Индебби очень нужны люди».

Остальной караван продолжал ехать по правой дороге. Время от времени кто-нибудь из воинов подъезжал к Тинату, козырял и покидал колонну, чтобы отправиться в другую сторону, на родной клочок земли. В конце концов остались только Тинат, Онка и десять воинов. Уже на исходе дня они поднялись на небольшое возвышение и увидели внизу, среди садов и зеленых пастбищ, небольшой поселок.

– Это Мутанги, – сказал Тинат Таите. – Местный торговый город и средоточие власти. Пока поживете здесь. Жилье для вас готово; уверен, там вам будет удобно. Вы уже знаете, но я повторю: в Джарри вы почетные гости.

Их приветствовал староста деревни, мужчина средних лет по имени Билто. В его роскошной бороде серебрилась седина, но он был силен и строен, с внимательным взглядом и теплой улыбкой. Таита посмотрел на него Внутренним Оком и увидел, что это честный человек, с добрыми намерениями, но, как и военачальник Тинат Анкут, он неудовлетворен и несчастлив. Билто с большим уважением поздоровался с Таитой, но поглядел на него странно, словно чего-то ожидал. Одна из его жен увела Хилто и всех остальных, в том числе Наконто и Имбали, в общественный каменный дом на краю деревни, где ждали девушки-рабыни, назначенные прислуживать приезжим. Билто отвел Таиту, Фенн и Мерена в большой дом через дорогу.

– Думаю, вы найдете все удобства. Через несколько дней совет олигархов пошлет за вами. А тем временем я ваш хозяин и к вашим услугам.

Уходя, Билто снова посмотрел на Таиту встревоженным, ищущим взглядом, но ничего не сказал.

В доме их, выстроившись в ряд, ждали управитель и пять рабов. Комнаты оказались просторными, но окна закрывали кожаные занавеси; в открытых очагах уже горели дрова. Хотя солнце еще высоко стояло над горизонтом, в воздухе разливалась прохлада; когда солнце сядет, огонь придется очень кстати. Для гостей были приготовлены свежие сандалии и одежда, рабы принесли кувшины с горячей водой для умывания. На ужин, который подавали при свете масляных ламп, было жаркое из свинины и хорошее красное вино.

До сих пор путники не сознавали, насколько утомила их дорога. У Мерена заболел глаз, и Таита залил в пустую глазницу оливковое масло с успокаивающими травами и приготовил дозу красного шепенна.

На следующее утро все долго спали. Глаз у Мерена болел, но меньше.

После завтрака Билто показал им деревню, которой очень гордился, и объяснил, как живет община. Он познакомил гостей со старейшинами общины, и Таита увидел, что все они люди честные и простодушные. Он ожидал встретить в них некую двойственность, которую видел в Билто и полководце Тинате и которую можно было бы объяснить близостью Эос, но ничего существенного не обнаружил сверх обычных мелких слабостей и недостатков. Один был недоволен женой, другой украл топор у соседа и чувствовал свою вину, а третий жаждал обладать своей красивой падчерицей.

На пятое утро в Мутанги вернулся воинский командир Онка и доставил приглашение Верховного Совета. Он объявил, что выезжать нужно немедленно.

Крепость, в которой размещался Верховный Совет, находилась в сорока лигах по направлению к Лунным горам. Онка сказал Таите, что поездка займет несколько часов. Было ясно и солнечно, чистый воздух бодрил. Щеки Фенн раскраснелись, глаза блестели. По просьбе Таиты она вместе с ним немного отстала от колонны, и он негромко сказал ей на тенмассе:

– Нам предстоит решающее испытание. Думаю, мы направляемся в крепость ведьмы. Ты должна замаскировать свою ауру – до возвращения в Мутанги.

– Понимаю, маг, и исполню твою просьбу, – ответила девочка.

Почти сразу ее аура потускнела, поблекла; теперь аура Фенн почти не отличалась от ауры Имбали.

– Как бы тебя ни дразнили, ни уязвляли и ни огорчали, не позволяй ей снова вспыхнуть. Ты не знаешь, откуда за тобой наблюдают. И не расслабляйся ни на мгновение.

Далеко за полдень они въехали в долину с крутыми склонами, разделявшую горный массив. Проехав лигу, добрались до внешней стены крепости, сложенной из прямоугольных блоков вулканического камня, тщательно пригнанных каменщиками другой эпохи. Камни от возраста обветрились. Ворота были открыты: казалось, их уже много лет не закрывают от возможного врага. Въехав в крепость, путники увидели величественные здания, каких не видели со времени выезда из Египта. Самое большое очень напоминало храм Хатор в Карнаке.

Конюхи приняли лошадей, а одетые в красное служители провели путников по длинному ряду переходов и залов к маленькой двери, за которой оказалась приемная. Здесь на длинном столе стояли чаши с фруктами, корзины с лепешками и кувшины с красным вином. Вначале гости прошли в соседние комнаты, чтобы освежиться после долгой поездки. Все было устроено с учетом их удобства.

Когда они поели, вошел церемониймейстер Совета и провел их в зал для аудиенций. Здесь было тепло от жаровен с углем, а на каменном полу лежали толстые коврики. Церемониймейстер пригласил гостей сесть и показал, какое положение они должны занять. Таиту он посадил во главе, Мерена и Хилто – за ним, Фенн вместе с остальными отправил обратно, и Таита почувствовал облегчение: к ней не проявили особого интереса. Он украдкой взглянул на девочку – она скромно сидела рядом с Имбали – и увидел, что она гасит свою ауру, делает ее похожей на ауру рослой соседки.

Таита вернулся к устройству и меблировке помещения. Это была большая комната правильных пропорций. Прямо перед ним располагался каменный помост, на котором стояли три стула – такие он видел во дворцах Вавилона, но те были украшены слоновой костью и полудрагоценными камнями. Стена за ними загорожена пестрым кожаным экраном, свисающим с высокого потолка до самого пола и расписанным узорами землистого цвета. Таита рассмотрел узоры: это не тайные символы, просто украшение.

Послышался стук подбитых гвоздями сандалий о каменный пол. Из боковой двери показалась цепь вооруженных воинов; воины выстроились вдоль помоста и уперли копья в пол. Вернулся церемониймейстер и звучным голосом произнес:

– Прошу оказать почтение благородным правителям из Верховного Совета.

Все по примеру Таиты поклонились, коснувшись лбом пола.

Из-за кожаного экрана показались трое. Вне всяких сомнений, олигархи. Один был в желтом, второй – в алом, третий – в светло-синем; на головах простые серебряные короны. Держатся олигархи с достоинством и величаво. Таита посмотрел на их ауры и нашел их разнообразными и сложными. Это были люди с сильной волей и крутым нравом, но самое глубокое

впечатление производил человек в синем, усевшийся на центральный стул. В его характере присутствовали глубины и сложности, которые Таита находил удивительными и тревожными.

Этот человек жестом позволил им чувствовать себя свободнее, и Таита выпрямился.

– Приветствую тебя, маг Таита из Галлалы. Добро пожаловать в Джарри, землю Лунных гор, – сказал правитель в синем.

– Приветствую тебя, олигарх, властительный Аквер, член Верховного Совета, – ответил Таита.

Аквер моргнул и наклонил голову.

– Ты меня знаешь?

– Я хорошо знал твоего деда, – объяснил Таита. – Когда я в последний раз его видел, он был моложе тебя, но твои черты неотличимы от его.

– Значит, многое, что я о тебе слышал, правда. Ты долгожитель и мудрец, – сказал Аквер. – Замечательное пополнение нашей общины. Будь добр, представь своих спутников, которых мы знаем меньше.

Таита стал вызывать своих спутников по именам.

Первым был Мерен. Он подошел и остановился перед помостом.

– Это доблестный Мерен Камбизес, полководец, носитель знака Золотой Доблести и Товарищ по Красной Дороге.

Совет молча разглядывал Мерена. Неожиданно Таита ощутил нечто необычное. Он перенес внимание с трех олигархов на кожаный экран за ними. Поискал того, кто скрывался за занавесом, но никого не обнаружил. Все это место было словно окутано коконом пустоты. И одного этого хватило, чтобы насторожить Таиту. Какая-то психическая сила скрывала эту часть помещения.

«Эос здесь! – подумал он. – Она не излучает ауру и скрывается за экраном куда более непроницаемым, чем кожаный. Наблюдает за нами». Таита испытал такое сильное потрясение, что с трудом сдержался и взял себя в руки: Эос – воплощенный хищник, она сразу почует его слабость.

Наконец Аквер снова заговорил:

– Как ты потерял глаз, полководец Камбизес?

– Такое бывает с воинами. Жизнь наша опасная.

– Мы займемся этим позже, – сказал Аквер.

Таита не понял это загадочное замечание.

– Изволь вернуться на место, полководец.

Разговор был коротким и поверхностным, но Таита знал, что олигархи узнали от Мерена все, что хотели знать.

Следующим Таита вызвал Хилто. Знакомство с ним заняло у олигархов еще меньше времени. Таита видел, что у Хилто аура честного, ничем не примечательного человека, только яркие вспышки по ее краям выдают возбуждение. Олигархи отправили его на место. С Имбали и Наконто они обошлись так же.

Наконец Таита назвал Фенн.

– Господа, эта девочка осиротела на войне, и я пожалел ее. Я сделал ее своей подопечной и назвал Фенн. Я мало что знаю о ней. У меня никогда не было своих детей, и я привязался к ней.

Стоя перед Верховным Советом, Фенн выглядела беспризорницей. Она повесила голову и застенчиво переступала с ноги на ногу. Словно не могла заставить себя прямо смотреть на спрашивающих. Таита с тревогой наблюдал за ней Внутренним Оком. Ее аура оставалась приглушенной, девочка прекрасно играла роль, которую он ей отвел. После очередной паузы Аквер спросил:

– Кто твой отец, девочка?

– Не знаю, господин.

В ауре ни малейшего проблеска лжи.

– А мать?

– Я не помню и ее, господин.

– Где ты родилась?

– Господин, простите меня, но я этого не знаю.

Таита отметил, как хорошо она владеет собой.

– Иди сюда, – приказал Аквер. Фенн робко поднялась на помост и подошла к нему. Он взял ее за руку и привлек ближе к своему сиденью. – Сколько тебе лет, Фенн?

– Ты сочтешь меня глупой, но я и этого не знаю.

Аквер повернул ее, сунул руку за пазуху и потрогал грудь под платьем.

– Кое-что уже есть. – Он усмехнулся.

Аура Фенн порозовела, и Таита испугался, что девочка утратит самообладание. Но тут он сообразил, что она лишь разыгрывает стыд, как любая девочка, которая не понимает, что с ней делают. Самому Таите с трудом удавалось сдерживать гнев. Однако он чувствовал, что эта небольшая сцена – проверка: Аквер пытается оценить реакцию и Фенн, и его самого. Таита сохранил каменное лицо, но подумал: «Когда придет время поквитаться, ты за это заплатишь, властительный Аквер».

Олигарх продолжал играть с Фенн.

– Я уверен, ты станешь женщиной редкой красоты. И если тебе повезет, здесь, в Джарри, тебе окажут великую и особую честь. – Он ущипнул девочку за маленькую круглую ягодицу и снова рассмеялся: – Теперь беги, малышка. Мы вспомним о тебе через год-другой.

Он отпустил всех, но попросил Таиту остаться. Когда остальные вышли, Аквер вежливо сказал:

– Членам Совета необходимо посовещаться, маг. Прошу прощения за то, что мы ненадолго уйдем. Тебе не придется долго ждать.

Вернувшись, три олигарха выглядели более успокоенными и дружелюбными, оставаясь вежливыми.

– Расскажи, что ты знаешь о моем деде, – попросил Аквер. – Он умер до моего рождения.

– Он был верным и уважаемым придворным регентши царицы Лостры во время исхода и вторжения гиксосов в Два Царства. Великая поручала ему много важных дел. Он открыл дорогу, ведущую через большую излучину Нила. Дорогу используют до сих пор, она на несколько сотен лиг сокращает путь между Асуаном и Квебуи. За это и другие достижения царица неоднократно награждала его.

– Я храню золотую Медаль Чести, унаследованную от него.

– Царица настолько доверяла ему, что именно его поставила во главе двухтысячной армии, которая вышла из Квебуи и двинулась на юг, искать истоки Нила. Вернулся лишь один человек, тронувшийся умом от болезни и пережитых трудностей и лишений. Об остальном войске и о женах и других женщинах, сопровождавших ее, ничего не было известно. Считалось, что они сгинули в диких просторах Африки.

– Воины моего деда, преодолевшие все препятствия и добравшиеся до Джарри, – наши предки.

– Это они создали маленький народ? – спросил Таита.

– Да, внесли неоценимый вклад, – подтвердил Аквер. – Но здесь были и другие, пришедшие задолго до них. Люди жили в Джарри с начала времен. Мы почитаем их как основателей. – Он повернулся к человеку, сидевшему справа от него. – Это властительный Кайтор. Он может проследить свою родословную на протяжении двадцати пяти поколений.

– Поэтому вы вполне справедливо почитаете его. – Таита поклонился седобородому олигарху. – Но я знаю, что со времен твоего деда к вам присоединялись и другие.

– Ты имеешь в виду Тината Анкута и его легион. Ты ведь уже знаком с ним.

– Действительно, этот добрый воин спас меня и мой отряд от дикарей басмара в Тамафупе, – подтвердил Таита.

– Люди Тината и их женщины стали желанным пополнением нашей общины. Земля наша велика, а нас мало. Люди нам нужны. Они нашей крови и потому легко влились в наше общество. Многие молодые люди женились на наших девушках.

– Они, конечно, поклоняются тому же пантеону богов, – осторожно сказал Таита. – Пантеону, возглавляемому священной троицей: Осирис, Исида, Гор.

Он видел, как гневно вспыхнула аура Аквера, как потом олигарх взял себя в руки. И ответил мягко:

– О нашей вере мы сможем поговорить позже. Пока же достаточно сказать, что новые страны оберегают новые боги или даже единственное божество.

– Единственное божество? – Таита изобразил удивление.

Но Аквер не поддался на уловку. Он вернулся к прежней теме:

– Помимо легиона Тината Анкута, на протяжении столетий явились многие тысячи переселенцев из дальних стран, которые добрались до Джарри из очень далеких земель. И все они без исключения были достойными мужчинами и женщинами. Мы принимали мудрецов и врачей, алхимиков и механиков, рудознатцев и рудокопов, ботаников и крестьян, архитекторов и строителей, корабелов и других умельцев.

– Похоже, ваше государство построено на прочной основе, – сказал Таита.

Аквер помолчал и как будто сменил тему.

– Твой спутник Мерен Камбизес. Нам показалось, что ты к нему очень привязан.

– Он со мной с детства, – ответил Таита. – Для меня он больше чем сын.

– Раненый глаз досаждает ему, не так ли? – спросил Аквер.

– Рана зажила не так хорошо, как я надеялся, – согласился Таита.

– Думаю, ты, с твоим искусством, понимаешь, что твой любимец умирает, – сказал Аквер. – Глаз гноится. Со временем болезнь убьет его... если ее не излечить.

Таиту застали врасплох. По ауре Мерена он не догадывался о надвигающейся опасности, но почему-то не усомнился в словах Аквера. Возможно, он и сам это знал, но отшатывался от страшной правды. Но откуда Аквер знает то, чего не знает он? По его ауре Таита видел, что у этого человека нет специальных знаний, что он чужд озарений. Он не посвященный, не пророк и не шаман. Конечно, он выходил из комнаты, но не для того, чтобы совещаться с другими олигархами. Он был с кем-то другим, подумал Таита. Взяв себя в руки, он ответил:

– Нет, господин, у меня есть кое-какие врачебные познания, но я не подозревал, что болезнь так серьезна.

– Члены Верховного Совета согласились предоставить тебе и твоему любимцу особую привилегию. Такое дается немногим даже среди самых достойных и благородных членов нашей общины. Мы делаем это в знак глубокого уважения к тебе и в знак нашей доброй воли. Для тебя это станет демонстрацией достижений нашего общества, нашей науки и знаний. Возможно, она убедит тебя остаться в Джарри. Мерена Камбизеса примут в лечебницу в Облачных Садах. Потребуется некоторое время, чтобы устроить это, – нужно подготовить средства для его лечения. Когда это будет сделано, ты, маг, сможешь сопровождать его и понаблюдать за лечением. А когда вернешься, мы с удовольствием встретимся с тобой и обсудим твои впечатления.

Вернувшись в Мутанги, Таита осмотрел глаз Мерена и проверил общее состояние воина. Итоги его встревожили. Казалось, в ране таится глубоко спрятанная болезнь, виновница повторяющихся болей, кровотечения и нагноения. Когда Таита сильно нажал рядом с раной, Мерен перенес это стоически, но от боли его аура заколебалась, как пламя на ветру. Таита рассказал, что олигархи хотят лечить его.

– Ты печешься обо мне и о моих ранах. Но я не доверяю этим изменникам-египтянам, предателям своей родины и фараона. Если кто-нибудь меня и вылечит, то это будешь ты, – заявил Мерен.

Как ни старался Таита переубедить его, Мерен твердо стоял на своем.

Билто и другие жители деревни были гостеприимны и дружелюбны, и постепенно путники погрузились в повседневную жизнь общины. Детей, похоже, пленила Фенн, и скоро у нее появились три подруги, с которыми она, казалось, счастлива. Вначале она проводила с ними много времени, собирала грибы в лесу или училась местным песням, танцам и играм. Они ничему не могли научить ее в бао, и скоро она стала первой в деревне. Когда она не возилась с детьми, то уходила на конюшню, ухаживала за Вихрем и дрессировала его. Хилто учил ее стрелять и сделал для нее особый лук. Однажды днем, проболтав и прохихикав с Имбали, она пришла к Таите и спросила:

– Имбали говорит, у всех мужчин между ног свисает одна штука, которая, как котенок или щенок, живет своей жизнью. Если ты ей понравилась, она меняет форму и размер. А почему у тебя ее нет, Таита?

Таита не знал, как ответить. Хотя он никогда не пытался скрывать свое уродство, Фенн была еще не в том возрасте, когда можно обсуждать это с ней. Но это время придет очень скоро. Вначале он хотел выговорить Имбали, но передумал. Единственная женщина в отряде, она была учительницей не хуже других. Он отделался небрежным ответом, но остро ощутил свою неполноценность. Теперь он старался скрывать свое тело от взглядов Фенн. Даже когда они вместе плавали в ручье за деревней, он не раздевался. Он считал, что смирился с несовершенством своего тела, но теперь положение менялось с каждым днем.

Очень скоро приедет с эскортом Онка, чтобы отвезти Мерена в загадочную лечебницу Облачных Садов, и Таита пытался использовать все свое умение убеждать, чтобы Мерен согласился на лечение, однако тот умел проявлять необыкновенное упрямство и не поддавался на уговоры.

Однажды вечером Таита проснулся от негромких стонов, доносившихся из комнаты Мерена. Он зажег лампу и вошел. Мерен на ложе согнулся вдвое и прятал лицо в ладонях. Таита осторожно развел его руки. Одна сторона лица Мерена распухла, пустая глазница превратилась в узкую щель, а кожа горела. Таита использовал успокоительные мази, но к утру состояние раны не улучшилось. И вовсе не казалось совпадением, что именно в этот день, еще до полудня, прибыл Онка.

Таита уговаривал Мерена:

– Старый друг, я не в силах вылечить тебя. Ты можешь выбрать страдания, которые, на мой взгляд, вскоре сведут тебя в могилу, или позволить врачам Джарры сделать то, что не удалось мне.

Мерен был очень слаб, он горел, как в огне, и больше не сопротивлялся. Фенн помогла ему одеться и собрала небольшую сумку. Мужчины вывели его и помогли сесть в седло. Таита то-

ропливо попрощался с Фенн, перепоручил ее заботам Хилто, Наконто и Имбали и сам сел на Дымку. Они покинули Мутанги и двинулись по дороге на запад. С пол-лиги Фенн бежала рядом с Дымкой, потом остановилась у дороги и махала рукой, пока всадники не скрылись из виду.

Они снова направились к трем вулканам, но, не доезжая до крепости, повернули на север. И наконец по узкой тропе углубились в горы и поднялись так высоко, что смогли увидеть далеко на юге крепость. Из такой дали зал Совета, где они встречались с олигархами, казался крошечным. Они продолжали подниматься по горной дороге. Воздух становился холоднее, ветер печально выл между утесами. Подъем продолжался. Теперь на бородах и бровях собирался иней. Кутаясь в плащи, путники продолжали подъем. Мерен пьяно покачивался в седле. Таита и Онка ехали по сторонам от него, поддерживая и не давая упасть.

Неожиданно впереди в стене утеса, за воротами из толстых деревянных брусьев, появился вход в туннель. Когда они подъехали, громоздкие ворота открылись, пропуская путников. Издалека видно было, что ворота охраняются. Таита был так озабочен состоянием Мерена, что не обратил на стражников особого внимания. Подъехав ближе, он увидел, что они низкорослые, ростом в половину обычного взрослого, но с массивной, хорошо развитой грудью и длинными руками, свисающими почти до земли. Все они были кривоноги и ходили сутулясь. Неожиданно Таита понял, что это не люди, а крупные обезьяны. То, что он принял за коричневые одежды, оказалось густой клочковатой шерстью. Лоб над нависающими бровями резко уходил назад, а челюсти были такие мощные, что губы не могли полностью сомкнуться над зубами. Обезьяны отвечали на взгляд Таиты непроницаемым взглядом близко посаженных глаз. Таита быстро открыл Внутреннее Око и увидел, что аура у них примитивная, звериная, обезьяны с трудом сдерживают свои животные инстинкты.

– Не смотри им в глаза, – предостерег Онка. – Не дразни их. Эти очень сильные и опасные твари знают только свои обязанности охранников. Они разорвут человека на части так же легко, как ты разрываешь жареную перепелку.

Он провел путников к входу в туннель, и ворота за ними сразу закрылись. На стенах висели горящие факелы в креплениях, копыта лошадей гулко стучали по каменному полу. Ширина туннеля позволяла пройти рядом только двум лошадям, и всадникам приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой потолок. Вокруг гулко шумели подземные реки; из отверстий доносилось шипение лавы. У них не было возможности определить расстояние или время, затраченное на дорогу, но наконец впереди забрезжил слабый естественный свет. Он мало-помалу разгорался, показались ворота, такие же, как те, что закрывали вход в туннель. Они тоже раскрылись прежде, чем путники до них добрались; за ними обнаружился другой отряд обезьян. Миновали их и заморгали от яркого солнечного света.

Потребовалось время, чтобы глаза привыкли, но вот путники получили возможность оглядеться – с удивлением и благоговением. Они очутились в огромном вулканическом кратере, столь обширном, что самой резвой лошади потребовалось бы полдня, чтобы пересечь его от одной отвесной стены до другой. Даже ловкий и проворный горный козел не смог бы подняться по этим стенам из лавы. Днище кратера представляло собой вогнутый зеленый щит. В центре лежало небольшое озеро с синевато-молочной водой. С его поверхности поднимались клубы пара. Лед на бровях Таиты растаял, вода потекла по щекам. Он мигнул и понял, что в кратере тепло, как на тропическом острове. Все сбросили кожаные плащи, и даже Мерену в тепле как будто стало лучше.

– Это место греет вода из огненных глубин земли. Здесь не бывает зимы. – Взмахом руки Онка обвел поразительно красивый обступавший их лес. – Видите, какие здесь деревья и растения? Больше нигде в мире вы их не встретите.

Они поехали по четко очерченной дороге, и Онка показывал самые интересные особенности кратера.

– Обрати внимание на цвет утесов, – обратился он к Таите, который задрал голову, чтобы взглянуть на могучие стены. Они были не черными или серыми, что характерно для вулканических пород, а испещрены пятнами, светло-голубыми и золотистыми, с оттенком лазури. – То, что кажется многоцветным камнем, на самом деле мох, длинный и густой, как волосы красавицы.

Таита оторвал взгляд от утесов и посмотрел на лес во впадине внизу.

– Это сосны, – воскликнул он, заметив большие зеленые копья, пронзающие заросли золотого бамбука, – и гигантские лобелии. – С мясистых черенков свисали ослепительно яркие цветы. – Думаю, это какой-то необычный вид эуфорбии. Высокие деревья дальше – ароматические кедры, а те, что поменьше, тамаринд и красное дерево кайя.

«Как бы я хотел, чтобы Фенн была со мной и тоже могла бы насладиться этим зрелищем», – подумал он.

Между заросших мхом ветвей, словно дым, висел туман, поднимавшийся от нагретой воды озера. Повернули по течению ручья, но не прошли и нескольких сотен шагов, как услышали плеск, женские голоса и смех. Ниже тропы в бассейне с голубой водой, над которой стлался пар, плавали и резвились три женщины. Они молча посмотрели на проезжающих мимо мужчин. Все женщины были молодые, темнокожие, с длинными влажными черными волосами. Таита решил, что они скорее всего из земель за восточным океаном. Казалось, они не осознают своей наготы. Все три беременные: им приходилось откидываться назад, чтобы уравновесить выступающие животы.

Когда женщины остались позади, Таита спросил:

– А сколько семей живет в кратере? И где мужья этих женщин?

– Наверно, работают в лечебнице – возможно, врачами. – Онка не проявил интереса. – Когда выедем на берег озера, увидим саму лечебницу.

За дымной сапфировой водой озера видна была лечебница – несколько низких, малозаметных каменных зданий. Было ясно, что каменные глыбы, из которых сложены стены зданий, вырублены из вулканических утесов. Не побеленные, они сохранили природный темно-серый цвет. Здания окружали подстриженные зеленые лужайки, на которых кормились стаи диких гусей. В озере плавали птицы двух десятков разновидностей, по отмелям бродили белые журавли и цапли. Когда проезжали мимо усыпанного камешками пляжа, Таита обратил внимание на огромных крокодилов, плававших в голубой воде, как бревна.

Оставив берег, они проехали по лужайкам и через красивую колоннаду, увитую цветущими растениями, добрались ко входу в главное здание лечебницы. Здесь лошадей приняли конюхи, а четверо крепких служителей сняли Мерена с седла и уложили на носилки. Его понесли в здание; Таита пошел рядом.

– Ты теперь в хороших руках, – успокаивал он Мерена, но поездка по горам в холод и ветер отняла у Мерена последние силы, и он едва не терял сознание.

Служители отнесли Мерена в просторную, почти не обставленную комнату с широкой дверью, выходящей на озеро. Потолок и стены отделаны светло-желтым мрамором. Мерена положили на матрац в центре комнаты, раздели и унесли грязную одежду. Потом вымыли горячей водой из медной трубы, подававшей воду в крытый плиткой бассейн в углу. Вода пахла серой, и Таита понял, что она из горячего источника. Мраморный пол под ногами был приятно теплым, и Таита предположил, что под ним по трубам проходит та же вода. Тепло и горячая вода как будто успокоили Мерена. Служители вытерли его льняными полотенцами, потом один из них поднес к губам больного чашку с травяным настоем, пахнущим сосной. Служители вышли, оставив мага сидеть возле ложа. Скоро Мерен погрузился в такой крепкий сон, что Таита понял: настой подействовал.

У него впервые появилась возможность осмотреться в новой обстановке. Поглядев в угол комнаты, где находились принадлежности для умывания, Таита обнаружил чью-то ауру. Не по-

давая вида, он сосредоточился на ней и понял, что в стене есть глазок и за ними наблюдают. Как только Мерен проснется, нужно будет его предупредить. Таита отвел глаза как ни в чем не бывало.

Немного погодя в комнату вошли мужчина и женщина в чистых льняных одеяниях по колено. Хотя у них не было ни браслетов, ни ожерелий из магических бус и резных фигурок, ни других принадлежностей мастеров тайных искусств, Таита сразу понял, что это врачи. Они вежливо поздоровались с ним, назвав по имени, и представились.

– Меня зовут Ханна, – сказала женщина.

– А меня – Джибба, – сообщил мужчина.

Они незамедлительно принялись осматривать пациента. Вначале, не обращая внимания на перевязанную голову, сосредоточились на ладонях и стопах. Прощупали грудь и живот. Ханна острием оцарапала кожу на спине у Мерена и внимательно изучила образовавшуюся царапину.

Только после этого они перешли к осмотру головы. Джибба зажал ее между коленями и крепко держал. Заглянули Мерену в горло, в уши и нос и сняли повязку, которой Таита закрыл глаз. Хотя повязка была пропитана свернувшейся кровью и гноем, Ханна одобрительно отозвалась о мастерстве, с каким она была наложена. Кивком она выразила Таите свое восхищение его искусством.

Теперь врачи сосредоточились на пустой глазнице и с помощью серебряных расширителей развели веки. Ханна ввела в пустоту кончик пальца и начала решительно прощупывать. Мерен застонал и попробовал повернуть голову, но Джибба крепко сжимал ее коленями. Ханна поклонилась Таите, соединив кончики пальцев и прижимая их к губам.

– Прошу ненадолго нас извинить. Мы должны обсудить состояние больного.

Через открытую дверь лекари вышли на лужайку и принялись прохаживаться по ней, погрузившись в разговор. Через дверь Таита изучал их ауры. Аура Джиббы сверкала, как клинок на солнце, и Таита понял, что могучий ум врача холоден и бесстрастен.

Посмотрев на ауру Ханны, он сразу понял, что женщина – долгожительница. Опыт ее был бесконечно богат, а искусство не знало пределов. По-видимому, в искусстве целительства она превосходила его, но ей не хватало сочувствия. Аура ее чиста, бесплодна и строга. По ней ясно, что Ханна руководствуется только требованиями медицины, и никакие соображения доброты или милосердия на эту женщину не действуют.

Когда пара вернулась, от лица обоих, естественно, говорила Ханна.

– Мы хотим провести операцию немедленно, пока не закончилось действие успокоительного, – сказала она.

Джибба промыл глазницу Мерена и кожу вокруг нее ароматным травяным настоем, двумя пальцами развел веки и вставил между ними серебряные расширители. Ханна выбрала скальпель с узким острым лезвием и поднесла его к центру глазной впадины. Указательным пальцем левой руки она прощупала воспаленную поверхность, как будто искала точное место приложения, поднесла скальпель к выбранной точке и осторожно сделала надрез. Вокруг металла скопилась кровь, и Джибба промокнул ее тампоном, который зажал в особом стержне из слоновой кости. Ханна углубила разрез, лезвие до середины погрузилось в плоть. Неожиданно из проделанного ею разреза хлынул зеленый гной. Он взмыл тонким фонтаном к выложенному плиткой потолку. Мерен закричал, изогнулся и напрягся всем телом так, что державшим его мужчинам потребовалась вся сила, чтобы он не вырвался из их рук.

Ханна бросила скальпель на поднос и вложила в пустую глазницу тампон из ткани. Гной капал с потолка, распространяя зловоние гнили. Мерен под нажимом державших его снова лег. Ханна быстро извлекла тампон из его глаза и вставила в разрез бронзовые щипцы. Таита услышал, как щипцы царапнули по чему-то в глубине раны. Ханна что-то зажала ими и осторожно, но решительно извлекла. Чужеродное тело вышло наружу в сопровождении нового потока гноя.

Ханна, держа его в щипцах, внимательно осмотрела. Поглядела на Таиту, который протянул согнутую ладонь. И сбросила на нее этот предмет.

Таита встал и подошел к открытой двери, чтобы лучше рассмотреть находку. Тяжелый для своих размеров обломок величиной с ядрышко кедрового ореха. Таита пальцами стер покрывавшие его кровь и гной.

– Осколок Красного Камня! – воскликнул он.

– Ты узнаешь его? – спросила Ханна.

– Кусок камня. Не пойму, как я его пропустил. Все остальные осколки я извлек.

– Не вини себя, маг. Он вошел очень глубоко. Если бы не заражение, мы тоже не нашли бы его.

Ханна и Джибба очистили глазницу и вложили в нее тампон. Мерен потерял сознание. Могучие помощники ослабили свою хватку.

– Теперь пусть отдыхает, – сказала Ханна, – а через несколько дней, когда рана подсохнет, мы сможем заменить глаз. До тех пор он должен лежать спокойно.

Хотя Таита сам никогда этого не видел, он слышал, что индийские врачи умеют заменять утраченный глаз искусственным, из мрамора или стекла и ловко раскрашенным, так что он напоминает настоящий. Замена хотя и несовершенная, тем не менее более приятная на вид, чем пустая глазница.

Он поблагодарил уходивших врачей и их помощников. Другие служители смыли гной с потолка и пола и заменили испачканное постельное белье. Наконец пришла еще одна женщина средних лет, посидеть с Мереном, пока он не очнется, и Таита смог ненадолго выйти. Он прошел по лужайке на берег озера, нашел каменную скамью и присел отдохнуть.

Долгое путешествие по горам и напряженное наблюдение за операцией утомили его. Он достал из сумки на поясе осколок красного камня и снова принялся его рассматривать. Обломок казался самым обычным камнем, но Таита знал, что это впечатление обманчиво. Маленький красный кристалл сверкал и словно источал отталкивающее тепло. Таита встал, подошел к воде и размахнулся, собираясь бросить осколок в озеро. Но не успел: под поверхностью что-то заволновалось, словно в глубинах озера скрывалось чудовище. Таита в тревоге отшатнулся. В то же мгновение холодный ветер коснулся его шеи. Таита вздрогнул и огляделся, но не увидел ничего тревожного. Порыв стих так же быстро, как налетел, неподвижный воздух снова был мягким и теплым.

Таита посмотрел на воду и увидел расходящиеся круги. Он вспомнил крокодилов, которых видел. Взглянул на осколок камня в руке. Кажется, совсем безобидный, однако Таита помнил о холодном дуновении и был встревожен. Он снова опустил камень в сумку и пошел назад по лужайке.

Не доходя до здания, он остановился. У него впервые появилась возможность, ни на что не отвлекаясь, изучить лечебницу. Здание, в котором устроили Мерена, располагалось на самом ее краю. Таита видел еще пять зданий. Каждое отделялось от остальных террасой и перголой – беседкой, увитой цветами и виноградными лозами. В этом кратере все казалось плодоносным и обильным. Таита был уверен, что в этих постройках скрыто множество невероятных чудес науки, открытий, усовершенствованных на протяжении столетий. При первой же возможности он тщательно их изучит.

Неожиданно его внимание привлекли женские голоса. Оглянувшись, маг увидел трех темнокожих женщин, которых они встретили по дороге сюда. Женщины возвращались по берегу. Они были одеты, на головах у них красовались венки из лесных цветов. Женщины по-прежнему были очень веселы. Таита задумался, не слишком ли часто во время прогулки они прикладывались к доброму вину Джарри. Не обращая на него внимания, женщины шли по берегу, пока не оказались напротив последнего здания. Тут они повернули, пересекли лужайку и зашли внутрь.

Свободное поведение женщин заинтересовало Таиту. Ему захотелось поговорить с ними: может, они помогут ему понять, что происходит в этом странном маленьком мире.

Однако солнце уже садилось, собирались облака. Заморосил легкий дождь. Холодные капли падали на поднятое кверху лицо. Если он хочет поговорить с женщинами, нужно поспешить. Таита пошел за ними. На полпути шаги его замедлились, интерес к женщинам исчез. «Да ну их, – подумал он. – Мне следует быть с Мереном». Он остановился и посмотрел на небо. Солнце ушло за стену кратера. Стало почти темно. Мысль о разговоре с женщинами, только что казавшаяся такой привлекательной, выскользнула из сознания, словно кто-то ее стер. Таита отвернулся от здания и торопливо пошел в комнату Мерена. Мерен сидел и, увидев вошедшего Таиту, слабо улыбнулся.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Таита.

– Возможно, ты был прав, маг. Кажется, эти люди помогли мне. Мне не больно, и я чувствую, что силы возвращаются ко мне. Расскажи, что со мной сделали.

Таита открыл сумку и предъявил осколок.

– Они извлекли это из твоей головы. Он причина заражения и всех твоих неприятностей.

Мерен протянулся за осколком, но отдернул руку.

– Такой маленький, а такой вредный. И эта грязная штука сидела у меня в глазу! Не желаю иметь с ней ничего общего. Во имя Гора, выбрось ее. Подальше.

Но Таита снова спрятал обломок в сумку.

Слуга принес ужин. Еда оказалась очень вкусной, и они с удовольствием поели. Завершила трапезу чашка того же горячего напитка, который помог им крепко уснуть. На следующее утро, ни свет ни заря, вернулись Ханна и Джибба. Сняв повязку с глаза Мерена, они с удовлетворением обнаружили, что опухоль спала и воспаление менее заметно.

– Мы сможем продолжить через три дня, – постановила Ханна. – К тому времени рана начнет затягиваться, но будет еще достаточно широка, чтобы принять семя.

– Семя? – переспросил Таита. – Послушай, сестра, я не понимаю, о чем речь. Я думал, вы собираетесь заменить отсутствующий глаз каменным или стеклянным шариком. О каком семени ты говоришь?

– Я не могу обсуждать с тобой подробности, брат маг. Только посвященные Гильдии Облачных Садов имеют доступ к этим особым знаниям.

– Конечно, жаль, что я не могу узнать больше, но ваше мастерство поразило меня. А это новое открытие кажется еще более удивительным. С нетерпением жду окончания вашей новой процедуры.

Слегка нахмурившись, Ханна ответила:

– Неправильно называть это «новой процедурой», брат маг. Потребовался напряженный труд пяти поколений врачей здесь, в Облачных Садах, чтобы довести ее до нынешнего уровня. Даже сегодня она несовершенна, но каждый день приближает нас к цели. Однако я уверена, что очень скоро ты присоединишься к нашей Гильдии и примешь участие в работе. Я уверена и в том, что твой вклад будет значительным и уникальным. Конечно, если ты хочешь узнать что-нибудь такое, что не запрещено знать людям за пределами Внутреннего Круга, я с удовольствием поговорю с тобой об этом.

– Действительно, я хотел бы кое о чем спросить.

Где-то на краю сознания таилась мысль о женщинах, которых он видел вначале в лесном водоеме, потом на берегу, когда они возвращались под дождем в лечебницу. Кажется, вот под-

ходящая возможность больше узнать о них. Но не успел он облечь вопрос в слова, как тот начал забываться. Таита попытался удержать его.

– Я хотел спросить...

Он потер виски, стараясь вспомнить. Что-то о женщинах. Он пытался ухватить мысль, но она растаяла, как туман в лучах утреннего солнца. Таита раздраженно вздохнул.

– Прости меня, я забыл, о чем хотел спросить.

– Значит, это было что-то не очень важное. Вероятно, вспомнишь позже, – сказала Ханна, вставая. – Поговорим о другом, маг. Я слышала, ты опытный ботаник и знаток трав. Мы гордимся своими садами. Если хочешь осмотреть их, я с радостью буду твоим проводником.

В последующие дни Таита почти все время провел, осматривая с Ханной Облачные Сады. Он ожидал увидеть много интересного, но действительность стократ превзошла его ожидания. В садах, занимавших половину кратера, росли растения из всех уголков Земли.

– Наши садовники собирали их столетиями, – объяснила Ханна. – У них было довольно времени, чтобы развить свое искусство и понять потребности каждого вида. Вода, кипящая в источниках, содержит богатые добавки, и мы построили особые помещения, где можно поддерживать искусственный климат.

– Но этого мало. – Таита был не вполне удовлетворен. – Это не объясняет, почему лобелия и другие высокогорные растения растут рядом с тиком и красным деревом, обитателями тропических лесов.

– Ты проницателен, брат, – признала Ханна, – верно. Есть нечто иное сверх тепла, солнечного света и питательных веществ. Вступив в Гильдию, ты осознаешь, какие великие чудеса мы творим здесь, в Джарре. Но не жди мгновенного просветления. Мы говорим о знаниях и мудрости, накопленных за тысячи лет. Такое в один день не постигнешь. – Она повернула к нему круглое лицо. – Как по-твоему, сколько я живу в этом воплощении, маг?

– Я вижу, что ты долгожительница, – ответил Таита.

– Как и ты, брат, – ответила она, – но в день твоего рождения я уже была стара, а ведь я все еще новичок в Тайнах. Последние несколько дней я наслаждалась твоим обществом. В атмосфере чистого разума Садов мы часто оказываемся в полном одиночестве, и разговоры с тобой не менее целительны, чем наши снадобья. Однако сейчас пора возвращаться. Мне нужно сделать последние приготовления к завтрашней операции.

Они расстались у ворот сада. Было еще рано, и Таита неторопливо пошел по берегу озера. С одного места открывался особенно великолепный вид на весь кратер. Придя туда, Таита сел на поваленный ствол и раскрыл сознание. Как антилопа, принюхивающаяся, чтобы уловить запах леопарда, процеживал он эфир, пытаясь уловить чужое злое присутствие. И ничего не нашел. Все было спокойно, но Таита знал, что, возможно, это иллюзия: он близок к логову ведьмы, ибо все мистические знаки и предзнаменования указывают на ее присутствие. Скрытый кратер представляет собой превосходную крепость. Чудеса, которые он здесь обнаружил, могут быть порождением магии. Ханна меньше часа назад намекнула на это, сказав: «Есть нечто иное сверх тепла, солнечного света и питательных веществ».

Мысленно он видел Эос, терпеливо сидящую в центре своей ловчей сети, точно чудовищный черный паук, ждущий малейшего колебания паутины, чтобы наброситься на жертву. Он знал, что эти невидимые сети расставлены на него, что он уже попался.

До сих пор маг обыскивал эфир осторожно, незаметно. Ему очень хотелось связаться с Фенн, но он знал, что это способно привлечь к ней внимание ведьмы. Он не мог подвергнуть девочку такой опасности и уже собирался закрыть сознание, когда на него обрушилась волна духовного смятения, такая мощная, что он вскрикнул и сжал виски. Таита покачнулся и чуть не упал с поваленного ствола.

Неподалеку от места, где он сидит, разворачивается трагедия. Сознанию трудно воспринять такие печаль и страдание, такое абсолютное зло, какое пронеслось по эфиру, едва не подавив Таиту. Он сражался с этой волной, как утопающий борется с мощным течением в открытом океане. Ему уже казалось, что он тонет, но вдруг смятение исчезло. Осталось тяжелое ощущение, что он стал свидетелем ужасного события и не смог вмешаться.

Еще нескоро он опомнился и нашел в себе силы встать и пойти по дорожке в сторону лечебницы. Проходя по берегу, он вновь заметил непонятное волнение в глубине озера. На сей раз он убедился, что это физическое явление. Чешуйчатые спины крокодилов вспарывали воду, их хвосты плескались в воздухе. Казалось, они пожирают падаль, в безумной алчности вырывая друг у друга куски. Таита остановился и увидел, как крупный самец вынырнул на поверхность. Взмахнув головой, он подбросил в воздух кусок мяса. Когда кусок падал, зверь снова схватил его и исчез в глубине.

Таита стоял на берегу, пока совсем не стемнело, а потом, глубоко встревоженный, пошел по лужайке обратно.

Как только маг вошел в комнату, Мерен проснулся. Казалось, он хорошо отдохнул, и подавленность Таиты ему не передалась. За ужином он мрачновато прохаживался насчет операции, назначенной на завтра доктором Ханной. Себя он называл «циклопом, которому дадут стеклянный глаз».

На следующий день рано утром в их комнату вошли Ханна и Джибба с несколькими помощниками. Осмотрев глазницу Мерена, они объявили, что он готов к следующему шагу. Джибба готовил травяное снотворное, а Ханна разложила на подносе инструменты и села на матрац рядом с Мереном. Время от времени она поднимала веко его здорового глаза и наблюдала, как сокращается зрачок. Наконец она убедилась, что настой подействовал и Мерен мирно спит. И кивнула Джиббе.

Тот встал, вышел из комнаты и тут же вернулся с маленьким алебастровым сосудом. Сосуд он нес словно священнейшую реликвию. Подождав, пока помощники возьмут Мерена за руки и за ноги, он поставил сосуд возле правой руки доктора Ханны. Вновь зажав голову Мерена коленями, он раздвинул веки отсутствующего глаза и вставил серебряные расширители.

– Спасибо, доктор Джибба, – сказала Ханна и начала ритмично раскачиваться, стоя на коленях. В такт этим движениям они с Джиббой запели. Таита узнал несколько слов, которые, казалось, имели общие корни со словами тенмасса. И предположил, что это высшая, более развитая форма языка.

Закончив петь, Ханна взяла с подноса скальпель, подержала его лезвие в огне масляной лампы и быстро сделала параллельные надрезы на глазном дне. Таите она напомнила штукатура, который готовит стену к принятию влажного слоя. Из легких надрезов показалась кровь, но Ханна капнула несколько капель из флакона, который тут же закрыла. Джибба убрал свернувшуюся кровь.

– Этот раствор не только останавливает кровотечение, но и служит питательным веществом для семени, – объяснила Ханна.

С той же почтительностью и осторожностью, что и Джибба, она сняла крышку с алебастрового сосуда. Вытянув шею, чтобы лучше видеть, Таита разглядел в сосуде небольшое количество светло-желтого прозрачного желе – его едва хватило бы, чтобы покрыть ноготь его мизинца. Маленькой серебряной ложкой Ханна взяла это желе и с бесконечной осторожностью влила в разрезы на дне глазницы Мерена.

– Мы готовы закрыть глаз, доктор Джибба, – негромко сказала она.

Джибба убрал расширители и большим и указательным пальцами зажал веки. Ханна взяла тонкую серебряную иглу с очень тонкой нитью, изготовленной из овечьих кишок. Ловкими пальцами она наложила на веки три стежка. Пока Джибба держал голову Мерена, Ханна обвязала ее льняными бинтами так, как это делают бальзамировщики в египетских погребальных храмах, оставив только отверстия для рта и ноздрей. Потом она с довольным видом отстранилась.

– Спасибо, доктор Джибба. Как всегда, твоя помощь была неоценима.

– Это все? – спросил Таита. – Операция закончилась?

– Если не будет нагноения или других осложнений, через двенадцать дней я сниму швы, – ответила Ханна. – А до тех пор наша главная забота – уберечь глаз от света и вмешательства пациента. Все это время он будет испытывать большие неудобства. Жжение и зуд будут такими сильными, что смягчить их успокоительным невозможно. И хотя, бодрствуя, он сможет владеть собой, во сне постарается потереть глаз. Обученные помощники лекаря должны следить за ним днем и ночью, а руки ему следует связывать. И переселить его в темную комнату без окон, чтобы свет не усиливал боль и не мешал семени приняться. Для твоего любимца наступает трудное время, ему понадобится твоя помощь, чтобы выдержать.

– А почему нужно закрывать оба глаза, если один невредим?

– Если он будет двигать здоровым глазом, фокусируя взгляд на чем-либо, новый глаз будет проделывать то же самое. А больному необходимы покой и неподвижность.

Вопреки предупреждению Ханны первые три дня после засева глаза Мерен испытывал мало неудобств. Хуже всего он переносил слепоту и связанную с ней скуку. Таита развлекал его воспоминаниями о множестве приключений, которые они вместе пережили за годы, о местах, которые посетили, о мужчинах и женщинах, которых знали. Они говорили о том, как сказалось их родине безводье Нила, какие страдания это причинило народу и как фараон Нефер Сети и царица справляются с несчастьем. Говорили о своем доме в Галлале и о том, что найдут в нем, вернувшись из своих странствий. Все это они не раз обсуждали и прежде, но голос Таиты успокаивал Мерена.

На третий день Мерен проснулся от пронзившей глазницу резкой боли. Приступы были регулярны, как биение сердца, и так невыносимы, что каждый раз Мерен непроизвольно хватался за глаз обеими руками. Таита послал помощника за Ханной. Она немедленно явилась и размотала повязку.

– Омертвления нет, – объявила она и принялась менять повязку. – Именно на такой результат мы и надеялись. Семя принялось и начинает укореняться.

– Вы говорите как садовник, – сказал Таита.

– Но мы и есть садовники людей, – ответила она.

Следующие три дня Мерен совсем не спал. Когда боль усиливалась, он стонал и метался на матраце. Он не ел и мог делать лишь несколько глотков воды в день. Когда он наконец уснул, то лежал на спине, связанный кожаными ремнями, и громко храпел через отверстие в повязке. Проспал он целые сутки.

А когда проснулся, начался зуд.

– Мне в глаз словно заползли огненные муравьи.

Он стонал и пробовал тереться лицом о грубые каменные стены помещения. Лекарскому помощнику пришлось позвать на подмогу еще двоих, потому что Мерен был очень силен. Но он

почти не спал и не ел, и плоть его словно таяла. На груди отчетливо проступили ребра, а живот так подвело, что словно прилип к позвоночнику.

За многие годы они так сблизились, что Таита переживал его страдания, как свои. И уйти из комнаты мог лишь в те редкие минуты, когда Мерен ненадолго засыпал. Тогда Таита оставлял его под присмотром лекарских помощников и бродил по ботаническим садам.

В этих садах он обретал своеобразный мир, и его снова и снова тянуло сюда. Никакой определенной планировки здесь не было – лабиринт аллей и троп, многие из которых густо заросли. Каждый поворот приносил новое захватывающее зрелище. Аромат цветов смешивался в теплом приятном воздухе и опьянял. Сады были чрезвычайно обширны, но Таита встречал в этом раю лишь немногих садовников, ухаживающих за этим раем. При его появлении они ускользали, скорее как призраки, чем как люди. При каждом посещении он с радостью обнаруживал новые беседки и затененные тропы, которые не заметил раньше, но когда в следующий раз пытался их найти, они исчезали, сменившись другими, не менее прекрасными и соблазнительными. Сад был полон неожиданностей.

На десятый день после засева Мерену как будто полегчало. Ханна снова перевязала ему глаз и объявила, что довольна.

– Как только боль полностью уляжется, я смогу снять швы с век и проверить, насколько хорошо идет процесс.

Мерен провел еще одну спокойную ночь, а утром за завтраком обнаружил хороший аппетит; к нему вернулось и чувство юмора. Истощенным и измученным чувствовал себя скорее Таита, чем пациент. Хотя глаза Мерена по-прежнему были закрыты, он словно бы ощутил состояние Таиты, его настоятельную потребность отдохнуть и побыть в одиночестве. Таиту изумляли вспышки интуиции у его обычно грубоватого и простого спутника, и он растрогался, когда Мерен сказал:

– Ты достаточно долго был при мне нянькой, маг. Если приспичит, я могу помочиться и под себя. Ступай отдохни. Я уверен, на тебя страшно смотреть.

Таита взял посох, подоткнул полы одеяния и пошел в верхнюю часть садов, самую дальнюю от лечебницы. Эта часть казалась ему наиболее привлекательной. Он сам не понимал почему: может, потому что это был самый дикий и неухоженный уголок кратера. С каменного склона сорвались огромные валуны и стояли, точно разрушенные памятники древним царям и героям. Над ними в изобилии сплетались ползучие и вьющиеся цветковые растения. Таита зашагал по тропе, которую, как ему казалось, хорошо изучил, но в одном месте, там, где тропа резко поворачивала между двумя большими камнями, впервые заметил другую, хорошо протоптанную дорогу, ведущую на юг, к вертикальной стене кратера. Таита был уверен, что, когда побывал здесь в прошлый раз, дороги не было, но к этому времени он уже привык к иллюзорным подробностям сада и без колебаний выбрал новый путь. Скоро он услышал справа от себя журчание воды, пошел на звук и через густые зеленые заросли выбрался в другой укромный уголок. Оказавшись на небольшой поляне, он с любопытством осмотрелся. Из входа в грот вытекал ручеек и по нескольким поросшим мхом уступам ниспадал в бассейн.

Все дышало таким мирным очарованием, что Таита опустился на мягкую траву и со вздохом прислонился к стволу упавшего дерева. Некоторое время он смотрел вниз, в темные воды. В глубине он заметил очертания большой рыбы, отчасти скрытые нависающим камнем и густыми зарослями папоротника. Рыба размеренно шевелила хвостом – так легкий ветерок колышет флаг. Глядя на нее, Таита понял, до чего устал, и закрыл глаза. Он не знал, сколько проспал, но разбудила его негромкая музыка.

Музыкант сидел на каменном выступе по другую сторону бассейна; это был мальчик трех-четырех лет, скорее чертенок, с кудрявой головой; кудри подпрыгивали и падали ему на щеки,

когда он поворачивал голову в такт мелодии тростниковой свирели. Кожа золотистая от загара, черты лица ангельские, маленькие руки и ноги – округлые и пухлые. Таита открыл Внутреннее Око, но никакой ауры не увидел.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Чертенок бросил свирель, и та повисла на нити у него на груди.

– У меня много имен, – ответил он.

Голос у него был детский и казался прекраснее музыки.

– Если не можешь назвать свое имя, скажи, кто ты, – настаивал Таита.

– Я множество, – ответил чертенок. – Я легион.

– В таком случае я знаю, кто ты. Ты не кошка, но след ее лапы, – сказал Таита. Он не стал произносить имя вслух, но понял, что этот чертенок – одна из многих манифестаций Эос.

– А я знаю, кто ты, евнух Таита.

Лицо Таиты оставалось невозмутимым, но насмешка пробила его защиту, как ледяная стрела. С грацией фавна, встающего со своего лесного ложа, ребенок поднялся на ноги. Посмотрев на Таиту, он вновь поднес свирель к губам. Негромко поиграл и отнял свирель от губ.

– Многие называют тебя магом, Таита, но полумужчина может быть только полумагом.

Он извлек из свирели серебристую трель. Красота музыки не могла смягчить боль, причиненную его словами. Чертенок снова опустил свирель и показал на пруд:

– Что ты здесь видишь, калека Таита? Узнаешь его, Таита, который не мужчина и не женщина?

Таита послушно посмотрел в темную воду. И увидел, как в глубине появилось изображение молодого человека с роскошной гривой блестящих волос, с широким мощным лбом, с глазами, полными мудрости и веселья, понимания и сочувствия. Это был облик ученого и художника. Высокий рост, длинные стройные руки и ноги. Торс мускулистый. Сложение пропорциональное и изящное. Пах закрывает короткая льняная набедренная повязка. Тело атлета и воина.

– Узнаешь этого человека? – спросил чертенок.

– Да, – хрипло ответил Таита; голос почти отказал ему.

– Это ты, – сказал чертенок. – Ты, каким ты был когда-то, много лет назад.

– Да, – прошептал Таита.

– А теперь посмотри, каким ты стал, – сказало исчадие ада.

Спина молодого Таиты согнулась, руки и ноги стали тонкими, как палки. Прекрасные мышцы – жилистыми, живот отвис. Волосы поседели, поредели, распрямились и растрепались, белые зубы пожелтели, и их линия утратила ровность. Глубокие морщины прорезали щеки, кожа под подбородком повисла складками. Глаза потеряли блеск. Перед Таитой была карикатура, но лишь слегка преувеличивающая реальность.

Неожиданно набедренная повязка спала, словно сорванная ветром, и обнажился пах. Пушок седых лобковых волос очерчивал розовый сморщенный шрам, оставленный оскопляющим ножом, и покрасневший прижженный член. Таита негромко застонал.

– А теперь узнаешь себя? – спросил чертенок. Как ни странно, голос его был полон сочувствия.

Эта жалость ранила Таиту сильнее насмешки.

– Зачем ты мне все это показываешь? – спросил он.

– Я пришел предупредить. Если до сих пор твоя жизнь была одинока и пуста, то теперь она станет в тысячу раз хуже. Ты снова познаешь любовь и стремление, но не сможешь утолить свою страсть. Ты будешь вечно гореть в аду невозможной любви.

Таита не нашел что возразить – боль, о которой предупреждал чертенок, уже охватила его. Он знал, это лишь предвестие того, что последует, и застонал.

– Придет время, когда ты будешь молить о смерти как об избавлении от страданий, – безжалостно продолжал чертенок. – Подумай об этом, Таита-долгожитель. Сколько времени продлятся твои страдания, прежде чем их оборвет смерть?

Изображение старика в бассейне рассеялось и вновь сменилось прекрасной молодой фигурой, полной сил. Юноша улыбнулся Таите из темной воды, зубы его блестели, глаза сверкали.

– Я могу вернуть то, что у тебя отобрали, – сказал ребенок, и голос его напоминал ласковое мурлыканье котенка. Повязка спала с юноши, обнажив прекрасно сформированные гениталии, величественные и объемистые.

– Я могу снова сделать тебя мужчиной. Ты опять будешь таким, как он.

Таита не мог оторвать взгляда от воды. У него на глазах фаллос призрачного юноши разбух и увеличился в размерах. Такого сильного желания Таита не испытывал никогда в жизни. Желание было сама похоть, и Таита понимал, что оно рождено не в его сердце, что оно помещено в его душу этим дьявольским отроком. Он попытался подавить его, но оно возвращалось, как слизь, просачивающаяся из выгребной ямы.

Прелестное дитя подняло маленькую руку и указало на пах Таиты.

– Все возможно, Таита, если ты поверишь в меня.

Неожиданно Таита ощутил в паху мощные перемены. Он не понимал, что с ним происходит, – но вдруг осознал: то, что происходило с призрачным юношей, теперь отражается в его теле. Он ощутил тяжесть своего могучего фаллоса. Когда он смотрел, как фаллос затвердевает и распрямляется, словно тетива боевого лука, ему казалось, что нервы его натянуты как струны и вот-вот лопнут. Он видел, как гениталии юноши, набухшие кровью, багровеют, и это отозвалось в каждой клеточке его тела. После обильной эякуляции Таите показалось, что и его обожгло этой горячей струей. Спина его невольно изогнулась, губы судорожно растянулись, когда он изо всех сил стиснул зубы. Хриплый крик вырвался из горла Таиты. Все его тело дергалось и дрожало, как у парализованного, потом он тяжело опустился на траву, дыша так, словно пробежал целую лигу. Силы его иссякли.

– Неужели ты забыл? Неужели подавил воспоминания о вершине физического наслаждения? То, что ты испытал, лишь песчинка по сравнению с горой, которую я могу дать тебе, – сказал ребенок и подбежал к краю каменного уступа. Остановившись там, он в последний раз взглянул на Таиту. – Подумай, Таита. Все это твое, если протянешь мне руку.

И с этими словами нырнул.

Таита видел, как бледное тело исчезло в глубине. Но сам смог набраться сил и встать с травы, лишь когда солнце прошло половину своего пути по небу.

Таита вернулся в лечебницу только под вечер. Мерен сидел на матраце в затемненном помещении вместе с лекарским помощником. Он очень обрадовался возвращению Таиты, и маг устыдился, что так надолго оставил его наедине с темнотой и мучительными сомнениями, которые наверняка его одолевают.

– Пока тебя не было, опять приходила женщина, – воскликнул Мерен. – Сказала, что завтра окончательно снимет повязки. Жду не дождусь.

После пережитого за день Таиту так переполняли впечатления, что он понимал: заснуть он не сможет. После ужина он спросил лекарского помощника, сможет ли тот принести лютню.

– Доктор Джибба играет на лютне, – ответил помощник. – Передать ему твою просьбу?

Он вышел и немного погодя вернулся с инструментом. Когда-то голос Таиты приносил радость всем, кто слышал его пение; он и по сей день оставался мелодичным и сильным. Таита пел до тех пор, пока голова Мерена не опустилась на грудь; Мерен уснул. Но Таита продолжал негромко перебирать струны и вскоре понял, что это мелодия, которую наигрывал на свирели дьяволенок. Тогда он отложил лютню.

Улегшись на матрац у противоположной от Мерена стены, он попробовал уснуть, но не смог. В темноте мысли его метались, как дикие кони, которых невозможно обуздать. Картины и ощущения, помещенные в сознание чертенком, вернулись, такие яркие, что маг не мог от них избавиться. Он взял плащ, вышел из комнаты и по лужайке, омытой лунным светом, прошел на берег озера. На щеках он чувствовал холод, но это были его слезы, а не чье-то чуждое присутствие.

«Таита, который не мужчина и не женщина». Он повторил насмешку чертенка и вытер глаза полой шерстяного плаща. «Неужели я заключен в этом искалеченном теле навсегда? – думал он. – Соблазн Эос тяжелее любой физической муки. Гор, Исида и Осирис, дайте мне силу не поддаться ему».

– Сегодня нам не понадобятся помощники, – сказала Ханна, склоняясь к Мерену и уменьшая огонь маленького масляного светильника – единственного источника света в комнате. – Больше мы не причиним тебе боли. Напротив, мы надеемся вознаградить тебя за страдания. – Она пододвинула лампу. Та мягко освещала перевязанную голову Мерена. – Ты готов, доктор Джибба? – Джибба держал голову Мерена. Ханна развязала узел и сняла повязку. Потом протянула лампу Таите: – Пожалуйста, направляй свет ему в глаз.

Таита держал за язычком пламени полированный серебряный диск, направляя луч на лицо Мерена. Ханна наклонилась, рассматривая швы, закрывавшие глаз.

– Хорошо, – сказала она, довольная. – Не вижу никаких отклонений в излечении. Думаю, можно удалить швы. Пожалуйста, держи лампу ровно.

Она перерезала нити и щипцами извлекла их из отверстий. Веки были склеены засохшей слизью и кровью. Ханна осторожно промыла их лоскутом, который окунула в теплую ароматную жидкость.

– Пожалуйста, полководец Камбизес, попытайся открыть глаз, – сказала она.

Веки дрогнули и раскрылись. Таита почувствовал, как часто и громко забилось его сердце: глазница больше не была пуста.

– Во имя святой троицы Осириса, Исиды и Гора, – прошептал Таита, – ты вырастила ему образцовый новый глаз! Он само совершенство!

– До совершенства еще далеко, – поправила Ханна. – Он вырос едва наполовину и гораздо меньше второго. Зрачок мутный. – Она взяла у Джиббы серебряный диск и направила луч прямо в незрелый глаз. – С другой стороны, посмотрите, как сокращается зрачок. Он уже начал правильно работать. – Она прикрыла тампонами здоровый глаз Мерена. – Опиши, что ты видишь, воин.

– Яркий свет, – ответил он.

Ханна провела перед его лицом ладонью с растопыренными пальцами.

– А сейчас?

– Тень, – с сомнением сказал Мерен, но потом более уверенно добавил: – Нет, подожди! Я вижу пальцы. Очертания пяти пальцев.

Таита в первый раз увидел улыбку Ханны; в желтом свете лампы женщина неожиданно показалась молодой и нежной.

– Нет, добрый Мерен, – сказал Таита. – Сегодня ты видел не просто пять пальцев. Ты видел чудо.

– Я должна перевязать глаз. – Ханна снова стала резкой и деловитой. – Пройдет немало дней, прежде чем он сможет выдерживать дневной свет.

Образ чертенка из грота преследовал Таиту. С каждым днем его все сильнее притягивал сад и то, что могло ждать его у потаенного пруда. Он понимал, что это стремление не его собственное и исходит непосредственно от Эос.

«Ступив на ее территорию, я бессилен. Здесь у нее все преимущества. Она большая черная кошка, а я мышь», – думал он.

Но внутренний голос возражал:

«Что с того, Таита? Разве ты пришел в Джарри не для того, чтобы сразиться с ней? Что с твоим благородным замыслом? Теперь, отыскав ее, ты хочешь трусливо ускользнуть?»

Он искал оправданий своей трусости.

«Если бы найти щит, который отражал бы ее ядовитые стрелы...»

Таита пытался отвлечься от искушений и страхов, помогая Мерену научиться владеть новым глазом. Вначале Ханна снимала повязку лишь на несколько часов в день, но в это время не позволяла Мерену выходить на свет и держала в затемненном помещении.

Роговица по-прежнему оставалась мутной, зрачок выглядел бледным и молочным. Глаз действовал не согласованно со здоровым и поворачивался как бы самопроизвольно. Таита помогал Мерену фокусировать взгляд: держал перед ним амулет Лостры и передвигал его из стороны в сторону, вверх и вниз, подносил ближе и отдалял.

Вначале новый глаз быстро уставал. Он слезился, веки сами собой закрывались. Глаз наливался кровью и начинал зудеть. Мерен жаловался, что видит все расплывчато и искаженно.

Таита обсудил это с Ханной:

– Глаз другого цвета, чем данный ему природой. Он не того размера, не так двигается. Ты обмолвилась как-то, что ты садовник людей. Может, посаженный глаз принадлежит другому виду?

– Нет, маг. Новый глаз происходит от того же корня, что и данный Мерену природой. Мы выращивали конечности, отрубленные в бою. Они тоже вначале казались непринявшимися. Как глаз твоего любимца, они вырастали из семени и созревали постепенно. Человеческий организм обладает способностью формировать и развивать органы так, что они соответствуют исходным. Синий глаз невозможно заменить карим. Руку не заменить ногой. У каждого из нас есть жизненная сила, способная воспроизводить себя. Ты когда-нибудь задумывался, почему ребенок напоминает родителей? – Она помолчала и внимательно посмотрела Таите в глаза. – Точно так же отсеченную руку заменяет точная копия отсутствующей конечности. Выхолощенный пенис может приобрести прежний размер и форму.

Таита в ужасе смотрел на нее. Ханна жестко и откровенно повернула разговор на него самого.

«Она говорит о моем увечье, – подумал он. – Она знает, что меня оскопили».

Он вскочил и выбежал из комнаты. Слепо побрел к озеру и сел на берегу. Он чувствовал себя беспомощным и побежденным. Наконец, когда слезы перестали жечь глаза и взгляд прояснился, маг посмотрел на утесы, окружавшие сады. Таита чувствовал близкое присутствие Эос. Но он слишком устал и расстроился, чтобы бороться.

«Ты победила, – подумал он. – Битва завершилась, не начавшись. Я покорюсь тебе».

И тут он почувствовал, что ее влияние меняется. Оно казалось не злым и зловещим, а добрым и милосердным. Таита чувствовал: Эос предлагает ему освобождение от боли и переживаний. Ему хотелось пойти в сады и сдаться ей, отдаться на ее милость. Он с трудом встал, и тут его поразила необычность собственных мыслей и действий, их несоответствие его привычному настрою. Он выпрямился и высоко вздернул подбородок.

– Нет! – произнес он вслух. – Я не сдаюсь. Ты еще не выиграла сражение, лишь победила в первой стычке. – Он прикоснулся к амулету Лостры и почувствовал, как возвращаются силы. –

Она отобрала у Мерена глаз. Отобрала мой член. У нее есть преимущество перед нами. Если бы только и у меня было что-нибудь, что я мог бы использовать против нее, оружие для нападения. Когда я найду такое оружие, я снова сражусь с ней. – Он взглянул на вершины цветущих деревьев у подножия утесов и, прежде чем сумел сдержаться, сделал шаг в ту сторону. И с усилием отвернулся. – Еще нет. Пока я не готов.

Твердой поступью вернулся он в лечебницу. И здесь обнаружил, что Ханна перевела Мерена из темного помещения в более просторную и удобно обставленную комнату. Как только Таита вошел, Мерен вскочил и схватил его за рукав.

– Я прочел свиток с иероглифами, который показала эта женщина! – воскликнул он, гордясь своим последним достижением. Но даже сейчас он не смог назвать Ханну по имени или званию. – Завтра она насовсем снимет повязку. Тогда ты удивишься: глаз стал того же цвета, что и здоровый, и так же легко поворачивается. Клянусь свежим дыханием Исиды, скоро я смогу посылать стрелу точно в цель, как прежде. – Его словоохотливость свидетельствовала о сильнейшем волнении. – И тогда мы уйдем из этого адского места. И в нем, и в здешних людях есть что-то грязное и мерзкое.

– Но посмотри, что она для тебя сделала, – напомнил Таита.

Мерен взглянул на него с легким недоумением:

– Я считаю, что больше обязан тебе, маг. Это ты привез меня сюда и помог пройти через испытание.

Вечером Мерен лег и, как ребенок, мгновенно уснул. Храпел он шумно и беззаботно. Таита за долгие годы так привык к его храпу, что эти звуки казались ему колыбельной.

Он закрыл глаза, и образы, помещенные в сознание чертенком, сразу вернулись. Таита попытался вытеснить их, но они были слишком ярки. Он не мог вырваться. Ему мерещились запах теплой женской плоти, прикосновение гладких шелковистых изгибов женского тела, голоса, полные желания, похотливый манящий шепот. Пальцы гладили его, быстрый язык облизывал, мягкий рот присасывался, а горячее тайное отверстие поглощало. В Таите всколыхнулась буря невозможных ощущений, даруемых удаленным когда-то органом. Они были совсем рядом, но вдруг растаяли. Таита хотел, чтобы они вернулись, тело его требовало освобождения, но ощущения оставались за пределами досягаемости, мучили и терзали.

– Отпусти!

С огромным усилием он высвободился и проснулся в поту. Собственное дыхание громом звучало в его ушах.

Через высокое окно в противоположной стене проник косой лунный луч. Таита потрясенно встал, прошел к кувшину с водой и с жадностью напился. И тут его взгляд упал на пояс с сумкой, который Таита снял, готовясь ко сну. Лунный свет падал прямо на сумку. Как будто кто-то со стороны пытался привлечь к ней внимание Таиты. Он взял ее, развязал шнур, запустил руку внутрь и коснулся чего-то теплого, словно живого. Это что-то шевельнулось под его пальцами. Таита отдернул руку. Теперь он окончательно проснулся. Он раскрыл сумку и подставил под свет луны. На дне что-то блеснуло. На глазах у Таиты блеск обрел очертания кошачьей лапы с пятью когтями.

Таита снова осторожно сунул руку в сумку и достал кусочек красного камня, который Ханна извлекла из глазницы Мерена. Камень по-прежнему блестел и был теплым на ощупь, но кошачья лапа исчезла. Таита крепко сжал камень в руке. Сумятица мыслей в его голове прекратилась мгновенно.

Он подошел к масляной лампе в углу комнаты и принялся разглядывать осколок. Рубиновые кристаллы в нем вспыхивали и казались живыми. Постепенно Таита начал понимать, что в камне заключена частица сущности Эос. Вгоняя осколок в глаз Мерена, Эос, должно быть, наделила камень своей магической силой.

«А я едва не выбросил его в озеро. Теперь я точно знаю: в озере что-то ждало его».

Он вспомнил мощный всплеск под поверхностью. Что бы это ни было, крокодил или большая рыба, на самом деле это было очередное явление самой Эос. Кажется, Эос придает этому скромному камешку большое значение. «Мне следует отнестись к нему с уважением».

Таита раскрыл медальон амулета и положил камень на пряди, взятые у Лостры в обеих ее жизнях. И почувствовал себя сильнее и увереннее.

«Теперь я готов сразиться с ведьмой».

Утром его храбрость и решимость нисколько не ослабли.

Не успели позавтракать, как пришла Ханна, осмотреть новый глаз Мерена. Зрачок потемнел и стал почти неотличим от природного. Когда Мерен сосредоточивал взгляд на пальце Ханны, которая двигала им из стороны в сторону или вверх и вниз, оба глаза поворачивались одновременно.

Когда Ханна ушла, Мерен взял свой лук и кожаный колчан со стрелами и вместе с Таитой пошел на поле у озера. Таита установил мишень – раскрашенный диск на коротком столбике – и отошел, а Мерен тем временем выбрал новую тетиву для лука и повертел в пальцах стрелу, проверяя ее симметрию и баланс.

– Готов! – сказал он и повернулся к мишени. Натянул и отпустил тетиву. И хотя ветер с озера заметно отклонил стрелу в полете, она вонзилась в цель на расстоянии пальца от центра.

– Сделай поправку на ветер, – сказал Таита. Когда-то, когда Мерен совсем еще молодым человеком готовился вступить на Красную Дорогу с Нефером Сети, Таита натаскивал его в стрельбе из лука. Теперь Мерен утвердительно кивнул, натянул тетиву и выпустил вторую стрелу. Эта попала точно в яблочко.

– Повернись спиной, – приказал Таита, и Мерен послушался. Таита переместил мишень на двадцать шагов ближе. – Повернись и сразу выстрели.

Мерен повиновался. Для столь рослого человека он двигался на удивление легко. К нему вернулись уравновешенность и осанка, которых он лишился, ослепнув на один глаз. Стрела чуть покачнулась на ветру, но он сделал на это поправку. Расчет Мерена оказался точен. Стрела опять попала в центр мишени. Они упражнялись все утро. Постепенно Таита переместил мишень на двести шагов. Но и тогда три из четырех стрел Мерена попадали в участок размером в грудь человека. Когда сделали перерыв, чтобы перекусить простой едой, принесенной служителем, Таита сказал:

– Хватит для одного дня. Пусть твои руки и глаза отдохнут. А у меня есть дело.

Он взял посох, убедился, что амулет Лостры на золотой цепочке висит на шее, и быстрым шагом направился в верхнюю часть садов. Он шел к гроту чертенка. И чем ближе подходил, тем сильнее становилось радостное предвкушение. Таита понимал, что причин для этого нет, что его по-прежнему ведет внешнее воздействие. И лишь слегка удивился, быстро и беспрепятственно добравшись до грота. Он ожидал, что в этом саду неожиданностей грот «спрячется» от него, но здесь все было так же, как в прошлый раз.

Таита сел на травянистый берег и принялся ждать, сам не зная чего. Все казалось мирным и естественным. Он слышал щебет золотистого колибри; подняв голову, маг увидел саму птицу: она в своем алом оперении парила над цветком и длинным изогнутым клювом высасывала нектар. Потом упорхнула, как яркий солнечный блик. Таита ждал, собираясь с силами, готовясь встретить то, что грядет.

Он услышал знакомое размеренное постукивание, хотя не сразу сумел понять, откуда оно ему знакомо. Таита повернулся на звук. Стук оборвался, но вскоре возобновился.

На тропинке показалась высокая сутулая фигура с посохом в руке. Именно стук посоха о каменистую тропу и слышал Таита. У человека была длинная серебристая борода, но, сутулый старик, двигался он с проворством молодости. Казалось, он не видит Таиту, бесшумно сидящего на берегу, но идет в обход пруда. Добравшись на противоположную сторону, он сел. И лишь тогда поднял голову и прямо взглянул на Таиту, который молча смотрел на него. Таита почувствовал, как кровь отхлынула от лица; потрясенный и изумленный, он стиснул амулет в кулаке. Он смотрел в собственные глаза и знал, что видит свою точную копию.

– Кто ты? – наконец шепотом спросил Таита.

– Я – ты, – ответил незнакомец, и Таита узнал свой голос.

– Нет, – выпалил Таита, – я это я, а ты легион! Ты носишь черный знак кошачьей лапы. А у меня знак белый, знак истины. Ты призрак, созданный Эос Рассветной. А я настоящий.

– Твое упрямство ставит нас обоих в затруднительное положение, – ответил старик с противоположного берега, – потому что мы одно и то же. Отрицая меня, ты отрицаешь себя. Я пришел показать тебе сокровище, которое может стать нашим.

– Не буду смотреть, – сказал Таита, – ибо я уже видел созданные тобой пагубные образы.

– Ты не можешь отказаться: поступая так, ты отрицаешь себя, – сказал двойник. – То, что я тебе покажу, никогда раньше не видел смертный. Смотри в пруд, ты, который есть я сам.

Таита посмотрел в темную воду.

– Там ничего нет, – сказал он.

– Там все, – возразил второй Таита. – Все, чего мы с тобой страстно желали, ты и я. Открой Внутреннее Око, и давай поглядим вместе. – Таита послушался, и ему предстала туманная картина. Он словно смотрел на обширную пустыню, покрытую барханами.

– Эта пустыня – наше существование без знания Истины, – сказал другой Таита. – Без истины все безжизненно и однообразно. Но загляни за пустыню, моя голодная душа.

Таита повиновался. Он увидел на горизонте величественный маяк, божественный свет, гору, вырубленную из цельного алмаза чистой воды.

– К этой горе стремятся все посвященные, пророки и маги. Но напрасно. Ни один смертный не может увидеть божественный свет. Это гора всех знаний и мудрости.

– Она прекрасна, – прошептал Таита.

– Мы смотрим на нее с огромного расстояния. Смертный не в силах представить себе красоту, которая открывается с ее вершины. – Таита увидел, что старик плачет от радости и почтения. – Мы можем подняться на эту вершину вместе, мое второе «я». И получить то, чего не получал еще никто. Большей награды не бывает.

Таита встал и медленно подошел к краю пруда. Он смотрел на видение и чувствовал стремление такой силы, какого не испытывал никогда. Это была не позорная страсть, не физическое желание. Это было нечто чистое, ясное и благородное, как сама алмазная гора.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – сказал двойник, – ибо чувствую то же самое. – Он встал. – Взгляни на хрупкое старое тело, в котором мы заключены. Сравни его с тем, каким оно когда-то было и каким может стать снова. Взгляни в воду, и ты увидишь то, чего никто не видел до нас и не увидит после нас. И все это предлагают нам. Разве отказ от этого не страшная жертва? – Он указал на алмазную гору: – Посмотри, она тает. Неужели мы больше никогда ее не увидим? Выбор за нами, за тобой и за мной.

Алмазная гора исчезла в темной воде, оставив у Таиты ощущение растерянности и опустошения.

Его зеркальное отражение встало и в обход пруда направилось к нему. Двойник раскрыл объятия, и Таита вздрогнул от отвращения. Но вопреки своему желанию тоже поднял руки, отве-

чая на этот братский жест. Однако прежде чем они соприкоснулись, между ними с треском пробежала голубая искра, и Таита испытал потрясение, словно в него ударила молния: двойник слился с ним, и они стали единым целым.

Великолепная алмазная гора, которую он видел в воде, долго еще стояла у него перед глазами, когда он покинул волшебный пруд и пошел по саду.

У нижних ворот его ждал Мерен.

– Я уже несколько часов ищу тебя, – бросился он навстречу Таите, – но в этом месте есть что-то странное. Тысячи троп, но все ведут только сюда.

– Зачем ты меня ищешь?

Бесполезно объяснять Мерену сложность волшебного сада.

– Недавно в клинику прибыл Тинат Анкут. С радостью добавлю, что Онки не видно и следа. У меня не было возможности поговорить с добрым военачальником. Впрочем, вряд ли я бы этим чего-нибудь добился. Он неразговорчив.

– Он пришел один?

– Нет, с ним шестеро охранников и десять женщин.

– Что за женщины?

– Я видел их лишь издалека – был за озером. В них нет ничего необычного. Все молодые, но на лошадях сидят как-то неловко. Я решил, что стоит предупредить тебя.

– Конечно, ты поступил правильно: в этом я всегда могу на тебя положиться.

– А что тревожит тебя? У тебя странное лицо – полуулыбка и мечтательный взгляд. Что случилось, маг?

– Эти сады прекрасны, – ответил Таита.

– Мне их красота кажется отвратительной. – Мерен неловко улыбнулся. – Не знаю почему, но мне здесь не нравится.

– Тогда давай уедем.

Когда они добрались до своих комнат в лечебнице, их ждал служитель.

– Доктор Ханна приглашает вас. Поскольку скоро вы покинете Облачные Сады, она хотела бы сегодня пообедать с вами.

– Пожалуйста, передай ей, что мы с благодарностью принимаем приглашение.

– Я приду за вами незадолго до заката.

Солнце едва коснулось вершин утесов, когда служитель вернулся. Он провел Таиту и Мерена по множеству дворов и крытых галерей. В галереях попадалось много людей, но они проходили мимо, не приветствуя друг друга. Таита узнал нескольких лекарских помощников, принимавших участие в лечении Мерена.

«Почему я до сих пор не замечал, как огромна эта лечебница? Почему мне не хотелось осмотреть ее?» – удивлялся Таита.

По словам Ханны, сады и лечебница строились много столетий, поэтому неудивительно, что они такие большие, но почему это не вызвало его любопытства? Но тут Таита вспомнил, как хотел пройти за тремя женщинами в одно из зданий, но почему-то передумал.

Таита понял, что здесь не нуждаются в охране. «Здесь могут помешать нежелательным чужакам войти, поместив им в сознание мысленные преграды – как поступили с Мереном, когда он пытался найти меня».

Они миновали небольшую группу женщин, тихо сидевших во дворике у фонтана. Одна играла на лютне, еще две подыгрывали на систрумах. Остальные благозвучно и стройно пели.

– Их-то я и видел днем, – прошептал Мерен.

Хотя солнце уже зашло за утесы, воздух оставался теплым, и женщины были одеты очень легко.

– Они все ждут детей, – прошептал Таита.

– Как те, кого мы встретили в первый день в кратере, – согласился Мерен. Таите на мгновение почудилось, что в этом что-то очень важное, но не успели они пройти через дворик к портику на дальней его стороне, как он забыл об этом.

– Здесь я вас оставлю, – сказал проводник, – и вернусь за вами после трапезы. Доктор и другие гости ждут. Пожалуйста, входите.

Они вошли в большой, прекрасно обставленный зал, освещенный маленькими стеклянными лампами; лампы плавали на крошечных корабликах в бассейне в центре зала. В керамических и глиняных горшках, развешанных по стенам и расставленных на мозаичном полу, росли великолепные цветы.

Ханна вышла гостям навстречу. Взяла за руку и подвела к остальным, сидевшим на низких диванах или скрестив ноги на грудах подушек. Здесь были Джибба и еще три врача: двое мужчин и женщина. Все они казались чересчур молодыми, чтобы занимать столь важное положение и быть посвященными в удивительные медицинские чудеса Облачных Садов. Еще одним гостем был славный Тинат. Когда Таита подошел к нему, военачальник встал и приветствовал его, серьезно и с большим уважением. Он не улыбался, но Таита и не ожидал этого.

– Через несколько дней вы с доблестным Камбизесом отправитесь вниз, с гор, – объяснила Таите Ханна. – Воитель Тинат приехал, чтобы охранять вас и быть вашим проводником.

– Для меня это удовольствие и честь, – заверил Таиту Тинат.

Врачи собрались вокруг Мерена, разглядывая его новый глаз и восхищаясь им.

– Я знала о других твоих достижениях, доктор Ханна, – сказала женщина, – но, конечно, это первый глаз, который ты восстановила.

– Были и другие, до нас, – поправила ее Ханна. – Теперь я уверена, что в будущем мы сможем восстанавливать любую часть человеческого тела. Храбрый воин, наш сегодняшний гость, тому доказательство.

Врачи повернулись к Тинату.

– Ты тоже, храбрейший? – спросила молодая женщина.

В ответ Тинат вытянул правую руку и согнул пальцы.

– Кулак был отрублен топором воина-дикаря. Этим кулаком я обязан искусству доктора Ханны.

Он сделал приветственный жест Ханне. Врачи принялись рассматривать его руку с таким же интересом, с каким изучали глаз Мерена.

– А нет ли ограничений в том, какие органы можно восстановить? – спросил один из мужчин.

– Есть. Во-первых, операцию должны одобрить олигархи из Верховного Совета. Во-вторых, уцелевшие части должны работать. Мы не способны восстановить голову или сердце – ведь без них тело не доживет до засева.

Таите вечер показался исключительно интересным. В своих беседах врачи касались множества медицинских чудес, о которых он слышал впервые.

Выпив по одной-две чаши удивительного вина из Облачных Садов, все оживились, и Мерен с Тинатом принялись развлекать собравшихся рассказами о своих многочисленных путешествиях, войнах и приключениях. После трапезы Джибба играл на лютне, а Таита пел.

Когда явился служитель, чтобы отвести их обратно, Тинат часть пути прошел с ними.

– Когда ты думаешь забрать нас отсюда? – спросил Таита.

– Через несколько дней. Есть дела, которыми я должен заняться до отъезда. Я заранее предупрежу вас.

– Ты видел мою подопечную – девочку Фенн, после нашего отъезда из Мутанги? Мне ее очень не хватает.

– Кажется, она тоже чрезвычайно привязана к тебе. По пути сюда я проезжал через деревню. Фенн увидела меня и побежала за моей лошадью, расспрашивая о тебе. Когда я сказал, что отправляюсь за тобой, она очень обрадовалась. Попросила передать тебе привет. Кажется, она здорова и весела. Красивая девочка. Ты должен ею гордиться.

– Верно, – согласился Таита.

Ночью Таита видел сложные, многослойные сны, населенные мужчинами и женщинами, которых он знал. Среди них встречались и незнакомцы, но внешность их отпечаталась так четко, что они казались созданиями из плоти и крови, а не фантастическими видениями. Сны связывала одна нить: во всех он ожидал чего-то удивительного, что вот-вот должно случиться, искал сказочное сокровище, которое почти у него в руках.

Проснулся он на рассвете, в приподнятом настроении, которое ничем не мог объяснить. Мерен спал, и Таита вышел на лужайку, покрытую жемчужной росой. Солнце только выплыло из-за утесов. Не рассуждая, лишь еще раз прикоснувшись к амулету, Таита снова пошел в верхнюю часть садов.

Чем дальше он шел, тем радостнее становилось у него на душе. Таита даже не опирался на посох; повесив его на спину, он шел широким уверенным шагом. Тропа к гроту чертенка не была скрыта. Но, добравшись до грота, Таита нашел уголок пустынным. Убедившись, что один, Таита быстро обследовал все вокруг в поисках признаков живого существа. Но никого не было. Даже почва, по которой прошел его двойник, влажная и мягкая, не сохранила следов. Это не имело смысла. Таите все с бóльшим трудом удавалось верить в собственный здравый рассудок и принимать свидетельства сознания и чувств. Ведьма привела его на порог безумия.

Вскоре он понял, что слышит музыку – серебристые звуки систрумов и дробный стук пальцев по барабанам. Крепче сжав амулет, он медленно повернулся к входу в грот, с вызовом – и в то же время опасаясь того, что может увидеть.

Из пещеры выходила и спускалась по замшелым уступам торжественная процессия. Четыре необычных существа несли на плечах паланкин из золота и слоновой кости. Первым носильщиком был Тот с головой ибиса, бог мудрости. Вторым – Ануке, богиня войны, величественная в своих золотых доспехах, вооруженная луком со стрелами. Третьим – Хех, бог бесконечности и долгожительства, с зеленым, как изумруд, лицом и раскосыми желтыми глазами; он нес Пальмовый Лист, которому миллион лет. Последним шел Мин, бог плодовитости и плодородия, в короне из перьев ястреба; фаллос его был возбужден и воздет, он торчал между ног, как мраморная колонна.

На паланкине стояла великолепная фигура ростом в два человеческих. В золотом набедреннике. Браслеты на руках и ногах из чистого золота, нагрудник – из золота, усаженный лапис-лазурью, бирюзой и сердоликом, на голове двойная корона Египта, с головами царской кобры и сокола над лбом. Нагрудник перекрещивали символические цепи власти.

– Приветствую тебя, фараон Тамос! – произнес Таита. – Я Таита – тот, кто забальзамировал твое тело и провел рядом с тобой девяносто дней траура. Я спеленал твое тело мумифицирующими полотнищами и уложил его в золотой саркофаг.

– Вижу и приветствую тебя, Таита из Галлалы, который когда-то был ниже фараона, но станет более могучим, чем любой фараон, живший на земле.

– Ты был правителем всего Египта, величайшего царства. Нельзя быть более великим.

– Приблизься к бассейну, Таита. Посмотри, что тебя ждет.

Таита подошел к краю и посмотрел в воду. У него на мгновение закружилась голова, он пошатнулся. Казалось, он стоит на вершине высочайшей в мире горы. Далеко под ним простирались океаны, пустыни и горные хребты.

– Взгляни на царства земные, – велел фараон. – На города и храмы, на зеленые поля, леса и пастбища. Взгляни на копи и каменоломни, где рабы добывают драгоценные металлы и сверкающие каменья. Взгляни на сокровищницы и кладовые, в которых столетиями копились драгоценные вещи. Всем этим ты будешь владеть и править.

Фараон взмахнул золотым цепом, и картина перед глазами Таиты изменилась.

Могучие армии двигались по равнинам. Конские хвосты на шлемах всадников казались морской пеной. Доспехи, лезвия и острия копий сверкали, как звезды на небе. Боевые кони влекли колесницы. Земля дрожала от топота ног и стука колес. Задние ряды армий скрывались в тучах пыли, так что казалось, войску нет конца.

– Вот армии, которыми ты будешь повелевать! – воскликнул фараон. Он снова взмахнул цепом, и картина опять изменилась.

Таита увидел обширные океаны и моря. По ним плыли флотилии боевых кораблей. Здесь были галеры и биремы с двойными рядами весел, на их парусах красовались драконы и кабаны, львы, чудовища и загадочные твари. Гремели барабаны, задавая ритм гребцам, вода кипела под длинными бронзовыми носами с боевыми таранами. Кораблей было столько, что они покрывали океан от горизонта до горизонта.

– Смотри, Таита. Вот флоты, которыми ты будешь командовать. Ни один человек, ни один народ не сможет противиться тебе. Ты станешь господином над всей землей и всеми ее народами.

Фараон указал цепом на Таиту. Голос Тамоса заполнил воздух, ошеломляя, точно небесный гром.

– Все это в твоем распоряжении, Таита из Галлалы.

Фараон наклонился и коснулся цепом плеча Мина. Гигантский фаллос бога напрягся.

– Ты обретешь бесконечную мужскую силу и плодовитость.

Он прикоснулся к плечу Хеха, бога бесконечности и долголетия; тот взмахнул пальмовым листом миллионолетия.

– Ты будешь благословен вечно молодым телом, здоровым и совершенным.

Фараон коснулся Тота, бога мудрости и знаний, и бог раскрыл длинный изогнутый клюв и резко, хрипло крикнул:

– Тебе будет дан ключ ко всем знаниям, учению и мудрости.

Когда фараон коснулся последней божественной фигуры, Ануке ударила мечом по щиту.

– Ты будешь победителем в войнах, властителем суши, моря и неба. В твоем распоряжении окажутся богатства всех стран, народы склонятся перед тобой. Вот что предложено тебе, Таита из Галлалы. Протяни руку и возьми.

Золотой фараон распрямился и обратил пристальный горящий взгляд на Таиту. Затем носильщики величественно понесли паланкин назад в грот. Видение поблекло и исчезло.

Таита опустился на траву и прошептал:

– Довольно! Я больше не выдержу искушений. Они часть большой Лжи, но смертный не способен противиться им. Вопреки всем моим убеждениям мое сознание стремится принять их как Истину. Они пробуждают во мне алчность и страсть, которые уничтожат мои чувства и мою бессмертную душу.

Когда он наконец смог покинуть грот и вернуться, Мерен ждал у ворот:

– Я пытался найти тебя, маг. Мне показалось, ты в опасности и нуждаешься в моей помощи, но я заблудился в этих зарослях.

– Все в порядке, Мерен. Не нужно беспокоиться, хотя я высоко ценю твою помощь.

– Тебя спрашивала женщина-врач. Не знаю, что ей от тебя нужно, но чутье подсказывает мне, что верить ей нельзя.

– Я запомню твой совет. Однако, любезный Мерен, пока она была очень добра к тебе, верно?

– Возможно, у ее доброты есть причина, о которой мы не догадываемся.

Сразу после обмена приветствиями Ханна перешла к делу:

– Военачальник Тинат Анкут доставил мне распоряжение Верховного Совета, подписанное властительным Аквером. Прошу прощения за возможные неудобства или неприятности, но мне приказано осмотреть тебя и немедленно представить в Совет полный отчет. На это может уйти время. Поэтому я буду очень обязана тебе, если мы пройдем в мой кабинет и начнем немедленно.

Властный тон Ханны удивил Таиту, но потом он сообразил, что приказ Верховного Совета в Джарри все равно что приказ фараона, скрепленный Печатью Сокола, в Карнаке.

– Конечно, доктор. Я готов подчиниться.

Просторный кабинет Ханны располагался в одном из дальних зданий лечебницы, выстроенном из светлого известняка. Все помещения здесь были поразительно аскетичны и не загромождены мебелью. У дальней стены кабинета на каменных полках стояло множество больших стеклянных сосудов. В каждом сосуде в прозрачной жидкости, по-видимому, обладающей свойствами сохранения, плавал человеческий зародыш. Девять сосудов на нижней полке были расставлены согласно срокам извлечения плода из матки. Самый маленький был не крупнее головастика, а самый большой – почти полностью развит.

На верхней полке собрались обезображенные зародыши – у одних было больше глаз, чем нужно, у других недоставало органов, у одного было две гротескные головы. Таита никогда не видел такой коллекции. Хотя он как врач привык к виду искалеченной и увечной человеческой плоти, эта экспозиция внушающих жалость диковин вызвала у него отвращение.

«Она, должно быть, особенно интересуется родами», – подумал Таита, вспоминая, сколько беременных видел в Облачных Садах.

Основную часть кабинета занимал большой стол для осмотра, вырубленный из цельной глыбы известняка. Таита сообразил, что Ханна, очевидно, использует его для операций и родовспоможения, поскольку в каменной столешнице были выдолблены канавки; было и отверстие, по которому телесные жидкости стекали в сосуд на полу.

Ханна начала осмотр, попросив у Таиты образцы его мочи и кала. Таита слегка растерялся. Он встречал в Экбатане врача, чрезвычайно увлеченного процессами испражнения, но не ожидал, что Ханна проявит такой же интерес. Тем не менее он позволил отвести себя в небольшое закрытое помещение; здесь ему дали большую чашу и сосуд с водой, чтобы, выполнив просьбу Ханны, он мог помыться.

Когда он вернулся, Ханна внимательно осмотрела его испражнения, понюхала их и попросила Таиту лечь на спину на стол. Как только он лег, она перенесла интерес с содержимого чаши на его нос, глаза, уши и рот. Ассистент с помощью серебряного диска направлял в них луч от горящей лампы. Затем Ханна приложила ухо к груди мага и внимательно прослушала дыхание и биение сердца.

– У тебя сердце и легкие молодого человека. Неудивительно, что ты долгожитель. Если бы только нам было позволено использовать Купель!

Она говорила скорее для себя, чем для него.

– А что такое Купель? – спросил Таита.

– Не важно. – Ханна осознала свой промах и постаралась его загладить. – Не обращай внимания на болтовню старухи.

И она, не поднимая головы, продолжила осмотр.

Таита открыл Внутреннее Око и увидел, что очертания ауры Ханны искажены: женщина явно жалела, что упомянула Купель. Но потом искажение исчезло, словно Ханна закрыла свое сознание от всех вопросов, которые он мог бы ей задать. Очевидно, это одна из главных тайн Гильдии. Придется подождать.

Ханна закончила осматривать его грудь, распрямилась и посмотрела Таите прямо в глаза.

– Теперь я должна оценить вред, причиненный твоему мужскому естеству, – сказала она.

Таита инстинктивно прикрылся руками.

– Маг, твои сознание и душа полностью подчинены тебе. Но твоя плоть пострадала. Я верю, что мы сумеем убрать это повреждение. Мне приказано сделать это, и я не смею ослушаться приказа. Если ты будешь противиться, мне придется позвать помощников, а если понадобится, то и доблестного Тината Анкута с его людьми. Однако ты можешь облегчить осмотр для нас обоих. – Таита по-прежнему не решался. Ханна негромко продолжила: – Я испытываю к тебе только глубочайшее уважение. Я не хочу унижать тебя. Напротив, я хочу спасти тебя от унижения. Ничто не даст мне более глубокого удовлетворения, чем возможность восстановить то, что повреждено, так чтобы во всем мире тебя уважали не только за остроту ума, но и за совершенство тела.

Таита понимал, что его вновь искушают, но не знал, как противиться. Во всяком случае, если он согласится сотрудничать, это может чуточку приблизить его к Эос. Он закрыл глаза и отнял руки от паха. Потом скрестил их на груди и лежал спокойно. Он чувствовал, как приподнимают полы его одеяния, как легко прикасаются к его телу. Вернулись непрошеные похотливые картины, которые чертенок поместил в его сознание. Таита стиснул зубы и сдержал стон.

– Я закончила, – сказала Ханна. – Спасибо за мужество. Когда вы с военачальником Тинатом Анкутом завтра уедете, я отправлю с ним свой отчет.

Завтра, подумал Таита. Он понимал, что должен чувствовать облегчение, радоваться избавлению от ада, который прикрыт этим маскарадом. Но испытал противоположное чувство. Ему не хотелось уходить, и он с нетерпением будет ждать разрешения вернуться. Эос продолжает игру теней в его сознании.

Солнце должно было показаться над стенками кратера лишь через час, но Тинат с эскортом уже ждали на конном дворе, когда Таита и Мерен вышли из своей комнаты. Мерен нес их сумки. Свою он повесил на гнедого, потом подошел к Дымке и прикрепил за седлом сумку Таиты. Таита подошел, и кобыла приветственно заржала и принялась кивать. Таита похлопал ее по шее.

– Я тоже скучал без тебя, но тебе, должно быть, давали слишком много дурры, – укорил он. – Или ты снова с жеребенком.

Сели верхом и вслед за отрядом Тината проехали под колоннадой и через лужайки на берег озера. У того места, где тропа углублялась в лес, Таита повернулся в седле и оглянулся. Здания лечебницы казались пустыми. Ни следа жизни, кроме облаков пара, поднимающихся над трубами, по которым под пол зданий поступает горячая вода из источников. Таита ожидал, что Ханна выйдет проститься, и был слегка разочарован. За прошедшие недели их объединило много необычных переживаний. Он проникся уважением к ее учености и преданности делу, Ханна начинала ему нравиться. Он повернулся к лесу и вслед за охраной въехал в него.

Тинат ехал впереди с авангардом. После выезда из лечебницы он заговорил с Таитой всего раз, обменявшись с магом коротким приветствием.

Таита чувствовал, как противоестественное желание остаться в лечебнице слабеет по мере их приближения к туннелю в стене кратера, ведущему во внешний мир. Он подумал о предстоящей встрече с Фенн и воспрянул духом. Мерен насвистывал любимую походную песню, монотонную, немелодичную – явный признак того, что он в хорошем настроении. За многие тысячи лиг Таита привык к этой песне, и она больше не раздражала его.

Впереди показались ворота туннеля; Тинат отстал от передовой группы и подъехал к Таите.

– Наденьте плащи. В туннеле будет холодно, а снаружи мороз. У входа всем нужно держаться вместе. Не противоречьте. Обезьяны непредсказуемы и могут быть опасны.

– А кто за ними смотрит? – спросил Таита.

– Не знаю. С тех пор как я оказался здесь, я не видел с ними ни одного человека.

Таита изучил ауру воина и увидел, что тот говорит правду.

Они поравнялись с обезьянами, Таита избегал смотреть им в глаза. Одна из обезьян подковыляла и принюхалась к его ступне. Дымка нервно переступила с ноги на ногу. Еще две обезьяны угрожающе наклонили головы, но позволили людям проехать. Тем не менее Таита почувствовал, как они агрессивны и как легко вывести их из равновесия. А тогда их уже ничто не остановит.

Когда въехали в туннель, Таита наклонился: капюшон его плаща цеплялся за потолок. Как и в первый раз, туннель показался бесконечным, но наконец послышался вой ветра, и путники увидели впереди серый мерцающий свет.

Они выехали из туннеля, и перед ними открылось грандиозное великолепие гор, столь не похожее на прекрасное спокойствие Облачных Садов. Обезьяны столпились вокруг, они беспокойно принюхивались, но неохотно расступились и пропустили людей. Путники проехали по тропе и, оказавшись во власти холодного ветра, плотнее укутались в кожаные плащи, лошади опустили головы под ударами урагана. Хвосты их развевались, дыхание облачками пара вырывалось в морозный воздух, копыта скользили по льду.

Тинат по-прежнему ехал рядом с Таитой. Он наклонился так, что его губы оказались возле уха мага.

– До сих пор я не мог поговорить с тобой, но теперь буря заглушает наши голоса, – сказал он. – Не знаю, кто из моих людей приставлен ко мне шпионить. Само собой разумеется, в лечебнице нельзя доверять никому – от Ханны до последнего служителя. Все они соглядатаи олигархов.

Таита внимательно разглядывал Тината из-под кожаного капюшона.

– Я знаю, доблестный воин, тебя что-то тревожит. Думаю, ты понял, что мне можно доверять.

– Меня тревожит, что ты считаешь меня изменником, предавшим фараона и родину.

– А разве это не так?

– Не так. Всей душой я стремлюсь оставить это проклятое место и расстаться со злом, которое укоренилось здесь – в самой земле и в душах ее обитателей.

– Раньше ты говорил совсем другое.

– Тогда поблизости крутился Онка. Я не мог поведать тебе, что у меня на сердце. Но сейчас мне удалось уйти от его глаз. У него есть женщина, одна из нас. Она добавила кое-что в его вино, и это помешало ему отправиться за тобой из Мутанги. Я вызвался заменить его.

– А что за птица этот Онка?

– Один из самых доверенных шпионов Верховного Совета. Его приставили следить за всеми нами, но в особенности за тобой. Совет отлично понимает, какая ты важная особа. Ты можешь не знать, но тебя заманили в Джарри.

– Почему?

– Не могу сказать, сам не знаю. Я провел там меньше десяти лет, но повидал много особо известных и талантливых людей, оказавшихся в Джарри как будто случайно. Однако олигархи заранее знали об их приходе. Ты не первый из тех, кого меня послали встретить. Можешь представить себе, сколько таких мужчин и женщин привлекли в Джарри за столетия?

– В этом обществе, кажется, много слоев, – сказал Таита. – Ты говоришь о нас и о них как о разных группах. Кто такие они и кто мы? Разве мы не все египтяне? Ты причисляешь меня к своим – или я один из них?

Тинат ответил просто:

– Я считаю тебя своим, поскольку достаточно узнал тебя, чтобы понять: ты хороший и справедливый человек. И высокоодаренный. Наделен силой. Я верю, что ты спаситель, посланный уничтожить всепроникающее зло, которое управляет олигархами и всем происходящим в Джарри. Надеюсь, что если человек способен уничтожить величайшее зло всех веков, то этот человек ты.

– Что это за зло? – спросил Таита.

– По этой причине я и был послан сюда. А ты – за мной, – ответил Тинат. – Думаю, ты понимаешь, о чем я.

– Но все же расскажи, – настаивал Таита.

Тинат кивнул.

– Ты справедливо не доверяешь мне. Фараон Нефер Сети послал тебя на юг отыскать и уничтожить преграду, перекрывшую реку, которая кормит нас всех. Чтобы Нил, наша всеобщая мать, вновь понес свои воды в Египет и оживил наш народ. И следующая твоя цель – уничтожить то, что воздвигло эту преграду.

– Сожалею о сказанном ранее. Ты верный воин и патриот. У нас общая цель, и она справедлива. Как мы будем действовать? Что ты предлагаешь?

– Прежде всего нужно определить врага.

– Это олигархи? – спросил Таита, проверяя, насколько Тинат понимает цель поиска.

– Сами по себе олигархи ничего не стоят. Они куклы, расхаживающие по сцене Верховного Совета. Должен быть тот, кто стоит за ними. Невидимое существо или личность. Олигархи исполняют его приказы, и поклонение этой безымянной силе и есть религия Джарри.

– Ты представляешь, чем может быть это существо? Это бог, или ты считаешь его смертным?

– Я воин. Умею сражаться с людьми и армиями. Но ничего не понимаю в порождениях тьмы. Ты маг. Ты понимаешь иной мир. И я искренне надеюсь, что ты возглавишь нас, поведешь и научишь. Без такого человека, как ты, мы не воины, а заблудившиеся дети.

– А почему ты не поднял восстание против олигархов и не отобрал у них власть?

– Потому что это уже пытались сделать – двести двадцать лет назад. В Джарри вспыхнуло восстание. Олигархов схватили и казнили. И тут на страну обрушилась чума. Жертвы умирали в мучениях, истекая кровью из ртов, носов, глаз, ушей и тайных отверстий. Болезнь поражала лишь бунтовщиков и щадила тех, кто сохранил верность Верховному Совету, поклонялся таинственной богине.

– Откуда ты это знаешь?

– История восстания начертана на стенах зала заседаний Совета как назидание всем жителям Джарри, – ответил Тинат. – Нет, маг, я хорошо сознаю, какая сила нам противостоит и как мы рискуем. С тех пор как я отыскал тебя в Тамафупе, я непрерывно думаю об этом. Единственная наша надежда на то, что ты сумеешь сдержать темную силу, пока мы будем уничтожать олигархов и их сторонников. Не знаю, сможешь ли ты истребить саму злую силу, но молюсь всем богам Египта, чтобы твоей мудрости и магического искусства хватило для нашей защиты,

пока мы благополучно не уйдем из Джарри. Молюсь и о том, чтобы тебе хватило силы разрушить преграду, пресекшую течение Нила.

– Мы с Мереном попробовали уничтожить стену из красного камня. В итоге Мерен потерял глаз.

– Это потому, что вы считали уничтожение преграды физической задачей. Тогда ты еще не понимал ее более глубокого зловещего значения. Мы знаем, что вероятность добиться успеха бесконечна мала, но я и мои последователи готовы отдать за это жизнь. Ты рискнешь? Поведешь нас?

– Для того я и явился в Джарри, – сказал Таита. – Если у нас есть хоть малейший шанс, нам предстоит сделать очень многое. Как ты заметил, будет нелегко уйти от соглядатаев. Надо воспользоваться этой редкой возможностью побыть наедине без присмотра. Прежде всего ты должен подробно рассказать мне, как вы готовились до сих пор. Сколько с тобой мужчин и женщин? Какие у вас планы? А я расскажу тебе о своих наблюдениях и выводах.

– Вполне разумно.

Чтобы затянуть поездку и получить возможность подольше побыть в одиночестве, Таита притворялся, что ослабел и устал. Он требовал частых привалов, а сидя на Дымке, заставлял ее идти как можно медленнее. Тинат, который, очевидно, подготовился к такому совещанию, дал ему полный отчет о своих замыслах и о составе своих сил.

Когда он закончил, Таита сказал:

– Мне кажется, ты недостаточно силен, чтобы в одиночку свергнуть олигархов, тем более противостоять силе за ними. По твоим собственным словам, большинство верных тебе людей в неволе или в рабстве в копях и каменоломнях. Сколько из них будут способны передвигаться, тем более сражаться, когда ты их освободишь?

– Конечно, у нас не хватает сил, чтобы выиграть у олигархов решающее сражение, а затем захватить и удержать всю страну. Я никогда и не думал об этом. Я хотел с помощью какой-нибудь уловки или приманки взять олигархов в заложники ради освобождения своих соотечественников и чтобы получить возможность беспрепятственно уйти из Джарри. Я знаю, что это лишь набросок плана и без твоей помощи ему не суждено осуществиться.

Таита подозвал Мерена и попросил его ехать рядом.

– Как ты знаешь, Мерен мой верный товарищ, он смелый и умный воин. Я хотел бы, чтобы он стал твоей правой рукой.

Тинат не колебался.

– Принимаю твой совет.

Спускаясь по крутой горной тропе, они обсуждали основной план битвы, соображая, как его улучшить. Время побежало, и вскоре внизу показались здания и крыши крепости. Путники остановили лошадей и спешились, чтобы избавиться от тяжелых плащей и прочей надетой в горы одежды.

– У нас осталось мало времени для разговоров, – сказал Таита Тинату. – Вы с Мереном знаете, что делать. Теперь я объясню свой план. Доблестный Тинат, все, что ты мне рассказал, похоже на правду и совпадает с тем, что наблюдал и обнаружил я сам. Мудрец и маг, гораздо более великий, чем я, сообщил мне о темной силе, о которой ты говорил. Это женщина, она не богиня и не бессмертная, но прожила столько лет, что сумела накопить огромные знания и силы, какими не обладал никто из смертных. Она приняла имя Эос, дочери Рассвета, и ей свойственно чудовищное, безжалостное стремление к власти. Все это мне поведал маг Деметер, которого знали мы с Мереном.

Таита взглянул на Мерена в поисках подтверждения.

Мерен кивнул:

– Он был поистине великим человеком, но должен возразить тебе, маг. Не более великим, чем ты.

Услышав такую похвалу, Таита снисходительно улыбнулся.

– Добрый Мерен, надеюсь, ты никогда не откроешь моих подлинных недостатков. Однако продолжим: Деметер встречался с Эос лицом к лицу. Несмотря на его силу и мудрость, она едва не погубила его при первой встрече, и это удалось ей при второй. Мы с Мереном были свидетелями его гибели, но он прожил достаточно долго, чтобы передать нам важнейшие сведения об Эос. Он объяснил: осушая Нил, она стремится довести египтян до такого бедственного состояния, что страна радостно встретит ее как спасительницу. Тогда она получит возможность захватить трон обоих царств. Располагая силой и богатством Египта, она набросится на другие государства мира, как кобчик на стаю воробьев. В конечном счете она хочет подчинить себе весь мир.

Тинат, который до сих пор внимательно слушал, вмешался:

– А где Деметер встретил эту тварь Эос? Здесь, в Джарри?

– Нет, в далекой земле, где она жила в пещере вулкана. Кажется, ей необходимо черпать жизненные силы из подземного огня и кипящих рек. Указания Деметера привели меня в Джарри.

Все трое повернулись в седлах и посмотрели на три далекие дымящиеся вершины.

Наконец Тинат заговорил:

– Там три больших вулкана. Который из них ее дом?

– Ее крепость – Облачные Сады, – ответил Таита.

– Откуда ты знаешь?

– Она являлась мне, когда я был там.

– Ты ее видел? – воскликнул Мерен.

– Не саму Эос, а несколько из многих ее личин.

– Она не напала на тебя, как на Деметера, мага, о котором ты упомянул? – спросил Тинат.

– Нет, ведь ей кое-что от меня нужно. Получив это, она уничтожит меня без малейших колебаний. Но до тех пор я в безопасности – насколько вообще с ней можно говорить о безопасности.

– А что ей от тебя нужно? – спросил Тинат. – Кажется, у нее и так все есть.

– Ей нужны мои знания и мудрость.

– Не понимаю. Она хочет, чтобы ты ее учил?

– Она подобна нетопырю, но высасывает не кровь, а самую суть души жертвы. На протяжении столетий она так поступала с множеством посвященных и магов. Ты сам рассказывал, что приводил их в Джарри, доблестный Тинат. Что было с ними после?

– Онка уводил их по этой дороге в горы. Не знаю, что было с ними потом. Может, до сих пор живут где-нибудь в лечебнице. Работают с доктором Ханной.

– Возможно, ты и прав, но я иного мнения. Я полагаю, ведьма отобрала у них все знания и мудрость.

Тинат в ужасе смотрел на него. И когда задал следующий вопрос, в голосе его звучал страх.

– Как по-твоему, маг, что с ними стало?

– Ты видел крокодилов в озере? Заметил, какие они огромные?

– Да, – негромко ответил Тинат.

– Думаю, это и есть ответ на твой вопрос.

Тинат помолчал, потом спросил:

– Тебя не пугает подобная участь, маг? Ты готов рискнуть?

– Это единственный способ ближе подобраться к ней. Я должен видеть ее самое, а не одну из ее личин. Тогда она невольно сможет сыграть мне на руку. Недооценив меня, ослабить защиту.

– А что будет с моими людьми, если ты потерпишь поражение?

– Вам всем придется бежать из Джарри. Если останетесь, вас ждет верная смерть.

– Лучше смерть, чем жизнь в рабстве, – со своей обычной серьезностью отозвался Тинат. – Итак, ты решительно намерен вернуться в Облачные Сады?

– Да. Я должен вернуться в логово ведьмы.

– Как ты это сделаешь?

– По приказу Верховного Совета. Я считаю, что Эос прикажет Совету прислать меня к ней. Ей нужна моя душа.

Спустившись с последнего отрога, они увидели направляющийся к ним большой отряд конников. Когда между отрядами оставалось не более двухсот шагов, один из встречных всадников пустил лошадь в галоп. Он подъехал ближе, и Мерен воскликнул:

– Онка!

– Новый глаз служит тебе не хуже старого, – заметил Таита и посмотрел на приближающегося всадника Внутренним Оком. Аура Онки пылала, точно жерло действующего вулкана.

– Воин гневается, – заметил Таита.

– И не без оснований, – согласился Тинат. – Мы больше не сможем говорить наедине. Однако если тебе потребуется что-нибудь передать мне, можешь сделать это через Билто, старосту Мутанги. Он один из нас. А вот и храбрый Онка.

Онка осадил лошадь прямо перед ними, заставив остановиться весь отряд.

– Доблестный Тинат, благодарю за то, что взял на себя мои обязанности.

Он не поприветствовал своего начальника, а его сарказм граничил с открытым вызовом.

– Вижу, ты вполне оправился от болезни, – ответил Тинат.

– Верховный Совет не столь благодарен тебе. Ты превысил свои полномочия, сопровождая мага.

– Я с готовностью отвечу перед властительным Аквером.

– Скорее всего тебе придется сделать это. Между тем мне приказано взять мага Таиту из Галлалы под охрану. Ты также должен передать мне отчет доктора Ханны. Я отвезу его властительному. А тебе велено без промедления сопроводить в Облачные Сады других путников. – Он указал на следовавших за ним людей. – Как только доставишь их к доктору Ханне, немедленно возвращайся.

Тинат извлек из оклада одежды свиток с отчетом Ханны и отдал Онке. Они напряженно отсалютовали друг другу. Тинат холодно кивнул Таите и Мерену, занял место во главе второй колонны и двинулся обратно той же дорогой, по которой только что приехал.

Только тогда Онка повернулся к Таите:

– Приветствую, почтенный маг. Привет и тебе, полководец Камбизес. Вижу, твой глаз прооперирован успешно. Поздравляю. Мне приказано доставить вас в ваши покои в Мутанги. Там вы будете ждать приказа Верховного Совета. Вызов придет самое позднее через несколько дней.

Аура Онки по-прежнему гневно сверкала. Ударив пятками лошадь, он погнал ее рысью, и все продолжили спуск. Когда группы встретились, ни Тинат, ни Онка не взглянули друг на друга, один двигался вверх по дороге, второй вниз. Таита тоже не смотрел на Тината, он разглядывал группу, которую тот повел в Облачные Сады. В ней было шестеро воинов: трое впереди, трое сзади. А между ними пять молодых женщин, все привлекательные и все беременные. Проезжая, они улыбались Таите и Мерену, но не сказали ни слова.

Путники были в полумиле от Мутанги, когда из леса показалась и поскакала к ним по зеленому полю маленькая фигурка на крупном сером жеребце; длинные светлые волосы летели за девушкой, как флаг на ветру.

– К нам приближаются хлопоты; как всегда, голоса у нее хватает, – рассмеялся Мерен. Даже на таком расстоянии слышны были возбужденные выкрики Фенн.

– Эта картина согревает мне сердце, – ответил Таита, глядя на Фенн добрым, нежным взглядом.

Та подскакала и прыгнула с лошади.

– Лови! – задыхаясь, крикнула она.

Захваченный врасплох Таита едва удержался на лошади, когда Фенн обхватила руками его шею и прижалась щекой к его щеке.

– Ты стала слишком большой для таких проказ. Могла покалечить нас обоих, – ворчал Таита, но прижимал ее к себе так же крепко, как обнимала его она.

– Я думала, ты никогда не вернешься. Я очень скучала.

– У тебя было общество всех детей деревни, – мягко заметил Таита.

– Они дети и потому ребячливы. – Не разжимая объятий, Фенн посмотрела на Мерена. – Я и по тебе скучала, добрый Мерен. Ты удивишься, как Хилто научил меня стрелять. Мы с тобой устроим соревнование в стрельбе, и наградой будет большущий... – Она замолчала и удивленно посмотрела на него. – Твой глаз! Тебе вылечили глаз! Ты снова красив!

– А ты выросла и стала еще прекрасней, чем когда я видел тебя в последний раз, – ответил Мерен.

– Глупый Мерен! – Она рассмеялась, и Таита снова ощутил укол ревности.

Приехали в деревню. Хилто, Наконто и Имбали тоже очень обрадовались. Билто прислал в подарок кувшины с прекрасным вином и жирную овцу. Хилто и Наконто забили ее, а Имбали и Фенн тем временем готовили дурру и овощи. Весь вечер они пировали у костра, празднуя возвращение. После странного мира Облачных Садов все было так знакомо, так привычно, что угроза Эос стала казаться далекой и несущественной.

Наконец все разошлись по домам. Впервые со времени отъезда Таиты и Мерена маг и Фенн оказались наедине.

– О Таита, я так беспокоилась! Я думала, ты свяжешься со мной, и не могла спать из страха, что пропущу твой вызов.

– Прости, что причинил тебе беспокойство, малышка. Я был в странном месте, где происходили необычные вещи. Ты хорошо знаешь, почему я молчал.

– Хоть и знаю, а все равно переносить это было трудно, – сказала она со взрослой женской логикой.

Таита усмехнулся. Он смотрел, как Фенн раздевается, моется, полощет рот водой из большого глиняного кувшина. Девочка созревала так стремительно, что у Таиты вновь защемило сердце.

Фенн встала, вытерлась платьем и повесила его сушиться. Потом легла на матрац рядом с Таитой, обняла мага и крепко прижалась.

– Без тебя так холодно и одиноко, – прошептала она.

«На этот раз я не смогу отдать ее другому, – подумал он. – Может, Ханна сумеет сделать меня полноценным мужчиной. Может, когда-нибудь мы с Фенн станем мужчиной и женщиной, которые знают и любят друг друга не только душой, но и телом».

Он представил себе Фенн в великолепии ее женственности, а себя – молодым и мужественным, каким был в видении, показанном чертенком в пруду. «Если боги смилостивятся и мы доживем до такого счастья, какой удивительной парой мы будем!» Он погладил Фенн по волосам и вслух сказал:

– А теперь я должен рассказать тебе о том, что узнал. Ты слушаешь или уже засыпаешь?

Она села и строго посмотрела на него.

– Конечно, слушаю. Какой ты жестокий! Я всегда слушаю тебя.

– Хорошо, ложись и слушай. – Он помолчал. А когда снова заговорил, легкость из его тона исчезла. – Я узнал, где логово ведьмы.

– Расскажи мне об этом... обо всем. Ничего не утаивай.

И он поведал ей об Облачных Садах и волшебном гроте. Описал лечебницу и то, чем занимается там Ханна. Подробно рассказал об операции на глазу Мерена. Потом нерешительно помолчал, но, набравшись храбрости, признался, какое лечение предложила ему Ханна.

Фенн молчала так долго, что Таите показалось, будто она уснула. Но вот девочка села и серьезно посмотрела на него.

– Ты хочешь сказать, что она даст тебе висячую штуку, о которой мне рассказывала Имбали? Ту, что меняет форму и размер?

– Да.

Он не смог сдержать улыбку, услышав это описание, и на время озадачил Фенн. Потом девочка ангельски улыбнулась, но при этом озорно скосила свои зеленые глаза.

– Я бы хотела, чтобы у тебя была такая штука. Это хорошее занятие, гораздо забавнее, чем играть со щенком.

Таита рассмеялся, но в то же время испытал острое чувство вины. Чертенок из грота населил его сознание демонами, и Таита обнаружил, что воображение рисует ему картины, которые лучше держать при себе и никому о них не рассказывать. Фенн живет подле него и развивается гораздо быстрее обычного ребенка. Но законы природы над ней не властны: ведь она не обычный ребенок, а реинкарнация великой царицы. Так же быстро, как ее тело, меняются и их отношения. Его любовь к ней крепнет с каждым днем, но теперь это не любовь отца к дочери. Когда Фенн так смотрит на него раскосыми, словно у персидской кошки, глазами, это смотрит не маленькая девочка: под оболочкой невинности таится женщина, бабочка в куколке. Кокон дал первые трещины, скоро он разорвется, лопнет и выпустит бабочку в полет. Впервые за все время они забыли о ведьме и были заняты только друг другом.

В последующие дни, в ожидании вызова Верховного Совета, все шло своим обычным чередом. Таита и Фенн занимались с раннего утра до обеда. После трапезы они упражнялись в стрельбе из лука или уезжали с Мереном и другими охотиться на гигантских лесных кабанов, которые во множестве водились в соседнем лесу. Наконто и Имбали играли роль собак: они пешком проникали в самые густые заросли и, вооруженные лишь копьем и топором, выгоняли животных на открытое место. Хилто закалывал их копьем, Мерен же упражнял новый глаз, стреляя из лука, а после приканчивал раненого зверя мечом. Они обходили огромных старых кабанов, необычайно яростных и бесстрашных, способных клыками разорвать человека на куски. Самки, хотя и меньше ростом, обладали более острыми клыками и были так же агрессивны, как самцы, зато у них было более вкусное мясо. Таита не отпускал Фенн от себя и удерживал ее, когда она на Вихре пыталась броситься вперед и своим маленьким луком угрожать крупному самцу. У кабанов короткая шея и грудь бочонком, а шкура такая толстая, что ее не пробить и самой тяжелой стреле. Их горбатые спины со встопорщенной черной щетиной приходились вровень со шпорами Вихря. Ударом головы такой кабан разрывал бедро человека до самой кости и рвал бедренную артерию.

Однако когда из чащи с фырканьем и хрюканьем вышла жирная свинья, Хилто и Мерен отъехали назад и крикнули:

– Она твоя, Фенн!

Быстро оценив зверя, Таита решил дать Фенн волю. Он сам учил ее, как подходить к животному под углом, наклоняться с седла и так натягивать короткий кавалерийский лук, чтобы тетива касалась губ.

– Важна только первая стрела, – сказал он. – Подберись поближе и пусти ее прямо в сердце.

Почувствовав удар, самка повернулась в прыжке и опустила голову, собираясь напасть; из ее пасти торчали острые белые клыки. Фенн точно развернула Вихря и позволила самке погнаться за ними, чтобы стрела глубже погрузилась в плоть, кромсая артерии, легкие и сердце. Таита и все остальные шумно выразили одобрение.

– Теперь персидский выстрел! – крикнул Таита. Он усвоил этот прием у всадников на обширных равнинах Экбатана и научил ему Фенн. Девочка ловко перехватила лук правой рукой и натянула тетиву так, что стрела смотрела за плечо. Потом, коленями управляя Вихрем, замедлила его бег, давая свинье возможность подбежать. Не поворачиваясь в седле, она посылала назад стрелу за стрелой, и те вонзались свинье в грудь и горло. Зверь не сдавался, он упрямо боролся до тех пор, пока не упал на бегу замертво. Фенн развернула Вихря и, раскрасневшаяся, возбужденно смеясь, подъехала к свинье, чтобы забрать законные трофеи: хвост и уши.

Солнце уже низко стояло над горизонтом, когда Таита сказал:

– На сегодня хватит! Лошади устали, мы тоже. Назад в Мутанги.

Они находились в двух с лишним милях от деревни, тропа вилась через густой лес, в тени деревьев; света было мало. Ехали цепочкой – впереди Таита и Фенн, замыкали Наконто и Имбали, они вели вьючных лошадей; к спинам лошадей были привязаны туши пяти добытых свиней.

Неожиданно из густого леса справа от тропы донеслись громкие крики. Все вздрогнули, натянули поводья и приготовили оружие. Прямо перед ними на тропу выбежала девушка: платье рваное и грязное, колени ободраны, ноги голые и кровоточат из-за многочисленных царапин, оставленных шипами и камнями. В густых черных волосах запутались листья, а глаза у девушки огромные, темные, и в них застыл ужас. Но и такая она была прекрасна. Кожа светлая, словно светящаяся, как полная луна, а тело гибкое и изящное. Увидев лошадей, девушка, как ласточка в полете, метнулась к ним.

– Помогите! – кричала она. – Не отдавайте меня им!

Мерен поскакал ей навстречу.

– Берегитесь! – кричала девушка. – Они близко!

В этот момент из леса на четвереньках вырвались две большие мохнатые фигуры. Мерен вначале принял их за кабанов, но тут же понял, что они опираются на длинные руки, отталкиваясь ими от земли при каждом прыжке. Они догоняли девушку.

– Обезьяны! – крикнул Мерен, накладывая стрелу и пуская лошадь галопом, чтобы помешать первой обезьяне схватить девушку. На скаку он натянул тетиву и выпустил стрелу. Та попала обезьяне в грудь. Зверь взревел, одним движением переломил стрелу и отшвырнул. Он даже не замедлил бега и оказался всего в нескольких локтях от девушки. Мерен послал вторую стрелу; она вонзилась рядом с тем местом, где из волосатого торса торчал обломок первой.

Хилто галопом скакал на помощь. Он выстрелил и тоже попал в первое животное. Обезьяна уже почти настигла девушку, когда ноги ее подогнулись. Она протянула к девушке лапы, но Мерен вклинился между ними, наклонившись, подхватил девушку, посадил перед собой и ускакал. Обезьяна, вопя от боли, погналась за ним, в ярости от того, что ее лишили добычи. Вторая обезьяна быстро догоняла первую.

Хилто взвесил в руке длинное копье и помчался за ней. Обезьяна увидела всадника и повернулась ему навстречу. Когда они сблизились, Хилто опустил наконечник копья; обезьяна высоко подпрыгнула, нападая. Хилто перехватил ее в прыжке; бронзовый наконечник копья вошел в грудь и погрузился до самой гарды на древке; только это помешало копью войти больше чем на локоть. Обезьяна завизжала, а Хилто, используя инерцию движения, пригвоздил ее к земле.

Хотя первая обезьяна была смертельно ранена, она из последних сил гналась за Мереном и девушкой. Мерен держал девушку и не мог стрелять, а обезьяна настигала их. Прежде чем Таита понял, что происходит, Фенн повернула Вихря и полетела на помощь.

– Вернись! Осторожней! – тщетно кричал Таита ей вслед. Обезьяна – из груди торчали обломки стрел, из пасти текла кровь – высоко подпрыгнула и приземлилась на круп лошади Мерена. Челюсти ее были широко раскрыты, голова наклонена, чтобы удобнее было вонзить желтые клыки в шею всадника. Мерен повернулся, встречая нападение. По-прежнему удерживая девушку согнутой левой рукой, он правой затолкал лук в разинутую пасть обезьяны и тем самым заставил ее откинуть голову. Обезьяна впилась зубами в лук, отгрызая от него щепки.

– Осторожней! – снова крикнул Таита, видя, что Фенн поравнялась с Мереном и натянула свой короткий лук. – Не попади в Мерена!

Она ничем не показала, что слышала его, и, едва оказалась в нужном положении, пустила стрелу. Расстояние было меньше двойного размаха руки. Стрела пробила обезьяне шею, разорвав обе большие сонные артерии, и на половину своей длины вышла с противоположной стороны. Превосходный выстрел!

Обезьяна выпустила лук Мерена и опрокинулась. Визжа от гнева, она упала на землю и обеими лапами вцепилась в стрелу. Имбали подскочила, взмахнула топором и разрубила толстые кости черепа, словно яичную скорлупу. Наконто бросил вьючных лошадей, которые тотчас поскакали прочь, и мимо Имбали побежал туда, где Хилто продолжал копьем удерживать вторую обезьяну. Короткий ассагай Наконто дважды перерубил горло обезьяны; тварь взревела в последний раз – и издохла.

Фенн по-прежнему держалась рядом с гнедым Мерена, но обе лошади замедлили бег. Мерен нежно прижимал спасенную девушку к груди. Беглянка уткнулась лицом ему в шею и рыдала. Мерен похлопал ее по спине и, успокаивая, сказал:

– Все позади, красавица. Не плачь, милая. Теперь ты в безопасности. Я о тебе позабочусь.

Но его старания проявить сочувствие и заботу отчасти портила самодовольная улыбка.

Фенн ехала с одной стороны от него, Таита подъехал с другой.

– Девушка, – сказал он, – я не могу решить, кто для тебя опаснее: дикая обезьяна или тот, кто тебя от нее спас.

Всхлипнув в последний раз, девушка подняла голову, но продолжала обнимать Мерена за шею, а он не пытался высвободиться. У девушки текло из глаз и из носа. Все с интересом ее разглядывали.

Таита решил, что и заплаканная она очень красива. И ласково спросил:

– Что ты делала одна в лесу, когда на тебя напали эти звери?

– Я убежала, и троги меня преследовали.

Девушка икнула.

– Троги? – переспросил Мерен.

Девушка вновь устремила на него взгляд темных глаз.

– Так их здесь называют. Они страшные. Мы их боимся.

– Твой ответ порождает множество вопросов. Начнем сначала. Куда ты шла? – вмешался Таита.

Девушка оторвала взгляд от Мерена и посмотрела на него.

– Я шла к тебе, маг. Мне нужна твоя помощь. Только ты можешь спасти меня.

– И опять возникает множество вопросов. Начнем с простейшего. Как тебя зовут, дитя?

– Сидуду, маг, – ответила она и вздрогнула.

– Ты замерзла, Сидуду, – сказал Таита. – Больше никаких вопросов, пока не вернем тебя домой. – Таита повернулся к Мерену и, стараясь сохранить серьезное выражение, спросил: – Спасенная девица причиняет тебе неудобства? Довезешь ее до деревни, или пусть лучше идет пешком?

– Я смирюсь с неудобствами, которые она мне причиняет, – так же серьезно ответил Мерен.

– Тогда, думаю, нам здесь делать нечего. Поехали.

До деревни добрались уже к ночи. В домах было темно, и появления охотников как будто никто не заметил. К тому времени как спешились в конюшне, Сидуду пришла в себя. Тем не менее Мерен не стал рисковать и отнес ее в дом, в большую гостиную. Пока Фенн и Имбали зажигали лампы и разогревали жаркое из дичи, Таита осмотрел Сидуду. Только неглубокие порезы, царапины и вонзившиеся колючки. Он извлек последний шип из ее красивой икры, смазал ранки и откинулся в кресле, разглядывая девушку. Перед ним был водоворот страха и ненависти. Несчастное, смущенное дитя, а под водоворотом страданий – чистая, ясная аура. В целом невинное, милое существо, вынужденное слишком рано столкнуться со злобой мира.

– Ну, дитя, – сказал он. – Сначала наешься, напейся и выспись, а потом поговорим.

Сидуду съела жаркое и хлеб из дурры, которые принесла ей Фенн, а когда вытерла чашку последним куском лепешки, Таита напомнил:

– Ты сказала, что искала меня.

– Да, маг, – шепотом ответила она.

– Зачем?

– Могу я поговорить с тобой наедине, чтобы нас никто не слышал? – застенчиво спросила она и невольно оглянулась на Мерена.

– Конечно. Пойдем ко мне. – Таита прихватил одну из масляных ламп. – Ступай за мной. – Он провел ее в комнату, которую делил с Фенн, сел на свой матрац и показал на матрац Фенн. Сидуду села, подобрала под себя ноги и скромно прикрыла их платьем. – Теперь рассказывай.

– Все в Джарри знают, что ты знаменитый врач и знаешь все травы и снадобья.

– Не знаю, кто эти все, но я действительно врач.

– Дай мне что-нибудь такое, что выгнало бы из моего чрева ребенка, – прошептала она.

Таита растерялся. Ничего подобного он не ожидал. И не сразу нашел ответ. Наконец он мягко спросил:

– Сколько тебе лет, Сидуду?

– Шестнадцать, маг.

– Мне казалось, ты моложе, но не важно. А кто отец твоего ребенка? Ты его любишь?

Ответ ее был полон горечи и ярости.

– Не люблю. Я его ненавижу и желаю ему смерти, – выпалила она.

Он некоторое время смотрел на нее, прежде чем задал следующий вопрос:

– Если ты так его ненавидишь, зачем легла с ним?

– Я не хотела, маг. У меня не было выбора. Он жестокий, холодный человек. Он бьет меня и насилует так жестоко, что рвет плоть и из ран течет кровь.

– Почему же ты не оставишь его?

– Я пробовала убежать, но он послал за мной трогов. Меня притащили назад, и он меня избил. Я надеялась, что от побоев потеряю отродье, которое понесла от него, но негодяй был осторожен и не бил по животу.

– А кто он? Как его зовут?

– Ты никому не скажешь? – Сидуду заколебалась, потом торопливо продолжила: – Не скажешь даже тому доброму человеку, который спас меня и привез из леса? Не хочу, чтобы он презирал меня.

– Мерену? Конечно, не скажу. Но не волнуйся. Никто не будет тебя презирать. Ты хорошая, смелая девочка.

– Этого человека зовут Онка – воинский командир Онка. Думаю, ты его знаешь. Он говорил мне о тебе. – Она схватила Таиту за руку. – Пожалуйста, помоги мне! – Продолжая отчаянно трясти руку Таиты, она молила: – Пожалуйста, маг. Умоляю! Помоги! Если я не избавлюсь от этого ребенка, меня убьют. Я не хочу умирать из-за отродья Онки.

Таита начинал понимать, что к чему. Если Сидуду – женщина Онки, она та самая, о ком говорил Тинат, та, что подмешала что-то Онке в еду, чтобы помешать ему сопровождать Таиту из Облачных Садов. Она своя, и ее следует защитить.

– Вначале я должен тебя осмотреть, но сделаю, что смогу. Не возражаешь, если я позову свою подопечную Фенн?

– Красивую светловолосую девушку, которая застрелила трога за спиной Мерена? Она мне нравится. Пожалуйста, зови.

Фенн сразу пришла. Едва Таита объяснил, что от нее требуется, она села рядом с Сидуду и взяла ее за руку.

– Маг лучший врач на земле, – сказала она. – Не бойся.

– Ложись на спину и задери платье, – сказал Таита. Когда девушка послушалась, он принялся за осмотр – быстро, но осторожно.

– Эти синяки от побоев Онки?

– Да, маг.

– Я его убью за это, – пообещала Фенн. – Мне никогда не нравился Онка, но теперь я его ненавижу.

– Когда придет время, я сама его убью. – Сидуду сжала ее руку. – Но спасибо, Фенн. Надеюсь, мы подружимся.

– Уже подружились, – ответила Фенн.

Таита закончил осмотр.

– Можешь прикрыться, – сказал он Сидуду.

Девушка села и привела платье в порядок.

– У меня ребенок, правда, маг?

Она перестала улыбаться и снова выглядела безутешной.

– В данных обстоятельствах это печальное утверждение, но да, ты два или три месяца как понесла.

– Я пропустила две свои последние красные луны.

– Хорошо то, что дело не успело зайти слишком далеко. На таком раннем сроке удалить плод будет нетрудно. – Таита встал и направился в угол, где стояла его сумка с медицинскими инструментами. – Я дам тебе снадобье, очень сильное. Тебя будет рвать. Снадобье очистит желудок, но одновременно заставит выйти и другое. – Он отмерил в глиняную чашку дозу зеленого порошка из плотно закрытого флакона, добавил горячей воды. – Выпей, как только остынет, и постарайся удержать в себе.

Они сидели рядом с девушкой, пока та силилась выпить зелье – один глоток за другим, морщась от горечи. Закончив, она какое-то время тяжело дышала и судорожно порывалась извергнуть содержимое желудка. Наконец она успокоилась.

– Теперь все будет хорошо, – хрипло сказала она.

– Сегодня ты должна спать здесь, – решительно сказала Фенн. – Тебе может потребоваться наша помощь.

Среди ночи их разбудили стоны Сидуду. Фенн вскочила с матраца и зажгла лампу. Потом помогла Сидуду встать и отвела ее, сгибающуюся в перерывах между судорогами, к ночному горшку в соседней комнатушке. Они едва успели туда дойти, как Сидуду вырвало потоком жидкости. Шли часы. Судороги и боли становились все сильнее, Сидуду то и дело тужилась над горшком. Фенн не отходила от нее – массировала живот, когда спазмы становились особенно сильными, вытирала потное лицо и грудь после очередного приступа. Сразу после захода луны у Сидуду начался приступ более сильный, чем предыдущие. В самый разгар страданий Сидуду закричала:

– О мать Исида, помоги мне! Прости меня за все, что я сделала!

Она без сил упала, а плод жалкой кучкой кровавой слизи остался на дне горшка. Свежей водой и чистой льняной тканью Фенн обтерла тело Сидуду, помогла ей встать и отвела назад на ложе. Таита извлек плод из горшка, промыл и завернул в тряпку. Зародыш еще недостаточно развился, чтобы определить, мальчик это или девочка. Таита отнес его на двор, позвал Мерена, и вдвоем они подняли плиту покрытия в углу двора. Под ней выкопали неглубокую ямку, и Таита поместил туда сверток.

Когда Мерен вернул плиту на место, Таита негромко произнес:

– Мать Исида, прими эту душу, зачатую в боли и ненависти и погибшую в позоре и страданиях. Она не была предназначена для жизни. Священная Матерь, молим тебя, в следующей жизни обойдись с ней лучше.

Когда он вернулся, Фенн вопросительно на него посмотрела.

– Все кончено, – сказал Таита. – Кровотечение скоро прекратится, и через несколько дней Сидуду поправится. Ей больше нечего бояться.

– Кроме негодяя, который ее бил, – напомнила Фенн.

– Верно. Но в этом она не одинока: мы все должны опасаться Онки.

Таита наклонился к матрацу и всмотрелся в осунувшееся, измученное лицо Сидуду.

– Оставайся с ней, Фенн, но не буди: пусть спит сколько влезет. А у меня дела.

Выйдя из комнаты, Таита сразу послал за Наконто и Имбали.

– Идите туда, где мы убили обезьян. Спрячьте туши в лесу, затем найдите вьючных лошадей и избавьтесь от свиней. Подберите истраченные стрелы и сотрите все следы нашего пребывания там. Закончив, сразу возвращайтесь.

Когда они ушли, Таита сказал Мерену и Хилто:

– Доблестный Тинат говорил, что его человек в Мутанги – староста Билто. Он примет сообщение для Тината. Незаметно сходите к нему. Передайте Тинату, что девушка Сидуду с нами...

Он уже выходил, когда на улице возле их дома послышался топот множества копыт. По всей деревне раздавались громкие повелительные крики, звуки ударов, плач женщин и визг детей.

– Боюсь, слишком поздно, – сказал Таита. – Воины уже здесь. Не сомневаюсь: они ищут Сидуду.

– Надо ее спрятать.

Мерен вскочил. В этот миг во дворе затопали подбитые гвоздями сандалии, и в дверь постучали. Мерен до половины извлек меч из ножен.

– Именем Верховного Совета, откройте! – прозвучал гневный голос Онки.

– Убери меч, – негромко сказал Мерену Таита. – Открой дверь и впусти их.

– А как же Сидуду? – Мерен взглянул на вход во внутреннее помещение. На лице его было отчаяние.

– Доверимся здравому смыслу Фенн, – ответил Таита. – Открой дверь, пока Онка ничего не заподозрил.

Мерен пересек комнату и отодвинул засов. Вбежал Онка.

– А, храбрый Онка! – приветствовал его Таита. – Какому счастливому случаю мы обязаны вашим присутствием?

Онка с усилием взял себя в руки.

– Прошу понять нас, маг. Мы ищем сбежавшую девушку. Она больна и, возможно, не в себе.

– Сколько ей лет и как она выглядит?

– Молодая и красивая. Ты ее видел?

– К сожалению, нет. – Таита вопросительно взглянул на Мерена: – А ты видел кого-нибудь подходящего по описанию?

– Нет. – Мерен не умел лгать, и Онка подозрительно посмотрел на него. – Могли бы до утра не беспокоить мага и его окружение, – сердито продолжал Мерен.

– Еще раз извините, – сказал Онка без малейшего сожаления, – но дело срочное и не может ждать до утра. Могу я обыскать дом?

– Вижу, ты все равно это сделаешь, что бы я ни сказал, – улыбнулся Таита. – Так приступай же побыстрей и оставь нас в покое.

Онка направился к двери во внутреннее помещение, распахнул ее и вошел.

Таита прошел за ним и остановился у входа. Онка подошел к спальным матрацам и груде меховых одеял на полу посреди комнаты. Острием меча он перевернул их – и никого не обнаружил. Онка осмотрел комнату, потом быстро прошел к маленькому помещению и заглянул в ночной горшок. Поморщился, вернулся в спальню и снова огляделся, на этот раз еще внимательнее.

Мерен вошел и встал за Таитой.

– Здесь пусто! – воскликнул он.

– Ты как будто удивлен, – повернулся к нему Онка.

– Вовсе нет, – спохватился Мерен. – Я просто подтвердил то, что маг уже сказал тебе.

Онка несколько секунд смотрел на него, потом перенес внимание на Таиту.

– Ты ведь знаешь, маг, я лишь выполняю свой долг. После того как я осмотрю весь дом, мне приказано проводить тебя в крепость, где с тобой встретятся олигархи. Пожалуйста, будь готов выехать немедленно.

– Хорошо. В такой час ночи это не очень удобно, но я повинуюсь приказу Верховного Совета.

Онка прошел мимо Мерена. Тот последовал за ним.

Как только они вышли, Таита открыл Внутреннее Око. И сразу увидел в дальнем углу сверкание двух разных аур. Таита сосредоточился, и перед ним появились фигуры Фенн и Сидуду. Левой рукой Фенн обнимала девушку. В другой руке держала золотой слиток, талисман Таиты. Свою ауру она притушила до слабого свечения. Аура Сидуду дрожала и трепетала от ужаса, и тем не менее Фенн удалось скрыть их обеих заклятием. Таита посмотрел в глаза Фенн и послал ей астральный импульс: «Молодчина. Оставайся так. Когда опасность минует, я пришлю Мерена. Он отведет вас в более надежное место».

Получая его сообщение, Фенн широко раскрыла глаза, потом сощурила их, отвечая: «Я сделаю, как ты велишь. Я слышала слова Онки о том, что Совет вызывает тебя. Я буду бдительна, пока мы в разлуке».

Еще несколько мгновений Таита смотрел в глаза своей любимой. Он изо всех сил пытался скрыть, что опасается за безопасность Фенн. Она доверчиво улыбнулась, и аура ее стала привычно яркой и прекрасной. Правой рукой с зажатым талисманом она благословила его.

– Оставайся в укрытии, – вслух сказал он и вышел.

В гостиной его ждал только Мерен, но Таита слышал, как Онка и его люди обыскивают задние помещения дома.

– Слушай внимательно, Мерен. – Таита стоял вплотную к нему и говорил негромко. – Фенн и Сидуду по-прежнему в моей комнате. – Мерен раскрыл рот, собираясь заговорить, но Таита

жестом призвал его к осторожности и молчанию. – Фенн спрятала их заклинанием укрытия. Когда мы с Онкой выедем в крепость, к олигархам, ступай к девушкам. Через Билто передай сообщение Тинату. Объясни ему, каким опасным стало положение девушек. Он должен найти для них на время моего отсутствия более безопасное место, а я могу вернуться не скоро. Думаю, олигархи снова отправят меня в Облачные Сады. – Мерен явно встревожился. – Я свяжусь с Фенн духовно только в самом крайнем случае или когда наша цель будет достигнута. Тем временем вы с Тинатом продолжите приготовления к побегу из Джарри. Ты все понял?

– Да, маг.

– Еще одно, добрый Мерен. Весьма вероятно, что я не справлюсь с Эос. Она может уничтожить меня, как уничтожила всех, кого заманила в свои сети. Если это произойдет, я напоследок предупрежу Фенн. Не пытайся спасти меня. Бери Фенн и остальной отряд и беги из Джарри. Постарайся добраться до Карнака и расскажи фараону о том, что произошло.

– Хорошо, маг.

– Береги Фенн. Не отдавай ее в когти Эос живой. Ты понял, о чем я?

– Да, маг. Буду молиться Гору и троице, чтобы все обошлось, но стану защищать Фенн и Сидуду до конца.

Таита улыбнулся:

– Да, мой добрый верный друг. Возможно, Сидуду и есть та, кого ты так долго ждал.

– Она напомнила мне принцессу Меркару, когда я впервые ее увидел, – просто ответил Мерен.

– Ты заслуживаешь счастья, которое может дать тебе Сидуду, – прошептал Таита. – Но тише. Идет Онка.

В комнату ворвался Онка. Он не пытался скрыть своего раздражения.

– Нашел? – спросил Таита.

– Сам знаешь, что не нашел. – Онка снова подошел к входу в опочивальню и некоторое время с подозрением смотрел туда. Затем, гневно мотнув головой, повернулся к Таите. – Мы должны немедленно отправиться в крепость.

– Если олигархи пошлют меня в Облачные Сады, мне нужно взять теплую одежду.

– Тебе все дадут, – ответил Онка. – Идем.

Таита, прощаясь, сжал руку Мерена.

– Будь тверд и решителен, – негромко сказал он и вслед за Онкой вышел во двор.

Один из людей Онки держал оседланную гнедую кобылу. Таита остановился.

– А где моя Дымка? – спросил он.

– Конюхи сказали, что она захромала и на ней нельзя ездить, – ответил Онка.

– Я должен увидеть ее до отъезда.

– Это невозможно. Мне приказано доставить тебя в крепость безотлагательно.

Таита заспорил, но напрасно. Он в отчаянии взглянул на Мерена.

– Я позабочусь о Дымке, маг. Не волнуйся.

Таита сел на незнакомую лошадь, и отряд выехал за ворота.

Была уже середина утра, когда они достигли дворца олигархов. Таиту снова отвели в приемную. Там стоял сосуд с горячей водой; Таита умылся, и слуга подал ему свежее льняное полотенце. Тот же слуга принес ему тушеного цыпленка с пряностями и чашу красного вина.

Затем появился церемониймейстер и провел Таиту в зал для аудиенций. Выказывая крайнее уважение, он усадил Таиту на шерстяной матрац в центре комнаты перед возвышением. Таита внимательно осмотрелся и сосредоточился на кожаном занавесе. Но не обнаружил ни следа Эос. Таита успокоился и собрался: он решил, что ему предстоит долгое ожидание.

Однако очень скоро вошли стражники и встали перед возвышением. Церемониймейстер объявил о приходе олигархов:

– Прояви уважение к достопочтенным властительным олигархам!

Таита почтительно склонился, но украдкой наблюдал за тем, как олигархи выходят из-за экрана. Снова первым вышел правитель Аквер. Таиту удивило, что на сей раз олигархов всего двое: властительный Кайтор отсутствовал. Аквер и второй олигарх заняли свои места, третье оставалось пустым.

Аквер улыбнулся:

– Добро пожаловать. Чувствуй себя как дома, маг. Ты среди равных.

Таита удивился, но постарался не показать этого. Он выпрямился и откинулся на подушки.

– Ты очень любезен, властительный Аквер.

Аквер снова улыбнулся и обратился к церемониймейстеру и начальнику личной стражи:

– Мы желаем остаться одни. Уходите и не возвращайтесь, пока мы не позовем. Убедитесь, что нас никто не подслушивает.

Стражники ударили концами копий в пол, повернулись и вышли. Церемониймейстер последовал за ними, он пятился, согнувшись в низком поклоне.

Как только они вышли и большая дверь закрылась за ними, Аквер снова заговорил:

– Во время нашей прошлой встречи я не представил тебя благородному господину Эк-Тангу.

Таита и второй член Совета сидя обменялись поклонами.

Правитель Аквер продолжил:

– У нас превосходные отчеты врачей из Облачных Садов. Нам сказали, что глаз воителя Камбизеса успешно восстановлен.

– Поразительное достижение, – согласился Таита. – К нему полностью вернулось зрение. К тому же новый глаз с виду не отличишь от другого глаза.

– У нас лучшие в мире врачи, но главные их достижения еще впереди, – сказал Аквер.

Таита вопросительно наклонил голову, но промолчал.

– Вернемся к этому позже, – с загадочным видом сказал Аквер, очевидно, не без умысла, желая заинтересовать Таиту. Неожиданно он сменил тему: – Ты заметил, что властительный Кайтор отсутствует?

– Действительно, господин. Я удивлен его отсутствием.

– Он был стар, и груз прожитых лет утомил его. Десять дней назад произошла трагедия: властительный Кайтор скончался во сне. Почил с миром, без страданий.

– Вот бы нам всем так повезло, – ответил Таита, – но я опечален его уходом.

– Ты способен на сочувствие, – сказал Аквер, – но дело в другом: в Верховном Совете освободилось место. Мы долго совещались и молили единственную истинную богиню, чье имя скоро будет тебе открыто, о руководстве.

Таита поклонился, показывая, что высоко ценит эту милость.

Аквер продолжал:

– Мы пришли к выводу, что лишь один человек достоин занять место властительного Кайтора в Совете. Этот человек ты, Таита из Галлалы.

Таита снова поклонился, но на сей раз он и впрямь лишился дара речи.

Аквер сердечно продолжал:

– Решением Верховного Совета тебе присваивается титул властительного. – Таита опять поклонился. – Однако есть одно препятствие к твоему избранию. Согласно обычаю, члены Совета

должны быть здоровы и не иметь увечий. У тебя, властительный Таита, хотя и не по твоей вине, есть большой изъян, который не позволяет тебе занять место в Совете. Однако такое решение может не быть окончательным. Твоего любимца Камбизеса отправили на исцеление в Облачные Сады не ради его достоинств. Доступ к этим исключительным процедурам открыт лишь самым достойным членам нашего общества. Трудно оценить, во что обходится такое лечение. Ты сам поймешь позже. Военачальникам низших рангов оно обычно недоступно. Камбизеса отправили на лечение, чтобы убедить тебя в возможности такого выхода. Иначе ты был бы настроен скептически и, вероятнее всего, отказался бы.

– Ты говоришь чистую правду. Однако я рад, что храброго Камбизеса исцелили.

– Мы все этому рады, – не очень убедительно ответил Аквер. – Но это теперь не имеет значения. Важно другое: тебя осмотрели врачи, и как избранный член Совета ты получил право на лечение. Врачей Облачных Садов предупредили о твоем скором возвращении. Им требовалось некоторое время, чтобы подготовиться, но приготовления уже завершаются – именно поэтому мы отложили разговор с тобой. Для таких операций требуется подготовка, но сейчас семена уже собраны. Врачи ждут твоего прибытия. Ты готов воспользоваться предложенной возможностью?

Таита закрыл глаза, прижал пальцами веки и задумался.

«Наше дело целиком зависит от моего решения, – напомнил он себе. – У меня нет иной возможности подобраться к Эос на расстояние удара. Однако фигуры на доске расставлены с преимуществом для ведьмы. Мои шансы на успех тонки, как шелковая нить. Исход предсказать невозможно, и надеяться можно только на удачу. Определенно одно: здесь все проникнуто ядом ведьмы, поэтому не только полно зла, но и крайне опасно».

Он потирал веки, не в состоянии прийти к решению.

«Оправданны ли источники моего решения? Я поступаю так ради фараона и Египта или ради Таиты и своих эгоистических желаний? – спросил он себя. И ответил с жесткой откровенностью: – Ради того и другого. Ради Истины против Лжи, но также ради себя и Фенн. Я хочу снова стать полноценным мужчиной. Хочу любить ее со страстью, которая пожирает мою душу».

Он отнял руку и открыл глаза.

– Я готов.

– Ты мудро поступил, так тщательно обдумав ответ, но я рад твоему решению. Эту ночь ты проведешь у нас как почетный гость. А утром начнешь путешествие в горы и к новой жизни.

Наутро, когда тронулись в путь, разразилась буря. Отряд поднимался по каменистой тропе, а температура неумолимо падала. Закутавшись в кожаный плащ, Таита едва различал перед собой лошадь Онки, почти скрытую от глаз хлопьями снега и мерцающими облаками ледяных кристаллов, которые ветер швырял на тропу. Путешествие казалось гораздо более долгим, чем в первый раз, но наконец впереди в метели показался вход в туннель. Даже троги, караулившие его, жались внутри и только посматривали на проезжавшего мимо Таиту; их ресницы заросли льдом. Таита с облегчением въехал вслед за Онкой в туннель, подальше от бури.

Они проехали под горой и после влажной тьмы и зыбкого света факелов окунулись в теплое солнечное сияние кратера. Миновали трогов за туннелем и увидели перед собой великолепие Облачных Садов. Чем больше они углублялись в зачарованный кратер, тем легче становилось на душе Таиты. Проехали знакомой тропой через лес и по другую его сторону вышли на берег затянутого паром лазурного озера. На песке грелись на солнце крокодилы. Впервые Таита уви-

дел их на берегу и был изумлен их величиной. Завидев лошадей, крокодилы вставали и неохотно брели к воде, затем погружались в озеро, грациозно скользя под его поверхностью.

В конюшне уже ждали конюхи и слуги. Конюхи увели лошадей, а распорядитель провел Таиту в ту же комнату, которую он прежде занимал с Мереном. Опять мага ждало свежее платье, в очаге пылали дрова, наготове стояли большие кувшины с горячей водой.

– Надеюсь, тебе все понравится и будет удобно, почтенный маг. Конечно, если чего-нибудь не хватает, достаточно лишь позвонить. – Распорядитель указал на подвешенный у двери колокольчик. – Доктор Ханна приглашает тебя поужинать с ней сегодня вечером в ее личных покоях. – Распорядитель попятился к выходу, низко кланяясь на каждом втором шагу. – Я приду за тобой на закате.

Умывшись, Таита лег, но уснуть не сумел. Вновь пришло возбуждение, а с ним – смутное предвкушение. Как и раньше, он понимал, что это чувство исходит извне. Он попробовал собраться, но безуспешно. Когда пришел распорядитель, Таита уже переоделся в чистое платье и ждал.

Доктор Ханна встретила его у дверей как старого друга. Новость о его возвышении уже разнеслась, и врач обращалась к нему «властительный Таита». Прежде всего она расспросила о Мерене и порадовалась его успехам. За ужином были еще три гостя. Один из них, Джибба, как и Ханна, сердечно приветствовал Таиту. Двух других Таита не знал.

– Это доктор Ассем, – сказала Ханна, – уважаемый член нашей Гильдии. Специализируется на травах и растительных субстанциях, применяемых в медицине.

По ауре Ассема – энергичного низенького человека с живым, умным лицом – Таита понял, что он долгожитель, обладающий обширными знаниями, но не посвященный.

– Разреши представить также доктора Рии, специалиста по устранению вредных последствий и лечению перерезанных нервов и сухожилий. Она лучше любого из живущих ныне врачей разбирается в костной структуре человеческого тела, особенно в строении черепа и зубов, хребта и костей рук и ног. Доктор Ассем и доктор Рии будут помогать во время твоей операции.

У Рии грубые, почти мужские черты лица и большие сильные руки. Таита видел, что она умна и целеустремленна.

Сели за стол. Общество оказалось приятным, а разговор интересным. Таита наслаждался утонченной игрой разума. Хотя слуги следили, чтобы чаши у всех были полны, все были очень воздержанны и только пригубливали вино.

Разговор зашел о профессиональной этике. Рии была родом из далекого восточного царства. Она рассказала, что император Квин передавал своим лекарям пленных, захваченных в боях, и побуждал целителей использовать их для экспериментов и прижизненного вскрытия. Все согласились, что этот император был дальновиден и умен.

– Большинство людей немногим лучше домашних животных, – добавила Ханна. – Хороший правитель следит за тем, чтобы у них было все необходимое для жизни и многие из ее радостей в зависимости от того, чем сам располагает. Однако ему не следует считать, что жизнь всякого человека бесценна и должна сберегаться любой ценой. Как полководец не вправе колебаться, посылая своих людей на верную смерть во имя победы, так и император должен не задумываясь жертвовать жизнью подданных ради государства и не руководствоваться надуманными соображениями так называемой человечности.

– Полностью согласна, но я бы сказала больше, – подхватила Рии. – Принимая решение, следует учитывать ценность индивида. Раба или простого воина нельзя равнять с мудрецом или посвященным, чьи знания накапливались столетиями. Раб, воин, дурак, юродивый рождены, чтобы умереть. И если умрут во имя великой цели, тем лучше. Однако мудреца и посвященного, чья ценность для общества неизмерима, нужно сохранить.

– Согласен с тобой, Рии. Знания и ученость – вот величайшие сокровища, они гораздо ценней серебра и золота, – сказал Ассем. – Наш ум, наша способность рассуждать и запоминать поднимает нас не только над животными, но и над массой низших людей, которым недостает этих качеств. А ты как считаешь, властительный Таита?

– Очевидного и ясного решения здесь нет, – осторожно ответил Таита. – Мы можем бесконечно спорить на эту тему. Но по-моему, то, что есть хорошего, следует сохранять, даже если для этого требуется чем-то пожертвовать. Я командовал людьми в бою. Я знаю, каким горьким может быть решение послать их на смерть. Но я не колебался, когда речь шла об общих свободе и благополучии.

Он сказал не то, во что верил, а то, что они хотели услышать. Его внимательно выслушали, успокоились и стали держаться с ним еще более дружелюбно и открыто. Таита словно предъявил свои верительные грамоты, и олигархи убрали преграду и приняли его в свои ряды.

Несмотря на отличную еду и хорошее вино, за столом долго не сидели. Первым спохватился Джибба.

– Нам завтра рано вставать, – напомнил он, и все поднялись, поблагодарили Ханну и попрощались.

Прежде чем распрощаться с Таитой, Ханна сказала:

– Я хотела, чтобы ты с ними познакомился, поскольку они будут участвовать в завтрашней операции. Твое увечье куда серьезнее, чем у твоего любимца, и, что еще важнее, нанесено много лет назад. Для нас это означает гораздо больше работы, и нам понадобятся дополнительные руки и опыт других врачей. К тому же нам нельзя оперировать в твоей комнате, как было с храбрым Камбизесом. Операция будет сделана там, где я проводила осмотр. – Она взяла его за руку и проводила к двери. – Завтра утром к нам присоединятся и другие врачи, чтобы провести последний осмотр и разработать план операции. Спокойной ночи, властительный Таита.

Распорядитель уже ждал. Таита шел по сложному переплетению ходов и коридоров, не думая о дороге. Его мысли занимала застольная беседа, в которой он принимал участие. Но вот его размышления прервал чей-то плач. Он остановился и прислушался. Плакали где-то неподалеку, несомненно женщина. Она рыдала, словно в глубоком отчаянии. Распорядитель, заметив, что Таита отстал, вернулся.

– Кто эта женщина? – спросил Таита.

– Там живут рабы, прислуживающие в доме. Наверно, ее за что-то наказали. – Распорядитель равнодушно пожал плечами. – Не думайте об этом, властительный Таита. Нам нужно идти.

Таита видел, что продолжать нет смысла. Аура этого человека свидетельствовала о его несговорчивости и о том, что он просто выполнял приказ.

– Хорошо, – согласился Таита, но с этого момента стал запоминать дорогу. «Когда он меня оставит, я вернусь и проверю, в чем дело», – решил он. Однако интерес к плачущей женщине быстро рассеялся, и, прежде чем они дошли до его комнаты, Таита о ней напрочь забыл. Он лег и почти сразу уснул крепким спокойным сном.

Сразу после завтрака за ним пришел распорядитель. Он отвел Таиту в кабинет Ханны, где уже ждали четверо врачей. Приступили немедленно. Таите было непривычно, что с ним не советуются, напротив, обращаются как с бесчувственным куском мяса на колоде мясника.

Начали с внешнего осмотра, в том числе продуктов его пищеварения, состояния кожи и стоп. Доктор Рии раскрыла ему рот и осмотрела язык, десны и зубы, проверила запах дыхания.

– Зубы властительного Таиты сточены и повреждены, доктор Ханна, а их корни почти отмерли. Должно быть, они причиняют ему боль. Это так, господин? – Таита неопределенно хмыкнул, и доктор Рии продолжила: – Очень скоро они превратятся в серьезную угрозу его здоровью, а со временем и жизни. Их нужно как можно быстрее удалить и заново засеять десны.

Ханна сразу согласилась.

– Я учитывала такую возможность и подготовила больше семени, чем нужно для восстановления поврежденной области в паху. Хватит и для десен.

Наконец подошла очередь увечья. Врачи наклонялись к паху Таиты, разглядывали его тело, нажимали, касались области шрама. Рии измерила его ширину особым измерительным инструментом, делая заметки в маленьком папирусном свитке мелкими красивыми иероглифами. Работая, они бесстрастно, во всех подробностях обсуждали повреждения.

– Придется удалить всю окаменевшую плоть в области шрама. Надо добраться до уцелевшей плоти и действующих кровеносных сосудов, чтобы у семени были достаточные условия для роста, – объяснила Ханна и повернулась к Рии: – Можешь проследить ход главных нервов и определить степень их жизнеспособности?

Рии с помощью бронзовой иглы исследовала нервные окончания. Исследование оказалось мучительным. Но Таита быстро настроил сознание таким образом, чтобы не замечать боли. Рии поняла, что он делает, и строго сказала ему:

– Я восхищена твоей способностью справляться с болью, властительный Таита; эта способность очень пригодится тебе позже. Однако во время осмотра ты не должен подавлять боль. Если ты и дальше будешь это делать, я не смогу определить, где именно твоя плоть омертвела и подлежит удалению, а где жива и ее можно сохранить.

Черной краской она чертила в паху Таиты знаки и символы, которыми будет руководствоваться Ханна, орудуя скальпелем. К тому времени как Рии закончила, у Таиты кровоточили сотни мелких уколов, он был бледен и вспотел от мучительной пытки. Пока он приходил в себя, врачи обсуждали заключение Рии.

– Хорошо, что мы приготовили семени больше, чем обычно. Область, которую предстоит засеять, обширнее, чем я полагала. Принимая во внимание количество семени, необходимое для выращивания новых зубов, нам понадобится все, что я подготовила, – сказала Ханна.

– Совершенно верно. Открытая область обширна, и для восстановления потребуется гораздо больше времени, чем во всех реконструкциях, которые мы проводили ранее. А как мы обеспечим выход мочи и кала без загрязнения раны? – спросил Джибба.

– Анус не будет затронут и продолжит функционировать как обычно. Но в уретру я намерена ввести медную трубку. Вначале моча будет поступать в эту трубку, но как только семя укрепится и открытая рана закроется, трубку нужно будет удалить, чтобы орган восстанавливался нормально.

Хотя объектом этого обсуждения был сам Таита, он сумел сохранить научный интерес к нему и даже время от времени вставлял замечания, которые врачи принимали с одобрением. Когда они обсудили предстоящую операцию всесторонне и в мельчайших подробностях, Ассем в последний раз обратился к Таите:

– У меня есть травы, смягчающие боль, но, возможно, они не понадобятся. Когда доктор Рии тебя осматривала, меня поразило, как ты умеешь справляться с болью. Ты сможешь использовать эту технику во время операции, или мне понадобится применить свои снадобья?

– Уверен, они весьма действенны, но предпочитаю сам справляться с болью, – ответил Таита.

– Я с величайшим вниманием буду наблюдать за тобой.

Была уже середина дня, когда Ханна закрыла совещание и Таите позволили вернуться в его комнату. Когда он уже уходил, Ханна сказала:

– Доктор Ассем приготовил травяной настой, он ждет у твоей кровати в зеленом стеклянном флаконе. Выпей его с полной чашей теплой воды. Он очистит перед операцией твой мочевой пузырь и кишечник. Пожалуйста, сегодня вечером и с утра ничего больше не ешь. Завтра мы начнем, как только станет достаточно светло. Времени понадобится много. Невозможно предугадать, какие трудности могут возникнуть. Важно закончить засветло. Масляные лампы не годятся для наших целей.

– Я подготовлюсь, – заверил Таита.

Когда на следующее утро Таита пришел в кабинет Ханны, врачи уже собрались и были готовы начать. Двое помощников, знакомых ему по предыдущей операции, Мерена, помогли магу раздеться. Затем его, обнаженного, уложили на каменный стол и заставили лечь на спину. Камень под ним был жестким и холодным, а воздух приятно теплым, согретый трубами с горячей водой, проложенными под полом. Все четверо врачей были обнажены по пояс и одеты только в чистые льняные набедренные повязки. Груди и плечи Ханны и Рии оказались твердыми и округлыми, как у молодых, а кожа гладкой, без морщин. Таита предположил, что они пользуются своим тайным искусством, чтобы не стареть. И тотчас подумал о себе: «Разве я, лежащий здесь в ожидании ножа, менее тщеславен?» Он перестал улыбаться и в последний раз осмотрел комнату. На втором столе, совсем близко, лежали многочисленные серебряные, бронзовые и медные медицинские инструменты. Среди них он с удивлением заметил не менее пятидесяти блестящих скальпелей, выложенных рядами на белом мраморе.

Ханна заметила его интерес.

– Люблю работать с острыми ножами, – объяснила она, – так удобнее и мне, и тебе. – Она показала на двух служителей, сидевших за рабочим столом в дальнем углу комнаты. – Эти люди искусные точильщики. Как только скальпель затупится, они его заточат. Еще до исхода дня ты будешь им благодарен. – Она повернулась к ассистентам: – Все готово? Можно начинать?

Два лекарских помощника протерли нижнюю часть тела Таиты остро пахнущей жидкостью. Врачи тем временем вымыли в чаше с той же жидкостью руки до самых плеч. Доктор Рии подошла к Таите. Знаки, которые она нанесла вчера, поблекли и стали еле заметны. Она обновила их и отошла, уступив место Ханне.

– Я собираюсь сделать первый надрез. Властительный Таита, пожалуйста, подготовься подавлять боль, – сказала она.

Таита сжал амулет Лостры, лежавший на его голой груди. Он наполнил сознание мягким туманом; лица, склонившиеся над ним, отдалились, превратились в смутные пятна.

Голос Ханны теперь доносился словно издалека.

– Ты готов? – спросила она.

– Да. Начинай, – ответил Таита.

Он почувствовал давление, когда она сделала первый надрез; скальпель проник глубже, и Таита ощутил боль, но она не была нестерпимой. Он опустился на такой уровень, где едва ощущал прикосновения Ханны и разрезы скальпеля. При этом он слышал голоса врачей. Время шло. Раз или два боль резко усиливалась – это Ханна задевала чувствительные области; тогда Таита нырял чуть глубже. Когда боль ослабевала, он поднимался к поверхности и прислушивался к обсуждению: реплики врачей позволяли ему следить за ходом операции.

– Очень хорошо, – с явным удовлетворением сказала Ханна. – Мы удалили всю омертвевшую плоть и готовы вводить катетер. Ты меня слышишь, властительный Таита?

– Да, – прошептал Таита; собственный голос показался ему незнакомым.

– Все идет даже лучше, чем я надеялась. Теперь я ввожу трубку.

У Таиты возникло немного неприятное ощущение, которое даже не требовалось подавлять.

– Из твоего мочевого пузыря уже поступает свежая моча, – сказала Ханна. – Все готово. Расслабься: мы подождем, пока семя принесут из лаборатории.

Последовало долгое молчание. Таита позволил себе погрузиться еще глубже и едва осознавал, что происходит. Тишину ничто не нарушало, но он не чувствовал в ней тревоги или напряженного ожидания. Однако постепенно он ощутил присутствие в комнате чего-то чуждого. Послышался голос; это был голос Ханны, но сейчас он дрожал – от страха или иного сильного чувства.

– Вот семя, – сказала Ханна.

Таита заставил себя подняться на уровень переносимой боли и слегка приоткрыл глаза, так что смотрел сквозь частокол ресниц. Он увидел над собой руки Ханны. В них был алебастровый сосуд, такой же, в каком приносили семя для Мерена. Ханна убрала сосуд из поля зрения Таиты, и он услышал легкий звук: Ханна ложкой набрала содержимое сосуда. Мгновение спустя он ощутил холод в области открытой раны в паху и легкое прикосновение семени. Оно сопровождалось острым жжением. Таита подавил это ощущение и тут же сквозь полуоткрытые веки увидел кое-что еще.

Он впервые понял, что у дальней стены стоит новая, незнакомая фигура. Высокая, величественная, закутанная с головы до пят в тонкий черный шелк, она появилась беззвучно. Единственным движением было легкое поднятие ее груди при каждом вздохе. Грудь под шелком была определенно женской, совершенных величины и формы.

Таиту охватил всепоглощающий благоговейный страх. Он открыл Внутреннее Око и увидел, что у неизвестной нет ауры. И уверился, что это сама Эос, а не одна из ее призрачных личин, – Эос, с которой он пришел сразиться.

Он хотел сесть и бросить ей вызов, но едва попытался выйти на уровень полного сознания, боль обрушилась на него и заставила отступить. Он хотел заговорить, но с языка не сорвалось ни звука. Таита мог только смотреть на Эос. Потом он почувствовал легкое прикосновение к вискам. Он знал, что это не Ханна: Эос пыталась проникнуть в его сознание и завладеть его мыслями. Он быстро воздвиг в сознании барьеры, чтобы помешать ей. Легкое прикосновение исчезло: Эос ощутила его сопротивление и, как опытный поединщик, отступила. Он представил себе, как она стоит, готовая нанести неожиданный удар. Эос впервые осторожно проверила его защиту. Таита понимал, что должен чувствовать угрозу, испытывать страх и отвращение к ее злобности, чуять страшную тяжесть зла, однако, напротив – ощутил сильнейшее влечение к злодейке. Деметер предупреждал о ее красоте и о том, как эта красота действует на мужчин; Таита хотел усилить оборону, но понял, что по-прежнему жаждет смотреть на Эос и ее роковую красоту.

В этот миг Ханна перешла к краю стола и закрыла обзор. Таита хотел крикнуть, чтобы она отошла, но теперь, когда он не видел Эос, к нему вернулось самообладание. Ценное открытие! Теперь он знает, что, если не смотреть прямо на нее, влечению к ней, каким бы сильным оно ни было, можно противиться. Таита уставился в потолок, позволяя боли так разыграться, чтобы она подавляла возникшее у него животное стремление. Теперь Ханна перевязывала рану, и он сосредоточился на ощущении ее рук и полосок льняной ткани, накладываемых на тело. Закончив, Ханна вновь подошла к нему сбоку. Таита увидел дальнюю стену, но Эос исчезла. Остался только слабый эфирный след ее пребывания, призрачная сладость, витающая в воздухе, как изысканный аромат.

Место Ханны во главе стола заняла доктор Рии; она открыла Таите рот и вставила между челюстями деревянные клинья. Он почувствовал, как она берется щипцами за первый его зуб, и подавил ощущение боли еще до того, как та началась. Рии было не занимать опыта: она очень

быстро удалила все зубы. Таита опять ощутил жжение семени, нанесенного на открытую рану, и уколы иглы, закрывавшей рану стежками.

Два лекарских помощника осторожно сняли Таиту с каменного стола и уложили на легкие носилки. Мага понесли в его комнату, Ханна шла рядом. В комнате она проследила за тем, как его перенесли на матрац, и распорядилась насчет того, чтобы Таите было удобно и чтобы о нем заботились.

Наконец она присела на пол рядом с ним.

– Один из помощников днем и ночью будет рядом. При любом изменении твоего состояния сразу пошлют за мной. Если тебе что-нибудь понадобится, дай знать. Я буду приходить к тебе по утрам и вечерам менять повязку и наблюдать за твоими успехами, – сказала она. – Мне не нужно напоминать о том, что ждет впереди. Ты присутствовал при укоренении семени в глазу твоего любимца. Помнишь, какую боль и неудобства он терпел. Тебе известен и обычный ход событий: три дня почти без боли, шесть дней боли и облегчение на десятый день. Однако твоя рана гораздо обширней, чем была у храброго Камбизеса, поэтому и боль будет острей. Тебе понадобится все твое умение, чтобы справляться с ней.

Предсказания Ханны оправдались и на сей раз. Первые дни принесли лишь легкое неудобство – тупую боль внизу живота и жжение, когда Таита мочился. Во рту болело сильнее. Было трудно удержаться и не трогать каждую минуту языком швы, наложенные Рии на десны. Таита не мог есть ничего твердого и питался одной похлебкой с растертыми овощами. Ходил он с большим трудом. Ему приготовили пару костылей, но магу требовалась посторонняя помощь, чтобы добраться до умывальной, когда он хотел воспользоваться ночным горшком.

Ханна пришла менять повязку. Таита опустил взгляд и увидел, что рана покрылась мягким липким струпом, словно смолой, какая течет из надрезанной коры акации. Ханна старалась не трогать этот струп, а на бинты, чтобы они не прилипали к ране, накладывала особую мазь, приготовленную доктором Ассемом.

На четвертое утро Таита проснулся от столь острой боли, что не сдержал крик и напряг все силы души и рассудка, чтобы справиться с болью. Лекарский помощник бросился к нему и сразу послал за Ханной. К тому времени как она пришла, Таита уже собрался с силами и мог умерять боль настолько, чтобы разумно отвечать на вопросы.

– Тяжело, – сказала Ханна, – но ты ведь знал, что так будет.

– Ничего подобного я никогда не испытывал. Мне на живот словно вылили расплавленный свинец, – прошептал Таита.

– Могу попросить доктора Ассема приготовить снадобье.

– Нет, – ответил Таита. – Я справлюсь сам.

– Еще шесть дней, – предупредила Ханна. – Может, и дольше.

– Переживу.

Боль была страшная и непрерывная. Она заполняла все его существо, вычеркивая остальное. Он не думал ни об Эос, ни даже о Фенн. Боль была всем.

В часы бодрствования Таита с трудом, но умудрялся сдерживать боль, однако стоило ему заснуть, и оборона слабела, боль прорывала ее. Он мгновенно просыпался, стеная и всхлипывая. Его постоянно так и подмывало попросить у доктора Ассема дурманное зелье, но всеми умственными и душевными силами маг боролся с этим искушением. Опасность впасть в забытье пугала сильнее боли. Решимость – единственное оружие, которое оставалось у него против Эос и Лжи.

На шестой день боль ослабла, но тут же сменилась зудом, сопротивляться которому было почти так же трудно. Таите хотелось сорвать повязку и ногтями разодрать свою плоть. Единственным облегчением была смена повязок. Сняв запачканные бинты, Ханна промывала плоть Таиты теплыми травяными настоями, которые действовали успокаивающе.

К этому времени струп, покрывавший нижнюю часть его живота и пах, затвердел и почернел; теперь он напоминал шкуру большого крокодила из лазурного озера. Облегчение приходило ненадолго. Как только Ханна перевязывала рану свежими бинтами, зуд возвращался с прежней силой. Он доводил Таиту до сумасшествия. Казалось, ему не будет конца. Таита потерял счет дням.

Однажды пришла Рии. Помощники развели челюсти Таиты, и она удалила с десен швы. Из-за боли, причиняемой основной раной, Таита совсем забыл о них. Однако испытанное им небольшое облегчение укрепило его решимость.

Однажды утром, проснувшись, Таита испытал такое облегчение, что даже застонал. Боль и зуд прекратились. Таита испытал такое блаженство, что тут же погрузился в глубокий сон и проспал целые сутки. А когда проснулся, увидел сидящую рядом Ханну. Пока он спал, она сняла повязки. Таита до того устал, что не сознавал, что она делает. Он поднял голову, и Ханна посмотрела на него с гордостью собственницы.

– Главную опасность всегда представляет омертвление плоти, но его нет и следа. Нет и лихорадки. Семя принялось по всей области. Ты переплыл море боли, – сказала она. – Учитывая величину и глубину твоей раны, можно сказать, что ты проявил исключительную выносливость и мужество, хотя иного я от тебя и не ожидала. Теперь можно удалить катетер.

Медная трубка вышла без осложнений, и Таита вновь испытал облегчение и радость. Он сам удивился тому, насколько ослаб из-за перенесенных испытаний. Ханне и лекарскому помощнику пришлось самим посадить его. Таита посмотрел вниз, на свое тело. Он и раньше был худ, но сейчас превратился в сущий скелет. Плоть растаяла, выступили ребра.

– Струп начинает сходить, – сказала Ханна. – Посмотри, как он приподнимается и отслаивается по краям. А под ним видна здоровая плоть.

Указательным пальцем она провела границу там, где встречались молодая и старая плоть. Прежнее и новое сливались безупречно. Старая кожа сморщилась от возраста, как гофрированная бумага, волосы на ней клочковатые и седые. Обнажившаяся узкая полоска новой кожи гладкая и упругая, как полированная слоновая кость. На ней растет тонкий пушок, густеющий вниз от пупка. В середине струпа отверстие, из которого Ханна извлекла катетер. Ханна покрыла его толстым слоем травяной мази доктора Ассема.

– Мазь размягчит струп и позволит ему сойти легко, не повреждая новой плоти, – объяснила Ханна, снова перевязывая рану.

Она еще возилась с ней, когда вошла доктор Рии и стала осматривать голову Таиты. Она сунула палец ему в рот.

– Здесь что-то происходит? – спросила она. Голос ее – в отличие от обычной строгой профессиональной манеры – звучал дружелюбно и спокойно.

Ее палец мешал Таите ответить.

– Я чувствую, как что-то растет. Под поверхностью десен образовались затвердения; они чувствительны к прикосновениям.

– Зубки режутся, – усмехнулась Рии. – Ты переживаешь второе младенчество, властительный Таита. – Она убрала палец и снова рассмеялась. – Да, полный набор, включая зубы мудрости. Через несколько дней прорежутся. Тогда ты сможешь есть твердую пищу, а не только каши и похлебку.

Через неделю Рии пришла снова. Она принесла зеркало из полированного серебра, такое ровное, что в нем Таита видел внутренность своего рта лишь слегка искаженной. Он впервые увидел свои новые зубы, а доктор Рии сказала:

– Как нить жемчуга из Арабского моря. Вероятно, они красивее и более правильной формы, чем прежние. – Уходя, она добавила: – Пожалуйста, прими зеркало в подарок от меня. Ручаюсь, скоро тебе будет чем любоваться в нем.

Луна истаяла и вновь родилась и выросла, прежде чем сошли последние клочки струпа под животом у Таиты. Теперь он ел нормально и быстро набрал прежний вес. Он ежедневно упражнялся с посохом по нескольку часов; упражнения он разработал сам, надеясь восстановить гибкость и силу. Доктор Ассем прописал ему диету, включающую большое количество трав и овощей. Все эти меры оказались благотворными. Впалые щеки Таиты пополнели, цвет лица стал более здоровым, и ему даже казалось, что новые мышцы сильнее и выносливее старых. Вскоре он смог отказаться от костылей и обходить озеро, ни разу не остановившись передохнуть. Однако Ханна не позволяла ему выходить из лечебницы одному, при нем постоянно был один из помощников-лекарей. Силы возвращались к Таите, и ему все труднее становилось переносить постоянный надзор и ограничения. Он скучал, раздражался и спрашивал у Ханны:

– Когда мне позволят покинуть мое узилище и вернуться в мир?

– Олигархи приказали держать тебя здесь до полного выздоровления. Однако тебе не обязательно тратить дни впустую. Позволь показать тебе то, что поможет провести время с пользой.

Она отвела его в библиотеку лечебницы, стоявшую в лесу, в стороне от основных построек. Библиотека представляла собой большое здание, в котором размещалось множество сообщающихся помещений. В каждом все четыре стены от пола до потолка были заняты каменными полками, заваленными грудами папирусных свитков и глиняных табличек.

– У нас на полках не менее десяти тысяч книг и столько же научных монографий, – гордо сказала Ханна. – Большинство их уникальны. Копий не существует. Уйдет целая человеческая жизнь, чтобы прочесть хотя бы половину.

Таита медленно обошел комнаты, наугад доставая с полок свитки и просматривая их. Вход в последнее помещение закрывала тяжелая бронзовая решетка. Таита вопросительно взглянул на Ханну.

– К сожалению, господин, вход в эту комнату и ознакомление с хранящимися в ней записями разрешен только членам Гильдии, – сказала Ханна.

– Понимаю, – ответил Таита и оглянулся на пройденные помещения. – Здесь, должно быть, содержится величайшее из собранных цивилизованным миром сокровище.

– Поистине так, господин. Ты найдешь много интересной пищи для ума; возможно, тебе откроются новые пути философской мысли.

– С удовольствием воспользуюсь этой возможностью.

В последующие недели Таита ежедневно по многу часов проводил в библиотеке. Только когда свет в высоких окнах становился чересчур тусклым, чтобы читать, он возвращался в свою комнату в главном здании.

Однажды утром, закончив завтракать, он с удивлением и легкой досадой обнаружил за дверью незнакомого человека.

– Кто ты? – нетерпеливо спросил Таита. Ему хотелось поскорее вернуться в библиотеку и дочитать свиток об астральных путешествиях и связи, который все предыдущие дни целиком поглощал его внимание. – Говори, приятель.

– Я здесь по приказу доктора Ханны. – Маленький человечек не переставая кланялся и неискренне улыбался. – Я брадобрей.

– Я не нуждаюсь в твоих услугах, – резко сказал Таита и хотел пройти мимо него.

Брадобрей преградил ему дорогу.

– Прошу вас, властительный. Доктор Ханна высказалась весьма определенно. Мне достанется, если я не выполню приказ.

Таита колебался. Он очень давно не обращал внимания на свой вид. Маг провел пальцами по длинным волосам и серебряной бороде, доходившей почти до пояса. Конечно, он мыл волосы и расчесывал их, но позволял пышно расти как им вздумается. По правде говоря, до подарка доктора Рии у него не было зеркала. Он с сомнением взглянул на брадобрея.

– Боюсь, что, если ты не алхимик, тебе не удастся превратить это барахло в золото.

– Прошу, господин, позвольте по крайней мере попробовать. Иначе доктор Ханна будет очень недовольна.

Волнение маленького брадобрея было комичным. Он чрезвычайно боялся ужасной Ханны. Таита вздохнул и согласился:

– Ну хорошо, но побыстрей.

Брадобрей вывел его на террасу, где уже поставил на солнце стул. Инструменты у него были с собой. Через несколько минут Таита обнаружил, что манипуляции брадобрея действуют на него успокаивающе, и расслабился. Пока брадобрей стриг и расчесывал Таиту, тот думал о свитке, оставленном в библиотеке, раздел за разделом вспоминая прочитанное в предыдущие дни. Он решил, что анализ автора неполон и что при первой же возможности он сам представит недостающий материал. Затем мысли его обратились к Фенн. Он очень скучал по ней. И все думал, как она живет и что стало с Сидуду. Таита не обращал внимания на частое щелканье ножниц и на седые пряди, падавшие на пол как осенние листья.

Наконец маленький брадобрей прервал размышления мага, поднеся к самым его глазам большое бронзовое зеркало.

– Надеюсь, моя работа тебе понравится.

Таита замигал. Неровная поверхность металла искажала изображение, заставляя его дрожать, неожиданно оно обрело четкость, и Таита изумился. Он едва узнавал высокомерно смотревшее на него лицо. В зеркале он казался гораздо моложе. Брадобрей подстриг ему волосы до плеч и связал на затылке кожаным ремешком. Бороду он подрезал и сделал квадратной.

– У тебя череп хорошей формы, – сказал брадобрей. – Широкий, высокий лоб. Голова философа. То, как я убрал назад волосы, позволяет показать все ее благородство. До сих пор борода скрывала силу твоей челюсти. Я ее подрезал и подчеркнул эту силу.

В молодости Таита себе нравился – возможно, слишком. Когда-то красота отчасти искупала утрату мужественности. Теперь маг видел, что, несмотря на множество прошедших лет, какая-то ее часть сохранилась.

Фенн удивится, подумал он и от удовольствия улыбнулся. Он увидел в зеркале блеск своих новых зубов, и в его глазах зажегся огонек.

– Ты хорошо поработал, – сказал он наконец. – Не думал, что можно сотворить такое из столь безнадежной основы.

Вечером к Таите зашла Ханна. Она задумчиво поглядела на его лицо.

– Давным-давно я решила, что праздность поглощает время, которое можно потратить с гораздо большей пользой, – сказала она. – Однако теперь я понимаю, почему женщины считают тебя красивым, господин. С твоего разрешения я в интересах науки хотела бы пригласить несколько тщательно отобранных членов Гильдии, чтобы они познакомились с тобой и оценили твои достижения.

– Достижения твои и твоих коллег, – поправил Таита. – Я у тебя в долгу.

Через несколько дней его отвели туда, где проходила операция, в кабинет Ханны. Войдя, маг увидел, что кабинет преобразован в импровизированную лекционную аудиторию. Камен-

ный стол полукругом обступили стулья. На них сидели восемь человек, среди них Джибба, Рии и Ассем.

Ханна провела Таиту к столу и попросила сесть лицом к публике. Из собравшихся Таита знал только врачей, участвовавших в операции. При том, что он так давно жил в Облачных Садах, это было очень странно. Должно быть, лечебница гораздо больше, чем он думал, или другие отделения отъединены от главного и, как библиотека, запрятаны где-то в лесу. Однако вероятнее всего, большая часть Облачных Садов скрыта от него темным искусством Эос. Словно детская игрушка, где множество ящичков вставлено один в другой.

Среди незнакомцев была одна женщина, остальные – мужчины, но все казались достойными и много знающими мудрецами. К Таите они отнеслись внимательно и серьезно. Представив Таиту в самых лестных словах, Ханна принялась описывать проведенное лечение. Рии рассказала, как удалила изношенные или прогнившие зубы и засеяла углубления в деснах. После этого она пригласила всех по очереди осмотреть новые зубы. Таита стоически переносил осмотр и отвечал на вопросы. Когда все вновь заняли свои места, Ханна опять встала рядом с ним.

Она описала результаты оскопления и степень причиненных Таите увечий. Слушатели пришли в ужас. Особенно тронута была женщина-врач, на ее лице ясно читалось сочувствие.

– Спасибо за сочувствие, – сказал Таита, – но это дело очень давнее. За долгие годы воспоминания потускнели. Сознание человека обладает способностью глубоко погружать самые болезненные впечатления.

Все кивнули и одобрительно зашумели.

Ханна продолжила описание проведенных ею предварительных анализов и подготовки к вмешательству.

Таита ожидал, что в этой части лекции она расскажет о подготовке семени к засеву, о чем он ничего не знал, но очень хотел узнать. Однако его ждало разочарование: об этом Ханна не сказала ни слова. Он предположил, что присутствующие хорошо осведомлены; все собравшиеся, вероятно, используют в работе ту же технику. Во всяком случае, Ханна перешла к описанию собственно операции, рассказывая, как удалила омертвелую ткань шрамов, расчищая место для засева. Слушатели задавали множество вопросов, свидетельствовавших о большой любознательности и эрудиции, и Ханна подробно на них отвечала. Наконец она сказала:

– Как вам, несомненно, известно, властительный Таита – маг высочайшего уровня, а также врач и посвященный. Для него восстановление репродуктивных органов стало уникальным и глубоко личным опытом. Нет необходимости упоминать о том, что эта чрезвычайно болезненная процедура стала серьезным испытанием для достоинства и скромности этого выдающегося человека. Тем не менее он любезно позволил нам осмотреть и оценить плоды вмешательства. Поймите, я уверена, что это решение далось ему нелегко. Мы должны быть благодарны ему за позволение. – Наконец она повернулась к Таите: – Позволь, властительный Таита...

Таита кивнул и лег на стол. Подошел Джибба и встал у стола по другую его сторону. Вместе с Ханной они подняли полы одеяния Таиты.

– Подойдите поближе, взгляните, – пригласила Ханна присутствующих. Все поднялись и окружили стол.

Таита настолько привык к осмотрам, что не испытал особого смущения. Ханна продолжила пояснения, а он приподнялся на локтях и посмотрел на нижнюю часть своего тела.

– Вы видите, что рана затянулась новой кожей, обладающей гибкостью и эластичностью, свойственной коже половозрелого мужчины. Обратите внимание на лобковые волосы. Они выросли удивительно быстро. – Она положила руку на описываемую область. – Над лобком образовалось утолщение плоти. Общее развитие половых органов соответствует их развитию у

мальчика в возрасте десяти лет. Эта стадия достигнута за несколько недель. Теперь обратите внимание на пенис. Крайняя плоть сформировалась, но она очень плотна, как у многих юношей. – Ханна приподняла крайнюю плоть и осторожно отвела назад. Из кожаного мешочка показался пенис, чуть крупнее большого желудя, мягкий и розовый. Ханна продолжала: – Обратите внимание на отверстие уретры. Мы создали его во время операции и вставили в него катетер. Когда мы удалили катетер, отверстие было круглым. Вы видите, что теперь оно представляет собой характерную щель.

Ханна отпустила крайнюю плоть и перенесла внимание на мошонку под незрелым пенисом.

– Кожный мешок развивается нормально, но с той же необыкновенной скоростью, какую мы отмечали в других случаях засева. – Она слегка сжала мошонку. – Вот. В ней уже образовались незрелые яички. – Она взглянула на незнакомую Таите женщину-врача. – Доктор Лусулу, не хотите осмотреть сами?

– Спасибо, доктор Ханна, – ответила женщина, на вид лет тридцати пяти. Но Таита взглянул на ее ауру и понял, что впечатление обманчиво: женщина гораздо старше. Скромное поведение не соответствовало ее истинной природе, в которой большую роль играла похоть.

Женщина взяла в руку мошонку и легко отыскала два маленьких шарика. Она задумчиво покатала их между пальцами.

– Да, – сказала она наконец. – Совершенно нормальные и правильные. Вы что-нибудь ощущаете, властительный Таита?

– Да, – хрипло ответил Таита.

Продолжая ощупывать мошонку, женщина внимательно смотрела в лицо Таите.

– Не смущайтесь, господин. Вы должны научиться наслаждаться мужскими органами, которые вернула вам доктор Ханна, должны радоваться им. – Она переместила пальцы на пенис. – А здесь есть ощущения? – Ее пальцы заскользили вверх и вниз по всему пенису. – Вы чувствуете мои движения?

– Очень отчетливо, – ответил Таита еще более хрипло. Новое ощущение превосходило все испытанное раньше. В короткое время, прошедшее с тех пор, как у него образовался этот небольшой придаток, он обращался с ним осторожно и сдержанно. Брал в руки, только когда приходилось отвечать на зов природы – или ради гигиены. И прикосновения его были неловкими и неумелыми, в отличие от ловкости и опытности, которые демонстрировала доктор Лусулу.

– Каковы, по-твоему, будут размеры органа, когда он достигнет полного развития? – спросила доктор Лусулу у Ханны.

– Мы можем предсказать это не точнее, чем для ребенка. Однако я думаю, что он будет соответствовать утраченному органу.

– Чрезвычайно интересно, – сказала доктор Лусулу. – А как по-твоему, сможем мы со временем выращивать органы, превосходящие оригинал величиной и совершенством? Например, заменять уродливую ногу или волчью пасть образцовыми органами, а ненормально маленький пенис – большим? Возможно ли это?

– Возможно ли? Доктор, нет ничего невозможного, пока не доказано обратное. Даже если я не достигну этой цели, ее достигнут те, кто придет нам на смену.

Обсуждение продолжалось еще некоторое время, затем Лусулу снова занялась Таитой. Она с чрезвычайно довольным видом продолжала гладить его пенис.

– Отлично, – сказала она. – Член функционирует. Пациент близок к полной эрекции. Вот истинное доказательство твоего мастерства, доктор Ханна. Как ты думаешь, сможет он сейчас достичь оргазма? Или еще слишком рано?

К этому времени член в ее руках удвоился в размерах, а крайняя плоть полностью отступила. Обе женщины внимательно разглядывали его.

Ханна серьезно обдумала вопрос, потом ответила:

– Думаю, оргазм достижим, но пройдет еще какое-то время, прежде чем станет возможна эякуляция.

– Может быть, проверим? А, доктор?

Все обсуждение проходило в холодном, бесстрастном, профессиональном тоне. Однако незнакомое ощущение, которое простыми движениями рук вызвала доктор Лусулу, оказалось таким сильным, что Таита смутился. Он понятия не имел, как и чем это кончится. Пугающая перспектива для человека, который привык всегда контролировать и себя, и всех окружающих. Он отвел руку женщины.

– Спасибо, доктор, – сказал Таита. – Врачебное искусство доктора Ханны произвело огромное впечатление на всех нас. Особенно на меня. Тем не менее я считаю, что предлагаемую проверку следует проводить не столь публично.

Он расправил одежду и сел.

Доктор Лусулу улыбнулась и сказала:

– Желаю вам большой радости.

Судя по блеску ее глаз, она не разделяла отношения доктора Ханны к праздным забавам.

Теперь, когда Таита получил доступ к библиотеке, дни летели быстро. Как правильно заметила Ханна, для знакомства со всеми собранными здесь знаниями не хватило бы целой жизни. Как ни странно, но забранная решеткой комната не вызывала у Таиты никакого интереса. Как воспоминание о плачущей женщине в ночи и многих других необъяснимых происшествиях, эта мысль просто исчезла из его памяти.

Если он не занимался в библиотеке, он подолгу беседовал с Ханной, Рии и Ассемом. Они по очереди знакомили его с различными лабораториями, где воплощали в жизнь множество поразительных замыслов.

– Помнишь вопрос доктора Лусулу об улучшенных частях человеческого тела? – спросила Ханна. – Представь себе воина, чьи ноги позволяют ему передвигаться со скоростью лошади. А что, если мы сумеем вырастить воина с несколькими парами рук? Две руки – стрелять из лука, третья – действовать боевым топором, четвертая – мечом, а пятая – держать щит. Никто не устоит перед таким воином.

– Раба с четырьмя сильными руками и очень короткими, но сильными ногами можно будет посылать в самые узкие места в копях, чтобы в огромных количествах добывать золотую руду, – подхватила доктор Рии. – Еще лучше, если его интеллект будет низведен до уровня быка, чтобы такой раб мог выносить самые трудные условия и безропотно трудился. Доктор Ассем вырастил травы, меняющие сознание подобным образом. Со временем мы с доктором Ханной сможем добиться и физических усовершенствований.

– Ты, конечно, видел обученных обезьян, которые охраняют вход в туннель, ведущий в сады? – спросила Ханна.

– Да, видел и слышал, что их называют трогами, – ответил Таита.

Ханна как будто слегка обиделась.

– Так их называют невежды. Мы же используем название «пан троглодитес». Они происходят от породы древесных обезьян, обитающих на далеком юге. За столетия опытов над этими обезьянами с помощью хирургии и особых трав удалось развить их интеллект и увеличить агрессивность настолько, что они стали нам полезны. С помощью подобного же подхода мы доби-

лись того, что они безоговорочно подчиняются тому, кто их контролирует. Конечно, их разум зачаточен и примитивен, и оттого они весьма восприимчивы к манипуляциям со стороны людей. Ту же технику мы используем и в работе с рабами и пленными. И добились впечатляющих результатов. Как только ты станешь членом Гильдии, я с удовольствием познакомлю тебя с нашими достижениями.

Эти откровения вызывали у Таиты отвращение. Здесь создают тварей, которые перестают быть людьми и становятся ужасными чудовищами, подумал он, но, конечно, смолчал. Все эти люди заражены злом Эос. Их ум извращен, отравлен ее ядом. «Как мне не хватает общества честных, приличных людей – Мерена, Наконто! Как долго не чувствовал я свежести Фенн!»

Немного погодя, когда они вместе возвращались из библиотеки, он вновь спросил, когда же ему разрешат покинуть Облачные Сада и вернуться в Мутанги, пусть ненадолго.

– Мои спутники, должно быть, расстроены моим длительным отсутствием. Я хотел бы убедиться в том, что у них все благополучно. И тогда с радостью вернусь, чтобы вступить в Гильдию.

– К несчастью, господин, не я принимаю решение, – ответила Ханна. – Похоже, Верховный Совет хочет, чтобы до вступления в Гильдию ты оставался в Облачных Садах. – Она улыбнулась. – Но не расстраивайся, властительный. Это не больше чем на год. Заверяю тебя, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы для тебя это время прошло плодотворно.

Перспектива еще год не видеть Фенн и Мерена приводила Таиту в ужас, но его утешала мысль о том, что ведьма не станет ждать так долго: вскоре она сделает решающий ход в игре, которую ведет с ним.

Его новые органы продолжали расти с поразительной скоростью. Он помнил совет Лусулу: «Обязательно научись наслаждаться мужскими органами, которые вернула тебе доктор Ханна, ты должен радоваться им». По ночам, лежа в одиночестве на матраце, Таита принялся исследовать свои новые возможности. Ощущения, вызванные собственными прикосновениями, были столь сильны, что начали вторгаться в его сны. Похотливые демоны, которых поселил в его сознании чертенок из грота, вели себя все настойчивее и требовательнее. Сны одновременно радовали и поражали. В этих снах Таиту навещала прекрасная гурия. Она бесстыдно демонстрировала свои женские прелести, и он видел, что ее орган прекрасен и напоминает орхидею. Запах и вкус женщины были слаще любого фрукта.

Впервые почти за столетие он почувствовал взрыв в паху, ощущение такой силы, что с ним не шли ни в какое сравнение экстаз и даже боль. Таита проснулся, тяжело дыша и дрожа, как в лихорадке. Мокрый от пота и иных выделений. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он смог справиться с воображением, возбужденным видениями.

Таита встал и зажег масляную лампу. Отыскал подаренное Рии серебряное зеркало и встал на колени. При свете лампы он со страхом смотрел на отражение своих гениталий. Пенис все еще был разбухшим, каким показывал его чертенок в водах бассейна, – полностью сформированным, величественным и тяжелым.

«Теперь мне понятны страсти, управляющие всеми нормальными людьми. Я впервые стал одним из них. То, что мне дали, – любимый, но опасный зверь, двуличный враг. Если я смогу держать его в узде, то познаю все те радость и наслаждение, о которых говорила Лусулу. Если он станет моим господином, он уничтожит меня – как и задумала Эос».

Вернувшись на следующее утро в библиотеку, Таита обнаружил, что ему трудно сосредоточиться на содержании свитка, развернутого перед ним на низком рабочем столике. Маг остро ощущал слабое жжение внизу живота и присутствие там своего нового органа.

«Как будто теперь со мной делит жизнь какая-то новая личность, избалованный ребенок, постоянно требующий внимания». Таита чувствовал по отношению к нему собственническую гордость. «Нам предстоит состязание, состязание воль, которое решит, кто из нас будет главным». Нет, его разум, отточенный до такого совершенства, что умел подавить самую сильную боль, способный поглотить и усвоить огромный объем знаний, справится и с этой, гораздо менее значительной помехой. Таита сосредоточил все свое внимание на свитке. Вскоре содержание свитка так его увлекло, что он почти перестал замечать окружающее.

В библиотеке царила тишина, все способствовало занятиям. Хотя в соседних помещениях сидели другие посетители, Таиту оставляли в одиночестве, как будто всех предупредили: держитесь от него подальше. Изредка через его комнату проходили библиотекари с корзинами свитков и раскладывали эти свитки на полках. Таита не обращал на них внимания, только слышал, как со скрипом открывается решетка запретной комнаты. Однажды он успел поднять голову и увидеть, как туда заходит библиотекарь, женщина средних лет и неприметельной внешности. Ничего об этом не подумав, он вернулся к чтению. Немного погодя снова послышался скрип. Вышла та же женщина и закрыла за собой решетку. Она неслышно появилась в комнате и вдруг остановилась у столика Таиты. Маг вопросительно посмотрел на нее. Она положила на стол свиток.

– Боюсь, ты ошиблась, – сказал Таита. – Я этого не просил.

– Надо было попросить, – ответила женщина так тихо, что он с трудом разобрал слова. Она вытянула мизинец правой руки и прикоснулась им к нижней губе.

Таита вздрогнул. Это был тайный знак, который показал ему военачальник Тинат. Женщина – из его людей. Не сказав больше ни слова, она вышла, оставив свиток на столе. Таита хотел окликнуть ее, но сдержался и лишь проводил глазами. Потом вернулся к чтению своего свитка, но, убедившись, что один и за ним не наблюдают, свернул его и отложил, взамен развернув принесенный библиотекарем. Свиток был без названия, автор не указан. Однако Таита узнал руку, искусно начертавшую эти необычно мелкие иероглифы.

– Доктор Рии, – прошептал он и жадно принялся читать. Свиток был посвящен замене человеческих органов путем засева и прорастания семени. Таита быстро просматривал папирус. Он был очень близко знаком с тем, о чем писала доктор Рии; она излагала суть чрезвычайно подробно и ясно, но почти до середины свитка маг не находил ничего нового. Однако потом Рии принялась описывать, как семя готовят к засеву. Глава называлась «Отбор и взращивание семени». Таита читал, и невероятность того, что описывалось, обрушилась на него лавиной. Сознание мага оцепенело от потрясения, он вернулся к началу главы и перечитал – на сей раз очень медленно – те разделы, в которые не в силах был поверить.

Донором должна быть молодая и здоровая женщина (писала доктор Рии), у которой прошло самое малое пять менструаций. Ни у нее, ни у ее ближайших родственников даже в прошлом не должно быть серьезных болезней. Внешне женщина должна быть привлекательной, а также послушной и сговорчивой, чтобы ею управлять. Если в этом отношении возникают затруднения, рекомендуется применение успокоительных. С женщинами следует обращаться осторожно и бережно, чтобы не повредить конечный продукт. В приложении в конце раздела приведен перечень рекомендуемых наркотических средств. Диета также важна. В рационе должно быть поменьше мяса и молочных продуктов, которые горячат кровь.

Далее следовало еще много подобного. Наконец Таита добрался до следующей главы, которая называлась просто «Осеменение».

Как и донор, осеменитель должен быть молод и здоров, без всяких изъянов и увечий. При существующей системе в осеменители обычно избирают в награду за службу государству. Обычно это военные. Следует предотвратить возникновение эмоциональных связей с донором. Осе-

менители должны сменяться через краткие промежутки. Как только беременность донора подтверждена, всякое общение с осеменителем прекращается.

Таита смотрел на стопку табличек перед собой, но не видел их. Он вспомнил ужас маленькой Сидуду. Отчетливо припомнил ее жалобную просьбу: «Пожалуйста, маг. Умоляю! Помоги! Если я не избавлюсь от этого ребенка, меня убьют. Я не хочу умирать из-за отродья Онки».

Беглянка Сидуду была одной из доноров. Не возлюбленной, не матерью – донором. Онка был одним из ее осеменителей. Не мужем, не любовником, не возлюбленным, а осеменителем. Таита с нарастающим ужасом заставил себя читать дальше. Очередная глава называлась «Засев». Некоторые фразы сразу бросились в глаза.

Сбор урожая следует производить между двенадцатой и двадцать четвертой неделями беременности.

Зародыш до́лжно извлечь из утробы целым и невредимым. Естественные роды недопустимы, так как установлено, что они пагубно отражаются на качестве семени.

Возможность того, что после извлечения зародыша донор выживет, незначительна, поэтому жизнь донора должна быть немедленно прекращена. Врачу следует принять меры к предупреждению ненужных страданий. Предпочтительно обездвижить донора. Руки и ноги должны быть привязаны, во рту кляп, чтобы крики не встревожили других доноров. Плод извлекают посредством быстрого разреза передней части брюшной стенки. Вслед за этим донора лишают жизни путем удушения. Нить-удавку следует держать до тех пор, пока сердце не остановится и тело не остынет.

Таита торопливо перешел к следующей главе – «Плод». Его сердце билось так сильно, что удары отдавались в ушах.

Представляется безразличным, каков пол плода, хотя логика подсказывает, что ему лучше совпадать с полом реципиента. Плод должен быть здоровым и хорошо развитым, без видимых уродств и изъянов. Если он не отвечает этим требованиям, его следует уничтожить. Поэтому рекомендуется располагать перед операцией не одним пригодным донором. В случае обширной области засева следует обеспечить возможность выбора не менее чем из трех доноров. Еще предпочтительнее пять.

Таита покачнулся. Три донора. Он вспомнил трех женщин у водопада в день своего первого приезда. Жертвенные овцы, привезенные ради нового глаза Мерена. Пять доноров. Он вспомнил еще пять девушек, которых вез Онка, когда они повстречались с ним в дороге. Неужели все они умерли от удушения согласно рекомендациям? Быть может, это плач одной из них он слышал ночью? Она знала, что ждет ее и дитя в ее чреве? И поэтому плакала? Таита вскочил, выбежал из здания и бросился в лес. Скрывшись за деревьями, он согнулся и его вырвало. Он с болью выплескивал свой стыд и гнев. Прислонившись к стволу дерева, он смотрел на выпуклость под подолом своей одежды.

– Из-за этого погибли невинные? – Он выхватил из-за пояса небольшой нож. – Я отрежу его и затолкаю в горло Ханне! Этот губительный дар принесет мне только чувство вины и мучения!

Руки мага дрожали так сильно, что нож выскользнул из пальцев. Таита обеими ладонями закрыл глаза.

– Ненавижу его... Ненавижу себя! – прошептал он. В его сознании теснились страшные путаные картины. Он видел разнузданный пир крокодилов в озере. Слышал плач женщин и детей, звуки горя и отчаяния.

Но вот смятение прошло, и в ушах Таиты зазвучал голос мудреца Деметера: «Эос – прислужница Лжи. Она самозванка, захватчица, обманщица, воровка, пожирательница младенцев».

– Пожирательница младенцев, – повторил маг. – Это она вдохновляет на все эти жестокости и приказывает их совершать. Именно ее я ненавижу. Ее я пришел сюда уничтожить. Возможно, посеяв эту штуку, она, сама того не желая, дала мне оружие против себя.

Он отнял руки от глаз и посмотрел на них. Дрожь прошла.

– Собери всю свою храбрость и решительность, Таита из Галлалы, – прошептал он. – Время робких стычек прошло. Грядет решающая битва.

Он вернулся из леса в библиотеку с намерением перечитать рукопись доктора Рии. Запомнить каждое слово. Он должен знать, как из тел младенцев готовят проклятое семя. И быть уверенным, что эта жертва никогда не будет прощена. Он шагнул к столу, на котором оставил рукопись – и не нашел ее.

К тому времени как Таита вернулся в свою комнату в лечебнице, солнце село за стены кратера. Слуги зажгли лампы, на медной жаровне с горячими угольями грелся его обычный ужин. Перекусив, сварив и выпив кофе, выращенного доктором Ассемом, Таита, скрестив ноги, сел на матрац и погрузился в размышления. Таков был его обычный вечерний распорядок; шпион за глазком не увидит ничего странного.

Наконец Таита погасил лампу, и комната погрузилась в темноту. Вскоре аура за глазком рассеялась: шпион оставил на ночь свой пост. Таита выждал еще немного и снова зажег лампу, но подвернул фитиль так, что свет был очень слабым. Сжав в руках амулет, маг мысленно сосредоточился на образе Лостры, которая стала Фенн. Он открыл медальон и вынул ее локоны – старый и новый. Любовь к ней – вот его главное оружие в борьбе с Эос. Поднеся локоны к губам, он еще раз подтвердил свою любовь.

– Защити меня, любовь моя, – молился он. – Укрепи.

Он почувствовал, как согревает его душу сила, идущая от этих волос, потом снова уложил их в медальон и достал осколок красного камня, извлеченный из глаза Мерена. Положил на ладонь и сосредоточился на нем.

– Он так же холоден и тверд, как моя ненависть к Эос, – прошептал Таита.

Любовь была его щитом, ненависть – мечом. Он укрепил то и другое. Потом положил осколок рядом с волосами, закрыл медальон и повесил на шею. Задул лампу, лег, но сон не шел к нему.

Его преследовали разрозненные воспоминания о Фенн. Он помнил ее смех и слезы. Помнил, как она улыбается и дразнится. Помнил, с каким серьезным выражением решает поставленные им задачи. Помнил ее теплое тело, лежавшее рядом с ним по ночам, ее тихое дыхание и биение ее сердца.

«Я должен ее увидеть. Возможно, в последний раз. – Таита сел. – Я не смею вызвать ее, но могу подглядеть за ней». Эти два астральных действия похожи и в то же время существенно различны. Вызвать – значит крикнуть на весь эфир, и любой нежелательный слушатель может уловить возмущение. А подглядеть – значит подсмотреть незаметно, как шпион за глазком. Лишь мудрец и пророк, подобный Эос, способен обнаружить это, как Таита обнаружил шпиона. Однако он так долго воздерживался от всякой астральной деятельности, что ведьма вряд ли продолжает следить за ним.

«Я должен увидеть Фенн. Должен рискнуть».

Он сжал амулет в правой руке. Локон – ее часть и приведет его к ней. Таита прижал амулет ко лбу, закрыл глаза и начал раскачиваться из стороны в сторону. Амулет в правой руке словно обрел собственную жизнь. Таита чувствовал, как он пульсирует в такт его сердцебиению. Он раскрыл свое сознание и позволил свободно войти потоку бытия, извилистому, как огромная река. Дух мага вырвался из тела и взмыл ввысь, словно на крыльях гигантской птицы. Далеко внизу проплывали туманные картины лесов и равнин. Таита увидел нечто вроде войска на мар-

ше, но, приблизившись, понял – это медленно движется колонна беженцев: сотни мужчин, женщин и детей бредут по пыльной дороге или едут, тесно набившись в неуклюжие повозки, запряженные быками. С ними воины и всадники. Но Фенн среди них нет.

Он двинулся дальше, посылая свой дух вдаль и вширь, держа амулет как магнит, и искал, пока впереди не появилось небольшое скопление домов Мутанги. Приблизившись, маг с растущей тревогой увидел, что деревня превращена в почерневшие и обгорелые развалины. Над деревней, как туман, висело астральное воспоминание об убийстве множества людей. Таита просеял его и с облегчением убедился, что ни Фенн, ни других его спутников среди мертвых нет. Должно быть, они сбежали из Мутанги до уничтожения деревни.

Таита позволил своему духу устремиться еще дальше и вскоре обнаружил слабый след присутствия девушки у подножия Лунных гор, гораздо западнее деревни. Он последовал за этим проблеском и вскоре повис над узкой долиной, скрытой в лесу, растущем на склонах гор.

Она там, внизу. Он присмотрелся повнимательнее и вскоре обнаружил небольшой загон. Среди коней – Дымка и Вихрь. Сразу за лошадьми возле узкого входа в пещеру горит костер. У костра сидит Наконто, с ним Имбали. Таита позволил своему духу проникнуть в пещеру.

Вот она. Он увидел Фенн: она спала на матраце у небольшого костра. Рядом с ней Сидуду, дальше Мерен, потом Хилто. Таита теперь был так близко к Фенн, что слышал ее дыхание. Оружие она положила возле себя, остальные в отряде также вооружены. Фенн лежит на спине. Она обнажена по пояс, на ней только набедренная повязка. Таита с нежностью смотрел на нее. С их последней встречи тело Фенн стало еще более женственным. Груди увеличились и округлились, соски по-прежнему маленькие, но напряженные и темно-розовые. С живота исчезли последние остатки детской припухлости. Изгибы тела частично затемняет, частично подчеркивает пламя костра. Сейчас Фенн прекраснее его самых ярких воспоминаний. Таита с удивлением понял, что Фенн, должно быть, не меньше шестнадцати лет. Как быстро пролетели рядом с ней годы!

Ритм ее дыхания изменился, она медленно открыла глаза. Они по-прежнему зеленые, но в свете костра кажутся более темными: Фенн ощутила его присутствие. Приподнялась на локте, и Таита понял, что она готова вызвать его. Они очень близко к Облачным Садам. Нужно остановить ее, прежде чем она выдаст свое местонахождение враждебным силам здесь, в горах. Таита позволил своему духовному знаку повиснуть в воздухе перед ее глазами. Фенн вздрогнула, поняв, что он смотрит на нее, и уставилась прямо на его знак. Таита приказал ей хранить молчание. Фенн улыбнулась и кивнула.

В ответ она сформировала свой духовный знак – тонкий рисунок цветка водяной лилии в любовном объятии с соколом. Таита задержался еще на мгновение. Свидание мимолетное, но оставаться дольше было смертельно опасно. И маг поместил в сознание девушки последнее сообщение: «Я вернусь к тебе скоро, очень скоро». И начал уходить.

Фенн поняла, что Таита уходит, и улыбка застыла на ее губах. Она протянула руку, словно хотела удержать его, но он не мог остаться.

Он стремительно вернулся в собственное тело и обнаружил, что сидит, скрестив ноги, на постели в своей комнате в Облачных Садах. Печаль расставания после такой короткой встречи легла на него тяжким грузом.

Все последующие месяцы маг сражался со своей новой плотью. Таита всегда был всадником и поэтому обращался с ней как с необъезженной лошадью, подчиняя ее силой и уговорами. С самой юности он требовательно относился к своему телу, безжалостно тренируя и дисцип-

линируя его. Так и теперь – вначале он использовал технику дыхания, которая давала ему исключительную выносливость и способность сосредоточиваться. Затем научился управлять своими заново сформированными гениталиями. Очень скоро он уже мог, не прикасаясь к себе, с утра до вечера держать пенис в возбужденном состоянии. Таита упражнялся до тех пор, пока не научился бесконечно долго сдерживать выброс семени и выпускать его точно в тот момент, когда пожелает.

Деметер описывал, что ему пришлось пережить, пока Эос держала его в своей власти и «дьявольски совокуплялась» с ним. Таита знал, что вскоре тоже станет жертвой подобного плотского вторжения и, если хочет уцелеть, должен научиться сопротивляться. Все его приготовления к этой схватке казались тщетными. Ему предстояла встреча с одним из самых прожорливых сексуальных хищников всех времен, а ведь он девственник.

«Мне нужна женщина, чтобы я мог работать над собой, – решил он. – Желательно опытная».

С первой встречи он не раз видел в библиотеке доктора Лусулу. Как и Таита, она, казалось, много времени проводила в занятиях. Они обменивались краткими приветствиями, но хотя Лусулу как будто готова была делать дальнейшие шаги, маг не давал ей такой возможности. Теперь он стал искать ее и однажды утром увидел за рабочим столом в одной из комнат библиотеки.

– Да пребудет с тобой милость богини, – негромко поздоровался он. Таким приветствием обменивались Ханна и Рии. Лусулу подняла голову и тепло улыбнулась. Ее аура пошла яркими зигзагами, на щеках заиграл румянец, глаза блеснули. Когда Лусулу взбудоражена, она очень привлекательна.

– Милости и тебе, властительный, – ответила она. – Мне чрезвычайно нравится новый фасон твоей бороды. Тебе очень идет.

Они проговорили несколько минут, потом Таита извинился и направился к своему столу. Он не смотрел на Лусулу, пока много времени спустя не услышал, что она сворачивает свой свиток и встает. Ее сандалии легко постукивали по полу, когда она шла мимо. Таита поднял голову, и их взгляды встретились. Лусулу кивнула на дверь и снова улыбнулась. Он вышел за ней в лес. Она медленно шла по тропе в сторону лечебницы, но не прошла и ста ярдов, как он догнал ее. Они поболтали, и наконец Лусулу сказала:

– Я часто задумывалась о том, каковы результаты операции, проведенной доктором Ханной. Все ли идет так же хорошо, как началось?

– Определенно, – заверил он. – Помнишь, ты обсуждала с доктором Ханной мою способность эякулировать?

Аура Лусулу вспыхнула ярче, когда он произнес это провокационное слово, и она ответила слегка охрипшим голосом:

– Да, помню.

– Что ж, могу заверить, что теперь это происходит регулярно. Как врачу и посвященному, тебе, вероятно, было бы интересно увидеть демонстрацию.

Продолжая притворяться, будто ведут профессиональный разговор, они вошли в ее комнату. Таита задержался, чтобы прикрыть шпионский глазок в углу, потом вернулся туда, где стояла женщина.

– Мне снова понадобится твоя помощь, – сказал он, раздеваясь.

– Конечно, – согласилась Лусулу и с готовностью подошла к нему. Легла и после нескольких искусных поглаживаний заметила: – Ты очень вырос с нашей последней встречи. – Немного погодя она спросила: – Позволь спросить, господин, знал ли ты раньше женщину?

– Увы! – Он печально покачал головой. – Я не знаю, с чего начать.

– Позволь мне учить тебя.

Обнаженная, она оказалась еще привлекательнее. Широкие бедра, большие упругие груди с крупными темными сосками. Когда Лусулу легла на матрац на спину, развела ноги и ввела в

себя Таиту, он, захваченный врасплох теплом и липким маслянистым объятием ее тайной плоти, оказался в опасной близости к завершению, еще не успев начать. С огромным усилием Таита совладал с собой и своим телом. Вот когда пригодились многодневные упорные тренировки. Он отринул собственные ощущения и сосредоточился на чтении ауры Лусулу, как моряк читает карты. Он определял ее желания и стремления раньше, чем она начинала их осознавать. Он заставил ее стонать и всхлипывать. Заставил кричать, как кричит осужденная под пытками палача. Все ее тело судорожно изгибалось. Лусулу молила его остановиться – и никогда не останавливаться.

– Я сейчас умру! – всхлипнула она наконец. – Священным именем богини молю тебя, довольно.

Но он не останавливался.

Лусулу слабела, не в состоянии выдерживать его напор. Лицо ее вымокло в слезах и поту. Темные тени страха появились в глазах.

– Ты дьявол, – прошептала она. – Ты сам дьявол.

– Да, дьявол, которого создали ты, Ханна и все остальные.

Наконец Лусулу была готова. У нее не осталось сил сопротивляться. Таита прижимал ее, глубоко проникая в ее плоть. Не только тело, но и сознание Лусулу простерлись перед ним. Он накрыл ее рот своим, заставил открыть губы, изогнул спину и, как ныряльщик за жемчугом перед погружением делает последний глубокий вдох, извлек из женщины всю ее силу, все знания, все ее победы и поражения, страх и глубоко скрытое чувство вины.

Он забрал все и, опустошенную, оставил Лусулу на матраце. Она дышала быстро и неглубоко, кожа ее побледнела и стала прозрачной, как воск. Женщина смотрела не мигая и молчала. Остаток ночи Таита просидел рядом с ней, читая ее воспоминания, узнавая тайны, постигая ее по-настоящему.

Первые лучи рассвета проникли в комнату, когда Лусулу наконец пошевелилась и повернула голову.

– Кто я? – еле слышно прошептала она. – Где я? Что со мной? Я ничего не помню.

– Тебя зовут Лусулу, и ты в своей жизни причинила огромное зло. Тебя мучит чувство вины. Я забрал у тебя все. Но ничего из этого не хочу сохранить для себя. Возвращаю все это тебе, особенно вину. В конце концов она тебя убьет, и ты заслуживаешь такой смерти.

Он наклонился и снова проник в нее. Лусулу пыталась оттолкнуть его, но у нее не было сил. Когда Таита вторично входил в нее, она закричала, но крик замер у нее на устах. Единым мощным семяизвержением он вернул ей все, встал и пошел мыться.

Когда он вернулся, Лусулу одевалась. Она с ужасом взглянула на Таиту, и он увидел, что ее аура разорвана в клочья. Лусулу добралась до двери, распахнула ее и вышла в коридор. Послышался топот ее бегущих ног.

На мгновение Таите стало ее жалко, но он вспомнил все ее гнусные преступления, и жалость прошла. Потом Таита подумал: «Она все же частично искупила свою вину, научив меня, как обращаться с ее хозяйкой, великой ведьмой».

День за днем, неделю за неделей Таита терпеливо ждал приглашения Эос; он знал, что оно непременно придет. И вот однажды утром он проснулся с необыкновенным ощущением ожидания и полноты жизни. «Ведьма призывает меня в свое логово», – сказал он себе. На террасе, выходящей на озеро, он съел скромный завтрак из фиников и инжира, глядя, как солнце встает

из тумана и окутывает стены кратера золотистым сиянием. Кроме слуг, он никого не видел: ни Ханну, ни Рии, ни Ассема. К своему облегчению: он не доверял себе после тех откровений, которые прочел в свитке из тайной комнаты. Никто не окликал его и не пытался задержать, когда он направился ко входу в верхний сад.

Таита шел медленно: требовалось время, чтобы собрать и оценить свои силы. Единственные надежные сведения об Эос содержались в рассказах Деметера. На ходу Таита слово за словом вспоминал его рассказы. Возможности его памяти были так сильны, что старик Деметер словно вновь говорил с ним.

– Если ей грозит опасность, она может менять внешность, как хамелеон, – прозвучал в его ушах голос Деметера, и Таита вспомнил призраков, которые выходили из грота: чертенка, фараона, богов и богинь и себя самого. – Но среди ее многочисленных пороков есть и тщеславие. Она умеет быть невообразимо прекрасной. Ее красота поражает чувства и ослепляет разум. Когда она принимает такое обличье, ей не в силах сопротивляться ни один мужчина. Ее вид даже самых благородных превращает в скотов. Таита обратился к облику Эос, какой она была в операционной лечебницы. Сквозь плотную вуаль он не видел ее лица, но ее красота была такова, что и невидимая заполнила комнату.

– Несмотря на всю свою подготовку посвященного, я не сумел сдержать низменные инстинкты, утратил способность и желание считаться с последствиями. Для меня в тот миг не существовало ничего, кроме нее. Меня поглотила похоть. Ведьма играла мной, как осенний ветер играет сухим листком. Мне казалось, она дарит мне все земные радости. Она отдала мне свое тело. Даже теперь это воспоминание приводит меня на грань безумия. Каждый подъем и каждое падение, каждое пленительное отверстие и каждое душистое углубление... Я не пытался сопротивляться, да и никакой смертный не смог бы.

«А я смогу?» – подумал Таита.

Тут в его сознании прозвучало самое грозное предупреждение Деметера:

– Таита, ты заметил, что подлинная Эос была ненасытна в любви, и это истинно, но эта, другая Эос превзошла ее. Целуя, она высасывает из любовника жизненную силу, как мы с тобой пьем сок спелого апельсина. Когда она сжимает мужчину бедрами в изысканном, но дьявольском совокуплении, она забирает у него самую суть. Забирает душу. Эта жизненная суть – амброзия, которой она питается. Она подобна чудовищной ламии, которая кормится человеческой кровью. В жертвы она выбирает только высшие существа, мужчин и женщин с добрым разумом, слуг Истины, прославленных магов и одаренных пророков. Обнаружив жертву, она преследует ее безжалостно, как волк оленя.

«Как преследует меня», – подумал Таита.

– Она всеядна. – Так говорил Деметер, который знал ее лучше прочих. – Ей не важны внешность и возраст, физическая хрупкость или несовершенство. Ее аппетит утоляет не плоть, но души жертв. Она пожирает молодых и старых, мужчин и женщин. Поймав их в свои сети, окутав шелковой паутиной, она извлекает из них все знания, мудрость и опыт. Она высасывает все это своими проклятыми поцелуями. Извлекает из лона своими отвратительными объятиями. И оставляет пустую оболочку.

Слуги ведьмы, Ханна, Рии и Ассем, восстановили мужской орган Таиты с одной-единственной целью: чтобы Эос смогла уничтожить мага, его тело, мозг и душу. Маг подавил ужас, поднимавшийся в нем, как приливная волна, и грозивший затопить его.

«Я готов к встрече, готов, как никогда. Но довольно ли этого?»

Ворота сада были широко раскрыты, но, когда Таита приблизился, странная тишина опустилась на кратер. Легкий ветер стих. Соловьиный дуэт смолк. Ветви деревьев застыли в не-

подвижности, точно выписанные на голубом занавесе неба. Таита несколько мгновений вслушивался в тишину и прошел в ворота.

Почва под его ногами дрогнула, затряслась, и ветви деревьев сочувственно заколебались. Часть стены кратера откололась и с шумом обрушилась на лес внизу. Земля под Таитой накренилась, как корабельная палуба в бурю. Он едва не потерял равновесие и ухватился за столб ворот, чтобы не упасть. Снова поднялся ветер, но на сей раз он дул со стороны грота. Он раскачивал вершины деревьев и поднял вокруг Таиты водоворот сухих листьев. Ветер был холоден, как рука трупа.

«Эос старается запугать меня. Она хозяйка вулканов. Она повелевает землетрясениями и огненными реками лавы, текущими из преисподней. Она показывает мне, как я мал и слаб перед лицом ее мощи», – подумал Таита. И крикнул:

– Услышь меня, Эос! Я принимаю твой вызов!

Дрожь земли прекратилась, и кратер снова окутала таинственная тишина. Теперь тропа перед магом была свободной и соблазнительной. Миновав наконец щель между двумя высокими камнями, Таита услышал журчание воды, вытекающей из грота. Он пробрался через густые заросли и вышел на поляну у пруда. Все было таким же, как в прошлый раз. Таита занял привычное место на траве спиной к поваленному стволу и принялся ждать.

Первым предупреждением для него послужил ледяной ветер, коснувшийся шеи; маг почувствовал, как волосы под мышками встают дыбом. Таита посмотрел на выход из грота и увидел, что тот окутан тонким серебристым туманом. В тумане показалась темная фигура, она величественной походкой спускалась к нему по замшелым ступенькам. Это была та самая женщина в вуали, которую он видел в кабинете Ханны, одетая, как и прежде, в просторные развевающиеся черные шелка.

Эос вышла из серебристого тумана, и Таита увидел, что она босиком. Из-под одеяния выглядывали пальцы ног – единственная видимая часть тела. Влажные и блестящие от воды источника, брызгавшей на них, маленькие и совершенной формы, словно вырезанные из слоновой кости рукой великого художника. Ногти жемчужно-яркие. Единственная часть тела, которая ему видна и необыкновенно эротичная. Таита не мог оторвать взгляда от этих пальцев. Он чувствовал, как разбухает его мужской орган, и с огромным усилием прекратил это.

«Если на меня способны так подействовать одни только пальцы ее ног, как сдерживаться, когда она покажется вся?»

Наконец он смог поднять глаза и попытался разглядеть что-нибудь под вуалью, но ткань была непроницаема. Тогда он ощутил внимание Эос, легкое прикосновение бабочки к коже. Ведьма заговорила, и у него перехватило дыхание. Он никогда не слышал такого певучего голоса. Словно звонили хрустальные колокольчики. Их звук наполнил трепетом основания души.

– Как долго я ждала тебя, – сказала Эос, и хотя Таита знал, что это великая Ложь, он не мог не поверить.

После того как Онка увез Таиту в Облачные Сады, Мерен и Фенн много месяцев прятали Сидуду. Вначале она была обессилена пережитыми испытаниями, смущена и подавлена. Мерен и Фенн обращались с ней мягко, и вскоре она привыкла полагаться на них. Кто-нибудь из них постоянно был с ней. Сидуду медленно поправлялась, к ней возвращалась уверенность в себе. Наконец она смогла рассказать о пережитом и о Храме Любви.

– Храм посвящен единственной истинной богине, – объяснила она. – Все храмовые девственницы избираются из числа переселенцев, никогда – из благородных семейств. Каждая приехавшая семья должна предъявить своих дочерей, и тем, чьи дочери избраны, это приносит большие почести и привилегии. Все жители нашей деревни участвовали в празднике в честь богини, меня одели в лучшее платье, голову украсили венком из цветов и отвели в храм. Отец и мать провожали меня, смеясь и плача от радости. Меня передали верховной жрице и оставили. Больше я родителей не видела.

– А кто тебя выбрал для служения богине? – спросила Фенн.

– Нам сказали, что таково решение олигархов, – ответила Сидуду.

– Расскажи о Храме Любви, – попросил Мерен.

Сидуду примолкла, словно задумалась. Заговорила она негромко и нерешительно:

– Храм прекрасен. Когда я только появилась, там было много других девушек. Жрицы были очень добры к нам. Дали красивую одежду и вкусную еду. И объяснили, что достойные отправятся в горы к самой богине и она их возвысит.

– Тебе там нравилось? – спросила Фенн.

– Сперва да. Конечно, я скучала по матушке и отцу, но нам каждое утро давали вкусный шербет, он наполнял нас радостью, легкостью и весельем. Мы смеялись, пели и танцевали.

– А потом? – спросил Мерен.

Сидуду отвернулась и заговорила так тихо, что Мерен с трудом слышал ее.

– Пришли мужчины. Мы думали, они будут нашими друзьями. Мы танцевали с ними. – Она беззвучно заплакала. – Мне стыдно рассказывать дальше.

Все молчали. Фенн взяла девушку за руку.

– Мы твои друзья, Сидуду, – сказала она. – Будь с нами откровенна. Расскажи нам все.

Сидуду всхлипнула и обняла Фенн за шею.

– Жрицы приказали нам отдаться гостям.

– Кто эти мужчины? – мрачно спросил Мерен.

– Первым стал властительный Аквер. Он был ужасен. Его сменили другие, много других, и наконец Онка.

– Можешь больше не рассказывать.

Фенн погладила ее по волосам.

– Нет! Я должна! Эти воспоминания жгут. Я не могу скрыть их от вас. – Сидуду глубоко, с дрожью вздохнула. – Раз в месяц нас осматривала женщина-врач по имени Ханна и отбирала одну или несколько девушек. Их уводили в горы, чтобы их возвысила богиня. И они больше не возвращались в храм. – Она замолчала, и Фенн протянула ей льняную ткань для носа. Сидуду высморкалась, аккуратно сложила ткань и продолжила: – Одна из девушек стала моей лучшей подругой. Ее звали Литане. Она была очень нежной и любящей, очень тосковала по родителям и ненавидела то, что делали с нами мужчины. Однажды ночью она убежала из храма. Она рассказала мне о своем замысле, и я пыталась ее остановить, но она была полна решимости. На следующее утро жрицы положили ее на алтарь, мертвую. И в назидание заставили нас всех пройти мимо. Они рассказали нам, что Литане поймали в лесу троги. И на алтаре она больше не была красивой и нежной.

Девушке позволили всплакнуть, потом Мерен сказал:

– Расскажи про Онку.

– Онка из благородной семьи. Он племянник властителя Аквера. И глава всех шпионов. Поэтому пользуется особыми правами. Благодаря своему положению он получил разрешение встретиться со мной несколько раз. Ему даже позволили забрать меня из храма, и я жила в его доме как рабыня. Я была наградой, которую Онка получил за службу государству. Напиваясь, он бил меня.

Ему доставляло удовольствие причинять мне боль. От этого у него блестели глаза и он улыбался. Однажды Онка уехал по делам, и ко мне тайно пришла женщина. Она рассказала, что работает в библиотеке в Облачных Садах. И объяснила, что происходит с девушками, которых уводят в горы. Их не возвышает богиня. У них из живота вырезают младенцев, еще до рождения, и отдают богине. Поэтому богиню тайно называют Пожирательницей Младенцев.

– А что происходит с девушками после того, как у них отбирают детей?

– Они исчезают, – просто ответила Сидуду и снова всхлипнула. – Некоторые исчезнувшие девушки мне нравились. В храме есть и другие, которых я люблю. Они тоже пойдут в горы, когда у них в животе будет ребенок.

– Успокойся, Сидуду, – прошептала Фенн. – Не стоит рассказывать о таких ужасах.

– Нет, Фенн, пусть бедная девочка говорит, – вмешался Мерен. – Ее слова разжигают во мне гнев. Джарриане – чудовища. Гнев послужит мне оружием против них.

– Значит, ты поможешь спасти моих подруг, Мерен? – Сидуду доверчиво взглянула на него.

– Я сделаю все, о чем ты попросишь, – сразу ответил он. – Но расскажи еще об Онке. Его первого настигнет моя месть.

– Я думала, он защитит меня. Мне казалось, если я останусь у него, меня не отправят в горы. Но однажды меня пришла осмотреть доктор Ханна. Я растерялась – я знала, что означает ее посещение. Закончив, она ничего мне не сказала, но я заметила, как она кивнула Онке. Этого было достаточно. Я поняла, что, когда ребенок во мне подрастет, меня отведут в горы. Несколько дней спустя ко мне явилась другая посетительница. Она пришла тайно, когда Онка был с Тинатом в Тамафупе. Это была жена Билто. Она предложила мне примкнуть к переселенцам, мужчинам и женщинам, которые задумали бежать из Джарри. Конечно, я согласилась и, когда меня попросили об этом, дала Онке напиток, от которого он заболел. После этого Онка начал меня подозревать. Он обращался со мной еще более жестоко, и я поняла, что скоро он отошлет меня обратно в храм. И тут я услышала о маге в Мутанги. Я подумала, что он сумеет извести ребенка Онки, и решилась отыскать его. Я убежала, но за мной погнались троги. Тогда вы и спасли меня.

– Ужасная история, – сказала Фенн. – Ты много страдала.

– Да, но не меньше, чем те девушки, что еще в храме, – напомнила Сидуду.

– Мы их освободим! – выпалил Мерен. – Когда будем уходить из Джарри, эти девушки пойдут с нами. Клянусь!

– О Мерен, я не надеялась встретить такого, как ты, смелого и благородного.

Сидуду быстро поправлялась. Они с Фенн все больше сближались. Девушка нравилась всем: и Хилто, и Наконто, и Имбали, но Мерену куда больше остальных. Благодаря Билто и другим жителям Мутанги они могли уходить на целые дни в лес. Мерен и Хилто продолжали учить Фенн стрельбе из лука и вскоре предложили Сидуду присоединиться. Мерен сделал для нее лук, тщательно подогнав по размеру и силе. Сидуду, хотя небольшого роста и стройная, оказалась удивительно сильной; к тому же у нее обнаружились врожденные способности к стрельбе. Мерен установил на поляне мишень, и девушки стреляли, дружески соперничая.

– Представь себе, что мишень – это голова Онки, – говорила Фенн, и после этого Сидуду редко промахивалась. Руки ее крепли так быстро, что вскоре Мерену пришлось делать для нее новый лук, тяжелый и требующий большей силы для сгибания. После долгих упражнений Сидуду научилась попадать в цель с двухсот шагов.

Мерен, Хилто и Наконто, заядлые игроки, делали ставки на состязающихся девушек. Они подбадривали фавориток и требовали лишить Сидуду форы. Так как Фенн начала учиться стрелять намного раньше, она стреляла по дальней мишени. Вначале разница была в пятьдесят шагов, но мастерство Сидуду росло, и расстояние сокращалось.

Однажды утром они в очередной раз соревновались на поляне: Мерен и Сидуду против Хилто и Фенн. Борьба была острая, смех громкий, но вдруг из-за деревьев показался всадник на незнакомой лошади. Одет он был как крестьянин, но держался в седле как опытный воин. По негромкому приказу Мерена все наложили стрелы на тетивы и замерли, готовые обороняться. Поняв их намерения, всадник остановил лошадь и стащил с лица повязку.

– Клянусь грязными ягодицами Сета! – воскликнул Мерен. – Это Тинат. – Он побежал навстречу. – Что случилось? Рассказывай немедленно!

– Я рад, что нашел вас, – сказал Тинат. – Приехал предупредить, что все мы в опасности. Олигархи вызывают нас всех к себе. Онка и его люди повсюду нас разыскивают. Сейчас они обшаривают все дома в Мутанги.

– Что это значит? – спросил Мерен.

– Только одно, – мрачно ответил Тинат. – Нас заподозрили. Думаю, Онка объявил меня предателем. Что, разумеется, по меркам Джарри справедливо. Он нашел тела убитых вами трогов и пришел в ярость: он теперь уверен, что вы прячете Сидуду.

– У него нет доказательств.

– Они и не нужны. Он близкий родственник властительного Аквера. Его слова достаточно, чтобы нас всех осудили, – ответил Тинат. – Приговор олигархов предопределен. Нас допросят под пыткой. Если мы ее выдержим, нас отправят в каменоломни или копи... или хуже.

– Значит, теперь все мы беженцы. – Мерена такая перспектива как будто нисколько не огорчила. – По крайней мере перестанем притворяться.

– Да, – подтвердил Тинат. – Мы теперь вне закона. Вам нельзя возвращаться в Мутанги.

– Конечно, нельзя, – сказал Мерен. – Да и незачем. С нами лошади и оружие. Нужно уйти в лес. Дожидаясь возвращения Таиты из Облачных Садов, мы будем готовиться к бегству из этого проклятого места в родной Египет.

– Уходить нужно немедленно, – согласился Тинат. – Мы слишком близко к Мутанги. В холмах много подходящих мест, где можно спрятаться. Если не будем топтаться на месте, Онке нас не догнать.

Все сели верхом и двинулись на восток. К середине дня покрыли двадцать лиг. Когда начали подъем в холмы у Прохода Китангуле, прямо перед всадниками пробежало стадо крупных серых антилоп с длинными спиральными рогами и большими ушами. Все мгновенно достали луки и бросились в погоню. Фенн на Вихре первой догнала стадо и свалила стрелой жирную безрогую самку.

– Довольно! – крикнул Мерен. – Здесь мяса хватит на несколько дней.

Стаду позволили убежать, а сами спешились, чтобы освежевать тушу. На закате Сидуду привела их к ручью с чистой вкусной водой. Здесь разбили лагерь и поджарили на костре мясо антилопы.

Пока обгладывали кости, Тинат рассказывал Мерену, какие силы имеются в распоряжении переселенцев.

– Мой собственный отряд – Красный Штандарт, все его командиры и воины присоединятся к нам, когда я призову к оружию. Я могу также рассчитывать на две части Желтого Штандарта, которым командует военачальник Сангат. Есть еще три части, охраняющие пленников и рабов в копях, свидетели жестокости и бесчеловечности, с какими обращаются с пленными. Они ждут моего приказа. Как только мы начнем борьбу, они освободят пленных, вооружат их и ускоренным маршем приведут к нам.

Принялись обсуждать место сбора и наконец решили, что каждая часть должна самостоятельно добраться до Прохода Китангуле, где все встретятся.

– А какие силы могут выставить против нас джарриане? – спросил Мерен.

– Хотя по численности они десятикратно превосходят нас, олигархам потребуется много дней, чтобы собрать войска и выступить против нас. Пока за нами сохраняется преимущество внезапности, мы в силах вести арьергардные бои на пути к верфям в верховьях реки Китангуле. Добравшись туда, мы захватим все необходимые корабли. И без труда спустимся по реке в большое озеро Налубаале. – Тинат помолчал и проницательно посмотрел на Мерена. – Выступить нужно через десять дней.

– Мы не можем уйти без мага Таиты, – сразу ответил Мерен.

– Таита – всего один человек, – сказал Тинат. – А в опасности сотни.

– Без него тебе не победить, – возразил Мерен. – Без его силы и ты, и твои люди обречены.

Тинат задумался, мрачно хмурясь и дергая себя за щетинистую бороду. Потом, казалось, принял решение.

– Мы не сможем ждать его бесконечно. Что, если он мертв? Я не могу рисковать.

– Доблестный Тинат! – взорвалась Фенн. – Вы можете подождать Таиту до луны урожая?

Луной урожая зовется последнее полнолуние перед весенним равноденствием. Тинат взглянул на Фенн, затем коротко кивнул:

– Но не дольше. Если к этому времени маг не спустится с гор, можно не сомневаться, что он никогда не придет.

– Спасибо, славный воин. Меня восхищают ваши храбрость и рассудительность, – любезно улыбнулась Фенн. Тинат смутился и уставился в огонь. А Фенн безжалостно продолжала: – А известно ли вам о девушках в Храме Любви, о храбрейший?

– Конечно, я знаю, что в храме есть девушки, ну и что же?

Фенн повернулась к Сидуду:

– Расскажи ему то, что рассказала нам.

Тинат с нарастающим ужасом слушал Сидуду. Когда она закончила, лицо его было угрюмым.

– Я понятия не имел, что с молодыми женщинами творят такие зверства. Конечно, я знал, что некоторых девушек забирают в Облачные Сады. Я сам сопровождал их туда, но они ехали добровольно. Я не знал, что их приносят в жертву богине, не знал о людоедских обрядах в горах.

– Господин Тинат, мы должны забрать их с собой. Нельзя оставлять их в Джарри, – вмешался Мерен. – Я уже поклялся сделать все, что в моих силах, чтобы освободить их и взять с собой, когда мы будем уходить из Джарри.

– Даю такую же клятву, – проворчал Тинат. – Клянусь всеми богами, что не покину эту землю, не освободив этих молодых женщин.

– Но если ждать луны урожая, сколько еще девушек отправятся в горы? – спросила Фенн.

Мужчины молчали.

– Если начать слишком рано, мы утратим преимущество внезапности. Джарриане сразу обрушат на нас все свои силы. А что предлагаешь ты, Фенн? – спросил наконец Тинат.

– В горы отправляют только беременных, – сказала Фенн.

– Судя по моим наблюдениям, да, – подтвердил Тинат. – Но чем это нам поможет? Мы не можем помешать им забеременеть, если в храме они – забава для мужчин.

– Да, не можем. Но можем остановить рост плода.

– Как? – спросил Мерен.

– Как Таита сделал это для Сидуду – с помощью средства, изгоняющего плод.

Мужчины обдумали слова Фенн, и Мерен сказал:

– Лекарская сумка Таиты в Мутанги, в нашем доме. Мы не можем за ней вернуться.

– Я знаю, из каких трав он изготовил снадобье. Я помогала их собирать.

– А как передать это снадобье женщинам? – спросил Тинат. – Их охраняют троги.

– Мы с Сидуду отнесем его в храм и объясним, как им пользоваться.

– Но как вы минуете трогов и жриц?

– Так же, как скрыли Сидуду от Онки, – ответила Фенн.

– Заклятие укрытия! – воскликнул Мерен.

– Не понимаю, – сказал Тинат. – О чем вы?

– Фенн ученица мага, – объяснил Мерен. – Он научил ее кое-чему из тайных искусств, и она хорошо усвоила урок. Она умеет спрятать себя и других под покровом невидимости.

– Не верю! – заявил Тинат.

– Увидишь сам, – ответила Фенн. – Отойди от костра и жди у деревьев, пока Мерен тебя не позовет.

Тинат нахмурился и с ворчанием отошел в темноту. Через несколько минут Мерен позвал его. Вернувшись, Тинат увидел у костра его одного.

– Ну, храбрый Камбизес, где они? – спросил Тинат.

– В десяти шагах от тебя, – ответил Мерен.

Тинат хмыкнул и медленно обошел костер, поглядывая по сторонам. Наконец он вернулся на прежнее место.

– Никого, – сказал он. – А теперь скажи, где они прячутся.

– Прямо перед тобой, – показал Мерен.

Тинат всмотрелся и покачал головой.

– Я ничего не вижу... – начал он, но тут же вздрогнул и изумленно вскрикнул: – Осирис и Гор, это колдовство!

Обе девушки сидели там же, где он их оставил. Они держались за руки и улыбались.

– Да, доблестный, но лишь малое колдовство. Трогов обмануть гораздо легче, чем тебя, – сказала Фенн. – Они – малоразумные звери, а ты – опытный воин с хорошо развитым умом.

Комплимент обезоружил Тината.

«Она поистине ведьма. Тинат ей не пара, – улыбнулся про себя Мерен. – Если она захочет, легко заставит его стоять на голове и выводить рулады задом».

Они не могли излишне приближаться к Храму Любви верхом. В отличие от Таиты Фенн не хватало силы скрыть целый отряд всадников. Лошадей оставили в густом лесу с Мереном и Наконто, и девушки двинулись вперед пешком. Сидуду под платьем несла четыре пучка трав, завернутых в льняную ткань.

Они поднялись по лесистому склону, добрались до вершины, и перед ними внизу открылась долина. В дальнем ее конце стоял храм, большое изящное здание, построенное из светло-желтого известняка и окруженное лужайками и прудами, в которых плавали листья гигантских водяных лилий. Слышались звуки веселья, и девушки увидели женщин, собравшихся на берегу самого большого пруда. Одни сидели в кругу, хлопая и напевая, другие танцевали под музыку.

– Мы ежедневно так делали в это время, – прошептала Сидуду. – Они ждут мужчин, которые скоро должны прийти.

– Ты узнаешь кого-нибудь из них? – спросила Фенн.

– Не знаю. Мы слишком далеко. – Сидуду заслонила глаза. – Подожди! Одинокая девушка по эту сторону пруда, видишь? Это моя подруга Джинга.

Фенн разглядывала стройную девушку, шедшую по берегу пруда. Одета в короткий хитон. Руки и ноги обнажены, в волосах желтые цветы.

– Ей можно доверять? – спросила Фенн.

– Она чуть старше большинства и самая разумная из всех. Все ее слушаются.

– Мы спустимся и поговорим с ней, – сказала Фенн, но Сидуду схватила ее за руку.

– Смотри! – сказала она дрожащим голосом. Прямо под ними из-за деревьев показались серые косматые фигуры. Они передвигались на четвереньках, упираясь в землю костяшками пальцев. – Троги!

Обезьяны обходили храмовые земли по краю, но держались так, чтобы женщины их не видели. Через каждые несколько шагов они принюхивались, раздувая ноздри, – ловили запах чужаков или беглянок.

– Можешь скрыть наш запах? – спросила Сидуду. – У трогов очень острое обоняние.

– Нет, – призналась Фенн. – Надо дать им пройти, потом начнем спускаться.

Троги двигались быстро и скоро исчезли среди деревьев.

– Пора, – сказала Фенн. – Быстрей! – Она схватила Сидуду за руку. – Помни: не разговаривай, не беги и не отпускай мою руку. Двигайся медленно и осторожно.

Фенн окружила их заклинанием и повела Сидуду вниз по склону. Подруга Сидуду Джинга, все еще одна, сидела под ивой и бросала в пруд рыбам кусочки лепешки. Девушки остановились рядом с ней, и Фенн сняла заклятие невидимости с Сидуду. Сама она оставалась невидимой, чтобы Джингу не испугало незнакомое лицо. Девушка была так увлечена игрой рыбы, что не замечала Сидуду. Но вот она вздрогнула и привстала.

Сидуду удержала ее, взяв за руку.

– Джинга, не пугайся.

Девушка посмотрела на нее и улыбнулась.

– Я не видела тебя, Сидуду. Где ты была? Я очень скучала. Ты стала еще красивей.

– Ты тоже, Джинга. – Сидуду поцеловала ее. – Но болтать некогда. Я должна рассказать очень многое. – Она внимательно посмотрела в лицо девушке и с отчаянием заметила, что у той зрачки расширены от наркотика. – Ты должна очень внимательно меня выслушать. – Сидуду говорила очень медленно, как с маленьким ребенком.

Взгляд Джинги сфокусировался: она начала осознавать чудовищность слов Сидуду. Наконец она прошептала:

– Наших сестер убивают? Неправда.

– Правда, Джинга, ты должна мне поверить. Но мы обязательно этому помешаем. – Сидуду быстро рассказала о травах, как готовить из них снадобье и применять его. – В горы забирают только девушек с детьми. Это снадобье изгнало моего младенца. Ты должна дать его тем, кто в опасности. – Сидуду достала из-под платья свертки. – Спрячь получше. Жрицы не должны их найти. Как только доктор Ханна выберет девушку, чтобы увести в горы к богине и возвысить, дай избраннице снадобье. Только это ее спасет.

– Меня уже выбрали, – прошептала Джинга. – Четыре дня назад приходила врач и сказала, что скоро я встречусь с богиней.

– Бедная Джинга! Ты сегодня же должна принять снадобье, как только останешься одна, – сказала Сидуду. Она снова обняла подругу. – Я не могу оставаться с тобой дольше, но скоро вернусь с хорошими людьми и спасу тебя. Мы отведем тебя и всех остальных в новую землю, где вы будете в безопасности. Предупреди всех, чтобы готовились к уходу. – Она отпустила Джингу. – Получше спрячь травы. Они спасут тебе жизнь. А теперь иди и не оглядывайся.

Едва Джинга повернулась спиной, Фенн окутала Сидуду заклятием невидимости. Не пройдя и двадцати шагов, Джинга оглянулась через плечо. Лицо ее побледнело: Сидуду исчезла. Девушка с видимым усилием справилась с собой и пошла по лужайке к храму.

Сидуду и Фенн пошли обратно по лесу. На полпути вверх Фенн остановилась и застыла. Она не смела заговорить, но крепко сжала руку Сидуду, чтобы не разрушить чары. Не дыша, девушки смотрели, как по тропе навстречу им идут два огромных серых трога. Обезьяны поворачивали головы из стороны в сторону, осматривая кусты, глаза их под низкими лбами быстро двигались. Самец был крупнее, но шедшая за ним самка казалась более подвижной и воинственной. Они поравнялись с девушками, и на мгновение показалось, что они пройдут мимо. Но самка резко остановилась, подняла морду, раздула ноздри и принялась шумно принюхиваться. Самец последовал ее примеру, и оба негромко, но энергично заворчали. Самец зевнул, обнажив страшные клыки, затем захлопнул челюсти. Обезьяны были так близко, что Фенн обдавало их зловонное дыхание. Она почувствовала, как дрожит Сидуду, и крепче сжала ее руку.

Оба трога сделали несколько острожных шагов вперед, продолжая принюхиваться. Самка опустила голову и принялась нюхать землю, по которой прошли девушки. Следуя за их запахом, она медленно приближалась. Сидуду тряслась от ужаса; Фенн ощущала, как и ее охватывает паника, и собрала все свои знания, черпая из них силу и храбрость. Фыркающую морду самки теперь отделяло от ноги Сидуду несколько дюймов. Девушка от ужаса обмочилась. Моча потекла по ее ногам, и троги учуяли ее. Самка напружинилась перед прыжком, но в это мгновение из кустов показалась маленькая антилопа; самец-трог яростно взревел и бросился в погоню за ней. Самка последовала за ним, пробежав так близко, что едва не задела Сидуду. Обезьяны с треском исчезли в подлеске, а Сидуду обмякла и упала бы, не подхвати ее Фенн. Крепко прижимая девушку к себе, Фенн отвела ее на верх склона, следя за действием заклинания, пока их еще могли видеть из храма. Потом они побежали туда, где ждали Мерен и Наконто с лошадьми.

Они ни разу не ночевали дважды на одном месте. Тинат и Сидуду знали все дороги и тропы в лесу, поэтому беглецы передвигались быстро и скрытно, избегая проезжих путей и покрывая между стоянками большие расстояния.

Они переходили от деревни к деревне, встречались с местными старостами и старейшинами, которые им сочувствовали. Все они были переселенцами и в большинстве своем были им верны. Они предоставляли беглецам пищу и кров. И наблюдали за патрулями джарриан, предупреждая об их приближении.

В каждой деревне Мерен и Тинат держали совет.

– Мы возвращаемся на родину, в Египет, – говорили они. – Пусть ваши люди будут готовы выступить в ночь луны урожая.

Тинат оглядывал лица собравшихся, возбужденные и нетерпеливые. И показывал на карту, которую разворачивал перед собой.

– Вот ваш маршрут. Пусть мужчины вооружатся всем, что есть под рукой. Женщины должны собрать пищу, теплую одежду и одеяла для своих семей, но не берите ничего, что нельзя было бы нести с собой. Дорога будет долгой и трудной. Первое место сбора здесь. – Он показывал его на карте. – Быстро идите туда. Там вас будут ждать разведчики с оружием для мужчин; они проведут вас к Проходу Китангуле. Это главное место встречи наших людей. Будьте скрытны и осторожны. Говорите только с теми, кому доверяете. Вы по собственному горькому опыту знаете, что лазутчики и соглядатаи олигархов повсюду. Не выступайте раньше назначенного времени, пока не получите приказ от меня или храброго Камбизеса.

Перед рассветом они вновь отправлялись в путь. Начальники пограничных отрядов и военных крепостей почти все были людьми Тината. Они выслушивали его распоряжения, вносили свои предложения и почти не задавали вопросов.

– Ждем приказа выступать. Мы будем готовы, – говорили они.

В юго-восточных предгорьях находились три главные шахты. В самой большой из них тысячи рабов и пленных добывали серебряную руду. Начальник охраны был человеком Тината. Он смог незаметно провести Тината и Мерена, одетых рабочими, в бараки рабов и туда, где содержались захваченные в сражениях пленные. Рабов делили на тайные ячейки и выбирали предводителей. Большинство этих предводителей Тинат хорошо знал: до ареста и заключения они были его друзьями и соратниками. Они с радостью выслушивали его приказы.

– Ждите луны урожая, – говорил он. – Охрана на нашей стороне. В назначенное время она откроет ворота, и вы обретете свободу.

В двух других шахтах, поменьше, добывали в одной – медь и цинк, необходимые для производства бронзы, в другой, самой маленькой и самой богатой, рабы разрабатывали золотую жилу, такую богатую, что самородки блестели в свете масляных ламп.

– У нас в плавильне пятнадцать тележек богатой золотой руды, – сказал главный рудокоп Тинату.

– Оставьте ее! – резко приказал Мерен.

Тинат кивнул:

– Да. Золото не берите.

– Но это целое сокровище! – возразил рудокоп.

– Свобода – сокровище еще большее, – сказал Мерен. – Золото оставьте. Оно обременит нас, а для тележек мы найдем лучшее применение. В них поедут женщины, дети и те из мужчин, кто болен или слишком слаб, чтобы идти.

До луны урожая оставалось еще двадцать дней, когда олигархи нанесли удар. К этому времени в заговоре исхода участвовали уже многие тысячи эмигрантов, яркое пламя горело по всему Джарри. Шпионы не могли не учуять дым. Олигархи направили Онку с двумя сотнями воинов в Мутанги, откуда распространялись все слухи.

Ночью деревню окружили и захватили всех жителей. Онка допрашивал их одного за другим в деревенском доме совета. Хотя под пытками умерло восемь человек, а еще больше ослепло и было искалечено, Онка почти ничего не узнал. Тогда он взялся за женщин. У младшей жены Билто было двое детей, близнецы четырех лет, девочка и мальчик. Женщина отказалась отвечать на вопросы, и тогда Онка заставил ее смотреть, как отрубает голову ее сыну. Бросив отсеченную голову к ногам женщины, он схватил за волосы девочку. И, кричащую и плачущую, подтащил к матери.

– Ты знаешь, что одним из твоих отродий не отделаешься, – сказал он женщине и вспорол щеку девочки кинжалом.

Девочка от боли закричала еще отчаяннее, и мать не выдержала. Она выложила все, что ей было известно, а знала она немало.

Онка приказал воинам загнать всех жителей деревни, в том числе Билто, его жену и уцелевшую дочь, в крытый тростником дом совета. Двери и окна заколотили и дом подожгли. Из горящего здания еще доносились крики, когда Онка сел верхом и поскакал с докладом к олигархам.

Двое жителей деревни в это время охотились в холмах. Они наблюдали за бойней издалека, а потом кинулись к Тинату и Мерену предупредить о том, что их предали. Весь день они бежали туда, где прятался отряд, и пробежали почти двадцать лиг.

Тинат выслушал их рассказ и не стал колебаться.

– Ждать луны урожая нельзя. Надо выступать немедленно.

– А как же Таита? – с гневом воскликнула Фенн. – Ты обещал дождаться его.

– Ты знаешь, что я не могу ждать, – ответил Тинат. – Даже храбрый Камбизес согласится, что ждать невозможно.

Мерен неохотно кивнул.

– Военачальник Тинат прав. Он не может ждать. Ему нужно собрать людей и уходить. Сам Таита хотел этого.

– Я не пойду с вами! – воскликнула Фенн. – Буду ждать возвращения Таиты.

– Я тоже, – сказал Мерен, – но остальные пусть уходят немедленно.

Сидуду взяла Фенн за руку.

– Вы с Мереном мои друзья. Я останусь с вами.

– Смелые девочки, – сказал Тинат, – но пойдете ли вы в Храм Любви за остальными?

– Конечно! – ответила Фенн.

– Сколько вам понадобится мужчин?

– Десяти достаточно, – сказал Мерен. – Нам потребуются также запасные лошади для девушек из храма. Ждите нас у первого притока реки по дороге к Китангуле. Потом мы вернемся и будем ждать Таиту.

Они ехали почти всю ночь. Впереди Фенн и Сидуду, за ними очень близко Мерен на Дымке. Еще до восхода, при первых проблесках рассвета, они поднялись на холм и увидели внизу, в долине, Храм Любви.

– Чем занимаются в храме по утрам? – спросила Фенн.

– До восхода жрицы отводят девушек в храм молиться богине. После все отправляются в трапезную завтракать.

– Значит, сейчас они должны быть в храме? – спросил Мерен.

– Почти несомненно, – подтвердила Сидуду.

– А троги?

– Точно не знаю, но думаю, обходят храмовые земли и лес.

– Кто-нибудь из жриц сочувствовал девушкам? Есть среди них добрые женщины?

– Нет! – с горечью ответила Сидуду. – Все они жестокие и безжалостные. С нами они обращались как с животными в клетках. Заставляли отдаваться мужчинам, а некоторые использовали девушек для своих грязных наслаждений.

Фенн взглянула на Мерена:

– Что с ними делать?

– Убьем всех, кто встанет у нас на пути.

Они обнажили мечи и плотным строем двинулись вниз с холма, не пытаясь больше скрывать свое приближение. Трогов не было видно, и Сидуду провела отряд прямо к храму, стоявшему в стороне от главного здания. Лошадей привязали перед деревянными дверями, ведущими в храм. Мерен спрыгнул на землю и потрогал щеколду, но дверь была заперта изнутри.

– Ко мне! – крикнул он, и воины построились. По следующему приказу они подняли щиты и дружно ударили по двери; та распахнулась. Девушки сидели на полу в главном проходе храма, их охраняли четыре жрицы в черном. Одна из них, высокая, средних лет, с лицом, изуродованным оспой, подняла золотой амулет, который держала в правой руке, и направила его на Мерена.

– Берегись! – крикнула Сидуду. – Это Нонгаи, могучая колдунья. Она может сжечь тебя своим волшебством!

Фенн, у которой стрела уже лежала на тетиве, не стала колебаться. Одним гибким движением она натянула лук и выпустила стрелу. Та пролетела по проходу и ударила Нонгаи в грудь. Выронив амулет, жрица упала. Три другие разбежались, как испуганные крысы. Фенн выстрелила еще дважды и уложила всех, кроме последней, которой удалось добежать до маленькой двери за алтарем. Она уже пыталась ее открыть, когда Сидуду всадила ей стрелу между лопаток. Женщина осела на пол, оставляя кровавый след на камне. Почти все девушки в храме кричали. Многие натянули одежды на головы и в ужасе жались друг к другу.

– Поговори с ними, Сидуду, – приказал Мерен. – Успокой.

Сидуду подбежала к девушкам и стала поднимать их.

– Это я, Сидуду. Вам нечего бояться. Это хорошие люди, они пришли спасти вас. – Она заметила Джингу. – Помоги мне, Джинга! Помоги привести их в чувство.

– Фенн, отведи девушек к лошадям, пусть садятся верхом, – велел Мерен. – Троги могут напасть в любое мгновение.

Девушек увели из храма. Некоторые все еще плакали и выли, их силой приходилось сажать в седла. Мерен обращался с ними безжалостно, а Фенн даже ударила одну по лицу и закричала:

– Садись в седло, дура, не то мы оставим тебя трогам!

Наконец, когда все сидели верхом, Мерен приказал:

– Вперед галопом!

Он тронул ногами бока Дымки. С ним на лошади, цепляясь за него и друг за друга, сидели две девушки. Наконто и Имбали держались за кожаные поводья лошади Фенн, которая несла их. За Сидуду устроилась Джинга, а перед ней – еще одна беглянка. На всех прочих лошадях также сидели по две-три девушки. Тяжело груженные лошади проскакали по лужайкам храма в холмы и к дороге на Китангуле.

На лесной тропе их поджидали троги. Пять больших обезьян вскарабкались на деревья и спрыгнули с веток на проезжавших всадников. В то же время из подлеска с ревом показались остальные. Они прыгали на всадников или пытались мощными челюстями схватить лошадей за бока.

Наконто держал в правой руке короткое колющее копье; тремя ударами он убил трех чудовищ. Мерен и Хилто рубили мечами, воины, следовавшие за ними, пришпорили лошадей и присоединились к схватке. Но троги были бесстрашны и упрямы и дрались яростно. Даже тяжело раненные или умирающие, они не сдавались. Двое напали на Дымку, чтобы впиться ей в бока. Серая кобыла нанесла два мощных, точных удара копытами. Первая обезьяна упала с разбитым черепом, вторая получила удар под челюсть, который сломал ей шею.

Одну из девушек стащили с седла Хилто, и трог в один укус разорвал ей горло, прежде чем Хилто разрубил ему череп. К тому времени как Наконто пронзил копьем последнего трога, многие лошади были покусаны, одна настолько серьезно, что Имбали пришлось избавить ее от страданий ударом топора по голове.

Снова построились, выехали из долины и, достигнув развилки, повернули на восток, к горам и Проходу Китангуле. Ехали всю ночь, а поутру увидели над равниной облако пыли. До полудня догнали хвост длинной плотной колонны беженцев. Тинат ехал позади и, едва завидев их, галопом поскакал назад, им навстречу.

– Добро пожаловать, храбрый Камбизес! – крикнул он. – Вижу, ты спас девушек.

– Тех, кто выжил, – подтвердил Мерен, – но им пришлось нелегко, и они почти выбились из сил.

– Мы найдем им место в повозках, – пообещал Тинат. – А что ты и твой отряд? Пойдете с нами из Джарри или решили дождаться старого мага?

– Ты сам знаешь ответ, доблестный Тинат, – ответила Фенн, опередив Мерена.

– Тогда давайте прощаться. Благодарю за храбрость и за все, что вы для нас сделали. Боюсь, мы больше никогда не встретимся, но я горжусь своей дружбой с вами.

– Доблестный Тинат, ты неисправимый оптимист, – улыбнулась Фенн. – Так легко ты от нас не отделаешься. – Она подъехала на Вихре и поцеловала военачальника в щеку. – Когда встретимся в Египте, поцелую в другую, – пообещала она и повернула лошадь, оставив Тината в приятном смущении.

Теперь они превратились в маленький отряд – три женщины, трое мужчин. Наконто и Имбали на сей раз предпочли ехать верхом, и для них нашлись запасные лошади.

– Куда? – спросила Фенн у Мерена, подъезжая к нему.

– Поближе к горам, насколько позволит безопасность, – ответил Мерен. – Когда Таита вернется, нужно будет быстро отыскать его. – Он повернулся к Сидуду, ехавшей с другой стороны: – Не знаешь поблизости место в горах, где мы могли бы укрыться?

Она ненадолго задумалась.

– Знаю. Есть долина, где мы с отцом собирали грибы. Мы ночевали в пещере, о которой мало кто знает.

Вскоре на западном горизонте поднялись сверкающие белые вершины трех вулканов. Огибая Мутанги, все с невысокого холма, на котором когда-то охотились на кабана, смотрели вниз, на пепелище. До них доносился запах горелого дерева и плоти. Повернув на запад, к горам, все молчали.

Долина, о которой говорила Сидуду, лежала в предгорье. Скрытая деревьями и складками местности, она была не видна, пока не подъедешь. Здесь росло довольно травы для лошадей и журчал ручей. Пещера оказалась сухой и теплой. В расселине в глубине пещеры семья Сидуду оставила две побитые кухонные кастрюли и другую утварь, а также связку сухих дров. Женщины приготовили ужин, и все собрались у костра.

– Здесь достаточно удобно, – сказала Фенн, – но далеко ли мы от крепости и дороги в Облачные Сады?

– Шестью-семью лигами севернее, – ответила Сидуду.

– Хорошо, – сказал Мерен, набивший полный рот мяса. – Достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченными, но достаточно близко, чтобы быстро найти Таиту, когда он спустится.

– Я рада, что ты сказал «когда», а не «если», – негромко заметила Фенн.

Все примолкли, слышался только стук ложек о медные чашки.

– А как мы узнаем, когда он придет? – спросила Сидуду. – Нам придется наблюдать за дорогой?

Все посмотрели на Фенн.

– Нет, – сказала она. – Я узнаю, когда он придет. Он меня предупредит.

Они уже много месяцев были в постоянном движении, ехали верхом или сражались. Возможность проспать ночь появилась впервые; нужно было только по очереди дежурить. Фенн и

Сидуду дежурили с полуночи, и, когда большой звездный крест спустился к горизонту, сонно разбудили Наконто и Имбали, упали на их матрацы и мгновенно уснули.

На следующее утро Фенн разбудила Мерена еще до рассвета. Он вздрогнул так сильно, что разбудил остальных, а увидев слезы на глазах Фенн, потянулся к мечу.

– Что случилось, Фенн? Что за беда?

– Ничего. – Фенн плакала, и, внимательно посмотрев ей в лицо, Мерен понял, что это слезы радости. – Все хорошо. Таита жив. Ночью он приходил ко мне.

– Ты его видела? – Мерен схватил ее за руку и возбужденно затряс. – Где он сейчас? Куда ушел?

– Он подглядывал за мной, пока я спала. А когда проснулась, показал мне свой духовный знак и сказал: «Я вернусь к тебе, вернусь очень скоро».

Сидуду вскочила с ложа и обняла Фенн.

– О, я так рада за тебя и за всех нас!

– Теперь все будет в порядке, – сказала Фенн. – Таита вернется, и мы будем в безопасности.

– Я целые эпохи ждала твоего прихода, – промолвила Эос, и, зная, что это великая Ложь, Таита тем не менее не мог не поверить. Эос повернулась и прошла в грот. Таита не пытался противиться. Он знал, что ему остается только последовать за ней. Вопреки всем мерам, принятым, чтобы защититься от ее очарования, он в этот миг не хотел ничего иного.

За входом туннель постепенно сузился, и вскоре Таита стал задевать плечами поросшие мхом стены. У его ног, обдавая брызгами одежду, журчала ледяная вода. Эос скользила впереди. Ее бедра двигались под черным шелком с грацией раскачивающейся кобры. Она свернула от ручья и начала подниматься по узкой каменной лестнице. На верху лестницы туннель снова расширился и превратился в просторный проход со стенами, покрытыми плитками из ляпис-лазури с барельефами, изображающими людей и животных, реальных и сказочных. Пол выложен тигровым глазом, а потолок из розового кварца. На стенах в скобах большие, с голову человека, куски горного хрусталя. При приближении Эос они начинали испускать загадочный оранжевый свет, озарявший переход впереди. Когда Эос проходила, кристаллы гасли и проход погружался в темноту. Раз или два промелькнули косматые фигуры обезьян: троги двигались в тени и исчезали. Маленькие босые ноги Эос неслышно летели по золотым плиткам. Проходя, она оставляла в воздухе тонкий аромат. Таита с огромным наслаждением вдыхал его: он узнал запах солнечной лилии.

Наконец они оказались в просторном помещении изящных пропорций. Стены здесь были зеленые, из малахита. Отверстия в высоком потолке, должно быть, доходили до поверхности: сквозь них проникали солнечные лучи, отражаясь от стен ярким зеленым свечением. Мебель в комнате была из слоновой кости, в центре стояли две низкие лежанки. Эос подошла к одной из них и села, подогнув ноги и прикрыв их плащом, спрятав даже ступни, и молча показала на лежанку напротив.

– Устраивайся поудобнее. Ты мой почетный и любимый гость, Таита, – сказала она на тенмассе.

Он подошел к лежанке и сел. Лежанку закрывал вышитый шелковый матрац.

– Меня зовут Эос, – сказала женщина.

– Почему ты назвала меня любимым? Это наша первая встреча. Ты меня совсем не знаешь.

– Ах, Таита. Я знаю тебя не хуже, чем ты сам знаешь себя. Быть может, и лучше.

Смех Эос для Таиты звучал слаще любой музыки. Он пытался закрыть перед ним свое сознание.

– Хотя твои слова противоречат здравому смыслу, я почему-то не могу сомневаться в них. Согласен: ты меня знаешь. А вот я ничего не знаю о тебе, кроме имени, – ответил он.

– Таита, мы должны быть честны друг с другом. Я говорю тебе только правду. И ты должен отвечать мне тем же. Твое последнее утверждение – ложь. Ты знаешь обо мне, у тебя сложилось обо мне мнение, увы, почти полностью ошибочное. Моя цель – просветить тебя, исправить неверные представления.

– Скажи, в чем я ошибся.

– Ты считаешь, что я твой враг.

Таита молчал.

– Я твой друг, – продолжала Эос. – У тебя никогда не было друга лучше.

Таита серьезно наклонил голову, но снова промолчал. Он понял, что ему отчаянно хочется ей поверить. Потребовалась вся решимость, чтобы не отбросить защиту.

Немного погодя Эос продолжила:

– Ты считаешь, что я тебе лгу, что я и раньше лгала, как ты лгал мне.

Он был рад, что у него нет ауры: его чувства пришли в полное смятение.

– Я говорила тебе только правду. И в гроте показывала чистую правду. В тех видениях не было ни тени обмана, – говорила она.

– Образы были очень убедительны, – ответил Таита небрежно, без выражения.

– И правдивы. Все, что я пообещала, я могу тебе дать.

– Почему из всего человечества ты выбрала меня?

– Из всего человечества? – презрительно воскликнула Эос. – Человечество для меня не важнее отдельных термитов в колонии. Людьми правят инстинкты, а не мудрость и разум, ибо человек живет недостаточно долго, чтобы обрести эти достоинства.

– Я знавал людей образованных, чутких и человечных, – возразил Таита.

– Ты делаешь выводы на основании своего небольшого опыта, – возразила ведьма.

– Я живу давно.

– Но тебе осталось немного. Твое время почти истекло.

– Ты откровенна, Эос.

– Как и обещала, я говорю тебе только правду. Человеческое тело несовершенно, жизнь хрупка. Человек живет слишком мало, чтобы обрести мудрость и понимание. По человеческим меркам, ты долгожитель – сто пятьдесят шесть лет, если не ошибаюсь. Для меня это все равно что жизнь бабочки или цветка ночного кактуса, который распускается на закате и вянет на рассвете. Телесная оболочка, в которой обитает твоя душа, скоро сгинет.

Неожиданно Эос высвободила из-под плаща правую руку и жестом благословила Таиту.

Если ее ноги были прекрасны, то рука изысканна. У Таиты захватило дух, и он почувствовал, как от этого грациозного движения волоски на его предплечьях встают дыбом.

– Однако тебе не обязательно быть таким, – негромко сказала Эос.

– Ты не ответила на мой вопрос, Эос. Почему именно я?

– За свою короткую жизнь ты многого достиг. Если продлить твою жизнь бесконечно, ты станешь гигантом мысли.

– Но это ничего не объясняет. Я стар и уродлив.

– Часть твоего тела я уже восстановила, – ответила она.

Таита горько рассмеялся:

– Теперь я уродливый старик с молодым и прекрасным членом.

Эос рассмеялась вместе с ним, и смех ее звучал чарующе.

– Как изящно сказано. – Она убрала руку под плащ, приведя Таиту в отчаяние. – В гроте я показывала тебя молодым. Ты был прекрасен и можешь снова стать таким.

– Ты можешь обладать любым молодым красавцем, какого захочешь. Не сомневаюсь, что уже обладала, – дерзко сказал он.

Эос ответила сразу, прямо и честно:

– Десять тысяч раз и больше, но, несмотря на свою красоту, все они муравьи.

– А я другой?

– Да, Таита, да.

– Почему?

– Все дело в твоем уме. Плотская страсть сама по себе скоро проходит. А сверхмощный интеллект бесконечно привлекателен. В вечно юном теле великий ум становится все сильнее: это свойство божества. Таита, ты лучший партнер, и я искала тебя все эти долгие века.

Так они говорили час за часом. И хотя маг знал, что гениальность ее холодна и злобна, Эос по-прежнему казалась ему очаровательной и соблазнительной. Таита чувствовал, как его пронизывает возбуждение, физическое и интеллектуальное. Но со временем, к своей досаде, почувствовал настоятельную потребность облегчиться. Он не успел ничего сказать, как Эос заметила:

– Тебе отведены покои. Через дверь справа от тебя и по коридору до конца.

Комната, куда ведьма направила его, была просторной и внушительной, но Таита едва заметил это: его мозг напряженно работал. Никакой усталости он не чувствовал. В небольшой выгородке он нашел резной стул с ведром под ним и справил нужду. В углу из крана в бассейн стекала ароматная вода. Умывшись, Таита торопливо вернулся в зеленое помещение, надеясь, что Эос еще там. Солнце больше не светило в отверстия в потолке. Наступила ночь, но горный хрусталь в стенах источал теплый свет. Эос сидела на прежнем месте. Как только Таита занял свое, она сказала:

– Подкрепись.

Прекрасной рукой она указала на столик слоновой кости рядом с лежанкой. За время отсутствия Таиты на столике появились серебряные тарелки и чаши. Таита не чувствовал голода, но фрукты и шербет выглядели очень заманчиво. Он в меру съел и выпил и с нетерпением вернулся к разговору:

– Ты так легко говоришь о вечной жизни?

– Это мечта всех людей, от фараонов до рабов, – согласилась Эос. – Они мечтают о вечной жизни в воображаемом раю. Даже те древние, что жили до меня, рисовали на стенах пещер картины своей мечты.

– А возможно ли ее осуществить? – спросил Таита.

– Я перед тобой – живое тому доказательство.

– Сколько тебе лет, Эос?

– Я была уже стара, когда смотрела, как фараон Хеопс воздвигает великую пирамиду в Гизе.

– Но как это возможно?

– Ты когда-нибудь слышал о Купели?

– Это миф, восходящий к глубокой древности, – ответил он.

– Это не миф, Таита. Купель существует.

– А что это такое? И где она?

– Это Лазурная Река жизни, вечная сущность, правящая вселенной.

– Действительно, река или фонтан? И почему «Лазурная»? Ты можешь описать ее?

– Даже на тенмассе нет слов, которые могли бы верно передать ее красоту. Когда мы станем едины, я отведу тебя к ней. Мы бок о бок окунемся в Лазурь, и ты выйдешь из нее во всем великолепии юности.

– Но где она? На земле или на небе?

– Она перемещается с места на место. Как передвигаются моря и возникают и сглаживаются горы, так и Купель движется с ними.

– А где она сейчас?

– Недалеко от того места, где мы сидим, – сказала Эос, – но будь терпелив. Со временем я отведу тебя к ней.

Она лжет. Конечно, лжет. Она и есть Ложь. Таита знал, что, даже если Купель действительно существует, Эос никого не отведет к ней, но все же ложное обещание интриговало.

– Вижу, ты все еще сомневаешься во мне, – негромко промолвила Эос. – В доказательство своей доброй воли я позволю тебе взять с собой к Купели еще одного человека, чтобы разделить с ним ее благословение. Того, кто тебе дорог. Есть такой?

Фенн! Таита мгновенно замаскировал эту мысль, так что даже ведьма не могла ее прочесть. Эос расставила ловушку, и он едва не угодил в нее.

– Такого человека нет, – ответил он.

– Но когда ты сидел у водоема в глуши, я видела с тобой девочку, красивую девочку со светлыми волосами.

– А, да, – согласился он. – Я даже забыл, как ее зовут. Она из тех, кого ты называешь термитами. Она была со мной совсем недолго.

– Не хочешь взять ее с собой к Купели?

– У меня нет на то причин.

Эос молчала, но Таита ощутил легчайшее прикосновение к вискам, словно его пощекотали волшебные пальцы. Он понял, что его слова не убедили Эос и она пытается проникнуть в его сознание, «подглядеть» его мысли. Усилием воли он преградил ей вход, и она мгновенно отступила.

– Ты устал, Таита. Тебе нужно поспать.

– Я ничуть не устал, – ответил он и не солгал: он чувствовал себя свежим и полным сил.

– Нам столько с тобой нужно обсудить, что мы подобны бегунам в начале долгой гонки. Надо подравняться. В конце концов нам суждено заключить вечный союз. Торопиться незачем. Время – наше орудие, а не противник.

Эос встала с кушетки и, не сказав больше ни слова, вышла через дверь в задней стене, которую Таита раньше не замечал.

Хотя маг не чувствовал усталости, едва улегшись на шелковый спальный матрац в своей комнате, Таита крепко заснул. Проснулся он от солнечного луча, пробившегося сквозь отверстие в потолке. Он чувствовал себя на удивление свежим и полным жизни.

Его грязная одежда исчезла, но рядом лежала чистая – и пара новых сандалий. На столике у изголовья ждал завтрак. Таита помылся, поел и оделся. Одежда, присланная Эос, была из тонкого материала, который ласкал тело, а сандалии из кожи неродившегося козленка, вышитые золотой листвой, подошли точно по ноге.

Вернувшись в комнату Эос, Таита обнаружил, что она пуста. Сохранился только аромат. Таита подошел к двери, через которую Эос вышла накануне вечером. Длинный коридор за ней вывел его на солнце. Когда глаза привыкли, Таита понял, что очутился в другом вулканическом кратере, не таком большом, как кратер Облачных Садов, но гораздо более красивом. Однако Таите было не до роскошных лесов и орхидей, пышным покровом облекавшим дно кратера. Прямо перед ним расстилалась зеленая лужайка с небольшим мраморным павильоном над пру-

дом в центре; в пруд водопадом изливался чистый ручеек. А вот в пруду вода была черная и блестящая, как полированный черный янтарь.

В павильоне на мраморной скамье сидела Эос с непокрытой головой – однако Эос повернулась так, что лица не было видно, только волосы. Таита неслышно направился к ней, надеясь подойти незаметно и взглянуть на лицо. Волосы Эос ниспадали до пояса, такие же темные, как вода в пруду, но бесконечно более блестящие. Подойдя ближе, Таита заметил, как солнце отражается в ее волосах, словно там горят бесценные рубины. Ему очень захотелось прикоснуться к этим волосам. Он уже протянул руку, но тут Эос набросила на голову вуаль, лишив его возможности хотя бы на миг увидеть ее лицо. Потом она повернулась.

– Садись рядом со мной. Здесь твое место.

Они немного посидели молча. Таита был сердит и раздражен: ему страстно хотелось увидеть лицо Эос. Она, казалось, уловила его настроение и накрыла его руку своей. Ее прикосновение взволновало Таиту, но он справился с собой и спросил:

– Мы много говорили о внешней оболочке, Эос. У тебя какой-нибудь изъян? Поэтому ты прячешься под вуалью? Стыдишься своей внешности?

Он пытался спровоцировать ее, как она его. Но Эос ответила спокойным мягким голосом:

– Я прекраснее всех женщин и мужчин, живших на земле.

– Тогда почему ты прячешь свою красоту?

– Потому что она может ослепить мужчин, увидевших ее, и затуманить их разум.

– Бахвалишься?

– Нет, Таита. Это правда.

– Ты никогда не откроешь мне свою красоту?

– Ты увидишь мою красоту, когда будешь готов к этому, когда осознаешь последствия и будешь готов принять их. – Ее рука по-прежнему лежала на его руке. – Разве ты не замечаешь, как тебя волнует мое легкое прикосновение? Кончиками пальцев я чувствую биение твоего сердца. – Эос убрала руку, оставив его в смятении чувств. Таите потребовалось немало времени, чтобы снова овладеть собой. – Поговорим о другом. У тебя есть ко мне много вопросов, и я отвечу на них правдиво.

Голос Таиты, когда он откликнулся на это приглашение, звучал чуть взволнованно.

– Ты перегородила верховья Нила. Зачем?

– Я преследовала две цели. Во-первых, это было приглашение прийти ко мне. Ты не смог ему противиться и теперь сидишь рядом со мной.

Таита глубоко задумался и спросил:

– А вторая цель?

– Я готовила тебе дар.

– Дар? – воскликнул он.

– Брачный. Едва мы сольемся душой и телом, я дарую тебе оба египетских царства.

– После того как уничтожишь их? Какое чудовищное и варварское подношение!

– Когда ты наденешь двойную корону и мы воссядем рядом на троне Египта, я верну воды Нила в наше царство... в первое из множества наших царств.

– А тем временем страдают только термиты? – спросил Таита.

– Ты уже начинаешь думать и действовать как владыка творения, каким скоро станешь. У грота в Облачных Садах я кое-что показала тебе. Господство над всеми народами, вечная жизнь, вечная молодость и красота, мудрость и знания всех веков, которые суть «алмазная гора».

– Величайшая из наград, – признал Таита. – Я называю ее истиной.

– Все это будет твоим.

– Я все же не верю, что ты ничего не потребуешь взамен.

– О, я ведь уже говорила. В обмен я потребую твоей вечной любви и преданности.

– Ты так долго жила одна – зачем тебе понадобилась пара?

– Меня одолели скука вечности, неподвижность духа и тоска оттого, что не с кем разделить мои чудеса.

– И это все, что ты у меня просишь? Я оценил твой могучий разум. Если твоя красота соответствует ему, цена ничтожна. – Его ложь была замаскирована под правду. Маг делал вид, что верит ведьме. Они напоминали полководцев, которые маневрируют армиями. Это были лишь легкие стычки и засады, которые предшествуют битве. Таита боялся, но не за себя, а за Египет и за Фенн – за самое для него дорогое.

Последующие дни они проводили в павильоне у пруда, а ночи – в комнате Эос. Постепенно она все больше открывала ему свой физический облик, оставляя нераскрытой душу. Разговоры с ней становились с каждым днем все интереснее. Изредка Эос протягивала руку за кусочком плода на серебряном подносе, и рукав ниспадал, обнажая предплечье. Или меняла позу на лежанке слоновой кости, так что из-под черного одеяния показывалось колено. Таита мог бы уже привыкнуть к совершенству ее форм, но так и не привык. И опасался того момента, когда она покажется целиком, сомневаясь в своей способности устоять перед соблазном.

Дни и ночи мелькали стремительно. Плотское и астральное напряжение стало почти непереносимым. Эос касалась Таиты, брала его за руку, когда хотела подчеркнуть свои слова. Однажды она прижала руку мага к своей груди, и ему пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не застонать от боли в паху, когда он ощутил теплую упругость ее груди.

Однажды утром они сидели в зеленой комнате, и на Эос было прозрачное платье из белого шелка. Раньше она никогда не надевала белое. Посреди разговора она неожиданно встала и, переступая маленькими босыми ногами, подошла к нему. Белая кисея облаком окутывала ее. Сквозь прозрачный материал ее кожа, когда на нее падал свет, сверкала оттенками розового и слоновой кости. Виднеющаяся сквозь шелк, ее фигура казалась нематериальной. Живот цвета бледной луны поджарый, как у борзой, а в его основании – загадочная треугольная тень. Груди казались округлыми холмиками сливок, увенчанными земляничинами сосков.

– Хочешь, чтобы я вся открылась тебе, господин? – спросила она.

Захваченный врасплох, Таита не сразу сумел ответить. Немного погодя он сказал:

– Мне кажется, я ждал этого всю жизнь.

– Я хочу целиком принадлежать тебе. Ничего от тебя не утаю. И не ставлю тебе никаких условий. Не жду от тебя ничего, кроме любви.

Она откинула серебристые рукава и протянула обнаженные руки, стройные, округлые и упругие. Длинными сужающимися пальцами Эос взялась за край вуали и начала приподнимать ее с лица. Остановилась на уровне подбородка. Шея у нее была длинная и изящная.

– Ты должен быть совершенно уверен, что хочешь увидеть мое лицо. Я предупредила тебя о возможных последствиях. Моя красота порабощала всех, кто ее видел. Сможешь ли ты устоять перед ней?

– Даже если это меня погубит, я должен рискнуть, – прошептал он. Таита знал: битва начинается.

– Да будет так, – сказала Эос и с мучительной медлительностью начала поднимать вуаль. Подбородок, закругленный, с ямочкой. Губы, полные и изогнутые, налитые, цвета спелой вишни. Язык, заостренный и загнутый на конце, как у зевающего котенка. Он оставил блестящий след слюны на ее губах и вновь спрятался за маленькими блестящими зубами. Нос, ровный и прямой, но чуть приплюснутый на кончике. Скулы высокие, а лоб широкий и крутой. Брови дугой создают прекрасное обрамление для глаз, которые кажутся темными алмазами, своим блеском

разгоняющими тени. Они смотрели прямо в душу Таите. Каждая черта ее внешности была совершенна. А все в целом – невероятно прекрасно.

– Я тебе нравлюсь, властительный? – спросила она, сбрасывая вуаль с головы и позволяя ей скользнуть на зеленые малахитовые плитки пола. Волосы Эос упали на плечи черным водопадом, пронизанным рубиновыми огоньками. Они, извиваясь, опустились до талии, живя собственной жизнью. – Ты мне не ответил, – сказала Эос. – Я тебе не нравлюсь?

– Мое сознание не может вместить твою красоту, – дрожащим голосом ответил Таита. – Нет слов, чтобы описать даже десятую часть ее. Глядя на тебя, я понимаю, как человек может сгореть, превратиться в пепел, словно в огне лесного пожара. Твоя красота ужасает меня, но я не в силах ей противиться.

Она подплыла поближе, и Таиту окутал аромат солнечной лилии. Эос стояла перед ним, и он вынужден был повернуться к ней. Она медленно наклонилась и губами, мягкими и теплыми, прижалась к его губам. Ее изогнутый кошачий язычок глубоко проник Таите в рот. На мгновение он обвился вокруг его языка, потом исчез, но рот Таиты заполнился его вкусом, словно соком удивительного плода.

Эос отплыла по малахитовым плиткам. Прозрачное одеяние взвивалось вокруг нее; она откинулась назад так, что головой едва не коснулась выпуклости ягодиц, и ее волосы легли на плитки пола. Ноги Эос двинулись в танце и скоро замелькали с таким проворством, что едва не сливались. Глаз не успевал следить за ними. Но вот они остановились, Эос приподнялась на цыпочки, неподвижная, как статуя, в пелене волос.

– И это не все, властительный. – В ее голосе звучал напор и стремление убедить, какого маг раньше не замечал. – Есть гораздо больше. Или ты видел достаточно?

– Если буду смотреть на тебя тысячу лет, не насмотрюсь, – ответил он.

Мотнув головой, она отбросила волосы на плечи и посмотрела на Таиту горящими глазами.

– Ты стоишь на краю вулкана, – предупредила она. – Даже сейчас еще не поздно отступить. Но если нырнешь, возврата не будет. Вселенная для тебя изменится навсегда. Цена будет высока – гораздо выше, чем ты можешь себе представить. Ты готов платить?

– Готов.

Она приспустила одеяние с одного плеча. Изгиб плеча идеально гармонировал с длинной изящной шеей. Эос позволила одеждам спуститься ниже, обнажив одну грудь. Затем обе. Круглые, полные и женственные, они покачивались одна подле другой. Платье сползло еще ниже, до изгиба бедер. Живот ее был белым, как свежевыпавший снег. В пупке пламенел рубин. Эос качнула бедрами, и платье скользнуло вниз по ее стройным ногам.

Она переступила через него и длинными скользящими шагами, обнаженная, подошла к Таите. Снова наклонилась над ним и рукой обняла за шею. Другой рукой взяла свою грудь, поднесла к его лицу и сунула ему в рот сосок.

– Попробуй, господин, – прошептала она Таите на ухо.

Он принялся сосать, как ребенок, и сосок у него во рту разбух и начал выделять густую маслянистую жидкость. Таита наслаждался ее вкусом, пока Эос не оттолкнула его голову и не вынула сосок изо рта.

– Не жадничай, – предупредила она. – Мое тело даст тебе множество наслаждений. Не спеши насытиться.

Эос отступила и плавным скользящим движением провела руками по животу. Таита не мог оторвать взгляда от ее рук. Она раздвинула ноги и согнула колени, широко разведя бедра. Ее рука погрузилась во впадину между ними, в облако темных волос. Но вот Эос извлекла руку и вытянула указательный палец. Он был покрыт блестящей прозрачной жидкостью.

– Посмотри, как я жажду тебя, – хрипло прошептала она, касаясь кончика указательного пальца большим. Потом развела пальцы, и между ними протянулась тонкая нить. – Вот истин-

ная амброзия, которой жаждут все мужчины. – Она подошла к Таите. – Открой рот, властительный. – Она просунула палец меж его губ, и острый запах ее лона заглушил в нем все прочие чувства. Свободную руку Эос запустила под край одеяния мага и взяла его член. Он уже был тверд, как бронза, но в ее искусных пальцах становился все тверже и длиннее.

Таита заглянул ей в глаза и увидел откровенный голод хищницы, которого мгновением раньше не было. Он знал, что Эос держит в руке не его член, а его душу целиком и именно ее жаждет получить. Но вот Эос взяла Таиту обеими руками, заставила его встать и отвела к лежанке. Наклонилась перед ним, распустила шнурки сандалий и разулась. Подняла голову, взяла его член в губы и принялась жадно сосать. Потом через голову сняла с Таиты одеяние и вновь толкнула мага на лежанку. Одной ногой переступила через него, словно садясь верхом, и опустилась, направляя его член в свои тайные глубины.

Таита застонал: наслаждение стало таким острым, что перешло в боль. Эос неподвижно застыла над ним. В глубине ее тела напрягались и сокращались мышцы, она неумолимо сжимала Таиту, как удав свою жертву. Слилась с ним в неразрывное целое. Смотрела ему в глаза с торжествующим блеском, как смотрит воин, собираясь нанести смертельный удар.

– Ты мой. – Голос ее напоминал шипение змеи. – Все твое теперь мое.

Больше никакого притворства – она явила свою подлинную сущность.

Таита почувствовал ее плотское вторжение. Словно орда варваров осадила крепость его души и билась в ее стены. Он собрал все силы, чтобы оказать сопротивление, закрыть ворота, не дать ей пройти, отбросить от бреши. Во взгляде Эос зажегся ужас: она поняла, что он заманил ее в ловушку. На лице ведьмы появилось свирепое, убийственное выражение, и она снова бросилась в атаку.

Битва началась, и сперва их силы были равны. Таита сдвинулся в сторону, и, когда Эос переменила положение, чтобы противостоять его движениям, сбросил ее с лежанки. Сцепившись, они упали на малахитовый пол, но здесь Эос оказалась внизу и выдержала силу его удара. На миг мышцы в глубине ее тела расслабились от сотрясения. Таита воспользовался этим, чтобы проникнуть еще глубже, стремясь дойти до ее центра. Эос мгновенно напряглась, сдерживая его. Они молча сражались, не щадя сил, удерживая друг друга в неустойчивом равновесии.

Маг почувствовал, что ведьма пускает в ход резервы, и собрал свои. И вот Эос лавиной обрушилась на его рассудок, пытаясь пробить брешь в его обороне, проникнуть в тайные уголки его души. Он чувствовал, что его тело уступает. В ее глазах снова вспыхнуло торжество. Таита протянул руку и сжал в кулаке амулет Лостры, который по-прежнему висел у него на шее. Мысленно он произнес слово силы: менсаар! Его член подпрыгнул, и, почувствовав толчок, Эос испустила невнятный крик.

– Кидаш! Нкубе! – вскричал Таита. Из амулета хлынул поток психической энергии. Как удар молнии, он отбросил Эос от бреши в его душе. И снова они держали друг друга в равновесии. Силы их были равны. Впившись друг другу в плоть, они лежали неподвижно, как фигурки из слоновой кости.

Масло в лампах сгорело, фитили, чадя, погасли. Свет сочился теперь лишь из отверстия в высоком потолке. Но и он постепенно померк: солнце ушло за стены кратера, и битва продолжалась в темноте. Всю ночь сжимали они друг друга в адском совокуплении, член Таиты глубоко погрузился в тело Эос, мышцы ее влагалища безжалостно сжимали его, это был уже не орган размножения, а смертоносное оружие.

Когда сквозь отверстие в потолке пробился рассвет, он застал их по-прежнему сплетенными. Свет разгорался, и Таита смог заглянуть в глаза Эос. В их глубине он разглядел первые признаки паники, словно плененная птица, трепыхая крыльями, билась о прутья клетки. Эос старалась закрыть глаза, но Таита удерживал ее взгляд, как она удерживала его член. Оба были измучены до

крайности. В обоих не осталось ничего, кроме воли держаться. Эос сцепила ноги вокруг его бедер, а руки – за его спиной. Он рукой сдавливал ее ягодицы, прижимая ее к себе. Правую руку, в которой по-прежнему был зажат амулет Лостры, он положил Эос на спину. Очень осторожно, чтобы не насторожить ее, он открыл медальон, и на его ладонь упал красный камень.

Таита прижал камень к спине ведьмы и почувствовал, как он нагревается: камень обратил свою силу против нее. Эос испустила долгий отчаянный вопль и принялась отбиваться, отчаянно стремясь раздуть свое лоно, увеличить его. Таита рассчитывал свои толчки сообразно ее спазмам. Всякий раз как Эос расслаблялась, он глубже загонял член и наконец достиг последней преграды и одним могучим ударом пробил ее.

Эос со стоном и лепетом обмякла под ним. Он накрыл ее рот своим и просунул язык ей в горло, заглушив крики. Таита пронесся по святилищу ее души, распахивая двери всех хранилищ знаний и силы, опустошая их. Силы вернулись к нему, многократно умноженные тем, что он забирал у ведьмы.

Он смотрел на это несказанно прекрасное лицо, смотрел в великолепные глаза и видел, как все это меняется. Рот Эос размяк, в уголках повисли ниточки слюны. Глаза потеряли прозрачность и стали тусклыми, как булыжники. Подобно комку воска, слишком близко поднесенному к пламени, нос расширился и огрубел. Блестящая кожа поблекла и приобрела болезненный желтоватый цвет, ее покрыли темные жесткие пятна, подобные чешуе ящерицы. В уголках рта и глаз кожу прорезали морщины. Волосы распрямились, потеряли блеск и усеялись серой перхотью.

Таита по-прежнему был погружен в нее, он захлебывался в потоке психической субстанции, лившейся из Эос, как вода из прорванной дамбы. Поток был столь силен, что не слабел час за часом. Луч света из отверстия в крыше полз по малахитовому полу и достиг отметки «полдень», прежде чем Таита почувствовал, что поток слабеет и мелеет. Наконец он полностью иссяк. Таита забрал все. Эос опустошена.

Он позволил своем члену сократиться и выскользнуть из ее тела. Откатился от Эос и встал. Его член, по-прежнему разбухший, был кое-где покрыт ссадинами и синяками. Таита подавил боль и подошел к серебряной чаше с водой на столе у лежанки. Напился и сел на кушетку, глядя на лежащую на полу Эос.

Хрипло дыша открытым ртом, устремив невидящие глаза в потолок, Эос начала раздуваться. Как у трупа, оставленного на солнце, ее живот распирало, словно его заполняли газы разложения. Стройные руки и ноги опухли. Плоть стала дряблой, бесформенной, как комок масла. Таита следил, как разбухает тело Эос, пока ее конечности не исчезли в белых складках. Оставалась только голова, крошечная по сравнению с остальным.

Разбухшее тело постепенно заняло половину комнаты. Таита встал с кушетки и прижался к стене, чтобы дать телу возможность расширяться. Теперь Эос походила на царицу термитов, лежащую в царской ячейке в глубине термитника. Она стала пленницей собственного тела и могла только шевелить головой, придавленная собственной тяжестью. Теперь ей никогда не покинуть эту пещеру. Даже если троги вернутся и попытаются ей помочь, им не вытащить ее через узкие проходы и туннели в скалах на открытый воздух.

Отвратительное зловоние заполнило пещеру. Сквозь поры тела Эос сочилась густая маслянистая жидкость, зеленые капли этой жидкости напоминали гной. Удушливая вонь заполнила горло и легкие Таиты. Это был запах бесчисленных разложившихся трупов – жертв ее убийственного аппетита; неродившихся детей, которых Эос вырывала из чрева матерей, и самих этих юных матерей; тел тех, кто погиб от голода и засухи, от мора, который она напускала на народы; тел воинов, погибших в войнах, развязанных и направляемых ею; тел тех невинных, которых она приговаривала к виселице и удушению; рабов, погибших в копях и каменоломнях. Это был смрад чистого зла, исходивший изо рта Эос с каждым ее выдохом. Даже Таита, с его

железной выдержкой, не стерпел. Держась так далеко от Эос, как позволяли изгибы пещеры, он вдоль стены двинулся к выходу в туннель.

Его заставил остановиться зловещий звук. Словно гигантский дикобраз угрожающе тряс иглами. Уродливая голова Эос повернулась к нему, взгляд сосредоточился на лице Таиты. Ни следа красоты не осталось в этом лице. Глаза превратились в глубокие темные ямы. Губы растянулись, обнажив зубы, и лицо приобрело сходство с черепом. Черты ее лица стали неописуемо гадки, теперь они были истинным зеркалом ее черной души. Эос хрипло заговорила, словно закаркала ворона:

– Я буду жить.

Таита отшатнулся от ее зловонного дыхания, но взял себя в руки и посмотрел ей в глаза.

– Ложь всегда будет жить, но и Истина тоже. И конца их борьбе не будет, – сказал он.

Она закрыла глаза и замолчала. Только из горла с хрипом вырывалось дыхание.

Таита взял свой плащ и выскользнул из зеленой комнаты в коридор, ведущий на открытый воздух. Когда он оказался в тайном саду Эос, солнце еще касалось вершин, но внутри кратера уже сгустилась глубокая тень. Таита внимательно осмотрелся в поисках трогов Эос, отыскивая их ауры, но никого не обнаружил. Он знал, что теперь, когда сила Эос уничтожена, обезьяны лишились руководства. Они бестолково заползли в туннели и проходы в горе и там умрут.

Воздух был чист и холоден. Таита с облегчением сделал глубокий вдох, стремясь удалить зловоние Эос из легких, и пошел в павильон у черного пруда. Сел на ту же скамью, где сидел, когда Эос была молода и прекрасна. Плотнее закутался в мантию. Ему казалось, что после такого тяжкого испытания он должен чувствовать усталость. Но ничего подобного: он был силен и неутомим.

Вначале это удивило Таиту, но потом он понял, что его поддерживает энергия, отобранная у ведьмы. По мере того как он исследовал горы накопленных ею знаний и силы, его сознание расширялось. Он мог заглянуть в прошлое на тысячелетия, прожитые Эос, добрался до самого начала времен. Каждая мелочь была для него внове. Он мог постичь глубину похоти и желаний Эос, словно они были его собственными. Его поразили ее невероятная жестокость и порочность. Прежде Таита не понимал истинной природы зла, его глубинной сути, и только сейчас все это открылось ему. Узнать от Эос предстояло так много, что Таита понял: чтобы овладеть даже малой частью всего этого, обычной жизни не хватит.

Это знание соблазняло самым порочным и отвратительным образом, и Таита сразу понял, что должен сопротивляться этому искушению, не привыкать к нему, иначе соблазн завладеет им. Существовала серьезная опасность, что постижение такого зла может и его превратить в чудовище, подобное Эос. Таиту даже пугала мысль о том, что знания, вырванные у ведьмы, делают его самым могущественным человеком на земле.

Он собрался с силами и начал перемещать бескрайние нагромождения зла в глубочайшие кладовые памяти, чтобы это зло не могло совращать и развращать его, но он мог бы при желании извлечь любую его часть.

Сверх того он располагал теперь таким же или бóльшим объемом полезных знаний, которые сулили бесконечные блага и ему, и всему человечеству. Он отобрал у Эос ключи к тайнам океана, земли и неба; жизни и смерти; уничтожения и воссоздания. Все это он оставил на поверхности сознания, чтобы иметь возможность исследовать нужное и овладевать им.

железной выдержкой, не стерпел. Держась так далеко от Эос, как позволяли изгибы пещеры, он вдоль стены двинулся к выходу в туннель.

Его заставил остановиться зловещий звук. Словно гигантский дикобраз угрожающе тряс иглами. Уродливая голова Эос повернулась к нему, взгляд сосредоточился на лице Таиты. Ни следа красоты не осталось в этом лице. Глаза превратились в глубокие темные ямы. Губы растянулись, обнажив зубы, и лицо приобрело сходство с черепом. Черты ее лица стали неописуемо гадки, теперь они были истинным зеркалом ее черной души. Эос хрипло заговорила, словно закаркала ворона:

– Я буду жить.

Таита отшатнулся от ее зловонного дыхания, но взял себя в руки и посмотрел ей в глаза.

– Ложь всегда будет жить, но и Истина тоже. И конца их борьбе не будет, – сказал он.

Она закрыла глаза и замолчала. Только из горла с хрипом вырывалось дыхание.

Таита взял свой плащ и выскользнул из зеленой комнаты в коридор, ведущий на открытый воздух. Когда он оказался в тайном саду Эос, солнце еще касалось вершин, но внутри кратера уже сгустилась глубокая тень. Таита внимательно осмотрелся в поисках трогов Эос, отыскивая их ауры, но никого не обнаружил. Он знал, что теперь, когда сила Эос уничтожена, обезьяны лишились руководства. Они бестолково заползли в туннели и проходы в горе и там умрут.

Воздух был чист и холоден. Таита с облегчением сделал глубокий вдох, стремясь удалить зловоние Эос из легких, и пошел в павильон у черного пруда. Сел на ту же скамью, где сидел, когда Эос была молода и прекрасна. Плотнее закутался в мантию. Ему казалось, что после такого тяжкого испытания он должен чувствовать усталость. Но ничего подобного: он был силен и неутомим.

Вначале это удивило Таиту, но потом он понял, что его поддерживает энергия, отобранная у ведьмы. По мере того как он исследовал горы накопленных ею знаний и силы, его сознание расширялось. Он мог заглянуть в прошлое на тысячелетия, прожитые Эос, добрался до самого начала времен. Каждая мелочь была для него внове. Он мог постичь глубину похоти и желаний Эос, словно они были его собственными. Его поразили ее невероятная жестокость и порочность. Прежде Таита не понимал истинной природы зла, его глубинной сути, и только сейчас все это открылось ему. Узнать от Эос предстояло так много, что Таита понял: чтобы овладеть даже малой частью всего этого, обычной жизни не хватит.

Это знание соблазняло самым порочным и отвратительным образом, и Таита сразу понял, что должен сопротивляться этому искушению, не привыкать к нему, иначе соблазн завладеет им. Существовала серьезная опасность, что постижение такого зла может и его превратить в чудовище, подобное Эос. Таиту даже пугала мысль о том, что знания, вырванные у ведьмы, делают его самым могущественным человеком на земле.

Он собрался с силами и начал перемещать бескрайние нагромождения зла в глубочайшие кладовые памяти, чтобы это зло не могло совращать и развращать его, но он мог бы при желании извлечь любую его часть.

Сверх того он располагал теперь таким же или бóльшим объемом полезных знаний, которые сулили бесконечные блага и ему, и всему человечеству. Он отобрал у Эос ключи к тайнам океана, земли и неба; жизни и смерти; уничтожения и воссоздания. Все это он оставил на поверхности сознания, чтобы иметь возможность исследовать нужное и овладевать им.

Солнце село и ночь прошла, прежде чем Таита разобрал и перераспределил в сознании добытое. И лишь тогда он осознал собственные потребности: маг несколько дней не ел и хотя и пил, но испытывал жажду. Теперь он знал устройство логова ведьмы так, словно прожил в нем не меньше, чем она. Покинув кратер, он вернулся в скальный лабиринт, безошибочно отыскивая путь в кладовые и кухни, где троги служили Эос. Съел немного отборных фруктов и сыра и выпил чашу вина. Затем, освежившись, вернулся в павильон. Теперь прежде всего следовало связаться с Фенн.

Таита сосредоточился и послал в эфир вызов; он звал Фенн отчетливо и открыто. И сразу понял, что недооценил ведьму. Его попыткам достичь Фенн препятствовала какая-то остаточная сила, исходившая от Эос. Даже ослабев, она сумела окутать себя и свой лабиринт защитным полем. Таита отказался от усилий и посвятил себя поискам способа уйти из гор. Он обыскивал память жертв и делал поразительные открытия, которые проверяли пределы его способности верить.

Он вновь вышел из павильона и вернулся в туннель, который вел к зеленой комнате Эос. Его ноздри мгновенно заполнил запах гниения. Он как будто бы стал еще гуще и отвратительнее. Таита прикрыл рот и нос полой одеяния, подавляя приступы тошноты. Теперь тело Эос почти целиком заполнило помещение, раздутое газами собственного разложения. Таита увидел, что Эос наполовину превратилась из человека в насекомое. Зеленая жидкость, сочившаяся из пор, обволокла ее тело и начала затвердевать, превращаясь в блестящий панцирь. Эос заключала себя в кокон. Видна была только голова. Некогда блестящие волосы отпали и лежали на зеленых плитках. Глаза были закрыты. Хриплое дыхание сотрясало зловонный воздух. Эос погрузила себя в глубокую спячку, и Таита знал, что так она может жить бесконечно долго.

«Есть ли способ уничтожить ее, пока она беспомощна?» – подумал он и принялся перебирать вновь приобретенные знания в поисках такого способа. И пришел к выводу, что его нет. Эос не бессмертна, но создана из пламени вулканов и может погибнуть только в этом пламени. Вслух Таита сказал:

– Прощай, Эос! Проспи в этой оставшейся у тебя каморке десять тысяч земных лет.

Он нагнулся и подобрал прядь ее волос. Свернул и аккуратно упрятал в сумку на поясе.

Ему едва хватило места, чтобы протиснуться между ней и малахитовой стеной в дальний конец комнаты. Здесь он обнаружил – о чем знал заранее – потайную дверь. Она была так искусно вырезана в зеркальной стене, что отражение обманывало глаз. И лишь когда Таита коснулся рукой обманчиво сплошной стены, показался ход, такой узкий, что едва давал Таите возможность пройти.

Оказавшись в узком проходе за дверью, Таита начал спускаться по нему, и свет постепенно сменился тьмой. Таита двигался уверенно, вытянув перед собой руки, и наконец коснулся стены, где туннель поворачивал под прямым углом. Здесь он протянул руку, нащупал в темноте каменную полку и почувствовал под рукой тепло сосуда для переноски огня. Ориентируясь на это тепло, маг отыскал веревочную ручку и спустил сосуд. На дне его слабо светился уголек, и Таита искусно раздул его. При свете этого пламени он отыскал связку тростниковых факелов. Зажег один из них, поместил сосуд вместе с оставшимися факелами в корзину, стоявшую тут же, на полке, и пошел дальше по узкому коридору.

Проход круто шел вниз, и Таита держался за веревку, проложенную вдоль правой стены; она помогала сохранять равновесие. Наконец проход закончился небольшой пустой комнатой с таким низким потолком, что Таите пришлось согнуться чуть ли не вдвое. В центре пола он увидел отверстие, похожее на колодец. Наклонив над отверстием факел, Таита заглянул вовнутрь. Слабый свет поглотила темнота.

Таита подобрал с пола обломок глиняного горшка и бросил в колодец. И принялся считать, дожидаясь, когда черепок ударится о дно. Досчитал до пятидесяти, но ничего не услышал. Коло-

дец казался бездонным. Прямо над ним в потолке пещеры торчал прочный бронзовый крюк. С него в колодец свисала плетеная кожаная веревка. Потолок был черным от сажи: Эос закоптила его факелами во время бесчисленных посещений пещеры. Ей хватало сил и проворства, чтобы спуститься по веревке, сжимая факел в зубах.

Таита снял сандалии и положил в корзину. Затем вставил факел в трещину боковой стены, чтобы хоть немного рассеять мрак в колодце. Ручку корзины надел через плечо, взялся за веревку и повис над пропастью. На веревке через определенные промежутки были завязаны узлы, непрочная опора для рук и босых ног. Таита начал спуск, перемещая вначале ступни, потом руки. Он знал, каким долгим и трудным будет путь, и двигался осторожно, по временам делая перерывы, чтобы отдохнуть и отдышаться.

Вскоре его мышцы начали дрожать, руки и ноги устали. Он не позволил себе остановиться. Свет факела, оставленного в пещере, превратился в слабое далекое мерцание. Теперь Таита спускался в полной темноте, но из воспоминаний Эос он знал дорогу. Мышцы правой ноги свела судорога, боль была нестерпимая, но Таита закрыл перед ней сознание. Пальцы скрючились и онемели. Он знал, что они кровоточат: капли падали на его обращенное кверху лицо, – и упрямо заставлял их разжиматься и вновь сжимать веревку.

Вниз, вниз; пути не было конца, и Таита понял, что больше не выдержит. Он неподвижно повис в темноте, обливаясь потом, не способный переменить положение на раскачивающейся веревке. Темнота душила его. Он чувствовал, как слабеют пальцы, скользкие от крови.

– Менсаар! – произнес он слово власти. – Кидаш! Нкубе!

И в тот же миг его ноги стали послушными, хватка окрепла. Но все же он не мог заставить измученное тело передвинуться к следующему узлу.

– Таита! Милый Таита! Отзовись!

Голос Фенн прозвучал так громко и четко, словно она висела рядом с ним в темноте. Перед глазами Таиты вспыхнул ее духовный знак – тонкие очертания водяной лилии. Она снова с ним. Он миновал участок, где еще сохранялась астральная власть ослабевшей ведьмы.

– Фенн! – бросил он в эфир отчаянный призыв.

– О, слава милосердной матери Исиде! – отозвалась Фенн. – Я думала, что опоздала. Я чувствовала твое отчаянное напряжение. Теперь я соединю свои силы с твоими, как ты учил меня.

Таита почувствовал, как перестают дрожать ноги, в них возвращается сила. Он снял ступни с узла и, повиснув на руках, вытянул в сторону дна пальцы ног. Пропасть тянула его вниз, он вращался на веревке.

– Будь сильным, Таита. Я с тобой, – призывала Фенн.

Он ногами нащупал узел и перехватил веревку. С самого начала он считал узлы и знал, что до конца веревки их осталось двадцать.

– Давай, Таита! Ради нас обоих не останавливайся! Без тебя я ничто. Ты должен выдержать, – упрашивала Фенн.

Таита чувствовал теплые астральные волны прибывающих сил.

– Девятнадцать... Восемнадцать...

Узлы обдирали ему окровавленные ладони и пальцы, а он продолжал считать.

– У тебя достаточно сил и решимости, – шептала Фенн в его сознании. – Я рядом. Я часть тебя. Сделай это ради нас. Ради моей любви к тебе. Ты мой отец и мой друг. Я вернулась к тебе, только к тебе. Не оставляй меня больше.

– Девять... Восемь... Семь... – считал Таита.

– Ты становишься сильней, – негромко сказала Фенн. – Я чувствую. Мы вместе пройдем через это.

– Три... Два... Один...

Таита попытался ступней нащупать опору. Но под его ногами была только пустота. Он достиг конца веревки. Таита перевел дух, разжал руки и упал. Дыхание у него перехватило. Неожиданно он обеими ногами ударился о дно. Ноги подогнулись, и он растянулся, как птенец, выпавший из гнезда. Он лежал на животе, всхлипывая от усталости и облегчения, слишком слабый, даже чтобы сесть.

– Ты в порядке, Таита? Ты еще со мной? Ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил он садясь. – В данный момент я в безопасности. Без тебя все было бы иначе. Твоя сила вооружила меня. А теперь мне пора идти дальше. Слушай мой призыв. Ты, несомненно, понадобишься мне снова.

– Помни, я люблю тебя, – произнесла Фенн, и ощущение ее присутствия исчезло. Таита снова был один в темноте. Порывшись в корзине, он отыскал глиняный сосуд с огнем. Раздул угли и зажег новый факел. Поднял высоко над головой и при его свете осмотрелся.

Он сидел на узком деревянном мостике, проходящем вдоль крутой стены слева от Таиты и прикрепленном к ней бронзовыми болтами, вставленными в отверстия, просверленные в этой стене. С другой стороны зияла темная пустота. Слабый свет факела не достигал дна. Таита подполз к краю мостика и заглянул вниз. Под ним простиралась бездонная тьма, и он знал, что она тянется до самых недр земли, до преисподней, из которой вышла Эос.

Таита немного отдохнул. Его мучила страшная жажда, но пить было нечего. Таита подавил это стремление силой разума, прогнал усталость, достал из корзины сандалии и обулся: его ступни были в кровь стерты веревкой. Наконец он встал и захромал по узкому мостику. От пропасти слева его не отгораживали никакие перила, а темнота внизу тянула к себе с гипнотической силой, которой трудно было противиться. Таита шел медленно и осторожно, осмотрительно делая каждый шаг.

Мысленно он видел, как Эос бежит по этому мостику – легко, как ребенок по лугу, – как взлетает по веревке с узлами, возвращаясь в свой расположенный высоко наверху скальный лабиринт, как держит факел в крепких белых зубах, и сознавал, что у него самого едва хватает сил идти по ровному мостику.

Но вот мостик сменился грубо обработанным камнем. Таита дошел до карниза в каменной стене, столь узким, что едва хватало места для ног, и уходившего вниз так круто, что приходилось держаться за стену, чтобы не упасть.

Карниз казался бесконечным. Таите потребовалось все самообладание, чтобы не запаниковать. Спустившись по этому карнизу на несколько сотен локтей, он добрался до глубокой расселины. Через нее он проник в другой туннель. Здесь ему снова пришлось отдохнуть. Он вставил факел в углубление, специально проделанное в скале; стена над этим углублением почернела, закопченная бесчисленными факелами, которые горели здесь раньше. Таита закрыл лицо руками, зажмурился и размеренно, ровно дышал, пока не замедлилось биение сердца. Факел прогорал и начал коптить. Таита зажег от его гаснущего огня последний факел и начал спускаться по туннелю. Спуск оказался еще более крутым, чем по карнизу. Наконец туннель превратился в каменную лестницу, по спирали уходящую вниз. За многие столетия ноги Эос так отполировали ступеньки, что они стали ровными и гладкими.

Таита знал, нутро горы представляет собой настоящий лабиринт вулканических трещин и отверстий. Камень был горячим на ощупь, его подогревала кипящая лава. Воздух стал душным и спертым, словно в кузнице, где жгут уголь.

Наконец Таита добрался до долгожданной развилки в туннеле. Главный коридор уходил прямо вниз, а меньшая ветвь резко сворачивала в сторону. Таита без колебаний выбрал более узкое отверстие. Здесь поверхность была грубой, но почти ровной. Он повернул еще несколько раз, и в конце концов оказался в другой пещере, освещенной красноватым, словно из печи,

пламенем. Но даже этот колеблющийся свет не мог пронизать все огромное подземное пространство. Таита посмотрел вниз и увидел, что опять стоит на краю глубокого кратера. Далеко внизу под ним кипело озеро огненной лавы. Ее поверхность, клокочущая и пузырящаяся, то и дело взметала вверх фонтаны расплавленного камня и искр. Жар так ударил в лицо, что Таите пришлось закрыться руками.

Из отверстия высоко над головой кипящая лава всасывала порывы ветра. Воздух ревел и с такой силой тянул за одежду, что Таита пошатнулся, с трудом удерживаясь на месте. Впереди через бурлящий котел был перекинут скальный мостик. В середине он проседал, как провисающий веревочный мост, и был так узок, что два человека не могли бы пройти по нему плечом к плечу. Таита заткнул за пояс полы одежды и ступил на него. Ветер, ревущий в пещере, изредка стихал и часто и внезапно менял направление. Он потащил Таиту назад, затем толкнул вперед. Не раз он едва не сбивал мага с ног, и Таита, удерживая равновесие, размахивал руками на самом краю пропасти. Наконец ему пришлось встать на четвереньки. Таита пополз, а когда над ним пролетел особенно сильный порыв, прижался к поверхности мостика и вцепился в нее. И все время внизу кипела и пузырилась лава.

И вот маг увидел впереди дальнюю стену пещеры, еще одну почти отвесную стену камня, и пополз к ней, но вдруг, к своему ужасу, увидел, что последняя часть каменной перемычки откололась и упала вниз, в огненный котел. Между концом перемычки и дальней стеной пещеры зияла брешь шириной в три шага взрослого человека. Таита подошел к краю и посмотрел на противоположную стену. В ней виднелось небольшое отверстие.

Из воспоминаний Эос он знал, что ведьма уже сотни лет не проходила этим путем. При ее последнем посещении перемычка была цела. Эта ее часть обрушилась сравнительно недавно. Эос об этом не знала, поэтому он и не ожидал встретить это роковое препятствие.

Таита немного отошел назад, сбросил сандалии, снял с плеча корзину и отшвырнул. Сандалии и корзина перевалились через край и упали в огненное озеро. Таита знал, что на возвращение у него нет сил, поэтому придется идти вперед. Он закрыл глаза и выровнял дыхание, затем собрал остатки физических сил и подкрепил их всей своей умственной и психической энергией. Присел, как бегун на старте марафонской дистанции. Подождал, пока уляжется яростный порыв ветра. И в наступившей на мгновение тишине бросился бежать по узкой тропе, наклонившись вперед и высоко подскакивая. Прыгнул в пустоту и в то же мгновение понял, что не долетит. Внизу его ждал котел.

Но тут снова взревел ветер. Он изменил направление и удвоил силу. Теперь ветер дул Таите в спину. Он проник под одеяние мага, раздул и швырнул вперед. Но и этого оказалось недостаточно. Таита ударился нижней частью тела о стену и едва успел ухватиться за края отверстия. И повис, держась только на руках, свесив ноги в пропасть. Он попробовал подтянуться настолько, чтобы упереться локтями в край отверстия, но смог лишь немного приподняться и снова повис на вытянутых руках. Таита отчаянно пытался нащупать босыми ногами какую-нибудь опору в стене, но камень был гладкий.

Внизу из котла поднялся фонтан лавы. Прежде чем он упал, раскаленные частицы обожгли Таите ноги. Боль была нестерпимой, и он закричал.

– Таита!

Фенн почувствовала его боль и позвала его через эфир.

– Помоги!

– Я с тобой, – ответила она. – Всей своей силой – сейчас!

Боль подстегивала. Таита потянулся вверх, так что едва не лопнули сухожилия, и постепенно, страшно медленно, начал подниматься. Его глаза оказались на уровне отверстия, но дальше подниматься он не мог. Руки грозили вот-вот отказать.

– Фенн, помоги! – снова воскликнул он.

– Вместе! Давай!

Он почувствовал приток сил от Фенн. Медленно подтянулся и наконец перенес одну руку через край. Повис на мгновение и снова услышал ее призыв:

– Еще раз, вместе, Таита! Давай!

Он рывком приподнялся и перебросил вторую руку. Она отыскала опору. Теперь, когда обе его руки были в отверстии, к нему вернулось мужество. Не обращая внимания на боль в обожженных ногах, Таита подтягивался, пока верхняя часть тела не перевалилась через край. Тяжело дыша, он заполз в пещеру. И долго лежал, собираясь с силами, пока наконец не смог сесть. Тогда он посмотрел на свои ноги и увидел ожоги. Оторвал кусочки лавы, которые еще липли к подошвам; они отделились вместе с кусками плоти. На икрах вздувались пузыри, полные прозрачной жидкости. Боль была мучительной, но усилием воли Таита заставил себя подняться и побрел в глубину пещеры. Ступни горели, на камне оставались кровавые следы. Свет из огненного котла снизу освещал ему дорогу.

Туннель очень недолго шел ровно, потом начал спускаться, и красноватый свет померк. В его последних отблесках Таита увидел полусгоревший факел, торчавший из щели в стене. Факел оставила здесь в свое последнее посещение Эос, очень давно. Таита подумал, что ему нечем его зажечь. Но потом вспомнил про силу, которую отнял у ведьмы, протянул к факелу руку, нацелив указательный палец на обгорелый конец, и сосредоточил психическую энергию.

На вершине погасшего факела появилась светящаяся точка. От нее поднялась тонкая спираль дыма; неожиданно факел вспыхнул и осветил все вокруг. Таита взял его из щели и, держа высоко над головой, заковылял так быстро, как только позволяли обожженные ноги. И вышел к началу очередного наклонного туннеля. Этот туннель тоже представлял собой лестницу, но камень не вытерт, на стенах – следы зубил каменщиков. Таита двинулся по нему, однако ступени казались бесконечными, ему часто приходилось останавливаться и отдыхать. Во время одной из таких остановок он понял, что слышит низкий рокот, ощущает дрожь воздуха и камня, на котором сидит. Звук не был постоянным, он то усиливался, то ослабевал, подобно биению гигантского сердца.

Таита знал, что это такое.

С новыми силами он встал и продолжил спуск. Звук становился все более сильным и отчетливым. Таита спускался все ниже, и звук взмывал, а вместе с ним усиливалось и возбуждение Таиты, так что он совершенно забыл о боли в ногах. Звук мощного биения достиг максимума. Каменная стена дрожала. Таита продолжал брести вперед, потом в изумлении остановился. Он взял у Эос воспоминания об этом месте, но туннель неожиданно закончился тупиком. Таита с трудом подошел и остановился пред стеной.

Казалось, стена природная, из грубого камня. Ни трещин, ни отверстий, но в центре на уровне глаз высечены три знака. Первый очень древний и изъеденный сернистыми испарениями из котла лавы; его возраст невозможно себе представить. Второй различим лишь чуть лучше; приглядевшись внимательнее, Таита понял, что он изображает маленькую пирамиду – духовный знак жреца или святого. Третий, самый недавний знак, тем не менее тоже был вырезан много столетий назад. Это был духовный знак Эос – очертания кошачьей лапы.

Знаки – это подписи тех, кто посещал это место до него. С начала времен только три человека нашли сюда дорогу. Таита коснулся камня и обнаружил, что он холодный – резкий контраст с адским кратером и кипящей лавой, оставленными позади.

– Это вход к Купели, который люди искали много веков, – с глубоким почтением прошептал Таита. Он приложил ладонь к знаку кошачьей лапы, и знак потеплел от его прикосновения. Таита дождался затишья в мощной пульсации земли и произнес три слова власти, отобранные у ведьмы: этой тайны не знал никто другой.

– Ташкалон! Аскартов! Силондела!

Камень под его рукой застонал и дрогнул. Таита нажал сильнее; послышался резкий скрежет, и вся стена тяжело откатилась, как мельничный жернов. За ней открылся еще один короткий лестничный пролет и вход в туннель, откуда доносился звук, похожий на рев раненого льва. Не заглушенный стеной, грохотал пульс земли. Таита не успел ухватиться и отступил на шаг от этого биения. Туннель перед ним заливал призрачный лазурный свет, который разгорался вместе с ударами пульса и мерк, когда звук ослабевал.

Таита прошел через портал. В щелях стены по обе стороны от входа торчало еще два факела. Он зажег их и, когда они ярко разгорелись, медленно начал спускаться по туннелю к источнику звука. Такого благоговения он не испытывал никогда, даже в храмах великих божеств Египта. Повернув в конце туннеля, он остановился перед новым коротким лестничным пролетом. Внизу, под собой, он увидел гладкий белый песок.

Полный трепета, Таита спустился по лестнице и обнаружил, что стоит на поверхности чего-то напоминающего пересохшее русло подземной реки. Он знал, что вскоре из темного туннеля вырвутся звук и свет. Каковы будут последствия, если он позволит водам таинственной реки жизни пролиться на него?

Вечная жизнь может стать проклятием, а не благословением. Минут первые эпохи, и жизнь может вызвать цепенеющую смертельную скуку и застой, от которых нет спасения. Подвержены ли совесть и способность сочувствовать разлагающему действию времени? Могут ли высокие принципы и достойное поведение вытесниться злом, в какое была погружена Эос?

У Таиты сдали нервы, и он повернул обратно. Но он колебался слишком долго. Туннель заполнил чистый лазурный свет. Даже если бы маг захотел, спастись от него он уже не мог. Таита повернулся лицом к туннелю и приготовился встретить приближающийся гром. Из зева подземной реки вырвалось сияние, у которого не было очевидного источника. Лишь когда оно заклубилось у его ног, Таита понял, что оно не газообразное и не жидкое. Легкое, как воздух, но в то же время густое и тяжелое. Кожа воспринимала это сияние как ледяной холод, но оно согревало плоть под кожей.

Это был эликсир вечной жизни.

Эликсир бурлил и вот уже поднялся до пояса. Будь это вода, она сбила бы Таиту с ног и унесла по течению в недра земли. Но эликсир, напротив, вздымал его в своих мягких объятиях. Гром заполнил голову, лазурная волна дошла до плеч. Таита почувствовал себя невесомым и свободным, легким как пушинка. Он сделал последний глубокий вдох и закрыл глаза; волна сомкнулась над его головой. Он по-прежнему слышал грохот и видел сквозь закрытые веки лазурное сияние.

Он чувствовал, как Лазурь вливается в его тело через естественные отверстия. Открыл глаза, и Лазурь прокатилась через них. Выдохнул и снова вдохнул. Почувствовал, как лазурный эликсир вливается в ноздри, проходит по горлу прямо в легкие. Открыл рот и глотнул. Сердце сильно забилось: Лазурь из легких перешла в кровь и начала разноситься по всему телу. Таита ощутил покалывание в пальцах. Усталость исчезла, он чувствовал себя необыкновенно сильным, сильным как никогда. Сознание заработало с кристальной ясностью.

Лазурь согрела усталую старую плоть, обновила ее. Боль в ногах и руках прошла. Ожоги на коже залечились. Таита чувствовал, как крепнут его сухожилия и кости. Позвоночник распрямился, мышцы налились силой. Мозг наполнился свежестью и оптимизмом молодости, какие маг давно утратил, но теперь сознание было закалено бесконечным запасом мудрости и опыта, которыми он располагал.

Но вот Лазурь постепенно начала отступать. Гром затихал, и Таита услышал, как он уходит в глубину туннеля. Таита стоял на опустевшем речном дне и осматривал себя, по очереди под-

нимая ноги. Ожоги на икрах и подошвах исчезли. Кожа была гладкой и безупречной. Четко выделялись мышцы. Его ноги рвались с места. Таита повернулся и принялся стремительно подниматься по лестнице к откатывающимся каменным вратам. Он перепрыгивал три-четыре грубые каменные ступени за раз. Ноги неутомимо несли его вверх. Он ни разу не споткнулся. На мгновение маг остановился у входа, выхватил факел и произнес слова власти. Скала с грохотом встала на место. Таита увидел, что теперь на стене рядом с другими появилась новая подпись – символ раненого сокола, его собственный духовный знак. Таита отвернулся и пошел вверх по лестнице. Поднимаясь, он слышал за собой вечный грохот Купели, и биение могучего сердца земли отдавалось в его груди.

Он не чувствовал необходимости останавливаться и отдыхать: дышалось легко и спокойно, ноги летели по ступенькам. Таита все поднимался, и шум Купели стихал; вскоре он его уже не слышал. Подъем казался гораздо короче спуска. Раньше, чем ожидал Таита, впереди показалось зарево над лавовым котлом. Снова он заглянул в кипящее озеро. Таита остановился лишь на миг, мысленно измеряя длину провала в каменной перемычке. Совсем недавно смертоносный и угрожающий, теперь этот провал казался пустячным препятствием. Таита отступил на полдюжины шагов и бросился вперед. Высоко держа горящий факел, он выпрыгнул из устья туннеля и пролетел над пропастью. И приземлился, удержав равновесие, в трех шагах от края. И хотя в этот момент его ударил яростный порыв ветра, он не дрогнул, продолжал стоять как вкопанный.

Таита зашагал по узкой перемычке: там, где прежде ему приходилось ползти, он легко бежал. Ветер толкал его, рвал одежду, но Таита ни разу не сбавил хода. В конце «мостика» он, нагнув голову, вошел в туннель и не останавливаясь миновал все повороты, пока не добрался до главного прохода.

Но и здесь он не чувствовал потребности в остановке. Дыхание его было глубоким, но ровным, ноги – сильными, как кедровые балки. Тем не менее Таита сунул факел в щель стены, подобрал полы одеяния и сел на каменную ступеньку. Приподнял одеяние до пояса и снова восхитился своими ногами. Провел руками по гладкой, ровной коже; под ней отчетливо выделялись гладкие мышцы. Таита коснулся их – твердые и упругие. Затем он посмотрел на руки. Кожа на тыльной стороне ладоней словно у человека в расцвете сил. Исчезли темные пятна, возникающие с возрастом. Руки, как и ноги, сильные и изящные. Таита поднес руки к лицу и ощупал его кончиками пальцев. Борода казалась гуще, кожа на горле и вокруг ушей была упругой, без морщин. Он провел руками по волосам, густым и пружинистым.

И громко рассмеялся от радости при мысли о том, как, должно быть, изменилась его внешность. Таита пожалел, что не прихватил с собой зеркало. Такого оправданного тщеславия он не знал по меньшей мере сто лет.

– Я снова молод! – выкрикнул он, вскакивая на ноги и хватая факел.

Вскоре Таита увидел источник, пробивавшийся из расселины и стекавший по стене в природный каменный бассейн. Таита напился и пошел дальше. Все его мысли теперь были устремлены к Фенн. Он много месяцев не видел ее и теперь гадал, как мог измениться ее облик. За время двух недавних мимолетных контактов он почувствовал в ней огромные перемены.

«Конечно, она изменилась, но не так сильно, как я. При следующей встрече мы удивим друг друга. Она теперь больше не ребенок, скорее молодая женщина. Как она примет меня?»

Таита волновался перед этой встречей.

Он совершенно утратил представление о том, сколько времени прошло, не знал, день сейчас или ночь, но продолжал идти. И наконец добрался до туннеля, из которого вниз вела новая длинная лестница. Добравшись до ее конца, он увидел, что путь преграждает плотный кожаный занавес, украшенный мистическими символами и письменами. Таита погасил факел и подошел ближе к занавесу. За небольшим отверстием в нем брезжил свет. Таита прислушался. Слух его стал неимоверно острым, куда острее, чем до погружения в Купель. Ничего. Таита осторожно отвернул край занавеса и заглянул за него. Он увидел небольшую, но роскошно обставленную комнату. Быстро поискал признаки жизни, но ничьей ауры не обнаружил. Тогда он шире отвел занавес и вошел.

Это была опочивальня Эос. Стены и потолок покрыты плитками из слоновой кости, на каждой плитке великолепный рисунок яркими красками. Создавалось впечатление веселья и очарования. С потолка на бронзовых цепях свисали четыре масляные лампы, льющие мягкий свет. Лежанка у дальней стены завалена шелковыми подушками, посреди комнаты стоит низкий стол красного дерева. На нем чаша с фруктами, медовые лепешки и другие сласти, а также небольшой хрустальный кувшин с красным вином, с пробкой в форме золотого дельфина. На другом столике груда папирусных свитков и астрологическая модель неба, на которой золотом изображены орбиты солнца, луны и планет. Пол покрыт толстым слоем шелковых ковров.

Таита сразу прошел к столу посреди комнаты и взял из чаши гроздь винограда. После выхода из лабиринта ведьмы он ничего не ел, а теперь у него был аппетит молодого человека. Уничтожив половину содержимого вазы, Таита подошел к двери в стене у лежанки. Ее закрывал еще один богато украшенный кожаный занавес, двойник того, что у входа. Таита прислушался, но опять ничего не услышал, поэтому проскользнул за занавес и оказался в небольшой прихожей. Здесь у дальней стены стоял стул, а в стене был проделан глазок. Таита наклонился и заглянул в него.

Он сразу понял, что смотрит в зал Верховного Совета олигархов. Этим глазком пользовалась Эос, когда спускалась с гор, чтобы руководить Советом. Помещение было то самое, в котором он впервые встретился с Аквером, Эк-Тангом и Кайтором. Теперь оно было пусто, в нем царил полумрак. За высоким окном на дальней стене виднелся квадрат звездного неба, в котором горело созвездие Кентавра. По его наклону относительно горизонта Таита примерно определил время. Уже миновала полночь, и дворец окутывала тишина. Он вернулся в опочивальню Эос и доел фрукты. Потом растянулся на лежанке, скрыл себя на время сна заклинанием невидимости и мгновенно уснул.

Разбудили его голоса из зала Верховного Совета. Две промежуточные стены должны были приглушить их, но слух Таиты настолько обострился, что он узнал голос Аквера.

Таита быстро встал и подошел к глазку. Заглянул. Восемь воинов в полном вооружении склонились у помоста в позе почтительного повиновения. Перед ними были два олигарха. Аквер распекал склонившихся перед ним воинов:

– Что значит сбежали? Я приказал схватить их и привести ко мне. А ты говоришь, что они ушли от тебя. Объясни, как это получилось.

– У нас заняты поисками две тысячи человек. Беглецы недолго будут на свободе.

Говорил Онка. Он стоял на коленях, опасаясь гнева Аквера.

– Две тысячи? – переспросил Аквер. – А где остальные наши войска? Я приказал поднять для борьбы с восстанием всю армию. Я сам поведу ее. Я найду предателя Тината Анкута и всех

заговорщиков. Всех, слышишь? И прежде всего этого новоприбывшего – Мерена Камбизеса и тех, кого он привел в Джарри. Я лично буду пытать его и казню. Он станет примером, которого никто никогда не забудет!

Он сердито уставился на военачальников, которые не смели не только говорить, но даже смотреть на него.

– Расправившись с зачинщиками, я обрушу свой гнев на всех переселенцев в Джарри, – бушевал Аквер. – Они сплошь предатели. По приказу Совета их имущество будет отобрано в пользу богини и государства. Мужчин мы сошлем в копи: нам не хватает рабов. Старшие женщины и дети старше двенадцати лет отправятся в бараки для рабов. Все без исключения дети моложе двенадцати будут преданы мечу. Привлекательные девушки отправятся в питомники по нашей программе размножения. Сколько времени тебе понадобится, чтобы собрать все части, Онка?

Таита понял, что Онка получил повышение и поставлен во главе бывшего отряда Тината.

– Они будут готовы сегодня до полудня, великий правитель, – ответил Онка.

Таита слушал с ужасом. За время его пребывания в горах все в Джарри изменилось. Теперь его первая забота – Фенн и Мерен. Вдруг они уже в руках Онки? Нужно немедленно связаться с Фенн и убедиться, что она в безопасности, но очень важно также воспользоваться случаем и разузнать о планах Аквера.

Он оставался у глазка, пока Аквер отдавал приказы. Он был опытным полководцем, и, казалось, его тактика должна быть успешной. Однако теперь Таита мог строить собственные планы, чтобы противостоять действиям Аквера. Наконец Аквер отпустил военачальников, и олигархи остались в зале вдвоем. Аквер гневно опустился в кресло.

– Нас окружают глупцы и трусы, – пожаловался он. – Как восстание могло вспыхнуть у нас под самым носом?

– Здесь не обошлось без мнимого мага Таиты из Галлалы, – ответил Эк-Танг. – Не сомневаюсь, что за бунтом стоит он. Он ведь явился прямиком из Египта, от Нефера Сети. И стоило ему появиться в Джарри, как в стране началось восстание, первое за двести лет.

– За двести двенадцать, – поправил Аквер.

– За двести двенадцать, – желчно согласился Эк-Танг, – но эта педантичность ничего нам не даст. Что нам делать с этим возмутителем спокойствия?

– Ты знаешь, что Таита – личный гость богини и что он ушел в горы на встречу с ней. Те, кого приглашает Эос, не возвращаются. Можно больше о нем не думать. Ты его никогда не увидишь. А тех, кого он привел с собой в Джарри, скоро схватят... – Аквер приостановился, и его мрачное лицо просветлело. – Его подопечная, девчонка, которую он звал Фенн, достойна моего особого внимания.

Таита увидел, как в его ауре промелькнули искры похоти.

– Достаточно ли она взрослая? – спросил Эк-Танг.

– По мне, они всегда достаточно взрослые, – ответил Аквер с выразительным жестом.

– У каждого свои вкусы, – согласился Эк-Танг. – Хорошо, что мы приверженцы разных забав.

Олигархи встали и рука об руку вышли из зала. Таита вернулся в опочивальню ведьмы, закрыл обе двери и лишь тогда вызвал Фенн. Почти немедленно в его сознании возник ее духовный знак, а в голове зазвучал ее милый голос:

– Я здесь.

– Я вызывал тебя раньше. Ты в опасности?

– Мы все в опасности, – ответила она, – но сейчас непосредственной угрозы нет. Вся страна в смятении. А где ты, Таита?

– Я ушел с гор и теперь скрываюсь возле зала Совета.

Даже в эфире было ясно, что Фенн удивилась.

– О Таита, ты не перестаешь удивлять и радовать меня!

– Когда мы встретимся, я тебя еще многим обрадую, – пообещал он. – Вы с Мереном можете прийти ко мне, или я должен вас отыскать?

– Мы тоже скрываемся, но всего в пяти-шести лигах от того места, где ты. Скажи, где мы встретимся.

– К северу от крепости в предгорьях есть узкая долина. Вход в нее обозначен отдельной рощей акаций на склоне над ним. Роща видна издалека и формой напоминает голову лошади. Вот это место, – сказал он и мысленно передал изображение рощи.

– Вижу ясно, – ответила Фенн. – Сидуду ее узнает. Если не узнает, я снова тебя вызову. Скорее иди к этой долине, Таита. У нас мало времени, чтобы сбежать из этого проклятого места и спастись от гнева джарриан.

Таита быстро обшарил опочивальню в поисках оружия или какого-нибудь средства маскировки, но ничего не нашел. По-прежнему босой, одетый в простую тунику, покрытую пылью и сажей и прожженную каплями лавы, он вышел за дверь и оказался в пустом зале для аудиенций. Таита хорошо помнил маршрут, по которому вел их Тинат во время первого посещения крепости. Он вышел в коридор и увидел: пусто. Уходя, олигархи, должно быть, отпустили стражу. Таита прошел в глубину здания и почти добрался до высокой двойной двери, ведущей на задний двор, когда его остановил громкий окрик:

– Эй ты! Стой и назовись!

В спешке Таита забыл укрыться под заклятием невидимости. Он с дружелюбной улыбкой обернулся:

– Дворец такой огромный, что я заблудился и буду рад, если ты поможешь мне выйти отсюда.

Окликнул его один из стражников крепости, коренастый младший командир средних лет в полном доспехе.

– Кто ты? – вновь крикнул он. – По-моему, грязный вор и мошенник.

– Спокойней, друг. – Таита умиротворяюще протянул руки. – Я несу срочное сообщение полководцу Онке.

– Полководец уже ушел. – Стражник вытянул левую руку. – Давай сюда, если не лжешь. Я передам.

Таита сделал вид, что роется в сумке, но когда стражник подошел ближе, схватил его за запястье и дернул. Тот невольно рванулся назад и попятился. Вместо того чтобы сопротивляться, Таита последовал за ним и, используя инерцию движения противника, ударил его локтями в грудь. С удивленным криком воин потерял равновесие и упал на спину. Быстрый, как леопард, Таита приземлился сверху и ударил кулаком под подбородок. Шея громко хрустнула. Стражник умер мгновенно.

Таита склонился над ним и принялся развязывать ремни шлема, собираясь для маскировки надеть доспехи, но снять шлем с головы мертвеца не успел: послышался новый крик, и двое стражников с обнаженными мечами устремились к нему по коридору. Таита выхватил из мертвой руки оружие и вскочил, встречая нападающих.

Он взвесил меч в правой руке. Тяжелый, оружие пехотинца – но рука вспомнила знакомую тяжесть. Много лет назад Таита написал руководство для армии фараона, и фехтование всегда живо его интересовало. С тех пор годы отняли силу у его правой руки, однако теперь она вернулась, как и ловкость и проворство к ногам. Маг отразил удар первого нападающего и нырнул под клинок второго. По-прежнему пригибаясь, он сзади ударил воина по лодыжке, почти разрубив ахиллесово сухожилие. Потом распрямился и неожиданно для нападавших оказался между ними.

Тот, что не был ранен, повернулся вслед за ним, но при этом открыл бок, и Таита ударил под мышку, глубоко вогнав меч между ребрами. Поворотом запястья он прокрутил клинок в ране, расширив ее и высвободив меч вместе с куском плоти. Воин опустился на колени, из его рта пошла кровь: меч пробил легкое. Таита повернулся к тому, которого ранил первым.

Его глаза были полны ужаса. Он хотел попятиться, но раненая нога не повиновалась ему, и он едва не упал. Таита сделал ложный выпад в лицо, и, когда стражник поднял оружие, защищая глаза, ударил в живот, выдернул клинок и отпрыгнул. Воин осел на колени, выронив меч. Таита шагнул вперед и ударил сзади по шее, под кромку шлема. Воин упал ничком и застыл.

Таита перешагнул через мертвецов и подошел к первому убитому. У него в отличие от других доспех не был запачкан кровью. Таита быстро снял с мертвеца сандалии и обул на свои босые ноги. Они оказались почти впору. Надел пояс для меча и ножен, забрал у убитого шлем и плащ и побежал к задней двери крепости. У двери он замедлил бег и набросил плащ поверх своей изорванной, грязной туники. Проходя в дверь, он послал стражникам импульс, затуманивающий сознание. Те без интереса смотрели, как он проходит мимо и спускается по мраморным ступеням во двор.

Пространство двора было забито людьми и лошадьми: отряд Онки готовился к выходу. Таита увидел и самого Онку: тот, расхаживая с важным видом, выкрикивал приказы военачальникам. Таита смешался с толпой и по пути к конюшням прошел совсем рядом с Онкой. Тот посмотрел в его сторону, однако не узнал мага и не проявил к нему ни капли интереса.

Таита беспрепятственно добрался до конюшен. Здесь тоже кипела лихорадочная деятельность. Кузнецы перековывали лошадей, оружейники острили на точилах наконечники стрел и клинки, конюхи седлали военачальникам лошадей. Таита подумал, не украсть ли лошадь, но сразу понял, что надежды на успех почти нет. Поэтому он направился к задней стене крепостного двора.

Вонь подсказала ему, где искать нужники, расположенные за зданием. Найдя их, Таита внимательно осмотрелся, желая убедиться, что никто его не видит. Над ним на стене стоял стражник, поэтому Таита стал ждать, когда тот отвлечется, – он знал, что это обязательно произойдет. Вскоре в крепости послышались гневные крики. Прозвучали свистки, барабанный бой призвал к оружию. Нашли три тела в коридоре, и внимание отряда сосредоточилось на крепости. Стражник побежал на дальний конец стены и принялся смотреть во двор, чтобы понять причину тревоги. Он повернулся спиной.

Таита вскарабкался на плоскую крышу уборных. Отсюда легко было дотянуться до верха стены. Он разбежался и прыгнул на парапет, подтянулся на руках и наконец смог закинуть ногу. Прокатился по стене и упал с дальнего края. Падение было долгим, но Таита погасил удар, приземлившись на согнутые ноги, и быстро оглянулся. Стражник по-прежнему смотрел в противоположную сторону. Край леса виднелся совсем близко, и Таита побежал по открытому пространству к деревьям. Здесь он на минуту остановился, чтобы сориентироваться, и начал подниматься по крутому склону холма, укрываясь в ущельях, длинной траве и кустах, чтобы его не заметил случайный наблюдатель снизу. Добравшись до вершины, он снова осторожно огляделся. Прямо под ним шла дорога, ведущая к Облачным Садам. Она была пуста. Таита сбежал вниз, пересек ее и укрылся в кустах. Отсюда ему видна была роща в форме лошадиной головы на следующем отроге. По каменистой осыпи он спустился в долину – сдвинутые с мест камни катились из-под его ног – и, не потеряв равновесия, добрался до дна. И зашагал вдоль подножия холма ко входу в долину с крутыми склонами. Он немного прошел вдоль них, потом поднялся к наблюдательному пункту, откуда виден был вход, и приготовился ждать.

Солнце достигло зенита и начало спускаться к горизонту. На дороге, ведущей в долину, Таита увидел пыль. Похоже, большой отряд всадников скакал на восток. Прошел час или около

того, и Таита услышал негромкий топот копыт. Звук приближался. Маг настороженно сел. Под ним показался небольшой отряд всадников. Они остановились.

Впереди на гнедом пони ехала Сидуду. Она показала наверх, в ту сторону, где прятался Таита. Мерен проехал мимо нее и возглавил группу. Отряд поскакал рысью. Сразу за Мереном ехала красивая молодая женщина на сером жеребце. Ее длинные ноги были обнажены, а длинные светлые волосы развевались за плечами. Стройная, с гордой посадкой головы и разворотом плеч. Даже издалека Таита заметил ее груди, выступающие под отбеленным льном одеяния. Ветер отбросил ее золотые локоны, и Таита резко перевел дух. Это была Фенн, но совсем не та девочка, которую он знал и любил. Уверенная, уравновешенная женщина в первом расцвете красоты.

Фенн ехала на сером жеребце и вела в поводу Дымку. Справа от нее ехал Хилто. Сразу за ними – Наконто и Имбали, оба верхом, оба ловко сидели на лошадях – за долгие месяцы его отсутствия они хорошо овладели этим искусством. Таита покинул выступ, на котором сидел, и начал спускаться. Последние несколько метров он пролетел в прыжке. Алый плащ развернулся у него за спиной, словно крылья, но забрало кожаного шлема скрывало половину лица. Он приземлился на дорогу прямо перед Мереном.

Опытный воин, при виде джаррианского платья Мерен непроизвольно издал устрашающий крик, выхватил меч, высоко поднял его и поехал вперед. Таита едва успел выпрямиться и выхватить оружие. Мерен наклонился в седле и рубанул мага по голове. Таита отбил удар и отпрыгнул в сторону. Мерен натянул повод и развернул лошадь, так что она встала на дыбы. И снова устремился в атаку. Таита сорвал с головы шлем и отшвырнул.

– Мерен, это Таита! – крикнул он.

– Ты лжешь! Ты не похож на мага.

Мерен не стал сдерживать коня. Он снова наклонился и нацелил удар Таите в грудь. В последнее мгновение Таита увернулся, и острие меча задело лишь его плечо. Мерен проскакал мимо.

Видя, что вперед выехала Фенн, Таита крикнул ей:

– Фенн! Это я, Таита.

– Нет! Нет! Ты не Таита! Что ты с ним сделал? – крикнула она.

Мерен поворачивал лошадь для нового нападения. Наконто держал метательное копье на плече и готовился бросить его, как только Мерен освободит линию. Имбали соскочила с лошади и, размахивая топором, бежала вперед. За ней с обнаженным мечом следовал Хилто. Фенн и Сидуду накладывали стрелы на тетиву.

Глаза Фенн гневно горели, как алмазы.

– Ты убил его, злодей! – кричала она. – Я пробью твое черное сердце стрелой!

– Фенн! Взгляни на мой духовный знак! – торопливо крикнул на тенмассе Таита. Фенн вздернула подбородок. Увидела над его головой знак раненого сокола и побледнела от неожиданности.

– Нет! Нет! Это он! Это Таита! Опусти меч, Мерен! Опусти!

Мерен развернулся и сдержал лошадь.

Фенн спрыгнула с Вихря и побежала к Таите. Она обеими руками обняла его за шею и заплакала:

– О! О! О! Я думала, ты умер. Я думала, тебя убили.

Таита прижал ее к груди, ее гибкое тело плотно прильнуло к нему. Он ощутил ее знакомый сладкий запах, и у него закружилась голова. Сердце забилось с такой силой, что он не мог говорить. Они молча обнимались, а остальные смотрели на них в недоумении. Хилто старался сохранить обычное флегматичное выражение, но у него не получалось. Наконто и Имбали онемели от страха перед колдовством, оба сплевывали направо и налево, делая знаки против злых духов.

– Это не он, – повторял Мерен. – Я знаю мага лучше любого человека. Этот молодой бычок вовсе не он.

Наконец Фенн отстранилась и посмотрела на Таиту с расстояния вытянутой руки. Она восхищенно разглядывала его лицо, потом посмотрела в глаза.

– Глаза говорят мне, что это не ты, а сердце – что ты. Да, это ты. Точно ты. Но, господин, как тебе удалось стать молодым и таким прекрасным?

Она встала на цыпочки и поцеловала его в губы. Все рассмеялись.

Мерен спрыгнул с седла и побежал к ним. Он оторвал Таиту от Фенн и сам заключил в медвежьи объятия.

– Все еще не могу поверить! Это невозможно! – Он рассмеялся. – Но свидетельствую: мечом ты владеешь отлично, маг, иначе я бы уже проткнул тебя.

Все взволнованно столпились вокруг.

Сидуду встала перед Таитой на колени.

– Я в неоплатном долгу перед тобой, маг. Я так рада, что ты в безопасности. Раньше ты был прекрасен душой, а теперь прекрасен и телом.

Даже Наконто и Имбали наконец преодолели суеверный страх, подошли и с благоговением прикоснулись к Таите.

Хилто громко воскликнул:

– Я ни на секунду не сомневался, что ты вернешься. И узнал тебя, как только увидел.

Никто не обратил внимания на его хвастовство.

Мерен требовал ответить на десятки разных вопросов, а Фенн вцепилась в руку Таиты и сверкающими глазами смотрела ему в лицо.

Наконец Таита вернул всех к суровой действительности:

– Всему свое время. А пока вам достаточно знать, что Эос больше не способна вредить ни нам, ни Египту. – Он свистом подозвал Дымку. – Ты меня наконец узнала, моя дорогая. – Почесал лошадь за шеей и снова взглянул на Мерена. – Где Тинат?

– Уже направляется к реке Китангуле, маг. Джарриане раскрыли наши планы. Нам надо уходить немедленно.

Когда они выехали из долины и двинулись в сторону равнины, солнце уже садилось. В лес въехали, когда совсем стемнело, и вновь проводником стала Сидуду. Таита проверял ее указания по звездам и обнаружил, что знание местности и чувство направления Сидуду безукоризненны. Теперь он мог все свое внимание уделять Фенн и Мерену. Они втроем ехали рядом, Таита посередине, их стремена соприкасались. Мерен и Фенн описывали, что происходило, пока они были разлучены.

Потом Таита сказал:

– Во дворце я подслушал боевые приказы Аквера. Он добровольно принял на себя командование армией. Разведчики сообщили ему о движении основной массы наших людей по дороге на восток. Он решил, что Тинат вздумал добраться до верфей в верховьях Китангуле и захватить лодки, потому что знает: уйти из Джарри можно только вниз по этой реке. Скажите точно, где сейчас Тинат и сколько с ним людей.

– С ним около девятисот мужчин, но большинство больны и слабы из-за того, как с ними обращались в копях. Сражаться могут только триста с небольшим. Остальные – женщины и дети.

– Триста! – воскликнул Таита. – У Аквера пять тысяч опытных воинов. Если он догонит Тината, с ним будет покончено.

– Что еще хуже, Тинату не хватает лошадей. Среди детей много маленьких. Поэтому он движется медленно.

– Пусть вышлет вперед небольшой отряд воинов, чтобы те двигались как можно быстрее и захватили лодки. А мы тем временем задержим Аквера, – мрачно сказал Таита.

– Тинат надеется задержать его у Прохода Китангуле. Пятьдесят человек сумеют сдерживать там армию, пока женщины и больные не окажутся в лодках, – сказал Мерен.

– Не забывай: у Аквера есть разведчики, знающие местность не хуже Сидуду, – напомнил Таита. – Они, конечно, знают, как добраться до верфей другим путем. Мы должны ударить внезапно, пока Аквер этого не ожидает. – Когда Таита упомянул Сидуду, Мерен взглянул на девушку. Даже при лунном свете было видно: он влюблен. Бедный Мерен, знаменитый волокита, побежден, подумал Таита и про себя улыбнулся, а вслух сказал: – Если мы хотим задержать Аквера, нам понадобится больше людей. Я останусь наблюдать за дорогой. Мерен, возьми с собой Фенн, и как можно быстрей постарайтесь отыскать Тината...

– Я тебя не оставлю! – воскликнула Фенн. – Я едва не потеряла тебя и теперь больше никогда не покину.

– Я не посыльный, маг. Прояви уважение, не давай мне таких поручений. Как и Фенн, я останусь с тобой. Пошли Хилто, – объявил Мерен.

Таита в досаде взмахнул рукой.

– Неужели больше никто не способен выполнять приказы без споров? – спросил он у ночного неба.

– Возможно, и есть такие, – сказала Фенн, – но с Хилто говори вежливо.

Таита сдался. Он подозвал Хилто.

– Поезжай вперед так быстро, как сможет тебя нести лошадь. Найди доблестного Тината и скажи, что ты от меня. Скажи, что Аквер знает о нашем намерении собраться у реки Китангуле и преследует нас. Пусть пошлет вперед небольшой отряд, захватить лодки у истоков реки, прежде чем джарриане смогут их уничтожить. Скажи, что мысль удерживать Проход Китангуле, пока все не будут в лодках, хороша, но Тинату нужно послать двадцать своих лучших воинов. Это очень срочно. Хилто, людей, которых он даст тебе, поведешь на запад, к Мутанги, и найдешь нас. Отправляйся! Немедленно!

Хилто отсалютовал и без лишних слов ускакал.

– Нужно подстеречь Аквера в засаде. – Таита снова повернулся к Мерену: – Ты хорошо знаешь, какое место нам нужно. Спроси Сидуду, не знает ли она подходящее.

Мерен проехал вперед, к Сидуду, которая внимательно выслушала его просьбу.

– Я знаю такое место, – сказала она, едва он умолк.

– Умница, – гордо отозвался Мерен, и на мгновение они затерялись в глазах друг друга.

– Тогда веди, Сидуду, – крикнул Таита. – Докажи, что ты действительно умница, как считает Мерен.

Сидуду свернула с тропы, по которой они следовали, и повела отряд в сторону большого звездного креста в южной части неба. Через час она натянула поводья на вершине невысокого, заросшего лесом холма и в лунном свете указала на открывшуюся внизу долину:

– Вот брод через реку Ишаза. Видите блеск воды? Здесь проходит дорога, по которой правитель Аквер поедет к Проходу Китангуле. Вода глубокая, лошадям придется плыть. Когда они войдут в воду, мы с верха холма сможем пускать в них стрелы и бросать камни. Чтобы найти другой брод, им придется проехать сорок лиг вниз по течению.

Таита внимательно изучил переправу и кивнул:

– Сомневаюсь, что мы найдем лучшее место.

– Я же говорил, – сказал Мерен. – Она оценивает местность как воин.

– У тебя лук, Сидуду. – Таита кивком указал на оружие, висевшее у девушки через плечо. – Умеешь им пользоваться?

– Меня научила Фенн, – просто ответила Сидуду.

– За время твоего отсутствия Сидуду стала отличным стрелком, – подтвердил Мерен.

– Кажется, достоинствам этого юного совершенства нет конца, – заметил Таита. – Нам повезло, что она с нами.

Они не спешиваясь переправились через реку с сильным течением. Оказавшись на восточном берегу, увидели узкую тропу, идущую по узкому ущелью между холмами. Тропа была столь узка, что лошади могли двигаться лишь поодиночке, друг за другом. Таита и Мерен поднялись на склон и сверху осмотрели местность.

– Да, – сказал Таита. – Подойдет.

Прежде чем разрешить отдых, он рассказал о своем плане засады и заставил каждого повторить отведенную ему роль. Только тогда он разрешил спешиться, стреножить лошадей, покормить их дуррой из седельных мешков и отпустить пастись.

Ночевка была холодной: Таита не разрешил разводить костер. Поели лепешек из дурры и холодной жареной козлятины, макая куски в острый перечный соус. Как только с едой было покончено, Наконто взял свои копья и отправился караулить к броду. С ним пошла Имбали.

– Теперь она его женщина, – прошептала Фенн Таите.

– Это неудивительно, но надеюсь, все же Наконто будет одним глазом поглядывать в сторону брода, – сухо заметил Таита.

– Они влюблены, – сказала Фенн. – Маг, в твоей душе нет места романтике.

Она сняла с Вихря свой спальный матрац, выбрала место под защитой скалы подальше от других и расстелила на земле вместе с покрывалом из шкур.

Потом вернулась к Таите.

– Идем. – Она взяла Таиту за руку, отвела к своему спальному месту, помогла снять тунику, скомкала ее и понюхала. – Сильно пахнет, – заметила она. – Выстираю при первой же возможности. – Присела рядом с ним, накрыла покрывалом, потом разделась сама. В лунном свете ее тело было бледным и стройным. Она легла под покрывало и прижалась к Таите.

– Я так рада, что ты вернулся ко мне, – прошептала она и вздохнула. Немного погодя зашевелилась и снова зашептала: – Таита.

– Что?

– С нами маленький чужак.

– Спи. Скоро утро.

– Скоро усну. – Она долго молчала, ощупывая его изменившееся тело. Потом негромко спросила: – Таита, откуда он взялся? Как это случилось?

– Благодаря чуду. Как и моя новая внешность. Объясню позже. А сейчас надо спать. У тебя еще будет много возможностей поближе познакомиться с маленьким чужаком.

– А можно мне подержать его, Таита?

– Ты уже это делаешь, – заметил он.

Фенн примолкла. Потом прошептала:

– Он уже не такой маленький, он становится все больше и больше. – Немного погодя довольно добавила: – Мне кажется, что он больше не чужак, он мой друг. Теперь нас трое. Ты, я и он.

Продолжая держать его, она уснула. Таите уснуть было гораздо труднее.

Когда его разбудил Наконто, магу показалось, что прошло всего несколько минут.

– В чем дело?

Таита сел.

– Всадники на дороге с запада.

– Они пересекли реку?

– Нет. Расположились на дальнем берегу. Думаю, не хотят переправляться в темноте.

– Подними остальных, пусть седлают лошадей, но тихо, – приказал Таита.

В слабых лучах рассвета Таита лежал на животе между Фенн и Сидуду на берегу над бродом и смотрел за реку. Лагерь джарриан на дальнем берегу приходил в движение, караульные подбрасывали в костры дрова. До места, где лежали трое, долетал запах жареного мяса. Теперь света хватало, чтобы Таита сосчитал воинов. Их оказалось около тридцати. Некоторые присматривали за кострами, другие обихаживали лошадей. Еще несколько человек присели в кустах по своим неотложным делам. Скоро стало так светло, что можно было разглядеть их лица.

– Там Онка, – в ярости прошептала Сидуду. – Как я ненавижу его рожу!

– Я понимаю твои чувства, – шепотом ответила Фенн. – При первой же возможности мы с ним посчитаемся.

– Здесь Аквер, а с ним и Эк-Танг, – показал Таита. Олигархи стояли чуть в стороне от остальных. Они пили из чаш какую-то жидкость, от которой в холодном утреннем воздухе шел пар. – Не удержались. Поскакали впереди войска. Скоро начнут переправляться и дадут нам возможность. Если же нет, будем следить за ними, пока Хилто не приведет подкрепление.

– Я могла бы отсюда подстрелить Аквера. – Фенн прищурилась.

– Расстояние слишком велико, а утренний ветер неустойчив, моя дорогая. – Таита, сдерживая, взял ее за руку. – Если мы их насторожим, преимущество перейдет к ним.

Они наблюдали, как Онка отобрал четверых воинов и отдал им короткий приказ, одновременно указав рукой на брод. Воины побежали к лошадям, сели верхом, направились на берег и заставили лошадей войти в воду. Таита просигналил об этом Мерену.

Еще не добравшись до середины реки, лошади вынуждены были поплыть, преодолевая сильное течение, пока снова не нащупали копытами землю. Всадники выехали из реки; вода потоками стекала с боков лошадей и с вооружения. Разведчики внимательно осмотрелись, прежде чем двинуться в узкое ущелье. Мерен и остальные оставались в укрытии и позволили им проехать. На дальнем берегу воины Онки выстроились в три ряда, стоя у голов своих лошадей. Они ждали.

Наконец послышался топот копыт, и один из разведчиков проскакал по ущелью обратно к речному берегу. Здесь он остановился и замахал руками.

– На этой стороне все чисто! – крикнул он.

Онка отдал приказ, воины сели верхом и цепочкой двинулись к броду. Онка оставался в арьергарде, откуда мог лучше руководить переправой, но Таита удивился, увидев Аквера и Эк-Танга в первой группе. Этого он не ожидал. Он думал, что они поедут в середине колонны, где их будут охранять со всех сторон.

– Думаю, они попались.

Голос Таиты звенел от возбуждения. Он передал Мерену сигнал готовности. Олигархи во главе колонны пришпорили лошадей, загоняя их в воду. На полпути они поплыли, и из-за сильного течения, сносившего лошадей вниз по реке, колонна утратила четкий строй.

– Будьте готовы! – предупредил Таита девушек. – Пусть олигархи и эти три всадника за ними выйдут на берег. Потом стреляйте в следующих выходящих. Ненадолго, пока Онка перестроит своих людей, олигархи будут отрезаны от основной массы и попадут к нам в руки.

Течение было сильное, и в колонне образовались большие разрывы.

– Наложите стрелы! – негромко приказал Таита.

Девушки потянулись к колчанам на спине. Лошадь Аквера нашла дно и выбралась на берег. Эк-Танг последовал за ними, потом еще три всадника. Дальше наступил перерыв: остальная колонна еще сражалась с течением.

– Пора! – крикнул Таита. – Стреляйте в тех, кто идет за передними!

Фенн и Таита вскочили и натянули длинные изогнутые луки. Расстояние было невелико, били почти в упор. Девушки выстрелили, и две стрелы неслышно устремились вниз. Обе попали в цель. Воин покачнулся в седле и вскрикнул, когда стрела Сидуду вонзилась ему в живот. Тот, что за ним, получил стрелу Фенн в горло. Он вскинул обе руки и с плеском рухнул в воду. Их лошади повернули и столкнулись со следовавшими за ними, вызвав смятение во всей колонне. Аквер и Эк-Танг устремились в ущелье.

– О да! Отличная стрельба! – Таита зааплодировал девушкам. – Держите их, пока я не дам приказ бежать.

Оставив девушек, он кинулся к ущелью.

Мерен позволил олигархам пройти вход в ущелье и вместе с шиллуками выпрыгнул на тропу за ними. Имбали погналась за Эк-Тангом и одним ударом топора отсекла ему левую ногу выше колена. Эк-Танг закричал и хотел послать лошадь вперед, но, управляя ею одной ногой, потерял равновесие и упал на бок, вцепившись в гриву лошади, чтобы спастись. Из обрубка ноги била алая кровь. Имбали побежала за ним и снова взмахнула топором. Голова Эк-Танга соскочила с плеч и покатилась по каменистой тропе. Его пальцы еще несколько мгновений цеплялись за гриву, потом разжались. Обезглавленное тело упало на землю.

Всадник, скакавший за ним, с криком напал на Имбали. Наконто метнул копье. Оно вошло воину в спину и пробило его насквозь. Острие копья высунулось из груди. Воин выронил меч и упал с седла. Мерен оказался рядом с последним всадником. Воин видел его появление и попытался вытащить меч из ножен, но не успел: Мерен подпрыгнул и пробил ему грудь между ребрами. Всадник плечами и затылком грянулся оземь. Прежде чем он смог встать, Мерен прикончил его ударом в горло и повернулся к Акверу. Олигарх заметил его приближение, вонзил шпоры в бока лошади и помчался в ущелье. Мерен и Имбали побежали за ним, но не могли догнать.

Сверху Таита увидел, что Аквер уходит. Он повернулся и побежал по тропе на краю утеса параллельно всаднику, потом остановился и замер на самом краю. Когда лошадь олигарха оказалась под ним, он прыгнул на нее и так тяжело приземлился на спину, что Аквер упустил поводья и едва не свалился на землю. Таита одной рукой обхватил его за шею и принялся душить. Аквер на ощупь вытащил из ножен кинжал и попытался через плечо ударить Таиту в лицо. Свободной рукой Таита перехватил его запястье, и они молча боролись.

Потеряв равновесие из-за неожиданной тяжести на спине, лошадь ударилась о стену ущелья и присела на задние ноги. Таита и Аквер, сцепившиеся в борьбе, перелетели через ее голову. Когда они ударились о землю, Аквер оказался сверху и всем своим весом придавил Таиту. От удара Таита выпустил горло Аквера и его руку. Не успел он прийти в себя, как Аквер вывернулся и пырнул его кинжалом в горло. Таита вновь ухитрился перехватить запястье олигарха и отвел кинжал. Аквер налег всей своей тяжестью, но ничего не добился. Теперь Таита располагал силой молодого человека, а Аквер был далеко не в лучшей физической форме. Его рука задрожала от напряжения, на лице появилось выражение отчаяния. Таита улыбнулся.

– Эос больше нет, – сказал он.

Аквер вздрогнул. Рука его подалась, и Таита вывернулся и сел на него верхом.

– Ты лжешь! – закричал Аквер. – Она богиня, единственная истинная богиня!

– Тогда призови свою единственную истинную богиню, властительный Аквер, и скажи ей, что Таита сейчас тебя убьет.

Глаза Аквера округлились от ужаса.

– Опять ложь! – прохрипел он. – Ты не Таита. Таита – старик, и сейчас он мертв.

– Ошибаешься. Это Эос мертва, а скоро умрешь и ты.

По-прежнему улыбаясь, Таита все сильнее сжимал запястье Аквера, пока не почувствовал, как ломается кость. Аквер закричал, кинжал выпал из его пальцев. Таита придавил его так, что Аквер лежал совершенно беспомощный.

Подбежал Мерен.

– Прикончить?

– Нет, – остановил его Таита. – Где Сидуду? Больше всего зла он причинил ей.

Он увидел девушек, бегущих к ним от входа в ущелье. Они подбежали к тому месту, где Таита держал Аквера.

– Таита, надо уходить! Онка собрал воинов, и они всем отрядом переправляются вброд! – крикнула Фенн. – Кончай с этой свиньей, и поехали!

Таита мимо нее посмотрел на Сидуду.

– Этот человек отдал тебя Онке, – сказал он. – Он отправлял твоих подруг в горы. Ты имеешь право на месть.

Сидуду колебалась.

– Возьми этот кинжал.

Мерен подобрал кинжал Аквера и отдал ей.

Фенн пробежала вперед и сорвала с головы Аквера шлем. Схватила за волосы и оттянула голову назад, обнажая горло.

– За тебя и за всех девушек, которых он отправил в горы, – сказала она. – Перережь ему горло, Сидуду.

Лицо Сидуду закаменело.

Аквер прочитал в ее глазах смерть, захныкал и попытался вырваться.

– Нет! Послушай! Ты еще ребенок. Столь гнусное деяние навсегда отравит твою душу. – Голос его дрожал, речь стала почти невнятной. – Ты не понимаешь. Меня заставляла богиня. Я должен был выполнять ее приказы. Ты не можешь так поступить со мной.

– Понимаю и могу, – ответила Сидуду.

Она сделала шаг, и Аквер завопил. Сидуду поднесла кинжал к натянутой коже на его горле под самым ухом и с силой резанула. Плоть раскрылась, крупная артерия в глубине горла была рассечена. Воздух вырвался из разорванной трахеи. Ноги Аквера судорожно задергались. Глаза закатились. Язык вывалился, изо рта полились кровь и слюна.

Таита оттолкнул тело; Аквер перевернулся, как зарезанная свинья, и лежал лицом вниз в луже собственной крови. Сидуду выронила кинжал и отскочила, глядя на умирающего олигарха.

Мерен подошел к ней и обнял за плечи.

– Дело сделано и сделано хорошо, – негромко сказал он. – Он не стоит твоей жалости. А теперь нам пора.

Когда они побежали к лошадям, позади, у переправы, послышались крики людей Онки. Сели верхом и поскакали по ущелью, первым был Таита на Дымке. Выбрались на вершину и остановились, глядя на широкую травяную долину, раскинувшуюся впереди. На далеком горизонте виднелась цепь гор с высокими острыми вершинами.

Сидуду указала на брешь в горной цепи:

– Это Проход Китангуле, где мы должны встретиться с полководцем Тинатом.

– Сколько до него? – спросил Мерен.

– Пятьдесят лиг, может, немного больше, – ответила Сидуду.

Все обернулись и посмотрели на переправу.

Онка во главе отряда конницы пришпорил на берегу свою лошадь и гневно закричал, увидев трупы олигархов. Он поскакал вперед еще быстрее.

– Пятьдесят лиг. Нам предстоит большая гонка, – сказал Мерен.

Все галопом пустили лошадей со склона и поскакали к равнине. И добрались до нее, когда на вершине на фоне неба показались силуэты Онки и его людей. Со свирепыми криками они начали спускаться, белые страусовые перья на шлеме выделяли Онку среди остальных.

– Не стоит их дожидаться, – сказал Таита. – Вперед!

Через пол-лиги стало очевидно, что гнедая кобыла Сидуду не поспевает за другими лошадьми. Пришлось равняться по ней. Мерен и Фенн отстали и подъехали к Сидуду.

– Не бойся! – крикнула Фенн. – Мы тебя не бросим!

– Моя лошадь слабеет, – ответила Сидуду.

– Не бойся, – повторил Мерен. – Когда она упадет, я посажу тебя к себе.

– Нет! – настойчиво заявила Фенн. – Мерен, ты слишком тяжел. Лишний вес убьет и твою лошадь. Вихрь легко понесет нас обеих. Я возьму ее.

Таита приподнялся в стременах и оглянулся. Преследователи растянулись: быстрые лошади ушли вперед, более медлительные отстали. Шлем с перьями находился в ведущей группе из трех джаррианских всадников. Онка безжалостно гнал лошадь, и расстояние между ними постоянно сокращалось. Посылая Дымку вперед, Таита посмотрел на далекие горы, на разрыв, который обозначал проход. Горы так далеко, что нет никакой надежды добраться туда раньше, чем их догонит Онка. Но тут Таита увидел кое-что еще. На равнине впереди показалось облачко пыли. Сердце Таиты забилось сильнее, но он постарался успокоиться. Не время для ложных надежд. Это, конечно, стадо антилоп или газелей. Но стоило ему так подумать, как в облаке пыли блеснуло солнце, отраженное от металла.

– Вооруженные люди! – негромко произнес Таита. – Но джарриане, или Хилто возвращается с подкреплением?

Он не успел решить, что это: сзади послышался крик. Таита узнал голос Онки.

– Я вижу тебя, шлюха! Когда поймаю, вырву ублюдка из твоего живота, зажарю его живьем и затолкаю тебе в глотку.

– Не слушай эту грязь, – сказала Фенн Сидуду, но по лицу Сидуду на платье потекли слезы.

– Я его ненавижу! – сказала она. – Ненавижу всеми силами души!

Голос Онки звучал все отчетливее:

– А когда ты сожрешь своего ублюдка, я возьму тебя так, как ты ненавидела! И последнее в жизни, что ты запомнишь, – меня в тебе! Даже в аду ты меня никогда не забудешь.

Сидуду всхлипнула.

– Не слушай его. Закрой уши и сознание, – сказал Мерен.

– Почему я не умерла раньше, чем ты это услышал? – плакала Сидуду.

– Это ничего не значит. Я люблю тебя. И не позволю этой свинье обижать тебя.

В этот миг кобыла Сидуду оступилась в нору мангуста, скрытую в длинной траве. Кость в ее ноге хрустнула, как сухая ветка, лошадь упала. Сидуду выбросило вперед. Мерен и Фенн сразу повернули к ней.

– Готовься, Сидуду! – сказала Фенн. – Я тебя подхвачу.

Но Сидуду прокатилась по траве, вскочила и повернулась в сторону преследователей. Онка теперь намного опередил следовавших за ним воинов. Подавшись вперед, он отчаянно гнал лошадь и налетал на Сидуду.

– Готовься к встрече со своим любовником! – кричал он.

Сидуду сняла лук и потянулась за стрелой.

Онка радостно рассмеялся.

– Вижу, у тебя игрушечный лук для забавы. У меня есть кое-что получше, и я с тобой этим поиграю, прежде чем ты умрешь!

Он никогда не видел, как стреляет Сидуду. Она заняла позицию для стрельбы, натянула тетиву. Теперь Онка был так близко, что видел выражение ее лица. Смех его замер, он увидел в глазах девушки смерть. Она натянула тетиву, приблизив оперение стрелы к губам. Онка поворачивал лошадь, пытаясь укрыться за ней. Сидуду выпустила стрелу. Она вонзилась в ребра, и Онка выронил меч, обеими руками схватился за древко и попытался вытащить стрелу, но наконечник с шипами вошел глубоко. Лошадь Онки плясала по кругу, пытаясь освободиться от узды.

Сидуду опять выстрелила. К этому времени Онка очутился к ней спиной, и стрела попала ему в поясницу. Она пробила почки, нанеся смертельную болезненную рану. Онка повернулся, силясь достать стрелу. Сидуду выстрелила снова и попала в грудь, пробив оба легких. Онка издал полукрик-полувздох и упал назад, а его лошадь устремилась вперед. Одна нога Онки застряла в стремени, лошадь поскакала галопом, волоча за собой труп, который головой ударялся о землю. Обезумевшая лошадь на бегу обеими задними ногами лягала мертвое тело.

Сидуду повесила лук на спину и повернулась навстречу Фенн. Та погнала лошадь, опустила руку, Сидуду подпрыгнула, и их руки соединились. Используя скорость и инерцию движения Вихря, Фенн взметнула Сидуду на коня к себе за спину. Сидуду обеими руками обхватила подругу за талию, и Фенн развернула Вихря.

Следующие три джаррианина были уже близко; свидетели смерти Онки, они вопили от гнева. Их встретил Мерен. Он зарубил одного, а остальные отскочили, опасаясь столкновения. Они кружили, стараясь найти брешь в защите Мерена, но его меч описывал стремительные дуги, и воины не могли прорвать эту оборону. К этому времени Таита и девушки заметили затруднительное положение Мерена и ринулись ему на помощь.

– Отлично! – на скаку крикнул Таита Фенн. – Теперь гони к проходу. Мы прикроем твой отход.

– Я не могу бросить тебя, Таита! – возразила Фенн.

– Я вскоре буду, – ответил он через плечо, кинулся в схватку и сбил одного джаррианина с седла. Второй увидел, что теперь силы неравны: остальные воины были еще далеко позади. Он пытался защититься, но Наконто метнул копье ему в бок, а Имбали топором отсекла занесенную руку с мечом. Воин, пошатываясь в седле, поскакал обратно, навстречу своим товарищам.

– Пусть идет! – приказал Таита. – Догоняйте Фенн.

Они сорвались с места, преследуемые остатком конницы. Таита посмотрел вперед: отряд незнакомых всадников был теперь значительно ближе. И направлялся прямо к ним.

– Если это джарриане, мы сделаем из лошадей крепость и встретим их! – крикнул Таита.

Это означало поставить лошадей кругом и спешиться за ними, используя их тела для защиты.

Таита внимательно смотрел на приближавшихся всадников. Зрение его стало таким острым, что он узнал предводителя раньше Мерена и Фенн.

– Хилто! – закричал он. – Это Хилто!

– Клянусь сладким дыханием Исиды, ты прав! – крикнул Мерен. – Кажется, он привел с собой половину отряда Тината.

Они придержали лошадей, дожидаясь подхода Хилто. Это смутило преследователей-джаррианин, которые посчитали всадников частью своей армии. Конница в замешательстве остановилась.

– Клянусь раненым оком Гора, добро пожаловать, Хилто, старый друг! – приветствовал его Мерен. – Как видишь, мы оставили вам несколько мошенников, чтобы вы поточили мечи.

– Поразительная доброта, храбрейший! – рассмеялся Хилто. – Мы займемся ими. Ваша помощь не понадобится. Поезжайте к Проходу Китангуле, где вас ждет доблестный Тинат. Мы скоро освободимся и догоним вас.

Хилто сорвался с места, и люди Тината тесной группой последовали за ним. Хилто отдал приказ, и они перестроились в боевой порядок. Он повел их в атаку на толпящихся джарриан. Воины Тината столкнулись с ними и смяли их ряды. И погнали по равнине назад, туда, откуда они пришли, срубая на скаку, когда догоняли уставших лошадей.

Таита повел свой отряд к синим горам. Они догнали девушек на Вихре, и Мерен подъехал к ним.

– Ты стреляешь, как демон, – сказал он Сидуду.

– Это Онка разбудил во мне демона, – ответила она.

– Думаю, ты заплатила свой долг сполна. Теперь и ты, и твой демон можете мирно спать по ночам.

– Да, Мерен, – скромно ответила она. – Но я никогда не хотела быть воительницей – просто так вышло. Я хочу быть женой и матерью.

– Весьма похвальное желание. Я уверен, ты найдешь хорошего человека.

– Надеюсь, храбрый Камбизес. – Она взглянула на него из-под длинных ресниц. – Недавно ты говорил со мной о любви...

– Вихрь уже устал под тяжестью, которую Фенн заставляет его нести, – серьезно сказал Мерен. – За мной довольно места. Не хочешь пересесть ко мне?

– С удовольствием.

Сидуду протянула к нему руки. Мерен легко развернул лошадь и поставил ее рядом с Вихрем. Девушка обеими руками обняла его за пояс и прижалась головой к спине между лопатками. Мерен чувствовал, как она дрожит; иногда Сидуду подавляла всхлипы. Сердце его щемило. Ему хотелось всю жизнь защищать и оберегать ее. Он поехал за Таитой; Наконто и Имбали следовали за ним.

Хилто со своим отрядом догнал их раньше, чем они добрались до гор. Хилто проехал вперед и доложил Мерену:

– Мы убили семерых и забрали их лошадей. Остальные не выдержали схватки. Я не стал их преследовать и позволил убежать. Не знал, какие вражеские силы идут за ними.

– Правильно, Хилто.

– Привести одну из захваченных лошадей для Сидуду?

– Нет, спасибо. Ты сделал все необходимое. Со мной она в безопасности. Я уверен, что нам понадобятся свежие лошади, когда мы нагоним Тината. Сохрани их до тех пор.

Поднимаясь по тропе к Проходу, они нагнали хвост длинной колонны беженцев. Большинство шли пешком, хотя слабых и больных везли в двухколесных тележках или несли в носилках семьи или товарищи. Маленькие дети сидели на плечах отцов, женщины привязывали младенцев к спине. Большинство узнавало Мерена, ему кричали:

– Благословение всех богов на тебе, Мерен Камбизес. Ты спас нас из заточения. Наши дети будут свободны.

Девушки, освобожденные из загонов-питомников, подходили к Фенн и Сидуду, старались прикоснуться к ним. Некоторые плакали от радости.

– Вы спасли нас от горы, с которой не возвращаются. Мы любим вас за милосердие и храбрость. Спасибо, Сидуду. Благословение всех богов на тебе, Фенн.

Никто не узнавал Таиту, хотя женщины с интересом поглядывали на молодого человека с проницательным взглядом и властной осанкой, когда он проезжал мимо. Фенн заметила этот интерес и с собственническим видом подъехала к нему ближе. Из-за всех этих задержек в горы поднимались медленно, и солнце уже садилось, когда они достигли вершины и снова оказались в Проходе Китангуле.

Тинат со сторожевой башни пограничной крепости увидел их приближение. Он сбежал по лестнице и через ворота вышел им навстречу. Он по-военному приветствовал Мерена, обнял Фенн и Сидуду и взглянул на Таиту.

– А это кто? – спросил он. – Я ему не верю: он слишком красив.

– Можешь доверить ему свою жизнь, – ответил Мерен. – Дело в том, что ты его хорошо знаешь, хотя вряд ли поверишь в это, как не поверил и я.

– Ты ручаешься за него, храбрый Мерен?

– Всем сердцем, – сказал Мерен.

– И я тоже, – подхватила Фенн.

– И я, – сказала Сидуду.

– И я, – повторил Хилто.

Тинат пожал плечами и нахмурился.

– Вижу, я в меньшинстве, но от окончательного суждения все же воздержусь.

– Я вновь благодарен тебе, доблестный Тинат, – негромко сказал Таита. – Как и в Тамафупе, где ты спас нас от басмара.

– Тебя не было среди тех, с кем я познакомился в Тамафупе, – сказал Тинат.

– Ага, ты забыл. – Таита покачал головой. – Но конечно, помнишь, как вез нас с храбрым Мереном из Облачных Садов после операции на глазу. Тогда ты впервые открыл мне свои истинные взгляды и стремление вернуться в родной Египет. Помнишь наш разговор об Эос и ее власти?

Тинат смотрел на Таиту, и строгое выражение на его лице сменилось изумлением.

– Властительный Таита! Маг! Разве ты не погиб в горах, в Облачных Садах? Не может быть!

– Несомненно, может – и есть, – улыбнулся Таита, – хотя признаю, что моя внешность несколько изменилась.

– Ты стал молодым! Вот чудо, в которое невозможно поверить, но голос и взгляд убеждают меня, что это ты. – Тинат шагнул вперед и крепко пожал руку Таите. – А что стало с Эос и олигархами?

– Олигархи мертвы, а Эос нам больше не опасна. Пока этого достаточно. Каково наше положение?

– Мы захватили здешний джаррианский отряд врасплох. В нем было всего двадцать человек, и ни один не ушел. Трупы мы побросали в ущелье. Видишь? Стервятники уже нашли их. – Тинат указал на пожирателей падали, круживших в небе над головой. – Я отправил сто человек захватить верфи в верховьях Китангуле и обеспечить безопасность кораблей.

– Молодец, – похвалил Таита. – Теперь отправляйся к лодкам и принимай там командование. Собери все суда и по мере подхода людей сажай их на борт и пускай корабли с хорошим кормчим вниз по реке. Вся флотилия соберется в водах озера Налубаале, в том месте, где мы причаливали для охоты на носорогов.

– Я прекрасно его помню.

– По пути с гор оставь двадцать человек, хорошо владеющих топорами, у моста через пропасть. Когда по мосту пройдут наши последние люди, пусть срубят его и сбросят в провал.

– А вы что будете делать?

– Мы с Мереном останемся здесь, в крепости, вместе с теми, кого ты послал с Хилто. Задержим преследователей, пока мост не будет уничтожен.

– Как прикажешь, властительный Таита.

Тинат ушел, раздавая по пути приказы своим военачальникам.

Таита снова повернулся к Мерену.

– Пошли Хилто, шиллуков и столько человек, сколько мы можем отпустить, обратно по тропе: пусть помогают беженцам. Пусть поторопят их. Смотри! Главная армия джарриан недалеко. – Он указал вниз с горы на равнину, по которой они прошли. Далеко на равнине виднелось облако пыли, в свете заходящего солнца красное, как пролитая кровь. Пыль подняли колесницы и марширующие легионы джарриан.

Таита взял с собой Фенн и осмотрел маленькую крепость в начале Прохода и средства обороны. Стены оказались низкими и нуждались в ремонте. Однако запасы оружия и склад квартирмейстера были полны, так же как кухня и кладовая с провизией.

– Долго мы противника не удержим, – сказал он Фенн. – Для нас лучшая оборона – скорость.

Они посмотрели вниз на медленно ползущую колонну беженцев.

– Им понадобятся пища и питье, чтобы продолжать путь. Отыщи среди молодых женщин добровольцев, пусть помогают тебе и Сидуду раздавать пищу, какую отыщете, особенно детям. Потом отправляй их вниз, по дороге к лодкам. Пусть не задерживаются. Не позволяй им отдыхать, иначе они здесь погибнут.

К ним торопливо подошел Мерен. Они с Таитой поднялись по лестнице на сторожевую башню. Оттуда Таита показал Мерену карниз выше каменистого откоса, нависшего над тропой.

– Всех мужчин, каких сможешь выделить, возьми туда. Прикажи собирать большие камни и укладывать вдоль края карниза. Когда джарриане пойдут по тропе, мы скатим на них камни.

Мерен сбежал с лестницы и пошел к своим людям, а Таита отправился к Фенн, стоявшей у тропы. Пока она отбирала женщин для раздачи пищи, он высматривал сильных мужчин и отправлял их к Мерену на карниз.

Постепенно смятение сменилось порядком. Движение отступающих ускорилось. Утолив голод и жажду, люди приободрились. Когда они проходили мимо, Таита обменивался шутками с мужчинами, заставляя усталых женщин улыбнуться и повыше подсадить младенцев на плечи. Все устремлялись дальше с новой решимостью. Наступил вечер, смех помощниц Фенн смягчал страх тьмы, свет факелов, которые несли люди из арьергарда Хилто, обозначил конец колонны.

– Клянусь милостью Исиды, похоже, мы сумеем провести всех, – сказала Фенн, увидев в свете факелов высокую фигуру Хилто и услышав его гулкий низкий голос.

Таита спустился навстречу.

– Ты славно поработал, добрый Хилто, – приветствовал он его. – Видел передовой отряд джарриан?

– После заката, когда мы заметили их пыль, ничего не было видно. Но они недалеко.

Хилто на каждом плече нес по ребенку, его люди были отягощены не меньше.

– Идите дальше как можно быстрее, – приказал Таита и побежал вниз по тропе. Наконец он оказался в одиночестве; шум уходящей колонны отдалился. Тогда он остановился, прислушался и различил внизу негромкий звук. Таита опустился на колени и прижался ухом к камню. Звук стал слышнее.

– Колесницы и шагающие люди!

Он побежал назад, туда, где Хилто подгонял хвост колонны. Почти в самом конце шла женщина с привязанным к спине ребенком. Еще двоих, хныкущих и ноющих, она волокла за собой.

– Я устал. У меня ножки болят.

– Можно нам отдохнуть?

– Я хочу домой.

– Мы идем домой. – Таита подхватил обоих детей и посадил на плечи. – Держитесь крепче, – сказал он им и протянул свободную руку их матери. – Пошли. Скоро вершина.

И он зашагал вперед, таща за собой женщину.

– Приехали. – Добравшись до верха подъема, он спустил детей на землю. – Эти две красавицы покормят вас. – Он подтолкнул их к Фенн и Сидуду, потом улыбнулся матери, усталой и измученной тревогой. – Скоро вы будете в безопасности.

– Не знаю, кто ты, но ты хороший человек.

Таита оставил их и вернулся к Хилто. Вместе они смотрели, как последние беженцы поднялись наверх и начали спуск с противоположной стороны. Уже светало. Таита посмотрел туда, где у груд собранных камней стоял Мерен.

– Поднимитесь на смотровую башню, – приказал он Фенн и Сидуду. – Я вскоре к вам присоединюсь.

На мгновение показалось, что Фенн начнет возражать, однако она ушла, не сказав ни слова.

Вскоре Таита услышал грохот приближающихся к крепости колесниц и двинулся по тропе им навстречу, намереваясь отвлечь внимание джарриан от людей Мерена на карнизе. Но про-

шел он немного: неожиданно ниже по тропе, совсем близко, появилась первая колесница. Она начала подъем, а за ней показались другие. Рядом с каждым экипажем, держась за борта колесницы, бежали десяток пеших воинов. Всего колесниц было восемь, за ними двигалась сплошная масса пехоты.

Таита не пытался спрятаться, и из первой колесницы послышался крик. Возница щелкнул кнутом, и колесница накренилась, набирая скорость. Таита не шелохнулся. Копьеносец метнул в него копье, но Таита не дрогнул. Копье не долетело до того места, где он стоял, пяти-шести шагов и со звоном ударило в камень. Следующее копье могло бы попасть в мага, но он увернулся, и оно пролетело над его плечом. С башни донесся крик Фенн:

– Вернись, Таита! Там опасно!

Не обращая внимания на предостережение, он продолжал наблюдать за колесницами. Наконец все они оказались в пределах досягаемости: теперь у них не оставалось места, чтобы развернуться и отступить. Он махнул Мерену.

– Давай! – Эхо разнесло его голос вдоль утеса. – Ну!

Люди Мерена принялись за работу. Первые камни посыпались с карниза и с грохотом покатились по склону. Они высвобождали другие, запустив настоящий камнепад. Колесничие, заслышав приближение лавины, с испуганными криками бросали колесницы и убегали в поисках спасения. Но на узкой тропе от камней было не спастись. Они обрушивались на застрявшие колесницы и уносили их и людей в глубокую пропасть. Когда камнепад прекратился, тропа была загромождена массой обломков.

– Какое-то время ни одна колесница не сможет проехать по этой дороге, и даже пешеходам будет нелегко пройти, – сказал себе довольный Таита. – Это задержит их до полудня.

Он дал знак Мерену возвращать людей в крепость. К тому времени как он сам поднялся на башню, последние беженцы уже исчезли из виду на противоположном склоне.

Фенн обрадовалась и обняла Таиту.

– Ты так дорог мне, господин, – прошептала она. – У меня сердце остановилось, когда я увидела, как копье проносится у тебя над головой.

– Ну, если уж ты так высоко меня ценишь, может, покормишь, пока не подошла остальная джаррианская армия?

– Вернувшись с гор, ты стал ужасно уверенным в себе. Мне это нравится, господин. – Она рассмеялась и исчезла на кухне. А когда вернулась, они облокотились о парапет и поели яиц с лепешками из дурры. Отсюда им было видно, как командующий джарриан посылает пятьдесят человек захватить карниз, с которого люди Мерена бросали камни. Сам военачальник стоял на тропе под ними, за пределами дальности выстрела из лука. Он был высок и строен, с пучком страусовых перьев на шлеме и знаками различия полководца.

– Он мне совсем не нравится, – заметил Таита. У командира были смуглое лицо, упрямый торчащий вперед подбородок и большой крючковатый нос. – Ты узнаешь его, Сидуду?

– Да, маг. Это жестокий, безжалостный человек, мы все его ненавидели.

– Как его зовут?

– Военачальник Соклош.

– Военачальник Змея, – перевел Таита. – Очень похож на тезку.

Овладев карнизом, Соклош немедленно отправил воинов расчищать тропу перед крепостью и проверять храбрость ее защитников.

– Пошлите им пару стрел, – велел Таита Фенн.

Девушки быстро приготовили луки. Стрела Сидуду прошла так близко от головы одного из джарриан, что тот пригнулся и побежал. Фенн попала другому в ногу. Тот прыгал на здоровой ноге, воя по-волчьи, пока товарищи не прижали его к земле и не переломили стрелу.

Потом они отступили по тропе, при этом двое поддерживали раненого. Затем надолго наступило затишье. Наконец на тропе показалась колонна воинов в доспехах и стала приближаться к крепости.

– Думаю, мне пора спуститься, – сказал Мерен и спрыгнул с лестницы на парапет. Когда воины приблизились на расстояние выстрела из лука, он сказал Хилто: – Готовьтесь!

– Стрельба залпом! – выкрикнул Хилто. Его люди убрали мечи в ножны и достали луки. – Выровняться! Прицелиться! Стреляй!

Облако стрел, темное, как стая саранчи, поднялось в утреннее небо и опустилось на джарриан. Наконечники застучали по бронзовым доспехам. Несколько человек упали, но остальные сомкнули ряды, подняли щиты над головами, создав крышу, и побежали вперед. Снова и снова люди Хилто давали залп, но под прикрытием щитов джарриане оставались невредимыми. Они добрались до подножия крепостной стены. Первый ряд прислонился к каменной опоре, второй поднялся на плечи первому, образуя пирамиду. Третий ряд использовал первые два как лестницу, чтобы добраться до верха. Люди Хилто отбросили его мечами и копьями. Но их место занимали другие, клинок звенел о клинок. Люди выкрикивали проклятия и стонали от боли. Небольшая группа джарриан пробилась на парапет, но прежде чем они смогли воспользоваться этим преимуществом, на них напали Мерен, Наконто и Имбали. Часть они изрубили, остальных сбросили со стены.

На башне по обе стороны от Таиты стояли Фенн и Сидуду; они тщательно выбирали цели – джаррианских военачальников, которые пытались перестроить своих людей у подножия стены. Когда атака захлебнулась, стрелы девушек заставили противника отступить. Джарриане оставили мертвых у стены, но раненых унесли с собой.

До полудня Соклош организовал еще два приступа. Первый был отбит так же быстро, как нападение колесниц. Но во второй раз джарриане наступали тремя отдельными колоннами и несли с собой наспех сооруженные осадные лестницы.

Они одновременно ударили в центре и в двух концах стены. Защитники и так стояли редким строем, но теперь Мерену пришлось разделить их на еще меньшие отряды, чтобы отбить нападение с трех сторон. Схватка была отчаянная, и Таита спустился с башни и принял в ней участие. Девушек он оставил наверху со связками стрел, найденных в арсенале. Остальную часть утра борьба шла на верху стены. Когда наконец джарриан отбросили, люди Мерена потеряли двенадцать человек убитыми, а еще десять были так тяжело ранены, что не могли сражаться. Большинство остальных получили легкие ранения или были близки к полному истощению сил. Снизу доносились крики: Соклош и его полководцы готовили новый приступ.

– Сомневаюсь, чтобы мы могли продержаться еще. – Мерен осмотрел своих людей на парапете; они сидели небольшими кучками, пили из мехов, принесенных Фенн и Сидуду, острили затупившиеся мечи, перевязывали раны или просто отдыхали, с пустыми лицами, закрыв глаза.

– Ты готов поджечь здания? – спросил Таита.

– Факелы уже горят, – подтвердил Мерен.

Только фундаменты зданий каменные; все остальное, включая главное здание и сторожевую башню, из бревен. Дерево старое, высохшее, оно будет хорошо гореть. Пожар перекроет верхнюю часть тропы, и джарриане смогут пройти, только когда он догорит.

Таита оставил Мерена и прошел в дальний конец парапета. Здесь он присел в углу и закрыл плащом голову.

Люди с любопытством наблюдали за ним.

– Что он делает? – спросил один.

– Спит, – ответил другой.

– Он жрец. Он молится.

– Нам нужны его молитвы, – заметил третий.

Фенн знала, чем занят Таита, и стояла рядом с ним, закрывая своим телом и добавляя свою психическую силу.

После напряженного боя Таите трудно было сосредоточиться, но наконец он освободился от своего тела, и его астральная сущность взмыла над горными вершинами. Таита осмотрел поле битвы и увидел джаррианскую армию – три тысячи, а то и больше, воинов поднималось по тропе с равнины. Увидел, как у крепости, хотя еще и вдали от стен, готовится третий приступ. Затем он миновал горные вершины и увидел внизу реку Китангуле и вдалеке голубизну озера.

Он увидел людей Тината на верфи в верховьях реки. Они одолели стоявший там отряд и теперь спускали лодки на воду. Первые беженцы уже поднимались на борт, мужчины занимали места на скамьях гребцов. Но по горной тропе еще спускались сотни других. Таита снизился и повис над глубоким ущельем, которое раскололо склон горы. Подвесной мост, пересекавший ущелье, казался крошечным и хрупким на фоне массивной серой скалы. Последние беженцы заходили на непрочные бревна моста, чтобы совершить опасный переход через пропасть. Люди Тината помогали слабым и престарелым, а топорники стояли наготове, чтобы перерубить опоры моста и обрушить его в темную пропасть. Таита быстро вернулся в свое тело, открыл голову и вскочил.

– Что ты узнал, Таита? – негромко спросила Фенн.

– Большинство наших перешло ущелье, – ответил он. – Если сейчас выйдем из крепости, будем у моста, когда все уже перейдут через него. Фенн, подготовь вместе с Сидуду лошадей.

Он оставил ее за этим занятием, а сам прошел по парапету к Мерену:

– Собери людей. Пусть подожгут стены и уйдут до начала новой атаки джарриан.

Настроение египтян улучшилось: они поняли, что сражение окончено. Спустя короткое время они уже в строгом порядке направлялись к задним воротам крепости, неся оружие и раненых. Таита остался проследить за поджогом. Стоявший в крепости отряд джарриан использовал тростник для покрытия полов и в качестве подстилок. Теперь все это было сложено у основания стен. Люди Мерена щедро полили все ламповым маслом из запасов маркитанта. Когда на груды бросили горящие факелы, мгновенно взметнулось пламя. Деревянные стены вспыхнули так яростно, что Таите и факельщикам пришлось бежать к воротам.

Фенн уже сидела верхом на Вихре и держала наготове Дымку. Они поехали по тропе вслед за последним маленьким отрядом, который вели Мерен и Хилто.

Добравшись до подвесного моста, они в отчаянии увидели, что по меньшей мере сто беженцев еще не вступили на него. Мерен пробился сквозь толпу, узнать причину задержки. Пять крикливых старух отказывались ступить на мост. Они лежали посреди тропы, голосили от ужаса и пинали всех, кто пытался к ним подойти.

– Вы хотите, чтобы мы погибли! – завывали они.

– Оставьте нас здесь. Пусть нас убьют джарриане, только не бросайте нас в пропасть!

Их ужас оказался заразителен. Те, что шли за ними, теперь пятились и задерживали колонну. Мерен схватил одну из женщин за пояс и взвалил на плечи.

– Пошли!

Она пыталась расцарапать ему лицо, укусить за ухо, но ее кривые черные зубы впустую скользили по бронзовому забралу шлема. Мерен с женщиной побежал по узкой дорожке; бревна под ними дрожали, провал по обе стороны казался бездонным. Старуха завопила с новой силой, и Мерен неожиданно почувствовал, что у него взмокла спина. Он захохотал.

– Упарился я тут с тобой – спасибо, что освежила.

Он добежал до конца моста и ссадил женщину. Та сделала последнюю попытку вцепиться ему в глаза, потом со всхлипом опустилась на землю. Мерен побежал за другими, но Хилто и трое его воинов уже шли по мосту, у каждого на спине кричала и билась старуха. За ними движение по мосту восстановилось. Однако задержка обошлась дорого. Мерен опять пробился через толпу и нашел Таиту в хвосте колонны.

– Пожар крепости задержит Соклоша ненадолго. Он будет здесь раньше, чем мы сумеем перевести всех. А рубить опоры моста нельзя, пока не пройдет последний беженец, – сказал Мерен.

– Три человека на этой узкой тропе могут сдерживать целую армию, – ответил Таита.

– Хилто и мы двое? – Мерен посмотрел на него. – Клянусь язвами на ягодицах Сета, маг, я забыл, что многое изменилось. Ты сейчас самый сильный и искусный рубака во всей армии.

– Сегодня мы проверим, так ли это, – заверил Таита, – но позаботься о том, чтобы за нами стояли добрые бойцы, готовые заполнить брешь, если кто-то из нас упадет.

Оставалось переправиться еще пятидесяти беженцам, когда послышался топот воинов Соклоша и лязг их оружия.

Таита, Мерен и Хилто плечом к плечу встали поперек тропы. Таита в центре, Хилто слева, Мерен – с той стороны, где утес круто обрывался в пропасть. Наконто и десять отборных бойцов ждали за ними, готовые выступить вперед, когда понадобится. Чуть дальше, на тропе сидели на своих конях Фенн и Сидуду и держали лошадей Таиты и Мерена. Девушки держали наготове луки. Сидя высоко в седлах, они видели все впереди через головы Таиты и остальных.

Из-за поворота показался первый ряд воинов; увидев противостоящих им троих воинов, они резко остановились. Задние напирали; последовало мгновенное смятение, но строй мигом восстановился. Воины молча смотрели на троих защитников. Это продолжалось недолго: джарриане быстро поняли, какова сила противника. Коренастый младший командир из переднего ряда показал на них мечом, откинул голову и захохотал.

– Трое против трех тысяч! Хо! Ха! – Он давился от смеха. – Ай! Я обмочился от страха.

Он застучал мечом по щиту. Окружающие подхватили этот угрожающий ритм. Джарриане двинулись вперед, топая и колотя по щитам. Фенн смотрела на них сквозь оперение стрелы, натянув тетиву. Перед тем как джарриане устремились в атаку, она, не отрывая взгляда от бородатого лица, видного из-под шлема, уголком рта прошептала:

– Беру того, что в середине. Займись тем, что с твоей стороны.

– Держу его, – ответила Сидуду.

– Стреляй! – выпалила Фенн, и они выстрелили одновременно. Стрелы просвистели над головой Таиты. Одна попала балагуру точно в глаз: воин опрокинулся и всей своей тяжестью, в доспехах, обрушился на двоих воинов, стоявших за ним; те тоже упали. Стрела Сидуду попала воину в лицо возле рта. Два зуба вылетели, а острие застряло в горле. Вокруг джарриане закричали от гнева, перепрыгнули через трупы и кинулись на Таиту и двух его товарищей. Теперь они были так близко, что девушки не решались стрелять из-за страха зацепить своих.

Однако одновременно вступить в бой могли только трое джарриан. Таита нырнул под удар своего противника и, рубанув понизу, подсек ему ноги. Когда воин падал, Таита пронзил ему сердце через шнуровку нагрудника. Хилто отбил клинок своего противника и ответным ударом в щель между забралом и собственно шлемом прикончил джаррианина. Три бойца вновь изготовились к бою и отступили на два шага.

Еще трое джарриан перешагнули через мертвых товарищей и бросились на защитников. Один напал на Мерена, но тот парировал удар, перехватил запястье руки, державшей меч, и сбросил воина со скалы; тот с криком полетел в пропасть. Тот, что шел на Таиту, обеими руками поднял меч и нацелил удар в голову, словно рубил дрова. Таита принял удар на клинок, сделал шаг вперед и погрузил кинжал, который держал в другой руке, в живот воина, а после толкнул его на тех, кто стоял за ним. Мерен ранил еще одного и, когда тот падал на землю, пнул его так, что он сорвался с обрыва. Хилто расколол голову своему противнику ударом, который рассек верх шлема и проник глубоко в череп. Удар был такой силы, что клинок не выдержал. В руках Хилто осталась только рукоятка.

– Меч! Дайте мне новый меч! – отчаянно закричал Хилто. Но прежде чем ему успели дать новое оружие, на него снова напали. Хилто пытался защититься сломанным клинком, но джаррианин резко присел и подставил под удар забрало шлема, в то же время ударив мечом Хилто. Удар попал в цель, но Хилто сдавил воина в медвежьих объятиях и потащил назад, к своим. Стоявшие сзади убили джаррианина, пока тот вырывался от Хилто. Но Хилто был ранен и больше в тот день сражаться не мог. Товарищи увели его с моста, а Наконто занял его место рядом с Таитой. В каждой руке у шиллука было колющее копье, и он орудовал ими с такой быстротой и ловкостью, что бронзовые головки копий сливались в одну сверкающую линию. Оставив на тропе груду мертвых и умирающих джарриан, трое отступили к началу моста, соразмеряя свое продвижение с отходом последних беженцев.

Наконец Фенн крикнула:

– Все прошли!

Ее звонкий голос отчетливо разнесся над шумом битвы. Таита убил своего противника ответным ударом в горло и только тогда оглянулся. Мост был чист.

– Прикажи топорникам не мешкать. Пусть рубят мост! – крикнул Таита Фенн и, разворачиваясь навстречу новому противнику, услышал, как она передала приказ дальше. Поверх голов наступающих он видел страусовые перья на шлеме Соклоша и слышал, как тот резкими криками гонит своих людей вперед. Но джарриане видели смерть своих товарищей, земля под их ногами покраснела от крови. Тропа была завалена трупами, и наступающие потеряли желание продвигаться дальше. У Таиты было достаточно времени, чтобы снова оглянуться. Он слышал, как гремят топоры, перерубающие опоры моста. Однако девушки еще не уехали на обрыв. Вместе с ними на краю пропасти стоял небольшой отряд, готовый к битве.

– Уходите! – крикнул им Таита. – Все уходите! – Они колебались, не решаясь оставить его перед лицом врага. – Уходите, говорю вам! Здесь вы больше не помощники.

– Назад! – взревел Мерен. – Освободите для нас дорогу! Когда мы пойдем, мы пойдем быстро.

Девушки развернули лошадей, и копыта застучали по бревнам моста. Остальные последовали за ними и добрались до противоположного края. Наконто, Мерен и Таита, по-прежнему стоя лицом к врагу, медленно пятились и теперь стояли посередине моста. С обеих сторон от них зияла пропасть. Утесы дрожали от ударов топоров, рубивших главные опоры.

Трое противников бросились на мост. Настил задрожал под их ногами. Их щиты столкнулись со щитами тех, кто стоял на мосту. Нанося и отражая удары, обе стороны балансировали на раскачивающемся мосту. Когда первый ряд джарриан упал, на их место, скользя в лужах крови и спотыкаясь о трупы товарищей, побежали другие. За ними в узком проходе толпилось множество воинов. Люди падали, скользили по настилу и с криками исчезали в пропасти. И все это время топоры гремели о бревна, а крики разносило эхо.

Неожиданно мост дрогнул, словно пес, пытающийся стряхнуть блох. Одна его сторона накренилась. Двадцать джарриан с криками полетели вниз. Таита и Мерен опустились на колени, чтобы удержать равновесие на раскачивающейся поверхности. Только Наконто остался стоять.

– Назад, Таита! – закричала Фенн, и все вокруг подхватили ее крик.

– Назад. Мост падает! Назад!

– Назад! – закричал Таита Мерену. Тот вскочил и побежал, балансируя, как акробат. – Беги! – приказал маг Наконто, но глаза шиллука, налитые кровью от боевого безумия, видели только врагов. Наконто не видел и не слышал Таиту. Таита плоской стороной меча гулко ударил его по спине. – Назад! Бой окончен!

Он схватил Наконто за руку и толкнул к дальнему концу моста.

Шиллук потряс головой, словно очнувшись от сна, и побежал вслед за Мереном. Таита мчался за ними в нескольких шагах. Мерен добрался до конца моста и прыгнул на каменную

площадку, но в этот миг послышался громкий треск, словно щелкнул бич: одна из главных опор моста лопнула. Мост покачнулся, повис под острым углом, снова поднялся. Джарриане, еще стоявшие на ногах, не смогли удержаться. Один за другим они скользили к краю и срывались. Наконто добрался до прочной поверхности за мгновение до того, как мост провис опять.

Таита еще оставался на мосту, когда тот сильно наклонился. Таита покатился к его краю и, чтобы спастись, отбросил меч и прижался к поверхности. Между бревнами моста оставались узкие щели. Просунув в такую щель согнутые пальцы, Таита обрел опору. Мост вновь содрогнулся и начал падать, пока не повис вертикально. Ноги Таиты болтались над пропастью, держался он на кончиках пальцев. Маг попробовал отыскать опору для ног, но подошвы сандалий оказались слишком толстыми, чтобы втиснуть их в щель между бревнами. И Таита принялся подтягиваться на руках.

В бревно возле его головы вонзилась стрела. Джарриане стреляли в него через пропасть, а он не мог защищаться. Он подтянулся и повис на одной руке. Всякий раз ему приходилось освобождать одну руку и, вися на другой, цепляться за щель выше. Мост изогнулся, и каждый следующий зазор теперь стал предыдущим. Наконец Таита достиг места, где уже не смог просунуть пальцы в очередную щель, и беспомощно повис. Стрела прибила его одежду к бревну.

– Таита!

Голос Фенн. Таита изогнул шею, чтобы посмотреть вверх. Фенн лежала на самом краю на животе и смотрела на него.

– О милосердная Исида, я думала, ты упал! – Голос ее дрожал. – Продержись еще немного.

Она исчезла. В мост у левого уха Таиты ударила новая стрела.

– Вот, хватай!

Фенн спустила к нему уздечку с петлей. Таита одной рукой дотянулся до петли и накинул ее себе на голову, потом опустил петлю до пояса.

– Готов? – Глаза Фенн расширились от страха. – Второй конец привязан к седлу Вихря. Мы вытащим тебя.

Ее голова снова исчезла. Веревка рывком натянулась. Таита начал подниматься, отталкиваясь от моста руками и ногами. Еще несколько стрел вонзились в бревна, но, хотя джарриане кричали, требуя его крови – так лает стая собак, загнавшая на дерево леопарда, – ни одна стрела его не задела.

Наконец он оказался на уровне площадки, и сильные руки Мерена и Наконто подхватили его и перенесли в безопасность. Таита встал. Фенн бросила узду Вихря и побежала к нему. Молча обняла. По ее лицу струились слезы облегчения.

Всю ночь они подгоняли колонну беженцев и на рассвете увидели, как последние из них вышли на берег реки Китангуле. Тинат ждал их у входа на верфь и быстро пошел навстречу Таите.

– Рад видеть тебя невредимым, маг, но жаль, что я пропустил схватку. Мне доложили, она была трудной и жаркой. Что слышно о преследователях?

– Мост через пропасть уничтожен, но это не задержит их надолго. Сидуду говорит, что в сорока лигах к югу отсюда есть более легкая дорога через горы. Можно не сомневаться, что Соклош знает о ней и проведет по ней своих людей. Движется он гораздо быстрее, чем могли мы. Вероятно, скоро он объявится.

– Южная дорога – главный доступ в Джарри. Конечно, Соклош о ней знает.

– Я оставил на дороге дозоры, чтобы следили за ним и предупредили нас о его появлении, – сказал Таита. – Надо немедленно посадить всех в лодки.

Вначале погрузили лошадей, затем оставшихся беженцев.

Не успели последние беженцы подняться на борт, как на верфь прискакали конники из дозоров.

– Первая когорта джарриан будет здесь через час.

Мерен и его люди подгоняли последних беженцев, усаживая их в лодки. Как только очередное судно заполнялось, гребцы опускали весла в воду, выводили его на главное течение и разворачивали носом вниз по реке. Фенн и Сидуду перенесли носилки с Хилто на последнюю лодку флотилии. Еще двадцать лодок оставались пустыми на салазках, поэтому Таита с несколькими людьми задержался на берегу, присматривая за их уничтожением. Пустые лодки забросали горящими факелами, а когда корпуса занялись, столкнули их в воду, где они быстро сгорели до самой ватерлинии. Караульные на верху изгороди протрубили в свои изогнутые трубы из рогов антилопы куду сигнал тревоги.

– Враг на горизонте!

Все поспешно бросились к лодкам. Таита и Мерен прыгнули на палубу, где их с тревогой ждали девушки. Мерен встал к рулю, и гребцы отвели лодку от причала. Они еще оставались в пределах выстрела из лука, когда во двор галопом ворвался передовой отряд джарриан. Воины спешились, столпились на берегу и выпустили облако стрел, которые вонзались в палубу, но никого не задели.

Мерен развернул нос лодки по течению Китангуле. Широко разлившаяся река подхватила судно и унесла за поворот. Мерен, опираясь на рулевое весло, оглянулся на темные Джарриан-ские горы. Вероятно, покидая царство Эос, путникам следовало радоваться, но все были молчаливы и подавлены.

Таита и Фенн стояли отдельно от других. Наконец Фенн нарушила молчание. Она говорила негромко, так что мог слышать только Таита.

– Итак, в своем поиске мы потерпели поражение. Сами спаслись, но ведьма уцелела, и в Ниле по-прежнему нет воды.

– Игра еще не окончена. Фигуры по-прежнему на доске, – ответил Таита.

– Не понимаю тебя, господин. Мы бежим из Джарри, покидая поле битвы и оставив ведьму жить. Тебе нечего взять с собой в Египет к фараону, кроме этих жалких беженцев и нас самих. Египет по-прежнему обречен.

– Нет, это не все, что я везу с собой. У меня есть мудрость и астральная сила Эос.

– Какая от этого польза фараону, если Египет умирает от засухи?

– Возможно, я смогу использовать знания Эос, чтобы расстроить ее планы.

– Ты уже овладел ее магией? – с надеждой спросила Фенн, глядя ему в лицо.

– Не знаю. Я отнял у нее горы и океан знаний. Все мое сознание заполнено ими. Их столько, что я, как собака, раздобывшая слишком много костей, бóльшую часть должен зарыть. Возможно, некоторые зарыты так глубоко, что я никогда их не верну. В лучшем случае потребуется много времени, чтобы разобраться и усвоить все это. И тут мне понадобится твоя помощь. Наши сознания так настроены друг на друга, что только ты в силах помочь мне справиться с этой задачей.

– Ты оказываешь мне честь, маг, – просто ответила она.

Джаррианские отряды на протяжении нескольких миль сопровождали их вниз по реке, скача во весь опор по прибрежной тропе, пока болота и густые заросли не заставили их отказаться от преследования. Флотилия плыла по реке, вздувшейся от прошедших в Лунных горах дождей, оставляя противника далеко позади.

К ночи передовые лодки достигли порогов, которые много месяцев назад так осложнили подъем по реке. Теперь бурая вода стремительно несла корабли по протокам, только берега мелькали. За порогами, когда лодки причалили у стен небольшой джаррианской крепости, выяс-

нилось, что здешний отряд сбежал, как только понял, что противник захватил флотилию. Казармы были пусты, но на складах осталось много оружия, инструментов и припасов. Все это погрузили в лодки и поплыли дальше на восток. Спустя десять дней флотилия по устью Китангуле вышла на обширные голубые просторы озера Налубаале и, повернув на север, пошла вдоль берега к холмам Тамафупы.

К тому времени жизнь на лодках вошла в привычную колею. Таита выделил для себя и Фенн участок палубы перед скамьями гребцов. Чтобы получить тенистый уединенный уголок, маг отгородил это место занавесом из паруса. Здесь они проводили большую часть дня, сидя на спальном матраце, держась за руки и глядя друг другу в глаза, пока он шептал ей на тенмассе, единственном языке, способном передать всю безграничность знаний, переполнявших его мозг.

С Фенн Таита особенно остро сознавал, как расширяются ее сознание и астральная душа. Она давала ему почти столько же, сколько брала, и это общение обогащало и укрепляло их обоих. Вдобавок напряженная умственная деятельность не утомляла, напротив – оживляла их и вливала новые силы.

Каждый вечер перед закатом флотилия приставала к берегу, и большинство переходило на ночь на сушу, оставляя на кораблях только стражу. Обычно Таита и Фенн использовали последние светлые часы, чтобы побродить по берегу и опушке леса, собирая коренья, травы и дикие плоды. Набрав достаточно на ужин и для изготовления снадобий, они возвращались в свое убежище, которое устраивали в стороне от лагеря; иногда они приглашали поужинать с ними Мерена и Сидуду, но чаще оставались вдвоем и продолжали свои занятия до глубокой ночи.

Когда наконец они ложились и укрывались меховым покрывалом, Таита обнимал Фенн. Она прижималась к нему и без всякой застенчивости опускала руку и брала в нее новую часть тела, сжимая ее страстно, но неловко. Часто ее последние сонные слова были обращены не к Таите, а к той его части, которую она держала:

– Здравствуй, куколка. Мне нравится играть с тобой, но сейчас ты должна спать, иначе мы не заснем до утра.

Таита отчаянно желал ее. Он стремился к ней со всей своей вновь обретенной мужской страстью, но и сам во многих отношениях был столь же невинным и неискушенным. Единственным его плотским опытом была жестокая схватка в Облачных Садах, в которой он использовал свое тело как орудие уничтожения, а не любви. И это не имело ни малейшего сходства с тем горьким и одновременно сладким чувством, которое с каждым днем становилось все более острым и болезненным.

Когда Фенн играла с ним, Таита чувствовал всепоглощающее желание ответить ей тем же, но чутье предупреждало его, что хотя она почти созрела, но еще не готова переступить черту.

«У нас впереди целая жизнь, а то и несколько жизней», – утешался он, заставляя себя уснуть.

Всем хотелось поскорее вернуться на родину, поэтому гребцы работали охотно. Мимо пролетали знакомые берега, позади оставались лига за лигой, и наконец впереди из голубой воды поднялись холмы Тамафупы. Все столпились у бортов и молча смотрели на них. Это место было проникнуто злом, и даже самые храбрые испытывали страх. Обогнув мыс, увидели Красные Камни, перегородившие течение Нила. Фенн придвинулась к Таите и взяла его за руку.

– Они еще здесь. Я надеялась, что они пали вместе с хозяйкой.

Таита ничего не ответил. Он сказал стоявшему у рулевого весла Мерену:

– Правь в глубину залива.

Лагерь разбили на белом песке. Вечер вышел невеселый. Все были подавлены и терзались сомнениями. Нила, по которому можно продолжить путь, нет, а лошадей чересчур мало для возвращения в Египет.

Утром Таита приказал вытащить лодки на берег и разобрать. Никто не ожидал этого, и даже Мерен поглядывал на Таиту искоса, но никому не пришло в голову ослушаться. Как только выгрузили скарб, крепящие шпунты выбили из гнезд и разняли корпуса лодок на отдельные части.

– Переместите все и всех: лодки, скарб, людей – на вершину холма, к деревне, в которой жил безногий шаман Калулу.

– Но это очень высоко над рекой, – с удивлением напомнил Мерен.

Он переступал с ноги на ногу и недоуменно смотрел на Таиту. Тот устремил на него загадочный взгляд.

– Да – не только над рекой, но и над озером, – наконец сказал он.

– Это важно, маг?

– Возможно.

– Немедленно займусь этим.

Потребовалось шесть дней огромных усилий, чтобы перетащить все на холм. Когда наконец все части корпусов оказались на открытой площадке посреди почерневших развалин деревни Калулу, Таита позволил людям отдохнуть. Они с Фенн разместили свое жилище на переднем склоне холма, выходящем на сухое русло Нила с грозной преградой на его пути. По утрам на рассвете они сидели под плетенным из тростника навесом и смотрели на озеро – обширное пространство голубой воды, в котором отражались бегущие по небу облака. Они отлично видели и дамбу, и маленький храм Эос на утесе над ней.

На третье утро Таита сказал:

– Фенн, мы готовы. Мы собрали свои силы. Теперь нужно ждать полнолуния.

– До него еще четыре дня, – ответила она.

– До тех пор мы можем предпринять еще одну вылазку против ведьмы.

– Я готова, что бы ты ни решил, маг.

– Эос окружила себя астральной преградой.

– Поэтому мы не могли связаться друг с другом, когда ты был в ее логове?

– Я намерен в последний раз проверить ее защиту. Конечно, это опасно, но мы должны объединить силы и попробовать пробить ее щит, чтобы тайком наблюдать за ней в ее собственной твердыне.

Они снова спустились на берег озера. Выстирали одежду, вымылись в теплой воде. Это было ритуальное омовение: зло процветает в грязи. Пока их обнаженные тела обсыхали на солнце, Таита расчесал Фенн волосы и заплел влажные пряди. А она занялась его новой бородой. Они вычистили зубы молодыми зелеными прутиками, потом набрали полные охапки ароматных листьев и понесли наверх. Когда они добрались до своего убежища, Фенн раздула уголья и Таита бросил листья в огонь. Затем они сели скрестив ноги и, держась за руки, вдыхали очищающий, бодрящий дым.

Они впервые пытались путешествовать вместе в астрале, но переход прошел очень гладко. Связанные духовно, они поднялись высоко над озером и заскользили над лесом на запад. Землю Джарри скрывали густые облака; над ними поднимались только вершины Лунных гор, где строгим чистым сиянием сверкал снег. В этом ледяном объятии скрывалась долина Облачных Садов. Они спустились к крепости ведьмы, и при этом им пришлось сблизиться, ибо эфир стал беспокойным и давящим, как будто они плыли в выгребной яме. Тяжесть и плотность эфира препятствовали движению; они вместе преодолевали это обессиливающее сопротивление и наконец ценой невероятного духовного напряжения пробились в логово ведьмы, в зеленую комнату.

Массивный кокон Эос лежал там же, где его видел Таита, но теперь защитный панцирь полностью сформировался: зеленый и блестящий, отливающий алмазным блеском. Таита достиг своей цели: он показал Фенн подлинный облик Эос, а не просто ее призрачные явления. Теперь, когда придет время, они смогут объединить силы и противостоять ей.

Они улетели из Облачных Садов, пронеслись над горами, лесами и озером и вернулись в свои телесные оболочки. Таита по-прежнему держал девушку за руку. Когда Фенн очнулась, он посмотрел на нее Внутренним Оком. Аура Фенн, разогретая страхом и гневом, кипела, словно расплавленный металл, который выливают из печи.

– Эта тварь! – Она вцепилась в него. – О Таита, даже самое буйное воображение не могло бы нарисовать мне такой ужас! В этом коконе как будто заключено все зло вселенной!

Лицо ее посерело, кожа стала холодной.

– Ты видела нашего врага. Теперь готовься к схватке, любовь моя, – сказал Таита. – Собери все свои силы и храбрость. – Он прижал ее к себе. – Ты мне необходима. Без тебя мне ее не одолеть.

На лице Фенн застыло выражение решимости.

– Я не подведу, Таита.

– Я ни мгновения в этом не сомневался.

На протяжении нескольких следующих дней он использовал все свое тайное мастерство, чтобы восстановить духовные силы Фенн, потрясенной видом Эос.

– Завтра вечером наступает полнолуние, самая благоприятная фаза ее цикла. Мы готовы, и время настало.

Но утром Таиту разбудили всхлипывания и стоны Фенн. Он гладил ее лицо и шептал на ухо:

– Проснись, дорогая. Это только сон. Я с тобой.

– Обними меня, Таита. Мне приснился ужасный сон. Мне снилось, что колдунья Эос напала на меня. Вонзила мне в живот кинжал – кинжал с раскаленным лезвием. – Фенн снова застонала. – О, я до сих пор чувствую эту боль. Это не сон. Это явь. Я ранена, и мне больно.

Сердце Таиты тревожно дрогнуло.

– Дай-ка я пощупаю твой живот.

Он осторожно уложил ее на спину, отвернув покрывало до колен, и прижал ладонь к ее плоскому животу.

– Боль – это еще не все, Таита, – прошептала она. – У меня течет кровь из раны, которую мне нанесла Эос.

– Кровь? А где рана?

– Здесь! – Фенн развела ноги и потянула его руку вниз. – Кровь течет из разреза у меня между ногами.

– С тобой раньше такого не бывало – в твоем-то возрасте?

– Никогда, – ответила она, – это впервые.

– Милая! – Он нежно обнял ее. – Это не то, что ты думаешь. Эос ни при чем. Это дар и благословение богов Истины. Странно, что Имбали не рассказала тебе об этом. Ты стала настоящей женщиной.

– Не понимаю, Таита.

Фенн была напугана.

– Это твоя лунная кровь, символ твоей женственности.

Таита понял, что тяготы путешествия, лишения и трудности, пережитые Фенн, замедлили естественное развитие ее организма.

– Но почему мне больно?

– Боль – участь женщины. В боли она рождается и в боли дает жизнь. Так было всегда.

– Почему? Почему это обрушилось на меня, когда я больше всего нужна тебе? – сетовала девушка.

– Фенн, ты должна радоваться своей женственности. Боги вооружили тебя. Первая лунная кровь девственницы – самый мощный талисман природы. В тот день, когда ты становишься женщиной, ни ведьма, ни все воинство Лжи не могут противостоять тебе.

Они встали, и Таита показал, как делать из квадратика ткани набитую целебными травами подушечку, чтобы она впитывала выделения. Они снова вымылись, выпили немного озерной воды, но ничего не ели.

– Лев и львица лучше охотятся на пустое брюхо, – сказал Таита.

Они покинули свое жилище и через главный вход вышли из лагеря. Все в тревожном молчании смотрели, как они идут. Что-то в их манере держаться предупреждало: роковой миг близок.

Только Мерен приблизился к ним.

– Тебе нужна моя помощь, маг?

– Добрый Мерен, ты всегда был мне верен, но мы идем туда, куда ты не можешь следовать за нами.

Мерен опустился перед ним на колени.

– Тогда благослови меня, прошу.

Таита возложил руку ему на голову:

– Благословляю.

Они с Фенн вышли из лагеря и спустились по склону холма к озеру. Воздух был теплым и неподвижным, все притихло. Не слышно было ни шума, ни криков животных. Птицы исчезли. Небо было ослепительно ярким, голубым, и только над дальним краем озера висели маленькие облачка. На глазах у Таиты они постепенно обрисовали кошачью лапу.

– Даже в своем коконе ведьма учуяла угрозу и выступила против нас, – негромко сказал Таита Фенн. Та теснее прижалась к нему. Они шли, пока не оказались на вершине утеса. Перед ними открывались Красные Камни, могучий монолит, задушивший Нил.

– Разве есть в природе или у человека силы, способные сдвинуть что-нибудь столь огромное? – вслух спросила Фенн.

– Эта преграда создана силой Лжи. Возможно, ее можно уничтожить силой Истины, – ответил Таита, и они одновременно повернулись и посмотрели на храм Эос.

– Ты готова? – спросил он, и Фенн кивнула. – Тогда мы должны схватиться с Эос в ее храме.

– А что произойдет, если мы войдем туда, маг?

– Не знаю. Нужно ожидать худшего и готовиться к тому, что будет все тяжелее.

Таита еще раз взглянул на поверхность озера. Она была гладкой и блестящей. Высоко над ней плыло облако, по-прежнему в форме кошачьей лапы. Держась за руки, они ступили на мощеную тропу, ведущую к куполу храма. В неподвижном воздухе мгновенно поднялся ветер. Его прикосновение к щекам было холодным, как касание пальцев мертвеца. Ветер пронесся над озером, взволновав его гладкую поверхность, и снова стих. Таита и Фенн не останавливались. Но еще до середины подъема ветер подул снова. Негромко насвистывая, он разметал на горизонте небольшие облака и покрыл озеро темно-синими полосами.

Шум ветра резко усилился. Ветер набросился на людей. Визжа, он рвал на них одежду, трепал бороду Таиты. Маг и девушка пошатнулись и ухватились друг за друга. Гладь озера запестрела танцующими белыми волнами. Деревья на берегу раскачивались, их ветви метались в воздухе. Таита и Фенн с трудом продолжали путь наверх, пока наконец не остановились пред главным входом в храм. Ворота были широко раскрыты; одна створка обвисла, другая хлопала на петлях. Вдруг воющий ветер подхватил створки и захлопнул их с такой силой, что штукатурка вокруг косяков потрескалась и обвалилась.

Таита протянул руку к горлу и сжал амулет Лостры, висевший на золотой цепи. Фенн схватилась за золотой слиток талисмана Таиты. Свободную руку Таита сунул в сумку и достал густую блестящую прядь волос Эос. Он высоко поднял ее, и земля под ними дрогнула и заколебалась с такой силой, что одна из створок ворот сорвалась с петель и упала к их ногам. Они перешагнули через нее и сквозь проем прошли в круглый портик храма. Здесь воздух был густо пропитан злом. Идти сквозь него было трудно, словно они пробивались сквозь ил глубокой топи. Таита взял Фенн за руку, чтобы поддержать, и провел за порог к противоположной стене храма. Теперь они стояли перед дверью в форме цветка, с косяками из полированной слоновой кости, малахита и тигрового глаза. Дверь была закрыта. Таита ударил по ней плетью из волос Эос. Заскрипели петли, и дверь медленно открылась.

Внутри храм сохранил свое прежнее великолепие, символы большой пентаграммы сверкали мрамором и драгоценными камнями. Но взгляды вошедших неудержимо притягивал к себе щит слоновой кости в центре. Солнечный луч, падавший в отверстие крыши, медленно, но неотвратимо продвигался к сердцу пентаграммы. Близился полдень.

За стенами храма ревел и выл ветер, сотрясая стропила и покрывавший их тростник. Таита и Фенн стояли неподвижно, следя за солнечным лучом. Когда он коснется щита, Ложь достигнет вершины своей силы.

Сквозь отверстие в потолке потянуло ледяным холодом. Этот сквозняк свистел, как кобра, и шумел в воздухе, как крылья летучих мышей и стервятников. Солнечный луч коснулся круга слоновой кости. Ослепительный белый свет заполнил святилище, но пришедшие не дрогнули и не заслонили глаза. Они сосредоточенно смотрели на огненный духовный знак Эос, возникший в центре диска. Зловоние ведьмы заполнило воздух. Таита шагнул вперед и поднял прядь волос Эос.

– Ташкалон! – крикнул он и бросил прядь в круг. – Аскартов! Силондела!

Он обратил слова власти Эос против нее самой. Ветер неожиданно улегся, и мертвая тишина затопила храм.

Фенн встала рядом с Таитой и приподняла край одежды. Достала подушечку с травами и бросила на волосы Эос, лежавшие в круге.

– Ташкалон! Аскартов! Силондела! – повторила она ясным звонким голосом.

Храм пошатнулся на своем основании, из-под земли донесся гулкий рокот. Часть стены выпятилась наружу и обрушилась грудой осколков, подняв облако пыли. Позади одна из потолочных балок лопнула и рухнула на портик у входа, увлекая за собой груду сгнившего тростника.

С громовым ревом пол храма раскололся. Глубокая трещина пересекла диск по самому центру, разорвав круг; она пробежала по полу, разлучив Таиту и Фенн. У этой трещины не было дна. Казалось, она достигает недр земли.

– Таита! – закричала Фенн.

Их разделили, и Фенн почувствовала, что сила, которую она получала от Таиты, иссякает, гаснет, как пламя лампы, в которой заканчивается масло. Фенн покачивалась на краю трещины, которая прожорливо втягивала ее в себя.

– Таита, я падаю! Спаси меня!

Она, пытаясь отойти от края, махала руками, выгнув спину, но трещина тянула ее к себе.

Таита не осознавал всю грандиозность астральных сил, которые они пробудили. Он перемахнул через смертоносную пропасть, легко приземлился на другой стороне, успел поймать Фенн, прежде чем та упала в щель, подхватил ее на руки и побежал к двери-цветку. Маг прижимал Фенн к груди, восполняя силы, которые отняла у девушки Эос. Выскочив из внутреннего святилища, маг побежал по наружному портику к внешней двери храма. Прямо перед ними, едва не задев их, обрушилась массивная балка крыши. Таита перепрыгнул через нее и понесся дальше. Они словно оказались на палубе маленького корабля в самой середине урагана. Вокруг

в полу повсюду разверзались глубокие трещины. Таита перепрыгивал их. Земля вздымалась и дрожала. Прямо над ними еще одна часть наружной стены обрушилась, превратившись в груду обломков, но он перескочил через них и вырвался на вольный воздух.

Но и здесь первобытный хаос природы не дал им передышки. Пошатываясь и стараясь удержать равновесие на ходившей ходуном поверхности, Таита в изумлении огляделся. Озеро исчезло. На месте спокойных голубых вод виднелся обширный пустой бассейн, на дне которого бились косяки рыб, дергались крокодилы, а огромные неповоротливые гиппопотамы пытались найти опору в грязи. Красный каменный барьер обнажился до основания, и его размеры превосходили всякое воображение.

Неожиданно колебания прекратились, сменившись неестественной неподвижностью. Все в природе словно застыло. Не было ни звука, ни движения. Таита осторожно поставил Фенн на ноги, но она по-прежнему цеплялась за него и смотрела на пустое озеро.

– Что случилось с миром? – выговорила она бледными пересохшими губами.

– Землетрясение катастрофической силы.

– Благодарю Хатор и Исиду за то, что оно кончилось.

– Оно не кончилось. Это был просто первый толчок. Сейчас наступило затишье перед основными толчками.

– А куда делась вода из озера?

– Меняющаяся поверхность земли всосала ее, – ответил Таита и поднял руку. – Слушай! – Послышался мощный рев, словно подул сильный ветер. – Вода возвращается. – И он указал на пустой бассейн.

На горизонте поднялась голубая водяная гора, пронизанная желтовато-белой пеной; она надвигалась на сушу со страшной и величественной силой. Один за другим она проглатывала острова и, вздымаясь все выше, приближалась к берегу. Гору еще отделяло от него несколько лиг, но казалось, что ее вершина высоко вздымается в небо над утесом, где они стояли.

– Она унесет нас! Мы утонем! Надо бежать!

– Бежать некуда, – ответил Таита. – Стой рядом со мной.

Фенн почувствовала, что Таита окружает их защитным заклятием, и сразу присоединила свои психические силы.

Землю сотрясла еще одна гигантская судорога, до того сильная, что мага и девушку бросило на колени, но они продолжали держаться за руки и смотрели на подступающую волну. Раздался громовой звук, словно раскат в небе, такой громкий, что они на мгновение оглохли.

Красный каменный монолит раскололся от основания до гребня. Вся его поверхность покрылась сетью глубоких трещин. Огромная волна высоко поднялась над ним и ударила по камню молотом пены и водяных гребней. Могучая каменная преграда полностью ушла под воду. Ее осколки с грохотом сталкивались, а волны, как прибой, уносили их в пустое русло Нила. Глыбы разбрасывало по нему, словно мелкие камешки. Вода из озера грандиозным зеленым потоком продолжала врываться в брешь. Русло оказалось недостаточно глубоким и широким, чтобы вместить этот поток, и вода достигла верхних ветвей деревьев по обоим берегам. Деревья выворачивало с корнем и уносило, как щепки. Густые облака брызг вздымались в небо над бурлящим котлом, солнце отражалось в них, сотни сверкающих радуг перекрыли реку.

Вершина приливной волны обрушилась на утес, туда, где стояли Таита и Фенн. Казалось, волна поглотит людей и унесет, но она обессилела, не добравшись до них. Остатки могучего вала воды заклубились в развалинах храма, дойдя стоявшим до колен. Таита и Фенн держались за руки. Волна тащила их за собой, но вдвоем они могли сопротивляться, и их не унесло в озеро.

Природа медленно успокаивалась, дрожь земли утихала, воды озера теряли подвижность. Только Нил, зеленый, широкий и кипящий брызгами, с грохотом несся на север, к Египту.

– Река возродилась, – прошептала Фенн, – точь-в-точь как ты, маг. Нил обновился и снова молод.

Казалось, им никогда не надоест это величественное зрелище. Целый час простояли они, с удивлением и благоговением глядя вниз. Потом, словно повинуясь внезапному порыву, Фенн повернулась в кольце рук Таиты и посмотрела на запад. Она смотрела так пристально, что Таита встревожился.

– В чем дело, Фенн?

– Смотри! – воскликнула она дрожащим от возбуждения голосом. – Джарри горит!

Над горизонтом поднимались в небо огромные облака дыма, серые и грозные; они постепенно закрыли солнце и погрузили землю в мрачную тень.

– Что это, Таита? Что происходит в царстве ведьмы?

– Понятия не имею, – признался Таита. – Это слишком грандиозно, чтобы подчиняться разуму или вере.

– А нельзя ли снова посмотреть на Джарри и попытаться выяснить причину и масштабы бедствия?

– Надо, и немедленно, – согласился он. – Подготовимся.

Они сели на голый камень над ревущей рекой, взялись за руки и соединились в астрале. Взмыли ввысь и заскользили к гигантскому облаку и земле под ним.

Глядя вниз, они видели опустошенный край: деревни горели, поля уничтожил ядовитый дым и выпавший пепел. Они видели бегущих людей, у которых горели волосы и одежда. Слышали плач женщин и крики гибнущих детей. Подлетев ближе к Лунным горам, они увидели, что вершины взорвались. Из образовавшихся на их месте кратеров лились потоки расплавленной лавы. Один такой поток устремился прямо на крепость олигархов; крепость загорелась, обратилась в золу, и стало казаться, будто она никогда не существовала.

Среди этой разрухи только долина Облачных Садов казалась нетронутой. Но вот Таита и Фенн увидели, как пики, возвышавшиеся над долиной, дрогнули и покачнулись. У них на глазах новый вулкан разнес половину горы. В небо взлетали огромные камни. Облачные Сады погибли. На их месте зиял новый кратер, откуда вырывались свежие реки лавы.

– А что с ведьмой?

Таита повлек Фенн в самое пекло. Их астральные сущности были неподвластны жару, который мгновенно превратил бы их телесные оболочки в пар. Проникнув в переходы логова Эос, которые так хорошо помнил Таита, они добрались до помещения, где лежал кокон. Зеленые малахитовые стены уже светились, плитки облицовки коробились и лопались от жара.

От панциря валили клубы дыма. Его блестящая поверхность почернела и покрылась трещинами. Она медленно подрагивала и шла рябью, потом вдруг раскололась, и из панциря хлынула липкая желтая жидкость, которая немедленно закипела. Зловоние стало непереносимым. Панцирь вспыхнул и прогорел, превратившись в серый пепел. Последние остатки зловонной жидкости выкипели, оставив на раскаленных малахитовых плитках черные пятна. Крыша пещеры раскололась, и сквозь щели в комнату ведьмы ворвалась расплавленная лава.

Таита и Фенн отступили и поднялись над горами. Внизу царило полное опустошение. Земля Джарри целиком исчезла под пеплом и лавой. Вернувшись наконец в свои физические тела, они были слишком потрясены увиденным и пережитым, чтобы говорить. По-прежнему держась за руки, они смотрели друг на друга. Затем глаза Фенн наполнились слезами, девушка молча заплакала.

– Все кончено, – успокаивая, сказал Таита.

– Эос мертва. Скажи, что это не заблуждение! – взмолилась Фенн. – Пожалуйста, Таита, скажи, что все, что я видела, правда.

– Правда. Она умерла единственной возможной для нее смертью: ее поглотило пламя вулкана, из которого она возникла.

Нил перестал быть тонким ручейком, каким был во время похода в страну Джарри. Каждый поворот, каждая мель и каждый риф становились неожиданностью, поэтому Таита не стал рисковать ночными плаваниями. По вечерам приставали к берегу и строили изгородь из колючих кустов. После долгого дня, проведенного на тесной палубе, лошади до темноты паслись и разминались. Мерен с отрядом охотников отправлялся за добычей. Как только спускалась тьма, люди и лошади собирались за изгородью. Привлеченные запахом лошадей и свежей дичи, за колючей оградой всю ночь ревели львы и кружили леопарды.

В убежище нуждалось множество людей и животных, поэтому в загородке было тесно. Однако из уважения и любви, которые все испытывали к Таите и Фенн, им всегда выделяли небольшое, но уединенное место. Когда они оставались одни, разговор часто заходил о родине. Хотя в прежней жизни Фенн носила корону Верхнего и Нижнего царств, все, что она теперь знала о Египте, она узнала от Таиты. И выспрашивала все подробности об этой земле и жизни ее обитателей, их вере и обычаях. В особенности ей хотелось слушать рассказы о детях, которых она родила когда-то давно, и об их потомках, которые правят сейчас.

– Расскажи мне о фараоне Нефере Сети.

– Ты же все о нем знаешь, – возражал Таита.

– Расскажи снова, – настаивала она. – Мне ужасно хочется встретиться с ним лицом к лицу. Как ты думаешь, он поверит, что я была его бабушкой?

– Странно, если бы поверил. Ты больше чем вдвое моложе его, такая молодая и прекрасная, что он может даже влюбиться в тебя, – дразнил ее Таита.

– Этого никогда не будет, – решительно отвечала Фенн. – Во-первых, это было бы кровосмешением, а во-вторых, что гораздо важней, я принадлежу тебе.

– Правда, Фенн? Ты действительно принадлежишь мне?

Она удивленно распахнула глаза.

– Для мага и мудреца ты иногда бываешь редкостным тупицей, Таита. Конечно, я принадлежу тебе. Я пообещала это еще в прежней жизни. Ты ведь сам рассказывал.

Таита решил сменить тему:

– А что ты знаешь о кровосмешении? И кто тебе об этом рассказал?

– Имбали. Она рассказывает мне то, чего не рассказываешь ты.

– Что же она сказала?

– Кровосмешение – это когда кровные родственники гиджима друг друга, – спокойно ответила Фенн.

У Таиты захватило дух, когда с невинных уст слетело грубое слово.

– Гиджима? – осторожно переспросил он. – А что это значит?

– Сам знаешь, Таита, – сказала она с видом долготерпения. – Мы с тобой в другой жизни гиджима друг друга.

У него опять перехватило дыхание.

– А как мы это делали?

– Ты хорошо знаешь. Держались за руки и целовались. Так люди гиджима.

Он с облегчением вздохнул, и Фенн сразу поняла, что он что-то утаил от нее.

– Разве не так?

– Так, по крайней мере отчасти.

В ней проснулось любопытство, и почти весь вечер она была необычно молчалива. Таита знал, что так легко она не отстанет.

На следующий вечер лагерь разбили у водопада, который все хорошо помнили по путешествию вверх по течению. Тогда река почти пересохла, но теперь положение водопада обозначал столб брызг, вздымавшийся высоко над лесом. Пока на берегу рубили кусты и устраивали изгородь, Таита и Фенн сели верхом на Дымку и Вихря и проехали по шедшей вдоль берега звери-

ной тропе, обтоптанной буйволами и слонами и покрытой грудами их помета. Луки египтяне держали наготове и продвигались вперед осторожно, ожидая за любым поворотом столкнуться с каким-нибудь стадом. Однако хотя в лесу неподалеку слышались трубные звуки и треск веток, они доехали до водопада, не увидев ни одного слона. Стреножили лошадей, пустили их пастись и дальше пошли пешком.

Таита вспоминал этот участок реки, когда она была узким ручейком на дне глубокого ущелья. Теперь белопенные воды бились о черную скалу, проходя меж высокими берегами. Впереди гремел невидимый водопад, орошая лица брызгами.

Когда они наконец оказались над водопадом, Нил сузился от двухсот шагов до каких-нибудь двадцати. Внизу поток под бесчисленными арками радуг устремлялся в кипящую пропасть.

– Последний водопад перед порогами Египта, – сказал Таита. – Последняя преграда на нашем пути.

Он задумался, созерцая великолепную картину.

Фенн, казалось, была поглощена тем же зрелищем; на самом деле ее занимали совсем другие мысли. С полуулыбкой, с мечтательным выражением в глазах она прислонилась к плечу Таиты. А когда заговорила, то хриплым шепотом, который почти терялся в грохоте водопада.

– Вчера я спросила у Имбали о том, как люди гиджима. – Она во все зеленые глаза смотрела на Таиту. – Она рассказала. Конечно, я видела, как это делают лошади и собаки, но не думала, что мы тоже так можем.

Таита растерялся.

– Пора возвращаться, – сказал он. – Солнце садится, не стоит оставаться на тропе в темноте, когда вокруг бродят львы. Поговорим позже.

Они оседлали лошадей и двинулись обратно по берегу. Обычно их беседы текли бесконечно, каждая мысль вела к новой. Но сейчас обоим нечего было сказать, и они ехали по звериной тропе молча. Всякий раз как Таита искоса поглядывал на Фенн, та улыбалась.

Добрались до изгороди. Женщины суетились у костров, а мужчины, собравшись небольшими группами, разговаривали и пили пиво, отдыхая после целого дня гребли. Когда Таита и Фенн спешились, к ним подошел Мерен.

– Я уже собирался посылать на поиски.

– Мы разведывали тропу, – ответил Таита, передавая лошадей конюхам. – Завтра нужно будет разобрать лодки и пронести мимо водопада. Тропа крутая, поэтому работы много.

– Я собрал всех капитанов и рулевых, чтобы обсудить это. Мы ждали только твоего возвращения в лагерь.

– Я принесу тебе ужин, – сказала Фенн и ушла к женщинам у костров.

Таита занял место во главе собравшихся. Он завел обычай проводить такие собрания не только ради планирования конкретных действий, но чтобы у каждого была возможность задать вопрос, важный и интересный для всех. Собрания служили также судом над провинившимися, где каждого можно было призвать к ответу за проступки.

До начала совещания Фенн принесла Таите миску с похлебкой и чашку пива. Уходя, она прошептала:

– Я оставлю лампу гореть и буду ждать тебя. Нам нужно обсудить очень важные вещи.

Заинтригованный, Таита побыстрее закончил собрание. Едва договорились, как переносить лодки, он оставил Мерена и Тината заниматься менее важными делами. Когда он поравнялся с женщинами, те пожелали ему спокойной ночи и захихикали, когда он прошел мимо,

словно знали какую-то тайну. Мерен устроил им шалаш в дальнем углу укрепления за занавесом из свежесрезанного тростника. Зайдя внутрь, Таита увидел, что Фенн и впрямь оставила лампу гореть и уже лежала под покрывалом на их ложе. Но не спала. Увидев его, она села и отбросила покрывало. Груди девушки мягко блестели в свете лампы. С ее первой красной луны они пополнели и округлились. Соски торчали, а ареолы вокруг них стали темно-вишневыми.

– Ты вернулся раньше, чем я ожидала, – негромко сказала Фенн. – Бросай одежду в угол. Завтра я ее выстираю. А теперь ложись в постель. – Таита наклонился к лампе, собираясь задуть ее, но Фенн его остановила: – Нет, пусть горит. Мне нравится смотреть на тебя.

Он подошел к ней и лег рядом. Она осталась сидеть и наклонилась над ним, разглядывая его лицо.

– Ты хотела что-то сказать мне, – напомнил маг.

– Ты так красив, – прошептала она и пальцами отвела волосы с его лба. – Иногда, когда я смотрю на тебя, я так счастлива, что мне хочется плакать. – Она провела пальцами по его бровям и губам. – Ты совершенен.

– Это и есть твоя тайна?

– Часть ее, – сказала Фенн и погладила его горло и грудь. Потом неожиданно зажала один из его сосков между большим и указательным пальцами. И негромко засмеялась, когда Таита ахнул.

– У тебя здесь не слишком много, господин. – Она взяла в руку одну из своих грудей. – С другой стороны, у меня хватит на нас обоих. – Они серьезно обсудили разницу в размерах, и Фенн продолжила: – Сегодня вечером у костра я смотрела, как Реви кормит ребенка. Он у нее голодный маленький поросенок. Реви говорит, очень приятно, когда он сосет. – Она наклонилась еще ближе, поднесла грудь к губам Таиты и коснулась их соском. – Давай представим себе, что ты мой ребенок. Я хочу знать, какое это чувство.

Тут настала ее очередь ахнуть:

– Ах! Ах! Я не думала, что будет так! От этого у меня что-то сжимается в животе. – Фенн помолчала, потом негромко хрипловато рассмеялась. – О, куколка проснулась. – И она протянула туда руку. Ее пальцы с течением времени становились все более искусными и ловкими. – Я все думала о ней с тех пор, как поговорила с Имбали; думала, пока ты сидел на совете. Знаешь, что сказала Имбали? – Рот Таиты был по-прежнему занят, поэтому ответ прозвучал невнятно. Фенн оттолкнула его голову от своей груди. – Ни за что не поверишь!

– Этой тайной ты хотела со мной поделиться? – Он улыбнулся.

– Да.

– Тогда рассказывай. Я сгораю от любопытства.

– Это ужасно неприлично. Придется говорить шепотом. – Фенн зашептала ему на ухо, но ее речь прерывали смешки. – Разве это возможно? Только посмотри, какая большая у нас куколка. Она не поместится. Я уверена, Имбали посмеялась надо мной.

Таита надолго задумался, потом осторожно ответил:

– Есть только один способ проверить: испытать.

Фенн перестала смеяться и внимательно посмотрела ему в лицо.

– Теперь ты тоже смеешься надо мной.

– Нет, я говорю серьезно. Несправедливо обвинять Имбали в насмешках, пока у нас нет доказательств.

Он протянул руку вниз и погладил ее гладкий живот и мягкие волосы в его основании. Фенн легла на спину и расслабилась, давая полную свободу его руке.

– Об этом я не подумала. Ты прав, конечно. Имбали моя лучшая подруга. Я не хочу быть несправедлива к ней.

Она послушно развела ноги. Глаза ее распахнулись, и она спросила:

– Что ты там делаешь?

– Хочу проверить, достаточно ли велик твой цветок.

– Мой цветок? Ты так это называешь? Имбали называет его по-другому.

– Не сомневаюсь, – сказал Таита. – Однако, если подумать, это точь-в-точь цветок. Дай палец, и я покажу. Вот лепестки, а вот, наверху, тычинка.

Фенн училась у него ботанике и потому приняла такое описание без возражений.

– А я думала, это только чтобы выпускать воду, – сказала она и на этот раз молчала долго. Наконец закрыла глаза и вздохнула. – У меня там все мокро. Снова идет кровь, Таита?

– Нет, это не кровь.

Они снова помолчали, потом Фенн робко предложила:

– Как ты думаешь, может, лучше попробовать куколкой, а не пальцами?

– А тебе хочется?

– Да, думаю, очень хочется. – Она быстро села и заинтересованно посмотрела на его член. – Это невозможно, но мне кажется, он удвоился в размерах. Наверно, ты сделал что-то магическое, чтобы поместить его в меня.

Они теперь были так близки, между ними установилась такая прочная связь, что Таита переживал ее ощущения, словно собственные. Читая ауру Фенн, пока они продолжали, он угадывал ее желания раньше, чем она сама их осознавала. И продвигался в точном соответствии с ними, не торопясь и не отставая. Когда Фенн поняла, что он не причинит ей боли, она расслабилась и позволила ему погрузиться полностью. Со всем мастерством, обретенным в Облачных Садах, Таита словно превратил ее тело в чувствительный музыкальный инструмент. Время от времени он доводил ее до самого края, потом чуть отступал, пока точно не уловил миг ее готовности. Вместе они взмывали все выше и выше. Наконец у него вырвался крик, и они устремились вниз, к земле.

– О, спаси меня, милосердная Исида. Я умираю. Помоги мне, Хатор! Помоги!

Голос Таиты сливался с криком Фенн, столь же диким и безумным.

Заслышав их крики, Мерен вскочил и выронил кружку с пивом. Ее содержимое пролилось в костер, подняв облако пара и пепла. Мерен выхватил из ножен меч и, издав воинственный клич, понесся к хижине Таиты. Наконто действовал не менее поспешно: он мчался за Мереном, размахивая копьем. Но не успели они пробежать и половину расстояния, как им решительно преградили путь Имбали и Сидуду.

– С дороги! – крикнул Мерен. – Там что-то случилось! Надо идти к ним!

– Назад, Мерен Камбизес! – Сидуду заколотила по его широкой груди маленькими кулачками. – Они не нуждаются в твоей помощи. И не поблагодарят тебя.

– Наконто, глупый шиллук! – кричала Имбали на своего мужчину. – Опусти копье. Неужели ты ничему не научился за свою дурацкую жизнь? Оставь их в покое!

Воины в замешательстве остановились и недоуменно смотрели на женщин. Потом переглянулись.

– Неужели?.. – начал Мерен. – Маг и Фенн... – Он пристыжено смолк.

– Вот именно, – ответила Сидуду. – Именно этим они и занимаются. – Она крепко взяла его за руку и отвела назад к костру. – Я налью тебе пива.

– Таита и Фенн? – Мерен ошеломленно покачал головой. – Кто бы мог подумать!

– Да все, кроме тебя, – ответила девушка. – Похоже, ты ничего не знаешь о женщинах и о том, что им нужно. – Она почувствовала, как он ощетинился, и положила свою руку на его, чтобы успокоить. – О, ты, конечно, прекрасно знаешь, что нужно мужчине. Уверена, что в целом Египте ты величайший знаток по этой части.

Мерен смирился и задумался о ее словах.

– Наверно, ты права, Сидуду, – сказал он наконец. – Не знаю точно, что нужно тебе. Если бы я только мог тебе это дать!

– Я знаю, дорогой Мерен. Ты всегда был со мной добр и мягок. И я знаю, как тяжело тебе давалась сдержанность.

– Я люблю тебя, Сидуду. Полюбил с того мгновения, когда ты выбежала к нам из леса, спасаясь от трогов.

– Я знаю. – Она придвинулась к нему. – Послушай. Я многое рассказала о том, что случилось со мной в Джарри, но было и другое. Я не могла заставить себя рассказать тебе об этом. Онка чудовище... – Она помолчала, потом негромко закончила: – У меня остались раны.

– Излечатся ли они когда-нибудь? Я готов ждать всю жизнь.

– Не нужно. Благодаря тебе все зажило, не осталось даже шрама. – Она стыдливо опустила голову. – Может, ты сегодня позволишь мне перенести мой спальный матрац в твою хижину...

– Нам не нужны два матраца.

На лице Мерена появилась широкая улыбка. Он встал и поднял Сидуду на ноги. Они пошли от костра, а Имбали и Наконто смотрели им вслед.

– Какие дети! – снисходительным материнским тоном сказала Имбали. – Было нелегко заставить их увидеть то, что у них прямо под носом, но теперь дело сделано. Оба за одну ночь! Я очень горжусь собой.

– Не думай слишком много о других, женщина. Лучше подумай о том, кто рядом, – строго сказал Наконто.

– Да, я ошиблась. Моя работа еще не завершена. – Она рассмеялась. – Идем со мной, вождь шиллуков. Я поострю твое копье. После этого ты будешь лучше спать. – Она встала и рассмеялась. – Я тоже.

Тропа, проложенная бесчисленными поколениями слонов, проходила по берегу над рекой, вдоль речной долины, но была узкой, и пришлось затратить много времени и сил на то, чтобы пронести по ней лодки и спустить их на воду ниже водопадов. Наконец флотилия была воссоздана и вышла на середину реки. Быстрое течение понесло ее на север, но оно оказалось коварным. За время пути клыки погруженных в воду камней лишили флотилию пяти лодок. Утонули три человека и шесть лошадей. Все остальные лодки к тому времени, как достигли открытых вод озера Семлики Ньянцу, были побиты и исцарапаны. Даже за то короткое время, какое прошло с возрождения Нила, уровень воды в озере значительно повысился. Озеро больше не было мелким и грязным, вода на солнце отливала голубизной. На севере едва виднелись очертания противоположного берега, на западе земли вообще не было видно.

На ближайшем берегу виднелось множество деревень, которых не было, когда путники проплывали здесь в прошлый раз. Очевидно, деревни были заселены недавно; на стойках коптилась свежая рыба, в очагах горели угли, но жители, завидев флотилию, скрывались.

– Я знаю это племя, – сказала Имбали Таите. – Робкие рыбаки и нам не угрожают. Времена опасные, а они окружены воинственными племенами, потому и убегают.

Таита приказал вытащить лодки на берег, чтобы починить корпуса. Распоряжаться в лагере он оставил Тината и Мерена, а сам вместе с Фенн и с Наконто и Имбали в качестве переводчиков направился к устью реки Семлики. Таита должен был установить, многоводен ли снова и второй большой исток Нила или он по-прежнему во власти зловещей силы Эос. Вернувшись в Карнак, он должен будет обо всем этом, важном для Египта, доложить фараону.

С востока дул попутный ветер; они смогли поставить парус и плыть без весел. За кормой на воде оставался след, лодка плыла мимо белых песков и скалистых берегов к голубому хребту на далеком горизонте. На пятый день пути достигли широкой реки, которая впадала в озеро с юга.

– Это Семлики? – спросил Таита у Имбали.

– Я раньше никогда не заходила так далеко на восток. Не знаю, – ответила Имбали.

– Я должен убедиться в этом. Надо найти местных жителей.

Жители окрестных деревень при виде лодки бежали, но наконец вдали от берега вновь прибывшие углядели ветхое каноэ. Два старика на борту были чересчур заняты, чтобы заметить лодку, пока она не оказалась рядом. Старцы бросили сеть и попробовали уплыть к берегу, но перегнать галеру не могли. В отчаянии они отказались от попытки удрать и смирились с перспективой угодить в котел.

Как только седобородые старцы поняли, что их не съедят, они от облегчения сделались чрезвычайно словоохотливы. На вопросы Имбали они подтвердили, что река действительно Семлики и что до самого последнего времени она была сухой. Описали чудесное возрождение реки. Когда земля и горы дрожали и раскачивались, а волны озера вздымались к самому небу, река вернулась невероятно многоводной и сейчас такая же, как много лет назад. Таита наградил стариков, удивлявшихся своей удаче, бусами и медными наконечниками копий и отпустил.

– Других дел у нас тут нет, – сказал Таита Фенн. – Теперь можно возвращаться в Египет.

Вернувшись в лагерь в устье Нила, они обнаружили, что Мерен и Тинат завершили починку лодок и флотилия готова к плаванию. Таита дождался полуденного ветра и лишь тогда приказал отчаливать. На парусах и веслах лодки быстро пересекали воды озера. Поскольку ветер неизменно дул попутный, к закату они достигли противоположного берега и снова поплыли по Нилу, который теперь питали своими водами два великих озера: Налубаале и Семлики Ньянцу. Река понесла их по маршруту, который они с таким трудом преодолевали по пути на юг.

Следующим препятствием на пути стало преодоление гибельной области обитания мухи цеце. Последние лепешки Толаса, это единственное средство от болезни лошадей, были давно съедены, и, едва первые мухи прилетели с берега и сели на палубу первой лодки, Таита приказал сменить курс и повел флотилию по середине реки. Плыли выстроившись цепочкой, и вскоре стало ясно, что Таита принял верное решение. Мухи не могли пересечь такое пространство открытой воды и добраться до кораблей, поэтому плавание продолжилось без помех. Вечером Таита не разрешил не только высаживаться на берег, но даже приближаться к нему, и плавание продолжалось в темноте, при свете молодого месяца.

Еще два дня и три ночи шли строго по стрежню. И наконец увидели впереди холмы в форме грудей девственницы, обозначавшие северную границу земли мух. Тем не менее Таита не хотел подвергать лошадей риску, и флотилия проплыла еще много лиг, прежде чем он разрешил причалить к берегу. К своему облегчению, они не обнаружили ни следа мух. Путь к крепости Адари был свободен.

Доблестному Тинату особенно хотелось узнать, что стало с оставленным им почти одиннадцать лет назад гарнизоном. Он считал своей обязанностью освободить изгнанников и взять их с собой на родину. Поравнявшись с холмами, на которых была построена крепость, флотилия причалила и лошадей выгрузили на берег.

Приятно было на время отвлечься от скуки речного плавания и вновь почувствовать под собой доброго коня, поэтому Таита, Фенн и Тинат были в хорошем настроении, когда с отрядом всадников миновали проход и увидели травянистые равнины вокруг крепости.

– Помнишь Толаса, коновала? – спросила Фенн. – Мне не терпится снова его увидеть. Он многому меня научил.

– Да, он хорошо знал лошадей, – согласился Таита. – Ему очень хотелось заполучить Дымку, и он уж точно умел узнать доброго коня, когда его видел. – Он потрепал по шее кобылу, которая наставила ухо, прислушиваясь к его голосу. – Хотел украсть тебя у меня, верно? Дымка фыркнула и закивала. – Ты, конечно, с готовностью ушла бы к нему, старая ты изменница!

Они поехали к крепости, но вскоре поняли: что-то неладно. На лугах не было ни лошадей, ни коров, над стенами не поднимался дым и не развевались вымпелы.

– Где мои люди? – тревожно спросил Тинат. – Рабат надежный человек. Я думал, к этому времени он нас заметит... если он еще здесь.

Они в тревоге поехали дальше, и наконец Таита воскликнул:

– Стены в плачевном состоянии. Похоже, крепость брошена.

– Сторожевая башня повреждена огнем, – заметил Тинат, и они пустили лошадей рысью.

Добравшись до ворот крепости, они обнаружили, что те открыты, остановились и заглянули внутрь. Стены почернели от огня. Тинат приподнялся в стременах и огласил пустынный парапет громовым ревом. Ответа он не получил. Обнажили оружие, но сразу стало ясно, что их помощь опоздала на много месяцев. Проехав в ворота, египтяне обнаружили многочисленные останки, разбросанные вокруг кострищ на центральной площади.

– Чайма! – сказал Таита.

Все смотрели на следы пира людоедов. Чтобы добраться до костного мозга, чайма нагревали длинные кости рук и ног на огне, а затем раскалывали их большими камнями. Повсюду валялись осколки таких костей. С несколькими головами жертв обошлись так же: держали в огне, пока они не обгорели и не почернели, и потом раскололи их, точно скорлупу печеных яиц страусов. Таита представил себе, как людоеды сидят в кругу и передают друг другу расколотые черепа, пальцами достают полусваренный мозг и набивают им рты.

Таита кое-как подсчитал черепа.

– Кажется, спастись никому не удалось. Чайма убили всех: мужчин, женщин и детей.

Не было слов, способных выразить охвативший их ужас и отвращение.

– Смотри! – прошептала Фенн. – Должно быть, это был младенец. Череп не больше спелого граната.

Глаза ее блестели от слез.

– Соберите останки, – приказал Таита. – До возвращения к лодкам надо похоронить их.

Выкопали неглубокую общую могилу у стены: хоронить было почти нечего.

– Нам еще предстоит пройти через землю чайма. – У Тината было холодное и решительное лицо. – Если боги будут милостивы, они позволят мне свести счеты с этими убийцами.

Перед уходом обыскали крепость и соседний лес в надежде найти следы уцелевших, но тщетно.

– Должно быть, их застали врасплох, – сказал Тинат. – Никакого сопротивления не было.

В мрачном молчании вернулись на берег и на следующий же день возобновили плавание. Когда добрались до земель чайма, Таита приказал высадить на каждый берег по небольшому отряду всадников.

– Поезжайте по берегу и глядите в оба. Мы будем держаться за вами, чтобы не спугнуть чайма. Как только увидите признаки их появления, немедленно скачите назад и предупредите нас.

На пятый день Тинат получил возможность удовлетворить свое желание. Обогнули очередной мыс и увидели Хилто и его отряд всадников: они махали им с берега. Как только передовая лодка причалила, Хилто прыгнул на борт и пришел с докладом к Таите.

– Маг, на берегу неподалеку отсюда большая деревня чайма. Там две или три сотни дикарей.

– Они видели вас?

– Нет. Они ни о чем не подозревают, – ответил Хилто.

– Отлично.

Таита вызвал с других лодок Тината и Мерена и быстро объяснил им свой план нападения.

– Погибли люди, которыми командовал доблестный Тинат, поэтому у него есть право отомстить. Тинат, сегодня вечером ты с сильным отрядом высадишься на берег: чтобы вас не обна-

ружили, вам придется идти ночью. Под покровом темноты займите позицию между деревней и краем леса. На рассвете мы подведем лодки к деревне и звуками труб и залпами стрел выгоним чайма из хижин. Они почти наверняка побегут без оглядки к деревьям и наткнутся на твоих людей. Вопросы есть?

– Хороший простой план, – сказал Мерен, и Тинат одобрительно кивнул.

Таита продолжил:

– Едва чайма побегут, мы с Мереном высадим остальных людей и пойдем за ними. Зажмем их, как в клешнях. Помните, что мы увидели в крепости Адари. Пленных и рабов не брать. Убивайте всех.

На закате Хилто, изучивший расположение и подходы к деревне, повел отряд Тината по берегу. Лодки на ночь оставались посередине реки. Таита и Фенн расстелили на носу матрац и лежали, глядя в ночное небо. Фенн любила слушать, как маг описывает небесные тела, рассказывает мифы и легенды о созвездиях. Но в конце всегда говорила одно:

– Расскажи о моей звезде, маг, о звезде Лостры, которой я стала после смерти. Только начни с самого начала. Расскажи, как я умерла и как ты забальзамировал меня и украсил мою могилу.

Она не позволяла пропускать ни одной подробности. И всегда начинала негромко плакать, когда Таита рассказывал о том, как срезал локон ее волос и изготовил амулет Лостры. Протянув руку, она брала этот талисман.

– Ты всегда верил, что я вернусь к тебе? – спрашивала она.

– Всегда. Каждую ночь я следил за восходом твоей звезды и ждал, когда она исчезнет с небесного свода. Я знал, что это будет знак твоего возвращения ко мне.

– Должно быть, тебе было печально и одиноко.

– Без тебя моя жизнь – пустыня, – сказал он, и Фенн снова заплакала.

– О мой Таита, это прекраснейшая из всех твоих историй. А теперь, пожалуйста, люби меня. Я стремлюсь к тебе всем телом и всей душой. Я хочу ощущать тебя в себе, в самом сердце. Мы больше никогда не должны расставаться.

На рассвете, когда над водой плыл туман, флотилия цепочкой двинулась вперед. Весла приглушили, и на реке царила странная тишина. Вдоль планшира выстроились лучники со стрелами наготове. Из тумана показались крытые тростником хижины, и Таита знаком велел стоявшему у руля Мерену править ближе к берегу. Залаяла собака, но больше ничто не нарушало тишину. Но вот утренний ветер всколыхнул туман и отбросил его, точно занавес, открыв тесное убожество деревни чайма.

Таита высоко поднял меч и резко опустил его. Это был условный знак, и тотчас трубачи исторгли из изогнутых рогов антилопы куду оглушительный рев. При этом звуке сотни нагих чайма высыпали из хижин и увидели приближающиеся лодки. Послышался вопль отчаяния, и дикари в панике бросились врассыпную. Некоторые вооружились, но большинство оставались безоружными. Еще не проснувшись окончательно, они спотыкались и падали, как пьяные, на пути к спасительным деревьям. Таита вновь поднял меч, а когда махнул им, лучники выпустили в туземцев тучу стрел. Таита видел, как стрела пробила младенца, привязанного к спине матери, а потом убила и мать.

– Ближе к берегу!

Едва нос лодки коснулся суши, Таита возглавил нападение.

Копьеносцы и топорники ринулись за чайма. Впереди послышались крики ужаса: убегающие наткнулись на людей Хилто. Мечи людей Тината с глухим звуком разрубали живую плоть и влажно

хлюпали, когда их вытаскивали из раны. Нагой чайма кинулся назад, к Таите, одна его рука была разрублена в локте. Дикарь истошно вопил, кровь из раны покрыла все его тело блестящим алым панцирем. Таита одним ударом снес ему полголовы, потом убил бежавшую за мужчиной женщину, всадив ей меч меж вислых грудей. В пылу битвы он забыл о жалости и угрызениях совести. Следующий мужчина протянул руки в тщетной попытке отвести клинок. Таита сразил его, испытывая не больше сожалений, чем если бы раздавил муху цеце, ползущую по его коже.

Зажатые между рядами вооруженных людей, чайма метались, как косяк рыбы в сети. Месть была холодной и безжалостной, убийство жестоким и кровавым. Немногие чайма сумели прорваться к реке сквозь сжимающийся круг из бронзы. Но тех, кто это сделал, ждали лучники и крокодилы.

– Кто-нибудь ушел? – спросил Таита у Тината, когда они встретились посреди поля, усеянного мертвыми и умирающими.

– Я видел, как несколько дикарей скрылись в хижинах. Послать на поиски?

– Нет. Сейчас они уже вооружились и будут опасны, как загнанный в угол леопард. Я больше не хочу рисковать нашими людьми. Подожгите хижины и выкурите их оттуда.

К тому времени как солнце поднялось над деревьями, все было кончено. Два воина Таиты были легко ранены, а чайма – истреблены поголовно. Трупы оставили гиенам, вернулись на борт и еще до полудня вновь пустились в плавание.

– Теперь впереди только болота Большого Суада, – сказал Таита Фенн, когда они снова сидели на носу, – болота, в которых я нашел тебя, маленькую дикарку из племени дикарей.

– Кажется, это было очень давно, – ответила Фенн. – Воспоминания об этом бледнеют и уходят. Свою другую жизнь я помню лучше этой. Надеюсь, мы не встретим никого из этих скотов луо. Я хотела бы совсем о них забыть. – Она мотнула головой, отбрасывая золотистые пряди, и предложила: – Давай поговорим о более приятных вещах. Знаешь ли ты, что в животе у Имбали растет ребенок?

– Ага! Так вот оно что. Я заметил, что Наконто посматривает на Имбали как-то необычно. Но как об этом узнала ты?

– Имбали сказала. Она очень гордится. Говорит, что ребенок станет великим воином, как Наконто.

– Это хорошо для них, но печально для нас.

– Почему печально?

– Боюсь, скоро мы расстанемся с ними. Теперь, готовясь стать отцом, Наконто простится с жизнью бродячего воина. Он захочет взять Имбали и ребенка в свою деревню. И скоро, ведь мы приближаемся к земле шиллуков.

Местность изменилась, леса и страна слонов остались позади, и теперь по берегам тянулись широкие саванны, усеянные акациями с плоскими кронами. Самые высокие ветви поедали высоченные жирафы с ромбовидными пятнами по всему телу, на сладкой сочной траве паслись стада разнообразнейших антилоп: бубалов, канн, водяных козлов, – вперемежку со стадами упитанных зебр. Возродившийся Нил манил всех своим изобилием.

Еще два дня плавания, и на берегу показалось стадо, голов на триста, крупных горбатых животных с длинными загнутыми назад рогами. Скот пасся на самом берегу, у зарослей тростников. Пастухами были нагие черные мальчишки.

– Не сомневаюсь: это шиллуки, – сказал Таита Фенн. – Наконто вернулся домой.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри, какие они высокие и стройные, посмотри, как стоят – словно журавли в гнезде, балансируя на одной ноге, а вторую прижав к икре. Это могут быть только шиллуки.

Наконто тоже увидел их, и его обычные хладнокровие и отстраненность испарились. Топая и подпрыгивая, он пустился исполнять военный танец, крича высоким голосом, далеко разно-

сившимся над водой. Имбали смеялась его коленцам, хлопала в ладоши и подбадривала его, вдохновляя на новые подвиги.

Мальчишки услышали, что кто-то с лодки зовет их на родном языке, побежали на берег и в изумлении смотрели на гостей. Наконто узнал двоих и крикнул:

– Сикунела! Тимбаи!

Мальчишки удивленно ответили:

– Кто ты, незнакомец?

– Я не незнакомец. Я ваш дядя Наконто, знаменитый охотник! – крикнул в ответ Наконто.

Мальчишки возбужденно завопили и побежали в деревню за старшими. Вскоре на берегу собрались несколько сотен шиллуков, удивленно смотревших на Наконто. Потом появился и Коротышка Нонту – все четыре с половиной локтя росту; за ним следовали жены и многочисленное потомство.

Наконто и Нонту радостно обнялись. Потом Нонту отдал распоряжения женщинам, и те ушли в деревню. Вернулись они, неся на головах огромные кувшины с пенным пивом.

Праздник на берегу продолжался несколько дней, но наконец Наконто подошел к Таите.

– Я много прошел с тобой, о старик, который больше не старик, – сказал он. – И это было хорошо, особенно сражения, но здесь наша общая дорога кончается. Ты возвращаешься к своему народу, а я должен остаться со своим.

– Понимаю. Ты нашел хорошую женщину, которая понимает тебя, и хочешь увидеть своих сыновей, которые вырастут такими же высокими. Возможно, они научатся владеть копьем не хуже отца.

– Это верно, отец, увидевший старость, но ставший моложе меня. А как вы без меня найдете дорогу через большие болота?

– Выбери из твоего племени двух молодых мужчин, тех лет, каких был ты, когда мы встретились. Они жаждут боев и приключений. Отправь их с нами показывать дорогу.

Показывать путь через Большой Суад Наконто выбрал двух своих племянников.

Таита осмотрел их.

– Они очень молоды. Сумеют найти проходы?

– Сумеет ли младенец найти грудь матери? – Наконто рассмеялся. – Теперь иди. Старея, я буду вспоминать тебя, и всегда с удовольствием.

– Возьми из корабельных запасов столько бус, чтобы купить пятьсот голов скота. – Шиллуки измеряют богатство тем, сколько у человека скота и сколько сыновей он вырастил. – И еще сотню бронзовых наконечников стрел, чтобы твои сыновья были хорошо вооружены.

– Благодарю тебя и Фенн, твою женщину с волосами, словно солнце, пляшущее в водах Нила.

Имбали и Фенн обнялись; обе заплакали. Пол-утра Наконто и Имбали бежали вслед за флотилией по берегу, держась наравне с лодками; они махали руками, плясали и выкрикивали слова прощания. Наконец они остановились. Таита и Фенн стояли на корме и смотрели, как их фигуры уменьшаются, удаляясь.

Как только появились первые заросли папируса, протянувшиеся до самого горизонта, племянники Наконто заняли место на носу и знаками давали Мерену у рулевого весла понять, где повороты и вход в протоки.

Теперь, когда уровень Нила поднялся, в великих болотах стало гораздо больше воды и исчезли сухие участки, поэтому день за днем приходилось сидеть в лодках. Но ветер, гнавший

корабли на север, оставался попутным, наполняя большие треугольные паруса и отгоняя тучи кусачих насекомых, поднимавшихся из тростников. Фенн часто думала о том, что ветер уж слишком послушен. И наконец решила, что Таита использует силы, унаследованные от Эос, подчиняя своей воле саму природу.

В таких условиях путешествие по болотам казалось вполне терпимым. В Таите почти не было нужды, он предоставил навигацию Мерену и племянникам Наконто, а все прочие дела – Тинату. Они с Фенн почти все дни и ночи проводили в своем убежище на носу корабля. Говорили, во-первых, о столкновении с Эос и, во-вторых, об открытии Купели и ее удивительных свойствах. Фенн никогда не надоедали рассказы Таиты об Эос.

– Она была самой прекрасной женщиной, какую ты видел?

– Нет, Фенн. Самая прекрасная ты.

– Ты так говоришь, чтобы я не приставала, или правда так считаешь?

– Моя маленькая рыбка, ты прекрасна, как золотая рыбка, красивейшее создание океана.

– А Эос? Она тоже была прекрасна?

– Очень – но как акула-убийца. Ее красота была зловещей и внушала ужас.

– Когда вы соединялись с ней телесно, ты чувствовал то же, что и со мной?

– Нет, все было иначе – так жизнь отличается от смерти. С ней мы соединялись холодно и грубо. С тобой – тепло, в любви и сочувствии. С ней я вступил в смертельную схватку. С тобой это встреча и слияние душ в таинственное целое, которое несравнимо больше частей.

– О Таита, мне так хочется поверить тебе! Я знаю и понимаю, что тебе пришлось идти к Эос и соединиться с ней, и все равно меня сжигает ревность. Имбали говорила, что мужчина может получать удовольствие со многими женщинами. Она тебе не понравилась?

– У меня нет слов, чтобы описать, как отвратительны мне были ее адские объятия. Я был испуган, каждое ее слово отталкивало меня, каждое прикосновение рук и тела вызывало омерзение. Она осквернила меня, и мне тогда казалось, что я никогда не очищусь.

– Когда я слышу, как ты это говоришь, ревность затихает. Остается лишь огромное сочувствие к твоим страданиям. Найдешь ли ты когда-нибудь утешение?

– Меня очистили лазурные воды Купели. Бремя возраста, вины и греха спало с меня.

– Расскажи еще раз о Купели. Что ты почувствовал, когда тебя поглотила Лазурь?

Таита вновь описал чудо превращения, а когда закончил, Фенн помолчала и сказала:

– Извержение вулканов уничтожило не только Эос, но и Купель.

– Это бьющая жила земли. Божественная сила природы, которая властвует над всей жизнью и ускоряет ее ход. Ее невозможно уничтожить – тогда погибнет и все остальное.

– Но если Купель до сих пор существует, что с ней стало? Куда она ушла?

– Ее вновь всосало в земную кору, как приливы и луна всасывают воду морей.

– Людям больше никогда не добраться до Купели?

– Думаю, ты не права. Я считаю, что она снова выйдет на поверхность. Возможно, это уже произошло где-нибудь в отдаленном уголке земли.

– Где, Таита? Где?

– Я знаю только то, что знала Эос. Это место должно располагаться близ большого вулкана, рядом с обширным водным пространством. Огонь, земля, воздух и вода – четыре элемента.

– Люди могут снова найти Купель?

– Когда на далеком Севере произошло извержение вулкана Этна, Купель ушла глубоко под землю. Тогда логово Эос находилось там. Огонь изгнал ее оттуда. Сотни лет она бродила в поисках места, где Лазурная Река вновь выходит на поверхность. И нашла его в Лунных горах. Теперь Купель снова ушла.

– Долго ты будешь молодым, Таита?

– Как знать... Эос сохраняла молодость больше тысячи лет. Я знаю это из ее бахвальства и из тех знаний, которые отнял у нее.

– Теперь, когда ты окунулся в Купель, ты проживешь не меньше. Ты будешь жить тысячу лет.

Ночью Таиту разбудил плач Фенн. Ей приснился страшный сон. Фенн звала:

– Таита, подожди! Вернись! Не покидай меня!

Таита гладил ее щеки и целовал веки, чтобы осторожно разбудить. Поняв, что это был сон, она вцепилась в Таиту:

– Это ты, Таита? Правда ты? Ты меня не бросил?

– Я никогда тебя не брошу.

– Бросишь.

В ее голосе по-прежнему звучали слезы.

– Никогда, – повторил он. – Мне потребовалось так много времени, чтобы снова найти тебя! Расскажи мне свой глупый сон, Фенн. За тобой гнались троги или чайма?

Она ответила не сразу, стараясь взять себя в руки. И наконец прошептала:

– Никакой он не глупый.

– Расскажи.

– Во сне я постарела. Волосы стали редкими и седыми: я видела, как они свисают мне на глаза. Кожа сморщилась, пальцы скрючились. Спина сгорбилась, ноги опухли и болели. Я ковыляла за тобой, но ты шел так быстро, что я не могла тебя догнать. Я все отставала, а ты шел туда, куда я не могла последовать за тобой. – Она снова разволновалась. – Я звала, окликала, но ты не слышал.

Она опять заплакала.

– Это всего лишь сон.

Таита крепко обнял Фенн, прижал к себе, но она вырвалась.

– Это была картина будущего. Ты ушел, не оглядываясь. Высокий, прямой, на сильных ногах. У тебя были густые и блестящие волосы. – Она протянула руку, взяла прядь его волос и переплела меж пальцев. – Такие, как сейчас.

– Дорогая, не надо расстраиваться. Ты тоже молода и прекрасна.

– Сейчас – быть может. Но ты останешься таким, а я состарюсь и умру. Я снова потеряю тебя. Я не хочу превращаться в холодную звезду. Хочу оставаться с тобой.

Вся многовековая мудрость Таиты не подсказала ему слов утешения. В конце концов он снова занялся с Фенн любовью. Она отдалась ему с лихорадочным отчаянием, словно пыталась слиться с ним в одно целое, соединить физические тела, как были соединены их души, чтобы даже смерть не могла их разлучить. И наконец перед самым рассветом, обессиленная любовью и отчаянием, уснула.

Иногда флотилия проплывала мимо давно покинутых деревень луо. Хижины на сваях жалко осели, едва не падая в поднявшиеся воды.

– Когда вода поднялась, им пришлось искать сухие участки у края Большого Суада, – сказала Фенн. – На свои рыбные места они вернутся, только если вода вновь спадет.

– Тем лучше, – сказал Таита. – Если бы мы с ними встретились, пришлось бы сражаться, а мы и так слишком задержались в пути. Наши люди хотят домой.

– Я тоже, – подхватила Фенн, – хотя в этой жизни для меня это будет впервые.

Ночью Фенн снова привиделся кошмар. Таита разбудил ее, спасая от мрачных ужасов сознания; она тихо лежала в его объятиях, а он гладил и целовал ее. Но она все равно дрожала, а сердце ее стучало в груди как копыта бегущей лошади.

– Тот же сон? – негромко спросил Таита.

– Да, только хуже, – шепотом ответила она. – На этот раз зрение мое затуманилось от старости, и я могла лишь смутно различить твой силуэт; ты был далеко впереди и исчезал в тумане. – Оба помолчали, потом Фенн снова заговорила: – Я не хочу терять тебя, но знаю, что не должна впустую растрачивать данные мне богами годы любви на сожаления и несбыточные желания. Я должна быть сильной и счастливой. Наслаждаться каждой минутой, проведенной с тобой. Разделить с тобой свое счастье. Мы больше никогда не будем говорить об этом ужасном расставании, пока не придет срок. – Она еще с минуту молчала, а потом сказала так тихо, что он с трудом расслышал: – Пока не произойдет то, что должно произойти.

– Нет, моя любимая Фенн, – ответил Таита. – Этого можно избежать. Мы больше никогда не расстанемся. – Она замерла в его объятиях и слушала, едва дыша. – Я знаю, как это предотвратить.

– Скажи! – потребовала она.

Маг объяснил. Она слушала не перебивая, но, едва он умолк, засыпала его вопросами.

– На это потребуется вся жизнь.

Картина, которую нарисовал Таита, устрашила ее.

– А может, всего несколько коротких лет, – ответил он.

– О Таита, мне уже не терпится. Когда мы начнем?

– Нам еще очень много нужно сделать, чтобы устранить страшный ущерб, нанесенный Египту Эос. Начнем, как только все исправим.

– Я буду считать дни.

День за днем племянники Наконто вели флотилию через болота. Ветер оставался попутным, гребцы работали охотно, они пели за веслами, и руки и спины их, казалось, не знали усталости. Ежедневно в полдень Таита поднимался на мачту и разглядывал местность впереди. Гораздо раньше, чем ожидал, он увидел вдалеке над бесконечным папирусом первые деревья. Нил под днищами галер становился глубже, стены зарослей папируса по обе стороны отступали все дальше. Наконец флотилия вырвалась из Большого Суада; впереди расстилались обширные равнины, по которым Нил змеился, точно огромный зеленый питон, исчезая в дымке у горизонта.

Галеры причалили под крутым берегом. Пока Тинат и его люди устраивали первую за много долгих дней стоянку на суше, лошадей вывели с кораблей. Впереди на равнине, примерно в лиге, стадо из восьми жирафов объедало рощу акаций с плоской кроной.

– С самого расставания с шиллуками мы не пробовали свежего мяса, – сказал Таита Тинату. – Все с удовольствием съедят что-нибудь, кроме рыбы. Предлагаю отправить охотничий отряд. Как только люди достроят зарибу, пусть отдыхают и развлекаются.

Таита, Мерен и две девушки приготовили луки, сели на лошадей и направились к длинношеим пестрым животным. Лошади не меньше всадников рады были оказаться на берегу: они вытягивали шеи, махали хвостами и пускались вскачь на приволье. Жирафы издалека заметили их, отказались от кормежки и тяжеловесным галопом, раскачиваясь, побежали по равнине. Длинные хвосты с черными кисточками хлопали по бокам; жирафы шли иноходью, и поэтому казалось, что животные движутся медленно. Однако охотникам пришлось гнать лошадей во весь опор, чтобы настигнуть стадо. Оказавшись за жирафами, они попали в облако пыли и грязи, которое животные подняли своими копытами; пришлось заслонять глаза, чтобы не ослепнуть. Таита выбрал в тылу стада почти взрослого теленка: его мяса хватит на всех, и, что не менее важно, оно нежное и вкусное.

– Нам нужен вот этот! – крикнул он, показывая остальным. Подъехали к жирафу; Таита выпустил первую стрелу, целясь в заднюю ногу, чтобы разорвать большое сухожилие. Жираф пошатнулся и едва не упал, но восстановил равновесие и побежал дальше, хотя и с трудом, стараясь щадить раненую ногу. Таита сделал знак остальным. Преследователи разделились на две части и теперь скакали по обе стороны от животного. С расстояния всего в несколько локтей они посылали ему в грудь стрелу за стрелой, пытаясь пробить сердце и легкие. Но шкура была прочной, как боевой щит, а жизненно важные органы скрывались глубоко под ней. Истекая кровью, жираф продолжал бежать; он размахивал хвостом и негромко вскрикивал от боли при каждом новом попадании стрелы.

Всадники все ближе подводили коней, чтобы сократить расстояние и сделать стрельбу более успешной. Сидуду ехала чуть приотстав от Мерена, и он не видел, как безрассудно она сблизилась с добычей, пока не оглянулся через плечо.

– Ты слишком близко! – крикнул он. – Сдай назад, Сидуду!

Но предупреждение запоздало: жираф лягнул задней ногой, и лошадь шарахнулась. Сидуду перелетела через ее голову. Она тяжело приземлилась и в облаке пыли покатилась почти под копыта жирафу. Жираф снова лягнул и разбил бы ей череп, если бы удар попал в цель. Но копыто пролетело над головой Сидуду. Перестав кувыркаться и скользить, Сидуду неподвижно лежала на земле. Мерен сразу повернул лошадь обратно и соскочил на землю.

На бегу он увидел, как Сидуду потрясенно села и неуверенно рассмеялась.

– Земля такая жесткая. – Она осторожно потрогала виски. – А голова у меня гораздо мягче, чем я думала.

Таита и Фенн не видели ее падения и продолжали преследовать жирафа.

– Наши стрелы проникают недостаточно глубоко, чтобы убить его, – крикнул Таита. – Я свалю его мечом.

– Осторожнее! – в тревоге ответила Фенн, но маг не обратил внимания на предупреждение и высвободил ноги из стремян.

– Держи голову Дымки!

Таита бросил Фенн узду, выхватил из ножен, висевших на спине между лопатками, меч и соскочил на землю. Он использовал инерцию галопа кобылы, чтобы пролететь вперед, и на краткий миг его скорость сравнялась со скоростью жирафа. С каждым жирафьим шагом тяжелое копыто все выше нависало над Таитой, и он нырнул под него. Когда жираф поставил ближайшее копыто и перенес на него свой вес, сухожилие под пятнистой шкурой напряглось и отчетливо выделилось. Оно было толщиной в руку Таиты.

На бегу маг перехватил меч обеими руками и взмахнул клинком, намереваясь перерубить сухожилие. Успешно: сухожилие с щелчком лопнуло. Нога подогнулась, и жираф упал, заскользив на заду. Он хотел подняться, но ноги его не слушались. Потеряв равновесие, жираф упал на бок. На мгновение его длинная шея вытянулась над землей и оказалась в пределах досягаемости. Таита прыгнул вперед и сзади ударил по ней, точно разрубив позвонки. И тут же отскочил: жираф забился в судорогах. Потом все четыре его ноги застыли. Глаза дрогнули, и веки с длинными ресницами закрылись.

Таита остановился над тушей. Фенн подъехала, ведя Дымку.

– Ты так стремителен. – Голос ее был полон благоговения. – Как сокол, нападающий на голубя.

Она спрыгнула с лошади и побежала к нему; волосы волной летели сзади, лицо раскраснелось от азарта погони.

– А ты так прекрасна, что, глядя на тебя, я неизменно изумляюсь. – Таита отвел ее на расстояние вытянутой руки и посмотрел в лицо. – Неужели ты хоть на мгновение можешь поверить, что я тебя оставлю?

Мерен поймал лошадь Сидуду, и девушка снова села на нее. Когда она подъехала ближе, стало видно, что ее платье разорвано и груди ничто не стесняет. Сидуду была вся в пыли, в волосах торчали веточки и листья. Одна щека была оцарапана, но девушка улыбалась.

– Эй, Фенн! – крикнула она. – Ну разве не добрая забава?

Вчетвером они подъехали к ближайшей роще акаций и спешились в тени, чтобы дать передохнуть лошадям. Напились, и, когда утолили жажду, Сидуду сбросила платье и стояла обнаженная, позволяя Таите оценить ее повреждения. На это не потребовалось много времени.

– Одевайся, Сидуду. Сломанных костей нет, – успокоил ее Таита. – Тебе нужно только вымыться в реке. Синяки пройдут за несколько дней. А теперь нам с Фенн необходимо обсудить с вами очень важное дело.

Именно для этого Таита пригласил участвовать в охоте Мерена и Сидуду. Он хотел без лишних ушей сообщить им о своих замыслах.

Миновал полдень, прежде чем он разрешил Мерену и Сидуду вернуться к реке, где их ждала флотилия. К этому времени их настроение изменилось: Мерен и Сидуду были встревожены и опечалены.

– Обещай, что уйдешь не навсегда. – Сидуду обняла Фенн. – Для меня ты дороже сестры. Я не вынесу разлуки с тобой.

– Ты не сможешь нас видеть, но мы с Таитой все время будем с вами. Это лишь небольшое волшебство. Ты ведь много раз видела, как это делается, – успокаивала ее Фенн.

Заговорил Мерен:

– Я доверяю твоему благоразумию, маг, хотя мне кажется, что в последнее время оно тебе изменяет. Вспоминаю времена, когда ты постоянно призывал меня мыслить разумно и здраво. Теперь я должен сдерживать тебя. Странно, каким безрассудным становится мужчина, когда у него кое-что повисает между ног.

Таита рассмеялся.

– Мудрое наблюдение, добрый Мерен. Но не волнуйся, причин на это нет. Мы с Фенн знаем, что делаем. Возвращайся к лодкам и играй свою роль.

Мерен и Сидуду поехали к реке, но то и дело тревожно оборачивались в седлах. Прежде чем скрыться из виду, они десяток раз принимались махать, прощаясь.

– Теперь подготовим сцену нашего исчезновения, – сказал Таита Фенн, и они отвязали от седел свои спальные матрацы. В них была закатана свежая одежда. Сбросив грязные, пропыленные одеяния, они постояли, наслаждаясь ощущением ветра на обнаженной коже. Таита наклонился за чистым набедренником, но Фенн остановила его.

– Можно не торопиться, господин. Пройдет какое-то время, прежде чем сюда придут нас искать. Надо воспользоваться этим – что удобнее без одежды.

– Когда Мерен расскажет о нашей гибели Тинату, все бросятся на поиски наших останков. И могут застать нас весьма живыми.

Фенн засунула руку ему между ног.

– Помнишь, что сказал об этом Мерен? Это ведь делает мужчину безрассудным? Что ж, побудем безрассудными вместе.

– Когда ты меня так держишь, можешь вести куда угодно, я не стану возражать.

Она скромно улыбнулась и опустилась перед ним на колени.

– Что это ты делаешь? – спросил он. – Этому я тебя никогда не учил.

– Имбали объяснила мне, что к чему. А теперь помолчи, господин: некоторое время я не смогу отвечать на твои вопросы. Мой рот будет занят.

Они все успели и уже заканчивали подготовку картины своего исчезновения, когда заметили пыль, поднятую лошадьми, приближающимися со стороны реки. Таита и Фенн вернулись в рощу, сели у подножия дерева, взялись за руки и набросили на себя покров невидимости.

Топот звучал все громче, и вот из тучи пыли появились Тинат и Мерен; они скакали во главе отряда вооруженных людей. Увидев пасущихся Дымку и Вихря, они свернули к ним и оказались в двадцати шагах от того места, где сидели Таита и Фенн.

– Клянусь кишками и печенью Сета! – воскликнул Мерен. – Видите кровь на седлах? Все, как я вам говорил. Джинны схватили их и унесли.

Темные пятна были оставлены кровью жирафа, но Тинат этого не узнает.

– Клянусь совокуплением Осириса и Исиды, какой ужас! – Он соскочил с седла. – Обшарить все вокруг! Ищите следы мага и его супруги.

Вскоре нашли изорванную, окровавленную набедренную повязку Таиты. Мерен схватил ее и зарылся в нее лицом.

– Таиту у нас забрали. Я сын, оставшийся без отца! – всхлипывал он.

– Боюсь, добрый Мерен переигрывает, – прошептал Таита.

– Не подозревала в нем такого таланта лицедея, – согласилась Фенн. – На праздничном представлении в храме Гора он бы блистал.

– Как мы предстанем перед фараоном и скажем, что допустили гибель Таиты? – сетовал Тинат. – Надо найти его тело.

– Я же говорил, доблестный Тинат. Я видел, как их унесли на небо джинны, – пытался разубедить Тината Мерен.

Но Тинат проявил упрямство и несговорчивость.

– Тем не менее нужно продолжить поиски. Прочесать каждую пядь рощи, – настаивал он.

Люди выстроились длинной цепью и начали медленно прочесывать рощу.

Мерен и Тинат шли впереди, и Мерен оказался на расстоянии вытянутой руки от места, где сидели Таита и Фенн. Он мрачно бурчал себе под нос:

– Послушай, Тинат, не упрямься. Давай вернемся к флотилии и оставим мага с его штучками.

Раздался крик: кто-то нашел окровавленную одежду Фенн. Мерен пошел туда, и они услышали, как он спорит с Тинатом, пытаясь отговорить его от поисков. При виде окровавленных обрывков тот наконец сдался. Забрав Дымку и Вихря, они поехали к туше жирафа, чтобы освежевать ее и отвезти мясо к лодкам. Таита и Фенн встали, взяли оружие и пошли на север, чтобы кружным путем вернуться к Нилу ниже по течению.

– Мне так нравится быть с тобой наедине, – мечтательно сказала Фенн. – Может, остановимся и еще немного отдохнем в тени деревьев?

– Похоже, я разбудил в тебе дремавшего дракона.

– Я обнаружила, что мой дракончик никогда не спит, – заверила она. – Он всегда готов поиграть. Надеюсь, он тебя не утомил, господин?

Таита отвел ее к деревьям.

– Интересно посмотреть, кто из нас устанет первым, – сказал он.

Страшная новость об исчезновении Таиты погрузила всех в траур. На следующий день, когда лошадей снова завели на суда и пустились вниз по течению, флотилия напоминала погребальную процессию. Люди потеряли не только мага, но и Фенн. Ее красота и приветливость служили всем талисманом. Молодые женщины, которых, как Сидуду, она освободила из питомников, боготворили ее.

– Хоть я и знаю, что это неправда, даже я ее оплакиваю, – прошептала Сидуду Мерену. – Зачем Таите такой жестокий обман?

– Он должен начать новую жизнь – ради себя и Фенн. Мало кто из знавших его древним седобородым старцем поймут и примут волшебное превращение. В его возрождении усмотрят черную магию, злое волшебство. Их с Фенн начнут бояться и гнушаться ими.

– Поэтому они пойдут куда-нибудь, куда мы не сможем за ними следовать?

– Не могу утешить тебя, поскольку думаю, что так оно и будет. – Мерен обнял девушку за плечи. – Отныне мы должны идти своим путем. Найти силу и цель друг в друге.

– Но что будет с ними? Куда они пойдут? – не успокаивалась Сидуду.

– Таите нужна мудрость, которой мы с тобой понять не можем. Вся его жизнь была поиском. Теперь, когда она стала вечной, вечным будет и поиск. – Он задумался над своими словами и с редкой для него прозорливостью добавил: – Это либо великое благословение, либо тяжелое бремя.

– И мы никогда больше не увидим их? Пожалуйста, скажи, что это не так.

– Увидим – на прощание. В этом я убежден. Они не поступят с нами так жестоко. Но скоро наступит день, когда они уйдут навсегда.

Мерен внимательно смотрел на пробегающий мимо берег в поисках знака, который обещал оставить Таита. И наконец увидел яркую вспышку – отражение солнца от полированного металла. Он заслонил глаза и снова вгляделся.

– Вот оно!

Он повернул галеру к берегу. Гребцы осушили весла. Мерен перепрыгнул промежуток между палубой и сушей и подбежал к мечу, воткнутому в землю. Мерен выдернул его и помахал над головой.

– Меч Таиты! – крикнул он Тинату на следующей галере. – Это предзнаменование.

Тинат высадил поисковый отряд, который обшарил берег на пол-лиги во все стороны, но никаких других следов присутствия человека не нашел.

«Ах, старый лис! – подумал Мерен. – Таита играет свое представление с таким мастерством, что даже я почти поверил».

Он улыбнулся про себя, но с серьезным лицом сказал:

– Искать бесполезно. Этих дел нам не понять. Если Таита, маг, потерпел поражение, на что надеяться нам? Надо возвращаться к флотилии, покуда нас не постигла та же участь.

Все охотно послушались, снедаемые суеверным страхом, и поспешили найти убежище на галерах. Как только все оказались на борту, Мерен приказал продолжать плавание. Гребцы заняли места на скамьях и с лигу гребли молча.

Хилто стоял на носу у загребного весла. Внезапно он поднял голову и запел. Голос у него был грубый, но мощный: он привык отдавать приказы, перекрывая грохот битвы. Этот голос полетел над тихой рекой:

Привет тебе, страшная богиня Хаг-эн-Са,
чьи годы уходят в бесконечность!
Привет тебе, хранительница первых врат.
Ты живешь в недрах земли. Ты каждый день
умираешь с заходом солнца.
На рассвете ты оживаешь. Каждый день ты
возрождаешься юной, как цветок лотоса.
Таита знает слова силы.
Пропусти его через первые врата!

Это была глава из Книги Мертвых, посвященная проводам царя. Все подхватили песню и пропели рефрен:

Пусть пройдет туда, куда мы не можем идти.
Пусть узнает тайны темных мест.
Он стал мудрым змеем могучего Гора.

Хилто запел следующую часть:

Привет тебе, Сет, уничтожитель миров!
Привет, могучий повелитель душ, ты,
чья божественная душа внушает ужас!
Пусть душа Таиты пройдет вторые врата.
Он знает слова силы.
Пусть Таита пройдет к лотосовому трону Осириса,
за которым стоят Исида и Хатор.

Все снова подхватили, и женщины тонко подпели:

Пусть пройдет туда, куда мы не можем идти.
Пусть узнает тайны темных мест.
Пусть пройдет!
Пусть пройдет!

Стоя на первой лодке у кормчего весла, Мерен пел вместе со всеми. Рядом дрожал и готовый пресечься от полноты чувств, когда она брала высокие ноты, голос Сидуду.

Мерен почувствовал легкое прикосновение к правой руке, лежавшей на весле. Он вздрогнул от неожиданности и осмотрелся. Рядом никого не было, но прикосновение было вполне осязаемым. Пробыв долгие годы спутником Таиты, Мерен научился не смотреть прямо на источник, поэтому посмотрел в сторону и увидел у границ поля зрения какие-то смутные очертания. Но когда хотел приглядеться, они исчезли.

– Маг, это ты? – спросил он шепотом, не шевеля губами.

Из воздуха пришел такой же неслышный ответ:

– Я с тобой, а Фенн стоит рядом с Сидуду.

Как и было задумано, маг с ученицей поднялись на борт, когда галеры причалили там, где Таита воткнул свой меч. Мерен старался ничем не выдать свою радость и облегчение, чтобы остальные ничего не заметили. Он чуть повернул голову и увидел рядом с Сидуду другую бесплотную тень.

– Фенн стоит слева от тебя, – предупредил он Сидуду. Та удивленно оглянулась. – Ты не сможешь ее увидеть. Попроси дотронуться до тебя.

Почувствовав легкое прикосновение невидимых пальцев Фенн, Сидуду радостно улыбнулась.

Когда позже снова причалили и начали воздвигать зарибу, Мерен обратился к собравшейся толпе:

– Мы воздвигнем святилище на носу первой галеры, на том месте, которое они предпочитали, когда были с нами. В этом убежище души Таиты и Фенн смогут отдыхать в течение девяноста дней, пока они еще захвачены этим планом существования и не могут пройти первые врата подземного мира.

Небольшую часть палубы на носу окружили тростниковой оградой, внутри положили спальные матрацы и вещи пропавшей пары. Каждый вечер Сидуду делала подношения: еду, воду и пиво, к утру все это исчезало. Все приободрились и повеселели, узнав, что душа мага по-прež-

нему присматривает за ними. Люди вновь стали улыбаться и смеяться, но держались подальше от святилища на палубе.

Приплыли в Квебуи, Место Северного Ветра, где река, по которой они прошли такое огромное расстояние, принимала еще один могучий приток, берущий начало в восточных горах, и становилась подлинным Нилом. Квебуи почти не изменился с тех пор, как они видели его в последний раз, только орошаемые поля вокруг города разрослись, а табуны лошадей и стада коров паслись на зеленых лугах ближе к глиняным городским стенам. Неожиданное появление большой военной флотилии привело воинов и жителей в страх и отчаяние. Но Мерен показался на носу передовой галеры и объявил о своих дружественных намерениях, и наместник Нара его узнал.

– Храбрый Мерен Камбизес! – закричал он командиру лучников. – Не стрелять!

Как только Мерен сошел на берег, Нара дружески его обнял.

– Мы жили в непрестанном ожидании твоего благополучного возвращения и именем фараона Нефера Сети окажем тебе самый теплый прием.

Нара не был знаком с Тинатом. Экспедиция сиятельного Лотти проходила через Квебуи задолго до того, как он был назначен наместником. Конечно, он знал о ней и принял на веру, что Тинат – уцелевший глава экспедиции. Но пока они разговаривали на берегу Нила, Нара все посматривал на причаленные корабли, как будто ожидал еще чьего-то появления. Наконец он утратил терпение и выпалил:

– Простите меня, славные воины, но я должен знать, что стало с могучим магом Таитой из Галлалы, этим необыкновенным человеком?

– История, которую я тебе поведаю, столь удивительна и необычна, что в нее трудно поверить. Но вначале позволь вывести людей на берег и позаботиться об их нуждах. Они много лет провели в изгнании и проделали долгий, трудный и опасный путь, чтобы достичь этой крепости у границ империи. Как только мой долг будет исполнен, я установленным образом представлю тебе полный отчет, который ты, конечно, перешлешь ко двору фараона в Карнаке.

– Прошу прощения. – Нара вспомнил о приличиях. – Я забыл о гостеприимстве! Немедленно сведите всех на берег, отдохните и освежитесь, а уж потом я все-таки попрошу рассказать о путешествии.

Вечером в зале приемов Нара устроил пир в честь Мерена, Тината и их военачальников. Здесь присутствовали также чиновники наместника и городская знать. Когда все наелись и выпили, Нара встал и произнес приветственную речь. Закончил он просьбой к Мерену: рассказать собравшимся гостям о путешествии и пребывании в загадочных южных краях.

– Вы первые, кто вернулся из этих таинственных, не нанесенных на карты земель. Расскажите, что вы там обнаружили. Достигли ли вы места, где рождается Нил? Как случилось, что воды Нила высохли, а потом вновь появились в невиданном изобилии? Но прежде всего расскажите, что стало с магом Таитой из Галлалы.

Первым говорил Мерен. Он описал все, что выпало на их долю, с тех пор как давным-давно они вышли из этого города. Рассказал, как они достигли верховий Нила у Тамафупы и обнаружили Красные Камни, перегородившие реку, и о том, как Тинат со своими людьми спас их и отвел в страну Джарри, где они предстали перед Верховным Советом олигархов.

– Теперь я попрошу доблестного Тината Анкута поведать о судьбе экспедиции, которой руководил властительный Лотти, о том, как он с уцелевшими людьми достиг Джарри и что они там обнаружили.

Мерен передал слово Тинату.

Тинат говорил в своей обычной манере – коротко и без прикрас. Простыми словами воина он рассказал о том, как в правление царицы Лостры властительный Аквер основал государство Джарри, и о том, как это правление стараниями загадочной волшебницы Эос превратилось в безжалостную тиранию. Закончил он мрачным заявлением:

– Именно волшебница Эос с помощью черной магии воздвигла каменную преграду поперек Нила, стремясь покорить Египет и захватить в нем власть.

Слушатели громкими криками выразили свое негодование.

Нара вскочил, чтобы вмешаться, но потребовалось немало времени, чтобы слушатели успокоились.

– Продолжайте, храбрый Мерен. Пожалуйста, повремените с вопросом, пока он не закончит: я уверен, он и так даст ответ на многие из них.

Мерен был гораздо красноречивее Тината, и все зачарованно слушали его рассказ о том, как маг Таита из Галлалы проник в крепость Эос, чтобы сразиться с ведьмой:

– Он пошел один, вооруженный лишь силой духа. Никто не знает, какая титаническая борьба развернулась там, где два посвященных в сверхъестественные тайны сошлись в поединке. Мы знаем только, что Таита победил. Эос погибла, а с ней погибло ее царство. Преграда, возведенная ею поперек Нила, рухнула, и теперь воды Нила снова свободны. Вам достаточно посмотреть на Нил, текущий мимо Квебуи, чтобы увидеть воочию: Таита вернул силу реки. С помощью доблестного Тината наши люди, все эти годы томившиеся в неволе в Джарри, обрели свободу. Сегодня они сидят среди вас.

– Пусть выйдут вперед! – воскликнул наместник Нара. – Давайте посмотрим на их лица, чтобы приветствовать своих братьев и сестер, вернувшихся на родину.

Один за другим военачальники отряда Тината вставали, называли свои имена и звания и заканчивали заявлением:

– Я свидетельствую, что все, услышанное вами сегодня от храброго Мерена Камбизеса и доблестного Тината Анкута, правда.

Потом снова заговорил Нара:

– Сегодня мы услышали много чудесного, и наши души полны благоговением. Однако я знаю, что буду говорить от лица всех присутствующих, если задам вопрос, терзающий мою душу. – Он выдержал драматическую паузу. – Скажи, храбрый Камбизес, что стало с магом Таитой. Куда он делся?

Лицо Мерена стало серьезным. Он помолчал, словно с трудом подыскивал слова для объяснения. Потом угрюмо заговорил:

– Поистине моя самая тяжелая и болезненная обязанность – сообщить вам, что мага больше нет с нами. Он загадочно исчез. Мы с доблестным Тинатом тщательно обыскали всю местность, где он исчез, но напрасно. – Он снова помолчал и покачал головой. – Мы не нашли его тело, но обнаружили одежду и лошадь. Одежда была в крови, седло тоже. Мы можем объяснить его исчезновение только каким-либо зловещим сверхъестественным происшествием и прийти к выводу, что маг мертв.

Его слова вызвали стон отчаяния.

Наместник Нара сидел неподвижно, с лицом бледным и печальным. Наконец, когда шум в зале стих и все посмотрели на него, он встал. Заговорил, но голос изменил ему. Собравшись, он снова начал:

– Это трагическая новость. Таита из Галлалы был великим магом и хорошим человеком. С тяжелым сердцем отправлю я сообщение о его гибели фараону Неферу Сети. Как наместник нома Квебуи, я прикажу воздвигнуть на берегу реки памятник Таите из Галлалы в честь того, что он вернул нам животворящие воды Нила.

Он хотел сказать что-то еще, но покачал головой и пошел к выходу. После его ухода гости небольшими группами тоже вышли из пиршественного зала и растворились в ночи.

Пять дней спустя все население города и участники экспедиции вновь собрались у слияния двух истоков Нила. Памятник, воздвигнутый по приказу наместника Нары, представлял собой

колонну, вырубленную из цельной гранитной глыбы. На ней прекрасно вырубленными иероглифами была нанесена надпись. Каменщики работали день и ночь, чтобы успеть к этому времени.

«Этот камень воздвигнут именем фараона Нефера Сети в двадцать шестой год его правления в Двух Царствах, да будет он благословен вечной жизнью.

Отсюда досточтимый маг Таита из Галлалы отправился в свое историческое путешествие к истокам Нила, дабы вернуть его благословенные воды на благо Египетской империи и всех ее граждан.

Владея сверхъестественными силами, он благополучно завершил свое опасное предприятие. Вечная ему слава!

Он трагически погиб в диких краях. И пусть он никогда не вернется в родной Египет, память о нем, благодарность ему, подобно этой гранитной стеле, пребудут десять тысяч лет.

Я, Нара Ток, наместник нома Квебуи, именем фараона Нефера Сети, Великого любимца богов, написал эти слова».

Собравшись в лучах раннего солнца вокруг гранитного монумента, все вознесли хвалу и благодарность Гору и Хатор и умоляли их принять душу Таиты. Затем Мерен и Тинат во главе экспедиции прошли к ожидающим лодкам. Флотилия начала последний переход. Ей предстояло преодолеть еще две тысячи лиг, миновать шесть нильских порогов и вновь увидеть плодородные земли Египта.

Теперь, когда уровень воды высоко поднялся, пороги выделялись издалека, белыми потоками бурного течения. Однако джаррианские лодки строились с учетом именно таких условий, а Мерен был искусным и опытным кормчим. Таита незримо стоял рядом с ним и помогал, когда Мерен ошибался. Вдвоем они сумели провести флотилию через пороги без потерь и серьезных повреждений.

Между пятым и вторым порогами река сворачивала в западную пустыню, и этот изгиб увеличивал путь почти на тысячу лиг. Гонцы наместника Нары, высланные заранее, скакали напрямик. Их сообщение наместник нома Асуан прочел за несколько дней до того, как флотилия миновала первый порог и оказалась в Египетской долине. Дальнейшее плавание превратилось в триумф.

Вернувшаяся вода оживила оба берега. Крестьяне вернулись в свои хижины, начали работать на полях, и уже зеленела и цвела первая поросль. Население выстраивалось вдоль реки и приветствовало проходящие лодки, размахивая пальмовыми листьями. В воду бросали цветы жасмина, которые плыли вслед за флотилией. Люди плакали от радости, выкрикивали похвалы и слова благодарности героям, вернувшимся с загадочных южных просторов.

В каждом городе наместник приглашал путников сойти на берег, знатные люди и жрецы возглавляли процессии, двигавшиеся к храмам. Путников осыпали цветами, везде их ожидали празднества и пиры.

Таита и Фенн вместе со всеми сходили на берег. Фенн впервые в нынешней жизни видела землю, которой когда-то правила. Никто в Египте не мог узнать ни ее, ни Таиту в их нынешнем обличье, и Таита снял заклятие невидимости, под защитой которого они провели столько времени. Тем не менее они закрывали лица так, что виднелись только глаза, и свободно смешивались с толпой.

Блестя глазами от радости и удивления, Фенн слушала, как Таита объяснял ей увиденное и происходящее. До сих пор ее воспоминания о прошлой жизни были туманными и отрывочными, да и их она получила от Таиты. Теперь же, когда она стояла на земле своей родины, все вернулось. Лица, слова и дела прошлого столетия она помнила так ясно, словно прошло всего несколько лет.

В Ком-Омбо они причалили к берегу у массивных стен храмового комплекса. Гигантские изображения богов и богинь были изваяны из известняковых глыб. Пока верховная жрица во главе своей свиты спускалась на берег, чтобы приветствовать путников, Таита и Фенн прошли пустынными коридорами храма Хатор в прохладное внутреннее святилище.

– Здесь я впервые увидел знак твоей души в его нынешней форме, – сказал Таита.

– Да, я хорошо это помню, – шепотом ответила Фенн. – Хорошо помню это место. Помню, как всплывала к тебе в священном бассейне. Помню и слова, которыми мы обменялись. – Она помолчала, словно восстанавливала их в памяти, потом произнесла: – Стыдно тебе не узнать меня, ибо я Фенн. – И повторила это чистым детским голосом, от которого сердце Таиты дрогнуло.

– Именно таким голосом ты это сказала.

– А помнишь, что ты ответил?

Таита покачал головой. Он, конечно, хорошо помнил, но хотел услышать это от нее.

– Ты сказал... – Фенн изменила голос, подражая ему. – «Нет, я сразу узнал тебя. Ты точно такая, какой была, когда я увидел тебя впервые. Я никогда не мог забыть твои глаза. И тогда, и сейчас они самые зеленые и самые прекрасные во всем Египте».

Таита негромко рассмеялся.

– Как по-женски! Ты никогда не забываешь приятные слова.

– Особенно такие замечательные, – согласилась Фенн. – Я принесла тебе подарок. Ты его помнишь?

– Горсть извести, – сразу ответил Таита. – Бесценный дар.

– Теперь можешь расплатиться со мной. Моя цена – поцелуй. Или столько поцелуев, сколько ты сочтешь справедливым.

– Мне приходит на ум число десять тысяч.

– Предложение принято, господин. Сотню возьму немедленно. Остальное можешь выплатить с процентами.

Чем ближе был Карнак, тем медленнее становилось продвижение: обрадованное население задерживало флотилию. Наконец из дворца фараона, загоняя лошадей, прискакали гонцы. Они привезли командиру флотилии приказ спешно прибыть в Карнак и предстать пред фараоном.

– Твой внук Нефер Сети никогда не отличался терпением, – сказал Таита Фенн, и та взволнованно засмеялась.

– Как мне хочется его увидеть! Я рада, что он приказал Мерену поторопиться. Сколько лет теперь Неферу Сети?

– Пятьдесят четыре года. Минтака, царица и его главная жена, ненамного моложе. Интересно, какой она тебе покажется: нравом она очень похожа на тебя, столь же необузданная и своевольная. В гневе она почти так же свирепа, как ты.

– Не совсем уверена, хвала это или хула, – ответила Фенн, – но одно я знаю точно. Мне она понравится, мать моих правнуков.

– Она в смятении и нуждается в нашей помощи. Эос и ее лжепророк до сих пор держат ее в своих путах. Хотя Эос погибла, а власть ее уничтожена, Соэ сохраняет власть над царицей. Наш последний священный долг – освободить ее. После этого мы с тобой сможем посвятить себя своей мечте.

И вот они прибыли в Карнак, город ста врат и бесконечного великолепия, которое с возвратом воды возродилось в полной мере. Столь густых и взбудораженных толп они еще не встречали в Двух Царствах. Потоки людей лились из городских ворот, бой барабанов, рев труб и крики сотрясали воздух.

На царском причале стояла группа жрецов, вельмож и военачальников в роскошных нарядах и доспехах и в сопровождении не менее великолепно одетой свиты.

Как только Мерен и Тинат сошли на берег, загремели фанфары и огромная толпа издала приветственный крик. Великий визирь подвел их к паре великолепных колесниц, которые стояли наготове. Обе колесницы, покрытые листами золота и усаженные драгоценными камнями, сверкали в ярких лучах солнца. В них были впряжены кони из конюшен самого фараона, одна упряжка молочно-белая, вторая вороная.

Мерен и Тинат встали на колесницы и хлестнули коней. Они проехали царским путем между рядами каменных сфинксов – два воина-героя в полном вооружении и снаряжении. Перед ними скакал отряд вооруженных всадников, за ними бежал отряд личной стражи фараона. Рев толпы катился как буря.

Далеко позади пешком шли неузнаваемые Таита и Фенн; они пробились сквозь толпу к воротам дворца. Здесь они остановились, взялись за руки и окутали себя заклятием невидимости, чтобы миновать стражу и пройти в большую приемную. А там встали в стороне от толпы придворных и знати, заполнившей зал.

На возвышении в глубине зала сидели на тронах слоновой кости фараон Нефер Сети и его царица. Голову фараона венчала синяя военная корона Кепреши – высокий убор, с боков украшенный золотыми дисками; надо лбом располагались уреи: перевитые головы кобры и сокола, символы Верхнего и Нижнего Царств. Фараон был не накрашен; он сидел с обнаженным торсом, демонстрируя шрамы, память о пятидесяти битвах, и мышцы на груди и руках, гладкие и плотные. Таита рассмотрел его ауру и увидел смелость и верность долгу. Царица Минтака тоже надела уреи, но в ее волосах блестели серебряные полосы, а лицо несло печать печали по утраченным детям. Ее аура была в смятении, царицу терзали сомнения и чувство вины. Горе ее было безутешным.

Военачальники Мерен Камбизес и Тинат Анкут простерлись ниц перед царскими тронами. Фараон встал и поднял руку. Глубокое молчание воцарилось в зале. Когда Нефер Сети заговорил, его голос отражался от колонн, которые поднимались от цоколей к высокому раскрашенному потолку.

– Да будет известно в обоих моих царствах и во всех моих заморских владениях, что Мерен Камбизес и Тинат Анкут заслужили в моих глазах великую милость.

Он смолк, и великий визирь Тентек, преклонив колена, поднес ему серебряный поднос, на котором лежал папирусный свиток. Фараон взял его, развернул и громко прочел:

– Да будет всем известно, что я возвысил господина Тината Анкута и даровал ему одну речную единицу плодородной земли вдоль берегов Нила ниже Эсны.

Речная единица составляла десять квадратных лиг, огромную протяженность возделываемых земель. Одно это делало Тината богачом – но последовало продолжение. Нефер Сети сказал:

– Отныне господин Тинат Анкут назначается старшим над всеми войсками Верхнего Царства. У него под началом будет легион Фат. Все это моей милостью и щедростью.

– Фараон милостив! – в один голос воскликнули собравшиеся.

– Встань, господин Тинат Анкут, и обними меня.

Тинат встал, поцеловал обнаженное правое плечо фараона и получил из его рук документ на свое новое владение.

Фараон повернулся к Мерену, который продолжал лежать перед ним ниц. Тентек поднес второй серебряный поднос. Фараон взял с него другой свиток и показал толпе.

– Да будет всем известно, что я возвысил господина Мерена Камбизеса и даровал ему три речные единицы плодородной земли вдоль берегов Нила выше Асиута. Отныне господин Мерен получает звание командующего войсками Нижнего Царства. Более того, в знак своего особого расположения я вручаю ему Золотую Похвалу и Золото Чести. Встань, господин Мерен.

Когда Мерен встал, фараон надел ему на плечи тяжелые золотые цепи Похвалы и Чести.

– Обними меня, сиятельный Мерен Камбизес! – сказал фараон и поцеловал Мерена в щеку.

Когда его губы оказались возле самого уха фараона, Мерен настойчиво прошептал:

– У меня есть сведения о Таите, которые должен услышать только ты.

Фараон крепче сжал плечо Мерена и шепотом ответил:

– Тентек немедленно приведет тебя ко мне.

Вся толпа пала ниц, а фараон взял царицу за руку и вместе с ней вышел из зала. Они прошли всего в нескольких шагах от того места, где невидимые стояли Таита и Фенн. Почти сразу возле Мерена появился Тентек и негромко сказал:

– Фараон зовет тебя. Следуй за мной, сиятельный.

Когда Мерен прошел мимо них, Таита взял Фенн за руку и двинулся следом.

Тентек ввел Мерена в комнату, но когда Мерен хотел снова пасть ниц, Нефер Сети подошел к нему и тепло обнял.

– Мой дорогой друг и товарищ по Красной Дороге, как приятно снова тебя увидеть. Я хотел бы только, чтобы ты привел с собой и мага. Его смерть поразила меня в самое сердце.

Затем, отстранив Мерена, он внимательно посмотрел ему в лицо.

– Ты никогда не умел скрывать чувства. Что тревожит тебя теперь? Рассказывай.

– Твой взгляд остер, как всегда. От него ничто не ускользнет. У меня есть новости, которые я должен тебе сообщить, – ответил Мерен, – но вначале мне следует предупредить тебя, чтобы ты приготовился к серьезному потрясению. Я расскажу тебе нечто столь необычное и удивительное, что я и сам поначалу не мог в это поверить.

– Не тяни, властительный! – Нефер Сети хлопнул Мерена по спине так, что тот пошатнулся. – Говори!

Мерен перевел дух и выпалил:

– Таита жив.

Нефер Сети перестал смеяться и удивленно посмотрел на него. Потом мрачно нахмурился.

– Шутить со мной опасно, сиятельный, – холодно сказал он.

– Я говорю правду, великий царь царей.

В таком расположении духа Нефер Сети вселял страх в сердца самых храбрых.

– Если это правда – и лучше бы так, Мерен Камбизес, – скажи, где Таита сейчас.

– Я должен предупредить еще об одном, о великий и великодушный. Внешне Таита очень изменился. Ты можешь не узнать его сразу.

– Хватит! – гневно сказал Нефер Сети. – Говори, где он!

– В этой комнате. – Голос Мерена дрогнул. – Стоит возле нас. – И про себя добавил: «По крайней мере я на это надеюсь».

Нефер Сети положил правую руку на рукоять кинжала.

– Ты злоупотребляешь моим расположением, Мерен Камбизес.

Мерен в отчаянии осмотрел пустую комнату и жалобным голосом произнес в воздух:

– Маг, о великий маг! Откройся, умоляю. Мне грозит гнев фараона. – И тут же с облегчением воскликнул: – Смотри, о великий!

Он показал на высокую гранитную статую в противоположном конце комнаты.

– Это изображение Таиты, высеченное моим лучшим ваятелем Ошем, – в гневе сказал Нефер Сети. – Я держу ее здесь в память о маге, но это всего лишь камень, а не мой любимый Таита во плоти.

– Нет, фараон. Смотри не на статую, а правее.

Там, куда показывал Мерен, возникло мерцающее прозрачное облако, подобное миражу пустыни. Фараон, мигая, смотрел на него.

– Там что-то есть. Легкое, как воздух. Это джинн? Призрак?

Изображение сгущалось и медленно обрело четкие очертания.

– Человек! – воскликнул Нефер Сети. – Настоящий человек! – Он смотрел в изумлении. – Но это не Таита. Это юноша, красивый юноша, а не мой Таита. Даже волшебник не может скрываться под такой маской.

– Это волшебство, – подтвердил Мерен, – но самого мудрого и благородного толка. Волшебство, сотворенное самим Таитой. Это Таита.

– Нет! – Нефер Сети покачал головой. – Я не знаю этого человека, если он действительно живой человек.

– Милостивый, маг вновь стал молодым и здоровым.

Даже Нефер Сети лишился дара речи. Он мог только качать головой. Таита стоял молча, тепло, по-дружески улыбаясь ему.

– Посмотри на статую, – взмолился Мерен. – Ош создал ее, когда маг был уже стар, но и сейчас, когда Таита снова молод, сходство несомненно. Посмотри на этот широкий и высокий лоб, на форму носа и ушей, но прежде всего посмотри ему в глаза.

– Да... возможно, некоторое сходство есть, – с сомнением произнес Нефер Сети. Но тут его голос снова стал твердым и вызывающим. – Нет, призрак! Если ты действительно Таита, ты должен знать кое-что, известное только нам обоим.

– Ты прав, фараон, – заговорил Таита. – Я могу рассказать тебе много такого, но одно воспоминание сразу приходит мне в голову. Помнишь время, когда ты был принцем Нефером Мемноном, а не фараоном Двух Царств? Ты был тогда моим учеником и подопечным, и я называл тебя Мем.

Фараон кивнул:

– Я хорошо это помню. – Теперь он говорил хрипло и негромко, и взгляд его смягчился. – Но это могли знать многие.

– Слушай дальше, Мем. Когда ты был мальчиком, мы посадили в качестве приманки у пруда Гебель-Нагара в дикой местности голубя и ждали двадцать дней, пока не прилетел царский сокол, твоя божественная птица.

– Моя божественная птица так и не прилетела к приманке, – сказал Нефер Сети, и по мерцанию его ауры Таита понял, что фараон готовит ему ловушку.

– Сокол прилетел, – возразил Таита. – Прекрасный сокол, доказавший твое право на двойную корону Египта.

– Мы его поймали, – торжествующе объявил Нефер Сети.

– Нет, Мем. Сокол отказался брать приманку и улетел.

– И мы отказались от охоты.

– И снова нет, Мем. Память подводит тебя. Мы последовали за птицей в глубину пустыни.

– А, да! К горькому озеру Натрон.

– И опять нет. Мы с тобой отправились в горы Бир-Умм-Масара. Я держал веревку, а ты поднялся к соколиному гнезду на восточном склоне горы, чтобы забрать птенцов. – Теперь Нефер Сети смотрел на него горящими глазами. – Но, добравшись до гнезда, ты увидел, что до тебя там побывала кобра. Птицы были убиты ядом змеи.

– О маг, никто, кроме тебя, не может знать всего этого. Прости, что не признал тебя сразу. Всю жизнь ты был моим наставником и руководителем, а теперь я не узнал тебя.

Нефером Сети завладело раскаяние. Он пересек комнату и заключил Таиту в могучие объятия. А когда наконец отпустил мага, то не мог оторвать взгляда от лица Таиты.

– Перемена, произошедшая с тобой, недоступна моему пониманию. Расскажи, как это произошло.

– Я многое должен рассказать, – подтвердил Таита. – Но вначале нужно разобраться кое с чем другим. Во-первых, я хочу кое-кого представить тебе.

Таита протянул руку, и снова воздух замерцал и из него соткалась фигура молодой женщины. Она тоже улыбнулась Неферу Сети.

– Как много раз в прошлом, ты опять изумляешь меня своим волшебством, – сказал Нефер Сети. – Кто это? Зачем ты привел ее ко мне?

– Ее зовут Фенн, и она посвященная правого пути.

– Она чересчур молода для этого.

– Она прожила не одну жизнь.

– Поразительная красавица. – Фараон смотрел на Фенн глазами мужчины. – Что-то в ней кажется мне знакомым. Ее глаза... Мне знакомы эти глаза. – Он порылся в памяти. – Они напоминают мне кого-то, кого я когда-то знал.

– Фараон, Фенн моя жена.

– Жена? Как это возможно? Ты ведь... – Нефер спохватился. – Прости меня, маг. Я не хотел оскорбить тебя или унизить.

– Ты прав, фараон, когда-то я был скопцом, но теперь я мужчина, здоровый мужчина, не калека. Фенн моя женщина.

– Как много изменилось! – воскликнул фараон. – Не успеваю разгадать одну загадку, как ты ставишь меня перед другой. – Он замолчал, по-прежнему глядя на Фенн. – Эти глаза. Эти зеленые глаза. Это глаза моего отца! Возможно ли, что Фенн моей царской крови?

– Послушай, Мем, – мягко укорил его Таита. – Вначале ты жалуешься, что я загадываю слишком много загадок, а потом требуешь новых. Позволь просто сказать, что Фенн твоя прямая родственница. Твоя кровь в далеком прошлом – ее кровь.

– Ты сказал, что она прожила другие жизни. Это было в одной из них?

– Совершенно верно, – подтвердил Таита.

– Объясни! – потребовал фараон.

– Для этого еще будет время позже. А пока ты и Египет по-прежнему в опасности. Ты уже знаешь об Эос, ведьме, остановившей воды Нила.

– Правда, что ты уничтожил ее в ее логове?

– Ведьмы больше нет, но остался один из ее прислужников. Его зовут Соэ. Он очень опасен.

– Соэ! Я слышал о нем от Минтаки. Он проповедник, последователь новой богини.

– Если произнести его имя наоборот, получится Эос. Его богиней была ведьма. А его цель – уничтожить тебя, истребить твоих потомков и захватить для ведьмы двойной трон Египта.

На лице Нефера Сети появилось выражение ужаса.

– Моя главная жена Минтака во всем слушается этого Соэ. Она доверяет ему. Он обратил ее в новую веру.

– Почему ты не вмешался?

– Пожалел. Минтака обезумела, горюя по нашим покойным детям. Соэ давал ей утешение. Какой в этом вред?

– Огромный. Вред для тебя и для всего Египта. Соэ по-прежнему представляет страшную угрозу. Он последний приспешник ведьмы, ее последняя связь с этим миром. Он часть Большой Лжи.

– Что же делать, Таита? Стоило в Ниле снова появиться воде, Соэ исчез. Мы не знаем, что с ним случилось.

– Прежде всего я должен схватить его и привести к тебе. Минтака верит всему, что он говорит. Она готова предать тебя. И не поверит ничему плохому о нем, если сам Соэ это не признает.

– Что нужно от меня, Таита? – спросил Нефер Сети.

– Вышли царицу Минтаку. Мне нужно свободно осмотреть дворец Мемнона на западном берегу. Увези царицу в Ассуит принести жертву в храме Хатор. Скажи, что богиня явилась тебе в видении и потребовала от вас с Минтакой жертвы ради ваших умерших детей, принца Каабы и его маленькой сестры Унас, которые сейчас в подземном царстве.

– Действительно, я хотел принести жертву Хатор. Мы с царицей на царской лодке отправимся в Ассуит через пять дней, в ночь новолуния. Что еще от меня нужно?

– Дай мне властительного Мерена и сотню лучших воинов. Пусть у Мерена будет твоя Печать Сокола, это даст ему неограниченные полномочия.

– Все это он получит.

Не успела царская пара отплыть, как Мерен и Таита с сильным отрядом стражи пересекли Нил и высадились на западном берегу. Они поехали к холмам, в которых стояло жилище Минтаки, дворец Мемнона, и прибыли туда на рассвете.

Обитателей дворца они застали врасплох. Дворцовый визирь с отрядом стражников за спиной безуспешно пытался помешать им войти. Но стражники размякли от спокойной сытной жизни. Они боязливо поглядывали на сотню противостоящих им закаленных воинов.

Мерен показал Печать Сокола.

– Мы исполняем приказ фараона Нефера Сети. Посторонись и дай нам пройти!

– У него Печать Сокола. – Визирь сдался и повернулся к начальнику дворцовой стражи. – Отведи своих людей в казармы и держи их там, пока я не свяжусь с тобой.

Мерен и Таита прошли в главный портик дворца, их подкованные сандалии гулко стучали по мраморным плитам пола. Таита больше не прятался под покровом невидимости. На нем был нагрудник из крокодильей кожи и такой же шлем, забрало скрывало его черты. Он выглядел величественно и угрожающе. Дворцовые слуги и девушки Минтаки разбегались перед ним.

– С чего начнем поиски, маг? – спросил Мерен. – Тварь все еще прячется здесь?

– Соэ здесь.

– Ты так уверен?

– Здесь воздух тяжелый от смрада Эос, – сказал Таита.

Мерен шумно принюхался.

– Я ничего не чувствую.

– Оставь с нами десять человек. Остальных расставь у всех ворот и выходов из дворца. Соэ умеет менять облик, поэтому никого не выпускайте из дворца: ни мужчину, ни женщину, ни животное.

Мерен передал приказ Таиты, и его люди заняли свои места.

Таита целеустремленно двинулся через огромные, великолепно убранные чертоги, Мерен и его люди с обнаженными мечами шли за ним. Время от времени Таита останавливался и как будто принюхивался, точно охотничья собака, идущая по следу дичи.

Наконец пришли во внутренние покои царицы – просторный внутренний двор, окруженный высокими стенами из известняка и открытый безоблачному голубому небу. Вокруг росли цветущие деревья, посередине бил фонтан, а вокруг него стояли мраморные скамьи с шелковыми подушками. Лютни и другие музыкальные инструменты лежали там, где девушки царицы их

бросили при появлении воинов, и к аромату апельсиновых деревьев примешивался запах молодых женщин.

В дальнем конце двора стояла небольшая беседка со стенами из переплетенных лоз. Без колебаний Таита быстрым уверенным шагом направился к ней. В ее центре на высоком мраморном постаменте стояла резная статуя. Кто-то положил к ее подножию букет солнечных лилий, и их липкий аромат пронизывал воздух, словно мощный наркотик, притупляя чувства.

– Цветы ведьмы, – прошептал Таита. – Я отчетливо помню их запах.

Он разглядывал статую на постаменте. Это было изображение женщины в натуральную величину, с лицом, закрытым вуалью, в мантии, окутывавшей ее с головы до ног. Только из-под края мантии виднелись изящные ножки, вырезанные с таким мастерством, что казалось, они не из холодного камня, а из теплой мягкой плоти.

– Ноги ведьмы, – сказал Таита. – Это святилище, где ей поклонялась царица Минтака. – Теперь запах зла Таита ощущал острее, чем аромат цветов. – Властительный Мерен, прикажи своим людям сбросить статую, – сказал он негромко.

Даже невозмутимый Мерен ощутил ведьмино зло, заполнявшее двор. Он негромко отдал приказ.

Воины вложили мечи в ножны и навалились на статую. Это были сильные и храбрые люди, но статуя им не поддалась.

– Ташкалон! – воскликнул Таита, вновь обращая против ведьмы ее собственные слова власти. Статуя шевельнулась, скрип мрамора о мрамор напоминал вопль пропащей души.

– Аскартов! – Таита мечом указал на фигуру Эос, которая начала медленно крениться вперед.

– Силондела! – закричал он, и статуя упала на каменный пол и разбилась вдребезги. Уцелели только изящные ступни. Таита сделал шаг вперед и по очереди коснулся ступней изваяния острием меча. Они треснули и рассыпались грудами пыли. Букет солнечных лилий на постаменте почернел и высох.

Таита медленно обошел подножие статуи. Через каждые два шага он простукивал мрамор. Звук был звонким, пока Таита не дошел до задней стены. Здесь мрамор отозвался глухо и гулко. Таита отступил и стал его разглядывать. Потом снова подошел, поднес ладонь к правому верхнему углу и слегка нажал. С резким звуком сместился какой-то внутренний рычаг, и вся стена сдвинулась, словно потайная дверь.

Наступила тишина. Все молча смотрели на открывшееся в задней стене постамента темное отверстие. Оно едва пропускало человека.

– Укрытие ложного пророка Эос, – сказал Таита. – Принесите из приемной факелы.

Воины поспешили выполнить приказ. Когда они вернулись, Таита взял один факел и просунул в отверстие. В его свете он увидел лестничный пролет, уходивший в темноту. Без колебаний он вошел в отверстие и начал спускаться. Ступенек было тринадцать, они перешли в туннель, достаточно широкий и высокий, чтобы рослый человек мог идти не пригибаясь. Пол был из простых известняковых плит. Проход не украшали никакие изображения или надписи.

– Держись сразу за мной, – сказал Таита Мерену и пошел по туннелю. Воздух был затхлым, несвежим, проникнутым запахами влажной земли и застарелой гнили. Дважды встречались развилки, но Таита каждый раз делал выбор, повинуясь чутью, не останавливаясь и не задумываясь. Наконец впереди забрезжил слабый свет. Таита решительно направился к нему.

Он миновал кухню, в которой стояли большие амфоры с маслом, водой и вином, деревянные коробы с лепешками дурры и корзины с фруктами и овощами. С крюков на потолке свисали копченые туши. Посреди кухни от пепла в очаге спиралью поднимался дымок и исчезал в вентиляционном отверстии в крыше. На низком деревянном столике стояла миска с недоеденной кашей и чаша с красным вином. Небольшая лампа отбрасывала в углы тени. Таита пересек

кухню и подошел к двери в противоположной стене. И через нее заглянул в келью, тускло освещенную единственной лампой.

В углу небрежно брошена одежда: туника, плащ, пара сандалий. Посередине – спальный матрац и покрывало из шакальих шкур. Под покрывалом лежит ребенок, не старше года-двух, по-видимому, мальчик. Лежит и большими глазами вопросительно смотрит на Таиту.

Таита протянул руку и прижал ладонь к лысой голове ребенка. Послышалось шипение, резко запахло сожженной плотью. Ребенок закричал и отшатнулся от прикосновения Таиты. На его безволосой голове алело клеймо – очертания не руки Таиты, а кошачьей лапы Эос.

– Ты ранил малыша! – выпалил Мерен, сипло от жалости.

– Это не ребенок, – ответил Таита. – Это последняя ветвь ведьминого древа зла. На его голове выжжен ее духовный знак.

Он снова протянул руку, но тварь с воплем отскочила. Таита схватил ребенка за ноги и повернул вниз головой. Тот вырывался.

– Покажись, Соэ. Ведьма, твоя госпожа, погибла, ее поглотило подземное пламя. Больше ее сила тебе не поможет.

Он швырнул ребенка на ложе, где тот замер скуля.

Таита провел над ним правой рукой, снимая заклятие. Младенец медленно изменил свой рост и облик, и вскоре все увидели посланца Эос. Глаза Соэ сверкали ненавистью и злобой.

– Теперь узнаешь? – спросил Таита у Мерена.

– Клянусь гнилым дыханием Сета, это Соэ, тот самый, что напустил жаб на Деметера. Последний раз я видел его, когда его уносила на спине гиена.

– Связать! – приказал Таита. – Он отправится в Карнак на суд фараона.

На следующее утро после возвращения царской четы из Ассуита в Карнак царица Минтака сидела рядом с фараоном в приемном зале дворца. Через высокие окна в зал лился яркий солнечный свет. Он не льстил Минтаке: царица казалась осунувшейся и измученной. Мерену казалось, что с их последней встречи она постарела на много лет. А ведь прошло всего несколько дней.

Фараон восседал на троне, поставленном выше, чем трон царицы. На его груди скрещивались золотые цепы – символ правосудия и наказания. На голове красовалась высокая красно-белая корона Двух Царств, известная под названием Пшент – Могучая. Рядом с троном сидели два писца, готовые записывать решения фараона.

Фараон обратился к Мерену:

– Ты выполнил мое поручение, властительный?

– Да, великий фараон. Твой враг у меня под замком.

– Меньшего я не ожидал. Тем не менее я очень доволен. Ну приведи его, пусть ответит на мои вопросы.

Мерен трижды ударил древком копья в пол. Немедленно застучали подкованные сандалии, и в зал вошли десять стражников. Царица равнодушно смотрела на них, пока не узнала пленного, которого они привели.

Соэ был бос и наг, только в льняной набедренной повязке. Тяжелые бронзовые цепи смыкались на его руках и ногах. Лицо осунулось, но голову он держал высоко и дерзко. Минтака ахнула и вскочила, глядя на него в ужасе и отчаянии.

– Фараон, это могучий и правдивый пророк, слуга безымянной богини. Он не враг. С ним нельзя так обращаться!

Фараон медленно повернул голову и посмотрел на нее.

– Если он мне не враг, почему ты прятала его от меня?

Минтака поперхнулась и закрыла рот руками. Она опустилась на трон, лицо ее посерело, в глазах был ужас.

Фараон снова повернулся к Соэ.

– Назови свое имя! – приказал он пленнику.

Соэ смотрел на него с вызовом.

– Я признаю над собой только власть безымянной богини, – заявил он.

– Та, о ком ты говоришь, больше не безымянна. Ее имя Эос, и она не богиня.

– Берегись! – крикнул Соэ. – Ты богохульствуешь! Гнев богини настигнет тебя быстро и неотвратимо.

Фараон словно не слышал.

– Ты вступал в сговор с колдуньей, чтобы перегородить Нил?

– Я отвечаю только богине, – рявкнул Соэ.

– Использовал ли ты в союзе с колдуньей сверхъестественные силы, чтобы наслать мор на Египет? Хотел ли свергнуть меня с трона?

– Ты не подлинный царь! – кричал Соэ. – Ты узурпатор и предатель! Эос – правительница мира и всех народов!

– Ты насылал болезни на моих детей, принцев и принцесс царской крови?

– Они не подлинной царской крови, – отвечал Соэ. – Они обычные простолюдины. Только у богини кровь царская.

– Пользовался ли ты своим злым влиянием, чтобы совратить мою царицу с пути чести? Убеждал ли ее споспешествовать тому, чтобы посадить на мой трон колдунью?

– Это не твой трон. Трон принадлежит Эос.

– Обещал ли ты моей царице вернуть ее детей к жизни? – спросил фараон голосом холодным и острым, как лезвие меча.

– Могила никогда не возвращает того, что в нее попало, – ответил Соэ.

– Значит, ты лгал. Десять тысяч раз лгал! Ты лгал, убивал, сеял в моей империи разврат и отчаяние.

– На службе Эос ложь прекрасна, а убийство – благородно. Я не сеял разврат. Я распространял правду.

– Соэ, твои слова – твой приговор.

– Ты не можешь причинить мне вред. Меня защищает богиня.

– Эос уничтожена. Твоей богини больше нет, – серьезно произнес фараон. Он снова повернулся к Минтаке: – Моя царица, ты слышала достаточно?

Минтака тихо плакала. Она была так потрясена, что не могла говорить, лишь кивнула и от стыда закрыла лицо руками.

Наконец фараон посмотрел прямо на двух человек, молча стоявших в глубине зала. Забрало шлема Таиты было опущено, лицо Фенн скрывала вуаль. Только зеленые глаза сверкали сквозь покров.

– Расскажите, как погибла Эос! – приказал фараон.

– Великий царь, ее поглотил огонь.

– Уместно, чтобы эта тварь разделила ее участь.

– Это будет легкая смерть, какой он не заслуживает, легче той, что он приносил невинным.

Фараон задумчиво кивнул и снова повернулся к Минтаке.

– Я дам тебе возможность исправиться в моих глазах и в глазах богов Египта.

Минтака упала к его ногам.

– Я не понимала, что делаю. Он обещал, что, если мы признаем его богиню, Нил вновь потечет, а наши дети вернутся. Я поверила.

– Понимаю. – Фараон поднял Минтаку. – Твое наказание таково: собственной рукой ты поднесешь факел к костру, на котором сгорит Соэ, и след колдуньи окончательно исчезнет из моего царства.

Минтака покачнулась, на ее лице отобразилось крайнее отчаяние. Потом она как будто взяла себя в руки.

– Я верная жена и подданная фараона. Мой долг – исполнять его приказания. Я поднесу огонь к костру Соэ, пророка, которому когда-то верила.

– Властительный Мерен, отведи эту низкую тварь во двор, где его ждет костер. Царица Минтака пойдет с тобой.

Охрана вывела Соэ по мраморным ступеням во двор. Мерен шел за ними, Минтака тяжело опиралась на его руку.

– Останься со мной, маг, – приказал фараон Таите. – Ты станешь свидетелем участи нашего врага.

Они вместе вышли на балкон, выходящий во двор.

Посреди двора под ними были навалены груды дров и сухого папируса. Все это было пропитано ламповым маслом. На вершине костра помещался эшафот, к нему вела деревянная лестница. У подножия лестницы ждали два могучих палача. Они приняли Соэ у стражи и потащили по лестнице, потому что ноги его не держали. Пророка привязали к столбу. Палачи спустились по лестнице, оставив Соэ наверху. Мерен подошел к жаровне, стоявшей у входа во двор. Сунул в нее пропитанный смолой факел, отнес Минтаке и вложил ей в руку. И оставил ее у подножия костра.

Минтака взглянула на фараона, стоявшего над ней на балконе. На царицу было жалко смотреть. Фараон кивнул. Она еще мгновение колебалась, затем бросила горящий факел в груду пропитанного маслом папируса. И пошатнулась, когда на нее обрушился жар мгновенно вспыхнувшего костра. Огонь и черный дым поднялись над крышей дворца. В самом центре пламени Соэ, обращаясь к безоблачному небу, закричал:

– Услышь меня, Эос, единственная истинная богиня! Яви свою власть и священную мощь перед этим ничтожным фараоном и всем миром!

Голос его утонул в треске огня. Соэ окутал дым, он обвис на столбе, и язык пламени лизнул его. На мгновение пламя расступилось, позволив увидеть почерневшую и скрюченную фигуру, уже не человеческую, но еще свисающую со столба. Затем костер обрушился, и в его центр провалился Соэ.

Мерен отвел Минтаку в безопасное место к ступеням лестницы и помог ей подняться в приемный зал. Лишившись своего достоинства и красоты, она превратилась в хрупкую старуху. Минтака подошла к фараону и склонилась перед ним.

– Господин муж мой, прошу у тебя прощения, – прошептала она. – Я была глупа, и мои поступки непростительны.

– Ты прощена, – сказал Нефер Сети и как будто растерялся, не зная, что еще сказать. Он хотел было поднять жену, но передумал, зная, что такая снисходительность не подобает божественному фараону, и в поисках указаний оглянулся на Таиту. Тот коснулся руки Фенн. Она кивнула и подняла вуаль, открыв свое дивно прекрасное лицо, подошла к Минтаке и взяла ее за руку.

– Пойдем, госпожа, – сказала она.

Царица взглянула на нее.

– Кто ты? – спросила она.

– Я та, кому ты вовсе не безразлична, – ответила Фенн и подняла Минтаку.

Минтака посмотрела в ее зеленые глаза и неожиданно всхлипнула:

– Я чувствую, что ты добра и мудра не по годам.

Она упала в объятия Фенн. Крепко прижимая ее к себе, Фенн вывела царицу из зала.

– Кто эта молодая женщина? – спросил фараон у Таиты. – Не могу дольше ждать. Рассказывай немедленно, Таита. Это мой царский приказ.

– Фараон, она новое воплощение твоей бабушки царицы Лостры, – ответил Таита, – женщины, которую я любил когда-то и люблю сейчас.

Новое поместье Мерена протянулось на тридцать лиг по берегу Нила. В центре его располагался один из царских дворцов и великолепный храм, посвященный богу-соколу Гору. Оба здания составляли часть царского дара. Триста крестьян обрабатывали поля поместья. Пятую часть всего выращенного крестьяне отдавали своему новому хозяину властительному военачальнику Мерену Камбизесу. Сто пятьдесят крепостных и двести рабов, военнопленных фараона, трудились во дворце и его садах.

Мерен назвал свое поместье Карим-Эк-Гор – Виноградник Гора. Весной того же года, после сева, когда земля особенно плодородна, фараон приплыл из Карнака со всей своей свитой, чтобы присутствовать на бракосочетании властительного Мерена.

Мерен и Сидуду вдвоем вышли на берег. Мерен был одет в роскошный доспех командующего, со страусовыми перьями на шлеме, с цепями Чести и Похвалы на обнаженной груди. В волосы Сидуду были вплетены цветы жасмина, а платье напоминало белое облако; оно было из шелка, привезенного из Катая. Они разбили кувшин с нильской водой и поцеловались, и все радостно закричали, призывая на молодых благословение богов.

Праздник продолжался десять дней и ночей. Мерен хотел заполнить дворец фонтанами с вином, но Сидуду, став его женой, запретила такое расточительство. Мерен был изумлен тем, с какой готовностью и уверенностью Сидуду приняла управление хозяйством, но Таита его успокоил:

– Из нее получится замечательная жена. И доказательство – ее бережливость. Расточительная жена – скорпион в постели супруга.

Ежедневно Нефер Сети часами сидел с Таитой и Мереном, слушая захватывающую сагу об их путешествии к Лунным горам. Узнав все подробности, он распорядился рассказывать снова. Сидуду, Фенн и Минтака были с ними. Под влиянием Фенн нрав царицы изменился. Она сбросила бремя печали и вины и вновь стала спокойной и счастливой. Было ясно, что милость супруга полностью вернулась к ней.

Одна часть рассказа интересовала всех, особенно Нефера Сети. Он снова и снова возвращался к ней.

– Расскажи мне еще раз о Купели, – требовал он от Таиты. – Не пропускай ни малейшей подробности. Начни с того, как ты пересек каменный мост над озером горящей лавы.

Таита добрался до конца рассказа, но фараон не успокаивался.

– Опиши вкус Лазури, когда она вливалась тебе в рот. Почему ты не задохнулся, когда она заполнила твою грудь? Была она холодной или горячей? Как скоро ты прочувствовал ее удивительное действие? Ты говоришь, что ожоги от лавы у тебя на ногах мгновенно излечились и сила вернулась во все твои члены. Это действительно так? Теперь, когда извержение уничтожило Купель, потонула ли она в лаве? Какая ужасная была бы потеря! Может, она теперь навсегда недосягаема для нас?

– Купель, как и жизненная сила, которую она дает, вечна. Пока на земле существует жизнь, должна существовать и Купель, – отвечал Таита.

– Философы столетиями мечтали об этой волшебной Купели, все мои предки искали ее. Вечная жизнь и вечная молодость – какие это необыкновенные сокровища!

Глаза фараона, объятого почти религиозным пылом, распахнулись. Он вдруг воскликнул:

– Найди ее для меня, Таита! Не могу приказать, но умоляю. Мне осталось всего двадцать или тридцать лет. Иди, Таита, и снова найди Купель!

Таите не нужно было смотреть на Фенн. Ее голос ясно раздавался в его сознании:

– Дорогой Таита, присовокупляю к просьбе царя свою мольбу. Возьми меня с собой. Мы обойдем всю землю и отыщем место, где скрылась Купель. Позволь мне вдохнуть Лазурь, чтобы я могла быть с тобой и любить тебя целую вечность.

– Фараон. – Таита посмотрел в глаза Нефера Сети. – Ты приказал, я повинуюсь.

– Если ты добьешься успеха, я беспредельно щедро вознагражу тебя. Я отдам тебе все сокровища мира.

– Мне достаточно того, что я имею. У меня есть любовь моего царя и моей женщины. Есть молодость и мудрость всех веков. Но я найду Купель – ради любви к своему царю и к своей жене.

Таита сидел на Дымке, Фенн – на Вихре. Каждый вел навьюченную лошадь. Они были в костюмах бедуинов и вооружены мечами и луками. Мерен и Сидуду проводили их до гребня западных холмов за поместьем Карим-Эк-Гор. Здесь они расстались. Фенн и Сидуду пролили сестринские слезы, а Мерен обнял Таиту и поцеловал в щеку.

– Бедный маг! Как ты будешь жить без моей заботы? – Голос его звучал хрипло. – Бьюсь об заклад, и дня без меня не пройдет, как ты попадешь в неприятности. – Потом он повернулся к Фенн. – Заботься о нем и приведи когда-нибудь обратно к нам.

Таита и Фенн сели верхом и начали спускаться с холмов. На полпути они остановились, обернулись и посмотрели на две маленькие фигуры на вершине. Мерен и Сидуду в последний раз помахали им, развернули лошадей и исчезли.

– Куда поедем? – спросила Фенн.

– Вначале нужно переправиться через большое море, пересечь великие равнины и высокую горную цепь.

– А потом?

– В джунгли, в храм Сарасвати, богини мудрости и обновления.

– Что мы там найдем?

– Мудрую женщину, которая откроет твое Внутреннее Око, чтобы ты лучше помогала мне разглядеть дорогу к Купели.

– Сколько продлится наше путешествие?

– У него не будет конца, и мы все время будем вместе, – ответил Таита.

Фенн радостно рассмеялась.

– Тогда, мой господин, надо начать немедленно.

Они пришпорили лошадей и бок о бок углубились в неведомое.

Содержание

Божество реки 5
Чародей 375
Миссия 723

Сайт Уилбура Смита в Интернете:
www.wilbursmithbooks.com

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Смит Уилбур

Тайный советник фараонов

Божество реки
Чародей
Миссия

Романы

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Смутные времена Древнего Египта.
Землю великого Ра постигают
все новые и новые бедствия.
Варвары, подступающие к границам,
и интриги царедворцев,
засухи и заговоры, магические проклятия
и происки лазутчиков соседних государств...
Фараонов убивают — и на престол восходят
новые цари, которым тоже суждено стать
жертвами наемных убийц.
В такое время Египтом могут править
только мудрецы, стремящиеся не к публичной,
но к подлинной, тайной власти.
И мудрейший из них — Таита, чародей,
обладающий умом и хитростью
прирожденного царедворца и поразительным
даром общения с богами...

Читайте лучшие романы Уилбура Смита
о Древнем Египте — классику историко-
приключенческой литературы!

www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-064462-9
9 785170 644629